R 89/5

Нѣтъ XIII-XIV ст.
312-319

ИСТОРІЯ
ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

В҃Ъ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

16 8

R 89/5

ИСТОРІЯ
ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ

ОТЪ АПОСТОЛЬСКАГО ВѢКА ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

СОЧИНЕНІЕ

Джемса С. Робертсона,

каноника кэнтерберійскаго, покойнаго профессора церковной исторіи въ королевской коллегіи въ Лондонѣ.

Переводъ съ VI англійскаго изданія

А. П. ЛОПУХИНА.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Томъ первый:

от апостольскаго вѣка до раздѣленія церквей.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Л. ТУЗОВА.
Гостиный дворъ, № 45.
1890.

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербург 19 Апрѣля 1890 г.

Цензор Архимандрит *Григорій*.

2007041164

Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтних Бѣдных. Лиговка, д. № 26.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изданными раньше переводами избраннѣйшихъ произведеній иностранной богословской литературы мы имѣли въ виду восполнять, по мѣрѣ силъ, существующіе въ нашей отечественной богословской литературѣ пробѣлы. Та же самая цѣль имѣлась нами въ виду и при изданіи предлагаемаго полнаго курса Исторіи Христіанской церкви. Среди богословскихъ наукъ церковная исторія давно уже пользуется наибольшимъ вниманіемъ нашихъ ученыхъ, и по ней уже имѣется у насъ довольно значительная литература, отдѣльныя произведенія которой обращали на себя заслуженное вниманіе даже заграницей. Но къ сожалѣнію—вся эта литература имѣетъ отрывочный, монографическій характеръ, и доселѣ у насъ нѣтъ ни одного такого полнаго курса общей церковной исторіи, который бы выходилъ за предѣлы краткаго компилятивнаго учебника. Въ то время какъ на западѣ имѣется безчисленное множество подобныхъ курсовъ, разсчитанныхъ на удовлетвореніе всевозможныхъ церковно-историческихъ запросовъ,—отъ краткихъ очерковъ до многотомныхъ сочиненій, и на этомъ поприщѣ выступали многіе знаменитые историки, составившіе славу своему имени, у насъ доселѣ были лишь робкія и неудачныя попытки въ этомъ отношеніи, притомъ никогда не доводившіяся до конца даже и въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Въ виду этого едва ли есть какая либо надобность долго останавливаться на оправданіи появленія въ свѣтъ предлагаемаго изданія.

Издатель нашихъ сочиненій и переводовъ, И. Л. Тузовъ, давно уже обращался къ намъ съ просьбой перевесть какой либо полный курсъ общей исторіи христіанской церкви, потребность въ которомъ такъ сильно ощущается въ русской читающей публикѣ. Задача эта оказалась весьма трудной, потому что въ западномъ инославномъ христіанскомъ мірѣ, при всемъ богатствѣ его церковно-исторической литературы, нѣтъ ни одного такого сочиненія, которое могло бы вполнѣ и безусловно соотвѣтствовать потребностямъ православнаго читателя. Если и вообще на произведеніяхъ западной христіанско-богословской литературы лежитъ отпечатокъ своеобразнаго инославнаго міросозерцанія, то это тѣмъ болѣе выступаетъ въ церковной исторіи, вопросы которой и служатъ главнымъ предметомъ спора между отдѣльными частями раздѣленнаго христіанскаго міра. И тутъ, при чтеніи даже знаменитѣйшихъ курсовъ, невольно бросается въ глаза печальная истина, до какой степени укоренившіяся вѣками предубѣжденія пагубно вліяютъ на безпристрастіе даже самыхъ выдающихся умовъ, и христіанскій міръ вѣроятно еще долго не дождется такого историка христіанской церкви, который, стоя выше всѣхъ историческихъ предубѣжденій, одинаково предлагалъ бы церковно-историческую правду всѣмъ, кто хочетъ познать ее въ ея безусловной истинности. Только весьма немногіе изъ церковныхъ историковъ обладаютъ такимъ истинно христіанскимъ мужествомъ, чтобы подниматься выше вѣроисповѣдныхъ предубѣжденій и писать исторію церкви не для отысканія въ ней подтвержденія предзанятыхъ церковно-вѣроисповѣдныхъ положеній, а исключительно ради самой исторической правды, и таковыхъ нельзя искать ни въ римскомъ католицизмѣ, ни въ протестантизмѣ—въ ихъ крайнемъ развитіи. Болѣе безпристрастными въ этомъ отношеніи оказываются представители такихъ посредствующихъ вѣроисповѣдныхъ системъ, какъ англиканство и старо-католичество, и произведенія ученыхъ этого рода только и могутъ болѣе или менѣе соотвѣтствовать потребностямъ православнаго читателя, предлагая ему исторію церкви въ ея сравнительно свободной отъ предзанятости простотѣ.

Къ числу послѣдняго рода произведеній несомнѣнно принадлежитъ и предлагаемое въ русскомъ изданіи сочиненіе англійскаго церковнаго историка Джемса С. Робертсона, покойнаго профессора церковной исторіи въ королевской коллегіи, въ Лондонѣ. Его сочиненіе пользуется заслуженнымъ авторитетомъ въ англійской церковно-исторической литературѣ и считается своего рода классическимъ произведеніемъ въ этой области знанія. Главными его достоинствами служатъ документальная тщательность изслѣдованія, спокойное и простое изложеніе фактовъ церковной исторіи и замѣчательное церковно-историческое безпристрастіе. Его исторія не есть какой либо блестящій философско-историческій обзоръ многовѣковой жизни христіанской церкви на землѣ, и она чужда какихъ бы то ни было смѣлыхъ и рискованныхъ обобщеній. Но въ ней спокойно, просто и съ документальною обстоятельностью излагается послѣдовательный ходъ церковно-историческихъ событій, который говоритъ самъ за себя, и уже въ представленіи самого читателя рисуетъ ту или другую общую картину состоянія церкви въ данный моментъ, или даетъ ему возможность на то или другое обобщеніе касательно ея историческихъ судебъ. Намъ думалось, что при современномъ состояніи нашего общества, склоннаго къ увлеченіямъ разными вѣтрами ученія, такая только документальная исторія церкви и можетъ быть полезна въ смыслѣ ознакомленія съ тѣмъ, какъ и въ прежнія времена не разъ общества и народы увлекались соблазнительнымъ духомъ времени и какъ всякій разъ надъ этими вѣяніями торжествовала церковь съ ея непреложными истинами.

Что касается метода изслѣдованія этого курса, то онъ требуетъ хотя краткаго поясненія. Исторію Христіанской церкви можно писать съ двухъ точекъ зрѣнія—такъ сказать, божественной и человѣческой. Съ первой точки зрѣнія на первый планъ выдвигается божественный элементъ христіанства, какъ силы побѣдоносно пронесшей крестъ избавленія по землѣ и возродившей къ новой духовной жизни человѣчество, которое погибало во тьмѣ и сѣни смертной. Эта точка зрѣнія имѣетъ ту важную выгоду, что она даетъ возможность съ высоты высшаго созерцанія прослѣдить величественный ходъ возрожденія міра силою креста,—ходъ, предъ которымъ какбы въ

ив
кон
богъ
шелъ,
ми,
-да!
лестко
казано
теуъ Варкуль!

Безпо

нѣмомъ изумленіи и благоговѣніи, безъ всякой борьбы преклонялись всѣ силы міра сего. Но вмѣстѣ съ этимъ преимуществомъ связывается и та существенная невыгода, что при этомъ слишкомъ затѣняется чисто человѣческій элементъ въ исторіи церкви, и такимъ образомъ закрывается та глубоко важная сторона дѣла, которая заключаетъ въ себѣ наиболѣе интересный драматизмъ исторіи, состоящее въ борьбѣ противоположныхъ началъ. Съ другой точки зрѣнія—на первый планъ выдвигается собственно человѣческій элементъ, и исторія представляетъ собою изображеніе того, какъ человѣкъ воспринималъ принесенное ему свыше Евангеліе спасенія. Если при этомъ исторія церкви уже теряетъ свой высшій, такъ сказать, трансцендентный характеръ и не представляетъ собою величественной картины безусловно побѣдоноснаго торжества Евангелія надъ темными силами міра сего, то съ другой стороны здѣсь предъ нами во всей полнотѣ открывается именно человѣческая сторона церковно-историческаго процесса. Древній міръ тутъ выступаетъ уже не какъ пассивная сила, безпрекословно подчиняющаяся силѣ Евангелія, а напротивъ какъ сила активная, которая не хочетъ сразу уступить христіанству, а вступаетъ въ ожесточенную борьбу съ нимъ, и на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ эта борьба представляетъ собою глубоко потрясающее зрѣлище, полное самыхъ необычайныхъ явленій. По временамъ христіанство даже какбы совсѣмъ ослабѣваетъ въ борьбѣ, язычество съ его позднѣйшими проявленіями въ суевѣріяхъ, ересяхъ, страстяхъ и эгоизмѣ какбы торжествуетъ надъ Евангеліемъ, такъ что самые великіе представители послѣдняго начинаютъ терять надежду на успѣхъ христіанства,—но въ дѣйствительности христіанство опять торжествуетъ надъ обуревающими его темными силами, и свѣта Евангелія не одолѣваетъ тьма міра сего. Эта послѣдняя точка зрѣнія даетъ больше возможности проникнуть во внутренній процессъ насажденія христіанства въ мірѣ, и съ нея становятся скорѣе понятными многія такія церковно-историческія явленія, которыя иначе способны производить смущеніе. Такъ напр. эпоха вселенскихъ соборовъ есть, такъ сказать, золотой вѣкъ христіанства, тотъ вѣкъ, когда окончательно выработались и опредѣлились догматическія начала христіанства въ ихъ непреложной истинности и законченности, и мы привыкли смотрѣть на самые соборы какъ величественныя собранія великихъ іерарховъ, чуждыхъ всякихъ земныхъ цѣлей и желаній, а тѣмъ болѣе недостойныхъ человѣческихъ страстей. Между тѣмъ историческая дѣйствительность показываетъ, что эти собранія часто были обуреваемы страстями, имъ приходилось дѣйствовать подъ давленіемъ разныхъ чуждыхъ и грубыхъ силъ, часто при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, способныхъ возбуждать смущеніе въ непривычномъ и недостаточно знакомомъ съ судьбами исторической жизни человѣчества читателѣ. Но тѣмъ чудеснѣе становится тотъ фактъ, что при такихъ именно неблагопріятныхъ обстоятельствахъ достигались столь великіе результаты, какъ опредѣленія основныхъ, непреложныхъ догматовъ христіанства. Тутъ поистинѣ какбы надъ хаосомъ міра сего чудесно возсіявалъ свѣтъ Божій и озарялъ человѣчество, подтверждая обѣтованіе Христа своей церкви, что и «врата адовы не одолѣютъ ея». И такая исторія получаетъ глубоко поучительный характеръ для всякаго, способнаго проникать глубже поверхностныхъ явленій читателя, такъ какъ даетъ ему возможность изучить тѣ самые источники, откуда идетъ грѣховное противленіе человѣческаго сердца спасительному благовѣстію христіанства—на всемъ протяженіи церковной исторіи.

безподобно!
Воистину „возсіявалъ"!!!

Въ нашей отечественной церковно-исторической литературѣ практиковались оба эти метода, но въ послѣднее время все болѣе получаетъ право гражданства послѣдній методъ, и лучшія церковно-историческія изслѣдованія написаны именно съ этой послѣдней точки зрѣнія. Такимъ же методомъ написана и предлагаемая Исторія Христіанской церкви Робертсона, и немалое достоинство ея заключается въ томъ, что авторъ, выдвигая на первый планъ чисто человѣческій элементъ церковно-историческаго процесса, въ тоже время избѣгъ обычной при такомъ методѣ крайности—затемнѣнія собственно божественнаго элемента въ исторіи церкви, и у него никогда не упускается изъ вида та общая идея, что христіанство само по себѣ—фактъ сверхъестественный, и ему принадлежитъ полное и безусловное торжество въ мірѣ, какія бы козни ни употреблялъ противъ него князь міра сего.

Въ подлинникѣ сочиненіе Робертсона въ его послѣднемъ (шестомъ) изданіи состоитъ изъ восьми томовъ и доведено до реформаціи. Въ такомъ объемѣ сочиненіе это было бы болѣе обширнымъ, чѣмъ сколько можетъ вмѣстить наше непривычное къ капитальнымъ изслѣдованіямъ общество, и поэтому сообразно съ потребностями собственно русскихъ читателей пришлось по необходимости прибѣгнуть къ особому литературному пріему. Именно въ первомъ предлагаемомъ томѣ заключаются первые три съ половиной тома сочиненія въ полномъ объемѣ подлинника, съ сокращеніемъ лишь второстепенныхъ и менѣе значительныхъ примѣчаній, и въ нихъ исторія нераздѣленнаго или вселенскаго христіанства излагается во всей ея документальной полнотѣ и обстоятельности. Но затѣмъ, такъ какъ въ остальныхъ томахъ излагается уже менѣе интересная для насъ исторія собственно западнаго христіанства, которая притомъ доведена только до реформаціи, то мы рѣшились для втораго тома воспользоваться сочиненіемъ Робертсона лишь отчасти, а остальную исторію церкви представить въ изложеніи другаго историка, Герцога —издателя знаменитой богословско-исторической реальной энциклопедіи его имени, именно его превосходнаго «Очерка исторіи христіанской церкви», представляющаго собою послѣднее слово церковно-исторической науки въ Германіи. Сочетаніе трудовъ двухъ извѣстныхъ историковъ даетъ намъ возможность представить русскому читающему обществу полный курсъ церковной исторіи—отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней—въ сравнительно доступномъ объемѣ. Подобный способъ сочетанія различныхъ авторовъ въ одномъ изданіи давно уже практикуется въ западно-европейской литературѣ, въ которой особенно въ послѣднее время коллективныя историческія произведенія даже сдѣлались наиболѣе обычнымъ явленіемъ [1]).

Въ предисловіи къ послѣднему изданію подлинника авторъ выражаетъ свою радость, что его трудъ оказался по общему признанію вполнѣ полезнымъ и пригоднымъ пособіемъ при изученіи исторіи христіанской церкви. Авторъ перевода съ своей стороны искренно желаетъ, чтобы и его трудъ оказался небезполезнымъ для нашей отечественной церковно-исторической литературы и, представляя собою пособіе для ознакомленія съ историческими судьбами церкви, способствовалъ возможно большему пробужденію интереса въ нашемъ обществѣ къ этой глубоковажной области историческаго знанія. Чтобы сдѣлать это изданіе возможно болѣе пригоднымъ руководствомъ при изученіи церковной исторіи, мы прилагаемъ нѣсколько справочныхъ таблицъ и другихъ дополнительныхъ свѣденій.

---

[1]) Въ примѣръ можно указать новѣйшую „Всемірную Исторію“, издаваемую въ Лейпцигѣ подъ редакціей проф. Онкена и представляющую собою коллективное произведеніе нѣсколькихъ ученыхъ историковъ.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ и второй томъ, въ концѣ котораго будетъ приложенъ подробный справочный алфавитный указатель ко всему изданію.

А. Л.

СПБ.
7 апр. 1890 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

От гоненія церкви при Неронѣ до указа Константина Великаго о вѣротерпимости.

64—313 г.

ГЛАВА I.

Апостольскій вѣкъ.

стр.
Приготовленіе къ Евангелію . . . 1
Труды апостоловъ . . . 2
Неронъ и гоненіе при немъ . . . 3
Разрушеніе Іерусалима . . . 4
Домиціанъ 5
Св. ап. Іоаннъ . . . . —
Христіанскія писанія . . 6
Церковное управленіе . . —

ГЛАВА II.

Царствованіе Траяна и Адріана.

98—138 г.

Клеветническое обвиненіе противъ христіанъ . . 8
Государственные законы . 9
Императоръ Траянъ . . —
Плиній въ Виѳиніи . . . 10
Переписка Траяна съ Плиніемъ 11
Св. Игнатій и его мученичество 12
Императоръ Адріанъ и христіанскіе апологеты . . 16
Баркохба 17

стр.
Христіанство въ Британіи . 143
Общественное положеніе христіанъ . . . . . . —
I. Іерархія 145
Діакониссы . . . . —
Низшія степени духовенства —
Власть епископовъ . . . 146
Соборы 147
Митрополиты . . . . . . —
Апостольскія церкви и Римъ. 148
Хорепископы . . . . . . —
Содержаніе духовенства . 149
III. Обряды и обычаи . . —
Церкви 150
Крещеніе . . . . —
Крещеніе дѣтей 152
Мѵропомазаніе 153
Христіанское богослуженіе . —

стр.
Евхаристія и агапы . . . 154
Евхаристическое богослуженіе 155
Воскресный день 156
Священные дни и времена . 157
Праздники мучениковъ . . —
Покаяніе 158
Христіанскіе символы . . 159
Христіанское искусство . . 160
IV. Нравственный характеръ христіанъ . . . . —
Древніе христіане 161
Запрещенныя занятія . . 162
Аскетизмъ 163
Отшельничество . . . . . —
Безбрачіе духовенства . . 164
Общій смыслъ христіанскаго идеализма 165

КНИГА ВТОРАЯ.

От Константина Великаго до смерти Ѳеодосія Великаго.

313—395 г.

ГЛАВА IX.

Константинъ Великій.—Донатизмъ.—Аріанство.

313—337 г.

Происхожденіе и жизнь имп. Константина 166
Видѣніе креста Константиномъ 167
Смыслъ этого видѣнія . . 168
Законодательство Константина 169
Константинъ, какъ единодержавный императоръ . 172
Открытое исповѣданіе имъ христіанства 172
Основаніе резиденціи въ Константинополѣ. 173
Религія Константина . . 174
Посѣщеніе Еленой святой земли 175
Донатизмъ 176
Характеръ африканскаго

стр.
христіанства и происхожденіе донатизма . . . 176
Менсурій, епископъ карөагенскій, и соборъ въ Циртѣ. —
Цециліанъ, епископъ карөагенскій 177
Расколъ противъ него . . 178
Обращеніе раскольниковъ съ просьбой къ Константину. —
Соборъ арелатскій . . . 179
Осужденіе донатизма . . . 180
Донатъ великій 180
Циркумцелліоны 182
Состояніе донатизма при Констансѣ 183
Происхожденіе аріанства . 184
Школа антіохійская . . . —
Арій и его жизнь . . . 185
Обнаруженіе имъ ереси и его отлученіе . . . . —

стр.
Его „Өалія“ 186
Вмѣшательство Константина 187
Созваніе 1-го вселенскаго собора . . . . . . —
Спорный предметъ . . . —
Соборъ въ Никеѣ . . . 189
Осія Кордубскій 190
Осужденіе аріанства . . . 192
Аөанасій, епископъ александрійскій 193
Аріанство при дворѣ . . 194
Возстановленіе Арія . . . —
Движеніе противъ Аөанасія 195
Соборъ тирскій 196
Изгнаніе Аөанасія въ Тревы 197
Арій и Александръ . . . 198
Смерть Арія . . . . . —
Крещеніе и кончина Константина Великаго. . . —

ГЛАВА X.

Сыновья Константина Великаго.

337—361 г.

Сыновья Константина . . 199
Констанцій . . . . . . —
Возстановленіе Аөанасія . 200
Соборъ антіохійскій . . . 201
Григорій александрійскій . —
Аөанасій въ Римѣ . . . 202
Безпорядки въ Константинополѣ 203
Соборъ сардикійскій . . . —
Соборы сардикійскій и филиппопольскій 204
Второе возвращеніе Аөанасія 205
Марцеллинъ и Фотинъ . . 206
Аріанство въ силѣ . . . —
Интриги противъ Аөанасія 207
Соборы арелатскій и миланскій 208
Либерій римскій 209
Либерій и Осія . . . . —
Изгнаніе Аөанасія . . . 210
Уступка Осіи и Либерія . 211
Полуаріанство 212
Аномеи 213
Акакіане 214
Соборъ анкирскій. . . . —
Соборъ риминійскій . . . 215
Соборъ селевкійскій . . . 216
Низложеніе Македонія константинопольскаго . . 217
Мелетій антіохійскій . . 218
Смерть Констанція . . . —

ГЛАВА XI.

Юліанъ отступникъ.

361—363 г.

стр.
I. Избіеніе принцевъ императорскаго дома . . . 219
Первые годы жизни Юліана —
Юліанъ императоръ . . . 221
Язычество при Констанціѣ —
Открытое исповѣданіе Юліаномъ язычества . . . 223
Возстановленіе имъ язычества 224
Мѣры Юліана противъ христіанства 225
стр.
Попытка возстановить храмъ іерусалимскій 228
Смерть Юліана 229
II. Внутренняя исторія христіанской церкви . . . —
Возстановленіе Аѳанасія . 230
Соборъ подъ предсѣдательствомъ Аѳанасія . . . —
Раздѣленіе въ Антіохіи . . 231
Люциферіанство 232
Четвертое изгнаніе Аѳанасія —

ГЛАВА XII.

Отъ смерти Юліана до конца II-го вселенскаго собора.

363—381 г.

Іовіанъ императоръ . . . 233
Валентиніанъ и Валентъ . 234
Соборъ лампсакскій . . . 335
Дамасъ и Урсинъ . . . 237
Смерть епископовъ . . . —
Жестокости Валента . . . —
Смерть Аѳанасія 238
Граціанъ, Валентиніанъ II и Ѳеодосій, императоры . —
Македоніанство 239
Успѣхи православія . . . 240
Василій великій и Григорій Назіанзинъ 241
Василій кесарійскій . . . 242
Василій Велик. и имп. Валентъ 243
Посвященіе Григорія . . 244
Указы Ѳеодосія . . . . —
Григорій въ Константинополѣ 245
Ѳеодосій въ Константинополѣ 246
II-ой вселенскій соборъ . . 247
Движеніе противъ Григорія 24
Оставленіе Григоріемъ Константинополя . . . .
Аполлинаріанство и сущ
ность его ученія .

ГЛАВА XIII.

Отъ конца II-го вселенскаго собора до смерти Ѳеод

381—395 г.

I. Амвросій, архіепископъ медіоланскій 251
Характе
Борьб

стр.
Свв. Гервасій и Протасій . 254
Амвросій и импер. Θеодосій. 255
Дѣло каллиникское . . . —
Дѣло θессалоникійское . . 256
Покаяніе Θеодосія . . . 257
II. Состояніе язычества . . 258
Язычество при Валентиніанѣ и Θеодосіѣ 259
Разрушеніе храмовъ . . . 260
Храмъ Сераписа 261
Разрушеніе Серапеума . . —
стр.
Язычество на Западѣ . . 262
Жертвенникъ побѣды . . —
Симмахъ и Амвросій . . 263
Законы противъ язычества . 265
Мѣры Θеодосія противъ язычества 266
III. Законы Θеодосія противъ ереси 267
Прискилліанъ . . . . . —
Св. Мартинъ турскій . . 269
Судьба прискилліанства . 271

ГЛАВА XIV.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

I. Распространеніе христіанства 271
Обращеніе Еθіопіи . . . —
Обращеніе иберійцевъ . . 273
Христіанство въ Персіи . —
Христіанство среди готовъ и Улфила 274
Значеніе Улфилы среди готовъ. 275
Сарацины 276
II. Отношеніе между церковью и государствомъ . 276
Положеніе императора . . —
Судебныя права церкви . . 279
ліяніе христіанства на за-
онодательство 280
убѣжища 281
рхія 281
параволаны . . 282
архидіаконы . . 282
ры 283
епископовъ . —
рхіи . . . —
и . . . 284
ы . —
има 285
Римская каθедра и ея значеніе 286
Состояніе духовенства . . 288
Положеніе духовенства въ IV столѣтіи 289
Вынужденное рукоположеніе 291
Целибатство или безбрачіе 292
Безбрачіе духовенства . . 293
IV. Монашество 294
Антоній великій 295
Св. Пахомій и киновійская система монашества . . 298
Развитіе монашества . . . 301
Монастырскіе уставы . . . 302
Бл. Іеронимъ 303
Іеронимъ въ Римѣ . . . 304
Его ученицы 305
Письмо Іеронима къ Димитріи 306
Павла и ея семейство . . 307
Іеронимъ въ Римѣ . . . 308
Іеронимъ и Павла въ Виθлеемѣ 309
Переводъ Библіи Іеронимомъ —
Павла и Евстохія 310
Смерть Павлы и Іеронима 311

стр.
Общій характеръ монашества и его значеніе въ исторіи 312
Симеонъ столпникъ . . . 320
Даніилъ столпникъ . . . 322
V. Обряды и обычаи . . . 323
Христіанское богослуженіе . —
Вліяніе язычества . . . 324
Построеніе и расположеніе церквей 325
Искусства 326
Крестъ, литургія и гимны . 327
Крещеніе 328
Евхаристія 329
Агапы . . . . —
Воскресный день 330

стр.
Пасха 330
Праздники и посты . . . 331
Покаяніе 332
Почитаніе святыхъ . . . —
Мощи . . . . —
Почитаніе пресвятой дѣвы Маріи 333
Паломничество . . . . . —
VI. Противодѣйствіе тенденціямъ вѣка 335
Аерій . . . . —
Іовиніанъ 336
Вигилянцій и Павлинъ ноланскій 337
Въ защиту метода церковной исторіи 339

КНИГА ТРЕТЬЯ.

От смерти императора Ѳеодосія I до папства Григорія Великаго.

395—590.

ГЛАВА XV.

Аркадій и Гонорій.—Оригенистическій споръ.—Св. Іоаннъ Златоустъ.

I. Аркадій и Гонорій . . 341
Язычество при Аркадіѣ и Гоноріѣ 343
Отмѣна гладіаторскихъ игръ 346
II. Споры касательно мнѣній Оригена . . . . . . —
Іеронимъ и Руфинъ . . . 347
Епифаній 348
Оригенистическій споръ . 349
Смерть Руфина 351
III. Св. Іоаннъ Златоустъ и первые годы его жизни . 352
Его бесѣды 353
Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ архіепископъ Константинополя 354
Попытки Златоуста на преобразованіе и враги его . 357
Паденіе Евтропія 358
Златоустъ въ Малой Азіи . —
Интриги противъ Златоуста 359
Ѳеофилъ александрійскій . 360
Златоустъ и длинные братья 361
Епифаній въ Константинополѣ 362
Соборъ придубскій . . . 363

стр.
Осужденіе Златоуста . . . 364
Изгнаніе и возвращеніе Златоуста . . . . . . —
Новое обвиненіе и враждебныя дѣйствія противъ Златоуста 365

стр.
Его второе изгнаніе . . . 367
Златоустъ въ изгнаніи . . —
Его кончина 368
Іоанниты и ихъ возсоединеніе съ церковью . . . 369

ГЛАВА XVI.

Бл. Августинъ.—Донатизмъ.—Пелагіанство.

I. Бл. Августинъ и первые годы его жизни 370
Августинъ въ Миланѣ и его обращеніе 373
Крещеніе Августина . . —
Епископія иппонская . . 374
Труды бл. Августина . . 375
II. Донатизмъ съ 348 года 376
Оптатъ 377
Августинъ и донатисты . 378
Собесѣдованіе между православными и донатистами . 381
Упадокъ донатизма . . . 385
III. Пелагіанство . . . . —
Благодать и свободная воля —
Пелагій 386
Пелагій и Целестій . . . 387
Осужденіе Целестія въ Африкѣ 388
Письмо къ Димитріи . . —
Соборы іерусалимскій и діоспольскій 389
Иннокентій 391
Зосимъ 392
Юліанъ экланскій. . . . 393
Пелагіанство и ученіе бл. Августина 395
Ученіе Августина о предопредѣленіи 399
Кассіанъ марсельскій . . 401
Полупелагіанство . . . . —
IV. Послѣдніе годы жизни и кончина Августина . . 402

ГЛАВА XVII.

Несторіанство.

Ѳеодосій II младшій . . . 404
Христіанство въ Персіи . 405
Маркіонъ и Аттила . . . 406
Валентиніанъ III . . . . —
Несторій 407
Александрія и Антіохія . . 408
Ѳеодоръ мопсуестскій. . . 409
Начало несторіанскаго спора 410
Кириллъ александрійскій 411
Продолженіе несторіанскаго спора 413
Анаѳемы Кирилла . . . 414
Ѳеодоритъ 415
Созваніе вселенскаго собора 416
III вселенскій соб. въ Ефесѣ 417
Осужденіе Несторія . . . 418
Сношенія съ дворомъ . . 420
Далматій . . . . —

стр.
Мнѣніе Несторія 423
Примиреніе Кирилла и Іоанна 424
Волненія и раздоры въ церкви 425
Подавленіе несторіанства . 426
стр.
Судьба Несторія 426
Попытка подвергнуть порицанію Ѳеодора и Діодора. 427
Несторіанство на Востокѣ . 428

ГЛАВА XVIII.

Евтихіанство.—Соборъ халкидонскій.—Возвышеніе римской каѳедры.

I. Евтихій 428
Ѳеодоритъ и разногласія между египтянами и сиріянами 429
Діоскоръ, епископъ александрійскій . . . . . —
Заблужденіе Евтихія . . 430
Соборъ въ Константинополѣ 431
Созваніе вселенскаго собора 433
Письмо папы Льва къ Флавіану . . . . —
Соборъ въ Ефесѣ, разбойничій 434
Смерть Флавіана 435
Приготовленіе къ IV-му вселенскому собору . . . 437
IV-й вселенскій соборъ въ Халкидонѣ 438
Низложеніе Діоскора . . . 440
Опредѣленіе халкидонскаго собора касательно вѣры . 441
Дѣло бл. Ѳеодорита . . . 443
Возведеніе Іерусалима на степень патріархіи . . 444
Каѳедра константинопольская . . . . —
Папа Левъ и халкидонскій соборъ 446
II. Возрастаніе патріаршей власти 447
Усиленіе римской каѳедры . 448
Левъ великій 450
Иларій арелатскій . . . 451
Законы Валентиніана III . 452
Левъ великій и Анатолій . 453
Вмѣшательство императоровъ въ избраніе римскаго епископа 454

ГЛАВА XIX.

Паденіе Западной имперіи.—Обращеніе варваровъ.—Вандальское гоненіе въ Африкѣ.

I. Послѣдніе императоры Запада 454
Паденіе западной имперіи . 455
II. Язычество 456
Упадокъ язычества . . . 457
III. Аріанство среди варваровъ . . . . —
Христіанство въ Британіи . 458
Германъ и Люпъ 459
Саксонское нашествіе . . —
Шотландія и св. Ниніанъ . 460
Ирландія и св. Патрикъ . —
Христіанство въ южной Германіи 461

стр.
Св. Северинъ 461
Хлодовикъ или Кловисъ франк. и его обращеніе. 462
Вандалы въ Африкѣ . . . 464
стр.
Гоненіе на православныхъ со стороны Гуннериха . . . 466
Гоненіе отъ вандаловъ въ Африкѣ 468
Примиреніе Гуннериха . . 469

ГЛАВА XX.

Монофизитство.—Юстиніанъ.—„Три главы“.

451—566 г.

I. Послѣдствія халкидонскаго собора 470
Безпорядки въ Палестинѣ . 471
Волненія въ Александріи . —
Левъ императоръ . . . . —
Зенонъ императоръ . . . 472
Василискъ . . . . . . —
Возстановленіе Зенона . . 473
Энотиконъ Зенона . . 474
Петръ Монгъ 475
Разрывъ между Феликсомъ III и Акакіемъ . . . . . —
Раздоры въ церкви . . . 477
Царствованіе Анастасія . —
Смятеніе въ Константинополѣ 479
Послѣдніе годы Анастасія . 480
Юстинъ императоръ . . . —
Римъ и Константинополь . 481
Царствованіе Теодориха въ Италіи 482
Посольство Іоанна, епископа римскаго, въ Константинополь 483
Кончина Боетія и Симмаха —
Смерть Теодориха . . . 484
III. Юстиніанъ императоръ. 485
Церковь св. Софіи . . . 486
Закрытіе философскихъ школъ въ Аѳинахъ . . 487
Юстиніанъ и Ѳеодора . . —
Сильверій и Вигилій . . . 488
Оригенистическіе споры . 489
Вопросъ о „трехъ главахъ“ —
V-тый вселенскій соборъ . 493
Афѳартодокетство 495
Смерть Юстиніана . . . . —
Монофизитство въ Арменіи —
Іаковъ Ал—Барадай . . . 496
Раздоры въ Египтѣ . . . —

ГЛАВА XXI.

Полупелагіанство.— Миссіи.—Упадокъ аріанства на Западѣ.

I. Полупелагіанство и крайніе приверженцы ученія бл. Августина 497
Фаустъ ріезскій 498
Осужденіе его ученія . . 499
II. Миссіонерская дѣятельность въ VI столѣтіи . . 500
Обращеніе варваровъ . . —

Страница перепут

стр.
Несторіанскія миссіи . . . 501
III. Христіанство среди франковъ 501
IV. Ломбарды въ Италіи . . 502
Упадокъ аріанства въ Галліи и Испаніи 503
стр.
Христіанство въ Британіи . 504
Шотландія и св. Колумба . 505
Британскіе обычаи въ дѣлѣ празднованія Пасхи . —

ГЛАВА XXII.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

I. Патріаршія каѳедры.—Отношеніе между церковью и государствомъ . . . 506
Восточные патріархаты . . —
Епископія римская . . . —
Отношеніе къ государству . 508
Теодорихъ 509
Политика Юстиніана . . . 510
Папство и государство . . 511
II. Положеніе духовенства . —
Безбрачіе среди духовенства. 512
Привилегіи духовенства . 513
Патронатство надъ церквами 515
Духовенство въ новыхъ западныхъ государствахъ . 515
Положеніе духовенства среди франковъ 516
III. Монашество 518
Возрастаніе монашества и отношеніе къ нему халкидонскаго собора . . . —
Монашество на Западѣ и св. Бенедиктъ 519
Уставъ св. Бенедикта . . 520
Бенедиктинскій орденъ . . 523
IV. Обряды и обычаи . . 524
Почитаніе святыхъ . . . —
Почитаніе пресвятой Богородицы 525
Иконы и изображенія . . 526
Праздники . . . . . . —
Евхаристія 527
Покаяніе 528
V. Упадокъ учености . . . —

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

От избранія Григорія Великаго до смерти Карла Великаго.

590—814 г.

ГЛАВА XXIII.

Григорій Великій (590—604).—Колумбанъ (589—615).

Переходъ къ среднимъ вѣкамъ 530
Григорій Великій 531
Состояніе Италіи 532

стр.

Положеніе церкви 533

Посланіе Григорія . . . —

Бесѣды Григорія Великаго . 535

Управленіе церковью . . 536

Споръ съ Іоанномъ Константинопольскимъ . . 537

Маврикій и Фока . . . 540

Труды Григорія въ пользу единенія 541

Григорій и евреи 542

Григорій Великій и христіанство въ Англіи . . . —

Миссіонерская дѣятельность въ Англіи при Григоріѣ Великомъ 543

Августинъ и британская церковь 546

Кончина Августина . . . 548

Творенія Григорія Великаго. —

Почтеніе св. Григорія Великаго къ иконамъ и мощамъ 552

Смерть Григорія Великаго . —

Колумбанъ 553

Уставъ св. Колумбана . . 554

Послѣдователь Колумбана Галлъ 555

ГЛАВА XXIV.

Магометъ.—Моноѳелитскій споръ.

610—718 г.

Императоръ Ираклій . . 557

Персидская война . . . 558

Религіозное состояніе Аравіи и Магометъ . . . . —

Коранъ и его содержаніе . 559

Исламъ 560

Магометъ и Геджра . . . 562

Завоеванія Магомета и его послѣдователей . . . . —

Возникновеніе новаго спора въ церк.—моноѳелитскаго. 564

Экѳесисъ императора Ираклія 567

Пирръ и Максимъ исповѣдн. 568

„Типъ“ Константа . . . 569

Соборъ латеранскій . . . 570

Кончина Мартина . . . 571

Страданія Максима . . . 572

Констансъ II 573

Соборъ въ Римѣ . . . . —

VI-ой вселенскій соборъ . 574

Осужденіе моноѳелитства . 576

Осужденіе Гонорія . . . —

Соборъ трулльскій . . . 577

Юстиніанъ II 578

Возстановленіе Юстиніана и его кончина 579

Филиппъ и Анастасій . . —

Марониты 580

ГЛАВА XXV.

Западная церковь отъ смерти Григорія Великаго до папы Григорія II.

604—715 г.

Папство въ VII столѣтіи . 581

Испанская церковь . . . 583

Завоеваніе Испаніи арабами 584

Состояніе дѣлъ во Франціи —

стр.
Дагобертъ 585
Леодегаръ аутунскій . . . 586
Ирландская церковь . . . 587
Исторія христіанства въ англосаксонскихъ королевствахъ 588
Церковь въ Англіи . . . 589
Шотландскіе миссіонеры . —
Римскіе и шотландскіе церковные обычаи 591
Конференція въ Витби . . —
Вильфридъ 592
Архіепископъ кэнтерберійскій Ѳеодоръ 593
Установленіе римскихъ обычаевъ въ Англіи . . . 596

стр.
Искусство и ученость . . 597
Монашество въ Англіи . . —
Беда достопочтенный. . . 598
Альдгеймъ и Цедмонъ . . 599
Христіанство въ Германіи и соподчиненныхъ ей странахъ . . . . —
Обращеніе баварцевъ . . —
Христіанство въ Тюрингіи . 600
Миссіонерская дѣятельность Аманда аквитанскаго . . 601
Ливинъ и Елигій 602
Миссіонерская дѣятельность Вульфрама въ Фризіи. . 603
Дѣятельность Экберта и Виллиброрда . . . . . . —

ГЛАВА XXVI.

Иконоборчество.

717—75 г.

Новый богословскій споръ на Востокѣ и его значеніе . 605
Левъ Исаврянинъ и запрещеніе иконъ 607
Смятеніе въ Константинополѣ 608
Германъ, патріархъ константинопольскій 609
Снятіе иконы Спасителя Споручника и народный мятежъ . . . . —
Іоаннъ Дамаскинъ. . . . 610
Его рѣчи въ пользу иконопочитанія 611
Смятеніе въ Италіи . . . 612
Григорій II объ иконопочитаніи. 613
Его политическій образъ дѣйствія 615
Константинъ Копронимъ. . 616
Иконоборческій соборъ въ Константинополѣ . . . 617
Гоненіе на православныхъ монаховъ и другихъ исповѣдниковъ иконопочитанія 619
Патріархъ Константинъ и его несчастная судьба. . 620
Смерть императора Константина Копронима. . . . 621

ГЛАВА XXVII.

Св. Бонифацій.

715—755 г.

Англійскія миссіи въ Германію . . . . —
Бонифацій и его жизнь . . —
Его труды во Фризіи и Гессіи 622

стр.
Рукоположеніе Бонифація . 623
Дѣятельность Бонифація въ Гессіи и Тюрингіи . . —
Даніилъ винчестерскій . . 624
Дубъ гейсмарскій. . . . 625
Труды Бонифація въ Баваріи. . . . . —
Карлъ Мартелъ . . . . —

стр.
Франкскіе соборы при Бонифаціѣ 627
Фульда 628
Адельбертъ и Климентъ . 629
Виргилій зальцбургскій . . 631
Архіепископія менцская. . 632
Мученичество св. Бонифація 633
Характеръ Бонифація . . 634
Бонифацій и папство . . 636

ГЛАВА XXVIII.

Пипинъ и Карлъ Великій.

741—814 г.

Римъ и франки 638
Григорій III и Карлъ Мартелъ. . . . . —
Перемѣна династіи во Франціи 639
Папа Стефанъ II и ломбарды 641
Пипинъ въ Италіи 642
Даръ Пипина папству . . 643
Папа Константинъ II и его низложеніе 644
Карлъ Великій, папство и ломбарды . . . . , . . 645
Конецъ ломбардскаго королевства 646
Карлъ Великій въ Римѣ. . —
Папа Левъ III 647
Коронація Карла Великаго въ качествѣ императора . 649
Императоръ Карлъ Великій и его характеръ . . . 650
Войны Карла Великаго съ саксонцами 651

Покореніе саксонцевъ. . . 653
Законодательство для Саксоніи. 654
Способы распространенія Евангелія 655
Протесты Алкуина . . . . —
Поощренія Карла Великаго къ поднятію образованія . 656
Палатинская школа . . . 657
Алкуинъ и его дѣятельность 658
Заботы Карла Великаго о народномъ образованіи . 659
Народное образованіе и обрядность 660
Заботливость Карла Великаго о богослуженіи . . 661
Церковное положеніе Карла Великаго 662
Церковное законодательство при немъ . . . . . . —
Карлъ Великій и папство . 663

ГЛАВА XXIX.

Восточная церковь.—Споры въ вѣкъ Карла Великаго.

775—814 г.

стр.
. Преемникъ Константина Копронима, императоръ Левъ IV 663
Императрица Ирина . . 664
Павелъ, патріархъ константинопольскій и преемникъ его патріархъ Тарасій . 665
Соборъ въ Константинополѣ 666
Второй соборъ никейскій или VII-ой вселенскій . . . 667
Постановленіе въ пользу иконопочитанія 669
Императоръ Константинъ VI 670
Константинъ и Ирина . . 671
стр.
Низложеніе Константина . 671
Состояніе Греческой имперіи 672
II. Иконопочитаніе на Западѣ 673
Каролингскія книги . . . —
Соборъ франкфуртскій . . 676
III. Адопціанство и своеобразное ученіе его о вочеловѣченіи 677
Споръ объ адопціанствѣ . 678
IV. Вопросъ объ исхожденіи Св. Духа 683
Возрастаніе тонкости церковно-историческихъ и богословскихъ споровъ . . . 684

ГЛАВА XXX.

Восточныя секты.

Іаковиты и несторіане . . 685
Несторіанскія миссіи . . . 686
Несторіанскій патріархъ Тимоѳей 686
Павликіанство и его происхожденіе 687
Ученіе павликіанъ 688
Послѣдующая судьба павликіанъ. 690
Гегнезій и Сергій 691
Упадокъ павликіанской секты 694

ГЛАВА XXXI.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

I. Вліяніе папства . . . 695
Даръ Константина . . . 696
Римское вліяніе въ Англіи 697
II. Отношеніе между церковью и государствомъ . 698
Утвержденіе папъ. . . . —
Назначеніе епископовъ . . —
Франкскіе архикапелланы . 700
Соборы . . . . —
Церковная и гражданская судебная власть . . . 701
Судебные законы въ Англіи 702
III. Іерархія. — Управленіе церкви . . . . —

стр.

Митрополиты, ихъ власть и положеніе 702
Хорепископы . . . . . . —
Архидіаконы 703
Архипресвитеры 704
Епископскіе обзоры епархій —
Мѣстныя связи духовенства 705
Акеѳальное духовенство. . 706
Капелланы во Франціи . . —
Церковные адвокаты . . . 707
Патронатство 708
Симонія 709
Десятины и девятины . . 710
Мірскія бенефиціи . . . 711
Дѣленіе церковнаго дохода . 712
Налоги 713
Общественное положеніе духовенства 714
Воинственные епископы . 715
Бракъ духовенства . . . 716
Законы о целибатствѣ . . 717
Каноны 718
Уставъ Хродеганга и жизнь каноников . . . . . —
IV. Монашество 720
Монашескіе уставы . . . 721
Отношеніе между монастырями и епископами. . . 722
Многочисленность монастырей 725

стр.

Богатство и роскошь въ нихъ 725
Бенедиктъ аніанскій . . . 727
Монашество въ Англіи . . 728
Женскіе монастыри и канонессы. 729
V. Обряды и обычаи . . . —
Богослужебный языкъ . . 730
Церковный языкъ вообще . 731
Органы . . . . —
Колокола 732
Евхаристическое богослуженіе 733
Ученіе о чистилищѣ .. . 734
Воскресный день . . . . —
Праздники 736
Почитаніе святыхъ . . . 738
Легенды и паломничества . —
Покаянная дисциплина . . 739
Замѣна покаянія 740
Испытанія 741
Право убѣжища 745
VI. Рабство и отношеніе къ нему христіанства . . 746
Рабство въ монастыряхъ . 747
Борьба церкви со зломъ рабства 748
Рукоположеніе крѣпостныхъ въ священныя степени . 749

КНИГА ПЯТАЯ.

Отъ смерти Карла Великаго до раздѣленія церквей.

814—1054 г.

ГЛАВА XXXII.

Людовикъ Благочестивый (814—840 г.).—Конецъ спора объ иконопочитаніи (813—842).—Ложныя декреталіи.

Смерть Карла Великаго . 751
Людовикъ Благочестивый . 752
Переговоры со Львомъ III и Стефаномъ IV . . . 753

стр.
Церковная и монастырская реформа 754
Сообщество Лотаря въ управленіи имперіи 755
Заговоръ и смерть Бернарда. 756
Бракъ Людовика съ Юдиѳью. —
Покаяніе Людовика . . . 757
Лотарь въ Римѣ . . . . —
Римъ и имперія 758
Интриги противъ Людовика . 759
Григорій IV во Франціи . . 760
„Поле лжи“. 761
Плѣненіе и низложеніе Людовика 762
Возстановленіе Людовика . 763
Эббо реймсскій . . . . —
Смерть Людовика 764
Вопросъ объ иконопочитаніи на Востокѣ и Левъ Армянинъ . . . . . —
Ѳеодоръ Студитъ 766
Собесѣдованіе объ иконопочитании 767
стр.
Низложеніе Никифора . . 768
Мѣры противъ иконопочитанія 770
Михаилъ Заика (косноязычный). . . . . —
Умерщвленіе Льва V. . . 771
Греческое посольство къ Людовику 773
Императоръ Ѳеофилъ . . 774
Смерть Ѳеофила 776
Императрица Ѳеодора . . —
Окончательное возстановленіе иконопочитанія . . 777
Вопросъ объ иконопочитаніи на Западѣ 778
Иконы во франкской церкви 779
Мнѣніе Агобарда объ иконахъ . . . . —
Клавдій туринскій . . . 780
Теодемиръ 781
Дунгалъ 782
Ложныя декреталіи и ихъ происхожденіе 783

ГЛАВА XXXIII.

Франкская церковь и папство отъ смерти Людовика благочестиваго до низложенія Карла толстаго.

840—887 г.

Расчлененіе Каролингской имперіи. 788
Различіе въ языкѣ . . . —
Раздѣленіе имперіи . . . 789
Норманны и ихъ опустошенія 790
Сарацины 792
Состояніе Италіи . . . . —
Состояніе Франціи 793
Гинкмаръ. 794
Состояніе папства 795
Папа Николай I 797
Вопросъ объ евхаристіи.. . 799
Пасхазій Ратбертъ . . . . —
Ратрамнъ 800
Споръ объ евхаристіи . . . 801
Споръ объ ученіи бл. Августина . . . . . . —
Готтшалькъ и его ученіе . 802
Признаніе Готтшалька. . . 805
Споръ о предопредѣленіи . 806
Іоаннъ Скоттъ-Эригена . . —

стр.
Продолженіе спора о предопредѣленіи 807
Трактатъ Скотта-Эригены о предопредѣленіи . . . 808
Опредѣленіе собора квіерсійскаго 810
Trina deitas . . . . : . . 811
Смерть Готтшалька . . . 813
Бракъ Лотаря II 814
Разводъ и второй бракъ Лотаря 815
Гинкмаръ о разводѣ Лотаря 816
Соборъ мецскій. 817
Папа Николай и Лотарь . —
Людовикъ II въ Римѣ . . 818
Гунтеръ и Теутгаутъ и оставленіе ихъ Лотаремъ . . 819
Посольство Арсенія . . . 820
Смерть папы. 821
Адріанъ II и Лотарь. . . —
Лотарь въ Италіи . . 822
Смерть Лотаря 823
Эббо реймсскій 824
стр.
Рукоположеніе Вульфада 824
Вопросъ о рукоположеніяхъ Эббо 826
Николай I и франки . . 827
Ротадъ суассонскій . . . —
Дѣло Ротада 828
Принятіе ложныхъ декреталій въ Римѣ . . . 831
Гинкмаръ и Адріанъ II . 833
Дѣло Гинкмара, епископа лаонскаго 834
Гинкмаръ о декреталіяхъ . 836
Императорская коронація Карла Лысаго 840
Соборъ понтіонскій . . . 841
Смуты въ Италіи 842
Смерть Карла Лысаго . . 843
Соборъ тройскій 844
Папа Іоаннъ VIII . . . . —
Смерть Іоанна VIII и Гинкмара 845
Карлъ Толстый 846

ГЛАВА XXXIV.

Греческая церковь.—Патріархъ Фотій.

842—898 г.

Императоръ Михаилъ III и его худое воспитаніе . 846
Кощунственное безобразіе при императорскомъ дворѣ 847
Разногласія между греками и латинянами 848
Патріархъ константинопольскій Игнатій и его низложеніе 849
Фотій . . . . —
Возведеніе его на патріаршій престолъ 850
Жестокое обращеніе съ Игнатіемъ 851
Фотій и Игнатій . . . 852
Сношеніе съ Римомъ . . 853
Второ-первый соборъ . . —
Сношеніе Фотія съ папой Николаемъ 854
Переписка между Римомъ и Константинополемъ 855
Императоръ Михаилъ и папа Николай 856
Болгарскій вопросъ . . . 857

стр.
Папа Николай и болгары . 858
Притязаніе на Болгарію со стороны грековъ и латинянъ 859
Варда 860
Василій Македонянинъ . 861
Низложеніе Фотія . . . 862
Греческая и латинская церкви . . . . —
Восьмой вселенскій соборъ латинянъ въ Константинополѣ 863
Осужденіе Фотія 864
Продолженіе споровъ о болгарскомъ вопросѣ . . . 865
Переписка Фотія съ Римомъ. 866
Общій греческій соборъ . 867
Вторичное низложеніе Фотія. 868
Римъ и Константинополь . 869

ГЛАВА XXXV.

Испанія.—Англія.—Миссіи IX столѣтія.

Христіанство въ Испаніи . 869
Гоненіе на христіанъ въ Кордубѣ со стороны магометанъ 870
Евлогій и Петръ Альваръ, какъ ревнители христіанства 872
Христіанство въ Англіи . 873
Нашествіе и опустошенія датчанъ . . . . . . —
Альфредъ великій и распространеніе христіанства . 874
Христіанство въ Моравіи . —
Кириллъ и Меѳодій . . . 875
Славянская литургія . . 877
Христіанство въ Моравіи и въ Богеміи 878
Христіанство на сѣверѣ Европы 879
Миссія архіепископа Эббо . —
Апостолъ сѣверныхъ народовъ Ансгарій 880
Дѣятельность Ансгарія въ Даніи и Швеціи . . . 882
Каѳедра гамбургская . . 883
Христіанство въ Даніи и въ Швеціи 884
Ансгарій въ Швеціи . . 886
Послѣдніе годы дѣятельности и кончина Ансгарія . 887

ГЛАВА XXXVI.

Отъ низложенія Карла толстаго до смерти папы Сильвестра II.

887—1003 г.

Характеръ X столѣтія . . 888
Четвертый бракъ императора Льва VI „философа“ . 889
Состояніе греческой церкви. 890
Арнульфъ и венгры . . . —
Венгры и сарацины . . . 891
Состояніе Германіи . . . 892
Генрихъ „птицеловъ“ . . . —
Состояніе Франціи . . . 893
Уступка ей Нормандіи . . 894

стр.
Состояніе Италіи . . . 895
Французская церковь . . . 896
Споръ изъ-за реймсской каѳедры . . . . —
Состояніе папства . . . 897
Папа Формозъ . . . . . —
Порнократія въ Римѣ . . —
Папы Іоаннъ X и Іоаннъ XI 899
Іоаннъ XII . . . . . . —
Оттонъ I въ Италіи . . . 900
Соборъ при Оттонѣ и низложеніе Іоанна XII . . . 901
Папа Левъ VIII 902

стр.
Республиканцы въ Римѣ . 902
Кресцентій и папство . . 903
Кресцентій младшій . . . 905
Арнульфъ реймсскій . . . 906
Соборъ ст. базельскій . . . 907
Гербертъ 909
Гербертъ въ Германіи . . 911
Разлученіе Роберта I и Берты 912
Конецъ X столѣтія . . . 914
Оттонъ III и Сильвестръ II 915
Послѣдніе дни и кончина Оттона III 918
Кончина Сильвестра II . . 919

ГЛАВА XXXVII.

От смерти папы Сильвестра II до раздѣленія церквей.

1003—1054 г.

Императоръ Генрихъ II . . 919
Состояніе дѣлъ въ Италіи . 920
Римскія партіи 921
Папа Бенедиктъ VIII . . —
Норманны въ Италіи . . 922
Конрадъ II 923
Смуты въ Италіи 924
Герибертъ миланскій . . —
Смерть Конрада II . . . 926
Три папы . . . . . . —
Григорій VI . . . . . . —
Соборъ сутрійскій и низложеніе Григорія VI . . 927
Климентъ II 928
Генрихъ III о симоніи . —
Императорскій и церковный взгляды на преобразованіе 929
Брунонъ тульскій 930
Гильдебрантъ и первые годы его жизни и дѣятельности 931
Папа Левъ IX 932
Петръ Даміани, его жизнь и дѣятельность 933
Доминикъ и его подвижничество 935
Левъ IX и каноны противъ наложничества и симоніи 938
Соборъ реймсскій 940
Результатъ мѣропріятій Льва IX 942
Норманны въ Италіи и Левъ IX 944
Кончина Льва IX 946
Римъ и Константинополь . —
Патріархъ константинопольскій Михаилъ Керуларій 947
Разности между греческой и латинской церквами . . —
Левъ IX и греки 948
Римское посольство въ Константинополь . . . 950

ГЛАВА XXXVIII.

Британскія церкви.—Миссіи X и XI столѣтій.

стр.
Состояніе христіанства въ Англіи 950
Монашество въ Англіи . . 951
Дунстанъ и его дѣятельность —
Борьба между монахами и мірскимъ духовенствомъ . 953
Черное и бѣлое духовенство 954
Состояніе церкви въ Ирландіи . . . . —
Состояніе церкви въ Шотландіи 955
Кулдеи, какъ особый классъ духовенства 956
Введеніе христіанства въ Россіи . . . . —
Великая княгиня Ольга . 957
Владиміръ и принятіе имъ христіанства 958
Крещеніе Руси 959
Богемія и состояніе въ ней христіанства 960
Адальбертъ пражскій . . 961
Славянская литургія . . 962
Христіанство въ Польшѣ . 963
Христіанство въ сѣверной Германіи 965
Исторія введенія христіанства въ Венгріи . . . 966
Св. Стефанъ 967
Христіанство въ Даніи . . 969
Христіанство въ Швеціи . —
Олафъ Стотконунгъ и его дѣятельность . . . . —
Христіанство въ Норвегіи . 972
Олафъ Триггвезенъ и его ревность о введеніи и распространеніи христіанства 974
Св. Олафъ 977
Исландія 979
Заселеніе ея и введеніе въ ней христіанства . . . 980
Открытіе Гренландіи и введеніе тамъ христіанства . 982
Первые слѣды христіанства въ Америкѣ 983

ГЛАВА XXXIX.

Ереси.

1000—1052 г.

Выступленіе еретическихъ учителей на Западѣ . . 983
Сектанты въ Орлеанѣ . . 984
Еретическія партіи въ Орлеанѣ и Аррасѣ . . 986
Сектанты въ Аррасѣ, Тулузѣ и Монтфортѣ . . . 987
Мнѣніе епископа льежскаго Вазона противъ насильственныхъ мѣръ въ дѣлѣ религіи 989
Происхожденіе ересей . . 990
Мелкія секты на Востокѣ . —

ГЛАВА XL.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

стр.
I. **Іерархія** 990
Папство и германскіе императоры . . , . . . 992
Папскіе титулы 993
Митрополиты 994
Палліумъ. 995
Легаты . . . . —
Папское вмѣшательство въ дѣла епископовъ . . . 996
Свѣтское достоинство епископовъ 998
Назначеніе епископовъ . . —
Патронатство надъ епископскими каѳедрами . . . 999
Ѳеофилактъ константинопольскій 1001
Симонія . . . . —
Инвеститура 1002
Отношеніе между епископами и государями . . . 1003
Учрежденіе каѳедръ . . . 1005
Хорепископы . . . . . —
Коадъюторы 1006
Воинственные епископы . . —
Десятины. 1007
Церковные доходы . . . —
Церковные адвокаты . . . 1008
Греческое духовенство . . —
Каноники 1009
Нравственность духовенства 1010
Капелланы 1011
Целибатство и бракъ среди духовенства 1012
Ратерій 1013
II. **Монашество**. 1016
стр.
Состояніе монашества . . 1016
Основаніе клунійскаго монастыря 1018
Ромуальдъ 1021
Орденъ Камальдольскій . . 1022
Св. Іоаннъ Гуальбертъ . . 1023
Валламброза 1024
Монастырская реформа . . 1025
Епископы и монастыри . . —
Монастырскія привилегіи и изъятія 1026
Собратство 1028
Популярность монашества . —
III. **Обряды и обычаи** . . 1029
Развитіе обрядности . . . —
Собраніе житій святыхъ (мартирологи) 1030
Св. Мартіалъ, апостолъ . 1031
Канонизація 1032
Почитаніе пресвятой Богородицы . . . . . . —
День всѣхъ святыхъ . . . 1033
Мощи 1034
Паломничество 1035
Архитектура 1036
Живопись на стеклѣ . . . 1037
Покаяніе . . . . —
Отлученіе и анаѳема. . . 1038
Интердиктъ 1039
Миръ Божій. 1040
Перемиріе Божіе 1041
IV. **Рыцарство** . . . . , 1043
Его происхожденіе и значеніе . . . . —

ПРИЛОЖЕНІЯ.

стр.

Приложеніе I: Хронологическая таблица послѣдовательнаго ряда церковно-историческихъ событій отъ апостольскаго вѣка до раздѣленія церквей 1047

Приложеніе II: Списокъ римскихъ папъ, константинопольскихъ патріарховъ, императоровъ Римской, восточной и западной имперіи, и королей и князей других народовъ, принявшихъ христіанство . . . 1063

Приложеніе III: Списокъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ отъ апостольскаго вѣка до раздѣленія церквей 1071

Приложеніе IV: Списокъ главныхъ источниковъ и пособій 1080

Погрѣшности 1084

* * *

ИСТОРІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Отъ гоненія церкви при Неронѣ до указа Константина Великаго о вѣротерпимости.

64—313 гг. по Р. Хр.

ГЛАВА I.

Апостольскій вѣкъ.

КОГДА пришло исполненіе временъ, провозглашено было на землѣ христіанство. Почва для него была подготовлена не только долгою системою того высшаго воспитанія, котораго Богъ сподобилъ свой избранный народъ, но и трудами языческаго ума, прилагавшаго высшія свои способности къ отысканію истины, хотя этихъ способностей и не было достаточно для того, чтобы удовлетворить естественное чаяніе человѣка несомнѣннымъ откровеніемъ ему его происхожденія и судьбы, или доставленіемъ ему облегченія отъ удручавшаго его душу бремени. Іудеи съ нетерпѣніемъ ожидали скораго исполненія данныхъ ихъ отцамъ обѣтованій; даже среди язычниковъ широко распространены были смутныя ожиданія и предсказанія о какомъ то великомъ событіи на востокѣ. Состояніе міра, по самому своему характеру, содѣйствовало евангелію; распространенію его содѣйствовало разсѣяніе іудеевъ и обширность римскаго владычества. Съ мѣста своей родины, Іерусалима, евангеліе могло быть разнесено паломниками во всѣ широко раскинутыя поселенія, въ которыхъ этотъ народъ находилъ себѣ жилище, и въ этихъ іудейскихъ поселеніяхъ проповѣдники его находили слушателей, къ которымъ они могли обращаться съ своимъ первымъ благовѣстіемъ, съ основаніемъ разсчитывая на то, что будутъ поняты. Изъ Рима, гдѣ уже рано укоренилось христіанство, оно могло распространяться тѣми же путями, по которымъ всѣ провинціи имперіи поддерживали со столицей постоянныя сношенія. Оно могло идти одними и тѣми же путями съ товарами и легіонами.

Изъ книгъ Новаго Завѣта мы знаемъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ со дня Пятидесятницы христіанское благовѣстіе было распространено посредствомъ проповѣди, чудесъ и жизни апостоловъ и ихъ сотрудниковъ по большей части странъ, прилегающихъ къ Средиземному морю. Въ Римѣ, еще до посѣщенія этого города какимъ-бы то ни было апостоломъ, число христіанъ уже было настолько велико, что они составляли особыя общины въ различныхъ кварталахъ столицы (Римл. xvi). КлиментъРимскій свидѣтельствуетъ, что самъ ап. Павелъ въ послѣдній періодъ своей жизни посѣтилъ „окраину запада“ —каковое выраженіе вѣроятнѣе всего понимать въ смыслѣ указанія на Испанію (согласно съ намѣреніемъ, выраженнымъ въ посланіи къ Римлянамъ xv, 28), хотя нѣкоторые понимаютъ подъ этимъ даже Британію.

Когда ап. Павелъ былъ занятъ трудами, о которыхъ разсказывается въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, его собратья несомнѣнно трудились также въ различныхъ областяхъ, хотя объ ихъ дѣяніяхъ и не сохранилось никакихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ. Ап. Петръ, по преданію, основалъ церковь въ Антіохіи, и послѣ семилѣтняго пребыванія въ ней, оставивъ тамъ своимъ намѣстникомъ Еводія, самъ отправился въ Парѳію и другія страны востока; и повидимому болѣе основательно понимать подъ упоминаемымъ имъ въ первомъ посланіи Вавилономъ (v, 13) именно восточный городъ этого имени, чѣмъ видѣть здѣсь просто таинственное обозначеніе языческаго Рима. Не смотря на это, намъ нѣтъ надобности настаивать на отверженіи мысли, что онъ, въ качествѣ постояннаго епископа, занималъ ту каѳедру, которая заявляетъ притязаніе на вселенское верховенство, какъ прямое наслѣдіе отъ него; можно прямо сказать, что не столько духъ здравой критики, сколько религіозное предубѣжденіе заставляетъ нѣкоторыхъ протестантскихъ писателей отрицать, что апостолъ вообще былъ когда-нибудь въ Римѣ, гдѣ, по свидѣтельству всѣхъ древнихъ, онъ пострадалъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ въ царствованіе Нерона. Св. ап. Варѳоломей проповѣдывалъ въ Индіи и Аравіи; ап. Андрей—въ Скиѳіи; ап. Матѳей—въ Еѳіопіи; св. Филиппъ (неизвѣстно, діаконъ или апостолъ), по преданію, поселился въ Іераполѣ, въ Фригіи. Церковь Александрійская приписывала свое основаніе св. Марку; церковь Миланская, хотя и съ меньшею несомнѣнностью, вела свое происхожденіе отъ св. Варнавы; церковь Едессы, по преданію, была основана ап. Ѳаддеемъ. Ап. Ѳома проповѣдывалъ въ Парѳіи и въ Индіи; его же считала своимъ основателемъ Персидская церковь, равно какъ и туземная церковь Малабарская. Но названіе Индіи употреблялось такъ неопредѣленно, что немногое можно съ увѣренностью выводить изъ древнихъ свидѣтельствъ, связывающихъ ее съ трудами ап. Ѳомы, и кажется вѣроятнѣе будетъ то мнѣніе, что христіанство въ Малабарѣ обязано своимъ происхожденіемъ несторіанскимъ миссіонерамъ V столѣтія, которые, принеся съ собою изъ Персіи имя апостола своей страны, положили основаніе и мѣстному преданію. Африканская церковь, сдѣлавшаяся впослѣдствіи столь знаменитою въ исторіи, приписывала свое происхожденіе ап. Петру и Симону Зилоту; но объ этомъ нѣтъ никакихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ до послѣднихъ лѣтъ втораго столѣтія, и вѣроятнѣе всего христіанство Африки заимствовано было изъ Рима, благодаря проповѣдникамъ, память о которыхъ исчезла. При разсматриваніи этихъ преданій легко впасть въ ошибку—какъ полнымъ отверженіемъ ихъ, такъ и слишкомъ большою легкостью въ принятіи ихъ. Гдѣ оказывается существующею церковь и она относитъ свое происхожденіе къ извѣстному лицу, то простое обстоятельство, что данное лицо могло быть основателемъ ея не съ большею вѣроятностью, какъ и другое, конечно не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для отрицанія этого преданія. Мы имѣемъ предъ собою съ одной стороны замѣчательныя творенія и съ другой—знаменитыя имена; и хотя преданіе могло ошибочно связать эти имена съ этими трудами, однако же настаивать на отдѣленіи ихъ безъ всякаго изслѣдованія и безъ исключенія значило бы впадать въ неразумный скептицизмъ.

Однимъ изъ тѣхъ событій въ ранней исторіи христіанства, которыя подтверждаются независимыми свидѣтельствами языческихъ писателей, является гоненіе при Неронѣ. Предполагали, что христіанство уже и раньше этого однажды обращало на себя вниманіе императорскаго правительства; такъ какъ изъ одного мѣста у Светонія выводили, что смятенія между римскими іудеями по вопросу о Христѣ были именно причиной того указа, которымъ Клавдій изгонялъ ихъ изъ Рима [1]). Но гоненіе при Неронѣ 64—68 гг. было уже явственно направлено противъ христіанъ, на которыхъ императоръ желалъ свалить вину въ поджогѣ города. Нѣкоторые изъ нихъ были зашиваемы въ шкуры дикихъ животныхъ и выбрасываемы на растерзаніе собакамъ; иные были распяты; другіе были покрыты матеріей, насыщенной смолою, и затѣмъ подожжены, такъ что жертвы служили какбы факелами для освѣщенія садовъ императора, между тѣмъ какъ онъ самъ услаждалъ народъ зрѣлищемъ колесничныхъ бѣговъ, въ которыхъ принималъ участіе лично. Тацитъ, разсказывая объ этихъ жестокостяхъ, свидѣтельствуетъ, что хотя обвиненію въ поджогѣ и не вѣрили, однако же христіане были ненавистны всѣмъ какъ послѣдователи вреднаго для общества суевѣрія; но самыя мученія, которымъ ихъ подвергали, возбудили общее чувство сожалѣнія къ нимъ. Что касается размѣра этого гоненія (что составляетъ предметъ немалаго спора), то самое вѣроятное мнѣніе повидимому то, что оно не имѣло оффиціальной санкціи за непосредственными предѣлами окрестностей столицы, но обнаруженная Нерономъ вражда къ христіанскому имени должна была несомнѣнно ухудшить положеніе опальной общины и въ провинціяхъ имперіи.

---

[1]) Дѣян. XVIII, 2; *Sueton.* Claud. 25.

77 г.

До разрушенія Іерусалима Титомъ, эта столица древняго народа Божія, колыбель церкви, естественно считалась и христіанами ихъ религіозной столицей. Она была мѣстомъ апостольскаго собора, происходившаго подъ предсѣдательствомъ ея епископа, св. Іакова Праведнаго. И такъ какъ съ принятіемъ евангелія не связывалось отступленіе обращенцевъ изъ іудейскаго народа отъ богослуженія въ храмѣ и другихъ Моисеевыхъ установленій, то Іерусалимъ, во времена большихъ іудейскихъ праздниковъ, продолжалъ быть мѣстомъ собранія для такихъ обращенцевъ, включая и самихъ апостоловъ. Но разрушеніе храма и святаго города положило конецъ такой связи. Это было окончательное доказательство того, что Богъ не пребывалъ долѣе съ Израилемъ по плоти, что Моисеева система исполнила свое назначеніе и была отмѣнена. При приближеніи осаждающаго войска, христіанская община, видя въ этомъ исполненіе предостереженія своего Учителя, удалилась за Іорданъ въ гористый городъ Пеллу. Главная масса христіанъ возвратилась послѣ осады и поселилась на развалинахъ города подъ начальствомъ Симеона, который возведенъ былъ въ епископство, послѣ мученической кончины св. Іакова, бывшей за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ; но церковь Іерусалимская уже перестала занимать прежнее положеніе первенства среди другихъ церквей.

Такъ какъ христіанство не было вѣрой какого нибудь отдѣльнаго народа, то оно и не имѣло въ глазахъ римскихъ государственныхъ мужей права на допущеніе въ число религій, дозволенныхъ закономъ (Religiones licitae). И въ дѣйствительности, оно неизбѣжно должно было получить отказъ въ такомъ признаніи, такъ какъ съ этимъ положеніемъ связывалось требованіе жить мирно, безъ всякаго наступательнаго движенія на системы, которыя оно объ-

являло ложными и гибельными. Вслѣдствіе этого исповѣдники христіанской вѣры отданы были во власть капризной враждебности правителей, которые, смотря по обстоятельствамъ, могли находить благовременнымъ выступать противъ нея съ преслѣдованіемъ. Тридцать лѣтъ спустя послѣ времени Нерона воздвигнуто было противъ церкви новое гоненіе, гораздо болѣе широкое по своему объему, хотя и менѣе жестокое, чѣмъ прежнее, именно Домиціаномъ. Къ этому гоненію относится вообще и ссылка 95—96 гг.
ап. Іоанна на Патмосъ, гдѣ онъ видѣлъ откровенія, о которыхъ повѣствуется въ послѣдней книгѣ св. Писанія. Повидимому нѣтъ никакого достаточнаго основанія не вѣрить и разсказу, какъ этотъ императоръ, узнавъ, что нѣкоторые потомки дома Давидова еще жили въ Іудеѣ, приказалъ привести ихъ къ себѣ, такъ какъ онъ опасался возобновленія попытокъ къ возстанію, которыя были такъ часты среди этого народа. Это были два внука св. Іуды,—брата Господня, какъ онъ называется. Они показали свои руки, суровыя и мозолистыя отъ труда, и дали отвѣты, вполнѣ доказывавшіе, что они простые поселяне, отнюдь не способные участвовать въ какихъ либо заговорахъ противъ государства; послѣ чего они были отпущены. Гоненіе это продолжалось не долго. Домиціанъ, не задолго до своего умерщвленія, издалъ повелѣніе о томъ, чтобы гоненіе прекращено было и чтобы христіанамъ, отправленнымъ въ ссылку, было позволено воз- 96—98 гг.
вратиться въ свои домы; и царствованіе его преемника, Нервы, который возстановилъ имъ конфискованную раньше собственность, было временемъ покоя для церкви.

Изъ апостоловъ до царствованія Траяна дожилъ одинъ только св. Іоаннъ, и о его послѣднихъ годахъ, проведенныхъ въ управленіи Ефесскою церковью, сохранилось нѣсколько преданій, которыя по своему достаточному правдоподобію заслуживаютъ должнаго вниманія. Одно изъ нихъ передаетъ превосходный разсказъ о томъ, какъ апостолъ возвратилъ на путь праведности молодаго человѣка, который, удостоившись сначала вниманія и любви самого апостола, впослѣдствіи впалъ въ порочную жизнь и сдѣлался атаманомъ шайки разбойниковъ. Другое преданіе разсказываетъ, что когда апостолъ уже сдѣлался слишкомъ слабъ, чтобы ходить въ церковь безъ посторонней помощи или произносить большія проповѣди, то онъ продолжалъ обращаться къ своей паствѣ съ наставленіемъ: „дѣтки, любите другъ друга“; и когда нѣкоторые изъ паствы осмѣлились спросить о причинѣ такого повторенія, которое они находили скучнымъ, то онъ отвѣчалъ: „потому что это заповѣдь Господня, и если будетъ исполнено только это, то и довольно“. Существуетъ еще преданіе о томъ, какъ апостолъ, отправившись въ общественную баню и узнавъ о присутствіи тамъ еретика Керинѳа, бросился изъ нея съ ужасомъ и негодованіемъ; нѣкоторые считаютъ этотъ разсказъ несовмѣстнымъ съ его любвеобильнымъ характеромъ, но отрицать его значитъ не вполнѣ уяснять себѣ характеръ апостола.

Изъ сочиненій, относящихся къ этому вѣку, но не вошедшихъ въ канонъ Новаго Завѣта, подлиннымъ признается вообще только одно первое посланіе св. Климента. Авторъ его, по древнему преданію —тотъ самый Климентъ, о которомъ упоминается у ап. Павла въ его посланіи къ Филиппійцамъ (IV, 3), былъ епископомъ Рима къ концу этого вѣка. Его посланіе, главная цѣль котораго внушить смиреніе и миръ, было написано вслѣдствіе нѣкоторыхъ разногласій въ Коринѳской церкви, о которыхъ не сохранилось никакого другаго свидѣтельства, но которыя вѣроятно происходили позже Домиціанова гоненія. Второе посланіе, приписываемое Клименту, и два письма къ „дѣвственницамъ“, существующія въ Сирійскомъ переводѣ, отвергаются большинствомъ критиковъ; затѣмъ другія сочиненія, съ которыми связывается имя Климента, несомнѣнно подложны. Посланіе, носящее имя св. Варнавы (хотя оно и не заявляетъ притязанія на его авторство), и Пастырь Ермы вѣроятно составляютъ произведеніе первой половины втораго столѣтія.

Прежде оставленія апостольскаго вѣка, нужно сказать нѣсколько словъ о церковномъ управленіи, такъ какъ разсмотрѣніе другихъ предметовъ этого времени лучше отнести къ тѣмъ отдѣламъ позднѣйшей исторіи, въ которыхъ могутъ быть полнѣе представлены ихъ значеніе и послѣдствія. Въ отношеніи управленія древней церкви самымъ важнымъ явленіемъ представляется то, что христіанское священство развивалось не снизу, а сверху. Мы не находимъ, чтобы первые члены его возвысили кого либо изъ своей среды въ положеніе высшее того равенства, въ которомъ они всѣ первоначально пребывали; напротивъ, апостолы, будучи сначала единственными носителями заповѣдей своего Господа, со всѣми связанными съ ними полномочіями, впослѣдствіи выдѣляли другимъ, какъ своимъ намѣстникамъ, помощникамъ или преемникамъ, такія части этихъ своихъ полномочій, какія только можно было передавать и которыя необходимы были для продолженія церкви. Такимъ именно способомъ сначала установленъ былъ чинъ діаконовъ, для завѣдыванія матеріальными дѣлами общины и исполненія низшихъ духовныхъ служеній; затѣмъ чинъ пресвитеровъ или старѣйшинъ, для обычнаго попеченія объ общинахъ, и наконецъ подобнымъ же образомъ были сообщены и высшія полномочія, власть посвященія и управленія, когда именно апостолы начали сознавать, что ихъ собственное общество, по своей малости, не соотвѣтствовало мѣстнымъ потребностямъ возростающей церкви, и когда преклонный возрастъ побуждалъ ихъ позаботиться и о будущихъ временахъ. Защитнику епископской теоріи апостольской преемственности отнюдь нѣтъ надобности доказывать, что уже въ первое время было сразу три чина въ священномъ служеніи и что во всякомъ случаѣ ихъ было болѣе одного. Достаточно сказать, что тѣ, которымъ апостолы передали полноту власти христіанскаго служенія, были не діаконы и не пресвитеры, но (въ позднѣйшемъ значеніи слова) епископы; что же касается существованія низшихъ степеней, какъ соподчиненныхъ епископамъ, то это несомнѣнный фактъ исторіи.

Установивъ тотъ общій фактъ, что апостолы въ теченіе своей земной жизни были верховными управителями церкви, мы можемъ уже не обращать вниманія на множество вопросовъ, которые поднимались противъ теоріи епископскаго управленія, трехчиннаго священства или вообще священства, какъ отличнаго отъ общей массы христіанъ. Намъ нѣтъ надобности разсматривать здѣсь, въ какое время и какими степенями титулъ епископа, употреблявшійся первоначально безразлично въ отношеніи высшей и второй степени, сталъ исключительно прилагаться къ первой; были ли служенія, первоначально открытыя для всѣхъ христіанъ, впослѣдствіи ограничены для особаго класса; насколько низшія степени духовенства или все общество вѣрующихъ могли сначала участвовать въ дѣлѣ управленія и церковнаго надзора; были ли порученія, данныя ап. Павломъ Тимоѳею и Титу, постоянными или только временными; въ какое время введена была система постоянныхъ епархіальныхъ епископовъ. Мы не можемъ отрицать, что устроеніе церкви происходило постепенно; мы утверждаемъ только, что она управлялась апостолами (вѣроятно, дѣйствовавшими по наставленіямъ, сообщеннымъ имъ ихъ божественнымъ Учителемъ въ промежутокъ времени между Его воскресеніемъ и вознесеніемъ), и что во всѣхъ существенныхъ пунктахъ устройство ея было закончено до ихъ отшествія съ земнаго поприща.

Служители церкви, начиная съ св. Матѳія, несомнѣнно были обыкновенно избираемы обществомъ вѣрующихъ; но съ одинаковою ясностью видно, что только апостольское посвященіе давало имъ право священнослуженія, а самое это право истекало отъ Главы церкви, Который далъ его апостоламъ, чтобы они въ свою очередь могли сдѣлаться орудіями сообщенія его другимъ.

О вселенскомъ главенствѣ епископа Рима нѣтъ надобности говорить здѣсь. Въ этой стадіи церковной исторіи оно составляетъ предметъ не для повѣствователя, но для полемиста; достаточно сказать, что въ раннія времена церкви о такомъ главенствѣ не было и помина и никто даже не воображалъ его себѣ.

ГЛАВА II.

Царствованія Траяна и Адріана.

98—138 гг.

Христіанство теперь уже не было смѣшиваемо съ іудействомъ. Большинство обращенцевъ были изъ язычниковъ, и различіе въ нравахъ и обрядахъ между послѣдователями двухъ религій было таково, что, когда оно стало проявляться въ большихъ собраніяхъ людей, его нельзя было оставлять безъ вниманія. Но новая вѣра всетаки еще считалась отпрыскомъ ветхой: ея приверженцы подлежали всей обычной ненависти въ качествѣ іудейской секты. Въ дѣйствительности христіанская религія должна была казаться даже болѣе ненавистною изъ двухъ, такъ какъ она не только была исключительною, но вмѣсто того, чтобы быть просто или главнымъ образомъ національною, заявляла притязаніе на обращеніе всего человѣчества.

Странныя и страшныя обвиненія начали возбуждаться противъ христіанъ 1). Таинственность ихъ собраній для богослуженія была приписываема не своей истинной причинѣ, именно опасенію гоненія, но сознаванію тѣхъ мерзостей, которыя не могли выносить свѣта. „Θіестейскія пиршества“, омерзительная свалка половъ и волшебные обряды—были самымъ распространеннымъ обвиненіемъ ихъ 2). Особенно усердны были въ изобрѣтеніи и распространеніи такихъ росказней іудеи, причемъ нѣкоторыя изъ еретическихъ партій, уже теперь начинавшихъ безпокоить церковь, возбуждая недовѣріе къ христіанскому имени своими собственными дѣйствіями, вмѣстѣ съ тѣмъ непрочь были содѣйствовать дѣлу клеветничества и гоненія противъ вѣрныхъ 3). И между самими православными несомнѣнно должны были оказываться такіе, которые настолько не понимали евангелія, что ихъ поведеніе, по отношенію къ находившимся внѣ церкви, способно было возбуждать раздраженіе и него-

---

1) Обвиненіе, упоминаемое Минуціемъ Феликсомъ (9) и Тертуліаномъ (Apol. 16), касательно боготворенія головы осла, вѣроятно, возникло уже въ царствованіе Адріана, къ которому археологи повидимому склонны относить грубое очертаніе человѣка, боготворящаго распятую человѣческую фигуру съ головой осла, найденное во дворцѣ Кесарей въ 1856 году и теперь находящееся въ Кирхеровомъ музеѣ въ Римѣ.

2) Justin Mart. Apol. I, 26. Обвиненіе въ Θіестейскихъ пиршествахъ объясняется недоразумѣніемъ язычниковъ, которые, стараясь добиться свѣденій отъ рабовъ христіанъ, могли только узнать то, что эти послѣдніе слышали, какъ ихъ господа говорили о ядѣніи тѣла Спасителя и піеніи Его крови.

3) Климентъ Александрійскій обвиняетъ карпократіанъ въ мерзостяхъ, которыя они лживо приписывали церкви. Strom. III, 2, p. 514.

дованіе, такъ что они давали нѣкоторое подтвержденіе тѣмъ предубѣжденіямъ, которыя считали вѣру Христа мрачнымъ и вреднымъ для общества суевѣріемъ.

Возникаетъ вопросъ, были ли въ это время уже какіе нибудь законы въ Римской имперіи противъ христіанства. Съ одной стороны думаютъ, что законы Нерона и Домиціана были отмѣнены; съ другой стороны Тертуліанъ свидѣтельствуетъ, что хотя всѣ другія распоряженія Нерона были отмѣнены, но законы противъ христіанъ оставались въ силѣ; и свидѣтельства этого времени даютъ понять, что исповѣданіе евангелія подлежало наказанію по закону. Даже если бы христіанство не осуждалось какимъ нибудь спеціальнымъ постановленіемъ, то все таки оно подходило подъ общій законъ, запрещавшій всѣ такія религіи, которыя формально не признавались государствомъ. И этотъ законъ, хотя по временамъ и остававшійся въ бездѣйствіи, могъ быть приведенъ въ дѣйствіе во всякое время, не говоря уже о постоянной опасности отъ народныхъ мятежей, часто возбуждавшихся лицами, которыя чувствовали подрывъ своимъ собственнымъ интересамъ,—именно жрецами, предсказателями, художниками, актерами, гладіаторами и др., самое существованіе которыхъ зависѣло отъ боготворенія языческихъ боговъ, или отъ зрѣлищъ, къ которымъ христіане относились съ отвращеніемъ.

Траянъ, преемникъ Нервы, хотя и не свободный отъ серьезныхъ личныхъ пороковъ, долго считался римлянами идеаломъ превосходнаго государя; столѣтіе спустя послѣ его смерти, высшимъ желаніемъ, которое могло быть выражено при поздравленіи новаго императора, была молитва, чтобы онъ былъ „счастливѣе Августа и лучше Траяна“. Въ исторіи церкви однако-же Траянъ является въ менѣе выгодномъ свѣтѣ. Въ началѣ своего царствованія онъ издалъ указъ противъ гильдій или обществъ изъ опасенія, что они могли оказаться опасными для государства; и легко вообразить, какъ этотъ указъ могъ быть обращенъ противъ христіанъ—того братства, которое раскинулось по всѣмъ извѣстнымъ странамъ, какъ внутри, такъ и внѣ имперіи, связано было тѣсными узами, поддерживало живое общеніе между собою и имѣло много такого, что казалось таинственнымъ какъ въ мнѣніяхъ, такъ и въ самой его дѣятельности.

Къ этому царствованію относится мученичество Симеона, родственника Спасителя, брата (или быть можетъ двоюроднаго брата) Іакова Праведнаго и его преемника по каѳедрѣ Іерусалимской. По преданію, нѣкоторые еретики сдѣлали на него доносъ проконсулу Аттику какъ на христіанина и потомка Давидова. Въ теченіе нѣ-

---

[1] Apol. 6; Ad Nationes, I, 7.

скольких дней престарѣлый епископъ выносилъ различныя мученія съ мужествомъ, которое изумляло зрителей, и наконецъ былъ распятъ, будучи 120 лѣтъ отъ роду [1]).

Любопытный и интересный документъ для церковной исторіи этого времени составляетъ переписка Плинія Младшаго [2]). Плиній былъ отправленъ въ качествѣ проконсула въ Понтъ и Виѳинію, страну съ смѣшаннымъ населеніемъ, состоявшимъ частью изъ азіатовъ и частью изъ грековъ, съ значительною примѣсью іудеевъ. Что евангеліе уже рано проникло въ эти страны, это видно изъ обращенія ап. Петра въ его первомъ посланіи [3]), и распространенность его тамъ во второмъ столѣтіи подтверждается свидѣтельствомъ язычника Лукіана [4]). Обстоятельства управленія Плинія заставили его обратить вниманіе на предметъ, который раньше не занималъ его собою. Быть можетъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, первымъ случаемъ, заставившимъ его обратить вниманіе на новую религію, было празднованіе Quindecennalia Траяна, то есть, пятнадцатой годовщины его усыновленія въ качествѣ наслѣдника императорскаго престола, такъ какъ торжество этого рода сопровождалось языческими обрядами, принимать участіе въ которыхъ христіане считали для себя непозволительнымъ. Проконсулъ былъ пораженъ новизною обстоятельствъ, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло. Онъ нашелъ, что храмы національной религіи были почти заброшены, что лица, обвиняемыя въ христіанствѣ, были весьма многочисленны, что они были всякаго возраста, обоего пола и всякихъ сословій, и оказывались не только въ городахъ, но и въ селахъ и въ деревняхъ. Плиній не увѣренъ былъ въ томъ, какъ понимать законы касательно ихъ, и въ этомъ затрудненіи онъ обратился за инструкціями прямо къ императору. Въ своемъ обращеніи онъ излагаетъ тотъ образъ дѣйствія, которому онъ слѣдовалъ: онъ по нѣсколько разъ допрашивалъ обвиняемыхъ; изъ тѣхъ, которые настаивали на признаніи себя христіанами, онъ приказывалъ нѣкоторыхъ подвергать смерти, но другихъ, которые имѣли право на привилегіи римскаго гражданства, просто задерживалъ съ цѣлью отправить ихъ въ столицу. „Я не сомнѣвался“, говоритъ онъ, „что, въ чемъ бы ни состояло ихъ исповѣданіе, за своеволіе и непоколебимое упорство должно наказывать“. Многіе, обвиняемые анонимно, очищали себя отъ обвиненій призываніемъ боговъ, принесеніемъ куренія статуямъ боговъ и императора и проклинаніемъ имени Христа. Нѣкоторые, сначала допускавшіе это обвиненіе, впослѣдствіи заявляли, что они оставили христіанство три или даже двадцать лѣтъ предъ тѣмъ [1]); однако же правитель не въ состояніи былъ добиться отъ нихъ чего нибудь такого, что бы набрасывало тѣнь на вѣру, которую они, по ихъ заявленію, оставили. Они заявляли, что у нихъ было въ обычаѣ собираться въ извѣстные дни до разсвѣта, что они попеременно пѣли гимны Христу, какъ Богу. Вмѣсто ожидаемыхъ разоблаченій касательно преступныхъ заговоровъ, распутныхъ оргій и противоестественныхъ пиршествъ, Плиній могъ только найти, что христіане связывали себя клятвой воздерживаться отъ воровства, прелюбодѣянія и нарушенія обѣщанія или довѣрія [2]); и что при второмъ собраніи позднѣе днемъ они всѣ вмѣстѣ участвовали въ простой и невинной трапезѣ (агапѣ или трапезѣ любви, которая связывалась съ евхаристіей). Онъ подвергъ двухъ діакониссъ пыткѣ; но и эта жестокость не въ состояніи была вынудить признаній въ чемъ нибудь такомъ, что было бы болѣе преступнымъ, чѣмъ „извращенное и безобразное суевѣріе“. При такихъ обстоятельствахъ, Плиній спрашивалъ императора, какимъ наказаніямъ нужно подвергать за христіанство: нужно ли наказывать за него какъ за преступленіе само по себѣ, или только когда оно окажется въ связи съ другими преступленіями; нужно ли дѣлать различіе въ отношеніи къ юнымъ и нѣжнымъ и въ отношеніи къ болѣе возмужалымъ виновникамъ, и считать ли отрицаніе правомъ на помилованіе. Онъ заключалъ письмо заявленіемъ, что уже принятыми мѣрами было возвращено много богомольцевъ для недавно предъ тѣмъ оставленныхъ храмовъ, и выраженіемъ надежды, что мудрый и умѣренный образъ дѣйствія приведетъ еще къ гораздо болѣе многочисленнымъ обращеніямъ къ государственной религіи.

---

[1]) Егезиппъ ар. Euseb. III, 32. Согласно большей части свидѣтельствъ, это было въ 107 г. по Р. Хр.

[2]) Epp. X, 97, 98. Подлинность этихъ писемъ, конечно, подвергалась отрицанію, но видимо безъ всякихъ достаточныхъ основаній. См. Herzog, XVI, 301.

[3]) Дѣян. II, 9.

[4]) *Lucian*, Alexander, c. 25

Траянъ въ своемъ отвѣтѣ одобряетъ мѣры, о которыхъ доносилъ ему Плиній. Онъ считаетъ за лучшее ввѣрить правителю обширныя судебныя полномочія для установленія строгихъ и однообразныхъ правилъ для всѣхъ случаевъ. Христіанъ, говоритъ онъ, не слѣдуетъ разыскивать нарочно; въ случаѣ открытія и обвиненія ихъ, они должны быть наказаны, но отрицаніе Христа нужно принимать за оправданіе обвиняемаго, и никакихъ анонимныхъ доносовъ не принимать противъ нихъ.

---

[1]) Двадцатилѣтній періодъ, вѣроятно, указываетъ на гоненіе при Домиціанѣ. Сомнительное поведеніе этихъ лицъ оставляетъ сомнительнымъ, дѣйствительно ли они отрекались, или же они пользовались особаго рода отпустительной грамотой, впослѣдствіи признававшейся у нѣкоторыхъ еретическихъ сектъ, и отрекались отъ своей вѣры лишь съ цѣлью избѣжать опасности.

[2]) Хотя тутъ повидимому и указывается на обычное богослуженіе, но съ большею вѣроятностью однако же это можетъ быть понимаемо въ смыслѣ обѣта, даваемаго при крещеніи.

Устанавливаемая въ этихъ письмахъ политика подверглась саркастическому нападенію Тертуліана [1]), и его слова съ одобреніемъ воспроизводимы были позднѣйшими писателями, забывавшими, что образъ дѣйствія Траяна и его министра долженъ быть оцѣниваемъ не съ точки зрѣнія истинной религіи или строгой и послѣдовательной разсудительности, но съ точки зрѣнія языческой государственности. Мы можемъ оплакивать безчувственность, которая побудила этихъ знаменитыхъ лицъ древности подавлять нашу вѣру, какъ жалкое изувѣрство, вмѣсто того, чтобы въ виду нравственной красоты того немногаго, въ чемъ они могли удостовѣриться, приступить къ болѣе глубокому изслѣдованію, которое могло бы закончиться ихъ собственнымъ обращеніемъ. Мы можемъ не сочувствовать простому политическому взгляду, который, безъ всякаго разслѣдованія религіозной истины, считалъ религію только дѣломъ государственнымъ и наказывалъ за отступленіе отъ узаконенной системы какъ за преступленіе противъ гражданской власти. Мы можемъ сожалѣть о слѣпотѣ, которая была неспособна понять внутренней и духовной силы христіанства и предполагала, что при помощи благоразумнаго сочетанія снисходительности и строгости въ непродолжительное время можно было совершенно уничтожить его. Но если мы добросовѣстно обсудимъ положеніе, съ котораго должны были смотрѣть на этотъ вопросъ сами Траянъ и Плиній, то вмѣсто того, чтобы присоединяться къ жалобамъ апологета противъ логической несостоятельности этихъ мѣръ, мы будемъ не въ состояніи отказать въ похвалѣ той мудрой системѣ, которая давала возможность снисходительно относиться къ существованію новой религіи, если только она своимъ настойчивымъ заявленіемъ предъ государствомъ не вынуждала его къ приведенію въ исполненіе законовъ противъ нея.

При Траянѣ совершилось мученичество св. Игнатія—одно изъ знаменитѣйшихъ событій въ ранней исторіи церкви, не только само по себѣ, но и вслѣдствіе интереса, который связывается съ посланіями, носящими имя этого достопочтеннаго епископа. Родина св. Игнатія служитъ предметомъ догадокъ, и исторія его ранней жизни неизвѣстна. Онъ описывается какъ слушатель св. ап. Іоанна [2]) и возведенъ былъ на степень епископа въ Антіохіи въ качествѣ преемника Еводія, около 70 года. Въ теченіе почти полустолѣтія онъ управлялъ этою церковью, находившеюся въ столицѣ Сиріи, городѣ, насчитывавшемъ въ себѣ до 200,000 жителей, и авторитетъ его положенія еще болѣе возвышался его мудростью и благочестіемъ.

---

[1]) Apol. II. O sententiam necessitate confusam! Negat inquierendos ut innocentes; et mandat puniendos, ut nocentes etc.

[2]) *Hieron.* de Viris Illustr. c. 16.

Неизвѣстно, къ какому изъ посѣщеній Траяномъ Антіохіи нужно относить конечную судьбу Игнатія. Въ дѣяніяхъ его мученичества разсказывается, что онъ „былъ добровольно приведенъ предъ императора“,—выраженіе, которое можетъ означать или то, что онъ былъ приведенъ въ качествѣ преступника, не оказывая никакого сопротивленія и не дѣлая попытки уклониться отъ этого, или то, что онъ самъ пожелалъ быть приведеннымъ предъ лицо Траяна, съ цѣлью изложить предъ нимъ дѣло христіанъ и съ рѣшимостью, въ случаѣ если бы слова его были безуспѣшны, пожертвовать самимъ собою за свою вѣру и за свой народъ. Траянъ произнесъ приговоръ, чтобы св. Игнатія отвезли въ Римъ и тамъ бросили на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Быть можетъ императоръ надѣялся побѣдить твердость престарѣлаго епископа тягостями этого продолжительнаго путешествія и ужасами ожидавшей его смерти. Во всякомъ случаѣ можно предполагать, что онъ разсчитывалъ устрашить другихъ христіанъ, повелѣвая столь почитаемаго по жизни и столь знатнаго по положенію человѣка немедленно же отправить чрезъ моря и земли къ мѣсту страшной и унизительной смерти, бывшей наказаніемъ самыхъ низкихъ преступниковъ и въ особенности людей, обвиняемыхъ въ низкомъ волшебствѣ, которое обыкновенно приписывалось и христіанамъ. Быть можетъ онъ даже думалъ, что примѣрное наказаніе одного виднаго вождя послужитъ благомъ для массы, удерживая ее отъ запрещенной религіи; и мы дѣйствительно находимъ, что въ то время, какъ обреченный въ жертву епископъ находился на пути въ Римъ, его церковь, порученная имъ попеченію Бога, какъ ея верховнаго Пастыря, была оставлена въ покоѣ [1]).

Св. Игнатій, съ радостью встрѣтившій свое осужденіе и добровольно согласившійся принять оковы, сданъ былъ на руки десяти воинамъ, которые обращались съ нимъ съ большою грубостью. Они отвели его въ Селевкію и оттуда моремъ препроводили въ Смирну, гдѣ онъ былъ принятъ епископомъ Поликарпомъ, подобно ему, ученикомъ ап. Іоанна, и имѣвшимъ сдѣлаться также мученикомъ за евангеліе. Когда слухъ о приговорѣ надъ св. Игнатіемъ и его путешествіи въ Римъ достигъ до церквей Азіи, то отъ различныхъ церквей въ Смирну были высланы депутаціи епископовъ и другаго духовенства, съ цѣлью выразить ему свое христіанское сочувствіе и быть можетъ получить какой нибудь духовный даръ отъ него. Онъ вручилъ епископамъ Ефеса, Магнезіи и Траллъ письма, обращенныя къ ихъ церквамъ, и такъ какъ нѣкоторые члены Ефесской церкви отправлялись въ Римъ другимъ путемъ, чѣмъ тотъ, которымъ приходилось идти ему самому, то онъ воспользовался этимъ случаемъ написать чрезъ нихъ своимъ собратьямъ въ столицѣ. Въ Троадѣ онъ встрѣченъ былъ епископомъ Филадельфіи, и оттуда написалъ этой церкви, равно какъ и смирнянамъ и ихъ епископу Поликарпу.

---

[1]) Ignat. ad Rom. 9; ad Polyc. 7.

Посланія его къ церквамъ вообще исполнены торжественнаго и любвеобильнаго увѣщанія. Высокопочитаемый авторъ напоминаетъ своимъ читателямъ великія истины евангелія, съ особенною силою останавливаясь приэтомъ на дѣйствительности человѣчества Спасителя и обстоятельствъ Его земной жизни, предостерегая противъ докетическихъ заблужденій, которыя уже начали проникать въ Азіятскія церкви даже во время жизни ап. Іоанна. Въ посланіяхъ не разъ обличается также наклонность къ іудейству (или скорѣе, къ ересямъ іудействующаго характера). Строго внушается въ нихъ подчиненіе епископской власти; св. Игнатій заповѣдуетъ церквамъ ничего не дѣлать безъ ихъ епископовъ; онъ сравниваетъ отношеніе епископовъ къ пресвитерамъ съ отношеніемъ струнъ къ арфѣ; увѣщеваетъ, что повиновеніе должно оказывать епископамъ какъ самому Христу и всемогущему Отцу. Частыя повторенія подобныхъ увѣщаній и тѣ термины, въ которыхъ восхваляется епископская должность, въ позднѣйшее время были главнымъ поводомъ къ сомнѣнію касательно подлинности всѣхъ этихъ посланій, или къ предположенію, что они были сильно интерполированы съ цѣлью содѣйствовать интересу іерархіи. Нужно однакоже помнить, что вопросъ не въ томъ, существовало ли уже въ это время трехчинное священство, а просто въ томъ, насколько высокое значеніе св. Игнатій придавалъ епископскому достоинству, и нѣкоторые историки справедливо замѣчаютъ, что цѣль подлежащихъ разсмотрѣнію мѣстъ состоитъ не въ томъ, чтобы возвышать іерархію, но просто убѣждать къ христіанскому единству, видимымъ знакомъ для котораго и было епископство.

Посланіе къ римлянамъ написано въ болѣе горячемъ тонѣ, чѣмъ другія. Въ немъ св. Игнатій свидѣтельствуетъ о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ церкви Римской. Онъ выражаетъ искреннее желаніе мученическаго вѣнца и умоляетъ, чтобы римляне, по ошибочной добротѣ, не сдѣлали попытки воспрепятствовать его *судьбѣ*. „Я, говоритъ онъ, пшеница Божія; пусть я буду смолотъ зубами звѣрей, чтобы мнѣ оказаться чистымъ хлѣбомъ Христовымъ. Лучше поощряйте звѣрей, чтобы они сдѣлались моей могилой и ничего не оставили отъ моего тѣла, такъ что, когда я умру, никому не было бы никакихъ хлопотъ въ отношеніи меня“. Онъ выражаетъ желаніе, чтобы львы проявили надъ нимъ всю свою ярость, что если, какъ это было въ иныхъ случаяхъ, они выкажутъ нѣкоторую неохоту, то онъ самъ будетъ побуждать ихъ къ нападенію на себя.

Не разъ ставился вопросъ, согласны ли эти выраженія съ духомъ евангелія [1]. Конечно, мы не можемъ сомнѣваться въ отвѣтѣ. Желаніе многоопытнаго и преклоннаго святаго нельзя относить къ одному разряду съ тѣмъ неразумнымъ духомъ, который въ позднѣйшее время заставлялъ нѣкоторыхъ лицъ добиваться преслѣдованія и смерти, такъ что церковь находила нужнымъ обуздывать этотъ духъ, отказывая въ чести мученичества тѣмъ, которые терпѣли его вслѣдствіе своей собственной настойчивости. На эти изреченія св. Игнатія нужно скорѣе смотрѣть какъ на повтореніе заявленія ап. Павла о „готовности быть принесеннымъ въ жертву“, о его желаніи „отойти и быть со Христомъ“. Для такого человѣка, какъ св. Игнатій, такая смерть могла съ основаніемъ считаться знакомъ принятія его трудовъ, такъ какъ представляла ему случай торжественно засвидѣтельствовать истину евангелія и принести себя въ жертву за паству.

Изъ Троады онъ посаженъ былъ на корабль, направлявшійся въ Неаполь, въ Македоніи; оттуда онъ сухимъ путемъ прошелъ до Эпидамна, гдѣ опять былъ посаженъ на корабль, который, обогнувъ южную оконечность Италіи, наконецъ высадилъ его въ Портѣ, близь Остіи. Конвоировавшіе его воины быстро повлекли его по направленію въ Римъ, боясь, чтобы имъ не опоздать ко времени тѣхъ игръ, во время которыхъ предположено было выставить его на арену. На пути онъ былъ встрѣченъ нѣкоторыми братьями изъ города, которыхъ онъ просилъ, даже болѣе настойчиво, чѣмъ въ своихъ посланіяхъ, чтобы они ничего не предпринимали для предотвращенія его смерти. Послѣ совмѣстной съ ними молитвы о мирѣ церкви и о постоянствѣ любви между вѣрующими, онъ отведенъ былъ въ амфитеатръ, гдѣ и потерпѣлъ мученическую смерть предъ глазами массъ народа, собравшагося въ послѣдній изъ дней Sigillaria,—добавочнаго праздника къ сатурналіямъ [2]. Преданіе свидѣтельствуетъ, что согласно съ выраженнымъ имъ желаніемъ отъ его тѣла не осталось ничего кромѣ нѣсколькихъ болѣе крупныхъ и твердыхъ костей, и что эти послѣднія были собраны его собратьями и, благоговѣйно отправленныя въ Антіохію, были съ честью принимаемы церквами по пути.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ мученичества
св. Игнатія [3], Траяну наслѣдовалъ Адріанъ. Новый Авг. 117 г.
императоръ, — способный, энергичный, внимательный и ловкій, но капризный, склонный къ парадоксамъ и рабъ без-

---

[1] Gibbon, I, 562.

[2] Декабря 20-го.

[3] Если вѣрна позднѣйшая дата этого событія, которое различно относятъ одни къ 107 году по Р. Хр., а другіе—къ 110, 112, 115 и 116-му.

покойнаго тщеславія—не былъ тѣмъ человѣкомъ, который бы могъ правильно оцѣнить христіанство. Однако же было бы совершенно несправедливо относить его (какъ это нѣкогда дѣлалось) къ числу гонителей церкви, такъ какъ нѣтъ основанія предполагать, чтобы онъ лично принималъ участіе въ тѣхъ гоненіяхъ, которыя происходили въ теченіе первыхъ лѣтъ его царствованія, и вообще при немъ состояніе христіанъ значительно улучшилось [1].

Рескриптъ Траяна къ Плинію имѣлъ свою какъ благопріятную, такъ и неблагопріятную сторону. Хотя имъ отстранялись всякіе анонимные, ложные доносы, онъ въ то же время ясно опредѣлялъ исповѣданіе евангелія какъ преступленіе, подлежащее наказанію по обвиненію, и христіанамъ скоро пришлось лишиться и того покровительства, которое они еще могли извлекать изъ самой случайности выступленія доносчиковъ. На нихъ стали нападать теперь уже не отдѣльные обвинители: при общественныхъ праздникахъ народныя массы, собиравшіяся въ амфитеатрахъ, стали требовать казни христіанъ, какъ тѣхъ жалкихъ людей, нечестіе которыхъ будто-бы было причиной наводненій и землетрясеній, язвъ, голодухъ и пораженій, и рѣдко когда правитель осмѣливался отказывать въ такомъ требовани.

Посѣщеніе Адріаномъ Аѳинъ (въ 125 году), когда онъ былъ посвященъ въ Елевзинскія мистеріи [2], пробудило въ языческихъ жителяхъ города надежду на удовлетвореніе своей ненависти въ отношеніи къ христіанамъ; и случай этотъ побудилъ двоихъ изъ христіанъ —Квадрата, состоявшаго евангелистомъ или миссіонеромъ [3], и Аристида, обращеннаго въ христіанство философа,—обратиться къ императору съ письменными доказательствами въ пользу своей религіи. Апологіи эти, повидимому, были приняты благосклонно, и онѣ сдѣлались первыми въ томъ рядѣ твореній, въ которыхъ основательно и съ успѣхомъ выяснялись истины евангелія въ противоположность съ баснями и пороками язычества.

Около этого же времени со стороны одного языческаго магистрата было заявлено и ходатайство въ пользу справедливости и вѣротерпимости. Сереній Граніанъ, намѣреваясь оставить проконсульство Азіи, доложилъ Адріану о тѣхъ жестокостяхъ, которыя совершались изъ потворства народнымъ кликамъ противъ христіанъ, и императоръ вслѣдствіе этого обратился съ письмами къ Менуцію Фундану, преемнику Граніана, и другимъ правителямъ провинціи [1]. Онъ повелѣваетъ, чтобы христіане не были выдаваемы по требованію черни; въ случаѣ обвиненія ихъ въ какомъ либо преступленіи они должны быть осуждаемы сообразно съ ихъ проступками, но при этомъ должны быть тщательно соблюдаемы всѣ формальности закона, и виновники въ неосновательныхъ обвиненіяхъ должны быть строго наказываемы. Это повелѣніе имѣло большое значеніе, такъ какъ давало защиту противъ новой формы гоненія; но оно было еще далеко отъ провозглашенія полной вѣротерпимости, такъ какъ не опредѣляло, считать ли христіанство само по себѣ преступленіемъ, и такимъ образомъ предоставляло все дѣло на благоусмотрѣніе или капризъ мѣстныхъ властей.

---

[1] Лампридій говоритъ, что Адріанъ намѣревался признать Христа среди боговъ, и съ этою цѣлью строилъ храмы безъ всякихъ статуй (Vit. Alex. Sev., 43); но это свидѣтельство вообще считается ошибкой. См. Giesel. I. II, 173.

[2] Касательно этихъ греческихъ мистерій см. *Döllinger*, Heigenthum u. Judent 108 и слѣд., 162 и слѣд. Всѣ древніе христіанскіе писатели говорятъ о нихъ съ неодобреніемъ; и хотя Таціанъ есть единственный изъ апологетовъ, который выразительно заявляетъ, что онъ былъ посвященъ въ нихъ (Cohort. ad Graecos, 29), однако же ясно, что и другіе христіанскіе писатели знали, или по своему собственному опыту или изъ сообщенія обращенцевъ, въ чемъ состояли въ дѣйствительности эти обряды. 118, 120.

[3] Euseb. IV, 3; сн. III, 27. Нѣкоторые ошибочно отождествляютъ его съ тѣмъ Квадратомъ, который сдѣлался епископомъ Аѳинскимъ.

132—135 г.

Царствованіе Адріана было весьма бѣдственнымъ для іудеевъ. Въ послѣдніе годы Траяна происходили іудейскія возстанія въ Египтѣ, Кипрѣ, Месопотаміи и въ другихъ мѣстахъ; они были подавлены съ большою суровостью и повлекли за собою новыя угнетенія всему народу. Этими угнетеніями и особенно тѣмъ оскорбленіемъ, которое нанесъ ихъ религіи Адріанъ, водворивъ Римскую колонію на мѣстѣ святаго города, іудеи Палестины раздражены были до того, что произвели новое сильное возстаніе подъ главенствомъ вождя, который принялъ имя Баркохбы [2] и признавался своими послѣдователями за Мессію. Послѣ продолжительной и весьма кровопролитной войны возстаніе было подавлено. Многіе іудеи были преданы смерти, нѣкоторые проданы по цѣнѣ лошадей, другіе выселены изъ земли своихъ отцевъ, и іудеямъ вообще запрещено было даже приближаться къ Іерусалиму, кромѣ одного дня въ году—годовщины взятія его Титомъ, когда за большую плату имъ позволялось плакать надъ сѣдалищемъ ихъ былаго величія. На развалинахъ Іерусалима былъ построенъ римскій городъ Элія Капитолина; храмъ Юпитера оскверня лъ гору Сіонскую, и оскверненія подобнаго рода были совершаемы также и въ мѣстахъ, освященныхъ рожденіемъ, смертью и погребеніемъ Спасителя [3].

138 г.

Когда возстаніе имѣло еще нѣкоторый успѣхъ, христіане Палестины жестоко страдали за отказъ признать Баркохбу [4]. Мѣры Адріана послѣ подавленія мятежа произвели важную перемѣну въ положеніи церкви

---

[1] *Just. Mart.* Apol. I, 68.

[2] „Сынъ Звѣзды“ съ намекомъ на Числ. XXIV, 17.

[3] *Just. Mart.* Apol. I, 47; Euseb. IV, 6.

[4] *Just.* Apol. I, 31.

Іерусалимской. Желая видимо отдѣлиться отъ іудеевъ, большинство ея членовъ оставили Моисеевы обычаи, которыхъ они держались дотолѣ; они въ первый разъ выбрали себѣ епископа изъ обращенныхъ язычниковъ и стали сообразоваться съ порядками языческихъ церквей. На этихъ условіяхъ имъ позволено было жить въ Эліи, причемъ тѣ изъ собратьевъ, которые еще явственно держались іудейскаго христіанства, удалились въ Пеллу и другія мѣста за Іорданомъ, гдѣ ихъ отцы нѣкогда нашли себѣ убѣжище во время осады Іерусалима Титомъ [1]).

ГЛАВА III.

Царствованія Антониновъ.

138—180 гг.

Указы послѣднихъ двухъ императоровъ не мало сдѣлали для защиты христіанъ, и ихъ положеніе еще болѣе улучшилось въ теченіе мирнаго царствованія 138—161 гг. старшаго Антонина.

Такъ какъ правители провинцій вообще отказывались преслѣдовать за исповѣданіе евангелія, какъ преступленіе само по себѣ, враги христіанства теперь прибѣгли къ обвиненію ихъ въ безбожіи,—обвиненію, которое, повидимому, возникло изъ того обстоятельства, что христіане не имѣли обычныхъ внѣшнихъ принадлежностей богослуженія—храмовъ и жертвенниковъ, изображеній и жертвоприношеній. Обычай приписывать имъ всѣ общественныя бѣдствія и требовать ихъ крови въ умилостивленіе оскорбленныхъ боговъ еще продолжался: власти различныхъ городовъ въ Греціи просили указанія императора касательно того, какъ имъ дѣйствовать впослѣдствіи. Антонинъ написалъ въ отвѣтъ, подтверждая указъ Адріана, что христіанъ не должно наказывать, если только они не повинны въ преступленіяхъ противъ государства [2]). Другой документъ [3]), въ которомъ излагается, будто бы императоръ повелѣвалъ правителямъ Азіи предавать смерти всѣхъ тѣхъ, кто сталъ бы оскорблять христіанъ вслѣдствіе ихъ религіи, теперь вообще признается подложнымъ [4]).

На защиту преслѣдуемой общины выступилъ Іустинъ, обыкновенно называемый мученикомъ, въ апологіи, обращенной къ императору, его усыновленнымъ сыновьямъ, сенату и народу римскому [5]). Іустинъ былъ родомъ изъ Флавіи Неаполя, города съ греческимъ населеніемъ и языкомъ, на мѣстѣ древняго Сихема въ Самаріи [1]. Онъ самъ въ своемъ „Разговорѣ съ іудеемъ Трифономъ“ разсказываетъ о ходѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій и говоритъ, какъ онъ, побуждаемый скорѣе желаніемъ найти какое либо твердое основаніе для вѣры, чѣмъ какимъ нибудь умозрительнымъ настроеніемъ духа, испыталъ послѣдовательно самыя распространенныя формы греческой философіи; какъ онъ разочаровывался въ нихъ въ одной за другой или вслѣдствіе несостоятельности ученія, или вслѣдствіе самаго характера учителя; какъ принявъ исповѣданіе платонизма, онъ однажды въ глубокой задумчивости ходилъ по берегу моря, когда вдругъ встрѣтился съ старцемъ пріятной и почтенной наружности, который, сказавъ ему, что его ученія безплодны и безполезны, направилъ его къ пророкамъ и новому завѣту и увѣщевалъ его молиться, „чтобы открылись ему врата свѣта“ [2]. Убѣжденія, возникшія въ душѣ Іустина вслѣдствіе указанныхъ ему такимъ образомъ книгъ, были укрѣплены наблюденіемъ за тою стойкостью, съ которою христіане выносили гоненіе и смерть ради святой вѣры,—каковое зрѣлище даже уже и раньше убѣдило его, что ходячія обвиненія противъ ихъ нравственности были неосновательны [3].

---

[1]) Euseb. IV, 6; V, 12.

[2]) Euseb. IV, 26.

[3]) Euseb. IV, 13.

[4]) Giesel. I, I, 174.

[5]) Время указывается большинствомъ писателей отъ 138—140 гг.; но нѣкото-

Съ полнотою вѣры, какой онъ еще никогда не чувствовалъ ни въ одну изъ изучавшихся и принимавшихся имъ системъ, онъ принялъ христіанство и посвятилъ себя на защиту и распространеніе его. Онъ путешествовалъ по Египту, Азіи и въ другихъ мѣстахъ, продолжая носить плащъ философа, который придавалъ ему внѣшній авторитетъ и полезенъ былъ ему въ томъ отношеніи, что собиралъ слушателей для его проповѣди [4]; но его обычнымъ мѣстопребываніемъ былъ Римъ, гдѣ онъ основалъ школу христіанской философіи [5].

Первая апологія Іустина содержитъ смѣлый протестъ противъ незаконности преслѣдованія христіанъ за ихъ религію, когда всѣмъ другимъ классамъ позволено вѣровать и молиться согласно съ ихъ совѣстью. Въ этомъ и въ другихъ сочиненіяхъ, которыми онъ за-

---

рые относятъ эту апологію даже къ такому позднему времени, какъ 150 или 151 г. Главное возраженіе противъ болѣе ранняго времени состоитъ въ упоминаніи еретика Маркіона (XXVI), хотя это возраженіе опровергается предположеніемъ, что когда Іустинъ писалъ свою „Апологію“, Маркіонъ уже сдѣлался извѣстнымъ на востокѣ, хотя онъ еще и не посѣщалъ Рима.

[1] Apol. I, 1.

[2] Dial. c. Tryph., 2—7. Мѣстомъ этой сцены одни считаютъ Ефесъ, а другіе Кесарію.

[3] Apol. II, 13.

[4] Dial. c. Tryph. I.

[5] Вообще предполагаютъ, что Іустинъ не принималъ священства христіанской церкви. Тиллемонъ однако же (II, 350) склоненъ думать, что онъ былъ священникомъ, такъ какъ при описаніи совершенія христіанскихъ обрядовъ онъ употребляетъ первое лицо множественнаго числа (Apol. I, 61). Но Іустинъ, конечно, могъ говорить въ первомъ лицѣ множественнаго числа и о дѣйствіяхъ, совер-

щищалъ дѣло евангелія противъ его различныхъ противниковъ,—язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ—онъ опровергаетъ обычныя клеветы на христіанъ, обвиненія ихъ въ безбожіи и безнравственности, въ политическомъ недовольствѣ и мятежности. Онъ ссылается на пророчества и чудеса [1], на чистоту новозавѣтной нравственности, на жизнь своихъ собратьевъ, на ихъ любовь даже къ своимъ врагамъ, на ихъ безкорыстность, ихъ твердость въ исповѣданіи вѣры, ихъ терпѣніе въ страданіи за нее. Никто, говоритъ онъ, никогда не вѣровалъ въ Сократа настолько, чтобы умирать за его философію, но цѣлыя массы даже изъ низшихъ классовъ мужественно подвергались опасности смерти за дѣло Христово [2]. Онъ останавливается на главныхъ пунктахъ христіанскаго ученія и обстоятельно обсуждаетъ ученіе о воскресеніи тѣла,—ученіе, которое было особенно трудно для пониманія язычниковъ [3]; защищаетъ характеръ и чудеса Спасителя; опровергаетъ доводы, извлекаемые изъ недавности Его религіи и изъ низкаго положенія Его исповѣдниковъ, что̀ враги ихъ считали опроверженіемъ ихъ притязаній на благоволеніе Всевышняго; указываетъ на успѣхъ, уже достигнутый евангеліемъ, хотя оно и не пользовалось никакими земными выгодами. Но онъ не ограничивается защитой своего вѣроученія, и нападаетъ на развращенность и нелѣпость язычества не только въ его народной и поэтической формѣ, но и въ болѣе утонченныхъ истолкованіяхъ философовъ; излагаетъ грязныя мерзости языческой нравственности и говоритъ своимъ противникамъ, что преступленія, клеветнически приписываемыя христіанамъ, съ бо́льшею истиною могли бы быть приписаны имъ самимъ [4].

Іустинъ часто останавливается на тѣхъ аналогіяхъ, которыя можно находить между ученіемъ Платона и ученіемъ св. Писанія [5]. Мудрость грековъ онъ производитъ отъ іудеевъ чрезъ посредство Египта и приписываетъ извращенность ея демонамъ, которые, по нему, такимъ именно способомъ старались возбудить предубѣжденіе про-

---

шаемыхъ общиною, къ которой онъ принадлежалъ, не давая этимъ знать, что онъ самъ былъ священнодѣйствующимъ лицомъ или что каждый членъ общины имѣлъ одинаковое право священнодѣйствовать.

[1] Доказательства отъ чудесъ однакоже мало употреблялись древними христіанскими писателями, такъ какъ вѣра въ чудодѣйственныя явленія была столь обычной среди язычниковъ, что доказательство на основаніи чуда имѣло бы мало значенія для установленія божественнаго происхожденія ученія, если только не были бы установлены нѣкоторые критеріи, по которымъ одинъ родъ чудесъ могъ отличаться отъ другаго. Въ этомъ заключается истинное объясненіе того „небрежнаго невниманія языческаго и философскаго міра“, изъ котораго Гиббонъ хотѣлъ бы сдѣлать выводъ противъ дѣйствительности новозавѣтныхъ чудесъ (I, 525). Іустинъ дѣлалъ кое-что для установленія этого различія.

[2] Apol. II, 10.

[3] Отъ его спеціальнаго трактата „о воскресеніи“ остаются только отрывки.

[4] Apol. I, 27—29; Apol. II, 12.

[5] Apol. I, 20, 59, 60; Apol. II, 13.

тивъ христіанскаго ученія. Онъ признавалъ, что добрые мужи древности, какъ Сократъ и Гераклитъ, были руководимы отчасти свѣтомъ божественнаго Логоса, и что такъ какъ они старались жить въ этомъ свѣтѣ, демоны возбудили гоненіе и противъ нихъ. Іустинъ поэтому убѣждаетъ своихъ языческихъ читателей принять ту мудрость, которая въ несовершенномъ видѣ извѣстна была мудрецамъ ихъ религіи, но которая во всей своей полнотѣ открыта теперь всѣмъ людямъ. Но ссылаясь въ видѣ поясненія на языческую философію и изображая ее какъ приготовленіе къ христіанству, Іустинъ однако же отнюдь не допускалъ ея въ качествѣ дополненія къ евангелію и не смѣшивалъ ея съ нимъ [1].

Хотя было бы ошибкой предполагать, что апологіи древнихъ писателей были лишь личными упражненіями, составленными безъ всякаго намѣренія представлять ихъ тѣмъ государямъ, къ которымъ въ нихъ дѣлается обращеніе, однако же не имѣется никакихъ очевидныхъ данныхъ, чтобы первая апологія Іустина имѣла какое-нибудь дѣйствіе на Антонина или побудила императора принять какія либо мѣры въ пользу христіанъ. Римскій политическій взглядъ на религію въ дѣйствительности не могъ быть поколебленъ аргументаціей. Все, о чемъ заботилась римская власть, состояло въ признаніи существующихъ обрядовъ,—признаніи, которое считалось долгомъ по отношенію къ государству, хотя бы и безъ внутренняго убѣжденія. Отказъ со стороны христіанъ подчиняться этому правилу поэтому былъ для нихъ непонятнымъ упорствомъ, на которое государственные люди могли смотрѣть, вмѣстѣ съ Пиніемъ, только какъ на преступное упрямство.

Старшему Антонину наслѣдовалъ въ 161 году усыновленный имъ Маркъ Аврелій [2]. При этомъ императорѣ, какъ ни знаменитъ онъ былъ своимъ великодушіемъ, справедливостью, умомъ и философскимъ образованіемъ, состояніе христіанъ было хуже, чѣмъ во всякое прежнее царствованіе, исключая Неронова, если можно даже дѣлать и это исключеніе, такъ какъ Нероново гоненіе, вѣроятно, ограничивалось только Римомъ. На мѣсто постепеннаго приближенія къ вѣротерпимости, постоянно совершавшагося со смерти Домиціана, теперь вдругъ наступило обратное движеніе. Вражда противъ христіанъне была уже болѣе особенностью черни, но дѣятельное участіевъ гоненіи стали самовольно принимать мѣстные правители и судьи. Теперь въ первый разъ они, вопреки правилу, изложенному Траяномъ, стали розыскивать христіанъ; вмѣсто того, чтобы устранять доносы, они стали поощрять ихъ и, съ цѣлью понужденія къ отреченію, стали прибѣгать къ пыткамъ; съ цѣлью вынудить признаніе, они не только нарушали древній законъ, запрещавшій допущеніе рабовъ въ качествѣ свидѣтелей противъ своихъ господъ, но даже вымучивали показанія отъ упорныхъ рабовъ пытками.

---

[1] Другой способъ пользованія языческимъ авторитетомъ состоялъ въ ссылкѣ на Сивиллины пророчества, вслѣдствіе пристрастія къ которымъ Цельсъ далъ нѣкоторымъ христіанамъ названія сивиллистовъ (Orig. cont. Cels. V, 61). Эти книги, согласно Блееку и Люкке (Comment. ü. Joh. IV, 116, 120), обязаны своимъ происхожденіемъ александрійскому іудею маккавейскаго вѣка, пользовавшемуся древними языческими сочиненіями. Христіане весьма рано начали восполнять ихъ и распространять другія пророчества подъ именемъ языческихъ мудрецовъ, въ родѣ Гистаспа и Гермеса Трисмегиста.

[2] Въ такомъ трудѣ, какъ настоящій, нѣтъ надобности упоминать о тѣхъ сотоварищахъ, которые управляли вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ императоровъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда характеръ товарища оказывалъ вліяніе на религіозную политику царствованія.

Въ объясненіе противорѣчія между общимъ характеромъ Марка Аврелія и его политикой по отношенію къ церкви, указывали на то, что при своей преданности философскимъ ученіямъ онъ могъ не обращать достаточнаго вниманія на надзоръ за чиновниками, посредствомъ которыхъ производилось управленіе имперіей; что участіе его въ гоненіяхъ своего царствованія ограничивалось лишь небрежнымъ допущеніемъ ихъ совершенія. Но это предположеніе было бы не согласно съ фактами, потому что хотя въ это время и не существовало никакого явнаго закона противъ христіанъ, однако же почти несомнѣнно, что гонительскія мѣры были одобрены новыми и суровыми указами, исходившими отъ самого императора, и у насъ нѣтъ недостатка въ матеріалахъ для болѣе полнаго рѣшенія этого кажущагося противорѣчія.

Царствованіе это было временемъ великихъ общественныхъ бѣдствій и несчастій. Страшная язва опустошала страны отъ Ѳіопіи до Галліи; Тибръ произвелъ наводненіе, разрушая между другими зданіями и общественныя житницы, чѣмъ причиненъ былъ голодъ въ столицѣ; имперія была истощаема продолжительными войнами на восточной и западной границахъ, и возмущеніемъ наиболѣе извѣстнаго полководца въ Сиріи. Всѣ подобныя бѣдствія приписывались гнѣву боговъ, которые будто бы были раздражены христіанами. Въ народномъ представленіи продолжали корениться, не смотря на частыя опроверженія, старыя росказни о безбожіи и омерзительныхъ обычаяхъ христіанъ, и изъ изслѣдованія оказывается, что самыя жестокія гоненія совпадали по времени съ главными бѣдствіями этого царствованія. Язычники, какъ высшихъ, такъ и низшихъ классовъ, были приведены всѣми этими ужасами къ убѣжденію, что эти наказанія со стороны неба требовали оживленія ихъ пришедшей въ упадокъ религіи; вслѣдствіе этого они стали возобновлять ея забытыя торжества, приносили необыкновенно дорогія жертвоприношенія, тщательно старались удалять все, что могло казаться оскорбительнымъ для боговъ. Императоръ, какъ искренно религіозный язычникъ, вполнѣ раздѣлялъ это общее настроеніе; да и его частныя убѣжденія были не такого рода, чтобы могли располагать его благопріятно къ христіанамъ, о которыхъ онъ повидимому судилъ только по изображенію ихъ врагами—философами. Та система философіи, которой онъ былъ преданъ самъ, именно стоическая, была совершенно противоположна, по своему духу, евангелію. Она можетъ быть названа аристократическою—системой для немногихъ изъ высшаго класса, вслѣдствіе чего она естественно давала своимъ послѣдователямъ поводъ относиться съ презрѣніемъ, какъ къ вульгарному, къ тому ученію, которое предназначалось для всѣхъ классовъ общества и для всякаго рода умовъ. Твердость стоика была результатомъ правильнаго размышленія; самъ императоръ въ своихъ „Размышленіяхъ“, объясняя истинное философское спокойствіе, заявляетъ, что оно не должно походить на поведеніе христіанъ во время смерти, которое онъ считалъ изступленнымъ и театральнымъ. А изступленіе заразительно; секта эта распространилась по всей имперіи и даже за предѣлами ея; защитники ея уже начинали гордиться чудеснымъ успѣхомъ своего ученія, и обстоятельства, такимъ образомъ приводимыя въ ея пользу, могли внушать уму недружелюбнаго государственнаго человѣка страхъ опасныхъ случайностей и движеній. Если затѣмъ благоденствіе народа зависѣло отъ самихъ боговъ, то торжество надъ язычествомъ, котораго ожидали христіане, съ этой точки зрѣнія по необходимости, должно было повлечь за собою разрушеніе имперіи. „Царство не отъ міра сего“—было идеей, которой не могли понять язычники, и ихъ опасеніе не оставалось безъ нѣкотораго подтвержденія со стороны выраженій многихъ христіанъ, потому что не только Апокалипсисъ истолковывался въ смыслѣ пророчества о паденіи языческаго Рима, но и мнимыя пророчества, какъ напр. Сивиллинскіе стихи, говорили объ этомъ открыто и восторженнымъ тономъ [1].

Есть извѣстіе, что Маркъ Аврелій въ позднѣйшіе годы своего царствованія измѣнилъ свою политику по отношенію къ христіанамъ, именно вслѣдствіе чудеснаго избавленія, которое онъ испыталъ во время одного изъ своихъ походовъ 174 г. противъ квадовъ. Его войско было стѣснено этими варварами; воины были истощены ранами, крайне истомленны и палимы лучами знойнаго солнца. Въ этой крайности (по преданію) выступилъ впередъ одинъ легіонъ, составленный изъ христіанъ, и колѣнопреклоненно сталъ молиться; вслѣдствіе этого небо мгновенно покрылось облаками и выпалъ обильный дождь для освѣженія римлянъ, которые сняли свои шлемы для наполненія ихъ влагой.

---

[1] Кромѣ того, христіанскіе писатели не всегда соблюдали должный тонъ почтительности по отношенію къ императору. Такъ Татіанъ говорилъ о немъ, что онъ платитъ большое жалованье философамъ, „чтобы они не носили своихъ длинныхъ бородъ даромъ“. Orat. adv. Graecos, c. XIX (въ бенедиктинскомъ изданіи Іустина).

Когда они такимъ образомъ отчасти были разоружены и заботились только объ удовлетвореніи своей жажды, непріятели сдѣлали на нихъ нападеніе; но пронеслась сильная буря съ молніей и градомъ, которая прямо ударила противъ варваровъ и дала возможность императорскому войску безъ труда одержать побѣду. Преданіе прибавляетъ, что тутъ было признано заступничество Бога христіанъ, что императоръ далъ названіе fulminatrix (молніеносный) легіону, молитвы котораго были столь успѣшны, и издалъ указъ въ пользу ихъ религіи [1]. Разсказъ этотъ однакоже подвергается сомнѣнію. Въ опроверженіе его указываютъ на то, что въ то время, какъ самое избавленіе подтверждается какъ христіанскими, такъ и языческими писателями, монетами и изображеніями Антониновой колонны въ Римѣ, язычниками оно приписывалось Юпитеру или Меркурію, и даже будто бы достигнуто было или искусствомъ египетскаго волшебника, или молитвами самого императора [2]; что самая мысль о существованіи легіона, состоявшаго исключительно изъ христіанъ, нелѣпа; что названіе fulminatrix существовало уже во времена Августа, и что худшія преслѣдованія этого царствованія происходили послѣ времени этого предполагаемаго указа о вѣротерпимости. Но хотя чудо, связывающееся съ молніеноснымъ легіономъ, теперь вообще оставлено [3], самый разсказъ однакоже могъ имѣть дѣйствительную основу. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что избавленіе войска въ войнѣ съ квадами было въ дѣйствительности, и мы можемъ съ основаніемъ предполагать, что въ императорскомъ войскѣ были христіанскіе воины, что они молились въ своемъ бѣдственномъ положеніи и приписывали свое избавленіе милосердію Бога. Мы можемъ такимъ образомъ предполагать только далѣе, что нѣкоторые христіане, незнакомые съ воинскими древностями, связывали это событіе съ названіемъ молніеноснаго легіона, а другія сообщаемыя обстоятельства вообще такого рода, что легко могли быть присоединены къ разсказу при послѣдующей его передачѣ.

Самыми знаменитыми лицами, потерпѣвшими мученическую кончину при Маркѣ Авреліѣ, были Іустинъ и Поликарпъ. Уже въ первые годы этого царствованія, Іустинъ по поводу мученичества нѣкоторыхъ христіанъ въ Римѣ составилъ вторую апологію, въ которой онъ выразилъ опасеніе, что ему самому скоро придется сдѣлаться жертвой ухищреній своихъ враговъ и особенно нѣкоего Кресцента, циника, который, по его описанію, былъ самымъ худшимъ членомъ своей отвратительной секты. Опасеніе скоро оправдалось: Іустинъ, выдержавъ себя при слѣдствіи съ твердостью и достоинствомъ, былъ обезглавленъ въ Римѣ и пріобрѣлъ тотъ славный титулъ, которымъ обыкновенно сопровождается его имя.

---

[1] Euseb. V, 5.

[2] Dion. Cass. LXXI, 305, Ганноверское изд. 1606 г. *Jul. Capitolin.* Vit. M. Aurel, c. XXIV; *Claudian.* De Sexto Consul. Honorii, 338 и слѣд.

[3] Герике, однако же, старается поддерживать его (I, 130).

За мученичествомъ Іустина слѣдовало мученичество св. Поликарпа—человѣка, связь котораго съ апостольскимъ вѣкомъ окружала его особеннымъ почетомъ въ періодъ жизни. Онъ былъ ученикомъ ап. Іоанна, который, по преданію, рукоположилъ его на каѳедру Смирны [1]. По всей вѣроятности, Поликарпъ именно былъ тѣмъ ангеломъ этой церкви, къ которому дѣлается обращеніе въ Апокалипсисѣ (II, 8—11), и мы уже замѣчали о его сношеніи съ мученикомъ Игнатіемъ. Къ концу царствованія Пія, Поликарпъ посѣтилъ Римъ (около 158 г.) частью, хотя не исключительно, съ цѣлью обсужденія вопроса, который въ то время возникъ между церквами Азіи и церквами другихъ странъ касательно времени празднованія пасхи. У азіатскихъ церквей было въ обычаѣ совершать пасхальную вечерю на четырнадцатый день перваго іудейскаго мѣсяца, въ тотъ самый день, въ который іудеи вкушали свою пасху, и три дня спустя, безразлично въ отношеніи дня недѣли они совершали праздникъ Воскресенія. Другія церкви, напротивъ, считали незаконнымъ нарушать постъ святой недѣли или праздновать воскресеніе въ какой нибудь другой день, кромѣ перваго; ихъ пасха вслѣдствіе этого всегда падала на воскресный день, и ихъ пасхальная вечеря вкушалась наканунѣ. Азіатскія церкви вели свой обычай отъ апп. Іоанна и Филиппа, а другія церкви — отъ апп. Петра и Павла.

Поликарпъ былъ принятъ въ Римѣ епископомъ Аникетомъ съ тѣмъ почтеніемъ, котораго онъ заслушивалъ своимъ личнымъ характеромъ, своею близкою связью съ апостолами, своимъ преклоннымъ возрастомъ и своимъ долгимъ пребываніемъ въ епископствѣ,—такъ какъ Аникетъ былъ уже седьмымъ епископомъ Рима съ того времени, какъ его гость былъ поставленъ надъ церковью Смирны. Разсужденіе о пасхальномъ вопросѣ происходило между ними съ умѣренностью; они согласились, что въ такомъ предметѣ можетъ быть допускаемо различіе въ обрядѣ, и Аникетъ, въ знакъ дружества и уваженія, позволилъ смирнскому епископу совершить евхаристію въ своемъ присутствіи. Во время своего пребыванія въ Римѣ, Поликарпу удалось возвратить многихъ лицъ, которыя совращены были въ ересь Валентиномъ, Маркіономъ и Марцеллиной, исповѣдницей гностицизма. По преданію, онъ имѣлъ даже личную встрѣчу съ Маркіономъ, и когда этотъ ересіархъ (вѣроятно, ссылаясь на нѣкоторое прежнее знакомство въ Азіи) попросилъ у него знака признанія, то св. Поликарпъ отвѣчалъ ему: „я знаю тебя за первороднаго сатаны“ [1]).

---

[1] Iren. III, III, 4.

О мученичествѣ св. Поликарпа разсказывается въ посланіи, составленномъ отъ имени его церкви. Гоненіе начало свирѣпствовать въ Азіи, и многіе изъ смирнскихъ христіанъ выносили мученія съ удивительною твердостью; но одинъ человѣкъ, который сначала готовъ былъ самъ идти на мученіе, впослѣдствіи склоненъ былъ къ языческому жертвоприношенію, и писатели посланія воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы выразить неодобреніе обычаю добровольнаго выступленія на мученіе. Чернь была разъярена при видѣ твердости, которую проявляли мученики, и раздался крикъ: „долой безбожниковъ! подать сюда Поликарпа!“ Образъ дѣйствія высокочтимаго епископа, когда его такимъ образомъ требовали въ качествѣ жертвы, по христіанскому благоразумію и искренности былъ достоинъ его характера. По убѣжденію своихъ друзей, онъ удалился въ сосѣдній городъ, изъ котораго затѣмъ перешелъ въ другой городъ, и, будучи открытъ въ этомъ своемъ второмъ убѣжищѣ, спокойно сказалъ: „да будетъ воля Божія!“ Онъ велѣлъ предложить пищи схватившимъ его воинамъ, и провелъ въ пламенной молитвѣ время, которое оставалось ему предъ тѣмъ, какъ его увезли въ столицу. Когда онъ вступилъ на арену, то, по преданію, услышалъ голосъ съ неба: „будь мужественъ, Поликарпъ, и покажи себя мужемъ!“ И этотъ голосъ слышали многіе изъ его собратьевъ. При его появленіи зрители пришли въ необычайное возбужденіе и разразились громкими криками. Проконсулъ убѣждалъ его купить свободу отреченіемъ отъ своей вѣры, но онъ отвѣчалъ: „86 лѣтъ [2]) я служилъ Христу, и Онъ не сдѣлалъ мнѣ ничего худаго; какъ же я могу теперь похулить своего Царя и Спасителя?“ Проконсулъ не могъ поколебать его рѣшимости ни возобновленными увѣщаніями, ни угрозой ему дикими звѣрями и огнемъ. Народъ требовалъ смерти епископа, и онъ былъ осужденъ на сожженіе,— приговоръ, о которомъ онъ, по преданію, уже раньше получилъ предсказаніе въ видѣніи огненнаго столба. Немедленно собрано было достаточное количество дровъ, и повѣствователь замѣчаетъ, что іудеи, „по своему обычаю“, оказались особенно ревностными въ этомъ дѣлѣ. Согласно съ его собственною просьбою, чтобы его не связывали обычными желѣзными скобами, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что Богъ дастъ ему силу спокойно вынести пламя, Поликарпъ былъ привязанъ къ колу веревками, и въ этомъ положеніи онъ произнесъ благодареніе за дарованное ему преимущество прославить Бога своею смертью. Костеръ былъ зажженъ, но пламя, касаясь его, разстилалось вокругъ него, „подобно парусу корабля, наполненному вѣтромъ“, причемъ тѣло его казалось въ срединѣ не подобно „сжигаемому тѣлу“, но подобно „пекущемуся хлѣбу“ или подобно „золоту и серебру, расплавляющемуся въ печи“; и воздухъ наполнился благоуханіемъ, какбы отъ благовонныхъ куреній или травъ [1]). Такъ какъ огонь, повидимому, отказывался исполнить свое назначеніе, то одинъ изъ палачей ударилъ мученика мечемъ, вслѣдствіе чего произошло изліяніе крови, достаточное для того, чтобы погасить пламя. Язычники и іудеи тогда сожгли тѣло изъ опасенія, какъ они говорили, чтобы христіане не стали боготворить Поликарпа вмѣсто „Распятаго“,—опасенія, которымъ они, какъ замѣчаетъ церковь смирнская, обнаружили свое полное невѣденіе касательно христіанскаго ученія. Собратья вслѣдствіе этого вынуждены были удовольствоваться собраніемъ нѣсколькихъ костей мученика, которыя они и предали почетному погребенію. Какъ раньше кончина св. Игнатія, такъ теперь и смерть св. Поликарпа доставила нѣкоторый покой его паствѣ.

---

[1]) Iren, III, III, 4.

[2]) Нѣкоторые понимаютъ подъ этимъ лѣта его жизни, а другіе—періодъ со времени его обращенія.

Позднѣе въ царствованіе Марка Аврелія происходило сильное гоненіе на югѣ Галліи [2]). Церковь Ліонская и Вьеннская была восточнаго и сравнительно недавняго происхожденія; она находилась еще подъ попеченіемъ Поѳина, начальника той миссіи, которая распространяла здѣсь евангеліе. Въ 177 году, когда имперія находилась въ тревогѣ вслѣдствіе новыхъ опасеній войны съ германцами, христіане этихъ городовъ сдѣлались предметомъ народной ярости: они были оскорбляемы и подвергались нападенію на улицахъ, язычники вторгались въ ихъ дома и грабили ихъ. Готовность властей потворствовать народному настроенію въ этомъ случаѣ оказалась въ поразительной противоположности съ обычаемъ прежняго времени. Изданы были повелѣнія розыскивать христіанъ; незаконнымъ примѣненіемъ пытки нѣкоторые языческіе рабы были вынуждены къ обвиненію своихъ господъ въ мерзостяхъ Эдипа и Ѳіеста, и жертвы затѣмъ были подвергаемы всяческимъ мукамъ и заключаемы въ темницы, гдѣ вредоносность воздуха и всевозможныя лишенія оказались для многихъ роковыми. Епископъ, человѣкъ девяностолѣтняго возраста и немощный какъ отъ лѣтъ, такъ и отъ болѣзней, былъ приведенъ къ правителю, который спросилъ его: „кто есть Богъ христіанъ?“—„Если ты достоинъ“, отвѣчалъ Поѳинъ, „то ты узнаешь“. Онъ былъ безъ милосердія подвергнутъ бичеванію приставами суда и терпѣлъ всевозможные побои, пинки и удары отъ черни, послѣ чего почти въ бездыханномъ состояніи былъ отведенъ въ темницу, гдѣ и умеръ чрезъ два дня. Въ способахъ смерти дѣлалось различіе для лицъ различныхъ состояній: рабы были распинаемы, жители провинцій отдаваемы звѣрямъ, и императоръ, посовѣтовавшись касательно образа дѣйствія по отношенію къ тѣмъ, которые имѣли право римскаго гражданства, приказалъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не отрекались отъ своей вѣры, были обезглавливаемы. Не смотря однако-же на это, одинъ азіатецъ, по имени Атталъ, хотя и гражданинъ Рима, былъ подвергнутъ мукѣ и отданъ звѣрямъ. Онъ былъ посаженъ на раскаленный желѣзный стулъ, и когда уже сталъ распространяться запахъ отъ его горящаго тѣла, онъ спокойно замѣтилъ, что его гонители сами повинны въ каннибализмѣ, въ которомъ они ложно обвиняли христіанъ.

---

[1]) Нѣкоторые объясняютъ это предположеніемъ, что наскоро собранный костеръ отчасти состоялъ изъ ароматическихъ деревъ. Но въ общемъ лучше всего оставить безъ объясненія тѣ части разсказа, въ которыхъ повѣствователь придаетъ ему чудесный характеръ.

[2]) Источникомъ этого свѣденія служитъ посланіе церкви Ліонской и Вьеннской, сохраненное Евсевіемъ въ книгѣ пятой (хотя и не въ полномъ видѣ).

Поведеніе страдальцевъ вообще отличалось спокойствіемъ и достоинствомъ. Своими молитвами и доводами имъ удалось убѣдить и тѣхъ изъ своихъ братьевъ, которые сначала уступали страху смерти, исповѣдывать своего Господа и предавать себя за Него. Одна рабыня, по имени Бландина, болѣе всѣхъ другихъ мучениковъ отличилась выносливостью въ различныхъ мученіяхъ. Ея госпожа-христіанка опасалась, что твердость рабыни можетъ поколебаться во время пытки; но характеръ Бландины зависѣлъ не отъ ея состоянія, но отъ исповѣдуемой ею вѣры. Ея терпѣніе истомило жестокую изобрѣтательность ея мучителей, и среди своихъ величайшихъ мученій она находила силу и облегченіе въ повтореніи словъ: „я христіанка, и никакого зла не сдѣлала вамъ“.

Злоба язычниковъ не прекращалась со смерью ихъ жертвъ. Тѣла ихъ они бросали собакамъ, остававшіяся несъѣденными части сожигали и въ издѣвательство надъ ученіемъ о воскресеніи пепелъ разбрасывали въ Рону.

Въ это же царствованіе началось и полемическое противодѣйствіе христіанству со стороны язычества. Вождь его, Цельсъ, человѣкъ показнаго, но мелкаго ума, бывшій, по предположенію, эпикурейцемъ, хотя въ своихъ нападеніяхъ онъ выставлялъ себя платоникомъ, укорялъ христіанство за его „варварское“ происхожденіе, и обвинялъ его въ заимствованіяхъ у египтянъ, у Платона и изъ другихъ языческихъ источниковъ [1]). Онъ нападалъ на библейское повѣствованіе, то смѣшивая христіанство съ іудействомъ, то стараясь доказать несовмѣстимость ветхаго завѣта съ новымъ, то выводя іудея въ качествѣ выразителя своихъ возраженій противъ евангелія. Низкое происхожденіе Спасителя, бѣдность Его учениковъ, низкое положеніе, простота, довѣрчивость христіанъ его времени давали Цельсу обильный матеріалъ для издѣвательства, которое иногда было весьма непристойнаго свойства [1]). Библейскія чудеса онъ приписывалъ магіи и обвинялъ христіанъ въ преданности чарамъ подобнаго рода. Онъ развязно порицалъ какъ ученіе, такъ и нравственность евангелія, и не стыдился даже поносить его исповѣдниковъ за пренебреженіе къ обязанностямъ общественной жизни, выставляя ихъ опасными для правительства имперіи. Какъ ни ничтожно было это произведеніе Цельса, оно въ теченіе цѣлаго столѣтія продолжало считаться главнымъ сочиненіемъ изъ написанныхъ противъ христіанства и наконецъ удостоилось даже полнаго и тщательнаго опроверженія со стороны Оригена. Но въ тоже время евангеліе не имѣло недостатка и въ способныхъ защитникахъ, которые поддерживали его дѣло какъ апологіями, такъ и трактатами всякаго рода. Между апологетами были Мелитонъ, епископъ сардійскій; Ѳеофилъ, епископъ антіохійскій; Аѳинагоръ, философъ аѳинскій, по преданію, обратившійся вслѣдствіе чтенія св. Писанія, къ которому онъ приступилъ съ цѣлью опроверженія христіанства; Клавдій Аполлинарій, епископъ іерапольскій, Мильтіадъ и Татіанъ, ассиріецъ по происхожденію, бывшій ученикомъ Іустина мученика. Татіанъ впослѣдствіи пріобрѣлъ болѣе печальную извѣстность въ качествѣ основателя секты энкратитовъ. Его ученіе и ученіе его современника, Вардесана Эдесскаго (гимны котораго проникали даже въ общины православныхъ) нѣтъ надобности излагать подробно, и достаточно сказать, что они принадлежали къ общему семейству гностицизма. Въ царствованіе же Марка Аврелія возникла и секта совершенно иного характера, именно секта Монтана; но свѣденія о ней гораздо удобнѣе будетъ сообщить послѣ, а теперь обратимся къ обзору тѣхъ ересей, которыя уже безпокоили церковь въ это время.

---

[1]) Orig. contr. Cels. I, 2, 22; VI, 7 и проч.

ГЛАВА IV.

Ранніе еретики.

Егезиппъ и Климентъ Александрійскій подвергались осмѣянію со стороны величайшаго изъ англійскихъ историковъ за высказанное ими положеніе, что церковь не была оскверняема расколами или ересями до царствованія Траяна или царствованія Адріана; „мы можемъ съ гораздо бо́льшею основательностью замѣтить, говоритъ Гиббонъ, что въ теченіе (этого ранняго) періода ученіе Мессіи пользовалось бо́льшею свободою какъ въ вѣрѣ, такъ и въ жизни, чѣмъ какъ это допускалось въ послѣдующіе вѣка“ [1]). Въ дѣйствительности однако же приведенные учители церкви совершенно не дѣлаютъ такого завѣренія, какъ предполагается здѣсь; слова ихъ относятся не къ появленію первыхъ признаковъ заблужденія, но къ явному образованію общинъ, которыя, принимая христіанское имя, въ то же время содержали ученіе, отличное отъ ученія церкви. И это замѣчаніе означаетъ не что иное, какъ то, что мѣры церкви къ предохраненію ея членовъ отъ ложнаго ученія стали приниматься только уже тогда, когда само развитіе зла сдѣлало ихъ необходимыми. Даже въ новомъ завѣтѣ уже есть ясное свидѣтельство касательно какъ существованія ложнаго ученія во время жизни апостоловъ, такъ и касательно ихъ старанія противодѣйствовать ему. Среди лицъ, порицаемыхъ тамъ по имени, нѣкоторые обвиняются только въ заблужденіяхъ жизни, но другіе осуждаются и за мнѣнія. Такъ, объ Именеѣ говорится, что онъ „потерпѣлъ кораблекрушеніе въ вѣрѣ“, что онъ „отступилъ отъ истины, говоря, что воскресеніе уже было“; и подъ эти же обвиненія подводятся Александръ и Филитъ [2]). Въ посланіяхъ ап. Павла, кромѣ этихъ мѣстъ, носящихъ явно полемическій характеръ, есть много и такихъ, въ которыхъ также, при сравненіи съ языкомъ ранней ереси, нельзя не подмѣтить подобнаго же тона. Тоже самое можно замѣтить и въ другихъ апостольскихъ посланіяхъ; писанія ап. Іоанна особенно проникнуты указаніями на преобладающія заблужденія и на тѣ изреченія, въ которыхъ они выражались. Да и гораздо раньше вѣроятнаго времени происхожденія какого бы то ни было христіанскаго писанія, мы уже встрѣчаемся съ человѣкомъ, который всегда считался родоначальникомъ ереси, именно съ волхвомъ Симономъ изъ Самаріи [3]).

---

[1]) Напр. I, 7, 27,—32, 39; II, 47 и проч.

При чтеніи о древнихъ еретикахъ мы должны помнить, что свидѣтельства о нихъ исходятъ отъ ихъ враговъ, и собственный опытъ можетъ показать намъ, какъ легко непониманіе или неправильное изображеніе противника возможно даже тамъ, гдѣ нѣтъ никакой преднамѣренности къ тому. Мы не должны быть слишкомъ склонны вѣрить злу [4]), должны остерегаться смѣшенія мнѣнія ересіарховъ съ мнѣніемъ ихъ послѣдователей, и особенно должны остерегаться слишкомъ легкаго предположенія, что основатели сектъ были люди безпринципные или развращенные, такъ какъ при этомъ мы оказались бы во многихъ случаяхъ не только несправедливыми къ дѣйствительности, но и лишились бы важнаго урока. Плодовъ, по которымъ можно было узнать „ложныхъ пророковъ“ [1]), нужно искать не въ ихъ собственномъ личномъ поведеніи (которое можетъ и не соотвѣтствовать въ худшемъ или лучшемъ смыслѣ ихъ ученію), но въ результатахъ, вытекающихъ изъ ихъ началъ,—въ ихъ развитыхъ ученіяхъ и правилахъ и въ ученіяхъ ихъ учениковъ. Но съ другой стороны, если нужно читать съ осторожностью свидѣтельства древнихъ и тѣхъ, которые невольно слѣдовали имъ въ разсужденіи подобныхъ предметовъ, то въ то же время не менѣе необходимо остерегаться теорій и положеній тѣхъ новѣйшихъ изслѣдователей, которые готовы сочувствовать всякому выдающемуся еретику, изображать его какъ человѣка, возвышающагося геніемъ и благочестіемъ надъ церковью своего времени, предположительно восполнять пробѣлы его системы, объясненіями сглаживать нелѣпости ея и соглашать ея противорѣчія. Писатель, старающійся вникнуть въ душу ересеарха и прослѣдить ходъ его идей въ дѣйствительности скорѣе поможетъ намъ понять предметъ, чѣмъ человѣкъ, который приступаетъ къ дѣлу съ предзанятою мыслью, что преднамѣренною цѣлью ложнаго учителя было изрекать отвратительныя богохульства и погублять души своихъ послѣдователей, такъ что при такомъ взглядѣ невольно приходится спрашивать себя, неужели мнѣнія столь чудовищныя, какъ приписываемыя еретикамъ, могли дѣйствительно когда либо находить послѣдователей. Тѣмъ не менѣе мы не должны также предполагать, что всего этого не можетъ быть только потому, что идея ихъ кажется чудовищною; мы должны помнить, что даже самое остроумное предположеніе можетъ быть ошибочнымъ, и если выводы извѣстной системы касательно вѣры или нравственности омерзительны, то мы не можемъ говорить о такой системѣ съ восторгомъ или снисходительностью вслѣдствіе какой либо поэтической красоты или философской глубины, которая можетъ повидимому примѣшиваться къ ея заблужденіямъ.

---

[1]) Gibbon, I, 465.

[2]) 1 Тим. I, 19, 20; 2 Тим. II, 17, 18.

[3]) Дѣян. VIII.

[4]) Евагрій (отъ котораго едва ли можно было ожидать такихъ замѣчаній), указывая разницу между языческими и христіанскими разномысліями, защищаетъ еретиковъ отъ обвиненія въ *намѣренномъ* нечестіи; „каждый“, говоритъ онъ, „думалъ только мыслить правильнѣе, чѣмъ всѣ раньше его“ (I, 11).

Системы раннихъ еретическихъ учителей по большей части относились къ такъ называемому „гностицизму“, заявлявшему притязаніе на болѣе чѣмъ обыкновенное знаніе [2]). Неизвѣстно, имѣлъ ли въ виду ап. Павелъ этотъ именно смыслъ слова въ своемъ предостереженіи противъ „лжеименнаго знанія“ [3]); но хотя кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что такое употребленіе этого термина появилось только позднѣе, само ученіе несомнѣнно уже существовало во время апостоловъ. Гностики по большей части настолько были далеки въ своихъ ученіяхъ отъ христіанской вѣры, что они могли быть относимы скорѣе къ совершенно чуждымъ для евангелія людямъ, чѣмъ къ еретикамъ; но въ раннее время названіе еретика давалось вообще всѣмъ, кто какимъ бы то ни было образомъ вводили имя Христа въ свои системы, такъ что, по замѣчанію одного изслѣдователя, „если бы Магометъ явился во второмъ столѣтіи, то Іустинъ Мученикъ или Ириней говорили бы о немъ, какъ объ еретикѣ“. Разсматривая всѣ эти странныя мнѣнія, мы можемъ только удивляться, какъ они могли когда либо быть усвоены кѣмъ нибудь изъ тѣхъ, кому извѣстна была христіанская вѣра. Но разсмотрѣніе обстоятельствъ уменьшаетъ наше удивленіе: гностицизмъ въ дѣйствительности нельзя считать извращеніемъ христіанства, онъ былъ усвоеніемъ нѣкоторыхъ христіанскихъ элементовъ въ систему совершенно инаго происхожденія.

---

[1]) Матѳ. VII, 15, 16.

[2]) Это названіе однако же не присвоивалось вообще самими этими сектами, но прилагалось къ нимъ другими. Карпократіане, худшая и наиболѣе безнравственная секта изъ нихъ или одна партія среди нихъ, по свидѣтельству Иринея, были единственные гностики, которые сами себя называли такъ (i, xxv, 6), между тѣмъ какъ авторъ „Философуменъ“ приписываетъ притязаніе на это имя офитамъ (v, 9).

[3]) 1 Тим. vi, 20, гдѣ слово ἀντιϑέσεις (прекословія) относятъ къ гностическому ученію о противоположности между царствами свѣта и тьмы.

Ко времени появленія евангелія, въ существующихъ системахъ религіи и философіи произошло замѣчательное смѣшеніе. Іудеи, во время своего пребыванія въ плѣну Вавилонскомъ, познакомились съ халдейскими и персидскими ученіями: многіе изъ нихъ остались на востокѣ, и между ихъ потомками и ихъ собратьями въ святой землѣ поддерживались постоянныя сношенія. Вслѣдствіе этого, вѣрованіе позднѣйшихъ іудеевъ сильно окрасилось восточными идеями, особенно касательно ангеловъ и духовныхъ существъ. Преобладающая форма греческой философіи—платоническая—съ самаго начала содержала въ себѣ элементы восточнаго происхожденія, и въ позднѣйшее время взаимныя сношенія іудеевъ повели къ широкому усвоенію чужеземныхъ нововведеній. Великій городъ Александрія, въ особенности бывшій впослѣдствіи колыбелью гностицизма, сдѣлался центромъ философскихъ умозрѣній. Въ ея школахъ преподавались ученія Египта, Греціи, Палестины и косвенно ученія Персіи и Халдеи,—которыя, въ свою очередь, находились подъ вліяніемъ системъ Индіи и далекаго востока [1]). Преобладающее настроеніе умовъ было эклектическое; всѣ религіи считались имѣющими въ себѣ нѣчто божественное, причемъ не предпологалось, чтобы какая либо одна изъ нихъ обладала полнымъ и достаточнымъ откровеніемъ. Идеи заимствовались изъ одной для восполненія недостаточности другой. Отсюда системы настолько перемѣшивались между собою и настолько видоизмѣнялись одна другою, что ученые были различнаго мнѣнія касательно происхожденія гностицизма, причемъ нѣкоторые относятъ его главнымъ образомъ къ платонизму, а другіе выводятъ его изъ восточныхъ источниковъ. Отсюда также мы можемъ понять, какъ христіанство могло сочетаться съ понятіями, настолько не похожими на него. Тотъ же самый эклектическій принципъ, производившій такое сліяніе другихъ системъ, приводилъ умозрительные умы къ усвоенію кое-чего изъ евангелія; они заимствовали изъ него лишь столько, сколько соотвѣтствовало ихъ цѣли, и истолковывали все это по своему желанію. Сущность каждой изъ этихъ системъ платоническая, или восточная, или заимствованная у позднѣйшаго іудейства; вводимые ими библейскіе термины употреблялись въ нихъ совершенно въ иномъ смыслѣ отъ того, который они имѣютъ въ христіанскомъ богословіи.

---

[1]) О сходствѣ между гностицизмомъ и индійскими системами см. *Lassen*, Indische Alterthumskunde, III, 380—405.

Особенно характеристической чертой гностиковъ было (какъ уже сказано) притязаніе на высшее знаніе [1]). Этимъ знаніемъ болѣе возвышенные умы должны были отличаться отъ заурядныхъ, для которыхъ совершенно достаточно было, по ихъ мнѣнію, вѣры и ходячаго мнѣнія; гностики иногда жаловались, какъ на несправедливость, на то, что ихъ отлучали отъ общенія церкви, между тѣмъ какъ они согласны были предоставлять массѣ всѣ обыкновенные символы, и только для самихъ себя добивались привилегіи пониманія ученія въ болѣе внутреннемъ и болѣе утонченномъ смыслѣ [2]). Съ этой именно точки зрѣнія Ветхій Завѣтъ былъ истолковываемъ Филономъ Александрійскимъ, образцемъ платонизирующаго іудея, и теперь этотъ же самый принципъ прилагался къ Новому Завѣту, изъ котораго выбирались тексты съ цѣлью подтвержденія этого принципа [3]). Что касается болѣе древнихъ писаній, то гностики или совершенно отвергали ихъ, или извращали ихъ безграничной свободой аллегорическаго истолкованія.

Во всѣхъ гностическихъ системахъ мы находимъ общее вѣрованіе въ одного верховнаго Бога, обитающаго отъ вѣчности въ *плиромѣ*, то есть полнотѣ свѣта. Отъ Него происходятъ послѣдовательныя поколѣнія эоновъ или духовныхъ существъ, главные изъ которыхъ, какъ видно по ихъ именамъ, были олицетворенными свойствами Божества [4]); по мѣрѣ того, какъ эти истеченія удаляются отъ первоначальнаго источника, подобіе Его совершенствъ въ нихъ дѣлается все слабѣе. Матерія считается вѣчною и, по самому существу, злою. Изъ нея былъ образованъ міръ не верховнымъ Богомъ, но деміургомъ,—существомъ, которое изображается нѣкоторыми ересіархами какъ просто соподчиненное и несознательное орудіе божественной воли, но другими какъ положительно злобное и враждебное верховному существу. Этотъ деміургъ (или творецъ) былъ національный Богъ іудеевъ—Богъ ветхаго завѣта; вслѣдствіе этого, такъ какъ *Онъ* именно имѣется въ виду въ каждой системѣ, Моисеево домостроительство или признавалось подготовительнымъ къ высшему домостроительству, или отвергалось какъ злое 1). Христосъ былъ посланъ въ міръ для освобожденія человѣка отъ тиранніи деміурга. Но Христосъ гностицизма не былъ ни Богомъ, ни человѣкомъ; Его духовная природа, будучи истеченіемъ изъ верховнаго Бога, была по необходимости ниже своего первоисточника; и съ другой стороны истеченіе изъ Бога не могло обитать въ вещественномъ и, слѣдовательно, зломъ тѣлѣ. Поэтому, или Іисусъ былъ простой человѣкъ, на котораго эонъ, Христосъ, нисходилъ во время крещенія и оставилъ опять предъ распятіемъ; или тѣло, которымъ повидимому былъ облеченъ Христосъ, было призракомъ, и всѣ Его дѣйствія были только кажущимися 2).

---

[1]) Какъ Пиѳагоръ, такъ и Платонъ употребляли слово γνῶσις для обозначенія *высшаго* знанія; различіе въ степеняхъ вообще свойственно восточнымъ религіямъ.

[2]) Iren. III, xv.

[3]) Такъ напр. приводилось 1 Кор. II, 6.

[4]) Это совершенно восточная черта. Названіе эоновъ (αἰῶν) собственно принято было Валентиномъ, но ради удобства можетъ быть употребляемо и при изложеніи системъ, бывшихъ раньше его. Ѳеодоритъ порицаетъ употребленіе этого слова для обозначенія живыхъ существъ, такъ какъ оно собственно означаетъ продолжительность, конечную или безконечную (Haer. V, 6). Гизелеръ (I, i, 188) опредѣляетъ это названіе въ его гностическомъ приложеніи въ смыслѣ „развитій божественной сущности, которыя, какъ таковыя, становятся выше ограниченій времени“.

Такъ какъ матерія есть зло, то отъ гностика требовалось побѣждать ее; но здѣсь возникло важное практическое разногласіе между сектантами: въ то время, какъ одни изъ нихъ добивались этой побѣды строгимъ аскетическимъ воздержаніемъ отъ всего чувственнаго, болѣе низкій классъ между ними хотѣлъ доказать свое знаніе тѣмъ,

---

1) Враждебность деміургу въ иныхъ случаяхъ доводилась почти до невѣроятной степени, такъ что извращались самые характеры библейской исторіи. Среди офитовъ (отъ ὄφις змѣй) — секты, которая возникла во второмъ вѣкѣ и продолжалась до шестаго (Giesel. I, i, 190)—были такіе, которые предполагали, что змѣй, упоминаемый въ третьей книгѣ Бытія, былъ или божественная мудрость, или самъ Христосъ, пришедшій съ цѣлью освободить людей отъ невѣденія, въ которомъ деміургъ (*іалдабаоѳъ*, сынъ тьмы или хаоса) хотѣлъ держать ихъ (Iren. i, xxx; Epiph. Haer. 37). Каиниты, другая секта того же рода, впадали быть можетъ въ еще болѣе дикую чудовищность. Они думали, что книги какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, были произведеніемъ писателей, которые были вдохновляемы деміургомъ съ цѣлью придать ложный колоритъ всей исторіи: что дѣйствительно достойными людьми были тѣ, которые порицаются въ Библіи, какъ напр. Каинъ, Исавъ, содомитяне, Корей и др.; что единственно истинный апостолъ былъ Іуда Искаріотъ, который предалъ своего Учителя потому, что зналъ, что послѣдствіемъ этого будетъ избавленіе человѣка отъ деміурга, и оставилъ свое собственное евангеліе, которымъ, будто бы, обладали именно каиниты! Iren. i, xxxi, 1: Epiph. xxxviii.

2) Это послѣднее воззрѣніе называлось докетизмомъ (отъ δοκέω—„казаться“). Особая секта докетовъ возникла въ срединѣ втораго столѣтія; но терминъ этотъ вообще употреблялся для обозначенія *мнѣнія*, какъ содержимаго сообща различными сектами.

что предавался распущенности и безнравственности [1]. Тотъ же самый взглядъ на злую сущность матеріи приводилъ къ отрицанію воскресенія тѣла. Гностики не могли допускать никакого другаго воскресенія, кромѣ духовнаго; цѣлью ихъ философіи было освобождать духъ отъ его грубой и матеріальной темницы при смерти; душа совершеннаго гностика, уже воскресши въ крещеніи, должна была проникнуть въ лоно Божіе, причемъ такія души, которыя еще не имѣли полнаго совершенства, должны были достигнуть его въ теченіе цѣлаго ряда переселеній. Борьба между добромъ и зломъ (какъ они учили) должна была закончиться побѣдою добра. Каждая искра жизни, первоначально исшедшая изъ Бога, будетъ очищена и возстановлена, и возвратится къ своему источнику и будетъ обитать съ нимъ лѣе всегда въ плиромѣ.

Послѣ этого общаго очерка гностическихъ ученій, мы можемъ приступить къ болѣе подробному разсмотрѣнію нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся между ранними еретическими системами.

I. Первымъ среди предтечей гностицизма стоитъ Симонъ, обыкновенно называемый волхвомъ или волшебникомъ, урожденцемъ самарянскаго селенія Гиттумъ, и свѣденія о немъ отчасти даются въ св. Писаніи [2]. Онъ, повидимому, учился въ Александріи и, по возвращеніи на свою родину, выступилъ съ высокими духовными притязаніями, „выдавая себя за кого то великаго“, и вообще признавался со стороны самарянъ въ качествѣ „великой силы Божіей“ [3]. Симонъ принадлежалъ къ разряду не рѣдкихъ въ его время искателей приключеній, которые особенно выдавались жаждой сноситься съ высшимъ міромъ, каковая жажда въ то время сильно чувствовалась всѣми. Ихъ ученіе состояло изъ смѣси греческихъ и восточныхъ понятій; они приписывали себѣ тайны и откровенія, занимались искусствомъ заклинанія и гаданія, и во многихъ изъ нихъ, повидимому, сознательный обманъ связывался съ самообманомъ и суевѣрнымъ легковѣріемъ. Принятіе Симономъ крещенія и его попытка купить право давать Духа Святаго могутъ быть истолкованы въ смыслѣ его признанія, что апостолы, чрезъ знаніе высшихъ тайнъ или чрезъ связь съ высшими существами, обладали въ большей степени тою же самою богодарованною силою, на какую онъ и самъ заявлялъ притязаніе. Чувство благоговѣйнаго страха, которымъ онъ пораженъ былъ вслѣдствіе укора и увѣщанія ап. Петра, повидимому сохранялось въ немъ не долго.

---

[1] Карпократіане считали для себя долгомъ „пройти чрезъ всѣ роды дѣйствій“ (Iren. i, xxv, 4). Какъ противъ аскетизма, такъ и противъ чувственности гностиковъ см. *Clem. Alex.* Strom. i, iii.

[2] *Just. Mart.* Apol. I, 26.

[3] Дѣян. VIII, 9, 10.

Впослѣдствіи, какъ разсказываетъ преданіе, онъ странствовалъ по различнымъ странамъ, избирая особенно тѣ, которыхъ еще не достигло евангеліе, и стараясь занять почву своей собственной системой, въ которую введено было теперь имя Христа. Въ Тирѣ онъ купилъ себѣ красивую проститутку, по имени Елену, которая сдѣлалась спутницей ему въ странствованіяхъ [1]; въ царствованіе Клавдія, онъ отправился въ Римъ, гдѣ пріобрѣлъ большую извѣстность, такъ что въ честь его воздвигнута была статуя на островѣ Тибра [2]. Тамъ онъ вступалъ въ споръ съ апп. Петромъ и Павломъ (обстоятельство, которое, если оно дѣйствительно, должно быть относимо къ позднѣйшему посѣщенію въ царствованіе Нерона), пытался летать по воздуху и былъ носимъ дружественными ему демонами, пока, по молитвѣ ап. Петра, не упалъ на землю, и вскорѣ потомъ умеръ частью отъ полученнаго поврежденія при паденіи и частью отъ досады на понесенную имъ неудачу [3]. Какъ, очевидно, ни маловѣроятны отдѣльныя части этого разсказа, однако же возможно, что сказанія эти вообще имѣли какое нибудь основаніе. Нѣтъ достаточныхъ основаній отрицать, что Симонъ посѣщалъ Римъ и вступалъ тамъ въ пренія съ двумя великими апостолами, и даже разсказъ о его летаніи могъ возникнуть вслѣдствіе попытки, которую дѣйствительно дѣлалъ одинъ греческій авантюристъ въ царствованіе Нерона [4].

Симонъ будто бы училъ, что Богъ существуетъ отъ вѣчности въ глубинѣ неприступнаго свѣта; что отъ Него произошла мысль или понятіе Его души (Эннія); что отъ Бога и Энніи истекли последовательными поколѣніями четы мужскихъ и женскихъ эоновъ. Эннія, исходя изъ плиромы, произвела множество ангеловъ, которыми созданъ былъ міръ; и ангелы, не зная о Богѣ и не желая признавать никакого виновника своего бытія, возстали противъ родительницы, подвергли ее различнымъ оскорбленіямъ и заключили ее въ послѣдовательный рядъ вещественныхъ тѣлъ. Такъ, въ одно время она одушевляла форму прекрасной жены Менелая, и наконецъ нашла себѣ убѣжище въ тѣлѣ тирской Елены, спутницы Симона. Сама Эннія постоянно оставалась чистымъ духовнымъ веществомъ, какъ и сначала; оскверненіе и униженіе лицъ, въ которыхъ она обитала, относилось только къ ихъ матеріальнымъ тѣламъ и составляло часть тѣхъ угнетеній, которымъ подвергался божественный эонъ [1]).

---

[1] Iren. I, xiii, 2 Hippolyt. VI, 14

[2] Первымъ источникомъ для этого служитъ Іустинъ Мученикъ, который свидѣтельствуетъ (Apol. I, 26, 56), что статуя носила надпись: Simoni Deo Sancto. Въ 1373 году въ томъ же самомъ мѣстѣ открытъ былъ обломокъ съ надписью, начинавшеюся словами: Semoni Sanco Deo; и съ того времени вообще предполагаютъ, что Іустинъ, будучи не вполнѣ знакомъ съ латинскимъ языкомъ, зная мало о римской миѳологіи и предзанятый мыслью о Симонѣ волхвѣ, смѣшалъ его съ Semo Sancus, сабинскимъ божествомъ, которое отождествлялось съ Геркулесомъ и которому былъ храмъ на островѣ, гдѣ найдена эта надпись. Герике и др. однакоже поддерживаютъ правильность свидѣтельства Іустина.

[3] Апост. Пост. VI, 9; *Theodoret*. Haer, I, i. Симонъ также выступаетъ въ лжеклементиновыхъ Recognitiones. Св. Ипполитъ говоритъ, что онъ завѣщалъ своимъ ученикамъ похоронить его, говоря имъ, что онъ воскреснетъ на третій день, но что онъ никогда не появлялся вновь, „ибо онъ не былъ Христосъ“ (VI, 20).

[4] *Sueton*. Ner. 12; Juvenal, III, 70.

Что касается характера, который приписывалъ себѣ самому Симонъ, то въ этомъ отношеніи имѣются различныя свидѣтельства. По одному, онъ провозглашалъ себя верховнымъ Богомъ, который (по Симону) открылъ себя самарянамъ какъ Отецъ, іудеямъ какъ Сынъ и язычникамъ какъ Духъ Святой [2]). Но вѣроятнѣе предполагать, что, называя себя великой силой Божіей, онъ хотѣлъ отождествлять себя съ главнымъ мужскимъ эономъ своей системы.

Онъ училъ, что человѣкъ находился въ подчиненіи ангеламъ, создавшимъ міръ; что не только Моисеевъ завѣтъ и ветхозавѣтныя пророчества исходили отъ этихъ ангеловъ, но и принятыя различія между истиннымъ и ложнымъ были изобрѣтены ими съ цѣлью содержанія человѣчества въ рабствѣ [3]), и слѣдовательно тѣ, которые вѣровали въ Симона и Елену не имѣли надобности заботиться о соблюденіи какихъ нибудь нравственныхъ правилъ, такъ какъ они могли спастись не дѣлами праведности, а благодатью. Симонъ заявлялъ, что самъ онъ сошелъ съ высочайшаго неба съ цѣлью избавленія Энніи—„погибшей овцы“, какъ онъ называлъ ее [4]), отъ оскорбленія ея плотской темницы, равно какъ съ цѣлью откровенія себя людямъ и избавленія ихъ отъ ига ангеловъ. Проходя различныя сферы, онъ въ каждой принималъ особую форму, и на землѣ онъ явился въ видѣ человѣка [5]). Онъ былъ тотъ самый эонъ, который извѣстенъ былъ какъ Іисусъ, Мессія. Исторію жизни и смерти Спасителя онъ объяснялъ докетически [6]). Воскресеніе тѣла онъ отрицалъ; но такъ какъ душа, по своемъ освобожденіи, должна проходить чрезъ различныя сферы на своемъ пути къ плиромѣ, и такъ какъ ангелы этихъ сферъ имѣли возможность воспрепятствовать ея полету, то необходимо было умилостивлять ихъ, какъ они ни были злы сами по себѣ, жертвоприношеніями [7]).

По свидѣтельству св. Епифанія, Симонъ говорилъ, что Елена — духъ святой [8]). Такъ какъ затѣмъ, по его ученію, это лицо божества просвѣщало язычниковъ (не въ христіанскомъ, однако же, смыслѣ, но посредствомъ греческой философіи), то Елена такимъ образомъ отождествлялась съ греческой богиней мудрости и изображалась и боготворилась въ видѣ Минервы, между тѣмъ какъ самъ Симонъ принималъ подобныя же почести подъ видомъ Юпитера [1]. Послѣдователи Симона раздѣлялись на различныя секты, которыя, будто бы, предавались некромантіи и другимъ волшебствамъ, и осуществляли въ жизни его ученіе о безразличіи дѣйствій [2]. Іустинъ Мученикъ свидѣтельствуетъ, что въ его время (около 140 года) Симону поклонялись, какъ главному Богу, почти всѣ самаряне, и онъ имѣлъ приверженцевъ и въ другихъ странахъ [3]. Но ересь эта пала столь быстро, что Оригенъ около столѣтія спустя спрашивалъ, имѣла ли она во всемъ мірѣ хотя бы 30 послѣдователей [4].

---

[1]) Iren. I, xxiii, 2.

[2]) Iren. I, xxiii, 1; *Epiph.* Haer. xxi, 1.

[3]) Iren. I, xxiii, 3; Hippol. vi, 19.

[4]) Iren. I, xxiii, 2; Hippol. vi, 19.

[5]) Iren. I, xxiii, 3; Hippol. vi, 19; Epiph. xxi, 2, 3.

[6]) Epiph. xxi, 1.

[7]) *Tertul.* De Praescr. 33.

[8]) xxi, 1.

II. Минуя Менандра [5] (ученіе котораго было не настолько отлично отъ ученія его учителя Симона, чтобы требовать отдѣльнаго разсмотрѣнія) и николаитовъ (касательно которыхъ ничего неизвѣстно съ достовѣрностью, кромѣ обличенія ихъ въ Апокалипсисѣ) [6], слѣдующимъ выдающимся именемъ, съ которымъ мы встрѣчаемся, является имя Керинѳа, выдвинувшагося въ царствованіе Домиціана.

Керинѳъ былъ родомъ изъ Іудеи и, получивъ образованіе въ Александріи, выступилъ въ качествѣ учителя въ своей собственной странѣ; но въ позднѣйшее время онъ удалился въ Ефесъ, какъ бывшій болѣе благопріятнымъ мѣстомъ для распространенія его мнѣній [7]. Ап. Іоанну, которому приходилось встрѣчаться съ отцемъ ереси въ первые дни распространенія евангелія, суждено было бороться и съ Керинѳомъ въ церкви, которою онъ долго руководилъ; какъ въ его евангеліи, такъ и въ его посланіяхъ есть ясныя указанія на заблужденія этого ересіарха.

Въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ Керинѳъ ограничивался ролью учителя, не заявляя лично притязаній на какое нибудь мѣсто въ своей системѣ. Это было звено между противоположными системами іудейства и гностицизма и повидимому страдало внутреннимъ противорѣчіемъ, хотя мы и не имѣемъ возможности судить, какъ изобрѣтатель пытался согласить ея элементы. Онъ училъ, что міръ созданъ былъ ангеломъ, отдаленнымъ отъ верховнаго Бога, ограниченнымъ въ способностяхъ и въ знаніи, незнающимъ верховнаго Бога и однако же несознательно служащимъ Ему. Этому ангелу и другимъ того же рода Керинѳъ приписывалъ законы и пророковъ. Ветхій завѣтъ поэтому въ Керинѳовой системѣ считался не зломъ, но несовершеннымъ и соподчиненнымъ. Природа деміурга установила уровень, выше котораго не могла подниматься масса іудейскаго народа; но избранные между ними достигали и высшаго знанія [1]. Іисусъ изображался какъ дѣйствительный человѣкъ, рожденный обычнымъ способомъ отъ Іосифа и Маріи, вслѣдствіе своей великой преданности избранный Богомъ быть Мессіей; эонъ Христосъ сошелъ на Него во время Его крещенія, открывая Ему Всевышняго и надѣляя Его силою творенія чудесъ съ цѣлью подтвержденія Его ученія. Деміургъ, завидуя такому вмѣшательству въ его владычество, возбудилъ іудейскихъ правителей преслѣдовать Іисуса, но предъ распятіемъ эонъ Христосъ возвратился въ плирому. Нѣкоторые говорятъ, что Керинѳъ допускалъ воскресеніе Іисуса; другіе—что онъ ожидалъ его совершенія въ началѣ тысячелѣтняго царства, когда человѣческое тѣло опять возсоединится съ Христомъ небеснымъ [2]. Въ виду несомнѣнности того, что Керинѳъ допускалъ воскресеніе тѣла, онъ такимъ образомъ не могъ раздѣлять гностическихъ воззрѣній касательно врожденности зла въ матеріи.

---

[1] Iren. I, xxiii, 4; Hippol. vi, 20 (быть можетъ теперь вѣрнѣе сказать: Аѳина и Зевсъ 1873 г.).

[2] Iren. I, xxiii, 4.

[3] Apol. I, 26.

[4] Contr. Cels. i, 57; vi, 11.

[5] См. *Just. Mart.* Apol. i, 26; Iren. I, xxiii, 5; *Epiph.* Haer. xxii.

[6] ii, 15. См. *Clem. Alex.* Strom. iii. 4, 522; *Epiph.* Haer. xxv.

[7] *Theodoret.* Haer. ii, 3.

Хотя Христосъ открылъ истинно духовное іудейство, однако же эта внѣшняя подготовительная система должна была отчасти продержаться въ теченіе настоящаго несовершеннаго состоянія вещей; Керинѳъ поэтому требовалъ соблюденія такихъ іудейскихъ обрядовъ, которые освятилъ самъ Іисусъ совершеніемъ ихъ. Единственною частью Новаго Завѣта, которую онъ принималъ, было искаженное евангеліе отъ Матѳея [3].

Керинѳу приписывали и ученіе о земномъ царствованіи Христа съ Его святыми въ теченіе тысячи лѣтъ, и приэтомъ утверждали, что его понятія о тысячелѣтнемъ блаженствѣ были грубо чувственны. Эти завѣренія однако же (основывающіяся на свидѣтельствѣ Гаія, Римскаго пресвитера, писавшаго около 210 года) [4] подвергаются сомнѣнію. Мнѣнія касательно тысячелѣтняго царства, скоро получившія распространеніе въ церкви, повидимому исходили не отъ Керинѳа, и что отнесеніе ихъ къ столь худому источнику было только полемическимъ пріемомъ съ цѣлью набросить тѣнь на нихъ. Даже если нравственность Керинѳа была столь худою, какъ изображаютъ ее его противники, мы всетаки не можемъ предполагать, чтобы онъ соединялъ понятіе распутныхъ наслажденій съ царствомъ блаженства, главою котораго долженъ былъ быть Христосъ.

---

[1] Iren. I, XXVI, 1.
[2] Iren. I, XXVI, 1. *Epiph.* Haer. XXVIII, 1; *Theodoret.* Haer. II, 3.
[3] Epiph. XXVIII, 5.
[4] Ap. Euseb. II, 28.

III. Въ то время, какъ гностики, проникнутые идеями обширности и сложности, составляющими отличительную черту восточныхъ религій, смотрѣли на христіанство свысока, какъ на слишкомъ простое, оно должно было бороться также и съ врагами другаго рода. Очень рано мы уже находимъ и слѣды іудейской тенденціи, и хотя тотъ средній путь, который подъ водительствомъ св. Духа (Дѣян. xv) былъ принятъ соборомъ Іерусалимскимъ, имѣлъ цѣлію именно примирить разногласіе, возникшее касательно обязательности Моисеева закона для тѣхъ, которые принимали вѣру Христову, на противодѣйствія со стороны іудейства часто указывается въ книгахъ Новаго Завѣта.

Это іудейство наконецъ выразилось въ появленіи различныхъ сектъ. Названіе назарянъ, первоначально прилагавшееся ко всѣмъ христіанамъ, стало особенно прилагаться къ партіи, которая поддерживала, что законъ былъ обязателенъ для христіанъ іудейскаго племени, хотя и не хотѣла дѣлать его обязательнымъ для язычниковъ; причемъ настаивавшіе на его всеобщей обязательности назывались евіонитами. Назаряне вообще, повидимому, считались православными [1]) и признавались таковыми со стороны церкви, евіониты же безспорно были еретиками.

Названіе послѣдней секты различно производилось то отъ имени ея предполагаемаго основателя, то отъ еврейскаго слова, означающаго „бѣдный“ [2]). Существованіе Евіона теперь вообще не признается; но остается вопросъ, какъ названіе „бѣдный“ могло быть придано этой сектѣ,—дано ли оно было ей ея противниками съ намекомъ на бѣдность и нищенскій характеръ ея ученія [3]), или оно принято было самими сектантами въ знакъ своей добровольной бѣдности и съ намекомъ на блаженство „нищихъ духомъ“ [4]). Происхожденіе секты, какъ такой, нѣкоторые относятъ къ царствованію Домиціана или еще раньше. Другіе предполагаютъ, что отдѣленіе какъ евіонитовъ, такъ и назарянъ, отъ церкви произошло уже въ 136—138 г., и что отпаденіе это вызвано было принятіемъ языческихъ обычаевъ въ церкви Іерусалимской; причемъ, по третьему воззрѣнію, расколъ евіонитовъ связывается съ свидѣтельствомъ Егезиппа 1), что нѣкій Ѳебутисъ, разочаровавшись въ своемъ домогательствѣ епископства въ Іерусалимѣ, началъ развращать церковь, по каковому предположенію, евіонитство должно бы относиться къ 107 году 2).

---

[1]) Въ началѣ по крайней мѣрѣ, хотя они и не соглашались съ церковью въ ея позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ и опредѣленіяхъ ученія. Они существовали до пятаго столѣтія.

[2]) Оригенъ даетъ еврейское производство (De Princip. iv, 22; Contr. Cels. ii, 1). Тертуліанъ самый ранній писатель, который говоритъ объ Евіонѣ, какъ личности (De Praescr. 33).

[3]) Euseb. iii, 27.

[4]) Гизелеръ думаетъ, что оно первоначально презрительно давалось іудеями всѣмъ христіанамъ.

Въ противоположность гностикамъ, евіониты учили, что міръ былъ созданіемъ самого Бога 3). Что касается личности Христа, то хотя нѣкоторые изъ нихъ будто бы допускали Его чудесное рожденіе, отрицая въ то же время Его божество и Его предсуществованіе, то они по большей части предполагали, что Онъ простой человѣкъ, сынъ Іосифа и Маріи, и избранъ былъ стать Мессіей и Сыномъ Божіимъ потому, что Онъ только одинъ изъ людей исполнилъ законъ 4). Они вѣрили, что Его высокое назначеніе было неизвѣстно Ему, пока при крещеніи оно не открыто было Ему Иліей, въ лицѣ Іоанна Крестителя 5), и что Онъ затѣмъ получилъ небесное 6) вдохновеніе, которое оставило Его опять предъ распятіемъ 7).

Евіониты, повидимому, раздѣлялись въ своихъ воззрѣніяхъ на ветхій завѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ предполагали, что христіанство отличается отъ закона только прибавленіемъ извѣстныхъ чертъ; между тѣмъ другіе считали его возстановленіемъ подлинной Моисеевой системы, которая будто-бы искажена была въ еврейской Библіи. Эти болѣе передовые члены секты считали Моисея единственно истиннымъ пророкомъ; они отвергали не только позднѣйшія іудейскія преданія, но и весь Ветхій Завѣтъ, исключая Пятокнижія; и даже его не считали произведеніемъ самого Моисея, приписывая его слушателямъ Моисея, которые намѣренно или по невѣжеству исказили его слова. Они находили въ этомъ предлогъ для отверженія всего того, что не совпадало съ ихъ собственными началами 8). Изъ Новаго Завѣта они не допускали ни одной книги, кромѣ еврейскаго Евангелія св. Матѳея, въ которомъ опущено было повѣство-

---

1) Ap. Euseb. iv, 22.

2) Таково мнѣніе Гизелера, который показываетъ (i, i, 130), что епископъ, которому Ѳебутисъ желалъ слѣдовать, былъ вѣроятнѣе Симеонъ, чѣмъ Іаковъ Праведный.

3) Iren. i, xxvi, 2.

4) Hippol. vii, 34.

5) Такъ мысль, которую іудеи этого времени имѣли касательно своего ожидаемаго Мессіи (*Just. Mart.* Dial. c. Tryph., 8), была перенесена на дѣйствительнаго Спасителя.

6) Iren. v, i, 3; *Epiph.* Haer. xxx, 2. Въ евангеліи евіонитовъ голосъ съ неба при крещеніи Спасителя, будто-бы, произнесъ слова: «Ты Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Мое благоволеніе..... Я *сей день* родилъ Тебя».

7) *Orig.* contr. Cels, V, 61; *Theodoret.* Haer. ii, 1. Гизелеръ предполагаетъ, что Оригенъ, говоря о различіи между евіонитами, въ этомъ пунктѣ разумѣетъ подъ этимъ названіемъ и назарянъ (I, ii, 131). Шлиманъ и др. разумѣютъ здѣсь это различіе между двумя классами евіонитовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

8) Epiph. xxx, 18.

ваніе о рожденіи Спасителя. Большее значеніе они придавали апокрифическимъ сочиненіямъ, но особенно враждебно относились къ ап. Павлу ¹).

Хотя позднѣйшимъ евіонитамъ приписывалась нѣкоторая испорченность нравственности ²), жизнь сектантовъ въ раннее время была несомнѣнно строгою. Нѣкоторыя партіи среди нихъ отвергали всякую собственность и воздерживались не только отъ мяса животныхъ, но и отъ ихъ произведеній, какъ яицъ и молока ³). Въ своемъ богослуженіи и устройствѣ они принимали іудейскіе обряды и термины, совершали обрѣзаніе и обрядовыя омовенія, строго соблюдали іудейскую субботу и имѣли синагоги, правителей и т. п. Они совершали евхаристію съ опрѣсноками и употребляли только воду въ чашѣ ⁴). Подобно керинѳянамъ, они содержали ученіе о земномъ царствѣ Христа, который имѣлъ сдѣлать Іерусалимъ сѣдалищемъ своего могущества, покорить всѣхъ и придать Іудейскому царству невиданный дотолѣ блескъ.

Евіонитство продолжало существовать въ Сиріи и Персіи до конца четвертаго столѣтія.

IV. Менандръ, упомянутый выше въ качествѣ преемника Симона волхва, по преданію былъ учителемъ двухъ извѣстныхъ еретиковъ, которые могутъ быть считаемы основателями одинъ сирійскаго, а другой александрійскаго гностицизма—именно Сатурнина и Василида ⁵).

Сатурнинъ, родившійся въ Антіохіи и тамъ основавшій свою школу, училъ, что верховный 110—134 г. Богъ или „невѣдомый отецъ“ произвелъ множество духовныхъ существъ; что на низшей ступени духовнаго міра, близь предѣловъ, отдѣляющихъ царство свѣта отъ хаоса матеріи, было семь ангеловъ, правителей планетъ, и что эти ангелы взяли часть изъ вещественной массы и преобразили ее въ міръ, страны котораго они раздѣлили между собою, причемъ Богъ іудеевъ былъ ихъ главою ⁶). Свѣтлый образъ, ниспущенный на время изъ отдаленнаго источника свѣта и затѣмъ взятый опять, возбудилъ въ нихъ новыя желанія и намѣренія: будучи не въ состояніи схватить и взять блестящій образъ, они постарались образовать человѣка по его подобію; но ихъ созданіе способно было только ползать по землѣ, подобно червю, пока Отецъ, сжалившись, не послалъ ему искру своей собственной божественной жизни ⁷). Но въ противоположность избранному роду,

---

[1] Iren. I, XXVI, 2; Epiph. XXX, 15, 16; Hieron. in Matt. XII, 2 (Patrol. XXVI).

[2] Epiph. XXX, 2.

[3] Epiph. XXX, 15, 17, 22.

[4] Iren. I, XXVI, 2, Epiph. XXX, 15, 16, 18, 21.

[5] Euseb. IV, 7.

[6] Iren. I, XXIV, 2; Hippol. VII, 28; Epiph. XXIII, 1.

[7] Iren. I, XXIV, 1; Hippol. I. c.

сатана, господинъ матеріи, съ которымъ ангелы вели постоянную войну, произвелъ нечестивый родъ, и избранные во время пребыванія въ этомъ мірѣ стали подвергаться нападеніямъ отъ него и его клевретовъ, какъ человѣческихъ, такъ и духовныхъ [1]. Ветхій завѣтъ отчасти былъ данъ семью ангелами, особенно Богомъ іудеевъ, и отчасти сатаною. Съ цѣлью избавить избранныхъ отъ ихъ враговъ, а также отъ ихъ подчиненія Богу іудеевъ и другимъ планетарнымъ ангеламъ, стремившимся основать независимое царство, Отецъ послалъ на землю эонъ Нусъ (умъ), то есть, Христа, облеченнаго въ призрачное тѣло. При кончинѣ всѣхъ вещей, по ученію Сатурнина, тѣла избранныхъ должны будутъ разложиться на свои элементы, причемъ душа опять войдетъ въ лоно невѣдомаго Отца, отъ котораго она была взята [2].

Нравственное ученіе Сатурнина было строго аскетическимъ. Онъ запрещалъ бракъ и размноженіе человѣчества [3]; но болѣе строгія правила послѣ требовались только отъ высшаго разряда среди его послѣдователей. Секта эта не выходила изъ предѣловъ Сиріи и скоро прекратила свое существованіе.

V. Василидъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ около 125 года, повидимому, подобно Сатурнину, былъ сиріянинъ; но онъ жилъ въ Александріи [4], и преобладающій характеръ его системы былъ египетскій [5]. Онъ училъ, что отъ верховнаго Бога, чрезъ послѣдовательное рожденіе, произошло семь разумностей (которыя въ дѣйствительности были олицетворенными свойствами)—разумѣніе, слово, мысль, мудрость, сила, праведность и миръ [6]. Они произвели второй рядъ духовъ; отъ втораго произошелъ третій, и ходъ истеченій продолжался до тѣхъ поръ, пока не явилось 365 классовъ, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ семи духовъ и каждый имѣлъ свое небо, причемъ каждое небо съ своими обителями было низшимъ прообразомъ для непосредственно слѣдовавшаго за нимъ высшаго. Число небесъ выражалось въ греческой передачѣ буквами слова *аврасаксъ* [7], каковое слово большинствомъ производится отъ коптскаго и объясняется въ смыслѣ *новаго слова* или *священнаго слова* [1]). Тоже самое названіе употреблялось и для обозначенія промысла, управляющаго вселенной,—не верховнаго Бога, какъ Онъ есть Самъ въ себѣ (такъ какъ Онъ представляется неизреченнымъ), но Бога, на сколько Онъ проявился, т. е. собирательной іерархіи истеченій [2]).

---

[1] Iren. I, xxiv, 1, 2.

[2] Iren. I, xxiv, 1,

[3] Hippol. l. c.; Epiph. xxiii, 2.

[4] Epiph. xxiii, 1; xxiv, 1.

[5] Ипполитъ производитъ его отъ Аристотеля (vii, 14), но послѣ говоритъ, что онъ училъ по египетски...

[6] Iren. I, ixxx, 3. Они могли быть заимствованы или отъ семи *амшаспандъ* Зороастровой религіи, или отъ семи *сефировъ* каббалы. Но такъ какъ о нихъ говорится, что они составляли вмѣстѣ съ верховнымъ существомъ первую октаву, то ихъ можно относить къ египетской системѣ, въ которой употреблялся этотъ терминъ.

[7] Iren. I, xxiv, 3; Hippol. vii, 26.

Ангелы низшаго неба (того, что видно съ земли) образовали міръ и его обитателей, по образцу, показанному имъ эономъ Софіей или Мудростью [3]). Главный ангелъ этого класса, называющійся архонтомъ или правителемъ, былъ Богъ іудеевъ, причемъ другія области міра были раздѣлены по жребію между его собратіями ангелами [4]). Вслѣдствіе стремленія архонта возвысить свой собственный народъ надъ остальнымъ человѣчествомъ, другіе ангелы возбудили язычниковъ къ враждѣ противъ іудеевъ. Пятокнижіе было дано архонтомъ, пророки исходили отъ другихъ ангеловъ [5]).

Человѣкъ получилъ отъ творческихъ ангеловъ душу, которая есть сѣдалище чувствъ и страстей, и въ добавленіе къ этому верховный Богъ даровалъ ему разумную и высшую душу, которую низшая душа постоянно старается ослабить [6]). Хотя Василидъ не можетъ быть вполнѣ названъ дуалистомъ, онъ однако же училъ, что во всей природѣ происходитъ постоянное нападеніе зла на добро, „подобно ржавчинѣ на сталь“ [7]), и что цѣль настоящаго состоянія—дать душамъ людей (которыя, какъ происшедшія отъ Бога, никогда не могутъ погибнуть, но должны возвратиться къ Нему) способность освободиться отъ зла. Знаніе Бога ослабѣло среди людей; самъ архонтъ, хотя и служившій орудіемъ верховнаго Существа въ дарованіи закона, самъ не зналъ его истиннаго характера, его духовнаго значенія и подготовительной роли, что могли понимать только духовные среди іудеевъ. Съ цѣлью поэтому просвѣтить человѣчество, освободить его отъ ограниченной системы архонта и дать ему возможность подняться къ Верховному, перворолный эонъ Нусъ или разумъ сошелъ на Іисуса, святѣйшаго изъ людей, во время Его крещенія [8]); и чрезъ это проявленіе архонтъ впервые узналъ о своемъ дѣйствительномъ мѣстѣ въ лѣстницѣ вселенной. Позднѣйшіе василидіане полагали, что онъ пришелъ въ отчаяніе отъ этого открытія, такъ что онъ внушалъ іудеямъ преслѣдовать Іисуса; но неизвѣстно, раздѣлялъ-ли это воззрѣніе самъ основатель секты, или же онъ полагалъ, что архонтъ благоговѣйно примирился съ сообщеніемъ о своемъ низшемъ положеніи [1]).

---

[1]) Слово это встрѣчалось также въ египетской миѳологіи. О камняхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ абракса, см. статью Abraxas въ энциклопедіи Герцога.

[2]) Iren. I, XXIV, 7.

[3]) Strom. IV, 13.

[4]) Epiph. XXIV, 2.

[5]) Iren. I, XXIV, 4, 7.

[6]) Strom. II, 20.

[7]) Strom. IV, 12.

[8]) Iren. I, XXIV, 4. Праздникъ крещенія Христова съ большою торжественностью соблюдался этою сектою 6 Января. Strom. I, 21.

Ученіе объ искупленіи было несовмѣстимо съ началами Василида. Онъ не допускалъ никакого другаго оправданія, кромѣ оправданія чрезъ усовершеніе въ освященіи, и заявлялъ, что каждый страдаетъ за свои собственные грѣхи. Богъ, говорилъ онъ, прощаетъ только такіе грѣхи, которые дѣлаются невольно или въ невѣденіи [2]); всѣ другіе грѣхи должны быть искуплены, и пока не совершилось искупленія, душа должна проходить подъ водительствомъ своихъ ангеловъ хранителей чрезъ одно тѣло за другимъ, не только чрезъ человѣческія тѣла, но и чрезъ тѣла низшихъ существъ [3]). Такимъ образомъ всякое страданіе, которое не можетъ быть объяснено видимой причиной, должно считаться очищеніемъ грѣха, совершеннаго въ какомъ нибудь прежнемъ существованіи, причемъ смерть невинныхъ должна считаться наказаніемъ зародышей зла, которое возникло бы, если бы жизнь ихъ продолжалась. Съ этой точки зрѣнія Василидъ объяснялъ даже страданіе самого человѣка Іисуса [4]), и такими теоріями онъ хотѣлъ оправдать промыслительное управленіе міра, касательно котораго онъ будто бы объявлялъ, что онъ „хотѣлъ бы скорѣе ничего не говорить, чѣмъ находить недостатокъ въ Промыслѣ“ [5]).

Въ то время, какъ гностики вообще смотрѣли на вѣру и знаніе, какъ противоположныя между собою, Василидъ училъ, что вѣра должна пройти чрезъ весь духовный прогрессъ, и что степени знанія возростаютъ по мѣрѣ того, какъ вѣра становится способною принимать ихъ. Онъ раздѣлялъ своихъ учениковъ на нѣсколько степеней; для допущенія въ число высшихъ послѣдователей требовалось пятилѣтнее молчаніе [6]). Доказательствами, на которыя главнымъ образомъ опирался Василидъ, были пророчества, носившія имена Хама, Пархора, Баркобы и Баркофа, вмѣстѣ съ таинственнымъ преданіемъ, которое онъ будто бы заимствовалъ у св. Матѳея и у Главкія, переводчика ап. Петра [7]). Съ Новымъ Завѣтомъ онъ обращался совершенно произвольно; онъ не отвергалъ ап. Павла, но ставилъ его ниже ап. Петра, и объявлялъ нѣкоторыя изъ приписываемыхъ ему посланій подложными.

---

[1]) Первое мнѣніе принадлежитъ древнѣйшимъ писателямъ, а второе Strom. ii, 8: Hipol. viii, 23, 26.

[2]) Strom. iv, 24.

[3]) Оригенъ на Рим. v, 1. Такъ Василидъ объяснялъ посѣщеніе грѣховъ „до третьяго и четвертаго рода“. Clem. Alex. ii, 976.

[4]) Strom. iv, 12.

[5]) Strom. l. c.

[6]) Euseb. iv, 7.

[7]) Hippol. vii, 20; Strom. vii, 17, 898—900; *Theodoret*. Haer. i, 4,

Эта система была больше распространена, чѣмъ всякая изъ предшествовавшихъ ей, и бл. Іеронимъ свидѣтельствуетъ, что она продолжала существовать даже до пятаго столѣтія [1]. Ученіе секты однако же сильно искажено было съ теченіемъ времени. Взглядъ на іудейство былъ измѣненъ, такъ что архонтъ сталъ считаться противоположнымъ верховному Богу, и вслѣдствіе этого гностикъ былъ воленъ попирать все, что исходило отъ этой низшей силы, отвергая всѣ законы нравственности [2]. Вмѣсто ученія, содержавшагося Василидомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сектантами, что эонъ, нисшедшій на Іисуса во время крещенія, оставилъ Его предъ Его распятіемъ, — введенъ былъ странный докетическій вымыселъ, что Его тѣло было призрачное, и что Онъ передалъ свое собственное тѣло Симону Киринеянину, который и пострадалъ вмѣсто Него на крестѣ, между тѣмъ какъ самъ Іисусъ подъ видомъ Симона стоялъ рядомъ и издѣвался надъ мучителями. Гностикъ, поэтому, не долженъ былъ признавать распятія, и тѣ, которые признавали его, находились еще подъ рабствомъ архонту [3]. Позднѣйшіе василидіане не смущались ѣсть идоложертвенное или принимать участіе въ языческихъ обрядахъ и празднествахъ; они отрекались отъ своей вѣры во время гоненія и издѣвались надъ мученичествомъ, какъ глупостью, такъ какъ лицомъ, за которое оно переносилось, по ихъ ученію, былъ только просто распятый Симонъ [4]. Они также предавались волшебству; тотъ, по ихъ мнѣнію, кто изучитъ всю систему, кто узнаетъ имена и происхожденіе всѣхъ ангеловъ, сдѣлается выше ихъ, станетъ невидимымъ и недосягаемымъ для нихъ [5]. Большая часть драгоцѣнностей, находимыхъ съ надписью таинственныхъ *абраксъ*, по предположенію, употреблялись сектой въ качествѣ амулетовъ или талисмановъ, хотя извѣстно, что нѣкоторые изъ этихъ символовъ чисто языческіе.

по Кору

VI. Изъ всѣхъ гностическихъ вождей наиболѣе способнымъ былъ Валентинъ; его система выдѣлялась изъ остальныхъ своею сложностью и обработанностью, и она превосходила ихъ всѣ своею популярностью.

Валентинъ, по предположенію, былъ іудейскаго происхожденія, но родомъ изъ Египта, и учился въ Александріи. Онъ, повидимому, воспитанъ былъ какъ христіанинъ или, по крайней мѣрѣ, исповѣдывалъ христіанство въ своей ранней жизни; и отсюда его ученіе, при всей его дикости, было проникнуто больше библейскимъ языкомъ и библейскими идеями, чѣмъ ученія прежнихъ гностическихъ учителей. Тертуліанъ свидѣтельствуетъ, что онъ сдѣлался ересіархомъ вслѣдствіе разочарованія въ полученіи епископской каѳедры; но неизвѣстно, въ какомъ именно періодѣ его жизни случилось это разочарованіе, и самая точность свидѣтельства вообще подвергается сомнѣнію. Около 140 года онъ былъ въ Римѣ, гдѣ, по свидѣтельству св. Иринея, оставался отъ первосвященства Гигина до первосвященства Аникета 1). Въ Римѣ, гдѣ церковь, при ея простомъ и строгомъ православіи, относилась менѣе снисходительно къ новшествамъ, чѣмъ та церковь, изъ которой вышелъ Валентинъ, онъ былъ два раза отлученъ и, по своемъ окончательномъ отлученіи, онъ удалился на островъ Кипръ, гдѣ выработалъ и сталъ проповѣдывать свою систему. Его смерть, по предположенію, имѣла мѣсто около 160 года, на островѣ-ли Кипрѣ, или въ Римѣ—неизвѣстно.

---

[1] Ep. LXXV, 3. Онъ говоритъ о ней, какъ о прозябающей въ Испаніи.

[2] Iren. I, XXIV, 5. Ириней описываетъ уже позднѣйшее василидіанство. Главнымъ источникомъ свѣдѣній о ранней системѣ служитъ Климентъ Александрійскій. Giesel. I, I, 186.

[3] Iren. I, XXIV, 4.

[4] Epiph. XXIV, 4.

[5] Iren. I, XXIV, 6.

Свое ученіе Валентинъ, повидимому, заимствовалъ изъ религій Египта и Персіи, изъ каббалы, у Платона, Пиѳагора и изъ Гезіодовой Теогоніи 2). Онъ училъ о существованіи первоначала, самосуществующаго и совершеннаго, которому придавалъ названіе Виѳосъ (т. е. неизслѣдимая глубина). Это существо, существовавшее отъ вѣчности въ покоѣ, наконецъ рѣшилось проявить себя; отъ него и Энніи, или мысли его души, которая называлась также Харисъ (благодать) или Сиги (молчаніе), произошла чета эоновъ, изъ которыхъ мужскій назывался Нусъ (умъ) или Моногенисъ (единородный), женскій эонъ—Алиѳія (истина). Отъ нихъ, при послѣдующихъ рожденіяхъ, истекли двѣ другихъ четы: Логосъ (слово или разумъ) и Зои (жизнь), Анѳропосъ (человѣкъ) и Екклесія (церковь). Такимъ образомъ составилась первая степень существъ—огдоада или октава 3). Затѣмъ, отъ Логоса и Зои произошли пять четъ эоновъ—декада; и затѣмъ отъ Анѳропоса и Екклесіи шесть четъ—додекада; такъ что всѣ вмѣстѣ составляли число 30. Кромѣ нихъ, былъ еще безбрачный эонъ, называемый Оросъ (предѣлъ) или Ставросъ (крестъ), отрасль Виѳоса и Сиги, и на обязанности его было водворять начало ограниченности и удерживать всякое бытіе въ назначенномъ ему мѣстѣ 4).

Перворродный Нусъ одинъ только былъ способенъ постигать верховнаго Отца. Другіе эоны завидовали его знанію, и настойчивость

---

1) Iren. iii, iv, 3.

2) Hippol. vi, 21 и слѣд. 37.

3) Iren. i, i. Ср. Hippol. vi, 29, 30. Полъ этихъ существъ соотвѣтствуетъ роду греческаго названія каждаго изъ нихъ.

4) Iren. ii, 2—4; iii, 5; Hippol. vi, 31. Въ подтвержденіе этой генеалогіи, валентиніане ссылались на слова ап. Павла: „во всѣ роды, отъ вѣка до вѣка, (Еф. iii, 21); и гдѣ только въ писаніи или въ литургіи встрѣчалось слово „эонъ“ они относили его къ эонамъ своей собственной системы. Iren. i, iii, 1.

ихъ желанія проникнуть въ это знаніе была пропорціональна ихъ отдаленности отъ первоисточника. Софія (мудрость), послѣдняя изъ тридцати эоновъ, исполненная неудержимой жажды знанія, вышла изъ плиромы съ намѣреніемъ подняться къ первообразу своего бытія; но ей уже угрожала опасность быть поглощенною въ безконечности природы или затеряться въ безграничномъ внѣшнемъ пустомъ пространствѣ, какъ Оросъ привелъ ее назадъ къ той области, которую она столь неразумно оставила ¹). Тогда Нусъ, по промышленію Виѳоса, произвелъ новую чету эоновъ—Христа и Св. Духа ²). Христосъ училъ старѣйшихъ эоновъ, что Виѳосъ непостижимъ, что они могли познать его только чрезъ единороднаго, и что счастіе бытія заключается въ удовлетвореніи тою мѣрою свѣта, которая назначена для каждаго; Духъ установилъ равенство между ними и училъ ихъ вмѣстѣ прославлять Верховнаго. Гармонія такимъ образомъ была возстановлена, и всѣ эоны общими силами произвели Іисуса (или Спасителя), цвѣтокъ плиромы, одаренный каждымъ изъ нихъ самымъ драгоцѣннымъ даромъ, какой только каждый могъ удѣлить. Вмѣстѣ съ Нимъ было произведено также множество служащихъ ангеловъ ³).

Но въ то время, какъ Софія находилась на своемъ полетѣ за предѣлами плиромы, отъ ея желанія, безъ содѣйствія ея супруга Ѳелетоса (воли), родилось недоношенное, безформенное и несовершенное существо, названное Ахамоѳою ⁴). Это существо оставалось выключеннымъ изъ плиромы и находилось во тьмѣ кромѣшной; но Христосъ, сжалившись надъ нимъ, даровалъ ему форму и показалъ ему на одинъ мигъ отблескъ небеснаго свѣта. Ахамоѳа старалась приблизиться къ этому свѣту, но была отогнана Оромъ ⁵). Вслѣдствіе этого она охвачена была сильнымъ волненіемъ: то она смѣялась при воспоминаніи о славномъ видѣніи, то плакала о своемъ недопущеніи къ свѣту. Ея ощущенія вліяли на инертную и безформенную массу матеріи ⁶); вслѣдствіе ея обращенія къ источнику свѣта, произошло душевное существованіе; отъ ея скорби, вслѣдствіе пребыванія во тьмѣ и пустотѣ, отъ ея страха, чтобы жизнь ея не отнята была отъ нея, какъ отнятъ былъ свѣтъ, произошло вещественное существованіе. Среди веществен-

---

¹) Iren. I, II, 1, 2.

²) Iren. I, II, 5.

³) Iren. I, II, 5, 6; Tertul. adv. Valent., 12; Hippol. VI, 52. Ириней приравниваетъ разсказъ о валентіанскомъ Іисусѣ къ языческой баснѣ о Пандорѣ (II, XIV, 5)

⁴) То есть мудрость, отъ евр. הָחָכְמוֹת. Названіе это заимствовано изъ кабаллы. Ахамоѳа называется также ἐνθύμησις и отличается отъ ея матери, какъ низшая мудрость ἡ κάτω σοφία (Giesel. I, I,188).

⁵) Iren. I, II, 3; Tertul. Adv. Valent, 13, 14.

⁶) Матерія въ этой системѣ изображается не какъ дѣятельное зло, но какъ инертное и отрицательное κένωμα (пустота), въ противоположность πλήρωμα (полнотѣ).

ныхъ произведеній были сатана и его ангелы; среди душевныхъ былъ деміургъ. Ахамоѳа обращается съ мольбою къ Христу, который посылаетъ ей эона—Іисуса, сопровождаемаго своими ангелами и снабженнаго могуществомъ всей плеяды. Іисусъ озаряетъ ее и успокоиваетъ ея волненіе; отъ блеска Его ангеловъ она зачинаетъ и рождаетъ духовное бытіе [1]). Деміургъ приступаетъ къ обработкѣ окружающаго хаоса, отдѣляетъ душевные элементы отъ вещественныхъ и изъ первыхъ создаетъ семь небесъ, изъ которыхъ высочайшее есть его собственная область, причемъ каждое изъ другихъ поручено верховному ангелу. Затѣмъ онъ создаетъ человѣка, снабжая его душой и тѣломъ; но Ахамоѳа, безъ вѣдома деміурга, насаждаетъ въ новомъ твореніи искру духовной природы; и творецъ и его ангелы чрезвычайно изумились, замѣтивъ, что ихъ произведеніе имѣетъ въ своемъ существѣ нѣчто высшее, чѣмъ они сами.

Деміургъ вслѣдствіе этого дѣлается завистливымъ къ человѣку. Онъ подчиняетъ его строгому и стѣснительному закону, и когда человѣкъ нарушаетъ этотъ законъ, онъ низвергаетъ его съ третьяго неба или рая на землю и облекаетъ его душевное тѣло „въ кожаную одежду“, то есть, плотскую темницу, подвергая человѣка узамъ матеріи (такъ именно Валентинъ объяснялъ Быт. iii, 21). Все это однако же случилось по промышленію Всевышняго, по намѣренію котораго духовный элементъ, войдя въ міръ вещественный, долженъ былъ сдѣлаться средствомъ его разрушенія [2]).

Деміургъ не зналъ ничего выше себя; онъ дѣйствовалъ какъ орудіе Виѳоса, но не сознательно, и предполагая себя первообразомъ вселенной, онъ внушилъ іудейскимъ пророкамъ провозглашать себя единственнымъ Богомъ. Въ писаніяхъ пророковъ вслѣдствіе этого Валентинъ полагаетъ различіе между тѣмъ, что они изрекали по вдохновенію ограниченнаго деміурга, и тѣмъ, что они, сами не зная того, извлекали изъ высшаго источника [3]). Деміургъ научалъ пророковъ предсказывать о Мессіи согласно съ его собственными понятіями; онъ облекъ этого душевнаго Мессію душевнымъ и невещественнымъ тѣломъ, способнымъ совершать человѣческія дѣйствія, но свободнымъ отъ человѣческихъ чувствъ; и къ этимъ элементамъ, безъ вѣдома его создателя, была присоединена духовная душа изъ высшаго міра. Этотъ „низшій Христосъ“ былъ рожденъ отъ дѣвы Маріи, пройдя чрезъ нее, „какъ вода чрезъ трубу“, не заимствуя ничего отъ ея существа; Онъ ѣлъ и пилъ, но никакого питанія не извлекалъ изъ своей земной пищи [4]). Въ теченіе 30 лѣтъ (таковой періодъ соотвѣтствовалъ числу обитателей плиромы) онъ жилъ какъ образецъ аскетической праведности, пока во время Его крещенія не сошелъ на Него эонъ Іисусъ, съ цѣлью исполнить самое возвышенное назначеніе пророчества, котораго не понималъ деміургъ; и тогда деміургъ узналъ о высшемъ духовномъ мірѣ и съ радостью сдѣлался орудіемъ водворенія царства Мессіи [1].

---

[1]) Iren. i, iv. Tertul. 22. Ср. Hippol. vi, 32.

[2]) Strom. iii, 14.

[3]) Iren. i, v, 3; vii, 3.

[4]) Iren. i, vi, 1; Strom. iii, 7. Ипполитъ говоритъ, что въ то время, какъ ва-

Валентинъ раздѣлялъ людей на три класса, представляемыхъ относительно Каиномъ, Авелемъ и Сиѳомъ: матеріальныхъ, которые не могли достигнуть знанія или спастись; духовныхъ, которые не могли погибнуть, и душевныхъ, которые не могли спастись или погибнуть, смотря по дѣламъ ихъ [2]. Язычество представляло собою классъ матеріальный, іудейство и церковное христіанство—душевный, и гностицизмъ—духовный; но приэтомъ не отрицалось, что отдѣльныя личности могли быть выше или ниже уровня системъ, къ которымъ они принадлежали. Среди іудеевъ въ особенности, по мнѣнію Валентина, всегда былъ классъ возвышенныхъ духовныхъ натуръ, которыя поднимались выше предѣловъ ветхаго завѣта. Деміургъ признавалъ высшее достоинство таковыхъ и награждалъ ихъ тѣмъ, что дѣлалъ ихъ пророками и царями, причемъ въ невѣденіи воображалъ, что добродѣтельность ихъ истекала отъ него самого.

Чистая истина впервые была открыта человѣчеству пришествіемъ Христа. Для духовныхъ людей Его посланничество имѣло своею цѣлью просвѣщеніе, ихъ природа родственна плиромѣ, и они могутъ войти въ нее чрезъ знаніе, соединяющее ихъ съ Христомъ. Но для душевныхъ людей необходимо было иное искупленіе, и оно было совершено страданіемъ душевнаго Мессіи, который предъ своимъ распятіемъ былъ оставленъ не только эономъ Іисусомъ, но и своею собственною духовною душою [3]. Валентинъ поэтому отличался отъ Василида и другихъ допущеніемъ своего рода искупленія; но его ученіе въ этомъ пунктѣ весьма не похоже на ученіе церкви, насколько онъ не признавалъ истиннымъ ни божества, ни человѣчества Спасителя.

Христосъ, по ученію Валентина, входитъ въ единеніе со всѣми, чтобы каждый могъ подняться до блаженства, доступнаго каждому по его способности. Во время крещенія душевный классъ людей получаетъ прощеніе своихъ грѣховъ вмѣстѣ съ знаніемъ и способностью господствовать надъ прирожденными имъ вещественными элементами; между тѣмъ какъ духовные освобождаются отъ господства деміурга, водворяются въ плирому и каждый вступаетъ въ содружество съ соотвѣт-

---

лентиніане Италіи считали тѣло Христа душевнымъ, валентиніане востока признавали его духовнымъ (vi, 36).

[1] Iren. i, vii, 2—4.

[2] Iren. i, vi, 1; vii, 5; Epiph. xxxi, 7. Excerpta ex Theodoto, 54.

[3] Iren. i, vii,2.

ствующимъ ангельскимъ существомъ въ высшемъ мірѣ [1]. Пути этихъ двухъ классовъ должны были быть совершенно отличны. Для душевныхъ необходима была вѣра, и съ цѣлью произвести ее требовались чудеса, но духовные стояли выше потребности въ такихъ пособіяхъ: они могли спасаться не вѣрою, но знаніемъ,—ученіе, которое между позднѣйшими валентиніанами сдѣлалось оправданіемъ всякаго рода распущенности [2]. Буквальный смыслъ св. Писанія предназначался для душевныхъ, которые не способны были проникнуть выше его; но духовные допускались и къ разумѣнію высшаго смысла—„мудрости совершенныхъ“ [3].

При окончательномъ завершеніи всего, когда духовные болѣе усовершенствуются въ знаніи, когда всѣ сѣмена божественной жизни среди человѣчества будутъ избавлены отъ рабства матеріи, Ахамоѳа, мѣсто которой теперь находится въ средней области между плиромой и высочайшимъ небомъ деміурга [4], войдетъ въ плирому и соединится съ небеснымъ женихомъ Іисусомъ. Созрѣвшія духовныя натуры, сбрасывая все, что есть несовершеннаго, и возвращая свои души деміургу, который далъ ихъ, отправятся въ плирому, и каждая соединится съ своимъ ангельскимъ сочленомъ. Деміургъ поднимется изъ своего собственнаго неба въ среднюю область, гдѣ онъ будетъ царствовать надъ душевными праведниками. Тогда возгорится огонь, теперь скрывающійся въ области міра, и уничтожитъ все, что есть вещественнаго.

Валентиніанова система казалась правдоподобною въ глазахъ христіанъ, насколько она не только пользовалась изреченіями по большей части библейскаго характера, но и принимала всѣ книги св. Писанія, хотя и склонна была устранять ихъ значеніе самыми насильственными перетолкованіями [5]. Евангеліе отъ Іоанна считалось этою сектою высшимъ по своему авторитету; но ключъ къ истинному ученію, будто бы, извлекался изъ тайнаго преданія отъ св. Матѳія и отъ нѣкоего Ѳевды, который считался ученикомъ ап. Павла [6]. Посвященіе въ таинства секты было постепеннымъ; Ириней говоритъ, что они раскрывались только такимъ лицамъ, которыя щедро платили, и Тертулліанъ съ саркастическимъ юморомъ описываетъ тотъ способъ, которымъ эти сектанты обманывали любопытство всѣхъ тѣхъ, кто пытался проникнуть выше той степени знанія, которую считалось возможнымъ довѣрить имъ [7]. Послѣ смерти своего основателя, валентиніане подверглись обычнымъ раздѣленіямъ и испорченности; Епифаній свидѣтельствуетъ, что между ними было не менѣе десяти разнотолковъ [1]. Остатокъ секты существовалъ еще въ началѣ пятаго столѣтія.

---

[1] *Heraclion*, Ap. Orig. Iin ohann. xiii. 11.
[2] Iren. i, vi, 3.
[3] Giesel. i, i, 188.
[4] Iren. i, v, 4.
[5] Iren. i, iii, 2.
[6] Strom., vii, 17, 898—900.
[7] Iren. i, iv, 2; Tertul. Adv. Valent. i.

VII. Въ то время, какъ система Валентина была самою фантастическою формою гностицизма, система его современника Маркіона была самою прозаическою и практическою; и въ то время, какъ въ другихъ системахъ знаніе состовляло все, тенденція маркіонизма была главнымъ образомъ религіозною. Главнымъ его началомъ, которое у него было общимъ съ другими гностиками, была идея противоположности между христіанствомъ и іудействомъ, и ее онъ развилъ до крайности.

Маркіонъ родился въ Синопѣ [2], на берегу Евксинскаго моря, около начала втораго столѣтія. Отецъ его впослѣдствіи былъ епископомъ этого города, и нѣтъ основанія сомнѣваться, что самъ Маркіонъ былъ воспитанъ съ дѣтства какъ христіанинъ [3]. Онъ сдѣлался пресвитеромъ церкви синопской и по внѣшности велъ аскетическую жизнь, пока (согласно весьма сомнительному разсказу, который основывается на свидѣтельствѣ Епифанія) онъ не отлученъ былъ своимъ отцемъ за соблазненіе одной дѣвицы [4]. Послѣ напрасныхъ стараній возвратить себѣ потерянное положеніе, онъ оставилъ Азію и прибылъ въ Римъ, когда римская каѳедра была вакантна вслѣдствіе смерти Гигена. 142 г. Онъ обратился съ просьбою о допущеніи его въ общеніе римской церкви, но пресвитеры отвѣчали ему, что правило единства въ вѣрѣ и ея ученіи запрещало имъ сдѣлать это, если только не получено будетъ согласіе епископа, которымъ онъ былъ отлученъ [5]. Предъ оставленіемъ своей собственной страны, Маркіонъ получилъ уже извѣстность по своеобразнымъ мнѣніямъ, которыя вѣроятно и были дѣйствительною причиною его отлученія; и онъ, начавъ проповѣдывать ихъ въ Римѣ, требовалъ отъ пресвитеровъ объясненія изреченія Спасителя, что старые мѣхи не могутъ содержать новаго вина. Онъ оспаривалъ правильность ихъ отвѣта, и хотя его собственное толкованіе этихъ словъ неизвѣстно, но какъ можно заключать изъ того, что извѣстно о его ученіи, онъ разумѣлъ подъ старыми мѣхами законъ и подъ новымъ виномъ евангеліе.

---

[1] Iren. i, 11; Tert., 4, 33 и слѣд.; Epiph. xxxi, 1.

[2] *Tertul.* Adv. Marc. i, 1.

[3] Тертулліанъ называетъ Маркіона nauclerus и, говоря о немъ, часто употребляетъ мореходные и торговые образы (напр. v, 1). Это можетъ означать, что въ ранніе годы ересіархъ занимался мореходствомъ; но гораздо вѣроятнѣе, что это лишь простой намекъ на его приморское рожденіе.

[4] Epiph. xlii, 1. Молчаніе Иринея и другихъ раннихъ писателей, особенно молчаніе такого горячаго противника, какъ Тертулліанъ, служитъ сильнымъ опроверженіемъ этого разсказа.

[5] Epiph. xlii, 2; ср. Апост. Пост., 32.

Потерпѣвъ неудачу въ своихъ попыткахъ добиться допущенія въ церковь, Маркіонъ присоединился къ Кердону, сиріянину, который уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ Римѣ, то тайно пріобрѣтая себѣ приверженцевъ, то ища примиренія съ церковью заявленіемъ своего покаянія [1]). Слава учителя скоро затѣнена была славой ученика, такъ что невозможно разобрать, какое собственно каждый изъ нихъ имѣлъ участіе въ образованіи ихъ системы. Маркіонъ будто бы путешествовалъ въ Египтѣ и на востокѣ, съ цѣлью распространенія своей ереси, и по предположенію умеръ въ Римѣ въ епископство Елевѳерія (то есть, между 177 и 190 годами). Тертулліанъ свидѣтельствуетъ, что онъ нѣсколько разъ былъ отлучаемъ отъ церкви, что въ послѣдній разъ епископъ римскій возвратилъ ему большую сумму денегъ, которую онъ предложилъ „въ первомъ порывѣ своей вѣры“ [2]), что онъ получилъ обѣщаніе быть еще разъ принятымъ въ общеніе подъ условіемъ возвращенія тѣхъ, которыхъ онъ совратилъ, но что смерть постигла его прежде, чѣмъ онъ могъ исполнить эту задачу.

Въ отличіе отъ другихъ гностиковъ, Маркіонъ признавалъ себя совершенно чистымъ христіаниномъ въ своихъ ученіяхъ; онъ ничего не заимствовалъ изъ Греціи, Египта или Персіи, и не признавалъ никакого другаго источника истины кромѣ св. Писанія [3]). Онъ былъ врагъ аллегорическаго толкованія; отвергая преданія церкви, онъ не заявлялъ притязанія на какое нибудь тайное свое собственное преданіе, и отрицалъ противоположность между вѣрой и знаніемъ. Но съ самимъ св. Писаніемъ онъ поступалъ весьма произвольно. Онъ отвергалъ весь Ветхій Завѣтъ, изъ Новаго признавалъ только евангеліе отъ Луки и десять посланій ап. Павла, и изъ нихъ исключалъ все, что не согласовалось съ его собственными теоріями [4]). Онъ не подвергалъ сомнѣнію подлинность другихъ книгъ, но предполагалъ, что писатели сами были ослѣплены іудейством, и кромѣ того ихъ произведенія были искажены въ послѣдующее время [5]).

Маркіонъ признавалъ существованіе трехъ началъ—верховнаго Бога, совершенно добраго; діавола или господина матеріи, вѣчнаго и злаго, и между ними деміурга, существо ограниченное въ силѣ и знаніи, главною особенностью котораго была справедливость, безъ примѣси любви или милости. Неизвѣстно, придавалась ли деміургу независимость существованія, или же (какъ въ большей части гностическихъ системъ) онъ считался истеченіемъ отъ верховнаго Бога, — но послѣднее мнѣніе вѣроятнѣе 1). Онъ училъ, что твореніе верховнаго Бога было нематеріальное и невидимое, что деміургъ создалъ этотъ міръ и его обитателей изъ сущности, которую онъ взялъ изъ вещественнаго хаоса безъ согласія или вѣдома его Правителя. По его ученію, душа человѣка не была, какъ въ другихъ системахъ, насаждена верховнымъ Богомъ, но составляла дѣло деміурга и отличалась свойствами, соотвѣтствующими ограниченной природѣ ея создателя; она не имѣла силы противостоять нападеніямъ вещественнаго начала, всегда стремящагося возвратить себѣ ту часть, которая взята была изъ его собственныхъ владѣній. Человѣкъ палъ чрезъ непослушаніе законамъ деміурга, и его первоначальная природа измѣнилась на худшую 2). Деміургъ избралъ себѣ одинъ народъ—іудеевъ, и имъ онъ далъ законъ, который не былъ самъ по себѣ зломъ, но приспособленъ былъ только къ низшимъ натурамъ, будучи не совершененъ въ своей нравственности и лишенъ внутренняго духа. Система его до суровости справедлива: непослушныхъ онъ предавалъ мученіямъ, а праведныхъ награждалъ покоемъ въ лонѣ Авраамовомъ 3).

---

[1]) Iren. i, xxvii, 1; iii, iv, 3; Epiph. xli.

[2]) Adv. Marcion iv, 4, De Praescr. Haer. 30. Неандеръ предполагаетъ, что этотъ даръ былъ сдѣланъ имъ въ Азіи и именно по случаю обращенія Маркіона (ii, 133). Но сцена эта вообще полагается въ Римѣ; и мы видѣли, что вѣроятнѣе всего онъ воспитанъ былъ какъ христіанинъ.

[3]) Ипполитъ однако же указываетъ на сходство его съ Эмпедокломъ (vii, 29—31).

[4]) Iren. i, xxvii, 2; *Tertul.* Adv. Marc. iv, 2 и слѣд.

[5]) *Tertul.* Adv. Marc. iv, 3.

Деміургъ обѣтовалъ Мессію, своего сына и подобной себѣ же природы, который имѣлъ придти не съ цѣлью ходатайства и прощенія, но съ цѣлью разрушить язычество и основать владычество іудеевъ. Но верховный Богъ, сжалившись надъ человѣчествомъ, изъ котораго огромное большинство, безъ всякой вины съ своей стороны было лишено всякаго знанія деміурга и подвергнуто его осужденію, рѣшилъ послать высшаго Мессію, своего собственнаго Сына. Міръ не былъ подготовленъ къ этому какимъ-нибудь предварительнымъ откровеніемъ, такъ какъ не было и надобности въ такомъ приготовленіи, потому что дѣла этого Мессіи сами по себѣ были достаточнымъ доказательствомъ Его посланничества. Онъ явился вдругъ въ синагогѣ Капернаумской, „въ пятнадцатый годъ Тиверія Кесаря“; но съ цѣлью обратить на себя вниманіе іудеевъ Онъ примѣнялся къ ихъ собственнымъ понятіямъ и заявлялъ, что Онъ тотъ Мессія, ожидать котораго учили ихъ пророки деміурга 4). Тогда впервые открытъ былъ истинный Богъ, и людямъ дано было прощеніе грѣховъ вмѣстѣ съ сообщеніемъ знанія и силы, которыя могли сдѣлать ихъ способными побѣждать враждебность матеріи.

Деміургъ, не зная о дѣйствительномъ существѣ Мессіи, но завидуя Его силѣ, превосходившей его собственную, возбудилъ противъ Него іудеевъ; Богъ матеріи побудилъ язычниковъ соединиться съ ними въ этомъ гоненіи, и Спаситель былъ распятъ. Не смотря

---

1) См. Iren. i, xxvii, 2; Strom. iii, 3, 515; *Orig.* De Princip. ii, 5; Epiph. xliii, 3; *Augustin.* De Haeres. 22.

2) *Tertul.* Adv. Marc. i, 22.

3) *Tertul.* iii, 24.

4) *Tertul.* Adv. Marc. iii, 15, iv, 2, 3, 6, 7.

на это, по взгляду Маркіона, тѣло Его въ дѣйствительности не могло пострадать, такъ какъ оно было духовно и ѳѳирно; своимъ подчиненіемъ кресту Онъ хотѣлъ только преподать урокъ, что страданій негоднаго тѣла не надо избѣгать какъ зла [1]).

Маркіонъ допускалъ сошествіе Спасителя во адъ, и съ этимъ ученіемъ связывалось одно изъ его самыхъ странныхъ представленій, именно, что язычники и осужденные въ ветхомъ завѣтѣ люди (какъ напр. Каинъ, Исавъ и содомитяне), страдая отъ мщенія деміурга, съ радостью привѣтствовали принесенное имъ спасеніе, и были избавлены; между тѣмъ какъ ветхозавѣтные святые, будучи довольны блаженствомъ въ лонѣ Авраамовомъ и подозрѣвая въ призывѣ Спасителя искушеніе, отказались послушаться Его и остались въ своемъ прежнемъ состояніи [2]). Но въ такомъ состояніи они не могли оставаться навсегда. Въ концѣ концевъ долженъ былъ придти Мессія деміурга; Онъ имѣлъ собрать разсѣянныхъ сыновъ Израиля изъ всѣхъ странъ, основать всемірную монархію іудеевъ и облагодѣтельствовать приверженцевъ своего отца земнымъ блаженствомъ, причемъ тѣ изъ язычниковъ и непослушныхъ, которые не были изъяты изъ Его власти полученіемъ высшаго спасенія, должны были подвергнуться мукамъ. Что касается народа верховнаго Бога, то, по ученію Маркіона, душа его будетъ освобождена отъ плоти и будетъ обитать съ Нимъ въ духовномъ тѣлѣ [3]).

Основнымъ затрудненіемъ у Маркіона была предполагаемая невозможность примиренія любви съ карающею справедливостью; отсюда допускаемое имъ различіе между верховнымъ Богомъ, воплощеніемъ любви, и деміургомъ, воплощеніемъ строгости. Съ цѣлью выяснить свой взглядъ онъ написалъ книгу, подъ названіемъ „Антитезы“ [4]), въ которой, съ цѣлью показать существенное различіе между ветхимъ и новымъ завѣтами, онъ настаиваетъ на всѣхъ тѣхъ началахъ и повѣствованіяхъ въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, которыя казались непримиримыми съ характеромъ любви, и особенно указывалъ на примѣры, въ которыхъ Спаситель (какъ предполагалъ Маркіонъ) высказывался противъ іудейской системы [5]).

Маркіонъ былъ человѣкомъ серьознаго настроенія и образа жизни.

---

[1] Взглядъ Маркіона на тѣло Спасителя былъ своеобразенъ. Оно не могло быть вещественнымъ, такъ какъ вещество есть зло; но въ то же время оно не было и простымъ призракомъ, какъ учили нѣкоторые гностики; оно было дѣйствительнымъ тѣломъ, хотя и невидимымъ, и облечено было во внѣшнюю призрачную форму.

[2] Iren. i, xxvii, 3; Epiph. xxlii, 4. Это нѣсколько походитъ на ученіе каинитовъ (см. выше, стр. 34), но покоится на иномъ основаніи.

[3] *Tertul.* Adv. Marc. i, 28; iii, 24; Epiph. xlii, 4. Маркіонъ отрицалъ воскресеніе тѣла. Tert. i, 24.

[4] *Tert.* Adv. Marc. i, 19.

[5] Тертулліанъ (ii—v) и Епифаній (xlii, 11) подробно обсуждаютъ эти пункты.

Характеръ его секты былъ аскетическій: онъ не позволялъ животной пищи, кромѣ рыбы, запрещалъ бракъ и требовалъ обѣта цѣломудрія, какъ непремѣннаго условія при крещеніи [1]). Крещеніе однако же могло быть отложено; оглашенные (вопреки практикѣ церкви) допускались къ присутствованію при совершеніи величайшихъ таинствъ [2]), и если человѣкъ умиралъ въ состояніи оглашеннаго, то допускалось крещеніе за мертвыхъ [3]). Маркіонъ будто бы допускалъ совершать крещеніе трижды, въ убѣжденіи, что при каждомъ повтореніи его отпускались грѣхи, совершенные со времени предшествующаго крещенія; совершалъ евхаристію на водѣ и, въ противоположность іудейству, предписывалъ освящать седьмой день недѣли (то есть, субботу) постомъ [4]).

Смѣлое отверженіе всѣхъ іудейскихъ и языческихъ элементовъ, произвольное отношеніе къ св. Писанію и кажущаяся строгость секты привлекали къ ней многихъ приверженцевъ. Маркіонъ обращался къ своимъ послѣдователямъ какъ „къ сотоварищамъ въ ненависти и скорби“ [5]); они скорѣе добивались, чѣмъ избѣгали преслѣдованія; многіе изъ нихъ пострадали съ большимъ мужествомъ за имя Христово, и секта гордилась своими мучениками. Маркіонитство, по свидѣтельству Епифанія, сильно распространено было въ его время (около 400 года) и продолжало существовать до шестаго столѣтія [6]).

Какъ ни страненъ и, по самому своему существу, ни противенъ былъ гностицизмъ христіанству, мы не должны однако же оставлять безъ вниманія и той пользы, которую христіанство въ общемъ извлекло изъ него. Подобно другимъ ересямъ, онъ сослужилъ добрую службу, вызывая поборниковъ православія на изслѣдованіе и защиту своего подвергавшагося нападенію ученія. Но это было еще не все. Въ различныхъ формахъ гностицизма, главныя идеи и вліянія прежнихъ религій и философскихъ системъ приведены были въ соприкосновеніе съ евангеліемъ, ища какбы проникновенія въ христіанскую систему. Вслѣдствіе этого церковь была вынуждена разсмотрѣть, сколько въ этихъ древнихъ системахъ было истиннаго и сколько ложнаго, и, рѣшительно отвергая ложное, усваивать истину, освящать ее сочетаніемъ съ христіанскимъ началомъ и такимъ образомъ спасать все, что было дорогаго, отъ разрушенія вмѣстѣ съ погибавшимъ древнимъ міромъ. „При посредствѣ гностиковъ именно“, говоритъ одинъ новѣйшій писатель, „въ церковь введены были науки, литература

Заключение

---

[1]) Strom. III, 3, p. 515; *Tert.* Adv. Marc. I, 29.

[2]) *Tert.* De Praescr. XLI; Epiph. XLII, 3.

[3]) Въ основаніе этого приводилось 1 Кор. XV, 29. Златоустъ, Бес. XL, 1 Кор.

[4]) Epiph. LX, 3.

[5]) *Tert.* Adv. Marc. IV, 9.

[6]) Epiph. XLI, 1.

и искусство“ [1]), и когда гностицизмъ исполнилъ эту свою задачу по отношенію къ церкви, его различныя формы или прекратили свое существованіе, или только продолжали прозябать въ качествѣ устарѣлыхъ вѣрованій среди темныхъ и все болѣе уменьшавшихся послѣдователей [2]). X

ГЛАВА V.

Отъ восшествія Коммода до смерти Элагабала.

180—222 гг.

Хотя апологетамъ и не удалось своими сочиненіями добиться узаконенной вѣротерпимости по отношенію къ церкви, они всетаки не остались безъ вліянія. Дѣло, которое могло находить столь способныхъ и ученыхъ людей, выступавшихъ на защиту его своимъ перомъ, постепенно пріобрѣтало новое положеніе. Старая ходячая клевета исчезла; болѣе просвѣщенные изъ язычниковъ начали сознавать, что если ихъ религія хочетъ выстоять противъ евангелія, то должна быть преобразована не только въ обрядности, но и въ ученіи. Отсюда мы видимъ въ этомъ періодѣ попытки со стороны философовъ присвоить своей системѣ нѣкоторыя изъ истинъ, которыя впервые провозглашены были христіанствомъ, сблизить ихъ различными путями съ евангеліемъ, и вообще стараніе о примиреніи ученій.

Изъ государей, занимавшихъ императорскій престолъ, нѣкоторые царствовали лишь короткое время, и не оставили никакихъ слѣдовъ въ исторіи церкви. Коммодъ, недостойный сынъ Марка Аврелія, будто бы подъ вліяніемъ своей фаворитки, наложницы Марціи, щадилъ христіанъ и возвратилъ многихъ изъ нихъ изъ ссылки [3]). Но хотя это царствованіе вообще было временемъ покоя для церкви, во время его совершилось одно замѣчательное мученичество, именно мученичество Аполлонія, римскаго сенатора, который былъ обвиненъ въ принадлежности къ христіанству однимъ изъ своихъ рабовъ. Доносчикъ былъ преданъ смерти чрезъ раздробленіе ему ногъ; Аполлоній прочиталъ защиту своей вѣры предъ сенатомъ и былъ обезглавленъ [4]); и случай этотъ пріобрѣлъ извѣстность въ качествѣ показателя современнаго состоянія христіанъ, которые по закону подлежали смертной казни за свою вѣру, и однако же находили покровительство въ самомъ законѣ, назначавшемъ то же самое наказаніе для ихъ обвинителей. Съ этимъ случаемъ однако же связываются различныя затрудненія; даже если признавать всѣ эти обстоятельства истинными, то все-таки останется вопросъ: былъ ли доносчикъ наказанъ за оскорбленіе христіанина, или за нарушеніе своей обязанности, какъ раба по отношенію къ господину [1].

---

[1]) *Baumgarten - Crusius*, Dogmengeschichte, приведенный у Dorner, I, 35.

[2]) Dorner, I, 356, 357; Neander, II, 157.

[3]) *Hippol.* Adv. Haer. IX, p. 454. См. эпитафію Прозена, христіанина изъ императорскаго дома, въ De Rossi, I, 9—11.

[4]) Euseb. V, 21 (который, однакоже, не свидѣтельствуетъ, чтобы обвинителемъ былъ рабъ Аполлонія, хотя его слова и понимались такъ); *Hieron*, De Viris Illustr. 42.

Северъ, въ началѣ своего царствованія, относился къ церкви благосклонно и защищалъ ея членовъ противъ ярости черни,—вслѣдствіе будто бы исцѣленія, которое онъ самъ получилъ отъ помазанія елеемъ со стороны христіанина, по имени Прокула Торпаціона [2]; онъ держалъ своего исцѣлителя вблизи себя и позволялъ нѣкоторымъ знатнымъ и властнымъ лицамъ исповѣдывать евангеліе [3]. Но законы все еще находились въ неудовлетворительномъ состояніи; положеніе христіанъ все еще зависѣло отъ воли отдѣльныхъ правителей, и даже правители, благосклонно расположенные, часто находили для себя невозможнымъ защищать ихъ въ случаѣ обвиненія. Прежде, чѣмъ изданъ былъ какой нибудь новый указъ, въ различныхъ частяхъ имперіи происходили суровыя гоненія. Указъ Траяна, запрещавшій розыскивать христіанъ, оставался безъ исполненія; чернь все еще требовала ихъ крови въ амфитеатрахъ; многіе подвергались пыткамъ съ цѣлью заставить признаться въ своей вѣрѣ; нѣкоторые сожигались; иные осуждались на работы въ рудникахъ или въ ссылку; даже могилы мертвыхъ подвергались оскорбленію [4]. Въ это именно время возникъ обычай покупать вѣротерпимость. Онъ освящался многими епископами, которые ссылались на библейскій примѣръ Іасона [5], и деньги платились не только въ видѣ случайныхъ взятокъ обвинителямъ или воинамъ, но и въ качествѣ ренты или налога, подобно тому, который взимался съ членовъ какихъ нибудь сомнительныхъ занятій, давая имъ право продолжать эти занятія [6]. Вліяніе такого обычая въ общемъ было неблагопріятно для покоя церкви, такъ какъ недобросовѣстные правители часто считали для себя выгоднымъ предавать смерти нѣсколькихъ изъ бѣднѣйшихъ христіанъ въ предѣлахъ своей области, чтобы устрашить ихъ болѣе богатыхъ собратьевъ и вымогать у нихъ деньги. Строгіе маркіониты и восторженные монтанисты съ презрѣніемъ отвергали такую сдѣлку, на которую вообще шли вѣрующіе; они считали какъ обычай платить деньги за свою безопасность, такъ и бѣгство отъ гоненія недостойными христіанскаго исповѣданія [1]).

---

[1] См. Neander I, 163; Giesel. I, I, 176.

[2] *Tert.* ad Scapulam, 4. Нѣкоторые предполагали, что Северъ былъ правителемъ, при которомъ въ царствованіе Марка Аврелія совершались мученичества въ Ліонѣ; но для этого нѣтъ достаточнаго основанія.

[3] Его сынъ, Каракалла, по свидѣтельству Тертулліана, былъ „воспитанъ на христіанскомъ молокѣ“, что, вѣроятно, означаетъ, что у него была христіанская кормилица.

[4] *Tert.* Apol. 12, 13. Христіане могли также страдать отъ закона противъ сообществъ, который возобновленъ былъ Северомъ.

[5] Дѣян. XVII, 9.

[6] *Tertul.* De Fuga in persecutione, 13.

Въ 202 году Северъ издалъ указъ, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній запрещавшій кому бы то ни было изъ его подданныхъ принимать іудейство или христіанство [2]). Поводомъ къ этому указу быть можетъ были крайности монтанизма [3]), равно какъ и болѣе общая причина—отказъ христіанъ принимать участіе въ торжествахъ, которыя устроены были при тріумфальномъ возвращеніи императора въ Римъ. Отказъ этотъ въ дѣйствительности основывался не на какомъ нибудь политическомъ недовольствѣ, а на религіозномъ отвращеніи къ языческимъ обрядамъ и неприличіямъ, которыя связывались съ этими празднествами [4]); потому что каково бы ни было настроеніе христіанъ во время позднѣйшей борьбы за имперію, они воздерживались отъ принятія стороны того или другаго изъ соперниковъ, и нѣтъ данныхъ, чтобы христіане когда либо были между тѣми приверженцами Нигера и Альбина, которые пострадали отъ мщенія Севера.

Хотя новымъ указомъ и не запрещалось прямо христіанамъ исповѣдывать свою религію, а только увеличивать своихъ членовъ прозелитствомъ, онъ однако же содѣйствовалъ возбужденію враговъ ихъ къ гоненію, которое производилось съ большою суровостью въ Египтѣ и проконсульской Африкѣ, хотя повидимому и не распространялось на другія провинціи [5]).

Изъ африканскихъ мучениковъ самыми знаменитыми были Перпетуя и ея сотоварищи, о страданіяхъ которыхъ разсказывается въ повѣствованіи, частью написанномъ самою Перпетуей [6]). Она была оглашенная, благородная и богатая женщина 22-хъ лѣтняго возраста, замужняя и недавно предъ тѣмъ оставшаяся вдовою съ груднымъ младенцемъ [7]). Послѣ своего ареста, она была посѣщена своимъ отцомъ язычникомъ, который убѣждалъ ее отречься отъ своей вѣры. Она спросила его, можно ли сосудъ, стоявшій рядомъ съ ней, назвать какимъ нибудь другимъ именемъ, кромѣ его собственнаго имени; и когда отецъ отвѣчалъ, что нельзя, она сказала: „такъ и я не могу называть себя ничѣмъ другимъ, кромѣ того, что я въ дѣйствительности, — именно христіанка". Отецъ пришелъ въ сильную ярость и, казалось, не прочь былъ даже нанести ей какой нибудь тѣлесный вредъ; однакоже удалился и не возвращался въ теченіе нѣсколькихъ дней.

---

[1]) *Tertul.* de Fuga, 12.

[2]) *Spartian.* V. A. Sev. 17.

[3]) Какъ предполагаетъ Гизелеръ (і, і, 257).

[4]) *Tertul.* Apol. 35.

[5]) Euseb. vi 1, 4, 5; Neander, і, 167.

[6]) Напечатано въ III томѣ Латинской Патрологіи Миня. Время различно обозначается отъ 203 до 206 года.

[7]) Такъ какъ о ея мужѣ не упоминается въ разсказѣ, то предполагаютъ, что его уже не было въ живыхъ.

Во время этого промежутка, Перпетуя была крещена съ ея сотоварищами Ревокатомъ, Фелицитой, Сатурниномъ и Секундуломъ; духъ, говоритъ она, побудилъ ее молиться во время ея крещенія о силѣ терпѣнія. Затѣмъ они были удалены въ мѣсто болѣе строгаго заключенія, чѣмъ то, въ которомъ они находились сначала, и Перпетуя страдала отъ жара, темноты и оскорбленій со стороны черни и воиновъ, но болѣе всего отъ тоски по своемъ ребенкѣ. Два діакона, давая деньги тюремщикамъ, добивались позволенія для христіанъ проводить по нѣскольку часовъ каждаго дня въ болѣе открытой части темницы. Тамъ ребенокъ Перпетуи былъ принесенъ къ ней ея матерью и братомъ, и спустя нѣсколько времени она получила возможность держать его постоянно съ собою; послѣ этого она чувствовала себя свободною отъ всякой скорби, такъ что, какъ она говоритъ, „темница сразу сдѣлалась для меня подобно дворцу, и я предпочитала быть тамъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ мѣстѣ".

Но вотъ ея братъ, бывшій также оглашеннымъ, сказалъ ей, чтобы она помолилась о видѣніи съ цѣлью узнать, когда закончится ея тюремное заключеніе ¹). Она дѣйствительно помолилась и увидѣла золотую лѣстницу, достигающую до неба, но столь узкую, что только одному человѣку въ одно время можно было входить по ея ступенямъ. Вокругъ нея лежали мечи, копья и крючки, готовые пронзить и разорвать тѣло всякаго, кто попытался бы подняться по лѣстницѣ безъ должной предосторожности; приэтомъ у подножія ея лежалъ великій драконъ, старавшійся удержать отъ восхожденія. Сатуръ, знатный христіанинъ, который впослѣдствіи самъ выдалъ себя и сдѣлался сотоварищемъ страдальцевъ,—сталъ первый восходить по лѣстницѣ и, достигнувъ ея вершины, приглашалъ и Перпетую слѣдовать за собою. Именемъ Христа она укротила дракона, и поставивъ свою ногу на первую ступень лѣстницы, наступила на голову чудовища. На верху она оказалась въ обширномъ саду, гдѣ увидѣла пастыря съ бѣлыми волосами, который доилъ своихъ телицъ и окруженъ былъ тысячами народа въ бѣлыхъ одѣяніяхъ. Онъ привѣтствовалъ ее и далъ ей кусокъ сыра, который она приняла обѣими руками и ѣла, причемъ все общество, одѣтое въ бѣ-

---

¹) „Тутъ", говоритъ Мильманъ, „видно вліяніе монтанизма; но самое видѣніе какъ разъ такое, которое могло посѣтить христіанина въ сновидѣніи, при высшемъ состояніи религіозной восторженности; оно показывало только обычные образы вѣры, воплощающіеся въ форму" (II, 219).

лыя ризы, сказало „аминь“. При этомъ звукѣ она проснулась, но пріятный вкусъ еще оставался въ ея устахъ. Видѣніе было истолковано въ смыслѣ предостереженія, что узникамъ нельзя будетъ больше надѣяться на освобожденіе въ этомъ мірѣ.

Услышавъ о предстоящемъ слѣдствіи, отецъ Перпетуи посѣтилъ ее вновь. Вмѣсто дочери, онъ назвалъ ее госпожей [1]), цѣловалъ ея руки, бросился къ ея ногамъ и, напоминая ей о своемъ долгомъ попеченіи о ней и о своей особенной любви, которую онъ показывалъ ей предпочтительно предъ всѣми другими дѣтьми, указывая на скорбь семейства и возбуждая въ ней сожалѣніе къ ребенку, который не могъ жить безъ нея,—умолялъ ее избавить его и всѣхъ его родственниковъ отъ скорби и позора, которымъ она подвергла бы ихъ, настаивая на своемъ исповѣданіи. Но Перпетуя, хотя и была глубоко потрясена волненіемъ старца, могла отвѣтить только, что все находится въ рукахъ Божіихъ.

Въ самый день суда узники были выведены на форумъ [2]), и такъ какъ Перпетуя была поставлена впереди, то отецъ ея немедленно подошелъ къ ней съ ея ребенкомъ на рукахъ, умоляя ее сжалиться надъ младенцемъ. Прокураторъ также старался тронуть ее, указывая ей на ея ребенка и на сѣдины ея отца; но она твердо отказывалась принести языческую жертву. Тогда прокураторъ приказалъ удалить ея отца (который, вѣроятно, нарушалъ судопроизводство своею назойливостью) съ того мѣста, гдѣ онъ находился, и подвергнуть его сѣченію розгами, и когда этотъ приказъ приводился въ исполненіе, Перпетуя заявила, что она чувствовала, какъ будто эти удары наносились ей самой. Судебное засѣданіе закончилось осужденіемъ обвиненныхъ на отдачу звѣрямъ, но, не устрашенные приговоромъ, они съ радостью возвратились въ свою темницу.

Нѣсколько дней спустя, Перпетуя во время молитвы услышала, что ее называлъ по имени братъ ея, Динократъ, который умеръ въ семилѣтнемъ возрастѣ; и такъ какъ она не думала о немъ, то увидѣла здѣсь божественное внушеніе помолиться за него. И вотъ, ей казалось, будто мальчикъ выходилъ къ ней какбы изъ какого-то темнаго мѣста,—блѣдный, грязный, съ признаками рака на лицѣ, послужившаго причиной его смерти, жаждущій, но не способный достать воды, которой бы онъ желалъ напиться. Его сестра продолжала молиться за него, и наконецъ была утѣшена видѣніемъ, въ которомъ окружающее его мѣсто было свѣтлымъ, его лицо и тѣло чисты, язва на его лицѣ уменьшилась до незначительнаго рубца, и онъ могъ доставать воду. Онъ напился и отправился какбы играть; „тогда“, говоритъ Перпетуя, „я поняла, что онъ былъ переведенъ изъ мученія“ [1]).

---

[1]) Dominam. Acta п.

[2]) Неизвѣстно, происходило ли это въ Карѳагенѣ, или Тубурбіи.

Повѣствованіе затѣмъ разсказываетъ о другомъ видѣніи страждущаго отца и о видѣніяхъ торжества, которыми Перпетуя была одушевлена для перенесенія своихъ страданій. Сатуръ также имѣлъ видѣніе небесной славы, и оно послужило средствомъ сообщенія нѣкоторыхъ увѣщаній епископу Оптату.

Мученики приберегались къ дню рожденія Геты, который признаваемъ былъ своимъ отцемъ въ качествѣ сотоварища по управленію имперіей, но въ это время Секундулъ умеръ въ темницѣ. Фелицита, замужняя женщина, рабскаго положенія, находилась на восьмомъ мѣсяцѣ беременности, и какъ она, такъ и ея сотоварищи опасались, что ея смерть будетъ отложена вслѣдствіе этого. Поэтому, они всѣ вмѣстѣ молились, и за три дня до праздника Фелицита разрѣшилась младенцемъ. Крики, которые она издавала въ мукахъ рожденія, заставили прислужника въ темницѣ спросить ее: „если ты не можешь выносить этого, то что-же ты будешь дѣлать, когда будешь брошена звѣрямъ?“—„Теперь я сама“, отвѣчала она, „выношу свои настоящія страданія; но тогда за меня будетъ страдать Тотъ, который находится во мнѣ, потому что я также пострадаю за Него“. Ребенокъ былъ усыновленъ одною христіанскою женщиною.

Тюремщикъ Пудентъ былъ обращенъ поведеніемъ своихъ узниковъ. Наканунѣ ихъ мученичества имъ предложенъ былъ, согласно съ обычаемъ, „даровой ужинъ“, своего рода пиръ, за которымъ осужденнымъ лицамъ позволялось вести себя со всевозможною свободою и распущенностью; но вмѣсто того, чтобы предаваться обычнымъ безпорядкамъ, узники превратили его въ подобіе христіанской вечери любви. Сатуръ строго укорялъ народъ, тѣснившійся посмотрѣть на нихъ: „замѣтьте хорошенько наши лица“, сказалъ онъ, „чтобы вы могли узнать насъ опять въ день суда“.

Выведенные въ амфитеатръ, мученики имѣли радостный видъ. Согласно обычаю, который, повидимому, составлялъ особенность Карѳагена и велъ свое начало съ того времени, когда въ его прежней финикійской религіи приносились человѣческія жертвы, на мужчинъ возлагались красныя одежды, подобно жрецамъ Сатурна, а на женщинъ — желтыя, подобно жрецамъ Цереры; но они отказались подчиниться этому, говоря, что они и страдаютъ именно съ цѣлью избавиться отъ такихъ условій, и справедливость этого возраженія была признана. Перпетуя пѣла псалмы, Сатуръ и другіе предсказывали о мщеніи Бога прокуратору и черни.

---

[1]) „Это“, говоритъ Мильманъ, „какбы указываетъ на своего рода чистилище“ (II, 221); и дѣйствительно на это мѣсто ссылаются римскіе полемисты. Нѣкоторые, въ раннія времена, предполагая, что Динократъ былъ не крещенъ, заключали, что и лица, умершія безъ крещенія, могли получать пользу отъ молитвъ живущихъ. Бл. Августинъ отвѣчаетъ, 1) что акты Перпетуи не каноническіе, 2) что такъ какъ они не говорятъ о Динократѣ какъ некрещенномъ, то онъ, вѣроятно, былъ крещенъ, и его страданія были слѣдствіемъ отступничества, совершеннаго по примѣру его отца, или другихъ грѣховъ, слѣдовавшихъ за крещеніемъ. Бл. Августинъ, повидимому, придаетъ мало значенія авторитету этихъ актовъ, хотя Руинардъ, передавая его мнѣніе, упоминаетъ только о второмъ основаніи, которое, въ виду язычества отца и того, что Перпетуя была только оглашенной во время своего ареста, кажется весьма невѣроятнымъ. *August.*, De Animâ, I, 10; III, 9. *Ruin.* in Patrol. III, 38.

Изъ мучениковъ мужчины были отданы львамъ, медвѣдямъ и леопардамъ, а женщины были бодаемы разъяренной коровой. Перпетуя какъ будто находилась въ какомъ то изступленіи и была нечувствительною къ страданію; придя въ себя, она спросила, когда же придутъ звѣри, и едва могла быть увѣрена, что эта часть ея страданій уже кончилась. Вмѣсто того, чтобы тайно отпустить жертвы, какъ это было въ обычаѣ, зрители требовали, чтобы онѣ были преданы смерти; мученики простились другъ съ другомъ цѣлованіемъ мира и выступили на средину амфитеатра, гдѣ скоро и закончились ихъ земныя испытанія. Гладіаторъ, которому предстояло убить Перпетую, былъ неопытный юноша и промахнулся своимъ мечемъ; тогда, замѣтивъ его смущеніе, она собственной рукой направила его мечъ для смертельнаго удара. „Быть можетъ, говоритъ писатель Дѣяній мученичества, „такая великая женщина, — женщина, которой боялся нечистый духъ, не могла бы быть подвергнута смерти, кромѣ какъ по ея собственной волѣ“.

Документъ, вкороткѣ изложенный здѣсь, носитъ печать обстоятельной истинности. Какъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ, такъ и въ тонѣ повѣствованія, указывались основанія для мнѣнія, что мученики и ихъ историки были монтанисты; но принятіе этихъ актовъ древнею церковью сильно говоритъ въ пользу другаго мнѣнія. Мы можемъ поэтому предполагать, что или монтанистическія мнѣнія не приводили еще къ формальному раздѣленію въ церкви Карѳагенской въ то время, когда написаны были эти акты [1]), или особенности разсказа можно относить не къ монтанистическимъ началамъ, но къ тому естественному темпераменту, который дѣлалъ Африку особенно удобной почвой для принятія монтанизма.

При Каракаллѣ и Элагабалѣ христіане были свободны отъ гоненія. Есть свидѣтельства, что Элагабалъ, желая подчинить всѣ древнія національныя религіи сирійскому культу, котораго онъ былъ жрецомъ [2]), намѣревался сочетать символы іудейства и христіанства (къ которымъ онъ, вѣроятно, относился съ большею благосклонностью вслѣдствіе ихъ восточнаго происхожденія) съ богами Греціи и Рима въ храмѣ, который онъ воздвигъ Солнцу [1]); но его неразумно распутная жизнь была закончена прежде, чѣмъ онъ могъ попытаться привести въ исполненіе это свое намѣреніе.

---

[1]) Такое рѣшеніе предложено Гизелеромъ, который считаетъ монтанизмъ здѣсь безспорнымъ (і, 1, 290).

[2]) См. *Döllinger*, Heidenth. u. Judenth., 301.

Что касается внутренней исторіи церкви, то прежде всего нужно указать на горячій споръ, возникшій вслѣдствіе возобновленія вопроса о праздновании пасхи. О различіи въ соблюденіи времени празднованія пасхи между церквами Малой Азіи и церквами другихъ странъ было уже упомянуто выше, равно какъ и о соглашеніи, состоявшемся между св. Поликарпомъ, какъ представителемъ Азіатской церкви, и Аникетомъ, епископомъ Рима [2]). Въ теченіе нѣкотораго времени послѣ этого соглашенія, азіатскимъ христіанамъ, пребывавшимъ въ Римѣ, повидимому было позволено слѣдовать обычаю своей собственной страны, пока Сотеръ, занимавшій римскую каѳедру съ 168—176 г., не потребовалъ отъ нихъ подчиненія мѣстному обычаю, не считая однако же азіатскаго обычая препятствіемъ къ общенію съ другими церквами. Его второй преемникъ, Викторъ, усвоилъ совершенно другой образъ дѣйствія [3]). Нѣкій Властъ, азіатскій христіанинъ, прибывъ въ Римъ, настаивалъ на соблюденіи азіатскаго обычая, и около этого же самаго времени обычай этотъ сталъ возбуждать подозрѣніе, какъ знакъ монтанизма, которымъ дѣйствительно повидимому былъ зараженъ Властъ [4]). Эти обстоятельства съ основаніемъ могли побудить Виктора употребить свое вліяніе для установленія однообразія во всей церкви; но онъ жестоко погрѣшилъ въ самомъ образѣ своей попытки. Въ различныхъ, далеко отстоящихъ одна отъ другой странахъ,—въ Палестинѣ, Понтѣ, Осроенѣ, Греціи и Галліи, составились соборы, повидимому по его желанію: всѣ они заявили, что обычай ихъ собственныхъ церквей вполнѣ согласенъ съ обычаемъ римской, и вообще благопріятно отнеслись къ желаніямъ Виктора [5]). Азіатскіе христіане, однакоже, на своемъ соборѣ отказались отступить отъ своего традиціоннаго правила. Поликарпъ, епископъ ефесскій, человѣкъ, выдававшійся какъ по мѣсту своего служенія, такъ и по своему личному авторитету, писалъ Виктору въ пользу своихъ братьевъ: онъ ссылался на апп. Филиппа и Іоанна, вмѣстѣ съ другими высокочтимыми лицами, украшавшими церковь Азіи, какъ на освящавшихъ своимъ примѣромъ обычай празднованія пасхи 14 нисана, и самъ заявлялъ рѣшимость держаться этого обычая, какъ апостольскаго по своему происхожденію и не осужденнаго въ св. Писаніи, не опасаясь угрозъ Виктора прервать общеніе съ нимъ. Тогда Викторъ въ повелительномъ письмѣ отлучилъ азіатскихъ христіанъ отъ общенія съ Римомъ и старался добиться подобнаго же осужденія для нихъ отъ другихъ вѣтвей церкви. Въ этомъ однакоже онъ разочаровался. Самая мысль объ исключеніи столь большой массы христіанъ отъ церковнаго общенія непріятно поразила общее мнѣніе: многіе епископы рѣзко возражали Виктору и увѣщевали его оставить это свое намѣреніе [1].

---

[1]) *Lampridius*, Vita Heliogab., 3, 6. Gibbon, I, 133, 139.

[2]) См. выше, стр. 25.

[3]) Споръ этотъ относится къ 196—198 г.

[4]) Азіатскіе монтанисты дѣйствительно были квартодециманы, хотя и не видно, чтобы секта соблюдала тотъ же самый обычай въ другихъ мѣстахъ. Епископъ Гефеле предполагаетъ, что Викторъ противился этому обычаю какъ признаку евіонитства (I, 301).

[5]) Euseb. V, 23.

Изъ лицъ, старавшихся уладить этотъ споръ, самымъ знаменитымъ былъ Ириней, епископъ Ліонскій. Ириней былъ родомъ изъ Малой Азіи, и въ своей юности зналъ высокочтимаго св. Поликарпа [2], о которомъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій [3] онъ сохранилъ весьма интересныя воспоминанія. Онъ присоединился къ миссіонерской церкви Ліона, и тамъ мучениками при Маркѣ Авреліѣ ему поручено было отнести въ Римъ къ епископу письмо, въ которомъ они старались уладить споры монтанистической полемики, и повидимому во время этого своего отсутствія онъ былъ избранъ епископомъ на мѣсто Поѳина [4]. Въ теченіе первыхъ лѣтъ его епископства, слава его учености и дарованія была установлена большимъ трудомъ, который служитъ главнымъ источникомъ свѣденій касательно гностическихъ ересей, и благодаря своимъ связямъ какъ съ востокомъ, такъ и съ западомъ (онъ былъ „четыредесятникомъ“ по своей прежней жизни, но послѣдователемъ римскаго обычая въ своей собственной церкви), онъ хорошо былъ подготовленъ съ успѣхомъ дѣйствовать въ качествѣ примирителя [5]. Епископъ Ліонскій написалъ отъ имени своей церкви Виктору, увѣщевая его къ умѣренности, указывая приэтомъ на примѣръ Аникета и его предшественниковъ по каѳедрѣ римской и настаивая, чтобы такой вопросъ не дѣлался основаніемъ для перерыва общенія, такъ какъ разнообразіе обычаевъ всегда допускалось въ церкви, и такое разнообразіе въ безразличныхъ предметахъ служило лишь къ подтвержденію аргумента, который могъ быть извлекаемъ изъ согласія всѣхъ церквей касательно существа вѣры.

Благодаря посредничеству Иринея и другихъ, миръ наконецъ былъ возстановленъ. Азіатскіе христіане въ окружномъ письмѣ очистили себя отъ всякаго подозрѣнія въ еретическихъ наклонностяхъ, и имъ позволено было держаться своего обычая до времени Никейскаго собора [6].

Едва ли нужно замѣчать, что попытка обратить это дѣло въ пользу позднѣйшихъ папскихъ притязаній совершенно неудачна. Образъ дѣйствія Виктора, правда, можетъ считаться какбы предвѣстіемъ дѣйствія его преемниковъ, выступавшихъ въ полнотѣ своего высокомѣрія; но его притязанія были гораздо скромнѣе ихъ; составленіе соборовъ, хотя и состоявшееся по его просьбѣ, было свободнымъ дѣломъ мѣстныхъ епископовъ; самъ онъ прямо подвергался укорамъ за принятыя имъ мѣры, и въ отношеніи къ нему не было ни малѣйшаго признака, чтобы его считали выше другихъ, и его предположенія вслѣдствіе этого совершенно рушились.

---

[1] Euseb. v, 24.

[2] Iren. III, III, 4.

[3] Въ посланіи къ Флорину, отрывокъ изъ котораго сохраненъ у Евсевія, v, 20.

[4] Euseb. v; 3, 4.

[5] Евсевій (v, 24) указываетъ на согласіе между именемъ Ириней („мирный“) и его трудами въ пользу мира.

[6] Арелатскій соборъ ~~413~~ года постановилъ, чтобы Пасха повсюду праздно- 314

Что касается ересей этого періода, то онѣ оказываются, по своему характеру, различными отъ тѣхъ, съ которыми мы встрѣчались доселѣ. Основнымъ вопросомъ гностицизма былъ вопросъ касательно происхожденія зла, и заблужденіе этихъ сектантовъ состояло въ попыткѣ разрѣшить этотъ вопросъ умозрѣніями, которыя главнымъ образомъ выводились изъ какого нибудь другаго источника, а не изъ христіанскаго откровенія. Но новыя ереси выходили уже болѣе изъ круга христіанскихъ идей. Съ одной стороны тутъ мы видимъ практическую, аскетическую, фанатическую секту Монтана; съ другой стороны умозрѣніе принимаетъ форму старанія изслѣдовать и опредѣлить библейское ученіе касательно Спасителя и Божества.

Происхожденіе монтанизма относится къ болѣе раннему времени, чѣмъ до какого мы дошли теперь. Св. Епифаній 1) въ одномъ мѣстѣ относитъ его къ такому раннему времени, какъ 126 годъ, хотя въ другомъ мѣстѣ онъ относитъ его къ 157 году; Евсевій полагаетъ его происхожденіе въ 173 2) и другіе около 150 года 3). Основатель его, родомъ изъ Мизіи, былъ язычникъ и вѣроятно жрецъ Цибелы 4). Вскорѣ послѣ своего обращенія въ христіанство онъ началъ подвергаться припадкамъ экстаза и изрекать различныя бредни, которыя удостоивались названія пророчествъ. Его изступленность скоро заразила двухъ богатыхъ и хорошаго положенія женщинъ—Максимиллу и Прискиллу, которыя оставили своихъ мужей и сдѣлались пророчицами вмѣстѣ съ нимъ 5). Изреченія Монтана и его спутницъ направлялись къ введенію болѣе строгой системы, чѣмъ та, которая дотолѣ господствовала въ церкви. Они

валась „въ одинъ день и въ одно время“ (правило первое); но это правило не оказывало вліянія на Востокъ.

1) Haeres. LI, 33; XLVIII, 1.

2) *Euseb.* Chron. ap. Hieron, VIII, p. 630.

3) Аполлоній, древнѣйшій писатель, писавшій при Коммодѣ, полагаетъ происхожденіе его на 40 лѣтъ раньше (Ap. Euseb. H. E. V, 18); Епифаній (XLVIII, 1) говоритъ, что онъ явился около 19 года царствованія Антонина Пія (48 г.).

4) Это выводится изъ названія его „евнухомъ“ (Hieron. Ep. XLI, 4) и „жрецомъ идола“ (*Didym.* De Trinit. III, 41). Швеглеръ, одинъ изъ членовъ Тюбингенской школы, считаетъ его миѳомъ! Giesel. I, 2, p. 196.

5) Euseb. V, 14, 16, 18.

увеличили уже существовавшіе посты и усилили строгость ихъ соблюденія; вторые браки они считали одинаковыми по преступности съ прелюбодѣяніемъ; запрещали военную службу и свѣтскую жизнь вообще; отвергали какъ свѣтскую ученость, такъ и роскошь въ женской одеждѣ и увеселенія всякаго рода. Они излагали суровыя правила касательно покаянія, заявляя, что церковь не имѣетъ права отпускать грѣховъ посѣ крещенія, хотя и допускали такую власть для монтанистскихъ пророковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они учили, что нѣкоторые грѣхи должны навсегда отлучать отъ общенія святыхъ на землѣ, хотя и не отрицали, что милость Божія могла впослѣдствіи простираться и на нихъ [1]).

Успѣхъ секты зависѣлъ не отъ характера или способностей ея основателя, который повидимому былъ человѣкомъ слабаго и безпорядочнаго ума. Въ области своего происхожденія, она была сродна съ характеромъ самаго народа, какъ видно изъ преобладанія дикаго культа Вакха и Цибелы среди фригійцевъ въ раннія времена. Преслѣдованіе, которому подверглись сектанты, еще болѣе распалило воображеніе этихъ пророковъ, такъ что они дошли до изступленной ярости, что еще болѣе содѣйствовало распространенію ихъ оракуловъ. Проникая въ другія страны, монтанизмъ нашелъ цѣлыя массы населенія уже подготовленными къ нему своимъ духовнымъ настроеніемъ, такъ что ему оставалось только пожинать богатую жатву. Онъ имѣлъ особенную привлекательность для болѣе строгихъ людей заявленіемъ мысли о болѣе строгой жизни, чѣмъ какою была жизнь обычныхъ христіанъ; для слабыхъ—предложеніемъ руководства точныхъ правилъ, въ которыхъ евангеліе ограничивало себя наложеніемъ общихъ началъ; для лицъ восторженныхъ и любящихъ возбужденіе—своими притязаніями на пророческіе дары; для гордыхъ—заявленіемъ осуществленія чистой и непорочной таинственной церкви въ точно опредѣленной видимой общинѣ, и поощреніемъ своихъ приверженцевъ считать себя духовными и съ презрѣніемъ или отвращеніемъ относиться ко всѣмъ другимъ христіанамъ, какъ плотскимъ или „душевнымъ“.

Монтана обвиняли въ томъ, что онъ называлъ себя Параклитомъ (Утѣшителемъ), и даже провозглашалъ себя всемогущимъ Отцемъ [2]). Послѣднее обвиненіе есть ошибка, основанная на томъ обстоятельствѣ, что онъ изрекалъ свои оракулы во имя Отца, между тѣмъ какъ онъ въ дѣйствительности считалъ себя не болѣе какъ Его органомъ. Въ дѣйствительности онъ не утверждалъ даже и того, что онъ св. Духъ или Параклитъ; но онъ училъ, что обѣтованіе объ Утѣшителѣ не ограничивалось апостолами, и что будучи не вполнѣ осуществлено въ нихъ, оно теперь полнѣе осуществилось въ немъ и въ его спутницахъ. Развитіе откровенія пояснялось развитіемъ человѣка: монтанисты утверждали, что іудейство было дѣтствомъ, новый завѣтъ былъ юностью и завѣтъ Параклита — зрѣлымъ возрастомъ. Новое откровеніе, однако же, ограничивалось только развитіемъ учрежденій и ученія; оно не касалось установившейся вѣры христіанъ, а только подтверждало ее 1).

---

[1]) Epiph. xlviii, 4.

[2]) Epiph. xlviii, 11.

Монтанисты думали, что душа, подъ пророческимъ вдохновеніемъ, находилась просто въ пассивномъ состояніи, причемъ Духъ дѣйствовалъ чрезъ нее, „какъ плектръ чрезъ лиру“ 2). Это сравненіе прилагалось Іустиномъ Мученикомъ къ вдохновенію еврейскихъ пророковъ 3). Но мысль эта, послѣ ея воспринятія монтанистами, была опровергаема противниками ихъ системы, изъ которыхъ иные утверждали, что библейскіе пророки не только сохраняли свое человѣческое сознаніе, но и ясно понимали исполненіе того, о чемъ они предсказывали 4). Скоро послѣ происхожденія секты, нѣкоторые епископы хотѣли испробовать дѣйствіе изгнанія бѣсовъ изъ пророчицъ, но монтанисты не позволили сдѣлать этого опыта 5).

Послѣ своего отлученія отъ церкви, Монтанъ образовалъ общество проповѣдниковъ, которые содержались на счетъ приношеній своихъ послѣдователей, и, не смотря на исповѣдуемую строгость, сектанты сильно обвиняемы были своими противниками въ лицемѣріи, похотливости и роскоши 6). Степень епископа была только третьей въ монтанистической іерархіи,—причемъ выше его были патріархи и *кеноны* 7). Патріархъ жилъ въ Пепузѣ, маленькомъ городѣ или селеніи во Фригіи, которому сектанты придали таинственное названіе Іерусалима, высказывая вѣру, что онъ будетъ мѣстомъ тысячелѣтняго царства, бывшаго главнымъ предметомъ ихъ ожиданій и надеждъ. Отсюда они получили названіе пепузіанъ или катафригійцевъ 8).

Одинъ древній писатель говоритъ, хотя и не безъ сомнѣнія, что какъ Монтанъ, такъ и Максимилла закончили свою жизнь самоубійствомъ чрезъ повѣшеніе, около 40 лѣтъ спустя послѣ происхожденія ихъ секты 9). Разсказъ этотъ, если бы онъ былъ вѣренъ,

---

1) Пророчицы имѣли видѣнія, которыя какбы подтверждали ученіе о воскресеніи въ противоположность гностикамъ. Но нѣкоторые изъ позднѣйшихъ монтанистовъ подверглись обвиненію въ отрицаніи различія лицъ Божества. *Theodoret*. Haer. iii, 2.

2) Epiph. xlviii, 4. Хотя во многихъ пунктахъ монтанизмъ невольно напоминаетъ о новѣйшихъ магнитическихъ сеансахъ, мнѣніе барона Бунзена (Hippolytus, i, 384), что Монтанъ, говоря такъ, имѣлъ тутъ въ виду самого себя (въ качествѣ Параклита), какъ совершавшаго магнитическія операціи, кажется слишкомъ натянутымъ.

3) Cohort. ad Graecos, 8; сн. Apol. i, 36.

4) Epiph. xlviii, 3, 8.

5) Euseb. v, 16, 18.

6) *Аполоній* Ap. Euseb. v, 18.

7) Hieron. Ep. xli, 3. Ни издатели бл. Іеронима, ни историки не объясняютъ этого слова. (cenones).

8) Euseb. v, 18; Epiph. xlviii, 14; *Theodoret*. Haer. iii, 2

9) Anon. Ap. Euseb. v, 16.

скорѣе бы доказывалъ, что они были жертвами болѣзненной меланхоліи, чѣмъ служитъ основаніемъ для дѣлавшихся изъ него заключеній противъ ихъ нравственности. Максимилла предсказывала, что ни одна пророчица не возстанетъ послѣ нея, но что немедленно настанетъ кончина міра [1]; тѣмъ не менѣе мы находимъ, что и другія женщины возбужденнаго темперамента приписывали себѣ пророческій характеръ среди монтанистовъ. Образъ дѣйствія одной изъ нихъ, впадавшей, по свидѣтельству Тертулліана, въ изступленія, во время которыхъ къ ней обращались за откровеніями касательно невидимаго міра и за медицинскими предписаніями,—носитъ замѣчательное сходство съ нѣкоторыми фактами изъ новѣйшаго времени.

На западѣ монтанизмъ сначала былъ принятъ хорошо. Онъ обратилъ на себя вниманіе ліонскихъ мучениковъ во время ихъ тюремнаго заключенія, и они въ письмахъ какъ къ Азіатскимъ церквамъ, такъ и къ Елевѳерію, епископу Рима, не подтверждая притязаній секты, совѣтывали, чтобы къ ней относились снисходительно [2]. Она извлекала пользу изъ крайностей нѣкоторыхъ ея противниковъ, которые въ своей ревности противодѣйствовать выводамъ, дѣлавшимся изъ писаній ап. Іоанна, какъ въ отношеніи обѣтованій Утѣшителя, такъ и въ отношеніи тысячелѣтняго царства Христова, отрицали подлинность этихъ писаній и приписывали ихъ еретику Керинѳу [3]; и то обстоятельство, что Азіатская церковь, въ то самое время, когда она находилась въ спорѣ съ Римскою церковью касательно празднованія пасхи и осуждала монтанистовъ, считалось на западѣ признакомъ ихъ православія. Викторъ уже готовъ былъ формально признать ихъ, какъ одинъ азіатскій христіанинъ, по имени Праксій, обладавшій большимъ вліяніемъ въ качествѣ исповѣдника, прибылъ въ Римъ и своимъ докладомъ касательно существа этой партіи убѣдилъ епископа измѣнить свое мнѣніе и отлучить ихъ.

Монтанисты громко жаловались на несправедливость того, что ихъ отлучили отъ церкви, между тѣмъ какъ они желали оставаться въ общеніи съ нею. Эта жалоба однако же была только новымъ примѣромъ обычной неспособности членовъ партіи безпристрастно отнестись къ своему собственному дѣлу. Строгостью своей дисциплины, презрѣніемъ, съ которымъ члены его относились къ большинству христіанъ, распространеніемъ своихъ ученій подъ давленіемъ мнимаго откровенія, самъ монтанизмъ уже раньше въ дѣйствительности отлучилъ церковь, и нельзя сомнѣваться, что если бы къ нему относились съ терпимостью, онъ не ограничился бы ничѣмъ другимъ кромѣ главенства. Кромѣ того, духъ его былъ совершенно противоположенъ установленной власти церкви. На обыкновенныя должности монтанисты смотрѣли съ презрѣніемъ какъ на просто душевныя: епископы объявлялись ниже пророковъ, и сами пророки отличались не внѣшнимъ рукоположеніемъ, но духовными дарами, такъ что они могли принадлежать ко всякому классу. Нечего удивляться, если положеніе, которое заняли монтанисты по отношенію къ государству, также отчасти побуждало болѣе мирныхъ христіанъ порывать всякую связь съ ними; потому что ихъ пророчества по большей части состояли въ томъ, чтó по римскому закону считалось государственной измѣной, именно въ предсказаніяхъ о различныхъ бѣдствіяхъ и приближающемся паденіи гонительской Имперіи.

---

[1] Epiph. xlviii, 2. Анонимный писатель, приводимый Евсевіемъ (v, 16), говоритъ, что по смерти Максимиллы въ теченіе 14 лѣтъ не появлялось никакой другой пророчицы.

[2] Euseb. v, 3.

[3] Epiph. li, 3. Такіе назывались *алогами*, каковое названіе имѣетъ двоякое значеніе, указывающее на отверженіе ими Писаній, въ которыхъ упоминается о Логосѣ, а равно и на то, что они были *безъ разума*.

Суровый духъ секты возбуждалъ ея членовъ добиваться гоненія. Ихъ ревность къ мученичеству поддерживалась ученіемъ, что души мучениковъ сразу войдутъ въ наслажденіе полнымъ блаженствомъ, между тѣмъ какъ души другихъ праведниковъ получатъ полное вознагражденіе только по кончинѣ міра. Монтанисты, однако же, благодаря своимъ взглядамъ на покаяніе, воздерживались отъ злоупотребленій, которыя возникали въ другихъ мѣстахъ касательно права мучениковъ въ дѣлѣ раздачи особыхъ отпустительныхъ грамотъ [1].

Хотя секта и ея развѣтвленія продолжали существовать въ теченіе нѣкотораго времени и нѣкоторые остатки ея существовали даже въ VI столѣтіи или еще позже [2], главный успѣхъ монтанизма достигнутъ былъ инымъ путемъ, именно въ смыслѣ введенія многихъ его характеристическихъ чертъ въ церковь [3]. Вѣроятно, своему сродству съ духомъ, впослѣдствіи получившемъ преобладаніе на западѣ, монтанизмъ и обязанъ тѣмъ преимуществомъ, которымъ одинъ только онъ обладаетъ изъ древнихъ ересей, именно, что онъ дошелъ до насъ въ неискаженномъ изложеніи одного изъ его собственныхъ поборниковъ [4].

Тертулліанъ, вѣроятно, былъ самымъ знаменитымъ человѣкомъ, какого только церковь видѣла съ дней апостольскихъ. Характеръ его находитъ полное и ясное отображеніе въ его твореніяхъ, но обстоятельства его жизни весьма темны. Онъ былъ родомъ изъ

---

[1] Neander, II, 219. См. ниже, глава VI.

[2] Ѳеофанъ говоритъ о преслѣдованіи нѣкоторыхъ монтанистовъ Львомъ Исавріаниномъ въ 723 году, но подлежитъ сомнѣнію, были ли это члены такъ называвшейся древней секты.

[3] Одинъ изъ знаменитѣйшихъ поборниковъ римскаго католицизма въ новѣйшее время, именно Нюманъ, не смущается считать монтанизмъ преддверіемъ этой средневѣковой системы.

[4] Трактатъ Тертулліана о пророческомъ экстазѣ однако же потерянъ.

Карѳагена, сынъ сотника и по предположенію родился около 160 года. Отъ него самого мы знаемъ, что первоначально онъ былъ язычникъ и, какъ таковой, причастенъ былъ къ господствующимъ порокамъ своихъ соотечественниковъ [1]. Что онъ сначала принадлежалъ къ классу адвокатовъ, это кажется вѣроятнымъ какъ изъ его знакомства съ законами и изъ употребленія юридическихъ терминовъ, такъ и изъ самаго характера его аргументаціи. Вдобавокъ къ своей законнической учености, онъ вмѣстѣ съ обширною начитанностью въ поэзіи и общей литературѣ обнаруживаетъ знаніе физической и естественной философіи, и владѣлъ греческимъ языкомъ до такой степени, что могъ писать на немъ трактаты [2].

Послѣ своего обращенія въ христіанство, онъ сдѣлался пресвитеромъ церкви и въ этомъ состояніи жилъ какъ въ Карѳагенѣ, такъ и въ Римѣ. Его уклоненіе въ монтанизмъ, совершившееся въ среднихъ лѣтахъ его жизни, приписывается бл. Іеронимомъ [3] зависти и пренебреженію, которымъ онъ подвергся со стороны римскаго духовенства; но хотя и весьма возможно, что Тертулліанъ могъ встрѣтить со стороны этого послѣдняго обращеніе, которое могло возбудить въ его нетерпѣливомъ характерѣ крайнее негодованіе [4], указываемая причина однако-же вообще подвергается сомнѣнію и въ дѣйствительности она совершенно излишня въ дѣлѣ объясненія его присоединенія къ партіи, мнѣнія и обычаи которой такъ хорошо согласовались съ его собственнымъ природнымъ настроеніемъ. Въ теченіе послѣдующей исторіи мы не разъ увидимъ, какъ высоко одаренные люди оставляли православную общину, отвлекаемые или безпокойнымъ духомъ умозрѣнія или желаніемъ осуществить идеалъ безпорочной церкви, въ томъ видѣ, какой св. Писаніе повидимому представляетъ недосягаемымъ [5].

Что касается событій жизни Тертулліана и его сочиненій, то не только нельзя установить ихъ съ опредѣленностью, но невозможно даже рѣшить, какое изъ его сочиненій было написано раньше и какое послѣ уклоненія въ ересь. Съ одной стороны предметъ произведенія, принадлежащаго къ его монтанистическому періоду, можетъ быть такимъ, что не даетъ мѣста для выясненія особенностей его секты; съ другой стороны, строгость тона, повидимому отзывающаяся характеромъ монтанизма, можетъ быть просто результатомъ настроенія самого автора или характеристическою особенностью болѣе строгаго класса людей внутри самой церкви. Геній Тертулліана мраченъ и суровъ; духъ евангелія является въ немъ сильно окрашеннымъ природой человѣка. Онъ имѣетъ замѣчательную способность къ сильной аргументаціи и сжатой выразительности; тонкость, острота и глубина; остроуміе, вмѣстѣ колкое и тонкое; пылъ, переносящій его чрезъ всѣ препятствія и почти увлекающій вмѣстѣ съ нимъ читателя,—суть наиболѣе яркія характеристическія черты его; но его душа есть вообще лишь душа адвоката, и ей совершенно не достаетъ спокойствія, устойчивости и способности къ безстрастному сужденію. Его языкъ грубъ и не обработанъ, затемненъ устарѣлыми[1]) и новоизобрѣтенными словами, необдѣланными построеніями и озадачивающими намеками. Его стиль, какъ въ мысли, такъ и въ выраженіи отличается напыщенностью и преувеличеніемъ. Рѣчь Тертулліана весьма замѣчательна въ другомъ отношеніи и важна какъ самый ранній образецъ церковнаго латинскаго языка: доселѣ языкомъ западныхъ церквей не только въ греческихъ колоніяхъ Галліи, но и въ самомъ Римѣ былъ языкъ греческій, какъ общее средство сообщенія и языкъ, на которомъ писались христіанскія сочиненія. Если Минуцій Феликсъ былъ (какъ предполагаютъ нѣкоторые) старше Тертулліана, то предметъ его трактата не былъ такимъ, который бы требовалъ употребленія какихъ-нибудь спеціально богословскихъ терминовъ; поэтому созданіе технической христіанской латыни должно быть приписано этому именно великому африканскому писателю.

---

[1] Apol. 18; De Poenit. 1; De Resurr. Carnis. 59.

[2] Онъ самъ намекаетъ на это. De Baptismo, 15; De Virg. Veland. 1; De Corona, 6.

[3] De Vir. Illustr. c. 53.

[4] Тертулліанъ самъ сознавалъ недостатки своего темперамента, какъ это видно изъ его трактата De Patientia, I.

[5] См. *Vincent. Lirin.*, Commonit., 17, 18.

Апологія Тертулліана почти несомнѣнно составлена до его отпаденія [2]) и есть образцовое произведеніе того класса сочиненій, къ которому она принадлежитъ. Въ ней онъ, съ свойственною ему силою и со всею свѣжестью новизны, настаиваетъ на тѣхъ предметахъ, которые уже выдвинуты были ранними апологетами, хотя присоединяетъ и многіе новые доводы, какъ въ пользу евангелія, такъ и въ опроверженіе язычества, и даетъ читателямъ позднѣйшихъ временъ много любопытныхъ свѣденій касательно исторіи и состоянія церкви. Онъ сознавалъ себя въ правѣ настаивать на успѣхѣ христіанства, какъ на доводѣ въ его пользу: „мы народъ вчерашняго дня", говоритъ онъ, „и однако же мы наполнили всякое принадлежащее вамъ мѣсто—города, острова, замки, поселенія, собранія, вашъ собственный лагерь, ваши племена, общества, дворецъ, сенатъ, форумъ. Мы оставляемъ вамъ только ваши храмы. Мы можемъ сосчитать ваши войска; численость наша въ одной провинціи будетъ больше" [3]). Особенно замѣчателенъ тотъ способъ, которымъ онъ отвѣчаетъ на обвиненіе противъ его собратьевъ въ невѣрности государству; онъ указываетъ на то (уже отмѣченное) обстоятельство, что среди приверженцевъ пораженныхъ соперниковъ императора совершенно не оказалось христіанъ, и въ качествѣ основанія, почему христіане считаютъ себя обязанными молиться за продолженіе существованія Имперіи, выставляетъ вѣру, что она служитъ препятствіемъ, о которомъ ап. Павелъ говоритъ какъ объ удерживающемъ явленіе антихриста [1]. Въ позднѣйшемъ апологетическомъ сочиненіи, именно въ „рѣчи къ Скапулѣ“ [2], Тертулліанъ опять отстаиваетъ вѣрноподданность христіанъ; но при этомъ заявляетъ, что кровь святыхъ не можетъ проливаться, не навлекая возмездія. Тонъ его исполненъ презрѣнія и гнѣва; онъ съ особенною силою указываетъ на бѣдствія и знаменія времени какъ на признаки и предвѣстіе гибели, которая должна была обрушиться на гонителей.

---

[1]) Неандеръ ссылается на высокій авторитетъ Нибура въ подтвержденіе мнѣнія, что провинціализмы Тертулліана не пуническаго характера (какъ предполагали), но чисто латинскіе архаизмы.

[2]) Она обыкновенно относится къ 197 или 198 году.

[3]) Apol. 37.

Присоединившись къ монтанистамъ, Тертулліанъ принялъ ихъ ученіе во всей его суровости. Презрѣніе „духовнаго“ человѣка къ „душевной“ церкви выразилось въ немъ со всею запальчивостью его характера и со всею силою его выраженія. Хотя самъ онъ былъ женатъ (если не теперь, то раньше), онъ сильно возставалъ противъ брака; послѣдовательную женитьбу на двухъ женахъ онъ считаетъ не меньшимъ преступленіемъ, чѣмъ женитьбу на двухъ сразу; онъ готовъ былъ отлучать второженцевъ отъ церкви безъ всякой надежды на допущеніе къ ея общенію, хотя и не отрицалъ, что Богъ можетъ принять ихъ искреннее покаяніе [3]. Его взгляды на покаяніе въ высшей степени суровы; онъ отрицаетъ, что церковь можетъ отпускать смертный грѣхъ послѣ крещенія, но приписываетъ власть отпущенія пророкамъ своей собственной секты [4]. Онъ совершенно осуждаетъ военную службу, какъ несовмѣстимую съ христіанскимъ долгомъ и неразрывно связанную съ языческими обрядами [5], хотя и находитъ себя вынужденнымъ св. Писаніемъ [6] сдѣлать исключеніе въ пользу лицъ, которыя состояли въ военной службѣ до своего обращенія; но право ихъ оставаться въ военной службѣ у него обставлено такими условіями, которыя практически уничтожаютъ его. Впрочемъ, мнѣніе касательно незаконности военной службы повидимому не было особенностью его монтанистическаго періода [7]. Одинъ изъ его трактатовъ написанъ былъ въ оправданіе воина, который преданъ былъ смерти за отказъ носить гирлянду по случаю наградъ, данныхъ въ честь императора. Тертулліанъ доказываетъ, что такое употребленіе цвѣтовъ есть грѣховная суетность, такъ какъ оно не только языческое, но и противное природѣ [1]. Въ трактатѣ „о зрѣлищахъ“ онъ запрещаетъ всякое присутствіе на общественныхъ увеселеніяхъ и подкрѣпляетъ свои обличенія разсказами о наказаніяхъ, постигшихъ лицъ, которыя присутствовали при нихъ. Онъ считаетъ бѣгство во время опасности грѣхомъ хуже отреченія отъ Христа во время мукъ, и думаетъ, что христіане должны даже напрашиваться на гоненія [2].

---

[1] Apol. 32 (2 Өесс. II, 7).

[2] Рѣчь эта относится къ монтанистическому періоду и была написана въ началѣ царствованія Каракаллы, когда гоненіе еще не прекратилось (около 211 года).

[3] De Monogam. 15; De Pudicitia, 1.

[4] De Pud. 21.

[5] De Corona, 11.

[6] Лук. III, 14; Матө. VIII, 10; Дѣян. X, 29.

[7] См. De Patientia, 7.

Какъ ни ожесточеннымъ сдѣлался Тертулліанъ въ своемъ тонѣ противъ оставленной имъ общины, онъ однако же не предавался исключительно дѣлу поношенія, какъ это дѣлали многіе въ подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ продолжалъ быть поборникомъ евангелія противъ язычества и іудейства; въ трактатахъ противъ Маркіона, Валентина, Гермогена [3], Праксея и другихъ еретиковъ онъ защищалъ общее дѣло какъ своей секты, такъ и церкви. Бл. Августинъ свидѣтельствуетъ, что въ позднѣйшіе годы своей жизни онъ сдѣлался главою отдѣльной партіи „тертулліанистовъ“, остатки которой возвратились въ церковь во времена самого Августина и вѣроятно вслѣдствіе его увѣщаній [4].

Недовѣріе къ теоріямъ, въ послѣднее время злоупотреблявшимъ терминомъ „развитіе“, не должно возбуждать въ насъ предубѣжденія противъ допущенія, что ученіе церкви о высочайшихъ предметахъ подчинялось процессу, для котораго можетъ быть и нельзя подъискать болѣе подходящаго названія. Это развитіе дѣлалось необходимымъ по обстоятельствамъ самаго дѣла; цѣлью его было привести къ ясной и научной формѣ истины, которыя дотолѣ содержались съ неменьшею очевидностью, хотя умы людей и не занимались точнымъ опредѣленіемъ ихъ. Такъ, мы можемъ представить напр., что главныя истины божества и человѣчества Христа Спасителя могли быть признаваемы христіанами съ самаго начала, но что только въ позднѣйшее время такое вѣрованіе достигло полнаго сознанія, когда было изслѣдовано, что собственно означаетъ божество и что человѣчество, и каковы условія ихъ соединенія въ одномъ лицѣ Спасителя. Гдѣ даны начала истины, тамъ всякому просвѣщенному и освященному обѣтованными дарами Утѣшителя уму предстоитъ законная задача извлекать надлежащіе выводы изъ нихъ. Когда предлагалось мнѣніе хотя-бы новое только по выраженію, то христіанамъ приходилось съ большею отчетливостью чѣмъ прежде спрашивать себя, какова ихъ вѣра по этому предмету, согласна ли она или несогласна съ тѣмъ, что теперь представлялось имъ; сравнить свое мнѣніе съ мнѣніемъ своихъ собратьевъ и сообща съ ними или допустить ученіе какъ здравое, или отвергнуть его какъ противное вѣрѣ, въ которой они были воспитаны. Такимъ образомъ и бывало, что истина въ своей полнотѣ выяснялась именно вслѣдствіе нападеній заблужденія, и то, что было лишь чувствомъ и убѣжденіемъ, постепенно выражалось въ точныхъ и формальныхъ догматахъ [1]. Отсюда мы можемъ понять, что ранніе христіанскіе писатели могли употреблять много несовершенныхъ и неточныхъ выраженій касательно высшихъ предметовъ, могли даже имѣть недостаточное пониманіе въ отношеніи подробностей ученія [2], могли употреблять термины, которые церковь впослѣдствіи осудила, и могли смущаться терминами, которые церковь впослѣдствіи освятила, и однакоже эта ихъ вѣра была здрава сама по себѣ, вѣрно сохраняла преданія апостоловъ и была тождественна съ вѣрованіемъ позднѣйшей церкви. Въ дѣйствительности не будетъ ничего унизительнаго для вѣрующихъ послѣ-апостольскаго вѣка, если мы скажемъ, что по такимъ вопросамъ они имѣли менѣе знаній, чѣмъ вѣрующіе послѣдующаго времени. Ихъ дѣломъ было не изслѣдовать, но дѣйствовать. Ихъ богослуженіе и вся ихъ христіанская жизнь предполагали собою истинную вѣру; ихъ сочиненія проникнуты убѣжденіемъ въ ней; но такъ какъ мужи, знавшіе апостоловъ или ихъ непосредственныхъ учениковъ, оставили поприще жизни, то пришлось менѣе полагаться на преданіе и болѣе обращаться къ апостольскимъ писаніямъ. При помощи этихъ послѣднихъ вѣра теперь и подвергалась испытанію, подтвержденію и систематизаціи.

---

[1] De Cor. 7—10.

[2] De Fuga in persecutione. Другой трактатъ Scorpiacae направленъ противъ гностическаго уничиженія мученичества и уклоненія отъ него.

[3] Гермогенъ былъ живописецъ по ремеслу и землякъ Тертулліана, который съ гнѣвомъ возсталъ противъ него не только вслѣдствіе практическаго противодѣйствія Гермогена монтанистической суровости въ дѣлѣ его искусства (которое допускало изображеніе языческихъ предметовъ) и во второженствѣ, но и неправославности его мнѣній (Adv. Hermog. 1). Подобно гностикамъ, онъ приписывалъ происхожденіе зла матеріи. Богъ, доказывалъ онъ, долженъ былъ создать міръ или во 1) отъ самого Себя, или во 2) изъ ничего, или въ 3) изъ чего нибудь: первое предположеніе невозможно, потому что по нему міръ былъ бы частью самого Бога и поэтому не былъ бы сотворенъ совсѣмъ; второе невозможно потому, что Богъ нетолько хочетъ творить то, что хорошо, но и знаетъ, какъ творить его; существованіе зла было бы необъяснимымъ въ такомъ случаѣ. Поэтому, Онъ долженъ былъ сотворить міръ, включая какъ тѣла, такъ и души людей, изъ матеріи, и недостатки въ твореніи возникаютъ не отъ Его воли, но отъ природы самой матеріи (с. 2). Гермогенъ, повидимому, не основалъ секты и умеръ въ общеніи съ церковью; и такъ какъ Тертулліанъ не обвиняетъ его въ какихъ нибудь другихъ заблужденіяхъ, кромѣ упомянутыхъ, то нѣкоторые другіе ранніе писатели быть можетъ ошибались, приписывая ему вѣрованіе, что Спаситель оставилъ Свое тѣло на солнцѣ. Бл. Августинъ, однако же, называетъ его савелліаниномъ (De Haeres. 41). Одно мѣсто въ трактатѣ Тертулліана противъ него знаменательно вслѣдствіе того, что, повидимому, отрицаетъ вѣчность Сына Божія (с. 3).

[4] *Aug.* De Haer. 86 (Patrol. xʟɪɪ, 46).

---

[1] Vinc. Lirin, 23; *Joh. Scott. Erig.* De Div. Provid. I, 4 (Patrol. 122).

[2] Hieron. Adv. Rufin II, 17 (Patrol XXIII); сн. Aug. De Catech. Rud., 19 тамъ же, XL); на Пс. LIV (тамъ же XXXVI, 643); *Petav.* De Trin. Praev. III, 7, VI.

Въ послѣдніе годы втораго столѣтія, затрудненіе примиренія основной истины божественнаго единства (μονάρχια) съ ученіемъ о тройственномъ имени дало поводъ къ возникновенію двухъ различныхъ формъ ереси [1]. По одной изъ нихъ, единство удерживалось чрезъ отрицаніе божества втораго и третьяго лицъ; во второй имена Отца, Сына и Св. Духа объяснялись лишь просто въ смыслѣ названія трехъ отдѣльныхъ проявленій или видовъ одного и того же божественнаго лица.

Провозвѣстникомъ перваго заблужденія былъ Өеодотъ, родомъ изъ Византіи, который, хотя и кожевникъ по ремеслу, изображается человѣкомъ ученымъ и образованнымъ. Отрекшись отъ Христа во время гоненія, когда братья, арестованные вмѣстѣ съ нимъ, потерпѣли мученичество, онъ отправился въ Римъ, гдѣ сначала былъ хорошо принятъ; но когда исторія его отпаденія сдѣлалась извѣстною, онъ оправдывался тѣмъ, что отрекся не отъ Бога, а отъ человѣка [2]. Такимъ именно образомъ онъ и пришелъ къ своей ереси, которая, повидимому, допускала чудесное зачатіе Спасителя, но считала Его не болѣе какъ человѣкомъ, находившимся подъ божественнымъ руководствомъ [3]. Подобныя мнѣнія вскорѣ затѣмъ были проповѣдуемы Артемономъ, который повидимому не былъ въ связи съ Өеодотомъ, но вообще относится къ одной съ нимъ партіи. Артемонъ заявлялъ, что его ученіе не только основывалось на св. Писаніи, но и было первоначальнымъ, что оно содержалось въ церкви Римской до времени Зефирина, епископство котораго началось въ 202 году; но такое заявленіе нетрудно было опровергнуть ссылкой на св. Писаніе, на гимны и литургическія формы церкви, на писанія раннихъ отцевъ и на то обстоятельство, что вслѣдствіе подобнаго же ученія Өеодотъ былъ отлученъ Викторомъ [4]. Артемонцы повидимому преданы были скорѣе изученію математики и были послѣдователями Аристотелевой философіи, чѣмъ св. Писанія, къ которому они относились самымъ произвольнымъ образомъ, причемъ каждый изъ ихъ болѣе извѣстныхъ учителей имѣлъ особую съ него копію для себя [5].

---

[1] Novatian. De Trin. c. 30 (Patrol. iii), Origen in Joh. ii, 2.

[2] Epiph. liv, 2.

[3] Простое человѣчество поддерживалось раньше евіонитами (см. выше, стр. 41); но Өеодотъ былъ первымъ *языческимъ* ересіархомъ, который держался такого ученія.

[4] Эти основанія приводятся авторомъ „Малаго Лабиринта“ (Ap. Euseb. v, 28), котораго баронъ Бунзенъ отождествляетъ съ авторомъ Philosophumena, приписывая оба эти творенія Ипполиту, епископу Порта. Өеодоритъ говоритъ, что нѣкоторые приписывали Лабиринтъ Оригену, но что стиль оказывается не его; другіе приписывали его Каію Римскому.

[5] Labyrinth. Ap. Euseb. v, 28. Писатель передаетъ разсказъ о нѣкоемъ На-

Другое изъ упомянутыхъ заблужденій,—то, которое считало имена трехъ божественныхъ лицъ простымъ обозначеніемъ различныхъ проявленій одного Божества, повидимому существовало уже во времена Іустина Мученика [1], но теперь оно въ первый разъ нашло ясное выраженіе въ лицѣ Праксея. Это былъ азіатецъ и, въ противоположность Ѳеодоту, пріобрѣлъ своею твердостью во время гоненія извѣстное довѣріе, которое быть можетъ превышало его достоинства и было опасно для равновѣсія его духа. Мы уже видѣли, что онъ прибылъ въ Римъ въ то время, когда Викторъ или какой другой епископъ готовъ былъ признать монтанистовъ, и что его свѣденія, которыми онъ могъ подѣлиться изъ своей собственной опытности въ Азіи, поддерживаемыя его вліяніемъ въ качествѣ исповѣдника, убѣдили епископа отвергнуть ихъ [2]. Но за этой доброй услугой вѣрѣ скоро послѣдовало провозглашеніе его ереси, которую онъ старался обосновать на нѣсколькихъ текстахъ, подводя все остальное св. Писаніе подъ смыслъ ихъ [3]. Послѣдующая исторія его жизни нѣсколько неясна: послѣ отверженія въ Римѣ, онъ, повидимому, перешелъ въ Карѳагенъ и тамъ, по преданію, возвратился къ церкви; но, быть можетъ, это скорѣе означало отреченіе отъ нѣкоторыхъ ученій или выводовъ, ложно приписывавшихся ему. Впослѣдствіи онъ опять поддерживалъ свою ересь, когда именно Тертулліанъ, по предположенію, бывшій главнымъ противникомъ его въ первый періодъ его жизни, написалъ сочиненіе противъ него, которое и служитъ для насъ главнымъ источникомъ свѣденій по этому предмету [4].

Къ этому періоду, повидимому, принадлежатъ и два другихъ учителя того же рода, которые обыкновенно полагаются нѣсколько позже, именно Ноэтъ и Савеллій [5]. Общія свѣденія о Ноэтѣ почти ограничиваются тѣмъ, что онъ былъ изъ Ефеса или Смирны, послѣ провозглашенія своего ученія, былъ подвергнутъ допросу и отлученъ духовенствомъ какого то азіатскаго города, и вскорѣ затѣмъ умеръ [6]. О Савелліѣ лично ничего неизвѣстно, кромѣ

таліѣ, который, пріобрѣтя высокую славу исповѣдника, былъ склоненъ, чрезъ предложеніе большой стипендіи, придать блескъ сектѣ артемонцевъ, сдѣлавшись епископомъ среди нихъ. Онъ неоднократно получалъ предостереженія противъ этого въ сновидѣніяхъ, но не обращалъ вниманія на нихъ, пока наконецъ не имѣлъ видѣнія ангеловъ, которые подвергли его сильнымъ побоямъ, слѣды которыхъ остались на немъ и по пробужденіи. Показавъ эти слѣды и заявивъ глубокое сокрушеніе, онъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ былъ вновь допущенъ въ церковь.

[1] Онъ указываетъ на его существованіе въ своемъ Dial. c. Tryph., 128.

[2] См. выше стр. 69. *Tert*, Adv. Prax. 1.

[3] *Tert*. Adv. Prax. 20.

[4] Тертулліанъ, по предположенію, разумѣетъ самого себя, когда онъ говоритъ, что Праксей былъ опровергнутъ въ Римѣ, per quem Deus voluit (Adv. Prax. 1).

[5] Ноэтъ обыкновенно полагается около 235, а Савеллій около 257 г.

[6] Epiph. LVII, 1.

того, что онъ былъ пресвитеръ Ливійскаго Пентаполя [1]. Но книга, которая издана была въ качествѣ „Философуменъ“ Оригена, но которая въ дѣйствительности была произведеніемъ св. Ипполита, епископа Порта у устья Тибра [2], дѣлаетъ важное дополненіе къ нашимъ свѣденіямъ касательно его. Тамъ сообщается, что Эпигонъ, ученикъ Ноэта, отправился въ Римъ и пріобрѣлъ послѣдователя въ лицѣ нѣкоего Клеомена, который открылъ школу ноэтіанства; что Клеоменъ склонилъ на свою сторону Каллиста, имѣвшаго большое вліяніе на епископа Зефирина (202—218); что епископъ, безграмотный человѣкъ и „жадный къ грязной корысти“, подкупомъ склоненъ былъ къ признанію Клеомена учителемъ и наконецъ самъ сдѣлался его послѣдователемъ; что Каллистъ, коварнымъ образомъ дѣйствія, старался поддерживать равновѣсіе между еретиками и православными; что наслѣдуя Зефирину по каѳедрѣ (218 г.), онъ отвергъ и отлучилъ Савеллія, котораго раньше увлекъ въ заблужденіе, и основалъ новую партію каллистіанъ, которая съ еретическимъ ученіемъ сочетала распущенность жизни и нравственности. Изъ этого свидѣтельства такимъ образомъ явствуетъ, что какъ Савеллій, такъ и нѣкоторые послѣдователи Ноэта, учили въ Римѣ въ первые годы третьяго столѣтія.

Такого рода заблужденіе, которое было общимъ у Праксея, Ноэта и Савеллія, проявлялось въ различныхъ формахъ. Такъ, нѣкоторые учили, что одно Божество обитало въ человѣкѣ — Іисусѣ такимъ образомъ, что оправдывало названіе „патрипассіанинъ“, дававшееся Праксею его противниками, которые доказывали, что такъ какъ имъ не признавалось никакого различія въ лицахъ, то Отецъ долженъ быть тѣмъ самымъ лицомъ, которое пострадало на крестѣ; или, что подъ именами трехъ лицъ разумѣются столько же силъ, исходящихъ изъ одной монады и опять имѣющихъ быть поглощенными ею послѣ исполненія ими своего дѣла. Ноэтъ былъ болѣе утонченнымъ учителемъ, чѣмъ Праксей, и Савеллій болѣе, чѣмъ Ноэтъ. Савеллій училъ, что Богъ самъ въ Себѣ есть монада; но при откровеніи Онъ расширяется въ троичность [3]. Онъ признавалъ „три лица“, но употреблялъ это слово въ томъ смыслѣ, который можно назвать скорѣе просто драматическимъ, какъ обозначающій характеры лишь принятые на себя или изображаемые. Свою мысль Онъ пояснялъ сравненіями съ тремя частями человѣка—тѣломъ, душой и духомъ, и съ троякимъ сочетаніемъ въ солнцѣ—именно формы или вещества, свѣта и тепла [4].

---

[1] *Theodor*. Haer. ii, 9.

[2] Заглавіе „Философумена“ собственно принадлежитъ только первымъ книгамъ, а общее заглавіе „Опроверженіе всѣхъ ересей“.

[3] *Theodor*. Haer. ii, 9, 10.

[4] Epiph. lxii, 1.

Праксей, повидимому, не въ состояніи былъ основать секты. Ѳеодоритъ упоминаетъ о Каллистѣ, какъ преемникѣ Ноэта [1], и его учитель, о ранней жизни котораго дается весьма нелестный отчетъ въ „Философуменахъ“, теперь, благодаря этому произведенію, отождествляется съ канонизованнымъ епископомъ Рима [2]. Но хотя эта ересь при такой поддержкѣ и процвѣтала въ теченіе нѣкотораго времени, ноэтане и каллистіане скоро исчезли. Секта савелліанъ, повидимому, продолжалась до v столѣтія. Впрочемъ она никогда не была многочисленною, и имя Савеллія имѣетъ значеніе не въ качествѣ отдѣльной общины, но въ смыслѣ указанія на одну изъ тѣхъ тенденцій, въ которую впадало умозрѣніе, когда занималось тайной Божества.

Въ этомъ періодѣ мы находимъ, что христіанство и языческая философія, подготовляясь къ продолженію своей борьбы, усвоиваютъ нѣчто изъ вооруженія другъ друга, и Александрія (умственный характеръ которой уже очерченъ былъ выше, въ связи съ происхожденіемъ гностицизма) дѣлается главнымъ сѣдалищемъ какъ философскаго христіанства, такъ и преобразованнаго язычества. Если евангеліе должно было ступить на эту почву, то нужно было, чтобы оно предлагалось въ формѣ привлекательной для людей науки и образованія. Катихизическая школа Александріи, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, существовала уже со времени св. Марка [3]; если такъ, то сначала она, вѣроятно, представляла собою не болѣе, какъ учрежденіе для обученія „оглашенныхъ“,—названіе, дававшееся прозелитамъ, приготовлявшимся къ крещенію. Но около средины ii-го столѣтія она приняла иной характеръ и сдѣлалась семинаріей для воспитанія духовенства и для довершенія назиданія наиболѣе высокообразованныхъ обращенцевъ. Учительскія должности занимались послѣдовательно знаменитыми мужами, изъ которыхъ первымъ извѣстнымъ съ несомнѣнностью былъ Пантенъ, обратившійся изъ стоической философіи [4]. Пантенъ, по описанію его ученика Климента, выдавался изъ всѣхъ своихъ современниковъ; бл. Іеронимъ свидѣтельствуетъ, что онъ составилъ многія толкованія на св. Писаніе, но оказалъ еще большую услугу церкви своимъ устнымъ ученіемъ. Онъ прославился также своимъ миссіонерскимъ путешествіемъ въ Индію [5], каковое названіе въ этомъ случаѣ различно истолковывалось въ смыслѣ Индостана, Аравіи и Еѳіопіи или Абиссиніи.

---

[1] Hieron. iii, 3.

[2] ix, 11—12. Въ Лже-Исидоровыхъ Декреталіяхъ Сильвестра первый изображается осуждающимъ Каллиста за савелліанство, не безъ подозрѣнія, что онъ былъ однимъ изъ его собственныхъ предшественниковъ.

[3] *Hieron.* De Vir. Illustr., 36.

[4] Euseb. v, 10. Что касается Аѳинагора, см. выше стр. 29.

[5] Euseb. v, 10.

Хотя порядокъ событій его жизни не извѣстенъ, однако же вообще предполагаютъ, что Пантенъ главенствовалъ надъ катихизической школой уже до этого путешествія и опять занялъ учительскую должность по своемъ возвращеніи.

Его преемникомъ былъ Климентъ, обыкновенно называемый по мѣсту его пребыванія Александрійскимъ, хотя вѣроятно онъ былъ родомъ изъ Аѳинъ. Климентъ былъ обращенъ къ вѣрѣ уже по достиженіи зрѣлаго возраста и путешествовалъ по различнымъ странамъ въ поискахъ за мудростью, пока не нашелъ удовлетворенія въ ученіи Пантена [1]. Послѣ главенства надъ школою въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ былъ лишенъ своего мѣста вслѣдствіе гоненія Севера. О его послѣдующей жизни извѣстно только, что онъ жилъ въ Каппадокіи и въ Іерусалимѣ; но, повидимому, онъ возвратился въ Александрію и умеръ тамъ около 220 года.

Этими учеными мужами въ церковь введена была новая система мысли. Ранніе христіане по большей части относились ко всей языческой философіи съ недовѣріемъ вслѣдствіе ея противодѣйствія евангелію; многіе изъ нихъ приписывали ея происхожденіе діаволу [2]) или ангеламъ, павшимъ по своей любви къ „дочерямъ человѣческимъ“ [3]). Климентъ, напротивъ, признаетъ за философіей совершенно различный источникъ. Она, говоритъ онъ, есть „даръ Божій“, „дѣло божественнаго промышленія“ [4]); она была дана грекамъ подобно тому, какъ законъ іудеямъ и для подобныхъ же цѣлей: она была необходима для ихъ оправданія до пришествія Христа, ее нужно считать подготовленіемъ къ евангелію и, правильно понимаемая, она совершенно совмѣстима съ нимъ [5]). Подъ философіей здѣсь не нужно понимать систему какой нибудь партіи въ отдѣльности, но „эклектику, которая включаетъ въ себѣ все, что хорошо сказано каждой изъ партій въ ученіи о праведности и религіозномъ знаніи“; при этомъ онъ хотѣлъ бы отличать истину, сообщаемую такимъ путемъ, отъ примѣшанныхъ къ ней человѣческихъ разсужденій [6]). Онъ доказываетъ, что всякая ученость можетъ быть освящена и обращена ко благу; что пріобрѣтеніе ея необходимо съ цѣлью опроверженія ухищреній ложной философіи [7]). Онъ старается защитить притязаніе варваровъ на философское знаніе, отождествить ученіе философіи съ ученіемъ св. Писанія и произвести мудрость грековъ отъ священныхъ писаній евреевъ [1].

---

[1]) *Clem.* Strom. i, 1, p. 322; Euseb. v, 11.

[2]) *Clem.* Strom. vi, 8, p. 773.

[3]) Тертулліанъ (De Praescr. 7) выражается весьма сильно касательно несовмѣстимости философіи съ христіанской вѣрой. Самъ Климентъ думаетъ, что тайны ея были сообщены ангеламъ лучшими изъ „дочерей человѣческихъ“.

[4]) Strom. i. 1, p. 327; i, 2.

[5]) Strom. i, 5, p. 331: vii, 3, p. 839.

[6]) Strom. i, 7, p. 338.

[7]) Strom. i, 9; i, 27, p. 337; vi, 10.

Въ этихъ мнѣніяхъ было много такого, что отзывалось гностицизмомъ; но болѣе православная александрійская школа отличалась отъ гностиковъ отрицаніемъ мнимой противоположности между вѣрой и знаніемъ, и утвержденіемъ, что вѣра должна лежать въ основѣ всякаго христіанскаго знанія, на всякой степени духовнаго и умственнаго развитія [2]. Она учила, что цѣль христіанской философіи развивать къ познанію значенія истинъ, которыя принимались вѣрой, что въ то время, какъ вѣра принимаетъ ученіе по преданію, знаніе должно быть способно доказать его на основанія и св. Писанія [3]. Названіе гностика было усвоено александрійцами для обозначенія высшей степени развитія христіанскаго сознанія. Изъ трехъ главныхъ существующихъ произведеній Климента, составляющихъ серію послѣдовательныхъ сочиненій, причемъ первое („Увѣщаніе къ язычникамъ") обращено къ лицамъ внѣ церкви и второе („Педагогъ") содержитъ нравственное наставленіе для обращенцевъ; третье, которое, по своему смѣшанному характеру, носитъ заглавіе „Строматы" (смѣсь) [4], имѣло своею цѣлью нарисовать характеръ совершеннаго гностика и, доставленіемъ назиданія, которое могло удовлетворить высшимъ потребностямъ разума, должно было предохранять отъ „лжеименнаго знанія" такихъ учителей, какъ Василидъ и Валентинъ.

Сочетаніе философіи съ евангеліемъ повело, однако же, къ нѣкоторымъ весьма сомнительнымъ результатамъ. Уже въ собственныхъ рукахъ Климента,—особенно, если вѣрить отчетамъ, передаваемымъ о его потерянномъ сочиненіи подъ заглавіемъ „Гипотипозы" [5], оно видимо иногда выходило за предѣлы православія, а въ рукахъ Оригена и др. оно сдѣлалось еще болѣе опаснымъ.

Самымъ значительнымъ вредомъ, причиненнымъ церкви этою школою, была ея произвольность въ иносказательномъ истолкованіи св. Писанія. Александрія представляла для этого сродную почву; тамъ подобный способъ толкованія въ неумѣренной степени прилагался іудеемъ Филономъ къ Ветхому Завѣту; и посланіе, приписываемое св. Варнавѣ, въ которомъ этотъ методъ доведенъ, быть можетъ, далѣе, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ христіанскомъ сочиненіи, было вѣроятно произведеніемъ александрійскихъ обращенцевъ изъ іудейства. Но въ то время какъ иносказательное толкованіе доселѣ употреблялось лишь случайно, теперь оно было возведено въ строгій методъ. Св. Писаніе, по ученію этой школы, имѣетъ три смысла—историческій, нравственный и таинственный, и первый изъ нихъ считался какбы только служебнымъ для другихъ 1). Въ этой системѣ было нѣчто сразу привлекательное для изобрѣтательнаго умозрѣнія и для благочестиваго сознанія глубины слова Божія; но результатомъ слишкомъ часто было то, что вмѣсто исканія дѣйствительнаго значенія каждаго мѣста, ученые старались открывать какое нибудь воображаемое сходство съ идеями, которыя они извлекали изъ другихъ мѣстъ св. Писанія или изъ совершенно другихъ источниковъ. Историческій смылъ оставлялся безъ вниманія или даже совсѣмъ отрицался; нравственный смыслъ совершенно извращался 2). Ни одинъ не предубѣжденный читатель не можетъ открыть какого нибудь произведенія съ подобнымъ толкованіемъ, чтобы сразу же не видѣть, какъ все въ немъ въ его общемъ характерѣ совершенно не похоже на тѣ библейскіе примѣры иносказательнаго толкованія, которые защитники его считали для себя прецедентами. Легкость, которую такое толкованіе давало для доказательства чего бы то ни было на основаніи св. Писанія, несомнѣнно содѣйствовала его популярности какъ въ церкви, такъ и среди сектантовъ 3).

---

[1] Cohort. ad Gentes, vi, 60; Strom. i, 25; ii, 18; vi, 2 и слѣд. Онъ говоритъ, что св. Писаніе обвиняетъ грековъ въ воровствѣ варварской философіи, что̀, по предположенію, есть намекъ на еванг. Іоан. x, 8. Strom. ii, 1.

[2] *Clem.* Paedag. i, 6. p. 117 и слѣд.; Strom. ii, 6, p. 445.

[3] Strom. vii, 10, p. 866.

[4] Заглавіе это объясняется въ l. iv. c. 2.

[5] *Photius*, Biblioth., 109. Баронъ Бунзенъ предполагаетъ, что такъ называемая viii книга Stromat. и Excerpta ex Theodoto составляютъ часть этихъ „Гипотипозъ".

Совмѣстно съ нѣкоторыми языческими сектами, съ школой Филона и съ гностиками, александрійцы заявляли притязаніе на обладаніе высшимъ и болѣе таинственнымъ знаніемъ религіозныхъ ис-

---

1) *Origen.* in Levit. v, 5.

2) Въ качествѣ примѣра можно привести слѣдующее толкованіе на Матѳ. i, 6, имѣющее авторитетъ св. Амвросія, бл. Августина и многихъ другихъ. „Таинственно — Давидъ есть Христосъ; Урія, то есть, „Богъ мой свѣтъ“ есть діаволъ, который говоритъ: „я уподоблюсь Всевышнему“ (Ис. xiv, 14). Съ нимъ сочетана была церковь брачными узами, когда Христосъ на престолѣ величія своего Отца любилъ ее и, сдѣлавъ ее прекрасною, соединилъ ее съ собою брачными узами. Или Урія есть іудейскій народъ, который, по причинѣ закона, гордился своимъ свѣтомъ. Христосъ отнялъ у нихъ законъ и научалъ его говорить о Себѣ. Вирсавія есть источникъ пресыщенія, то есть, изобиліе духовной благодати“. (глосса, приводимая въ Cataena Auria, i, 28. Oxford 1841; *Ambros.* Apol. pro Dav. 3; *Aug.* c. Faust. xxii, 87). Въ рукахъ латинскихъ писателей эта мистическая система подвергалась еще новымъ злоупотребленіямъ, такъ какъ ихъ истолкованія часто основывались на непониманіи какъ греческихъ, такъ и еврейскихъ словъ.

3) Такое толкованіе было въ большомъ употребленіи среди валентиніанъ (Iren. i, 3; 8; ii, 24). Въ новѣйшее время подобное же толкованіе возобновлено нѣмецкой школой, которая все библейское повѣствованіе превращаетъ въ рядъ миѳовъ. Эти писатели признаютъ своими предшественниками Оригена и его собратьевъ аллегористовъ; потому что зачѣмъ бы (спрашиваютъ они) дѣлать такое насиліе надъ св. Писаніемъ путемъ иносказательнаго толкованія, если бы эти учители не сознавали, что буквальный смыслъ его нелѣпъ, невѣроятенъ и возмутителенъ? См. введеніе къ *Strauss*, Leben Jesu.

тинъ, извлекаемымъ изъ преданія и сокрытымъ отъ тѣхъ, кто недостойны были принимать его 1). Подъ системой, которая въ позднѣйшее время названа была „тайнымъ ученіемъ“ 2), разумѣлось не то сокрытіе высшихъ ученій и обрядовъ, которое было въ обычаѣ по отношенію къ язычникамъ и отчасти практиковалось по отношенію къ обращенцамъ, подготовлявшимся къ крещенію 3); но, какъ явствуетъ изъ дѣлаемыхъ Климентомъ намековъ, предметы, сохранявшіеся ею въ тайнѣ, представляли собою философское объясненіе христіанскаго ученія и правила для образованія совершеннаго гностика. Онъ сравниваетъ это съ удаленіемъ ножа отъ дѣтей изъ боязни, чтобы они не обрѣзались 4). Этотъ методъ, по предположенію, возникъ не задолго до времени Климента, и невозможно было, чтобы онъ долго продолжалъ свое существованіе. Хотя мы допускаемъ законность различной степени въ сообщеніи религіознаго знанія, мы не можемъ всетаки не видѣть, что въ этомъ родѣ утайки заключалась и большая опасность, и въ рукахъ александрійцевъ она несомнѣнно вела къ системѣ двоедушія по отношенію къ непосвященнымъ, оказывавшейся вредною для истины и нравственности.

Противодѣйствіе со стороны языческой философіи, о которомъ было упомянуто выше, шло со стороны неоплатонической школы, основанной въ Александріи въ царствованіе Севера Аммоніемъ, который вслѣдствіе того, что онъ былъ въ ранніе годы своей жизни носильщикомъ, прозывался Саккомъ, то есть, носильщикомъ мѣшковъ. Хотя его ученіе выдавалось за продолженіе платонизма, оно не только было перемѣшано съ ученіями изъ другихъ греческихъ системъ, но также содержало и сильный египетскій элементъ; оно особенно замѣчательно было тѣми новыми взглядами, которые открывало на предметъ языческой религіи. Доселѣ платоники ограничивались внѣшнимъ содержаніемъ этой популярной системы, причемъ своимъ ученикамъ они преподавали и болѣе утонченное ученіе; но теперь язычество должно было подвергнуться преобразованію; его хотѣли объяснять въ качествѣ схемы болѣе чистаго и глубокаго свойства, такъ чтобы или проложить путь для сочетанія его съ евангеліемъ, или напротивъ занять возможно сильное положеніе для успѣшнаго противодѣйствія распространенію послѣдняго. Неоплатоники допу-

---

1) *Clem.* Strom. i, 12; vii, 10, p. 865. Терутлліанъ (De Praescr. 22) настойчиво отрицаетъ существованіе такого тайнаго преданія.

2) Этотъ терминъ, повидимому, впервые былъ употребленъ Мейеромъ въ книгѣ, изданной въ 1679 году, Giesel., i, i, 354; Rothe въ Herzog, i, 469.

3) Однако же это именно Роте понимаетъ подъ этимъ названіемъ въ своемъ трактатѣ De Discipl. Arcani (Гейдельбергъ, 1841 г.) и въ своей статьѣ Arcan-Disciplin. въ Энциклопедіи Герцога, отличая ее отъ „Theologia Arcana“.

4) Strom. i, 1, p. 324.

скали, что христіанство содержитъ въ себѣ великія истины, но утверждали, что въ немъ эти истины были затемнены варварствомъ, и что древняя традиціонная религія, если освободить ее отъ народныхъ искаженій и понимать правильно, можетъ представить эти истины въ гораздо болѣе чистомъ видѣ. Самого Христа относили къ первоклассным мудрецамъ; цѣлью Его, по мнѣнію этихъ философовъ, было преобразовать религію, и Его собственныя воззрѣнія сходились, будто бы, съ воззрѣніями неоплатониковъ, но что Его послѣдователи исказили Его систему подложными прибавками, среди которыхъ было ученіе о Его божествѣ и посредничествѣ и запрещеніе поклоняться богамъ [1]). Неоплатонизмъ имѣлъ много общаго съ нѣкоторыми формами гностицизма. Онъ стремился къ объединенію мудрости всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ въ одной цѣльной системѣ; съ цѣлью достиженія этого единства, онъ прибѣгалъ къ многимъ страннымъ уловкамъ и насильственнымъ построеніямъ. Онъ излагалъ ученіе о единомъ верховномъ Богѣ и признавалъ Платонову троицу, состоящую изъ Единаго, Его разума (νοῦς) и Его души (ψυχή) [2]). Въ соподчиненіи имъ онъ признавалъ существованіе многихъ низшихъ боговъ и демоновъ, служителей Верховнаго, и народный политеизмъ считалъ лишь искаженіемъ этой истины. Вмѣстѣ съ болѣе возвышеннымъ ученіемъ секты сочеталось много фантастическихъ суевѣрій и примѣшивалась преданность къ различнымъ теургическимъ обрядамъ. Нравственыя правила его были суровы; для достиженія освобожденія отъ узъ чувства, для пріобрѣтенія силы надъ духами и для соединенія съ божествомъ требовалась аскетическая жизнь.

Аммоній первоначально былъ христіанинъ, и нѣкоторые думаютъ, что не смотря на характеръ его устнаго и тайнаго ученія онъ до конца жизни оставался во внѣшнемъ общеніи съ церковью. Большею частью однако же признаютъ, что онъ открыто отпалъ въ язычество. Среди его учениковъ были какъ христіане, такъ и язычники; изъ первыхъ самымъ выдающимся былъ Оригенъ; изъ послѣднихъ онъ, можно сказать, основалъ династію учителей, среди которыхъ были Платонъ, Порфирій и Іамвлихъ. Легко понять, что столь обстоятельная система, какъ неоплатонизмъ, имѣла сильную привлекательность для лицъ, чувствовавшихъ смущеніе отъ полемики христіанъ съ язычниками, православныхъ съ неправославными и философскихъ сектъ между собою. Она скоро почти вытѣснила всѣ другія формы языческой философіи, существовала до IV столѣтія, и въ ней евангеліе нашло себѣ самаго тонкаго и самаго сильнаго изъ противниковъ. Но самая утонченность этой системы препятствовала ей утвердиться въ массѣ человѣчества, а живое убѣжденіе въ истинѣ древнихъ религій исчезло навсегда.

---

[1]) *August.* De Civ. Dei XIX, III, 2, 4 (цитата изъ потеряннаго сочиненія Порфирія). De Consensu Evang. I, 7, 9, 34.

[2]) *Plotin*, Ennead. V, I, 10 (стр. 491, a, ed. Basil, 1580 г.).

ГЛАВА VI.

От̾ъ Александра Севера до Валеріана.

220—260 г.

Элагабалу наслѣдовалъ въ 222 году его двоюродный братъ Александръ Северъ, мальчикъ 16 лѣтъ. Юный императоръ былъ склоненъ въ пользу христіанъ, частью подъ вліяніемъ своей матери Маммеи, которая, не смотря на ея извѣстные пороки алчности и честолюбія, по описанію какъ языческихъ авторовъ, такъ и Евсевія Кесарійскаго, была „женщиной весьма благочестивой“ ¹). Александръ имѣлъ многихъ христіанъ въ своемъ дворцѣ ²). При назначеніи на гражданскія должности, онъ усвоилъ правило, соблюдавшееся церковью при рукоположеніяхъ, именно, чтобы имена кандидатовъ объявлялись публично, и позволялось дѣлать возраженія противъ нихъ. Онъ часто приводилъ евангельское правило о „дѣланіи другимъ того, что мы хотимъ, чтобы намъ дѣлали“, и приказалъ надписать его на стѣнахъ своего дворца и другихъ общественныхъ зданій ³). Когда участокъ земли, считавшійся общественнымъ, занимался христіанской общиной подъ церковь, и компанія торговцевъ жизненными припасами въ Римѣ заявляла съ своей стороны притязаніе на этотъ участокъ, то онъ обыкновенно присуждалъ его христіанамъ на томъ основаніи, что такое религіозное употребленіе участка гораздо лучше, чѣмъ обращеніе его въ таверну ⁴). Мало того, онъ, будто бы, имѣлъ намѣреніе зачислить Христа среди боговъ и воздвигнуть храмъ Ему ⁵).

Было бы однакоже ошибкой предполагать, что самъ императоръ или его мать были христіане. Интересъ Маммеи, по отношенію къ евангелію, повидимому въ дѣйствительности не шелъ далѣе поверхностнаго любопытства касательно его ученія и благопріятнаго мнѣнія о его исповѣдникахъ. Религія Александра была эклектической: въ

---

[1]) θεοσεβεστάτη καὶ εὐλαβής (Euseb. vi, 21).
„Mulier sancta sed avara, et auri atque argenti cupida“. *Lamprid.* Vit. Alex. 15.

[2]) Euseb. vi, 28).

[3]) „Quod tibi fieri non vis,—alteri ne feceris“ (Lamprid. 51). Въ этой отрицательной формѣ правило это встрѣчается не только въ Талмудѣ, но и у Исократа. Христіанское правило, однакоже, положительное—различіе весьма важное.

[4]) Lamprid. 49. Таково было происхожденіе церкви св. Маріи въ Трастеверѣ, которая, однакоже, получила теперешнее названіе только впослѣдствіи.

[5]) Ibid. 43.

своей божницѣ онъ имѣлъ изображенія не только римскихъ боговъ, включая и тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ, которые были обоготворены, но и изображенія Изиды и Сераписа, Орфея, Авраама и Аполлонія Тіанскаго, и рядомъ съ ними было также изображеніе Спасителя 1). Ясно поэтому, что императоръ не считалъ христіанства единственно истинной религіей, но лишь одною изъ многихъ формъ, одинаково пріятныхъ божеству, содержащихъ кое что изъ истины и отличающихся только по внѣшности; онъ не считалъ его основателя Богомъ, а смотрѣлъ на Него какъ на человѣка, достойнаго быть зачисленнымъ въ рядъ главнѣйшихъ мудрецовъ, которые просвѣщали и облагодѣтельствовали человѣчество. Хотя христіане въ общемъ и пользовались практически вѣротерпимостью въ его время, однакоже въ сущности имъ не сдѣлано было ничего для установленія формальной и законной вѣротерпимости; бывали даже примѣры гоненія и мученичества, и вѣроятно при Александрѣ именно знаменитый законовѣдъ Ульпіанъ, въ своей книгѣ „Объ обязанностяхъ проконсула“, сдѣлалъ тщательный сводъ законовъ противъ исповѣданія евангелія 2).

Достойный уваженія, но нѣсколько слабый, Александръ былъ умерщвленъ въ 235 году, и христіане подверглись угнетеніямъ отъ его преемника Максимина Ѳракійца за тѣ милости, которыми они пользовались въ послѣднее время. Побужденія этого варварскаго императора къ гоненію были совершенно независимы отъ религіи, потому что въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно равнодушенъ, такъ что для своего собственнаго употребленія переплавлялъ золотыя и серебряныя украшенія языческихъ храмовъ и даже изображенія боговъ. Ярость его была направлена противъ такихъ только христіанъ, которые находились въ связи съ дворцемъ, и среди нихъ особенно извѣстенъ былъ Оригенъ. Но около этого самаго времени землетрясенія въ различныхъ провинціяхъ послужили предлогомъ и вообще для народныхъ возстаній, и во время этихъ мятежныхъ взрывовъ церкви сожигались, и многіе христіане были преданы смерти 3).

Царствованіе Гордіана (238—244) и Филиппа Аравитянина (244—249) было благопріятно для церкви. Оригенъ, имѣя въ виду послѣднее царствованіе, говоритъ, что Богъ даровалъ христіанамъ свободное отправленіе ихъ религіи, и высказываетъ надежду на обращеніе имперіи 4), и это была новая мысль, совершенно не похожая на тонъ раннихъ христіанскихъ писателей, которые всегда смо-

---

1) Lamprid. 29.

2) *Lactant.* Div. Instit. v, 11. Гизелеръ относитъ сводъ Ульпіана къ царствованію Каракаллы (i, i, 258).

3) Euseb. vi, 28.

4) Adv. Cels., vii, 26, viii, 68.

трѣли на Римскую державу, какъ на неизлечимо враждебную и гонительскую по отношенію къ себѣ, какъ на угнетательницу, отъ которой не представлялось надежды на избавленіе, кромѣ какъ чрезъ наступленіе кончины міра. При Филиппѣ Римъ отпраздновалъ тысячелѣтнюю годовщину отъ своего 248 г. основанія, и многіе писатели указывали, какъ на замѣчательное обстоятельство, на то, что это событіе имѣло мѣсто при императорѣ, который, по ихъ предположенію, былъ христіанинъ 1). Игры и обряды, которыми отпразднована была эта годовщина, однако же были чисто языческіе по своему характеру, и хотя, повидимому, какъ Филиппъ, такъ и его жена получали письма отъ великаго христіанскаго учителя Оригена 2), однако же мало основаній для предположенія, чтобы преступная жизнь императора сочеталась съ вѣрою въ евангеліе 3). Къ концу его царствованія было гоненіе въ Александріи.

Децій замѣчателенъ, какъ первый императоръ, который попытался уничтожить христіанскую религію общимъ гоненіемъ на ея исповѣдниковъ. Его указы потеряны; 249—251 г. но лѣтописи его времени даютъ знать объ отступленіи его отъ системы, которой дотолѣ обыкновенно придерживались враги церкви со времени Траяна. Власти теперь розыскивали христіанъ; законный порядокъ обвиненій оставлялся безъ вниманія; обвинители не подвергались никакому риску, и народная молва принималась вмѣсто формальнаго слѣдствія.

Долгое пользованіе миромъ между тѣмъ сказалось неблагопріятно на церкви. Кипріанъ на западѣ и Оригенъ на востокѣ говорятъ о томъ, что въ среду ея членовъ проникъ мірской духъ, — гордость, роскошь и алчность среди высшаго духовенства, безпечная и безрелигіозная жизнь среди народа 4). И когда, какъ предсказывалъ Оригенъ, наступило новое испытаніе, плоды этого общаго разслабленія печально дали знать о себѣ. Будучи потребованы, въ силу указа императора, явиться и совершить жертвоприношеніе, множество христіанъ въ каждомъ городѣ устремлялись къ

---

1) Напр. *Euseb.* Chron. (Patrol. xxvii, 645); Orosius, vii, 20 (тамъ же, xxxi).

2) Euseb. vi, 36.

3) Разсказъ о томъ, что Филиппъ былъ исключенъ изъ пасхальнаго празднованія Вавилой, епископомъ Антіохійскимъ, пока онъ не совершилъ покаявія въ своихъ грѣхахъ (Chron. Paschal, 253 г.), большею частью отвергается новѣйшими писателями. Евсевій упоминаетъ о немъ только какъ о ходячемъ преданіи и не поименовываетъ даже епископа (vi, 34). Между тѣмъ св. Іоаннъ Златоустъ (Hom. 2, De S. Bab. ii, p. 545) поименовываетъ епископа, но не императора, которымъ, по свидѣтельству другихъ, былъ Нумеріанъ (Acta S. S. Jan. 24, pp. 185, 187, 190).

4) *Cypr.* De Lapsis. 5, 6; *Orig.* in Josu. Hom. vii, 6; in Math. Hom. 2, Adv. Cels. viii, 44.

площади, — нѣкоторые изъ опасенія конфискаціи, нѣкоторые изъ желанія удержать за собою общественныя должности, иные изъ страха мученій, а иные вслѣдствіе просьбъ друзей и родственниковъ: казалось, говоритъ св. Кипріанъ, какъ будто бы они давно уже желали найти случай для отреченія отъ своей вѣры [1]). Гоненіе особенно направлялось противъ епископовъ и духовенства. Среди жертвъ его были Фабіанъ Римскій, Вавила Антіохійскій и Александръ Іерусалимскій; при этомъ въ жизни другихъ знаменитыхъ мужей (какъ Кипріанъ, Оригенъ, Григорій чудотворецъ и Діонисій Александрійскій) періодъ этотъ ознаменовался ссылками или другими страданіями [2]). Главною цѣлью гоненія однако же было не подвергать христіанъ смерти, но принуждать ихъ къ отреченію. Съ этою цѣлью, они были подвергаемы пыткамъ, тюремному заключенію и голоду, и при такихъ испытаніяхъ твердость многихъ не выдержала [3]). Многіе удалились въ добровольную ссылку; среди этихъ послѣднихъ былъ Павелъ, молодой человѣкъ изъ Александріи, который поселился въ пустынѣ Ѳиваидской и прославился какъ первый христіанскій отшельникъ [4]). Сильное гоненіе продолжалось не болѣе года; потому что въ концѣ 251 года Декій былъ убитъ въ битвѣ съ готами, и короткое царствованіе Галла прошло безъ вреда для христіанъ, исключая того, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ они страдали отъ буйства черни, 251—253 гг.
которая видѣла въ нихъ причину язвы, въ теченіе 15 лѣтъ опустошавшей имперію.

Валеріанъ, преемникъ Галла, по свидѣтельству Діонисія Александрійскаго былъ въ теченіе нѣкотораго времени болѣе благосклоненъ къ церкви, чѣмъ даже тѣ изъ его пред- 253—260 г.
шественниковъ, которые считались христіанами, — каковыя слова, по предположенію, указываютъ на Александра, или Филиппа, или Маммею [5]). Но въ пятый годъ своего царствованія императоръ измѣнилъ свою политику по наущенію Макріана, своего главнаго совѣтника, который, будто бы, находился въ сношеніяхъ съ египетскими волхвами. Сначала думали, что евангеліе можно будетъ подавить удаленіемъ учителей церкви и запрещеніемъ ея членамъ совершать общественныя богослуженія или собираться на кладбищахъ [6]). Находя однако же, что эти мѣры не имѣли рѣшительнаго

---

[1]) Euseb. vi, 41; *Cypr.* De Lapsis, 8.

[2]) Euseb. vi, 39.

[3]) Cypr. Ep. vii, 1.

[4]) *Hieron.* Vita Pauli, i, 4 (Patrol. xxiii). Однако же сомнительно, былъ ли Павелъ первымъ, кто ввелъ среди христіанъ обычай уединенной и созерцательной жизни.

[5]) *Dion.* ap. Euseb. vii, 10.

[6]) Acta Proconsul. S. Cypr., c. i (Patrol. iii, p. 1500).

дѣйствія, Валеріанъ издалъ второй указъ, которымъ повелѣвалось, чтобы духовенство было предаваемо смерти, чтобы сенаторы и всадники были лишаемы своихъ должностей и собственности, и если они будутъ упорствовать въ вѣрѣ, то 258 г. должны подвергаться уголовному наказанію; знатныя женщины должны подвергаться конфискаціи имущества и отсылаться въ изгнаніе. Но даже этотъ указъ не устанавливалъ какихъ нибудь наказаній для лицъ низшаго состоянія, такъ что большая масса христіанъ повидимому не потерпѣли никакого вреда отъ этого указа. Попытка Валеріана остановить распространеніе евангелія была совершенно неудачной. Церковь была очищена и укрѣплена своими послѣдними бѣдствіями, такъ что теперь было даже мало примѣровъ отпаденія въ родѣ тѣхъ, которые были такъ обычны въ царствованіе Деція. Вѣра и терпѣніе мучениковъ одушевляли ихъ остающихся собратьевъ и оказывали вліяніе на многихъ изъ язычниковъ; за епископами, изгонявшимися изъ ихъ паствъ, слѣдовало множество вѣрующихъ, и въ мѣстахъ ихъ изгнанія они получали возможность распространять ученіе Христово среди населенія, которому оно еще неизвѣстно было дотолѣ.

Діонисій прилагаетъ къ Валеріану апокалипсическое описаніе звѣря, которому даны были „уста, говорящія гордо и богохульно, и вмѣстѣ дана ему власть дѣйствовать сорокъ два мѣсяца“ [2]. Гоненіе продолжалось три съ половиною года и закончено было плѣненіемъ и смертью императора въ Персіи, бѣдствіемъ и позоромъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописи Римской 260 г. имперіи. Среди мучениковъ при Валеріанѣ были Ксистъ, епископъ Римскій, съ своимъ діакономъ Лаврентіемъ, и Кипріанъ, епископъ Кароагенскій.

Изъ знаменитѣйшихъ мужей этого періода должны быть особенно отмѣчены Оригенъ, Діонисій Александрійскій и Кипріанъ.

I. Оригенъ родился въ Александріи, около 185 года, и съ самаго дѣтства былъ тщательно воспитанъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ религіи, своимъ отцомъ Леонидомъ, который былъ христіаниномъ и по занятію учителемъ риторики [3]. Онъ ежедневно изучалъ наизустъ часть св. Писанія и такимъ образомъ заложилъ основу своихъ необычайныхъ библейскихъ познаній, а также того благоговѣнія къ св. Писанію, которое контролировало его во всѣхъ странствованіяхъ его умозрѣній. Наклонность его ума скоро обна-

---

[1] Cypr. Ep. 80.

[2] Откр. xiii, 5; *Dion.* Ap. Euseb. vii, 10.

[3] Euseb. vi, 2. Изъ имени Оригена, то есть сына Ора или Гора, дѣлалось заключеніе, что Леонидъ былъ обращенъ въ христіанство только послѣ рожденія своего сына. Но многочисленные примѣры доказываютъ, что ранніе христіане не запрещали именъ, происходившихъ отъ именъ языческихъ божествъ.

ружена была вопросами, которые онъ предлагалъ своему отцу касательно значенія св. Писанія, причемъ онъ старался открыть и другой смыслъ кромѣ того, который давался съ перваго взгляда. Леонидъ, хотя и самъ не противникъ болѣе глубокой системы толкованія, не одобрялъ такихъ разспросовъ, какъ неподходящихъ къ лѣтамъ его сына; но его сердце переполнялось радостью и благодареніемъ вслѣдствіе рѣдкихъ дарованій, обнаруживавшихся въ мальчикѣ 1). Когда отецъ его былъ еще живъ, Оригенъ учился въ катихизической школѣ подъ руководствомъ Климента, и тамъ подружился съ Александромъ, впослѣдствіи епископомъ Іерусалимскимъ, который имѣлъ важное значеніе для его послѣдующей судьбы 2).

Гоненіе Севера особенно свирѣпствовало въ Александріи, и Леонидъ былъ одною изъ жертвъ его. Оригенъ жаждалъ мученичества и былъ спасенъ только благодаря заботливости своей матери, которая, истощивъ свои старанія отговорить его отъ того, чтобы онъ самъ не подвергался опасности, заставила его оставаться дома, пряча его одежды. Встрѣтивъ такимъ образомъ препятствія къ осуществленію желанія раздѣлить мученія своего отца, юноша проявилъ свою ревность въ пламенномъ письмѣ къ находившемуся въ тюрьмѣ Леониду, увѣщевая его не колебаться въ своей твердости изъ-за тѣхъ, кого онъ принужденъ оставить послѣ себя 3). Такъ какъ смерть Леонида сопровождалась захватомъ его собственности, то вдова съ своими семью дѣтьми оказалась въ глубокой бѣдности. Оригенъ, бывшій старшимъ изъ семи ея дѣтей, изъ состраданія былъ взятъ въ домъ одной богатой христіанской женщиной; но въ этомъ убѣжищѣ онъ переносилъ непріятности отъ гностическаго учителя Павла Антіохійскаго, котораго его благодѣтельница усыновила и намѣревалась сдѣлать своимъ наслѣдникомъ. Краснорѣчіе Павла было таково, что привлекало даже многихъ изъ православныхъ послушать его ученіе; но Оригенъ, хотя и не могъ совершенно избѣгать сношеній съ нимъ, упорно отказывался присутствовать при его чтеніяхъ 4).

Занятія въ катихизической школѣ были прекращены вслѣдствіе гоненія. Климентъ, какъ мы видѣли, оставилъ Александрію не изъ какой нибудь недостойной заботливости о безопасности своей собственной личности, но въ согласіи съ своимъ взглядомъ на христіанскую обязанность 5). Въ этихъ обстоятельствахъ Оригенъ, котораго необычайныя способности и рановременная ученость были уже замѣтны

---

1) Euseb. vi, 2.

2) Euseb. vi, 6, 14; Redeb. i, 55, 56, 434—6.

3) Euseb. vi, 2. Въ болѣе зрѣлые годы, Оригенъ видѣлъ ошибочность той ревности, которая безъ нужды стремилась къ опасности. In Math. xvi, 1.

4) Euseb. vi, 2.

5) См. *Clem.* Strom. vii, 11, p. 871.

всѣмъ, получилъ просьбу отъ нѣкоторыхъ образованныхъ язычниковъ, которые желали бы получить наставленіе въ христіанскомъ ученіи, и оказавшись такимъ образомъ въ восьмнадцатилѣтнемъ возрастѣ въ положеніи общественнаго учителя, онъ скоро затѣмъ былъ формально назначенъ епископомъ Димитріемъ на учительскую должность катихизической школы. Среди его раннихъ учениковъ были два брата —Иракль, впослѣдствіи епископъ Александріи, и Плутархъ [1]). Гоненіе возобновилось съ новою силою по прибытіи новаго правителя, и Плутархъ и другіе ученики Оригена были замучены. Ихъ учитель стоялъ рядомъ съ ними и ободрялъ ихъ въ мученіяхъ, да и самъ онъ не избѣгъ суроваго обращенія со стороны черни.

Желая избѣгнуть необходимости брать какую нибудь плату за свои уроки, согласно (какъ онъ предполагалъ) съ текстомъ: „даромъ вы получили, даромъ и отдавайте“, Оригенъ продалъ цѣнное собраніе манускриптовъ за плату четырехъ оволовъ въ день, на коковой скудный доходъ и старался жить. Онъ старался буквально осуществлять евангельскія правила о бѣдности. У него былъ только одинъ плащъ, который былъ слишкомъ тонокъ, чтобы защищать его противъ зимняго холода; ходилъ онъ босымъ, довольствовался такою пищею, какая только была безусловно необходима, воздерживаясь отъ мяса и вина; большую часть ночи проводилъ въ научныхъ занятіяхъ, и спалъ только на голомъ полу. Эта суровость и была причиной тѣхъ немощей, которыя удручали его въ теченіе всей послѣдующей жизни [2]).

Среди лицъ, приходившихъ послушать его чтеніе, было много молодыхъ женщинъ. Общеніе съ такими ученицами подвергало его какъ искушеніямъ, такъ и опасности клеветы, и съ цѣлью избѣгнуть этого зла, онъ буквально поступилъ по словамъ Господа, что нѣкоторые „дѣлаютъ себя скопцами, ради царства небеснаго“. Хотя онъ и старался скрыть это, однако-же слухъ о немъ дошелъ до свѣденія Димитрія, и епископъ не только не сдѣлалъ никакого укора ему, но одобрилъ его ревность и поощрилъ его продолжать свои труды въ катихизической школѣ [3]). Слава его, какъ учителя, возрастала. Вдобавокъ къ своимъ богословскимъ наставленіямъ, онъ читалъ грамматику,—подъ каковымъ терминомъ разумѣлась большая часть отраслей общей литературы; его школа посѣщалась іудеями, язычниками и гностиками, и многіе изъ нихъ, чрезъ изученіе свѣтской литературы, приведены были къ принятію евангельской вѣры [4]).

---

[1]) Euseb. vi. 3.
[2]) Euseb. vi, 3.
[3]) Euseb. vi, 8.
[4]) Euseb. vi, 8.

Условія его положенія побудили его искать болѣе полнаго знакомства съ языческой философіей, чѣмъ то, которое пріобрѣтено было имъ отъ Климента, и съ этою цѣлью онъ сдѣлался слушателемъ Аммонія Сакка. Изъ обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ отношеніи поведенія Оригена въ ранній періодъ жизни, выводятъ, что онъ тогда склоненъ былъ къ крайне буквальному толкованію св. Писанія,—то есть къ системѣ, совершенно противоположной той, которой онъ держался въ послѣдующіе годы; и эта предполагаемая перемѣна приписывалась вліянію Аммонія. Но истина скорѣе заключается въ томъ, что какъ въ ранній, такъ и въ болѣе поздній періодъ своей жизни, онъ одушевленъ былъ однимъ и тѣмъ же духомъ. Дѣйствія, которыя впослѣдствіи были осуждены имъ, какъ плотскія, были вызваны желаніемъ освободить себя отъ вліянія плоти, и то, что онъ дѣйствительно заимствовалъ у Аммонія, было не противоположнымъ его прежнимъ началомъ, но развитіемъ и расширеніемъ его взглядовъ.

211 г.

Миръ, которымъ христіане наслаждались во время царствованія Каракаллы, побудилъ Оригена посѣтить Римъ, гдѣ церковь въ то время находилась подъ управленіемъ Зефирина [1]). Послѣ короткаго пребыванія въ императорскомъ городѣ, онъ возвратился въ Александрію и вновь вступилъ въ свою катихизическую должность, поручая преподаваніе менѣе развитымъ ученикамъ Ираклу, причемъ самъ ограничился преподаваніемъ тѣмъ, которыхъ нужно было вводить въ полную глубину его системы истолкованія. [2]) Повидимому, именно около этого времени онъ приступилъ къ изученію еврейскаго языка, который въ то время находился въ общемъ пренебреженіи у ученыхъ мужей Александрійской школы [3]), но привлекалъ Оригена не только какъ вообще полезный для пониманія ветхаго завѣта, но и особенно вслѣдствіе таинственности, заключающейся въ библейскихъ именахъ [4]).

215 г.

Побоище, совершившееся въ Александріи при Каракаллѣ, хотя не находившееся въ связи съ какимъ нибудь религіознымъ вопросомъ, побудило Оригена на время оставить городъ. Онъ посѣтилъ родную землю, гдѣ съ честью былъ принятъ своимъ старымъ сотоварищемъ Александромъ, епископомъ іерусалимскимъ, и Ѳеоктистомъ, епископомъ кесарійскимъ; и не смотря на то, что онъ былъ мірянинъ, они просили его проповѣдывать въ ихъ церквахъ. Услышавъ объ этомъ, Димитрій александрійскій выразилъ протестъ, но Ѳеоктистъ и Александръ оправдывались прежними примѣрами, которые показывали, что мірянамъ позволялось проповѣдывать въ присутствіи епископовъ и съ ихъ соизволенія. Димитрій, однако же, находилъ это незаконнымъ: онъ потребовалъ отъ Оригена возвращенія къ его обязанностямъ въ катихизической школѣ, и діаконамъ, отвозившимъ письмо, было поручено привезти его назадъ [1]).

---

[1]) Euseb. vi, 14: *Hieron*. De Illustr. 54.

[2]) Euseb. vi, 15.

[3]) *Hieron*. De Vir. Illustr 54.

[4]) Orig. in Johan. vi, 24. Филонъ писалъ объ еврейскихъ именахъ Ветхаго Завѣта, а Оригенъ исполнилъ подобный же трудъ для Новаго Завѣта.

Среди главныхъ друзей и почитателей Оригена былъ человѣкъ, по имени Амвросій, который обращенъ былъ имъ изъ какой то гностической ереси и впослѣдствіи сдѣлался діакономъ. Амвросій побуждалъ своего учителя заниматься изъясненіемъ св. Писанія и снабдилъ его необходимыми средствами для составленія собранія манускриптовъ и употребленія значительнаго числа писцевъ и переписчиковъ [2]). Однимъ изъ плодовъ этой щедрости былъ первый послѣдовательный комментарій на священныя книги (прежнія толкованія ограничивались отдѣльными текстами или частями), и кромѣ того трудъ, который даетъ Оригену право на званіе отца библейской критики. Первоначальная цѣль этого великаго предпріятія была полемическая,—доискаться истиннаго текста греческаго перевода Семидесяти и отстоять этотъ переводъ противъ іудеевъ, которые, со времени усвоенія и общаго употребленія его христіанами, старались всячески набросить на него тѣнь, какъ на низшій сравнительно съ позднѣйшими переводами. Съ этою цѣлью Оригенъ изложилъ въ параллельныхъ столбцахъ во 1) подлинный еврейскій текстъ, во 2) тотъ же текстъ греческими буквами, въ 3) переводъ Аквилы, въ 4) переводъ Симмаха, въ 5) переводъ Семидесяти, изданный съ тщательнаго собранія манускриптовъ, и въ 6) переводъ Ѳеодотіона. Вслѣдствіе этихъ шести столбцовъ, весь трудъ названъ былъ Экзапла а вслѣдствіе присоединенія въ извѣстныхъ частяхъ двухъ неполныхъ переводовъ, онъ называется также Октапла. Этотъ исполинскій трудъ, повидимому, былъ начатъ въ Александріи: онъ продолжался болѣе 28 лѣтъ и былъ законченъ только не задолго до смерти Оригена [3]). Подлинный манускриптъ, сохранявшійся въ Кесаріи, по предположенію погибъ при разрушеніи Кесарійской библіотеки арабами въ 653 году. Онъ никогда не былъ переписанъ вполнѣ, но сдѣланы были отдѣльныя копіи различныхъ столбцевъ, и копія перевода Семидесяти сдѣлалась основнымъ текстомъ для этого перевода.

Вслѣдствіе пріобрѣтенной Оригеномъ славы, обращенія къ нему за наставленіемъ и совѣтомъ стали дѣлаться изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Такъ, предъ его первымъ посѣщеніемъ Палестины онъ былъ приглашенъ однимъ знатнымъ лицемъ въ Аравіи [1]) (вѣроятнѣе всего римскимъ правителемъ, хотя нѣкоторые писатели и считаютъ его главой какого нибудь туземнаго племени), съ цѣлью научить его народъ христіанской вѣрѣ, и онъ принялъ приглашеніе. Въ позднѣйшее время Маммея, мать Александра Севера, вызывала его въ Антіохію и бесѣдовала съ нимъ о религіозныхъ предметахъ [2]). Подобнымъ же образомъ его просили въ 228 году посѣтить Грецію для опроверженія нѣкоторыхъ ересей, возмущавшихъ церковь этой страны. Онъ отправился, снабженный сообразно съ обычаемъ того времени, рекомендательными письмами отъ своего епископа, и направился чрезъ Палестину, гдѣ въ сорокатрехлѣтнемъ возрастѣ онъ былъ рукоположенъ своими друзьями Ѳеоктистомъ и Александромъ во пресвитера. Въ объясненіе этого указываютъ на то, что эти епископы желали, чтобы онъ проповѣдывалъ ихъ паствамъ, какъ и при своемъ прежнемъ посѣщеніи, но такъ какъ Оригенъ напомнилъ имъ о неудовольствіи, заявленномъ тогда Димитріемъ, то съ цѣлью избѣжать дальнѣйшихъ неудовольствій, они и предложили ему рукоположиться, и онъ принялъ это предложеніе, въ предположеніи, что Димитрій, хотя и рѣшившійся не возводить его въ пресвитерскій санъ, подобно его предшественникамъ, Пантену и Клименту, дозволитъ ему принадлежать къ числу александрійскихъ пресвитеровъ, если рукоположеніе будетъ совершено надъ нимъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ знаменитыми и почитаемыми епископами [3]). Успѣшно закончивъ свое дѣло въ Греціи, Оригенъ возвратился въ Александрію въ 230 году; но между тѣмъ его рукоположеніе подало поводъ къ немалому спору. Димитрій, услышавъ объ этомъ, сильно препирался съ Александромъ и Ѳеоктистомъ, укоряя ихъ и указывая имъ на необдуманный поступокъ Оригена въ его юношеской ревности,—поступокъ, который по одному изъ правилъ, Апостольскихъ [4]), служилъ препятствіемъ къ посвященію. Это сообщеніе было новостью для епископовъ, потому что Оригенъ ничего не сказалъ имъ объ этомъ препятствіи. Если такое правило и существовало въ столь раннее время, то всетаки возможно, что онъ могъ быть незнакомъ съ нимъ, или онъ могъ съ основаніемъ предполагать себя изъятымъ отъ его дѣйствія, такъ какъ цѣлью правила несомнѣнно было противодѣйствовать фанатическому духу, поощрявшему такіе поступки, между тѣмъ какъ онъ давно уже прошелъ чрезъ ту стадію, въ которой онъ имѣлъ что нибудь общее съ этимъ духомъ [1]. Но хотя дѣйствія Димитрія приписываются бл. Іеронимомъ зависти къ генію и славѣ Оригена, [2] и хотя его образъ дѣйствія дѣйствительно отзывается несправедливой запальчивостью и рѣзкостью, однако же не невозможно, что онъ могъ дѣйствовать изъ искреннихъ побужденій совѣсти. Онъ былъ радъ вновь воспользоваться услугами Оригена, какъ учителя, но отказался признать его пресвитеромъ.

---

[1]) Euseb. vi. 19 Объ Александрійскомъ побоищѣ см. Gibbon, i, 14.

[2]) Euseb. vi, 23.

[3]) Orig. Ep. ad African, 4—5 (i, 16, 17); Epiph. lxiv. 3.

---

[1]) Euseb. vi, 19.

[2]) Euseb. v, 21.

[3]) Euseb. vi, 23.

[4]) Can. Apostol. 21. Противъ подобныхъ поступковъ, впослѣдствіи было направлено первое правило Никейскаго собора.

Вдобавокъ къ неправильности своего посвященія, Оригенъ пробудилъ недовольство нѣкоторыми изъ своихъ умозрѣній. Находя свое положеніе въ Александріи затруднительнымъ, онъ удалился въ Кесарію, и послѣ его ухода Димитрій созывалъ два собора, которыми Оригенъ былъ лишенъ своей должности въ катихизической школѣ, его рукоположеніе было уничтожено, и самъ 231 г. онъ отлученъ какъ еретикъ. О рѣшеніи этихъ соборовъ было повсюду оповѣщено епископамъ другихъ странъ. По правиламъ каѳолическаго общенія, рѣшенія одной церкви въ такихъ дѣлахъ обыкновенно принимались остальными безъ разсмотрѣнія сущности дѣла, и такимъ образомъ приговоръ противъ Оригена былъ утвержденъ въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ, хотя онъ оставленъ былъ безъ вниманія въ тѣхъ странахъ, которыя особенно чувствовали на себѣ его личное вліяніе,—въ Палестинѣ, Финикіи, Аравіи и Ахаіи. Димитрій вскорѣ потомъ умеръ, и ему наслѣдовалъ по каѳедрѣ Ираклъ; но замѣчательно, 233 г. что новый епископъ не сдѣлалъ никакой попытки для снятія осужденія съ своего бывшаго учителя и сотоварища.

Въ Кесаріи, подъ покровительствомъ Ѳеоктиста и Александра, Оригенъ не только нашелъ себѣ убѣжище, но и благопріятныя условія для дѣятельнаго и виднаго труда. Такъ какъ тамъ не было заведенія, подобно Александрійской школѣ, то онъ занялъ положеніе независимаго философскаго учителя, и его ученія добивались не только христіане, но и многіе язычники. Среди этихъ послѣднихъ, самыми знаменитыми были два брата, уроженцы Понта, по имени Ѳеодоръ и Аѳинодоръ, которые, прибывъ въ Палестину по семейнымъ обстоятельствамъ, сдѣлались слушателями Оригена по философіи и литературѣ, и постепенно приведены были имъ къ христіанской вѣрѣ [3]. Оба они современемъ сдѣлались епископами. Разсказываютъ, что Ѳеодоръ, который при своемъ крещеніи принялъ имя

---

[1] Въ своемъ толкованіи на евангеліе Матѳея (xv, 1—5) Оригенъ считаетъ буквальное истолкованіе, на основаніи котораго онъ поступилъ, примѣромъ ошибокъ, въ которыя можно впадать, слѣдуя буквѣ Писанія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Сн. Contr. Cels. vii, 48.

[2] *Hieron.* De Vir. illustr., c. 54.

[3] *Greg. Thumaturg,* Panygir. in. Orig. 5 (Patrol. Gr. x); Euseb. vi, 30.

Григорія, при вступленіи въ свою неокесарійскую епархію въ Понтѣ, нашелъ въ ней только семнадцать христіанъ, но что при своей кончинѣ онъ оставилъ въ ней только семнадцать язычниковъ [1]), каковое свидѣтельство можетъ быть принимаемо какъ иперболическое выраженіе дѣйствительно знаменательнаго успѣха его труда. Впослѣдствіи онъ сдѣлался предметомъ многихъ чудесныхъ сказаній, отъ которыхъ получилъ прозваніе Тавматурга, то есть чудотворца.

Пробывъ пять или шесть лѣтъ въ Кесаріи, Оригенъ былъ вынужденъ гоненіемъ Максимина искать убѣжища въ каппадокійскомъ городѣ того же имени [2]) подъ покровительствомъ епископа Фирмиліана, который былъ однимъ изъ его учениковъ; и когда гоненіе достигло Каппадокіи, то онъ нашелъ пріютъ въ домѣ Юліаны, богатой христіанской дѣвицы, гдѣ открылъ важное дополненіе къ своимъ матеріаламъ для Экзапловъ, такъ какъ его покровительница получила въ наслѣдство библіотеку Симмаха, евіонитскаго переводчика Ветхаго Завѣта [3]). По смерти Максимина, онъ возвратился въ Кесарію, въ Палестинѣ. Вѣроятно, послѣ этого онъ приглашенъ былъ для присутствія на соборѣ, засѣдавшемъ въ Аравіи по дѣлу Берилла, епископа бострскаго, который, хотя повидимому и не находился въ связи съ школами Праксея и Ноэта, пришелъ къ подобному ихъ ученію, именно, что въ единствѣ Божества нѣтъ различія въ лицахъ, что Сынъ не имѣлъ личности до своего воплощенія. Соборъ осудилъ это ученіе, но не могъ опровергнуть Берилла; Оригенъ однако же успѣлъ доказать ему нездравость его взгляда и получилъ благодарность съ обѣихъ сторонъ [4]). При другомъ случаѣ онъ призванъ былъ на борьбу съ мнѣніемъ одной аравійской секты, которая учила, что душа, какъ и тѣло, разрушается при смерти и будетъ возстановлена къ бытію при воскресеніи [5]).

236—8 г.

Во время гоненія при Деціѣ Оригенъ потерялъ своего стойкаго друга, Александра Іерусалимскаго. Онъ самъ былъ заключенъ въ тюрьму и подвергнутъ жестокимъ мученіямъ, и вліяніе такого обращенія на его тѣло, истощенное лѣтами, науками и болѣзнью, ускорило его смерть, которая и послѣдовала въ Тирѣ около 255 года [6]).

Главною цѣлью этого знаменитаго учителя было согласить христіанство съ философіей. Онъ старался сочетать въ христіанской схемѣ отрывочныя истины, разсѣянныя по другимъ системамъ, изложить евангеліе въ такой формѣ, которая бы не представляла препятствій для обращенія іудеевъ, гностиковъ и образованныхъ язычниковъ, и его ошибки возникли изъ слишкомъ настойчиваго преслѣдованія этой идеи.

---

[1]) *Greg. Nyssen.* Vit. Greg. Thaumaturg. Opera, т. ii, стр. 977—1006, ed Paris, 1615 г.

[2]) *Hieron.* De vir. illustr. c. 54.

[3]) Euseb. vi, 17.

[4]) Euseb. vi, 33; *Hieron.* De vir. illustr., 60.

[5]) Такъ свидѣтельствуетъ и Евсевій, vi, 37. Нѣкоторые однако же указываютъ на несообразность такой теоріи и предполагаютъ, что Евсевій ошибся, что эти еретики въ дѣйствительности были психопанихитами, то есть, что они учили объ *успеніи* души (Redepenning, ii, 105).

[6]) Euseb. vi, 38; vii, 1.

О началахъ Оригена въ истолкованіи св. Писанія было уже упомянуто раньше [1]. У него именно александрійскій методъ получилъ свое завершеніе. Онъ различалъ въ св. Писаніи троякій смыслъ—буквальный, нравственный и таинственный, соотвѣтственно составнымъ частямъ человѣка—тѣлу, душѣ и духу [2]. Какъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской нѣкоторые водоносы содержали двѣ мѣры и нѣкоторые три мѣры воды, такъ, училъ онъ, и св. Писаніе „въ каждой іотѣ и чертѣ“ имѣетъ нравственный и таинственный смыслы, а въ большинствѣ мѣстъ оно имѣетъ также и буквальный смыслъ [3]. Святый Духъ, говорилъ онъ, пользовался буквальной исторіей, гдѣ только сообразно было съ дѣломъ, для сообщенія таинственнаго смысла; гдѣ это невозможно было, Онъ изобрѣталъ разсказъ съ этою именно цѣлью; поэтому и въ законѣ, въ то время какъ одни постановленія изложены для буквальнаго исполненія, другія правила по своей буквѣ невозможны или нелѣпы. Съ точки зрѣнія этого правила, многое буквальное въ св. Писаніи отвергалось; но такія мѣста какъ въ ветхомъ, такъ и новомъ завѣтѣ были, по мнѣнію Оригена, поставлены Духомъ Святымъ какъ камни преткновенія на пути, чтобы размышляющій читатель, видя недостаточность буквы, могъ чувствовать побужденіе доискиваться разумѣнія духовнаго смысла [4]. Такія части св. Писанія не менѣе божественны, не смотря на свою „низкую и презрѣнную форму“; если люди не проникаютъ черезъ эту завѣсу къ скрытому подъ нею сокровищу, то вина въ этомъ заключается въ человѣческой слабости. Если поэтому Оригенъ обличалъ гностическое нечестіе, считавшее различныя части Библіи происшедшими изъ различныхъ источниковъ, то въ тоже время онъ находилъ не менѣе необходимымъ остерегаться ошибки многихъ христіанъ, которые, признавая того же самаго Бога въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, однако же приписывали Ему дѣянія, недостойныя самыхъ жестокихъ и несправедливыхъ людей [5]. По его мнѣнію, плотскимъ именно пониманіемъ буквы іудеи были приведены къ распятію Спасителя и продолжаютъ упорствовать въ своемъ невѣріи. Тѣ, которые хотятъ настаивать на буквѣ, уподобляются филистимлянамъ, которые наполняли землей колодцы, вырытые слугами Авраама; таинственный же истолкователь, подобно Исааку, долженъ открывать колодцы ¹). Чтобы быть справедливыми къ Оригену, мы должны помнить, что буквальная система толкованія, какъ она понималась въ его время, представляла нѣчто совершенно отличное отъ грамматическаго и историческаго истолкованія новѣйшаго времени. Въ то время она не дѣлала никакой попытки преодолѣть трудности или согласить кажущееся разногласіе, и когда прилагалась къ объясненію пророчества, то смущала защитниковъ православнаго христіанства и давала большія преимущества ихъ противникамъ. Избавиться отъ такого толкованія, поэтому, было весьма желательно въ виду полемики съ іудеями и монтанистами ²).

---

[1] См. выше, стр. 81—83.

[2] De Principiis, IV, 11, in Levit. Hom. V, 5.

[3] De Princ. IV, 12, in Exod. Hom. I, 4.

[4] De Princ. 15—18.

[5] De Princip. 7—9.

Въ то время какъ, говорилъ Оригенъ, языческіе философы обращались исключительно къ болѣе образованнымъ, св. Писаніе снисходитъ къ лицамъ всякаго класса, смотря по ихъ способностямъ ³). Повѣствованіе его „въ высшей степени мудро расположено“, съ цѣлью сдѣлать его доступнымъ какъ массѣ болѣе простыхъ вѣрующихъ, такъ и сравнительно малому числу тѣхъ, которые бы желали или были способны добиваться его болѣе глубокаго пониманія ⁴). Буква поэтому можетъ быть достаточною для неученыхъ ⁵). Но хотя въ этомъ мнѣніи Оригенъ сходился съ нѣкоторыми изъ гностическихъ учителей, онъ однако же былъ совершенно противъ ихъ презрѣнія къ менѣе образованнымъ братьямъ и противъ ихъ мнѣнія, что цѣлые классы людей безнадежно лишены высшихъ степеней разумѣнія. Каждый, училъ онъ, обязанъ развиваться согласно своимъ средствамъ и обстоятельствамъ. Буквальный смыслъ можетъ быть понимаемъ всякимъ внимательнымъ читателемъ, нравственный требуетъ болѣе высокаго ума, таинственный можетъ быть постигаемъ только при помощи благодати Духа Святаго, которую можно получать чрезъ молитву. Самъ Оригенъ не заявлялъ притязаній на обладаніе этою благодатью въ такой степени, которая давала бы ему право приписывать особенный авторитетъ своимъ толкованіямъ ⁶). Въ то время, какъ Климентъ со страхомъ говорилъ о возможности распространенія своихъ таинственныхъ толкованій и выдавалъ ихъ за традиціонныя ⁷), толкованія Оригена предлагаются просто какъ произведеніе его собственнаго ума, и его единствен-

---

¹) In Genes. Hom. xiii, 2.

²) О противоположности между простотою ихъ предсказаній, см. *Orig.* c. Cels, vii, 10.

³) C. Cels. vii, 61,

⁴) Тамъ же, iv, 49.

⁵) De Princ. iv, 12.

⁶) C. Cels, vii, 11; De Princ. i, 14, in Levit. Hom. v, 5, p. 210.

⁷) Напр. Strom. i, i, p. 324; i, 12; vi 7, p. 771.

ное желаніе состояло въ томъ, чтобы они не оказались ложными [1]. По его ученію, таинственный смыслъ—двухъ родовъ: аллегорическій, по которому ветхій завѣтъ предъизображаетъ исторію Христа и Его церковь, и аналогическій, гдѣ повѣствованіе прообразуетъ предметы высшаго міра. Какъ ап. Павелъ говорилъ о „вышнемъ Іерусалимѣ“ [2], такъ и Оригенъ признавалъ существованіе духовнаго міра, въ которомъ все на этой землѣ имѣетъ свой первообразъ. Вслѣдствіе этого, на тѣ мѣста св. Писанія, которыя по своей буквѣ онъ считалъ прозрачными, нужно смотрѣть какъ на отраженіе дѣйствительныхъ вещей низшаго міра, которыхъ земныя вещи не могли бы изображать съ достаточностью [3].

Эти начала истолкованія были изложены не безъ предосторожностей въ отношеніи ихъ приложенія, и у самого Оригена они находились подъ контролемъ вѣрующаго, благочестиваго и сознающаго свой долгъ духа. Но ясно, что они не менѣе способны производить зло, какъ и ниспроверженіе всякой вѣры въ историческую истину Писанія. Мнѣнія Оригена по многимъ пунктамъ установить трудно, не только вслѣдствіе неясности самыхъ предметовъ разсужденія, но и вслѣдствіе того, что оставшіяся отъ него сочиненія по большей части сохранились только въ переводахъ, которые не совсѣмъ вѣрны. Даже при своей жизни онъ уже вынужденъ былъ жаловаться на искаженія ихъ со стороны еретиковъ и на ложное толкованіе его со стороны неразумныхъ послѣдователей, причемъ онъ сознавалъ, что предубѣжденные читатели легко могли считать его и за еретика [4]. Его здравомысліе въ отношеніи высшихъ христіанскихъ доктринъ подвергалось сильному сомнѣнію; въ дѣйствительности аріане считали его даже предтечей своей ереси [5]. Но св. Аѳанасій говорилъ о немъ съ уваженіемъ, объяснялъ его языкъ и защищалъ его отъ ложнаго пониманія [6].

Оригену именно обязанъ своимъ изобрѣтеніемъ терминъ, который, какъ счастливо выражающій истинную вѣру, принятъ былъ въ языкъ церкви,—именно „вѣчное рожденіе“ Сына Божія. Онъ пояснялъ способъ этого рожденія сравненіемъ съ изліяніемъ блеска отъ свѣта. Это, говорилъ онъ, не есть нѣчто такое, что бы случилось разъ навсегда, но всегда продолжается „въ вѣчномъ теперь“ божественнаго существованія [7].

---

[1] Be Princ. i, 6 и проч.

[2] Галат. iv, 26.

[3] De Princ. iv, 20—22; c. Cels, iv, 21. Suicer подъ словомъ.

[4] De Pric. i, vi, 1.

[5] Epiph. lxiv, 4. См. *Photius*, Biblioth. Cod. 8.

[6] De Decr. Nicaenae Synodi, 27 (v. pp. i, 232—233); Ep. iv ad. Serap., 9. (ibid p. 702).

[7] De Princ. i, ii, 4, 7, Petav. De Trin. v. ix, 6—7.

Его ученіе касательно творенія было весьма своеобразно. Отвергая гностическое воззрѣніе, предполагавшее матерію независимой отъ Бога, онъ училъ, что такъ какъ Богъ всемогущъ и Господь всего, то Онъ всегда долженъ былъ имѣть нѣчто такое, надъ чѣмъ бы Онъ упражнялъ свое всемогущество и господство, и вслѣдствіе этого дѣло творенія изъ ничего должно было происходить вѣчно [1]).

Цѣлью этой теоріи было примирить Моисеево повѣствованіе съ платонистическимъ представленіемъ, что міръ вѣчно истекаетъ отъ Бога. По его ученію, существовало множество міровъ до сотворенія настоящаго, и множество ихъ будетъ и послѣ кончины этого міра [2]),— близость которой, по его предположенію, указывалась уже тѣмъ обстоятельствомъ, что Господь явился во плоти [3]). Съ самаго начала сотворено полное число душъ; прибавленія къ нему уже не дѣлается, но тѣ же самыя души постоянно продолжаютъ являться въ безконечномъ разнообразіи формъ [4]). Всѣ онѣ сначала были совершенны и одарены свободой воли [5]). Злоупотребленіемъ ея онѣ совершили преступленіе, требовавшее очищенія; отсюда сотворены были міры, чтобы погрѣшавшія такъ существа могли быть пробуждены къ сознанію своего отчужденія отъ Бога и къ стремленію къ блаженству, чтобы они могли быть очищены борьбой для возстановленія ихъ въ прежнее состояніе [6]). Непослушныхъ душъ постигаетъ участь, смотря по мѣрѣ ихъ виновности. Тѣ, которыя погрѣшили менѣе всего, становятся ангелами, живущими на планетахъ и занимающимися дѣлами служенія людямъ; худшія изъ нихъ дѣлаются діаволами [7]), причемъ вообще для тѣхъ, которыя были заключены въ тѣлахъ плоти, вся сложность ихъ бытія и условія положенія поставляются въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, насколько онѣ болѣе или менѣе тяжко погрѣшили. Нѣкоторыя, однако же, были погружены глубже, чѣмъ заслуживали по степени своей виновности, именно съ тою цѣлью, чтобы онѣ могли помогать въ наставленіи и освобожденіи своихъ собратьевъ [8]), и такимъ образомъ Оригенъ предполагаетъ, что смерть праведнаго человѣка можетъ имѣть искупляющее значеніе для другихъ [1]. Онъ раздѣлялъ человѣчество на плотское, душевное и духовное; но вмѣсто того, чтобы предполагать, подобно гностикамъ, что каждый человѣкъ навсегда поставленъ въ свой особый классъ [2], онъ училъ, что всѣ сначала были одинаковы, что различія между ними произошли вслѣдствіе того или другаго употребленія ими свободной воли и что никто не былъ неизмѣнно добрымъ или худымъ. Онъ допускалъ, что Адамъ былъ историческою личностью,—первымъ изъ согрѣшившихъ духовъ, какой только воплощенъ былъ въ тѣло; но, подобно Филону [3], онъ считалъ исторію паденія аллегоріей [4]. Была только одна душа, которая не согрѣшила. Она, чрезъ постоянное созерцаніе божественнаго Логоса, присоединилась къ нему или была поглощена въ немъ и такимъ образомъ сдѣлалась средствомъ для того единенія божества съ человѣческимъ тѣломъ, которое помимо этого посредства было бы совершенно невозможнымъ [5]. Такъ какъ евангеліе было приспособлено для людей всякаго рода, то Оригенъ, согласно (какъ онъ заявлялъ) съ преданіемъ, предполагалъ, что внѣшность Спасителя, во время Его земной жизни на землѣ, разнообразилась согласно съ характерами тѣхъ, кто видѣлъ Его [6].

---

[1]) De Princ. i, ii, 10.

[2]) Въ подтвержденіе этого онъ приводилъ Евр. ix, 26 также Ис. lxvi, 2; Екклес. i, 9; De Princ. iii, 5; iii, v, 9.

[3]) Тамъ же, iii, v, 6.

[4]) Тамъ же, ii, ix, 1,

[5]) De Princ. i, 5; iii, 1.

[6]) Тамъ же, i, 6—7; ii, ix, 8; онъ говоритъ, что разумная душа (νοῦς) вслѣдствіе охлажденія удалясь отъ божественной теплоты, дѣлается ψυχή, называясь такъ вслѣдствіе ея ψύξις (охлажденія); и по возстановленіи, она опять сдѣлается νοῦς (тамъ же, ii, viii, 3).

[7]) De Princ. i, vi, 2, 3; viii, 4; iii, vi, 3.

[8]) De Princ. ii, ix, 7.

Взглядъ Оригена касательно искупительнаго дѣла Спасителя трудно понять и не менѣе трудно также примирить его съ православною вѣрою. Онъ смотритъ на смерть на крестѣ, какъ на нѣчто такое, что духовно повторяется въ высшемъ мірѣ и что имѣетъ значеніе для избавленія ангеловъ [7]. Онъ допускаетъ, что для того, чтобы сдѣлаться или оставаться добрымъ, благодать столь же необходима, какъ и свободная воля [8]; но онъ, повидимому, заблуждался, предоставляя слишкомъ много обыкновеннымъ силамъ, которыми, по его предположенію, одарена наша природа [9].

Всякое наказаніе, по его ученію, имѣетъ просто исправительный характеръ, будучи установлено для того, чтобы всѣ твари могли быть возстановлены въ свое первоначальное совершенство [10]. При воскресеніи все человѣчество должно будетъ пройдти чрезъ огонь [11]: очищенные духи войдутъ въ рай, какъ мѣсто приготовленія для завершенія всего [1]; злые останутся въ „огнѣ“, который, однако же, описывается не какъ вещественный, но какъ умственная и духовная бѣдственность. Предметомъ и пищею его, говоритъ онъ, служатъ наши грѣхи, которые, вздувшись высоко, воспламеняются, чтобы сдѣлаться наказаніемъ для насъ, и „тьма кромѣшная“ есть тьма невѣденія [2]. Но состояніе этихъ духовъ не безнадежно, хотя могутъ пройти тысячи лѣтъ, прежде чѣмъ ихъ страданіе окажетъ на нихъ должное дѣйствіе [3]. Съ другой стороны, тѣ, которые допущены въ рай, могутъ злоупотребить своей свободной волей, какъ въ началѣ, и могутъ вслѣдствіе этого быть осуждены на возобновленіе своего пребыванія въ плоти [4]. Каждое разумное твореніе, даже самъ сатана, могутъ быть отвращены отъ зла къ добру, такъ что не лишены окончательно возможности спасенія [5]. При окончательномъ завершеніи всего, душа будетъ обитать въ славномъ органѣ, зародышъ котораго заключается въ теперешнемъ тѣлѣ [6]. Наслажденія ея будутъ чисто духовныя; святые будутъ понимать всѣ тайны божественнаго промышленія и установленій, данныхъ Богомъ Израилю [7]. Любовь, „никогда не ослабѣвающая“ сохранитъ все твореніе отъ возможности всякаго дальнѣйшаго паденія и „Богъ будетъ все во всемъ“ [8].

---

[1] Exhort. ad. Martyr., 50 (v. i, p. 309).

[2] De Princ. i, viii, 3; ii, ix, 5—6.

[3] De Mundi Opif. i, 38, ed. Mangey.

[4] De Princ. iv, 16.

[5] Тамъ же, ii, vi, 3—7.

[6] C. Cels, ii, 64; iv, 15—16 in Math., xxxv, 100.

[7] De Princ. iv, 25.

[8] См. De Princ. iii, i, 19.

[9] Nat. Alex. vi, 287.

[10] De Princ. i, vi; ii, i.

[11] Тамъ же, ii, ix, 6; in Exod. Hom. ii, vi, 4; in Luc. Hom. xiv, p. 948.

Слава Оригена имѣла сильныхъ противниковъ и не менѣе ревностныхъ защитниковъ. Нѣкоторыя приписываемыя ему положенія были осуждены, и его имя было подвергнуто даже анаѳемѣ соборомъ, засѣдавшимъ въ Константинополѣ въ шестомъ столѣтіи [9]. И повидимому можно думать, что вредъ какихъ либо отдѣльныхъ заблужденій въ его ученіи гораздо перевѣшивается вредомъ того извращеннаго метода толкованія св. Писанія, который обязанъ былъ ему своею законченностью и своею популярностью. Но при всѣхъ смягченіяхъ на почвѣ его заблужденій, какъ бы ни было сильно наше сознаніе того зла, которое произвела его система или имѣла произвести въ рукахъ другихъ, мы должны о самомъ Оригенѣ думать какъ о человѣкѣ, который не только посвящалъ всѣ силы своего ума въ теченіе своей долгой жизни тому, что онъ считалъ истиной, но и вѣрилъ, что его взгляды на истину совершенно согласны съ традиціонной вѣрой церкви. Его своеобразныя мнѣнія возникали (какъ уже сказано было) изъ желанія опровергнуть мнѣніе о предполагаемой несовмѣстимости философіи съ евангеліемъ; онъ желалъ во всемъ держаться твердыхъ основаній существеннаго христіанскаго ученія; онъ предлагалъ свои собственныя умозрѣнія съ смиреніемъ и не считалъ ихъ чѣмъ нибудь выше, кромѣ какъ вѣроятныхъ предположеній. Его благочестіе такъ же безспорно, какъ и величіе его генія и глубина его учености; онъ много пострадалъ за евангеліе и въ дѣйствительности можетъ быть почитаемъ почти мученикомъ. Во время своей жизни онъ былъ главнымъ противникомъ ереси во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ; множество обращенцевъ, приведенныхъ имъ въ лоно церкви изъ язычества, іудейства и искаженныхъ формъ христіанства, служитъ благороднымъ свидѣтельствомъ его ревности и любви, не менѣе какъ и его полемической способности. Мы вполнѣ можемъ, поэтому, сказать, что хотя такой человѣкъ и могъ держаться еретическихъ мнѣній, но онъ не могъ быть еретикомъ, такъ какъ онъ былъ совершенно свободенъ отъ того духа, который составляетъ сущность и вину ереси ¹).

---

[1] De Princ. ii, ix, 6.

[2] Тамъ же, ii, ix, 4, 18; c. Cels, v, 15 и слѣд.

[3] De Princ. i, vi, 3. Онъ училъ, что αἰὼν означаетъ ограниченное время и что слѣдовательно αἰῶνες τῶν αἰώνων должно быть конечнымъ.

[4] De Princ. ii, iii, 3; iii, vi, 3 (въ переводѣ Іеронима).

[5] Часто утверждали, что Оригенъ училъ о возможности спасенія для діавола, и это ученіе, повидимому, находится въ согласіи съ его системой (Neander, i, 472). Но все, что онъ, повидимому, утверждалъ, въ дѣйствительности заключается въ томъ, что сатана *могъ* обратиться и спастись, причемъ въ то же время онъ училъ, что вслѣдствіе своей закоснѣлой злобы онъ не захочетъ обратиться. (De Princ. i, vi, 3; in Rom. i, viii, 9). Въ своемъ письмѣ къ Александру (т. i, стр. 9) онъ объявляетъ приписываемое ему мнѣніе такимъ, которое едва ли можетъ поддерживать даже сумасшедшій.

[6] De Princ. ii, ii; ix, 3; xii; iii, vi, 4—6; c. Cels, v, 15 и слѣд. Ученіе Оригена о духовномъ тѣлѣ, основанное на пояснительномъ примѣрѣ ап. Павла, заимствованномъ отъ сѣмени и растенія (1 Кор. xv), подвергалось непониманію и порицанію со стороны нѣкоторыхъ, какъ будто бы онъ отрицалъ воскресеніе. См. *Hieron.*, c. Johan. Hierosol., 25 и слѣд.

[7] De Princ. ii, xi, 5, 7.

[8] In Rom. v, 10 (v. iv, p. 568); De Princ. iii, vi, 1—3.

[9] Помѣстнымъ соборомъ 543 или 544 года, а не пятымъ вселенскимъ соборомъ 553 года, какъ долго думали. Giesel. i, ii, 368, 372; Neander, iv, 481—2. Hefele, ii, 768).

II. Среди наиболѣе извѣстныхъ учениковъ Оригена былъ Діонисій, бывшій преемникомъ Иракла, сначала въ катихизической школѣ (въ 232 году) и затѣмъ по каѳедрѣ Александрійской (248 г.). Этотъ знаменитый человѣкъ, будучи воспитанъ въ язычествѣ, пришелъ къ принятію христіанства вслѣдствіе чтенія посланій ап. Павла. Такъ какъ онъ послѣ своего рукоположенія продолжалъ читать сочиненія язычниковъ и еретиковъ, то одинъ пресвитеръ сталъ спорить съ нимъ касательно опаснаго свойства подобныхъ занятій, и на Діонисія это внушеніе произвело сильное впечатлѣніе; но въ видѣніи или во снѣ онъ услышалъ голосъ, говорившій ему: „читай все, что можетъ попасть въ твои руки; ибо ты способенъ читать съ различеніемъ и отвергать, что не годно, потому что такъ именно ты впервые и приведенъ былъ къ вѣрѣ“ ²).

---

¹) Tillemont, III, 495—8, 595 стр. Ср. *Newman*, Arianism, 108—110.

²) *Dion. Alex.* ap. Euseb. VII, 7. Чтеніе языческихъ книгъ было запрещено въ Апост. Пост. I, 6.

Діонисій славился не только своею ученостью, но и своею мудростью и умѣренностью. Его имя часто будетъ встрѣчаться намъ въ связи съ различными церковными дѣлами, но о двухъ спорахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, можно упомянуть здѣсь особо.

1. Около 257 года ливійскій Пентаполь, родина Савеллія, былъ чрезвычайно возмущенъ его ересью, и дѣло дошло до оффиціальнаго свѣденія египетскаго первосвятителя. Діонисій опровергалъ савелліанскія заблужденія какъ личными бесѣдами, такъ и письменно [1]; но, къ несчастью, онъ употребилъ нѣкоторыя выраженія, которыя дали поводъ обвинять его въ мнѣніяхъ, сходныхъ съ тѣми, которыя впослѣдствіи провозглашались Аріемъ, именно будто бы онъ отрицалъ вѣчное сыновство. О его выраженіяхъ было донесено епископу римскому, какъ объ еретическихъ,—не потому, чтобы Риму приписывалась какая нибудь юрисдикція надъ Александріей, но потому, что дѣло это получило обще извѣстный интересъ, потому, что сообразно съ выдающимся положеніемъ епископской каѳедры на его обязанности было подвергать такія дѣла изслѣдованію, и потому, что первый изъ епископовъ былъ именно тѣмъ лицемъ, къ которому естественнѣе всего обращались съ жалобами противъ втораго. По этому дѣлу епископъ римскій, который также назывался Діонисіемъ, созвалъ соборъ и требовалъ объясненія, и Діонисій александрійскій, не обращая вниманія, ради мира и единенія, на все что могло бы возбудить его ревнивость въ такомъ вмѣшательствѣ, отвѣчалъ утвердительной защитой своего православія [2].

2. Около этого же времени сталъ заявлять о себѣ хиліазмъ. Ученіе это считается „іудейскимъ наслѣдіемъ“; но хотя, несомнѣнно, оно возникло изъ іудейства, его однако же нельзя считать показателемъ іудейской тенденціи. Правда, вѣрованіе, что Мессія будетъ лично царствовать на землѣ, что Его царство будетъ имѣть своимъ сѣдалищемъ Іерусалимъ, и что оно будетъ продолжаться въ теченіе тысячи лѣтъ, совершенно сообразно съ іудействомъ; но (кромѣ другихъ важныхъ отличій, какъ напр. то, что іудейское тысячелѣтнее царство, по ожиданію іудеевъ, должно было немедленно наступить за первымъ явленіемъ Мессіи, между тѣмъ какъ христіане ожидали еще Его втораго пришествія) христіанскій хиліазмъ не обнаруживалъ никакого предрасположенія къ плотскому Израилю, ни даже къ его святому городу, потому что новый Іерусалимъ, по этому ученію, долженъ былъ сойти съ неба и занять мѣсто земнаго, который долженъ былъ погибнуть [3].

---

[1] *Athanas.* De Sententia Dionysii. 5, 9.

[2] *Dion. Alex.* ap. Athan. De Decr. Syn. Nic., c. 25. Dion. Rom. ib. 26; Ath. De Sent. Dion. 13 и слѣд.

[3] См. *Orig.* De Princ. II, XI, 2; c. Cels. IV, 22. Herzog, статья Chiliasmus.

Хиліастическія мнѣнія появились очень рано. Среди защитниковъ этихъ мнѣній, по преданію, былъ Папій, епископъ Іерапольскій, который вообще признается слушателемъ ап. Іоанна [1]). Къ концу втораго столѣтія они, повидимому, сдѣлались общими въ церкви, подкупая въ свою пользу тѣмъ, что давали почву для противодѣйствія языческому Риму и доставляли новое утѣшеніе вѣрующимъ въ гоненіяхъ и испытаніяхъ. Ученіе это было съ большимъ жаромъ принято монтанистами; но то самое обстоятельство, что оно сдѣлалось отличительной чертой этой фанатической секты, содѣйствовало подрыву довѣрія къ ней среди православныхъ, и другія причины также содѣйствовали ея ослабленію. Идеалистическія и духовныя тенденціи Александрійской школы, достигшей значительнаго процвѣтанія около этого самаго времени, были сильно противоположны тому буквализму, на которомъ основывались хіалистическія мнѣнія; и кромѣ того, самое ученіе это оказывалось препятствіемъ къ обращенію грековъ и римлянъ, какъ оскорбительное для ихъ національныхъ чувствъ. Вслѣдствіе такихъ причинъ, оно въ теченіе многихъ лѣтъ постепенно падало, пока гоненіе Деція не поспособствовало оживленію его популярности среди тѣхъ, которые чувствовали приближеніе страданій за вѣру.

Непотъ, одинъ египетскій епископъ, написалъ хиліастическую книгу, подъ заглавіемъ „Опроверженіе аллегористовъ“, и около 255 года (когда самого Непота уже не было въ живыхъ) распространилось извѣстіе, что его мнѣнія находили многихъ приверженцевъ въ округѣ Арсиноэ. Діонисій, услышавъ объ этомъ, дѣйствовалъ съ свойственнымъ ему благоразуміемъ; онъ отправился въ эту мѣстность, добился собесѣдованія съ хиліастической партіей и провелъ три дня въ разсужденіяхъ съ ними о книгѣ Непота, о которомъ онъ старался говорить съ большимъ уваженіемъ и любовью. Результатомъ этого было то, что въ то время, какъ менѣе благоразумный способъ дѣйствія по отношенію къ нимъ могъ бы довести послѣдователей Непота до раскола, Діонисію удалось убѣдить ихъ, и онъ получилъ выраженіе теплой благодарности отъ ихъ вождя Каракіона [2]). Съ этого времени о хиліазмѣ, хотя онъ и продолжалъ имѣть приверженцевъ и въ слѣдующемъ столѣтіи даже нашелъ поборника въ Аполлинаріѣ Лаодикійскомъ [3]), было уже мало слышно въ восточной церкви [4]).

---

[1]) Euseb. 39. Предполагаютъ однакоже, что Евсевій могъ перетолковать слова, которыя Папій употреблялъ въ аллегорическомъ смыслѣ. Мысль о тысячелѣтнемъ царствѣ встрѣчается также въ посланіи, приписываемомъ Варнавѣ. С. 15.

[2]) Euseb. vii, 24.

[3]) Epiph. lxxvii, 26—8. Объ Аполлинаріѣ см. ниже, ii, iv.

[4]) Giesel. i, i, 334: ii, 91—2. На западѣ онъ былъ распространенъ до времени Константина. Тамъ же, vi, 238.

III. Какъ имя Оригена было знаменитымъ въ исторіи ученія, такъ имя его современника Кипріана не менѣе сдѣлалось знаменитымъ въ вопросѣ объ управленіи и дисциплинѣ церкви. Ѳасцій Кипріанъ родился въ Карѳагенѣ или его окрестностяхъ около 200 года, и, будучи извѣстнымъ учителемъ риторики, онъ принялъ христіанство въ зрѣломъ возрастѣ [1]) Его ранняя жизнь была не свободна отъ обычной распущенности языческой нравственности, хотя быть можетъ отвращеніе, съ которымъ онъ говорилъ объ этомъ, смотря на такую жизнь при свѣтѣ евангелія, могла послужить къ преувеличенію мнѣнія о той степени, до которой онъ причастенъ былъ этому распутству. По своемъ обращеніи и вѣроятно, когда еще онъ былъ оглашеннымъ, онъ проявилъ свою ревность къ вѣрѣ продажей виллы и садовъ, которыми онъ владѣлъ близь Карѳагена, и отдачей вырученной суммы, съ большею частью своей другой собственности, на пособіе бѣднымъ [2]). Его діаконъ и жизнеописатель Понтій однакоже говоритъ, что сады эти впослѣдствіи были возвращены Кипріану „снисхожденіемъ Божіимъ“,—всего вѣроятнѣе при содѣйствіи его друзей, которые сложились для выкупа ихъ и возвращенія ихъ ему [3]). При своемъ крещеніи Кипріанъ присоединилъ къ своему прежнему имени Ѳасцій имя Цецилія, въ воспоминаніе о пресвитерѣ, который склонилъ его къ обращенію [4]). Онъ быстро возведенъ былъ въ должности діакона и пресвитера [5]), и, по освобожденіи каѳедры карѳагенской, чрезъ три года по своемъ обращеніи, онъ былъ избранъ епископомъ по общему желанію народа, причемъ его общеизвѣстныя достоинства считались достаточнымъ 248 г. основаніемъ для того, чтобы обойти даже апостольское предостереженіе противъ возвышенія недавнихъ обращенцевъ [6]), равно какъ и для того, чтобы преодолѣть его собственную неохотность принять на себя отвѣтственность такого высокаго служенія [7]). Пять пресвитеровъ однако же воспротивились его избранію, и не смотря на его попытки примирить ихъ, они продолжали смотрѣть на него съ неизгладимымъ чувствомъ враждебности.

Кипріанъ вступилъ въ свое епископство съ твердою рѣшимостью исправить злоупотребленія и безпорядки, которые онъ находилъ преобладающими среди своей паствы; но черезъ два года его труды съ этою цѣлью были прерваны гоненіемъ при Деціѣ. Въ Карѳагенѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, во время этого гоненія епископъ былъ главною цѣлью гонителей; языческая чернь требовала, чтобы онъ былъ брошенъ львамъ, и Кипріанъ, не изъ страха, но вслѣдствіе (какъ онъ заявляетъ) небеснаго предостереженія и вслѣдствіе убѣжденія, что такой образъ дѣйствія былъ наиболѣе благодѣтельнымъ для его церкви, удалился въ особое убѣжище, на небольшомъ разстояніи отъ Карѳагена, гдѣ и оставался около четырнадцати мѣсяцевъ. По его исчезновеніи, собственность его была конфискована [1]).

---

[1]) Въ 245 году. *Maran*. Vita S. Cypr. ap. Migne pp. 79—80.

[2]) *Pontius*, De Vita et Passione S. Cypr., c. 3.

[3]) Pontius, c. 15.

[4]) Pontius, c. 5.

[5]) Нѣкоторые даже предполагаютъ, что онъ возведенъ былъ въ епископство per saltum.

[6]) 1 Тим. iii, 15.

[7]) Pontius, 7; Maran. 79, 80.

О недостойномъ поведеніи христіанъ во время этого гоненія было уже упомянуто выше [2]). Кромѣ тѣхъ, которые дѣйствительно приносили жертву языческимъ богамъ, многіе, за особую плату чиновникамъ, получали удостовѣреніе въ томъ, что они исполнили повелѣніе императора, и многіе изъ нихъ, называвшіеся либеллятиками [3]), убѣждали себя невѣжественною казуистикой, что они не дѣлали ничего худаго. Бѣдствія карѳагенской церкви были еще удручены однимъ обычаемъ, который возникъ изъ высокаго почтенія по отношенію къ мученикамъ и исповѣдникамъ. Изъ естественнаго чувства уваженія къ тѣмъ, которые проливали свою кровь за вѣру, мученикамъ позволялось, быть можетъ уже въ половинѣ втораго столѣтія, подвергать благопріятному разсмотрѣнію дѣла лицъ, которыя находились подъ церковнымъ осужденіемъ [4]). Но преимущество ихъ не ограничилось этимъ.

Впослѣдствіи вошло въ обычай, что діаконы должны были посѣщать мучениковъ въ темницѣ, съ цѣлью внушать имъ осторожность въ распредѣленіи ихъ милостей [5]). Съ теченіемъ времени злоупотребленія возростали все были, и въ Карѳагенѣ введены были нѣкоторыя смѣлыя новшества этого рода [6]). Нѣкій Лукіанъ, возгордившись славой, пріобрѣтенной имъ въ качествѣ исповѣдника, сталъ заявлять, что мученикъ по имени Павелъ, по праву своего мученичества, далъ ему власть давать отпущенія для общенія съ церковью. Билеты стали даваться въ такой формѣ, чтобы они могли быть пригодными не только для лица, поименованнаго въ нихъ, но и для неопредѣленнаго числа другихъ [7]). Письма этого рода раздавались безъ всякаго ограниченія и даже сдѣлались источникомъ своего рода торговли. Получившіе ихъ дерзко настаивали на немедленномъ допущеніи ихъ къ полному общенію, и нѣкоторые епископы уступали ихъ настойчивости [1]). Лукіанъ,, отъ имени всѣхъ исповѣдниковъ написавъ дерзкое письмо къ Кипріану, заявлялъ, что они даровали возсоединеніе всѣмъ падшимъ, и желалъ, чтобы епископъ передалъ это сообщеніе своимъ собратьямъ епископамъ [2]). Кипріанъ изъ своего убѣжища поддерживалъ постоянныя сношенія съ своею церковью и старался подавить эти безпорядки, причемъ въ то же время обнаруживалъ сильное желаніе избѣгнуть вмѣшательства въ такія привиллегіи, которыя съ основаніемъ можно было признавать за мучениками и исповѣдниками. Онъ допускалъ, что тѣ среди падшихъ, которые получали письма отъ страдальцевъ за вѣру, могли быть допущены къ общенію, въ случаѣ нахожденія въ опасности смерти; но въ то же время онъ постановлялъ, что остальные должны были дожидаться изслѣдованія ихъ дѣлъ по его возвращеніи въ Карѳагенъ, а до того времени должны были быть увѣщаемы къ терпѣнію [3]).

---

[1]) Pontius, 7; Cypr. Ep. 16, 20. Слова Кипріана, быть можетъ, нѣтъ надобности понимать въ томъ смыслѣ, что онъ имѣлъ какое нибудь иное божественное внушеніе, кромѣ того, которое заключается въ Матѳ. x, 23.

[2]) См. стр. 88.

[3]) Отъ libella „свидѣтельство“, билетъ; либеллятикъ—„билетный“.

[4]) См. *Tertul.* ad Martyres, 6; De Pudic., 22.

[5]) Cypr. Ep. 15; Nat. Alex. II, 106 и слѣд.

[6]) XXV правило собора Иллиберійскаго (305 г. ?) и II правило Арелатскаго (314 г.) направлены противъ нѣкоторыхъ злоупотребленій, которыя еще и тогда продолжали дѣлаться съ билетами исповѣдниковъ.

[7]) Cypr. Ep. 15.

Вскорѣ послѣ пасхи 251 года, епископъ возвратился въ свой городъ и созвалъ соборъ для разсмотрѣнія вопросовъ касательно падшихъ. Соборъ пришелъ къ заключенію, что тѣ изъ либеллятиковъ, которые проявили раскаяніе въ своей слабости, могли быть допущены къ общенію, и что тѣмъ, которые приносили жертву, должна была быть дана надежда на принятіе ихъ въ общеніе послѣ болѣе продолжительнаго періода покаянія [4]). Послѣдній разрядъ получилъ дальнѣйшее снисхожденіе въ слѣдующемъ году, когда въ виду возобновившагося гоненія соборъ, подъ предсѣдательствомъ Кипріана, рѣшилъ немедленно же даровать право общенія всѣмъ тѣмъ, которые уже обнаружили должное раскаяніе [5]).

Новыя смуты возбуждены были въ Карѳагенѣ пресвитеромъ, по имени Новатомъ. Неизвѣстно, былъ ли этотъ человѣкъ однимъ изъ тѣхъ пресвитеровъ, которые противились избранію Кипріана; но онъ сдѣлался извѣстнымъ своимъ неповиновеніемъ и непослушаніемъ. Кипріанъ свидѣтельствуетъ, что онъ грабилъ вдовъ и сиротъ и расхищалъ имущество церкви; что онъ билъ свою жену во время беременности, такъ что былъ причиною смерти ребенка; что онъ довелъ своего отца до голодной смерти на улицѣ [6]) и отказался даже похоронить его, и что за эти и другія преступленія онъ долженъ былъ подвергнуться суду, когда взрывъ гоненія при Деціи прервалъ судебное слѣдствіе противъ него. Новатъ вошелъ въ связь съ Фелициссимомъ, человѣкомъ богатымъ, но равнодушнаго характера, и,—или незаконно присвоивъ епископскую власть посвященія, или (какъ болѣе вѣроятно) добившись посвященія со стороны какого нибудь другаго епископа, онъ возвелъ его на степень діакона. Оба они, съ другими членами духовенства, начали оказывать сильное противодѣйствіе Кипріану: они возбуждали падшихъ противъ него; спорили съ его уполномоченными касательно распредѣленія церковныхъ имѣній, и наконецъ, около года послѣ возвращенія епископа, Фелициссимъ выставилъ одного изъ недовольныхъ пресвитеровъ, Фортуната, соперникомъ Кипріану по каѳедрѣ карѳагенской,—причемъ посвященіе его было совершено пятью епископами, которые всѣ лишены были своего сана за ересь или отпаденіе ¹). Новатъ, основатель раскола, между тѣмъ отправился по Средиземному морю въ Римъ.

---

[1]) Cypr. Epp. 19, 27 и проч.

[2]) Cypr. Ep. 27.

[3]) Cypr. Epp. 19, 13 и проч.

[4]) Ep. ʟv, 17.

[5]) Ep. 57.

[6]) „In vico“, Ep. 49.

Фабіанъ, епископъ римскій, былъ замученъ въ январѣ 250 года, и каѳедра его оставалась вакантною до іюня слѣдующаго года, когда избранъ былъ Корнилій ²). Во время этого промежутка произошелъ обмѣнъ нѣкоторыми письмами между Кипріаномъ и римскимъ духовенствомъ, которое, вслѣдствіе ложныхъ слуховъ, стало неблагопріятно думать о его удаленіи изъ своего города, но впослѣдствіи пришло къ лучшему пониманію его и соглашалось съ нимъ касательно того образа дѣйствія, съ которымъ нужно относиться къ падшимъ. Среди этого духовенства особенно выдавался краснорѣчіемъ и ученостью нѣкій Новаціанъ. Онъ получилъ философское образованіе, хотя быть можетъ и было бы ошибочно выводить изъ нѣкоторыхъ выраженій Кипріана, что онъ когда то былъ стоикомъ ³). Это былъ человѣкъ угрюмаго и мрачнаго характера, и одно время подвергался нападеніямъ діавола или вообще припадкамъ болѣзненной меланхоліи. Послѣ этого онъ принялъ клиническое крещеніе ⁴), и, по своемъ выздоровленіи, не позаботился о томъ, чтобы завершить даръ крещенія рукоположеніемъ священника; не смотря, однако

---

¹) Ep. LIX, 10.

²) Децій, будто бы, сказалъ, что онъ скорѣе хотѣлъ бы видѣть претендента на имперію, чѣмъ новаго епископа въ Римѣ. Cypr. Ep. LIII, 9.

³) Ep. LV; Neander, I, 333.

⁴) То есть, крещеніе на одрѣ болѣзни, на которое смотрѣли неблагосклонно вслѣдствіе недостойныхъ побужденій. заставлявшихъ вообще принимавшихъ такое крещеніе откладывать его до того времени, когда они окажутся внѣ опасности лишиться благодати таинства, впаденіемъ въ новый грѣхъ (см. VIII, отд. 3). Соборъ Неокесарійскій 314 года запрещаетъ рукоположеніе крещеннаго такъ лица во пресвитера, пока оно не отличится впослѣдствіи вѣрой и ревностью, или пока недостатокъ другихъ кандидатовъ не сдѣлаетъ посвященія необходимымъ. С. 12.

же, на эту небрежность, Фабіанъ, изъ желанія воспользоваться для церкви услугами столь способнаго человѣка, допустилъ его къ священству, съ трудомъ преодолѣвъ противодѣйствіе, которое обнаружено было всѣмъ духовенствомъ и большею частью мірянъ, такъ какъ не только духовенство, но и народъ тогда имѣлъ голосъ въ избраніи лицъ для посвященія [1]). Во время гоненія, побуждаемый принять участіе въ служеніи своимъ страждущимъ братьямъ, Новаціанъ, будто бы, отвѣчалъ, что онъ „не хочетъ дольше оставаться пресвитеромъ и принадлежитъ къ другой философіи“, — слова, которыя, повидимому, указываютъ на то, что онъ предпочиталъ аскетическую жизнь дѣятельнымъ трудамъ своей должности [2]).

Во время вакансіи каѳедры, Новаціанъ пользовался большимъ вліяніемъ въ Римѣ. Кипріанъ свидѣтельствуетъ [3]), что онъ былъ авторомъ того письма, въ которомъ римское духовенство признавало, что падшіе могли быть допускаемы въ общеніе церкви, если находились въ опасности смерти; но послѣ избранія Корнилія онъ сдѣлался вождемъ особой партіи, которая держалась началъ, несовмѣстимыхъ съ такою уступчивостью. Онъ училъ, что хотя покаявшіеся падшіе и могутъ быть допущены къ божественному милосердію и поэтому могутъ быть увѣщаемы къ покаянію, однако же церковь не имѣетъ власти давать имъ отпущеніе и должна на всегда отлучать ихъ отъ общенія; что церковь, входящая въ общеніе съ такими грѣшниками, теряетъ свой христіанскій характеръ и свои преимущества [4]). Новаціанъ сначала заявлялъ, что онъ не желаетъ епископства Рима, и намъ нѣтъ надобности предполагать, что его заявленіе было неискренне, такъ какъ его суровый и необщительный характеръ склонялъ его къ уединенной жизни. Когда однако же расколъ образовался, онъ позволилъ поставить себя во главѣ его и былъ посвященъ тремя епископами ничтожныхъ каѳедръ, которые призваны были въ Римъ подъ ложными предлогами и возложили свои руки на него вечеромъ, послѣ ужина. Главнымъ двигателемъ всѣхъ этихъ событій былъ карѳагенянинъ Новатъ [5]). Возможно, что онъ разошелся съ своимъ старымъ союзникомъ Филициссимомъ касательно отношенія къ падшимъ, или онъ могъ стать на сторону снисходительности въ Карѳагенѣ и на сторону строгости въ Римѣ, руководясь при этомъ ни другимъ какимъ нибудь побужденіемъ, а просто желаніемъ какими бы то ни было средствами противодѣйствовать власти законныхъ епископовъ.

---

[1]) Cornel. ap. Euseb. vi, 43.

[2]) Cornel. l. c.; Neander, i, 332.

[3]) Ep. lv, 5.

[4]) Cypr. Ep. lv, 26—29; Socrat, iv, 28.

[5]) Cornel. ap. Euseb. vi, 43. Греческіе писатели называютъ Новаціана Новатомъ (Νοουάτος).

Новаціанъ послалъ извѣстіе о своемъ посвященіи великимъ церквамъ Антіохіи, Александріи и Карѳагена. Фабій антіохійскій былъ склоненъ признать его, но скоро затѣмъ умеръ, не принявъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ [1]). Письмо къ Діонисію александрійскому, повидимому, было апологетическимъ, представлявшимъ, что Новаціанъ былъ вынужденъ къ тому шагу, который онъ сдѣлалъ; на что Діонисій отвѣчалъ, что если бы это было такъ, то онъ долженъ бы показать свою искренность устраненіемъ отъ своего соперничества съ Корниліемъ и стараніемъ объ исцѣленіи раздора въ римской церкви [2]). Въ Карѳагенѣ раскольническіе посланные были отвергнуты соборомъ, засѣдавшимъ въ самое время ихъ прибытія [3]). Нѣкій Максимъ былъ впослѣдствіи поставленъ въ качествѣ новаціанина епископомъ Карѳагена, и самозванцы того же самаго рода были поставлены въ другихъ африканскихъ епархіяхъ [4]).

Въ расколѣ этомъ сначала участвовало большое число римскихъ исповѣдниковъ. Эти послѣдніе скоро замѣтили свою ошибку, формально признали Корнилія епископомъ и возвратились къ единенію съ церковью, [5]), причемъ Новаціанъ старался обезпечить преданность своихъ послѣдователей требованіемъ отъ нихъ, при принятіи евхаристіи, клятвы, что они никогда не оставятъ его или не присоединятся къ Корнилію [6]). Новаціанство находило многихъ послѣдователей на западѣ, и его начала сдѣлались даже болѣе строгими, чѣмъ прежде. Приговоръ о пожизненномъ отлученіи отъ общины, первоначально прилагавшійся только къ тѣмъ, которые отрекались отъ вѣры [7]), впослѣдствіи былъ распространенъ и на всѣхъ тѣхъ, которые послѣ крещенія совершали болѣе или менѣе тяжкіе грѣхи. Новаціане приняли названіе каѳаровъ, то есть чистыхъ. Они перекрещивали переходившихъ къ нимъ изъ церкви, считая общеніе съ нею нечистымъ и ея священнослуженія вслѣдствіе этого недѣйствительными. Нѣкоторые изъ нихъ осуждали второженство (то есть, вступленіе во второй бракъ), какъ одинаково грѣховное съ прелюбодѣяніемъ [8]). Что однако же касается до главныхъ истинъ евангелія, то новаціане были и постоянно оставались православными, и многіе изъ нихъ пострадали
даже до смерти за свою вѣру. Соборъ Никейскій 325 г.
пытался исцѣлить этотъ расколъ примирительными

---

[1]) Euseb. vi, 44.
[2]) Euseb. vi, 45.
[3]) Cypr. Ep. 44.
[4]) Тамъ же, lix, 10.
[5]) Cypr. Ep. 49.
[6]) Cornel. ap. Euseb. vi, 43.
[7]) Cypr. Ep. lv, 26.
[8]) Epiph. lix, 3—6; *Theodoret*, Haer. iii, 5.

мѣрами [1]); но новаціане все еще считали слабость церковной дисциплины препятствіемъ для возсоединенія съ нею, хотя и вошли въ болѣе дружественныя отношенія съ православными вслѣдствіе общей опасности во время развитія аріанства. Секта эта продолжала существовать долго. Во Фригіи она соединилась съ остатками монтанистовъ [2]), и въ Александріи патріархъ имѣлъ случай писать противъ нея уже въ такое позднее время, какъ конецъ VI столѣтія [3]).

Противоположное движеніе въ Карѳагенѣ потерпѣло полную неудачу. Напрасно Фелициссимъ старался добиться признанія своего епископа въ Римѣ [4]). Большинство изъ падшихъ, которые присоединились къ нему въ надеждѣ легкаго полученія права возвращенія въ общеніе съ церковью, были крайне смущены при объявленіи формальнаго раскола и добивались возсоединенія съ церковью на предложенныхъ Кипріаномъ условіяхъ, послѣ чего мы уже ничего не слышимъ болѣе о Фелициссимѣ.

Сильная чума, о которой уже было упомянуто, послужила причиной знаменательнаго проявленія благотворительности и практической дѣятельности со стороны Кипріана, а также и тѣхъ плодовъ христіанской ревности и любви, которые, гдѣ бы ни появлялись, быть можетъ были самымъ дѣйствительнымъ доказательствомъ въ пользу производившей ихъ вѣры. Въ то время, какъ языческое населеніе Карѳагена оставляло своихъ больныхъ безъ всякаго попеченія и тѣла мертвыхъ выбрасывало на улицы, въ то время, какъ все казалось очерствѣло въ себялюбіи, и бѣдняки даже вторгались въ дома умирающихъ съ цѣлью грабежа, и въ то время, какъ чернь поносила христіанъ какъ именно навлекшихъ это страшное посѣщеніе своимъ нечестіемъ въ отношеніи боговъ, Кипріанъ созвалъ свою паству, увѣщевалъ ее изреченіями и примѣрами изъ св. Писанія и назначилъ каждому свое особое дѣло. Богатые давали деньги, а бѣдные отдавали свой трудъ для общаго дѣла; мертвыя тѣла, заражавшія воздухъ, были погребаемы, и больнымъ, были ли это христіане или язычники, доставлялся уходъ попеченіемъ и на счетъ христіанъ [1]).

---

[1]) Правило VIII постановляетъ, что новаціанское духовенство, по исповѣданіи преданности правиламъ церкви въ отношеніи общенія съ второженцами и падшими, должно быть допущено чрезъ возложеніе рукъ, съ позволеніемъ ему удерживать свой санъ; и оно постановляетъ также на случаи сталкивающихся притязаній, чтобы новаціанскимъ епископамъ предоставлялись мѣста въ качествѣ хорепископовъ (см. ниже, VIII, II, 3) или пресвитеровъ, если только православные епископы не найдутъ возможнымъ раздѣлять епископскій титулъ съ ними. Сократъ разсказываетъ (I, 10) исторію Ацезія, новаціанскаго епископа, который былъ приглашенъ присутствовать на соборѣ. Императоръ Константинъ спросилъ его, согласенъ ли онъ съ его исповѣданіемъ и опредѣленіемъ касательно времени празднованія Пасхи; на что Ацезій отвѣчалъ, что то и другое согласно съ тѣмъ, что онъ всегда считалъ апостольскимъ преданіемъ. Императоръ затѣмъ спросилъ его, почему онъ остается отдѣленнымъ отъ церкви, на что епископъ изложилъ строгія понятія своей секты касательно прощенія грѣховъ. Константинъ отвѣчалъ ему желаніемъ „взять лѣстницу и взойти по ней самому на небо“.

[2]) Socrat, IV, 28; V, 21, 22; Giesel. I, 1, 394. Сократъ, вообще благорасположенный къ новаціанамъ (хотя, вѣроятно, было бы ошибкой предполагать, что онъ самъ былъ членомъ этой секты), жалуется, что въ Римѣ и Александріи они были угнетаемы православными епископами въ началѣ V столѣтія, до котораго времени они процвѣтали, особенно въ Римѣ. VIII, 7, 11.

[3]) Это былъ Евлогій, современникъ Григорія Великаго. Phot. Bibl. Cat., 182 208, 280.

[4]) Cypr. Ep. 59.

Между тѣмъ возникъ новый споръ, обратившій на себя вниманіе Кипріана. Корнилій умеръ или былъ замученъ [2]) въ сентябрѣ 252 года, и послѣ того, какъ римская каѳедра въ теченіе не менѣе восьми мѣсяцевъ занимаема была Луціемъ, на нее избранъ былъ Стефанъ [3]). Стефанъ, человѣкъ суроваго и заносчиваго характера, заспорилъ съ нѣкоторыми азіатскими епископами по вопросу касательно способа допущенія обращенцевъ изъ ереси и раскола въ церковь. Вопросъ былъ такой, котораго практически еще не встрѣчалось въ апостольскомъ вѣкѣ [4]), и, будучи вслѣдствіе этого совершенно оставленъ открытымъ въ св. Писаніи, различно рѣшался отдѣльными церквами. Въ Римѣ обращенцы были допускаемы чрезъ возложеніе рукъ, въ Азіи было въ обычаѣ перекрещиваніе, и въ основаніе того и другаго способа приводился апостольскій авторитетъ, — другими словами, каждый могъ ссылаться на мѣстный незапамятный обычай. Соборы, засѣдавшіе въ Иконіи и въ Синнадѣ, повидимому въ царствованіе Александра Севера, постановили правило о перекрещиваніи для большинства церквей Малой Азіи. [5]) Въ Африкѣ та же самая практика была освящена соборомъ, происходившимъ при Агриппинѣ, епископѣ карѳагенскомъ, въ началѣ III столѣтія; [6]) но вѣроятно главнымъ образомъ потому, что обращенія изъ сектантства были рѣдки, постановленіе это въ промежуткѣ между Агриппиномъ и Кипріаномъ вышло изъ употребленія [7]).

Причина разногласія между Стефаномъ и азіатскими епископами неизвѣстна. Но она могла заключаться въ томъ, что нѣкоторые восточные, пребывая въ Римѣ, желали ввести тамъ обычай своихъ туземныхъ церквей. Въ точности неизвѣстно, каково было собственно мнѣніе Стефана: нужно-ли слова его, что обращенцы „изъ какой бы то ни было ереси“ [1]) должны быть принимаемы чрезъ возложеніе рукъ,—понимать безусловно, или же (какъ кажется вѣроятнѣе) ихъ нужно истолковывать съ ограниченіями, въ согласіи съ позднѣйшимъ опредѣленіемъ церкви. Во всякомъ случаѣ кажется несомнѣннымъ, что онъ вступилъ въ споръ съ азіатскими епископами раньше возникновенія разногласія съ Кипріаномъ. Онъ писалъ къ нимъ по вопросу ихъ практики, и они отказались оставить ее [2]).

---

[1]) Pontius, 9—10.

[2]) Кипріанъ, въ посланіяхъ какъ къ Луцію (Ep. LXI, 3), такъ и къ Стефану (LXVIII, 5), называетъ Корнилія мученикомъ; но слово это, повидимому, не означаетъ насильственной смерти, хотя Евсевіева Хроника (Patrol. XXVII, 650), бл. Іеронимъ (De Vir. Illustr. 66; Vita S. Pauli, 2) и другіе позднѣйшіе писатели свидѣтельствуютъ, что Корнилій былъ преданъ смерти. Migne, Patr. Lat., III, 681.

[3]) Euseb. VII, 2.

[4]) *August.* De Baptismo c. Donatistas, IV, 9.

[5]) *Dion. Alex.* ap. Euseb. VI, 7; Hefele, I, 82.

[6]) *Cypr.* Ep. 70. Соборъ этотъ, вѣроятно, былъ въ епископство Каллиста Римскаго съ 218 по 222 г. (Hefele, I, 78, 79).

[7]) *Aug.*, De Bapt. III, 16.

Кипріанъ былъ втянутъ въ этотъ споръ вопросомъ со стороны нѣкоторыхъ нумидійскихъ и мавританскихъ епископовъ, которые, вѣроятно, усумнились въ законности перекрещиванія вслѣдствіе того, что новаціане практиковали его въ случаѣ совращенія къ нимъ изъ церкви [3]). Онъ отвѣчалъ, что обращенцевъ должно крестить, если только они не получили правильнаго крещенія церкви до отпаденія въ ересь или расколъ, въ каковомъ случаѣ будетъ достаточно возложенія рукъ [4]), и въ доказательство этого приводилъ то, что можетъ быть только одна церковь, одна вѣра, одно крещеніе; что такъ какъ при самомъ крещеніи требуется исповѣданіе вѣры въ „жизнь вѣчную“ и „прощеніе грѣховъ чрезъ святую церковь“ [5]), то не можетъ быть прощенія, какъ только внутри церкви; что вода не можетъ быть освящена для очищенія тѣмъ, кто самъ нечистъ, и такъ какъ въ Африкѣ нельзя было приводить основаній давности въ пользу этого взгляда, какъ это было на востокѣ, то онъ утверждалъ, что разумъ долженъ имѣть преобладаніе надъ обычаемъ [6]). Правило о перекрещиваніи было утверждено тремя карѳагенскими соборами, послѣдній изъ которыхъ засѣдалъ въ сентябрѣ 256 года; но хотя они отрицали всякое намѣреніе налагать какое нибудь правило для другихъ церквей, Стефанъ однако же отнесся къ ихъ постановленіямъ съ сильнымъ негодованіемъ; онъ отказался видѣть посланныхъ, которые были присланы къ нему послѣ втораго собора, убѣждалъ свою паству не давать никакого гостепріимства имъ, поносилъ Кипріана въ самыхъ яростныхъ выраженіяхъ, какъ „ложнаго Христа“, „ложнаго апостола“ и „обманнаго дѣлателя“ [1]), и прервалъ общеніе съ африканцами [2]), какъ это онъ раньше сдѣлалъ съ азіатскими епископами. Такой образъ дѣйствія со стороны римскихъ епископовъ въ III столѣтіи однако же не означалъ (подобно отлученіямъ со стороны папъ въ позднѣйшія времена) притязанія на власть отсѣкать отъ тѣла церкви или лишать средства благодати; это было просто употребленіе власти, которую имѣлъ каждый епископъ для пріостановки религіознаго сношенія съ общинами или лицами, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ заблужденіи.

---

[1]) *Cypr.* Ep. LXXII, 1.

[2]) *Dion. Alex.* ap. Euseb. VII, 5.

[3]) См. Cypr. Ep. LXXIII, 2.

[4]) Ep. 71.

[5]) Conc. Carth. De Bapt. (Ep. LXX, 2).

[6]) Ep. LXXI, 2.

Оказавшимъ такимъ образомъ отсѣченнымъ отъ общенія съ великою церковью запада, Кипріанъ рѣшился войти въ сношеніе съ азіатскими епископами, находившимися въ томъ же самомъ положеніи. Онъ поэтому отправилъ посланіе, съ отчетомъ о своихъ дѣйствіяхъ, Фирмиліану епископу кесарійскому, въ Каппадокіи (о которомъ уже упомянуто было какъ другѣ Оригена). Фирмиліанъ въ своемъ отвѣтѣ весьма свободно обсуждаетъ характеръ и образъ дѣйствія Стефана,—настолько свободно, что первые издатели, которымъ посланіе это сдѣлалось извѣстнымъ, устранили его вслѣдствіе его свидѣтельства противъ позднѣйшихъ притязаній Рима, и другіе паписты съ этого времени старались оправдывать это устраненіе и сожалѣли, что благодаря неразумной откровенности менѣе политичныхъ издателей такому документу позволено было вообще увидѣть свѣтъ.

О послѣдующемъ не имѣется ясныхъ свидѣтельствъ. Смерть Стефана, въ началѣ 257 года, содѣйствовала мирному улаженію спора. Діонисій Александрійскій, собственное мнѣніе котораго вѣроятно склонялось къ римскому взгляду, дѣйствовалъ въ качествѣ посредника посланіями какъ къ Стефану, такъ и къ его преемнику Ксисту или Сиксту [3]); и изъ выраженій, въ которыхъ современный жизнеописатель Кипріана говоритъ о Ксистѣ, какъ о „добромъ и миротворящемъ священникѣ“ [4]), можно выводить, что споръ былъ улаженъ на время соглашеніемъ, что каждая церковь должна оставаться при своемъ собственномъ сужденіи. Вопросъ о перекрещиваніи впослѣдствіи былъ рѣшенъ противъ воззрѣній Кипріана, а также и противъ крайняго мнѣнія противоположной
стороны,—VIII правиломъ Арелатскаго собора, кото- 314 г.
рый постановилъ, что если раскольническое крещеніе совершено было во имя Св. Троицы, обращенцы должны быть допускаемы въ церковь чрезъ возложеніе рукъ.

---

[1]) Firmil. ad. Cypr., послѣдняя часть. Ср. 2 Кор. XI, 13.

[2]) Это, повидимому, несомнѣнно, хотя нѣкоторые паписты, не желая допускать, чтобы папа могъ дѣлать такой шагъ противъ столь знаменитаго святаго какъ Кипріанъ, доказываютъ, что Стефанъ не шелъ дальше угрозъ.

[3]) Euseb. VII, 5.

[4]) Pontius, c. 14.

257 г. сент.

Когда гоненіе при Валеріанѣ достигло Африки, Кипріанъ былъ приведенъ къ проконсулу Патерну 1). Въ отвѣтъ на допросъ, онъ призналъ себя христіаниномъ и епископомъ, прибавивъ, что христіане служатъ только одному Богу и ежедневно молятся за самихъ себя, за все человѣчество и за благоденствіе императоровъ. Будучи допрашиваемъ касательно именъ своего духовенства, онъ сказалъ, что законы государства осуждаютъ доносчиковъ, что церковная дисциплина запрещаетъ духовенству самому выдавать себя для наказанія, но что если розыскивать ихъ, то они могутъ быть найдены на своихъ мѣстахъ. Такъ какъ онъ рѣшительно отказывался принести жертву, то былъ отправленъ въ ссылку въ городъ Курубисъ,—находившійся верстахъ въ 60 отъ Карѳагена, и этотъ городъ его діаконъ Понтій, сопровождавшій его въ ссылку, описываетъ какъ пріятное мѣстопребываніе 2). Въ ночь послѣ его прибытія туда, ему было сообщено въ видѣніи, что онъ будетъ преданъ смерти на слѣдующій день; дѣйствительность однако же доказала, что отсрочку въ одинъ день нужно было понимать въ смыслѣ года. Пребываніе епископа въ Курубисѣ было облегчаемо частыми посѣщеніями его со стороны друзей. Изъ тѣхъ средствъ, которыя были въ его распоряженіи, онъ имѣлъ возможность посылать помощь многимъ изъ своихъ собратьевъ, сосланныхъ въ каторжныя работы въ рудникахъ Мавританіи и Нуми́діи и подвергавшихся варварскому обращенію, и съ этими и другими исповѣдниками онъ обмѣнивался письмами сочувствія и ободренія 3).

По прибытіи новаго проконсула Галерія, Кипріанъ былъ возвращенъ изъ ссылки, и ему приказано было оставаться въ своихъ садахъ близъ Карѳагена. Но вотъ изданъ былъ второй и болѣе строгій указъ Валеріана 4), и епископъ рѣшился перенести за свою вѣру все, что только могъ причинить ему человѣкъ. Опасаясь однако же, чтобы въ теченіе временнаго пребыванія проконсула въ

---

1) Остальная часть этого разсказа заимствуется изъ Понтія и проконсульскихъ актовъ (Patrol. III, IV).

2) Гиббонъ, ревность котораго смягчить образъ дѣйствія гонителей по отношенію къ христіанамъ была бы смѣшна, если бы она не была весьма печальной, подробно останавливается на пріятностяхъ Курубиса и другихъ подобныхъ мѣстъ (1, 558—560). Гизо справедливо замѣчаетъ: „устраняя всѣ религіозныя соображенія, невозможно не удивляться той старательности, съ которою этотъ историкъ настаиваетъ здѣсь въ пользу гонителей на всякихъ смягчающихъ обстоятельствахъ, допущенныхъ при смерти человѣка, единственное преступленіе котораго состояло въ томъ, что онъ держался своихъ вѣрованій съ откровенностью и мужествомъ“ (тамъ же, стр. 560). Кромѣ того вполнѣ ясно даже изъ повѣствованія Понтія, что обращеніе съ Кипріаномъ не было обычнымъ обращеніемъ съ подобными жертвами, какъ на этомъ настаиваетъ Гиббонъ.

3) Epp. 77 и слѣд.

4) См. выше, стр. 88.

Утикѣ его не отправили въ этотъ городъ и не лишили возможности быть принесеннымъ въ жертву предъ глазами всего своего народа, онъ на время скрылся; но, по возвращеніи Галерія въ Карѳагенъ, онъ вновь появился въ своихъ садахъ и остался непреклоннымъ ко всѣмъ просьбамъ своихъ друзей, которые убѣждали его спастись бѣгствомъ. Въ августѣ 258 года онъ былъ отправленъ въ мѣсто, гдѣ находился, для поправленія своего здоровья, проконсулъ, верстахъ въ шести отъ Карѳагена. Тамъ съ епископомъ обращались съ большимъ почтеніемъ, и ему позволено было насладиться обществомъ своихъ друзей за ужиномъ, причемъ улицы вокругъ проконсульскаго дома, въ которомъ онъ жилъ, были окружены толпами христіанъ, опасавшимися за безопасность своего архипастыря. Эти толпы стеклись изъ столицы вслѣдствіе извѣстія объ его арестѣ; многіе изъ христіанъ провели ночь на открытомъ воздухѣ, и громадная толпа запрудила площадь суда, когда на слѣдующій день — годовщину смерти Корнилія въ Римѣ — Кипріанъ выведенъ былъ для судебнаго слѣдствія. Когда онъ прибылъ сюда, вспотѣвши отъ ходьбы изъ проконсульскаго дома, одинъ воинъ изъ стражи, бывшій прежде христіаниномъ, предложилъ ему нѣкоторую перемѣну одежды; но онъ отклонилъ предложеніе, говоря, что безполезно устранять неудобство, которое вѣроятно скоро окончится. На требованіе проконсула отъ имени императоровъ принести жертву, Кипріанъ отвѣчалъ отказомъ. Власти желали, чтобы онъ подумалъ о своей безопасности. „Дѣлай, какъ ты приказалъ“, былъ отвѣтъ; „въ такомъ правомъ дѣлѣ не можетъ быть мѣста для размышленій“. Съ неохотой и колебаніемъ, Галерій, послѣ краткаго совѣщанія съ своими совѣтниками, произнесъ неизбѣжный приговоръ, что Ѳасцій Кипріанъ, какъ долго бывшій коноводомъ въ нечестіи по отношенію къ богамъ Рима и противившійся сдѣланнымъ императорами попыткамъ къ исправленію его, долженъ быть обезглавленъ мечомъ, въ наказаніе за его преступленіе и въ предостереженіе его послѣдователямъ. Епископъ принялъ этотъ приговоръ съ выраженіемъ благодарности Богу; но изъ среды присутствовавшихъ христіанъ раздались крики: „пойдемте и будемъ обезглавлены вмѣстѣ съ нимъ“. Кипріанъ немедленно былъ отведенъ на мѣсто казни,—ровное пространство, окруженное густыми деревьями, вѣтви которыхъ скоро наполнились членами его паствы, немедленно взбиравшимися, подобно Закхею, на деревья, чтобы быть свидѣтелями торжества своего епископа надъ смертью. Послѣ непродолжительной колѣнопреклоненной молитвы, онъ собственными руками завязалъ себѣ глаза и, распорядившись, чтобы палачу былъ сдѣланъ подарокъ, склонилъ свою голову подъ мечъ. Тѣло его было погребено въ сосѣднемъ мѣстечкѣ „вслѣдствіе любопытства язычниковъ“, но скоро, при свѣтѣ факеловъ, съ большою торжественностью было удалено и положено въ почетной гробницѣ; причемъ его кровь, тщательно собиравшаяся платками во время ея паденія, сохранялась, какъ драгоцѣнное сокровище.

Кипріанъ ежедневно читалъ нѣкоторую часть сочиненій Тертулліана, и у него было обыкновеніе спрашивать эту книгу у своего секретаря словами: „дай мнѣ моего учителя“ [1]). Вліяніе этого его великаго соотечественника на его душу съ очевидностью выступаетъ въ его твореніяхъ. Но если Кипріанъ былъ ниже этого болѣе ранняго писателя въ отношеніи самобытности и генія, то онъ былъ чуждъ его преувеличенія и неправильности, и обладалъ такими талантами для устроенія практической жизни, которыхъ совершенно не замѣчается у Тертулліана. Учитель былъ увлеченъ въ расколъ, между тѣмъ какъ главной идеей его ученика была идея единства видимой церкви, и на этой именно идеѣ вращалось все его богословствованіе. Въ своемъ трактатѣ объ этомъ предметѣ онъ пересмотрѣлъ все св. Писаніе, отыскивая образы и доводы для своей мысли, и пришелъ къ заключенію, что „кому церковь не мать, тому и Богъ не можетъ быть Отцемъ“ [2]); что церковь есть какбы ковчегъ Ноевъ, безъ котораго невозможно спасеніе отъ погибели; что для тѣхъ, кто отдѣлился отъ видимой церкви, ни чудеса, ни мученичества не могутъ служить доказательствами вѣры или основами надежды [3]).

Хотя эти воззрѣнія св. Кипріана и отзываются нѣкоторою прямолинейностью (вслѣдствіе чего они и послужили впослѣдствіи главной основой, на которую опирались латиняне для обоснованія папской системы), однако было бы крайнимъ непониманіемъ Кипріана предполагать, что въ своихъ воззрѣніяхъ на единство онъ находился подъ вліяніемъ или недостатка человѣколюбивой снисходительности къ тѣмъ, отщепенство которыхъ онъ осуждалъ, или желанія обезпечить для себя, какъ епископа, безусловное господство надъ душами людей. Въ его вѣкъ вообще преобладала склонность возвышать епископство, какъ власть, необходимую для крѣпости, единства, порядка и мира; но если Кипріанъ и содѣйствовалъ возвышенію своего сана, то это былъ лишь естественный результатъ его великаго характера, а не цѣль или результатъ его честолюбія. Такъ какъ христіанство уже давно было признаваемо массами какъ религія, принимавшаяся по наслѣдству, а не на основаніи только соображеній личнаго убѣжденія; такъ какъ время и свобода отъ гоненія имѣли своимъ послѣдствіемъ общее пониженіе уровня въ христіанской общинѣ, такъ что епископъ не могъ разсчитывать на единодушную поддержку въ осуществленіи своихъ мѣръ для упорядоченія дѣлъ въ церкви, то для общественнаго блага необходимо было, чтобы онъ иногда дѣйствовалъ своею собственною властью въ бóльшей степени, чѣмъ епископы раннихъ временъ. Однако же Кипріанъ былъ далекъ отъ всякой попытки установить какое нибудь самовластіе; у него было въ обычаѣ, основывавшемся на личномъ желаніи, безъ согласія съ своимъ духовенствомъ и своимъ народомъ не предпринимать никакой важной мѣры въ церковной жизни [1]).

---

[1]) *Hieron.* de Vir. illustr. c. 53.

[2]) De Unitate Eccles. 6.

[3]) Тамъ же, 15 и 19. Здѣсь нелишне замѣтить, что Кипріанъ противодѣйствовалъ наклонности своего вѣка преувеличивать значеніе мученичества.

Съ другой стороны, единство, къ которому стремился Кипріанъ, было отнюдь не похоже на единство позднѣйшаго Рима. Въ своихъ отношеніяхъ къ римскимъ епископамъ, онъ, видимо, находился въ положеніи совершеннаго равенства съ ними. Онъ пишетъ имъ и о нихъ просто какъ о своихъ „братьяхъ и сотоварищахъ". Далекій отъ признанія ихъ верховенства, онъ возражалъ Корнилію противъ униженія достоинства, общаго всѣмъ членамъ епископата. Онъ увѣщевалъ Стефана, когда этотъ послѣдній не исполнилъ въ одномъ случаѣ своего долга, отмѣнилъ его рѣшеніе и устранилъ его въ другомъ дѣлѣ [2]), самую мысль о „епископѣ епископовъ" считалъ чудовищною [3]), не смотря на то, что пониманіе Стефаномъ такого титула далеко не соотвѣтствовало болѣе позднимъ римскимъ притязаніямъ. Даже, если считать всѣ слова, въ которыхъ онъ возвеличиваетъ Римскую церковь, подлинными (а гдѣ слова этого рода отсутствуютъ въ нѣкоторыхъ манускриптахъ, тамъ почти позволительно сомнѣніе по отношенію къ нимъ, такъ какъ въ тѣ времена, къ которымъ относятся эти манускрипты, не было искушеній опускать ихъ, но было сильное побужденіе вставлять такія слова [4]), то всетаки достоинство, которое онъ приписываетъ этой церкви, ея предполагаемому апостольскому основателю и его преемникамъ, есть только достоинство преимущества между равными; достоинство это скорѣе чисто символическое, чѣмъ въ какомъ бы то ни было отношеніи практическое. Онъ считаетъ ап. Петра образцомъ апостольства и Римскую церковь представительницей единства, истолковываетъ обѣтованіе „ключей царства небеснаго" въ томъ смыслѣ, что оно дано было этому апостолу для всего епископскаго чина [1]; его языкъ и его дѣйствія одинаково несовмѣстимы съ мыслью о подчиненіи Риму, какъ высшей власти, уполномоченной будто бы вмѣшиваться въ дѣла другихъ церквей или перерѣшать ихъ опредѣленія.

---

[1]) Epp. 28, 38 и проч.

[2]) Epp. 67, 68, по вопросу о дѣлѣ Маркіана, епископа арелатскаго, и по дѣлу испанскихъ епископовъ Василида и Марціала.

[3]) Cypr. ad. Cons. Carth. De Bapt. ш (Migne, ш, 1054).

[4]) Нѣкоторыя изъ этихъ словъ почти несомнѣнно интерполированы; одно мѣсто и быть можетъ самое знаменитое въ трактатѣ De Unitate Eccles. (c. 4) имѣетъ слова, которыя отсутствуютъ въ большинствѣ манускриптовъ.

ГЛАВА VII.

Отъ восшествія Галліена до дарованія вѣротерпимости Константиномъ.

261—313 гг.

261—268 гг.

Галліенъ, оставшись, вслѣдствіе желанія своего отца и сотоварища, единственнымъ императоромъ, прекратилъ начатое Валеріаномъ гоненіе, и издалъ указы, которыми ссыльные освобождались, кладбища возвращались христіанамъ и объявлялось свободное исповѣданіе религіи [2]. Такимъ образомъ христіанство въ первый разъ было признано законной религіей,—благодѣяніе, которымъ, сколько это зависѣло отъ этого распущеннаго и недостойнаго государя, оно вѣроятно обязано было скорѣе его равнодушію, чѣмъ какимъ нибудь лучшимъ побужденіямъ.

Въ его царствованіе начался споръ касательно каѳедры Антіохійской, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ. Около 260 года епископомъ назначенъ былъ Павелъ, урожденецъ Самосаты. Онъ пользовался покровительствомъ Зиновіи, царицы Пальмирской, и вообще славился своимъ краснорѣчіемъ; но какъ его мнѣнія, такъ и образъ дѣйствія приводили въ смущеніе многихъ изъ сосѣдняго духовенства и болѣе мыслящую часть его паствы. По милости Зиновіи, какъ предполагаютъ, онъ получилъ важную гражданскую должность дуценарія [3], и любилъ, чтобы къ нему обращались болѣе съ титуломъ дуценарія, чѣмъ съ титуломъ епископа. При своихъ общественныхъ выходахъ, Павелъ являлся во всемъ блескѣ государственнаго римскаго сановника, и много этой роскоши онъ ввелъ даже въ свое церковное служеніе. Онъ воздвигъ себѣ трибуналъ и въ церкви отгородилъ особое мѣсто, при проповѣди обыкновенно жестикулировалъ на подобіе свѣтскихъ ораторовъ, причемъ ожидалъ, чтобы его слушатели принимали его слова съ рукоплесканіями и маханіемъ платковъ, какъ это бывало въ театрѣ. Онъ отмѣнилъ древнюю серьозную музыку церкви и ввелъ въ церковный хоръ пѣвицъ; мало того онъ будто замѣнилъ гимны, воспѣвавшіеся въ честь

---

[1] Ep. 33.

[2] Euseb. VII, 13.

[3] Должность дуценарія (ducenarius), то есть, чиновника, занимавшагося сборомъ доходовъ и называвшагося такъ вслѣдствіе своего жалованья въ 200 тыс. сестерцій, то есть около 10,000 рублей. Gibbon, I, 573; Giesel. I, I, 300.

Спасителя, гимнами въ прославленіе себя самого, и внушалъ проповѣдникамъ своей партіи восхвалять его какъ ангела съ неба. Его обвиняли въ томъ, что онъ обогащалъ себя взятками, не только въ качествѣ дуценарія, но и въ качествѣ епископскаго посредника между собратьями. Затѣмъ его обвиняли въ роскошной жизни и въ неприличной фамильярности съ молодыми женщинами, двѣ изъ которыхъ были его постоянными спутницами [1]).

Предполагаютъ, что система ученія Павла составлена была въ угоду его высокой покровительницѣ, которая, по свидѣтельству св. Аѳанасія, была предана іудейству [2]). Противники его считаютъ его ученіе сроднымъ съ ученіемъ Артемона [3]). Онъ училъ, что въ Божествѣ нѣтъ различія лицъ; что Логосъ и св. Духъ находятся въ Отцѣ такимъ же образомъ, какъ разумъ и духъ находятся въ человѣкѣ; что когда о Логосѣ говорится, что онъ отъ вѣчности, то подъ этимъ разумѣется не болѣе, какъ мысленное существованіе въ божественномъ предвѣденіи; что Его „рожденіе“ означаетъ только выступленіе для дѣйствія; что Іисусъ былъ простой человѣкъ (хотя, быть можетъ, и допускалось, что Его рожденіе было сверхъестественнымъ); что Онъ назывался Сыномъ Божіимъ лишь вслѣдствіе того, что въ извѣстномъ смыслѣ сдѣлался такимъ подъ вліяніемъ божественнаго Логоса, который обиталъ въ Немъ, но безъ всякаго личнаго единенія [4]).

Съ цѣлью разсмотрѣнія обвиненій противъ Павла, въ Антіохіи, въ 264 году, состоялся соборъ епископовъ и духовенства изъ Сиріи, Азіи и Аравіи. Среди нихъ были Фирмиліанъ, Григорій Неокесарійскій и его братъ Аѳинодоръ; а престарѣлый Діонисій Александрійскій, хотя и вынужденный лѣтами и слабостью отказаться отъ присутствованія на соборѣ, обратился къ собранію съ посланіемъ, содержавшимъ сильное осужденіе мнѣній Павла [5]). Обвиняемому удалось набросить благовидное покрывало на нездравость своего ученія; онъ удовлетворилъ своихъ собратьевъ, выражаясь въ правдоподобныхъ терминахъ и обѣщая воздерживаться отъ всего, что могло производить соблазнъ [6]). Обѣщанія своего онъ однако не сдержалъ. Послѣ собиралось еще два собора, и на второмъ изъ нихъ тонкости, ускользнувшія отъ менѣе испытанныхъ богослововъ, были раскрыты пресвитеромъ, по имени Мальхіаномъ, который, будучи раньше извѣстнымъ софистомъ или риторомъ, былъ 269—270 гг. искусенъ въ тонкостяхъ подобныхъ споровъ. Епископъ былъ низложенъ и преемникомъ ему назначенъ былъ Домнъ, сынъ его предшественника [1]).

---

[1]) Эти свѣденія берутся изъ посланія собора, который низложилъ его (Euseb. vii, 30).

[2]) Hist. Arian. ad. Monachos, 71; *Theodoret.* Haer. ii, 8.

[3]) Euseb. vii, 30; Theodor. ii, 8.

[4]) Athanas. c. Appolinar. ii, 3 (i, 942); Epiph. lxv, 1, 2.

[5]) Euseb. vii, 27. Діонисій вскорѣ потомъ умеръ. Тамъ же, 28.

[6]) Euseb. vii, 28.

Павелъ однако же упорно продолжалъ занимать свое положеніе. Полагаясь на покровительство Зиновіи и вѣроятно поддерживаемый большою партіею среди христіанъ Антіохіи, онъ удержалъ за собою епископскій домъ съ прилегавшею къ нему церковью, и споръ касательно обладанія ими дошелъ до императора Авреліана вскорѣ послѣ
его побѣды надъ Зиновіей. Авреліанъ разумно воз-
держался отъ вмѣшательства въ вопросъ христіан- 273—4 г.
скаго ученія и обычаевъ. Онъ рѣшилъ, что зданіе
должно принадлежать той партіи, которую епископы Рима и Италіи признаютъ находящеюся въ общеніи съ собою, и ихъ рѣшеніе, постановленное въ пользу Домна, было приведено въ исполненіе гражданскою властью [2]). Съ этого времени послѣдователи Павла сдѣлались еретическою сектою, крещеніе которой, хотя и совершавшееся во имя Святой Троицы, не признавалось церковью на томъ основаніи, что православныя слова священнодѣйствія были употребляемы ими въ неправославномъ смыслѣ [3]).

Безпристрастное рѣшеніе Авреліана въ дѣлѣ Павла однакоже
не вытекало у него изъ какого нибудь благопріят-
наго расположенія къ евангелію. Императоръ этотъ 270—275 г.
былъ глубоко преданъ языческой системѣ и въ осо-
бенности культу Солнца, въ которомъ мать его была жрицей [4]). Онъ относился къ христіанамъ съ презрѣніемъ [5]), и, помимо ограниченія, сдѣланнаго имъ по отношенію къ мѣрамъ
Галліена, онъ издалъ повелѣніе о гоненіи въ знакъ 275 г.
благодарности богамъ за свой успѣхъ на войнѣ; но
прежде чѣмъ указъ этотъ получилъ общее распространеніе, императоръ былъ убитъ въ своемъ лагерѣ [6]).

---

[1]) Euseb. VII, 29; *Hieron.* de Vir. illustr. 71. Этотъ соборъ, по общему предположенію (хотя это обстоятельство и подвергается сомнѣнію нѣкоторыхъ), осудилъ терминъ ὁμοούσιος (сосущественный); или за то, что онъ употреблялся Павломъ въ смыслѣ отличномъ отъ того, въ которомъ онъ впослѣдствіи былъ усвоенъ соборомъ Никейскимъ, или онъ дѣлалъ его основой для неправославныхъ выводовъ. См. Athan. de Synodis, 43—47.

[2]) Euseb. VII, 30. Ссылки нѣкоторыхъ папистовъ на это обстоятельство въ подтвержденіе особыхъ притязаній папства совершенно нелѣпы. Восточные епископы, будучи заинтересованными въ этомъ дѣлѣ, очевидно, не могли сами рѣшать этого дѣла. Поэтому, Авреліанъ перенесъ его на рѣшеніе другой части церкви, естественно указывая при этомъ прежде всего на епископа своей собственной столицы.

[3]) Никейскій соборъ 325 г. правило XIX. Athan. Adv. Arianos II, 43. См. Hefele, I, 411.

[4]) Vopiscus, 4; Gibbon. I, 324.

[5]) Vopisc. 20.

[6]) Euseb. VII, 30. Lactantius (?) De Mortibus Persecutorum, 64.

Въ царствованіе Авреліана и вѣроятно около 270 года, въ Персіи началъ распространять свои мнѣнія нѣкій Манесъ [1]. Что касается исторіи этого древняго Магомета, то греческія и восточныя свидѣтельства сильно расходятся между собою. Греки [2] выводятъ эту ересь отъ сарацинскаго торговца, по имени Скиѳіана, который, обогатившись торговлей въ Индіи, будто бы поселился въ Александріи и составилъ свою собственную философскую систему. По смерти его, послѣдовавшей въ Палестинѣ, его рукописи, вмѣстѣ съ остальною его собственностью, попали въ руки его служителя Теревинѳа, который, съ цѣлью найти болѣе благопріятное поприще для распространенія его ученія, отправился въ Персію, гдѣ и принялъ имя Будды [3]. Онъ, однакоже, былъ пораженъ въ спорѣ жрецами національной религіи, и когда онъ однажды занимался причитаніями на крышѣ своего дома, то былъ сброшенъ внизъ головой и убитъ ангеломъ или демономъ [4]. Одна вдова, у которой онъ жилъ и которая была его единственной послѣдовательницей, похоронила его тѣло и завладѣла его богатствомъ; она купила семилѣтняго мальчика по имени Кубрика или Корбиція, освободила его, дала ему хорошее образованіе и, умирая, когда онъ уже достигъ двѣнадцатилѣтняго возраста, сдѣлала его наслѣдникомъ всего своего имущества. Кубрикъ принялъ имя Манеса [5] и, по истеченіи почти полувѣка, о которомъ не имѣется никакихъ подробностей, явился при персидскомъ дворѣ, куда принесъ съ собою книги Скиѳіана, которыя онъ наполнилъ „бабьми баснями“ и считалъ своимъ собственнымъ произведеніемъ. Онъ вызвался исцѣлить сына царя Сапора отъ опасной болѣзни, и такъ какъ потерпѣлъ неудачу въ этой попыткѣ, то вверженъ былъ въ темницу. Когда онъ находился въ заключеніи, двое изъ его учениковъ, которыхъ онъ отправилъ на проповѣдь, возвратились и передали ему, что христіане, по ихъ мнѣнію, самые неподатливые люди, съ какими только имъ приходилось имѣть дѣло. Послѣ этого Манесъ досталъ христіанскія книги [1] и многое изъ нихъ принялъ въ свою систему, называя себя апостоломъ Христа и Параклитомъ [2]. Онъ бѣжалъ изъ тюрьмы и вошелъ въ сношеніе съ Маркелломъ, знатнымъ и благочестивымъ христіаниномъ изъ Каскары, вліяніемъ котораго онъ хотѣлъ воспользоваться съ цѣлью распространенія своего ученія [3]. Мѣстный епископъ Архелай однако же склонилъ его посланнаго, Тирбона, на свою сторону, и отъ него и отъ другихъ узналъ объ ученіи этой секты, вмѣстѣ съ исторіей ея происхожденія [4]. Архелай побѣдилъ ересіарха въ бесѣдахъ въ Каскарѣ и Діодоридѣ, и Манесъ скоро затѣмъ опять попалъ въ руки персидскаго царя, по повелѣнію котораго съ него живаго была содрана кожа [5].

---

[1] См. Gibbon, ii, 185. Манесъ родился, вѣроятно, около 240 года.

[2] Главнымъ источникомъ этихъ свѣденій служитъ отчетъ о спорѣ между Архелаемъ и Манесомъ, который можно находитъ въ *Zacagni*. Collectania Monumentorum (Rom. 1798). Подлинность книги, однако же, подвергается сомнѣнію.

[3] Disput. 52. *Cyrill. Hierosol.* Catech. vi, 23. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей это названіе есть простой переводъ его греческаго имени—Бутамъ или Бутема, халдейское названіе для обозначенія дерева теревинѳа.

[4] Disp. 52; Cyrill. Hierosol. vi, 23. Профессоръ Лассенъ думаетъ, что Скиѳіанъ есть воображаемая личность и что Теревинѳъ былъ дѣйствительнымъ родоначальникомъ манихейства (iii, 406—7).

[5] Въ намекъ, будто-бы, на свое краснорѣчіе, такъ какъ слово это въ персидскомъ языкѣ означаетъ рѣчь или разсужденіе (Cyrill vi, 24). Епифаній говоритъ, что слово это означаетъ въ вавилонскомъ языкѣ сосудъ или инструментъ (σκεῦος), но что промыслъ побудилъ его избрать имя, которое по гречески означаетъ *безуміе* (lxvi, 6). По мнѣнію профессора Лассена, имя это безспорно происходитъ отъ древняго персидскаго манихъ, то есть, духъ (iii, 405).

По восточнымъ свидѣтельствамъ, съ другой стороны, Мани былъ персіянинъ изъ касты жрецовъ или маговъ и обладалъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ знаній и талантовъ. Онъ принялъ христіанство и, по одному свидѣтельству, предъ тѣмъ, какъ составилъ свою особую систему ученія, былъ пресвитеромъ въ церкви. Будучи заключенъ въ тюрьму за свои мнѣнія Сапоромъ, онъ бѣжалъ, путешествовалъ въ Индіи и Китаѣ и наконецъ удалился въ одну пещеру въ Туркестанѣ, разсказывая своимъ ученикамъ, что онъ намѣренъ вознестись на небо и что въ концѣ года онъ встрѣтитъ ихъ опять въ извѣстномъ мѣстѣ. Промежутокъ времени прошелъ въ выработкѣ системы, и при новомъ своемъ появленіи онъ вынулъ книгу новаго откровенія, украшенную символическими картинами его собственнаго произведенія. По смерти
Сапора, онъ возвратился къ персидскому двору, гдѣ 272 г.
онъ былъ хорошо принятъ Гормиздой и обратилъ
его въ свою вѣру; но менѣе чѣмъ черезъ два года онъ лишился
своего царственнаго покровителя. Слѣдующій царь, Варанъ, сначала относился къ нему съ благосклонностью, но
скоро склонился на сторону его враговъ; онъ при- 277 г.
гласилъ его на пренія съ волхвами, и когда они
объявили Мани еретикомъ, то царь приказалъ предать его смерти, но какъ—чрезъ содраніе ли кожи, распятіе или распиленіе—неизвѣстно.

Хотя манихейство во многихъ отношеніяхъ сходно съ нѣкоторыми изъ гностическихъ системъ, сходство это однако же возникло не изъ какой нибудь прямой между ними связи, но изъ того персидскаго элемента, который былъ общимъ у него съ гностицизмомъ. Манесъ не находился подъ вліяніемъ ни іудейскихъ преданій, ни греческой философіи, но рядомъ съ Зороастровымъ и христіанскимъ источниками, изъ которыхъ отчасти заимствована его система, при завершеніи ея, онъ, по предположенію, весьма многое заимствовалъ изъ ученія буддизма, съ которымъ (если отвергать разсказъ о его восточныхъ путешествіяхъ) онъ могъ познакомиться и въ своей собственной странѣ.

---

[1] Съ цѣлью достать экземпляръ этихъ книгъ, его ученики притворились христіанами. Disp. 54.

[2] Тамъ-же, 13, 54. Cyrill. VI, 25.

[3] Disp. 1—5. Неизвѣстно, разумѣется ли подъ Каскарой Кашгаръ или Карры.

[4] Disp. 6.

[5] Тамъ же, 55.

227 г.

За освобожденіемъ Персіи Артаксерксомъ отъ парѳянскаго ига слѣдовало преобразованіе національной религіи. Возстановлена была вѣра въ одно верховное существо, какъ предшествующее противоположнымъ силамъ свѣта и тьмы или добра и зла, и началось гоненіе противъ тѣхъ, которые признавали первоначальное независимое существованіе Ормузда и Аримана. Эта система чистаго дуализма однако-же была принята Манесомъ. Онъ училъ, что существуетъ два начала, вѣчно противоположныхъ другъ другу и царствующихъ каждое въ отдѣльности одно—надъ царствомъ свѣта и другое надъ царствомъ тьмы. Имя Бога собственно принадлежитъ первому; послѣдняго, хотя манихеи и допускали, что въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ также могъ быть называемъ Богомъ (подобно тому, какъ и ап. Павелъ говоритъ о Богѣ міра сего—2 Кор. iv, 4), правильнѣе называть демономъ или матеріей (ὕλη). Эти силы независимы одна отъ другой; но Богъ выше ихъ [1]. Богъ состоитъ изъ чистаго свѣта, безконечно болѣе тонкаго, чѣмъ свѣтъ нашего міра, и безъ какой-бы то ни было опредѣленной тѣлесной формы [2]; демонъ имѣетъ грубое матеріальное тѣло [3]. Каждое царство состоитъ изъ пяти элементовъ, населяемыхъ существами сродной натуры; и въ то время, какъ обитатели царства свѣта жили въ совершенной любви и гармоніи, обитатели царства тьмы находились въ постоянной распрѣ и войнѣ между собою [4]. Во время одной изъ ихъ войнъ, пораженная партія бѣжала въ высокія горы, раздѣлявшія эти два міра; оттуда они увидѣли царство свѣта, существованіе котораго дотолѣ было неизвѣстно имъ, и вотъ всѣ силы тьмы, устраняя свои внутренніе раздоры, соединились для того, чтобы вторгнуться въ новооткрытую страну [5]. Тогда Богъ произвелъ изъ Себя существо, названное матерью жизни, и отъ нея существо подъ названіемъ первичнаго человѣка, котораго Онъ вооружилъ пятью добрыми элементами и послалъ бороться противъ силъ зла [6]. Нападающіе однако же брали верхъ, и тогда, по молитвѣ первичнаго человѣка, Богъ выслалъ живаго Духа, которымъ они были изгнаны и первичный человѣкъ освобожденъ, хотя и не раньше, какъ силы тьмы поглотили „часть его оружія, которое ая есть душа живая“ 1). Этой части, такимъ образомъ взятой въ рабство матеріи, дано было названіе „страждущаго Іисуса“, и отселѣ цѣлью духовъ тьмы было удерживать у себя тѣ небесныя частицы, которыя они поглотили, между тѣмъ какъ Богъ стремился къ ихъ освобожденію. Съ цѣлью ихъ постепеннаго освобожденія, живой Духъ, по повелѣнію Божію, образовалъ міръ изъ веществъ, въ которыхъ элементы свѣта и тьмы перемѣшались между собою во время послѣдней борьбы. Силы тьмы производили дѣтей; ихъ князь, пожирая ихъ, сосредоточивалъ въ себѣ частицы небесной сущности, разливавшейся по ихъ тѣламъ 2), и полученные такимъ образомъ матеріалы онъ обратилъ на образованіе человѣка, созданнаго по образу небеснаго первичнаго человѣка. Адамъ, поэтому, былъ микрокосмъ, заключавшій въ себѣ всѣ элементы обоихъ царствъ, имѣлъ душу свѣта и душу тьмы, вмѣстѣ съ тѣломъ, которое было матеріальное и поэтому, по необходимости, злое. Съ цѣлью удержанія его въ рабствѣ, Творецъ его запретилъ ему ѣсть отъ древа познанія; но Христосъ или Ангелъ, въ видѣ змѣя, научилъ его нарушить это запрещеніе, онъ ѣлъ и былъ озаренъ 3). Демонъ произвелъ Еву, и хотя Богъ вложилъ въ нее часть небеснаго свѣта, его было недостаточно для того, чтобы противодѣйствовать ея злымъ наклонностямъ. Она искушала Адама къ чувственному наслажденію; не обращая вниманія на повелѣніе Бога, который заповѣдалъ ему воздерживаться, при посредствѣ его высшей души, отъ желаній своей низшей души и своего тѣла, онъ уступилъ и палъ; частицы небеснаго свѣта подпали еще большему рабству матеріи и, по мѣрѣ продолженія человѣческаго рода, онъ ухудшался болѣе и болѣе, отъ поколѣнія къ поколѣнію 4).

---

[1] Disp. 7; Epiph. lxvi, 14; *Theodor*. Haer. iii, 26, p. 213, d.

[2] Manes ap. Aug. c. Ep. Fundam. 16, 19.

[3] *Aug*. Confess. v, 20; De Genesi Adv. Manich. i, 27, 28.

[4] Disp. 7. *Aug*. c. Ep. Fundam. 4, 31.

[5] *Theodoret*, Haer. i, 26.

[6] Disp. 7.

Богъ произвелъ изъ Себя два существа чистаго свѣта: Христа и Св. Духа, на обязанности которыхъ было содѣйствовать избавленію человѣчества. Христосъ обиталъ своею силою на солнцѣ и своею *мудростью на лунѣ, которыя поэтому нужно было боготворить не какъ божества, но какъ Его обитаніе*; Св. Духъ обиталъ въ воз-

---

1) Ἔφαγον ἐκ τῆς πανοπλίας αὐτοῦ, ὅ ἐστιν ἡ φυχή.

2) Тоже самое говорится въ Гезіодовой Теогоніи: „когда Метисъ (мудрость, первая жена Зевса) готова была разрѣшиться Аѳиной, онъ поглотилъ ее, и ея мудрость и умъ такимъ образомъ сдѣлались навсегда тождественными съ его собственнымъ бытіемъ. *Grote*, Hist. of. Greece, edit. 2, I, 13.

3) *Aug*. de Haer. 40 (col. 37); c. Faust, I. 3; XXII, 49. Такое извращеніе роли Бога и сатаны въ дѣлѣ искушенія уже выступало предъ нами въ гностицизмѣ (см. выше стр. 34). Тирбонъ говоритъ, что древо познанія былъ самъ Іисусъ. Disp. 10.

4) Disp. 10. Aug. De Mor. Manich. 73; Man. ap. Aug. Op. Imperf. c. Julian, 186.

духѣ [1]. Міръ поддерживался могущественнымъ ангеломъ, который, по своей обязанности, назывался по гречески Омофоромъ (носителемъ на плечахъ), и частые знаки нетерпѣнія, обнаруживавшагося этимъ существомъ (движенія котораго и были причиною землетрясеній), ускорили пришествіе Христа въ человѣческой формѣ [2]. Такъ какъ вслѣдствіе злаго характера матеріи Спаситель не могъ имѣть матеріальнаго тѣла, то Его человѣчество представлялось Манесомъ докетическимъ способомъ; по его предположенію, Онъ внезапно явился среди іудеевъ (повѣствованія о Его рожденіи и о раннихъ годахъ Его жизни были отвергаемы), и Его дѣйствія и страданія были только кажущимися [3]. Цѣлью Его посланничества было дать озареніе, открыть людямъ ихъ небесное происхожденіе и побудить ихъ стремиться къ возвращенію себѣ блаженства чрезъ преодолѣніе своего тѣла и своей злой души [4]; избавить ихъ отъ слѣпоты іудейства и другихъ ложныхъ религій. Эта система совершенно чужда идеѣ искупленія, такъ какъ божественная душа будто бы не способна къ грѣховности, а низшая душа неспособна къ спасенію.

Частички небесной жизни, поглощенныя царствомъ матеріи („страдательный Іисусъ“), находятся не только въ человѣкѣ, но и въ нисшихъ животныхъ [5] и въ растеніяхъ, „вися какбы на каждомъ деревѣ“ [6]. Изъ своихъ обителей на солнцѣ, лунѣ и въ воздухѣ, Христосъ и Духъ заняты дѣломъ освобожденія этихъ частицъ; по ихъ именно содѣйствію травы возникаютъ изъ земли, стремясь къ сродному имъ свѣту, между тѣмъ какъ силы тьмы, которыхъ живой Духъ послѣ своей побѣды распялъ на звѣздахъ, изливаютъ оттуда пагубное дѣйствіе по землѣ [7]. Животная, даже растительная жизнь, была поэтому священна для манихеянъ, которые вѣровали, что растенія имѣли такія же ощущенія боли, какъ и люди [8].

---

[1] Aug. c. Faust, xx, 2.

[2] Disp. 7; Epiph. lxvi, 22.

[3] Disp. 7, 47, 50; Alex. Lycopolit. de Placitis Manich. 24 (Patrol. Graec. xviii); Aug. c. Faust. ii, 1; iii, 5; xxvi, 1, 2.

[4] Fortunatus ab. Aug. Acta, Disp. 20.

[5] За исключеніемъ однако же мелкихъ насѣкомыхъ, какъ слишкомъ малыхъ, чтобы содержать небесныя частицы. *Aug.* De Mortibus Manich. 63, 64. Повидимому, практическое неудобство относиться съ уваженіемъ къ жизни такихъ существъ было отчасти причиной появленія этой части вѣрованія (Aug. c. Adimant. xii, 2). Буддистскимъ ламамъ запрещается убивать червя,—запрещеніе, которое вообще связывается съ вѣрой въ переселеніе душъ, хотя нѣкоторые изъ болѣе просвѣщенныхъ объясняютъ его несообразностью всякаго убиванія съ кротостью характера человѣка, дѣлающагося человѣкомъ молитвы.

[6] *Aug.* c. Faust. xi, 5; xxi, 2, 11. De Mor. Man. 39. De Nat. Boni. 44. Это было намекомъ на распятіе.

[7] Disp. 7; Aug. Mor. Man. 36—7.

[8] *Aug.* de Haer. 46, col. 37.

Избранные (высшій классъ въ общинѣ) не могли даже срывать листа или плода своими собственными руками; намѣреваясь ѣсть хлѣбъ, они должны были обращаться къ нему съ такою рѣчью: „не я сжалъ или смололъ или испекъ тебя; пусть тѣ, которые сдѣлали это, будутъ сами въ свою очередь сжаты, смолоты и испечены“ [1]. Когда избранные ѣли, частички божественнаго существа, содержавшіяся въ ихъ пищѣ, освобождались; такъ, говоритъ бл. Августинъ, Манесъ дѣлалъ человѣка спасителемъ Христа [2]. Но результатомъ яденія другихъ людей было заключеніе небесныхъ частицъ въ узы матеріи, и отсюда выводилось правило, что хотя манихей могъ помогать нищему деньгами, но нечестиво было давать ему пищу [3].

По ученію манихеевъ, естественный человѣкъ, рожденный по плоти, не есть твореніе Бога; но новый человѣкъ, вѣрующій, по изреченію ап. Павла, „по Богу сотворенъ въ праведности и истинной святости“ [4]. Тѣми, кто будутъ повиноваться заповѣдямъ Христа и Манеса, злые элементы ихъ природы наконецъ будутъ сброшены съ себя; но хотя покаяніе и искупляетъ за грѣхъ, дѣло очищенія не можетъ закончиться въ этой жизни. Солнце и луна суть „два корабля“ для доставленія избранныхъ душъ въ царство блаженства. По оставленіи тѣла, такія души переносятся на солнце вращеніемъ огромнаго колеса съ двѣнадцатью ведрами; солнце, послѣ очищенія ихъ своими лучами, передаетъ ихъ лунѣ, гдѣ они въ теченіе пятнадцати дней должны пройти дальнѣйшее очищеніе посредствомъ воды и затѣмъ уже принимаются въ первобытный свѣтъ [5]. Менѣе освященныя души должны возвращаться на землю въ другихъ формахъ, — нѣкоторыя изъ нихъ послѣ испытанія промежуточныхъ мученій [6]. Ихъ новыя формы бываютъ такими, въ которыхъ они подвергаются возмездію за худыя дѣла своей прежней жизни [7], такъ что тотъ, кто убилъ какое нибудь животное, измѣняется въ существо того самаго рода, между тѣмъ какъ тѣ, кто жали, мололи или пекли, сами должны будутъ сдѣлаться пшеницей и подвергнуться всѣмъ подобнымъ операціямъ [8]. Такимъ образомъ очищеніе душъ должно совершаться въ послѣдовательныхъ переселеніяхъ, пока онѣ не сдѣлаются пригодными для вступленія въ блаженство избранныхъ. Когда этотъ міръ закончитъ свое теченіе, онъ будетъ сожженъ и превратится въ инертную массу, къ которой будутъ прикованы души, избравшія служеніе злу, а силы тьмы будутъ навсегда заключены въ своей собственной мрачной области [1].

---

[1] Disp. 9. Cyrill. Hierosol. Catech. vi, 33; Epiph. xlvi, 53; *Aug.* de Mor. Man. 57; *Theodoret*, Haer. i, 26 (p. 214 в.).

[2] C. Faust. ii, 5. Cp. Adv. Haer. 46, col. 35.

[3] Aug. de Mor. Man. 51—3.

[4] Ефес. iv, 24; Faust. ap. Aug. c. Faust., xxiv, 1.

[5] Disp. 8. *Theod.* Haer. i, 26.

[6] Disp. 10.

[7] Такое же ученіе было и въ буддистской системѣ. Lassen, ii, 10.

[8] Disp. 9.

Манесъ представлялъ себѣ Ветхій Завѣтъ произведеніемъ силъ тьмы. Онъ нападалъ на его нравственность и его изображеніе Бога, останавливался на его мнимой несовмѣстимости съ Новымъ Завѣтомъ и отрицалъ, чтобы въ немъ предвозвѣщалось о Христѣ [2]. Евангеліе, по его мнѣнію, предназначалось главнымъ образомъ для язычниковъ, а на нихъ іудейскіе пророки не могли разчитывать, такъ какъ для язычниковъ было бы гораздо разумнѣе слушать оракулы Сивиллы или Ермеса Трисмегиста [3]; тѣ, кто будутъ внимать пророкамъ, умрутъ вѣчно [4]. Христосъ оставилъ свое откровеніе несовершеннымъ, обѣщая послать Параклита для его довершенія, и ап. Павелъ говорилъ [5] о дальнѣйшемъ знаніи, которому такимъ образомъ предстояло быть сообщеннымъ. Обѣтованіе это, согласно Манесу, было исполнено въ немъ самомъ [6]; но, провозглашая себя параклитомъ, онъ не совершалъ вполнѣ того богохульства, съ которымъ въ умѣ христіанина связывается подобное притязаніе. Онъ отвергалъ книгу Дѣяній Апостольскихъ, какъ противорѣчащую его ученію объ этомъ предметѣ [7]; заявлялъ, что евангелія суть произведенія неизвѣстныхъ лицъ, жившихъ долго спустя послѣ апостольскихъ временъ [8], и такимъ образомъ сильно искажены, такъ что онъ могъ приписывать себѣ право исправлять ихъ по своему собственному усмотрѣнію, и онъ вмѣстѣ съ тѣмъ устранялъ и другія части Новаго Завѣта, какъ несогласныя съ его системой. Секта ссылалась на нѣкоторыя апокрифическія евангелія и другія подложныя сочиненія подобнаго рода [9], но главными источниками ея вѣрованія были сочиненія ея основателя, и она приписывала себѣ свободу истолкованія Новаго Завѣта, согласно съ ученіемъ ея параклита, подобно тому, какъ православные истолковывали древнѣйшія писанія при свѣтѣ христіанскаго откровенія [1]. Они отвергали идею символизма въ религіи [2], и особенно гордились тѣмъ, что ихъ мнѣнія находились въ согласіи съ разумомъ, что ихъ обращенцы освободились отъ узъ авторитета и вѣры [3].

---

[1] Disp. 11; Ep. Fundamenti, приводимое авторомъ трактата „De Fide Adv. Manichaeos“ c. 5 in Appendix къ тому viii, бл. Августина (Patrol. xlii).

[2] Disp. 10, 11, 46. Объ отверженіи пророчествъ см. *Aug*. c. Faust. xii. Текстъ, въ которомъ Спаситель говоритъ, что Моисей писалъ о Немъ (Іоан. v, 46), также отвергался (тамъ же, xvi, 1, 3). Возраженія на Ветхій Завѣтъ подробно обсуждаются въ xxii книгѣ того же трактата.

[3] *Aug*. c. Faust. xiii, 1.

[4] Disp. 13.

[5] 1 Кор. xiii, 4.

[6] Тамъ же, 26—8. Epiph. lxvi, 61. *Theodor*. Haer. i, 26. Манихеянинъ Феликсъ говоритъ, что онъ вѣруетъ въ параклита потому, что онъ училъ о предметахъ, о которыхъ не знали апостолы, какъ напр. „начало, средина и конецъ“, Aug. Acta c. Felic. I, 9.

[7] *Aug*. c. Felic. I, 14; De Utilitate Credendi 7, c. Adimant. lxxvii, 5.

[8] Aug. c. Faust. xxii, 2.

[9] *Aug*. de Haer. 46, col. 38 Adv. Faust. xxii, 79. Эти подложныя сочиненія отчасти были тѣ самыя, которыми пользовались нѣкоторые изъ гностиковъ.

Манихеи раздѣлились на избранныхъ и слушателей. Первые посвящали себя въ высокой степени аскетической святости. Они, связаны были тремя печатями—„печатями устъ, рукъ и груди“ [4]; они должны были жить въ бѣдности, цѣломудріи и воздержаніи; имъ не позволялось даже собирать плоды земли для себя, но они пользовались содержаніемъ и услугами отъ слушателей, которые обязаны были, подъ страхомъ тягчайшихъ наказаній по смерти, доставлять имъ все необходимое [5]. Слушатели не подвергались такимъ суровымъ правиламъ: хотя имъ также запрещено было убивать животныхъ, но имъ позволялось ѣсть мясо [6] и пить вино, вступать въ бракъ и предаваться обычнымъ занятіямъ жизни [7]. Въ позднѣйшее время противъ манихеевъ открыто взводились обвиненія въ лицемѣріи и грубой чувственности, не смотря на ихъ блѣдную и умерщвленную внѣшность; и эти обвиненія, повидимому, не всегда были безъ достаточнаго основанія [8].

Манихейская іерархія состояла изъ главы, двѣнадцати учителей и семидесяти двухъ епископовъ, съ священниками и діаконами подъ ихъ властью [9]. Богослуженіе секты, простое и обнаженное [10], согласно съ его персидскимъ происхожденіемъ, во многихъ пунктахъ нарочито противопоставлялось богослуженію церкви, какъ напр. въ отверженіи или непочитаніи христіанскихъ праздниковъ [11] и въ провожденіи дня Господня въ постѣ [12]. Въ молитвѣ манихеи обращались къ солнцу [13]. Богослуженіе избранныхъ окутано было таинственностью, которая естественно давала поводъ къ слухамъ объ омерзительныхъ обрядахъ [1]). Бл. Августинъ, пробывъ девять лѣтъ слушателемъ, могъ только сказать, что среди избранныхъ совершалась евхаристія; но о способѣ совершенія ея онъ ничего не могъ узнать [2]), хотя, такъ какъ начала манихеевъ запрещали имъ употребленіе вина, онъ укоряетъ ихъ въ томъ, что они, „признавая своего Бога въ виноградѣ, отказывались признавать его въ чашѣ“ [3]). Крещеніе они, повидимому, совершали при помощи масла; крещеніе водой считалось безразличнымъ, если не запрещено было совсѣмъ [4]).

---

[1] Aug. c. Faust. xxxii, 6.

[2] Тамъ же, xv, 5.

[3] *Aug.* de Util. Credendi, I, 2, 21.

[4] *Aug.* de Mor. Manich. 10 и слѣд.

[5] *Aug.* de Haer. 46, col. 37.

[6] Среди буддистовъ, ламамъ запрещено убивать какое бы то ни было животное, но они могутъ свободно ѣсть мясо тѣхъ животныхъ, которыя убиты „черными людьми“, то есть мірянами. Манесъ, какъ будетъ сказано, провелъ это ограниченіе ниже.

[7] Ep. ccxxxvi, 2, c. Faust. xx, 23.

[8] *Aug.* de Mor. Man. 20, 21.

[9] Aug. de Haer. xlvi, col. 38.

[10] Aug. c. Faust. xx, 3.

[11] Бл. Августинъ говоритъ, что они мало оказывали почтенія Пасхѣ, потому что они не вѣровали въ дѣйствительность смерти Спасителя. С. Ep. Fundam. 9.

[12] Aug. Ep. xxxvi, 12. Годовщина смерти ересіарха въ мѣсяцѣ Мартѣ была великимъ праздникомъ ихъ года, и извѣстна была подъ названіемъ *бемы*. Aug. c. Ep. Fundam. 9, c. Faust. xviii, 5.

[13] *Aug.* c. Fortunat. 3. Слушателямъ позволялось слушать чтеніе книгъ Манеса, но они не получали никакого объясненія ихъ значенія. Aug. c. Ep. Fundam. 6.

Манихейство скоро распространилось и на западъ. О появленіи его въ проконсульской Африкѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти основателя свидѣтельствуетъ одинъ указъ Діоклитіана, который осуждаетъ это ученіе не какъ христіанское, но какъ вышедшее изъ враждебнаго царства Персидскаго. Этимъ указомъ повелѣвается, чтобы учителя и ихъ книги были сожжены, чтобы ученики были сосланы въ рудники или, если это лица сановныя, просто отправлены въ ссылку, и что во всякомъ случаѣ собственность ихъ должна быть отобрана. Но два столѣтія спустя (какъ мы узнаемъ отъ бл. Августина) секта была многочисленною въ Италіи и въ Африкѣ, гдѣ нѣкоторые изъ ея тайныхъ членовъ были даже среди духовенства церкви [5]). Не смотря на частые и суровые указы христіанскихъ императоровъ, манихейство продолжало существовать, и мы будемъ имѣть часто случаи встрѣчаться съ нимъ впослѣдствіи среди ересей среднихъ вѣковъ.

Гонительскій указъ Авреліана былъ отмѣненъ его преемникомъ Тацитомъ, и въ теченіе многихъ лѣтъ церковь не была тревожима гражданскою властью. Въ царствованіе Діоклитіана она достигла большей степени благосостоянія, чѣмъ какой достигала въ прежнее время. Церковныя зданія начали обнаруживать архитектурный блескъ и снабжались священными сосудами изъ серебра и золота. Обращенцы стекались въ нее изъ всѣхъ сословій; даже жена императора и его дочь, Валерія, бывшая за-мужемъ за его сотоварищемъ Галеріемъ, повидимому также обратились въ христіанство. Христіане занимали высокія должности въ государствѣ и въ императорскомъ дворцѣ. Имъ ввѣрялось управленіе провинціями, съ правомъ устраненія отъ всѣхъ такихъ обязанностей, которыя могли быть несовмѣстимы съ ихъ религіей [6]). Вмѣстѣ съ этими успѣхами въ земномъ благосостояніи, однако же, какъ жалуется современный историкъ [1]), былъ замѣтенъ упадокъ вѣры и любви. Въ жизнь христіанъ проникли лицемѣріе и честолюбіе, пастыри и народъ одинаково предавались соперничеству и распрямъ. Но, какъ справедливо замѣчено, самые недостатки, обнаруживавшіеся теперь въ церкви, были признакомъ прогресса, такъ какъ „очевиднѣйшимъ доказательствомъ сильнаго вліянія извѣстной партіи, религіозной ли, или политической, на общественное мнѣніе служитъ именно то, что она можетъ съ безнаказанностью нарушать свои собственныя первичныя начала, такъ какъ что̀ въ одно время есть признакъ непоправимой слабости или приближающагося разрушенія, то въ другое время является лишь избыткомъ здоровой энергіи и доказательствомъ несокрушимой жизненной силы“ [2]).

---

[1]) *Aug*. Haer. 46, col. 36.

[2]) *Aug*. Haer. 46, col. 36.

[3]) „In cupa“ c. Faust. xx, 13.

[4]) Aug. de Haer. 46, col. 38; ad Bonifac. ii, 3.

[5]) *Aug*. Ep. 236.

[6]) Euseb. viii, 1; Gibbon, i, 575.

Діоклитіанъ достигъ пурпурной мантіи въ 284 году. Въ 286 году онъ принялъ Максиміана въ качествѣ соучастника въ управленіи имперіей, подъ названіемъ августа, и въ 292 году къ управленію были допущены Галерій и Констанцій съ низшимъ титуломъ кесарей [3]). Не обращая вниманія на республиканскія формы, въ которыя доселѣ облекалась императорская власть, Діоклитіанъ занялъ положеніе восточнаго монарха [4]), установилъ новую систему администраціи съ должностями и пышными титулами, дотолѣ неизвѣстными среди римлянъ, и перенесъ свой дворъ изъ Рима въ Никомидію, на азіатскомъ берегу Пропонтиды (Мраморнаго моря). Древняя столица перестала быть центромъ правленія. Сенатъ потерялъ свое значеніе и остался въ пренебреженіи. При раздѣленіи имперіи, Діоклитіанъ оставилъ за собою Ѳракію, Азіатскія провинціи и Египетъ; Максиміанъ, резиденція котораго находилась въ Миланѣ, получилъ Италію и Африку; Галерій получилъ Иллирію и страны по Дунаю, а Галлія, Испанія и Британія предоставлены были Констанцію [5]).

Жрецы и другіе изъ заинтересованныхъ въ поддержаніи языческой системы начали опасаться, чтобы имъ не потерять своего вліянія въ имперіи. Діоклитіанъ былъ равнодушенъ въ отношеніи религіи, между тѣмъ какъ Констанцій открыто относился съ благосклонностью къ христіанамъ; и хотя Максиміанъ и Галерій были враждебны христіанству, однако же могло казаться возможнымъ, что этотъ послѣдній кесарь находился подъ вліяніемъ своей христіанской жены. Вслѣдствіе этого, сдѣланы были попытки подѣйствовать на суевѣрное чувство Діоклитіана посредствомъ знаменій и оракуловъ. При одномъ случаѣ, когда обращались къ Аполлону за совѣтомъ въ его присутствіи, данъ былъ отвѣтъ не чрезъ жреца, какъ это было въ обычаѣ, но самимъ богомъ—глухимъ голосомъ, исходившимъ изъ глубины пещеры, что вслѣдствіе „праведныхъ“, находящихся на землѣ, оракулы воздерживаются отъ истинныхъ отвѣтовъ, и въ отвѣтъ на вопросы Діоклитіана жрецы объяснили, что эти слова указываютъ на христіанъ [1]. Въ другое время, когда императоръ находился съ своимъ войскомъ на востокѣ, ему было возвѣщено, что внутренности жертвъ не обнаруживали обычныхъ знаковъ, по которымъ можно было бы угадывать будущее. Жертвоприношеніе было повторено нѣсколько разъ, но безъ всякаго успѣха, и наконецъ главный предсказатель объяснилъ, что причиной этого неуспѣха было присутствіе нечестивыхъ лицъ, то есть, христіанъ [2].

---

[1]) Euseb. l. c.

[2]) Milman, II, 261.

[3]) Gibbon, I, 362, 363.

[4]) Eutropius, IX, 26; De Mortibus Persec. 7; Euseb. Chron. 296 г. ap. Hieron VIII, 661.

[5]) Gibbon, I, 364.

Христіане болѣе всего могли быть замѣчены въ войскѣ, и поэтому первыя посягательства на ихъ вѣрность были сдѣланы именно здѣсь [3]. Разсказъ о ѳиванскомъ легіонѣ [4], относящійся къ 286 году, хотя и обнаруживаетъ преувеличеніе въ подробностяхъ, вѣроятно имѣетъ какое нибудь истинное основаніе. Этотъ легіонъ, по преданію, состоявшій изъ 6.600 христіанъ, былъ потребованъ съ востока на службу Максиміана въ Галліи. Будучи близь Альпійскаго города Агауна, получившаго свое новѣйшее имя отъ ихъ вождя, св. Маврикія, воины узнали, что они будутъ употреблены въ дѣло гонительства на своихъ братьевъ по вѣрѣ, и отказались идти впередъ для этой цѣли. По приказанію Максиміана, находившагося неподалеку отсюда, они два раза подвергались децимаціи [5]. Но и эта жестокость была не въ состояніи поколебать твердости остальныхъ, и Маврикій отъ имени своихъ сотоварищей объявилъ императору, что, будучи готовы повиноваться ему во всемъ, они скорѣе умрутъ, чѣмъ нарушатъ свою обязанность по отношенію къ ихъ Богу. Разъяренный ихъ упорствомъ, Максиміанъ приказалъ другимъ войскамъ окружить ихъ, послѣ чего благочестивый отрядъ сложилъ свое оружіе и мирно подчинился мученичеству. Есть и другія болѣе авторитетныя свидѣтельства объ исповѣдникахъ и мученикахъ изъ воиновъ въ ранніе годы царствованія Діоклитіана; но какія бы гоненія или мученія ни испытывались христіанами-воинами, повидимому общихъ попытокъ насилія надъ ихъ совѣстью не дѣлалось до 298 года, когда изданъ былъ приказъ, что всѣ лица, находящіяся на военной службѣ или въ общественныхъ должностяхъ какого бы то ни было рода, должны приносить жертву богамъ.

---

[1] Евсевій (Vit. Const. ii, 50, 51) разсказываетъ объ этомъ со словъ Константина. Слово „праведные“, повидимому, употреблено здѣсь иронически, въ смыслѣ лицъ, претендующихъ на особенную праведность.

[2] Христіане обезсиливали жертвоприношенія, тайно совершая крестное знаменіе (De Mort. Persec. 10).

[3] Euseb. viii, 4; Gibbon, i, 578—9.

[4] *Eucherius* (епископъ Ліонскій, около 530 г.), Passio Agaunensium martyrum (Patrol. L, 827) или Acta SS. Sept. 22.

[5] То есть, казни каждаго десятаго человѣка.

Галерій, во время своего визита, сдѣланнаго Діоклитіану въ Никомидіи зимой 302—3 г., старался возбудить старшаго императора противъ христіанъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Діоклитіанъ не поддавался его настойчивости, искренно ли, или только съ желаніемъ показать свою неохотность къ этому дѣлу,—сомнительно. Тогда онъ обратился къ совѣту нѣкоторыхъ законниковъ и военачальниковъ (какъ это всегда было въ обычаѣ у императора, когда онъ желалъ отстранить отъ себя недовольство вслѣдствіе какой нибудь непопулярной мѣры), и гоненіе было рѣшеннымъ дѣломъ [1]). 23 февраля, въ великій римскій праздникъ Терминалій, сдѣлано было нападеніе на церковь въ Никомидіи, стоявшую на возвышеніи, такъ что ее было видно изъ дворца. Языческіе чиновники, войдя въ церковь, ничего не нашли въ ней, кромѣ списковъ священныхъ книгъ, которые они и сожгли. Затѣмъ предложено было поджечь самое зданіе; но Діоклитіанъ, изъ боязни, чтобы пламя не распространилось на столицу, предпочелъ отдать церковь на разрушеніе солдатамъ, и ихъ усиліями церковь въ нѣсколько часовъ была совершенно уничтожена [2]).

На слѣдующій день изданъ былъ императорскій указъ. Имъ постановлялось, что всѣ тѣ, кто откажутся отъ жертвоприношенія, должны будутъ потерять свои должности, свою собственность, свой санъ и гражданскія преимущества; что рабы, настаивающіе на исповѣданіи евангелія, будутъ лишены всякой надежды на свободу; что христіане всякаго званія будутъ подлежать пыткѣ, всѣ церкви должны быть сравнены съ землей, религіозныя собранія закрываются, и священныя и другія богослужебныя книги должны подвергаться пламени [3]). Лишь только указъ былъ выставленъ публично, одинъ христіанинъ, по преданію—человѣкъ знатнаго положенія, сорвалъ его, произнося приэтомъ оскорбительныя слова противъ императоровъ. Въ наказаніе за этотъ смѣлый поступокъ онъ былъ сжаренъ на медленномъ огнѣ, и то непоколебимое спокойствіе, съ которымъ онъ выносилъ свои страданія, изумляло его палачей и пробуждало въ нихъ угрызеніе совѣсти [4]).

Въ теченіе двухъ недѣль во дворцѣ Никомидійскомъ два раза вспыхивалъ пожаръ. Причина его была неизвѣстна [5]). Но при второмъ случаѣ по крайней мѣрѣ, вина въ этомъ была свалена на христіанъ. Діоклитіанъ былъ сильно встревоженъ и разъяренъ. Онъ принудилъ свою жену и дочь совершить жертвоприношенія и рѣшилъ примѣнить то же самое испытаніе къ другимъ членамъ своего дворца и къ жителямъ города. Нѣкоторые изъ наиболѣе приближенныхъ царедворцевъ, бывшихъ христіанами, вынеся ужасныя пытки, были преданы смерти, и многіе другіе христіане, среди которыхъ былъ Анѳимъ, епископъ никомидійскій [1]), также потерпѣли мученичество.

---

[1]) De Mort. Persec. 11.

[2]) De Mort. Persec. 12.

[3]) Euseb. VIII, 2; De Mort. Persec. 13. Подъ словами τὰς γραφάς несомнѣнно разумѣются и богослужебныя книги.

[4]) Euseb. VIII, 5. De Mort. Persec. 13.

[5]) Нѣкоторые приписываютъ его молніи; авторъ сочиненія De Mort. Persec. (14)—злобѣ Галерія, который желалъ обвинить христіанъ.

Указъ скоро сталъ приводиться въ исполненіе по всей имперіи. Церкви по большей части были разрушены; въ нѣкоторыхъ случаяхъ церковныя принадлежности выносились и сжигались или обращались для нечистаго употребленія. Попытка истребить книги св. Писанія была новой особенностью этого гоненія [2]). Многіе христіане потерпѣли смерть за отказъ выдать ихъ, причемъ тѣ, которые выдавали ихъ, заклеймлены были со стороны своихъ братьевъ названіемъ „предателей“, съ каковымъ терминомъ мы будемъ имѣть случай встрѣчаться впослѣдствіи [3]). Такъ какъ чиновники не въ состояніи были отличать священныхъ книгъ отъ другихъ христіанскихъ сочиненій, то можно думать, что вслѣдствіе этого погибло громадное количество драгоцѣнныхъ документовъ къ невознаградимой потерѣ для церковной исторіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако же, истребленіе этихъ документовъ выходило изъ снисходительности властей, которыя не съ сочувствіемъ относились къ возложенной на нихъ задачѣ и готовы были принимать всякія книги, какія только предлагались имъ, не разслѣдуя, дѣйствительно ли это тѣ, которыя христіане считали священными. Такъ, когда Менсурій, епископъ карѳагенскій, удалилъ копіи св. Писанія изъ своей церкви и на мѣсто ихъ положилъ нѣкоторыя еретическія сочиненія, то проконсулъ Анулинъ, узнавъ объ этомъ благочестивомъ подлогѣ, отказался производить какой нибудь дальнѣйшій обыскъ [4]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ дѣйствительности сами власти давали намекъ христіанамъ, что замѣна такого рода можетъ быть допущена ими, и такая снисходительность была тѣмъ болѣе замѣчательною, что за небрежность въ исполненіи указа виновные, повидимому, подвергались наказанію смертью. Но съ другой стороны были и правители, которые съ радостью воспользовались случаемъ излить свою вражду противъ церкви и вели дѣло съ жестокостью, которая превосходила даже и императорское повелѣніе.

Нѣкоторыя смуты въ Арменіи и Сиріи, ложно приписанныя христіанамъ, послужили предлогомъ для втораго указа, которымъ повелѣвалось, чтобы арестованы были ихъ учители. Вслѣдствіе этого, какъ свидѣтельствуетъ Евсевій, темницы переполнились епископами и духовенствомъ, такъ что не оставалось мѣста для злодѣевъ, которыми онѣ обыкновенно были занимаемы [1]. Третьимъ указомъ, изданнымъ въ томъ же году, въ которомъ началось самое гоненіе, повелѣвалось, чтобы отъ узниковъ потребовано было принесеніе жертвъ, и въ случаѣ отказа подвергать ихъ мукамъ; и четвертымъ указомъ слѣдующаго года это повелѣніе распространялось на христіанъ всякаго званія и класса [2]. Такъ какъ предполагалось, что жертвы останутся непреклонными при обычныхъ способахъ пытки, то судьямъ вмѣнялось въ обязанность изобрѣтать новыя и болѣе жестокія муки. Тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ этихъ указовъ не предписывалъ въ качествѣ наказанія смерть, хотя вслѣдствіе ревности чиновниковъ и подъ различными предлогами такому наказанію и подвергнуто было множество вѣрующихъ [3].

---

[1]) Euseb. VIII, 6; De Mort. Persec. 15.

[2]) Антіохъ Епифанъ пытался уничтожить іудейскія священныя книги. 1 Мак. I, 56, 57.

[3]) См. о донатистахъ ниже II, I, отд. 2.

[4]) Aug. Brevic. Collat. C. Donat. III, 25.

1 мая 305 года Діоклитіанъ отрекся отъ императорскаго престола въ Никомидіи, и Максиміанъ, невольно соподчиняясь вліянію своего сотоварища и благодѣтеля, совершилъ ту же церемонію отреченія въ Миланѣ [4]. Констанцій и Галерій теперь заняли высочайшее положеніе, и къ нимъ присоединено было два новыхъ кесаря: Максиминъ и Северъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ императорская власть была предметомъ споровъ, перемѣнъ и раздѣленій: въ одно время было не менѣе шести императоровъ—на востокѣ Галерій, Максиминъ и Лициній и на западѣ Максиміанъ, вновь взявшій въ свои руки бразды правленія, его сынъ Максентій и его зять Константинъ, сынъ и преемникъ Констанція. Между тѣмъ положеніе христіанъ въ имперіи было неодинаково, смотря по характеру ея различныхъ правителей.

305 г.

Констанцій, занимая соподчиненное достоинство кесаря, разрушалъ церкви въ своихъ владѣніяхъ лишь изъ уваженія къ авторитету старшихъ императоровъ, но вообще защищалъ христіанъ и многихъ изъ нихъ принималъ въ своемъ дворцѣ [5]. При своемъ возвышеніи въ санъ августа, онъ сталъ дружить съ ними еще открытѣе, и въ этой политикѣ ему слѣдовалъ Константинъ, наслѣдовавшій ему въ 306 году и показавшій себя еще рѣшительнѣе благорасположеннымъ къ христіанамъ [6].

---

[1] Euseb. VIII, 6.

[2] Тамъ же, De Martyr. Palaest. 3.

[3] *Euseb.* Vita Constant. II, 51.

[4] De Mort. Persec. 18, 19.

[5] De Mort. Persec. 15.

[6] De Mort. Persec. 24.

Галерій продолжалъ гоненіе съ большою ревностью, пока въ 311 году не нашелъ, что его жестокость была совершенно безполезна для подавленія евангелія, и, чувствуя приступъ омерзительной и мучительной болѣзни, онъ издалъ отъ своего собственнаго имени и отъ имени Лицинія и Константина указъ, которымъ христіанамъ позволялось отправлять свою религію и возстановлять свои церкви подъ условіемъ, что они будутъ воздерживаться отъ всего, что противно государственному порядку, и указъ этотъ онъ заключалъ замѣчательной просьбой, чтобы они возносили молитвы о его благосостояніи [3]. Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что на эту перемѣну политики императора повліяли другія побужденія, кромѣ сожалѣнія къ заблужденію христіанъ и вниманія къ единству своихъ подданныхъ, о которыхъ заявлено было въ указѣ. Быть можетъ его тѣлесныя страданія были отягчены раскаяніемъ въ совершенныхъ имъ жестокостяхъ; или, отчаяваясь въ другой помощи, онъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ выздоровленія по милости Бога христіанъ, относя Его къ одному и тому-же разряду съ множествомъ языческихъ боговъ.

Въ Италіи и Африкѣ гоненіе было жестокимъ въ царствованіе Максиміана. Когда его сынъ Максентій принялъ на себя управленіе этихъ странъ, христіане, хотя они и страдали отъ тиранніи этого узурпатора вмѣстѣ съ его другими подданными, не подвергались гоненію вслѣдствіе своей религіи; въ дѣйствительности онъ даже показывалъ нѣкоторую благосклонность къ нимъ. Теперь уже ясно сознавалось всѣми, что они составляли важную силу въ государствѣ, и государи, даже не питая уваженія къ ихъ религіи, могли тѣмъ не менѣе, изъ чисто политическихъ разсчетовъ, стремиться къ обезпеченію ихъ поддержки [2].

Самымъ яростнымъ изъ всѣхъ гонителей былъ Максиминъ, который въ 305 году получилъ верховную власть надъ Сиріей и Египтомъ, а по смерти Галерія къ его владѣніямъ присоединена была и Малая Азія. Грубый, жестокій и невѣжественный, онъ былъ рабомъ языческаго суевѣрія и игрушкою жрецовъ, прорицателей и волхвовъ всякаго рода [3]. Галерій не рискнулъ включить его имя въ указъ о вѣротерпимости къ евангелію; но Максиминъ, хотя онъ и отклонилъ опубликованіе его въ своихъ владѣніяхъ, далъ словесное повелѣніе подобнаго же рода. Въ то же самое время, однако же, онъ принялъ мѣры къ возстановленію блеска языческаго богослуженія и шестью мѣсяцами позже издалъ указъ о возобновленіи гоненія, заявляя, что дѣйствуетъ такъ согласно съ просьбами изъ

---

[1] Тамъ же 33—4; Euseb. VIII, 17.

[2] Euseb. VIII, 14.

[3] Euseb. IX, 9; De Mort. Persec. 36.

Антіохіи и другихъ городовъ,—просьбами, которыя, по свидѣтельству христіанскихъ писателей того вѣка, были внушены имъ самимъ [1]. Указомъ требовалось, чтобы всѣ его подданные, вплоть до грудныхъ младенцевъ, совершали жертвоприношенія, что провизія на рынкахъ должна быть окроплена возліяніями и что у входовъ въ общественныя бани должны быть поставлены стражи съ порученіемъ окроплять такимъ же образомъ тѣхъ, которыя выходили изъ бань послѣ совершенія своихъ омовеній [2]. Съ цѣлью набросить тѣнь на христіанскую религію, прибѣгали также и къ клеветѣ. Распространялись подложныя Дѣянія Пилата, которыя введены были въ школу въ качествѣ учебниковъ, такъ что самыя дѣти должны были насыщаться богохульствомъ противъ Спасителя. Женщинамъ самаго грязнаго характера внушали дѣлать признанія касательно мерзостей, въ которыхъ онѣ, будто бы, принимали участіе среди христіанъ [3]. Указъ былъ выбитъ на мѣдныхъ плитахъ и объявленъ въ каждомъ городѣ. Въ немъ Максиминъ указываетъ на благословенія, которыми, будто-бы, сопровождались его мѣры къ оживленію язычества,—успѣхъ въ войнѣ, урожайные годы, отсутствіе землетрясеній, бурь и болѣзней [4]. Но скоро послѣ возобновленія гоненія это заявленіе знаменательно было опровергнуто появленіемъ голода и язвы, которые страшно опустошали его владѣнія. И въ это время испытанія, какъ и раньше при подобныхъ случаяхъ, сила христіанской вѣры и любви проявилась изумительно. Вѣрующіе, одинаково страдая отъ общаго бѣдствія, отличались отъ народной массы своимъ поведеніемъ во время его, именно, рискуя своею жизнію въ служеніи больнымъ, въ погребеніи умершихъ, которые оставляемы были безъ всякой помощи ихъ собственными ближайшими родственниками [5].

О разнообразныхъ пыткахъ, употреблявшихся во время этого гоненія, нѣтъ надобности говорить здѣсь подробно. Въ общемъ христіане выносили эти страданія съ благородною непоколебимостью и терпѣніемъ, хотя рядомъ съ слабостью предателей были и такіе, которые отрекались отъ вѣры, равно и такіе, которые навлекали на себя смерть буйнымъ и фанатическимъ поведеніемъ. Язычники, бывшіе свидѣтелями ихъ страданій, наконецъ, возмутились такимъ кровопролитіемъ и жестокостью; сами гонители утомились отъ избіенія и прибѣгали къ другимъ наказаніямъ, какъ искалѣченіе членовъ, выкалываніе глазъ, принужденіе епископовъ и другихъ знатныхъ лицъ къ унизительнымъ работамъ и ссылка большаго числа людей всякаго класса въ каторжныя работы въ рудникахъ [1]).

---

[1] De Mort. Persec. 36; Euseb. IX, 1, 2.
[2] *Euseb.* de Martyr. Palaest. 8.
[3] Euseb. IX, 5—7.
[4] Тамъ же, 7.
[5] Тамъ же. 8.

Гоненіе въ общемъ продолжалось десять лѣтъ, хотя послѣ первыхъ двухъ лѣтъ оно лишь мало чувствовалось на западѣ. Гиббонъ, съ очевиднымъ желаніемъ показать возможно меньшимъ число лицъ, преданныхъ смерти, опредѣляетъ ихъ въ двѣ тысячи [2]); о тѣлесныхъ мученіяхъ, почти приводившихъ къ смерти, и о безграничныхъ бѣдствіяхъ всякаго рода, которымъ должны были подвергаться члены страждущей общины въ теченіе этого долгаго періода всякихъ ужасовъ, этотъ историкъ не соблаговолилъ сдѣлать даже ни малѣйшаго замѣчанія.

Среди мучениковъ, самыми знаменитыми по своему положенію или характеру, были Петръ, епископъ александрійскій [3]); Лукіанъ, пресвитеръ антіохійскій, который въ ранней своей жизни находился въ связи съ Павломъ Самосатскимъ, но впослѣдствіи возвратился въ лоно православной церкви и выдавался своими трудами по св. Писанію [4]); Памфилій, основатель библіотеки кесарійской, знаменитый своею ревностью объ умноженіи и исправленіи списковъ священнаго текста, своими сочиненіями въ защиту Оригена и своею близкою дружбою съ историкомъ Евсевіемъ [5]), и Меѳодій, епископъ тирскій, противникъ Памфила въ оригенистическомъ спорѣ [6]). Кромѣ нихъ, имена которыхъ записаны въ подлинной исторіи, къ этому же періоду относятся многіе мученики, пользующіеся общею или мѣстною извѣстностью, какъ св. Севастіанъ и св. Агнесса, которые пострадали въ Римѣ и упоминаются въ церквахъ и катакомбахъ внѣ стѣнъ города; св. Іануарій Неапольскій; свв. Косьма и Даміанъ, два арабскихъ брата, пострадавшіе въ Киликіи и считающіеся покровителями медицинскаго искусства; св. Винцентій Сарагосскій, св. Діонисій Парижскій и др. Къ раннему періоду царствованія Діоклитіана до указа отъ 303 года относится исторія британскаго первомученика св. Альбана [7]).

Послѣ своей побѣды надъ Максентіемъ въ концѣ октября 312 года, Константинъ издалъ указъ въ пользу христіанъ, и вторымъ указомъ, изданнымъ совмѣстно съ Лициніемъ въ Миланѣ въ іюнѣ 313 года, онъ установилъ для нихъ, совмѣстно со всѣми другими подданными имперіи, полную религіозную свободу,—повелѣвая, чтобы церкви и вся собственность общины были возстановлены имъ, и приглашая лицъ, которыя могли пострадать при этомъ возстановленіи, предъявлять иски о вознагражденіи на счетъ казны [1]. Вслѣдствіе пораженія Максимина Лициніемъ (30 апрѣля 313 года), благодѣяніе этого указа быстро распространено было на всю имперію. Ярость пораженнаго тирана, который давалъ обѣтъ, что въ случаѣ побѣды, онъ истребитъ самое имя христіанъ [2], теперь обращена была въ противоположную сторону; въ своемъ отчаяніи онъ предалъ смерти многихъ изъ жрецовъ и предсказателей, на совѣты которыхъ онъ полагался, и объявилъ полную вѣротерпимость христіанамъ, слагая вину своей прежней жестокости по отношенію къ нимъ на судей и правителей, которыхъ онъ пытался выставить непонимавшими его намѣреній. Максиминъ умеръ въ жестокомъ положеніи въ Тарсѣ въ августѣ 313 года. Сопоставляя благоденствіе государей, которые благодѣтельствовали имъ, и бѣдственную кончину своихъ гонителей, христіане не могли не вѣрить, что это были явные знаки божественнаго правосудія [3].

---

[1]) De Mort. Persec. 36; Euseb. VIII, 19; De Mart. Palaest. 10.

[2]) Gibbon, I, 596—9.

[3]) Euseb. IX, 6.

[4]) Тамъ же; Acta SS. Jan. 7. *Hieron.* de Vir. illustr. 77.

[5]) Euseb. VI, 32; VII, 32; De Mart. Palaest. 7, 11; Hieron. 75.

[6]) Hieron. 83.

Beda, Hist. Eccl. I, 3.

Съ перемѣной въ отношеніяхъ христіанской общины къ императорской власти открывается новый періодъ въ церковной исторіи.

ГЛАВА VIII.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

I. Успѣхи распространенія христіанства.

1. Есть основаніе думать, что къ концу III столѣтія евангеліе сдѣлалось извѣстнымъ до нѣкоторой степени почти всѣмъ народамъ, съ которыми римляне находились въ сношеніяхъ, хотя у насъ имѣется весьма мало свѣденій касательно подробностей его распространенія или тѣхъ дѣятелей, которыми оно распространялось. Съ ранняго періода христіанскіе писатели съ торжествомъ указывали на распространенность ихъ братства. „Не существуетъ“, говоритъ Іустинъ мученикъ, „народа греческаго или варварскаго, или какого нибудь другаго рода людей, какими бы названіями или обычаями они ни отличались, какъ бы ни были невѣжественны въ искусствахъ или земледѣліи, живутъ ли они въ палаткахъ или странствуютъ въ покрытыхъ телѣгахъ, — среди которыхъ молитвы (и благодаренія) не возносились бы, во имя распятаго Іисуса, Отцу

---

[1] De Mort. Pers. 48; Euseb. x, 5. Первый эдиктъ (затерянъ) имѣлъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пробѣлы, которые восполнены были вторымъ. Но при неясности языка Константина трудно понять, въ чемъ собственно состояла недостаточность прежняго указа.

[2] De Mort. Pers. 46.

[3] Тамъ же, 49. *Euseb*, Hist. Eccles. ix, 9, 10; Vita Const. I, 57—59.

и Творцу всѣхъ вещей“ 1). Ириней свидѣтельствуетъ, что въ его время многіе варварскіе народы имѣли уже сообщаемую преданіемъ вѣру церкви, написанную въ ихъ сердцахъ Духомъ Святымъ, безъ посредства бумаги и чернилъ 2). Тертулліанъ, перечисляя народы, принявшіе евангеліе, поименовываетъ кромѣ тѣхъ, которые неприсутствовали въ Іерусалимѣ въ великій день Пятидесятницы—туліанъ, мавровъ, испанцевъ, галловъ, британцевъ, за предѣлами римскаго владычества—сарматовъ, докійцевъ, германцевъ и скиѳовъ 3). Оригенъ говоритъ, что вѣра пріобрѣтала миріады обращенцевъ среди каждаго народа и рода людей, такъ что завоеванія свои она въ значительной степени распространяла и на варварскій міръ 4). Арнобій, краснорѣчивый африканскій апологетъ, писавшій около 304 г., въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ о самыхъ отдаленныхъ народахъ, среди которыхъ встрѣчались уже христіане 5), и въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что не было такого народа изъ варваровъ, который бы не поддался облагораживающему вліянію евангелія 6). Всѣ эти мѣста, правда, не свободны отъ риторической неопредѣленности и преувеличенія; но, послѣ всего разумнаго ограниченія, они должны быть допущены какъ доказательство того, что въ тѣ времена, когда они были написаны, вѣра Христова распространилась уже широко и во многихъ направленіяхъ проникла за предѣлы цивилизованнаго міра.

Хотя повѣствованіе въ предшествующихъ главахъ по большей части ограничивалось странами, примыкающими къ Средиземному морю, свидѣтельства Пантена и Оригена 7) представляютъ намъ свѣденія о христіанствѣ въ странахъ, которыя извѣстны были подъ неопредѣленными названіями Аравіи и Индіи; исторія Манеса показывала существованіе христіанскихъ общинъ въ Персіи и Месопотаміи. Церковь Эдесская, каково бы ни было значеніе свидѣтельствъ, приписывающихъ ей апостольское происхожденіе, во всякомъ случаѣ была уже твердо основана въ срединѣ II столѣтія, и вскорѣ послѣ этого времени эдессянинъ Вардесанъ свидѣтельствовалъ о распространеніи евангелія въ Парѳіи, Персіи, Мидіи и Бактріи 8). Въ Арменію оно введено было не раньше конца этого періода; но апостолъ этой страны Григорій, называемый Просвѣтителемъ, обратилъ царя Тиридата III, и Арменія имѣла честь быть первою страною, въ которой христіанство было принято какъ религія національная 9).

---

1) Dial. c. Tryph. 117. Въ свободномъ переводѣ Гиббона, I, 519.

2) Adv. Haer. III, IV, 2.

3) Adv. Judaeos, c. 7.

4) C. Cels, I, 27; II, 13.

5) Adv. Gentis, I, 16 (patrol. V).

6) Тамъ же, II, 5.

7) См. выше, стр. 79, 94.

8) *Bardes*, ap. Euseb. Praep. Evang. VI, p. 280, edit. Viger, Paris. 1628 г.

9) Cedren. 284.

Съ того времени, какъ „разсѣявшіеся отъ гоненія, бывшаго послѣ Стефана, ходили и повсюду благовѣствовали слово“ [1]), бѣдствія, побуждавшія христіанъ удаляться съ мѣста своего жительства, дѣлались средствомъ распространенія благовѣстія о спасеніи. Мы видѣли, что таковы именно были послѣдствія изгнанія епископовъ и духовенства при Деціѣ и Валеріанѣ, и такимъ именно образомъ готы въ Мизіи получили первое благовѣстіе о вѣрѣ отъ плѣнниковъ, которыхъ они уводили послѣ своихъ вторженій въ имперію въ теченіе царствованій Валеріана и Галліена.

Ириней къ концу II столѣтія говоритъ, что церкви существовали и между кельтами въ Испаніи и въ Германіи [2]). Его упоминаніе о послѣдней изъ этихъ странъ быть можетъ должно быть понимаемо въ смыслѣ указанія на римскую только провинцію, — ту часть Галліи, которая находилась въ предѣлахъ Рейна; но нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что въ теченіе слѣдующаго столѣтія обращенцы были пріобрѣтены также и среди варварскихъ народовъ къ востоку отъ этой рѣки.

О ранней исторіи христіанъ въ Галліи извѣстно очень мало. Едва ли можно предполагать, что Поѳинъ и его азіатскіе сотоварищи, основатели церкви Ліонской, были самыми ранними миссіонерами, какіе только появлялись въ этой странѣ; но они были первыми, о которыхъ сохранилось подлинное свидѣтельство, или труды которыхъ имѣли значительный успѣхъ. Григорій Турскій, писавшій къ концу VI столѣтія, свидѣтельствуетъ, что въ царствованіе Декія изъ Рима отправились въ Галлію для проповѣди евангелія семь миссіонеровъ, и что среди нихъ былъ Діонисій, епископъ Парижскій [3]), который позднѣйшими писателями смѣшивался съ Ареопагитомъ апостольскаго вѣка. Что такая миссія могла состояться около того времени, которое назначается для нея, это само по себѣ не невѣроятно; но разсказъ, какъ онъ передается Григоріемъ, несовмѣстимъ съ безспорными фактами, и трудъ миссіонеровъ, если бы они дѣйствительно были посланы въ Галлію около средины III столѣтія, долженъ бы былъ состоять уже въ утвержденіи и расширеніи церкви этой страны, а не въ заложеніи ея основанія первымъ введеніемъ вѣры.

Происхожденіе Британской церкви окутано баснословнымъ туманомъ. Разсказъ о проповѣди Іосифа Аримаѳейскаго и даже о сношеніи мнимаго британскаго царя Луція съ Елевѳеріемъ, епископомъ римскимъ, около 167 года не нуждается даже въ обсужденіи здѣсь. Однако же лѣтъ черезъ тридцать отъ предполагаемаго времени этого сношенія мы встрѣчаемъ свидѣтельства, уже приводимыя изъ Тертулліана, что евангеліе распространилось и въ тѣ части Британіи, до которыхъ никогда не доходили римляне,—свидѣтельства, которыя, повидимому, могутъ указывать на то, что въ концѣ ii столѣтія даже Шотландія была уже посѣщаема миссіонерами. Нѣсколько позже Тертулліана, Оригенъ говоритъ о британцахъ, что „хотя они и отдѣлены отъ нашего міра“, но они соединены съ мавританцами въ поклоненіи одному и тому же Богу 1). Можно думать, что въ управленіе Констанція и его сына въ концѣ обозрѣваемаго періода британскіе христіане были уже многочисленны, а на соборѣ Арелатскомъ въ 314 году мы встрѣчаемъ имена трехъ британскихъ епископовъ: Еборія іоркскаго, Реститута лондонскаго и Адельфія, каѳедра котораго вообще отождествляется съ линкольнскою 2).

---

[1]) Дѣян. VIII, 4; XI, 19.

[2]) Iren. I, X, 2.

[3]) Hist. Franc. I, 28.

2. Общественное положеніе принимавшихъ евангеліе въ самыя раннія времена служило темой для насмѣшекъ Цельса 3), и Гиббонъ съ очевиднымъ удовольствіемъ повторяетъ издѣвательство, что „новая секта почти всецѣло состояла изъ подонковъ населенія—поселянъ и ремесленниковъ, мальчиковъ и женщинъ, нищихъ и рабовъ“ 4). Если, какъ говоритъ тотъ же писатель, „это наиболѣе презрительное указаніе, повидимому, менѣе настойчиво отрицается апологетами, чѣмъ сколько на немъ настаиваютъ противники вѣры“, то причина этого, вѣроятно, заключалась въ ихъ сознаніи его неумѣстности въ вопросахъ касательно истины евангелія 5), и въ томъ чувствѣ, которое запрещало имъ подражать, даже по отношенію къ самымъ нижайшимъ и самымъ грѣшнымъ среди тѣхъ, за кого умеръ Спаситель, презрѣнію, съ которымъ философы язычества обыкновенно смотрѣли на тѣхъ, кого они считали ниже самихъ себя 6). Но, какъ затѣмъ допускаетъ и самъ этотъ историкъ, укоръ въ низости и вульгарности былъ далеко не всегда приложимъ къ обращенцамъ. Среди тѣхъ, о которыхъ мы читаемъ даже въ Новомъ Завѣтѣ, были лица богатыя и знатныя, и даже нѣсколько членовъ иператорскаго дома 7). Едва ли можно сомнѣваться, что христіанство именно разумѣется подъ тѣмъ „чужимъ суевѣріемъ“, среди приверженцевъ котораго, по свидѣтельству Тацита, была Пампонія Грецина, жена Авла Плавтія, покорителя Британіи въ царствованіе Нерона 8), или что исповѣданіе его было тѣмъ не ясно обозначеннымъ преступленіемъ, которое при Домиціанѣ навлекло преслѣдованіе на его собствен-

---

1) In Luc. Hom. 6, т. iii, 939.

2) Hard. i, 267.

3) *Orig*. c. Cels. i, 27; iii, 55.

4) i, 521.

5) См. *Minuc. Felix*, Octavius, c. 16, 36.

6) См. *Orig*. c. Cels. viii, 50.

7) Филип. iv, 22.

8) *Tacit*, Annal. xiii, 33.

ныхъ близкихъ родственниковъ, Флавію Домициллу и ея мужа, консула Флавія Климента 1). Не простымъ риторическимъ оборотомъ было и то, когда Тертулліанъ въ концѣ II столѣтія говорилъ язычникамъ, что его собратья наполнили бы собою лагерь, собраніе, дворецъ и сенатъ. Тотъ же писатель ясно свидѣтельствуетъ, что Септимій Северъ въ ранній періодъ своего царствованія позволялъ мужчинамъ и женщинамъ весьма высокаго сана исповѣдывать евангеліе. Подобнымъ же образомъ Оригенъ свидѣтельствуетъ немного послѣ времени Тертулліана, что среди обращенцевъ были люди знатнаго положенія, и не мало благородныхъ и нѣжныхъ дамъ 2). Мы уже видѣли, что въ позднѣйшее время въ числѣ ихъ 3) по предположенію были императрица и дочь Діоклитіана, и въ указахъ какъ этого государя, такъ и его предшественника Валеріана, предполагается, что во многихъ случаяхъ наказанію за исповѣданіе христіанства подвергались также богатыя и знатныя лица 4).

Что „бѣдные міра сего“ часто оказывались „богатыми въ вѣрѣ и наслѣдниками царства Божія“, что проповѣдь Христа, обращавшаяся ко всѣмъ, находила болѣе слушателей среди простыхъ, чѣмъ мудрыхъ міра сего, что евангеліе иногда вводимо было въ семейства при посредствѣ рабовъ, что вліяніе женщинъ было весьма сильно въ распространеніи его 5),—такія свидѣтельства не нуждаются въ опроверженіи. Но мы видѣли также, какъ вѣра постепенно пріобрѣтала себѣ обращенцевъ и защитниковъ среди людей высшихъ дарованій и высшаго образованія 6), и какъ христіанскія школы стали посѣщаться даже многими изъ язычниковъ вслѣдствіе тѣхъ выгодъ, которыя они представляли для общаго и философскаго образованія. Самые упреки, дѣлаемые Климентомъ въ его „Педагогѣ“ христіанамъ Александріи, доказываютъ, что ему приходилось имѣть дѣло съ богатой и роскошной общиной, и вообще есть основаніе думать, что хотя евангеліе имѣло себѣ прозелитовъ и всѣхъ классахъ ниже престола, „главная сила его заключалась въ среднихъ, быть можетъ, торговыхъ классахъ“ 7).

Ту пропорцію, въ которой христіане находились по отношенію къ языческому населенію имперіи, опредѣляютъ весьма различно. Мы не заинтересованы на религіозныхъ основаніяхъ подвергать сомнѣнію

---

1) Мужъ былъ преданъ смерти, а жена сослана на островъ Пандатарію (Vendotena). Dion. Cass. LXVII, p. 766, edit. Hannover, 1606. Euseb. Chron. 98 годъ In Patrol. XXVII, 603; Hist. Eccles. III, 18.

2) C. Cels. III, 9.

3) См. выше, стр. 72

4) См. стр. 58 Гиббонъ, I, 922.

5) Gibbon, I, 521—3.

6) См. Arnob. II, 5.

7) Milman, II, 264.

вычисленія Гиббона [1]), что пока ихъ религія не освящена была властью Константина, они не составляли „болѣе двадцатой части“ всего населенія; дѣйствительно, если вполнѣ принять во вниманіе всѣ препятствія къ распространенію евангелія, то даже такая пропорція заслуживаетъ того, чтобы считать ее знакомъ скорѣе великаго, чѣмъ малаго успѣха; но едва ли можно сомнѣваться, что опредѣленіе это слишкомъ низко. Другіе писатели—христіане опредѣляли число христіанъ десятой или даже пятой частью всего населенія римскихъ подданныхъ; въ нѣкоторыхъ округахъ, какъ напр. во владѣніяхъ Максимина, они быть можетъ составляли даже большинство.

II. Іерархія.

1. Въ теченіе II и III столѣтій, іерархія церкви подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ. Единственною духовною степенью, существовавшею въ апостольскомъ вѣкѣ кромѣ степеней епископовъ, священниковъ и діаконовъ, была степень діакониссъ, женщинъ (и сначала обыкновенно вдовъ) [2]), употреблявшихся въ такихъ служеніяхъ лицамъ собственнаго пола, которыя или по самому существу не удобны были для мужчинъ, или считались таковыми по воззрѣніямъ древняго міра—особенно на востокѣ. Такъ, онѣ помогали при крещеніи обратившихся женщинъ; посѣщали женщинъ общины въ ихъ домахъ, и, получая доступъ въ ихъ отдѣленія, въ которыя недопускалось духовенство, онѣ имѣли возможность много содѣйствовать распространенію вѣры среди среднихъ и низшихъ классовъ [3]).

Но въ концѣ II или въ началѣ III столѣтія введено было нѣсколько новыхъ должностей ниже степени діаконовъ. Эти степени возникли въ большихъ церквахъ, гдѣ частью вслѣдствіе предполагаемой пользы ограниченія числа діаконовъ числомъ апостольской церкви въ Іерусалимѣ [4]) и частью вслѣдствіе важности, которую діаконы пріобрѣтали въ такихъ общинахъ, такъ какъ имъ ввѣрялось управленіе общественными суммами, стала чувствоваться нужда въ помощникахъ имъ при отправленіи низшихъ должностей діаконства, которыя, повидимому, сами діаконы во многихъ случаяхъ начали считать ниже своего достоинства [3]). Первыя указанія на низшія должности находятся у Тертулліана, который говоритъ о чтецахъ [1]). Болѣе полное устройство низшихъ степеней представляется въ посланіяхъ св. Кипріана и въ посланіи его современника Корнилія, епископа римскаго, который свидѣтельствуетъ, что римская церковь имѣла тогда 46 пресвитеровъ, 7 діаконовъ, 7 иподіаконовъ, 42 аколуѳа и 52 заклинателя, чтеца и привратника [2]). На обязанности иподіаконовъ было заботиться о священныхъ сосудахъ и помогать діаконамъ въ ихъ мірскихъ служеніяхъ; аколуѳы зажигали свѣтильники и помогали при совершеніи таинствъ; заклинатели имѣли попеченіе о тѣхъ больныхъ, которые, по предположенію, были одержимы злыми духами; чтецы употреблялись для чтенія св. Писанія при богослуженіи въ церкви [3]).

---

[1]) I, 520.

[2]) Suicer подъ словомъ διακόνισσα.

[3]) О діакониссахъ позднѣйшаго времени см. Döllinger, I, 214. Степень эта была запрещена нѣкоторыми соборами, какъ напр. Нисмійскимъ, въ 394 г. (с. 2, ap. Hefele, II, 58), и первымъ соборомъ Орангскимъ, въ 441 г. (с. 26). Но она была освящена вселенскимъ соборомъ Халкидонскимъ (с. 15), въ 451 г. Діакониссы существовали долго послѣ этого какъ въ греческихъ, такъ и латинскихъ церквахъ. Среди іаковитовъ степень эта существуетъ и теперь.

[4]) См. прав. 14 собора Неокесар., 324 г.

[5]) Изъ нѣкоторыхъ правилъ соборовъ въ началѣ IV столѣтія, какъ напр. 18

Эти должности приняты были не повсюду. Что касается должности заклинателя, то апостольскія постановленія (отображающія восточную систему, какою она была около конца ш столѣтія) заявляютъ, что она давалась не чрезъ рукоположеніе, такъ какъ была особымъ даромъ божественной благодати и добровольнымъ дѣломъ благотворенія [4]).

2. Въ то время, какъ служеніе церкви такимъ образомъ умножалось введеніемъ низшихъ должностей, власть ея высшихъ членовъ, епископовъ, становилась болѣе опредѣленною, и въ самую степень эту вводились различенія. Самыми обстоятельствами времени требовалась централизація власти, какъ средство именно въ интересахъ крѣпости и безопасности; кромѣ того, такъ какъ паства возростала въ численности и въ богатствѣ и такъ какъ подчиненное имъ духовенство также увеличивалось въ числѣ, то положеніе епископовъ естественно пріобрѣтало больше признаковъ внѣшняго достоинства. Однако же, нельзя не видѣть преувеличенія въ свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ писателей какъ въ отношеніи ограниченности власти, которую, по ихъ предположенію, имѣло епископство въ началѣ, такъ и той высоты, которой оно достигло въ теченіе этихъ столѣтій. Даже къ концу этого періода мы еще не встрѣчаемъ ничего похожаго на самодержавную власть въ епископахъ. Они сами были избираемы духовенствомъ и народомъ, совѣщались съ пресвитерами въ болѣе частныхъ дѣлахъ, и съ обществомъ вѣрующихъ въ такихъ, которыя касались всей общины; даже избраніе лицъ для посвященія на служеніе церкви вообще обусловливалось согласіемъ ея членовъ вообще.

правила Никейскаго собора, повидимому, вытекаетъ, что діаконы въ то время наклонны были заявлять притязанія на служеніе и почести пресвитеровъ.

[1]) De Praescr. c. 41.

[2]) Ap. Euseb. vi, 43.

[3]) Сократъ (v, 22) говоритъ, что въ Александріи чтецами и пѣвцами позволялось быть оглашеннымъ.

[4]) L. viii, c. 26.

Время отъ времени обстоятельства дѣлали желательнымъ, чтобы пастыри сосѣднихъ церквей, согласно съ апостольскимъ примѣромъ, собирались на совѣщаніе. Вдобавокъ къ такимъ случайнымъ съѣздамъ, въ послѣдней части II столѣтія введенъ былъ обычай собираться на такія собранія дважды 1), или по крайней мѣрѣ однажды въ годъ. Мѣстомъ происхожденія этихъ опредѣленныхъ соборовъ, повидимому, была Грецiя, гдѣ они возникли по аналогіи съ древними народными собраніями, каковыми было собраніе амфиктіоновъ, еще продолжавшее существовать въ то время 2), а затѣмъ постепенно введены были и въ другихъ странахъ. Главный городъ каждаго округа считался какбы митрополіей или матерью—городомъ 3). Тамъ собирались соборы; епископъ города естественно занималъ руководящее положеніе въ качествѣ предсѣдателя и дѣлался представителемъ своихъ собратій въ ихъ сношеніяхъ съ другими церквами. Такимъ образомъ митрополиты пріобрѣтали особыя преимущества среди епископовъ, и хотя на всѣхъ епископовъ смотрѣли еще какъ на людей равнаго достоинства, хотя каждый считался независимымъ въ своемъ собственномъ округѣ 4) (если только, правда, подозрѣнія въ его православіи не побуждали его собратьевъ вмѣшаться въ его управленіе для защиты вѣры и для покровительства его паствы 5),—хотя каждый въ своемъ собственномъ округѣ удерживалъ за собою право распоряжаться въ области обрядовъ и безразличныхъ предметовъ вообще,—отдѣльные округи въ дѣйствительности подлежали вѣденію тѣхъ бо́льшихъ округовъ, въ которые они входили какъ часть.

Еще болѣе высокій авторитетъ, чѣмъ какой принадлежалъ обыкновеннымъ митрополитамъ, имѣли епископы такихъ большихъ центровъ управленія, какъ Римъ, Александрія и Антіохія. Титулъ патріарха, которымъ они стали отличаться отъ другихъ, однако же, въ обозрѣваемый нами періодъ, не ограничивался еще только ими 6).

Особенно высоко почитался авторитетъ церквей, которыя вели

---

1) Прав. Апост. 36.

2) *Tert.* De jejuniis, 13.

3) Что этотъ взглядъ принятъ былъ отъ гражданскихъ раздѣленій имперіи, явствуетъ изъ того обстоятельства, что Кесарія, а не Іерусалимъ была церковной митрополіей Палестины.

4) Прав. Апост. 33.

5) Вообще признавалось, что епископство было единымъ,—что каждому епископу было поручено попеченіе о всей церкви, хотя ради удобства каждый былъ отдѣльно поставляемъ надъ отдѣльною частью церкви. На обязанности каждаго епископа, поэтому, было поддерживать вѣру, гдѣ только она подвергалась нападенію, такъ что когда извѣстный епископъ заблуждался, его собратья имѣли право вмѣшаться. Въ примѣръ этого можно привести дѣйствія Кипріана въ дѣлѣ Маркіана, епископа Арелатскаго, и въ дѣлѣ двухъ испанскихъ епископовъ. Epp. 67, 68.

6) De Marca i, iii, 5.

свое происхожденіе отъ апостоловъ. Ириней и Тертулліанъ, полемизируя съ еретиками, отказывавшимися придавать вѣру словамъ св. Писанія, подъ предлогомъ его искаженности, указываютъ имъ на преданія апостольскихъ церквей и на непрерывность преемства ихъ епископовъ, какъ на доказательство апостольскаго ученія [1]). Приэтомъ Тертулліанъ ставитъ всѣ такія церкви на одинъ и тотъ же уровень, перечисляя Филиппы, Коринѳъ, Ѳессалонику и Ефесъ вмѣстѣ съ Римомъ. Но эта великая церковь императорскаго города имѣла особенныя преимущества, которыя не могли не возвышать ея совершенно особеннымъ образомъ. Это была единственно апостольская церковь на западѣ и единственный источникъ, изъ котораго большинство западныхъ народовъ получили евангеліе. Она, по преданію, была основана трудами и украшена мученическимъ вѣнцомъ апп. Петра и Павла; она была сильна числомъ своихъ членовъ и своимъ богатствомъ, которое давало ей возможность не только выше всѣхъ другихъ церквей поддерживать церковную внѣшность, но и посылать большія милостыни менѣе богатымъ собратьямъ въ другихъ странахъ; она связана была со всѣми другими общинами постоянными сношеніями, и въ то же время, вслѣдствіе своего національнаго характера, стояла въ сторонѣ отъ тѣхъ умозрительныхъ заблужденій, которыя такъ сильно безпокоили церкви востока. Отсюда Римская церковь, по необходимости, возвысилась надъ всѣми другими. Но въ то время, какъ это возвышеніе добровольно признавалось въ обычныхъ обстоятельствахъ, притязанія Рима встрѣчали твердое противодѣйствіе всякій разъ, когда такіе епископы, какъ Викторъ или Стефанъ, пытались вмѣшаться въ независимыя права своихъ собратьевъ по епископству. Исторія этихъ вѣковъ ясно показываетъ, что епископы Рима еще не обладали никакою другою юрисдикціей надъ другими церквами или никакимъ другимъ авторитетомъ надъ ними, чѣмъ то преимущество и вліяніе, которыя естественно вытекали изъ ихъ положенія.

3. Изъ городовъ, въ которыхъ впервые насаждено было христіанство, оно постепенно проникало и въ селенія. Когда церковь составлялась въ селеніи или маломъ городѣ, она управлялась пресвитеромъ, подчиненнымъ епископу сосѣдняго города, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ хорепископомъ (то есть, сельскимъ епископомъ). Хорепископы были соподчинены епископамъ городовъ и замѣняли ихъ въ утвержденіи крещенныхъ, въ выдачѣ одобрительныхъ писемъ, въ посвященіи духовенства на низшія степени и иногда, по особому позволенію, въ рукоположеніи священниковъ и діаконовъ. Неизвѣстно собственно, къ какой степени священства они принадлежали. Нѣко-

---

[1]) Iren. ш, 3, 4. *Tert.* de Praescr. 36; Adv. Marcion, ıv, 5.

торые писатели предполагаютъ, что всѣ они были епископы; другіе (среди которыхъ есть какъ извѣстные римско-католическіе изслѣдователи, такъ и пресвитеріане) считаютъ ихъ пресвитерами, между тѣмъ по третьему мнѣнію—нѣкоторые принадлежали къ одной степени, а нѣкоторые къ другой. Если взглянуть на цѣль ихъ назначенія, то этотъ послѣдній взглядъ можетъ казаться наиболѣе вѣроятнымъ. Такъ какъ хорепископы были замѣстителями городскихъ епископовъ и уполномочены были отправлять нѣкоторую часть ихъ служеній, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточно было назначить пресвитера съ правомъ совершать извѣстныя священнодѣйствія, которыя и не входили въ число обычныхъ пресвитерскихъ обязанностей, между тѣмъ въ другихъ случаяхъ могло быть полезнымъ, чтобы хорепископъ былъ епископомъ, хотя, будучи подчиненнымъ другаго епископа, онъ конечно ограниченъ былъ въ отправленіи своей власти [1]).

4. Право христіанскаго духовенства „жить отъ благовѣствованія“ [2]) было утверждено и признано съ самаго начала. Когда церковь устроилась полнѣе, то духовенство должно было устраниться отъ мірскихъ занятій [3]) и ограничивалось обязанностями своего служенія; въ Африканской церкви времени св. Кипріана духовному лицу было запрещено даже принимать на себя должность душеприказчика или попечителя [4]). Источникомъ содержанія духовенства были приношенія вѣрующихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно получало извѣстную часть всѣхъ суммъ, собиравшихся для церковнаго употребленія; въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Карѳагенѣ, содержаніе имъ доставлялось особыми ежемѣсячными сборами [5]). Величина дохода, получавшагося такимъ образомъ, естественно была весьма различна въ различныхъ церквахъ. Обычай торговать, о которомъ иногда говорится въ укоръ духовенству и который запрещенъ правилами, могъ во многихъ случаяхъ возникать не изъ алчности, но изъ дѣйствительной нужды въ нѣкоторыхъ дополнительныхъ средствахъ существованія, кромѣ тѣхъ, которыя предоставлялись церковью [6]).

III. Обряды и обычаи.

1. Въ теченіе самыхъ раннихъ дней христіанства, когда общины вѣрующихъ были еще малочисленны и бѣдны, а ихъ собранія происходили подъ постояннымъ опасеніемъ нарушенія со стороны

---

[1]) См. Соборъ Антіохійскій, 341 г. прав. 10; De Marca, ii, xiii, 3.
[2]) 1 Кор. ix, 14.
[3]) Прав. Апост. 6.
[4]) Cyp. Ep. 1.
[5]) *Tertul.* Apol. 39. Кипріанъ говоритъ о divisiones mensurnas (Ep. xxxix, 5).
[6]) См. 18 правило Иллиберійскаго собора (305 г. ?).

язычниковъ, хотя, вѣроятно, и отдѣлялись уже ими извѣстныя помѣщенія для совершенія своего богослуженія[1]), всетаки нельзя предполагать, чтобы у нихъ посвящались исключительно для религіозныхъ цѣлей цѣлыя зданія. Мы находимъ однако же, что во время Тертулліана уже строились церкви[2]), въ теченіе III столѣтія замѣчанія о нихъ дѣлаются болѣе частыми и, какъ сказано въ предъидущей главѣ[3]), во время долгаго промежутка мира, слѣдовавшаго за гоненіемъ при Валеріанѣ, былъ введенъ уже нѣкоторый блескъ въ зданіяхъ и украшеніи.

Въ этихъ церквахъ одна часть отдѣлялась отъ остальнаго помѣщенія загородью, которая предназначалась для отдѣленія мірянъ. Внутри этой загородки находились священный столъ или жертвенникъ, который обыкновенно дѣлался изъ дерева, каѳедра или столикъ для чтенія[4]) и сидѣнье для духовенства.

2. Въ апостольскія времена крещеніе совершалось немедленно по признаніи Христа принимающими; но когда церковь обосновалась болѣе твердо, отъ обращенцевъ предъ допущеніемъ къ церковному общенію посредствомъ этого таинства требовалось проходить извѣстное нравственное воспитаніе, соединявшееся съ наставленіемъ въ вѣрѣ[5]). Вступленіе на путь этого воспитанія (въ теченіе котораго уже давалось имъ названіе христіанъ[6]), равно какъ и названіе оглашенныхъ) сопровождалось торжественнымъ пріемомъ, молитвой, знаменіемъ креста и возложеніемъ рукъ. Продолжительность подготовительнаго періода была неодинакова; соборъ Иллиберійскій (Елвира, близь Гранады) назначаетъ два года[7]), между тѣмъ какъ въ Апостольскихъ Постановленіяхъ предписывается три года, хотя съ допущеніемъ сокращенія этого срока въ особыхъ случаяхъ[8]). Если оглашенный находился въ опасности смерти въ теченіе своего подготовленія, то его крестили безъ дальнѣйшаго отлагательства.

Вмѣстѣ съ системой подготовительнаго воспитанія, введенъ былъ обычай ограниченія совершенія крещенія извѣстными періодами. Пасха и Пятьдесятница считались особенно пригодными для этого вслѣдствіе связи между этимъ таинствомъ и великими событіями, о которыхъ воспоминалось въ это время, и таинство крещенія главнымъ образомъ совершалось наканунѣ каждаго праздника. Крещеніе, однако же, могло совершаться и въ другія времена: „каждый день есть Господень“, говоритъ Тертулліанъ, послѣ изложенія основаній для предпочтенія Пасхи и Пятьдесятницы; „каждый часъ, каждое время пригодно для крещенія; если и есть различіе въ торжественности, то нѣтъ никакого различія въ благодати“ ¹).

---

[1]) 1 Кор. XI, 22.

[2]) *Tert.* de Gdol. 7; de Corona, 3; de Pudic. 4.

[3]) См. выше, стр. 131.

[4]) Cypr. Ep. 39.

[5]) Іустинъ мученикъ упоминаетъ о приготовленіи молитвой и постомъ (Apol. I, 67), и отсюда, повидимому, возникло болѣе продолжительное и болѣе систематическое воспитаніе.

[6]) Напр. Conc. Illib. c. 45; 7 правило вселенскаго собора 381 г.

[7]) Conc. Illib. c. 42. Время этого собора неизвѣстно, но онъ, вѣроятно, относится къ 305 году.

[8]) Constit. Apost. VIII, 32.

Согласно съ апостольскимъ обычаемъ, при крещеніи требовалось исповѣданіе вѣры. Отсюда возникло употребленіе символовъ вѣры, заключающихъ существенные пункты вѣрованія, которые сообщались оглашеннымъ въ послѣднемъ періодѣ ихъ приготовленія. Данное этимъ формуламъ названіе „символъ“, повидимому, означаетъ просто, что онѣ были знаками христіанскаго братства, или приняты были на подобіе военной службы, въ которой такъ назывались караульныя слова или пароли. Требовалось также отреченіе отъ діавола и другихъ духовныхъ враговъ ²), и вѣроятно во II столѣтіи въ чинъ крещенія введенъ былъ обычай изгнанія бѣсовъ,—обычай, который основывался на воззрѣніи, что люди находились подъ владычествомъ лукаваго, пока не освобождались отъ него чрезъ принятіе христіанской благодати ³). Около того же самаго времени, вѣроятно, введены были разныя символическія церемоніи: знаменіе креста на челѣ, цѣлованіе м~~у~~ира въ знакъ допущенія къ духовному содружеству, бѣлыя одежды, означающія очищеніе отъ грѣха, и вкушеніе молока и меда, которыя должны были предъизображать блаженство небеснаго Ханаана ⁴).

Крещеніе совершалось посредствомъ погруженія, кромѣ случаевъ болѣзни, когда употреблялось обливаніе или окропленіе. Св. Кипріанъ настойчиво утверждаетъ достаточность этого „клиническаго крещенія“ ⁵), но печать укора справедливо налагалась на лицъ, которыя откладывали свое крещеніе до предполагаемаго приближенія смерти, чтобы сдѣлать себя способными (какъ предполагалось) обезпечить благословеніе этого таинства, не принимая его обязательствъ для обновленія жизни. Въ противоположность этому заблужденію, Тертулліанъ, Оригенъ и Кипріанъ убѣдительно настаиваютъ на правилѣ, что для принятія даровъ крещенія необходимо истинное расположеніе души, и предостерегаютъ противъ возможности полученія этихъ даровъ чрезъ простое совершеніе обряда,

---

¹) De Bapt. 19.

²) *Tert.* de Corona, 3.

³) Ep. Barnab. 16; Giesel. I, ı, 236.

⁴) *Tert.* de Cor. 3.

⁵) Ep. 69.

принимаемаго при такихъ обстоятельствахъ, когда едва ли возможно предполагать, чтобы существовало такое душевное расположеніе [1].

Что крещеніе дѣтей имѣетъ апостольское происхожденіе, въ пользу этого есть много предположительныхъ основаній. Такъ, самъ Спаситель, принимая и благословляя малыхъ дѣтей, показывалъ, что они способны воспринимать духовное благословеніе. Его порученіе ученикамъ „учить всѣ народы, крестя ихъ“—было дано лицамъ, которыя привыкли допускать дѣтей въ духовное общеніе чрезъ обрядъ обрѣзанія и даже къ крещенію дѣтей прозелитовъ. Ап. Павелъ повидимому предполагалъ [2], что всѣ, кто были способны дѣлаться членами іудейской церкви, были также одинаково способными сдѣлаться и членами христіанской церкви, и мы ничего не слышимъ о какихъ либо спорахъ по этому предмету, между тѣмъ какъ исключеніе дѣтей навѣрно было бы достаточнымъ поводомъ для сильнѣйшаго проявленія обычной ревнивости іудейскихъ обращенцевъ. Намъ извѣстно о цѣлыхъ семействахъ, которыя принимали крещеніе сразу, безъ малѣйшаго указанія, чтобы кто нибудь изъ членовъ этихъ семействъ лишался крещенія на основаніи незрѣлости возраста. Въ наставленіяхъ ап. Павла касательно воспитанія дѣтей они, повидимому, уже считаются членами церкви, такъ какъ иначе можно бы ожидать наставленій касательно ихъ воспитанія и приготовленія къ крещенію. Первыя ясныя указанія на крещеніе дѣтей находятся у св. Иринея [3]; но весь характеръ древнихъ писаній совершенно согласенъ съ разсужденіемъ Оригена, который относилъ этотъ обычай къ апостольскому преданію [4]. Тертулліанъ въ терминахъ, едва ли совмѣстимыхъ съ вѣрою въ первородный грѣхъ (которое, однако же, онъ рѣзко заявляетъ въ другихъ мѣстахъ) [5], ратуетъ противъ поспѣшности въ совершеніи крещенія „невинному возрасту“ [6]; но его возраженіе доказываетъ только, что это былъ уже обычай установившійся, и онъ самъ допускаетъ, что дѣтей можно было крестить въ случаѣ опасности смерти [7].

Тертулліанъ свидѣтельствуетъ также объ обычаѣ имѣть воспріемниковъ при крещеніи [8].

3. Мѵропомазаніе чрезъ возложеніе рукъ и помазаніе елеемъ первоначально совершалось немедленно послѣ крещенія [9]; но во

---

[1] *Tert.* de Poenit. 6; Orig. in Johan. vi, 17; Cypr. Liber. Testim. iii; 26.
[2] Рим. xi.
[3] II, xxii, 4.
[4] In Rom. v, 9, p. 565.
[5] De Testim. Animae 3; de Anima, 16, 41.
[6] De Bapt. 18.
[7] См. Cypr. Ep. 64; Giesel. I, i, 235.
[8] De Bapt. 18.
[9] Тамъ же, 8.

второмъ столѣтіи совершеніе его обыкновенно стало предоставляться епископамъ, хотя на востокѣ оно продолжало совершаться пресвитерами 1). Когда крещеніе совершалось епископомъ или въ его присутствіи, какъ въ городахъ во время большихъ праздниковъ, то немедленно совершалось и мѵропомазаніе; въ другихъ случаяхъ оно отлагалось до тѣхъ поръ, пока оказывалась возможность получить его отъ рукъ епископа 2). Мѵропомазаніе совершалось какъ надъ дѣтьми, такъ и надъ другими крещенными лицами, 3) и въ нѣкоторыхъ церквахъ, въ срединѣ III столѣтія, введенъ былъ обычай допущенія дѣтей къ таинству причащенія,—каковой обычай основывался на вѣрованіи, что слова Спасителя въ Іоан. VI, 53 налагали на всѣхъ необходимость этого таинства съ цѣлью полученія спасенія 4).

4. Особенности христіанскаго богослуженія, судя по встрѣчающимся въ Новомъ Завѣтѣ указаніямъ, повидимому, были одни и тѣ же съ самыхъ раннихъ дней, хотя въ различныхъ церквахъ и были разности въ подробностяхъ и въ порядкѣ 5). Обычное богослуженіе „дня, который называется воскреснымъ", во второмъ столѣтіи описывается Іустиномъ мученикомъ 6). Оно начиналось чтеніемъ мѣстъ изъ св. Писанія, производившемся на языкѣ, понятномъ для слушателей вообще, или если гдѣ еще не существовало перевода на языкѣ, понятномъ всему собранію, то избранныя мѣста сначала читались погречески или полатыни, и затѣмъ переводились на мѣстный діалектъ особымъ толкователемъ. Послѣ этого чтенія слѣдовала проповѣдь главнаго духовнаго лица, и она обыкновенно направлялась къ практическому приложенію только что прочитанныхъ наставленій. Проповѣди эти были сначала самыя простыя и имѣли собесѣдовательный характеръ, откуда получили названіе гомилій (то есть, собесѣдованій), но малу по малу онѣ пріобрѣли большую важность въ качествѣ составной части богослуженія и получили отчасти тотъ риторическій характеръ, который первоначально избѣгался для того, чтобы сдѣлать ихъ отличными отъ рѣчей свѣтскихъ ораторовъ и философовъ 7). Замѣчательную часть древняго христіанскаго богослуженія составляло псалмопѣніе. Оно состояло отчасти изъ ветхозавѣтныхъ псалмовъ и отчасти изъ гим-

---

1) Левъ Великій и Геласій I запрещали пресвитерамъ мѵропомазывать; но Григорій Великій позволялъ въ случаѣ нужды (Patrol. CLXXXVII).

2) Conc. Illib. 305 г. с. 77.

3) *Hieron.* Adv. Lucif. 9.

4) Cypr. de Lapsis 25.

5) См. Socrat, V, 22; Sozomen, VII, 19.

6) Apol. I, 67.

7) Бесѣды Оригена, представляющія собою древнѣйшее сочиненіе этого рода, говорились экспромптомъ, и только не раньше шестидесятилѣтняго возраста онъ позволилъ записать ихъ стенографамъ (скорописцамъ) (Euseb. VI, 36).

новъ, составленныхъ на христіанскія темы, и какъ въ церкви, такъ и среди еретическихъ сектъ, оно оказывалось весьма важнымъ средствомъ для внушенія истинъ вѣры менѣе образованнымъ членамъ церкви.

5. Въ апостольскомъ вѣкѣ совершеніе евхаристіи происходило вечеромъ, по обычаю ея первоначальнаго установленія. Служеніе это состояло изъ благодаренія, возносимаго епископомъ или пресвитеромъ за щедроты Божіи въ доставленіи плодовъ земли, и въ благодарность за эти дары собраніе вѣрующихъ дѣлало приношеніе хлѣба и вина, изъ которыхъ часть отдѣлялась для освященія. Въ то же самое время собирались деньги для пособія бѣднымъ, на содержаніе духовенства и другія церковныя нужды 1). Хлѣбъ, употреблявшійся при евхаристіи, былъ обычнаго свойства, кислый; къ вину примѣшивалась вода, сначала просто сообразно съ установившимся обычаемъ на востокѣ, хотя уже рано, именно во времена Климента Александрійскаго, приводились въ пользу такого смѣшенія таинственныя основанія, и мнѣніе о его необходимости утвердилось впослѣдствіи 2). Предъ освященіемъ читались изъ диптиховъ имена тѣхъ, которыя дѣлали приношенія, а также и тѣхъ святыхъ, или умершихъ членовъ церкви, которые заслуживали особеннаго воспоминанія, и хотя обычай чтенія такихъ списковъ впослѣдствіи былъ оставленъ вслѣдствіе того, что эти списки получили слишкомъ большой объемъ, однако сдѣлалось обычнымъ вносить въ диптихи имена государей, патріарховъ и сосѣднихъ епископовъ, въ знакъ христіанскаго дружества 3).

Евхаристія сначала предшествовалась, но въ позднѣйшее время обыкновенно сопровождалась агапой или вечерей любви. Матеріалы для нея приносились членами общины, сообразно съ средствами каждаго; всѣ, какого бы званія ни были, въ знакъ своего духовнаго братства садились за эту вечерю какъ равные, и вечеря заканчивалась псалмопѣніемъ и молитвой 4). Вскорѣ однако же оказалось (какъ даже свидѣтельствуютъ объ этомъ апостольскія посланія), что идеальный характеръ этой вечери подвергся прискорбному извращенію въ дѣйствительности. Въ совершеніи ея явилась опасность излишка и себялюбія, такъ какъ у болѣе богатыхъ христіанъ явилось искушеніе или „стыдиться“ 5) своихъ болѣе бѣдныхъ собратій, или, подъ болѣе тонкой формой зла, величаться надъ остальными своею щедростью въ приношеніи даровъ и снисхожденіемъ къ бѣднымъ собратьямъ. Оказалось также, что тайное совершеніе такихъ вече-

---

1) *Just. Mart.* Apol. I, 65, 67; *Tertul.* Apol, 39.

2) *Clem. Alex.* Paedag. II, 2, p. 177. Cypr. Ep. 63.

3) Suicer подъ словомъ δίπτυχα; Giesel. I, 1, 378.

4) *Tertul.* Apol. 39 ad Martyres 2; Chrysost. in 1 Cor. Hom. 27.

5) 1 Кор. XI, 22; *Clem. Alex.* Paedag., II, I, p. 165.; Chrysost. l. c.

рей способствовало къ возбужденію подозрѣній среди язычниковъ, такъ что оно дало поводъ къ возникновенію народной молвы о ѳіестейскихъ пиршествахъ и другихъ мерзостяхъ. Вслѣдствіе этого, агапа сначала была отдѣлена отъ таинства евхаристіи и затѣмъ совершенно оставлена. Въ IV столѣтіи были постановлены особыя правила противъ собраній, носящихъ такое названіе, но они совершенно отличны были отъ тѣхъ, которымъ оно давалось въ болѣе раннія времена.

Съ теченіемъ времени и вѣроятно съ цѣлью обезоружить подозрительность язычниковъ, совершеніе евхаристіи было перенесено съ вечера на утро, когда оно было присоединено къ богослуженію, обыкновенно и раньше совершавшемуся утромъ 1). Отсюда возникло различіе между частями соединеннаго богослуженія. Первая часть—„литургія оглашенныхъ“ 2)—открыта была для бѣсноватыхъ, оглашенныхъ, кающихся и въ IV столѣтіи даже для еретиковъ, іудеевъ и язычниковъ 3); между тѣмъ какъ къ совершенію св. Таинъ—къ „литургіи вѣрныхъ“—не допускался никто, кромѣ тѣхъ, которые уже были крещены и находились въ полномъ общеніи съ церковью. Это раздѣленіе богослуженія вѣроятно вполнѣ установилось еще до времени Тертулліана, такъ какъ онъ порицалъ маркіонитовъ за ихъ пренебреженіе къ такому дѣленію 4).

Въ самыя раннія времена церкви евхаристійное „преломленіе хлѣба“ совершалось ежедневно; но пылъ благочестія, при которомъ возможно было такое совершеніе, скоро прошелъ, и совершеніе евхаристіи обыкновенно ограничивалось воскреснымъ днемъ. Въ Африкѣ мысль о необходимости ежедневнаго причащенія (на что, будто бы, указывалось прошеніемъ о „хлѣбѣ насущномъ“) привела къ обычаю уносить домой части освященнаго хлѣба и ѣсть его по кусочку каждый день предъ отправленіемъ на ежедневныя занятія. Такъ отдѣльные христіане, по предположенію, могли свидѣтельствовать и подерживать единеніе съ своими братьями повсюду, и изъ этого частнаго употребленія одного изъ элементовъ причащенія безъ другаго, повидимому, и возникло одно изъ самыхъ непростительныхъ извращеній въ позднѣйшей латинской церкви 5). Такъ какъ евхаристія считалась главнымъ знакомъ и главною связью христіанскаго общенія, то причащеніе считалось обязательнымъ для

---

1) См. *Tert.* de Corona, 3; Cypr. Ep. LXIII, 15, 16.

2) Missa cathechumenorum. Слово missa (=missio) указываетъ на отпущеніе различныхъ классовъ при различныхъ частяхъ богослуженія.

3) Giesel. I, II, 293—4. См. прав. 84 четвертаго собора Карѳагенскаго, 398 г.

4) *Tert.* de Praescr. 41.

5) *Tert.* ad Uxor. II, 5. Обычай брать евхаристическій хлѣбъ отъ священника, безъ потребленія его въ церкви, впослѣдствіи былъ осужденъ. Conc. Caesaraug I, 380 г. с. 3; Conc. Tolet. I, 400 г. с. 14.

всѣхъ членовъ церкви, исключая тѣхъ, которые лишены были этого права церковными постановленіями. Всѣ поэтому присутствовавшіе при совершеніи таинства причащались, и части святыхъ таинъ оставлялись для больныхъ и для заключенныхъ въ темницахъ, которымъ они разносились діаконами послѣ окончанія общественнаго богослуженія [1]).

6. Хотя, по духу христіанской жизни, всякое время считается посвященнымъ Господу, однако же чувствовалась необходимость, чтобы человѣкъ въ своей немощи былъ руководимъ и воспитываемъ при посредствѣ назначенія особыхъ дней, какъ болѣе пригодныхъ для совершенія въ нихъ религіозныхъ торжествъ [2]). Отсюда же съ самаго начала церкви мы находимъ слѣды особеннаго почтенія, оказываемаго первому дню недѣли. Особое освященіе одного дня изъ семи естественно представлялось по сходству съ древней субботой. Первый изъ семи дней былъ избранъ апостолами въ воспоминаніе возстанія ихъ Учителя изъ гроба, съ чѣмъ вмѣстѣ соединялось и воспоминаніе о твореніи [3]). Въ этотъ день вѣрующіе апостольскаго вѣка сходились на собраніе; они праздновали его молитвой, псалмопѣніемъ, проповѣдью, совершеніемъ евхаристіи и сборомъ на нужды церкви, и, согласно съ ихъ примѣромъ, день этотъ повсюду проводился въ теченіе первыхъ столѣтій какъ день святой радости [4]) и благодаренія. Всякій постъ въ теченіе его былъ запрещенъ; на собраніи во время молитвы вѣрующіе стояли, а не преклонялись, какъ въ другіе дни [5]). Первое свидѣтельство о прекращеніи мірскихъ занятій въ день Господень встрѣчается у Тертулліана [6]), который, однако же, старался (какъ и древніе христіанскіе писатели вообще) дѣлать различіе между днемъ Господнимъ и ветхозавѣтной субботой.

Въ воспоминаніе о предательствѣ Спасителя на распятіе, четвертый и шестой дни каждой недѣли освящались постомъ, чрезъ воздержаніе отъ пищи до того часа, въ который Онъ испустилъ духъ, то есть до девятаго часа или, по нашему, до трехъ часовъ пополудни. Въ способѣ соблюденія седьмаго дня восточная церковь различалась отъ западной. На востокѣ, подъ вліяніемъ сосѣдства іудеевъ, а также и воззрѣній іудейскихъ обращенцевъ, воскресный день считался продолженіемъ Моисеевой субботы, и она праздновалась почти также, какъ и день Господень; между тѣмъ какъ ихъ собратья на западѣ распространяли на нее постъ предъидущаго дня [1]. Согласно примѣру древнѣйшей церкви, первые христіане назначали извѣстныя времена для ежегодныхъ воспоминаній о великихъ событіяхъ въ исторіи искупленія. Изъ этихъ событій главнымъ была Пасха, во время которой воспоминалось какъ распятіе, такъ и воскресеніе. Празднику воскресенія предшествовалъ торжественный постъ, хотя относительно продолжительности его обычай разнообразился. Ириней свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые имѣли обычай поститься одинъ день, другіе два дня, нѣкоторые болѣе, а нѣкоторые сорокъ. Но нужно ли понимать сорокъ въ смыслѣ дней или часовъ,—это вопросъ спорный. Во всякомъ случаѣ, соблюденіе поста было еще добровольнымъ, исключая дня распятія [2].

---

[1]) *Just. Mart.* Apol. i, 65, 67.

[2]) *Clem. Alex.* Strom. vii, 7, pp. 851, 854; Orig. c. Cels. viii, 22—3.

[3]) *Just. Mart.* Apol. i, 67.

[4]) *Tert.* Apol. 16.

[5]) *Tert.* De Corona, 3.

[6]) De Oratione, c. 23.

Все послѣ-пасхальное время, отъ Пасхи до Троицы, считалось праздникомъ; какъ и по воскреснымъ днямъ, народъ молился стоя, и всякій постъ былъ запрещенъ [3]. Самая Пятьдесятница совершалась съ особенною торжественностью, и въ теченіе III столѣтія день вознесенія началъ особенно выдѣляться среди остальныхъ дней этого времени [4].

Рожденіе Спасителя, повидимому, праздновалось въ Римѣ 25 декабря; восточная церковь (подобно василидіанамъ) праздновала шестой день января въ память Богоявленія,—подъ которымъ разумѣлось выступленіе Христа въ качествѣ Мессіи при Его крещеніи, и когда, съ теченіемъ времени, воспоминаніе о рожденіи проникло и въ нѣкоторыя части востока, то оно соблюдалось тамъ въ тотъ же самый день, такъ какъ предполагалось, что слова евангелія Луки (III, 23) указываютъ на то, что крещеніе совершилось въ годовщину рожденія. Усвоеніе праздника Богоявленія на западѣ (гдѣ вмѣстѣ съ предметомъ воспоминанія этого древняго восточнаго праздника связывалось и воспоминаніе о другихъ событіяхъ евангельской исторіи, вытѣснившее наконецъ первое) и отдѣльное празднованіе воскреснаго дня на востокѣ относятся къ IV столѣтію.

Въ честь мучениковъ уже очень рано совершались религіозныя поминовенія, какъ это видно изъ посланія, написаннаго отъ имени церкви смирнской, по случаю смерти св. Поликарпа [5]. Въ годовщину страданія мученика (которая называлась его natalitia [6]) или день рожденія, какъ день вступленія въ лучшую жизнь) происходило на мѣстѣ его погребенія собраніе, часто въ подземной катакомбѣ или пещерѣ; читались дѣянія о его страданіяхъ, и братья увѣщевались къ подражанію его добродѣтелямъ; возносилась молитва, совершалась евхаристія съ особеннымъ вознošеніемъ благодаренія за мученика, и все это торжество сопровождалось иногда агапой 1). Но хотя скоро возникло вѣрованіе, что заступничество мучениковъ имѣло отчасти такое же значеніе для открытія царства небеснаго, какъ и то заступничество, которое признавалось за ними въ дѣлѣ допущенія кающихся къ общенію въ земной церкви, причемъ оно, по предположенію, давало какъ прощеніе, такъ и благодать своимъ собратьямъ, находившимся еще во плоти; хотя Оригенъ даже приписываетъ смерти мучениковъ искупляющее значеніе, сродное съ искупляющимъ значеніемъ жертвы самого Спасителя, однако же они, подобно остальнымъ отшедшимъ вѣрующимъ, считались еще не совсѣмъ вступившими въ совершенное блаженство небесное.

---

[1] Socr. v, 22; Sozom. vii, 19.

[2] Iren. ap. Euseb. v, 24; Tert. de Orat., 18. о великомъ постѣ см. Socrat, v, 22; Sozom. vii, 19; Suicer, подъ словомъ νηστεία.

[3] Iren. Fragm. i, 828; *Tert.* de Cor. 3; de Jejun. 14.

[4] Самое раннее упоминаніе о немъ находится въ Апост. Пост. (v, 19; viii, 33).

[5] С. 17, 19; Giesel. i, i, 246—7.

[6] Языческіе греки употребляли слово γενέσια для обозначенія празднованія годовщины въ честь мертвыхъ. См. Herod. iv, 29.

Богослуженіе въ память отшедшихъ родственниковъ обыкновенно совершалось въ годовщины ихъ смерти. Живые родственники собирались на ихъ могилы, совершалась евхаристія, полагалось на алтарь приношеніе за умершаго, вмѣстѣ съ приношеніями живыхъ, и его имя упоминалось въ молитвѣ съ желаніемъ ему вѣчнаго упокоенія.

7. Совершеніе тяжкаго преступленія въ жизни или впаденіе въ заблужденіе въ ученіи наказывалось отлученіемъ отъ общенія церкви, и съ цѣлью получить возможность быть допущенными вновь, виновные должны были проходить предписанный порядокъ покаянія. Правила касательно продолжительности и способа этого покаянія были различны въ различныя времена и въ различныхъ вѣтвяхъ церкви; совершеніе его главнымъ образомъ находилось въ рукахъ епископовъ, которымъ предоставлялась свобода руководиться своимъ собственнымъ соображеніемъ при каждомъ случаѣ, принимая во вниманіе не только поведеніе кающагося во время особенной дисциплины, но и всю его жизнь и его характеръ 2). Допущеніе къ церковному общенію послѣ тягчайшихъ грѣховъ, въ родѣ убійства, прелюбодѣянія и идолопоклонства, предоставлялось крещенному только однажды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вся жизнь обрекалась на покаяніе, въ нѣкоторыхъ общеніе не давалось даже въ часъ смерти 3), хотя отказъ этотъ не означалъ, чтобы грѣшникъ совершенно лишался божественнаго прощенія. За церковью въ эти вѣка не признавалось какихъ либо особыхъ правъ кромѣ предписанія средствъ,

---

1) О св. Григоріѣ чудотворцѣ разсказывается, что онъ ввелъ воспоминаніе мучениковъ въ своей церквви съ цѣлью вознаградить своихъ обращенцевъ за лишеніе языческихъ празднествъ. *Greg. Nisc.* Vita S. Greg. Taumath. (Opera, II, 1007).

2) Conc. Ancyr. 314 г. с. 5.

3) Напр. Conc. Illiber. 305 г. с. 1, 2, 7 и проч. См. Nat. Alex. VI, 156 и слѣд.

которыми лучше всего можно было бы располагать душу грѣшника къ испрошенію милосердія Божія; Кипріанъ, Фирмиліанъ и другіе отцы и учители тщательно предостерегаютъ противъ опаснаго предположенія, что церковное отпущеніе можетъ предвосхищать приговоръ послѣдняго страшнаго суда 1). Споры, возникшіе въ Римѣ и Карѳагенѣ вслѣдствіе гоненія при Деціѣ, представляютъ обильныя доказательства ходячей склонности къ заблужденію въ этомъ отношеніи. Затрудненія, создававшіяся въ вопросѣ объ образѣ дѣйствія въ отношеніи къ падшимъ, привели къ установленію въ нѣкоторыхъ церквахъ особыхъ покаянныхъ священниковъ, на обязанности которыхъ было частно выслушивать исповѣдь преступниковъ и руководить ихъ въ дѣлѣ ихъ покаянія 2). И къ концу III столѣтія система эта была затѣмъ организована раздѣленіемъ кающихся на четыре класса, каждый изъ которыхъ отмѣчалъ особенную ступень въ покаяніи и имѣлъ особое мѣсто, назначавшееся членамъ его во время богослуженія 3).

8. Въ церквахъ древнихъ христіанъ не было никакихъ изображеній или картинъ 4), самая связь искусства живописи съ языческой религіей и съ нравственной нечистотой язычества считалась основаніемъ противъ употребленія его въ священныхъ предметахъ 5). Но мало по малу искусство это проникло и въ церковь. Вмѣсто изображеній или эмблемъ боговъ, которыми язычники украшали свои дома, свою мебель, свои чаши и свои печати, христіане стали употреблять иносказательныя изображенія, какъ напр. пастуха, несущаго ягненка на своихъ плечахъ, съ указаніемъ на Христа, какъ „добраго Пастыря“ 6); голубя, какъ символа Св. Духа; корабля, означающаго церковь; ковчега спасенія, плывущаго къ небесамъ; рыбы, которая своимъ существованіемъ въ водѣ давала намекъ на крещеніе, причемъ буквы, составлявшія ея греческое названіе, могли быть истолкованы въ смыслѣ указанія на Спасителя 7); лиры или якоря, какъ образовъ христіанской радости и надежды 8). Рядомъ съ этими символами были приняты даже и разныя языческія эмблемы, какія только можно было истолковывать въ

---

1) Firmil. ad Cypr. (Cypr. Ep. 75), § 4; Cypr. Ep. LV, 18; De Lapsis. 17.

2) Socrat, V, 19; Sozom. VII, 16.

3) Эти четыре класса были слѣдующіе: 1) flentes, плачущіе, 2) audientes, слушающіе, 3) genuflectentes или substrati, то есть, колѣнопреклоненные, и 4) consistentes, то есть, стоящіе вмѣстѣ.

4) Оригенъ говоритъ, что картины употреблялись у офитовъ. C. Cels, VII, 4.

5) Minuc. Fel., 10, 32; Suicer, подъ словомъ Εἰκών.

6) См. *Tert.* de Pudit. 7, 10.

7) Такъ какъ слово ἰχθύς (рыба) состоитъ изъ первыхъ буквъ словъ Ἰησοῦς Χριστὸς, Θεοῦ Υἱὸς, Σωτήρ (Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель).

8) *Clem. Alex.* Paedag. III, 11, p. 289.

христіанскомъ смыслѣ, напр. лоза Вакха и фениксъ [4]). Такъ и Спаситель изображался иногда въ видѣ Орфея, Аполлона или (въ смыслѣ „добраго Пастыря“) Меркурія; Тезей, убивающій Минотавра, означалъ напр. побѣду Давида надъ Голіаѳомъ. Вообще символизмъ даже въ римскихъ катакомбахъ, скрытыхъ отъ глазъ язычниковъ, преобладалъ надъ попыткой буквальныхъ изображеній, и идеи Новаго Завѣта обыкновенно изображались подъ подобіемъ Ветхаго, такъ что напр. исторія пророка Іоны служила образомъ воскресенія; Моисей, источающій воду изъ скалы, символизировалъ воды крещенія. Даже изъ евангельской исторіи символы брались предпочтительно предъ болѣе прямыми изображеніями. Такъ яденіе чудесно умноженныхъ хлѣбовъ и рыбъ означало евхаристію, и быть можетъ раннія изображенія воскрешенія Лазаря, въ которыхъ онъ изображается ребенкомъ, справедливо истолковываются въ смыслѣ духовнаго возстанія отъ смерти грѣха въ крещеніи [2]). Внѣшнихъ изображеній лика Спасителя повидимому еще не было [3]), да и вообще внѣшній видъ Его, въ противоположность обаятельной красотѣ языческихъ боговъ и на основаніи своеобразнаго пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ въ пророчествахъ о Мессіи, признавался ниже обыкновеннаго человѣческаго вида [4]), и первыя изображенія его встрѣчаются не среди православныхъ христіанъ, но среди карпократіанъ и въ эклектическомъ язычествѣ Александра Севера [5]).

Къ этому же времени относится религіозное употребленіе изображеній креста. По свидѣтельству Тертулліана [6]), у древнихъ христіанъ было въ обычаѣ часто знаменовать свое чело крестнымъ изображеніемъ при различныхъ случаяхъ своей ежедневной жизни.

IV. Нравственный характеръ христіанъ.—Аскетизмъ.—Безбрачіе.

Такъ какъ христіане первыхъ вѣковъ принимали евангеліе съ опасеніемъ навлечь на себя многія жертвы и страданія, то естественно ожидать, что жизнь ихъ вообще отличалась серьезнымъ стараніемъ осуществлять свое святое призваніе. Такою она и была вообще, хотя состояніе церкви съ самаго начала подтверждало собою истину тѣхъ пророческихъ притчей, въ которыхъ она изображалась

---

[1]) De Rossi. Roma Sotter. ii, 313—4.

[2]) De Rossi, ii, 331, 336—44,

[3]) См. *Aug.* de Trinit. viii, 4, 8 (Patrol. xliii),

[4]) Ис. lii, 14; liii, 2; *Just.* Dial. c. Tryph, 14, 88; *Clem. Alex.* Paedag. iii, 1; Strom., iii, 17. p. 559; vii, 16, p. 818; *Tert.* De Carne Christi, 9.

[5]) См. выше, стр. 86. Iren. I, xxv, 6; Hyppol. vii, 32.

[6]) De Corona, 3.

содержащею въ себѣ примѣсь злыхъ членовъ къ добрымъ. Апологеты, признавая многіе недостатки среди своихъ собратьевъ, однако же всегда имѣли возможность указать на рѣзкую противоположность между жизнью христіанъ и крайнимъ упадкомъ языческой нравственности, въ доказательство силы евангелія [1]). И нѣтъ надобности искать болѣе сильнаго доказательства этой противоположности, какъ то обстоятельство, что философы, предпринимавшіе трудъ возродить языческую систему, съ цѣлью остановить распространеніе новой религіи, находили нравственное преобразованіе не менѣе необходимымъ, чѣмъ и преобразованіе ходячихъ доктринъ язычества.

Болѣе всего поражала язычниковъ, стоявшихъ внѣ церкви, взаимная любовь христіанъ,—та любовь, которая, въ своемъ безкорыстномъ сочувствіи ко всѣмъ людямъ, была чѣмъ то совершенно новымъ для язычниковъ [2]). Ихъ попеченіе о бѣдныхъ, престарѣлыхъ, вдовахъ и сиротахъ общины; ихъ братское служеніе собратьямъ, вверженнымъ за вѣру въ темницы; ихъ доброта къ рабамъ, которыхъ древній міръ считалъ простыми одушевленными орудіями [3]), причемъ евангеліе, не вмѣшиваясь въ разность общественнаго положенія, однако же возвышало раба на уровень духовнаго братства съ его господиномъ и напоминало господину, что онъ также искупленный рабъ Христа; щедрые дары, посылавшіеся изъ одной страны въ другую для облегченія отъ постигавшаго бѣдствія; сборы, производившіеся съ цѣлью освобожденія плѣнныхъ; система одобрительныхъ писемъ [4]), которыя не только обезпечивали христіанамъ допущеніе къ духовнымъ преимуществамъ въ каждой церкви, въ какую только они ни приходили, но и давали имъ право на благотворительность и добрыя услуги ея членовъ,—таковы были нѣкоторые изъ признаковъ, въ которыхъ особенно проявлялся духъ христіанской любви. Но въ то время, какъ всѣ эти проявленія любви оказывали свое должное вліяніе на многихъ, въ качествѣ свидѣтельства вѣры, которая могла производить такіе плоды, они въ то же время вѣроятно сдѣлались однимъ изъ средствъ привлеченія недостойныхъ обращенцевъ изъ нуждающихся классовъ, надѣявшихся попользоваться щедростью болѣе богатыхъ собратьевъ. Сила христіанской любви проявлялась съ особеннымъ блескомъ во времена общественныхъ бѣдствій. О благотворительныхъ трудахъ Кипріана и его паствы по случаю язвы въ царствованіе Галла было уже сказано выше[1]). То же самое дѣлали въ то же время Діонисій и церковь Александрійская, и, какъ мы уже видѣли, христіанскій духъ опять благородно проявленъ былъ александрійцами во время голода и язвы при Максиминѣ[2]).

---

[1]) Напр. Ep. ad Diognet. 5; Athenagor. Legat. 33—6; Theophil. ad Autolyc. III 16; Orig. c. Cels. III, 30; VII, 48, 49.

[2]) Она была даже предметомъ насмѣшекъ; такъ представитель язычества у Минуція Феликса говоритъ: „они любятъ себя взаимно почти прежде, чѣмъ узнаютъ другъ друга“ и проч. (с. 9). Ср. Tert. Apol. c. 39.

[3]) Arist. Eth. Nicom. VIII, 13.

[4]) Litterae formatae. См. Herzog, подъ этими словами (Patrol. XI).

Христіане сознавали, что въ своей обычной жизни они должны чѣмъ нибудь отличаться отъ язычниковъ. Нѣкоторыя занятія были для нихъ совершенно запрещены, какъ напр. занятія прорицателей, актеровъ, гладіаторовъ, наѣздниковъ и дѣлателей изображеній[3]). Отъ обращенца, занимавшагося какимъ нибудь подобнымъ ремесломъ, требовалось оставить его прежде допущенія его къ крещенію, и пока онъ не въ состояніи былъ найти себѣ какое нибудь другое средство содержанія, онъ пользовался содержаніемъ изъ имущества церкви. Св. Кипріанъ строго осуждалъ христіанина, который, будучи раньше актеромъ, старался добывать средства жизни даваніемъ уроковъ своего прежняго искусства[4]). Посѣщеніе театровъ было запрещено не только вслѣдствіе первоначальной связи между драмой и языческой религіей или частыхъ оскорбленій приличія и нравственности, совершавшихся во время представленія на сценѣ, но также и потому, что трата времени на такія легкомысленныя увеселенія считалась несовмѣстимою съ духовною жизнью. Ходили разсказы о наказаніи, постигавшемъ лицъ, которыя осмѣлились преступать это правило; такъ, Тертулліанъ разсказываетъ, что одна женщина, ходившая въ театръ, возвратилась домой бѣсноватою, и что злой духъ, будучи укоренъ заклинателемъ за нападеніе на вѣрующую, отвѣчалъ, что онъ имѣлъ право сдѣлать это, такъ какъ онъ встрѣтилъ ее на своей собственной почвѣ. Игры въ циркѣ, гладіаторскія зрѣлища и борьба съ дикими звѣрями были также запрещены. Нѣкоторые христіане, какъ мы знаемъ изъ Тертулліана, пытались утверждать, что такія запрещенія не оправдываются св. Писаніемъ; но великій африканецъ съ жаромъ поносилъ подобную казуистику, старавшуюся ослабить строгость церковныхъ законовъ[5]).

Сознаніе обязанности отличаться отъ язычниковъ, служа оплотомъ для добродѣтелей многихъ христіанъ, въ то же время было не безъ опасности въ другихъ отношеніяхъ. Оно иногда дѣлалось искушеніемъ къ узкому, самодовольному и презрительному духу, побуждало къ излишней и оскорбительной выставкѣ различій, способствовало чрезмѣрному восхваленію простыхъ внѣшнихъ отличій и дѣйствій, какъ въ отношеніи ихъ необходимости, такъ и важности. Отсюда возникло крайнее почтеніе къ исповѣдничеству и мученичеству, безъ достаточнаго вниманія къ характеру и побужденіямъ страдающихъ. Отсюда также вышла система чрезвычайной суровости и отверженія нѣкоторыми всего, что считалось законнымъ для массы вѣрующихъ. Уже въ началѣ II столѣтія среди христіанъ было не мало аскетовъ, которые налагали на себя обязательство особенной строгости въ жизни, но безъ какихъ либо постоянныхъ или неотмѣняемыхъ обѣтовъ. Что церковь однако же была въ это время не расположена придавать излишняго значенія такимъ упражненіямъ, можно выводить изъ того свидѣтельства, что когда одинъ изъ ліонскихъ мучениковъ, Алкивіадъ, пытался продолжать въ темницѣ свой обычай жить только на хлѣбѣ и водѣ, то его сотоварищъ по темницѣ Атталъ получилъ въ видѣніи порученіе предостеречь его отъ отреченія отъ творенія Божія, чѣмъ онъ могъ приводить въ смущеніе своихъ собратьевъ, вслѣдствіе чего Алкивіадъ и сталъ принимать обычную пищу [1]. Мало по малу аскетическая жизнь преобразовалась въ цѣлую систему, особенно когда въ церкви усилилось вліяніе платонизма, привнесшаго съ собою общую въ восточныхъ религіяхъ идею достиженія подобія божественнаго покоя возвышеннымъ удаленіемъ отъ мірскихъ вещей. Въ то время какъ обыкновеннымъ вѣрующимъ позволялось предаваться обычнымъ мірскимъ занятіямъ, болѣе возвышенные духомъ люди должны были посвящать себя молитвѣ и размышленію, и въ странахъ, гдѣ впервые признано было такое дѣленіе, вліяніе климата много содѣйствовало предпочтенію созерцательной жизни надъ дѣятельною.

---

[1]) См. выше, стр. 112 и 113.

[2]) См. выше, стр. 138.

[3]) Напр. Апост. Пост. VIII, 32; Cons. Illib. 305 г. с. 65.

[4]) Разсказываютъ, что актеръ, по имени Геласинъ, будучи въ бѣломъ одѣяніи, былъ брошенъ своими сотоварищами въ ванну, въ насмѣшку надъ крещеніемъ, и что выходя изъ нея, онъ объявилъ, что онъ обратился къ христіанству вслѣдствіе видѣнія, бывшаго ему въ самый моментъ его погруженія. Онъ отказался вновь выступить на сцену и вслѣдствіе этого до смерти побитъ былъ каменьями чернью. Chron. Pascal. 297 г. Ср. разсказъ о св. Генесіѣ, Acta. SS. Aug 25, p. 123.

[5]) De Spectac. 3 и слѣд.

Въ теченіе II столѣтія образовались уже цѣлыя общества людей, желавшихъ жить и подвизаться вмѣстѣ, подъ одними религіозными правилами. Нѣкоторые изъ нихъ, считая даже такое общеніе слишкомъ развлекающимъ, удалялись въ полное уединеніе; и въ третьемъ столѣтіи такіе отшельники или пустынники удалялись все болѣе отъ человѣческихъ обитаній для того, чтобы похоронить себя въ самыхъ дикихъ и недоступныхъ пустыняхъ. Павелъ александрійскій, какъ было упомянуто выше, удалился въ пустыню во времи Деціева гоненія. Объ Антоніѣ, самомъ знаменитомъ изъ отшельниковъ, хотя его ранняя жизнь падаетъ на этотъ періодъ, удобнѣе будетъ сказать послѣ [2].

---

[1] Euseb. v, 3.

[2] См. II, VI, отд. 4.

Безбрачное состояніе считалось выше брачнаго; но не легко опредѣлить, насколько увѣщанія къ безбрачной жизни основывались на ея преимуществахъ только во времена бѣдствій или на ея большей свободѣ отъ опасности общенія съ языческимъ міромъ, и насколько они показываютъ убѣжденіе въ ея превосходствѣ по существу. Когда однако же это превосходство было преувеличено различными 'сектантами настолько, что они стали набрасывать тѣнь на самую святость брака, то члены церкви ревностно опровергали такія мнѣнія [1]). Нѣкоторые находили также, что безбрачіе не всегда было достаточнымъ обезпеченіемъ противъ искушеній міра сего. Такъ, Тертулліанъ въ періодъ своего монтанизма дѣлалъ серьезныя обличенія противъ характера и побужденій нѣкоторыхъ изъ дѣвственницъ африканской церкви [2]), и Кипріанъ находилъ себя обязаннымъ писать противъ суетности одежды и особенной поступи, которыми выдѣлялись дѣвственницы той же церкви въ его время [3]). Кромѣ того, при запрещеніи или отверженіи законнаго сожитія половъ, на мѣсто его иногда возникали и тяжкіе пороки [4]).

Безбрачная жизнь мало по малу стала считаться особенно приличною духовенству; но на него въ этомъ отношеніи еще не возлагалось никакого обязательства, хотя уже и можно замѣчать въ теченіе этого періода развитіе ограниченія. Такъ, хотя изъ обличеній Тертулліана явствуетъ, что духовенство его времени часто вступало даже во вторые браки [5]), мы видимъ, что соборъ Елвирскій столѣтіе спустя постановлялъ, чтобы епископы, священники, діаконы и даже низшее духовенство жили съ своими женами какбы не брачные [6]). Строгость этого правила однако же превосходила общее воззрѣніе вѣка. Другія постановленія около того же самаго времени запрещаютъ бракъ для членовъ высшаго духовенства, но не вмѣшиваются въ брачныя отношенія тѣхъ, которые вступили въ бракъ до своего посвященія въ діаконство [7]).

---

[1]) Напр. *Clem. Alex.* Strom. ш, 6; Aug. c. Faust. xxx, 6.

[2]) De Veland. Virg. 14.

[3]) De Habitu Virginum.

[4]) См. Cypr. Ep. 4—касательно сожительства духовенства съ дѣвственницами церкви.

[5]) Онъ говоритъ объ этомъ обычаѣ не только какъ о противномъ Писанію и Апостольскимъ постановленіямъ, но и какъ объ отступленіи отъ системы, которую онъ помнилъ самъ—„usque adeo quosdam memini digamos loco deectos“ (De Exhort. Castid. c. 7).

[6]) С. 33. См. Herzog, ст. „Elvira“.

[7]) Giesel. ı, ı, 405. Десятымъ правиломъ собора Анкирскаго 314 г. постановляется, что лицамъ, которыя, при своемъ посвященіи въ діаконы, заявляютъ о намѣреніи вступить въ бракъ, должно быть позволено это, но что такія, которыя вступаютъ въ бракъ безъ предварительнаго заявленія объ этомъ правѣ, должны быть лишены своего сана. Пятое апостольское правило запрещаетъ епископамъ, священникамъ или діаконамъ оставлять своихъ женъ подъ предлогомъ религіи.

Признаніе различія между высшею и низшею христіанскою жизнью было опасно не только потому, что оно давало поощреніе послабленію жизни въ массѣ (такъ что учители церкви часто должны были опровергать извиненія грѣховной жизни, высказывавшіяся на такихъ основаніяхъ), но также и потому, что оно давало искушеніе гордости и самодовольству тѣхъ, которые вступали въ болѣе возвышенную жизнь. Однако же какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, хотя мы и можемъ видѣть въ первые три вѣка зародышъ заблужденій и связанныхъ съ ними бѣдствій, которыя впослѣдствіи, къ несчастью, сдѣлались преобладающими, появленіе ихъ пока еще было только именно въ зародышѣ. Отсюда мы, замѣчая зло, которое проглядываетъ въ идеяхъ и обычаяхъ того древняго времени, въ то-же время можетъ съ должнымъ благоговѣніемъ относиться къ тѣмъ святымъ мужамъ, которые были сторонниками или распространителями такихъ идей или обычаевъ безъ всякаго подозрѣнія къ возможности развитія изъ нихъ золъ. Разумный христіанинъ никогда не долженъ забывать, что въ опытѣ минувшихъ вѣковъ провидѣніе снабжаетъ его наставленіемъ и предостереженіемъ, которыхъ еще не имѣла первобытная церковь. Онъ долженъ помнить, что при составленіи своихъ собственныхъ мнѣній и при руководствѣ своею собственною жизнью онъ обязанъ принимать во вниманіе доказанные результаты того, что̀ впервые было введено какъ средство къ дальнѣйшему развитію благочестія. Считая своею обязанностью противодѣйствовать всякому чувству, которое можетъ повести его къ превозношенію себя надъ ранними и болѣе простыми временами, онъ однако же съ надлежащимъ сознаніемъ отвѣтственности за употребленіе предоставленныхъ ему средствъ сужденія, долженъ стараться полагать различіе, при свѣтѣ св. Писанія и исторіи, не только между безусловною истиною и вполнѣ развившеюся ложью, но и между здоровыми и опасными тенденціями, и опредѣлить границу, на которой оканчивается законное усовершенствованіе и начинается извращеніе.

КНИГА ВТОРАЯ.

Отъ Константина Великаго до смерти Ѳеодосія Великаго.

313 — 395 г.

ГЛАВА IX.

Константинъ Великій. — Донатизмъ. — Аріанство.

313—337 г.

ЧТОБЫ императоры Рима когда-либо сдѣлались христіанами, самую мысль объ этомъ Тертулліанъ нѣкогда считалъ такою, которая заключала въ себѣ крайнюю несообразность и невозможность, но вотъ настало время, когда она должна была осуществиться [1].

Константинъ, вѣроятно, воспитанъ былъ въ религіи своего отца, которая повидимому была эклектической системой, основанной на вѣрѣ въ единаго верховнаго Бога. Нѣкоторые годы его юности прошли при дворѣ Діоклитіана и Галерія въ качествѣ заложника [2]. Находясь въ такомъ положеніи, онъ имѣлъ возможность наблюдать обманы, которыми языческое жречество старалось вліять на душу императора, и былъ свидѣтелемъ изданія гонительскаго указа въ Никомидіи и слѣдовавшихъ за нимъ ужасовъ [3].

---

[1] Сказавъ, что Пилатъ былъ „въ своей совѣсти уже христіанинъ“, и разсказавъ исторію Спасителя Тиверію, онъ продолжаетъ: „sed et Caesares credidissent, si aut Caesares non essent saeculo necessarii, aut si et Christiani potuissent esse Caesares“. Apol. 21.

[2] *Euseb.* De Vita Const. 19; De Mort. Persec. 19, 24, прим. въ Patrol. vii, 338, 507.

[3] Const. Oratio ad Sanctorum Coelum c. 25, въ приложеніи къ „Жизни Константина“ у Евсевія.

Будучи провозглашенъ легіонами въ Британіи въ качествѣ преемника своего отца, онъ продолжалъ и расширялъ вѣротерпимость, съ которой Констанцій относился къ христіанамъ [1]; но въ этомъ отношеніи онъ скорѣе руководствовался безразличіемъ и политическими соображеніями, чѣмъ какою либо наклонностью принять ихъ религію. Какова бы ни была его тайная вѣра, онъ продолжалъ участвовать во всѣхъ общественныхъ обрядахъ язычества и провозглашалъ Аполлона своимъ особымъ покровителемъ [2]. 306 г.

Самое критическое событіе въ религіозной исторіи Константина совершилось въ 312 году, когда онъ находился въ походѣ противъ Максентія. Евсевій разсказываетъ [3], что такъ какъ извѣстно было, что этотъ тиранъ приготовлялся къ борьбѣ волшебными и суевѣрными обрядами, то Константинъ чувствовалъ нужду въ сверхъестественной помощи для того, чтобы съ успѣхомъ бороться съ нимъ, и поэтому размышлялъ, какому Богу онъ долженъ поклоняться. Вспомнивъ, какъ его отецъ всегда пользовался благосостояніемъ, между тѣмъ какъ гонители христіанства имѣли бѣдственную кончину, онъ рѣшилъ оставить служеніе идоламъ и молился Богу Констанція, единому, верховному существу, и когда онъ занятъ былъ такими мыслями, то увидѣлъ на небѣ, вскорѣ послѣ полудня, лучезарный крестъ, съ надписью на немъ: „симъ побѣдиши“ [4]. Будучи пораженъ видѣніемъ, императоръ впалъ въ глубокій сонъ, и тогда къ нему явился Спаситель, и держа въ Своей рукѣ тотъ же символъ, который показанъ былъ на небѣ, повелѣвалъ ему употреблять его какъ знамя на войнѣ, и далъ увѣренность въ побѣдѣ. Пробудившись, Константинъ начерталъ знакъ, который показанъ былъ ему въ сновидѣніи, и съ этого времени его войска дѣлали походы подъ покровительствомъ labarum, т. е. знамени, на которомъ крестъ соединенъ былъ съ первыми буквами имени Искупителя. Затѣмъ императоръ попросилъ и получилъ отъ христіанскаго духовенства наставленіе касательно значенія видѣнія, котораго онъ удостоенъ былъ, и послѣ своей побѣды при Мельвійскомъ мосту, онъ воздвигъ въ Римѣ статую себѣ, держащую въ своей правой рукѣ крестъ, причемъ въ надписи побѣда его приписывалась силѣ этого „спасающаго знамени“ [5].

---

[1] De Mort. Persec. 24.

[2] *Eumenius*, Panygir. ad. Const. c. 21 (Patrol. VIII, 638). Аполлонъ, однако же, считался языческимъ представителемъ Спасителя, такъ что поклоненіе ему могло быть истолковываемо въ эсотерическомъ смыслѣ, или служеніе ему могло быть приготовленіемъ къ принятію евангелія. Giesel. I, I, 270.

[3] De Vita Const. I, 27—32. Сн. De Mort. Persec. 44; Socr. I, 2; Sozom. I, 3

[4] Мѣсто этого видѣнія нѣкоторыми писателями полагается въ Галліи, а другими близъ Рима.

[5] *Euseb.* Hist, Eccles. IX, 9; Vita Const. I, 40.

„Нѣтъ надобности останавливаться на критическомъ разсмотрѣніи этого разсказа, но нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ замѣчаній о немъ. Правильный взглядъ на него можетъ быть составленъ только если мы приступимъ къ его изслѣдованію безъ всякаго предубѣжденія какъ къ нему самому, такъ и вообще къ возможности чудесъ. Осторожность въ отношеніи къ чудеснымъ разсказамъ отнюдь не даетъ намъ права на отрицаніе того, что Господь Богъ, при особенно рѣшительныхъ событіяхъ въ исторіи своей церкви, дѣйствуетъ при управленіи ею и посредствомъ чудесъ. Отвергать этотъ разсказъ, данный императоромъ подъ клятвою на закатѣ своихъ дней, значило бы считать или Евсевія или Константина преднамѣреннымъ лжецомъ, на что рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ самый разсказъ въ моментъ его передачи уже не могъ имѣть какого либо политическаго значенія. Константину не было надобности склонять на свою сторону христіанъ, которые уже со времени его отца стояли на его сторонѣ. Его собственное войско состояло въ большинствѣ изъ варваровъ, и между ними христіане конечно не составляли большинства. На западѣ они вообще составляли меньшинство, а Римъ все еще по преимуществу былъ городомъ языческимъ, въ которомъ менѣе всего можно было пріобрѣсть популярность чрезъ благосклонность къ христіанству. Чисто политическія соображенія поэтому скорѣе должны бы были удержать Константина отъ того шага, который онъ дѣлалъ, такъ какъ онъ, ничего не выигрывая имъ новаго, съ вѣроятностью могъ настроить противъ себя сильную партію язычниковъ. Затѣмъ всѣ указы Константина проникнуты несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что успѣхомъ и благоденствіемъ своего царствованія онъ исключительно обязанъ милости христіанскаго Бога, и это убѣжденіе основывалось бы на воздухѣ, если разсказъ о чудесномъ видѣніи считать лишь простымъ вымысломъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ виду крутаго перелома въ направленіи жизни и дѣятельности Константина, должно было совершиться дѣйствительно что нибудь такое важное, что произвело подавляющее вліяніе на душу императора. Безъ предположенія дѣйствительности видѣнія намъ пришлось бы допустить историческій абсурдъ, что совершившійся при немъ великій историческій переворотъ основывался на простой случайности и суевѣрномъ воображеніи Константина. Здравая историческая критика не допускаетъ такого предположенія. Исторія церкви Христовой есть нѣчто большее, чѣмъ игра случайностей и человѣческаго воображенія. Господь, обѣтовавшій навсегда пребывать съ церковью, соблаговолилъ показать свою всемогущую руку и въ этотъ рѣшительный моментъ ея исторической жизни“ [1]).

---

[1]) См. *Фарраръ*, Первые дни христіанства, русск. изд. 1888 г. стр. 761—764.

Благодѣяніемъ, оказаннымъ христіанамъ указами 312 и 313 годовъ, была вѣротерпимость, а не преимущество ихъ надъ другими религіями; и если мы попытаемся прослѣдить за развитіемъ собственныхъ мнѣній Константина по его актамъ и законодательству [2], то найдемъ много необычайнаго и страннаго въ исторіи его послѣдующихъ лѣтъ. Онъ говорилъ о „божествѣ“ въ неопредѣленныхъ и двусмысленныхъ словахъ. Онъ отмѣнилъ свѣтскія игры, которыя по обычаю, должны бы совершаться въ 314 году, и къ великому негодованію римлянъ отказался принять участіе въ обрядахъ Юпитера Капитолійскаго; покровительствовалъ христіанамъ различными способами, надѣлялъ общины щедрыми дарами и строилъ церкви; ввѣрилъ воспитаніе своего сына Криспа знаменитому христіанскому ритору Лактанцію [3]; много бесѣдовалъ съ епископами, часто дѣлая ихъ собесѣдниками за своимъ столомъ и сотоварищами при путешествіяхъ; вмѣшивался въ дѣло улаженія религіозныхъ споровъ [4]. Въ 313 г. онъ освободилъ православное духовенство отъ декуріоната [5], то есть должности, которая, будучи сначала предметомъ честолюбія, стала вообще считаться стѣснительнымъ бременемъ вслѣдствіе тѣхъ расходовъ, трудовъ и непопулярныхъ обязанностей, которыя связывались съ нею [6]. Такъ какъ оказалось, что вслѣдствіе этого закона многія лица, собственность которыхъ давала имъ право на избраніе въ качествѣ декуріоновъ [7], старались поступить въ низшія степени церкви съ цѣлью добиться подобнаго изъятія, то Константинъ впослѣдствіи повелѣлъ, чтобы ни какое лицо, способное къ избранію въ декуріонатство, не допускалось къ рукоположенію, что духовенство должно избираться изъ болѣе бѣдныхъ членовъ церкви, и что посвящать можно лишь столько, сколько необходимо для восполненія вакантныхъ мѣстъ [8]. Но когда нѣкоторые города попытались возвратить въ первобытное состояніе тѣхъ, которые сдѣлались служителями церкви съ цѣлью избѣжать гражданскихъ обязанностей, то императоръ повелѣлъ, чтобы такія лица, какъ уже посвященныя, оставлены были въ покоѣ [9].

Въ 315 году Константинъ, повидимому, освободилъ земли духо-

---

[1] Fabric. vi, 701—8; Herzog, iii, 132.

[2] Его законы хронологически собраны въ Латинской Patrologia, viii.

[3] *Hieron.* De Viribus Illustr. 80.

[4] *Euseb.* Vita Const. i, 42—4.

[5] *Euseb.* Hist. Eccl. x, 7.

[6] См. законы противъ изъятій и уклоненій, Cod. Theod. xii, tit. 1; Cod. Just. X, xxxi и слѣд.

[7] Для этого требовалось обладаніе 25 акрами земли. Guizot, i, 305.

[8] Cod. Theod. xvi, ii, 3 (320 г.); тамъ же, vi, (326 г.). Первый уставъ этого рода затерянъ.

[9] Patrol. viii, 200.

венства отъ обычныхъ налоговъ, каковое изъятіе было отмѣнено впослѣдствіи [1]). Въ томъ же самомъ году онъ отмѣнилъ распятіе въ качествѣ наказанія [2]), и постановилъ, чтобы іудеи, которые будутъ возбуждать мятежи противъ христіанъ, подвергались сожженію [3]). Въ 316 году онъ допустилъ, чтобы освобожденіе рабовъ, которое доселѣ совершалось предъ гражданскою властью, могло также совершаться въ церквахъ, и съ цѣлью сообщенія популярности этому новому способу онъ освобожденъ былъ отъ многихъ затруднительныхъ формальностей, съ которыми связывался раньше актъ освобожденія. Двумя законами 319 года онъ запретилъ частныя жертвоприношенія и языческое гадательство, и повелѣлъ, чтобы жрецы или гадатели, подъ страхомъ наказанія, не входили въ жилыя помѣщенія для совершенія своего искусства. Но тѣми же самыми законами общественное совершеніе такихъ обрядовъ еще позволялось [4]), и два года спустя, когда совершеніе волшебства со всякою вредною цѣлью было строго запрещено, императоръ самъ еще допускалъ употребленіе волшебныхъ средствъ для тѣлесныхъ исцѣленій или для предотвращенія бурь [5]). Въ 321 году изданъ былъ указъ о всеобщемъ соблюденіи воскреснаго дня. Земледѣльческія работы можно было исполнять, но въ городахъ должна была прекращаться всякая торговля и всякое судебное производство, и даже языческіе воины обязаны были читать въ этотъ день молитву къ верховному Божеству [6]). Въ томъ же году, изъ снисхожденія къ ревности христіанъ къ безбрачію, отмѣнены были старые законы противъ безбрачныхъ лицъ [7]), и другимъ указомъ церкви предоставлено было право получать по завѣщаніямъ, каковое преимущество во всякомъ случаѣ имѣло важное значеніе для ея матеріальнаго благосостоянія [8]).

Но въ отношеніи всѣхъ этихъ постановленій и узаконеній, остается, однако же, сомнительнымъ, насколько они могутъ считаться доказательствомъ личнаго расположенія императора къ христіанству. Отмѣна гражданскихъ игръ и пренебреженіе, оказанное Юпитеру Капитолійскому, могли означать только презрѣніе къ народной религіи. Законы, которыми сообщались преимущества и устранялись стѣсненія, ставили лишь христіанскую общину на одинъ уровень съ язычниками или даже съ іудеями.

---

[1]) Cod. Theod. xi, i, 1.
[2]) Aurel. Victor, 41; Sozom. i, 8.
[3]) Cod. Theod. xvi, viii, 1.
[4]) Cod. Theod. ix, xvi, 1, 2.
[5]) Cod. Theod. ix, xvi, 3.
[6]) Cod. Just. iii, xii, 3, Euseb. iv, 18—20.
[7]) Cod. Theod. viii, xvi, 1; Euseb vi, 26.
[8]) Cod Theod. xvi, ii, 4.

Частныя гаданія, осужденныя Константиномъ, не были собственно частью прежней религіи, но скорѣе составляли извращеніе ея, отмѣны которыхъ могъ желать всякій преобразователь въ интересахъ этой самой религіи; кромѣ того, они возбуждали противъ себя подозрѣніе по политическимъ основаніямъ и поэтому подвергались порицанію уже со стороны Діоклитіана, Тиверія и даже столь древняго документа, какъ законы „двѣнадцати таблицъ“. Мало того, даже законъ о соблюденіи воскреснаго дня, — праздника Солнца или Аполлона, называвшагося по его языческому имени, хотя онъ и имѣлъ свое особое священное значеніе для христіанъ, могъ разсматриваться остальными подданными Константина лишь простымъ прибавленіемъ новаго праздничнаго дня, въ силу первосвященнической власти, которая принадлежала ему, какъ императору.

Чтобы понять политику Константина въ отношеніи къ религіи, мы должны различать въ немъ государя отъ человѣка. Какъ императоръ, онъ желалъ, чтобы его подданные жили въ мирѣ и порядкѣ и чтобы весь государственный механизмъ оставался неприкосновеннымъ; съ этой точки зрѣнія, въ его интересѣ было избѣгать всякаго оскорбленія предразсудковъ своего народа, оказывать всѣмъ одинаковое покровительство, допускать въ религіи свободу мысли, ограничиваемую только нуждами гражданскаго правительства. Въ своихъ частныхъ мнѣніяхъ, которыя, вѣроятно, сначала были неопредѣленно монотеистическими, онъ около времени своего похода противъ Максентія рѣшительно склонился въ пользу христіанства, и отселѣ постепенно развивался въ этомъ направленіи, пока наконецъ не призналъ открыто вѣру Христову. Разсматривая такъ отдѣльно его государственный и его личный характеръ, мы можемъ лучше всего понять многое изъ того, что на первый взглядъ кажется несовмѣстимымъ; именно, какъ онъ въ теченіе всей своей жизни удерживалъ за собою должность Pontifex Maximus, высшую въ языческой іерархіи; какъ онъ принималъ участіе въ языческихъ церемоніяхъ, считая ихъ связанными съ своимъ императорскимъ служеніемъ; какъ въ двухъ указахъ одного и того же года онъ устанавливалъ торжественное соблюденіе воскреснаго дня и давалъ указаніе для совѣщанія съ аруспиціями 1).

314 г.

За совмѣстнымъ торжествомъ Константина и Лицинія надъ Максентіемъ и Максиминомъ скоро послѣдовали разногласія, которыя были рѣшены пораженіемъ Лицинія въ битвахъ Цибальской и Мардійской. При новомъ дѣленіи имперіи, вся Европа, за исключеніемъ Ѳракіи, отошла къ Константину, но возникшее соперничество было причиной другой

---

1) Gibbon, II, 145. Законъ касательно аруспицій см. въ Cod. Theod. XVI, X, 1.

войны, которая кончилась гибелью Лицинія. Этотъ государь, который будто бы, какъ весьма неправдоподобно сент. 323 г. предполагали нѣкоторые писатели, нѣкогда былъ оглашеннымъ, угнеталъ своихъ христіанскихъ подданныхъ, быть можетъ считая ихъ религію признакомъ сочувствія къ интересамъ своего соперника. Онъ разрушалъ церкви, предалъ нѣсколькихъ епископовъ смерти и, будто бы, готовъ былъ издать повелѣніе касательно общаго гоненія, когда онъ былъ отвращенъ отъ этого движеніемъ Константина. Императоры поставили свои войска подъ различныя знамена: одинъ — подъ знамя Христа и другой — подъ знамя язычества; каждая сторона полагалась на предсказанія и видѣнія, которыя какбы исходили съ неба, и торжество Константина особенно приписывалось Богу христіанъ. Съ этого времени языческія эмблемы совершенно исчезаютъ съ его монетъ, и онъ сталъ выставлять себя въ своихъ указахъ орудіемъ Божіимъ для распространенія истинной вѣры [1]).

Константинъ теперь возвратилъ всѣхъ христіанъ, находившихся въ ссылкѣ или въ рудникахъ; онъ повелѣлъ, чтобы тѣ, которые лишены были общественныхъ должностей вслѣдствіе своей религіи, были возстановлены въ нихъ, чтобы собственность мучениковъ была возвращена ихъ наслѣдникамъ, и если не оказывалось никакихъ наслѣдниковъ, то была бы отдана 324 г. церкви [2]). Въ указѣ, обращенномъ ко всѣмъ подданнымъ, онъ увѣщевалъ ихъ принимать евангеліе, но въ то же самое время заявлялъ желаніе, чтобы все это совершалось только посредствомъ убѣжденія [3]). Онъ старался, однако же, сдѣлать христіанство привлекательнымъ, надѣляя прозелитовъ изъ высшихъ классовъ преимуществами и почестями и бѣдныхъ подарками, каковой образъ дѣйствія, по свидѣтельству даже Евсевія, былъ причиною множества лицемѣрныхъ и мнимыхъ обращеній [4]). Онъ приказывалъ, чтобы церкви строились повсюду достаточнаго объема для помѣщенія всего населенія [5]), запрещалъ воздвигать изображенія боговъ и не позволялъ ставить свою собственную статую въ храмахъ [6]). Всѣ государственныя жертвоприношенія были запрещены, и тѣмъ изъ провинціальныхъ правителей и чиновниковъ, которые придерживались старой вѣры, было приказано воздерживаться отъ обрядовъ этого рода; однако же другія общественныя жертвоприношенія, какъ напр. тѣ, которыя предпринимались жрецами, какъ отличныя отъ церемоній, совершавшихся отъ имени государства, было дозволено продолжать. Есть основаніе предполагать, что въ концѣ своего царствованія Константинъ издалъ указъ и противъ нихъ; но если такъ, то онъ видимо мало приводился въ исполненіе [1]).

---

[1]) Euseb. Hist. Eccl. x, 8; Vita Const. i, 51—56; ii, 1—17; Socr. i, 3.

[2]) Euseb. ii, 20, 21.

[3]) Euseb. ii, 24—42, 56.

[4]) Euseb. iii, 21, 58; iv, 1, 28, 38.

[5]) Euseb. ii, 45.

[6]) Euseb. iv, 16.

Заботясь такимъ образомъ о возвышеніи христіанской общины, императоръ однако же воздерживался отъ всякихъ такихъ нападеній на религію большинства, которыя могли бы возбуждать противодѣйствіе. Его мѣропріятія скорѣе направлялись какбы противъ злоупотребленій, проникшихъ въ языческую систему, чѣмъ противъ самой этой системы. По всей имперіи были посылаемы особые коммиссары съ наставленіемъ посѣщать храмы и вникать въ совершавшееся въ нихъ богослуженіе, и эти коммиссары, хотя и безоружные и не охраняемые никакою военною стражею, могли исполнять свое дѣло безъ всякаго препятствія, каковое обстоятельство показываетъ, какъ слабо уже языческая религія держалась въ общемъ сознаніи. Вслѣдствіе этого посѣщенія многія статуи были лишены своихъ драгоцѣнныхъ украшеній,—разрушены или удалены, и въ то же время изобличены многіе обманы жрецовъ. Константинъ вообще относился съ уваженіемъ къ храмамъ, но онъ закрылъ и снялъ кровли съ тѣхъ, которые были почти совершенно заброшены, другіе обратилъ въ церкви и разрушилъ тѣ, которые были мѣстомъ совершенія безнравственныхъ обрядовъ или мнимыхъ чудесъ [2]).

Затѣмъ, Константинъ произвелъ перемѣну въ самомъ положеніи Рима по отношенію къ имперіи,—перемѣну, которая начата была еще политикой или капризомъ Діоклитіана. Послѣ своей побѣды надъ Максентіемъ, онъ только два раза посѣщалъ этотъ городъ, и оказанный ему пріемъ былъ не такого рода, чтобы могъ произвести благопріятное впечатлѣніе на его душу. Съ чудесною быстротою воздвигнута была на мѣстѣ Византіи новая столица, названная по имени императора. Въ то время, какъ Римъ оставался главнымъ оплотомъ язычества, Константинополь сдѣлался совершенно христіанскимъ городомъ. Повсюду были воздвигнуты церкви, статуи боговъ и знаменитыхъ мужей были взяты изъ городовъ и храмовъ Греціи и Азіи для украшенія улицъ и площадей, служа вмѣстѣ съ тѣмъ трофеями побѣды надъ старой религіей. Главная палата дворца была украшена изображеніями изъ священныхъ предметовъ, среди которыхъ однимъ было распятіе. Гладіаторскіе бои и другія варварскія зрѣлища, составлявшіе услажденіе римлянъ, никогда не допускались въ Константинополѣ, хотя въ старой столицѣ народное чувство было еще настолько сильно, что императоръ не осмѣливался противодѣйствовать ему [1].

---

[1]) Euseb. I, 44—5. Закона противъ всѣхъ жертвоприношеній не существуетъ на лицо, но о немъ упоминается у Констанція. Cod. Theod. XVI, X, 2.

[2]) Euseb. III, 54—58.

Во внѣшнихъ обязанностяхъ религіи Константинъ былъ весьма тщателенъ. На монетахъ, медаляхъ и въ статуяхъ онъ повелѣлъ изображать себя въ молитвенномъ положеніи [2]. Онъ изучалъ св. Писаніе [3] и неопустительно посѣщалъ церковное богослуженіе; пасхальную вечерю проводилъ съ великимъ благоговѣніемъ [4]; стоя выслушивалъ самыя длинныя рѣчи своихъ епископовъ [5], даже составлялъ религіозныя разсужденія и, по переводѣ ихъ съ латинскаго на греческій, съ которымъ онъ былъ не вполнѣ знакомъ, онъ произносилъ ихъ предъ своимъ дворомъ [6]. Одна изъ этихъ рѣчей [7] еще существуетъ, будучи сохранена, какъ образчикъ, Евсевіемъ, которому она вѣроятно обязана болѣе чѣмъ своимъ греческимъ языкомъ. Въ этой рѣчи императоръ, хваля христіанскую религію, останавливается на доказательствахъ, представляемыхъ пророчествами, къ которымъ онъ относитъ сивиллинскіе стихи и четвертую эклогу Виргилія, и по своему обычаю дѣлаетъ знаменательное указаніе на противоположность между своимъ собственнымъ благосостояніемъ и бѣдствіями государей, преслѣдовавшихъ церковь. Во время своихъ путешествій, онъ былъ сопровождаемъ особой дорожной часовней [8]. Епископы были его любимые собесѣдники, и многіе изъ нихъ были слишкомъ ослѣплены блескомъ такого положенія, такъ что онъ находилъ въ нихъ наклонность оставлять его ошибки безъ порицанія и до опасной степени допускать безразличіе въ духовныхъ предметахъ. Евсевій разсказываетъ [6], что одинъ изъ этихъ епископовъ (вѣроятно, самъ историкъ) зашелъ такъ далеко въ лести императору увѣреніями о спасеніи, что даже вызвалъ укоръ отъ самого императора. Нѣкоторые утверждаютъ, что христіанство Константина было лишь дѣломъ политики; но обвиненіе это крайне несправедливо, потому что хотя нѣкоторыя изъ его мѣръ касательно религіи и были безспорно подсказаны политическимъ интересомъ, хотя его пониманіе христіанскаго ученія было весьма несовершенно и его жизнь далеко не безупречна, однако же нѣтъ достаточныхъ основаній сомнѣваться, что его убѣжденіе было искренно и что онъ искренно старался употреблять свою власть ко благу церкви и для распространенія истины.

---

[1] Euseb. III, 48, 49; IV, 25; Sozom. II, 5.

[2] Euseb. IV, 15.

[3] Euseb. I, 32; IV, 17.

[4] Тамъ же, IV, 22.

[5] Тамъ же, IV, 33.

[6] Тамъ же, IV, 29, 32.

[7] Oratio ad. Sanctorum Coetam (Patrol. VIII, 399 и слѣд.).

[8] Euseb. II, 12.

[9] IV, 48.

Свою мать Елену императоръ также убѣдилъ принять свою новую религію [1], и въ теченіе остальныхъ лѣтъ своей жизни она отличалась пламенною ревностью и благочестіемъ. Въ 326 году она посѣтила св. землю съ намѣреніемъ отыскать мѣста, которыя освящены были главными событіями священной исторіи. На мѣстѣ святаго гроба воздвигнута была церковь, которая своимъ блескомъ превосходила всѣ другія [2]. Храмъ Венеры, которымъ Адріанъ осквернилъ это мѣсто, былъ разрушенъ; земля подъ нимъ была выкопана какъ оскверненная, и во время этой работы найдены были три креста и близь нихъ доска, на которой сдѣлана была надпись подъ головою Спасителя. Такъ какъ однакоже нельзя было съ увѣренностью опредѣлить тотъ крестъ, на которомъ именно былъ распятъ Спаситель, то епископъ города, Макарій, предложилъ сдѣлать испытаніе. Одна женщина изъ его паствы, находившаяся при смерти, была принесена къ этому мѣсту; вознесены были молитвы, чтобы искомый крестъ былъ открытъ чрезъ ея исцѣленіе, и послѣ того, какъ два креста были безъ успѣха прилагаемы къ ней, при приложеніи третьяго совершилось мгновенное исцѣленіе [3]. Кромѣ мѣста погребенія, воздвигнуты были также церкви на мѣстахъ рожденія и вознесенія Христа, а также на мѣстѣ дуба Мамрійскаго, именно въ знакъ благочестія Елены и той безграничной щедрости, съ которою позволялъ ей дѣйствовать императоръ Константинъ [4].

Царствованіе Константина ознаменовалось началомъ двухъ великихъ споровъ,—донатистскаго и аріанскаго: изъ нихъ первый возникъ на западѣ изъ несогласія касательно церковной дисциплины, а послѣдній былъ восточнаго происхожденія и имѣлъ своимъ предметомъ самую сущность христіанскаго ученія. Императоръ принималъ участіе въ обоихъ, но его благонамѣренность въ этомъ отношеніи не всегда находилась подъ руководствомъ знанія и здраваго сужденія. Обладая неограниченною властью и недостаточно знакомый съ исповѣдуемою имъ вѣрою, онъ постоянно впадалъ въ искушеніе смѣшивать религіозныя соображенія съ гражданскими. Иногда желаніе о сохраненіи мира среди его подданныхъ побуждало его смотрѣть на заблужденія съ равнодушіемъ; въ другія времена онъ считалъ и наказывалъ дѣйствія религіозныхъ партій, какъ преступленія противъ своей императорской власти.

---

[1] Euseb. III, 47.
[2] Euseb. III, 25, 26, 31; Socr. I, 9.
[3] Rufin, I, 78; Socr. I, 17; Soz. II, 1; Theod. I, 18.
[4] Euseb. II, 41, 43, 47, 51, 52; Soz. III, 4.

II. Мы уже не разъ имѣли случай указывать на своеобразный характеръ, отличавшій христіанство сѣверной Африки. Въ этой странѣ монтанизмъ нашелъ благопріятную для себя почву и пріобрѣлъ себѣ стойкаго поборника въ лицѣ Тертулліана. Изъ Африки также вышла отчасти новаціанская секта, и тамъ ея строгія правила были приняты съ величайшимъ восторгомъ. Тамъ же поддерживался Кипріаномъ строгій взглядъ на недѣйствительность раскольническаго крещенія, и изъ исторіи этого великаго епископа мы видѣли, какое необычайное значеніе христіане Африки приписывали внѣшнимъ актамъ мученичества и исповѣдничества. Во время гоненія при Діоклитіанѣ многіе изъ африканскихъ христіанъ ясно проявили этотъ своеобразный духъ своей страны [1]). Они старались добиваться мученичества буйнымъ поведеніемъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже были побуждаемы къ нему своими долгами, худою славою или бѣдственностью, а также надеждою сразу смыть своею кровью грѣхи и преступленія цѣлой жизни [2]). Всѣмъ такимъ дѣйствіямъ сильно противодѣйствовалъ Менсурій, епископъ карѳагенскій. Онъ самъ, когда отъ него потребовали выдачи священныхъ книгъ своей церкви, выдалъ вмѣсто нихъ нѣкоторыя еретическія сочиненія, запрещалъ своей паствѣ посѣщать въ темницѣ тѣхъ, которые намѣренно искали смерти, и отказывался признавать такихъ лицъ мучениками. При осуществленіи его мѣропріятій этого рода главнымъ его орудіемъ былъ его архидіаконъ Цециліанъ.

Въ 305 году въ Циртѣ (теперь Константинѣ) собрался соборъ изъ двѣнадцати епископовъ для избранія епископа для этого города. Предсѣдатель собранія Секундъ, епископъ тигизійскій и первосвятитель Нумидіи, началъ съ разсмотрѣнія поведенія своихъ собратьевъ во время послѣдняго гоненія. Нѣкоторые признавались, что они выдали св. Писаніе. Нѣкій Пурпурій на обвиненіе его въ убійствѣ двухъ своихъ племянниковъ сказалъ Секунду, что онъ не боится такихъ разоблаченій, что онъ дѣйствительно убилъ ихъ и убьетъ всѣхъ, которые будутъ стоять ему на дорогѣ, и самого Секунда обвинялъ въ предательствѣ. Когда разслѣдованіе дошло до того, что оказались замѣшанными большинство присутствовавшихъ епископовъ, то одинъ изъ нихъ предложилъ, что ради мира прошлыя преступленія должны быть забыты, и что каждый долженъ отдавать отчетъ о своихъ дѣлахъ одному Богу, и соборъ, дѣйствуя согласно съ этимъ замѣчаніемъ, приступилъ къ избранію на каѳедру Цирты Сильвана, который былъ „предателемъ.“ Нелишне замѣтить, что тѣ самыя лица, которыя при этомъ случаѣ были столь снисходительны къ преступленію предательства, сдѣлались впослѣдствіи главными вождями болѣе строгой партіи [1]).

---

[1]) Документы касательно донатическаго раскола см. въ приложеніи Дюпена къ Sanct. Optatus и приложеніи къ IX тому бл. Августина (Patrol. VIII, XI, XLIII).

[2]) *Augustin*, Brevicul. Collat. c. Donatistis, III, 25.

Хотя Менсурій возбудилъ противъ себя своимъ поведеніемъ во время гоненія много вражды, однако же пробужденное имъ недовольство не находило болѣе или менѣе значительнаго проявленія въ теченіе его жизни. Послѣ его смерти, имѣвшей мѣсто въ 311 году, во время возвращенія его изъ Рима, куда онъ вытребованъ былъ для явки предъ Максентія, два пресвитера, по имени Ботръ и Целезій, стали добиваться вакантной каѳедры и въ своихъ собственныхъ видахъ старались о томъ, чтобы избраніе произошло безъ участія нумидійскихъ епископовъ [2]). Выборъ, однако же, палъ на архидіакона Цециліана, который и былъ посвященъ Феликсомъ, епископомъ аптунгійскимъ. Предъ оставленіемъ Карѳагена, Менсурій поручилъ церковную собственность нѣкоторымъ старѣйшинамъ паствы и оставилъ инвентарь въ рукахъ одной женщины изъ своей паствы. Этотъ документъ теперь переданъ былъ Цециліану, который и потребовалъ отъ старѣйшинъ возвращенія перечисляемыхъ въ немъ предметовъ; но эти лица, которыя считали себя свободными отъ подобнаго требованія и намѣрены были присвоить себѣ ввѣренные имъ предметы, старались отмстить за себя составленіемъ партіи въ противодѣйствіе новому епископу. Къ этой партіи присоединились недовольные пресвитеры, и она поддерживалась вліяніемъ и богатствомъ Луциллы, женщины, которую прежде Цециліанъ оскорбилъ сдѣланнымъ ей укоромъ за обычай цѣлованія кости одного предполагаемаго мученика предъ принятіемъ евхаристіи [3]). Вслѣдствіе приглашенія со стороны недовольныхъ, въ Карѳагенъ прибыло нѣсколько нумидійскихъ епископовъ, именно въ числѣ семидесяти, подъ предводительствомъ своего первосвятителя Секунда. Они потребовали Цециліана къ себѣ, заявляя, что онъ могъ быть посвященъ только въ ихъ присутствіи и при томъ со стороны первосвятителя Нумидіи, и главнѣе всего, что его посвященіе недѣйствительно, такъ какъ Феликсъ аптунгійскій былъ предатель [4]). Противъ Цециліана были сдѣланы также и личныя обвиненія. Его старанія сдержать фанатическій духъ во время гоненія были преувеличены до перетолкованія въ чудовищное безчеловѣчіе; разсказывали, что онъ ставилъ людей у темничныхъ дверей съ кнутами въ рукахъ, съ цѣлью отгонять тѣхъ изъ вѣрующихъ, которые приносили провизію мученикамъ; что онъ самъ избилъ нѣсколькихъ лицъ, приходившихъ въ темницу съ этою благотворительною цѣлью; что онъ разбивалъ приносившіеся ими сосуды и разбрасывалъ пищу, такъ что нѣкоторые изъ узниковъ вслѣдствіе этого умерли съ голоду [1]). Въ отвѣтъ на требованіе нумидійцевъ Цециліанъ отказался явиться къ нимъ, но высказалъ готовность удовлетворить ихъ, если они сами придутъ къ нему. Онъ утверждалъ, что его посвященіе правильно и дѣйствительно, и предлагалъ, если они могутъ опровергнуть это, принять новое посвященіе отъ ихъ рукъ [2]). На это Пурпурій съ своею обычною запальчивостью вскричалъ: „пусть только онъ придетъ принять наше рукоположеніе, и мы разобьемъ ему голову, въ видѣ покаянія“. Нумидійцы отлучили Цециліана съ его приверженцами, и рукоположили новаго епископа, Маіорина, который раньше былъ чтецомъ у него, а теперь былъ членомъ дома Луциллы. Вслѣдствіе этого рѣшительнаго раскола, многія лица, которыя раньше стояли поодаль отъ Цециліана, сочли за лучшее возвратиться къ общенію съ нимъ [3]).

---

[1]) Acta Conc. Cirt. ap. August. c. Crescon. iii, 30 и слѣд.; iv, 36; Brevic. Coll. iii, 17: Optatus, i, 15; Aug. Ep. 43.

[2]) Optat. i, 17, 18.

[3]) Optat, i, 16.

[4]) Optat. i, 19. Обвиненія противъ Феликса впослѣдствіи были совершенно опровергнуты.

Константинъ, вскорѣ послѣ того, какъ онъ вслѣдствіе своей побѣды надъ Максентіемъ сдѣлался властелиномъ запада, послалъ большую сумму денегъ въ пособіе африканскимъ христіанамъ; и такъ какъ дошедшія до него свѣденія произвели на него впечатлѣніе, неблагопріятное для недовольной 313 г. партіи, то онъ приказалъ, чтобы его дары, вмѣстѣ съ преимуществами, дарованными христіанамъ его послѣдними указами [4]), были ограничены тѣми, которые находились въ общеніи съ Цециліаномъ, причемъ онъ высказался довольно сурово о „безуміи“ ихъ противниковъ [5]). Вслѣдствіе этого, недовольная партія, чрезъ проконсула Анулина, обратилась къ императору съ прошеніемъ, въ которомъ выражалось желаніе, чтобы ихъ дѣло было разслѣдовано епископами Галліи, отъ которыхъ, какъ предполагалось, можно было ожидать большаго безпристрастія, такъ какъ ихъ страна была свободна отъ послѣдняго гоненія и они избѣгли затрудненій и раздѣленій, связанныхъ съ вопросомъ о выдачѣ книгъ св. Писанія [6]). Но именно такое обращеніе къ гражданской власти, требованіе, чтобы она назначила коммиссію изъ церковныхъ судей, было совершенно несовмѣстимо съ положеніемъ, которое донатисты впослѣдствіи заняли по отношенію къ государству, и ихъ противники не преминули въ позднѣйшія времена напоминать имъ, отъ какой партіи впервые вышло обращеніе къ императору.

---

[1]) Acta Saturnini 17, Patrol. VIII, 700—1.

[2]) Optat. I, 19.

[3]) *Aug.* De Unit. Eccl. 73.

[4]) См. выше, стр. 140.

[5]) *Euseb.* Hist. Eccl. X, 5, 6.

[6]) *Anulin.* ap. Aug. Ep. LXXXVIII, 2; Optat, I, 22.

Константинъ удовлетворилъ ихъ просьбу, назначивъ коммиссію изъ епископовъ кельнскаго, аутунскаго и арелатскаго, къ которымъ онъ присоединилъ Мельхіада (или Мильтіада) Римскаго и еще одного епископа 1); но эта коммиссія впослѣдствіи была расширена, такъ что собраніе, предъ которымъ разсматривалось дѣло, состояло почти изъ двадцати епископовъ, которые въ октябрѣ 313 года собрались въ Латеранѣ, тогдашнемъ дворцѣ императрицы Фаусты. Цециліанъ присутствовалъ съ десятью епископами своей партіи; въ такомъ же числѣ явились и обвинители во главѣ съ Донатомъ, епископомъ казенигрскимъ, въ Нумидіи. Дѣло рѣшено было въ пользу Цециліана. Мельхіадъ предложилъ способъ примиренія, именно, чтобы обѣ партіи вступили во взаимообщеніе подъ условіемъ, что тамъ, гдѣ соперники епископы заявляли притязаніе на каѳедру, обладаніе ею будетъ принадлежать тому, кто имѣлъ болѣе раннее посвященіе 2). Донатъ и его соучастники однако же отвергли всякій компромиссъ. Они жаловались, что ихъ дѣло не подверглось достаточному изслѣдованію, возобновили свои обвиненія, обвиняли судей въ недобросовѣстности, заявляли, что соборъ изъ двадцати только епископовъ не достаточенъ для отмѣны приговора тѣхъ семидесяти, которые осудили Цециліана, и просили императора подвергнуть ихъ дѣло дальнѣйшему разсмотрѣнію 3).

Вслѣдствіе всего этого, Константинъ созвалъ изъ всѣхъ частей западной имперіи новый соборъ въ Арелатѣ, куда судьи, обвинители и обвиняемые были доставлены на казенный счетъ 4). 1 Августа 314 года, подъ предсѣдательствомъ Марина, епископа арелатскаго, собралось около друхъ сотъ епископовъ, представляя собою самое большое церковное собраніе, какое только извѣстно было дотолѣ (если только число это вѣрно) 5). Епископы римскій и остійскій имѣли своихъ уполномоченныхъ представителей. Разсужденія собора закончились новымъ оправданіемъ Цециліана и постановлены были нѣкоторыя правила касательно африканскихъ споровъ 6). Было постановлено, чтобы тѣ духовныя лица, которыя выдавали св. Писаніе, священные сосуды или списки вѣрующихъ, были низложены, если обвине-

---

1) *Euseb.* Hist. Eccl. x, 5. Μιλτιάδῃ ἐπ. Ρωμ. καί Μάρκῳ. Нѣкоторые (какъ Тильманъ, VI, 30) предполагаютъ, что второе имя означаетъ Мирокла, епископа миланскаго, другіе—римскаго пресвитера или діакона Марка, который сдѣлался епископомъ римскимъ въ 336 году. См. Patrol. VI, 32; XI, 930.

2) Aug. Ep. XLIII, 16.

3) Optat. I, 23—4; Aug. Ep. 43.

4) *Dupin*, Monum. 283; Patrol. VIII, 483—6.

5) См. Nat. Alex. VII, 370.

6) Hardouin, I, 263—6; Patrol. VIII, 815.

ніе ихъ будетъ доказано общественными документами, но что простаго голословнаго свидѣтельства не должно быть допускаемо въ такихъ случаяхъ; что ложные обвинители должны быть лишаемы общенія и могутъ быть допущены къ нему только предъ самой смертью; что если лицо, само по себѣ не запятнанное, рукоположено было предателемъ, то рукоположеніе его должно признаваться дѣйствительнымъ [1]. Для улаженія стараго вопроса касательно крещенія было постановлено, что гдѣ извѣстное лицо получило крещеніе отъ еретиковъ во имя св. Троицы, оно должно быть допускаемо въ церковь чрезъ возложеніе рукъ для сообщенія Духа Святаго; но что если при этомъ не произнесена была надлежащая формула крещенія, то въ такомъ случаѣ нужно перекрещивать [2].

Пораженная партія просила императора взять дѣло въ свои собственныя руки,—каковая просьба страннымъ образомъ противорѣчитъ тѣмъ началамъ, которыя она впослѣдствіи отстаивала касательно независимости церковной власти. Хотя и оскорбленный ея упорствомъ, Константинъ согласился [3], и, послѣ нѣкоторой отсрочки, вопросъ былъ разсмотрѣнъ предъ нимъ въ 316 г. Миланѣ, гдѣ онъ далъ приговоръ, совершенно одинаковый съ тѣми, которые уже были произнесены соборами римскимъ и арелатскимъ [4]. За этимъ приговоромъ послѣдовали суровые указы противъ раскольниковъ. Они были лишаемы своихъ церквей, многіе изъ нихъ подверглись ссылкѣ и конфискаціи, и даже установлено было по отношенію къ нимъ наказаніе смертью, хотя и не видно, чтобы этотъ законъ приведенъ былъ въ исполненіе въ какомъ либо случаѣ во время царствованія Константина [5].

Маіоринъ, повидимому, умеръ въ 315 году или раньше, и ему наслѣдовалъ въ раскольническомъ епископствѣ Донатъ „великій“, такъ называемый своими послѣдователями въ отличіе отъ епископа казенигрскаго. Отъ этого втораго Доната расколъ, извѣстный дотолѣ подъ названіемъ партіи Маіорина [6], получилъ названіе, которое онъ носитъ въ исторіи. Это былъ человѣкъ ученый, краснорѣчивый, плодовитый писатель, человѣкъ строгой жизни, но необычайно гордый. Онъ будто бы желалъ, чтобы его послѣдователи, вмѣсто того, чтобы сообща съ ихъ противниками, называться христіанами, назывались по его имени (хотя въ позднѣйшее время они и отвергали это названіе); держалъ себя высокомѣрно по отношенію къ другимъ епископамъ своей общины, презрительно отказывался принимать причащеніе въ общемъ собраніи; былъ весьма неумѣренъ въ своихъ выраженіяхъ по отношенію ко всѣмъ, несоглашавшимся съ нимъ. Его приверженцы гордились его чудесами и отвѣтами, которые онъ будто бы получалъ на свою молитву [1]), и обвинялись въ оказываніи ему почестей, которыя граничили съ благоговѣніемъ, оказываемымъ Божеству;—именно они пѣли ему гимны и клялись его сѣдыми волосами [2]). Характеръ этихъ раскольниковъ вполнѣ соотвѣтствовалъ характеру ихъ вождя. Они обнаруживали крайнюю суровость, которая слишкомъ часто была предлогомъ для пренебреженія болѣе обыденными обязанностями нравственности и религіи. Они будто бы воплощали въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ ту святость, которую св. Писаніе приписываетъ идеальной церкви Христовой, какъ цѣлой. Они учили, что истинная церковь существуетъ только въ ихъ собственной общинѣ, которая, за исключеніемъ одного незначительнаго прихода въ Римѣ и частной часовни богатой донатистки въ Испаніи, ограничивалась однимъ уголкомъ Африки [3]). Они гордились чудесами и откровеніями [4]), перекрещивали прозелитовъ и принуждали такихъ предполагавшихся дѣвственниковъ, которые присоединялись къ партіи, подвергаться покаянію и возобновлять свои обѣты [5]).

---

[1] Cc. 13—14.

[2] C. 8. См. Greg. Magn. Ep. XI, 67.

[3] Partol. VIII, 487—92. Бл. Августинъ, повидимому, говоритъ, что онъ впослѣдствіи просилъ епископовъ извинить за его это вмѣшательство. Ep. LXIII, 20.

[4] Aug. c. Crescon. I, 82.

[5] Aug. Ep. LXXXVIII, 3; CV, 9; c. Litt. Petil. II, 105.

[6] Pars Majorini.

Константинъ скоро сталъ замѣчать, что противъ такого фанатизма сила будетъ столь же безполезною, какъ и убѣжденіе. Въ 317 году онъ написалъ православнымъ епископамъ Африки, убѣждая ихъ относиться къ раскольникамъ съ мягкостью, и когда въ 321 году донатисты представили ему бумагу, въ которой заявляли, что не хотятъ имѣть ничего общаго съ его „негоднымъ епископомъ“ [6]), онъ отмѣнилъ законы противъ нихъ и позволилъ ссыльнымъ изъ нихъ возвратиться, выражая ужасъ по отношенію къ ихъ изувѣрству и мятежамъ, но заявляя, что онъ предоставляетъ ихъ суду Божію [7]). Эта снисходительная политика продолжалась въ теченіе всѣхъ остальныхъ лѣтъ его царствованія, во время которыхъ вниманіе императора было отвлечено отъ африканскаго раскола болѣе близкимъ и болѣе распространеннымъ споромъ аріанскимъ. Между тѣмъ донатисты становились все болѣе сильною партіею въ Африкѣ. На соборѣ этой партіи въ 330 году присутствовало 270 епископовъ, а все число ихъ епископовъ, повидимому, въ одно время восходило до 400 человѣкъ.

---

[1]) Aug. De Unit. Eccles. 49; in Johan. Tract. xiii, 17.

[2]) Optat., iii, 3.

[3]) Optat., ii, 4; *Aug.* c. Litt. Petil. ii, 247; De Unit. Eccles. 6. Издатели Августина предполагаютъ, что Луцилла была испанской патронессой.

[4]) *Aug.* De Unit. Eccles. 49, in Johan. Tract. xiii, 17; Ep. 53.

[5]) Optat., v; *Aug.* De Haeres. 69. Перекрещиваніе обращенцевъ не было установлено самимъ Донатомъ (*Aug.* Retract. i, 21) и признано было излишнимъ донатистскимъ соборомъ въ 330 году, но обычай этотъ впослѣдствіи былъ возобновленъ.

[6]) Antistiti ipsius nibuloni. Aug. Brev. Collat. iii, 39.

[7]) Aug. ad Donatist. post Collat. 56, *Euseb.* v. C. i, 45.

Появленіе циркумцелліоновъ среди донатистовъ относится нѣкоторыми писателями къ 317 году, хотя другіе относятъ его на четверть столѣтія позже. Это были люди бѣднѣйшаго класса, не знавшіе никакого языка, кромѣ пуническаго; ихъ названіе происходитъ отъ ихъ обычая нищенствовать *вокругъ хижинъ* (circum cellas) деревенскаго населенія вмѣсто того, чтобы добывать себѣ средства къ жизни правильною промышленностью и трудомъ [1]. Разсказамъ о нихъ можно бы не вѣрить, какъ измышленіямъ ихъ враговъ, если бы позднѣйшіе факты не запрещали намъ торопиться отвергать свидѣтельства о странныхъ выходкахъ и преступленіяхъ, совершавшихся отъ имени религіи. Ихъ религіозная ревность часто соединялась съ излишествами пьянства и распутства, и въ этихъ излишествахъ принимали участіе „священныя дѣвы“ [2] этой партіи. Толпы обоего пола бродили по странѣ, держа мирныхъ жителей въ постоянномъ ужасѣ. Они называли себя поборниками Господа [3]; ихъ крики „хвала Богу“ наводили, по свидѣтельству бл. Августина, больше страха, чѣмъ рыканіе льва [4]. Предполагая, что въ словахъ Спасителя ап. Петру (Матѳ. XXVI, 52) запрещалось употребленіе мечей, они сначала носили простыя тяжелыя дубины, называемыя „израилями“, которыми они и избивали свои жертвы часто на смерть; но смущеніе предъ буквальнымъ смысломъ Писанія потомъ исчезло, и они присоединили къ своимъ „израилямъ“ не только пращи, но и мечи, копья и топоры [5]. Они нападали и разграбляли церкви и дома православнаго духовенства, совершали дикія насилія надъ ними самими, и въ позднѣйшее время обыкновенно ослѣпляли ихъ смѣсью глины и уксуса [6]. Какбы съ цѣлью отмстить за общественныя неправды, они вмѣшивались въ отношенія между кредиторами и должниками, между господами и ихъ рабами; преступленія, заслуживавшія наказанія, часто оставлялись безъ вниманія, изъ опасенія, чтобы циркумцелліоны не призваны были на помощь виновными; всякая собственность была небезопасна въ области, наводненной этими яростными фанатиками, и представители правосудія боялись отправлять свою службу [7].

---

[1] Aug. c. Gaudent. I, 32.
[2] Aug. c. Litt. Petil. I, 26; II, 195; De Unit. Eccles. 50.
[3] Agonistici.—Optat, III, 4.
[4] Тамъ же; Aug. c. Crescon. III, 46; Enarr. in Ps. CXXXII, 3, 6.
[5] Тамъ же, x, 5; c. Cresc. III, 46; c. Litt. Petil. II, 195.
[6] Aug. Ep. LXXXVIII, 8; c. Cresc. III, 46. Это было уже не раньше 405 года.
[7] Optat. III, 4; u. Ep. CLXXXV, 12, 15.

Ярость циркумцелліоновъ направлялась какъ противъ другихъ, такъ и противъ самихъ себя. Иногда они добивались смерти буйнымъ нарушеніемъ языческаго богослуженія [1]); останавливали путешественниковъ на дорогахъ и, съ угрозами убить ихъ, требовали себѣ смерти отъ ихъ рукъ [2]). Такимъ же образомъ они принуждали судей, путешествовавшихъ по своимъ округамъ, предавать ихъ палачамъ [3]). Многіе изъ нихъ топились, бросались въ огонь или низвергались съ крутизны въ пропасть; только повѣшеніе было такою смертью, которой они избѣгали, потому что не хотѣли имѣть ничего общаго съ Іудой предателемъ [4]). Болѣе умѣренные донатисты не одобряли и порицали излишества циркумцелліоновъ. Соборы этой партіи осудили самоубійство, но обычай продолжался, и тѣ, кто совершали самоубійство или вообще добивались себѣ смерти, почитались за мучениковъ [5]).

Констансъ, который въ 337 году получилъ въ управленіе западную часть имперіи своего отца, старался примирить донатистовъ тою же системою подарковъ, которая оказывалась дѣйствительною въ пріобрѣтеніи прозелитовъ изъ язычества къ церкви. Такихъ попытокъ, повидимому, было сдѣлано три; агентами въ послѣдней изъ нихъ были Павелъ и Макарій, которые были посланы въ Африку въ 347 году. Когда эти уполномоченные приглашали всѣхъ христіанъ воспользоваться дарами императора, то Донатъ отвергъ предложеніе, обнаруживъ при этомъ сильное негодованіе: „какое дѣло“, спросилъ онъ, „императору до церкви?“ и запретилъ членамъ своей общины принимать что нибудь отъ предателей [6]). Распускались разсказы, что будто уполномоченные имѣли порученіе поставить изображеніе императора въ церквахъ съ цѣлью боготворенія его [7]). Циркумцелліоны подняли мятежъ, и произошла битва, въ которой императорскія войска оказались побѣдителями, причемъ среди убитыхъ были и два донатистскихъ епископа, главныхъ подстрекателя возстанія [8]). Макарій затѣмъ убѣждалъ раскольниковъ возвратиться въ церковь и приговаривалъ отказывавшихся къ ссылкѣ. Оптатъ, главный полемическій противоборецъ донатизма до времени Августина, признаетъ, что съ ними обращались жестоко, но увѣряетъ, что это дѣлалось противъ желанія православныхъ епископовъ [1]. 348 г. Донатисты времени Августина обыкновенно говорили о „Макаріевыхъ временахъ“ [2] какъ такихъ, въ которыя ихъ предками переносимы были особенно жестокія страданія; и они старались называть православныхъ макаріанами въ память гонителя [3]. Благодаря дѣятельнымъ, употребленнымъ противъ донатистовъ мѣрамъ, расколъ повидимому былъ подавленъ на время, и Донатъ умеръ въ ссылкѣ.

---

[1]) Aug. тамъ же 12; c. Gaudent. i, 32.

[2]) Aug. De Unit. Eccles. 50.

[3]) Одинъ судья, подвергшись такому нападенію, ловко провелъ просителей. Онъ приказалъ палачамъ связать ихъ, какъ будто для смерти, и затѣмъ, сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ безвредными, оставилъ ихъ (Aug. Ep. clxxxv, 12). Въ другой формѣ этотъ разсказъ передается у Ѳеодорита, Haeres. iv, 6.

[4]) Optat, iii, 4, 5; Aug. c. Gaudent. i, 49.

[5]) Aug. c. Litt. Petil. iii, 114; Ep. clxxxv, 16.

[6]) Optat. iii, 3.

[7]) Тамъ же, 12.

[8]) См. тамъ же, 6—8. Такъ называемыя „страданія“ этихъ мучениковъ см. у Дюпина, 303 и слѣд.

III. Еще гораздо большую смуту причинило въ церкви аріанство. Отличительное ученіе аріанства—отрицаніе божества Спасителя—уже проявлялось въ ересяхъ евіонитовъ, Артемона и Ѳеодота. Но теперь, когда христіанство заняло новое положеніе, вопросы объ этомъ ученіи произвели такое волненіе, какого еще не бывало раньше; аріанскій и слѣдовавшій за нимъ споры не только чувствовались на пространствѣ всей церкви, но и имѣли важное вліяніе на политическія дѣла. Какъ, безъ сомнѣнія, ни печально разсматривать причиненные ими раздоры, однакоже мы должны помнить, что мужественно борясь противъ этихъ раздоровъ, а не пытаясь лишь улаживать ихъ какимъ нибудь компромиссомъ, церковь выработала твердую и опредѣленную форму здраваго ученія, которая имѣла величайшее значеніе и даже была необходимостью для сохраненія ея вѣры въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ невѣденія.

Хотя мѣстомъ появленія аріанства была Александрія, но происхожденіе этой ереси скорѣе нужно относить къ той другой великой церкви востока, на которую сильное и продолжительное вліяніе оказывалъ Павелъ Самосатскій. Въ то время, какъ въ Александріи преобладала тенденція духовная и таинственная, богословы Антіохіи предавались просто діалектическимъ тонкостямъ и скорѣе отличались точностью, чѣмъ широтою или глубиною ума, и такой именно тонъ преобладалъ и въ школѣ знаменитаго антіохійскаго учителя, Лукіана, о которомъ уже упомянуто было выше [4]. Лукіанъ, побуждаемый скорѣе сочувствіемъ къ характеру Павла, чѣмъ какимъ нибудь сочувствіемъ его мнѣніямъ, оставилъ церковь вмѣстѣ съ епископомъ или вслѣдствіе его осужденія, и хотя онъ впослѣдствіи и возвратился и былъ почитаемъ въ церкви, какъ мученикъ, ученіе его имѣло худое вліяніе. Аріане считали его своимъ основателемъ. Среди его учениковъ были Евсевій Никомидійскій, Леонтій и другія лица, сдѣлавшіяся извѣстными въ качествѣ вождей партіи. Даже самъ Арій считался однимъ изъ нихъ, хотя связь эта и кажется весьма сомнительной [1]).

---

[1] iii, 2.

[2] Tempora Macariana. Aug. Enarr. in Ps. x, 5.

[3] Aug. Ep. xxiii, 6; xliv, 45; c. Litt. Petil. ii, 94.

[4] См. выше стр. 139.

Арій, по предположенію, подобно Савеллію, былъ родомъ изъ Ливіи или Киренаики [2]). По описанію, это былъ человѣкъ строгой жизни, серьозной наружности и пріятныхъ манеръ,—съ видомъ скромности, подъ которой, по свидѣтельству его враговъ, онъ скрывалъ сильное чувство тщеславія и честолюбія [3]). Послѣ своего посвященія въ санъ діакона Петромъ, епископомъ александрійскимъ, около начала этого столѣтія, онъ вступилъ въ связь съ партіей, которую Мелетій, епископъ ликопольскій, второй по достоинству египетскихъ каѳедръ, образовалъ на началахъ, повидимому, сходныхъ съ началами донатистскаго раскола. За это Арій былъ отлученъ Петромъ; но слѣдующій епископъ, Ахиллъ, вновь принялъ его въ церковь, посвятилъ его въ пресвитера и ввѣрилъ ему попеченіе объ одномъ приходѣ въ городѣ [4]). По смерти Ахилла, скончавшагося
чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ своего епископства, Арій, 311 г.
по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, стремился къ епископству; Филосторгій, членъ его партіи, даже свидѣтельствуетъ, что онъ имѣлъ за себя большинство голосовъ
и что онъ добровольно уступилъ Александру, кото- 312 г.
рый и былъ избранъ [5]).

Среди разнорѣчивыхъ свидѣтельствъ касательно началъ спора, повидимому несомнѣнно то, что при одномъ общест-
венномъ случаѣ, когда Александръ бесѣдовалъ о 319 г.
единствѣ божественной Троицы, Арій обвинилъ его ученіе въ савелліанствѣ [6]). Александръ сначала старался убѣдить его въ своемъ заблужденіи дружественными разъясненіями, но найдя, что всѣ эти разъясненія безполезны, что онъ самъ былъ порицаемъ за снисходительность къ Арію и что пресвитеръ, по имени Коллуѳъ, даже дѣлалъ это предлогомъ для раскола, епископъ назначилъ собраніе, на которомъ, послѣ безпристрастнаго выслушанія доводовъ съ обѣихъ сторонъ, дѣло рѣшено было противъ Арія. Осужденіе это было подтверждено соборомъ египетскихъ и ливійскихъ епископовъ, и ересіархъ съ своими приверженцами былъ отлученъ отъ церкви.

Арій нашелъ себѣ многихъ сочувствующихъ, частью вслѣдствіе привлекательности ученія, которое низводило тайны божества въ область человѣческихъ аналогій и понятій, а частью вслѣдствіе того, что масса всегда готова стать на сторону всякаго, кто страдаетъ отъ законной власти [1]). Среди его послѣдователей были два епископа, около двадцати пресвитеровъ и столько же діаконовъ и множество дѣвственницъ [2]). Не имѣя возможности оставаться въ Александріи, онъ нашелъ убѣжище въ Палестинѣ, и оттуда началъ вести оживленныя сношенія, причемъ старался пріобрѣтать друзей, прикрывая свои болѣе крайнія мнѣнія. Между тѣмъ Александръ съ своей стороны распространялъ предостереженія противъ него и противодѣйствовалъ всѣмъ ходатайствамъ историка Евсевія, епископа кесарійскаго, и другихъ, которые пытались примирить ихъ между собою [3]).

---

[1]) Philostorg, II, 14.

[2]) Epiph. LXIX, 1.

[3]) Epiph. LXIX, 3.

[4]) Epiph. XLIX, 1, 2. Приходская система была введена въ Александріи раньше, чѣмъ въ другихъ городахъ, гдѣ все духовенство обыкновенно приписывалось къ главной церкви и оттуда совершало служеніе въ окружныхъ церквахъ.

[5]) Philosterg. I, 3. Но нѣтъ достаточныхъ основаній въ подтвержденіе даже разсказа о томъ, чтобы онъ вообще былъ кандидатомъ.

[6]) Socr. I, 5; Theodoret, I, 2.

Среди нихъ былъ и другой Евсевій, который, будучи связанъ съ Аріемъ какъ ученикъ или почитатель Лукіана, теперь былъ епископомъ никомидійскимъ. Евсевій добился отъ одного виѳинійскаго собора признанія своего друга православнымъ и принялъ его, когда онъ, благодаря вліянію александрійскаго епископа, былъ удаленъ изъ Палестины. Въ Никомидіи ересіархъ составилъ свою „Ѳалію“,—книгу, главнымъ образомъ состоящую изъ стиховъ и составляющую, по описанію его противниковъ, подражаніе языческому стихотворцу, по имени Сотоду [4]), сочиненія котораго были какъ омерзительны по предмету, такъ и жалки по исполненію [5]). Ѳалія предназначалась для распространенія Аріева ученія введеніемъ его въ стихотворенія, которыя можно было пѣть во время обѣда; съ подобною же цѣлію Арій написалъ пѣсни для мельниковъ, матросовъ и путешественниковъ [6]). Складъ его ума, какъ онъ проявляется въ его ереси и въ доводахъ въ пользу ея, запрещаетъ намъ предполагать, чтобы эти произведенія имѣли въ себѣ что нибудь поэтическое, исключая внѣшнюю ихъ форму.

Константинъ, сдѣлавшись властелиномъ востока, нашелъ, что церковь прискорбно раздиралась этимъ новымъ споромъ. Въ надеждѣ улаженія спора, онъ написалъ письмо совмѣстно Александру и Арію, въ которомъ заявилъ имъ, что 324 г. вѣра въ провидѣніе есть одно существенное ученіе христіанства, укорялъ ихъ за споры касательно праздныхъ вопросовъ и воображаемыхъ различій, увѣщавалъ ихъ къ миру и единенію, которымъ, какъ онъ говорилъ, они могли бы научиться даже изъ того, какъ ведутъ свои пренія языческіе философы [1]). Этотъ документъ былъ высоко восхваляемъ какъ образецъ мудрости и умѣренности, но онъ еще болѣе заслуживалъ бы похвалы, если бы божество Спасителя съ христіанской точки зрѣнія было именно тѣмъ пустымъ предметомъ, которымъ его тогда считалъ императоръ. Снабженный императорскимъ письмомъ, Осія, епископъ кордовскій, которому поручено было улаженіе дѣла [2]), отправился въ Александрію и созвалъ соборъ; но хотя ему и удалось уладить расколъ Коллуѳа, единственнымъ результатомъ касательно Аріева вопроса было лишь его убѣжденіе, что съ аріанами ничего нельзя подѣлать. Раздоры, причиненные споромъ, къ этому времени сдѣлались весьма серьезными; раздоры среди христіанъ сдѣлались предметомъ насмѣшекъ въ языческихъ театрахъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ статуи императора подвергались оскорбленіямъ [3]).

---

[1]) Socr. ɪ, 6, Soz. ɪ, 15.

[2]) Епифаній (ʟxɪx, 3) говоритъ, что ихъ было семьсотъ, что, конечно, невѣроятно.

[3]) Epiph. ʟxɪx, 4; Socr. ɪ, 6; Soz. ɪ, 15; Theodot. ɪ, 4, 5.

[4]) Сотадъ жилъ около 280 г. до Р. X. Smith, Dict. of Biography Art. *Sotades*.

[5]) Athan. de Synodis, xvɪɪ, p. 720 (гдѣ приводятся образчики изъ Ѳаліи). De Sentent. Dyon. 6: Socr. ɪ, 9; Sozom. ɪ, 21.

[6]) Philostorg. ɪɪ, 2.

Тогда Константинъ иначе взглянулъ на все это дѣло. Онъ началъ понимать, что разсматриваемое ученіе имѣло въ высшей степени великую и существенную важность, и главнѣе всего, аріане казались ему нарушителями общественнаго мира. Съ цѣлью, поэтому, уладить разногласія, а также и споры касательно времени Пасхи, которые возобновились недавно предъ тѣмъ, онъ пришелъ къ мысли созвать общій соборъ всей церкви, назначивъ мѣстомъ его городъ Никею, въ Виѳиніи [4]). Это еще въ первый разъ стало возможнымъ такое большое собраніе, такъ какъ никогда еще дотолѣ востокъ и западъ не объединялись подъ владычествомъ государя, исповѣдующаго христіанскую вѣру. Призывъ на соборъ, по необходимости, исходилъ отъ императорской власти, какъ единственной власти, которая признавалась всѣми христіанами имперіи.

Въ предъидущей главѣ уже сказано было отчасти о томъ, какъ христіанскія ученія о такихъ предметахъ, какъ разсматриваемые теперь, постепенно выяснялись и опредѣлялись. Въ болѣе раннее время, до вѣка Иринея, божество Отца, Сына и Св. Духа проповѣдывалось съ такою рѣшительностью и силой, что изреченія отцевъ могли быть перетолковываемы даже отчасти въ нѣчто похожее на савелліанство. Когда, начиная съ Праксея, стали появляться ереси этого рода, то онѣ были опровергаемы положеніями, которыя стремились установить различіе божественныхъ лицъ съ соподчиненіемъ втораго и третьяго, какъ соподчиненныхъ первому. Четвертому столѣтію предстояло окончательно выяснить, соединить и сочетать истины, которыя такимъ образомъ уже и раньше послѣдовательно обращали на себя преимущественное вниманіе.

---

[1]) *Euseb.* v. C. п. 63—71. Письмо было написано изъ Никомидіи и, по общему предположенію, было доставлено епископомъ этого города.

[2]) Soz. ı, 16.

[3]) Euseb. п, 61; Socr. ı, 6; Fheod. ı, 6.

[4]) *Euseb.* v. C. ш, 6.

Различные термины, которыми опредѣлялись отношенія божественнаго существа, предназначались сначала въ качествѣ взаимнодополнительныхъ въ сообщеніи такихъ оттѣнковъ этой великой тайны, какія только доступны человѣческой мысли и человѣческому языку, и если брать ихъ отдѣльно, они легко могли подлежать перетолкованію. Такъ, терминъ „Сынъ", если онъ выражалъ собою лишь тождественность естества и происхожденія „Бога отъ Бога", былъ недостаточнымъ, насколько онъ давалъ мысль о послѣдующемъ низшемъ матеріальномъ происхожденіи и слишкомъ большой личной отличительности. Съ другой стороны терминъ Слово или Разумъ [1]) давалъ идею совѣчности, сосущественнаго обитанія и посредства, но способенъ былъ затемнять идею личности, скорѣе предполагая, что второе лицо было по отношенію къ первому лишь аттрибутомъ или способомъ дѣйствія [2]). На недостаточности подобныхъ образовъ Арій и основалъ свою ересь. Первоначальнымъ возраженіемъ его противъ Александра было то, что если Сынъ рожденъ, то Отецъ существовалъ раньше Его; поэтому Сынъ имѣетъ начало; „нѣкогда Его не было" [3]). Онъ не могъ (доказывалъ Арій) позаимствовать отъ сущности Отца; поэтому Онъ былъ сотворенъ изъ ничего [4]). И такимъ образомъ, при помощи софизма, извлекаемаго изъ названія *Сынъ*, Арій выводилъ заключеніе противъ того самаго ученія, которое выразительно предполагалось сообщить при посредствѣ этого термина, именно тождество естества между вторымъ лицемъ и первымъ. Слово, говорилъ онъ, сотворено Отцемъ по Его собственной волѣ прежде міровъ,—прежде всякаго времени. Оно было высочайшимъ изъ тварей,—„тварью, но не подобною тварямъ", и поэтому называется *единороднымъ* [5]). Сынъ былъ созданъ по образу сосуществующаго божественнаго Логоса или Мудрости, просвѣщенъ имъ и названъ его именемъ [6]). Хотя аріане и истощались въ выраженіяхъ высоты Сына, однако же они представляли Его тварью, безконечно отдаляя Его отъ верховнаго источника бытія. Они отводили Ему роль на подобіе гностическаго деміурга въ твореніи міра. Богъ, говорили они, творилъ при посредствѣ Его, потому что само Божество не могло придти въ соприкосновеніе съ конечнымъ міромъ. По ихъ ученію, Онъ былъ употребляемъ въ твореніи какъ орудіе, между тѣмъ какъ по православному выраженію—Отецъ творилъ Имъ, какъ рукой 1). По ихъ мнѣнію, Сынъ назывался Богомъ въ нисшемъ смыслѣ, какъ и люди иногда называются такимъ именемъ въ св. Писаніи. Тексты, въ которыхъ Онъ самъ говоритъ о своемъ единствѣ съ Отцемъ, объяснялись въ смыслѣ или простаго согласія воли, или обитанія въ Немъ Бога совершенно такъ же, какъ и въ людяхъ 2).

---

[1]) Λόγος, Логосъ.

[2]) *Athanas*. de Synod. 41, 42; Orat. II, 33; ad Serap. IV, 6; Gibar. de Trin. II, 8, 15, VII, 11, 14 и слѣд.

[3]) ἦν ὅτε οὐκ ἦν. Арій не хотѣлъ сказать, что было *время*, когда Его не было: онъ училъ, что Сынъ родился прежде, чѣмъ было время. Аѳанасій (Orat. I, 11—15) считаетъ это лишь уловкой и нелѣпостью.

[4]) Thalia ap. Athanas. Orat. I, 5, 9; Socr. I, 5.

[5]) Ar. ap. Athanas. de Synod. 16. См. Petav. de Trin. VI, 8.

[6]) Thalia ap. Athan. Orat. I, 5.

Важнѣйшимъ оружіемъ Арія была логика; его умъ былъ не способенъ къ умозрѣнію, поднимавшемуся въ болѣе высокую область. Подробности его системы затемнены частью разногласіями, къ которымъ онъ прибѣгалъ, когда ему выставлялось слѣдствіе его ученія, частью его собственными уклоненіями отъ результатовъ, которыхъ онъ не предвидѣлъ или не понималъ, и частью его желаніемъ прикрыть свои мнѣнія въ такихъ терминахъ, которые бы казались наиболѣе правдоподобными для православныхъ и могли бы скорѣе всего пріобрѣсть сочувствіе людей, недостаточно строгихъ въ различеніи истинъ. Среди ученій, которыя онъ нѣкогда проповѣдывалъ и впослѣдствіи оставилъ, было и ученіе объ измѣняемости воли Сына. Онъ могъ бы, училъ Арій, пасть подобно сатанѣ; предвидя, что Онъ не падетъ, Отецъ предвѣчно наградилъ Его за эту преданность дарованіемъ Ему титуловъ Сына и Логоса, которые Онъ долженъ былъ заслужить впослѣдствіи 3). Воплощеніе, по ученію Арія, было просто принятіемъ со стороны Сына человѣческаго тѣла, причемъ Его естество дало мѣсто для души. Отсюда, библейскія выраженія, которыя въ дѣйствительности относятся къ человѣчеству Спасителя, были прилагаемы къ Его предсуществующему естеству, и на основаніи ихъ доказывалось, что это естество было ниже божественнаго 4).

Первый вселенскій соборъ собрался въ Никеѣ въ іюнѣ 325 года. Число присутствовавшихъ епископовъ восходило до трехсотъ 5), и съ ними было много лицъ изъ нисшаго духовенства. Даже нѣкоторые языческіе философы изъ любопытства прибыли въ мѣсто этого собранія и вели бесѣды и споры съ епископами 6). Такъ какъ

---

1) Athan. de Decr. Nic. Syn., 7, 8; Orat. ii, 24, p. 492.

2) Athan. Orat. i, 5; iii, 10.

3) Thalia ap. Athanas. Orat. i, 5; Socr. i, 9.

4) Epiph. Ep. lxix, 49; Petav. de in Carn. i, v, 4—8.

5) Евсевій говоритъ 250 (V. C. iii, 8); Аѳанасій (De Decr. Nic. Syn. 3) и Сократъ (i, 8) „болѣе 300“. По Созомену „около 320“ (i, 17). Сирійскій списокъ сопровождается замѣчаніемъ, что ихъ было „всего 220, потому что имена западныхъ епископовъ не записаны“. Число 318, даваемое св. Аѳанасіемъ (ad Afros. 2), Епифаніемъ (lxix, 11) и Ѳеодоритомъ (i, 7), принято, по преданію, по таинственному соотношенію съ числомъ слугъ Авраама (Быт. xiv, 14).

6) Передается разсказъ объ одномъ простомъ епископѣ, который, простымъ

аріанскій споръ еще не начиналъ волновать запада, то изъ этой половины владѣнія императора на соборѣ были только Осія кордубскій, Цециліанъ карѳагенскій и два римскихъ пресвитера, Витонъ и Винцентій, посланные въ качествѣ представителей своего епископа Сильвестра, преклонныя лѣта котораго препятствовали ему лично присутствовать на соборѣ. Одинъ епископъ прибылъ изъ Скиѳіи и одинъ изъ Персіи, причемъ большинство были изъ восточной половины имперіи [1]. Собравшіеся, несомнѣнно, представляли много разнообразія въ отношеніи способностей и познаній; но цѣль ихъ собранія была не такою, которая бы требовала какихъ нибудь исключительно высокихъ умственныхъ дарованій. Болѣе тонкіе доводы опредѣленія не вводились въ споръ до позднѣйшаго времени, и собравшіеся въ Никеѣ отцы призваны были не разсуждать объ основахъ своей вѣры, а свидѣтельствовать о той вѣрѣ, которую содержала церковь по спорнымъ предметамъ. По предположенію нѣкоторыхъ, предсѣдателемъ собора былъ Евстаѳій антіохійскій; по другимъ, предсѣдательствовали по очереди епископы александрійскій и антіохійскій; нѣкоторые, наконецъ, отводятъ главное мѣсто Евсевію кесарійскому. Большинство мнѣній однако же склоняются въ пользу Осія, имя котораго стоитъ первымъ среди подписей. Но тутъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія для мысли, чтобы это положеніе принадлежало ему въ силу его римскаго полномочія, или чтобы во всякомъ случаѣ за нимъ признавалось такое полномочіе [2]. Число епископовъ, благопріятныхъ Арію, различно опредѣляется въ 13, 17, 22; самыми знаменитыми среди нихъ были два Евсевія, которые однако же не вполнѣ были согласны въ ученіи, такъ какъ епископъ никомидійскій въ своихъ взглядахъ вполнѣ склонялся къ ереси, между тѣмъ какъ мнѣнія историка, повидимому, были того рода, который впослѣдствіи назывался полуаріанскимъ. Въ первыхъ засѣданіяхъ, которыя, повидимому, происходили въ церкви, Арій нѣсколько разъ былъ выслушиваемъ отцами собора въ защиту его мнѣній. Онъ признавался въ своей ереси безъ всякаго смущенія, и это наглое признаніе заставляло всѣхъ присутствующихъ затыкать себѣ уши. Его главными противниками въ аргументаціи были Маркеллъ, епископъ

прочтеніемъ своего символа вѣры, обратилъ философа (Rufin, i, 3, Patrol. xxi; Sos. i, 18). Созоменъ передаетъ другой разсказъ, по которому Александръ, епископъ византійскій, будучи вызванъ однимъ философомъ на пренія и сознавая себя сильнѣе въ вѣрѣ, чѣмъ въ силѣ аргументаціи, сказалъ своему противнику: „во имя Іисуса Христа повелѣваю тебѣ не говорить!“ и философъ, вслѣдствіе этого, не способенъ былъ произнести ни одного слова.

[1]) Euseb. iii, 7; Soz. i, 17.

[2]) Первый слѣдъ такихъ идей замѣчается у Геласія Кизикійскаго, малоавторитетнаго писателя конца V столѣтія. Болѣе смѣлые паписты, какъ Бароній, заявляютъ, что Сильвестръ собралъ соборъ и Гозій предсѣдательствовалъ на немъ въ качествѣ его легата.

анкирскій [1]), и Аѳанасій, архидіаконъ александрійскій, который прислуживалъ своему епископу Александру [2]).

Недѣли черезъ двѣ послѣ открытія собора, въ Никею прибылъ самъ Константинъ. Засѣданія были перенесены во дворецъ [3]), гдѣ на нихъ являлся императоръ и дѣйствовалъ въ качествѣ наблюдателя. Немедленно по его прибытіи, онъ былъ осаждаемъ епископами, которые настойчиво требовали отъ него выслушать ихъ жалобы другъ противъ друга, и такъ какъ эти раздоры не только были недостойны, но и легко могли затруднять собственно дѣлопроизводство на соборѣ, то онъ рѣшился сразу же положить имъ конецъ. Назначивъ день для рѣшенія подобныхъ дѣлъ, онъ занялъ мѣсто въ качествѣ судьи и принялъ всѣ докладныя записки, содержавшія взаимныя жалобы и взаимныя обвиненія епископовъ. Затѣмъ послѣ краткаго увѣщанія имъ къ единенію и согласію, онъ сжегъ всѣ эти бумаги, не раскрывая ихъ, „дабы распри священниковъ не сдѣлались извѣстными кому нибудь“ [4]). Послѣ этого соборъ приступилъ къ обсужденію того, для чего онъ собственно и былъ созванъ. Сторонники Арія и особенно та партія, вождемъ которой былъ Евсевій никомидійскій, пытались прикрыть себя двусмысленными терминами [5]). Евсевій кесарійскій предложилъ собору принять символъ вѣры, по его заявленію, согласный съ тою вѣрою, которую онъ принялъ отъ своихъ предшественниковъ, которой обучался въ качествѣ оглашеннаго и которую всегда содержалъ и проповѣдывалъ [6]); но этотъ документъ, хотя и православный по внѣшности, былъ составленъ такъ искусно, что избѣгалъ тѣхъ самыхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ и было цѣлью собора. Онъ порицалъ термины, предложенные православными, какъ противные св. Писанію, дѣлая такимъ образомъ совершенно праздное возраженіе, такъ какъ предметомъ спора былъ именно смыслъ тѣхъ мѣстъ св. Писанія, которыя признавались всѣми, и даже нѣсколько безстыдное, какъ исходящее отъ партіи, которая именно и начала споръ введеніемъ терминовъ, неизвѣстныхъ св. Писанію [7]). Съ цѣлью опровергнуть уловки этого символа, было предложено слово омоусіосъ (то есть, единосущный, той же самой субстанціи или сущности) [8]). Противъ него сдѣланы были возраженія, что оно отзывается матеріальностью, затемняетъ личное отличіе и находится въ связи съ нѣкоторыми еретическими системами, и особенно въ виду того, что оно осуждено, „хотя и въ другомъ смыслѣ“, соборомъ, низложившимъ Павла Самосатскаго [1]). Евсевій, однако же, признавалъ, что оно употреблялось общепризнанными отцами, и наконецъ согласился принять его [2]). Начертанъ былъ символъ вѣры, схожій съ символомъ Евсевія и, подобно ему, главнымъ образомъ составленный изъ древнѣйшихъ изреченій восточной церкви, но отличающійся отъ него прибавленіемъ необходимыхъ оплотовъ противъ аріанскихъ заблужденій, и этотъ символъ, вмѣстѣ съ торжественнымъ осужденіемъ Арія, былъ подписанъ всѣми епископами и среди нихъ самимъ Евсевіемъ, который, какъ объяснено въ посланіи къ его паствѣ, скорѣе руководился приэтомъ умственными соображеніями, чѣмъ искренностью. Ученый придворный историкъ, по его собственному заявленію, принялъ слово омоусіонъ въ томъ смыслѣ, что Сынъ подобенъ Отцу и не подобенъ всѣмъ другимъ тварямъ, и присоединился къ осужденію Арія потому, что порицаемые термины представляли новшество и были противны св. Писанію, но не имѣя въ виду ни провозглашать спорныхъ мнѣній ложными, ни утверждать, что они содержались обвиненными [3]).

---

[1]) Julius ap. Athan. Apol. ad Arianos, 23, 32.

[2]) Rufin, I, 5, 14; Socr. I, 8; Soz. I, 17.

[3]) См. Euseb. III, 10.

[4]) Rufin, I, 2.

[5]) Athan. ad Afros. 5; Theod. I, 8.

[6]) Euseb. ad Parachianos suos 2, ap. Athan. II, 238.

[7]) Athanas. de Decr. Nic. Syn. 18, 21, 32.

[8]) Athanas. de Decr. Nic. Syn. 19 и слѣд.

Улаженъ былъ также и пасхальный вопросъ рѣшеніемъ противъ квартодециманскаго обычая [4]). Постановлено было двадцать каноновъ по различнымъ предметамъ касательно управленія и дисциплины церкви [5]), и разсужденія собора закончились празднованіемъ виценналій Константина, во время которыхъ онъ предложилъ епископамъ великолѣпное пиршество, и послѣ увѣщанія къ нимъ поддерживать миръ между собою, отпустилъ ихъ съ просьбою, чтобы они молились за него [6]).

Императоръ привелъ приговоръ собора въ исполненіе, и сослалъ Арія въ Иллирію, подвергнувъ тому же и двухъ египтянъ Секунда и Ѳеону, которые были единственными епископами, всецѣло державшими сторону ересіарха [7]). Противъ Арія и его послѣдователей были провозглашаемы суровыя наказанія, и обладаніе его сочиненіями было сдѣлано даже уголовнымъ преступленіемъ. Константинъ повелѣлъ, чтобы партія эта называлась порфиріанами, каковое названіе производилось отъ имени одного позднѣйшаго извѣстнаго полемиста, выступившаго со стороны язычества [1]), и намѣревался вообще заклеймить аріанъ какъ враговъ христіанской вѣры [2]); въ письмѣ, обращенномъ къ ересіарху, императоръ, не ограничиваясь сильнымъ нападеніемъ на его ученіе, даже острилъ надъ его именемъ и осмѣивалъ его внѣшность [3]). Черезъ три мѣсяца послѣ собора, Евсевій никомидійскій и Ѳеогнъ никейскій, которые подписали символъ вѣры, но не анаѳему, были осуждены мѣстнымъ соборомъ по какому то новому обвиненію, и императоръ, давшій повелѣніе о судѣ надъ ними, приговорилъ ихъ къ ссылкѣ [4]).

---

[1]) См. выше стр. 122.

[2]) Athanas ad Afros. 6; Socr. i, 8.

[3]) Eusb. ap. Athan. de Decr. Nic. 238 и слѣд.; Rufin, i, 5; Socr. i, 8; Soz. i, 20, 21; Theod. i, 12.

[4]) Conc. ap. Euseb. iii, 11; Socr. i, 9; Theod. i, 10.

[5]) Hefele, i, 351—9.

[6]) Euseb. iii, 14—21.

[7]) Въ этомъ отношеніи существуетъ разногласіе въ свидѣтельствахъ. См. Soz. i, 20; Socr. i, 8. Theod. i, 7; Nat. Alex. vii, Dissert. 16.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по своемъ возвращеніи изъ Никеи, Александръ, епископъ александрійскій, умеръ. Аѳанасій, котораго онъ рекомендовалъ въ качествѣ своего преемника по каѳедрѣ, будучи тогда въ отсутствіи, повидимому намѣренно продлилъ свое отсутствіе во время посольства ко двору, съ цѣлью избѣгнуть этого опаснаго и труднаго достоинства [5]). Не смотря на это онъ былъ избранъ при общемъ одобреніи, и хотя впослѣдствіи противъ способа его назначенія высказывались нѣкоторыя слабыя обвиненія въ неправильности, однако же оно въ дѣйствительности было безукоризненнымъ. Аѳанасій занималъ каѳедру съ 30 до 76 лѣтъ своей жизни, посвящая всѣ свои силы на утвержденіе истиннаго ученія, которое для него не было какимъ либо умозрительнымъ мнѣніемъ, но неразрывно связаннымъ со всею христіанскою жизнью. Его способностямъ и стойкости, при помощи божественнаго провидѣнія, восточная церковь, и быть можетъ даже вся церковь, обязана сохраненіемъ отъ усвоенія Аріевой ереси или отъ всякой вообще неопредѣленной и безпринципной системы, которая, вѣроятно, закончилась бы полнымъ разложеніемъ христіанства. Онъ обнаруживаетъ въ своихъ сочиненіяхъ мужественное и прямое краснорѣчіе, замѣчательное и необычайное сочетаніе тонкости съ широтою ума, чрезвычайную остроту въ аргументаціи, и въ то же самое время стоитъ выше простыхъ споровъ о словахъ. Его непреклонное стремленіе къ цѣли соединялось съ рѣдкимъ искусствомъ въ обращеніи съ людьми; онъ зналъ, когда нужно уступить, равно какъ и когда особенно выказать противодѣйствіе. Его изумительная дѣятельность, постоянная готовность ко всему, его предусмотрительность, его чудесныя приключенія и способы избавленія отъ опасностей дали даже поводъ къ разсказамъ о его волшебствѣ, ходившимъ среди его враговъ [1], и къ вѣрованію его почитателей, что онъ обладалъ дарами чудесъ и пророчествъ. Во всѣхъ своихъ невзгодахъ онъ былъ поддерживаемъ преданностью своего народа и сотней епископовъ, сохранившихъ свою вѣрность каѳедрѣ александрійской.

---

[1]) Порфирій умеръ въ 305 или 306 году.

[2]) Socr. i, 8; Soz. i, 21, 24.

[3]) О письмѣ этомъ упоминаетъ Сократъ (i, 9), и оно сохранено Геласіемъ Кизикійскимъ (ap. Hard. i, 451).

[4]) Philostorg. i, 10; Socr. i, 9; Soz. i, 21. Преступленія ихъ, по предположенію, состояли въ сношеніи съ Аріемъ.

[5]) Socr. i, 15.

Аріанская партія вскорѣ начала пріобрѣтать вліяніе въ императорскомъ дворцѣ. Констанція, жена Ликинія и сестра Константина, находившаяся подъ вліяніемъ Евсевія никомидійскаго, была убѣждена пресвитеромъ, имя котораго, по свидѣтельству позднѣйшихъ писателей, было Евтокій [2],—что Арій изображенъ былъ ложно и осужденъ несправедливо [3]. 327—8 гг. Будучи на своемъ смертномъ одрѣ, она старалась то же самое убѣжденіе внушить и своему брату, и рекомендовала ему пресвитера, и этотъ человѣкъ убѣдилъ императора, отношеніе котораго къ вопросу никогда не было независимымъ или самостоятельнымъ, пригласить Арія къ себѣ во дворецъ. Ересіархъ явился вмѣстѣ съ Евзоіемъ, діакономъ александрійскимъ, который былъ отлученъ вмѣстѣ съ нимъ. Они представили символъ вѣры, который, хотя и съ недостатками въ главныхъ пунктахъ, составленъ былъ изъ безупречныхъ и по большей части библейскихъ выраженій, и Константинъ съ удовлетворительностью убѣдился въ ихъ православіи. Евсевій и Ѳеогнъ также скоро получили позволеніе возвратиться изъ ссылки, и открыто заявляли, что они не имѣли никакого сочувствія къ заблужденіямъ, приписываемымъ Арію, что все ихъ преступленіе состояло въ сомнѣніи касательно того, держался ли онъ этихъ заблужденій,—въ сомнѣніи, которое, говорили они, недавно оправдалъ самъ императоръ.

Аріева или Евсевіева партія теперь пользовалась полнымъ вліяніемъ при дворѣ, и члены ея безцеремонно пользовались имъ для ниспроверженія всѣхъ такихъ православныхъ епископовъ, которые стояли имъ на дорогѣ. Среди этихъ послѣднихъ былъ и Евстаѳій, епископъ антіохійскій, который оскорбилъ ихъ обвиненіемъ Евсевія кесарійскаго въ невѣрности никейскому ученію. Евсевій въ свою очередь отвѣчалъ обвиненіемъ въ савелліанствѣ,—въ заблужденіи, которое аріанствующіе обыкновенно приписывали своимъ православнымъ противникамъ, и на частномъ соборѣ, происходившемъ въ его собственномъ городѣ, епископъ антіохійскій былъ низложенъ по обвиненіямъ въ ереси и прелюбодѣяніи, которыя одинаково были безосновательны [4]. Такъ какъ преданность народа Евстаѳію и его негодованіе на этотъ приговоръ, повидимому, угрожали нарушеніемъ общественнаго мира, то за это дѣло взялся самъ императоръ, и епископъ былъ отправленъ въ ссылку [1]. Послѣ того, какъ эту каѳедру послѣдовательно занимали въ теченіе краткаго времени два аріанина, предложено было занять ее Евсевію; онъ, однако же, отклонилъ предложеніе, и его отказъ былъ одобренъ императоромъ [2].

---

[1] См. Ammian. Marcell. xv, 7.

[2] Такъ онъ называется Фотіемъ въ его отчетѣ о произведеніи Геласія Кизикійскаго. Bibl. № 88, p. 208.

[3] Rufin. i, 11. Аріане говорили, что она получила объ этомъ предостереженіе въ видѣніи или сновидѣніи. Soz. iii, 19.

[4] Philostorg. ii, 7; Socr. i, 23.

Епископъ, занимавшій другую великую восточную каѳедру, былъ еще гораздо болѣе ненавистенъ аріанамъ, не только вслѣдствіе его сильнаго характера и высокихъ дарованій, но также и вслѣдствіе того, что онъ былъ епископомъ той церкви, изъ которой изгнанъ былъ Арій и отъ которой приверженцы послѣдняго желали бы добиться формальнаго допущенія его къ православному общенію. Послѣ тщетныхъ попытокъ Евсевія никомидійскаго уладить дѣло, самого императора уговорили написать Аѳанасію письмо съ просьбою принять Арія съ его послѣдователями и съ угрозою низложенія и ссылки въ случаѣ отказа. Но непреклонный епископъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ признавать лицъ, которыя осуждены были опредѣленіемъ всей церкви, и Константинъ не сталъ настаивать на этомъ дѣлѣ [3].

Аріане теперь обратились къ мелетіанамъ. Соборъ никейскій старался достигнуть примиренія мелетіанскаго раскола извѣстнымъ постановленіемъ касательно обладанія каѳедръ, на которое одинаково заявляли притязанія какъ православные, такъ и мелетіанскіе епископы; но Мелетія, хотя на время и удовлетворившагося этою мѣрою, впослѣдствіи убѣдили продолжить разрывъ посвященіемъ нѣкоего Іоанна въ преемники себѣ въ качествѣ главы своей общины. Мелетіане, при своей враждѣ противъ александрійскаго первосвятителя, легко согласились сдѣлаться орудіями для его аріанскихъ противниковъ, и хотя доселѣ свободные отъ догматическаго заблужденія, они постепенно заразились ересью этихъ своихъ новыхъ союзниковъ [4]. Въ мнимыхъ жалобахъ мелетіанъ на несправедливости аріане нашли поводъ осаждать императора множествомъ жалобъ противъ Аѳанасія. Но епископъ обнаружилъ неосновательность этихъ жалобъ съ такимъ успѣхомъ, что на время негодованіе Константина обратилось даже противъ самихъ авторовъ ихъ [5].

---

[1] Нѣкоторые полагаютъ его смерть вскорѣ послѣ его ссылки, а другіе относятъ ее къ 360 году (Fabric. Bibl Gr. ix, 132). Сократъ (ii, 14) и Созоменъ (vi, 13) даже говорятъ, что онъ былъ возвращенъ изъ ссылки Іовіаномъ (363—364 гг.), и жилъ въ Антіохіи въ 370 году. Но это, по общему предположенію, ошибка.

[2] Euseb. iii, 59—62; Socr. i, 24; Soz. ii, 18, 19.

[3] Athan. Apol. 59; Socr. i, 23, 27.

[4] Athan. Apol. 59; Socr. i, 27; Soz. ii, 18, 19; Epiph. lxvi, 5, 6.

[5] Athan. Apol. 60; Soz. ii, 22.

Въ 334 году Аѳанасій потребованъ былъ явиться на соборъ въ Кесаріи, но онъ отвергъ это требованіе на томъ основаніи, что ему нельзя было ожидать справедливости отъ такого судилища [1]. Въ слѣдующемъ году онъ былъ потребованъ на другой соборъ, который предположено было созвать въ Тирѣ, и такъ какъ требованіе тогда подкрѣплялось императорскою властью, съ угрозами о личномъ насиліи, то онъ счелъ за лучшее повиноваться. На этомъ соборѣ присутствовало шестьдесятъ епископовъ, и гражданскій уполномоченный императора надзиралъ за дѣлопроизводствомъ. Аѳанасій явился во главѣ пятидесяти египетскихъ епископовъ и готовъ былъ занять мѣсто, которое принадлежало ему по достоинству его каѳедры, но ему было повелѣно председателемъ собора, Евсевіемъ кесарійскимъ, стоять, какъ лицу обвиняемому. На это одинъ изъ египетскихъ епископовъ, Потаммонъ, высоко славившійся своею святостью, будто бы обратился къ Евсевію съ такою рѣчью: „неужели ты будешь сидѣть, когда невинный Аѳанасій будетъ судиться предъ тобою? Помни, какъ ты былъ моимъ соузникомъ во время гоненія. Я лишился одного глаза за истину: какими же уловками ты вышелъ невредимымъ?“ Евсевій счелъ за лучшее избѣгнуть этого вопроса. „Твое поведеніе“, отвѣчалъ онъ, „подтверждаетъ обвиненіе противъ вашей партіи; потому что если вы пытаетесь показать себя тиранами здѣсь, то нѣтъ сомнѣнія, что вы еще гораздо болѣе являетесь тиранами дома“. И онъ закрылъ собраніе на этотъ день [2].

335 г.

Аѳанасій потребованъ былъ на судъ собора на основаніи различныхъ обвиненій, изъ которыхъ иныя возникали изъ столкновеній съ остававшимися приверженцами Мелетія и Коллуѳа, происходившихъ во время тѣхъ посѣщеній, которыя онъ неустанно дѣлалъ по всей своей обширной области. Самымъ серьознымъ изъ нихъ было то, что онъ будто бы убилъ одного мелетіанскаго епископа, по имени Арсенія, отсѣкъ одну изъ его рукъ и употреблялъ ее для волшебныхъ цѣлей, и дѣйствительно, въ доказательство этихъ преступленій была показываема человѣческая рука. Въ отвѣтъ на всѣ эти обвиненія Аѳанасій защищалъ себя смѣло и побѣдоносно. Разсказъ касательно Арсенія былъ опровергнутъ представленіемъ самого этого человѣка живымъ и невредимымъ, такъ какъ друзья Аѳанасія отыскали его, не смотря на всевозможныя старанія противоположной партіи держать его скрытымъ [3].

Такъ какъ дѣло противъ Аѳанасія такимъ образомъ потерпѣло неудачу, то изъ среды его ожесточеннѣйшихъ враговъ была избрана коммиссія и послана въ Мареотисъ для собиранія новыхъ доказательствъ противъ него. Онъ протестовалъ противъ недобросовѣстнаго состава этой коммиссіи, и, не ожидая результата ея слѣдствій, отправился моремъ въ Константинополь, бросился на дорогу къ императору, когда онъ ѣхалъ однажды близь города, и, напоминая ему о судѣ, на который имъ придется нѣкогда явиться обоимъ, добился отъ него обѣщанія вновь разслѣдовать дѣло въ его личномъ присутствіи [1]). Константинъ былъ такъ тронутъ этой просьбой, что написалъ въ укорительномъ тонѣ собору, который уже опредѣлилъ низложить и отлучить Аѳанасія и, переѣхавъ въ Іерусалимъ, съ цѣлью освященія великолѣпной церкви, недавно построенной императоромъ надъ святымъ гробомъ Господнимъ, допустилъ тамъ Арія и Евзоія къ общенію [2]).

---

[1] Soz. II, 25; Theod. I, 28.

[2] Epiph. LXVIII, 7; сн. Athan. Apol. 8.

[3] Athan. Apol. 8—12, 63 и слѣд.; Rufin, I, 17; Socr. I, 27; Soz. II, 23—25.

Вожди аріанской партіи убѣдили другихъ епископовъ возвратиться по своимъ домамъ и сами отправились въ Константинополь. Оставляя обвиненія, на основаніи которыхъ они осудили Аѳанасія на соборѣ, они утверждали, что онъ угрожалъ остановить плаваніе египетскаго флота, отъ котораго новая столица зависѣла въ снабженіи ея хлѣбомъ. Обвиненіе это было хитро задумано съ цѣлью возбудить негодованіе Константина, такъ какъ по подобному же подозрѣнію онъ нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ предалъ смерти философа, по имени Сопатра, который долго пользовался его дружбой, и хитрость аріанъ была успѣшна [3]). Повѣривъ ли обвиненію, изъ желанія ли удалить столь вліятельнаго человѣка съ мѣста, гдѣ онъ могъ быть опасенъ, или съ цѣлью устранить его на время отъ злобы враговъ, императоръ сослалъ Аѳанасія въ Тревы, гдѣ этотъ поборникъ православія нашелъ почетный пріемъ при дворѣ младшаго Константина [4]).

Но духъ великаго епископа продолжалъ одушевлять александрійскую церковь. Попытки Арія добиться общенія были настойчиво отвергаемы, и наконецъ слухи о смятеніяхъ, причиненныхъ его поступками, побудили императора потребовать его въ Константинополь [5]). Засѣдавшій тамъ соборъ осудилъ Маркелла анкирскаго, одного изъ самыхъ видныхъ приверженцевъ Аѳанасія, по обвиненію въ савелліанствѣ, къ которому онъ отчасти 336 г.
подалъ поводъ употребленіемъ неосторожныхъ выраженій [6]), и тотъ же соборъ, повидимому, постановилъ допустить

---

[1]) Athan. Apol. 13 и слѣд., 71—86; Socr. i, 31—34.

[2]) Athan. Apol. 86; Socr. i, 34; Soz. ii, 25, 29.

[3]) Eunapius, Vitae Sophistarum, 463, edit. Boissonade, Paris, 1849.

[4]) Atha. Apol. ix, 97, Sosr. i, 35.

[5]) Socr. i, 37.

[6]) О Маркеллѣ см. два трактата Евсевія противъ него, Patrol. Grec. xxiv; Socr. i, 36. Soz. ii, 32; Baron. 336, 34; Petav. de Trin. i, 13.

Арія къ общенію. Ересіархъ явился къ императору и безъ смущенія подписалъ исповѣданіе православія [1]), заявляя, что онъ никогда не держался никакого другаго ученія. Константинъ былъ удовлетворенъ этимъ и, призвавъ епископа Александра, сказалъ ему, что Арій долженъ быть принятъ въ общеніе на слѣдующій день, кототорымъ было воскресенье. Александръ, занимавшій каѳедру Византіи, когда она была еще незначительнымъ городомъ и теперь почти заканчивавшій сотый годъ своей жизни, слышалъ уже отъ Евсевія никомидійскаго угрозы о низложеніи въ случаѣ отказа, и въ теченіе цѣлыхъ недѣль пребывалъ съ своею паствою въ торжественныхъ молитвахъ объ отвращеніи угрожающаго зла. Выйдя отъ императора, онъ вошелъ въ церковь Мира, палъ ницъ предъ святымъ престоломъ и молился о томъ, чтобы ему не пришлось быть свидѣтелемъ такого святотатства и чтобы лучше онъ самъ или ересіархъ былъ взятъ изъ міра сего. Вечеромъ слѣдующаго дня Арій ѣхалъ верхомъ по улицамъ города, среди большой толпы своихъ приверженцевъ, весело и торжественнымъ тономъ говоря о церемоніяхъ, назначенныхъ на завтра. Требованіе естественной нужды заставило его сойти съ лошади и удалиться [2]). И скоро послѣ этого онъ былъ найденъ мертвымъ. О его кончинѣ разсказываются такія подробности, которыми повѣствователи видимо хотѣли напомнить о кончинѣ Іуды-предателя [3]).

Не смотря на то близкое участіе, которое Константинъ принималъ въ дѣлахъ церкви, онъ однако же доселѣ все еще не состоялъ членомъ ея чрезъ крещеніе. Но вотъ на своемъ шестьдесятъ четвертомъ году онъ впалъ въ опасную болѣзнь во дворцѣ близь Никомидіи. Чувствуя приближеніе смерти, онъ послалъ за нѣсколькими епископами, которымъ и объявилъ, что откладывалъ свое крещеніе изъ желанія принять его въ водахъ Іордана, но что такъ какъ случай для этого ему не представился, то онъ и просилъ ихъ совершить надъ нимъ таинство. Будучи допущенъ чрезъ возложеніе рукъ къ высшему классу оглашенныхъ, онъ крещенъ былъ епископомъ сосѣдняго города Евсевіемъ, и во время остальныхъ дней своей жизни носилъ бѣлую одежду крещенія, отказываясь надѣвать императорскую пурпурную мантію. Въ полдень на Троицу, 20-го мая 337 года онъ скончался. Тѣло его было перевезено въ Константинополь и погребено въ храмѣ Апостоловъ [4]).

337 г.

---

[1]) Athan. de Morte Arii, 9.

[2]) Athan. Tract. 212; Socr. i, 37.

[3]) Дѣян. i, 18; Athrn. De Morte Arii, 3; Rufin, i, 12, 13. Socr. i, 38; Epiph. lxviii, 5; lxix, 10; Theod. Haer. iv, 1.

[4]) Euseb. iv, 61—64.

ГЛАВА X.

Сыновья Константина Великаго.

337—361 г.

Первому христіанскому императору наслѣдовали его три сына: Константинъ, Констанцій и Констансъ. Старшій, которому принадлежало владычество надъ Галліей, Испаніей и Британіей, былъ убитъ въ 340 году во время нападенія на Италію, составлявшую часть владѣній Констанса, и Констансъ овладѣлъ всѣмъ, что принадлежало его покойному брату. Въ 350 году самъ Констансъ былъ преданъ смерти Магненціемъ, и послѣ пораженія этого узурпатора вся имперія была объединена подъ главенствомъ Констанція, который дотолѣ былъ властелиномъ востока ¹).

Константинъ будто бы ввѣрилъ свое завѣщаніе тому же аріанскому пресвитеру, который оказывалъ столь важное вліяніе на религіозную политику послѣднихъ лѣтъ его жизни ²), и имъ оно передано было Констанцію, который оказался ближе, чѣмъ кто-либо изъ его братьевъ, къ мѣсту смерти своего отца. За эту услугу Евтокій (если таково было его имя) получилъ свободный доступъ ко двору, и немного спустя Аріево ученіе было принято императоромъ, императрицей, придворными дамами и евнухами ³),—тѣмъ классомъ лицъ, которыхъ Константинъ ограничивалъ низшими должностями, но которыя въ это царствованіе получили столь важное значеніе, что оправдывали сарказмъ одного языческаго историка, который, опредѣляя отношеніе къ нимъ императора, говорилъ, что онъ значительно интересовался главнымъ изъ нихъ ⁴). Констанцій характеризуется какъ человѣкъ цѣломудренный, умѣренной и строгой жизни, но тщеславный и слабый, рабъ постоянной подозрительности и неумолимый въ своей враждѣ къ тому, кого онъ подозрѣвалъ ⁵). Его вмѣшательство въ дѣла церкви было столь же неразумно, какъ и несчастно. Подобно своему отцу, оставаясь некрещеннымъ почти до самой смерти, онъ претендовалъ на характеръ богослова: его тщеславіе и невѣжество дѣлали его беззащитнымъ противъ уловокъ, въ которыхъ искусны были вожди аріанства, и въ теченіе всего его царствованія имперія была постоянно волнуема этимъ религіознымъ споромъ. Высочайшіе вопросы христіанскаго ученія сдѣлались

---

¹) Gibbon, ii, 88, 98—100.

²) См. выше стр. 194. Филосторгій говоритъ, что завѣщаніе было дано Евсевію Никомидійскому, касательно котораго онъ передаетъ любопытный разсказъ (ii, 17).

³) Rufin, i, 11; Socr, ii, 2; Soz. iii, 1.

⁴) Amm. Marcell. xviii, 4; сн. xxii, 4; Rufin, i, 15,

⁵) Amm. Marcell. xxi, 16.

предметомъ заурядныхъ разговоровъ и возбуждали невѣжественную ревность толпы, весьма недостаточно проникнутой христіанскими началами [1]. Соборы были такъ часты, что государственное почтовое учрежденіе, будто бы, было совершенно раззорено постоянными путешествіями епископовъ, которымъ императоръ давалъ привиллегію безплатнаго проѣзда на эти собранія [2].

Константинъ настойчиво противодѣйствовалъ какъ назойливости аріанъ, желавшихъ, чтобы каѳедра Александріи была занята кѣмъ нибудь изъ ихъ партіи, такъ и просьбамъ александрійцевъ о возстановленіи ихъ доблестнаго епископа, хотя эти послѣдніе были поддерживаемы авторитетомъ знаменитаго пустынника Антонія, котораго императоръ допускалъ къ свободному сношенію съ собою [3]. На своемъ смертномъ одрѣ онъ однако же, повидимому, далъ повелѣніе о возвращеніи Аѳанасія и другихъ сосланныхъ епископовъ [4]. Его преемники, на собраніи въ Паннонiи, согласились возвратить ссыльныхъ, и Аѳанасій, послѣ двухъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ отсутствія, возвратился въ Александрію, неся съ собою письмо, въ которомъ Константинъ младшій увѣрялъ александрійскую общину, что это возстановленіе было сдѣлано согласно съ намѣреніемъ покойнаго императора [5]. Епископъ былъ съ 338 г.
радостными привѣтствіями принятъ со стороны своей паствы, но аріанская (или Евсевіева) партія скоро возобновила свою вражду противъ него. Нѣкій Пистъ, находившійся въ общеніи съ Аріемъ, былъ ею поставленъ въ качествѣ епископа—соперника. Констанцію было донесено, что Аѳанасій будто бы произвелъ нарушеніе общественнаго мира, продалъ ту партію хлѣба, которымъ императоръ милостиво надѣлилъ Александрійскую церковь, и корыстно присвоилъ себѣ деньги. Затѣмъ онъ былъ обвиняемъ въ неправильности занятія своей каѳедры по уполномочію только свѣтской власти, между тѣмъ какъ низложенъ онъ былъ соборомъ епископовъ [6]. Тѣ же самыя обвиненія и старый отчетъ о слѣдствіи, произведенномъ его врагами въ Мареотисѣ отправлены были въ Римъ депутаціей Евсевіева духовенства, но тамъ они были опровергнуты нѣкоторыми посланными Аѳанасія, которые были снабжены соборнымъ посланіемъ почти отъ ста египетскихъ епископовъ, свидѣтельствовавшихъ о его заслугахъ и его невинности [7].

Въ концѣ 340 или въ началѣ слѣдующаго года въ Антіохіи состоялся соборъ для освященія великолѣпной церкви, основанной Константиномъ. Епископовъ собралось 97, изъ которыхъ 40 были евсевіане [1]). Они постановили нѣсколько правилъ, которыя вообще приняты были въ церкви; однимъ изъ нихъ, самимъ по себѣ не исключительнымъ, но составленнымъ съ явною цѣлью сдѣлать его орудіемъ противъ Аѳанасія, постановлено было, что если какой епископъ, будучи низложенъ соборомъ, вмѣсто того, чтобы искать защиты у высшаго собора, обратится къ свѣтской власти, то долженъ лишиться всякой надежды на возстановленіе [2]). Спустя нѣсколько времени, евсевіане, повидимому, добились полнаго господства на соборѣ или вслѣдствіе удаленія православныхъ епископовъ, или вслѣдствіе надежды на поддержку присутствовавшаго на собраніи Констанція. Они возобновили обвиненіе противъ Аѳанасія, обвинили его на основаніи только что упомянутаго правила и послѣ того, какъ Евсевій (впослѣдствіи епископъ эмесскій) отказался отъ каѳедры Александріи, на нее рукоположенъ былъ каппадокіецъ по имени Григорій, человѣкъ грубаго и буйнаго характера [3]). Григорій немедленно же отправился для занятія своей каѳедры, сопровождаемый военнымъ конвоемъ, подъ командой Филаргія, египетскаго префекта, который былъ отступникомъ отъ вѣры. Еретическій епископъ вступилъ въ городъ въ началѣ Великаго поста. Церкви подверглись нападенію со стороны воиновъ, аріанской черни, іудеевъ и язычниковъ, и совершены были ужасныя неистовства и святотатства, которыя достигли высшей степени въ торжественные дни Страстной недѣли и Воскресенія Христова. Православные не только были изгоняемы изъ церквей, но имъ не позволялось совершать своего богослуженія даже въ частныхъ домахъ. Уладивъ такимъ образомъ дѣло въ столицѣ, Григорій отправился для обзора своей области. Его опять сопровождалъ отрядъ воиновъ, и по его приказанію многіе епископы, монахи и дѣвственницы были избиты и среди нихъ престарѣлый Потаммонъ, который подвергнутъ былъ такому жестокому обращенію, что вслѣдствіе его умеръ [4]).

---

[1] Amm. Marcell. c. c.; Epiph. LXIX, 12.
[2] Amm. Marcell.. l. c.
[3] Soz. II, 31.
[4] Theod. I, 32.
[5] Athan. Apol. c. Arianos, 87; Socr. II, 2, 3; Soz. III, 2; Theod. II, 2.
[6] Rufin, I, 15; Socr. II, 3; Soz. III, 9.
[7] Athan. Apol. c. Arianos, 3—19; Soz. III, 7.

По прибытіи Григорія въ Александрію, Аѳанасій удалился въ одно убѣжище, по сосѣдству съ городомъ, и обратившись съ посланіемъ ко всѣмъ епископамъ, въ которомъ выражалъ желаніе, чтобы они соединились въ осужденіи узурпатора [5]), самъ отправился въ Римъ, гдѣ соборъ изъ пятидесяти епископовъ объявилъ его невиннымъ и подтвердилъ его общеніе съ церковью [1]. Другіе изгнанные епископы также явились на тотъ же соборъ; среди нихъ былъ и Маркеллъ анкирскій, который возвратился на свою каѳедру по смерти Константина и опять былъ лишенъ ея, но теперь успѣлъ убѣдить Юлія римскаго и собратьевъ, что обвиненія въ ереси, на основаніи которыхъ онъ былъ лишенъ каѳедры, были основаны на недоразумѣніи [2]. Между Юліемъ и восточными епископами завязалась переписка, но не приведшая ни къ какому удовлетворительному результату, такъ какъ евсевіане, сначала предлагавшіе, чтобы дѣло было доложено собору, всячески избѣгали исполненія своего собственнаго предложенія, когда именно нашли, что александрійскій епископъ самъ отправился въ Римъ [3].

---

[1]) Socr. II, 8.

[2]) Can. 12.

[3]) Socr. II, 8—9; Soz. III, 5. Аѳанасій замѣчаетъ о незаконности назначенія чужеземца и притомъ вдали отъ каѳедры. Apol. 29, 30.

[4]) Athan. Encycl. ad Episc. (t. I, 110—118); Hist. Arian. 10—13.

[5]) Encyclica ad Episcopos Epistola.

Соборъ антіохійскій издалъ четыре символа вѣры [4]. Такъ какъ смерть Арія избавила его приверженцевъ отъ затрудненій, возникавшихъ изъ ихъ личнаго уваженія къ нему, то они теперь всячески старались придать нѣкоторое вѣроятіе своему дѣлу, приближаясь, на сколько возможно больше, къ православнымъ положеніямъ, въ надеждѣ, что Никейскій символъ вѣры постепенно будетъ затѣненъ новыми формулами. Въ своихъ нападеніяхъ на Аѳанасія въ царствованіе Константина, они старательно выдвигали обвиненіе, относившееся не къ ученію, а къ практикѣ, и ту же политику избѣганія открытаго изложенія затрудненій касательно ученія они продолжали и теперь. Символы антіохійскіе поэтому были составлены такъ, что при обычныхъ обстоятельствахъ они могли быть приняты какъ совершенно удовлетворительные. Болѣе рѣзкія положенія аріанства были ясно осуждены, и соборъ отвергъ самое имя аріанъ,—потому что „какъ, спрашивалъ соборъ, можемъ мы, епископы, слѣдовать пресвитеру?“ О божественномъ достоинствѣ Спасителя было заявлено въ самыхъ высокихъ терминахъ, и только тщательное обхожденіе слова омоусіонъ (сосущественный) пожалуй могло еще возбуждать подозрѣніе касательно православія составителей символовъ [5]. Изъ этихъ символовъ, второй (приписывавшійся древнѣйшему автору, мученику Лукіану) былъ именно тѣмъ, который впослѣдствіи сдѣлался извѣстенъ подъ названіемъ „символа посвященія“.

Между тѣмъ Константинополь сдѣлалъ мѣстомъ постоянныхъ смятеній. Епископъ Александръ, будучи спрошенъ на смертномъ одрѣ нѣкоторыми изъ его духовенства касательно его преемника, отвѣчалъ, что если они желаютъ человѣка „учительнаго“ и святой жизни, то должны избрать Павла; если они желаютъ человѣка дѣятельнаго и краснорѣчиваго съ благочестивымъ видомъ, то должны избрать Македонія, который давно уже былъ пресвитеромъ. Избранъ былъ Павелъ, но онъ скоро лишенъ былъ своей каѳедры аріанами--по различнымъ обвиненіямъ въ неправильности своей жизни и въ способѣ своего назначенія. По смерти Константина, онъ возвратился на свою каѳедру, но вынужденъ былъ уступить ее Евсевію, который переведенъ былъ изъ Никомидіи. И послѣ его смерти въ 342 году, низвергнутый епископъ и Македоній были одновременно поставлены противоположными партіями. Городъ повергнутъ былъ въ сильное смятеніе, и Констанцій отправилъ военную силу для подавленія безпорядка; но чернь подожгла квартиру военачальника Гермогена, волочила его по улицамъ и умертвила. Императоръ, въ великомъ негодованіи, поспѣшилъ въ Константинополь, изгналъ Павла и лишилъ гражданъ половины ихъ обычной порціи хлѣба; но считая Македонія участникомъ мятежа и будучи также недоволенъ имъ за то, что онъ позволилъ посвятить себя безъ испрошенія императорскаго позволенія, не утвердилъ его епископомъ. Павелъ вскорѣ затѣмъ возвратился, но будучи обманнымъ образомъ приглашенъ на свиданіе съ Филиппомъ, преторіанскимъ префектомъ, былъ схваченъ и тайно отправленъ моремъ, причемъ префектъ приступилъ къ возведенію Македонія на каѳедру. Народъ сталъ въ страшномъ смятеніи стекаться, и во время этого стеченія погибло три тысячи человѣкъ—отъ давленія толпы или отъ оружія воиновъ. Съ 342 по 380 годъ, за исключеніемъ двухъ лѣтъ, епископство восточной столицы находилось въ рукахъ аріанъ ¹).

---

[1] Athan. Apol. 1; Soz. ш, 8.

[2] Athan. Apol. 32; Soz. ш, 8.

[3] Athan. Apol. 20 слѣд.; Socr. п, 15—17; Soz. ш, 10. Объ этихъ событіяхъ мы разсказываемъ возможно общѣе съ цѣлью избѣжать вопросовъ касательно хронологіи, которая до безнадежности запутана.

[4] Hard. г, 605—10.

[5] Socr. п, 10; Soz. ш, 5.

336 г.

339 г.

Встревоженный совершившимися въ Константинополѣ событіями и подобными же смятеніями въ другихъ мѣстахъ, Констанцій вошелъ въ соглашеніе съ Констансомъ, твердо державшимъ сторону Аѳанасія, чтобы созванъ былъ вселенскій соборъ. Мѣстомъ для его собранія была назначена Сардика (теперь Софія) въ Иллиріи, городъ, стоявшій на границѣ востока и запада, но въ предѣлахъ западной половины имперіи. Констансъ желалъ, чтобы Аѳанасій подождалъ его въ Миланѣ, и по распоряженію императора онъ отправился въ Сардику въ сообществѣ съ Гозіемъ ²). Около того же самаго времени въ Миланъ прибыла депутація восточныхъ епископовъ, принесшихъ съ собою новый символъ, который недавно начертанъ былъ соборомъ въ Антіохіи. Этотъ документъ который, вслѣдствіе своей обширности называется макростихомъ, по своей формѣ былъ

---

¹) Socr. II, 12, 13, 16; Soz. III. 7. 9.

²) Athan. Apol. ad Const. 4.

скорѣе аргументомъ, чѣмъ опредѣленіемъ, и подобно другимъ недавнимъ символамъ той же партіи, онъ былъ здравъ самъ по себѣ, но возбуждалъ подозрѣніе тѣмъ, что въ немъ избѣгался терминъ „сосущественный“. Западные епископы не удовлетворились имъ частью по недовѣрію къ нему вслѣдствіе своего незнанія греческаго языка и частью изъ желанія держаться Никейскаго символа, какъ вполнѣ удовлетворительнаго [1]. Въ Сардикѣ присутствовало семьдесятъ шесть восточныхъ и около ста западныхъ епископовъ [2], и Гозій предсѣдательствовалъ въ собраніи—не въ качествѣ легата римской каѳедры, но по праву своихъ лѣтъ, характера и вліянія.

Восточные съ самаго начала протестовали противъ допущенія Аѳанасія, Маркелла и другихъ низложенныхъ епископовъ въ качествѣ членовъ собора. На это имъ отвѣчали, что этихъ епископовъ нельзя считать низложенными, такъ какъ самыя послѣднія рѣшенія были въ ихъ пользу, что они готовы были отвѣчать на всѣ обвиненія и что соборъ могъ вновь разсмотрѣть весь вопросъ сначала [3]. Но восточные настаивали на своемъ возраженіи, и находя твердое противодѣйствіе, удалились за раздѣлительную черту между имперіями въ Филиппополь, во Ѳракіи, гдѣ они составили отдѣльный соборъ подъ предсѣдательствомъ Стефана, епископа антіохійскаго. Два восточныхъ епископа остались въ Сардикѣ, причемъ Урсакій сингидунскій (бѣлградскій), Валентъ мурсійскій (ессекскій) и три другихъ аріанина запада приняли участіе въ соборѣ Филиппопольскомъ. Западный соборъ объявилъ Никейскій символъ достаточнымъ [4], восточный начерталъ новый символъ, болѣе аріанскій, чѣмъ символы антіохійскіе [5]. И каждое собраніе постановило приговоръ о низложеніи противъ наиболѣе видныхъ членовъ того и другаго, причемъ Юлій римскій былъ включенъ среди тѣхъ, съ которыми восточные запрещали имѣть всякое общеніе. Западные епископы также постановили нѣсколько правилъ и опять объявили Аѳанасія и Маркелла невинными [6], но ихъ приговоръ самъ по себѣ былъ недостаточенъ для возстановленія Аѳанасія на его каѳедру, и онъ удалился въ Наиссъ, въ Дакіи [7].

---

[1] Athan. De Conc. Arim. et Sel. 26; Soc. ii, 19, 20; Soz. iii, 10.

[2] Число это передается различно. Свидѣтельство многихъ писателей (какъ Socr. ii, 20 и Soz. iii, 20), что тамъ присутствовало 300 западныхъ епископовъ основано на непониманіи одного мѣста Аѳанасія (Apol.), гдѣ онъ сообщаетъ не число епископовъ, которые присутствовали, но тѣхъ, которые одобрили рѣшеніе собора. Вѣроятнымъ кажется, что ихъ было 170 всего, такъ что если изъ нихъ 76 были восточные, то 94 было западныхъ епископовъ.

[3] *Hilar*. Opus Histor. Fragm. ii, 4—6; Fragm. iii, 14 и слѣд.; Soz. iii, 11.

[4] Athan. Tom. ad. Antiochenos, 5, p. 572. Сократъ (ii, 20) и Созоменъ (iii, 11) невѣрно говорятъ, что они подтвердили его другимъ символомъ.

[5] *Hilar*. Frrgm. iii, 29.

[6] *Hilar*. Fragm. ii, 8.

[7] Soz. iii, 13. Документы касательно этого см. Hard. i, 637 и слѣд.

Партія, пользовавшаяся благосклонностью Констанція, продолжала занимать каѳедры востока и производить новыя насилія надъ православными. Послѣ нѣкотораго времени однако же императоръ перемѣнилъ свою политику частью вслѣдствіе угрозы войной отъ Констанса, требовавшаго возстановленія Аѳанасія 1), частью по неудовольствію вслѣдствіе открытія постыднаго заговора, составленнаго Стефаномъ, епископомъ антіохійскимъ, противъ нѣкоторыхъ посланныхъ западной церкви 2), и онъ три раза писалъ Аѳанасію, приглашая его занять каѳедру 3). Аѳанасій принялъ это приглашеніе, и на своемъ пути посѣтилъ Антіохію, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Констанціемъ. Императоръ просилъ у него, какъ особой милости, предоставить одну церковь въ Александріи тѣмъ, которые не находились въ общеніи съ нимъ, и епископъ выразилъ готовность сдѣлать это подъ условіемъ, чтобы приверженцы его получили подобную же милость въ Антіохіи 4). Но Констанцій, посовѣтовавшись съ аріанами, которые подсказали ему это предложеніе, нашелъ, что они не расположены дѣлать взаимную уступку, такъ какъ въ Антіохіи православіе было весьма сильнымъ среди мірянъ, между тѣмъ какъ въ Александріи какъ настроеніе народа, такъ и способности епископа, запрещали имъ ожидать какого нибудь большаго успѣха 5).

Аѳанасій былъ допущенъ къ общенію соборомъ въ Іерусалимѣ и былъ рекомендованъ его паствѣ императорскимъ письмомъ, которымъ повелѣвалось, чтобы все прежнее дѣлопроизводство противъ него было уничтожено 6). 345 г. (?) Узурпаторъ Григорій незадолго предъ тѣмъ умеръ или былъ убитъ 7), и Аѳанасій, по своемъ возвращеніи въ Александрію, былъ принятъ со всеобщею радостью. Признательность его народа обнаружилась въ щедрыхъ дарахъ благотворенія, и многія лица обоего пола приняли по этому случаю монашескую или аскетическую жизнь 8).

---

1) *Rufin*, i, 20; Socr. ii, 22; Soz. iii, 20; Philostorg. iii, 12.

2) *Athan*. Hist. Arian 20, 21; Theod. ii, 9, 10. Стефанъ былъ низложенъ и на его мѣсто назначенъ Леонтій, который былъ ученикомъ мученика Лукіана (Philost. ii, 14), и изверженъ изъ пресвитерства вслѣдствіе того, что оскопилъ себя съ цѣлью пользоваться, не внушая подозрѣнія, общеніемъ одной молодой женщины. *Athan*. Apol. de Fuga 26; Hist. Ar. 28; Theod. ii, 24.

3) *Athan*. Apol. c. Ar. 51; Socr. ii; 23.

4) Сократъ съ меньшею вѣроятностью говоритъ, что онъ просилъ этого въ каждомъ городѣ, гдѣ только преобладали аріане, ii, 23.

5) Rufin, i, 20; Soz. iii, 20; Theod. ii, 12.

6) *Athan*. Apol. 56—7; Hist. Ar. 22—4; Socr. iii, 24.

7) Ѳеодоритъ (ii, 12) говоритъ, что онъ былъ убитъ нѣкоторыми изъ народа; по предположенію нѣкоторыхъ, этотъ Григорій смѣшивается здѣсь съ позднѣйшимъ узурпаторомъ Георгіемъ.

8) Hist. Arian. 25.

Враги Аѳанасія чувствовали, что сила ихъ кончилась. Урсакій и Валентъ, самые извѣстные поборники аріанства на западѣ, отправились въ Римъ и, заявляя сожалѣніе о томъ участіи, которое они принимали въ дѣлѣ противъ епископа александрійскаго, просили соборъ принять ихъ въ общеніе [1]. Но надежды аріанъ скоро ожили вновь вслѣдствіе умерщвленія Константа, хотя Констанцій и писалъ Аѳанасію, увѣряя его, что онъ найдетъ съ его стороны такую же помощь, какъ и со стороны его брата [2]; и они возобновили свои происки противъ александрійскаго епископа, нападая на его приверженцевъ въ другихъ мѣстахъ. Этой ихъ дѣятельности благопріятствовало 350 г. то обстоятельство, что нѣкоторые изъ ихъ противниковъ впали въ тяжкія заблужденія. Маркеллъ анкирскій былъ низложенъ опять, такъ какъ повидимому болѣе ясно развилъ свое неправославіе. Его ученикъ Фо- 351 г. тинъ, епископъ сирмійскій, зашелъ такъ далеко, что почти явно училъ савелліанству, именно, что въ Божествѣ нѣтъ личнаго различія, что Логосъ есть нечто иное, какъ божественное свойство мудрости, которое наконецъ проявилось въ Іисусѣ, котораго онъ считалъ простымъ человѣкомъ, хотя и сверхъестественно рожденнымъ, и что Духъ Святый есть лишь высшее вліяніе [3]. За это ученіе Фотинъ былъ не разъ осужденъ и въ 351 году былъ низложенъ соборомъ, засѣдавшимъ въ его собственномъ городѣ [4]. Около того же времени многіе православные епископы были также низвергнуты съ своихъ каѳедръ. Павелъ константинопольскій, возвратившій себѣ свою епископію предъ соборомъ сардикійскимъ или вскорѣ послѣ него, изгнанъ былъ опять и отправленъ въ Кукузъ, дикое мѣсто въ Малой Арменіи, 351 г. гдѣ, будучи въ теченіе нѣкотораго времени лишаемъ пищи, былъ задушенъ [5]. Македоній самовольно занялъ его каѳедру и велъ себя съ такою жестокостью (сожигая, штрафуя, изгоняя и даже предавая смерти тѣхъ, кто противился ему, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, куда простиралась его власть), что самъ императоръ нашелъ себя вынужденнымъ сдѣлать ему укоръ. Новаціане, удерживавшіе православіе въ отношеніи ученій, извращенныхъ Аріемъ, подверглись одинаковому гоненію съ православными, и когда эти послѣдніе были лишены своихъ собственныхъ церквей, то собирались въ тѣ три церкви, которыми новаціане владѣли въ городѣ. Но хотя такимъ образомъ и была возстановлена временная связь этимъ общимъ страданіемъ, начала секты однако же препятствовали ея продолжительному примиренію съ церковью [1].

---

[1] *Athan.* Apol. 1, 2, 58; Hist. Arian. 26; Socr. ii. 24; Soz. iii, 23.

[2] Hist. Arian, 24.

[3] См. Epiph. Haeres. LXXI, LXXII; *Sulpic. Sever*, Hist. Sacr. ii, 36—7 (Patrol· xx); Nat. Alex. viii, Diss 30.

[4] Ath. de Conc. Arim. et Sel. 27.

[5] Ath. Hist. Arian. 7; Vita S. Pauli, Acta SS. Іюня 7.

8 сентября 351 года между войсками Констанція и Магненція близь Мурсы (теперь Ессекъ), каѳедральнаго города Валента, произошла великая битва. Во время сраженія Констанцій молился въ церкви рядомъ съ епископомъ, и Валентъ, узнавъ о пораженіи непріятеля посредствомъ цѣпи шпіоновъ, заявилъ императору, что извѣстіе объ этомъ открыто было ему ангеломъ [2]. Этою хитростью, или какими нибудь другими средствами, Валентъ пріобрѣлъ вліяніе на императора и старательно пользовался имъ для распространенія мнѣній, которыя онъ будто бы временно отвергалъ. Констанцій былъ осажденъ множествомъ обвиненій противъ Аѳанасія. Его убѣдили, что этотъ епископъ тираннически поступалъ въ Египтѣ и Ливіи противъ всѣхъ, кто не подчинялись ему; весьма сильно настаивали на томъ обстоятельствѣ, что на своемъ пути въ Александрію, послѣ своего послѣдняго изгнанія, онъ совершалъ рукоположенія въ епархіяхъ, гдѣ епископы были несогласны съ его мнѣніями [3]; разсказывали, что онъ именно былъ причиною смерти младшаго Константина, что онъ возбуждалъ Константа противъ Констанція и что онъ будто бы сносился съ убійцей Константа, узурпаторомъ Магненціемъ, каковыя обвиненія Аѳанасій опровергалъ съ особеннымъ ужасомъ и негодованіемъ [4].

Либерій, наслѣдовавшій Юлію въ качествѣ епископа римскаго въ апрѣлѣ 352 года, немедленно былъ осажденъ жалобами восточныхъ противъ Аѳанасія. Но посланіе отъ египетскаго собора убѣдило его не обращать на нихъ вниманія, какъ на безосновательныя [5].

10 авг., 353 г.

Въ слѣдующемъ году, однако же, сила враговъ александрійскаго епископа возрасла вслѣдствіе окончательнаго пораженія Магненція, благодаря которому Констанцій вступилъ въ неоспоримое обладаніе западомъ. Цѣлью ихъ теперь было добиться осужденія его со стороны западныхъ епископовъ, на которыхъ, хотя и здравыхъ въ вѣрѣ, въ большинствѣ можно было повліять вслѣдствіе ихъ незнакомства съ греческими богословскими тонкостями, а также и посредствомъ страха ихъ новаго властелина, которымъ дѣло это настойчиво изображалось какъ личный вопросъ между нимъ и непокорнымъ епископомъ. Въ Арелатѣ былъ созванъ соборъ, гдѣ представителемъ Либерія былъ Винцентъ, епископъ капуйскій (быть можетъ тотъ самый, который въ качествѣ пресвитера былъ однимъ изъ римскихъ легатовъ въ Никеѣ) и другой еще епископъ кампанійскій. Императоръ настаивалъ на осужденіи Аѳанасія, и когда Винцентъ, 353 г. съ цѣлью улаженія дѣла, предложилъ, чтобы мнѣнія Арія въ то же время были подвергнуты анаѳемѣ, то ему сказали, что мнѣнія эти въ то время не подлежали разсмотрѣнію. Легатъ наконецъ уступилъ и далъ свою подпись. Либерій, въ глубокомъ огорченіи вслѣдствіе уступки своего представителя, просилъ императора созвать особый соборъ для изслѣдованія этого дѣла, и евсевіане, хотя и съ весьма различными цѣлями, также добивались созванія собора ¹). Просьба, предъявляемая такимъ образомъ съ различныхъ сторонъ, была удовлетворена, и въ 355 году собралось въ Миланѣ триста западныхъ епископовъ, между которыми было и нѣсколько епископовъ съ востока. Засѣданія собора происходили во дворцѣ, и соборныя разсужденія велись подъ страхомъ Констанція и его войска. Прочитанъ былъ проникнутый аріанствомъ указъ, сущность котораго будто бы получена была чрезъ откровеніе, и императоръ указывалъ на успѣхъ своего оружія какъ на доказательство того, что божественное благословеніе подтверждало его мнѣнія. На попытки нѣкоторыхъ православныхъ епископовъ добиться разслѣдованія касательно вопроса вѣры, Урсакій и Валентъ заявили рѣшительное требованіе, чтобы они присоединились къ осужденію Аѳанасія и имѣли общеніе съ преобладающею партіей, и приговоръ былъ подписанъ всѣми, кромѣ трехъ епископовъ—Евсевія верцелльскаго, Люцифера кагліарскаго и Діонисія миланскаго. На возраженіе, что дѣйствія, требуемыя отъ православныхъ, не оправдывались правилами церкви, императоръ отвѣчалъ: „чего я хочу, то пусть будетъ канономъ; потому что епископы Сиріи позволяютъ мнѣ говорить такъ“ ²). Трое изъ несогласныхъ были изгнаны, многіе другіе епископы отправлены въ ссылку, и ихъ мѣста заняты узурпаторами, неправославіе которыхъ было ихъ единственной правоспособностью на епископство ³). Съ цѣлью принудить къ согласію съ волей императора, производилось общее гоненіе, такъ что православные вопіяли, что возвратились времена Нерона и Деція ⁴).

---

[1] Soz. ii, 26, 27, 38; Soz. iv, 2.

[2] *Sulpic. Sever.*, Hist. Sacr. ii, 38.

[3] Soz. iii, 21. Такое нарушеніе обычныхъ правилъ могло быть оправдано только необходимостью.

[4] Athan. Apol. ad. Const. 1, 2, 6 и проч. Socr. ii, 26; Soz. iii, 21; iv, 2, 11.

[5] Liber. ap. Hilar. Fragm. v, 2. Существуетъ неправдоподобный разсказъ, основывающійся на подложномъ письмѣ въ Hilar. Fragm. 4, будто Либерій сначала выступилъ противъ Аѳанасія, но перемѣнилъ свой образъ дѣйствія, узнавъ истинное состояніе дѣла.

---

¹) Hil. Fragm. v, vi, 34.

²) *Athan.* Hist Arian, iv, 8.

³) Socr. ii, 36; Ath. Hist. Arian, 33, 34; Euseb. Vercell. (Patrol. xii, 947 и слѣд.). *Sulp. Sev.* Hist. Sacr. ii, 39; Hard. i, 697—700.

⁴) Hil. c. Constant. 7.

На западѣ было еще два лица, которыхъ торжествующей партіи важно было склонить на свою сторону, именно Либерій, вліятельный по своему положенію, и Гозій или Осія, „отецъ епископовъ“ [1], который былъ исповѣдникомъ при Максиминѣ, засѣдалъ на Елвирскомъ соборѣ полстолѣтія тому назадъ и былъ предсѣдателемъ собора Сардикійскаго, быть можетъ даже великаго собора Никейскаго [2]. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ предложеній Либерію, въ Римъ отправленъ былъ вліятельный начальникъ евнуховъ, Евсевій, съ цѣлью склонить его милостями и угрозами, и такъ какъ епископъ отказался склониться на сторону Констанція, то онъ насильственно въ полночь былъ увезенъ изъ города. По прибытіи его въ Миланъ, онъ былъ допущенъ къ нѣсколькимъ свиданіямъ съ императоромъ, отъ котораго требовалъ, чтобы для изслѣдованія дѣла Аѳанасія собранъ былъ соборъ, нестѣсняемый императорскимъ вліяніемъ. Констанцій упрекалъ его какъ единственнаго епископа, который все еще держался египетскаго первосвятителя, удаленіе котораго императоръ считалъ для себя болѣе важнымъ, чѣмъ побѣды, одержанныя имъ надъ Магненціемъ и другими претендентами на престолъ. Либерій оставался твердъ, отказался отъ предложеннаго ему трехдневнаго размышленія, и, получивъ приговоръ объ изгнаніи въ Верею во Ѳракіи [3], съ негодованіемъ отвергъ большія суммы денегъ, которыя присланы были ему императоромъ, императрицей и главой евнуховъ, какъ приношенія на издержки во время путешествія [4]. Осія также выдержалъ всѣ попытки поколебать его твердость и, послѣ годичнаго содержанія подъ стражей, былъ изгнанъ въ Сирмію. На мѣсто Либерія архидіаконъ Феликсъ (который, однакоже, по свидѣтельству нѣкоторыхъ авторитетовъ [5], былъ православнымъ въ вѣрѣ) согласился быть посвященнымъ отъ трехъ чужеземныхъ епископовъ, главнымъ изъ которыхъ былъ Акакій кесарійскій, въ Палестинѣ [6].

Аріане теперь считали себя достаточно сильными для того, чтобы приступить къ низверженію Аѳанасія. Нѣсколько попытокъ удалить его съ каѳедры было сдѣлано отъ имени императора; но онъ отказался повиноваться чему бы то ни было, что не было столь же выразительнымъ, какъ и опредѣленіе касательно его возстановленія, или какъ увѣреніе въ покровительствѣ, которое Констанцій доброянв. 356 г.

---

[1] *Athanas*. Hist. Ar. 42.

[2] См. выше, стр. 190.

[3] Различное мѣсто отъ города того же имени въ Дѣян. xvii.

[4] *Athan*. Hist. Arian. 35—7; Soz. iv, 11.

[5] Какъ напр. автора „Понтификаловъ“ въ Murat. iii, 113 или Patrol. cxxviii, 31; Soz. ii, 7; Theod. iv, 11.

[6] Socr. ii, 37.

вольно далъ ему по смерти Констанса [1]. Такъ какъ императору не хотѣлось выдавать такого опредѣленія (вѣроятно, изъ опасенія, чтобы оно не повлекло за собой возстанія александрійцевъ и остановки хлѣбнаго подвоза, отъ котораго зависѣлъ Константинополь), то враги епископа приступили къ иному образу дѣйствія. Сиріанъ, полководецъ египетскій, которому поручено было удалить епископа, увѣрилъ его и его паству касательно полной безопасности, обѣщаніемъ обратиться къ императору за ясными инструкціями, и чрезъ три недѣли спустя приступилъ къ исполненію своей цѣли. Въ ночь на 9 февраля 356 года, когда Аѳанасій съ многими александрійцами служилъ всенощную въ церкви св. Ѳеоны, приготовляясь къ совершенію евхаристіи, полководецъ съ 5,000 солдатъ и толпой аріанъ окружилъ церковь. Епископъ, заслышавъ шумъ снаружи, спокойно сѣлъ на свой престолъ и желалъ, чтобы собраніе пѣло 136 псаломъ, и все собраніе вслѣдствіе этого запѣло: „ибо милость Его пребываетъ во вѣкъ". Воины насильственно вторглись въ дверь, и произошла страшная свалка. Многіе были затоптаны ногами, задавлены до смерти или пронзены копьями, посвященныя дѣвы были раздѣты и подвергнуты побоямъ; воины пробирались впередъ къ хорамъ, и Аѳанасія убѣждали спасаться бѣгствомъ. Но онъ объявилъ, что не уйдетъ, пока не будетъ безопасенъ его народъ, и, вставая, просилъ ихъ соединиться въ молитвѣ и удалиться какъ можно скорѣе. Самъ епископъ рѣшился оставаться до послѣдней возможности, но такъ какъ опасность становилась все болѣе настоятельною, то духовенство, когда большая часть прихожанъ убѣжали, окружило его и унесло изъ церкви истощеннымъ и упавшимъ въ обморокъ. Солдаты и чернь продолжали свои неистовства, и украшенія церкви были разграблены или обезображены. Православные жители Александріи обратились къ императору съ жалобой на совершенное насиліе; но онъ отвѣчалъ оправданіемъ Сиріана и приказалъ имъ найти и выдать Аѳанасія [2].

Въ началѣ Великаго поста въ Александрію прибылъ новый аріанскій епископъ, по имени Георгій, подобно своему аріанскому предшественнику Григорію, каппадокіецъ. Этотъ узурпаторъ, хотя и рекомендованный въ самыхъ изысканныхъ терминахъ императорскими письмами [3], по изображенію православныхъ писателей, былъ человѣкъ, который велъ себя весьма сомнительно въ низшихъ гражданскихъ должностяхъ, былъ грубъ, безграмотенъ и отказывался принять даже внѣшній видъ благочестія [1]. Упрекъ въ грубомъ невѣжествѣ едва ли впрочемъ совмѣстимъ съ обладаніемъ имъ библіотекой, столь богатой какъ христіанской, такъ и языческой литературой, что послѣ его смерти она возбудила любопытство императора Юліана [2]; но другія обвиненія подтверждаются свидѣтельствомъ язычника Амміана Марцеллина, и въ дѣйствительности Георгій своими вымогательствами сдѣлался не менѣе ненавистнымъ язычникамъ, чѣмъ сколько онъ былъ ненавистенъ православнымъ [3]. Поддерживаемый гражданскою властью, онъ свирѣпствовалъ противъ православныхъ всякаго рода,—епископовъ, низшаго духовенства, монаховъ, дѣвственницъ, мірянъ, — грабя, бичуя, уродуя, изгоняя и ссылая ихъ въ рудники. Нѣкоторые епископы умерли вслѣдствіе жестокостей, которымъ они были подвергнуты. Одинъ отступникъ, присоединившійся къ партіи самозванца, получилъ новое рукоположеніе. Нѣсколько времени спустя Георгій былъ изгнанъ своимъ народомъ и нашелъ убѣжище у императора, но онъ возвратился съ большею силою и сдѣлалъ себя еще болѣе ненавистнымъ, чѣмъ прежде [4].

---

[1] *Athanas.* Apol. ad Const. 19—27.

[2] *Athanas.* Apol. ad, Const. 24—30; De Fuga, 24; Hist. Arian. 81, Index къ Test. Lett. xxii, Socr. ii, 24, 28; Soz. iv, 2; Theod. iii, 13.

[3] Athan. Apol. ad. Const. 30.

Престарѣлый Осія, истомленный ссылкой, тюремнымъ заключеніемъ, лишеніями и даже пытками, наконецъ уступилъ и въ 357 году, въ Сирміи, подписалъ неправославный символъ, котораго его даже считали авторомъ; но онъ, повидимому, не подписалъ осужденія Аѳанасія. Своей уступкой онъ возвратилъ себѣ каѳедру и вскорѣ затѣмъ умеръ, будучи ста или болѣе лѣтъ отъ роду. Аѳанасій, который говоритъ о немъ съ нѣжностью и благоговѣніемъ, свидѣтельствуетъ, что на своемъ смертномъ одрѣ онъ протестовалъ противъ насилія, которому онъ былъ подвергнутъ, и отрекся отъ заблужденій, на которыя онъ далъ вынужденное согласіе [5].

За паденіемъ Осіи быстро слѣдовало и паденіе Либерія. Въ апрѣлѣ 357 года Констанцій посѣтилъ Римъ, гдѣ императоръ не былъ съ 326 года. Нѣсколько знатныхъ дамъ, послѣ напрасныхъ стараній убѣдить своихъ мужей принять на себя обязанность ходатайства, обратились къ нему съ прошеніемъ о возвращеніи Либерія. Констанцій отвѣчалъ, что епископъ могъ бы возвратиться, если бы онъ согласился съ своими собратьями придворной партіи, и предложилъ, чтобы онъ управлялъ церковью вмѣстѣ съ Феликсомъ. Это предложеніе, когда о немъ было объявлено въ циркѣ, было принято съ насмѣшливымъ крикомъ, что такое предложеніе хорошо бы шло къ тѣмъ партіямъ, на которыя раздѣлялись посѣтители этого мѣста, что каждый изъ цвѣтовъ могъ бы имѣть во главѣ себя епископа, и все собраніе разразилось крикомъ: „одинъ Богъ, одинъ Христосъ и одинъ епископъ“ [1])! Но слѣдующей зимой Либерій, истомленный своимъ ѳракійскимъ изгнаніемъ, въ унизительныхъ словахъ умолялъ, чтобы его возвратили. Онъ заявлялъ, что сердечно соглашается съ Урсакіемъ, Валентомъ и ихъ восточными приверженцами; доходилъ въ своемъ униженіи даже до того, что отрекался отъ своихъ прежнихъ мнѣній, и когда онъ подписалъ аріанскій или полуаріанскій символъ [2]), то ему позволено было возвратиться въ Римъ. Феликсъ былъ изгнанъ, но не безъ кровопролитія, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые, между партіями соперничествующихъ епископовъ, и остальныя восемь лѣтъ его жизни прошли въ мирной безвѣстности [3]).

---

[1] Greg. Naz. Orat. xxi, 16.

[2] Julian. Epp. 9, 36.

[3] Amm. Marc. xxii, 11; Epiph. lxxvi, 1.

[4] Athanas. Apol. De Tuga, 6, 7; Soz. iv, 10, 30; Theod. ii, 14.

[5] Athan. Apol. c. Arian 89; Hist. Arian. 45; Socr. iii, 31.

Аріанство, повидимому, торжествовало повсюду; но въ это время торжества начали явно выступать наружу внутреннія раздѣленія, которыя были въ немъ доселѣ скрытыми.

1. У аріанъ или евсевіанъ была особая уловка—прикрывать свою ересь уклоненіемъ отъ какого либо яснаго заявленія по самымъ важнымъ пунктамъ и выставленіемъ исповѣданій, которыя сами по себѣ были здравы, хотя и не вполнѣ обнимали православное вѣрованіе. И вотъ обнаружился неожиданный результатъ этой системы: формулы, которыми сначала предполагалось особенно прикрывать неправославіе ихъ составителей, съ теченіемъ времени привели къ образованію партіи, которая держалась ихъ искренно, безъ тѣхъ заблужденій, которыя болѣе передовые аріане тщательно скрывали отъ своихъ послѣдователей. Полуаріане, или оміусіане [4]) (какъ ихъ называли), вѣровали, что Сынъ „подобенъ во всемъ“ Отцу; что Его сущность *подобна* сущности Отца, различаясь отъ нея только тѣмъ, что она не тождественна съ нею; что Онъ есть истинно Сынъ, рожденный внѣ времени и прежде всѣхъ вѣковъ. Евсевій кесарійскій былъ предтечей полуаріанства, но появленіе послѣдняго, какъ ученія отдѣльной партіи, произошло не ранѣе, какъ долго спустя послѣ его смерти. Среди полуаріанъ было не мало лицъ почтенныхъ и благочестивыхъ. Аѳанасій и Иларій говорятъ о нихъ какъ о собратьяхъ, соглашаясь даже вѣрить, что они не были въ дѣйствительности неправославными, а только смущались употреблять слово „сосущественный“, какъ, повидимому, отзывающееся

---

[1]) Soz. iv, 11; Patrol. xiii, 81; cxxviii, 30.

[2]) Hil. Fragm. vi, 4—10.

[3]) Soz. iv, 15; Theod. ii, 17; Faust. et Marcell. Praef. i, 2.

[4]) Отъ греческаго слова ὁμοιούσιος „подобнаго существа“ или „субстанціи“, подобосущный.

савелліанствомъ и какъ осужденное въ лицѣ Павла Самосатскаго. Къ этой партіи, вождями которой были Василій анкирскій и Георгій лаодикійскій, теперь принадлежало большинство восточныхъ епископовъ [1].

2. Съ другой стороны, аріанство въ первый разъ появилось безъ всякаго прикрытія въ ученіяхъ Аеція и его ученика Евномія [2]. Первый изъ нихъ, человѣкъ весьма низкаго происхожденія, бывшій въ раннемъ періодѣ своей жизни золотыхъ дѣлъ мастеромъ, былъ рукоположенъ во діакона Леонтіемъ антіохійскимъ [3], и впослѣдствіи былъ низложенъ имъ. Аецій былъ извѣстенъ своею страстью къ спорамъ. Его раннее воспитаніе было скудное, но въ позднѣйшее время онъ получилъ отъ одного александрійскаго философа познанія въ геометріи и діалектикѣ, и, не обладая никакимъ надлежащимъ знакомствомъ съ церковною ученостью, настаивалъ на приложеніи правилъ этихъ наукъ въ качествѣ мѣрила религіозной истины [4]. Аецій непоколебимо доводилъ начала аріанства до его послѣднихъ выводовъ, такъ что приводилъ въ смущеніе и досаду болѣе осторожныхъ изъ его исповѣдниковъ, которые отзывались о немъ, какъ о „безбожникѣ“. [5]. Онъ училъ, что Сынъ, будучи тварью, по необходимости неподобенъ Отцу, не только въ сущности, но и въ волѣ [6], и отъ этого ученія его партія получила названіе аноміанъ [7]. Евномій, достигшій епископства Кизикійскаго [8], пошелъ еще дальше въ томъ же направленіи; хотя онъ и заявлялъ, что опирается на св. Писаніе, однако же его система не была основана на немъ, а представляла простое произведеніе разума. Будучи совершенно умственною, она исключала все относящееся къ чувствамъ. Онъ отвергалъ идею таинственности въ религіи, училъ, что Богъ знаетъ не болѣе о своемъ собственномъ естествѣ, чѣмъ можетъ знать о немъ человѣкъ; что Сынъ не походитъ на Отца ни въ чемъ, кромѣ Его дѣланія, и что св. Духъ сотворенъ Сыномъ. Онъ отвергалъ всякое значеніе таинствъ и, въ отличіе отъ Арія, который былъ самъ человѣкомъ строгой жизни, возставалъ противъ всего, что походило на аскетизмъ [9].

---

[1] *Athanas.* de Synod. 41; *Hilar.* de Synod. 76—91; Soz. iii, 12; iv, 19. Аѳанасій сильно возстаетъ противъ смущенія терминами, когда вѣра одна и та же. De Synod. 33. 34, 54,—причемъ въ послѣднемъ мѣстѣ имѣются въ виду полуаріане.

[2] Basil c. Eunom, i, 1.

[3] *Philostorg.* iii, 15, 17; Fragm. ap Suidam, in Patrol. lxv, 629. Этотъ послѣдній писатель, будучи самъ аноміаниномъ, восхваляетъ Аеція.

[4] Epiph. lxxvi, 2.

[5] Epiph. lxxvi, 3.

[6] Тамъ же, 2; Socr. ii, 35; Soz. iv, 12; Theod. ii, 24.

[7] Отъ греческаго слова ἀνόμιος „неподобный“.

[8] Philostorg. v, 3.

[9] *Eunom.* ap. Basil. adv. Eunom i, 23; ii, 1, 32—3; Philostorg. vi, 1; viii, 18.

3. Между аноміанами и полуаріанами стояла хитрая, свѣтская и беззастѣнчивая партія, которая теперь называлась по имени **Акакія**, преемника Евсевія по каѳедрѣ кесарійской [1]. Соглашаясь въ общихъ началахъ съ аноміанами, она поочередно склонялась къ нимъ, когда это было безопасно, и отказывалась отъ нихъ, когда оказывалось неудобнымъ признавать ихъ, и на время она старалась скрыть различіе между собою и полуаріанами касательно сущности (οὐσία) Сына, запрещеніемъ этого термина, какъ не библейскаго и какъ источника смуты для церкви [2]. Собственныя мнѣнія императора были полуаріанскія, но политика Акакія и личное вліяніе Валента служили противовѣсомъ его догматическимъ ученіямъ [3].

Леонтій, который по удаленіи Стефана въ 349 году [4], былъ назначенъ епископомъ антіохійскимъ и старался сохранить миръ въ своей церкви двусмысленной политикой [5], умеръ въ концѣ 357 года. Будучи извѣщенъ о его смерти, Евдоксій, епископъ германиційскій, находившійся въ свитѣ императора на западѣ, подъ ложнымъ предлогомъ выпросилъ себѣ отпускъ въ Сирію и овладѣлъ вакантною каѳедрой. 358 г. Благосклонность, которую новый епископъ открыто показывалъ Аецію, побудила полуаріанъ созвать соборъ въ Анкирѣ, гдѣ они осудили аноміанское ученіе и второй символъ сирмійскій, и ихъ постановленія были утверждены императоромъ, который, по ихъ желанію, рѣшилъ созвать вселенскій соборъ для окончательнаго улаженія вопросовъ, столь долго волновавшихъ церковь [6]. Акакіане встревожились этимъ и, опасаясь, что православные и полуаріане могутъ соединиться для

(гдѣ Евномій прославляется за ясность своего ученія); Rufin, I, 25; Theod. Haer. IV, 3, p. 227; Epiph. LXXVI, 4; Philastrius adv. Haer. LXVIII (Patrol. XII, 7); Socr. IV, 7; Suicer подъ словомъ 'Ευνόμιος. Аноміанскіе взгляды опровергались какъ обоими Григоріями, такъ и Василіемъ Великимъ (Greg. Naz. Orat. 27—31; Greg. Niss. tt. I, III). Евноміане, будто бы, первые ввели единичное вмѣсто тройственнаго погруженія въ крещеніе. У нихъ были нѣкоторые странные крещальные обычаи. Они перекрещивали обращенцевъ не только изъ православія, но и изъ другихъ формъ аріанства. Soz. VI, 26; Philost. X, 4; Epiph. LXXVI, p. 992; Theod. Haer. IV, 3, p. 236.

[1] Epiph. LXXIII, 27.

[2] См. второй символъ Сирмійскій въ Hil. de Synod. 11. Акакій говорилъ, что Сынъ „подобенъ“ Отцу, но не „подобенъ въ сущности“.

[3] Petav. de Trin. I, XII; 1—3.

[4] См. выше, стр. 205.

[5] Въ подтвержденіе этого, передаютъ, что въ славословіи, гдѣ аріане пѣли: „слава Отцу *чрезъ* Сына *въ* св. Духѣ“, когда православные держались древней формы, епископъ пѣлъ такъ, что его слова не могли быть разслышаны, пока онъ не доходилъ до той части, въ которой всѣ были согласны, и что, указывая на свои сѣдые волосы, онъ обыкновенно говорилъ: „когда этотъ снѣгъ стаетъ, то будетъ много грязи“, разумѣя, что его смерть будетъ сигналомъ къ смятеніямъ. (Soz. III, 20).

[6] Hilar. de Synod. 12 и слѣд.; Socr. II, 36; Soz. IV, 12, 14.

осужденія ихъ, нашли выгоднымъ для себя раздѣлить соборъ, въ надеждѣ, что они въ состояніи будутъ подчинить своему вліянію его отдѣльныя части. Ихъ доводы касательно затрудненій и издержекъ на собраніе епископовъ изъ всѣхъ частей имперіи въ одно мѣсто имѣли успѣхъ предъ Констанціемъ. Было рѣшено, что западная вѣтвь церкви будетъ созвана въ Римини, а восточная въ Никеѣ, и что десять уполномоченныхъ отъ каждой части впослѣдствіи соберутся въ присутствіи императора [1]).

Въ маѣ 359 года, въ Римини собралось около 450 епископовъ подъ предсѣдательствомъ (какъ предполагаютъ) Реститута, епископа карѳагенскаго. Валентъ и Урсакій предложили собору символъ вѣры, начертанный нѣкоторыми акакіанами и полуаріанами въ одномъ прежнемъ собраніи и извѣстный подъ названіемъ третьяго символа сирмійскаго. Въ немъ запрещался терминъ „сущность", какъ небиблейскій и вызывающій недоумѣніе, и заявлялось, что Сынъ „подобенъ Отцу во всемъ, какъ говоритъ и учитъ св. Писаніе". Акакіане надѣялись, что православные согласятся подписать этотъ символъ, принимая эти слова согласно ихъ наиболѣе очевидному смыслу, между тѣмъ какъ для себя самихъ они истолковывали ихъ въ смыслѣ „подобный во всемъ, на что Писаніе распростираетъ подобіе" [2]). Но епископы, хотя по большей части и не искусные въ богословскихъ тонкостяхъ, были одушевлены сильнымъ недовѣріемъ къ этой партіи и объявили, что Никейскій символъ вполнѣ достаточенъ. Урсакій, Валентъ и четверо другихъ были отлучены за отказъ подписать его [3]), и уполномоченные отъ каждой партіи были отправлены къ императору съ просьбою, чтобы не дѣлалось никакого нововведенія въ вѣрѣ и чтобы членамъ собора было позволено возвратиться по домамъ. Констанцій, который уже собрался въ это время отправиться на театръ персидской войны, отложилъ свиданіе съ уполномоченными до своего возвращенія на томъ основаніи, что умъ его былъ такъ занятъ политическими дѣлами, что онъ былъ неспособенъ къ должному разсмотрѣнію божественныхъ предметовъ. Во время его отсутствія представители собора, задержанные въ Никѣ во Ѳракіи, поддались проискамъ со стороны царедворцевъ [4]) и такимъ образомъ спустя нѣсколько времени были склонены подписать тотъ самый символъ, который былъ предложенъ для подписи въ Римини, но сдѣланный еще болѣе сомнительнымъ чрезъ опущеніе слова „во всемъ". Между тѣмъ ихъ собратья, оставшіеся въ Римини, склонены были коварными доводами, выводившимися изъ характера и намѣреній императора, изъ желательности мира, невыгодности распрей касательно (какъ ихъ убѣждали) простыхъ словъ и безнадежности заставить восточныхъ принять терминъ *сосущественный*. Валентъ, съ цѣлью разсѣять ихъ сомнѣнія, произнесъ анаѳемы, которыя повидимому были совершенно непримиримы съ аріанствомъ. Вслѣдствіе всего этого, наконецъ подавляемые всевозможными убѣжденіями, желая до зимы воротиться къ своимъ домамъ и обманываемые на счетъ значенія ихъ акта, они также подписали предложенную имъ формулу, 1). „Весь міръ", говоритъ бл. Іеронимъ, „застоналъ, и былъ изумленъ, оказавшись аріанскимъ". По возвращеніи въ свои епархіи, епископы начали понимать важность своего подчиненія. Многіе изъ нихъ тогда стали поносить подписанный ими символъ, и написали сочувственныя письма къ Аѳанасію 2).

---

[1]) Soz. iv, 16, 17; Theod. ii, 26.

[2]) Athanas. de Synod. 8; Socr, ii, 36; Soz. iv, 17. Объясненіе этой уловки, однако же, дѣлается различно.

[3]) Hilar. Fragm. vii, 3, 4; Socr. ii, 36; Soz. iv, 17.

[4]) Сульпицій Северъ говоритъ, что уполномоченные, избранные православными, были люди молодые, не обладавшіе ученостью и осторожностью, между тѣмъ какъ уполномоченные аріанъ были хитрые и ловкіе старцы, пропитанные ядомъ коварства, которые вслѣдствіе этого легко взяли верхъ надъ царемъ. Hist. Socr. ii, 41.

Мѣсто засѣданія восточнаго собора было перенесено изъ Никеи въ Никомидію; но вслѣдствіе землетрясенія, отъ котораго этотъ городъ повергнутъ былъ въ развалины, сдѣлалась необходимою дальнѣйшая перемѣна, и мѣстомъ собранія была избрана Селевкія, столица Исавріи 3). Все число епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, восходило до 160, изъ которыхъ 105 были полуаріане, 35 акакіане и остальные православные 4). Православная партія состояла изъ египтянъ вмѣстѣ съ Иларіемъ, епископомъ пиктавійскимъ, однимъ изъ сильнѣйшихъ поборниковъ православной вѣры, который былъ изгнанъ во Фригію въ 356 году, и теперь былъ призванъ для принятія участія въ разсужденіяхъ Сент. 359 г. своихъ восточныхъ собратьевъ. Акакіане, находя себя въ меньшемъ числѣ, пытались подъ различными предлогами прекратить собраніе, и возникшіе раздоры были такъ сильны, что императорскій коммиссаръ Леонъ нашелъ себя вынужденнымъ распустить собраніе. Большинство подписали „символъ посвященія" 5); акакіане осудили какъ омоусіосъ (единосущный), такъ и оміусіосъ (подобосущный), какъ термины неудобные, и подвергли анаѳемѣ терминъ аноміосъ (неподобный) 6). Какъ полуаріа-

---

1) *Athan.* ad. Afros. 3; *Hilar.* Fragm. vii—ix; Rufin. i, 21; Socr. ii, 36, 37; Soz. iv, 19.

2) *Hieron.* c. Lucif. 18, 19; Hilar. Fragm, xi, xii, 2, 3.

3) Philostorg. iv, 10.

4) Hilar. ad Const. 12; Socr. ii, 39; Soz. iv, 22.

5) См. выше, стр. 202.

6) Hard. i, 724, Socr. ii, 39, 40. По свидѣтельству Иларія, они сдѣлали это потому, что „человѣческія уши не могли выносить такихъ нечестивыхъ словъ" какъ аноміонъ. См. c. Const. 14.

не, такъ и акакіане отправили уполномоченныхъ ко двору, и хотя Констанцій согласился въ мнѣніи съ полуаріанами и созванъ былъ соборъ съ цѣлью утвержденія ихъ главенства, однако же акакіане, постаравшіеся первыми представиться имератору, успѣли склонить его на свою сторону [1]. Соборъ засѣдалъ въ Константинополѣ въ присутствіи императора, гдѣ каждая партія высказывала обвиненіе противъ своихъ противниковъ. Аецій былъ лишенъ діаконства, будучи выданъ акакіанами въ качествѣ козла отпущенія, между тѣмъ какъ съ другой стороны Василій анкирскій и другіе полуаріане были низложены и изгнаны въ ссылку, какъ ослушники [2]. Состоялось повелѣніе, чтобы символъ Риминійскій былъ подписанъ повсюду, и всѣ, отказывавшіеся исполнить это, подвергались суровому обращенію [3].

Неудовольствіе Акакіевой партіи возбудилъ Македоній, епископъ константинопольскій, тѣмъ, что онъ обнаружилъ наклонность къ полуаріанамъ [4]. Поэтому, рѣшено было отдѣлаться
отъ него, и въ указѣ о его удаленіи противники Сент. 360 г.
воспользовались неудовольствіемъ императора, которое только что возбуждено было насильственными дѣлами этого епископа [5] и теперь было усилено новымъ его дѣйствіемъ. Когда церковь, въ которой покоилось тѣло Константина Великаго (построенная наскоро и неосновательно, подобно зданіямъ новой столицы вообще) [6], грозила обрушиться, Македоній перенесъ гробницу въ другую церковь, и Констанцій былъ разгнѣванъ какъ тѣмъ, что онъ осмѣлился предпринять такой шагъ безъ императорскаго позволенія, такъ и вслѣдствіе того, что партіи Константинополя сдѣлали это перенесеніе поводомъ къ серьозному смятенію [7]. Епископъ поэтому былъ низложенъ по различнымъ обвиненіямъ въ незаконныхъ поступкахъ (потому что акакіане, изъ опасенія, чтобы не возбудить сочувствія императора, тщательно избѣгали вопроса объ ученіи въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ противъ полуаріанъ), и преемникомъ ему назначенъ былъ Евдоксій антіохійскій [8], причемъ епископія антіохійская была предоставлена соборомъ Мелетію, бывшему сначала епископомъ севастійскимъ, человѣку, который пользовался
высокимъ уваженіемъ, хотя до того времени считался 361 г.
среди аріанской партіи [9]. Мелетій, вступивъ на свою

---

[1] Hilar. c. Const. 15.

[2] Hard. i, 724—8; Soz. iv, 24; Theod. ii, 27. О послѣдующей исторіи Аеція и Евномія см. Philostorg. iv, 12; v, 3; vii, 6 и проч. и статью Aëtius въ Herzog.

[3] Greg. Naz. Orat. xxi, 23, 24.

[4] Philostorg, iv, 9.

[5] См. выше, стр. 206.

[6] Zosim. ii, 32.

[7] Socr. ii, 38; Soz. iv, 21.

[8] Socr. ii, 42, 43.

[9] Epiph., lxxiii 35; Soz. iv, 28. Свидѣтельствомъ о высокомъ характерѣ Ме-

новую каѳедру, сначала ограничивалъ свою проповѣдь практическими предметами; но когда онъ такимъ образомъ пріобрѣлъ вліяніе на свою паству, то началъ открыто проповѣдывать Никейское вѣроученіе [1]). За это соборъ, еще продолжавшій засѣдать, низложилъ и отправилъ его въ ссылку чрезъ тридцать дней послѣ его возведенія на епископскую каѳедру, и вмѣсто него назначилъ Евзоія, первоначально діакона александрійскаго, который былъ соучастникомъ Арія въ первые періоды ереси [2]). Съ самаго удаленія Евстаѳія, среди церкви антіохійской, не смотря на аріанство епископовъ, все еще сохранялась одна православная партія. Эта партія теперь составила отдѣльную общину, которая считала Мелетія своимъ главой; но старые евстаѳіане, которые все время стояли поодаль, отказались имѣть общеніе съ ними на томъ основаніи, что Мелетій получилъ свое назначеніе отъ аріанъ, и что его послѣдователи крестились въ ереси [3]).

Соборъ антіохійскій составилъ явно аноміанскій символъ, заявляя, что Сынъ былъ сотворенъ изъ ничего, и неподобенъ Отцу какъ въ сущности, такъ и въ волѣ [4]). Св. Аѳанасій считаетъ это одиннадцатымъ символомъ, которые произошли изъ разногласій аріанства [5]), а по нѣкоторымъ—это былъ даже уже восемнадцатый символъ [6]). Не удивительно, что при такомъ постоянномъ производствѣ новыхъ символовъ ученія язычники издѣвались надъ христіанами, какъ еще не знавшими, въ чемъ состояла ихъ вѣра [7]).

Но вотъ царствованіе Констанція приблизилось къ концу. Кесарь Юліанъ былъ провозглашенъ августомъ его войсками въ Галліи и направлялся къ восточной столицѣ. Констанцій двинулся противъ него, но былъ задержанъ болѣзнью въ Мопсукренахъ, въ Киликіи, гдѣ онъ и умеръ 3 ноября 361 года, 44 лѣтъ отъ роду, на двадцать пятомъ году своего царствованія. Не задолго до своей смерти, но неизвѣстно, въ Антіохіи или въ Мопсукренахъ, онъ былъ крещенъ аріанскимъ епископомъ Антіохіи.

летія служитъ то обстоятельство, что ни его православные, ни его аріанскіе противники никогда не взводили противъ него тѣхъ нравственныхъ обвиненій, съ которыми всѣ партіи обыкновенно нападали на своихъ противниковъ.

[1]) Socr. II, 44.

[2]) См. выше, стр. 194.

[3]) Socr. II, 44. По свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, Евстаѳій былъ еще живъ. См. выше стр. 195.

[4]) Socr. II, 45.

[5]) De Synod. 23—32.

[6]) Tillemont, IV, 521—2. См. Petav. de Trin. I, 9.

[7]) *Athanas.* De Synod. 2.

[8]) Тамъ же, 31. Philostorg. VI, 5; Chron. Pasch. 361 г.

ГЛАВА XI.

Юліанъ.

361—363 г.

I. Немедленно послѣ смерти Константина Великаго, солдаты въ Константинополѣ произвели избіеніе принцевъ его дома. За исключеніемъ его трехъ сыновей, изъ которыхъ два находились въ отдаленіи, а Констанцій, по предположенію, даже будто бы науськивалъ убійцъ 1),— 337 г. единственно оставшимися въ живыхъ членами императорскаго семейства были два сына своднаго брата покойнаго императора Юлія Констанція, который самъ былъ одною изъ жертвъ. Галлъ былъ пощаженъ вслѣдствіе того, что его болѣзненное тѣлосложеніе, повидимому, устраняло всякое предположеніе о будущей опасности съ его стороны; его сводный братъ, Юліанъ, которому было только шесть лѣтъ отъ роду, будто бы былъ спасенъ и скрытъ въ церкви Маркомъ, епископомъ аретусійскимъ 2). Первоначально воспитаніе этихъ братьевъ находилось подъ надзоромъ Евсевія никомидійскаго, который находился въ отдаленномъ родствѣ съ матерью младшаго принца 3). Когда Юліанъ достигъ пятнадцатилѣтняго возраста, они были удалены въ Макеллы, близь Кесаріи въ Каппадокіи. Тамъ они жили во дворцѣ древнихъ каппадокійскихъ царей и пользовались приличнымъ ихъ положенію обращеніемъ, 346 г. хотя и содержались въ отчужденіи, которое походило на тюремное заключеніе. Они были воспитываемы въ строгомъ соблюденіи религіозныхъ обрядовъ, были даже допущены къ должности чтецовъ и участвовали при богослуженіи въ церкви 4). Спустя пять лѣтъ, проведенныхъ такъ молодыми принцами, вниманіе Констанція было особенно обращено на нихъ въ виду того обстоятельства, что убіеніе Констанса сдѣлало ихъ единственными наслѣдниками въ императорскомъ семействѣ. Галлъ былъ назначенъ кесаремъ, женатъ на вдовой дочери Константина Великаго и поселенъ на жительство въ Антіохіи, а его брату было позволено учиться въ Константинополѣ. 351 г. Но такъ какъ популярность, которую сталъ пріобрѣтать тамъ Юліанъ, возбудила ревнивость императора, то ему скоро было приказано

---

1) Сократъ (II, 5) говоритъ, что Констанцій не давалъ такого приказа, но въ то же время и не препятствовалъ побоищу.

2) *Greg. Naz.* Orat. IV, 91; Socr. I, 3; Soz. V, 1. Юліанъ родился 6 ноября 331 или 332 года. Gibbon II, 270.

3) Amm. Marcell. XXII, 9.

4) Julian ad Athenienses, p. 271, edit. Spanheim Lips. 1696 г. *Greg. Naz.* Orat. IV, 23; Soz. V, 1; Gibbon, II, 295—6. Григорій Назіанзинъ высоко хвалитъ Констанція за его доброту къ юнымъ принцамъ. 23, 35 и слѣд.

удалиться въ Никомидію, гдѣ онъ, стараясь обезоружить подозрѣніе Констанція, обрилъ себѣ голову и жилъ на подобіе монаха [1]). Въ концѣ 354 года, Галлъ, обнаруживавшій буйность и неспособность въ своемъ новомъ высокомъ положеніи, устраненъ былъ отъ управленія и по приказу Констанція преданъ смерти [2]). Въ то же самое время Юліанъ былъ вызванъ изъ Іоніи ко двору въ Миланѣ, гдѣ онъ и задержанъ былъ въ поднадзорномъ состояніи въ теченіе семи мѣсяцевъ. Но наконецъ, благодаря вліянію императрицы Евсевіи, которая постоянно относилась къ нему съ дружелюбіемъ [3]), онъ получилъ позволеніе посѣщать школы въ Аѳинахъ [4]).

Персы съ востока и варварскіе народы съ сѣвера принудили Констанція искать помощи въ правительствѣ имперіи. Поэтому въ ноябрѣ 355 г. Юліанъ былъ объявленъ кесаремъ. Онъ получилъ въ придачу руку сестры императора, Елены, и по мысли Евсевіи, изображавшей его безвреднымъ, преданнымъ наукамъ юношей, который сдѣлаетъ честь императору успѣхомъ или, найдя себѣ смерть, избавитъ его отъ непріятнаго положенія [5]), ему было предоставлено управленіе Галліей. Хотя его жизнь доселѣ проходила въ уединеніи, онъ, однако же, скоро отличился своею способностью какъ на войнѣ, такъ и въ гражданскомъ управленіи [6]). Но его отношенія съ Констанціемъ не были дружественны: императоръ открыто безславилъ его и издѣвался надъ нимъ, дѣлалъ ему всевозможныя непріятности и преграды въ управленіи и честь его побѣдъ приписывалъ себѣ [7]). Войско роптало, потому что вождю его не было дано достаточныхъ средствъ, чтобы раздавать обычныя награды [8]), и это недовольство наконецъ было особенно возбуждено приказомъ, который Юліанъ получилъ во время пребыванія на зимнихъ квартирахъ въ Парижѣ [9]), въ апрѣлѣ 360 г. Узнавъ, что отъ ихъ полководца требовали отправить подкрѣпленіе изъ своихъ войскъ на Персидскую границу, солдаты взбунтовались, и, не смотря на кажущееся противодѣйствіе ихъ желаніямъ, которое можетъ быть и не было совершенно искреннимъ, кесарь былъ провозглашенъ августомъ, высоко поднятъ былъ на щитъ и увѣнчанъ короной, сдѣланной изъ цѣпи, составлявшей отличительную особенность знаменосцевъ въ легіонахъ [1]). Евсевія и Елена, посредничество которыхъ могло бы воспрепятствовать разрыву между императорскими родственниками, обѣ умерли недавно предъ тѣмъ. Предложенія Юліана о раздѣленіи имперіи были презрительно отвергнуты, и послѣ безполезныхъ переговоровъ онъ рѣшилъ двинуться противъ Констанція [2]). Составивъ блистательный планъ, онъ выполнилъ его съ энергіей, восторжествовавшей надъ всѣми затрудненіями: онъ проникъ чрезъ Черный лѣсъ до береговъ Дуная, посадилъ свое войско на суда и высадился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сирміи [3]). Онъ уже сдѣлался властелиномъ почти всего запада, когда смерть Констанція избавила имперію отъ бѣдствій междоусобной войны.

---

[1]) Soz. v, 1.

[2]) Amm. Marcell. xix, 1, 7, 11.

[3]) Julian ad Athen. pp. 273—6. Но она противилась его возвышенію на степень кесаря. Amm. Marcell. xv, 8.

[4]) Amm. Marcell. xiv, 2.

[5]) Zosim. iii, 1, Eunap. Vita Maximi, p. 476, edit. Boissonade, Paris, 1849 г.

[6]) Zosim. xvi, 1 и слѣд.; Gibbon, ii, 110—13.

[7]) Jul. ad. Athen. pp. 277—83; Amm. Marc. xvii, 9, 10; Gibbon, ii, 129—30, 251. Нибуръ однако же относитъ эти ревнивыя мѣры на счетъ придворныхъ интригъ, въ которыхъ, по его предположенію, Констанцій былъ, вѣроятно, неповиненъ.

[8]) Amm. Marc. xvii, 9.

[9]) Описаніе Парижа см. *Julian.* Misopogon. p. 340. Зосимъ называетъ его πολίχνη Германіи, iii, 9.

3 нояб. 361 г.

Политика Констанція по отношенію къ язычеству была въ общемъ продолженіемъ политики его отца: издавались законы, которыми запрещались жертвоприношенія и идолопоклонство даже подъ страхомъ смерти [4]), и при Юліанѣ языческіе ораторы жаловались на строгости, съ которыми относились къ ихъ религіи въ послѣднее царствованіе [5]). Извѣстно однако же, что болѣе строгіе законы, даже если они въ дѣйствительности и издавались по временамъ, не приводились вообще въ исполненіе [6]). Язычество все еще продолжало существовать, особенно среди аристократіи старой столицы, среди класса философовъ и писателей и среди крестьянства [7]). Обряды его, повидимому, свободно совершались даже властными лицами. Первый христіанскій императоръ былъ, подобно своимъ предшественникамъ, внесенъ въ число боговъ, Констанцій удерживалъ за собою титулъ Pontifex maximus; при своемъ посѣщеніи Рима въ 357 году онъ относился съ уваженіемъ къ старой религіи и даже дѣлалъ назначенія на жреческія должности [8]) и если онъ совершенно враждебно относился къ искусству астрологіи и гаданія, то это только вслѣдствіе ихъ опаснаго политическаго характера [9]). Нѣкоторые храмы были отданы для христіанскаго употребленія или подарены любимцамъ двора; но вообще существовали еще узаконенія противъ разрушенія храмовъ и обезображенія языческихъ памятниковъ [1]. Вѣроучительные споры этого времени отвлекали вниманіе христіанъ отъ язычества, причемъ они также заставляли каждую партію избѣгать раздраженія толпы, находившейся внѣ церкви. Напрасно нѣкоторые изъ наиболѣе нетерпѣливыхъ христіанскихъ писателей, среди которыхъ особенно извѣстенъ Фирмикъ Матернъ [2], пытались побудить правительство къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ для подавленія идолопоклонства.

---

[1]) Draconarii. Amm. Marc. xx, 4, 5.

[2]) Zosim. iii, 2.

[3]) *Jul.* ad Athen. 284—6; Amm. Marc. xx, 8; xxi, 9—15, Gibbon, ii, 251—66.

[4]) Cod. Theod. xvi, x, 4, 6.

[5]) Soz. iii, 17.

[6]) Gibbon, ii, 246—7.

[7]) Слово paganus, вѣроятно, начало употребляться въ религіозномъ смыслѣ около этого времени, когда сила древней религіи сохранилась въ pagi, то есть въ деревняхъ. Первое юридическое употребленіе его было сдѣлано Валентиніаномъ I въ 368 году. Cod. Theodot. xvi, ii, 18.

[8]) Symmachus ap. Ambros. ii, 968.

[9]) Cod. Theod. ix, xvi, 4—6.

Предъ выступленіемъ въ свой походъ, Юліанъ, хотя еще по внѣшности и держался христіанства, поставилъ себя подъ покровительство „безсмертныхъ боговъ“ и умилостивлялъ ихъ богатыми жертвами [3]. Даже еще по прибытіи въ Вѣну, онъ праздновалъ день Богоявленія [4], но предъ вступленіемъ во Ѳракію, онъ сбросилъ всякую маску и открыто объявилъ себя язычникомъ [5]. Не трудно понять побужденія къ этому шагу, на основаніи котораго эпитетъ отступника сдѣлался обычнымъ прибавленіемъ къ его имени. Его христіанское воспитаніе, съ его формальнымъ и вынужденнымъ благочестіемъ, было ведено такъ, что оно едва ли не могло охладить такую душу, какъ его,—живую, любознательную, безпокойную и тщеславную. Его жажда знанія встрѣчала препятствіе во всѣхъ направленіяхъ: въ ранніе годы ему было запрещено искать образованія у тѣхъ язычниковъ, которые славились, какъ профессоры риторики [6], и запрещеніе это придало еще большую прелесть ихъ мнѣніямъ. Исполненный восторженнаго благоговѣнія къ героямъ и мудрецамъ язычества, онъ былъ не способенъ понять достоинство христіанскаго смиренія и терпѣнія [7], и кромѣ того ему приходилось составлять мнѣніе о системѣ, въ которой онъ былъ воспитанъ, поокружавшимъ его несовершенствамъ, между тѣмъ какъ язычество представлялось ему въ идеальной лучезарности, какъ воплощенное въ жизни наиболѣе достойныхъ его представителей и неразрывное съ литературой философіей и искусствомъ [8]. Глаза язычниковъ уже рано были устремлены на него, какъ на надежду ихъ религіи. За нимъ ухаживали философы и риторы, и, при всѣхъ перемѣнахъ его мѣстожительства, онъ былъ передаваемъ однимъ изъ нихъ на руки другаго. Эти учители не только плѣнили его духъ своими умозрѣніями, но и увлекали его запрещенными искусствами бѣлой магіи (теургіи) и гаданія, льстя ему мыслью, что онъ нѣкогда сдѣлается властелиномъ имперіи. Въ Ефесѣ, на двадцатомъ году жизни, онъ былъ формально посвященъ въ язычество Максимомъ философомъ, который пріобрѣлъ могущественное вліяніе на него, и во время своего пребыванія въ Аѳинахъ онъ былъ допущенъ къ Елевзинскимъ мистеріямъ. Но тайна его отступничества тщательно сохранялась, пока его посягательство на императорскій титулъ не сдѣлало дальнѣйшее лицемѣріе излишнимъ [1]).

---

[1] Cod. Theod. ix, xvi, 1—4; xvi, x, 3.

[2] См. напр. его сочиненіе: De Errare profanarum Religionum, c. 17, 19, 30. О его жизни ничего неизвѣстно. Patrol. xii, 974.

[3] Amm. Marcell. xxi, 1; xxii, Jul. ad Athen. 286.

[4] Amm. Marcell. xxi, 2.

[5] Jul. ad Athen. pp. 286—7; Gibbon, ii, 261.

[6] *Liban*. Orat. x, t. ii, p. 263.

[7] *Greg. Naz.* Orat. 71—2.

[8] *Cyrill. Alex*. adv. Julian, c. 6, 7.

Юліанъ прибылъ въ Константинополь 11 декабря 361 года, и оставилъ его въ половинѣ слѣдующаго мая. Въ концѣ іюня 362 года онъ достигъ Антіохіи и оставался тамъ до 5 марта 363 года, когда онъ выступилъ въ свою роковую экспедицію въ Персію. Такимъ образомъ большая часть его короткаго царствованія была проведена въ двухъ городахъ, особенно неблагопріятныхъ его религіи, потому что Константинополь никогда до этого времени не былъ оскверняемъ публичными жертвоприношеніями, а въ Антіохіи, хотя жители ея были вообще слишкомъ преданы распутству и роскоши и страстно любили всякія легкомысленныя развлеченія, христіанство было общимъ исповѣданіемъ, такъ что тамъ было только нѣсколько престарѣлыхъ лицъ, которыя съ сожалѣніемъ оглядывались назадъ на то время, когда язычество было національной религіей. О крайнемъ упадкѣ старой религіи въ Сирійской столицѣ можно отчасти судить по разсказу, который передается самимъ императоромъ, что когда, по возстановленіи храма Дафны, близь города, онъ отправился въ него въ день великаго мѣстнаго праздника, то нашелъ, что вмѣсто великолѣпнаго церемоніала и массы богомольцевъ, какъ онъ ожидалъ, тамъ присутствовалъ только одинъ старый жрецъ, приносившій въ жертву лишь одного гуся, котораго бѣдняку притомъ пришлось купить на свой собственный счетъ [2]).

Язычество Юліана было совершенно отлично отъ древней политической религіи Рима. Оно было эклектической, философски восторженной системой, болѣе похожей на гностицизмъ, чѣмъ даже на богословіе древнихъ грековъ. Онъ вѣровалъ въ одного верховнаго Бога, котораго отождествлялъ съ Митрой или солнечнымъ богомъ восточнаго культа. Подъ главенствомъ этого божества онъ признавалъ другихъ покровителей народовъ, наукъ и т. п. Онъ вѣровалъ, что міръ вѣченъ, и изъ разнообразія національныхъ характеровъ извлекалъ доводъ противъ общаго происхожденія человѣчества [3]). Поклоненіе иконамъ было запрещено имъ на философскихъ основаніяхъ, весьма далекихъ отъ народнаго вѣрованія [1]. Ревность этого обращенца къ старой религіи далеко превосходила ревность ея наслѣдственныхъ исповѣдниковъ. Языческій историкъ того времени описываетъ его скорѣе суевѣрнымъ, чѣмъ въ собственномъ смыслѣ религіознымъ [2], и его языческіе подданные въ общемъ относились съ изумленіемъ и неуваженіемъ къ щедрости его дорогихъ жертвъ и къ тому участію, которое онъ принималъ въ нихъ, исполняя даже самыя грубыя и часто отвратительныя должности [3]. Въ другихъ отношеніяхъ также его тщеславіе обнаруживалось въ показномъ неуваженіи къ формѣ и достоинству, которыя обыкновенно связывались съ верховною властью. Въ своей внѣшности и обычаяхъ онъ обнаруживалъ циническую неряшливость, которая навлекала на него сатирическія остроты въ Антіохіи, и онъ унизился до отвѣта на эти остроты и сатиры, написавъ книгу въ защиту своей бороды [4]. Онъ замѣнилъ придворную роскошь неразумною и рѣзкою строгостью, распустилъ массу евнуховъ и паразитовъ, которые пресмыкались у двора во время послѣдняго царствованія и замѣнилъ ихъ философами и гадателями, многіе изъ которыхъ оказались неспособными оправдать почести и порученныя имъ обязанности [5].

---

[1]) *Eunap.* Vita Maximi, pp. 474—5; Amm. Marcell xix, 2; *Greg. Naz.* Orat. iv, 31, 43—4; Socr. ii, 1; Gibbon, ii, 291—4. О волшебныхъ обрядахъ и суевѣріяхъ, бывшихъ въ ходу среди философской партіи, см. Broglie, iii, 151—75.

[2]) Misopog. 362. Храмъ этотъ раньше былъ обращенъ въ церковь св. Вавилы Rufin, i, 35; Chrysost. ii, Hom. de S. Bab. i, 2; ii, 14 и слѣд.

[3]) Jul. Orat. iv, ap. Cyrill. pp. 116, 143 и слѣд.

Религіозная политика послѣднихъ двухъ царствованій теперь была совершенно измѣнена въ противоположную. Преимущества и субсидіи, дарованныя духовенству, теперь были перенесены на языческое жречество; но въ то время, какъ Константинъ, возстановляя церковную собственность послѣ гоненія истиннымъ владѣтелямъ, вознаграждалъ наличныхъ владѣтелей на счетъ государства [6], Юліанъ издалъ приказъ, чтобы христіане, замѣшанные въ дѣлѣ разрушенія храмовъ, возстановили ихъ на свой собственный счетъ и чтобы деньги, полученныя отъ собственности, сначала принадлежавшей языческой религіи были возвращены ей вновь. Даже если бы въ рукахъ христіанъ были средства для такого возстановленія, самое возстановленіе храмовъ (что̀ во многихъ случаяхъ повлекло бы за собою разрушеніе церквей, построенныхъ на ихъ мѣстѣ) было невыносимо для христіанской совѣсти, и вслѣдствіе этого указа многіе изъ духовенства были подвергнуты пыткамъ, тюремному заключенію и смерти [7]. Особенно замѣчателенъ случай смерти Марка, епископа аретузійскаго. „Власти, говоритъ Гиббонъ потребовали полной цѣны храма, который былъ разрушенъ; но такъ какъ онѣ убѣдились въ его бѣдности, то желали только склонить его непреклонный духъ къ обѣщанію хотя незначительнаго вознагражденія. Онѣ застращивали престарѣлаго іерарха, безчеловѣчно бичевали его и вырвали ему бороду, и обнаженное тѣло его, намазанное масломъ, было подвѣшено въ сѣткѣ между небомъ и землей и выставлено для ужаленія насѣкомыхъ подъ палящими лучами сирійскаго солнца. Наконецъ, онъ былъ избавленъ отъ рукъ мучителей; Юліанъ пощадилъ ему жизнь; но если епископъ аретузійскій спасъ въ дѣтствѣ Юліана, то потомство будетъ имѣть возможность не хвалить милость императора, а осуждать его неблагодарность“ ¹).

---

[1] Jul, pp. 92, 294—5.

[2] Amm. Marcel. xxv, 4.

[3] Тамъ же, xxii, 12—13; Gibbon, ii, 297.

[4] Misopogon, см. Jul. pp. 338 и слѣд. 364.

[5] Jul. ad. Athen. pp. 273—4; Amm. Marcell. xxii, 3, 4; Socr. iii, 1; Soz. v, 3; Gibbon. ii, 273—4, 335. Григорій Назіанзинъ не могъ найти ничего одобрительнаго въ немъ кромѣ того, что, пригласивъ многихъ изъ своихъ прежнихъ азіатскихъ знакомыхъ ко двору; онъ разочаровалъ надежды на величіе, о которомъ они мечтали. Orat. v, 20.

[6] См. выше, стр. 140.

[7] Soz. v, 5; Philost. vii, 4.

Юліанъ изъ опыта прежняго времени зналъ, что насилія противъ христіанства не только не подавляли его, но содѣйствовали его распространенію. Онъ не хотѣлъ возбуждать ревности христіанъ посредствомъ мученичества, не хотѣлъ омрачать своей собственной репутаціи суровыми мѣрами; онъ хотѣлъ пріобрѣсти славу вѣротерпимостью, которая бы могла быть поставлена въ противоположность съ гоненіями Констанція ²). Разсказы о мученичествахъ, относимыхъ къ этому царствованію, едва ли вполнѣ вѣроятны, и хотя было не мало совершено угнетеній и неистовствъ противъ христіанъ ³), однако же императоръ, повидимому, не повиненъ прямо въ этихъ актахъ. Есть основаніе думать также, что христіане иногда сами раздражали правящую партію излишне оскорбительнымъ поведеніемъ, и что ихъ жалобы не всегда были свободны отъ преувеличенія ⁴). Но хотя Юліанъ объявилъ, что доводъ и убѣжденіе были единственными средствами, которыя должны были употребляться для распространенія его мнѣній, онъ допускалъ и дѣйствія совершенно инаго рода. Онъ съ безстыднымъ пристрастіемъ отказывалъ христіанамъ въ справедливости и усиливалъ этотъ отказъ оскорбительными сарказмами. Такъ, когда аріанскій епископъ Георгій былъ умерщвленъ язычниками Александріи, онъ кромѣ весьма легкаго укора имъ не обратилъ никакого дальнѣйшаго вниманія на это дѣло ⁵). Вслѣдствіе столкновенія между православными и валентиніанами въ Едессѣ, онъ захватилъ собственность Едесской церкви и раздѣлилъ ее между своими солдатами, заявляя христіанамъ, что ихъ богатства не будутъ имъ дольше

---

¹) Gibbon, ii, 316; *Greg. Naz.* Orat. iv, 88—91; Soz. v, 5, 10; Theod. iii, 7.

²) Jul. Epp. 7, 43, 52; *Greg. Naz.* Orat. iv, 57, 58, 61; Rufin, Eccles. i, 32; Soz. v, 4.

³) *Greg. Naz.* Orat. iv, 86 и слѣд. v, 29; Philost. vii, 1—4.

⁴) См. Socr. iii, 15; Gibbon, ii, 327—8.

⁵) Ep. 10; Amm. Marcell. xxii, 11.

служить препятствіемъ ко входу ихъ въ царство небесное [1]. Когда христіане обращались къ нему съ просьбой о защитѣ противъ незаконнаго насилія правителей или черни, онъ напоминалъ имъ, что ихъ религія налагаетъ на нихъ обязанность терпѣнія отъ несправедливостей. Онъ лишалъ ихъ гражданскихъ и военныхъ должностей и исключалъ ихъ изъ судебныхъ учрежденій, и въ основаніе этого приводилъ, что евангеліе запрещаетъ мірское честолюбіе, кровопролитіе и судебныя тяжбы [2]. Заявляя, что считаетъ благочестіе сердца существеннымъ въ религіи [3], онъ однако же прибѣгалъ къ хитростямъ съ цѣлью заставить своихъ христіанскихъ подданныхъ хотя совнѣ и даже не сознательно оказать знаки почтенія богамъ; такъ, онъ окружилъ свое собственное изображеніе языческими фигурами и эмблемами, такъ что обычное почтеніе къ нему должно было влечь за собою нѣкоторое идолопоклонство [4]. Подобнымъ же образомъ, по случаю раздачи наградъ, онъ потребовалъ отъ своихъ солдатъ бросанія по нѣскольку зеренъ куренія въ огонь, представляя это какъ простой древній обычай, безъ всякаго объясненія о томъ значеніи, которое онъ связывалъ съ этимъ, какъ актомъ языческаго богослуженія [5].

По странному капризу тиранніи, Юліанъ издалъ указъ, чтобы никакому „галилеянину“ (такого названія для христіанъ онъ требовалъ закономъ [6]) не позволялось быть учителемъ классической литературы. Съ цѣлью указать основанія для такого повелѣнія, онъ заявилъ, что греческій языкъ принадлежитъ язычеству [7], и поносилъ безнравственность и алчность лицъ, преподававшихъ систему, въ которую они не вѣрили сами [8]; но такъ какъ невѣроятно, чтобы императоръ могъ серьезно смѣшивать религію съ литературой Греціи, то предполагались другія побужденія, какъ зависть къ славѣ, которую пріобрѣтали нѣкоторые христіанскіе риторы, и желаніе лишить христіанъ полемическихъ преимуществъ, которыя они могли извлекать изъ знакомства съ нелѣпостями языческой миѳологіи [9]. Въ этомъ отношеніи онъ заходилъ даже такъ далеко, что не видя божественнаго элемента въ Евангеліи, приписывая его успѣхъ человѣческому просвѣщенію и думая подорвать его низведеніемъ его исповѣдниковъ въ состояніе безграмотной секты, онъ, по одному свидѣтельству, запрещалъ „галилеянамъ“ даже посѣщать общественныя школы [1]) и изучать классическихъ писателей. Это, однако же, повидимому, ошибка, кромѣ развѣ того, что законъ противъ ученія дѣйствительно долженъ былъ дѣйствовать также и въ качествѣ препятствія къ образованію; потому что многіе изъ тѣхъ, которые въ другія времена обратились бы къ языческимъ учителямъ за образованіемъ въ свѣтскихъ наукахъ, должны были теперь удаляться отъ этихъ школъ, когда именно христіанскіе учители стали подвергаться нападенію и классическое образованіе стало употребляться въ качествѣ искушенія къ отступничеству. Чтобы христіанское юношество не вполнѣ лишилось благъ классическаго образованія, Аполлинарій лаодикійскій и другіе придумали весьма умную замѣну запрещенныхъ книгъ, именно воплощая исторію въ формы греческаго сочиненія, каковы эпическая поэзія, драма и платоническій діалогъ [2]). Но въ то время, какъ императоръ такимъ образомъ различными способами дѣйствовалъ противъ евангелія, онъ же платилъ ему и замѣчательную дань попыткой преобразовать язычество заимствованіями изъ христіанскихъ учрежденій. Онъ указывалъ на христіанъ въ примѣръ послушанія правиламъ своей религіи [3]). Языческихъ жрецовъ онъ увѣщевалъ усвоить болѣе строгую жизнь, чѣмъ та, какая была обычна между ними, ставя имъ въ обязанность воздерживаться отъ мірскихъ занятій и удовольствій, быть благотворительными къ бѣднымъ, заботиться о томъ, чтобы ихъ жены и семейства не обращались въ христіанство, были прилежны въ наукахъ и воздерживались отъ чтенія не назидательныхъ книгъ. Онъ пытался подражать христіанству въ самой системѣ епископскаго надзора и одобрительныхъ писемъ, монашескихъ учрежденій, покаянной дисциплины, расположенія церквей, литургіи, часовъ молитвы, изъясненія религіозныхъ ученій посредствомъ проповѣди, попеченія о бѣдныхъ и бѣдственныхъ, больныхъ и умершихъ [4]).

---

[1] Ep. 43.
[2] *Greg. Naz.* Orat. IV, 96, 97; Socr. III, 2, 13, 14; Gibbon, II, 315, 320, 323.
[3] Ep. 52, p. 436.
[4] Greg. Naz. IV, 81.
[5] Greg. Naz. 82—3; Rufin, I, 32.
[6] Greg. Naz. IV, 76.
[7] Тамъ же, 102.
[8] Jul. Ep. 42 ap. Cyrill. VII, 229.
[9] Greg. Naz. 4, 5, 6, 101; Socr. III, 12; Soz. V, 18; Theod. III, 8.

Указъ Адріана, которымъ іудеямъ запрещалось приближаться къ своему святому городу [5]), былъ еще въ силѣ, и законодательство Константина и его сына относилось къ нимъ строго. Юліанъ былъ благопріятно расположенъ къ ихъ религіи; онъ уважалъ ее какъ древнюю національную религію, хотя и считалъ ее ложной за представленіе ею своего Бога единственнымъ только божествомъ, но Моисеевы жертвоприношенія болѣе согласовались съ его идеями въ отновнѣшняго богослуженія [1]). Призвавъ къ себѣ лично нѣкоторыхъ изъ наиболѣе знатныхъ іудеевъ, онъ спросилъ ихъ, почему они не приносятъ жертвъ, согласно повелѣнію своего законодателя. На ихъ отвѣтъ, что имъ непозволительно приносить жертвы кромѣ храма Іерусалимскаго, котораго они давно уже лишены, императоръ далъ имъ позволеніе вновь построить храмъ, и назначилъ одного изъ своихъ сановниковъ для надзора за работой. Разсѣянные іудеи собрались со всѣхъ странъ и живо принялись за работу, содѣйствуя ей своимъ трудомъ и своимъ богатствомъ [2]). Женщины продавали свои украшенія, вырученныя деньги жертвовали на построеніе, и сами носили землю въ своихъ шелковыхъ платьяхъ; даже серебряныя орудія, будто бы, были употребляемы во время работы. Долго угнетавшійся народъ громко высказывалъ надежду на свое торжественное возстановленіе, но все это дѣло подверглось страшному разрушенію. Только что заложенныя основанія были ниспровергнуты землетрясеніемъ; изъ земли вырвались массы огня, попаляя и убивая многихъ изъ рабочихъ; орудія ихъ были расплавлены молніей, и какъ прибавляютъ нѣкоторые писатели, на небѣ явилось изображеніе креста, окаймленное кругомъ, послѣ чего на одеждахъ и тѣлахъ работавшихъ оказались знаки крестовъ, которыхъ невозможно было уничтожить. Истинность нѣкоторыхъ изъ этихъ явленій подтверждается язычникомъ Амміаномъ Марцеллиномъ, равно какъ и христіанскими писателями, и разсказъ въ своихъ существенныхъ чертахъ легко отличить по своему характеру отъ разсказовъ о современныхъ чудесахъ вообще [3]). Такъ какъ возобновленіе храма было завѣдомо предпринято вопреки христіанской религіи, такъ что успѣшность его могла бы ниспровергать доказательство истинности евангелія, выводимое изъ словъ св. Писанія, заявлявшаго, что іудейство отмѣнено и храмъ долженъ быть разрушенъ, то очевидно случай этотъ былъ однимъ изъ тѣхъ, въ которыхъ проявилось особенное участіе божественнаго всемогущества. Однако же, остается вопросомъ, насколько событія, производившія впечатлѣніе чуда, могли быть результатомъ обыкновенныхъ физическихъ силъ и насколько въ нихъ было того, что можно назвать чудеснымъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

---

[1]) Rufin, I, 32.

[2]) Socr. III, 16; Soz. v, 18. Vit. Greg Naz. (сочиненіе монаха, по имени Григорія, въ первомъ томѣ Бенедиктинскаго изданія), 137.

[3]) Ep. 63, p. 453.

[4]) Ep. 49, Fragm. pp. 300—5; *Greg. Naz.* Orat. IV, 111; Soz. v, 16.

[5]) См. выше, стр. 17.

Длинные зимніе вечера 362—3 года Юліанъ проводилъ въ составленіи тщательнаго опроверженія христіанства, каковой трудъ онъ продолжалъ и закончилъ послѣ выступленія въ свой походъ въ Персію [1]). По своемъ возвращеніи онъ намѣревался вновь приступить къ построенію іудейскаго храма [2]). Какова могла бы быть его политика въ другихъ отношеніяхъ, если бы его жизнь продлилась, объ этомъ можно дѣлать только предположенія; но такъ какъ его вражда къ христіанству, очевидно, возростала, то вѣроятно тотъ образъ дѣйствія, котораго онъ доселѣ держался съ столь малымъ успѣхомъ, былъ бы измѣненъ на систему открытаго гоненія. Его смерть, послѣдовавшая вслѣдствіе раны, полученной въ ночной стычкѣ [3]), была привѣтствуема христіанами съ радостью. 28 Іюня 363 г. Среди нихъ уже раньше ходили предсказанія и видѣнія о его кончинѣ [4]). Нѣкоторые предполагали, что онъ получилъ свою смертельную рану отъ ангела. Созоменъ, отвѣчая на безосновательную инсинуацію Ливанія [5]), что она была нанесена не персомъ, а христіаниномъ, забывая о своемъ собственномъ христіанствѣ, доказываетъ, что такой подвигъ былъ бы похваленъ въ пользу дѣла Бога и религіи [6]).

---

[1]) Gibbon, II, 304—7.

[2]) Въ началѣ 363 года. Св. Златоустъ порицаетъ іудеевъ за ихъ союзничество съ Юліаномъ. In. Matth. Hom. 43, p. 581, edit. Field.

[3]) Amm. Marc. XXII, 1; *Greg. Naz.* Orat.; v, 4—7 Rufin, I, 37—9; Philostorg. VII, 9; *Chrysost.* adv. judaeos, VI, 11 (t. I); Socr. III, 20: Soz. v, 22; Theod. III, 20

II. Обратимся теперь къ внутренней исторіи церкви. Юліанъ, по своемъ восшествіи на престолъ, возвратилъ всѣхъ, кто были сосланы изъ-за религіи. 362 г. Эта мѣра имѣла двоякую цѣль—достигнуть похвалы въ свободомысліи и въ то же время нанести христіанству вредъ, давая полную волю раздорамъ различныхъ партій [7]). Но въ послѣдней надеждѣ онъ разочаровался. Аріане, будучи лишены императорской опоры, потеряли всякую энергію и жизненность, и общая опасность отъ возрожденія язычества даже сглаживала споры, которые свирѣпствовали такъ долго и такъ сильно [8]).

Аѳанасій, изгнанный изъ Александріи въ 356 году, удалился въ пустыни Египта. Среди своихъ вѣрующихъ приверженцевъ-монаховъ онъ нашелъ убѣжище, давшее ему возможность избѣгнуть вражды Констанція, который пытался схватить его и усиливался воспрепятствовать его пріему въ Еѳіопіи, если бы онъ бѣжалъ въ эту но-

---

[1]) Онъ состоялъ изъ семи книгъ. Отрывокъ его сохраненъ въ отвѣтѣ на него со стороны Кирилла Александрійскаго. См. *Fabricius*. Bibl. gr. vi, 738—9.

[2]) Ep. 25.

[3]) Amm. Marc. xxv, 3.

[4]) Soz. vi, 2; Theodoret, iii, 23—4; Chron. Paschal. 363 г. Объ этомъ были также и языческія знаменія (Amm. Marc. xxiii, 1; 3; xxv, 2). Христіане вѣрили, что Юліанъ приносилъ многихъ молодыхъ людей въ жертву съ цѣлью отгадать будущее (Socr. iii, 13).

[5]) Orat. x (t. ii), 324, edit. Morel. Paris, 1627 г.; Gibbon, ii, 378.

[6]) Soz. vi, 1, 2. См. Philostorg. vii, 15; съ замѣчаніемъ Фотія. Fabric. Bibl. Gr. vi, 723. Въ жизни св. Макарія римлянина говорится, что Юліанъ былъ убитъ „Меркуріемъ, мученикомъ Христовымъ“.

[7]) Philostorg. viii, 41; Amm. Marc. xxii, 5.

[8]) Socr. iii, 11; Soz. v, 5; vi, 4.

вообращенную страну. Во время шестилѣтняго из-
гнанія, епископъ зорко слѣдилъ за всѣми событія- 356—362 г.
ми въ церкви и благовременными сочиненіями бо-
ролся съ ересью, которая лишила его принадлежащей ему каѳедры.

По полученіи извѣстія, что Константинъ умеръ,
языческое населеніе Александріи умертвило самозван- 24 Дек. 361 г
наго епископа Георгія, который сдѣлался даже еще
болѣе ненавистнымъ язычникамъ, чѣмъ православнымъ [1]). Аѳанасій, при возвращеніи для занятія своей каѳедры, былъ принятъ съ торжествомъ и радостью [2]). Церкви сразу же были переданы ему, такъ что аріане, поставившіе своимъ епископомъ нѣкоего Луція, могли собираться только въ частныхъ домахъ. Аѳанасій приступилъ къ созванію собора, для присутствованія на которомъ приглашены были Люциферъ кагліарскій и Евсевій верцельскій, возвращенный изъ ссылки въ Ѳиваидѣ. Евсевій явился лично, а сардикійскій епископъ былъ представляемъ двумя своими діаконами, между тѣмъ какъ самъ онъ отправился въ Антіохію, съ цѣлью попытаться подавить расколъ, который долго волновалъ церковь этого города [3]).

Дѣло духовенства, склонявшагося въ послѣднее царствованіе къ аріанству, было рѣшено съ тою мудрою разборчивостью въ отношеніи лицъ, которая у Аѳанасія всегда сочеталась съ его ревностью къ истинѣ. Было постановлено, что тѣ, которые погрѣшили чрезъ простоту или невѣденіе, могли удержать за собою свое положеніе, подписавъ никейскій символъ, а тѣ, которые принимали болѣе дѣятельное участіе въ движеніи Арія, послѣ покаянія были допущены къ общенію, но съ лишеніемъ церковной должности [4]).

Другой вопросъ, занимавшій вниманіе собора, относился къ употребленію извѣстныхъ богословскихъ терминовъ. Слова *усія* и *ѵпостасисъ* [5]) въ началѣ спора употреблялись православными какъ равнозначущія, оба переводились по латыни словомъ substantia и понимались латинянами въ смыслѣ *естества* Божія. Но съ теченіемъ времени на востокѣ введено было въ этомъ отношеніи различіе, такъ что въ то время, какъ усія продолжала означать *естество*, ѵпостась употреблялась въ томъ смыслѣ, который мы обыкновенно выражаемъ словомъ *лицо*, и это различіе составляло особенно характеристическую черту такихъ богослововъ, которые, выйдя изъ аріанскаго сообщества, приняли никейскую вѣру [6]). Латиняне, услышавъ, что нѣкоторые изъ восточныхъ учатъ о трехъ *ѵпостасяхъ*, встревожились, какъ будто слова эти означали три различныхъ степени естества; между тѣмъ другая партія настаивала на необходимости употребленія термина ѵпостась въ новомъ смыслѣ, именно въ виду того, что употребленіе греческаго *просопонъ* [1], которое соотвѣтствовало латинскому persona, отзывалось савелліанствомъ, такъ какъ выражало скорѣе три проявленія одного Божества, чѣмъ то различіе, которое утверждалось въ православномъ ученіи [2]. Соборъ, подъ руководствомъ Аѳанасія, который во время своего пребыванія на западѣ познакомился съ значеніемъ латинскаго богословскаго языка, старался уладить этотъ споръ точнымъ опредѣленіемъ и объясненіемъ, что различіе касательно одной или трехъ ѵпостасей есть лишь словесное, и вообще внушалъ, что должно держаться никейскаго символа и избѣгать спорныхъ терминовъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда противодѣйствіе какимъ нибудь особеннымъ ересямъ сдѣлаетъ употребленіе ихъ необходимымъ [3].

---

[1]) Amm. Marc. xxii; Epiph. lxxvi, 1.

[2]) *Greg. Naz.* Orat. xxi, 26—9; Socr. iii, 2; Soz, v, 6, 7.

[3]) Socr. iii, 5.

[4]) Hard. i, 729 или Athan. Tom ad Antiochenes, i, 770—7; Rufin, i, 28.

[5]) ὀυσία сущность, ὑπόστασις—subsistentia, подсуществованіе.

[6]) Petav. De Trin. IV, i, 8. См. вообще объ этомъ предметѣ De Trin. IV, i—iv, vii, De Incarn. ii.

Евсевій и другіе епископы отправились изъ Александріи въ Антіохію, съ порученіемъ заняться исцѣленіемъ раскола. Между тѣмъ Люциферъ въ это же время сдѣлалъ одинъ необдуманный шагъ, способствовавшій усиленію и продленію раскола, когда именно онъ посвятилъ Павлина, пресвитера евстаѳіанской партіи, въ противоположность Мелетію, который только что возвратился изъ ссылки [4]. Такимъ образомъ въ Антіохіи оказалось три соперника епископа—аріанинъ Евзоій и двое православныхъ, Мелетій и Павлинъ, и къ нимъ скоро присоединенъ былъ четвертый изъ аполлинаріевой секты [5]. При такихъ обстоятельствахъ невозможно было приводить въ исполненіе какую нибудь церковную дисциплину, такъ какъ нарушители ея, будучи угрожаемы порицаніемъ въ одной общинѣ, находили другія, готовыя принять ихъ въ качествѣ прозелитовъ, и это тѣмъ болѣе, что въ то же время широкая патріархальная юрисдикція Антіохіи съ властью, принадлежащей третьей изъ христіанскихъ каѳедръ, въ общихъ дѣлахъ церкви совершенно отсутствовала.

Евсевій, кротко выразивъ свое сожалѣніе о рукоположеніи Павлина, немедленно оставилъ Антіохію. Но своенравный Люциферъ отказался признать дѣло своихъ представителей, которые подписали александрійскія опредѣленія; онъ прервалъ общеніе со всѣми епископами, принимавшими эти опредѣленія, и по возвращеніи въ свою собственную епархію въ Сардиніи, произвелъ новый расколъ на томъ началѣ, что никто изъ подписавшихъ символъ риминійскій не долженъ быть допускаемъ вновь къ общенію [1]). Эта партія, которая не обвиняется ни въ какомъ еретическомъ лжеученіи, нашла значительное число приверженцевъ въ Италіи и Испаніи. Она даже поставила епископа въ Римѣ, но люциферіанство исчезло уже въ началѣ слѣдующаго столѣтія, если еще не раньше [2]). Расколъ же въ Антіохіи продолжался. Мелетій былъ поддерживаемъ восточными и православными, Павлинъ—Египтомъ и западомъ, и, не смотря на всѣ усилія Александрійскаго собора, разногласіе въ употребленіи термина ѵпостась продолжало служить знаменемъ соотвѣтствующихъ партій [3]).

---

[1] πρόσωπον—характеръ или лицо въ драматическомъ смыслѣ.

[2] Самъ Савеллій допускалъ три просопа въ томъ смыслѣ, противъ котораго возражали восточные. См. выше, стр. (78).

[3] Hard. i, 733. См. *Hilar* De Synod. 68—71; Rufin, i, 28, 29; Socr. iii, 7; Soz. v, 12; *Greg. Naz.* Orat. xxi, 35—36.

[4] Rutin, i, 27; Socr. iii, 6; Soz. v, 12; Theodoret, iii, 5.

[5] См. конецъ слѣдующей главы.

Миръ былъ возстановленъ въ западной церкви главнымъ образомъ благодаря трудамъ Евсевія и Иларія Пиктавійскаго, которому позволено было занять свою епископію вскорѣ послѣ соборовъ Риминійскаго и Селевкійскаго, такъ какъ придворная партія находила желательнымъ даже на такихъ условіяхъ удалить столь опаснаго противника подальше отъ главной сцены дѣйствія. Эти два епископа неустанно старались о возстановленіи православія на условіяхъ Александрійскаго собора, въ чемъ они находили содѣйствіе со стороны соборовъ, бывшихъ въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ [4]).

Плоды трудовъ Аѳанасія, послѣ его возвращенія въ Александрію, скоро обратили на него вниманіе Юліана, который зналъ и опасался его энергическаго характера; тѣмъ болѣе, что доносы различныхъ „маговъ, философовъ, аруспиціевъ и авгуровъ“ не мало возбуждали императора противъ него, какъ наиболѣе опаснаго врага язычества [5]). Въ концѣ 362 года Юліанъ направилъ противъ него особый указъ, въ которомъ Аѳанасій обвинялся въ томъ, что онъ недавно осмѣлился крестить нѣсколько греческихъ, то есть, языческихъ дамъ высшаго круга, и заявлялось, что указомъ, которымъ позволялось ссыльнымъ возвратиться въ свою страну, не имѣлось въ виду возстановлять ихъ на церковныя должности, каковое различіе, повидимому, было измышлено на этотъ именно случай, такъ какъ оно не приводилось въ исполненіе ни въ какомъ другомъ случаѣ. Христіане Александріи просили въ пользу своего епископа. Но Юліанъ только еще болѣе вышелъ изъ себя. Онъ называлъ Аѳанасія „ничтожнымъ человѣчишкомъ“ [1]), говорилъ имъ, что они свободны избрать другаго епископа, но что такая вредная личность не должна оставаться среди нихъ, и въ то время, какъ прежній приговоръ ограничивался изгнаніемъ изъ города, теперь онъ былъ распространенъ на весь Египетъ, съ приказомъ о его немедленномъ исполненіи [2]). Услышавъ о такомъ отвѣтѣ императора, Аѳанасій сказалъ своимъ друзьямъ: „Удалимся отсюда; это маленькая тучка, которая скоро пройдетъ“. Онъ сѣлъ на судно на рѣкѣ Нилѣ и поплылъ вверхъ по рѣкѣ. Но будучи извѣщенъ, что судно преслѣдуется, онъ приказалъ кормчему повернуть назадъ, на встрѣчу своимъ гонителямъ, которые не замѣтили его движеній, и онъ, избѣгши ихъ допросовъ, благополучно возвратился въ Александрію. Возобновленные поиски однако же скоро затѣмъ вынудили его оставить мѣсто своего потаеннаго пребыванія тамъ, и онъ опять нашелъ убѣжище среди монаховъ, гдѣ и оставался, пока не получилъ извѣстія о смерти Юліана [3]).

---

[1]) Socr. iii, 9; Soz. v, 13. Изъ Діалога бл. Іеронима противъ люциферіанъ (с. 3) видно, что Люциферъ не признавалъ рукоположенія, полученнаго отъ аріанъ, но признавалъ аріанское крещеніе; между тѣмъ нѣкоторые изъ его послѣдователей перекрещивали обращенцевъ даже изъ церкви.

[2]) Rufin, i, 39. См. Libellus Luceferian. Faustina и Marcellina въ Patrol. xiii, Baron. 362, 221; 371, 127.

[3]) Theodoret, v, 3.

[4]) Rufin, 30, 31; Socr. iii, 10.

[5]) Rufin, i, 33.

ГЛАВА XII.

Отъ смерти Юліана до конца втораго вселенскаго собора.

363—381.

Насильственное возрожденіе язычества закончилось жизнью его покровителя. На слѣдующій 28 іюня 363 г. день императоромъ былъ избранъ Іовіанъ, христіанинъ. Войско объявило себя христіанскимъ. Во главѣ его [4]) сталъ развѣваться опять лабарумъ, который оставался безъ употребленія во время царствованія Юліана; философы и предсказатели, пользовавшіеся милостью покойнаго императора, отступили на задній планъ [5]). Іовіанъ однако же допускалъ полную вѣротерпимость по отношенію къ своимъ языческимъ подданнымъ [6]), и что касается раздѣленій среди христіанъ, то онъ заявилъ, что никого не будетъ угнетать изъ за религіи, будетъ любить всѣхъ, кто только будетъ стараться о мирѣ церкви [7]).

---

[1]) ἄνθρωπος εὐτελής.

[2]) Julian, Epp. 6, 25, 51.

[3]) Rufin, i, 34; Socr. iii, 13—14; Soz. v, 15; Theodoret. iii, 9.

[4]) Rufin, ii, 1; Socr. iii, 22.

[5]) Socr. iii, 24.

[6]) Тѣмъ не менѣе изъ жалобъ Ливанія (Vita p. 46; Orat. x, 327, t. ii, edit. Morel) видно, что въ это царствованіе они страдали отъ черни въ различныхъ мѣстахъ.

[7]) Socr. iii, 25.

По прибытіи своемъ въ Антіохію, послѣ безславнаго, хотя и необходимаго, соглашенія съ персами и бѣдственнаго отступленія, новый императоръ былъ осажденъ представителями различныхъ христіанскихъ партій, изъ которыхъ каждая надѣялась склонить его на свою сторону [1]. Его душа однако уже рѣшительно склонилась въ пользу никейской вѣры; онъ писалъ къ Аѳанасію, прося у него наставленія и совѣта и приглашая его посѣтить дворъ. Епископъ согласился и въ личномъ свиданіи пріобрѣлъ такое вліяніе надъ Іовіаномъ, которое тщетно пытались поколебать его враги [2]. Акакіане, съ своею обычною гибкостью, рѣшили подчиниться духу времени. Они присутствовали на соборѣ, созванномъ Мелетіемъ въ Антіохіи, и подписали никейскій символъ, уклончиво объясняя „единосущный“ въ смыслѣ „рожденный отъ сущности Отца и подобный Отцу въ сущности“ [3].

Царствованіе Іовіана продолжалось нѣсколько менѣе восьми мѣсяцевъ; 17 февраля 364 года онъ найденъ былъ мертвымъ въ своей постелѣ въ Дадастанѣ, въ Виѳиніи [4]. 26 февраля преемникомъ ему былъ избранъ войскомъ Валентиніанъ, и мѣсяцъ спустя новый императоръ раздѣлилъ свою власть съ братомъ Валентомъ, которому онъ поручилъ восточную половину имперіи. Валентиніанъ обладалъ многими хорошими качествами. Онъ бодро и успѣшно защищалъ сѣверныя границы противъ варваровъ, надвигавшихся на имперію, и былъ авторомъ мудрыхъ и важныхъ постановленій во внутреннемъ управленіи [5]. Но справедливость, которою онъ гордился, была до непреклонности жестока; способъ ея исполненія былъ часто безчеловѣченъ, и самъ онъ подверженъ былъ буйнымъ припадкамъ страсти, одинъ изъ которыхъ былъ причиной его смерти [6]. Валентъ, до своего возвышенія по милости брата, былъ личностью мало извѣстной. Его способности были ниже способностей Валентиніана, и, по характеристикѣ Гиббона, онъ былъ человѣкъ „грубый безъ энергіи, и слабый безъ нѣжности“ [7].

Разсказываютъ, что оба брата подвергались въ царствованіе Юліана опасности за свое исповѣданіе христіанства [1]). Валентиніанъ, по восшествіи на престолъ, держался никейской вѣры; но, предостерегаемый неудачей Констанція въ дѣлѣ водворенія единовѣрія, онъ усвоилъ политику общей вѣротерпимости, по отношенію къ которой нельзя считать исключеніемъ строгій законъ противъ манихеевъ, такъ какъ онъ скорѣе былъ направленъ противъ волшебства, въ которомъ они подозрѣвались, чѣмъ противъ ихъ ошибочныхъ мнѣній [2]). Онъ безразлично отклонялъ всякое вмѣшательство въ вопросы вѣры, рѣшеніе которыхъ предоставлялъ лишь тѣмъ, кто своимъ образованіемъ были подготовлены къ тому [3]). Онъ позволилъ Авксентію, аріанину, вновь получить важную каѳедру миланскую, будучи ли обманутъ личными заявленіями епископа, которыя могли съ достаточностью удовлетворить неразборчиваго и нѣсколько безразличнаго императора-солдата, или подъ вліяніемъ императрицы Іустины, которая была ревностной аріанкой [4]). Но за этимъ исключеніемъ западныя каѳедры въ теченіе царствованія Валентиніана находились въ рукахъ православныхъ епископовъ.

---

[1] О просьбахъ аріанъ Александріи и ихъ сношеніи съ Іовіаномъ см. Athanas. i, 782.

[2] См. Athanas. i, 778—9, ad Jov. de Fide, тамъ же, 780; Rufin, ii, 1; Socr. iii, 24; Soz. vi, 5; Theodoret. iv, 2. Находясь въ Антіохіи, Аѳанасій имѣлъ общеніе съ Павлиномъ.

[3] Socr. iii, 25; Soz. vi, 4. Бл. Іеронимъ говоритъ въ своей „Хроникѣ“ (367 года), что они отвергали какъ *омоусіонъ*, такъ и *аноміонъ*, и принимали средній терминъ *омiусіонъ*. Но вѣрнѣе, повидимому, то, что они истолковывали омоусіонъ одинаково съ омiусіонъ. Petav. de Trinit. iv, vi, 4.

[4] Amm. Marcell. xxv, 10.

[5] Amm. Marcell. xxx, 9; Giibbon, ii, 395—401.

[6] Amm. Marcell. xxvii, 7; xxix, 3; xxx, 6.

[7] ii, 391. Ср. Amm. Marcell. xxxi, 14.

Не то было на востокѣ. Валентъ сначала будто бы былъ православнымъ, но вообще повидимому невѣжественнымъ и равнодушнымъ къ религіи; но онъ склоненъ былъ къ аріанству своей женой, которая въ 367 году, когда онъ готовъ былъ выступить на войну противъ готовъ, убѣдила его принять крещеніе отъ Евдоксія константинопольскаго. Епископъ будто бы взялъ съ него клятву преслѣдовать православныхъ, и извѣстно, что вражда, которую онъ всегда обнаруживалъ по отношенію къ нимъ, сдѣлалась съ этого времени болѣе ожесточенною и дѣятельною [5]).

Македоній, по своемъ изверженіи съ каѳедры константинопольской акакіанами, присоединился къ полуаріанамъ, и хотя самъ вскорѣ умеръ, но партія его съ этого времени получила отъ него свое названіе [6]). Македоніане просили Іовіана или установить „символъ посвященія“, согласно съ первоначальнымъ и безпристрастнымъ рѣшеніемъ собора Селевкійскаго, или, возвращаясь къ состоянію, въ которомъ дѣло находилось до собранія въ Селевкіи и Римини, созвать новый вселенскій соборъ, который бы былъ свободенъ отъ всякаго гражданскаго контроля [7]). 365 г. Теперь они получили позволеніе отъ Валента созвать соборъ въ Лампсакѣ, причемъ императоръ предполагалъ, что они войдутъ въ соглашеніе съ Евдоксіемъ и акакіанами, которые около этого времени взяли назадъ свои подписи къ никейскому символу. Епископы, собравшіеся въ Лампсакѣ, однако же заняли одинаковое положеніе съ большинствомъ собора Селевкіи. Они подписали „символъ освященія“ съ словомъ оміусіосъ, которое они считали необходимымъ для сохраненія личнаго различія въ Божествѣ; потребовали Евдоксія и его партію къ себѣ на судъ и, такъ какъ они не явились, то постановили приговоръ о низложеніи ихъ. Но когда они обратились къ Валенту за утвержденіемъ своихъ постановленій, то оказалось, что акакіане уже настроили его въ свою пользу, и самимъ епископамъ собора угрожало осужденіе на низложеніе и изгнаніе, если только они не подпишутъ аріанскаго символа [1].

---

[1] Rufin, II, 2; Soz. VI, 6; Philostorg. VII, 7; Chron. Paschal. 369 года.

[2] Cod. Theodot. XVI V, 3 (372 г.).

[3] Socr. IV, 1; Soz. VI, 21.

[4] Hilar. adv. Auxentium (Patrol. X).

[5] Socr. IV, 8; Soz. VI 6; Theodoret. IV, 12 13.

[6] Soz. IV, 26.

[7] Soz. IV, 4.

Ревность, которую Валентъ скоро затѣмъ проявилъ въ пользу аріанства, побудила македоніанъ искать сочувствія и поддержки на западѣ, и въ Италію были отправлены ими уполномоченные съ письмами къ Валентиніану и Либерію. Письма, адресованныя императору, не были доставлены по назначенію, потому что посланные съ ними, найдя, что онъ находится въ Галліи, не послѣдовали за нимъ въ эту страну. Либерій сначала отнесся къ нимъ недовѣрчиво; но когда они произнесли анаѳему на всѣ ереси и подписали омоусіонъ (что они истолковывали, какъ равнозначущее съ оміусіонъ), онъ призналъ ихъ находящимися въ общеніи съ собою, и написалъ объ этомъ епископамъ, которыми они были посланы. Подобное же признаніе было получено и отъ другихъ западныхъ епископовъ; и такимъ образомъ полуаріане, за исключеніемъ немногихъ, отвергавшихъ послѣднее постановленіе были возсоединены съ православіемъ [2].

366 г.

Въ 367 году Валентъ издалъ указъ, чтобы тѣ епископы, которые были изгнаны Констанціемъ и возвращены на свои каѳедры при Юліанѣ, были низвергнуты опять. Въ Антіохіи, гдѣ онъ основалъ свою резиденцію, онъ изгналъ Мелетія, хотя и позволилъ оставаться Павлину. [3]. На основаніи того же закона сдѣлана была попытка изгнать Аѳанасія, и онъ даже былъ вынужденъ искать на время убѣжища въ гробницѣ своего отца: но его народъ обратился къ императору съ заявленіемъ, что дѣло его не подходитъ подъ букву указа, и сдѣлалъ вообще такія заявленія о своей привязанности къ епископу и въ другихъ отношеніяхъ, что Валентъ нашелъ болѣе благоразумнымъ позволить ему возвратиться. И такимъ образомъ, въ то время какъ дѣло, которому посвящена была вся жизнь этого великаго поборника православія, подвергалось угнетенію во всѣхъ другихъ частяхъ восточной имперіи, ему самому позволено было провести свои послѣдніе годы въ ненарушимомъ обладаніи своей каѳедрой [1]).

---

[1] Socr. iv, 6; Soz. v, 7.

[2] Epiph. xviii, 10; Socr. ii, 8: Soz. vi, 1—12.

[3] Socr. iv, 2.

Старшіе участники аріанскаго спора теперь мало по малу сходили со сцены. Либерій умеръ въ 366 году, и преемство каѳедры римской сдѣлалось предметомъ спора между Дамасомъ [2]) и Урсиномъ или Урсициномъ. Этотъ споръ, возникшій изъ стараго соперничества между Либеріемъ и Феликсомъ и не заключавшій въ себѣ никакого вопроса объ ученіи, былъ причиною сильныхъ смятеній и даже большаго побоища. Однажды 160 приверженцевъ Урсина, мужчинъ и женщинъ, были убиты въ церкви, носившей имя Либерія (теперь церковь св. Маріи Великой [3]). По истеченіи трехъ лѣтъ Урсинъ былъ изгнанъ въ Галлію; но онъ не разъ заявлялъ свое притязаніе на епископію Рима какъ во время жизни Дамаса, такъ и по его смерти. Акакій умеръ въ 366 году, Иларій въ 367 или 368. Объ Урсакѣ и Валентѣ при ихъ жизни въ послѣдній разъ упоминается въ осужденіи, произнесенномъ на нихъ соборами въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ около 369 года [4]). Евдоксій константинопольскій умеръ въ 370 году, Люциферъ кагліарскій въ 371, Евзоій антіохійскій въ 376.

По смерти Евдоксія, преемникомъ ему былъ поставленъ со стороны православныхъ жителей Константинополя Евагрій, а аріанами Демофилъ; но Евагрій былъ скоро изгнанъ, и его приверженцы подверглись различнымъ угнетеніямъ. На это была принесена жалоба Валенту въ Никомидіи восьмидесятью пресвитерами православной партіи; но вмѣсто того, чтобы получить возмездіе, ихъ заставили сѣсть на корабль, который матросы (будто бы по приказанію одного изъ сановниковъ императора) подожгли и оставили, такъ что всѣ эти пресвитеры погибли [5]). О Валентѣ разсказываются и другія варварства, какъ напр. то, что въ Антіохіи онъ приказалъ многихъ православныхъ утопить въ Оронтѣ [6]). Особенно ненавистны были ему монахи Египта и Понта, частью потому, что монашеское исповѣданіе служило для многихъ извиненіемъ лѣности и удаляло ихъ отъ обязанностей по отношенію къ государству, а отчасти вслѣдствіе ихъ стойкой приверженности къ никейской вѣрѣ и употребленія ихъ могущественнаго вліянія въ пользу ея. Въ 373 году императоръ повелѣлъ, чтобы монахи были схвачены изъ своихъ убѣжищъ, и ихъ заставили исполнять обязанности въ качествѣ обыкновенныхъ гражданъ, подъ страхомъ избіенія до смерти [1]. Египетскія пустыни подверглись нашествію солдатъ, которымъ поручено было привести указъ въ исполненіе, и многіе изъ монаховъ потерпѣли вслѣдствіе этого смерть [2].

---

[1]) Rufin, ii, 2; Socr. iv, 13, 20; Soz. vi, 12.

[2]) Въ собственныхъ поэмахъ этого папы средній слогъ его имени всегда короткій, какъ напр. „ut Damasi praecibus favias, precor inclyta virgo“, Carm. 29 de S. Agnete (Patrol. xiii). Первоначальная мраморная доска этой поэмы теперь находится въ стѣнѣ лѣстницы, ведущей къ церкви Агнесы близь Рима, причемъ она открыта была во время починки мостовой въ прошломъ столѣтіи. См. Murat. Antiq. Stal. v, 29, касательно разности чтеній. Прекрасное письмо надписей этого папы извѣстно было всѣмъ, наблюдавшимъ ихъ. Де Росси открылъ имя гравирователя Iurius Dionisius Filocalus (Roma Sotter. i, 119—121; ii, 196—199),— имя, уже извѣстное въ связи съ календаремъ, перепечатаннымъ въ Патрологіи Миня, xiii, 675 и слѣд.

[3]) Maria Majorr. Faust. et Marc. Praef. 3 (Patrol. xiii).

[4]) Athanas ad Afros. 1; ad Epictet 1 (t. i, pp. 891, 901).

[5]) *Greg. Naz.* Orat. xiii, 46; Socr. iv, 15, 16; Soz. vi, 14.

[6]) Socr. iv, 2; Soz. vi, 18; Theodoret. iv, 24.

Св. Аѳанасій, по предположенію изслѣдователей, умеръ въ маѣ 373 года. Онъ назначилъ себѣ преемникомъ одного изъ своихъ пресвитеровъ, по имени Петра. Аріанинъ Луцій, который поставленъ былъ епископомъ послѣ умерщвленія Георгія и занималъ эту каѳедру во время изгнанія Аѳанасія при Юліанѣ, теперь былъ вновь выдвинутъ своей партіей, и Петръ былъ изгнанъ при такихъ же обстоятельствахъ насилія и святотатства, какъ и тѣ, что сопровождали изгнаніе его великаго предшественника Григоріемъ и Георгіемъ. Петръ нашелъ убѣжище въ Римѣ, и чрезъ нѣсколько времени возвратился съ одобрительными письмами отъ епископа Дамаса; послѣ чего, такъ какъ Валентъ былъ въ то время далеко и вниманіе его отъ богословскихъ споровъ было отвращено готской войной, народъ возсталъ противъ Луція и возстановилъ православнаго епископа [3].

Валентиніану въ 375 году наслѣдовалъ его сынъ Граціанъ, который уже въ теченіе восьми лѣтъ занималъ достоинство августа [4]. Новый императоръ, которому было только 16 лѣтъ, принялъ себѣ въ качествѣ номинальнаго сотоварища своего своднаго брата, младшаго Валентиніана, четырехлѣтняго ребенка. Вслѣдствіе смерти
Валента въ несчастной битвѣ при Адріанополѣ,
Граціанъ сдѣлался въ 378 году властелиномъ всей 9 авг. 378 г.
имперіи; но онъ поспѣшилъ облегчить себя отъ
части своихъ заботъ передачей верховенства надъ востокомъ Ѳеодосію, сыну полководца того же имени, отличныя
услуги котораго въ Британіи и въ Африкѣ были Янв. 379 г.
награждены его казнью въ Карѳагенѣ за три года

---

[1] Въ указѣ стоитъ слово militare, и вообще думаютъ, что Валентъ желалъ обратить монаховъ въ солдатъ. Но такъ какъ слово это также прилагается къ гражданскимъ должностямъ, то можно думать, что значеніе его здѣсь общее. In Cod. Theodot. iv, 413: сн. Cod. Just. x, xxxi, 26.

[2] Cod. Theodot. xii, i, 63; Rufin, ii ,3; Socr. iv. 21; Soz. vi, 20.

[3] Rufin, ii, 3, 4; Socr. iv, 21; 33—37; Soz. vi, 19; Theodorit. iv, 20—22.

[4] А не кесаря согласно съ прежнимъ обычаемъ.

предъ тѣмъ [1]). Младшій Ѳеодосій съ того времени жилъ въ отчужденіи въ своихъ помѣстьяхъ въ Испаніи, пока онъ не призванъ былъ раздѣлять императорскую власть въ надеждѣ, что своими способностями онъ могъ отвратить опасности, которыя угрожали имперіи со стороны надвигавшихся готовъ.

Вступивъ во владѣніе Валента, Граціанъ провозгласилъ свободу религіи всѣмъ, кромѣ манихеянъ, евноміанъ и фотиніанъ, и возвратилъ изгнанныхъ епископовъ востока [2]). Полуаріане, будучи такимъ образомъ освобождены отъ 378 г. угнетенія Валентомъ, порвали ту связь, которую они такъ дѣятельно поддерживали съ православными, но многіе отказались присоединиться къ этому движенію и оставались въ единеніи съ православнымъ обществомъ [3]).

Повидимому около этого именно времени отрицаніе божества св. Духа сдѣлалось главною отличительною особенностью этой партіи [4]). Неправославныя мнѣнія по этому предмету скрытно заключались уже во всѣхъ разнотолкахъ аріанства; но такъ какъ естество третьяго лица въ Троицѣ не подвергалось еще обсужденію, когда разсматривалось божество Сына, то въ никейскомъ символѣ и ничего не постановлено было касательно его [5]). Аѳанасій, однако же, съ свойственною ему прозорливостью касательно возможныхъ послѣдствій, всегда настойчиво утверждалъ вмѣстѣ съ божествомъ Сына и единное божество св. Духа [6]): и въ трактатѣ, написанномъ изъ пустыни, во время изгнанія его при Констанціи, онъ опровергалъ заблужденіе *пневматомаховъ* (то есть, противниковъ Духа или духоборцевъ), которые уже начали выступать съ ясностью [7]). Хотя названіе македоніанства, впослѣдствіи придававшееся этой ереси, естественно даетъ то представленіе, что она была изобрѣтена Македоніемъ, но въ дѣйствительности она была нечѣмъ инымъ, какъ остаткомъ аріанства, сохраненнымъ тою партіей, которая отвергла другія заблужденія этой системы; потому что полуаріане теперь, признавая божество Сына, въ то же время продолжали утверждать, что Духъ былъ служебнымъ существомъ въ родѣ одного изъ ангеловъ [8]). Притомъ мы не знаемъ даже, какого собственно мнѣнія держался по этому вопросу самъ Македоній; потому что только уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти имя его стало связываться съ этимъ еретическимъ ученіемъ вслѣдствіе того обстоятельства, что полуаріане стали называться по нему въ то время, когда это ученіе уже сдѣлалось выдающеюся особенностью ихъ партіи [1]).

---

[1]) Rufin, II, 14. Gibbon, II, 428.

[2]) Socr. V, 4; Soz. VII, 1. *Всѣ* ереси были запрещены двумя законами слѣдующаго года. Cod. Theodos. XVI, V, 4, 5.

[3]) Socr. V, 4; Soz. VII, 2.

[4]) Оно еще не выдавалось, когда полуаріане были допущены къ общенію Либеріемъ въ 366 году.

[5]) Basil. Ep. CXXV, 3.

[6]) Напр. Ep. ad. Afros. 11.

[7]) Athanas. Ep. ad Serapion I, 1; IV (около 360 года); Soz. VI, 22.

[8]) *Greg Naz.* Orat. XLI, 8; Epiph. LXXIV, 1; Soz. IV, 27; Petav. De Trinit. I, XIV, 17. Нѣкоторые македоніане, повидимому, считали Духъ тварью, между тѣмъ какъ другіе предполагали, что это названіе означаетъ только вліяніе. *Greg. Naz.* Orat. XXI, 5; Petav. De Trinit. I, XIV, 17.

Между тѣмъ никейская вѣра распространялась съ успѣхомъ. Послѣдовательность ея поборниковъ стояла въ выгодной противуположности съ постоянными разногласіями ихъ противниковъ. Монахи придавали ей великій и все болѣе возроставшій авторитетъ славой своей святости, и да большая часть полуаріанъ, какъ было уже упомянуто, придерживалась православнаго общенія, къ которому они были вынуждены тиранніей Валента. Весь этотъ долгій споръ весьма мало касался вѣры огромной массы христіанъ. Въ своемъ пастырскомъ ученіи, равно какъ и въ своихъ символахъ, аріанскіе епископы и духовенство обыкновенно старались соблюдать православіе въ изложеніи и языкѣ, такъ что ихъ ученіе, хотя и неполное, не было неистиннымъ. Паствы принимали спорныя слова въ томъ здравомъ значеніи, которое представлялось для простаго непредубѣжденнаго разума, такъ что, по знаменитому изреченію св. Иларія, „уши народа были святѣе сердецъ священниковъ [2]). И теперь, хотя Аѳанасія уже не было больше, перевѣсъ въ способностяхъ и учености среди христіанъ былъ на сторонѣ православія, которое недавно получило весьма важное подкрѣпленіе на востокѣ. Появился классъ богослововъ, которые, будучи рождены и воспитаны въ странахъ, гдѣ преобладало полуаріанство, и въ свои раннія годы находясь въ связи съ этой системой (?), были воспитаны въ согласіи съ ея здравыми, хотя и неполными, символами такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ, когда онъ сдѣлался выдающимся поборникомъ никейскаго ученія, могъ уже говорить о своихъ мнѣніяхъ, что они потерпѣли не другое какое нибудь измѣненіе кромѣ того развитія, какому подвергается растеніе, начиная отъ сѣмени [3]). Члены этой школы настаивали на тождествѣ омоусіона съ оміусіонъ; они принесли съ собою въ православное общеніе многія изъ старыхъ понятій, и, по ихъ вліянію, нѣкоторые полуаріане были признаны церковью и правила полуаріанскихъ соборовъ антіохійскаго (341 года) и лаодикійскаго (372?) добились признанія на востокѣ, которое временно распространилось и на западъ. Самыми знаменитыми изъ „позднѣйшихъ никейскихъ“ учителей были три каппадокійца — Василій, его братъ Григорій

---

[1] Socr. II, 45; Soz. IV, 27; Theodoriet. II, 6; Giesel. I, II, 70.

[2] C. Auxentium. 6 (написано въ 364 году),

[3] Basil. Ep. CXXII, 3.

Нисскій и его другъ Григорій Назіанзинъ. Изъ этихъ знаменитыхъ мужей, болѣе подробно можно упомянуть здѣсь о первомъ и послѣднемъ.

Василій Великій и Григорій Назіанзинъ родились около того же самаго времени, вѣроятно, въ 329 году. Василій происходилъ изъ знатнаго христіанскаго семейства[1]. Отецъ Григорія принадлежалъ къ сектѣ, извѣстной подъ названіемъ ипсистаріанъ, вѣрованіе которой представляло странную смѣсь іудейскихъ и персидскихъ понятій[2]. Онъ былъ обращенъ въ истинную вѣру своей женой Нонной, женщиной замѣчательнаго благочестія, и былъ назначенъ на епископію Назіанзскую, въ бѣдную епархію, которая подверглась большому безпорядку вслѣдствіе продолжительной вакантности и заброшенности[3]. Знакомство, завязавшееся между юношами въ школахъ Кесаріи, въ ихъ родной области, развилось и созрѣло до тѣснѣйшей дружбы въ Аѳинахъ, гдѣ они провели нѣсколько лѣтъ[4]. Они 351—355 г. отличались въ этомъ городѣ во всѣхъ наукахъ и выстояли противъ вліяній, которыми многіе, подобно имъ, воспитанные въ христіанской вѣрѣ, были совращены въ язычество[5]. Въ теченіе нѣкотораго времени Юліанъ былъ ихъ сотоварищемъ, и Григорій заявляетъ, что онъ уже и тогда замѣчалъ въ будущемъ императорѣ признаки зла, которые проявились въ его послѣдующей жизни[6]. Какъ Василій, такъ и Григорій рѣшились отказаться отъ видовъ на свѣтское возвышеніе и принять религіозную жизнь. Каждый изъ нихъ былъ крещенъ по оставленіи Аѳинъ, и Григорій обѣщалъ при купели посвятить всѣ свои дарованія и силы на служеніе Богу. Василій, пропутешествовавъ нѣсколько времени въ Египтѣ и въ другихъ мѣстахъ, возвратился въ свою родную страну и поступилъ въ духовное званіе въ Кесаріи. На пять лѣтъ онъ удалился въ пустыню Понта, гдѣ основалъ монашескія 357—362 г. общины, такъ какъ монашество было недавно введено въ эту страну Евстаѳіемъ, епископомъ севастійскимъ[7]. Принятая Василіемъ система была киновійная (то есть, общежительная), какъ болѣе содѣйствующая, по его мнѣнію, упражненію въ добродѣтеляхъ, чѣмъ уединенная жизнь, которая въ Египтѣ считалась высшею изъ двухъ. „Богъ“, говорилъ онъ, „сотворилъ насъ подобно тѣлеснымъ членамъ, такъ чтобы мы нуждались въ помощи другъ друга. Ибо какое упражненіе смиренія, благочестія или терпѣнія можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ никого, по отношенію къ которому могли бы исполняться эти добродѣтели? Чьи ноги умоешь ты? Кому будешь служить ты? Какъ можешь ты быть послѣднимъ изъ всѣхъ, если ты живешь одинъ?“ [1] По его правилу, вмѣстѣ съ религіозными упражненіями соединялась практическая промышленность, и благодаря трудамъ его монаховъ, безплодная полоса земли была подвергнута обработкѣ и сдѣлана плодородною. Василій возвратился въ Кесарію въ 362 году и былъ рукоположенъ во пресвитера; но вскорѣ послѣ этого онъ опять удалился въ пустыню на три года, вслѣдствіе какой-то необъясненной ревнивости со стороны его епископа Евсевія [2]. Въ каждомъ изъ своихъ убѣжищъ онъ былъ сопровождаемъ въ теченіе нѣкотораго времени Григоріемъ, который однако же въ обоихъ случаяхъ былъ отзываемъ въ Назіанзинъ несогласіями, происходившими между его отцемъ и монахами вслѣдствіе того обстоятельства, что престарѣлый епископъ подписалъ символъ Риминійскій. Григорій, своею аскетической жизнью, пріобрѣлъ сильное вліяніе на монаховъ; онъ убѣдилъ ихъ, что его отецъ былъ обманутъ по невѣденію полемическихъ тонкостей и дѣйствовалъ безъ всякаго еретическаго намѣренія, и ему дважды удавалось возстановить миръ [3]. Онъ также примирилъ Василія съ Евсевіемъ [4], и по смерти этого епископа добился возвышенія своего друга на каѳедру кесарійскую, съ которой связывалось первосвятительство надъ большею частью Малой Азіи [5].

---

[1] Greg. Orat. xliii, 3.

[2] Названіе это происходитъ отъ ихъ исповѣданія поклоненія Всевышнему.

[3] Greg. Orat. vii, 4; viii, 4, 5; xviii, 5, 8—13, 16; Carm. ii, i, 117 и слѣд.; De Vita Sua, 51 и слѣд.

[4] Greg. Orat. xlii, 13—19; De Vita Sua, 221—236.

[5] Greg. Orat. xliii, 20—22; Vita Greg. 129—132; Socr. iv, 26; Soz. vi, 17. Разсказъ Григорія объ аѳинской студенческой жизни любопытенъ. Между прочимъ, онъ разсказываетъ, что характеръ Василія внушалъ ему такое уваженіе, что онъ избавленъ былъ отъ разныхъ продѣлокъ, которымъ обыкновенно подвергались новички. Orat. xliii, 16.

[6] Orat. v, 23—4.

[7] Когда Евстаѳій впослѣдствіи впалъ въ заблужденіе, то начало этого дѣла стали вообще приписывать св. Василію.

370 или 371 г.

О неутомимыхъ трудахъ Василія, его полемическихъ спорахъ, его стараніи объединить православныхъ между собою, склонить отщепенцевъ къ церкви и установить миръ между востокомъ и западомъ, можно упомянуть только вскользь [6]. Въ теченіе короткаго времени между его возвышеніемъ и смертью Аѳанасія, онъ пользовался полнымъ довѣріемъ этого великаго святителя и былъ преемникомъ александрійскаго епископа въ качествѣ вождя восточныхъ православныхъ [7]. Подобно Аѳанасію онъ былъ способенъ охранять свою церковь отъ аріанства, которое торжествовало по всему востоку въ цар-

---

[1] Basil. Resp. vii. t. ii. pp. 345—348.

[2] Greg. Orat. xxiii, 28. Объ Евсевіи см. Acta SS. 21 Іюня, pp. 65 и слѣд.

[3] Greg. Orat. vi; xliii, 29; Yita 133—135.

[4] Greg. Orat. xviii. 33; Epp. 16—18.

[5] Basil. Ep. 47; Greg. Epp. 40—44; Vita. 138.

[6] Жизнь Василія излагается весьма подробно въ Acta S. (14 іюня).

[7] Изъ посланій Василія нѣкоторыя обращены къ Аѳанасію.

ствованіе Валента. Будучи пресвитеромъ при Евсевіѣ, онъ поразилъ въ спорѣ богослововъ императорской свиты [1]),
366 г. но скоро послѣ его возвышенія на епископство противъ него сдѣлано было новое покушеніе. Валентъ, порѣшивъ, что одна Кесарія не должна продолжать противодѣйствовать ему, поручилъ Модесту, префекту каппадокійскому, изгнать Василія, если онъ откажется признать господствующую религію, и Модестъ потребовалъ, чтобы архіепископъ явился къ нему. На эти угрозы Василій отвѣчалъ, что онъ не боится ихъ: конфискація, сказалъ онъ, не можетъ тревожить человѣка, который не имѣетъ никакой собственности, кромѣ единственной пары дырявыхъ одеждъ и нѣсколькихъ книгъ; что касается изгнанія, то онъ отрицалъ, чтобы для него возможна была такая вещь: куда онъ ни пойдетъ, вездѣ онъ можетъ найти себѣ жилище, такъ какъ онъ считаетъ всю землю Божіей, а себя—странникомъ повсюду; его слабое тѣло не можетъ вынести никакихъ пытокъ болѣе одного удара, и смерть будетъ для него милостью, такъ какъ она отведетъ его къ Богу. Префектъ, который началъ разговоръ весьма заносчивымъ тономъ, былъ пораженъ твердостью архіепископа и донесъ о результатѣ своего порученія государю, который вскорѣ послѣ этого прибылъ въ Кесарію. Самъ Валентъ былъ повергнутъ въ благоговѣніе присутствіемъ Василія и торжественностью православнаго богослуженія, при которомъ онъ присутствовалъ на праздникѣ Богоявленія, не будучи однако же допущенъ къ причащенію. Произведенное на него впечатлѣніе было еще болѣе усилено чудесами, и вслѣдствіе всего этого не только Василій не былъ тронутъ на своей каѳедрѣ, но императоръ пожертвовалъ цѣнное имѣніе для большаго госпиталя, который основанъ былъ благотворительностью архіепископа [2]).

Вскорѣ послѣ этого Валентъ раздѣлилъ Каппадокію на двѣ провинціи, вслѣдствіе чего Анѳимъ, епископъ Тіаны, которая сдѣлалась столицей второй половины, сталъ утверждать, что церковное управленіе должно соотвѣтствовать установленіямъ гражданскимъ,
372 г. и заявлялъ притязаніе на права митрополита [3]). Находя, что это притязаніе вновь возбуждало нѣкоторыя завистливыя распри, которыя давали себя знать при его избраніи въ Кесарію, Василій рѣшился подкрѣпить себя учрежденіемъ новыхъ епископскихъ каѳедръ, и однимъ изъ мѣстъ, избранныхъ для этой цѣли, была Сосима, крайній пунктъ на границѣ провинцій его противника,—пунктъ, бывшій мѣстомъ пересѣченія трехъ большихъ дорогъ, почтовой станціей и мѣстомъ погра-

---

[1]) Greg. Orat. xʟɪɪɪ, 32.

[2]) Greg. Orat. xʟɪɪɪ, 48 и слѣд.; Socr. ɪv 26; Soz. vɪ, 6.

[3]) Basil. Epp. 73, 77; Greg. Orat. xʟɪɪɪ, 58.

ничнаго таможеннаго дома; маленькій жалкій городокъ, сухой, пыльный и постоянно тревожимый столкновеніями возчиковъ, путешественниковъ и таможенныхъ чиновниковъ [1]. Здѣсь Василій съ тѣмъ невниманіемъ къ характеру и чувству другихъ, которое не необычно въ лицахъ сильной практической натуры, рѣшилъ поставить епископомъ Григорія, который нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ насильственно былъ рукоположенъ во пресвитера своимъ собственнымъ отцомъ [2]. Григорій не скрывалъ своей неохоты къ исполненію этого плана; онъ говорилъ, что возвышеніе архіепископа заставило его забыть то, чѣмъ онъ обязанъ былъ ихъ старой взаимной дружбѣ [3]. Онъ сильно противился, пока не былъ уговоренъ соединенною настойчивостью своего отца и Василія [4], и впослѣдствіи всѣ скорби своей позднѣйшей жизни приписывалъ этому согласію, которое наконецъ было исторгнуто у него. Послѣ своего посвященія, онъ сильно чувствовалъ на себѣ давленіе своихъ высокихъ взглядовъ на епископскую отвѣтственность, своей любви къ созерцательной жизни и сознанія своей неспособности оспаривать свое положеніе противъ враговъ [5]. Онъ отказался отправиться въ Сосиму, и тогда былъ уговоренъ своимъ отцемъ помогать ему въ служеніи въ Назіанзѣ [6]. Послѣ смерти этого старца, послѣдовавшей въ 374 году, Григорій продолжалъ въ теченіе нѣкотораго времени управлять епархіей, причемъ домогался и назначенія себя въ качествѣ постояннаго епископа; но, находя свои старанія въ этомъ отношеніи безполезными, онъ удалился въ Селевкію, гдѣ и провелъ три или четыре года въ уединеніи [7].

Ѳеодосій, какъ испанецъ, принадлежалъ къ никейской вѣрѣ,
но во время своего возвышенія на императорскій престолъ былъ только оглашеннымъ. Въ началѣ 380 года онъ впалъ въ Ѳессалоникѣ въ
опасную болѣзнь; пославъ за епископомъ этого города, онъ
послѣ заявленія о своемъ православіи, принялъ крещеніе отъ
его рукъ [8]. Его допущеніе въ церковь послѣдовало
по указу, который сначала ограниченъ былъ Кон- 28 февр. 380 г.
стантинополемъ, но въ слѣдующемъ году распростра-
ненъ на всѣ его владѣнія, именно, что тѣ только
могутъ быть признаны православными христіанами, 10 янв. 381 г.
кто держится вѣры въ единосущную Троицу, какъ

---

[1] Тамъ же, 54; De Vita Sua, 439—446; Vita, 159.
[2] De Vita Sua, 338—349.
[3] Ep. 48; Orat. x, 2; xliii, 59; De Vita, Sua 398—414; 475—485.
[4] De Sita Sua, 425.
[5] Epp. 48—50.
[6] De Sita Sua, 495—529.
[7] Vita, 140, 141.
[8] Socr. v, 6.

о ней проповѣдывалъ ап. Петръ римлянамъ и какъ она содержалась Дамасомъ римскимъ и Петромъ александрійскимъ; что всѣ отрицающіе это ученіе должны считаться еретиками и находящимися въ немилости [1]). Граціанъ также (по убѣжденію, какъ предполагаютъ, Амвросія, епископа медіоланскаго) позднѣйшими указами ограничивалъ вѣротерпимость, которую онъ объявилъ въ 387 году [2]).

Въ ноябрѣ 380 года Ѳеодосій прибылъ въ Константинополь. Года за два предъ тѣмъ, когда смерть Валента, повидимому, открывала новую надежду для православныхъ, Григорій Назіанзинъ былъ склоненъ Василіемъ и другими вліятельными лицами предпринять миссію въ эту столицу. Онъ выступалъ на это дѣло съ большимъ недовѣріемъ къ своей правоспособности. Аріанство было весьма сильно въ Константинополѣ, гдѣ каѳедра въ теченіе почти сорока лѣтъ занималась его приверженцами. Новаціане занимали тамъ нѣсколько церквей, аполлинаріане также пріобрѣтали силу въ городѣ, но православныхъ было очень мало, и даже тѣ были раздѣлены между собою, сочувствуя противоположнымъ партіямъ въ расколѣ антіохійскомъ [4]). Григорій былъ вынужденъ сначала совершать богослуженіе въ домѣ одного родственника, который, вслѣдствіе воскресенія (*анастасисъ*) истинной вѣры, получилъ названіе Анастасіи [5]) и впослѣдствіи былъ расширенъ въ великолѣпную церковь. Сначала ему пришлось встрѣтить много предубѣжденія. Его суровая, простая, отшельническая жизнь казалась въ странномъ противорѣчіи съ свободными и свѣтскими привычками аріанскаго духовенства [6]). Ученіе его считали политеистическимъ. Онъ не разъ подвергался нападеніямъ со стороны народа и со стороны членовъ аріанской общины—монаховъ, дѣвственницъ и нищихъ, побитъ былъ однажды камнями и приведенъ къ властямъ по обвиненію въ качествѣ нарушителя мира; его церковь подверглась ночному нападенію и была осквернена [8]). Но онъ продолжалъ свою миссіонерскую дѣятельность, и хотя цѣль ея была полемическая, онъ ревностно старался противодѣйствовать господствующей въ своихъ слушателяхъ привычкѣ заурядныхъ обсужденій высочайшихъ тайнъ религіи, убѣждая ихъ не дѣлать забавы изъ истинъ Божіихъ, какъ будто это были предметы театра или конныхъ бѣговъ [9]). Мало по малу его краснорѣчіе, практическій и религіозный тонъ его ученія и вліяніе его кроткаго и серьознаго характера начали оказывать свое дѣйствіе, такъ что маленькая Анастасія сдѣлалась неспособною вмѣщать стекавшіяся въ нее массы народа [1]). Дальнѣйшій успѣхъ этого дѣла, правда, былъ нѣсколько задержанъ нѣкіимъ Максимомъ египтяниномъ, который раньше былъ циническимъ философомъ. Этотъ человѣкъ, вкравшійся самъ въ довѣріе Григорія, былъ незаконнымъ образомъ рукоположенъ во епископа со стороны нѣкоторыхъ посланныхъ Петра александрійскаго, хотя Петръ сначала и одобрялъ миссію Григорія [2]). Но претендентъ былъ отвергнутъ народомъ и напрасно старался найти опору въ императорѣ и въ епископѣ Рима.

---

[1]) Cod. Theod. xvi, i, 2; Soz. vii, 4.

[2]) Cod. Theod. xvi, v, 4, 5; данные въ Миланѣ въ 379 году отмѣняютъ указъ, изданный въ Сирміи въ предыдущемъ году (стр. 362) и запрещаютъ *всѣ* ереси.

[3]) De Vita Sua, 585—606; Vita, 142.

[4]) *Greg.* De Vita Sua, 583 и слѣд.

[5]) Vita, 143.

[6]) Orat. xxxiii; xxxvi, 2.

[7]) De Vita Sua, 655.

[8]) Тамъ же, 652—78; Soz. vii, 5.

[9]) Orat. xxii, 8; xxvii, 3, 31; xxxii, 20, 32 и проч.; De Vita Sua, 1208 и слѣд.

Ноябр. 380 г.

По своемъ прибытіи въ Константинополь Өеодосій призвалъ къ себѣ аріанскаго епископа Демофила и подъ угрозой лишенія сана потребовалъ отъ него подписи никейскаго символа. Демофилъ собралъ свою паству и напомнилъ ей объ изреченіи Спасителя, что когда „ихъ будутъ преслѣдовать въ одномъ городѣ, они должны бѣжать въ другой“. Аріане немедленно были изгнаны изъ всѣхъ церквей и начали дѣлать свои собранія внѣ стѣнъ столицы [3]). Нѣсколько дней спустя Өеодосій формально отдалъ во владѣніе Григорію главную церковь Константинополя. Утро было мрачное, Григорій страдалъ отъ болѣзни и во время своего шествія по улицамъ, уставленнымъ войсками, онъ скорбѣлъ отъ мысли, что епископу приходится нуждаться въ такомъ покровительствѣ противъ своей собственной паствы; но въ самый моментъ его вступленія въ церковь внезапный лучъ солнечнаго сіянія освѣтилъ зданіе, и народъ, объятый восторгомъ вслѣдствіе такой перемѣны, закричалъ, что императоръ долженъ посадить Григорія на епископскій престолъ. Григорій однако же уклонился отъ занятія своего сѣдалища, и чувствуя себя, вслѣдствіе возбужденія и тѣлесной слабости, неспособнымъ обратиться къ собранію, воспользовался голосовыми услугами другаго, который и говорилъ за него: „теперь пора признать благодѣянія, которыхъ преблагословенная Троица сподобила насъ; но о престолѣ мы разсудимъ послѣ сего“ [4]). Ярость аріанъ была такъ велика, что сдѣланы были даже попытки убить его [5]).

Ноябр. 381 г.

Өеодосій затѣмъ созвалъ соборъ, который состоялся въ Константинополѣ въ маѣ 381 года. Онъ составился только изъ восточныхъ епископовъ; но его опредѣленія впослѣдствіи были постепенно приняты и всѣмъ западомъ, вслѣдствіе чего онъ былъ признанъ въ качествѣ втораго вселенскаго собора. На соборѣ присутствовало 150 православныхъ іерарховъ. Среди нихъ были Мелетій, Григорій нисскій (братъ котораго Василій умеръ въ предъидущемъ году) и Кириллъ іерусалимскій, который сначала находился въ связи съ полуаріанской партіей. На соборъ были приглашены македоніане, въ надеждѣ, что они могутъ возобновить общеніе, которое они поддерживали съ православными въ царствованіе Валента; но хотя тридцать шесть изъ нихъ явились въ отвѣтъ на приглашеніе, однако же оказалось, что они не захотѣли подчиниться убѣжденію о возсоединеніи ¹).

---

[1]) De Vita Sua, 1079—1272; Soz. vii, 9; Gibbon, ii, 520.

[2]) De Vita Sua, 773—1030; Vita, 145—147. Григорій не разъ забавлялся такимъ превращеніемъ циника въ епископа, собаки въ пастуха.

[3]) Damas, Ep. 5 (Patrol. xiii).

[4]) De Vita Sua, 1304—1595: Vita, 151, 152.

[5]) De Vita Sua 1445; Vita, 151.

Первыя засѣданія собора происходили подъ предсѣдательствомъ Мелетія, которому недавно предъ тѣмъ была отдана императорскимъ коммиссаромъ каѳедра антіохійская ²), и имъ, послѣ изслѣдованія притязаній Максима ³), Григорій былъ торжественно водворенъ въ качествѣ епископа константинопольскаго ⁴). Но Мелетій умеръ еще во время засѣданій собора, вслѣдствіе чего послѣдовали плачевные раздоры. Съ цѣлью улаженія раздоровъ, которые такъ долго удручали церковь антіохійскую, шесть членовъ ея духовенства, считавшіеся наиболѣе пригодными для возведенія въ епископство, незадолго предъ тѣмъ вошли въ соглашеніе, которое будто бы было даже подтверждено клятвой, что по смерти Павлина, или Мелетія, они будутъ признавать законнымъ епископомъ того, кто останется изъ нихъ въ живыхъ ⁵); но соперничество, возникшее между азіатскими епископами и епископами Египта и запада, теперь помѣшало исполненію этого предположенія. Азіатскіе епископы противились Павлину, какъ рукоположенному латиняниномъ Люциферомъ и наконецъ находящемуся съ связяхъ съ латинской партіей, и, не смотря на ревностное убѣжденіе Григорія ⁶), теперь предсѣдательствовавшаго на соборѣ ⁷), естественная наклонность котораго къ Мелетіевой партіи была пересилена его желаніемъ мира и сознаніемъ непристойности этого дѣла,—они посвятили Флавіана, одного изъ тѣхъ шести, которые будто бы обязались отказываться отъ всякихъ притязаній на каѳедру ⁸).

Вскорѣ послѣ этого прибылъ, въ сопровожденіи епископовъ, Ти-

---

¹) Socr. v, 8; Soz. vii, 7.

²) Theod. v, 3.

³) Посвященіе Максима и его епископскіе акты были отмѣнены 4 правиломъ собора.

⁴) De Sita Sua, 1525.

⁵) Soz. vi, 7. Ѳеодоритъ (v, 3) даетъ нѣсколько иной разсказъ.

⁶) De Uita Sua, 1590—1679.

⁷) Praef. къ Orat. xlii, въ Бенедиктинскомъ изданіи.

⁸) Socr. v, 9; Soz. vii, 11

моѳей, который только что наслѣдовалъ каѳедру послѣ своего брата Петра въ Александріи [1]. Египтяне были оскорблены тѣмъ, что ихъ раньше не позвали на соборъ, и были чрезвычайно раздражены послѣдними постановленіями. Они еще разъ рѣшились поставить своего соотечественника Максима и низложить Григорія, подъ предлогомъ, что его назначеніе въ Константинополь было нарушеніемъ одного никейскаго канона, запрещавшаго переводъ епископовъ. Предвзятость и недобросовѣстность этого возраженія были очевидны, потому что правило это часто не принималось во вниманіе въ практикѣ, и принятіе Григоріемъ этой каѳедры едвали даже подходило подъ его букву, такъ какъ онъ самъ не дѣйствовалъ въ епархіи сосимской и не назначенъ былъ на каѳедру назіанзскую; еще менѣе нарушалась этимъ цѣль правила, которою имѣлось въ виду подавить честолюбіе епископовъ [2]. Но онъ не расположенъ былъ вести пренія по этому вопросу. Онъ былъ боленъ тѣломъ и духомъ и даже предъ открытіемъ собора пытался удалиться съ своего бурнаго высокаго положенія къ спокойной жизни созерцанія, которую онъ болѣе всего любилъ [3]; даже эту епископію онъ принялъ только въ надеждѣ, что ему можно будетъ послужить посредникомъ между восточной партіей и той, которая составилась изъ соединенія западной съ египетскими епископами [4]. Обѣ эти партіи теперь обратились противъ него: азіатскіе епископы потому, что онъ противодѣйствовалъ имъ въ дѣлѣ Антіохіи,—епископы Египта и Македоніи потому, что хотя онъ и противился избранію Флавіана, однако же предсѣдательствовалъ на соборѣ, членами котораго оно было рѣшено. Григорій просилъ, чтобы никто не пытался отстаивать его права, и заявилъ, что онъ радъ бы былъ сдѣлаться Іоной для усмиренія бушующихъ волнъ партійной борьбы. Отреченіе его было принято,—съ неохотой императоромъ, но съ явною готовностью большинствомъ епископовъ [5], и онъ простился съ соборомъ краснорѣчивой и одушевленной рѣчью, въ которой изложилъ свою православную вѣру, перечислилъ свои труды въ Константинополѣ и сильно обличалъ роскошь и преданность міру, мелочное соперничество и испорченность, которыя безчестили церковь и ея правителей [6]. Составленъ былъ списокъ лицъ, пригодныхъ наслѣдовать его епископію, и изъ него императоръ избралъ Нектарія, человѣка сенаторскаго сана, который, будучи еще только оглашеннымъ, былъ немедленно крещенъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней посвященъ, такъ что епископскія одежды носилъ сверхъ бѣлой одежды неофита [1]. Григорій, по оставленіи Константинополя, опять вступилъ въ управленіе Назіанзомъ, пока ему не удалось добиться назначенія на степень дѣйствительнаго епископа [2]. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ уединеніи, занимаясь составленіемъ стихотвореній, и умеръ въ 389 или 390 году [3].

---

[1] Петръ, повидимому, передъ своею смертью возобновилъ общеніе съ Григоріемъ.

[2] Conc. Nic. c. 15. Запрещеніе это было подробно повторено въ правилахъ соборовъ Антіохійскаго и Сардикійскаго, но оно такъ часто было обходимо или отмѣняемо, что Григорій называетъ его „мертвымъ и отжившимъ закономъ“. De Vita Sua, 1810—11.

[3] Тамъ же, 1745; Vita, 153, 155.

[4] De Vita Sua, 1529 и слѣд.

[5] De Vita Sua, 1865—1904, vita, 156.

[6] Orat. xlii; Soz. vii, 1; Theodoret, v, 8. Есть также и прощальныя поэмы, кн. ii, 4—12.

Соборъ Константинопольскій, прибавивъ членъ о Духѣ святомъ (который, въ сущности, взятъ изъ одного творенія Епифанія, написаннаго нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ), придалъ Никейскому символу его теперешнюю форму (безъ упоминанія конечно о происхожденіи св. Духа „и отъ Сына“ [4]. Однимъ изъ его каноновъ епископу Константинополя дается преимущество вслѣдъ за епископомъ римскимъ,—„такъ какъ это есть новый Римъ“ [5].

Изъ ересей, осужденныхъ соборомъ, единственная, о которой еще не упомянуто было, есть ересь аполлинаріева. Основатель ея Аполлинарій,—былъ сынъ александрійскаго ритора того же имени, жившаго въ Лаодикіи, въ Сиріи. Какъ отецъ, такъ и сынъ—оба были извѣстные писатели; они были главные авторы тѣхъ мудрыхъ замѣнъ классиковъ которыми христіане старались подорвать намѣреніе Юліана касательно лишенія ихъ образованія въ литературѣ, и младшій Аполлинарій особенно пріобрѣлъ высокую славу своими полемическими трудами противъ различныхъ видовъ ереси. Онъ имѣлъ высокую честь состоять въ дружбѣ съ св. Аѳанасіемъ [6], и въ 362 году былъ назначенъ на епископію лаодикійскую.

---

[1] Theodoret v, 7; Soz. vii, 8. Такія быстрыя возвышенія были запрещены канонами (c. Nic. 2; c. Sardic. 10; c. Laodic. 3). Единственная вещь, повидимому, дѣлающая честь Нектарію, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что когда Ѳеодосіи выступилъ въ походъ противъ Максима, аріане, вслѣдствіе ложной вѣсти о его пораженіи, сожгли домъ епископа (Socr. v, 13); но даже и эта заслуга сомнительна, такъ какъ еретики, повидимому, дѣйствовали не изъ личнаго нерасположенія къ епископу.

[2] Epp. 182—3; Rufin, ii, 9.

[3] Vita, 157—8.

[4] *Epiphan* Ancoratus, 121 (t. ii, p. 124). Первое упоминаніе объ этихъ прибавленіяхъ, какъ сдѣланныхъ соборомъ Константинопольскимъ, находятся въ Дѣяніяхъ собора Халкидонскаго, 451 года. Первое появленіе Filioque въ этомъ символѣ встрѣчается на соборѣ Толедскомъ въ 589 (Giesel. ii, i, 107).

[5] С. З. Бароній (381, 35) увѣряетъ, что этотъ канонъ, какъ несовмѣстимый съ послѣдними папскими притязаніями, подложный: но это утвержденіе не выдерживаетъ критики. Послѣдній изъ семи каноновъ, приписываемыхъ собору, подложный и позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ 455 г.; пятый и шестой, вѣроятно, принадлежатъ собору, состоявшемуся въ Константинополѣ чрезъ годъ послѣ вселенскаго собора.

[6] Epiph. lxxvii, 2.

Мнѣніе, осужденное александрійскимъ соборомъ 362 года, невѣрно отождествляютъ съ заблужденіемъ Аполлинарія, которое появилось только позднѣе. Оно, однако же, существовало уже въ теченіе послѣднихъ лѣтъ жизни Аѳанасія, который писалъ въ опроверженіе его, хотя—вѣроятно, подъ вліяніемъ старой дружбы и вслѣдствіе услугъ, которыя Аполлинарій раньше оказалъ дѣлу православія,—онъ и воздерживался отъ упоминанія его имени [1].

Въ то время, какъ аріане совершенно отрицали существованіе человѣческой души во Христѣ [2] и пользовались текстами, указывающими на Его человѣчество какъ доказательствомъ несовершенства Его высшаго естества, Аполлинарій слѣдовалъ Платоновой школѣ при дѣленіи природы человѣка на тѣло, животную или жизненную душу (ψυχή) и духовную или разумную душу (νοῦς) [3]. На основаніи измѣнчивости и грѣховности разумной души человѣка онъ доказывалъ, что если бы Спаситель имѣлъ такую душу, то Онъ вмѣстѣ съ нею долженъ бы имѣть и свободу воли, а отсюда и наклонность ко грѣху; слѣдовательно (продолжалъ онъ), *эта* часть природы человѣка не была принята Спасителемъ, но мѣсто ея замѣнилъ божественный Логосъ, господствующій надъ злыми влеченіями животной души, для которой тѣло есть страдательное орудіе [4]. Нѣкоторые изъ послѣдователей Аполлинарія, если и не самъ онъ, учили, что плоть Христова существовала до Его явленія въ мірѣ, не была заимствована Имъ отъ естества пресвятой Дѣвы, но была принесена съ неба,—для каковаго мнѣнія они будто бы находили основаніе въ нѣкоторыхъ текстахъ св. Писанія [5].

Послѣ смерти Аѳанасія, Аполлинарій болѣе открыто заявилъ о своихъ мнѣніяхъ. Онъ не думалъ, что выступаетъ противъ православной вѣры; ему даже казалось, что онъ будто открылъ истинныя основанія, на которыхъ она можетъ быть поддерживаема. Находя однако же, что этотъ взглядъ на дѣло не былъ принимаемъ всѣми, онъ составилъ нѣчто въ родѣ собственной секты, поставляя епископовъ въ Антіохіи и въ другихъ мѣстахъ и, подобно Вардесану и Арію, распространялъ свои ученія, воплощая ихъ въ гимны и

---

[1] *Athanas.* ad Epictetum (Opera ii, 901 и слѣд.); adv. Apollin. кн. II (подлинность которой сомнительна).

[2] См. выше, стр.

[3] *Greg. Niss.* Antirrhetio. (въ *Zacagni* Collectania Monumentorum, Rom. 1698 г.). См. изложеніе бесѣды между Епифаніемъ и Виталіемъ, апполлинаріанскимъ епкскопомъ Антіохіи въ Epiph. lxxvii, 3; *Theodoret*, Haer. Fab. iv, 8.

[4] *Athanas.* c. Appollin. i, 2; ii, 6; Greg. Nyss.; 40; Rufin, 20. Іустинъ—мученикъ говоритъ о Спасителѣ, что Онъ имѣлъ σῶμα καὶ λόγον καὶ ψυχὴν (Apol. ii, 10), Но смыслъ, очевидно, здѣсь не аполлинаріанскій, такъ какъ различіе, между ψυχη и νοῦς не имѣлось въ виду авторомъ. См. Petav. de Incarn. I, vi 6, 7, 14.

[5] Напр. Іоан. i, 14; iii, 13; 1 Кор. xv, 47.

народныя пѣсни [1]. Не смотря на анаѳемы, произнесенныя противъ
аполлинаріанства многими соборами и наконецъ все-
ленскимъ соборомъ Константинопольскимъ, основа- 376 г.
тель его удерживалъ за собою свою епископію до са-
мой смерти, которая послѣдовала около 392 года. Секта его, по-
видимому, пошла еще дальше по пути заблужденія, но не надолго
пережила его самого.

ГЛАВА XIII.

Отъ конца втораго вселенскаго собора до смерти Ѳеодосія.— Св. Амвросій.

381—395 гг.

Какъ уже упомянуто было выше, аріанину Авксентію было позволено Валентиніаномъ удержать за собою важную каѳедру миланскую [2]. По его смерти, въ 374 году, императора просили назначить архіепископа, но, согласно съ его правиломъ избѣгать вмѣшательства въ духовныя дѣла, онъ предоставилъ выборъ народу. Послѣдовалъ оживленный споръ между православными и аріанами. Когда обѣ партіи собрались въ главной церкви и, повидимому, возбужденіе ихъ готово было перейти въ дѣло насилія, явился правитель Лигуріи, Амвросій, и обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой увѣщевалъ ихъ къ миру. Когда онъ закончилъ свою рѣчь, то раздался голосъ маленькаго ребенка, произнесшаго слова: „Амвросій—епископъ!“ и этотъ крикъ немедленно же былъ подхваченъ всѣмъ собраніемъ [3]. Правитель, который, хотя и христіанскаго происхожденія, былъ еще только оглашеннымъ, желалъ устраниться отъ должности, столь чуждой его мыслямъ и стремленіямъ. Онъ пытался различными способами убѣдить миланцевъ, что его характеръ не подходитъ къ этой должности, не разъ убѣгалъ изъ города, но былъ приводимъ опять назадъ, и такъ какъ Валентиніанъ одобрилъ его выборъ, то онъ и былъ посвященъ во епископа чрезъ недѣлю послѣ своего крещенія.

Амвросій, сынъ преторіанскаго префекта въ Галліи, получилъ образованіе съ цѣлью сдѣлаться адвокатомъ, и во время своего избранія на архіепископію имѣлъ 34 года отъ роду. Онъ немедленно порѣшилъ восполнить усидчивымъ изученіемъ свой прежній пробѣлъ въ богословскомъ образованіи. Послѣ своего внезапнаго возвышенія, онъ, какъ и надо было предполагать, безъ всякаго подозрѣнія или смущенія уступилъ духу того рода религіозности, которую онъ нашелъ преобладающею, и отъ сочетанія ея съ его отъ природы возвышеннымъ и энергичнымъ характеромъ и произошло смѣшеніе качествъ, которыя могли бы казаться почти несовмѣстимыми,—именно мужествености, повелительнаго достоинства и сильнаго практическаго смысла съ мечтательнымъ мистицизмомъ и даже готовностью поддерживать не всегда чистыя вѣрованія своего вѣка [1]. „Ветхій и новый завѣтъ,—какъ хорошо замѣчено однимъ историкомъ,—встрѣчались въ личности Амвросія, отличительными особенностями котораго были непримиримая вражда къ идолопоклонству, отвращеніе ко всякому уклоненію отъ установленной формы вѣры, мудрое и мужественное благоволеніе, благородная и чуждая всякаго самолюбія преданность великимъ интересамъ человѣчества“ [2].

---

[1] Soz. vi, 25.

[2] См. выше, стр. 235.

[3] Vita Ambrosii, Павлина 6 (Patrol. xiv); Socr. iv, 20; Soz. vi, 24.

Послѣ смерти Валентиніана, Амвросій пріобрѣлъ сильное вліяніе на душу Граціана, для особеннаго назиданія котораго онъ написалъ нѣсколько сочиненій. Но онъ нашелъ ожесточеннаго и настойчиваго врага въ лицѣ Іустины, 375 г. вдовы покойнаго императора и матери младшаго Валентиніана (главная резиденція которой была въ Миланѣ). Эта принцесса предана была аріанскому символу, и ея первое разногласіе съ Амвросіемъ, повидимому, случилось въ 379 году, когда онъ ниспровергъ ея попытку добиться назначенія еретическаго епископа въ Сирмію [3]. Но не смотря на это столкновеніе, когда до Милана дошла въ 383 г. вѣсть, что Граціанъ былъ убитъ въ Ліонѣ приверженцами мятежнаго Максима, Іустина отдала своего юнаго сына въ руки архіепископа и умоляла его сдѣлаться его покровителемъ. Амвросій принялъ это порученіе, отправился въ Тревы, гдѣ Максимъ основалъ свой дворъ, и добился его согласія на раздѣленіе запада, причемъ Максимъ взялъ на себя Британію, Галлію и Испанію, а другія страны были оставлены за Валентиніаномъ [4].

Два года спустя однако же возникъ новый споръ съ императрицей матерью. Амвросію удалось уничтожить аріанство среди гражданъ Милана, такъ что единственные приверженцы его въ этомъ городѣ состояли изъ нѣсколькихъ придворныхъ и готскихъ воиновъ [5]. Отъ архіепископа потребовали, чтобы онъ, по случаю приближенія пасхи, усту- 385 г.

---

[1] При одномъ случаѣ онъ изломалъ и продалъ свое церковное блюдо для выкупа плѣнныхъ, уведенныхъ варварами.

[2] Milman, ш, 245.

[3] Paulinus, 11.

[4] Socr. v, 11; Gibbon, п, 529.

[5] Ambr. Ep. xx, 12.

пилъ имъ сначала загородную базилику (церковь внѣ стѣнъ [1]), а затѣмъ и самую большую церковь въ городѣ, которая только что воздвигнута была на мѣстѣ, теперь занимаемомъ церковью, носящею его имя. Его два раза требовали на соборъ, который заявилъ ему, что онъ долженъ уступить императорской власти. Амвросій отвѣчалъ, что онъ готовъ разстаться со всѣмъ, что принадлежитъ ему лично, даже съ своей жизнью, но что не въ его волѣ отдавать то, что священно: „дворцы, сказалъ онъ, для императора; а церковь для священниковъ Божіихъ“ [5]). Населеніе города пришло въ крайнее возбужденіе. Оно сорвало занавѣси, которыя ставились съ цѣлью приготовленія церквей для пріема императора, схватило одного аріанскаго пресвитера на улицѣ и вѣроятно убило бы его, еслибы Амвросій не вмѣшался для избавленія его; народъ окружалъ дворецъ въ то время, когда архіепископъ присутствовалъ на соборѣ. Императорскіе министры въ тревогѣ просили его воздержать своихъ приверженцевъ. Амвросій отвѣчалъ, что онъ въ состояніи воздерживать ихъ отъ возбужденія, но что Богъ только можетъ удовлетворить ихъ, что если его подозрѣваютъ въ науськиваніи къ мятежу, то онъ долженъ подвергнуться наказанію ссылкой или какъ нибудь иначе. Даже солдаты выказывали расположеніе стать на сторону православныхъ, и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые были посланы занять новую церковь, объявили, что они пришли не сражаться, а присоединиться къ молитвамъ архіепископа. Императрица наконецъ уступила, и тяжелый штрафъ, который наложенъ былъ на торговцевъ Милана въ наказаніе за первую демонстрацію въ пользу Амвросія, былъ отмѣненъ [6]).

Въ началѣ слѣдующаго года изданъ былъ указъ, допускавшій полную свободу религіи тѣмъ, которые исповѣдуютъ символъ Риминійскій, съ угрозой смерти всѣмъ, кто будутъ оскорблять ихъ [3]). Вскорѣ послѣ его изданія, отъ 23 янв. 386 г. Амвросія подъ страхомъ лишенія сана потребовали, чтобы онъ отстоялъ свое дѣло въ спорѣ съ епископомъ аріанской партіи, готомъ, который принялъ имя прежняго аріанскаго епископа Авксентія [4]), въ присутствіи императора и нѣсколькихъ свѣтскихъ судей; но онъ смѣло отвѣчалъ, что дѣло вѣры не слѣдуетъ подвергать такому суду [3]). Съ приближеніемъ 386 г. пасхи, сдѣлано было новое требованіе объ отдачѣ церкви въ стѣнахъ города. Намекая на исторію Навуѳея, Амвросій отвѣчалъ, что онъ не выдастъ наслѣдія своихъ отцевъ, святыхъ и православныхъ епископовъ, занимавшихъ каѳедру раньше его. Когда ему приказано было оставить городъ, онъ отвѣчалъ, что уступитъ только силѣ, и его паства, изъ опасенія, чтобы его не устранили или не увезли куда нибудь, въ тревогѣ сторожила его, проводя нѣсколько ночей въ церкви и въ прилегающихъ зданіяхъ, причемъ всѣ выходы были охраняемы императорскими солдатами. Во время этихъ бдѣній, Амвросій ввелъ въ первый разъ на западѣ тотъ способъ пѣнія, который впослѣдствіи введенъ былъ при нѣсколько подобныхъ же обстоятельствахъ и въ Антіохіи [1]),—именно, что вмѣсто предоставленія псалмопѣнія хору, все собраніе раздѣлялось на два хора, которые и пѣли попеременно или антифонно [2]).

---

[1]) На мѣстѣ церкви св. Виктора, которая находится внутри стѣнъ позднѣйшаго происхожденія.

[2]) Ep. xx, 8.

[3]) Ambr. Ep. 20.

[4]) Cod. Theodos. xxi, 4; iv, 1; Soz. vii. 13.

[5]) Ambr. Serm. de Basilicis tradendis, 22; Patrol. xvi, 1014.

[6]) Ep. 21.

Хотя дѣло было еще не рѣшено, но Амвросій рѣшилъ приступить къ освященію церкви, бывшей предметомъ столь сильнаго спора, и народъ просилъ его совершать такіе же обряды, какіе онъ совершалъ при одномъ прежнемъ случаѣ. Онъ отвѣчалъ, что готовъ исполнить эту просьбу, если только будутъ найдены останки святыхъ, и приказалъ взрыть мостовую близь алтарной загородки въ церкви св. Феликса и св. Набора. Во время раскопки найдены были два скелета необычайной величины, „какіе только существовали въ древнее время“, съ головами, отдѣленными отъ тѣлъ, и съ большимъ количествомъ свѣжей крови [3]). Эти останки, послѣ двухдневнаго выставленія ихъ, были положены въ новой церкви. Бѣсноватые, приводившіеся къ нимъ, обнаруживали признаки великаго возбужденія; нѣкоторые изъ одержимыхъ объявили, что кости эти принадлежатъ мученикамъ, и выкликали ихъ имена, именно Гервасія и Протасія,—имена, которыя были совершенно забыты, но которыя, какъ наконецъ способны были припомнить старцы, извѣстны были въ прежнее время [4]). Въ другой разъ демоны кричали, что всѣ, отказывающіеся исповѣдать истинное ученіе о Троицѣ, какъ оно проповѣдывалось Амвросіемъ, будутъ мучимы такъ же, какъ мучатся они сами [5]). Разсказывалось и о другихъ чудесахъ, совершавшихся отъ соприкосновенія съ одеждой, которою покрыты были мощи, и даже отъ ихъ тѣни во время несенія ихъ. Самымъ замѣчательнымъ чудомъ было то, что одинъ мясникъ, хорошо извѣстный въ Миланѣ и потерявшій свое зрѣніе, выздоровѣлъ отъ прикосновенія къ краю мантіи, и, какъ свидѣтель исцѣленія, сдѣлался на всю жизнь сакристаномъ церкви, въ которой сохранялись эти мощи. Общее возбужденіе было такое, что хотя аріане подвергали сомнѣнію и осмѣивали эти чудеса [1], Іустина не осмѣливалась долѣе поддерживать свои притязанія противъ епископа, который удостоился столь чудеснаго божественнаго заступничества въ своемъ дѣлѣ.

---

[1]) ocr. Svi, 8; см. Suicer подъ словомъ ἀντίφωνον.

[2]) Ep. 21. съ присоединенной рѣчью De Basilicis tradendis.

[3]) Ambr. Ep. xxii, 2. 12; Aug. Conf. ix. 16.

[4]) Ambr. l. c. 12. См. Acta S. Іюня 18, стр. 680 и слѣд.

[5]) Ambr. l. c. 21.

Такому результату быть можетъ содѣйствовала и возобновившаяся опасность со стороны Максима. Въ слѣдую-
щемъ году Амвросій опять былъ посланъ ко дво- 387 г.
ру въ Тревы, съ порученіемъ просить о выдачѣ
тѣла Граціана. Онъ замѣчательнымъ образомъ поддерживалъ достоинство епископскаго сана, но возвратился, не достигнувъ своей цѣли [2]. Вскорѣ затѣмъ Максимъ, въ нарушеніе принятыхъ имъ на себя условій, сдѣлалъ нашествіе на владѣнія Валентиніана. Молодой императоръ и его мать бѣжали подъ защиту Ѳеодосія, который лѣтомъ 388 года выступилъ въ походъ на западъ, разбилъ узурпатора, который выданъ былъ своими собственными приверженцами и преданъ былъ смерти, и побѣдитель на время основалъ свою резиденцію въ Миланѣ [3].

Вліяніе, которое Амвросій оказывалъ на младшихъ принцевъ, не менѣе чувствуемо было и Ѳеодосіемъ „великимъ“. Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Миланъ, императоръ однажды намѣренъ былъ занять мѣсто въ той части соборной церкви, которая предназначалась для духовенства, и архіепископъ выразилъ желаніе, чтобы онъ удалился оттуда и занялъ мѣсто впереди мірянъ. Ѳеодосій, выразивъ благодарность за увѣщаніе, извинился тѣмъ, что въ Константинополѣ императорское сѣдалище находится внутри амвонной загороди, и по своемъ возвращеніи на востокъ, удивилъ болѣе снисходительное духовенство своей столицы введеніемъ миланскаго обычая [4].

Ревность Ѳеодосія къ единству вѣры и богослуженія среди его
подданныхъ была поддерживаема и направляема
Амвросіемъ, который располагалъ правомъ нрав- 388 г.
ственнаго контроля надъ дѣйствіями императора. При
одномъ случаѣ по крайней мѣрѣ это вліяніе сказалось весьма явственно. Христіане Каллиника, въ Месопотаміи, разрушили іудейскую синагогу и, въ отмщеніе за оскорбленіе, нанесенное нѣкоторымъ монахамъ, когда они находились на пути къ совершенію одного своего праздества, сожгли также валенти-

---

[1] Ambr. тамъ же, 17, 23.

[2] Ambr. Ep. 24.

[3] Pacatus Panygir. 43—4 (Patrol. xш); Socr. v, 14; Philast. x, 8; Gibbon, п, 535—8.

[4] Socr. v, 24. Случай этотъ нѣкоторыми писателями (какъ Ѳеодоритъ, v, 18) неправдоподобно поставляется въ связь съ *покаяніемъ* Ѳеодосія.

ніанское мѣсто богослужебнаго собранія. Өеодосій приказалъ, чтобы епископъ города, одобрявшій эти поступки, возстановилъ зданія или заплатилъ стоимость ихъ. Услышавъ объ этомъ повелѣніи, Амвросій написалъ императору возраженіе, и такъ какъ его письмо не имѣло никакого послѣдствія, то вслѣдъ за нимъ онъ лично обратился съ рѣчью, въ которой заявлялъ, что несовмѣстимо съ обязанностью христіанскаго государя обращать христіанскія средства на такія цѣли. Өеодосій уступилъ и отмѣнилъ свой приговоръ [1]).

Затѣмъ съ его стороны послѣдовало заступничество и по другому дѣлу. Самымъ выдающимся недостаткомъ въ благородномъ и любезномъ характерѣ Өеодосія была склонность къ запальчивому гнѣву. Что онъ могъ быть милостивымъ послѣ сильнаго раздраженія, это замѣчательнымъ образомъ доказывается его прощеніемъ народа антіохійскаго, который въ 387 году вслѣдствіе одного налога поднялъ мятежъ, сжегъ нѣсколько домовъ и низвергъ статуи императора, его покойной жены, которой онъ былъ нѣжно преданъ, и другихъ членовъ его семейства [2]). Но въ 390 году его запальчивость послужила поводомъ къ ужасной трагедіи въ Өессаломикѣ. Населеніе этого города, по случаю коннаго бѣга, потребовало освобожденія любимаго всадника, котораго Ботерикъ, главнокомандующій округа, заключилъ въ тюрьму за покушеніе на одно омерзительное преступленіе; и когда Ботерикъ отказалъ въ этомъ, народъ поднялъ мятежъ и умертвилъ его съ многими изъ его солдатъ и другихъ чиновниковъ. Императоръ, хотя и крайне разъяренный извѣстіемъ о мятежѣ, обѣщалъ, по заступничеству Амвросія, простить өессалоникійцевъ; но его свѣтскіе совѣтники, съ большою завистью смотрѣвшіе на вліяніе архіепископа на душу императора, впослѣдствіи успѣли, указывая на ужасный характеръ мятежа, добиться отъ него иного повелѣнія, которое тщательно скрывалось отъ Амвросія. Населеніе Өессалоники было приглашено на зрѣлище игръ въ циркѣ, и когда оно собралось тамъ, то подверглось безпощадному избіенію со стороны сильнаго отряда солдатъ. Не приняты были во вниманіе ни возрастъ, ни полъ, не сдѣлано было никакого различія между виновными и невиновными гражданами города или только прибывшими въ него окрестными жителями. Въ теченіе трехъ часовъ производилась страшная бойня, и во время ея погибло по крайней мѣрѣ 7,000 жертвъ [3]).

Извѣстіе объ этомъ побоищѣ поразило Амвросія величайшимъ ужасомъ. Ѳеодосія въ то время не было въ Миланѣ, и до его возвращенія архіепископъ удалился въ деревню, гдѣ онъ написалъ императору письмо ¹), увѣщевая его покаяться и заявляя, что пока не будетъ совершено должное покаяніе, ему запрещено будетъ Богомъ приносить евхаристическую жертву въ присутствіи императора. Письмо это привело Ѳеодосія къ сознанію своей виновности, которую онъ навлекъ, допустивъ предательское варварство на мѣсто справедливости. Но этого было еще недостаточно для Амвросія. Когда Ѳеодосій готовъ былъ вступить въ привратную церковь, архіепископъ встрѣтилъ его на паперти; схвативъ его за одежду, онъ потребовалъ его удаленія, какъ человѣка, оскверненнаго невинною кровью; и когда императоръ сталъ заявлять о своемъ сокрушеніи, Амвросій отвѣчалъ ему, что частныя сожалѣнія недостаточны для искупленія столь великаго преступленія. Ѳеодосій подчинился и удалился. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ онъ оставался въ покаянномъ заключеніи, устраняя отъ себя всѣ императорскія украшенія, пока въ рождественскіе праздники онъ самъ не представился архіепископу и смиренно просилъ его о допущеніи въ церковь. Амвросій потребовалъ въ качествѣ условія исполненія его просьбы, чтобы императоръ показалъ дѣйствительный плодъ покаянія, и императоръ согласился издать законъ, которымъ, съ цѣлью предохраненія отъ послѣдствій внезапнаго гнѣва, исполненіе всякихъ уголовныхъ наказаній откладывалось на тридцать дней послѣ приговора ²). Получивъ такимъ образомъ право на допущеніе къ общенію вѣрныхъ, Ѳеодосій, когда ему позволено было войти въ церковь, палъ ницъ на помостъ, всячески обнаруживая глубочайшую скорбь и уничиженіе; и Амвросій въ своей „погребальной рѣчи“ надъ императоромъ увѣряетъ, что съ того времени онъ не проводилъ ни одного дня, не воспоминая въ своей душѣ о преступленіи, которое онъ совершилъ въ своей запальчивости ³).

---

[1]) Ambros. Ep. xl, xli; Paulin. 22, 23.

[2]) Soz. vii, 23; Theod. v, 20.

[3]) Это по самому низкому счету. Theodoret, v, 17. Нѣкоторые писатели считаютъ даже больше 15,000. Gibbon, ii, 545.

Поведеніе Ѳеодосія въ этомъ замѣчательномъ дѣлѣ очевидно было результатомъ не слабости или трусости, но дѣйствительнаго сознанія своей виновности, искренняго признанія высшей власти, которой подчинено все мірское величіе. Чтобы правильно судить объ образѣ дѣйствій Амвросія, мы должны устранить нѣкоторыя воспоминанія позднѣйшихъ временъ, которыя весьма легко вторгаются въ сознаніе. Архіепископъ дѣйствовалъ исключительно изъ торжественнаго сознанія своего долга. Онъ сознавалъ достоинство, которое связывалось съ его должностью. Онъ считалъ себя обязаннымъ,

---

¹) Ep. 51.

²) Cod. Theodos. IX, XL, 13.

³) Ambr. in Obit. Theod. 34 (Patrol. XVI 1396); Soz. VII, 24, 25; Theod. 18; Baron. 390, 2—30.

ходатайствуя въ пользу справедливости и человѣчности, обуздывать излишества земной власти. Его строгость по отношенію къ императору ничего не имѣетъ общаго съ притязаніями тѣхъ, которые въ послѣдующія времена употребляли имя Бога и Его церкви для прикрытія своей собственной гордости и любви къ владычеству.

Осенью 391 года Θеодосій возвратился на востокъ, предоставляя Валентиніану не только его первоначальныя владѣнія, но и тѣ, которыя были уступлены Максиму послѣ убіенія Граціана. Іустина умерла въ 388 году, и съ этого времени молодой императоръ находился всецѣло подъ руководствомъ Амвросія. Въ 392 году онъ писалъ изъ Вьенны, настойчиво прося архіепископа посѣтить его, частью съ цѣлью установленія лучшихъ отношеній съ франкскимъ полководцемъ Арбогастомъ, который былъ назначенъ ему Θеодосіемъ въ качествѣ покровителя, но начиналъ обнаруживать признаки опаснаго честолюбія, и частью для совершенія таинства крещенія, принятіе котораго Валентиніанъ, по обычаю того времени, откладывалъ доселѣ. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ Амвросій отправился; но, прежде его прибытія, Валентиніанъ былъ умерщвленъ франкомъ. Еще разъ Θеодосій двинулся на западъ для низложенія ритора Евгенія, которому Арбогастъ предоставилъ номинальную верховную власть. Но чрезъ четыре мѣсяца послѣ своей побѣды онъ умеръ въ Миланѣ, будучи послѣднимъ императоромъ, который вполнѣ поддерживалъ достоинство римскаго имени. Амвросій пережилъ его немного болѣе двумя годами и умеръ наканунѣ пасхи 397 года.

15 мая 392 г.

II. Хотя язычество потеряло свои преимущества, которыми оно обладало въ теченіе краткаго царствованія Юліана, оно однако же на время пользовалось полною вѣротерпимостью [1]. Когда варвары угрожали имперіи, то правители ея очевидно находили невыгоднымъ раздражать ту большую часть своихъ подданныхъ, которые придерживались старой вѣры. Валентиніанъ и его братъ, правда, настойчиво преслѣдовали совершеніе всякихъ волшебныхъ искусствъ и жестоко наказывали замѣшанныхъ въ нихъ, во многихъ случаяхъ даже смертью [2]. Но указы по этому предмету были только возобновленіемъ прежнихъ законовъ, и побужденіе къ нимъ было не религіозное, а политическое, такъ какъ волшебныя искусства гаданія и теургіи связывались съ умозрѣніями и интригами въ отношеніи государственныхъ дѣлъ. Этими искусствами занималась не невѣжественная только толпа, но и члены древней римской аристократіи и философская партія, которая была сильна при Юліанѣ; и многія лица какъ изъ аристократическаго, такъ и изъ философскаго классовъ были среди жертвъ этихъ законовъ Валентиніана 1). Совѣщаніе съ аруспиціями для невинныхъ цѣлей, однако же, еще позволялось 2). Храмы все еще позволялось охранять караулами солдатъ, хотя христіане и исключались отъ этой службы 3). Валентиніанъ даже надѣлялъ жречество преимуществами, превосходящими тѣ, которыя оно получало отъ его языческихъ предшественниковъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже больше тѣхъ, которыми пользовались христіане, такъ что православные подданные Валента жаловались, что въ то время, какъ они сами подвергались изгнанію и лишенію правъ вслѣдствіе своей вѣры, язычники свободно совершали всѣ обряды своего идолопоклонства, даже нечистое и изступленное служеніе Вакху 4). Въ 364 году Валентиніанъ запретилъ ночныя жертвы; но, получивъ заявленіе, что греки будутъ считать жизнь невыносимою, если ихъ лишатъ ихъ таинствъ, онъ сдѣлалъ въ ихъ пользу изъятіе отъ дѣйствія этого закона 5). Въ позднѣйшій періодъ Валентиніанъ и Валентъ были побуждены политическими причинами запретить всѣ животныя жертвоприношенія, но другіе обряды языческаго идолослуженія еще позволялись, такъ что въ Римѣ и Александріи, гдѣ язычество было еще сильно, указъ этотъ не приводился въ исполненіе 6).

---

[1] Amm. Marcell. xxx, 9.

[2] Cod. Theodot. IX, xvi, 7, 8; Amm. Marcell. xxix, 2. Волшебныя книги были осуждены на истребленіе, но къ несчастію, чрезъ смѣшеніе съ ними погибли и многія произведенія иного рода.

При Ѳеодосіѣ и современныхъ императорахъ запада происходило болѣе рѣшительное движеніе къ подавленію язычества. Въ 381 и затѣмъ въ 385 году Ѳеодосій возобновилъ законъ противъ жертвоприношеній 7). Но въ то время, какъ законъ этотъ щадилъ самыя зданія, ревность христіанъ весьма часто шла дальше его. Пока стояли храмы, они внушали христіанамъ опасеніе и льстили язычникамъ надеждой, что можетъ явиться второй Юліанъ. Съ цѣлью устраненія повода къ подобнымъ чувствамъ, многіе храмы были разру-

---

1) Среди нихъ былъ философъ Максимъ (см. выше, стр. 223), который навлекъ на себя особенное неудовольствіе тѣмъ, что въ царствованіе Юліана обвинялъ Валентиніана въ неуваженіи къ богамъ. Св. Златоустъ даетъ замѣчательный разсказъ объ опасности, которой подвергались онъ самъ и его товарищъ, найдя волшебную книгу, плывшую внизъ по Оронту. Hom. 28 in Acta Apost. (t. ix, pp. 293—4, edit. Montf.).

2) Cod. Theodot. IX, xvi, 9.

3) Тамъ же, XVI, i, 1.

4) Socr. iv, 16; Theodoret, iv, 24; v, 31. Многія надписи показываютъ, какъ члены аристократіи гордились ношеніемъ жреческихъ титуловъ, въ особенности въ связи съ идолослуженіемъ восточнымъ божествамъ.

5) Zosim. iv, 3.

6) *Libanius*, De Templis, edit. Reiske, t. ii. pp. 163, 180—1.

7) Cod. Theod. XVI, x, 7, 9. Въ 386 году онъ отправилъ Цинигія, префекта востока, въ Египетъ, съ порученіемъ закрыть храмы. Zosim, iv, 37, Idatius, 388 г. (Patrol. lxxiv).

шены и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ видѣ предлога къ этому, служило предположеніе, что въ нихъ незаконно совершались жертвы. Это дѣло разрушенія было главнымъ образомъ поощряемо или исполняемо монахами; въ странахъ, гдѣ немного было монаховъ, какъ напр. въ Греціи, великолѣпные памятники языческой архитектуры сохранились въ цѣлости, будучи оставлены безъ употребленія, или превращены въ церкви, или обращены для гражданскихъ цѣлей. Знаменитый софистъ Ливаній составилъ защитительную рѣчь въ пользу храмовъ, которая имѣетъ форму рѣчи, обращенной къ императору, хотя она, вѣроятно, никогда не была произнесена передъ нимъ и даже не представлена ему письменно [1]. Ораторъ жалуется на одѣтыхъ въ черное людей, которые, по его чрезмѣрно раздраженному отзыву, прожорливѣе слоновъ и ненасытно алчны, хотя и прикрываютъ свою чувственность искусственною блѣдностью; что хотя законъ не запрещалъ язычества, за исключеніемъ кровавыхъ жертвъ, эти монахи повсюду совершали дѣла разрушенія и грабежа; что они подвергали жрецовъ всякимъ насиліямъ, захватили даже земли подъ предлогомъ, что на нихъ совершаются незаконные обряды, и что если обращались на нихъ съ жалобой къ „пастухамъ въ городахъ“ (то есть, епископамъ), то жалующимся, вмѣсто всякаго возмездія, отвѣчали, что съ ними поступлено еще слишкомъ мягко. Онъ приписываетъ всѣ бѣдствія того времени перемѣнѣ религіи; обращается къ новозавѣтнымъ постановленіямъ въ доказательство того, что насильственныя мѣры христіанъ противны духу ихъ собственной вѣры, и старается поддержать суевѣріе своихъ читателей, заявляя, что служеніе древнимъ богамъ еще совершалось въ Египтѣ, такъ какъ сами христіане опасались рисковать плодородіемъ своей страны подавленіемъ этой религіи [2].

Немного спустя это послѣднее увѣреніе подверглось испытанію. Ѳеофилъ, епископъ александрійскій, человѣкъ запальчивый, имя котораго часто будетъ упоминаться затѣмъ, получилъ
отъ императора въ даръ храмъ Вакха и намѣревался 391 г.
построить на мѣсто его церковь. Когда стали разрывать землю для заложенія основанія новаго зданія, то найдены были нѣкоторые постыдные символы, употреблявшіеся въ идолослуженіи Вакху, и ихъ публично носили въ издѣвательство надъ религіей, которой они принадлежали. Язычники, разъяренные такимъ оскорбленіемъ своей вѣры, подняли мятежъ, избили нѣсколькихъ христіанъ и заперлись въ храмѣ Сераписа, который со своими оградами составлялъ обширный рядъ зданій, возвышавшихся на ъ го-

---

[1] Рейске относитъ ее къ 390 году (Liban. II, 194—5); другіе къ 38 году.

[2] Lib. II, 164, 168, 169, 182, 183, 186.

родомъ и считавшихся однимъ изъ чудесъ свѣта [1]. Оттуда они время отъ времени дѣлали вылазки, убивали христіанъ и уводили многихъ плѣнныхъ, которыхъ они принуждали приносить жертвы и въ случаѣ отказа подвергали жестокимъ мученіямъ; нѣкоторые изъ плѣнниковъ были даже преданы смерти чрезъ распятіе. Получивъ донесеніе объ этомъ, императоръ отвѣчалъ, что такъ какъ убитые христіане мученики, то тѣхъ, которые оказались повинными въ ихъ смерти, не нужно подвергать наказанію, а лучше, если только это возможно, склонять ихъ къ истинной вѣрѣ милостью; но въ то же время онъ приказалъ, чтобы храмы Александріи были разрушены. Серапіумъ былъ оставленъ его защитниками, которыхъ правитель склонилъ присутствовать при публичномъ чтеніи императорскаго указа, и они, услышавъ о приговорѣ противъ храмовъ, убѣжали въ скорби. Идолъ Сераписа, покровительственнаго божества города, былъ огромныхъ размѣровъ и украшенъ былъ драгоцѣнностями и золотыми и серебряными плитами. Въ народѣ ходило вѣрованіе, что если нанести ему оскорбленіе, то разрушится небо и земля, и даже христіане смотрѣли съ тревогой, когда солдатъ, поднявшійся по лѣстницѣ, поднялъ свой топоръ противъ идола. Но когда увидѣли, что воинъ съ безнаказанностью отрубилъ ему одну щеку и затѣмъ отсѣкъ одно изъ колѣнъ, то опасеніе исчезло. Голова бога была сброшена внизъ, и изъ нея выскочила цѣлая стая крысъ, возбуждая отвращеніе и смѣхъ въ толпѣ [2]. Идолъ скоро былъ весь разрушенъ въ куски, которые были унесены въ амфитеатръ и сожжены. При обыскѣ храма, сдѣлано было открытіе тѣхъ безобразій, которыми онъ осквернялся, и тѣхъ продѣлокъ, къ которымъ прибѣгали жрецы, пользуясь довѣрчивостью богомольцевъ [3], и вслѣдствіе этого обнаруженія, многіе обратились въ христіанство. Языческая партія, однако же, начала ликовать, когда оказалось, что разливъ Нила въ томъ году не начинался дольше обычнаго времени. Обратились за совѣтомъ къ императору: „лучше, отвѣчалъ онъ, пусть Нилъ совсѣмъ не разливается, чѣмъ намъ покупать плодородіе Египта идолослуженіемъ“. Наконецъ, рѣка разлилась болѣе, чѣмъ до обычной высоты, и язычники начали надѣяться, что Сераписъ отмститъ за себя наводненіемъ; но они скоро разочаровались и въ этомъ, увидѣвъ, что воды начали убывать до обычнаго уровня. Храмъ бога былъ разрушенъ, и на его мѣстѣ была построена церковь, а другія зданія Серапіума оставлены были въ цѣлости. Во исполненіе повелѣнія императора, храмы были разрушены въ Александріи и по всему Египту. Статуи были сожигаемы или расплавляемы, за исключеніемъ одной, которую, будто бы, Ѳеофилъ сохранилъ въ качествѣ аргумента противъ язычества, чтобы приверженцы этой послѣдней системы впослѣдствіи не стали отрицать, что они поклонялись столь презрѣннымъ предметамъ [1]).

---

[1] Amm. Marcell. xxii, 16.

[2] Менуцій Феликсъ опровергалъ язычество на основаніи тѣхъ вольностей которыя допускаютъ себѣ напр. птицы по отношенію къ изображенію боговъ и проч. Octavius, c. 24.

[3] Касательно этого см. *Döllinger*, Heidenth. u. Juddent 644—48.

Старая религія была болѣе сильна на западѣ, чѣмъ на востокѣ. Ея держалось большинство высшихъ римскихъ семействъ, хотя, видимо, не изъ какого нибудь дѣйствительнаго убѣжденія въ ея истинѣ, а изъ простой гордости, заставлявшей держаться преданій своихъ предковъ, и изъ нежеланія предпринять на себя трудъ изслѣдованія. Исповѣданіе язычества не было препятствіемъ къ полученію высокихъ должностей въ государствѣ, и съ ними римская знать, подобно своимъ предкамъ, честолюбиво старалась сочетать достоинство языческой іерархіи. Въ столицѣ было посвящено старой вѣрѣ еще множество храмовъ и небольшихъ религіозныхъ зданій, а въ сельскихъ округахъ Италіи система эта держалась вслѣдствіе самой связи этихъ божествъ со всѣмъ, что касалось земледѣльческихъ работъ. Епископы укоряли христіанскихъ землевладѣльцевъ за равнодушіе, съ которымъ они, не обращая вниманія ни на что, кромѣ денегъ, позволяли населенію въ своихъ имѣніяхъ безъ всякаго препятствія продолжать идолослуженіе [2]). Въ западныхъ провинціяхъ вообще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преобладали старыя варварскія религіи, а въ другихъ служеніе римскимъ богамъ. Изъ того обстоятельства, что основаніе многихъ епископій на западѣ относится къ періоду между 350 и 380 годами, заключаютъ, что тогда въ этихъ странахъ сдѣлана была первая попытка правильнаго подавленія на язычество.

Граціанъ, въ свои ранніе годы, поддерживалъ начала религіознаго равенства; но подъ вліяніемъ св. Амвросія впослѣдствіи въ его политикѣ произошла важная перемѣна, такъ что этотъ молодой императоръ нанесъ болѣе жестокіе удары язычеству, чѣмъ какіе осмѣливался предпринять кто либо изъ его предшественниковъ. Въ сенатскомъ зданіи въ Римѣ былъ жертвенникъ Побѣды, воздвигнутый послѣ битвы при Акціумѣ, и на немъ сенаторы давали клятву въ вѣрности императору и законамъ, а также приносились возлiянія и куренія при началѣ каждаго собранія. Удаленіе этого жертвенника было единственнымъ значительнымъ актомъ, въ которомъ Констанцій проявилъ свое вмѣшательство въ религію столицы; но онъ возстановленъ былъ Юліаномъ и продолжалъ занимать свое мѣсто до 382 года, когда Граціанъ приказалъ удалить его опять. Въ Миланъ отправилась, съ просьбою о возстановленіи жертвенника, депутація сенаторовъ, во главѣ съ Симмахомъ, самымъ краснорѣчивымъ ораторомъ своего времени, человѣкомъ высокаго личнаго характера и занимавшимъ высшія гражданскія и религіозныя должности 1). Но христіанская партія въ сенатѣ уже настроила императора, при посредствѣ Дамаса и Амвросія, въ свою пользу, и онъ отказался принять депутацію 2). Въ то же самое время онъ лишилъ храмы принадлежавшихъ имъ земель, отнялъ у нихъ всѣ казенные фонды, объявилъ незаконнымъ предоставленіе имъ по завѣщанію недвижимой собственности и лишилъ весталокъ и языческихъ жрецовъ религіозныхъ и гражданскихъ преимуществъ, которыми они пользовались доселѣ 3). Быть можетъ съ цѣлью сильнѣе повліять на чувства императора, депутація жречества предложила ему одѣяніе Pontifex maximus'а,—достоинство, которое носилось всѣми его предшественниками, какъ раньше, такъ и послѣ обращенія Константина. Но Граціанъ отвергъ это достоинство, какъ неприличное христіанину 4).

---

[1]) Eunap. Vit. Ædissin. p. 472, edit. Boissonad. Paris, 1849; Rufin, ii, 22, 23; Socr. v, 16, 20; Socr. vii, 15; Theod. v, 22; Gibbon, iii, 13—16. Сократъ говоритъ, что оставленная въ сѣлости статуя была статуей Юпитера, другіе—что это была статуя обезьяны.

[2]) Зенонъ Веронскій, i, xv, 6. (Patrol. xi, 365—9); Гавденцій Бресчійскій, Serm. xiii (тамъ же, xx, 940).

Въ 384 году сдѣланъ былъ новый опытъ повліять на молодаго Валентиніана. Въ Миланѣ опять явился Симмахъ во главѣ депутаціи, и передалъ императору краснорѣчиво написанное ходатайство въ пользу жертвенника Побѣды и старой религіи 5). Онъ провелъ различіе между личнымъ убѣжденіемъ императора и обязанностью его положенія, какъ правителя государства, которое въ теченіе вѣковъ поклонялось богамъ язычества; останавливался на знаменіяхъ, связанныхъ съ именемъ Побѣды, и приписывалъ голодъ, войны и другія бѣдствія послѣднихъ лѣтъ гнѣву боговъ, вслѣдствіе лишенія ихъ должнаго почтенія; настаивалъ, что незаконно отнимать фонды, которыми поддерживалась языческая религія. Олицетворяя Римъ, онъ заставлялъ его обращаться къ императору въ качествѣ матери, напоминая ему о ея древней славѣ и считая себя не въ состояніи научиться какой нибудь другой религіи, кромѣ той, которою она пріобрѣла себѣ величіе.

Амвросій, услышавъ объ этомъ ходатайствѣ языческой партіи, написалъ императору, настойчиво увѣщевая его отказать въ ходатайствѣ, и вслѣдъ за своимъ письмомъ отправилъ формальный и

---

1) См. Patrol. xxvIII (гдѣ напечатано его произведеніе), 14—16.

2) Ambros. Ep. xvII, 10.

3) Гонорій ссылается на этотъ указъ. Cod. Theodot. xvI, x, 20. См. также ходатайства Симмаха и Амвросія; Ambr. de Obit. in Valentiniani. 19, 21.

4) Zosim, Iv, 36.

5) См. Simm. Ep. x, 61, или Ambr. въ Patrol. xvI, 966.

обстоятельный отвѣтъ Симмаху ¹). Онъ доказывалъ, что для христіанскаго государя незаконно поддерживать систему, которую онъ долженъ считать ненавистною Богу. Было бы несправедливостью по отношенію къ христіанскимъ сенаторамъ, говоритъ онъ, если бы ихъ заставляли принимать участіе въ жертвоприношеніяхъ Побѣды, а между тѣмъ ихъ нужно считать принимающими участіе въ дѣйствіяхъ сената, будутъ ли они лично присутствовать на его собраніяхъ, или нѣтъ. Доводъ касательно бѣдствій имперіи онъ опровергалъ указаніемъ на тѣхъ изъ государей, которые исповѣдывали язычество. Древняя слава Рима, говоритъ онъ, отнюдь не могла истекать изъ поклоненія богамъ, такъ какъ покоренные имъ враги были той же самой религіи. Его сѣдая древность отнюдь не сдѣлается менѣе почтенною и напротивъ будетъ еще болѣе почтенною, если онъ приметъ истину евангелія. Христіанство выросло подъ угнетеніемъ, между тѣмъ какъ язычество, по свидѣтельству его собственныхъ защитниковъ, зависѣло въ самой своей жизни отъ стипендій и преимуществъ жречества. Язычество находило затруднительнымъ для себя содержать число своихъ семи весталокъ, не смотря на то, что этому классу жрицъ принадлежали высокія преимущества, между тѣмъ какъ множество христіанскихъ женщинъ добровольно избирали дѣвственную жизнь бѣдности и самоумерщвленія. И какія дѣла благотворительности могло выставить язычество по сравненію съ пособіемъ нуждающимся, выкупомъ плѣнныхъ и другими подобными дѣлами, которыя составляли ежедневное дѣло христіанъ?

При чтеніи этихъ противоположныхъ ходатайствъ, мы не можемъ не поразиться замѣчательнымъ контрастомъ въ тонѣ между апологетическою неувѣренностью Симмаха и торжествующею увѣренностью Амвросія, который въ своемъ прежнемъ письмѣ даже говорилъ императору, что если онъ сдѣлаетъ требуемую уступку идолопоклонству, церковь отвергнетъ его и его приношеніе ²). Дѣло язычества покоилось не на истинѣ ученія, а на обращеніи къ историческимъ и патріотическимъ воспоминаніямъ; отсюда ясно, что помимо всякаго соображенія въ значеніи ихъ сравнительныхъ доводовъ, выигрышъ дѣла былъ уже на сторонѣ поборника христіанства, и что просьба Симмаха должна была остаться, какъ это и оказалось въ дѣйствительности, безъ успѣха.

Языческая партія затѣмъ обратилась къ Ѳеодосію, когда онъ былъ въ Италіи послѣ смерти Максима. Императоръ сначала склоненъ былъ уступить, но Амвросій настроилъ его
такъ же, какъ онъ настроилъ и младшихъ принцевъ. 389 г.
Еще разъ языческая депутація была отправлена къ

---

¹) Ep. xvii, xviii.

²) Ep. xvii, 14. Онъ указываетъ на тоже опять въ Ep. lvii, 2.

Валентеніану въ Галлію, когда онъ находился вдали какъ отъ своего сотоварища, такъ и отъ архіепископа, но и эта попытка также потерпѣла неудачу [1]).

Въ 392 году Ѳеодосіемъ изданъ былъ важный законъ для всей имперіи. Въ немъ подробно указываются лица всякаго званія и во всякомъ мѣстѣ. Жертвоприношеніе и гаданіе, даже хотя бы они совершались безъ всякой политической цѣли, въ немъ признаются измѣнничествомъ, подлежащимъ уголовному наказанію. Употребленіе свѣчъ, куреній, гирляндъ или возліяній и дургихъ подобныхъ меньшихъ актовъ идолопоклонства, должно влечь за собою конфискацію тѣхъ домовъ и земель, гдѣ они будутъ совершаться. Тяжелые штрафы, возвышающіеся или уменьшающіеся сообразно съ положеніемъ виновныхъ, назначаются противъ тѣхъ, которые будутъ входить въ храмы; если власти окажутся повинными въ этомъ отношеніи и ихъ служители не попытаются воспрепятствовать имъ, то должны подлежать штрафу и эти служащіе [2]).

Вѣроятно суровость этого законоположенія и содѣйствовала усиленію партіи Евгенія, котораго язычники привѣтствовали въ качествѣ избавителя. Былъ ли онъ самъ вѣроотступникомъ, неизвѣстно; но его учитель Арбогастъ былъ завѣдомый язычникъ, и, въ теченіе короткаго періода власти ритора-императора, жертвенникъ Побѣды былъ поставленъ на свое мѣсто, обряды старой религіи были возстановлены во всей своей полнотѣ и храмамъ возвращена конфискованная собственность [3]). Говорятъ, что Ѳеодосій, посѣщая Римъ послѣ пораженія Евгенія, предоставилъ выборъ между христіанствомъ и язычествомъ голосованію сената, и что христіанство будто бы принято большинствомъ; но разсказъ этотъ крайне невѣроятенъ, и быть можетъ есть не болѣе какъ преувеличеніе, основанное на какомъ нибудь разсужденіи, имѣвшемъ мѣсто въ Миланѣ между императоромъ и депутаціей сената.

392—4 г.

Говорить о вѣкѣ Ѳеодосія какъ такомъ, въ который совершилось полное разрушеніе и исчезновеніе язычества, было бы несоотвѣтствующимъ истинѣ. Приверженцы старой религіи, хотя и лишенные возможности исполнять свои обряды, однако еще пользовались полной свободой мысли, и имъ доступны были высокія государственныя должности. Дѣйствіе законовъ противъ нихъ было весьма неполнымъ; если они и строго примѣнялись тамъ, гдѣ была сильная христіанская партія, то съ другой стороны, гдѣ эта партія была слаба, они совершенно не исполнялись, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ самыя власти, которымъ поручено было исполненіе ихъ, были язычники. Въ Римѣ самому императору льстили тѣмъ, что онъ, подобно своимъ предшественникамъ, послѣ своей смерти будетъ занесенъ въ число боговъ [1]). Статуи боговъ не разрушались, статуя Побѣды все еще оставалась въ палатѣ сената, хотя жертвенникъ, особенно бывшій предметомъ спора, и былъ удаленъ. Не смотря на это, старая религія очевидно была обречена на гибель. Остававшаяся въ ней сила заключалась уже не въ вѣрѣ, а въ привычкѣ. Удаленіе общественныхъ суммъ подѣйствовало на нее въ такой степени, какъ это было бы невозможно, если бы въ ней оставалась какая нибудь искра жизни. Жрецы, подвергаясь нападенію, обыкновенно уступали съ такою легкостью, которая показывала полный недостатокъ въ нихъ вѣры и ревности. Хотя язычество и было обычнымъ явленіемъ среди писателей, но ни одинъ изъ нихъ не пытался вступить въ богословское преніе; ихъ усилія въ пользу своей религіи не шли дальше ходатайства о вѣротерпимости. Бл. Іеронимъ говоритъ о храмахъ въ Римѣ около этого времени, что они оставлены были въ полномъ пренебреженіи, безпорядкѣ и разложеніи [2]).

---

[1]) Ambr. Ep. LVII, 4, 5.

[2]) Cod. Theodos. XVI, X, 12.

[3]) Ambr· Ep. LVII.

III. Среди тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые исповѣдали христіанство, Θеодосій рѣшилъ возстановить единство вѣры. Немедленно послѣ заключенія вселенскаго собора въ Константинополѣ, онъ повелѣлъ, чтобы всѣ церкви были 30 іюля 381 г. отданы православнымъ, чтобы еретики не имѣли собраній и никакія зданія не воздвигались для подобныхъ собраній [3]). Въ 383 году онъ созвалъ собраніе епископовъ всѣхъ партій, съ надеждой привести ихъ къ соглашенію [4]); но различіе вѣрованій оказалось непримиримымъ, и въ томъ же году императоръ издалъ новые указы противъ аріанъ. Въ теченіе остальныхъ лѣтъ этого царствованія были часто издаваемы законы [1]) противъ ереси,—каковой терминъ теперь уже не ограничивался приложеніемъ его къ отрицанію главныхъ положеній вѣры, но прилагался также и къ меньшимъ заблужденіямъ въ ученіи и къ отдѣленію отъ общенія церкви [2]). Особенную враждебность императора возбуждали аріане, евноміане, македоніане, аполлинаріане и манихеи. Различными постановленіями онъ лишалъ этихъ сектантовъ всякаго права собираться для богослуженія какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ; онъ конфисковалъ всѣ мѣста, въ которыхъ они могли дѣлать свои собранія, и лишалъ ихъ права получать или передавать по наслѣдству собственность, а также другихъ гражданскихъ правъ; онъ запрещалъ имъ спорить о религіи и подвергалъ тѣхъ, которые давали или получали сектантское рукоположеніе, штрафу въ десять фунтовъ золота, что равняется почти 2,500 рублей на наши деньги. Нѣкоторые классы еретиковъ подвергались конфискаціи и ссылкѣ, а „избранные“ изъ манихеевъ даже осуждались на смерть [3]). Такое законодательство въ значительной степени соотвѣтствовало ожиданіямъ императора. Ни язычество, ни сектантство не имѣло въ себѣ достаточно внутренней силы, чтобы противостоять давленію законовъ, требовавшихъ соглашенія съ церковью. Толпы прозелитовъ стремились въ церковь, и отъ радости при видѣ этого возвращенія заблудшихъ мало занимались вопросомъ о томъ, не было ли во многихъ случаяхъ кажущееся обращеніе ихъ лишь маской лицемѣрія или равнодушія [4]). Можно вообще думать, что самые суровые указы Ѳеодосія, повидимому, имѣли своею цѣлью только навести страхъ на заблуждающихся и никогда въ дѣйствительности не приводились въ исполненіе. Но примѣръ наказанія смертью за религіозное заблужденіе былъ уже данъ въ той части имперіи, которая была подчинена узурпатору Максиму.

---

[1]) См. *Claudian*, De Tert. Consul. Honorii, 162 и слѣд.

[2]) Ep. cvii, 1, 2. Грегоровіусъ, однакоже, на основаніи Клавдіана (In Consulat vi Honorii, 42 и слѣд.) думаетъ, что блаж. Іеронимъ и Августинъ преувеличиваютъ степень этого. i, 61—64.

[3]) Cod. Theodos. xvi, i, 3.

[4]) Socr. v, 10; Soz. vii, 12. Созоменъ (vii, 16) связываетъ съ этимъ первымъ прибытіемъ Θеодосія въ Константинополь интересный случай. Православные, говоритъ онъ, опасались, чтобы императоръ не допустилъ на аудіенцію Евномія и не былъ склоненъ на свою сторону краснорѣчивымъ разсужденіемъ этого еретика. При такомъ положеніи вещей, епископы отправились отдать честь при дворѣ. Одинъ изъ нихъ, который, по описанію Созомена, былъ и красивымъ старцемъ, именно епископъ незначительнаго города, привѣтствовавъ съ большимъ почтеніемъ самого Θеодосія, затѣмъ обратился къ наслѣднику престола, Аркадію, который недавно предъ тѣмъ объявленъ былъ августомъ, и, ударивъ его по головѣ, говорилъ къ нему, какъ будто это былъ мальчикъ самаго зауряднаго званія. Императоръ, вознегодовавъ на это неуваженіе къ своему наслѣднику, приказалъ выгнать епископа; но на это старецъ отвѣчалъ ему, что такъ именно небесный Отецъ оскорбляется тѣми, которые отказываютъ Его Сыну въ чести, которую они оказываютъ Ему Самому. Θеодосій просилъ прощенія у епископа, и аріане были удалены. Историки однако же не согласны между собой касательно времени и мѣста совершенія этого событія.

Къ этому времени относится появленіе новаго еретика Прискилліана. Это былъ испанецъ изъ хорошаго рода, богатый, ученый, краснорѣчивый и искусный въ спорахъ. Его ученіе было отчасти заимствовано, чрезъ Элпидія, ритора, и Агапу, знатную даму, отъ одного египтянина, по имени Марка, путешествовавшаго въ Испанію [1]). Ученіе его составилось изъ различныхъ ересей: манихейства, гностицизма, аріанства, фотиніанства и савелліанства, къ которымъ были присоединены астрологія и магія. Что Прискилліанъ держался дуалистическаго начала, это кажется несомнѣннымъ. Онъ допускалъ весь канонъ св. Писанія, но, посредствомъ аллегоріи и измѣненій текста, устранялъ трудность такихъ частей, которыя не согласовались съ его системой, и подобно нѣкоторымъ изъ гностическихъ партій въ прежнее время, онъ главнымъ образомъ основывался на нѣкоторыхъ апокрифическихъ сочиненіяхъ [2]). Послѣдователи его, будто бы, считали ложь позволительною съ цѣлью сокрытія своихъ дѣйствительныхъ вѣрованій; они ходили въ церковь и принимали причастіе, но не потребляли его. Нравственныя начала Прискилліана были строго аскетическими; онъ предписывалъ разлученіе брачныхъ лицъ, но, подобно другимъ ересіархамъ, его обвиняли въ тайной преданности чувственнымъ удовольствіямъ и безнравственности [3]). Успѣхъ ученія Прискилліана, особенно среди женскаго пола, началъ обращать на себя вниманіе около 378 года, и въ 380—1 году оно было осуждено соборомъ испанскихъ и аквитанскихъ епископовъ, въ Сарагоссѣ. Два однакоже епископа, Сальвіанъ и Инстанцій, приняли сторону Прискилліана, и, найдя поддержку въ Гигинѣ кордубскомъ, который нѣкогда былъ сильнымъ противникомъ его взглядовъ, они рукоположили его на каѳедру Авилы [4]). Противная партія обратилась къ свѣтской власти, и, по повелѣнію Граціана, ересіархъ и его рукополагатели были изгнаны изъ Испаніи. Съ надеждою добиться отмѣны этого приговора, Прискилліанъ отправился въ Римъ въ сообществѣ съ Сальвіаномъ и Инстанціемъ. Во время своего слѣдованія чрезъ Аквитанію, они пріобрѣли многихъ прозелитовъ, особенно въ епископскомъ городѣ Елузѣ. Въ Бордо епископъ не позволилъ имъ вступить въ городъ, но они нашли гостепріимство въ окрестности города у Евхротіи, вдовы знатнаго поэта и оратора, по имени Дельфидія, и когда они отправились дальше, то были сопровождаемы ею, ея дочерью Прокулой и многочисленной толпой обращенныхъ ими женщинъ. По прибытіи въ Римъ, они не могли добиться аудіенціи Дамаса, и Сальвіанъ умеръ тамъ. Его сотоварищи, отправившіеся на сѣверъ, встрѣтились въ Миланѣ съ сильнымъ противодѣйствіемъ себѣ со стороны вліятельнаго Амвросія; но посредствомъ подкуповъ и домогательствъ у высокопоставленныхъ лицъ, они добились отъ Граціана повелѣнія касательно ихъ возстановленія на своихъ каѳедрахъ. Проконсулъ Испаніи былъ склоненъ подобными же средствами, и Итацій и Идацій, вожди противоположной партіи, были изгнаны изъ страны, какъ нарушители общественнаго мира [1]. Въ теченіе остальныхъ лѣтъ царствованія Граціана, Итацій, смѣлый и способный человѣкъ, но преданный чувственнымъ и мірскимъ привычкамъ, нашелъ себя не въ состояніи бороться противъ той испорченности, посредствомъ которой прискилліане оказывали вліяніе на дворъ. Когда однако же его дѣло казалось безнадежнымъ, новыя надежды были возбуждены извѣстіемъ, что Максимъ былъ провозглашенъ въ Британіи, и когда этотъ узурпаторъ утвердился въ Тревахъ, послѣ умерщвленія Граціана, Итацій перенесъ дѣло на его рѣшеніе, и Максимъ препроводилъ его собору, засѣдавшему въ Бордо. 384 г. Этимъ собраніемъ Инстанцій былъ выслушанъ первымъ и осужденъ. Вслѣдъ затѣмъ Прискилліанъ, на требованіе защищать себя, апеллировалъ къ императору и соборъ допустилъ эту апелляцію [2].

---

[1]) Ѳеодосій издалъ пятнадцать такихъ указовъ въ теченіе столькихъ же лѣтъ (381—394). Cod. Theod. xvi, v, 6 и слѣд.

[2]) Такъ называемое шестое правило собора Константинопольскаго включаетъ въ число еретиковъ тѣхъ, кто хотя и исповѣдуютъ здравую вѣру, но составляютъ общины отдѣльныя отъ каноническихъ епископовъ.

[3]) Cod. Theodos. xvi, v, 9, гдѣ они называются encratitae saccophori и hydroparastatae.

[4]) Soz. vii, 12.

---

[1]) *Sulp. Sev.* Hist. Sacr. II, 46.

[2]) Aug. Haer. 70.

[3]) Sulp. Sev. II, 48. Aug. Haer. 70.

[4]) *Sulp. Sev.* Hist. Sacr. II, 47.

Прискилліанъ и его обвинители отправились въ Тревы, куда около того же самаго времени прибылъ Мартинъ, епископъ турскій, „апостолъ галловъ“, славившійся своею святостью, своими чудесами и своею успѣшною борьбою съ идолопоклонствомъ [3]. Мартинъ не разъ упрашивалъ Итація оставить мысль о преслѣдованіи еретиковъ гражданскимъ судомъ, на что Итацій отвѣчалъ ему укоромъ, что онъ и самъ приверженецъ Прискилліана. Мартинъ также представилъ императору, что разбирательство церковнаго преступленія предъ свѣтскими судьями дѣло безпримѣрное, и просилъ, чтобы дѣло это было улажено обычнымъ путемъ, именно низложеніемъ главныхъ еретиковъ съ ихъ каѳедръ, согласно съ церковнымъ осужденіемъ, которое было произнесено надъ ними [4]. Его вліяніе было достаточно сильнымъ для того, чтобы откладывать разбирательство дѣла, пока онъ оставался въ Тревахъ, и, прощаясь съ Максимомъ онъ получилъ обѣщаніе, что жизнь обвиненныхъ будетъ безопасна. Но узурпатора впослѣдствіи склонили (будто бы, надеждой воспользоваться собственностью Прискилліана) отступить отъ этого рѣшенія. Еретики были привлечены на судъ, и, при посредствѣ пытки, вынуждены были къ признанію въ безнравственныхъ ученіяхъ и обычаяхъ [5]. Итацій, настаивавшій на преслѣдованіи съ большимъ ожесточеніемъ, пока еще не рѣшено было дѣло, поручилъ послѣднюю формальную часть дѣла свѣтскому адвокату, заявляя, что его собственный епископскій санъ запрещалъ ему принимать участіе въ кровавомъ дѣлѣ. Прискилліанъ, Евхротія и пять изъ ихъ сотоварищей были осуждены на смерть и обезглавлены. 385 г. Инстанцій былъ изгнанъ на Сциллійскіе острова, и другіе члены партіи были осуждены на ссылку или конфискацію [1]).

---

[1] Sulp. Sev. п, 48.

[2] Sulp. Sev. п, 49.

[3] См. Suld. Sev. Vita Martini и Діалоги.

[4] Sulp. Sev. п. 50.

[5] Maximus. ad Suriciun, Patrol. xш, 592; Sulp. Sev. п, 50.

Въ то время, когда нѣсколько епископовъ собралось для посвященія Феликса на каѳедру тревскую, Мартинъ опять посѣтилъ дворъ Максима съ цѣлью ходатайствовать о жизни нѣкоторыхъ изъ должностныхъ лицъ Граціана. Эти епископы, за исключеніемъ одного, свободно сносились съ главными виновниками послѣднихъ событій, которые, опасаясь вліянія Мартина, пытались, хотя и безъ успѣха, воспрепятствовать ему вступить въ городъ. Максимъ старался, самыми изысканными знаками вниманія, привлечь его къ общенію съ Итаціемъ и его партіей; но епископъ турскій твердо отказался, и они разстались въ раздраженіи. Поздно ночью Мартинъ былъ извѣщенъ, что дано было приказаніе о казни тѣхъ должностныхъ лицъ, въ пользу которыхъ онъ ходатайствовалъ, и что состоялось предположеніе отправить двухъ военныхъ уполномоченныхъ въ Испанію съ цѣлью истребленія прискилліанства. Сообщеніе это поразило его скорбью не только вслѣдствіе опасности, угрожавшей приверженцамъ Граціана, но и потому, что такъ какъ онъ самъ и другіе вмѣстѣ съ нимъ были обвиняемы Итаціемъ въ прискилліанствѣ, то обвиненіе въ этой ереси, какъ онъ зналъ, будетъ употреблено въ качествѣ предлога для преслѣдованія православныхъ аскетической жизни. Въ великой тревогѣ онъ отправился къ императору, гдѣ подъ условіемъ, чтобы помилованы были сановники Граціана и чтобы отмѣнено было посольство уполномоченнаго противъ Прискилліана, онъ обѣщалъ вступить въ общеніе съ Итаціемъ. Мартинъ вслѣдствіе этого принялъ участіе въ посвященіи Феликса на слѣдующій день, но отказался подписать этотъ актъ и немедленно оставилъ Тревы. Разсказываютъ, что когда онъ находился на пути домой, печально размышляя о своей послѣдней уступкѣ, ему явился ангелъ, который утѣшалъ его, но сказалъ ему, что онъ поступилъ худо. Съ этого времени, говоритъ его жизнеописатель, Мартинъ чувствовалъ въ себѣ ослабленіе силы чудесъ и въ теченіе остальныхъ шестнадцати лѣтъ своей жизни онъ избѣгалъ всякихъ соборовъ и собраній епископовъ [2]).

Казнь Прискилліана и его сотоварищей возбуждала общій ужасъ какъ въ христіанахъ, такъ и въ язычникахъ [1]). Св. Амвросій во время своего втораго посольства въ Тревы предпочиталъ скорѣе подвергнуть риску и неудачѣ цѣль своего посольства, чѣмъ вступить въ общеніе съ Максимомъ и епископами, замѣшанными въ этомъ кровавомъ дѣлѣ [2]). Сирицій, епископъ римскій, присоединился къ осужденію партіи, дѣйствовавшей съ Итаціемъ, и ея вождь былъ низложенъ и умеръ въ изгнаніи [3]).

---

[1]) Sulp. Sev. II. 51.

[2]) Sulp. Sev. Dialog. III, 15.

Прискилліанство не исчезло сразу. Церковь французская долго была возмущаема возникавшими изъ за него раздорами. Тѣло ересіарха было перенесено изъ Тревъ на его родину, гдѣ оно и почиталось его приверженцами, какъ тѣло мученика, и его имя употреблялось ими въ клятвахъ [4]). Многіе члены этой секты возсоединились съ церковью послѣ собора, состоявшагося въ Толедо въ 400 году [5]), но остатки ея еще существовали во время перваго собора Брагскаго въ 561 году [6]).

ГЛАВА XIV.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

I. Распространеніе евангелія.

Въ то время, какъ имперія была волнуема аріанскими спорами, евангеліе проникло въ нѣкоторыя страны за предѣлами римскаго владычества.

1. Каково бы ни было дѣйствіе, произведенное въ Еѳіопіи обращеніемъ казнохранителя царицы Кандакіи, разсказываемымъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ [7]), но оно повидимому было лишь временнымъ, такъ что Еѳіопская или Абиссинская церковь въ сущности обязана своимъ происхожденіемъ экспедиціи, предпринятой въ началѣ IV столѣтія Меропіемъ, философомъ тирскимъ, съ цѣлью научнаго изслѣдованія. На своемъ пути домой, онъ и его сотоварищи подверглись нападенію въ одномъ мѣстѣ, гдѣ они высадились на берегъ, съ цѣлью поискать воды, и всѣ были избиты, за исключеніемъ двухъ юношей Эдезія и Фрументія, родственниковъ и учениковъ Меропія. Эти юноши были приведены къ царю страны, который сдѣлалъ Эдезія своимъ виночерпіемъ, а Фрументій сдѣлался его секретаремъ и казначеемъ.

---

[1]) Напр. *Sulp. Sev.* Hist. Sacr. п. 50—1; и языческій панегиристъ Pacatus, c. 29.

[2]) Ambr. Ap. xxiv, 12.

[3]) Prosper. Chron. 392 года; Conc. Taurin. c. 6; ap. Hard. i, 959.

[4]) Sulp. Sev. ii, 51.

[5]) Conc. Toled. i, ap. Hard. i, 989—96. Idat. Chron. 400 г. (Patrol, ʟxxiv). Документы, приписываемые этому собору, отчасти позднѣйшаго происхожденія.

[6]) Conc. Bracar. i, c. 1—17 (Patrol. ʟxxxiv, 563).

[7]) Дѣян. viii. См. Euseb. ii; 1.

По смерти царя, который оставилъ своимъ наслѣдникомъ мальчика, эти два чужеземца, по просьбѣ вдовствующей царицы, дѣйствовали въ качествѣ регентовъ царства, пока наслѣдникъ не пришелъ въ возрастъ. Эдезій затѣмъ возвратился въ Тиръ, гдѣ онъ сдѣлался пресвитеромъ. Фрументій, который при помощи гностическихъ торговцевъ, посѣщавшихъ эту страну, уже ввелъ христіанское ученіе и богослуженіе въ Абиссинію, отправился въ Александрію и, разсказавъ свою исторію Аѳанасію, просилъ, чтобы былъ посланъ епископъ для продолженія этого дѣла. Аѳанасій, принимая во вниманіе, что никто не могъ быть столь пригоденъ для этой должности, какъ самъ Фрументій, посвятилъ его на епископію Аксумскую. Основанная такимъ образомъ церковь продолжаетъ и доселѣ быть подчиненною каѳедрѣ александрійской,—такъ что она, какъ выражаются сами абиссинцы, „пьетъ изъ источника патріарха“ [1]). Ея митрополитомъ всегда бываетъ египетскій монахъ, избираемый и посвящаемый коптскимъ патріархомъ [2]).

Послѣ изгнанія Аѳанасія съ его каѳедры въ 356 году, Констанцій написалъ принцамъ Аксумскимъ письмо, въ которомъ выражалъ желаніе, чтобы они не оказывали покровительства бѣглецу, а также, чтобы Фрументій былъ отправленъ въ Александрію для полученія наставленій въ вѣрѣ отъ аріанскаго епископа Георгія. Аѳанасій, однако же, находился въ безопасности среди монаховъ Египта, и не видно, чтобы на просьбу касательно Фрументія было обращено какое нибудь вниманіе [3]).

Аріанскій историкъ Филосторгій прославляетъ одного аріанскаго миссіонера, по имени Ѳеофила, хотя на его труды естественно не обращаютъ вниманія православные писатели. Онъ былъ родомъ съ острова Діу [4]), и, будучи отправленъ въ качествѣ заложника къ императорскому двору, былъ посвященъ во епископа Евсевіемъ никомидійскимъ [5]). Ѳеофилъ проповѣдывалъ въ южной Аравіи, а повидимому также въ Абиссиніи и Индіи, какъ и на своемъ родномъ островѣ [6]). Въ Индіи онъ, будто бы, нашелъ остатки прежняго христіанства, которое Филосторгій называетъ этероусійскимъ (то есть, вѣрующимъ, что лица Божества различаются по существу),—каковое увѣреніе, повидимому, не имѣетъ

ок. 350 г.

---

[1]) См. Herzog. i, 45, 166—7.

[2]) Rufin. i, 9; Socr. i, 49; Soz. vi, 24.

[3]) Athan. Apol. ad Const. 28, 31.

[4]) Неандеръ въ одномъ мѣстѣ (i, 113) отождествляетъ этотъ островъ съ Сокотрой, но въ другомъ (iii, 165) съ Діу близь залива Камбейскаго въ Индостанѣ. Жители Сокотры (Діоскорды) происходили отъ колоніи, переселенной Птоломеемъ, и языкъ ихъ былъ греческій. Montf. Collectia Nova Patrum. ii, 179.

[5]) Philostorg. iii, 4.

[6]) Тамъ же, ii, 6.

другаго основанія кромѣ того обстоятельства, что индійцы были не знакомы съ терминами, которые введены въ языкъ православнаго богословія со времени возникновенія аріанскаго спора.

2. Обращеніе иверійцевъ или грузинъ относится къ царствованію Константина великаго. Нѣкоторые изъ этихъ варваровъ, при одномъ набѣгѣ на имперію, увели среди плѣнныхъ одну благочестивую христіанку, религіозные обряды и самоумерщвленіе которой были замѣчены ими съ изумленіемъ и страхомъ. Спустя нѣкоторое время заболѣлъ ребенокъ, по свидѣтельству Сократа, одинъ изъ дѣтей царя, и, согласно съ обычаемъ страны, его носили отъ одной женщины къ другой, въ надеждѣ, что какая нибудь изъ нихъ окажется въ состояніи исцѣлить его. Когда наконецъ обратились къ плѣнницѣ, то она сказала, что совершенно не знакома съ медициной, но, положивъ ребенка на постель, сказала: „Христосъ, исцѣлявшій многихъ, исцѣлитъ и этого ребенка"; и по ея молитвѣ мальчикъ выздоровѣлъ. Подобнымъ же образомъ затѣмъ скоро была исцѣлена и царица, причемъ плѣнница отказалась отъ всякаго вознагражденія. На слѣдующій день царь во время охоты въ горахъ былъ объятъ густою мглою или тьмой. Послѣ тщетныхъ обращеній къ своимъ богамъ, ему пришла мысль обратиться къ Богу этой чужестранки, и тьма немедленно разсѣялась. Разсказывается и о другихъ чудесахъ. Все это такъ поразило царя и царицу, что они обратились въ христіанство, давъ этимъ примѣръ своему народу, и иверійцы, обратившись съ просьбою къ Константину, были снабжены епископомъ и духовенствомъ [1]). 320—330 г.

3. Христіанскія общины въ Персіи существовали уже и въ болѣе ранній періодъ [2]). Вѣра продолжала распространяться въ этой странѣ, и Константинъ великій, вскорѣ послѣ объявленія о своемъ собственномъ обращеніи, писалъ въ пользу христіанъ Сапору II, который былъ царемъ Персіи съ 309 по 381 г. [3]). Но за успѣхомъ новой религіи съ завистью и тревогой слѣдили волхвы, и когда между Сапоромъ и Констанціемъ началась война, они донесли царю, что обращенцы были преданы римскимъ интересамъ. Вслѣдствіе этого Сапоръ началъ гоненіе, подвергая христіанъ особенно отяготительнымъ налогамъ. Затѣмъ былъ схваченъ и ихъ глава, Симеонъ, епископъ селевкійскій и ктезифонскій, и приведенъ къ царю, который потребовалъ отъ него признанія національной религіи, и, когда онъ отказался, приго- 343 г.

---

[1]) Rufin, I, 10; Socr. I, 20; Soz. II, 7.

[2]) См. выше, стр. 141.

[3]) *Euseb.* Vit. Const. IV, 8—13; Soz. II, 15. Созоменъ и друг. не вѣрно говорятъ, что письмо это предназначалось въ ходатайство о прекращеніи гоненія, которое, вслѣдствіе этого, они относятъ къ царствованію Константина около 325 года.

ворилъ его къ тюремному заключенію. Когда его уводили, то Утазанъ, старый евнухъ, недавно предъ тѣмъ убѣжденный отречься отъ христіанства, съ почтеніемъ привѣтствовалъ его; но епископъ отвернулъ отъ него лицо свое. Утазанъ, глубоко пораженный такимъ укоромъ, горько зарыдалъ, приговаривая: „если мой старый и близкій другъ такъ отвращается отъ меня, то чего мнѣ ожидать отъ моего Бога, котораго отрекся я?“ За эти слова его потребовали къ царю, и когда онъ остался непреклоненъ какъ къ угрозамъ, такъ и къ просьбамъ, его осудили на смерть. Утазанъ воспиталъ Сапора; теперь онъ просилъ только одной милости за свою старую доброту, именно, чтобы было объявлено, что онъ не виновенъ въ какой нибудь измѣнѣ, а казнится только за то, что онъ христіанинъ. Царь охотно согласился, въ надеждѣ, что это объявленіе воздержитъ его подданныхъ отъ христіанства; но дѣйствіе было совершенно противоположное, такъ какъ видъ мужества, съ которымъ евнухъ пожертвовалъ своею жизнью за евангеліе, побудилъ многихъ принять христіанскую вѣру. Симеонъ и многіе другіе были преданы смерти. Въ слѣдующемъ году жестокость гоненій еще болѣе усилилась, и извѣстія о мученичествахъ встрѣчаются время отъ времени въ теченіе остальныхъ лѣтъ царствованія Сапора [1].

4. Мы уже видѣли, что евангеліе было введено среди готовъ плѣнными, которые уведены были во время царствованія Валеріана и Галліена [2]. Ѳеофилъ, „епископъ готовъ“, былъ среди членовъ Никейскаго собора [3] и повидимому былъ непосредственнымъ предшественникомъ Улфилы, который, не смотря на свое тевтонское имя [4], будто бы, происходилъ отъ каппадокійскихъ плѣнныхъ [5]. Улфила родился вѣроятно въ 318 году и посвященъ во епископа въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, быть можетъ, когда былъ членомъ посольства къ императору Констанцію въ 348 году. Въ 355 году гоненіе Атанарика, судьи или князя остроготовъ, который считалъ исповѣданіе христіанства признакомъ наклонности къ римскимъ интересамъ, заставило епископа перевести значительную часть готовъ за Дунай и искать убѣжища въ предѣлахъ имперіи; и, повидимому, этотъ то исходъ, равно какъ и его труды и вліяніе среди своего народа, подали поводъ къ титулу, который данъ былъ ему Констанціемъ, именно „Моисей готовъ“. Лѣтъ пятнад-

---

[1] Soz. ii, 9.

[2] См. выше, стр. 142.

[3] Hard. i, 320.

[4] Vulfila или Wulfila есть уменьшительное названіе Vulfs (волкъ) (Patrol. xviii, 476; *Massmann*, Ulfilas, Stuthard, 1857 г. p. ix). Названіе Вулфилы въ Патрологіи взято изъ изданія Von-Der-Gabelanza и Löbe, Leipzig, 1847 г. Въ введеніи Массмана содержится много весьма любопытнаго матеріала касательно исторіи христіанства среди готовъ.

[5] Philostorg. ii, 5.

цать позже гоненіе возобновилось, и многіе изъ подданныхъ Атанарика, принявшихъ христіанство, были преданы смерти [1]. Въ 376 году Улфилой пользовался Фритегернъ, князь визиготовъ (той части готскаго племени, къ которому онъ принадлежалъ самъ и среди котораго главнымъ образомъ трудился онъ) для переговоровъ съ Валентомъ о позволеніи поселиться въ предѣлахъ императорской территоріи [2], и вслѣдствіе возмущенія этого народа противъ своихъ новыхъ покровителей, онъ былъ отправленъ въ неувѣнчавшуюся успѣхомъ миссію къ императору, какъ разъ предъ битвой Адріанопольской. Улфила скончался въ 388 году въ Константинополѣ, гдѣ онъ ходатайствовалъ предъ Ѳеодосіемъ въ пользу его аріанскихъ подданныхъ.

Улфила пользовался цивилизаціей, какъ слугой религіи. Ему соотечественники его обязаны были изобрѣтеніемъ алфавита [3] и переводомъ св. Писанія, изъ котораго исключены были книги Самуила и Царствъ на томъ будто основаніи, чтобы ихъ воинственное содержаніе не оказалось слишкомъ сроднымъ съ природною жестокостью этихъ варваровъ [4]. Готы принимали слова своего епископа за законъ, и его именно вліяніемъ они, къ несчастью, были отвращены отъ православной вѣры, которую они сначала исповѣдывали. Время и обстоятельства этого совращенія составляютъ спорный предметъ [5]. Улфила вообще болѣе извѣстенъ былъ практическою дѣятельностью, чѣмъ богословскими познаніями, и не въ совершенствѣ понималъ важность вопроса между аріанствомъ и Никейскимъ православіемъ. Какъ извѣстно онъ находился въ общеніи съ Акакіемъ и Евдоксіемъ въ Константинополѣ въ 360 году и подписалъ символъ Риминійскій [6]; но тѣмъ не менѣе онъ повидимому поддерживалъ сношенія съ православными и послѣ этого времени, и ясное исповѣданіе аріанства распространилось среди готовъ не ранѣе царствованія Валента, когда оно сдѣлалось условіемъ ихъ допущенія во владѣнія императора. Когда эта ересь была извергнута изъ церкви, когда она перестала обсуждаться на соборахъ и изощрять ученость и остроуміе просвѣщенныхъ богослововъ, она пріобрѣла новую важность какъ вѣра варварскихъ племенъ, дѣлавшихъ набѣги на имперію.

---

[1] Socr. IV, 33; Soz. VI, 37.

[2] См. Socr. IV, 34. Amm. Marc. XXXI, 3—5; Soz. VI. 37. Lornandes 25 (Patrol. LXIX).

[3] Philost. II, 5.

[4] Philost. II, 5. См. Patrol. 463—4. Впослѣдствіи была полная готская Библія; но хотя она вся приписывалась Улфилѣ (какъ напр. Isid. Hisp. Chron. 103 in Patrol. LXXXIII), однако же неизвѣстно, сколько именно въ дѣйствительности принадлежитъ ему.

[5] См. Socr. IV, 33; Soz. VI, 37; Theodoret, IV, 37.

[6] Socr. II, 41; Soz. VI, 37.

5. Евсевій упоминаетъ о существованіи недавно основанныхъ церквей среди сарацинъ на берегахъ Аравіи [1]). На бродячія шайки этого дикаго племени производила сильное впечатлѣніе жизнь монаховъ, удалившихся въ пустыни, и они посѣщали ихъ съ благоговѣніемъ. Въ царствованіе Валента, сарацинская царица, по имени Мавія, бывшая въ войнѣ съ римлянами, потребовала въ качествѣ условія мира, чтобы Моисей, извѣстный святостью отшельникъ, данъ былъ ея народу въ качествѣ епископа. Моисей съ неохотой согласился принять эту должность, но безусловно отказался принять посвященіе отъ Луція, аріанскаго епископа Александріи; и затѣмъ онъ былъ посвященъ нѣкоторыми изъ православныхъ епископовъ, находившихся въ ссылкѣ [2]). 372 г.

II. Отношенія между церковью и государствомъ.

1. Въ теченіе почти трехсотъ лѣтъ церкви, по особому промышленію Божію, было предоставлено развиваться самой по себѣ въ качествѣ общества, несвязаннаго съ могуществомъ міра сего, и къ тому времени, когда ея вѣра была принята императорами Рима, она заняла положеніе великой независимой корпораціи, съ правильнымъ и установившимся устройствомъ. Но хотя она такимъ образомъ и казалась отдѣльною, она однако же не была неспособна къ связи съ государствомъ, въ которомъ религіозный элементъ могъ освящать гражданскій, причемъ гражданская власть въ свою очередь могла оказывать свое вліяніе въ дѣлѣ споспѣшествованія религіи. Существовала однако опасность, чтобы при такой связи одна или обѣ эти стороны не забыли, что церковь не есть функція государства, но само по себѣ богоустановленное духовное царство; а при возможности того, что церковь могла слишкомъ много полагаться на свѣтскую власть, была также и противоположная опасность, что она и съ своей стороны могла притязать, по отношенію къ государству, на авторитетъ, какбы предоставленный ей свыше, но въ дѣйствительности не оправдываемый никакимъ христіанскимъ ученіемъ. Истинное соотношеніе между церковью и государствомъ должно быть чуждо обѣихъ этихъ крайностей.

Когда Константинъ великій обратился въ христіанство, перемѣна эта нашла обѣ стороны уже совершенно подготовленными къ пониманію тѣхъ отношеній, которыя вытекали изъ нея. Императоръ, который по должности Pontefix Maximus'а былъ высочайшимъ служителемъ языческой религіи и не признавалъ въ этой системѣ никакой власти болѣе священною, чѣмъ его собственная, естественно не захотѣлъ бы принять или даже не могъ занять иного положенія и въ своей новой общинѣ. Равнымъ образомъ духовенство, такъ какъ оно непривычно было доселѣ входить въ общеніе съ лицами столь высокаго сана, вѣроятнѣе всего могло быть ослѣплено блескомъ, оказавшись приглашеннымъ къ общенію съ владыкой римскаго міра, и могло быть расположеннымъ предоставить ему болѣе чѣмъ должный контроль въ духовныхъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, съ другой стороны, такъ какъ Константинъ былъ ученикомъ этого духовенства въ религіи, то власть, номинально осуществляемая императоромъ, была въ дѣйствительности руководима тѣми духовными лицами, которыя на время властвовали надъ его душой. И хотя партія, которая имѣла преимущество въ теченіе послѣднихъ лѣтъ его царствованія и во время всего царствованія Констанція, слишкомъ уступала притязаніямъ императоровъ, однако же это раболѣпство было не безъ нѣкоторыхъ добрыхъ послѣдствій, насколько императорское вмѣшательство, хотя и незаконное само по себѣ, было такимъ образомъ прикрываемо интересомъ о поддержаніи правильнаго хода церковныхъ дѣлъ. Низверженія, изгнанія и аресты епископовъ были освящаемы услужливыми соборами, такъ что въ отношеніи формы вѣкъ Константина и Констанція не оставилъ затруднительныхъ прецедентовъ, которые послѣдовали бы, если бы свѣтская власть стояла на одной сторонѣ, а церковь—на другой, безъ вмѣшательства преданной міру, беззастѣнчивой и многочисленной партіи духовныхъ лицъ. Но какъ ни плачевно само по себѣ то обстоятельство, что почти уже въ первые годы связи между церковью и государствомъ императоръ оказался на сторонѣ неправославія, даже и это имѣло свою добрую сторону. Въ то время, какъ покровительство и содѣйствіе двора могли совершенно успокоивать православныхъ, такъ что они, не подозрѣвая никакого зла отъ друга, могли такимъ образомъ безмолвно и несознательно уступить свои права; немилость и противодѣйствіе, съ которымъ они встрѣчались, напротивъ—предостерегали ихъ отъ такой безпечности, и они вынуждены были съ самаго ранняго времени заявлять, что власть императора въ духовныхъ дѣлахъ не безгранична¹). Отсю-

---

[1]) Comment. in Hesaiam ap. Mont. F. Collectia Nova Patrum II, 521, Paris, 1706.

[2]) Rufin, II, 6; Socr. IV, 36; Acta SS. Febr. 7, pp. 44, 45.

---

¹) Такъ, Осія писалъ Констанцію: „не вмѣшивайся въ церковныя дѣла и не давай намъ приказаній касательно ихъ; но поучайся въ нихъ отъ насъ. Богъ далъ тебѣ въ руки царство; намъ Онъ поручилъ дѣла своей церкви; и какъ тотъ, кто бы лишилъ тебя царства, оказался бы противникомъ повелѣнія Божія, такъ равнымъ образомъ опасайся съ своей стороны, чтобы, принимая на себя управленіе церковью, ты не сдѣлался виновнымъ въ великомъ грѣхѣ. Написано: воздадите Кесарево Кесарю и Божіе Богу. Поэтому, ни намъ не позволено вмѣшиваться въ земное правленіе, ни ты, государь, не имѣешь права возносить куреній“ (*Athanas.* Hist. Arian. 44, Oxford, перев.). Елевзій Кизикійскій и

да поучительно и утѣшительно для послѣдующаго времени знать, что не смотря на всѣ затрудненія, которыя приходилось испытывать христіанамъ со стороны тѣхъ земныхъ властей, которымъ христіане обязаны были оказывать добровольное повиновеніе во всѣхъ законныхъ вещахъ, не было недостатка въ то же самое время и въ примѣрахъ, которымъ воображеніе способно придавать почти идеальное совершенство въ дѣлѣ отношеній между церковью и государствомъ.

Евсевій говоритъ о Константинѣ, какъ „своего рода общемъ епископѣ“ 1), и въ другомъ мѣстѣ онъ разсказываетъ, что императоръ однажды говорилъ кому то изъ своихъ епископскихъ гостей, что какъ они епископы внутри церкви, такъ онъ самъ епископъ внѣ ея 2). Значеніе этихъ словъ спорно, и едвали можно приписывать слишкомъ много точности и важности выраженію, въ шутку сказанному за столомъ; но во всякомъ случаѣ извѣстно, что Константинъ дѣйствовалъ такъ, какъ если бы онъ считалъ себя вправѣ наблюдать за церковью, опредѣлять, какое изъ сталкивающихся мнѣній было православнымъ, и приводить въ исполненіе богословское рѣшеніе силою свѣтской власти. Самое его появленіе на соборѣ Никейскомъ, когда онъ еще былъ не крещенный, предсѣдательство Констанція, когда онъ только былъ оглашеннымъ, на соборѣ Антіохійскомъ и отправленіе имъ депутаціи свѣтскихъ сановниковъ для наблюденія за соборами Риминійскимъ и Селевкійскимъ 3), — представляютъ примѣры того способа, какъ осуществлялся этотъ императорскій надзоръ за церковью. И тѣмъ не менѣе (какъ было уже замѣчено), во всѣхъ этихъ случаяхъ, не смотря на мірской контроль, формальное рѣшеніе дѣла оставалось за голосомъ епископовъ. Старанія, которыя дѣлались съ цѣлію склонить ерарховъ, пользовавшихся высокимъ личнымъ или оффиціальнымъ авторитетомъ, каковы были Аѳанасій, Осія и Либерій, къ согласію на мѣропріятія двора, служатъ также замѣчательнымъ свидѣтельствомъ важности, которая придавалась епископскимъ рѣшеніямъ.

Введеніе вселенскихъ соборовъ весьма много содѣйствовало уси-

---

Сильванъ Тарсійскій говорили Констанцію, что „его дѣло назначить наказаніе, но дѣло ихъ, какъ епископовъ судить о благочестіи и нечестіи“. (Theodorit. ii, 27). Подобнымъ же образомъ говорилъ св. Амвросій, когда отъ него требовали сдать базилику аріанамъ (Ep. xx, 19). Срав. Giesel, i, ii, 173—80.

1) Vita Const. i, 44. Οἶα τις κοινὸς ἐπίσκοπος.

2) Ὑμεῖς μὲν τῶν εἴσω τῆς ἐκκλησίας, ἐγὼ δέ τῶν ἐκτὸς ὑπὸ θεοῦ καθεσταμένος ἐπίσκοπος ἂν εἴην (тамъ же, iv, 24). По обычному толкованію, онъ считалъ себя „епископомъ дѣлъ внѣшнихъ для церкви“, именно, считая на своей обязанности попеченіе о ея внѣшнихъ отношеніяхъ управлять ими и оказывать церкви поддержку гражданской власти.

3) См. выше, стр. 191, 199, 215, 216.

ленію императорскаго вліянія. Эти собранія, по необходимости, были созываемы императоромъ, такъ какъ никакая духовная власть не обладала всеобщей юрисдикціей, которая требовалась для этой цѣли, ихъ рѣшенія утверждались императоромъ, провозглашались съ его одобренія и приводились въ исполненіе подъ страхомъ гражданскихъ наказаній по его назначенію.

2. Императоръ былъ считаемъ высшимъ судьею во всѣхъ дѣлахъ. Епископы Рима считали особымъ преимуществомъ позволеніе защищать свое дѣло предъ его судилищемъ, по примѣру ап. Павла [1]). Но скоро оказалось, что какъ епископы, такъ и пресвитеры были склонны доводить до императорскаго судилища дѣла, въ которыхъ приговоръ ихъ собратьевъ былъ произнесенъ, или, по всей вѣроятности, могъ быть произнесенъ противъ нихъ. Съ цѣлью пресѣчь это зло, соборъ Антіохійскій въ 341 и соборъ Сардикійскій въ 347 г. постановили правила, которыми запрещалось обращаться ко двору подъ предлогомъ исковъ или аппеллировать къ императору, кромѣ какъ съ согласія митрополита и другихъ епископовъ провинціи, къ которой принадлежитъ истецъ [2]).

Въ раннія времена у христіанъ было въ обычаѣ, съ цѣлью избѣгнуть выставленія своихъ разногласій предъ языческими судилищами, подчиняться рѣшенію своихъ епископовъ [3]). Вліяніе, пріобрѣтенное вслѣдствіе этого епископами, было еще болѣе усилено однимъ закономъ, который обыкновенно (хотя быть можетъ ошибочно) относятъ къ Константину. Имъ повелѣвалось, что если обѣ стороны въ извѣстномъ дѣлѣ согласны были предоставить его епископскому рѣшенію, то приговоръ этотъ долженъ оставаться безъ аппелляціи, и свѣтскимъ властямъ поручалось приводить его въ исполненіе [4]). Къ этому предмету относятся и многія позднѣйшія постановленія. Въ нѣкоторыхъ канонахъ, лица, которыя отвергали юрисдикцію епископа, осуждаются, какъ показывающія недостатокъ человѣколюбія по отношенію къ своимъ собратьямъ [5]). Это право судебнаго рѣшенія заставляло епископовъ вмѣшиваться во множество мірскихъ дѣлъ и навлекало на нихъ опасность вражды и порицанія; поэтому, изъ достойнѣйшихъ епископовъ многіе, подобно бл. Августину, видѣли въ этомъ для себя тяжкое бремя и источникъ непріятностей, и нѣкоторые освобождали себя отъ этого труда, назначая вмѣсто себя особыхъ духовныхъ или свѣтскихъ уполномоченныхъ [1]).

---

[1]) Conc. Rom. 378 г. ad Gracian. ap. Hard. i, 841.

[2]) Conc. Antioch. cc. 11—12; Conc. Sardic. cc. 7—9 (въ греческомъ).

[3]) 1 Кор. vi, 1.

[4]) Soz. i, 9. Самый ранній существующій законъ этого рода относится къ 408 году (Cod. Justin, i, iv, 8), но такъ какъ іудейскіе патріархи имѣли это преимущество уже въ 398 г. (Cod. Theodos. ii, i, 10), то вѣроятно и христіанскіе епископы обладали имъ уже раньше этого времени.

[5]) Conc. Carthag. iii, c. 9 (Hard. i, 962).

Констанцій въ 355 году постановилъ, что епископы должны быть судимы только членами своей собственной іерархической степени, то есть, на соборахъ. Но это преимущество было ограничено Граціаномъ, который въ 376 году повелѣлъ, чтобы дѣла, касающіяся религіи и церковной дисциплины, принадлежали епископамъ и церковнымъ соборамъ, но что уголовная юрисдикція должна быть сохранена за гражданскими судами [2]), и таково было общее правило въ этомъ вѣкѣ. Такъ какъ однако преступленія были въ тоже время и грѣхами, и грани, отдѣляющія церковные вопросы отъ свѣтскихъ, опредѣлить не всегда легко, то часто возникали затрудненія между свѣтскимъ наказаніемъ и церковнымъ покаяніемъ; и дѣйствительно, законодательство въ первой половинѣ v столѣтія по этому предмету страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ, показывая въ одно и тоже время слабость императоровъ и зоркость церковныхъ властей. Въ случаяхъ преступленія церковная должность еще не влекла за собою изъятія отъ свѣтской юрисдикціи [3]).

3. Вліяніе евангелія, которое быть можетъ начало въ нѣкоторой степени сказываться на римскомъ законодательствѣ даже и въ то время, когда язычество было еще государственной религіей, теперь дѣйствовало болѣе прямо и могущественно и въ этомъ отношеніи. Нравственныя преступленія, на которыя прежде законодательство не обращало вниманія, теперь подвергались осужденію, и въ тоже время болѣе гуманный духъ выступалъ въ нихъ для защиты слабыхъ, для облегченія угнетенія и для ограниченія жестокихъ наказаній. Епископамъ часто внушалась закономъ обязанность благотворенія различнымъ классамъ лицъ, оказывавшихся нуждающимися въ помощи. Такъ, одинъ законъ Гонорія, въ 409 году, повелѣвающій, чтобы судьи въ каждый воскресный день разспрашивали узниковъ касательно обращенія съ ними, налагаетъ на епископовъ обязанность надзирать за его исполненіемъ [4]). Такъ какъ власти сдѣлались христіанскими, то церковь имѣла надзоръ за ними, имѣвшій весьма важное значеніе; иногда духовенство подвергало своему порицанію мѣстныхъ правителей, которые пользовались своею властью тиранически. Такъ, св. Аѳанасій отлучилъ правителя

---

[1]) Бл. Августинъ обыкновенно говорилъ, что онъ готовъ скорѣе быть судьею между чужестранцами, чѣмъ друзьями, потому что онъ скорѣе можетъ сдѣлать друга изъ чужестранца, въ пользу котораго онъ рѣшитъ дѣло, между тѣмъ какъ одинъ изъ его друзей несомнѣнно будетъ отчужденъ противоположнымъ неблагопріятнымъ для него приговоромъ. Possidius, 10.

[2]) Cod. Theodos. xvi, xii, 23.

[3]) Gibbon. ii, 178; Giesel. i, ii, 167.

[4]) Cod. Theodos. ix, iii, 7.

Ливіи [1]), и Синезій, епископъ птолемаидскій, поколѣніе спустя, отлучилъ Андроника, правителя пентапольскаго [2]).

Ходатайство за преступниковъ сдѣлалось признанною обязанностью и преимуществомъ духовенства, и оно часто съ успѣхомъ ходатайствовало о спасеніи жизни преступниковъ въ надеждѣ, что покаяніе можетъ примирить ихъ съ небомъ [3]). Къ сожалѣнію это право заступничества подлежало злоупотребленію и испорченности. Нѣкоторые изъ членовъ духовенства продавали свое вліяніе за деньги; монахи и другіе въ послѣдней части этого столѣтія доводили эту крайность до того, что насильственно освобождали злодѣевъ на пути къ казни, такъ что изданы были особые законы съ цѣлью пресѣчь подобныя извращенныя и безпорядочныя проявленія человѣчности [4]).

Право убѣжища, принадлежавшее нѣкоторымъ храмамъ, теперь признано было за всѣми церквами; и хотя самые ранніе законы по этому предмету относятся только къ позднѣйшимъ годамъ этого столѣтія, они однако же признаютъ это право какъ уже существовавшее задолго раньше на основаніи народнаго мнѣнія [5]). При тогдашнемъ состояніи общества учрежденіе это имѣло много важныхъ приложеній; но злоупотребленія естественно проникали и сюда, и противъ нихъ издавались особые указы. Такъ, Ѳеодосій въ 392 году постановилъ, что общественные должники, находившіе убѣжище въ церквахъ, подлежали выдачѣ властямъ, или иначе долги ихъ должны быть уплачены прикрывавшимъ ихъ епископомъ [6]). Младшій Ѳеодосій, въ 341—2 гг., распространяя это право на весь участокъ окружающій церковь, въ то же самое время находилъ полезнымъ охранять это право противъ нѣкоторыхъ злоупотребленій [7]), и въ слѣдующемъ столѣтіи Іустиніаномъ были сдѣланы дальнѣйшія ограниченія въ этомъ отношеніи [8]).

III. Іерархія.

1. Изъ перемѣнъ среди низсшаго духовенства въ теченіе этого періода (кромѣ созданія нѣкоторыхъ новыхъ должностей, вызывавшихся потребностями церкви) можно упомянуть объ учрежденіи двухъ мѣстныхъ братствъ—копіатовъ въ Константинополѣ и парабола-

---

[1] Basil. Ep. 61·

[2] Synes. Ep. 58, p. 201, edit. Petav. Paris, 1612 г.

[3] Aug. Ep. 153.

[4] Cod. Theodos. ix, xl, 15, 16; xlv, 1.

[5] Cod. Theodos. ix, xlv, 1—3 (292—298 гг.).

[6] Cod. Theodos, ix, xlv, 1.

[7] Тамъ же, 4, 5.

[8] Novell. xvii, 7.

новъ въ Александріи. Копіаты или фоссаріи, то есть, гробокопатели, употреблялись при погребеніи мертвыхъ, особенно бѣдныхъ христіанъ, погребеніе которыхъ совершалось безденежно; при Константинѣ число ихъ доходило до тысячи ста человѣкъ, но закономъ младшаго Ѳеодосія оно низведено было до девятисотъ пятидесяти человѣкъ [1]. Подобныя же общества были основаны и въ другихъ людныхъ городахъ. Параволаны (называвшіеся такъ вслѣдствіе опаснаго свойства ихъ обязанностей) [2] назначались для ухода за больными. Во время раздоровъ въ Александрійской церкви они отличались мятежностью, такъ что въ 416 году жители города обращались съ жалобой противъ нихъ къ Ѳеодосію н. Параволаны вслѣдствіе этого были подвергнуты императоромъ нѣкоторымъ ограниченіямъ, и число ихъ было низведено до пятисотъ человѣкъ, но два года спустя оно возвышено было до шестисотъ человѣкъ [3]. Какъ копіаты, такъ и параволаны признавались принадлежащими къ духовенству, и зачисленія въ нихъ многіе добивались ради тѣхъ преимуществъ и изъятій, которыя связывались съ этими должностями. Во многихъ случаяхъ членство въ нихъ было почетнымъ, причемъ богатыя лица уплачивали за право допущенія въ нихъ, пользуясь ихъ преимуществами и не принимая никакого участія въ исполненіи обязанностей. Противъ такого злоупотребленія направленъ былъ одинъ законъ Ѳеодосія II [4].

2. Діаконы, число которыхъ въ нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ церквей все еще ограничивалось семью [5], пріобрѣтали тѣмъ большее значеніе, чѣмъ значительнѣе было богатство, поручавшееся ихъ завѣдыванію. По временамъ имъ предоставлялось теперь и право крестить и проповѣдывать, и нѣкоторые изъ нихъ даже принимали на себя священническую обязанность касательно совершенія евхаристіи, но это посягательство было строго запрещено [6]. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они заявляли притязаніе на преимущество надъ пресвитерами [7] и считали для себя пониженіемъ рукоположеніе во пресвитерство, такъ что оказались нужными особыя правила для пресѣченія этихъ притязаній [8]. Въ каждой значительной церкви одинъ изъ діаконовъ главенствовалъ надъ другими. Неизвѣстно, когда именно введена была эта должность архидіакона: въ Карѳагенѣ она, повидимому, явилась къ концу III столѣтія, такъ какъ о ней еще не

---

[1] Cod. Justin. I, II, 4 (гдѣ они называются decani).

[2] παραβάλλω или παραβάλλομαι — „подвергаться опасности“. См. Suicer подъ словомъ. παραβολάνοι.

[3] Cod. Theodos. XVI, II, 42, 43.

[4] Cod. Theodos. VII, XX; 12; Cod. Just. I, II, 9.

[5] Св. выше, стр. 145, 146; Conc. Neocaesar. 314 г., 14.

[6] Conc. Arelat. 314 г. c. 15.

[7] См. Hieron. Ep. CXLVI, 2.

[8] Напр. Conc. Arelat. 314 г. c. 18; Conc. Nic. 325 г. c.18; Conc. Carthag. IV. 398 г. c. 37.

упоминается у св. Кипріана, между тѣмъ какъ спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ него Цециліанъ уже называется архидіакономъ при Менсуріѣ. Возвышеніе одного діакона надъ его собратьями, быть можетъ, первоначально зависѣло отъ личнаго превосходства и уже впослѣдствіи было признано оффиціально, и архидіаконъ назначался епископомъ; онъ былъ его главнымъ помощникомъ въ управленіи церковью и вообще признавался лицомъ, которому вѣрнѣе всего предстояло наслѣдовать епископію. Въ концѣ IV столѣтія подобное преимущество надъ пресвитерами дано было въ нѣкоторыхъ церквахъ архипресвитеру, которому поручалось завѣдываніе епархіей во время отсутствія или болѣзни епископа.

3. Положеніе хорепископовъ, какъ оказалось, иногда возбуждало зависть высшихъ епископовъ. Ихъ обязанности поэтому были болѣе строго разграничены канонами, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было даже движеніе къ отмѣнѣ этой должности. Соборъ лаодикійскій запрещаетъ назначеніе епископовъ въ селеніяхъ и деревняхъ [1]) и постановляетъ, чтобы вмѣсто нихъ для исполненія этой должности назначались пресвитеры съ титуломъ „періодевтовъ", то есть обозрѣвающихъ округи, и чтобы хорепископы, уже рукоположенные, ничего не дѣлали безъ утвержденія городскихъ епископовъ [2]). Въ слѣдующемъ столѣтіи однако же упоминается о хорепископахъ, которые засѣдали на соборѣ Халкидонскомъ, хотя только въ качествѣ уполномоченныхъ отъ своихъ епископовъ, и титулъ этотъ встрѣчается и позже какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Такъ второй соборъ Никейскій въ 787 году говоритъ о хорепископахъ, какъ рукополагающихъ чтецовъ съ соизволенія епископовъ [3]),—замѣчаніе, которое повидимому означаетъ, что они тогда принадлежали къ чину пресвитеровъ и были почти одно и то же съ періодевтами, предполагаемыми лаодикійскимъ канономъ. Западные хорепископы VIII и IX столѣтій будутъ предметомъ нашего разсмотрѣнія впослѣдствіи [4]).

451 г.

4. Внутри самой степени епископовъ система отличій теперь была развита полнѣе, чѣмъ это было въ прежнемъ періодѣ. Религіозныя дѣленія римскаго міра вообще слѣдовали за гражданскими дѣленіями, хотя это правило было и не безъ исключеній [5]); и такимъ образомъ когда Константинъ ввелъ новое дѣленіе имперіи на діоцезы, каждый изъ которыхъ обнималъ нѣсколько провинцій, то и въ церкви естественно принято было соотвѣтствующее устройство [6]).

---

[1]) χώραις.

[2]) C. 57 ap. Hard. I, 761.

[3]) C. 14.

[4]) См. IV, IX, отд. III, 3.

[5]) См. выше. стр. 147. Conc. Antioch. 341 г., с. 9.

[6]) Zosim. II, 3; Nat. Alex. VII, V, 1—4. См. Suicer подъ словомъ διοίκησις.

Епископъ главнаго города въ каждомъ діоцезѣ получалъ особыя преимущества сравнительно съ другими митрополитами. Эти епископы обыкновенно получали на востокѣ титулъ экзарха, и на западѣ—титулъ примата; самые знаменитые изъ нихъ впослѣдствіи назывались патріархами,—титуломъ, который сначала давался всѣмъ епископамъ и новый ограниченный смыслъ котораго, повидимому, заимствованъ былъ отъ іудеевъ [1]. Степень власти, принадлежавшей патріархамъ или экзархамъ, была не одинакова. Самая большая власть была въ Александріи, гдѣ патріархъ имѣлъ право посвящать всѣхъ епископовъ Рима и Ливіи безъ вмѣшательства митрополитовъ. Епископъ римскій имѣлъ подобную же власть въ предѣлахъ своей болѣе тѣсной юрисдикціи, гдѣ, какъ и въ Египтѣ, степень митрополитовъ еще не была введена [2]; но въ другихъ странахъ было въ обычаѣ, что главный епископъ посвящалъ митрополитовъ, и эти послѣдніе низшихъ епископовъ. Со введеніемъ болѣе обширныхъ церковныхъ дѣленій, введены были соборы, собиравшіеся изо всѣхъ ихъ. Патріархи или экзархи обыкновенно предсѣдательствовали на нихъ, и эти соборы сдѣлались высшимъ авторитетомъ въ дѣлахъ церкви [3].

5. Соборъ Никейскій признаетъ главными три каѳедры: Римскую, Александрійскую и Антіохійскую, какъ предсѣдательствующія надъ церквами въ принадлежащихъ имъ областяхъ [4]. Каждая изъ этихъ трехъ была въ одно и тоже время церковью великой столицы и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла честь производить свое основаніе отъ апостола [5]. Съ того времени, когда Константинъ возвелъ Византію въ ея новое достоинство, епископство этого города, которое сначала было подчинено митрополиту Иракліи, гражданской столицы Ѳракіи, по необходимости получило важное значеніе, такъ какъ даже прежде всякаго формальнаго дарованія ей особыхъ церковныхъ

Названіе діоцезъ тогда употреблялось только для обозначенія большихъ дѣленій, причемъ область епископа называлась parochia. Дѣленіе имперіи было слѣдующее:

I. Префектура Востока, включавшая діоцезы—1) Востокъ (столица Антіохія); 2) Египетъ (Александрія); 3) Азія (Ефесъ); 4) Понтъ (Кесарія Каппадокійская); 5) Ѳракія (Ираклія и впослѣдствіи Константинополь).

II. Префектура восточной Иллиріи, отдѣленная отъ Запада въ 379 году (столица Ѳессалоника)—1) Македонія; 2) Дакія.

III. Префектура Италіи—1) Римъ (Римъ); 2) Италія (Миланъ); 3) Западная Иллирія (Сирмія); 4) Африка (Карѳагенъ).

IV. Префектура Галліи—1) Галлія (Тревы); 2) Испанія; 3) Британія. Giesel. i, ii, 186.

[1] Титулъ патріарха въ его спеціальномъ смыслѣ впервые выразительно данъ на соборѣ Халкедонскомъ, 451 г.

[2] Митрополиты, повидимому, установлены были въ Александрійскомъ діоцезѣ около средины iv столѣтія.

[3] Conc. CpѲl. i, 381 г. с. 6.

[4] С. 6.

[5] Александрія считалась апостольскою, такъ какъ была основана св. Маркомъ подъ руководствомъ ап. Петра.

преимуществъ, переводъ Евдоксія въ Константинополь съ великой почетной каѳедры Антіохійской считался для него повышеніемъ. Второй вселенскій соборъ постановилъ, что епископъ Константинополя долженъ стоять вслѣдъ за епископомъ Рима, „такъ какъ это есть новый Римъ“ [1],—каковое основаніе ясно показываетъ, что въ мнѣніи епископовъ собора основаніемъ, на которомъ покоилось церковное преимущество древней столицы, служило лишь гражданское величіе ея. Честь, предоставленная такимъ образомъ Константинополю, не сопровождалась однако же дарованіемъ какой нибудь особой юрисдикціи.

6. Причины, которыя въ теченіе прежняго періода пріобрѣли для Рима преимущество надъ всѣми другими церквами, въ IV столѣтіи были подкрѣплены новыми важными обстоятельствами. Хотя внутри своего собственнаго города епископъ былъ ограничиваемъ преобладаніемъ язычества среди знати, однако же удаленіе двора изъ Рима дало ему гораздо болѣе независимое и важное положеніе, чѣмъ какого онъ могъ бы достигнуть, если бывъ одномъ и томъ же мѣстѣ съ его собственнымъ достоинствомъ развертывался блескъ императорской власти; а аріанскіе споры значительно усилили его вліяніе по отношенію ко всей церкви. Во время распрей среди восточныхъ христіанъ, союза запада сильно добивалась каждая изъ партій. Епископъ Рима, какъ главный пастырь западной церкви, естественно сдѣлался органомъ сношеній съ его восточными собратьями, къ которымъ онъ обращался какъ представитель всего запада и почти сосредоточивавшій въ себѣ весь его авторитетъ. Даже когда одна изъ восточныхъ партій протестовала противъ его вмѣшательства, римскій епископъ выигрывалъ чрезъ обращеніе со стороны другой партіи къ нему за помощью или чрезъ ея согласіе на его посредничество. Исключая временнаго заблужденія Либерія, Римъ постоянно былъ на сторонѣ православія, и такъ какъ онъ такимъ образомъ представлялъ почетную противоположность съ разногласіями восточныхъ епископовъ, то это его постоянство пріобрѣло ему какъ довѣріе, такъ и силу, и торжество праваго дѣла, за которое онъ стоялъ, содѣйствовало возвышенію каѳедры. Кромѣ того, по примѣру древняго гражданскаго порядка, введенъ былъ обычай обращаться за совѣтомъ въ Римъ изъ всѣхъ частей запада. Самый ранній существующій отвѣтъ на такое обращеніе есть соборное посланіе Сириція къ Гимерію, епископу таррагонскому, въ 385 году [2]. Но постепенно эти „декретальныя посланія“ все болѣе и болѣе переходили отъ тона совѣта къ тону руководства и

---

[1] Conc. Cpol. 1, 381 г., с. 3.

[2] Hard. 1, 647. Въ немъ есть ссылка (с. 1) на письмо Либерія, которое затеряно.

повелѣнія, и писались уже не отъ имени собора, но отъ имени одного только папы.

Лѣтописи этого времени, однако же, показывая успѣхи Рима въ стремленіи къ положенію, которое онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи, совершенно опровергаютъ притязаніе, будто это положеніе принадлежало ему съ самаго начала въ силу божественнаго опредѣленія. Такъ, когда соборъ Никейскій, въ виду раскола египтянина Мелетія, постановилъ, чтобы епископъ Александріи, согласно съ древнимъ обычаемъ, имѣлъ юрисдикцію надъ Египтомъ, Ливіей и Пентаполемъ, „какъ это обычно и для римскаго епископа", и затѣмъ, что „въ Антіохіи и въ другихъ провинціяхъ преимущества церквей должны оставаться неприкосновенными" [1]), то ясно, что епископу Рима этимъ не приписывается никакого другаго права надъ соподчиненными ему епископами, чѣмъ то, которое также признавалось принадлежащимъ епископу Александріи, и что преимущество этихъ и другихъ каѳедръ одинаково относилось къ древнему обычаю, какъ общему основанію для нихъ.

Затѣмъ, когда соборъ Сардикійскій постановилъ, что всякій епископъ, желающій аппеллировать отъ собора, могъ съ согласія своихъ судей обращаться къ Юлію, епископу римскому, и что, если епископъ римскій находилъ это нужнымъ, долженъ былъ производиться новый разборъ дѣла [2]),—то ясно, что власть, приписывавшаяся римскому епископу, не признавалась еще такою, которою бы онъ обладалъ раньше, но только тогда предоставлялась ему соборомъ. Епископъ римскій не имѣлъ права переносить къ себѣ на судъ дѣло съ другаго судилища; онъ не имѣлъ личнаго голоса въ рѣшеніи; онъ могъ только принимать аппелляціи по обращенію соборовъ, со стороны которыхъ онѣ дѣлались, причемъ самое право дѣлать такія аппелляціи ограничено было для епископовъ, и представлять разборъ ихъ епископамъ, граничащимъ съ областью аппеллирующаго, съ присоединеніемъ, если онъ найдетъ нужнымъ, легатовъ въ качествѣ представителей самого себя. Кромѣ того, такъ какъ соборъ Сардикійскій состоялъ только изъ западныхъ епископовъ, то тамъ не было предлога для примѣненія этого правила къ восточной церкви; и такъ какъ случай, поведшій къ этому постановленію, былъ временный, то упоминаніе Юлія по имени, безъ всякаго отношенія къ его преемникамъ, повидимому показываетъ, что предоставлявшаяся ему власть была временною и личною, и предоставлена была ему въ виду тѣхъ залоговъ, которые этотъ римскій епископъ давалъ касательно своей преданности дѣлу православія. Въ дѣйствительности, можно даже сказать, что эта власть была такою, какая, при обычныхъ обстоятельствахъ, могла принадлежать только императору, и что она была перенесена на Юлія потому, что осуществленіе ея нельзя было безъ вреда оставлять въ рукахъ аріанина Констанція. Подобнымъ же образомъ, когда Граціанъ въ 378 году, съ цѣлью изъять приверженцевъ Урсицина изъ вѣденія гражданскихъ трибуналовъ, согласился на просьбу Римскаго собора, чтобы судъ надъ ними предоставленъ былъ Дамасу 1), то временный и частный характеръ этого соизволенія не совмѣстимъ ни съ какою такою мыслью, будто юрисдикція, о которой говоритъ онъ, и раньше принадлежала епископамъ Рима или была обычнымъ преимуществомъ ихъ должности.

---

[1]) С. 6.

[2]) С. 3 (Hard c. 1, 637). Ср. сс. 4, 5. Между греческимъ и латинскимъ текстами этихъ канонов есть нѣкоторыя разности.

Старый латинскій переводъ Никейскихъ каноновъ и Руфинъ въ своемъ „сводѣ“ ихъ опредѣляютъ юрисдикцію римскаго епископа какъ простирающуюся на „подгородныя церкви“. Названіе „подгородныя“ давалось провинціямъ, составлявшимъ гражданскій діоцезъ Рима, именно, семи провинціямъ Средней и Нижней Италіи съ островами Корсикой, Сардиніей и Сициліей. Ими такимъ образомъ и ограничивался патріархатъ Римскій, причемъ Миланъ, Аквилея и впослѣдствіи Равенна были независимыми центрами церковнаго управленія. И такъ какъ, самый языкъ и историческіе факты подтверждаютъ этотъ взглядъ, то нѣтъ надобности серьозно разсматривать такія толкованія этого канона, по которымъ, будто бы, подъ „подгородными церквами“ разумѣются всѣ церкви западной имперіи или даже всѣ церкви міра!

Вмѣшательство римскаго епископа еще встрѣчало противодѣйствіе всякій разъ, какъ онъ пытался нарушить преимущества другихъ церквей. Африканскія и восточныя церкви дѣйствовали совершенно независимо отъ римскаго авторитета 2), и часто постановлялись правила противъ перенесенія дѣлъ изъ провинцій, къ которымъ они принадлежали. О какомъ нибудь божественномъ правѣ главенства надъ другими церквами не было и мысли, потому что хотя и часто говорится, что епископъ Рима долженъ быть почитаемъ какъ преемникъ ап. Петра, самъ этотъ апостолъ еще не считался болѣе, чѣмъ первымъ среди равныхъ, и въ отношеніи его преемниковъ не предполагалось, чтобы они наслѣдовали какое нибудь высшее отличіе сравнительно съ ихъ собратьями по епископству 3).

---

1) Hard. i, 840—1.

2) См. Soz. iii, 8, гдѣ нѣкоторые изъ восточныхъ говорятъ Юлію, что какъ восточная церковь не вмѣшивалась въ римскую въ дѣлѣ новаціанъ, такъ и онъ не долженъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла.

3) См. толкованіе св. Матѳея. xvi, 18, 19, писателями этого времени въ Giesel. i, ii, 209—12. Замѣчательное опроверженіе папскихъ притязаній встрѣчается у

7. Со времени Константина великаго члены христіанскаго священства получили новое общественное положеніе, связанное съ гражданскими преимуществами, которыя дотолѣ были неизвѣстны. Изъятіе изъ куріальныхъ должностей, которое даровано было имъ первымъ христіанскимъ императоромъ, было, правда, отмѣнено или ограничено его преемниками [1], но они пользовались важнымъ преимуществомъ въ своей свободѣ отъ всѣхъ „подлыхъ“ должностей [2] и отъ нѣкоторыхъ изъ общественныхъ налоговъ, хотя и подлежали поземельному налогу и большей части обычныхъ сборовъ [3]. Налоги, подлежавшіе уплатѣ духовными лицами, занимавшимися торговлей, были устанавливаемы законами Констанція, Валентиніана и Граціана; и изъ того обстоятельства, что скорѣе постановлялись такіе законы, чѣмъ запрещалась самая торговля, съ вѣроятностью можно заключить, что источники этого рода были еще необходимы для содержанія нѣкоторыхъ членовъ духовенства [4]. Богатство духовенства, однакоже, сильно возросло. Константинъ, кромѣ щедрыхъ случайныхъ даровъ, предоставилъ имъ право на извѣстное количество зерноваго хлѣба, которое было отмѣнено Юліаномъ. Іовіанъ возстановилъ третью часть этого количества, и обѣщалъ присоединить и остальную часть, когда только прекращеніе свирѣпствовавшаго тогда голода дастъ ему возможность сдѣлать это; но его царствованіе закончилось прежде, чѣмъ онъ могъ исполнить свое намѣреніе, и обѣщаніе его было не уважено его преемниками [5]. Теперь выплачивались десятины, хотя и не по законному принужденію, а въ качествѣ добровольнаго приношенія, такъ что

бл. Іеронима (Ep. cxxv, 15), гдѣ подчиненіе одной главѣ внушается монахамъ на основаніи инстинктивныхъ привычекъ животныхъ, пчелъ и журавлей, споровъ Исава и Іакова, Ромула и Рема, единичности императоровъ въ ихъ владѣніяхъ, судьи въ своей провинціи, хозяина въ своемъ домѣ, кормчаго на кораблѣ, полководца въ войскѣ, епископа, архіепископа и архидіакона въ церкви, но гдѣ, по римской теоріи, мы должны бы ожидать завершенія этой аргументаціи въ одномъ вселенскомъ епископѣ, тамъ не упоминается о существованіи никакой такой главы (Пій II, заимствуя нѣкоторыя изъ этихъ сравненій, употребляетъ ихъ въ доказательство верховенства папы. Bulla retractationum, предпосланная къ его трудамъ).

[1] См. выше, стр. 169.

[2] Constantius въ Cod. Theodos. xvi, ii, 10, 14, 15. Касательно опредѣленія такихъ должностей см. Cod. Theodos. t. 4, 128—9.

[3] Gracian, 382 г. въ Cod. Theodos. xi, xvi, 15. Константинъ впервые освободилъ ихъ отъ поземельнаго налога, но впослѣдствіи онъ опять былъ возстановленъ; его преемники разнообразили способъ взиманія его. Соборъ Риминійскій встрѣтилъ безусловный отказъ со стороны Констанція, когда онъ попытался добиться отъ него изъятія (Cod. Theodos. xvi, ii, 15).

[4] Cod. Theodos. xvi. ii, 10, 14. Уже не ранѣе 452 г. при Валентиніанѣ III духовенству было запрещено императорскимъ указомъ заниматься торговлей (Cod. Theodos. Nov. 12, t. vi, Append.).

[5] Theodos. iv, 4.

нечего удивляться встрѣчающимся жалобамъ въ трудности и неправильности поступленія уплаты ихъ; но особенно великимъ источникомъ богатства для церкви былъ законъ Константина, которымъ позволялось ей принимать собственность по завѣщаніямъ.

Эти перемѣны естественно содѣйствовали какъ добру, такъ и злу. Изъ-за гражданскихъ преимуществъ, связанныхъ съ священнослуженіемъ, рукоположенія стали добиваться многія недостойныя лица, причемъ высшія должности церкви сдѣлались предметомъ честолюбія и домогательства для лицъ, качества которыхъ отнюдь не были духовнаго свойства. При избраніи епископа, кандидаты иногда прибѣгали къ недостойнымъ уловкамъ; обвиненія, которыя, вѣрны они или ложны, даютъ отнюдь не высокое понятіе о господствующемъ тонѣ нравственности, были зачастую взводимы каждой партіей противъ избранника ея противниковъ, и часто при этомъ происходили безобразныя смятенія [1]).

Сношеніе съ императорскимъ дворомъ было великимъ испытаніемъ для епископовъ. Въ то время, какъ во многихъ оно естественно производило раболѣпіе, другихъ оно приводило къ ошибочному возношенію духовнаго достоинства въ противоположность свѣтскому сану. Такъ, разсказываютъ, что Мартинъ Турскій, будучи при дворѣ Максима, позволялъ императрицѣ прислуживать ему при столѣ [2]), и что когда императоръ пожелалъ, чтобы онъ выпилъ первымъ, и ожидалъ полученія чары обратно отъ него, епископъ передалъ ее своему собственному капеллану, какъ высшему по чести, чѣмъ всякій земной владыка [3]).

Въ большихъ городахъ среди духовенства появились роскошь и высокомѣріе. Бл. Іеронимъ свидѣтельствуетъ согласно съ Аммiаномъ Марцеллиномъ касательно чрезмѣрной роскоши, которою отличалась римская іерархія, блеска ея одеждъ и экипажей, роскоши ея пиршествъ, причемъ языческій историкъ приводитъ не подлежащее сомнѣнію свидѣтельство въ отношеніи противоположности, представляемой добродѣтельностью, простотой и самоотреченіемъ провинціальныхъ епископовъ и духовенства вообще [1]. Претекстатъ, знатный языческій сановникъ, заинтересованный въ улаженіи вражды между Дамасомъ и Урсициномъ, саркастически говорилъ Дамасу, что онъ самъ немедленно сдѣлался бы христіаниномъ, если бы могъ получить епископію Рима [2]. Императоры находили необходимымъ ограничивать законами полученіе монахами и духовенствомъ даровъ и завѣщаній. Такъ, Валентиніанъ закономъ, обращеннымъ къ Дамасу и читаннымъ во всѣхъ церквахъ столицы, постановлялъ, что духовенство и монахи не должны посѣщать домовъ вдовъ или находящихся подъ опекой дѣвицъ, равно какъ не должны ничего принимать по дарственной записи или завѣщанію отъ женщинъ, связанныхъ съ ними духовными узами [3]. Іеронимъ, набрасывающій много яркихъ картинъ тѣхъ низкихъ происковъ, при помощи которыхъ нѣкоторые изъ его собратьевъ добивались благосклонности богатыхъ и престарѣлыхъ лицъ, говоритъ въ отношеніи этого указа: „я не жалуюсь на этотъ законъ, но я скорблю, что мы заслужили его“ [4]. Слѣдовали и другія постановленія, отмѣнявшія всѣ распоряженія собственностью, которыя женщины, вступая въ монашескую жизнь, могли дѣлать, минуя своихъ естественныхъ наслѣдниковъ, и направлявшіяся противъ обходовъ, которые могли дѣлаться посредствомъ фиктивныхъ попечительствъ [5]. Такія завѣщанія однако же не одобрялись и часто отвергались болѣе добросовѣстными епископами, какъ напр. св. Амвросіемъ и бл. Августиномъ [6]. Но, отмѣчая факты, показывающіе, какъ въ этомъ вѣкѣ, равно какъ и во всякомъ другомъ, церковь оправдывала собою тѣ притчи, которыя изображаютъ ее содержащею примѣсь зла среди добра, мы не должны оставлять безъ вниманія того благороднаго духа щедрости и самоотреченія, который одушевлялъ большинство ея епископовъ и духовенства, или ихъ усилія въ такихъ дѣлахъ благочестія и благотворительности, какъ помощь бѣднымъ, выкупъ плѣнныхъ, учрежденіе госпиталей и украшеніе мѣстъ богослуженія.

---

[1]) Chrysost. De Sacerdot. iii, 15. Гиббонъ (ii, 176) говоритъ, что доходъ епископовъ разнообразился отъ двухъ до тридцати фунтовъ золота, и что средній доходъ равнялся приблизительно четыремъ тысячамъ рублей. Съ цѣлью пресѣчь честолюбіе епископовъ постановлено было много правилъ противъ перехода съ одной каѳедры на другую (напр. C. Nic. 15; Antioch. 21; Sardic. 1), но безъ большаго результата. 27 правило изъ тѣхъ, которыя извѣстны подъ названіемъ 4 собора Карѳагенскаго (398 г.) и которыя, по предположенію, отчасти составляютъ произведеніе этого собора, а отчасти собраніе африканскихъ каноновъ, бывшихъ въ силѣ около времени засѣданія этого собора,—запрещаетъ епископамъ переходить съ одной каѳедры на другую изъ побужденій честолюбія, но позволяетъ переходъ, когда это можетъ быть ко благу церкви.

[2]) *Sulp. Sev.* Dial. ii, 6 (Patrol. xx).

[3]) Тамъ же, De Vita Martini, c. 20. Тоже самое, будто бы, было повторено епископомъ Ноцерскимъ при дворѣ императора Фридриха II. *Raumer*, Gesch. der Hohenstaufen, iii, 290.

8. Перемѣны, происшедшія въ IV столѣтіи вели къ ослабленію народнаго элемента въ церкви. Благодаря признанію христіанской религіи со стороны государства, увеличенію богатства, сношенію епископовъ съ лицами высшаго сана, частымъ соборамъ, созывавшимся изъ раз-

---

[1] Amm. Marcell. xxvii, 3; Hieron. Ep. lii и проч.

[2] *Hieron*. Adv. Ioh. Hierosol. 8 (Patrol. xxiii).

[3] 370 г. Cod. Theodos. xvi, ii, 30. Нужно замѣтить, что законъ этотъ былъ направленъ противъ отдѣльныхъ лицъ, а не противъ церкви. Nat. Alex. vii, 150.

[4] Ep. lii, 5.

[5] Theodos. in Cod. Theodos. xvi, ii, 27, 28 и проч.

[6] Ambroz. in Luc. Lib. viii, 77, 79; *Aug*. Serm. 355; Possidius 24.

личныхъ частей церкви и ограничивавшихся саномъ епископовъ,—благодаря важности, которую получали епископы, когда вопросы богословія входили въ политику и волновали всю имперію,—благодаря всему этому епископы получили бо́льшее возвышеніе надъ другими степенями священства, чѣмъ это было раньше [1]. Управленіе церковью болѣе сосредоточивалось въ ихъ рукахъ, и, при избраніи епископовъ, вліяніе этого чина сдѣлалось еще больше, главнымъ образомъ вслѣдствіе раздора партій въ народѣ. Такъ, когда вакантная каѳедра оспаривалась разъяренными партіями, то часто случалось, что іерархи, на обязанности которыхъ было утверждать выборъ, съ цѣлью соглашенія выставляли третьяго кандидата, и это назначеніе ихъ принималось. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ избраніе, вмѣсто того, чтобы происходить въ городѣ, для котораго избирался епископъ, переносилось въ метрополію провинціи. Право выбора, которымъ часто народъ пользовался неразсудительно [2], постепенно было ограничиваемо правилами, которыя опредѣляли качества, дающія право на епископство. И хотя право голосованія еще не было ограничено лицами высшаго положенія, императоръ однако же полновластно вліялъ на выборы для важнѣйшихъ каѳедръ, особенно каѳедръ городовъ, въ которыхъ находилась его резиденція, и иногда прямо назначалъ епископовъ.

9. Степени священства оставались тѣже, что были и прежде, но не всегда было въ обычаѣ правильно достигать высшихъ степеней чрезъ прохожденіе низсшихъ. Такъ, мы находимъ, что діаконы весьма часто возводимы были во епископство, или чтецы въ пресвитерство, не проходя даже чрезъ символическое рукоположеніе въ посредствующія степени, а изъ примѣровъ Амвросія и Нектарія видно, что даже некрещеныя лица были избираемы въ епископы, и послѣ принятія крещенія сразу же возводимы были въ эту высшую степень священнослуженія [3].

Замѣчательною чертою этого вѣка былъ обычай насильственныхъ рукоположеній. Единственное средство, которымъ извѣстное лицо могло защитить себя противъ намѣреній епископа или прихода, считавшихъ его пригоднымъ для духовной должности, состояло въ клятвѣ, что оно не подчинится рукоположенію; потому что признавалось, что всякій, давшій клятву этого рода, не долженъ быть принуждаемъ нарушать ее. Когда введенъ былъ обычай такихъ посвященій, къ отказу принимать на себя священнослуженіе часто прибѣгали притворно, съ цѣлью пріобрѣтенія особенной важности. Какъ насильственное рукоположеніе, такъ и поспѣшное возвышеніе неофитовъ впослѣдствіи были запрещены канонами и императорскими указами[1], и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлается любопытное различіе между дѣломъ епископовъ, рукоположенныхъ безъ ихъ собственнаго согласія, и дѣломъ пресвитеровъ или низшаго духовенства въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Послѣднимъ позволялось отрекаться отъ своего священнаго сана; но это право не признавалось за епископами на томъ основаніи, что въ дѣйствительности никто не былъ достоинъ епископства кромѣ тѣхъ, которые избраны были противъ ихъ воли[2]. Въ V столѣтіи рукоположеніемъ стали пользоваться какъ средствомъ лишенія лицъ, бывшихъ несчастными въ политической жизни, правоспособности всякаго дальнѣйшаго участія въ общественныхъ дѣлахъ міра. Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ императоровъ запада были устранены на основаніи этого обычая[3].

---

[1] См. Hieron. Ep. ьп, 7. Нѣкоторыя изъ правилъ 4 собора Карѳагенскаго имѣютъ цѣлью защитить пресвитеровъ противъ притязаній какъ ихъ начальниковъ, такъ и ихъ подчиненныхъ. Такъ, епископъ не долженъ позволять пресвитеру стоять, когда онъ самъ сидитъ (34); въ церкви и церковныхъ собраніяхъ онъ долженъ сидѣть выше пресвитеровъ; но „intra domum“ онъ долженъ помнить, что онъ ихъ сотоварищъ (35); діаконы должны помнить, что они служители пресвитеровъ, какъ и епископа (27) и не должны садиться безъ позволенія пресвитеровъ (39).

[2] Соборъ Лаодикійскій, 372 г. (?) С. В., постановляетъ, что выборъ лицъ для ἱερατεῖον (то есть, или только епископства, или пресвитерства и епископства вмѣстѣ) не долженъ быть предоставляемъ народу,—τοῖς ὄχλοις

[3] См. выше, стр. 249 и 251.

10. Вліяніе монашескаго духа способствовало развитію обычая безбрачія среди духовенства и мнѣнія о его обязательности. На соборѣ никейскомъ предлагалось, чтобы женатые епископы, пресвитеры и діаконы были принуждены воздерживаться отъ сношенія съ своими женами[4]; но Пафнутій, египетскій епископъ, сильно возсталъ противъ этого предложенія. Онъ остановился на святости христіанскаго брака и выяснилъ невыгоду наложенія на духовенство ига, которое многіе изъ нихъ могутъ оказаться неспособными понести и которое поэтому можетъ сдѣлаться поводомъ ко грѣху и вреднымъ для церкви. Достаточно, говорилъ онъ, держаться древняго закона, по которому бракъ запрещаемъ былъ послѣ принятія рукоположенія. Доводъ этотъ былъ поддержанъ самымъ характеромъ говорящаго. Онъ былъ почитаемъ какъ исповѣдникъ, который, во время послѣдняго гоненія былъ лишенъ праваго глаза и искалѣченъ въ своемъ лѣвомъ бедрѣ, и пользовался высокою славою за свою святость, такъ что, по предположенію, даже

---

[1] C. Sardic. 13; Syric. Ep. III (Hard. I, 856):

[2] Leo. et Anthem. 469 г.; Cod. Iust. I, III, 31; Conc. Aurel. III, 538 г. с. 7.

[3] Такъ именно было съ Авитомъ, въ 456 году, и съ Гликеріемъ, въ 475 г. Gibbon, III, 299, 330.

[4] Предположеніе это, вѣроятно, сдѣлано было Осіемъ, такъ какъ оно согласуется съ правиломъ собора Элвирскаго, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ.

обладалъ силой чудотворенія 1). Побужденія его не подлежали никакому сомнѣнію, такъ какъ онъ самъ жилъ въ безбрачіи и въ строгомъ отшельничествѣ. Подъ его вліяніемъ, поэтому, соборъ отвергъ это предложеніе 2), и такому примѣру, поданному самымъ уважаемымъ изъ церковныхъ собраній, слѣдовали соборы и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, соборъ Гангрскій 3), который созванъ былъ главнымъ образомъ для обсужденія заблужденій, приписывавшихся Евстаѳію Севастійскому, осуждаетъ, между другими излишествами, связанными съ этимъ предметомъ, и отказъ сообщаться съ женатыми священниками 4), и въ восточныхъ церквахъ вообще, хотя обычай безбрачія или воздержанія отъ брачныхъ сношеній сдѣлался обычнымъ, оно продолжало оставаться до конца столѣтія добровольнымъ 5).

На западѣ важный шагъ къ установленію безбрачія былъ сдѣланъ Сиріціемъ въ его декретальномъ посланіи отъ 385 года, обращенномъ къ Гимерію, епископу таррагонскому. Заявивъ, что нѣкоторые члены духовенства имѣютъ дѣтей и защищаютъ себя на основаніи Моисеева закона, онъ доказываетъ, что положеніе ихъ не одинаково, потому что священство среди іудеевъ было насильственнымъ, между тѣмъ какъ среди христіанъ оно не было таковымъ; и затѣмъ, что какъ іудейскіе священники разлучались съ своими женами во время періодовъ своего служенія въ храмѣ, такъ для христіанскаго духовенства, какъ находящагося всегда при исполненіи своего служенія, разлученіе это должно быть постояннымъ. Онъ повелѣвалъ, чтобы пресвитеры и діаконы воздерживались отъ своихъ женъ; что тѣ, которые нарушали это правило раньше по невѣденію, должны быть оставляемы на своихъ мѣстахъ, но подъ условіемъ воздержанія и безъ всякой надежды на повышеніе; что если кто попытается отстаивать противоположный обычай, тотъ будетъ низложенъ; что никто изъ женившихся на вдовѣ, или вступавшихъ въ бракъ болѣе одного раза 6), не можетъ подлежать избранію въ священныя степе-

---

1) Rufin, I, 4.

2) Socr. I, 11; Soz. I, 23.

3) Нѣкоторые относятъ его къ 325 году. Гизелеръ полагаетъ между 362 и 370 г. (I, II, 245).

4) C. IV ap. Hard. 533. Григорій Назіанзинъ говоритъ о лицахъ, которыя, съ цѣлью извиненія въ отсрочкѣ своего крещенія, заявляли, что они не могли принимать его отъ рукъ женатаго епископа или пресвитера (Orat. XL, 26). Это, между прочимъ, служитъ доказательствомъ, какъ обыченъ былъ бракъ среди восточнаго духовенства.

5) Socr. V, 22.

6) Въ то время обсуждался вопросъ, считать ли двоеженцемъ клирика, который женатъ былъ однажды до крещенія и однажды послѣ крещенія. Бл. Іеронимъ (Ep. LXIX, 2) рѣшаетъ его въ отрицательномъ смыслѣ; но его издатели замѣчаютъ, что западные авторитеты (каковы Иннокентій I и Левъ I) стояли вообще за другую сторону. См. Gracian. Dist. XXVI (Patrol. CLXXXVII).

ни, и что духовенство, заключающее такіе браки, должно быть низвергаемо [1]. Частыя постановленія, съ цѣлью исполненія этого опредѣленія, и ограниченія содержащихся въ нихъ правилъ, показываютъ, какое великое затрудненіе встрѣчалось при осуществленіи его; и этотъ выводъ вполнѣ подтверждается другими фактами.

По мѣрѣ того, какъ не одобрялся бракъ духовныхъ лицъ, возросталъ обычай пріема знакомыхъ женщинъ или служанокъ въ домахъ ихъ [2]. Соборъ Никейскій постановлялъ, чтобы женщины не были допускаемы въ этомъ положеніи, исключая тѣхъ, которыя, вслѣдствіе близкаго родства или возраста, могли считаться стоящими внѣ всякаго подозрѣнія касательно непристойной фамильярности съ духовенствомъ [3].

IV. Монашество.

Монашеская жизнь въ IV столѣтіи получила широкое развитіе. Такъ какъ исповѣданіе христіанства не было уже болѣе знакомъ отдѣленія отъ обычной массы людей, то для тѣхъ, кто стремились къ высшей жизни, казалось необходимымъ нѣкоторое дальнѣйшее отличіе. Кромѣ того, съ прекращеніемъ гоненія, прекратилась и возможность для проявленія геройства въ исповѣданіи и мученичествѣ. Отсюда, многія лица, видя испорченность, которая теперь слишкомъ явно стала замѣтна въ номинальномъ христіанскомъ обществѣ, думали достигнуть болѣе возвышенной духовности удаленіемъ отъ человѣческаго общества и посвященіемъ себя суровой жизни и стремленіямъ къ ненарушимому общенію съ небомъ.

Павелъ, о которомъ было упомянуто выше [4], какъ первомъ христіанскомъ отшельникѣ, провелъ свою жизнь съ двадцати трехъ до ста тридцати лѣтъ въ пустынѣ, не пользуясь никакой современной славой или значеніемъ [5]. Въ годъ его удаленія, въ 251 году, родился отъ христіанскихъ родителей въ Комѣ, одной деревнѣ въ Ѳиваидѣ, болѣе знаменитый Антоній [1]). Его жизнеописатель (который если былъ и не самъ Аѳанасій великій, то во всякомъ случаѣ писалъ подъ его вліяніемъ) свидѣтельствуетъ, что въ дѣтствѣ и юности Антоній обнаруживалъ задумчивый и религіозный характеръ. Онъ учился читать и писать на своемъ родномъ коптскомъ языкѣ, но никогда не зналъ даже алфавита греческаго [2]) и не могъ говорить на этомъ языкѣ [3]). Не достигнувъ еще двадцатилѣтняго возраста, онъ лишился своихъ родителей и получилъ по наслѣдству значительную собственность. Однажды онъ былъ пораженъ, услышавъ въ церкви евангеліе о богатомъ юношѣ, которому предлагалось продать все свое имѣніе, роздать нищимъ и слѣдовать за Спасителемъ, чтобы получить сокровище на небѣ. И Антоній немедленно отдалъ свою землю жителямъ своей деревни, обратилъ остальное свое имѣніе въ деньги и роздалъ все бѣднымъ, исключая небольшой части, которую онъ оставилъ на содержаніе своей единственной сестры. При другомъ случаѣ на него подобнымъ же образомъ произвели сильное впечатлѣніе слова: „не пекитесь о завтрашнемъ днѣ“. Чтобы исполнить эту заповѣдь, онъ разстался съ остальною частью своего имѣнія, поручилъ свою сестру обществу благочестивыхъ женъ и принялъ аскетическую жизнь [4]).

---

[1] Hard. I, 849—50.

[2] Hieron. Ep. xxII, 14.

[3] С. 3. См. Suicer подъ словомъ συνείςσακτος. Изъ невѣрнаго пониманія словъ Subintroductam mulierem въ переводѣ, въ теченіе среднихъ вѣковъ предполагалось, что этотъ канонъ направлялся противъ брака духовенства. См. защиту перваго Римскаго собора при Григоріѣ VII въ Hard. VI, 1532. Мысль, что запрещеніе брака, относится къ апостольскому авторитету, есть изобрѣтеніе позднѣйшихъ папистовъ. Giesel. I, II, 257.

[4] I, 136.

[5] Его жизнь описана бл. Іеронимомъ (Patrol. xxIII, Acta S. Jan. 10). Антоній однажды, говорится тамъ, получилъ сообщеніе въ девяностолѣтнемъ возрастѣ, что одинъ отшельникъ, болѣе совершенный, чѣмъ онъ самъ, жилъ девяносто лѣтъ

Сначала онъ поселился вблизи своей деревни; потому что, какъ говоритъ его жизнеописатель, таковъ былъ тогда обычай тѣхъ, кто желали жить религіозно, когда еще не было монастырей въ пустынѣ. Онъ работалъ собственноручно и отдавалъ все, что могъ сберегать, по удовлетвореніи своихъ насущныхъ потребностей; посѣщалъ всѣхъ наиболѣе знаменитыхъ отшельниковъ, о которыхъ только ему приходилось слышать, и старался научиться отъ каждаго изъ нихъ его отличительной добродѣтели и

въ пустынѣ. Онъ отправляется въ поиски за нимъ. На дорогѣ встрѣтилъ Кентавра и Сатира, послѣдній изъ которыхъ просилъ его молитвъ; нашелъ Павла; пользовался услугами барановъ, которые въ теченіи шестидесяти лѣтъ кормили старшаго отшельника и теперь ежедневно приносили ему двойную порцію провизіи. По смерти Павла, Антоній видѣлъ, какъ его душа уносима была вверхъ ангелами, „къ лику пророковъ и апостоловъ“, и, съ помощью двухъ львовъ, предалъ погребенію его тѣло.

[1]) Vita, 1, 1. Біографія Антонія, приписываемая св. Аѳанасію, повидимому, считается вообще скорѣе интерполированною, чѣмъ подложною, или быть можетъ написанною подъ наблюденіемъ Аѳанасія, чѣмъ имъ самимъ. Григорій Назіанзинъ (Orat. 21, t. i, p. 388) и Никифоръ (Hist. Eccles. viii, 40) говорятъ, что Аѳанасій, подъ видомъ повѣствованія, изложилъ кодексъ для монашеской жизни. Ср. Acta S. Янв. 17; Möhler. Athan. ii, 90. Сочиненія приписываемыя Антонію (большею частью въ переводѣ съ арабскаго) находятся in Patrol. Grec. xl.

[2]) Soz. i, 13.

[3]) Vita, 2, 3.

[4]) Vita, 2, 3.

сочетать всѣ ихъ добродѣтели въ своей собственной жизни. Спустя нѣкоторое время онъ заперся въ 275 г. гробѣ, изъ котораго десять лѣтъ спустя удалился въ одинъ разрушенный замокъ близь Чермнаго моря. Но хотя онъ и продолжалъ усиливать свое самоумерщвленіе, однакоже нашелъ, что искушенія слѣдовали за нимъ изъ одного 285 г. убѣжища въ другое. Ему казалось, что его осаждаютъ діаволы во всевозможныхъ страшныхъ формахъ, а по временамъ его удручали мірскія мысли или чувственные соблазны. Шумъ его столкновеній съ духовными врагами былъ слышенъ даже тѣмъ, кто проходили близь его жилища. Болѣе чѣмъ однажды его находили почти мертвымъ отъ бичеванія, которому онъ былъ подвергаемъ со стороны нападавшихъ на него темныхъ силъ. Вслѣдствіе всего этого, Антоній прославился; многіе прибывали издалека, чтобы взглянуть на него. Проведя двадцать 305 г. лѣтъ въ своемъ замкѣ въ такой отчужденности, что не оставлялъ его стѣнъ или не допускалъ никого внутрь ихъ, онъ наконецъ вышелъ и принималъ учениковъ, которые поселились вокругъ него, испещряя пустыню своими кельями [1]).

Гоненіе при Максиминѣ привлекло Антонія въ Александрію, гдѣ онъ прислуживалъ страдальцамъ, и всевозможнымъ образомъ подвергалъ себя смертельной опасности. Но когда опасности миновали, онъ заключилъ, что вѣнецъ муче- 312 г. ничества, къ которому онъ стремился, не предназначенъ ему, и, желая избѣжать ожидавшаго его гнета со стороны администраціи, онъ подъ водительствомъ нѣкоторыхъ сарацинъ, которые чудесно встрѣтились ему на пути, устремился въ пустыню еще болѣе отдаленную, чѣмъ та, въ которой онъ жилъ раньше. Его мѣстопребываніемъ теперь сдѣлалась пещера въ стѣнѣ одной высокой горы съ достаточнымъ количествомъ холодной воды и тѣнью нѣскольких пальмовыхъ деревъ рядомъ съ ней; онъ обработалъ небольшой клочекъ земли для разведенія хлѣба и овощей, чтобы ему не только избавлять другихъ отъ труда добыванія себѣ хлѣба, но и имѣть нѣкоторый запасъ для подкрѣпленія посѣтителей. Звѣри пустыни, приходившіе на водопой, наносили иногда вредъ его растеніямъ, но онъ поймалъ одного изъ нихъ, нѣжно сказалъ имъ: „зачѣмъ вы вредите мнѣ, когда я не трогаю васъ? удалитесь, и во имя Господа не приходите опять!“ и его повелѣніе было исполнено [2]). Чѣмъ болѣе Антоній удалялся отъ міра, тѣмъ ревностнѣе міръ слѣдовалъ за нимъ. Народъ толпами стекался къ нему, и явилось множество дражателей его образа жизни 1). Онъ примирялъ враговъ, утѣшалъ горюющихъ и давалъ совѣты въ духовныхъ дѣлахъ. Его заступничества часто просили въ пользу угнетенныхъ, и оно никогда не было напраснымъ 2). Всякій разъ, когда какое либо такое дѣло заставляло его оставить свою келью, онъ возвращался въ нее при первой возможности: „монахъ безъ уединенія, говорилъ онъ, „то же самое, что рыба безъ воды“ 3). Константинъ и его сыновья добивались сношенія съ нимъ, просили его молитвъ и приглашали его ко двору. Но, вмѣсто того, чтобы считать себя польщеннымъ подобною честью, онъ говорилъ своимъ ученикамъ: „не удивляйтесь, что императоръ пишетъ къ намъ, потому что онъ человѣкъ; болѣе удивляйтесь тому, что Богъ написалъ Свои законы для людей и изрекъ ихъ намъ чрезъ Своего Сына“ 4). Во время аріанскихъ споровъ Антоній и его иноки были стойкими и могущественными поборниками православія. Онъ писалъ къ Константину, увѣщевая его возвратить Аѳанасія изъ его первой ссылки, и получилъ отвѣтъ, составленный въ высоко почтительныхъ выраженіяхъ 5). Съ цѣлью посодѣйствовать дѣлу православія, онъ вторично посѣтилъ Александрію, гдѣ его появленіе произвело даже большее впечатлѣніе, чѣмъ раньше и многіе язычники вслѣдствіе этого обратились христіанство 6). Онъ былъ удостоенъ видѣній и откровеній для утѣшенія собратьевъ въ вѣрѣ, и въ случаяхъ сомнѣнія онъ молился о руководительствѣ и получалъ наставленіе свыше 7). Ему приписываются многочисленныя чудеса, но совершая ихъ, онъ былъ далекъ отъ всякой гордости вслѣдствіе этого дара 8). Его темные враги все еще продолжали свои нападенія; на него часто нападали также философы съ цѣлью издѣвательства надъ его неученостью; но твердость его вѣры, вмѣстѣ съ его природнымъ умственнымъ дарованіемъ, давала ему побѣду какъ надъ людьми, такъ и надъ демонами 9), Какъ ни суровы были его привычки, онъ однако же чуждъ былъ тѣхъ крайностей, которая сдѣлалась слишкомъ обычною среди его послѣдователей; онъ хорошо понималъ опасности отшельнической жизни и ревностно предостерегалъ отъ возлаганія всѣхъ надеждъ просто на внѣшнюю форму религіи 10).

---

[1]) Vita, 4, 7, 8, 12, 13, 15, 44, 52.

[2]) Тамъ-же, 46—50.

Антоній жилъ до ста пяти лѣтъ и умеръ за нѣсколько дней до

---

1) Тамъ-же, 62, 84:
2) Тамъ-же, 87.
3) Тамъ-же, 85.
4) Тамъ-же, 81; Rufin I, 9.
5) Soz. II, 31.
6) Тамъ-же, 68—71.
7 Тамъ-же. 66, 82.
8) Тамъ-же, 14. 38 и проч.
9) Тамъ-же, 51, 72.
10) См. его рѣчь къ монахамъ (Uita, 16—43) и болѣе краткія бесѣды (55).

того, какъ Аѳанасій искалъ убѣжища среди монаховъ въ пустынѣ въ 356 году. Изъ своихъ двухъ овчинныхъ шкуръ онъ одну завѣщалъ епископу Александріи и другую Серапіону, епископу тмуйскому. Плащъ, даръ Аѳанасія, изношенный въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ завѣщалъ возвратить обратно подарившему его, и шерстяная одежда отшельника досталась двумъ ученикамъ, которые долго были его служителями. Онъ поручилъ этимъ ученикамъ похоронить его въ такомъ мѣстѣ, которое было бы неизвѣстно никому, кромѣ нихъ, чтобы его останки не были бальзамированы и, содержимые надъ поверхностью земли, не подверглись поклоненію со стороны его многочисленныхъ почитателей [1]). Тѣло его, въ царствованіе Іустиніана, было найдено по особому откровенію и перенесено въ Вѣну [2]).

Система киновійной жизни, то есть, жизни отшельниковъ, живущихъ въ сообществѣ, обязана своимъ происхожденіемъ Пахомію, который, подобно Антонію, былъ родомъ изъ Ѳиваиды. Основатель ея родился въ 292 году, и по обращеніи въ христіанство велъ суровую аскетическую жизнь подъ руководствомъ отшельника, по имени Палемона, пока не посѣщенъ былъ ангеломъ, который сказалъ ему, что такъ какъ онъ сдѣлалъ достаточный успѣхъ въ монашеской жизни, то ему должно сдѣлаться теперь учителемъ другихъ, и далъ ему кодексъ правилъ, написанныхъ на мѣдной доскѣ, которая и сохранялась у учениковъ Пахомія [3]) Тогда Пахомій основалъ общество на одномъ островѣ Нила, называемомъ Тавенне, который былъ указанъ ему голосомъ съ неба [4]). Братство это скоро расширилось, такъ что до смерти основателя оно состояло изъ восьми монастырей съ тремя тысячами обитателей (изъ которыхъ тысяча четыреста были въ главномъ учрежденіи), а въ началѣ слѣдующаго столѣтія все число монаховъ было уже не менѣе пятидесяти тысячъ [5]).

Монахи жили въ кельяхъ, въ каждой изъ которыхъ помѣщалось по трое [6]). Они находились подъ безусловнымъ послушаніемъ распоряженіямъ начальника, который назывался аввой (отъ сирійскаго слова, означающаго „отецъ“) или архимандритомъ (отъ греческаго „стадо“). Подъ его главенствомъ, каждый изъ отдѣльныхъ монастырей управлялся своимъ собственнымъ главою, и главный авва время отъ времени дѣлалъ обозрѣніе ихъ. Все общество собиралось въ главномъ монастырѣ два раза въ году,—на праздникъ Пасхи и въ мѣсяцѣ августѣ. Монахи, по указанію Бронзовой таблицы, раздѣлялись на двадцать четыре класса, которые носили имена отъ греческаго алфавита и распредѣлены были сообразно съ характерами отдѣльныхъ лицъ; такъ, самые простые находились въ классѣ, носившемъ названіе буквы I, причемъ болѣе знающіе значились подъ буквою болѣе сложной формы [1]. Во всемъ существовало строгое общеніе, такъ что считалось важнымъ нарушеніемъ дисциплины говорить о „моемъ“ плащѣ, или книгѣ, или перѣ [2]. Монахи занимались земледѣліемъ, плетеніемъ корзинъ и веревокъ и другими подобными промыслами. Произведенія ихъ труда были сплавляемы внизъ по Нилу въ принадлежащихъ обществу лодкахъ, управлявшихся монахами; и денегъ, которыя выручались на рынкахъ въ Александріи, было не только достаточно для собственнаго ихъ содержанія, но они имѣли возможность совершать и дѣла благотворенія [3]. Иноки молились по нѣсколько разъ въ день, постились въ четвертый и шестой дни недѣли и причащались въ субботу и въ день Господень [4]. Пищу они принимали всѣ вмѣстѣ, причемъ всякая трапеза предварялась псалмопѣніемъ. Они ѣли молча, съ покрывалами на лицахъ, такъ что никто не могъ видѣть своихъ сосѣдей или что нибудь вообще, кромѣ находящагося предъ нимъ кушанья [5]. Уставъ не ограничивалъ въ количествѣ пищи, поста-

---

[1]) Vita, 90, 91.

[2]) Acta S· Янв. 17, p. 514 и слѣд.

[3]) Yita Pachom. 6—12 21, 22 въ книгѣ 1 Росвейда Uitae Patrum (Patrol lxxiii): Soz. iii, 14.

[4]) Vita, 12. Тутъ есть разногласіе въ теченіи между Ταβέννη νήσῳ (островъ Тавенна) и Ταβεννήσῳ *(Тавеннисъ)*, который, по предположенію есть деревня).Soz. iii, 14, p. 112.

[5]) Hieron· praef. in Regul. Pachom. 7; Palladius Hist. Lauziaca, 38 (книга о монашеской жизни, обращенная къ нѣкоему Лавзу, греческій текстъ которой находится въ Patrol. Grec. xxxiv и латинскій переводъ какъ тамъ, такъ и въ Rosweyd, кн. X, Patrol Lat. lxxiii).

[6]) Свѣденія о жизни монаховъ отчасти заимствуются изъ повѣствованія Бронзовой таблицы въ „жизни“, частью изъ Іеронимова перевода „Правилъ Пахо-

---

мія“ (Patrol xxiii). См. также „наставленіе“, приписываемое Пахомію (Patrol. grec. xl, 947 и слѣд.).

[1] Vita, 22: Soz. iii, 15.

[2] Cassian. de Coenob. Instit. iv, 13. Это была общая черта монашества. Бл. Іеронимъ (Ep. xxii, 33) разсказываетъ исторію одного изъ нитрійскихъ монаховъ, „скорѣе бережливаго, чѣмъ алчнаго“, который оставилъ по смерти сто *солидовъ*, пріобрѣтенныхъ имъ тканьемъ льна. Братія его, въ количествѣ около пяти тысячъ человѣкъ, совѣщались касательно того, что сдѣлать съ этими деньгами. Нѣкоторые стояли за раздачу ихъ бѣднымъ, другіе полагали отдать ихъ въ церковь, третьи—родственникамъ умершаго. Но отцы общества, Sancto in eis loquenti spiritii, привели текстъ: „деньги твои да погибнутъ съ тобою!“ И вслѣдствіе этого постановлено было деньги зарыть съ ихъ владѣльцемъ. Бл. Іеронимъ прибавляетъ, что это было сдѣлано не изъ вражды къ умершему монаху, но съ цѣлью удержать другихъ отъ скопленія денегъ. Болѣе замѣчательный разсказъ того же рода можно находить въ „Діалогахъ“ Григорія Великаго. iv, 55 (Patrol. lxxvii).

[3] Cassian. de Cen. x, 22. Руфинъ говоритъ, что египетскіе монахи обыкновенно нанимались работать во время жатвы и раздавали свои заработки бѣднымъ. Hist. Monach. 18.

[4] Hieron. praef. ad Regul. Pachom. 5; Soz. iii, 14.

[5] Vita, 22; Cass. iv, 18; Soz. iii, 14.

новляя только, что каждый инокъ долженъ трудиться сообразно съ своимъ яденіемъ; но большинство изъ нихъ доводили свое воздержаніе за предѣлы буквальныхъ постановленій. За больными ухаживали съ замѣчательною заботливостью. Монахи носили своеобразную одежду 1), главною принадлежностью которой была козья шкура, въ подражаніе пророку Иліи, считавшемуся образцомъ монашеской жизни 2). Они никогда не должны были раздѣваться, и единственно только во время причащенія позволялось имъ развязывать свои пояса. Спали они въ своихъ одеждахъ и притомъ въ креслахъ такъ устроенныхъ, чтобы держать ихъ почти въ стоячемъ положеніи 3).

У Пахомія была сестра, которую слава его учрежденія побудила посѣтить Тавенну. Будучи извѣщенъ о ея прибытіи, авва приказалъ привратнику монастыря попросить ее, чтобы она ограничилась удостовѣреніемъ о его здоровьѣ, и извѣстить ее, что если она расположена подражать его образу жизни, то онъ позаботится объ устроеніи для нея, въ отдаленіи отъ него, особаго монастыря. Это сообщеніе имѣло послѣдствіе, котораго именно и желалъ Пахомій; для его сестры монахами Тавенны былъ построенъ монастырь, и въ непродолжительномъ времени она оказалась настоятельницей большой женской общины, управлявшейся уставомъ, который ея братъ составилъ по образцу своего собственнаго, и находившейся въ подчиненіи ему, хотя онъ и никогда лично не посѣщалъ ея 4). Послѣ этого перваго примѣра, образованіе подобныхъ общинъ происходило быстро, причемъ отшельницы вообще назывались *броннами*,—титуломъ неизвѣстнаго происхожденія и значенія 5) Пахомій умеръ въ 348 году.

Около того самаго времени, когда Пахомій основалъ свой монастырь въ Тавеннѣ, Макарій старшій 6) поселился въ пустынѣ Скетійской (обширной пустынѣ близь Ливійской границы Египта), и Аммонъ поселился на Нитрійской или Нитрской горѣ. Около этихъ старцевъ скоро собралось множество монаховъ, жившихъ въ отдѣльныхъ кельяхъ, и они или были отшельниками, или соединялись

---

1) Правило Пахомія, въ отличіе нѣкоторыхъ позднѣйшихъ правилъ, весьма своеобразно въ отношеніи къ предмету о мытьѣ бѣлья иноковъ. См. 67—72, 148.

2) Hieron. praef. 64; Soz. iii, 14.

3) Vita, 22; Pallad. Hist. Lauziaca, 38. Но 88 правило говоритъ о спаньѣ на циновкахъ.

4) Vita, 28.

5) По гречески νονὶς, по латыни nonna. Свицеръ не даетъ никакого производства. Слово это, повидимому, языческаго происхожденія и различно истолковывается въ смыслѣ sancta, casta, quae non est huis soeculi. Употреблялось также и слово мужескаго рода nonnus.

6) Такъ названный для отличія его отъ другаго знаменитаго монаха, его современника. Касательно обоихъ см. Patrol. Grec. xxxiv.

вмѣстѣ въ общины, называвшіяся лаврами 1). Монахи въ нихъ собирались въ первый и послѣдній дни недѣли для общественнаго богослуженія; если кто отсутствовалъ, то заключали, что онъ должно быть боленъ, и нѣкоторые изъ братьевъ посылались для посѣщенія его кельи. За исключеніемъ подобныхъ случаевъ, они никогда не говорили. Нитрійскихъ монаховъ къ концу столѣтія считалось около пяти тысячъ человѣкъ 2).

306—356 г.

Монашеская жизнь быстро распространилась и за предѣлы Египта. Въ Сиріи она введена была Иларіономъ, ученикомъ и подражателемъ Антонія, который жилъ пятьдесятъ лѣтъ въ пустынѣ, близь Газы 3). Въ Месопотаміи она нашла живое сочувствіе и получила особенный блескъ отъ генія и благочестія св. Ефрема 4). Евстаѳій, епископъ севастійскій, основалъ монастыри въ Арменіи, и, какъ уже упомянуто было, св. Василій устроилъ киновійскія общества въ Понтѣ и Каппадокіи. Аѳанасій, при своемъ посѣщеніи Рима въ 340 г., былъ сопровождаемъ нѣсколькими египетскими монахами, которые были первыми, какихъ только видѣли на западѣ. Ихъ грубая внѣшность возбудила отвращеніе въ римлянахъ, но у многихъ это чувство скоро измѣнилось въ благоговѣніе. Исповѣданіе религіознаго дѣвства нашло приверженцевъ среди дѣвицъ столицы, и среди тѣхъ, которыя первыми приняли его, была Марцеллина, сестра св. Амвросія 5). Ревность, съ которою Амвросій, сдѣлавшись епископомъ, защищалъ дѣло безбрачія, въ нѣкоторой степени поддерживалось и его сестрою. Онъ написалъ разсужденіе по этому предмету, доказывая, что молодыя женщины должны принимать дѣвственную жизнь вопреки воли своихъ родителей, и подкрѣпляя свои доводы разсказами о наказаніяхъ, которыя постигали лицъ, дерзавшихъ отговаривать своихъ родственниковъ отъ такого шага 6). Въ своихъ рѣчахъ онъ восхвалялъ дѣвство даже (какъ онъ говоритъ) до утомленія своихъ слушателей. Матроны его города старались охранять своихъ дочерей отъ увлеченія этими бесѣдами, насильственно удерживая ихъ дома, но толпы дѣвицъ изъ другихъ странъ (нѣкоторыя изъ нихъ даже изъ Мавританіи) стекались для полученія посвященія изъ рукъ епископа миланскаго 7). Небольшіе острова на берегахъ Италіи и Далмаціи покрылись монастырями и кельями.

---

1) См. Acta SS. Январь, II, 662. Λαύρα означаетъ „улица", и слово это также употреблялось для обозначенія приходовъ въ Александріи. Epiph. XLIX, 1.

2) Soz. IV, 31.

3) Soz. III, 14. Жизнь св. Иларіона описана бл. Іеронимомъ (Patrol. XXIII).

4) Socr. III, 16.

5) Hieron. Ep. LXXVII, 5.

6) De Virginib. I, 11.

7) De Virgin. I, 10.

Св. Мартинъ, жившій монахомъ на островѣ Галлинаріи, ввелъ монашество въ Галлію, построилъ монастырскій домъ близь Пиктовіи и Тура, и за гробомъ его слѣдовало двѣ тысячи его собратьевъ [1]. Въ Африкѣ монашество дѣлало меньшіе успѣхи, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Оно не получало тамъ развитія, пока не было введено бл. Августиномъ въ послѣднее десятилѣтіе этого вѣка да и авторитета этого великаго епископа, или даже примѣра, даннаго имъ своею жизнью по киновійскому образу вмѣстѣ съ своимъ духовенствомъ, было недостаточно для привлеченія къ монашеской жизни кого нибудь, кромѣ лицъ изъ низшихъ классовъ. Сальвіанъ, около 450 г., свидѣтельствуетъ, что оно еще не пользовалось сочувствіемъ въ Африкѣ и монахи были предметомъ гоненія въ этой странѣ [2].

Правила и обычаи монашескихъ общинъ разнообразились, смотря по обстоятельствамъ и по усмотрѣнію ихъ основателей. На востокѣ вообще предписывались различныя промышленныя занятія, какъ напр. полевая работа, плотничество, тканіе, приготовленіе циновокъ, корзинъ и сандалій; и бл. Августинъ написалъ трактатъ противъ тѣхъ монаховъ, которые желали бы быть изъятыми отъ этихъ занятій [3]. Но св. Мартинъ считалъ такія занятія скорѣе препятствіемъ для благочестія, и не позволялъ молодой братіи никакихъ другихъ трудовъ, кромѣ переписки книгъ [4]. Монахи Галліи, въ дѣйствительности, имѣя много дѣла для своихъ силъ въ борьбѣ съ идолопоклонствомъ и суевѣріемъ варваровъ, среди которыхъ они жили, не имѣли надобности употреблять часы своего досуга такъ же, какъ обитатели египетскихъ или сирійскихъ пустынь. Что касается пищи и одежды, то принималось во вниманіе и различіе въ климатѣ. „Большой аппетитъ“, говоритъ жизнеописатель Мартина, „есть объяденіе у грековъ, но естественное дѣло у галловъ“ [5].

Пахомій требовалъ трехъ-лѣтняго испытанія прежде допущенія въ монашескій чинъ, и подобное же правило было принято и въ другихъ обществахъ. При вступленіи еще не требовалось никакого особаго обѣта, хотя св. Василій высказываетъ мысль, что при этомъ должно быть требуемо формальное исповѣданіе [6]; принятіе монашества притомъ и не было безвозвратнымъ, потому что хотя удаленіе и было предметомъ покаянія, однако же въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно даже рекомендовалось, какъ наилучшій исходъ изъ затрудненія [7].

---

[1] *Sulp. Sev.* Vita Martini; Ep. 3; Soz. iii, 14.

[2] Possid. Vita Aug. v, 11; Salvian. De Gubern. Dei viii, 4 (Patrol. liii).

[3] De Opere Monachorum (Patrol. xl).

[4] *Sulp. Sev.*, Vita Martini, 10.

[5] *Sulp. Sev.*, Dial. i, 8.

[6] Ep. cxcix, 19.

[7] Soz. iii, 14.

Всѣ главные учители вѣка, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, соперничали между собою въ похвалахъ безбрачію и монашеству. Бл. Іеронимъ, самый ученый человѣкъ своего времени, котораго можно считать связующимъ звеномъ между восточной и латинской половинами церкви, оказывалъ особенно сильное вліяніе на развитіе монашества, и исторія его жизни по большей части принадлежитъ къ общей исторіи этого предмета.

Этотъ знаменитый учитель церкви, въ которомъ необычайное умственное дарованіе и искренняя ревность на служеніе Христу страннымъ образомъ сочетались съ крайностями въ мнѣніи и поведеніи, жаждою власти и авторитета, гордостью, честолюбіемъ и крайнею раздражительностью,—родился отъ христіанскихъ родителей въ Стридонѣ, на границахъ Паннонiи и Далмаціи [1]. Онъ учился въ Римѣ, при Донатѣ, толкователѣ Виргилія, и, достигнувъ возмужалаго возраста, почувствовалъ въ себѣ призваніе къ религіозной жизни, и былъ крещенъ. Попутешествовавъ въ Галліи и другихъ странахъ, онъ въ 374 году удалился въ пустыню Халкидонскую, къ востоку отъ Сиріи, гдѣ и сталъ подвергать себя самому суровому самоумерщвленію. Но влеченія къ чувственности, которымъ онъ, по его собственному признанію, предавался до своего крещенія [2], ожили въ пустынѣ, гдѣ онъ надѣялся найти свободу отъ искушеній. Онъ боролся противъ нихъ постомъ и молитвой [3], и, желая присоединить къ этимъ подвигамъ какое нибудь смиряющее занятіе, онъ началъ изучать еврейскій языкъ подъ руководствомъ одного обращеннаго іудея,—причемъ языкъ этотъ подходилъ для его цѣли самою унизительностью изученія алфавита, немузыкальностью словъ и неукрашенною простотою (какъ думалось Іерониму) священныхъ писаній [4]. Пріобрѣтенное имъ такимъ образомъ знаніе оказалось цѣннымъ въ болѣе чѣмъ достаточной степени для вознагражденія за тотъ вредъ, который, какъ онъ говоритъ, потерпѣлъ отъ этого его латинскій стиль и даже его произношеніе [5].

Іеронимъ съ ревностью предавался классической литературѣ, но съ пренебреженіемъ относился къ св. Писанію за его простоту. Направленіе его занятій было измѣнено замѣчательнымъ случаемъ, когда онъ еще находился въ Антіохіи до отправленія въ пустыню, или уже во время его уединенія. Онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь и полагалъ, что уже умеръ. Будучи поставленъ въ присутствіе судіи, и спрошенъ о званіи, онъ отвѣчалъ, что онъ христіанинъ. „Ты лжешь“, отвѣчалъ ему судія; „ты не христіанинъ, а цицеронецъ; ибо гдѣ твое сокровище, тамъ и сердце твое“. Онъ подвергнутъ былъ жестокимъ побоямъ, но, по его усиленной просьбѣ и по заступничеству окружающихъ святыхъ, его жизнь была пощажена изъ сожалѣнія къ его молодости. Онъ поклялся никогда опять не раскрывать языческой книги, и, по возвращеніи въ міръ, нашелъ, какъ онъ разсказываетъ, что его плечи были въ синякахъ и тѣло его страдало отъ полученныхъ имъ ударовъ [1]. Іеронимъ, повидимому, пользовался этимъ разсказомъ, смотря по обстоятельствамъ, считая его явною дѣйствительностью, когда онъ желалъ отговорить другихъ отъ изученія свѣтскихъ наукъ, и простымъ сномъ, когда онъ оказывался не въ состояніи отрицать, что онъ не строго соблюдалъ свою клятву [2]. Въ позднѣйшіе вѣка его видѣніе часто приводилось въ оправданіе какъ лѣниваго нежеланія учиться, такъ и фанатическаго презрѣнія къ литературѣ.

---

[1] Рожденіе его Просперъ (Patrol. li, 576) полагаетъ въ 331 году, другіе относятъ къ 342 и даже 346.

[2] Ep. xlviii, 20.

[3] Ep. xxi, 7; cxxv, 12.

[4] Ep. cxxv, 12.

[5] Ep. xxix, 7.

Споры этого времени нарушали даже покой пустыни. Іеронимъ спорилъ съ сосѣдними монахами касательно дѣла Мелетія, Павлина и аполлинаріанина Виталія объ обладаніи каѳедрой антіохійской и объ употребленіи термина „ипостась“ [3]. Когда вслѣдствіе обращенія за руководствомъ къ Дамасу римскому, вопросъ повидимому рѣшенъ былъ въ пользу Павлина, онъ оставилъ пустыню въ 377 году, и въ слѣдующемъ году былъ рукоположенъ этимъ епископомъ во пресвитера, съ условіемъ, чтобы онъ не связанъ былъ никакимъ особеннымъ кругомъ обязанностей. Проведя нѣкоторое время въ Константинополѣ, во время епископства Григорія Назіанзина, котораго онъ глубоко почиталъ, онъ поселился въ 382 году въ Римѣ, гдѣ и дѣйствовалъ въ качествѣ церковнаго секретаря Дамаса и помогалъ ему въ его научныхъ занятіяхъ [4].

Это положеніе, при его талантахъ, его учености и той славѣ религіозной опытности, которую онъ принесъ съ собою съ востока, дало ему возможность могущественно содѣйствовать развитію дѣлу монашества и безбрачія. Онъ скоро пріобрѣлъ громадное вліяніе среди римскихъ знатныхъ дамъ, среди которыхъ особенно извѣстны Марцелла, Аселла, Павла и Фабіола. Онъ руководилъ ихъ духовную жизнь, читалъ и объяснялъ имъ св. Писаніе, хотя ихъ любопытные вопросы часто превосходили его способность отвѣчать на нихъ. Приэтомъ онъ старался вообще склонять женщинъ къ рѣшимости сохранять свое дѣвство или вдовство и принимать аскетическій образъ жизни [1]. Когда стали дѣлаться со стороны замѣчанія о томъ, что онъ ограничиваетъ свои наставленія болѣе слабымъ поломъ, то Іеронимъ отвѣчалъ, что если бы мужчины спрашивали его о св. Писаніи, то онъ и не сталъ бы заниматься съ женщинами. На обвиненіе въ униженіи брака, онъ отвѣчалъ, что онъ восхваляетъ его, насколько бракъ способствуетъ произведенію дѣвственниковъ [2].

---

[1] Ep. xxii, 30.

[2] См. Rufin. Apol. ii, 8, и отвѣтъ Іеронима i, 30, 31; iii, 32. Въ i, 30, онъ говоритъ, что даже если бы это не былъ сонъ, то выводы противъ него были бы ложны.

[3] Ep. v и xvii.

[4] Такъ вообще выводятъ изъ Ep. cxxiii, 10.

Ученіе, которое Іеронимъ преподавалъ своимъ ученицамъ, было не безъ искушеній къ гордости, отъ которой едва ли могли предохранять ихъ его предостереженія. Имъ внушалось удаляться отъ всѣхъ другихъ лицъ; дѣвицу Евстохію онъ увѣщевалъ избѣгать всякаго сношенія съ замужними женщинами, какъ развращающаго [3]. Стремленіе къ благочестію и высшей учености внушало имъ презрѣніе къ обычнымъ удовольствіямъ міра, и имъ внушалось смотрѣть на такія увеселенія, безъ всякаго различія, какъ на самые смертные грѣхи. Тѣхъ, которыя слѣдовали его указаніямъ, Іеронимъ осыпалъ самыми изысканными похвалами. Онъ говорилъ имъ, что мать, посвящающая свою дочь на безбрачіе, „дѣлается тещею Бога“ [4], — каковое выраженіе, не безъ основанія, давало поводъ къ обвиненіямъ его въ кощунствѣ [5]. Одно изъ его посланій представляетъ собою обстоятельный панегирикъ Аселлѣ, написанный Марцеллѣ, которую онъ впрочемъ проситъ не сообщать о немъ ея подругѣ, бывшей предметомъ этого панегирика. Его похвала Павлѣ послѣ ея смерти начинается такъ: „если бы всѣ члены моего тѣла были превращены въ языки и всѣ мои суставы стали бы изрекать человѣческими голосами, то и тогда я не въ состояніи былъ бы сказать что нибудь достойное добродѣтелей святой и почитаемой Павлы“ [6]. Евстохію онъ называетъ „драгоцѣнной жемчужиной“, „драгоцѣннымъ перломъ дѣвства и церкви“ [7]. Она, по его словамъ, „собирая цвѣты дѣвства“, соотвѣтствуетъ той доброй почвѣ въ притчѣ, которая приносила сторичный плодъ, между тѣмъ какъ ея сестра Павлина, умершая въ бракѣ, была подобна той, которая приносила самъ-тридцать, а ея мать, вдовствующая Павла, подобна той, которая приносила самъ-шестьдесятъ [8]. Съ неменьшею ревностью онъ превозноситъ Димитрію, изъ высокой Аникійской фамиліи, которая, съ своею матерью

---

[1] Epp. cxxvii, 7, 8.

[2] Epp. xxii, 19, 20, lxv, 1.

[3] Epp. xxii, 16, 17.

[4] Ep. xxii, 20.

[5] Rufin. Apol. ii, 10.

[6] Epp. xxiv, cviii, 1.

[7] Тамъ же, 4.

[8] Ep. lxvi, 2. Это сравненіе трехъ степеней часто встрѣчается у бл. Іеронима и впослѣдствіи сдѣлалось обычнымъ.

Юліаной принуждена была, вслѣдствіе постигшихъ Римъ бѣдствій, искать убѣжища въ Африкѣ. 414 г. Наканунѣ дня, назначеннаго для ея свадьбы, эта „первая дама римскаго міра, по своему благородству и богатству“ [1]), объявила о своей рѣшимости принять дѣвственную жизнь. Августинъ, Іеронимъ и другіе знаменитые учители писали къ ней по этому случаю. Среди нихъ Пелагій, своеобразное ученіе котораго тогда начинало обращать на себя вниманіе, обратился къ ней, по просьбѣ ея матери, съ обстоятельнымъ письмомъ, въ которомъ его заблужденія выступали такъ сильно, что Августинъ и Алипій сочли необходимымъ противодѣйствовать его вліянію совмѣстнымъ письмомъ къ Юліанѣ [2]). „Что за восторгъ былъ тогда во всемъ семействѣ!“ восклицаетъ Іеронимъ. „Какбы отъ плодотворнаго корня сразу возникло множество дѣвственницъ, и толпа служанокъ и зависимыхъ лицъ послѣдовала примѣру этой госпожи. Въ каждомъ домѣ пылала ревность объ исповѣданіи дѣвства. Нѣтъ, я говорю слишкомъ мало,— всѣ церкви по всей Африкѣ прыгали, такъ сказать, отъ радости. Слава этого подвига достигла не только городовъ, поселеній и деревень, но даже до самыхъ палатокъ варваровъ. Всѣ острова между Африкой и Италіей наполнились молвой, и ликованіе, безъ всякаго препятствія, распространялось все далѣе и далѣе“. Затѣмъ онъ говоритъ, что Римъ снялъ съ себя свои печальныя одежды, считая „совершенное обращеніе своего чада знакомъ божественнаго благоволенія къ нему самому, вознагражденіемъ за тѣ бѣдствія, которымъ онъ подвергался въ послѣднее время“; что берега Средиземнаго моря и странъ востока оглашались прославленіемъ Димитріи. „Даже теперь, говоритъ онъ ей въ словахъ, не допускающихъ болѣе одного смысла, ты получила, о, дѣвица, болѣе, чѣмъ ты пожертвовала. Въ то время, какъ только одна провинція знала тебя, когда ты была невѣстой мужа, весь міръ теперь услышалъ о тебѣ, когда ты сдѣлалась дѣвой Христовой“ [3]).

Изъ римскихъ женщинъ, подпавшихъ вліянію Іеронима, особенно тѣсно связаны съ исторіей его жизни Павла и ея дочь, Евстохія. Павла родилась въ 347 году. Ея отецъ, будто бы, происходилъ отъ Агамемнона; ея мать — отъ Сципіоновъ и Гракховъ [4]). Ея мужъ Токсотій, доводившій свою родовую линію, чрезъ Юліево семейство, до Энея [5]), умеръ въ 380 году, оставивъ ее съ юнымъ сыномъ того же имени и съ четырьмя дочерьми: Блезиллой, Павлиной, Евстохіей и Руфиной. Павла уже смѣнила роскошь и изнѣженность своей прежней жизни на жизнь строго религіозную еще раньше, чрезъ что она и познакомилась съ Іеронимомъ 1). Евстохія, воспитывавшаяся подъ наблюденіемъ благородной и благочестивой вдовы Марцеллы, была первою римскою дѣвицей знатнаго происхожденія, которая посвятила свое дѣвство Богу 2). По желанію ея дяди, Гиметія, его жена, Претекстата, еще разъ одѣла ее по образцу высшаго свѣта, въ надеждѣ, что она быть можетъ согласится оставить свое намѣреніе; но Іеронимъ разсказываетъ, что въ ту же самую ночь матрону во снѣ посѣтилъ ангелъ съ страшнымъ лицемъ и голосомъ, и сказалъ ей, что такъ какъ она предпочла повелѣніе своего мужа повелѣнію Христа, то святотатственныя руки, коснувшіяся головы дѣвицы, изсохнутъ, чрезъ пять мѣсяцевъ она будетъ увлечена въ адъ, и если не раскается немедленно, то ея мужъ и сыновья будутъ взяты отъ нея въ одинъ день. Эти угрозы (разсказываетъ онъ) всѣ исполнились, и изъ судьбы Претекстаты онъ извлекаетъ нравоученіе и для другихъ 3).

---

[1]) Ep. cxxx, 1.

[2]) О письмѣ Пелагія, напечатанномъ среди произведеній бл. Іеронима (Patrol. xxx. 15 и слѣд.) будетъ упомянуто послѣ. Письмо Августина, его друга, составляетъ 188-ое изъ посланій.

[3]) Ep. cxxx, 6.

[4]) Hieron. Ep. cviii, 3.

[5]) Ep. cviii, 4.

Блезилла, старшая дочь Павлы, овдовѣла чрезъ семь мѣсяцевъ послѣ замужества. По выздоровленіи отъ опасной болѣзни, она посвятила себя тому, что называлось своего рода вторымъ крещеніемъ 4),—именно молитвѣ и самоумерщленію. Она проливала слезы не о потерѣ своего мужа, но о невозвратимой потерѣ вѣнца дѣвства 5). Съ изумительною быстротою она изучила еврейскій языкъ, и соперничала съ своею матерью, кто изъ нихъ выучитъ наизусть и пропоетъ большее число псалмовъ въ подлинникѣ. Черезъ три мѣсяца такой жизни, Блезилла умерла, причемъ кончина ея видимо была ускорена ея суровымъ аскетизмомъ. При ея погребеніи, которое совершено было съ пышностью, свойственной ея положенію, Павла была до такой степени сильно взволнована, что была унесена домой замертво. Толпа зрителей разразилась громкими криками: „смотрите, какъ она плачетъ о своей дочери, убивъ ее пощеніемъ!“ и раздавались возгласы о смерти или ссылкѣ монаховъ, кознями которыхъ, какъ говорили въ толпѣ, были очарованы какъ мать, такъ и дочь. Іеронимъ, который особенно имѣлся приэтомъ въ виду, писалъ къ Павлѣ укорительное письмо за обнаруженіе своей скорби, давшей такой поводъ врагамъ: „діаволъ, говоритъ онъ, потерявъ душу ея дочери, теперь старается овладѣть ея собственной душой“ 6).

---

1) Ep. lxvi, 13.
2) Epp. xxii, 17; lxvi, 3; cxxvii, 5.
3) Ep. cvii, 5.
4) Ep. xxxix, 3. О мѣстахъ, касающихся Блезиллы, см. Acta SS. Jan. 22, pp. 29,30.
5) Epp. xxii, 15; xxxviii, 4; xxxix, 1.
6) Ep. xxxix, 5.

Помимо этого народнаго возбужденія, Іеронимъ возбудилъ неудовольствіе и многихъ римскихъ знатныхъ лицъ, родственницы которыхъ находились подъ его руководствомъ. Онъ также пріобрѣлъ многихъ враговъ среди самихъ дѣвственницъ порицаніемъ ихъ несообразностей въ одеждѣ и обычаяхъ [1]), и былъ сильно занятъ спорами съ духовенствомъ, которое онъ обличалъ въ невѣжествѣ, роскоши, хищничествѣ и самолюбіи, на что оно, въ свою очередь, возражало жалобами на его невыносимую заносчивость [2]). Даже его ревностная поклонница, Марцелла, была не въ состояніи одобрить презрѣніе и суровость, съ которыми онъ относился къ своимъ противникамъ [3]), а сатирическія письма, которыя онъ писалъ противъ своихъ собратьевъ, бойко распространялись среди язычниковъ, какъ клонившіяся къ униженію христіанства вообще [4]). Со смертью своего покровителя Дамаса, скончавшагося въ 384 году, чрезъ мѣсяцъ послѣ смерти Блезиллы, онъ лишился своего оффиціальнаго положенія. Онъ разсказываетъ, что въ ранніе дни своего пребыванія въ Римѣ, онъ находился въ необычайномъ почетѣ и даже признаваемъ былъ достойнымъ полученія епископскаго сана [5]); но къ этому времени мнѣніе о немъ измѣнилось. Онъ потерялъ свою популярность, былъ обвиняемъ въ волшебствѣ и въ непристойной интимности съ Павлой. „Какъ?“ съ негодованіемъ спрашиваетъ онъ, „обвиняли ли меня когда нибудь въ томъ, чтобы я увлекался шелковыми платьями, блестящими драгоцѣнностями, раскрашенными лицами, или вообще добивался золота? Была ли среди римскихъ матронъ, бывшихъ въ состояніи покорить мою душу, какая либо другая кромѣ той, которая всегда плачетъ и постится, одѣта въ грязныя лохмотья и почти ослѣпла отъ своихъ слезъ, которая проводитъ всѣ ночи въ мольбахъ о милосердіи Божіемъ, пѣсни которой суть псалмы, рѣчь которой есть евангеліе, удовольствіе которой есть воздержаніе, жизнь которой есть постъ?“ [6]) Въ 385 году, послѣ почти трехлѣтняго пребыванія, онъ въ неудовольствіи оставилъ Римъ и удалился на востокъ. Вскорѣ затѣмъ за нимъ послѣдовала и Павла вмѣстѣ съ Евстохіей. Іеронимъ начертываетъ прекрасную картину того, какъ ея взрослая дочь Руфина и молодой Токсотій провожали ее къ мѣсту посадки на корабль, и умоляли, чтобы она не оставляла ихъ [7]).

Іеронимъ и Павла встрѣтились опять въ Антіохіи и провели нѣкоторое время въ путешествіи вмѣстѣ или отдѣльно. Павла съ величайшимъ благоговѣніемъ посѣтила всѣ святыя мѣста, причемъ самъ Іеронимъ старался, при помощи мѣстныхъ преданій, изучить топографію Палестины съ цѣлью изъясненія св. Писанія. Изъ св. Земли они отправились въ Египетъ, гдѣ и пребывали среди нитрійскихъ монаховъ, а Іеронимъ посѣщалъ лекціи Дидима, послѣдняго знаменитаго учителя огласительной школы Александріи, который, хотя, и слѣпой съ ранняго дѣтства, стоялъ среди передовыхъ людей того вѣка не только по своему генію, но и по богословской и свѣтской учености [1]). Въ 387 году матрона и ея духовный руководитель поселились въ Виѳлеемѣ, въ то время привлекавшемъ къ себѣ массы какъ пилигримовъ со всѣхъ частей христіанскаго міра, такъ и поселенцевъ, желавшихъ воспользоваться всѣми выгодами, какія близость знаменитыхъ въ евангельской исторіи мѣстъ могла имѣть для религіозной жизни. Іеронимъ въ возвышенныхъ выраженіяхъ описываетъ любовь, согласіе и взаимную снисходительность, царствовавшія среди обитателей родины Спасителя [2]), хотя его похвалы быть можетъ главнымъ образомъ основывались на улучшеніи его собственнаго положенія въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ онъ находился въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Римѣ.

---

[1]) Ep. xxvii, 2.

[2]) Epp. xxii, 16, 28.

[3]) Ep. xxvii.

[4]) Rufin, Apol. ii, 5.

[5]) Ep. xlv, 3.

[6]) Тамъ же.

[7]) Ep. cviii, 6.

Павла пріобрѣла весьма большую славу среди паломниковъ, почтеніе которыхъ болѣе чѣмъ вознаграждало за оставленныя ею мірскія выгоды [3]). Въ теченіе нѣкотораго времени Іеронимъ жилъ въ малой кельѣ. Онъ былъ содержимъ Павлой, но носилъ только самую грубую одежду и изъ пищи принималъ только хлѣбъ, воду и стручки. Продавъ остатокъ своего наслѣдства, чрезъ посредство своего брата Павлиніана, котораго съ этою цѣлью онъ отправилъ на западъ, онъ получилъ возможность построить монастырь, въ которомъ, по предположенію, и поселился, а также госпиталь, который былъ открытъ для всѣхъ странниковъ, кромѣ еретиковъ, „дабы, какъ говоритъ онъ, Іосифъ и Марія, если бы они опять пришли въ Виѳлеемъ, вновь не оказались безъ мѣста; ибо наша цѣль омывать ноги тѣмъ, которые приходятъ къ намъ, а не обсуждать ихъ заслуги“ [4]). Его главнымъ литературнымъ занятіемъ здѣсь былъ переводъ св. Писанія. Во время пребыванія въ Римѣ, онъ, по желанію Дамаса, исправлялъ существовавшій латинскій переводъ евангелій на основаніи греческаго; теперь онъ подобнымъ же образомъ исправлялъ латинскій переводъ Ветхаго Завѣта согласно съ текстомъ LXX, заключавшимся въ „Экзаплахъ“ Оригена, которые онъ досталъ изъ библіотеки Кесаріи [1]); но впослѣдствіи онъ приступилъ къ болѣе великому предпріятію, имѣвшему громадную важность въ послѣдующіе вѣка, именно къ прямому переводу Библіи съ еврейскаго. Эти труды возбуждали сильную ненависть противъ него со стороны лицъ, у которыхъ благоговѣніе къ священному писанію, довлѣющее Слову Божію, невѣжественно простиралось на самые недостатки переводовъ, которые они привыкли употреблять. Сдѣланное имъ исправленіе текста евангелій содѣйствовало усиленію его непопулярности въ Римѣ [2]); самая попытка дѣлать какія бы то ни было исправленія въ переводѣ Семидесяти, за которымъ признавалось боговдохновенность, считалась дерзкимъ нечестіемъ. Руфинъ вступилъ съ нимъ въ ожесточенный споръ, и обвинялъ Іеронима въ принесеніи знаній, купленныхъ имъ у „Вараввы синагоги“ для униженія книгъ, которыя апостолы предали церкви [3]). Іеронимъ, защищаясь противъ обвиненія въ презрѣніи къ переводу Семидесяти, въ опроверженіе ссылался на свое предисловіе къ книгамъ Ветхаго Завѣта [5]); даже бл. Августинъ писалъ къ нему съ цѣлью отговорить его отъ продолженія своего труда на томъ основаніи, что послѣ трудовъ столь многихъ переводчиковъ, вѣроятно, ничего уже не можетъ быть сдѣлано въ этомъ отношеніи значительнаго [4]).

---

[1]) *Rufin*. Hist. Eccles. II, 7.
[2]) Ep. XLVI, 10 (написано Марцеллѣ отъ имени Павлы и Евстохіи).
[3]) Hieron. Ep. CVIII, 3.
[4]) Ep. LXVI, 14; adv. Rufin, III, 17.

Своими письмами Іеронимъ дѣйствовалъ какъ духовный руководитель по отношенію ко многимъ набожнымъ лицамъ въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ, продолжая дома надзирать за упражненіями и занятіями Павлы и Евстохіи. Часы жизни благочестивой вдовы и ея дочери были проводимы въ наукахъ, благочестивыхъ упражненіяхъ и дѣлахъ благотворенія: желаніе ихъ проникнуть въ смыслъ св. Писанія было таково, что Іеронимъ часто самъ оказывался въ недоумѣніи отъ ихъ настойчивыхъ разспросовъ [6]). Павла ежедневно обильными слезами оплакивала суету своей молодости, даже въ болѣзни она отказывалась отступить отъ своего обычая ложиться на голомъ полу въ волосяной сорочкѣ; не хотѣла отвѣдать вина, хотя совѣтъ ея врача въ этомъ отношеніи былъ поддерживаемъ духовнымъ авторитетомъ Іеронима и Епифанія, епископа Констанціи, въ Кипрѣ [7]). Она построила три монастыря для женщинъ и одинъ для мужчинъ. Ея имѣніе значительно уменьшилось вслѣдствіе щедрости религіозныхъ и благотворительныхъ дѣлъ предъ оставленіемъ Рима и во время ея путешествія; но теперь она раздавала и послѣднее, и когда Іеронимъ возсталъ противъ этого, она отвѣчала, что желаетъ умереть нищей, не оставляя ничего своей дочери, и самымъ саваномъ хочетъ быть обязана благотворенію другихъ [1]. Евстохія прославилась въ качествѣ примѣра дочерняго послушанія; она никогда не спала отдѣльно отъ своей матери, никогда не ѣла внѣ ея общества, никогда не дѣлала ни шага безъ нея. Въ теченіе жизни своей матери она никогда не имѣла собственныхъ денегъ и, по смерти Павлы, будучи вынуждена содержать множество отшельниковъ и отшельницъ, оказалась обремененною долгами, которые благочестивая вдова дѣлала съ высокими процентами, съ цѣлью получить средства для своихъ необычайныхъ дѣлъ милостыни [2].

---

[1]) De Vir. Illustr. 54.

[2]) Ep. xxvii.

[3]) Apol. ii, 12, 35—37.

[4]) Adv. Rufin. ii, 24—34.

[5]) Ep. xxvii, 2 (или Ep. Hieron. lvi). Въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ (Ep. Hier. civ) Августинъ изображалъ то зло, которое можетъ выйти изъ употребленія латинскаго перевода, несогласнаго съ греческимъ. Іеронимъ отвѣчаетъ (cxii, 19 и слѣд.), и Августинъ отчасти согласился съ нимъ (Ep. Hier. cxvi; 34; 35).

[6]) Ep. cviii, 26.

[7]) Epp. cviii, 15, 20.

Послѣ почти двадцатилѣтняго пребыванія въ Виѳлеемѣ, Павла умерла въ 404 году и была погребена въ церкви Рождества Христова. Погребальные обряды продолжались недѣлю. Одръ ея былъ несенъ епископами, причемъ другіе епископы несли свѣтильники; и за погребальной процессіей слѣдовало безчисленное множество духовенства, монаховъ и мірянъ. Надпись на гробницѣ, составленная Іеронимомъ, содержитъ свидѣтельство о знаменитомъ происхожденіи и связяхъ Павлы, равно какъ и о пожертвованіи ею всего для Христа [3]. Евстохія жила послѣ нея до 419 года, а въ слѣдующемъ году умеръ и самъ Іеронимъ, достигнувъ восьмидесятидевятилѣтняго возраста.

Основатели монашества имѣли въ виду, чтобы ихъ послѣдователи были скорѣе образцами высшей христіанской жизни, чѣмъ учителями. Поэтому, сначала это были простые міряне, но славой своей святости они скоро пріобрѣли вліяніе не уступавшее вліянію духовенства. Хотя по большей части они были мало подготовлены образованіемъ къ тому, чтобы обсуждать богословскіе вопросы, однако же къ нимъ часто обращались за совѣтомъ при разрѣшеніи высочайшихъ и наиболѣе трудныхъ вопросовъ. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ обращались какъ къ своего рода прорицателямъ; такъ, императоръ Ѳеодосій, прежде чѣмъ рѣшаться на войну, считалъ нужнымъ узнать касательно этого мнѣніе Іоанна, знаменитаго пустынника ѳиваидскаго [4]

---

[1] Ep. cviii, 18.

[2] Epp. cviii, 15, 26—30.

[3] Epp. cviii, 28, 29, 33.

[4] *Cassian.* De Coen. Inst. iv, 23. Объ этомъ Іоаннѣ см. *Rufin.* Hist. Mon. , 1; *Pallad.* Hist. Laus. 43—46. Руфинъ говоритъ о его боговдохновенности, какъ божественно дарованной наградѣ за благочестіе императора (Hist. Eccles. ii, 19, 32). Въ посольствѣ къ Іоанну былъ отправленъ евнухъ Евтропій, о которомъ мы будемъ имѣть случай говорить послѣ.

Многіе изъ монаховъ церковное служеніе считали несовмѣстимымъ съ высшею духовною жизнью. Такъ, св. Мартинъ Турскій думалъ, что его чудотворная сила ослабѣла съ того времени, какъ онъ оставилъ свой монастырь для принятія епископства [1]). Пахомій увѣщевалъ своихъ собратій избѣгать рукоположенія, какъ западни [2]), и въ Египтѣ было даже ходячее изреченіе, что „монахъ долженъ избѣгать епископовъ и женщинъ“; потому что никто изъ нихъ не дастъ ему возможности спокойно оставаться въ своей кельѣ, или предаваться созерцанію небеснаго [3]). Аммоній, одинъ изъ монаховъ, сопровождавшихъ Аѳанасія въ Римъ, будучи избранъ на епископію, отрѣзалъ себѣ одно ухо, полагая, что такое уродство лишитъ его права на занятіе высшей церковной должности, какъ это было узаконено въ Ветхомъ Завѣтѣ, и когда ему сказали, что это не послужитъ для него препятствіемъ, онъ угрожалъ отрѣзать себѣ языкъ [4]). Когда однако же одинъ авва, по имени Драконтій, отклонилъ отъ себя епископію, какъ препятствіе къ духовному усовершенствованію, то Аѳанасій сильно опровергалъ его мнѣніе. „И будучи епископомъ, писалъ онъ, ты можешь подвергать себя голоду и жаждѣ, и поститься столь же часто, какъ и Павелъ... Мы знаемъ объ епископахъ, которые постятся, и о монахахъ, которые ѣдятъ; объ епископахъ, воздерживающихся отъ вина, и о монахахъ пьющихъ; объ епископахъ, творящихъ чудеса, и о монахахъ, не творящихъ ихъ; о многихъ епископахъ, которые никогда не женились, и о монахахъ, которые имѣли дѣтей“ [5]). Но хотя по первоначальной идеѣ монашества не одобрялось принятіе церковныхъ степеней, многіе монахи однако же смотрѣли на рукоположеніе какъ на повышеніе, и, по этой причинѣ, добивались его. Бл. Августинъ свидѣтельствуетъ, что это не всегда были такого рода лица, которыя вѣрнѣе всего могли сдѣлать честь церковному служенію [6]); но даже гдѣ и не встрѣчалось препятствій на основаніи нравственнаго характера лицъ, то всетаки результатъ перехода монаховъ въ ряды духовенства часто былъ неудовлетворительный. Св. Іоаннъ Златоустъ, горячій защитникъ монашества, упоминаетъ, что онъ зналъ лицъ, которыя постоянно усовершенствовались, будучи монахами, но ухудшались, вступивъ въ дѣятельную жизнь въ качествѣ членовъ духовенства [7]) и эта перемѣна съ вѣроятностью можетъ быть объяснена предпочивостью отстаивали свои взгляды. Хотя во время аріанскихъ и аполлинаріанскихъ споровъ они оказали много добрыхъ услугъ, церкви, однако же и это они часто дѣлали грубымъ и несообразнымъ способомъ. Часто они вмѣшивались въ избраніе епископовъ, цѣлыми толпами ходя на Востокѣ, разрушали храмы, и если такого именно рода были тѣ монахи, которые приходили въ столкновеніе съ язычниками, то нечего удивляться, что ихъ безграмотность и грубость возбуждали въ этихъ послѣднихъ сильное чувство отвращенія и вражды къ нимъ. Ливаній, отзывъ котораго о нихъ отчасти уже приводился выше, запальчиво говоритъ о нихъ какъ „трутняхъ, которые живутъ въ роскоши на счетъ другихъ людей“, и обвиняетъ ихъ въ томъ, что они захватили значительную часть земли въ свое владѣніе подъ ложнымъ предлогомъ религіи [1]. Императоръ Юліанъ не нашелъ ничего худшаго сказать противъ притязающихъ на характеръ циниковъ, чѣмъ то, что они уподобляются классу тѣхъ „отщепенцевъ“ [2] среди „галилеянъ“, которые, отрекаясь отъ обладаемыхъ ими какихъ нибудь пустяковъ, пріобрѣтаютъ богатство, положеніе [3] и почетъ. Подобнымъ же образомъ Евнатій говоритъ о монахахъ, что они ведутъ „свинскую жизнь“; онъ говоритъ, что всякій, кто предпочитаетъ одѣваться въ черное и пренебрегать общественнымъ приличіемъ, можетъ пріобрѣтать тиранническую власть [4].

---

[1]) *Sulp. Sev.* Dial. II, 4.

[2]) Vita, 24.

[3]) *Cass. De Coen.* Inst. XI, 17.

[4]) Soz. IV, 30; Hist. Laus. 12. Объ Аммоніѣ опять будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

[5]) Athan. ad Drac. 9 (1, 268).

[6]) Ep. LX.

[7]) De Sacerd. III, 15.

Духъ монашества иногда обнаруживался въ необычайныхъ формахъ подвижничества. Такъ, воски или „пасущіеся“, образъ жизни которыхъ возникъ въ Месопотаміи, но впослѣдствіи находилъ подражателей въ Палестинѣ, жили въ горахъ или пустыняхъ, безъ всякой кровли, подвергали себя, почти совершенно нагими, зною и холоду, и питались травой или кореньями, пока не теряли въ тѣлѣ и въ душѣ всякаго образа человѣческаго [5]. Другіе изъ этихъ христіанскихъ подвижниковъ, достигнувъ совершенства, превосходящаго всякое человѣческое чувство, принимали на себя образъ юродства и изумляли жителей городовъ своимъ страннымъ поведеніемъ съ цѣлью показать свое презрѣніе къ мірской славѣ [6]. А въ началѣ пятаго столѣтія появился особый видъ подвижничества такъ называемыхъ стилитовъ или столпниковъ.

---

[1] De Templis, II, 169, edit. Reiske. См. выше стр. 287.

[2] ἀποταχτιστάς. Orat. VII, 224.

[3] τὸ δορυφορεῖσθαι.

[4] Vita Egesippi, p. 472, edit. Boissonadae, Paris, 1849. Зосимъ высказываетъ подобное же обвиненіе (V, 23).

Примѣч. перев. Всѣ эти отзывы, какъ исходящіе отъ язычниковъ, естественно страдаютъ односторонностью и не хотятъ видѣть ничего добраго въ учрежденіи, которому церковь обязана многимъ въ своемъ распространеніи и поддержаніи. Даже такъ называемое „невѣжество“ монаховъ въ послѣдующіе вѣка было единственнымъ источникомъ, гдѣ сохранялась искра просвѣщенія, распространявшагося изъ монастырей въ народную массу и тогда именно, когда на мѣстѣ языческой „просвѣщенности“ водворилась мерзость полнаго запустѣнія.

[5] Soz. IV, 33; Evagr. I, 21.

[6] Evagr. I, 21. Ср. его разсказъ о двухъ подобныхъ юродивыхъ (IV, 34—5).

Первый изъ этихъ подвижниковъ, Симеонъ, родомъ изъ пограничной области между Сиріей и Киликіей, въ дѣтствѣ занимался пасеніемъ овецъ своего отца; но, будучи склоненъ нѣкоторыми словами, услышанными имъ въ церкви, принять монашество, онъ въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ вступилъ въ одинъ строгій монастырь и оставался тамъ въ теченіи девяти лѣтъ. Его воздержаніе и другіе способы самоумерщвленія возбуждали удивленіе и восторгъ монаховъ. Однажды, будучи посланъ за водой, онъ взялъ грубую пальмовую веревку монастырскаго колодца, туго обвязалъ ею себя и заявилъ, что не можетъ найти ее. По истеченіи двухъ недѣль, секретъ былъ обнаруженъ каплями крови, которыя текли изъ его тѣла отъ тренія веревкой; и какъ, по изслѣдованіи, оказалось, веревка въѣлась въ его тѣло такъ глубоко, что ее едва можно было видѣть. Симеонъ, безъ малѣйшаго стона, перенесъ страданіе при ея снятіи, но не позволилъ приложить никакихъ лѣкарствъ къ своимъ ранамъ; и настоятель, вслѣдствіе этого, просилъ его оставить монастырь, чтобы его суровый образъ жизни не возбудилъ духа соревнованія, который могъ быть опасенъ для болѣе слабыхъ братьевъ 1). Симеонъ затѣмъ удалился въ мѣстечко, лежавшее верстахъ въ шестидесяти отъ Антіохіи, гдѣ онъ и жилъ десять лѣтъ въ тѣсномъ заключеніи. Не удовлетворяясь и этимъ, онъ построилъ себѣ столбъ и помѣстился на вершинѣ его, имѣвшей всего около аршина съ четвертью въ діаметрѣ 2). Упражняясь въ этого рода подвижничествѣ, онъ послѣдовательно переходилъ съ одного столба на другой, каждый разъ все большей высоты, такъ что послѣдній изъ нихъ имѣлъ уже сорокъ локтей высоты. И такимъ образомъ онъ прожилъ тридцать семь лѣтъ. Его жизнь сравнивали съ жизнью ангеловъ, такъ какъ онъ возносилъ молитвы за людей изъ своего возвышеннаго состоянія и низводилъ на нихъ благодать 3). Шея его была отягчена желѣзною цѣпью. Во время молитвы онъ кланялся такъ низко, что своимъ челомъ почти касался своихъ ногъ; одинъ зритель однажды насчиталъ тысячу двѣсти сорокъ четыре такихъ поклоновъ, и затѣмъ потерялъ всякій счетъ 4). Столпникъ принималъ нѣсколько скудной пищи только однажды въ недѣлю и постил-

---

1) Vita Sym. 1—3 (Patrol. LXXIII, 326); *Theodoret.* Philoteus. c. 26 (тамъ же, LXXIV, 100); Acta S. Jan. 5.

2) Такъ нужно, вѣроятно, понимать *периметръ* Евагрія, что̀ иначе составляло бы только одинъ футъ въ діаметрѣ. Ѳеодоритъ говоритъ, что Симеонъ помѣстился на столбѣ съ цѣлью избѣжать тѣсноты толпы, которая желала прикоснуться къ нему. Philot. col. 103.

3) Evagr. I, 13.

4) Theodoret. l. c. 107.

ся въ теченіе всего великаго поста. Онъ изрекалъ пророчества и совершалъ много чудесъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ онъ принялъ такой своеобразный способъ подвижничества, сосѣдняя община монаховъ послала спросить его, почему онъ не ограничивался такими способами благочестія, которыми удовлетворялись святые прежнихъ дней. Посланному было поручено просить его оставить свой столпъ и, въ случаѣ отказа, стащить его силою. Но Симеонъ, услышавъ объ этомъ повелѣніи, поднялъ одну изъ своихъ ногъ, какбы для того, чтобы сойти; и вслѣдствіе этого посланный, какъ было ему внушено, призналъ это послушаніе доказательствомъ того, что образъ жизни столпника былъ благоугоденъ Богу, и желалъ, чтобы онъ продолжалъ его [1].

Слава Симеона сдѣлалась безграничной. Изъ самыхъ отдаленныхъ странъ,—изъ Персіи и Еѳіопіи, изъ Испаніи, Галліи и даже изъ Британіи,—стекались толпы поклонниковъ взглянуть на него: и уже при жизни его, въ мастерскихъ Рима, приготовлялись небольшія изображенія его, употреблявшіяся съ цѣлью отогнанія зла [2]. Царь персидскій посылалъ къ нему особыхъ посланныхъ [3]; онъ сносился съ епископами и императорами, и оказывалъ большое вліяніе на общественную жизнь какъ церкви, такъ и государства, причемъ своею жизнью и своими увѣщаніями онъ обратилъ въ христіанство множество сарацинъ и другихъ кочевниковъ пустыни [4].

Наконецъ, къ Симеону явился діаволъ, въ образѣ ангела, и отъ имени Бога повелѣвалъ ему взойти, подобно Иліи, на огненную колесницу въ общество ангеловъ и святыхъ, которые были изображены какбы готовыми привѣтствовать его. Симеонъ поднялъ правую ногу, чтобы вступить на колесницу, но только что онъ сдѣлалъ знаменіе креста, какъ искуситель исчезъ. Въ наказаніе столпнику за то, что онъ такъ разрушилъ сѣть искушеній, діаволъ поразилъ его вередомъ на бедрѣ; и Симеонъ въ видѣ покаянія, рѣшилъ, что нога, которую онъ поднялъ, никогда опять не коснется столпа, и въ теченіи остальныхъ лѣтъ своей жизни держался на одной ногѣ [5]. Симеонъ умеръ въ 460 году въ семидесятидвухъ-лѣтнемъ возрастѣ, и вокругъ мѣста, которое такъ долго служило для него мѣстопребываніемъ, вся природа оплакивала его отшествіе. Птицы издавали печальные крики; на пространствѣ многихъ верстъ люди и животныя наполняли воздухъ стонами, и даже горы, лѣса и долины покрылись густою мглою. Явился ангелъ, съ лицемъ подобно молніи, и въ одеждѣ, бѣлой какъ снѣгъ, и бесѣдовалъ съ семью старцами въ столь странныхъ тонахъ, что нельзя было различить; и когда драгоцѣнное тѣло было унесено въ Антіохію, для того чтобы служить защитой городу вмѣсто стѣнъ, которыя недавно предъ тѣмъ были разрушены землетрясеніемъ, то по пути совершилось множество чудесъ [1].

---

[1] Evagr. I, 14. Ѳедоръ чтецъ говоритъ, что монахи египетскіе отлучили его за это нововведеніе, но впослѣдствіи, познакомившись съ его добродѣтелями, опять приняли его въ общеніе (II, 41).

[2] *Theodoret*. Phil. col. 102, 103.

[3] Тамъ же, 106.

[4] Тамъ же, 104; Vita, 5; Evagr. I, 14.

[5] Vita, 6, 7.

По смерти Симеона, одинъ ученикъ его, по имени Сергій, во исполненіе его желанія, отнесъ его клобукъ императору Льву; но такъ какъ на императора, видимо, не произвелъ достаточно впечатлѣнія докладъ объ этомъ посольствѣ, то Сергій передалъ клобукъ Даніилу, монаху месопотамскаго происхожденія, святость котораго уже засвидѣтельствована была многими чудесами [2]. Даніилъ уже раньше посѣщалъ Симеона и теперь въ видѣніяхъ получилъ внушеніе подражать его образу жизни и воздвигнуть столпъ въ томъ мѣстѣ, которое было указано ему голубемъ,—верстахъ въ шести къ сѣверу отъ Константинополя. Собственникъ земли, позволенія у котораго не было спрошено, жаловался на это вторженіе отшельника Льву и патріарху Геннадію, и Геннадій, будтобы завидуя святости Даніила, или подозрѣвая его въ честолюбіи, готовъ уже былъ удалить его, какъ совершились чудеса въ защиту побужденій столпника. Даніилу вслѣдствіе этого дозволено было удержать за собою свое положеніе, и спустя нѣкоторое время, Геннадію, подозрѣнія котораго еще не совсѣмъ исчезли, было повелѣно особымъ видѣніемъ рукоположить его во священника. Столпникъ признавалъ себя недостойнымъ и не хотѣлъ позволить патріарху приблизиться къ себѣ; но Геннадій, совершилъ рукоположеніе, стоя у подошвы столпа. Тогда Даніилъ приказалъ принести лѣстницу; патріархъ взошелъ на вершину столпа, причастилъ новорукоположеннаго священника и принялъ причастіе изъ его рукъ [3]. Въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ, Даніилъ продолжалъ 461—494 гг. занимать свой столпъ до самой смерти, и наконецъ скончался восьмидесяти лѣтъ отъ роду [5]. Вслѣдствіе постояннаго состоянія, ноги его были покрыты ранами и вередами; и ученики его напрасно старались открыть, какою пищею онъ поддерживалъ свою жизнь. Сильные вѣтры фракійскіе иногда срывали съ него его скудное одѣяніе, и почти сдували его съ мѣста; иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ былъ покрываемъ снѣгомъ и льдомъ, пока Левъ насильственно не снабдилъ вершину его столба особой кровлей [1]. Подобно Симеону, онъ обладалъ даромъ пророчества и чудесъ, считался прозорливцемъ и съ благоговѣніемъ былъ посѣщаемъ царями и императоромъ [2]. Не смотря на всѣ искушенія гордости, Даніилъ до конца жизни сохранилъ свое смиреніе.

---

[1] Vita, 17—21; Evagr. ɪ, 14.

[2] Sym. Metaphrastes in Surius Acta S. vɪ, 850 (Dec. 11), edit. Colon. 1575 г.

[3] Sym. Metaphrast., vɪ, 854.

[4] Тамъ же, 865.

Хотя столпническій образъ жизни считаемъ былъ нѣкоторыми учителями тщеславнымъ и безполезнымъ [3], Симеонъ однако же нашелъ многихъ подражателей въ Сиріи и Греціи, гдѣ о столпникахъ упоминается даже еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи [4]. Но, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ случаевъ, этотъ видъ отшельничества, повидимому, не былъ принятъ въ другихъ странахъ. Когда нѣкій Вулфилаихъ, къ концу шестаго столѣтія, вздумалъ ввести такое подвижничество въ округѣ Тревскомъ, то сосѣдніе епископы приказали разрушить его столпъ [5].

V. Обряды и обычаи.

1. За болѣе широкимъ и общимъ распространеніемъ христіанства среди массъ народа естественно слѣдовало возрастаніе внѣшняго блеска во всемъ, касающемся богослуженія. Церкви строились и украшались съ большими расходами; священнослужащіе одѣвались въ пышныя облаченія, и введены были многіе новые обряды и церемоніи. Но, какъ ни похвально было само по себѣ это стремленіе возвысить внѣшній блескъ богослуженія, перемѣна эта однакоже сопровождалась и нѣкоторыми неблагопріятными условіями, которыя къ этому времени уже начали оказывать свое дѣйствіе. Бл. Іеронимъ жалуется на великолѣпіе, проявляемое въ церквахъ,—на ихъ мраморныя стѣны и колонны, золоченые потолки, украшенные драгоцѣнностями жертвенники—тѣмъ болѣе, что все это стояло въ рѣзкомъ контрастѣ съ небрежностью въ выборѣ лицъ, пригодныхъ для священнослуженія; и онъ съ негодованіемъ опровергаетъ доводы, которыми хотѣли защищать богатство принадлежностей и украшеній въ христіанскихъ церквахъ сходствомъ съ ветхозавѣтнымъ богослуженіемъ [6]. Массы народа обращаемы были въ церковь императорами, безъ достаточнаго разумѣнія ихъ новаго ис-

---

[1] Тамъ же, 851, 854, 856—7.

[2] Тамъ же, VI, 851 и слѣд., 864.

[3] См. напр. увѣщанія св. Нила одному столпнику, Epp. II, 114—5 (около 430 года).

[4] Одинъ англійскій паломникъ восьмаго столѣтія видѣлъ двухъ столпниковъ близь Милета.

[5] Greg. Turon. VIII, 15.

[6] Ep. LII, 10.

повѣданія,—такъ что умы ихъ еще всецѣло были проникнуты языческими понятіями и развращены общимъ разложеніемъ языческой нравственности. Служители церкви пытались привлекать такихъ обращенцевъ церемоніями, которыя могли бы соперничать съ церемоніями ихъ старой религіи, и такимъ образомъ надѣялись подготовлять ихъ къ пониманію той истинной и спасительной сущности, которая воплощалась въ христіанскихъ обрядахъ. Но, къ несчастью, само христіанство много теряло отъ этого, не только вслѣдствіе того, что было унижаемо недостойными исповѣдниками, но и поддавалось вліянію ученія и обрядовъ язычества. Простое внѣшнее исполненіе обязанностей, какъ это было въ язычествѣ, стало считаться многими достаточнымъ также и въ христіанствѣ, и какого нибудь приношенія церкви считалось достаточнымъ для покрытія вины грѣховъ. Бл. Августинъ говоритъ, что обыкновенный христіанинъ, искренно привязанный къ духовному, долженъ былъ столько же выносить отъ издѣвательства своихъ собратій, сколько обращенецъ въ христіанство выносилъ отъ издѣвательства язычниковъ [1]).

Многіе изъ подобныхъ внѣшнихъ христіанъ ходили въ церковь лишь для того, чтобы смотрѣть великіе христіанскіе обряды, и затѣмъ отправлялись въ театры, или даже въ языческіе храмы, чтобы присутствовать при языческихъ зрѣлищахъ [2]). На обрядность церкви смотрѣли какъ на театральное представленіе. Проповѣди слушались какъ рацеи риторовъ, и краснорѣчивые проповѣдники были одобряемы рукоплесканіями, топаніемъ ногами, маханіемъ платками и криками: „православный“, „тринадцатый апостолъ“ и другими подобными восклицаніями, которыя такіе учители, какъ Златоустъ и Августинъ, часто пытались подавить или ограничить, чтобы пріучить свою паству къ болѣе благотворному способу слушанія. Нѣкоторые ходили въ церковь только для того, чтобы послушать проповѣдь, заявляя, что они могутъ молиться и дома [3]), и когда болѣе привлекательныя части богослуженія оканчивались, масса народа уходила, не оставаясь для совершенія евхаристіи, которая въ первые вѣка обыкновенно принималась всѣмъ собраніемъ, а къ этому времени (по крайней мѣрѣ, въ греческой церкви) принималась большинствомъ только на Пасху [4]). „Напрасно“, говорилъ по этому поводу св. Златоустъ, сопоставляя неохоту народа причащаться въ обыкновенные дни съ тою ревностью, съ которою народъ толпами стекался къ причащенію на Пасху, „*мы* стоимъ въ алтарѣ для совершенія таинства, а вы остаетесь вдали“ [5]). Точно также и богословскіе споры, которые занимаютъ такое большое мѣсто въ исторіи этого вѣка, дѣйствовали неблагопріятно на религіозный тонъ, дѣлая высочайшія тайны вѣры предметомъ праздныхъ разсужденій и ставя на задній планъ необходимость религіозно нравственной жизни.

---

[1]) Enarr. in Ps. xlviii, Serm. ii, in Ps. xc, 4; Serm. i, 4.

[2]) *Salvian.* De Gub. Dei. vi. 7.

[3]) *Chrysost.* De Incompregens. Dei Nat. 6 (1, 469).

[4]) *Chrys.* in 1 Tim. Hom. v, 46.

[5]) Hom. 3 in Ep. ad Ephes. p. 133, edit. Field.

Обычаи, возникшіе и развившіеся незамѣтно, теперь опредѣлялись ясными правилами, и вслѣдствіе этого обрядность настолько усложнилась, что дала поводъ къ извѣстной жалобѣ бл. Августина, по которому „обряды увеличились до такой степени, что состояніе христіанскаго народа въ этомъ отношеніи было хуже, чѣмъ состояніе іудеевъ“ [1]). То, что могло быть хорошимъ и полезнымъ, какъ выраженіе благоговѣнія, или средство пробужденія его, благодаря чрезмѣрному умноженію и приписываемой важности, стало получать совершенно независимое значеніе.

2. Языческіе храмы въ нѣкоторыхъ случаяхъ были обращаемы въ церкви; но хотя они и предназначались для совершенія обрядовъ, главнымъ образомъ совершавшихся въ открытыхъ дворахъ, однако же построеніе ихъ не соотвѣтствовало христіанскому богослуженію. Образъ христіанскихъ церквей взятъ былъ съ построеній другаго рода,—такъ называемыхъ базиликъ, и самое это названіе вошло въ церковное употребленіе для обозначенія жилищъ Всемогущаго Царя. Эти строенія были продолговатыя, и обыкновенно раздѣлялись двумя рядами колоннъ на среднюю часть и два болѣе низкихъ предѣла [2]). На отдаленной оконечности зданія была часть, называвшаяся по гречески вима и по латыни tribuna, отличавшаяся отъ остальнаго помѣщенія возвышеніемъ ея пола, заканчивавшимся выдающимся полукругомъ, называвшимся absis. Нижняя часть зданія употреблялась въ качествѣ особаго рода биржи; на вимѣ стоялъ трибуналъ судіи, съ жертвенникомъ предъ нимъ. Такое расположеніе легко было приспособить для богослуженія, какъ въ базиликахъ, переданныхъ церкви, такъ и въ новыхъ зданіяхъ, воздвигнутыхъ по тому же плану.

Въ Константинополѣ, со времени основанія этого города, стала употребляться новая форма церковной архитектуры,—причемъ главною особенностью ея былъ крестообразный планъ и куполъ, возвышавшійся надъ пересѣченіемъ креста, въ подражаніе небесному своду. Этотъ стиль въ позднѣйшія времена не только преобладалъ въ греческой церкви, включая страны славянскаго племени, но и введенъ былъ Юстиніаномъ въ Равеннѣ, а подъ вліяніемъ равеннскихъ образцовъ проникъ и въ другія страны западной Европы.

---

[1]) Ep. LV, 19.

[2]) Такое устройство не было одинаковымъ повсюду. Базилика Траяна имѣетъ двойной рядъ колоннъ съ каждой стороны, между тѣмъ какъ базилика въ Тревахъ была безъ колоннъ. Подобнымъ же образомъ базиликовыя церкви апп. Петра и Павла въ Римѣ имѣли по два предѣла съ каждой стороны храма.

Вопреки обычаю, впослѣдствіи распространившемуся среди тевтонскихъ племенъ, древнія церкви обыкновенно строились лицемъ къ востоку. Паулинъ Нольскій упоминаетъ о такомъ расположеніи, и говоритъ, что онъ самъ, строя церковь въ честь св. Феликса, отступилъ отъ этого обычая, обративъ церковь лицемъ къ гробницѣ своего покровителя [1]).

Ближайшая ко входу часть церкви была притворомъ, который занимался кающимися и оглашенными и открытъ былъ для всѣхъ приходящихъ. Онъ отдѣлялся „прекрасными вратами“ отъ самого храма, въ которомъ помѣщались „вѣрующіе“; въ верхней оконечности храма, въ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ тому, которое въ гражданскихъ базиликахъ назначалось для адвокатуры, помѣщался клиросъ, немного возвышающійся надъ уровнемъ храма и отдѣленный особой рѣшеткой отъ внутренней части церкви, вимы или святилища. Со времени Константина, деревянные жертвенники первобытной церкви начали замѣняться каменными. Введеніе этого матеріала приписывается Сильвестру римскому, хотя и безъ достаточнаго основанія, и эта перемѣна, повидимому, совершилась окончательно предъ временемъ Григорія Нисскаго и Златоуста. Женщины сидѣли отдѣльно отъ мужчинъ [2]), иногда въ закрытыхъ галлереяхъ, каковой порядокъ былъ распространенъ особенно въ восточныхъ странахъ. Церковь обыкновенно окружалась дворомъ, содержащимъ жилища духовенства и другія зданія, среди которыхъ въ соборахъ и другихъ большихъ церквахъ была крещальня. Церкви теперь освящались съ большою торжественностью, и праздновалась годовщина освященія.

На служеніе церкви, съ расширеніемъ круга вѣрующихъ, привлечены были искусства—живописи и скульптуры. Священныя лица, память о которыхъ составляла предметъ почитанія христіанъ, стали изображаться при посредствѣ пластическихъ искусствъ, дѣлавшихъ эти лица и связанныя съ воспоминаніемъ о нихъ назидательныя истины доступными не только ученымъ и книжнымъ людямъ, которые могли знать о ихъ святой жизни по книгамъ, но и неученымъ простецамъ, для которыхъ вмѣсто книгъ могли служить именно наглядныя изображенія. Хотя Евсевій Кесарійскій и говорилъ, что слава Спасителя не можетъ быть изображаема и что истинный образъ святыхъ есть святая жизнь [3]), но священныя изображенія находились уже въ употребленіи въ храмахъ, какъ это видно изъ разсказа о Епифаніѣ, епископѣ Констанціи (въ Кипрѣ), который неодобрительно отнесся къ изображенію Спасителя на завѣсѣ въ церкви въ св. Землѣ [1]). Было въ обычаѣ изображать предметы изъ Ветхаго Завѣта, въ качествѣ иносказательныхъ изображеній евангельскихъ событій. Такъ, вода источаемая изъ скалы, служила для обозначенія крещенія, Моисей, приносящій манну съ неба, означалъ евхаристію, жертва Исаака прообразовала распятіе. Вдобавокъ къ этимъ символическимъ изображеніямъ, стѣны многихъ церквей были покрыты сценами изъ Библіи и исторіи мученичества, а богатыя лица украшали предметами подобнаго же рода свои одежды. Бл. Августинъ говоритъ, что въ его время было много „почитателей изображеній“ [2]). Статуи однакоже еще не воздвигались, и Самъ Спаситель, до слѣдующаго столѣтія, изображался только въ символическихъ образахъ, хотя учители церкви уже и прокладывали путь къ введенію того изображенія, по которому художники позднѣйшихъ вѣковъ выражали свой идеалъ кроткаго величія и нѣжности.

---

[1]) Ep. xxxii, 13 (Patrol. lxi).

[2]) *Aug.* De Civ. Dei, ii, 28.

[3]) Письмо Евсевія объ этомъ къ Констанціи (сестрѣ Константина Великаго) отчасти приводилось на 2 соборѣ Никейскомъ въ 787 году (Hard. iv, 405), но вполнѣ передается кардиналомъ Питрой, въ Spicilegium Solesmense, i, 383—6.

Крестъ былъ украшаемъ драгоцѣнностями и золотомъ, и, вѣроятно, полагался на жертвенникѣ въ церквахъ. Юліанъ обвинялъ христіанъ въ боготвореніи креста [3]); но распятіе, подобно всѣмъ другимъ изображеніямъ Спасителя, воспоминающимъ Его скорби и страданія, сдѣлалось извѣстнымъ только уже послѣ этого времени.

4. Въ теченіе IV столѣтія много было сдѣлано для того, чтобы установить тѣ части литургіи, которыя дотолѣ находились въ неопредѣленномъ состояніи. Имя св. Василія на востокѣ и имя св. Амвросія на западѣ особенно извѣстны въ отношеніи этого труда, хотя съ ихъ произведеніями связывается многое, принадлежащее уже къ позднѣйшему времени [4]). Гимны Амвросія сдѣлались образцами подобныхъ сочиненій въ западной церкви, и, вслѣдствіе общаго названія „Амвросіева стиля“, многія піесы невѣрно были приписываемы ему, какъ произведенія его собственнаго пера.

Раздѣленіе литургіи на литургію оглашенныхъ и литургію вѣрныхъ сохранялось до V столѣтія, когда оно было отмѣнено (на западѣ) вслѣдствіе общаго распространенія христіанства и общаго обычая крещенія дѣтей. Теперь, когда совершеніе христіанскаго богослуженія не сопровождалось опасностью, первая часть богослуженія, состоявшая псалмопѣнія, чтенія св. Писанія, молитвы и проповѣди, была открываема для іудеевъ и язычниковъ, также какъ и для оглашенныхъ и кающихся.

5. При крещеніи введены были нѣкоторые новые обряды, какъ

---

[1]) Разсказъ объ этомъ передается имъ самимъ въ письмѣ, переведенномъ бл. Іеронимомъ (Ер. ʟɪ, 9). Подлинность этого мѣста подвергается сомнѣнію.

[2]) De Morib. Eccl. Cath. ɪ, 34.

[3]) Ap. Cyril. jul. p. 194.

[4]) *Palmer*, Origines Liturgicae, edit. 2, pp. 66, 67, 125—33.

напр. употребленіе свѣчей и соли, и помазаніе елеемъ предъ крещеніемъ (въ знакъ того, что крещаемые дѣлались „царями и священниками Богу [1])“, вдобавокъ къ помазанію мѵромъ, которое продолжало совершаться послѣ этого таинства. Прежній порядокъ подготовленіе былъ видоизмѣненъ раздѣленіемъ оглашенныхъ на три класса,— слушателей, преклоняющихся и просящихъ, причемъ послѣдніе были кандидатами совершенно подготовленными. Навечерія Пасхи и Пятьдесятницы были, какъ и раньше, самымъ обычнымъ временемъ для крещенія. На востокѣ праздникъ Богоявленія сдѣлался самымъ обычнымъ временемъ крещенія, какъ связывавшійся съ воспоминаніемъ о крещеніи Спасителя на Іорданѣ, а обычай крещенія въ праздникъ св. Троицы вышелъ изъ употребленія. Обычай совершенія крещенія въ праздникъ Богоявленія проникъ также въ Африку и въ другія западныя страны; но когда испанскіе епископы крестили въ праздники Рождества, Богоявленія и праздники святыхъ, Сирицій, въ своемъ декретальномъ посланіи къ Гимерію (385 г.), указалъ на этотъ обычай какъ на произвольный, и постановилъ, чтобы крещеніе обыкновенно не совершалось кромѣ какъ на Пасху и въ праздникъ св. Троицы [2]).

Касательно обычая откладывать крещеніе, нѣсколько примѣровъ приведено было въ предъидущихъ главахъ [4]). Отстрочка эта однако же возникала не изъ мнѣнія о непозволительности крещенія дѣтей (потому что въ случаѣ опасности ихъ крестили, и учрежденіе это считалось апостольскимъ), но изъ опасенія, чтобы не навлечь на себя бо́льшую вину чрезъ впаденіе въ грѣхъ послѣ крещенія [4]), и притомъ совершеніе таинства отлагалось не ко времени достиженія сознательнаго возраста, какъ это принято у новѣйшихъ сектантовъ, но до времени серьозной болѣзни, или другой опасности, или, какъ это бывало среди духовенства и монаховъ, до времени вступленія въ новый и болѣе строгій образъ жизни. Знаменитые учители церкви, какъ Григорій Назіанзинъ и его соименникъ, Григорій Нисскій, старались противодѣйствовать этому обычаю, выставляя тѣ заблужденія, на которыхъ онъ основывался [5]). Григорій Нисскій свидѣтельствуетъ, что подъ страхомъ землетрясеній, язвы или другихъ общественныхъ бѣдствій, такое множество стремилось къ крещенію, что духовенство было задавлено трудомъ по принятію ихъ [1]).

---

[1] Откр. i. 9; 1 Пет. ii, 5, 9.

[2] Siric. ad Himer. ii (Hard. i, 847); ср. Leo. Ep. xvi (Patrol. liv).

[3] Въ примѣръ можно указать Константина, Констанція, Валентиніана I, Валента, Граціана, Валентиніана II, Ѳеодосія, Григорія Назіанзина, Василія Великаго, Амвросія, Нектарія, бл. Іеронима.

[4] *Aug.* Confess. i, 11.

[5] *Grec. Naz.* Orat. xl, 12 и слѣд.; Greg. Niss «adversus eos qui differunt baptisma» въ томѣ III его твореній.

6. Касательно времени совершеніе евхаристіи обычаи церкви разнообразились [2]). Гдѣ не совершалось ежедневнаго освященія даровъ, тамъ сдѣлалось обычнымъ сберегать освященный хлѣбъ, который впослѣдствіи сталъ даже употребляться для различныхъ цѣлей; такъ, есть извѣстіе, что Сатиръ, братъ св. Амвросія, былъ спасенъ во время кораблекрушенія тѣмъ, что привязалъ частичку тѣла Христова себѣ на шею [3]); и при другомъ случаѣ, приложеніемъ такой частички въ видѣ припарки, были открыты глаза слѣпому [4]). По освященіи даровъ, народъ причащался ими подъ обоими видами; отказъ въ чашѣ считался признакомъ манихейской ереси [5]).

7. Названіе агапы теперь употреблялось въ различномъ смыслѣ отъ того, что имъ обозначалось первоначально: именно оно означало теперь празднество, совершавшееся церковью надъ гробами мучениковъ, или семействами надъ гробами своихъ родственниковъ [6]). Эти празднества замѣнили собою языческія parentalia, и совершались иногда съ такою непристойностью и излишествами, что епископы и соборы въ теченіе послѣдней части этого столѣтія старались о подавленіи ихъ. Но празднества эти такъ укоренились въ народѣ, что отмѣна ихъ была дѣломъ не легкимъ, и едва ли можно было попытаться на нее безъ опасности. Такъ, 3-й соборъ карѳагенскій, въ 397 г., не осмѣлился запрещать ихъ совсѣмъ, а лишь насколько это было возможно [7]), и свидѣтельства о существованіи ихъ продолжали встрѣчаться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до слѣдующаго столѣтія.

8. День Господень соблюдался съ большею строгостью, чѣмъ прежде, хотя различіе между нимъ и субботой, въ отношеніи происхожденія, авторитета и способа совершенія, еще тщательно поддерживалось. Константинъ Великій, какъ мы видѣли [8]), повелѣлъ, чтобы въ этотъ день не происходили никакія судебныя засѣданія и военныя упражненія; однако же онъ позволилъ производить земледѣльческія ра-

---

[1]) ш, 217.

[2]) См. Bas. Ep. 93, August. Ep. LIV, 2.

[3]) Сатиръ былъ въ это время только оглашенный, но получилъ хлѣбъ отъ вѣрующаго. *Ambros.* De Excess. Frat. Satyri, I, 43.

[4]) *Aug.* Op. Imperf. c. Julian, III, 162.

[5]) Leo. Serm. XLII, 5 (Patrol. LIV).

[6]) Conc. Laod. 372 г. (?); c. 28. Suicer подъ словомъ, ἀγάπη col. 27. Бл. Августинъ упоминаетъ, что его мать, будучи въ Миланѣ, желала исполнить свой африканскій обычай и отнести хлѣбъ и вино на гробницы мучениковъ. Но ей сказано было, что св. Амвросій запретилъ этотъ обычай (Confess. VI, 2). Самъ бл. Августинъ дѣятельно старался о подавленіи обычая ѣсть и пить въ церквахъ, какъ въ своемъ собственномъ діоцезѣ, такъ и побужденіемъ другихъ епископовъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Epp. 22, 29; De Mor. Eccl. Cath. I, 34 и слѣд.

[7]) С. 30.

[8]) См. выше, стр. 170; Cod. Just. III, XII, 3.

боты, чтобы не терять благопріятныхъ условій погоды. Соборъ Лаодикійскій, порицая всякое іудейство въ соблюденіи этого дня, постановилъ, чтобы трудъ, насколько возможно, былъ прекращаемъ въ этотъ день [1]. Ѳеодосій въ 379 и затѣмъ въ 386 году постановилъ, чтобы въ этотъ день не происходило никакихъ гражданскихъ занятій, и отмѣнилъ зрѣлища, въ которыхъ язычники находили себѣ утѣшеніе съ того времени, какъ день этотъ былъ освобожденъ Константиномъ [2] отъ другихъ свѣтскихъ употребленій.

Обычай соблюденія субботы, на подобіе дня Господня, теперь ослабѣвалъ. Лаодикійскій, только что приведенный, канонъ обличалъ прекращеніе труда въ этотъ день, какъ признакъ іудейства [3].

9. Квартодециманскій обычай празднованія Пасхи окончательно осужденъ былъ соборомъ Никейскимъ, и отселѣ сталъ считаться признакомъ неправославности [4]. Но такъ какъ соборъ не установилъ, какимъ способомъ собственно опредѣлять этотъ день, то оказалось, что хотя Пасха повсюду соблюдалась въ воскресный день, вычисленія его однако же, разнообразились въ различныхъ церквахъ иногда на мѣсяцъ или даже больше. Восточныя церкви въ общемъ руководились Александрійскимъ календаремъ, и въ vi столѣтіи александрійское вычисленіе было принято и въ Римѣ.

Наклонность этого вѣка къ умноженію обрядовъ коснулась и празднованія Пасхи. Недѣля передъ праздникомъ проводилась съ особенною торжественностью, и въ четвергъ вечеромъ совершалось евхаристія, въ особое воспоминаніе о ея первоначальномъ установленіи [5]. Наканунѣ Пасхи, въ „великую субботу“, города иллюминовались [6], и толпы богомольцевъ, со свѣчами въ рукахъ, какъ символами крещальнаго „озаренія“, устремлялись въ церкви, гдѣ они и оставались въ бдѣніи до утра воскреснаго дня. Слѣдующая недѣля была временемъ радости; новокрещенные ходили въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ до слѣдующаго воскреснаго дня.

Праздникъ Богоявленія проникъ изъ восточныхъ церквей и на западъ, гдѣ онъ соблюдался, главнымъ образомъ, въ воспоминаніе богоявленія Спасителя волхвамъ, а также и въ воспоминаніе Его перваго чуда и другихъ знаменій [7]. Такъ какъ донатисты отвергали этотъ праздникъ, то можно заключать, что онъ былъ неизвѣстенъ въ Африкѣ до времени ихъ отдѣленія отъ церкви; самое раннее ясное свидѣтельство о его праздновании въ какой либо западной странѣ относится къ 360 году, когда Юліанъ совершалъ его въ Вѣнѣ не задолго до своего отступничества. Подобнымъ же образомъ празднованіе Рождества Христова проникло съ запада на востокъ. Оно введено было въ Антіохіи вскорѣ послѣ 375 года, и совершалось тамъ 25 декабря, хотя въ другихъ церквахъ оно соединялось вмѣстѣ съ Богоявленіемъ [1]). Мнѣніе, что праздникъ Рождества былъ установленъ съ цѣлью вознаградить за языческія празднества этого времени, опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что древніе христіане, отъ которыхъ ведетъ свое начало этотъ праздникъ, противодѣйствовали празднествамъ язычниковъ установленіемъ не празднествъ, но постовъ. Такъ, на западѣ трехдневный постъ при началѣ года былъ установленъ въ противоположность сатурналіямъ [2]).

---

[1] Εἴε δυναίντο, c. 29.

[2] Cod. Theodos. viii, 3; xi, vii, 13; xv, v, 2.

[3] C. 29.

[4] См. напр. Conc. Antioch. c. 1; Conc. Laud. c. 7. Нѣкоторые изъ восточныхъ новаціанъ, хотя въ общемъ и православные, придерживались его. Socr. v. 21.

[5] Aug. Ep. liv, 6—9.

[6] *Euseb.* Vita Const. iv, 22.

[7] *Aug.* Serm. ccii, 1.

Праздники нѣкоторыхъ наиболѣе знаменитыхъ святыхъ, какъ апп. Петра и Павла, св. Іоанна Крестителя и св. Стефана, бывшіе сначала только мѣстными, въ IV столѣтіи сдѣлались общими для всей церкви.

Обычай пощенія, который сначала въ значительной степени предоставлялся собственному усмотрѣнію отдѣльныхъ лицъ, теперь былъ установленъ церковными законами. Великій постъ въ 36 дней, такъ сказать, „десятина года“ [3]), сдѣлался общимъ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, хотя и съ различіемъ касательно его начала вслѣдствіе того обстоятельства, что на востокѣ суббота, равно какъ и воскресный день, были изъяты изъ времени пощенія.

Съ нѣкоторыми святыми днями и временами связывались дѣла милосердія. Такъ, Константинъ В. повелѣлъ, чтобы по воскреснымъ днямъ совершалось освобожденіе рабовъ. Запретивъ судебныя дѣла вообще по воскреснымъ днямъ, онъ исключилъ обязанность отпущенія и другія подобныя дѣла милости, какъ сообразныя съ характеромъ дня [4]). Пасха сдѣлалась главнымъ временемъ отпущенія. Θеодосій, въ 360 году, запретилъ производство уголовныхъ дѣлъ въ теченіе Великаго поста [5]). Девять лѣтъ спустя, онъ издалъ подобное же запрещеніе всякихъ тѣлесныхъ наказаній въ теченіе того же времени [1]), и въ 387 году онъ возобновилъ законы старшаго и младшаго Валентиніановъ, которыми повелѣвалось, чтобы всѣ узники, исключая повинныхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, были освобождаемы на Пасху [2]).

---

[1]) Св. Златоустъ въ Бесѣдѣ на праздникъ Рождества, произнесенной въ Антіохіи въ 386 г., говоритъ, что праздникъ этотъ былъ введенъ тамъ не болѣе десяти лѣтъ предъ тѣмъ (II, 355).

[2]) Левъ Великій говоритъ, что праздникъ Рождества нужно проводить не въ плотской, но въ духовной радости. Hom. XXII, 5.

[3]) Cassian. Coll. XXI, 25; Greg. Magn. Hom. in Evang. XVI, 5. Четыре дня предъ первымъ воскресеньемъ были приданы на западѣ въ позднѣйшее время, по нѣкоторымъ Григоріемъ Великимъ, по другимъ,—Григоріемъ II.

[4]) Cod. Theodos. II. VIII, 1.

[5]) Cod. Theodos. IX, XXXV, 4.

10. Въ теченіе этого столѣтія постановлены были многіе каноны по предмету покаянія, которое такимъ образомъ разработано было съ большими подробностями. На востокѣ покаяніе обыкновенно предоставлялось совѣсти отдѣльныхъ лицъ, особенно послѣ того, какъ Нектарій, вслѣдствіе одного зазорнаго случая, отмѣнилъ должность покаяннаго пресвитера въ Константинополѣ въ 391 году. Сократъ, писавшій около 439 г. [3]), выражаетъ опасеніе за возможность возникновенія зла отъ такой отмѣны, и Созоменъ нѣсколько позже свидѣтельствуетъ, что послѣдовало ухудшеніе въ нравственности. Должность покаяннаго пресвитера, повидимому, не существовала на западѣ. О духовномъ дѣленіи кающихся на классы уже не упоминается послѣ v столѣтія.

11. Почести, оказывавшіяся мученикамъ, естественно возросли, такъ какъ, вслѣдствіе прекращенія гоненія, случаи мученичества сдѣлались весьма рѣдкими. Въ половинѣ столѣтія сдѣлалось обычнымъ произносить похвальныя слова на дни, назначенные въ воспоминаніе мучениковъ. Проповѣдники, чувствуя себя обязанными сдѣлать все возможное для выясненія предмета, всячески прославляли мучениковъ и излагали ихъ жизнь. Какъ издревле, такъ и теперь вѣровали христіане что мученики ходатайствуютъ за своихъ братьевъ, и знаютъ объ обращенныхъ къ нимъ желаніяхъ. Отсюда возникъ обычай призывать ихъ на ихъ гробницахъ, и просить заступничества въ дѣлахъ, какъ духовныхъ, такъ и вещественныхъ. Къ мученикамъ были присоединены вскорѣ и другія святыя личности, какъ знаменитые библейскіе праведники и знаменитые иноки. Святые были избираемы въ качествѣ особыхъ покровителей, не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми городами [4]). Тѣла мучениковъ пользовались особымъ почтеніемъ. Жертвенники и часовни строились на ихъ гробницахъ; мощи ихъ переносились съ первоначальныхъ мѣстъ погребенія, и отдѣльнымъ частямъ ихъ приписывалась сверхъестественная сила, и онѣ полагались подъ престолами церквей. О подобныхъ перенесеніяхъ не упоминается въ разсказѣ о церквахъ, построенныхъ Константиномъ, но въ царствованіе Констанція, были найдены нѣкоторыя тѣла, принадлежавшія

---

[1]) Тамъ же, 5.

[2]) Val. i, 367—8 гг. in Cod. Theodos. ix, xxxviii. 3—4; Ual. ii, 381—4 г. тамъ же, 6—8. Законовъ Θеодосія нѣтъ въ этомъ кодексѣ.

[3]) До этого именно года доведена его „Исторія“.

[4]) Theodoret. iv, 593—4.

апостоламъ, и торжественно перенесены въ Константинополь ¹). Есть свидѣтельства, что впослѣдствіи были находимы даже останки другихъ библейскихъ святыхъ, какъ напр. пророка Самуила и даже патріарха Іосифа, и съ цѣлью избѣгнуть ошибки въ отношеніи опредѣленія тѣлъ, лежавшихъ въ землѣ въ теченіе цѣлыхъ сотенъ или тысячъ лѣтъ, сами святые являлись въ видѣніяхъ, и открывали мѣста своего погребенія ²). Отъ мощей святыхъ совершались чудеса, и такъ какъ впослѣдствіи въ этомъ отношеніи появились нѣкоторыя злоупотребленія, такъ что явились промышленники, старавшіеся наживаться на счетъ довѣрчивости толпы, то Ѳеодосій, въ 386 году, постановилъ, что никто не имѣетъ права покупать или продавать тѣла мучениковъ и переносить ихъ съ одного мѣста на другое ³).

Пресвятая Дѣва почиталась выше другихъ святыхъ. Она считалась высшимъ образцомъ святости, и это вѣрованіе особенно установилось во время споровъ слѣдующаго столѣтія. Съ другой стороны являлись уже и попытки противодѣйствовать этому почитанію, и извѣстны свидѣтельства, что приснодѣвство Богоматери отрицалось аноміаниномъ Евноміемъ, нѣкоторыми аполлинаріанами, Гельвидіемъ, римскимъ законникомъ (въ 383 году), и Боносомъ, епископомъ Сардикійскимъ (392 г.) ⁴), и появилась даже особая секта антидикомаріонитовъ (противниковъ Маріи), существовавшая въ Аравіи и отвергавшая поклоненіе пресвятой Дѣвѣ.

Наконецъ, у св. Амвросія мы видимъ свидѣтельство и о томъ, что въ этомъ столѣтіи существовало и призываніе ангеловъ хранителей ⁵).

12. Со времени посѣщенія императрицей Еленой святой Земли стало быстро входить въ обычай паломничество къ святымъ мѣстамъ. Установилось мнѣніе, что не только посѣщеніе мѣстъ, освященныхъ воспоминаніями о библейскихъ событіяхъ, способно возжигать или возвышать благочестіе, но что и молитвы, принесенныя въ этихъ священныхъ мѣстахъ, особенно благопріятны Богу. Отсюда нѣкоторыя мѣста сдѣлались особенно посѣщаемы поклонниками вслѣдствіе совершившихся на нихъ чудесъ. Изъ всѣхъ странъ, даже изъ отдаленной Британіи, паломники стекались къ священнымъ мѣстамъ Палестины, и, по возвращеніи своемъ, приносили домой воду изъ Іордана, землю отъ гроба Искупителя, или частицы св.

---

¹) Hieron. Chron. 360.

²) Soz. vii, 21.

³) Cod. Theodos. ix, xvii, 7.

⁴) Philostorg. vi, 2; Epiph. lxxvii, 26; Hieron. c. Helved. (t. ii); Ambros. de Inst. Virg.

⁵) Ambros. de Viduis. 9.

креста. Паломничество сдѣлалось даже моднымъ, и скоро въ него проникли свойственные всякой модѣ недостатки, такъ что стали необходимыми предостереженія противъ заблужденій и злоупотребленій въ этомъ отношеніи. Инокъ св. Иларій, во время своего пятидесятилѣтняго пребыванія въ Палестинѣ, посѣтилъ святыя мѣста только однажды и только въ одинъ день, съ тою цѣлью, какъ онъ говоритъ, чтобы не показать, будто онъ пренебрежительно относится къ нимъ вслѣдствіе близости къ нимъ, или не давать повода къ предположенію, что благодать Божія ограничивается какимъ либо особымъ мѣстомъ [1]). Св. Григорій Нисскій написалъ трактатъ съ выразительною цѣлью отговаривать отъ паломничества. Среди блаженствъ Спасителя, говоритъ онъ, нѣтъ ни одного для посѣщающихъ Іерусалимъ. Паломничество оказывается особенно соблазнительнымъ для женщинъ, такъ какъ онѣ не могутъ совершать его безъ сопутствія мужчинъ, и подвергаются постоянной опасности отъ смѣшаннаго общенія съ ними на постоялыхъ дворахъ. Спаситель уже не живетъ тѣлесно въ святыхъ мѣстахъ; Онъ и Его св. Духъ не ограничиваются Іерусалимомъ. Перемѣна мѣстъ не приводитъ насъ ближе къ Богу: гдѣ бы мы ни были, Онъ можетъ придти къ намъ, если наши сердца составляютъ пригодное мѣсто, въ которое бы „Онъ могъ вступить и обитать въ немъ;“ но если внутренне человѣкъ исполненъ злыхъ мыслей, то хотя бы мы были на Голгоѳѣ, на горѣ Елеонской, или на мѣстѣ Воскресенія, мы будемъ далеки отъ принятія Христа внутрь насъ, какъ тѣ, которые даже и не начинали чувствовать Его. Григорій говоритъ, что онъ самъ совершалъ паломничество не изъ любопытства, а на своемъ пути на сѣверъ въ Аравію, и избѣгъ обычныхъ опасностей вслѣдствіе путешествія въ императорской каретѣ и въ сопровожденіи религіозныхъ собратьевъ: однако же созерцаніе этихъ мѣстъ ничего не придало его вѣрѣ въ рождество, воскресеніе и вознесеніе, между тѣмъ какъ ужасная развращенность жителей доказала ему, что особенной благодати не можетъ быть въ этихъ мѣстахъ, и научила его цѣнить выше, чѣмъ раньше, религію своей собственной Каппадокіи. Иноки (говоритъ онъ) должны стараться совершать паломничество скорѣе отъ плоти къ Господу, чѣмъ изъ Каппадокіи въ Палестину [2]). Даже бл. Іеронимъ, хотя онъ самъ жилъ въ св. Землѣ и въ нѣкоторыхъ изъ своихъ сочиненій распространяется о вліяніи на него связанныхъ съ этою землею священныхъ воспоминаній [3]), въ другихъ мѣстахъ серьезно предостерегаетъ противъ обольщеній, которыми масса паломниковъ привлекается туда. „Похвально, говоритъ онъ о Павлинѣ, не быть только въ Іерусалимѣ, но жить благочестиво въ Іерусалимѣ. Мѣста распятія и воскресенія полезны тѣмъ, которые несутъ крестъ свой и ежедневно возстаютъ опять съ Христомъ,—тѣмъ, которые оказываются достойными столь знаменитаго мѣстопребыванія; что же касается тѣхъ, которые говорятъ: „храмъ Господень, храмъ Господень“, то пусть они послушаютъ словъ апостола: „вы храмъ Господень, и св. Духъ обитаетъ въ васъ“. Доступъ во дворъ небесный открытъ одинаково изъ Іерусалима и изъ Британіи: ибо царство Божіе внутри васъ“ [1]).

---

[1]) Hieron. Ep. LVIII, 3.

[2]) De iis, qui adeunt Hierosolyma. Opera II, 1084—7. Подлинность этого мѣста, впрочемъ, подвергается сомнѣніямъ.

[3]) Напр. Epp. XLVI, 4; XLVII, 2; CVIII, 2 и слѣд.

VI. Противодѣйствіе тенденціямъ вѣка.

Новые идеи и обряды, введенные въ церковь, вызывали издѣвательство со стороны старыхъ сектъ, въ родѣ новаціанъ и манихеевъ, которые громко обвиняли православныхъ въ язычествѣ. Учители того вѣка не могли также не замѣчать проникновенія нѣкоторой испорченности, и пытались противодѣйствовать ей. Но они вмѣстѣ съ тѣмъ сами впадали въ крайность, частью вслѣдствіе желанія усилить успѣхъ евангелія и кротко относиться къ обращенцамъ, частью вслѣдствіе снисходительности къ благочестивому намѣренію, которое лежало подъ странными и неразумными проявленіями, или изъ недостатка той исторической опытности, которая бы дала имъ возможность открывать возникающіе зародыши зла. Съ другой стороны, были люди, которые рѣшительно возставали противъ тенденцій времени, но, къ несчастью, съ такою примѣсью заблужденія въ своихъ собственныхъ мнѣніяхъ и иногда съ такою неразумностью въ поведеніи, что они возбуждали общую ненависть и лишь усиливали дѣло, которому они старались противодѣйствовать.

Между другими, въ этомъ отношеніи выдавался Аерій, пресвитеръ севастійскій, въ Малой Арменіи, хотя иотносящійся къ болѣе раннему времени, около 360 года. У Епифанія онъ называется аріаниномъ, но своею извѣстностью онъ обязанъ своимъ нападкамъ на ученіе и обряды церкви. Вслѣдствіе своего разочарованія въ стремленіи къ епископіи севастійской, онъ началъ утверждать, что епископы и пресвитеры равны между собою,—мнѣніе, которое въ тѣ дни было совершенно новымъ, такъ какъ почти всѣ секты, при своемъ возникновеніи, старались добиться епископскаго посвященія для своихъ священнослужителей, и даже тѣ, которыя отступали отъ обычной практики, признавали необходимость трехъ степеней іерархіи. Впрочемъ, хотя Аерій и отрицалъ божественное установленіе епископства, онъ, повидимому, допускалъ ея законность [1]). Онъ отрицалъ полезность установленныхъ постовъ и молитвъ и милостыни за умершихъ; его послѣдователи, въ рѣшительное противодѣйствіе церкви, избирали воскресный день для своихъ случайныхъ постовъ, между тѣмъ какъ они свободно ѣли въ четвертый и шестой дни недѣли, и проводили покаянную часть пасхальнаго времени въ пиршествахъ. Можно думать, что Аерій совершенно отвергалъ празднованіе Пасхи, хотя нѣкоторые писатели предполагаютъ, что его возраженія направлялись только противъ обычая ѣсть пасхальнаго агнца, который въ нѣкоторыхъ церквахъ удерживался до его времени и который онъ считалъ остаткомъ іудейства.

---

[1]) Ep. LVIII, 2, 3.

Среди западныхъ противниковъ преобладающей системы былъ Іовиніанъ, монахъ римскій, который началъ провозглашать о своихъ мнѣніяхъ около 388 года. Хотя онъ и не оставилъ своего монашескаго обѣта [2]), однимъ изъ его главныхъ ученій было отрицаніе преимущества, обыкновенно приписывавшагося безбрачію. Онъ отрицалъ приснодѣвство матери Спасителя, и училъ, что если безбрачныя и брачныя лица равны въ другихъ отношеніяхъ, то они равны также и по своему положенію. Онъ возставалъ противъ почтенія къ подвигу мученичества отрицалъ заслугу пощенія и различія въ пищѣ; училъ, странно извращая библейскіе тексты, что между людьми нѣтъ другаго различія, кромѣ великаго раздѣленія на праведныхъ и злыхъ, что нѣтъ различія въ степеняхъ или классахъ, и что впослѣдствіи не будетъ никакого различія въ степени наградъ и наказаній [3]). Всякій, истинно крещенный, по мнѣнію Іовиніана, ничего не могъ пріобрѣсти больше усовершенствованіемъ христіанской жизни. Онъ долженъ сохранять лишь то, что уже дано ему. Но крещеніе, которое Іовиніанъ считалъ истиннымъ, отличалось отъ таинства церкви; въ дѣйствительности, онъ совершенно отвергалъ идею видимой церкви. Истинное крещеніе, говорилъ онъ, есть крещеніе отъ Духа, сообщающаго неизгладимую благодать, такъ что крещенные уже не могутъ быть побѣждаемы діаволомъ. Если кто нибудь послѣ принятія крещенія впадалъ въ грѣхъ, то это было доказательство, что онъ никогда не принималъ внутренняго крещенія; но такое лицо могло послѣ покаянія сдѣлаться участникомъ истинно духовнаго крещенія.

---

[1]) См. Epiph. lxxv, 3.

[2]) *Aug.* De Haeres. 72. Бл. Іеронимъ называетъ его „Эпикуромъ христіанъ“, обвиняетъ его въ томъ, что онъ смѣнилъ монашескую строгость на жизнь роскоши, и начертываетъ смѣшную картину его лоснистой, нарядной и веселой внѣшности. Онъ спрашиваетъ его: „если ты считаешь бракъ одинаково хорошимъ съ безбрачіемъ, то почему ты не женишься?“ (Adversus Jovin. i, 1, 40). Даже бл. Августинъ, вмѣсто того, чтобы восхвалять въ Іовиніанѣ безбрачіе, считавшееся столь почетнымъ у другихъ, говоритъ, что онъ оставался холостымъ съ цѣлью избѣжать тягостей брачной жизни. De Haeres. 72.

[3]) Hieron. i, 3; ii, 18—20.

Всѣ грѣхи Іовиніанъ считалъ равными; онъ не допускалъ также никакого различія въ степени виновности тѣхъ грѣховъ, которые совершены были раньше крещенія, и тѣхъ, которые были совершены послѣ него. Съ такими ученіями естественно связывалось недостаточное сознаніе важности личныхъ грѣховъ [1].

Мнѣнія Іовиніана находили благопріятную почву въ народномъ сознаніи въ Римѣ, гдѣ онъ пріобрѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ и склонилъ вступить въ бракъ многихъ лицъ обоего пола, принявшихъ предъ тѣмъ безбрачную жизнь; но среди духовенства онъ не находилъ приверженцевъ. Будучи осужденъ и отлученъ въ 390 г. соборомъ, подъ предсѣдательствомъ Сириція, онъ отправился въ Миланъ, въ надеждѣ найти милость у Ѳеодосія; но Амвросій получилъ предостереженіе касательно его отъ Сириція, и римскій приговоръ былъ повторенъ и въ Миланѣ [2]. Противъ Іовіана писалъ бл. Іеронимъ, а также и бл. Августинъ въ книгѣ, подъ заглавіемъ, „о благѣ брака“ [3]. Объ Іовиніанѣ ничего болѣе неизвѣстно. Іеронимъ говоритъ въ 404 году о немъ уже какъ объ умершемъ; однако же нѣкоторые предполагаютъ, что одно и тоже съ нимъ было то лицо, которое подъ именемъ Іовиніана восемь лѣтъ спустя было обвиняемо въ нарушеніи мира римской церкви религіозными собраніями, и которое приговорено было указомъ Гонорія къ жестокимъ побоямъ, и впослѣдствіи было изгнано [4].

Здѣсь же можно упомянуть еще объ одной личности, хотя она и выступила нѣсколько позже. Это именно былъ Вигилянцій, сынъ содержателя гостинницы въ Калагуррѣ (Гурра или Казеръ), на французской сторонѣ Пиринеевъ. Въ ранней молодости онъ нѣсколько лѣтъ занимался промысломъ своего отца, и затѣмъ былъ взятъ въ семейство Сульпиція Севера, жизнеописателя св. Мартина, гдѣ онъ получилъ возможность предаться наукамъ, и былъ возведенъ въ пресвитера. Чрезъ Сульпиція онъ познакомился съ Павлиномъ, знатнымъ аквитанцемъ римскаго семейства, который, занимая высокія гражданскія должности, даже, какъ говорятъ, консульство, оставилъ міръ, насильственно рукоположенъ былъ во пресвитера въ Барцелонѣ и поселился въ Нолѣ, въ Кампаньи, съ цѣлью быть возможно ближе къ гробницѣ св. Феликса, исповѣдника времени Деція [5]. Павлина можно считать примѣромъ того, какъ духъ вѣка дѣйствовалъ на религіозную и восторженную душу. Въ пламенномъ раскаяніи въ своей прежней жизни и ея грѣховности, онъ уговорилъ свою жену Терасію оставить брачную жизнь, продалъ какъ ея, такъ и свое собственное имѣніе, и жилъ по монашески, съ нѣсколькими сотоварищами, предаваясь дѣламъ благочестія и благотворенія [1]. Онъ отличался особеннымъ благоговѣніемъ къ святымъ. Особенно онъ преданъ былъ св. Феликсу; построилъ церковь надъ его гробомъ, и украсилъ ее иконами, среди которыхъ были сцены изъ Ветхаго Завѣта и символическое изображеніе Троицы. Каждый годъ, въ праздникъ этого исповѣдника, Павлинъ сочинялъ поэму въ прославленіе его жизни или его чудесъ; каждый годъ онъ отправлялся въ Римъ на праздникъ апп. Петра и Павла. Примѣры и вліяніе лица, столь выдававшагося своимъ саномъ и благочестіемъ въ жизни, находившагося въ сношеніяхъ съ бл. Іеронимомъ, Августиномъ, Руфиномъ и другими изъ знаменитѣйшихъ своихъ современниковъ, не могли оставаться безъ вліянія и на окружающее его общество [2].

---

[1] *Aug*. De Haeres. 72.

[2] Siric. Ep. 7 (Patrol. xvii); Ambr. Ep. 52.

[3] Hieron. Ep. xlviii; xlix, 2; Aug. Retract. ii, 22.

[4] Cod. Theodos. xvi, v, 3.

[5] Paulin. Ep. i, 11 (Patrol. lxi). О Павлинѣ см. Acta SS. Jun. 22, pp. 167 и слѣд.

Посѣтивъ Павлина въ Нолѣ, Вигилянцій отправился на востокъ, снабженный отъ него рекомендательнымъ письмомъ къ Іерониму, вслѣдствіе чего онъ съ почетомъ былъ принятъ этимъ отшельникомъ виѳлеемскимъ. Но скоро между ними возникли разногласія. Вигилянцій обвинялъ Іеронима въ оригенизмѣ, и хотя онъ оставилъ это свое обвиненіе предъ оставленіемъ Виѳлеема, однакоже опять возобновилъ его въ своей собственной странѣ [3]. Спустя нѣсколько времени по своемъ возвращеніи на западъ, Вигилянцій началъ проповѣдывать своеобразныя мнѣнія. Онъ сталъ нападать на чрезмѣрное почитаніе умершихъ святыхъ; училъ, что ихъ души, существуя въ „лонѣ Авраамовомъ“, или въ „мѣстѣ покоя“, или „подъ престоломъ Божіимъ“, не могли въ то-же время присутствовать въ своихъ гробницахъ; отрицалъ возможность ихъ заступничества послѣ смерти и совершенія чудесъ у ихъ гробницъ. Чудеса, говорилъ онъ, были благодѣтельными только для невѣрующихъ, чѣмъ онъ, повидимому, хотѣлъ сказать, что такъ какъ сила творенія ихъ зависѣла отъ убѣжденія іудеевъ и язычниковъ, то время для совершенія ихъ теперь миновало. Онъ нападалъ на почитаніе мощей какъ на идолопоклонство, и на зажиганіе свѣчей у гробницъ святыхъ днемъ какъ на языческое суевѣріе; желалъ отмѣны всѣхъ бдѣній, исключая пасхальнаго, и говорилъ о нихъ, какъ дающихъ поводъ къ различнымъ непристойностямъ [4]; отрицалъ пользу поста, воздержанія и монашества, и считалъ обѣтъ цѣломудрія источникомъ нравственной порчи. Онъ училъ, что лучше удерживать собственность, и постепенно обращать ее на благочестивыя и благотворительныя цѣли, чѣмъ сразу оставлять все, и что лучше совершать дѣла благотворенія дома, чѣмъ посылать деньги въ Іерусалимъ[1]).

---

[1] Ambros. Ep. i, 58.

[2] Павлинъ родился въ 353 или 354 году, удалился въ Нолу въ 394 г., сдѣлался епископомъ того мѣста въ 409 г., и умеръ въ 421 или 424 году.

[3] Hieron. Ep. lxi.

[4] Hieron. c. Vigil., 7, 9.

404—6 гг.

Противъ Вигилянція выступилъ бл. Іеронимъ. Напомнивъ ему, что онъ нѣкогда былъ половымъ въ гостинницѣ, Іеронимъ говоритъ, что онъ теперь прилагалъ къ св. Писанію тѣ же способы поддѣлки, къ которымъ онъ раньше прибѣгалъ, подавая гостямъ вино, и тѣ же обманы, которые онъ производилъ при размѣнѣ денегъ; что онъ возставалъ противъ поста, воздержанія и трезвости потому, что все это наноситъ ущербъ его прежнему промыслу. Нужно впрочемъ сказать, что свѣденія наши и о мнѣніяхъ Вигилянція весьма недостаточны, и во всякомъ случаѣ извѣстенъ фактъ, что его собственный епископъ относился къ нему снисходительно, и что онъ находилъ поддержку себѣ и въ другихъ членахъ епископской степени. Хотя, конечно, и нельзя вполнѣ оправдывать его въ заблужденіи, однако же нѣтъ достаточныхъ основаній и вполнѣ клеймить его названіемъ еретика.

О дальнѣйшей исторіи Вигилянція ничего неизвѣстно. Его ученіе настолько стояло въ противорѣчіи съ теченіемъ вѣка, что не нуждалось даже въ осужденіи его со стороны собора, и оно скоро исчезло во время вандальскаго нашествія, во время котораго, по предположенію, погибъ и самъ авторъ его.

Въ концѣ періода, столь исполненнаго споровъ и волненій, какимъ былъ IV вѣкъ, можно сдѣлать замѣчаніе объ одномъ возраженіи, которое часто высказывалось противъ прежнихъ писателей, и которому, какъ намъ думается, можетъ подлежать и нашъ трудъ. Говорятъ, что церковная исторія, какъ она пишется обыкновенно, есть только лѣтопись раздоровъ, и при этомъ выражаются желанія имѣть такую исторію, которая бы полнѣе выставляла добрые плоды евангелія. Съ такой точки зрѣнія писалъ Мильнеръ; но если требуемая книга и возможна, то всетаки нельзя сказать, чтобы Мильнеръ устранилъ потребность въ дальнѣйшихъ трудахъ подобнаго же рода. Намъ думается однакоже, что возраженіе это основывается на недоразумѣніи. Церковная исторія должна слѣдовать тому же методу, какъ и гражданская исторія. Какъ одна, подробно занимаясь несправедливостями и бѣдствіями, войнами, интригами, раздорами, принуждена ограничиваться простыми общими словами въ отношеніи благочестія и оставлять совершенно безъ замѣчанія благоденствіе, которымъ народы наслаждаются не только при добрыхъ правительствахъ, но даже иногда и при самыхъ худыхъ; такъ и другая должна останавливаться по преимуществу на печальной исторіи заблужденій и споровъ, и оставлять безъ упоминанія лучшую сторону. Тэмой ея долженъ быть не „миръ на землѣ“, но „мечъ“. Исторія принимаетъ во вниманіе людей лишь настолько, насколько они затрогиваютъ другихъ людей, и обращаетъ вниманіе лишь на тѣ предметы, которые выдѣляются изъ общаго теченія. Въ церковной исторіи даже святые иногда появляются въ своемъ наименѣе благопріятномъ свѣтѣ. Случаи, выдвигающіе ихъ на сцену исторіи, часто таковы, что скорѣе обнаруживаютъ ихъ недостатки, чѣмъ ихъ великія достоинства. Ихъ лучшая сторона, насколько она можетъ быть описана, главнымъ образомъ принадлежитъ не исторіи, а жизнеописанію; мало того, высочайшія добродѣтели знаменитѣйшихъ и славнѣйшихъ святыхъ даже не составляютъ предмета и жизнеописанія, и не могутъ вообще быть описаны на землѣ. Великія неизмѣримыя благословенія евангелія состоятъ не въ произведеніи здѣсь или тамъ видныхъ героевъ вѣры, но въ его вліяніи на огромную, неупоминаемую въ лѣтописяхъ, массу, которую оно руководило въ жизни, утѣшало въ печали и смерть которой оно наполняло надеждою безсмертія. Хотя всѣ эти факты остаются незаписанными, но нельзя сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности, и мы можемъ быть увѣрены, что тѣ же самыя благословенія, которыя мы видимъ въ наше время и въ нашей собственной сферѣ, должны были во всѣ времена истекать изъ одного и того же неизсякаемаго источника. Поэтому вмѣсто того, чтобы требовать отъ историка церкви того, что чуждо характеру его труда, мы должны читать церковную исторію, постоянно имѣя въ виду, что лучшая часть христіанской исторіи должна быть создана нашими собственными мыслями,—мыслями, основанными на вѣрѣ въ божественное обѣтованіе и подтверждаемыми такими обстоятельствами, быть свидѣтелями исполненія которыхъ намъ можетъ выпасть на долю.

---

[1]) Hieron. c. Vigil., 13, 14.

* * *

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Отъ смерти императора Ѳеодосія I до папства Григорія Великаго.

395—590 г.

ГЛАВА I.

Аркадій и Гонорій.—Оригенистическій споръ.—Св. Іоаннъ Златоустъ.

I.

ѲЕОДОСІЙ оставилъ двухъ сыновей: Аркадія 18 лѣтъ, и Гонорія, которому было только 11 лѣтъ; къ старшему перешло по наслѣдству владычество на востокѣ, а къ младшему—на западѣ. Послѣ этого раздѣленія, Римская имперія въ своемъ полномъ составѣ уже никогда опять не объединялась. Царствованіе этихъ недалекихъ государей было полно всякихъ бѣдствій. Сами не будучи способны къ управленію, каждый изъ нихъ подчинялся послѣдовательному ряду министровъ и военачальниковъ. Изъ нихъ только Стилихонъ, полководецъ Гонорія, обладалъ качествами, требовавшимися для поддержанія имперіи. Въ 403 году онъ разбилъ Алариха Готскаго въ Полленціи, въ Лигуріи; но пять лѣтъ спустя, въ то самое время, когда особенно нужны были его способности для отраженія новаго готскаго нашествія, онъ палъ жертвой интригъ своего соперника, Олимпія. Римъ былъ трижды осажденъ готами. Первая осада была снята вслѣдствіе уплаты большаго выкупа; вторая имѣла своимъ слѣдствіемъ поставленіе со стороны Алариха императоромъ нѣкоего Аттала, котораго онъ впо-

Гонорій
395—423 г.
Аркадій
395—408 г.

слѣдствіи низложилъ въ неудовольствіи на его неспособность, и въ третьей осадѣ городъ былъ взятъ 404—410 г. и разграбленъ. Въ теченіе этого періода мы постоянно слышимъ о мятежахъ въ различныхъ провинціяхъ, о возстаніи варваровъ, допущенныхъ въ предѣлы римскихъ владѣній, и о нашествіяхъ новыхъ ордъ изъ заграничныхъ странъ. Эти нашествія болѣе всего выпадали на западную половину имперіи. Въ 404 году, Гонорій, находя себя въ опасности отъ готовъ въ Миланѣ, переселился въ Равенну, которая въ теченіе трехъ слѣдующихъ столѣтій, не смотря на всѣ перемѣны въ правительствѣ, продолжала считаться столицей Италіи 1).

Въ 408 году Аркадію наслѣдовалъ его сынъ, Ѳеодосій II, семилѣтній мальчикъ. Юный государь былъ сначала подъ опекой Анѳимія, и съ 414 года—подъ опекой своей сестры Пульхеріи, которая въ теченіе почти сорока лѣтъ держала въ своихъ рукахъ верховную власть на востокѣ 2). Гонорій царствовалъ до 423 года.

Слабость правительства, вторженія варваровъ и перемѣны въ администраціи препятствовали принятію какой нибудь выдержанной и однообразной политики въ дѣлѣ подавленія язычества. Какъ на востокѣ, такъ и на западѣ не разъ издавались законы объ отмѣнѣ жертвоприношеній 3) и о конфискаціи тѣхъ жалованій и арендъ, которыя доселѣ предоставлялись языческому жречеству; но необходимость частыхъ повтореній этихъ законовъ, равно какъ и случайныя послабленія этихъ законовъ, показываютъ, что они приводились въ исполненіе весьма не строго. Замѣчательно, что часто высказываются угрозы тяжелыми наказаніями противъ властей, которыя окажутся небрежными въ приведеніи этихъ законовъ въ исполненіе 4); какъ будто правительство знало, что среди его мѣстныхъ должностныхъ лицъ было много такихъ, отъ которыхъ трудно было ожидать охотнаго содѣйствія этимъ законамъ. Въ 408 году, во время управленія Олимпія, Гонорій издалъ законъ, по которому всѣ, кромѣ исповѣдующихъ православное христіанство, лишались права на службу при дворѣ. Но Генеридъ, командиръ войскъ въ Римѣ, одинъ изъ варварскихъ вождей, отъ оружія которыхъ въ это время зависѣли выродившіеся римляне, съ негодованіемъ сбросилъ съ себя знаки своего полномочія, отказался отъ всякаго изъятія, которое бы не простиралось на другихъ язычниковъ, и до такой степени устрашилъ императора, что онъ поспѣшно отмѣнилъ

---

1) Gibbon, III, 30, 63, 91, 92, 120—32, 72.

2) Soz. IX, 1.

3) Cod. Theodos. XVI, X, 13 и слѣд.

4) Напр. тамъ же, 19; Code Just. I, XV, 7 (451 г.).

это постановленіе [1]. На востокѣ однако же подобные законы были издаваемы какъ Аркадіемъ, такъ и юнымъ Ѳеодосіемъ [2].

Къ концу IV столѣтія, среди язычниковъ ходилъ разсказъ, будто ап. Петръ, при посредствѣ магическихъ чаръ, открылъ, что христіанство просуществуетъ 365 лѣтъ и затѣмъ погибнетъ [3]. Періодъ этотъ былъ расширенъ до 398, и надежды языческой партіи воспрянули опять; но они были разочарованы, и за ними слѣдовали и другія разочарованія. Варварскій предводитель Радагесъ, который, будучи самъ язычникомъ, естественно сочувствовалъ и былъ низвергнутъ Стилихономъ. 406 г. Когда Аларихъ въ первый разъ осадилъ Римъ, языческіе члены сената приписывали эти бѣдствія имперіи пренебреженію къ обрядамъ, которыми ихъ отцы получали милость боговъ и возвели свою страну на степень высшей славы. Какіе то тусканскіе прорицатели, заявлявшіе, будто бы они спасли Нарни отъ нашествія непріятеля низведеніемъ молній на него, предлагали подобнымъ же образомъ избавить Римъ посредствомъ своихъ причитаній и жертвоприношеній. По свидѣтельству одного языческаго писателя, даже будто бы епископъ Иннокентій согласился на этотъ опытъ, подъ условіемъ лишь, чтобы онъ сдѣланъ былъ тайно, „предпочитая при этомъ спасеніе города своему собственному мнѣнію“. Тусканцы однако же настаивали, какъ на существенномъ условіи, чтобы обряды были совершены со всею формальностью и общенародностью, отъ имени государства и въ присутствіи сената, и такъ какъ сенаторы отказались дать подобнаго рода санкцію идолослуженію, то прорицатели были отпущены ни съ чѣмъ [4]. Этотъ разсказъ, вѣроятно, имѣетъ своимъ основаніемъ лишь то, что язычники желали воспользоваться общественной опасностью, съ цѣлью достигнуть возстановленія своей религіи. Аттила, хотя и крещенный въ аріанство, льстилъ имъ возстановленіемъ древнихъ обрядовъ; но ихъ радость скоро была пресѣчена его низложеніемъ.

Варварскія нашествія были въ дѣйствительности весьма гибельны для язычества. Не было ни одного примѣра, когда бы варвары принимали старую религію Греціи или Рима: они или держались суевѣрій своихъ собственныхъ предковъ, или принимали какую-нибудь форму христіанства. Аларихъ и его готы, бывшіе аріанами, направляли свою ярость противъ языческихъ храмовъ даже сильнѣе, чѣмъ христіане имперіи, и ко времени нашествія именно Алариха въ Грецію относится 396 г.

---

[1] Разсказъ этотъ однако же основывается на сомнительномъ свидѣтельствѣ Зосима (V, 46), но вообще онъ принимается.

[2] Cod. Theodos. XVI, V, 29, 48; X, 21. Ср. законы Justini, Cod. Just. I, IV, 20; V, 12.

[3] *August.* De Civ. Dei XVIII, 53—4.

[4] Въ такомъ видѣ разсказъ передается Зосимомъ (V, 41). Созоменъ (IX, 6) свидѣтельствуетъ, что обряды были исполнены, но потерпѣли неудачу.

уничтоженіе Елевзинскихъ мистерій. При взятіи Рима, храмы подверглись нападенію, между тѣмъ какъ церкви пользовались почтеніемъ, и тѣ, кто искали убѣжища въ нихъ, находили пощаду, а нѣкоторые по крайней мѣрѣ изъ готскихъ воиновъ проявляли въ своемъ поведеніи къ беззащитнымъ нѣкоторое вліяніе на себя исповѣдуемой ими религіи [1]. Въ бѣдствіяхъ, постигавшихъ Римъ, христіане видѣли мщеніе Бога. Среди нихъ ходилъ разсказъ, что Аларихъ во время похода былъ упрашиваемъ однимъ святымъ инокомъ пощадить городъ, и отвѣчалъ, что онъ идетъ туда не по своей собственной волѣ, но его постоянно побуждаетъ взять этотъ городъ нѣкто Великій [2]. Язычники съ своей стороны относили всѣ бѣдствія времени на счетъ христіанства,—каковое мнѣніе бл. Августинъ отвергалъ во многихъ проповѣдяхъ, и въ опроверженіе-же котораго онъ предпринялъ свой великій трудъ „о градѣ Божіемъ“, написанный между 412 и 426 годами. Съ этою же цѣлью Орозій, испанецъ, по желанію Августина написалъ около 417 года очеркъ всемірной исторіи, въ которой онъ доказываетъ, что древніе вѣка были такъ же бѣдственны, какъ и его собственное время, и народы бѣдствовали даже еще больше, такъ какъ они не имѣли для себя спасенія въ истинной религіи [3].

Язычество однако долго прозябало еще. На востокѣ Θеодосій въ законѣ отъ 423 года, повидимому, спрашиваетъ, есть ли еще у язычества приверженцы; но сомнѣніе въ этомъ отношеніи опровергается ясными фактами [4]. Главная твердыня старой религіи однако же находилась на западѣ. Въ нѣкоторыхъ округахъ духъ ея былъ еще столь силенъ, что христіане, пытавшіеся приводить въ исполненіе законы противъ храмовъ и идоловъ, были убиваемы разъяренными язычниками [5]. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ исповѣдывалась христіанская религія, старые боги—покровители еще занимали свое прежнее положеніе, и кромѣ значительнаго проникновенія языческаго духа въ христіанство этого времени, многіе чисто языческіе идеи и обычаи еще удерживались и среди христіанъ. Переходъ прозелитовъ въ христіанство былъ часто лишь внѣшнимъ; такъ какъ приверженцы старой религіи не были вообще расположены ни терпѣть изъ за нея, ни лишаться выгодъ, связанныхъ съ исповѣданіемъ новой вѣры, то многіе изъ нихъ принимали крещеніе, и впослѣдствіи, при первомъ удобномъ случаѣ, опять объявляли себя язычниками. Отсюда возникла необходимость въ тѣхъ частыхъ постановленіяхъ противъ вѣроотступничества, которыя были бы необъяснимы, если бы отступники всегда были дѣйствительно христіанами [1]).

---

[1] Orosius, vii, 39 (Pattol. xxxi); *Aug.* De Civ. Dei i, 2, 4; Soz. ix, 10.

[2] Socr. vii, 16; Soz. ix, 6.

[3] *Oros.* Hist. Praef. i, 1 (Patrol. xxxi).

[4] Cod. Theodos. XVI, x, 22. Въ 425 г. онъ повторяетъ выраженіе сомнѣнія касательно какъ язычества, такъ и іудейства (тамъ же, XV, v, 5).

[5] Aug. Epp. 50, 91.

Африка была главнымъ оплотомъ язычества, и тамъ раздоры донатистскаго раскола много содѣйствовали ему. Бл. Августинъ совѣтывалъ кроткій способъ обращенія съ идолопоклонниками, какъ наиболѣе полезный и дѣйствительный. „Сначала, говоритъ онъ, мы постараемся низвергнуть идоловъ въ ихъ сердцахъ. Когда они сами сдѣлаются христіанами, то или пригласятъ насъ къ доброму дѣлу разрушенія ихъ идоловъ, или предупредятъ насъ въ этомъ. Между тѣмъ мы должны молиться за нихъ, а не гнѣваться на нихъ“ [2]). Онъ жалуется, что христіане принимали участіе съ языческихъ церемоніяхъ и увеселеніяхъ. Соборъ, состоявшійся въ Каръагенѣ въ 399 году, побуждалъ императора запретить извѣстныя пиршества, которыя были однимъ изъ главныхъ средствъ поддержанія старой религіи, а также приказать разрушить всѣ остатки идолопоклонства вмѣстѣ съ храмами, находившимися въ деревняхъ [3]). Правительство еще не было подготовлено къ такимъ мѣрамъ; въ томъ же самомъ году были изданы повелѣнія о совершеніи общественныхъ увеселеній, хотя и безъ жертвоприношеній или суевѣрій, и чтобы тѣмъ изъ храмовъ, которые не содержали въ себѣ ничего незаконнаго, не было наносимо никакого вреда [4]). Но девять лѣтъ спустя, закономъ, предназначеннымъ для всей имперіи, подобныя пиршества были запрещены, и епископы были уполномочены уничтожать всѣ памятники идолопоклонства [5]). Тѣ изъ храмовъ, которые не представляли никакой красоты въ своей архитектурѣ, были разрушены. Состоялось повелѣніе, чтобы храмы въ городахъ или пригородахъ обращены были для общественнаго употребленія; многіе были закрыты и оставались пустыми, пока не воспользовались ими христіане и не обратили ихъ въ церкви [6]).

Старая римская аристократія, которая держалась религіи своихъ предковъ болѣе изъ гордости, чѣмъ по убѣжденію, вслѣдствіе взятія Рима была разсѣяна. Многіе изъ ея членовъ выселились въ свои владѣнія въ Африкѣ, Египтѣ, или въ другихъ мѣстахъ, и языческіе интересы вслѣдствіе этого сильно пострадали. Но въ деревенскихъ частяхъ Италіи, не смотря на упомянутый уже законъ 408 года, которымъ землевладѣльцамъ повелѣвалось разрушать храмы въ своихъ имѣніяхъ [1]), древнее идолослуженіе продолжало существовать, пока въ позднѣйшее время оно не настигнуто было въ своихъ собственныхъ убѣжищахъ и не истреблено трудами монаховъ.

---

[1]) Между 381 и 426 годами было издано *восемь* законовъ противъ отступничества. Cod. Theodos. XVI, vп. Cp. Cod. Just. I, xi, 10.

[2]) Serm. lxii, 11 (t. v).

[3]) Cod. Canon. Eccl. Afric. 58, 60 (Hard. i, 898).

[4]) Cod. Theodos. XVI, x; 17, 18.

[5]) Тамъ же, 19 (408 г.).

[6]) Тамъ же, 13, 19.

Къ царствованію Гонорія относится отмѣна гладіаторскихъ зрѣлищъ въ Римѣ, противъ которыхъ долго и напрасно боролись христіанскіе учители [2]). Когда императоръ послѣ побѣды поллентійской праздновалъ тріумфъ играми этого рода, Телемахъ, восточный монахъ, прибывшій въ Римъ съ цѣлью протестовать противъ нихъ, выскочилъ на арену и пытался разлучить борющихся, но былъ до смерти побитъ камнями зрителями, разсвирѣпѣвшими за это вмѣшательство въ ихъ удовольствіе. Императоръ призналъ, что такая смерть заслуживала почестей мученичества, и, съ цѣлью успокоить свой народъ, ярость котораго уступила мѣсто раскаянію, отмѣнилъ эти безчеловѣчныя зрѣлища [3]).

II. Споры, касательно мнѣній Оригена, начавшіеся въ теченіе его жизни, продолжались и послѣ его смерти. Мученикъ Памфилъ, вмѣстѣ съ Евсевіемъ Кесарійскимъ, писалъ въ защиту его [4]). Въ великомъ спорѣ IV столѣтія его имя упоминалось часто, и духъ его ученія подвергался многимъ обсужденіямъ; потому что въ то время какъ аріане добивались его авторитета въ свою пользу и нѣкоторые изъ ихъ крайнихъ противниковъ, каковы Маркеллъ Анкирскій, называли его отцемъ аріанства, его православіе поддерживалось св. Аѳанасіемъ и другими поборниками каѳолической вѣры [5]). Пока аріанство и связанные съ нимъ ученія поглощали все вниманіе, мнѣнія Оригена по другимъ предметамъ не возбуждали никакихъ вопросовъ. Его сочиненія оказывали важное вліяніе на учителей восточной церкви; но хотя эти послѣдніе вообще ограничивались извлеченіемъ изъ его назиданій, не считая его безупречнымъ, было двѣ крайнихъ партіи, изъ которыхъ одна отвергала его какъ еретика, а другая безупречно была предана ему. Такъ, въ то время, какъ монахи Нитрійскіе находили въ его трудахъ пищу для своего мистическаго и духовнаго направленія ума [6]), Пахомій предостерегалъ своихъ учениковъ противъ Оригена, какъ опаснѣйшаго изъ соблазнителей, ученіе котораго можетъ привести читателя къ погибели [7]).

---

[1]) Cod. Theodos. XVI, x, 19.

[2]) Ozanam, I, 161. Отмѣнить ихъ побудилъ Гонорія христіанскій поэтъ Пруденцій. Contra Symmach. (Patrol. LXX).

[3]) Theodoret, V, 26.

[4]) См. выше стр. 139 Phot. Bibl. Cod. 118. Origen, IV, II, 17, и слѣд.

[5]) Касательно Маркелла см. Euseb. Marcell. Patrol. Grec. XXIV, 760—2.

[6]) Hieron. c. Rufiu, III, 22.

[7]) Vita Pachom. 27 (Patrol. LXXIII).

На западѣ Оригенъ былъ извѣстенъ только по имени, но общее впечатлѣніе было не благопріятно ему [1]. Бл. Іеронимъ пытался установить болѣе благопріятное для него мнѣніе переводомъ нѣкоторыхъ частей его сочиненій и внесеніемъ ихъ въ комментаріи на св. Писаніе. Въ письмѣ, написанномъ во время его пребыванія въ Римѣ, онъ съ восторженною похвалою говоритъ о „неутомимомъ“ [2]) александрійцѣ, и говоритъ, что онъ былъ осужденъ въ Римѣ „не за новшества своихъ ученій, не за ересь, какъ возстаютъ теперь противъ него бѣшеныя собаки, но потому, что его враги были не способны вынести славы его краснорѣчія и учености“ [3]). Послѣ своего окончательнаго удаленія въ Виѳлеемъ, Іеронимъ возобновилъ знакомство прежнихъ дней съ Руфиномъ, урожденцемъ діацеза аквилейскаго. Руфинъ жилъ 8 лѣтъ въ Египтѣ [4]), гдѣ онъ посѣщалъ монаховъ, занимался науками подъ руководствомъ слѣпаго Дидима, и потерпѣлъ во время гоненія Валента [5]). Теперь онъ поселился на горѣ Елеонской вмѣстѣ съ Меланіей, знатной и благочестивой римской вдовой, и былъ рукоположенъ во пресвитера Іоанномъ, епископомъ Іерусалимскимъ [6]). Іеронимъ подружился съ нимъ весьма близко, и прославлялъ его добродѣтели даже въ преувеличенныхъ терминахъ [7]), и друзья сходились въ высокомъ почитаніи Оригена.

Въ 393 году съ запада прибылъ въ Іерусалимъ одинъ паломникъ, по имени Атербій, и привыкнувъ тамъ слышать имя Оригена въ неблагопріятномъ смыслѣ, онъ былъ крайне удивленъ, найдя, что оно пользовалось высокимъ почетомъ. По свидѣтельству Іеронима, онъ рѣзко сталъ обвинять Руфина въ оригенизмѣ, но зная тѣсную дружбу, существовавшую между ними, включилъ въ это обвиненіе и Іеронима. Іеронимъ, чрезвычайно чувствительный къ своей репутаціи въ дѣлѣ православія, съ великою живостью отвергъ это обвиненіе говоря, что онъ читалъ Оригена только такъ, какъ онъ читалъ и труды еретиковъ; причемъ Руфинъ отказался имѣть какое нибудь общеніе съ своимъ обвинителемъ, и не выходилъ изъ своего дома до тѣхъ поръ, пока Атербій не оставилъ Іерусалима [8]). Вскорѣ послѣ этого событія, Іерусалимъ былъ посѣщенъ Епифаніемъ, епископомъ Констанціи (прежде Саламинъ), на островѣ Кипрѣ, и митрополитомъ этого острова. Епифаній былъ воспитанъ въ монашествѣ, а въ то время ему было уже болѣе 80 лѣтъ отъ роду. Это былъ человѣкъ обширной начитанности, владѣлъ языками: греческимъ, сирійскимъ, еврейскимъ, египетскимъ и латинскимъ, и пользовался необычайною славою за 394 г. свою святость, такъ что ему приписывались даже чудеса и пророчества [1]). Въ своемъ сочиненіи „объ ересяхъ", онъ весьма сильно высказывался противъ Оригена [2]), оцѣнить котораго дѣлали его неспособнымъ какъ его характеръ, такъ и воспитаніе; и онъ былъ связанъ съ Іеронимомъ который провелъ съ нимъ нѣсколько времени на островѣ Кипрѣ, во время своего путешествія изъ Рима на Востокъ [3]).

---

[1]) Aug. Ep. xl, 9.

[2]) Adamantius.

[3]) Ep. xxxiii. Другія мѣста бл. Іеронима въ прославленіе Оригена были собраны Руфиномъ. Apol. ii, 13—18, 22.

[4]) Apol. ii, 12.

[5]) Онъ говоритъ о своихъ страданіяхъ въ Hist. Eccl. ii, 4. Apol. ad Anast. 2. Іеронимъ, конечно, издѣвается надъ самою мыслью о томъ, что онъ былъ исповѣдникомъ (Adv. Rufin, ii, 3; iii, 26).

[6]) См. *Palladius*, Hist. Laus. 118—9, гдѣ говорится, что нельзя найти человѣка большей учености или скромности, чѣмъ Руфинъ.

[7]) См. Ep. iv, 2 (которое, однако же, относится къ болѣе раннему времени).

[8]) Hier. c. Rufin, iii, 33.

По прибытіи своемъ въ Іерусалимъ, Епифаній воспользовался гостепріимствомъ епископа Іоанна, и любезно относился къ Руфину. Объ оригенистическомъ вопросѣ не упоминалось между нимъ и его хозяиномъ. Но Епифаній, проповѣдуя въ церкви Воскресенія, разразился сильнымъ обвиненіемъ противъ оригенистовъ, которое, видимо, предназначалось отчасти и для епископа. Іеронимъ упрекаетъ Іоанна въ томъ, что онъ непристойно выразилъ свое нетерпѣніе взглядами и жестами, и заявляетъ, что онъ посылалъ своего архидіакона попросить, чтобы проповѣдникъ не продолжалъ говорить объ этомъ предметѣ. Когда оба эти епископа направлялись въ церковь св. Креста, гдѣ предполагалось совершить другое богослуженіе, то имъ трудно было проникнуть чрезъ народныя массы, которыя тѣснились вокругъ Епифанія, цѣлуя его ноги, прикасаясь къ краю его одеждъ и выставляя дѣтей для полученія его благословенія. Эти знаки благоговѣнія будто бы возбудили зависть Іоанна, и за слѣдующимъ богослуженіемъ онъ сталъ проповѣдывать противъ антропоморфизма [4]), видимо съ намѣреніемъ обвинить Епифанія въ этомъ заблужденіи, которое не было необычнымъ среди крайнихъ противниковъ Оригена. Старецъ, когда до него дошла очередь говорить, объявилъ, что онъ одобряетъ все, сказанное Іоанномъ; что онъ осуждаетъ антропоморфизмъ, и въ свою очередь проситъ, чтобы Іоаннъ подвергъ анаѳемѣ оригенство [5]). Начавшійся тогда споръ дѣлался болѣе и болѣе ожесточеннымъ. Епифаній, въ крайнемъ неудовольствіи по случаю произнесенной Іоанномъ проповѣди, оставилъ Іерусалимъ и удалился въ Виѳлеемъ. Впослѣдствіи онъ писалъ монахамъ Іеронима, внушая имъ прервать общеніе съ своимъ епископомъ, и въ діоцезѣ елевѳеропольскомъ онъ насильственно рукоположилъ Павлиніана, брата Іеронимова, въ должность діакона и пресвитера, съ цѣлью священнослуженія монахамъ виѳлеемскимъ [1]). Іоаннъ сильно протестовалъ противъ такого вмѣшательства въ его епископскія права, и отсюда завязался ожесточенный споръ, который перешелъ на вопросы объ ученіи, дисциплинѣ и личномъ поведеніи. Заблужденія, приписывавшіяся Оригену, были подведены подъ восемь главъ. Онъ былъ обвиняемъ въ еретическихъ взглядахъ на отношеніе божественныхъ лицъ, въ странныхъ и нездравыхъ мнѣніяхъ касательно предсуществованія душъ, спасенія діавола и злыхъ духовъ, воскресенія мертвыхъ, состоянія человѣка до и послѣ паденія, и въ своеобразномъ иносказательномъ перетолкованіи Св. Писанія, доходившемъ даже до отрицанія въ немъ буквальной истины [2]). Іеронимъ, съ своею обычною ожесточенностью, сдѣлалъ нападеніе на Руфина и Іоанна. Онъ жаловался, что епископъ возражалъ ему недобросовѣстно, что онъ пытался отвѣчать только на три изъ восьми обвиненій, и что вмѣсто обсужденія вопроса объ ученіи, онъ постоянно останавливался на неправильности рукоположенія Павлиніана [3]). Напрасно Архелай, начальникъ Палестины, и Ѳеофилъ, епископъ александрійскій, пытались выступить въ качествѣ посредниковъ; но наконецъ, когда Руфинъ готовъ былъ оставить св. Землю въ 397 году, онъ и Іеронимъ торжественно примирились между собою въ алтарѣ церкви Воскресенія [4]). Споръ однако же скоро возобновился. Авг. 398 г. Руфинъ поселился въ Римѣ, гдѣ одинъ его другъ, занятый однимъ трудомъ по астрологіи, спросилъ его, каковы были мнѣнія Оригена по этому предмету, такъ какъ онъ самъ былъ незнакомъ съ греческимъ языкомъ [5]). Въ отвѣтъ на эту просьбу Руфинъ перевелъ „Апологію“ Памфила и собственный трактатъ Оригена „о началахъ“, самое спорное и подозрѣваемое изъ всѣхъ его сочиненій [6]). Переводъ этотъ (въ которомъ только и извѣстна теперь большая часть этой книги) былъ сдѣланъ необычайнымъ образомъ. Такъ какъ самъ Оригенъ жаловался, что его труды подверглись фальсификаціи, то Руфинъ предположилъ, что подозрительныя мѣста составляли собою вставки еретиковъ, и измѣнилъ ихъ такъ, что они могли согласоваться съ его собственными воззрѣніями на православіе, съ другими мѣстами изъ сочиненій автора. Въ отвѣтъ на предположеніе о фальсификаціи, Іеронимъ хорошо замѣтилъ, что Памфилъ и Евсевій не прибѣгали къ подобному доводу въ своей защитѣ Оригена [1]), и что никто не въ правѣ былъ подобными способами приводить Оригена къ соглашенію съ самимъ собою, такъ какъ онъ не только могъ измѣнять свои мнѣнія въ теченіе своей долгой жизни, но даже завѣдомо признавалъ, что различіе въ характерѣ между экзотерическимъ и эзотерическимъ ученіемъ давало право на различіе въ изложеніи. Завѣдомо подвергнувъ текстъ своей насильственной редакціи, Руфинъ нѣсколько непослѣдовательно заклиналъ читателей и переписчиковъ, во имя Бога и мыслью о воскресеніи и вѣчнаго огня, не дѣлать никакихъ опущеній, прибавленій, или какихъ бы то ни было измѣненій въ преобразованномъ имъ сочиненіи „о началахъ“ [2]).

---

[1]) Hier c. Rufin. п, 22.
[2]) Hier. 64.
[3]) Hier. въ Rufin. ш, 22.
[4]) То есть, приписыванія божеству человѣческой формы.
[5]) Hier. c. Joh. Hierosol. 11.

---

[1]) Тамъ же, Epp. 51, 82. Первое изъ нихъ есть переводъ письма отъ Епифанія къ Іоанну.

[2]) Epiph. ad Hieron. Epp. LI, 4, 5; Hier. c. Joh. Hierosol. 7.

[3]) Ep. 82.

[4]) Hieron. c. Rufin, III, 33; Vita Hieron. 28—9; Vita Ruf. I, 3, 4.

[5]) Rufin, Apol. I, 11.

[6]) См. Photius, Bibliothec. Cod. 8.

Іеронимъ, о давней преданности котораго Оригену съ ненавистью упомянулъ Руфинъ въ своемъ предисловіи, былъ побуждаемъ своими друзьями, Паммахіемъ и Океаномъ, предложить знаменитаго александрійца въ его истинномъ характерѣ посредствомъ болѣе точнаго перевода, и онъ исполнилъ ихъ желаніе [3]). Въ письмѣ къ тѣмъ, которые просили его объ этомъ дѣлѣ, онъ искренно возставалъ противъ всякаго подозрѣнія въ оригенизмѣ. „Я хвалилъ его, говоритъ онъ, какъ толкователя, но не какъ догматическаго учителя,—за его геній, а не за его вѣру, какъ философа, а не какъ апостола... Если вы вѣрите мнѣ, то я никогда не былъ оригенистомъ; если вы не вѣрите мнѣ, то я теперь пересталъ быть таковымъ“ [4]). Вопросъ теперь заключался не въ томъ, здравы ли извѣстныя мнѣнія, но въ томъ, держался ли ихъ Оригенъ, и продолжали ли держаться ихъ его поклонники, не смотря на всѣ протесты въ противномъ смыслѣ. Находя, что хотя его объясненія были достаточно удовлетворительными для папы Сириція и другихъ итальянскихъ епископовъ, но что его положеніе въ Римѣ сдѣлано было невыносимымъ, благодаря вліянію Іеронима, Руфинъ удалился въ Аквилею, имѣя при себѣ рекомендательное письмо отъ Силиція, который умеръ вскорѣ послѣ этого [5]). Слѣдующій епископъ Рима, Анастасій, былъ побуждаемъ заняться этимъ предметомъ со стороны Θеофила Александрійскаго, который самъ объявилъ себя противъ оригенизма, между тѣмъ какъ дома онъ былъ побуж-

26 ноября 398 г.

---

[1]) Hier. Epp. lxxxiv, 10, 11. Быть можетъ, однако же, Іеронимъ зашелъ слишкомъ далеко, отрицая всякую интерполяцію.

[2]) Руфинъ защищаетъ свои начала при этомъ переводѣ въ Apol. ii, 46—7.

[3]) Epp. 83—5, 129; Adv. Rufin, i, 6.

[4]) Epp. lxxxiv, 2, 3. Ср. Rufin Apol. ii, 19.

[5]) Hier. Epp. cxxvii, 9, 10.

даемъ настойчивостью Марцеллины и другихъ (главнымъ образомъ благочестивыхъ и знатныхъ дамъ), которыя находились подъ руководствомъ Іеронима [1]). Вслѣдствіе такихъ просьбъ, Анастасій вызвалъ Руфина въ Римъ, и, на его заявленіе, что въ Аквилеѣ его удерживали семейныя обстоятельства, епископъ, не высказываясь противъ самого Руфина, осудилъ Оригена и переводы его произведеній, заявляя, что до появленія этихъ переводовъ онъ не зналъ, „кто такое Оригенъ и что онъ писалъ“. Въ письмѣ, содержащемъ этотъ приговоръ, упоминается также объ императорскомъ указѣ (о которомъ иначе ничего не извѣстно) противъ чтенія сочиненій александрійца [2]). Іеронимъ и Руфинъ продолжали борьбу гнѣвными апологіями, въ которыхъ ихъ прежняя дружба воспоминалась только въ видахъ произнесенія укоровъ другъ другу на основаніи различныхъ изреченій и дѣйствій прежнихъ дней. Августинъ былъ такъ огорченъ при видѣ подобнаго спора между двумя лицами, находившимися въ преклонномъ возрастѣ и пользовавшимися большою славою въ учености и благочестіи, старыми друзьями также и сотоварищами по изученію св. Писанія, что въ собственномъ письмѣ къ Іерониму и предполагая, что *его* заявленія вѣрны, онъ могъ только выразить свою скорбь по случаю столь непристойнаго зрѣлища [3]). Іеронимъ, въ одномъ изъ своихъ трактатовъ, принимаетъ тонъ сравнительно болѣе умѣренный и кроткій. Онъ проситъ Руфина оставить все это дѣло; если, говоритъ онъ, 401 г. они заблуждались въ юности, то должны быть благоразумнѣе въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и радоваться усовершенствованію другъ друга; но съ непослѣдовательностью, не необычною у полемистовъ, совѣтующихъ другимъ умѣренность, онъ настаиваетъ, что разногласіе между ними должно закончиться на его собственныхъ условіяхъ, именно подъ условіемъ, чтобы его противникъ присоединился къ нему въ отреченіи отъ Оригена [4]).

Руфинъ повидимому наконецъ утомился этимъ споромъ и пересталъ писать. Онъ былъ изгнанъ изъ Аквилеи бѣдствіями Италіи, и еще разъ отправился съ Меланіей въ св. Землю, но умеръ (410 г.) на пути туда въ Сициліи, откуда онъ видѣлъ на противоположномъ берегу пожарище отъ опустошеній, производившихся войскомъ Алариха. Іеронимъ въ позднѣйшее время говоритъ о немъ подъ именемъ Grunnius'а (ворчуна) [5]), и въ своемъ предисловіи къ книгѣ пророка Іезекіиля, онъ упоминаетъ о смерти своего противника въ словахъ, которыя обнаруживаютъ неослабѣвшее раздраженіе: „скорпіонъ этотъ погребенъ подъ почвой Сициліи вмѣстѣ съ Энкеладомъ и Порфиріономъ; многоглавая гидра перестала шипѣть противъ насъ“ 1).

---

[1]) Hier. Epp. lxxviii; cxxvii, 10.

[2]) Anast. Ep. 1 ad Joh. Hierosol. (Patrol. xx).

[3]) Aug. Epp. lxxiii, 6—8.

[4]) Adv. Rufin, iii, 9.

[5]) Comment. in Jerem. Prolog. (Patrol. xxiv, 681); in c. xxii, 24 (тамъ же, 817). Это имя, будто бы, взято было съ названія лица въ одномъ популярномъ фарсѣ.

III. Въ другомъ мѣстѣ съ оригенистическимъ споромъ связывается судьба одного изъ знаменитѣйшихъ мужей, какіе только украшали собою древнюю церковь.

Іоаннъ, за свое краснорѣчіе получившій названіе Хризостома (то есть, Златоуста), родился въ Антіохіи около 347 года. Еще въ юности онъ лишился своего отца, знатнаго военнаго сановника и предоставленъ былъ попеченію благочестивой и истинно доблестной матери Анѳусѣ 2). Онъ сдѣлался ученикомъ знаменитаго ритора Ливанія, но непрерывнымъ изученіемъ св. Писанія предохраненъ былъ отъ опасностей, которымъ вѣра христіанскихъ юношей подвергалась въ языческихъ школахъ; и на его учителя такое сильное впечатлѣніе произвели его таланты, что на просьбу, спустя нѣсколько лѣтъ, назначить себѣ преемника по каѳедрѣ, онъ отвѣчалъ, что Іоаннъ былъ бы самымъ достойнымъ, если бы христіане не похитили его. Въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ Златоустъ началъ заниматься адвокатурой; но его совѣсть смущалась продѣлками, которыя были обычны среди адвокатовъ Антіохіи, и онъ рѣшилъ посвятить себя религіозной жизни 3). Въ это время онъ принялъ крещеніе отъ епископа Мелетія, и такъ какъ настойчивая и пламенная просьба Анѳусы удержала его
отъ исполненія имъ его желанія,—сразу же предаться 367—370 г.
монашескому уединенію 4), то онъ рукоположенъ былъ въ чтеца, и продолжалъ жить съ нею, ведя строго аскетическій образъ жизни до самой ея смерти, послѣ которой онъ удалился въ горы близь Антіохіи. Здѣсь онъ провелъ четыре года въ монастырѣ и жилъ два года въ качествѣ отшельника въ пещерѣ, когда болѣзнь, навлеченная на него суровымъ образомъ жизни, принудила его возвратиться въ городъ 5). Въ 381 году онъ былъ рукоположенъ въ діакона, и въ этомъ санѣ онъ написалъ свое разсужденіе „о священствѣ“, которое, не смотря на различіе въ обстоятельствахъ, доселѣ сохраняетъ высокое значеніе въ качествѣ руководства при исполненіи пастырскаго долга. Въ 386 году Флавіанъ рукоположилъ его во пресвитера, и назначилъ его главнымъ проповѣдникомъ въ

---

1) Patrol. xxviii, 16, 17.

2) Palladius Dial. de Vita S. Joh. Chrys., ap. Chrys., xiii, 16.

3) Socr. vi, 3; Soz. viii, 2.

4) См. Chrys. de Sacerd. 1.

5) Pallad. 17; Sacr. vi, 3.

Антіохіи. Въ этой должности его краснорѣчіе возбуждало необычайный восторгъ. Иногда свои проповѣди онъ тщательно готовилъ, въ другое время онѣ были произносимы совершенно экспромптомъ, и иногда онъ соединялъ оба эти метода, уклоняясь отъ своего предполагаемаго плана, съ замѣчательною ловкостью и удачностью пользуясь всякимъ предметомъ, который могъ представиться въ данный моментъ. Его дикція была отчетлива и плавна, поясненія многочисленны, разнообразны и удачны; онъ отличался самымъ здравымъ смысломъ и знаніемъ сердца, пріобрѣтавшимся скорѣе изъ его собственнаго внутренняго опыта, чѣмъ чрезъ сношеніе съ другими. Въ своихъ объяснительныхъ „Бесѣдахъ", простирающихся на большую часть Новаго Завѣта, включая и нѣкоторыя книги Ветхаго, онъ держится буквальнаго смысла св. Писанія, и никогда не теряетъ изъ вида нравственнаго приложенія. Среди его другихъ „Бесѣдъ", наиболѣе знамениты бесѣды „о статуяхъ", произнесенныя по случаю мятежа, во время котораго въ Антіохіи были низвергнуты статуи Ѳеодосія и его семейства [1]). Когда жители трепетали въ ожиданіи какого нибудь страшнаго наказанія, и престарѣлый Флавіанъ отсутствовалъ, находясь въ депутаціи, отправленной къ императору съ просьбою о помилованіи, Златоустъ ежедневно проповѣдывалъ трепещущимъ толпамъ тономъ торжественнаго и возбуждающаго краснорѣчія. Каѳедра его торжествовала надъ театромъ и циркомъ, которымъ обыкновенно предано было населеніе Антіохіи, и проповѣдникъ старался о томъ, чтобы сдѣлать этотъ временный страхъ и возбужденіе основаніемъ для прочнаго нравственнаго усовершенствованія [2]).

387 г.

Когда Златоустъ былъ уже почти двѣнадцать лѣтъ проповѣдникомъ Антіохіи, въ сентябрѣ 397 года, вслѣдствіе смерти Нектарія, сдѣлалась вакантною каѳедра Константинопольская. Обладаніе столь знатнымъ достоинствомъ возбуждало много честолюбія, кандидаты прибѣгали къ разнымъ темнымъ интригамъ и домогательствамъ, и партійный духъ находился въ сильномъ возбужденіи. Наконецъ императоръ Аркадій просилъ положить конецъ этому смятенію назначеніемъ какого нибудь епископа, и его выборъ палъ на Златоуста, подъ вліяніемъ евнуха Евтропія, который, при послѣднемъ путешествіи своемъ въ Сиріи, съ восторгомъ слушалъ краснорѣчіе этого великаго оратора. Министръ этотъ, быть можетъ, разсчитывалъ извлечь пользу для своей собственной репутаціи отъ столь похвальнаго употребленія своего патронатства, а быть можетъ также надѣялся обезпечить себѣ на основѣ благодарности полное послушаніе себѣ епископа. Такъ какъ было основаніе опасаться, что народъ антіохійскій подниметъ мятежъ, если проповѣдникъ ихъ будетъ открыто взятъ у нихъ, то Златоустъ былъ приглашенъ правителемъ востока въ одно загородное мѣсто, и оттуда тайно отправленъ былъ въ Константинополь ¹).

---

[1]) См. выше, тр. 256.

[2]) Chrys. ad Pop. Antioch. (II), 4 Baron. 388, и слѣд.

Съ цѣлью придать его нареченію возможно большую торжественность, по этому случаю былъ созванъ соборъ. Ѳеофилъ Александрійскій, на просьбу принять главное участіе въ посвященіи новаго епископа, медлилъ изъ зависти къ тому преимуществу, которое недавно придано было Константинополю въ сравненіи съ его собственной каѳедрой, и изъ желанія, чтобы вакансія была занята кѣмъ нибудь изъ александрійскаго духовенства; потому что его искусство въ чтеніи выраженій лица при первомъ же свиданіи предостерегало его, что онъ не могъ ожидать найти себѣ послушное орудіе въ Златоустѣ ²). Евтропій, однако же, доставъ списокъ обвиненій противъ него и угрожая привлечь его къ суду за его различныя незаконныя дѣла, заставилъ египетскаго примата принять приглашеніе, и Златоустъ былъ посвященъ 26 февраля 398 года ³).

Краснорѣчіе, пріобрѣтшее ему восторженную любовь въ Антіохіи, было не менѣе блестящимъ и въ Константинополѣ. Народныя массы столицы стекались слушать его, и ревностно стояли за него въ его послѣдующихъ испытаніяхъ; да и среди благорасположенныхъ высшихъ классовъ (особенно среди благочестивыхъ дамъ) его вліяніе скоро сдѣлалось также весьма сильнымъ ⁴). Его вниманіе сильно было занято аріанскою ересью, которая, не смотря на строгость карательныхъ законовъ, продолжала прозябать среди грековъ, причемъ была даже открытымъ вѣрованіемъ варварскихъ готовъ, которые теперь составляли многочисленную и сильную партію въ Константинополѣ. Съ цѣлью обращенія ихъ въ православіе, онъ посвящалъ духовенство изъ ихъ собственнаго племени, отдалъ одну изъ церквей для богослуженія на ихъ родномъ языкѣ, и самъ часто проповѣдывалъ тамъ, причемъ его слова переводились поготски особымъ переводчикомъ ⁵). Когда готъ Гена, пользовавшійся въ это время большимъ вліяніемъ въ Константинополѣ, требовалъ особой церкви для отправленія аріанскаго богослуженія, то на совѣщаніи, въ присутствіи императора, одинъ только Златоустъ осмѣлился сдѣлать твердое отрицательное заявленіе и принудилъ Аркадія отка-

---

¹) Pallad. 17; Soz. viii, 2.
²) Pallad. 18.
³) Socr. vi, 3; Soz. viii, 2.
⁴) Soz. viii, 5.
⁵) Theodorit, v, 30.

зать ему, и этимъ поведеніемъ, столь рѣзко отличающимся отъ поведенія малодушнаго двора, онъ пріобрѣлъ уваженіе себѣ даже со стороны самого варвара 1). Ревнуя такимъ образомъ о подавленіи при содѣйствіи заблужденія въ своей собственной сферѣ, архіепископъ также старался о распространеніи евангелія, отправляя миссіи къ необращеннымъ готамъ и скиѳамъ 2). Получивъ и мператорское позволеніе на разрушеніе храмовъ въ Финикіи, достигнутое [illegible] его женскихъ друзей, онъ много содѣйствовалъ уничтоженію древняго идолопоклонства 3).

388 г. Вліяніе его было весьма благотворнымъ для исцѣленія раскола въ его родномъ городѣ. По смерти Павлина, который признавался въ качествѣ епископа Антіохіи въ Египтѣ и на западѣ, его партія посвятила Евагрія; но этотъ епископъ прожилъ не долго, и они опять остались безъ главы. Благодаря вмѣшательству Златоуста, въ первомъ году его епископства, какъ Иннокентій римскій, такъ и Ѳеофилъ были уговорены признать Флавіана, который затѣмъ внесъ имена какъ Павлина, такъ и Евагрія въ диптихи своей церкви. Такъ позднѣйшій расколъ (тотъ, къ которому подалъ поводъ Люциферъ посвященіемъ Павлина 4), былъ законченъ, хотя нѣкоторые остатки староевстаѳіевой партіи продолжали существовать и безъ всякаго епископа. Расколъ этотъ былъ окончательно уничтоженъ примирительными мѣрами Александра, епископа антіохійскаго въ 415 году 5).

Но хотя новое положеніе Златоуста теперь было болѣе виднымъ, чѣмъ то, которое онъ занималъ прежде, вмѣстѣ съ тѣмъ оно подвергало его также и опасностямъ, которыхъ онъ совершенно не зналъ дотолѣ. Хотя онъ весьма въ большой степени обладалъ такимъ знаніемъ сердецъ, которое дѣлало изъ него мудраго практическаго учителя религіи, онъ однако же страдалъ тѣмъ недостаткомъ въ знакомствѣ съ міромъ и въ проникновеніи въ личный характеръ, которыя необходимы для оправленія важной должности, и нигдѣ такъ не необходимы, какъ въ высокой церковной должности. Его темпераментъ отъ природы былъ горячій, и противодѣйствіе, которое онъ встрѣчалъ въ своихъ усиліяхъ въ дѣлѣ преобразованій, вызывало его къ выраженіямъ гнѣва, которыя возбуждали противъ него враговъ, и давали имъ въ руки оружіе противъ него 6).

---

1) Socr. vi, 5, 8; Soz. viii, 4—8; Theodorit. v, 32.

1) Тамъ же, 30. Масманъ даетъ любопытное сообщеніе объ общинѣ, существовавшей въ Крыму до xviii столѣтія и ведшей свое начало отъ тѣхъ готовъ, къ которымъ Златоустъ посылалъ миссіонеровъ. Ulfilas, Einleit., 25—8.

3) Cod. Theodos. xvi, x, 16; Phot. Bibl. Cod. 96, p. 259; Theodorit, v, 29.

4) См. выше стр. ~~821.~~ 231

5) Innoc. Epp. 19—23 (Patrol xx); Socr. vi, 13; Soz. viii, 3; Theodoret. v, 23.

6) Эта его раздражительность преувеличивается Сократомъ (vi, 3). См. *Neander*, Chrys. ii, 15—16.

Преобразованіе въ дѣйствительности было весьма необходимо. Нектарій, состарѣвшись въ обычаяхъ свѣтскаго сана, послѣ своего внезапнаго возвышенія на епископію, мало измѣнилъ ихъ, и при немъ духовенство Константинополя приняло вообще легкій образъ жизни, такъ что нѣкоторые изъ среды его даже производили общественное смущеніе своимъ поведеніемъ. Златоустъ продалъ богатые ковры и прекрасную мебель, принадлежавшую его предшественнику; онъ даже продалъ нѣкоторыя изъ мраморныхъ и другихъ украшеній церкви, съ цѣлью получить деньги для основанія госпиталей и другихъ благотворительныхъ учрежденій; онъ тратилъ весь свой доходъ на подобныя дѣла, и своимъ содержаніемъ обязанъ былъ благочестивой вдовѣ Олимпіадѣ. Частью вслѣдствіе нелюбви къ обыкновенному обществу и частью по слабому здоровью, онъ всегда обѣдалъ одинъ, никому не давая и ни отъ кого не принимая гостепріимства, и тѣмъ, которые желали занимать его пустымъ разговоромъ, онъ ясно давалъ знать, что тяготится ими. Полная противоположность между такимъ образомъ жизни и образомъ жизни прежняго епископа естественно бросалась въ глаза къ его невыгодѣ, и сдѣлалась основой для обвиненія его въ гордости, угрюмости и скаредности [1]. Епископы, посѣщавшіе Константинополь, не находили болѣе епископскаго дома открытымъ для себя, потому что Златоустъ считалъ это не нужнымъ, такъ какъ было весьма много вѣрующихъ, среди которыхъ, по его предположенію, они вполнѣ могли находить себѣ привѣтъ и гостепріимство [2]. Акакій Беррейскій [3], въ Сиріи, былъ такъ раздраженъ неудовлетворительностью неудобствъ, представленныхъ ему во время посѣщенія имъ столицы, что онъ, будто бы, воскликнулъ: „я приберегу его горшокъ для него“ [4].

Златоустъ пытался поднять нравственность среди своего духовенства введеніемъ простоты жизни и возбужденіемъ его къ болѣе дѣятельному служенію церкви [5]. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ низложилъ по обвиненіямъ даже въ убійствѣ и прелюбодѣяніи, и обратилъ вниманіе на обычай содержанія „духовныхъ сестеръ“ [6]. Установленіе богослуженій ночью въ пользу лицъ, неимѣющихъ возможности присутствовать при дневномъ богослуженіи, чрезвычайно возмущало нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства, покой которыхъ нарушался наложеніемъ такихъ добавочныхъ обязанностей. Въ дѣлѣ своего обращенія съ своими духовными собратьями, архіепископъ повидимому слишкомъ находился подъ вліяніемъ своего архидіакона Серапіона, человѣка гордаго, заносчиваго и не пользовавшагося популярностью, который будто бы говорилъ ему, что единственное средство управлять ими заключалось въ томъ, чтобы „гонять ихъ всѣхъ одной палкой“ [1]. Среди монаховъ также было много такихъ, которые относились къ архіепископу съ недружелюбіемъ; потому что онъ не скрывалъ, что пропорціонально его любви къ монашеской жизни въ немъ было и негодованіе противъ бродячихъ и алчныхъ лицемѣровъ, позорившихъ это званіе, и онъ возбудилъ много неудовольствія какъ среди монаховъ, такъ и среди духовенства совѣтомъ Олимпіадѣ, чтобы она пользовалась своею щедростью не безъ разбора.

---

[1] Pallad. 19, 40, 66. 72; Socr. vi, 4; Soz. viii, 9.

[2] Pallad, 42.

[3] Теперь Алеппо.

[4] Pallad. 20. Хотя его характеръ кажется весьма двусмысленнымъ, онъ однако же пользовался большою славою и вліяніемъ. Онъ былъ орудіемъ въ достиженіи признанія Флавіана со стороны западныхъ епископовъ; и о немъ будетъ упомянуто впослѣдствіи въ связи съ несторіанскимъ споромъ. Ему въ это время было уже около 80 лѣтъ, такъ какъ онъ былъ будто бы 110 лѣтъ во время Ефесскаго вселенскаго собора (431 г.), и будто бы умеръ въ 436 году, 116 лѣтъ отъ роду.

[5] Pallad. 19.

[6] Тамъ же, 18; Socr. vi, 4,

Въ то время какъ его популярность, какъ проповѣдника, возбуждала зависть, его краснорѣчіе иногда увлекало его до употребленія выраженій, которыя легко могли подвергнуться перетолкованію. Такъ, онъ будто бы сказалъ въ одной проповѣди: „если ты грѣшишь и каешься тысячу разъ, приходи сюда“. Нѣтъ сомнѣнія, что предполагаемое значеніе этихъ словъ было невинно (если въ дѣйствительности они сказаны были вообще); но Сисинній, новаціанскій епископъ, который съ суровыми понятіями своей секты касательно покаянія нѣсколько несообразно сочеталъ славу въ отношеніи остроумія и красоты въ одеждѣ и образѣ жизни, воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы написать противъ него книгу [2]. Златоустъ также возбудилъ вражду къ себѣ тою безпощадностью, съ которою онъ нападалъ на господствующіе пороки, простирая свои укоры даже до императорскаго двора. Хищничество, къ которому прибѣгала императрица Евдокія для содержанія своихъ евнуховъ, вызывало его не только къ тайнымъ протестамъ, но и къ публичнымъ порицаніямъ.

Евтропій былъ разочарованъ въ своей надеждѣ имѣть подручнаго себѣ епископа, и часто спорилъ съ Златоустомъ. Жертвы несправедливостей этого любимца часто искали убѣжища въ церквахъ, и онъ добился отъ слабаго императора закона въ отмѣну этого преимущества за святилищемъ. Но вскорѣ затѣмъ самъ Евтропій неожиданно подвергся немилости, вслѣдствіе чего онъ въ
ужасѣ бѣжалъ въ соборную церковь и ухватился за 399 г.
жертвенникъ, ища въ немъ защиты. Златоустъ вос-

---

[1] Socr. vi, 4; Soz. viii, 9.

[2] Socr. vi, 4. Онъ сильный поклонникъ Сисиннія и передаетъ нѣсколько весьма плохихъ образцовъ его остроумія.

противился воинамъ, которые были посланы схватить павшаго министра, и на слѣдующій день, когда церковь была переполнена такимъ множествомъ народа, какъ обыкновенно собиралось только на Пасху [1]), онъ произнесъ бесѣду о неустойчивости человѣческаго величія. Въ то время, какъ Евтропій жалко лежалъ у подножія святаго престола, архіепископъ напомнилъ ему о его недавнемъ противодѣйствіи этому самому преимуществу, въ которомъ онъ теперь искалъ себѣ спасенія, и просилъ все собраніе ходатайствовать о немъ предъ императоромъ и предъ Богомъ. Это обращеніе, очевидно имѣвшее своею цѣлью утишить гнѣвъ слушателей указаніемъ на жалкое состояніе Евтропія [2]), было перетолковано въ смыслѣ злорадства его бѣдствію, и въ то же самое время усмотрѣно было преступленіе въ самой защитѣ, которую Златоустъ оказалъ евнуху. Архіепископъ былъ даже арестованъ и приведенъ къ императору; но онъ безбоязненно отстаивалъ право церкви защищать несчастныхъ, и право это было признано, хотя Евтропій, оставляя святилище, опять возбудилъ противъ себя своихъ враговъ, и вслѣдствіе своей запальчивости былъ преданъ смерти [3]).

Въ послѣдніе дни 400 года Златоустъ отправился въ Ефесъ. Антонинъ, епископъ этого города, обвиненъ былъ въ продажѣ рукоположенія епископамъ и въ другихъ преступленіяхъ, но умеръ раньше, чѣмъ обвиненія эти могли подвергнуться удовлетворительному разслѣдованію, и ефесское духовенство требовало вмѣшательства архіепископа константинопольскаго. Шесть епископовъ были обвинены въ покупкѣ своей должности отъ Антонина, и были низложены. Златоустъ рукоположилъ новаго епископа для Ефеса, и на своемъ обратномъ пути онъ лишилъ сана нѣсколькихъ недостойныхъ епископовъ, и перевелъ нѣсколько церквей отъ сектантовъ къ православнымъ [4]). Нѣкоторыя изъ его дѣлъ впослѣдствіи были поставлены ему въ вину, какъ совершенныя въ превышеніе его собственной юрисдикціи, и въ то же время Северіанъ, епископъ габальскій, въ Сиріи, знаменитый проповѣдникъ, которому онъ поручилъ свою паству, дѣятельно старался о замѣщеніи его. Златоустъ, будучи извѣщенъ объ этомъ своимъ архидіакономъ Серапіономъ, съ которымъ не въ ладахъ былъ Северіанъ, запретилъ ему проповѣдывать въ Константинополѣ. Северіанъ удалился изъ города, но былъ возвращенъ императрицей, которая добилась примиренія между нимъ и архіепископомъ [5]). Но желаніе мщенія кипѣло въ груди Северіана, да и кромѣ него было много и другихъ, самолюбіе которыхъ задѣлъ Златоустъ,—духовенство, монахи, царедворцы, знатныя дамы и даже сама императрица. Акакій веррейскій (о недовольствѣ котораго было уже упомянуто) и Антіохъ, другой сирійскій епископъ, стали на сторону Северіана. Они старались происками въ Антіохіи найти какое нибудь основаніе для обвиненія въ прежней жизни архіепископа, и хотя въ этомъ отношеніи злоба ихъ потерпѣла полную неудачу [1]), они однако скоро нашли неожиданный случай для удовлетворенія ея.

---

[1]) Chrys. Hom. in Eutrop. c. 3 (t. III, pp. 328 и слѣд.).

[2]) Тамъ же, 2, 3.

[3]) Chrys. Hom. de capto Eutrop. 1 (t. III, p. 386).

[4]) Pallad. 50—56; Soz. VIII, 6.

[5]) Chrys. III, 411—4; Socr. VI, 11; Soz. VIII, 10.

Тимоѳею въ Александріи, въ 385 году, наслѣдовалъ Ѳеофилъ, и онъ занималъ каѳедру до 412 года. Это былъ человѣкъ способный, смѣлый, хитрый, беззастѣнчивый, испорченный, хищный и властолюбивый. Въ первомъ спорѣ между Іеронимомъ и Руфиномъ онъ игралъ достойную роль посредника [2]). Его собственныя наклонности несомнѣнно были въ пользу Оригена; онъ даже низложилъ епископа, по имени Павла, за его враждебность къ этому учителю [3]); но теперь онъ находилъ для себя выгоднымъ вступить на совершенно иной путь дѣйствія.

Мы видѣли, что въ то время какъ монахи нитрійскіе были поклонниками Оригена, другіе среди египетскихъ отшельниковъ относились къ нему враждебно. Послѣдніе въ значительной степени впадали въ заблужденіе антропоморфизма. Такъ, о Серапіонѣ, престарѣломъ инокѣ, пользовавшемся славою великой святости, разсказывается, что когда его съ большимъ трудомъ привели къ признанію ложности этого мнѣнія и когда друзья, бесѣдовавшіе съ нимъ, возносили благодареніе за успѣхъ своего дѣла, онъ вдругъ вскричалъ, не найдя изображенія, которое онъ дѣйствительно ставилъ предъ собою во время молитвы: „горе мнѣ! вы украли у меня моего Бога, и я не знаю, кому молиться“ [4]). Такъ какъ у александрійскихъ епископовъ былъ обычай при избраніи годичныхъ посланій, которыми устанавливалось время празднованія пасхи, присоединять нѣкоторыя пастырскія наставленія и по другимъ предметамъ, то Ѳеофилъ въ своемъ пасхальномъ посланіи въ 399 году воспользовался случаемъ обличить антропоморфизмъ. Вслѣдствіе этого монахи, державшіеся этой доктрины, возстали противъ архіепископа какъ богохульника, и часть изъ нихъ бросилась въ Александрію съ намѣреніемъ, какъ предполагалось, убить его. Но когда Ѳеофилъ привѣтствовалъ ихъ словами: „я смотрю на васъ, какбы это было лицо Божіе“ [5]), они были умиротворены его кажущимся согласіемъ съ ихъ мнѣніями; по ихъ желанію, онъ осудилъ Оригена. Съ того времени онъ пользовался религіозною ревностью этихъ монаховъ и связывавшеюся съ именемъ Оригена ненавистью, какъ орудіями для своихъ цѣлей 1).

---

[1]) Pallad. 20.

[2]) Hieron. Ep. 82.

[3]) Тамъ же, с. Rufin, III. 17.

[4]) Cassian, Collad. x, 3.

[5]) Быт. xxxIII, 10.

Среди знаменитѣйшихъ изъ нитрійскихъ монаховъ были четыре брата, извѣстные подъ названіемъ „длинныхъ или высокихъ братьевъ“,— Діоскоръ, Аммоній (быть можетъ тотъ самый, о рѣшительномъ отказѣ котораго принять епископство было упомянуто въ предыдущей главѣ 2), Евсевій и Евѳимій. Ѳеофилъ питалъ высокое почтеніе къ этимъ братьямъ; онъ принудилъ Діоскора принять епископію Ирмопольскую—діоцезъ, въ которомъ находилась Нитрійская гора, и вызвавъ Евсевія и Евѳимія изъ ихъ уединенія, онъ пользовался ихъ услугами въ денежныхъ дѣлахъ своей церкви. Но занимаясь этимъ дѣломъ, они сдѣлали чрезвычайно смутившее ихъ открытіе касательно средствъ, которыми Ѳеофилъ добывалъ себѣ деньги для удовлетворенія своей страсти къ церковному строительству; вслѣдствіе чего, опасаясь, чтобы соучастіемъ въ этомъ дѣлѣ не повергнуть свои души опасности, они оставили Александрію, подъ предлогомъ желанія возвратиться къ своей монашеской жизни. Ѳеофилъ скоро узналъ, что не это было главнымъ для нихъ побужденіемъ и рѣшилъ дать имъ почувствовать свое мщеніе 3). Около того же времени Исидоръ, начальникъ госпиталя въ Александріи 4), который былъ рукоположенъ во пресвитера Аѳанасіемъ и которому было 80 лѣтъ отъ роду, навлекъ на себя немилость архіепископа противодѣйствіемъ ему въ нѣкоторыхъ предполагавшихся денежныхъ сдѣлкахъ. Ѳеофилъ обвинилъ старца въ омерзительныхъ преступленіяхъ, о которыхъ онъ будто бы получилъ свѣденіе 18 лѣтъ тому назадъ. Бумага, содержавшая это сообщеніе, случайно была затеряна, и Исидоръ, зная непреклонный характеръ своего гонителя, искалъ убѣжища въ Нитріи 5). Архіепископъ возбудилъ антропоморфистскихъ монаховъ противъ предметовъ своей ненависти, изображая ихъ оригенистами; онъ добился отъ одного александрійскаго собора осужденія ихъ въ оригенизмѣ и волшебствѣ, донесъ на нитрійцевъ правителю Египта какъ на ослушниковъ, наводнилъ ихъ пустыню солдатами и враждебными монахами, и совершилъ много насилій, сожигая кельи, истребляя книги и другія находившіяся въ нихъ вещи, и даже убивая нѣкоторыхъ изъ отшельниковъ. Діоскоръ былъ 401 г. насильственно стащенъ съ своего епископскаго сѣ-

---

1) Cass. col. x, 2; Socr. vi, 7; Soz. viii, 11.

2) См. выше, стр. 312. Впрочемъ тождество кажется едвали возможнымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ Аммонію тогда было бы 80 лѣтъ отъ роду.

3) Pallad. 21; Socr. vi, 7.

4) Неизвѣстно, былъ ли это тотъ же самый Исидоръ, который въ прежнее время былъ довѣреннымъ Ѳеофила и котораго онъ желалъ возвести на каѳедру Константинопольскую въ противоположность Златоусту. Acta SS. 15, jan. p. 297.

5) Soz. viii, 12; Pallad. 20—22.

далища еѳіопомъ, и около 300 монаховъ были изгнаны изъ своего убѣжища. „Длинные братья“ отрекались отъ взводившихся на нихъ мнѣній, говоря, подобно Руфину, что эти мнѣнія были вставлены въ сочиненія Оригена еретиками. Съ болѣе чѣмъ 80 сотоварищами они бѣжали въ Палестину, и будучи по настоянію Ѳеофила изгнаны оттуда, они съ 50 другими товарищами искали убѣжища въ Константинополѣ. Златоустъ, узнавъ отъ нѣкоторыхъ членовъ александрійскаго духовенства, находившихся въ то время въ столицѣ, что эти люди были доброй жизни, снабдилъ ихъ помѣщеніемъ въ зданіяхъ Анастасіи и писалъ въ ихъ пользу къ Ѳеофилу; но хотя онъ и позволилъ имъ принимать участіе въ молитвахъ церкви, однако не допустилъ ихъ къ общенію въ евхаристіи, чтобы не оскорбить этимъ архіепископа александрійскаго [1])

Такая деликатность однако же была безполезна. Въ Александріи разсказывали, что Златоустъ допустилъ братьевъ къ полному общенію, и Ѳеофилъ, одушевляемый не только александрійскимъ соперничествомъ съ Константинополемъ, но и личнымъ нерасположеніемъ къ человѣку, котораго онъ неохотно посвятилъ на каѳедру „новаго Рима“ [2]), гнѣвно отвѣчалъ на его письмо пожеланіемъ ему уважать 5-тый никейскій канонъ, которымъ повелѣвалось, чтобы всѣ дѣла заканчивались въ той провинціи, гдѣ они возникли. Онъ также послалъ нѣкоторыхъ монаховъ для обвиненія бѣглецовъ предъ императоромъ. Златоустъ настойчиво отговаривалъ братьевъ отъ перенесенія своихъ жалобъ ко двору; но, услышавъ о шагѣ, сдѣланномъ ихъ гонителемъ, они обратились къ императрицѣ, когда она была на пути въ церковь, и умоляли ее подвергнуть разслѣдованію предъ соборомъ извѣстное обвиненіе противъ Ѳеофила. Евдоксія была тронута ихъ просьбами, и Ѳеофилъ былъ вытребованъ въ Константинополь; но такъ какъ онъ отсрочилъ свое появленіе, то его представители были допрошены префектомъ и, какъ ложные обвинители, были осуждены на тюремное заключеніе, въ которомъ нѣкоторые изъ нихъ умерли до прибытія своего начальника [3]).

Между тѣмъ Ѳеофилъ распространялъ чудовищный рядъ положеній, которыя онъ приписывалъ Оригену, и дѣятельно старался вербовать себѣ пособниковъ [4]). Іеронимъ, разъяренный своими спорами съ Іоанномъ іерусалимскимъ и Руфиномъ, охотно далъ ему свою помощь: онъ превозносилъ Ѳеофила похвалами и перевелъ на латинскій языкъ три изъ его пасхальныхъ посланій противъ Оригена, вмѣстѣ съ другими документами, относящимися къ спору [5]).

---

[1]) Тамъ же, 23—4; Socr. VI, 9; Soz. VIII, 13.

[2]) Pallad. 63—6.

[3]) Тамъ же, 25—6. Socr. VI, 6; Soz. VIII, 12.

[4]) Hieron. Ep. 92.

[5]) Epp. 86, 88, 96, 98—100.

Нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, Ѳеофилъ заклеймилъ Епифанія какъ еретика и раскольника, на основаніи взводившагося на него антропоморфизма и его поведенія къ св. Землѣ [1]); но теперь онъ обратился къ нему съ просьбою, чтобы онъ присоединился къ движенію, и написалъ въ Константинополь и въ другія мѣста, съ цѣлью добиться общаго осужденія оригенизма [2]). На это Епифаній созвалъ соборъ кипрскихъ епископовъ, осудилъ чтеніе сочиненій Оригена и письменно заявилъ желаніе, чтобы и Златоустъ сдѣлалъ тоже самое [3]); но такъ какъ Златоустъ не принималъ никакихъ мѣръ въ этомъ дѣлѣ, то старецъ самъ отправился въ Константинополь. Немедленно по прибытіи туда, онъ рукоположилъ одного діакона, вопреки правъ архіепископа. Онъ отказался принять почести и гостепріимство, предлагавшееся ему Златоустомъ, и заявилъ, что онъ не будетъ имѣть никакого общенія съ нимъ, если Оригенъ не будетъ осужденъ и „длинные братья“ не будутъ изгнаны. Златоустъ отвѣчалъ, что онъ предоставилъ какъ Оригена, такъ и братьевъ суду созваннаго собора. Епифаній затѣмъ старался, хотя и съ весьма малымъ успѣхомъ, добиться опредѣленія противъ Оригена со стороны епископовъ, оказавшихся въ Константинополѣ. Свиданіе съ братьями однако же, повидимому, убѣдило его, что дѣло его египетскаго союзника не совсѣмъ чисто, такъ что, не дождавшись предполагавшагося собора, онъ отправился въ Кипръ, и или на пути, или вскорѣ по прибытіи домой, умеръ почти 100 лѣтъ отъ роду [4]).

Ѳеофилъ наконецъ отправился въ Константинополь, и именно окружнымъ, сухимъ путемъ, чрезъ Сирію и Малую Азію. Хотя онъ считался отвѣтчикомъ и, какъ ожидалось, долженъ былъ явиться одинъ [5]), онъ былъ сопровождаемъ цѣлой свитой египетскихъ епископовъ и былъ настолько увѣренъ въ поддержкѣ себѣ, что цѣлью своей поѣздки онъ объявилъ низложеніе Златоуста. Онъ вступилъ въ городъ съ великою пышностью и занялъ помѣщеніе въ одномъ пригородномъ дворцѣ, принадлежащемъ императору, гдѣ и оставался въ теченіе трехъ недѣль, отказываясь отъ всякаго общенія съ Златоустомъ и подкрѣпляя свое дѣло подкупами, гостепріимствомъ, происками и другими подобными средствами, которыя вѣрнѣе всего могли склонить на его сторону вліятельныхъ лицъ [6]). Аркадій, который, вѣроятно, еще не посвященъ былъ въ тайну политики Евдоксіи, желалъ, чтобы Златоустъ приступилъ къ слѣдствію; но ар-

18 іюня 403 г.

---

[1]) Pallad. 60.

[2]) Письмо подъ № 90 среди посланій Іеронима.

[3]) Socr. VI, 10.

[4]) Socr. VI, 12, 14; Soz. VIII, 14, 15.

[5]) Chrys. Ep. ad Innocent. III, 516.

[6]) Pallad. 26.

хіепископъ уклонился на томъ основаніи, что преступленіе, совершенное въ другой провинціи, не входитъ въ область его юрисдикціи [1].

Ѳеофилъ, закончивъ свои планы, потребовалъ отъ Златоуста явки предъ соборомъ при Дубѣ, въ селеніи близъ Халкедона, на противоположномъ Константинополю берегѣ Босфора. Предсѣдателемъ этого собора былъ епископъ ираклійскій, который, какъ митрополитъ провинціи, въ предѣлахъ которой воздвигнуто было новое іерархическое достоинство Константинополя, былъ естественно склоненъ служить орудіемъ униженія константинопольскаго архіепископа. Противъ Златоуста былъ составленъ длинный списокъ обвиненій, большею частью ложныхъ, или грубо преувеличенныхъ, и состряпанныхъ Ѳеофиломъ съ помощью двухъ діаконовъ, низложенныхъ за серьозныя преступленія [2]. Обвиненія эти касались несправедливостей въ управленіи церковью и распоряженіи ея суммами; его дѣйствій въ отношеніи членовъ духовенства, изъ которыхъ иные были извергнуты изъ сана, другіе понесли жестокій укоръ и т. п.; его частныхъ обычаевъ жизни; обрядовыхъ неправильностей, излагавшихся имъ ученій и употреблявшихся имъ въ своихъ бесѣдахъ выраженій [3]; но хотя оригенизмъ былъ предлогомъ для всѣхъ этихъ дѣлъ александрійскаго епископа, онъ не осмѣливался включить его въ списокъ обвиненій [4]. Златоустъ имѣлъ съ собою 40 епископовъ,—представлявшихъ собою болѣе многочисленное собраніе, чѣмъ соборъ его противниковъ, и болѣе добросовѣстно составленное, такъ какъ изъ 36 епископовъ, собравшихся при Дубѣ, только 7 принадлежали къ египетской провинціи [5]. Онъ искренно просилъ своихъ сторонниковъ избѣгать разрыва, даже хотя бы оказалось необходимымъ ему самому принести себя въ жертву ради мира. Два епископа изъ враждебнаго собора вошли въ это собраніе, и дерзко потребовали, чтобы Златоустъ явился на соборъ при Дубѣ. Окружавшіе его епископы отвѣчали, что скорѣе Ѳеофилъ долженъ бы придти къ нимъ и подвергнуться слѣдствію предъ ними; но Златоустъ выразилъ готовность отвѣчать на всѣ обвиненія предъ неправильнымъ судилищемъ подъ условіемъ, если его явные враги, Ѳеофилъ, Акакій, Антіохъ и Северіанъ, не будутъ допущены на засѣданіе въ качествѣ судей. Требованіе было повторено во второй и третій разъ, но онъ продолжалъ оставлять безъ вниманія. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ этихъ безполезныхъ сношеніяхъ, епископы придубскаго собранія получили изъ дворца извѣстіе, побуждавшее ихъ произнести рѣшеніе; вслѣдствіе чего они осудили Златоуста какъ ослушника и прибавили, что онъ повиненъ также въ измѣнѣ, но что такъ какъ это преступленіе внѣ ихъ юрисдикціи, то они предоставляли наказаніе за него императору. Аркадій не сдѣлалъ всего того, что подсказывалось этимъ злобнымъ приговоромъ, но ограничился осужденіемъ архіепископа на низложеніе и изгнаніе ¹).

---

[1] Chrys. Ep. ad Innoc. III, 516.

[2] Pallad. 26.

[3] Socr. VI, 15; Phot. Bibl. Cod. 59; Hard. I, 1038—41. Между прочимъ его обвиняли въ томъ, что онъ называлъ императрицу Іезавелью (Pallad. 30), каковое обвиненіе, вѣроятно, возникло вслѣдствіе какого нибудь недоразумѣнія. Зосимъ (отчетъ котораго о дѣлѣ любопытенъ съ языческой точки зрѣнія) изображаетъ Златоуста какъ какого нибудь демагога, и говоритъ, что онъ всегда нападалъ на императрицу въ своихъ бесѣдахъ (V, 23—4).

[4] Что Ѳеофилъ не руководился какимъ нибудь дѣйствительнымъ отвращеніемъ къ оригенизму, это явствуетъ изъ его прежняго поведенія, изъ его примиренія съ оставшимися въ живыхъ „длинными братьями", когда онъ добился своей цѣли въ паденіи Златоуста (Socr. VI, 15; Soz. VIII, 17), и изъ того, что нѣсколько лѣтъ спустя настоялъ на посвященіи философа Синезія въ епископа, не смотря на то, что среди другихъ препятствій онъ заявлялъ мнѣнія, которыя отличались отъ ученія церкви въ томъ же самомъ направленіи, какъ и мнѣнія Оригена, но быть можетъ даже въ еще бóльшей степени,—какъ напр. касательно предсуществованія душъ, неразрушимости міра и отрицанія воскресенія тѣла (Synes. Ep. 105, ed. Petav. Paris 1652; Baron. 410, 77). Что касается послѣдняго изъ этихъ пунктовъ, то Синезій впослѣдствіи отрекся отъ своего заблужденія (Phot. Bibl. Cod. 26).

[5] Pallad. 27.

Златоустъ считалъ себя обязаннымъ не оставлять своего положенія, если не принужденъ будетъ силою. Онъ былъ заботливо охраняемъ своимъ народомъ въ теченіе трехъ дней, пока, услышавъ, что императоръ намѣревался арестовать его, и опасаясь какого нибудь серьознаго мятежа, онъ самъ не выдалъ себя, и немедленно былъ отправленъ за Босфоръ ²). Народъ, узнавъ, что архіепископъ находится подъ стражей, окружилъ дворецъ съ криками о своемъ архипастырѣ, и въ теченіе слѣдующей ночи городъ былъ поколебленъ землетрясеніемъ. Императрица, встревоженная какъ опасностью мятежа, такъ и сверхъестественными ужасами, поспѣшно отправила посла къ архіепископу съ письмомъ, въ которомъ увѣряла его, что она неповинна въ его изгнаніи и желала его возвращенія. Между тѣмъ возбужденіе въ Константинополѣ было необычайное. Вступленіе Ѳеофила въ городъ послужило поводомъ для свалокъ между населеніемъ и его александрійскими матросами, и побоища сдѣлались столь серьозными, что онъ находилъ гораздо лучшимъ удалиться, а Северіанъ, который осмѣлился проповѣдать противъ Златоуста, былъ позорно изгнанъ ³).

Возвращеніе архіепископа было привѣтствуемо съ восторгомъ. Босфоръ былъ покрытъ судами всевозможныхъ объемовъ, переполненныхъ народомъ, жаждавшимъ привѣтствовать его. У него было

---

¹) Chrys. ad Innoc. Ep. 1; Pallad. 27—30; Sos. viii, 17.

²) Socr. vi, 15; Soz. viii, 18.

³) Chrys. Hom. post Reditum, 4 (t. iii, p. 430); Socr. iii, 19; Soz. viii, 18.

намѣреніе остаться внѣ города, пока не будетъ отмѣнено его низложеніе соборомъ большимъ, чѣмъ тотъ, который осудилъ его; но возбужденіе народа и опасеніе, чтобы оно не направилось противъ императора, заставило его направиться къ соборной церкви, гдѣ, уступая крикамъ собравшагося народа, онъ занялъ свое мѣсто на сѣдалищѣ и произнесъ импровизированную рѣчь, въ которой нашествіе на его церковь со стороны епископа александрійскаго сопоставлялось съ отнятіемъ и вынужденнымъ возвращеніемъ жены Авраамовой царемъ египетскимъ [1]). Ѳеофилъ немедленно отправился въ Александрію, прикрывая свое пораженіе предлогомъ, что его паства не могла долѣе выносить его отсутствія [2]).

Торжество Златоуста казалось полнымъ; но не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ его враги нашли новыя основанія для нападенія на него. Близь собора была воздвигнута серебряная статуя императрицы, и открытіе ея сопровождалось безпорядочными и нѣсколько языческими увеселеніями, которыя были обычны при такихъ случаяхъ. Архіепископъ послѣ того, какъ посланный имъ ко двору протестъ былъ перехваченъ на дорогѣ, выразилъ въ одной бесѣдѣ свое сильное осужденіе сценъ, происходившихъ почти у дверей его церкви, и его изреченія, вѣроятно съ злобнымъ преувеличеніемъ, были такъ часто повторяемы, что императрица чувствовала себя крайне оскорбленною. Оскорбленіе это было усилено еще проповѣдью на праздникъ Усѣкновенія главы св. Августа 29 Іоанна Предтечи, которая будто бы начиналась словами: „опять свирѣпствуетъ Иродіада, опять бѣснуется Иродіада, опять ищетъ она главы Іоанна“. Невѣроятно, чтобы Златоустъ мѣтилъ этими словами въ императрицу; сомнительно, чтобы онъ и вообще употреблялъ ихъ; но его враги или изобрѣли, или перетолковали ихъ, и съ новой надеждою возобновили свои козни [3]). Ѳеофилъ не осмѣливался опять появляться въ Константинополѣ, но изъ своего собственнаго города направлялъ дѣйствіями Северіана и его другихъ союзниковъ [4]).

Въ праздникъ Рождества 403 года, Аркадій объявилъ архіепископу, что онъ не можетъ имѣть общенія съ нимъ, пока онъ не очиститъ себя отъ извѣстныхъ обвиненій. Въ началѣ слѣдующаго года созванъ былъ соборъ, и Златоустъ былъ обвиняемъ предъ нимъ въ томъ, что онъ нарушилъ 12-тый канонъ Антіохійскій (первоначально постановленный противъ св. Аѳанасія [5]), вступая на свою каѳедру безъ церковнаго соизволенія послѣ своего низложенія соборомъ Его друзья (онъ имѣлъ 42 епископовъ на своей сторонѣ) отвѣчали, что канонъ этотъ неприложимъ въ настоящемъ случаѣ, и главнѣе всего, что онъ есть произведеніе еретиковъ; одинъ изъ нихъ причинилъ нѣкоторое смущеніе въ противоположной партіи предложеніемъ, въ присутствіи императора, чтобы тѣ, которые желаютъ дѣйствовать по этому канону, подписали символъ его авторовъ. Возраженія эти однако же были ниспровергнуты, и Златоустъ былъ осужденъ [1]).

---

[1]) Chrys. t. ııı, p. 427; Pallad. 30; Soz. vııı, 18.

[2]) Socr. vı, 15.

[3]) Socr. vı, 18; Soz. vııı, 20. Существующая проповѣдь, начинающаяся этими словами (ap. Chrys, t. vııı, appendix 1), не принадлежитъ Златоусту.

[4]) Pallad. 30.

[5]) См. выше стр. 201.

404 г.

Съ приближеніемъ пасхи, Аркадій, побуждаемый врагами архіепископа, далъ ему знать, что, будучи приговоренъ къ низложенію двумя соборами, онъ не долженъ входить въ церковь. Наканунѣ пасхи, во время совершенія крещенія, обыкновенно совершавшагося въ навечеріе, нѣкоторыя изъ церквей подвергались нападенію со стороны солдатъ, которые разогнали молящихся (между ними были и женщины, раздѣвшіяся для крещенія) и совершили грубое святотатство. Готовившіеся къ крещенію нашли себѣ убѣжище въ баняхъ Константиновыхъ, гдѣ продолжалось совершеніе таинства, и изгнанные оттуда, они удалились въ загородный циркъ, изъ котораго они также были изгнаны [2]). Можно думать однако же, что впослѣдствіи Златоусту позволено было вновь вступить во владѣніе этими церквами. Въ теченіе короткаго промежутка времени на его жизнь сдѣлано было два покушенія убійцами. Въ Троицкую недѣлю императоръ послалъ ему повелѣніе оставить епископскій домъ. Такъ какъ было очевидно, что онъ долженъ теперь уступить силѣ, то онъ трогательно простился съ своими друзьями. Къ каждому изъ нихъ онъ обратился съ подходящими увѣщаніями; онъ просилъ, чтобы они не приходили въ отчаяніе изъ-за потери одного лица, но приняли бы всякаго епископа, который будетъ назначенъ съ общаго согласія; и въ то время, какъ его мулъ стоялъ наготовѣ у однихъ вратъ собора, съ цѣлью отвлечь вниманіе народа, который въ теченіе цѣлыхъ недѣль охранялъ его денно и нощно, онъ оставилъ зданіе противоположною дверью, и предалъ себя властямъ, заявляя, что онъ готовъ подвергнуть свое дѣло рѣшенію безпристрастнаго собора [3]).

Извѣстіе о его удаленіи изъ Константинополя послужило поводомъ къ великому возбужденію. На слѣдующій день сгорѣли соборъ и великолѣпная палата сенатская [4]). Стороны обвиняли другъ друга въ поджигательствѣ; но іоанниты (какъ назывались сторонники Златоуста),

---

[1]) Pallad. 31—2; Socr. vi, 18.

[2]) Chrys. ad Innoc., t. iii, p. 519; Pallad. 33—5; Socr. vi, 18; Soz. viii, 21.

[3]) Pallad. 35—6; Soz. viii, 22.

[4]) Sos. v, 24.

какъ непріятные императорскому правительству, подверглись жестокому обращенію вслѣдствіе этого пожара, и нѣкоторые изъ нихъ были преданы смерти. Среди другихъ была допрашиваема и Олимпіада, по подозрѣнію въ соучастіи въ поджогѣ. „Моя доселѣшняя жизнь, сказала она, служитъ отвѣтомъ на это обвиненіе. Та, которая истратила столько на построеніе церквей, не можетъ быть личностью, склонною истреблять ихъ“ [1]). На каѳедру Константи-
нополя, былъ назначенъ Арсакій, восьмидесятилѣтній
старецъ, братъ Нектарія, и ему, послѣ немощнаго 406 г.
управленія церковью въ теченіе одного года, наслѣ-
довалъ Аттикъ [2]). Между тѣмъ іоанниты видѣли
гнѣвъ небесъ въ землетрясеніяхъ и градовыхъ буряхъ, 6 окт. 404 г.
въ смерти Евдоксіи и въ бѣдствіяхъ, постигшихъ
другихъ лицъ, которыя были выдающимися врагами изгнаннаго ар-
хіепископа [3]).

Златоусту, послѣ отправленія его за Босфоръ, позволено было оставаться почти въ теченіе мѣсяца въ Никеѣ. Онъ настойчиво добивался разслѣдованія своего дѣла, но напрасно. Напрасно также онъ самъ и его друзья просили, чтобы въ качествѣ мѣста его изгнанія, была назначена какая нибудь сносная резиденція. Послѣ труднаго и утомительнаго путешествія, во время котораго онъ подвергался опасности отъ разбойниковъ и еще болѣе отъ изувѣрныхъ монаховъ [4]), онъ достигъ Кукуза, въ горахъ Тавра, мѣста ссылки и смерти его предшественника Павла [5]). Во время своего пребыванія въ этомъ отдаленномъ и жалкомъ городишкѣ, онъ страдалъ отъ недостатка въ провизіи, отъ перемѣнныхъ крайностей зноя и холода, отъ частыхъ болѣзней, во время которыхъ невозможно было достать лѣкарствъ, и отъ хищничества исаврійскихъ разбойниковъ, которые наконецъ принудили его искать убѣжища въ крѣпости Арабиссѣ [6]). Но годы его изгнанія были полнѣе почестями и вліяніемъ, чѣмъ какой бы то ни было періодъ его прежней жизни. Онъ поддерживалъ сношенія съ церквами во всѣхъ странахъ [7]); даже епископъ римскій, Иннокентій, который сильно былъ заинтересованъ въ его пользу, относился къ нему какъ къ совершенно равному себѣ [8]). Отъ епископа кукузскаго и его другихъ сосѣдей онъ постоянно встрѣчалъ почтительную доброту къ себѣ [1]. Многіе паломники отправлялись къ нему въ его уединенное мѣстопребываніе съ цѣлью выразить ему свое почтеніе. Онъ руководилъ миссіонерскими трудами въ Персіи и среди готовъ, причемъ его отдаленные друзья снабжали его столь значительными суммами, что онъ не только въ состояніи былъ содержать эти миссіи и выкупать плѣнныхъ, но даже долженъ былъ просить, чтобы ихъ чрезмѣрная щедрость была направлена на другія цѣли [2]. Онъ писалъ часто увѣщательныя и утѣшительныя письма епископамъ и духовенству, горевавшимъ о его паденіи, и своимъ приверженцамъ въ Константинополѣ, подвергшимся большимъ жестокостямъ за отказъ имѣть общеніе съ его самозванными преемниками [3]. Западный императоръ и епископъ римскій совмѣстно желали, чтобы его дѣло опять было разсмотрѣно безпристрастнымъ соборомъ всей церкви [4]; но взаимныя отношенія половинъ имперіи были неблагопріятны для успѣха этого предположенія, и нѣкоторые посланные, отправленные съ востока къ двору Аркадія, были заключены въ тюрьму и подверглись унизительному обращенію [5].

---

[1]) Socr. vi, 18; Baron. 404, 44, 52.

[2]) Socr. vi, 19. Палладій характеризуетъ Арсакія какъ человѣка, „болѣе нѣмаго, чѣмъ рыба, и болѣе безполезнаго, чѣмъ жаба“,—37.

[3]) Socr. vi, 19; Soz. viii, 27.

[4]) Epp. 8—14 (III).

[5]) См. выше, стр. 206.

[6]) Epp. 4, 6, 68—9, 146 и слѣд.

[7]) Напр. посланіе 149 обращено къ Аврелію, епископу карѳагенскому.

[8]) Innocent. Ep. 12 (Patrol. XX); Chrys. t. iii, pp. 515—24; Pallad. 5—10; Soz. viii, 26.

Послѣ трехъ лѣтъ, проведенныхъ Златоустомъ въ изгнаніи, интересъ, который онъ продолжалъ возбуждать въ населеніи, заставилъ его враговъ прибѣгнуть къ еще болѣе жестокимъ мѣрамъ противъ него. Рѣшено было переселить его въ Питій, городокъ на крайней границѣ имперіи, къ востоку отъ Евксина, и лѣтомъ 407 года онъ былъ увезенъ изъ Арабисса. Во время этого путешествія, его тѣлесныя страданія возобновились и усилились подъ вліяніемъ невыносимаго зноя. Въ понтійскомъ городѣ Команѣ [6] онъ попросилъ своихъ конвойныхъ остановиться, такъ какъ онъ чувствовалъ приближеніе смерти. Свою грубую одежду онъ перемѣнилъ на лучшую, какая только была у него, принялъ святое причастіе и, произнеся слова: „слава Богу за все“, испустилъ духъ, прибавивъ „аминь“ [7].

14 сент. 407 г.

Іоанниты въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ затѣмъ составляли отдѣльную общину. Θеофилъ, хотя послѣ изгнанія Златоуста онъ написалъ противъ него грубую книгу, переведенную на латинскій языкъ Іеронимомъ [8], совѣтовалъ Аттику относиться къ нимъ снисходительно. Александръ антіохійскій (тотъ самый, которому удалось положить конецъ евстаѳіеву расколу), ставилъ во главѣ другихъ въ дѣлѣ признанія православія Златоуста, внесъ его имя въ диптихи своей церкви [1]). Примѣру его слѣдовали повсюду, пока наконецъ Аттикъ, по настоятельной просьбѣ народа и двора и съ цѣлью добиться общенія со стороны запада, согласился наконецъ допустить его имя въ диптихи Константинополя [2]). 417 г. Этимъ поступкомъ и вообще своею умѣренною и примирительною политикою онъ возвратилъ многихъ іоаннитовъ къ общенію съ собою [3]), и расколъ наконецъ былъ уничтоженъ въ 438 году при епископствѣ Прокла, когда останки изгнаннаго архіепископа были перенесены изъ Команы. Когда корабль съ ними приближался къ столицѣ, населеніе, даже въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ то, которое встрѣчало Златоуста, когда онъ возвращался нѣкогда живымъ изъ ссылки, покрыло Босфоръ лодками, и императоръ Ѳеодосій II преклонялся предъ гробомъ, умоляя святаго простить вину Аркадія и Евдоксіи [4]).

---

[1] Ep. 14.

[2] Soz. viii, 27.

[3] Pallad. 38, 76—9; Chrys. Epp. 13 и слѣд. (III).

[4] Innoc. Epp. 7—9 (Patrol. 20); Chrys. t. iii, p. 524 и слѣд.

[5] Pallad. 13; Soz. viii, 28.

[6] Теперь Гуменекъ. См. Smith, Dict. of Geography. Есть и другая Комана въ Каппадокіи.

[7] Pallad. 39, 40; Soz. viii, 28.

[8] См. Hieron. Ep. 114 и прим.

Но каѳедра константинопольская никогда не исцѣлилась отъ раны, которая нанесена была ей изгнаніемъ Златоуста. Ея патріархи, начиная съ этого времени, за немногими исключеніями, были мало чѣмъ выше послушныхъ чиновниковъ двора.

ГЛАВА XVI.

Бл. Августинъ.—Донатизмъ.—Пелагіанство.

I. Великимъ свѣтиломъ западной церкви въ этомъ вѣкѣ былъ бл. Августинъ,—учитель, имѣвшій болѣе широкое и болѣе продолжительное вліяніе, чѣмъ кто либо со времени апостоловъ. Исторія его раннихъ дней передается имъ самимъ въ его знаменитой „Исповѣди“, гдѣ онъ торжественно сознается въ своихъ ошибкахъ и славословитъ милостивое Провидѣніе, которое привело его чрезъ многія опасности и столкновенія къ истинѣ и миру.

Августинъ родился въ 354 году въ Тагастѣ, епископскомъ городѣ въ Нумидіи [5]). Его отецъ, патрицій, человѣкъ куріальнаго сана, но находившійся въ плохихъ обстоятельствахъ, былъ тогда язычникомъ [1]; но его мать Моника, благочестивая и примѣрная христіанка, сдѣлала мальчика еще въ дѣтствѣ оглашеннымъ въ церкви. Онъ самъ разсказываетъ, что, будучи встревоженъ внезапной и опасной болѣзнью въ своемъ дѣтствѣ, онъ искренно желалъ крещенія, и уже сдѣланы были приготовленія къ нему; но такъ какъ опасность миновала, то сочтено было за лучшее отложить таинство, чтобы онъ не навлекъ болѣе тяжкой вины впаденіемъ въ грѣхъ послѣ принятія благодати крещенія. Патрицій, хотя самъ человѣкъ легкихъ нравовъ [2] и не заботившійся о нравственномъ и религіозномъ воспитаніи своего сына, старался даже свыше своихъ средствъ дать ему хорошее литературное образованіе, въ надеждѣ, что оно доставитъ ему какое нибудь почетное и выгодное занятіе [3] и съ этою цѣлью Августинъ, получивъ элементарное обученіе въ Тагастѣ, былъ отправленъ для продолженія своего образованія въ школы Мадавры и Карѳагена. Можно думать, что своими способностями онъ выдавался уже съ самаго ранняго возраста, но онъ не давалъ имъ опредѣленнаго и серьезнаго приложенія; онъ читалъ съ большою любовью латинскихъ поэтовъ, но неохотно изучалъ греческую литературу, и его упущенія въ этомъ языкѣ лишь весьма недостаточно были восполнены въ послѣдующей жизни [4]. Въ 17-ти лѣтнемъ возрастѣ, около времени своего переселенія въ Карѳагенъ, онъ лишился отца, который наконецъ былъ склоненъ, какъ умнымъ и нѣжнымъ поведеніемъ Моники, такъ и ея доводами, принять христіанскую вѣру [5]. Одинъ богатый гражданинъ Тагасты, Романіанъ [6], помогалъ вдовѣ въ несеніи расходовъ по воспитанію ея сына, а дарованія и таланты мальчика обѣщали сдѣлать его человѣкомъ выдающимся. Но онъ рано предался разсѣянной жизни, и въ Карѳагенѣ завелъ себѣ наложницу, отъ которой, въ восемнадцати-лѣтнемъ возрастѣ, сдѣлался отцемъ мальчика Адіодата [7].

---

[1]) Theod. v, 35.

[2]) Innoc. Ep. 22, Acta SS. Янв. 8, p. 379.

[3]) Socr. vii, 2, 25.

[4]) Soz. vii, 41; Theodoret. v, 36; Gibbon, iv, 478. По римскому закону, наказаніе изгнаніемъ продолжалось и послѣ смерти, такъ что останки лица, умершаго въ ссылкѣ, не могли быть возвращены безъ императорскаго позволенія. *De Rossi*. Roma Sotter. ii, 78. Ссылка на Маркіана, in Digest. xlviii, 24, 2, и *Tacit*. Annal. xiv, 12.

[5]) Ноября 13. Бипдеманъ считаетъ годомъ его рожденія 353. Der Heilige Augustinus i, 1 (Берлинъ 1844—69 гг.).

На девятнадцатомъ году чтеніе Цицеронова „Гортензія“ пробудило въ Августинѣ желаніе лучшей жизни; но возвратившись къ св. Писанію въ поискахъ за мудростью, онъ нашелъ его слишкомъ простымъ и не занимательнымъ, причемъ онъ былъ увлеченъ въ другомъ направленіи заманчивыми обѣщаніями манихеевъ, ихъ издѣвательствомъ надъ подчиненіемъ авторитету и умозрѣніями касательно происхожденія зла [1]. Эта секта имѣла значительный успѣхъ въ теченіе IV столѣтія. Она пользовалась раздорами въ церкви и, быть можетъ, въ значительной степени принимала обращенцевъ изъ старыхъ и разлагающихся гностическихъ партій. Хотя многіе законы отзывались о ней какъ болѣе омерзительной, чѣмъ другія еретическія общины, и постановляли особенно жестокія наказанія противъ нея, однако же пропаганда ея дѣятельно продолжалась втайнѣ, и манихейскія ученія даже проглядывали среди духовенства и монаховъ. Августинъ склонился къ этимъ ученіямъ и былъ членомъ секты отъ 19 до 28 лѣтъ своей жизни [2]. Но, спустя нѣкоторое время, онъ былъ пораженъ и смущенъ, замѣтивъ чувственность и лицемѣріе „избранныхъ", которые были обязаны вести самую строгую аскетическую жизнь, а также открытіемъ, которое онъ сдѣлалъ касательно безнравственныхъ и возмутительныхъ правилъ сектантовъ [3]. Онъ обратился за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній къ Фавсту, знаменитому манихейскому епископу, котораго ожидали въ Карѳагенѣ; но, по прибытіи Фавста, Августинъ нашелъ, что и онъ не свободенъ былъ отъ обычнаго разлада между исповѣданіемъ и жизнью, и его бесѣда была столь же пуста, какъ она была плавна и пышна совнѣ [4].

---

[1] Confess. i, 11.
[2] Confess. ix, 9.
[3] Тамъ же, ii, 3.
[4] Confess. i, 12—14.
[5] Confess. ix, 9.
[6] Augustin c. Academ. ii, 3.
[7] Confess. ii, 3, iii, 2. De Util. Credendi, i, 2;

Августинъ изучалъ грамматику и риторику сначала въ своемъ родномъ городѣ, а затѣмъ въ Карѳагенѣ; но онъ нашелъ безпорядочные нравы карѳагенскихъ студентовъ невыносимыми [5], и съ цѣлью избѣжать подобной жизни (не изъ какого либо желанія, какъ онъ увѣряетъ, бо́льшей славы или пользы) онъ удалился въ 383 году въ Римъ. Вскорѣ послѣ своего прибытія туда, онъ серьозно заболѣлъ но не чувствовалъ никакой наклонности просить крещенія, какъ это было во время болѣзни его дѣтства. По выздоровленіи, отвращеніе его къ манихейству сдѣлалось еще сильнѣе, чѣмъ раньше, и на нѣкоторое время онъ предался безотрадности полнаго скептицизма [6]. Надежда на добываніе средствъ жизни въ Римѣ дѣлалась сомнительною, потому что онъ находилъ, что римская молодежь, хотя и не столь безпорядочная, какъ молодежь Африки, была склонна оставлять профессора, не уплачивая за выслушанныя лекціи. И послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ столицѣ онъ радъ былъ наконецъ, когда получилъ назначеніе общественнаго учителя риторики въ Миланѣ [7].

---

[1] Confess. III, 4, 5.

[2] Confess. III, 11; IV, 1.

[3] De Mor. Manich. II, 67 и слѣд.

[4] Confess. V, 3—6; c. Faust. V, 7.

[5] Confess. V, 8.

[6] Тамъ же, 9, 10.

[7] Confess. V, 12, 13.

Тамъ онъ слушалъ бесѣды Амвросія,—не для религіознаго собственно назиданія, но съ цѣлью убѣдиться, заслуживало ли краснорѣчіе епископа разносящейся о немъ славы. Но мало по малу слова Амвросія произвели свое дѣйствіе. Августинъ нашелъ, что манихейскія возраженія противъ православной вѣры большею частью основывались на невѣжествѣ и непониманіи [1]; иносказательныя объясненія проповѣдникомъ Новаго Завѣта показали ему путь (хотя въ дѣйствительности и весьма опасный путь), которымъ онъ могъ избѣгать трудностей св. Писанія,—такъ какъ „буква убиваетъ“ [2]. Моника, сильно противившаяся его отбытію изъ Африки, присоединилась къ нему въ Миланѣ. Она наблюдала за его заблужденіями съ глубокимъ безпокойствомъ и скорбію. Ея молитвы были вознаграждены видѣніемъ, увѣрявшимъ ее, что онъ нѣкогда обратится. Въ надеждѣ произвести эту перемѣну, она просила одного престарѣлаго епископа побесѣдовать съ нимъ. Епископъ, человѣкъ умный и ученый, сказалъ ей, что было бы безполезно бесѣдовать съ ея сыномъ, зараженнымъ новшествомъ манихейскихъ ученій, но что, если на время его предоставить самому себѣ, онъ едва ли не пойметъ суету и нечестіе этой системы; и онъ ободрялъ ея надежду, что онъ и самъ въ юности былъ членомъ этой секты, но увидѣлъ причину для оставленія ея заблужденій. Моника однако же продолжала настаивать на своей просьбѣ даже со слезами; но епископъ отпустилъ ее съ увѣреніемъ, что „невозможно, чтобы погибъ сынъ этихъ слезъ“, и слова эти сохранены Августиномъ какбы голосъ съ неба [3]. И вотъ она съ радостью увидѣла, что ея сынъ уже не былъ больше манихеяниномъ, но оглашенный членъ церкви; потому что онъ рѣшился вновь занять это положеніе, пока не получитъ какой нибудь устойчивости въ своемъ убѣжденіи; и она тайно выразила ему свою надежду увидѣть его православнымъ вѣрующимъ предъ своею смертью [4]. Его низшія страсти однако же еще не были совершенно побѣждены [5].

Осенью 384 г.

Чрезъ различныя затрудненія Августинъ мало по малу пробивался впередъ. Онъ нашелъ много помощи своему уму въ Платоновыхъ сочиненіяхъ, хотя они и не могли вполнѣ удовлетворить его желаній [6]. Тогда онъ предался изученію ап. Павла совершенно съ иными чувствами, чѣмъ тѣ, которыя на его девятнадцатилѣтнемъ году побудили его отнестись пренебрежительно къ простотѣ св. Писанія, и онъ нашелъ, что трудности и кажущіяся противорѣчія, которыя нѣкогда оттолкнули его, теперь исчезли [1]). Услышавъ отъ одного изъ своихъ земляковъ, которому пришлось навѣстить его, нѣкоторыя подробности о жизни Антонія и другихъ иноковъ, а также касательно монашества, (о которомъ доселѣ онъ совершенно не зналъ ничего) [2]), онъ былъ сильно заинтересованъ этимъ; грѣховность его собственной прошлой жизни возстала предъ его умомъ во всей своей наготѣ и привела его въ сильное волненіе [3]). Однажды, будучи не въ состояніи, въ страшномъ смятеніи своихъ мыслей, выносить даже общество своего любезнѣйшаго друга Алипія, онъ выбѣжалъ въ садъ при своемъ жилищѣ, бросился подъ смоковницу и съ потокомъ слезъ страстно вопіялъ объ избавленіи отъ рабства своихъ грѣховъ. Въ такомъ положеніи онъ услышалъ, какъ будто изъ сосѣдняго дома, голосъ ребенка, нѣсколько разъ пѣвшаго слова: „возьми и читай“. Онъ не могъ припомнить, чтобы такія слова употреблялись въ какой нибудь дѣтской игрѣ; ему припомнилось о впечатлѣніи, произведенномъ на св. Антонія св. Писаніемъ, читаннымъ въ церкви [4]), и думалъ, что онъ самъ теперь былъ призываемъ голосомъ съ неба. Возвратившись въ домъ, онъ схватилъ книгу Посланій ап. Павла, и открылъ ее на текстѣ: „будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни пированіямъ и пьянству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и зависти; но облекитесь въ Господа нашего Іисуса Христа и попеченія о плоти не превращайте въ похоти“ [5]). Съ этого момента Августинъ почувствовалъ себя инымъ человѣкомъ [6]), но такъ какъ онъ не желалъ обратить на себя вниманія какимъ нибудь обнаруженіемъ этой перемѣны, то продолжалъ исполнять обязанность своего учительства до виноградной вакаціи, когда онъ отказался отъ нея, и съ своею матерью и нѣкоторыми друзьями удалился въ деревню. Наканунѣ Пасхи 387 года онъ былъ крещенъ св. Амвросіемъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, Адіодатомъ и Алипіемъ, его землякомъ и ученикомъ, котораго онъ раньше совратилъ въ манихейство и который наконецъ сдѣлался епископомъ Тагасты [7]). Снисходя къ желаніямъ

---

[1] De Mor. Eccles. Cath. i, 10.

[2] Confess. iii, 5—7; v, 10, 13, 14; vi, 3, 4; см. примѣры антиманихейскаго истолкованія c. Faust. xxii.

[3] Confess. iii, 11, 12.

[4] Confess. v, 14; vi, 1; De Util. Cred. 20.

[5] Confess. vi, 13—15.

[6] Тамъ же, vii, 9, 20.

---

[1]) Confess. VII, 21.

[2]) Монашество, какъ мы видѣли (стр. 12), было еще неизвѣстно въ Африкѣ, и хотя въ Миланѣ былъ монастырь, онъ не обращалъ на себя вниманія Августина. Confess. VIII, 6.

[3]) Тамъ же, VIII, 6—19.

[4]) См. выше, стр. 295.

[5]) Рим. XIII, 13, 14.

[6]) Confess. VIII, 12.

[7]) Тамъ же, IX, 2—6. Надъ входомъ въ маленькую часовню близь церкви св. Амвросія въ Миланѣ существуетъ надпись:

„Divus Augustinus
Ad Lucem Fidei
Per Sanctum Ambrosium

Моники, онъ вскорѣ затѣмъ отправился въ путь въ Африку; но въ Остіи благочестивая мать его умерла, радуясь, что желаніе ея сердца объ обращеніи ея сына исполнилось [1]).

Такъ какъ смерть матери отняла у Августина поводъ спѣшить своимъ возвращеніемъ въ Африку, то онъ возвратился въ Римъ, гдѣ и прожилъ около года, и написалъ, среди другихъ трудовъ, двѣ книги „о противоположности между православной и манихейской нравственностью“ [2]). Къ концу 388 г. онъ опять отправился въ путь и, послѣ короткаго пребыванія въ Карѳагенѣ, поселился въ своемъ родномъ городѣ, гдѣ онъ роздалъ свое имѣніе на благочестивыя и благотворительныя дѣла, и почти въ теченіе трехъ лѣтъ жилъ въ благочестивомъ и проходившемъ въ занятіяхъ уединеніи, которое раздѣляли съ нимъ Алипій и другіе друзья [3]). Его прежняя исторія и обращеніе, его отреченіе отъ мірскихъ благъ, его религіозная жизнь и сочиненія распространяли славу о немъ повсюду, такъ что онъ опасался даже появляться въ какомъ нибудь городѣ, гдѣ была вакантная епископія, чтобы его насильственно не схватили и не принудили принять епископскій санъ. Онъ считалъ для себя однако же безопаснымъ принять приглашеніе въ Иппонъ царскій (такъ называвшійся вслѣдствіе того, что этотъ городъ былъ резиденціей Нумидійскихъ царей), такъ какъ каѳедра была занимаема Валеріемъ. Но когда онъ находился 391 г. въ церкви, слушая проповѣдь епископа, Валерій началъ говорить о необходимости рукоположенія добавочнаго пресвитера, вслѣдствіе чего народъ представилъ Августина, и онъ вынужденъ былъ подчиниться рукоположенію [4]). Валерій приблизилъ его къ себѣ и предоставилъ ему значительную долю въ управленіи діоцезомъ. Будучи грекомъ по рожденію, епископъ чувствовалъ затрудненіе проповѣдывать по латыни и былъ радъ найти себѣ помощника въ этомъ отношеніи въ Августинѣ, и хотя сначала возражали, какъ противъ новшества въ Африкѣ, противъ того, чтобы пресвитеръ проповѣдывалъ въ присутствіи епископа, однако же примѣру этому скоро послѣдовали и въ другихъ діоцезахъ [5]). Черезъ четыре года Валерій, въ виду того, что его преклонный возрастъ и связанныя съ нимъ немощи сдѣлали помощь для него необходи-

---

Evocatus
Hic unda Coelesti
Abluitur
Anno Domini ccclxxxviii“.

Эта дата какъ будто показана годомъ позже дѣйствительности.

[1]) Confess. ix, 10—12.

[2]) De Moribus Eccles. Cath. et de Moribus Manichaeorum (Opera. t. i).

[3]) Possidius, 2, 3. Адіодатъ, повидимому, умеръ въ теченіе этого періода.

[4]) Possidius, 4.

[5]) Тамъ же, 5.

мою, желалъ, чтобы Августинъ былъ посвященъ въ качествѣ помощника ему по каѳедрѣ иппонійской, и Августинъ былъ принужденъ уступить этому. Какъ онъ, такъ и Валерій тогда не знали, что 8-е Никейское правило запрещало постановленіе втораго епископа въ одномъ и томъ же городѣ, исключая случаевъ, гдѣ одинъ былъ возвратившійся въ православіе новаціанинъ [1]. Валерій не долго жилъ послѣ назначенія своего помощника.

Августинъ занималъ епископскую каѳедру въ Иппонѣ въ теченіе 35 лѣтъ, и хотя городъ этотъ по своей важности сто- 395—430 г.
ялъ ниже многихъ другихъ, геній и характеръ епископа заставляли признавать его, безъ всякаго домогательства съ его стороны, вождемъ всей африканской церкви [2]. Большое собраніе его сочиненій заключаетъ въ себѣ трактаты о христіанскомъ ученіи и жизни, изъясненіе св. Писанія, полемическія книги противъ манихеевъ, донатистовъ, пелагіанъ и другихъ сектантовъ, множество проповѣдей и до 250 писемъ, среди которыхъ многія представляютъ собою обстоятельные отвѣты на вопросы богословія и казуистики. Его величайшій трудъ, „о градѣ Божіемъ", былъ написанъ, какъ уже замѣчено выше, вслѣдствіе той настойчивости, съ которою старое языческое возраженіе противъ христіанства, какъ причины общественныхъ бѣдствій, было выставляемо послѣ взятія Рима готами [3]. Составленіе этого сочиненія начато было въ 412 или 413 году и закончено не ранѣе 426 года. Въ первыхъ пяти книгахъ Августинъ отвѣчаетъ на доводъ отъ бѣдствій времени. Въ слѣдующихъ пяти онъ приводитъ доводы противъ тѣхъ, которые, сознаваясь, что язычество во времена его господства не обезпечивало своихъ приверженцевъ отъ земныхъ бѣдствій, однакоже заявляли, что оно полезно было для будущей жизни, и въ остальныхъ двѣнадцати книгахъ онъ сопоставляетъ два царства—земное и „градъ Божій", въ ихъ происхожденіи, ихъ жизни и ихъ концѣ [4]. Нѣкоторые недостатки этого сочиненія очевидны, какъ напр. тотъ, что доказательства не всегда удовлетворительны, что многое изъ того, что говорится въ немъ, не имѣетъ видимаго отношенія къ тэмѣ, и что здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Августинъ, по недостаточности своего знакомства съ подлинными языками, вынужденъ былъ избѣгать вопросовъ касательно дѣйствительнаго смысла св. Писанія и прибѣгать къ аллегоріямъ и насильственнымъ приложеніямъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, даже ученость, которая представляется столь богатою, въ значительной степени

---

[1] Possid. 8.

[2] Такъ Просперъ говоритъ о соборѣ, осудившемъ Пелагія: „Cui dux Aurelius, ingeniumque Augustinus erat".—De Ingratis, 91—2;

[3] De Civ. Dei. i, 2.

[4] Aug. Retract. ii, 43.

берется изъ второстепенныхъ источниковъ. Но въ общемъ это старательно написанное сочиненіе, которое было въ одно и то же время и послѣдней и самой важной апологіей противъ язычества, и первымъ изъ завѣдомыхъ трактатовъ о церкви, заслуживаетъ полнаго уваженія какъ по своей задачѣ, такъ и по исполненію.

О примѣрныхъ трудахъ Августина въ своемъ діоцезѣ нѣтъ надобности передавать здѣсь подробно. Но необходимо замѣтить нѣсколько подробнѣе о двухъ главныхъ спорахъ, которыми онъ былъ занятъ,—о продолженіи спора съ донатистами и о новомъ спорѣ, вызванномъ мнѣніями Пелагія.

II. Послѣ своего осужденія Констансомъ въ 348 году, донатисты оставались въ изгнаніи до царствованія Юліана. Такъ какъ указъ, которымъ этотъ императоръ 362 г. возвращалъ изъ ссылки лицъ, пострадавшихъ изъ за религіи, относился только къ тѣмъ, которые были сосланы его непосредственнымъ предшественникомъ, то эти раскольники и не могли воспользоваться имъ. Они поэтому обратились съ прошеніемъ къ Юліану, выражая почтеніе къ его личности и надежду на его справедливость въ терминахъ, которые не только были несовмѣстимы съ ихъ прежнимъ отношеніемъ къ гражданской власти, но и давали ихъ противникамъ основаніе для укора ихъ въ лести отступнику и гонителю 1). Прошеніе увѣнчалось успѣхомъ, и они ознаменовали свое возвращеніе изъ ссылки крайними проявленіями нетерпимости. „Получая въ обладаніе себѣ какую нибудь церковь, которая дотолѣ употреблялась православными, они мыли полъ, скоблили стѣны, сожигали жертвенникъ, обыкновенно дѣлавшійся изъ дерева, расплавляли освященные сосуды и бросали святую евхаристію собакамъ“ 2). Донатисты теперь были сильнѣйшею партіею въ Нумидіи, и заставляли чувствовать свое могущество во всѣхъ африканскихъ провинціяхъ; но послѣ непродолжительнаго царствованія Юліана они опять возбуждали неудовольствіе правительства, и противъ нихъ направлено было нѣсколько законовъ. Валентиніанъ I, дѣлая исключеніе изъ своей общей политики воздержанія отъ вмѣшательства въ дѣла религіи, 373 г. установилъ наказаніе противъ ихъ обычая перекрещивать. Граціанъ повелѣлъ въ 377 году, чтобы ихъ церкви были переданы православнымъ и чтобы всѣ тѣ мѣста, гдѣ они будутъ собираться, подвергались конфискаціи, а въ слѣдующемъ

---

1) Optatus, II, 16; Aug. c. Ep. Parmen. 1—12; c. Litt. Petil, II, 203. Гонорій, въ законѣ отъ 400 года (Cod. Theodos. XVI, V, 37), повелѣлъ, чтобы списки ихъ прошенія къ Юліану и его закона въ ихъ пользу были выставлены на общественныхъ мѣстахъ для смущенія ихъ.

2) Gibbon, II, 188; Optat. II, 17, 19, 21; VI, 1. 2, 5, 6; Aug. c. Litt. petil. II, 184.

году, по просьбѣ одного римскаго собора, онъ изгналъ ихъ епископа изъ Рима [1]. Эти законы, повидимому, не были строго приводимы въ исполненіе; но интересы донатизма сильно страдали въ теченіе послѣдней части iv столѣтія въ другихъ отношеніяхъ. Раскольническій духъ привелъ ко многимъ раздѣленіямъ въ этой сектѣ, причемъ всякій маленькій толкъ утверждалъ, что онъ только одинъ имѣлъ у себя истинное крещеніе, и отлучалъ всѣхъ остальныхъ. Самое значительное отдѣленіе совершилось послѣ смерти Парменія, который былъ преемникомъ Доната въ качествѣ вождя партіи, и въ теченіи 40 лѣтъ руководилъ ею съ энергіей и искусствомъ [2]. Въ 392 году ему наслѣдовалъ Приміанъ, который вскорѣ затѣмъ имѣлъ сильную распрю съ діакономъ, по имени Максиміаномъ, и отлучилъ его. Первоначальная исторія этого раскола была теперь вновь повторена соперничествующими партіями донатистовъ. Максиміанъ нашелъ въ одной богатой женщинѣ новую Луциллу. Приміанъ былъ осужденъ двумя соборами, изъ которыхъ второй состоялъ болѣе чѣмъ изъ ста епископовъ. 393—4 гг. Онъ былъ объявленъ низложеннымъ, и двѣнадцать епископовъ приняли участіе въ рукоположеніи Максиміана на каѳедру карфагенскую [3]. Но, не обращая никакого вниманія на эти постановленія, Приміанъ созвалъ въ Багахъ соборъ изъ 310 епископовъ, которымъ и былъ осужденъ Максиміанъ. Во исполненіе этого приговора Максиміанъ и посвятившіе его епископы были изгнаны изъ своихъ церквей съ помощью гражданской власти, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не безъ насилія и жестокости; причемъ другіе максиміанскіе епископы были приглашены войти въ общеніе съ Приміаномъ въ опредѣленный срокъ, съ обѣщаніемъ, что ихъ крещеніе и рукоположеніе будутъ признаны дѣйствительными. Въ этомъ дѣлѣ всѣ правила первоначальнаго раскола были или нарушены побѣдоносною партіею, или доведены до явной нелѣпости побѣжденными, и исторія его дала православнымъ полемистамъ оружіе, которымъ они и не преминули воспользоваться.

Вождемъ литературной полемики противъ донатизма былъ Оптатъ, епископъ милевійскій, который около 370 года, въ отвѣтъ на книгу Парменія, дѣльно изложилъ какъ исторію раскола, такъ и данныя, на которыхъ старались обосновать его приверженцы его [4]. Около этого самаго времени грамматикъ, по имени Тихоній, хотя и самъ донатистъ, сдѣлалъ много вреда своей партіи трактатомъ, въ которомъ онъ доказывалъ, что церковь не могла ограничиваться какимъ нибудь однимъ угломъ, но должна разливаться по всему міру, что грѣхи худыхъ членовъ не нарушаютъ обѣтованій ей Бога, и что можетъ быть дѣйствительнымъ и крещеніе, совершенное внѣ истинной церкви [1]. Но Августинъ сдѣлался самымъ сильнымъ и самымъ успѣшнымъ противникомъ донатизма.

---

[1] Hard. i, 840, 843.

[2] Парменій не былъ африканецъ по рожденію, и Оптатъ по человѣколюбію предполагаетъ, что онъ вѣроятно былъ совращенъ ложными разсказами о происхожденіи раскола. ii, 3.

[3] Aug. Ep. xliii, 26.

[4] De Schismate Donatistarum (Patrol. xi). Оно было расширено послѣ своего перваго изданія (Dupin, Praef. i, 2). Былъ еще и другой Оптатъ, донатистическій епископъ тамугадскій, который преданъ былъ языческому тирану Гилдону, при

393 г.

Будучи рукоположенъ во пресвитера, онъ нашелъ, что донатисты составляли большинство населенія въ Иппонѣ, гдѣ, какъ онъ говоритъ въ поясненіе духа этой секты, ихъ епископъ не позволялъ никому изъ своей паствы даже печь хлѣбъ для своихъ православныхъ сосѣдей [2]. Первымъ вкладомъ Августина въ полемику былъ „псаломъ“, или метрическая поэма, имѣвшая цѣлью доставить менѣе образованнымъ людямъ нѣкоторое знакомство съ вопросомъ въ наиболѣе способной къ запоминанію формѣ [3]; она начинается изложеніемъ библейскаго ученія о смѣшеніи зла съ добромъ въ видимой церкви, излагаетъ исторію раскола, и, послѣ двадцати отдѣловъ, изъ которыхъ каждый начинается послѣдовательными буквами алфавита, она заканчивается увѣщаніями къ единству [4]. За этимъ первымъ произведеніемъ, время отъ времени, слѣдовали трактаты въ отвѣтъ наиболѣе извѣстнымъ поборникамъ донатизма и письма къ членамъ секты, которыя обыкновенно написаны въ похвальномъ духѣ снисходительности и любезности. Августинъ также старался привлекать донатистовъ на собесѣдованія; но это ему рѣдко удавалось, и иногда отказъ ихъ основывался на томъ, что его діалектическое искусство можетъ дать ему незаслуженное преимущество [5]; иногда отказъ давался и въ болѣе дерзкой формѣ, что сыны мучениковъ не могутъ унижаться до того, чтобы входить въ пренія съ грѣшниками и предателями [6]. Его попытки достигнуть примиренія находили отпоръ въ упрямомъ изувѣрствѣ секты. Съ цѣлью общаго поддержанія дисциплины, онъ предлагалъ, что когда извѣстное лицо, находив-

---

помощи войскъ котораго онъ въ теченіе 10 лѣтъ совершалъ большія варварства по отношенію къ православнымъ окружающей мѣстности, пока въ 398 г. не раздѣлилъ участь своего покровителя, и умеръ въ тюрьмѣ. Августинъ часто упрекалъ донатистовъ дѣлами этого „гилдонца“ какъ несовмѣстимыми съ ихъ притязаніями на чистоту общенія.

[1] Aug. Adv. Parmen. I, 1.

[2] C. Litt. Petil. II, 184.

[3] Retract. I, 20.

[4] Aug. in Patrol. XLIII, 33 и слѣд. (въ этомъ томѣ содержатся трактаты противъ донатистовъ, съ приложеніемъ документовъ).

[5] C. Litt. Petil. III, 19; c. Crescon, I, 16.

[6] Ad Donat. post. Collat., 37.

шееся подъ осужденіемъ какой либо общины, обращалось съ просьбою о допущеніи въ другую, то оно могло бы быть принимаемо только подъ условіемъ исполненія покаянія; но хотя самъ Августинъ тщательно соблюдалъ это правило, онъ не въ состояніи былъ установить взаимное соглашеніе въ этомъ отношеніи, такъ какъ донатисты, съ цѣлью умноженія своихъ сочленовъ, не только нарушали свое исповѣданіе удерживаніемъ въ своей средѣ завѣдомыхъ преступниковъ, но и безразлично принимали всякаго рода прозелитовъ ¹).

Православные соборы африканскихъ церквей часто занимались вопросомъ о донатистахъ и вообще въ умѣренномъ и примирительномъ тонѣ. Они предлагали, даже не смотря на опредѣленіе, запрещавшее подобныя уступки, признавать за донатистскимъ духовенствомъ рукоположенія и правоспособность служенія. Духовенство старалось ослабить приведеніе въ исполненіе законовъ противъ этихъ сектантовъ, и различными способами, особенно разъясненіемъ древнѣйшихъ документовъ раскола, оно пріобрѣло многихъ обращенцевъ церкви ²). Но успѣхъ его усилій возбудилъ ярость циркумцелліоновъ, которые совершали варварскія неистовства противъ православнаго духовенства и сдѣлали небезопасною жизнь православныхъ въ деревняхъ; причемъ епископы секты или боялись, или не хотѣли вмѣшиваться въ эти дѣла или принять мѣры для обузданія ихъ ³). Самъ Августинъ чудесно избѣжалъ заговора, который составленъ былъ съ цѣлью устранить его, и другіе епископы подверглись столь жестокому обращенію, что африканскій соборъ 404 года нашелъ необходимымъ обратиться съ прошеніемъ къ Гонорію, чтобы къ донатистамъ были приложены законы противъ еретиковъ ⁴). Извѣстія о совершаемыхъ ими неистовствахъ и въ особенности свидѣтельства нѣкоторыхъ пострадавшихъ, лично явившихся къ императорскому двору, вызвали болѣе суровыя мѣры, чѣмъ тѣ, которыя имѣлъ въ виду соборъ. Противъ донатистовъ были возобновлены старые указы, и они подвергались тяжкимъ штрафамъ, конфискаціи ихъ церквей, изгнанію ихъ епископовъ и духовенства, Февр. 405 г. и конфискаціи всякихъ земель, на которыхъ они пытались совершать свое богослуженіе. Вслѣдствіе этого, церковь пріобрѣла множество обращенцевъ, изъ которыхъ вѣроятно нѣкоторые были неискренни, но были и такіе, которые, принявъ донатизмъ, исповѣдывали его не изъ личнаго убѣжденія въ его

---

¹) Epp. 34, 5.

²) Conc. Carthag. 401 г. (Patrol. xliii, 801); Aug. c Crescon. iii, 43; Retract. ii, 27.

³) Aug. Epp. lxxxviii, 6—8; cv, 3, 4; c. Crescon. iii, 46. Онъ говоритъ, что всѣ православные были бы изгнаны изъ деревень, если бы донатисты городовъ не были враждебны имъ. C. Litt. Petil. ii, 184.

⁴) Aug. c. Crescon. iii, 47 и слѣд.

ученіи, но просто потому, что они находились въ страхѣ и опасеніи отъ циркумцелліоновъ.

Вслѣдъ за закономъ февраля 405 года слѣдовали и другіе подобнаго же рода [1]). По смерти Стилихона, донатисты, предполагая, что эти законы были его дѣломъ 408 г. и закончили свое существованіе вмѣстѣ съ нимъ [2]), начали возвращать себѣ церкви и возобновили свои дѣла насилія. Но законы эти были подтверждены новыми указами, и тѣмъ изъ сектантовъ, которые бы нанесли оскорбленіе православнымъ, угрожала смертная казнь. Вслѣдствіе этого Августинъ писалъ проконсулу Африки, прося, чтобы новый законъ не былъ вполнѣ приводимъ въ исполненіе; если, говоритъ онъ, донатизмъ будетъ наказываться смертью, то православное духовенство, которое лучше всего знакомо было съ дѣлами донатистовъ и болѣе всего заинтересовано въ ограниченіи ихъ, будетъ уклоняться вовсе отъ доношенія на нихъ [3]). Въ 410 году, Гонорій, встревоженный напоромъ варваровъ, объявилъ общую свободу религіи въ Африкѣ; но по настоятельной просьбѣ православныхъ эта свобода была отмѣнена, и изгнаніе и даже смерть были объявлены противъ тѣхъ, кто будетъ участвовать въ еретическихъ собраніяхъ [4]).

Православные теперь просили императора назначить собесѣдованіе между двумя партіями. Просьба эта была уважена, особенно въ виду того, что согласіе донати- 411 г. стовъ предполагалось возможнымъ изъ ихъ выраженій касательно нѣкоторыхъ прежнихъ случаевъ, — и для наблюденія за разсужденіями отправленъ былъ Марцеллинъ, „трибунъ и нотарій“ (то есть, государственный секретарь). Марцеллинъ высоко похваляется за свое благочестіе и добродѣтели Іеронимомъ и Августиномъ [5]), и ихъ похвалы, повидимому, оправдываются терпѣливостью, умѣренностью и разсудительностью, которыя обнаружены были имъ въ исполненіи своего порученія. Въ повѣсткѣ, обращенной къ донатистамъ, говорится, что тѣ изъ нихъ, которые выразятъ желаніе присутствовать на собесѣдованіи, въ то же время будутъ пользоваться обладаніемъ своихъ церквей, съ изъятіемъ отъ всѣхъ законовъ противъ этой секты; что каковъ, бы ни былъ результатъ собранія, имъ будетъ предоставлена полная свобода возвратиться въ свои дома; но что, если партія откажется повиноваться этому призыву, то немедленно будетъ приведено въ исполненіе насильственное привлеченіе ихъ въ православную церковь, и Марцеллинъ предлагалъ, въ случаѣ если бы донатисты не согласились признать его судьею, присоединить къ нему какое бы то ни было другое лицо равнаго или высшаго достоинства, по ихъ собственному выбору [1]).

---

[1]) См. Cod. Theodos. xvi, v, vi.

[2]) Aug. Ep. 97.

[3]) Ep. 100.

[4]) Dupin, Append. 347.

[5]) Ep. ει, 8. Августинъ посвятилъ ему нѣкоторыя изъ своихъ книгъ, и между ними „Градъ Божій“, которая написана была по мысли Марцеллина.

Въ Карѳагенъ мало по малу собралось 286 православныхъ епископовъ. Донатисты постарались доказать свою силу вступленіемъ въ городъ цѣлой массой въ 279 человѣкъ, и утверждали, хотя видимо неосновательно, что въ своихъ отсутствующихъ собратьяхъ они имѣли большинство надъ православными [2]). Ихъ вождемъ былъ Петиліанъ, епископъ циртскій (или константинскій), который сначала извѣстенъ былъ какъ адвокатъ, и затѣмъ, будучи оглашеннымъ, насильственно былъ крещенъ въ секту и возведенъ въ епископское достоинство [3]). Православные объявили, что если они убѣдятся въ испорченности церкви вездѣ, кромѣ донатистскихъ общинъ, то подчинятся, не требуя признанія своего рукоположенія; но что если они будутъ въ состояніи убѣдить своихъ противниковъ въ противоположномъ, то донатистскіе епископы и духовенство будутъ признаны таковыми, и будутъ приняты мѣры къ совмѣстному управленію церквами [5]). Хотя первая изъ этихъ альтернативъ могла быть предложена и безъ всякаго риска, за то вторая заслуживаетъ похвалы за свой дѣйствительно свободомыслящій и примирительный духъ.

Собесѣдованіе происходило 1, 3 и 8 іюня 411 года. Первый день прошелъ въ формальностяхъ, причемъ Петиліанъ употреблялъ все свое приказное искусство для отысканія техническихъ затрудненій, съ цѣлью избѣжать главныхъ предметовъ спора. Уполномоченный Марцеллинъ возобновилъ свое предложеніе о выборѣ сотоварища, но Петиліанъ отвѣчалъ, что такъ какъ донатисты не просили перваго судью, то имъ нечего было просить и втораго. Марцеллинъ затѣмъ предложилъ, чтобы каждая партія избрала семь диспутантовъ, семь совѣтниковъ и четырехъ другихъ епископовъ, которые бы разсмотрѣли подлинность отношеній и документовъ; и чтобы съ цѣлью правильности разсужденій никто, кромѣ представителей съ секретарями и общественными сановниками, не былъ допускаемъ къ мѣсту совѣщанія. Донатисты возражали противъ этого, такъ какъ они считали себя болѣе многочисленными, чѣмъ ихъ противники, и желали наглядно доказать свое превосходство; но, послѣ того, какъ списки епископовъ съ каждой стороны были составлены и тщательно провѣрены, сектанты нашли выгоднымъ для себя согласиться съ предложеннымъ порядкомъ. Въ промежуткѣ между чтеніемъ двухъ списковъ, Марцеллинъ выразилъ желаніе, чтобы епископы сѣли. На это вождь донатистовъ отвѣчалъ, съ изысканнымъ комплиментомъ государственному секретарю, что какъ Господь нашъ стоялъ предъ своимъ судьей, такъ и имъ непристойно сидѣть въ присутствіи столь достопоклоняемой личности, и такъ какъ Марцеллинъ не хотѣлъ сѣсть въ то время, когда стояли епископы, то обѣ партіи продолжали стоять въ теченіе всѣхъ разсужденій [1]). Среди православныхъ диспутантовъ были Авреліанъ карѳагенскій, Августинъ, его другъ Алипій и его жизнеописатель Поссидій [2]).

---

[1]) Hard. i, 1052—3.

[2]) Православные, будто бы, имѣли во всей Африкѣ 470 епископовъ, а донатисты 400. Августинъ обвиняетъ сектантовъ въ ложномъ преувеличеніи своей численности. Ep. cxli, 1.

[3]) Aug. c. Litt. Petil. ii, 239; iii, 19.

[4]) Aug. Ep. 128; Hard. i, 1057.

Въ слѣдующемъ собраніи Марцеллинъ опять просилъ епископовъ садиться, но Петиліанъ привелъ другое мѣсто св. Писанія въ пользу отказа, именно слова псалмопѣвца: „съ нечестивыми не сяду“ [3]). Второй день по большей части прошелъ также, какъ и первый [4]); но на третій и послѣдній день, послѣ новыхъ попытокъ со стороны донатистовъ уклониться и отсрочить дѣло, дѣло дошло до обсужденія самаго главнаго вопроса, и Августинъ, мало говорившій дотолѣ, выступилъ въ качествѣ вождя православныхъ. Замѣчательно и вмѣстѣ характеристично, что когда онъ назвалъ донатистовъ „братьями“, Петиліанъ протестовалъ противъ этого названія, какъ оскорбительнаго [5]). Каждая партія желала свалить на другую бремя начала самаго дѣла: донатисты говорили, что обязанность эта лежитъ на православныхъ, такъ какъ они именно требовали совѣщанія, а православные утверждали, что донатисты были обвинителями церкви, а поэтому и должны изложить свои обвиненія [6]). Когда Августинъ сталъ излагать исторію раскола, то донатисты возражали, и говорили, что дѣло должно быть рѣшаемо на основаніи св. Писанія; на это православные отвѣчали, что они готовы ограничиваться св. Писаніемъ, если ихъ противники будутъ воздерживаться отъ личныхъ обвиненій, но что если Цециліанъ и другіе подвергнутся нападенію, то необходимо будетъ приводить документы для ихъ оправданія [7]). Марцеллинъ рѣшилъ, что относящіеся къ началу раскола акты должны быть прочитаны, и наконецъ подверглись обсужденію какъ догматическій вопросъ о чистотѣ церкви, такъ и историческій вопросъ о происхожденіи донатизма [8]). Документы, представленные донатистами, оказались свидѣтельствующими противъ ихъ собственнаго дѣла; потому что секта, повидимому, забыла всѣ тѣ періоды своей исторіи, которые оказывались неблагопріятными ей [1]). Донатисты наконецъ были вынуждены признать, что не считаютъ всей церкви ограничивающейся ихъ собственною общиною въ Африкѣ, но только отрицали, что-бы ихъ африканскіе противники были въ общеніи съ православными церквами по ту сторону моря [2]). Марцеллинъ закончилъ собраніе рѣшеніемъ дѣла противъ донатистовъ. По отношенію къ нимъ рѣшено было выполнить обѣщаніе касательно безопаснаго возвращенія ихъ домой, и предоставлено было достаточное время, въ теченіе котораго они могли присоединиться къ церкви на предложенныхъ православными условіяхъ; но, въ случаѣ ихъ отказа, противъ нихъ положено было возобновить изданныя раньше постановленія о наказаніяхъ [3]).

---

[1]) Hard. I, 1053—6, 1061, 1093.

[2]) Aug. Ep. CXLI, 2.

[3]) Hard. I, 1115; Пс. XXV, 5.

[4]) Hard. I, 1115—23.

[5]) Hard. I, 1120; Aug. ad Donat. post. Collat. 58.

[6]) Hard. I, 1146 и слѣд.

[7]) Aug. Brevic. III, 6.

[8]) Brevic. III, 8 и слѣд.

Изъ всего хода дѣла ясно, что если бы за каѳедрою Рима признавалось какое нибудь право верховной церковной юрисдикціи, то такое дѣло, какъ дѣло донатистовъ, не было бы поручено гражданскому императорскому уполномоченному. Но съ другой стороны полномочіе, данное Марцеллину, не заключаетъ въ себѣ такого права или притязанія на юрисдикцію со стороны гражданской власти, какъ это можно бы думать, если бы это обстоятельство стояло само по себѣ. Донатистскій споръ возникъ въ то время, когда Константинъ началъ относиться благосклонно къ христіанамъ; сектанты сами сначала перенесли его рѣшеніе на судъ императора. Хотя въ него впослѣдствіи введены были и богословскіе споры касательно существованія самой церкви, сначала это былъ лишь вопросъ о спорныхъ фактахъ, и онъ продолжалъ занимать вниманіе императоровъ не своей догматической стороной, но вслѣдствіе того, что буйства циркумцелліоновъ нарушали общественный миръ Африки. Потому то вопросъ этотъ считался особенно входящимъ въ вѣдѣніе императорской власти, и назначеніе Марцеллина было слѣдствіемъ такого взгляда. И дѣйствительно въ церковной власти нельзя было найти столь настоятельно требовавшагося посредничества, потому что всѣ африканцы были заинтересованными сторонами въ этомъ дѣлѣ, и въ то же время были препятствія, быть можетъ, непреодолимыя, въ дѣлѣ перенесенія вопроса на рѣшеніе какого нибудь заморскаго собора, причемъ о перенесеніи дѣла на рѣшеніе римскаго епископа, повидимому, не возникало и мысли.

Донатисты утверждали, что на собраніи они побѣдили въ аргументаціи и что Марцеллинъ былъ подкупленъ ихъ противниками [1]. Они обратились съ апелляціей къ императору; но Гонорій, не обращая вниманія на эту апелляцію, утвердилъ приговоръ своего уполномоченнаго и въ слѣдующемъ 412 г. году установилъ суровыя наказанія противъ секты. Всѣ, отказывавшіеся признавать православную церковь, должны были подвергаться тяжелымъ штрафамъ, сообразно съ ихъ положеніемъ, и, въ случаѣ продолжающагося упорства, должны были лишаться даже своей собственности. Рабовъ и поселянъ [2] повелѣвалось побоями приводить къ признанію православной церкви, и ихъ господа, въ случаѣ неисполненія этого повелѣнія, хотя и православные, подвергались тѣмъ же наказаніямъ, какъ и донатисты. Запрещено было принимать у себя сектантовъ; ихъ епископы и духовенство подлежали изгнанію, зданія и имѣнія, принадлежащія общинѣ, должны были конфисковаться. 414 г. Другимъ закономъ, изданнымъ двумя годами позже, наказанія еще болѣе были усилены; донатисты были лишены права завѣщанія собственности, и подвергались своего рода гражданскому отлученію [3]. Африканскіе соборы однако же все еще предлагали примирительныя мѣры, и духовенство, хотя и не отрицавшее справедливости такихъ законовъ, настаивало, чтобы исполненіе ихъ совершалось съ умѣренностью и снисходительностью [4]. Вслѣдствіе этихъ мѣръ правительства, нѣкоторые донатисты были привлечены въ церковь, между тѣмъ какъ другіе доведены до изувѣрнаго отчаянія. Ихъ неистовства сдѣлались болѣе буйными, чѣмъ когда либо. Многіе совершали самоубійства, которыя они считали искупленіемъ за всѣ свои грѣхи [5], и угроза самоубійствомъ была ихъ обычной уловкой, когда они находили себя угнетаемыми со стороны православныхъ [6]. Епископъ Гавденцій, бывшій однимъ изъ диспутантовъ на собраніи, заявлялъ, что если бы отъ него насильственно потребовали присоединенія къ православной общинѣ, то онъ запрется въ церкви вмѣстѣ съ своими приверженцами, подожжетъ ее и погибнетъ въ пламени [1]. Противъ такого то изувѣра Августинъ написалъ свои послѣднія сочиненія въ донатистской полемикѣ, около 420 года [2].

---

[1]) Напр. сектанты не имѣли опредѣленій собора циртскаго. Aug. Ep. lxiii.

[2]) Hard. i, 1159. Нѣкоторые донатисты истолковывали слово „каѳоликъ“ въ смыслѣ всеобщаго соблюденія божественныхъ постановленій и таинствъ. Тамъ же; Aug. Epp. xciii, iii, 23.

[3]) Hard. i, 1190.

---

[1] Aug. Ep. cxli, 1; ad Donatistas post Collationem (трактатъ, написанный для опроверженія самохвальства секты), 16, 39, 57. Марцеллинъ былъ казненъ въ 414 году Мариномъ по ложнымъ обвиненіямъ въ измѣнѣ. Предполагаютъ, что Маринъ руководился внушеніями донатистовъ. Поэтому, Марцеллинъ считался мученикомъ (Acta S. Apr. 6, p. 450).

[2] Coloni.

[3] Dupin, Append. 506—7; 509.

[4] Aug. Epp. 133—4, 139. Августинъ былъ вообще противъ всякаго употребленія силы въ дѣлѣ религіи; но около 408 года онъ измѣнилъ свое мнѣніе вслѣдствіе видимо добрыхъ результатовъ этихъ карательныхъ законовъ (Retract. ii, 5; Epp. xciii, 1, 2), хотя онъ еще и былъ противъ смертной казни.

[5] Aug. c. Gaudent. i, 46.

[6] Тамъ же, 41.

О послѣдующей исторіи донатистовъ извѣстно мало, хотя о нихъ случайно и упоминается въ императорскихъ указахъ [3]. При вандалахъ положеніе ихъ улучшилось, но секта скоро потеряла всякое значеніе. Нѣкоторые остатки ея однако же существовали еще во времена Григорія Великаго, и она повидимому исчезла не раньше сарацинскаго нашествія на Африку въ VII столѣтіи.

III. Но то, въ чемъ бл. Августинъ оказалъ наиболѣе сильное вліяніе на свой вѣкъ, и что главнымъ образомъ придало особенное значеніе его авторитету въ теченіе послѣдняго времени, былъ споръ пелагіанскій [4]. Разногласія касательно ученія, доселѣ волновавшія церковь, произошли на востокѣ и касались Божества; на западѣ теперь возникло разногласіе, которое имѣло своимъ предметомъ природу человѣка и его отношеніе къ Богу. Въ этомъ отношеніи доселѣ еще не было никакихъ точныхъ опредѣленій; но вообще признавалось, что природа человѣка сильно повреждена была грѣхопаденіемъ Адама и нуждалась въ помощи божественной благодати. Въ западной церкви, со времени Тертулліана, проповѣдывалось, что Адамъ передалъ своему потомству наслѣдіе грѣховности; но въ общемъ какъ латинскіе учители, такъ и восточные учили, что воля свободна избирать добро или зло, принимать или отвергать спасеніе. Самъ Августинъ, въ своихъ болѣе раннихъ сочиненіяхъ, послѣ своего обращенія, отстаивалъ противъ манихеевъ свободу воли въ подготовленіи человѣка къ принятію благодати. Вѣра, говорилъ онъ, зависитъ отъ человѣка, хотя дѣла исходятъ отъ благодати Божіей; божественное избраніе, по заявленію ап. Павла (Рим. IX), можетъ находиться въ противоположности съ дѣлами, но не съ основаніемъ вѣры, и если бы не было свободы, то не могло бы быть и отвѣтственности [5]. Однако уже въ 397 году онъ сталъ считать вѣру также плодомъ божественной благодати, и было бы правильнѣе считать пелагіанство реакціей противъ августинова ученія, чѣмъ наоборотъ, хотя пелагіанство и послужило тѣмъ случаемъ, который заставилъ Августина точно и вполнѣ развить свою систему.

---

[1] Тамъ же. 1.

[2] Весьма любопытенъ одинъ изъ его доводовъ. „Вы жалуетесь“, говоритъ Августинъ донатистамъ, „что вы не имѣете мѣста, куда бѣжать. Но такъ какъ Христосъ сказалъ: когда васъ гонятъ въ этомъ городѣ, бѣгите въ другой, то выходитъ, что Его народъ долженъ всегда имѣть мѣсто, куда бѣжать, и поэтому вы не можете быть Его народомъ“. Тамъ же, 19.

[3] См. прилож. къ Оптату.

[4] Трактаты и документы, относящіеся къ этому спору, составляютъ томъ X Бенедиктинскаго изданія и перепечатки Миня (Patrol. XLIV—V).

[5] De Lib. Arbitr. II, 2; Expos. Propositionum ex Ep. ad Rom. 60 (Patrol. XXXV, 2079); c. Faust. XXII, 78.

Пелагій былъ британецъ, — первый урожденецъ Британскихъ острововъ, какой только выдвинулся въ литературѣ или богословіи. Его греческое или латинское имя считается переводомъ британскаго слова Морганъ—урожденный при морѣ[1]). Онъ называется монахомъ,[2]) и, по предположенію, принадлежалъ къ большому монастырю Бангорскому. Но это слово, вѣроятно, означаетъ только то, что онъ жилъ аскетически, а не то, что онъ былъ членомъ какой нибудь монашеской общины[3]). Изъ его знакомства съ греческими церковными писателями можно, заключать, что онъ жилъ иа востокѣ, и его отождествляютъ нѣкоторые съ монахомъ того же имени, упоминаемымъ въ одномъ изъ посланій Іоанна Златоуста[4]). Около конца iv столѣтія онъ поселился въ Римѣ, гдѣ близко сошелся съ Павлиномъ Нольскимъ и другими, славившимися своею святостью лицами[5]). Іеронимъ въ спорѣ презрительно отзывается о его способностяхъ, и изображаетъ его человѣкомъ, преданнымъ роскоши; но хотя Пелагія обвиняетъ въ роскоши и всякихъ излишествахъ также и Орозій[6]), мы можемъ скорѣе полагаться на свидѣтельство Августина, который всегда говоритъ съ высокимъ почтеніемъ о благочестіи и добродѣтеляхъ своего противника[7]). По своему тону мысли, Пелагій былъ скорѣе восточнымъ, чѣмъ западнымъ человѣкомъ; теченіе его религіозной жизни, повидимому, было устойчивымъ,—представляя поразительную противоположность тѣмъ сильнымъ порывамъ, которые заставили Августина пройти столь много различныхъ испытаній. Его негодованіе было возбуждено тѣмъ, что многіе считали немощность человѣческой природы извиненіемъ безпечности или небрежности въ религіи; въ противоположность этому, онъ настаивалъ на свободѣ воли, и будто бы выразилъ большое неудовольствіе, услышавъ, какъ одинъ епископъ повторилъ хорошо извѣстную молитву бл. Августина: „дай, что Ты повелѣваешь, и и заповѣдуй, что Ты хочешь“[8]). Но хотя онъ и нашелъ себѣ приверженцевъ въ Римѣ, однакоже какъ уже преклонный возрастъ, такъ и темпераментъ отклонили Пелагія отъ всякаго общественнаго провозглашенія своихъ мнѣній. Въ одномъ изъ его сочиненій, именно въ изъясненіи посланій ап. Павла, избѣгшемъ общей участи еретическихъ книгъ вслѣдствіе того, что оно по ошибкѣ было включено въ сочиненія его врага Іеронима, выступаютъ многія изъ его заблужденій; но эти его неправославныя мнѣнія тамъ вводятся въ видѣ обсужденія, а не въ видѣ собственныхъ мыслей автора [1]).

---

[1]) См. *Prosper*, De Ingratis. 2; Praef. ad Aug. x, 9.

[2]) *Aug*. De Gestis Pelag. 36.

[3]) Praef. ad Aug. x, 9.

[4]) См. Praef. ad Aug. x, 10. Златоустъ жалуется, что этотъ Пелагій, о которомъ онъ отзывается весьма высоко, былъ совращенъ, то есть, что онъ оставилъ партію архіепископа. Ep. 4, t. iii, p. 577.

[5]) *Aug*. De Gestis. Pel. 50, 53; Praef. 11.

[6]) De Arbitr. Liber. xvi, 31 (Patrol. xxxi).

[7]) Какъ напр. De Peccat. Mer. et Rem. iii, 1; Ep. clxxvi, 1.

[8]) Confess. x, 29. Объ этомъ передается самимъ Августиномъ: De Dono Persevesantie, 53.

Въ Римѣ Пелагій познакомился съ Целестіемъ, который, на основаніи одного выраженія бл. Іеронима [2]), считается скоттомъ, то есть, урожденцемъ Ирландіи. Целестій былъ семейный человѣкъ, занимался адвокатурою и оставилъ свое занятіе ради аскетической жизни. Заимствовалъ ли онъ свои мнѣнія отъ Пелагія, или отъ какого нибудь другаго учителя еще раньше своего знакомства съ Пелагіемъ,—неизвѣстно. Іеронимъ, по своему обычаю, обрушивается на Целестія съ различными укорами, и Августинъ описываетъ его какъ человѣка болѣе смѣлаго и болѣе хитраго, чѣмъ его сообщникъ [3]).

Послѣ разграбленія Рима, оба эти друга отправились въ Африку, гдѣ Пелагій пробылъ лишь короткое время, и послѣ этого разлученія они, повидимому, уже никогда не встрѣчались и даже не сносились между собою. Целестій старался добиться рукоположенія въ пресвитера въ Карѳагенѣ, 410 г.
но былъ обвиненъ въ ереси Павлиномъ, который сначала былъ діакономъ миланской церкви и извѣстенъ намъ, какъ жизнеописатель ея великаго епископа [4]). Дѣло это было разсмотрѣно соборомъ, предъ которымъ Целестій былъ обвиняемъ въ ученіи, что Адамъ умеръ бы, даже если 412 г.
бы не согрѣшилъ; что его грѣхъ никому не причинилъ вреда, кромѣ его самого; что дѣти рождаются въ томъ же самомъ состояніи, въ какомъ первоначально былъ Адамъ; что родъ человѣческій ни умираетъ въ Адамѣ, ни опять возстаетъ въ Христѣ; что дѣти, даже и не крещенные, имѣютъ жизнь вѣчную; что законъ также приводилъ въ царство небесное, какъ и евангеліе, и что и до пришествія Спасителя были люди безгрѣшные [5]). Онъ защищался заявленіемъ, что допускалъ необходимость крещенія дѣтей [6]), что

---

[1]) См. Hieron. xi. Mar. Merc. Commonit. ii (Patrol. lxviii); *Aug.* De Pecc. Meritis et Remis iii, 6, Praef. in t. x, 14. Подлинность его подвергалась сомнѣнію, но книга эта теперь вообще признается за сочиненіе Пелагія, хотя и не чужда измѣненій.

[2]) „Scotorum pultibus praegravatus“,—Hieron. Prolog. in Jerem. (iv, 682), что переводится: „разжирѣлъ отъ шотландской каши“, или: „наполнилъ свой желудокъ и отуманилъ свою голову шотландской похлебкой“.

[3]) De Pecc. Orig. 13.

[4]) Mar. Merc. Common. 1; Praef. in Aug. x, 18, 19.

[5]) Aug. De Pecc. Orig. 26.

[6]) См. *Aug.* De Pecc. Mer. et Rem. 64.

предположенія его вообще, вѣрны они или нѣтъ, относились къ области умозрѣнія, въ которой церковь не дала опредѣленнаго рѣшенія, и что вслѣдствіе этого они не могли быть еретическими. Соборъ однако же осудилъ и отлучилъ его, вслѣдствіе чего онъ обратился съ аппеляціей къ епископу римскому. На эту аппеляцію,—первую, какая только дѣлалась въ Римъ изъ другой провинціи, —не обращено было никакого вниманія, и Целестій безъ всякой попытки продолжать дѣло, оставилъ Карѳагенъ и отправился въ Ефесъ [1]). Теперь въ спорѣ этомъ принялъ участіе Августинъ. Хотя, по его словамъ, онъ случайно и видѣлъ Пелагія въ Карѳагенѣ, однако же, повидимому, они не вели между собой никакихъ разсужденій, такъ какъ православные епископы заняты были приготовленіями къ своему собесѣдованію съ донатистами; притомъ Августинъ не присутствовалъ и на соборѣ, осудившемъ Целестія. Но успѣхъ новыхъ мнѣній скоро привлекъ его вниманіе. Онъ, въ угоду Марцеллину, составилъ два трактата противъ нихъ, и, по просьбѣ епископа Аврелія, проповѣдывалъ въ опроверженіе ихъ въ Карѳагенѣ [2]).

Между тѣмъ Пелагій, ожидая найти востокъ болѣе благопріятнымъ для своего мнѣнія, чѣмъ Африка, поселился въ св. Землѣ. Сначала онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Іеронимомъ; но вскорѣ между ними возникли разногласія, и Іеронимъ сдѣлался его сильнымъ противникомъ [3]). Августинъ, мало знакомый съ греческими писателями, говорилъ о пелагіанскихъ мнѣніяхъ какъ новшествахъ, которыя не имѣли ничего себѣ подобнаго ни среди православныхъ, ни среди еретиковъ [4]); но Іеронимъ относилъ ихъ къ ненавистной ему школѣ Оригена и Руфина [5]).

Вскорѣ послѣ своего поселенія въ Палестинѣ, Пелагій получилъ просьбу, которая можетъ считаться доказательствомъ достигнутой имъ высокой славы, именно настойчивую просьбу со стороны матери Димитріи, чтобы онъ написалъ ея дочери по случаю ея обѣта дѣвства; и, вслѣдствіе этого, онъ обратился съ посланіемъ къ Димитріи. Онъ говоритъ ей, что у него въ обычаѣ въ такихъ обстоятельствахъ начинать съ изложенія того, что можетъ сдѣлать человѣческая природа, чтобы, вслѣдствіе недостаточнаго пониманія ея способностей, не принятъ былъ слишкомъ низкій образецъ долга и нравственнаго усилія [6]), потому что, говоритъ онъ, люди безпечны пропорціонально съ тѣмъ, насколько они низко думаютъ о себѣ самихъ, и по этой именно причинѣ св. Писаніе такъ часто старается одушевить насъ, называя насъ сынами Божіими [1]. Силы человѣка, подобно способностямъ и инстинктамъ всѣхъ тварей, суть дары Божіи. Вмѣсто того, чтобы держаться ходячей мысли, что сила совершенія зла есть недостатокъ въ человѣкѣ, вмѣсто укоровъ Творцу за то, что будто бы Онъ сотворилъ человѣка злымъ, мы должны скорѣе относиться къ пользованію свободной волей, какъ къ особому достоинству и преимуществу нашей природы [2]. Онъ останавливается на добродѣтеляхъ тѣхъ, которые жили до пришествія Спасителя, и заявляетъ, что совѣсть, одобряющая или не одобряющая наши дѣйствія, есть, „такъ сказать, своего рода естественная святость въ нашихъ душахъ“ [3]. Въ этомъ письмѣ Пелагій обнаруживаетъ искреннюю ревность къ практической религіи съ тонкимъ проникновеніемъ въ заблужденія, которыя могли возникнуть съ одной стороны изъ злоупотребленія ученіемъ о благодати, а съ другой стороны изъ всецѣлаго упованія на внѣшнія дѣла. Но его своеобразныя ученія выступаютъ ярко, и быть можетъ самою замѣчательною чертою въ его письмѣ является доказательство того, что монашеская идея святости склонна была впадать въ тѣ заблужденія, которыя сдѣлались извѣстными подъ именемъ самого автора.

---

[1]) Aug. Ep. clvii, 22. Mar. Merc. Common. i, 2.

[2]) De Gestis. Pelag. 25—46; De Peccatorum Meretis et Remissione; De Spirita et Littera; Serm. 293—4; Praef. in t. x, pp. 21—4.

[3]) Hieron. Ep. 133; Dialogi c. Pelagianos.

[4]) De Haeresibus, 88.

[5]) Ep. cxxxiii, 3; in Jerem. iv.

[6]) Ep. ad Demetr. (Patrol. xxx, 15 и сл.), c. 2.

Въ іюлѣ 415 года Пелагій былъ обвиненъ въ ереси предъ Іоанномъ, епископомъ іерусалимскимъ, и предъ соборомъ его духовенства Орозіемъ, молодымъ испанскимъ пресвитеромъ, который недавно предъ тѣмъ прибылъ въ св. Землю съ рекомендаціей отъ Августина къ Іерониму [4]. Обвинитель разсказалъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Карѳагенѣ, и прочиталъ одно письмо отъ Августина. На это Пелагій спросилъ: „что мнѣ Августинъ?“, но получилъ укоръ за такое неуважительное отношеніе къ великому епископу, благодаря которому въ африканской церкви было возстановлено единеніе. Іоаннъ однако же склоненъ былъ относиться къ нему дружелюбно, и хотя Пелагій былъ мірянинъ, онъ пригласилъ его сѣсть среди пресвитеровъ, и старался дать благопріятное истолкованіе его словамъ. Когда Пелагій былъ обвиненъ въ мнѣніи, что люди могутъ жить безгрѣшно, епископъ сказалъ, что въ пользу этого ученія есть библейскія основанія, и привелъ примѣръ Захаріи и Елизаветы и другіе, одинаково не относящіеся къ дѣлу. И когда отъ Пелагія получено было признаніе, что божественная благодать необходима для того, чтобы жить безгрѣшно, судьи его были вполнѣ удовлетворены [1]). Пелагій въ дѣйствительности употреблялъ слово *благодатъ* такъ, что его исповѣданіе могло казаться православнымъ; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ разумѣлъ подъ нею не что иное, какъ внѣшнее средство, употребляемое Богомъ для назиданія и ободренія въ праведности, а не внутреннее дѣйствіе Духа святаго, вліяющаго на сердце.

---

[1] Тамъ же, 19.

[2] Тамъ же, 2, 3. Далѣе будетъ видно, что при изложеніи мнѣній своихъ противниковъ Пелагій смѣшиваетъ природу человѣка и испорченность ея.

[3] Тамъ же, 4 и слѣд.

[4] Aug. Ep. CLXVI, 2.

Разслѣдованіе дѣла затруднялось тѣмъ, что Орозій не могъ говорить по гречески, члены собора не понимали по латыни, и переводчикъ былъ или неспособный или недобросовѣстный; между тѣмъ Пелагій, будучи знакомъ съ обоими языками и съ богословскими особенностями какъ востока, такъ и запада, имѣлъ всѣ преимущества надъ своимъ обвинителемъ и своими судьями. Орозій поэтому предложилъ, что такъ какъ вопросъ этотъ относился къ латинскому богословію и такъ какъ оба они латиняне, то все дѣло нужно перенести на рѣшеніе епископа римскаго; и Іоаннъ согласился на это, приказывая Пелагію въ то же время воздерживаться отъ провозглашенія своихъ мнѣній, а его противникамъ воздерживаться отъ нанесенія ему вреда [2]). Едва ли нужно замѣчать, что это перенесеніе дѣла въ Римъ отнюдь не вытекало изъ признанія позднѣйшихъ римскихъ притязаній, а было просто переходомъ отъ судей, незнакомыхъ съ ученіями западной церкви, къ болѣе компетентному судилищу, именно судилищу авторитетнѣйшаго епископа на западѣ.

Дек. 415 г.

Въ концѣ того же самаго года два галльскихъ епископа, Геръ арелатскій и Лазарь экскій, возбудили обвиненіе противъ Пелагія предъ Евлогіемъ, митрополитомъ кесарійскимъ, который вслѣдствіе этого созвалъ соборъ изъ 14 епископовъ въ Діасполѣ (древней Лиддѣ) [3]). Когда однакоже соборъ состоялся, одинъ изъ обвинителей заболѣлъ, а другой извинялъ свое неприбытіе болѣзнью своего сотоварища; такъ какъ и Орозій не являлся опять, то Пелагію оставалось отстаивать свое дѣло безъ всякихъ противниковъ. Онъ отрекся отъ нѣкоторыхъ приписывавшихся ему мнѣній, и давалъ другимъ такія объясненія, которыя соборъ призналъ удовлетворительными. Когда прочитаны были дѣянія собора карѳагенскаго, Пелагій уклонился отъ обсужденія вопроса, держался ли Целистій порицаемыхъ въ нихъ ученій, но объявилъ, что самъ онъ никогда не держался ихъ [4]).

---

[1]) *Aug.* De Gestis. Pel. 22; *Orat.* De Arbitr. Libertate. 3—6 (Patrol. xxxvi).

[2]) *Oros.* De Arb. Libert. 6.

[3]) Объ этомъ соборѣ см. *Aug.* De Gestis. Pelagiae, 2 и слѣд. Неизвѣстно, съ какою цѣлью Геръ и Лазарь отправлялись въ Палестину. Многіе писатели говорятъ, что въ это время они были низложены; но это не вытекаетъ изъ сущности дѣла.

[4]) *Aug.* De Gest.. Pel 30.

И когда соборъ выразилъ желаніе, чтобы онъ произнесъ анаѳему на держащихся этихъ и другихъ заблужденій, въ которыхъ онъ подозрѣвался, то онъ согласился на это, заявляя однако же, что онъ осуждалъ ихъ не какъ еретиковъ, а какъ глупцовъ [1]. Соборъ, мало знакомый съ западными вопросами и желая дѣйствовать съ умѣренностью, призналъ православіе обвиняемаго, и за это Іеронимъ назвалъ этотъ соборъ „жалкимъ синодомъ“ [2].

Пелагій крайне возгордился вслѣдствіе исхода этого слѣдствія. Въ изданной имъ книгѣ „о свободѣ воли“ и въ своихъ письмахъ, онъ торжественно ссылался и на оправданіе его епископами Палестины, и послалъ Августину нѣсколько документовъ, которые давали безпристрастное изложеніе дѣла [3] Августинъ однако же вскорѣ получилъ болѣе полныя свѣденія отъ Орозія, который возвратился въ Африку съ собраніемъ бумагъ по этому предмету, и тамъ созваны были соборы, которые осудили Пелагія и Целестія. 416 г. Африканскіе епископы обратились къ Иннокентію, епископу римскому, съ просьбою, чтобы онъ присоединился къ этому приговору,—очевидно изъ опасенія, чтобы пелагіанская партія въ Римѣ не постаралась обезпечить его благосклонность, представляя ему на видъ приговоръ восточнаго собора [4]. Обращеніе такого рода едва ли могло не быть 27 янв. 417 г. радостно принято Иннокентіемъ, и онъ охотно согласился на просьбу, пользуясь случаемъ сопроводить свое согласіе напыщеннымъ языкомъ касательно достоинства своей каѳедры. Но какъ ни желательно было для африканцевъ подкрѣпить себя союзомъ Рима, они въ теченіе всего дѣла относились къ римскимъ епископамъ, какъ къ совершенно равнымъ себѣ [5].

Иннокентій вскорѣ умеръ затѣмъ, и ему наслѣдовалъ 12 март. 417 г. Зосимъ, который, какъ грекъ, былъ расположенъ благосклонно относиться къ подозрѣваемымъ учителямъ. Целестій, который былъ рукоположенъ въ Ефесѣ, опять явился въ Римъ, гдѣ онъ представилъ исповѣданіе православія и требовалъ, чтобы его дѣло было изслѣдовано еще разъ, заявляя, что тѣ умозрѣнія, которыхъ онъ держался, отнюдь не касались вѣры [1]. Около того же самаго времени Зосимъ получилъ два письма, обращенные къ его предшественнику, одно въ пользу Пелагія отъ Прайлія, который недавно предъ тѣмъ наслѣдовалъ епископію римскую, другое отъ самого Пелагія, искусно защищавшаго свое православіе и излагавшаго свою вѣру [2]. Этими письмами и личными сношеніями съ Целестіемъ, Зосимъ былъ склоненъ на ихъ сторону, и, послѣ собора, на которомъ Целестій отказался отъ всѣхъ ученій, которыя осуждала апостольская каѳедра [3], онъ написалъ африканцамъ укорительное письмо. Онъ порицалъ ихъ за то, что они слишкомъ охотно слушали обвиненіе противъ людей, жизнь которыхъ всегда была правильною, и за то, что они на своихъ соборахъ перешли границы богословскаго опредѣленія; сильно укорялъ Гера и Лазаря, которыхъ онъ объявлялъ низложенными съ своихъ каѳедръ; заявлялъ, что Целестій дѣлалъ частыя упоминанія о благодати, и требовалъ, чтобы или обвинители явились въ Римъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, или обвиненія противъ Пелагія и Целестія были оставлены [4]. Павлинъ, первоначальный обвинитель, отказался подчиниться такому требованію. Аврелій съ двумя соборами (изъ которыхъ второй состоялъ изъ 240 епископовъ), отвѣчалъ, что произнесенное ими осужденіе должно оставаться въ силѣ, пока состоящіе подъ нимъ совершенно не очистятъ себя отъ заблужденій. Африканскіе епископы настаивали на своей независимости отъ Рима; и „полный“ африканскій соборъ, болѣе, 1 мая 418 г. чѣмъ изъ 200 епископовъ, постановилъ 9 каноновъ, которые впослѣдствіи повсюду были приняты вообще церковью, и стали считаться самымъ важнымъ оплотомъ противъ пелагіанства [5]. Эти каноны соборъ препроводилъ въ Римъ, заявляя Зосиму, что онъ самъ слишкомъ поспѣшилъ въ своей довѣрчивости, и обличая уловки, которыми Целестій прикрывалъ свои заблужденія [6]. Съ этого времени Августинъ не говорилъ уже болѣе о пелагіанахъ какъ братьяхъ, но какъ объ еретикахъ.

---

[1] Тамъ же, 18.

[2] Ep. 143. Нѣкоторые пелагіане, пользуясь своимъ торжествомъ, напали на монастырь виѳлеемскій, сожгли часть зданій, убили діакона, сурово обошлись съ Евстохіей и ея племянницей, юной Павлой, и заставили Іеронима, бывшаго въ то время въ крайне престарѣломъ возрастѣ, искать спасенія въ бассейнѣ (*Aug.* De Gest. Pel. 60; Innocent. ap. Hier. Ep. 136—7). Августинъ однако же отзывается о немъ болѣе почтительно, и выразилъ свое удовольствіе, что хотя, вслѣдствіе недостаточныхъ свѣденій, онъ и позволилъ самому Пелагію избѣжать осужденія, однако же осудилъ его заблужденія (De Gest. Pel. 45, 60; Praef. in t. x, 46).

[3] Aug. Ep. cLxxxvi, 34; Praef. in t. x. 47; De Gest, Pel. 1, 54, 57.

[4] Aug. Epp. 175—7.

[5] Innocent. ap Aug. Epp. 181—3.

Въ споръ затѣмъ вмѣшалась гражданская власть, вѣроятно по просьбѣ африканцевъ. Изданъ былъ императорскій рескриптъ, которымъ вслѣдъ за сильнымъ порицаніемъ 30 апр. 418 г. Пелагія и Целестія повелѣвалось, чтобы они были изгнаны изъ Рима, если только находились тамъ, что лица, подозрѣваемыя въ приверженности къ ихъ мнѣніямъ, должны быть привлечены къ отвѣтственности предъ властями, и въ случаѣ положительныхъ доказательствъ виновности должны быть отправлены въ ссылку [1]). Зосимъ, тѣснимый дворомъ и антипелагіанской партіей въ своемъ собственномъ городѣ, нашелъ выгоднымъ перемѣнить свой тонъ. Онъ заявилъ готовность переизслѣдовать дѣло, и потребовалъ отъ Целестія явиться на судъ собора; вслѣдствіе чего Целестій бѣжалъ изъ Рима [2]). Тогда Зосимъ осудилъ обоихъ этихъ ересіарховъ, объявляя, что они могли быть допущены въ церковь, какъ кающіеся, послѣ произнесенія анаѳемы на приписываемое имъ ученіе, но что иначе они будутъ отлучены безусловно и на всегда; онъ издалъ окружное посланіе, въ которомъ принималъ африканскія опредѣленія и требовалъ, чтобы этотъ документъ былъ подписанъ всѣми епископами, въ доказательство ихъ православія [3]).

---

[1] Celest. ap Mar. Merc., Patrol. XLVIII, 498.
[2] Тамъ же, 488 и слѣд. *Aug.* De Pecc. Orig. II, 19.
[3] *Aug.* De Pecc. Orig. 19, 24; ad Bonif. II, 5.
[4] Ep. II (Patrol. XX) Praef. in Aug. t. II, c. 15.
[5] Aug. t. X, 63—8; 1723—30.
[6] Aug. ad Bonif. II, 5; Prosper c. Collatorem, V, 3.

Девятнадцать итальянскихъ епископовъ отказались отъ этого, и были низложены. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Юліанъ, епископъ Эклана, небольшаго города близь Беневента, и съ этого времени онъ сдѣлался главнымъ полемистомъ съ пелагіанской стороны. Юліанъ былъ сынъ епископа, по имени Меморія, находившагося въ дружбѣ съ Августиномъ [4]); онъ былъ женатъ на Іѣ, дочери одного епископа, и бракъ этотъ былъ прославленъ брачной поэмой со стороны Павлина Нольскаго [5]), и быть можетъ еще до своего низложенія онъ пріобрѣлъ значительную славу и вліяніе раздачей всего своего имѣнія бѣднымъ жителямъ во время одного голода. Юліанъ, по описанію, былъ человѣкъ ученый и умный, но слишкомъ довѣрчивый и, какъ писатель, въ своихъ сочиненіяхъ отличался безконечною расплывчатостью и рѣшительностью. Основатели ереси, желая оставаться въ предѣлахъ православнаго общенія, старались прикрывать свои заблужденія правдоподобными выраженіями и выставлять спорные пункты относящимися не къ богословію, а къ философіи. Но Юліанъ, съ запальчивостью, которую Августинъ приписываетъ молодости [6]), презрительно отказался слѣдовать такому примѣру: онъ обвинялъ свою партію въ трусости, православныхъ обличалъ въ манихействѣ, отказывался принимать какое бы то ни было ученіе, какъ библейское, которое не согласовалось съ воззрѣніями его собственнаго разума, и объявлялъ, что дѣло шло о самой сущности христіанства, что Богъ „традуціанистовъ“ (какъ онъ называлъ тѣхъ, кто держались ученія, что грѣхъ передавался по наслѣдству) не былъ Богъ евангелія, такъ какъ приписываемый Ему характеръ несовмѣстимъ съ божественнымъ свойствомъ справедливости [1].

---

[1] Aug. Ep. x, 1726.

[2] Mar. Merc. Comm., ı, 5.

[3] Существующіе фрагменты этого окружнаго посланія находятся въ Patrol. xx, 593—5.

[4] См. Aug. Ep. 101, c. Julian. Pelag. ı, 12.

[5] C. Jul. ı, 34—5.

[6] Aug. ad Bonif. ı, 4; Jul. ap. Aug. Op. Imperf. ı, 27—32, 50.

Пелагіане пытались добиться разслѣдованія своего дѣла со стороны вселенскаго собора, на что Августинъ отвѣчалъ имъ, что дѣло это уже и безъ того изслѣдовано достаточно, и что ихъ крики о вселенскомъ соборѣ были только доказательствомъ ихъ самомнѣнія [2]. Они не разъ старались добиться отмѣны римскихъ опредѣленій; обращались за признаніемъ своего православія въ Константинополь, Ефесъ, Ѳессалонику и въ другіе города, и старались пріобрѣсть себѣ сочувствіе грековъ, выставляя православныхъ манихеями [3]. Но всѣ ихъ усилія были напрасны: противъ нихъ направлены были какъ церковные приговоры, такъ и указы свѣтской власти [4]. Вождемъ въ дѣлѣ анаѳематствованія пелагіанскихъ ученій на Киликійскомъ соборѣ, въ 423 году, выступилъ Ѳеодоръ Мопсуестскій, хотя нѣкоторые считаютъ его даже родоначальникомъ этой ереси и хотя онъ писалъ противъ воззрѣній Августина и давалъ у себя пріютъ Юліану, когда онъ изгнанъ былъ изъ Италіи; и они были осуждены вселенскимъ соборомъ Ефеса, въ 431 году,—быть можетъ тѣмъ искреннѣе, что къ партіи этой весьма снисходительно относился Несторій, епископъ константинопольскій, который былъ главнымъ предметомъ обсужденія собора.

Самъ Пелагій послѣ 418 года исчезаетъ изъ исторіи, и такъ какъ онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, то вѣроятно и умеръ около того же самаго времени. Касательно кончины Целестія и Юліана ничего неизвѣсно съ достовѣрностью. Основатели пелагіанства не дѣлали никакихъ попытокъ образовать отдѣльные приходы отъ церкви, и хотя Юліанъ, въ запальчивости своей вражды, высказывался противъ общенія съ тѣми, кого онъ клеймилъ названіемъ манихеевъ, однако нашелъ невозможнымъ основать свою собственную общину [5]. Пелагіанство поэтому никогда не дѣлалось знаменемъ секты, хотя приверженцы его, въ случаѣ обнаруженія, были отлучаемы отъ православнаго общенія.

Основной вопросъ между Пелагіемъ и его противниками относился къ идеѣ свободной воли. Подъ этимъ терминомъ Пелагій понималъ не предубѣжденную способность выбора между добромъ и зломъ, и такая способность, училъ онъ, есть у человѣка, такъ какъ способность выбора необходима для отвѣтственности, и грѣхъ или вина могутъ быть только тамъ, гдѣ есть свобода къ дѣланію зла [1]. Августинъ, съ другой стороны, училъ, что свободу нужно отличать отъ способности выбора. Богъ, говоритъ онъ, свободенъ, хотя самая Его сущность исключаетъ возможность для Него избранія или дѣланія чего нибудь злого; отсюда естественное и необходимое ограниченіе къ добру выше, чѣмъ состояніе равновѣсія между добромъ и зломъ, и такого равновѣсія не можетъ быть, такъ какъ возможность склоняться ко злу есть недостатокъ [2]. Человѣкъ не свободенъ дѣлать выборъ между добромъ и зломъ, но онъ управляется или благодатью или грѣхомъ. Наша свободная воля безъ благодати можетъ дѣлать только зло; направленіе воли къ добру должно быть благодатнымъ дѣломъ Божіимъ. Благодать не отнимаетъ свободы, но дѣйствуетъ вмѣстѣ съ волею, истинная свобода которой есть любовь къ добру [3].

---

[1] Ad Bonif. IV, 33.

[2] Тамъ же, I, 3, 4; II, 1, 3. Греческіе историки даже не упоминаютъ о пелагіанскихъ спорахъ.

[3] Sard. i, 1231—4; Aug. t. x, Appendix; Ep. 201.

[4] Просперъ говоритъ, что Юліанъ старался, подъ обманными предлогами исправленія, „втереться въ общеніе церкви“ въ Римѣ при Ксистѣ III (439 г.), но потерпѣлъ въ этомъ отношеніи неудачу, благодаря вліянію архидіакона Льва (впослѣдствіи преемника Ксиста) Chron. 443 г. (Patrol. XXVII), 721.

[5] *Aug.* De Pecc. Merit. et. Rem. II, 3; Celest. ap. Aug. de Perf. Just. 2 и слѣд.; Julian ap. Aug. Op. Imperf. I, 48.

Такъ какъ св. Писаніе безспорно приписываетъ все добро благодати, то Пелагій на словахъ признавалъ это; но онъ понималъ терминъ *благодать* въ своемъ собственномъ смыслѣ, въ смыслѣ просто внѣшнихъ даровъ и благъ,—именно бытія и состава человѣка, самой свободной воли, призванія къ вѣчному блаженству, прощенія грѣховъ въ крещеніи, помимо всякаго вліянія на позднѣйшую духовную жизнь, въ смыслѣ знанія воли Божіей, закона и благодати, примѣра жизни Спасителя [4]; и если иногда употреблялъ это слово въ смыслѣ вліянія Св. Духа на душу, то онъ не считалъ этого вліянія необходимымъ для дѣла спасенія, а только облегчающимъ его. Пелагій старался исключить изъ понятія благодати все, что могло быть несовмѣстимымъ съ свободной волей, Августинъ—все, что могло отзываться заслугой со стороны человѣка. Различая три стадіи въ добрѣ—способность, волю и исполненіе,—Пелагій относилъ первую къ дару Божію, но смотрѣлъ на другія, какъ на находящіяся во власти человѣческой природы. Августинъ, напротивъ, отказывался допустить идею благодати, даруемой согласно съ предшествующею воспріимчивостью души, потому что это, какъ онъ думалъ, придавало рѣшительность человѣческой заслугѣ. Благодать должна, какъ показываетъ самое названіе, быть дарованною;

---

[1] De Nat. et. Grat. 57; Op. Imperf. i, 100—4; v, 61; vi, 10. О взглядахъ Августина на свободу воли см. *Ferraz*. Psychol. da S. Aug. 380 и слѣд.

[2] *Aug*. De Pecc. Marit. et. Rem. ii, 7; De Sp. et. Litt. 52; De Corrupt. et Gratia, 31. 32.

[3] Aug. Epp. clxxvii, 4, 7; 8, 9; clxxix, 3; cxciv, 8, 9; De Nat. et Grat., xi, 53; De Gestis Pelag. 22, 30, 47.

воля, равно какъ и способность дѣлать добро, должна быть даромъ Божіимъ [1].

Въ то время, какъ Августинъ училъ, что паденіе повредило человѣка какъ въ духовномъ, такъ и въ тѣлесномъ отношеніи, что вслѣдствіе общенія съ Богомъ, Адамъ способенъ былъ жить высшею жизнью, что онъ могъ бы избѣжать зла, и если бы не согрѣшилъ то достигъ бы совершенства, не вкушая смерти подобно тому, какъ ангелы, переживъ свой искусъ въ низшей степени благодати, одарены были тою высшею мѣрою ея, которая ставитъ ихъ выше возможности паденія и даетъ имъ безсмертіе [2),—Пелагій училъ, что первобытная природа человѣка была смертная, что Адамъ первоначально поставленъ былъ въ такое же положеніе, въ какомъ находимся и мы, и что мы вообще не ниже его [3]. Мѣста, въ которыхъ ап. Павелъ говоритъ о смерти, какъ наказаніи за грѣхъ, онъ истолковывалъ только въ смыслѣ духовной смерти. Августинъ училъ, что въ Адамѣ всѣ люди согрѣшили; что, въ наказаніе за первородный грѣхъ, грѣхъ перешелъ по наслѣдству ко всему человѣчеству; что хотя подъ водительствомъ благодати, направляющей свободную волю, человѣкъ могъ жить безъ грѣха, эта безгрѣшная жизнь, однако же, въ дѣйствительности никогда не осуществлялась [4]. Пелагій, напротивъ, полагалъ, что грѣхъ Адама не повліялъ на его потомство, иначе какъ простой примѣръ; что въ дѣйствительности совершалось ухудшеніе въ человѣческомъ родѣ лишь чрезъ привычку грѣшить, подобно тому, какъ и отдѣльный человѣкъ дѣлается хуже, поддаваясь грѣховнымъ привычкамъ; что это вліяетъ на насъ совершенно естественнымъ образомъ, и требовало случайныхъ вмѣшательствъ божественнаго милосердія чрезъ откровеніе и другіе подобные способы, но что человѣкъ все время былъ способенъ жить безъ грѣха, что нѣкоторые и дѣйствительно такъ жили, и что если это было возможно въ Ветхомъ Завѣтѣ и даже въ язычествѣ, то тѣмъ болѣе возможно это намъ при евангеліи, которое даетъ дополнительное побужденіе, высшія правила праведности и свѣтъ блистательнѣйшаго примѣра [5]. По ученію Пелагія, святые Ветхаго Завѣта оправдались закономъ; но Августинъ училъ, что въ духѣ они принадлежали къ Новому Завѣту, что они оправдались чрезъ вѣру во Христа и чрезъ Его благодать, которой они сподобились предварительно [6]. Пелагій видѣлъ вообще во Христѣ нечто иное, какъ учителя и образецъ. Его смерть, хотя и сдѣлалась благодѣтельною для грѣшниковъ, не могла однако же (какъ предполагали) оказать какого нибудь благодѣянія тѣмъ, кто не имѣлъ грѣха; живое единеніе вѣрующихъ съ Нимъ было мыслью столь же чуждою системѣ этого Учителя, какъ и единеніе естественнаго человѣка съ Адамомъ въ смерти. Пелагій однако же не удалялся отъ ученія церкви въ отношенія къ божеству Спасителя [1].

---

[1] Pel. ap Aug. de Grat. Christ., 4, 8, 17—19, 23—27, 34; *Aug.* De Haeres. 88 (t. viii, 48).

[2] De Pecc. Mer. et Rem. i, 2, 4, 9, 10; De Civ. Dei xiii, 1; Op. Imperf. i, 102; vi, 7, 9; De Corr. et Grat. 31—2.

[3] *Aug.* De Haer. 88; De Nat. et Grat. 23; De Corr. et Grat. Op. Imperf. iii, 156.

[4] De Nupt. et Concup. i, 25—7; De Civ. xiv, 1; Op. Imperf. i, 47; De Pecc. Mer. et Rem. ii, 7, 8, 12 и слѣд.

[5] Pol. ap Aug. De Grat. Christi. 33.

[6] Ad Bonif. iii, 6 и слѣд.

Противъ Пелагія выставляли обычай крещенія дѣтей, который въ это время всѣми признавался апостольскимъ. Его противники извлекали свои доводы изъ обрядовъ крещенія, какъ то: заклинаній, отреченія отъ діавола, исповѣданія вѣры въ отпущеніи грѣховъ. Зачѣмъ бы, спрашивали они, было крестить дѣтей съ такими обрядами для очищенія отъ грѣха, если бы дѣти не приносили грѣха съ собою въ міръ? Пелагіане отвѣчали, что дѣти, умирая въ своемъ естественномъ состояніи, достигнутъ „вѣчной жизни“, которую они считали открытою для всѣхъ, какъ крещеныхъ, такъ и некрещенныхъ; но что крещеніе необходимо для высшаго блаженства, именно вступленія въ „царство небесное“, которое есть существенное преимущество евангелія; что такъ какъ крещеніе было для всѣхъ средствомъ допущенія къ полнотѣ христіанскихъ блаженствъ, то отпущеніе грѣха въ крещеніи дѣтей должно имѣть въ виду ихъ будущую жизнь на землѣ. Августинъ училъ, что дѣти, умирая безъ крещенія, должны подпасть осужденію. Каково будетъ это осужденіе, онъ, правда, не опредѣлялъ этого, и его выраженіе въ этомъ отношеніи разнообразится: то онъ иногда выражаетъ вѣру, что ихъ состояніе будетъ лучше несуществованія, то въ другихъ мѣстахъ его взгляды болѣе суровы [2]. Въ отношеніи крещенія Августинъ думалъ, что оно даетъ прощеніе за всѣ прошлые грѣхи, какъ первородные, такъ и дѣйствительные, что чрезъ него мы получаемъ возрожденіе, усыновленіе и искупленіе, но что въ насъ остается слабость, противъ которой возрожденный долженъ бороться здѣсь при помощи Божіей, и отъ которой нельзя освободиться до тѣхъ поръ, пока не настанетъ то дальнѣйшее „возрожденіе, когда Сынъ человѣческій возсядетъ на престолѣ славы Своей“. Ученіе объ этой остающейся слабости, по мнѣнію пелагіанъ, подрывало дѣйственность таинства крещенія. Пелагій полагалъ, что Богъ отъ природы снабдилъ человѣка всѣмъ, что нужно ему для жизни безъ грѣха и соблюденія заповѣдей, и что пользованіе этими дарами зависитъ отъ нашей собственной воли; Августинъ, напротивъ, училъ, что въ каждомъ пунктѣ человѣкъ нуждается въ новомъ снабженіи его божественною сверхъестественною помощью. Пелагій понималъ подъ оправданіемъ лишь внѣшній актъ прощенія, между тѣмъ какъ Августинъ видѣлъ въ немъ только внутреннее очищеніе чрезъ силу благодати. Благодать, училъ онъ, не принуждаетъ воли, но освобождаетъ ее отъ рабства и дѣлаетъ ее истинно свободною; онъ раздѣлялъ ее на 1) благодать *предваряющую*, которая даетъ первое побужденіе къ добру; 2) *дѣйствующую*, которая производитъ свободную волю къ добру; 3) *содѣйствующую*, которая поддерживаетъ волю въ ея борьбѣ, и дѣлаетъ ее способною привести свое желаніе въ дѣйствіе, и наконецъ 4) даръ *устойчивости*.

---

[1] См. его исповѣданіе вѣры въ Mar. Merc. (Patrol. xlviii), 489.

[2] De Pecc. Mer. et Rem. i, 21, 27, 55 (гдѣ онъ отрицаетъ существованіе всякаго средняго мѣста для такихъ дѣтей); c. Jul. v, 44 и проч.; Ep. clxv, 18 и слѣд.

Существованіе зла было самымъ великимъ вопросомъ, затруднявшимъ умъ Августина. Онъ думалъ, что такъ какъ все должно быть отъ Бога, а Онъ можетъ хотѣть только добраго, то поэтому зло есть ничто; оно не есть, какъ это было по манихейской системѣ, противоположность добру, а только недостатокъ или отсутствіе добра, какъ тьма есть отсутствіе свѣта, или какъ тишина есть отсутствіе звука. Нелишнее однако же замѣтить, что сила, которую онъ приписываетъ злу, едва ли совмѣстима съ этой идеей о ея просто отрицательномъ свойствѣ, если только, правда, его выраженія не понимать въ томъ смыслѣ, который не вытекаетъ изъ нихъ естественно; и нѣкоторые изъ его аргументовъ по этому предмету, повидимому, могутъ казаться (по крайней мѣрѣ для обыкновенныхъ читателей) не болѣе, какъ игрою словъ.

Августинъ въ одномъ изъ своихъ раннихъ сочиненій заявлялъ, что предопредѣленіе основывается на предвѣденіи, каковое мнѣніе вообще содержалось церковью [1]). По мѣрѣ развитія его взглядовъ по вопросу о благодати, онъ пришелъ къ ученію о болѣе безусловномъ предопредѣленіи, но только уже съ полнымъ развитіемъ пелагіанскаго спора онъ ясно изложилъ, и въ связи съ остальною своею системой, то ученіе о предопредѣленіи, которое составляло такой важный предметъ спора, въ позднѣйшія времена. Поводомъ къ обсужденію этого предмета послужило извѣстіе о серьезныхъ разногласіяхъ, возникшихъ около 426 года въ Адрументѣ, гдѣ нѣкоторые монахи, на основаніи (какъ они полагали) одного изъ посланій Августина [2]), встревожили своихъ собратьевъ отрицаніемъ свободы воли и будущаго суда по дѣламъ каждаго. На это Августинъ писалъ письмо, въ которомъ изложилъ необходимость вѣровать какъ въ божественную благодать, такъ и въ свободу воли. „Если нѣтъ благодати Божіей, спрашиваетъ онъ, то какъ Онъ спасаетъ міръ? Если нѣтъ свободной воли, то какъ Онъ судитъ міръ“ [1])? И онъ посвятилъ изслѣдованію этого вопроса два трактата [2]). Въ нихъ онъ еще поддерживалъ свободу воли человѣка; но въ то же время онъ училъ, что это существо свободы не несовмѣстимо съ существованіемъ внѣшней необходимости, направляющей ее въ исполненіи своихъ желаній. Наша воля, говоритъ онъ, можетъ дѣлать, что хочетъ Богъ, и она дѣлаетъ то, что Онъ предвидитъ; воля, поэтому, зависитъ отъ божественнаго предвѣденія. Богъ отъ вѣчности опредѣлилъ избавить нѣкоторыхъ изъ человѣческаго рода отъ бѣдственности, низведенной на насъ грѣхомъ. Число ихъ опредѣленно, такъ что не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться; даже уже раньше ихъ рожденія они являются сынами Божіими; если они уклоняются съ праваго пути, то приводятся на него обратно и не могутъ погибнуть [3]). Такъ какъ Богъ, будучи всемогущъ, можетъ спасти всѣхъ, и такъ какъ многіе не спасаются, то отсюда слѣдуетъ, что Онъ не хочетъ спасенія всѣхъ,—каковое ученіе Августинъ старался примирить съ заявленіемъ ап. Павла, что Онъ „хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины“ [4]). Избранные снабжаются всѣми дарами, которые имъ необходимы для приведенія ихъ къ спасенію, и благодать дѣйствуетъ въ нихъ непреодолимо. Причина ихъ избранія неизвѣстна, и заключается въ тайномъ совѣтѣ Божіемъ [5]). Онъ не предопредѣляетъ никого къ разрушенію; потому что Его предопредѣленіе касается только того, что есть Его произведеніе; но Онъ знаетъ, кто не избраны и не спасутся. Эти послѣдніе погибаютъ или вслѣдствіе не прощеннаго первобытнаго грѣха, или вслѣдствіе собственныхъ прегрѣшеній. Что они не имѣютъ части во Христѣ, это не можетъ служить основаніемъ для нареканій на божественную справедливость: потому что если Богъ не даетъ благодати всѣмъ, Онъ не обязанъ давать ее никому; даже между людьми кредиторъ можетъ однимъ прощать долги, а другимъ нѣтъ [6]). „Давая нѣкоторымъ то, чего они не заслуживаютъ, Богъ хотѣлъ, чтобы Его благодать была истинно даровою и, поэтому, дѣйствительною; не давая же ее всѣмъ, Онъ показываетъ, чего заслуживаютъ всѣ. Онъ благъ въ благодѣтельствованіи нѣкоторому числу, и справедливъ въ наказаніи остальныхъ. Онъ благъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ благо, когда платится то, что должно; и справедливъ во всемъ, такъ какъ справедливо именно, когда дается то, что не должно, безъ несправедливости къ кому бы то ни было“ [1]). Погибающіе заслуживаютъ свое осужденіе, потому что они отвергли благодать или въ своемъ собственномъ лицѣ, или въ лицѣ своего общаго отца. Лица, не принадлежащія къ избраннымъ, могутъ быть крещены, и могутъ на время быть благочестивыми, такъ что въ глазахъ людей они какбы сыны Божіи; но они никогда не бываютъ такими въ глазахъ Божіихъ, такъ какъ Онъ предвидитъ ихъ кончину. Если они живутъ хорошо въ теченіе извѣстнаго времени, то не удаляются изъ міра до тѣхъ поръ, пока, за недостаткомъ дара устойчивости они не падаютъ. Что́ Богъ даетъ нѣкоторымъ людямъ вѣру, надежду, любовь, но не устойчивость, это удивительно; но это не столь удивительно какъ то, что изъ среды дѣтей религіозныхъ родителей Онъ приводитъ нѣкоторыхъ въ свое царство чрезъ крещеніе, между тѣмъ какъ другіе, умирая некрещенными, исключаются изъ него; не менѣе удивительно и то, что нѣкоторые погибаютъ, не услышавъ о евангеліи (ибо „вѣра приходитъ чрезъ слышаніе“), чѣмъ то, что другіе погибаютъ вслѣдствіе неполученія ими дара устойчивости. И такъ какъ различно даются и мірскіе дары, то почему же не можетъ быть такъ именно и съ этимъ даромъ? Есть однако же различныя степени въ осужденіи неизбранныхъ; такъ, хотя тѣ, которые никогда не слышали евангелія, не избѣгнутъ, на основаніи своего невѣденія, вѣчнаго огня, однако же ихъ наказаніе будетъ, вѣроятно, меньше наказанія грѣшниковъ, которые намѣренно отвергали знаніе [2]).

---

[1]) Expos. Propos. ex Ep. ad Rom. 60 (III). Cp. Retract. I, XXIII, 2 (около 394 г.).

[2]) Ep. 194.

---

[1]) Ep. ccxiv, 2, Epp, ccxv и ccxvi относятся къ тому же предмету.

[2]) De Gratia et Libero Arbitrio; De Correctione et Gratia.

[3]) De Corr. et Grat., 13, 20, 23, 39: Epp. cьxxxvi, 25; cьxix, 4.

[4]) 1 Тим. II, 4, De Corr. et Grat. 47; De Praed. Sanct., 14.

[5]) De Corr. et Grat. 13, 17; De Praed. Sanct., 16.

[6]) Op. Imperf. I, 121; De Corr. et Grat., 42; Epp. 194; iv, 2, 3; ad Bonif. II, 12

Въ этой системѣ было много новаго и поразительнаго, какъ напр. ученіе о безусловномъ предопредѣленіи, непреодолимой благодати, ограниченіи благодѣяній Христа предметами свободнаго избранія. Самъ Августинъ смотрѣлъ на это ученіе, какъ на поощреніе къ упованію на Бога; онъ увѣщевалъ другихъ дѣлать то же самое и учителей—излагать его въ томъ же свѣтѣ, не разсуждая объ избраніи отдѣльныхъ лицъ, или не приводя никого къ отчаянію чрезъ заявленіе о безнадежномъ отверженіи [3]). Но не удивительно, что многіе съ тревогой относились къ нему, какъ вслѣдствіе новости самой теоріи, такъ и изъ за ея практическихъ послѣдствій.

Вслѣдствіе этого возникла потребность въ болѣе обстоятельномъ опредѣленіи ученія объ отношеніи благодати къ свободѣ воли человѣка, и главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи былъ Кассіанъ Марсельскій. Это была личность замѣчательная и вліятельная. Онъ былъ скиѳъ, каковой терминъ понимается различно, и нѣкоторые даже считаютъ его уроженцемъ Галліи [1]. Онъ воспитался въ одномъ монастырѣ въ Виѳлеемѣ, и послѣ долгаго пребыванія среди монаховъ Египта (въ отношеніи образа жизни которыхъ его сочиненія [2]) составляютъ главный источникъ свѣденій), былъ рукоположенъ въ діакона св. Іоанномъ Златоустомъ, послѣ изгнанія котораго ему поручена была константинопольскимъ духовенствомъ миссія къ Иннокентію римскому [3]). Поводъ и время его поселенія въ Марсели не извѣстны; тамъ онъ основалъ монастырь для лицъ обоего пола и возведенъ былъ въ санъ пресвитера. Въ отличіе отъ Пелагія, мнѣнія котораго онъ сильно укорялъ, Кассіанъ признавалъ, что всѣ люди согрѣшили въ Адамѣ, что всѣ имѣютъ наслѣдственный и дѣйствительные грѣхи, что мы по самой природѣ наклонны ко злу, и что для всякаго добраго дѣла, въ его началѣ, продолженіи и концѣ, мы нуждаемся въ помощи сверхъестественной благодати [4]). Онъ училъ, что благодать дается намъ даромъ, допускалъ, что въ безконечномъ разнообразіи отношеній Бога къ людямъ, первое призваніе къ спасенію исходитъ отъ предваряющей благодати и оказываетъ вліяніе даже на нежелающаго, но въ тоже время предполагалъ, что обыкновенно дѣйствіе благодати зависитъ отъ рѣшимости собственной воли человѣка, что Богъ принимаетъ желающихъ, равно какъ спасаетъ и нежелающихъ. Въ примѣръ тѣхъ, которые призваны противъ ихъ собственной воли, онъ указывалъ на ев. Матѳея и ап. Павла; въ доказательство того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ воля предшествуетъ призванію, онъ приводилъ Закхея и покаявшагося разбойника. Онъ училъ, что Богъ снабжаетъ природу человѣка сѣменами добродѣтелей, хотя для развитія ихъ необходима благодать; что Христосъ умеръ за всѣхъ людей и благодать предлагается всѣмъ; что есть двоякое предопредѣленіе—общее, которымъ Богъ желаетъ спасенія всѣмъ людямъ, и спеціальное, которымъ Онъ опредѣляетъ спасеніе тѣхъ, касательно которыхъ Онъ предвидитъ, что они сдѣлаютъ правильное употребленіе изъ благодати и будутъ стоять въ ней; что понятіе о безотносительномъ предопредѣленіи нужно отвергнуть, какъ гибельное для всякихъ побужденій къ добрымъ усиліямъ какъ въ избранныхъ, такъ и въ отвергнутыхъ, и какъ заключающее въ себѣ гностическое заблужденіе, будто бы среди людей есть виды по самому существу отличные другъ отъ друга, и что во всякомъ случаѣ о предопредѣленіи не должно учить популярно, такъ какъ самое ученіе о немъ можетъ быть вреднымъ, между тѣмъ какъ умолчаніе объ этомъ ученіи не можетъ принести никакого практическаго вреда 1). На это Августинъ отвѣчалъ 2), что вѣра и добрыя дѣла хотя и не заслуживаютъ благодати, однако же служатъ побужденіями къ дарованію ея. Благодать должна дѣйствовать совмѣстно съ нашей вѣрой и стараніемъ; она можетъ быть потеряна и должна быть удерживаема свободою человѣка, а не особымъ даромъ устойчивости. Намѣреніе и призваніе Божіе, по ученію Кассіана, приводятъ людей чрезъ крещеніе къ спасенію; тѣмъ не менѣе благіе плоды смерти Спасителя простираются и на лица, которыя въ этой жизни никогда не дѣлались членами его, такъ какъ ихъ готовность вѣровать вѣдома Богу и ставится имъ въ заслугу. Подобнымъ образомъ дѣти, умирающія въ дѣтствѣ, подлежатъ судьбѣ согласно съ предвѣденіемъ Божіимъ касательно того, какими бы они сдѣлались, если бы имъ позволено было жить дольше: тѣ, которые правильно воспользовались бы благодатью, приводятся чрезъ крещеніе ко спасенію, а другіе умираютъ некрещенными 3).

---

[1]) De Dono Perseverantiae, 28, 28.

[2]) De Corr. et Grat., 11, 16, 18, 19, 40, 42; De Dono Persev. 21; De Grat. et Lib. 5.

[3]) De Dono Persev. 57—62.

---

[1] Gennadius, 61. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ былъ родомъ изъ какой нибудь страны, прилегающей къ Евксинскому морю.

[2] De Coenobiorum Institutis; Collationes.

[3] Chrys., III, 523; Pallad. Vita Chrys., тамъ же, XIII, 11.

[4] Collat. XXIII, 11, 16; XIII, 3, 6; De Coenob. Inst. XII, 18.

Эти мнѣнія встрѣчены были благопріятно на югѣ Галліи, и свѣденія о ихъ распространеніи были посланы двумя мірянами: Просперомъ и Иларіемъ Августину, написавшему вслѣдствіе этого два трактата 4). 428—9 г. Въ этихъ книгахъ онъ говоритъ о своихъ противникахъ съ большимъ уваженіемъ, признаетъ великое и основное различіе между ними и пелагіанами, относится къ нимъ какъ согласнымъ съ собою въ существенномъ, и выражаетъ надежду, что Богъ приведетъ ихъ къ полнотѣ здравой вѣры. Но къ сожалѣнію ученіе Кассіана, впослѣдствіи подверглось нѣкоторому искаженію и въ Марсельскихъ монастыряхъ повело къ образованію такъ называемаго полупелагіанства, рѣчь о которомъ будетъ послѣ.

IV. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ жизни Августина, Африка подверглась нашествію варваровъ, и виновникомъ бѣдствія былъ человѣкъ, съ которымъ онъ долго находился въ дружбѣ, именно императорскій полководецъ-правитель Бонифацій. Бонифацій въ одно время былъ такъ сильно увлекаемъ религіознымъ чувствомъ, что хотѣлъ даже вступить въ монастырь, если бы не отговоры Августина и Алипія, которые говорили ему, что онъ можетъ сдѣлать больше добра, живя похристіански въ своемъ военномъ званіи и трудясь для защиты своей страны. Впослѣдствіи, однако же, онъ женился на второй женѣ изъ аріанскаго семейства, и хотя она исповѣды-

---

1) Prosp. ap Aug. Ep. ccxxv, 3; Hilar., тамъ же, ccxxvi, 2, 5.

2) De Dono Persev. 38—40.

3) Cass. Collat. xIII, 11, 13, 18; Prosper ap Aug. Ep. ccxxv, 4, 5; Aug. De Praedest. SS. 24, 25.

4) De Praedestinatione Sanctorum, и De Dono Perseverantiae.

вала православіе, самъ полководецъ, по вступленіи въ этотъ бракъ, значительно ослабѣлъ какъ въ вѣрѣ, такъ и въ нравственности [1]).

Аецій, соперникъ Бонифація по власти и военнымъ отличіямъ, прибѣгалъ къ низкимъ мѣрамъ съ цѣлію погубить его. Выставляя его человѣкомъ, питающимъ измѣнническіе виды, онъ уговорилъ Плацидію, сестру Гонорія, правившую государствомъ отъ имени своего сына, юнаго Валентиніана, отозвать полководца изъ Африки, и въ то же самое время извѣщая Бонифація, что предполагается его разжалованіе, онъ поощрялъ его оказать неповиновеніе этому приказу. Бонифацій поддался этой ловушкѣ, поднялъ знамя возстанія и призвалъ къ себѣ на помощь вандаловъ, которые около 420 года основались на югѣ Испаніи. Большая партія ихъ, подъ началь-
ствомъ Гизериха или Гендсерика, перешла въ Афри- 428 г.
ку, гдѣ къ нимъ присоединились мавры и фанатическіе донатисты, жаждавшіе отмстить православнымъ за многіе годы угнетенія. Провинція подверглась жестокому опустошенію, и въ особенности духовенство было предметомъ враждебности какъ донатистовъ, такъ и этихъ аріанскихъ варваровъ [2]).

Бонифацій, котораго Августинъ убѣждалъ возвратиться къ вѣрноподданичеству, былъ глубоко огорченъ дикими подвигами своихъ союзниковъ, и изъ объясненій съ дворомъ узналъ о коварствѣ Аеція. Напрасно воображая, что онъ въ состояніи исправить причиненное имъ зло, онъ просилъ вандаловъ удалиться изъ Африки, но ему отвѣтили насмѣшкой, и онъ оказался вынужденнымъ прибѣгнуть къ оружію, какъ единственному средству освободить свою страну отъ послѣдствій своего неблагоразумія. Но его силы не были равны силамъ непріятеля, и, будучи пораженъ на полѣ, онъ, съ остатками своего войска, заперся въ Иппонѣ [3]).

Августинъ былъ неутомимъ въ своихъ трудахъ во время этого нашествія. Онъ продолжалъ большой и обстоятельный трактатъ противъ пелагіанина Юліана Екланскаго; писалъ и другіе полемическіе труды, и старался увѣщательными и утѣшительными письмами поддерживать духъ своихъ собратьевъ въ ихъ испытаніяхъ. Его пастырскіе труды усложнялись еще вслѣдствіе множества народа изъ всѣхъ классовъ, искавшаго убѣжища въ стѣнахъ Иппона, и вскорѣ послѣ того, какъ вандалы приступили къ осадѣ города, онъ вслѣдствіе своихъ трудовъ впалъ въ тяж-
кую болѣзнь. Желая безъ всякаго перерыва преда- Іюн. 430 г.
ваться молитвѣ и дѣламъ благочестія, онъ распоря-

---

[1] Aug. Epp. CLXXXIX; CCXX, 3, 4.

[2] *Procop.* De Bello Vandal. I, 3; Possid. 28; Victor Vitencis, I, 2 и слѣд. (Patrol. LVIII).

[3] Procop. II, 3.

дился, чтобы къ нему никого не допускали изъ его друзей, исключая того времени, когда давались ему лѣкарства или пища. Онъ желалъ, чтобы предъ глазами у него вывѣшены были покаянные псалмы, постоянно обливаясь слезами, читалъ и перечитывалъ ихъ, и 28 августа 430 года отошелъ въ вѣчный покой [1]).

ГЛАВА XVII.

Несторіанство.

Ѳеодосій младшій былъ тщательно воспитанъ подъ руководствомъ своей сестры Пульхеріи, и въ теченіе всей своей жизни находился подъ ея вліяніемъ [2]). Харак- 408—450 г.
теръ у него былъ мягкій, но слабый. О его благочестіи можно судить изъ разсказа, передаваемаго Ѳеодоритомъ въ похвалу его [3]). Одинъ назойливый монахъ, получивъ нѣсколько разъ отказъ въ какой то просьбѣ къ императору, отлучилъ его. Когда наступило время обѣда, Ѳеодосій объявилъ, что онъ не будетъ ѣсть, пока не будетъ разрѣшенъ, и послалъ попросить епископа константинопольскаго, чтобы онъ склонилъ монаха снять сдѣланное имъ отлученіе. Епископъ отвѣчалъ, что нѣтъ надобности обращать вниманіе на подобный приговоръ; но Ѳеодосій не могъ успокоиться, пока монахъ не найденъ былъ и не убѣжденъ былъ отмѣнить отлученіе. Пульхерія дала обѣтъ дѣвства, и убѣдила принять подобный же обѣтъ и своихъ трехъ сестеръ; жизнь и занятія императорскаго семейства вполнѣ походили на жизнь и занятія монашеской общины [4]). Въ 421 году Пульхерія нашла для своего брата супругу, Аѳинаиду, осиротѣлую дочь одного аѳинскаго ритора [5]). Императрица приняла имя Евдокіи, и у нея родилась дочь Евдоксія, которая, въ 437 году, вышла замужъ за императора запада Валентиніана III. Мать затѣмъ получила позволеніе посѣтить св. Землю, гдѣ она истратила огромныя суммы на церкви, монастыри и госпитали, и, по возвращеніи въ Константинополь, привезла съ собою нѣкоторыя чтившіяся особенно мощи. [6]). Но, вско-

---

[1]) Иппонъ держался въ теченіи четырнадцати мѣсяцевъ. Бонифацій тогда получилъ помощь изъ Италіи и съ востока, но опять былъ разбитъ вандалами. Населеніе Иппона спасалось моремъ. Послѣ Августина не упоминается ни о какомъ другомъ епископѣ. Въ VII столѣтіи городъ былъ разрушенъ, и матеріалы его пошли на построеніе Боны, верстахъ въ четырехъ отъ него.

[2]) Socr. vii, 22; Gibbon, iii, 195.

[3]) v, 37.

[4]) Baron. 416, 36; Gibbon, iii, 193.

[5]) Socr. vii, 21; Evagr. i, 20; Chron. Pasc. 420—1 г.; Gibbon, iii, 196.

[6]) Socr. vii, 44, 47; Evagr., i, 20.

рѣ послѣ своего возвращенія, она впала въ немилость, вѣроятно вслѣдствіе стремленія противодѣйствовать вліянію Пульхеріи, и остатокъ своихъ дней провела въ покаянномъ уединеніи въ Іерусалимѣ.

Состояніе христіанъ въ Персіи вовлекло имперію въ войну съ этою страною. Маруѳа, одинъ месопотамскій епископъ, съ большимъ успѣхомъ раньше трудившійся среди персовъ въ качествѣ миссіонера, былъ отправленъ Аркадіемъ въ качествѣ посланнаго къ царю Йездегерду. Исполняя это порученіе, онъ открылъ и изобличилъ продѣлки, которыми маги старались вліять на суевѣрнаго царя; вслѣдствіе его стараній, христіанамъ объявлена была полная свобода религіи, и можно было надѣяться, что въ христіанство обратится и самъ Йездегердъ [1]). Но все дѣло было испорчено неблагоразумнымъ поступкомъ епископа по имени Авда, который разрушилъ одинъ храмъ національной религіи. 414 г. Царь потребовалъ его къ себѣ лично, кротко укорялъ его и приказалъ ему возстановить зданіе подъ страхомъ смерти и возмездія христіанскимъ церквамъ. Такъ какъ Авда упорно отказывался отъ этого, то царь нашелъ себя вынужденнымъ привести въ исполненіе свои угрозы, и вслѣдствіе этого его расположеніе къ христіанамъ измѣнилось. Многіе изъ нихъ преданы были смерти въ страшныхъ пыткахъ. Послѣ нѣкотораго перерыва въ теченіе послѣднихъ лѣтъ царствованія Йездегерда, гоненіе возобновилось съ новою силою при его преемникѣ Байрамѣ или Варaранѣ. Границы Персіи были 420 г. охраняемы, чтобы не давать возможности бѣжать христіанамъ; но нѣкоторые изъ нихъ проникли въ Константинополь и донесли императо́ру о страданіи своихъ собратій. Ѳеодосій отказался выдать бѣглецовъ, и вслѣдствіе этого началась война, которая, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, закон- 422 г. чилась въ пользу римлянъ [2]). Во время этой войны, Акакій, епископъ амидскій, отличился замѣчательнымъ подвигомъ благотворенія. Узнавъ, что 7000 персидскихъ плѣнныхъ находились неподалеку отъ него, онъ созвалъ свое духовенство, и, напоминая ему, что такъ какъ Богъ христіанъ, будучи вседоволенъ, не нуждается въ чашахъ и сосудахъ, то предложилъ продать золотые и серебряные сосуды церкви. На вырученныя деньги онъ выкупилъ плѣнныхъ, и, продержавъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не поправились отъ вліянія вынесенныхъ ими лишеній, онъ въ доказательство дѣйствительнаго духа христіанства отправилъ ихъ къ персидскому царю [3]).

---

[1]) Socr. vii, 9; Theodos. v, 39.

[2]) Socr. vii, 18—20; Theod. v, 39.

[3]) Socr. vii, 21.

Вслѣдствіе смерти Ѳеодосія въ 450 году, Пульхерія сдѣлалась полноправной императрицей востока. Чувствуя однако же, что женское царствованіе было не безопаснымъ новшествомъ, она отдала свою руку номинальному супругу, Маркіану, шестидесятилѣтнему старцу, и его поведеніе вполнѣ оправдало ея выборъ [1]).

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имперія находилась подъ страхомъ Аттилы, царя гунновъ, который принудилъ Ѳеодосія къ унизительной покорности и уступкамъ. Маркіанъ рѣшился дѣйствовать смѣлѣе въ отношеніи этого врага; онъ отказалъ въ дани, которую платилъ его предшественникъ, и Аттила угрожалъ мщеніемъ. Но прежде чѣмъ приступить къ исполненію своей угрозы, варварскій вождь направилъ свое оружіе противъ Западной имперіи, гдѣ Аецій, достигнувъ погибели своего соперника Бонифація, пользовался полнымъ вліяніемъ и въ теченіе 20 лѣтъ съ удивительною энергіей поддерживалъ престолъ слабаго и распутнаго 451 г. Валентиніана. Аттила, во главѣ безчисленнаго войска, проникъ даже до Орлеана, распространяя разрушеніе по пути своего шествія, когда Аецій, побуждаемый къ дѣйствію Аніаномъ, епископомъ этого города, выступилъ противъ него съ войскомъ, составленнымъ изъ римлянъ и союзниковъ, изъ которыхъ самыми важными были везиготы южной Галліи, находившіеся подъ начальствомъ Теодорика, сына Аларикова. Гунны, уже вступившіе въ Орлеанъ, были изгнаны. Аттила потерпѣлъ пораженіе въ великой битвѣ на равнинахъ Шалонскихъ, и принужденъ былъ отступить за Рейнъ. Въ слѣдующемъ году 452 г. онъ сдѣлалъ нашествіе на Италію; но полуостровъ этотъ былъ спасенъ отъ угрожавшаго ему опустошенія со стороны варваровъ посредничествомъ Льва, епископа римскаго, который, съ двумя высшими сановниками имперіи, встрѣтилъ Аттилу въ окрестностяхъ Мантуи и убѣдилъ удалиться по полученіи большой суммы денегъ. 453 г. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя внезапная смерть царя, постигшая его во время приготовленій для нападенія на Маркіана, и послѣдующее распаденіе Гуннской монархіи избавили обѣ половины имперіи отъ страха, который онъ внушалъ имъ.

Чрезъ годъ послѣ смерти Аттилы, Валентиніанъ, по подозрѣнію, что Аецій стремился къ императорской коронѣ, убилъ его во время аудіенціи во дворцѣ и, предательски изнасиловавъ жену сенатора, по имени Максима, палъ жертвою 16 марта 455 г. мщенія ея мужа, приведеннаго въ исполненіе двумя изъ приверженцевъ убитаго полководца [2]).

---

[2]) Evagr. II, 1. О Пульхеріи см. Acta SS., Sept. 10.

[1]) Prosper, Patrol LI, 604. По свидѣтельству Прокопія (De Bello Vandal, I.

По смерти Сисиннія, преемника Аттика, въ Константинополѣ возникъ споръ между приверженцами Филиппа сидскаго и Прокла. Оба они были кандидатами противъ покойнаго епископа; Проклъ затѣмъ былъ посвященъ Сисинніемъ Апр. 428 г. на каѳедру кизикійскую, но такъ какъ народъ этого города не признавалъ права епископа константинопольскаго назначать имъ пастыря, то онъ и не въ состояніи былъ вступить въ обладаніе своей каѳедрой. Дворъ, съ цѣлью уладить раздоръ партій, рѣшилъ, чтобы вакансія не занималась никѣмъ изъ константинопольскаго духовенства, и избралъ Несторія, пресвитера антіохійскаго [1]). Несторій былъ монахъ; онъ былъ человѣкомъ безупречной жизни, имѣлъ склонность къ учености и славился своимъ плавнымъ и звучнымъ ораторствомъ, хотя въ то же время его обвиняли въ гордости, честолюбіи и въ стремленіи къ популярности, которая, будто бы, и заставляла его прибѣгать къ показной святости въ своей жизни и къ высокопарному слогу въ проповѣди [2]). Вдобавокъ къ личной славѣ, то обстоятельство, что онъ вышелъ изъ одной и той же церкви съ высокочтимымъ Златоустомъ, дѣлало его нареченіе удобопріемлемымъ въ Константинополѣ, и вслѣдствіе этого онъ охотно былъ избранъ духовенствомъ и народомъ [3]).

Новый епископъ, вступивъ на свою должность, обнаружилъ большую ревность въ борьбѣ противъ ереси. Проповѣдуя въ соборномъ храмѣ въ день своего вступленія въ санъ, онъ обратился къ императору съ словами: „дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, и я въ свою очередь дамъ тебѣ царство небесное; помоги мнѣ подавить еретиковъ, и я помогу тебѣ подавить персовъ!“ Слова эти встрѣчены были громкимъ одобреніемъ; но болѣе мудрые изъ слушателей вынесли изъ нихъ не совсѣмъ благопріятное мнѣніе о скромности и благоразуміи оратора [4]).

За объявленіемъ войны скоро послѣдовали и дѣла. Пять дней спустя епископъ сдѣлалъ нападеніе на молитвенный домъ аріанъ; собраніе въ отчаяніи сожгло его, пламя захватило и другія зданія, и Несторій пріобрѣлъ названіе „поджигателя“. Онъ преслѣдовалъ также и другихъ сектантовъ, и добился отъ императора суроваго закона противъ нихъ [5]). Сократъ въ особенности замѣчаетъ о его дѣйствіяхъ противъ новаціанъ,—секты, къ которой склоненъ былъ самъ этотъ историкъ и которую всегда щадилъ Аттикъ на томъ

4, p. 187) и Марцеллина (455 годъ), Максимъ былъ подстрекателемъ къ убійству Аеція.

[1]) Socr. vii, 26, 29.

[2]) *Theodor.* Haer. iv, 12.

[3]) Cassian· De Incarn. Christ· vii, 30.

[4]) Socr. vii, 29.

[5]) 30 Мая. Cod. Theodos. xvi, v, 65.

основаніи, что они страдали отъ аріанъ вмѣстѣ съ православными, и что такъ какъ отпаденіе ихъ относилось къ столь древнему, то ихъ согласіе въ ученіи о Троицѣ было важнымъ свидѣтельствомъ о православіи церкви [1]).

Самому Несторію вскорѣ пришлось подвергнуться подозрѣнію въ ереси.

Школы александрійская и антіохійская, вслѣдствіе характеристическаго отличія въ тонѣ и необходимости противодѣйствовать различнымъ заблужденіямъ, болѣе непосредственно соприкасавшимся съ каждой изъ нихъ, пришли къ нѣкоторому различію въ взглядѣ и въ выраженіи о предметѣ воплощенія Спасителя. Въ Александріи, гдѣ врагомъ, съ которымъ приходилось бороться, было аріанство, божество Спасителя выставлялось съ такою настойчивостью, что даже въ сочиненіяхъ самого Аѳанасія встрѣчались выраженія, которыя въ позднѣйшее время были бы признакомъ евтихіанства, какъ напр. тамъ, гдѣ онъ говоритъ—„не два естества, но одно воплощенное естество Бога—Слова“ [2]). Хотя отличіе божества и человѣчества признавалось, но естества разсматривались въ ихъ единеніи, и такъ какъ лицо, въ которомъ они сочетались, было одно, то свойства одного естества, при вопросѣ о немъ, переносились на другое. Такъ то, что строго говоря, могло относиться только къ человѣчеству, приписывалось ему какъ Богу, такъ какъ личность въ Его божествѣ была раньше, чѣмъ Онъ принялъ естество человѣка; „Богъ—какъ говорили—родился, пострадалъ и искупилъ насъ Своею кровію“ [3]). На западѣ ученіе, похожее на то, съ которымъ впослѣдствіи связывалось имя Несторія, было заявлено однимъ галльскимъ пресвитеромъ, по имени Лепоріемъ, который также держался сомнительныхъ мнѣній касательно первороднаго грѣха. Августинъ, которому удалось убѣдить его въ его заблужденіяхъ, въ поясненіе соотношенія свойствъ Спасителя, говорилъ, что мы можемъ говорить о „философѣ“ какъ убитомъ, мертвомъ или погребенномъ, хотя все это относится лишь къ тѣлу, а не къ той части его, къ которой собственно относится качество философа [4]).

Съ другой стороны сиріяне, которымъ приходилось бороться противъ аполлинаріанства съ его отрицаніемъ всецѣлой человѣчности Спасителя и ея послѣдущимъ сліяніемъ божества и человѣчества въ чемъ то третьемъ, отличномъ и отъ того и другаго,—были вынуждены тщательно дѣлать различіе между двумя естествами. Этотъ методъ кажется болѣе правильнымъ въ научномъ отношеніи, чѣмъ другой; но въ школѣ, допускавшей значительное участіе разума, онъ легко могъ сдѣлаться опаснымъ. Діодоръ, впослѣдствіи епископъ тарсійскій, и Θеодоръ, впослѣдствіи епископъ мопсуестскій, первый—учитель Златоуста, а послѣдній—его сотоварищъ по ученію и другъ, были наиболѣе замѣчательными учителями въ этой школѣ, и ввели систему объясненія св. Писанія при помощи исторіи, критики и филологіи, между тѣмъ какъ до ихъ времени комментаторы подѣлялись лишь между двумя методами, именно,—буквальнымъ и аллегорическимъ [1]). Діодоръ и Θеодоръ, поэтому, могутъ быть считаемы предтечами новѣйшаго толкованія; но вмѣстѣ съ достоинствами своей системы они сочетали наклонность понижать и болѣе чѣмъ слѣдуетъ очеловѣчивать, такъ сказать, смыслъ св. Писанія. Въ теченіе почти 50 лѣтъ Θеодоръ поддерживалъ дѣло церкви въ спорѣ съ различными ея врагами, и въ теченіе его жизни его православіе считалось безукоризненнымъ. Впослѣдствіи однако же нѣкоторые стали изображать его отцемъ какъ несторіанства, такъ и пелагіанства, и его память сдѣлалась предметомъ споровъ, сильно волновавшихъ церковь [2]). Несторія считали ученикомъ Θеодора; но свидѣтельство это, если подъ нимъ разумѣется личное отношеніе между ними, повидимому не вѣрно. Нельзя также придавать много вѣры и разсказу, что Несторій, на своемъ пути къ занятію своей каѳедры, посѣтилъ епископа мопсуестскаго, который тогда уже приближался къ своей кончинѣ, и что въ теченіе этого-то посѣщенія онъ воспринялъ мнѣніе, связанное съ его именемъ [3]). 428 г.

---

[1]) Socr. vii, 25.

[2]) *Athanas.* De Incarn. Verbi, ii, 1. Фраза эта приводится какбы изъ Аѳанасія Кирилломъ Александрійскимъ въ его письмѣ къ императрицамъ (v, ii, 48).

[3]) См. *Joh. Damasc.* De Fide Orthod. iii, 4. (Opera i, 209—10, edit. Paris 1712 г.); Petau. De Jncarn. iv, 15, 16; x, 1.

[4]) Ep. clxix.

Первый взрывъ несторіанскаго спора произошелъ по случаю проповѣди, въ которой пресвитеръ, Анастасій, сопровождавшій епископа константинопольскаго изъ Византіи и пользовавшійся большимъ его довѣріемъ, напалъ на употребленіе слова Θеотокосъ „Богородица“ уже въ приложеніи его къ пресвятой Дѣвѣ. Марія, говорилъ онъ, была человѣкъ, а отъ человѣка не можетъ родиться Богъ. Названіе это, подвергшееся такимъ образомъ нападенію, употреблялось въ предшествующемъ столѣтіи Евсевіемъ кесарійскимъ, Аѳанасіемъ, обоими Григоріями и другими [1]; оно не означало того, чтобы пресвятая Дѣва сообщила божественную природу Спасителю, но утверждало только единеніе божества и человѣчества въ одномъ лицѣ, „потому что Сынъ Божій принялъ на Себя не личность человѣка, но только естество человѣка“. Сиріанамъ, однако же, слово это казалось заключающимъ въ себѣ аполлинаріанское заблужденіе о смѣшеніи между двумя естествами, причемъ отверженіе его Анастасіемъ внушало его слушателямъ въ Константинополѣ мысль, что новый епископъ и его партія признавали простое человѣчество въ Спасителѣ, предполагая, что Духъ въ Немъ обиталъ только такъ, какъ Онъ обиталъ и въ пророкахъ.

---

[1]) Soz. vш, 2.

[2]) Theodor. v, 40. Григорій Великій говоритъ, что апостольское сѣдалище отвергаетъ „Исторію“ Созомена, потому что въ ней говорится о Θеодорѣ, какъ остававшемся до своей смерти великимъ учителемъ церкви; никто, поэтому, говоритъ Григорій, не можетъ принять этой книги, не противорѣча 5-му вселенскому собору (Ер. vп, 34). Θеодоръ былъ епископомъ мопсуестскимъ съ 392 по 428 годъ. Большая часть его сочиненій теперь потеряна. Онъ, будто бы, отвергалъ нѣкоторыя книги св. Писанія, и отрицалъ евангельское значеніе нѣкоторыхъ псалмовъ, которые вообще считались пророческими по отношенію къ Мессіи. Какъ на образчикъ его метода, можно указать на его критику на книгу Іова, ссылки на которую дѣлались на 5-мъ вселенскомъ соборѣ (Collat. IV, v, 451—7, edit. Labbe). Писатель, говоритъ онъ, вмѣсто того, чтобы разсказать исторію этого патріарха простымъ и назидательнымъ образомъ, усиливается выставить свою языческую ученость и подражать краснорѣчію языческихъ трагиковъ. Θеодоръ находитъ недостатки въ проведеніи завязки и аргументаціи. Языческую тенденцію онъ считаетъ съ достаточностью очевидною изъ того обстоятельства, что младшая дочь Іова носитъ (въ переводѣ LXX) языческое имя *рога Амалѳеи*, которое *должно* исходить отъ автора, такъ какъ патріархъ ничего не зналъ о греческой миѳологіи (!). Его толкованіе на Пѣснь Пѣсней отличается подобнымъ же стилемъ.

[3]) Evagr. i, 2.

Несторій поддержалъ своего друга произнесеніемъ нѣсколькихъ проповѣдей [2], въ которыхъ онъ выставилъ двусмысленное и софистическое возраженіе противъ слова *Θеотокосъ*. Если допустить это выраженіе, говорилъ онъ, то можно извинять и язычниковъ за приписываніе матери своимъ божествамъ; благословенная Приснодѣва должна по истинѣ называться не *Θеотокосъ*, а *Θеодохосъ*, какъ принявшая Бога въ себя [3]. Проклъ, бывшій кандидатъ на эту каѳедру, проповѣдуя въ соборѣ на праздникъ, къ которому подходилъ этотъ предметъ, краснорѣчиво настаивалъ на употребленіи слова Θеотокосъ [4], и когда его проповѣдь была принята съ восторгомъ, Несторій всталъ и возражалъ противъ ученія проповѣдника касательно смѣшенія двухъ естествъ [5]. Онъ, однако же, заявилъ, что не отказывается отъ употребленія слова Θеотокосъ, если только оно будетъ правильно объяснено, такъ чтобы не обоготворять самой пресвятой Дѣвы [6]; но если ее называть матерью Бога, то выраженіе это должно имѣть противовѣсъ въ названіи ея также матерью человѣка,—матерью скиніи, уготованной святымъ Духомъ для обитанія Божественнаго слова. Вслѣдствіе этого, онъ предлагалъ называть ее Христородицей,—каковой терминъ указывалъ бы на ея отношеніе къ Тому, Кто вмѣстѣ Богъ и человѣкъ [1]). Можно, говорилъ онъ, утверждать, что Христосъ имѣетъ свойства того и другаго естества, но нельзя утверждать того, что родился *Богъ*, или что можно поклоняться *человѣку* [2]).

---

[1] *Euseb.* Vita Const. iii, 43; *Athanas.* Orat., iv, 32; Greg Naz. Ep. 101 (t. ii, p. 85); Hard. i, 1400 и слѣд. Исихій Іерусалимскій, умершій въ 343 году, называлъ Давида Бого-отцемъ (ὁ θεοπάτωρ). Giesel. I, ii, 134.

[2] Марій Меркаторъ даетъ въ переводѣ обобщеніе или извлеченіе изъ Patrol. xlviii.

[3] Serm. i, 6; vii, 48.

[4] Проповѣдь эта въ Patrol. Grec. lxv, 680, и въ Mar. Merc. col. 777.

[5] Serm iv. Нѣкоторые относятъ это къ празднику Рождества 428 года; другіе къ Богоявленію или къ Благовѣщенію 429 года.

[6] Serm. v, 4.

Возбужденіе въ Константинополѣ было огромное. Несторій продолжалъ проповѣдывать по спорному предмету, и былъ часто прерываемъ во время своихъ проповѣдей. Евсевій, адвокатъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся епископомъ дорилейскимъ, обвинялъ его въ ереси Павла самосатскаго, и открыто проводилъ параллель между этими двумя ученіями. Монахи и большинство духовенства были противъ епископа, и среди нихъ вновь ожило старое соперничество, связывавшееся съ дѣломъ избранія; причемъ его поддерживалъ дворъ, да и большинство народа было доселѣ благопріятно ему, хотя многіе и порвали общеніе съ нимъ. Онъ говоритъ, что нѣкоторые изъ его противниковъ угрожали ввергнуть его въ море [3]), и, изъ прошенія нѣкоторыхъ монаховъ противъ него мы узнаемъ, что онъ самъ свободно пользовался низложеніемъ, бичеваніемъ, ссылкою и другими насильственными мѣрами противъ тѣхъ изъ нихъ, которые подлежали его юрисдикціи [4]).

Въ возникшемъ такимъ образомъ спорѣ, какъ и въ великомъ спорѣ предшествовавшаго столѣтія, главнымъ поборникомъ православія былъ епископъ александрійскій Кириллъ; но его характеръ и образъ дѣйствія напоминаютъ намъ менѣе объ Аѳанасіѣ, чѣмъ о его собственномъ дядѣ и непосредственномъ предшественникѣ Ѳеофилѣ.

Кириллъ провелъ пять лѣтъ среди монаховъ Нитріи; онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ аввой Исидоромъ Пелусійскимъ. Этотъ весьма благочестивый и сердечный подвижникъ имѣлъ искреннее попеченіе о его нравственно-религіозномъ преуспѣяніи, особенно въ виду того, что когда Кириллъ жилъ и молился въ пустынѣ, сердце его все еще стремилось къ міру [5]). Въ 412 году, по смерти Ѳеофила онъ былъ избранъ на каѳедру Александріи. У него было много враговъ, которые обвиняли его въ разныхъ насиліяхъ, алчности и даже симоніи. Но обвиненія эти не находятъ подтвержденія въ несомненныхъ историческихъ данныхъ. Если при немъ церковь Александрійская чрезвычайно обогатилась и получила столько имуществъ, сколько дотолѣ не принадлежало ни одной епископской каѳедрѣ [1]), то это прямо зависѣло отъ вліятельности самого епископа. Онъ былъ строгъ, нанесъ сильный ударъ новаціанамъ, изгналъ іудеевъ изъ Александріи на основаніи кроваваго смятенія въ театрѣ, и вслѣдствіе этого поссорился съ префектомъ Орестомъ. Толпа возбужденныхъ монаховъ изъ Нитріи вступила въ городъ и сдѣлала нападеніе на префекта; одинъ изъ нихъ, метнувшій въ него камнемъ, былъ казненъ, но былъ признанъ Кирилломъ въ качествѣ мученика [2]). Холодность, съ которою префектъ послѣ подобныхъ сценъ относился къ епископу, приписывалась народомъ вліянію Ипатіи, прекрасной и замѣчательной дѣвицы, лекціи которой по философіи привлекали въ Александрію цѣлыя толпы восторженныхъ слушателей. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія толпа параволановъ и другихъ, предводительствуемая чтецомъ, по имени Петромъ, сдѣлала на нее нападеніе на улицѣ, стащила ее съ колесницы, поволокла въ соборную церковь, и тамъ варварски умертвила [3]). Чтобы Кириллъ имѣлъ какое нибудь участіе въ этомъ буйствѣ, это ничѣмъ не подтверждающаяся клевета; но буяны большею частью были служителями его церкви, которые безспорно могли превратно истолковать намѣренія своего епископа, и его характеръ незаслуженно подвергся нареканію вслѣдствіе ихъ буйства.

---

[1]) Serm. II, col. 765; V, 1; XII, 9 и слѣд.

[2]) См. Serm. VII.

[3]) VII, 1.

[4]) Hard., I, 1337.

[5]) Ep. 25, edit. Paris, 1638 г.

Кириллъ сопровождалъ своего дядю въ той поѣздкѣ въ Константинополь, которая оказалась столь бѣдственною для св. Іоанна Златоуста. Подъ вліяніемъ своего суроваго дяди, онъ возражалъ противъ внесенія имени Златоуста въ диптихи церкви, оставаясь непреклоннымъ даже тогда, когда Аттикъ константинопольскій упрашивалъ его уступить ради мира [4]), и наконецъ уговоренъ былъ допустить это имя, и иногда даже съ уваженіемъ говорилъ о краснорѣчіи великаго проповѣдника. Очевидно тоже самое желаніе смирить нововозвышенную каѳедру Константинополя, руководившее дѣйствіями Ѳеофила въ его враждѣ къ Златоусту, примѣшивалось также и къ побужденіямъ Кирилла въ его дѣйствіяхъ противъ Несторія.

Епископъ александрійскій вовлеченъ былъ въ споръ вслѣдствіе того, что, какъ оказалось, списки проповѣдей Несторія обращались среди египетскихъ монаховъ и многіе изъ нихъ вслѣдствіе этого перестали называть пресвятую дѣву Богородицей [5]). Онъ возсталъ противъ этого новшества въ своемъ пасхальномъ посланіи 430 года, и завелъ переписку съ самимъ Несторіемъ, во время которой оба они скоро раздражились, причемъ онъ также вступилъ въ сношеніе съ нѣкоторыми духовными лицами и монахами Константинополя, противодѣйствовавшими своему архіепископу 1). Повидимому, именно вслѣдствіе раздраженія, причиненнаго письмами Кирилла, Дороѳей, епископъ преданный Несторію, при одномъ случаѣ, когда архіепископъ сидѣлъ на своемъ тронѣ, всталъ въ соборѣ и громко произнесъ анаѳему противъ тѣхъ, которые употребляли названіе Ѳеотокосъ. Несторій обвинилъ Кирилла въ томъ, что онъ былъ причиною смятенія, послѣдовавшаго въ Константинополѣ. Нѣкоторые присутствовавшіе тамъ негодные александрійцы стали обвинять своего епископа въ различныхъ незаконныхъ поступкахъ, о которыхъ Несторій угрожалъ довести до вселенскаго собора. Кириллъ отвѣчалъ, что онъ будетъ радоваться, если своими дѣлами онъ посодѣйствуетъ къ созванію такого собора, но что онъ не позволитъ своему противнику сидѣть въ качествѣ одного изъ своихъ судей. Онъ заявилъ готовность пожертвовать всѣмъ для подавленія ереси Несторія, и съ цѣлью отвлечь дворъ отъ противоположной партіи, онъ обратился съ особымъ трактатомъ о православной вѣрѣ къ Ѳеодосію, и съ другимъ подобнымъ же трактатомъ къ Пульхеріи и Евдокіи 2).

---

[1]) Socr. vII, 2.
[2]) Тамъ же, 2, 13, 14.
[3]) Socr. vII, 15.
[4]) Cyrill. Ep. pp. 201—8 (Opera, t. v, p. II).
[5]) Cyrill. ad Coelestin, Ep. p. 38.

Несторій не разъ обращался къ Целестину, епископу римскому, за свѣденіями касательно пелагіанъ, нѣкоторые изъ вождей которыхъ находились въ то время въ Константинополѣ, но не получалъ никакого отвѣта. Теперь онъ повторилъ свои просьбы и присоединилъ нѣкоторый отчетъ о новомъ, только что возникшемъ, спорѣ. Кириллъ также обратился къ Целестину, но съ большимъ искусствомъ; въ то время, какъ Несторій обращался къ римскому епископу какъ къ равному, епископъ александрійскій усвоилъ нѣсколько иной тонъ, именно тонъ подслужливости, не имѣвшей для себя примѣра ни въ одномъ изъ его предшественниковъ 3). Своимъ изложеніемъ мнѣній Несторія, онъ добился отъ Целестина и римскаго собора осужденія епископа константинопольскаго въ качествѣ еретика, вмѣстѣ съ письмомъ, объявлявшимъ ему, что онъ будетъ низложенъ и отлученъ, если только въ теченіе десяти дней, по полученіи этого

Авг. 430 г.

---

1) Epp. i, 2—5.

2) Opera v, ii, 1—180.

3) Ep. 9. Діакону, которому поручено было отнести письмо Кирилла, наказано было передать письмо только въ такомъ случаѣ, если Целестинъ получилъ сообщеніе отъ Несторія. Хотя Кириллъ такъ далеко зашелъ въ лести Целестину, однако же самая преувеличенность выраженій, приводимыхъ изъ него Ѳомой Аквинатомъ (см. Gieseler, ii, ii, 221), на которыя долго ссылалась защита римскаго главенства, свидѣтельствуетъ несомнѣнно о ихъ подложности, и они составляютъ часть той великой поддѣлки, которая совершена была въ половинѣ XIII столѣтія.

письма, не признаетъ вѣры, содержимой въ Римѣ и Александріи, и не возстановитъ всѣхъ, кого онъ низложилъ вслѣдствіе недавнихъ споровъ. Кириллу было предоставлено привести этотъ приговоръ въ исполненіе, какъ уполномоченному римскаго епископа, и въ то же самое время Целестинъ писалъ церкви константинопольской и Іоанну, епископу антіохійскому, обличая заблужденія Несторія, и извѣщая о томъ осужденіи, которое будетъ произнесено, если архіепископъ будетъ упорствовать въ нихъ [1].

Кириллъ также писалъ нѣкоторымъ восточнымъ епископамъ, давая имъ свое изложеніе спора. Отъ Акакія веррейскаго (которому теперь было 110 лѣтъ отъ роду), отъ Іоанна антіохійскаго и другихъ онъ получилъ отвѣты, въ которыхъ они не одобряли того, что было сказано Несторіемъ, и особенно Дороѳеемъ, но просили его избѣгать открытаго разрыва [2]. Іоаннъ, отъ имени нѣсколькихъ другихъ епископовъ, писалъ Несторію, выражая полное довѣріе къ его православію и совѣтуя ему не настаивать на ненужныхъ тонкостяхъ касательно спорнаго слова, и такъ какъ Несторій заявилъ свою готовность держаться ученія Отцевъ и допускать въ извѣстномъ смыслѣ слово Ѳеотокосъ, то патріархъ антіохійскій льстилъ себя надеждой, что миръ легко будетъ возстановленъ.

Спустя нѣкоторое время, Кириллъ препроводилъ римское посланіе къ Несторію, вмѣстѣ съ письмомъ, писаннымъ отъ имени александрійскаго собора, въ которомъ отъ епископа константинопольскаго требовалось отречься отъ своихъ заблужденій и которое заканчивалось двѣнадцатью анаѳемами, предлагавшимися ему для подписи. На это письмо Несторій отвѣчалъ подобнымъ же числомъ противоположныхъ анаѳемъ, на которыя въ свою очередь данъ былъ гораздо болѣе подробный отвѣтъ Маріемъ Меркаторомъ, ревностнымъ западнымъ міряниномъ, который въ то время прибылъ въ Константинополь и уже заявилъ себя своею энергической борьбою противъ пелагіанства. Изъ предложеній, такимъ образомъ выставленныхъ съ каждой стороны, нѣкоторыя въ дѣйствительности противорѣчили другъ другу, а другія, въ намѣренно противоположныхъ словахъ, выражали различныя стороны одной и той же истины. Главною цѣлью Кирилла было установить единство личности Спасителя, между тѣмъ какъ цѣлью Несторія было остерегаться смѣшенія въ Немъ естествъ. Кириллъ обозначалъ соединеніе естествъ словомъ единеніе, а Несторій — словомъ сочетаніе [3]. Александрійскія анаѳемы произвели великое возбужденіе на-

---

[1] Hard. ı, 1308—26.

[2] Cyrill. Epp. 42—65.

[3] Ἕνωσις единеніе, συνάφεια сочитаніе. Συνάφεια однако же употреблялось Василіемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ, и впослѣдствіи употреблялось также Іоанномъ Дамаскиномъ.

Востокѣ, гдѣ онѣ понимались въ томъ смыслѣ, что, будто бы, отвергали различіе естествъ въ Спасителѣ. Іоаннъ антіохійскій желалъ, чтобы онѣ торжественно были осуждены, какъ аполлинаріанскія, и противъ нихъ написаны были трактаты Андреемъ, епископомъ самосатскимъ, и Θеодоритомъ, епископомъ кирскимъ [1]).

Послѣдній изъ этихъ полемистовъ былъ самымъ ученымъ богословомъ, какимъ только могла гордиться восточная церковь того вѣка. Онъ родился въ Антіохіи, около 390 года и, повидимому, учился подъ руководствомъ Θеодора мопсуестскаго, сочиненія котораго онъ, несомнѣнно, читалъ прилежно и съ увлеченіемъ. Около 420 года онъ избранъ былъ на каѳедру Кира или Кирра, въ Евфратской провинціи, гдѣ и трудился съ большою энергіею успѣшно истребляя ереси, заражавшія его епархію, — часто даже подвергая свою жизнь опасности отъ ярости маркіонитовъ и другихъ сектантовъ, которые владѣли цѣлыми селеніями [2]). О его вліяніи на свое духовенство можно судить изъ того обстоятельства, что въ теченіе 25 лѣтъ ни одинъ изъ его членовъ не являлся предъ гражданскимъ судомъ. Его попеченіе о своей паствѣ не ограничивалось даже и духовными дѣлами; онъ весь свой доходъ обращалъ на ея пользу, строилъ мосты, бани и другія общественныя зданія, и склонялъ лицъ, знакомыхъ съ медициной и другими полезными знаніями и ремеслами, къ поселенію въ Кирѣ. Разнообразіе литературныхъ заслугъ Θеодорита было необычайно; справедливо говорятъ о немъ, что „онъ одинаково хорошо выдерживаетъ характеръ комментатора, богослова, историка, полемиста, апологета и писателя по практическимъ вопросамъ религіи“ [3]). Въ теченіе всѣхъ смятеній своего времени онъ былъ самымъ знаменитымъ вождемъ на восточной сторонѣ; но его умѣренность и добросовѣстность были худо оцѣнены среди ярости партійной борьбы, и онъ страдалъ отъ насилія враждебныхъ ему партій.

Видя себя осужденнымъ со стороны патріарховъ Рима и Александріи, Несторій не видѣлъ другаго исхода изъ своего затруднительнаго положенія кромѣ обращенія къ вселенскому собору. Нѣкоторые изъ его противниковъ уже добивались созванія такого собора, и въ Ноябрѣ 430 года Θеодосій, отъ своего собственнаго имени и отъ имени западнаго императора, издалъ повелѣніе о созваніи представителей всей церкви въ Ефесѣ. Временемъ для этого назначена была ближайшая Пятидесятница, и до того времени все должно было оставаться въ прежнемъ состояніи, такъ что римское опредѣленіе осталось неисполненнымъ. Каждый митрополитъ долженъ былъ взять съ собою стольких изъ своихъ соподчиненныхъ епископовъ, сколько онъ находилъ для себя полезнымъ, не упуская изъ вида и того, чтобы оставлено было на мѣстѣ достаточное число ихъ для исполненія обычныхъ пастырскихъ обязанностей. Повѣстка, обращенная къ Кириллу, была сопровождаема особымъ письмомъ отъ Ѳеодосія, въ которомъ патріархъ былъ обвиняемъ въ гордости и мятежности, въ присвоеніи правъ, принадлежавшихъ только вселенскому собору, и въ страсти вторгаться во дворцы, какъ будто бы тамъ были разногласія между родственниками, или какъ будто бы онъ надѣялся поселить между ними раздоръ. Это послѣднее обвиненіе, имѣющее въ виду отдѣльное письмо, написанное Кирилломъ Евдокіи и Пульхеріи, показываетъ, что взводившееся на него подозрѣніе не было безосновательнымъ. Изъ епископовъ, стоявшихъ по сану ниже митрополита, поименнаго приглашенія удостоенъ былъ только одинъ Августинъ; но къ несчастью для собора, онъ умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ.

---

[1]) Hard. ı, 1349; Theodorit, Ep. 112, p. 983; Cyrill. vı, 157 и слѣд. 200, и слѣд., Mar. Merc. 933 и слѣд.

[2]) Theodorit, Ep. 80.

[3]) Dupin. ıv, 85.

431 г.

Несторій прибылъ въ Ефесъ вскорѣ послѣ Пасхи (апрѣля 19), сопровождаемый шестнадцатью епископами. Передъ праздникомъ Пятидесятницы (іюня 7), Кириллъ явился во главѣ пятидесяти епископовъ, съ большой свитой матросовъ и другихъ безпорядочныхъ лицъ [1]). Около сорока епископовъ было у Мемнона, митрополита ефесскаго, человѣка беззастѣнчиваго характера, который имѣлъ особыя побужденія дѣйствовать съ Кирилломъ противъ патріарха константинопольскаго, такъ какъ независимость его собственной „апостольской церкви“ была въ опасности отъ сосѣдства новой столицы. Африканская церковь, вслѣдствіе нашествія вандаловъ, не могла послать на соборъ ни одного представителя; но Капріолъ карѳагенскій написалъ посланіе, въ которомъ просилъ, чтобы отцы не вводили никакого новшества [2]). Целестинъ римскій отправилъ двухъ епископовъ и пресвитера въ качествѣ представителей самого себя и „всего собора западнаго“, съ наказомъ руководиться сужденіемъ Кирилла и поддерживать достоинство апостольскаго сѣдалища, дѣйствуя въ качествѣ судей, а не въ качествѣ спорящихъ. Они однако же не достигли Ефеса [3]). Наблюденіе за порядкомъ императоръ поручилъ Кандидіану, начальнику домовыхъ служителей. Согласно съ данной ему инструкціей, онъ распорядился, чтобы всѣ монахи и пришлые міряне оставили городъ Ефесъ, и чтобы ни одинъ епископъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не отлучался, пока не закончатся засѣданія собора [1]).

---

[1]) Soz. VII, 34.

[2]) Hard. I, 1419—22.

[3]) Hard. 1347.

И вотъ собралось около 200 епископовъ, но Іоаннъ антіохійскій все еще не являлся. Путешествіе его было замедлено частью затрудненіемъ созвать соборъ соподчиненныхъ епископовъ, которые не могли выѣхать до окончанія пасхальной недѣли, и отчасти смятеніями въ его городѣ вслѣдствіе недостатка въ провизіи, а затѣмъ и худое состояніе дорогъ, размытыхъ сильными дождями, принудило его путешествовать чрезвычайно медленно, съ потерей многихъ лошадей на пути. Епископы, находившіеся уже въ Ефесѣ, поджидая прибытія Іоанна и восточныхъ, заняты были частными, не формальными разсужденіями, которыя скорѣе способны были усилить, чѣмъ сгладить ихъ разногласіе [2]). Несторій заявлялъ, что жизнь его была въ опасности отъ негодяевъ изъ свиты Кирилла и отъ поселянъ, дѣйствовавшихъ по наущенію Мемнона, между тѣмъ какъ противоположная партія жаловалась на солдатъ, которые дѣйствовали въ качествѣ охраны для епископа константинопольскаго [3]).

21 іюня Кириллъ, который, въ силу достоинства своей каѳедры, принялъ предсѣдательство на соборѣ, заявилъ, что онъ не намѣренъ ждать больше, хотя и получилъ любезное письмо отъ Іоанна, въ которомъ послѣдній извинялся въ своемъ замедленіи и заявлялъ, что онъ чрезъ нѣсколько дней будетъ въ Ефесѣ. Несторію было послано приглашеніе явиться на соборъ на слѣдующій день; онъ отвѣчалъ, что готовъ явиться, когда будетъ присутствовать тамъ Іоаннъ, или когда будетъ потребованъ Кандидіаномъ. Ѳеодоритъ и 67 другихъ епископовъ, изъ которыхъ 22 были митрополиты, протестовали противъ веденія дѣла безъ присутствія представителей востока, но соборъ состоялся на слѣдующій день въ церкви пресв. Маріи, гдѣ, по преданію, была погребена Богородица. На засѣданіи присутствовалъ Кандидіанъ, и по желанію епископовъ прочиталъ свое полномочіе отъ императора. На свое требованіе отсрочить засѣданіе собора еще на четыре дня, съ цѣлью дать время для прибытія восточныхъ, онъ получилъ отказъ, и такъ какъ полномочная грамота не давала ему права на вмѣшательство въ догматическіе вопросы, на томъ основаніи, что эти послѣдніе принадлежали только епископамъ, то онъ не безъ негодованія, какъ онъ жалуется, вынужденъ былъ оставить церковь, заявивъ, что все то, что будетъ сдѣлано вопреки его указаніямъ, останется недѣйствительнымъ [4]). Епископы отказались

22 іюня.

---

[1]) Hard., I, 13 46—8.

[2]) Cyrill. Ep. 84.

[3]) Hard. I, 1437, 1455, 1460, 1464.

[4]) Hard. I, 1351—4.

даже взглянуть въ посланіе своихъ 68 собратьевъ. Несторію были посланы вторая и третья повѣстки, но стража его воспрепятствовала передать ихъ ему [1]).

Соборъ приступилъ къ разсмотрѣнію вопроса, для котораго онъ и былъ созванъ. Послѣ прочтенія Никейскаго символа, читано было второе письмо Кирилла къ Несторію, и епископы не разъ выражали свое высокое одобреніе ему, какъ согласному съ Никейской вѣрой. Затѣмъ былъ прочитанъ отвѣтъ, сдѣланный Несторіемъ; многіе епископы выразили свое осужденіе въ отношеніи его, и все собраніе произнесло анаѳемы противъ автора и его ученія. Далѣе слѣдовало разсмотрѣніе другихъ документовъ; среди нихъ было третье письмо Кирилла къ Несторію, именно, содержащее анаѳемы, и оно было принято безъ всякаго возраженія. Въ видѣ доказательства, что Несторій все еще держался своихъ заблужденій, сдѣланы были сообщенія касательно выраженій, которыя онъ употреблялъ въ разговорѣ со времени прибытія въ Ефесъ: такъ, онъ будто бы спрашивалъ, какъ онъ можетъ дать имя Бога ребенку двухъ или трехъ мѣсяцевъ отъ роду, каковой вопросъ былъ понятъ въ смыслѣ отрицанія божества Спасителя. Въ доказательство истиннаго ученія по спорнымъ вопросамъ, былъ представленъ сводъ извлеченій изъ древнихъ богослововъ, и послѣ этого, среди всеобщаго неодобренія, было прочитано нѣсколько мѣстъ изъ сочиненія Несторія, причемъ отцы, встрѣчая слова, которыя они считали богохульными, затыкали себѣ уши [2]). Противъ Несторія составлено было опредѣленіе о низложеніи „во имя Господа нашего Іисуса Христа, на котораго онъ богохульствовалъ"; оно было подписано 198 епископами и, въ знакъ одушевлявшаго ихъ чувства, адресовано патріарху, какъ „новому Іудѣ" [3]). Кириллъ впослѣдствіи пытался смягчить рѣзкость этихъ дѣйствій, заявляя, что Іоаннъ Антіохійскій дѣйствовалъ не искренно, что его замедленіе было намѣреннымъ и что онъ рѣшился не осуждать человѣка, который выдвинулся изъ среды его собственнаго духовенства. Быть можетъ самымъ смѣлымъ изъ всѣхъ заявленій было то, что два сирійскихъ митрополита, прибывшихъ въ Ефесъ за день до соборнаго засѣданія, отвѣтили на нѣкоторыя жалобы въ промедленіи заявленіемъ желанія своего патріарха, чтобы соборъ былъ открытъ безъ дальнѣйшаго ожиданія его [4]). Кириллъ нашелъ возможнымъ истолковать это въ томъ смыслѣ, какъ будто бы епископъ антіохійскій соглашался на то, чтобы великій вопросъ, подлежавшій обсужденію собора, былъ рѣшенъ до его прибытія.

---

[1]) Hard. I, 1360, 1361, 1447.

[2]) Hard. I, 1364—1420.

[3]) Тамъ же, 1422—24.

[4]) Тамъ же, 1505.

Кандидіанъ крайне былъ изумленъ на слѣдующій день, узнавъ о томъ, что было сдѣлано. Онъ сорвалъ объявленіе, въ которомъ возвѣщалось о низложеніи Несторія, издалъ приказъ, объявлявшій опредѣленія собора недѣйствительными, и отправилъ объявленіе его императору, сопровождая его письмомъ, сильно изобличающимъ незаконныя дѣйствія Кирилла и его соучастниковъ ¹). Несторій также писалъ къ Θеодосію, прося о томъ, чтобы для изслѣдованія его дѣла созванъ былъ какой нибудь безпристрастный соборъ, чтобы каждый митрополитъ приводилъ съ собою только двухъ епископовъ,—правило, которое, вслѣдствіе распорядка египетскаго патріархата, лишило бы Кирилла почти всякой поддержки ²), и чтобы не только монахи и духовенство, но и всѣ такіе епископы, которые не получили приглашенія на соборъ, были удалены отъ мѣста собранія ³).

27 іюня наконецъ прибылъ въ Ефесъ Іоаннъ антіохійскій съ 14 восточными епископами. Когда они приблизились къ городу, на встрѣчу къ нимъ вышла депутація отъ собора и сообщила о состоявшемся опредѣленіи. Патріархъ встрѣтилъ это заявленіе съ изумленіемъ и негодованіемъ. Немедленно по прибытіи въ свое помѣщеніе онъ созвалъ соборъ изъ сопровождавшихъ его епископовъ, къ которымъ присоединились и 29 другихъ епископовъ. На соборъ явился Кандидіанъ, сдѣлалъ свое сообщеніе о послѣднемъ засѣданіи и удалился. Епископы затѣмъ приступили къ разсужденію о поведеніи Кирилла и объ обнародованныхъ имъ анаθемахъ; они объявили его повиннымъ въ мятежности и въ возобновленіи ересей аріанской, аполлинаріанской и евноміанской, приговорили его и Мемнона къ низложенію, и объявили остальныхъ 200 епископовъ отлученными отъ ихъ общенія, если только они не присоединятся къ нимъ въ осужденіи этихъ анаθемъ ⁴). Уполномоченные партіи Кирилла старались войти въ сношеніе съ Іоанномъ, но подверглись оскорбленіямъ, побоямъ и были изгнаны солдатами его стражи ⁵). По полученіи свѣденій объ этомъ, и повидимому еще раньше, чѣмъ пришло состоявшееся опредѣленіе восточныхъ епископовъ, Кириллъ и его соборъ объявили Іоанна отлученнымъ, если онъ не дастъ

---

¹) Hard. ı, 1462.

²) Епископъ александрійскій первоначально былъ только единственнымъ митрополитомъ въ своемъ патріархатѣ. Около этого времени, повидимому, подъ его вѣденіемъ было нѣсколько митрополитовъ, хотя они и не имѣли такой же власти или независимости, какъ митрополиты въ другихъ мѣстахъ.

³) Hard. ı, 1438—40.

⁴) Hard. ı, 1447—58.

⁵) Тамъ же, 1488; Evagr. ı, 8.

должнаго объясненія въ своемъ поведеніи. Восточные епископы пытались осуществить свое обвиненіе Мемнона посвященіемъ епископа на его мѣсто; но они не въ состояніи были добиться вступленія въ церковь для этой цѣли, и были побиты толпой его приверженцевъ [1]).

Извѣстія о событіяхъ въ Ефесѣ распространились повсюду, и произвели во многихъ мѣстахъ неблагопріятное для Кирилла впечатлѣніе. Исидоръ Пелусіотъ, съ своею обычною откровенностью, писалъ къ нему, прося позволенія дѣйствовать прямо и свободно, и заявляя ему, что его обвиняютъ въ стараніяхъ прикрыть свою личную вражду къ Несторію именемъ ревности о Христѣ, и что его поведеніе сопоставлялось съ поведеніемъ его дяди, Θеофила [2]).

Императоръ, по полученіи письма Кандидіана, писалъ епископамъ, осудившимъ Несторія, порицая ихъ за то, что они дѣйствовали неправильно и по побужденіямъ личной злобы, и запрещая имъ оставлять Ефесъ, пока дѣло не будетъ рѣшено правильно. На это составленъ былъ отвѣтъ, въ которомъ епископы извинялись въ томъ, что они дѣйствовали въ отсутствіи восточныхъ, просили, чтобы Кандидіанъ былъ отозванъ, какъ обнаружившій пристрастіе къ ихъ противникамъ, и чтобы пятерымъ изъ нихъ позволено было лично явиться къ императору [3]). Къ этому письму были присоединены дѣянія собора, пересмотрѣнныя Кирилломъ. Но Кандидіанъ принялъ мѣры къ тому, чтобы бумаги эти не достигли двора, и всѣ пути къ нему охранялись такъ строго, что соборъ, съ цѣлью сноситься съ Константинополемъ, вынужденъ былъ поручить одно письмо нищему, который и снесъ его въ пустой внутри палкѣ. По полученіи этого посланія, среди приверженцевъ Кирилла произошло сильное возбужденіе. Изъ монастырей столицы выбѣжали всѣ ихъ обитатели, среди которыхъ самымъ извѣстнымъ былъ преп. Далматъ. Это былъ авва, который въ теченіе 48 лѣтъ безвыходно находился въ стѣнахъ своего жилища, отказываясь оставить его даже тогда, когда самъ императоръ просилъ его принять участіе въ торжественныхъ крестныхъ ходахъ по случаю землетрясеній. Этому отшельнику теперь внушено было божественнымъ голосомъ выйдти изъ монастыря, и онъ направился ко дворцу во главѣ безчисленной толпы, наполнявшей воздухъ пѣніемъ псалмовъ. Авва и другіе былъ допущенъ лично къ императору. Далматъ показалъ письмо изъ Ефеса, изложилъ жалобы православной стороны и спросилъ, лучше ли присоединяться къ одному нечестивому человѣку, чѣмъ къ 6000 епископовъ, разсѣянныхъ по всему міру, но представлявшихся своими митрополитами и собратьями въ Ефесѣ. Ѳеодосій былъ тронутъ, и сказалъ, что соборъ долженъ бы былъ прислать нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ для изложенія своего дѣла. Далматъ, въ отвѣтъ на это указалъ на то стѣсненіе, въ которомъ находились епископы, и получилъ отъ императора повелѣніе, чтобы нѣкоторые уполномоченные были присланы ко двору. Толпа, въ нетерпѣливомъ настроеніи ожидавшая исхода аудіенціи, съ восторгомъ приняла настоятелей, когда они вышли изъ дворца. Монахи, съ зажженными свѣчами и съ пѣніемъ cxlix псалма, сопровождали ихъ въ церковь, гдѣ Далматъ взошелъ на каѳедру, прочелъ ефесское посланіе и сообщилъ о свиданіи съ императоромъ, послѣ чего весь народъ дружно провозгласилъ анаѳемы противъ Несторія [1].

---

[1]) Hard. ı, 1451—8; Evagr. ı, 5.

[2]) Isid. Pelus. Ep. ı. 310.

[3]) Hard. ı, 1537—40, 1581—4.

Нѣкоторымъ епископамъ партіи Кирилла теперь позволено было отправиться въ Константинополь, гдѣ ихъ заявленія и просьбы, поддерживаемыя весьма значительными взятками, были столь дѣйствительны, что большинство вліятельныхъ при дворѣ лицъ склонилось въ пользу александрійскаго патріарха [2].

Когда соборъ 10 іюля находился въ своемъ второмъ засѣданіи, явились посланные изъ Рима и были приняты съ знаками почтенія. Въ третьемъ засѣданіи эти посланные выразили свое одобреніе тому что было сдѣлано, и подписали низложеніе Несторія [3]. Взаимно враждебныя партіи оставались въ Ефесѣ, угрожая и отлучая другъ друга, по выраженію древняго историка, „съ одинаковою гордостью“ [4], и съ плачевнымъ недостаткомъ умѣренности и скромности съ обѣихъ сторонъ. Императоръ, предполагая, что низложенія Несторія и его, враговъ Кирилла и Мемнона состоялись съ опредѣленія всего собора, утвердилъ эти приговоры [5]; Іоаннъ, начальникъ священныхъ щедротъ, назначенный вмѣсто Кандидіана для наблюденія за дѣлами собора, подвергъ трехъ епископовъ аресту [6], и, вслѣдствіе устраненія Кирилла, предсѣдателемъ собора сдѣлался Ювеналій, епископъ іерусалимскій. Напрасно императорскій уполномоченный пытался быть посредникомъ между партіями; онъ донесъ о ихъ взаимномъ ожесточеніи императору, но съ большимъ порицаніемъ отозвался о кирилліанахъ [7]. Кромѣ того, лѣтній зной и заключенность въ стѣнахъ Ефеса неблагопріятно подѣйствовали на здоровье многихъ изъ епископовъ, равно какъ и ихъ сопутниковъ, и между ними открылась

Авг. 431 г.

---

[1] Hard. i, 1588—9.
[2] Hard. i, 1580.
[3] Hard. i, 1465—82.
[4] „Pari fastu“. Liberatus, c. 6 (Patrol. lxviii, 981).
[5] Hard. i, 1551—5.
[6] Cyrill. Ep. 92; Hard. i, 1555—7.
[7] Cyrill. Ep. p. 90 и слѣд.

значительная смертность, причемъ многіе, которые не запаслись провизіей на столь продолжительное отсутствіе изъ своихъ домовъ, дошли до бѣдственности въ самыхъ средствахъ существованія [1]). Опять выдвинутъ былъ Далматъ для изложенія дѣла своихъ друзей предъ императоромъ, и наконецъ, по просьбѣ обѣихъ партій, въ Халкидонѣ, въ присутствіи Ѳеодосія, состоялось совѣщаніе восьми епископовъ отъ каждаго изъ соперничествующихъ соборовъ [2]). Дворъ былъ теперь противъ Несторія, частью подъ вліяніемъ денегъ Кирилла, частью подъ вліяніемъ Пульхеріи, которую оскорбилъ Несторій, и частью изъ опасенія монаховъ и населенія. До прибытія епископовъ въ Халкидонъ, императоръ издалъ приказъ, чтобы патріархъ, согласно съ заявленною имъ раньше просьбою, удалился въ одинъ монастырь близь Антіохіи, въ которомъ онъ пребывалъ до своего возвышенія. Несторій заявилъ готовность пострадать за истину, но выразилъ желаніе, чтобы издано было императорское повелѣніе для общаго осужденія египетскихъ анаѳемъ [3]).

Депутаціи въ Халкидонѣ имѣли пять аудіенцій у императора. Партія Кирилла отказалась войти въ какое либо разсужденіе дѣла, и настаивала на осужденіи Несторія, причемъ противники ихъ одинаково склонялись и къ осужденію анаѳемъ Кирилла, и такъ какъ становилось очевиднымъ, что нельзя было ожидать примиренія, то Ѳеодосій рѣшилъ положить конецъ собору. Письмо, въ которомъ онъ объявляетъ о своемъ рѣшеніи, показываетъ, что онъ скорѣе былъ пересиленъ вліяніемъ Кирилла, чѣмъ убѣжденъ справедливостью его дѣла; онъ объявляетъ, что не можетъ осуждать восточныхъ, такъ какъ никто не выступилъ противъ нихъ, и они не были обвинены ни въ какомъ заблужденіи передъ нимъ. Тѣмъ же самымъ письмомъ онъ повелѣвалъ, чтобы Кириллъ и Мемнонъ оставались на своихъ каѳедрахъ, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ Максиміанъ, инокъ отшельническаго и нечестолюбиваго характера, былъ посвященъ въ патріарха константинопольскаго на мѣсто Несторія [4]).

Соборъ ефесскій принятъ въ качествѣ 3-го вселенскаго собора, и его ученіе касательно лица Спасителя составляетъ неотъемлемую часть православной вѣры. Нѣтъ надобности опровергать мнѣнія тѣхъ, которыя стараются обѣлить Несторія и ставятъ вопросъ, дѣйствительно ли онъ былъ повиненъ въ тѣхъ мнѣніяхъ, за которыя былъ осужденъ. Правда, Сократъ, всѣ предубѣжденія котораго были противъ Несторія, освобождаетъ его отъ всякаго другаго заблужденія, кромѣ употребленія неправильныхъ выраженій, къ которымъ, по мнѣнію историка, онъ былъ приведенъ самообманомъ своего собственнаго краснорѣчія и недостаточнымъ вниманіемъ къ сочиненіямъ древнихъ богослововъ [1]). Но большую корпорацію восточныхъ епископовъ, поддерживавшихъ его въ Ефесѣ, составляли люди, безупречные въ своемъ православіи и глубоко понимавшіе его сущность. Несторій, употребляя слова, дававшія поводъ для обвиненія въ ереси, могъ конечно имѣть лишь въ виду только предостеречь противъ тяжкихъ заблужденій, которыя могли вытекать изъ александрійскихъ выраженій и которыя вскорѣ затѣмъ дѣйствительно были заявлены Евтихіемъ; но наиболѣе рѣзкія изъ его выраженій прямо показываютъ серьозное отрицаніе имъ истинъ, составляющихъ существенную часть православной вѣры. Хотя онъ настойчиво отрекался отъ болѣе ненавистныхъ, приписывавшихся ему мнѣній, неоднократно выражалъ свою готовность допустить слово „Богородица“, если только оно будетъ ограждено отъ очевидныхъ злоупотребленій [2]), но это уже зависѣло отъ постороннихъ соображеніи и виновность его въ догматическомъ заблужденіи, усугублявшаяся еще вслѣдствіе его высокаго сана, не можетъ подлежать сомнѣнію [3]).

---

[1]) Hard. i, 1601.

[2]) Hard. i, 1562, 1609.

[3]) Hard. i, 1631.

[4]) Hard. i, 1616, 1668; Socr. vii, 35.

По окончаніи собора, стороны оставались крайне раздраженными одна противъ другой. Восточные, на своемъ пути домой, составили соборъ въ Тарсѣ, и, по достиженіи Антіохіи, держали второй соборъ. На своихъ собраніяхъ они возобновили низложеніе Кирилла и распространили приговоръ этотъ и на епископовъ, которые выступили противъ нихъ въ Халкидонѣ и посвятили Максиміана для константинопольской каѳедры, причемъ заявили, что они никогда не согласятся на низложеніе Несторія, что они рѣшились держаться Никейской вѣры и противиться египетскимъ анаѳемамъ [4]). Ѳеодоритъ, Андрей самосатскій и др. писали противъ Кирилла и поддерживали корреспонденцію съ друзьями Несторія въ Константинополѣ. Многіе епископы были лишены сана, и церковь находилась въ жалкомъ состояніи раздѣленія. Ѳеодосій жаждалъ мира, и, послѣ нѣкотораго времени, по совѣту Максиміана, предложилъ, чтобы епископы Александріи и Антіохіи собрались въ Никомидіи для изысканія средствъ къ возстановленію его. Начальнику Аристолаю, которому ввѣрены были письма, поручено было дѣйствовать въ пользу примиренія партій, императоръ писалъ попросить молитвъ Симеона

---

[1]) Socr. vii, 32.

[2]) Socr. vii, 34.

[3]) Этотъ отдѣлъ нѣсколько видоизмѣненъ переводчикомъ сравнительно съ подлинникомъ. Пер.

[4]) Synodicon ap Baluz., Collect. Nova. Concill. Paris, 1683 г., pp. 741, 769, 840, 843, 874, 906; Socr. vii, 34.

Столпника и усилій Акакія веррейскаго для содѣйствія его мирнымъ намѣреніямъ [1]).

Іоаннъ антіохійскій отклонилъ совѣщаніе на основаніи плохаго здоровья, а также и вслѣдствіе полученнаго имъ сообщенія, что существовалъ заговоръ объ удаленіи его [2]). Онъ однако же, посовѣтовался съ епископами своей партіи, и было рѣшено, что, устраняя всякій личный вопросъ касательно Несторія, они войдутъ въ общеніе съ Кирилломъ подъ условіемъ осужденія имъ своихъ собственныхъ анаѳемъ и признанія Никейскаго символа, какъ достаточнаго правила вѣры [3]). Кириллъ былъ побуждаемъ со многихъ сторонъ принять эти условія. Онъ отвѣчалъ, что онъ не писалъ ничего кромѣ того, что согласно съ православною вѣрою, что для него осуждать свои собственныя сочиненія значило бы лишать себя средствъ борьбы съ несторіанствомъ въ будущемъ, но что онъ готовъ дать объясненіе своимъ прежнимъ словамъ, если восточные примутъ дѣянія послѣдняго собора, низложеніе Несторія и посвященіе Максиміана; что онъ признаетъ достаточность Никейскаго символа, но не въ томъ смыслѣ, чтобы это исключало надлежащее толкованіе его въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ онъ могъ быть перетолковываемъ еретиками [4]), и въ письмѣ къ Акакію онъ излагалъ свои мнѣнія въ такой формѣ, что Ѳеодоритъ объявилъ его православнымъ и оставившимъ свои прежнія заблужденія [5]). Епископъ антіохійскій былъ расположенъ къ такому соглашенію, и отправилъ Павла, епископа емесскаго, въ Александрію, съ порученіемъ содѣйствовать этому дѣлу. Посольство было успѣшнымъ. Кириллъ подписалъ символъ, который, въ сущности, былъ тождественъ съ символомъ, начертаннымъ Ѳеодоритомъ въ Ефесѣ. Посланный три раза съ большимъ успѣхомъ проповѣдывалъ въ Александріи, распространяясь о словѣ ѳеотокосъ. Іоаннъ согласился подпи-
сать осужденіе Несторія и одобрить посвященіе Ма- Дек. 432 г.
ксиміана. На этихъ условіяхъ Александрія и Анті- Янв. 433 г.
охія опять возсоединились между собою въ Апрѣлѣ
433 года [6]).

Въ теченіе всѣхъ этихъ распрей Кириллъ, истратилъ огромныя суммы на взятки (или „благословенія“, какъ онъ называлъ ихъ) [7]), съ цѣлью поддержанія своего дѣла при дворѣ. Существуетъ письмо отъ его архидіакона Епифанія къ Максиміану константинопольскому, и въ немъ говорится, что александрійцы стонали подъ тяжкими налогами, которымъ они подвергались съ цѣлью достать средства для этихъ взятокъ, и что не смотря на это отъ имени церкви сдѣланъ былъ заемъ въ 1900 фунтовъ золота [1]).

---

[1]) Hard. i, 1683—8.

[2]) Baluz. Coll. Nov. 754.

[3]) Тамъ же, 756, 764, 766.

[4]) Cyrill. Ep. pp. 110, 155; Baluz. 759—62.

[5]) Cyrill v, 93; vi, 145 и слѣд.; Theodorit, Ep. 112, p. 983.

[6]) Cyrill. Ep. pp. 100. 120, 156; Hard. i, 1688—1708.

[7]) Εὐλογίαι. 4 Цар. v, 15; 2 Кор. ix, 5.

Соглашеніе это не было удовлетворительнымъ ни для одной изъ сторонъ. Исидоръ пелусійскій и другіе друзья Кирилла выразили удивленіе, что онъ согласился допустить два естества въ Спасителѣ [2]). Онъ отвѣчалъ, что въ то время, какъ въ одномъ смыслѣ онъ признавалъ два естества, въ другомъ смыслѣ онъ допускалъ только одно; что два естества отдѣльны въ мысли, хотя соединены въ одномъ лицѣ Христа, и что ихъ предикаты собственно отличны.—каковаго изложенія, вѣроятно, не отклонилъ бы самъ Несторій [3]). Съ одной стороны Өеодоритъ спорилъ съ Іоанномъ противъ заключенія мира на какихъ нибудь условіяхъ, кромѣ тѣхъ, которые бы обезпечивали возстановленіе низложенныхъ епископовъ, включая всѣхъ, которые заинтересованы были въ томъ же. Для Кирилла, послѣ того, какъ онъ доказывалъ свое православіе своими послѣдними объясненіями, требовать согласія на осужденіе Несторія, это, говорилъ онъ, было бы тоже самое, какъ если бы какой нибудь обращенецъ изъ аріанства сталъ настаивать на анаөематствованіи тѣхъ, которые всегда были здравы въ ученіи о единосущіи Сына съ Отцемъ; онъ все еще стоялъ за осужденіе анаөемъ Кирилла, и заявилъ, что скорѣе готовъ согласиться на отсѣченіе ему обѣихъ рукъ, чѣмъ на подписаніе осужденія Несторія [4]). Другіе, среди которыхъ былъ митрополитъ Өеодорита, Александръ, епископъ іерапольскій, престарѣлый и почтенный человѣкъ, все еще отказывались признать православіе Кирилла. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Александръ лишился или отказался отъ своихъ правъ въ качествѣ митрополита, Іоаннъ антіохійскій приступилъ къ рукоположенію нѣкоторыхъ епископовъ для Евфратской провинціи, и это дѣйствіе вызвало громкіе протесты, какъ нарушеніе чужой юрисдикціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вслѣдствіе личнаго характера новыхъ епископовъ. Девять провинцій антіохійскаго патріархата прервали общеніе съ Іоанномъ, который наконецъ призвалъ на помощь свѣтскую власть для низверженія епископовъ, отказывавшихся присоединиться къ его соглашенію съ Кирилломъ.

Өеодоритъ готовъ былъ удалиться въ монастырь, но настойчивыя просьбы его паствы побудили его добиваться свиданія съ Іоанномъ, и онъ согласился остаться на своей каөедрѣ, подъ условіемъ извинить его въ отказѣ отъ осужденія Несторія или его мнѣній [1]). Александръ однако же продолжалъ противиться всѣмъ настояніямъ; онъ заявилъ, что если бы всѣ мертвые воскресли и свидѣтельствовали въ пользу египетскаго ученія, то онъ и въ такомъ случаѣ все-таки долженъ будетъ слѣдовать совѣту своей собственной совѣсти и отвергнуть его [2]). Напрасно Ѳеодоритъ старался или смягчить суровость его рѣшенія, или убѣдить Іоанна, чтобы законъ не приводился въ исполненіе противъ столь глубоко почитаемаго человѣка; престарѣлый епископъ былъ низложенъ съ іерапольской каѳедры и сосланъ въ рудники Фамотимскіе въ Египтѣ, причемъ его духовенство и народъ выразили свою скорбь по случаю его удаленія закрытіемъ на время всѣхъ церквей епархіи. Другіе отказавшіеся епископы были изгнаны съ своихъ каѳедръ военною силою, и такими средствами возстановлено было общее согласіе по всему востоку въ 435 году.

---

[1]) Около 400.000 рублей. Baluz. 907—9; Gibbon, iv, 349.

[2]) Isid Pelus. Ep. i, 324; Hard. i, 1635—7; Liberatus. 8 (Patrol. lxiii, 984)

[3]) Cyril. Ep. pp. 118, 133—35 и слѣд.

[4]) Baluz., 766—7, 795, 823.

Апр. 436 г.

Первоначальному виновнику всѣхъ этихъ смятеній, не смотря на протесты Целестина предъ императоромъ, позволено было оставаться почти 4 года въ его уединеніи въ Антіохіи, гдѣ къ нему относились съ великимъ почтеніемъ и гдѣ онъ пользовался сношеніемъ съ своими друзьями. По смерти Максиміана въ 434 году, сторонники Несторія требовали, чтобы онъ былъ возстановленъ на епископской каѳедрѣ Константинополя, и опасность смятенія въ его пользу была такъ велика, что императоръ поспѣшилъ занять вакансію нареченіемъ Прокла, водвореннаго на каѳедру еще въ то время, когда покойный епископъ не былъ погребенъ [3]). Эта демонстрація въ Константинополѣ, вѣроятно, содѣйствовала тому вниманію, которое обращено было на сдѣланное въ слѣдующемъ году Іоанномъ антіохійскимъ представленіе, что Несторій настаивалъ на своемъ богохульствѣ и совращалъ многихъ отъ вѣры; вслѣдствіе чего изданъ былъ указъ, повелѣвающій, чтобы всѣ книги ересіарха были сожжены, чтобы его послѣдователи назывались симоніанами, „подобно тому, какъ аріане назывались порфиріанами, по закону Константина блаженной памяти“, и чтобы ихъ собранія подвергались закрытію [4]). Собственность его была арестована, и онъ былъ приговоренъ къ пожизненной ссылкѣ въ Петру, но (повидимому еще до приведенія этого приговора въ исполненіе) мѣсто его ссылки было перемѣнено на великій оазисъ [5]). Тамъ онъ занялся составленіемъ исторіи своей жизни, но чрезъ нѣсколько времени былъ уведенъ въ плѣнъ блеммійцами, дикимъ племенемъ хищниковъ, опустошавшихъ оазисъ. Старецъ былъ отпущенъ хищниками, какъ человѣкъ безполезный, и онъ отдалъ себя въ руки одного императорскаго чиновника въ Египтѣ, который безчеловѣчно приказалъ его волочить изъ одного мѣста въ другое, пока онъ не палъ отъ жестокаго обращенія. Писатель, приводимый Евагріемъ, разсказываетъ, что его языкъ былъ изъѣденъ червями, и что такимъ образомъ онъ „отошелъ на муку вѣчную“, причемъ другіе писатели подобнаго рода разсказываютъ даже, что все тѣло ересіарха заживо подверглось разложенію 1).

---

[1]) Baluz. 847, 859.

[2]) Baluz, 866.

[3]) См. Socr. vii, 35—6, 40.

[4]) Cod. Theodos. xvi, v, 66.

[5]) Hard. i, 1669, 1715—18.

Пасха 432 г.

437 г.

На востокѣ возникли новые раздоры по вопросу о Ѳеодорѣ мосуестскомъ и Діодорѣ тарсійскомъ. Память этихъ учителей нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ подверглась нападенію со стороны Рабулы, епископа едесскаго, который, послѣ совмѣстнаго дѣйствія съ восточными епископами въ Ефесѣ, выдавался особою горячностью; съ которою онъ отстаивалъ противоположную сторону.2) Теперь, когда несторіанство было формально подавлено, Кириллъ рѣшился сдѣлать попытку съ цѣлью подорвать авторитетъ Діодора и Ѳеодора, сочиненія которыхъ прилежно читались несторіанами съ того времени, какъ запрещены были сочиненія ихъ номинальнаго вождя. Попытка эта была настойчиво поддерживаема сильною монашескою партіей, и Рабула, вмѣстѣ съ другими епископами, принялъ въ ней участіе 3). Проклъ константинопольскій сдѣлалъ извлеченія нѣкоторыхъ предложеній изъ сочиненій Ѳеодора, и, не поименовывая источника, предложилъ, чтобы они были осуждены всѣми; но авторство ихъ было обнаружено нѣкоторыми чрезъ мѣру ревностными агентами, и имя Ѳеодора, которое вообще почиталось на всемъ востокѣ, возбудило волненіе 4). Соборъ епископовъ, состоявшійся въ Антіохіи, одобряя ученіе Прокла, обратился къ Ѳеодосію съ аппеляціей противъ осужденія человѣка, который оказалъ важныя услуги церкви; они говорили, что выраженія, приведенныя изъ Ѳеодора, употреблялись имъ въ полемикѣ съ аріанами и евноміанами, и должны быть истолковываемы съ добросовѣстнымъ вниманіемъ къ ихъ цѣли; и императоръ вслѣдствіе этого обращенія рекомендовалъ, чтобы ничего не дѣлалось противъ памяти людей, которые хорошо послужили церкви и умерли въ общеніи съ нею. Проклъ устранился отъ дѣла, заявляя, что онъ не имѣлъ въ виду возбуждать какое нибудь

---

1) Evagr. ı. 7; Theodoret. Lector. ıı, 38; Theophanes, p. 142; Baron. 436—9; Gibbon, ıv 350—1. Смерть Несторія вообще относится къ 440 году, и разсказъ, что онъ жилъ до собора Халкидонскаго (451 г.), и былъ вызванъ для засѣданія на немъ, по предположенію, былъ изобрѣтенъ евтихіанами, съ цѣлью возбужденія недовѣрія къ этому лицу.

2) Hard. ı, 1634.

3) Cyrill. Ep. 197—8.

4) Cyrill. Ep. p. 197.

порицаніе противъ личности Ѳеодора, и самъ Кириллъ наконецъ счелъ за лучшее прекратить все это дѣло, и объявилъ себя удовлетвореннымъ тѣмъ осужденіемъ заблужденій Ѳеодора, которое заключалось въ приговорѣ противъ Несторія [1]).

Хотя подавленное внутри имперіи, несторіанство нашло себѣ убѣжище за ея предѣлами. Въ Едессѣ была цвѣтущая школа духовенства для персидской церкви; ея начальникъ Ива благопріятно относился къ Несторію и перевелъ на сирійскій языкъ нѣкоторыя сочиненія Діодора и Ѳеодора. Рабула, въ 435 году, закрылъ это заведеніе; но Ива, сдѣлавшійся ему преемникомъ по каѳедрѣ, возстановилъ его, и оно продолжало процвѣтать до царствованія Зенона, которымъ оно было окончательно закрыто въ 485 году [2]). Изъ этой семинаріи несторіанство распространилось въ Персію и Индію, и ученіе это продолжало оказывать сильное вліяніе на христіанство востока.

ГЛАВА XVIII.

Евтихіанство.—Соборъ Халкидонскій.—Возвышеніе римской каѳедры.

I. Когда преп. Далматъ ходилъ во дворецъ константинопольскій съ цѣлью ходатайства по дѣлу Кирилла и Ефесскаго собора, одною изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей среди сопровождавшей его толпы былъ Евтихій, настоятель одного большаго монастыря близь города. Подобно Далмату, онъ въ то время почти 50 лѣтъ оставался въ стѣнахъ своего мѣстопребыванія, и рѣшился никогда не оставлять ихъ. Но онъ считалъ опасность вѣры достаточнымъ основаніемъ для нарушенія этой рѣшимости. Евтихій былъ вообще почитаемъ за свою святость, и къ нему Кириллъ относился съ высокимъ уваженіемъ вслѣдствіе его ревности противъ несторіанства; но онъ, повидимому, былъ человѣкомъ узкаго ума и упрямаго характера. Скоро ему самому пришлось дать имя ереси, которая повела къ болѣе продолжительному спору, болѣе запутаннымъ раздорамъ и болѣе страшному раздѣленію, чѣмъ заблужденія, которымъ онъ такъ горячо противодѣйствовалъ [3]).

---

[1]) Cyrill. Ep. pp. 192—3, 200. Впослѣдствіи онъ писалъ противъ Ѳеодора, и ему отвѣчалъ Ѳеодоритъ.

[2]) *Theodoret*, Lect. II, 5, 49.

[3]) Евтихіанскій споръ и возникшая изъ него полемика наполняютъ три тома (VI—VIII), каждый около тысячи страницъ, въ тщательномъ и непостижимо скучномъ сочиненіи Вальха „Historie der Kätzereien“.

Не смотря на возстановленіе формальнаго примиренія, между египетскою и сирійскою школами продолжали существовать различія въ мнѣніи и взаимныя подозрѣнія. Сиріяне считали египтянъ зараженными аполлинаріанствомъ, а тѣ въ свою очередь смотрѣли на нихъ какъ на несторіанъ. Монахи вообще сильно возставали противъ несторіанства, которое они любили приписывать своимъ церковнымъ начальникамъ и всѣмъ другимъ, кто не добивались ихъ благосклонности. Недостаточно понимая систему, которой они считали себя исповѣдниками, они преувеличивали александрійскія формы выраженія, и, подъ предлогомъ почтенія къ божественнымъ тайнамъ, употребляли такія слова, которыя, повидимому, уничтожали человѣчество Спасителя. Они говорили, что оно „поглощено въ Его божествѣ, подобно каплѣ меда въ океанѣ“ [1]). Нѣкоторые изъ нихъ становились грубо аполлинаріанскими въ своихъ выраженіяхъ. Өеодоритъ, замѣчая, что эта тенденція, даже если бы она и не ввела положительной ереси, должна повергнуть богословіе въ неопредѣленное состояніе, высвободить его изъ котораго пришлось трудиться писателямъ и соборамъ болѣе чѣмъ въ теченіе двухъ столѣтій, написалъ въ 447 году діалогъ въ трехъ книгахъ, подъ заглавіемъ „Eranistes“ (лохмотникъ), названный такъ потому, что онъ считалъ опровергаемое имъ мнѣніе не новымъ изобрѣтеніемъ, но, подобно кафтану нищаго, состоявшимъ изъ заплатъ и лохмотьевъ, собранныхъ изъ различныхъ источниковъ [2]). Поддерживавшееся имъ въ этомъ сочиненіи ученіе касательно неизмѣняемости, отличительности и непреложности божества Спасителя положено было его врагами въ основу для обвиненія его въ томъ, что онъ, будто бы, признавалъ *два* Сына, и Өеодоритъ, съ Ивой едесскимъ и Иринеемъ тирскимъ, былъ избранъ со стороны монашеской партіи предметомъ особеннаго мщенія.

Въ 444 году, Кириллу, въ качествѣ епископа александрійскаго, наслѣдовалъ Діоскоръ; до своего возвышенія на каѳедру, онъ повидимому отличался высокимъ характеромъ, но впослѣдствіи оказался человѣкомъ буйнымъ, жестокимъ, хищнымъ и до безобразія безнравственнымъ. Онъ пользовался благосклонностью двора, и особенно благосклонностью Хрисаѳія, евнуха, имѣвшаго безграничное вліяніе на слабаго Өеодосія, и поддерживалъ обширную корреспонденцію съ этими монахами въ Сиріи и въ другихъ мѣстахъ, которые были враждебно настроены по отношенію къ своимъ епископамъ. Діоскоръ обидѣлся на Өеодорита за то, что онъ подписалъ соборное посланіе Прокла, каковой актъ, по мнѣнію александрійскаго

447 г.

---

[1]) *Theodoret*, Eran. II, IV, 77.

[2]) Theodoret, t. IV, p. 2.

епископа, обозначалъ собою признаніе преимущества Константинополя, или даже его юрисдикціи надъ сирійскимъ патріархатомъ. Онъ обвинялъ его въ несторіанской ереси, и хотя Θеодоритъ отказался отъ взводимыхъ на него заблужденій и осудилъ ихъ, онъ произнесъ противъ него анаѳему [1]). Противъ епископа кирскаго настроена была свѣтская власть, въ 447 или 448 году изданъ былъ императорскій указъ, которымъ онъ обвинялся въ томъ, что своими частыми собраніями онъ возбуждалъ смятеніе, и ему повелѣвалось удалиться въ свою епархію. Около того же самаго времени Ива подвергся обвиненіямъ со стороны монашеской партіи, но ему удалось обезпечить себѣ миръ. 448—9 г. Восточные епископы пытались защитить свое православіе отправленіемъ депутаціи ко двору, о результатѣ которой однакоже же, ничего неизвѣстно [2]).

Но вотъ пронеслась молва, что Евтихій, въ своемъ горячемъ противодѣйствіи несторіанству, сталъ высказывать нездравыя мнѣнія касательно ученія о воплощеніи. около 447 г. Домнъ, епископъ антіохійскій, сдѣлалъ по этому предмету заявленіе Флавіану константинопольскому, обвиняя Евтихія въ аполлинаріанствѣ и въ смѣшеніи естествъ Спасителя; но такъ какъ сирійскіе обвинители находились подъ подозрѣніемъ въ несторіанствѣ, то на обвиненіе это было обращено мало, или даже вовсе никакого вниманія. Въ 448 году однако же, во время засѣданія мѣстнаго собора константинопольскаго [3]), на которомъ присутствовало около 30 епископовъ, Евсевій дорилейскій (тотъ самый, который былъ первымъ противникомъ Несторія) сталъ поносить Евтихія какъ еретика, заявляя, что онъ тщетно старался на частномъ собесѣдованіи отклонить его отъ заблужденій, и желалъ, чтобы было произведено разслѣдованіе касательно мнѣній этого настоятеля [4]).

Флавіанъ, преемникъ Прокла, зная тѣ могущественные интересы, въ которыхъ Евтихій, по всей вѣроятности, могъ находить себѣ поддержку [5]), и опасаясь общаго смятенія въ церкви, старался отговорить Евсевія отъ этого шага, но былъ вынужденъ, съ неохотою, приступить къ разслѣдованію. На первое приглашеніе Евтихій отказался явиться предъ соборомъ, указывая на свою рѣшимость не оставлять своего монастыря, но ему на это сказали, что это не уважительная причина, и напомнили о томъ участіи, которое онъ принималъ въ несторіанскомъ спорѣ. Послѣ неоднократныхъ приглашеній, онъ наконецъ явился, поддерживаемый большой толпой монаховъ и солдатъ, прикрытіе которыхъ онъ считалъ необходимымъ для своей безопасности, и 22 нояб. 448 г. сопровождаемый патриціемъ Флорентіемъ, которому, по замѣчательному нововведенію, поручено было присутствовать на судебномъ разбирательствѣ на томъ основаніи, что дѣло шло о вѣрѣ, между тѣмъ какъ во всѣхъ предыдущихъ спорахъ императорскіе уполномоченные ограничивались лишь наблюденіемъ за внѣшнимъ порядкомъ. Будучи спрошенъ о своихъ убѣжденіяхъ, Евтихій объявилъ, что онъ держится Никейской вѣры, и указалъ на запрещеніе, которое соборъ Ефесскій произнесъ противъ введенія всякаго другаго символа [1]). Онъ сказалъ, что во Христѣ было два естества до Его воплощенія [2]); допускалъ, хотя и неохотно, выраженіе, что Христосъ единосущенъ съ нами по своей плоти“, равно какъ и съ Отцемъ по своему божеству [3]). Но его отвѣты были двусмысленны и неудовлетворительны. Онъ заявлялъ, что держится только „одного воплощеннаго естества Бога Слова“,—каковое выраженіе онъ основывалъ на авторитетѣ Аѳанасія и Кирилла. Вообще онъ выразилъ нежеланіе опредѣлять вѣру, о своемъ уваженіи къ св. Писанію и о желаніи не идти дальше его, и отказался подвергнуть анаѳемѣ заблужденія, въ которыхъ онъ подозрѣвался, хотя и заявилъ готовность принять тѣ выраженія, которыя выставлялись противъ него. Соборъ нашелъ его заявленія недостаточными, и объявилъ его виновнымъ въ возобновленіи заблужденій Валентина и Аполлинарія; онъ былъ приговоренъ къ лишенію своего настоятельства и къ низложенію изъ священнаго сана, и наконецъ какъ онъ, такъ и всѣ его приверженцы объявлены были подлежащими отлученію [4]). Въ дѣлопроизводствѣ этого собора, повидимому, было нѣкоторое замѣшательство. Евтихій впослѣдствіи жаловался на его недобросовѣстность и утверждалъ, что онъ обращался отъ него къ суду Рима, Александріи и Іерусалима, но его обращеніе было неформальнымъ, или сдѣлано въ такое время, которое дѣлало его юридически недѣйствительнымъ 1).

---

[1]) Theodoret, Ep. 82—6; t. v, p. 101 и слѣд.

[2]) Epp. 79—82, 95, 101—3.

[3]) Συνόδος ἐνδημοῦσα (соборъ, состоявшій изъ такихъ епископовъ, которые оказывались въ столицѣ).

[4]) Hard. п, 110—12.

[5]) Существуетъ разсказъ, что по нареченіи Флавіана на его каѳедру (446 г.), Хрисаѳій послалъ требовать отъ него *евлогій* (то есть, благословеній), каковое названіе давалось тѣмъ подаркамъ, которые дѣлались вліятельнымъ лицамъ, помогшимъ достигнуть высокаго назначенія, и что Флавіанъ оскорбилъ евнуха тѣмъ, что или послалъ ему церковную тарелку съ цѣлью устыдить его, или послалъ нѣсколько благословенныхъ хлѣбовъ, называвшихся евлогіями, и когда ему сказали, что отъ него требуютъ золота, то онъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ золота, кромѣ какъ въ священныхъ сосудахъ, такъ какъ суммы церкви принадлежатъ Богу и бѣднымъ. Evagr. п, 2.

---

[1]) Conc. Ephes. c. 7.

[2]) Это могло быть истолковано въ смыслѣ предсуществованія человѣчества Спасителя, чѣмъ дѣлалось два *лица* во Христѣ, каковое заблужденіе и возводилось на Несторія; но въ дѣйствительности Евтихій, очевидно, разумѣлъ, что онъ признавалъ отвлеченную человѣческую природу, равно какъ и неолицетворенное Божество,—что два естества были отличны въ *зачатіи*.

[3]) Hard. п, 164—5.

[4]) Hard. п, 168.

Евтихій занялся письмами къ епископамъ и другимъ, какбы важнымъ лицамъ, во всѣхъ направленіяхъ. Съ цѣлью объясненія своего отказа признать два естества, онъ заявлялъ, что онъ опасался, дѣлая излишнія опредѣленія Никейскаго символа, оказаться въ противорѣчіи съ соборомъ Ефесскимъ. Онъ громко жаловался на несправедливость, настаивалъ, чтобы созванъ былъ вселенскій соборъ 2). Его монахи, не смотря на приговоръ, продолжали поддерживать его, и за свое упорство были поставлены Флавіаномъ подъ своего рода запрещеніе; между тѣмъ Діоскоръ, вопреки всякому каноническому порядку, допустилъ Евтихія къ общенію, и признавалъ его какъ священникомъ, такъ и настоятелемъ. Но произнесенное осужденіе было встрѣчено общимъ одобреніемъ. Левъ, епископъ римскій, человѣкъ большихъ дарованій и энергіи, склонный къ упроченію всѣхъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ преимуществъ своей каѳедры, по полученіи изложенія дѣла отъ Ѳеодосія и Евтихія, писалъ Флавіану, выражая удивленіе, что онъ не сдѣлалъ сообщенія ему объ этомъ раньше; но по полученіи объясненія патріарха и дѣяній послѣдняго собора онъ выразилъ свое удовлетвореніе рѣшеніемъ дѣла 3). Ѳеодосій пытался устроить примиреніе между Флавіаномъ и Евтихіемъ, но его старанія были тщетны. Патріархъ, въ отвѣтѣ на вопросъ касательно его собственной вѣры, допуская выраженіе „одно естество воплощеннаго Слова“ 4), на томъ основаніи, что лицо Христа одно, въ то же время анаѳематствовалъ Несторія; но онъ не хотѣлъ допустить Никейскаго символа для прикрытія Евтихія въ осужденныхъ мнѣніяхъ. Противники Евтихія отвергали необходимость созванія вселенскаго собора, такъ какъ дѣло было и безъ того ясно, а между тѣмъ подобное собраніе могло привести въ движеніе всю церковь. Самовластный евнухъ Хрисаѳій, однако же, отнесся благосклонно къ этому предложенію, и разосланы были повѣстки, которыми отъ главнаго епископа каждой восточной епархіи требовалось взять съ собою по десяти митрополитовъ и по десяти другихъ епископовъ 5). Соборъ былъ созванъ подъ особымъ предлогомъ. Одно императорское 449 г.

---

1) Inter. Ep. Leon, 21; Evagr. i, 9. Не безъинтересно замѣтить, что Антіохія была исключена изъ этой апелляціи. Римъ, вѣроятно, былъ включенъ въ томъ убѣжденіи, что, какъ и при прежнихъ случаяхъ, онъ станетъ на монашескую сторону.

2) Eutych. ap. Leon. Ep. xxi, 1; Patrol. lii, 24.

3) Epp. 23, 26, 27 (Patrol. liv).

4) Hard. ii, 8. Это допускалось съ цѣлью спасти честь Аѳанасія и Кирилла.

5) Hard, ii, 72.

посланіе, упомянувъ въ неодобрительномъ тонѣ о дѣйствіяхъ Флавіана противъ Евтихія, объявляло, что соборъ созывается съ цѣлью искоренить остатки несторіанства, какъ будто бы дѣло шло не о позднѣйшей ереси. Епископамъ, принявшимъ участіе въ судѣ надъ Евтихіемъ, и восточнымъ, подозрѣвавшимся въ несторіанствѣ, не предоставлялось права голоса; между тѣмъ Варсумѣ, настоятелю одного сирійскаго монастыря, какъ представителю недовольной монашеской партіи, было предоставлено мѣсто и преимущества епископа. Өеодориту выразительно было запрещено присутствовать на соборѣ, если только его присутствія не пожелаютъ единогласно члены собора. Два гражданскихъ чиновника, сановники Елпидій и Евлогій были уполномочены наблюдать за порядкомъ и подвергать тюремному заключенію всѣхъ тѣхъ, кто окажутся непослушными[1]).

Соборъ состоялся въ той же церкви Ефеса, въ которой засѣдалъ 18 лѣтъ предъ тѣмъ 3-й вселенскій соборъ.

8 авг. 449 г. При открытіи собора присутствовало 126 епископовъ. Діоскоръ имѣлъ съ собою большую свиту монаховъ и параволановъ, а Варсума явился во главѣ тысячи монаховъ, готовыхъ оказывать всякое давленіе на соборъ. Левъ, послѣ тщетныхъ стараній о томъ, чтобы соборъ состоялся въ Италіи, уклонился отъ явленія на соборъ, извиняясь на томъ основаніи, что у римскихъ епископовъ не было обычая присутствовать на заморскихъ соборахъ, а также на основаніи политическихъ смутъ его страны[2]). Своими представителями онъ отправилъ трехъ легатовъ и послалъ чрезъ нихъ документъ, который подъ названіемъ его „тома или посланія къ Флавіану“ сдѣлался весьма знаменитымъ во время спора. Въ немъ искусно опредѣлялась цѣлостность и въ то же время отличительность двухъ естествъ, соединенныхъ въ Спасителѣ, и православное ученіе излагалось съ такимъ богатствомъ библейскихъ доказательствъ и другихъ поясненій, что впослѣдствіи составился даже разсказъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ Левъ составилъ свое письмо, при чемъ окончательная редакція его приписывалась даже ап. Петру.

Діоскоръ, въ силу императорскаго рескрипта, занялъ предсѣдательское мѣсто на соборѣ. Вслѣдъ за нимъ занялъ мѣсто римскій легатъ Юлій, за которымъ слѣдовали патріархи іерусалимскій и антіохійскій, съ перемѣной обычнаго порядка ихъ мѣстничества; причемъ Флавіанъ былъ низведенъ съ положенія, опредѣленнаго для его каѳедры вторымъ вселенскимъ соборомъ, на пятое мѣсто въ собраніи. Дѣлопроизводство было шумное и безпорядочное съ самаго начала. Діоскоръ изгналъ всѣхъ протоколистовъ, кромѣ принадлежащихъ къ своей партіи, и хотя посланіе Льва было получено соборомъ, онъ старался не допустить до чтенія его [1]. Евтихій представилъ прошеніе, въ которомъ излагалъ всѣ обстоятельства дѣла, прося не о своемъ собственномъ возстановленіи (потому что онъ считалъ его обезпеченнымъ для себя признаніемъ его со стороны Александріи), но о наказаніи своихъ враговъ. Флавіанъ потребовалъ, чтобы выслушанъ былъ обвинитель, Евсевій дорелейскій, но получилъ со стороны уполномоченнаго Елпидія выговоръ за вмѣшательство, съ заявленіемъ, что противники Евтихія уже имѣли случай говорить въ Константинополѣ [2]. Прочитаны были дѣянія константинопольскаго собора, и всякій разъ, когда о комъ либо изъ его членовъ заявлялось, что онъ говорилъ о „двухъ естествахъ“, изъ среды монаховъ и народной толпы раздавались громкіе крики: „несторіанинъ! разорвать его, сжечь его живымъ! Какъ онъ раздѣляетъ, такъ нужно раздѣлить и его!“ [3] Соборъ пришелъ къ опредѣленію, что Евтихія нужно признать православнымъ вмѣстѣ съ его монахами, которые настойчиво требовали, чтобы Флавіанъ былъ наказанъ, также какъ онъ наказывалъ ихъ. Часто при этомъ ссылались на запрещеніе, которое Ефесскій соборъ постановилъ противъ прибавленій къ Никейской вѣрѣ, но съ видимымъ извращеніемъ его мнѣнія, такъ какъ онъ въ дѣйствительности не имѣлъ въ виду совершенно устранять объясненія тѣхъ членовъ, въ которыхъ символъ этотъ могъ подвергаться перетолкованію. Предложена была анаѳема противъ Несторія. Діоскоръ желалъ, чтобы всѣ, которые, по дальности разстоянія, не могли заявить о своемъ голосѣ криками, подняли свои руки въ знакъ согласія, и анаѳема была произнесена среди криковъ: „выгнать, сжечь, разорвать, разрубить, избить,—всѣхъ, кто учитъ о двухъ естествахъ“. Нѣкоторые изъ епископовъ, засѣдавшихъ на соборѣ константинопольскомъ, испугались смятенія и отказались отъ словъ, которыя они употребляли раньше.

---

[1]) Hard. II, 72, 76, 77.

[2]) Ep. XXXI, 4.

Діоскоръ затѣмъ требовалъ, чтобы тѣ, кто нарушали правила собора Ефесскаго и Никейскій символъ, не подвергали наказанію, и, получивъ отъ епископовъ утвердительный отвѣтъ, онъ вынудилъ приговоръ противъ Флавіана и Евсевія. Флавіанъ протестовалъ противъ права Діоскора судить его, и передалъ въ руки римскихъ легатовъ аппелляціи къ Риму и вообще западу. Вокругъ Діоскора собралось нѣсколько епископовъ, и они колѣнопреклоненно умоляли его не вести это дѣло дальше; но, не обращая вниманія на ихъ просьбы, онъ воскликнулъ: „позвать начальниковъ!“ и въ залу засѣданія вошелъ проконсулъ Азіи, сопровождаемый солдатами и монахами, вооруженными мечами, дубинами и цѣпями. Епископы въ ужасѣ пытались скрыться въ углахъ церкви или подъ скамейками; но были вытаскиваемы, и съ угрозами, ругательствами и побоями, были вынуждены подписать осужденіе Флавіана,—или скорѣе чистый листъ, на которомъ впослѣдствіи могъ быть написанъ приговоръ 1). Разсказываютъ, что Діоскоръ и Варсума били Флавіана по лицу, сбили его съ ногъ и топтали его, и хотя разсказъ объ этихъ буйствахъ, быть можетъ, преувеличенъ, однако же несомнѣнно, что вслѣдствіе обращенія, полученнаго на соборѣ, патріархъ константинопольскій умеръ чрезъ нѣсколько дней, на пути къ мѣсту своего изгнанія. Евсевій дорилейскій былъ низложенъ и заключенъ въ тюрьму, но нашелъ возможнымъ бѣжать въ Римъ. Ѳеодоритъ и Ива, хотя и заключенные въ своихъ собственныхъ епархіяхъ, были упомянуты на соборѣ, и заочно осуждены въ качествѣ еретиковъ. Домнъ, епископъ антіохійскій, который малодушно далъ свое согласіе на прежніе акты собора, наконецъ былъ низложенъ по обвиненію въ одобреніи одной несторіанской проповѣди, которая, будто бы, была произнесена въ его присутствіи Ѳеодоритомъ. Онъ удалился въ монастырь и не дѣлалъ никакихъ попытокъ возвратить себѣ свою каѳедру. Одинъ изъ римскихъ легатовъ умеръ во время путешествія на соборъ. Изъ оставшихся въ живыхъ, повидимому старшій изъ нихъ, Юлій, епископъ путеольскій, подчинился силѣ и согласился съ дѣйствіями Діоскора; но младшій Иларій, бывшій тогда діакономъ и впослѣдствіи сдѣлавшійся преемникомъ Льва, выступилъ противъ нихъ съ горячимъ и рѣшительнымъ противодѣйствіемъ, которое такъ раздражило евтихіеву партію, что онъ вынужденъ былъ скрыться изъ Ефеса и отправиться въ Римъ окольными путями 2).

---

[1] Leo. Ep. XLV, 2; Hard. II, 88.
[2] Hard. II, 104—106.
[3] Hard. II, 161 и слѣд.

Ѳеодосій указами, носящими на себѣ какъ его собственное имя, такъ и имя западнаго императора, утвердилъ рѣшеніе собора, обвиняя низложенныхъ епископовъ въ несторіанствѣ и повелѣвая, чтобы ихъ сочиненія были сожжены и чтобы никто не давалъ пріюта ни имъ, ни ихъ послѣдователямъ. Вопреки этимъ указамъ, Левъ съ римскимъ соборомъ объявилъ сдѣланныя въ Ефесѣ постановленія недѣйствительными. Собраніе это, по его заявленію, не было соборомъ, но собраніемъ разбойниковъ 3), каковое названіе вообще и принято было съ того времени для обозначенія этого собора, и Левъ, хотя и напрасно, обратился къ Ѳеодосію съ просьбой о составленіи новаго собора, который бы состоялся въ Италіи 4). Въ на-

---

1) Hard. ii, 216; Liberat. 12. На листѣ сдѣлано 149 подписей, изъ нихъ 10 сдѣланы по довѣренности.

2) Leo. Epp. xliv, 2; Hilar. ibid. xlvi

3) Latrocinium, Ep. xcv, 2.

4) Epp. 43, 45, 54.

22 Февр. (?) 450 г.

чалѣ слѣдующаго года, посѣщеніе Рима Валентиніаномъ, вмѣстѣ съ женой и матерью, вѣроятно въ праздникъ ап. Петра, дало папѣ новый случай сдѣлать свое предложеніе. Когда императорское семейство вступило въ церковь ап. Петра, Левъ явился во главѣ большой свиты епископовъ, и, повергаясь ницъ на полъ, со слезами изображалъ прискорбныя распри восточной церкви, гдѣ Египетъ, Ѳракія и Палестина враждовали съ Сиріей, Понтомъ и Азіей; онъ умолялъ Валентиніана и принцессъ походатайствовать предъ восточнымъ императоромъ о томъ, чтобы были отмѣнены приговоры противъ Флавіана и другихъ, и чтобы собранъ былъ новый вселенскій соборъ въ Италіи. Они согласились удовлетворить его просьбу и исполнили свое обѣщаніе, написавъ Ѳеодосію и Пульхеріи. Но Ѳеодосій былъ непреклоненъ, отвѣтилъ, что онъ не намѣренъ дѣлать нововведеній въ вѣрѣ, что дѣйствія послѣдняго собора были правильны, то онъ произвелъ великолѣпное впечатлѣніе, и что востокъ теперь объединенъ въ исповѣданіи истинной вѣры [1]).

Іюль 450 г.

Послѣ внезапной смерти Ѳеодосія, имѣвшей мѣсто нѣсколько мѣсяцевъ позже, наступили важныя перемѣны въ церковныхъ дѣлахъ. Пульхерія всегда была противъ евтихіанской партіи, и поддерживала сношенія съ Львомъ. Министръ Хрисаѳій былъ преданъ смерти. Маркіанъ сходился съ своей императрицей въ желаніи поддерживать православіе, и выразилъ свою готовность созвать вселенскій соборъ. Левъ желалъ, чтобъ соборъ состоялся въ Италіи и чтобъ онъ не обсуждалъ предметовъ вѣры (такъ какъ они уже достаточно установлены), но ограничился бы разсмотрѣніемъ вопросовъ касательно подвергшихся осужденію епископовъ [2]). При этомъ папа, очевидно, стремился къ возвышенію римскаго авторитета, добиваясь признанія своего посланія къ Флавіану въ качествѣ образца православнаго ученія о воплощеніи. Но у Маркіана имѣлось въ виду назначить мѣсто собранія собора въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, и онъ настойчиво держался этой рѣшимости.

На каѳедру Константинополя Діоскоромъ былъ посвященъ Анатолій, александріецъ, и онъ просилъ общенія съ Римомъ. Такъ какъ каѳедра сдѣлалась вакантною по смерти Флавіана, то въ назначеніи ему преемника не было ничего незаконнаго. Поэтому, Левъ выразилъ готовность признать новаго патріарха, если только онъ дастъ удовлетворительное изложеніе своей вѣры, и произнесъ анаѳему на всѣхъ, не право учившихъ о воплощеніи. Обращеніе Анатолія къ Риму сопровождалось письмомъ отъ Маркіана, и такъ какъ онъ подписалъ посланіе къ Риму, то и былъ допущенъ Львомъ къ общенію [1]).

---

[1]) Письма къ Ѳеодосію и Пульхеріи находятся въ собраніи посланій Льва, 55—59, отвѣты 62—64.

[2]) Ap. Leon. Epp. 73, 76, 82, 83, 94; Evagr. II, 2.

Врагамъ Ѳеодорита удалось, посредствомъ подкупа, добиться императорскаго указа, которымъ повелѣвалось, чтобы всѣ его книги подверглись сожженію, и чтобы никто не читалъ ихъ или не давалъ ему пріюта [2]). Онъ оставался въ уединеніи въ одномъ монастырѣ въ Апамеѣ, изъ котораго писалъ Льву, спрашивая его, долженъ ли онъ подчиниться приговору Ефесскаго собора, и прося признанія его православія, въ доказательство чего ссылался на свои многочисленныя сочиненія и на свои труды въ пользу вѣры. Дѣло его было разсмотрѣно однимъ соборомъ въ Римѣ, и Левъ даровалъ ему общеніе. Въ началѣ 451 года Маркіанъ позволилъ изгнаннымъ епископамъ возвратиться изъ своей ссылки, но вопросъ о ихъ возстановленіи на каѳедры онъ отложилъ до разсмотрѣнія его вселенскимъ соборомъ, которому назначено было собраться въ Никеѣ 1 сентября [3]).

Хотя Льву и не удалось достигнуть того, чтобы соборъ состоялся въ Италіи, или ограничить предметъ его разсужденій, онъ однако же рѣшился возможно лучше воспользоваться имъ. Онъ уже раньше отправилъ на востокъ епископа и пресвитера для переговоровъ съ Анатоліемъ и другими епископами, желавшими его общенія, и къ этимъ посланнымъ онъ теперь присоединилъ еще и другихъ всякихъ іерархическихъ степеней. Инструкціи легатамъ были составлены въ весьма высокомъ стилѣ: они должны были принять на себя предсѣдательство на соборѣ, не допускать никакого дѣлопроизводства въ свое отсутствіе и не допускать Діоскора въ качествѣ судьи, а только въ качествѣ обвиняемаго лица. Легаты старались выполнить эти повелѣнія, но хотя и многое было предоставлено имъ, однако же имъ отнюдь не позволено было проявлять то безконтрольное верховенство, на которое именно разсчитывалъ папа [4]).

Открытіе собора было отсрочено на нѣсколько недѣль, и самое мѣсто собранія его было перенесено въ Халкидонъ, чтобъ поставить его ближе подъ наблюденіе императора, который обѣщался присутствовать на немъ лично; если это окажется для него возможнымъ, но въ дѣйствительности общественныя дѣла воспрепятствовали ему оставить Константинополь. Число собравшихся епископовъ, по преданію, восходило до 630; но самъ соборъ считаетъ 520 епископовъ. Всѣ они были съ востока, за исключеніемъ уполномоченныхъ Льва римскаго и двухъ африканскихъ епископовъ, которые однако же, повидимому, не были уполномочены въ качествѣ представителей своихъ собратьевъ. Римскіе легаты и Анатолій константинопольскій сидѣли въ качествѣ председателей духовенства; но дѣйствительное направленіе дѣлами собора находилось въ рукахъ уполномоченныхъ императора, 19 гражданскихъ сановниковъ, занимавшихъ высшія должности въ государствѣ.

---

[1]) Epp. Leon. 69—71, 80, 83.

[2]) Theodoret. ıv, 703; Epp. 119, 140.

[3]) Hard. ıı, 45; Evagr. ıı, 2.

[4]) Epp. 88—93.

Первое засѣданіе состоялось 8 октября въ церкви св. Евѳиміи, мученицы при Діоклитіанѣ,—церкви, построенной на небольшомъ возвышеніи, внѣ стѣнъ Халкидона. Евагрій съ восторгомъ описываетъ красоту мѣстоположенія и вида и прибавляетъ сообщеніе касательно чудесъ, совершавшихся въ церкви отъ крови и другихъ останковъ мученицы [1]). Какъ только члены собора заняли свои мѣста, римскіе легаты встали, и, говоря по латыни, требовали, чтобы Діоскору не позволено было сидѣть въ качествѣ судьи; иначе, говорили они, въ силу своихъ инструкцій, они должны будутъ удалиться съ собора. Уполномоченные отвѣтили имъ, что если они хотятъ быть судьями, то не должны дѣлать себѣ партій; но послѣ нѣкотораго разсужденія пришли къ соглашенію, чтобы Діоскоръ занялъ мѣсто посрединѣ собранія въ качествѣ лица обвиняемаго [2]). Евсевій дорилейскій затѣмъ представилъ прошеніе, въ которомъ обвинялъ Діоскора въ несправедливостяхъ по отношенію къ себѣ, по отношенію къ покойному епископу константинопольскому и по отношенію къ православной вѣрѣ,—каковой документъ былъ представленъ императору, и имъ отосланъ на соборъ. По желанію какъ Евсевія, такъ и Діоскора, представлены были дѣянія разбойничьяго собора (среди которыхъ находились и дѣянія Константинопольскаго собора противъ Евтихія), и приступлено было къ чтенію ихъ. Когда встрѣтилось въ дѣяніяхъ имя Ѳеодорита, уполномоченные приказали, чтобы онъ призванъ былъ на соборъ. Немедленно поднялся страшный шумъ. Египетская партія протестовала, заявляя, что допустить его, „учителя Несторія“, было бы противно вѣрѣ и канонамъ, и что это было бы равносильно предательству Христа и изгнанію святаго Кирилла. „Долой іудея!“ раздавались крики; „долой богохульника, несторіанца!“ причемъ противники ихъ, съ одинаковой горячностью, восклицали, чтобы скорѣе былъ изгнанъ Діоскоръ съ своей свитой манихеянъ и убійцъ; такъ что уполномоченные нашли необходимымъ напомнить епископамъ о достоинствѣ ихъ собственнаго сана. Ѳеодориту наконецъ позволено было занять мѣсто на соборѣ, но не въ качествѣ судьи, а въ качествѣ частнаго обвинителя, и послѣ этого продолжено было чтеніе ефесскихъ дѣяній [1]. Когда происходило это чтеніе, Ювеналъ іерусалимскій, вмѣстѣ съ епископами Палестины, оставили мѣста, занимавшіяся ими вблизи египтянъ, и перешли на противоположную сторону церкви. Другіе епископы, дѣйствовавшіе въ Ефесѣ за одно съ Діоскоромъ, послѣдовали за ними, и были привѣтствуемы со стороны восточныхъ криками: „добро пожаловать, православные!“ [2] Среди перешедшихъ на другую сторону были даже четыре соподчиненныхъ епископа александрійскаго патріарха, и наконецъ онъ остался только съ тринадцатью поддерживавшими его египетскими епископами. Но Діоскоръ продолжалъ держать себя съ неослабнымъ высокомѣріемъ и съ непреклонною рѣшительностью. Онъ требовалъ, чтобъ его дѣло не отдѣлялось отъ дѣла другихъ участвовавшихъ въ его дѣйствіяхъ, часто съ злымъ сарказмомъ поносилъ измѣнничество своихъ прежнихъ союзниковъ, съ тщательнымъ вниманіемъ критиковалъ свидѣтельскія показанія, говорилъ членамъ собора, что осуждая его, они осудятъ Аѳанасія, Григорія Назіанзина, Кирилла и всѣхъ православныхъ отцевъ. Онъ сказалъ, что признаетъ Христа „*о* двухъ естествахъ“, но при дальнѣйшихъ вопросахъ онъ уклонился отъ употребленія формы „*въ* двухъ естествахъ“, отказываясь такимъ образомъ признать, что различіе естествъ существовало и послѣ воплощенія. При этомъ онъ заявлялъ, что не заботится ни о чемъ другомъ, кромѣ Бога и своей собственной души [3].

---

[1]) Evagr. II, 4. См. Acta SS. Сент. 6.

[2]) Hard. II, 68.

Въ теченіе всего дня происходили постоянныя вспышки смятенія, когда въ актахъ встрѣчались мѣста, затрогивавшія чувства враждебныхъ партій, такъ что взаимныя анаѳемы провозглашались какъ противъ утверждающихъ, такъ и противъ отрицающихъ два естества. Было уже поздно, когда было закончено чтеніе протоколовъ перваго засѣданія Ефесскаго собора. Уполномоченные тогда заявили, что довольно для одного дня очищенія памяти Флавіана и Евсевія, что императоръ рѣшился твердо держаться вѣры никейской и константинопольской, и если онъ согласится съ ихъ взглядомъ на предметъ, то главные дѣятели Ефесскаго собора будутъ подлежать низложенію; но они предоставили рѣшеніе на усмотрѣніе епископовъ [4].

Діоскоръ былъ переданъ стражѣ, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы онъ тайно не оставилъ Халкидона. При третьемъ засѣданіи собора онъ былъ вызванъ, но отказался явиться, на томъ основаніи, что находился подъ стражей, и когда его извѣстили, что онъ можетъ

13 октября.

---

[1] Hard. II, 73.
[2] Hard- II, 129.
[3] Hard. II, 80, 132, 136.
[4] Hard. II, 271, 273; Evagr. II, 4.

свободно присутствовать на соборѣ, то возобновилъ свой отказъ на другихъ основаніяхъ, особенно на томъ, что императорскіе уполномоченные въ то время не присутствовали на собраніи. Противъ него были выставлены новыя обвиненія, главнымъ образомъ касательно отправленія имъ своей должности и его частной жизни, которая была такъ худа, что даже давала тему для балладныхъ пѣвцевъ въ Александріи [1]), Когда онъ не явился и послѣ трехъ сдѣланныхъ ему предложеній, то легаты произнесли приговоръ, что такъ какъ дѣло ясно говоритъ противъ него (причемъ упомянуты и такія его дѣйствія, о которыхъ не упоминалось въ прежнихъ засѣданіяхъ), то за его поведеніе въ Ефесѣ, за то, что онъ дерзнулъ отлучить „святѣйшаго и благословеннѣйшаго архіепископа великаго Рима, Льва“ [2]), и за пренебреженіе къ приглашеніямъ собора, они, отъ имени римскаго епископа и ап. Петра, вмѣстѣ съ соборомъ, объявляютъ его лишеннымъ всякой священной должности и сана [3]). Вслѣдъ затѣмъ высказали свой приговоръ Анатолій и другіе епископы, и осужденіе было подписано почти тремя-стами членовъ собора. Нѣкоторые изъ нихъ приводили въ основаніе своего согласія на этотъ приговоръ свои особыя обвиненія; многіе основывали его на томъ презрѣніи, съ которымъ Діоскоръ отнесся къ приглашенію явиться на соборъ (и это было выставлено главнымъ основаніемъ произнесеннаго надъ нимъ приговора въ посланной ему повѣсткѣ); но большинство ограничилось заявленіемъ своего согласія съ мнѣніемъ собора, и весьма немногіе вообще имѣли въ виду взводимое на него обвиненіе въ заблужденіяхъ въ вѣрѣ. Осужденіе было утверждено императоромъ, и Діоскоръ былъ сосланъ въ Гангру, въ Пафлагоніи, гдѣ онъ и умеръ въ 454 году [4]).

Левъ послалъ собору копію съ своего посланія къ Флавіану, и оно также было рекомендуемо вниманію членовъ собора со стороны Маркіана; но въ то время, какъ папа желалъ, чтобы оно было принято безъ всякаго спора, какъ образецъ ученія о воплощеніи, императоръ считалъ его документомъ, подлежащимъ изслѣдованію и обсужденію, и было рѣшено, чтобы вѣра была опредѣлена авторитетомъ собора, а не епископомъ Рима. При этомъ уполномоченные предложили на второмъ засѣданіи, чтобы изложено
было опредѣленіе касательно вѣры. Кекропій севасто- 10 октября.
польскій и другіе выразили свое неудовольствіе на это.
Вѣра, говорили они, уже опредѣлена символами никейскимъ и констан-

---

[1] Evagr. II, 4; Hard. II, 327, 336.

[2] Hard. II, 324.

[3] Hard. II, 345; Evagr. II, 4.

[4] Evagr. II, 377.

тинопольскимъ и посланіемъ къ Флавіану [1]). Эти документы, какъ и второе посланіе Кирилла къ Несторію, тогда были подписаны всѣми; но императорскіе уполномоченные, рѣшившіеся выполнить свои инструкціи, выражали желаніе, чтобы епископы пріостановили засѣданія на пять дней, и въ то же время поразсудили между собою по вопросу объ опредѣленіи касательно вѣры [2]).

17 октября.

На четвертомъ засѣданіи (низложеніе Діоскора состоялось на третьемъ) уполномоченные опять настаивали на своемъ предложеніи. Римскіе легаты повторили уже сдѣланное ими раньше возраженіе, что посланіе къ Флавіану и упомянутые символы вполнѣ достаточны въ этомъ отношеніи. Тогда членамъ собора, каждому въ отдѣльности, былъ предложенъ вопросъ, согласно ли это письмо съ прежними документами, и они отвѣчали, что оно согласно. Тринадцать египетскихъ епископовъ продолжавшихъ стоять на сторонѣ Діоскора, просили, чтобъ отъ нихъ не требовали подписи этого письма въ то время, когда каѳедра александрійская оставалась вакантною; ихъ подчиненность своему патріарху, говорили они, такова, что если они возьмутъ на себя смѣлость подписать, то ихъ жизнь окажется не безопасною по ихъ возвращеніи въ Египетъ. Эта просьба была поддержана вмѣшательствомъ уполномоченныхъ, и, послѣ горячаго разсужденія, египтянамъ было позволено оставаться въ Константинополѣ, пока не будетъ назначенъ новый патріархъ въ Александрію. На этомъ засѣданіи епископы единодушно просили, чтобы Ювеналъ іерусалимскій и другіе митрополиты, участвовавшіе въ засѣданіяхъ разбойничьяго собора, были прощены на томъ основаніи, что они дѣйствовали по принужденію. Просьба эта была доложена императору, и съ его согласія имъ дано было желаемое прощеніе [3]).

22 октября.

На пятомъ засѣданіи составлено было опредѣленіе касательно вѣры, и оно принято было съ различными выраженіями чувства. Но въ самомъ главномъ пунктѣ, вмѣсто заявленія, что Христосъ „*въ* двухъ естествахъ“, употреблено было выраженіе „*о* двухъ естествахъ“. Такъ какъ Діоскоръ низложилъ Флавіана за ученіе, выраженное въ первой изъ этихъ фразъ, и самъ охотно заявилъ свою готовность согласиться съ другою, то опредѣленіе это (которое было составлено согласно съ желаніемъ императора примирить египетскую и монашескую партіи), было, очевидно, недостаточнымъ. Легаты заявили, что если эти слова не будутъ приведены въ согласіе съ посланіемъ Льва, то они возвратятся въ Римъ и предложатъ дѣло на разсмотрѣніе западнаго собора. На это раздались громкіе крики противъ несторіанства. Многіе епископы восклицали, что опредѣленіе это внушено св. Духомъ и не должно подвергаться измѣненію 1). Въ отвѣтъ на замѣчаніе одного уполномоченнаго, что Діоскоръ низложилъ Флавіана за употребленіе выраженія „*въ* двухъ естествахъ“, Анатолій замѣтилъ, что Діоскоръ низложенъ былъ не за ересь, а за свое отлученіе Льва и за свой отказъ явиться по требованію собора. Касательно дальнѣйшаго хода дѣла, обратились за совѣтомъ къ императору, и онъ предложилъ, чтобы особый комитетъ изъ епископовъ вошелъ въ соглашеніе съ Анатоліемъ и римскими легатами. Въ собраніи все еще преобладало общее настроеніе противъ дальнѣйшаго обсужденія дѣла; слышались восклицанія, что тѣ, которымъ не нравится постановленное опредѣленіе, могутъ „удалиться въ Римъ“; но когда уполномоченные напомнили, что Діоскоръ соглашался принять выраженіе „*о* двухъ естествахъ“, и спрашивали, кого же они предпочитаютъ, Діоскора или Льва, то епископы согласились подвергнуть дѣло новому разсмотрѣнію 2). Такимъ образомъ опредѣленію, наконецъ, дана была его теперешняя форма. Оно подтверждаетъ символы никейскій и константинопольскій, равно какъ и рѣшеніе вселенскаго собора Ефесскаго; посланіе Льва къ Флавіану оно признаетъ оплотомъ противъ какъ несторіанства, такъ и противоположнаго заблужденія, и, признавая достаточность существующихъ символовъ, опредѣляетъ, въ противоположность недавнимъ ересямъ, что Христосъ „совершененъ какъ въ божествѣ, такъ и въ человѣчествѣ; истинный Богъ и истинный человѣкъ, разумной души и человѣческой плоти; единосущный съ Отцемъ, по Своему божеству, и единосущный съ нами, по Своему человѣчеству; подобный намъ во всемъ, кромѣ грѣха... одинъ и тотъ же Христосъ, Сынъ, Господь, Единородный, признаваемый въ двухъ естествахъ 3), безъ смѣшенія, измѣненія, раздѣленія или разлученія; и вслѣдствіе ихъ единенія отнюдь не сглаживается различіе естествъ, но свойства каждаго естества сохраняются, переходя въ одно лицо и въ одну ѵпостась, не какъ разъединенныя или разлученныя на два лица, но одинъ и тотъ же Сынъ и Единородный, Богъ Слово“ 4),

---

[1]) Hard. II, 284—5.

[2]) Hard. II, 309.

[3]) Hard. II, 386. 413—420.

Во время слѣдующаго (шестаго) засѣданія, на соборъ явились Мар-

---

1) Hard. п, 447.

2) Hard. п, 449.

3) По гречески читается ἐκ δύω φύσεων.—„*о* двухъ естествахъ“; но, по общему предположенію, это ошибка. У Евагрія (п, 4, р. 291) и въ латинскомъ переводѣ стоитъ „*въ* двухъ естествахъ“, что сообразнѣе съ предшествовавшими разсужденіями на соборѣ.

4) Hard. п, 452—6.

25 Октября.

кіанъ съ императрицей, и были встрѣчены со стороны епископовъ громкими восклицаніями, смѣшивавшимися съ анаѳемами противъ Несторія, Евтихія и Діоскора. Императоръ произнесъ рѣчь, объявляя о своемъ утвержденіи опредѣленія вѣры, и документъ былъ подписанъ всѣми“ [1]).

26 октября.

Ѳеодоритъ подписалъ это опредѣленіе какъ епископъ кирскій, но еще не былъ возстановленъ на свою каѳедру. Хотя римское одобреніе его православія и было упомянуто на соборѣ, однако отцы собора на восьмомъ засѣданіи приступили къ самостоятельному изслѣдованію его дѣла [2]). Когда онъ явился въ засѣданіе, то былъ встрѣченъ со стороны многихъ изъ епископовъ сильными криками, и отъ него требовали произнести анаѳему на Несторія. Онъ пытался изложить свою вѣру, заявляя, что возвращеніе ему епископіи было для него ничто въ сравненіи съ его репутаціей въ отношеніи православія. Но епископы не хотѣли слушать его объясненій, и наконецъ, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ утишить возбужденіе, онъ произнесъ анаѳему на Несторія вмѣстѣ со всѣми отказывавшимися отъ слова ѳеотокосъ, или раздѣлявшими два естества; послѣ чего онъ былъ признанъ православнымъ и достойнымъ своей каѳедры [3]). Ива былъ также, хотя и не безъ нѣкотораго затрудненія, возстановленъ на епископскую каѳедру Едессы [4]). Можно бы предполагать, что Ѳеодоритъ, направляя свою анаѳему противъ заблужденій, которыя вообще приписывались Несторію, не имѣлъ въ мысли, что самое обвиненіе было справедливо; но если замѣтка о Несторіѣ въ одномъ изъ его позднѣйшихъ сочиненій подлинна, то онъ, повидимому, измѣнилъ свое мнѣніе въ отношеніи самого ересіарха [5]).

Число засѣданій собора опредѣляется различно, отъ 12 до 15 и даже болѣе [6]). Среди его дѣяній было два важныхъ постановленія по вопросу о церковныхъ преимуществахъ и юрисдикціи.

1. Согласно съ правиломъ соотвѣтствія между церковнымъ и гражданскимъ дѣленіемъ, Палестина была подчинена епископу Кесаріи, гражданской столицы, какъ митрополиту. Каѳедра іерусалимская была лишь обыкновенной епископіей; но, вслѣдствіе связанныхъ съ этимъ мѣстомъ священныхъ воспоминаній, она всегда поль-

---

[1]) Hard. ii, 463—88.

[2]) Hard. ii, 497.

[3]) Hard. ii, 497—500.

[4]) Hard. ii, 504—44.

[5]) Ad Sporacium, contra Nestorium (t. iv, pp. 696—702), каковое сочиненіе въ значительной части тождественно съ Haer. Fabul. iv, 12. Подлинность обоихъ подвергается сомнѣнію. Неизвѣстно, возвратился ли Ѳеодоритъ на свою каѳедру, или остался въ своемъ монастырѣ, посвятивъ себя литературнымъ трудамъ. По предположенію, онъ умеръ около 457—8 года.

[6]) Гефеле говоритъ, что засѣданій было 21 въ теченіе 14 дней (ii, 393—4).

зовалась нѣкоторымъ особымъ почтеніемъ. Это неопредѣленное почтеніе сначала было подтверждено 7-мъ никейскимъ канономъ, на основаніи „обычая и древняго преданія“, и важность святаго города съ того времени стала возрастать, вслѣдствіе усиливающагося обычая паломничества, привлекавшаго въ него большой приливъ посѣтителей изъ тѣхъ странъ, куда только проникло Евангеліе. Поощряемый этими обстоятельствами, Ювеналій задался мыслью не только освободиться отъ верховенства Кесаріи, но и возвести свою каѳедру въ достоинство патріархата. Первая попытка была сдѣлана имъ на вселенскомъ соборѣ Ефесскомъ, на которомъ не присутствовалъ епископъ кесарійскій, причемъ Іоаннъ антіохійскій, которому, быть можетъ, подчинены были какъ Кесарія, такъ и Іерусалимъ, не пользовался сочувствіемъ собора, какъ глава враждебнаго собранія. Опираясь на эти благопріятныя обстоятельства, Ювеналій пошелъ такъ далеко, что сталъ утверждать, будто Антіохія должна подчиняться Іерусалиму; но его притязанія были пресѣчены Кирилломъ и не возобновлялись до смерти этого александрійскаго епископа [1]). На разбойническомъ соборѣ, гдѣ онъ опять оказался въ благопріятныхъ обстоятельствахъ по случаю отсутствія епископа кесарійскаго и вслѣдствіе положенія сирійскаго патріарха Домна (преимущества, надъ которымъ, какъ мы видѣли, онъ добился на собраніи), Ювеналій возобновилъ свои притязанія и впослѣдствіи онъ добился рескриптовъ отъ императора въ свою пользу. Теперь собору былъ предложенъ вопросъ для окончательнаго рѣшенія этого дѣла. Максимъ антіохійскій, хотя и недовольный перемѣною, былъ расположенъ согласиться на это дѣло, и отцы Халкидонскаго собора дали Ювеналію достоинство патріарха [2]), съ юрисдикціей надъ Палестиной, при чемъ Аравія и вторая Финикія, входившія въ кругъ притязаній Ювеналія, оставлены были за патріархомъ антіохійскимъ, а епископу Кесаріи было позволено удержать за собою титулъ почетнаго митрополита.

2. Двадцать восьмой канонъ относился къ каѳедрѣ константинопольской. Восточные императоры находили въ своемъ интересѣ возвышать епископовъ своей столицы, въ противоположность власти митрополитовъ съ одной стороны и римскаго епископа—съ другой, и вслѣдствіе этого достоинство и вліяніе этого положенія постоянно возростали, такъ что для тѣхъ изъ его собратій, которые желали быть допущенными лично къ императору, необходима была рекомендація со стороны епископа константинопольскаго. Онъ предсѣдательство-

---

[1]) Hard. 1, 1489; Cyrill. Ep. p. 191.

[2]) Сократъ—самый ранній писатель, который употребляетъ этотъ титулъ въ его новѣйшемъ смыслѣ. Соборъ Халкидонскій есть первый церковный авторитетъ въ пользу его.

валъ надъ „мѣстнымъ соборомъ“ постояннымъ, хотя и измѣняющимся въ своемъ составѣ собраніемъ, которое состояло изъ такихъ епископовъ, которые по своимъ дѣламъ прибывали въ резиденцію двора и на рѣшеніе которыхъ императоры обыкновенно представляли различныя церковныя дѣла. Хотя канонъ 2-го вселенскаго собора, поставившій Константинополь вслѣдъ за Римомъ, и не давалъ никакой юрисдикціи, однако же епископы константинопольскіе пытались распространять свой патріаршій авторитетъ на Ѳракію, Азію и Понтъ; они заявляли право не только на рукоположеніе, но даже и на нареченіе митрополитовъ и низшихъ епископовъ для этихъ діоцезовъ; они вмѣшивались даже въ дѣла патріархата антіохійскаго, и вообще сдѣлались главными посредниками и третейскими судьями въ дѣлахъ восточной церкви [1]).

28-мъ канономъ Халкидонскаго собора имѣлось въ виду установить нѣкоторое соглашеніе касательно разногласій, возникшихъ изъ этихъ притязаній. Имъ постановлялось, что митрополиты только трехъ діоцезовъ могли быть посвящаемы патріархами Константинополя, и что ихъ посвященіе не должно совершаться безъ удостовѣренія въ правильномъ и безспорномъ избраніи ихъ собственными соподчиненными епископами. Канономъ этимъ признавались преимущества, предоставленныя 2-мъ вселенскимъ соборомъ „новому Риму“; они ставились въ соотношеніе съ гражданскою важностью города, причемъ заявлялось, что преимущества самой древней столицы покоились на подобныхъ же основаніяхъ, и было постановлено, что Константинополь „долженъ быть возвеличенъ въ церковныхъ дѣлахъ, подобно древнѣйшему императорскому Риму, какъ слѣдующій за нимъ“ [2]). Канонъ этотъ былъ подписанъ почти 180 епископами, причемъ многіе изъ тѣхъ, которые считали себя обиженными имъ, остались въ сторонѣ. На слѣдующій день, бывшій послѣднимъ днемъ собора, римскіе легаты протестовали противъ него, какъ постановленнаго въ ихъ отсутствіе и неожиданно навязаннаго присутствующимъ. Обвиненіе въ неожиданности было отрицаемо соприкосновенною стороною, и легатамъ напомнили, что они были приглашаемы на засѣданіе въ предшествующій день. Они угрожали донести объ этомъ дѣлѣ своему главѣ, на что уполномоченные отвѣчали спокойнымъ заявленіемъ, что дѣло рѣшено было соборомъ [3]).

1 ноября.

Императоръ, вслѣдъ за соборомъ, издалъ законы [4]) противъ евтихіанъ, запрещая имъ составлять собранія, рукополагать духовенство и строить церкви или монастыри, подвергая ихъ въ тоже время лишенію различныхъ правъ [1]. Левъ, получивъ донесеніе о дѣлахъ, выразилъ высокое одобреніе опредѣленію касательно вѣры, но не меньшее негодованіе противъ 28-го канона. Съ смѣлымъ пренебреженіемъ къ исторіи, онъ отрицалъ, чтобы преимущество каѳедръ зависѣло отъ важности городовъ, въ которыхъ онѣ находились. Онъ утверждалъ, что канонъ Константинопольскаго собора никогда не касался или не упоминалъ о римской каѳедрѣ [2], хотя (кромѣ другихъ примѣровъ въ доказательство противнаго) его собственные легаты въ первомъ засѣданіи поддерживали жалобу тѣхъ, которые возставали противъ низведенія Флавіана со втораго мѣста на разбойническомъ соборѣ. По его мнѣнію, новый канонъ, подчиняя Александрію и Антіохію Константинополю, будто бы противорѣчилъ Никейскому собору, и властью ап. Петра онъ объявилъ его недѣйствительнымъ. Онъ громко жаловался на честолюбіе Анатолія, котораго онъ обвинялъ въ неблагодарности за милость, оказанную ему признаніемъ его со стороны Рима, прервалъ сношеніе съ нимъ и угрожалъ ему отлученіемъ [3]. Находя однако же, что (хотя въ интересѣ какъ Маркіана, такъ и патріарха было находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Римомъ) его высокомѣрныя притязанія не производили на нихъ никакого дѣйствія, онъ заявилъ въ 454 году, что считаетъ нѣкоторыя примирительныя слова Анатолія извиненіемъ въ оскорбившемъ его поведеніи, и патріархъ константинопольскій былъ вновь допущенъ къ сношенію съ Римомъ [4]. Хотя нѣкоторые изъ болѣе крайнихъ писателей въ интересѣ Рима высказываютъ предположеніе, что Маркіанъ отмѣнилъ этотъ канонъ особымъ императорскимъ закономъ, однако же для такого предположенія нѣтъ никакого основанія, и напротивъ несомнѣнно, что канонъ этотъ со времени его постановленія со стороны восточнаго двора постоянно приводился въ исполненіе.

---

[1]) Слово діоцезъ здѣсь употреблено въ томъ смыслѣ, который объясненъ выше стр. 283.

[2]) Hard. II, 611—14.

[3]) Hard. II, 624—44.

[4]) Законы эти показываютъ, что партія эта была сильна не только среди мо-

В

II. Канонъ въ пользу Константинополя согласовался съ стремленіемъ вѣка къ сосредоточенію власти въ великихъ каѳедрахъ, посредствомъ ограниченія независимости меньшихъ. Въ томъ же самомъ духѣ, который побуждалъ патріарховъ Константинополя распространять свою юрисдикцію на сосѣднія провинціи, Александръ антіохійскій старался, въ первыхъ годахъ этого столѣтія, утвердить свое право на островѣ Кипрѣ, который дотолѣ былъ „автоке-

---

наховъ, но и среди солдатъ. Самъ Евтихій не явился въ Халкидонъ, и о немъ не было рѣчи на соборѣ.

[1] Cod. Iust. I, V, 8; Hard. II, 659—64, 676—80.

[2] См. Ep. CVI, 5.

[3] Epp. 104—7 и проч.

[4] Ep. 134.

фальнымъ“ [1]), подъ вѣденіемъ своего митрополита, епископа Констанціи или Саламина. Онъ заявлялъ, что островъ первоначально былъ подчиненъ Антіохіи, но вышелъ изъ этого подчиненія въ теченіе предшествующаго столѣтія, вслѣдствіе ереси и раскола, которыми удручаема была матерь-церковь и окончательно подавить которыя пришлось самому Александру. Притязаніе это однако же не удалось; соборъ Ефесскій, быть можетъ отчасти подъ вліяніемъ вражды къ Іоанну, сдѣлавшемуся преемникомъ Александра, призналъ это притязаніе несовмѣстимымъ съ канонами Никейскаго собора. Но достоинство патріарховъ вообще возростало. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они содѣйствовали епископамъ достигнуть титула митрополитовъ, подъ условіемъ соподчиненія имъ; иногда они уполномочивали существующихъ митрополитовъ дѣйствовать въ качествѣ своихъ викаріевъ,—чрезъ каковое полномочіе власть митрополита возвышалась, но онъ долженъ былъ платиться за это ограниченіемъ своей независимости.

Особенно замѣчательнымъ было возрастаніе римскаго вліянія, въ теченіе первой половины V столѣтія. Какъ и въ предшествующемъ столѣтіи, на Востокѣ продолжали возникать споры. Отъ Златоуста и Ѳеофила до Діоскора и Анатолія епископы главныхъ восточныхъ каѳедръ были раздѣляемы враждою и одинъ за другимъ были обвиняемы въ ереси. Въ такихъ обстоятельствахъ они принуждены были обращаться къ Риму, не только какъ къ главной церкви Запада, но и какъ къ представителю всѣхъ западныхъ церквей. Особенно заинтересованы въ этомъ были Антіохія и Александрія, которыя добивались союза съ Римомъ, какъ противника все возроставшей власти Константинополя. Римскіе епископы начали смотрѣть на такія обращенія, какъ на аппелляціи, причемъ тѣ, которымъ приходилось получать благопріятные отвѣты изъ Рима, конечно склонны были преувеличивать ихъ значеніе въ качествѣ авторитетныхъ приговоровъ. Достоинство римской каѳедры возрастало въ глазахъ народа какъ вслѣдствіе того, что ея епископы не принимали никакого личнаго участія въ тѣхъ спорахъ, интригахъ, скандалахъ и бѣдствіяхъ времени, которые унижали достоинство восточныхъ патріарховъ, такъ и вслѣдствіе того, что они, вмѣсто того, чтобы лично участвовать въ бурныхъ засѣданіяхъ соборовъ, ограничивались отправленіемъ на эти собранія своихъ представителей, которые заботливо поддерживали имя Рима, какъ будто бы онъ имѣлъ право на особенное почтеніе со стороны всей іерархіи церкви. Вслѣдствіе переселенія ~~восточ~~Западныхъ императоровъ въ Миланъ и Равенну, епископы, которымъ, повидимому, вслѣдствіе дара Константина, отданъ былъ для жительства Латеранскій дворецъ, остались главными лицами въ Римѣ, и какъ паденіе имперіи, такъ и личная слабость ея правителей, содѣйствовали возвышенію ихъ церковной власти. Такимъ образомъ, пользуясь благопріятными обстоятельствами, епископы Рима, съ возростающими притязаніями и при помощи всевозможныхъ средствъ, мало-по-малу стремились къ тому верховенству, котораго съ теченіемъ времени суждено было достигнуть ихъ преемникамъ.

---

[1] Буквально „самоглавымъ“.

Римскіе епископы сначала отрицали, что ихъ преимущество обязано было своимъ происхожденіемъ гражданскому величію города, и выводили его изъ мнимаго преемства отъ ап. Петра. Эта теорія въ дѣйствительности разрѣшается въ другую, именно теорію касательно особыхъ преимуществъ, дарованныхъ ап. Петру; такъ какъ очевидно, что столица цивилизованнаго міра была тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ естественнѣе всего было утвердить свою каѳедру первому изъ апостоловъ. И если возникало какое сомнѣніе, то вопросъ рѣшался тѣмъ обстоятельствомъ, что и другія церкви, относившія къ нему свое происхожденіе, были церквами тѣхъ двухъ городовъ, которые, по своей важности, ближе всего подходили къ Риму; и затѣмъ, что какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи, Александрія стояла выше Антіохіи, хотя основаніе этой египетской каѳедры приписывалось ученику, между тѣмъ какъ сирійская каѳедра, по преданію, была основана самимъ апостоломъ. Производство отъ ап. Петра, однако же, все болѣе выступало впередъ, какъ будто оно исключало тотъ взглядъ, который оно въ дѣйствительности заключало въ себѣ, и основанныя на немъ притязанія постоянно усиливались. Въ теченіе нѣкотораго времени утверждали, что преимущества Рима дарованы были ему святыми отцами изъ почтенія къ главѣ апостоловъ. Но впослѣдствіи стали утверждать, что они были присущи римской каѳедрѣ, каковое ученіе было выдвинуто легатами Целестина на соборѣ Ефесскомъ, но впервые во всей полнотѣ поддерживаемо было папой Львомъ [1]).

Дальше своихъ предшественниковъ въ этихъ притязаніяхъ пошелъ папа Иннокентій. Онъ настойчиво стремился къ подчиненію себѣ независимыхъ митрополитовъ. 402—17 г. Продолжая узурпацію, которая повидимому, начата была Сириціемъ [2]), онъ присвоилъ себѣ юрисдикцію надъ церквами Восточной Илліріи, и назначилъ епископа ѳессалоникійскаго своимъ викаріемъ для управленія этой обширной провинціей, простиравшейся отъ мыса Тенара до Дуная [3]). Онъ постановилъ правило, по которому вся западная церковь должна была сообразоваться съ обычаями Рима [1],—правило, которое еще во времена св. Амвросія совершенно не признавалось, — и требовалъ, чтобы послѣ произнесенія приговора мѣстными епископами дѣлалась аппелляція къ римской каѳедрѣ, не только въ томъ случаю, какъ это имѣлось въ виду соборомъ Сардикійскимъ, но и во всѣхъ „болѣе важныхъ дѣлахъ“. О высокомѣрномъ языкѣ этого епископа при полученіи сообщенія отъ африканцевъ въ дѣлѣ Пелагія, о притязаніяхъ его преемника Зосима въ томъ же дѣлѣ, и о пораженіи послѣдняго въ отношеніи какъ самаго факта, такъ и права, уже упомянуто было выше [2]. Не смотря на это, Зосимъ и въ этомъ дѣлѣ, хотя и къ малой чести для себя лично, сдѣлалъ важный шагъ къ возвышенію авторитета своей каѳедры; потому что его окружное посланіе (хотя и бывшее выраженіемъ не его перваго независимаго мнѣнія, но и того, которое навязано было ему) было самымъ первымъ примѣромъ, въ которомъ документъ, выходящій изъ Рима, предлагался для общаго принятія въ качествѣ образца православія.

---

[1]) Conc. Sardic. 347 г. (?), с. 3. Zosimus, Ep. II, 1 (Patrol. xx); Hard. I, 1477; Giesel. I, II, 208, 209, 213.

[2]) Syric. Ep. 4 (Patrol. xIII, 1148).

[3]) Ep. 13 (Patrol. xx). Ѳеодосій II, въ 421 году, по просьбѣ иллирійскихъ епископовъ, издалъ повелѣніе, чтобы провинція эта подчинялась каѳедрѣ Кон-

Африканцы, при всемъ своемъ желаніи найти въ Иннокентіѣ содѣйствіе себѣ во время пелагіанскаго спора, поддерживали свою полную независимость отъ него. Подобнымъ же образомъ, когда одинъ африканскій пресвитеръ, по имени Апіарій, обратился съ аппелляціей къ Риму во время епископствованія Зосима, африканскіе епископы отрицали, чтобы аппелляціи изъ Карѳагена могли дѣлаться къ заморскимъ церквамъ, такъ какъ такія аппелляціи были запрещены соборомъ Никейскимъ и въ африканскомъ кодексѣ. Зосимъ однако же заявлялъ право на поступленіе къ нему аппелляцій въ силу, какъ онъ утверждалъ, одного Никейскаго канона [3]. Среди африканцевъ указаніе на это основаніе возбудило сильное удивленіе, такъ какъ ни о какомъ такомъ канонѣ имъ не было извѣстно. Они послали къ восточнымъ патріархамъ за подлинной копіей Никейскаго кодекса, и, указывая на этотъ свой шагъ
Бонифацію, который между тѣмъ наслѣдовалъ Зо- 419 г.
симу, они выражали надежду, что имъ не будетъ
болѣе представляться основаній жаловаться на мірскую гордость и

стантинополя, „которая пользуется преимуществомъ древняго Рима“; но, по желанію Гонорія, впослѣдствіи онъ возвратилъ ее Риму. Inter. Ep. Bonifac. 9—11 (тамъ же).

[1] Ep. 25 ad. Decentium. Онъ, однако же, повидимому, ограничиваетъ свое притязаніе, прибавляя, что *западныя* страны просвѣщены были уполномоченными ап. Петра, и на этомъ основаніи особенно должны слѣдовать римскому примѣру.

[2] См. выше, стр. 149—51.

[3] Hard. I, 1242.

заносчивость Рима [1]). Канонъ этотъ оказался канономъ не Никейскаго, а Сардикійскаго собора [2]), за которымъ не признавался вселенскій авторитетъ, и притомъ Зосимъ дѣлалъ изъ него натяжку, придавая ему гораздо болѣе значенія, чѣмъ сколько онъ имѣлъ въ дѣйствительности. Апiарій опять обращался къ Риму во время Целестина, но тогда африканскіе епископы совершенно отказались допустить какое бы то ни было вмѣшательство чужихъ церквей въ дѣла своей провинціи, и объявили Ок. 424—6 г. что противоположное мнѣніе они считаютъ основаніемъ для отлученія.

Среди попытокъ Целестина расширить власть своей каѳедры, самымъ поразительнымъ было присвоеніе имъ права низлагать епископа константинопольскаго, такъ какъ это притязаніе шло уже гораздо дальше всѣхъ другихъ, какія только дѣлались въ прежнее время. Но ходъ дѣлъ не привелъ ни къ какому результату отъ этого притязанія, такъ какъ исполненіе повелѣнія Целестинова потеряло силу вслѣдствіе созванія вселенскаго собора, и на этомъ соборѣ Несторій былъ низложенъ не въ силу римскаго посланія, но послѣ изслѣдованія его дѣла присутствовавшими епископами, дѣйствовавшими по своему собственному независимому сужденію. Развитіе римскихъ притязаній, однако же, знаменательно проявилось въ Ефесѣ; потому что въ то время, какъ Иннокентій и Зосимъ ограничивались заявленіемъ притязанія Рима на верховную юрисдикцію, „на авторитетъ отцевъ и соборовъ“, представители Целестина присвоивали ее себѣ какъ прерогативу, которою пользовался ап. Петръ чрезъ своихъ преемниковъ.

Главнымъ виновникомъ возвышенія римской власти въ это время былъ Левъ, который въ болѣе 446—461. позднее время названъ былъ великимъ. Въ достиженіи своей цѣли Левъ пользовался своимъ необычайнымъ геніемъ, политическимъ искусствомъ, богословскою ученостью. Онъ возвелъ притязаніе римскаго епископа, какъ представителя ап. Петра, до неизвѣстной дотолѣ высоты. Съ тѣмъ полнымъ пренебреженіемъ къ исторіи, которое впослѣдствіи сдѣлалось отличительною чертою его преемниковъ и ихъ защитниковъ, онъ объявлялъ, что притязанія и обычаи его церкви составляютъ дѣло непрерывнаго апостольскаго преданія, къ которому онъ относилъ и установленіе, введенное въ теченіе предшествовавшаго полустолѣтія Сириціемъ и даже еще болѣе недавними епископами. Подъ такимъ предлогомъ, онъ старался возвести обычай Рима на степень правила для вселенской церкви, заявляя даже Діоскору, до ихъ размолвки, что Александрія должна бы слѣдовать римскому образцу, и, приводя въ качествѣ основанія то, что было бы нечестиво предполагать, будто ученикъ св. Марка уклонялся отъ правилъ, изложенныхъ его учителемъ, ап. Петромъ.

---

[1]) Тамъ же, 939 и слѣд., 1243 и слѣд.

[2]) Conc. Sardic. 347 г. (?), c. 14, Grec., c. 17, Lat.

Въ первые годы своего епископства, Левъ выступалъ противъ различнаго рода еретиковъ, какъ пелагіане, манихеи (изъ которыхъ многіе вынуждены были, вслѣдствіе смятеній въ Африкѣ, бѣжать въ Римъ, и которые повидимому были повинны не только въ заблужденіяхъ ума, но и въ грубой распущенности) и прискилліане, которые еще составляли значительную партію въ Испаніи. Что касается этихъ послѣднихъ, то не лишне замѣтить, что онъ выразительно одобрялъ казнь ихъ основателя, которая 60 лѣтъ предъ тѣмъ возбудила общее недовольство и негодованіе православныхъ [1]).

Бѣдствія этого вѣка сдвинули съ пути римскаго честолюбія препятствіе, которое представлялось ему со стороны независимой церкви африканской, каковая церковь гораздо больше самого Рима отличалась заслугами, которыя ея члены оказали богословію и учености. Африканцы, тѣснимые нашествіемъ на ихъ страну аріанскихъ варваровъ, рады были искать поддержки въ связи съ Римомъ, и вмѣшательство, которое смѣло отвергнуто было во времена Зосима, было допущено безъ всякаго возраженія со стороны позднѣйшихъ епископовъ. Левъ распространилъ свою власть на Испанію и Сицилію, и въ Галліи онъ проявилъ свое вмѣшательство въ одномъ замѣчательномъ случаѣ, къ великой несправедливости къ одному изъ знаменитѣйшихъ людей того времени.

Иларій, леринскій монахъ, вынужденъ былъ въ двадцати-восьми лѣтнемъ возрастѣ, противъ своего желанія, принять митрополичью каѳедру арелатскую, въ качествѣ преемника своему прежнему аббату Гонорату, которымъ онъ назначенъ былъ для этой должности. Онъ прославился своею ученостью, 429 г. своею ревностью, нелицепріятіемъ въ примѣненіи дисциплины, своею благотворительностью бѣднымъ и плѣннымъ и своими неустанными трудами и дѣятельностью во всѣхъ своихъ епископскихъ обязанностяхъ. Его краснорѣчіе было таково, что его великопостныя бесѣды, продолжавшіяся въ теченіе четырехъ часовъ, были выслушиваемы съ неослабнымъ вниманіемъ, хотя тѣлесная немощь и побудила слушателей ввести новшество—садиться во время его проповѣди, а не стоять, какъ это было въ обычаѣ во время произнесенія проповѣдей [2]).

Каѳедры арелатская и вьеннская уже раньше спорили изъ за преимущества, и Зосимъ, въ 417 году, рѣшилъ дѣло въ пользу арелатской, на томъ основаніи, что она была основана Трофимомъ ефесяниномъ, который, по его словамъ, посланъ былъ въ Галлію ап. Петромъ [1]. Иларій на соборѣ, состоявшемся въ 444 году, низложилъ епископа, по имени Целидонія, который вслѣдствіе этого жаловался Льву, что епископъ арелатскій превысилъ свою юрисдикцію. Такое обращеніе не могло не быть пріятнымъ Льву, такъ какъ оно представляло ему новый случай для распространенія своей власти, подъ предлогомъ защиты галльскихъ епископовъ отъ угнетенія. Иларій не признавалъ никакого права за римскимъ епископомъ для принятія такихъ аппелляцій. Онъ пѣшкомъ, среди зимы, отправился въ столицу, съ цѣлью отстоять свою независимость, и, вслѣдствіе неудовлетворительности его переговоровъ со Львомъ, тайно оставилъ Римъ и возвратился въ свою епархію [2]. Но Левъ, съ своею обычною смѣлостью, объявилъ, что у апостольской каѳедры всегда было въ обычаѣ принимать аппелляціи изъ Галліи. Онъ возстановилъ Целидонія, произнесъ приговоръ о лишеніи Иларія права созывать соборы,—каковое право онъ ставилъ въ зависимость отъ разрѣшенія изъ Рима,—и добился отъ Валентиніана изданія весьма замѣчательнаго закона, который, по предположенію, былъ продиктованъ самимъ Львомъ. Въ этомъ законѣ императоръ, послѣ превозношенія преимуществъ римской каѳедры, порицаетъ Иларія за его непослушаніе, объявляетъ, что 445 г. епископъ Рима есть истинный правитель всей церкви, постановляетъ, чтобы ни одинъ епископъ въ Галліи или въ другихъ мѣстахъ не дѣлалъ никакого нововведенія въ отношеніи этого древняго обычая, что указаніямъ римскаго епископа всѣ другіе должны повиноваться какъ закону, и что всякій епископъ, который ослушается вызова къ трибуналу римскаго епископа, будетъ принужденъ явиться силою со стороны правителя его провинціи. Этотъ безпримѣрный законъ, однако же, не нашелъ всеобщаго признанія, и Иларій, повидимому, удерживалъ за собою свое достоинство до самой смерти, послѣдовавшей четыре года спустя, послѣ чего Левъ (называвшій его тогда человѣкомъ „священной памяти“), по просьбѣ галльскихъ епископовъ, уладилъ соперничество между каѳедрами арелатской и вьеннской раздѣленіемъ юрисдикціи [3].

---

[1]) Ep. 15.

[2]) Vita, c. 6, 11 (Patrol. L).

Право собирать вселенскіе соборы еще не присвоивалось епископами Рима, но считалось принадлежащимъ императорамъ. Соборъ Халкидонскій, какъ мы видѣли, былъ созванъ противъ воли Льва, и во многихъ отношеніяхъ онъ дѣйствовалъ вопреки его желаній, отвергая его притязанія; тѣмъ не менѣе, онъ весьма много содѣйствовалъ осуществленію его плановъ. Въ Халкидонѣ именно легаты Рима въ первый разъ получили предсѣдательство на вселенскомъ соборѣ, въ каковомъ положеніи едва ли можно было отказать имъ, когда раздоры восточныхъ патріарховъ вынудили императора особенно полагаться на православіе и рѣшеніе римскаго епископа. Патріархъ константинопольскій, правда, раздѣлялъ съ нимъ это предсѣдательство, причемъ ни онъ, ни они не имѣли никакихъ особыхъ преимуществъ надъ другими членами собора, и всѣ одинаково подлежали контролю императорскихъ уполномоченныхъ. Но то участіе, которое принимали легаты въ собраніи, впослѣдствіи было сильно преувеличено Львомъ, который обыкновенно говорилъ, что они властно рѣшали дѣла, касательно которыхъ имъ позволено было высказывать лишь свое мнѣніе и рѣшеніе которыхъ произнесено было голосомъ собора вообще. Принятіе посланія къ Флавіану въ качествѣ образца ученія о воплощеніи (хотя оно принято было собственно не изъ подчиненія Льву, а подвергалось изслѣдованію собора) навѣрно не мало также содѣйствовало возвышенію авторитета римской каѳедры во мнѣніи христіанъ вообще.

---

[1] Zosim. Ep. 3—5 (Patrol. xx).

[2] Vita, 16, 17.

[3] Leo. Ep. 11, 40, 66.

Въ своихъ позднѣйшихъ отношеніяхъ къ восточной церкви Левъ осмѣлился сдѣлать нѣкоторыя замѣчательныя нововведенія. У великихъ патріарховъ было въ обычаѣ держать своихъ представителей въ Константинополѣ, съ цѣлью охраненія своихъ интересовъ въ такихъ дѣлахъ, которыя могли докладываться императору. Но въ то время, какъ эти представители всегда избирались изъ низшихъ степеней іерархіи, Левъ назначилъ своимъ постояннымъ представителемъ епископа. Хотя этотъ епископъ, Юліанъ косскій, принадлежалъ къ другой юрисдикціи, Левъ взялъ на себя право уполномочить его на отсутствіе изъ своего діоцеза, и цѣлью этого полномочія, очевидно, было не столько охраненіе интересовъ Рима, сколько надзоръ надъ самимъ патріархомъ константинопольскимъ. Левъ заходилъ такъ далеко въ этомъ отношеніи, что вмѣшивался въ внутреннія дѣла этой церкви, возражая противъ извѣстныхъ рукоположеній и назначеній Анатолія и побуждая духовенство восточной столицы контролировать своего епископа въ отправленіи его должности. Естественно, что Анатолій протестовалъ противъ такого вмѣшательства, и повидимому становилось неизбѣжнымъ сильное столкновеніе между ними; но смерть патріарха въ 458 году предотвратила дальнѣйшее развитіе вражды между ними [1]).

Намъ нѣтъ надобности подвергать сомнѣнію то, что Левъ добросовѣстно думалъ, что онъ дѣйствуетъ въ пользу не только своей собственной каѳедры, но и всей церкви. Но ни уваженіе къ его великимъ заслугамъ, ни снисходительность въ разъясненіи его побужденій не должны закрывать намъ глазъ касательно его честолюбія и любви къ господству. Въ немъ мы въ первый разъ встрѣчаемся съ тѣмъ, что болѣе всего приближается къ папству позднѣйшихъ временъ. Самая мысль папства въ общемъ уже выработалась, хотя еще и не была вполнѣ осуществлена.

---

[1]) Epp. 111—13, 151, 155, 157, 161, 163.

Прежде чѣмъ покончить съ этимъ предметомъ, нелишне упомянуть объ обстоятельствѣ совершенно иного рода. Послѣ смерти Зосима, въ декабрѣ 418 года, обладаніе каѳедрою Рима, въ теченіе нѣкотораго времени, было предметомъ сильнаго спора между Бонифаціемъ и Евлаліемъ, изъ которыхъ каждый былъ посвященъ своими сторонниками. Наконецъ Бонифацій былъ утвержденъ императоромъ Гоноріемъ, который видимо по просьбѣ епископа, постановилъ, что когда на каѳедру Рима будетъ избрано два лица, то должно быть произведено новое избраніе. И это послужило началомъ того важнаго вліянія, которое свѣтскіе государи впослѣдствіи оказывали въ дѣлѣ избранія римскихъ епископовъ [1]).

ГЛАВА XIX.

Паденіе Западной имперіи.—Обращеніе варваровъ.—Вандальское гоненіе въ Африкѣ.

I. На пространствѣ почти двадцати лѣтъ отъ смерти Валентиніана III, Западная имперія имѣла девять государей. Первымъ изъ нихъ былъ Максимъ,—тотъ сенаторъ, мщеніе котораго было роковымъ для его предшественника. 17 марта 455 г. Такъ какъ жена его во время умерла, то онъ женился на вдовой императрицѣ Евдоксіи; но его нескромность въ сообщеніи ей, что ради ея именно онъ подстрекнулъ къ убійству ея мужа, возбудила ея отвращеніе и негодованіе. Съ цѣлью совершить мщеніе, она пригласила вандаловъ изъ Африки, и ея приглашеніе было охотно принято. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ по смерти Валентиніана, Гензерихъ, флотъ котораго давно уже сдѣлался ужасомъ для береговъ Средиземнаго моря, появился у устьевъ Тибра [2]). Максимъ пытался бѣжать изъ Рима, но былъ до смерти побитъ камнями со стороны населенія, и три дня спустя Гензерихъ былъ уже подъ стѣнами города. 12 іюня 455 г. Левъ, во главѣ своего духовенства, во второй разъ вышелъ на встрѣчу варварскому побѣдителю. Онъ получилъ обѣщаніе, что городъ не будетъ сожженъ, жизнь будетъ пощажена жителямъ и что они не будутъ подвергаемы пыткамъ съ цѣлью открытія ихъ сокровищъ. Такъ заступничество епископа до нѣкоторой степени смягчило ужасы послѣдовавшаго разграбленія; но вандалы въ теченіе 14 дней предавались распутству и хищничеству, и возвратились въ Африку, обремененные добычей и захвативъ съ собою множество плѣнныхъ, среди которыхъ были Евдоксія и ея двѣ дочери [1]). При этомъ случаѣ особеннымъ благотвореніемъ отличился Деогратій, епископъ карѳагенскій. „Онъ великодушно продалъ золотые и серебряные сосуды церкви для того, чтобы выкупить свободу нѣкоторыхъ, облегчить рабство другихъ и помочь въ нуждахъ и немощахъ большинству плѣнныхъ, здоровье которыхъ было разстроено тяжестями, вынесенными ими во время ихъ перехода изъ Италіи въ Африку. По его распоряженію, двѣ обширныхъ церкви были обращены въ госпитали: больные были распредѣлены на удобныхъ кроватяхъ и щедро снабжаемы пищей и лѣкарствами, и престарѣлый іерархъ неоднократно посѣщалъ ихъ, какъ днемъ, такъ и ночью, съ настойчивостью, которая превосходила его силы, и съ нѣжнымъ сочувствіемъ, которое возвышало значеніе его услугъ. Сравните эту сцену,—прибавляетъ историкъ,—съ полемъ Каннъ, и тогда вамъ вполнѣ представится различіе между Ганнибаломъ и преемникомъ св. Кипріана“ [2]).

---

[1]) Hard. i, 1237—8; Bonif. Ep. 7, 8 (Patrol. xx).

[2]) Разсказываютъ, что когда, отправляясь въ экспедицію, онъ былъ спрошенъ своимъ кормчимъ, противъ какого народа онъ намѣренъ плыть, онъ отвѣчалъ: „противъ тѣхъ, на кого прогнѣвался Богъ“. *Procop.* De Bello Vandal. i, 4, 5, p. 188.

Потеря Африки влекла за собою потерю доходовъ, которые римскіе нобили извлекали изъ своихъ имѣній въ этой странѣ, а также и прекращеніе подвоза хлѣба, отъ котораго въ большой степени зависѣло въ своемъ существованіи римское населеніе. Съ цѣлью возвращенія этой провинціи, императоръ Майоріанъ, человѣкъ по своему характеру и энергіи достойный лучшаго времени, выступилъ войной противъ Гензериха, въ 458 году, и 11 лѣтъ позже противъ вандальскаго царя высланъ былъ большой вооруженный флотъ, главнымъ образомъ снаряженный восточнымъ императоромъ Львомъ; но первая изъ этихъ экспедицій была разбита вслѣдствіе измѣнничества варварскихъ союзниковъ, и вторая — вслѣдствіе неспособности ея начальника, шурина императора, Василиска [3]). Британія уже была оставлена римлянами; Галлія и Испанія постепенно занимались варварами различныхъ племенъ, и наконецъ императорскія владѣнія были ограничены только Итальянскимъ полуостровомъ. Послѣдній императоръ запада, Августулъ, принужденъ былъ въ 476 (или 479) году отречься отъ своего престола, и сдѣлался пенсіонеромъ отъ щедрости Одоакра, перваго варварскаго короля Италіи.

---

[1]) Procop. ı, 5; Victor Tunnunensis въ Patrol. ʟxvııı, 943.

[2]) Gibbon, ııı, 292; Victor Vitensis, ı, 8 (Patrol. ʟvııı).

[3]) *Procop.* De Bello Vandal. ı, 6, 7.

II. Въ связи съ паденіемъ имперіи, въ послѣдній разъ можно упомянуть о язычествѣ на западѣ.

Язычество на востокѣ было подавляемо съ суровостью и съ успѣхомъ. Младшій Ѳеодосій, какъ мы видѣли, повидимому, уже сомнѣвался въ томъ, чтобы кто нибудь изъ его подданныхъ продолжалъ держаться язычества, и нѣсколько позже онъ повелѣлъ, чтобы и остальные храмы были упразднены [1]) и очищены знаменіемъ креста. Но на западѣ старая религія держалась дольше. Въ городахъ язычники, лишенные возможности открытаго совершенія своихъ церемоній, продолжали совершать домашнее боготвореніе ларовъ и пенатовъ, и, не смотря на императорскіе законы, тайно совершали жертвоприношеніе имъ. Собственно же въ деревняхъ языческіе обряды все еще совершались открыто и безъ всякаго затрудненія со стороны тѣхъ, которымъ поручено было приведеніе въ исполненіе законовъ о ихъ подавленіи. Максимъ, епископъ туринскій, около половины этого столѣтія, упрекалъ христіанскихъ землевладѣльцевъ за допущеніе оскверненія своихъ имѣній идолопоклонствомъ крестьянъ; онъ описываетъ и обличаетъ суевѣрное и безпорядочное празднованіе Новаго года, заимствованное христіанами отъ обрядовъ Януса [2]). Левъ Великій говоритъ, что нѣкоторые христіане продолжали поклоняться солнцу [3]). Авгурство и другіе способы гаданія находились еще въ общемъ употребленіи. Въ то время, какъ язычники приписывали бѣдствія имперіи отмѣнѣ ихъ обрядовъ, Сальвіанъ, „Іеремія своего вѣка“ [4]), и другіе христіане считали ихъ наказаніемъ за остатки идолопоклонства, которые еще терпѣлись въ Галліи, Африкѣ и другихъ мѣстахъ. Случайно упоминается о язычникахъ, занимавшихъ важное положеніе въ государствѣ. Даже императоръ Антемій (467—472 г.) подозрѣвался въ благосклонности къ старой религіи. Экспедиція Гензериха противъ Рима была въ одномъ отношеніи благопріятна для христіанства, такъ какъ онъ, увозя съ собою множество статуй и лишая Капитолій его густо позолоченной бронзовой кровли, удалилъ отъ взоровъ римлянъ предметы, напоминав-

---

[1]) Cod. Theodos. xvi, x, 25. Въ подлинникѣ стоитъ слово destrui' но контекстъ показываетъ, что оно означаетъ только очищеніе храмовъ отъ идолопоклонническихъ предметовъ.

[2]) Maxim. Turin. Serm. 82 (Patrol. lvii, 693), 101—2, 6; Homil. 16, 103.

[3]) Serm. xxvii, 4.

[4]) Такъ онъ называется Бароніемъ (476, 3). Сальвіанъ, пресвитеръ марсельскій, написалъ книгу „объ управленіи Божіемъ“, съ цѣлью опроверженія мнѣнія, появившагося среди христіанъ, что бѣдствія времени и страданія добрыхъ обнаруживали эпикурейскую безпечность въ отношеніи человѣческихъ дѣлъ со стороны Божества, — каковое мнѣніе приводило многихъ къ сомнѣнію касательно полезности религіи (De Gubernatione Dei i, 1—5 (Patrol. liii).

шіе имъ о религіи ихъ предковъ. Но въ самые по-
слѣдніе годы столѣтія Геласій, епископъ римскій, дол- 455 г.
женъ былъ возставать еще противъ празднованія „лю-
перкалій“, которыя, хотя въ нихъ принимали участіе только низшіе
классы народа, находили защитниковъ даже среди людей съ сена-
торскимъ саномъ [1]).

Теодорикъ готскій, покоритель Подоакра, установилъ наказаніе смертью противъ всѣхъ, кто стали бы совершать языческіе обряды. Нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, чтобы этотъ законъ когда нибудь приводимъ былъ въ исполненіе, и притомъ, быть можетъ, уже ни одинъ язычникъ не былъ такъ твердо убѣжденъ въ истинѣ своей религіи, чтобы подвергать себя изъ за нея смерти; но съ того времени язычество перестаетъ появляться на сценѣ исторіи. Остатки его, однако же, продолжали проглядывать въ большей части западныхъ странъ, хотя какъ отдѣльныя дѣйствія, такъ и народные обычаи, считавшіеся языческими, въ общемъ должны быть приписываемы скорѣе смѣшенію суевѣрія съ христіанствомъ, чѣмъ какому нибудь намѣренному предпочтенію язычества [2]), и хотя много путанницы въ этомъ отношеніи введено было писателями, которые говорятъ о божествахъ варварскихъ народовъ подъ именами греческой и римской миѳологіи.

III. 1) По мѣрѣ того какъ имперія древняго Рима исчезаетъ изъ вида, мы начинаемъ различать не только великую духовную силу, которая впослѣдствіи такъ много будетъ занимать наше вниманіе, но и происхожденіе новѣйшихъ европейскихъ государствъ, и появленіе сѣверныхъ народовъ въ гражданской исторіи приводитъ ихъ въ связь съ исторіей церкви. Орды, которыя послѣдовательно вторгались въ провинціи Римской имперіи, скоро принимали христіанство; но ихъ вѣра вообще отличалась отъ вѣры православной церкви. Миссіонеры, трудившіеся среди тевтонскихъ племенъ, повидимому приходили изъ среды визиготовъ, о впаденіи которыхъ въ аріанство было разсказано раньше и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ сначала обращеніе было совершено къ православной вѣрѣ, вмѣсто нея впослѣдствіи было принято аріанство, такъ какъ оно возбуждало менѣе недоумѣній въ грубыхъ умахъ, поощрялось брачными или политическими союзами, и быть можетъ также вслѣдствіе его различія отъ вѣры, исповѣдывавшейся правителями Рима и Константинополя. Такъ, бургундцы на Рейнѣ, которые, вслѣдствіе поселенія въ области, гдѣ уже раньше господствовало христіанство, сдѣлались христіанами около 413 года, полстолѣтія спустя перемѣнили православіе на аріанство [1]), и свевы въ Испаніи, первоначально обращенные въ христіанство православными епископами въ Лузитаніи, сдѣлались въ 469 году аріанами [2]). Гензериха обвиняли въ произведеніи подобной же перемѣны среди вандаловъ; но обвиненіе это, повидимому, дѣлалось съ цѣлью возбудить бо̀льшую ненависть къ его имени, и христіанство его народа въ дѣйствительности было аріанскимъ съ самаго начала. Обращеніе варварскихъ племенъ, въ противоположность обращенію римлянъ, обыкновенно начиналось съ короля, и по его примѣру уже обращался народъ. Понятно, что тѣ, которые обращались такимъ образомъ, весьма мало понимали свою новую вѣру, и ихъ христіанство было весьма грубаго свойства и долго сохраняло въ себѣ примѣсь идей, заимствованныхъ изъ ихъ старыхъ суевѣрій. Не смотря, однакоже, на всѣ эти недостатки какъ въ ученіи, такъ и въ нравственности, христіанство этихъ народовъ, хотя и оказывавшее весьма мало вліянія на поведеніе такихъ своихъ исповѣдниковъ, все таки значительно смягчило ихъ дикость и весьма много облегчило страданія болѣе цивилизованныхъ племенъ, находившихся у нихъ въ подчиненіи.

---

[1]) Patrol. LIX, 110—16. Геласій опровергаетъ мнѣніе, что бѣдствія Рима происходили вслѣдствіе пренебреженія къ языческимъ обрядамъ.

[2]) Когда Велизарій отстаивалъ Римъ противъ готовъ, въ 537 году, разсказываютъ, что „безполезныя усилія повернуть двери храма Януса на ихъ заржавѣвшихъ петляхъ обнаружили скандальную тайну, что нѣкоторые римляне все еще держались суевѣрія своихъ предковъ“. Gibbon, IV, 47. См. *Procop.* De Bello Gothico, I, 25, p. 375. Но отсюда такъ же неосновательно дѣлать заключеніе о вѣрованіи этихъ лицъ, какъ неосновательно заключать о существованіи языческихъ идей и обрядовъ въ Шотландіи или Скандинавіи въ настоящее время.

2). Въ теченіе IV столѣтія мы встрѣчаемъ упоминаніе о британскихъ епископахъ, какъ присутствовавшихъ на соборахъ Арелатскомъ, Сардикійскомъ и Риминійскомъ; на послѣднемъ изъ этихъ соборовъ трое изъ нихъ были вынуждены, своею бѣдностью, принять содержаніе отъ императора, которое отклонено было ихъ собратьями, епископами Галліи, чтобы оно не повредило независимости ихъ сужденія [3]). Предполагаютъ также, что британскіе епископы были и на соборѣ Никейскомъ. Хотя, повидимому, аріанство и не было неизвѣстно на Британскихъ островахъ, православіе британскихъ епископовъ, въ теченіе всего аріанскаго спора, подтверждается вѣскимъ авторитетомъ Аѳанасія и Иларія [4]).

Пелагій не дѣлалъ попытки распространять свои мнѣнія въ своей родной странѣ, но когда они были запрещены въ другихъ мѣстахъ, они введены были въ Британію нѣкимъ Агриколой (429 годъ), и стали такъ сильно распространяться, что духовенство рѣшилось обратиться за чужеземною помощью, подобно тому, какъ ихъ соотчественники обыкновенно призывали помощь римскихъ легіоновъ для защиты ихъ противъ нападенія ихъ сѣверныхъ сосѣдей. Вслѣдствіе такого обращенія со стороны Британіи, для борьбы съ возрастающею ересью были отправлены соборомъ галльскихъ епископовъ Германъ, епископъ ауксерскій, и Люпъ, епископъ тройскій [1]. Ихъ проповѣдь и ихъ благочестіе произвели большое вліяніе, поддерживавшееся множествомъ чудесъ. На собесѣдованіи въ церкви св. Альбана они поразили еретическихъ учителей и по одному разсказу Германъ далъ британцамъ побѣду надъ пиктами и саксонцами, повелѣвъ войску, въ большинствѣ состоявшему изъ новокрещенныхъ обращенцевъ, поднять громкій крикъ „аллилуія“ [2]. Около 18 лѣтъ спустя, Германъ былъ опять приглашенъ посѣтить Британію, съ цѣлью искорененія остатковъ пелагіанства, начавшаго оживать въ то время, и его труды опять увѣнчались успѣхомъ [3].

---

[1]) Socr. VII, 30; Baron., 413, 27.

[2]) Isid. Hispal. De Regibus Goth. 90 (Patrol. LXXXIII, 1082).

[3]) *Sulp. Sev.* Hist Sacr. II, 41 (Patrol. XX).

[4]) Ath. ad Jovianum, 2 (t. I, p. 781); *Hil.*, De Synodis, init.

Римляне, находя для себя невозможнымъ отвлекать отъ себя силы, требовавшіяся для военнаго постоя въ Британіи, въ 409 году совсѣмъ оставили этотъ островъ. Послѣ ихъ удаленія, правительство постепенно перешло въ руки множества мелкихъ князей, и нравственное состояніе жителей было таково, что послѣдовавшія бѣдствія изображались какъ праведное наказаніе за него. Въ 449 году на островъ Танетъ высадились ютскіе вожди Генгистъ и Горса. Юты, англы и саксонцы устремились на страну, и постепенно овладѣвали ею, за исключеніемъ горныхъ округовъ запада. „Общественныя и частныя зданія были одинаково разрушены,—говоритъ Бэда; священники повсюду были умерщвляемы у алтарей; епископы и ихъ народъ безъ разбора были избиваемы огнемъ и мечемъ, и не оставалось никого для погребенія жертвъ такой жестокости. Нѣкоторые изъ жалкихъ останковъ были схвачены на горахъ и изрублены цѣлыми массами; другіе, истощенные голодомъ, сдавались сами, и подъ условіемъ, что ихъ не предадутъ немедленно смерти, вступали въ постоянное рабство, съ цѣлью поддержанія своего существованія; нѣкоторые со скорбію переселились въ заморскія страны; другіе остались въ своей странѣ, и въ постоянномъ трепетѣ и безпокойствѣ вели жизнь бѣдности въ горахъ, лѣсахъ и среди недоступныхъ скалъ“ [4]. Нѣкоторые изъ британцевъ нашли убѣжище среди родственныхъ жителей Арморики; тѣ изъ нихъ, которые сдѣлались крѣпостными побѣдителей, постепенно отпали въ язычество, между тѣмъ какъ тѣ, которые сохранили свою независимость въ Корнваллѣ, Валлисѣ или Кумберландѣ, хотя и удерживали христіанство, потеряли свою римскую цивилизацію и употребленіе латинскаго языка. Британія была удалена изъ области римскаго міра, и въ теченіе нѣкотораго времени считалась страной таинственности и сказокъ [1]).

---

[1] Люпъ былъ братъ леринскаго монаха, по имени Винцента, который отождествляется съ авторомъ сочиненія Commonitorium adversus Haereticos (См. ниже, глава xxi).

[2] Beda, I, 18.

[3] Beda, I, 27.

[4] Beda, I, 15. Это мѣсто, главнымъ образомъ, заимствовано у Гильды (I 25), и подозрѣвается въ преувеличеніи или вымышленности.

3. Среди измышленій, окутывающихъ древнюю исторію Шотландіи, повидимому довольно достовѣрнымъ кажется то, что въ началѣ v столѣтія среди южныхъ пиктовъ проповѣдывалъ Ниніанъ. Этотъ миссіонеръ, будто бы, былъ сынъ британскаго начальника, получилъ свое воспитаніе въ Римѣ, а впослѣдствіи посѣщалъ св. Мартина въ Турѣ. Возвратившись въ свою родную страну, онъ основалъ свою каѳедру въ Галловеѣ, гдѣ, съ помощью каменщиковъ, приведенныхъ имъ съ собою изъ Тура, воздвигъ церковь въ честь св. Мартина. Это зданіе, построенное изъ бѣлаго камня (между тѣмъ какъ британскія церкви строились обыкновенно изъ менѣе прочныхъ матеріаловъ), было названо, въ отличіе отъ другихъ, именемъ Кандида Коза, каковое названіе и сдѣлалось названіемъ самой каѳедры. Смерть Ниніана, по предположенію послѣдовало въ 432 году.

4. Обращеніе Ирландіи обыкновенно относится къ первой половинѣ v столѣтія. Хотя на этомъ островѣ, вѣроятно, были христіане и раньше этого времени, однако же разсказы объ епископахъ, управлявшихъ этою церковью раньше этого времени, вообще отвергаются какъ вымыслы. Патрикъ, „апостолъ Ирландіи“, повидимому говоритъ о себѣ, что онъ родился въ мѣстечкѣ, называемомъ Бонавенъ, которое нѣкоторыми писателями отождествляется съ Булонью (хотя, по предположенію другихъ, это была деревня, называвшаяся по его имени Кильпатрикомъ, близь Думбартона). Его первоначальное имя будто бы было Суккатъ. Отецъ его, Кальпурній, былъ человѣкъ куріальнаго сана и состоялъ діакономъ церкви; его дѣдъ, Потитъ, былъ пресвитеръ. Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ, въ качествѣ плѣнника, уведенъ былъ въ Ирландію, гдѣ и поручено было ему пасти овецъ или рогатый скотъ, среди уединенныхъ лѣсовъ и горъ. Въ этомъ занятіи онъ подвергался великимъ тяжестямъ, но душа его была озарена мыслями, которыя дотолѣ были совершенно чужды ему; онъ часто молился, и его внутренній пылъ дѣлалъ его нечувствительнымъ къ морозу, снѣгу и дождю [2]). Послѣ шестилѣтняго плѣна, онъ былъ чудесно освобожденъ и возвратился на свою родину. Годы шли за годами; Патрикъ, согласно съ нѣкоторыми свидѣтельствами, путешествовалъ во многихъ странахъ и учился у Мартина турскаго и Германа auксерскаго, и когда

---

[1]) *Procop.* De Bello Goth. iv, 21; Gibbon, iii, 433—5.

[2]) Confessio, i, 2 6 (Dublin, 1835 г., или Patrol. liii).

онъ былъ рукоположенъ въ пресвитера, то почувствовалъ въ себѣ высшее призваніе проповѣдывать евангеліе странѣ, гдѣ онъ былъ плѣнникомъ [1]). Его друзья противились его намѣренію отправиться въ страну дикихъ народовъ; одинъ изъ нихъ, наиболѣе близкій къ нему, старался воспрепятствовать ему достигнуть епископскаго рукоположенія раскрытіемъ какого то грѣха, который, по сдѣланному ему Патрикомъ признанію, былъ совершенъ имъ въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ, — 30 лѣтъ передъ тѣмъ; но онъ рѣшительно превозмогъ всѣ эти препятствія и былъ рукоположенъ въ санъ епископа ирландскаго. Недавно предъ 431 г. тѣмъ былъ посвященъ Целестиномъ и отправленъ трудиться среди этого народа діаконъ Палладій. Хотя онъ былъ отправленъ туда скорѣе съ цѣлью подавленія пелагіанства, чѣмъ обращенія язычниковъ, каковою была сначала цѣль его миссіи; но, послѣ короткаго пребыванія, онъ удалился оттуда и повидимому умеръ въ Шотландіи. Патрикъ былъ болѣе настойчивъ, и трудъ его былъ болѣе успѣшенъ; остатокъ своей жизни онъ посвятилъ Ирландіи, отказывая себѣ въ удовольствіи даже вновь посѣтить свою страну и своихъ родственниковъ, и трудился съ большимъ успѣхомъ, хотя часто подвергался опасностямъ отъ враждебности языческаго жречества и отъ варварскихъ князей, которые избили многихъ изъ его обращенцевъ. Годомъ начала его миссіи обыкновенно считается годъ смерти Ниніана—432 годъ; время его смерти составляетъ предметъ спора, но по всей вѣроятности она должна быть отнесена къ 493 году.

5. Въ южной Германіи, гдѣ церковь правильно была устроена во времена римскаго владычества, сохраненіе вѣры во время всѣхъ перемѣнъ и треволненій вѣка, и обращеніе новыхъ владѣтелей страны главнымъ образомъ зависѣли отъ трудовъ Северина, „апостола норикскаго“. Происхожденіе этого миссіонера неизвѣстно; онъ самъ какбы изъ чувства смиренія тщательно скрывалъ его; хотя онъ прибылъ прямо съ востока, но чистота его латинскаго языка повидимому доказываетъ, что онъ былъ человѣкъ итальянскаго происхожденія, который, ради духовнаго совершенства, удалялся въ какую нибудь восточную пустыню [2]). Северинъ поселился въ области Баваріи и Австріи, вскорѣ послѣ смерти 454 г. Аттилы, и заявилъ, что онъ чувствовалъ себя призваннымъ, особыми видѣніями, оставить свою наклонность къ созерцательной жизни, чтобы потрудиться среди народовъ этихъ странъ,

---

[1]) Confess., 10.

[2]) Vita, 4. Источникомъ жизни Северина служитъ жизнеописаніе его, написанное Евгиппіемъ, который обыкновенно называется африканскимъ аббатомъ (Patrol. LVII, 1167 и слѣд.).

которыя были тогда опустошены варварскими нашествіями. Видъ его добровольныхъ суровыхъ подвиговъ ободрялъ несчастныхъ жителей выносить лишенія и другія бѣдствія, сдѣлавшіяся для нихъ неизбѣжными, онъ пріобрѣлъ громадное вліяніе на всѣ классы населенія и получалъ отъ богатыхъ средства для облегченія бѣдствія наиболѣе страждущихъ. Северинъ отклонилъ отъ себя рукоположеніе во епископа, на томъ основаніи, что онъ достаточно занятъ служеніемъ, которому посвятилъ себя, и въ этомъ отношеніи ему помогали монахи, которыми были основаны общины въ Вѣнѣ, Ювавіи (теперь Зальцбургъ), Пассау и въ другихъ мѣстахъ. Его достопочтенный характеръ и жизнь внушали страхъ грубымъ варварамъ, которые, по его ходатайству, часто оказывали милость безпомощному населенію; его присутствіе считалось покровительствомъ для мѣстъ его обитанія, такъ что жители римскихъ городовъ на Дунаѣ просили его жить у нихъ по очереди; ему приписывались дары пророчества и чудесъ. Среди примѣровъ его пророческой прозорливости, разсказываютъ, что, будучи посѣщенъ Одоакромъ, недавно предъ тѣмъ записаннымъ въ императорскую гвардію, онъ указалъ въ плохо одѣтомъ новобранцѣ будущаго царя Италіи, и что онъ предсказалъ день своей собственной смерти, имѣвшей мѣсто въ 482 году. По удаленіи римлянъ съ Дуная, тѣло Северина было перенесено въ Неаполь [1]).

6. Самымъ важнымъ обращеніемъ въ v столѣтіи было обращеніе Хлодовика или Кловиса, который, будучи сначала королемъ салійскихъ франковъ, съ узкой территоріей въ сосѣдствѣ Турная и Камбрая, сдѣлался основателемъ великой французской монархіи. Кловисъ, къ которому его наслѣдственное царство перешло въ 482 году, женился въ 493 на Хротохильдѣ, или Клотильдѣ, дочери Хильперика, бургундскаго князя, который держался православной вѣры, между тѣмъ какъ остальные члены его семейства впали въ аріанство, и будучи лишенъ своего наслѣдства и жизни своимъ аріанскимъ братомъ Гундобальдомъ, вообще считался со стороны православныхъ жителей Галліи мученикомъ за православную вѣру [2]). Клотильда долго и ревностно побуждала своего мужа принять христіанство; но, хотя среди другихъ доводовъ она указывала ему на чудеса, которыми славилась гробница св. Мартина въ Турѣ, Кловисъ оставался непреклоннымъ, измѣряя силу божества благоденствіемъ его поклонниковъ и предполагая, что паденіе Римской имперіи было достаточнымъ опроверженіемъ исповѣдуемой ею религіи [3]). Клотильда, однако же, убѣдила его позволить крестить своего перваго

---

[1]) Vita, 4, 7, 11, 17, 25—27, 39, 51, 55—7.

[2]) Gregor. Turon. II, 28.

[3]) Greg. Tur. II, 29.

сына, и съ цѣлію произвести больше впечатлѣнія на Кловиса обрядъ крещенія былъ совершенъ съ необычайною торжественностью; но послѣдовавшая чрезъ нѣсколько дней послѣ этого смерть ребенка дала королю новый доводъ противъ перемѣны религіи. Второй сынъ былъ также крещенъ, и когда онъ тоже заболѣлъ, Кловисъ ожидалъ, что мщеніе боговъ обнаружится въ повтореніи судьбы старшаго сына; но по усердной молитвѣ Клотильды маленькій принцъ выздоровѣлъ. Королева продолжала свои попытки обратить своего мужа, но безуспѣшно, пока наконецъ 496 г. Кловисъ, во время битвы съ аллеманнами при Толбіакѣ, оказавшись въ опасности, не призвалъ на помощь Христа, объявляя, что его старые боги оказались безсильными помочь ему, и давая обѣтъ сдѣлаться христіаниномъ, если только онъ одержитъ побѣду. Аллеманны были разбиты, и въ праздникъ Рождества, 496 года, Кловисъ съ 3000 своихъ воиновъ былъ крещенъ въ Реймсѣ епископомъ Ремигіемъ. Соборъ былъ пышно убранъ, блисталъ свѣтомъ безчисленныхъ свѣчей и наполненъ такимъ благоуханіемъ, что присутствующимъ казалось, будто они дышатъ благоуханіемъ рая. Когда король, при торжественномъ пѣніи гимновъ, вошелъ въ церковь, онъ былъ пораженъ страхомъ и, обращаясь къ Ремигію, державшему его за руку, спросилъ: неужели это есть то царство небесное, которое обѣщали ему? „Нѣтъ“, отвѣчалъ епископъ, „но это начало пути туда“. Во время совершенія таинства, Ремигій произнесъ знаменитыя слова: „Сикамбріанъ, смиренно преклони твою голову, поклонись тому, что ты жегъ, и жги то, чему ты поклонялся“ [1]. Не менѣе извѣстно и восклицаніе Кловиса, когда епископъ однажды читалъ исторію о страданіяхъ Спасителя: „если бы я былъ тогда съ моими франками, я отмстилъ бы за причиненныя Ему неправды“! [2].

Нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что обращеніе Кловиса было искреннимъ, хотя и несомнѣнно, что оно вытекало не изъ особенно просвѣщенныхъ побужденій и поэтому не могло произвести соотвѣтствующей христіанской жизни. Не подрывается искренность его и тѣмъ, что оно оказалось благопріятнымъ для усиленія его власти, хотя въ этомъ отношеніи исповѣданіе православнаго христіанства, въ отличіе отъ аріанства, влекло за собою преимущества, которыхъ онъ не могъ вскорѣ не понять и не воспользоваться ими. Оно обезпечивало ему могущественное вліяніе духовенства, которое было привязано къ нему узами взаимнаго интереса. Духовенство южной Галліи, преслѣдуемое аріаниномъ Еврикомъ, царемъ визиготовъ Тулузы, съ ожесточеніемъ, въ которомъ варварская ненависть къ нимъ, какъ къ 466—84 г. римлянамъ, сочеталась съ религіозной нетерпимостью, готово было привѣтствовать православнаго завоевателя. Когда онъ рѣшился выступить войной противъ преемника Еврика, Аларика, въ 507 году, онъ придалъ этому нападенію религіозный характеръ, заявляя негодованіе на то, что аріане владѣли частью Галльской земли [1]. И исторія войны, предпринятой такимъ образомъ за вѣру, была украшена лѣтописцами множествомъ чудесъ въ его пользу. Будучи беззастѣнчивымъ въ употребленіи вѣроломства и въ пролитіи крови для устраненія всѣхъ, стоявшихъ на пути его честолюбія, онъ поддерживалъ преданность себѣ духовенства своею щедростью по отношенію къ церквамъ и монастырямъ. Его религіозная политика была, главнымъ образомъ, направляема Ремигіемъ, который, будучи посвященъ въ 461 году, въ двадцати двухъ лѣтнемъ возрастѣ на каѳедру реймскую, занималъ ее въ теченіе 72 лѣтъ, и, по его совѣту, Кловисъ въ послѣднемъ году своей собственной жизни созвалъ первый Франк- 511 г. скій соборъ въ Орлеанѣ. Во время своего обращенія, Кловисъ былъ единственнымъ государемъ, который исповѣдывалъ православную вѣру, потому что другіе государи запада были аріане, а императоръ Анастасій склонялся къ монофизитству. Отсюда, короли Франціи пріобрѣли почетное названіе „старшихъ сыновей церкви“ [2].

---

[1] Grec. Tur., II, 31.

[2] Fredegar. Epitom. 21 (Patrol. LXXI). Разсказъ о чашѣ съ мѵромъ, принесенной, будто бы, голубемъ съ неба для крещенія Кловиса, появляется не раньше времени Гинкмара, три съ половиной столѣтія спустя (Vita Remig., 40, Annales. 869 г.). Чаша эта была разбита во время французской революціи, но часть ея, будто бы, была сохранена и употреблялась при коронаціи Карла X.

IV. Со времени перваго нашествія на Африку аріанскіе вандалы жестоко угнетали православныхъ [3]. Когда къ Гензериху явилась депутація епископовъ и духовенства, съ цѣлью изложить предъ нимъ страданія ихъ общинъ и просить, чтобы имъ, хотя и лишеннымъ своихъ церквей, было позволено жить подъ вандальскимъ управленіемъ и священнодѣйствовать для утѣшенія своихъ собратьевъ, онъ пришелъ въ ярость, заявляя имъ, что не желаетъ оставить въ живыхъ никого изъ ихъ имени или племени, и съ трудомъ отговорили его отъ изданія повелѣнія о томъ, чтобы всѣхъ ихъ побросать въ море [4]. Многіе епископы и другіе члены духовенства были сосланы въ среду дикихъ племенъ Африки, и здѣсь, какъ часто бывало въ подобныхъ случаяхъ, ихъ ссылка сдѣлалась поводомъ къ распространенію Евангелія въ странахъ, которыхъ оно дотолѣ не достигало. По смерти Деограція, благотворительность котораго по отношенію къ римскимъ 457 г. плѣнникамъ Гензерика сдѣлалась еще болѣе похвальною вслѣдствіе угнетенія, въ которомъ томилась его собственная церковь, въ провинціи Африкѣ не допускалось никакого посвященія епископовъ, и разсказываютъ, что вслѣдствіе этого запрещенія, спустя 30 лѣтъ, изъ 164 каѳедръ оказывались занятыми только три. Но Гензерикъ, время и мысли 487 г. котораго, главнымъ образомъ, были заняты хищническими походами на окружающія страны, былъ менѣе ужаснымъ бичемъ для православныхъ, чѣмъ его сынъ Гуннерикъ, наслѣдовавшій ему къ 477 году. Въ началѣ своего царствованія Гуннерикъ показалъ нѣкоторую снисходительность къ нимъ и направилъ свою жестокость противъ манихеянъ. Эти сектанты обыкновенно прикрывались исповѣданіемъ менѣе ненавистныхъ формъ религіи, и король былъ крайне огорченъ, узнавъ, что большинство тѣхъ, которыхъ онъ настигъ, выдали себя за членовъ его собственной секты, и нѣкоторые изъ нихъ были даже духовными лицами въ ней, предпочитая естественнымъ образомъ эту общину какъ такую, къ которой они выгоднѣе всего могли считать себя принадлежащими [1]. Гуннерикъ былъ связанъ родственными узами съ императорскимъ семействомъ, такъ какъ женатъ былъ на плѣнной Евдокіи, дочери Валентиніана III и Евдоксіи [2]. По ходатайству ея сестры, Плакидіи, и восточнаго императора Зенона, онъ въ 481 году далъ знать православнымъ въ Карѳагенѣ, что они могутъ избрать себѣ епископа; но къ этому присоединилъ условіе, что тѣ же самыя привилегіи, которыя онъ давалъ имъ, должны быть дарованы на востокѣ и аріанамъ, вмѣстѣ съ свободой совершать свое богослуженіе и проповѣдывать на какомъ угодно для нихъ языкѣ [3], и угрожалъ, что если эти условія не будутъ исполнены, новый епископъ и его собратья будутъ отправлены въ ссылку среди мавровъ. Старшіе изъ православныхъ опасались такихъ условій и объявили рѣшимость лучше жить подъ непосредственнымъ управленіемъ Того, Который доселѣ покровительствовалъ имъ. Но настойчивость младшихъ собратьевъ, которые никогда не видѣли епископа въ Карѳагенѣ, взяла верхъ, и на каѳедру посвященъ былъ Евгеній [1]).

---

[1] Greg. Tur., ii, 37.

[2] Gibbon, iii, 338.

[3] О вандальскомъ гоненіи разсказываетъ Викторъ, епископъ витскій, который самъ былъ православнымъ исповѣдникомъ, и труды котораго изданы Руинаромъ съ прибавленіями, Historia Persecutionis Vandalicae, Paris, 1699 г., и перепечатаны въ томѣ lviii Патрологіи Миня.

[4] Victor, i, 5.

---

[1] Victor, II, 1.

[2] *Procop.* De Bello Vandal. I, 5.

[3] Victor, II, 2. Это, по мнѣнію Неандера, „обозначаетъ, что на востокѣ нѣкоторые языки уже начали считаться священными, и что тамъ не было желанія употреблять тевтонскій языкъ, какъ слишкомъ грубый для служенія церкви. Златоустъ, прибавляетъ онъ, смотрѣлъ иначе; потому что онъ далъ одному готскому пресвитеру позволеніе проповѣдывать въ Константинополѣ на готскомъ языкѣ (Memorias, 323; см. также стр. 199 и слѣд.). Не значитъ ли это скорѣе, что Гуннерикъ добивался для своихъ собратьевъ—сектантовъ на Востокѣ употребленія не только варварскихъ языковъ (которое императоръ тамъ колебался бы даровать), но и греческаго, съ правомъ обращать въ аріанство не только варваровъ, но и грековъ?

Добродѣтели новаго іерарха произвели на всѣхъ столь хорошее впечатлѣніе, что оно встревожило аріанское духовенство, и, по его наущенію, Гуннерикъ издалъ приказъ, чтобы никому въ вандальской одеждѣ не позволялось входить въ церкви православныхъ. Евгеній объявилъ, что онъ не можетъ исполнить этого приказанія, что домъ Божій открытъ для всѣхъ; вслѣдствіе этого у дверей церквей поставлены были правительственные чиновники, съ приказаніемъ скальпировать всѣхъ тѣхъ вандаловъ обоего пола, которые бы пытались войти въ нихъ. На нѣкоторое время вниманіе короля было отвращено отъ гоненія заботами объ обезпеченіи преемства на престолѣ для своего сына. Съ этою цѣлью онъ казнилъ нѣсколькихъ изъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, сжегъ патріарха своей собственной церкви за то преступленіе, что онъ находился въ сношеніяхъ съ его соперниками, и предалъ многихъ другихъ лицъ изъ аріанскаго духовенства той же ужасной смерти. Православные между тѣмъ опасались, что эта ярость съ вѣроятностью могла затѣмъ обрушиться и противъ нихъ самихъ, и носились разсказы о видѣніяхъ и другихъ предзнаменованіяхъ, предвозвѣщавшихъ о приближающихся испытаніяхъ [2]).

Дѣйствительно, скоро изданъ былъ указъ, чтобъ при дворѣ или въ общественныхъ должностяхъ не давалось мѣста никому, кто не исповѣдывалъ аріанства. Не подчинявшіеся этому указу лишались всякой собственности и изгонялись въ Сицилію и Сардинію; владѣнія епископовъ конфисковались, дѣвственницы церкви схватывались и подвергались дикимъ мученіямъ, въ надеждѣ принудить ихъ къ сознанію въ распутномъ сожительствѣ съ епископами и духовенствомъ, 4976 православныхъ епископовъ, низшаго духовенства и мірянъ были осуждены на ссылку въ Мавританію. Гуннерика упрашивали пощадить одного престарѣлаго епископа, который былъ разслабленъ въ тѣлѣ и страдалъ слабоуміемъ; но онъ отвѣчалъ, что если этотъ старикъ не въ состояніи будетъ ѣхать къ мѣсту своей ссылки, то будетъ увезенъ туда дикими волами. Всѣ эти жертвы, послѣ тщетныхъ попытокъ совратить ихъ кажущеюся добротою, подвергались самому жестокому и ужасному варварству. Многіе умерли на дорогѣ вслѣдствіе жестокостей со стороны своей мавританской стражи, и оставшіеся въ живыхъ нашли, что мѣстомъ ихъ изгнанія было вредоноснымъ для здоровья и изобиловало ядовитыми змѣями [1]).

---

[1]) Victor, II, 2.

[1]) Victor, 5,—6.

Но вотъ король созвалъ обѣ стороны на пренія
въ Карѳагенѣ. Евгеній выразилъ готовность на по- 483 г.
добное собесѣдованіе, но сказалъ, что такъ какъ
вопросъ касался всей церкви, то онъ не могъ вступать въ собесѣдованіе безъ согласія своихъ собратьевъ въ другихъ странахъ. Возраженіе это было выставлено съ тою, цѣлью, чтобы предоставить православнымъ возможность повсюду дать знать о своихъ страданіяхъ, и такимъ образомъ получить помощь со стороны такихъ собесѣдниковъ, которые, не будучи подданными Гуннерика, могли бы доказывать истинность православія, не опасаясь его мщенія; но жестокій король отвѣчалъ на это: „сдѣлайте меня властелиномъ всего міра, и я дарую вамъ все, что только вы желаете“ [2]), и отправилъ въ ссылку многихъ изъ епископовъ и другихъ православныхъ, которые славились высотою своей учености. Для начала собесѣдованія назначено было первое число февраля 484 года. Въ праздникъ Богоявленія, одинъ слѣпецъ получилъ въ видѣніи троякое внушеніе идти къ Евгенію, когда епископъ занятъ былъ благословеніемъ воды, и попросить его о возвращеніи ему зрѣнія. Евгеній, послѣ нѣкотораго колебанія, совершилъ исцѣленіе употребленіемъ крещенской воды въ видѣ креста, и чудо это, совершенное въ присутствіи большаго собранія народа, было съ восторгомъ привѣтствуемо православными. Аріане, однако же, приписали его магіи [3]), и Гуннерикъ, съ цѣлью устрашить православныхъ и вмѣстѣ ослабить ихъ къ предполагаемому пренію, сжегъ одного изъ ученѣйшихъ членовъ православной общины, именно Лета, который долго томился въ тюрьмѣ. Въ назначенный день,
православные, при входѣ въ палату собесѣдо- 1 февраля 484 г.
ванія, нашли, что аріанскій патріархъ Кириллъ
сидѣлъ на высокомъ тронѣ, на что̀ они съ основаніемъ жаловались, какъ на несовмѣстимое съ равенствомъ и безпристрастіемъ, которое нужно соблюдать въ такихъ собраніяхъ. Кириллъ, найдя православныхъ лучше подготовлеными, чѣмъ какъ онъ ожидалъ, отмѣнилъ

---

[1]) Victor. п, 7—12.

[2]) Victor, п, 13—16.

[3]) Victor, п, 17. Григорій Турскій разсказываетъ, что аріане (неизвѣстно, когда именно), съ цѣлью оказать противовѣсъ чудесамъ православныхъ, подговорили одного человѣка притвориться слѣпымъ, съ цѣлью совершить надъ нимъ мнимое исцѣленіе. Когда епископъ наложилъ на него свою руку, то обманщикъ былъ пораженъ дѣйствительною слѣпотою, сопровождаемою мучительною болью въ глазахъ. Онъ сознался въ обманѣ и объявилъ себя обращенцемъ къ православной вѣрѣ; послѣ чего онъ и былъ исцѣленъ Евгеніемъ и двумя другими православными епископами. Hist. п, 2.

собесѣдованіе подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не могъ говорить по латыни; Евгеній вручилъ ему длинное исповѣданіе вѣры, и собраніе закончилось безъ всякаго пренія [1]).

Гуннерикъ, вслѣдъ за этимъ собесѣдованіемъ, приказалъ, чтобы всѣ церкви православныхъ были закрыты въ одинъ день и чтобы суммы ихъ были переданы аріанамъ. Онъ также издалъ указъ, въ которомъ православные обвинялись въ безпорядочномъ поведеніи на послѣднемъ собраніи, и послѣ перечисленія наказаній, которымъ подвергались аріане со стороны императорскихъ законовъ, онъ постановлялъ, чтобы православные, въ предѣлахъ его владѣній, подлежали подобнымъ же наказаніямъ. Вслѣдствіе этого всѣмъ запрещалось давать имъ пищу или жилище, подъ страхомъ сожженія вмѣстѣ съ домомъ и семействомъ. Отъ епископовъ затѣмъ потребована была клятва о признаніи преемника королю его сына Гильдерика. 46 изъ нихъ, отказавшіеся отъ этой клятвы на томъ основаніи, что христіане не могутъ клясться совсѣмъ (каковой доводъ, какъ признаетъ историкъ этого гоненія, приводился только въ качествѣ извиненія), были отправлены на порубку лѣса въ Корсикѣ, между тѣмъ какъ другіе, подчинившіеся этому указу, въ числѣ 302 человѣкъ, были изгнаны и присуждены были къ земледѣльческимъ работамъ, какъ нарушившіе новозавѣтное запрещеніе противъ клятвы. 88 епископовъ были склонены страхомъ или лестью къ оставленію православной вѣры [2]).

Слѣдовавшихъ затѣмъ варварствъ нѣтъ надобности подробно излагать здѣсь [3]). Викторъ Витскій свидѣтельствуетъ, что аріанское духовенство было даже болѣе жестокимъ, чѣмъ правительственные чиновники, и разсказываетъ, что оно обыкновенно врывалось въ дома съ мечами въ рукахъ, и принуждали всѣхъ ихъ обитателей силою принимать свое крещеніе,—дѣлая это часто ночью, и въ такое время, когда принимавшіе такое странное таинство спали [4]). Самымъ знаменитымъ событіемъ въ исторіи этого гоненія былъ случай съ исповѣдниками въ Типасѣ. Православные этого города упорно отказывались признать аріанскаго епископа, и продолжали совершать свои обряды; вслѣдствіе чего, по приказанію Гуннерика, многимъ изъ нихъ (по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ 60) были отрублены правыя руки и съ корнемъ вырѣзаны языки. Не смотря на это, они продолжали говорить, какъ и прежде, и это столь чудесное обстоятельство было истолковано въ смыслѣ божественнаго предостереженія гонителямъ. Викторъ упоминаетъ, какъ объ особенно извѣстномъ членѣ изъ среды этихъ страдальцевъ, объ одномъ иподіаконѣ, по имени Репаратѣ, константинопольскомъ [1]).

---

[1]) Это исповѣданіе вѣры составляетъ содержаніе третьей книги Виктора.
[2]) Victor, IV, 1—5.
[3]) См. Victor, V.
[4]) Тамъ же, V, 13.

Когда гоненіе находилось въ высшемъ своемъ развитіи, Африка была опустошена голодомъ и язвою, и Гуннерикъ, послѣ царствованія въ теченіе 7 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, умеръ, повидимому, отъ той же самой омерзительной болѣзни, какъ и Иродъ и другіе гонители [2]).

Изъ противорѣчивыхъ свидѣтельствъ касательно племянника и преемника Гуннерикова, Гундамунда, повидимому, явствуетъ, что сначала онъ слѣдовалъ политикѣ 484—506 г. предшествующаго царствованія, но впослѣдствіи предоставилъ православнымъ нѣкоторую вѣротерпимость. Его братъ, Тразимундъ, царствовавшій съ 496 по 523 годъ, былъ способнѣйшимъ изъ вандальскихъ королей и, въ противоположность своему племени, вообще отличался любовію къ литературѣ; но онъ былъ изувѣрный аріанинъ, и послѣ тщетныхъ попытокъ обратить православныхъ подкупомъ, ставилъ имъ различныя ловушки съ цѣлью найти предлогъ для гоненія [3]). Страданія ихъ были тяжки. Въ теченіе своего царствованія Тразимундъ запретилъ рукоположеніе епископовъ и отправилъ 220 лицъ этого сана въ ссылку за нарушеніе его запрещенія. Среди жертвъ его гоненія былъ и Евгеній карѳагенскій, умершій въ ссылкѣ въ Альби [4]). По смерти Тразимунда престолъ наслѣдовалъ, послѣ почти сорока-лѣтняго лишенія его, Гильдерикъ, тотъ самый, въ пользу котораго вынуждаема была клятва въ вѣрности со стороны его отца Гуннерика. Предшественникъ его принудилъ его поклясться, что онъ 523 г. не будетъ дѣлать никакой перемѣны въ состояніи религіи; но Гильдерикъ, государь кроткаго характера, находилъ менѣе грѣховнымъ нарушить, чѣмъ сдержать подобное условіе, и даровалъ православнымъ сво- 534 г. боду отправленія ихъ богослуженія. Узурпаторъ Гелимеръ, въ 530 году, возобновилъ гонительскій духъ аріанства, но черезъ четыре года вандальское владычество было низвергнуто оружіемъ юстиніанова полководца Велизарія [5]).

---

[1]) См. Evagr. iv, 14; Ruinart. 482 и слѣд.; Gibbon, iii, 373. Самый фактъ способности этихъ страдальцевъ говорить послѣ потери своихъ языковъ достаточно подтверждается,—въ особенности Энеемъ Газскимъ, платоническимъ философомъ и обращенцемъ къ христіанству, который заявляетъ, что онъ тщательно изслѣдовалъ ихъ (Patrol. Grec. lxxxv, 1001), и императоръ Юстиніанъ въ особенномъ указѣ заявляетъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ этого событія (Cod. i, xxvii)

[2]) Victor. v, 21. Другой писатель говоритъ, что у него лопнули внутренности Vict. Tunun. (Patrol. lxviii, 946).

[3]) *Procop.* De Bel. Vand. i, 8, p. 197.

[4]) Greg. Tur. ii, 3.

[5]) *Procop.* De Bel. Vand. i, 9, p. 199 Ср. Vict. Tunun., 523 г. (Patrol. xviii).

Во время спора съ вандалами, самыми выдающимися полемистами съ православной стороны были Вигилій, епископъ тапійскій (которому нѣкоторые приписывали составленіе Аѳанасіева символа) и Фульгенцій, епископъ руспійскій.

ГЛАВА XX.

Монофизитство.—Юстиніанъ.—«Три главы».

451—566.

I. Противники собора Халкидонскаго провозглашали его несторіанскимъ, и споръ, который предполагалось уладить на немъ, продолжалъ волновать церковь. Названіе евтихіанъ скоро замѣнено было названіемъ монофизитовъ, то есть, учащихъ объ одномъ только естествѣ; и это потому самъ Евтихій лишился довѣрія, и тѣ, кто отвергали послѣдній соборъ, готовы были даже анаѳематствовать его, вслѣдствіе приписывавшагося ему своего рода докетизма, именно мнѣнія, что тѣло Спасителя не было истинно человѣческимъ, но снизошло съ неба 1). Монофизиты, напротивъ, учили, что Спаситель былъ „единосущенъ съ нами по плоти“, между тѣмъ какъ въ отношеніи Его души они отвергали мысль о поглощеніи человѣчества Божествомъ, и обратились къ формулѣ „единое воплощенное естество“, признавая кромѣ того, что это единое естество было двоякимъ. Вдобавокъ къ древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, на которыхъ они основывались доселѣ, монофизиты къ концу этого столѣтія находили подкрѣпленіе въ мистическихъ твореніяхъ, приписывавшихся Діонисію Ареопагиту. Эти сочиненія, хотя первоначально и выдвинутыя неправославной партіей, почти безъ всякаго колебанія были всеобще приняты, какъ подлинныя, и пользовались довѣріемъ въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ 2).

Ювеналій іерусалимскій, по возвращеніи изъ Халкидона, нашелъ, что каѳедра, которой онъ только что пріобрѣлъ патріаршее достоинство, была занята однимъ монахомъ, Ѳеодосіемъ, который поддерживаемъ былъ Евдокіей, вдовой императора Ѳеодосія II. Въ теченіе двухъ лѣтъ этотъ самозванецъ владѣлъ Па-
лестиной, будучи поддерживаемъ монахами, а также 451—3.
и массой всякихъ негодяевъ, которые ввели по-

---

1) Vigil. Tapsens. c. Eutych. iii, 1. (Patrol. lxii).

2) См. *Fabricius*, Bibl. Grec. vii, 7—8. Бароній сильно отстаиваетъ ихъ подлинность (649, 19).

всюду систему запугиванія, сожигая дома и монастыри, изгоняя епископовъ и духовенство и безнаказанно совершая убійства. Наконецъ однако же, благодаря примирительному образу дѣйствія Маркіана и Пульхеріи, его главные сподручники были удалены отъ него. Ювеналій вновь занялъ свою епископію, и съ теченіемъ времени Евдокія, частью подъ вліяніемъ убѣжденія Симеона Столпника 1) и частью подъ вліяніемъ бѣдствій, постигшихъ ея дочь и внуковъ во время вандальскаго нашествія на Римъ, была склонена присоединиться къ православной общинѣ 2).

Въ Александріи на мѣсто Діоскора былъ избранъ Протерій, но онъ встрѣтился съ яростнымъ противодѣйствіемъ со стороны могущественной партіи, которая могла быть подавлена только военною силою съ сильнымъ кровопролитіемъ 3). По смерти императора Маркіана, недовольные думали, что наконецъ настало благопріятное для нихъ время. Тимоѳей, по прозванію Елуръ (котъ), который, съ Петромъ Монгомъ (хриплымъ), отдѣлился отъ общенія съ Протеріемъ и былъ отлученъ имъ, возбудилъ городскую чернь, и при помощи ея самъ былъ посвященъ двумя низложенными епископами. Въ великій четвергъ, предъ Пасхой, Протерій былъ умерщвленъ въ крещальнѣ своего собора; тѣло его, послѣ издѣвательскаго повѣшенія, было влачимо по улицамъ и изрублено въ куски; нѣкоторые изъ черни даже пробовали его внутренности; остатки его затѣмъ были сожжены, и пепелъ развѣянъ по вѣтру. Православное духовенство было изгнано, и другіе приверженцы Протерія подверглись преслѣдованію 4).

28 іюля 452 г.

457 г.

Восшествіе Маркіанова преемника, Льва, было ознаменовано тѣмъ, что онъ принялъ корону отъ рукъ патріарха Анатолія,— первый примѣръ той торжественности, которая сдѣлалась обычною въ христіанскихъ государствахъ. Новый императоръ, бывшій до своего возвышенія на престолѣ военнымъ офицеромъ, началъ царствованіе изданіемъ закона въ подтвержденіе всего того, что дѣлалъ его предшественникъ въ дѣлѣ религіи. До его свѣденія нѣкоторыми уполномоченными каждой партіи скоро было доведено объ александрійскихъ раздорахъ, вслѣдствіе чего онъ обратился съ просьбою къ епископамъ каждой провинціи и къ знаменитѣйшимъ монахамъ, прося ихъ высказать мнѣніе о соборѣ Халкидонскомъ и о притязаніяхъ Елура. Этою мѣрою Левъ, вѣроятно, надѣялся получить опредѣленіе, равносильное

Окт. 457 г.

---

1) Левъ Римскій также писалъ къ ней (Ep. 122), и другими способами принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ.

2) Evagr. II, 5; Baron. 452, 27 и слѣд.

3) Evagr. II, 5; Liberat. 14, 15.

4) Evagr. II, 8; Liberat. 15; Theod. Lector. I, 8.

опредѣленію всеобщаго собора, не подвергая себя неудобствамъ, связывавшимся съ такими собраніями. Результатомъ этого былъ единогласный приговоръ противъ Елура и въ пользу собора, хотя нѣкоторые епископы Памфиліи, допуская правильность рѣшеній Халкидонскаго собора и ихъ пользу для защиты вѣры, подвергали сомнѣнію удобность выставленія ихъ въ качествѣ условій общенія. Елуръ былъ сосланъ въ Херсонъ [1]. Вмѣсто него
былъ избранъ другой—Тимоѳей, лицо изъ православной 460 г.
общины (извѣстный подъ названіемъ Салофакіола
и Бѣлаго), и онъ въ теченіе 15 лѣтъ мудро и съ умѣренностью управлялъ церковью Александрійской [2]. Льву въ 474 году наслѣдовалъ его внукъ того же имени, сынъ его дочери Аріадны отъ Зенона; но ребенокъ черезъ годъ умеръ, и престолъ остался въ рукахъ Зенона. Личный характеръ этого императора былъ запятнанъ грубымъ и безстыднымъ распутствомъ. Его царствованіе было нарушаемо многими возстаніями, изъ которыхъ во время одного онъ вынужденъ былъ почти въ теченіе друхъ лѣтъ уступить власть своему сопернику Василиску, шурину Льва, тому
самому, о происках которaго во время похода 475—7 г.
противъ вандаловъ Африки уже упоминалось выше [3].
Василискъ, поддерживавшійся монофизитской партіей, возвратилъ Тимоѳея и Елура изъ ссылки, и возстановилъ его на
каѳедру Александріи; онъ возвратилъ также въ Антіохію 475 г.
Петра Гнафея („валяльщика“), монофизита, который былъ два раза изгоняемъ съ своей каѳедры въ царствованіе Льва, и взялъ на самого себя трудъ издать окружное или циркулярное посланіе, въ которомъ осуждалъ соборъ Халкидонскій, и излагалъ опредѣленіе касательно вѣры,—первый документъ этого рода, какой только былъ издаваемъ какимъ либо императоромъ [4]. Тимоѳей александрійскій, Петръ антіохійскій и, будто бы, около 500 другихъ епископовъ подписали этотъ указъ, но Акакій, сдѣлавшійся въ 471 году патріархомъ Константинополя, обнаружилъ при этомъ случаѣ горячность, которая стоитъ въ сильномъ противорѣчіи съ любезной и двусмысленной политикой его обычнаго образа дѣйствія въ отношеніи религіозныхъ дѣлъ. Быть можетъ, какъ думаютъ нѣкоторые, Акакій былъ воодушевляемъ въ

---

[1] Древній Херсонъ находился близь теперешняго Севастополя. Онъ былъ мѣстомъ одной греческой республики, которая сохраняла свою независимость, пока императоръ Ѳеофилъ въ IX столѣтіи не принудилъ ее принять правителя изъ Константинополя. См. *Ginzel*, Cyrill. und Method., 25, 1857 г.

[2] Evagr. ii, 11. Значеніе названія Салофакіола неизвѣстно.

[3] См. выше, стр. 455; Gibbon, iii, 449.

[4] Evagr. iii, 4.

[5] Evagr. iii, 5.

своемъ противодѣйствіи Василиску не только ревностью по вѣрѣ
Халкидонскаго собора, но и вниманіемъ къ тѣмъ преимуществамъ,
которыя соборъ предоставилъ его каѳедрѣ, а также преданностью
императору, которому онъ обязанъ былъ своимъ воз-
вышеніемъ. Онъ самъ облачился и одѣлъ свою цер- 476 г.
ковь въ трауръ, и своею проповѣдью возбуждалъ
монаховъ и населеніе столицы противъ узурпатора. Какъ Васи-
лискъ, такъ и патріархъ обратились черезъ посланныхъ къ Даніилу
Столпнику, который послѣ Симеона былъ самымъ почитаемымъ по-
движникомъ того времени. По внушенію видѣнія, Даніилъ сошелъ съ
своего столба и явился въ Константинополѣ; подтверждая право-
славіе собора Халкидонскаго совершеніемъ многихъ чудесъ, онъ
произнесъ противъ Василиска судъ этого міра и будущаго и не
оставлялъ города до тѣхъ поръ, пока узурпаторъ, встревоженный
слухомъ о приближеніи Зенона, поддерживаемаго всѣми православ-
ными, не издалъ новаго указа, которымъ отмѣнялось его окруж-
ное посланіе, подвергались анаѳемѣ какъ Несторій,
такъ и Евтихій, и одобрялся соборъ Халкидон- 477 г.
скій [1]). Василискъ, будто бы, искалъ убѣжища
въ церкви, но патріархъ, не обращая вниманія на примѣръ своего
великаго предшественника Златоуста, выдалъ несчастнаго узурпа-
тора немилосердному мщенію Зенона [2]).

Но дѣла теперь перемѣнились опять. Большинство епископовъ, подписавшихъ окружное посланіе Василиска, быстро переходили на противоположную сторону. Петръ „валяльщикъ“ былъ изгнанъ изъ Антіохіи, и Елуръ былъ бы изгнанъ изъ Александріи, если бы его преклонный возрастъ не давалъ надежду на скорое освобожденіе имъ каѳедры. Послѣ его смерти, послѣдовавшей предъ концемъ 477 года, Петръ Монгъ былъ неправильно посвященъ въ патріарха двумя низложенными епископами, если даже не однимъ только епископомъ. Императоръ низложилъ, но не сослалъ его, и на каѳедрѣ возстановленъ былъ Тимоѳей Салофакіолъ. Этотъ патріархъ отправлялъ свою должность съ кротостью, которая даже побудила императора обратиться къ нему съ просьбою быть болѣе строгимъ въ подавленіи собраній монофизитовъ; между тѣмъ у этихъ послѣднихъ онъ былъ такъ популяренъ, что при встрѣчѣ его на улицахъ они обыкновенно выражали ему свое почтеніе и вмѣстѣ сожалѣніе о томъ что они вынуждены сторониться отъ его общенія. Послѣ его смерти въ 482 году, на патріаршій престолъ былъ избранъ Іоаннъ Талаія, староста церкви; но императоръ высказался противъ него, вслѣдствіе его связи съ Илломъ, недавно предъ тѣмъ возмутившимся военачальникомъ. Талаія былъ изгнанъ и нашелъ убѣжище въ Римѣ, а Петръ Монгъ возобновилъ свои притязанія на каѳедру Александріи [1].

---

[1]) Evagr. iii, 6, 7; Theod. Lector. i. 32, 33.

[2]) *Procop.* De Bel. Vand. i, 7, p. 195.

Ученіе монофизитовъ постепенно настолько улучшилось въ сравненіи съ первоначальнымъ евтихіанствомъ, что мысль о возсоединеніи этой партіи съ православными теперь не могла казаться неразумною или безнадежною. По совѣту Акакія, Зенонъ издалъ документъ, носящій названіе „Энотиконъ“ 482 г. (или форма единенія), который первоначально обращенъ былъ къ египетскому патріархату, но впослѣдствіи сдѣланъ былъ образцомъ и для другихъ церквей [2]. Въ немъ императоръ, послѣ указанія на раздоры, кровопролитія, оскверненіе благодатныхъ средствъ и другія несчастныя послѣдствія, вытекавшія изъ недавнихъ споровъ, заявляетъ, что символъ Никео-Константинопольскій долженъ быть единственнымъ символомъ крещенія, анаѳематствуетъ Несторія и Евтихія и одобряетъ 12 анаѳемъ Кирилла. Онъ заявляетъ, что Христосъ „единосущенъ съ Отцемъ по Своему божеству, и единосущенъ съ нами по Своему человѣчеству, что „чудеса и страданія принадлежали одному и тому же лицу“; укоряетъ тѣхъ, которые „раздѣляютъ, смѣшиваютъ или вводятъ мнѣніе о призракѣ“ [3]; анаѳематствуетъ всякаго, кто думалъ или думаетъ что нибудь противное, или теперь или въ какое либо другое время, на Халкидонскомъ ли, или на какомъ либо другомъ соборѣ“ [4]. Документъ этотъ былъ составленъ въ томъ убѣжденіи, что это Халкидонское ученіе будетъ само по себѣ принято безъ возраженія во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ самое названіе собора было ненавистно, и что избѣгая выраженія „въ двухъ естествахъ“ и утвержденія собора, оно излагало тѣ пункты ученія, касательно которыхъ согласны были обѣ стороны. Но старательность, которая предпринята была въ видахъ устраненія предубѣжденій монофизитовъ, естественно сдѣлала этотъ документъ подозрительнымъ для православныхъ, и упоминаніе о Халкидонѣ, хотя только и въ предположительной формѣ, повидимому шло нѣсколько за предѣлы нейтральности, если даже имѣлось въ виду нѣсколько ослабить значеніе собора. Особенно одобренія нельзя было ожидать въ Римѣ, такъ какъ съ римскимъ епископомъ не совѣщались по этому случаю, и въ документѣ совершенно не упоминалось о письмѣ Льва къ Флавіану [5].

Петру Монгу дано было знать, что подъ условіемъ подписи Энотикона и допущенія протеріанъ къ общенію, ему будетъ дозволено удерживать за собою епископію Александріи. Онъ согласился на эти условія, и ему подчинилось множество православныхъ, причемъ крайніе евтихіане составили отдѣльную секту, которая, не имѣя сначала главы, получила названіе *акефаловъ* (безголовыхъ). Петръ старался склонить ихъ къ себѣ анаѳематствованіемъ собора Халкидонскаго и посланія къ Флавіану; съ этою же цѣлью онъ, будто бы, даже вырылъ изъ земли тѣло Салофаціола. Въ отвѣтъ на возраженія со стороны Акакія, онъ заявилъ, что принялъ соборъ Халкидонскій какъ не содержащій никакого нововведенія въ вѣрѣ, но не отрицалъ того, что онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не безъ двусмысленности. Дѣйствуя подобными средствами, но съ весьма малымъ успѣхомъ, для примиренія съ собою акефаловъ, онъ относился съ большою суровостью къ тѣмъ изъ православныхъ, которые отказывались отъ общенія съ нимъ.

---

[1] Liberat., 16, 17.

[2] Evagr. III, 13.

[3] Слово это относится къ мнѣнію, приписывавшемуся Евтихію.

[4] Evagr. III, 14.

[5] Энотиконъ, однако же, никогда не былъ осужденъ въ Римѣ.

Петръ былъ принятъ въ общеніе Акакіемъ и Мартиріемъ іерусалимскимъ, и патріархъ константинопольскій писалъ въ его пользу въ Римъ. Но Римъ былъ уже склоненъ на свою сторону изгнаннымъ епископомъ Александріи Іоанномъ Талаіей. Два послѣдовательныхъ папы, Симплицій и Феликсъ, обращались съ письмами въ пользу него какъ къ императору, такъ и къ Акакію [1]; но патріархъ въ своемъ отвѣтѣ увѣрялъ Феликса, что Петръ есть правильно избранный и православный епископъ, а Зенонъ выставилъ противъ Іоанна обвиненіе въ клятвопреступленіи. Акакій склонилъ на свою сторону двухъ легатовъ Феликса и убѣдилъ ихъ присутствовать при богослуженіи, въ которомъ въ диптихахъ поминалось имя Петра,—каковымъ актомъ они, повидимому, давали санкцію Рима его положенію на александрійскомъ патріаршемъ престолѣ [2]. За этотъ поступокъ легаты, по своемъ возвращеніи домой, привлечены были на судъ однимъ итальянскимъ соборомъ, который низложилъ и отлучилъ ихъ, и затѣмъ соборъ осудилъ Акакія, отъ котораго Феликсъ предъ тѣмъ потребовалъ явиться въ Римъ и дать объясненіе касательно его общенія съ Петромъ 484 г. Монгомъ [3]. Приговоръ этотъ былъ сообщенъ Акакію въ письмѣ отъ Феликса и другихъ епископовъ, объявлявшемъ его низложеннымъ, лишеннымъ сана и исключеннымъ изъ числа вѣрующихъ, такъ какъ онъ осужденъ приговоромъ Св. Духа и апостольскимъ авторитетомъ, такъ что никогда уже не могъ быть освобожденъ отъ произнесенной противъ него анаѳемы [1]. Римскій епископъ, вѣроятно, не осмѣлился бы на этотъ безпримѣрный шагъ, если бы царствованіе Одоакра въ Италіи не давало ему смѣлость пренебрежительно относиться къ императору Востока. Греки жаловались на незаконность, съ которою велось это дѣло, равно какъ и на связывавшіяся съ нимъ незаконныя притязанія [2]. Акакій не обратилъ никакого вниманія на это посланіе, ограничившись исключеніемъ имени Феликса изъ диптиховъ Константинополя.

---

[1] См. Patrol. LVIII; Феликсъ, сдѣлавшійся папой въ мартѣ 483 года, обыкновенно называется третьимъ этого имени хотя такой счетъ влечетъ за собою признаніе того Феликса, который беззаконно поставленъ былъ аріанами во время Либерія.

[2] Evagr. III, 15, 21.

[3] Evagr. III, 18—21.

О низложеніи Акакія было объявлено Феликсомъ духовенству и народу Константинополя, и при этомъ было заявлено, что всѣ нежелающіе отдѣляться отъ патріарха будутъ отсѣчены отъ общенія съ Римомъ [3]. Множество монаховъ, включая акимитовъ, славившихся особенною святостью [4], предпочли общеніе съ Римомъ общенію съ своимъ собственнымъ епископомъ, такъ что такимъ образомъ раздѣленіе проникло въ церковь самой столицы Востока. Послѣдовавшее раздѣленіе продолжалось 35 лѣтъ, и крутость, съ которою провозглашено было отлученіе, равнялось только строгости, съ которою оно приводилось въ исполненіе, причемъ епископы Рима относились ко всему Востоку какъ къ еретическому за отказъ прервать общеніе съ Акакіемъ, хотя онъ самъ обвиняемъ былъ не въ ереси, а только въ второстепенномъ преступленіи чрезъ общеніе съ мнимыми еретиками. Одинъ историкъ замѣчаетъ по этому случаю, что позднѣйшіе папы съ радостью прибѣгали къ заступничеству святыхъ, которыхъ, при ихъ жизни, ихъ предшественники отлучали отъ общенія [5].

Черезъ нѣсколько лѣтъ, главныя личности, замѣшанныя въ монофизитскихъ смятеніяхъ, сошли со сцены дѣйствія. Послѣдніе дни жизни Іоанна Талаіи пришли на одной итальянской каѳедрѣ, которая дана была ему Феликсомъ. Петръ Гнафей, который въ

---

[1] Hard. ii, 831—2. Геласій, преемникъ Феликса, старался объяснить эти послѣднія слова въ томъ смыслѣ, что Акакій не могъ быть разрѣшенъ, пока онъ не отречется отъ своего заблужденія и не попроситъ прощенія. De Anathematis Vinculo (Patrol. lix, 108 и слѣд.); но въ такомъ случаѣ они были бы совершенно излишни.

[2] Патріархъ собственно могъ быть требуемъ только на всеобщій или другой великій соборъ, но при этомъ предполагалось, что Акакій подходилъ подъ осужденіе Халкидонскаго собора, какъ находившійся въ общеніи съ лицами, мнѣнія которыхъ были осуждены имъ. См. Gelas. Ep. 11 (Patrol lix).

[3] Epp. 10, 11 (Patrol. lviii).

[4] Основателемъ этой общины былъ Александръ, умершій около 428 или 430 года. Особенностью акиметовъ (то есть, безсонныхъ, „неусыпающихъ“) было то, что они раздѣлялись на части, которыя, по очереди, совершали непрерывное богослуженіе. Александръ былъ не чуждъ подозрѣнія въ еретическихъ сношеніяхъ. и по этой или по другимъ причинамъ, не считается среди святыхъ; но основанная имъ община отличалась своимъ православіемъ.

[5] Tillem. xvi, 356—366, 372, 642.

485 году, послѣ подписанія Энотикона, былъ возведенъ на каѳедру Антіохіи и признанъ былъ его соименникомъ александрійскимъ, хотя Акакій и уклонился отъ признанія его, умеръ въ 488 году, а Акакій въ слѣдующемъ году. Фравитта, преемникъ Акакія, занималъ патріаршій престолъ только въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, и ему наслѣдовалъ Евфимій, православный епископъ, отрекшійся отъ общенія съ Петромъ Монгомъ и готовившійся къ борьбѣ съ нимъ, когда умеръ патріархъ Александріи. По смерти Зенона въ 491 году, церковь, вмѣсто объединенія его Энотикономъ, была раздѣлена на три главныхъ партіи, изъ которыхъ Антіохія, при Палладіѣ, и Александрія, при Аѳанасіѣ, были монофизитскими. Іерусалимъ былъ на сторонѣ Константинополя, а Римъ и весь Западъ стояли совершенно въ сторонѣ отъ Востока.

490 г.

Анастасій, которому дочь Льва и вдова Зенона передала вмѣстѣ съ своею рукой имперію, былъ уже въ шестидесяти-лѣтнемъ возрастѣ, и царствовалъ 27 лѣтъ. До своего возвышенія на престолъ, онъ отличался высокимъ благочестіемъ, и его общая репутація была засвидѣтельствована криками, которыми онъ былъ привѣтствуемъ: „царствуй такъ же, какъ ты жилъ!“ [1]). Къ нему однако же относился подозрительно патріархъ Евфимій, который отказывался дать свое согласіе на его возвышеніе, кромѣ какъ подъ условіемъ полученія отъ него письменнаго удостовѣренія, что онъ не будетъ пытаться дѣлать никакихъ нововведеній въ дѣлѣ религіи и будетъ поддерживать соборъ Халкидонскій [2]). Нѣкоторые изъ родственниковъ императора, будто бы, были аріане и манихеи, и многіе писатели обвиняютъ его въ заблужденіяхъ этихъ сектъ, равно какъ и въ заблужденіи монофизитовъ, интересы которыхъ поддерживались результатомъ, если и не прямою цѣлью его политики. Тѣмъ не менѣе, его православіе горячо защищалось, и образъ его дѣйствія характеризуется скорѣе какъ безпристрастный, чѣмъ равнодушный. Анастасій поставилъ своею цѣлью стремленіе къ миру, и возмущался мыслью, чтобы кто нибудь вѣрующій во Христа и носящій имя римлянина былъ подвергаемъ непріятностямъ вслѣдствіе своихъ вѣрованій [3]). Евагрій сообщаетъ, что при немъ соборъ Халкидонскій никогда открыто не проповѣдывался и вполнѣ не отвергался, епископы относились къ нему различно, и императоръ, въ своемъ жела-

491—518 г.

---

[1]) Gibbon, III, 450.

[2]) Evagr. III, 32. Здѣсь нѣкоторые видятъ самое древнее приближеніе къ коронаціонной клятвѣ. Ѳеодоръ чтецъ заявляетъ, что Анастасій силой опять возвратилъ себѣ эту бумагу (II, 8).

[3]) Symmach. Ep. 10. (Patrol. LXII, 70).

ніи предотвратить всякое нововведеніе, лишилъ сана тѣхъ, кто вводили въ своихъ епархіяхъ перемѣны въ какомъ бы то ни было отношеніи 1). Въ теченіе всего его царствованія, восточные патріархаты продолжали находиться въ безпокойствѣ, и Энотиконъ былъ вообще повсюду предписываемъ въ качествѣ свидѣтельства вѣры,— свидѣтельства, которому охотно подчинялись всѣ, кромѣ крайнихъ членовъ противоположныхъ партій, но который страдалъ тѣмъ недостаткомъ, что недостаточенъ былъ для водворенія мира между подписавшими его. Взаимныя разногласія духовенства между собой принудили Анастасія настолько отступить отъ своего правила мира или равнодушія, что православнымъ онъ казался гонителемъ, и его имя съ особенною враждебностью отмѣчается православными историками 2).

Евфимій константинопольскій былъ низложенъ и сосланъ въ 496 году, а его преемникъ, Македоній, въ 511 или 512. Хотя низверженіе Евфимія намѣренно обосновалось на политическихъ обвиненіяхъ 3), но вѣроятно оба патріарха были низвергнуты за то, что отказались признать придворную политику въ отношеніи религіи. Александрійская каѳедра была занимаема цѣлымъ рядомъ епископовъ, которые отвергали соборъ Халкидонскій, но всетаки не въ состояніи были привлечь къ своему общенію акефаловъ. Въ патріархатѣ антіохійскомъ религіозныя волненія этого времени были причиною многихъ смятеній и кровопролитій. Флавіанъ, одинъ изъ его епископовъ, былъ сосланъ въ 511 году, хотя съ цѣлью очистить себя отъ обвиненія въ несторіанствѣ онъ мало по малу согласился анаѳематствовать не только Несторія, но и Діодора, Ѳеодора, Ѳеодорита, Иву и, наконецъ, соборъ Халкидонскій 4). Илія іерусалимскій, который подобнымъ же образомъ сдѣлалъ большія уступки, тѣмъ не менѣе былъ низложенъ въ слѣдующемъ году. Въ теченіе царствованія Анастасія, Римъ оставался въ раздѣленіи съ Востокомъ. Предложенія со стороны Евфимія и императора были встрѣчены съ непреклоннымъ высокомѣріемъ Геласіемъ, занимавшимъ эту каѳедру съ 492 по 496 г. 5). Слѣдующій епископъ, Анастасій II, началъ сношенія съ Константинополемъ въ тонѣ примиренія; ради мира онъ, будто бы, готовъ былъ даже допустить, чтобы имя Акакія оставалось въ диптихахъ. Нояб. 498 г. Но его смерть прекратила эти сношенія, и его

---

1) Evagr. III, 30.

2) Baron. 518, 16—19; Victor. Tunun. 518 г. (Patrol. LXVIII).

3) Falso Damnatus. Marcellin. 496 г. (Patrol. LI).

4) Evagr. III, 31—2. Бароній (512, 30) пытается отрицать, что Флавіанъ отрекся отъ этого собора.

5) Gelas. Epp. 1, 8 (Patrol. LIX).

преемникъ Симмахъ обмѣнялся съ восточнымъ императоромъ взаимными обвиненіями въ ереси, и высокомѣрными посланіями [1]).

Одинъ монахъ, Северъ, впослѣдствіи, по низложеніи Флавіана, сдѣлавшійся патріархомъ Антіохіи, ввелъ въ Константинополѣ прибавленіе, которое Петръ „валяльщикъ“ сдѣлалъ къ Трисвятому, именно слова „распятый за насъ“ [2]). Вслѣдствіе этого, между православными и монофизитами столицы, во время епископства Македонія, произошло серьезное столкновеніе; но послѣ его низложенія возникло столкновеніе еще болѣе тревожнаго свойства. По повелѣнію императора, два префекта вошли въ одну церковь, поднялись на каѳедру или загородку, и начали пѣть трисвятое съ антіохійскимъ прибавленіемъ, вслѣдствіе чего 512 г, послѣдовало смятеніе, многіе были убиты, и нѣсколько православныхъ были заключены въ тюрьму. На слѣдующій день произошло новое столкновеніе, и смятеніе достигло своей высшей степени по случаю одной торжественной процессіи, которая совершилась на третій день. Тимоѳей монофизитскій, преемникъ Македонія, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы во время пѣнія употреблялось новое изреченіе. Тѣ, которые слушались его, были встрѣчаемы толпами православныхъ монаховъ, пѣвшихъ Трисвятое въ его прежнемъ видѣ; противныя стороны доходили до побоищъ; населеніе города вмѣшивалось въ эти побоища, и погибло не мало жизней. Среди убитыхъ были одна отшельница и одинъ монахъ, который подозрѣвался въ доносѣ императору о поступкѣ префектовъ; голова этого монаха была отрублена, воткнута на колъ и носима въ процессіи, какъ голова врага божественной Троицы. Дома подвергались разграбленію и сожигались, изображенія и статуи императора были обезображиваемы и низвергаемы, и раздавались крики о новомъ императорѣ. Анастасій, тогда уже болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтній старецъ, удалился изъ города; но чрезъ три дня онъ появился въ циркѣ безъ императорскихъ регалій, причемъ народъ, въ видѣ оскорбленія ему, встрѣтилъ его выкрикиваніемъ православнаго „Трисвятаго“. Онъ обратился къ народу чрезъ особаго герольда, заявляя свою готовность отречься, но напоминая имъ, что они не могутъ царствовать всѣ, и поэтому должны избрать себѣ императоромъ кого нибудь одного изъ своей среды. Народъ былъ тронутъ его словами и зрѣлищемъ его униженія, и, послѣ даннаго императоромъ обѣщанія удовлетворить ихъ кровію возбудившихъ негодованіе префектовъ, ему позволено было вновь принять бразды правленія [1]).

---

[1]) Symmach. Ep. 10 (Patrol. LXII).

[2]) Ангельская пѣснь „святъ, святъ, святъ“ (Ис. VI, 3) получила развитіе въ Константинополѣ въ епископство Прокла, когда, по преданію, во время молитвы народа по случаю землетрясенія, одинъ ребенокъ былъ чудесно схваченъ и, по возвращеніи чрезъ часъ времени, заявлялъ, что онъ слышалъ, какъ небесное воинство пѣло: „святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный“. Къ этому славословію Петръ, будучи еще пресвитеромъ, прибавилъ слова: „распятый за насъ“. Коландіонъ, одинъ изъ православныхъ патріарховъ, занимавшій каѳедру въ промежуткѣ между отдѣльными періодами пребыванія Петра на каѳедрѣ антіохійской, сдѣлалъ дальнѣйшее прибавленіе словъ: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ“; но Петръ отвергъ это прибавленіе. Прибавленіе его было принято православными, пока соборъ Трулльскій (691 г.) (?) не осудилъ его, послѣ чего оно употреблялось только монофизитами и моноѳелитами. Въ то время какъ защитники его относили все изреченіе ко второму лицу Божества, противники его утверждали, что троякій святой обозначаетъ три лица, и дано было пророкомъ Исаіею какъ откровеніе тайны троичности (Joh. Damascen. De Hymno Trisagio, Opera I, 482). Отсюда папа Феликсъ III обвиняетъ Петра въ манихейскомъ заблужденіи, по которому онъ говорилъ, что Святой Духъ былъ распятъ, и его послѣдователямъ дано было названіе *теопасхитовъ* или Deipasciani, какъ будто бы они учили, что Богъ пострадалъ; причемъ другое обвиненіе состояло въ томъ, что они прибавляли къ Троицѣ четвертое лицо. См. Felix. III, Ep. 3 (Patrol. LVIII, 910); Conc. Trull. c. 81; Ioh. Damasc. I, 480—97; Theophan, 207.

Миръ послѣдняго царствованія былъ нарушенъ возстаніемъ Виталіана, скиѳскаго или готскаго вождя, который вы-
ступилъ съ оружіемъ въ рукахъ за православную вѣ- 511—16.
ру, опустошая Ѳракію и угрожая Константинополю.
Онъ требовалъ, чтобы сосланные православные епископы были возстановлены на своихъ каѳедрахъ, чтобы соборъ Халкидонскій былъ признанъ, общеніе съ Римомъ возстановлено, и чтобы созванъ былъ новый вселенскій соборъ, на которомъ бы присутствовалъ папа. Императоръ наконецъ подчинился этимъ условіямъ; но чрезмѣрныя требованія Гормизды, преемника Симмаха, воспрепятствовали какому бы то ни было соглашенію между Востокомъ и Западомъ въ теченіи жизни Анастасія [2]). Императоръ умеръ въ 518 году [3]), и ему наслѣдовалъ Іустинъ, престарѣлый солдатъ славянскаго племени, отъ имени котораго управленіе въ дѣйствительности производилось его племянникомъ Юстиніаномъ [4]). Вита-
ліанъ, будучи возведенъ новымъ государемъ въ самыя 520 г.
высшія должности, въ седьмомъ мѣсяцѣ своего кон-
сульства, былъ предательски умерщвленъ за императорскимъ столомъ, и въ совершеніи его убійства подозрѣвался самъ Юстиніанъ [5]).

Тимоѳей, патріархъ константинопольскій, умеръ
вскорѣ послѣ императора Анастасія. Когда его пре- 15 Іюля 518 г.
емникъ Іоаннъ явился въ соборѣ въ первый воскрес-
ный день по восшествіи Іустина, то его привѣтствовали громкими

---

[1]) Marcellin. 512 г. (Patrol. LI); Vict. Tunun. (тамъ же) LXVIII, 951; Theophan., edit. Paris, 136. Гиббонъ (IV, 360—1) говоритъ, что префекты были преданы смерти, но, повидимому, Анастасій не нашелъ нужнымъ исполнить свое обѣщаніе или свою клятву.

[2]) См. эту переписку въ Patrol. LXIII, Evagr. III, 43.

[3]) Онъ, будто бы, былъ убитъ молніей (Vict. Tunun., 518 г.).

[4]) Evagr. IV, 2; Anon. Vales. ad calc. Ammon. Marcellin. 668; Gibbon. III, 482.

[5]) Marcell., 520 г.; Vict. Tunun. (Patrol. LXVIII), 953; Gibbon, III. 483.

криками, что такъ какъ манихеянинъ Анастасій уже не царствовалъ болѣе, то соборъ Халкидонскій долженъ быть подтвержденъ, Северъ антіохійскій съ остальными манихеями должны быть изгнаны, и возстановленъ миръ съ Римомъ. Новое правительство было расположено согласоваться съ народнымъ желаніемъ; Северъ и другіе монофизиты были низложены, и по большей части нашли убѣжище въ Александріи, гдѣ его партія была такъ сильна, что императоръ не осмѣливался раздражать этого неукротимаго населенія какою нибудь мѣрою противъ нея [1]. Но результатомъ стеченія монофизитскихъ учителей было происхожденіе или обнаруженіе разногласій между ними самими, и многіе изъ нихъ уклонились въ мелкія секты, каковы *агноеты*, *афѳартодокеты* и *ніовиты*, мнѣнія и исторію которыхъ нѣтъ надобности подробно излагать здѣсь.

519 г.

Изъ Константинополя теперь сдѣланы были новыя предложенія Ормиздѣ римскому, и выражено было согласіе на всѣ его требованія. Имена Акакія и его четырехъ предшественниковъ, умершихъ во время раздѣленія, вмѣстѣ съ именами императоровъ Анастасія и Зенона, были удалены изъ диптиховъ. Православные исповѣдники, Евфимій и Македоній, не были отдѣлены отъ еретиковъ Фравитты и Тимоѳея, но Акакій подвергся еще особой анаѳемѣ. Оказалось однако же, что многія церкви Востока не настолько были готовы оставить память своихъ недавнихъ епископовъ, какъ церковь константинопольская, и такъ какъ Ормизда требовалъ пожертвовать всѣми, находившимися въ общеніи съ Акакіемъ, то это требованіе послужило поводомъ къ столь серьезнымъ безпорядкамъ, что какъ императорское правительство, такъ и патріархъ неоднократно просили папу ослабить строгость его условій. Ормизда наконецъ согласился уполномочить патріарха Епифанія, преемника Іоанна, дѣйствовать вмѣсто него въ дѣлѣ принятія церквей въ общеніе. Дѣло было улажено удержаніемъ извѣстныхъ именъ въ диптихахъ, и наконецъ Евфимій и Македоній, вмѣстѣ съ Флавіаномъ антіохійскимъ, Иліей іерусалимскимъ и нѣкоторыми другими, умершими во время раздѣленія, были признаны Римомъ въ качествѣ святыхъ. Энотиконъ, безъ всякой формальной отмѣны, съ этого времени совершенно исчезаетъ, и соборъ Халкидонскій, за исключеніемъ Египта, былъ принятъ повсюду.

II. Около того самаго времени, какъ Анастасій восшелъ на престолъ константинопольскій, престолъ Италіи перешелъ отъ геруловъ къ остроготамъ. Теодорикъ, князь амалійскій, угрожавшій опасностью самой имперіи Зенона, получилъ отъ него позволеніе предпринять

---

[1] Evagr. iv, 14.

завоеваніе этой страны. Въ трехъ большихъ битвахъ
489—490 онъ разбилъ Одоакра, и послѣ трехлѣтней осады
его въ Равеннѣ, заключилъ съ нимъ договоръ на
равныхъ условіяхъ. Но этотъ герулскій король, подъ предлогомъ
обвиненія въ заговорѣ, скоро затѣмъ былъ убитъ на
493 г. одномъ пиршествѣ, быть можетъ даже рукою своего
сотоварища и соперника, и готы сдѣлались единственными
властелинами Италіи [1]).

Послѣ смерти Одоакра, Теодорикъ энергично и благополучно царствовалъ 33 года. Его владѣнія простирались до Дуная, и онъ положилъ преграду распространенію франкскихъ завоеваній при Кловисѣ. Своею мудростью и справедливостью онъ содѣйствовалъ установленію равновѣсія между побѣдителями и побѣжденными, и, самъ принадлежа къ аріанской вѣрѣ своего народа, не пытался навязывать ее другимъ. „Мы не можемъ налагать религію по приказанію“, говорилъ онъ, „такъ какъ никого нельзя заставить вѣровать противъ его воли“ [2]). Министрами его были православные, и онъ поручалъ православнымъ епископамъ самыя важныя посольства, признавалъ православное духовенство въ его положеніи, щедро надѣлялъ православныя церкви различными дарами, и хотя не желалъ вмѣшиваться въ внутреннія дѣла православной церкви, всетаки имѣлъ надъ епископами Рима контроль, который позднѣйшіе императоры Запада, вслѣдствіе своей слабости, выпустили изъ своихъ рукъ. Его терпимость (какъ мы видѣли) не простиралась до того, чтобы допускать языческіе обряды, хотя онъ тщательно заботился о сохраненіи памятниковъ римскаго величія; но вѣротерпимостью его пользовались и іудеи, которыхъ онъ твердо защищалъ противъ насилій со стороны ихъ христіанскихъ сосѣдей [3]).

Пока Римъ и Константинополь находились въ раздѣленіи между собою, Теодорикъ не имѣлъ никакого повода подозрѣвать вѣрность своихъ православныхъ подданныхъ. Но возсоединеніе церквей, въ началѣ царствованія Юстина, подало ему мысль, что римляне могли поддаться искушенію искать на Востокѣ избавленія отъ владычества варварскаго завоевателя, и не долго спустя его гнѣвъ и тревога были возбуждены мѣрами, которыя предпринялъ Юстинъ съ цѣлью возстановленія единства религіи. Въ 523 году императоръ издалъ указы, по которымъ манихеи подвергались уголовнымъ наказаніямъ, другіе еретики лишались права отправленія своего богослуженія, и вмѣстѣ съ іудеями, язычниками и самарянами лишались права на гражданскія или военныя должности [1]. Готскіе солдаты имперіи, правда, были изъяты изъ этого закона, но Теодорикъ склоненъ былъ обезпечивать не только за своимъ собственнымъ народомъ, но и за восточными членами его секты ту же самую свободу религіи, которую онъ предоставлялъ своимъ православнымъ подданнымъ. Въ письмѣ къ Юстину онъ настойчиво возражалъ противъ предпринятыхъ имъ мѣръ, и такъ какъ отвѣтъ былъ неудовлетворителенъ, то онъ отправилъ въ Константинополь особое посольство, состоявшее изъ Іоанна, епископа римскаго, пяти другихъ епископовъ и четырехъ сенаторовъ. 525 г. Это было первое посѣщеніе папой восточной столицы. Іоаннъ былъ принятъ съ безграничнымъ почтеніемъ; почти все населеніе города высыпало для встрѣчи его, съ факелами и крестами въ рукахъ, и самъ императоръ повергся къ ногамъ его. Патріархъ константинопольскій предоставилъ ему первенство, и Юстинъ принялъ новое коронованіе отъ рукъ преемника ап. Петра [2]. Но по своемъ возвращеніи въ Италію Іоаннъ былъ заключенъ въ темницу, гдѣ онъ скоро затѣмъ и умеръ. 526 г. Причины его тюремнаго заключенія достаточно неизвѣстны и составляютъ предметъ спора. Самое вѣроятное мнѣніе, повидимому, то, что епископъ, хотя и успѣшно исполнившій другія части даннаго ему порученія, отказался просить, чтобы аріанамъ, принявшимъ исповѣданіе православія, было дозволено возвратиться въ свою ересь, и что ревнивость Теодорика была также нѣсколько оскорблена тѣми чрезмѣрными почестями, которыя оказаны были римскому іерарху восточнымъ дворомъ. Опасеніе заговора противъ его правленія довело престарѣлаго короля до мрачной и непреклонной подозрительности въ отношеніи къ своимъ итальянскимъ подданнымъ, которая была уже роковою для двухъ изъ наиболѣе знаменитыхъ между ними, именно Боетія и Симмаха. Боетій занималъ самыя высокія должности въ государствѣ [3], и его геній и ученость, которыми онъ, будто бы, превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ, проявлялись въ произведеніяхъ, обнимающихъ чрезвычайное разнообразіе предметовъ и формъ сочиненія,—именно въ исторіи, поэзіи, богословіи, философіи, музыкѣ, математикѣ, астрономіи и другихъ отдѣлахъ физической науки. Онъ долго пользовался милостями Теодорика; но его патріотизмъ и, быть можетъ, также православіе [4] дѣлали его положеніе рискованнымъ, и ревность, съ которою онъ отстаивалъ невинность своего друга Альбина, обвинявшагося въ измѣнническомъ сношеніи съ востокомъ, подвела его подъ подобное же обвиненіе. Одна подпись, которую онъ объявилъ подложною, выставлена была противъ него въ качествѣ доказательства въ этомъ отношеніи; ему отказано было въ возможности защищать себя, и, за нѣсколько времени до посольства Іоанна въ Константинополь, онъ былъ заключенъ въ башню въ Павіи или вблизи ея, гдѣ онъ утѣшалъ себя составленіемъ своихъ знаменитыхъ книгъ „Объ утѣшеніи философіей“ [1]). Послѣ жестокихъ пытокъ, Боетій былъ забитъ до смерти дубинами, 524 г. а затѣмъ и его тесть, уважаемый глава сената Симмахъ, изъ опасенія, чтобы желаніе мщенія не склонило его къ измѣнѣ, вскорѣ затѣмъ былъ вытребованъ въ Равенну и обезглавленъ.

---

[1]) *Procop.* De Bello Got., i, 1.

[2]) *Cassiodorus*, Variorum. ii, 27 (Patrol. lxix). Ѳеодоръ чтецъ разсказываетъ, что Теодорикъ обезглавилъ одного діакона, который думалъ добиться его милости обращеніемъ въ аріанство (ii, 18); но этотъ разсказъ подвергается сомнѣнію.

[3]) Cassiod. Varior. ii, 27; iii, 45; iv, 43; v, 37 (письма, писанныя Кассіодоромъ отъ имени царя).

---

[1] Cod. Justin. i, v, 12, 14.

[2] Marcellin. 525 г.; Anastas. 126; Gibbon, iii, 473.

[3] Boëth. de Consol. Philos. ii, Prosa 3 (Patrol. lxiii).

[4] Это вообще признавалось до позднѣйшаго времени, и въ нѣкоторыхъ мѣ-

Самъ Теодорикъ не долго жилъ послѣ этого. Разсказываютъ, что въ негодованіи на результатъ миссіи въ Константинополь онъ зашелъ такъ далеко, что продиктовалъ указъ о подавленіи православнаго богослуженія въ Италіи, хотя, если только сообщеніе это вѣрно, указъ этотъ и не былъ приведенъ въ исполненіе. Но чувства, которыя нѣкогда справедливый и вѣротерпимый король возбудилъ жестокостями своихъ послѣднихъ дней, явственно обнаруживаются въ связывающихся съ его смертью разсказахъ. Прокопій разсказываетъ, что онъ былъ посѣщенъ страшнымъ 526 г. видѣніемъ, въ которомъ угрызенія совѣсти воспроизводили предъ его глазами черты лица умерщвленнаго имъ Симмаха, а въ одной легендѣ разсказывается, что одинъ отшельникъ на островѣ Липари видѣлъ, какъ этотъ аріанскій гонитель былъ брошенъ Симмахомъ и папой Іоанномъ въ кратеръ вулкана, который считался тогда вратами въ адъ [2]).

III. Въ апрѣлѣ 527 года Юстиніанъ былъ формально признанъ своимъ дядей въ качествѣ сотоварища по управленію, и въ августѣ того же года онъ сдѣлался единственнымъ 527—565 г. императоромъ, будучи 45 лѣтъ отъ роду. Среди гражданскихъ событій его продолжительнаго царствованія, войны въ Италіи и въ Африкѣ имѣли важное значеніе въ исторіи религіи.

Среди вандаловъ Африки обладаніе средствами роскоши быстро оказало роковыя послѣдствія для той чистоты нравовъ, которую Сальвіанъ въ прежнее время съ негодованіемъ сопоставлялъ съ распу-

---

стахъ Боетій почитается въ качествѣ святаго (Acta SS. Mai 27, p. 700). Но теперь даже его христіанство считается весьма сомнительнымъ.

[1]) Часто обращалъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что это произведеніе не содержитъ въ себѣ ничего отличительно христіанскаго.

[2]) *Procop.* De Bello. Got. I, 1, p. 310, *Greg.* Dialog. IV, 30.

щенностью своихъ братьевъ, исповѣдывавшихъ болѣе здравую вѣру [1]). Храбрость варваровъ была ослаблена искушеніями чувственныхъ наслажденій. Узурпаторъ Гелимеръ былъ низложенъ оружіемъ императорскаго полководца Велизарія, и нѣсколько лѣтъ спустя, вслѣдствіе возмущенія вандаловъ и мавровъ, 533—4 г. страна была совершенно покорена. Послѣ перваго завоеванія, православной церкви было возвращено ея господствующее положеніе, хотя епископы были низведены до половины или одной трети своего прежняго числа. Вычислено, что во время царствованія Юстиніана Африка будто бы потеряла до пяти милліоновъ жителей, и такимъ образомъ аріанство (539—541 г.) было истреблено въ этой странѣ не принужденіемъ къ обращенію въ православіе, но истребленіемъ самаго племени, которое ввело и исповѣдывало аріанскую вѣру [2]).

Остроготы въ Италіи, послѣ смерти Теодорика, были ослабляемы раздорами и преступленіями. Военные подвиги Велизарія и Нарсеса на этомъ полуостровѣ придали послѣдній и обманчивый блескъ могуществу Восточной имперіи. Этими полководцами были разбиты одинъ за другимъ готскіе короли Витигъ (537 — 9 г.), Тотила (546—551 г.) и Теія (553 г.), были отражены нашествія франковъ и аллеманновъ и съ 554 года Нарсесъ, съ титуломъ экзарха, управлялъ Италіей въ качествѣ уполномоченнаго отъ императора. Бѣдствія страны во время переворотовъ этого періода были даже бóльшими, чѣмъ какія ей приходилось выносить во время другихъ бѣдствій раньше или послѣ того: количество ея жителей, погибшихъ отъ войнъ, голода или отъ другихъ бѣдствій, по предположенію превосходило все ея новѣйшее населеніе [3]). Вмѣстѣ съ Готской монархіей аріанство на время совершенно исчезло изъ Италіи.

Юстиніанъ велъ строгую жизнь [4]), и весьма много предавался богословскимъ занятіямъ. Онъ любилъ вступать въ пренія и дѣйствовать въ качествѣ устроителя церковныхъ дѣлъ, такъ что его подданные осмѣивали его за то, что онъ, предаваясь такимъ дѣламъ, предоставлялъ политическія и военныя дѣла имперіи вѣденію своихъ министровъ и полководцевъ. Онъ отличался щедростью въ своихъ приношеніяхъ на построеніе церквей и госпиталей, но

---

[1]) De Gubern. Dei, vii, 20.

[2]) *Procop.* Hist. Arcana, 18, p. 53.

[3]) Прокопій упоминаетъ, что многіе члены римской аристократіи были вынуждены нищенствовать изъ дверей въ дверь, и среди нихъ была Рустиціана, дочь Симмаха и вдова Боетія (De Bello. Got. iii, 20).

[4]) Прокопій, однако же, говоритъ, что подвергая себя самоотреченію касательно пищи, питья и сна, онъ былъ человѣкъ весьма распущенный. Hist. Arcana, 12, p. 39; 13, p. 4.

средства этой щедрости слишкомъ часто добывались вымогательствомъ, безчестнымъ отправленіемъ правосудія, ложными обвиненіями и несправедливой конфискаціей [1]. Величайшимъ архитектурнымъ памятникомъ его царствованія была патріаршая церковь Превѣчной мудрости (св. Софія). Эта церковь первоначально построена была Константиномъ, затѣмъ была разрушена огнемъ во время
изгнанія св. І. Златоуста, и, будучи затѣмъ возстановле-
532 г. на опять, совершенно сгорѣла во время мятежа, из-
вѣстнаго подъ названіемъ Ника [2]. Юстиніанъ вы-
строилъ ее вновь на громадныя суммы [3]; и когда онъ въ день его
освященія обвелъ глазами величественное зданіе,
544 г. то, выразивъ благодарность Богу, дозволившему
ему закончить столь великое дѣло, воскликнулъ:
557 г. „о, Соломонъ, я превзошелъ тебя!“ Куполъ цер-
кви впослѣдствіи былъ разрушенъ землетрясеніемъ;
но Юстиніанъ вновь возстановилъ его еще выше и съ большимъ
блескомъ, и въ 36-мъ году своего царствованія
562 г. совершилъ второе освященіе. Штатъ собора былъ
утвержденъ однимъ изъ его законовъ, которымъ допускалось при немъ 60 священниковъ, 100 діаконовъ, 40 діакониссъ, 90 иподіаконовъ, 110 чтецовъ, 25 пѣвцовъ и 100 привратниковъ [4]. Какъ ни великъ этотъ штатъ, однако самый законъ, опредѣляющій его, былъ направленъ къ подрыву обычая епископовъ, которые имѣли обыкновеніе рукополагать духовенство безъ всякаго ограниченія, не обращая вниманія на то, имѣла ли церковь достаточныя средства для содержанія его, или нѣтъ.

Къ царствованію Юстиніана относится уничтоженіе философскаго язычества. Неоплатоники все еще продолжали учить въ Аѳинахъ. Теперь они, правда, были принуждаемы совнѣ уважать государственную религію, но ихъ внутреннее ученіе было языческимъ, и ихъ система, съ ея мистицизмомъ и притязаніями на сношеніе съ высшими силами, носила странное сходство съ суевѣріями, которыя въ то же время проникали и въ церковь. Съ цѣлью лишить язычество этой послѣдней опоры, Юстиніанъ въ 529 г. издалъ повелѣ-
ніе о закрытіи философскихъ школъ въ Аѳинахъ,
531 г. вслѣдствіе чего Симплицій и шесть другихъ филосо-
фовъ, лишившихся этимъ указомъ своего занятія

---

[1] Hist. Arcana, 8, 13, 14.

[2] Объ этомъ мятежѣ, который возникъ изъ спора между голубыми и зелеными партіями цирка, см. *Procop.* De Bello Persico., i, 24.

[3] Съ цѣлью предохраненія отъ пожара, при построеніи совершенно не употреблялось дерево, и матеріалы скрѣплялись желѣзомъ.

[4] Novel. iii, 1. Тамъ есть и общій законъ противъ безграничнаго рукоположенія. Novel. vi, 8.

и, чувствуя себя не безопасными въ предѣлахъ имперіи, рѣшились выселиться въ Персію и искать покровительства царя Хозроя, о просвѣщенности котораго до нихъ доходила преувеличенная молва, и подданные котораго описывались въ качествѣ безупречныхъ образцовъ всякой общественной добродѣтели. Но хотя они и хорошо были приняты этимъ царемъ, однако жестоко разочаровались въ своихъ ожиданіяхъ и тоскливо обращали взоры къ своей родной странѣ, въ которую они сильно желали возвратиться, даже рискуя подвергнуться гоненію. Въ одномъ договорѣ съ Юстиніаномъ Хозрой поставилъ условіемъ, чтобы они были изъяты отъ карательныхъ законовъ противъ ихъ религіи, и дѣйствительно, они спокойно прожили остатки своихъ дней, не оставивъ послѣ себя никакихъ учениковъ или послѣдователей [1]).

Въ томъ же самомъ году, въ которомъ изданъ былъ указъ о закрытіи аѳинскихъ школъ, императоръ постановилъ, чтобы всѣ язычники и еретики были лишены гражданскихъ 529 г. или военныхъ должностей. Имъ дано было три мѣсяца для выбора между обращеніемъ въ православіе и изгнаніемъ, или, если имъ и дозволялось оставаться безъ отреченія отъ своихъ заблужденій, они подлежали лишенію всякихъ гражданскихъ правъ. Результатомъ этого было множество мнимыхъ обращеній, причемъ указъ этотъ послужилъ поводомъ къ серьезному возмущенію среди самарянъ, и многіе сектанты, не хотѣвшіе лицемѣрно перемѣнить свою религію по приказу императора, были доводимы изувѣрствомъ до самоубійствъ. Самый замѣчательный актъ этого рода былъ совершенъ нѣкоторыми монтанистами во Фригіи, которые, запершись въ своихъ молитвенныхъ домахъ, подожгли ихъ и погибли въ пламени.

Хотя Юстиніанъ былъ „синодитъ“, то есть приверженецъ собора Халкидонскаго, его жена Ѳеодора, которую онъ возвелъ въ положеніе сотоварища по управленію имперіей, была ревностной монофизиткой. Такъ какъ ея вліяніе на своего супруга было безграничнымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то полагаютъ, что это раздѣленіе богословскихъ интересовъ могло быть предметомъ особаго политическаго соглашенія между императорской четой. Ѳеодора собрала вокругъ себя партію монофизитовъ; она склонила Юстиніана пригласить Севера, изгнаннаго 535 г. патріарха антіохійскаго, въ столицу, и даже возвела Анѳима, тайнаго врага собора Халкидонскаго, на патріаршій престолъ Константинополя. Черезъ годъ послѣ этого назначенія, Агапитъ, епископъ римскій, 536 г.

---

[1]) Agathias, ɪɪ, 30. У него есть любопытное мѣсто о преувеличенной молвѣ, которая ходила касательно необычайной просвѣщенности этого варварскаго царя (ɪɪ, 28).

былъ принужденъ готскимъ царемъ Теодагатомъ предпринять миссію въ Константинополь, съ цѣлью отвращенія угрожавшаго ему нападенія со стороны Юстиніана. Миссія не достигла своей политической цѣли, но, по просьбѣ православной партіи, Агапитъ обличилъ предъ императоромъ неправославіе Анѳима, и добился его низложенія на томъ основаніи, что онъ былъ неканонически переведенъ съ другой каѳедры. На вакантную каѳедру былъ возведенъ Минна, который былъ рукоположенъ папой, и вскорѣ затѣмъ онъ созвалъ соборъ, на которомъ Анѳимъ, послѣ изслѣдованія его мнѣній, найденъ былъ виновнымъ въ ереси и отлученъ [1]).

Агапитъ умеръ въ Константинополѣ до созванія этого собора, и сопровождавшій его архидіаконъ Вигилій, по понужденію Ѳеодоры, сдѣлался кандидатомъ на папскій престолъ. Императоръ обѣщался поддерживать его своимъ вліяніемъ и деньгами, если только онъ осудитъ соборъ Халкидонскій и войдетъ въ общеніе съ Анѳимомъ и другими монофизитами. Но прежде чѣмъ онъ достигъ Рима, на папскій престолъ былъ избранъ субдіаконъ, по имени Сильверій, сынъ папы Ормизды. Въ слѣдующемъ году, когда Велизарій былъ осажденъ въ Римѣ готами, Сильверій вытребованъ былъ явиться къ нему. 537 г. Жена полководца, Антонина, развалившись на лежанкѣ, причемъ Велизарій занималъ мѣсто у ея ногъ, укоряла папу за измѣнническія сношенія съ врагомъ. Его попытки устранить это обвиненіе были опровергнуты представленіемъ письменныхъ доказательствъ; онъ немедленно же былъ лишенъ знаковъ своего достоинства и отправленъ моремъ на востокъ, причемъ Вигилій былъ избранъ на его мѣсто и выплатилъ въ пользу Велизарія 200 фунтовъ золота [2]). Сильверій, послѣ изгнанія въ Патару, въ Ликіи, былъ отправленъ Юстиніаномъ назадъ въ Италію, съ цѣлью новаго разслѣдованія его дѣла; но по наущенію своего соперника онъ былъ схваченъ и отправленъ на островъ Пальмарію (Пальмарола), гдѣ и умеръ отъ голода. Хотя однако же Вигилій такимъ образомъ освободился отъ своего соперника, положеніе его было весьма затруднительное и опасное, потому что онъ вошелъ въ тайное соглашеніе съ Ѳеодорой дѣйствовать противъ собора Халкидонскаго, между тѣмъ какъ его общественное положеніе обязывало его какъ разъ къ противоположному образу дѣйствія [3]).

Начиная приблизительно съ 520 года, монастыри Палестины были волнуемы спорами по вопросу о мнѣніяхъ Оригена, которыя особенно поддерживались членами такъ называемой „новой лавры“ (общества, основаннаго св. Саввой въ началѣ этого столѣтія), между тѣмъ какъ другіе монахи, по большей части, были рѣзкими противниками Оригена. При этомъ не обходилось безъ взаимныхъ укоровъ, изгнаній, частыхъ побоищъ и кровопролитій. Патріархи антіохійскій и іерусалимскій были не въ состояніи уладить эти разногласія, и Юстиніанъ былъ вполнѣ доволенъ, когда къ нему обратились съ аппелляціею по этому дѣлу. Онъ написалъ письмо къ патріарху Миннѣ, порицая нѣкоторыя ученія, извлеченныя или выведенныя изъ сочиненій Оригена, объявилъ эти ученія заимствованными у Платона и манихеевъ (очевидно забывая, что Манесъ жилъ позже Оригена), и желалъ, чтобы патріархъ подвергъ этотъ вопросъ разсмотрѣнію мѣстнаго собора. Этимъ соборомъ мнѣнія Оригена опять были осуждены, и противъ нихъ произнесено было 15 анаѳемъ [1]). Императорскій манифестъ былъ подписанъ Вигиліемъ и четырьмя патріархами востока, но теченіе церковныхъ дѣлъ теперь приняло любопытный и неожиданный оборотъ.

---

[1]) Hard. II, 1257—62; Liberat. 21 (Patrol. LXVI, 47 и слѣд.); Evagr. IV, 11.

[2]) Liberat. 22.

[3]) Liberat, 22; Victor. Tunnun. Patrol. LXVIII, 563. Епископъ Гефеле однако же подвергаетъ сомнѣнію разсказъ объ этомъ соглашеніи съ императрицей (II, 795).

На Юстиніана пріобрѣлъ большое вліяніе Ѳеодоръ Аскида, монахъ оригенистическихъ мыслей, который назначенъ былъ на епископію кесарійскую, въ Каппадокіи, но обыкновенно проживалъ въ Константинополѣ. Какими то изворотами казуистики онъ нашелъ возможнымъ самъ подписать анаѳемы противъ Оригена, но чувствовалъ необходимость отвратить умъ императора отъ того опаснаго направленія, на которое онъ вступилъ теперь. Зная желаніе Юстиніана склонить акефаловъ къ православію, Ѳеодоръ заявилъ ему, что ихъ противодѣйствіе собору Халкидонскому вытекало не изъ отрицанія его ученія, но изъ признанія имъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ несторіанствѣ, каковы Ѳеодоритъ и Ива; поэтому онъ высказалъ мысль, что осужденіемъ этихъ епископовъ, съ предполагаемымъ отцемъ несторіанства Ѳеодоромъ мопсуестскимъ, предубѣжденія этой общины могли быть разсѣяны, и акефалы могли бы быть склонены къ примиренію съ церковью. Что касается возраженія противъ осужденія лицъ, умершихъ въ православномъ общеніи, то оно, по его мнѣнію, устранялось недавнимъ прецедентомъ анаѳемъ противъ Оригена. Этимъ намекомъ Аскида могъ надѣяться не только найти важный предметъ для занятія императора новымъ вопросомъ, но несомнѣнно и удовлетворить себя лично въ качествѣ оригениста—осужденіемъ великаго представителя буквальнаго толкованія, и въ качествѣ монофизита—нанесеніемъ удара авторитету 4-го вселенскаго собора [2]).

---

[1]) Hard. ш, 284—8. Эти анаѳемы долго считались произнесенными 5-мъ вселенскимъ соборомъ; но теперь, повидимому, установилось соглашеніе, что онѣ принадлежатъ мѣстному собору, бывшему при Миннѣ (Hefele, п, 767).

[2]) Liberat. 24; Evagr. ıv, 38.

544 г. (?)

Уловка эта была настолько успѣшна, что вмѣсто споровъ касательно оригенизма и монофизитства общее вниманіе скоро занято было споромъ о томъ, насколько извѣстныя сочиненія, имѣвшія за собою уже вѣковую древность, были благопріятны для несторіанства. Юстиніанъ издалъ указъ, которымъ онъ осуждалъ Ѳеодора мопсуестскаго и его труды, сочиненія Ѳеодорита въ пользу Несторія и противъ Кирилла, и письмо отъ Ивы къ персіянину, по имени Марису. Въ этомъ письмѣ, писанномъ въ чрезвычайномъ возбужденіи, дѣлались рѣзкіе отзывы о Кириллѣ, но его православіе въ отношеніи ученія выразительно было признано въ Халкидонѣ. Императоръ, однако же, старался примирить свое осужденіе этого письма съ заявленіемъ уваженія къ собору предположеніемъ, что подлинный документъ, одобренный отцами Халкидонскаго собора, былъ подмѣненъ подложнымъ [1]. Предъявлено было требованіе, чтобы указъ былъ подписанъ всѣми епископами. Минна подписалъ его подъ условіемъ, что онъ сохраняетъ за собою право уничтожить свою подпись, если епископъ римскій откажется дать свое согласіе на это,— право, которымъ онъ не воспользовался впослѣдствіи. Восточные епископы вообще подчинились этому требованію, хотя патріархи александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій, со многими другими, обнаружили большую неохоту къ подписи; тѣ немногіе, которые отказались совсѣмъ, были изгнаны. Но въ Африкѣ, гдѣ старый духъ независимости церкви дѣйствовалъ въ противоположность свѣтской власти въ вѣкъ вандальскаго угнетенія, предложеніе это встрѣтило живое противодѣйствіе. Африканскіе епископы протестовали противъ возбужденія вопросовъ, улаженныхъ соборомъ Халкидонскимъ, или осужденія лицъ, умершихъ въ общеніи съ церковью, и подобное же расположеніе къ противодѣйствію обнаруживалось и въ другихъ странахъ. Возбужденіе возросло до такой степени, что Аскида, будто бы, впослѣдствіи сознавался, что онъ самъ и римскій діаконъ Пелагій, замѣшанный въ дѣлѣ доведенія оригенистическаго спора до свѣденія императора, заслуживали бы быть сожженными за-живо, какъ виновники этого смятенія [2].

545 г.

Вигилій, встревоженный этими событіями и настояніемъ своего собственнаго духовенства [3], отказался подписать эдиктъ и былъ принужденъ императоромъ (который, вѣроятно, опасался новаго раздѣленія между восточной и западной церквами) отправиться въ Константинополь, гдѣ его и удерживали почти въ теченіе семи лѣтъ. Его легатъ Стефанъ, съ другими духовными лицами запада, находившимися тогда въ Константинополѣ, прервали общеніе съ Минной на томъ основаніи, что патріархъ не могъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ иначе, какъ въ согласіи съ папой, какъ они согласились раньше. Вигилій сначала отказался войти въ общеніе съ Минной, но склоненъ былъ къ соглашенію съ нимъ Θеодорой, умершей черезъ годъ по прибытіи папы, и онъ въ тайномъ письменномъ соглашеніи далъ обязательство Юстиніану осудить „три главы“ [1]), какъ стали называться вообще пункты въ вопросѣ касательно Θеодора, Θеодорита и Ивы. Папа предложилъ это дѣло на разсмотрѣніе собора изъ 70 западныхъ епископовъ, состоявшагося въ Константинополѣ въ 548 году; но такъ какъ африканскіе члены собора твердо отказывались измѣнить свой образъ дѣйствія, то стало очевиднымъ, что нельзя было достигнуть благопріятнаго рѣшенія вопроса, и онъ закрылъ соборъ. Вигилій затѣмъ старался склонить на свою сторону епископовъ каждаго въ отдѣльности, и издалъ документъ, извѣстный подъ названіемъ Judicatum, въ которомъ онъ пытался удовлетворить обѣ стороны,—восточныхъ осужденіемъ „трехъ главъ“, и латинянъ заявленіемъ, что онъ дѣлалъ это безъ всякаго предубѣжденія къ собору Халкидонскому [2]). Но въ послѣднемъ отношеніи онъ крайне былъ разочарованъ. Одинъ африканскій соборъ, при Репаратѣ карθагенскомъ, отлучилъ его; церкви иллирійская и далматійская заявили сильное противодѣйствіе, и волненіе распространилось даже до Галліи и Скиθіи; даже нѣкоторые изъ діаконовъ самого папы, сопровождавшихъ его въ Константинополь, обвиняли своего владыку въ оставленіи имъ собора Халкидонскаго, и возвратились въ Римъ для возбужденія противъ него запада. Факундъ, епископъ герміанскій въ Африкѣ, выдававшійся на соборѣ Константинопольскомъ, обратился къ императору, въ 549 году, съ дѣльной и горячей защитой „трехъ главъ“. Онъ отстаивалъ православіе Θеодора мопсуестскаго, доказывалъ, что онъ, Θеодоритъ, а также и Ива не могли быть осуждены безъ подрыва собора Халкидонскаго и отрицанія его авторитета противъ евтихіанства, и открыто заявлялъ желаніе, чтобы императоръ извлекъ для себя предостереженіе изъ сравненія между тѣми изъ его предшественниковъ, которые предоставляли рѣ-

---

[1] Отрывки этого указа сохранены у *Facundus*, pro Defens. iii, Capitulorum, ii, 3; iv, 4 (Patrol. lxvii, 361, 628).

[2] Liberat. 24.

[3] Римское духовенство, не зная какъ дѣйствовать во время этихъ новыхъ разногласій, обращалось за совѣтомъ къ ученому африканскому діакону Феррандy, и руководилось его отвѣтомъ. Ferrand. Ep. 6 (Patrol. lxvii).

548 г.

549 г.

---

[1]) Κεφάλαια, capitula.

[2]) Теперь существуютъ только отрывки этого Judicatum'а (Patrol. lxix, 34).

шеніе богословскихъ вопросовъ епископамъ, и тѣми, которые дерзали брать ихъ въ свои руки [1]).

Единственнымъ средствомъ, къ которому Вигилій могъ теперь обратиться съ цѣлью выпутаться изъ затрудненія, именно нерѣшительности между желаніемъ императора съ одной стороны и рѣшительнымъ противодѣйствіемъ своихъ западныхъ собратьевъ съ другой, былъ вселенскій соборъ; поэтому онъ предложилъ созвать такой соборъ, и устранилъ свой Judicatum, пока не состоится этотъ соборъ [2]). Юстиніанъ согласился, но опасаясь, чтобы папа не попытался какимъ нибудь образомъ уклониться отъ прямаго рѣшенія дѣла подъ прикрытіемъ собора, онъ взялъ съ него новое обязательство, подтвержденное клятвой на гвоздяхъ св. креста и на Евангеліи, всѣ свои силы употребить на достиженіе императорскихъ намѣреній [3]). 551 г. Когда однако же императоръ изложилъ также длинное и подробное исповѣданіе вѣры, подписать которое онъ требовалъ отъ папы и другихъ епископовъ, то Вигилій отказался, угрожалъ отлученіемъ тѣмъ, которые согласятся на подпись, и съ Датіемъ, архіепископомъ миланскимъ, который особенно настойчивъ былъ въ своемъ отказѣ, нашли убѣжище въ церкви. 551 г. Для ареста его посланъ былъ преторъ съ отрядомъ войскъ. Папа спрятался подъ престоломъ, и когда солдаты пытались вытащить его за ноги, за волосы и за бороду, онъ такъ крѣпко держался за столбы, что нѣкоторые изъ нихъ сломались, и престолъ упалъ бы на него, если бы нѣкоторые клирики не поддержали его. Всѣ свидѣтели этой безобразной сцены разразились громкими криками, къ которымъ присоединились даже нѣкоторые изъ воиновъ, и преторъ вынужденъ былъ отъ стыда отказаться отъ этой своей попытки [4]). Клятвами въ безопасности Вигилія уговорили оставить церковь, но узнавъ, что помѣщеніе его охраняется императорскими солдатами, онъ ночью бѣжалъ съ Датіемъ и другими сообщниками въ Халкидонъ 23 дек. 551 г. и искалъ убѣжища въ церкви св. Евфиміи,—въ той самой, въ которой имѣлъ свои засѣданія вселенскій соборъ, какъ разъ столѣтіе предъ тѣмъ. Наконецъ, послѣ многихъ предложеній со стороны императора, его убѣдили возвратиться въ Константинополь [5]).

Когда Вигилій находился въ Халкидонѣ, патріархъ Минна

---

[1]) Liberat. XII, 3—5.

[2]) Patrol. LXIX, 115.

[3]) Juram. Vigilii, Patrol. XLIX, 121.

[4]) Vigil. Ep. 15 (тамъ же, 55); Ep. Cler. Ital. (тамъ же, 117); Acta SS. Januar. 14, p. 252.

[5]) Vigil. Ep. 15.

умеръ, и на каѳедру константинопольскую былъ на-
значенъ Евтихій, который обратилъ на себя вни- Авг. 552 г.
маніе императора указаніемъ библейскаго примѣра
для осужденія умершихъ неправославныхъ богослововъ, именно, сожженія костей идолопоклонниковъ Іосіей [1]).

Въ маѣ 553 года, въ Константинополѣ собрался пятый вселенскій соборъ, на которомъ присутствовало 165 епископовъ. Среди нихъ были всѣ восточные патріархи, но съ Запада было только 5 африканскихъ епископовъ [2]). Такъ какъ отсутствіе Вигилія давало поводъ опасаться раздѣленія въ церкви, то ему неоднократно посылались приглашенія, и другіе патріархи настойчиво просили его присутствовать на соборѣ; но онъ упорно отказывался—то по причинѣ болѣзни, то на томъ основаніи, что въ отношеніи его не исполнено было обѣщаніе въ полученіи надлежащаго представительства западной церкви. Онъ отправилъ императору бумагу, подписанную имъ самимъ и 16 другими епископами, и извѣстную подъ названіемъ Constitutum, въ которой онъ старался занять среднее положеніе, осуждая подлежавшія обсужденію сочиненія, но безъ всякаго отношенія къ авторамъ, даже къ Ѳеодору мопсуестскому [3]). Вслѣдствіе этого Юстиніанъ приказалъ изложить предъ соборомъ тайное соглашеніе, которое заключилъ съ нимъ Вигилій, и желалъ, чтобы папа былъ исключенъ изъ диптиховъ, заявляя въ тоже время желаніе оставаться въ общеніи съ римской каѳедрой, и соборъ поступилъ согласно съ этимъ желаніемъ [4]). „Три главы“ были осуждены, и произнесена анаѳема противъ всѣхъ, которые бы стали защищать ихъ или заявлять, что они поддерживались соборомъ Халкидонскимъ [5]). Память Ѳеодорита и Ивы была пощажена, но Ѳеодоръ подвергся одинаковому осужденію съ своими сочиненіями, Четыре прежнихъ вселенскихъ собора были подтверждены; указы императора касательно религіозныхъ дѣлъ одобрены, но за исключеніемъ этого косвеннаго указанія не видно, чтобы мнѣнія Оригена подвергались порицанію или даже разсмотрѣнію [6]).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Вигилій, угнетаемый порицаніемъ

---

[1]) 4 Цар. xxiii, 16; Evagr. iv, 38.

[2]) Репаратъ карѳагенскій отправился въ Константинополь съ цѣлью присутствовать на соборѣ. Но такъ какъ было найдено, что онъ не согласится съ желаніями Юстиніана, то и былъ изгнанъ по обвиненію въ преступленіи противъ государства. Дворъ назначилъ ему преемника, который предъ своимъ рукоположеніемъ осудилъ „три главы“, и онъ былъ возведенъ на свою каѳедру не безъ нѣкотораго кровопролитія. Другіе африканскіе епископы, одинъ за другимъ, также принуждены были согласиться. Ep. Cler. Ital., 116.

[3]) Patrol. lxix, 67 и слѣд.

[4]) *Baluz.* Col. Nova Concil., 1538—46.

[5]) Hard. iii, 194, 187—200; Evagr. iv, 38.

[6]) Это, однако же, подвергается сомнѣнію. См. Baron. 553, 238—44.

собора, устрашенный наказаніемъ противниковъ его, а также и подъ вліяніемъ успѣховъ оружія Нарсеса, обезпечившихъ Италію за императоромъ, заявилъ покорность рѣшеніямъ собора, свое прежнее разномысліе приписывалъ коварству діавола, и все это
изложилъ въ пространной бумагѣ, отмѣняя всѣ свои
554 г. дѣйствія съ другой стороны. Императоръ тогда
далъ ему позволеніе возвратиться на свою каѳедру,
и Вигилій отправился въ Римъ; но на своемъ пути въ
этотъ городъ онъ умеръ въ Сиракузахъ. Ему на-
7 іюня 555 г. слѣдовалъ его архидіаконъ Пелагій, благодаря вліянію
Юстиніана, который при этомъ случаѣ въ первый
разъ присвоилъ императорской коронѣ право утвержденія выбора[1]); но—или изъ ненависти къ нему, какъ къ соучастнику въ политикѣ покойнаго папы, или потому (по другому свидѣтельству), что его подозрѣвали въ соучастіи въ страданіяхъ и смерти Вигилія, Пелагій нашелъ только двухъ епископовъ, которые соглашались посвятить его. Разсказываютъ, что съ цѣлью разсѣять имѣвшіяся противъ него подозрѣнія онъ взошелъ на каѳедру ап. Петра и клялся Евангеліемъ и Крестомъ, что онъ не принималъ никакого участія въ причиненіи бѣдствій своему предшественнику.

Пелагій придерживался послѣдняго собора, и съ помощью Нар-
сеса вынуждалъ къ принятію его лишеніемъ сана, ссыл-
556—9 г. кой и другими наказаніями[2]). Но на западѣ (гдѣ
сочиненія Ѳеодора мопсуестскаго были неизвѣстны,
гдѣ несторіане въ дѣйствительности не опирались на его имя и не могли возбудить предубѣжденія противъ него, гдѣ на осужденіе Ѳеодора и Ивы, главнымъ образомъ, смотрѣли какъ на опасное для авторитета собора Халкидонскаго) рѣшенія пятаго собора вообще встрѣ-
чали противодѣйствіе, даже со стороны подданныхъ
570—80 г. имперіи. Епископы итальянскаго діоцеза вслѣдствіе
этого отдѣлились отъ Рима, и хотя Миланъ и Ра-
венна скоро вынуждены были, страхомъ ломбардскаго нашествія, искать примиренія, однако же митрополиты Аквилеи, вмѣстѣ съ Истрійскими епископами, въ теченіе почти полутора вѣка оставались въ раздѣленіи[3]).

Среди разнообразныхъ мнѣній, возникшихъ изъ монофизитскаго спора, выдавалось одно, поддерживавшееся Юліаномъ галикарнасскимъ, въ царствованіе Юстина искавшимъ убѣжища въ Александріи [1]). Этотъ учитель проповѣдывалъ, что тѣло Спасителя было нетлѣннымъ, что оно было изъято отъ смерти подобно тому, какъ было бы изъято отъ нея тѣло Адама, если бы онъ оставался въ своей невинности; что оно было тѣмъ же самымъ какъ прежде, такъ и послѣ воскресенія; что Его голодъ, жажда, усталость и т. п. вытекали отнюдь не изъ состава Его человѣческаго естества, но были чувствами, которымъ Онъ добровольно подвергалъ Самого Себя. Вслѣдствіе такого мнѣнія о нетлѣнности послѣдователи Юліана назывались *афѳартодокетами (нетлѣнниками)*, за каковое названіе они мстили своимъ противникамъ названіемъ *фартолатровъ* (то есть, служителей или поклонниковъ тлѣннаго). Юстиніанъ въ своихъ преклонныхъ лѣтахъ, вѣроятно подъ вліяніемъ Ѳеодора Аскиды, склонился къ мнѣніямъ Юліана, и въ январѣ 565 года издалъ указъ, которымъ подтверждалось афѳартодокетское ученіе и требовалась подпись подъ нимъ отъ всѣхъ епископовъ. Евтихій константинопольскій, отказавшійся отъ подписи на томъ основаніи, что ученіе это низводило воплощеніе на степень простаго призрака, былъ изгнанъ за свое упорство [2]). Восточные епископы по большей части заявили, что они слѣдуютъ Анастасію антіохійскому, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ, и этотъ патріархъ настойчиво доказывалъ, на основаніи св. Писанія и вѣры церкви, что во всѣхъ непорочныхъ ощущеніяхъ тѣло Спасителя было подобно нашимъ тѣламъ. Анастасій уже готовился къ низложенію, и 14 нояб. 565 г. составилъ прощальное посланіе къ своей паствѣ, когда дѣло противъ православныхъ было прекращено за смертью императора, скончавшагося въ восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ [3]).

---

[1]) Раньше имъ уже пользовались готскіе короли.

[2]) См. его письма къ Нарсесу, Patrol. LXIX, 393 и слѣд., къ Валеріану, 414

[3]) До 698 или 701 года. Время отъ времени, однако же, были частныя примиренія. Повидимому, въ это же время епископы Аквилеи присвоили себѣ титулъ патріарха. Патріархъ Аквилейскій впослѣдствіи былъ вынужденъ основать свою каѳедру въ Градо, и, по перенесеніи его резиденціи опять въ Аквилею, установленъ былъ новый патріархатъ Градонскій.

Монофизитство и послѣ смерти императора продолжало существовать еще въ странахъ, лежавшихъ за предѣлами его владѣній, въ Арменіи, а также среди населенія Сиріи и Египта.

Армяне съ 369 года находились подъ персидскимъ игомъ. Послѣ долгаго противодѣйствія попыткамъ склонить ихъ къ религіи волхвовъ, имъ наконецъ позволено было сохранять христіанство. Но они все еще подвергались гоненію, и въ то время, какъ общность религіи уже раньше доставила имъ союзъ римлянъ, они нашли, что благосклонностью ихъ новыхъ государей пользовалось христіанство, отличное отъ признаннаго императорами. Отсюда это соображеніе, вмѣстѣ съ другими побужденіями, привело ихъ къ принятію монофизитской вѣры. На соборѣ Твинскомъ или Довинскомъ, въ 596 году, Армянская церковь осудила соборъ Халкидонскій и до настоящаго времени держится афѳартодокетскаго ученія касательно тѣла Спасителя.

---

[1]) Liberat., 19.

[2]) Онъ былъ возстановленъ въ 577 г. по смерти Іоанна, поставленнаго на его мѣсто.

[3]) Evagr. IV, 40, 41.

Въ Сиріи, гдѣ монофизитскіе епископы и духовенство были удалены ссылками, тюремнымъ заключеніемъ и другими способами гоненія, одинъ монахъ, по имени Іаковъ, предпринялъ трудъ спасти свою партію отъ исчезновенія. Съ этою цѣлью онъ отыскалъ нѣсколькихъ монофизитскихъ прелатовъ, находившихся въ тюремномъ заключеніи въ Константинополѣ, и получилъ отъ нихъ посвященіе въ качествѣ епископа едесскаго, съ правомъ общаго наблюденія за интересами ихъ дѣла по всему востоку. Въ одеждѣ нищаго, отъ которой онъ получилъ названіе Ал-Барадая (лохмотникъ), онъ неутомимо путешествовалъ по Сиріи и Месопотаміи, тайно возбуждая ревность монофизитовъ, организуя ихъ въ цѣльную общину и посвящая имъ епископовъ и духовенство. Послѣ своей смерти въ 578 г., онъ оставилъ большую и цвѣтущую общину подъ начальствомъ главы, заявлявшей притязанія на патріаршій престолъ Антіохіи, и эта секта, хотя и значительно потерявшая въ значеніи, продолжаетъ существовать еще и теперь. Отъ Іакова Ал-Барадая монофизиты другихъ странъ, равно какъ и тѣхъ, въ которыхъ онъ трудился, получили названіе *іаковитовъ*.

По смерти Тимоѳея, патріарха александрійскаго, въ 537 году, между монофизитскими партіями тлѣнниковъ и нетлѣнниковъ возникъ яростный споръ изъ за этой каѳедры. Правительство Юстиніана поддерживало тлѣнника Ѳеодосія, но, давъ ему побѣду надъ его соперникомъ Гаіаномъ, оно устранило его затѣмъ въ пользу православнаго монаха, по имени Павла. Хотя однако же православный патріархъ вступилъ въ обладаніе своей каѳедрой, монахи вообще и масса народа оставались монофизитами, и изъ Египта ересь сообщилась даже дочери-церкви Абиссинской. Православные Египта были называемы со стороны своихъ противниковъ *мелхитами* (или имперіалистами), и противъ собора Халкидонскаго возбуждено было также чувство національности. Во время этихъ александрійскихъ споровъ, большая часть города была сожжена, и они сопровождались ужасными кровопролитіями. Разсказываютъ, что при водвореніи Аполлинарія на патріаршій престолъ, въ 551 году, въ одинъ день было избито 200,000 человѣкъ, каковое сообщеніе, хотя и несомнѣнно преувеличенное, указываетъ на какую нибудь страшную истину, лежащую въ его основѣ. Этими внутренними раздорами среди христіанскихъ партій Египта былъ подготовленъ путь для сарацинскихъ завоевателей слѣдующаго столѣтія.

ГЛАВА XXI.

Полупелагіанство.—Миссіи.—Упадокъ аріанства на Западѣ.

I. Выше было уже упомянуто, что въ Галліи распространились полупелагіанскія мнѣнія, и что бл. Августинъ побужденъ былъ Просперомъ аквитанскимъ и Иларіемъ писать противъ нихъ [1]. Полемика эта была съ большою ревностью и оживленностью поддерживаема самимъ Просперомъ, который нападалъ на „массилійцевъ" не только въ трактатахъ обычной формы, но и въ поэмѣ, состоящей изъ тысячи строкъ [2], и въ эпиграммахъ. Черезъ годъ послѣ смерти бл. Августина, Просперъ 431 г. и Иларій отправились въ Римъ, съ цѣлью побудить Целестина произнести осужденіе полупелагіанства, и вслѣдствіе ихъ просьбы епископъ написалъ письмо къ своимъ галльскимъ собратьямъ, въ которомъ, высоко восхваливъ Августина, порицалъ тѣхъ лицъ, которыя „занимались безполезными изслѣдованіями и вводили новшества въ ученіе" [3]. Эти выраженія однакоже можно было толковать различно, и полупелагіане не преминули обратить ихъ противъ защитниковъ Августиновой системы [4]. Изъ аббатства лиринскаго, основаннаго въ началѣ V столѣтія Гоноратомъ, впослѣдствіи архіепископомъ арелатскимъ [5], вышелъ знаменитый монахъ Викентій, который велъ сильную полемику противъ крайнихъ приверженцевъ ученія бл. Августина [6]; полагаютъ даже, что его „Коммониторій", который сталъ считаться самымъ твердымъ правиломъ православія, былъ написанъ съ серьезнымъ 434 г. намѣреніемъ опровергнуть это ученіе своимъ хорошо извѣстнымъ испытаніемъ истины—древностью, всеобщностью и согласіемъ [7].

Потерпѣвъ неудачу въ подавленіи полупелагіанства властью Просперъ продолжалъ дѣятельно бороться противъ него своимъ перомъ. Какъ онъ, такъ и слѣдовавшіе за нимъ въ томъ же направленіи, всячески старались ослабить тѣ части Августиновой системы, которыя могли казаться опасными для ученія объ обязательности благочестивой жизни, или несовмѣстимыми съ идеями божественной любви и справедливости. Нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ Просперъ пытался изъять изъ разсужденія, относя ихъ къ „тайнымъ дѣламъ Божіимъ“. „Богъ (говорилъ онъ) избралъ весь міръ изъ всего міра, и всѣ люди по усыновленію дѣлаются Его чадами изъ всего человѣчества“. Всякій, правильно крещенный, получаетъ прощеніе какъ первороднаго, такъ и наличнаго грѣха; если такія лица впослѣдствіи отпадутъ въ невѣріе или нечестіе, то они осуждаются не за свой первородный грѣхъ, а за свои собственныя преступленія, не вслѣдствіе безразборнаго осужденія, но вслѣдствіе предвѣденія Божія, что они злоупотребятъ своей свободной волей. Предопредѣленіе относится только къ тому, что свойственно Богу, а грѣхъ не свойственъ Ему; мы не должны поэтому говорить, что Онъ предопредѣляетъ ко грѣху, а только то, что Онъ предопредѣляетъ къ наказанію [1]).

---

[1] См. выше, стр. 402.

[2] *Carmen.* De Ingratis. Творенія Проспера находятся въ томѣ LI Патрологіи.

[3] Ep. 21 (Patrol. L).

[4] Напр. Vinc. Lirin. Common., 32—3 (Patrol L).

[5] Acta SS. Jan. 16.

[6] Objectiones Vincentianae, на которыя отвѣчалъ Просперъ.

[7] Бароній, впрочемъ, настойчиво доказываетъ (431, 188), что авторъ „Коммонитарія" былъ не одно и то же лицо съ этимъ Викентіемъ (Ср. Acta SS., Mai 24, p. 257).

Полупелагіанство и послѣ все еще продолжало существовать въ Галліи. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ поборниковъ его былъ Фавстъ, урожденецъ или Британніи, или Бретани, который во время изданія „Коммонитарія“ Викентія былъ аббатомъ лиринскимъ, и въ 456 году возведенъ былъ на епископію ріезскую. Онъ славился строгостью жизни и силой краснорѣчія, которое его современникъ Сидоній Аполлинарій, епископъ клермонскій, восхваляетъ въ преувеличенныхъ терминахъ [2]). Послѣ напрасныхъ стараній убѣдить одного пресвитера, по имени Люцида, державшагося крайнихъ мнѣній касательно предопредѣленія, Фавстъ, около 475 года, привелъ его на соборъ, засѣдавшій въ Арелатѣ, гдѣ Люцидъ принужденъ былъ отказаться отъ многихъ изъ своихъ мнѣній и признать, что какъ благодать, такъ и человѣческая дѣятельность требуются для послушанія божественной волѣ [3]). Соборъ поручилъ Фавсту написать опроверженіе заблужденій Люцида и его партіи, и другой соборъ, состоявшійся въ Ліонѣ, просилъ его сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ своему труду [4]), который такимъ образомъ имѣлъ какбы санкцію со стороны церкви Галльской. Онъ начинается опроверженіемъ болѣе грубыхъ ученій пелагіанства, и затѣмъ нападаетъ на Августинову систему, которую авторъ обвиняетъ въ антиноміанствѣ. Фавстъ, который былъ отправленъ въ ссылку аріаниномъ Еврикомъ въ 481 году, но возвратилъ себѣ каѳедру послѣ смерти этого государя три года спустя, умеръ около 491—3 года въ весьма преклонномъ возрастѣ. Память его прославлялась въ его собственной странѣ, какъ память святаго 1); но Авитъ, епископъ вьеннскій, Кесарій, епископъ арелатскій, и Клавдіанъ Мамертъ, пресвитеръ того же города, писали противъ его мнѣній, и вскорѣ послѣ его смерти его сочиненія были осуждены папой Геласіемъ въ декретальномъ посланіи, которое замѣчательно тѣмъ, что содержитъ въ себѣ самый ранній римскій списокъ запрещенныхъ книгъ 2). Сочиненіе Фавста „о благодати и свободной волѣ“ съ теченіемъ времени проникло въ Константинополь, гдѣ оно возбудило много толковъ среди братства скиѳскихъ монаховъ. Эти послѣдніе уже сносились съ Западомъ по возникшему въ то время вопросу: „одно ли только лицо изъ Троицы пострадало?“ 3) Они обращались къ Ормиздѣ, епископу римскому, съ цѣлью осужденія Фавста, и такъ какъ его опредѣленіе было недостаточно сильно, чтобы удовлетворить ихъ ревность, то ихъ посланные въ Римъ перенесли дѣло на разсмотрѣніе православныхъ епископовъ Африки, изгнанныхъ въ Сардинію вандалами 4). Самый выдающійся изъ этихъ епископовъ, Фульгенцій руспійскій, занялся этимъ вопросомъ послѣ своего возвращенія изъ ссылки Гильдерикомъ, и изложилъ Августиново ученіе въ смягченной формѣ, тщательно остерегаясь возможныхъ злоупотребленій 5), хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (напр. касательно судьбы некрещенныхъ дѣтей и даже тѣхъ, которые умираютъ въ утробѣ) онъ осмѣлился высказать мнѣніе, которое по своей суровости шло даже дальше его учителя 6).

---

[1]) Resp. ad Capitula Gallorum. I, 2, 8, 14; II, 8.

[2]) Ep. IX, 3, 9 (Patrol. LVIII).

[3]) Ep. ad Lucid. (Patrol. LIII, 681): Libellus Lucidi, ibid. 683. Дѣянія собора потеряны.

[4]) De Gratia Dei et Lib. Arbitrio. Геннадій (самъ полупелагіанинъ) высоко хвалитъ это произведеніе (De Script. Eccles. 85).

520—3 г.

Кесарій, занимавшій каѳедру арелатскую съ 501 до 542 года и почитавшійся за мудрость и благотворительность, которую онъ проявлялъ въ тяжкихъ обстоятельствахъ своего времени и своей страны 7), добился осужденія полупелагіанскихъ ученій со стороны галльскихъ епископовъ на соборѣ, происходившемъ въ 529 году въ Аравзѣ или нын. Оранжѣ 8). Въ этомъ осужденіи, однакоже, тщательно было избѣгнуто все, что могло бы смущать въ ученіи о предопредѣленіи. Мнѣніе о предопредѣленіи ко грѣху и осужденію было отвергнуто съ негодованіемъ и съ выраженіемъ сомнѣнія, дѣйствительно ли оно поддерживалось кѣмъ-нибудь; при-

---

1) Въ Патрологіи и въ Acta SS. (Январь, 16 р. 393) онъ называетъ его *святымъ*.

2) Patrol. lix, 164.

3) Patrol. lxiii, 471 и слѣд.

4) Документы, относящіеся къ скиѳскимъ монахамъ, находятся въ приложеніи къ твореніямъ бл. Августина (Patrol. xlv, 1771 и слѣд.).

5) Его сочиненія находятся въ Patrol. lxv.

6) De Fide ad Petrum. 61; Ep. xvii, 58—9.

7) См. его жизнь въ Patrol. lxvii, 100 и слѣд.

8) Conc. Arausiac. ii (Patrol lxvii, 1144 и слѣд.).

чемъ было изложено, что всѣмъ крещеннымъ дается достаточная благодать,—ученіе, несовмѣстимое съ понятіемъ о непреодолимой благодати и безусловныхъ опредѣленіяхъ. Рѣшенія аравзійскаго собора вскорѣ затѣмъ были подтверждены другимъ 530 г. соборомъ, бывшимъ въ Валенціи, и въ слѣдующемъ году они были утверждены папой Бонифаціемъ ~~н.~~ 2 Такимъ образомъ, насколько дѣло касалось формальнаго осужденія, полупелагіанство было подавлено на Западѣ.

II. Къ царствованію Юстина старшаго и Юстиніана относятся обращеніе лазовъ въ Колхидѣ, которые вслѣдствіе этого оставили свой союзъ съ персами и вступили въ союзъ съ римлянами; обращеніе абазговъ, близь Кавказскихъ горъ, и свирѣпаго племени геруловъ, которымъ въ царствованіе Анастасія позволено было переправиться чрезъ Дунай. Дикія племена около рѣки Дона были также посѣщаемы миссіонерами [1]). Сильное впечатлѣніе было произведено на этихъ кочевниковъ востока Симеономъ Столпникомъ и другими отшельниками, которыхъ они встрѣчали на пути своей бродячей жизни; одинъ сарацинскій вождь не только былъ обращенъ, но послѣ перемѣны въ крещеніи своего имени Аспебетъ на имя Петра былъ посвященъ для наблюденія надъ своимъ собственнымъ и другими племенами подъ названіемъ „епископа становъ“, и засѣдалъ на вселенскомъ соборѣ Ефесскомъ [2]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православные соперничали въ миссіонерскихъ усиліяхъ съ новыми сектами, но въ болѣе отдаленныхъ странахъ еретики вели болѣе дѣятельную пропаганду. Монофизиты, вдобавокъ къ своимъ пріобрѣтеніямъ въ странахъ, гдѣ уже насаждено было православное христіанство, обратили Нубію изъ язычества, причемъ проповѣдники несторіанства открывали и новое поприще для своихъ трудовъ на Востокѣ. Въ VI столѣтіи несторіанская школа въ Низибіи была единственнымъ правильнымъ заведеніемъ для образованія духовенства. Сектанты, изгнанные изъ имперіи, своимъ переселеніемъ усилили царство Персидское; ихъ религіозная враждебность къ вѣроисповѣданію императоровъ обезпечивала имъ благосклонность персидскихъ государей, и несторіанство было признано какъ единственная форма христіанства, пользовавшаяся вѣротерпимостью въ Персіи,—причемъ тысячи православныхъ и монофизитовъ были избиты за отказъ признавать его [3]). Персидскіе миссіонеры проникали вглубь Азіи и даже въ Китай, изъ каковой страны двое изъ нихъ, въ царствованіе Юстиніана, вывезли шелковичнаго червя въ Греческую имперію [1]). Косьма, несторіанинъ изъ Египта, первоначально купецъ и впослѣдствіи монахъ, извѣстный, вслѣдствіе своихъ экспедицій на востокъ, подъ именемъ Индикоплевста (то есть, индійскаго путешественника), находилъ христіанъ своего согласія, подъ главенствомъ епископовъ и духовенства изъ Персіи, на Цейлонѣ, въ Малабарѣ и другихъ мѣстахъ по берегамъ Индіи. Что касается однако же Цейлона, то онъ выразительно заявляетъ, что туземцы и ихъ короли были еще язычниками, и въ общемъ христіанство этихъ странъ, повидимому, простиралось лишь немного за предѣлы персидскихъ торговыхъ поселеній [2]).

---

[1]) Evagr. IV, 30, 33.

[2]) Тамъ же, VI, 22; Conc. Ephes. ap. Harduin, I, 1393, 1428.

[3]) Іоаннъ ефесскій, однако же, свидѣтельствуетъ, что Хозрой устроилъ собесѣдованіе между несторіанами и монофизитами, и былъ настолько пораженъ доводами монофизитовъ, что позволилъ имъ полную свободу въ религіи, вслѣдствіе чего они и поставили себѣ католикоса (или патріарха) въ 599 году.

Между абиссинцами и гомеритами, или гаміаритами, народомъ южной Аравіи, исповѣдывавшимъ іудейскую вѣру, происходили религіозныя войны; но свидѣтельства объ этихъ войнахъ отличаются разными противорѣчіями и другими несообразностями [3]).

III. На Западѣ завоеванія франковъ распространяли христіанство вездѣ, куда только ни проникали они, и оживляли его въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно уже было насаждено раньше, какъ напр. по теченію рѣки Роны.

Религія этихъ западныхъ обращенцевъ была слишкомъ часто омрачаема какъ ихъ собственнымъ варварствомъ, такъ и испорченностью развращенныхъ народовъ, съ цивилизаціей которыхъ они приходили въ столкновеніе. Вмѣстѣ съ христіанствомъ связывалось и много языческихъ суевѣрій; Григорій Турскій передаетъ въ качествѣ народной поговорки въ Испаніи, что „не бѣда, если кто нибудь проходящій между языческимъ жертвенникомъ и церковью Божіей отнесется съ благоговѣніемъ къ обоимъ“ [4]). Различные пороки терпѣлись духовенствомъ, которое, хотя и находилось въ весьма благоденственномъ состояніи, однако же еще не чувствовало себя достаточно сильнымъ, чтобы выступать на борьбу со страстями великихъ и сильныхъ міра сего. Судьба Претекстата, епископа руанскаго, который изъ-за оскорбленія знаменитой королевы Фредегунды былъ убитъ въ своемъ соборѣ во время обѣдни на Пасху [5]), была предостереженіемъ тѣмъ изъ его собратьевъ, которые могли бы чувствовать наклонность дѣйствовать смѣлѣе. Распущенность франкскихъ королей

586 г.

---

[1]) *Procop.* De Bello Goth. IV, 17.

[2]) Cosm. Indicopl. III, 178; XI, 337. (Въ Montfaucon, Collectio Nova Patrum, t. II, Paris, 1707). Косьма путешествовалъ около 522 года, и издалъ свой трудъ „Topographia Christiana“ около 547 года.

[3]) *Proc.* De Bell. Pers., I, 20.

[4]) Прокопій говоритъ, что франки, хотя и исповѣдывали христіанство, однако приносили человѣческія жертвы и совершали языческіе обряды гаданія. De Bel. Goth. II, 25.

[5]) Greg. Tur. VIII, 31, 41, Acta SS. Febr. 24.

была въ особенности ужасна, быть можетъ даже безпримѣрна въ лѣтописяхъ исторіи, и тонъ, которымъ говоритъ о такихъ личностяхъ епископъ Турскій, самъ бывшій человѣкомъ добрымъ и благочестивымъ, представляетъ достаточное доказательство, что его собственныя идеи были далеки отъ высоты христіанскаго идеала [1]).

575 г. Евангельскимъ правиломъ о прощеніи грѣховъ злоупотребляли для освященія распущенности и жестокости. Фредегунда, подстрекая двухъ изъ своихъ служителей убить Сигеберта, увѣряла ихъ, что если они останутся въ живыхъ, она будетъ высоко почитать ихъ, а если они погибнутъ во время своего покушенія, то она раздастъ щедрую милостыню о ихъ душахъ [2]). Убійцамъ позволено было искать убѣжища въ церквахъ, и они не могли быть взяты оттуда безъ клятвы о безопасности ихъ жизни. Среди самого духовенства, отъ епископовъ и ниже, было не мало пороковъ и даже преступленій. Фредегунда, при одномъ изъ многихъ своихъ убійствъ, пользовалась услугами двухъ духовныхъ лицъ, согласившихся дѣйствовать по найму въ качествѣ убійцъ [3]). Замѣчалась общая склонность къ обрядности и внѣшней пышности въ богослуженіи; тѣмъ не менѣе, такіе благочестивые люди, какъ Кесарій арелатскій, никогда не переставали заявлять о необходимости дѣйствительно живой вѣры и искренно религіозной жизни, и не смотря на весь мракъ и массу золъ этого времени, благодѣтельное вліяніе Евангелія можно прослѣдить въ гуманномъ и цивилизующемъ законодательствѣ.

IV. 563 г. Въ царствованіе преемника Юстиніанова, Юстина II, на Италію сдѣлалъ нашествіе Альбоинъ, король ломбардовъ, съ войскомъ изъ всевозможныхъ искателей приключеній, собранныхъ изъ разныхъ племенъ и исповѣдывавшихъ различныя религіи,—язычество, аріанство и православное христіанство. Экзархъ Нарсесъ, который навлекъ на себя негодованіе императора и смѣщенъ былъ съ должности, по предположенію принималъ участіе въ приглашеніи ломбардовъ, и хотя онъ вновь заявилъ свое вѣрноподданничество, однако же смерть скоро устранила его съ дороги этихъ варваровъ. Юстинъ былъ вынужденъ уступить имъ сѣверную и даже часть средней Италіи. Павія сдѣлалась столицей ломбардовъ, и около 20 лѣтъ спустя къ ихъ владѣніямъ присоединено было и княжество Беневентское. Аріанство, истребленное въ Италіи оружіемъ Велизарія и Нарсеса, опять было введено новыми завоевателями, и между ними оно долѣе всего держалось въ качествѣ національной религіи.

---

[1]) Giesel. I, II, 452—3. Григорій родился въ 539 г. и занималъ каѳедру Турскую съ 573 до 595 года.

[2]) Gesta Regum Francorum, 52 (Patrol. XCVI).

[3]) Greg. Tur. VIII, 29.

Въ Галліи аріанство вытѣснялось по мѣрѣ распространенія франкскаго владычества, которое повсюду мечемъ вводило православіе. Кловисъ, какъ мы видѣли, свою ревность противъ ереси сдѣлалъ даже предлогомъ для своего нашествія на Визиготское царство, и разсказываютъ, что когда стѣны Ангулемы чудесно пали предъ нимъ, онъ избилъ готскихъ жителей за ихъ неправую вѣру [1]. Сигизмундъ, король бургундскій, обратившійся въ православіе передъ своимъ восшествіемъ на престолъ въ 517 году, старался, подъ мудрымъ руководствомъ Авита, епископа вьеннскаго, склонять къ нему и своихъ подданныхъ; но среди бургундцевъ, какъ и въ другихъ странахъ, аріанство было подавлено только побѣдой франковъ [2]. Когда готскіе гарнизоны оставили сѣверную часть Альповъ, съ цѣлію выступить противъ Велизарія въ Италіи, готы уступили Провансъ франкамъ; уступка эта впослѣдствіи подтверждена была Юстиніаномъ, и такимъ образомъ ересь была изгнана изъ этой области [3].

Въ Испаніи свевы, подъ начальствомъ Теодомира, возвратились къ православной вѣрѣ около столѣтія спустя послѣ того какъ предки ихъ оставили ее. 559—569 г.

Амаларикъ, внукъ великаго Теодорика, къ которому перешли визиготскія владѣнія въ Испаніи и въ Галліи, къ западу отъ Роны, женился на Клотильдѣ, дочери Кловиса, и весьма жестокими мѣрами старался обратить ее въ аріанство. Ея братъ Хильдебертъ, приведенный въ негодованіе по полученіи отъ нея письма, запятнаннаго ея кровью, въ качествѣ доказательства того обращенія, которому она подвергалась со стороны своего мужа, объявилъ войну Амаларику, разбилъ 531 г. и убилъ его. При слѣдующемъ королѣ визиготовъ, Тевдисѣ, православные пользовались свободною вѣротерпимостью съ правомъ собирать соборы, и той же самой политики держались и его преемники до позднѣйшаго періода царствованія Леовигильда. Послѣ женитьбы Герменегильда, сына этого государя, на дочери Сигеберта, царя австразійскихъ франковъ, готская королева Госвинта, бывшая бабушкой молодой принцессы и вмѣстѣ тещей для ея мужа, прибѣгала къ разнымъ жестокостямъ, съ цѣлью совратить ее отъ православной вѣры. Герменегильдъ былъ изгнанъ изъ двора, и вскорѣ затѣмъ склоненъ былъ убѣжденіями своей жены и Леандра, епископа севильскаго, сдѣлаться православнымъ, каковой поступокъ оскорбилъ Леовигильда не только по религіознымъ основаніямъ, но и потому, что тутъ открывалась возможность для политической опасности отъ той связи, въ которую принцъ этотъ такимъ образомъ вступалъ съ православною частью подданныхъ своего отца. Вслѣдствіе этого, Герменегильдъ былъ лишенъ всякаго участія въ управленіи. Поддерживаемый чужеземными князьями своей новой вѣры, онъ возсталъ противъ своего 577—85 г. отца; но возстаніе было подавлено, и Герменегильдъ, какъ твердо отказавшійся возвратиться къ аріанству и давшій Леовигильду основаніе опасаться новаго возстанія съ его стороны, былъ преданъ смерти. Для Леовигильда поведеніе его сына послужило поводомъ къ разнымъ суровостямъ по отношенію къ православнымъ. Одинъ изъ ихъ епископовъ совершилъ отступничество и подвергся перекрещенію, но король, желая облегчить совращеніе къ своей ереси, настоялъ на одномъ аріанскомъ соборѣ, чтобы признано было крещеніе церкви. Послѣ смерти Герменегильда, онъ покорилъ свевовъ и присоединилъ ихъ королевство къ своему собственному, и какъ въ старой, такъ и въ новой частяхъ его владѣній православные подвергались гоненію до его смерти въ 586 году. Его сынъ, Рекаредъ, наслѣдовавшій послѣ него престолъ, провозгласилъ себя православнымъ. Противъ него строились вдовствующей королевой Госвинтой различныя козни, въ которыхъ принимала участіе аріанская партія; но ему удалось побороть ихъ, и соборъ изъ 70 епископовъ, засѣдавшій въ Толедо въ 589 году, водворилъ среди его народа православную вѣру. Такимъ образомъ, къ концу разсматриваемаго въ этой книгѣ періода, ломбарды были единственнымъ племенемъ, которое еще продолжало держаться аріанства.

---

[1] *Hincmar*, Vita Remigii (Patrol. cxxv).

[2] Acta SS. Febr. 5, pp. 670—71.

[3] *Procop*. De Bel. Goth., III, 33.

V. Въ то время, какъ Британская церковь стѣснена была въ горахъ, а саксонское язычество распространялось по остальнымъ частямъ страны, церковь Ирландская находилась въ весьма цвѣтущемъ состояніи. Одинъ ирландскій аббатъ королевскаго происхожденія, по имени Колумба [1]), основавъ нѣсколько монастырей на сѣверѣ Ирландіи, въ 563 году выступилъ съ 12 сотоварищами на новую дѣятельность, именно повинуясь повелѣнію одного отшельника, который поручилъ ему загладить жизнью изгнанія и миссіонерскаго труда то участіе, которое онъ принималъ въ кровавыхъ распряхъ своихъ соотечественниковъ. Предполагаютъ, что онъ былъ приглашенъ въ Шотландію Коналломъ, королемъ далріадовъ, который былъ его родственникомъ. Пріобрѣтя вліяніе на этого государя и его преемника Айдана, титулъ котораго онъ утвердилъ торжественной коронаціей, онъ затѣмъ обратилъ Бруда, короля сѣверныхъ пиктовъ, котораго онъ посѣтилъ въ его замкѣ, близь Инвернесса. Въ теченіе 34 лѣтъ Колумба неутомимо дѣйствовалъ какъ на материкѣ, такъ и на Гебридскихъ островахъ, повременамъ посѣщая и свою родину, на которую онъ не переставалъ смотрѣть съ искреннимъ сожалѣніемъ. Его главное мѣстопребываніе находилось на островѣ Гаѣ (впослѣдствіи называвшемся по его имени Иколумбкилломъ [1]) или Іоной), гдѣ онъ основалъ монастырь, долго славившійся въ качествѣ сѣдалища религіи и учености, и сдѣлавшійся колыбелью духовенства, труды котораго простирались не только на Шотландію, но и далеко въ южную часть Британіи и къ сѣверу до Оркнейскихъ и другихъ острововъ, быть можетъ даже до Исландіи. Настоятели Гая стояли во главѣ большой общины, которая имѣла свои монастыри какъ въ Шотландіи, такъ и въ Ирландіи, и изъ уваженія къ памяти основателя, который самъ былъ только пресвитеромъ, даже епископы округа, „по необычному установленію“ [2]), какъ говоритъ Беда, были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчиненными имъ. Колумба умеръ въ семидесятишестилѣтнемъ возрастѣ въ 597 году, въ томъ самомъ году, въ которомъ римская миссія для обращенія британцевъ высадилась на островъ Танетъ.

---

[1]) Жизнь Колумбы, написанная около 60 лѣтъ послѣ его смерти Кумминомъ, аббатомъ гайскимъ, напечатана Мабильономъ (Acta SS. O. S. Ben. I, 361—6). Около четверти столѣтія спустя, она была расширена Адамнаномъ, девятымъ аббатомъ гайскимъ, трудъ котораго можно находить у Канизія, и въ томѣ LXXXVIII Патрологіи. Но лучшій текстъ изданъ Ирландскимъ Археологическимъ Обществомъ (Dublin, 1857 г.).

Британскія перкви, вслѣдствіе своей отдаленности и недостатка въ сношеніи съ Римомъ, удерживали нѣкоторыя особенности, которыя впослѣдствіи сдѣлались предметомъ спора. Среди нихъ было и время празднованія Пасхи; но хотя подобно четыредесятникамъ Азіи британцы заявляли, что они вели свой обычай отъ ап. Іоанна, они однако же не были четыредесятниками въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ всегда справляли праздникъ въ воскресный день [3]). Британскіе епископы засѣдали, какъ мы видѣли, на соборѣ Арелатскомъ, и несомнѣнно дали свое согласіе въ одобреніи римскаго обычая касательно Пасхи [4]). Константинъ Великій, въ своемъ письмѣ, писанномъ послѣ Никейскаго собора, говорилъ о британцахъ, что они вмѣстѣ съ другими странами согласны съ пасхальнымъ вычисленіемъ Рима [5]), и извѣстно, что въ 453 году Британская церковь признала распоряженіе Льва Великаго по этому предмету. Въ дѣйствительности самое различіе, оказавшееся нѣсколько времени спустя между британскимъ и римскимъ обычаемъ, возникло изъ приверженности британцевъ болѣе къ раннему посхальному кругу самой церкви римской, который между тѣмъ въ Римѣ былъ замѣненъ другими и болѣе точными вычисленіями [6]).

---

[1]) Колумбилла, то есть церковь Колумбы; Іона, по предположенію, значитъ островъ отъ *insula*.

[2]) Ordine Inusitato (Bed. ш, 4).

[3]) Beda, ш, 4, Acta SS. Jun. 9, p. 189.

[4]) Conc. Arelat. 314 г., с. 1.

[5]) *Euseb.* Vita Const. ш, 19.

[6]) Вычисленіями Викторина аквитанскаго, въ 457 г., и Діонисія Малаго, въ 525 г.

ГЛАВА XXII.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

I. Патріаршія каѳедры.—Отношеніе между церковью и государствомъ.

Въ теченіе періода между соборомъ Халкидонскимъ и концемъ VI столѣтія, вліяніе Александріи и Антіохіи ослабѣло. Это было естественнымъ результатомъ тѣхъ разногласій, которыми были раздираемы эти церкви и которыя сопровождались частыми кровавыми столкновеніями партій, насильственными изгнаніями и водвореніями епископовъ, такъ что послѣдніе, вмѣсто того, чтобы быть пастырями всей общины, могли быть только предводителями партій, равно какъ и результатомъ разногласій въ ученіи и образѣ дѣйствія между лицами, послѣдовательно занимавшими эти каѳедры. Въ то же самое время Константинополь пріобрѣталъ все болѣе важности и значенія. Соборъ Халкидонскій предоставилъ ему право принимать апелляціи отъ епископовъ и духовенства противъ своихъ митрополитовъ [1]. При содѣйствіи Зенона, патріархи Константинополя окончательно подчинили себѣ экзархатъ Ефесскій, и бѣдствія Александріи и Антіохіи давали имъ неоднократно благопріятные случаи доказывать свое превосходство надъ этими древнѣйшими церквами—посвященіемъ патріарховъ для нихъ и другими вмѣшательствами въ ихъ дѣла. Доводъ въ пользу преимущества Рима, насколько онъ основывался на достоинствѣ древней столицы (единственномъ основаніи его, которое только признавалось Востокомъ), палъ вмѣстѣ съ Западной имперіей. Предполагаютъ, что Акакій имѣлъ мысль возвысить свою каѳедру даже надъ Римомъ, и съ вѣроятностью можно полагать, что Константинополь могъ-бы успѣшно соперничать въ могуществѣ съ великой западной церковью, если бы его епископы не были поставлены въ неблагопріятное положеніе вслѣдствіе своей зависимости отъ двора, и не ослаблялись своими распрями съ императорами. Епископы Рима, какъ и раньше, шли обычнымъ, неуклоннымъ путемъ. Они все еще оставались въ спорахъ того времени на православной и побѣдоносной сторонѣ, а вслѣдствіе этого росли ихъ слава и вліяніе. Къ нимъ обращались и искали ихъ благосклонности различныя партіи въ восточныхъ спорахъ; сами императоры искали примиренія у римскихъ епископовъ и пользовались ими для смиренія патріарховъ Константинополя. Богатство римской каѳедры возросло вслѣдствіе пріобрѣтенія большихъ имѣній не только въ Италіи, но и въ другихъ странахъ, и отсюда, вдобавокъ къ естественному вліянію, связанному съ богатствомъ, епископы были въ состояніи, при посредствѣ агентовъ, употреблявшихся въ управленіи ихъ земель, зорко слѣдить за церковными дѣлами отдаленныхъ провинцій и часто вмѣшиваться въ нихъ. Даже ересь варваровъ, распространявшаяся на Западѣ, была въ своихъ результатахъ благопріятна могуществу римской каѳедры, насколько она, повсюду представляя одного и того же врага, заставляла православныхъ сплачиваться и централизироваться и препятствовала распаденію церкви на отдѣльныя національности.

---

[1] Can. 9, 17.

Въ Италіи въ это время титулъ папы стали придавать только епископу римскому, хотя въ другихъ странахъ Запада его продолжали придавать и епископамъ вообще до времени Григорія VII. На востокѣ онъ обыкновенно давался только епископамъ Рима и Александріи, причемъ придавались и болѣе громкіе титулы, какъ напр. титулъ „вселенскаго епископа“, хотя главнымъ образомъ лицами, въ интересѣ которыхъ было польстить имъ; первый примѣръ этого рода былъ на соборѣ Халкидонскомъ, гдѣ александрійскіе обвинители Діоскора, желая склонить римскихъ легатовъ на свою сторону, называли Льва „вселенскимъ архіепископомъ и патріархомъ великаго Рима“ [1]). Но такіе титулы, исходившіе съ Востока и отражавшіе на себѣ напыщенность восточнаго языка, произносились отнюдь не въ томъ исключительномъ смыслѣ, который естественно могли внушать уму эти слова. Такъ, титулъ „вселенскій патріархъ“ былъ принятъ епископами Константинополя, которые однако же не заявляли никакихъ притязаній на господство надъ западною церковью [2]). Въ виду этого не предполагалось даже никакой несообразности между этими титулами, когда на соборѣ при Миннѣ, осудившемъ мнѣнія Оригена, епископы римскій и константинопольскій оба были называемы „архіепископомъ и вселенскимъ патріархомъ“, или когда Юстиніанъ обращался къ каждому изъ нихъ, какъ къ „главѣ всѣхъ церквей“ [3]).

Римскіе епископы мало по малу расширяли свои притязанія на юрисдикцію, основываясь на канонахъ и императорскихъ указахъ, но еще чаще на преимуществахъ, будто бы унаслѣдованныхъ ими отъ ап. Петра, къ которому однако же все еще присоединялся и ап. Павелъ, сотоварищъ его по мученичеству и апостолъ язычниковъ, какъ содѣйствовавшій обоснованію этихъ преимуществъ [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи римскіе полемисты утверждали, что титулъ этотъ былъ данъ цѣлымъ соборомъ (Greg. M. Epp. V, 18, 20, 44), но издатели Григорія показываютъ, что это было не такъ.

[2]) Константинопольское употребленіе этого титула возникло изъ ограниченнаго смысла слова „вселенная“ (οἰκουμένη). См. слѣдующую главу.

[3]) Въ Cod. I, II, 24, онъ говоритъ: „Constantinopolitana Ecclesia omnium ecclesiarum est caput“.

На Западѣ споры, возникавшіе между епископами касательно преимущества и юрисдикціи, давали поводъ къ частымъ обращеніямъ въ Римъ, и содѣйствовали развитію идеи верховнаго судейскаго авторитета этой каѳедры, тѣмъ болѣе, что спорящія партіи часто были подданными различныхъ правительствъ. Подобный же результатъ вытекалъ изъ обращеній, которыя вошло у церквей въ обычай дѣлать къ Риму за совѣтомъ въ затруднительныхъ дѣлахъ. Эти обращенія вызывали собою въ видѣ отвѣта декретальныя посланія; обращавшіеся были рады получить увѣренность, что сущность этихъ отвѣтовъ основывалась на апостольскомъ преданіи и всеобщемъ авторитетѣ, и папу стали считать общимъ рѣшителемъ въ дѣлахъ подобнаго рода. Около половины vi столѣтія, Діонисій Малый, римскій монахъ скиѳскаго происхожденія, собралъ правила вселенскихъ и главныхъ помѣстныхъ соборовъ, съ переводомъ тѣхъ, которые были на греческомъ языкѣ, и со включеніемъ въ нихъ декретальныхъ посланій римскихъ епископовъ, начиная съ Сириція. Трудъ этотъ сдѣлался основой церковнаго закона на Западѣ, и онъ весьма много содѣйствовалъ возвышенію авторитета каѳедры, рѣшенія и совѣты которой такимъ образомъ явственно были поставлены на одинъ уровень съ опредѣленіями наиболѣе чтимыхъ соборовъ [2]).

Хотя однако же римскіе епископы не только сдѣлались высшими судьями въ церковныхъ дѣлахъ на Западѣ, но и заявляли притязаніе на право наблюденія надъ вѣрою всей церкви, идея главенства въ собственномъ смыслѣ, какъ оно утвердилось въ позднѣйшія времена, была еще неизвѣстна. Епископы Рима все еще признавали, что епископы другихъ великихъ „апостольскихъ“ церквей, Александріи и Антіохіи, были совершенно равны съ ними. Они не заявляли притязаній на верховенство надъ другими епископами, равно какъ не заявляли и притязанія на право вмѣшательства въ другіе діоцезы за исключеніемъ только случаевъ незаконнаго дѣйствія епископовъ.

Отношенія римскихъ епископовъ къ гражданской власти разнообразились, смотря по политическимъ перемѣнамъ времени. При избраніи преемника Симплицію въ 483 году, явился сановникъ Одоакра Василій, и заявляя, что онъ дѣйствуетъ согласно съ совѣтомъ, даннымъ покойнымъ папой его государю, выразилъ удивленіе короля, что такое дѣло предпринято было безъ испрошенія царскаго соизволенія; онъ же предложилъ правило, чтобы ни одинъ римскій епископъ не отчуждалъ никакой собственности, принадлежащей каѳедрѣ, подъ страхомъ отлученія какъ себя самого, такъ и покупателя [1]. Результатъ неизвѣстенъ; но едва ли можно сомнѣваться, что уполномоченный варварскаго короля оказалъ важное вліяніе на избраніе новаго епископа.

---

[1]) Епифаній говоритъ объ этихъ двухъ апостолахъ, какъ бывшихъ епископами Рима вмѣстѣ (adv. Haer. i, ii, 6). Фульгенцій обѣщаніе ап. Петру (Матѳ. xvi, 18, 19) истолковываетъ еще въ смыслѣ принадлежащаго всей церкви. De Remiss. Pecc. i, 19; ii, 20 (Patrol. lxv).

[2]) Діонисій извѣстенъ такжс какъ составитель пасхальнаго круга, и какъ авторъ лѣтосчисленія отъ христіанской эры.

Теодорикъ, въ первые годы своего царствованія, предоставлялъ церкви большую свободу въ самоуправленіи, принимая во вниманіе, что расколъ, раздѣлявшій Римъ отъ Константинополя, обезпечивалъ его отъ всякой опасности сношенія между духовенствомъ его собственныхъ владѣній и ихъ восточными собратьями. По смерти Анастасія II, въ 498 году, возникъ ожесточенный споръ за первосвященство между Симмахомъ и Лаврентіемъ. Аріанскій король не вмѣшивался въ это дѣло, пока оно не представлено было ему въ Равеннѣ обѣими сторонами, когда онъ и рѣшилъ, что каѳедра должна принадлежать тому епископу, который былъ посвященъ первымъ и имѣлъ больше приверженцевъ, вслѣдствіе чего и былъ утвержденъ Симмахъ. Въ 502 году этотъ епископъ созвалъ соборъ, на которомъ вмѣшательство Василія въ дѣло избранія, по смерти Симплиція, съ негодованіемъ порицалось какъ незаконное вмѣшательство со стороны свѣтской власти [2]. Теодорикъ, вѣроятно не чуждъ будучи желанія набросить тѣнь на память своего соперника, даже въ ущербъ притязаніямъ короны, оставилъ это порицаніе безъ всякаго вниманія. Въ слѣдующемъ году, по просьбѣ приверженцевъ выступившаго опять съ своими притязаніями Лаврентія, Теодорикъ назначилъ епископа Алтинскаго въ качествѣ „визитора“ римской церкви. Этотъ уполномоченный будто бы велъ себя съ крайнимъ произволомъ и грубымъ пристрастіемъ, такъ что сильно раздражилъ приверженцевъ Симмаха. Для изслѣдованія нѣкоторыхъ серьезныхъ обвиненій, возбужденныхъ противъ Симмаха, Теодорикъ созвалъ соборъ итальянскихъ епископовъ, который по мѣсту его собранія въ Римѣ называется соборомъ Пальмскимъ [3]), и этотъ соборъ, высказавъ строгое порицаніе самому назначенію визитора, какъ неоправдываемому ничѣмъ новшеству, объявилъ Симмаха невиннымъ, насколько дѣло это можетъ быть рѣшаемо людьми, и постановилъ, что въ виду нѣкоторыхъ особыхъ затрудненій дѣло это должно быть предоставлено един-

503 г. (?)

---

[1] Источникомъ для этого служитъ соборъ 502 года (Patrol. LXII, 74—5).

[2] Patrol. LXII, 72—80.

[3] Это названіе, повидимому, происходитъ „a portica beati Petri apostoli, quae appellatur ad Palmata“ (Anastas. in Patrol. CXXVIII, 700); Hefele, II, 623. Но было также и мѣсто, называвшееся Palma aurea, или domus palmata, на площади (форумѣ), или вблизи ея (Anast. 226).

ственно суду Божію ¹). Предложеніе, ошибочно выводившееся изъ этого въ качествѣ мнѣнія собора, чтобы папа былъ изъятъ отъ всякаго земнаго суда, вскорѣ затѣмъ было поддержано Еннодіемъ, епископомъ тицинскимъ (Павія), сторонникомъ Симмаха, и съ цѣлію подтвержденія этого новаго притязанія были поддѣланы дѣянія древнихъ папъ въ такой степени, что они оказывались въ совершенномъ противорѣчіи съ подлинными древнѣйшими документами, каковы напр. письма, адресованныя римскимъ духовенствомъ императору Граціану ²).

По возобновленіи сношеній между Римомъ и Константинополемъ, Теодорикъ, какъ мы видѣли, началъ относиться къ церкви съ подозрительностью, весьма непохожею на его прежнюю политику. О миссіи папы Іоанна Константинопольскаго съ ея послѣдствіями было разсказано въ предыдущей главѣ. Теодорикъ, за мѣсяцъ до своей смерти, назначилъ преемникомъ Іоанну Феликса IV, и въ теченіе остальнаго времени готскаго правленія въ Италіи короли контролировали избраніе папъ.

Юстиніанъ, въ своихъ восточныхъ владѣніяхъ, стремился поставить епископовъ въ большую зависимость отъ двора, и такъ какъ эта политика сопровождалась заявленіями великаго почтенія къ нимъ, вмѣстѣ съ возвышеніемъ ихъ достоинства и преимуществъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, то греки подчинились ей безъ всякаго сопротивленія. Императоръ не только много вмѣшивался въ завѣдываніе дѣлами дисциплины, даже самыми важными, но и въ большой степени осуществлялъ примѣръ, впервые данный Василискомъ касательно опредѣленія пунктовъ вѣры указами. Его повелѣнія въ церковныхъ дѣлахъ были опубликовываемы чрезъ посредство патріарховъ, митрополитовъ и епископовъ, подобно тому, какъ его указы по гражданскимъ предметамъ объявлялись различными представителями гражданскаго правительства. Онъ пытался, помимо всякой санкціи вселенскаго собора, основать шестой патріархатъ, 541 г. снабдивъ епископа своей родины, Юстиніаны-Примы или Лихнида (Ахриды), въ Иллиріи, широкимъ полномочіемъ вмѣстѣ съ преимуществами, опредѣленными по образцу Рима ³). Но эта попытка оказалась неудачной: новые патріархи никогда не получали должнаго признанія своихъ притязаній, и вскорѣ послѣ смерти Юстиніана епископы лихнидскіе сдѣлались подчиненными каѳедрѣ римской ⁴).

---

¹) Anastas. in Patrol. cxxviii, 451. Hard. ii, 967—70.

²) Среди этихъ поддѣлокъ были и акты мнимаго собора Синуесскаго. Симмахъ ввелъ обычай давать палліумъ, о чемъ будетъ подробнѣе сказано въ позднѣйшемъ періодѣ исторіи. См. напр. его 12-е посланіе (Patrol. lxii).

³) Novell. xi; cxxxi, 3.

⁴) Greg. M. Ep. ii, 23.

По завоеванiи Италiи, Юстинiанъ началъ относиться къ епископамъ Рима такъ же, какъ онъ относился къ епископамъ Константинополя. Онъ обращался къ нимъ съ льстивыми титулами и старался низвести ихъ въ положенiе простыхъ орудiй. Онъ постановилъ новыя строгiя правила касательно утвержденiя папы гражданскою властью. Согласно съ Ежедневникомъ (Liber diurnus—собранiе формуляровъ, изображающихъ состоянiе вещей въ тѣ времена или не долго спустя послѣ этого), о смерти римскаго епископа требовалось давать знать экзарху равеннскому; преемникъ долженъ былъ избираться духовенствомъ, знатью Рима, солдатами, гражданами, и выборъ долженъ былъ въ весьма почтительныхъ терминахъ представляться на утвержденiе какъ императора, такъ и его уполномоченнаго экзарха [1]). Участiе, которое мiряне съ древнихъ временъ принимали въ избранiи епископовъ, вообще было ограничено особымъ закономъ Юстинiана, которымъ повелѣвалось, что избранiе должно производиться духовенствомъ и главными жителями каждаго города [2]), съ исключенiемъ массы народа, безпорядочное поведенiе котораго часто давало предлоги для подобныхъ измѣненiй.

Дѣйствiя Вигилiя въ спорѣ касательно „трехъ главъ“, вынесенныя имъ униженiя, его колебанiе, находившееся въ столь рѣзкомъ противорѣчiи съ позднѣйшимъ римскимъ притязанiемъ, содѣйствовали пониженiю достоинства и славы его каѳедры, и она вообще была сильно ослаблена отпаденiемъ Аквилеи и другихъ провинцiй. Но съ другой стороны, ломбардское нашествiе въ 568 году содѣйствовало возвышенiю политическаго могущества папъ, такъ какъ они обязаны были, въ силу своей обширной собственности, принимать выдающееся участiе въ мѣрахъ, принимавшихся для самозащиты жителями тѣхъ частей Италiи, которыя еще принадлежали имперiи, причемъ ихъ услуги часто награждались со стороны императоровъ полномочiемъ назначать на многiя должности и другими гражданскими преимуществами.

II. Положенiе духовенства.

1) Въ теченiе v и vi столѣтiй возрастанiе мнѣнiя касательно обязательности безбрачiя духовенства содѣйствовало все большему и большему отдѣленiю его отъ другихъ христiанъ. Ни одинъ вселенскiй соборъ не запрещалъ брака духовенству; соборъ Халки-

---

[1]) Lib. diurn., II, 1—4 (Patrol. cv).

[2]) Clerici et primores civitatis (Novell. cxxxvII, 2, 541 г.).

донскій предполагаетъ существованіе запрещеній, но самъ по себѣ не излагаетъ ни одного подобнаго закона съ цѣлью сдѣлать его обязательнымъ для всей церкви [1]). Но мѣстные соборы постоянно занимались этимъ предметомъ, и епископы римскіе настойчиво поддерживали дѣло целибата. Общею цѣлью постановленныхъ въ это время каноновъ было совершенно, если только возможно, воспрепятствовать бракамъ среди духовенства, распространить запрещеніе брака на низшія степени церковнаго служенія, преградить женатымъ путь къ повышеніямъ, воспрепятствовать духовнымъ лицамъ, уже раньше состоявшимъ въ бракѣ, вступать во второй бракъ, ограничить выборъ женщинъ такими, которыя еще никогда не состояли въ бракѣ, разлучить брачное духовенство съ ихъ женами, или, если они жили вмѣстѣ, ограничивать ихъ въ брачномъ сожительствѣ [2]). Эти постановленія относятся главнымъ образомъ къ Западной церкви, такъ какъ на Востокѣ допускалась большая свобода въ этомъ отношеніи [3]). Но, какъ уже замѣчено было и раньше, частое постановленіе такихъ каноновъ само по себѣ служитъ доказательствомъ, какъ недостаточно они достигали цѣли, и разсказывается о весьма многихъ случаяхъ, которые показываютъ, что приведеніе этихъ правилъ въ дѣйствіе оказывалось непримѣнимымъ на практикѣ и что вообще въ различныхъ мѣстахъ допускалось разнообразіе въ обычаяхъ этого рода. Такъ, Люпъ, епископъ тройскій, и Евфроній аутунскій, упоминая объ ограниченіяхъ, которымъ они подвергали въ отношеніи брака привратниковъ, заклинателей и субдіаконовъ, вынуждены были ограничиться заявленіемъ касательно высшихъ степеней, на которыхъ каноны запрещали бракъ, что они старались избѣгать возведенія въ эти степени лицъ, находящихся въ брачномъ состояніи, или настаивали на разлученіи брачныхъ лицъ въ средѣ духовенства съ ихъ женами [4]). Еще болѣе неблагопріятное свидѣтельство касательно противодѣйствія, съ которымъ встрѣчались законы, находится въ томъ обстоятельствѣ, что по мѣрѣ того, какъ вводилась обязательность целибатства среди духовенства, оказывалось все болѣе необходимымъ постановлять и правила, запрещавшія имъ имѣть наложницъ или другихъ „стороннихъ сожительницъ“ [5]).

---

[1]) См. Can. 14.

[2]) Вдовамъ духовенства было запрещено вступать въ бракъ подъ страхомъ отлученія до смертнаго одра (Conc. Toled. i, 400 г. c. 18).

[3]) См. Socr. v, 22.

[4]) Lup. Ep. 2 (Patrol. lviii).

[5]) Соборъ Толедскій, въ 589 году, постановилъ, чтобы священники и діаконы, обратившіеся изъ аріанства, отказались отъ супружескаго сожитія, допускавшагося еретической паствой, и если они продолжали „зазорную“ жизнь съ своими женами, то должны были низводиться на степень чтецовъ, и что если кто либо изъ духовенства, находившагося подъ дисциплиной церкви, окажется и содержащимъ подозрительныхъ женщинъ въ своемъ жилищѣ, то женщины

Бракъ духовенства теперь былъ предметомъ не только каноновъ, но и императорскихъ законовъ. Гонорій, въ 420 году, быть можетъ по внушенію Бонифація, епископа римскаго, постановилъ, согласно съ Никейскимъ канономъ, что духовенство не должно содержать въ своихъ домахъ никакихъ женщинъ, за исключеніемъ своихъ ближайшихъ родственницъ, но духовенству, вступившему въ бракъ до рукоположенія, позволено было удерживать за собою женъ, потому что „тѣ не недостойно связаны съ духовными лицами, которыя своимъ обращеніемъ сдѣлали своихъ мужей достойными священства“ ¹). Столѣтіе спустя, Юстиніанъ нѣсколькими постановленіями запретилъ возводить на епископство лицъ, имѣвшихъ дѣтей или внуковъ, на томъ основаніи, что такія связи были искушеніемъ для предпочтенія интересовъ родства интересамъ церкви; онъ подтвердилъ всѣ церковныя запрещенія браковъ для духовенства, и объявилъ дѣтей отъ такихъ браковъ незаконными и неправоспособными наслѣдовать собственность ²).

2. Привилегіи духовенства вообще возростали. Его права были подтверждены и расширены; законодательство имѣло тенденцію поощрять пожертвованія имѣній церкви и обезпечить за нею постоянное обладаніе всѣмъ пріобрѣтеннымъ ³). Идея заглаженія грѣха деньгами и особенно щедростью церкви теперь выступала сильнѣе, чѣмъ прежде, и находила готовую почву среди тевтонскихъ племенъ вслѣдствіе того обстоятельства, что система вознагражденія за преступленія штрафами была въ ходу между ними и раньше ихъ обращенія. Часто оказывались необходимыми законы и постановленія для пресѣченія обычая добиваться рукоположенія или духовныхъ должностей при посредствѣ денегъ ⁴).

Въ то время, какъ рѣшеніе церковныхъ дѣлъ принадлежало исключительно духовнымъ судамъ, епископы въ то же время завѣдывали и такими гражданскими дѣлами, которыя касались духовенства, хотя въ этихъ случаяхъ сторонамъ предоставлялось на выборъ или обращаться въ первыя инстанціи къ гражданскому трибуналу, или аппеллировать отъ епископа къ свѣтскому судьѣ, приговоръ

должны быть проданы епископами, и вырученная сумма должна быть роздана бѣднымъ (Conc. Toled. iii, c. 5). Въ слѣдующемъ году соборъ Севильскій заявилъ что нѣкоторые епископы небрежно относились къ приведенію этого канона въ исполненіе, и постановилъ, что судьи, съ позволенія епископа, должны были „хватать extraneas feminas vel ancillas“ въ свою собственную пользу, давая епископамъ клятву, что они не возвратятъ ихъ духовнымъ сожителямъ. Conc. Hispan. i, c. 3 (Patrol. lxxxiv).

[1] Cod. Theodos. xvi, ii, 44; ср. Just. Novell. cxxiii, 29.

[2] Cod. Just. i, iii, 42, 45, 48; Novell. vi, 2; cxxiii, 12—14; cxxxvii, 1.

[3] Напр. Cod. Just. i, ii, 14; Novell. vii.

[4] Напр. Glycerius ap. Leon. M., iii, 896; Cod. Just. i, iii, 33; Novell. cxxiii, 16.

котораго, если бы онъ оказался противоположнымъ приговору епископа, могъ сдѣлаться предметомъ дальнѣйшей аппелляціи [1].

Въ дѣлахъ о преступленіяхъ духовенство было изъято отъ юрисдикціи мірскихъ трибуналовъ за легкія преступленія, хотя, сомнительно, насколько въ дѣйствительности осуществлялось это изъятіе. Гонорій, въ 407 году, по просьбѣ африканскихъ соборовъ, назначилъ особыхъ мірскихъ „защитниковъ“ (defensores) церкви, на обязанности которыхъ было наблюдать за ея привиллегіями и поддерживать ея права, такъ что духовенство не обязано было лично являться въ свѣтскіе суды [2]. Іустинъ постановилъ, чтобы епископы освобождались отъ обязанности давать показанія на судахъ; къ нимъ назначались особые чиновники съ цѣлью снятія съ нихъ показаній, которыя дѣлались не по присягѣ, а по ихъ простому слову, съ предлежащимъ предъ ними Евангеліемъ [3]. Епископамъ поручаемъ былъ надзоръ за тюремными заключенниками, умалишенными, несовершеннолѣтними, найденышами и другими безпомощными лицами, и имъ предоставлены были необходимыя для этого полномочія. Имъ также былъ поручаемъ общій надзоръ за общественною нравственностью. Такъ напр. на ихъ обязанности было пресѣкать азартныя игры, вмѣстѣ съ гражданскими властями. Они назначали соподчиненныхъ правительственныхъ чиновниковъ, и, вмѣстѣ съ главными жителями каждаго города, надзирали за общественными работами, постройками и учрежденіями, равно какъ и за управленіемъ мѣстными доходами. Они должны были смотрѣть, чтобы гражданскіе правители и судьи исполняли свои обязанности, причемъ правители, въ свою очередь, должны были заботиться о томъ, чтобы епископы аккуратно созывали соборы, и не отчуждали церковной собственности; но въ то время, какъ префектъ не уполномоченъ былъ болѣе, чѣмъ напоминать епископу о его упущеніяхъ и, въ случаѣ продолженія этого упущенія, доносить императору, епископъ, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, имѣлъ право заступить мѣсто префекта въ исполненіи его обязанностей [4]. Слѣдствіемъ такихъ постановленій было то, что вліяніе епископовъ на гражданскія дѣла усилилось, и они стали болѣе вмѣшиваться въ эти дѣла, и что, согласно съ цѣлью политики Юстиніана, они были поставлены въ большую зависимость отъ императора, дѣлаясь какбы чиновниками государства.

3. Попечительство о церквахъ въ каждомъ діоцезѣ первоначаль-

---

[1] Cod. Iust. i, iv, 29, 4; Novell. cxxiii, 21.

[2] Conc. Carth. 400 г. c. 9; Cod. Just. i, 53—4.

[3] Novell. cxxiii, 7.

[4] Cod. Just. i, iv, 22, 24, 25, 27, 28, 30, 33, 34; iii, xliii, 1, 3; vii; Novell. cxxviii, 16; lxxxvi.

но принадлежало епископу. Самое раннее исключеніе изъ этого правила было сдѣлано первымъ соборомъ Оранжскимъ, въ 441 году, который постановилъ, что гдѣ епископъ, по какой либо особой причинѣ, построилъ церковь въ предѣлахъ діоцеза другаго, ему, во вниманіе къ его щедрости, должно быть предоставлено назначить къ ней священнослужителя [1]). Это право распространено было вообще на мірянъ закономъ Юстиніана, которымъ постановлялось, что всякій, кто ~~оснуетъ~~ построитъ церковь и обезпечитъ ее содержаніемъ для духовенства, можетъ назначить, по своему усмотрѣнію, лицо для рукоположенія къ ней. Епископу однако же было предоставлено право въ такихъ случаяхъ отказывать въ рукоположеніи, если представленное ему лицо оказывалось недостойнымъ сана [2]).

541 г.

4. Могущество духовенства на Западѣ пережило систему, при которой оно возросло. Во время варварскихъ нашествій, оно часто выступало впередъ, и не безъ успѣха, для ходатайства о своихъ паствахъ. Завоеватели видѣли въ немъ сильную установившуюся корпорацію, имѣвшую важное значеніе, какъ вслѣдствіе священнаго характера своего служенія, такъ и вслѣдствіе своего гражданскаго вліянія. При учрежденіи новыхъ государствъ, церковь обыкновенно выступала посредницей между побѣдителями и побѣжденными, внушая грубымъ варварамъ идею существованія закона выше человѣческаго, идею превосходства нравственной силы надъ физическою, и идею всеуправляющаго и воздающаго за все Провидѣнія. Лишь немногіе изъ племени побѣдителей склонны были вступать въ ряды духовенства; причемъ и самое рукоположеніе ихъ не допускалось безъ особаго разрѣшенія государя, въ тѣхъ видахъ, чтобы государство не лишаемо было своихъ воиновъ. Священнослуженіе въ церкви, въ противоположность другимъ путямъ къ отличіямъ, было предоставлено способностямъ подчиненныхъ народовъ, и, при помощи и при посредствѣ его они пріобрѣтали могущественное вліяніе на самихъ завоевателей. Духовенство было единственнымъ обладателемъ учености; оно представляло собою дѣятелей цивилизаціи, преобразователей закона, авторизованныхъ защитниковъ слабыхъ; оно наблюдало за отправленіемъ правосудія, и часто употреблялось въ качествѣ посланниковъ и примирителей между князьями. Нѣкоторые изъ духовенства славились чудесами, другіе пользовались сильнымъ вліяніемъ, благодаря обладанію чудесными святынями, какъ напр. мощи св. Мартина въ Турѣ. Въ ихъ рукахъ сосредоточивались богатства; десятины узаконены были особыми канонами, и имъ передавались по наслѣдству большія пожертвованія земли, то есть, тотъ

---

[1]) С. 10.

[2]) Novell. cxxııı, 18.

родъ собственности, который возросталъ въ цѣнѣ и значеніи по мѣрѣ движенія народа впередъ по пути цивилизаціи. Съ цѣлью укрѣпить вліяніе епископовъ и аббатовъ, государи надѣляли ихъ церкви и монастыри имѣніями, съ которыми обыкновенно связывалась обязанность военной службы, и въ непродолжительномъ времени нѣкоторые изъ церковныхъ владѣтелей этихъ имѣній начали отправлять подобныя обязанности лично. Григорій Турскій съ ужасомъ упоминаетъ о воинственныхъ подвигахъ двухъ собратьевъ, принадлежавшихъ къ епископскому чину, именно о Салоніи и Сагиттаріи; но среди франковъ постепенно ослабѣло чувство непристойности подобныхъ дѣлъ. Политическая важность и замѣчательныя богатства епископовъ возводили ихъ въ санъ совѣтниковъ государя, и въ этомъ положеніи ихъ способности и знанія часто пріобрѣтали имъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ могли пользоваться всѣ другіе. Отсюда, во Франціи выросла система смѣшанныхъ церковныхъ и гражданскихъ соборовъ, которая на время вытѣснила собою чисто духовные соборы. Такъ, въ то время, какъ возростало свѣтское могущество епископовъ, юрисдикція митрополита ослабѣла, какъ вслѣдствіе выхода изъ употребленія древнихъ провинціальныхъ собраній, такъ и вслѣдствіе того обстоятельства, что, при новомъ раздѣленіи страны, провинція митрополита могла быть раздѣлена между различными королевствами, и король сталъ считаться высшимъ судьей не только въ гражданскихъ, но и въ церковныхъ дѣлахъ.

Духовенство, подобно другимъ романизированнымъ подданнымъ Франкской монархіи, продолжало управляться римскимъ закономъ. Оно удерживало за собою всѣ преимущества, которыя предоставлялись ему этимъ закономъ, и такъ какъ сами завоеватели были незнакомы съ нимъ, то епископы принимали большое участіе въ примѣненіи законовъ среди римскаго населенія вообще. По мѣрѣ возвышенія епископовъ, другое духовенство, происходя изъ побѣжденныхъ племенъ, умалялось въ своемъ значеніи и отступало на второй планъ. Рукоположеніе, правда, влекло за собою освобожденіе; но, будучи священниками для мірянъ, они были крѣпостными въ отношеніи епископовъ. Прежнее отношеніе между епископомъ и его соборомъ исчезло. Прелаты относились къ подчиненному имъ духовенству съ большою грубостью, и ихъ власть надъ нимъ дѣлалась все болѣе деспотическою по мѣрѣ того, какъ паденіе вліянія митрополитовъ и прекращеніе провинціальныхъ соборовъ лишали духовенство всякой возможности аппеллировать къ кому либо, кромѣ государя; канономъ этого времени устанавливается тѣлесное наказаніе за нѣкоторыя церковныя преступленія, причемъ оказывались необходимыми и другіе каноны, съ цѣлью удержать епископовъ отъ нанесенія побоевъ своему духовенству по капризамъ [1]). Духовенство иногда пыталось защищаться совмѣстнымъ дѣйствіемъ противъ своихъ начальниковъ, и такія соглашенія часто были запрещаемы соборомъ [2]).

Грубые князья Галліи часто дѣйствовали въ церковныхъ дѣлахъ съ беззаконнымъ насиліемъ. Прерогатива, которую Кловисъ пріобрѣлъ своими заслугами по отношенію къ церкви, еще болѣе расширена была его преемниками; вліяніе, которымъ пользовались восточные императоры въ назначеніяхъ на важнѣйшія каѳедры и на епископіи городовъ, бывшихъ мѣстами императорской резиденціи, было распространено франкскими государями на всѣ каѳедры; о всякой вакансіи епископской или архіепископской каѳедры докладывалось королю, причемъ предъ избраніемъ требовалось его позволеніе, и послѣ избранія его утвержденіе. Соборы не разъ постановляли, чтобы епископы не были назначаемы раньше избранія духовенства народомъ, и притомъ съ согласія митрополита; но избраніе часто дѣлалось пустой формой вслѣдствіе королевскаго назначенія, и короли часто принимали на себя назначеніе и низложеніе епископовъ своею собственною властью, каковое право облегчалось тою связью съ короной, въ которую епископы приведены были обладаніемъ своими имѣніями. Королевское патронатство въ такихъ случаяхъ часто достигалось симоніей или другими недостойными средствами, и должность предоставлялась лицамъ, совершенно недостойнымъ ея, причемъ перемѣна въ способѣ назначенія, вмѣстѣ съ другими вліяніями, усиливала и раздѣленіе между епископами и другимъ духовенствомъ. Соизволеніе государя, требовавшееся въ Римской имперіи только для вселенскихъ соборовъ, въ Галліи сдѣлалось необходимымъ для всѣхъ; короли составляли соборы по своей собственной волѣ, изъ большихъ или меньшихъ округовъ, изъ большаго или меньшаго числа епископовъ, и съ такимъ участіемъ міранъ, какъ только это имъ хотѣлось, и, не ограничиваясь даже и этимъ, они своею собственною властью дѣлали многія постановленія въ дѣлахъ по вопросамъ касательно религіи. Богатство духовенства скоро возбудило ихъ алчность, и они старались воспользоваться имъ при посредствѣ тяжелыхъ налоговъ или насильственными актами хищничества; но въ такихъ случаяхъ собственность церкви обыкновенно находила защиту себѣ въ опасеніи болѣзни, смерти или другихъ подобныхъ бѣдствій для нападающихъ на нее, и угрозами подобныхъ наказаній духовенство часто въ состояніи было пресѣкать всѣ такія наклонности свѣтскихъ правителей.

---

[1]) Conc. Matisc. I, 581 г., с. 8; Conc. Narbon. 589 г., сс. 5, 6, 13; Greg. Turon. VIII, 22.

[2]) Conc. Aurel. III, 538 г., с. 21; Conc. Rem., 630 г., с. 2; Greg. Tur. VI; 11 и проч.

III. Монашество.

Монашество въ теченіе v и vi столѣтій продолжало усиливаться въ своемъ вліяніи и популярности, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтнѣе стала проникать въ его среду и испорченность. Мы уже видѣли, какое важное участіе монахи принимали въ спорахъ Востока, часто оказывая огромное вліяніе своею численностью и своею непреодолимою ревностью. Юстиніанъ дѣлалъ нѣсколько постановленій въ пользу монашества 1), какъ напр., что женатые люди могли вступать въ монашество безъ согласія своихъ супруговъ, дѣти безъ согласія родителей и рабы безъ согласія своихъ господъ 2). Монахи болѣе и болѣе пріобрѣтали характеръ духовенства, хотя въ монашескихъ общинахъ обыкновенно рукополагалось столько членовъ изъ нихъ, сколько необходимо было для исполненія религіозныхъ обязанностей, и были даже нѣкоторые монастыри, не имѣвшіе ни одного постояннаго священнослужителя. Левъ Великій запрещаетъ монахамъ проповѣдывать или вмѣшиваться въ другія церковныя служенія, причемъ встрѣчаются и другія запрещенія подобнаго же рода. Но такъ какъ, однако же, монахи пользовались большею славою въ отношеніи благочестія, чѣмъ духовенство, и вслѣдствіе этого больше вліяли на народъ, то въ интересѣ духовенства было скорѣе искать ихъ содѣйствія, чѣмъ противодѣйствовать имъ.

Соборъ Халкидонскій постановилъ, что монастыри должны находиться подъ строгимъ контролемъ епископовъ, въ діоцезахъ которыхъ они находятся, и что ни одинъ монастырь не можетъ быть основанъ безъ согласія епископа, и постановленія подобнаго же рода встрѣчаются какъ между канонами другихъ соборовъ, такъ и между законами императора Юстиніана 3). Первой страной, въ которой нарушено было это правило, была Африка, гдѣ около 520 года многія монашескія общины, минуя мѣстныхъ епископовъ, поставили себя подъ главенство Карѳагена или другихъ отдаленныхъ прелатовъ. Во всѣхъ другихъ странахъ Запада мѣстный епископъ все еще имѣлъ главенство надъ монастырями, насколько по крайней мѣрѣ дѣло касалось аббатовъ и духовныхъ членовъ, хотя нѣкоторыми канонами запрещалось ихъ вмѣшательство въ отношенія между главой и простой непосвященной братіей 4).

Политическіе перевороты на Западѣ были благопріятны мона-

---

1) См. Novell. v и cxxxviii.

2) Cod. i, iii, 53, 55; Novell. v. 2; cxxiii, 40.

3) Just. Novell. v, i; lxvii. 1.

4) Напр. Conc. Arelat. iii, 455 г.

шеству. Монахи производили на варварскихъ завоевателей сильное впечатлѣніе, какъ своею численностью, такъ и своею благочестивою жизнью. Ихъ жилища, поэтому, дѣлались надежнымъ убѣжищемъ отъ треволненій времени, сами они пользовались высокимъ почтеніемъ и уваженіемъ, и имъ дѣлались большія приношенія. Но гдѣ монашеской жизни стали добиваться по многимъ, причинамъ, весьма отличнымъ отъ тѣхъ, которыя имѣлись въ виду основателями этой жизни, именно скорѣе изъ за безопасной и спокойной жизни, чѣмъ для покаянія и религіознаго совершенства, тамъ естественно скоро должна была проявиться тенденція къ вырожденію. Вслѣдствіе этого, уже въ первой части VI столѣтія было не мало такого, что требовало преобразованія. Тогда явился преобразователь.

Бенедиктъ, великій устроитель западнаго монашества, родился близъ Нурсіи (теперь Норція), въ графствѣ Сполетскомъ, около 480 года, и въ двѣнадцати-лѣтнемъ возрастѣ былъ отправленъ учиться въ Римъ, но, недовольный безпорядочною жизнью своихъ товарищей, онъ въ четырнадцати-лѣтнемъ возрастѣ бѣжалъ изъ города, и разлучившись даже съ своею, прислуживавшею ему няней, онъ въ теченіе трехъ лѣтъ жилъ въ пещерѣ близъ Субіако. Единственною личностью, которой было извѣстно мѣсто его пребыванія, былъ монахъ, по имени Романъ, который, увидавъ его въ побѣгѣ, заинтересовался имъ; онъ снабдилъ юнаго отшельника монашеской одеждой и удѣлялъ отъ своихъ собственныхъ скудныхъ приношеній хлѣба количество, достаточное для его пропитанія, передавая его въ извѣстные дни ему посредствомъ веревки, спускавшейся въ отверстіе пещеры. Наконецъ, Бенедиктъ былъ открытъ нѣкоторыми пастухами; онъ поучалъ ихъ и другихъ, обращавшихся къ нему, и совершалъ не мало чудесъ. Вслѣдствіе пріобрѣтенной имъ теперь славы, онъ былъ избранъ аббатомъ одного сосѣдняго монастыря; но его попытка на преобразованіе раздражила обитателей монастыря, которые, съ цѣлью отдѣлаться отъ него, примѣшали ядъ къ его напитку. Но когда онъ 510 г. сдѣлалъ обычное крестное знаменіе, сосудъ разлетѣлся въ дребезги, послѣ чего онъ кротко напомнилъ монахамъ, что вѣдь онъ предостерегалъ ихъ противъ избранія въ аббаты человѣка, столь непохожаго на нихъ характеромъ и обычаями, и затѣмъ возвратился въ свое уединеніе. Его слава постепенно распространялась; къ нему стекалось множество народа, и даже приходили нѣкоторые члены римской знати, ввѣрявшіе ему своихъ дѣтей для воспитанія. Онъ построилъ двѣнадцать монастырей, изъ которыхъ каждый предназначался для двѣнадцати монаховъ съ аббатомъ во главѣ. Но будучи безпокоимъ настойчивою злобою одного священника, по имени Флорентія, который изъ за зависти пытался погубить его клеветой и ядомъ, онъ въ 527 году, вмѣстѣ съ нѣсколькими избранными спутниками, оставилъ Субіако. Послѣ нѣкотораго странствованія, онъ прибылъ на гору Кассино, гдѣ на большой возвышенности, вздымающейся надъ обширною долиной Лирійской, поселяне все еще поклонялись Аполлону, и пользовалась большимъ уваженіемъ священная роща, посвященная языческимъ божествамъ. Діаволъ пытался затруднить ему путь различными дѣйствіями; но Бенедиктъ восторжествовалъ надъ всѣми подобными препятствіями, срубилъ рощу, разрушилъ идола Аполлонова, и на этомъ мѣстѣ воздвигъ часовню, посвященную ап. Іоанну евангелисту и св. Мартину, которая и сдѣлалась зародышемъ великаго и знаменитаго монастыря, ставшаго впослѣдствіи родоначальникомъ всѣхъ монашескихъ общинъ на западѣ. Здѣсь онъ начерталъ свой уставъ, около 529 года,—въ томъ самомъ году, въ которомъ закрыты были школы аѳинскія, и въ которомъ полупелагіанское ученіе было осуждено соборомъ Оранжскимъ.

Строгость прежнихъ правилъ, приспособленныхъ въ дѣйствительности скорѣе къ восточнымъ странамъ, гдѣ возникло монашество, чѣмъ къ странамъ Запада, въ которыхъ оно распространилось позже, сдѣлалась предлогомъ для общаго послабленія дисциплины въ западныхъ монастыряхъ, причемъ съ другой стороны она давала поводъ къ многимъ лицемѣрнымъ притязаніямъ. Въ виду этого Бенедиктъ порѣшилъ составить кодексъ болѣе мягкаго и практическаго свойства, приспособленный къ европейскимъ порядкамъ и разнообразящійся во многихъ отношеніяхъ, смотря по климату различныхъ странъ, въ которыя онъ могъ вводиться.

Всякій бенедиктинскій монастырь долженъ былъ находиться подъ главенствомъ аббата, избиравшагося монахами и утверждавшагося епископомъ. Братія должна была смотрѣть на своего главу, какъ на намѣстника Христова, и поэтому должна была оказывать ему полное и охотное послушаніе; причемъ самъ основатель тщательно старался о томъ, чтобы внушить аббатамъ чувство отвѣтственности за поручаемую имъ власть и долгъ умѣренности въ пользованіи ею [1]). Монахи должны были обращаться къ своему аббату съ титуломъ dominus, при разговорѣ другъ съ другомъ они не должны были упоминать именъ отдѣльныхъ лицъ, а просто ограничиваться названіемъ „отецъ“ (nonnus) или „братъ“, смотря по возрасту того или другаго; младшіе должны были уступать мѣсто старшимъ, вставать предъ ними, уступать имъ свое мѣсто, просить ихъ благословеній и стоять въ ихъ присутствіи, пока сами старшіе не позволятъ имъ сѣсть. Священники или другія духовныя лица, которыя могли оказаться въ монастырѣ, или нарочито рукоположенныя для священнаго служенія, или допущенныя по ихъ собственной просьбѣ, не должны были заявлять притязаній на какое либо преимущество на основаніи своего священнаго сана, и подчинены были аббату наравнѣ съ другими собратьями. Вслѣдъ за аббатомъ, могъ быть настоятель (praepositus); но такъ какъ въ нѣкоторыхъ монашескихъ обществахъ, гдѣ настоятель назначался епископомъ, онъ пріобрѣталъ нѣкоторую независимость по отношенію къ аббату, то бенедиктинскій настоятель долженъ былъ избираться аббатомъ и подчиняться ему во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому, Бенедиктъ предпочиталъ, чтобы, вмѣсто настоятеля, аббату въ его управленіи помогали старѣйшины или деканы (decani). Съ ними онъ долженъ былъ совѣщаться по текущимъ дѣламъ, причемъ о важныхъ дѣлахъ онъ долженъ былъ совѣтываться со всею общиной [1]).

---

[1]) Regula, cc. 2, 3, 15, 27, 63, 64 (Patrol. LXVI).

Родителямъ предоставлялась возможность посвящать своихъ дѣтей монашеской жизни. Отъ желающихъ вступить въ монастырь требовалось прохожденіе особаго годичнаго испытанія, въ теченіе котораго имъ трижды прочитывался „уставъ“, и ихъ спрашивали касательно рѣшимости исполнять его. При принятіи ихъ, они полагали на престолъ писанный обѣтъ въ постоянствѣ, усовершенствованіи и послушаніи, причемъ тѣ, которые не умѣли писать, подписывали его простымъ знакомъ. Первая изъ этихъ статей была важнымъ нововведеніемъ; потому что въ то время, какъ раньше, хотя лица, оставлявшія монашескую жизнь для брачной жизни, подлежали порицаніямъ и наказанію, ихъ бракъ не былъ разрушаемъ, теперь введеніе бенедиктинскаго устава вело къ обычаю насильственнаго разлученія женившихся монаховъ съ ихъ женами и обратнаго возвращенія ихъ въ монастыри. Вся собственность новопоступившаго, если она не была уже роздана нищимъ, должна была поступать въ монастырь, и монахи должны были соблюдать строгое общеніе имѣній. Постели ихъ часто обыскивались, и если у кого нибудь оказывалось что либо скрытымъ въ видѣ отдѣльной собственности, то онъ подлежалъ наказанію; нельзя было принимать ни подарковъ, ни писемъ, даже отъ ближайшихъ родственниковъ, безъ позволенія аббата, который имѣлъ право, по своему собственному усмотрѣнію, передать всякій даръ какому нибудь другому лицу, а не тому, для котораго онъ назначался [2]).

Отличительною чертою этой бенедиктинской системы была заботливость объ изысканіи занятій для монаховъ, особенно ремесленныхъ, которыя въ западныхъ монастыряхъ вообще практиковались мало. Монахи должны были вставать по утрамъ въ 2 часа послѣ полуночи, ежедневно присутствовать при восьми богослуженіяхъ, или, въ случаѣ отдаленности монастыря, соблюдать часы богослуженій, и затѣмъ семь часовъ работать. Каждую недѣлю долженъ былъ прочитываться въ течeніи богослуженій весь Псалтирь. Часть времени была назначена для заучиванія наизусть, для изученія св. Писанія, для чтенія „собесѣдованій“ Кассіана, житій святыхъ и другихъ благочестивыхъ и назидательныхъ книгъ. За трапезой громко читалась книга, но никакого разговора не допускалось, и въ общемъ допускалось лишь немного разговоровъ. Каждый монахъ, за исключеніемъ келаря и исполнявшихъ „болѣе важныя обязанности“, долженъ былъ, по очереди, заниматься приготовленіемъ пищи по разу въ недѣлю. За обѣдомъ предлагалось два рода кушаній (pulmentaria), такъ что „тѣ, которые не могутъ ѣсть одного“, говоритъ св. Бенедиктъ, „могутъ подкрѣпиться другимъ“. Эти pulmentaria состояли изъ зеренъ и растительности, приготовленной различнымъ образомъ; нѣкоторые, впрочемъ, включаютъ въ это слово и яйца, рыбу и даже птицъ, такъ какъ специально запрещено было употребленіе въ пищу только четвероногихъ. Можно было къ этому присоединять еще и третье блюдо изъ неприготовленныхъ плодовъ или салата, гдѣ можно было достать ихъ. Каждому монаху позволялась небольшая мѣра вина; потому что, какъ замѣчалъ св. Бенедиктъ, хотя монахи и не должны бы вкушать вина, но въ дѣйствительности оказывалось невозможнымъ установить это правило. Ежедневной порціей былъ фунтъ хлѣба; но всѣ подробности дѣла должны были устраиваться по усмотрѣнію аббата, сообразно съ климатомъ и временемъ года, возрастомъ, здоровьемъ и занятіемъ монаховъ. Мясо было запрещено совсѣмъ, за исключеніемъ больныхъ, которые, пользуясь тщательнымъ уходомъ, должны были смотрѣть на такое попеченіе о нихъ, какъ на дѣлаемое имъ ради Бога, а не съ цѣлью поощрять ихъ въ „излишествѣ“. По отношенію къ странникамъ и особенно къ бѣднымъ требовалось гостепріимство, „потому что въ лицѣ ихъ особенно принимается Христосъ“; даже самъ аббатъ долженъ былъ принимать участіе въ омовеніи ногъ гостей. Одежда монахамъ полагалась грубая и простая, но могла разнообразиться, смотря по обстоятельствамъ. Они должны были спать по 10 или по 12 человѣкъ въ комнатѣ, каждый на отдѣльной кровати, не снимая одеждъ и поясовъ. Надъ каждой спальней долженъ былъ надзирать деканъ, и въ каждой долженъ былъ поддерживаться свѣтъ. Послѣ вечерней молитвы не позволялось уже никакихъ разговоровъ.

---

[1]) Сс. 60, 62, 63, 65 и 3.

[2]) Сс. 33, 54, 55, 58.

Монахи не имѣли права выходить безъ позволенія, и тѣмъ, которые посылались по какимъ либо дѣламъ, запрещалось развлекать своихъ собратьевъ разсказами о своихъ приключеніяхъ по своемъ возвращеніи. Съ тою цѣлью, чтобы было меньше надобности для оставленія монастыря, въ предѣлахъ его должны были находиться садъ, мельница, колодезь, пекарня и другія необходимыя службы. Занятіе каждаго монаха опредѣлялось аббатомъ; если кто склоненъ былъ гордиться своею ловкостью въ какомъ либо искусствѣ или ремеслѣ, то ему запрещалось продолжать его. Монахи должны были продавать произведенія своего труда по низшей цѣнѣ, чѣмъ другіе люди, каковымъ правиломъ св. Бенедиктъ имѣлъ въ виду пресѣчь появленіе всякой алчности, хотя при этомъ, вѣроятно, и не принималъ во вниманіе, какъ это могло подрывать прибыль тѣхъ мірянъ, которые въ своемъ содержаніи зависѣли отъ своихъ ремеслъ.

При различныхъ проступкахъ аббату предоставлялось прибѣгать къ увѣщаніямъ или тѣлесному наказанію, смотря по характеру виновника. За легкія преступленія монахи наказывались лишеніемъ общаго стола, такъ что имъ давалась пища лишь позже, или запрещеніемъ принимать извѣстное участіе въ богослуженіи; а тѣ, которые оказывались виновными въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, совершенно отдѣлялись отъ своихъ собратьевъ и подвергались заключенію, въ которомъ они посѣщаемы были самыми почитаемыми членами общины, съ цѣлью ихъ утѣшенія и увѣщанія [1]).

Григорій Великій въ своемъ повѣствованіи о Бенедиктѣ приписываетъ ему много чудесъ и пророчествъ. Между прочимъ онъ разсказываетъ, что готскій король Тотила, желая повидать этого святаго, хотѣлъ испытать его прозорливость, пославъ къ нему сановника, одѣтаго въ царскія одежды; Бенедиктъ открылъ эту уловку и впослѣдствіи предсказалъ Тотилѣ дальнѣйшій ходъ его успѣховъ, имѣвшихъ закончиться гибелью [2]).

До смерти основателя, имѣвшей мѣсто въ 543 году, Бенедиктова система установилась въ Галліи, Испаніи и Сициліи, и въ непродолжительномъ времени поглотила все монашество Запада, представляя собою первый примѣръ великой общины, распространенной въ различныхъ странахъ и подчинявшейся одному уставу, хотя и безъ того организованнаго единства, которымъ отличались монашескіе ордены позднѣйшаго времени. Развѣтвленія ея размножались подъ различными названіями, и хотя находя въ своемъ обѣтѣ послушанія препятствіе къ измѣненію своего устава, позднѣйшіе бенедиктинцы находили возможнымъ, посредствомъ различенія между существенными и случайными частями системы, находить предлоги для отступленія во многихъ отношеніяхъ отъ строгости первоначальныхъ уставовъ. Вдобавокъ къ духовной дисциплинѣ, бывшей первою цѣлью ихъ учрежденія, монахи занимались трудами, которые были весьма благодѣтельны для человѣчества. Они прочищали лѣса, пролагали дороги, превращали пустоши, посредствомъ обработки, въ плодородныя поля, и знакомили варваровъ съ земледѣліемъ; они цивилизовали грубыя племена и истребляли остатки язычества. Хотя св. Бенедиктъ и не имѣлъ въ виду занятій науками въ своихъ монастыряхъ (каковой предметъ впервые рекомендованъ былъ монахомъ, его современникомъ Кассіодоромъ [1]), оно, однакоже, оказалось вполнѣ соотвѣтствующимъ тому правильному распредѣленію времени, которымъ характеризовалась эта система. Въ теченіе слѣдующихъ смутныхъ вѣковъ ученость находила себѣ главное убѣжище въ бенедиктинскихъ монастыряхъ; монахи переписывали сочиненія классической и христіанской древности, и были главными виновниками ихъ сохраненія. Они учили дѣтей, вели лѣтопись событіямъ своего времени, и въ позднѣйшіе вѣка ученость и промышленность этого благороднаго ордена оказали неоцѣнимыя услуги литературѣ.

---

[1]) Прав. 23, 24, 25, 27. 44.

[2]) Greg. 14, 15. Ср. исторію св. Северина и Одоакра выше, стр. 462.

IV. Обряды и обычаи.

1. Въ богослужебной практикѣ продолжалось развитіе внѣшнихъ обрядовъ, украшеніе церквей и умноженіе праздниковъ. Церкви посвящались святымъ и ангеламъ, и въ то время, какъ сначала въ каждой церкви было только по одному престолу, теперь воздвигались въ церквахъ на Западѣ и дополнительные престолы въ честь святыхъ. Въ самомъ устройствѣ церквей произошли нѣкоторыя видоизмѣненія, такъ что алтарь отдѣлялся отъ святилища, и вообще строился на нѣкоторомъ возвышеніи сравнительно съ общимъ уровнемъ храма. Останки святыхъ пользовались большимъ почтеніемъ, и отыскивались мощи даже библейскихъ святыхъ. Одинъ изъ подоб-

---

[1] Кассіодоръ, сенаторъ, будучи сначала секретаремъ Теодорика и другихъ готскихъ королей, и занимая высокія гражданскія должности, въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ удалился въ окрестности своей родины Сквиллаціи, въ Калабріи, гдѣ онъ и основалъ монастырь Виваріумъ (539 г.). Монастырь былъ снабженъ библіотекой, и въ другихъ отношеніяхъ сильно отличался отъ монашескихъ учрежденій Востока, какъ это видно изъ оставленнаго имъ интереснаго описанія его (De Instit. Divinarum. Litterarum, 29 и слѣд. Patrol. LXX). Кассіодоръ имѣлъ надзоръ за монастыремъ въ качествѣ патрона. Бенедиктинцы считаютъ его принадлежащимъ къ своему ордену (Patrol. LXIX. 483), но безъ достаточнаго основанія. Онъ рекомендовалъ своимъ монахамъ изученіе и переписку религіозныхъ и другихъ сочиненій. Для назиданія онъ составилъ много книгъ, и одну изъ нихъ, будучи 93 лѣтъ отъ роду; между другими сочиненіями, онъ составилъ Historia Tripartita (компендій Сократа, Созомена и Өеодорита),—которая въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ была главнымъ источникомъ въ Латинской церкви обнимаемаго ею періода исторіи. Время его смерти неизвѣстно. См. его жизнь въ Patrol. LXIX.

ныхъ замѣчательныхъ случаевъ имѣлъ мѣсто въ 487 году, когда Петръ „валяльщикъ“, тогдашній патріархъ антіохійскій, сильно расположенный въ пользу Зенона, возобновилъ свои притязанія на юрисдикцію надъ Кипромъ, прекращенную вселенскимъ соборомъ Ефесскимъ. Анѳимъ, епископъ Констанціи и митрополитъ этого острова, здравомыслящій православный, вытребованъ былъ въ Константинополь и долженъ былъ отвѣчать на притязаніе монофизитскаго патріарха. Наканунѣ своего отправленія изъ Кипра, епископъ былъ посѣщенъ во снѣ св. Варнавой, который открылъ ему мѣсто своего успокоенія. Тѣло святаго, вслѣдствіе этого, дѣйствительно было найдено, а вмѣстѣ съ нимъ и экземпляръ Евангелія отъ Матѳея, написаннаго рукою самого Варнавы. Ободренный такимъ открытіемъ, Анѳимъ отправился въ Константинополь, и на апостольскія притязанія Антіохіи отвѣчалъ этимъ чудеснымъ доказательствомъ, что его церковь была также апостольскаго происхожденія. Императоръ съ радостью призналъ этотъ доводъ и выразилъ великое удовольствіе, что его царствованіе было удостоено столь знаменитаго событія, послѣ чего Петръ, потерпѣвъ неудачу, возвратился въ Антіохію, и автокефальная независимость Кипра поставлена была внѣ всякаго спора [1]. Къ этому же времени относится составленіе жизнеописаній многихъ святыхъ, хотя при этомъ въ ихъ жизнеописанія вводились и черты, очевидно расчитанныя на приспособленіе къ преобладающимъ вкусамъ времени.

2. Несторіанскій споръ весьма много содѣйствовалъ усиленію благоговѣнія къ Пресвятой Дѣвѣ. Когда стали было отрицать у нея названіе Богородицы, Кириллъ, Проклъ и другіе противники Несторія, въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ, сильно защищали этотъ титулъ, и естественно превозносили матерь Спасителя. Въ этомъ отношеніи евтихіане соперничали съ православными; монофизитъ Петръ антіохійскій включилъ имя Богородицы во всѣ молитвы своей церкви. Въ честь ея посвящались многіе храмы, и первою церковью, носившею ея имя, въ Римѣ была повидимому базилика папы Либерія, имъ основанная и первоначально называвшаяся по его имени, но которую Сикстъ III перестроилъ съ большимъ великолѣпіемъ черезъ годъ послѣ собора Ефесскаго, и которая, среди многихъ другихъ церквей Пресвятой Дѣвы Маріи, отличается почетнымъ титуломъ Major. Юстиніанъ призывалъ помощь Пресвятой Дѣвы Маріи въ дѣлѣ своей администраціи; Нарсесъ никогда не вступалъ въ битву, не получивъ предварительно какого либо знака ея одобренія.

3. Все въ большее употребленіе стали входить и иконы и изоб-

---

[1] Theod. Lector, п, 2. Acta S. Jun. 11, p. 417.

раженія. Въ церквахъ стали появляться изображенія Пресвятой Дѣвы, иногда сидящей на престолѣ съ прев. Младенцемъ на рукахъ. Употребленіе иконъ вошло въ большее употребленіе на Востокѣ, чѣмъ на Западѣ. Леонтій, епископъ неапольскій, на островѣ Кипрѣ, въ концѣ VI столѣтія, краснорѣчиво защищалъ поклоненіе имъ въ знакъ почтенія къ тѣмъ, кто изображенъ на нихъ; съ другой стороны Ксенаія или Филоксенъ, епископъ сирійскаго Іераполя, бывшій однимъ изъ видныхъ монофизитовъ въ началѣ столѣтія, выбрасывалъ иконы изъ церквей [1]).

4. Къ праздникамъ въ VI столѣтіи присоединился праздникъ Срѣтенія, именно въ воспоминаніе встрѣчи Св. Младенца праведнымъ Симеономъ въ храмѣ. Первое празднованіе этого праздника въ Константинополѣ было въ 542 году. Въ VI столѣтіи, вѣроятно, праздновалось также и Благовѣщеніе, такъ какъ въ слѣдующемъ столѣтіи праздникъ этотъ является уже совершенно установившимся. Въ большей части страны, онъ праздновался 25 марта, хотя въ Испаніи и въ Арменіи избирались для этого и другіе дни, съ цѣлью не нарушать Великаго поста. Весьма распространеннымъ сдѣлался праздникъ рожденія Іоанна Крестителя 24 Іюня, особенно въ виду того, что средина лѣта вообще и раньше праздновалась соблюденіемъ различныхъ обрядовъ среди римлянъ и другихъ сѣверныхъ народовъ. Соборъ Агдійскій упоминаетъ о немъ въ 506 году вмѣстѣ съ Пасхой, Рождествомъ Христовымъ, Богоявленіемъ, Вознесеніемъ и Пятидесятницей, какъ принадлежащемъ къ тому разряду главныхъ праздниковъ, которые лицамъ, обычное богослуженіе которыхъ совершалось въ часовняхъ, предписывалось праздновать въ церквахъ своихъ городовъ или приходовъ. Самое раннее свидѣтельство о соблюденіи предрождественскаго поста въ Латинской церкви находится у Максима Туринскаго въ V столѣтіи. Время это считалось покаяннымъ, и каждую недѣлю назначалось три дня постныхъ, а соборъ Лиринскій, въ 524 году, постановилъ, чтобы отъ начала этого поста до праздника Богоявленія не совершалось никакихъ браковъ. Въ Римѣ, повидимому, во время этого періода считалось пять воскресеній, хотя впослѣдствіи число ихъ низведено было до четырехъ; между тѣмъ какъ въ Миланѣ, Испаніи и въ Галліи время это расширялось до шести недѣль, начиная съ воскресенья послѣ праздника Мартина, отъ котораго и самое воскресенье это называлось „Quadragessima св. Мартина“. На Востокѣ постъ продолжался также 40 дней, хотя онъ соблюдался менѣе строго, чѣмъ на Западѣ. Во время бѣдствія и ужасовъ, причиненныхъ изверженіями вулкановъ Овернскихъ, около средины V столѣтія, былъ учрежденъ Мамеркомъ,

---

[1]) Hard. IV, 193—201; 305; Cedrenus. 353.

епископомъ вьеннскимъ, трехдневный, такъ называемый, умилостивительный постъ передъ Вознесеніемъ; и постъ этотъ сталъ соблюдаться и въ другихъ мѣстахъ, хотя въ Римѣ онъ введенъ былъ не раньше первосвященства Льва III, около 800 года. У Льва Великаго и другихъ писателей этого времени упоминается и о постахъ, соблюдавшихся въ каждой четверти года.

5. Въ ученіи о таинствахъ въ теченіе этого періода не произошло никакихъ особенныхъ измѣненій. Въ отношеніи къ таинству евхаристіи, однако же, замѣтно было стремленіе къ болѣе точному выясненію его особенностей и сущности. Такъ, причащеніе происходило подъ обоими видами. Обычай причащенія подъ однимъ видомъ былъ только уже позднѣйшимъ введеніемъ въ церкви, такъ что онъ еще вполнѣ осуждался Геласіемъ I, который говоритъ, что „раздѣленіе одного и того же таинства нельзя дѣлать безъ великаго святотатства“. Едва ли нужно опровергать, или даже излагать объясненія, которыми римскіе писатели старались избѣгнуть этого запрещенія, именно, ограничивая слова Геласія только священниками, или заявляя, что такъ какъ они направлены были противъ манихеевъ, то и относятся только къ этимъ сектантамъ и не имѣютъ приложенія къ православнымъ, потому что эти послѣдніе не отвергаютъ причащенія евхаристической чаши [1]). Въ это же время оказались необходимыми правила для принужденія къ причащенію. Такъ, соборъ Агдійскій, состоявшійся подъ предсѣдательствомъ Кесарія арелатскаго, въ 506 году, постановилъ, чтобы никакой мірянинъ не считался христіаниномъ, если онъ не будетъ причащаться въ Рождество, Пасху и Пятидесятницу. Тотъ же соборъ постановлялъ, что народъ не долженъ оставлять церкви раньше благословенія священника, и первый соборъ Орлеанскій, въ 511 году, постановлялъ, что народъ долженъ оставаться, пока не кончится совершеніе литургіи, послѣ чего онъ и долженъ былъ расходиться съ благословеніемъ. Смыслъ этихъ каноновъ, повидимому, тотъ, что тѣ, кто не намѣрены были причащаться, должны были удаляться послѣ благословенія, которое, (какъ можно видѣть въ литургіяхъ Мазарабской и Галликанской), давалось между освященіемъ и совершеніемъ таинства; такъ что такимъ образомъ было придаваемо формальное освященіе обычаю, который въ раннее время вызывалъ порицаніе Златоуста и другихъ писателей. Въ связи съ этимъ былъ введенъ и обычай давать непричастникамъ, какбы въ видѣ замѣны евхаристіи, части освящен-

---

[1]) См. Baron. 496, 20. Въ тѣхъ же видахъ, конечно, нѣтъ недостатка въ отрицаніяхъ подлинности этого отрывка, сохраненнаго Граціаномъ (Decret. iii, ii, 12; Patrol. clxxxvii). Такъ, онъ напечатанъ среди сомнительныхъ сочиненій Геласія въ изданіяхъ Миня (Patrologia, lix, 141).

наго и благословеннаго священникомъ хлѣба, который и извѣстенъ былъ подъ названіемъ евлогій или благословеній [1]).

6. Въ покаянной дисциплинѣ Западной церкви важная перемѣна была введена Львомъ Великимъ. До его времени покаяніе было публичнымъ, и о преступленіи каждаго кающагося громко прочитывалось изъ сдѣланной записи; но Левъ, съ цѣлью устраненія препятствія, которое, могло удерживать многихъ отъ покаянія, объявилъ такое публичное покаяніе ненужнымъ; потому что, пишетъ онъ, „та исповѣдь достаточна, которая дѣлается сначала Богу, а затѣмъ также священнику, приближающемуся въ качествѣ ходатая за грѣхъ кающагося“ [2]). Результатомъ этого была отмѣна обычнаго совершенія публичнаго покаянія и замѣны его тайной только исповѣдью.

V. Упадокъ учености.

Съ половины v столѣтія ученость, видимо, клонилась къ упадку въ церкви, и къ концу vi столѣтія едва ли разработывалась какая нибудь другая литература, кромѣ церковной. „Увы нашему времени!“ восклицалъ современникъ Григорія турскаго, „ибо изученіе письменности погибло среди насъ, и среди народовъ не найти такого, который могъ бы продолжать лѣтописи дѣяній настоящаго времени“ [3]). Варварскія нашествія, необходимость въ эти смутныя времена всю дѣятельность направлять къ практическимъ цѣлямъ, исчезновеніе язычества, повлекшее за собою устраненіе и самаго повода, который побуждалъ христіанскихъ учителей подготовляться къ борьбѣ съ учеными противниками, пренебреженіе, съ которымъ стали относиться къ языческой вообще литературѣ и философіи,—все это вмѣстѣ и было причиной подобнаго результата. Даже среди произведеній христіанскихъ авторовъ запрещались всѣ, кромѣ пользовавшихся признаннымъ православіемъ [4]), и это также содѣйствовало ослабленію учености. Самый вѣкъ этотъ не произвелъ ни одного только писателя, геній котораго могъ бы восторжествовать надъ его гнетущими и омрачающими вліяніями. Даже замѣчательнѣйшіе изъ тѣхъ, кто жили въ половинѣ или къ концу столѣтія, каковы Кассіодоръ и энциклопедистъ Исидоръ севильскій, по большей части дѣлали весьма мало, кромѣ сокращенія и компилированія изъ произведеній раннихъ авторовъ, и популярность ихъ произведеній была причиною затѣненія самихъ подлинниковъ.

---

[1]) Въ прежнее время это названіе прилагалось къ самой евхаристіи (см. I Кор. x, 16; Suicer подъ словомъ εὐλογία).

[2]) Ep. 168.

[3]) Greg. Praef.

[4]) Первый списокъ запрещенныхъ книгъ былъ изданъ римскимъ соборомъ при Геласіѣ, въ 494 году (или, вѣрнѣе, въ 496 году). Hefele, II, 597 (См. Patrol. LIX, 163 и слѣд.).

Но даже и въ это печальное время, среди общаго мрака, когда ученость пала, и цивилизація была подавлена, Евангеліе не только тайно и постепенно исполняло предназначенное ему дѣло оквашенія того тѣста, въ которомъ оно было сокрыто [1]), но вліяніе его въ значительной степени можно замѣчать уже и на самой поверхности. Оно ~~гуманизировало~~ просвещало варваровъ, смягчало ужасы войны и рабства, научало какъ побѣдителей, такъ и побѣжденныхъ нѣкоторой новой связи, стоящей выше различія въ племени, смягчало гнетъ грубой силы указаніемъ на отвѣтственность за предѣлами настоящаго міра. Мы видимъ, что церковь не только носила въ себѣ надежду безсмертія, но и избавляла умственныя сокровища прошлаго отъ подавленія ихъ варварствомъ и сохранно передавала ихъ послѣдующимъ поколѣніямъ.

---

[1]) Матѳ. XIII, 33.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ избранія Григорія Великаго до смерти Карла Великаго. 590—814 г.

ГЛАВА XXIII.

Григорій Великій (590—604).—Колумбанъ (589—615 г.).

КОНЕЦЪ VI столѣтія можно считать предѣльной чертой между древней и средневѣковой церковной исторіей. Сцена интереса отселѣ мѣняется; восточныя церкви, угнетаемыя внѣшними бѣдствіями, будутъ лишь мало обращать на себя наше вниманіе, причемъ оно будетъ почти всецѣло занято странами Запада, о которыхъ не говорилось раньше или говорилось лишь мало. Христіанство, какъ мы увидимъ, въ это время проникаетъ въ варварскія племена, наводнившія собою Западную имперію, принося имъ не только религіозную истину, но и элементы культуры и образованія, приспособляясь къ нимъ, преобразовывая ихъ, и въ свою очередь испытывая на себѣ ихъ вліяніе. Какъ раньше христіанство подвергалось вліянію со стороны идей и обычаевъ его греческихъ и римскихъ обращенцевъ, такъ теперь оно не мало терпѣло отъ варваровъ, хотя скорѣе отъ грубости ихъ нравовъ и обычаевъ, чѣмъ отъ какого нибудь зараженія ихъ древними религіями. Не смотря на это, и въ теченіе этихъ самыхъ мрачныхъ вѣковъ, предстоящихъ нашему изслѣдованію, мы можемъ видѣть, какъ благодатное промышленіе Божіе сохраняло сущность истины среди невѣжества и испорченности, давало людямъ возможность побѣждать зло, которымъ они были окружены, и наполняло сердца народныхъ массъ ревностью не только о распространеніи видимыхъ предѣловъ царства Христова, но также и объ укрѣпленіи силы вѣры въ тѣхъ, которые уже считали себя членами этого царства.

Самымъ знаменитымъ представителемъ переходной эпохи отъ древняго періода къ среднему былъ Григорій Великій. Онъ родился въ Римѣ, около 540 года [1]); родъ его былъ сенаторскаго сана и, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, принадлежалъ къ великому Аникіеву дому [2]); онъ былъ правнукъ папы, по имени Феликса, третьяго или четвертаго папы этого имени [3]). Григорій поступилъ на гражданскую службу и достигъ должности претора города; но будучи около 35 лѣтъ отъ роду, онъ оставилъ карьеру мірскихъ отличій и употребилъ свое богатство на основаніе семи монастырей, изъ которыхъ шесть были въ Сициліи, и седьмой, посвященный имъ ап. Андрею, былъ въ его родовомъ домѣ на Целійскомъ холмѣ въ Римѣ [4]). Въ этомъ римскомъ монастырѣ онъ поселился и самъ, и предался строгой аскетической жизни, которую онъ настойчиво продолжалъ вести, не смотря на частыя и жестокія болѣзни, происходившія отъ его суровости. Около 577 года, онъ былъ рукоположенъ въ діакона и назначенъ для отправленія своей должности въ одну изъ семи главныхъ церквей города, и въ 578 или слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ Пелагіемъ II, въ качествѣ его представителя, ко двору Тиверія II, который недавно предъ тѣмъ сдѣлался, по смерти младшаго Юстина, единодержавнымъ императоромъ [5]). Самымъ замѣчательнымъ событіемъ во время его пребыванія въ Константинополѣ былъ споръ съ патріархомъ Евтихіемъ, державшимся мнѣнія Оригена, что „духовное тѣло“ святыхъ, послѣ воскресенія будетъ неосязаемымъ и болѣе тонкимъ, чѣмъ вѣтеръ или воздухъ. Григорій, напротивъ, думалъ, согласно съ ученіемъ, принятымъ Западною церковью на основаніи авторитета бл. Августина [6]), что если бы тѣло было неосязаемымъ, то оно потеряло бы и свое тождество. Оно будетъ, говорилъ онъ, „осязаемымъ въ дѣйствительности его природы, хотя и тонкимъ по вліянію духовной благодати“. Тиверій приказалъ сжечь книгу, въ которой Евтихій высказывалъ свое мнѣніе, и вскорѣ затѣмъ патрі-
архъ, на своемъ смертномъ одрѣ, призналъ себя сто- 582 г.
ронникомъ противоположнаго взгляда, когда онъ,

---

[1]) *Lau*, Gregor der Grosse, 10, Leipz. 1845.

[2]) См. Patrol. LXXV, 241. Объ Аникіяхъ см. p. 18.

[3]) Atavus meus Felix, hujus romanae ecclesiae antistes (Hom. in Evang. XXXVIII. 15; Dialog. IV, 16).

[4]) Имя ап. Андрея теперь перемѣнено на имя самого основателя.

[5]) Въ 578 году. Въ управленіи имперіей онъ участвовалъ уже четыре года предъ тѣмъ. Gibbon, IV, 253—4.

[6]) Enchirid. 88—91; De Ciu. Dei XXII, 11, 20, 21.

взявъ его изможденную руку, воскликнулъ: „я исповѣдую, что въ этой плоти мы всѣ воскреснемъ опять“ [1]).

По возвращеніи своемъ въ Римъ [2]), Григорій былъ избранъ аббатомъ своего монастыря, и также дѣйствовалъ въ качествѣ церковнаго секретаря у Пелагія. По смерти этого папы, скончавшагося отъ язвы въ январѣ 590 года, онъ былъ избранъ сенатомъ, духовенствомъ и народомъ на вакантную каѳедру. Онъ старался избѣгнуть этого возвышенія различными способами, но письмо, въ которомъ онъ упрашивалъ императора Маврикія не давать своего согласія на избраніе, было открыто и задержано правителемъ Рима; особыя чудеса не позволили ему скрыться, и не смотря на его неохоту, онъ былъ посвященъ въ сентябрѣ 590 года.

Положеніе, котораго теперь достигъ Григорій, было такимъ, котораго онъ дѣйствительно могъ устрашаться даже и по другимъ причинамъ, чѣмъ приписываемое ему однимъ древнимъ жизнеописателемъ опасеніе: „дабы мірская слава, которую онъ раньше отвергъ отъ себя, не возвратилась къ нему подъ видомъ церковнаго управленія“ [3]). Онъ сравниваетъ свою церковь „съ древнимъ, разбитымъ бурею кораблемъ, въ который со всѣхъ сторонъ проникаетъ вода, такъ какъ балки его сгнили, расщеплены ежедневными бурями и грозятъ крушеніемъ“ [4]). Сѣверъ Италіи былъ наводненъ ломбардами, которые угрожали и другимъ провинціямъ. Отдаленное правительство Константинополя, вмѣсто того, чтобы защищать своихъ италійскихъ подданныхъ, дѣйствовало только въ качествѣ препятствія ихъ усиліямъ для своей собственной защиты. Мѣстныя власти не имѣли ни мужества выступить на войну, ни мудрости для мирныхъ переговоровъ; нѣкоторыя изъ нихъ своими безпорядочными вымогательствами даже вынуждали свой народъ содѣйствовать интересамъ непріятеля [5]). Жители деревень были разорены войной, голодомъ и болѣзнями, причемъ стремленіе къ безбрачію являлось новой причиной уменьшенія населенія. Во многихъ мѣстахъ обезлюденная почва сдѣлалась мѣстомъ постоянной моровой язвы. Запасы хлѣба, который сначала привозился изъ Сициліи для поддержанія излишка населенія, теперь дѣлались необходимыми въ виду общей запущенности земледѣльческаго хозяйства. Самый Римъ, вдобавокъ къ общимъ бѣдствіямъ страны, страдалъ отъ бурь и наводненій. Бѣдствія этого времени были такъ велики, что въ религіозныхъ умахъ невольно являлось убѣжденіе, которое часто высказывалъ и Григорій, именно, что приблизился конецъ міра ¹).

---

[1]) *Greg.* Moralia, xiv, 56. „Жизнь Евтихія“, сс. 89, 90, Acia S. Апрѣль 6.

[2]) Въ 584 году. Мильманъ думаетъ, что онъ былъ аббатомъ до своего посольства въ Константинополь (i, 404).

[3]) Paul. 10.

[4]) Ep. i, 4.

[5]) Ep. v, 41.

Не болѣе утѣшительно было и состояніе церковныхъ дѣлъ. Церкви и монастыри были разрушены ломбардами; духовенство было малочисленное и недостаточное для пастырскаго руководства своими разсѣянными паствами, и вообще среди духовенства и иноковъ смятенія этого времени были причиной общаго упадка нравственности и дисциплины. Грозные ломбарды были аріанами; расколъ, происшедшій изъ—за вопроса касательно „трехъ главъ“, продолжалъ держать Истрію и другія провинціи въ отчужденіи отъ Рима, и имѣлъ многихъ приверженцевъ въ Галліи. Въ Галліи также церковь страдала отъ крайней распущенности королей и знати, и отъ общаго варварства какъ народа вообще, такъ и духовенства. Испанія только что освободилась отъ аріанства, но требовалось еще многое для завершенія и укрѣпленія этой побѣды. Въ Африкѣ старая секта донатистовъ воспользовалась случаемъ господствующихъ смятеній для того, чтобы еще разъ поднять свою голову и дѣлать нападенія на церковь. Восточные патріархаты раздираемы были несторіанскимъ и монофизитскимъ спорами; патріархъ Антіохіи лишенъ былъ сана, и епископъ римскій имѣлъ основаніе съ чувствомъ зависти смотрѣть на своего собрата и соперника въ новой столицѣ имперіи.

Собраніе посланій Григорія, доходящихъ почти до 850 числомъ, представляетъ замѣчательную картину его обширной и разнообразной дѣятельности. Значеніе ихъ главнымъ образомъ и состоитъ именно въ этомъ, потому что хотя въ нихъ иногда разсматриваются и вопросы богословія и нравственности, однако же они не содержатъ такихъ обработанныхъ разсужденій, которыя встрѣчаются въ посланіяхъ бл. Іеронима и Августина ²). У Григорія не было ни времени, ни наклонности для такихъ разсужденій; но его склонность къ дѣловитости, его обширная, разнообразная и подробная наблюдательность, сочетаніе въ немъ настойчивости и ловкости въ веденіи дѣлъ, по истинѣ изумительны. Отъ разсужденій съ патріархами, королями или императорами о высочайшихъ предметахъ церкви или государства онъ переходитъ къ непосредственному завѣдыванію какой нибудь фермой, трактуетъ о возвращеніи сбѣжавшей монахини или о помощи какому нибудь бѣдствующему просителю въ какомъ нибудь отдаленномъ округѣ его епархіи. Онъ выступаетъ какъ папа, какъ дѣйствительный государь, какъ епископъ, какъ помѣщикъ. Онъ принимаетъ мѣры для защиты своей страны, для обращенія язычниковъ, для

---

¹) Напр. Dial. ш, 38; Ep. ш, 29; Baron. 590, 22—26; 594, 9.

²) Дюпинъ (v, 104 и слѣд.) даетъ сводку главныхъ пунктовъ посланій Григорія, распредѣленныхъ подъ отдѣльными главами. Іаффе, въ своемъ тщательномъ и цѣнномъ Regesta, даетъ анализъ этихъ посланій, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ.

подавленія и примиренія сектантовъ и раскольниковъ; вводитъ дисциплину, заботится о вакантныхъ діоцезахъ, объединяетъ каѳедры, гдѣ бѣдность и безлюдіе дѣлали такое объединеніе полезнымъ, руководитъ выборомъ епископовъ и наблюдаетъ за исполненіемъ ими своихъ обязанностей. Онъ ходатайствуетъ предъ великими міра сего въ пользу тѣхъ, кто страдали отъ самоуправства ихъ сополчиненныхъ; выступаетъ посредникомъ въ распряхъ между епископами и ихъ духовенствомъ, или духовенствомъ и ихъ мірянами; даетъ совѣты касательно земныхъ дѣлъ церкви, и о такихъ предметахъ онъ пишетъ въ духѣ безкорыстія и равенства, весьма непохожаго на ту алчность, которая слишкомъ часто проявлялась у епископовъ, когда дѣло шло о завѣщаніяхъ или другой собственности. Въ этихъ посланіяхъ къ императорамъ, хотя тонъ ихъ постоянно смиренный и покорный, онъ настойчиво стремится къ своей цѣли, и противодѣйствуетъ всему, что кажется ему нарушеніемъ правъ церкви.

Григорій велъ самый простой монашескій образъ жизни 1), ограничивая свое общество монахами и духовенствомъ, съ которыми онъ продолжалъ заниматься науками. Онъ старался доставить образованіе духовенству, правда, не имѣя въ виду какого нибудь высокаго литературнаго уровня образованія, но такое, какого только возможно было по обстоятельствамъ того времени. Въ свою церковь онъ ввелъ новое и болѣе дѣйствительное устройство, трудился надъ усовершенствованіемъ литургіи и придалъ чинопослѣдованію ея такую форму, которая во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ удерживается и доселѣ. Онъ учредилъ пѣвческую школу, выбралъ музыку и установилъ способъ пѣнія, который отъ него получилъ самъ свое названіе. Онъ лично завѣдывалъ упражненіями хористовъ, и бичъ, которымъ онъ угрожалъ имъ и увѣщевалъ ихъ, сохранялся въ теченіи столѣтій въ качествѣ достопримѣчательности. Дурное поведеніе лицъ, которыя, вслѣдствіе своихъ голосовыхъ способностей, были рукоположены въ діаконы, сдѣлалось невозможнымъ; Григорій, вмѣстѣ съ соборомъ, пытался искоренить это зло, не требованіемъ бóльшей строгости въ поведеніи пѣвцовъ, но постановленіемъ, чтобы пѣніе совершалось субдіаконами или клириками низшихъ степеней. Онъ прилежно трудился въ качествѣ проповѣдника, и при составленіи своихъ разсужденій, по преданію, находилъ высшую помощь въ особомъ вдохновеніи Духа Святаго, который являлся въ видѣ

---

1) Одно изъ его посланій (II, 32), обращенное къ одному агенту въ Сициліи, часто приводится въ доказательство остроумія и вмѣстѣ смиренной простоты жизни Григорія, „Ты прислалъ намъ“, пишетъ онъ, „одну дрянную лошадь и пять хорошихъ ословъ. Я не могу ѣздить на этой лошади, потому что она дрянная; равно не могу ѣздить и на добрыхъ животныхъ, потому что они ослы“.

голубя бѣлѣе снѣга [1]). Когда Риму, въ 595 году, угрожали ломбарды, подъ начальствомъ Агилулфа, папа съ каѳедры излагалъ пророчество Іезекіиля, пока наконецъ гнетущая бѣдственность не вынудила его прекратить это изъясненіе, такъ какъ онъ нашелъ, что въ такихъ обстоятельствахъ душа его слишкомъ развлекалась для того, чтобы проникнуть въ тайны этой книги [2]). „Пусть никто не порицаетъ меня“, говоритъ онъ въ послѣдней бесѣдѣ этой серіи, „если послѣ этого разсужденія я прекращу собесѣдованія, такъ какъ вы всѣ видите, что наши треволненія умножаются: со всѣхъ сторонъ мы окружены мечами, и со всѣхъ сторонъ намъ угрожаетъ опасность смерти. Нѣкоторые пришли къ намъ съ искалѣченными руками, о другихъ разсказываютъ, что они взяты въ плѣнъ или убиты. Я вынужденъ воздерживать мой языкъ отъ объясненія, потому что душа моя утомилась отъ жизни моей“ [3]). Въ послѣдніе годы своей жизни, когда онъ вынужденъ былъ болѣзнью лично оставить проповѣдничество, онъ диктовалъ проповѣди, которыя произносились другими.

Богатство каѳедры давало папѣ возможность вести обширную благотворительную дѣятельность, которая велась по правильному плану. Въ первый день каждаго мѣсяца онъ распредѣлялъ значительное количество провизіи, и среди тѣхъ, которые рады были воспользоваться этою щедростью, было много членовъ римской знати, бѣдствіями времени доведенныхъ до крайней бѣдности. Ежедневно онъ отправлялъ милостыню многимъ нуждающимся лицамъ во всѣхъ частяхъ города. Когда бѣднаго человѣка находили мертвымъ на улицѣ, Григорій на нѣкоторое время воздерживался отъ совершенія евхаристіи, какбы самого себя считая причиной его смерти. У него было въ обычаѣ посылать кушанья отъ своего собственнаго стола лицамъ, о которыхъ онъ зналъ, что они находятся въ нуждѣ, но были слишкомъ горды, или слишкомъ стыдливы, чтобы просить помощи. Онъ оказывалъ гостепріимство странникамъ и чужеземцамъ, и его жизнеописатели разсказываютъ, что при одномъ случаѣ онъ былъ удостоенъ видѣнія, въ которомъ ему сообщалось, что среди воспользовавшихся его гостепріимствомъ былъ и его ангелъ-хранитель. Въ другое время, по тѣмъ же разсказамъ, ночью ему явился Спаситель и сказалъ: „въ другіе дни ты помогалъ Мнѣ въ Моихъ членахъ, но вчера во Мнѣ Самомъ“ [4]).

Григорій Великій находилъ себя вынужденнымъ принимать дѣятельное участіе въ политическихъ дѣлахъ. Онъ желалъ мира не только ради себя самого, но и какъ необходимаго для преобразованія и расширенія церкви. И для достиженія его ему приходилось бороться со многими препятствіями, не смотря на неоднократныя разочарованія вслѣдствіе нарушенія заключавшихся перемирій. Онъ лично входилъ въ сношенія съ ломбардами, и хотя за свои старанія подвергался насмѣшкамъ и пренебрежительнымъ отзывамъ со стороны двора константинопольскаго, однако же онъ находилъ себѣ вознагражденіе въ успѣшности этихъ стараній и въ благодарности народа, котораго онъ избавлялъ отъ ужасовъ войны.

---

[1]) Paul. 28; Joh. Diac. IV, 70.

[2]) Hom. in Ezech. praef. ad. lib. II.

[3]) Тамъ же, II, X, 24.

[4]) Joh. Diac., II, 22—30; Lau, 303.

Собственность римской каѳедры, которая стала называться „наслѣдіемъ св. Петра", составляли имѣнія не только въ Италіи и на прилегающихъ островахъ, но и въ Галліи, Иллиріи, Далмаціи, Африкѣ и даже въ Азіи ¹). Эти имѣнія были управляемы особыми уполномоченными, избиравшимися изъ діаконовъ и субдіаконовъ, или мірянами, носившими титулъ „защитниковъ". При посредствѣ агентовъ этого рода, Григорій въ значительной степени велъ и управленіе своимъ собственнымъ патріархатомъ, а также и сношенія съ другими церквами, и кромѣ этихъ уполномоченныхъ, онъ имѣлъ особыхъ представителей въ лицѣ „викаріевъ", то есть, епископовъ, которымъ онъ, или вслѣдствіе важности ихъ каѳедръ, или по ихъ личнымъ заслугамъ, предоставлялъ извѣстныя преимущества и юрисдикцію, отличительнымъ знакомъ чего былъ *паллiумъ* (особая мантія ²). Особенное попеченіе онъ имѣлъ о провинціяхъ „подгородныхъ", и за предѣлами ихъ онъ не осмѣливался вмѣшиваться въ внутреннія дѣла церквей. При помощи Геннадія, правителя Африки, папа пріобрѣлъ небывалый дотолѣ авторитетъ надъ церковью этой страны. Въ Галліи и Испаніи онъ имѣлъ своихъ викаріевъ; степень его вліянія на церкви этихъ странъ была не опредѣлена, и главнымъ образомъ оно проявлялось въ видѣ увѣщаній ихъ государямъ; но ему удалось установить этимъ способомъ болѣе тѣсную связь съ Франкскимъ королевствомъ, чѣмъ какая существовала раньше, и закрѣпляя такимъ образомъ свой интересъ на Западѣ, онъ пріобрѣталъ для своей церкви поддержку, независимую отъ могущества Константинополя.

Въ своихъ отношеніяхъ къ епископамъ Запада, онъ поддерживалъ авторитетъ каѳедры ап. Петра, какъ источникъ всякихъ церковныхъ преимуществъ,—центръ юрисдикціи, къ которой, какъ къ высшему трибуналу, должны были относиться всѣ духовныя дѣла. Его агенты, хотя и принадлежавшіе къ низшимъ степенямъ свя-

---

¹) Baron. 591, 30; Lau, 50.

²) См. Epp. ш, 56—7; v, 11, 15, 53; vi, 34, 62 и проч. Для предоставленія паллiума епископамъ, не бывшимъ подданными императора, требовалось согласіе послѣдняго.

щеннослуженія, въ дѣйствительности были главными церковными властями въ своихъ сферахъ; мы находимъ, что субдіаконы въ этомъ положеніи уполномочены были не только дѣлать наставленія отдѣльнымъ епископамъ, но даже созывать епископовъ цѣлой провинціи, передавать имъ папскій выговоръ и доносить о нихъ апостольской каѳедрѣ въ случаѣ упущеній по служенію [1]. Когда однако же эти агенты превышали свои общія полномочія и требовали себѣ на разсмотрѣніе дѣла безъ отношенія къ епархіальному епископу, Григорій увѣщевалъ ихъ уважать права епископства [2]. Не смотря на это высокое представленіе объ авторитетѣ своей каѳедры, и хотя онъ, безспорно, долженъ быть относимъ къ числу тѣхъ папъ, которые болѣе всего содѣйствовали расширенію папскаго владычества, однако же въ своей собственной личности Григорій былъ совершенно чуждъ какой либо гордости или заносчивости.

Григорій всегда относился къ восточнымъ патріархамъ, какъ къ независимымъ. Объ епископахъ Александріи и Антіохіи онъ говорилъ какъ о такихъ, которые, подобно ему, были преемниками ап. Петра и одинаково съ нимъ занимали каѳедры, обязанныя своимъ происхожденіемъ одному и тому же основателю [3]; и хотя онъ имѣлъ серьезное столкновеніе съ епископами восточной столицы, эти столкновенія возникали отнюдь не изъ какого либо притязанія въ пользу римской каѳедры, но изъ предполагаемой заносчивости со стороны Константинополя [4]. Іоаннъ, называемый, вслѣдствіе своей аскетической жизни „постникомъ“, возведенъ былъ на патріаршую каѳедру въ 585 году, не смотря на то, что онъ старался избѣгнуть этого возвышенія чрезвычайною смиренностью своей внѣшности, къ которой Григорій однажды относился съ благоговѣніемъ, хотя впослѣдствіи и сталъ считать ее маской гордости [5]. Въ 587 году, въ Константинополѣ состоялся великій соборъ восточныхъ епископовъ и сенаторовъ для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ обвиненій противъ Григорія, патріарха антіохійскаго. На этомъ соборѣ предсѣдательствовалъ Іоаннъ въ силу положенія, предоставленнаго его каѳедрѣ 2 и 4 вселенскими соборами, и въ документахъ онъ принималъ, подобно нѣкоторымъ изъ своихъ предшественниковъ, титулъ „вселенскаго“ епископа (что латиняне передавали словомъ „универсальный“). Значеніе этого термина въ византійскомъ употребленіи было неопредѣленнымъ; въ немъ во всякомъ случаѣ не заключалось никакого притязанія на юрисдикцію всей церкви; но Пелагій римскій, съ ревнивостью смотря на могущество Константинополя и опасаясь новаго возвышенія важности, которую его епископы могли извлечь изъ предсѣдательства на соборѣ, собравшемся для столь важной цѣли, протестовалъ противъ этого титула, какъ предлога для кассированія актовъ собора, хотя они были утверждены императоромъ, и запретилъ своему уполномоченному имѣть общеніе съ Іоанномъ [1]).

---

[1] Epp. xiii, 26—7; Lau. 112.

[2] Ep. xi, 37.

[3] Epp. vi, 60; vii, 40.

[4] Въ одномъ изъ своихъ посланій (ix, 12), отвѣчая на обвиненіе въ принятіи нѣкоторыхъ обрядовыхъ новшествъ изъ Константинополя, онъ спрашиваетъ: „что касается константинопольской каѳедры, кто можетъ сомнѣваться, что она subjecta апостольской каѳедрѣ, какъ постоянно допускаетъ это и благочестивѣйшій императоръ, и нашъ братъ, епископъ этого города?“ Subjecta, вѣроятно, означаетъ inferior; потому что весь ходъ разсужденій Григорія въ отношеніи къ Константинополю говоритъ противъ мысли, будто бы онъ считалъ константинопольскаго патріарха *подчиненнымъ* себѣ.

[5] Epp. v, 18, 44.

Григорій, наслѣдовавъ Пелагію, съ великою серьозностью взялся за этотъ вопросъ. Послѣ неоднократныхъ, но безплодныхъ возраженій, при посредствѣ своего апокрисіарія, 594 г. онъ писалъ самому императору Маврикію и императрицѣ. Маврикію онъ доказывалъ, что титулъ, принятый патріархомъ, нарушалъ честь государя. Онъ заявлялъ, что Іоанна къ употребленію этого „гордаго и глупаго слова“ увлекли его льстецы, что притязаніе на этотъ титулъ было подражаніемъ діаволу, превозносившемуся надъ своими собратьями ангелами, что оно не похоже на образъ дѣйствія Петра, который, хотя и первый изъ апостоловъ, былъ лишь членомъ одного и того же чина съ остальными, что епископы должны научаться изъ бѣдствій времени чему нибудь лучшему, чѣмъ притязаніе на возвышенное наименованіе, что такъ какъ теперь, повидимому, приближался конецъ міра, то притязаніе это есть признакъ приближенія антихриста. Соборъ Халкидонскій, говоритъ онъ, правда, предоставилъ этотъ титулъ епископамъ Рима, но они никогда не принимали его, чтобы не показаться отрицающими первосвященство другихъ [2]). Григорій писалъ также Евлогію александрійскому и Анастасію антіохійскому, стараясь склонить ихъ на свою сторону [3]). Предоставить этотъ титулъ Іоанну, говоритъ онъ, значило бы нанести ущербъ ихъ собственнымъ правамъ, и это было бы ущербомъ для всего ихъ чина. „Вселенскій епископъ“ долженъ означать единственнаго епископа; если, поэтому, вселенскій епископъ впадетъ въ заблужденіе, то погрѣшитъ и вся церковь, и для патріарха константинопольскаго присвоивать себѣ это гордое и суевѣрное названіе, составлявшее изобрѣтеніе перваго отступника, было опасно, такъ какъ среди занимавшихъ эту каѳедру были не только еретики, но и ересіархи. Доводы эти произвели мало вліянія, потому что какъ египетскій, такъ и сирійскій патріархи имѣли особое основаніе опасаться нарушенія церковнаго мира и избѣгать всякаго шага, который бы могъ разгнѣвать императора. Анастасій былъ изгнанъ съ своей каѳедры младшимъ Юстиномъ и возвратилъ ее себѣ не раньше какъ послѣ тринадцатилѣтняго отлученія (582—595 г.), когда именно онъ былъ возстановленъ по смерти Григорія; Евлогій боролся съ затрудненіями монофизитскаго раскола, причемъ обоимъ имъ, какъ привыкшимъ къ восточному употребленію языка, титулъ „вселенскій“ не казался ни новшествомъ, ни столь опаснымъ, какими считалъ его епископъ римскій. Евлогій однако же сообщилъ, что онъ пересталъ употреблять этотъ титулъ въ своихъ письмахъ къ Іоанну, какъ и повелѣвалъ Григорій (sicut jussistis). и въ этомъ посланіи онъ обращался къ самому епископу Рима, какъ къ „вселенскому папѣ“. „Я прошу“, отвѣчалъ Григорій, „чтобы ты не говорилъ о *повелѣніи*, такъ какъ я знаю, кто я и кто ты. По достоинству, ты мой братъ, по характеру, мой отецъ... Я прошу твою сладчайшую святость не обращаться ко мнѣ болѣе съ высокомѣрнымъ названіемъ „вселенскій папа“, такъ какъ то, что дается другому сверхъ должнаго, вычитается отъ тебя самого. Если ты называешь меня „вселенскимъ папой“, то ты отрицаешь вообще то, что, по твоимъ словамъ, принадлежитъ мнѣ всецѣло. Долой слова, надмевающія честолюбіе и уязвляющія любовь!“ [1]).

---

[1]) Greg. Ep. v, 18, 44; Joh. Diac. iv, 51.

[2]) Epp. v, 18, 20, 21; vi, 33.

[3]) Epp. v, 43; vi, 60; vii, 27; ix, 78.

Іоаннъ константинопольскій умеръ въ 595 году, не оставивъ никакой другой собственности кромѣ небольшой деревянной постели, грубаго шерстянаго одѣяла и рванаго плаща,—каковые остатки, изъ уваженія къ святости патріарха, были перенесены въ императорскій дворецъ. Его преемникъ, Киріакъ, продолжалъ употреблять спорный титулъ, но Григорій настаивалъ на своихъ возраженіяхъ противъ него, и хотя и получилъ извѣщеніе о возвышеніи Киріака, однако же запретилъ своимъ уполномоченнымъ въ Константинополѣ имѣть общеніе съ новымъ патріархомъ, пока онъ будетъ удерживать за собою титулъ вселенскаго епископа [2]).

Во время своего пребыванія въ Константинополѣ, Григорій находился въ чрезвычайно близкихъ отношеніяхъ съ Маврикіемъ, который въ то время занималъ частное положеніе. Но со времени возвышенія одного изъ нихъ на императорскій престолъ, и другаго на каѳедру ап. Петра, между ними возникло много поводовъ къ

---

[1]) Ер. viii, 30. Григорій, въ молчаливый укоръ Іоанну, между прочимъ называетъ себя „рабомъ рабовъ Божіихъ“; но этотъ титулъ, какъ думаютъ нѣкоторые, не изобрѣтенъ имъ. Онъ встрѣчается уже во времена бл. Августина и былъ употребляемъ другими епископами и даже королями и сдѣлался особенностью папы Рима не ранѣе xi столѣтія.

[2]) Ер. vii, 4, 31.

разногласію. Маврикій лично благоволилъ къ Іоанну, представлялъ вопросъ о титулѣ патріарха незначительнымъ, и оставался глухъ къ заявленіямъ Григорія по этому предмету. Онъ часто становился на сторону епископовъ или другихъ, кого Григорій хотѣлъ порицать, и напоминалъ ему, что смуты времени дѣлали безполезнымъ настаивать на строгости дисциплины. Запрещая лицамъ, находившимся на общественной службѣ, вступать въ
593 г. монашескую жизнь, и требуя, чтобы солдаты вступали въ монашескую жизнь не ранѣе истеченія ихъ служебнаго срока, онъ вызвалъ со стороны папы замѣчаніе, что такая мѣра можетъ повредить его спасенію, хотя, во исполненіе своего долга въ качествѣ вѣрноподданнаго, и сообщилъ этотъ законъ другимъ епископамъ. Кромѣ того, разногласія вытекали и изъ политическихъ дѣйствій Григорія, которыя экзархи и другіе императорскіе сановники изображали своему государю въ неблагопріятномъ свѣтѣ [1]. Отсюда, на мѣсто дружбы прежнихъ лѣтъ, наступило отчужденіе, и около этого времени, въ 602 году, въ Константинополѣ совершилась революція. Недовольство подданныхъ Маврикія, возроставшее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, было доведено до мятежа распространившейся молвой, что изъ за постыдной экономіи онъ допустилъ, что 12000 плѣнныхъ воиновъ были изрублены аварами, хотя въ его власти было выкупить ихъ. Императоръ былъ низложенъ, и корона передана сотнику, по имени Фокѣ, который вскорѣ затѣмъ велѣлъ предать Маврикія и его дѣтей смерти съ возмутительными жестокостями, вынесенными жертвами съ непоколебимою твердостью и благочестивымъ самоотверженіемъ. Образъ дѣйствія Григорія въ этомъ случаѣ подвергъ его порицаніямъ, отъ которыхъ тщетно старались очистить его защитники. Ослѣпленный ревностью къ церкви и своей нелюбовью къ политикѣ прежняго императора, онъ съ восторгомъ привѣтствовалъ успѣхъ узурпатора, котораго всѣ единогласно изображаютъ чудовищемъ порока и варварства; онъ съ честью принялъ изображенія Фоки и его жены, поставилъ ихъ въ часовнѣ Латеранскаго дворца, и обращался къ новому императору и императрицѣ въ письмахъ съ
Іюл. 603 г. горячимъ поздравленіемъ [2]. Поощренный перемѣной правителей, онъ теперь опять писалъ къ патріарху Киріаку, увѣщевая его оставить титулъ, послужившій причиной столь многихъ споровъ. Фока нашелъ за лучшее посодѣйствовать римской сторонѣ, и на нѣкоторое время слово это было оставлено или запрещено. Но слѣдующій императоръ Ираклій опять сталъ употреблять его въ обращеніи къ епископамъ Константи-

---

[1] См. Ep. v, 40, къ Маврикію, 594 г.

[2] Epp. xiii, 31, 39.

нополя; употребленіе его было освящено 6 и 7 вселенскими соборами, и оно удерживается до настоящаго времени.

593 г.

590 г.

Григорій ревностно старался распространять Евангеліе и возвратить раскольниковъ къ церкви. Онъ трудился съ значительнымъ, хотя и не съ полнымъ успѣхомъ, съ цѣлью положить конецъ расколу аквилейскому и истрійскому, возникшему изъ за спора о „трехъ главахъ“ на 5 вселенскомъ соборѣ. Въ видахъ достиженія этой цѣли, онъ даже готовъ былъ отказаться отъ принятія этого собора: первые четыре собора, говоритъ онъ, нужно признавать, подобно четыремъ Евангеліямъ; „тотъ, который иные называютъ пятымъ“, не ниспровергалъ собора Халкидонскаго, но относился лишь къ личнымъ дѣламъ, и не стоялъ на одномъ и томъ же уровнѣ съ другими 1). При посредствѣ этого взгляда онъ могъ установить примиреніе между Констанціемъ, епископомъ миланскимъ, приверженцемъ собора, и Теоделиндой, королевой ломбардовъ, хотя королева и продолжала отказываться отъ осужденія „трехъ главъ“. Вліяніе этой королевы было весьма выгоднымъ для папы, какъ въ религіозныхъ, такъ и въ политическихъ дѣлахъ. По обычному представленію, она была дочь князя баварскаго и воспитана въ православной вѣрѣ. По смерти ея мужа, ломбардскаго короля Автари, народъ желалъ, чтобы она избрала другаго, и обѣщалъ признать его въ качествѣ государя, и ея выборъ палъ на Агилулфа, князя Туринскаго, который изъ благодарности за свое возвышеніе былъ расположенъ благосклонно относиться къ ея религіи и слушать ея ходатайства въ пользу римлянъ. Свидѣтельство нѣкоторыхъ писателей, что Агилулфъ и самъ сдѣлался православнымъ, повидимому, ошибочно; но его сынъ былъ крещенъ въ эту церковь, и въ половинѣ vii столѣтія аріанство совершенно исчезло среди ломбардовъ.

По отношенію къ тѣмъ, которые не были членами церкви, Григорій вообще относился съ вѣротерпимостью; что онъ настаивалъ на приведеніи въ исполненіе законовъ противъ донатистовъ,— это лишь исключеніе, которое можетъ быть объяснено, если даже не оправдано изувѣрнымъ буйствомъ самой секты. Онъ покровительствовалъ іудеямъ въ отправленіи ихъ религіи, и не одобрялъ насильственныхъ мѣръ, которыми нѣкоторые князья Галліи и Испаніи пытались принудить ихъ къ исповѣданію христіанства 2). Когда

---

1) Epp. iii, 16; iv, 2—4, 38, 39.

2) Epp. vi, 23; i, 47; iii, 53. О такихъ вынужденныхъ обращеніяхъ часто упоминается въ лѣтописяхъ этого времени. 4-ый соборъ Толедскій (633 г.) постановилъ, что іудеи не должны быть „спасаемы противъ ихъ воли“, но что тѣ, которые были принуждены исповѣдывать христіанство въ царствованіе покойнаго короля Сисебута, должны быть принуждаемы держаться своего исповѣданія. Дѣ-

одинъ епископъ палермскій захватилъ и освятилъ синагогу, Григорій приказалъ, чтобы, такъ какъ послѣ освященія она уже не могла быть отчуждена отъ церкви, епископъ заплатилъ стоимость ея іудеямъ. При другомъ случаѣ, когда одинъ обращенецъ изъ іудейства, будучи крещенъ наканунѣ Пасхи, проявилъ свою ревность на слѣдующій день захватомъ синагоги Кагліарской и положеніемъ въ нее своей крещальной одежды, вмѣстѣ съ крестомъ и иконой Пресвятой Дѣвы, то онъ подвергся порицанію за этотъ поступокъ, и ему было приказано возвратить это зданіе его законнымъ владѣльцамъ 1). Иногда однако же Григорій старался побудить іудеевъ къ обращенію, склоняя къ тому выдачей денегъ или уменьшеніемъ ренты, равно какъ и возвышеніемъ ренты для тѣхъ, кто упорно держались іудейства; и хотя онъ ясно высказывалъ убѣжденіе, что обращеніе, достигнутое такими средствами, могло быть лицемѣрнымъ, однако же онъ оправдывалъ ихъ тѣмъ соображеніемъ, что дѣти обращенныхъ въ такомъ случаѣ могли воспользоваться христіанскимъ воспитаніемъ и такимъ образомъ сдѣлаться искренними вѣрующими въ Евангеліе 2).

Григорій старался искоренить остатки язычества, которое все еще продолжало существовать въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи и на островахъ Сардиніи и Корсики. Онъ писалъ укоръ землевладѣльцамъ (изъ которыхъ иные были даже епископами), которые позволяли своимъ крестьянамъ оставаться въ язычествѣ, и чиновнымъ лицамъ, которыя позволяли себѣ изъ за взятокъ относиться къ язычеству снисходительно 3). Иногда онъ рекомендовалъ снисходительность, какъ лучшее средство обращенія языческихъ или даже поселянъ, а иногда такимъ средствомъ считалъ увеличеніе налоговъ, личное наказаніе 4).

Но самая замѣчательная изъ попытокъ Григорія къ обращенію язычниковъ относится къ Британіи. Многіе изъ бриттовъ, сдѣлавшись рабами сѣверныхъ варваровъ, вѣроятно сохраняли еще у себя христіанство; но видимаго существованія церкви уже давно не было между ними, и послѣдніе епископы въ предѣлахъ Саксонской территоріи, повидимому, удалились изъ Лондона и Іорка въ Валлисъ около 587 года.

Случаемъ, который по преданію впервые направилъ взоры Григорія къ обращенію англосаксонцевъ,—было представившееся ему зрѣлище бѣлокурыхъ плѣнниковъ на римскомъ рынкѣ, и послѣдующая

ти іудеевъ должны быть отдѣляемы отъ ихъ родителей и воспитываемы по христіански въ монастыряхъ или другихъ учрежденіяхъ.

1) Ep. ix, 55, 6.

2) Epp. iv, 32; v, 8.

3) Epp. iv. 23--26; v, 41; vi; 1, 18; Lau, 102.

4) Epp. iv, 26; ix, 65; Lau, 242—3.

игра словами, по которымъ онъ заявлялъ, что эти *англы ангельской* красоты подданные *Аеллы*, короля *Деиры*, должны быть избавлены отъ іга (гнѣва) Божія и должны учиться пѣть *аллилуія* [1]). Одушевленный желаніемъ возвѣстить Евангеліе ихъ соотечественникамъ, онъ рѣшился предпринять миссію въ Британію, и папа (или Бенедиктъ, или Пелагій) одобрилъ это предпріятіе; но народъ римскій, горячо преданный Григорію, такъ возсталъ противъ этого, что онъ вынужденъ былъ оставить ее. Хотя ему такимъ образомъ и воспрепятствовали выполнить это дѣло лично, однако же онъ не упускалъ его изъ виду до тѣхъ поръ, пока послѣ своего возвышенія на папскій престолъ не получилъ возможность и поручить его ревности другихъ лицъ.

Въ 568 году королевство Кентское перешло къ Этельберту, и въ 593 году онъ достигъ достоинства Бретвальды, которое дало ему вліяніе на всю Англію къ югу отъ Гумбера [2]). Около 570 года, онъ, какъ предполагаютъ, женился на христіанской принцессѣ Бертѣ, дочери Хариберта, короля Парижскаго, и благочестивой Ингоберги [3]). Условіемъ этого брака было выговорено для королевы свободное отправленіе ея религіи, и къ Кентскому двору ее сопровождалъ французскій епископъ, по имени Луидардъ, или Летардъ. Во время своего долгаго сожительства съ Этельбертомъ, Берта вѣроятно дѣлала нѣсколько попытокъ, по крайней мѣрѣ косвенныхъ, склонить его въ пользу Евангелія; быть можетъ также отъ нея именно Григорій получалъ сообщенія, которыя заставили его предполагать, что многіе англосаксонцы желали христіанскаго назиданія и что британцы отказывали имъ въ этомъ [4]). Въ 595 году, во время промежуточнаго мира съ ломбардами, папа отправилъ Августина, настоятеля своего собственнаго монастыря, съ партіей монаховъ на проповѣдь евангелія въ Англіи, и около того же самаго времени онъ предложилъ, чтобы Кандидъ, защитникъ папскихъ имѣній въ Галліи, купилъ нѣсколькихъ англійскихъ плѣнныхъ юношей и помѣстилъ ихъ въ монастыри, съ цѣлью воспитанія ихъ для обращенія своихъ соотечественниковъ [5]). Но миссіонеры, будучи на югѣ Франціи, испугались одной мысли о тѣхъ опасностяхъ, которымъ они, по всей вѣроятности, могли подвергнуться среди варварскаго и невѣрующаго народа,—народа, языкъ котораго былъ совершенно неизвѣстенъ имъ, и ихъ начальникъ возвратился въ Римъ съ просьбой чтобы имъ позволено было оставить это предпріятіе. Вмѣсто однако же удовлетворенія этой просьбы, Григорій увѣщевалъ ихъ идти, и снабдилъ ихъ письмами къ различнымъ князьямъ и епископамъ Галліи, которыхъ онъ просилъ оказать имъ поддержку своимъ вліяніемъ и снабдить ихъ переводчиками. Въ 597 году, Августинъ, вмѣстѣ съ почти сорока сотоварищами, высадились на островѣ Танетѣ. Этельбертъ, узнавъ о ихъ прибытіи, вышелъ встрѣтить ихъ, и на свиданіи, которое произошло на открытомъ воздухѣ, (онъ опасался, чтобы они не совершили какихъ нибудь волшебныхъ чаръ надъ нимъ, если бы онъ встрѣтился съ ними подъ кровлей), онъ выслушалъ ихъ благовѣстіе о спасеніи. Король заявилъ, что онъ не можетъ оставить сразу вѣру своихъ отцевъ для принятія новаго ученія, но далъ миссіонерамъ позволеніе поселиться въ его столицѣ Дуровернѣ (Кентербери) и безпрепятственно проповѣдывать среди его подданныхъ. Миссіонеры вступили въ городъ въ торжественной процессіи, съ пѣніемъ священныхъ пѣсней и несеніемъ серебрянаго креста съ изображеніемъ Спасителя. На возвышеніи внѣ стѣнъ города они нашли церковь отъ римско-британскаго періода, посвященную св. Мартину, ту самую, въ которой уже покойный въ это время Луидардъ совершалъ свое богослуженіе; и до настоящаго времени мѣсто, на которомъ она стояла, возвышаясь надъ долиной Стурской, занято небольшою церковью, которая, послѣ многихъ архитектурныхъ перемѣнъ, заключаетъ въ себѣ значительную часть древнихъ римскихъ матеріаловъ. Августинъ съ своей братіей стали совершать богослуженія тамъ, и зрѣлище ихъ благочестивой и самоотверженной жизни, а также и чудеса, которыми сопровождалась ихъ проповѣдь, привлекли къ нимъ многихъ обращенцевъ. Самъ Этельбертъ крестился на Троицу 597 года, и заявилъ желаніе, чтобы и его подданные приняли евангеліе, хотя онъ и объявилъ рѣшеніе не оказывать давленія на ихъ мнѣніе.

---

[1]) Beda, ii, 1; Paul. 17.

[2]) Beda, i, 25; ii, 5.

[3]) Greg. Turon., iv, 26 (Patrol. lxxi). Харибертъ былъ внукъ Кловиса. Объ Ингобергѣ см. Greg. Turon., ix, 26.

[4]) См. Epp. vi, 58; xi, 29.

[5]) Ep. vi, 7.

Григорій имѣлъ въ виду, чтобы Августинъ, въ случаѣ успѣшнаго начатія дѣла среди саксонцевъ, принялъ епископское рукоположеніе. Съ этою цѣлью миссіонеръ теперь отправился въ Арелатъ, и изъ этого города онъ отправилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ спутниковъ въ Римъ съ извѣщеніемъ о своихъ успѣхахъ. Въ отвѣтѣ папы содержится совѣтъ, который можно понимать въ смыслѣ намека на нѣкоторые извѣстные недостатки въ характерѣ Августина, или отвѣта на тонъ его отчета. Онъ увѣщеваетъ его не превозноситься своимъ успѣхомъ и чудесами, которыя ему дано было совершить, и долженъ думать, что они даны не ради его самого, а ради блага того народа, къ которому онъ былъ посланъ ¹). Достигнувъ цѣли своего путешествія въ Галлію, Августинъ возвратился въ Англію къ Рождеству 597 года, и Григорій могъ извѣстить Евлогія александрій-

---

¹) Ep. xi, 28; Beda, i, 31.

скаго, что въ этотъ праздникъ миссіонеры окрестили 10,000 человѣкъ въ одинъ день [1]).

Лѣтомъ 601 года папа отправилъ подкрѣпленіе британской миссіи. Новые сотрудники (среди нихъ были Меллитъ и Іустъ, послѣдовательно бывшіе архіепископами кентерберійскими, и Павлинъ, впослѣдствіи апостолъ Нортумбріи) принесли съ собою большой запасъ книгъ, включая Евангеліе, вмѣстѣ съ различными церковными сосудами, одѣяніями и мощами апостоловъ и мучениковъ, а также и палліумъ, которымъ предоставлялось Августину достоинство митрополита [2]). Григорій писалъ Этельберту увѣщаніе разрушать языческіе храмы въ своихъ владѣніяхъ, но при дальнѣйшемъ разсужденіи дѣла онъ сталъ иначе относиться къ этому, и послѣ Меллита отправилъ письмо въ руководство Августину, съ выраженіемъ желанія не разрушать храмы, но если они хорошо выстроены, очищать ихъ святою водою и обращать для богослуженія истинному Богу; онъ надѣялся, что народъ скорѣе будетъ привлеченъ къ новой вѣрѣ, если обряды ея будутъ совершаться въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ уже привыкъ молиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повелѣвалъ, чтобы вмѣсто языческихъ жертвоприношеній и слѣдовавшихъ за ними празднествъ были совершаемы праздники въ честь святыхъ, мощи которыхъ хранились въ церкви, и эти праздники могли сопровождаться построеніемъ шалашей изъ древесныхъ вѣтвей, убиваніемъ животныхъ и потребленіемъ ихъ съ религіознымъ благодареніемъ [3]).

Около того же самаго времени, Григорій далъ рядъ тщательныхъ отвѣтовъ на нѣкоторые вопросы, которые предлагалъ Августинъ, касательно встрѣчавшихся или могшихъ встрѣтиться ему затрудненій. Что касается распредѣленія церковныхъ суммъ, то онъ излагаетъ обычное римское правило, что четвертая часть должна принадлежать епископу и его дому для цѣлей гостепріимства, другая четверть должна идти духовенству, третья бѣднымъ и остальная четверть на содержаніе церквей. Но Августинъ, по его указанію, какъ воспитавшійся въ монашескихъ правилахъ, долженъ былъ жить въ обществѣ своего духовенства, такъ что не было надобности излагать какія нибудь точныя правила касательно обязанностей гостепріимства и благотворенія, такъ какъ у нихъ было все общимъ, и все, что можно было сберечь, должно было обращаться на благочестивыя и религіозныя цѣли. Тѣмъ изъ клириковъ, не находившимся въ священныхъ степеняхъ [4]), которые бы пожелали вступить въ бракъ, это не могло быть возбраняемо, и предписывалось выдавать содержаніе имъ. На вопросъ о томъ, можно ли допустить разнообразіе религіозныхъ обычаевъ тамъ, гдѣ одна и та же вѣра (каковой вопросъ, вѣроятно, былъ подсказанъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Луидардъ священнодѣйствовалъ въ Кентербери по галликанскому обряду), папа далъ отвѣтъ, столь же мало непохожій на отвѣтъ его предшественниковъ Иннокентія и Льва, какъ и отвѣтъ господствующей партіи въ латинской церкви настоящаго времени. Онъ выразилъ желаніе, чтобы Августинъ выбралъ изъ обычаевъ церквей такія „правильныя“ религіозныя и благочестивыя вещи, которыя могли бы быть примѣнимы къ новой церкви британцевъ, потому что, говоритъ онъ, „мы не должны любить вещей вслѣдствіе мѣстъ, но мѣста вслѣдствіе добрыхъ вещей“ [1]. Въ отношеніи степеней, въ которыхъ бракъ подлежалъ запрещенію, Григорій, излагая правило для крещенныхъ подъ страхомъ отлученія отъ святой евхаристіи, не настаивалъ на разлученіи тѣхъ, которые, вопреки этому правилу по невѣденію заключили браки: „потому что“, говоритъ онъ, „церковь въ это время исправляетъ нѣкоторые грѣхи по ревности, терпитъ нѣкоторые по снисхожденію, снисходитъ къ нѣкоторымъ по разсужденію, и настолько терпитъ и снисходитъ, что этими средствами часто ограничиваетъ зло, которому она противодѣйствуетъ“. Въ отвѣтъ на другой вопросъ Августина было сказано, что онъ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла епископовъ Галліи, кромѣ краткаго указанія имъ на такіе предметы, которые требовали исправленія; но, прибавляетъ онъ, „мы предоставляемъ твоему братству попеченіе о всѣхъ британскихъ епископахъ, чтобы невѣжественные были наставляемы, немощные укрѣпляемы твоимъ совѣтомъ и совратившіеся исправляемы твоею властью“.

---

[1]) Ep. VIII, 30; Beda, I, 27.

[2]) Beda, I, 29; Epp. XI, 58 - 63, 66.

[3]) Ep. XI, 76; Beda, I, 30.

[4]) Clerici extra sacros ordines constituti. Нѣкоторые полагаютъ, что подъ sac-

У Григорія было намѣреніе, чтобы Августинъ сдѣлалъ Лондонъ своей митрополичьей каѳедрой и имѣлъ подъ своею властью 12 епископовъ, чтобы другой митрополитъ, съ подобнымъ же числомъ соподчиненныхъ епископовъ, когда позволятъ обстоятельства, былъ поставленъ въ Іоркѣ и чтобы послѣ смерти Августина архіепископы Лондона и Іорка занимали мѣста сообразно съ временемъ ихъ посвященія. Но этотъ планъ, составленный въ невѣденіи политическихъ раздѣленій, проникшихъ въ Британію со времени удаленія римлянъ, никогда не былъ приведенъ въ исполненіе. Самъ Августинъ жилъ въ Кентской столицѣ, такъ какъ Лондонъ находился въ другомъ королевствѣ, и его преемники по каѳедрѣ кентерберій-

---

ros ordines разумѣются степени монаховъ, но вѣрнѣе подъ ними разумѣются священныя степени отъ діаконства и выше.

[1] Сн. Ep. ix, 12, конецъ.

ской, хотя и не безъ спора, время отъ времени возникавшаго со стороны Іорка, продолжали оставаться приматами всей Англіи.

Епископы древне британской церкви не расположены были признавать юрисдикцію, которою Григорій хотѣлъ снабдить своего уполномоченнаго. Въ 603 году, Августинъ, благодаря вліянію Этельберта, добился совѣщанія съ нѣкоторыми изъ нихъ въ томъ мѣстѣ, которое, по нему, называлось „Августиновымъ дубомъ", вѣроятно Аустъ-Кливъ—на Севернѣ. Онъ увѣщевалъ ихъ принять римскіе обычаи въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ церкви расходились между собою, и съ цѣлью рѣшенія между различными преданіями предложилъ обратиться къ божественному суду. На собраніе былъ приведенъ одинъ слѣпой саксонецъ, и британцы не въ состояніи были исцѣлить его; но когда Августинъ помолился, чтобы даръ тѣлеснаго свѣта одному сдѣлался средствомъ озаренія душъ многихъ, то, по преданію, слѣпецъ немедленно получилъ зрѣніе. Британцы, хотя и вынужденные этимъ чудомъ признать превосходство римской стороны, заявили, что они не могли перемѣнить своихъ обычаевъ безъ согласія своихъ соотечественниковъ, и вслѣдствіе этого назначено было второе собесѣдованіе, на которое явились семь британскихъ епископовъ съ Динотомъ, аббатомъ великаго монастыря Бангора Искода, въ Флинтширѣ. Одинъ пустынникъ, съ которымъ они совѣщались касательно того, какъ имъ дѣйствовать, увѣщевалъ ихъ подчиниться Августину, если онъ „человѣкъ Божій", и на вопросъ, какъ имъ узнать это, онъ сказалъ имъ, чтобы они наблюдали, станетъ ли Августинъ привѣтствовать ихъ по прибытіи ихъ на мѣсто собранія. Такъ какъ архіепископъ упустилъ эту любезность, то британцы заключили, что онъ человѣкъ гордый и властолюбивый; они отказались принять его предложеніе, что ихъ другія различія въ обрядахъ терпимы, если только они склонятся къ римскому обычаю касательно времени празднованія Пасхи и способа совершенія крещенія, и вмѣстѣ съ нимъ будутъ проповѣдывать британцамъ; въ виду этого, Августинъ будто бы въ гнѣвѣ сказалъ имъ, что если они не хотятъ мира съ своими братьями, то они будутъ имѣть войну съ своими врагами и потерпятъ смерть отъ рукъ тѣхъ, которымъ они отказались проповѣдывать путь жизни ¹). При сужденіи объ этомъ дѣлѣ, мы должны остерегаться пристрастія, которое побуждало многихъ писателей сваливать вину или на римлянъ, или на британцевъ исключительно. Мы можемъ уважать въ британцахъ ихъ желаніе держаться древнихъ обрядовъ и противодѣйствовать чужеземному притязанію; въ миссіонерахъ—ихъ рвеніе установить единство въ внѣшнихъ дѣлахъ въ видахъ великой цѣли рас-

---

¹) Beda, II, 2.

пространенія Евангелія; но та польза, которой можно бы ожидать, исчезла вслѣдствіе заносчиваго поведенія одной стороны и вслѣдствіе узкаго и упрямаго соперничества другой.

Августинъ, по предположенію, умеръ вскорѣ послѣ этого собесѣдованія [1]). Передъ своею смертью онъ рукоположилъ Іуста на епископію рочестерскую, и Меллита—на епископію Лондона, столицы Саберкта, племянника Этельбертова и короля Ессекскаго; въ преемника себѣ онъ рукоположилъ Лаврентія и предоставилъ ему окончаніе большаго монастыря, который онъ началъ строить внѣ стѣнъ Кентербери, въ честь апп. Петра и Павла, но который въ позднѣйшія времена былъ извѣстенъ подъ именемъ самого основателя. Угроза или предсказаніе, произнесенное имъ на собесѣдованіи съ британцами, повидимому исполнилось нѣсколько лѣтъ спустя, когда именно Этельфридъ, языческій король Берниціи, сдѣлалъ нашествіе на ихъ землю. Въ битвѣ Церлеонской, 613 г. (?) на Деѣ, Этельфридъ увидѣлъ множество безоружныхъ людей. На вопросъ, что это значитъ, ему сказали, что это монахи Бангорскіе, которые вышли молиться объ успѣхѣ своихъ соотечественниковъ. „Такъ значитъ“, вскричалъ онъ, „хотя они и безъ оружія, они сражаются противъ насъ“; и онъ приказалъ предать ихъ избіенію. Во время этого побоища, ихъ было избито будто бы 1200 человѣкъ, и только 50 изъ нихъ спаслись бѣгствомъ.

При всѣхъ своихъ многосложныхъ занятіяхъ и не смотря на частые приступы болѣзни, Григорій находилъ время для составленія обширныхъ трудовъ. Самый объемистый изъ нихъ, именно „нравоученія“ на книгу Іова, былъ предпринятъ по мысли Леандра, епископа севильскаго, съ которымъ онъ познакомился въ Константинополѣ, гдѣ этотъ испанскій прелатъ находился въ посольствѣ съ цѣлью склонить императора оказать помощь обращенному имъ Германегильду. Нельзя сказать, чтобы Григорій обладалъ надлежащей подготовкой къ толкованію св. Писанія; онъ неоднократно заявляетъ, что „не смотря на свое пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Константинополѣ“, онъ не зналъ даже греческаго языка, и особенность его труда опредѣляется самымъ его заглавіемъ. Изъ того обстоятельства, что Іовъ иногда употребляетъ образный языкъ, онъ заключаеть, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквальнаго смысла не существуетъ, и главнымъ образомъ обращается къ изъясненію образныхъ и нравственныхъ смысловъ, часто доводя до крайности отличительные недостатки этого рода истолкованія, именно странныя натяжки библейскаго языка и введеніе постороннихъ предметовъ подъ предлогомъ объясненія написаннаго. Въ Іовѣ онъ видитъ прообразъ Спасителя, въ женѣ патріарха—примѣръ человѣка съ плотскими помышленіями, въ его друзьяхъ—еретиковъ, въ ихъ окончательномъ соглашеніи съ мнѣніемъ Іова—возсоединеніе еретиковъ съ церковью. „Нравоученія“ пользовались большою любовью. Мариніанъ, епископъ равеннскій, приказывалъ читать ихъ въ церкви; но Григорій выразилъ желаніе, чтобы это было оставлено, такъ какъ книга эта, не будучи предназначаема для народнаго употребленія, могла послужить для нѣкоторыхъ слушателей скорѣе препятствіемъ, чѣмъ средствомъ къ духовному совершенствованію [1]).

---

[1]) Смерть его нѣкоторые полагаютъ въ томъ же 603-мъ году; Бароній относитъ ее къ 604-му, другіе—къ 605, 607 и 608-му.

Его, „Пастырское правило“, написанное вслѣдствіе порицанія Григорію со стороны Іоанна, предшественника Мариніана, за попытку отклонить епископство, содержитъ въ себѣ также нѣсколько любопытныхъ образчиковъ аллегорическаго толкованія [2]). Но сочиненіе это вообще отличается практической мудростью и испытаннымъ знаніемъ сердца. Оно переведено было на различные языки; англо-саксонскій переводъ его былъ сдѣланъ королемъ Альфредомъ, который разослалъ копіи его всѣмъ епископамъ въ своемъ королевствѣ для сохраненія въ каѳедральныхъ церквахъ. Во Франціи оно принято было въ качествѣ правила епископскаго поведенія реформаторскими соборами при Карлѣ Великомъ и его сынѣ, и нѣкоторые соборы сдѣлали постановленіе, чтобы экземпляръ этой книги вручался епископамъ при ихъ посвященіи [3]).

Въ своихъ „Діалогахъ“, обращенныхъ къ королевѣ Теоделиндѣ, Григорій разуждаетъ съ діакономъ, по имени Петромъ, о чудесахъ италійскихъ святыхъ. Подлинность этого сочиненія подвергалась сомнѣнію, главнымъ образомъ на основаніи наполняющихъ его странныхъ легендъ. Но данныя въ пользу подлинности вообще признаются достаточными, и къ чести Григорія нужно замѣтить, что онъ не разъ предостерегаетъ своего ученика, чтобы онъ не слишкомъ много придавалъ значенія чудесамъ, о которыхъ разсказывается съ такою довѣрчивостью. Въ 4-ой книгѣ обсуждается вопросъ о состояніи души по смерти. Петръ спрашиваетъ, почему теперь дѣлаются новыя откровенія объ этомъ предметѣ, и получаетъ въ отвѣтъ, что настоящее время есть какбы сумерки между настоящимъ міромъ и міромъ грядущимъ, и что вслѣдствіе этого такія откровенія теперь благовременны [4]). Ученіе о чистилищѣ здѣсь выступаетъ болѣе явственно, чѣмъ въ какомъ нибудь изъ раннихъ сочиненій. Восточная идея объ очищающемъ огнѣ, чрезъ который должны проходить души въ день суда, поддерживалась и Оригеномъ; но въ позднѣйшее время вѣрованіе въ процессъ очищенія между смертію и судомъ выводилось изъ словъ ап. Павла, что „въ огнѣ открывается, и огонь испытаетъ дѣло каждаго, каково оно есть“, и что нѣкоторые „спасутся какъ бы изъ огня“ [1]), и на основаніи этого предполагали, что такими средствами всякій, умершій въ православной вѣрѣ, какъ бы ни была порочна его жизнь, въ концѣ концевъ будетъ приведенъ къ спасенію. Бл. Августинъ ревностно опровергалъ это заблужденіе и училъ, что испытаніе, о которомъ говоритъ апостолъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ испытаній, посылаемыхъ людямъ въ теченіе настоящей жизни. Онъ думалъ однако же, что для тѣхъ, которые вообще были служителями Христа, могло быть очищеніе остающихся за ними несовершенствъ и по смерти [2]). И хотя онъ съ осторожностью высказывалъ свое мнѣніе лишь какъ простое предположеніе, великій авторитетъ его имени и былъ причиной того, что мнѣніе это скоро стали высказывать съ большею увѣренностью. Григорій говоритъ, что какимъ каждый удаляется отсюда, такимъ онъ и предстанетъ на страшномъ судѣ; но въ то же время мы должны вѣровать, что для нѣкоторыхъ легкихъ преступленій существуетъ очистительный огонь предъ днемъ страшнаго суда [3]). Въ доказательство этого приводятся слова Спасителя въ Евангеліи отъ Матѳея (xii, 32), изъ которыхъ выводится, какъ уже выводилъ и бл. Августинъ, что нѣкоторые грѣхи будутъ прощены „въ будущемъ мірѣ“, и ученіе это подтверждается разсказомъ о видѣніяхъ, въ которыхъ появлялись души лицъ, страждущихъ въ чистилищѣ, и просили, чтобы съ цѣлью ихъ облегченія возносились евхаристическія жертвы. Произведеніе, въ которомъ религіозное назиданіе такимъ образомъ сочеталось съ привлекательностью подобныхъ разсказовъ, естественно сдѣлалось весьма популярнымъ. Папа Захарій 741—752 г. перевелъ его на свой родной греческій языкъ. Оно переведено было и на англо-саксонскій языкъ, подъ наблюденіемъ Альфреда, Верфритомъ, епископомъ вустерскимъ, и между другими переводами былъ также и переводъ его на арабскій языкъ.

---

[1]) Ep. xii, 24.

[2]) Таково напр. толкованіе касательно недостатковъ, лишавшихъ права на священство по закону Лев. xxi, 18. Носъ, по его мнѣнію, означаетъ скромность (i, 11).

[3]) Hard. iv, 1008. Conc. Paris, 829 г., c. 4; Hincmar, ii, 389.

[4]) Dial., iv, 41.

Григорія обвиняли въ разрушеніи или порчѣ памятниковъ древняго римскаго величія съ тою цѣлью, чтобы они не отвлекали вниманія пилигриммовъ, и въ сожженіи, изъ подобныхъ же побужденій, Палатинской библіотеки, а также въ стараніи истребить копіи „Исторіи“ Ливія. Разсказы эти теперь отвергаются, какъ вымыслы, изобрѣтенные въ Средніе вѣка, съ цѣлью сдѣлать честь его ревности; но несомнѣнно, что онъ не любилъ и не поощрялъ языческой литературы. Въ посланіи, предпосланномъ его „Нравоученіямъ“, онъ объявляетъ себя равнодушнымъ къ слогу и даже къ грамматической правильности, на томъ основаніи, что словъ вдохновенія не должно стѣснять правилами Доната [1]). Въ посланіи къ Дезидерію, епископу вьеннскому, о которомъ доносили, что онъ даетъ уроки грамматики, Григорій не ограничивается выговоромъ ему за непристойность подобнаго занятія для члена епископскаго сана, но заявляетъ, что даже благочестивый мірянинъ не долженъ бы осквернять своихъ устъ богохульными похвалами ложныхъ божествъ [2]). Какъ бы это пренебреженіе къ свѣтской учености ни было извинительнымъ въ самомъ Григоріи, нельзя не пожалѣть, что авторитетный примѣръ его много содѣйствовалъ самоувѣренному невѣжеству послѣдующихъ вѣковъ.

---

[1]) 1 Кор. iii, 12—15.

[2]) De Civ. Dei. xxi, 26.

[3]) Dial. iv, 39.

Въ другихъ отношеніяхъ воззрѣнія папы Григорія были вообще воззрѣніями его вѣка, хотя и ограничиваемыми въ нѣкоторой степени его практическимъ здравымъ смысломъ. О его уваженіи къ авторитету церкви можно заключать изъ его неоднократныхъ заявленій, что онъ считалъ первые четыре вселенскихъ собора стоящими на одномъ уровнѣ съ четырьмя евангеліями [3]).

Послѣ всего сказаннаго о характерѣ и исторіи жизни Григорія, едва ли нужно прибавлять, что Григорій былъ ревностнымъ другомъ монашества. Онъ защищалъ привиллегіи и собственность монашескихъ обществъ противъ посягательства епископовъ, и въ многихъ случаяхъ онъ освобождалъ монаховъ отъ епископской юрисдикціи въ отношеніи управленія своихъ дѣлъ, хотя непремѣнно оставлялъ за епископами право наблюденія за ихъ нравственностью. Но, не смотря на свою любовь къ монашеской жизни, онъ обличалъ и поносилъ обманчивую внѣшность, иногда сочетавшуюся съ аскетизмомъ. Имѣя въ виду указы Юстиніана, которыми допускалось разлученіе состоящихъ въ бракѣ лицъ съ цѣлью вступленія въ монашество, онъ ясно заявляетъ, что подобный актъ, хотя и допускаемый человѣческими законами, запрещенъ закономъ Божіимъ [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя онъ и содѣйствовалъ расширенію обязательности безбрачія среди духовенства, ревность его въ этомъ отношеніи не была насилующею или настойчивою; такъ, дѣлая распоряженіе, чтобы субдіаконы Сициліи въ будущемъ воздерживались отъ брака, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнилъ распоряженіе своего предшественника, которымъ состоявшіе въ бракѣ до введенія римскаго правила были принуждаемы къ разлученію съ своими женами [1]).

---

[1]) Ad Leand. 5.
[2]) Ep. xi, 54.
[3]) Epp. i, 25; iii, 10.
[4]) Ep. xi, 45.

Въ сочиненіяхъ Григорія весьма сильно выступаетъ почтеніе къ священнымъ останкамъ. У него было въ обычаѣ, въ знакъ особой благосклонности, дарить ключи, въ которыхъ, по преданію содержались кольца отъ цѣпей ап. Петра. Эти ключи сопровождались молитвой, чтобы то, что связывало апостола для мученичества, разрѣшило получающаго эти ключи отъ всѣхъ грѣховъ его, и съ нѣкоторыми изъ нихъ связывались даже разсказы о чудесахъ. Императрица Константина просила его прислать голову, или какую нибудь другую часть ап. Павла для новой церкви, построенной въ честь апостола. Григорій отвѣчалъ, что въ Римѣ нѣтъ обычая поступать такъ съ тѣлами мучениковъ, что многія лица, осмѣливавшіяся касаться останковъ апп. Петра и Павла, вслѣдствіе этого были поражены смертью, что онъ могъ послать ей только одежду, прилагавшуюся къ мощамъ апостола, такъ какъ эта одежда обладаетъ столь же чудодѣйственною силою, какъ и сами мощи. Къ этому онъ прибавляетъ, что обычай переносить мощи подалъ поводъ къ обману, и упоминаетъ о какихъ-то греческихъ монахахъ, которые, будучи привлечены къ отвѣту за вырываніе мертвыхъ тѣлъ ночью въ Римѣ, сознались въ томъ, что у нихъ было намѣреніе отправить ихъ въ Грецію въ качествѣ мощей мучениковъ [2]).

Два посланія Григорія обращены къ Серену, епископу марсельскому, который, найдя, что нѣкоторыя иконы сдѣлались предметомъ боготворенія, уничтожилъ ихъ, и эти посланія имѣютъ особенный интересъ въ виду спора, возникшаго касательно иконопочитанія нѣсколько болѣе столѣтія спустя. Папа порицаетъ Серена за тотъ способъ, которымъ онъ проявилъ свою ревность. Онъ говоритъ ему, что скромность должна бы была воздержать его отъ поступка, для котораго ни одинъ еще епископъ не давалъ примѣра, что иконы служатъ къ назиданію тѣхъ, которые не могутъ читать книгъ, и что съ этою цѣлью онѣ должны находиться въ церквахъ, и нужно заботиться только о томъ, чтобы не допускать боготворенія ихъ [3]).

Григорія давно уже удручали тѣлесныя немощи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ рѣдко въ состояніи былъ оставлять свою постель; онъ даже заявлялъ, что ожиданіе смерти было для него единственнымъ утѣшеніемъ, и просилъ своихъ друзей молиться объ избавленіи его отъ страданій. 12 марта 604 года смерть дѣйствительно избавила его отъ этихъ страданій.

Въ то время, какъ обращеніе бриттовъ выпало на долю монаховъ италійскихъ, замѣчательная партія миссіонеровъ отправилась съ береговъ Ирландіи. Ихъ начальникъ, Колумбанъ [1]), родившійся въ провинціи Линстерѣ, около 560 года, былъ воспитанъ въ большомъ ирландскомъ монастырѣ въ Бангорѣ, который, вмѣстѣ съ принадлежащими ему домами и кельями, имѣлъ въ себѣ общину въ 3,000 иноковъ, подъ управленіемъ основателя монастыря, Комгала. Колумбанъ рѣшился отречься отъ всего земнаго, по примѣру Авраама, оставить свою страну, и въ 589 году онъ переправился чрезъ море съ двѣнадцатью сотоварищами въ Британію и оттуда въ Галлію. Онъ намѣревался проповѣдывать Евангеліе языческимъ племенамъ, находившимся подъ франкскимъ владычествомъ; но упадокъ религіи и дисциплины доставилъ ему много дѣла и въ Галліи, и по приглашенію Гунтрама, короля Бургундіи, онъ поселился въ этой странѣ. Отклонивъ предлагавшееся королемъ лучшее положеніе, онъ остановился въ Вогезахъ, гдѣ одинъ округъ, бывшій во времена римлянъ обработаннымъ и населеннымъ, опять сдѣлался пустыней, и только обильные останки римской архитектуры и памятниковъ древняго идолопоклонства были очевидными слѣдами его прежняго благоденствія. Здѣсь онъ послѣдовательно основалъ три монастыря,—Анеграй, Люксейль и Фонтенъ. Въ теченіе нѣкотораго времени миссіонерамъ приходилось выносить большія трудности; часто по цѣлымъ днямъ у нихъ не было никакой другой пищи кромѣ дикихъ травъ и древесной коры, пока ихъ потребности не удовлетворялись особыми чудесными средствами. Но мало-по-малу, ихъ суровая и благочестивая жизнь стала привлекать къ нимъ вниманіе окрестнаго населенія. Къ нимъ стали относиться съ благоговѣніемъ люди всѣхъ классовъ, и вмѣстѣ съ религіозными назиданіями, услаждавшими сердца слушателей, ихъ труды по очищенію и обработкѣ земли поощряли жителей къ работамъ подобнаго же рода. Монастыри быстро наполнялись лицами, привлеченными тою противоположностью, которую порядокъ жизни въ монастыряхъ Колумбана представлялъ общей разслабленности въ религіи и нравственности среди туземныхъ монаховъ и духовенства, и знатные люди стали отдавать въ нихъ своихъ дѣтей для воспитанія [2]).

---

[1]) Ep. I, 44.

[2]) Ep. IV, 30.

[3]) Epp. IX, 105; XI, 13.

Уставъ въ монастыряхъ Колумбана, вѣроятно, въ значительной степени былъ заимствованъ изъ ирландскаго Бангора. Главнымъ правиломъ было внушеніе безусловнаго послушанія къ старшимъ, всецѣлое умерщвленіе личной воли [3]). Пища монаховъ была самая суровая [4]), и давалась сообразно съ трудами. Но Колумбанъ предостерегалъ противъ излишняго воздержанія, такъ какъ оно уже не „есть добродѣтель, а порокъ". „Въ каждый день", говорится въ этихъ правилахъ, „должно быть пощеніе, какъ въ каждый день должно быть и подкрѣпленіе", и монахи ежедневно должны были также молиться, работать и читать. Богослуженіе совершалось три раза въ день и три раза ночью—въ различные часы, смотря по временамъ года. Отшельническая простота распространялась даже на священные сосуды, которые не позволялось имѣть ни изъ какого болѣе дорогаго матеріала, какъ мѣдь, и между прочимъ нелишнее замѣтить, что Колумбанъ въ нѣкоторой мѣрѣ предвосхищалъ позднѣйшій обычай римской церкви лишать новичковъ и другихъ недостаточно наставленныхъ лицъ евхаристической чаши [1]). Къ уставу былъ присоединенъ „покаянникъ", который, вмѣсто того, чтобы предоставлять на усмотрѣніе аббата назначеніе наказаній, какъ это допускалось въ бенедиктинскихъ монастыряхъ, излагаетъ подробности въ этомъ отношеніи съ курьозною мелочностью. Самымъ частымъ наказаніемъ было тѣлесное. Такъ, шесть ударовъ назначалось для того, кто бы назвалъ что нибудь своимъ собственнымъ, кто бы опустилъ сказать „аминь" послѣ благословенія аббата, или сдѣлать крестное знаменіе—на своей ложкѣ или свѣчкѣ, для всякаго, кто бы сталъ говорить за обѣдомъ, или не подавилъ бы кашля при началѣ псалмопѣнія. Десять ударовъ назначались въ наказаніе за ударъ ножемъ по столу, за пролитіе на него пива. За болѣе тяжкія преступленія число ударовъ возвышалось и доходило до двухсотъ; но ни въ какомъ случаѣ нельзя было наносить болѣе двадцати пяти ударовъ сразу. Среди другихъ наказаній установлены были пощеніе на хлѣбѣ и водѣ, псалмопѣніе, согбенное положеніе и продолжительные періоды безмолвія. Кающимся не позволялось мыть своихъ рукъ, кромѣ какъ по воскреснымъ днямъ. Они обязаны были стоять колѣнопреклоненно даже въ воскресный день и въ періодъ Пятидесятницы.

---

[1]) Vita S. Columba, написанная Іоной, монахомъ боббійскимъ, въ Mabill. Acta SS. Ben. ii, или Patrol. lxxxvii

[2]) Ionas, 13—19.

[3]) Cc. 1, 9 (Patrol. lxxx).

[4]) Vilis et *vespertinus*.

Колумбану пришлось вести споръ съ своими сосѣдями касательно празднованія Пасхи, въ чемъ онъ слѣдовалъ обычаю своей родной страны. По этому предмету онъ писалъ Григорію и Бонифацію (третьему или четвертому папѣ этого имени), прося, чтобъ они не почли его обычая основаніемъ для перерыва общенія. Въ его письмахъ къ папамъ сильно выступаетъ британскій духъ независимости, хотя онъ и относится къ римской каѳедрѣ съ высокимъ почтеніемъ. Онъ убѣждаетъ Григорія разсмотрѣть вопросъ о пасхальномъ кругѣ безъ отношенія къ мнѣніямъ Льва или другихъ прежнихъ папъ. „Быть можетъ", говоритъ онъ, „въ этомъ случаѣ живая собака можетъ быть лучше мертваго *льва*" [2]). Онъ даже ставитъ церковь іерусалимскую выше римской. „Ты, говоритъ онъ Бонифацію IV, „почти небесный, и Римъ глава церквей міра, за исключеніемъ особеннаго преимущества, принадлежащаго мѣсту воскресенія Господня“, и затѣмъ онъ продолжаетъ, что сообразно съ величіемъ достоинства римскихъ епископовъ должна быть велика и ихъ осторожность, чтобы имъ не лишиться его [1]. Другое письмо по вопросу о Пасхѣ адресовано къ одному галльскому собору. Въ немъ онъ проситъ епископовъ позволить ему слѣдовать обычаю, къ которому онъ привыкъ, и позволить ему мирно жить, какъ онъ уже жилъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ среди уединенія лѣсовъ и рядомъ съ костями его семнадцати умершихъ собратьевъ.

---

[1]) C. 10, Col. 220, D.

[2]) Ep. I, 2 (Eccl. IX, 4).

610 г.

Послѣ почти двадцатилѣтняго пребыванія въ Бургундіи, Колумбанъ навлекъ на себя неудовольствіе короля Теодорика II, отъ котораго прежде пользовался великою честью. Брунихильда, бабушка Теодорика, сообразно съ политикой, не необычной среди царственныхъ матерей Индіи даже въ настоящее время, стараясь продлить свое вліяніе въ королевствѣ, поощряла юнаго принца къ безпечной и распущенной жизни. Колумбанъ неоднократно и устно, и письменно, возставалъ противъ поведенія Теодорика; онъ отказался благословить его незаконныхъ дѣтей и рѣзко отклонилъ гостепріимство двора, разбивъ (будто бы, однимъ словомъ своимъ) въ дребезги предложенные ему чаши и сосуды. Король, котораго Брунихильда уже настойчиво настраивала противъ него, сказалъ ему, что онъ не настолько неразуменъ, чтобы сдѣлать его мученикомъ, но приказалъ отвести его, вмѣстѣ съ его ирландскими монахами въ Нантъ, чтобы оттуда выслать ихъ обратно въ свою страну. Это путешествіе миссіонеровъ чрезъ Францію, вслѣдствіе чудесъ Колумбана и народнаго уваженія къ нему, сдѣлалось рядомъ торжествъ для него. По прибытіи ихъ въ Нантъ, корабль, который долженъ былъ отвезти ихъ въ Ирландію, вслѣдствіе чудесныхъ причинъ не могъ исполнить своего назначенія, и когда Колумбану вслѣдствіе этого позволено было дѣйствовать по своей волѣ, онъ отправился въ Мецъ, гдѣ Теодебертъ II австразійскій далъ ему позволеніе проповѣдывать въ своихъ владѣніяхъ. Затѣмъ онъ по Рейну поднялся до Швейцаріи, и въ теченіе нѣкотораго времени трудился въ окрестностяхъ Цюрихскаго озера. Въ Туггенѣ онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ жителей, собравшихся вокругъ большаго чана съ пивомъ, который, какъ оказалось, они намѣрены были приносить въ жертву Водену. Когда Колумбанъ дунулъ на него, чанъ съ большимъ шумомъ лопнулъ, и тутъ, какъ говоритъ его жизнеописатель, „оказалось, что въ немъ скрывался діаволъ“ [2].

---

[1] Ep. v, 10.

[2] Ionas, 53.

Своею проповѣдью и чудесами онъ пріобрѣлъ многихъ обращенцевъ, но спустя нѣкоторое время, вслѣдствіе враждебности идолопоклонническаго населенія, онъ вынужденъ былъ удалиться въ окрестности Брегенца, на озерѣ Констанцкомъ, гдѣ нашелъ условія, благопріятныя для успѣха своего дѣла. Страна эта раньше была христіанской; многіе изъ ея жителей были крещены, хотя впослѣдствіи они совратились въ идолопоклонство наводнившихъ ее аллемановъ, и аллеманскій законъ, постановленный подъ франкскимъ вліяніемъ, уже обезпечивалъ христіанскому духовенству тѣ же самыя привиллегіи, какими оно пользовалось во Франціи. Колумбанъ былъ радушно принятъ пресвитеромъ, по имени Виллемаромъ: онъ разрушилъ идоловъ народа, побросалъ ихъ въ озеро, и въ теченіе нѣкотораго времени проповѣдывалъ съ большимъ успѣхомъ. Но въ 612 году Теодебертъ былъ разбитъ Теодорикомъ, и Колумбанъ нашелъ себя вынужденнымъ оставить эту область, которая такимъ образомъ перешла во владѣніе его врага. Онъ имѣлъ въ виду отправиться на миссіонерство къ славянамъ, но былъ отклоненъ отъ этого намѣренія ангеломъ, и вслѣдствіе этого перешелъ чрезъ Альпы въ Италію, гдѣ былъ принятъ съ большою честью Агелулфомъ и Теоделиндой, и основалъ монастырь въ Боббіо [1]. По просьбѣ своихъ ломбардскихъ покровителей, онъ писалъ Бонифацію IV по спорному вопросу о „трехъ главахъ“. Онъ мало былъ знакомъ съ этимъ вопросомъ и держался касательно его мнѣній, противоположныхъ мнѣніямъ римскихъ епископовъ; и быть можетъ это различие во взглядахъ, вмѣстѣ съ замѣтною настойчивостью въ его характерѣ, могло бы повести къ серьознымъ разногласіямъ, но опасность эта была предотвращена смертью Колумбана. 611—622 г. Въ предыдущемъ году онъ отказался отъ приглашенія Клотаря II, который, сдѣлавшись единственнымъ королемъ Франціи, предлагалъ ему возвратиться въ свое прежнее жилище въ Люксёйлѣ.

Какъ Люксёйль, такъ и Боббіо, сдѣлались родоначальниками многихъ монастырей въ этихъ странахъ. Но самымъ знаменитымъ изъ послѣдователей Колумбана былъ его соотечественникъ Галлъ, который былъ его ученикомъ съ самаго дѣтства и участвовалъ во всѣхъ превратностяхъ его жизни, пока не вынужденъ былъ болѣзнью разстаться съ своимъ учителемъ, когда тотъ отправился въ Италію. Галлъ основалъ въ 614 году знаменитый монастырь, носящій его имя, и почитается въ качествѣ апостола Швейцаріи. Онъ умеръ въ 627 году [2].

---

[1] Ionas, 56, 59—60.

[2] О жизни св. Галла см. Mabillon, Acta SS. Ben. ii, и Pertz, ii. Также Acta SS. Oct. 16.

ГЛАВА XXIV.

Магометъ.—Моноѳелитскій споръ.

610—718.

Императоръ Фока, возбудивъ всеобщую нелюбовь въ теченіе своего восьмилѣтняго царствованія, былъ низложенъ и преданъ смерти въ 610 году Иракліемъ, сыномъ экзарха Африки. Новый императоръ принужденъ былъ вести страшную войну съ Хозроемъ II, царемъ персидскимъ. Хозрой раньше былъ изгнанъ изъ своего царства, находилъ убѣжище въ предѣлахъ имперіи, и былъ возстановленъ на престолѣ при помощи оружія Маврикія. Получивъ извѣстіе, что на престолъ восшелъ Фока, онъ объявилъ себя мстителемъ за своего благодѣтеля, сдѣлалъ нашествіе на имперію, неоднократно разбилъ нестройныя войска узурпатора, и проникъ даже до Антіохіи, которая
и перешла въ его руки немедленно вслѣдъ за возвышеніемъ
Ираклія. Война, предлогомъ къ которой было 611 г.
умерщвленіе Маврикія, не окончилась съ паденіемъ
его убійцы. Хозрой сдѣлалъ нашествіе на Сирію и Палестину; съ однимъ изъ своихъ отрядовъ онъ покорилъ Египетъ, и произвелъ
опустошеніе даже до Триполи, между тѣмъ какъ
другой отрядъ двигался на Халкидонъ, и въ теченіе 611—622 г.
десяти лѣтъ представлялъ жителямъ Константинополя
оскорбительное и тревожное зрѣлище враждебнаго лагеря на противоположномъ берегу Босфора.

Тѣснимый со стороны Европы аварами и съ востока персами, Ираклій находился въ крайней бѣдственности. Онъ порѣшилъ возвратиться въ Африку, которая уже успѣла возстановить въ себѣ отчасти свое прежнее благоденствіе, и была тогда самой цвѣтущей провинціей имперіи. Но патріархъ константинопольскій вынудилъ его поклясться, что онъ не оставитъ тѣхъ, кто приняли его въ качествѣ государя. Наконецъ, послѣ тщетныхъ попытокъ удовлетворить Хозроя предложеніемъ сдѣлаться его данникомъ,
императоръ рѣшился почти на отчаянное предпріятіе— 615 г.
перенести театръ войны въ страну самого непріятеля.
При посредствѣ залоговъ, для которыхъ онъ взялъ сосуды и другія церковныя богатства, съ обѣщаніемъ уплатить съ процентами, онъ собралъ большую сумму денегъ. На эти деньги онъ навербовалъ армію, и, обезпечивъ себя со стороны аваровъ, смѣло вторгся въ самое сердце Персіи. Шестью блестящими
битвами онъ возвратилъ потерянныя раньше 622—27 г.
провинціи, Хозрой бѣжалъ предъ нимъ, и въ 628 г.

былъ низложенъ и преданъ смерти своимъ собственнымъ сыномъ Сироемъ, который радъ былъ заключить миръ съ римлянами.

Война съ обѣихъ сторонъ была войной изъ за религіи. Хозрою, при его нападеніи на Іерусалимъ, помогали 26,000 іудеевъ, собранныхъ изъ разныхъ странъ. По взятіи этого города, онъ разрушилъ церкви, осквернилъ святыя мѣста, разграбилъ сокровища, скопленныя отъ приношеній паломниковъ въ теченіе трехъ столѣтій, и увелъ въ Персію патріарха Захарію, вмѣстѣ съ животворящимъ и истиннымъ крестомъ Христа. При этомъ случаѣ, по преданію, избито было 90000 христіанъ, и многіе изъ нихъ были куплены іудеями съ нарочною цѣлью избіенія ихъ. Множество христіанъ однако же спаслись бѣгствомъ въ Египетъ, и были съ необычайнымъ радушіемъ приняты Іоанномъ, патріархомъ александрійскимъ, благотворительность котораго пріобрѣла ему названіе „милостиваго." Ираклій, въ свою очередь, мстилъ за это религіи Персіи разрушеніемъ ея храмовъ (въ особенности храма въ Тебармѣ, мѣсторожденіи Зороастра) и погашеніемъ священнаго огня. Крестъ, съ большою торжественностью, возвращенъ былъ въ Іерусалимъ, и событіе это увѣковѣчено было установленіемъ новаго праздника Воздвиженія Креста [1]); вмѣстѣ съ тѣмъ возобновленъ былъ указъ Адріана противъ іудеевъ, запрещавшій имъ приближаться на разстояніе трехъ миль къ священному городу.

Между тѣмъ въ то время, какъ Хозрой боролся противъ церкви имперіи, въ Аравіи появился болѣе страшный и болѣе опасный врагъ для христіанства. Господствующая религія этой страны, повидимому, основывалась на вѣрѣ въ единство Бога; но вѣра эта была затемнена, и въ дѣйствительности подавлена боготвореніемъ небесныхъ тѣлъ, ангеловъ и идоловъ, деревьевъ, скалъ и камней. Древнее святилище народа, Кааба, или священный домъ въ Меккѣ, содержало въ себѣ нѣсколько изображеній, соотвѣтствующихъ изображенію дней въ году. Въ Аравіи существовали также и другія религіи. Нѣкоторыя племена держались іудейства, православные христіанскіе миссіонеры также имѣли многихъ обращенцевъ, члены различныхъ сектъ, какъ гностики, манихеи, несторіане и монофизиты находили въ этой странѣ убѣжище отъ неблагопріятныхъ для нихъ законовъ имперіи. Такимъ образомъ, тутъ было подъ рукой много матеріаловъ для всякаго, кто бы имѣлъ способность и смѣлость сдѣлаться основателемъ новой религіи, и такимъ основателемъ сдѣлался Магометъ.

Магометъ родился въ Меккѣ въ 570 или 571 году. Его темпераментъ отъ природы былъ мистическій и восторженный; съ ранняго дѣтства онъ подверженъ былъ припадкамъ, которые, по народному вѣрованію, происходили подъ вліяніемъ злыхъ духовъ, и во время своихъ душевныхъ потрясеній онъ часто впадалъ въ состояніе скорбной угнетенности, которая возбуждала въ немъ даже мысль о самоубійствѣ. Онъ повидимому твердо держался мысли о единствѣ Божества, и съ большимъ негодованіемъ относился къ идолопоклонству. Каждый годъ, согласно обычаю, не неизвѣстному среди его соотечественниковъ, онъ удалялся въ пещеру одной горы, и проводилъ тамъ по нѣскольку времени въ религіозномъ уединеніи, и въ этихъ его уединенныхъ размышленіяхъ душа его сдѣлалась, вслѣдствіе особой болѣзни, способною къ видѣніямъ; у него постепенно выработалось убѣжденіе, что онъ нарочито призванъ Богомъ для того, чтобы сдѣлаться орудіемъ распространенія истинной вѣры, и удостоился откровенія съ неба. Коранъ, въ которомъ записаны его изреченія, имѣетъ много общаго какъ съ іудейскими, такъ и съ христіанскими книгами; но Магометъ, повидимому не былъ близко знакомъ ни съ Ветхимъ, ни съ Новымъ Завѣтомъ, и свои матеріалы болѣе или менѣе прямо извлекалъ изъ такихъ источниковъ, какъ талмудическія легенды, апокрифическія евангелія и другія еретическія сочиненія, перемѣшивая ихъ съ древними преданіями Сиріи и Аравіи. По его собственному свидѣтельству объ этомъ произведеніи, содержаніе его будто бы написано было отъ вѣчности на „сохранномъ столѣ“, стоящемъ предъ престоломъ Божіимъ, что копія его принесена была на низшее небо ангеломъ Гавріиломъ (котораго Магометъ, повидимому, постепенно отождествлялъ съ Духомъ Божіимъ), и что части ея, смотря по обстоятельствамъ, открывались. ¹) На обвиненіе въ противорѣчіи между различными частями, онъ отвѣчалъ, что позднѣйшее откровеніе отмѣняло собою все то въ раннихъ откровеніяхъ, что оказывалось несогласнымъ съ нимъ. Въ доказательство того, что онъ не самъ сочинилъ эти изреченія, которыя всегда изрекаются отъ имени Самого Бога, Магометъ неоднократно настаиваетъ на неизмѣримой противоположности между его собственной безграмотностью и совершенствомъ книги, какъ въ отношеніи чистоты слога, такъ и содержанія; возражающимъ онъ предлагалъ показать еще какое нибудь произведеніе людей или духовъ, которое бы могло сравняться съ этимъ. Отдѣльныя части Корана записывались, по мѣрѣ исхожденія ихъ изъ устъ пророка, и послѣ его смерти онѣ были собраны въ одну книгу, хотя и безъ всякаго вниманія къ тому порядку, въ которомъ онѣ издавались.

---

[1]) Niceph. Cpol. 15; Theophan. 273, ed Paris. Въ этомъ отношеніи однако же существуетъ разногласіе между греческой и латинской церквами.

Провозглашенная такимъ образомъ религія названа была *исла-*

---

¹) Coran, cc. 81, 85; 97.

момъ, что означаетъ покорность или преданность волѣ Божіей. Единственнымъ ученіемъ его провозглашалось то, что нѣтъ Бога, кромѣ истиннаго Бога, и Магометъ пророкъ Его. Но подъ этимъ общимъ положеніемъ разумѣлась вѣра, состоящая изъ шести членовъ: 1) вѣра въ Бога, 2) въ Его ангеловъ, 3) въ Его писанія, 4) въ Его пророковъ, 5) въ воскресеніе и день суда, 6) безусловное рѣшеніе и предопредѣленіе Богомъ какъ добрыхъ, такъ и злыхъ. Вмѣстѣ съ этими положеніями связывалось четыре практическихъ обязанности: 1) молитва съ предварительными омовеніями и очищеніями, 2) милостыня, 3) постъ и 4) паломничество въ Мекку, которое считалось столь важнымъ, что человѣку, умершему безъ совершенія его, было бы все равно, что умереть іудеемъ или христіаниномъ. Іудейство и христіанство считались истинными, хотя и не совершенными религіями. Ихъ священныя книги признавались, и повидимому у Магомета было сначала намѣреніе скорѣе сочетать свою религію съ прежними, чѣмъ замѣнять ихъ ею [1]. Іисуса онъ считалъ величайшимъ изъ всѣхъ прежнихъ пророковъ, но хотя Его рожденіе и изображается чудеснымъ [2], однако же вѣрованіе въ Его Божество объявляется заблужденіемъ; по ученію Корана, Онъ былъ простой человѣкъ, и смерть Его объясняется или по докетическому способу, или предположеніемъ, что вмѣсто Него пострадало другое лицо [3]. Магометъ увѣрялъ, что о немъ самомъ было предсказано въ св. Писаніи, но что пророчества были искажены тѣми, у которыхъ они находились на храненіи; не смотря на это, онъ и его послѣдователи ссылались на нѣкоторыя мѣста существующаго Писанія въ свою пользу, какъ напр. на обѣтованіе о Параклитѣ и на притчу, въ которой говорится о призваніи работниковъ въ различные часы дня, причемъ послѣднее призваніе будто бы было призваніемъ къ религіи ислама [4].

Понятіе о величіи Божества въ Коранѣ возвышенное; милосердіе Божіе описывается весьма торжественно. Но отсутствіе чего нибудь похожаго на христіанское ученіе о воплощеніи ставитъ непроходимую бездну между Творцемъ и Его твореніемъ; тамъ нѣтъ ни малѣйшаго понятія объ искупленіи, о посредничествѣ, о принятіи въ сыновство съ Богомъ, о возстановленіи образа Божія. Божественное всемогущество изображается въ видѣ произвола, требующаго униженнаго подчиненія своей волѣ. Обязанность любви къ братьямъ по вѣрѣ сильно внушается ученикамъ ислама; но ихъ любовь не должна выходить за предѣлы этого братства, и широкія заявленія, которыми надежда на спасеніе предоставлялась не только іудеямъ и христіанамъ, но и сабеямъ и „всякому вѣрующему въ Бога и въ послѣдній день, и дѣлающему правду“ [1]), были отмѣнены послѣдующими изреченіями, которыя провозглашали погибель противъ всѣхъ, кромѣ послѣдователей ислама. Въ другихъ отношеніяхъ новая религія безспорно была великимъ шагомъ впередъ по сравненію съ тою, которую Магометъ нашелъ среди своихъ соотечественниковъ, и она, возвышая ихъ вѣру надъ суевѣріями и идолопоклоннической системой, къ которой они привязаны были раньше, принесла обществу великую пользу, замѣняя грубое насиліе нѣкотораго рода справедливостью и отмѣняя обычай предавать дѣтей женскаго пола смерти. Общій тонъ его нравственности скорѣе суровый, чѣмъ (какъ иногда его называли) распущенный; вмѣсто осужденія за свою санкцію полигаміи, Магометъ скорѣе заслуживаетъ похвалы за ограниченіе той распущенности, которая раньше господствовала въ этомъ отношеніи, хотя онъ удержалъ крайнюю, и въ дѣйствительности весьма гибельную легкость развода; но одною изъ самыхъ омерзительныхъ чертъ въ его характерѣ было то, что онъ объявлялъ себя изъятымъ изъ ограниченій, которыя онъ налагалъ на своихъ учениковъ, и свою распущенность оправдывалъ мнимыми откровеніями [2]).

---

[1] Coran, c. v.

[2] Coran, c. III.

[3] Coran, cc. III, IV, V, IX, XI, XLIII.

[4] Coran, c. LXI.

О достоинствахъ этого загадочнаго характера трудно высказать какое нибудь рѣшительное мнѣніе. Религіозная враждебность, которая въ прежнее время содѣйствовала искаженію его образа, теперь конечно уже не можетъ вліять на сужденіе въ этомъ отношеніи; намъ нѣтъ надобности вмѣстѣ съ тѣмъ опасаться и слишкомъ благопріятныхъ мнѣній, представляющихъ собою результатъ реакціи противъ прежнихъ предубѣжденій, а также и увлеченія новшествомъ и парадоксальностью, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываютъ не только преднамѣренны, но и почти завѣдомы. Самымъ послѣднимъ и наиболѣе основательнымъ мнѣніемъ служитъ то, что Магометъ сначала былъ честнымъ энтузіастомъ. Что касается болѣе сомнительнаго періода его жизни, то мы должны сознаться, что не можемъ согласиться съ воззрѣніемъ его поклонниковъ; но въ то же время не находимъ возможнымъ высказать и сужденіе, былъ ли онъ повиненъ въ сознательномъ обманѣ, или слѣпо увлеченъ былъ упоеніемъ пріобрѣтенной имъ власти и желаніемъ расширенія ея.

Магомету было уже 40 лѣтъ отъ роду, когда онъ (въ послушаніе, по его сообщенію, божественному видѣнію) объявилъ себя пророкомъ [3]). Сначала онъ вербовалъ себѣ послѣдователей только среди друзей и близкихъ родственниковъ; затѣмъ, мало по малу, онъ осмѣлился объявить о своихъ мнѣніяхъ и въ болѣе широкомъ 611 или 612 г. кругу, но его притязаніямъ не вѣрили; онъ и его послѣдователи подверглись преслѣдованію со стороны корейшевъ,—племени, которое господствовало въ Меккѣ и во владѣніи котораго находилась Кааба, и въ 622 году (въ томъ году, въ которомъ Ираклій совершилъ свой первый походъ противъ персовъ) онъ бѣжалъ въ Йатребу (Медину), гдѣ ему уже удалось образовать партію и онъ былъ принятъ какъ князь и пророкъ. Это бѣгство (геджра) считается великой эрой въ жизни пророка и служитъ основой магометанскаго лѣтосчисленія. Доселѣ онъ старался распространять свое ученіе только убѣжденіемъ; но теперь онъ уже обладалъ силою, и высшій голосъ будто бы поручилъ ему воспользоваться ею для распространенія вѣры [1]). Его изреченія сдѣлались яростными и кровожадными. Отъ нападеній съ своими небольшими шайками послѣдователей на караваны купцовъ онъ перешелъ, по мѣрѣ усиленія его послѣдователей, къ болѣе значительнымъ предпріятіямъ, и въ 613 году онъ овладѣлъ Меккой, очистилъ Каабу отъ ея идоловъ, превратилъ ее въ великое святилище ислама, и всѣ племена Аравіи соединилъ подъ своимъ владычествомъ и исповѣданіемъ своей религіи.

---

[1]) Cc. II, V.

[2]) См. Coran, с. XXIII.

[3]) Coran, с. X.

Когда его сила сдѣлалась значительною, Магометъ отправилъ посланныхъ къ царю Персіи и къ другимъ окружающимъ государямъ, объявляя имъ о своемъ посланничествѣ въ качествѣ 628 г. „пророка Божія", и требуя отъ нихъ подчиненія вѣрѣ ислама. Ираклій будто бы принялъ это посольство съ почетомъ; персидскій царь презрительно разорвалъ посланіе въ клочки, и Магометъ, услышавъ объ этомъ поступкѣ, воскликнулъ: „такъ Богъ оторветъ отъ него его царство и отвергнетъ его мольбы" [2]).

Долгъ сражаться за исламъ (потому что оружіе, а не убѣжденіе должно было служить средствомъ обращенія тѣхъ, кто отказывались вѣровать при первомъ провозглашеніи вѣры) былъ обязателенъ для всѣхъ его исповѣдниковъ, исключая больныхъ и слабыхъ, хромыхъ, слѣпыхъ и убогихъ; а чтобы правовѣрные въ какое нибудь время не удовлетворились своими завоеваніями, Магометъ объявилъ, что война за распространеніе вѣры не должна прекращаться до пришествія антихриста. Фанатизмъ воиновъ былъ поощряемъ поблажками хищничества и похоти, потому что тотъ предѣлъ, который въ Коранѣ предписывался въ отношеніи числа наложницъ, не былъ примѣняемъ къ плѣнницамъ или рабамъ [3]). Подъ вліяніемъ убѣжденія, что они исполняютъ волю Божію, подъ вліяніемъ вѣры въ безусловное и непреодолимое предопредѣленіе и подъ вліяніемъ увѣренности въ райскомъ блаженствѣ,—такомъ блаженствѣ, которое предлагало безграничное наслажденіе чувственности,—они совершенно не дорожили жизнью, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, мученики и умершіе за вѣру воины будутъ допущены кромѣ того къ неизреченному и неизсякаемому счастію созерцанія лица Божія утромъ и вечеромъ. Одушевленныя такимъ чтеніемъ, мусульманскія войска двигались впередъ съ энтузіазмомъ, котораго ничто не въ силахъ было остановить. Ихъ безграничныя жертвоприношенія въ кровавыхъ битвахъ и во время долгихъ осадъ были вознаграждаемы неослабѣвающимъ приливомъ новыхъ воиновъ. До смерти Магомета, послѣдовавшей въ Мединѣ въ 632 году, Каледъ, „мечъ Божій", проникъ съ своимъ оружіемъ въ Сирію. Энергія Ираклія была надломлена болѣзнью; Сирія и Египетъ, которые онъ вновь завоевалъ у Хозроя, опять были отняты у имперіи этимъ новымъ врагомъ. Въ 637 году Іерусалимъ взятъ былъ калифомъ [1]) Омаромъ, который построилъ мечеть на мѣстѣ храма, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ были покорены также Персія, Хорасанъ и часть Малой Азіи. Внутренніе раздоры преемниковъ пророка задержали ходъ завоеванія только на нѣкоторое время. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ 668—677 г. они угрожали самому Константинополю, хотя ихъ нападенія были безъуспѣшны и закончились данничествомъ калифа, но и до конца еще этого столѣтія, они взяли Карѳагенъ и сдѣлались властителями франкскихъ про- 698 г. винцій [2]). Успѣхамъ магометанскаго оружія благопріятствовало истощеніе имперіи и Персіи въ теченіе ихъ недавнихъ войнъ. Въ Сиріи и Египтѣ большая часть жителей были несторіане или монофизиты, угнетаемые императорскимъ закономъ и поэтому готовые привѣтствовать враговъ византійскаго двора въ качествѣ избавителей. И завоеватели, хотя и равнодушные къ разногласіямъ христіанскихъ партій между собою, были рады поощрять это состояніе и пользовались имъ. Изгоняя православныхъ грековъ изъ Египта и подавляя мелхитовъ, они благосклонно относились къ сектамъ, противодѣйствовавшимъ Риму и Константинополю. Въ то время какъ безъ милосердія велась война противъ идолопоклонниковъ [3]), „людямъ книги", то есть, іудеямъ и христіанамъ, какъ исповѣдникамъ истинныхъ, хотя и недостаточныхъ религій, было позволено жить въ качествѣ данниковъ въ завоеванныхъ земляхъ [1]). Но угнетенія, которымъ они подвергались, выгоды, предлагавшіяся обращенцамъ и быть можетъ соблазны, производимые спорами касательно христіанскаго ученія, побудили многихъ отказываться отъ Евангелія и принимать вѣру ислама.

---

[1]) Cor. c. xxii.

[2]) Ср. Coran, c. xxx.

[3]) Coran, c. xxiii.

---

[1]) Слово это означаетъ „*преемникъ*" (пророка).

[2]) Niceph. Cpol. 22; Gibbon, v, 142, 150, 174.

[3]) См. Coran, c. ix,—глава, которая была открыта самою послѣднею. Но христіане въ ней обвиняются въ идолопоклонствѣ лишь настолько, насколько „они принимаютъ священниковъ и монаховъ (то есть святыхъ) за боговъ, и Христа, сына Маріи, хотя имъ и повелѣвается поклоняться единому Богу".

Около того самаго времени, когда Магометъ выступилъ на общественную дѣятельность, возникъ одинъ споръ, почти въ теченіе столѣтія продолжавшій волновать церковь.

Около 616 г.

Патріархъ константинопольскій, Сергій, бывшій повидимому сиріяниномъ и находившійся въ родственныхъ связяхъ съ членами іаковитской секты, встрѣтилъ одно письмо, приписываемое его предшественнику Миннѣ, въ которомъ о Спасителѣ говорилось, что Онъ имѣетъ „одну волю и одно жизнедательное дѣйствованіе“ [2]). Пораженный этимъ выраженіемъ, онъ посовѣтовался съ Ѳеодоромъ, епископомъ фаранскимъ, въ Аравіи, человѣкомъ, о которомъ ничего еще неизвѣстно, кромѣ его участія въ этомъ спорѣ, но который, изъ дѣлаемаго на него такимъ образомъ указанія, какъ можно предполагать, пользовался большимъ уваженіемъ за свою ученость и доселѣ былъ не подозрѣваемъ ни въ какомъ заблужденіи въ области ученія, и такъ какъ Ѳеодоръ одобрилъ эти слова, то патріархъ принялъ ихъ и имѣлъ нѣкоторое совѣщаніе съ другими лицами по этому предмету. Такимъ образомъ возникло ученіе, которое впослѣдствіи стало извѣстнымъ подъ названіемъ „моноѳелитства“ [3]), и сущность его выражается въ словахъ другаго изъ сочиненій Ѳеодора, именно, что „въ воплощеніи нашего Спасителя есть только одно дѣйствованіе, образователь и виновникъ котораго есть Богъ Слово; а человѣчество есть Его орудіе, такъ что—что бы мы ни говорили о Немъ, какъ о Богѣ ли, или какъ о человѣкѣ, все это есть дѣйствованіе Божества Слова“ [4]). Въ противоположность этому утверждали, что способность хотѣнія присуща каждому изъ естествъ Спасителя, хотя такъ какъ лицо въ Немъ одно, то эти двѣ воли дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи, причемъ человѣческая воля дѣйствуетъ въ согласіи съ божественной.

Ираклій во время своихъ персидскихъ войнъ имѣлъ причины сожалѣть о политикѣ, благодаря которой несторіане были отчуждены отъ имперіи, и желать объ отвращеніи зла, которое легко могло возникнуть изъ раскола монофизитскаго. Съ цѣлью достиженія этого примиренія, онъ вступилъ въ сношеніе съ нѣкоторыми изъ ихъ вождей, каковыми 622 г. были Павелъ, глава этой партіи въ Арменіи, и Аѳанасій, іаковитскій патріархъ Антіохіи, которому императоръ будто бы предлагалъ православный престолъ этого города подъ условіемъ принятія собора Халкидонскаго. Монофизиты постепенно становились все менѣе враждебными сущности ученія этого собора, и Ираклій могъ питать надежду, что раздѣленіе прекратится, если православные признаютъ, что хотя Спаситель имѣлъ два естества, но Онъ имѣлъ только одну волю и одно дѣйствіе [1]). Будучи въ Лазикѣ, въ 626 году, императоръ сообщилъ объ этихъ своихъ сношеніяхъ Киру, епископу фазійскому, который, такъ какъ вопросъ этотъ былъ для него новымъ, писалъ къ патріарху Сергію, спрашивая его мнѣнія въ этомъ отношеніи. Патріархъ отвѣчалъ ему, что церковь не произнесла никакого рѣшенія въ этомъ отношеніи, что Кириллъ александрійскій и другіе признанные отцы церкви говорили объ „одномъ жизнедательномъ дѣйствіи Христа, нашего Бога“, что Минна употреблялъ подобное же выраженіе, что онъ ошибся, предполагая, будто Левъ Великій училъ о двухъ естествахъ, и что Сергію неизвѣстны никакіе другіе авторитеты, которые бы учили такъ [2]). Киръ былъ убѣжденъ этимъ письмомъ. По милости императора, онъ скоро послѣ этого былъ возведенъ на патріаршій престолъ Александріи, и въ 633 году ему уда- 630 г. лось достигнуть соединенія ѳеодосіянъ, одной монофизитской секты, съ церковью посредствомъ компромисса, выраженнаго въ девяти членахъ [3]). Въ седьмомъ изъ этихъ членовъ говорится, что Спаситель „совершалъ дѣйствія, принадлежащія какъ Богу, такъ и человѣку, однимъ *теандрическимъ* (то есть, божественно-человѣческимъ) дѣйствіемъ“. Основаніе для такого выраженія было найдено въ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Діонисію Ареопагиту [4]). Монофизиты считали эти условія единенія предметомъ своего торжества. „Не мы“, говорили они, „перешли къ собору Халкидонскому, а соборъ этотъ перешелъ къ намъ“ [5]).

---

[1]) Настроеніе противъ христіанства впослѣдствіи сдѣлалось болѣе ожесточеннымъ.

[2]) Седьмой вселенскій соборъ осудилъ это письмо, какъ подложное, и тамъ было доказано, что оно невѣрно было присоединено къ актамъ пятаго вселенскаго собора (Hard. iii, 1067—70, 1312, 1365).

[3]) То есть, ученія, поддерживающаго одну только волю. Названіе „моноѳелитъ“ впервые появляется у Іоанна Дамаскина (напр. De Haer. 99).

[4]) Hard. iii, 768.

Въ виду этихъ членовъ крайне встревожился Софроній, ученый монахъ, находившійся въ то время въ Александріи. Онъ издалъ громкій крикъ, бросился къ ногамъ патріарха и, проливая слезы, умолялъ его, ради страданій Спасителя, не принимать такого аполлинаріевскаго ученія [1]. Киръ рѣшилъ перенести это дѣло на разсмотрѣніе Сергія, и монахъ, снабженный письмомъ къ патріарху константинопольскому, отправился въ императорскій городъ. Хотя самъ будучи монофелитомъ, Сергій не считалъ соглашенія съ его мнѣніемъ необходимымъ условіемъ православія. Въ разговорѣ съ Софроніемъ, онъ указывалъ на важность пріобрѣтенія монофизитовъ въ египетскомъ патріархатѣ, просилъ монаха привести какое нибудь выразительное доказательство въ пользу двухъ дѣйствій во Христѣ, и такъ какъ Софроній не могъ сдѣлать этого [2], то патріархъ получилъ отъ него обѣщаніе оставить этотъ вопросъ. Сергій затѣмъ писалъ къ Киру съ выраженіемъ желанія, чтобы онъ запретилъ всякія разсужденія по этому вопросу, такъ какъ иначе могло бы подвергнуться опасности недавно установленное единеніе партій [3].

---

[1]) Theophan. 506; Cedrenus, 420.

[2]) Hard. ш, 1309, 1337.

[3]) Hard. ш, 1340—4.

[4]) Православные возражали не противъ термина „теандрическій“, но противъ положенія, что дѣйствованіе было единичнымъ.

[5]) Theophan. 274—5.

634 г.

Въ слѣдующемъ году Софроній сдѣлался патріархомъ іерусалимскимъ. Онъ, повидимому, чувствовалъ, что это его положеніе освобождало его отъ даннаго имъ обѣщанія, такъ какъ молчаніе, которое могло быть пристойнымъ въ смиренномъ инокѣ, было бы измѣнничествомъ вѣрѣ въ іерархѣ, занимавшемъ патріаршій престолъ. Услышавъ о его избраніи, Сергій встревожился и, не ожидая формальнаго донесенія объ этомъ, писалъ Гонорію въ Римъ, подробно излагая предшествующую исторію вопроса. Папа въ своемъ отвѣтѣ повторилъ мнѣніе патріарха; онъ не только согласился съ нимъ во мнѣніи о пользѣ водворенія молчанія въ этомъ отношеніи, но и въ личномъ исповѣданіи монофелитства: „мы исповѣдуемъ“, говоритъ онъ, „одну волю въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, поелику очевидно, что то, что было воспринято Божествомъ, есть наше естество, а не грѣхъ, сущій въ насъ,—наше естество, какимъ оно сотворено было до грѣха, а не какимъ оно сдѣлалось, будучи повреждено преступленіемъ“ [4]. Послѣ разъясненія словъ ап. Павла касательно воли плоти и воли духа, онъ заключаетъ, что Спаситель не имѣлъ плотской воли, и отнесся къ вопросу о двухъ дѣйствіяхъ какъ къ мелочи, пригодной только для грамматиковъ. Софроній, въ своемъ вступительномъ на престолъ посланіи, весьма полно и съ большимъ искусствомъ изложилъ ученіе о воплощеніи, съ особеннымъ отношеніемъ къ возникшему спору [1]). Въ этомъ посланіи онъ допускаетъ слово „теандрическій“, но прилагаетъ его къ совмѣстному дѣйствію двухъ естествъ въ богочеловѣческомъ лицѣ, каковое приложеніе отличается отъ того, въ которомъ оно употреблялось Сергіемъ и его сторонниками. Гонорій получилъ отъ посланныхъ, носившихъ это письмо въ Римъ, обѣщаніе, что ихъ патріархъ откажется говорить о двухъ воляхъ, если Киръ перестанетъ говорить объ одной волѣ; но споръ этотъ нельзя было уладить такъ легко.

---

[1] Maximus ap. Baron. xi, 647.

[2] Впослѣдствіи Софроній, будто бы, въ особомъ сочиненіи, теперь потерянномъ, привелъ 600 мѣстъ изъ отцевъ въ пользу своего ученія. Hefele, III, 132.

[3] Serg. ad Honor. ap. Hard. III, 1316.

[4] Hard. III, 1320. Въ отвѣтѣ, очевидно, заключается та мысль, что Спаситель принялъ, какъ часть безгрѣшнаго естества, невинную человѣческую волю, и сочеталъ ее съ божественной волей.

Осада и взятіе Іерусалима арабами вскорѣ затѣмъ, какъ можно предполагать, еще болѣе удручили Софронія, и онъ жилъ не долго послѣ этого. Но передъ своею смертью 637 г. онъ привелъ Стефана, епископа дорскаго, перваго изъ соподчиненныхъ ему епископовъ, на Голгоѳу, и тамъ торжественнымъ образомъ указывая ему на Распятіе и напоминая о послѣднемъ страшномъ судѣ, поручалъ ему отправиться въ Римъ и не успокоиваться до тѣхъ поръ, пока не добьется осужденія моноѳелитскаго ученія [2]).

Смятенія въ церкви продолжались, и въ 639 году Ираклій, не наученный неудачей своихъ предшественниковъ въ подобныхъ мѣрахъ, издалъ, по мысли Сергія, указъ, составленный патріархомъ, подъ названіемъ Экѳесисъ, то есть, изложеніе вѣры. Послѣ изложенія ученія о Троицѣ и воплощеніи, этотъ указъ старается уладить споръ запрещеніемъ всякаго разсужденія о вопросѣ какъ объ одномъ, такъ и о двухъ дѣйствованіяхъ. Всякое дѣйствованіе, говорится въ немъ, соотвѣтствующее или Богу, или человѣку, исходитъ изъ одного и того же воплощеннаго Слова. Ученіе объ одномъ дѣйствованіи, хотя бы выраженіе это и употреблялось нѣкоторыми Отцами, причиняло смущеніе *нѣкоторымъ;* ученіе о двухъ дѣйствованіяхъ было выраженіемъ, не находившимъ въ себѣ опоры въ авторитетѣ признанныхъ отцевъ и учителей церкви, и причиняло смущеніе *многимъ*, такъ какъ внушало мысль о двухъ противоположныхъ воляхъ. Самъ нечестивый Несторій, хотя и раздѣлявшій лицо Спасителя, не говорилъ о двухъ воляхъ; нужно исповѣдывать одну волю, согласно съ ученіемъ свв. отцовъ, насколько человѣчество Спасителя никогда не совершало никакого движенія, противнаго наклонности Его Божества [3]). Даже если бы Экѳесисъ въ своей сущности не становился съ такою очевидностью на сторону моноѳелитовъ, всетаки нельзя было бы разумно ожидать какого нибудь удовлетворительнаго результата отъ документа, который старался положить конецъ разногласіямъ сокрытіемъ ихъ, или отъ политики, которая, заставляя молчать обѣ стороны, раздражала болѣе ревностныхъ и по необходимости относилась съ благосклонностью къ болѣе податливымъ.

---

[1]) Hard. iii, 1257—96; Hefele, iii, 139. Существующія сочиненія Софронія находятся въ т. lxxxvii, ч. 3, Греч. Патрол.

[2]) Hard. iii, 713.

[3]) Hard. iii, 796.

Экѳесисъ былъ одобренъ соборами въ Константинополѣ при Сергіи и его преемникѣ Пиррѣ, и въ Александріи при Кирѣ. Патріархаты антіохійскій и іерусалимскій, страдая отъ 640 г. угнетенія арабовъ, не были въ состояніи противодѣйствовать ему. Но Гонорій римскій умеръ; его преемникъ, Северинъ (первосвященство котораго продолжалось только два мѣсяца и главнымъ образомъ ознаменовалось только разграбленіемъ папскихъ сокровищъ экзархомъ Равенны [1]), повидимому отвергъ это новое изложеніе, и слѣдующій папа Іоаннъ IV на соборѣ несомнѣнно сдѣлалъ то же. Ираклій вслѣдствіе этого писалъ Іоанну, отрекаясь отъ участія въ составленіи Экѳесиса; документъ этотъ, говорилъ онъ, написанъ былъ Сергіемъ нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, и самъ онъ только согласился издать его по настоятельной просьбѣ патріарха [2]).

Ираклій умеръ въ февралѣ 641 года, оставляя имперію Константину, сыну отъ своего перваго брака, совмѣстно съ Иракліономъ, плодомъ его втораго брака съ своей племянницей Мартиной [3]). Константинъ пережилъ своего отца лишь тремя мѣсяцами, и Мартина затѣмъ попыталась управлять отъ имени своего сына, но сенатъ, опираясь на войско и жителей столицы, низложилъ ее и Иракліона, какъ повинныхъ въ смерти Константина, сынъ котораго Констансъ II и былъ возведенъ на престолъ. Послѣ этого переворота, патріархъ Пирръ, считавшійся соучастникомъ Мартины, счелъ за лучшее сложить съ себя санъ и искалъ убѣжища въ Африкѣ. Тамъ онъ встрѣтился съ Максимомъ, человѣкомъ знатнаго византійскаго происхожденія, который, будучи сначала государственнымъ секретаремъ при Иракліи, принялъ монашество и сдѣлался способнѣйшимъ полемистомъ противъ моноѳелитства [4]). Въ 645 году между ними происходило преніе, въ присутствіи Григорія, правителя провинціи, со многими епископами и другими знатными лицами. Пирръ выступилъ съ положеніемъ, что такъ какъ Спаситель составляетъ одно лицо, то Онъ могъ имѣть также и одну только волю, на что Максимъ отвѣчалъ, что такъ какъ Онъ былъ вмѣстѣ

---

[1]) Anastas. in Patrol. cxxviii, 709. Онъ былъ избранъ въ 628 году, хотя утвержденъ не ранѣе 640 года, когда онъ былъ посвященъ 28 мая, и умеръ 1 августа.

[2]) Maximus ap. Baron. xi, 640—9.

[3]) Niceph. Cpol. 10, 18. Этотъ незаконный бракъ Бароній относитъ къ 613 году (613, 3).

[4]) Его сочиненія, между которыми есть толкованіе на псевдо-Діонисія, изданы въ Парижѣ, въ 1675 году, и перепечатаны въ Греческой Патрологіи. См. Acta SS., Aug. 13.

Богъ и человѣкъ, то каждое изъ Его естествъ должно было имѣть свою особую волю. Преніе было продолжительнымъ и велось съ большимъ оживленіемъ; но, вдобавокъ къ превосходству своего ученія, Максимъ очевидно обладалъ большею способностью въ діалектическомъ искусствѣ. Пирръ наконецъ призналъ себя побѣжденнымъ и сопровождалъ Максима въ Римъ, 645 г. гдѣ папа Ѳеодоръ допустилъ его къ общенію и относился къ нему какъ къ патріарху константинопольскому. Но Пирръ скоро затѣмъ отправился въ Равенну и тамъ (вѣроятно, подъ вліяніемъ экзарха и въ надеждѣ возвратить себѣ каѳедру) отказался отъ своего послѣдняго исповѣданія. Услышавъ объ этомъ отпаденіи, Ѳеодоръ созвалъ соборъ, на которомъ Пирръ былъ осужденъ и отлученъ, и съ цѣлью придать возможно больше торжественности этому приговору, папа подписалъ его виномъ изъ евхаристической чаши, и положилъ его на гробницу ап. Петра [1]).

Какъ Іоаннъ IV, такъ и Ѳеодоръ побуждали слѣдующихъ императоровъ отмѣнить Экѳесисъ, который все еще былъ распространяемъ властями. Въ 648 году Констансъ издалъ новый документъ, которымъ предполагалось замѣнить Экѳесисъ и который извѣстенъ подъ названіемъ Типа (то есть, образца) вѣры. Тонъ этого документа, (написаннаго патріархомъ Павломъ), еще менѣе богословскій, чѣмъ тонъ Экѳесиса, и скорѣе походитъ на тонъ обыкновеннаго императорскаго указа. Запрещая, подобно прежнему указу, разсужденіе о предметѣ спора и употребленіе смущающихъ терминовъ съ обѣихъ сторонъ, онъ дѣлалъ это, не обнаруживая никакой наклонности въ ту или другую сторону, и имъ устанавливались строгія наказанія противъ всѣхъ, кто бы нарушили это молчаніе [2]).

Павелъ все еще продолжалъ вести неудовлетворительныя сношенія съ Римомъ по предмету спора, когда наконецъ Ѳеодоръ, вмѣстѣ съ соборомъ, объявилъ его отлученнымъ. Будучи извѣщенъ объ этомъ приговорѣ, патріархъ ниспровергъ жертвенникъ въ папской часовнѣ въ Константинополѣ, запретилъ римскимъ уполномоченнымъ совершать евхаристію, угрожалъ имъ жестокостями и преслѣдовалъ ихъ сторонниковъ [3]). Во время такихъ то взаимныхъ отношеній и появился Типъ; но не смотря на его опубликованіе, споръ разгорался все болѣе и болѣе. Максимъ неустанно старался возбудить противодѣйствіе моноѳелитскому ученію, и Римъ былъ осаждаемъ просьбами отъ африканскихъ соборовъ, отъ Греціи и изъ другихъ странъ дѣйствовать въ защиту вѣры [4]).

---

[1]) Theophan., 509; Anastas., 138—9. Впослѣдствіи вошло въ обычай при подписи важныхъ документовъ дѣлать на нихъ знакъ креста.

[2]) Hard., ш, 824—5.

[3]) Hard., ш, 700.

[4]) Hard., ш, 702, 720, 728—738 и проч.

Въ іюлѣ 649 года Θеодору наслѣдовалъ Мартинъ. Въ октябрѣ того же года новый папа созвалъ соборъ, который, вслѣдствіе засѣданій его въ Константиновой базиликѣ (великой патріаршей церкви, прилегающей къ Латеранскому дворцу), извѣстенъ подъ названіемъ перваго собора Латеранскаго. На немъ присутствовало 105 епископовъ, среди которыхъ былъ и архіепископъ равеннскій [1]). Въ теченіе пяти засѣданій обсуждалась исторія спора и изслѣдовались главные, относящіеся сюда, документы. Стефанъ дорскій представилъ памятную записку, въ которой просилъ, чтобы заблужденія монοθелитства были отвергнуты, и заявилъ о порученіи, которое дано ему патріархомъ Софроніемъ въ этомъ отношеніи. Мѣстамъ изъ сочиненій главнѣйшихъ монοθелитовъ были противопоставлены извлеченія изъ православныхъ отцовъ, и они были приравнены къ изреченіямъ извѣстныхъ еретиковъ. Типъ Констанса, по мнѣнію собора, ставилъ истину и заблужденіе на одинъ и тотъ же уровень, „погублялъ праведныхъ вмѣстѣ съ нечестивыми“ [2]), оставлялъ Христа безъ воли и дѣйствованія, а вслѣдствіе этого безъ сущности и естества. Соборъ объявилъ, что въ Спасителѣ двѣ естественныхъ воли и два дѣйствованія, божественная и человѣческая воля,—„тотъ же самый Господь, Іисусъ Христосъ хочетъ и совершаетъ наше спасеніе какъ Богъ и какъ человѣкъ [3])“. Среди двадцати постановленныхъ каноновъ различнаго содержанія, изложено было и ученіе о двухъ соединенныхъ воляхъ и о двухъ дѣйствованіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ произнесена анаθема противъ всѣхъ отрицающихъ это [4]). Выраженіе „*одно* теандрическое дѣйствованіе“ было отвергнуто, и провозглашены анаθемы противъ Θеодора фаранскаго, Кира александрійскаго и Сергія, Пирра и Павла константинопольскихъ, вмѣстѣ съ „нечестивѣйшимъ Экθесисомъ“, и „нечестивѣйшимъ Типомъ“, издать которые Сергій и Павелъ въ свое время склонили Ираклія и царствующаго императора [5]). Послѣ собора, Мартинъ объявилъ о его рѣшеніяхъ императору, патріархамъ, епископамъ Африки и другимъ важнѣйшимъ лицамъ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Языкъ папы во всѣхъ этихъ посланіяхъ отличается тономъ крайней обличительности, хотя быть можетъ онъ имѣлъ въ виду обезпечить себя противъ мщенія императора заявленіемъ великаго почтенія къ его личности, причемъ всю отвѣтственность за Экθесисъ и Типъ онъ сваливалъ на Сергія и Павла, какъ авторовъ этихъ документовъ [6]).

---

[1]) Акты собора см. у Hard., III, 687 и слѣд. Въ нихъ заключаются нѣкоторые уже приведенные документы.

[2]) Hard., III, 825 (Быт. XVIII, 23).

[3]) Hard., III, 920—1.

[4]) Cc. 10, 14.

[5]) Cc. 15, 18.

[6]) Hard., III, 625—34, 655, 933 и слѣд.

Когда еще засѣдалъ этотъ соборъ, въ Римъ прибылъ экзархъ Олимпій съ порученіемъ добиться подписи Типа и, если возможно, привезти самого папу въ Константинополь. Онъ однако же не выполнилъ своего порученія, быть можетъ потому, что опасался возмущенія и хотѣлъ быть почтительнымъ къ папской партіи, и вскорѣ затѣмъ онъ былъ убитъ въ Сициліи, въ одномъ походѣ противъ сарацинъ. Мартинъ, не смотря на возбужденное имъ вновь недовольство во дворѣ, повидимому оставленъ былъ въ покоѣ въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, пока не явился новый экзархъ Ѳеодоръ Калліопа, который арестовалъ его и отправилъ въ восточную столицу. Это утомительное путешествіе продолжалось отъ 19 іюня 653 года до 17 сентября слѣдующаго года. Съ папой обращались безъ всякаго вниманія къ его сану, его лѣтамъ или слабости его здоровья. Хотя сопровождавшіе его часто приставали къ берегу для отдыха, ему самому никогда не позволялось оставлять корабля, кромѣ какъ въ Наксосѣ, гдѣ онъ оставался въ теченіе года на берегу, но лишенъ былъ всякаго утѣшенія, какое могъ бы получить отъ посѣщенія или приношеній его друзей. По прибытіи въ Константинополь, онъ въ теченіе цѣлаго дня лежалъ на палубѣ, подвергаясь издѣвательству толпившихся на набережной зрителей, и затѣмъ былъ отведенъ въ темницу, гдѣ и оставался въ заключеніи въ теченіи шести мѣсяцевъ [1]. Въ теченіи этого времени онъ подвергался неоднократнымъ допросамъ, которые однако же относились не къ обвиненію въ лжеученіи, а только къ политическимъ преступленіямъ, въ родѣ мнимаго сношенія съ Олимпіемъ и даже съ сарацинами. Къ нему относились съ крайнею жестокостью; его водили по улицамъ, какъ преступника, осужденнаго на смерть, и вѣроятно казнили бы, если бы не заступничество патріарха Павла, который, будучи въ то время при смерти и получивъ посѣщеніе отъ императора, выразилъ свое опасеніе, чтобы это недостойное обращеніе съ епископомъ не оказалось тяжкимъ свидѣтельствомъ противъ него въ день страшнаго суда [2]. Мартинъ, сносившій свои испытанія съ большимъ достоинствомъ и мужествомъ, затѣмъ былъ сосланъ въ Херсонъ, гдѣ и влачилъ въ теченіе нѣкотораго времени жалкое существованіе, чувствуя крайній недостатокъ въ средствахъ къ жизни. Сохранились два письма, въ которыхъ онъ трогательно жалуется на оставленіе его паствою и многими другими, которые раньше пользовались его щедротами [3]. Въ этой ссылкѣ онъ и умеръ въ сентябрѣ 655 года.

---

[1] Свидѣтельства объ этомъ самого Мартина и другихъ см. въ Hard., ш, 673 и слѣд.

[2] Hard., ш, 683. По смерти Павла, Пирръ возвратилъ себѣ патріархатъ, но занималъ его только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

[3] Hard., ш, 686—8.

653 г.

Въ одинъ и тотъ же годъ съ Мартиномъ въ Константинополь привезенъ былъ, вмѣстѣ съ двумя учениками, Максимъ, самый ученый и самый стойкій противникъ монооелитства [1]. Всѣ они трое содержались въ темницахъ до возвращенія папы изъ ссылки, и затѣмъ были подвергнуты допросу. Апр. 655 г. Противъ Максима сдѣлана была также попытка обвинить его въ политическомъ преступленіи, именно въ сношеніи его съ возмутившимся правителемъ Африки Григоріемъ. Но вообще обвиненія были главнымъ образомъ богословскаго или церковнаго свойства. Между прочимъ ему ставилось въ вину, что онъ оскорблялъ императорское величіе, отрицая за императоромъ обладаніе священствомъ, провозглашая анаѳему противъ Типа, каковая анаѳема была истолковываема въ смыслѣ анаѳематствованія самого императора, и отрицая, что императорское утвержденіе давало силу канонамъ. На эти обвиненія Максимъ отвѣчалъ, что императоръ не священникъ, такъ какъ онъ не можетъ совершать таинствъ, и въ чинопослѣдованіяхъ церкви о немъ говорится, какъ о мірянинѣ, что его анаѳема противъ Типа относилась только къ содержащемуся въ немъ ложному ученію, и что если соборы получали дѣйствительное значеніе только вслѣдствіе утвержденія императора, то было бы необходимымъ принимать и тѣ аріанскіе соборы, которымъ дано такое утвержденіе. „Неужели ты одинъ только спасешься“, спросили его, „а всѣ другіе погибнутъ?“—„Избави Богъ“, отвѣчалъ онъ, „чтобы я осуждалъ кого нибудь или приписывалъ спасеніе только себѣ самому! Но я готовъ скорѣе умереть, чѣмъ имѣть на своей совѣсти несчастіе заблужденія въ чемъ нибудь относящемся къ вѣрѣ“. Максимъ и его сотоварищи были непоколебимы въ своихъ мнѣніяхъ, хотя съ цѣлью склонить ихъ употреблялись какъ суровость, такъ и доброта, и они находились подъ давленіемъ авторитета новаго папы Евгенія, который согласился съ желаніями двора [2]. Они были отправлены въ ссылку въ Визію, во Ѳракіи, и будучи подвергнуты тамъ большимъ жестокостямъ, опять привезены были въ Константинополь, гдѣ и должны были выдержать новое слѣдствіе. За свою непоколебимую твердость, они были наказаны отнятіемъ языковъ и правыхъ рукъ; затѣмъ они были изгнаны въ Лазику, и, послѣ нѣкотораго времени, съ цѣлью усилить ихъ страданія, ихъ разлучили между собою. Максимъ не выдержалъ жестокаго обращенія, которому онъ подвергся въ августѣ 662 года; одинъ изъ его учениковъ (которые оба носили имя Анастасія), не смотря на причиненное ему уродство, продолжалъ дѣятельно служить вѣрѣ, какъ словомъ, такъ и дѣятельной перепиской до самой смерти, послѣдовавшей въ 666 году [1].

---

[1] Относящіеся къ Максиму документы напечатаны съ переводомъ, сдѣланнымъ Анастасіемъ библіотекаремъ въ томѣ cxxix Латинской Patrologia. См. также Acta SS., Aug. 13.

[2] Евгеній былъ избранъ еще при жизни Мартина. См. Hefele, iii, 215.

Констансъ II, властію котораго одобрены были всѣ эти варварства, предалъ смерти своего собственнаго брата, и какъ этимъ, такъ и другими своими поступками, возбудилъ крайнее негодованіе въ своихъ восточныхъ подданныхъ. Уступая общему чувству, онъ удалился въ 663 году изъ Константинополя и посѣтилъ Римъ, гдѣ онъ съ великою честію былъ принятъ епископомъ Виталіаномъ. Снявъ съ пантеона (ставшаго церковью съ царствованія Фоки) бронзовую крышу и захвативъ въ этой и въ другихъ церквахъ всѣ ихъ драгоцѣнныя украшенія, императоръ отправился въ Сицилію, гдѣ и предавался необузданной тиранніи и порочности, пока не былъ умерщвленъ въ банѣ въ Сиракузахъ въ 668 году [2]. Судьба папы Мартина располагала его преемниковъ, Евгенія и Виталіана къ мирному образу дѣйствія, и споръ на время затихъ, пока Адіедатъ, преемникъ Виталіана, опять не прервалъ общенія съ Константинополемъ; вслѣдствіе 672—77 г. чего патріархи Ѳеодоръ константинопольскій и Макарій антіохійскій возбудили волненіе попыткой вычеркнуть изъ своихъ диптиховъ имя Виталіана, единственнаго изъ послѣднихъ папъ, который только поминался въ нихъ.

Сынъ и преемникъ Констанса, Константинъ IV, называемый Погонатомъ (Бородатымъ), скорбѣлъ отъ раздѣленій въ церкви и рѣшился попытаться уладить ихъ. Съ этою цѣлью 678 г. онъ писалъ Дону, епископу римскому, чтобы онъ прислалъ нѣсколькихъ уполномоченныхъ въ Константинополь съ цѣлью обсужденія спорныхъ вопросовъ [3]. Прежде чѣмъ это письмо прибыло въ Римъ, Дону наслѣдовалъ Агаѳонъ, Іюн. 678 г. который по полученіи письма созвалъ соборъ. Среди 125 присутствовавшихъ на соборѣ прелатовъ, были ломбардскій приматъ Мансветъ миланскій, два франкскихъ епископа и Вильфридъ йоркскій; остальные были подданными имперіи. 680 г. Моноѳелитство было осуждено, и два прелата съ діакономъ отправлены были въ Константинополь въ качествѣ представителей папы съ письмомъ къ императору, которое, по предположенію, должно было играть такую же роль, какъ и знаменитое посланіе Льва къ Флавіану во время евтихіанскаго спора; причемъ представителями отъ собора были три епископа вмѣстѣ съ другими духовными лицами и монахами. Папа въ своемъ письмѣ выражаетъ сожалѣніе, что безпокойное состояніе Италіи воспрепятствовало возможности болѣе глубокаго богословскаго изслѣдованія, и заявляетъ, что онъ полагается не на ученость своихъ уполномоченныхъ, но на ихъ вѣрность ученію древнихъ соборовъ и отцовъ [1].

---

[1] Patrol. cxxxix, 603—683.

[2] Theophan, 538.

[3] Hard. iii, 1043—7.

Константинъ теперь рѣшилъ, вмѣсто предполагавшагося совѣщанія, созвать „вселенскій“ соборъ. Соборъ этотъ (шестой вселенскій) состоялся въ палатѣ дворца, которая, вслѣдствіе ея сводообразной кровли, называлась Трулломъ [2]. Засѣданій было восемнадцать, и они продолжались отъ 7 ноября 680 года до 16 декабря слѣдующаго года. На первыхъ одиннадцати засѣданіяхъ и на послѣднемъ императоръ присутствовалъ лично, и въ его отсутствіи предсѣдательское мѣсто оставалось не занятымъ. На первыхъ засѣданіяхъ число епископовъ было не большое, но постепенно оно возрасло почти до двухсотъ. Среди нихъ были патріархъ константинопольскій и Макарій антіохійскій (достоинство котораго, вслѣдствіе сарацинскаго завоеванія его провинціи, было почти номинальнымъ), причемъ каѳедры александрійская и іерусалимская были представляемы двумя пресвитерами. На соборѣ присутствовали также двѣнадцать высшихъ сановниковъ имперіи и нѣсколько монаховъ.

Разсужденія на соборѣ велись съ достоинствомъ и безпристрастіемъ, и императоръ относился къ нимъ весьма добросовѣстно. Тутъ были прочитаны главные, относящіеся къ спору, документы, и извлеченія изъ сочиненій моноѳелитовъ были сравнены съ мѣстами, которыя могли имѣть значеніе для ихъ опроверженія или поддержки, или для доказательства ихъ тождества по существу съ ересями, уже осужденными раньше [3]. На восьмомъ
7 марта 681 г. засѣданіи патріархъ константинопольскій заявилъ о своей принадлежности къ взглядамъ Агаѳона и римскаго собора, и его примѣру послѣдовали епископы его патріархата. Но Макарій антіохійскій все еще поддерживалъ ученіе объ единичной теандрической волѣ и дѣйствіи, утверждая, что какъ душа двигаетъ тѣло, такъ и во Христѣ божественная воля направляла человѣческую [4]. Онъ представилъ соборныя свидѣтельства въ пользу своего мнѣнія, но соборъ, изслѣдовавъ эти свидѣтельства, объявилъ ихъ подложными или искаженными, или, если гдѣ они были и подлинными, то не идущими къ дѣлу,—какъ напр. когда слова, дѣйствительно употреблявшіяся для выраженія отношеній божественныхъ лицъ въ Троицѣ переносились на отношенія между божествомъ и человѣче-

---

[1] Hard. ш, 1076—7.

[2] Hard. ш, 1055. Объ этомъ словѣ см. Baron., 680, 41.

[3] Hard. ш, 1152—4; 1202 и слѣд., 1226—1304.

[4] Hard. ш, 1171. Макарій думалъ, что такое мнѣніе совмѣстимо съ халкидонскимъ ученіемъ о двухъ естествахъ, насколько одно естество было дѣятельнымъ, а другое страдательнымъ орудіемъ.

ствомъ Спасителя. Такъ какъ сирійскій патріархъ настаивалъ на своемъ мнѣніи, заявляя, что онъ не оставитъ его даже подъ страхомъ разсѣченія въ куски и вверженія въ море, то онъ былъ низложенъ и отлученъ вмѣстѣ съ ученикомъ, по имени Стефаномъ, и при торжественныхъ привѣтствіяхъ императору, какъ новому Константину Великому, новому Ѳеодосію и новому Маркіану, были вмѣстѣ съ тѣмъ громко провозглашаемы анаѳемы противъ Макарія, какъ втораго Аполлинарія и Діоскора [1]).

Пятнадцатое засѣданіе ознаменовалось особымъ случаемъ. Одинъ престарѣлый инокъ, по имени Полихроній, представилъ исповѣданіе вѣры, и предложилъ доказать его истинность воскрешеніемъ мертвеца къ жизни. Онъ заявилъ, что ему 26 апр. 681 г. было видѣніе, въ которомъ нѣкто, блистательнаго вида и страшнаго величія, говорилъ ему, что кто не исповѣдуетъ единичной воли и теандрическаго дѣйствія, тотъ не долженъ быть признаваемъ за христіанина. Отцы собора отправились въ преддверіе одной общественной бани, куда былъ принесенъ на носилкахъ трупъ. Полихроній положилъ свое исповѣданіе на грудь мертвеца, и долго шепталъ ему что-то въ уши; чуда однако же не послѣдовало. Народъ, допущенный къ присутствію при этомъ испытаніи, разразился анаѳемами противъ Полихронія, какъ обманщика и новаго Симона; но его увѣренность въ своихъ мнѣніяхъ не была поколеблена даже и этой неудачей, и соборъ нашелъ необходимымъ лишить его сана [2]).

Наконецъ была опредѣлена вѣра по спорному предмету. Моноѳелиты были осуждены, какъ содержащіе ересь, сродную съ ересями Аполлинарія, Севера и Ѳемистія, какъ разрушающія совершенство человѣчества Спасителя отрицаніемъ въ Немъ воли и дѣйствованія. Ученіе о воплощеніи было изложено согласно съ древними опредѣленіями церкви, и къ этому было прибавлено слѣдующее: „мы равнымъ образомъ, согласно съ ученіемъ святыхъ Отцовъ, объявляемъ, что въ Немъ двѣ естественныхъ воли и два естественныхъ дѣйствованія безъ раздѣленія, измѣненія, разлученія или смѣшенія. И эти двѣ естественныя воли не противны между собой, какъ воображаютъ нечестивые еретики; но человѣческая воля слѣдуетъ божественной и всемогущей волѣ, не противодѣйствуя и не противорѣча ей, подчиняясь ей; ибо, согласно съ мудрѣйшимъ Аѳанасіемъ, необходимо, чтобы воля Его плоти дѣйствовала, но чтобы она была подчинена Его божественной волѣ.... Какъ Его плоть, хотя и божественная, не была уничтожена Его божествомъ, такъ и Его человѣческая воля, хотя и обожествленная, не была разрушена также“ [1]). Противъ главныхъ вождей монофелитовъ была провозглашена анафема. Имя Гонорія не было упомянуто римскими соборами, каковое обстоятельство знаменательно доказываетъ, что, желая пощадить его память, они однако же не одобряли того участія, которое онъ принималъ въ спорѣ. Іоаннъ IV, въ своемъ посланіи къ Константину, сыну Ираклія, старался очистить своего предшественника на томъ основаніи, что онъ имѣлъ въ виду отрицать только существованіе двухъ *противныхъ* волей въ Спасителѣ, „насколько въ Его человѣчествѣ воля не повреждена, какъ это въ нашемъ естествѣ“ [2]), и Максимъ, въ своемъ собесѣдованіи съ Пирромъ, не хотѣлъ дать монофелитамъ возможности воспользоваться авторитетомъ римскаго епископа. Но вселенскій соборъ изслѣдовавъ посланіе Гонорія, объявилъ, что „во всѣхъ предметахъ онъ слѣдовалъ мнѣніямъ Сергія и одобрялъ его нечестивое ученіе“, и монофелитскій папа былъ подвергнутъ той же анафемѣ [3]).

---

[1]) Hard. iii, 1166, 1175, 1182, 1198, 1327—8, 1413.

[2]) Hard., iii, 1374—8. Руфинъ разсказываетъ, что знаменитый инокъ Макарій старшій опровергъ однажды еретика воскрешеніемъ мертвеца къ жизни (Hist. Monach., 28, въ Patrol. xxi). Макарій антіохійскій, Полихроній и др. были отправлены въ Римъ, гдѣ двое изъ нихъ отказались отъ своихъ мнѣній и были разрѣшены Львомъ II; но другіе за свое упорство были заключены въ монастырь. Anastas. de Leone II (Patrol. cxxviii, 847).

Опредѣленія собора были утверждены императоромъ, и назначены строгія наказанія тѣмъ, которые будутъ противиться имъ. Папа Агафонъ умеръ въ январѣ 682 года, когда его легаты еще были въ Константинополѣ, но его преемникъ, Левъ II, ревностно старался о признаніи собора церквами Запада. Въ письмахъ къ императору, испанскимъ епископамъ и другимъ, Левъ выражалъ свое одобреніе осужденію Гонорія на томъ основаніи, что этотъ папа, вмѣсто „очищенія апостольской церкви ученіемъ апостольскаго преданія“, „попустилъ осквернить ея непорочность святотатственной измѣной вѣры“ [4]).

Послѣдніе два вселенскіе собора, въ отличіе отъ прежнихъ, ограничивались предметами вѣры и не постановляли никакихъ каноновъ касательно другихъ предметовъ. Съ цѣлью восполнить этотъ недостатокъ, Юстиніанъ II, наслѣдовавшій въ 685 году своему отцу, Константину Погонату, созвалъ новый соборъ, который извѣстенъ подъ названіемъ Трулльскаго, вслѣдствіе засѣданія его въ той самой сводообразной палатѣ, гдѣ засѣдалъ и вселенскій соборъ, а также подъ названіемъ пято-шестаго, такъ какъ онъ былъ дополненіемъ къ пятому и шестому соборамъ. [5]) Его сто-два канона были подписаны императоромъ и четырьмя восточными патріархами, и немедленно послѣ императорской подписи оставлено было мѣсто для подписи Сергія, епископа римскаго. Не видно, чтобы Сергій получалъ приглашеніе отправить особыхъ уполномоченныхъ на соборъ: акты собора подписали его два обычныхъ уполномоченныхъ въ Константинополѣ, и Василій, митрополитъ гортинскій, съ острова Крита, по его заявленію, подписался въ качествѣ представителя „всего собора римской церкви“ [1]). Но среди этихъ каноновъ было шесть такихъ, которые возбудили неудовольствіе папы, такъ какъ противорѣчили правамъ или обычаямъ его церкви. Второй канонъ, исчисляя прежніе каноны, подлежавшіе *исключительному* соблюденію, придалъ названіе апостольскихъ 85-ти канонамъ, между тѣмъ какъ Римъ допускалъ только 50, и въ немъ опущены были многіе такіе соборы, которые пользовались авторитетомъ на западѣ, вмѣстѣ со всѣмъ собраніемъ папскихъ декреталій. Тринадцатымъ канономъ позволялось тѣмъ изъ духовенства, которые вступили въ бракъ до своего рукоположенія въ качествѣ иподіаконовъ, продолжать свое сожительство съ женами [2]). Тридцать-шестымъ канономъ подтверждались опредѣленія 2-го и 4-го вселенскихъ соборовъ касательно преимущества каѳедры Константинопольской. Пятьдесятъ пятымъ постановлялось, что „апостольское“ правило, которымъ запрещался постъ по субботамъ, исключая кануна Пасхи, должно быть распространено и на Римъ, гдѣ всѣ субботы Великаго поста дотолѣ считались постными днями. Шестьдесятъ седьмымъ канономъ запрещалось яденіе крови. Въ восемьдесятъ второмъ предписывалось, чтобы Спаситель былъ изображаемъ въ своемъ человѣческомъ образѣ, а не подъ символическимъ образомъ агнца. Вопреки римскимъ обычаямъ, въ тринадцатомъ и пятьдесятъ пятомъ канонахъ выразительно заявлялось, что они дѣйствительно направлены противъ этихъ обычаевъ, и требовали оставленія ихъ римскою церковью; восточные епископы, какъ и въ Халкидонѣ, видимо хотѣли умѣрить торжество Рима въ послѣднемъ догматическомъ спорѣ такимъ законоположеніемъ въ другихъ отношеніяхъ, которое бы нѣкоторымъ образомъ подрывало кредитъ папы, и признаніе этихъ каноновъ только Востокомъ, гдѣ они были приводимы какъ дѣяніе 6-го вселенскаго собора, было первымъ явнымъ шагомъ къ раздѣленію греческой и латинской церквей.

---

[1]) Hard., III, 1400.

[2]) Hard., III, 611.

[3]) Hard. III, 1331—4. Въ исповѣданіи вѣры, требующемся отъ папы, согласно съ liber diurnus, вставлено и осужденіе Гонорія (Patrol. CV, 55).

[4]) Hard. III, 1476.

[5]) Наиболѣе вѣроятное время его 691 годъ; но нѣкоторые относятъ къ 692-му, другіе къ 686-му, а Гардуинъ къ 706 году.

Получивъ эти каноны, Сергій объявилъ, что онъ скорѣе умретъ, чѣмъ согласится признать ихъ. Тогда протоспатарію Захарію было поручено арестовать его и отправить въ Константинополь. Но возстаніе народа и даже войска, больше придававшаго значенія епископу

---

[1]) Hard. III, 1697.

[2]) Съ этого времени епископы греческой церкви стали избираться изъ монашествующихъ лицъ.

Рима, чѣмъ своему отдаленному государю, принудили Захарія въ униженномъ страхѣ искать защиты у того самаго папы, котораго онъ намѣревался арестовать. Около того же самаго времени порочность Юстиніана, чрезмѣрные налоги, требовавшіеся для удовлетворенія его расходовъ, и жестокости, совершавшіяся отъ его имени гое министрами, евнухомъ Стефаномъ и монахомъ Θеодосіемъ, 695 г. повели къ мятежу, во во время котораго былъ возведенъ на императорскій престолъ полководецъ, по имени Леонтій. Изъ уваженія къ памяти Константина Погоната, Леонтій пощадилъ жизнь Юстиніана; но у низложеннаго императора былъ отрѣзанъ носъ (обычное уродованіе на Востокѣ), и затѣмъ онъ былъ отправленъ въ ссылку, въ негостепріимный Херсонесъ [1]).

Леонтій послѣ трехлѣтняго царствованія былъ низложенъ Тиверіемъ Апсимаромъ и заключенъ въ монастырь. Херсонесцы, опасаясь, чтобы планы, открыто составлявшіеся Юстиніаномъ, съ цѣлью возвращенія себѣ престола, не навлекли на нихъ подозрѣній и гнѣва новаго императора, рѣшились предать изгнанника смерти, или отправить его въ Константинополь; но онъ узналъ объ этомъ намѣреніи 705 г. и искалъ убѣжища среди хазаровъ Украйны, гдѣ и женился на сестрѣ царствующаго князя. Даже среди этихъ отдаленныхъ варваровъ, однако же, онъ чувствовалъ себя не въ безопасности со стороны Апсимара, и въ этомъ отчаянномъ положеніи рѣшился сдѣлать попытку осуществить свой планъ, который, повидимому, онъ было уже оставилъ. Во время переѣзда чрезъ Эвксинское море его застигла сильная буря, и его спутники увѣщевали его, для избавленія отъ угрожающей опасности, дать обѣщаніе, что по возстановленіи своемъ на императорскій престолъ, онъ проститъ всѣхъ своихъ враговъ. „Пусть Господь утопитъ меня здѣсь“, отвѣчалъ онъ, „если я пощажу хотя одного изъ нихъ!“ И когда его смѣлое предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ, то эту клятву онъ исполнилъ съ ужасною точностью. Леонтій былъ выведенъ изъ монастыря и вмѣстѣ съ Апсимаромъ оба они были положены въ циркѣ, и императоръ, смотря на игры, опирался своими ногами на шеи своихъ павшихъ соперниковъ, причемъ толпа выкрикивала слова XC-таго псалма: „попирать будешь льва и дракона“. Оба они затѣмъ были влачимы по улицамъ города и наконецъ обезглавлены. Всѣ принимавшіе участіе въ изгнаніи Юстиніана подверглись немилосердному наказанію; многіе изъ нихъ завязаны были въ мѣшки и брошены въ море. Патріархъ Каллиникъ, который вынужденъ былъ угнетеніемъ тирана благосклонно относиться къ возмущенію Леонтія, былъ лишенъ глазъ и носа и изгнанъ въ Римъ. По нѣкоторой, неизвѣстной причинѣ, Феликсъ, архіепископъ равеннскій, былъ ослѣпленъ, низложенъ и отправленъ въ ссылку въ Понтъ, и Константинъ римскій, (послѣдній изъ семи греческихъ бѣглецовъ отъ магометанскихъ завоеваній, которые послѣдовательно занимали каѳедру Рима) могъ вполнѣ трепетать, когда въ 710 году онъ былъ вызванъ въ Константинополь. Быть можетъ Юстиніанъ требовалъ присутствія папы съ цѣлью приведенія въ исполненіе опредѣленій Труллькаго собора на Западѣ; быть можетъ, также онъ хотѣлъ обезпечить свой собственный авторитетъ въ Италіи противъ повторенія тѣхъ сценъ, которыя происходили въ папствованіе Сергія. Но готовность и мужественное послушаніе Константина, повидимому, обезоружили тирана. Юстиніанъ принялъ папу какъ равнаго себѣ; разсказываютъ даже, что при первой встрѣчѣ онъ палъ ницъ и поцѣловалъ его ноги [1], и Константинъ возвратился домой съ подтвержденіемъ всѣхъ привилегій своей церкви. Предполагаютъ, что эти милости были получены не безъ согласія папы на каноны пято-шестаго собора, насколько они не противорѣчили прямо римскимъ преданіямъ.

---

[1]) Theophan. 562—6.

Злоупотребленія Юстиніана своей возвращенной имъ властью повели его подданныхъ къ новому возстанію, начавшемуся мятежомъ херсонесцевъ, которымъ онъ намѣревался отмстить примѣрною жестокостью за то измѣнничество, которое они намѣревались совершить противъ него во время его изгнанничества. Въ 711 году онъ былъ опять низложенъ и преданъ смерти. Его младшій сынъ Тиверій, коронованный въ качествѣ августа, бѣжалъ въ церковь Влахернскую, повѣсилъ себѣ на шею самыя священныя вещи, и ухватился одною рукою за престолъ, а другою—за крестъ; но предводитель мятежниковъ преслѣдовалъ его и внутри святилища, вырвалъ у него крестъ, надѣлъ святыню на свою собственную шею и потащилъ мальчика къ дверямъ церкви, гдѣ онъ и былъ немедленно убитъ. Такъ закончилась династія Ираклія почти чрезъ 100 лѣтъ послѣ восшествія на престолъ ея основателя [2]).

На императорскій престолъ, вслѣдствіе этой революціи, взошелъ искатель приключеній, по имени Варданъ, который, по своемъ восшествіи, принялъ имя Филиппика. Варданъ происходилъ изъ моноѳелитскаго рода, и его раннія впечатлѣнія въ пользу этой ереси были укрѣплены въ немъ уроками Стефана, сообщника Макарія антіохійскаго. Разсказываютъ, что за много лѣтъ предъ тѣмъ ему предсказано было однимъ пустынникомъ, что онъ нѣкогда будетъ императоромъ, и что онъ далъ обѣтъ, въ случаѣ исполненія этого пророчества, отмѣнить 6-ой вселенскій соборъ [1]). Онъ отказался вступить во дворецъ константинопольскій, пока не было удалено изображеніе этого собора, публично сжегъ подлинную копію его актовъ, приказалъ имена Гонорія, Сергія и другихъ осужденныхъ лицъ внести въ диптихи, низложилъ православнаго патріарха Кира, и потребовалъ отъ епископовъ подписи моноѳелитскаго символа. Повелѣніе это вообще было исполнено на востокѣ, но въ Римѣ его встрѣтили иначе. Папа Константинъ отказался принять его, народъ не позволялъ упоминать императора за богослуженіемъ и допускать его портрета въ церковь, гдѣ вмѣсто него было повѣшено изображеніе 6-го собора, и по прибытіи новоназначеннаго главнокомандующаго изъ Константинополя произошелъ мятежъ, который былъ утишенъ только вмѣшательствомъ папы въ пользу властей. Филиппикъ, послѣ полуторагодичнаго царствованія, въ теченіе котораго онъ предавался 713 г. всякимъ излишествамъ и распутству, былъ низложенъ и ослѣпленъ. Его преемникъ, Анастасій, былъ православный, и Іоаннъ, самовольно посаженный на патріархатъ константинопольскій по низложеніи Кира, теперь добивался общенія съ Римомъ, заявляя, что онъ всегда былъ православнымъ въ сердцѣ, и что его соглашеніе съ послѣднимъ еретическимъ правительствомъ возникло изъ желанія воспрепятствовать назначенію дѣйствительнаго моноѳелита. Отвѣтъ папы неизвѣстенъ; но въ 715 году Іоаннъ былъ лишенъ сана, и на патріаршую каѳедру былъ назначенъ Германъ, епископъ кизикійскій. Анастасій былъ низложенъ въ 716 году Ѳеодосіемъ III, а Ѳеодосій въ слѣдующемъ году—Львомъ Исавряниномъ, къ царствованію котораго относится начало новаго важнаго спора.

---

[1]) Anastas. 153. Деканъ Мильманъ считаетъ это, однако же, западнымъ вымысломъ. II, 85.

[2]) Nic. Cpol. 31. Theophan., 583.

Готовность, съ которою указъ Филиппика былъ принятъ восточными епископами и духовенствомъ, можно считать не только знакомъ ихъ раболѣпства, но и указаніемъ на то, что моноѳелитская партія въ то время обладала значительной силой. Общественное исповѣданіе моноѳелитства однако же скоро исчезло, и его единственными приверженцами сдѣлалась маронитская община въ Сиріи. Монастырь, посвященный святому, по имени Марону [2]), стоялъ между Апамеей и Емесой уже въ VI столѣтіи, и въ концѣ VII-го онъ находился подъ управленіемъ другаго Марона, умершаго въ 701 году. Названіе маронитовъ, первоначально принадлежавшее членамъ этого монастыря, постепенно распространилось на всѣхъ жителей округа Ливанскаго, населеніе котораго состояло главнымъ образомъ изъ лицъ, бѣжавшихъ отъ сарацинскаго завоеванія. Среди нихъ удерживались монофелитскія мнѣнія, и въ то время, какъ другія христіанскія общины Сиріи имѣли каждая свою политическую привязанность, причемъ іаковиты держались магометанскихъ завоевателей, а православные (или мелхиты) императора, марониты сохраняли свою независимость вмѣстѣ съ своимъ своеобразнымъ ученіемъ и при преемникахъ Марона, которые называли себя патріархами Антіохіи. Такъ эта община продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока въ вѣкъ крестовыхъ 1182 г. походовъ она не подчинилась латинскому патріарху Антіохіи и не присоединилась къ римской церкви [1]), которая въ позднѣйшія времена обязана была маронитамъ многими учеными лицами [2]).

---

[1]) Theophan., 581.

[2]) См. *Theodor*. Hist. Relig., 10. Прокопій упоминаетъ, что Юстиніанъ I исправилъ монастырскую стѣну. De Aedif. V, 9.

ГЛАВА XXV.

Западная церковь отъ смерти Григорія Великаго до папы Григорія II, 604—715 г.

I.

Отношенія папства къ имперіи, въ теченіе періода между первымъ и вторымъ Григоріями, въ нѣкоторой степени выяснились уже изъ предшествующей главы.

Монофелитскій споръ на время ослабилъ вліяніе Рима, какъ вслѣдствіе ошибки Гонорія, который благопріятствовалъ еретической партіи, такъ и вслѣдствіе столкновенія между папствомъ и императорскою властью. Но хотя Мартинъ сильно пострадалъ лично за свои дѣйствія на соборѣ Латеранскомъ, эти дѣйствія (собраніе такого собора безъ соизволенія императора и смѣлое осужденіе его церковныхъ мѣръ) оставались важными шагами въ развитіи папскихъ притязаній, и въ непродолжительномъ времени авторитетъ римскаго имени былъ вновь возстановленъ 6-мъ вселенскимъ соборомъ [3]). На этомъ соборѣ титулъ вселенскаго епископа, который Григорій не только порицалъ въ другихъ, но отвергалъ и въ отношеніи къ себѣ, былъ присвоенъ Агафону его представителями [4]), и отселѣ епископы Рима стали постоянно употреблять его [5]).

Агафонъ добился отъ Константина Погоната уменьшенія суммы, платимой императору при назначеніи папы [1]), и тотъ же императоръ соизволилъ Бенедикту II, чтобы, съ цѣлью избѣгнуть повторенія тѣхъ неудобствъ, которыя были чувствуемы вслѣдствіе необходимости ожиданія императорскаго утвержденія, папа былъ посвящаемъ немедленно послѣ его избранія. Однако же утвержденіе свѣтскою властью все еще считалось необходимымъ для занятія каѳедры ап. Петра, и спорные выборы давали экзархамъ Равенны много случаевъ вмѣшиваться въ дѣла римскихъ епископовъ, если даже указъ о немедленномъ посвященіи папы не означалъ лишь то, что должно быть считаемо достаточнымъ утвержденіе экзарха, такъ что не требовалось непремѣнно представлять дѣло въ Константинополь.

---

[1]) Ихъ тогда было около 40,000 душъ.

[2]) Изъ нихъ самыми знаменитыми были Ассеманны. Они и другіе марониты пытались очистить своихъ предковъ отъ обвиненія въ монофелитствѣ, но безуспѣшно. См. Herzog, статья Maroniten.

[3]) Walch, ix, 292; Giesel., i, ii, 487.

[4]) Hard., iii, 1424—6.

[5]) Онъ встрѣчается въ исповѣданіи вѣры, сдѣланномъ епископомъ согласно съ liber diurnus около 682—5 г. C. iii, tit. 6 (Patrol. cv); Giesel., i, ii, 487.

Политическое вліяніе папы возрастало по мѣрѣ того, какъ императоры были вынуждаемы, въ виду наступленія сарацинъ, сосредоточивать свою силу для защиты своихъ восточныхъ владѣній и предоставлять епископамъ Рима заботу принимать мѣры защиты противъ ломбардовъ. Папы теперь обладали своими собственными крѣпостями и время отъ времени возстановляли стѣны Рима. Итальянцы начали относиться къ нимъ съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ государямъ Константинополя, и такіе случаи, какъ возстаніе солдатъ противъ попытки увезти Сергія, подобное же возстаніе въ папствованіе Іоанна VI [2]), и отказъ римлянъ признать власть Филиппика были знаменательными признаками того вліянія, какое римскіе епископы пріобрѣли себѣ въ своемъ городѣ.

Опустошеніе церквей Палестины сарацинами и удаленіе патріарховъ изъ Антіохіи и Іерусалима, съ цѣлью пользоваться титулярнымъ достоинствомъ въ предѣлахъ имперіи, дало папамъ предлогъ къ новому вмѣшательству въ дѣла Востока. Одинъ епископъ Іоппіи взялъ на себя смѣлость, быть можетъ съ императорскаго соизволенія, заполнить нѣкоторыя вакантныя каѳедры. Въ противоположность ему, Ѳеодоръ римскій поручалъ Стефану, епископу дорскому, имя котораго встрѣчалось въ исторіи моноѳелитскаго спора [3]), дѣйствовать въ качествѣ своего намѣстника въ Святой Землѣ. Исполненіе этого порученія встрѣтило противодѣйствіе со стороны патріарховъ Александріи и Антіохіи; но подобныя порученія впослѣдствіи были даваемы и другими папами, хотя и неизвѣстно, чтобы они сопровождались какимъ либо успѣхомъ [4]).

Разногласіе между папами и дворомъ дали смѣлость архіепископамъ Равенны заявить притязаніе на независимость, которую они основывали на восточномъ принципѣ, что гражданская важность ихъ города давала имъ право на такое церковное достоинство. Притязаніе это причинило значительное затрудненіе папамъ, но наконецъ было улажено въ 683 году Львомъ II, который получилъ императорскій приказъ, чтобы архіепископъ равеннскій за посвященіемъ отправлялся въ Римъ[1]). Расколъ истрійскій, возникшій изъ спора о „трехъ главахъ“ въ половинѣ VI столѣтія, былъ послѣ многихъ временныхъ приспособленій окончательно исцѣленъ Сергіемъ въ 698 году [2]). Но въ Ломбардскомъ королевствѣ, хотя православіе и было установлено съ царствованія Гримоальда, церковь все еще оставалась независимой отъ Рима, и отношенія ломбардовъ къ папству вообще не были какого либо сердечнаго или удовлетворительнаго свойства. 662—71 г.

---

[1]) „Relevata est quantitas“, говоритъ Анастасій (144), каковое выраженіе можетъ означать или то, что плата была уменьшена, или, что она была совсѣмъ отмѣнена.

[2]) Въ 701 году. Anastas., 151.

[3]) См. предшествующую главу.

[4]) Hard., III, 639, 642, 717; Baron. 643, 13; Walch, IX, 214; Giesel., I, II, 487—8; Hefele, III, 207.

II. Исторія испанской церкви, въ теченіе столѣтія послѣ ея отреченія отъ аріанства, состоитъ главнымъ образомъ въ лѣтописяхъ ея соборовъ. Эти соборы не ограничивались устроеніемъ церковныхъ дѣлъ, а принимали также дѣятельное участіе и въ дѣлахъ государства. Такъ какъ государи избирались, то голосъ епископовъ былъ вліятельнымъ при выборѣ королей, и короли, которые со времени Рекареда были торжественно коронуемы главными пастырями церкви естественно старались упрочить свой престолъ поддержкою духовенства. Отсюда епископы пріобрѣли весьма большое политическое значеніе: имъ поручался надзоръ не только надъ отправленіемъ правосудія, но и надъ сборомъ пошлинъ. Вслѣдствіе такого отношенія между церковною и гражданскою властями, церковь сдѣлалась національною, и связь съ Римомъ, въ которой православные епископы сначала находили средства для пріобрѣтенія вліянія и силы, съ теченіемъ времени, постепенно ослабѣла. Хотя Григорій и предоставилъ палліумъ своему другу Леандру, епископу севильскому, но о его прибытіи въ Испанію ничего неизвѣстно; позднѣйшіе епископы Севильи повидимому не обращались за своимъ утвержденіемъ въ Римъ, и приматство Испаніи перенесено было королевскою властью изъ этого города въ столицу Толедо.

Самыми знаменитыми лицами испанской церкви въ теченіе этого времени были Исидоръ, епископъ севильскій (Hispalensis) и Ильдефонсо (или Альфонсо), епископъ толедскій. Исидоръ, братъ и преемникъ Леандра, занималъ свою каѳедру съ 595—636 г. и былъ плодовитымъ писателемъ. Его произведенія, весьма разнообразныя по характеру, представляютъ собою мало что больше, чѣмъ компиляціи, и имѣютъ значеніе главнымъ образомъ благодаря тѣмъ отрывкамъ изъ древнихъ сочиненій, которые сохранены въ нихъ. Но передъ его ученостью и дарованіями въ его время благоговѣли, какъ предъ необычайными, и слава его впослѣдствіи сдѣлалась такою, что въ ix столѣтіи его именемъ воспользовались для того, чтобы придать вѣроятность знаменитымъ подложнымъ декреталіямъ 1). Ильдефонсо, занимавшій каѳедру толедскую въ срединѣ vii столѣтія, извѣстенъ тѣмъ, что онъ отстаивалъ приснодѣвство Богоматери. Его усердіе въ этомъ отношеніи, по преданію, удостоилось высокой награды явленія ея въ ослѣпительномъ блескѣ надъ престоломъ его собора, когда она подарила ему великолѣпное одѣяніе для ношенія при совершеніи евхаристіи въ богородичные праздники 2).

---

[1]) Anastas., 145.
[2]) Anastas., 150.

Въ первые годы viii столѣтія, король Витиза запретилъ аппелляціи къ Риму, разрѣшилъ браки духовенству и принялъ мѣры къ утвержденію собора, состоявшагося въ Толедо въ 710 году, и будто бы угрожалъ даже смертью тѣмъ изъ духовенства, которые бы 701—710 г. стали противодѣйствовать этимъ мѣрамъ. Этотъ государь описывается какъ чудовище нечестія, тиранніи и порока; но извѣстно, что тѣневыя стороны его репутаціи выступаютъ сильнѣе у позднѣйшихъ писателей, чѣмъ у тѣхъ, которые жили ближе къ его времени, и предполагаютъ, что онъ возстановленіемъ свободы брака, которая всегда существовала въ теченіи аріанскаго періода испанской церкви 3), могъ имѣть въ виду, только устраненіе повторенія жалобъ на безнравственность духовенства. Но каковы бы ни были его побужденія или подробности его дѣйствій, результаты ихъ скоро уничтожены были арабскимъ завоеваніемъ Испаніи, которое повело къ низверженію съ престола его преемника, Родерика. Только горцы сѣвера, вмѣстѣ съ христі- 710—711 г. анствомъ, сохранили свою независимость. Христіане, подпавшіе магометанскому владычеству, подвергались столь же унизительному обращенію въ Испаніи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, и въ своемъ угнетенномъ состояніи они рады были опять искать помощи и поддержки со стороны каѳедры Рима.

III. Во Франціи безпорядки этого времени содѣйствовали ослабленію связи церкви съ Римомъ. Возникавшія тамъ распри по не-

---

1) Что касается Исидора, см. *Arevalo*, Isidoriana, I, 22 (Patrol, lxxxi); Acta SS. Apr. 4; Mariana, I, 316—19. См. собраніе свидѣтельствъ въ его честь, Patrol. lxxxi, 198—205; lxxxii, 65—70. О лже-исидоровскихъ декреталіяхъ сказано будетъ послѣ.

2) Acta SS. Jan, 23, p. 150.

3) См. Giesel., i, ii, 495, 497. По одному ходячему разсказу, онъ будто бы допускалъ магометанскую свободу въ отношеніи брака какъ для духовенства, такъ и для мірянъ. См. Pseudo-Liutprand. Chron. 174, 181 (Patrol. cvxxxi).

обходимости рѣшались на мѣстѣ, и между папствованіемъ перваго и втораго Григоріевъ почти нѣтъ и слѣдовъ сношенія съ папской каѳедрой [1]). Тѣ же самыя смуты, которыя привели къ этому результату, содѣйствовали общему упадку дисциплины, какъ среди духовенства, такъ и въ монастыряхъ. Когда лица изъ среды побѣдителей начали добиваться преимуществъ и достоинствъ церкви (каковая перемѣна отмѣчается замѣной тевтонскихъ именъ римскими въ спискахъ епископовъ отъ VII столѣтія), то они принесли съ собою многое изъ свойственной имъ грубости, такъ что начали становиться необходимыми даже особые каноны съ запрещеніемъ охоты и битвъ со стороны прелатовъ.

Въ то же самое время постоянно увеличивались богатства и гражданское вліяніе, которыми такія лица и были привлекаемы въ ряды духовенства. Церкви и монастыри государи надѣляли большими подарками землей и деньгами, то изъ чувства благочестія, то съ цѣлью пріобрѣтенія снисходительности къ своимъ порочнымъ страстямъ. Такъ, Дагобертъ, послѣдній Меровингъ, обладавшій какой-либо энергіей характера, по совѣту св. Елигія, своего управителя монетнымъ дворомъ 628—38 г. расширилъ небольшую часовню св. Діонисія близь Парижа, превративъ ее въ великолѣпный монастырь, который онъ снабдилъ драгоцѣнными украшеніями, дѣломъ благочестиваго золотыхъ дѣлъ мастера, и одарилъ его большими имѣніями, частью взятыми изъ доходовъ другихъ религіозныхъ учрежденій. Этотъ государь, „подобно Соломону“, говоритъ Фредегаръ, „имѣлъ три королевы и множество наложницъ“, и лѣтописецъ, повидимому, считаетъ еще вопросомъ, могла ли его щедрость церкви съ достаточностью покрыть его грѣхи [2]). Другой писатель однако же не только говоритъ безъ всякаго сомнѣнія объ этомъ предметѣ, но и ясно даетъ заключительныя свѣденія касательно судьбы Дагоберта. Одинъ отшельникъ на островѣ Средиземнаго моря получилъ повелѣніе въ видѣніи молиться за душу франкскаго короля. Затѣмъ онъ увидѣлъ Дагоберта въ цѣпяхъ, увлекаемаго толпой бѣсовъ, которые хотѣли бросить его въ вулканъ, но его вопли къ св. Діонисію, св. Михаилу, св. Мартину привели ему на помощь трехъ достопочтенныхъ и славныхъ лицъ, которыя отогнали діаволовъ и съ пѣснями торжества отвели избавленную душу въ лоно Авраамово [3]),

При возсоединеніи монархіи при отцѣ Дагоберта, Клотарѣ II, епископы созваны были на собраніе *левдовъ* (leudes), и 79 изъ нихъ явились на соборъ. Законы, постановленные съ совмѣстнаго согла-

---

[1]) Guizot, II, 167.

[2]) Fredeg. Chron. c. 60 (Patrol. LXXI).

[3]) Gesta Dagob. cc. 23—44. Разсказъ этотъ изображенъ на прекрасномъ памятникѣ Дагоберта, воздвигнутомъ въ Сенъ-Дени Людовикомъ Благочестивымъ.

614 г. сія духовной и гражданской аристократіи, обнаруживаютъ слѣды церковнаго вліянія не только въ возвышеніи привилегій духовенства, но и въ проникающемъ ихъ гуманномъ духѣ. Съ того времени епископы, повидимому, принимали серьозное участіе въ политическихъ дѣлахъ. Благочестивые подвижники сдѣлались предметомъ общаго благоговѣнія. Суровость ихъ жизни пріобрѣтала имъ уваженіе и власть, хотя этою властью злоупотребляли въ грубыхъ распряхъ того вѣка. Въ видѣ примѣра, можно упомянуть объ одномъ изъ наиболѣе знаменитыхъ изъ этихъ подвижниковъ Леодегарѣ (или Лежерѣ), епископѣ аутунскомъ[1]). Леодегаръ произошелъ или, по крайней мѣрѣ, находился въ связи съ самыми могущественными домами франкской знати. Онъ пользовался большимъ довѣріемъ Батильды, благочестивой англосаксонки, которая
670 г. изъ положенія плѣнницы возвысилась до положенія королевы Кловиса II и правительницы Невстріи, и благодаря ея содѣйствію, онъ былъ возведенъ съ аббатства св. Максента на каѳедру аутунскую. Онъ славился суровостью своей жизни, своими частыми молитвами, своимъ проповѣдническимъ краснорѣчіемъ, своею щедростью бѣднымъ и церкви, и дѣятельнымъ отправленіемъ епископской должности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ политическимъ главою могущественной партіи знати, поставлялъ и ниспровергалъ королей, и если въ дѣйствительности не носилъ титула майордома, то во всякомъ случаѣ въ теченіи нѣкотораго времени имѣлъ власть майордомства въ невстробургундскомъ королевствѣ [2]). Послѣ различныхъ превратностей судьбы, Леодегаръ впалъ въ руки своего соперника Еброина, который приказалъ выколоть ему глаза, каковую операцію онъ вынесъ съ полнымъ спокойствіемъ, распѣвая псалмы во время ея совершенія. Два года спустя, по приказанію Еброина, онъ былъ подвергнутъ мукамъ, у него отрѣзаны были губы, вырѣзанъ языкъ, и онъ влачимъ былъ по острымъ камнямъ съ такою жестокостью, что въ теченіе нѣкотораго времени не способенъ былъ даже стоять. Не смотря на потерю органа рѣчи, епископъ однако же былъ способенъ говорить, какъ и раньше. Его страданія и заслуги возбудили общее сочувствіе къ нему, и встревоженный Еброинъ рѣшилъ отдѣлаться отъ него при посредствѣ смерти. Созванъ былъ большой соборъ епископовъ, и Леодегаръ обвиненъ былъ предъ нимъ въ причастности къ смерти Хильдерика II, государя, который обязанъ былъ ему своимъ престоломъ, но впослѣдствіи заключилъ его въ монастырь Люксейльскій, и онъ преданъ былъ смерти партіей, въ связи съ которой находился заключенный епископъ. Леодегаръ твердо отрицалъ это

---

[1]) См. древнія жизнеописанія Урсина и др., Patrol. xcvi. Acta. SS. Oct. 2.
[2]) Acta SS. Oct. 2 pp. 381—5.

обвиненіе, и призывалъ Бога себѣ въ свидѣтели. Но его вина считалась несомнѣнной, одежда на немъвъ знакъ лишенія его сана была разорвана и не смотря на то, что вокругъ его головы, въ доказательство его невинности и святости, явился яркій свѣтъ, онъ по приказанію Еброина, былъ обезглавленъ. Леодегаръ былъ почитаемъ въ качествѣ мученика, и послѣ его смерти около него совершались многочисленныя чудеса. Среди его противниковъ было нѣсколько и такихъ, которые также включены были въ число святыхъ,—какъ напр. Дадонъ или Аудоенъ (Уенъ), епископъ руанскій, другъ и жизнеописатель св. Елигія, Преектъ клермонскій и Агильбертъ парижскій. Участіе Уена въ этой борьбѣ ознаменовалось замѣчательнымъ отвѣтомъ, который онъ далъ, когда съ нимъ совѣтывался Еброинъ: „помни о Фредегундѣ“,—слова, которыми, быть можетъ, имѣлось въ виду только внушить ему подражать рѣшительности этой знаменитой королевы, но которыя едва ли можно читать безъ мысли и о томъ беззастѣнчивомъ коварствѣ, съ которымъ она добивалась своихъ цѣлей. 678 г.

IV. Ирландская церковь, изъ которой отправились на миссіонерскіе труды Колумба въ сѣверной Британіи и Колумбанъ въ Галліи и Италіи, въ эти времена была обильна миссіонерами, о которыхъ не разъ будетъ говориться послѣ. Но ея внутренняя исторія, какъ она ни интересна для антикварнаго изслѣдователя, представляетъ лишь мало того, что могло бы найти мѣсто собственно въ церковной исторіи. Достаточно упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ особенностяхъ въ управленіи, которыя не только бросаютъ свѣтъ на состояніе ирландской церкви, но служатъ также къ объясненію „необычнаго установленія“ св. Колумбы въ Іонѣ, и равнымъ образомъ къ объясненію какъ обычности епископскаго сана среди ирландскаго миссіонерскаго духовенства, такъ и неправильности его дѣйствій.

Въ древней ирландской церкви признавалось, что власть рукоположенія принадлежитъ только епископамъ, но епископство было только личнымъ отличіемъ, не дававшимъ никакого права на мѣстную юрисдикцію. Число лицъ, которымъ оно могло быть дано, было безгранично, и, подобно хорепископамъ другихъ странъ, они были посвящаемы однимъ епископомъ. Положеніе ирландскихъ епископовъ поэтому было весьма отличнымъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ, отъ положенія епископовъ въ другихъ мѣстахъ. Что касается сана, то повидимому не только аббаты, но даже и анахореты и чтецы церкви занимали мѣсто выше ихъ. Попеченіе о церковной собственности съ самаго древняго времени поручалось особымъ должностнымъ лицамъ, называвшимся *еренахами*, и, вслѣдствіе замѣчательнаго отступленія отъ обычнаго порядка въ церкви, духовное управленіе иногда находилось въ рукахъ класса лицъ, которыя, какъ наслѣдовавшія въ управленіи церквей знаменитымъ древнимъ миссіонерамъ, были называемы ихъ *коарбами* (то есть, преемниками). Эти коарбы занимали положеніе, которое первоначально занимаемо было аббатами, и въ то время, какъ нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ епископскому сану, большинство были пресвитерами. Должность еренаха не передавалась отъ отца къ сыну, но, согласно съ системой *танистріи* (наслѣдства), танистъ или преемникъ избирался еще при жизни каждаго изъ нихъ. Достоинство коарба не ограничивалось первоначально отдѣльными семействами; но съ x столѣтія оно повидимому по большей части сдѣлалось наслѣдственнымъ, переходя отъ умершаго должностнаго лица къ его брату, его племяннику, или (такъ какъ бракъ духовенства былъ обычнымъ дѣломъ въ ирландской церкви) къ его сыну. Еренахи брались первоначально изъ рядовъ духовенства, но должность эта постепенно перешла въ руки мірянъ, и наконецъ (вѣроятно вслѣдствіе датскихъ нашествій въ x столѣтіи, когда способность защищать церковныя владѣнія сдѣлалась главнымъ условіемъ для церковнаго управленія) міряне были допускаемы также и въ должность коарбовъ, такъ что, какъ видно изъ жалобы св. Бернарда, церковь армагская послѣдовательно находилась въ рукахъ восьми мірянъ [1]), и иногда встрѣчаются даже примѣры женскихъ коарбовъ.

V. Ранняя исторія христіанства въ различныхъ англосаксонскихъ королевствахъ отличается большимъ сходствомъ обстоятельствъ. Миссіонеры встрѣчаютъ дружественный пріемъ. Король, послѣ нѣкотораго колебанія, обращается въ христіанство, но его преемники отпадаютъ въ язычество, пока, спустя нѣкоторое время, престолъ не занимается государемъ, который постигаетъ истины Евангелія въ изгнаніи, и исповѣданіе вѣры возстановляется. Брачныя связи оказываютъ то же самое вліяніе на распространеніе религіи, какое раньше мы видѣли среди варварскихъ завоевателей Галліи, Испаніи и Италіи. Среди тѣхъ данныхъ, которыя служили къ водворенію Евангелія, часто встрѣчаются разсказы о чудесахъ и нерѣдко аргументъ чисто гражданскаго свойства,—именно опытъ безплодности служенія языческимъ божествамъ и естественный выводъ, что они не имѣютъ силы дѣлать благодѣяніе или наказывать [2]).

Въ обращеніи англосаксонцевъ дѣйствовали двѣ соперничествующія силы, именно сила ирландской или шотландской и сила римской партіи. О нѣкоторыхъ разностяхъ въ обычаяхъ между римскими миссіонерами и туземнымъ духовенствомъ было уже упомянуто выше, и между ними указано было различіе касательно времени празднованія Пасхи, происшедшее вслѣдствіе привязанности британцевъ къ кругу, который давно уже оставленъ былъ въ Римѣ. Другимъ предметомъ спора была форма тонсуры. Тонсура введена была не раньше, какъ съ распространеніемъ монашества, а среди западнаго духовенства она не была обычной до VI столѣтія. Но теперь стали приписывать гораздо болѣе древнее происхожденіе тому способу, который оспаривался въ Британіи. Римляне, остригавшіе вершину головы въ подражаніе терновому вѣнцу, производили свой обычай отъ ап. Петра [1]), между тѣмъ какъ постриженіе скоттовъ и ирландцевъ, выбривавшихъ передъ до ушей, въ видѣ полумѣсяца, они приписывали Симону Волхву,—каковое происхожденіе скотты, повидимому, и не оспаривали, такъ какъ главное значеніе они придавали добродѣтелямъ тѣхъ, кто употребляли ихъ форму тонсуры. О важности, которую ирландцы приписывали этимъ разностямъ, можно заключить изъ свидѣтельства Лаврентія, преемника Августина въ Кентербери, что одинъ ирландскій епископъ, по имени Даганъ, отказался, будучи въ Англіи, раздѣлить трапезу съ итальянскимъ духовенствомъ и даже ѣсть подъ одной и той же кровлей съ ними [2]). Гонорій и другіе епископы римскіе старались уладить эти разногласія особымъ посланіемъ епископамъ національной партіи. Имъ удалось склонить на свою сторону ирландцевъ и даже нѣкоторыхъ британцевъ, но сѣверные скотты упорно продолжали отстаивать свой обычай.

---

[1]) *Bern.* Vita Malach. 19.

[2]) См. напр. рѣчь нортумбрійскаго священника Коифи (Beda, v, 13). Этотъ аргументъ, однако же, могъ быть обращенъ также и противъ христіанства; такъ восточные саксонцы отпали отъ него во время одной язвы. Beda, III, 30.

Павлинъ, первый архіепископъ іоркскій, послѣ пораженія и смерти своего обращенца Едвина нортумбрійскаго, удалился въ Кентъ съ вдовой королевой Этельбургой, дочерью короля Этельберта, и провелъ послѣдніе годы своей жизни въ епископіи рочестерской, между тѣмъ какъ сѣверное королевство вновь отпало въ идолопоклонство. Освальдъ, взошедшій въ 635 году на нортумбрійскій престолъ, былъ обращенъ въ христіанство во время своего изгнанничества въ Шотландіи, и, приступивъ къ обращенію своихъ подданныхъ, естественно склонялся къ той самой церкви, отъ которой онъ и самъ получилъ свое познаніе христіанства. По его просьбѣ, изъ Іоны былъ присланъ епископъ; но этотъ миссіонеръ былъ человѣкъ суроваго характера и, послѣ краткаго опыта, удалился въ отчаяніи и гнѣвѣ на упорство нортумбрійцевъ. Отцы Іоны собрались на совѣщаніе, и онъ съ негодованіемъ разсказалъ имъ о неудачѣ своего предпріятія; но когда онъ кончилъ, одинъ изъ монаховъ скромнымъ тономъ заявилъ, что епископъ поступилъ не хорошо, и долженъ бы былъ снизойти къ грубости и невѣжеству тѣхъ,

633 г.

---

[1]) Greg- Turon. De Miraculis, I, 28.

[2]) Beda, II, 4.

къ которымъ онъ былъ посланъ. Собратья немедленно воскликнули, что говорящій (Айданъ) правъ, что предлагаемый имъ способъ есть самый истинный, и что онъ самъ есть наиболѣе подходящее лицо для исполненія предпріятія. Вслѣдствіе этого, онъ немедленно былъ посвященъ въ санъ епископа и былъ рекомендованъ Освальду, который предоставилъ ему въ жилище островъ Линдисфарнъ. Здѣсь Айданъ учредилъ систему, весьма близко похожую на систему Іоны, причемъ епископы, съ окружающимъ ихъ духовенствомъ, жили по монашескимъ правиламъ въ общинѣ, управляемой аббатомъ. Освальдъ ревностно содѣйствовалъ его трудамъ въ дѣлѣ распространенія Евангелія, и такъ какъ Айданъ былъ лишь недостаточно знакомъ съ мѣстнымъ языкомъ, то самъ король, изучившій кельтскій языкъ во время своего изгнанничества, когда епископъ предлагалъ свои религіозныя назиданія, часто дѣйствовалъ въ качествѣ переводчика [1]).

За поселеніемъ Айдана въ Линдисфарнѣ послѣдовало переселеніе многихъ шотландскихъ миссіонеровъ въ Англію. Беда, какъ онъ ни привязанъ былъ къ римлянамъ и какъ ни сильно противодѣйствовали ихъ особенностямъ, сердечно свидѣтельствуетъ о добродѣтеляхъ этого сѣвернаго духовенства, ихъ ревности, смиреніи, кротости и простотѣ, ихъ ревностномъ изученіи св. Писанія, отсутствіи всякаго себялюбія и алчности, честной смѣлости въ обращеніи съ сильными, нѣжности и человѣколюбіи къ бѣднымъ, и строгой и самоотверженной жизни. „Отсюда“, пишетъ онъ, съ прикровеннымъ намёкомъ на распущенность его времени, „въ эти дни религіозная одежда была содержима въ великомъ почтеніи, такъ что гдѣ бы ни являлось духовное лицо или монахъ, онъ былъ радостно принимаемъ всѣми какъ служитель Божій; даже если онъ былъ встрѣчаемъ на своемъ пути, народъ бѣжалъ къ нему, и съ наклоненными головами былъ радъ получить благословеніе отъ его руки или его устъ, и усердно внималъ словамъ его увѣщанія. И если случалось, что священникъ приходилъ въ какую либо деревню, то немедленно собирались жители и усердно внимали слову жизни“ [2]). О самомъ Айданѣ историкъ говоритъ, что онъ всячески старался исполнять все, что только ему извѣстно было о христіанскомъ долгѣ, и что даже въ пасхальномъ вопросѣ, находясь въ заблужденіи вслѣдствіе разногласія съ православными, онъ ревностно старался соединиться съ ними въ прославленіи великихъ событій нашего искупленія чрезъ страданіе, воскресеніе и вознесеніе Спасителя. Преемники Айдана были подобнаго же характера. Ими христіанство было распространено не только по Нортумбріи, но и другія королевства, какъ Мерція и Эссексъ, даже до сѣвернаго берега Темзы, были просвѣщены

---

[1]) Beda, ш, 3.

[2]) Beda, ш, 2, 4, 17, 26.

Евангеліемъ миссіонеровъ, получавшихъ свое посвященіе непосредственно или косвенно отъ обители св. Колумбы въ Іонѣ.

Но столкновеніе съ римской партіей было неизбѣжно. Освій, братъ и преемникъ Освальда, принявшій христіанство и крещенный въ Шотландіи, женился на дочери Эдвина нортумбрійскаго, по имени Эанфледѣ, которая, послѣ смерти своего отца, была увезена Павлиномъ въ Кентъ и тамъ воспитана среди родственниковъ ея матери. Королевская чета придерживалась обычаевъ своихъ различныхъ учителей и такимъ образомъ случалось, что когда Освій уже справлялъ Пасху, королева все еще занималась покаянными подвигами поста. Старшій сынъ и товарищъ короля Альтфридъ сильно держалъ сторону римскихъ воззрѣній, и изгналъ шотландскихъ монаховъ изъ монастыря въ Рипонѣ, съ цѣлью замѣнить ихъ римскими сторонниками, при Вильфридѣ, священникѣ нортумбрійскаго происхожденія, который, какъ недовольный обычаями Линдисфарна, былъ отправленъ подъ покровительствомъ Эанфледы въ Римъ, и возвратился въ свою страну съ ревностнымъ желаніемъ распространять обычаи римской церкви. Пасхальный вопросъ былъ обсуждаемъ на собраніи въ Стреанешалхѣ (Витбаѣ), въ присутствіи Освія и его сына. Со стороны скоттовъ явился Колманъ линдисфарнскій, съ нортумбрійцемъ Цеддомъ, который былъ посвященъ во епископа преемникомъ Айдана, Финаномъ, и содѣйствовали второму обращенію Эссекса, и они были поддерживаемы благоволеніемъ царственной и благочестивой аббатессы Гильды, въ монастырѣ которой состоялось собраніе. Съ другой стороны стоялъ Агелбертъ, урожденецъ Франціи, который учился въ Ирландіи и занималъ дорчестерскую каѳедру въ Эссексѣ, вмѣстѣ съ Вильфридомъ, котораго епископъ, подъ предлогомъ своей собственной неспособности бойко говорить на туземномъ языкѣ, выставилъ въ качествѣ поборника Рима. Вильфридъ доказывалъ правоту своего взгляда обычаями той церкви, въ которой жили и учили, пострадали и были погребены апп. Петръ и Павелъ. Ап. Іоаннъ, къ которому относила свой обычай другая сторона, соблюдалъ его, говорилъ онъ, изъ желанія избѣгнуть смущенія іудеевъ, но церкви, которыми управлялъ этотъ апостолъ, со времени собора Никейскаго слѣдовали римскому обычаю, и ни ап. Іоаннъ, ни даже основатель Іоны, если бы они были живы, не настаивали бы въ противоположность Риму на обычаѣ, который былъ соблюдаемъ только горстью незначительныхъ лицъ въ отдаленномъ уголкѣ земли. Когда Вильфридъ указалъ на обѣтованіе Спасителя даровать ап. Петру „ключи царства небеснаго“, то Освій спросилъ Колмана, дѣйствительно ли эти слова были сказаны апостолу. Епископъ отвѣтилъ утвердительно и сознался, въ отвѣтъ на дальнѣйшій вопросъ, что онъ не могъ при-

664 г.

вести такого же авторитета въ пользу святаго Колумбы. „Такъ я скажу вамъ“, сказалъ король, „что Петръ есть привратникъ, котораго я не хочу оскорблять, дабы въ случаѣ, если я сдѣлаю его моимъ врагомъ чрезъ неуваженіе къ его постановленіямъ, не оказалось, что некому будетъ отворить мнѣ дверь на небо“ [1]). Римская партія восторжествовала, и въ то время, какъ нѣкоторые изъ скоттовъ согласились принять римскій обычай, Колманъ и другіе удалились въ свою собственную страну [2]).

Оставленная такимъ образомъ епископія предоставлена была Тудѣ, который уже посвященъ былъ въ южной части Ирландіи, гдѣ водворены были римскіе обычаи, и когда Туда, менѣе чѣмъ черезъ годъ, умеръ отъ язвы, Вильфридъ былъ назначенъ ему въ преемники. Но этотъ ревностный поборникъ римскихъ обычаевъ предпочелъ получить свой санъ изъ Іорка, который Григорій Великій избралъ сѣдалищемъ архіепископа, чѣмъ получить его отъ шотландскаго учрежденія Линдисфарна, и такъ какъ епископы Англіи всѣ болѣе или менѣе имѣли шотландское и ирландское рукоположеніе, то онъ и не удовлетворился принятіемъ своего посвященія отъ ихъ рукъ. Вслѣдствіе этого, онъ отправился во Францію, гдѣ и былъ съ большою торжественностію посвященъ Агильбертомъ, въ то веме епископомъ парижскимъ, въ сослуженіи съ двѣнадцатью другими прелатами. При его возвращеніи въ Англію, судно, на которомъ онъ ѣхалъ, сѣло на мель на берегу Суссекса. Дикіе языческіе жители бросились грабить судно, предводимые жрецомъ, который, „подобно другому Валааму“, стоялъ на возвышенной мѣстности, произнося свои заклинанія и проклятія. Но жрецъ былъ убитъ камнемъ изъ пращи, матросы отразили три нападенія, и когда нападающіе готовились къ четвертому приступу, возвратившійся приливъ поднялъ судно, которое послѣ этого и прибыло благополучно въ Сандвичъ. Вильфридъ нашелъ, что его сомнѣнія касательно рукоположенія стоили ему дорого, потому что во время его отсутствія нортумбрійскій король передалъ его епископію Цеаддѣ (или Чаду), который былъ посвященъ въ Англіи и вступилъ на свою каѳедру. Поэтому Вильфридъ удалился въ свой рипонскій монастырь, гдѣ оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, за исключеніемъ того времени, когда онъ былъ приглашаемъ исполнять епископскія обязанности въ какомъ либо вакантномъ или необезпеченномъ діацезѣ.

Въ 664 году (томъ же самомъ году, въ которомъ происходило совѣщаніе въ Витбаѣ) великая моровая язва похитила перваго туземнаго архіепископа кентерберійскаго, Фритону, который, по своемъ

---

[1]) Beda, ш, 25.

[2]) Beda, ш, 26—8.

возведеніи на каѳедру, принялъ имя Адіодата или Деусдедита (богоданнаго). Короли Нортумбріи и Кента согласились послать пресвитера, по имени Вигарда, въ Римъ для посвященія на приматство; но Вигардъ умеръ тамъ, и папа Виталіанъ, повидимому въ удовлетвореніе просьбы отъ этихъ королей, избралъ для занятія этого мѣста Ѳеодора, уроженца Тарса. Ѳеодоръ былъ уже 66-ти лѣтъ отъ роду. Онъ славился своей ученостью, но такъ какъ его восточное происхожденіе вызывало нѣкоторое подозрѣніе, 668 г.
то его посвященіе было отложено до тѣхъ поръ, пока въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ не выросли вновь его волосы, такъ что онъ могъ получить латинскую тонсуру вмѣсто греческой [1]). Ѳеодоръ прибылъ въ Англію въ 669 году и занималъ свою каѳедру въ теченіе 21 года съ титуломъ и юрисдикціей архіепископа всей Англіи, такъ какъ въ Іоркѣ не было архіепископа со времени Павлина. При Ѳеодорѣ въ первый разъ соединились церкви англосаксонскихъ королевствъ, дотолѣ бывшія независимыми другъ отъ друга, и его приматство памятно въ исторіи англійской церкви и въ другихъ отношеніяхъ. Притокъ англійскихъ учащихся въ монастырскія семинаріи Ирландіи, какъ высшія тѣхъ, какія можно было находить въ ихъ собственной странѣ, былъ остановленъ учрежденіемъ школъ, въ которыхъ преподавались высшія науки того вѣка, такъ что будто бы въ нихъ не только на латинскомъ языкѣ, но и на родномъ языкѣ греческаго примата, ученики говорили такъ-же свободно, какъ на англійскомъ. Ѳеодору же приписывается раздѣленіе Англіи на приходы, и хотя эта мысль теперь вообще оставлена, однако же можно допустить, что онъ могъ проложить путь къ приходскому дѣленію введеніемъ права патронатства, учрежденнаго въ его туземной церкви Юстиніаномъ.

Архіепископъ посѣщалъ всѣ части своей страны. Достигнувъ Нортумбріи, онъ разслѣдовалъ дѣло Хада и не призналъ его посвященія, частью быть можетъ потому, что оно не происходило изъ чисто римскаго источника, и частью вслѣдствіе прежнихъ притязаній Вильфрида на эту каѳедру. Епископъ смиренно отвѣчалъ: „если ты думаешь, что я не получилъ епископство правильно, то я охотно удалюсь отъ моей должности, которой въ дѣйствительности я никогда и не считалъ себя достойнымъ, но которую, хотя и при своемъ недостоинствѣ, я согласился принять въ 669 г.
послушаніе повелѣнію". Ѳеодоръ, пораженный этимъ смиреніемъ, вновь рукоположилъ его во всѣ степени священства, и въ то время, какъ Вильфридъ занялъ діоцезъ нортумбрійскій, Хадъ, послѣ непродолжительнаго удаленія въ монастырь ластингам-

---

[1]) Греческое постриженіе, установленіе котораго приписывалось ап. Павлу, состояло въ гладкомъ остриженіи всей головы.

скій, обитателемъ котораго онъ былъ раньше, былъ назначенъ со стороны короля Мерціи, по рекомендаціи архіепископа, на каѳедру личфильдскую 1).

Планъ Григорія касательно церковнаго устройства Англіи никогда не былъ приведенъ въ исполненіе. Епископіи первоначально были одинаковаго объема съ королевствами, исключая епископіи въ Кентѣ, гдѣ была вторая каѳедра въ Рочестерѣ. Ѳеодоръ хотѣлъ увеличить епископатъ, и на соборѣ въ Гердордѣ, въ 673 году, предложилъ раздѣлить діоцезы; но, вѣроятно, изъ опасенія противодѣйствія, онъ не настаивалъ на этомъ дѣлѣ. Вскорѣ послѣ этого собора, Вильфридъ опять подвергся бѣдствію. Эгфридъ, сынъ и преемникъ Освія, оскорбился тѣмъ, что епископъ, вмѣсто того, чтобы оказать ему содѣйствіе въ отклоненіи его первой королевы Этельдреды, впослѣдствіи аббатиссы элійской, отъ дѣвственной жизни, поощрялъ ее въ этомъ отношеніи и далъ ей монашеское покрывало, и затѣмъ король былъ раздраженъ также науськиваніемъ своей второй королевы, которая не переставала указывать ему на бѣгство Вильфрида, на его вліяніе и блескъ его положенія. Приматъ склонился къ царскимъ планамъ и не только пренебрегъ правами Вильфрида, основывая каѳедры гексгамскую и сиднастерскую (близь Генсборо),
677—8 г. въ предѣлахъ его діоцеза, но и совершенно устранилъ его, посвящая епископа для самого Іорка, равно какъ и епископовъ для двухъ новыхъ діоцезовъ, которые были отдѣлены отъ него. Вильфридъ рѣшилъ искать защиты въ Римѣ. Буря, прибившая его къ фризійскому берегу, спасла его отъ заговора, который, подъ вліяніемъ Эгфрида, былъ сдѣланъ съ цѣлью задержать его во Франціи, и онъ оставался въ теченіи нѣкотораго времени въ Фризіи, гдѣ его трудъ былъ награжденъ обращеніемъ короля съ большею частью вождей и нѣсколькихъ тысячъ народа. По прибытіи его въ Римъ, въ 679 году, дѣло его было изслѣдовано папой
Окт. 679 г. Агаѳономъ съ соборомъ изъ пятидесяти епископовъ. На соборѣ было рѣшено, что если его діоцезъ будетъ раздѣленъ, то новыя каѳедры должны быть заняты лицами по его собственному выбору, и что тѣ, которые поставлены на нихъ раньше, должны быть изгнаны, и Вильфридъ былъ приглашенъ занять мѣсто въ соборѣ противъ монотелитовъ, гдѣ онъ и подписалъ акты въ качествѣ представителя всей церкви британской 2).

Римскій соборъ назначилъ тяжкія наказанія противъ всѣхъ тѣхъ, кто будетъ противиться его рѣшеніямъ; въ частности, королямъ была высказана угроза отлученіемъ. Но Эгфридъ, по возвращеніи Вильфрида изъ Италіи, вмѣсто подчиненія, заключилъ его въ тюрьму, и

---

1) Beda, IV, 2, 3.

2) Hard. III, 1131.

предлагалъ освободить его и предоставить ему часть его прежняго діоцеза, только подъ условіемъ отреченія его отъ папскихъ постановленій. Тюремное заключеніе длилось девять мѣсяцевъ, по окончаніи которыхъ Вильфридъ выпущенъ былъ на свободу подъ вліяніемъ королевы, которая была поражена опасною болѣзнью за присвоеніе себѣ его священныхъ вещей. Теперь онъ искалъ поприща для своихъ трудовъ вдали отъ своихъ гонителей,—въ королевствѣ Суссекскомъ, мѣстности своего опаснаго приключенія во время возвращенія изъ Франціи за много лѣтъ предъ тѣмъ. До этого времени единственными христіанскими учителями, появлявшимися въ Суссексѣ, были шесть бѣдныхъ ирландскихъ монаховъ, которые имѣли небольшой монастырь въ Босгэмѣ, но не имѣли никакого успѣха въ обращеніи жителей. Однако же недавно предъ тѣмъ въ Мерціи былъ крещенъ король Этельвальхъ, и онъ охотно покровительствовалъ новому проповѣднику Евангелія, такъ что нѣкоторыхъ своихъ подданныхъ даже силою принуждалъ принимать крещеніе. Жители Суссекса были обязаны Вильфриду не только христіанствомъ, но также и ознакомленіемъ со способами рыболовства и другими полезными ремеслами. Онъ основалъ епископію въ Сельсеѣ и распространилъ свои труды до острова Уайта и въ королевство Вессекское.

Θеодоръ, будучи 88 лѣтъ и чувствуя приближеніе смерти, началъ раскаяваться въ томъ участіи, которое онъ принималъ въ дѣлѣ противъ Вильфрида. Онъ послалъ за нимъ, просилъ у него прощенія, примирилъ его съ Альтфридомъ, новымъ королемъ Нортумбріи, и увѣщевалъ его принять отъ него приматство. Вильфридъ высказалъ желаніе предоставить вопросъ о приматствѣ собору, но возвратилъ себѣ каθедры Іорка и Гексгэма съ монастыремъ рипонскимъ. Архіепископъ умеръ въ 690 году, и послѣ двухъ-лѣтней вакантности каθедра была занята Берквальдомъ, а спустя нѣкоторое время Вильфридъ былъ вновь низложенъ, частью за отказъ признать извѣстныя постановленія, которыя были сдѣланы покойнымъ приматомъ. Онъ удалился въ Мерцію, гдѣ оставался до 702 года, когда его потребовали явиться на соборъ въ Онестрефильдѣ, въ Іоркширѣ. Когда это собраніе потребовало отъ него отказаться отъ своей епископской должности и ограничиться монастыремъ рипонскимъ, старецъ съ негодованіемъ заявилъ, что онъ не оставитъ сана, въ который онъ былъ возведенъ 40 лѣтъ передъ тѣмъ. Онъ перечислилъ свои заслуги передъ церковью, не говоря ничего о своихъ ревностныхъ трудахъ по распространенію Евангелія, о распространеніи письменности или о воздвигнутыхъ имъ великолѣпныхъ храмахъ, а настаивая на своемъ противодѣйствіи шотландскимъ обычаямъ, на введеніи латинскаго пѣнія и бенедиктинскаго устава, и затѣмъ опять отправился въ Римъ

690 г.

между тѣмъ какъ его сторонники въ Англіи подверглись своего рода отлученію. Папа Іоаннъ VI естественно склонялся въ пользу человѣка, непріятности котораго возникали вслѣдствіе отказа повиноваться постановленіямъ Ѳеодора, за исключеніемъ тѣхъ, которыя находились въ согласіи съ опредѣленіями римской каѳедры. И когда въ Пасху 704 года публично читались дѣянія собора папы Агаѳона противъ моноѳелитовъ, упоминаніе имени Вильфрида среди подписавшихся, вмѣстѣ съ совпаденіемъ его пребыванія тогда опять въ Римѣ съ цѣлью добиться помощи противъ угнетенія, возбудило общій восторгъ въ его пользу. Онъ желалъ было закончить свои дни въ Римѣ, но по желанію Іоанна VII, при избраніи котораго онъ присутствовалъ, онъ возвратился въ Англію, неся съ собой папское одобрительное письмо, обращенное къ Этельреду Мерціи и Альтфриду Нортумбріи. Приматъ Берквальдъ принялъ его любезно; но Альтфридъ поставилъ папское посланіе ни во что, хотя раскаялся на своемъ смертномъ одрѣ, и свидѣтельство его сестры касательно его послѣднихъ желаній повело къ возстановленію Вильфрида на каѳедру гексгэмскую, хотя и неизвѣстно, возвратилъ ли онъ себѣ остальную часть своего прежняго діоцеза. Въ 709 году Вильфридъ закончилъ свою дѣятельность и многосмятенную жизнь въ монастырѣ Ундлѣ, и былъ погребенъ въ Ритенѣ, „на томъ мѣстѣ, которое во время своего житія въ тѣлѣ любилъ больше всѣхъ другихъ“ [1]. Одо, архіепископъ кентерберійскій, въ половинѣ X столѣтія, найдя Рипонъ разрушеннымъ датчанами, перенесъ тѣло Вильфрида въ свой собственный соборъ, за исключеніемъ малой части, которую онъ оставилъ въ Рипонѣ.

Римскій обычай касательно Пасхи и тонсуры постепенно распространился по всѣмъ британскимъ островамъ. Въ 710 г. онъ былъ принятъ южными пиктами вслѣдствіе посланія къ королю Наитану (или Нектану) отъ Цеольфрида, аббата іарровскаго [2]. Напрасно Адамнанъ, аббатъ іонійскій, склонившійся къ римскимъ обычаямъ въ Нортумбріи, пытался въ послѣднихъ годахъ VII столѣтія ввести ихъ въ свой монастырь; но онъ имѣлъ болѣе успѣха среди своихъ соотечественниковъ, сѣверныхъ ирландцевъ, которые, по его примѣру, около 697 года, оставили свой древній обычай и наконецъ въ 716 году, Экбертъ, англійскій монахъ, получившій свое воспитаніе въ Ирландіи, склонилъ монаховъ св. Колумбы справлять римскую Пасху. Древняя британская церковь держалась своего пасхальнаго счисленія до конца VIII столѣтія, но затѣмъ, повидимому, склонилась къ римскому обычаю, и если впослѣдствіи возникали споры касательно этого предмета, то они возбуждали лишь мало вниманія и скоро прекращались.

---

[1] Eddi, 54—61; Beda, IV, 20.

[2] Beda, 5, 21.

Христіанство оказывало сильное вліяніе на цивилизацію англосаксонцевъ, и благодаря усиліямъ Ѳеодора, Вильфрида и друг., въ Англіи въ это время дѣятельно разработывались искусства и науки. Бенедиктъ Бископъ, основатель аббатства вермаутскаго, бывшій спутникомъ Вильфрида во время его перваго посѣщенія Рима, привезъ съ собой регента Іоанна, который и училъ сѣверное духовенство григоріанскому пѣнію, порядку праздниковъ и другимъ обрядовымъ дѣламъ. Изъ своихъ шести поѣздокъ въ Римъ Бенедиктъ возвращался нагруженный книгами, мощами, одеждами, сосудами для престола и иконами. Вмѣсто жалкихъ, крытыхъ соломою деревянныхъ церквей, которыми довольствовались шотландскіе миссіонеры, Бенедиктъ и Вильфридъ, съ помощью каменьщиковъ изъ Франціи, воздвигали зданія изъ квадратнаго и полированнаго камня съ стеклянными окнами и свинцовыми кровлями. Вильфридъ построилъ большое зданіе этого рода надъ маленькой деревянной церковью въ Іоркѣ, въ которой Павлинъ крестилъ нортумбрійскаго царя Эдвина, но которая съ того времени подверглась разрушенію и находилась въ жалкомъ пренебреженіи. Въ Рипонѣ онъ воздвигъ другую церковь, которая освящена была съ большею торжественностью и церемоніей, причемъ присутствовали два короля, и празднества продолжались въ теченіе трехъ дней и ночей. Еще замѣчательнѣе былъ его соборъ въ Гексгэмѣ, который описывается какъ самое великолѣпное церковное зданіе къ сѣверу отъ Альпъ. Церкви Бенедикта Бископа были украшены иконами, привезенными изъ Италіи. Среди нихъ упоминаются икона пресвятой Богоматери, рядъ сценъ изъ Апокалипсиса, представляющихъ страшный судъ, и рядъ другихъ, въ которыхъ предметы изъ Ветхаго Завѣта сопоставляются съ ихъ антитипами изъ Новаго; такъ, Исаакъ, несущій дрова для своего жертвоприношенія, соотвѣтствовалъ Господу, несущему крестъ, и мѣдный змій—распятію.

Во множествѣ основывались и надѣлялись угодьями теперь и монастыри. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ жили отшельники обоего пола, хотя и въ отдѣльныхъ частяхъ зданій. Многія дамы королевскаго происхожденія дѣлались аббатессами или монахинями и, наконецъ не было необычнымъ даже для англійскихъ королей отрекаться отъ своихъ престоловъ, отправляться въ пилигримство въ Римъ, и тамъ заканчивать свои дни въ монашескомъ одѣяніи [1]. Но среди англосаксонцевъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, распространеніе монашества сопровождалось упадкомъ его. Беда въ своемъ посланіи къ

---

[1] Beda, IV, 19; V, 7.

Экберту, архіепископу іоркскому (734 г.), рисуетъ картину упадка дисциплины и нравственности какъ среди монаховъ, такъ и среди духовенства,—картину, которая представляетъ печальный контрастъ съ его прекраснымъ очеркомъ жизни первоначальныхъ шотландскихъ миссіонеровъ. Между прочимъ онъ упоминаетъ о замѣчательномъ злоупотребленіи, возникшемъ изъ-за тѣхъ преимуществъ, которыя принадлежали монашеской собственности. Земля между англо-саксонцами раздѣлялась на *фолькландъ* (народная земля) и *бокландъ* (книжная земля). Первая была національная собственность, содержимая отъ короля подъ условіемъ исполненія извѣстныхъ услугъ, давалась только на опредѣленное время и подлежала отчужденію; вторая держалась по книгѣ (book) или грамотѣ на одно или болѣе поколѣній или навсегда, и была изъята отъ большей части (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ото всѣхъ) пошлинъ, которыми была обременена народная земля. Имѣнія монастырей принадлежали къ разряду *бокландъ*, и пока существовало монашеское общество, земля принадлежала ему. Съ цѣлью, поэтому, обезпечить за собой выгоды подобнаго землевладѣнія, нѣкоторые изъ знати заявили желаніе надѣлять монастыри землями, которыя они содержали въ качествѣ *фольбланда*. Подарками или другими способами, они склоняли короля и витанъ (то есть, національный совѣтъ) къ согласію на обращеніе ихъ въ *бокландъ*; строили на нихъ монастырскія зданія, и жили на нихъ съ своими женами и семействами, называя себя аббатами, но ничего не имѣя монашескаго въ характерѣ, кромѣ названія и постриженія [1]).

Среди писателей, которыхъ произвела въ этомъ вѣкѣ англійская церковь (или даже, можно сказать, вообще христіанская церковь), наиболѣе знаменитымъ былъ Беда. Слава, которой онъ достигъ въ свое время, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ приглашенъ въ Римъ Сергіемъ I, хотя смерть этого папы и воспрепятствовала принятію имъ этого приглашенія, и въ слѣдующемъ столѣтіи онъ получилъ почетное названіе „достопочтеннаго“. Родившись около 673 года въ окрестностяхъ Іаррова, отпрыска вермаутскаго аббатства Бенедикта Бископа, онъ въ семилѣтнемъ возрастѣ сдѣлался обитателемъ монастыря, и тамъ провелъ остальную часть своей жизни. По его собственному разсказу, онъ кромѣ обычныхъ упражненій въ благочестіи считалъ своимъ удовольствіемъ „или учиться, или учить, или писать что нибудь“ [2]). Онъ усердно занимался собираніемъ и переработкой знанія прежнихъ вѣковъ, не только касательно церковныхъ предметовъ, но и общей учености. Его „исторія англійской церкви“

---

[1]) Beda, Ep. ad Ecbert. c. 7.

[2]) Hist. v, 24.

доведена до 731 года,—года за три до его смерти, которая имѣла мѣсто наканунѣ Вознесенія 734 года, причемъ послѣдніе моменты его жизни проведены были въ диктовкѣ заключенія перевода Евангелія отъ Іоанна.

Альдгеймъ, аббатъ мальмесберійскій и впослѣдствіи епископъ шернборнскій, умершій въ 709 году, выдавался какъ богословъ и какъ поэтъ [1]). Равнымъ образомъ Кедмонъ, сначала бывшій служителемъ аббатства св. Гильды, въ Стринешалхѣ, обнаружилъ на своемъ туземномъ языкѣ такія поэтическія дарованія, которыя его современники приписывали чудесному вдохновенію [2]). Англосаксонцы были первымъ народомъ, который обладалъ туземной религіозной поэзіей, и небезъинтересно замѣтить, что англосаксонскіе поэты брали свои темы большею частью не изъ сказаній о святыхъ, а непосредственно изъ повѣствованія св. Писанія.

VI. Въ теченіе этого періода было много сдѣлано для обращенія германскихъ племенъ, частью миссіонерами изъ франкскаго королевства, но особенно ревнителями, вышедшими изъ Британіи или изъ Ирландіи. Изъ нихъ о Колумбанѣ и его ученикѣ Галлѣ, съ ихъ трудами въ Галліи и Шотландіи, было уже упомянуто выше [3]).

1. Обращеніе баварцевъ обыкновенно относятъ къ VI столѣтію, сообразно съ свидѣтельствомъ, что Теоделинда, королева ломбардовъ, находившаяся въ письменныхъ сношеніяхъ съ Григоріемъ Великимъ, была баварской принцессой и получила православное христіанское воспитаніе въ своей собственной землѣ. Но даже если это свидѣтельство ошибочно, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что баварцамъ выпало на долю поселиться въ странѣ, которая уже раньше была христіанской (потому что такою именно она была до времени Северина [4]), и остатки ея перваго христіанства остались не безъ вліянія на нихъ.

Въ 613 году одинъ франкскій соборъ, вслѣдствіе дошедшихъ до него извѣстій, послалъ Евстасія, преемника Колумбана въ Люксейлѣ, съ однимъ монахомъ изъ своей общины, по имени Агилемъ, въ Баварію, гдѣ, какъ они нашли, многіе изъ жителей заражены были еретическими мнѣніями, которыя описываются (быть можетъ, нѣсколько невѣрно) какъ заблужденія Фотина или Боноза [5]).

Около половины VII столѣтія, Эммеранъ, епископъ аквитанскій, получивъ свѣденія касательно язычества аваровъ въ Паннонiи, рѣшилъ отказаться отъ своей каѳедры, съ намѣреніемъ проповѣдывать Евангеліе въ этой странѣ. Сопровождаемый переводчикомъ, искуснымъ въ тевтонскихъ нарѣчіяхъ, онъ добрался до Радаспоны (Ратисбона), гдѣ любезно принятъ былъ Теодономъ, герцогомъ баварскимъ. Теодонъ, который уже былъ христіаниномъ, заявилъ епископу, что смутное состояніе Паннонін дѣлало его предпріятіе безнадежнымъ; онъ просилъ его остаться въ Баваріи, гдѣ, какъ онъ увѣрялъ его, его усердіе найдетъ достаточное поприще, и когда эти доводы оказались не дѣйствительными, то онъ удержалъ его силою. Эммеранъ увидѣлъ въ этомъ высшее внушеніе ему, и въ теченіе трехъ лѣтъ съ большимъ усердіемъ проповѣдывалъ баварцамъ. 649—652. Въ концѣ этого времени, онъ отправился въ Римъ, но подвергся преслѣдованію, былъ схваченъ и умерщвленъ сыномъ герцога, въ отмщеніе за безчестіе своей сестры, такъ какъ Эммеранъ, хотя и невинный, позволилъ принцессѣ и ея любовнику свалить на себя всю вину [1].

---

[1]) Произведенія Альдгейма находятся въ Patrologia, LXXXIX.

[2]) Beda, IV, 24.

[3]) См. выше, гл. XXIII.

[4]) См. выше, стр. 461.

[5]) Vita Agili, Acta SS. Aug. 30, c. 30; *Іона*, Vita Eustas. III, и слѣд. (о Фотинѣ см. выше стр. 206; о Бонозѣ стр. 333).

Въ концѣ столѣтія Рудбертъ, епископъ вормскій, по приглашенію другаго герцога, по имени Теодона, предпринялъ миссію въ туже страну, гдѣ онъ и крестилъ герцога, и основалъ епископію въ городѣ Зальцбургѣ, на мѣстѣ древняго римскаго Ювавія. Трудамъ Рудберта главнымъ образомъ и обязано христіанство своимъ распространеніемъ въ Баваріи. Можно однако же думать, что онъ впослѣдствіи возвратился въ свой прежній діоцезъ вормскій.

2. Распространеніе христіанства среди тюринговъ, равно какъ и баварцевъ, относится къ VI вѣку. Страна эта и ея правители, однако же, находились еще въ язычествѣ, когда въ послѣдней части VII столѣтія въ ней явился ирландскій епископъ, по имени Киллена или Киліонъ, во главѣ партіи миссіонеровъ, и встрѣтилъ дружественный пріемъ со стороны герцога Гоцберта, резиденція котораго находилась въ Вюрцбургѣ. Спустя нѣкоторое время, Киліанъ отправился въ Римъ, и, будучи уполномоченъ папой Конономъ проповѣдывать, гдѣ только ему угодно, 686 г. онъ возвратился въ Вюрцбургъ, гдѣ Гоцбертъ теперь выразилъ согласіе креститься. Герцогъ, будучи еще язычникомъ, былъ женатъ на вдовѣ своего брата Гейланѣ, и хотя отъ него не требовали предъ крещеніемъ отреченія отъ этого союза (освящавшагося національными обычаями), Киліанъ впослѣдствіи настаивалъ на разлученіи, какъ дѣлѣ христіанскаго долга. Гоцбертъ готовъ былъ принести эту жертву, но Гейлана, воспользовавшись его отсутствіемъ во время одного военнаго похода (689 г.), умертвила Киліана съ двумя преданными ему сотоварищами. Тѣла мучениковъ были скрыты, но ихъ гробницы

---

[1] Vita Emmerammi, переписанная Мегинфредомъ (Patrol CXLI), или въ Acta SS., гдѣ также передается и болѣе древнее жизнеописаніе, сдѣланное Арибономъ, епископомъ фрейзингскимъ. Разсказъ этотъ переполненъ невѣроятностями.

были прославлены чудесами, и мщеніе неба преслѣдовало герцогскій домъ, который скоро исчезъ совсѣмъ 1).

3. Племена къ сѣверу отъ Франціи были посѣщаемы миссіонерами какъ изъ этой страны, такъ и съ Британскихъ острововъ. Среди знаменитѣйшихъ изъ нихъ былъ Амандъ, уроженецъ Аквитаніи, который былъ посвященъ въ миссіонера-епископа около 628 года, и трудился въ мѣстности близь Шельдта. Жители тутъ были настолько жестоки и упорны, что все духовенство, какое только пыталось проповѣдывать имъ, удалялось въ отчаяніи 2). Амандъ былъ подкрѣпленъ порученіемъ отъ царя Дагоберта, который уполномочилъ его крестить все населеніе силой; но онъ имѣлъ мало успѣха, пока не получилъ славы чудотворца, возвративъ къ жизни повѣшеннаго человѣка. 629 г. Вслѣдствіе смѣлости, съ которою онъ упрекалъ Дагоберта за множество женъ и наложницъ, онъ былъ изгнанъ; но король, женившись на молодой королевѣ, отпустилъ другихъ, возвратилъ Аманда, испросилъ у него прощеніе и, по рожденіи принца, просилъ его крестить ребенка. Разсказываютъ, что во время крещенія, когда никто не отвѣчалъ на молитвы епископа, маленькій Зигебертъ, которому было только 40 дней отъ роду, неожиданно произнесъ „аминь“ 3). Амандъ, предпочитавшій жизнь миссіонера жизни царедворца, поспѣшилъ возвратиться въ свое старое мѣстопребываніе, гдѣ, хотя ему и приходилось переносить разныя трудности, вмѣстѣ съ значительною враждебностью со стороны языческаго населенія, и содержать себя трудами своихъ собственныхъ рукъ, его проповѣдь теперь была весьма успѣшна. Спустя нѣкоторое время, ревность побудила его отправиться въ качествѣ миссіонера къ славянскимъ племенамъ, на Дунаѣ; но такъ какъ онъ былъ принятъ ими съ равнодушіемъ, не обѣщавшимъ повидимому ни успѣха, ни мученичества, то онъ опять возвратился къ своимъ трудамъ въ области Шельдта, и, по смерти епископа мастрихскаго, былъ назначенъ на эту каѳедру въ 647 году. Онъ однако же встрѣтилъ столько непріятностей, какъ отъ безпорядковъ среди духовенства, такъ и отъ характера самого населенія, что выразилъ папѣ Мартину желаніе отречься отъ епископской каѳедры. Мартинъ въ посланіи, весьма интересномъ въ смыслѣ опредѣленія положенія римской каѳедры, старался отговорить его отъ этого желанія. Онъ просилъ Аманда объявить рѣшеніе только что состоявшагося Латеранскаго собора противъ монофелитовъ, и съ цѣлью укрѣпить себя противъ имперіи убѣждалъ

---

1) Vita Ciliani, ap. Mobil. Acta SS. Ben. II, 991—3.

2) Vita S. Amandi, 6 (Patrol. LXXXVII).

3) Vita Amandi, 14—15; Gesta Dagob. 24 (Patrol. XCVI); Vita Sigeb. 4, 5 (тамъ же, LXXXVIII).

епископа посодѣйствовать ему въ скрѣпленіи связи короля Зигеберта съ Римомъ. Не смотря на увѣщаніе папы, Амандъ, однако же, удалился съ своей каѳедры послѣ трехлѣтняго на ней пребыванія, и провелъ остальные дни своей жизни въ качествѣ настоятеля въ основанныхъ имъ монастыряхъ.

Почти одновременно съ Амандомъ и въ округахъ, граничившихъ съ главнымъ мѣстомъ его трудовъ, въ дѣлѣ распространенія Евангелія трудились два другихъ знаменитыхъ миссіонера. Одинъ изъ нихъ былъ Ливинъ, ирландецъ, который сдѣлался епископомъ гентскимъ и потерпѣлъ мученическую смерть около 650 года; другой былъ Элигій (или Элой), епископъ нойенскій. Элигій былъ первоначально золотыхъ дѣлъ мастеръ, и частью искусствомъ въ своемъ ремеслѣ, но еще болѣе своею честностью, пріобрѣлъ себѣ довѣріе Клотаря II. Свое положеніе онъ удерживалъ и при Дагобертѣ, у котораго онъ сдѣлался начальникомъ чеканнаго дѣла, и монеты его производства существуютъ еще и теперь [1]). Будучи еще міряниномъ, онъ отличался своимъ благочестіемъ. Когда онъ работалъ, предъ нимъ постоянно были открыты св. Писаніе и другія религіозныя книги; богатство его посвящалось на религіозныя и благотворительныя цѣли; онъ странствовалъ къ святымъ мѣстамъ, строилъ монастыри, выкупалъ цѣлыя толпы плѣнныхъ,—римлянъ, галловъ, британцевъ, мавровъ и въ особенности саксонцевъ изъ Германіи,—и старался склонять ихъ къ христіанству. Его благотворительность была такъ велика, что странники были направляемы къ его дому заявленіемъ, что въ извѣстной части города они увидятъ толпу бѣдняковъ вокругъ дома благочестиваго золотыхъ дѣлъ мастера, и святость его уже подтверждалась совершеніемъ многихъ чудесъ. Проведя нѣкоторое время въ низшей церковной должности, онъ былъ посвященъ въ епископа Нойенскаго въ 640 году, причемъ его другъ и жизнеописатель Авдоенъ (или Уенъ) былъ въ то же время посвященъ на каѳедру руанскую. Труды Элигія распространялись и на окрестности Шельдта. Жители его обширнаго діоцеза были вообще грубы и дики; часть изъ нихъ были язычники, между тѣмъ какъ другіе были христіане только по имени, и епископу приходилось подвергаться многимъ опасностямъ и выносить много оскорбленій отъ нихъ. Смерть его послѣдовала въ 659 году.

4. Среди племенъ, воспользовавшихся трудами Элигія, были фризы, занимавшіе тогда большую полосу страны. Объ успѣшныхъ трудахъ между ними Вильфрида въ позднѣйшее время (въ 678 г.),

---

[1]) Vita S. Elig. I, 5, 9, 14 (Patrol. LXXXVII). Бартелеми, въ своемъ переводѣ этой „жизни“ (Paris, 1847 г.), даетъ гравюрное изображеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ монетъ.

было уже упомянуто выше [1]; но королю, котораго онъ обратилъ, именно Альдгису, наслѣдовалъ язычникъ Радбодъ. Вульфрамъ, епископъ сенскій, во главѣ партіи монаховъ, предпринялъ миссію къ фризамъ. Онъ нашелъ, что у нихъ было въ обычаѣ приносить человѣческія жертвы, причемъ жертвы предавались смерти чрезъ повѣшеніе. Въ отвѣтъ на издѣвательство, что если бы его разсказъ былъ вѣренъ, то Спаситель, о которомъ онъ говоритъ, могъ возвратить ихъ къ жизни, Вульфрамъ возстановилъ къ жизни пять повѣшенныхъ человѣкъ, и послѣ этого чудеснаго дѣла его проповѣдь повела ко многимъ обращеніямъ. Радбодъ позволилъ крестить одного изъ своихъ дѣтей, а затѣмъ согласился принять крещеніе и самъ; но когда одна его нога была уже въ купели, онъ заклиналъ епископа именемъ Божіимъ сказать ему, въ какомъ изъ двухъ мѣстъ, о которыхъ онъ говорилъ, находятся прежніе короли и знатные вожди народа. Вульфрамъ отвѣчалъ, что число избранныхъ опредѣленно, и что тѣ, кто умерли безъ крещенія, по необходимости должны оказаться среди осужденныхъ. „Тогда я хочу скорѣе быть съ моими предками“, сказалъ король, „чѣмъ на небѣ съ толпой нищихъ“, и, вынувъ ногу изъ крещальни, остался язычникомъ.

Но главныя усилія къ обращенію фризовъ были сдѣланы миссіонерами съ Британскихъ острововъ. Эгбертъ, благочестивый англосаксонскій обитатель одного ирландскаго монастыря (тотъ самый, который впослѣдствіи убѣдилъ монаховъ Іоны принять римскій обычай празднованія Пасхи), задумалъ проповѣдывать язычникамъ въ Германіи. Онъ получилъ предостереженіе въ видѣніи и затѣмъ изъ того обстоятельства, что судно, на которомъ онъ ѣхалъ, сѣло на мель, заключилъ, что предпріятіе это не для него; но душа его все еще льнула къ этому предпріятію, и онъ рѣшилъ попытать его чрезъ посредство своихъ учениковъ [2]. Одинъ изъ нихъ, Вигбертъ, отправился во Фризію въ 690 году и въ теченіе двухъ лѣтъ проповѣдывалъ тамъ съ большимъ успѣхомъ. По его возвращеніи, Виллибрордъ, нортумбріецъ, который, до отправленія въ Ирландію воспитывался въ Вильфридовомъ монастырѣ въ Рипонѣ, отправился во главѣ двѣнадцати монаховъ, причемъ для ихъ трудовъ открылось дальнѣйшее поприще вслѣдствіе побѣды, которую Пипинъ Херистальскій, добродѣтельный государь Австразіи, одержалъ надъ Радбодомъ въ Дорстадтѣ. Пипинъ любезно принялъ миссіонеровъ, далъ имъ позволеніе проповѣдывать въ той части Фризіи, которая была присоединена къ Франкскому королевству, и обѣщалъ поддерживать ихъ своею властью. Спустя 692 г.

---

[1] См. выше, стр. 594.

[2] Beda, v, 9.

нѣкоторое время, Виллибрордъ отправился въ Римъ, съ цѣлью полученія папскаго утвержденія и инструкцій для своей дѣятельности, равно какъ и съ цѣлью полученія мощей для положенія ихъ въ церквахъ, которыя ему предстояло построить. По его возвращеніи, дѣло обращенія было столь успѣшно, что Пипинъ пожелалъ его посвященія въ архіепископа округа, въ которомъ онъ трудился, и съ этою цѣлью во второй разъ отправилъ его въ Римъ. 696 г. Папа Сергій согласился, и вмѣсто варварскаго имени Виллиброрда далъ ему имя Климента. Архіепископская каѳедра была учреждена въ Вилтабургѣ [1]), и ему, повидимому, удалось искоренить язычество во франкской части Фризіи. Онъ пытался также распространить Евангеліе и въ независимой части страны и доходилъ даже до Даніи, гдѣ однако же труды его имѣли лишь малый успѣхъ. По своемъ возвращеніи онъ высадился на Гелиголандъ, который тогда назывался Фозитесландъ, отъ имени бога Форсети или Фозита [2]). Островъ этотъ считался святымъ. Никто не смѣлъ касаться жившихъ на немъ животныхъ, или пить изъ его священнаго источника, кромѣ какъ въ полномъ безмолвіи; но, вопреки народному суевѣрію, Виллибрордъ крестилъ трехъ обращенцевъ въ этомъ источникѣ, и его сотоварищи убили нѣсколькихъ изъ посвященныхъ животныхъ. Языческіе жители, напрасно прождавъ, что мщеніе боговъ поразитъ дерзкихъ чужестранцевъ смертью или сумашествіемъ, привели ихъ къ Радбоду, который находился въ то время на островѣ. Передъ каждымъ изъ миссіонеровъ три раза были бросаемы жребіи, съ цѣлью избрать кого нибудь изъ нихъ на смерть. Наконецъ одинъ изъ нихъ былъ принесенъ въ жертву, а Виллибрордъ, обличавшій заблужденіе язычества съ такою смѣлостью, что она вызвала изумленіе самого Радбода, былъ съ почестью отправленъ назадъ къ Пипину [3]). Возобновленіе войны между Радбодомъ и франками на время затормозило дѣло миссіонеровъ. По смерти языческаго короля въ 719 году, обстоятельства сдѣлались болѣе благопріятными для проповѣди Евангелія въ независимой части Фризіи, и Виллибрордъ продолжалъ дѣятельно и успѣшно трудиться до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 739 году. Среди его соработниковъ въ теченіе части этого времени былъ Бонифацій, впослѣдствіи сдѣлавшійся апостоломъ Германіи.

---

[1]) Утрехтъ тогда принадлежалъ Радбоду, между тѣмъ какъ Вилтабургъ, на противоположной сторонѣ Рейна, былъ франкскимъ городомъ. Отсюда, повидимому, выходитъ, что Беда, заявляющій, что Пипинъ далъ архіепископу Вилтабургъ (v, 11), и Алкуинъ, говорящій, что Карлъ Мартелъ далъ ему Утрехтъ (который въ промежуткѣ перешелъ во владѣніе Франковъ), оба могутъ быть справедливы.

[2]) Этотъ богъ считался сыномъ Балдера.

[3]) Alcuin, 1, 9—10.

ГЛАВА XXVI.

Иконоборчество

(717—775 г.).

Въ то время, какъ на Западѣ все шире распространялось христіанство, вводя въ предѣлы царства Божія на землѣ все новые и новые народы, жившіе на отдаленныхъ окраинахъ извѣстнаго въ то время міра и стоявшіе на низшей ступени человѣческаго существованія, на Востокѣ продолжалась работа по опредѣленію и выясненію отдѣльныхъ вопросовъ вѣроученія. Къ этому именно времени относится знаменитый споръ о почитаніи иконъ,—споръ, который явственно показалъ, какъ заблужденіе можетъ вторгаться и въ область истины и какъ, съ другой стороны, борьба съ заблужденіемъ, при недостаточной осторожности, можетъ перейти въ борьбу съ самой истиной, подтверждая вѣковѣчную истинность притчи о пшеницѣ и плевелахъ. Византійскіе императоры этого времени, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, несомнѣнно одушевлены были лучшими намѣреніями очищенія религіи отъ постороннихъ примѣсей къ ней, но ихъ неосторожность и односторонность ихъ мѣръ привели къ тому, что эти императоры, желавшіе бороться за истину, оказались на сторонѣ заблужденія, и исторія заклеймила ихъ позорнымъ именемъ *иконоборцевъ* [1]).

Вопросъ о почитаніи иконъ естественно возникъ въ тѣхъ странахъ гдѣ установилось мирное сожительство христіанъ съ магометанами. Въ то время, какъ среди христіанъ все болѣе развивалось во внѣшнихъ формахъ иконопочитаніе, магометане, съ фанатической рѣшительностью отрицали его какъ идолопоклонство, вслѣдствіе чего между разновѣрцами происходили частыя столкновенія, которыя приводили къ смутамъ, какъ внутри государства, такъ и особенно на границахъ его. Эти смуты естественно ставили правительство въ затруднительное положеніе, изъ котораго оно и желало выйти какъ нибудь, и, не видя другихъ средствъ къ выходу, не прочь было прибѣгнуть къ ограниченію самаго предмета столкновеній. Къ этому присоединились и другія обстоятельства. Иконопочитаніе, какъ мы видѣли, вело свое начало съ самыхъ древнихъ временъ церкви, и первенствующая церковь въ самомъ началѣ никогда не становилась во враждебныя отношенія къ законнымъ явленіямъ антично-классическаго міра. Но съ теченіемъ времени иконопочитаніе, особенно на Востокѣ, подверглось значительному вырожденію. Простой, необразованный народъ, перешедшій изъ язычества въ христіанство, безъ надлежащаго подготовленія, естественно привносилъ въ свое новое вѣроисповѣданіе, не мало своихъ прежнихъ языческихъ воззрѣній, и поэтому иконопочитаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ скорѣе дѣйствительно походило на языческое идолослуженіе, чѣмъ соотвѣтствовало духовному характеру христіанства. Явилось много различныхъ злоупотребленій: такъ, иконы стали иногда употреблять вмѣсто воспріемниковъ при крещеніи, одѣвали ихъ непристойнымъ способомъ и т. д. Противъ такого состоянія вещей возникла бурная реакція, которая съ неразумной ревностью стала возставать и противъ разумнаго и законнаго употребленія иконъ. Вслѣдствіе этого, возникла ожесточенная, кровопролитная борьба, которая по своей запальчивости почти превосходила прежніе споры о христіанскихъ догматахъ на Востокѣ, и борьба эта оказалась въ высшей степени опасною не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ отношеніи.

---

[1]) Въ этой главѣ допущены незначительныя измѣненія противъ подлинника.
Перев.

Поводъ къ иконоборчеству далъ грубый, воинственный императоръ Левъ III Исаврянинъ. Онъ происходилъ изъ класса зажиточныхъ крестьянъ, и настолько выдѣлялся своей военной службой при Юстиніанѣ II, что въ 717 году, при общемъ одобреніи, былъ возведенъ на императорскій престолъ. Это былъ человѣкъ чрезвычайно энергичный и обладалъ многими благородными качествами и талантами, сказавшимися въ замѣчательномъ успѣхѣ какъ въ войнѣ, такъ и въ гражданскомъ управленіи. Въ началѣ его царствованія ему угрожали арабы, силы которыхъ осаждали Константинополь какъ съ моря, такъ и съ суши; но онъ разрушилъ ихъ флотъ новымъ изобрѣтеніемъ такъ называемаго „греческаго огня“ [1], принудилъ непріятельское войско, ослабленное лишеніями и битвами, отступить, и цѣлымъ рядомъ побѣдъ на нѣсколько лѣтъ освободилъ своихъ подданныхъ отъ набѣговъ сарацинъ. Религіозными дѣлами Левъ началъ интересоваться не ранѣе, какъ вполнѣ обезпечивъ государство отъ внѣшнихъ враговъ. Въ шестомъ году своего царствованія, онъ издалъ указъ, которымъ повелѣвалось, чтобы іудеи и магометане были насильственно приводимы къ крещенію. Іудеи лицемѣрно подчинились приказу и издѣвались надъ тѣми обрядами, которые они принимали. Монтанисты, съ прежнимъ, свойственнымъ этой сектѣ фанатизмомъ, назначили день, въ который по общему согласію они заперлись въ своихъ молитвенныхъ домахъ, подожгли зданія, и погибли въ пламени [2].

Изъ этихъ мѣръ ясно, что Левъ серьезно не понималъ дѣйствительнаго значенія государственной власти въ дѣлахъ религіи,

---

[1] Касательно „греческаго огня“ см. Gibbon. IV, 182—4.

[2] Theophan. 614.

724 г. равно какъ не зналъ и того, какія средства можно употреблять для поддержанія религіозной истины. Въ слѣдующемъ году, посовѣтовавшись съ своими сановниками, онъ сдѣлалъ первую попытку противъ ограниченія иконопочитанія. Побужденія его въ этомъ дѣлѣ составляютъ предметъ догадокъ. Говорятъ, что на него повліялъ Константинъ, епископъ наколійскій, и одинъ совѣтникъ, по имени Везеръ, который въ теченіе нѣкотораго времени находился на службѣ калифа и, по свидѣтельству современниковъ, сдѣлался отступникомъ отъ вѣры [1]). Быть можетъ, эти лица заявляли ему о тѣхъ трудностяхъ, которыя иконопочитаніе ставило для обращенія іудеевъ и магометанъ, считавшихъ этотъ христіанскій обычай языческимъ и идолопоклонническимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они могли указывать ему и на опасность гоненія, которое иконопочитаніе неизбѣжно должно было привести на христіанскихъ подданныхъ калифовъ. Левъ видѣлъ, что города, полагавшіеся на свои чудотворныя иконы, сдѣлались добычей сарацинъ, и что даже знаменитый образъ едесскій былъ захваченъ этими врагами креста. И когда, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, возбудился вопросъ касательно этого предмета, то кажущееся несоотвѣтствіе народныхъ обычаевъ съ буквой св. Писанія легко могло поразить прямолинейный и невоспитанный духъ такого императора, какимъ былъ Левъ. Но въ дѣйствительности, и особенно если мы сравнимъ мѣры Льва противъ иконопочитанія съ тѣми, которыя онъ принималъ противъ іудейства и монтанства, его цѣлью при этомъ было не только очистить обычаи церкви, такъ и въ особенности придать вѣсъ свѣтской власти въ дѣлахъ религіи.

Прежніе споры показали, что простой народъ могъ приходить въ сильное возбужденіе отъ тонкихъ догматическихъ вопросовъ, которые, какъ можно бы было предполагать, едва ли могли возбуждать его интересъ. Но здѣсь предметъ спора былъ болѣе осязательнаго свойства. Движеніе это исходило не отъ какого либо умозрительнаго богослова, но отъ императора, дѣйствовавшаго по своей собственной волѣ, безъ побужденія со стороны какой либо партіи, или народнаго требованія. Императоръ сдѣлалъ нападеніе на вещественные и внѣшніе предметы народнаго почитанія, на тѣ обычаи, съ которыми связывалась обыденная религіозная жизнь людей и въ которыхъ находило свое выраженіе искреннее, хотя и не всегда просвѣщенное благочестіе того времени. Правительство предположило совершенно отмѣнить укоренившійся въ народномъ сознаніи обычай, не давая никакой замѣны вмѣсто него, не направляя религіознаго духа къ болѣе духовному богослуженію, и вслѣдствіе этого народъ, который уже и раньше былъ раздраженъ до степени недовольства нѣкоторыми новыми налогами, яростно возсталъ и пришелъ въ опасное движеніе противъ этихъ мѣръ. Споръ, занимавшій вниманіе церкви въ теченіе цѣлаго столѣтія, теперь уже былъ забытъ, и монофелиты были уже поглощены массой православныхъ, такъ что теперь обѣ эти стороны могли соединиться вмѣстѣ для защиты предмета ихъ общаго почитанія.

---

[1]) Theophan. 617—8.

Императоръ Левъ повидимому былъ совершенно не подготовленъ къ тому возбужденію, которое послѣдовало за изданіемъ его указа, и онъ попытался утишить его объясненіемъ. У него не было, говорилъ онъ, намѣренія совершенно отмѣнять иконы, а только оградить народъ противъ злоупотребленій ими, и защитить ихъ отъ профанаціи удаленіемъ ихъ на такую высоту, чтобы къ нимъ нельзя было прикасаться или цѣловать ихъ. 726 г. Но общее недовольство было не такъ легко умиротворить, а между тѣмъ скоро случились событія, которыя придали ему еще болѣе напряженія. Сарацинское войско, вторгшееся въ страну до самой Никеи, по народному вѣрованію, было отражено особенно чтимыми иконами этого города [1]. На Эгейскомъ морѣ разрушенъ былъ одинъ вулканическій островъ, и воздухъ омрачился пепломъ, и эти явленія, въ которыхъ императоръ видѣлъ гнѣвъ неба противъ идолопоклонства своихъ подданныхъ, монахи, пользовавшіеся непреодолимымъ вліяніемъ на народъ, истолковывали въ смыслѣ знаменій гнѣва Божія противъ его нечестивыхъ указовъ [2]. Вліяніе монаховъ особенно сильно было среди жителей острововъ Архипелага. Эти послѣдніе поголовно возстали на защиту иконъ; они выставили нѣкоего Козьму въ качествѣ претендента напрестолъ, и вооруженная толпа, съ худо снаряженнымъ флотомъ, появилась даже предъ Константинополемъ. Но „греческій огонь“ разсѣялъ безпорядочныхъ повстанцевъ, ихъ предводители были взяты въ плѣнъ и преданы смерти, а Левъ, раздраженный противодѣйствіемъ, которое оказывалось его указу, издалъ второй и болѣе строгій указъ, которымъ повелѣвалось, чтобы всѣ иконы подвергнуты были истребленію, и чтобы тѣ мѣста, которыя были раскрашены живописью на стѣнахъ церквей, были тщательно заглажены и вымыты.

Императоръ, полагаясь на уступчивость, проявленную при нѣкоторыхъ прежнихъ случаяхъ Германомъ, патріархомъ Константинополя, неоднократно дѣлалъ попытки склонить его къ мѣрамъ противъ иконъ [3]. Но Германъ, которому теперь было уже 95 лѣтъ отъ роду, былъ непоколебимъ. Онъ напомнилъ Льву о клятвѣ, которая взята была съ него при его коронаціи, не дѣлать никакихъ нововведеній въ религіи. Въ частномъ свиданіи патріархъ будто бы заявилъ, что иконы нужно отмѣнить, но, прибавилъ онъ, „не въ твое царствованіе“. „Въ чье же царствованіе?“ спросилъ Левъ.—„Въ царствованіе императора, по имени Конона, который будетъ предтечей антихриста“.—„Кононъ“, сказалъ императоръ, „есть мое, данное мнѣ въ крещеніи имя“ [1]). Германъ доказывалъ, что иконами имѣется въ виду изображать не Троицу, а воплощеніе, что со времени явленія Спасителя въ человѣческомъ образѣ, ветхозавѣтныя запрещенія не имѣли больше силы, что церковь ни на какомъ вселенскомъ соборѣ не осуждала употребленія иконъ, и сослался на эдесское изображеніе лица Спасителя и на иконы, написанныя евангелистомъ Лукой. „Если я Іона“, сказалъ онъ, „брось меня въ море. Безъ вселенскаго собора я не могу дѣлать никакого нововведенія въ вѣрѣ“. Онъ отказалъ подписать новый указъ, и отрекся отъ своей каѳедры, на которую назначенъ былъ его секретарь Анастасій [2]).

---

[1] Theophan. 624.

[2] Nic. Cpol. 37.

[3] См. письма Германа, Hard. IV, 240—61.

Янв. 730 г.

Вскорѣ затѣмъ произошло серьезное смятеніе вслѣдствіе удаленія знаменитаго образа Спасителя, стоявшаго надъ бронзовыми воротами императорскаго дворца и извѣстнаго подъ названіемъ „Споручника“ [3]). Образъ этотъ былъ предметомъ многихъ чудесныхъ сказаній, и онъ пользовался великимъ уваженіемъ народа. Когда поэтому одному солдату было поручено снять этотъ образъ, толпы женщинъ бросились ко дворцу и съ воплями умоляли о томъ, чтобы не трогали этого образа. Солдатъ, однако же, поднялся по лѣстницѣ и ударилъ топоромъ прямо въ лице; при видѣ этого, народъ стащилъ лѣстницу и разорвалъ въ куски человѣка, осмѣливавшагося такъ оскорбить предметъ общаго благоговѣнія [4]). Женщины пришли въ полное изступленіе, и, присоединившись къ толпѣ мужчинъ, бросились къ дому новаго патріарха, съ намѣреніемъ убить его. Анастасій нашелъ убѣжище во дворцѣ, и императоръ выслалъ свою гвардію, которая и подавила смятеніе, но не безъ значительнаго кровопролитія. Образъ Спасителя былъ снятъ, и на мѣсто его была поставлена надпись, въ которой императоръ далъ волю своей враждѣ противъ иконъ [5]).

730 г.

---

[1]) Theophan. 626—7.

[2]) Nic. Cpol. 38; Theophan. 626—9.

[3]) Ἀντιφωνητής. Это названіе произошло изъ разсказа о томъ, что образъ этотъ сдѣлался чудесной порукой для одного благочестиваго матроса, которому приходилось занять денегъ.

[4]) Gregor. II, ap. Hard. IV, 11.

[5]) Theod. Studita, p. 136. Георгій Амартолъ говоритъ, что императоръ написалъ на образѣ Христа: „о, Спаситель! спаси Себя и насъ!“ и бросилъ его въ

Этотъ случай повелъ къ суровымъ мѣрамъ противъ народной партіи. Многіе были подвергнуты бичеванію, изуродованы или изгнаны, и гоненіе сильнѣе всего обрушилось на монаховъ, которые особенно были ненавистны императору, какъ вожди противодѣйствія его мѣрамъ, такъ и потому, что иконы большею частью были дѣломъ ихъ рукъ. Въ своемъ раздраженіи Левъ не зналъ никакихъ границъ, и для того, чтобы отдѣлаться отъ своихъ противниковъ, заперъ общенародныя школы, существовавшія со времени перваго христіанскаго императора, и даже сжегъ великолѣпную библіотеку со всей принадлежавшей къ ней коллегіей профессоровъ [1].

Но за предѣлами имперіи иконопочитаніе нашло себѣ сильнаго поборника въ лицѣ Іоанна Дамаскина, знаменитѣйшаго богослова своего времени [2]. Іоаннъ, согласно съ свидѣтельствомъ его жизнеописателя, патріарха іерусалимскаго, жившаго двумя столѣтіями позже его, былъ гражданскій сановникъ, состоявшій въ службѣ калифа дамасскаго. Его сочиненія противъ принятыхъ императоромъ мѣръ раздражили Льва до такой степени, что онъ пытался погубить его [3]. Въ подражаніе его почерку было составлено письмо, содержавшее отъ его имени предложеніе передать Дамаскъ грекамъ, и это письмо (которое выставлялось какъ одно изъ многихъ такихъ писемъ) Левъ отправилъ къ калифу, съ выраженіемъ благороднаго негодованія противъ мнимаго измѣнничества автора. Калифъ, не выслушавъ оправданій Іоанна во взводимомъ на него обвиненіи, или не обративъ вниманія на его просьбу объ отсрочкѣ суда, приказалъ отсѣчь ему правую руку, и она выставлена была на рынкѣ до вечера, когда Іоаннъ попросилъ, чтобы она была возвращена ему, для того чтобы чрезъ погребеніе ея онъ могъ хотя сколько нибудь избавиться отъ невыносимаго страданія, причинявшагося ему тѣмъ, что она висѣла въ воздухѣ. Получивъ обратно свою руку, онъ палъ ницъ предъ образомъ Богородицы, молился о томъ, чтобы, такъ какъ онъ лишился своей руки вслѣдствіе защиты иконъ, она возстановила ее ему, и давалъ отселѣ обѣтъ посвятить эту руку на служеніе ей. Затѣмъ онъ легъ спать, и въ видѣніи ему яви-

---

море, которое обличило нечестіе императора, благополучно доставивъ икону въ Римъ (cxlviii. 15).

[1] G. Hamart. cxlviii. 13; Cedren. 454.

[2] Baron. 727, 18—20. Іоаннъ былъ авторъ самаго древняго сочиненія по систематическому богословію: „точное изложеніе православной вѣры“, (Ἔκδοσις ἀκριβὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως). Это сочиненіе сдѣлалось основнымъ авторитетомъ въ греческой церкви. На Западѣ оно сдѣлалось извѣстнымъ отъ xii столѣтія въ латинскомъ переводѣ, и Іоаннъ Дамаскинъ считается предкомъ средневѣковыхъ ученыхъ.

[3] Vita Ioh. Damascen. 15—20, въ его твореніяхъ изданія Le Quien, Paris 1712, v. 1, pp. 10—13.

лась Богородица, а утромъ оказалось, что отсѣченная рука его оказалась на мѣстѣ совершенно исцѣленною. Калифъ, убѣжденный этимъ чудомъ въ невинности Іоанна, просилъ его остаться на своей службѣ; но Іоаннъ отправился въ монастырь св. Саввы близь Іерусалима, гдѣ монахи, встревоженные великою славою этого неофита, не знали, какъ относиться къ нему, и подвергали его различнымъ унизительнымъ и даже отвратительнымъ испытаніямъ. Но духъ его послушанія восторжествовалъ надъ всѣмъ, онъ былъ допущенъ въ монастырь и впослѣдствіи достигъ возвышенія въ санъ пресвитера.

Іоаннъ Дамаскинъ защищалъ иконопочитаніе въ трехъ рѣчахъ, изъ которыхъ двѣ были написаны раньше, а третья послѣ насильственнаго отреченія Германа. Въ нихъ онъ доказываетъ, что иконы запрещены были іудеямъ съ тою цѣлью, чтобы они не впадали въ заблужденіе своихъ языческихъ сосѣдей, или не попытались изображать невидимое Божество; но что со времени воплощенія Спасителя эти основанія не существуютъ болѣе, и мы не должны находиться въ рабствѣ простой буквѣ Писанія [1]). Правда, что св. Писаніе не предписываетъ почитанія иконъ; но въ немъ мы не встрѣчаемъ также яснаго, подробнаго изложенія ученія о Троицѣ, или о единосущіи, и иконы стоятъ на одной и той же почвѣ съ ученіями, которыя были извлечены отцами церкви изъ св. Писанія. Св. Писаніе указываетъ на законность почитанія иконъ постановленіями касательно изображенія херувимовъ, а также словами Спасителя касательно монетъ, идущихъ въ уплату подати. Какъ то, что носитъ образъ кесаря, принадлежитъ кесарю и должно быть воздаваемо ему, такъ равнымъ образомъ и то, что носитъ образъ Христа, должно быть воздаваемо Христу, какъ принадлежащее Христу [2]). Что образа вещественны, это отнюдь не можетъ служить основаніемъ противъ ихъ почитанія, потому что вещественны также и священныя мѣста, вещественны и чернила и пергаментъ Евангелій, вещественны евхаристическій жертвенникъ, его сосуды и его украшенія,—мало того, вещественны даже самое тѣло и кровь Спасителя [3]). „Я почитаю“, говоритъ Іоаннъ, „не вещество, а Творца вещества, который сдѣлался для меня вещественнымъ, чтобы посредствомъ вещества содѣлать мое спасеніе“ [4]). „Иконы“, продолжаетъ онъ, „составляютъ для неученыхъ то же самое, что книги для тѣхъ, кто умѣютъ читать; онѣ то же самое для зрѣнія, что рѣчь для слуха“ [5]). Онъ различаетъ между тѣмъ родомъ поклоненія, который принадлежитъ только одному Богу [1], и тѣмъ, который ради Его можетъ быть воздаваемъ Его ангеламъ и святымъ, или освященнымъ предметамъ [2]. Онъ отрицаетъ мысль, что если допустить иконы Спасителя и пресвятой дѣвы Маріи, то нужно всетаки отрицать иконы святыхъ; если, говоритъ онъ, содержатся праздники святыхъ, если церкви освящаются въ честь ихъ, то нужно также почитать и ихъ изображенія [3]. Въ доказательство своихъ положеній, онъ приводитъ множество свидѣтельствъ изъ отцовъ церкви, которыя имѣютъ такую же доказательность, какъ и его цитаты изъ св. Писанія, причемъ извѣстный разсказъ объ Епифанѣ, повелѣвшемъ уничтожить раскрашенную церковную завѣсу [4], выставлявшійся иконоборцами, устраняется имъ на томъ основаніи, что содержащее его письмо могло быть подложнымъ, или, что Епифаній могъ въ немъ имѣть въ виду какое либо неизвѣстное намъ мѣстное злоупотребленіе, что въ собственной церкви этого кипрскаго епископа еще употребляются иконы, и что во всякомъ случаѣ поступокъ отдѣльнаго лица не обязателенъ для цѣлой церкви [5]. Іоаннъ отрицаетъ, чтобы императоръ имѣлъ какую либо власть законодательствовать въ церковныхъ дѣлахъ: „благосостояніе государства“, говоритъ онъ, „лежитъ на обязанности государей, но устроеніе дѣлъ въ церкви принадлежитъ пастырямъ и учителямъ“, и угрожаетъ Льву библейскими примѣрами суда противъ тѣхъ, которые нарушали права церкви [6].

---

[1]) Orat. I, 7, 8, 16; II, 7, 8.
[2]) Orat. I, 20; II, 20, 21; III, 11.
[3]) Orat. II, 14; сн. I, 15.
[4]) Orat. I, 16.
[5]) Orat. I, 17.

Мѣры Льва произвели сильное возбужденіе и въ Италіи. Вѣрноподданничество этой страны уже давно и постепенно ослабѣвало. Экзархи были извѣстны народу только какъ сборщики податей, высасывавшіе изъ него деньги и отправлявшіе ихъ въ Константинополь; въ дѣлѣ защиты противъ ломбардовъ или другихъ враговъ, итальянскіе подданные имперіи вынуждены были полагаться всецѣло на самихъ себя, не ожидая никакой дѣйствительной помощи отъ императора и его намѣстника. Дѣйствительнымъ главой Италіи былъ папа, и связь, которую Григорій I и его преемники старались упрочить съ франкскими государями, какъ средство усиленія себя противъ имперіи, въ послѣднее время сдѣлалась болѣе тѣсною чрезъ посредство великаго миссіонера Бонифація [7]. Но древняя и еще не ослабѣвшая ненависть, съ которою римляне относились къ своимъ сосѣдямъ ломбардамъ, составляла значительный противовѣсъ противъ побужденій, которыя могли склонять папъ воспользоваться случаемъ для окончательнаго разрыва съ имперіей, и Григорій II, хотя и сильно противодѣйствовавшій Льву по вопросу объ иконопочитаніи, однако же, дѣйствовалъ отчасти въ качествѣ посредника между нимъ и его итальянскими подданными.

---

[1] Λατρεία.

[2] Orat. I, 14; III, 16—39.

[3] Orat. I, 19, 21; II, 11, 15.

[4] См. выше стр. 327.

[5] Orat. I, 26. Во II, 18 онъ безусловно говоритъ, что письмо подложно.

[6] Orat. II, 12.

[7] См. слѣдующую главу.

Получивъ указы противъ иконопочитанія, Григорій отвергъ ихъ. Жители Равенны изгнали экзарха, искавшаго себѣ убѣжища въ Павіи. Ліутпрандъ, король ломбардскій, быстро воспользовался наступившими смутами для того, чтобы вторгнуться съ своими войсками въ императорскія владѣнія, и то во враждѣ съ экзархомъ, то въ связи съ нимъ противъ папы, старался извлечь всевозможную выгоду для себя изъ раздора своихъ сосѣдей. Во время этихъ смятеній, одинъ экзархъ былъ убитъ. Папа, надѣясь на обращеніе Льва (какъ говорятъ нѣкоторые писатели въ римскихъ интересахъ), удерживалъ итальянцевъ отъ поставленія независимаго себѣ императора, и когда Ліутпрандъ въ союзѣ съ новымъ экзархомъ явился подъ стѣнами Рима, онъ вышелъ къ нему на встрѣчу и убѣдилъ ломбардскаго короля оставить свое намѣреніе противъ города. Отсюда такимъ образомъ могло казаться, что сохраненіемъ своихъ итальянскихъ владѣній императоръ главнымъ образомъ обязанъ былъ папѣ Григорію [1]). Но отношенія между этими властелинами были отнюдь не дружественнаго свойства. По повелѣнію Льва, будто бы, не разъ были дѣлаемы покушенія на умерщвленіе Григорія. Основаніемъ этого разсказа, повидимому служитъ то, что, какъ заявляетъ самъ папа, было намѣреніе увезти его на востокъ, какъ въ преъидущемъ столѣтіи увезенъ былъ Мартинъ [2]). По отреченіи патріарха Германа, Григорій отказался признать его преемника, и писалъ Льву въ весьма укорительномъ духѣ [3]). Онъ излагалъ обычные доводы въ пользу иконопочитанія и укорялъ императора за нарушеніе имъ самыхъ торжественныхъ обязательствъ. „Мы должны“, говоритъ онъ, писать къ тебѣ грубо и настойчиво, такъ какъ ты безграмотенъ и грубъ... Приди въ наши элементарныя школы и скажи: я ниспровергатель и гонитель иконъ, и дѣти немедленно забросаютъ тебя своими дощечками, и ты будешь наученъ отъ неразумныхъ тому, чему ты

726—30 г.

---

[1]) Anastas, 157. Исторія этихъ движеній весьма запутана и составляетъ предметъ споровъ.

[2]) Greg. ii ap. Hard. iv, 11; Anastas. 156—7.

[3]) Его два письма (Hard. iv, 1—18) впервые были изданы Бароніемъ (xii, 346—59), но невѣрно были отнесены имъ къ 726 году, между тѣмъ какъ они въ дѣйствительности написаны около 729 года, по Мураторію, или въ послѣдніе четыре мѣсяца 730 года, по Паги (xii, 345, 390). Гефеле, однако же, склоненъ соглашаться съ Бароніемъ касательно болѣе ранняго изъ этихъ писемъ (iii, 370—2). Подлинность ихъ подвергалась сомнѣніямъ, но вообще допускается.

отказываешься научиться отъ мудрыхъ". Левъ, говоритъ онъ, руководился желаніемъ уподобиться Озіи [1]), что какъ этотъ іудейскій царь разрушилъ мѣднаго змія послѣ его восьмисотлѣтняго существованія, такъ и онъ выбрасывалъ иконы послѣ подобной же продолжительности ихъ почитанія. Нетакъ худо называться еретикомъ, чѣмъ иконоборцемъ, говоритъ онъ: потому что позоръ еретика извѣстенъ немногимъ, и немногіе понимаютъ его преступленіе; но здѣсь преступленіе осязательно и ясно какъ день. Левъ предполагалъ для улаженія вопроса созвать соборъ; но предложеніе это напрасное, такъ какъ, если даже соберется соборъ, императоръ не вправѣ будетъ принять въ немъ участіе въ качествѣ благочестиваго государя. Говорить, какъ говорилъ онъ: „я императоръ и священникъ", было бы прилично для человѣка покровительствующаго и приносящаго жертвы церкви, а не человѣку, который грабилъ ее и отвлекалъ народъ отъ благочестиваго поклоненія иконамъ къ распутнымъ удовольствіямъ: императоры только для гражданскихъ дѣлъ, а для духовныхъ священники. Папа пренебрежительно говоритъ объ угрозѣ увезти его въ Константинополь: вѣдь ему стоитъ только удалиться на 24 стадіи отъ стѣнъ Рима въ Кампанью, и его врагамъ придется преслѣдовать лишь вѣтеръ. Почему, спрашиваютъ, шесть вселенскихъ соборовъ ничего не говорили объ иконопочитаніи? Задавать подобный вопросъ, отвѣчаетъ Григорій, было бы то же самое, какъ задавать вопросъ о томъ, почему они не говорили объ обыкновенной пищѣ и питьѣ; иконы суть предметъ преданія и находились въ безспорномъ употребленіи; епископы, присутствовавшіе на соборахъ, имѣли иконы съ собою. Папа затѣмъ увѣщевалъ императора раскаяться и угрожалъ ему страшнымъ судомъ; онъ совѣтовалъ ему вразумиться примѣромъ несчастной судьбы моноѳелитскаго Констанса и славой жертвъ этого государя, именно мучениковъ Максима и Мартина.

Послѣдующія дѣйствія Григорія составляютъ предметъ спора. Крайніе написты и ихъ крайніе противники сходятся въ свидѣтельствѣ, что папа отлучилъ императора, освободилъ своихъ итальянскихъ подданныхъ отъ вѣрноподданничества ему, и запретилъ платить дань, пользуясь при этомъ правомъ апостольскаго авторитета, по свидѣтельству однихъ, антихристіанской узурпацiей, по мнѣнію другихъ [2]). Но болѣе умѣренные изслѣдователи показали, что эти свидѣтельства не вѣрны. Папы того вѣка не дѣлали никакого притязанія на право низложенія государей, или освобожденія подданныхъ отъ ихъ вѣрноподданничества; Григорій въ своемъ второмъ письмѣ, отрицая, что императоръ имѣетъ право вмѣшиваться въ церковныя дѣла, выразительно отрекается отъ власти вмѣшиваться въ дѣла государей, и разсказъ касательно отмѣны подати повидимому возникъ изъ факта народнаго противодѣйствія неполитичному возвышенію налоговъ. Хотя Григорій и рѣзко осуждалъ иконоборчество, онъ повидимому не произнесъ никакого отлученія противъ императора, и даже если онъ отлучилъ его, приговоръ этотъ, повидимому, не былъ приведенъ въ исполненіе церковью константинопольскою. Самое большее, что можно сказать въ этомъ отношеніи, повидимому заключается въ томъ, что, поднявъ голосъ противъ Льва какъ еретика и гонителя, папа сдѣлалъ его ненавистнымъ его итальянскимъ подданнымъ и такимъ образомъ проложилъ путь къ тому отдѣленію отъ имперіи, которое и послѣдовало черезъ полустолѣтіе.

---

[1]) Ошибка здѣсь очевидна сама собой.

[2]) Бароній говоритъ, что папа, послѣ долгой снисходительности, нашелъ, что наконецъ настало время положить топоръ къ корню дерева и сказать: „срубите его", подавая своимъ римлянамъ такимъ образомъ примѣръ не позволять упорнымъ еретическимъ государямъ царствовать (730. 5). См. также Беллярминъ, De Rom. Pontif. v, 8. Касательно крайнихъ протестантскихъ воззрѣній см. Магдебургскія Центуріи, Cent. viii, pp. 380, 518 (edit. Basil. 1624 г.). Основа этого разска-

Февр. 731 г.

Въ слѣдующемъ году, Григорію II наслѣдовалъ третій папа того же имени, причемъ все еще считалось необходимымъ, чтобы предъ его посвященіемъ избраніе его было утверждено экзархомъ. Григорій III, сиріецъ по происхожденію, былъ ревностнымъ поборникомъ въ пользу иконъ, и трудился съ цѣлью возвысить въ народѣ почтеніе къ нимъ. Онъ противодѣйствовалъ Льву въ его иконоборческихъ мѣрахъ, и созвалъ соборъ изъ девяноста восьми епископовъ, который анаѳематствовалъ всѣхъ враговъ иконопочитанія, не упоминая однако же императора по имени [1]). Левъ, негодуя на подобную дерзость папы, заключилъ его посланныхъ въ тюрьму, и рѣшилъ отправить флотъ для приведенія Италіи въ болѣе смиренное подданничество. Но флотъ былъ разрушенъ бурями, и императоръ вынужденъ былъ ограничиться конфискаціей папскихъ доходовъ (или *патримоніи*) въ Сициліи, Калабріи и другихъ частяхъ его владѣній, и перечисленіемъ Греціи и Иллиріи изъ римскаго патріархата къ патріархату Константинополя [2]).

Нояб. 731 г.

733 г.

Григорію III въ 741 году наслѣдовалъ Захарія, а Льву — его сынъ Константинъ, царствованіе котораго было необычно долгимъ

за идетъ отъ греческихъ писателей, какъ Ѳеофанъ (621—9) и Г. Амартолъ (cxlviii, 18), но она впослѣдствіи была принята и латинскими писателями среднихъ вѣковъ. Въ отвѣтъ на возобновленіе этого разсказа Грегоровіусомъ (II, 255), см. *Döllinger*, Papst.—Fabeln. 153—4.

[1]) Anastas. 158.

[2]) Адріанъ I въ Patrol. xcviii, 1292.

для этого времени, именно, продолжалось 34 года. Этотъ государь (который обыкновенно называется Копронимомъ, вслѣдствіе того, что онъ въ дѣтствѣ осквернилъ купель [1]) обвиняется со стороны церковныхъ писателей въ чудовищныхъ порокахъ и въ преданности волшебству, причемъ его защитники, напротивъ, утверждаютъ, что онъ былъ замѣчательно цѣломудренный и умѣренный человѣкъ. Во всякомъ случаѣ онъ безпорно обладалъ такими свойствами, какъ энергичность, способность и жестокость. Онъ успѣшно защищалъ свою имперію противъ сарацинъ, болгаръ и другихъ враговъ, и при немъ весьма значительно улучшилось внутреннее управленіе.

Затрудненія, въ которыхъ находился Константинъ вслѣдствіе сарацинской войны и вслѣдствіе недовольства, возбужденнаго вопросомъ касательно иконопочитанія, дали смѣлость его свояку Артавазду заявить притязаніе на престолъ, и къ этому шагу онъ почти вынужденъ былъ ревнивостью самого императора. Артаваздъ апеллировалъ къ народной преданности иконамъ, и возстановилъ ихъ во всѣхъ мѣстахъ, какія только онъ захватилъ въ свою власть. Онъ былъ коронованъ патріархомъ Анастасіемъ, который, держа крестъ въ своихъ рукахъ, торжественно клялся, что Константинъ признался ему въ своемъ мнѣніи, что Спаситель былъ простой человѣкъ, рожденный обычнымъ путемъ [2]). Папа Захарія призналъ Артавазда императоромъ; но по истеченіи трехъ лѣтъ соперникъ Константина былъ низложенъ, и какъ онъ, такъ и его приверженцы, подверглись жестокимъ наказаніямъ. Анастасій былъ ослѣпленъ и выставленъ въ ипподромѣ сидящимъ на ослѣ, лицемъ къ хвосту; тѣмъ не менѣе послѣ этого Константинъ возстановилъ его на патріаршество, быть можетъ желая этимъ выразить свое презрѣніе ко всему духовенству [3]).

Константинъ, будто бы, высказывалъ несторіанскія мнѣнія и не вѣрилъ въ заступничество пресвятой Богородицы и святыхъ. Но если такъ, то подобныя его мнѣнія высказывались имъ тайно и не предназначались для публичнаго заявленія, да и вообще императоръ весьма осторожно дѣлалъ какіе либо явные шаги въ дѣлахъ религіи. По вопросу объ иконопочитаніи онъ хотѣлъ подкрѣпить себя авторитетомъ какого либо вселенскаго собора, и созвалъ таковой на 754 годъ, заявивъ въ предшествующемъ году желаніе, чтобы въ видѣ подготовленія вопросъ этотъ былъ обсужденъ на провинціальныхъ собраніяхъ епископовъ. Каѳедра константинопольская была вакантной вслѣдствіе смерти Анастасія, каковое обстоятельство, быть можетъ, и содѣйствовало уступчивости желаніямъ императора со стороны лицъ, которыя домогались занять это высокое положеніе. Остальные три патріарха Востока находились подъ магометанскимъ владычествомъ, а Стефанъ римскій не обратилъ вниманія на императорское приглашеніе. Вслѣдствіе отсутствія всѣхъ патріарховъ, на соборѣ поэтому, предсѣдательствовали епископы ефесскій и пергскій, и соборъ засѣдалъ во дворцѣ на азіатскомъ берегу Босфора, за исключеніемъ послѣдняго засѣданія, которое состоялось въ церкви Влахернской. Число епископовъ, хотя и собранныхъ только изъ владѣній императора, восходило до трехъ сотъ-тридцати-восьми [1], и ихъ рѣшенія послѣ засѣданій, длившихся отъ февраля до августа, были подписаны ими единогласно, представляя доказательство скорѣе той подавленности, въ которой находился епископатъ, чѣмъ какого либо дѣйствительнаго убѣжденія съ ихъ стороны. Епископы старались обосновать свое опредѣленіе на авторитетѣ отцовъ, изъ сочиненій которыхъ сдѣланы были выдержки. Они объявили всѣ изображенія, дѣлаемыя для религіозныхъ цѣлей искусствомъ живописца или скульптора, незаконными, языческими и идолопоклонническими [2]. Тѣ, которые дѣлаютъ такія изображенія Спасителя, — говорилось въ опредѣленіи, — или ограничиваютъ безграничнаго Бога предѣлами сотворенной плоти, или смѣшиваютъ естества, подобно Евтихію, или отрицаютъ Божество, подобно Арію, или, вмѣстѣ съ несторіанами, отдѣляютъ его отъ человѣчества, такъ чтобы сдѣлать два лица. Одна только евхаристія объявляется истиннымъ образомъ Спасителя, причемъ единеніе божественной благодати съ вещественными элементами прообразуетъ единеніе Божества съ человѣческимъ образомъ. Всѣ иконы, поэтому, опредѣлено было удалить изъ церквей. Епископы, священники, или діаконы, противодѣйствующіе опредѣленіямъ собора, почитаніемъ ли иконъ, поклоненіемъ имъ, поставленіемъ ихъ, или тайнымъ содержаніемъ ихъ у себя, подлежали низложенію, монахи и міряне, за подобныя же преступленія должны были подлежать отлученію [3]. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако же было постановлено, чтобы никто не распространялъ этого опредѣленія на священные сосуды или одежды, подъ предлогомъ украшенности ихъ изображеніями, кромѣ какъ съ позволенія императора, или патріарха, и что никто изъ властныхъ лицъ не долженъ подъ этимъ предлогомъ грабить церквей, какъ это уже дѣлалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Съ цѣлью быть можетъ очистить себя отъ нареканій, уже дѣлавшихся въ отношеніи вѣры самого императора, епископы формально объявили законность призыванія въ молитвахъ пресвятой Богородицы и святыхъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ они произнесли анаѳемы противъ всякаго религіознаго искусства [2]), анаѳематствовали поименно нѣкоторыхъ наиболѣе извѣстныхъ защитниковъ иконопочитанія—Германа, Георгія Кипрскаго, Іоанна Дамаскина, котораго они называли именемъ Мансура [3]), позорили всякими безчестными эпитетами и подвергли троякому проклятію [4]).

---

[1]) Theophan. 613. Разсказъ этотъ, однако же подвергался сомнѣнію, и приводятся другія основанія для этого имени. См. Ducange, подъ словомъ Caballinus.

[2]) Theophan. 639.

[3]) Theophan. 647—8.

---

[1] Hard. IV, 345.
[2] Hard. IV, 380, 415.
[3] Hard. IV, 416—17.

Подкрѣпленный этими опредѣленіями собора, Константинъ теперь издалъ приказъ объ удаленіи всѣхъ иконъ. Что касается религіозныхъ изображеній на стѣнахъ церквей, то онъ приказалъ, чтобы на мѣсто ихъ изображены были другіе предметы, какъ напр. птицы и плоды, или сцены изъ охоты, театра и цирка [5]). Отъ духовенства и болѣе извѣстныхъ монаховъ онъ требовалъ подписи опредѣленія собора, и въ позднѣйшее время клятва противъ иконопочитанія требовалась и отъ всѣхъ жителей имперіи [6]). Не видно, чтобы кто либо изъ епископовъ отказался отъ исполненія этого приказанія, но монахи энергично выступили на защиту иконъ, и императоръ старался смирить ихъ самыми варварскими жестокостями. Ревность монаховъ въ пользу иконъ раздражила его до такой степени, что онъ даже пытался совершенно истребить монашество, принуждая монаховъ оставить свое исповѣданіе. Такъ извѣстно, что нѣсколько монаховъ были вынуждены явиться на ипподромъ въ Константинополѣ, причемъ каждый, держа за руку женщину худой славы, подвергался тамъ издѣвательству и оплеванію со стороны народа [7]). Новый патріархъ Константинъ, котораго императоръ представилъ собору какъ преемника Анастасію, въ послѣдній день собранія былъ вынужденъ торжественно отречься отъ иконъ и, въ нарушеніе принятыхъ имъ монашескихъ обѣтовъ, присутствовать на банкетахъ во дворцѣ, свободно ѣсть и пить, носить гирлянды, присутствовать при грубыхъ зрѣлищахъ и слушать неприличныя рѣчи и музыку, которыми забавлялся императоръ. Монастыри подвергались разрушенію, обращались въ казармы, или въ другія гражданскія учрежденія. Въ особенности отличался настойчивостью въ этихъ мѣрахъ противъ монаховъ правитель ѳракійскаго округа Михаилъ Лаханадраконъ. Онъ собралъ многихъ изъ нихъ на одной равнинѣ и заявилъ имъ, что тѣ изъ нихъ, которые склонны повиноваться императору и ему, немедленно же должны надѣть на себя бѣлыя одежды и выбрать себѣ жену, причемъ тѣ, которые откажутся отъ этого, будутъ лишены зрѣнія и изгнаны на островъ Кипръ. Нѣкоторые поддались этому соблазну, но большинство предпочли подвергнуться наказанію. Лаханадраконъ подвергъ многихъ монаховъ смерти, обмазывалъ бороды нѣкоторыхъ смѣсью масла и воска и затѣмъ поджигалъ ихъ, жегъ монастыри, продавалъ церковную утварь, книги, скотъ и другую принадлежавшую имъ собственность, и вырученныя деньги представлялъ императору, который публично благодарилъ его за эту ревность и ставилъ его въ примѣръ и другимъ правителямъ [1]). Одинаковой участи съ иконами въ значительной степени подвергались и мощи, хотя и не съ такою настойчивостью. Лаханадраконъ захватывалъ всѣ мощи, которыя оказывались принадлежащими отдѣльнымъ лицамъ, и наказывалъ подобныхъ лицъ, какъ нечестивыхъ и непокорныхъ. Мощи св. Евфиміи, въ Халкидонѣ, уже во время 4-го вселенскаго собора славившіяся своими чудесами и издававшія благоуханіе, были брошены въ море, а самое мѣсто, гдѣ онѣ покоились предъ тѣмъ, подверглось оскверненію. Но волнами онѣ принесены были на островъ Лемносъ, гдѣ въ видѣніяхъ указано было ихъ мѣстонахожденіе, вслѣдствіе чего онѣ и спасены были до болѣе благопріятныхъ временъ [2]).

---

[1]) Тамъ же, 429, 432.

[2]) Тамъ же, 424 и слѣд.

[3]) Повидимому, таково было имя отца Іоанна Дамаскина, или, во всякомъ случаѣ, похоже на него, но намѣренно понимаемое въ смыслѣ незаконорожденнаго. См. Theophan. 432, Парижъ. изд. G. Hamart. pp. 639, 651. Acta SS. Mai 6, p. 108. Ducange,, подъ словомъ Μανσοὺρ.

[4]) Theophan. 643; Hard. iv, 437.

[5]) Theophan. 659; Vita Stephani Junioris in Patrol. Graec. c. 1113. Отсюда жизнеописатель Стефана говоритъ, что онъ обратилъ церковь въ ὀπωροφυλάκιον овощный погребъ) καὶ ὀρνεοσκοπεῖον (птичникъ) 1120.

[6]) Въ 766 году. Niceph. Cpol. 47.

[7]) См. Theophan. 675—6.

Монахи съ своей стороны проявляли изумительную смѣлость и стойкость, еще болѣе раздражая императора и его сановниковъ и побуждая ихъ къ еще большей жестокости. Такъ, нѣкій инокъ, по имени Петръ Каливитъ [3]), лично явился къ Константину и укорялъ его, какъ новаго Валента и Юліана, за гоненіе Христа въ Его членахъ и въ Его изображеніяхъ. За эту смѣлость Петръ подвергнутъ былъ бичеванію въ ипподромѣ и впослѣдствіи задушенъ. Другимъ знаменитымъ мученикомъ былъ Стефанъ, жившій въ монашествѣ въ теченіе 60 лѣтъ. Онъ смѣло укорялъ императора, остался непоколебленнымъ вслѣдствіе ссылки и мученій, и въ поясненіе того, какъ оскорбленіе, наносимое иконамъ, наносится вмѣстѣ съ тѣмъ изображаемымъ на нихъ святымъ лицамъ, онъ вынулъ монету съ изображеніемъ на ней головы императора, бросилъ ее на землю и топталъ ее. За это онъ былъ подвергнутъ тюремному заключенію, но сочувствіе къ нему его почитателей проявилось съ такою силою, что Константинъ вынужденъ былъ воскликнуть: „я ли, или этотъ монахъ императоръ міра?“ Слова эти были подхвачены нѣкоторыми царедворцами въ видѣ намека на необходимость раздѣлаться съ монахомъ, они бросились къ тюрьмѣ и вторглись въ нее. Стефанъ былъ волочимъ по улицамъ за веревку, привязанную къ одной изъ его ногъ, пока не умеръ, и тѣло его было разорвано въ куски, которые были брошены въ одно мѣсто, назначенное для погребенія язычниковъ и отлученныхъ лицъ, самоубійцъ и преступниковъ [1]).

---

[1]) Theophan. 688—90.

[2]) Theophan. 679.

[3]) Отъ καλύβη—шалашъ или хижина. Повидимому, Ѳеофанъ смѣшалъ здѣсь двухъ иноковъ, Андрея и Петра. См. Acta SS. Oct. 17, pp. 128—30.

Патріархъ Константинъ, не смотря на всю свою податливость, былъ обвиненъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Стефаномъ и въ непочтительныхъ отзывахъ объ императорѣ, и на основаніи этого обвиненія онъ былъ сосланъ на одинъ островъ, а на его мѣсто на патріаршій престолъ возведенъ былъ Никита, евнухъ славянскаго происхожденія. Во второмъ году своей ссылки Константинъ былъ обратно привезенъ въ столицу. Будучи подвергнутъ такимъ побоямъ, 767 г. что не могъ уже болѣе ходить, онъ принесенъ былъ въ соборъ, гдѣ противъ него громко были прочитаны различныя обвиненія, и, при каждомъ указаніи на преступленіе, особый императорскій чиновникъ ударялъ его въ лице. Затѣмъ онъ принужденъ былъ стоять на каѳедрѣ, когда Никита произносилъ его отлученіе, послѣ чего съ него сняты были церковныя одѣянія, знаки его церковнаго достоинства, и онъ обратно выведенъ изъ церкви. На слѣдующій день его привели въ ипподромъ, волоса, брови и борода были у него вырваны онъ посаженъ былъ на осла лицемъ къ хвосту, который приказано было держать ему обѣими руками, и его племянникъ, съ отрѣзаннымъ носомъ, водилъ этого осла кругомъ, на потѣху зрителямъ, всячески издѣвавшимся и плевавшимъ на низложеннаго патріарха. Затѣмъ онъ былъ грубо поваленъ на полъ, и, попираемый ногами, лежалъ такъ, служа предметомъ издѣвательства черни до самаго окончанія игръ этого дня. Нѣсколько дней спустя нѣсколько патриціевъ были посланы спросить его въ тюрьмѣ касательно его мнѣнія о православіи императора и опредѣленій собора противъ иконопочитанія. Патріархъ, думая смягчить ярость своего гонителя, выразился обо всемъ одобрительно. „Это“, сказали они, „все, что мы и хотѣли услышать далѣе изъ твоихъ нечестивыхъ устъ; теперь ты преданъ проклятію и тьмѣ кромѣшной!“ Злополучный человѣкъ былъ немедленно обезглавленъ, и его голова, послѣ трехдневной публичной выставки, была брошена вмѣстѣ съ тѣломъ въ то же самое позорное мѣсто, гдѣ раньше похороненъ былъ Стефанъ [2]).

---

[1]) Nic. Cpol. 46. См. жизнь Стефана въ Patrol. Graec. C.

[2]) Theophan. 677—83.

Эти подробности приводятся въ примѣръ тѣхъ жестокостей, которыя приписываются Константину Копрониму. До конца своего царствованія онъ не ослабѣвалъ въ своей фанатической враждѣ къ иконопочитателямъ. Въ 775 году, во время одного военнаго похода, онъ подвергся жгучей боли въ своихъ ногахъ, которая, по свидѣтельству современниковъ, вызывала у него столь частые и сильные крики, что онъ уже повидимому заживо чувствовалъ на себѣ мученія ада. Онъ умеръ на морѣ, на своемъ пути въ Константинополь[1].

ГЛАВА XXVII.

Св. Бонифацій.

(715—755).

Среди миссіонерскихъ предпріятій англосаксонцевъ были и попытки обратить въ христіанство племена Сѣверной Германіи. Суидбертъ, одинъ изъ первоначальныхъ спутниковъ Виллиброрда, былъ посвященъ въ Англіи, во время посѣщенія его учителемъ Рима, и отправился проповѣдывать боруктуарійцамъ, занимавшимъ мѣстность между Эмсомъ и Исселемъ; но смуты въ странѣ заставили его удалиться изъ нея, и онъ впослѣдствіи трудился въ области нижняго Рейна[2]). Два брата, по имени Гевальды, отличавшіеся между собою эпитетами „бѣлый“ и „черный“, извѣстны также тѣмъ, что они проникли въ страну древнихъ саксонцевъ и закончили тамъ свою жизнь мученичествомъ. Но никакого прочнаго миссіонерскаго успѣха не было сдѣлано по восточную сторону Рейна, въ нижней части его теченія, пока не выступилъ Бонифацій[3]).

Этотъ миссіонеръ, первоначальное имя котораго было Винфридъ[4]), родился въ Кредитонѣ, въ Девонширѣ, отъ благороднаго, богатаго семейства, около 680 года. Родители желали, чтобы онъ выбралъ гражданскую службу; но на мальчика въ самые ранніе годы произвело вліяніе разсужденіе нѣкоторыхъ монаховъ, посѣтившихъ домъ его отца, и въ семилѣтнемъ возрастѣ онъ вступилъ въ монастырь въ Эксетерѣ, изъ котораго онъ впослѣдствіи удалился въ

---

[1]) Тамъ же, 693—4.

[2]) Beda, v, 11.

[3]) Главными источниками касательно исторіи Бонифація служатъ его собственная корреспонденція и жизнеописанія, сдѣланныя его ученикомъ Виллебальдомъ, епископомъ Эйхштедскимъ (о которомъ см. Acta SS, Jul. 7), и Отлономъ, монахомъ ратисбонскимъ, въ послѣдней части xi столѣтія; всѣ они напечатаны въ Patrologia, lxxxix. Ср. Acta SS. Jun. 5.

[4]) Имя Бонифацій, по общему мнѣнію, дано ему папой при его посѣщеніи. Но оно встрѣчается и раньше, и вѣроятно принято было имъ, когда онъ вступилъ въ монашество.

монастырь Нутсцельскій (Нудшаллингъ, или Нурслингъ), въ Гампширѣ 1). Здѣсь онъ прославился своею способностью въ качествѣ проповѣдника и толкователя св. Писанія. Ему поручались важныя церковныя дѣла, и предоставлялась возможность занять выдающееся положеніе въ церкви своей собственной страны; но онъ охваченъ былъ искреннимъ желаніемъ трудиться для распространенія Евангелія, и съ двумя спутниками переправился чрезъ море въ Фризію, въ 716 году. Состояніе дѣлъ въ этой странѣ было неблагопріятно для его цѣли. Карлъ, позднѣе называвшійся Мартеломъ, сынъ Пипина Геристальскаго отъ одной наложницы, овладѣлъ майордомствомъ въ Австразіи и теперь занятъ былъ войной съ Радбодомъ фризійскимъ, который вступилъ въ союзъ съ Рагенфридомъ, майордомомъ невстрійскимъ. Этотъ языческій государь разрушилъ много церквей и монастырей, и хотя онъ допустилъ Бонифація къ свиданію съ собою, однако же отказалъ ему въ позволеніи проповѣдывать въ своихъ владѣніяхъ. Бонифацій поэтому возвратился въ Нутсцеллу, гдѣ монахи, по случаю вакансіи должности настоятеля своего монастыря, пожелали избрать его своимъ аббатомъ. Но его миссіонерская ревность побудила его воспротивиться ихъ желаніямъ, и обезпечивъ при содѣйствіи своего епископа Даніила винчестерскаго, назначеніе другаго аббата, онъ, весною 717 года, отправился въ Римъ. Благодаря письму отъ Даніила, онъ нашелъ добрый пріемъ отъ Григорія п, который имѣлъ съ нимъ много совѣщаній въ теченіе слѣдующей зимы, и въ 718 году Бонифацій оставилъ Римъ, захвативъ съ собой нѣсколько мощей, а также получивъ порученіе, которымъ папа уполномочилъ его проповѣдывать язычникамъ Германіи, гдѣ только представится ему благопріятный случай къ тому. Побывавъ въ Баваріи и Тюрингіи, онъ побужденъ былъ вѣстью о смерти Радбода
719 г. вновь отправиться во Фризію, гдѣ и трудился въ теченіе трехъ лѣтъ подъ покровительствомъ Виллиброрда. Престарѣлый епископъ хотѣлъ назначить его своимъ преемникомъ, но Бонифацій отклонилъ отъ себя эту честь на томъ основаніи, что такъ какъ ему еще не было 50 лѣтъ отъ роду, то онъ и не пригоденъ былъ къ столь высокой должности, и что онъ долженъ посвятить себя той области, для которой особенно и назначилъ
722 г. его папа. Поэтому онъ простился съ Виллибрордомъ и отправился въ Гессію. Два мѣстныхъ начальника, Деддигъ и Діерольфъ, которые, исповѣдуя христіанство, оставались идолопоклонниками, дали ему позволеніе поселиться въ Аманабургѣ, на Омѣ (Аманѣ), гдѣ въ короткое время онъ отклонилъ ихъ отъ ихъ языческихъ обрядовъ и крестилъ нѣсколько ты-

---

1) Исчезновеніе Нутсцелла изъ списка англійскихъ монастырей объясняется опустошеніями датчанъ.

сячъ гессенцевъ. Получивъ донесеніе объ этомъ успѣхѣ, Григорій вызвалъ Бонифація въ Римъ, и формально взявъ съ него исповѣданіе вѣры, рукоположилъ его въ миссіонера-епископа, въ то же время привязавъ его къ папскому сѣдалищу особой клятвой, что было новшествомъ въ отношеніи къ миссіонеру, хотя съ нѣкоторыми необходимыми измѣненіями она была тою же самою, которая давно требовалась отъ епископовъ въ предѣлахъ собственно римскаго патріархата [1]). Стоя у гроба ап. Петра, къ которому обращена была клятва, Бонифацій торжественно клялся повиноваться этому апостолу и папѣ, какъ его намѣстнику, ни подъ какимъ видомъ не соглашаться на что-либо вопреки единства каѳолической церкви, во всемъ быть вѣрнымъ апостолу и интересамъ римской каѳедры, не имѣть ни общенія, ни дружества съ епископами, которые станутъ дѣйствовать вопреки установленіямъ святыхъ отцовъ, но сдерживать такихъ лицъ, если возможно, или же въ противномъ случаѣ немедленно доносить о нихъ своему господину—папѣ [2]).

30 ноября 723 г.

Епископъ получилъ отъ папы цѣлый кодексъ правилъ для управленія своею церковью (вѣроятно „Сборникъ“ Діонисія Малаго), и опытомъ узнавъ важность обезпеченія благоволенія государей для миссіонерскихъ предпріятій, онъ взялъ съ собою одобреніе отъ Григорія къ Карлу Мартелу, который отъ имени изможденныхъ потомковъ Кловиса былъ дѣйствительнымъ государемъ ихъ королевства. Онъ снабженъ былъ также отъ папы посланіями къ народамъ, среди которыхъ онъ долженъ былъ производить свои труды. Карлъ Мартелъ принялъ миссіонера холодно; такія предпріятія, какъ предпріятіе Бонифація, не имѣли никакого интереса для этого грубаго воина, да и духовенство его двора едва ли могло благосклонно относиться къ человѣку, жизнь и міросозерцаніе котораго были столь различны отъ его собственныхъ. Бонифацій однако же получилъ отъ Карла желаемое имъ позволеніе проповѣдывать за Рейномъ, вмѣстѣ съ покровительственнымъ письмомъ, которое оказалось весьма полезнымъ для него [3]).

Въ Гессіи и Тюрингіи, въ тѣхъ странахъ, куда отправился онъ теперь, христіанство было проповѣдано уже давно, но отдѣльными миссіонерами и безъ всякой правильной системы. Вѣрованіе и жизнь обращенцевъ въ значительной степени были еще перемѣшаны съ язычествомъ; Бонифацій говоритъ, что даже были такіе пресвитеры, которые приносили жертвы языческимъ богамъ. Проповѣдники-миссіонеры большею частью выходили изъ ирландской церкви, въ которой діоцезное епископство было еще неизвѣстно, и юрисдикція была не связана съ саномъ епископа; они приносили съ собой своеобразныя идеи касательно ограниченности епископскихъ правъ, не руководились никакой дисциплиной или какими либо соображеніями касательно единства, не признавали никакого подчиненія Риму и не находились ни подъ какой епископской властью. Бонифацій часто жалуется на этихъ миссіонеровъ, какъ на „блудниковъ“ и „прелюбодѣевъ“ [1]), каковыя слова въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ означать и обвиненіе въ дѣйствительной безнравственности, хотя въ общемъ означаютъ не что иное, какъ то, что ирландскіе миссіонеры держались ученія своей туземной церкви касательно законности брака для духовенства. Онъ говоритъ также о томъ, что нѣкоторые старались величаться передъ народомъ притязаніями на необычайный аскетизмъ, питались только молокомъ и медомъ и отвергали даже хлѣбъ [2]). Съ этими соперничествующими проповѣдками ему приходилось не разъ вступать въ серьезные и продолжительные споры.

---

[1]) См. Liber Diurnus, III, 8 (Patrol. CV).

[2]) Patrol. LXXXIX, 803.

[3]) Greg. Epp. 2, 3, 7, 11, 12.

Среди сборника переписки Бонифація есть письмо отъ его стараго покровителя, Даніила винчестерскаго [3]), содержащее совѣтъ касательно веденія имъ своего миссіонерскаго дѣла. Епископъ говоритъ ему, что въ разсужденіяхъ съ язычниками онъ не долженъ подвергать сомнѣнію генеалогіи ихъ боговъ, но на основаніи ихъ доказывать, что существа, происходящія по человѣческому способу, не могутъ быть богами, а только людьми. Аргументація эта должна быть усиливаема низведеніемъ генеалогіи къ началу, задаваніемъ такихъ вопросовъ, какъ: когда явился первый богъ? къ какому полу принадлежалъ этотъ богъ? Закончилось ли поколѣніе боговъ? если оно закончилось, то почему? міръ не старше ли боговъ? и если такъ, то кто управлялъ имъ до ихъ появленія на свѣтѣ? Миссіонеръ долженъ разсуждать кротко и избѣгать всякихъ оскорбленій или обидъ. Онъ долженъ сопоставлять истину христіанства съ нелѣпостями языческой миѳологіи, долженъ спрашивать, почему это боги позволяютъ христіанамъ обладать лучшими мѣстами земли, между тѣмъ какъ ихъ приверженцы и поклонники принуждены жить на холодныхъ и безплодныхъ земляхъ; долженъ останавливаться на возвышеніи христіанской церкви изъ ничего до степени достигнутаго уже ею преобладанія въ мірѣ.

Можно, однако же, думать, что Бонифацію рѣдко приходилось вступать въ разсужденія подобнаго рода, но онъ вынужденъ былъ отвѣчать на другіе аргументы болѣе осязательнаго свойства. Онъ нашелъ, что близь Гейсмара особенно великимъ благоговѣніемъ со стороны гессенцевъ пользовался одинъ дубъ, посвященный богу грома Донару, и что впечатлѣніе, производимое его словами на народъ, разбивалось о его преданность этому предмету древняго, перешедшаго отъ предковъ, почитанія. Поэтому онъ, по мысли нѣкоторыхъ обращенцевъ, рѣшился срубить это дерево. Вокругъ дуба собралось множество язычниковъ, и съ яростными проклятіями они ожидали, что мщеніе боговъ обрушится на миссіонера и его сотрудниковъ. Но едва Бонифацій началъ рубку, какъ сильный порывъ вѣтра потрясъ вѣтви, и дубъ повалился на землю, распавшись на четыре равныя части. Тогда язычники отреклись отъ своихъ боговъ, и изъ этого дерева Бонифацій построилъ часовню въ честь св. ап. Петра.

---

[1]) Напр. Epp. 12, 27, 49.

[2]) Ep. 12, col. 701.

[3]) Ep. 14.

Послѣ этого торжества надъ язычествомъ, проповѣдь Бонифація была весьма успѣшна. Онъ основывалъ церкви и монастыри и былъ подкрѣпленъ многими монахами и монахинями изъ своей собственной страны, которые помогали ему въ трудахъ обращенія и христіанскаго воспитанія. Григорій III, скоро послѣ возвышенія своего на папскій престолъ въ 732 году, далъ ему палліумъ архіепископа [1], и когда въ 738 году Бонифацій въ третій разъ посѣтилъ Римъ, то онъ принятъ былъ съ честью, должною миссіонеру, 739 г. который къ этому времени крестилъ сотни тысячъ обращенцевъ [2]. По своемъ возвращеніи на сѣверъ, онъ склоненъ былъ Одилономъ, герцогомъ Баварскимъ, остаться на нѣкоторое время въ той странѣ, гдѣ онъ уже трудился около трехъ лѣтъ раньше. Тамъ онъ нашелъ общее исповѣданіе христіанства; но тамъ былъ только одинъ епископъ, по имени Вавилъ, и не было никакого правильнаго церковнаго управленія, и притомъ какъ и въ другихъ частяхъ Германіи, ему приходилось бороться съ соперничествомъ бродячихъ миссіонеровъ изъ Ирландіи. Бонифацій раздѣлилъ страну на четыре діоцеза—Зальцбургъ, Пассау (который былъ предоставленъ Вавилу), Ратисбонъ и Фрейзингъ, и устроивъ такимъ образомъ баварскую церковь, онъ возвратился къ главному поприщу своихъ трудовъ.

Имя Карла Мартела достопамятно въ исторіи церкви и міра тѣмъ, что онъ далъ отпоръ магометанской завоевательности. Сарацины Испаніи наводнили югъ Франціи, проникли до Луары, и направлялись уже противъ Тура, съ намѣреніемъ ограбить сокровища, которыя благочестіе вѣковъ скопило вокругъ святилища св. Мартина; но они были тутъ встрѣчены Карломъ во главѣ арміи, собран-

---

[1] Greg. III, Ep. 1 (Patrol. LXXXIX).

[2] Greg. III, Ep. 7, col. 584.

732 г. ной изъ разныхъ племенъ,—франковъ, германцевъ, галловъ, норманновъ и друг. Его побѣда близь Пуатьера (хотя побоище было сильно преувеличено позднѣйшими писателями [1]) навсегда положила конецъ движенію ихъ оружія къ сѣверу, и когда они были затѣмъ ослабляемы внутренними раздорами, Карлъ, пользуясь выгодностью своего положенія, успѣшно прогналъ ихъ назадъ за Пиринеи. Но великое благодѣяніе, сдѣланное имъ такимъ образомъ для христіанскаго міра, было куплено дорогой цѣной, которая на время тяжело угнетала церковь Франціи. Съ цѣлью удовлетворенія военныхъ нуждъ, онъ захватилъ церковныя сокровища и награждалъ вождей, слѣдовавшихъ за нимъ, имѣніями епископій и аббатствъ [2]), такъ что, не смотря на его великія услуги дѣлу христіанства, память его клеймится со стороны французскихъ церковныхъ писателей, какъ память государя нечестиваго и святотатственнаго, и состоявшійся въ Квіерси соборъ въ 858 году увѣрялъ одного изъ его потомковъ, что Евхерій, епископъ орлеанскій, видѣлъ, какъ онъ за этотъ грѣхъ мучится „въ преисподней“ [3]).

Хотя имя знаменитаго франкскаго майордома и оказало могущественное содѣйствіе Бонифацію въ его трудахъ за Рейномъ, однако же онъ встрѣтилъ противодѣйствіе при франкскомъ дворѣ со стороны знатныхъ лицъ, которыя завладѣли церковными доходами, и со стороны грубыхъ, преданныхъ міру, любившихъ битвы и охоты епископовъ, которые были весьма сродны по характеру съ самимъ Карломъ [4]).

Какъ Григорій III, такъ и Карлъ Мартелъ умерли въ 741 году. Новый папа Захарія расширилъ власть Бонифація, уполномочивъ его преобразовать всю франкскую церковь [5]). Сыновья Карла были рады воспользоваться содѣйствіемъ Рима въ дѣлѣ, необходимость котораго они сознавали сами, и отъ Карломана, наслѣдовавшаго майордомство Австразіи въ то время, когда Пипинъ занималъ майордомство Нейстріи, Бонифацій получилъ значительную помощь, которой онъ тщетно добивался дотолѣ. Теперь онъ основалъ четыре епископіи для Гессіи и Тюрингіи, и въ 742 году, по просьбѣ Карломана (какъ онъ говоритъ), состоялся соборъ для преобразованія церкви,—первый австразійскій соборъ, какой только былъ въ теченіе 80 лѣтъ. За этимъ соборомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдовали другіе, собиравшіеся изъ одной или изъ обѣихъ частей франкской территоріи. Они, однако же, составлялись не изъ духовенства только, а представляли собою смѣшанное собраніе національныхъ чиновъ, и въ то время, какъ Бонифацій былъ признанъ въ своей высокой должности въ качествѣ уполномоченнаго отъ папы, опредѣленія были издаваемы франкскими государями отъ своего собственнаго имени, и назначенія, которыя уже дѣлались папскою властью, вновь и независимо были постановляемы опять свѣтскою властью. Даже юрисдикція Бонифація надъ другими епископами была такимъ образомъ дарована ему вновь [1]). Каноны этихъ соборовъ были направляемы къ установленію извѣстнаго порядка въ церкви, и съ этою цѣлью были назначены годичные соборы, духовнымъ лицамъ запрещено охотиться и служить на войнѣ, настойчиво требовалось безбрачіе отъ духовенства, низшее духовенство приводилось въ подчиненіе епископамъ, и подвергались немилости всѣ тѣ, которые не соблюдали установленной дисциплины [2]). Сдѣлана была попытка возстановить для церковнаго употребленія тѣ церковные доходы, которые были отчуждены Карломъ Мартеломъ. Первый соборъ постановилъ возвратить ихъ, но привести это опредѣленіе въ исполненіе не такъ было легко. Соборъ слѣдующаго года вынужденъ былъ прибѣгнуть къ компромиссу, допуская, что въ виду войны и другихъ обстоятельствъ, собственность эта можетъ на время быть удерживаема владѣльцами изъ мірянъ, но что за каждую casata долженъ быть уплачиваемъ церковнымъ собственникамъ solidus [3]). Но на позднѣйшихъ соборахъ предметъ этотъ уже не подвергался обсужденію, и повидимому самая попытка была оставлена, какъ безнадежная. Соборы

---

[1]) Разсказываютъ, что невѣрные потеряли 375.000 человѣкъ, а христіане только 1500 (Paul. Warnef. De Gestis Langob. VI, 46). Арабскіе лѣтописцы приписываютъ это пораженіе божественному мщенію за жестокости, въ которыхъ повинны были сарацины.

[2]) Это обстоятельство нѣкоторые подвергали сомнѣнію, но безъ достаточнаго основанія. Другой причиной ограбленія церковной собственности было то, что епископы пріобрѣли большую гражданскую силу, и что Карлъ, встрѣчая въ нихъ противодѣйствіе себѣ, воспользовался этимъ случаемъ для наказанія ихъ.

[3]) Ep. ad Ludov. regem Germaniae, ap Hard. V, 469. Разсказъ этотъ переполненъ анахронизмами: напр. святой, который будто бы видѣлъ мученія Карла по смерти, самъ умеръ раньше его. Acta SS. Feb. 20, pp. 214—19, гдѣ мѣсто въ „жизни св. Евхерія“ отвергнуто, какъ подложное.

[4]) Epp. 49, 75; Greg. II, Ep. 9. Въ письмѣ къ Даніилу винчестерскому онъ жалуется на то, что ему приходилось имѣть сношеніе съ такими личностями. Епископъ, въ отвѣтъ, мудро совѣтуетъ ему, на основаніи св. Писанія, содержать себя въ чистотѣ и снисходительно относиться къ такимъ ошибкамъ въ другихъ, исправить которыя не въ его власти.

[5]) Zach. Ep. 6.

743 г.

---

[1]) См. Conc. Germ. i, c. 1. Ap. Hard. iii, 1919—1920. Подлинность этихъ соборовъ отвергалась, но безъ основанія, нѣкоторыми папистами, вслѣдствіе положенія, отводимаго въ нихъ свѣтской власти. Хронологія этихъ соборовъ тщательно разсматривается епископомъ Гефеле, iii, 467 и слѣд.

[2]) Напр. Conc. Germ. cc. 1, 3, 4; Hard. iii, 1920.

[3]) Conc. Liptinensi, c. 2. *Casata*, подобно англійской *hide* земли, представляла собою количество, достаточное для содержанія одного семейства. *Solidus* въ рипуарійскихъ законахъ считается равнымъ двумъ воламъ, но цѣнность его вообще разнообразилась. См. Ducange, подъ словами Casata и Solidus.

сдѣлали также постановленіе о запрещеніи языческихъ обрядовъ и обычаевъ, какъ напр. гаданіе, употребленіе амулетовъ, вынужденнаго огня (то есть, огня, производимаго посредствомъ тренія дерева [1]), и принесеніе жертвъ древнимъ ли языческимъ божествамъ, или святымъ, которые у нѣкоторыхъ обращенцевъ заняли ихъ мѣсто,—обычаевъ, изъ которыхъ иные съ замѣчательнымъ упорствомъ удержались среди сѣверныхъ народовъ даже до нашего времени.

Въ 742 году Бонифацій заложилъ основаніе великаго аббатства Фульды, при посредствѣ Стурмія, знатнаго баварца, котораго онъ воспиталъ въ своей семинаріи въ Фрицларѣ. При первоначальномъ намѣреніи не имѣлись въ виду никакіе особые воспитательные или миссіонерскіе планы, а предполагалось создать мѣсто для аскетическаго уединенія. Стурмію и его сотоварищамъ было поручено найти отдаленное и одинокое мѣсто въ Бухонскомъ лѣсу, между четырьмя народами, которымъ проповѣдывалъ ихъ учитель. Когда они нашли подходящее мѣсто на берегахъ рѣки Фульды, они должны были очистить его посредствомъ порубки деревъ, которыя и дали имъ матеріалъ для построенія небольшой часовни [2]. Стурмій впослѣдствіи былъ посланъ въ Монте-Кассино и другіе итальянскіе монастыри, чтобы тамъ ознакомиться съ лучшими монашескими системами, и уставъ, принятый въ Фульдѣ, былъ суровѣе, чѣмъ уставъ св. Бенедикта. Монахи никогда не должны были ѣсть мяса, самымъ крѣпкимъ напиткомъ ихъ было жидкое пиво, хотя для больныхъ и позволялось впослѣдствіи вино. Они не должны были имѣть никакихъ крѣпостныхъ, а должны были существовать трудами своихъ собственныхъ рукъ. Новое учрежденіе скоро пріобрѣло важность и было расширено дальше тѣхъ предѣловъ, которые имѣлись въ виду Бонифаціемъ. Государи и знать обогащали его дарственными землями, и какъ отъ франкскихъ королей, такъ и отъ папъ оно пользовалось особыми преимуществами, хотя и высказывались серьезныя сомнѣнія касательно документовъ, которыми, будто бы, дарованы были нѣкоторыя изъ этихъ привилегій, и въ особенности относительно дарственной грамоты, которою Захарія, будто бы, освобождалъ его отъ всякой юрисдикціи, кромѣ юрисдикціи самого апостольскаго сѣдалища [3].

---

[1] Nodfyr отъ nöthen, „вынуждать", потому что огонь былъ насильственно выводимъ изъ дерева, или слова Not, „нужда", потому что огонь этотъ употреблялся во времена бѣдствій (Ducange, подъ словомъ Nedfri). О способѣ произведенія его см. *Grimm*, Deutsche Mythologie, 570, гдѣ собрана большая масса учености по этому предмету. Ланеркостская хроника упоминаетъ объ употребленіи вынужденнаго огня въ качествѣ лѣкарства противъ болѣзней среди скота въ 1268 году. Въ xvii столѣтіи онъ былъ употребляемъ въ Эбердинѣ, гдѣ онъ назывался „горскимъ обычаемъ".

[2] Vita Sturm. ap. Pertz. ii, 367.

[3] Pertz, ii, 370; Pipin. ap. Bonif Ep. 91; Zach. Ep. 15.

Бонифацію приходилось бороться съ различными затрудненіями. Его планъ о правильномъ устройствѣ, которымъ епископы были бы подчинены митрополитамъ, а эти послѣдніе—преемнику ап. Петра, не находилъ сочувствія у франкскихъ прелатовъ. Изъ трехъ лицъ, которымъ папа намѣревался дать палліумъ и которыхъ уговорили обратиться за нимъ, двое впослѣдствіи отказались отъ него, вѣроятно вслѣдствіе соображеній о тѣхъ дальнѣйшихъ обязательствахъ, которыя связывались съ этимъ по отношенію къ Риму [1]). Бонифацію затѣмъ все еще приходилось встрѣчаться съ противодѣйствіемъ странствующихъ или еретическихъ проповѣдниковъ, которые, по его описанію, были гораздо болѣе многочисленны, чѣмъ проповѣдники православной общины, и во многихъ случаяхъ безчестили себя самыми гнусными пороками.

Изъ этихъ его противниковъ, самыми извѣстными были Аделбертъ и Климентъ [2]). Аделбертъ былъ по происхожденію галлъ и получилъ не-каноническое посвященіе во епископа отъ нѣкоторыхъ невѣжественныхъ членовъ этого сана. Онъ принималъ на себя видъ необычайной святости, и свидѣтельства о немъ заставляютъ предполагать, что это былъ человѣкъ фанатическаго характера. Онъ весьма много полагался на письмо, которое было написано отъ имени Спасителя и, будто бы, прислано съ неба [3]), и разсказывалъ, что ангелъ принесъ ему нѣкоторыя въ высшей степени священныя вещи съ концовъ земли. Въ противоположность установленнымъ епископамъ и духовенству, онъ составлялъ собранія на поляхъ и при источникахъ, и въ такихъ мѣстахъ онъ ставилъ кресты и строилъ маленькія часовни. Онъ противодѣйствовалъ обычаю паломничества въ Римъ, молился ангеламъ съ неизвѣстными дотолѣ именами, въ родѣ Тубуилъ, Сабуокъ и Сеніилъ, отвергалъ святыхъ и мучениковъ, отказывался посвящать въ честь ихъ церкви, въ то же время съ высокомѣріемъ, хотя и непослѣдовательнымъ, но не безпримѣрнымъ, посвящая ихъ своему собственному имени. Повсюду распространяемо было его жизнеописаніе, наполненное разсказами о видѣніяхъ и чудесахъ [4]), и изъ тщеславія, или съ цѣлью осмѣять мощи, принесенныя

---

[1]) Zach. Ep. 5, 6.

[2]) Главные источники свѣдѣній касательно ихъ Bonif. Ep. 57; Conc. Rom. ap. Hard. iii, 1935—41, или Patrol. lxxxix, 831 и слѣд.

[3]) Вальхъ (x, 24, 41) отождествляетъ это письмо съ тѣмъ письмомъ, которому приписывалось подобное же происхожденіе во времена Григорія Великаго, и съ тѣмъ, которое осуждено въ Капитуляріи Карла Великаго въ 789 году (*Pertz.* Leges, i, 65, c. 77). Цѣлью этого посланія было содѣйствовать строгому соблюденію воскреснаго дня.

[4]) Начало его сохранено въ актахъ Римскаго собора. Аделбертъ, будто бы, былъ освященъ еще въ утробѣ матери, и объ этой благодати было сообщено его матери во время ея беременности видѣніемъ теленка, исшедшаго изъ ея праваго бока!

Бонифаціемъ изъ Рима, онъ раздавалъ среди своихъ поклонниковъ частицы своихъ собственныхъ ногтей и волосъ. Его поклонники, будто бы, говорили о его заслугахъ какъ такихъ, на которыя они вполнѣ могли полагаться, и когда они падали ницъ къ его ногамъ, съ цѣлью исповѣданія своихъ грѣховъ, то онъ заявлялъ имъ, что это совершенно излишне, что ему извѣстно все, и прощалъ всѣ ихъ прегрѣшенія, такъ что они могли идти домой въ мирѣ, съ полною увѣренностью о прощеніи.

Въ то время, какъ Аделбертъ распространялъ свою секту въ Австразіи, Климентъ проповѣдывалъ на германской территоріи. Это былъ скоттъ изъ Ирландіи, и о немъ разсказывается, что онъ не придавалъ никакого значенія никакимъ канонамъ и церковнымъ властямъ, презиралъ Писанія наиболѣе чтимыхъ Отцовъ и учителей церкви, какъ Іеронимъ, Августинъ и Григорій, имѣлъ двухъ сыновей, рожденныхъ въ „прелюбодѣйствѣ“ (то есть въ бракѣ), и даже считалъ себя истиннымъ христіанскимъ епископомъ; по іудейскому обычаю признавалъ законнымъ бракъ со вдовой брата, вѣровалъ, что при сошествіи Господа во адъ были избавлены души какъ вѣрующихъ, такъ и невѣрующихъ, и по вопросу о предопредѣленіи держался страшныхъ мнѣній, противныхъ православной вѣрѣ [1].

Бонифацій представилъ дѣло Аделберта невстрійскому собору въ Суассонѣ въ 744 году, и добился осужденія этого еретика, вмѣстѣ съ постановленіемъ, чтобы воздвигнутые имъ кресты были сожжены. Но въ слѣдующемъ году Аделбертъ, равно какъ и Климентъ, все еще продолжали вести оживленную дѣятельность. Бонифацій добился осужденія ихъ обоихъ отъ другаго собора [2], и донесъ о всемъ дѣлѣ папѣ Захаріи, котораго онъ просилъ получить отъ Карломана приказъ о томъ, чтобы они были подвергнуты тюремному заключенію и устранены отъ сношенія со всѣми вѣрными христіанами. Вслѣдствіе этой просьбы, документы дѣла были изслѣдованы римскимъ соборомъ, который приговорилъ Аделберта къ низложенію, подвергъ покаянію и, въ случаѣ упорства, анаѳематствовалъ со всѣми его послѣдователями, причемъ и Климентъ также долженъ былъ немедленно подвергнуться низложенію и анаѳемѣ [3]. Два года спустя, однако же, оба они появились вновь и, повидимому, не только пользовались большимъ уваженіемъ со стороны простаго народа, который преслѣдовалъ Бонифація за его противодѣйствіе Аделберту, но даже оказывали нѣкоторое вліяніе на самого Карломана, и вѣроятно вслѣдствіе этого именно, Захарія теперь совѣтовалъ такой способъ дѣйствія въ отношеніи къ нимъ, который едва ли былъ совмѣстимъ съ раньше постановленнымъ касательно ихъ осужденіемъ. Дальнѣйшая исторія Климента крайне темна; что касается Аделберта, то, по одному сомнительному свидѣтельству, онъ былъ заключенъ въ тюрьму въ Фульдѣ и бѣжалъ изъ этого аббатства, но былъ умерщвленъ какими-то свинопасами, съ которыми онъ встрѣтился во время своего побѣга [1].

---

[1] Ep. 57.

[2] Conc. Germ. III, ap. Hard. III, 1933.

[3] Conc. Rom. ap. Hard. III, 1940—1; Zach. Ep. 10, c. 942.

Другимъ лицемъ, съ которымъ приходилось сталкиваться Бонифацію, былъ ирландецъ по имени Виргилій. Виргилій, когда ему однажды велѣно было вновь крестить нѣсколькихъ лицъ, при крещеніи которыхъ однимъ невѣжественнымъ священникомъ искáжены были слова таинства, обратился въ Римъ съ протестомъ противъ этого распоряженія, но Захарія заявилъ, что таинство должно признаваться дѣйствительнымъ, такъ какъ допущенная ошибка происходила не отъ ереси, а только отъ грамматическаго невѣденія [2]. 745 г. Нѣсколько времени спустя, Виргилій былъ назначенъ на каѳедру зальцбургскую [3]; но Бонифацій возражалъ противъ этого на томъ основаніи, что Виргилій училъ о существованіи другаго міра, находящагося ниже нашего, съ солнцемъ, луной и собственными жителями. Захарія осудилъ это мнѣніе и потребовалъ Виргилія въ Римъ [4]; но можно думать, что ему удалось доказать свое православіе, такъ какъ ему позволено было вновь занять каѳедру зальцбургскую, и онъ впослѣдствіи даже удостоился чести канонизаціи.

Германская церковь между тѣмъ развилась уже настолько, что ея приматъ не могъ оставаться просто миссіонеромъ, безъ опредѣленной каѳедры. Бонифацій желалъ обосноваться въ Кельнѣ,—вѣроятно съ видами на Фризію, которую, со времени смерти Виллиброрда въ 739 году, онъ считалъ входящею въ область своего законнаго попеченія, и на это онъ получилъ согласіе франкскихъ вождей и утвержденіе папы Захаріи [1]). Но прежде чѣмъ это утвержденіе могло быть приведено въ исполненіе, случились событія, которыя заставили отложить его. Въ 774 году, въ томъ самомъ году, въ которомъ Кельнъ сдѣлался вакантнымъ по случаю смерти Рагинфрида, Герольдъ, епископъ менцскій, былъ убитъ въ военномъ походѣ противъ саксонцевъ, и его сынъ Гевиллибъ, бывшій дотолѣ свѣтскимъ царедворцемъ Карломана, былъ посвященъ на эту каѳедру. Въ слѣдующемъ году новый епископъ сопровождалъ майордома на войну, имѣя въ виду отмстить за смерть своего отца; онъ нашелъ саксонца, отъ руки котораго послѣдовала эта смерть, и въ то время, какъ франкскія и саксонскія войска занимали противоположные берега Везера, пригласилъ его на совѣщаніе на средину рѣки. Оба они въѣхали въ воду, и при этой встрѣчѣ епископъ закололъ саксонца, каковой поступокъ послужилъ сигналомъ для битвы, въ которой побѣдили франки. Гевиллибъ возвратился на свою каѳедру, какъ будто бы не сдѣлавъ ничего несовмѣстимаго съ своимъ епископскимъ саномъ; не видно даже, чтобы несообразность его поступка сознавалась Карломаномъ или его приближенными. Но Бонифацій, который такъ недавно предъ тѣмъ добился постановленія каноновъ противъ участія духовныхъ лицъ въ войнахъ, теперь считалъ себя обязаннымъ приводить ихъ въ исполненіе, и подвергъ дѣло Гевиллиба разсмотрѣнію собора, который объявилъ епископа виновнымъ въ кровопролитіи. Гевиллибъ подчинился опредѣленію, отказался отъ своей каѳедры и провелъ остальные годы своей жизни въ пользованіи нѣкоторыми меньшими имѣніями, а Бонифацій съ неохотою былъ вынужденъ франкскою знатью принять освободившуюся такимъ образомъ епископію, какъ сѣдалище его митрополичьей юрисдикціи, вмѣсто того, которое онъ избралъ самъ [2]). Папа согласился на эту перемѣну и подчинилъ ему, въ качествѣ архіепископа менцскаго, діоцезы вормскій, шпейерскій, тонгресскій, кельнскій и утрехтскій, со всѣми германскими племенами, принявшими христіанство благодаря его трудамъ.

---

[1] Pertz. II, 355.

[2] Zach. Ep. 7. Священникъ этотъ крестилъ: „in nomine patri*a*, et fili*a*, et spiritu*a* sanct*a*“.

[3] Виргилій управлялъ этимъ діоцезомъ въ теченіе двухъ лѣтъ до принятія посвященія, и въ тоже время рукоположенія и проч. были совершаемы вмѣсто него однимъ изъ его соотечественниковъ по имени Добда, находившимся въ епископскомъ санѣ. Наконецъ, Виргилій подчинился настойчивымъ просьбамъ своей паствы и сосѣднихъ епископовъ, и былъ посвященъ въ 767 году (?).

[4] Zach. Ep. 11, col. 946—7. Это дѣло Виргилія замѣчательно въ качествѣ параллели дѣлу Галилея, такъ какъ его своеобразное мнѣніе состояло въ томъ, что онъ признавалъ шарообразность земли и существованіе антиподовъ. Писатели, ревниво оберегающіе честь Рима, отвѣчаютъ, что каково бы въ дѣйствительности ни было его мнѣніе, по свѣденіямъ, дошедшимъ до папы, оказалось, что онъ признавалъ существованіе людей, принадлежащихъ къ отличному отъ насъ роду—неучастниковъ въ сѣмени Адама или въ христіанскомъ искупленіи. По предположенію Ньюмана, однако же, его обвиняли въ ученіи „о существованіи антиподовъ“, и онъ говоритъ, что „священное сѣдалище, повидимому, избѣгало этого вопроса, минуя въ этомъ необъясненномъ въ откровеніи дѣлѣ философское мнѣніе“ (Лекціи по университетскимъ вопросамъ. Лондонъ, 1859, p. 280). Но въ дѣйствительности Захарія осудилъ весьма рѣзко мнѣніе, приписывавшееся Виргилію, причемъ единственнымъ сомнѣніемъ папы было только то, дѣйствительно ли Виргилій держался этого мнѣнія.

746 г.

Въ 747 году Карломанъ отрекся отъ власти и поступилъ въ монашество на горѣ Соракте; но такъ какъ тамъ, какъ оказалось, онъ былъ безпокоимъ посѣщеніемъ своихъ соотечественниковъ, то впослѣдствіи удалился въ Монте-Кассино. Эта перемѣна, благодаря которой вся власть франкскаго государства перешла въ руки Пипина, повидимому оказалась неблагопріятной для Бонифація.

---

[1]) Zach. Ep. 10, coll. 940—942.

[2]) Conc. Germ. ш, ap. Hard. ш, 1934—6.

Весьма распространено мнѣніе, что онъ священнодѣйствовалъ при коронаціи Пипина въъ Суассонѣ, когда этотъ майордомъ 752 г. наконецъ принялъ названіе короля; но данныя въ пользу этого мнѣнія весьма сомнительны, и можно даже думать, что вмѣсто содѣйствія онъ даже противодѣйствовалъ перевороту, благодаря которому корона переходила отъ потомковъ Клодвиса къ другой династіи. Обязанности его служенія начали ложиться на него тяжкимъ бременемъ. Ему приходилось бороться противъ сильнаго противодѣйствія со стороны епископовъ и духовенства, причемъ его труды встрѣчали значительное препятствіе вслѣдствіе частыхъ набѣговъ язычниковъ, которыми, какъ онъ доносилъ папѣ Стефану въ 752 году, въ его діоцезѣ было сожжено или разрушено тридцать церквей [1]. Съ нѣкоторыми затрудненіями онъ добился позволенія изъ Рима назначить преемника на каѳедру менцскую, когда онъ почувствуетъ приближеніе смерти, и, съ согласія Пипина, онъ возвысилъ въ это положеніе своего соотечественника и ученика Лулла, который, однако же, имѣлъ гораздо болѣе ограниченную власть, чѣмъ Бонифацій, и получилъ палліумъ 754 г. не ранѣе, какъ спустя двадцать лѣтъ.

Свои послѣдніе дни Бонифацій намѣревался провести въ своемъ монастырѣ Фульдѣ, но онъ чувствовалъ въ себѣ потребность еще разъ побывать въ Фризіи, на мѣстѣ своихъ раннихъ трудовъ. Онъ опять отправился въ качествѣ миссіонера-епископа, спустился по Рейну и, посвятивъ Эобана на каѳедру Утрехта, трудился съ его помощью среди фризіискихъ племенъ. Тамъ были крещены нѣсколько тысячъ народа, и Бонифацій наканунѣ Троицы назначилъ собраніе для большаго числа обращенцевъ въ мѣстечкѣ близъ Доккута, чтобы совершить надъ ними таинство мѵропомазанія. Но вмѣсто новообращенныхъ, которыхъ онъ ожидалъ, явилась партія язычниковъ и окружила его палатку. Младшіе члены изъ его сторонниковъ взялись за оружіе съ цѣлью самозащиты, но онъ увѣщевалъ ихъ оставить всякую мысль о сохраненіи жизни въ этомъ мірѣ и подчиниться смерти въ надеждѣ на лучшую жизнь. Язычники избили все собраніе,—въ числѣ 52 человѣкъ. Изъ палатки они унесли ящики, въ которыхъ, по ихъ предположенію, находились сокровища, но которые, въ дѣйствительности, содержали въ себѣ книги и священныя принадлежности. Выпивъ найденное ими количество вина, они настолько заспорили касательно дѣлежа воображаемой добычи, что смерть мучениковъ отмстили на себѣ почти полнымъ взаимоистребленіемъ. Эобанъ раздѣлилъ участь Бонифація, но ихъ миссіонерскіе труды были продолжаемы Григоріемъ, аббатомъ утрехтскимъ, другимъ ученикомъ великаго миссіонера [1]), и къ концу столѣтія обращеніе фризовъ было закончено Лебуиномъ, Ліудгеромъ и другими.

---

[1] Ep. 78; Zach. Ep. 10, col. 940.

Тѣло Бонифація было отправлено вверхъ по Рейну въ Менцъ, и оттуда, согласно съ выражавшимся имъ часто желаніемъ, оно отвезено было въ аббатство Фульды, и хотя въ теченіе его жизни о немъ не передавалось никакихъ чудесъ (если только разрушеніе дуба гейсмарскаго не считать исключеніемъ), его останки были прославлены обильными проявленіями чудесной силы, какъ на пути къ мѣсту упокоенія, такъ и послѣ положенія ихъ тамъ. Его имя въ теченіе вѣковъ привлекало поклонниковъ и богатства въ Фульду, и онъ былъ почитаемъ въ качествѣ апостола Германіи,—каковое названіе онъ заслужилъ не тѣмъ, что онъ первый проповѣдывалъ Евангеліе въ странахъ, бывшихъ мѣстомъ его труда, но тѣмъ, что былъ главнымъ учредителемъ христіанства среди германцевъ, устроителемъ германской церкви. Церковь саксонской Англіи, изъ которой онъ происходилъ, была непосредственной, и болѣе, чѣмъ всякая другая, дочерью римской. Тевтонская по языку и сродству, латинская по принципамъ и привязанности, она особенно пригодна была служить орудіемъ въ обращеніи германскихъ народовъ и придать своимъ обращенцамъ римскій характеръ. И это именно и было особеннымъ дѣломъ Бонифація. Онъ отправился на свои труды по порученію папы. При своемъ возведеніи въ епископскій санъ, состоявшемся послѣ его первыхъ успѣховъ, онъ связалъ себя клятвою приводить всѣхъ, кого только могъ подчинить своему вліянію, въ послушаніе ап. Петру и его преемникамъ. Расширенное полномочіе и дарованная ему позднѣйшими папами болѣе широкая юрисдикція были употребляемы имъ съ этою цѣлью. Онъ постоянно старался не только приводить язычниковъ въ лоно церкви, но и противодѣйствовать неупорядоченнымъ миссіонерскимъ дѣйствіямъ, и подчинять какъ проповѣдниковъ, такъ и обращенцевъ власти римской. Благодаря его дѣятельности, этотъ союзъ, естественно поддерживаемый взаимнымъ интересомъ папства и франкскихъ государей, былъ осуществленъ въ дѣйствительности. Принималъ ли онъ какое-либо участіе или нѣтъ въ томъ окончательномъ шагѣ, въ которомъ употреблена была папская санкція для освященія перехода короны отъ меровинговъ къ каролингамъ, его усилія, несомнѣнно, прокладывали путь къ этому. Ему въ немалой степени нужно приписать и происхожденіе той связи съ сѣверными правителями, которая давала смѣлость папамъ отвергать верховенство Константинополя, и съ другой стороны ему же нужно приписать подчиненность германской церкви Риму со времени перваго собора, состоявшагося при Карломанѣ въ 742 году.

---

[1]) „Жизнь Григорія“, составленная Міудгеромъ, in Mabill. Acta SS. Ben. IV, 320 и слѣд. Иногда его ошибочно называютъ епископомъ.

Но эти обстоятельства не даютъ права на обвиненія, взводимыя противъ Бонифація писателями прошлаго столѣтія. Человѣкъ, который послѣ семидесятаго года своей жизни отказался отъ приматства франкской церкви для того, чтобы отправиться въ качествѣ простаго миссіонера къ варварскимъ фризамъ, съ ожиданіемъ (какъ повидимому можно было думать) насильственной смерти, которую онъ и нашелъ тамъ, можетъ быть вполнѣ оправданъ не только отъ обвиненія въ личномъ честолюбіи, но и въ томъ, что онъ былъ „скорѣе миссіонеромъ папства, чѣмъ христіанства“ [1]. Его труды въ пользу папства въ дѣйствительности совершались потому, что, будучи воспитанъ подъ вліяніями, сообщенными его туземной церкви Ѳеодоромъ и Вильфридомъ, онъ считалъ власть Рима истиннымъ средствомъ распространенія христіанства среди язычниковъ и возрожденія его отъ упадка въ странахъ, гдѣ оно уже существовало. Въ своей ревности къ единству онъ, быть можетъ, допускалъ слишкомъ мало свободы для своеобразныхъ темпераментовъ и положеній людей, или иногда оказывался несправедливымъ по отношенію къ своимъ противникамъ; нельзя также настаивать, чтобы его мнѣнія стояли выше того вѣка, въ которомъ онъ жилъ, хотя въ то же время только крайняя односторонность можетъ приписывать сектантамъ, вродѣ Аделберта и Климента, все духовное просвѣщеніе новѣйшаго Гейдельберга или Берлина. Но нужно принять во вниманіе, какъ мало подобные люди, какъ бы они ни высоко цѣнились сами по себѣ, могли бы оказывать вліянія въ тѣхъ обстоятельствахъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло Бонифацію; сколь безсильнымъ такое ученіе, этотъ отпрыскъ ихъ личныхъ соображеній, должно было оказываться въ дѣлѣ великаго вопроса о подавленіи язычества; какъ должно было смущать язычниковъ зрѣлище соперничествующихъ и несогласныхъ между собою формъ христіанства, и сколь необходимымъ должно было казаться Бонифацію водвореніе одной, одинаково устроенной системы для распространенія Евангелія или для преобразованія церкви, для противодѣйствія грубости, насилію и беззаконнымъ страстямъ, съ которыми ему приходилось бороться со всѣхъ сторонъ. Чтобы Бонифацій когда-либо прибѣгалъ къ силѣ, какъ орудію обращенія, на это нѣтъ никакихъ доказательствъ; его ревность въ содѣйствіи образованію доказываетъ, какъ сильно онъ желалъ, чтобы разумъ сопутствовалъ исповѣданію вѣры. А что знаніе, которое онъ желалъ распространять своими воспитательными наставленіями, извлекалось изъ св. Писанія, которое онъ самъ прилежно изучалъ, это видно изъ той ревности, съ которою онъ старался получить на сколько возможно болѣе списковъ священныхъ книгъ для наставленія своихъ обращенцевъ [1]). Его письма и другія сочиненія производятъ то впечатлѣніе, что онъ былъ не только великій миссіонеръ, но и человѣкъ съ глубокими человѣческими чувствами и привязанностями.

---

[1] Такъ называетъ его напр. Шрёккъ (Schröckh). XIX, 242.

Какъ ни настойчивъ былъ Бонифацій въ дѣлѣ споспѣшествованія папству, его понятіе о немъ было далеко не тѣмъ, которое преобладало впослѣдствіи. Онъ смотрѣлъ на папу какъ на верховнаго церковнаго судью, главнаго хранителя каноновъ, высшаго члена іерархіи, стоявшаго выше митрополитовъ, какъ митрополиты были выше обыкновенныхъ епископовъ, но не какъ на принадлежащаго къ иной степени отъ другихъ епископовъ, или какъ будто ихъ епископство было заимствованіемъ отъ него и полномочіемъ отъ него. Много писалось о тѣхъ странныхъ вопросахъ, по которымъ онъ иногда просилъ совѣта папы, какъ напр. касательно законности яденія конскаго мяса, сорокъ и аистовъ, касательно времени, когда можно ѣсть ветчину безъ приготовленія и проч. Такіе вопросы выставлялись въ доказательство жалкой мелочности, и обращеніе за рѣшеніями ихъ въ Римъ клеймилось названіемъ унизительнаго раболѣпства. Но, помимо того, что мы не можемъ судить объ этомъ дѣлѣ безъ полнаго знакомства съ обстоятельствами, легко найти и нѣкоторое основаніе для оправданія противъ этихъ обвиненій. Такъ, лошадь была излюбленной жертвой боговъ среди сѣверныхъ народовъ, такъ что яденіе конскаго мяса находилось въ связи съ обычаями языческихъ жертвоприношеній. И дѣйствительное объясненіе такихъ вопросовъ можетъ заключаться не въ томъ, что Бонифацій не въ состояніи былъ отвѣчать на нихъ самъ, или нуждался въ какомъ либо руководствѣ со стороны папы, но въ томъ, что онъ желалъ подкрѣпить себя помощью высшаго авторитета въ церкви въ своей борьбѣ противъ тѣхъ останковъ варварскихъ обычаевъ, которые поддерживали среди его обращенцевъ воспоминаніе о ихъ старомъ идолопоклонствѣ.

Если сильна была ревность Бонифація о власти Рима, то еще сильнѣе была его ревность о религіи и нравственности. Онъ весьма смѣло противодѣйствовалъ нѣкоторымъ постановленіямъ касательно брака, которыя, будто бы, имѣли авторитетъ Рима, но которыя казались ему безнравственными; онъ отрицалъ, чтобы узаконить ихъ могла какая бы то ни было власть на землѣ [2]). Онъ возставалъ также противъ римскаго взгляда, по которому „духовное родство“, то есть связь, образовавшаяся вслѣдствіе кумовства при крещеніи, считалось препятствіемъ къ браку [1]); настойчиво представлялъ Захаріи, какое смущеніе производили языческія увеселенія и пиршества, допускавшіяся въ Римѣ при началѣ года, и какъ люди, посѣщавшіе Римъ, ссылались на нихъ въ оправданіе своего собственнаго распутства [2]); возставалъ противъ симоническаго характера налоговъ, взимавшихся за палліумы папскими должностными лицами, съ вѣдома или безъ вѣдома самого папы [3]). Наконецъ, въ противовѣсъ всему, что высказывается касательно преданности Бонифація папамъ, мы должны добросовѣстно взвѣсить (хотя противники его и не обращали вниманія на это) тотъ высокопочтительный тонъ, въ которомъ отвѣчаетъ ему Захарія, и ту серьезность, съ которою папа старается оправдаться отъ подозрѣнія въ попустительствѣ злоупотребленій,—что служитъ замѣчательнымъ свидѣтельствомъ того уваженія, которымъ пользовался апостолъ Германіи. Мало того, если можно вѣрить одному анонимному жизнеописателю, Бонифацій къ концу своей жизни протестовалъ противъ того, что Стефанъ II, во время своего посѣщенія Франціи, посвятилъ епископа менцскаго,—каковой актъ архіепископъ считалъ нарушеніемъ преимуществъ тревской митрополіи, такъ что потребовалось посредничество Пипина для примиренія папы съ знаменитымъ миссіонеромъ, котораго многіе писатели старались изображать жалкимъ рабомъ Рима [4]).

---

[1]) Epp. 12, col. 702; 19, 38, 42 и проч.

[2]) Ep. 49, col. 746.

Духъ недобросовѣстнаго униженія однакоже теперь миновалъ, и какъ церковь, изъ которой вышелъ Бонифацій, такъ и народы, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, могутъ соединяться между собой въ дѣлѣ оказанія чести его памяти.

ГЛАВА XXVIII.

Пипинъ и Карлъ Великій.

741—814 г.

Отчужденіе, вызванное иконоборческимъ споромъ между византійскими императорами и епископами Рима, было еще болѣе усилено другими обстоятельствами. Ближайшими и самыми страшными сосѣдями папъ были ломбарды. Ненависть, съ которою римляне сначала относились къ нимъ вслѣдствіе ихъ аріанства, пережила ихъ обращеніе къ православному христіанству и даже еще болѣе

---

[1]) Epp. 39—40.

[2]) Ep. 49, col. 747.

[3]) Zach. Ep. IV, 2.

[4]) Рукоположеннымъ епископомъ былъ Хродегангъ, о которомъ будетъ сказано ниже.

усилена была политическою враждою. Во время иконоборческихъ смутъ ломбарды, подъ управленіемъ Ліутпранда, повидимому то угрожали папамъ, то оказывали имъ свое покровительство съ цѣлью пользоваться ими, какъ орудіями для ослабленія императорскаго вліянія въ Италіи. Когда это вліяніе повидимому, оказалось на всегда подорваннымъ самымъ ходомъ событій, ломбарды сдѣлали нашествіе на экзархатъ и подступили къ стѣнамъ самаго города папы. Въ этой крайности, Григорій III, послѣ тщетныхъ попытокъ получить помощь изъ Константинополя, рѣшился призвать новыхъ союзниковъ изъ-за Альпъ, именно франковъ, которые были православными съ самаго принятія ими христіанства, съ которыми онъ недавно предъ тѣмъ вошелъ въ тѣсную связь посредствомъ Бонифація, и дѣйствительный властелинъ которыхъ Карлъ Мартелъ прославилъ себя своимъ торжествомъ надъ магометанами въ качествѣ вождя и поборника западнаго христіанскаго міра. Такъ какъ однакоже
739 г. естественно было продполагать, что франкскій вождь предпочтетъ продолженіе своихъ побѣдъ, въ направленіи Испаніи, вмѣшательству въ новыя дѣла въ другихъ мѣстахъ, то папа подкрѣпилъ свою просьбу о помощи наиболѣе убѣдительными дарами и предложеніями: онъ послалъ Карлу ключи отъ гроба ап. Петра съ нѣсколькими звеньями отъ цѣпей апостола. Разсказываютъ, что онъ предлагалъ дать ему титулъ консула или патриція Рима 1) и даже перенести подданство римлянъ
740—1 гг. отъ Византійской имперіи къ Франкской коронѣ. Вскорѣ затѣмъ слѣдовало второе и третье обращеніе съ его стороны. Тонъ папы въ этихъ обращеніяхъ чрезвычайно жалкій; но онъ старается возбудить Карла противъ ломбардовъ мотивами какъ благочестія, такъ и ревности. Не только, говоритъ онъ, они опустошили владѣнія ап. Петра, посвященныя на цѣли благотворительности и религіи, но и похитили въ церкви апостола святыни, пожертвованныя ей предками франкскаго майордома и имъ самимъ; мало того, Ліутпрандъ и его сынъ Гильдебрандтъ постоянно издѣвались надъ самою мыслью о помощи со стороны франковъ и пренебрежительно относились къ Карлу съ его силами 2). Мож-

---

1) Титулъ патриція, въ позднѣйшіе годы имперіи, обозначалъ самое близкое къ престолу достоинство, и могъ принадлежать различнымъ высокимъ сановникамъ. По одному чтенію перваго существующаго посланія Григорія, папа предлагалъ Карлу царство (regnum), но истинное чтеніе есть rogum или rogam.

2) Patrol. xcviii, 64—8. Мураторій думаетъ, что подъ Ecclesia S. Petri папа разумѣетъ не *зданіе*, но *римскую церковь* (Annali, iv, ii, 9). Нѣкоторыя слова, незамѣченныя Мураторіемъ, однако же, какъ замѣчаетъ Мильманъ (ii, 155) „едва ли могутъ быть объяснены кромѣ какъ въ смыслѣ дѣйствительныхъ украшеній церкви“. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ церковь ап. Петра въ то время находилась внѣ стѣнъ города, то ограбленіе церкви еще не означаетъ того, чтобы ломбарды вступили въ городъ (какъ предполагалъ Бароній).

но бы думать, что письма эти будутъ приняты благосклонно, но они не произвели никакого результата, такъ какъ смерть какъ Григорія, такъ и Карла послѣдовали въ томъ же самомъ году.

На мѣсто Григорія римлянами избранъ былъ Захарія, грекъ по происхожденію, и онъ былъ возведенъ въ папство безъ утвержденія патріарха или экзарха,—что было, повидимому первымъ примѣромъ такого упущенія со времени царствованія Одоакра. Неоднократными личными обращеніями къ Ліутпранду папѣ удалось добиться снисхожденія ломбардовъ и возвратить нѣкоторые захваченные ими города. Его отношенія съ имперіей были темны, состояніе дѣлъ въ дѣйствительности было столь смутнымъ, что эти отношенія были аномальны и непослѣдовательны. Но въ его папствованіе совершилось событіе, которое произвело важную перемѣну въ положеніи папства въ отношеніи къ франкамъ, и слѣдовательно въ его положеніи по отношенію къ имперіи. Пипинъ, о переходѣ къ которому сначала части владѣній его отца, а впослѣдствіи и всей остальной его власти, по отреченіи его брата Карломана, было уже упомянуто [1]), теперь пришелъ къ мысли, что настало время положить конецъ призрачной царственности Меровинговъ. Одно довѣренное духовное лицо, Фульратъ, аббатъ сенъ-денисскій и главный капелланъ двора, былъ отправленъ въ Римъ, съ порученіемъ спросить отъ имени франкскаго народа, кому царствовать, дѣйствительнымъ ли обладателямъ властью, или номинальнымъ государямъ. Отвѣтъ Захаріи былъ благопріятенъ желаніямъ тѣхъ, кто предлагалъ этотъ вопросъ, и на народномъ собраніи въ Суассонѣ, въ 752 году, Пипинъ былъ высоко поднятъ на щитѣ среди восторженныхъ восклицаній народа и былъ коронованъ въ качествѣ короля франковъ,—причемъ послѣдній изъ долговолосыхъ Меровинговъ, Хильдерикъ III, былъ постриженъ и запертъ въ монастырѣ Ситіу [2]). Степень участія папы въ этомъ переворотѣ и самый нравственный характеръ этого дѣла были предметомъ многихъ споровъ. Эйнгартъ въ началѣ слѣдующаго столѣтія говорилъ, что это низложеніе было совершено *по приказанію* и коронація состоялась по „полномочію“ римскаго первосвященника [3]), но (помимо того, что этотъ писатель могъ и не знать дѣйствительнаго хода дѣла) сравненіе другихъ мѣстъ показываетъ, что значеніе его словъ менѣе сильно, чѣмъ можетъ показаться на первый разъ, и его можно примирить съ фактами, которые обнаруживаются при дальнѣйшемъ изслѣдованіи. Все дѣло въ дѣйствительности представлено было Захаріи въ формѣ вопроса отъ франк-

751—2 г.

---

[1]) См. выше, pp. 6-7, 632.

[2]) Въ монастырѣ св. Бертина, близь Ст. Омера.

[3]) „Jussu“ (Vita Carol 1); „per auctoritatem“ (тамъ же, 3).

скихъ чиновъ; его отвѣтъ былъ мнѣніемъ, а не приказаніемъ, и королевская власть была предоставлена Пипину не папой, а рѣшеніемъ его собственныхъ соотечественниковъ, хотя мнѣніе папы и было весьма важно для него, какъ содѣйствовавшее ему въ устраненіи номинальнаго короля, и въ то же время придававшее этой перемѣнѣ видъ религіозной санкціи, которая могла препятствовать этому событію сдѣлаться прецедентомъ для будущаго нарушенія вѣрности по отношенію къ собственной династіи Пипина [1]). Взглядъ, поддерживавшійся впослѣдствіи Григоріемъ VII и его школой [2]), именно, что преемникъ ап. Петра воспользовался въ этомъ случаѣ коренящимся въ его должности правомъ низложенія монарховъ по своему усмотрѣнію, совершенно чуждъ идеямъ времени и не сообразенъ съ обстоятельствами дѣла.

Изъ дѣла ясно, что въ своемъ отвѣтѣ папа скорѣе руководился соображеніями касательно своего собственнаго интереса въ обезпеченіи союза Пипина, чѣмъ строгими нравственными и религіозными принципами. Тѣмъ не менѣе мы сдѣлали бы Захаріи несправедливость, подвергая его суду съ точки зрѣнія идей и началъ новѣйшаго времени. Предложенный ему вопросъ былъ такого рода, который могъ казаться весьма благовиднымъ въ тѣ времена, когда сила имѣла гораздо большее вліяніе на право и когда перевороты были обычнымъ явленіемъ въ каждомъ государствѣ. Франкская монархія съ самаго начала руководилась избирательнымъ началомъ и никогда не подчинялась правилу строго наслѣдственнаго преемства. Въ ней признавалось, что королемъ могъ быть избранъ всякій членъ царскаго дома; такъ Клотарь IV въ 717 году поставленъ былъ Карломъ Мартеломъ, и самъ низложенный Хильдерикъ былъ Меровингъ неизвѣстнаго происхожденія, котораго Пипинъ и Карломанъ нашли удобнымъ возвести на престолъ въ 742 году, послѣ того, какъ номинальное владычество въ теченіи пяти лѣтъ оставалось вакантнымъ. Среди франковъ признавалось также, что короли могли быть устраняемы по причинѣ неспособности. Единственный принципъ, поэтому, какой только былъ нарушенъ при передачѣ короны, это тотъ, который ограничивалъ выборъ государя родомъ Меровинговъ, и съ цѣлью прикрыть эту неправильность въ глазахъ народа, впослѣдствіи утверждали, что самъ Пипинъ былъ также Меровингъ. Кромѣ того, какими бы средствами ни оправдалась или ни прикрывалась эта перемѣна династіи, во всякомъ случаѣ не видно, чтобы она произвела смущеніе въ общемъ нравственномъ чувствѣ того времени, и все это, хотя и недостаточно для того, чтобы оправдать Захаріи, во всякомъ случаѣ можетъ въ нѣкоторой степени содѣйствовать къ извиненію его.

---

[1]) Когда на французскомъ національномъ собраніи въ 1406 году деканъ реймскій привелъ дѣло Пипина въ доказательство права папъ поставлять и низвергать царей Франціи, то предсѣдатели собранія представили лѣтописи монастыря Сенъ-Дениса въ доказательство того, что перемѣна была сдѣлана non praecepto ipsius papae, sed consilio“, и заставили оратора отказаться отъ смутившихъ собраніе словъ.

[2]) Greg. VII, Epp. V, 2; VIII, 21 (Hard. VI, 1345, 1471).

Захарія умеръ въ мартѣ 752 года, немного раньше или послѣ совершенія одобреннаго имъ акта. Избранный на его мѣсто Стефанъ не дожилъ до посвященія, и поэтому большинствомъ писателей не считается даже въ спискѣ папъ, такъ что его преемникъ, другой Стефанъ, иногда называется вторымъ, а иногда третьимъ папой этого имени [1]). Королемъ ломбардовъ теперь былъ Айстульфъ, и онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, возобновилъ нападеніе на Римъ. Стефанъ, при посредствѣ великолѣпныхъ подарковъ, добился отъ него обѣщанія мира на 40 лѣтъ; но этотъ договоръ почти немедленно затѣмъ былъ нарушенъ Айстульфомъ, который захватилъ Равенну и требовалъ отъ римлянъ признать его своимъ государемъ. Въ крайней нуждѣ папа отправилъ пословъ къ императору съ просьбою о помощи, а въ то же время, прибивъ нарушенный договоръ къ кресту, занимался испрошеніемъ помощи отъ Бога торжественными молитвами и покаянными процессіями. Но посольство въ Константинополь оказалось безплоднымъ, и когда Стефанъ, полагаясь на успѣхъ своего предшественника Захаріи въ подобныхъ случаяхъ, отправился въ Павію, въ надеждѣ тронуть Айстульфа личными просьбами, то хотя онъ и встрѣтилъ почтительное обращеніе съ собой, однако же ему не удалось добиться какого либо обѣщанія въ снисхожденіи. У него оставалась одна только надежда на Пипина, съ которымъ онъ вошелъ въ тайныя сношенія [2]). Онъ рѣшилъ отправиться во Францію, и такъ какъ Айстульфъ старался отговорить его отъ этого, то опасеніе, чтобы ломбардецъ не задержалъ его силою, содѣйствовало ускоренію его путешествія за Альпы. Услышавъ о приближеніи папы, Пипинъ выслалъ своего сына Карла (будущаго Карла Великаго) на встрѣчу ему въ качествѣ почетнаго конвоя, и самъ вмѣстѣ съ королевой, младшими принцами и придворною знатью вышелъ къ нему на встрѣчу на цѣлую милю отъ дворца въ Понтіонъ-Ле-Першъ. Стефанъ, съ своимъ духовенствомъ, явились во вретищахъ и посыпанные пепломъ, и бросились къ ногамъ короля, смиренно умоляя его о помощи противъ ломбардовъ. Пипинъ принялъ просителей съ знаками необычайнаго почтенія. Онъ въ свою очередь палъ ницъ предъ папой, и держа подъ уздцы его лошадь, шелъ рядомъ съ нимъ, когда онъ ѣхалъ [3]).

6 янв. 754 г.

---

[1]) Стефанъ I былъ современникомъ св. Кипріана.

[2]) См. его письма, Patrol. xcviii, 100—6.

[3]) Французскіе писатели передаютъ образъ дѣйствія Стефана, а итальян-

Пребываніе Стефана во Франціи было продолжено болѣзнью, которая принудила его оставаться до лѣта въ Сенъ. Денисѣ. Въ теченіе этого времени явился неожиданный противникъ его домогательства, въ лицѣ отрекшагося Карломана, который, по наущенію Айстульфа, вынужденъ былъ аббатомъ Монте-Кассино оставить свое монастырское убѣжище, съ цѣлью побудить своего брата отказать въ просимой помощи. Но Стефанъ воспользовался своею папскою властью надъ этимъ аббатомъ, и Карломанъ былъ запертъ въ монастырѣ въ Вьеннѣ, гдѣ онъ вскорѣ затѣмъ и умеръ. 28 іюля 754 г. Вторая коронація, въ которой участвовали и сыновья Пипина, была совершена въ Сенъ-Денисѣ собственными руками папы, и въ надеждѣ обезпечить новую династію противъ повторенія движеній, при посредствѣ которыхъ она сама достигла царственности. Франкскому народу, подъ страхомъ отлученія, было внушено никогда не избирать никакого другаго короля, кромѣ преемника того, котораго Богу и намѣстнику апостоловъ угодно было возвести на престолъ. Пипинъ былъ удостоенъ также сана патриція Рима [1].

Въ томъ же году Пипинъ, хотя нѣкоторые изъ франкскихъ вождей и противодѣйствовали экспедиціи и даже угрожали оставить его, отправился съ своимъ войскомъ въ Италію и принудилъ Айстульфа дать клятву, что онъ возстановитъ ап. Петру взятые имъ города. Но какъ только сѣверное войско удалилось за Альпы, ломбардецъ отказался исполнить взятое съ него обязательство, сдѣлалъ нашествіе на римскую территорію, опустошилъ страну до самыхъ стѣнъ Рима и осадилъ самый городъ. Такъ какъ пути сообщенія съ суши были прерваны, то папа отправилъ моремъ письмо съ просьбою къ своему франкскому союзнику еще разъ оказать ему помощь. Вслѣдъ за этимъ послѣдовала и другая еще болѣе настоятельная просьба, и наконецъ папа отправилъ сразу три письма, изъ которыхъ одно написано было отъ имени самого ап. Петра, каковой пріемъ быть можетъ подсказанъ былъ ближайшимъ ознакомленіемъ съ характеромъ франковъ, пріобрѣтеннымъ во время его недавняго пребыванія среди нихъ. Въ этомъ странномъ документѣ апостолъ выставляется раздѣляющимъ власть вмѣстѣ съ Пресвятой Дѣвой; въ немъ просьбы перемѣшаны съ угрозами и лестью, и въ виду помощи, которая испрашивалась для защиты папскихъ преимуществъ, даются увѣренія не только въ долгой жизни и побѣдѣ, но и въ

скіе—образъ дѣйствія Пипина. Мы соединили оба эти разсказа, такъ какъ они не непримиримы между собой.

[1] Изъ выраженія въ „Clausula“—„tali omnes interdictu et lege excommunicationes constrinsit“ нѣкоторые выводили, что Стефанъ угрожалъ интердиктомъ; но interdictus здѣсь означаетъ просто запрещеніе, и интердикты (въ церковномъ смыслѣ этого слова) были позднѣйшаго происхожденія.

спасеніи и небесной славѣ, повидимому, безъ всякаго соотношенія съ нравственнымъ достоинствомъ [1]). 755 г.
Побуждаемый ли этими обѣщаніями, или по другимъ мотивамъ, Пипинъ быстро возвратился въ Италію, осадилъ Айстульфа въ Павіи и принудилъ его, подъ условіемъ мира, сдѣлать большую уступку городовъ и территоріи, которые были переданы римской каѳедрѣ, и въ первый разъ далъ папѣ положеніе свѣтскаго государя [2]). Нѣкоторые византійскіе посланники, присутствовавшіе при заключеніи этого договора, настаивали, чтобы экзархатъ былъ возвращенъ ихъ государю, которому онъ принадлежалъ до взятія его ломбардами; но Пипинъ отвѣчалъ, что онъ побѣдилъ для ап. Петра и не могъ иначе распорядиться тѣмъ, что онъ предложилъ апостолу [3]). Тѣмъ не менѣе не видно, чтобы даръ этотъ былъ даромъ независимой власти свѣтскаго государя; потому что предоставленныя папѣ земли находились подъ властью франкской короны, и съ другой стороны ненормальныя отношенія между папами и имперіей усложнялись еще болѣе, чѣмъ когда либо. Въ то время, какъ Пипинъ былъ патриціемъ Рима по притязанію папы на право давать этотъ титулъ, въ то время, какъ папа получалъ отъ франкскаго короля земли, которыя императоръ считалъ своими собственными; въ то время, какъ Римъ продолжалъ оставаться въ дѣйствительности отдѣленнымъ отъ имперіи вслѣдствіе иконоборческаго спора,—папы все еще считались подданными императоровъ и вели лѣтосчисленіе по годамъ ихъ царствованій.

Въ 757 году Стефану II наслѣдовалъ его братъ Павелъ, который занималъ папскій престолъ въ теченіе десяти лѣтъ. 767 г.
Когда Павелъ находился на своемъ смертномъ одрѣ, Тото, герцогъ непійскій, отправился въ Римъ во главѣ вооруженной толпы, принудилъ нѣкоторыхъ епископовъ поспѣшно рукоположить своего брата Константина во всѣ степени священства, и предоставилъ ему обладаніе папскимъ престоломъ. Самозванецъ занималъ его въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ, послѣ чего онъ былъ низвергнутъ противной партіей, и на мѣсто его въ папы возведенъ былъ Стефанъ III (или IV), сторонники Константина подвергнуты были варварскимъ наказаніямъ, свойственнымъ тому вѣку, какъ напр. лишенію глазъ или языка; самъ онъ, послѣ заключенія его въ мо-

---

[1]) Флёри называетъ это „уловкой, неимѣющей себѣ примѣра, ни раньше, ни послѣ во всей церковной исторіи", и замѣчаетъ: „церковь тамъ означаетъ не собраніе вѣрующихъ, но собраніе земныхъ благъ, посвященныхъ Богу; стадо Іисуса Христа составляютъ тѣла, а не души; земныя обѣщанія ветхаго завѣта перемѣшиваются съ духовными обѣтованіями Евангелія, и святѣйшіе мотивы религіи употреблены для государственнаго дѣла" (XLIII, 17).

[2]) Города Сутри и нѣкоторые другіе уже были отданы папству Ліутпрандомъ Gregorov. II, 265, 328), но не могли считаться прочнымъ владѣніемъ.

[3]) Anastas. 123.

настырь со стороны одной партіи враговъ, былъ вытащенъ оттуда другой партіей ихъ, ослѣпленъ и въ такомъ положеніи брошенъ на улицѣ [1]). Съ соизволенія Карла и Карломана, который только что наслѣдовалъ отъ своего отца Пипина королевскую власть надъ франками и званіе патриція Рима, состоялся соборъ. Константинъ былъ приведенъ предъ собраніе и былъ спрошенъ, почему онъ, будучи міряниномъ, задумалъ захватить апостольское сѣдалище. Тотъ объяснилъ, что онъ принужденъ былъ занять эту должность вопреки своей волѣ, бросился на полъ, простеръ свои руки и съ потоками слезъ просилъ о прощеніи въ своемъ незаконномъ поступкѣ. На слѣдующій день онъ опять былъ приведенъ на соборъ, и былъ спрошенъ касательно „нечестиваго новшества своихъ дѣйствій“ съ такою строгостью, которая заставила его возразить въ отвѣтъ своимъ судьямъ, что это не было новшество, въ доказательство чего онъ указалъ на архіепископа Равенны и епископа Неаполя, которые сразу же изъ мірскаго состоянія возведены были въ санъ епископовъ. При этомъ отвѣтѣ члены собора въ ярости повскакали съ своихъ мѣстъ. Они набросились на слѣпца, подвергли его жестокимъ побоямъ и вытолкали изъ церкви, въ которой происходили засѣданія. Затѣмъ они приступили къ отмѣнѣ рукоположеній и другихъ оффиціальныхъ актовъ, которые онъ совершилъ въ качествѣ папы, сожгли лѣтописи его папства и произнесли анаѳемы противъ всякаго, кто бы сталъ стремиться къ папству, не пройдя должнымъ образомъ степени кардинала-священника, или кардинала-діакона. Новый папа Стефанъ со всѣмъ духовенствомъ и массой римскихъ мірянъ пали ницъ, и со слезами сокрушались о томъ, что они принимали евхаристію отъ рукъ самозванца, и всѣ подвергнуты были должному покаянію. 769 г.

Въ интересѣ папъ было препятствовать образованію какой либо связи между ихъ франкскими союзниками и ненавистными ломбардами. Стефанъ поэтому былъ чрезмѣрно встревоженъ, когда до него въ 770 году дошло извѣстіе, что Дезидерій, преемникъ Айстульфа, составилъ планъ соединенія своего рода съ родомъ Пипина посредствомъ двойной связи, именно онъ предлагалъ свою дочь въ замужество или за Карла, или за Карломана, а ихъ сестра была просватана за Аделгиса, сына ломбардскаго короля. Папа немедленно отправилъ экстренное письмо франкскимъ государямъ [2]). Такъ какъ оба они были женаты, то онъ заявлялъ имъ, что было бы грѣхомъ разводиться съ своими женами для заключенія какого либо новаго брака. Но нравственныя или религіозныя возраженія занимаютъ весьма второстепенное мѣсто въ этомъ письмѣ, причемъ папа истощается подборомъ выраженій своего отвращенія къ ломбардамъ и возстаетъ противъ оскверненія царственной франкской крови примѣсью крови этого „вѣроломнаго и самаго грязнаго народа,—народа, отъ котораго, какъ извѣстно, произошло племя прокаженныхъ“ [1]). Посланіе заканчивается угрозами вѣчнымъ огнемъ, и папа заявляетъ, что съ цѣлью придать письму возможно большее значеніе, оно полагалось на гробницу ап. Петра, и на немъ принесена была евхаристическая жертва. Карлъ, не тронутый подобнымъ обращеніемъ, развелся съ своей женой, и женился на ломбардской принцессѣ; но черезъ годъ, 771 г. неизвѣстно по какой причинѣ, но конечно не изъ вниманія къ увѣщаніямъ Стефана, она была отправлена назадъ ко дворцу своего отца, и ея мѣсто, въ качествѣ сожительницы Карла, было занято Гильдегардой, женщиной швабскаго происхожденія [2]).

---

[1]) Anastas. 176.

[2]) Patrol. xcviii, 255—62.

Въ своихъ отношеніяхъ къ Стефану, Дезидерій старался казаться дружественнымъ, въ то же время избѣгая всякихъ просьбъ о возстановленіи того, что папы называли „правами ап. Петра“ [3]). По избраніи Адріана въ преемники Стефана, ломбардскій король вошелъ съ нимъ въ сношенія и обѣщалъ удовлетворить всѣ его требованія, если папа посѣтитъ его въ 772 г. Павіи; но приглашеніе это было не принято. Дезидерій отмстилъ за это опустошеніемъ пограничной папской земли, и Адріанъ обратился за помощью къ Карлу. Карломанъ умеръ въ 771 году, и Карлъ, безъ всякаго вниманія къ правамъ семейства своего брата, соединилъ всѣ франкскія владѣнія подъ своимъ владычествомъ. Дезидерій, побуждаемый, быть можетъ, скорѣе оскорбленіемъ своей собственной дочери, чѣмъ безкорыстнымъ уваженіемъ къ справедливости, вступился за дѣло лишенныхъ наслѣдства принцевъ и просилъ папу короновать ихъ; но Адріанъ, изъ нежеланія поссориться съ Карломъ и, слѣдовательно, отдать себя на милость ломбардовъ, отказалъ въ этомъ. Карлъ охотно склонился на просьбу своего союзника. Онъ просилъ Дезидерія очистить спорную землю, и предлагалъ ему въ вознагражденіе большую сумму денегъ, причемъ и папа посылалъ неоднократныя посольства къ ломбардскому королю, и наконецъ предложилъ сдѣлать ему желаемый имъ визитъ, подъ условіемъ, чтобы Дезидерій прежде всего съ своей стороны исполнилъ договоръ возстановленіемъ правъ ап. Петра. Дезидерій, предполагая, что Карлъ вполнѣ занятъ своей войной съ саксонцами, попытался удовлетворить его уклончивымъ отвѣтомъ и даже увѣрялъ его, что папская территорія уже возстановлена, но его заявленія не произвели никакого дѣйствія, и Карлъ, который въ 773 году вторгся въ Италію, осадилъ его въ Павіи и низвергъ ломбардское владычество. 773—4 гг. Дезидерій вынужденъ былъ принять монашество въ Льежѣ. Его сынъ Аделгисъ бѣжалъ въ Константинополь, и хотя ему и предоставлено было тамъ достоинство патриція, Карлъ однако въ состояніи былъ воспрепятствовать ему добиться дѣйствительной помощи для возвращенія себѣ наслѣдственнаго владѣнія. 786 г. Двѣнадцать лѣтъ спустя, по соглашенію съ ломбардскимъ герцогомъ Беневенти, Карлъ сдѣлался господиномъ и остальной части Италіи.

---

[1]) Подлинное выраженіе письма обыкновенно толкуется въ томъ смыслѣ, что ломбарды принесли проказу въ міръ, или, по крайней мѣрѣ, въ Италію. Но, повидимому, папа желалъ также внушить Карлу опасеніе того, чтобы отъ него не произошло также прокаженное поколѣніе.

[2]) Гильдегарда была мать трехъ сыновей—Карла, Пипина и Людовика, изъ которыхъ только младшій пережилъ своего отца. Она умерла въ 783 году и считается святою. См. Acta SS. Apr. 30.

[3]) Подъ названіемъ „justitiae S. Petri“ разумѣлось все, что могло считаться принадлежащимъ церкви.

Во время осады Павіи въ 774 году, Карлъ впервые посѣтилъ Римъ, куда онъ прибылъ наканунѣ Пасхи. Власти города высланы были папой встрѣтить его на разстояніи 45 верстъ отъ города. Верстахъ въ двухъ за стѣнами стояло войско со всѣми учащимися въ школахъ дѣтьми, которыя, держа въ рукахъ пальмовыя и масличныя вѣтви, встрѣчали его привѣтственными гимнами. Въ честь его патриціанскаго достоинства вынесены были священные кресты, какъ для пріема экзарха, и Карлъ, при видѣ ихъ, сойдя съ своей лошади, отправился пѣшкомъ къ храму ап. Петра, гдѣ уже, на ступеняхъ и въ главномъ портикѣ церкви, собрались папа и все его духовенство. При вхожденіи въ церковь, Карлъ цѣловалъ каждую ступень [1]). Достигнувъ входа, онъ обнялъ папу и, взявъ его за правую руку, вошелъ въ храмъ, причемъ духовенство и монахи громко пѣли: „благословенъ грядый во имя Господне“. Праздникъ онъ провелъ съ большимъ благочестіемъ, увеличилъ даръ, сдѣланный Пипиномъ церкви, подтвердилъ его клятвой и торжественно положилъ дарственный актъ на гробницу апостола. Дѣйствительный объемъ этого дара однако же неизвѣстенъ. Онъ, будто бы, включалъ не только экзархатъ равеннскій, но и герцогства Сполето и Беневенто, Венецію, Истрію и другія области въ сѣверной Италіи, однимъ словомъ, почти весь полуостровъ вмѣстѣ съ островомъ Корсикой; но нѣкоторыя изъ нихъ еще не были пріобрѣтены франками, и въ дѣйствительности папское управленіе, повидимому, ограничивалось только экзархатомъ, да даже и обладаніе имъ не означало собою безусловнаго владычества, а находилось въ зависимости отъ франкскихъ монарховъ. Поэтому можно думать (если только можно довѣрять самому разсказу о дарѣ), что Карлъ, въ благодарность за благопріятный случай вмѣшательства въ дѣла Италіи, имѣлъ въ виду предоставить папѣ добычу, которую онъ къ этому времени еще не вполнѣ захватилъ, но что впослѣдствіи онъ не расположенъ былъ приводить свои обѣщанія въ исполненіе. Король посѣтилъ Римъ опять въ 781 году, и въ третій разъ въ 787-мъ. И при каждомъ случаѣ церковь была обогащаема дарами, приносившимися имъ, по выраженію того времени, „во искупленіе своей души“ [1]. Его связь съ Адріаномъ была скрѣплена не только интересомъ, но и личнымъ уваженіемъ, такъ что услышавъ о смерти этого папы, онъ, будто-бы, плакалъ о немъ какъ о своемъ братѣ.

---

[1]) По всей вѣроятности, онъ всходилъ на колѣняхъ, какъ и предполагаетъ Грегоровіусъ (п, 394).

Въ 795 году Адріану наслѣдовалъ Левъ III. Политическое состояніе Рима въ теченіе многихъ лѣтъ предъ этимъ остается весьма темнымъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, Римъ при папахъ со времени дара Пипина былъ республикой; но противъ этого взгляда утверждаютъ, что письмо Адріана къ императору Константину и его матери, по случаю втораго собора Никейскаго, доказываетъ, что даже уже въ столь позднее время, какъ 785-тый годъ, въ немъ до нѣкоторой степени продолжала признаваться императорская власть. Но хотя византійскіе государи находились теперь въ согласіи съ Римомъ по вопросу объ иконахъ, прежнія разногласія касательно этого вопроса произвели между ними продолжительное отчужденіе; такъ что Левъ, извѣщая Карла Великаго о своемъ избраніи, послалъ ему знамя римское съ ключами отъ гробницы ап. Петра и просилъ его отправить уполномоченныхъ для взятія съ граждан присяги въ вѣрноподданичествѣ франкской коронѣ [2]. Будемъ ли смотрѣть на это какъ на иллюстрацію отношеній, уже существовавшихъ между Римомъ и франками, или какъ на добровольный актъ, которымъ папа для пріобрѣтенія могущественнаго покровительства, ставилъ себя и свой народъ въ новое отношеніе зависимости, во всякомъ случаѣ онъ доказываетъ какъ то, что связь съ Восточной имперіей была порвана, такъ и то, что если Римъ и былъ независимъ на время, то этого уже не было теперь.

въ 755 г.

Возвышеніе Льва глубоко оскорбило нѣкоторыхъ родственниковъ Адріана, занимавшихъ высокія положенія въ папскомъ правительствѣ. Они въ теченіе трехъ лѣтъ выжидали благопріятнаго случая для удовлетворенія своей вражды, и наконецъ, когда однажды папа шелъ во главѣ процессіи по улицамъ Рима, толпа его враговъ ринулась близь монастыря св. Сильвестра на Квириналъ, разсѣяла его безоружныхъ спутниковъ, сбросила его съ ло-

25 апр. 799 г.

---

[1] „Pro mercede animae“ (Patrol. XCVIII, 404).

[2] Gregorov. II, 505—11.

щади, и покушалась лишить его глазъ и языка. Отъ торопливости ли, или изъ сожалѣнія, они не вполнѣ сдѣлали свое дѣло; но Пасхалій и Кампулъ, двое племянниковъ Адріана, бывшіе главными предводителями заговора, повлекли раненаго папу въ церковь монастыря, бросили его на полъ предъ престоломъ, закончили начатое истязаніе и, жестоко избивъ его палками, оставили его тамъ, истекающимъ кровью. Не смотря на всѣ эти звѣрства, Левъ сохранилъ зрѣніе и способность рѣчи; въ народѣ вѣрили, что онъ возвратилъ ихъ себѣ при содѣйствіи ап. Петра [1]). При помощи друзей ему удалось бѣжать изъ Рима; въ сопровожденіи герцога сполетскаго, вассала франкскаго короля, онъ достигъ этого города, и Карлъ, который задержанъ былъ на сѣверѣ саксонской войной, по полученіи извѣстія о его страданіяхъ, пригласилъ его въ Падерборнъ, гдѣ онъ и принятъ былъ съ большими почестями.

Около того времени, какъ Левъ прибылъ въ Падерборнъ, изъ Рима явились туда нѣкоторые посланные съ серьезными обвиненіями противъ него. Карлъ обѣщалъ изслѣдовать эти обвиненія въ Римѣ, и отправилъ назадъ папу въ сопровожденіи двухъ архіепископовъ, пяти епископовъ и пяти окружныхъ начальниковъ, которые и возстановили его на каѳедрѣ. Самъ король, медленно и окольными путями, направился къ этому городу, куда онъ прибылъ въ концѣ ноября 800 года. Изслѣдованіе по дѣлу Льва начато было

Декабря 1.

предъ собраніемъ архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ и знати, но никакихъ свидѣтельствъ не было выставлено противъ папы, и присутствующіе прелаты и духовенство отклонили отъ себя должность судей, на основаніи постепенно возникавшаго мнѣнія, что преемникъ ап. Петра не подлежитъ никакому человѣческому (или вѣрнѣе, быть можетъ, никакому церковному) суду [2]).

23 декабря.

Въ отвѣтъ на это, Левъ самъ заявилъ готовность доказать свою невинность клятвою, и нѣсколько позже онъ взошелъ на каѳедру, и торжественно клялся надъ Евангеліемъ, что онъ никогда не совершалъ и не подстрекалъ на взводимое на него преступленіе [3]). Заговорщики, замѣшанные въ нападеніи на него, скоро подвергнуты были суду, и такъ какъ они не могли оправдать себя, то были осуждены на смерть;

---

[1]) Anastas. 196—8. Монахъ сенгальскій увѣряетъ, что какъ въ дѣлѣ употребленія, такъ и по внѣшности, новые глаза были еще гораздо лучше старыхъ. Gesta Caroli, I, 28.

[2]) Anastas. 199.

[3]) Anastas. 199. Сущность этихъ обвиненій неизвѣстна. Алкуинъ упоминаетъ объ интригахъ нѣкоторыхъ лицъ, которыя пытались низложить папу за прелюбодѣяніе или вѣроломство. Онъ относится къ этому предмету весьма деликатно, какъ будто бы вѣрилъ въ виновность Льва, и однако же желалъ поддержать достоинство римской каѳедры (Ep. 92; *Lorenz*, „жизнь Алкуина", 199—201).

но, по просьбѣ папы, приговоръ этотъ былъ замѣненъ изгнаніемъ.

Но въ промежуткѣ между оправданіемъ Льва и осужденіемъ его враговъ случилось одно важное событіе. Въ праздникъ Рождества, первый день IX столѣтія, согласно съ соблюдавшимся на западѣ счисленіемъ, Карлъ присутствовалъ за обѣдней въ церкви св. Петра, и когда онъ колѣнопреклоненно молился предъ алтаремъ, папа вдругъ надѣлъ ему на голову великолѣпную корону, и громадное собраніе молящихся разразилось криками: „жизнь и побѣда Карлу, коронованному Богомъ императору Рима!“ [1]. Левъ затѣмъ приступилъ къ помазанію Карла и его сына Пипина, короля Италіи, и руководилъ въ дѣлѣ оказанія почестей новому императору. Въ разговорѣ съ своими приближенными, Карлъ выразилъ большое удивленіе и даже неудовольствіе на эту коронацію, заявляя, что если бы онъ зналъ объ этомъ, то даже и святость рождественскаго праздника не побудила бы его пойти въ церковь въ этотъ день. Едва-ли однако же можетъ быть сомнѣніе касательно того, что его возвышеніе въ императорское достоинство было подготовлено заранѣе. Быть можетъ, мысль эта была подсказана ему письмомъ, въ которомъ его довѣренный другъ Алкуинъ говорилъ о папствѣ, имперіи и королевствѣ франковъ, какъ трехъ высшихъ достоинствахъ въ мірѣ, и указывалъ, какою недостойною личностью занятъ былъ тогда императорскій престолъ высшей изъ двухъ свѣтскихъ монархій. На своемъ пути въ Римъ, король посѣтилъ Алкуина въ Турѣ, и получилъ отъ него, въ качествѣ рождественскаго подарка, Библію, исправленную собственной рукой этого ученаго аббата, вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ говорилось, что подарокъ этотъ предназначался ему въ честь императорской власти [2]. Отсюда можно предполагать, что принятіе императорскаго достоинства было условлено между Карломъ и Львомъ во время пребыванія папы въ Падерборнѣ, или, по крайней мѣрѣ, Левъ узналъ тамъ о наклонности короля, и что въ теченіе нѣкотораго времени въ эту тайну посвященъ былъ и Алкуинъ.

Тѣмъ не менѣе, намъ нѣтъ надобности обвинять Карла въ неискренности его выраженій неудовольствія по случаю коронаціи. Такъ какъ притворство не свойственно было вообще его характеру, то можно предполагать, что хотя онъ и добивался императорскаго титула, однако же былъ недоволенъ тѣмъ способомъ, которымъ онъ былъ данъ ему. Дѣйствіе папы онъ могъ считать преждевременнымъ и вмѣшательствомъ въ его собственные планы. Онъ могъ видѣть, что дѣйствіе это способно было къ такому перетолкованію, которое въ дѣйствительности впослѣдствіи придавалось ему, именно, что будто бы папы имѣли право давать императорское достоинство своею собственною властью, каковая претензія совершенно несовмѣстима со всѣмъ духомъ политики Карла Великаго. Быть можетъ, у короля было намѣреніе добиться своего избранія со стороны самихъ римлянъ и впослѣдствіи получить коронацію отъ папы, подобно тому, какъ греческіе императоры, послѣ избранія со стороны, представителей своихъ подданныхъ были коронуемы патріархомъ Константинополя, между тѣмъ какъ теперь онъ неожиданно долженъ былъ получить императорское достоинство отъ папы, когда одобрительныя восклицанія римлянъ не предшествовали, а лишь сопровождали возложеніе на него короны папой Львомъ. Хотя однако же дѣйствіе папы и могло подвергнуться истолкованію, благопріятному притязаніямъ его преемниковъ въ позднѣйшія времена, такія притязанія повидимому были совершенно неизвѣстны въ вѣкъ Карла Великаго, и Левъ, возложивъ корону на его чело, былъ первымъ въ дѣлѣ оказанія ему почести въ качествѣ подданнаго имперіи.

---

[1] Caroli piissimo Augusto a Deo coronato, magno, pacifico Imperatori, vita et victoria“. (Anastas. 199). Стихотворный жизнеописатель такъ перефразируетъ это восклицаніе:

„Augusto Carolo magno, pacemque ferenti,
Imperii merito Romani sceptra tenenti,
Gloria, prosperitas, regnum, pax, vita, triumphus!“
Poëta Saxo, 259.

[2] Alc. Epp. 103, 185.

Коронаціей Карла Римъ окончательно былъ отдѣленъ отъ Греческой имперіи, и опять сдѣлался признанной столицей Запада, причемъ императоръ получилъ двойственный характеръ главы западнаго христіанскаго міра и представителя древней цивилизаціи. Византійскій императоръ естественно былъ оскорбленъ шагомъ, который казался нарушеніемъ правъ какъ его достоинства, такъ и власти; но Карлъ своей примирительной политикой съумѣлъ утишить это раздраженіе. Императорскій титулъ былъ признанъ за нимъ посланниками Никифора въ 812 году, и къ его сыну греческіе императоры обращались какъ къ императору, хотя и не Рима, а франковъ.

Царствованіе Карла Великаго [1]), со времени смерти его отца,
768—814 г. простиралось почти на полустолѣтіе. Слава его основывается не только на его подвигахъ въ качествѣ воина и завоевателя, но и на его законодательствѣ и администраціи, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ церковныхъ дѣлахъ, на его стараніяхъ о развитіи учености, торговли, земледѣлія, архитектуры и другихъ мирныхъ занятій, на всесторонности и способности ума, обнимавшаго какъ самыя великія, такъ и самыя мелкія подробности

---

[1]) Эпитетъ „magnus“ былъ данъ ему лишь послѣ его смерти, но самое имя Charlemagne такъ установилось въ исторіи, что всѣ попытки устранить его оказывались безполезными. Мишле увѣряетъ, что имя Charlemagne составлено не изъ Carolus magnus, а изъ Carloman; но его доводы весьма неосновательны.

обширной и разнообразной системы, во главѣ которой онъ стоялъ. Его войны, наступательныя по своей формѣ, въ дѣйствительности были оборонительными; цѣлью его было сплотить народности, населявшія территоріи Западной имперіи, и обезпечить ихъ противъ нападеній новыхъ переселенцевъ. Направляя свое оружіе противъ тѣхъ, отъ которыхъ онъ имѣлъ основаніе опасаться нападенія, онъ распространилъ свои владѣнія до Эйдера и Эбро, на Бретань и Аквитанію, далеко по направленію къ Южной Италіи и на востокъ до Тейсса и Савы. Впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на грековъ, сказалось въ ихъ пословицѣ: „имѣй франка твоимъ другомъ, но не твоимъ сосѣдомъ". Его вліяніе и власть простирались отъ Шотландіи до Персіи; великій халифъ Гарунъ-ал-Рашидъ обмѣнивался съ нимъ подарками, и, въ знакъ особенной чести, прислалъ ему ключи отъ св. Гроба, и хотя имперія Карла великаго разрушилась послѣ его смерти, однакоже результатъ этого единства сохранялся въ продолжавшейся и послѣ него связи западнаго христіанскаго міра. Рядомъ съ многимъ такимъ, что отличается величественнымъ, благороднымъ характеромъ, у Карла Великаго было не мало и того, что заслуживало порицанія. Захватъ владѣній его брата и лишеніе наслѣдства своихъ племянниковъ были совершенно неизвинительною несправедливостью; его политика была иногда сурова, даже доходя до степени жестокости, и личное поведеніе его запятнано было крайнею распущенностью, которая продолжалась даже до позднѣйшихъ лѣтъ и о наказаніи за которую, будто бы, открыто было видѣніями послѣ его смерти; но за исключеніемъ этого его личный характеръ, повидимому, былъ таковъ, что еще болѣе усиливалъ то благоговѣніе, которое вызывалось его величіемъ въ качествѣ государя. Въ общемъ, онъ былъ человѣкъ мягкій, открытый и благородный: его семейныя привязанности были горячи, и его дружба была искренняя и постоянна.

Войны Карла Великаго противъ варваровъ не были религіозными по своему происхожденію, но скоро въ нихъ замѣшана была и религія. Вслѣдъ за его завоеваніями шло распространеніе Евангелія, и какъ ни ошибочны были нѣкоторыя употреблявшіяся имъ средства къ его распространенію, результатъ былъ въ концѣ концовъ добрымъ. Изъ его 53-хъ походовъ, 18 были направлены противъ саксонцевъ Германіи. Между этимъ народомъ и франками война время отъ времени продолжалась въ теченіе 200 лѣтъ. То франки проникали до Везера и налагали дань, которая платилась неисправно; то саксонцы дѣлали свои набѣги до береговъ Рейна, и на границахъ территорій болѣе варварскій изъ этихъ народовъ занимался постоянными грабежами и мелкими набѣгами на своихъ сосѣдей. Саксонскія племена раздѣлялись на три большихъ отдѣла, — вестфальцевъ, ангарцевъ и остфальцевъ; у нихъ не было короля, и они обыкновенно выбирали вождя только въ случаѣ національной войны. Храбрость ихъ признавалась даже франкскими писателями; то вѣроломство, которое описывается какъ отличительная черта ихъ, въ нѣкоторой степени объясняется и смягчается тѣмъ обстоятельствомъ, что они не имѣли никакого центральнаго правительства, которое бы могло дѣлать договоры обязательными для всего народа.

Война съ саксонцами теперь продолжалась 33 года, съ 772—805 г. Въ первомъ походѣ, Карлъ Великій разрушилъ большаго національнаго идола, называемаго Ирминсулъ, который стоялъ въ гористомъ и лѣсистомъ округѣ, близь Эресбурга (теперь Штадтбергъ [1]). Саксонцы отмстили въ слѣдующемъ году тѣмъ, что напали на монастыри и церкви, находившіеся на ихъ границахъ, убивали и изгоняли монаховъ и духовенство, и вообще опустошили страну до Рейна. Стурмій, преемникъ Бонифація, былъ вынужденъ бѣжать изъ Фульды, унеся съ собой и останки своего учителя. Саксонцы связывали свое древнее идолопоклонство съ своею національностью и Евангеліе отождествляли съ интересами франковъ.

Одно мѣсто въ „жизни св. Лебуина“ связываютъ съ происхожденіемъ саксонской войны, но вѣроятнѣе оно должно быть относимо къ нѣсколько болѣе позднему времени. Лебуинъ, англичанинъ, проповѣдывалъ съ большимъ успѣхомъ и построилъ нѣсколько церквей среди фризовъ, около Исселя. Но вотъ набѣгъ сосѣднихъ язычниковъ нарушилъ мирное теченіе его трудовъ. Въ виду этого, онъ рѣшился смѣло выступить противъ враговъ христіанства во всей ихъ силѣ, и, неудерживаемый предостереженіемъ своихъ друзей, явился въ своемъ первосвященническомъ одѣяніи предъ національнымъ собраніемъ саксонцевъ, происходившимъ въ Маркло на Везерѣ. Онъ говорилъ имъ объ истинномъ Богѣ, поносилъ ихъ идолопоклонство и заявлялъ имъ, что если только они не примутъ Евангеліе и не крестятся, Богъ опредѣлилъ погубить ихъ посредствомъ могущественнаго короля не издалека, а изъ ихъ ближайшаго сосѣдства,—короля, который обрушится на нихъ подобно потоку. Вліяніе такой проповѣди естественно привело саксонцевъ въ ярость, и только съ затрудненіемъ нѣкоторые члены собранія спасли ревностнаго миссіонера отъ ярости своихъ сотоварищей. Язычники сожгли его церковь въ Девентерѣ, и тогда, вслѣдствіе этого варварскаго поступка, Карлъ Великій съ франками, которые были извѣщены объ этомъ событіи во время совѣщанія въ Вормсѣ, порѣшилъ предпринять походъ противъ нихъ.

---

[1] Что такое былъ Ирминсулъ,—это составляетъ предметъ догадокъ. Послѣдній слгъ, отвѣчающій новѣйшему нѣмецкому слову Säule, можетъ, подобно этому слову, означать или „столбъ“ или „статую“. Нѣкоторые писатели предполагаютъ, что Ирминсулъ представлялъ собою статую Геркулеса! Другіе думаютъ, что *Irmin* означаетъ германскаго героя Германа или Арминія, и *sul* было изображеніемъ его. Но вѣроятнѣе всего *irmin* есть прилагательное, означающее „сильный“, „могущественный“, или „всеобщій“, и такимъ образомъ Ирминсулъ, по предположенію, былъ огромный стволъ поставленнаго прямо дерева, который саксонцы считали поддержкой вселенной.

Всякій разъ, какъ Карлу Великому приходилось во время походовъ бывать въ другихъ странахъ, какъ въ Италіи или въ Испаніи, это всегда служило сигналомъ къ возстанію саксонцевъ. Послѣ нѣкотораго времени, какъ сообщаетъ лѣтописецъ его царствованія [1]), онъ былъ вынужденъ ихъ неоднократнымъ измѣнничествомъ рѣшиться на обращеніе или истребленіе всего этого племени. Въ своихъ попыткахъ къ обращенію ихъ онъ однако же встрѣтился съ затрудненіями, которыхъ, повидимому, и не ожидалъ. Всякій разъ, какъ только саксонцы терпѣли пораженіе, многіе изъ нихъ принимали крещеніе безъ всякаго знакомства съ новой религіей или безъ всякой вѣры въ христіанское ученіе; но при первомъ благопріятномъ случаѣ они возмущались и опять обращались къ исповѣданію религіи своихъ отцовъ. Эта борьба долго тянулась съ большими потерями съ обѣихъ сторонъ. При одномъ случаѣ Карлъ Великій обезглавилъ 4500 плѣнниковъ, которые выданы были ему какъ участники послѣдняго возстанія, и это ужасное кровопролитіе, 782 г. вмѣсто внушенія ожидавшагося ужаса варварамъ, побудило ихъ къ необычно широкому и сильному возстанію въ слѣдующемъ году. Душой саксонскихъ движеній доселѣ былъ предводитель, по имени Видикиндъ. Послѣ каждой неудачи, онъ удалялся въ Данію и находилъ убѣжище у короля, который былъ его свойкомъ, и когда его соотечественники опять были, готовы для возобновленія своихъ возстаній, онъ вновь появлялся, чтобы дѣйствовать во главѣ ихъ. Но въ 785 году, получивъ обѣщаніе въ безнаказанности, онъ сдался самъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Аббо, и былъ крещенъ въ Аттиніи, гдѣ Карлъ Великій дѣйствовалъ въ качествѣ крестнаго отца. Неизвѣстно собственное ли убѣжденіе содѣйствовало перемѣнѣ его религіознаго исповѣданія, или оно возникло только изъ отчаянія въ дѣлѣ саксонцевъ, или же наконецъ его обращеніе состояло только въ принятіи вѣры въ того Бога, поклонники котораго оказались побѣдителями, но во всякомъ случаѣ, онъ вѣрно сдержалъ данныя королю обѣщанія. Саксонцы теперь были подчинены до береговъ Эльбы, и многіе изъ болѣе ярыхъ идолопоклонниковъ между ними искали убѣжища въ Скандинавіи, гдѣ они присоединились къ пиратскимъ шайкамъ, которыя начали свои грабительскія экспедиціи и скоро стали наводить ужасъ на болѣе цивилизованные народы Европы [2]).

Карлъ Великій затѣмъ приступилъ къ изданію крайне суроваго закона. Имъ объявлялось наказаніе смертью за отказъ отъ крещенія, за сожиганіе тѣлъ покойниковъ по обычаю язычниковъ, за ядѣніе мяса во время Великаго поста, если это дѣлалось въ пренебреженіе къ христіанству, за поджоги церквей, или насильственныя вторженія въ нихъ съ цѣлію ограбленія, за умерщвленіе епископовъ, священниковъ или діаконовъ, за принесеніе человѣческихъ жертвъ и за нѣкоторыя варварскія суевѣрія. Всѣ должны были платить десятую часть своего „имущества и труда" церкви 1). Всѣ дѣти должны были креститься въ теченіе года отъ ихъ рожденія, и родители, которые пренебрегали исполненіемъ закона въ этомъ отношеніи, подлежали штрафу, сообразно ихъ состоянію. Штрафы назначались также противъ тѣхъ, которые приносили жертвы въ рощахъ, или совершали какіе либо другіе обряды языческаго идолослуженія. Въ дѣлѣ тѣхъ преступленій, которыя подлежали наказанію смертью, законъ не допускалъ денежныхъ пеней, которыя были обыкновеннымъ дѣломъ въ германскихъ кодексахъ; но вмѣсто нихъ было сдѣлано замѣчательное постановленіе, что если какой нибудь человѣкъ, виновный въ такихъ преступленіяхъ, по своему собственному рѣшенію признавался въ нихъ священнику и выражалъ желаніе принести покаяніе, то его жизнь, на основаніи свидѣтельства священника, должна была быть пощажена 2). Суровость этого постановленія не соотвѣтствовала общему духу законодательства Карла Великаго, да и не предполагалось дѣлать его постояннымъ. Послѣ двѣнадцатилѣтняго дѣйствія законъ этотъ былъ замѣненъ другимъ, болѣе мягкаго характера, который опять допускалъ возможность пеней за уголовное преступленіе.

---

[1]) Einhard, 775 г.

[2]) *Einhard*, Vita Car. 14.

Съ цѣлію обращенія принимались разныя мѣры. Для склоненія ихъ къ христіанству употреблялись дары и угрозы 3). Карлъ Великій предлагалъ имъ союзъ съ франками на разныхъ условіяхъ, свободу отъ дани и изъятіе отъ всѣхъ другихъ налоговъ, исключая десятинъ. Между ними постепенно учреждались епископіи, въ рѣдко населенныхъ округахъ основаны были монастыри, вокругъ этихъ новыхъ учрежденій возникли города, и каждый изъ нихъ сдѣлался центромъ распространенія знанія истинной религіи и цивилизаціи. Саксонскіе юноши, взятые въ качествѣ заложниковъ, поручаемы епископамъ и аббатамъ для образованія ихъ, и, благодаря одной сильной политической мѣрѣ, 10.000 сак-

---

1) Постановленіемъ предшествующаго года (784 г.) саксонцы были обязаны отводить участокъ (mansus) каждой церкви, и платить десятины и девятины (каковой платежъ будетъ объясненъ впослѣдствіи) епископу и духовенству (*Pertz*, Leges 11, Append. 1). Но документъ этотъ вообще сомнителенъ, и ученый издатель его въ особенности подозрѣваетъ постановленіе касательно *девятины*.

2) С. 14.

3) Alcuin. Ep. 3 (790 г.).

сонцевъ въ 804 году были переселены изъ своей страны въ древнѣйшую франкскую область, гдѣ они и слились съ первоначальными подданными завоевателя.

Подобная же система распространенія Евангелія посредствомъ завоеванія была преслѣдуема Карломъ Великимъ и въ другихъ странахъ, какъ напр. среди фризовъ, вилцевъ (славянскаго племени къ сѣверу отъ Эльбы), баварцевъ, аваровъ (въ Панноніи) и богемцевъ. Среди миссіонеровъ, наиболѣе отличавшихся въ дѣлѣ обращенія, были Григорій, аббатъ утрехтскій, Ліудгеръ, фризъ, учившійся у Алкуина въ Іоркѣ и сдѣлавшійся епископомъ Мимгарденефорда (Мюнстера), Виллегадъ, нортумбріецъ, епископъ бременскій, Стурмій фульдскій и Арнонъ, архіепископъ зальцбургскій. Инго, трудившійся въ Каринтіи, можетъ быть упомянутъ здѣсь вслѣдствіе тѣхъ своеобразныхъ средствъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ для убѣжденія язычниковъ въ ихъ низшемъ состояніи, когда именно онъ допускалъ нѣкоторыхъ христіанскихъ рабовъ къ себѣ за столъ, между тѣмъ какъ ихъ необращеннымъ господамъ пища выставлялась за двери, какъ для собакъ. Объясненія на разспросы касательно этого различія въ дѣлѣ угощенія, будто бы, повели къ большому приливу желавшихъ крещенія.

Хотя политика Карла Великаго много содѣйствовала распространенію христіанства, но употреблявшіяся имъ средства подлежатъ серьезному возраженію. Насильственное введеніе десятинъ естественно возбуждало предубѣжденіе противъ вѣры, для которой требовалась подобная плата. Въ 793 году она даже послужила поводомъ къ возстанію саксонцевъ. Алкуинъ часто возставалъ противъ этого неразумнаго вымогательства [1]). Онъ признавалъ законность десятинъ; но какъ, спрашивалъ онъ, налогъ, не съ охотой сносимый даже лицами, воспитанными въ православной церкви, могъ быть выносимъ грубымъ и варварскимъ племенемъ новообращенцевъ? Стали ли бы апостолы приводить его въ исполненіе въ такихъ обществахъ? Когда обращенцы утвердятся въ вѣрѣ, то тогда и можно будетъ подвергать ихъ бремени подобнаго рода; но дотолѣ было бы тяжкой ошибкой рисковать самой вѣрой изъ за десятинъ. Подобнымъ же образомъ онъ возставалъ и противъ безразборнаго совершенія крещенія. Сначала, говорилъ онъ, должно быть преподано наставленіе въ главныхъ предметахъ христіанскаго ученія и жизни, и затѣмъ уже должно слѣдовать таинство. Крещеніе можно навязать людямъ, но вѣры—нельзя. Крещеніе, принятое безъ разумѣнія или вѣры лицемъ, способнымъ къ разсужденію, есть лишь безполезное омовеніе тѣла [2]). Онъ настаивалъ, чтобы къ новообращеннымъ относились съ большею мягкостью, и чтобы для назиданія ихъ были посланы такіе способные проповѣдники, которые самымъ своимъ характеромъ не подрывали бы своего ученія [1]).

---

[1]) Epp. 28, 31, 37, 79, 80 и проч.

[2]) Ep. 31.

Что касается просвѣщенія, то въ позднѣйшую часть меровингскаго періода оно все болѣе падало. Но вотъ началась новая эпоха умственнаго оживленія. Самъ Карлъ Великій ревностно старался восполнить недостатки своего ранняго воспитанія. Уже въ зрѣломъ возрастѣ онъ началъ учиться искусству письма; но хотя онъ и прилежно старался, однако же никогда не могъ достигнуть способности легко владѣть перомъ, или, по крайней мѣрѣ, не способенъ былъ преодолѣть трудностей орнаментальной каллиграфіи, которою особенно гордились писцы того времени [2]). Съ латинскимъ языкомъ онъ былъ столь же знакомъ, какъ и съ своимъ роднымъ языкомъ, и хотя не могъ бойко выражаться по гречески, однако же былъ хорошо знакомъ и съ этимъ языкомъ. Цѣлью его стремленій было скорѣе оживить древнюю римскую культуру, чѣмъ произвести новую литературу; но поощряя изученіе классическихъ языковъ среди своихъ подданныхъ, онъ не пренебрегалъ и своимъ туземнымъ германскимъ языкомъ; съ цѣлью возвести его на степень образованнаго языка и выработать изъ него грамматическую систему, онъ собиралъ его древнія героическія баллады и далъ тевтонскія названія вѣтрамъ и мѣсяцамъ [3]). Хотя его забота о германскомъ языкѣ и мало находила поддержки въ его собственное время, и хотя латинскій языкъ сдѣлался авторизованнымъ языкомъ церкви, однако же усилія императора въ этомъ отношеніи были не безплодны, такъ какъ возникла туземная литература, которая оказывала много вліянія на просвѣщеніе народа. Среди ея остатковъ имѣются поэмы и гимны, метрическія соглашенія Евангелій и глоссы на Библію для употребленія духовенства. Людей, необходимыхъ для умственнаго преобразованія, имѣвшагося въ виду Карломъ Великимъ, нельзя было найти въ его собственныхъ владѣніяхъ. Поэтому онъ привлекалъ ихъ изъ Италіи и съ Британскихъ острововъ, единственныхъ странъ запада, въ которыхъ въ то время развивалась общая ученость [4]). Главными изъ нихъ были Павелъ Варнефридъ, ломбардецъ, Петръ пизанскій и самый выдающійся по своимъ талантамъ, вліянію и продолжительности своихъ трудовъ среди франковъ, Алкуинъ, урожденецъ Нортумбріи.

---

[1]) Ep. 87.

[2]) Einhard, 25.

[3]) Einhard, 29.

[4]) Монахъ Ст.-Гальскій, написавшій анекдотическую, а не подлинную жизнь Карла Великаго, такъ какъ извлекалъ свои матеріалы главнымъ образомъ изъ ходячихъ народныхъ разсказовъ своего времени, разсказываетъ, что императоръ, найдя средства умственнаго просвѣщенія далеко не соотвѣтствующими своимъ желаніямъ, воскликнулъ: „о, если бы я имѣлъ двѣнадцать духовныхъ лицъ, столь же ученыхъ, какъ Іеронимъ и Августинъ!“ на что̀ Алкуинъ отвѣчалъ: „даже Творецъ неба и земли имѣлъ подобныхъ ученыхъ не болѣе двухъ, а ты хотѣлъ бы имѣть двѣнадцать!“ (Pertz. II, 734).

Алкуинъ (или Албинъ) родился около 735 года [1]. Послѣ обученія въ каѳедральной школѣ іоркской при архіепископѣ Эгбертѣ, братѣ нортумбрійскаго короля Эадберта, онъ былъ рукоположенъ въ діакона и сдѣлался учителемъ школы, которой онъ придалъ такую славу, что для обученія въ ней стекались и многіе иностранцы [2]. Онъ уже бывалъ на континентѣ, когда Эанбальдъ, его бывшій сотоварищъ по школѣ, будучи возведенъ на каѳедру іоркскую въ 782 году, послалъ его въ Римъ съ цѣлью обратнаго принесенія палліума, символа архіепископскаго достоинства, которое возвращено было Іорку Эгбертомъ послѣ отмѣны его со времени Павлина. Въ Пармѣ Алкуинъ встрѣтился съ Карломъ Великимъ, который пригласилъ его поселиться во Франціи. Съ позволенія своего короля и Эанбальда, онъ принялъ это предложеніе и былъ назначенъ начальникомъ Палатинской школы,—учрежденія, суще- 782 — 796 г. ствовавшаго еще при Меровингахъ и теперь вновь возстановленнаго. Эта школа сопутствовала двору при его передвиженіяхъ. Ученики были все члены королевскаго семейства вмѣстѣ съ благородными юношами, принадлежавшими къ королевскому дому, или такими, которымъ позволено было государемъ пользоваться подобнаго рода образованіемъ. Самъ Карлъ Великій, его сыновья, дочери и нѣкоторые изъ его царедворцевъ также сдѣлались учениками Алкуина [3]. По предположенію нѣкоторыхъ, они составляли своего рода академію, въ которой каждый носилъ имя какой либо древней знаменитости; такъ самъ Карлъ назывался Давидомъ, Алкуинъ—Флаккомъ, Ангильбертъ (зять Карла Великаго и впослѣдствіи аббатъ центульскій) — Гомеромъ. Но единственнымъ свидѣтельствомъ въ пользу этого предположенія служитъ то, что такія имена дѣйствительно употреблялись въ перепискѣ. Преподаваніе Алкуина велось скорѣе въ формѣ собесѣдованій, чѣмъ лекцій. Онъ преподавалъ семь наукъ, которыя назывались либеральными и впослѣдствіи раздѣлялись на trivium и quadrivium, причемъ trivium состояла изъ грамматики, риторики и діалектики, quadrivium обнимала ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію, а выше обоихъ этихъ классовъ стояло богословіе.

Сочиненія Алкуина по этимъ предметамъ содержатъ мало самобытнаго, и могутъ быть разсматриваемы какъ просто записки по предмету его преподаванія. Другія его произведенія весьма разнообразны и состоятъ изъ толкованій на св. Писаніе, литургическихъ трактатовъ, трактатовъ о спорахъ того времени и по предметамъ практической религіи, изъ поэмъ, жизнеописаній святыхъ и множества писемъ. Они оправдываютъ даваемую имъ характеристику, что въ нихъ обнаруживается болѣе труда, чѣмъ генія, больше памяти, чѣмъ изобрѣтательности или вкуса [1]). Но при оцѣнкѣ заслуги этого человѣка, мы обязаны смотрѣть на него сравнительно съ его современниками. Задача его состояла въ пробужденіи интереса къ наукѣ.

---

[1] Vita Alcuini, въ изданіи Фробена его сочиненій или Patrol. c.
[2] Vita, 2—5.
[3] Einhard, 19.

Алкуинъ былъ не только наставникомъ Карла Великаго въ религіи и литературѣ, но и его наиболѣе довѣреннымъ совѣтникомъ въ дѣлахъ государства. Прослуживъ въ качествѣ преподавателя въ Палатинской школѣ 14 лѣтъ (съ промежуткомъ посѣщенія имъ своей родины), онъ утомился придворною жизнью и выражалъ желаніе удалиться въ Фульду для проведенія остальныхъ лѣтъ своей жизни; но Карлъ Великій приготовилъ для него другое убѣжище, предоставивъ ему аббатство св. Мартина въ Турѣ,—монастырь весьма богатый, но въ то время выдававшійся безпорядочнымъ характеромъ своихъ обитателей, при чемъ за нимъ остались и нѣкоторыя другія, раньше полученныя имъ преимущества. 796 г. Алкуинъ, въ нѣкоторой степени, преобразовалъ монаховъ св. Мартина, хотя смятеніе, въ которомъ они принимали участіе къ концу его жизни, показываетъ, что преобразованіе отнюдь не было совершеннымъ [2]). Онъ обогащалъ библіотеку аббатства ввозомъ книгъ изъ Англіи, и при его управленіи школа монастыря достигла высокой славы. Его старый жизнеописатель разсказываетъ, что онъ не позволялъ своимъ ученикамъ читать „лжесплетеній“ Виргилія, которымъ самъ онъ раньше наслаждался, и что когда одинъ изъ нихъ тайно нарушилъ это правило, то Алкуинъ, чрезъ сверхъестественное внушеніе, накрылъ его. Среди его учениковъ въ теченіе этого періода были Рабанъ Мавръ, впослѣдствіи аббатъ фульдскій и архіепископъ менцскій, Гаймонъ, епископъ галберштадтскій, и другія выдающіяся лица слѣдующаго поколѣнія. Онъ находился въ частой перепискѣ съ Карломъ Великимъ о политикѣ, литературѣ, наукѣ и богословію, и (какъ мы увидимъ потомъ) продолжалъ принимать участіе въ спорахъ своего времени. Изъ нѣкоторыхъ выраженій въ его письмахъ видно, что онъ былъ недоволенъ новшествами, введенными въ ученіе Палатинской школы его преемникомъ ирландцемъ, по имени Климентомъ [3]). Наконецъ, онъ добился позволенія императора сложить съ себя попеченіе о дисциплинѣ въ каждомъ изъ своихъ монастырей на болѣе молодыхъ людей, и умеръ въ 804 году.

---

[1]) Fleury, XLV, 19.

[2]) Къ этому дѣлу относятся Epp. 118, 119, 195. Карлъ Великій былъ очень разгнѣванъ на монаховъ и на Алкуина за его поддержку ихъ въ безпорядочномъ поведеніи. См. его письмо у Bouquet, v, 628.

[3]) Ep. 82, Patrol. C. 266.

Карлъ Великій склоненъ былъ содѣйствовать просвѣщенію среди всѣхъ классовъ своихъ подданныхъ. Онъ побуждалъ свою знать къ наукамъ и громко укорялъ тѣхъ, которые считали свое положеніе извиненіемъ для небрежности въ этомъ отношеніи. Отъ мірянъ требовалось изученіе символа вѣры и молитвы Господней,—по возможности на латинскомъ языкѣ, съ цѣлью привести ихъ подъ римское вліяніе. Ослушники подвергались иногда посту и побоямъ [1]). Но трудность этой задачи считалась многими даже болѣе неподсильною, чѣмъ подобное наказаніе, и оказывалось, что многіе изъ духовенства сами неспособны были читать символъ по латыни. Неоднократныя постановленія и ограниченія подобныхъ правилъ достаточно указываютъ, какъ трудно было приводить ихъ въ исполненіе. Духовенству поручено было объяснять символъ вѣры и молитву Господню своей паствѣ, и отъ воспріемниковъ при крещеніи требовалось знаніе обѣихъ этихъ молитвъ.

Съ цѣлью возвысить образованіе духовенства, Карлъ Великій въ 769 году постановилъ, чтобы всякое духовное лицо, пренебрегавшее увѣщаніемъ своего епископа учиться, подвергалось запрещенію въ служеніи или даже лишалось сана. Въ 787 году онъ издалъ циркуляръ всѣмъ митрополитамъ, епископамъ и аббатамъ, въ которомъ жаловался на неправильный слогъ, обнаружившійся во многихъ письмахъ, обращенныхъ къ нему изъ монастырей. Этотъ недостатокъ искусства въ письмѣ, говоритъ онъ, приводитъ его къ мысли, что можетъ существовать также и неспособность правильно понимать языкъ св. Писанія; поэтому онъ повелѣваетъ, чтобы поставлены были способные учители и чтобы науки старательно поощрялись. Два года спустя онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ каждомъ соборѣ и монастырѣ заведена была школа, доступная не только для рабскаго класса (изъ котораго обыкновенно выходило духовенство), но и для свободно-рожденныхъ, чтобы наставленіе давалось въ псалмопѣніи, музыкѣ, грамматикѣ и computum (каковымъ терминомъ означалось счисленіе вообще, и въ частности счисленіе по календарю), и чтобы обращено было вниманіе на правильную переписку богослужебныхъ книгъ. Павлу Варнефриду онъ поручилъ составить книгу собесѣдованій изъ Отцевъ церкви, и издалъ ее съ предисловіемъ отъ своего собственнаго имени [2]). Эти собесѣдованія были расположены согласно съ церковными временами. Сначала, повидимому, предполагалось, чтобы они читались на латинскомъ языкѣ,—

---

[1]) Capit. 804 г. (*Pertz*, Leges, I. 130).

[2]) Capit. 789 г. c. 71.

языкѣ какъ церкви, такъ и государства, и только уступая національному чувству, соборы, состоявшіеся въ послѣднемъ году жизни императора, внушали духовенству, чтобы оно, при употребленіи ихъ, переводило ихъ на языкъ, понятный народу,—деревенско-римскій ли языкъ Галліи, или языкъ тевтонскій [1]). Такъ какъ рукописи св. Писанія вообще были искажены по небрежности переписчиковъ, то Карлъ Великій, при помощи Алкуина, заботился о распространеніи правильныхъ списковъ. Въ то время, какъ ученики въ школахъ были заняты перепиской менѣе важныхъ книгъ для церквей, переписывать Евангеліе, Псалтирь или Миссалы позволялось только лицамъ зрѣлаго возраста. Манускрипты пріобрѣтались для библіотекъ изъ Англіи, Италіи и Греціи. Пресвитеры до рукоположенія подвергались испытанію въ вѣрѣ, въ своемъ знаніи символа вѣры и молитвы Господней, каноновъ, покаянныхъ правилъ, Евангелій, бесѣдъ, общественныхъ богослуженій, чинопослѣдованій крещенія и евхаристіи, и въ способности назидать свою паству.

Кромѣ образованія духовенства, новая черта выступаетъ въ членахъ Теодульфа, епископа орлеанскаго, гдѣ постановляется, чтобы въ каждомъ приходѣ духовенство заводило школу, какъ для крѣпостныхъ, такъ и для свободнорожденныхъ дѣтей. Плата за обученіе назначалась лишь такая, какую только могли добровольно давать родители учениковъ. Епископъ приглашаетъ также духовенство посылать въ монастырскія школы и своихъ родственниковъ. Но попытка основать приходскія школы, повидимому, не осуществлена была вполнѣ даже въ діоцезѣ орлеанскомъ, и нѣтъ доказательствъ въ пользу того, чтобы ему подражали въ другихъ мѣстахъ.

Карлъ Великій относился съ большимъ уваженіемъ къ обычаямъ и порядкамъ Рима, какъ наиболѣе достопочтенной церкви Запада. Отъ Адріана онъ получилъ римскій кодексъ правилъ (основанный на сборникѣ Діонисія Малаго), и въ 789 году издалъ тѣ изъ нихъ, которыя онъ считалъ полезными для своихъ подданныхъ. Римскій способъ пѣнія былъ уже раньше введенъ въ Галліи. Папа Павелъ посылалъ книги этого пѣнія Пипину и добивался его введенія; но хотя онъ и поддерживаемъ былъ Пипиномъ въ этой попыткѣ, галликанское пѣніе все еще преобладало. Во время третьяго посѣщенія Карломъ Великимъ Рима въ 787 году, возникли споры между франкскимъ и римскимъ духовенствомъ по предмету литургіи и пѣнія. Франки полагались на покровительство короля, но къ ихъ смущенію онъ спросилъ ихъ: „что̀ чище—рѣка или источникъ?“ Вопросъ этотъ очевидно допускалъ только одинъ отвѣтъ, и сообразно съ этимъ отвѣтомъ онъ и дѣйствовалъ. Онъ привезъ во Францію два искусныхъ лица для обученія римскому пѣнію, и послалъ одного изъ нихъ въ Мецъ, а другаго удержалъ при своемъ дворѣ. Онъ ввелъ также во франкскую церковь Сакраментарій Григорія Великаго; разсказываютъ даже, что, въ своей ревности о согласіи съ Римомъ, онъ старался подавить Амвросіевы обряды въ Миланѣ, истребляя богослужебныя книги, или отвозя ихъ, „какбы въ ссылку“, за Альпы, но вслѣдствіе бывшихъ чудесъ въ пользу этого высокочтимаго обрядника, папа Адріанъ, поощрявшій попытку къ отмѣнѣ его, принужденъ былъ примириться съ мѣстнымъ его употребленіемъ. Карлъ Великій обращалъ особенное вниманіе на торжественность богослуженія. Большая церковь, построенная имъ въ любимомъ имъ мѣстѣ пребыванія, Эляшапеллѣ (Aix-la-Chapelle), была украшена мраморными столбами изъ Рима и Равенны и снабжена облаченіемъ для всего ея духовенства, вплоть до послѣднихъ привратниковъ. Онъ прилежно посѣщалъ богослуженіе въ своей часовнѣ, какъ днемъ, такъ и ночью, и весьма много старался объ улучшеніи чтенія и пѣнія; потому что, говоритъ Эйнгардъ, „онъ былъ весьма искусенъ въ обоихъ, хотя никогда не читалъ и не пѣлъ публично, кромѣ какъ развѣ низкимъ голосомъ и вмѣстѣ съ другими“ [1]). Одинъ жизнеописатель, весьма сомнительнаго впрочемъ авторитета, разсказываетъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе указывать пальцемъ или своимъ посохомъ на личность, отъ которой онъ желалъ, чтобы она читала, и когда этой личности такимъ образомъ повелѣвалось начинать, или кашлемъ императора давалось знать кончить, то читатель долженъ былъ немедленно же повиноваться, не взирая на смыслъ или на раздѣленіе періодовъ. Такъ, будто бы, всѣ поддерживались въ состояніи постояннаго вниманія, потому что каждый могъ быть вызванъ во всякій моментъ. Никто не смѣлъ отмѣчать своей части ногтемъ или воскомъ, и всѣ сдѣлались хорошими чтецами, даже хотя и не способны были понимать языка и содержанія читаемаго. Карлъ Великій, и самъ будто бы составлялъ гимны и среди нихъ гимнъ: „Veni Creator Spiritus“; но что касается этого гимна, по крайней мѣрѣ, то свидѣтельство это оказывается безосновательнымъ.

---

[1]) Bouquet, v, 622; *Pertz*. Leges, i, 45.

Церковное законодательство при Карлѣ Великомъ издавалось его собственной властью. Онъ считалъ долгомъ государя наблюдать за духовнымъ и нравственнымъ благосостояніемъ своихъ подданныхъ, и въ преобразованіяхъ царя Іосіи видѣлъ библейскій прецедентъ того участія, которое онъ принималъ въ устроеніи церкви. Церковные предметы занимаютъ болѣе третьей части его Капитуляріевъ [2]). Церковные, какъ и другіе законы были предлагаемы въ собраніяхъ, происходившихъ ежегодно весной и осенью и носившихъ вмѣстѣ характеръ соборовъ и *маллова* или парламентовъ [1]). Духовенство и міряне сидѣли вмѣстѣ или отдѣльно, какъ было удобнѣе, смотря по характеру предложенныхъ имъ предметовъ [2]). На собраніяхъ допускалось разсужденіе, но какъ иниціатива, такъ и рѣшеніе принадлежали государю, и опредѣленія издавались отъ его имени.

---

[1]) Einhard, 26.

[2]) 415 изъ 1126. Guizot, II, 198. О характерѣ этихъ Капитуляріевъ см. тамъ же, 230.

Коронація Карла Великаго въ качествѣ императора, хотя она и не прибавила ему власти, которою онъ и раньше пользовался надъ своими подданными, придала ему еще болѣе безграничнаго величія. Онъ былъ уже не просто главой народа воиновъ, но представителемъ древнихъ римскихъ преданій и цивилизаціи, помазаннымъ главою западнаго христіанскаго міра. Имперія считалась священнымъ государствомъ съ однимъ правителемъ во главѣ, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ церковныхъ дѣлахъ, и этотъ правитель все направлялъ къ славѣ Божіей. Въ 802 году отъ всѣхъ тѣхъ, кто уже приняли присягу Карлу, какъ королю, требовалась еще присяга вѣрноподданничества ему какъ императору, и въ то время, какъ такія клятвы раньше требовались среди франковъ только отъ лицъ, занимавшихъ должности или мѣста въ правительствѣ, теперь присяга требовалась отъ всѣхъ мужчинъ свыше двѣнадцатилѣтняго возраста. Гражданское чиноначаліе во всѣхъ своихъ степеняхъ соотвѣтствовало церковной іерархіи, и немедленно была введена новая система уполномоченныхъ [3]). Они избирались частью изъ высшихъ церковныхъ сановниковъ и частью изъ міранъ. И избираемые изъ лицъ, стоящихъ выше всякаго подозрѣнія, страха или пристрастія, они должны были совершать объѣзды для наблюденія за гражданскими и духовными дѣлами, наблюдать за мѣстнымъ управленіемъ, заботиться о церквахъ, вдовахъ, сиротахъ и бѣдныхъ, руководить народною нравственностью, подавлять неправды, или доносить императору о тѣхъ, которые стояли внѣ ихъ власти, смотрѣть за должнымъ исполненіемъ законовъ, проходившихъ въ національныхъ собраніяхъ. Какъ въ гражданскихъ, такъ и въ духовныхъ дѣлахъ, императоръ считался высшимъ судьей, выше котораго не могло быть дѣлаемо никакихъ аппелляцій; принимая сборникъ каноновъ Адріана, онъ исключилъ канонъ Сардикійскій, предписывавшій въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращаться къ епископу римскому. Поддерживая дружескія отношенія съ папами, признавая ихъ высшими епископами, и часто совѣтуясь съ ними и дѣйствуя по ихъ внушенію, онъ въ то же время приводилъ всѣ церковныя постановленія въ исполненіе среди своихъ подданныхъ своею собственною властью; да папы и не пытались препятствовать власти, на которую онъ притязалъ. По завоеваніи Италіи, онъ присвоилъ себѣ такой же контроль надъ церковными дѣлами и этой страны, какой онъ уже привыкъ имѣть въ своемъ наслѣдственномъ королевствѣ, и папы подчинились ему, какъ своему господину и судьѣ. Епископы и другіе франки, правда, часто обращались къ папамъ съ возвышенными титулами и льстивою рѣчью, какъ къ преемникамъ ап. Петра, но дѣйствительную степень власти, которою эти послѣдніе пользовались въ теченіе этого періода, нужно измѣрять фактами исторіи, а не преувеличеніями риторическаго или заинтересованнаго комплимента.

---

[1]) Mallum производится отъ mathlian (по-готски),—говорить, разсуждать, бесѣдовать или переговариваться.

[2]) Такъ, въ 813 году собранія созывались въ Арелатѣ, Менцѣ, Турѣ и Шалонѣ на Саонѣ. На нихъ епископы разсуждали о дѣлахъ вѣры и дисциплины, монахи и аббаты о монастырской жизни, а окружные начальники и судьи о гражданскихъ дѣлахъ. См. Hard. IV, 1008.

[3]) Missi Dominici.

ГЛАВА XXIX.

Восточная церковь.—Споры вѣка Карла Великаго.

775—814 г.

I. Константину Копрониму наслѣдовалъ въ 785 году его сынъ Левъ IV, который хотя и былъ противникомъ поклоненія иконъ, однако же былъ болѣе благороднаго и вѣротерпимаго характера, чѣмъ прежніе государи Исавріева рода. Хотя законы иконоборческихъ императоровъ и оставались безъ измѣненія, но монахамъ, подвергшимся преслѣдованію и изгнанію, было позволено теперь возвратиться, и вслѣдствіе возвращенія этихъ исповѣдниковъ въ дѣлѣ народной религіи вновь произошло великое возбужденіе. Императрица Ирина, происходившая изъ одного аѳинскаго семейства, отличавшагося своею преданностью иконамъ, и сама относилась съ высокимъ благоговѣніемъ къ нимъ, и хотя ея свекоръ, Константинъ, принудилъ ее отказаться отъ нихъ, она повидимому думала, что въ столь священномъ дѣлѣ клятва ея не была для нея обязательной. Теперь она употребляла все свое вліяніе въ пользу святаго дѣла, и по ея ходатайству нѣкоторые монахи и другіе сторонники иконопочитанія были возведены на епископіи, хотя на время они и принуждены были скрывать свои мнѣнія [1]). Не смотря на общую мягкость природнаго характера императора Льва, его настроеніе по предмету иконопочитанія было рѣзкимъ, такъ что когда иконы найдены были подъ подушкой Ирины, онъ приказалъ нѣкоторыхъ важныхъ сановниковъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ введенія ихъ во дворецъ, подвергнуть бичеванію и постриженію; одного изъ этихъ сановниковъ, въ особенности раздражившаго его, онъ предалъ даже смерти и разлучился съ императрицей, хотя она и отрекалась отъ всякаго соучастія въ дѣлѣ [1]).

---

[1]) Theophan. 696 г,

Послѣ царствованія въ теченіе четырехъ съ половиною лѣтъ, Левъ умеръ,—скорѣе, вѣроятно, отъ естественнаго послѣдствія болѣзни, которой онъ давно страдалъ, чѣмъ (какъ предполагали нѣкоторые новѣйшіе писатели) отъ отравленія [2]), и вслѣдствіе этого управленіе перешло въ руки Ирины, какъ опекунши своего сына Константина VI, мальчика лишь десятилѣтняго возраста. 780 г. Императрица однако же чувствовала, что для осуществленія своихъ желаній ей необходимо было дѣйствовать осторожно. Она, правда, была увѣрена въ преданности ей монаховъ и населенія, но противъ нея былъ авторитетъ собора, признававшаго себя вселенскимъ. Значительное количество епископовъ было противъ иконопочитанія, и хотя хорошо извѣстная уступчивость восточнаго духовенства давала основаніе надѣяться, что его можно было склонить на свою сторону, однако же сильная иконоборческая партія была и среди мірянъ, причемъ войско придерживалось воззрѣній покойнаго императора Константина, память котораго лелѣялась среди него какъ память о храбромъ и доблестномъ полководцѣ. Сначала поэтому Ирина осмѣлилась лишь издать указъ съ объявленіемъ общей свободы совѣсти. Монахи, находившіеся еще въ изгнаніи, были возвращены, иконы опять поставлены на свои мѣста, и среди восторженнаго народа ходило много разсказовъ о минувшихъ страданіяхъ и чудесахъ [3]).

Въ августѣ 784 года, патріархъ константинопольскій Павелъ вдругъ отказался отъ своего сана и удалился въ монастырь, гдѣ онъ посѣщенъ былъ Ириной и нѣкоторыми высокими сановниками имперіи. Спрошенный касательно причины своего отреченія, онъ признался въ глубокихъ угрызеніяхъ совѣсти за то, что согласился принять патріаршество подъ условіемъ противодѣйствія возстановленію иконъ; онъ оплакивалъ состояніе своей церкви, какъ угнетаемой тираніей государства и находившейся въ разномысліи со всѣмъ христіанскимъ міромъ, и заявлялъ, что единственнымъ средствомъ для исцѣленія этихъ золъ было бы созваніе вселенскаго собора, съ цѣлью отверженія опредѣленій иконоборческаго собора, состоявшагося при Константинѣ v [1]). Нѣтъ надобности искать объясненій побужденій патріарха въ предположеніи его соглашенія съ дворомъ. Подобно многимъ другимъ, онъ могъ быть искренно преданъ дѣлу иконопочитанія, и, пораженный болѣзнью, могъ чувствовать дѣйствительное угрызеніе совѣсти за тѣ незаконныя уступки, которыми онъ добивался своего возвышенія. Его смерть, послѣдовавшая немедленно затѣмъ, была сильнымъ подтвержденіемъ этого взгляда.

---

[1]) Theophan. 701 г.

[2]) Θеофанъ (702 г.) говоритъ, что Левъ, будучи необычайнымъ любителемъ драгоцѣнныхъ украшеній, носилъ корону, убранную весьма драгоцѣнными украшеніями, взятыми имъ изъ собора, что въ наказаніе за это святотатство появились карбункулы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ корона соприкасалась съ его головой, и онъ умеръ вслѣдствіе этого. Предположеніе объ отравленіи выставляется болѣе или менѣе положительно Спангеймомъ, Баснажемъ, Мосгеймомъ и, конечно, Гфрёреромъ, который вездѣ открываетъ таинственныя преступленія; но предположеніе это объявляется Шлёссеромъ совершенно безосновательнымъ.

[3]) Theophan. 704.

Ирина созвала народъ столицы для избранія новаго патріарха. Среди высшаго духовенства не оказывалось ни одного такого лица, которое бы обладало требуемыми качествами, такъ какъ епископы не были благосклонны къ дѣлу иконопочитанія, между тѣмъ какъ настоятели монастырей были слишкомъ невѣжественны въ веденіи дѣлъ, чтобы можно было считать ихъ пригодными для столь высокаго положенія. Поэтому со стороны двора было избрано особое лицо (и, по свидѣтельству одного писателя [2]), на него указалъ самъ Павелъ), именно Тарасій, государственный секретарь, человѣкъ благороднаго происхожденія, консульскаго достоинства и пользовавшійся доброй личной репутаціей. Народъ, который, конечно, былъ старательно подготовленъ къ этому, криками привѣтствовалъ его избраніе и заглушилъ голоса немногихъ недовольныхъ. Тарасій смиренно выразилъ свою неохоту принять должность, столь чуждую его прежнимъ обычаямъ, и заявилъ, что онъ можетъ принять выборъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы немедленно былъ созванъ вселенскій соборъ для разсмотрѣнія волнующаго всѣхъ глубоковажнаго предмета. Подъ этимъ условіемъ онъ и былъ посвященъ, и Адріанъ римскій, получивъ изложеніе его вѣры, допустилъ его къ общенію, признавая настоятельность дѣла достаточнымъ извиненіемъ для неправильности его возвышенія [3]).

И вотъ созванъ былъ соборъ, причемъ были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать его болѣе внушительнымъ, чѣмъ то многочисленное собраніе, которымъ иконопочитаніе было осуждено въ послѣднее царствованіе. Папѣ послано было приглашеніе прислать своихъ представителей, если онъ окажется не въ состояніи присутствовать лично [4]). Онъ отправилъ на соборъ Петра, главнаго пресвитера своей церкви, вмѣстѣ съ другимъ Петромъ, аббатомъ монастыря св. Саввы, снабдивъ ихъ письмомъ, въ которомъ привѣтствовалъ императора и его мать, какъ новаго Константина и новую Елену, и увѣщевалъ ихъ исправить незаконныя дѣла ихъ предшественниковъ возстановленіемъ иконопочитанія въ церкви [1]. Въ письмѣ прибавлено было кое что и менѣе пріятнаго свойства, именно требованіе возвращенія всего, что иконоборческіе императоры захватили отъ ап. Петра, замѣчаніе касательно неправильности возведенія міряніна на патріаршество константинопольское, и возраженіе противъ титула „вселенскій“, который придавался патріарху въ императорскомъ письмѣ [2]. Такъ какъ имперія находилась въ мирѣ съ сарацинами, то приглашенія были посланы также и патріархамъ Александріи, Антіохіи и Іерусалима. Но посланные съ этими письмами встрѣтились съ нѣкоторыми монахами, которые, узнавъ о цѣли ихъ путешествія, серьезно упрашивали ихъ не ходить дальше, такъ какъ всякое такое извѣстіе изъ имперіи несомнѣнно возбудитъ ревность магометанскихъ деспотовъ и навлечетъ новое гоненіе на церковь. Монахи предложили послать на соборъ двухъ лицъ изъ своей среды, которыхъ они предполагали облечь званіемъ секретарей патріарховъ: эти представители, по ихъ мнѣнію, съ достаточностью могли быть выразителями вѣры восточной церкви, и личное присутствіе патріарховъ требовалось не болѣе, чѣмъ и личное присутствіе римскаго епископа. Посланные согласились съ этимъ страннымъ предложеніемъ и возвратились въ Константинополь съ двумя монахами, по имени Іоанномъ и Θомой.

---

[1]) Тамъ же, 708; G. Hamart, ccLvi, 12; Hard. iv, 37.

[2]) Игнатія, епископа никейскаго, въ его „Жизни Тарасія“, с. 3 (Acta SS. Febr. 25).

[3]) Hard. iv, 97: Theophan. 713.

[4]) Hard. iv, 22.

Соборъ долженъ былъ состояться въ Константинополѣ въ началѣ августа 786 года, но въ теченіе недѣли до назначеннаго дня противники иконопочитанія составляли свои собранія съ цѣлью противодѣйствія, и хотя Тарасій приказалъ имъ оставить городъ, многіе изъ нихъ все еще оставались тутъ. Наканунѣ открытія собора произошелъ бунтъ среди нѣкоторыхъ частей императорской гвардіи и другихъ войскъ, принадлежавшихъ къ иконоборческой партіи, а на слѣдующій день произошло еще болѣе серьезное смятеніе. Когда Тарасій и другіе члены собора собрались въ церкви Апостоловъ, то множество солдатъ и другаго народа, подстрекаемые нѣкоторыми иконоборческими епископами, бросились на нихъ и принудили ихъ искать убѣжища въ святилищѣ. Солдаты, которымъ приказано было подавить мятежъ, отказались повиноваться приказаніямъ. Тарасій велѣлъ запереть двери святилища. Иконоборцы разломали ихъ, но не смущенный угрозами, патріархъ открылъ соборъ и руководилъ его дѣлопроизводствомъ, пока не прибыло извѣстіе отъ Ирины, которая выражала желаніе, чтобы ея сторонники уступили [1]), вслѣдствіе чего иконоборческіе епископы издали крикъ торжества. Императрица на время оставила все дѣло; усыпивъ подозрѣніе, она могла спокойно распустить мятежныхъ солдатъ и отправить ихъ на родину, а въ сентябрѣ слѣдующаго года состоялся новый соборъ изъ 350 епископовъ, вмѣстѣ со множествомъ монаховъ и другаго духовенства, собравшихся въ Никеѣ,—томъ мѣстѣ, которое было и безопаснѣе отъ смятеній, чѣмъ столица, и пользовалось особенно почетнымъ именемъ, какъ мѣсто засѣданій перваго вселенскаго собора [2]).

---

[1] Hard. ɪv, 79—92.

[2] Hard. ɪv, 93—6. Баснажъ (1362), Гиббонъ (ɪv, 492) и др. предполагаютъ, что эти два римскіе пресвитера не имѣли особаго полномочія и были не признаны папой, по своемъ возвращеніи. Единственнымъ подтвержденіемъ этого является Θеодоръ Студитъ, заявляющій (Ер. ɪ, 38, р. 254), что эти посланные были низложены, „какъ говорятъ“, потому что, будучи посланы по другому дѣлу, они дѣйствовали на этомъ соборѣ, хотя и заявляли, что дѣлали это по принужденію, и что Римъ смотрѣлъ на этотъ соборъ лишь только какъ на *мѣстный*. Но свидѣтельство Θеодора находится въ противорѣчіи съ документами, и повидимому возникло изъ того обстоятельства, что когда засѣданія собора были отложены, то легаты не получили никакого *новаго* порученія. Θеодоръ былъ склоненъ умалять значеніе собора, потому что думалъ, что онъ былъ слишкомъ снисходителенъ по отношенію къ лицамъ, которыя сначала враждебно относились къ иконопочитанію.

Первыя мѣста по достоинству были предоставлены римскимъ посланнымъ, которые были отозваны назадъ послѣ того, какъ они уже достигли Сициліи на своемъ обратномъ пути домой [3]); вслѣдъ за ними засѣдалъ Тарасій, дѣйствительный предсѣдатель собора, и послѣ него два представителя (если только можно называть ихъ такъ) Александріи, Антіохіи и Іерусалима. Присутствовало также много и гражданскихъ сановниковъ [4]). Первое засѣданіе состоялось 24 сентября, и дѣлопроизводство велось съ большою быстротою. Шесть засѣданій состоялось въ теченіе тринадцати дней, седьмое послѣдовало недѣлей позже, и послѣднее засѣданіе состоялось въ Константинополѣ 23 октября.

Сначала предполагалось, чтобы цѣлью собора было обсужденіе вопроса не объ иконопочитаніи, а о возстановленіи ихъ, какъ предметовъ поклоненія; епископы, извѣстные своимъ противодѣйствіемъ этой цѣли, не были приглашены на соборъ. Посланіе папы было прочитано на второмъ засѣданіи, но съ опущеніемъ вопроса о Тарасіѣ и требованія о возстановленіи правъ римской каѳедры [5]). Многіе епископы, принимавшіе участіе въ иконоборчествѣ прошлыхъ царствованій, выступили впередъ для признанія и анаѳематствованія своихъ заблужденій, и смиренно добивались допущенія къ общенію [6]). Въ отвѣтъ на вопросы нѣкоторые изъ нихъ говорили, что они никогда до настоящаго времени не имѣли возможности правильно обсудить этотъ предметъ, что они были воспитаны въ заблужденіи, обмануты подложными и лживыми свидѣтельствами, или что они страдали слѣпотою разума [1]). Естественно возникъ вопросъ о допущеніи ихъ къ общенію, о признаніи ихъ въ должностяхъ, на которыя они были посвящены еретиками, и въ отношеніи къ нѣкоторымъ, хотя они сначала и были гонителями вѣрныхъ, постановлено было не относиться къ нимъ съ особенною суровостью. Монахи вообще стояли за суровость, но большинство собора, во главѣ съ Тарасіемъ, склонялись въ пользу кроткаго отношенія къ дѣлу. Для руководства въ дѣлѣ стали искать каноновъ, и возникъ вопросъ касательно пониманія ихъ, именно вопросъ касательно того, къ какому классу еретиковъ нужно причислить иконоборцевъ. Тарасій стоялъ за отнесеніе ихъ къ разряду манихеевъ, маркіонитовъ и монофизитовъ, такъ какъ эти секты также противодѣйствовали иконопочитанію; всѣ ереси, говорилъ онъ, одинаково гнусны, потому что всѣ ереси попираютъ законъ Божій. Монашеская партія заявляла, что иконоборчество хуже самой худшей изъ ересей, потому что оно отрицало воплощеніе Спасителя [2]). Но большинство склонны были относиться къ кающимся иконоборцамъ снисходительно, и они были приняты въ общеніе [3]). Противъ иконоборцевъ поднимались громкіе выкрики, какъ противъ безбожниковъ, іудеевъ и враговъ истины, и когда сдѣлано было предложеніе назвать ихъ сарацинами, то на это слышались отвѣты, что и это названіе слишкомъ хорошо для нихъ [4]).

---

[1]) Vita Taras. 5; Hard. IV, 25—8; Theophan. 714—15.

[2]) Vita Taras. 5.

[3]) Hard. IV, 27.

[4]) Hard. IV, 34.

[5]) Hard. IV, 93.

[6]) Тамъ же, 37 и слѣд.

Согласно съ обычной практикой соборовъ, въ пользу иконопочитанія были приведены святоотеческія свидѣтельства, и противодѣйствіе иконамъ было сопоставляемо или приводимо въ связь съ различными ересями. Большая часть цитатъ состоитъ изъ извлеченій изъ жизнеописаній святыхъ, изъ разсказовъ о чудесахъ, совершавшихся иконами, къ которымъ нѣкоторые изъ епископовъ прибавляли и чудеса, совершившіяся на ихъ собственныхъ глазахъ. Время отъ времени чтеніе этихъ свидѣтельствъ прерывалось поясненіями со стороны слушателей. Такъ, послѣ чтенія мѣста изъ Григорія Нисскаго, въ которомъ онъ разсказывалъ, какъ онъ былъ доведенъ до слезъ изображеніемъ жертвы Исаака, одинъ епископъ замѣтилъ: „Отецъ этотъ часто читалъ эту исторію, но быть можетъ никогда не плакалъ; но какъ только онъ видѣлъ картину, такъ плакалъ“.—„Если“, говорилъ другой, „столь великій учитель былъ назидаемъ и трогаемъ даже до слезъ изображеніемъ, то насколько сильнѣе оно можетъ трогать мірской и необразованный народъ!“ Многіе восклицали, что они видѣли такія изображенія Авраама, какъ описываемое Григоріемъ, хотя и не видно, чтобы они чувствовали то же самое ощущеніе при видѣ ихъ. „Если Григорій плакалъ при изображеніи Авраама“, говорилъ Ѳеодоръ, епископъ катанскій, „то что же мы должны дѣлать при видѣ изображенія воплощеннаго Спасителя?“ Не должны ли мы также плакать“, спросилъ Тарасій, „когда мы видимъ изображеніе Распятаго?“ И его слова встрѣчены были общимъ одобреніемъ [1]). На соборѣ дважды прочитанъ былъ одинъ знаменитый разсказъ, которымъ уже не разъ пользовались какъ полемическіе, такъ и назидательные писатели [2]). Одинъ престарѣлый монахъ на горѣ Елеонской, по этому разсказу, былъ сильно искушаемъ нечистымъ духомъ. Однажды бѣсъ явился къ нему и, взявъ съ него клятву хранить тайну, предложилъ ему прекратить свои нападенія, если только инокъ откажется отъ поклоненія иконѣ пресвятой Дѣвы съ предвѣчнымъ Младенцемъ, висѣвшей въ его кельѣ. Старецъ попросилъ времени для обсужденія этого предложенія и, не смотря на данную имъ клятву, обратился за совѣтомъ къ одному, славившемуся святостью, аввѣ, который и выразилъ ему порицаніе за то, что онъ допустилъ себя настолько быть обольщеннымъ, чтобы давать клятву діаволу, но въ тоже время сказалъ ему, что онъ сдѣлалъ хорошо, открывъ эту тайну, и что для него было бы лучше посѣтить всякое блудилище въ Іерусалимѣ, чѣмъ отказываться отъ почитанія иконы Спасителя и Его Матери. Изъ этого назидательнаго разсказа выведено было, съ общаго согласія, то двоякое нравоученіе, что изъ за иконопочитанія можно было нарушать клятвы, и что тѣ, которые раньше давали клятву въ преданности иконоборческой ереси, не связаны были болѣе ея обязательностью [3]).

---

[1]) Тамъ же, 47, 166, 300 и проч.

[2]) Hard. IV, 50—60.

[3]) Тамъ же, 76, 129—136.

[4]) Тамъ же, 189, 292.

На пятомъ засѣданіи римскіе легаты предложили, чтобы на соборъ была принесена какая нибудь икона, коей оказано было бы поклоненіе со стороны членовъ собора. Это торжественно было сдѣлано на слѣдующій же день, и въ томъ же засѣданіи были прочитаны постановленія иконоборческаго собора 754 года, причемъ каждый параграфъ сопровождался соотвѣтствующею частью пространнаго опроверженія, носящаго на себѣ печать внушенія Св. Духа [4]).

На седьмомъ засѣданіи опредѣленіе собора было прочитано и подписано. Имъ опредѣлялось, что какъ почиталось изображеніе Креста, такъ и изображенія Спасителя и Богоматери, ангеловъ и святыхъ, живописныя ли то, или мозаическія, или какого либо другаго подобнаго свойства, должны быть выставляемы для цѣлованія и поклоненія (προσκύνησιν), но не для дѣйствительнаго боготворенія (λατρείαν), принадлежащаго только божественному существу [1]). Имъ постановлялось приносить куреніе и свѣчи Кресту, Евангеліямъ и другимъ священнымъ предметамъ, „такъ какъ честь, оказываемая иконѣ, относится къ первообразу, и тотъ, кто чествуетъ икону, чествуетъ этимъ самымъ то лицо, которое изображаетъ икона“. Противъ всѣхъ противниковъ иконопочитанія провозглашена была анаѳема, и подпись опредѣленія сопровождалась многими восторженными кликами въ честь новыхъ Константина и Елены, вмѣстѣ съ проклятіями противъ иконоборцевъ и еретиковъ всякаго рода [2]). Клики эти повторялись и на восьмомъ засѣданіи, когда члены собора явились въ одномъ изъ дворцовъ Константинополя, и опредѣленіе было подписано какъ императоромъ, такъ и его матерью [3]). Этотъ соборъ, пріобрѣтшій значеніе седьмаго вселенскаго собора [4]), постановилъ еще 22 канона, главнымъ образомъ относящихся къ церковной и монастырской дисциплинѣ [5]).

---

[1]) Hard. IV, 165.
[2]) Hard. IV, 208—316.
[3]) Hard. IV, 209.
[4]) Тамъ же, 321, 325.

Нужно замѣтить, что изображенія, освященныя Никейскимъ соборомъ, не были произведеніями скульптуры, а произведеніями живописи и другими изображеніями на плоской поверхности, каковаго ограниченія православная греческая церковь держится и доселѣ.

Константинъ VI возросталъ въ обществѣ женщинъ и евнуховъ, и въ полномъ подчиненіи своей матери. Съ цѣлью, быть можетъ, подорвать у иконоборцевъ всякую надежду на помощь съ Запада, 781 г. Ирина вздумала устроить его женитьбу на одной изъ дочерей Карла Великаго. Но скоро послѣ Никейскаго собора, такъ какъ иконоборцы не были уже болѣе опасными противниками, она быть можетъ стала опасаться, чтобы такая связь не подвергла опасности ея собственную власть, и поэтому порвала всякое сватовство, къ великому негодованію франкскаго короля, и побудила своего сына, противъ его воли, жениться на одной армянской княжнѣ, по имени Маринѣ или Маріи [6]). Подстрекаемая нѣкоторыми лицами, открывшими, будто бы, посредствомъ магіи, что имперія перейдетъ въ ея собственныя руки, она и сама пролагала путь къ этой перемѣнѣ, поощряя своего сына въ жестокостяхъ и распутствѣ, которыя дѣлали его ненавистнымъ его подданнымъ и въ особенности сильной монашеской партіи [7]). Въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ Константинъ рѣшился сбросить опеку своей матери и ея министровъ; ему удалось самому овладѣть правленіемъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имперія была волнуема переворотами, совершавшимися со всѣмъ вѣроломствомъ и жестокостями, свойственными позднѣйшимъ грекамъ. Константинъ наконецъ былъ уговоренъ вновь допустить свою мать къ участію въ управленіи, и она продолжала относиться къ нему съ той же политикой, какъ и раньше. Онъ влюбился въ одну придворную даму Θеодоту и рѣшился развестись съ своей женой, съ цѣлью жениться на предметѣ своей новой привязанности. Патріархъ Тарасій сначала противился этому желанію, но Константинъ, будто бы, угрожалъ, что если церковь откажется сдѣлать для него эту послабу, то онъ возстановитъ идолопоклонство [1]), и Тарасій не осмѣлился противиться долѣе. Марина была заключена въ монастырь, и второй бракъ императора былъ великолѣпно справленъ въ сентябрѣ 795 года [2]). Нѣкоторые монахи, особенно сильно противодѣйствовавшіе подобнымъ дѣламъ и даже подвергавшіе императора отлученію, должны были выносить жестокое обращеніе. Императрица мать съ сердечною болью смотрѣла на подобныя безумства своего сына, возбуждавшія общее недовольство. Вслѣдствіе этого всѣ непосредственно окружавшія императора лица стали на ея сторону, и дѣло кончилось тѣмъ, что юный императоръ былъ схваченъ, отведенъ въ Порфирную палату, въ которой онъ родился, и былъ ослѣпленъ тамъ [3]).

---

[1]) Hard. IV, 456.

[2]) Hard. IV. 469—72.

[3]) Hard. IV, 481—5.

[4]) Исторію его принятія см. у Пальмера, въ его сочиненіи „о церкви“, II, 201 и слѣд. изд. 1-ое.

[5]) См. Hard. IV, 485 и слѣд.

[6]) Theophan, 705, 718; Einhard. 786 г. Эйнгардъ говоритъ, что Карлъ Великій отказался выдать свою дочь, 788 г.

[7]) Theophan. 719.

19 авг. 797 г.

По низложеніи сына, Ирина царствовала въ теченіе пяти лѣтъ. По свидѣтельству греческихъ писателей (свидѣтельство которыхъ, однако же, не подтверждается свидѣтельствомъ западныхъ писателей), она занята была планомъ возсоединенія имперій посредствомъ замужества съ Карломъ Великимъ [4]); но въ 802 г. она была низложена секретаремъ Никифоромъ и отправлена въ ссылку на островъ Лесбосъ, гдѣ и умерла чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ [5]).

---

[1]) τοὺς ναοὺς τῶν εἰδώλων ἀνοίγω (Cedren. 472. d.). Жизнеописатель Θеодора Студита говоритъ (с. 26), что Константинъ угрожалъ выступить на борьбу противъ иконъ, и Вальхъ (x, 554) предполагаетъ, что таково именно значеніе словъ Кедрена. Но едва ли мыслимо, чтобы даже партійный духъ могъ побудить лѣтописца называть церкви *безъ* иконъ „храмами *идоловъ*“ кромѣ того храмы повидимому отличались отъ церквей и закрыты были въ то время, когда произнесена была эта угроза.

[2]) Theophan. 727—8. Vita Taras. 7—8; Vita Theodor. Studit. 18, 19, 26. Cedren. 472.

[3]) Theophan. 730—2. Изъ словъ историка вообще выводятъ, что Константинъ умеръ при самой этой операціи. Но Гиббонъ и Шлоссеръ доказываютъ, что онъ жилъ долго и послѣ этого.

[4]) Theophan. 736; Cedren. 474.

[5]) Theophan. 738—45; G. Hamart. ccliх.

Никифоръ, который, по свидѣтельству современниковъ, превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ хищничествомъ, похотливостью и жестокостью [1]), стремился къ полному подчиненію іерархіи императорской власти. Онъ запретилъ патріарху сноситься съ папой, котораго онъ считалъ орудіемъ Карла Великаго, и возбудилъ крайнее недовольство среди духовенства тяжелыми налогами на монастырскую и церковную собственность, которая дотолѣ была свободной отъ нихъ, захватомъ церковныхъ украшеній, содержаніемъ своихъ лошадей въ монастыряхъ, и дарованіемъ общей вѣротерпимости иконоборцамъ и сектантамъ. Въ 811 году Никифоръ былъ убитъ въ войнѣ съ болгарами, и его сынъ Ставракій, послѣ менѣе чѣмъ двухмѣсячнаго царствованія, былъ заключенъ въ монастырь, гдѣ онъ скоро и умеръ отъ полученныхъ имъ предъ восшествіемъ на престолъ ранъ. По низложеніи Ставракія, императорскую власть принужденъ былъ принять его своякъ Михаилъ Рангабъ, и опять возстановлено было иконопочитаніе. Иконоборческая партія однако же продолжала существовать. Нѣкоторыми изъ ея членовъ сдѣлана была попытка возстановить на престолъ ослѣпленнаго сына Константина Копронима [2]), и во время одной тревоги, по случаю нападенія болгаръ вскорѣ послѣ возведенія на престолъ Михаила, партія эта замѣчательнымъ образомъ проявила свое мужество. Въ то время, какъ духовенство, монахи и масса народа старались отклонить опасность крестными ходами и молитвами, нѣкоторые иконоборческіе солдаты вторглись въ мавзолей императоровъ, преклонились предъ гробницей Копронима и умоляли его спасти государство, и по ихъ заявленію, въ отвѣтъ на ихъ молитву онъ будто бы явился къ нимъ на конѣ и двинулся противъ варваровъ; „между тѣмъ какъ, говоритъ Ѳеофанъ, онъ обитаетъ въ преисподней съ діаволами“ [3]). Хотя эти люди вѣроятнѣе всего руководились при этомъ болѣе обманомъ, чѣмъ изувѣрствомъ (потому что, кромѣ разсказа о явленіи, они заявляли, будто бы и самый мавзолей былъ открытъ для нихъ чудомъ), но отсюда мы, во всякомъ случаѣ, можемъ заключить о существованіи еще сильной привязанности къ памяти Константина среди извѣстной партіи въ населеніи столицы.

813 г.

Михаилъ, хотя и человѣкъ почтеннаго характера, оказался неспособнымъ къ управленію имперіей, и, послѣ двухлѣтняго царствованія былъ низложенъ и постриженъ, а на мѣсто его на престолъ возведенъ былъ полководецъ, по имени Левъ. Михаилъ, которому съ необычнымъ въ такихъ случаяхъ милосердіемъ, позволено было сохранить не только свою жизнь, но и свое зрѣніе, послѣ своего низложенія жилъ еще 32 года 1).

---

[1]) Theophan. 775—8, 765.

[2]) Theophan. 773.

[3]) Theophan. 781.

II. Въ то время, какъ опредѣленіе 2-го Никейскаго собора привело къ примиренію между Римомъ и Константинополемъ и утверждено было папой, оно встрѣтило менѣе благопріятный пріемъ къ сѣверу отъ Альпъ. Во франкской церкви въ отношеніи иконопочитанія господствовало среднее мнѣніе. Если восточные христіане стали съ особеннымъ почтеніемъ относиться къ иконамъ изъ-за противоположности съ своими магометанскими сосѣдями, то франки, напротивъ, воздерживались въ этомъ отношеніи вслѣдствіе необходимости противодѣйствовать идолопоклонству необращенныхъ еще въ христіанство германцевъ. Вопросъ этотъ обсуждался на одномъ изъ смѣшанныхъ собраній духовенства и мірянъ, состоявшемся при Пипинѣ, въ Жантильи, въ присутствіи уполномоченныхъ отъ папы Павла и посланниковъ отъ Константина Копронима, и хотя ихъ рѣшеніе по этому вопросу не дошло до насъ, однако же едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что оно согласно было съ общими воззрѣніями національной церкви.

Адріанъ, получивъ дѣянія Никейскаго собора, послалъ копію ихъ Карлу Великому, ожидая очевидно, что они будутъ приняты и франками. Но недавнее предъ тѣмъ разстройство дѣла о бракѣ между дочерью короля и сыномъ Ирины не могло склонять его къ какому либо благопріятному отношенію къ восточнымъ опредѣленіямъ, тѣмъ болѣе, что его собственныя убѣжденія шли противъ нихъ. Онъ послалъ дѣянія Алкуину, находившемуся тогда въ Англіи, и англійскіе епископы, будто бы, единодушно просили своего соотечественника написать противъ этого собора. Алкуинъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о Никейскихъ дѣяніяхъ въ видѣ письма, и изъ нихъ вѣроятно образовался трактатъ въ четырехъ книгахъ, который изданъ былъ отъ имени Карла Великаго, и извѣстенъ подъ названіемъ „Каролинскихъ книгъ“. Обыкновенно предполагаютъ, что Алкуинъ, возвратившись во Францію въ 793 году, былъ главнымъ авторомъ этихъ книгъ, но пользовался помощью и другихъ духовныхъ лицъ, и что самъ король принималъ участіе въ пересмотрѣ этого сочиненія 2). Тонъ этого трактата твердый и исполненъ до-

---

1) Theophan. 779, 783—4; G. Hamart. cclxi, 5—6.

2) Libri Carolini впервые были изданы въ 1549 году Жаномъ дю-Тилле, впослѣдствіи епископомъ мосскимъ, который называлъ себя „Eli. Phili“. Подъ „Eli. онъ разумѣлъ Илію, намекая на связь между пророкомъ и святымъ Іоанномъ Крестителемъ, имя котораго носилъ издатель; быть можетъ также, какъ говоритъ Бейль, дю-Тилле имѣлъ въ виду сдѣлать намекъ на то, что онъ подражалъ Иліѣ въ его борьбѣ противъ идолопоклонства. Подобнымъ же образомъ слово Phili дѣлало намекъ на прозвище издателя, будучи сокращеніемъ изъ греческаго имени для обозначенія Tilleul, то есть липа. Нѣкоторые паписты заявляютъ, что книга

стоинства. Хотя и заявляя большое почтеніе къ апостольскому сѣдалищу, авторъ рѣшительно поддерживаетъ франкскій взглядъ на иконы, и критикуетъ основанія, приводимыя въ пользу ученія, содержимаго Востокомъ и Римомъ. Порицая иконоборцевъ и Византійскій соборъ 754 года за упущеніе изъ вида различія между иконами и идолами, авторъ объявляетъ ихъ ошибку меньшею, чѣмъ совершенное, будто бы, Никейскимъ соборомъ смѣшеніе употребленія иконъ съ поклоненіемъ имъ; одно заблужденіе приписывается невѣжеству, другое — нечестію. Много говорится противъ стиля языка, оффиціально употребляемаго византійскимъ дворомъ, и этотъ стиль порицается, какъ посягающій на честь, долженствующую Богу. Соборъ порицается за допущеніе того, что онъ былъ руководимъ женщиной, вопреки повелѣнію ап. Павла, чтобы женщинамъ не позволялось учить. Отвергается его притязаніе на вселенскій характеръ на томъ основаніи, что члены его собрались не отъ всѣхъ церквей, и онъ не содержалъ вѣры вселенской церкви; отрицается также и принадлежащая ему божественная санкція. По мнѣнію автора, неразумно для одной части церкви анаѳематствовать другія части въ дѣлѣ, касательно котораго не дано положительныхъ постановленій со стороны апостоловъ, и особенно, когда отвергаемыя мнѣнія могутъ быть согласимы съ болѣе древними соборами и отцами. Авторъ изслѣдуетъ не мѣста, приводимыя въ Никейскихъ дѣяніяхъ изъ св. Писанія и отцевъ, и даетъ имъ другое толкованіе; порицаетъ Соборъ за допущеніе многихъ разсказовъ сказочнаго или апокрифическаго свойства; подвергаетъ сомнѣнію разсказъ о перепискѣ Спасителя съ Авгаремъ, сильно порицаетъ сказаніе о монахѣ и нечистомъ духѣ, выражаетъ сомнѣніе касательно истины многихъ разсказовъ о чудесахъ и доказываетъ, что даже если бы чудеса и дѣйствительно были совершены иконами, они всетаки не даютъ права для боготворенія ихъ. Дѣлаются замѣчанія о выраженіяхъ, употребленныхъ отдѣльными епископами на соборѣ. Среди нихъ есть важная неточность, будто Констанцій изъ Констанціи на Кипрѣ обвинялся въ оказаніи почтенія иконамъ одинаковаго съ почтеніемъ къ Св. Троицѣ, причемъ онъ будто бы анаѳематствовалъ всѣхъ, кто думалъ иначе; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ полагалъ различіе между почтеніемъ, оказываемымъ иконамъ, и тѣмъ, которое оказывалось только Св. Троицѣ. Затѣмъ обсуж-

---

эта есть подложное сочиненіе реформатора Карлштадта, другіе — что она была написана однимъ еретикомъ времени Карла Великаго, и отправлена Карломъ въ Римъ съ цѣлью опроверженія. Но подлинность ея теперь вообще признается. Гефеле даетъ указатель цитатъ, дѣлаемыхъ въ этомъ трактатѣ изъ Никейскихъ Дѣяній (665—8). „Каролинскія книги“ перепечатаны въ изданіи Гольдаста, „Imperialia Decreta“ и оттуда въ Патрологіи Миня, xcviii. Но Гефеле говоритъ, что лучшее изданіе есть изданіе Германа, Ганноверъ, 1731.

даются и опровергаются вообще доводы, приводимые въ пользу иконъ. Въ видѣ аналогіи указывалось на почести, оказываемыя на востокѣ статуямъ императоровъ; но авторъ отрицаетъ, чтобы это указаніе могло служить основой для иконопочитанія, — „ибо какое безуміе защищать одну незаконную вещь другою!“ и въ доказательство незаконности восточнаго обычая указывается на поведеніе Даніила въ Вавилонѣ. По мнѣнію автора, крайне унизительно для святаго таинства евхаристіи, для креста, символа нашего спасенія и знаменія нашего христіанскаго исповѣданія, для священныхъ сосудовъ и для священныхъ книгъ, что почитаніе, оказываемое имъ, ставится на одинъ уровень съ почтеніемъ къ иконамъ. Почтеніе, оказываемое священнымъ останкамъ, представляющимъ собою части ли тѣла святыхъ или вообще вещи, какимъ либо образомъ связанныя съ ними, не можетъ служить основаніемъ для оказыванія подобнаго же почтенія къ иконамъ, которыя суть простое произведеніе художника. Христосъ и Его святые, будто бы, не требовали такого почитанія, и хотя болѣе образованные способны относиться къ иконамъ безъ идолопоклонства, направляя свое почтеніе къ тому, что означаютъ иконы, необразованные, не имѣющіе искусства въ тонкихъ различеніяхъ, легко могутъ переходить къ боготворенію того, что они видятъ, безъ всякой мысли о предметѣ, стоящемъ внѣ предѣловъ изображенія. Вина въ подобномъ грѣхѣ должна падать не на тѣхъ, кто дозволяютъ иконы и только отказываются поклоняться имъ, но на тѣхъ, которые вынуждаютъ къ подобному поклоненію. Употребленіе иконъ, по мнѣнію автора, можетъ быть допускаемо только въ видѣ украшеній, или въ качествѣ историческихъ воспоминаній. Истинное употребленіе ихъ въ качествѣ средства къ воспоминанію настойчиво противополагается доводу, будто безъ нихъ невозможно помнить о Богѣ. Тѣ лица должны имѣть слишкомъ ненадежную память, которыя нуждаются въ напоминаніи имъ о Богѣ посредствомъ иконъ и которыя неспособны подняться духомъ выше вещественнаго творенія, кромѣ какъ при помощи вещественнаго и сотвореннаго предмета. Король заканчиваетъ заявленіемъ папѣ, что онъ держится началъ, изложенныхъ Григоріемъ Великимъ въ его посланіяхъ Серену Марсельскому¹), и что онъ считаетъ это правиломъ вселенской церкви. Иконы можно допускать, но къ почитанію ихъ нельзя принуждать, хотя въ то же время было запрещено разбивать или разрушать ихъ²).

Эти книги (или скорѣе положенія, которыя имѣлось въ виду доказать въ нихъ, а не самый трактатъ) были препровождены папѣ, и вызвали съ его стороны пространный отвѣтъ. Но аргументація

---

¹) См. выше, стр. 552.

²) См. Libri Carolini, I—IV, въ различн. мѣстахъ.

папы довольно слабая, и весь тонъ отвѣта показываетъ, что Адріанъ видимо опасался оскорбить великаго государя, мнѣніе котораго ему приходилось опровергать [1]).

Неизвѣстно, когда собственно состоялось это сообщеніе, раньше или послѣ собора, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ Карла Великаго во Франкфуртѣ въ 794 году. Этотъ соборъ былъ вмѣстѣ и государственнымъ собраніемъ и церковнымъ соборомъ. Епископы собрались на него какъ изъ Франціи, такъ и изъ Ломбардіи и Германіи; присутствовали также и нѣкоторые представители англійской церкви и два легата изъ Рима, и по внушенію короля на соборъ допущенъ былъ и Алкуинъ—въ виду тѣхъ услугъ, которыя онъ могъ оказать своею ученостью. Къ вопросу объ иконопочитаніи соборъ отнесся такимъ способомъ, который показывалъ, что у членовъ собора не было и мысли о какомъ либо правѣ со стороны Рима предписывать извѣстное постановленіе французской церкви. 2-й канонъ дѣлаетъ ссылку на „послѣдній соборъ грековъ, въ которомъ сказано, что тѣ должны подвергнуться анаѳемѣ, которые будутъ оказывать поклоненіе или боготвореніе изображеніямъ святыхъ одинаково съ боготвореніемъ божественной Троицы“. Въ противоположность этому, члены Франкфуртскаго собора отвергли какъ „боготвореніе, такъ и поклоненіе всякаго рода иконамъ“, выразили пренебреженіе къ восточному собору и осудили его [2]). Въ особенности порицается этимъ канономъ рѣчь, неправильно приписываемая въ „Каролинскихъ книгахъ“ кипрскому митрополиту Констанцію, и неправильное изображеніе дѣла, вѣроятно, нужно отнести на счетъ недостаточной правильности перевода, въ которомъ Никейскія дѣянія предложены были франкскимъ богословамъ.

Не смотря на противодѣйствіе своимъ воззрѣніямъ по предмету иконопочитанія, Адріанъ продолжалъ поддерживать дружественныя отношенія къ Карлу Великому; политическій интересъ, связывавшій Римъ съ франками, былъ болѣе могуществен, чѣмъ сочувствіе грекамъ въ отношеніи вѣроученія. Такъ какъ Византія продолжала удерживать за собою Калабрію и Иллирію, отнятыя у римской каѳедры иконоборческими императорами въ ранней стадіи этого спора, то это болѣе и болѣе отчуждало папъ отъ византійскаго правительства, пока эта связь съ Востокомъ въ 800-мъ году окончательно не порвана была коронаціей Карла Великаго въ качествѣ государя новой Римской имперіи.

III. До перехода къ вопросу объ иконопочитаніи, соборъ франкфуртскій занимался ученіемъ Феликса, епископа ургельскаго, въ Каталоніи, объ отношеніи человѣчества Христа Спасителя къ всемогущему Отцу. Нѣкоторые древніе писатели и испанская литургія прилагали къ воплощенію терминъ усыновленіе (adoptio), хотя терминъ этотъ повидимому и не употреблялся въ своемъ строгомъ смыслѣ, а скорѣе въ смыслѣ assumptio (усвоеніе). Мѣста, которыя Феликсъ и его сторонники приводили изъ отцовъ церкви, какъ благопріятныя ихъ воззрѣнію, говорили объ усвоеніи *природы*, плоти или человѣчества, между тѣмъ какъ сами они дѣлали важное отступленіе отъ этого выраженія, говоря объ усвоеніи *Сына* (усыновленіи). Эти адопціонисты были обвиняемы своими противниками въ несторіанствѣ, и по своему духу эти два ученія, безспорно, были сходны между собой. Тѣмъ не менѣе адопціонисты допускали ученіе, которое считалось православнымъ въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій: они не возражали противъ термина Deipara (или *Θеотокосъ*, то есть, Богородица) въ приложеніи къ матери Спасителя по человѣчеству, и допускали единеніе естествъ въ Немъ. Отличительною особенностью приверженцевъ этой партіи было то, что они, допуская общеніе свойствъ между двумя естествами, настаивали на различіи того способа, которымъ предикаты одного естества придавались другому; говорить, что Христосъ былъ собственный и обыкновенный Сынъ Божій не только по своему человѣчеству, но и всей своею личностью, по ихъ мнѣнію, значило смѣшивать естества и, въ дѣйствительности, подавлять человѣчество. Онъ не можетъ, говорили они, быть въ собственномъ смыслѣ Сыномъ Божіимъ по своему человѣческому естеству, если только не будемъ предполагать, что человѣчество и плотская сущность были заимствованы не отъ самой сущности Бога [1]). Высшее, что только могло быть доступно для человѣчества, это быть усвоеннымъ въ сыновство съ Богомъ, а все дальнѣйшее повело бы къ измѣненію самаго естества. Человѣчество Христа, поэтому, усвоено въ сыновство; въ одномъ смыслѣ это усвоеніе существовало съ самаго момента зачатія, въ другомъ оно началось съ Его крещенія, когда Онъ перешелъ отъ состоянія раба къ состоянію Сына, и завершилось Его воскресеніемъ [2]). Онъ не можетъ имѣть двухъ Отцовъ въ одномъ и томъ же естествѣ; по своему человѣчеству, Онъ есть конечно сынъ Давидовъ, а по усыновленію и благодати Онъ есть Сынъ Божій. По естеству Онъ есть „единородный“ Сынъ Божій, по усыновленію и благодати Онъ есть „перворожденный“ [3]). Въ этомъ Сынѣ Божіемъ сынъ человѣческій становится истиннымъ Сыномъ Божіимъ, но это только *номинальнымъ* способомъ, какъ это было съ тѣми, о которыхъ Онъ Самъ сказалъ, что св. Писаніе „называетъ богами тѣхъ, къ которымъ было слово Божіе“; Его усыновленіе подобно усыновленію святыхъ, хотя оно и имѣетъ болѣе превосходный характеръ [1]). Адопціонисты старались также пользоваться и такими текстами, которые въ дѣйствительности доказываютъ человѣчество Спасителя, Его соподчиненность и зависимость отъ Его божественнаго естества.

---

[1]) Отвѣтъ его см. въ Hard. IV, 773 и слѣд.

[2]) „Contempserunt“. Hard. IV, 904.

---

[1]) Felix. ap. Alc. I, 12.
[2]) Felix ap. Alc. II, 16.
[3]) Felix ap. Alc. III, 1.

Феликсъ ургельскій, получившій извѣстность въ качествѣ главнаго распространителя этого ученія, былъ человѣкъ большаго ума и учености; слава его была такова, что Алкуинъ съ удовольствіемъ переписывался съ нимъ и даже послѣ провозглашенія имъ своей ереси продолжалъ съ уваженіемъ относиться къ его благочестію [2]). Другимъ главой партіи былъ Елипандъ, епископъ толедскій и приматъ Испаніи во время магометанскаго владычества. Онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда возникъ этотъ споръ, но повидимому былъ человѣкомъ настойчиваго и раздражительнаго характера, и весьма ревнивъ о своемъ санѣ. Слогъ его былъ болѣе теменъ, чѣмъ слогъ Феликса, и отсюда заключали, что онъ былъ болѣе глубокимъ ученымъ.

Ранняя исторія адопціонистскаго ученія неизвѣстна. По всей вѣроятности, родоначальникомъ его былъ Феликсъ, и быть можетъ онъ пришелъ къ этому ученію вслѣдствіе спора съ своими магометанскими сосѣдями, въ которыхъ такое воззрѣніе на человѣчество Спасителя могло возбуждать менѣе смущенія, чѣмъ то, которое обыкновенно было предметомъ ученія церкви. По крайней мѣрѣ, кажется несомнѣннымъ то, что былъ ли Феликсъ родоначальникомъ этого ученія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ именно возвелъ это 783 г. ученіе въ систему. Между нимъ и Елипандомъ возникла переписка, и испанскій приматъ воспользовался вліяніемъ своего положенія для распространенія новаго мнѣнія, которое скоро и начало пріобрѣтать себѣ многихъ приверженцевъ. Первыми противниками, выступившими противъ адопціонизма, были аббатъ Беатъ и Этерій, епископъ осмскій, сначала бывшій его ученикомъ. Елипандъ въ письмѣ къ аббату, по имени Фиделію, весьма грубо поносилъ обоихъ этихъ противниковъ; свою нетерпимость онъ доводилъ даже до того, что заявлялъ, что всѣ, не соглашавшіеся съ нимъ въ ученіи, суть еретики и рабы антихриста, и что такихъ нужно искоренять [3]). Этерій и Беатъ совмѣстно составили книгу, которая по тону почти вполнѣ достойна ихъ противника. На этотъ споръ обратилъ свое вниманіе и папа Адріанъ, и въ 785 году онъ написалъ православнымъ епископамъ Испаніи посланіе, предостерегая ихъ противъ новаго ученія, какъ такого заблужденія, проповѣдывать которое не осмѣливался никто со времени Несторія [1]).

---

[1]) Ioан. x, 35; Felix ap. Alc. ɪv, 2.

[2]) Alc. Ep. ɪv, p. 7.

[3]) Elip. ap. Beat. ɪ, 40—4 (Patrol. xcvɪ). Феликсъ обвинялъ Беата и Этерія въ смѣшеніи естествъ Спасителя „sicut vinum et aquam“. Alcuin. ɪ, 793.

Это посланіе, однако же, не въ состояніи было уладить возникшаго разногласія. Соборъ, будто бы происходившій противъ адопціонистовъ въ Нарбоннѣ въ 788 году, вообще признается теперь фиктивнымъ. Въ 792 году Карлъ Великій потребовалъ, чтобы Феликсъ (бывшій его подданнымъ) явился на соборъ въ Ратисбонѣ, гдѣ епископъ отрекся отъ своихъ заблужденій и анаѳематствовалъ ихъ; но Карлъ, лично предсѣдательствовавшій на соборѣ, повидимому усумнился или въ искренности его новаго исповѣданія, или его стойкости въ преданности къ ней, и поэтому отправилъ его скованнымъ въ Римъ, гдѣ онъ, по приказанію папы, заключенъ былъ въ тюрьму. Феликсъ получилъ свободу, благодаря изложенію православнаго исповѣданія вѣры, въ преданности которому онъ клялся самымъ торжественнымъ образомъ, возлагая его на евхаристію и на гробъ св. ап. Петра. Но по возвращеніи въ Ургель онъ опять сталъ проповѣдывать свою ересь и, опасаясь мщенія Карла Великаго, бѣжалъ въ магометанскую часть Испаніи. Елипандъ и другіе испанскіе епископы писали Карлу Великому и епископамъ Франціи просьбу о томъ, чтобы Феликсъ былъ возстановленъ на свою каѳедру и чтобы были приняты мѣры для подавленія мнѣній Беата, котораго обвиняли въ письмахъ въ распутной жизни и называли ложнымъ пророкомъ, вслѣдствіе высказывавшихся имъ мудрованій касательно исполненія Апокалипсиса, къ которымъ онъ приведенъ былъ угнетеннымъ состояніемъ испанской церкви [2]). Эти письма были препровождены Карломъ Великимъ папѣ, который вслѣдъ затѣмъ отправилъ и второе посланіе въ Испанію, обличая ученіе адопціонистовъ и угрожая имъ отлученіемъ въ случаѣ, если они будутъ упорствовать въ немъ [3]).

Соборъ франкфуртскій состоялся между временемъ обращенія Карла Великаго къ Адріану и полученіемъ отвѣта отъ папы. На него не явился ни одинъ представитель отъ адопціонистской партіи; но Алкуинъ, вызванный изъ Англіи для принятія участія въ спорѣ, выступилъ съ доводами противъ ихъ ученія, и соборъ своимъ первымъ канономъ единодушно осудилъ это ученіе, какъ ересь, которая „должна бы быть окончательно искоренена въ церкви“ [4]). Итальянскіе епископы дали свою санкцію сочиненію противъ адопціонизма, составленному Павлиномъ, патріархомъ аквилейскимъ, и этотъ трактатъ былъ отправленъ въ Испанію вмѣстѣ съ письмомъ отъ епископовъ Галліи, Аквитаніи и Германіи къ испанскимъ епископамъ, вмѣстѣ съ письмомъ отъ Карла Великаго къ Елипанду и его единомышленникамъ. Одинъ трактатъ противъ адопціонистовъ Алкуинъ отправилъ епископамъ Южной Франціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ въ почтительномъ тонѣ къ самому Феликсу, увѣщевая его отказаться отъ термина adoptio, что, по его мнѣнію, было единственнымъ пунктомъ, въ которомъ епископъ ургельскій отступалъ отъ православной вѣры. Вслѣдствіе этого письма, Феликсъ обратился съ защитой своего ученія къ Карлу Великому, который поэтому пожелалъ, чтобы Алкуинъ предпринялъ формальное опроверженіе адопціонистовъ. Ученый аббатъ принялъ на себя эту задачу, но потребовалъ, чтобы ему дано было время для изслѣдованія ихъ цитатъ, съ помощью своихъ учениковъ, и просилъ, чтобы книга Феликса могла быть также представлена папѣ, Павлину аквилейскому и другимъ выдающимся епископамъ. Если, говорилъ онъ, всѣ окажутся согласными въ своемъ сужденіи по этому предмету, то можно будетъ заключить, что они всѣ находились подъ водительствомъ одного и того же Духа святаго [2]).

---

[1]) Patrol. xcviii, 374.

[2]) Elip. Ep. 3 (Patrol. xcvi).

[3]) Hard. iv, 865.

[4]) Hard. iv, 904.

Алкуинъ затѣмъ написалъ сочиненіе въ семи книгахъ,—„эти пять хлѣбовъ и двѣ маленькія рыбы", какъ онъ называетъ ихъ [3]) Основаніемъ, на которомъ онъ главнымъ образомъ строитъ свои доказательства, служитъ единство личности Спасителя. Хотя Феликсъ и не осмѣливался отрицать этого, Алкуинъ доказываетъ, что изъ послѣдовательности онъ долженъ дѣлать это подобно Несторію, такъ какъ онъ раздѣляетъ Христа на два сына: одного—дѣйствительнаго и другаго—номинальнаго [4]). То же самое лице не можетъ быть въ одно и то же время собственнымъ и усыновленнымъ сыномъ одного и того же Отца; Христосъ только по естеству имѣетъ то, что мы имѣемъ чрезъ Него по усыновленію и благодати. Сыновство основывается не на естествѣ, а на личности; два естества не составляютъ двухъ сыновей, такъ какъ они сами не отдѣлены между собой, а нераздѣльно соединены въ одномъ Христѣ. Весь Христосъ есть Сынъ Божій и сынъ человѣческій; тутъ нѣтъ мѣста для усвоеннаго сыновства. Христосъ былъ истиннымъ Богомъ съ самаго момента своего человѣческаго зачатія. Феликсъ, по мнѣнію Алкуина, заблуждался въ предположеніи, что Сынъ не можетъ быть

---

[1]) Эти три документа находятся у Гардуина, IV, 873—903.

[2]) Ep. 69. Отсюда очевидно, что Алкуинъ не имѣлъ идеи папской непогрѣшимости.

[3]) Opera, I, 788.

[4]) Liber I, 11; IV, 5. Вальхъ доказываетъ, что адопціонисты были православны, такъ какъ они не говорили, что Христосъ въ своемъ двоякомъ сыновствѣ былъ alius et alius, но что Онъ былъ сынъ aliter et aliter (IX, 881—4). Но, не входя въ болѣе глубокую аргументацію, какъ въ такомъ случаѣ объяснить яростное противодѣйствіе Елипанда ученію церкви, если его собственное ученіе было совершенно тождественно?

собственнымъ, если только Онъ не будетъ того же самаго естества съ Отцомъ; между тѣмъ какъ терминъ „собственный“ (proper) не заключаетъ въ себѣ съ необходимостью тождества субстанціи между тѣмъ, что такъ называется, и тѣмъ, чему онъ приписывается, какъ это можно видѣть изъ нашихъ выраженій о „собственныхъ именахъ“ и „собственныхъ владѣніяхъ“. Человѣкъ есть собственный сынъ своихъ родителей, какъ по тѣлу, такъ и по душѣ, хотя тѣло происходитъ только отъ ихъ сѣмени; подобнымъ же образомъ и Христосъ во всей своей личности, какъ въ божествѣ, такъ и въ человѣчествѣ, есть собственный Сынъ Бога. Но кромѣ того (говоритъ Алкуинъ) весь этотъ предметъ, какъ сверхъестественный, не можетъ быть вполнѣ измѣряемъ человѣческими аналогіями. Христосъ есть Сынъ Божій, есть Сынъ Бога Отца, хотя Его плоть и не произошла отъ Бога, и отрицать возможность этого значитъ подрывать божественное всемогущество 1).

Постановленіямъ франкфуртскаго собора слѣдовали соборъ, состоявшійся въ Фріулѣ при Павлинѣ аквилейскомъ, въ 796 году, и соборъ, состоявшійся въ Римѣ при Львѣ III, въ 799 году. На фріульскомъ соборѣ было постановлено, что Спаситель „одинъ и тотъ же сынъ человѣческій, и Сынъ Божій; не мысленный, а дѣйствительный Сынъ Божій; не усыновленный, а собственный; собственный, а не усыновленный въ каждомъ изъ своихъ естествъ, насколько послѣ принятія Имъ на Себя человѣчества одно и то же лице есть несліянно и нераздѣльно Сынъ Бога и человѣка“ 2). Римскій соборъ также осудилъ адопціонистовъ, но обладалъ столь малымъ знакомствомъ съ дѣломъ, что даже обвинилъ ихъ въ отрицаніи того, что Спаситель имѣлъ какое либо другое божество кромѣ *номинальнаго* 3).

Между тѣмъ въ округъ, въ которомъ Феликсъ распространялъ свое мнѣніе, были отправлены Лейдрадъ, архіепископъ ліонскій, Нефридъ, епископъ нарбонскій, и Бенедиктъ, аббатъ аніанскій. Они съ большимъ успѣхомъ трудились надъ опроверженіемъ адопціонизма, и, встрѣтивъ въ Ургелѣ самого Феликса, уговорили его, увѣреніемъ въ безопасности, отправиться во Францію, чтобы тамъ онъ могъ отвѣтить за себя предъ соборомъ, который предполагалось созвать въ Э-ла-Шапеллѣ 4). Въ Э противъ адопціониста выступилъ Алкуинъ, который для этой цѣли вызванъ былъ изъ его уединенія въ Турѣ. Споръ между ними продолжался въ теченіе шести дней. Феликсъ наконецъ заявилъ, что нѣкоторыя мѣста изъ отцовъ, которыхъ онъ не зналъ раньше, убѣ-

799 г.

---

1) См. Lib. II—V, въ различныхъ мѣстахъ.

2) Hard. IV, 756.

3) Тамъ же, 928.

4) Alc. Ep. 92.

дили его въ своемъ заблужденіи. Онъ отрекся отъ своихъ заблужденій, осудилъ Несторія и увѣщевалъ свое духовенство и народъ слѣдовать истинной вѣрѣ [1]). Но такъ какъ прежнее его непостоянство возбуждало подозрѣніе касательно его устойчивости и теперь, то ему всетаки не позволено было возвратиться въ свой діоцезъ, и онъ отданъ былъ на попеченіе архіепископа ліонскаго. Лейдрадъ и его сотоварищи отправились опять въ Каталонію съ цѣлью искорененія ереси, и Алкуинъ свидѣтельствуетъ, что во время ихъ двухъ посѣщеній они пріобрѣли 20,000 обращенцевъ—епископовъ, духовенства и мірянъ [2]).

Съ Елипандомъ, какъ не подданнымъ Карла Великаго, было труднѣе вести дѣло, чѣмъ съ его сотоварищемъ. Теперь онъ вступилъ въ споръ съ Алкуиномъ, къ которому относился съ своей обычною грубостью, упрекая его какъ главнаго гонителя Феликса и укоряя его между прочимъ въ томъ, что онъ имѣлъ 20,000 рабовъ и гордился своимъ богатствомъ [3]). Алкуинъ отвѣчалъ въ четырехъ книгахъ, и скоро затѣмъ послѣдовала смерть Елипанда (который, по неправдоподобному мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, будто бы наконецъ отказался отъ своей ереси). Феликсъ остался въ Ліонѣ съ Лейдрадомъ и впослѣдствіи съ его преемникомъ Агобардомъ. При встрѣчавшихся случаяхъ, онъ высказывалъ нѣкоторыя изъ своихъ прежнихъ мнѣній, но когда Агобардъ вступалъ съ нимъ въ пренія, то онъ повидимому склонялся на его убѣжденія. Послѣ его смерти однако же, послѣдовавшей въ 818 году, оказалось, что онъ оставилъ сочиненіе, содержавшее главные пункты его ереси, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, и самъ Агобардъ нашелъ себя вынужденнымъ предпринять опроверженіе этого сочиненія, съ цѣлью противодѣйствія тому вреду, который оно могло произвести, какъ вышедшее изъ подъ пера человѣка, который весьма высоко почитался за свое благочестіе [4]). Хотя адопціонистическое ученіе и оживлялось, или оправдывалось нѣкоторыми писателями въ позднѣйшее время, однако же, оно никогда не пріобрѣтало впослѣдствіи болѣе или менѣе значительнаго вліянія.

IV. Къ концу царствованія Карла Великаго возникъ вопросъ касательно исхожденія Святаго Духа. Въ латинской церкви съ теченіемъ времени установилось вѣрованіе, что третье лице божества исходитъ какъ отъ перваго, такъ и отъ втораго лица. Съ другой стороны на греческомъ востокѣ издавна дѣлалось различіе въ этомъ отношеніи, и такъ какъ слово „исходить“ въ св. Писаніи употребляется только въ его отношеніи къ Отцу, то оно и не считалось выражающимъ отношеніе святаго Духа къ Сыну. Такъ, 2-ой вселенскій соборъ въ словахъ, приданныхъ имъ Никейскому символу, въ противоположность македоніанской ереси, опредѣлилъ только, что Духъ Святый „исходитъ отъ Отца“. Ѳеодоритъ, правда, употреблялъ выраженія, которыя повидимому не непримиримы съ западнымъ вѣрованіемъ, но ихъ нельзя понимать иначе, какъ выражающими лишь частное мнѣніе писателя, православіе котораго не было безупречнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; притомъ дотолѣ еще не возникало никакого спора касательно этого предмета, или его выраженія, между двумя великими половинами церкви.

---

[1]) Alc. Epp. 92, 176; Vita Alc. 7; Hard. IV, 929—34.

[2]) Ep. 92, p. 136.

[3]) Elip. Ep. IV, 5 (Patrol, XCVI). Рабы эти, по предположенію, принадлежали къ имѣніямъ аббатства св. Мартина и къ другимъ учрежденіямъ Алкуина. См. его отвѣтъ на это обвиненіе Ep. ad Leidr. I, 861.

[4]) Agob. adv. Felicem. 1—6.

На Западѣ исхожденіе Святаго Духа отъ Сына между тѣмъ проникло и въ символы вѣры [1]). Оно встрѣчается въ такъ называемомъ Аѳанасіевомъ символѣ, несомнѣнно имѣющемъ западное происхожденіе, но точное время происхожденія котораго составляетъ предметъ спора. Первое появленіе этого ученія въ никейскомъ или константинопольскомъ символѣ вѣры состоялось на 3-мъ соборѣ толедскомъ въ 589 году [2]), и оно часто поддерживалось позднѣйшими испанскими соборами подъ санкціей анаѳемы [3]). Можно думать, что изъ Испаніи именно эта вставка перешла и во Францію, гдѣ ученіе о двойномъ исхожденіи не оспаривалось, хотя и возникали нѣкоторые вопросы касательно удобства или законности прибавки къ Никейскому символу.

Происхожденіе разногласій по этому предмету въ разсматриваемомъ періодѣ не ясно. Разсужденіе объ этомъ предметѣ происходило на соборѣ жантильскомъ, гдѣ присутствовали посланники Константина Копронима [4]); но вообще подробности этого собора неизвѣстны. На соборѣ фріульскомъ, въ 796 году, Павлинъ поддерживалъ пользу этого опредѣленія, „вслѣдствіе тѣхъ еретиковъ, которые шепчутъ, что Святый Духъ принадлежитъ только Отцу и исходитъ только отъ Отца“; онъ защищалъ это опредѣленіе противъ обвиненія его въ новшествѣ, такъ какъ оно не было-де прибавленіемъ къ Никейскому символу, а только поясненіемъ его, и соборъ принялъ исповѣданіе вѣры, въ которомъ излагалось ученіе о двойномъ происхожденіи [5]).

767 г.

Съ большею настойчивостью вопросъ этотъ выступилъ на соборѣ, состоявшемся въ 809 году въ Э, когда принесена была жалоба, что нѣкій Іоаннъ, монахъ св. Саввы въ Іерусалимѣ, дѣлалъ нападенія на франкскихъ иноковъ и паломниковъ на основаніи этого ученія, и пытался прогнать ихъ силой [1]). Соборъ одобрилъ прибавленіе къ символу [2]), и Карлъ Великій отправилъ двухъ епископовъ и аббата корбійскаго Адельгарда въ Римъ съ просьбою, чтобы папа утвердилъ это опредѣленіе. Левъ на совѣщаніи съ посланными, о которомъ сохранился любопытный отчетъ, будто бы выразилъ свое согласіе съ ученіемъ о двойномъ исхожденіи, но рѣшительно воспротивился внесенію его въ символъ вѣры. Вносить его, говорилъ онъ, было бы не законно, такъ какъ его опустилъ соборъ, руководимый мудростью свыше, и кромѣ того спорный пунктъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые не необходимы въ дѣлѣ спасенія для массы обыкновенныхъ христіанъ. Въ храмѣ св. ап. Петра онъ поставилъ два серебряныхъ щита съ выгравированнымъ на нихъ Константинопольскимъ символомъ на греческомъ и латинскомъ языкѣ, и въ обѣихъ надписяхъ не было словъ, выражающихъ исхожденіе Духа отъ Сына. Но чтобы не было никакихъ сомнѣній касательно его мнѣнія по вопросу объ ученіи, онъ отправилъ на востокъ исповѣданіе вѣры, въ которомъ дважды явственно утверждалось двойное исхожденіе [3]). О разногласіи между восточной и западной церквями по этому предмету мы уже не слышимъ до болѣе поздняго времени, когда вопросъ этотъ возбужденъ былъ вновь и повелъ къ весьма важнымъ послѣдствіямъ.—

---

[1]) См. Petav. vii, 2.

[2]) Hard. iii, 472.

[3]) См. isid. Hispal. Ep. 6 (Patrol. xxxiii).

[4]) Einhard, 767 г.

[5]) Hard. iv, 850, 855.

Можетъ показаться затруднительнымъ слѣдить и невозможнымъ читать съ интересомъ исторію такихъ споровъ, какъ споры монофелитскій и адопціонистскій, и церковь часто упрекали за возбужденіе, въ которое она приходила отъ вопросовъ, никогда не обращавшихъ на себя вниманія большинства вѣрующихъ христіанъ. Но нужно помнить, что заблужденіе, способное волновать церковь внутри, не сразу начинается съ отмѣны опредѣленій прежняго времени; духъ умозрѣнія останавливается на такихъ пунктахъ, которые видимо находятся въ предѣлахъ, уже предписанныхъ для православія. Отсюда въ спорахъ, относящихся къ высшимъ христіанскимъ ученіямъ, почва постоянно съуживается по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ аріанства къ несторіанству и евтихіанству, и отъ нихъ къ заблужденіямъ, только что подлежавшимъ нашему разсмотрѣнію, причемъ каждый вопросъ по мѣрѣ того, какъ онъ возникалъ, требовалъ обсужденія и рѣшенія при свѣтѣ св. Писанія и опредѣленій, которыя высказывались раньше. Вслѣдствіе этого, церковь отнюдь не заслуживаетъ порицанія за то, если мнѣнія, противъ которыхъ направлены ея торжественныя осужденія, послѣдовательно дѣлались болѣе и болѣе тонкими, и читатель долженъ быть снисходителенъ по отношенію къ церковнымъ историкамъ, если путь ихъ иногда лежитъ по дебрямъ, отнюдь не представляющимъ собою всезахватывающаго интереса и по самому своему предмету утомительнымъ.

---

[1]) Ep. Monachorum in Monte Oliveti habitantium (Patrol. cxxix, 1257). Einhard, 809 г. Ado, 809 г. (Patrol. cxxiii). Адо находитъ ясное изложеніе двоякаго исхожденія въ Откр. xxii, 1 (col. 133).

[2]) Бароній говоритъ, что вопросъ въ Э относится не къ ученію, а только къ прибавкѣ Filioque въ символѣ (809—53).

[3]) Leo, Ep. 15 (Patrol. cii), Anastas. тамъ же, cxxviii, 1237.

ГЛАВА XXX.

Восточныя секты.

I. Въ очеркѣ магометанскихъ завоеваній было упомянуто, что арабы пользовались враждою между православными и іаковитами (или монофизитами) съ цѣлью склонить угнетенныхъ и гонимыхъ сектантовъ на свою сторону [1]). За оказанныя такимъ образомъ услуги іаковиты были награждены высшею степенью благосклонности со стороны своихъ новыхъ господъ, когда Египетъ и Сирія подпали подъ владычество калифовъ. Многіе изъ тѣхъ, кого мѣропріятія Ираклія заставили исповѣдывать православіе, теперь возвратились къ открытому исповѣданію своихъ прежнихъ мнѣній, и церковь затѣмъ понесла потерю не только вслѣдствіе меча и ученія ислама, но и вслѣдствіе уклоненія многихъ изъ ея собственныхъ членовъ въ ересь.

Іаковиты продолжали оставаться сильными въ Египтѣ, а также и въ болѣе западныхъ странахъ Азіи, гдѣ они находились подъ управленіемъ особаго патріарха, жившаго въ Амидѣ. Но партія эта была истреблена въ Персіи, и не дѣлала никакихъ дальнѣйшихъ успѣховъ по направленію къ востоку.

II. Болѣе замѣчательна была въ теченіе этого періода исторія несторіанъ. Они, подобно противоположной сектѣ, сначала были предметомъ ухаживанія со стороны мусульманъ, и впослѣдствіи пользовались ихъ благосклонностью вслѣдствіе ихъ враждебнаго отношенія къ православной церкви. Во главѣ ихъ стоялъ епископъ, извѣстный подъ титуломъ католикоса или патріарха вавилонскаго; его резиденція сначала находилась въ Селевкіи или Ктезифонѣ [2]), но послѣ основанія Багдада Алмансуромъ, въ 762 году, патріархъ перенесъ свое сѣдалище въ этотъ городъ. Въ VIII столѣтіи несторіане утвердились въ Египтѣ, и на востокѣ они трудились съ большимъ оживленіемъ для распространенія своего ученія, не встрѣчая повидимому никакого противодѣйствія со стороны православныхъ. Слѣдуя теченію торговли, несторіанскіе миссіонеры проникли моремъ изъ Индіи въ Китай, причемъ другіе проникали чрезъ пустыни до его сѣверной границы. Камень, открытый въ Син-Ганъ-Фу, въ 1625 году, носитъ длинную надпись, отчасти сирійскую, отчасти китайскую, въ которой значатся имена миссіонеровъ, трудившихся въ Китаѣ, вмѣстѣ съ исторіей христіанства въ этой странѣ съ 636 по 781 г. Судьба его тамъ разнообразилась вслѣдствіе успѣховъ и гоненій, но въ VIII столѣтіи оно обыкновенно пользовалось большою благосклонностью со стороны императоровъ и тамъ построено было много церквей. Вмѣстѣ съ этими подробностями, надпись содержитъ сводъ христіанскаго ученія и обычаевъ жизни, въ которомъ можно замѣчать оттѣнокъ несторіанства [1]. Можно думать, что эта ранняя проповѣдь христіанства въ Китаѣ совпала съ династіей, которая поддерживала его; потому что миссіонеры, посланные около 980 года католикосомъ вавилонскимъ въ эту страну, нашли, что церкви уже были разрушены, и изъ туземцевъ имъ былъ извѣстенъ только одинъ человѣкъ, который продолжалъ исповѣдывать ихъ религію.

---

[1]) См. выше, стр. 563.

[2]) Съ 498 года.

Патріархъ Тимоѳей, занимавшій свою каѳедру съ 777 по 820 годъ, привелъ несторіанскаго митрополита Персіи въ подчиненіе себѣ, и особенно дѣятеленъ былъ въ устроеніи миссій. Проповѣдники, которыхъ онъ посылалъ, распространили знаніе христіанства въ Гирканіи, Татаріи, Бактріи и другихъ странахъ центральной Азіи, гдѣ оно и сохранялось долго. Въ этихъ отдаленныхъ странахъ были поставлены епископы и митрополиты, признававшіе свою зависимость отъ патріарха Вавилоніи, и съ этою же цѣлью Тимоѳеемъ было постановлено особое обрядовое правило, что если нельзя было достать для посвященія собрата болѣе двухъ епископовъ, то каноническое число можно было восполнять книгой Евангелія, заступавшаго мѣсто третьяго лица изъ рукополагающихъ [1]).

---

[1] Мосгеймъ въ своей „Церковной Исторіи татаръ“ даетъ копію надписи по Кирхеру и Потье (Pauthier) недавно издалъ ее на подлинныхъ языкахъ съ переводомъ и факсимиле (L'Inscription Syro-Chinoise de Sin-gan-Fou, Paris, 1858). Подлинность этой надписи оспаривалась, но теперь она вообще признается всѣми. Потье, въ другой статьѣ, защищалъ ее противъ недавнихъ возраженій (De l'Authenticité de l'Inscr. Néstorienne de Sin-gan-Fou, Paris, 1887). Такъ какъ она сдѣлалась извѣстна въ Европѣ чрезъ посредство іезуитскихъ миссіонеровъ, то нѣкоторые считали ее подлогомъ этого общества. Но іезуиты впервые увидѣли этотъ камень спустя уже три года послѣ того, какъ онъ открытъ былъ нѣкоторыми китайскими рабочими при рытіи основанія одного дома, и поставленъ былъ въ одномъ китайскомъ храмѣ. Несомнѣнно, что въ немъ содержатся предметы, которыхъ *не могли бы* поддѣлать іезуиты, что какъ китайскія, такъ и сирійскія буквы согласуются по формѣ съ предполагаемымъ временемъ ея происхожденія, что ея свидѣтельства совпадаютъ съ другими обстоятельствами, которыя не могли быть извѣстны іезуитамъ, и что никакое подозрѣніе въ ея подлинности не возбуждено было туземными учеными. Кромѣ того, если бы іезуиты дерзнули на подлогъ, они сдѣлали бы это въ гораздо болѣе благопріятномъ видѣ для своихъ собственныхъ интересовъ. Что касается до самаго факта христіанства въ Китаѣ, то есть достовѣрное свидѣтельство и другаго рода. См. Mosheim, II, 62 и Historia Tartarorum Ecclesiastica, 9—13.

III. Много волненій причиняла секта, извѣстная подъ названіемъ павликіанъ. Ученіе и характеръ павликіанъ были предметомъ горячаго спора, на который часто оказывали большое вліяніе партійные интересы тѣхъ, кто участвовалъ въ немъ. Римско-католическіе писатели старались открыть въ павликіанахъ предшественниковъ протестантскихъ реформаторовъ и подвергали послѣднихъ обвиненію въ манихействѣ, которому подлежала эта древняя секта. Съ другой стороны, нѣкоторые протестанты нашли возможнымъ принять эту родословную, и съ увѣренностью, одинаково пренебрегающею фактами и разумомъ, утверждали, что павликіане были неповинны въ приписываемыхъ имъ ересяхъ, что они держались только того, что, по предположенію такихъ писателей, есть лишь чисто библейское христіанство. Было бы безполезно входить здѣсь въ обсужденіе этихъ соперничествующихъ крайностей.

Хотя и признается вообще, что слово павликіане есть варварское производство отъ имени Павелъ, однако же вопросъ, отъ какой именно личности взято это названіе, еще не нашелъ себѣ удовлетворительнаго разрѣшенія. Нѣкоторые относятъ его къ имени нѣкоего Павла самосатскаго,—неизвѣстнаго епископа антіохійскаго въ III столѣтіи, одного манихея позднѣйшаго, хотя и неизвѣстнаго въ точности времени; другіе относятъ къ одному армянину, выдававшемуся въ сектѣ около времени Юстиніана II [2]). Но болѣе вѣроятнымъ предположеніемъ кажется то, что оно происходитъ отъ имени великаго апостола, котораго павликіане въ особенности считали своимъ учителемъ.

Гностицизмъ, изгнанный изъ другихъ частей имперіи, нашелъ себѣ убѣжище въ странахъ, граничащихъ съ Евфратомъ, гдѣ съ теченіемъ времени остатки его различныхъ партій смѣшались между собою, подъ общимъ названіемъ манихеевъ. Въ этой странѣ, въ деревнѣ Мананалѣ, близь Самосаты, жилъ около 653 года нѣкій Константинъ, котораго считаютъ потомкомъ одного манихейскаго семейства. Одинъ діаконъ, возвращавшійся изъ плѣна среди сарацинъ, воспользовался въ этомъ семействѣ гостепріимствомъ, и въ знакъ признательности оставилъ у него одну рукопись, содержащую Евангелія и Посланія ап. Павла. Константинъ читалъ эти книги, прилагая къ истолкованію ихъ принципы своей старой вѣры, и результатомъ было то, что онъ отказался отъ нѣкоторыхъ изъ болѣе грубыхъ нелѣпостей, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, сжегъ еретическія книги, обладаніе которыми считалось уголовнымъ преступленіемъ, и сталъ проповѣдывать систему, которую, при посредствѣ аллегорическихъ и другихъ уловокъ, онъ старался примирить съ буквой Новаго Завѣта, хотя въ дѣйствительности она главнымъ образомъ извлекалась изъ ученій его наслѣдственной секты. Хотя онъ обыкновенно и называется манихеемъ, однако же этотъ терминъ видимо понимается не въ строгомъ смыслѣ. Его мнѣнія вѣроятно были болѣе сродны съ маркіонитствомъ, которое, какъ извѣстно, было сильно распространено въ области Евфрата за двѣсти лѣтъ предъ тѣмъ, и его послѣдователи явно анаѳематствовали Манеса среди другихъ ересіарховъ [1]).

---

[1]) *Mosh.* Hist. Tartar. 15.

[2]) См. Phot. I, 18.

Константинъ называлъ себя Сильваномъ, а вожди, наслѣдовавшіе ему, принимали имена Тита, Епафродита, Тимоѳея и другихъ сотрудниковъ ап. Павла. Подобнымъ же образомъ они старались давать главнымъ общинамъ своей секты названія церквей, въ которыхъ трудился этотъ апостолъ съ его соработниками. Павликіане признавали посланія ап. Павла вмѣстѣ съ посланіями св. Іакова, ап. Іоанна и Іуды и Дѣянія Апостольскія. Сначала они допускали также и четыре евангелія, хотя, повидимому, впослѣдствіи и остановились исключительно на евангеліяхъ Луки и Іоанна, если и не безусловно отвергали другія. Они отвергали Ветхій Завѣтъ, и въ особенности поносили ап. Петра, какъ предателя своего Господа и истины, и вражда ихъ была не безъ основанія, говоритъ Петръ Сицилійскій, такъ какъ этотъ апостолъ пророчествовалъ противъ ихъ искаженія ученія ап. Павла [2]).

Павликіане считали матерію вѣчной; они учили, что существуютъ два Бога,—одинъ, происшедшій изъ тьмы и огня, творецъ и владыка настоящаго міра, Богъ Ветхаго Завѣта и церкви; другой, верховный предметъ ихъ поклоненія, Богъ духовнаго, имѣющаго настать міра [3]). По ихъ ученію, душа человѣка—небеснаго происхожденія, и заключена въ матеріальномъ тѣлѣ какъ въ темницѣ. Они не только отказывали пресвятой Богородицѣ въ исключительныхъ почестяхъ, воздававшихся ей православными, но будто бы совершенно унижали ее, отрицали приснодѣвство, въ то же время утверждая, что Спаситель въ дѣйствительности ничего не принялъ на себя отъ ея сущности, а принесъ свое тѣло съ неба, и что Его рожденіе было только кажущимся [4]). Они возставали противъ чина пресвитеровъ, потому что іудейскіе пресвитеры или старѣйшины оказались противниками Христа. Ихъ собственные учители не отличались какимъ либо особымъ характеромъ, одеждой, образомъ жизни или преимуществами. Въ средѣ этихъ учителей упоминаются различныя степени, но они не составляли постоянной іерархіи; такъ, когда „спутники въ странствованіи“ [1]), находившіеся въ сообществѣ съ послѣднимъ великимъ учителемъ секты, повымерли, то ея главными учителями сдѣлались *нотаріусы*, на обязанности которыхъ было переписывать сочиненія, признававшіяся авторитетными [2]). Павликіане почитали Константина и трехъ другихъ своихъ вождей какъ апостоловъ или пророковъ. Они отвергали таинства. „Христосъ, говорили они, не давалъ своимъ ученикамъ хлѣба и вина, а подъ именемъ этихъ элементовъ знаменовалъ свои собственныя жизнедательныя слова, и истинное крещеніе есть Онъ самъ, который объявилъ Себя „водою живой“ [3]). Они плевали на крестъ и нападали на православныхъ вслѣдствіе ихъ иконопочитанія, причемъ сами оказывали почтеніе къ книгѣ Евангелія, какъ содержащей слова Христовы [4]); въ отношеніи своихъ мнѣній они допускали себѣ большую свободу въ двусмысленности, и въ томъ же самомъ духѣ не смущались присутствовать при православномъ богослуженіи или таинствахъ. Титулъ христіанъ они исключительно приписывали себѣ самимъ, называя православныхъ *римлянами*, какъ имѣющихъ просто политическую религію [5]). Ихъ собственныя мѣста богослуженія не назывались храмами или церквами, а *просевхами*, то есть, молитвенными домами. Нѣкоторые новѣйшіе защитники павликіанъ ихъ противодѣйствіе по нѣкоторымъ изъ этихъ пунктовъ ходячимъ заблужденіямъ или суевѣріямъ того времени приписываютъ безпристрастному изученію ими св. Писанія; но съ большею вѣроятностью это можно объяснять ихъ связью съ болѣе древними сектами, которыя отдѣлились раньше, чѣмъ въ церковь успѣли проникнуть тѣ или другія заблужденія.

---

[1]) Phot. I, 4, 16; Petrus Siculus, 62.

[2]) 2 Пет. III, 16; Petr. Sic. 20; Phot. I, 8; G. Hamart. 9. Обвиненіе въ предательствѣ истины основывалось на Галат. II, 11 и слѣд.

[3]) Pet. Sic. 16—18: Phot. I, 6.

[4]) Phot, I, 7; Pet. Sic. 10; G. Hamart. 6.

Константинъ основалъ свое мѣстопребываніе въ Кивоссѣ, въ Арменіи, гдѣ онъ стоялъ во главѣ своей секты въ теченіе 27 лѣтъ и пріобрѣлъ многихъ обращенцевъ, какъ изъ православной церкви, такъ и изъ зороастровой религіи. Наконецъ обо всемъ этомъ дѣлѣ было донесено императору Константину Погонату, который отправилъ въ Кивоссу сановника, по имени Симеона, съ приказаніемъ предать ересіарха смерти и распредѣлить его послѣдователей среди духовенства и по монастырямъ, съ цѣлью отклоненія ихъ отъ ереси. Симонъ, захвативъ Константина и множество сектантовъ, поставилъ ихъ въ рядъ и велѣлъ имъ побивать камнями своего главу. Вмѣсто того, чтобы повиноваться приказу, они всѣ, кромѣ одного, 684 г. бросили камни, которыми были вооружены, но Константинъ былъ убитъ, подобно Голіаѳу, камнемъ изъ руки нѣкоего юноши, его собственнаго усыновленнаго имъ сына Юста [1]). Такъ какъ сектанты оказались упорными въ своихъ заблужденіяхъ, то Симеонъ вступилъ въ собесѣдованія съ нѣкоторыми изъ нихъ, результатомъ чего было то, что, самъ не зная ничего касательно основъ своей религіи, онъ совратился въ ихъ секту и, проведя три года въ Константинополѣ въ большой душевной тревогѣ, наконецъ бѣжалъ, бросивъ всю свою собственность, и поселился въ Кивоссѣ, гдѣ, подъ именемъ Тита, онъ сдѣлался преемникомъ Константина [2]). Послѣ нѣкотораго времени, Юстъ былъ пораженъ видимымъ несоотвѣтствіемъ павликіанскаго ученія тексту, который приписываетъ одному и тому же Творцу какъ духовный, такъ и матеріальный міръ. Онъ предложилъ эту трудность на разрѣшеніе Симеона, выражая опасеніе, что не находятся ли они оба въ заблужденіи и не держатъ ли въ заблужденіи своихъ послѣдователей, и когда Симеонъ не удовлетворилъ его, онъ отправился къ епископу сосѣдняго города Колоніи (теперь Калагиссаръ), и изложилъ предъ нимъ ученіе своей секты. Епископъ донесъ объ этомъ дѣлѣ императору Юстиніану II, около 690 г. и вслѣдствіе этого доноса Симеонъ, самъ Юстъ и многіе изъ ихъ послѣдователей были преданы смерти чрезъ сожженіе на одномъ большомъ кострѣ [3]).

---

[1]) Συνέκδημοι изъ Дѣян. xix, 29; 2 Кор. viii, 19.

[2]) Pet. Sic. 72; G. Hamart. 11.

[3]) G. Hamart. 9. Фотій (i, 9) говоритъ, что они признавали крещеніе отъ духовенства, находившагося въ плѣну у нихъ, хотя и признавали вліяніе такого крещенія полезнымъ только для тѣла.

[4]) Phot. i, 7; G. Hamart. 13.

[5]) Phot. i, 6; G. Hamart. 6.

Среди тѣхъ, которые избѣжали этой участи, былъ армянинъ, по имени Павелъ [4]), который поселился близь Фанареи, въ мѣстечкѣ, которое будто бы производило свое названіе Эписпорисъ отъ сѣянія тамъ духовныхъ плевелъ старцемъ Павломъ самосатскимъ [5]). При армянинѣ Павлѣ секта возродилась, но съ его смертью главенство въ ней сдѣлалось предметомъ спора между его двумя сыновьями. 715 г. Старшій изъ нихъ Гегнезій, которому отецъ его далъ имя Тимоѳея, основывалъ свои притязанія на наслѣдственномъ преемствѣ, между тѣмъ какъ младшій, Ѳеодоръ, ссылался на непосредственное порученіе съ неба, и о спорѣ ихъ дошло до свѣденія Льва Исаврянина, который приказалъ Герману, патріарху константинопольскому, подвергнуть Гегнезія испытанію. Павликіанинъ оказался достаточно 722 г. искуснымъ для того, чтобы дать на всѣ вопросы довольно удовлетворительные отвѣты. Онъ анаѳематствовалъ всѣхъ, кто отрицали православную вѣру, потому что подъ этимъ названіемъ онъ тайно разумѣлъ свою собственную секту; анаѳематствовалъ всѣхъ, кто отказывались поклоняться кресту, потому что подъ крестомъ онъ разумѣлъ Самого Спасителя, распростирающаго свои руки въ молитвѣ или благословеніи; анаѳематствовалъ также всѣхъ, кто отказывались поклоняться Богородицѣ, въ которую вошелъ Спаситель, понимая подъ нею небесный Іерусалимъ, въ который Христосъ вошелъ, какъ начатокъ своихъ избранныхъ. Подъ православною церковью онъ разумѣлъ свою собственную секту, подъ крещеніемъ—Христа, какъ „воду живую“, подъ тѣломъ и кровью Христа назидательныя слова Спасителя; поэтому, онъ анаѳематствовалъ всѣхъ, кто отвергали что либо изъ этого, и, удовлетворивъ такимъ образомъ Германа, отправленъ былъ обратно домой съ благопріятными письмами отъ императора [1].

---

[1]) Phot. I, 16; Pet. Sic. 44.

[2]) Phot. I, 16; Pet. Sic. 46.

[3]) Phot. I, 17; Pet. Sic. 46—50.

[4]) Петръ сицилійскій (48) говоритъ, что нѣкоторые производили самое названіе секты отъ этого именно Павла.

[5]) G. Hamart. I ('Επέσπειρεν ζιζάνια, Матѳ. XIII, 25).

То отвращеніе, съ которымъ павликіане относились къ иконамъ, должно бы повидимому привлечь къ этой партіи благосклонное вниманіе иконоборческихъ императоровъ. Но эти государи видимо опасались навлечь на себя тоже безславіе, которому подвергались эти сектанты вслѣдствіе другихъ своихъ мнѣній, и такимъ образомъ мы находимъ, что Левъ и его сынъ, вмѣсто благопріятнаго отношенія къ павликіанамъ, переселили многихъ изъ нихъ изъ Арменіи во Ѳракію [2]. Послѣ различныхъ превратностей, главенство среди сектантовъ перешло къ нѣкоему Ваану, который называется „грязнымъ [3]“ и поэтому вѣроятно считался человѣкомъ, освящавшимъ нѣкоторыя изъ тѣхъ безнравственностей, которыя вообще приписывались всѣмъ ересіархамъ [4]. Но когда павликіане пали такъ низко, среди нихъ явился преобразователь въ лицѣ молодаго человѣка, по имени Сергія.

Сергій былъ обращенъ въ павликіанство одною женщиною-богословомъ. Историки секты разсказываютъ, что эта женщина, намѣтивъ его себѣ какъ человѣка, котораго стоило склонить въ ересь, вступила въ разговоръ съ нимъ и послѣ нѣсколькихъ комплиментовъ его учености и характеру спросила его, почему онъ не читаетъ св. Писанія. Онъ отвѣчалъ, что такое занятіе не позволительно для христіанъ вообще, а только для духовенства,—мысль, которой сильно противодѣйствовалъ Златоустъ, но которая послѣ его времени стала все болѣе укореняться въ народномъ вѣрованіи, хотя и безъ всякаго формальнаго авторитета со стороны церкви. „Это не такъ, какъ ты думаешь“, отвѣчала она, „потому что у Бога нѣтъ лицепріятія, такъ какъ Онъ хочетъ всѣмъ человѣкамъ спастись и въ познаніе истины прійти“, и затѣмъ она стала говорить ему, что духовенство исказило и испортило слово Божіе, и что даже тѣ изъ нихъ, которые совершали чудеса, окажутся въ концѣ концовъ среди тѣхъ, которымъ Христосъ скажетъ въ день страшнаго суда: „Я не знаю васъ“. Сергій началъ читать св. Писаніе, и подъ руководствомъ 801 г. своей учительницы онъ сталъ прилагать къ православнымъ все, что тамъ говорится противъ плотскаго Израиля, а на павликіанъ началъ смотрѣть, какъ на истинно духовную церковь Христову. Онъ принялъ имя Тихика и сдѣлался новымъ основателемъ секты, которая почитала его сочиненія одинаково съ самимъ св. Писаніемъ. Его личная нравственность, повидимому, была безупречна, такъ какъ Фотій и Петръ Сицилійскій находятъ возможнымъ обвинять его только въ лицемѣріи [1]), и онъ преобразо- 801—835 г. валъ нравственность павликіанъ въ противоположность началамъ Ваана. Въ теченіе 34 лѣтъ, отъ царствованія Ирины до царствованія Ѳеофила, Сергій неустанно трудился въ пользу павликіанства. Онъ до неприличія гордился своимъ успѣхомъ, превозносилъ себя надъ прежними учителями секты, называлъ себя блистательнымъ свѣтильникомъ, сіяющимъ свѣтомъ, жизнедательной звѣздой и даже Параклетомъ [2]).

---

[1] Phot. I, 18; Pet. Sic. 50.

[2] Theophan. 662.

[3] 'Ο ῥυπαρός.

[4] Фотій обвиняетъ павликіанъ въ свальномъ грѣхѣ и проч. I, 10.

Императоръ Никифоръ благосклонно относился къ сектѣ и да- 802—811 г. ровалъ ей вѣротерпимость во Фригіи и Ликаоніи. Ѳеофанъ разсказываетъ, что онъ предавался волшебнымъ обрядамъ вмѣстѣ „съ манихеями, которые называются павликіанами“, съ цѣлью достигнуть побѣды своему оружію [3]). При Михаилѣ Рангавѣ противъ этихъ еретиковъ постановлены были суро- 811—813 г. вые законы; тѣ изъ нихъ, которые упорно держались своихъ заблужденій, подлежали наказанію смертію. Одна партія въ церкви, предводимая Ѳеодоромъ Студитомъ, противилась смерти какъ наказанію за ересь [4]). Но Ѳеофанъ доказываетъ, что этотъ взглядъ нелѣпъ, такъ какъ ап. Петръ подвергъ смерти Ананію и Сапфиру, и ап. Павелъ говоритъ, что лица, повинныя въ извѣстныхъ грѣхахъ, достойны смерти [1]. Къ этимъ библейскимъ свидѣтельствамъ въ пользу гоненія, Петръ Сицилійскій прибавляетъ и другое, именно заповѣдь: „враговъ же моихъ, тѣхъ, которые не хотѣли, чтобы я царствовалъ надъ ними, приведите сюда, и избейте предо мною“ [2].

---

[1]) Phot. I, 21; Pet. Sic. 60.

[2]) Phot. I, 21; Pet. Sic. 62. Мы уже видѣли, что этотъ же самый титулъ принимали на себя Симонъ Волхвъ, Монтанъ, Манесъ и Магометъ. Что Сергій не имѣлъ въ виду отождествлять себя съ святымъ Духомъ, это видно изъ того обстоятельства, что онъ ставилъ себя ниже ап. Павла.

[3]) Theophan. 759.

[4]) Theod. Stud. Ep. II, 155.

Левъ Армянинъ, не смотря на свое иконоборчество, продолжалъ гоненіе на павликіанъ. Сектанты конечно были доведены до крайняго раздраженія такимъ отношеніемъ къ себѣ. За смерть нѣкоторыхъ своихъ вождей они отмстили избіеніемъ одного префекта и епископа, энергично дѣйствовавшихъ противъ 813—20 г.
нихъ. Они жили въ постоянной враждѣ съ своими сосѣдями, и при всякомъ благопріятномъ случаѣ выходили изъ предѣловъ своего мѣстожительства, опустошали, грабили и убивали. Ихъ плѣнницы будто бы предаваемы были свальному грѣху, дѣти или убивались, или продавались сарацинамъ, и Сергій самъ оказывался неспособнымъ удерживать своихъ послѣдователей отъ этихъ крайностей. Самъ Сергій былъ убитъ своимъ же соб- 835 г.
ственнымъ топоромъ человѣкомъ, который нашелъ его за рубкой дровъ [3]. Его преобразованія повели къ раздѣленію секты на двѣ враждебныхъ вѣтви, и послѣ его смерти его послѣдователи, желая очистить себя отъ нареканія въ принадлежности къ ваанитамъ, напали на нихъ и продолжали кровавую борьбу съ ними, пока одному „сопутнику въ странствованіи“ Сергія, прозываемому Ѳеодотомъ, не удалось уговорить обѣ стороны вспомнить о своей общей вѣрѣ [4].

Послѣ возстановленія иконопочитанія при регентствѣ Ѳеодоры [5], императрица была побуждаема торжествующей партіей предпринять подавленіе павликіанства, чрезъ обращеніе ли еретиковъ въ православную вѣру, или просто силою, и такъ какъ сектанты противились всѣмъ попыткамъ, дѣлавшимся съ цѣлью привлеченія ихъ въ церковь, то они вновь подверглись яростному гоненію. Разсказываютъ, что не менѣе ста тысячъ ихъ были избиты мечемъ, обезглавлены, утоплены или посажены на колъ [6]. Среди избитыхъ жертвъ былъ и отецъ Карвея, капитана гвардіи, при префектѣ востока. Кар- 844 г.
вей, услышавъ объ участи своего отца, отказался отъ всякаго вѣрноподданничества императору, и съ пятью тысячами сотоварищей искалъ убѣжища среди сарацинъ. Калифъ радостно принялъ

---

[1] Рим, i, 32; Theophan. 771.

[2] Лук. xix, 27; Pet. Sic. 38.

[3] Pet. Sic. 71; Phot. i, 24.

[4] Тамъ же, 22; Pet. Sic. 71.

[5] 842 г. Theophan. Cont. iv, 16.

[6] Cedren. 641.

бѣглецовъ и далъ имъ позволеніе поселиться въ предѣлахъ его владѣній, гдѣ на томъ же самомъ основаніи, на которомъ они оправдывали свое случайное согласіе съ церковью, они приняли совнѣ обряды ислама [1]. Карвей построилъ или расширилъ и укрѣпилъ нѣсколько городовъ, изъ которыхъ Тефрика былъ важнѣйшимъ и сдѣлался главнымъ мѣстопребываніемъ секты [2]. Павликіане изъ другихъ странъ стекались въ новое открывшееся для нихъ жилище, и численность сектантовъ еще болѣе увеличивалась бѣглецами, искавшими убѣжища отъ императорскихъ законовъ, и по свидѣтельству ихъ враговъ, также и другими лицами, которыя привлекались распущенностью нравовъ, допускавшеюся въ средѣ членовъ секты. Павликіане тревожили своихъ сосѣдей въ предѣлахъ имперіи постоянными нападеніями. Подъ предводительствомъ Карвея они, вмѣстѣ съ сарацинами, одержали большую побѣду надъ Михаиломъ, сыномъ Ѳеодоры, подъ стѣнами Самосаты, а въ царствованіе императора Василія, 867 г. Хрисохиръ, зять Карвея, двинулся въ Малую Азію съ войскомъ, составленнымъ изъ павликіанъ и сарацинъ, разграбилъ Анкиру, Никею, Никомидію и другіе города, отдалъ иконы и мощи своимъ послѣдователямъ для издѣвательства, и соборъ ефесскій отвелъ подъ конюшню для своихъ лошадей. Василій былъ вынужденъ просить мира, но Хрисохиръ отказалъ въ немъ, соглашаясь на него лишь подъ невыносимымъ условіемъ, чтобы онъ отдалъ востокъ „рабамъ Господа“. Императору не оставалось другаго выбора, какъ продолжать войну; онъ вторгся въ павликіанскую область и взялъ нѣсколько городовъ, но былъ вынужденъ оставить осаду Тефрики. Хрисохиръ опять вторгся въ императорскія владѣнія, но его войска были разбиты однимъ изъ полководцевъ 871 г. Василія, и самъ онъ во время бѣгства былъ по пятамъ преслѣдуемъ нѣкіимъ Пиладомъ, который раньше былъ у него въ плѣну. Напрасно онъ напоминалъ своему гонителю объ оказанной ему добротѣ; рана отъ копья Пилада принудила его соскочить съ своего коня, и когда онъ лежалъ на землѣ ошеломленный паденіемъ, нѣкоторые другіе греки доконали его. Голова его была принесена къ императору, который во исполненіе своего обѣта и удовлетвореніе своей вражды пронзилъ ее тремя стрѣлами [3]. По смерти Хрисохира, павликіане перестали быть опасными. Тефрика была разрушена, но остатокъ секты продолжалъ сохранять свою независимость еще въ теченіе цѣлаго столѣтія и послѣ этого.

Въ другой области ересь поддерживалась потомками тѣхъ, которые были переселены во Ѳракію Константиномъ Копронимомъ.

---

[1] Phot. ı, 26.

[2] Cedren. 511.

[3] Const. Porphyrog. Vita Basil. 42—3; Cedren. 570—3.

Съ цѣлью именно оградить новооснованную церковь Болгаріи отъ зараженія ея со стороны ея ѳракійскихъ сосѣдей, Петръ Сицилійскій, около 870 года, обратился къ архіепископу болгарскому съ сочиненіемъ, которое и составляетъ главный источникъ свѣденій касательно этой секты, такъ какъ матеріалы въ немъ извлекаются отчасти изъ наблюденій и разслѣдованій, сдѣланныхъ во время девятимѣсячнаго пребыванія его въ Тефрикѣ, куда онъ былъ посланъ съ цѣлью веденія переговоровъ касательно обмѣна плѣнныхъ 1).

ГЛАВА XXXI.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

I. Вліяніе папства.

Въ предыдущихъ главахъ изложены были тѣ перемѣны, которыя совершились въ положеніи патріарховъ vii и viii столѣтій, когда каѳедры александрійская, антіохійская и іерусалимская подверглись чужеземному игу магометанъ: епископы Константинополя становились все болѣе и болѣе орудіями императорскаго двора, а на Западѣ быстро возростала власть римскаго епископа. Этому возвышенію много содѣйствовало то обстоятельство, что Римъ, хотя и часто брали его варвары, никогда не оставался на долго въ ихъ обладаніи. Онъ одинъ удерживалъ свой древній характеръ, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ областяхъ старыя національныя особенности сглаживались отъ послѣдовательныхъ нашествій. Одни только папы удерживали за собою почву среди переворотовъ политическихъ державъ, и ихъ власть широко распространялась по мѣрѣ того, какъ варварскіе завоевательные народы одинъ за другимъ входили въ сферу христіанскаго вліянія. Какъ въ прежнія времена на епископа Рима на Востокѣ смотрѣли какъ на представителя всей западной церкви, такимъ же онъ выступалъ теперь и въ глазахъ новыхъ народовъ сѣвера и запада, именно, какъ представитель и источникъ христіанства на землѣ. Ап. Петръ считался содержащимъ у себя ключи неба и лично находящимся въ связи съ своими преемниками. Папы упрочивали свое положеніе одновременно какъ отдѣленіемъ отъ Византійской имперіи, такъ и вступленіемъ въ союзъ съ государями Запада, на такихъ условіяхъ, какихъ никогда не допускала имперія. Они связаны были взаимнымъ интересомъ съ франкскими королями, особенно съ королями второй династіи, и завоеванія Карла Великаго дали имъ главенство надъ церковью сѣверной Италіи, котораго они напрасно добивались во время владычества ломбардскихъ госу-

---

1) Pet. Sic. 2, 74.

дарей. Вслѣдствіе крупныхъ даровъ со стороны Пипина и Карла Великаго они пріобрѣли еще болѣе гражданской силы, и въ послѣдней половинѣ viii столѣтія, или въ началѣ ix столѣтія, повидимому, явилось подложное сказаніе о дарѣ Константина, съ цѣлью придать болѣе силы ихъ притязанію на высшую юрисдикцію и побудить франкскихъ государей подражать щедрости перваго христіанскаго императора[1]. Константинъ, говорилось въ этомъ подложномъ сочиненіи, былъ крещенъ папой Сильвестромъ, и при своемъ крещеніи получилъ чудесное исцѣленіе отъ проказы, отъ которой онъ страдалъ; вслѣдствіе этого, въ уваженіе превосходства церковнаго достоинства надъ гражданскимъ, онъ предоставилъ Римъ папѣ, предоставилъ ему право носить золотую корону, съ другими знаками верховенства, и подарилъ апостольскому сѣдалищу Латеранскій дворецъ со всѣми провинціями Италіи „или“ Западными странами[2]. Это подложное сочиненіе какбы оправдывало римлянъ въ отдѣленіи ихъ отъ имперіи, оно придавало законность обладанію всѣмъ тѣмъ, что пріобрѣли папы, такъ какъ все это было лишь частью того, что, будто бы, даровано этой каѳедрѣ первымъ христіанскимъ императоромъ, и басня эта пользовалась довѣріемъ, хотя и не всегда безспорнымъ, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ[3].

Миссія Августина ввела папское вліяніе въ Англію, гдѣ возникла новая церковь, сильно привязанная къ Риму и плодотворная миссіонерами, утвердившими римское владычество въ Германіи и въ

---

[1] Такъ Адріанъ называлъ Карла Великаго „новымъ Константиномъ“, восхваляя щедрость древнѣйшаго императора (Patrol. xcviii, 306). Дёллингеръ предполагаетъ, что подлогъ былъ сдѣланъ между временемъ дара Пипина (756 г.) и утвержденіемъ франкской власти въ Италіи, съ цѣлью проложить путь къ соединенію всей Италіи подъ главенствомъ папы, какъ только закончилось бы Ломбардское государство (Papst-Fabeln 69).

[2] Patrol. viii, 567 и слѣд.; сн. lxxiv, 523; clxxxvii, 460. Словомъ seu (или) повидимому, имѣлось въ виду указать на то, что Италія включала въ себѣ Истрію, Сардинію и Корсику (*Döllinger*, Papst-Fabeln, 73). Поддѣльщикъ здѣсь смѣшалъ, протяженность имперіи на западѣ при Константинѣ съ тою, до которой она сократилась въ его время. Это seu впослѣдствіи было измѣнено въ *et*, что уже придаетъ весьма различный смыслъ (Döllinger, 83).

[3] Григорій турскій, описывая крещеніе Кловиса, говоритъ: „procedit novus Constantinus ad lavacrum, deleturus leprae veteris morbum“ etc. (ii, 31), гдѣ, очевидно, разумѣется проказа грѣха. Разсказъ о тѣлесной болѣзни и исцѣленіи находится въ апокрифическихъ Acta Sylvestri, которые считаются среди одобренныхъ сочиненій въ опредѣленіи Геласія i (Patrol. cxxvii, 1511 xcviii, 271; lix, 173), гдѣ однако же упоминаніе о нихъ, повидимому, подложно. Эти акты цитируются Ратрамномъ въ ix столѣтіи, какъ произведеніе историка Евсевія (Contra Graecorum opposita, iv, 3, Patrol. cxxi). Георгій Амартолъ передаетъ разсказъ о крещеніи и исцѣленіи (c. clxxvi, 1, 2), но ничего не говоритъ о дарѣ. Первое ясное упоминаніе о немъ находится у Энея, епископа парижскаго, около 868 года (adv. Graecos. c. 209, Patrol. cxxi). Первый греческій писатель, какой только упоминаетъ о немъ, есть Вальсамонъ, который умеръ въ 1180 году и вѣроятно заимствовалъ это свѣденіе отъ латинянъ, поселившихся въ Святой Землѣ вслѣдствіе крестовыхъ походовъ (*Döllinger*, Papst Fabeln, 67).

Галліи. Англійская церковь признавала свою подчиненность папѣ не столько на основаніи его предполагаемаго преемства ап. Петру, сколько потому, что она вела свое начало отъ Рима, и такимъ образомъ входила въ римскій патріархатъ по тому же самому началу, по которому абиссинцы подчинялись каѳедрѣ александрійской 1). Но такъ какъ папская власть возростала и въ другихъ мѣстахъ, то большею становилась также и подчиненность Англіи. Соборъ Кловезгузскій 2), собранный Этельбалдомъ, царемъ Мерціи, открытъ былъ чтеніемъ двухъ писемъ отъ Захаріи, „первосвященника и апостольскаго владыки, почитаемаго во всемъ мірѣ“, и вообще признается, что чтеніе этихъ документовъ, въ которыхъ онъ подъ угрозой анаѳемы, увѣщеваетъ англичанъ всѣхъ классовъ къ исправленію въ жизни, сдѣлано было въ послушаніе его „апостольскому авторитету“. Въ 785 году, въ Англію прибыли два римскихъ легата, первые, какіе только посылаемы были въ эту страну со времени Августина, и съ цѣлью преобразованія церкви, въ ихъ присутствіи состоялись соборы въ Мерціи и Нортумбріи. Оффа, король Мерціи, могущественнѣйшаго тогда изъ англійскихъ королевствъ, присутствовалъ на мерційскомъ соборѣ въ Халхитѣ 3). Вслѣдствіе какого-то недовольства, по политическимъ или другимъ основаніямъ, Янбертомъ, архіепископомъ кентерберійскимъ, онъ пожелалъ, чтобы Личфильдъ былъ возведенъ на степень архіепископской каѳедры. Янбертъ сильно противился этому плану, по которому его митрополичій авторитетъ ограничивался королевствами Кентомъ и Суссексомъ, но легаты въ Халхитѣ повидимому благосклонно отнеслись къ этой перемѣнѣ, и съ соизволенія папы Адріана Гигбертъ, бывшій епископомъ съ 779 года получилъ титулъ архіепископа. Нѣсколько лѣтъ спустя однако же, Кенульфъ второй, преемникъ Оффы, присоединивъ Кентъ къ Мерціи и желая примирить духовенство своей новой территоріи, вмѣстѣ съ Ателардомъ, архіепископомъ кентерберійскимъ, обратился съ просьбой къ папѣ Льву III о томъ, чтобы онъ опять низвелъ каѳедру личфильдскую въ ея первоначальное состояніе. 798 г. Ателардъ отправился въ Римъ съ цѣлью двигать это дѣло, папа согласился, и съ его позволенія новая архіепископія была отмѣнена соборомъ, состоявшимся въ Кловезгу въ въ 803 году.

Ина, король Вессекскій, въ 725 году отказался отъ своей короны, и отправился въ паломничество въ Римъ, гдѣ онъ и закончилъ свою жизнь монахомъ, и его примѣру послѣдовали другіе англосаксонскіе государи. Пенсовая подать съ каждаго очага въ Англіи, впослѣд-

---

1) Касательно абиссинской церкви см. выше, стр. 271.

2) Cloveshoo. Это мѣсто отождествляется съ Клифъ-этъ-Гу, близь Рочестера.

3) Clalchythe. Это мѣсто отождествляется съ Кельсетомъ, въ Ланкаширѣ.

ствіи извѣстная подъ названіемъ *ромскотъ*, или „пенсъ Петра“ [1]), впервые введена была Иной и подтверждена Оффой въ 794 году. Но можно думать, что эта добровольная подать Ины относится къ области воображенія, и извѣстная въ жизни Оффы уплата 365 марокъ (mancusae) на освѣщеніе храма ап. Петра и пособіе паломникамъ (милостыня отъ короны) въ послѣдующее время смѣшивалась съ ромскотомъ, который представлялъ собою подать, взимавшуюся для этого предмета, и истолковывался защитниками папства въ смыслѣ признанія того, что Британскій островъ находился въ данничествѣ у преемниковъ ап. Петра.

II. Отношенія между церковью и государствомъ.

1. Право утвержденія выборовъ на папскій престолъ оставалось за византійскими императорами, и они дѣйствовали приэтомъ или лично или чрезъ своихъ представителей, экзарховъ, какъ это и было со времени отвоеванія Италіи при Юстиніанѣ до иконоборческихъ споровъ, поведшихъ къ опущенію этой формы при избраніи Захаріи, и каролингскіе императоры теперь приписывали себѣ это же самое преимущество, какъ часть своего верховенства. Разсказъ, что во время посѣщенія Карломъ Великимъ Рима въ 774 году, Адріанъ съ соборомъ 153 епископовъ, предоставилъ ему и его преемникамъ право назначать папъ, теперь отвергается, и вмѣстѣ съ другими подобными же измышленіями, по предположенію, возникъ въ позднѣйшія времена изъ желанія римской партіи представить главенство, которое франкскіе государи безспорно имѣли въ церковныхъ дѣлахъ, въ томъ смыслѣ, какъ будто бы оно имѣло свое основаніе въ добровольномъ предоставленіи его со стороны самихъ папъ.

2. На Востокѣ, гдѣ съ епископскою должностью не связывалось никакой гражданской власти, императоры не всегда вмѣшивались въ назначенія епископовъ, кромѣ какъ въ Константинополѣ и въ другихъ городахъ, въ которыхъ они жили сами. Второй соборъ Никейскій постановилъ [2]), что епископы должны быть избираемы своими собратьями епископами, и что никакое назначеніе со стороны государей не имѣетъ силы. Но въ новыхъ государствахъ Запада, положеніе епископовъ, какъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и пріобрѣтенная ими политическая важность послужили поводомъ къ замѣчательному смѣшенію гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Хотя франк-

---

[1]) Это названіе происходитъ отъ того, что подать эта платилась въ праздникъ ап. Петра ad Vincula (Aug. 1), обыкновенно называемый Lammas отъ порученія „паси агнцевъ Моихъ“. Подобнымъ же образомъ деньги, собиравшіяся въ Благовѣщеніе, назывались „рентой Богородицы“.

[2]) Прав. 3.

скіе соборы то и дѣло заявляли, что избранія епископовъ должны быть свободны, внѣ всякаго другаго условія, кромѣ одобренія государя, обычной практикой въ теченіе этого періода повидимому было то, что епископы назначались правительствомъ, слѣдовало ли или нѣтъ, за этимъ назначеніемъ, формальное избраніе со стороны духовенства и народа. Въ 614 году одинъ соборъ въ Парижѣ постановилъ, что епископъ долженъ быть назначаемъ безъ всякой платы за это, по соглашенію митрополита и епископовъ въ провинціи съ духовенствомъ и народомъ города [1]. Но Клотарь II, утверждая эти правила, ввелъ значительныя измѣненія въ пользу королевскаго права; между прочимъ онъ требовалъ, чтобы епископъ былъ посвящаемъ съ позволенія короны, и удержалъ за собою власть назначать духовное лицо изъ своего дома на вакантную каѳедру, хотя онъ и обѣщалъ при этомъ обращать вниманіе на ученость и заслуги назначаемаго. Нѣкоторые предполагали, что Карлъ Великій Капитуляріемъ отъ 803 года имѣлъ въ виду возстановить древній обычай избранія епископовъ духовенствомъ и народомъ; но никакое такое постановленіе въ дѣйствительности не было издаваемо до царствованія Людовика Благочестиваго, причемъ несомнѣнно, что въ назначеніи епископовъ великій императоръ практически слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ, въ чемъ подражали ему и его преемники.

Въ Испаніи четвертый соборъ толедскій, въ 633 году, постановилъ, что епископъ долженъ быть избираемъ духовенствомъ и народомъ своего города, и что избраніе должно подлежать одобренію митрополита и собора провинціи. Но на двѣнадцатомъ соборѣ, въ томъ же самомъ городѣ, въ 681 году, о назначеніи епископовъ королевскою властью только упоминается, какъ о дѣлѣ уже вошедшемъ въ обычай. Какъ произошла эта перемѣна—неизвѣстно.

Въ Англіи, хотя Витредъ, король кентскій въ 696 году отказался отъ права назначать епископовъ, королевская власть оказывала вліяніе на ихъ назначеніе, такъ какъ они были избираемы народнымъ собраніемъ каждаго государства въ присутствіи короля. И здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ, вліяніе короны постепенно сдѣлалось безусловнымъ. Изъ писемъ, писанныхъ Алкуиномъ столѣтіе спустя послѣ Витреда касательно вакансіи въ архіепископіи іоркской, видно, что древняя свобода избранія тогда уже исчезла и короли пріобрѣли большой контроль надъ избраніемъ епископовъ, или даже раздавали каѳедры въ видѣ особаго дара [3]. 796 г. Въ IX столѣтіи назначеніе епископовъ перешло въ руки государя, причемъ тѣнь прежней системы еще поддерживалась въ формальномъ избраніи назначаемаго такъ лица и въ провозглашеніи его имени съ каѳедры собора, на каковое провозглашеніе народъ отвѣчалъ кликами пожеланій долгой жизни своему новому архипастырю.

---

[1] Hard. III, 551.

[2] Прав. 19.

[3] Epp. 48—9.

3. Франкскіе государи, при своихъ постоянныхъ передвиженіяхъ, нуждались въ особомъ штатѣ духовенства, которое бы совершало при нихъ богослуженіе. Во главѣ этого штата стоялъ архикапелланъ, должность котораго пріобрѣла большую важность. Иногда она была занимаема пресвитеромъ, иногда епископомъ, который въ такомъ случаѣ нуждался въ особомъ увольненіи изъ своего діоцеза; но былъ ли это епископъ или пресвитеръ, архикапелланъ по своему сану стоялъ въ ближайшемъ отношеніи къ семейству государя, и на соборахъ занималъ мѣсто даже выше архіепископовъ. Сочетая обязанности канцлера вмѣстѣ съ обязанностями капеллана, онъ дѣйствовалъ въ качествѣ министра короны въ отношеніи духовныхъ дѣлъ; онъ принималъ отчеты отъ епископовъ касательно состоянія ихъ церквей, подготовлялъ церковные капитуляріи и другіе документы короля, и велъ его корреспонденцію по касавшимся церкви дѣламъ. Вслѣдствіе такого положенія архикапеллана, отъ личнаго характера его вполнѣ зависѣло то, подчинялъ ли онъ государя интересамъ іерархіи, или государь, при посредствѣ его, получалъ контроль надъ управленіемъ церкви.

4. О смѣшанномъ составѣ франкскихъ соборовъ изъ духовенства и мірянъ уже упоминалось выше [1]). Капитуляріи носятъ явный отпечатокъ вліянія духовенства; но для государей, при помощи ихъ свѣтскихъ вассаловъ, часто было возможно отвергать предложенія епископовъ касательно церковныхъ дѣлъ, и приводить извѣстныя мѣры въ исполненіе, не смотря на ихъ противодѣйствіе. Иногда однако же духовенство собиралось и особо, какъ это было въ Вернѣ, или Вернейлѣ, въ 755 году, гдѣ членами франкскаго собора впервые являются и настоятели монастырей.

Въ Испаніи съ того времени, какъ король Рекаредъ и его вельможи появились въ Толедо, съ цѣлью совершенія перехода отъ аріанства къ православной вѣрѣ (589 г.), часто собирались смѣшанные соборы изъ духовенства и мірянъ, созывавшіеся государемъ. Въ раннихъ засѣданіяхъ ихъ отъ 17-го собора толедскаго въ 694 году, дѣла церкви сначала были обсуждаемы въ отсутствіи мірянъ; но въ четвертый день были приглашаемы принять участіе въ ихъ разсужденіяхъ вельможи, судьи и другіе.

У англо-саксонцевъ на церковныхъ соборахъ присутствовали короли и другіе міряне, причемъ епископы засѣдали и въ національныхъ собраніяхъ. Участіе, принимавшееся мірянами на соборахъ, однако же не простиралось на чисто духовныя дѣла, хотя національному собранію и принадлежало право утверждать, въ силу закона, рѣшенія духовенства по такимъ дѣламъ. Епископы занимали мѣсто выше мірской знати, и иногда архіепископы подписывали акты соборовъ раньше самого короля, какъ это напр. было въ Халхитѣ, въ 785 году.

---

[1]) См. выше стр. 516, 586, и 661.

5. Права церковныхъ и гражданскихъ властей во Франціи были различно опредѣляемы послѣдовательными узаконеніями. Вообще, можно сказать, что въ то время, какъ духовенство не подлежало гражданскому суду по вопросамъ, возникавшимъ между членами ихъ собственнаго сословія, или въ случаѣ церковныхъ преступленій, разборъ дѣлъ между духовенствомъ и мірянами принадлежалъ смѣшанному судилищу изъ мірскихъ и духовныхъ судей. Священники и діаконы не могли подвергаться суду, кромѣ какъ съ вѣдома или содѣйствія епископа, а въ важныхъ случаяхъ обвиненія это преимущество простиралось и на низшее духовенство. Принципъ смѣшанныхъ судилищъ былъ одобренъ Карломъ Великимъ, и хотя онъ, повидимому, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ законовъ и освобождалъ духовенство отъ всякаго гражданскаго суда по вопросамъ, касавшимся ихъ собственныхъ лицъ, это изъятіе однако же далеко было отъ того, изъ-за котораго боролась въ позднѣйшее время высшая іерархія; потому что въ случаяхъ, относящихся къ владѣніямъ духовныхъ лицъ, гражданскіе судьи всетаки принимали участіе, право же юрисдикціи не признавалось присущимъ епископской должности, а только дарованнымъ ей и поэтому могущимъ быть отмѣненнымъ со стороны государя, такъ что въ IX столѣтіи епископамъ угрожали лишеніемъ этого права въ случаѣ небрежнаго отправленія этой обязанности, а отъ митрополитовъ, какъ и отъ гражданскихъ судей, аппелляція направлялась къ императору, послѣ чего не существовало уже никакой аппелляціи. У франковъ, какъ и прежде во времена Римской имперіи, было много постановленій, запрещавшихъ духовенству доводить о своихъ дѣлахъ до свѣденія государя безъ предварительнаго обсужденія дѣла со стороны непосредственныхъ начальниковъ, или полученія позволенія отъ нихъ. Клотарь II въ своемъ указѣ отъ 614 года постановлялъ, чтобы не допускалось никакого такого обращенія къ королю, кромѣ просьбы о помилованіи; но королевская грамота о помилованіи была защитой противъ всякаго наказанія, и епископы обязаны были повиноваться ей.

Въ Испаніи встрѣчаются каноны, запрещающіе духовнымъ лицамъ судить въ кровавыхъ дѣлахъ, или причинять уродство членовъ [1]).

---

[1]) Conc. Toled. IV, 633 г., прав. 31.

Въ Англіи судъ надъ духовенствомъ находился на одномъ и томъ же уровнѣ съ судомъ мірянъ. Но раньше этотъ послѣдній представлялъ собою смѣшанное судилище, такъ какъ епископъ засѣдалъ въ окружномъ судѣ вмѣстѣ съ старѣйшиной, какъ это дѣлали жрецы въ древне-саксонскомъ язычествѣ, и папскіе легаты на соборѣ халхитскомъ высказались противъ этого обычая, какъ имѣющаго тенденцію слишкомъ много впутывать епископовъ въ мірскія дѣла. Не смотря однако же на ихъ противодѣйствіе, практическая полезность системы обезпечила ей продолжительное существованіе, пока духовная юрисдикція не была отдѣлена отъ гражданской Вильгельмомъ Завоевателемъ, по настоянію его нормандскихъ церковныхъ совѣтниковъ.

III. Іерархія. — Управленіе церкви.

1. Митрополитское устройство первоначально возникло по аналогіи съ гражданскимъ дѣленіемъ Римской имперіи. Въ Франкскомъ королевствѣ, гдѣ не существовало такого дѣленія, система эта пришла въ упадокъ, и хотя Бонифацій, по порученію папы Захаріи и съ одобренія Пипина и Карломана, пытался возстановить ее, успѣхъ его въ этомъ отношеніи былъ весьма незначительнымъ. Карла Великаго во время его пребыванія въ Римѣ, въ 774 году, папа Адріанъ убѣдилъ предпринять на себя возрожденіе митрополичьей юрисдикціи, и онъ возстановилъ ее не только въ своихъ первоначальныхъ владѣніяхъ [1]), но и въ пріобрѣтенныхъ имъ. Но новые митрополиты не имѣли того же вліянія, какъ митрополиты прежняго времени. Въ народныхъ собраніяхъ митрополитъ встрѣчался съ соподчиненными епископами, какъ съ своими пэрами, и такой соподчиненный епископъ или суффраганъ могъ по своему характеру или способностямъ имѣть даже больше значенія, чѣмъ его церковный глава; приэтомъ возрастающая связь между Франціей и Римомъ и усиленіе папской власти заставляли франкское духовенство обращаться, помимо своихъ митрополитовъ, къ еще высшему авторитету папъ.

2. Въ VIII и IX столѣтіяхъ мы встрѣчаемъ частое упоминаніе о хорепископахъ, каковой титулъ въ это время имѣлъ нѣсколько иное значеніе. Изъ тѣхъ, которые были подчинены діоцезнымъ епископамъ, нѣкоторые имѣли епископское посвященіе, между тѣмъ какъ большинство были просто пресвитеры, пользовавшіеся предоставленнымъ имъ полномочіемъ въ деревенскихъ округахъ [2]). Но кромѣ нихъ часто упоминаются въ неодобрительномъ смыслѣ хорепископы,

---

[1]) Capit. 779 г. (Pertz, Leges. I, 36); Capit. 789 г. с. 8.

[2]) Zachar. Ep. 8. c. 1.

которые обыкновенно странствовали изъ одного мѣста въ другое, и не имѣя опредѣленной власти, вторгались въ права наличныхъ епископовъ, совершая рукоположеніе и другія епископскія дѣянія ¹). Хорепископы этого рода, безпокоившіе франкскую церковь, были по большей части изъ Ирландіи, гдѣ своеобразная система церковнаго управленія содѣйствовала размноженію епископовъ безъ мѣстной юрисдикціи, при чемъ иные, быть можетъ, были посвящаемы хорепископами, которые сами получали посвященіе въ качествѣ помощниковъ епархіальныхъ епископовъ. Но даже когда первоначальное назначеніе и посвященіе были правильны, хорепископы часто склонны были превышать свою собственную власть. Карлъ Великій въ одномъ письмѣ ²) заявляетъ, что дѣйствія подобныхъ лицъ причиняли много безпокойства и соблазновъ, что священники, діаконы и субдіаконы, рукоположенные епископами, отвергали дѣйствительность рукоположенія, совершеннаго хорепископами, и что папа Левъ не признавалъ дѣйствій этихъ самозванцевъ. Они (продолжаетъ онъ) въ дѣйствительности и не епископы, такъ какъ ни рукоположены узаконеннымъ числомъ трехъ епископовъ, ни обладаютъ епископскими правами на каѳедры. Рукоположеніе, конфирмація, посвященіе въ монашество, освященіе церквей и алтарей принадлежатъ только діоцезнымъ епископамъ, а не хорепископамъ или пресвитерамъ, которые соотвѣтствуютъ семидесяти ученикамъ, а не апостоламъ. Императоръ говоритъ затѣмъ, что хорепископы поставляемы были епископами вслѣдствіе незнакомства съ церковными правилами и изъ желанія свалить на другихъ свой собственный трудъ, и онъ запрещаетъ поставлять кого либо въ такую должность въ будущемъ. Но въ слѣдующемъ столѣтіи мы опять втрѣчаемся съ упоминаніемъ объ этомъ классѣ священнослужителей большею частью въ укоризненномъ смыслѣ, или въ смыслѣ запрещенія имъ переходить за предѣлы свойственной имъ должности ³).

3. Къ концу VIII столѣтія новый характеръ и важность пріобрѣла должность архидіакона. Въ прежнее время въ каждомъ діоцезѣ былъ только одинъ архидіаконъ, но, съ цѣлью лучшаго надзора за духовенствомъ, діоцезы франкской имперіи были теперь раздѣлены на архидіаконства, въ которыхъ архидіаконы, хотя сами и низшей степени, имѣли юрисдикцію надъ пресвитерами, и вели все обычное управленіе, кромѣ такихъ дѣйствій, которыя спеціально принадлежали епископскому сану. Должность эта сдѣлалась столь важной, что поступленія на нее добивались и міряне, каковое злоупотребленіе было запрещено Капитуляріемъ 805 года и многими правилами

---

¹) Conc. Vern. 755 г., с. 13.

²) Hard. III, 948—50.

³) Напр. Conc. Worm. 829 г. с. 6 (Pertz, Leges.I).

позднѣйшаго времени [1]). Такъ какъ архидіаконы были не смѣняемы, кромѣ какъ за какое либо тяжкое преступленіе, то скоро оказалось, что многіе изъ нихъ стали добиваться независимости отъ своихъ епископовъ, и изъ канонобъ IX столѣтія можно заключать, что ихъ вымогательства и дерзость ихъ свиты иногда тяжко ложились на подвѣдомственное имъ духовенство.

4. Архидіаконства этого новаго устройства были раздѣлены на діаконства или деканства (decaniae), причемъ каждое находилось подъ вѣденіемъ особаго архипресвитера или окружнаго декана (благочиннаго) [2]). Духовенство каждаго деканства собиралось въ первый день каждаго мѣсяца [3]) для обсужденія духовныхъ и церковныхъ дѣлъ. За совѣщаніемъ слѣдовалъ обѣдъ, но скоро возникли жалобы, что эти обѣды приводили къ излишествамъ, которыя болѣе чѣмъ перевѣшивали пользу самыхъ собраній. Гинкмаръ, архіепископъ реймскій, въ своихъ наставленіяхъ отъ 852 года, нашелъ необходимымъ порицать это злоупотребленіе, и изложилъ правила для умѣренности, ограничивая порцію духовенства при такихъ случаяхъ тремя чарами для каждаго.

Епископы обязаны были ежегодно обозрѣвать свои діоцезы [4]). Расходы на содержаніе ихъ во время этихъ обзоровъ были предметомъ частыхъ жалобъ со стороны духовенства; съ цѣлью ограничая ихъ, 7-ой соборъ толедскій постановилъ, что епископъ не долженъ въ такихъ случаяхъ брать болѣе пяти (или, согласно съ другимъ чтеніемъ, пятидесяти) лошадей въ своей свитѣ, и что его остановки въ каждомъ приходѣ не должны длиться болѣе одного дня [5]). Но даже и послѣ этого ограниченія расходы все еще оставались тяжелыми, какъ это можно видѣть изъ списка провизіи, требовавшейся ломбардскимъ капитуляріемъ отъ 855 года, въ которомъ упоминаются 100 караваевъ, 4 большихъ свиньи, ягненокъ, поросенокъ, 50 кружекъ вина и вдоволь мёда, масла и воска [6]). Людовикъ Благочестивый въ 829 году поручалъ своимъ уполномоченнымъ разслѣдовать, не были ли эти посѣщенія епископовъ обременительными для духовенства [1]). Въ одномъ капитуляріѣ Карла Лысаго отъ 844 года порицается непристойное поведеніе, бывшее обычнымъ среди членовъ свиты епископовъ во время ихъ епархіальныхъ обзоровъ, и постановляется, что для оказанія обычнаго гостепріимства своему епархіальному епископу и для доставленія ему необходимой провизіи должны соединяться пять сосѣднихъ приходовъ. Священникъ, въ домѣ котораго происходило угощеніе, долженъ былъ поставлять столько же, какъ и другіе, быть можетъ съ прибавленіемъ дровъ и посуды. 3-й соборъ валенсскій, въ 855 году, порицаетъ злоупотребленія, которыя ввели нѣкоторые епископы, вымогавшіе отъ своего духовенства слѣдуемыя за обзоръ деньги, когда имъ въ дѣйствительности и не приходилось посѣтить его.

---

[1]) Подобныя правила противъ вторженія даже на приходскія священническія мѣста со стороны мірянъ встрѣчаются при Меровингахъ. Conc. Rem. 625 г. с. 19.

[2]) Соборъ павійскій при императорѣ Людовикѣ II отъ 850 года постановляетъ, чтобы повсюду поставлены были архипресвитеры (благочинные). Епископы не должны противиться этому на томъ основаніи, что они сами могутъ принять на себя все попеченіе о своихъ діоцезахъ, но архипресвитеры должны строго подчиняться имъ, и должны представлять имъ отчеты (с. 13). Это постановленіе было возобновлено въ капитуляріѣ императора Ламберта въ 898 году (с. 12). Pertz Leges, I, 565.

[3]) Вслѣдствіе чего собранія эти назывались calendae.

[4]) Capit. 769 г. с. 7; Conc. Arelat. 813 г. с. 17.

[5]) Conc. Toled. VII, отъ 646 г., с. 4.

[6]) Capit. Ticin. с. 16 (Pertz. Leges. I, 431).

6. Приходская система еще не вполнѣ устроена была во франкской церкви; народъ въ деревенскихъ мѣстахъ часто долженъ былъ обращаться для богослуженія и своихъ религіозныхъ потребностей къ духовенству каѳедральнаго города, или къ священнику какого либо ближайшаго замка. Раздѣленіе Англіи на приходы приписывается греческому архіепископу Ѳеодору; но каково бы ни было его участіе въ осуществленіи этого раздѣленія, общее установленіе этой системы, повидимому, совершалось медленно и постепенно.

7. Съ цѣлью водворенія церковной дисциплины, не разъ дѣлалась попытка различными постановленіями подвергнуть духовенство строгимъ ограниченіямъ. Ни одинъ пришлецъ не могъ быть допускаемъ къ совершенію богослуженія безъ представленія ясныхъ и одобрительныхъ писемъ отъ своего епископа. Бѣглыя лица изъ духовенства должны были подвергаться допросу и отправляться домой; странствующее духовенство или монахи, безпокоившіе церковь проповѣданіемъ какого либо заблужденія или возбужденіемъ праздныхъ вопросовъ, подлежали аресту, приводились на судъ митрополита и подвергались надлежащему наказанію; все епархіальное духовенство подлежало юрисдикціи епископа. Пресвитеры обязаны были оставаться въ томъ діоцезѣ, гдѣ они рукоположены; нѣкоторые соборы требовали отъ нихъ обѣщанія, что они будутъ исполнять это постановленіе, и Карлъ Великій съ этою цѣлью даже установилъ особую клятву. Ни одинъ епископъ не долженъ былъ принимать духовное лицо изъ другаго діоцеза, или возводить его на высшую степень; но когда это безусловно было запрещено въ капитуляріѣ для Франціи, соотвѣтствующее постановленіе въ Ломбардіи допускаетъ это съ согласія епископа, къ діоцезу котораго принадлежитъ духовное лицо [2]). Изъ фактовъ, постоянно встрѣчающихся намъ въ исторіи и жизнеописаніяхъ, видно, что, пользуясь такимъ согласіемъ,

---

[1]) Hard. IV, 1282.

[2]) См. Pertz, Leges I, 36, c. 6 отъ 779 года.

духовныя лица не только часто переходили изъ одного діоцеза въ другой, но также и изъ одного королевства въ другое.

8. Въ теченіе прежняго времени рукоположеніе не давалось безъ титула (то есть, безъ отведенія особой области труда), кромѣ рѣдкихъ и необычайныхъ случаевъ, какъ это было съ бл. Іеронимомъ. То же самое правило часто подтверждалось и теперь; но въ отношеніи миссіонеровъ, по необходимости, дѣлалось исключеніе, и это исключеніе постепенно распространилось и на другіе случаи. Хотя древніе каноны касательно условій для рукоположенія все еще оставались въ силѣ, однако же введено было важное новшество послѣ VI столѣтія посредствомъ *тонсуры.* На тонсуру смотрѣли какъ на такой актъ, который придавалъ характеръ духовности лицу безъ рукоположенія въ какую либо особую степень священства, и такимъ образомъ духовныя лица чрезвычайно размножались, помимо всякихъ каноническихъ условій или препятствій къ рукоположенію. Легко понять, сколько безпорядка вносилось этими „акеѳальными“, какъ они назывались (то есть безголовыми), духовными лицами, которыя пользовались преимуществами духовнаго состоянія, не будучи ограничиваемы его обязательствами [1]).

9. По примѣру королевскаго дома во Франціи и знатныя лица стали учреждать у себя домашнихъ капеллановъ. Эти послѣдніе часто склонны были пренебрежительно относиться къ епископамъ, и изъ свидѣтельствъ многихъ соборовъ видно, что учрежденіе это имѣло неблагопріятное вліяніе на религіозную жизнь народа вообще. Изъ нихъ видно, что отсутствіемъ господина изъ приходской церкви поощрялось отсутствіе и его соподчиненныхъ, что духовенство не имѣло возможности заставлять богатыхъ и сильныхъ исполнять свои обязанности, и часто раздавались жалобы на попытки отнять церковные доходы у епископовъ и приходскаго духовенства съ цѣлью обезпечить ими своихъ капеллановъ. Но кромѣ этихъ золъ, капелланы обыкновенно были лицами низкаго и непользовавшагося уваженіемъ характера; они получали жалкую плату, встрѣчали пренебрежительное обращеніе со стороны своихъ нанимателей, и отъ нихъ требовалось часто исполнять унизительныя службы. Положеніе и нравы капеллановъ навлекали позоръ на все духовенство, и отсюда Агобардъ, архіепископъ ліонскій, въ царствованіе Людовика Благочестиваго, нашелъ себя вынужденнымъ написать особый трактатъ въ защиту „преимущества и правъ священства“. Показавъ, на основаніи св. Писанія, то почтеніе, съ которымъ нужно относиться къ духовенству, онъ затѣмъ, въ видѣ контраста, описываетъ злоупотребленія своего времени. Каждое лицо, имѣющее какую либо

---

[1]) Монахъ Сенгалльскій, въ своей „Жизни Карла Великаго“ (I, 8), называетъ ихъ циркумцелліонами.

претензію на болѣе или менѣе выдающееся положеніе, говоритъ онъ, тогда содержало своего собственнаго священника,—„не для того, чтобы повиноваться ему, но чтобы постоянно требовать отъ него повиновенія, и это какъ въ законныхъ, такъ и въ незаконныхъ дѣлахъ“. Капелланы должны были, по ихъ настоянію, исполнять дѣло управляющихъ, дворецкихъ, конюховъ или собачниковъ, прислуживать при столѣ, водить коней дамъ. Такъ какъ ни одинъ приличный человѣкъ изъ духовенства не хотѣлъ занять такого положенія, то патроны, главною цѣлью которыхъ было найти поводъ къ извиненію въ уклоненіи отъ общественныхъ религіозныхъ обязанностей и освободиться отъ контроля духовенства, нисколько не заботились о томъ, какъ ни грубо было невѣжество ихъ капеллановъ, или какъ ни зазорна была ихъ жизнь. Они обыкновенно выбирали на эту должность кого либо изъ крѣпостныхъ въ своихъ помѣстьяхъ, или доставали съ этою цѣлью человѣка рабскаго происхожденія и конечно, обижались, если епископъ колебался рукоположить его [1]. Если бы мы могли вѣрить всему, что впослѣдствіи писано было противъ англійскихъ домашнихъ капеллановъ XVII столѣтія, то было бы ясно, что классъ этотъ ничего не потерялъ въ своемъ достоинствѣ между вѣкомъ Агобарда и вѣкомъ Эчарда.

10. Въ теченіе VI и VII столѣтій въ Галліи возникъ новый классъ церковныхъ должностныхъ лицъ подъ названіемъ адвокатóвъ—защитниковъ или vicedomini (изъ каковаго слова образовалось французское vidame и нѣмецкое Vitzthum). Эти должностныя лица, кромѣ своего имени, не имѣли никакого сходства съ защитниками прежнихъ вѣковъ; новая должность возникла изъ своеобразныхъ обстоятельствъ франкской церкви. Епископы и духовенство нуждались въ помощи для защиты ихъ противъ буйства своихъ грубыхъ и беззаконныхъ сосѣдей. Ихъ земельныя владѣнія налагали на нихъ обязанности, которыя, если и не совсѣмъ несовмѣстимыя съ ихъ духовною должностью, могли по крайней мѣрѣ съ бóльшимъ удобствомъ исполняться мірянами, какъ напр. отправленіе гражданскаго судопроизводства и собираніе войскъ, которыя съ ихъ помѣстій требовались для поставки въ національную армію [2]. Кромѣ того, такъ какъ по германскимъ законамъ никто, кромѣ свободныхъ, способныхъ носить оружіе, не имѣли права выступать съ исками, то духовенство (подобно женщинамъ, старцамъ или немощнымъ лицамъ и дѣтямъ) нуждалось въ особыхъ повѣренныхъ, которые бы

---

[1] Соборъ вормскій отъ 829 года, вслѣдствіе жалобъ, возбужденныхъ противъ епископовъ за отказъ рукоположенія въ капеллановъ, постановляетъ, что міряне должны избирать достойныхъ лицъ, и что епископы не должны отвергать кандидата безъ достаточнаго основанія (Pertz. Leges I).

[2] См. Ducange, подъ словомъ advocatus, vicaedominus.

могли выступать вмѣсто нихъ и, если нужно, вступать даже въ битву. Съ этою цѣлью найдено было удобнымъ обращаться за помощью къ какому нибудь сосѣднему мірянину, выдававшемуся вліяніемъ или личными достоинствами, и его услуги обыкновенно были вознаграждаемы предоставленіемъ ему въ пользованіе земель, принадлежащихъ церкви и прилегающихъ къ его собственнымъ, вдобавокъ къ долѣ изъ наложенныхъ судомъ штрафовъ и другихъ денежныхъ взысканій. Назначеніе адвоката сначала было дѣломъ добровольнымъ; но Карлъ Великій постановилъ, что каждая церковь должна постоянно имѣть у себя подобнаго защитника. Для занятія этой должности были выработаны весьма подробныя правила, съ цѣлью предупрежденія какого либо безпорядка или правонарушенія, и адвокаты подлежали надзору императорскихъ уполномоченныхъ. Церквамъ, которыя не въ состояніи были сами найти себѣ адвокатовъ, ихъ назначалъ имъ государь. Такъ какъ подобныя назначенія имѣли характеръ особой милости, то и назначавшіеся такъ адвокаты требовали болѣе высокихъ условій, чѣмъ тѣ, которыхъ избирали себѣ церкви, и изъ нихъ нѣкоторые постепенно стали добиваться верховенства надъ тѣми церковными учрежденіями, при которыхъ они состояли, требовать платы, поглощавшей значительную часть церковныхъ доходовъ, и становиться уже не защитниками, а тиранами какъ для духовенства, такъ и для паствы. Но отношеніе адвокатовъ къ церкви получило подобный характеръ уже въ болѣе поздній періодъ.

11. Новое посягательство на права церкви возникло еще изъ системы мірскаго патронатства, которое сдѣлалось обычнымъ явленіемъ на Западѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ право дарственности церкви прекращалось вмѣстѣ со смертью ея основателя, между тѣмъ какъ въ другихъ оно переходило къ его наслѣдникамъ. Но патроны не всегда довольствовались правомъ назначать духовныхъ лицъ. Иногда строитель церкви удерживалъ за собою извѣстную часть ея доходовъ; иногда церковь строилась съ корыстною цѣлью, причемъ основатель разсчитывалъ получить болѣе, чѣмъ онъ издержалъ отъ приношеній, такъ какъ содержаніе священнослужителя онъ ограничивалъ лишь извѣстною суммою. Противъ этого обычая направлены были правила, запрещавшія епископамъ освящать церкви, построенныя на такихъ условіяхъ; но за патрономъ признавался законный интересъ въ сохраненіи и правильномъ распоряженіи собственностью, принадлежащею его церкви. Карлъ Великій допустилъ продажу церквей ¹), а Людовикъ Благочестивый постановилъ, что если священнослужитель церкви имѣлъ излишекъ въ доходахъ, то

---

¹) Capit. Francof. отъ 794 г., с. 54 (Patrol. xcvii).

онъ долженъ былъ уплачивать „должную службу“ своему помѣщику. Раздѣлъ наслѣдства иногда простирался и на церковную собственность, такъ что „алтарь“ могъ быть раздѣленъ на нѣсколько частей, принадлежащихъ подобному же числу священниковъ; такіе раздѣлы были запрещены капитуляріемъ Людовика германскаго въ 851 году.

Одинъ канонъ 4-го собора толедскаго постановляетъ, что если основатель или благотворитель церкви, или его потомки обѣднѣютъ, то имъ должна выплачиваться извѣстная сумма изъ церковныхъ доходовъ [1]).

Вопросъ о патронатствѣ былъ постояннымъ источникомъ раздора между епископами и гражданскими помѣщиками. Съ цѣлью пресѣченія злоупотребленій съ обѣихъ сторонъ, были постановляемы особыя правила, по которымъ никакой міряаинъ не долженъ былъ представлять или извергать духовное лицо безъ согласія епископа, причемъ съ другой стороны епископу было запрещено отвергать представленнаго, исключая надлежащихъ и уважительныхъ причинъ [2]).

12. Въ началѣ этого періода мы находимъ много обличеній симоніи—въ сочиненіяхъ Григорія Великаго. Онъ жалуется, что эта „первая изъ ересей“, эта „купля—продажа голубей въ храмѣ“ преобладала во всѣхъ странахъ, въ Галліи, въ Германіи, въ Африкѣ, въ Греціи и Эпирѣ, въ патріархатахъ Александріи, Антіохіи и Іерусалима [3]), и онъ постоянно увѣщевалъ какъ государей, такъ и церковныхъ іерарховъ соединиться съ нимъ въ трудѣ подавленія этого злоупотребленія. Но, не смотря на всѣ порицанія и наказанія, зло продолжало существовать, и изъ вѣка въ вѣкъ раздавались частыя жалобы какъ противъ патроновъ, которые изъ корыстныхъ видовъ назначали на церковныя должности недостойныхъ лицъ, такъ и противъ епископовъ, которые изъ подобныхъ же видовъ давали рукоположенія [4]).

13. Франкская церковь продолжала богатѣть. Иногда ей жертвовались имѣнія, часто весьма большія, съ явною цѣлью полученія для жертвователя отпущенія грѣховъ и спасенія души. Поводы къ такимъ жертвоприношеніямъ участились еще вслѣдствіе системы *условныхъ* контрактовъ, называвшихся такъ потому, что жертвователь, предоставляя церкви свои земли, *обусловливалъ*, чтобы пользованіе ими предоставлялось ему въ теченіе его жизни, или даже въ теченіе жизни одного или болѣе лицъ изъ его преемниковъ [5]). Такъ

---

[1]) Conc. Tolet. IV. отъ 633 г., с. 38.

[2]) Capit. отъ 809 г. (Pertz, Leges, I 161); Conc. Arelat. с. 4.

[3]) Напр. Epp. V, 53, 55, 57; VI; 8; IX, 49, 106; XI, 46; XII, 28; XIII, 41; Hom. in Evang. I, IV, 4.

[4]) Напр. Capit. отъ 789 г. с. 21; Conc. Rem. отъ 813 г. с. 21 и друг.

[5]) Они назывались также praestariae, потому что церковь *снимала* земли, а весьма часто также назывались beneficia въ спеціальномъ смыслѣ этого слова.

многіе изъ тѣхъ, которые задумались бы лишить себя дохода отъ извѣстнаго имѣнія, имѣли возможность совершать актъ щедрости безъ всякаго ущерба для себя, или даже достигая извѣстной выгоды чрезъ это; потому что церковь, въ виду несомнѣннаго пріобрѣтенія этого имѣнія въ будущемъ, во многихъ случаяхъ предоставляла жертвователю не только пользоваться своею собственною землею, но и другими землями, быть можетъ гораздо большей цѣнности, чѣмъ цѣнность той земли, которой корыстное благочестіе жертвователя лишало его наслѣдниковъ. Съ цѣлью ограниченія этого злоупотребленія, соборомъ эпернайскимъ, въ 846 году, было постановлено, что жертвователь земли не долженъ получать болѣе чѣмъ въ два раза противъ цѣнности своего дара, что короли не должны утверждать условныхъ контрактовъ, кромѣ какъ по требованію церкви, и что, согласно съ древнимъ обычаемъ, контрактъ этотъ долженъ возобновляться каждыя 50 лѣтъ [1]).

14. Церковныя земли обработывались или особыми крѣпостными въ пользу собственниковъ, или отдавались на съёмъ арендаторамъ, свободнымъ или крѣпостнымъ, которые платили опредѣленную часть произведеній въ видѣ ренты. Вдобавокъ къ этимъ землямъ и приношеніямъ, церковные доходы теперь еще болѣе увеличились отъ общаго налога въ видѣ десятинъ. При старой римской системѣ, десятина произведенія земли была уплачиваема колонами (coloni) государству въ качествѣ ренты, и когда земли давались на этомъ условіи извѣстной корпораціи, то вторая десятина (девятая часть остающихся произведеній) уплачивалась арендаторомъ тому, кому она отдавалась изъ вторыхъ рукъ. Эти двойные платежи извѣстны были подъ названіемъ „десятинъ“ и „девятинъ“ (decimae et nonae). Церковь, какъ крупная землевладѣлица въ государствѣ, требовала девятинъ отъ своихъ арендаторовъ, причемъ иногда, по особой милости, сама она была освобождаема отъ платы фискальной десятины и вслѣдствіе этого имѣла возможность получать въ свою собственную пользу какъ десятины, такъ и девятины.

Третьимъ налогомъ, отличнымъ отъ этихъ арендныхъ платежей, была церковная или левитская десятина. Самый древній канонъ, какимъ она требовалась, постановленъ былъ соборомъ маконскимъ, въ 585 году. Но канонъ этотъ, повидимому, имѣлъ мало значенія, и франкскіе соборы въ теченіе остальнаго времени меровингскаго періода не дѣлали никакихъ попытокъ къ приведенію его въ исполненіе. Пипинъ въ первый разъ придалъ авторитетъ гражданской власти праву церкви требовать десятины; но въ этомъ отношеніи мало сдѣлано было до царствованія Карла Великаго, который капитуляріемъ отъ 779 года постановилъ, чтобы десятины эти уплачивались въ точности. Уплата была вынуждаема не только посредствомъ отлученія, но и угрозой тяжелыхъ гражданскихъ штрафовъ сообразно съ упорствомъ плательщика, и обязательство это распространено было и на новопріобрѣтенныя земли за Рейномъ, гдѣ (какъ мы уже видѣли) оно возбуждало сильное предубѣжденіе къ христіанской вѣрѣ [1]). Соборъ франкфуртскій (794 года) указываетъ на противодѣйствіе десятинамъ какъ на одну изъ причинъ, приведшихъ къ бывшему недавно передъ тѣмъ голоду; многіе, будто бы, видѣли, какъ діаволы пожирали обильные хлѣба тѣхъ, которые отказывали церкви въ уплатѣ, и въ воздухѣ раздавались голоса, произносившіе укоръ за этотъ общераспространенный грѣхъ [2]). Десятина сначала взималась только хлѣбомъ. Затѣмъ она была распространена и на другія произведенія земли, какъ пенька и вино, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и на приплодъ отъ домашняго скота. Постановленія времени Карла Великаго свидѣтельствуютъ, что она обыкновенно уплачивалась „со всей собственности“, но только уже долго спустя духовенству удалось наконецъ водворить общую готовность удовлетворять его притязаніямъ въ этомъ отношеніи.

---

[1]) C. 22. Объ условныхъ контрактахъ см. Ducange подъ словомъ Praecaria.

Капитулярій 829 года запрещаетъ получателю десятины давать плательщикамъ пищу или вообще что либо другое, что могло бы навести ихъ на предположеніе, что уплата эта зависитъ отъ ихъ доброй воли [3]).

Въ Англіи десятины, повидимому, вошли въ употребленіе не раньше конца жизни Беды [4]). Упоминанію о нихъ въ такъ называемыхъ „отрывкахъ“ Эгберта, архіепископа іоркскаго, нельзя придавать какого либо значенія; но Бонифацій, который своими усиліями содѣйствовалъ установленію этого налога среди франковъ и зависимыхъ отъ нихъ народовъ, свидѣтельствуетъ объ уплатѣ этого налога и на его родинѣ.

15. Злоупотребленіе, по которому франкскіе государи предоставляли пользованіе церковными землями мірянамъ, продолжало существовать, не смотря на всѣ усилія Бонифація, и мы видимъ его и въ царствованіе Карла Великаго. Владѣвшіе такими бенефиціями [5]), въ силу каноновъ, теперь должны были уплачивать десятины и девятины церкви, а также исправлять или содѣйствовать исправленію церквей, находившихся на ихъ земляхъ. Но повиди-

---

[1]) См. выше стр. 655.

[2]) С. 25.

[3]) Pertz. Leges. I.

[4]) 730 г.

[5]) Это былъ единственный извѣстный тогда смыслъ слова beneficia (Ducange подъ словомъ beneficium). Самое раннее употребленіе слова beneficium въ смыслѣ церковной бенефиціи сдѣлано соборомъ менцскимъ отъ 813 года.

мому было весьма трудно приводить эти каноны въ исполненіе среди этого могущественнаго класса; соборъ турскій, въ послѣднемъ году царствованія, свидѣтельствуетъ, что часто возбуждались жалобы на уклоненіе отъ уплаты десятинъ и девятинъ, но что жалобы эти не находили должнаго удовлетворенія.

16. Распоряженіе церковными доходами еще находилось въ рукахъ епископовъ; но въ новыхъ королевствахъ запада діаконы какъ такіе не принимали того же участія въ управленіи ими, какое придало ихъ должности столь большую важность въ древнее время. Управитель (oeconomus), который помогалъ епископу въ отправленіи имъ своихъ дѣлъ, могъ быть или діакономъ, или священникомъ; по своему достоинству онъ стоялъ первымъ послѣ епископа и завѣдывалъ каѳедрой въ случаѣ ея вакантности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходы дѣлились на четыре части, причемъ одна часть предоставлялась епископу съ его домомъ, другая—остальному духовенству, одна—бѣднымъ и странникамъ, и одна—на поддержаніе и расходы церкви; въ другихъ мѣстахъ дѣленіе было трех-частнымъ, причемъ одна треть предоставлялась епископу, другая духовенству, и одна шла на нужды церкви [1]).

Низшее духовенство иногда обвиняло епископовъ въ томъ, что они брали болѣе, чѣмъ имъ надлежало, и начиная съ VI столѣтія постановлялись правила для ограниченія ихъ въ этомъ отношеніи. Даже гдѣ духовенству аккуратно выплачивалась вся принадлежащая ему доля, доля каждаго отдѣльнаго лица все-таки зависѣла отъ воли епископа, отъ милости котораго такимъ образомъ зависѣлъ каждый членъ духовенства. Гдѣ выплачивалась десятина, тамъ, вѣроятно, между мѣстнымъ духовенствомъ и епископами существовало извѣстное соглашеніе съ цѣлью устраненія связанныхъ съ этимъ дѣломъ неудобствъ. Соборъ вормскій, отъ 829 года, постановилъ, что епископы, имѣющіе достаточный доходъ отъ другой собственности, должны отказываться отъ своей канонической доли въ десятинахъ въ пользу церкви и бѣдныхъ.

Часто постановляемы были капитуляріи съ цѣлью воспрепятствовать плательщикамъ десятинъ захватывать право распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, вмѣсто того, чтобы предоставлять его епископамъ, и производить уплату той церкви, которую они могли предпочитать по своимъ частнымъ соображеніямъ, а не той церкви, которая имѣла дѣйствительное право на это. Въ такихъ случаяхъ мѣстные правители должны были заботиться о томъ, чтобы сдѣлано было должное возмездіе.

---

[1]) См. Conc. Tolet. IV, отъ 633 года, с. 33; Capit. отъ 799 г. с. 13. Трехчастное дѣленіе было извѣстно подъ названіемъ испанскаго обычая; четырехчастное называлось римскимъ (см. папы Симплиція Ep. 3 отъ 475 г.—Patrol. LVIII), и есть указаніе на епископовъ, которые заявляли, что хотя они и имѣютъ право на третью часть, какъ это предписано канономъ толедскаго собора, однако же они находятъ возможнымъ удовлетворяться четвертою частью, согласно съ обычаемъ римскимъ (напр. Гейтонъ базельскій, около 820 года; Hard, IV, 1243). То же самое извѣстно о ломбардскихъ епископахъ въ Павіи, отъ 856 года (Pertz, Leges. I).

Въ постановленіяхъ испанскихъ соборовъ была нѣкоторая непослѣдовательность въ отношеніи налоговъ, подлежавшихъ уплатѣ епископамъ. 2-ой соборъ брагскій въ 571 году запрещалъ имъ брать третью часть изъ приношеній, и вмѣсто нея позволялъ имъ только ежегодную плату двухъ *солидовъ* отъ каждаго прихода. 4-ый соборъ толедскій, состоявшійся въ 633 году, при другомъ правительствѣ, постановляя, чтобы епископъ не пользовался болѣе, чѣмъ третьею частью, не ссылается на канонъ брагскій. Но другой соборъ толедскій, отъ 646 года, возобновляетъ это правило, а еще болѣе поздній соборъ, отъ 655 года, возвращается къ системѣ предоставленія епископу третьей части. Взиманіе двухъ солидовъ впослѣдствіи проникло и во Францію, но тамъ съ теченіемъ времени епископы, вмѣсто того, чтобы признавать его замѣной своей трети, требовали его въ качествѣ дополнительнаго платежа, подъ названіемъ каѳедральной подати [1]).

Какъ упомянутыя выше обременительныя посѣщенія епископовъ, такъ и новыя учрежденія архидіаконовъ, заявлявшихъ притязаніе на извѣстные платежи по праву своей должности, весьма много содѣйствовали обѣднѣнію приходскаго духовенства.

17. Помѣстныя церкви во Франціи, за исключеніемъ приходскаго церковнаго участка (mansus), подлежали уплатѣ всѣхъ обыкновенныхъ налоговъ, если только не освобождались особыми привиллегіями. Иначе было въ Англіи, гдѣ церковная земля была изъята отъ всѣхъ платежей, кромѣ того, который назывался „трою необходимостью“ (trinoda necessitas),—то есть обязанностью содѣйствовать національному войску, построенію крѣпостей и принимать участіе въ расходахъ на содержаніе мостовъ и большихъ дорогъ.

18. Какъ и въ прежнее время, продолжали издаваться каноны, запрещавшіе духовенству предаваться гражданскимъ занятіямъ. Въ Англіи отъ священниковъ требовалось знать какое нибудь ремесло, пользоваться имъ и научать ему подчиненныхъ имъ церковнослужителей, однако же не съ цѣлью своихъ собственныхъ выгодъ, а съ цѣлью устраненія отъ нихъ искушеній лѣности и предоставленія имъ средствъ для пособія бѣднымъ. Подобныя же постановленія были во Франціи и въ другихъ мѣстахъ.

---

[1]) См. Ducange подъ сл. Cathedraticum.

19. Высокое общественное положеніе духовенства въ германскихъ королевствахъ явствуетъ изъ тѣхъ оцѣнокъ, которыя полагались за ихъ жизнь. Плата, извѣстная подъ названіемъ Wehr, существовавшая у всего германскаго племени [1] (но отнюдь не ограничивавшаяся имъ), первоначально предназначалась для удовлетворенія родственниковъ убитаго лица за его жизнь и возстановленія мира между ними и убійцей, такъ чтобы народъ, вслѣдствіе частной вражды, не былъ лишаемъ службы своихъ членовъ. Принципъ, по которому родственницы убитаго были освобождаемы отъ всякаго участія въ этомъ платежѣ, именно, что онѣ не способны были осуществлять мщеніе, естественно распространялся и на духовенство; но когда духовенство сдѣлалось могущественнымъ сословіемъ, церковь требовала подобной платы и за ихъ смерть. Во Франціи плата за пресвитера равнялась платѣ за графа (окружнаго начальника); плата за епископа равнялась платѣ за герцога. Въ Англіи архіепископъ оцѣнивался въ этомъ отношеніи одинаково съ *ателингомъ*, т. е. принцемъ крови, епископъ съ *ильдорменомъ*, или мѣстнымъ англійскимъ графомъ, священникъ съ таномъ, т. е. меньшимъ дворининомъ. Въ то время, когда представители свѣтской власти не въ состояніи были читать или писать, обладаніе ученостью дѣлало членовъ духовенства единственными лицами, которыя только и способны были ко многимъ важнымъ должностямъ. Епископы, какъ члены совѣта, занимали положеніе выше окружныхъ начальниковъ, военныхъ людей. Карлъ Великій держался политики возвышенія іерархіи въ противовѣсъ силѣ своихъ грубыхъ вассаловъ. Онъ постановлялъ, чтобы всѣ оказывали епископамъ повиновеніе, и заявлялъ, что отказывавшіе въ этомъ не должны имѣть мѣста въ его имперіи, „даже если бы это были его собственные сыновья“ [2]. Такъ какъ гражданскія выгоды духовенства сдѣлались больше, то духовныхъ должностей добивались и члены господствующаго племени, которые раньше оставляли ихъ въ рукахъ побѣжденныхъ. Встрѣчающіяся среди духовенства отъ VII столѣтія варварскія имена указываютъ на то, что франки въ это именно время начали вступать въ церковныя должности, и весьма скоро затѣмъ результатъ этой перемѣны сказался въ необходимости законовъ для удержанія духовенства отъ мірскихъ привычекъ и занятій. Епископы водили въ походы отряды, которые должны были поставляться съ ихъ земель для усиленія національнаго войска, и не только присутствовали при этомъ сами (что было дѣломъ обязательнымъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могло быть благодѣтельнымъ), но и буквально сами занимались военною службою. Они не хотѣли допустить, что ихъ духовный санъ лишалъ ихъ родоваго права, принадлежавшаго каж-

---

[1] Tacit. Germ. 21.

[2] Hard. IV, 940.

дому свободному франку на участіе въ войнахъ своего народа; они хотѣли также, показывая себя энергичными лицами, доказать, что ихъ собственность не можетъ съ безнаказанностью подвергнуться нападенію со стороны ихъ мірскихъ сосѣдей, а также, быть можетъ, съ цѣлью охранить свои имѣнія отъ обращенія ихъ со стороны государя въ вознагражденіе за военныя услуги другихъ людей. Бонифацій старался искоренить подобные обычаи; по его настоянію, было постановлено, что духовенство не должно носить оружія, что лишь столькіе изъ нихъ могутъ сопровождать войско, сколько требуется для исполненія обязанностей священнаго служенія въ войскѣ, и что эти послѣдніе должны ограничиваться только своими священными обязанностями. Но преобразованіе это, повидимому, продержалось недолго; Карлъ Великій возобновлялъ повелѣніе своего отца и увѣщевалъ духовенство, вмѣсто ношенія оружія, уповать въ дѣлѣ защиты на Бога. Одинъ сомнительный документъ изображаетъ его объясняющимъ, что цѣлью такихъ постановленій не было, какъ предполагали епископы, лишеніе ихъ принадлежащихъ имъ почестей. Но даже въ теченіе остальныхъ лѣтъ его царствованія оказывались необходимыми новыя запрещенія этого рода, и когда сильная рука великаго императора перестала дѣйствовать, воинственныя наклонности франкскихъ епископовъ проявились еще въ большей степени, чѣмъ когда либо. Въ Англіи духовенство также было склонно носить оружіе, по праву, принадлежащему ихъ свободному состоянію, и вслѣдствіе этого постановлялись каноны для искорененія подобнаго обычая.

Въ то время, какъ франкскіе законы ограничивали склонность духовенства къ воинственнымъ предпріятіямъ, принимались мѣры также и къ тому, чтобы воспрепятствовать владѣтелямъ собственности избѣгать связанныхъ съ нею обязательствъ, подъ предлогомъ рукоположенія или монашества. Такъ, въ 799 году, мы встрѣчаемъ постановленіе, что никакой дворянинъ не имѣлъ права принимать постриженія кромѣ какъ послѣ изслѣдованія его дѣла діоцезнымъ епископомъ, и что если такое духовное лицо впослѣдствіи пожелаетъ жить на своей собственной землѣ, оно должно нести ту же военную службу, какъ и другіе.

Вмѣстѣ съ ношеніемъ оружія, духовенству запрещены были и другіе свѣтскіе обычаи и удовольствія, какъ держаніе у себя охотничьихъ собакъ и ястребовъ, азартныя игры, шумныя увеселенія, мірскія пѣсни и инструментальная музыка, а также общества пѣвцовъ и шутовъ.

20. Самыя замѣчательныя постановленія касательно брака духовенства въ теченіе этого періода принадлежатъ Востоку, именно, постановленія трулльскаго собора (691 года ?). Этотъ соборъ сильно противился второбрачію. Пресвитеры, вступавшіе въ такіе браки, по не-

му подлежали низложенію; если вторая жена умирала, или если мужъ разлучался съ нею, то онъ могъ оставаться въ своемъ санѣ, но не имѣлъ права отправлять священническихъ обязанностей. Если священникъ, діаконъ или иподіаконъ женился навдовѣ, то онъ долженъ быль разлучиться съ своей женою, подвергнуться запрещенію и лишиться права на дальнѣйшее повышеніе [1]). Соборъ запрещаетъ подъ страхомъ низложенія обычай африканскихъ и ливійскихъ епископовъ, которые будто бы сожительствовали съ своими женами; женѣ епископа повелѣвалось разлучиться съ нимъ и поступить въ монастырь [2]). Онъ порицаетъ обычай армянъ, которые требовали, чтобы духовенство происходило изъ священническихъ семействъ, и позволяли лицамъ такого происхожденія дѣйствовать въ качествѣ пѣвцовъ и чтецовъ, безъ полученія постриженія, и онъ же запрещаетъ духовенству вступать въ бракъ послѣ рукоположенія въ иподіаконство. Но въ своемъ 13-мъ правилѣ, послѣ заявленія, что римская церковь требовала отъ лицъ, рукоположенныхъ въ пресвитера или діакона, обѣщанія воздерживаться отъ своихъ женъ, соборъ выразительно освящаетъ противоположный обычай, и приводитъ въ основаніе этого „Апостольскія Правила“. По опредѣленію собора, не слѣдуетъ брать никакого обѣщанія, не слѣдуетъ настаивать на разлученіи супруговъ; онъ угрожаетъ низложеніемъ всякому, кто бы сталъ лишать священниковъ, діаконовъ или иподіаконовъ ихъ женъ, и всѣмъ тѣмъ членамъ изъ духовенства, которые бы, подъ предлогомъ благочестія, оставляли своихъ супругъ. Хотя 29-ое правило позволяетъ духовенству „варварскихъ“ церквей разлучаться съ своими женами, если они считаютъ это своимъ долгомъ и если на это согласны ихъ жены, но позволеніе это, по заявленію собора, дается только изъ снисхожденія къ той узкой мнительности [3]), какой можно было ожидать въ такихъ церквахъ.

Соборъ, который въ этомъ и въ другихъ пунктахъ прямо и завѣдомо выступалъ противъ принциповъ и обычаевъ Рима, естественно едва ли могъ найдти благосклонность у папъ, и, какъ мы видѣли, онъ былъ отвергнутъ Сергіемъ I [4]). Но санкція, данная браку духовенства, навсегда получила значеніе въ православной греческой церкви.

На Западѣ періодъ этотъ представляетъ намъ много постановленій противъ брака духовенства. Меровингскіе короли подтвердили своимъ авторитетомъ запрещавшія его церковныя правила. Но, повидимому, не смотря на частыя запрещенія, многіе изъ духовенства продолжали вступать въ браки, въ особенности тамъ, гдѣ еще не вполнѣ установилась власть папъ, какъ въ Ломбардіи, Испаніи, нѣкоторой части Галліи и Германіи. Каѳедра курійская, въ Грисонѣ, была наслѣдственной въ семействѣ епископовъ, соединявшихъ съ своею духовною властью и гражданское управленіе. Жена одного изъ нихъ около половины VII столѣтія, подписывая документы, называла себя „episcopa“, или „antistita Curiensis“, и этотъ бракъ епископовъ показываетъ, что и духовенство также имѣло свободу вести брачную жизнь.

---

[1]) С. 3.

[2]) Сс. 12, 48. Это считается нѣкоторыми первымъ церковнымъ закономъ въ этомъ отношеніи, хотя ему предшествовалъ гражданскій законъ Юстиніана (См. выше, стр. 513).

[1]) С. 33.

[3]) Μικροφυχία—малодушіе.

[4]) См. выше стр. 579.

Одинъ изъ вопросовъ, поставленныхъ Августиномъ Григорію Великому, повидимому показываетъ, что бракъ былъ обычнымъ и среди британскаго духовенства [1]. Законъ англосаксонской церкви по этому предмету былъ одинаковъ съ закономъ римскимъ. Но здѣсь также мы видимъ часто доказательства того, что духовенство продолжало вступать въ брачное состояніе, и бракъ ихъ не уничтожался, и дѣти не объявлялись незаконными до конца XII столѣтія.

Какъ и въ прежніе періоды, каноны, постановлявшіеся съ цѣлью водворенія безбрачія (целибата), постоянно сопровождаются многими другими, указывающими на гибельныя послѣдствія подобныхъ мѣръ. Часто встрѣчаются постановленія касательно проживательства женщинъ въ домахъ духовенства. 4-ый соборъ толедскій (633 года) возобновляетъ постановленіе прежнихъ испанскихъ соборовъ, что наложницы духовныхъ лицъ должны подлежать продажѣ [2]; 9-й соборъ въ томъ же городѣ (отъ 655 года) прибавляетъ, что ихъ дѣти должны быть обращаемы въ крѣпостныхъ рабовъ церкви [3]. Тѣ же каноны запрещаютъ духовенству держать въ своихъ домахъ даже ближайшихъ своихъ родственницъ, содержаніе которыхъ допускалось соборомъ никейскимъ [4],—приводя въ видѣ довода то, что подъ предлогомъ родственницъ часто вводимы были и другія личности, и что даже были нарушаемы законы природы. Соборы въ царствованіе Карла Великаго вообще, однако же, ограничивались возобновленіемъ никейскаго постановленія [5].

---

[1] An clerici non continere valentes possint contrahere, et si contraxerint an debeant ad saeculum redire?“ Jnterrog. 2 ap. Greg. Ep. XI, 94. Вмѣсто полнаго отвѣта на этотъ вопросъ, Григорій даетъ руководство касательно духовныхъ лицъ въ низшихъ степеняхъ, приведенное выше (стр. 545).

[2] C. 43 (см. выше, стр. 512).

[3] C. 10.

[4] См. выше стр. 294. 3-й соборъ брагскій, отъ 675 года, безъ особаго позволенія не допускаетъ никого, кромѣ матери (с. 5).

[5] Напр. Capit. отъ 789 года, с. 3; Capit. отъ 806 г., с. 1. Но 2-ой соборъ Экскій (Aix), отъ 836 года, исключаетъ всѣхъ женщинъ, с. 11.

21. Важная попытка къ преобразованію сдѣлана была около 760 года чрезъ учрежденіе канонической жизни. Титулъ каноииковъ (canonici), сначала придававшійся всему духовенству, вслѣдствіе зачисленія его въ канонъ или списокъ церкви и предоставленія права содержаться на церковныя суммы, теперь получилъ новое значеніе для обозначенія духовенства, которое жило подъ особымъ канономъ или правиломъ, на подобіе монашескихъ общинъ. Мысль такого учрежденія была не новая, потому что уже и въ раннія времена Евсевій верцельскій, Иларій арелатскій и бл. Августинъ представляли собою примѣръ совмѣстной жизни съ своимъ духовенствомъ, и болѣе недавно подобный же обычай существовалъ въ монашескихъ обществахъ, гдѣ епископъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ штатомъ духовенства и монаховъ. Но теперь этотъ обычай былъ возведенъ въ правильную систему, именно Хродегангомъ, племянникомъ Пипина и архіепископомъ мецкимъ ¹).

Преобразовательная мѣра Хродеганга въ общемъ состояла въ принятіи бенедиктинскаго устава касательно различныхъ обстоятельствъ въ жизни духовенства. Епископъ занималъ мѣсто, соотвѣтствующее мѣсту бенедиктинскаго аббата, архидіаконъ соотвѣтствовалъ настоятелю, старѣйшины имѣли то же самое положеніе въ обѣихъ системахъ ²). Подобно Бенедикту, отецъ каноническаго учрежденія предписывалъ общее жилище, однообразную одежду, общій столъ, общую спальню, если только гдѣ епископъ не находилъ нужнымъ, допускать исключеніе. Отъ духовенства требовалось ежедневно присутствовать при извѣстныхъ богослуженіяхъ. Каждый день оно должно было заниматься ручнымъ трудомъ и посвящать извѣстныя части своего времени наукамъ. Младшіе члены общества должны были съ уваженіемъ относиться къ старшимъ, какъ напр. вставать и кланяться, когда они проходили, испрашивать ихъ благословенія и стоять въ ихъ присутствіи, если не дано будетъ особаго позволенія сѣсть. Въ теченіе Великаго поста всѣ они должны были исповѣдываться у епископа, и то же самое осенью; въ наказаніе за хожденіе къ какому либо другому исповѣднику назначались плети или тюремное заключеніе. Всѣ, кому не препятствовалъ грѣхъ, должны были пріобщаться въ каждый воскресный день и по другимъ главнымъ праздникамъ. Въ опредѣленное время имъ давалась одежда, причемъ старѣйшины должны были сдавать изношенныя ими одежды, которыя и передавались младшимъ. Всѣ, поочередно, должны были принимать участіе въ службахъ дома; каждый въ свою очередь

---

¹) Каѳедра Меца была только епископіей, но Хродегангъ (занимавшій ее съ 742 по 760 г.), и нѣкоторые изъ его преемниковъ получили титулъ архіепископа, вмѣстѣ съ палліумомъ отъ папы, какъ личное отличіе.

²) Chrodeg. Regula (ap. Hard. IV, 1181 и слѣд.) c. 35.

долженъ былъ заниматься на кухнѣ въ теченіе недѣли, за исключеніемъ только архидіакона и келаря. Міряне не допускались, кромѣ какъ для какой либо особой цѣли, какъ наприм. для помощи въ кухнѣ, и должны были оставлять общину, какъ только заканчивалось ихъ дѣло тамъ.

Въ отношеніи пищи, постановленія каноническаго учрежденія были менѣе строги, чѣмъ бенедиктинскій уставъ. Каноникамъ позволялось ѣсть мясо, кромѣ постныхъ, покаянныхъ временъ. Имъ давалась порція вина (или пива, если они предпочитали его), сообразно съ ихъ саномъ—священникамъ и діаконамъ по три чары за обѣдомъ и по двѣ за ужиномъ, субдіаконамъ по двѣ въ каждый разъ, членамъ низшихъ степеней—по двѣ за обѣдомъ и по одной за ужиномъ. Въ столовой должно было находиться семь столовъ, назначенныхъ отдѣльно для епископа, для различныхъ степеней канониковъ, странниковъ и городскаго духовенства, которое по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ обѣдало въ этомъ заведеніи, и принимало участіе въ назиданіи, которое давалось тамъ въ капитулѣ [1]. Во время пищи читались назидательныя книги, а чтобы можно было слушать чтеніе, поддерживалось молчаніе, „потому что необходимо, чтобы когда кто беретъ тѣлесную пищу, въ то же время и душа подкрѣплялась пищею духовной“ [2].

Самымъ важнымъ отличіемъ отъ бенедиктинскаго устава было то, что каноникамъ позволялось имѣть личную собственность, состояла ли она въ томъ, чѣмъ они обладали до вступленія въ это общество, или составлялась изъ тѣхъ подачекъ и приношеній, которыя могли быть получаемы за исправленіе религіозныхъ требъ. При своей смерти они, однако же, обязаны были оставлять все своей братіи.

Изъ Меца уставъ Хродеганга скоро перешелъ и въ другіе города. Число его капитуловъ быстро возросло съ тридцати четырехъ до восьмидесяти шести. Карлъ Великій желалъ даже распространить эту систему на все духовенство, и хотя эта попытка не удалась и большинство духовенства продолжало жить въ мірѣ, подъ управленіемъ аббатовъ образовалось много коллегій канониковъ, рядомъ съ каѳедральными штатами, для которыхъ первоначально и предназначался этотъ планъ. Уставъ этотъ одобренъ былъ для общаго употребленія большимъ соборомъ эляшапельскимъ при Людовикѣ Благочестивомъ, въ 816 году, и около средины IX столѣтія онъ былъ введенъ почти во всѣхъ каѳедральныхъ соборахъ Франціи, Германіи и Италіи, и принятъ былъ также и въ Англіи. Въ видимой строгости новой системы духовенство нашло средство возвратить себѣ значительную часть того уваженія, которымъ долго пользовались монахи предъ бѣлымъ духовенствомъ, и вслѣдствіе этой строгости каноническимъ общинамъ дѣлались большія приношенія. Каѳедральные капитулы сдѣлались богатыми и вліятельными, и скоро начали заявлять даже притязаніе дѣйствовать въ качествѣ совѣтовъ епископа и принимать участіе въ управленіи діоцезомъ.

---

[1] С. 8. Capitulum названо было такъ вслѣдствіе того, что у бенедиктинцевъ ежедневно прочитывалась одна глава изъ ихъ устава.

[2] С. 21.

IV. Монашество.

Въ теченіе этихъ столѣтій важную роль въ западномъ христіанскомъ мірѣ играли монахи. Миссіи къ германскимъ племенамъ главнымъ образомъ были ихъ дѣломъ; они основывали колоніи въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ скоро возникали города, какъ въ Фульдѣ, Сенъ-Галлѣ, Эйхштедтѣ и Фрицларѣ. Съ знаніемъ религіи они распространяли также и знакомство съ земледѣліемъ и вообще цивилизацію среди народа [1]). Благодаря участію монаховъ въ миссіонерскихъ трудахъ, среди нихъ въ болѣе значительной степени, чѣмъ прежде, введено было рукоположеніе въ священный санъ, какъ необходимое качество для миссіонерскихъ обязанностей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ епископскія каѳедры были обыкновенно занимаемы монахами изъ извѣстныхъ аббатствъ, каковое установленіе было тѣмъ болѣе естественнымъ, что ученость, главнымъ образомъ, поддерживалась въ монашескихъ общинахъ. Такъ Страсбургъ получалъ своихъ епископовъ изъ Мюнстера въ Эльзасѣ, Шпейеръ изъ Вейсенбурга, Констанцъ изъ Рейхенау или Сенъ-Галла.

Монахи продолжали пользоваться особенной славой благочестія. Терминъ „religio“, спеціально приложенный къ монашеской жизни соборомъ орлеанскимъ уже въ 549 году, болѣе и болѣе ограничивался такимъ именно употребленіемъ [2]). Вступленіе въ монашеское состояніе считалось какбы вторымъ крещеніемъ. „Покаянникъ“, приписываемый Ѳеодору Кентерберійскому, представляетъ любопытное отображеніе этой мысли въ томъ, что въ немъ новопосвященный долженъ былъ въ теченіе семи дней покрывать свою голову клобукомъ, подобно тому, какъ голова новокрещеннаго покрывалась особымъ платомъ; подобное же постановленіе, хотя и съ сокращеніемъ времени на три дня, сдѣлано было при Людовикѣ Благочестивомъ въ 817 году. Въ монастыри стекались даже лица высшаго званія; не необычнымъ дѣломъ было даже для королей и королевъ отказываться отъ своего царственнаго положенія, и принимать монашескій образъ жизни [1].

---

[1]) Цивилизующее значеніе монашества краснорѣчиво изображается въ сочиненіи Монталамбера „о западномъ монашествѣ“.

[2]) С. 19. У Сальвіана терминъ „religiosi“ обозначаетъ какъ монаховъ, такъ и вообще духовенство (Baluz. in Salo; Patrol. LIII, 31, 86, 109). Соборъ эпаонскій отъ 517 года употребляетъ слово „religio“ для обозначенія целибатства (с. 19; см. Hefele, II, 666).

Въ теченіе первой части этого періода существовало значительное разнообразіе въ монастырскихъ уставахъ. Уставъ св. Колумбана, въ теченіе нѣкотораго времени, соперничалъ въ популярности съ уставомъ бенедиктинскимъ. Случалось не разъ, что въ монастыряхъ сочетались оба эти устава; но съ теченіемъ времени уставъ св. Бенедикта восторжествовалъ, такъ какъ онъ отличался въ болѣе значительной степени практическимъ смысломъ, былъ менѣе суровъ и болѣе эластиченъ, чѣмъ другой. Съ незначительными измѣненіями въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ вообще принятъ былъ во Франціи, гдѣ большое возбужденіе въ его пользу произведено было въ половинѣ VIII столѣтія явленіемъ мощей основателя, которыя за сто лѣтъ передъ тѣмъ были перенесены въ Флёри на Луарѣ, когда именно первоначальный монастырь Монте-Кассино былъ опустошенъ ломбардами [2]. Въ Англіи также, гдѣ бенедиктинскій уставъ былъ введенъ Вильфридомъ, онъ скоро распространился повсюду, хотя и не безъ нѣкоторой примѣси древнихъ національныхъ обычаевъ. Но испанскіе монастыри до IX столѣтія продолжали управляться уставами, которые составлены были частью на основаніи восточныхъ источниковъ Исидоромъ севильскимъ, Фруктуозомъ брагскимъ и другими туземными епископами.

Монастыри вообще продолжали подлежать юрисдикціи своихъ діоцезныхъ епископовъ; но теперь болѣе сдѣлались обычными изъятія, слѣды которыхъ мы уже видѣли въ VI столѣтіи [3], и авторитетъ Григорія Великаго принималъ важное участіе въ развитіи этого обычая. Можно думать однако же, что причиной такихъ изъятій въ этомъ періодѣ не было какое либо честолюбіе или домогательство со стороны монаховъ, а просто нѣкоторое давленіе со стороны епископовъ [4]. Эти послѣдніе съ VII столѣтія начали заявлять притязаніе на долю въ тѣхъ приношеніяхъ, которыя давались монастырямъ. Они вымогали неосновательные платежи отъ монаховъ за освященіе ихъ церквей, за освященіе мѵра, за рукоположеніе въ духовныя степени и поставленіе аббатовъ. Значительная часть доходовъ была поглощаема расходами по епископскимъ посѣщеніямъ, и вдобавокъ къ этому епископы требовали тяжелыхъ уплатъ подъ названіемъ cathedraticum и подобныхъ. Гдѣ выборъ аббата принадлежалъ монахамъ, епископы часто старались лишить ихъ этого права и пользовались имъ безъ всякаго вниманія къ благосостоянію общины или къ правамъ болѣе выдающихся членовъ, которые съ основаніемъ могли ожидать возвышенія ихъ въ настоятельство. О томъ гнетѣ, который проявляли нѣкоторые прелаты, можно выводить изъ того обстоятельства, что монашескія общины часто обращались съ жалобой на нихъ къ соборамъ, и эти послѣдніе, хотя и состоявшіе изъ епископовъ, считали себя обязанными рѣзко осуждать подобное поведеніе своихъ собратьевъ и запрещать его [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ теченіи VIII столѣтія постановлялось, что если діоцезный епископъ не будетъ совершать своихъ обязанностей по отношенію къ монастырю на разумныхъ условіяхъ, то аббатъ могъ обращаться и къ другому. Въ общемъ, можно сказать, что изъятія въ этомъ періодѣ монастыри добивались не столько съ цѣлью освобожденія отъ законной власти епископовъ, сколько для огражденія себя отъ ихъ поборовъ. Епископъ все еще удерживалъ общее наблюденіе за религіозно-нравственною жизнью въ освобожденныхъ такимъ образомъ монастыряхъ; онъ имѣлъ право даже касаться управленія матеріальными дѣлами, хотя и не имѣлъ права угнетать, или расхищать монастырское имущество.

---

[1] Испанскіе соборы постановляютъ, чтобы вдовы королей не выходили вновь замужъ, и удалялись въ монастыри. Conc. Tolet. XIII, отъ 685 года, с. 5.

[2] Acta SS. Mar. 21 p. 297.

[3] См. выше, стр. 518.

[4] Можно напр. указать на поведеніе епископа Сидонія по отношенію къ монахамъ Сен-Галла, и на привиллегію, дарованную папой Адеодатомъ монастырю св. Мартина въ Турѣ (Patrol. LXXXVII, 1143).

Когда нѣкоторые монастыри добились такихъ преимуществъ, то у основателей вошло въ обычай настаивать на томъ, чтобы основываемые ими вновь монастыри находились на одномъ уровнѣ съ другими въ этомъ отношеніи. Были также и такіе монастыри, которые назывались царскими—или вслѣдствіе того, что они основаны были государями, или вслѣдствіе того, что они пользовались ихъ особымъ покровительствомъ, и такіе монастыри были изъяты отъ всякой юрисдикціи, кромѣ юрисдикціи государя, которая и осуществлялась чрезъ особыхъ missi и епископовъ [2]). Нѣкоторые монастыри, обладавшіе болѣе чѣмъ обычнымъ достоинствомъ, имѣли своихъ собственныхъ епископовъ, жившихъ въ ихъ стѣнахъ, какъ это было въ Сенъ-Дени. Кромѣ того, повидимому и папы уже начали прибѣгать къ обычаю давать изъятія монастырямъ отъ всякой другой власти, кромѣ ихъ собственной. Первымъ примѣромъ этого было дарованіе подобнаго изъятія со стороны Захаріи аббатству Фульды; но подлинность свидѣтельствующаго объ этомъ документа подвергается сомнѣнію [3]). Если оно вѣрно, то это изъятіе дано, будто бы, по просьбѣ самого Бонифація и поэтому, не безъ намѣренія нанести ущербъ правамъ діоцезнаго епископа. Но когда архіепископія и аббатство, соединявшіяся въ лицѣ апостола Германіи, были раздѣлены между собой, то преимущества, дарованныя Фульдѣ, и слава, которую этотъ монастырь пріобрѣлъ въ качествѣ мѣста упокоенія останковъ святаго миссіонера, возбудили зависть Лулла, его преемника по каѳедрѣ менцской. Архіепископъ жаловался, что изъятіе это незаконно, наносило ущербъ его юрисдикціи, и онъ, будто бы, беззастѣнчиво преслѣдовалъ аббата Стурмія, добившись даже отъ Пипина, обвиненіемъ его въ измѣнѣ, ссылки его на два года, и вражда между ними продолжала существовать до конца жизни аббата, такъ что на своемъ смертномъ одрѣ, объявляя свое прощеніе всѣмъ людямъ, онъ счелъ необходимымъ упомянуть Лулла по имени, какъ лицо, которое въ особенности нуждалось въ его прощеніи [1]).

---

[1]) Напр. Conc. Tolet. IV, отъ 633 года, с. 51 (гдѣ говорится, что епископы обращаются съ монахами, какъ съ рабами). Conc. Tolet. IX, отъ 655 года, с. 2.

[2]) См. Ducange подъ сл. Monasteria Regalia.

[3]) Acta SS. Oct. 16, p. 1063. Захарія, будто бы, даровалъ подобную же привиллегію Монте-Кассино въ 747 году. Подобныя изъятія болѣе ранняго времени составляютъ несомнѣнный подлогъ.

Изъятія существовали также въ патріархатѣ константинопольскомъ, гдѣ нѣкоторые монастыри освобождены были отъ власти епископской, и подчинены митрополиту, причемъ другіе подчинялись даже только патріарху. Въ знакъ этихъ преимуществъ надъ алтаремъ, въ церкви монастыря, воздвигался обыкновенно митрополичій или патріаршій крестъ.

Второй соборъ никейскій позволялъ аввамъ, если они были пресвитеры, рукополагать низшее духовенство своихъ монастырей [2]). Правило это было принято и на Западѣ, и вслѣдствіе какъ этого, такъ и другихъ обстоятельствъ, дѣло дошло до того, что обитатели монастырей были уже не міряне, какъ это было въ прежнее время, а за весьма немногими исключеніями принадлежали къ какой нибудь степени іерархіи.

Возрастъ, требовавшійся для допущенія въ монашескую общину, опредѣлялся различно. Трулльскій соборъ постановляетъ, чтобы онъ былъ не менѣе десятилѣтняго [3]). Ѳеодоръ кентерберійскій назначалъ пятнадцать лѣтъ въ качествѣ возраста для монаховъ, а шестнадцать или семнадцать для монахинь [4]). Капитуляріи отъ 789 года возобновляютъ древнія африканскія правила, запрещающія пріемъ женщинъ раньше двадцатипятилѣтняго возраста, если только для этого нѣтъ какихъ либо особыхъ причинъ [5]). Но кромѣ тѣхъ, кто принимали обѣты за самихъ себя, родители могли обрекать на монашеское состояніе своихъ дѣтей, и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, не было никакой возможности для уклоненія отъ его обязательности. Карлъ Великій впрочемъ старался положить нѣкоторый предѣлъ подобному обычаю, повелѣвая, что во исполненіе каноновъ дѣвицы не должны быть посвящаемы въ монашество, пока не достигнутъ возраста, достаточнаго для пониманія своего рѣшенія [1]).

---

[1]) Vita S. Sturmi, ap. Pertz. II, 373—7; Mabill, Acta SS. Ben. IV, 279—84, 400. Но, согласно жизнеописателямъ Лулла (сс. 20—22), причиной изгнанія Стурмія были нѣкоторые „сварливые люди", и Луллъ содѣйствовалъ его возвращенію (Acta SS. Oct. 16, pp. 1050, 1063—4).

[2]) Conc. Nic. II, отъ 787 года, с. 14.

[3]) C. 40.

[4]) Capitul. 118; Hard. III, 1778.

[5]) C. 46.

Встрѣчается много постановленій противъ допущенія крѣпостныхъ въ монастыри, безъ согласія ихъ господъ, и свободныхъ людей безъ позволенія государя. Не необычнымъ дѣломъ было въ это время пользоваться удаленіемъ отъ міра какъ ложнымъ предлогомъ для избѣжанія военной службы. Съ цѣлью пресѣчь это злоупотребленіе, Карлъ Великій постановилъ въ 805 году, что тѣ, кто оставляли міръ, должны были жить строго согласно съ уставомъ, въ качествѣ ли канониковъ, или въ качествѣ монаховъ.

Хотя соблюденіе одного и того же устава было уже связью, объединявшей между собою различныя монашескія общины, однако же болѣе тѣсной связи между ними еще не существовало на Западѣ. Нѣкоторые изъ болѣе значительныхъ монастырей имѣли особыя кельи или скиты, находившіеся въ зависимости отъ нихъ; но за исключеніемъ этихъ, весьма ограниченныхъ случаевъ, между различными монашескими учрежденіями не было никакого внутренняго соотношенія, и не было какого либо подчиненія многихъ общему главѣ, какъ это было въ системѣ св. Пахомія [2]). Было въ обычаѣ, что аббатъ, отправляя одного изъ своихъ монаховъ для основанія новой общины, освобождалъ его отъ обѣта послушанія, какъ скоро онъ оказывался въ состояніи основать свою собственную общину. Въ теченіе первой части этого періода, аббату было запрещено имѣть болѣе одного монастыря [3]); но это правило впослѣдствіи не соблюдалось. Совмѣстительство, какъ въ церквахъ, такъ и въ монастыряхъ, сдѣлалось частымъ, и иногда и церковныя и монашескія должности занимались одними и тѣми же лицами. Такъ, около 720 года, членъ каролингскаго рода Гугъ былъ въ одно и то же время епископомъ парижскимъ, руанскимъ, байозскимъ и аббатомъ фонтенельскимъ и жумьежскимъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда каѳедра обыкновенно занималась лицами изъ какого либо отдѣльнаго монастыря, епископы часто совмѣщали аббатство съ своимъ собственнымъ саномъ, и гдѣ епископы были въ состояніи захватить власть назначенія на аббатство, они иногда присвояли эту должность себѣ самимъ. Такимъ именно образомъ Сидоній, епископъ констанцскій, уже владѣвшій аббатствомъ Рейхенау, рѣшилъ въ 759 году сдѣлать себя и главою Сен-Галла, и хотя, какъ разсказываютъ историки монастыря, его посягательство было наказано смертью, подобно смерти Арія, слѣдующій епископъ, Іоаннъ, не только занялъ эту важную должность, но къ концу своей жизни составилъ даже планъ обезпечить своихъ трехъ племянниковъ передачей одному изъ нихъ епископіи и другимъ двумъ каждому по аббатству.

---

[1]) Capit. отъ 805 года, с. 14.

[2]) См. выше стр. 298. Постановленіе св. Колумбы по которому аббатъ іонскій считался общимъ настоятелемъ (см. выше, стр. 505), было исключеніемъ изъ общераспространенной системы Запада.

[3]) Conc. Epaon, отъ 517 года, с. 9.

Многія изъ монашескихъ общинъ были освобождены государями отъ всякихъ государственныхъ налоговъ и пошлинъ [1]). Но такія изъятія были часто не только признакомъ бѣдности со стороны монастыря, но и знакомъ особеннаго царскаго благоволенія къ нимъ. Такъ, въ спискѣ франкскихъ монастырей, составленномъ въ Э-ля-Шапелѣ въ 817 году, они распредѣлены на три класса, изъ которыхъ къ первому принадлежатъ тѣ, которые обязаны государю служить и деньгами, и военной повинностью, ко второму тѣ, которые обязаны были давать только деньги, и къ третьему свободные отъ всякой повинности, кромѣ молитвы; причемъ наиболѣе знаменитыя учрежденія, по большей части, принадлежали къ наиболѣе обремененному налогами классу [2]).

По мѣрѣ того, какъ монастыри богатѣли, проявлялись и нѣкоторыя худыя послѣдствія этого. Для удовлетворенія обѣта бѣдности считалось достаточнымъ отрекаться отъ личной собственности. Гдѣ это обязательство сознавалось дѣломъ совѣсти, монахи удерживали свою первоначальную простоту въ одеждѣ и пищѣ, причемъ всѣ избытки употреблялись на другія цѣли, какъ построеніе дорогихъ зданій. Но обладаніе средствами роскоши вообще приводило и къ введенію наслажденія ими. На Востокѣ, исповѣдникъ Максимъ, въ половинѣ VII столѣтія, обличая безпорядочную жизнь монаховъ, говоритъ, что ихъ благочестіе не лучше лицемѣрія. Карлъ Великій въ 811 году порицалъ аббатовъ за то, что они заботились только объ увеличеніи числа своихъ монаховъ и пріобрѣтеніи хорошихъ пѣвцовъ и чтецовъ, нисколько не заботясь объ ихъ нравственности. Онъ саркастически спрашивалъ, какъ монахи и духовенство понимаютъ текстъ, запрещающій предаваться дѣламъ міра сего; не предполагаютъ ли они, что единственное различіе между ними и міряними состоитъ въ томъ, что они не женаты и не носятъ оружія, и можно ли сказать, что оставили міръ тѣ, которые всѣми средствами стремятся къ увеличенію своихъ имѣній, пользуются обѣтованіями неба и ужасами ада, именемъ Бога и святыхъ лишь для того, чтобы вымогать дары не только отъ богатыхъ, но и отъ бѣдныхъ и невѣжественныхъ, и лишая законныхъ наслѣдниковъ принадлежащей имъ собственности, приводятъ многихъ къ воровству и грабежу? Можно ли, продолжаетъ онъ, сказать, что оставили міръ тѣ, которые совершаютъ даже клятвопреступничество, съ цѣлью достигнуть того, чего они желаютъ? или тѣ, которые удерживаютъ свою мірскую собственность и окружены отрядами вооруженныхъ людей [1])?

---

[1]) См. напр. грамоту, дарованную Корбейскому монастырю Клотаремъ III, въ 699 году (Hard. III, 1010).

[2]) Pertz, Leges, I, 223.

Аббаты, какъ и епископы, предавались войнѣ, охотѣ и азартнымъ играмъ, любили общество пѣвцовъ и шутовъ. Существуетъ много постановленій противъ безпорядковъ этого рода, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ распространяются также и на аббатессъ, и часто слышатся жалобы на безнравственность между отшельниками обоего пола, вмѣстѣ съ попытками устранить подобное состояніе вещей.

Имущество монастырей, какъ и имущество церквей, страдало отъ вымогательства ихъ адвокатовъ и отъ отчужденія его мірянамъ. Замѣчательный примѣръ подобнаго отчужденія сообщается въ отношеніи аббатства Стабло, въ діоцезѣ льежскомъ, гдѣ, вслѣдствіе обращенія доходовъ въ гражданскую „бенефицію“ было два преемства аббатовъ, причемъ одна линія вообще происходила изъ епископовъ Льежа, а другая состояла изъ знатныхъ мірянъ [2]).

Къ концу этого періода во Франціи явился замѣчательный преобразователь монашеской жизни, именно Витица, впослѣдствіи извѣстный подъ именемъ св. Бенедикта аніанскаго. Онъ былъ готъ по происхожденію, и сынъ окружнаго начальника магелонскаго въ Септиманіи. Будучи мальчикомъ, онъ былъ взятъ ко двору Пипина, у котораго онъ сдѣлался виночерпіемъ, и продолжалъ оставаться на службѣ Карла Великаго. Въ 774 году онъ сопровождалъ своего государя въ Римъ, и на пути домой едва не утонулъ во время тщетной попытки спасти своего брата, быстро увлеченнаго разлившимся потокомъ. Въ благодарность за свое спасеніе онъ задумалъ принять монашество и дѣйствительно вступилъ въ монастырь Сен-Сенскій или Секванскій, въ Бургундіи. Хотя онъ и принялъ имя Бенедикта, однако же уставъ нурсійскаго монаха казался ему пригоднымъ только для слабыхъ, новичковъ, и онъ предался всѣмъ суровостямъ восточнаго монашества. Онъ истощалъ свое тѣло необычайнымъ постомъ; одежда его состояла изъ лохмотьевъ, кишѣвшихъ червями, и испещрена была заплатами разныхъ цвѣтовъ. Спалъ онъ очень мало, и притомъ на голой землѣ; никогда не мылся, подвергался издѣвательству и оскорбленіямъ въ качествѣ безумнаго, и часто выражалъ свой ужасъ предъ адомъ жалобными выкриками. Хотя аббатъ часто побуждалъ его ослабить эти суровости, рѣшимость Бенедикта была непоколебима[1].

---

[1]) Pertz, Leges, I, 167—8.

[2]) Acta SS. Oct. 28, pp. 715—19. Это было отчасти похоже на описанную уже выше ирландскую систему (см. стр. 587).

По смерти аббата, Бенедиктъ избранъ былъ въ преемники ему; но онъ бѣжалъ изъ Сен-Сена, и построилъ себѣ маленькую келью въ имѣніи своего отца, на берегу рѣки Аніаны. Нѣкоторые монахи, попытавшіеся жить съ нимъ, нашли себя неспособными выдерживать необычайную суровость его системы; но съ теченіемъ времени около него собралось значительное общество, и близь его кельи построенъ былъ монастырь. Въ построеніи его принималъ участіе самъ Бенедиктъ, и его монахи сами обязаны были возить матеріалы, такъ какъ они не въ состояніи были достать воловъ для этой работы. Стѣны монастыря были деревянныя, крыша сдѣлана изъ соломы, церковныя облаченіи были крайне грубы, между тѣмъ какъ обыкновенно въ другихъ монастыряхъ для этого употреблялся шелкъ; евхаристическіе сосуды были также деревянные, впослѣдствіи стеклянные, и наконецъ оловянные. Монахи питались по преимуществу хлѣбомъ и водой, каковая пища иногда разнообразилась молокомъ, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ—нѣкоторымъ количествомъ вина. Если суровая простота первыхъ учрежденій Бенедикта подсказана была отчасти опасеніемъ, чтобы богатство архитектуры и украшенія не послужили къ ущербу для монашеской дисциплины, то впослѣдствіи онъ, должно быть, перемѣнилъ свое мнѣніе по этому предмету; потому что въ 782 году скромныя деревянныя зданія уступили мѣсто великолѣпнымъ постройкамъ. Церковь была украшена мраморными столбами, при ней было нѣсколько дорогихъ часовень, и все, что касалось утвари и богослуженія, отличалось необычайнымъ великолѣпіемъ. Карлъ Великій, помогавшій въ несеніи расходовъ на устроеніе монастыря, освободилъ его отъ всякихъ налоговъ и отъ юрисдикціи какъ епископовъ, такъ и мѣстныхъ гражданскихъ властей.

Бенедиктъ съ теченіемъ времени сдѣлался человѣкомъ весьма извѣстнымъ и вліятельнымъ. Имя его уже появлялось предъ нами, какъ имя одного изъ уполномоченныхъ, которыми пользовался Карлъ Великій для привлеченія къ себѣ приверженцевъ Феликса ургельскаго[2]. Людовикъ, въ бытность свою королемъ Аквитаніи, пользовался его услугами въ дѣлѣ преобразованія монастырей этой страны, и вліяніе его учрежденій чувствовалось на обширномъ пространствѣ. Онъ собралъ въ двѣ книги монастырскіе уставы Востока и Запада; въ третьей книгѣ онъ собралъ уставы для женскихъ монастырей, и изъ всего составилъ „гармонію уставовъ", въ которой постановленія прежняго св. Бенедикта по каждому предмету поясняются постановленіями другихъ монастырскихъ законодателей [1]). Въ своихъ преобразованіяхъ, онъ ограничивался приведеніемъ въ дѣйствіе бенедиктинской системы, которая, какъ показывалъ ему опытъ, лучше пригодна была для общаго употребленія, чѣмъ суровыя системы восточнаго монашества. Въ своей собственной жизни, онъ принужденъ былъ нѣсколько ослабить ту суровость, съ которой онъ началъ; но его жизнь продолжала оставаться строго аскетической, и онъ участвовалъ съ своими монахами въ обычныхъ трудахъ,—пашнѣ, жатвѣ и другихъ полевыхъ земляныхъ работахъ. Вскорѣ послѣ восшествія Людовика на императорскій престолъ, Бенедиктъ отрекся отъ аббатства аніанскаго и удалился въ новый царскій монастырь на берегу Инды, близь Э-ля-Шапелля. Тамъ онъ оказывалъ весьма важное вліяніе на жизнь въ теченіе первыхъ лѣтъ царствованія своего патрона, и умеръ въ 821 году, въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ.

---

[1] См. Vita ap. Mabill. Acta SS. Ben. v, 192 и слѣд., сс. 1, 2, 7, 10—12.

[2] См. выше, стр. 681.

Въ Англіи, монашество съ первой половины VIII столѣтія начало клониться къ упадку. Монастыри часто были наводняемы и занимаемы могущественными мірянами, и хотя противъ этого зла было направлено одно правило собора кловесгускаго, однако же употребленные этимъ соборомъ термины знаменательно доказываютъ, что соборъ имѣлъ мало надежды на подавленіе его. Бонифацій, въ своихъ письмахъ къ архіепископу Кутберту и Этельберту, королю Мерціи, жаловался, что англійскіе монастыри были угнетаемы больше всѣхъ другихъ монастырей въ христіанскомъ мірѣ, что ихъ преимущества нарушались, что они обременяемы были тяжелыми и несправедливыми налогами, разоряемы расходами на содержаніе короля и его свиты во время охоты, что монахи были принуждаемы къ работамъ при построеніи королевскихъ зданій и къ другимъ повинностямъ [2]).

Но не мало порицаются и сами монашескія общины. Монахи часто обвиняются въ безпорядочной жизни и пьянствѣ, что̀ Бонифацій считаетъ особенно національнымъ порокомъ, а любовь къ нарядной одеждѣ, бывшая другой отличительной особенностью древнихъ бриттовъ, удерживалась не смотря на всѣ монастырскія правила. Альдгельмъ сильно порицалъ преданность подобной роскоши [3]). Бонифацій жаловался на это Кутберту; соборъ кловесгускій порицалъ его въ духовенствѣ, въ монахахъ и въ монахиняхъ, въ особенности порицая въ мужчинахъ привязанность къ мірской прическѣ и моду украшать ноги разноцвѣтнымъ шитьемъ; соборъ халхитскій выражалъ желаніе, чтобы монахи и каноники носили одежду, одинаковую съ монахами и каноииками континента, „а не крашенную индійскими красками или весьма драгоцѣнную“ [1]). Но и нѣсколько лѣтъ спустя Алкуинъ продолжалъ жаловаться на такую суетность, и подавить любовь къ ней оказывалось невозможнымъ

---

[1]) Concordia Regularum напечатана съ его другими сочиненіями въ томѣ сш-мъ Patrologia.

[2]) Ep. 62 (Patrol. LXXXIX, 761).

[3]) De Laudibus virginitatis, 58 (Patrol. LXXXIX).

Упадку монашества въ Англіи содѣйствовало, кромѣ упомянутыхъ уже причинъ (именно свѣтскаго угнетенія, которому подвержены были монахи, и ихъ собственнаго нежеланія, когда проходилъ первый періодъ благочестиваго рвенія, подчиняться ограниченіямъ монастырскаго устава), введеніе канонической жизни. Обитатели монастырей, вмѣсто монаховъ, сдѣлались канониками, и около половины ix столѣтія бенедиктинскій орденъ почти совершенно исчезъ въ Англіи.

Правила этого періода касательно отшельницъ въ общемъ одинаковы съ правилами касательно иноковъ. Отъ аббатессъ требовалось подчиненіе своимъ епископамъ; онѣ порицаются за присвоеніе себѣ священнаго права посвящать дѣвственницъ, и давать благословеніе и рукоположеніе мужчинамъ—повидимому съ цѣлью посвященія ихъ на низшія степени священства [2]). Встрѣчаются частыя жалобы на распутную жизнь въ женскихъ монастыряхъ, и въ этомъ грѣхѣ обвиняются иногда сами аббатессы [3]). Другія правила направляются противъ обычая допускать вдовъ, принимать монашество во время перваго приступа ихъ горя, такъ какъ оказывалось, что такія монахини часто предавались мірскимъ дѣламъ или увеселеніямъ, и старались пользоваться въ одно и то же время преимуществами и монашеской и мірской жизни.

Бенедиктинскій уставъ принятъ былъ и въ женскихъ монастыряхъ, и къ концу этого періода примѣръ устава Хродеганга повелъ къ учрежденію общинъ канониковъ-женщинъ (канониссъ), которыя жили вмѣстѣ подъ менѣе строгимъ уставомъ, чѣмъ монахини, и безъ обязательства отказываться отъ своей частной собственности.

V. Обряды и обычаи.

1. По всему Западу съ самаго начала при богослуженіи употреблялся латинскій языкъ. Такъ какъ на немъ говорило населеніе

---

[1]) Отъ 785 года, с. 4.

[2]) Capit. отъ 789 года с. 75.

[3]) Напр. капитулярій 789 года (Pertz, i, 68, с. 3) запрещаетъ монахинямъ писать или посылать любовные стихи. Встрѣчаются также запрещенія сношенія между монахами или духовенствомъ и монахинями. Соборъ эляшапельскій отъ 836 года свидѣтельствуетъ, что многіе женскіе монастыри сдѣлались lupanaria, и это въ нѣкоторыхъ случаяхъ потому, что аббатессы голодомъ вынуждали своихъ

всѣхъ западныхъ провинцій имперіи, то не было и необходимости переводить литургію на другіе языки, а послѣ варварскихъ завоеваній латинскій языкъ оставался языкомъ высшей цивилизаціи и въ особенности языкомъ духовенства, ряды котораго въ теченіе долгаго времени вообще наполняемы были изъ среды романизированныхъ народовъ. Онъ былъ тѣмъ посредствомъ, чрезъ которое народы вели свои оффиціальныя сношенія; онъ одинъ оставался устойчивымъ въ то время, какъ нарѣчія варваровъ подвергались быстрымъ измѣненіямъ, и гдѣ на его основѣ образовались новые языки (въ каковомъ процессѣ церковное употребленіе латинскаго языка весьма много содѣйствовало обезпеченію его преобладанія), то образованіе это было постепеннымъ, такъ что было бы невозможно опредѣлить, въ какое собственно время вышелъ изъ употребленія, или устарѣлъ древній римскій языкъ. Болѣе тѣсная связь, установленная съ Римомъ Пипиномъ и Карломъ Великимъ, упрочила употребленіе латинскаго языка во франкской церкви. И вотъ такимъ образомъ обычай, первоначально возникшій по особымъ обстоятельствамъ, сталъ наконецъ считаться какбы необходимымъ, и въ позднѣйшее время даже былъ оправдываемъ особой теоретической аргументаціей, хотя это, повидимому, и шло столь же вопреки обычаю древней церкви, какъ и вопреки разума. Карлъ Великій впрочемъ, не смотря на свою преданность римскимъ обрядамъ, противодѣйствовалъ возростающему мнѣнію касательно этого предмета. „Пусть никто", говорится въ его капитуляріѣ на соборѣ франкфуртскомъ, „не предполагаетъ, что Богу нельзя молиться кромѣ какъ на трехъ языкахъ; ибо Богу можно молиться на всякомъ языкѣ, и молящійся будетъ услышанъ, если только онъ проситъ должнаго" [1]).

Пѣніе теперь было предоставлено хору, и народъ присоединялся къ нему только въ пѣніи „Господи помилуй". Но Карлъ Великій и другіе заботились о томъ, чтобы чаще и на народномъ языкѣ

монахинь къ искушенію (сс. 12, 13). Аббатессамъ повелѣвается заботиться о томъ, чтобы въ ихъ монастыряхъ немного было темныхъ угловъ, какъ представляющихъ большое удобство для грѣховъ (с. 14).

[1]) Capit. Francof. отъ 794 года, с. 52. Гизо предполагаетъ, что здѣсь разумѣются языки греческій, латинскій и германскій. Но противъ этого говоритъ уже то самое обстоятельство, что въ капитуляріѣ осуждается предубѣжденіе противъ употребленія германскаго языка. Треязычная ересь, какъ извѣстно, состояла изъ требованія исключительнаго употребленія языковъ еврейскаго, греческаго и латинскаго, какъ это видно изъ словъ папы Іоанна VIII въ его одобреніи славянской литургіи: „Тотъ, кто сотворилъ три главныхъ языка,—то'есть, еврейскій, греческій и латинскій, Самъ же сотворилъ и всѣ другіе въ хвалу и славу Свою" (Ep. 107 ap. Hard. VI, 86). Сказаніе о св. Людмилѣ касательно того же предмета говоритъ: „были такіе, кто порицали славянскую письменность, говоря: не пристойно каждому народу имѣть свои книги, кромѣ еврейскихъ, греческихъ и латинскихъ, согласно съ надписью Пилата на крестѣ; таковыхъ папа Пилатикъ осудилъ, называя ихъ партизанами и треязычниками". С. 6. Ap. Ginzel, Anh. 25.

производилось проповѣданіе, благодаря миссіямъ пріобрѣвшее важность, которую оно нѣкогда повидимому готово было потерять. О мѣрахъ его къ наставленію народа въ знаніи символа вѣры и молитвы Господней было уже упомянуто въ предъидущей главѣ [1].

Въ Англіи латинскій языкъ употреблялся въ качествѣ обрядоваго и богослужебнаго языка не только Августиномъ и его послѣдователями, но и шотландскими и ирландскими учителями, привыкшими къ нему въ своихъ туземныхъ церквахъ. Посланія и Евангелія, однако же, читались на туземномъ языкѣ, и на немъ же произносились проповѣди. Шотландская или ирландская литургія была отмѣнена соборомъ кловесгускимъ въ тѣхъ частяхъ южной Англіи, гдѣ она находилась въ употребленіи раньше; но, не смотря на вліяніе Вильфрида, она удерживалась въ церкви іоркской до времени Алкуина, который совѣтовалъ оставить ее [2]. Можно однако же думать, что при принятіи римскаго обряда въ Англіи сдѣланъ былъ свободный выборъ и изъ другихъ уставовъ, каковая свобода предоставлена была Августину Григоріемъ.

На Востокѣ обычнымъ церковнымъ языкомъ былъ греческій, и онъ продолжалъ оставаться таковымъ и при магометанскомъ управленіи, гдѣ арабскій языкъ употреблялся въ обычныхъ житейскихъ дѣлахъ. Монофизиты Египта однако же при своемъ богослуженіи употребляли коптскій языкъ, а несторіане—сирійскій.

2. При богослуженіи латинской церкви мало по малу вошли въ употребленіе оргàны. Самое раннее упоминаніе о такихъ инструментахъ (въ отличіе отъ древняго гидравлическаго оргàна, изобрѣтеніе котораго нѣкоторые приписываютъ Архимеду), повидимому, находится въ одномъ мѣстѣ у бл. Августина [2]. Венантій Фортунатъ, епископъ пуатьерскій, около 600 года, сравниваетъ голоса мальчиковъ и мужчинъ въ хорѣ съ маленькими и большими трубами оргàна, но не говоритъ, что въ церквахъ употреблялся самый этотъ инструментъ, такъ что его слова не несовмѣстимы съ мнѣніемъ, которое приписываетъ введеніе органовъ въ церкви папѣ Виталіану (657—672 г.). Изъ свидѣтельства Альдгейма явствуетъ, что они были извѣстны въ Англіи въ началѣ VIII столѣтія [3]; но можно думать, что послѣ вѣка Венантія оргàнъ опять былъ новостью для франковъ, когда одинъ экземпляръ былъ присланъ Константиномъ Копронимомъ въ подарокъ Пипину въ 757 году. Сенъ-Галльскій жизнеописатель Карла Великаго говоритъ, что подобный инструментъ, „производящій вмѣстѣ раскатъ грома и сладость лиры“, привезенный нѣкоторыми греческими посланными вели-

---

[1] См. выше, стр. 660.

[2] Enarr. in Psalm LVI, 16; ср. Isid. Hispal. Etymol. II, 21.

[3] Aldh. De Laudibus Virginit. (Patrol. LXXXIX, 240).

кому императору, возбудилъ среди франковъ желаніе самимъ дѣлать подобные инструменты. При Людовикѣ Благочестивомъ одному венеціанскому священнику, по имени Георгію, было поручено императоромъ сдѣлать органъ въ Эляшапеллѣ, и онъ, будто бы, исполнилъ свою задачу „съ чудеснымъ искусствомъ“; но инструментъ этотъ, повидимому, былъ гидравлическаго рода. Франки скоро сдѣлались столь искусными въ выдѣлкѣ орга́новъ, что около столѣтія спустя послѣ времени дара Константинова Пипину, папа Іоаннъ VIII просилъ епископа фрейзингскаго прислать ему одинъ инструментъ, вмѣстѣ съ лицемъ, искуснымъ въ употребленіи его, такъ какъ сѣверные органы были выше по достоинству всѣхъ, какіе только дѣлались въ Италіи [1]. Нѣкоторые изъ большихъ органовъ того времени, вѣроятно, представляли собою громадные инструменты, если можно буквально принимать поэтическое описаніе одного органа, воздвигнутаго въ Винчестерскомъ соборѣ епископомъ Алфегомъ (впослѣдствіи архіепископомъ кентерберійскимъ) въ концѣ X столѣтія, потому что, по описанію, онъ раздувался двадцатью шестью парами мѣховъ, для чего требовался усиленный трудъ 70 человѣкъ.

3. Къ этому же періоду относится и введеніе церковныхъ колоколовъ. Долго существовавшее мнѣніе, что они были изобрѣтены св. Павлиномъ ноланскимъ въ концѣ IV столѣтія, не имѣетъ исторической опоры, и основывается только на ошибочной этимологіи [2]. По нѣкоторымъ писателямъ, они впервые введены были въ употребленіе въ церквахъ Сабиніаномъ, преемникомъ Григорія Великаго по каѳедрѣ римской; но во всякомъ случаѣ извѣстно, что въ теченіи VII и VIII столѣтій употребленіе ихъ даже распространено было по всей Франціи и другимъ странамъ. Колокола часто упоминаются Бедой [3] и въ письмахъ св. Бонифація [4]. При Карлѣ Великомъ легендарный сенъ-галльскій жизнеописатель разсказываетъ, что монахъ его общины, по имени Танхо, получивъ заказъ отъ императора на большой колоколъ, при составленіи металла подмѣнилъ серебро оловомъ, и наказанъ былъ за свой обманъ чудесною смертью; въ капитуляріѣ 789 года есть запрещеніе крещенія колоколовъ, каковой обычай совершался и впослѣдствіи, причемъ колоколамъ давались христіанскія имена, и они снабжались воспріемниками.

---

[1] Отъ 873 года. Joh. Ep. 1 (Patrol. CXXVI). Балдрикъ, архіепископъ дольскій, въ началѣ XII столѣтія упоминаетъ съ удивленіемъ объ одномъ органѣ въ Фекампѣ, какъ первомъ, который онъ видѣлъ, хотя онъ много путешествовалъ во Франціи, и посѣщалъ также Англію. Itinerarium. 7 (Patrol. CLXVI).

[2] Предполагали, что они назывались Nola и Campana отъ города Нолы и провинціи Кампаніи (см. Patrol. CXIV).

[3] Notum Campanae Sonum (IV, 23).

[4] Тутъ однако же читаютъ различно,—donum unum вмѣсто cloccam unam въ Ep. 37 (Patrol. LXXXIX).

4. Исторія евхаристическаго ученія, какъ оно обстояло въ этомъ періодѣ, обсуждалась часто съ большою горячностью и пристрастіемъ, какъ будто вопросъ по этому предмету между новѣйшимъ Римомъ и его противниками зависитъ отъ мнѣній vii и viii столѣтій. Слово *образъ*, гдѣ только оно встрѣчается, привѣтствуется одною партіей, и такія слова, какъ *тѣло*, *кровь*, или *измѣненіе*—другою, какъ будто бы они представляютъ совершенно достаточное основаніе для рѣшенія дѣла. Но истина заключается между обѣими крайностями. Какъ въ языкѣ, такъ и въ воззрѣніяхъ въ это время замѣчался наклонъ къ ученію о пресуществленіи, и мнѣнія отдѣльныхъ лицъ тѣсно примыкали къ нему, хотя это ученіе и не находило еще опредѣленнаго выраженія. Болѣе обстоятельно это ученіе было выяснено на Востокѣ, и именно Іоанномъ Дамаскинымъ. Онъ отвергаетъ терминъ „образъ", какъ не соотвѣтствующій св. Писанію, и заявляетъ, что освященныя части становятся „самымъ обоготворённымъ тѣломъ Господнимъ" [1]). Вмѣсто обыкновеннаго хлѣба, на которомъ первоначально совершалась евхаристія, на Западѣ введены были опрѣсноки. Они приготовлялись изъ весьма нѣжной муки безъ закваски, круглыми по формѣ, съ печатью, посредствомъ особаго орудія. Еще въ употребленіи было причащеніе младенцевъ, и съ освященнымъ хлѣбомъ совершались различные обряды, какъ напр. даваніе его мертвымъ и погребеніе вмѣстѣ съ ними. До xii столѣтія чаша давалась всѣмъ причащающимся [2]). То высокое мнѣніе, которое вѣрующіе имѣли объ евхаристической жертвѣ, повело къ многимъ важнымъ послѣдствіямъ, и между прочимъ эта жертва приносилась не только за живыхъ, но и за умершихъ.

5. Со времени Григорія Великаго начало распространяться и развиваться ученіе о чистилищѣ. Оно повидимому особенно укоренилось въ англійской церкви. Беда достопочтенный передаетъ разсказы о лицахъ, которыя въ видѣніи переносились въ области мертвыхъ; они возвращались къ сознанію съ печальнымъ и встревоженнымъ видомъ, разсказывали о своемъ видѣніи, и вскорѣ затѣмъ умирали. Такъ, Фурзею и Дритгельму позволено было видѣть наказаніе въ аду и чистилищѣ, а также блаженство праведныхъ, ожидавшихъ своего прославленія въ раю. Видѣніе Дритгельма въ стихахъ было изложено Алкуиномъ. Появлялись и другія повѣствованія подобнаго же рода, мысль о такихъ видѣніяхъ сдѣлалась привычною для людей, и шесть столѣтій спустя видѣнія безвѣстныхъ ирландскихъ или нортумбрійскихъ монаховъ завершились великой поэмой среднихъ вѣковъ [3]).

---

[1]) De Fid. Orthod. iv, 1 (t. i, p. 271).

[2]) Mabill. Acta SS. Ben. iv, lii—vl.

[3]) Поэмой Данта „Адъ".

Съ развитіемъ вѣрованія въ чистилище развился и обычай совершенія мессъ за отшедшихъ братій. Образовались цѣлыя братства, въ особенности среди монаховъ, съ обязательствомъ совершать по нѣскольку мессъ за душу каждаго брата по его смерти и въ годовщину ея, или съ цѣлью найма для служенія этихъ мессъ въ пользу ихъ за плату, которая въ Англіи стала называться „душевнымъ платежемъ“ [1]. Совершеніе этихъ мессъ сдѣлалось важнымъ источникомъ дохода для духовенства. Таковымъ оно признается въ уставѣ Хродеганга, и съ этою цѣлью строились новые алтари въ церквахъ, въ которыхъ было только по одному. Мессы служились также съ цѣлью полученія земныхъ благъ, какъ хорошая погода или благовременный дождь.

6. Въ церкви постепенно вводилось болѣе строгое соблюденіе воскреснаго дня [2], и занятія, которыя соборы VI столѣтія защищали противъ іудействующей тенденціи [3], теперь были запрещены, какъ противныя святости дня, которую стали обыкновенно основывать на четвертой заповѣди. Многіе каноны въ теченіе этого періода и нѣсколько позже постановляютъ, что воскресный день нужно освящать прекращеніемъ всякой промышленности, хозяйственныхъ занятій, или другаго ручнаго труда. Въ этотъ день не позволялось открывать судовъ или рынковъ, мужчины должны были воздерживаться отъ охоты, женщины отъ шитья, вышиванья, тканья, пряденія, выбивки льна, стрижки овецъ, или открытой стирки бѣлья. Не полагалось предпринимать никакихъ путешествій, кромѣ неизбѣжныхъ, да и эти послѣднія нужно было устраивать такъ, чтобы они не совершались въ ущербъ долгу присутствія при богослуженіи [4]. „Покаянникъ“, приписываемый Ѳеодору кентерберійскому, заявляетъ, что греки и латиняне одинаково не дѣлаютъ никакихъ работъ по воскреснымъ днямъ, не плаваютъ, не ѣздятъ, кромѣ какъ въ церковь, на соколиную охоту или въ баню, что греки не пишутъ публично, хотя для своихъ удобствъ они и пишутъ дома. Противъ всякаго нарушенія святости дня были установлены наказанія. Такъ, соборъ нарбонскій отъ 579 года присудилъ одного свободнаго человѣка къ уплатѣ шести солидовъ, и одного крѣпостнаго къ ста ударамъ. Ина, король вессекскій (688—725) постановляетъ, что если крѣпостной человѣкъ будетъ работать въ день Господень по приказанію своего господина, то онъ долженъ быть свободенъ,—если же по своей собственной волѣ, то дол-

---

[1] Soulscot.

[2] См. выше стр. 156 и 329.

[3] Какъ напр. Conc. Aurel. III, отъ 538 года, с. 28.

[4] Соборъ эляшапельскій отъ 836 года постановляетъ, чтобы въ воскресный день не совершались браки,—III, 18.

женъ заплатить штрафъ, или „потерпѣть въ своей шкурѣ“. Соборъ бергамстедскій (отъ 696 года) постановляетъ, что свободный человѣкъ, нарушающій покой свящ. дня, долженъ подвергнуться особому денежному штрафу, и налагаетъ тяжелый штрафъ на всякаго господина, который будетъ заставлять своего слугу работать отъ солнечнаго заката въ субботу до солнечнаго заката въ воскресенье. Съ цѣлью усиленія соблюденія воскреснаго дня дѣлались указанія на авторитетъ предполагаемыхъ откровеній. Такова именно была цѣль письма, которое будто бы ниспало съ неба въ 788 году, и уничтоженіе котораго Карлъ Великій предписывалъ въ своемъ капитулярiѣ отъ слѣдующаго года; тотъ же самый благочестивый обманъ, или нѣчто въ родѣ этого, употреблялся и въ Англіи. При Людовикѣ Благочестивомъ соборы разсуждали о тѣхъ мукахъ, которымъ подвергались люди за работу въ воскресный день,—причемъ нѣкоторые были убиты молніей, другіе повреждали себѣ члены, нѣкоторые были сожигаемы въ пепелъ видимымъ огнемъ. Отъ духовенства, знати и самого императора требовалось показывать добрый примѣръ надлежащимъ соблюденіемъ этого дня [1]).

Но не смотря на усилившуюся строгость касательно воскреснаго дня, мысль объ отождествленіи его съ іудейской субботой подвергалась осужденію. Григорій Великій отзывается о ней какъ объ ученіи антихриста, который, говоритъ онъ, будетъ требовать соблюденія обоихъ дней: субботы—ради іудейства, и дня Господня, потому что онъ будетъ заявлять притязаніе на соперничество съ воскресеніемъ Спасителя. Григорій затѣмъ говоритъ о сомнѣніяхъ тѣхъ, которые думали, что въ воскресный день не слѣдуетъ мыть тѣло. Это, говоритъ онъ, позволяется по необходимости, хотя и не по роскоши, одинаково какъ въ этотъ, такъ и въ другіе дни, и дѣлаетъ любопытную попытку доказать это рѣшеніе св. Писаніемъ [2]). Соборы лестинскій и вернскій порицали крайнюю строгость въ соблюденіи воскреснаго дня, какъ „принадлежащую скорѣе іудейскому суевѣрію, чѣмъ христіанскому долгу“ [3]).

День Господень, по общему мнѣнію, начинался съ вечера субботы, и продолжался до соотвѣтствующаго часа воскреснаго дня [4]). Такова именно, какъ мы видѣли, была продолжительность покоя отъ работы въ Англіи во время собора бергамстедскаго (696 г.); но въ половинѣ x столѣтія продолжительность его расширилась, и простиралась отъ трехъ часовъ пополудни въ субботу до разсвѣта понедѣльника.

---

[1]) Conc. Paris vi, отъ 829 года, i, 50; iii, 19 (Pertz., Leges. i).

[2]) Ep. xiii, 1.

[3]) Conc. Liptin. отъ 743 г. (Hard. iii, 1924—26); Conc. Vern отъ 755 г. c. 14 (Pertz Leges, i).

[4]) Capit. отъ 789 г. c. 15 (Pertz, Leges, i, 57).

7) Къ началу этого періода относится происхожденіе праздника всѣхъ святыхъ (которымъ имѣлось въ виду восполнить недостаточность въ праздновании святымъ въ отдѣльности). Происхожденіе его относится къ тому времени, когда Бонифацій IV получилъ въ свое распоряженіе отъ Фоки Пантеонъ въ Римѣ, и освятилъ его, превративъ въ церковь св. Маріи ad Martyres, въ 609 году [1]). Можно однако же думать, что праздникъ мучениковъ (13 мая), возникшій вслѣдствіе изъ освященія Пантеона, смѣшиваемъ былъ съ днемъ всѣхъ святыхъ (1 ноября), и что послѣдній не соблюдался въ Римѣ до VIII вѣка. Онъ возведенъ былъ на степень первоклассныхъ праздниковъ, и Григорій IV, въ 835 году, увѣщалъ всѣхъ къ должному провожденію его. На Востокѣ воскресный день послѣ св. Троицы связывался съ воспоминаніемъ всѣхъ святыхъ уже во времена св. Іоанна Златоуста.

Въ это же время установлено было и нѣсколько праздниковъ въ честь пресвятой Богородицы. „Принесеніе во храмъ“ измѣнилось въ празднованіе „очищенія пресвятой Маріи“. Рождество пресвятой Богородицы (8 сентября) праздновалось въ это время какъ на Востокѣ, такъ на Западѣ, и въ греческой церкви установленъ былъ особый праздникъ Введенія пресвятой Богородицы во храмъ (21 ноября), хотя на Западѣ онъ принятъ былъ не ранѣе XIV столѣтія. Въ Испаніи, видѣніе, бывшее Ильдефонсу толедскому, послужило поводомъ къ установленію праздника „Ожиданія пресвятой Маріи“ (18 декабря). Введенъ былъ также праздникъ Успенія (15 августа). Въ виду молчанія св. Писанія касательно смерти пресвятой Богородицы, усвоено было во время ефесскаго собора въ 431 году преданіе, по которому она провела свои послѣдніе годы вмѣстѣ съ Іоанномъ Богословомъ въ этомъ городѣ, и погребена была въ церкви, гдѣ собирался соборъ. Но впослѣдствіи преданіе гласило, что она погребена была въ долинѣ Іосафатовой, и оттуда вознесена была на небо. Празднованіе Успенія на Западѣ утверждено было соборомъ менцскимъ въ 813 году. Въ томъ же канонѣ упоминаются и другіе праздники, какъ Пасха, вмѣстѣ съ слѣдующей за ней недѣлей, день Вознесенія, праздникъ св. Троицы и слѣдующая за ней недѣля, Рожденіе св. Іоанна Крестителя, праздникъ апп. Петра и Павла, св. Михаила, св. Ремигія, Мартина, Андрея, трехдневный праздникъ Рождества Христова, Обрѣзаніе Господне, Богоявленіе и Очищеніе, вмѣстѣ съ храмовыми праздниками каждой церкви въ память ея освященія, а также праздниками въ честь мучениковъ и исповѣдниковъ, мощи которыхъ покоились въ извѣстномъ діоцезѣ или приходѣ.

---

[1]) Годъ собственно не вполнѣ извѣстенъ. См. Acta SS. Mai 25, p. 75.

8. Вмѣстѣ съ уваженіемъ къ памяти святыхъ Божіихъ возростало и почтеніе къ различнымъ священнымъ останкамъ и особенно къ мощамъ. 2-ой соборъ никейскій постановилъ, чтобы ни одна церковь не освящалась безъ какихъ либо мощей, и ставитъ неуваженіе къ нимъ въ вину противникамъ иконъ. Въ особенности пользовались уваженіемъ священные останки Спасителя и Его пресвятой Матери. Въ различныхъ частяхъ сохранялись нешвенный хитонъ и платъ, которыми повязана была голова Спасителя въ гробѣ. Среди сокровищъ монастыря Центулльскаго при аббатѣ Ангилбертѣ, умершемъ въ 801 году, находились части яслей, въ которыхъ возлежалъ Спаситель, свѣчи, возжигавшейся при Его рожденіи, Его одежды и сандалій, камня, на которомъ Онъ сидѣлъ во время насыщенія пяти тысячъ народа, дерево отъ трехъ скиній, части хлѣба, которыя Онъ давалъ своимъ ученикамъ, креста и губки, равно какъ и части волосъ и одежды пресвятой Маріи. Въ честь креста установлены были праздники Обрѣтенія и Воздвиженія.

Нѣтъ сомнѣнія, что рядомъ съ истиннымъ благоговѣніемъ къ священнымъ останкамъ, въ непросвѣщенной массѣ народа возникали и различныя суевѣрія, искорененіе которыхъ было предметомъ заботливости какъ духовной, такъ и свѣтской власти. Карлъ Великій неоднократно осуждалъ нѣкоторыя церковныя суевѣрія, наравнѣ съ суевѣріями покоренныхъ имъ язычниковъ. Онъ запрещалъ поклоненіе мнимымъ святымъ и сомнительнымъ мученикамъ, призываніе или боготвореніе святыхъ, кромѣ признанныхъ церковью, или построеніе имъ памятниковъ при дорогахъ, распространеніе апокрифическихъ или сомнительныхъ повѣствованій, введеніе новыхъ именъ ангеловъ, кромѣ тѣхъ, которые имѣли за себя библейскій авторитетъ. Соборъ менцскій запрещалъ перенесеніе тѣлъ святыхъ, иначе какъ съ позволенія государя и епископовъ.

Рядомъ съ истинными житіями святыхъ, стали чрезвычайно распространяться легендарныя сказанія о нихъ, которыя сдѣлались самой распространенной литературой того времени. Помимо самой легендарности ихъ содержанія (что можно считать извинительнымъ для составителей ихъ въ виду предполагаемаго отъ нихъ добраго вліянія) и внесенія ими всевозможныхъ заблужденій въ самыя нѣдра церкви, они не безукоризненны были и въ томъ отношеніи, что заставляли людей добиваться видимаго благоденствія и наказанія, согласно съ личной заслугой въ обычномъ теченіи міра. Но вредъ такихъ легендъ не оставался безъ должнаго вознагражденія со стороны распространявшагося ими добра. Легенды выставляли силу религіи не только въ чудесахъ, но и въ самоотверженіи и отреченіи отъ земныхъ благъ. Въ противоположность преобладавшей вообще грубости и эгоизму, онѣ представляли примѣры, которые научали духу кротости и самопожертвованія, чистоты и терпѣнія, любви къ Богу и къ человѣку, безкорыстнаго труда, прощенія враговъ, доброты къ бѣднымъ и угнетеннымъ. Заключительная часть легенды обыкновенно выставляла святаго торжествующимъ надъ своими земными бѣдствіями, хотя онъ въ то же время все еще близко чувствовалъ интересъ къ своимъ братьямъ, занятымъ жизненною борьбою, и проявлялъ этотъ интересъ различнымъ заступничествомъ въ ихъ пользу. Но болѣе всего польза этихъ сказаній заключалась въ томъ, что они постоянно внушали мысль о Провидѣніи, которое бодрствуетъ надъ всѣми дѣлами человѣческими и готово защищать невиннаго или вознаградить его за страданіе.

9. Уже въ IV вѣкѣ Григорій Нисскій и другіе обращали вниманіе на худыя стороны, связывавшіяся съ распространеннымъ обычаемъ паломничества къ святымъ мѣстамъ, и сильныя жалобы подобнаго же рода время отъ времени продолжаютъ встрѣчаться и въ этомъ періодѣ. Григорій Великій говоритъ Рустиціанѣ, одной придворной дамѣ, что въ то время, какъ она находилась въ странствованіи къ Синаю, ея чувства пребывали въ Константинополѣ, и выразилъ сомнѣніе, чтобы святые предметы, видѣнные ею тѣлесными глазами, произвели какое либо впечатлѣніе на ея сердце [1]). Но праздный духъ, съ которымъ часто предпринимались паломничества, былъ еще не главнымъ, связывавшимся съ ними зломъ. Бонифацій писалъ архіепископу Кутберту, что изъ множества англійскихъ женщинъ, стекавшихся въ Римъ, только немногимъ удавалось избѣгнуть гибели своей добродѣтели, что рѣдко можно найти городъ въ Ломбардіи или Франціи, гдѣ бы не поселялась какая нибудь обезчещенная англійская монахиня или другая какая либо паломница, и своимъ худымъ поведеніемъ не безчестила церкви своей родной страны [2]). Другимъ вреднымъ послѣдствіемъ паломничества было то, что изъ за него епископы и аббаты часто въ теченіи цѣлыхъ лѣтъ оставляли предоставленную имъ сферу дѣятельности, нанося большой ущербъ религіи и дисциплинѣ среди ввѣренной ихъ попеченію паствы.

Изъ Британіи паломничество большею частью совершалось въ Римъ, гдѣ англичане, по сосѣдству съ Ватиканской базиликой, имѣли свой особый кварталъ, извѣстный подъ саксонскимъ названіемъ Бургъ,—Борго позднѣйшаго времени. Нѣкоторые паломники изъ Британіи проникали даже въ Святую Землю. Во Франціи главнымъ мѣстомъ паломничества была гробница св. Мартина въ Турѣ; но послѣ восшествія на престолъ каролингской династіи усилилось паломничество изъ этой страны въ Римъ. Жизнь пилигримовъ считалась священною, и для пріема ихъ устроено было много госпиталей; среди нихъ одинъ основанъ былъ въ Іерусалимѣ Карломъ Великимъ собственно для призрѣнія латинскихъ паломниковъ [1]). Въ 802 году императоръ повелѣлъ, чтобы никто, богатый или бѣдный, не отказывалъ паломникамъ въ кровлѣ, огнѣ и водѣ, и поощрялъ тѣхъ, которые оказывали наибольшее гостепріимство, указаніемъ на то вознагражденіе, которое обѣщается за это въ св. Писаніи. Есть, однако же, и каноны противъ нѣкоторыхъ изъ заблужденій, связывавшихся съ паломничествомъ. Соборъ вернскій, въ 755 году, постановилъ, чтобы монахи не паломничали въ Римъ безъ позволенія своего аббата [2]). Соборъ шалонскій, въ 813 году, запретилъ духовенству ходить въ Римъ или въ Туръ безъ позволенія своего епископа, и признавая паломничество полезнымъ для тѣхъ, кто исповѣдывали свои грѣхи и получали руководство къ покаянію, кто исправлялись въ своей жизни, давали милостыню и предавались благочестію, онъ въ то же время обличаетъ заблужденія тѣхъ, которые считали паломничество поводомъ ко грѣху, и просилъ императора принять мѣры противъ обычая знатныхъ лицъ, которыя вымогали у своихъ подчиненныхъ деньги для покрытія расходовъ по своему паломничеству [3]).

---

[1]) Ep. IV, 46.

[2]) Ep. 63 (Patrol. LXXXIX).

Иногда лица, оказавшіяся виновными въ тяжкомъ грѣхѣ, были осуждаемы, въ видѣ покаянія, оставлять свою страну или странствовать въ теченіе извѣстнаго времени, или предпринимать паломничество въ какое либо отдаленное мѣсто. Эти кающіеся были снабжаемы письмами отъ своихъ епископовъ, которые въ одно и то же время объявляли о ихъ виновности и испрашивали любви и снисхожденія къ нимъ со стороны христіанъ. Многіе изъ нихъ были обременены цѣпями или кольцами, впивавшимися въ тѣло и причинявшими ужасныя муки [4]).

10. Церковная дисциплина по отношенію къ грѣху теперь была заключена въ особыя покаянныя книги. Эти книги были восточнаго происхожденія; самая ранняя изъ нихъ была составлена Іоан-

---

[1]) Bernardi Itinerarium, 870 г. въ Patrol. cxxi, 572.

[2]) С. 10.

[3]) Cc. 44—5.

[4]) Свидѣтельства объ этомъ встрѣчаются уже во времена Григорія Турскаго въ концѣ vi столѣтія. Ducange подъ сл. Peregrinatio. Этельвульфъ, отецъ Альфреда Великаго, при своемъ посѣщеніи Рима въ 855 году, получилъ отъ Бенедикта ш привилегію, чтобы ни одинъ англичанинъ не вынуждаемъ былъ оставлять свою страну ради такого покаянія; но уже и раньше этого времени являлись различные обманщики, которые ходили повсюду обнаженными и въ желѣзахъ подъ предлогомъ того, что они приговорены были къ паломничеству за какое нибудь тяжкое преступленіе. Капитулярій отъ 789 года запрещаетъ такимъ бродягамъ ходить по странѣ, и высказываетъ мысль, что тѣ, кто дѣйствительно повинны въ какомъ либо великомъ и необычномъ преступленіи могутъ лучше отбывать свое покаяніе, оставаясь на родинѣ (с. 78; сн. Capit. отъ 802 г. с. 45).

номъ, патріархомъ константинопольскимъ[1]. Первый покаянникъ въ западной церкви былъ тотъ, который вообще приписывается Өеодору, кентерберрійскому архіепископу изъ грековъ. Такъ какъ въ виду невозможности исполнять требованія древнихъ канановъ всѣ стали обходить ихъ или съ неуваженіемъ относиться къ нимъ, то производились и нѣкоторыя измѣненія въ нихъ, напр. извѣстный періодъ поста могъ быть замѣненъ прочитываніемъ предписаннаго числа псалмовъ. Отсюда былъ уже не труденъ переходъ къ системѣ покаянныхъ замѣнъ,—системѣ, вводившейся по аналогіи съ *веромъ* (выкупными деньгами[2]. Это установленіе, имѣвшее первоначальный характеръ возмездія за жизнь, распространилось и на случаи меньшихъ тѣлесныхъ поврежденій, такъ что за потерю члена, глаза, пальца или зуба, нужно было вознаграждать установленнымъ денежнымъ штрафомъ, и правило это было внесено теперь и въ покаянники, гдѣ грѣхи переводились на благочестивыя упражненія и деньги почти одинаково съ гражданскими постановленіями объ имущественныхъ ущербахъ. Эти платежи, однако же, еще не считались источникомъ дохода для церкви, а шли въ пользу бѣдныхъ, согласно съ опредѣленіемъ кающихся. Въ Англіи богатые нашли возможность облегчать себя въ дѣлѣ покаянія призывомъ къ себѣ на помощь множества бѣдняковъ для исполненія за нихъ этого покаянія. Такимъ способомъ становилось возможнымъ отбывать семилѣтнее покаяніе въ какіе нибудь семь дней, и хотя обычай этотъ былъ осужденъ соборомъ въ Кловесгу[3], однако же впослѣдствіи онъ нашелъ формальное подтвержденіе.

Необходимымъ результатомъ новой покаянной системы было не только поощреніе роковаго заблужденія касательно денегъ, какъ возмездія за грѣхъ (заблужденіе, противъ котораго напрасно возставали нѣкоторые соборы[4], хотя другіе, повидимому, даже благосклонно относились къ нему), но и введеніе духа мелочнаго торгашества въ отношенія грѣшниковъ къ своему Богу. Въ противоположность этому духу, Григорій III говорилъ, что канонъ не долженъ въ точности излагать продолжительности времени, назначаемаго для покаянія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ какъ то, что имѣетъ значеніе у Бога, не можетъ быть измѣряемо временемъ, а только сокрушеніемъ[5]. Соборъ шалонскій неодобрительно относится къ покаяннымъ книгамъ, о которыхъ говоритъ, что „заблужденія ихъ несомнѣнны, а авторы неизвѣстны"; онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они „шьютъ подушки для всѣхъ прорѣхъ на локтѣ", и требуетъ, чтобы покаяніе низведено было на почву древнихъ каноновъ [1]). Подобныя же мѣста встрѣчаются и въ постановленіяхъ другихъ французскихъ соборовъ IX и X столѣтій.

---

[1] См. Patrol.Gr LXXXVIII.

[2] См. выше стр. 714.

[3] Отъ 747 года, с. 27.

[4] Conc. Clovesh. c. 26; Conc. Cabill. отъ 813 года, c. 36.

[5] Hard. III, 1870.

Большое значеніе придавалось исповѣданію тайныхъ грѣховъ; но священникъ считался скорѣе совѣтникомъ, чѣмъ судьей, и форма его отпущенія была не судейской, а молитвенной. Отпущеніе обыкновенно давалось немедленно послѣ исповѣди, а предписанное покаяніе совершалось впослѣдствіи, такъ что въ то время, какъ въ древнія времена кающіеся на время отлучались отъ полнаго общенія церкви, теперь они постоянно оставались въ ней.

Наказаніе отлученіемъ во франкской церкви сдѣлалось гораздо болѣе строгимъ, чѣмъ это было раньше. Соборъ вернскій постановляетъ, что отлученное лицо „не должно входить въ церковь, ни принимать пищи или питья вмѣстѣ съ какимъ либо христіаниномъ; не можетъ оно принимать отъ него подарковъ или цѣловать его, или соединяться съ нимъ въ молитвѣ, или привѣтствовать его“ [2]). Предполагаютъ, что строгость этого опредѣленія заимствована была изъ обычая друидовъ—съ цѣлью сильнѣе повліять на грубыхъ новообращенныхъ христіанъ, которые безъ должнаго уваженія относились къ чисто духовному покаянію. Право отлученія несомнѣнно придало весьма много вліянія духовенству, хотя это вліяніе вполнѣ выступило лишь въ болѣе поздній періодъ.

11. У многихъ языческихъ народовъ, включая и народы сѣвера, издавна было въ обычаѣ испытаніе виновности или невинности посредствомъ торжественнаго обращенія къ небу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ освящалъ его и Моисеевъ законъ [3]). Такъ какъ оно совпадало съ народной жаждой чудеснаго, то церковь на нѣкоторое время взяла исполненіе подобныхъ испытаній въ свои руки. Къ испытанію или суду Божію прибѣгали не тамъ, гдѣ виновность обвиняемаго лица была ясна сама по себѣ, а въ случаяхъ сомнительныхъ, гдѣ недоставало данныхъ для опредѣленнаго рѣшенія. Къ нему приступали съ большой торжественностью. Обвинитель клялся въ истинѣ возводимаго имъ обвиненія; обвиняемый, который въ теченіе трехъ дней приготовлялся постомъ и молитвой, подобнымъ же образомъ утверждалъ свою невинность, и въ самыхъ торжественныхъ словахъ онъ заклинаемъ былъ не приближаться къ престолу Господню, если только сознавалъ какую либо виновность въ дѣлѣ, подлежавшемъ божественному суду. Обѣ стороны затѣмъ

---

[1]) Отъ 813 года, с. 38.

[2]) Отъ 755 года, с. 9 (Pertz, I, 25).

[3]) Какъ напр. въ испытаніи ревности, Числ. V, и въ бросаніи жребія, I. Нав. VII.

причащались, и послѣ этого духовенство помазывало елеемъ орудія, чрезъ которыя совершалось самое испытаніе [1]).

Испытанія были различнаго рода. Испытаніе посредствомъ судебнаго состязанія или поединка [2]) употреблялось не только для открытія преступленій, но и въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ напр. въ спорахъ касательно предѣловъ собственности. Отонъ Великій прибѣгалъ къ нему даже какъ къ средству рѣшенія юридическаго вопроса, участвуютъ ли по смерти человѣка дѣти умершаго сына въ наслѣдіи своихъ живыхъ дядей [3]). Такой способъ обращенія къ божественному суду былъ введенъ въ бургундскихъ законахъ аріанскимъ королемъ Гундобальдомъ, современникомъ Хлодвига, не смотря на противодѣйствіе Авита, епископа вьеннскаго. Оно не необычно было и среди франковъ, но въ Англіи повидимому неизвѣстно было до норманнскаго завоеванія. Лицамъ, которыя неспособны были подвергаться этому испытанію вслѣдствіе престарѣлаго возраста, пола, тѣлесной слабости, или монашескаго или церковнаго положенія, позволялось бороться при посредствѣ особыхъ бойцовъ, которые обыкновенно нанимались и считались классомъ зазорныхъ людей [4]). Подобнымъ же образомъ ввѣряли бойцамъ защиту своихъ интересовъ корпораціи или общества. Въ испытаніи раскаленнымъ желѣзомъ, обвиняемые босыми ходили по раскаленнымъ плитамъ, или (что было болѣе обычной формой) проносили часть раскаленнаго желѣза въ рукѣ на протяженіи удевятеренной длины своей ноги. Нога или рука (смотря по обстоятельствамъ) тогда связывалась и запечатывалась до третьяго дня, когда она подвергалась изслѣдованію, и сообразно съ ея состояніемъ произносилось рѣшеніе о виновности или невинности лица [5]). Испытаніе горячей водой состояло въ погруженіи руки въ кипящій котелъ, съ цѣлью вынуть камень, кольцо или желѣзную вещь, которая висѣла на большей или меньшей глубинѣ, сообразно съ тяжестью изслѣдуемаго преступленія [1]. Испытаніе холодной водой совершалось чрезъ бросаніе обвиняемаго въ прорубь на привязанной къ нему веревкѣ, посредствомъ которой можно было вытащить его назадъ. Если онъ былъ тяжелъ, то потопленіе его было доказательствомъ виновности, обратное же считалось доказательствомъ невинности [2]. Въ крестовомъ испытаніи (которое, не смотря на свое названіе, вѣроятно, было языческаго происхожденія) обвиняемый или его подставникъ поднималъ правую руку или обѣ руки, причемъ пѣлись во время испытанія псалмы, и опусканіе или дрожаніе рукъ считалось доказательствомъ виновности [3]. Среди другихъ способовъ испытанія, было держаніе руки на огнѣ, хожденіе въ тонкой одеждѣ между двумя горящими кострами, ядѣніе пряника, называвшагося въ Англіи корснедомъ [4], и принятіе евхаристіи [5].

---

[1] См. Ducange, п. с. Judicium Dei. Собраніе формулъ, употреблявшихся при судѣ Божіемъ, сдѣлано Балюзомъ, въ его изданіи капитуляріевъ, и перепечатано въ Patrologia LXXXVII, 929 и слѣд.

[2] См. Ducange, п. с. Duellum.

[3] Поборникъ внуковъ остался побѣдителемъ, и сообразно съ такимъ результатомъ и былъ установленъ законъ (Patrol. CXXXVII).

[4] Ducange, подъ сл. Campiones. Аттонъ, епископъ верцельскій, въ X столѣтіи жаловался, что духовенство и монахи были принуждаемы сражаться чрезъ посредство подставныхъ лицъ. Судебная битва, говоритъ онъ, принадлежитъ только мірянамъ, и во всякомъ случаѣ не представляетъ собою вѣрнаго испытанія (De Pressuris Eccles., Patrol. CXXXIV, 58, 61). Въ позднѣйшія времена привилегія освобожденія отъ битвы часто давалась императорами и другими государями жителямъ отдѣльныхъ городовъ или округовъ. Нѣкоторые изъ духовенства содержали у себя бойцевъ на постоянномъ жалованьи. Такъ, Ричардъ Свинфильдскій, епископъ герефордскій, съ 1292 по 1317 годъ, держалъ у себя нѣкоего Томаса бругскаго на ежегодномъ жалованьи въ шесть шиллинговъ восемь пенсовъ, „Dum, idem Thomas potens est officium pugilis exercere“, причемъ ему давалось обѣщаніе особой платы и надбавки всякій разъ, какъ только приходилось ему дѣйствовать.

[5] Возникаетъ вопросъ, какъ можно было съ успѣхомъ выдержать это испытаніе. Нѣкоторые предполагаютъ, что рука закалялась противъ жара особымъ

Нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ съ теченіемъ времени подверглись осужденію. Людовикъ Благочестивый, предписавъ въ 816 году крестовое испытаніе какъ средство рѣшенія между противорѣчивыми свидѣтельствами, въ слѣдующемъ году отмѣнилъ его, „чтобы то, что было, прославлено страданіемъ Христа, не подвергалось презрѣнію чрезъ дерзостность человѣческую“ [6]. Въ царствованіе того же императора, въ 829 году, запрещено было испытаніе холодной водой, хотя въ 824 году оно и освящено было Евгеніемъ II, единственнымъ папой, который когда либо благопріятно относился къ

приготовленіемъ, и что исполненіе испытанія достаточно объясняется краткостью разстоянія и трехдневнымъ промежуткомъ до изслѣдованія ея. Въ древности извѣстны были особые рецепты съ цѣлью придать рукѣ способность выдерживать огонь (Ducange, подъ сл. Ferrum candens). Испытаніе это было весьма рѣдко и допускалось только по дѣламъ лицъ, противъ которыхъ сильно настроено было народное чувство. Планкъ говоритъ (t. III, 543—6), что во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ исходъ этихъ испытаній былъ благопріятенъ, и предполагаетъ, что духовенство прибѣгало здѣсь къ благочестивому обману, съ цѣлью спасти жизнь невинныхъ людей.

[1] Ducange, подъ сл. Aquae ferventis judicium.

[2] Ducange, подъ сл. Aquae frigidae judicium.

[3] См. Ducange, подъ сл. Crucis judicium.

[4] „Проклятымъ кускомъ“—corsned.

[5] Это испытаніе въ особенности предназначалось для духовныхъ лицъ, которымъ не позволялось клясться (Ducange, подъ сл. Eucharistia, p. 115). Соборъ вормскій въ 868 году предписываетъ, чтобы, съ цѣлью открытія воровства въ монастырѣ, всѣ монахи причащались (c. 15), но это впослѣдствіи было запрещено какъ дѣло непристойное. Фрумундъ, монахъ тегернзейскій въ первой половинѣ XI столѣтія, съ цѣлью очищенія себя отъ подозрѣнія въ кражѣ книги, молился, чтобы если онъ причастенъ хотя сколько нибудь къ этому воровству, причастіе обратилось ему въ осужденіе (Ep. 2, Patrol. CXLI). Папы впослѣдствіи высказались противъ подобнаго испытанія.

[6] Capit. отъ 817 года, c. 27.

системѣ суда Божія. Агобардъ, архіепископъ ліонскій, сильный противникъ народныхъ суевѣрій, обращался къ Людовику съ двумя трактатами противъ судебнаго поединка [1]). Указывая на ересь бургундскаго короля, который ввелъ этотъ поединокъ, онъ поноситъ подобный обычай какъ не христіанскій и больше влекущій за собою нарушеніе человѣколюбія, чѣмъ приносящій ожидаемое отъ него добро. Онъ говоритъ затѣмъ, что если бы истины можно было добиваться такимъ образомъ, то были бы излишни всѣ судьи, что система эта служитъ преимуществомъ для грубой силы и клятвопреступничества, что мысль о ея пригодности противна св. Писанію, такъ какъ оно учитъ насъ презирать успѣхъ въ этомъ мірѣ, потому что Богъ попускаетъ, чтобы Его святые подвергались умерщвленію и вѣрующіе народы покорялись со стороны невѣрующихъ и еретиковъ. При этомъ онъ указываетъ также на примѣры, въ которыхъ явно обнаружилась тщетность подобныхъ испытаній. Судъ Божій, однако же, продолжалъ находить поддержку въ народномъ вѣрованіи, и дѣло, которому противодѣйствовалъ Агобардъ, скоро затѣмъ нашло могущественнаго поборника въ лицѣ Гинкмара [2]).

12. Въ Германскихъ королевствахъ существовало право убѣ-

---

[1]) Opera, t. I, adv. Judic. Dei.

[2]) Третій соборъ валенцскій, въ 855 году, постановилъ, чтобы лица, убившія или нанесшія вредъ другимъ въ судебныхъ поединкахъ, подвергались покаянію, какъ разбойники и убійцы, и что убитые въ такихъ поединкахъ лишались права на жертвоприношеніе за нихъ, во время мессы, и христіанскаго погребенія (с. 12). Соборъ этотъ осуждалъ также обычай допущенія противорѣчивыхъ клятвъ (с. 11). Существуетъ письмо Ивона, епископа шартрскаго, отъ 1099 года, Гильдеберту, епископу леманскому (и впослѣдствіи архіепископу турскому), которому предъявлено было Вильямомъ Руфомъ требованіе очистить себя посредствомъ испытанія раскаленнымъ желѣзомъ отъ обвиненія въ дѣлѣ сдачи Лемана Елію-де-ля Флешу. Ивонъ ссылается на нѣсколько папъ противъ этой системы и увѣщеваетъ Гильдеберта отнюдь не благопріятствовать ему (Ep. 74; сн. Ep. 205, Patrol. CLXII). Нѣсколько лѣтъ спустя, однако же, мы находимъ, что Гиллъ, епископъ лимерикскій, въ особомъ трактатѣ, имѣвшемъ въ виду привить римскіе обычаи своимъ соотечественникамъ, говорилъ о священникѣ, какъ имѣющемъ право благословлять воду или хлѣбъ въ испытаніяхъ, и объ епископѣ, какъ благословляющемъ „судебное желѣзо“ (тамъ же, CLIX, 1000—2). 4-ый соборъ латеранскій, въ 1215 году, запретилъ духовенству принимать участіе въ испытаніяхъ (с. 18). Людовикъ Святой не хотѣлъ допускать судебныхъ поединковъ, но настаивалъ, чтобы соблюдались правильные процессы на судѣ. Въ 1252 году, Иннокентій IV писалъ въ осужденіе обычая, по которому отъ духовныхъ лицъ во Франціи требовалось вступать въ битву или лично, или посредствомъ подставныхъ бойцовъ. Онъ говоритъ, что имъ нельзя вступать въ битву ни лично, ни какъ либо иначе, не подвергая опасности достоинства своего рукоположенія и права приносить евхаристическую жертву, заявляя притомъ, что такія испытанія суть злоупотребленіе, „которымъ Богъ подвергается искушенію, и истина суда часто извращается“. Но хотя папы и короли старались подавить обычай судебныхъ поединковъ, онъ продолжалъ долго процвѣтать. Что касается Востока, то Георгій Акрополитъ разсказываетъ, что когда Михаилъ Комненъ предлагалъ испытать свою невинность посредствомъ раскаленнаго желѣза, то патріархъ филадельфійскій сказалъ ему, что это обычай варварскій, не подтверждаемый ни римскими, ни византій

жища, хотя и значительно отличавшееся отъ того, какое существовало въ Римской имперіи. Оно возникло изъ древнихъ національныхъ обычаевъ; цѣлью его было, не предоставляя безнаказанности преступнику, защищать его противъ поспѣшнаго и беззаконнаго мщенія, обезпечить ему законный судъ, предоставить духовенству возможность заступничества за него и, если возможно, смягченіе ему наказанія. Дѣятельность этого учрежденія находила содѣйствіе въ системѣ денежнаго возмездія за нанесенныя обиды. Духовенству обыкновенно позволялось хлопотать о безопасности жизни и членовъ преступника, подъ условіемъ, чтобы онъ заплатилъ надлежащій штрафъ, или чтобы онъ подвергся извѣстному порядку покаянія. Карлъ Великій, въ 779 году, ограничилъ это право святилища постановленіемъ, чтобы убійцамъ и другимъ уголовнымъ преступникамъ не позволялось находить убѣжище въ церквахъ, и чтобы, въ случаѣ допущенія ихъ туда, имъ не давалось пищи. Согласно съ древнеримской идеей убѣжища, отказъ въ пищѣ былъ бы нечестіемъ, способнымъ навлечь гнѣвъ со стороны святаго покровителя церкви; но это было не несовмѣстимо съ германскимъ взглядомъ. Духовенство, однако же, скоро нашло возможность для обхода этого закона, понимая его въ томъ смыслѣ, что онъ прилагался только къ нераскаяннымъ преступникамъ, то есть, къ тѣмъ, которые отказывались исповѣдываться у священника и подвергаться церковному покаянію, — отказъ, который, вѣроятно, не былъ частымъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приходилось выбирать между смертью отъ голода и лишеніемъ права на убѣжище въ святилищѣ. Запрещеніе пищи уже не встрѣчается въ позднѣйшихъ постановленіяхъ этого царствованія.

Церковь не могла не воспользоваться случаемъ извлечь выгоду изъ права давать убѣжище въ своихъ предѣлахъ противъ различныхъ беззаконій, которыми переполненъ былъ тогда міръ. Съ цѣлью приданія ей чрезъ это популярности среди своихъ новыхъ подданныхъ, Карлъ Великій постановилъ въ своемъ капитуляріѣ для Саксоніи (785 г.), чтобы всякій человѣкъ, искавшій убѣжища въ святилищѣ, считался, въ честь Бога и Его церкви, безопаснымъ въ своей жизни и своихъ членахъ и не подвергался никакому вреду до слѣдующаго судебнаго дня, когда его присуждали сдѣлать надлежащее возмездіе за свое преступленіе. Въ позднѣйшемъ законодательствѣ для этой страны, когда она уже приведена была въ болѣе спокойное состояніе, это преимущество было выключено, и церкви предъявлялось требованіе выдавать лицъ, обвиненныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ.

скими учрежденіями, ни преданіями церкви (с. 50, р. 53, edit. Paris.). Иннокентій VIII осудилъ этотъ обычай въ письмѣ къ эрцгерцогу австрійскому.

У англосаксонцевъ самымъ раннимъ закономъ по вопросу объ убѣжищѣ былъ законъ Ины отъ 696 года, которымъ постановлялось, чтобы бѣглецы, виновные въ уголовныхъ преступленіяхъ, находили защиту своей жизни въ церкви, но обязаны были сдѣлать законное удовлетвореніе, и что преступники, „подвергавшіе свою шкуру опасности“, то есть, подлежавшіе наказанію посредствомъ бичей, получали прощеніе [1]). Но защита церкви могла быть даваема только въ теченіе опредѣленнаго времени. Законы Альфреда (отъ 887 года) ограничиваютъ его въ нѣкоторыхъ монастыряхъ тремя днями; но впослѣдствіи срокъ этотъ былъ расширенъ, и въ нѣкоторыхъ законахъ инымъ мѣстамъ предоставлялся и гораздо болѣе долгій срокъ. Лица, виновныя въ убійствѣ, измѣнѣ или преступленіяхъ противъ религіи, обыкновенно могли быть взяты даже отъ алтаря; но нѣкоторыя церкви, пользовавшіяся особеннымъ уваженіемъ, среди которыхъ церковь Кройландская пользовалась наиболѣе широкими привилегіями, имѣли право защищать всякихъ бѣглецовъ. Такое преимущество вѣроятно считалось серьезнымъ препятствіемъ для отправленія правосудія, вслѣдствіе чего, когда Кройландъ, послѣ опустошенія его датчанами, былъ возстановленъ въ царствованіе Эдреда его канцлеромъ Туркетуломъ, этотъ престарѣлый сановникъ отклонилъ возобновленіе имъ древнихъ правъ этого святилища.

VI. Рабство.

Вмѣсто безусловнаго осужденія рабства, какъ незаконнаго учрежденія, каковой пріемъ вѣроятно повелъ бы къ водворенію анархіи въ обществѣ и представилъ бы серьезныя препятствія распространенію евангелія, христіанство ограничивалось подготовленіемъ почвы къ его постепенной отмѣнѣ, увѣщавая какъ господъ, такъ и рабовъ исполнять свои взаимныя обязанности на основѣ своего общаго братства во Христѣ. И доселѣ церковь стремилась только къ ограниченію, а не къ уничтоженію рабства.

Рабство было двухъ родовъ, именно, какъ состояніе рабовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, и какъ состояніе колоновъ. Рабы лично подлежали передвиженію и продажѣ; въ Римской имперіи они не имѣли права заключать законнаго брака, и ихъ собственность всецѣло принадлежала ихъ господамъ. Колоны считались свободнорожденными, такъ что, въ отличіе отъ рабовъ, они могли становиться воинами, хотя прикрѣплены были къ землѣ, такъ что не могли отдѣляться отъ нея, и она не могла быть продана безъ нихъ. Они имѣли право вступать въ бракъ и обладать собственностью; за землю, которую они обработывали, они платили опредѣленную ренту, обыкновенно наличностью, и подлежали поземельному налогу и поголовной подати. Но вообще было бы трудно провести точное различіе между этими классами въ тѣхъ канонахъ, которые относятся къ этому предмету.

---

[1]) С. 5.

Покаянникъ, приписываемый Ѳеодору кентерберійскому, считаетъ однимъ изъ пунктовъ различія между восточными и западными монахами между прочимъ то, что въ то время, какъ латиняне имѣли рабовъ, греки не имѣли ихъ. Восточные монахи сами исполняли работы, которыя на Западѣ сваливались на рабовъ. При вступленіи въ монашескую жизнь, владѣтельныя лица обыкновенно освобождали своихъ рабовъ, и нѣкоторые учители, какъ Исидоръ Пелусіотъ, въ v столѣтіи 1), и Ѳеодоръ Студитъ въ ix-мъ, подвергали сомнѣнію, или даже совершенно отрицали законность имѣть такую собственность 2). На Западѣ по временамъ также бывали случаи подобнаго рода. Такъ, Вильфридъ, овладѣвъ островомъ Селсеемъ, освободилъ всѣхъ крѣпостныхъ, привязанныхъ къ землѣ, и Бенедиктъ аніанскій, идеи котораго главнымъ образомъ заимствованы были изъ восточныхъ монашескихъ уставовъ, получая въ даръ землю для своихъ монастырей, отказывался принимать съ нею крѣпостныхъ 3). Почти въ томъ же духѣ было постановленіе собора халхитскаго, въ 816 году, по которому епископъ при своей смерти долженъ былъ освобождать тѣхъ изъ своихъ англійскихъ рабовъ, которые были низведены въ рабство при немъ 4). Но обычная практика на Западѣ была совершенно иною. Въ случаяхъ приношенія земли церкви, рабы обыкновенно переходили къ ней вмѣстѣ съ землей, какъ и въ другихъ сдѣлкахъ. Епископы, въ интересахъ собственности своихъ церквей, были удерживаемы отъ освобожденія принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ; 4-ый соборъ толедскій (въ 633 г.) объявилъ такое освобожденіе ограбленіемъ церкви; онъ постановилъ, что слѣдующій епископъ долженъ возстановить свое право надъ всѣми лицами, которыхъ его предшественникъ такъ незаконно освободилъ, и что всякій епископъ, желающій освободить раба, долженъ вознаградить церковь подставленіемъ

---

1) Ep. i, 142.

2) Ѳеодоръ Студитъ, въ своемъ завѣщаніи запрещаетъ настоятелю своего монастыря имѣть рабовъ, такъ какъ обладаніе ими, какъ и бракъ, допускается только свѣтскимъ лицамъ. Но доводъ, приводимый имъ, что они люди, созданные по образу Божію, можно было одинаково приводить и противъ всякаго рабства вообще.

3) Beda, iv, 13; Vita, c. 14, ap. Mabill Acta SS. Ben. v, 197.

4) С. 10; ср. завѣщаніе Элфрика, архіепископа кентерберійскаго, отъ 1006 года, въ Абингдонской Хроникѣ, i, 419.

другаго вмѣсто него [1]. Одинъ болѣе ранній соборъ (агдійскій, отъ 506 года) также ограничилъ право епископовъ отчуждать рабовъ, и въ духѣ, совершенно противоположномъ восточнымъ принципамъ, запрещалъ монахамъ отпускать своихъ рабовъ на волю, „дабы они не праздновали въ то время, какъ монахи работаютъ“ [2]. Бывали даже случаи, что нѣкоторыя лица, въ духѣ ли ошибочнаго благочестія, или изъ соображенія выгодъ и невыгодъ этихъ двухъ состояній, добровольно отдавали себя и своихъ подчиненныхъ въ рабство какой либо церкви, и для утвержденія такого акта существовали особыя формы.

Не смотря на все это, церковь весьма много содѣйствовала ослабленію золъ рабства. Она настаивала на естественномъ равенствѣ людей и братствѣ христіанъ, какъ мотивахъ къ доброму обхожденію съ рабами, и въ обращеніи съ своими собственными рабами она давала примѣръ мірскимъ господамъ. Свои святилища она открывала предъ тѣми, кто бѣжали отъ жестокости, обезпечивала имъ прощеніе на случай возвращенія ихъ владѣльцамъ; подвергала отлученію всякаго господина, который нарушалъ сдѣланное бѣглому рабу обѣщаніе [3]. Убіеніе раба безъ судебнаго полномочія она ставила на одинъ уровень съ преступностью убіенія свободнаго человѣка. Она старалась ограничить продажу рабовъ ограниченіемъ власти, которую родители, среди языческихъ народовъ, имѣли надъ своими дѣтьми [4], и запрещеніемъ, чтобы кто либо продавался іудеямъ или язычникамъ [5]; поощряла выкупъ плѣнныхъ, и объявляла освобожденіе рабовъ дѣломъ душеспасительнымъ, и чрезъ вліяніе именно церкви многочисленные господа постановляли въ своихъ завѣщаніяхъ, чтобы рабы были освобождаемы „во искупленіе ихъ душъ“. Освобожденіе часто, какъ и по римскому закону, наглядно связывалось съ религіей тѣмъ, что совершалось предъ алтаремъ, гдѣ господинъ предоставлялъ своего раба церкви, съ которой отпущенникъ отселѣ связывался особыми узами, причемъ онъ и его потомки производили какую либо незначительную уплату ей, а въ случаѣ отсутствія потомства, церковь дѣлалась и наслѣдницей его собственности [1]).

---

[1] Сс. 67—8.

[2] С. 56.

[3] См. Neander, v, 138, гдѣ приводится ужасный разсказъ изъ Григорія Турскаго, v, 13.

[4] Θеодоръ кентерберійскій (то есть авторъ приписываемаго ему „Покаянника“, (с. 28) и Эгбертъ іоркскій признаютъ за отцемъ право, въ случаѣ нужды, продавать своего сына ниже семилѣтняго возраста, но не выше этого возраста, кромѣ какъ съ согласія сына. Эгбертъ, въ другихъ мѣстахъ, отлучаетъ тѣхъ, которые продаютъ своихъ дѣтей (Poenit. iv, 26, p. 381),—видимая непослѣдовательность которая объясняется предположеніемъ, что отлученіе здѣсь прилагается къ дѣтямъ выше семилѣтняго возраста.

[5] Напр. Cod. Theod. iii, i, 5; Cod. Just. i, iii, 56, 3; i, x; Gregor. Ep. i, 10; ix, 36 и въ другихъ мѣстахъ. Констанцій запрещалъ продажу даже языческаго раба іудею, дабы не воспрепятствовать его обращенію. Григорій iii поручалъ Бонифацію препятствовать христіанамъ продавать рабовъ язычникамъ *для жертвоприношенія* (Ep. i, 8, Patrol. lxxxix). Существуетъ замѣчательное письмо Адріана i къ Карлу Великому, которому было донесено, что римляне продавали рабовъ сарацинамъ видимо съ одобренія папы. Адріанъ съ большимъ негодованіемъ старается очистить себя отъ этого обвиненія, и сваливаетъ вину на грековъ и ломбардовъ, которыхъ, какъ говоритъ онъ, старался удержать отъ этого, но напрасно, такъ какъ у него нѣтъ кораблей для приведенія своихъ желаній въ исполненіе.

Былъ также и другой способъ, которымъ церковь явственно содѣйствовала поднятію уваженія къ рабамъ и крѣпостнымъ классамъ народа. Такъ какъ свободнымъ лицамъ изъ народовъ-побѣдителей запрещено было вступать въ духовенство или монашество безъ позволенія государя, въ тѣхъ видахъ, чтобы не лишаться ихъ военной службы, то епископы принуждены были пополнять ряды своего духовенства главнымъ образомъ изъ классовъ, находившихся внѣ обязательства къ такой службѣ. 4-й соборъ толедскій требуетъ, чтобы крѣпостные, рукополагавшіеся во священство, были освобождаемы [2]); но во Франціи подобный законъ былъ установленъ не ранѣе 817 года, въ царствованіе Людовика Благочестиваго [3]), хотя и раньше этого времени духовенство изъ крѣпостнаго племени освобождалось отъ своихъ рабскихъ обязанностей. Крѣпостной, въ случаѣ рукоположенія, становился правоспособнымъ возвышаться на степени всякихъ почестей и власти; когда онъ поднимался выше низшихъ степеней, то его жизнь оцѣнивалась уже наравнѣ съ лицемъ высокаго гражданскаго сана, и эта оцѣнка возвышалась съ каждымъ шагомъ, который онъ дѣлалъ впередъ въ іерархіи. Духовенство, возвышенное такимъ образомъ изъ рабскаго состоянія на высшую степень достоинства и вліянія, считало себя обязаннымъ (помимо всѣхъ религіозныхъ побужденій) трудиться въ пользу того класса, къ которому оно само принадлежало первоначально, и результатомъ этого было общее поднятіе этого класса.

Возвышеніе лицъ, рожденныхъ въ рабствѣ, на высокія церковныя должности не чуждо было, однако же, отчасти и худыхъ результатовъ. Теганъ, жизнеописатель Людовика Благочестиваго, даетъ весьма неблагопріятное изображеніе такого духовенства. Онъ разсказываетъ, что, когда подобныя лица достигали высокихъ должностей, то ихъ прежняя кротость превращалась въ дерзость, буйность, высокомѣріе и притязательность, что они освобождали своихъ родственниковъ, и или предоставляли имъ церковныя должности, или посредствомъ браковъ вводили въ благородныя семейства, и что эти выскочки были до невыносимости заносчивы по отношенію къ старой знати. Картина эта, несомнѣнно, нѣсколько окрашена предразсудками Тегана, какъ человѣка высокаго рода, выражавшаго свое негодованіе по случаю поведенія нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ по отношенію къ его несчастному государю; но подобные же примѣры какъ изъ исторіи, такъ и изъ опыта, вполнѣ могутъ подверждать истину, заключающуюся въ существенныхъ чертахъ этого изображенія.

---

[1]) Conc. Toled. IV, отъ 633 года, сс. 70—1.

[2]) Отъ 633 года, с. 74. Юстиніанъ запрещалъ рукополагать рабовъ даже съ позволенія ихъ господъ; потому что эти послѣдніе, освобождая ихъ, могли открыть законный путь къ рукоположенію (Cod. Just. I. III, 37); но впослѣдствіи освобождало уже само рукоположеніе.

[3]) Capit. Generale, c. 6.

КНИГА ПЯТАЯ.

Отъ смерти Карла Великаго до раздѣленія церквей.

814—1054 г.

ГЛАВА XXXII.

Людовикъ Благочестивый (814—840 г.)—Конецъ спора объ иконопочитаніи (813—842 г.)—Ложныя декреталіи.

ВЪ СИСТЕМѢ Карла Великаго былъ тотъ великій недостатокъ, что она требовала для своего продолженія такихъ же лицъ, какимъ былъ онъ самъ. Его дѣйствительные преемники между тѣмъ оказались до прискорбія неспособными выдерживать на себѣ могущественное бремя имперіи.

813 г. Чувствуя приближеніе кончины, Карлъ Великій, созвавъ народное собраніе, призвалъ своего единственно оставшагося въ живыхъ законнаго сына Людовика изъ Аквитаніи въ Эляшапелль (Аахенъ), и въ присутствіи громаднаго собранія народныхъ представителей объявилъ его своимъ сотоварищемъ и преемникомъ. Онъ преподалъ принцу наставленіе касательно обязанностей государя, и получилъ отъ него обѣщаніе повиноваться его наставленіямъ. Затѣмъ онъ пожелалъ, чтобы Людовикъ подошелъ къ высокому жертвеннику, на которомъ лежала императорская корона, взялъ эту корону и своими руками возложилъ ее себѣ на голову,—каковымъ актомъ императоръ хотѣлъ показать, что онъ и его потомство получаютъ свою власть ни отъ коронаціи со стороны папы, ни отъ тѣхъ восторженныхъ восклицаній, которыми эта церемонія въ храмѣ ап. Петра была привѣтствуема римлянами, а непосред-

ственно отъ Бога [1]). Послѣ этого провозглашенія, Людовикъ возвратился къ управленію Аквитаніей, но скоро опять вызванъ былъ въ Аахенъ вслѣдствіе смерти своего отца, послѣдовавшей въ январѣ 814 года [2]).

Людовику во время его восшествія на императорскій престолъ было 36 лѣтъ отъ роду. Въ своемъ дѣтствѣ онъ былъ коронованъ папой Адріаномъ въ качествѣ короля своей родной провинціи, Аквитаніи. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ управлялъ этой страной, и пользовался высокимъ уваженіемъ за справедливость и способность въ своемъ управленіи. Онъ былъ человѣкъ храбрый, ученый и образованный, добросердечный, нѣжный и глубоко религіозный. Но когда изъ соподчиненнаго королевскаго положенія онъ поставленъ былъ во главѣ имперіи, въ его характерѣ начали проявляться раньше незамѣчавшіеся недостатки. Его благочестіе было значительно окрашено суевѣріемъ; онъ уже и раньше считалъ своимъ долгомъ отказаться отъ изученія классической литературы ради чисто религіозной, и если бы не запрещеніе отца, то онъ сдѣлался бы монахомъ, подобно своему двоюродному дѣду Карломану. Онъ не имѣлъ рѣшимости или энергіи, не обладалъ знаніемъ людей, и легко могъ сдѣлаться жертвою интригъ.

Въ Аквитаніи Людовикъ былъ окруженъ собственнымъ дворомъ, и его старые совѣтники продолжали удерживать свое положеніе и по восшествіи его на императорскій престолъ. Главнымъ изъ нихъ былъ Бенедиктъ аніанскій, суровая добродѣтельность котораго не могла не смущаться тою распущенностью, которая, по примѣру Карла Великаго, развилась въ императорскомъ домѣ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ послѣдняго царствованія. Людовикъ сразу же рѣшилъ преобразовать все это, изгнавъ изъ дворца своихъ сестеръ и ихъ любовниковъ вмѣстѣ съ другими лицами завѣдомо легкой репутаціи. Не были пощажены и государственные люди, находившіеся въ близкомъ отношеніи съ Карломъ Великимъ. Среди нихъ наиболѣе важными были три брата, родственники королевскому дому, именно, Адельгардъ, Вала и Бернардъ [3]). Адельгардъ еще въ своей юности оставилъ дворъ Карла Великаго по неудовольствію на разводъ ломбардской королевы, и вступилъ въ Корбейскій монастырь, гдѣ онъ и сдѣлался аббатомъ. Въ позднѣйшіе годы онъ пріобрѣлъ могущественное вліяніе на великаго императора; онъ былъ главнымъ совѣтникомъ его сына, Пипина, въ управленіи Италіей, и вмѣстѣ съ Валой совѣтовалъ Карлу Великому назначить сына Пипина, Бернарда, наслѣдникомъ императорскаго престола предпочтительно предъ Людовикомъ. Адельгардъ и младшій братъ были изгнаны; графъ Вала былъ принужденъ сдѣлаться монахомъ въ аббатствѣ, изъ котораго удаленъ былъ Адельгардъ, и такимъ образомъ положено было основаніе продолжительной враждѣ между государственными людьми стараго и государственными людьми новаго царствованія.

---

[1]) Значеніе этого акта впослѣдствіи было упущено изъ вида вслѣдствіе слабости преемниковъ великаго императора.

[2]) Карлъ Великій былъ причисленъ къ лику *блаженныхъ* антипапой Пасхаліемъ III въ 1165 году, по настоянію императора Фридриха I (Acta SS. Januar. 28 p. 504). Людовикъ XI французскій въ 1474 году приказалъ справлять въ честь его праздникъ. Ему посвящены были алтари въ Аахенѣ, Франкфуртѣ и Цюрихѣ. Его имени не значится въ римскомъ календарѣ, но мѣстное почитаніе его считается канонистами узаконеннымъ, такъ какъ рѣшеніе антипапы не было отмѣнено какимъ либо законнымъ папой. Нѣкоторыя церкви, какъ напр. церковь въ Мецѣ, еще и доселѣ имѣютъ (или по крайней мѣрѣ имѣли въ прошломъ столѣтіи) ежегодную службу за упокой его души.

[3]) Жизнь Адельгарда и Валы (Epitaphium Arsenii) была написана въ формѣ

Левъ III, недовольный (какъ можно думать) тѣмъ способомъ, которымъ Людовикъ принялъ корону, не поздравилъ его съ восшествіемъ на престолъ и не потребовалъ отъ римлянъ обычной клятвы въ вѣрности императору. Вражда, которая нѣсколько раньше подвергала жизнь этого папы опасности, вновь возникла 815 г.
вскорѣ послѣ смерти его покровителя. Въ Римѣ произошли серьезные безпорядки и не мало кровопролитій, и Левъ взялъ на себя смѣлость наказать нѣкоторыхъ своихъ враговъ смертью, каковой актъ Людовикъ счелъ вторженіемъ въ его права, какъ государя. Поэтому онъ отправилъ своего преемника Бернарда, короля Италіи, для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, но папа обезоружилъ его негодованіе, согласившись дать объясненіе въ своемъ поступкѣ. Левъ умеръ въ 816 году. Богатство, которымъ онъ располагалъ, повидимому было громаднымъ, и папскій библіотекарь Анастасій наполняетъ многія страницы перечисленіемъ тѣхъ великолѣпныхъ даровъ, которые онъ могъ дѣлать своей церкви.

Римляне поспѣшно избрали его преемникомъ Стефана IV, который посвященъ былъ безъ испрошенія на то Іюн. 816 г.
согласія императора. Стефанъ сознавалъ необходимость извиниться въ этой неправильности, которую онъ приписывалъ нуждѣ времени, когда можно было опасаться народныхъ смятеній. Онъ издалъ опредѣленіе, которымъ постановлялось, что посвященіе будущихъ папъ должно совершаться въ присутствіи императорскихъ уполномоченныхъ [1]), и, заставивъ гражданъ Рима поклясться въ преданности Людовику, онъ самъ отправился во Францію съ цѣлію объясненія дѣла и извиненія,—быть можетъ также съ цѣлью обезпечить себя отъ насилія со стороны римскихъ партій; но благочестивый императоръ показалъ ему чрезвычайную предупреди-

---

діалога Пасхазіемъ Радбертомъ, о сочиненіи котораго „о евхаристіи“ будетъ упомянуто въ слѣдующей главѣ. См. Mabillon, Acta SS, Ben. V и въ Patrol. CXX.

[1]) Gratian. Decr. Pars I, LXIII, 28 (см. примѣч. въ Partol. CIX, 795, CLXXXVII, 337).

Окт. 816 г. тельность. Онъ встрѣтилъ его на разстояніи мили отъ Реймса, оба они сошли съ своихъ коней, и Людовикъ, прежде чѣмъ обнять трижды поклонился ему въ ноги. Въ слѣдующій воскресный день первосвященникъ возложилъ на голову Людовика великолѣпную корону, которую привезъ съ собой, и помазалъ какъ его, такъ и его императрицу Эрменгарду. Анастасій разсказываетъ, что честь, оказанная папѣ, почти превосходила всякое описаніе: онъ получилъ отъ императора все, чего только желалъ, и, по примѣру прощенія Спасителя, онъ даровалъ прощеніе всѣмъ, кто во время Льва вынуждены были искать убѣжища во Франціи вслѣдствіе преступленій противъ церкви, и они сопровождали его при его возвращеніи въ Римъ. По смерти Стефана въ началѣ слѣдующаго года (817 г.), его преемникомъ былъ немедленно избранъ и посвященъ Пасхалій. Новый папа отправилъ посольство съ цѣлью увѣрить императора, что „онъ скорѣе вынужденъ былъ, чѣмъ самъ выскочилъ на свою каѳедру“, и извиненіе было принято.

Людовикъ стремился къ преобразованіямъ какъ въ церкви, такъ и въ государствѣ. Посредствомъ своихъ уполномоченныхъ (missi), онъ устранилъ много безпорядковъ, возникшихъ въ управленіе его отца, и въ соборахъ, состоявшихся въ Э, въ 816 и 817 годахъ, онъ постановилъ много правилъ въ видахъ преобразованія духовенства и религіозныхъ обществъ. Гражданскія дѣла, которыми Карлъ Великій много занималъ епископовъ, не оставались безъ вліянія на ихъ характеръ, равно какъ и на характеръ низшаго духовенства, такъ что состояніе церкви къ концу послѣдняго царствованія сильно понизилось. Теперь постановлены были особыя правила, свидѣтельствовавшія о томъ, какъ много накопилось злоупотребленій. Общій тонъ ихъ строгій; они имѣютъ своею цѣлью обезпечить вліяніе и уваженіе духовенству пресѣченіемъ среди него мірской пышности и обращеніемъ его вниманія на свои духовныя обязанности. Для управленія жизнью каноников̂ъ составленъ былъ особый кодексъ, расширенный изъ кодекса Хродеганга. Пріобрѣтеніе богатствъ не надлежащими средствами пресѣчено было постановленіемъ, чтобы никакое завѣщаніе не принималось церквами или монастырями въ ущербъ родственниковъ завѣщателя, и чтобы никто не былъ постригаемъ въ монашество или въ духовное званіе съ цѣлію полученія его собственности [1]). Жалобы на то зло, противъ котораго направленъ былъ этотъ канонъ, однако же встрѣчаются и послѣ этого постановленія. Другимъ важнымъ канономъ постановлялось, что всякій приходскій священникъ долженъ имѣть свой особый mansus или участокъ земли, что какъ участокъ, такъ и всякая его собственность должны быть освобождены отъ всякой другой, кромѣ церковной службы, и что, когда будетъ приводиться въ исполненіе это постановленіе, всякій приходъ, гдѣ только было достаточное содержаніе, долженъ былъ имѣть своего собственнаго священника. Бенедиктъ аніанскій былъ предсѣдателемъ собранія, которому поручено было произвести реформу монастырей. Онъ возстановилъ въ надлежащее положеніе многіе монастыри, которые отчуждены были или для міврянъ, или для бѣлаго духовенства, и добился облегченія для многихъ отъ отяготительныхъ даровъ въ пользу короны и военной службы,—того бремени, которое такъ сильно тяготѣло на многихъ изъ нихъ, что остальнаго дохода было недостаточно даже для пищи и одежды. За основу новыхъ преобразованій принятъ былъ уставъ св. Бенедикта; но правила вообще отличаются тщательною точностью, весьма не похожею на первоначальный духъ этого учрежденія.

---

[1]) Capit. 817 г., с. 7.

Эти преобразованія были дѣломъ независимой франкской церкви и утверждены были высшимъ авторитетомъ императора, который въ дѣлахъ касательно религіи пользовался тѣмъ же преимуществомъ, какъ и его отецъ.

На святой недѣлѣ, въ 817 году, когда Людовикъ и его дворъ проходили по галлереѣ, ведшей изъ дворца въ церковь Э, сломались деревянные столбы, на которыхъ она покоилась. Императоръ потерпѣлъ небольшой ушибъ, но случай этотъ подалъ его совѣтникамъ мысль о возможности его смерти и о пользѣ позаботиться объ обезпеченіи престола на случай этого событія. По ихъ совѣту, онъ предложилъ все это дѣло народному собранію, и получилъ отъ него согласіе на принятіе его старшаго сына Лотаря въ качествѣ его сотоварища по управленію имперіей; но эта мѣра, которою имѣлось въ виду сохраненіе мира, сдѣлалась источникомъ роковыхъ раздѣленій. Младшіе братья, Пипинъ и Людовикъ, изъ которыхъ первый управлялъ Аквитаніей, а второй—Германіей, были недовольны тѣмъ, что они оказались въ новомъ положеніи, ставившемъ ихъ ниже своего старшаго брата, которому они обязаны были платить „подарки", и безъ согласія котораго они не въ правѣ были начинать войну или заключать миръ, принимать посланниковъ или вступать въ бракъ. Но возвышеніе Лотаря было еще болѣе оскорбительнымъ для Бернарда, сына старшаго брата императора Пипина отъ наложницы. Бернардъ назначенъ былъ Карломъ Великимъ въ качествѣ преемника своему отцу въ королевствѣ Италіи. Незаконность его происхожденія не считалась франками препятствіемъ для этого наслѣдства; такъ какъ она не препятствовала ему получить низшее королевство, то она не лишала его также и права на преемство своему дѣду на императорскомъ престолѣ; и такъ какъ Людовикъ Младшій, сынъ Карла Великаго, былъ предпочтенъ представителю старшаго сына главнымъ образомъ на основаніи болѣе зрѣлаго возраста, то Бернардъ могъ теперь на томъ же основаніи ожидать, что и онъ будетъ предпочтенъ дѣтямъ Людовика. Король Италіи доселѣ старался готовностью подчиненія и исполненія во всемъ желаній своего дяди обезоружить ту ревнивость, которую императрица Эрменгарда постоянно старалась внушить своему мужу. Но теперь онъ уступилъ вліянію недовольной партіи, наиболѣе дѣятельными членами которой были Теодульфъ, епископъ орлеанскій, готъ или ломбардецъ по происхожденію, и епископы миланскій и кремонскій, причемъ Вала ревностно помогалъ имъ своими совѣтами изъ своего монастыря. Въ этихъ планахъ, будто бы, замѣшанъ былъ и самъ папа Пасхалій. Но императоръ и его приверженцы заблаговременно постарались показать, что всякая попытка низвергнуть правительство будетъ безнадежна. Бернардъ отправился въ Шалонъ на Саонѣ, сманенный туда, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, императрицей обѣщаніемъ прощенія и безопасности. Онъ признался своему дядѣ въ своихъ преступныхъ замыслахъ, и, подвергнутый суду, былъ приговоренъ къ смерти. Этотъ приговоръ, изъ состраданія, измѣненъ былъ Людовикомъ на лишеніе зрѣнія; но отъ жестокости ли, съ которою была совершена эта операція, или отъ горя и отчаянія, несчастный Бернардъ умеръ черезъ три дня послѣ этого. Теодульфъ былъ лишенъ своей каѳедры безъ всякаго вниманія къ его оправданію, что, получивъ паллiумъ, онъ находился въ подчиненіи исключительно юрисдикціи папы. Людовикъ, сдѣлавшійся теперь подозрительнымъ ко всѣмъ своимъ родственникамъ, принудилъ трехъ изъ своихъ незаконныхъ братьевъ (изъ которыхъ Дрого впослѣдствіи извѣстенъ былъ въ качествѣ епископа мецскаго) принять постриженіе.

Вскорѣ затѣмъ умерла и императрица Эрменгарда, ревность которой къ интересамъ своего сына была главной причиной послѣднихъ смутъ. Людовикъ, въ своей скорби, склоненъ былъ отказаться отъ престола и поступить въ монашество, но духовныя лица, съ которыми онъ совѣтовался въ этомъ отношеніи, отговорили его отъ этого. Для его обозрѣнія собраны были дочери изъ знатныхъ домовъ, и онъ выбралъ супругой себѣ Юдиѳь, дочь Вельфа I, герцога баварскаго. Новая императрица была не только красива собой, но и обладала ученостью и образованіемъ, необычнымъ для женщинъ того вѣка, и ея вліяніе на своего мужа было безусловнымъ.

819 г.

Въ 821 году, по случаю женитьбы Лотаря, Теодульфъ, Вала, Адельгардъ и другіе сообщники Бернарда были прощены,—каковой актъ милосердія приписывается тому, что къ этому времени смерть устранила Бенедикта изъ числа совѣтниковъ императора. Но Людовикъ все еще былъ смущаемъ воспоминаніемъ о тѣхъ жестокостяхъ, которыя были совершены отъ его имени; тревоги его совѣсти усилились вслѣдствіе нѣкоторыхъ бѣдствій, землетрясеній и другихъ знаменій, и на собраніи въ Аттиньи, въ слѣдующемъ году, онъ явился въ одеждѣ кающагося. Онъ оплакивалъ свои собственные грѣхи и грѣхи своего отца, и выражалъ муки совѣсти за смерть Бернарда, въ каковомъ актѣ его единственнымъ участіемъ было только смягченіе приговора, которое къ несчастію оказалось тщетнымъ во время исполненія наказанія. Онъ умолялъ о прощеніи со стороны присутствовавшихъ на собраніи Валы и Адельгарда, сокрушался о своемъ поведеніи по отношенію къ Дрого и его братьямъ, и въ видѣ вознагражденія возвелъ ихъ въ высокіе церковные саны. Онъ роздалъ большія милостыни монахамъ и просилъ ихъ молитвъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ издалъ и капитулярій, въ которомъ признавалъ свои упущенія въ исполненіи обязанностей по отношенію къ церкви и обѣщалъ устраненіе злоупотребленій. Вала былъ посланъ въ Италію — въ качествѣ совѣтника Лотарю, который получилъ королевство по смерти Бернарда. 822 г.

Въ день Пасхи, въ 823 году, Лотарь, отправившись въ Римъ, по приглашенію Пасхалія, былъ коронованъ отъ папы въ качествѣ императора. Онъ уже коронованъ былъ своимъ отцомъ во время своего возвышенія въ положеніе сотоварища по управленію имперіей; но Пасхалій, убѣдивъ его принять это второе коронованіе, какъ церковное освященіе его власти, проводилъ при этомъ особую политику, которая имѣла своимъ результатомъ распространеніе убѣжденія, что королевская власть зависитъ отъ дара преемниковъ ап. Петра.

Вскорѣ послѣ удаленія Лотаря изъ города, два высокихъ церковныхъ сановника, бывшихъ между главными римскими сторонниками императора, были завлечены въ Латеранскій дворецъ, гдѣ въ наказаніе, какъ предполагаютъ, за ихъ привязанность къ франкскимъ интересамъ, они были ослѣплены и затѣмъ обезглавлены. Услышавъ объ этомъ, Лотарь отправилъ особаго уполномоченнаго и аббата для изслѣдованія этого дѣла. Папа явился предъ уполномоченными, и съ тридцатью-четырьмя епископами и пятью другими духовными лицами поклялся, что онъ не принималъ никакого участія въ смерти этихъ жертвъ. Но онъ утверждалъ, что они заслуживали смерти, какъ измѣнники, и отказался выдать убійцъ на томъ основаніи, что они искали покровительства ап. Петра и принадлежали къ роду апостола. Уполномоченные, не имѣя власти употребить силу, донесли объ обстоятельствахъ дѣла своему государю, а Пасхалій въ то же самое время отправилъ нѣкоторыхъ посланныхъ для представленія объясненій. Императоръ не разслѣдовалъ дѣла дальше, но рѣшился поставить свои отношенія съ Римомъ на болѣе удовлетворительную ногу.

Благопріятный случай для этого скоро представился вслѣдствіе смерти Пасхалія, послѣдовавшей въ маѣ 824 года¹). Изъ-за папскаго престола возникъ ожесточенный споръ. Лотарь опять отправился въ Римъ, и утвердилъ франкское главенство признаніемъ Евгенія, втораго кандидата, который поддерживался вліяніемъ Валы, какъ законный преемникъ ап. Петра. Юный императоръ жаловался на недавнее избіеніе его приверженцевъ. Онъ приступилъ къ разслѣдованію, почему народъ постоянно недоволенъ папами и римскими судьями. При этомъ онъ открылъ, что папами незаконно были захвачены многіе участки земли (быть можетъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они завѣщаны были церкви), и, возстановляя ихъ законнымъ собственникомъ, онъ доставилъ большую радость всѣмъ. Онъ постановилъ, что „согласно съ древнимъ обычаемъ“ въ извѣстныя времена императорскіе уполномоченные должны посѣщать Римъ для общаго отправленія правосудія. Отъ римлянъ онъ потребовалъ клятвы въ вѣрности имперіи, кромѣ ихъ вѣрности папѣ; постановилъ, чтобы никто не вмѣшивался въ ихъ право избранія епископа, но обязалъ ихъ условіемъ, чтобы они не допускали посвященія кого-либо въ папы, пока онъ не принесетъ клятвы въ вѣрности императору въ присутствіи императорскаго уполномоченнаго. Хотя это условіе впослѣдствіи подверглось забвенію или избѣгалось, однако же отчетъ о дѣйствіяхъ Лотаря служитъ яснымъ доказательствомъ тѣхъ идей, которыя въ то время имѣлись касательно отношенія папской и императорской власти. По господствующему мнѣнію, императоръ имѣлъ право подвергать изслѣдованію выборы на римскую каѳедру и произносить рѣшеніе по случаю притязанія кандидатовъ, и въ то время, какъ папа былъ непосредственнымъ господиномъ Рима, его власть находилась подъ главенствомъ императора, которому принадлежалъ верховный контроль въ управленіи.

Послѣ четырехъ лѣтъ бездѣтной брачной жизни, отъ Юдиѳи, въ 823 году, родился сынъ Карлъ, извѣстный впослѣдствіи подъ названіемъ „лысаго“. Это возбудило ревность сыновей императора отъ Эрменгарды: они объявили Карла плодомъ прелюбодѣянія и обвиняли Юдиѳь въ околдованіи ихъ отца. Императрица съ своей стороны желала обезпечить за своимъ сыномъ наслѣдство, подобно наслѣдству его старшихъ братьевъ, и въ 829 году съ этою цѣлью образовано было герцогство Германское, вѣроятно въ тщетной надеждѣ,

---

¹) Пасхалій былъ столь ненавидимъ римлянами, что они не хотѣли позволить похоронить его вмѣстѣ съ предшественниками: но Евгеній приказалъ похоронить тѣло въ томъ мѣстѣ, которое приготовилъ Пасхалій.

что такой титулъ будетъ менѣе производить смущенія, чѣмъ титулъ короля. Людовикъ, подъ вліяніемъ своей матери, старался пріобрѣсти сторонниковъ Карлу богатыми дарами изъ наслѣдственныхъ владѣній своего рода и изъ собственности церкви. По этому случаю онъ подвергся жестокому нападенію со стороны Валы на народномъ собраніи, состоявшемся въ 828 году, и когда его старшіе сыновья теперь предались мятежу, то они находили помощь со стороны могущественной церковной партіи, предводимой Валой (который въ 826 году наслѣдовалъ Адельгарду въ аббатствѣ Корбейскомъ) вмѣстѣ съ главнымъ капелланомъ Гилдуиномъ, аббатомъ Сенъ-Дени, Ессеемъ, епископомъ аміенскимъ, и Елиссахаромъ, аббатомъ центулльскимъ. О побужденіяхъ этихъ церковныхъ сановниковъ трудно судить. Они, быть можетъ, искренно сознавали опасности, угрожавшія имперіи отъ введенной системы раздѣленія; они могли быть также раздражены императорскимъ контролемъ надъ церковными дѣлами, равно какъ и посягательствами на церковную собственность. Но притязаніе на верховенство надъ императорскою властью, которое начало высказываться въ ихъ совѣщаніяхъ, представляетъ собою нѣчто поразительное, и поведеніе, слѣдовавшее за ихъ теоріями, было крайне неизвинительнымъ.

830 г.

Юдиѳь, схваченная мятежниками въ Лаонѣ, была преслѣдуема проклятіями народа до монастыря въ Пуатьерѣ, гдѣ ее и принудили принять монашество. Она принуждена была также дать обѣщаніе, что употребитъ все свое вліяніе на мужа, съ цѣлью убѣдить его уйти въ монастырь. Но склонность, которую Людовикъ чувствовалъ къ монашеской жизни, теперь уступила въ немъ мѣсто любви къ Юдиѳи и ея сыну. Онъ попросилъ времени для обсужденія; вопреки всякой оппозиціи, онъ порѣшилъ, что слѣдующее народное собраніе будетъ не въ Галліи, гдѣ населеніе вообще было недовольно франкскими правителями, а въ Нимегвенѣ, гдѣ онъ могъ надѣяться найти поддержку со стороны родственныхъ и дружественныхъ ему германцевъ, и дѣйствительность вполнѣ соотвѣтствовала его ожиданію. Въ Нимегвенѣ императоръ былъ возстановленъ въ своей власти. Гилдуинъ, осмѣлившійся преступить приказъ, чтобы члены собранія и ихъ послѣдователи явились безоружными, былъ изгнанъ, и подобный же приговоръ произнесенъ былъ надъ Валой вмѣстѣ съ другими сторонниками его партіи. Лотарь (возмутившійся послѣ того, какъ онъ далъ клятву поддерживать юнаго Карла въ его герцогствѣ) съ характеристическою низостью заявилъ о своемъ подчиненіи, оставилъ своихъ сообщниковъ, и вмѣстѣ съ другими произнесъ осужденіе надъ ними. Юдиѳь была выведена изъ своего монастыря, причемъ папа объявилъ ея насильственное постриженіе недѣйствительнымъ. Она рѣшилась судомъ Божіимъ доказать свою невиновность въ возводившемся на нее волшебствѣ и прелюбодѣяніи; но такъ какъ никого изъ обвинителей не явилось, то она согласилась очистить себя клятвой, и Бернардъ, герцогъ Септиманіи, ея предполагаемый любовникъ, предположившій очистить себя судебнымъ поединкомъ, не нашелъ никого, кто бы принялъ его вызовъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ, кто были наиболѣе враждебны Людовику въ его бѣдственномъ состояніи, были осуждены на смерть, но, съ своею обычною кротостью, онъ ограничился по отношенію къ нимъ болѣе легкимъ наказаніемъ.

833 г.

Заботливость Юдиѳи объ обезпеченіи положенія своего сына и ревнивая зависть старшихъ братьевъ то и дѣло причиняли тревоги злополучному Людовику, который повидимому подвергся преждевременной немощи. Въ 832 году произошло новое возстаніе вслѣдствіе наступенія Карла на королевство Аквитанское. Папа Григорій IV, который отчасти своимъ саномъ обязанъ былъ вліянію Валы и Гилдуина, отправился за Альпы и явился въ лагерѣ мятежниковъ, гдѣ его ожидали Вала и другіе церковные вожди партіи. Людовикъ былъ поддерживаемъ многими епископами, которые, услышавъ, что папа намѣренъ былъ отлучить ихъ и императора, объявили, что если онъ прибудетъ къ нимъ, то и самъ будетъ низложенъ и отлученъ. Отвѣтъ, данный Григоріемъ и вѣроятно написанный Пасхазіемъ, однимъ изъ монаховъ Валы, не имѣлъ никакого вліянія; онъ уже началъ обнаруживать безпокойство и недовольство взятою на себя ролью, какъ Вала и Пасхазій разубѣдили его въ этомъ, представивъ сборникъ каноновъ и декреталій, которыми имѣлось въ виду доказать, что папа имѣлъ право быть судьей во всѣхъ дѣлахъ и самъ не могъ быть судимъ никѣмъ изъ людей. Повидимому, въ это же время, Агобардъ, архіепископъ ліонскій, составилъ два трактата, изъ которыхъ одинъ представлялъ сравненіе между церковною и гражданскою властью, а другой—защиту мятежныхъ принцевъ. Въ первомъ изъ нихъ онъ настаиваетъ на превосходствѣ церковной власти, высказываетъ много укоровъ противъ императора и убѣждаетъ его подчиниться папѣ. „Если бы дѣйствительно папа Григорій приходилъ безъ основанія и съ цѣлью сражаться, онъ заслуживалъ бы противодѣйствія и прогнанія; но если онъ приходилъ съ цѣлью мира, то ему должно повиноваться“. Въ другомъ разсужденіи Агобардъ обвиняетъ Юдиѳь въ грубомъ и открытомъ распутствѣ; онъ оправдываетъ дѣйствія сыновей императора, и въ качествѣ прецедента, въ оправданіе принятаго имъ самимъ и его братьями участія, ссылается на то противодѣйствіе, которое священники и пророки израильскіе оказывали Іезавели и Гоѳоліи. Указавъ императору на то, что Самсонъ за свою любовь къ распутной и невѣрующей женщинѣ потерялъ свое зрѣніе и свое судейство, онъ увѣщеваетъ его, такъ какъ онъ самъ походилъ на Самсона въ потерѣ своей власти, стараться о томъ, чтобы подобно ему избѣгнуть лишенія своего вѣчнаго наслѣдія смиреннымъ и терпѣливымъ подчиненіемъ своей долѣ.

Въ день св. Іоанна Крестителя, два враждебныхъ войска расположились другъ противъ друга, близь Колмара. Григорій сдѣлалъ визитъ императору, который принялъ его безъ обычныхъ знаковъ уваженія; но впослѣдствіи они обмѣнялись подарками, и папа продолжалъ переходить изъ одного лагеря въ другой. Съ цѣлью повліять на приверженцевъ Людовика, были употребляемы доводы, угрозы, деньги и другіе соблазны, и утромъ въ день апп. Петра и Павла онъ нашелъ, что въ теченіе ночи всѣ оставили его кромѣ горсти преданныхъ ему людей. Узнавъ о своемъ безнадежномъ состояніи, онъ выразилъ нежеланіе служить причиной кровопролитія; тѣмъ изъ своихъ послѣдователей, которые не могли ожидать милости отъ мятежниковъ, онъ совѣтовалъ спасаться бѣгствомъ, другимъ предлагалъ послѣдовать примѣру большинства, и самъ сдался въ качествѣ плѣнника своимъ сыновьямъ. Папа возвратился въ Италію въ глубокомъ огорченіи и стыдѣ, вслѣдствіе принятаго имъ участія въ этихъ дѣлахъ, а народное чувство по отношенію къ нимъ выразилось въ прозвищѣ, данномъ тому мѣсту, гдѣ они происходили,— Люгенфельдъ, то есть „Поле лжи“.

24 іюня 833 г.

29 іюня.

Юдиѳь, за безопасность которой въ жизни и членахъ торжествующіе мятежники связали себя клятвою, была отправлена за Альпы, въ Тортону, причемъ Карлъ былъ заключенъ въ аббатствѣ Прюмскомъ, а Людовикъ уведенъ въ качествѣ плѣнника своимъ старшимъ сыномъ. Но Лотарь и его совѣтники скоро замѣтили, что въ пользу злополучнаго императора возбуждалось общее чувство сожалѣнія, и они рѣшили подавить его актомъ, которымъ имѣлось въ виду лишить его право способности къ царствованію. На народномъ собраніи въ Компьенѣ, одинъ епископъ (вѣроятно, Агобардъ) просилъ позволенія Лотаря, чтобы Людовику было сдѣлано представленіе о тѣхъ безпорядкахъ, которыми онъ унизилъ имперію Карла Великаго. Предложеніе это встрѣтило лишь весьма мало противодѣйствія; многіе епископы настаивали, чтобы Людовикъ принялъ монашество, и среди нихъ, какъ разсказываетъ Теганъ, наиболѣе дѣятельными были нѣкоторые рабскаго или варварскаго происхожденія,—и больше всего „безстыдный и жесточайшій“ Эббо реймскій, который возсталъ противъ императора на „Полѣ лжи“, и такъ какъ ихъ увѣщанія были напрасны, то они рѣшили продолжать дѣло другимъ способомъ. Въ восьмиглавомъ обвиненіи, написанномъ съ большими повтореніями и отчасти излагающемъ преступленія, за которыя онъ уже принесъ покаяніе въ Аттиньи, онъ былъ обвиняемъ въ актахъ насилія по отношенію къ своимъ родственникамъ, — въ смерти Бернарда, постриженіи Дрого и его братьевъ, въ частомъ нарушеніи клятвы, въ особенности касательно раздѣленія имперіи, въ нарушеніи покоя священныхъ временъ военными походами и засѣданіями судовъ и народныхъ собраній, въ беззаконіяхъ и несправедливости по отношенію ко многимъ изъ своихъ подданныхъ, въ погубленіи множества людей и въ причиненіи смертности и чрезвычайной нищеты вслѣдствіе бѣдствій войны [1]. Епископы присвоили себѣ право судить императора. Они осудили его заочно, объявили его лишеннымъ земной власти, и съ цѣлью воспрепятствовать погибели его души, приговорили его къ покаянію предъ мощами св. Медарда и св. Сабиніана въ Суассонѣ. Онъ находился подъ строгимъ надзоромъ въ кельѣ до наступленія дня, назначеннаго для церемоніи, когда онъ былъ выведенъ не какъ государь, а какъ грѣшный христіанинъ, желавшій принести покаяніе за свои грѣхи. Приэтомъ присутствовалъ Лотарь, съ большимъ собраніемъ епископовъ и духовенства, и соборъ былъ наполненъ массой зрителей. Императоръ, одѣтый во вретище, палъ ницъ предъ алтаремъ; онъ признавалъ, что былъ повиненъ въ беззаконномъ управленіи, оскорбительномъ для Бога, соблазнительномъ для церкви и бѣдственномъ для народа, и выражалъ желаніе принести покаяніе, чтобы получить отпущеніе своихъ грѣховъ. Епископы говорили ему, что за искреннимъ исповѣданіемъ послѣдуетъ прощеніе, и увѣщевали его, чтобы онъ не пытался, какъ это было раньше, скрыть часть своихъ грѣховъ. Въ руки ему поданъ былъ списокъ взводимыхъ на него обвиненій; съ потоками слезъ, онъ призналъ себя виновнымъ во всемъ и отдалъ этотъ документъ для положенія его на престолъ въ качествѣ свидѣтельства о его покаяніи. Затѣмъ онъ снялъ свой мечъ и свой военный поясъ; съ него сняли свѣтское одѣяніе, которое было на немъ подъ вретищемъ, и послѣ этого считалось, что по древнимъ канонамъ онъ уже не могъ вновь получить власть государя. Каждый изъ епископовъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, сдѣлалъ запись объ этомъ, которыя и передали въ руки Лотаря.

Октябрь.

Но лица, устроившія это униженіе императору, ошиблись въ разсчетахъ. Состраданіе къ императору и негодованіе противъ тѣхъ, которые столь унижали его подъ предлогомъ религіи, было почти всеобщими. Его сторону приняли его младшіе сыновья, Пипинъ и

---

[1] Acta exauctorationis, Pertz, Leges, I, 366.

Людовикъ, и Лотарь, встревоженный признаками этого общаго настроенія, поспѣшно удалился изъ Сенъ-Дени, предоставивъ своему отцу свободу. Около Людовика быстро собрались друзья его; ему совѣтовали принять на себя свои военныя украшенія, но онъ отказался сдѣлать это, если не будетъ дано ему формальное позволеніе со стороны церкви. Поэтому, онъ торжественно былъ возстановленъ въ аббатствѣ Сенъ-Дени; поясъ и мечъ были возвращены ему нѣкоторыми изъ тѣхъ епископовъ, которые участвовали въ его униженіи; при этомъ было объявлено, что кающійся, сложившій свой поясъ, могъ надѣть его опять по истеченіи покаянія, и народная радость, по случаю возстановленія императора, получила новое поощреніе вслѣдствіе внезапной перемѣны погоды, которая долго была бурной и мрачной.

Въ февралѣ 835 года состоялся соборъ въ Тіонвиллѣ, гдѣ 8 архіепископовъ и 33 епископа осудили своихъ собратьевъ, принимавшихъ участіе въ дѣлахъ въ Компьенѣ и Суассонѣ. Среди этихъ осужденныхъ особенно выдавался Эббо, человѣкъ рабскаго происхожденія, бывшій молочнымъ братомъ Людовика, и подобно другимъ низкороднымъ духовнымъ лицамъ былъ возведенъ имъ на высокую степень, съ цѣлью противовѣса аристократическимъ прелатамъ, стремившимся къ независимости отъ короны. Эббо былъ человѣкъ ученый и трудился въ качествѣ миссіонера среди сѣверныхъ племенъ, но его поведеніе по отношенію къ своему благодѣтелю было чрезвычайно неблагодарнымъ. За свою измѣну онъ награжденъ былъ со стороны Лотаря однимъ богатымъ аббатствомъ, и когда опять восторжествовало дѣло Людовика, онъ бѣжалъ со всѣмъ своимъ богатствомъ, какое только могъ захватить, въ надеждѣ найти убѣжище среди норманновъ. Однако же онъ былъ схваченъ, и послѣ водворенія на нѣкоторое время въ монастырь Фульды, его принудили взойти на каѳедру одной церкви въ Мецѣ, гдѣ въ присутствіи Людовика и собравшихся епископовъ, духовенства и мірянъ, онъ призналъ, что всѣ послѣднія дѣйствія противъ императора были несправедливы и преступны. Въ Тіонвиллѣ онъ написалъ и подписалъ исповѣдь въ своемъ собственномъ недостоинствѣ, былъ низложенъ съ своей каѳедры, и оставался въ монашескомъ заключеніи или изгнаніи до смерти Людовика. Другіе епископы, принявшіе участіе въ дѣлѣ императора, по сознаніи въ своей виновности, подверглись лишь мягкому укору, и только Агобардъ, который не хотѣлъ явиться, былъ осужденъ за свое упорство.

Лотарь былъ лишенъ императорскаго титула, и ограниченъ королевствомъ Италіи. Но Юдиѳь впослѣдствіи нашла выгоднымъ войти въ сношеніе съ нимъ, и въ 839 году произведенъ былъ раздѣлъ (послѣдній изъ раздѣловъ, свидѣтельствующихъ о затрудненіяхъ и слабостяхъ Людовика), по которому Пипинъ, внукъ императора, лишился права наслѣдовать своему отцу въ королевствѣ Аквитанскомъ, и за исключеніемъ Баваріи, которая оставлена была за младшимъ Людовикомъ, вся имперія подѣлялась между Лотаремъ и Карломъ. До самаго конца царствованіе Людовика было возмущаемо враждой его сыновей, которые дѣйствовали, отбросивъ всякую сыновнюю и братскую любовь. Онъ умеръ 20 іюня 840 года на одномъ островѣ на Рейнѣ, противъ Ингельгейма, находясь въ походѣ противъ своего сына Людовика германскаго. На своемъ смертномъ одрѣ онъ получилъ утѣшеніе религіи отъ своего незаконнаго брата Дрого, епископа мецскаго. Его послѣднія слова: „вонъ, вонъ!“ были поняты въ смыслѣ заклинанія, повелѣвавшаго удалиться злому духу [1].

Въ теченіе первыхъ лѣтъ этого царствованія, слава Карла Великаго продолжала окружать имперію ореоломъ славы въ глазахъ чужеземныхъ народовъ, и самъ Людовикъ велъ успѣшную войну въ разныхъ направленіяхъ. Но раздоры франковъ впослѣдствіи сдѣлали ее доступною внѣшнимъ врагамъ. Норманны, первое появленіе которыхъ на берегу наполнило сердце Карла Великаго мрачнымъ предчувствіемъ, въ 820 году проникли въ Шельду. Въ 835 году они сожгли большой торговый городъ Дорштадтъ, съ его 54 церквями, и ихъ опустошенія были чувствуемы на берегахъ Луары и въ другихъ мѣстахъ. Съ юга не менѣе страшнымъ врагомъ были сарацины: въ 838 году они ограбили Марсель и увели въ плѣнъ монаховъ и духовенство. А на востокѣ славянскія племена пользовались междоусобіемъ франковъ для того, чтобы дѣлать набѣги на императорскую территорію. Опасности, которыя такимъ образомъ угрожали имперіи съ разныхъ сторонъ, сдѣлались еще болѣе серьезными при преемникахъ Людовика. Но переходимъ къ дѣламъ Востока.

II. Хотя опредѣленіе 2-го никейскаго собора и признано было въ качествѣ закона въ Восточной имперіи, однако же все еще оставались нѣкоторые слѣды прежней иконоборческой закваски, и къ этому времени иконоборческая партія попыталась еще разъ ниспровергнуть истинное ученіе церкви.

По низложеніи Михаила Рангалы, въ 813 году, императоромъ сдѣлался Левъ V, „армянинъ“, который, какъ вслѣдствіе своего воспитанія, такъ и по своимъ военно-служебнымъ связямъ, былъ противникомъ иконопочитанія. Его враги называли его Хамелеономъ[1], вслѣдствіе неискренняго и измѣнчиваго характера, который они приписываютъ ему; но даже и они допускаютъ, что онъ былъ человѣкъ необычайной энергіи и способностей, которыя давали ему возможность поддерживать упадающую имперію. Патріархъ Никифоръ,—не изъ подозрѣнія (какъ можно бы думать), а просто согласно съ обычаемъ,—потребовалъ отъ него, при его возвышеніи, подписать исповѣданіе вѣры; Левъ выразилъ желаніе, чтобы дѣло это отложено было до совершенія коронаціи; но когда къ нему вновь обратились съ этимъ предложеніемъ, то онъ совсѣмъ отказался[2].

---

[1] „Huz, huz“ равносильное новѣйшему нѣмецкому „aus“. По предположенію нѣкоторыхъ, восклицаніе это означало: „es ist aus“—все кончено. Людовикъ Германскій въ 874 году имѣлъ видѣніе, въ которомъ его отецъ просилъ его на латинскомъ языкѣ просить объ избавленіи его изъ чистилища. (Pertz, I, 387).

814 г.

Подобно другимъ авантюристамъ, достигавшимъ императорскаго престола (а вѣроятно и подобно еще гораздо большему числу тѣхъ, въ которыхъ не исполнились возлагавшіяся на нихъ надежды), Льву еще въ ранней молодости было предсказано, что ему предназначено судьбой сдѣлаться императоромъ. Отсюда онъ имѣлъ постоянную наклонность вѣрить въ предсказанія, и одинъ монахъ, который, по рѣдкому исключенію въ своемъ званіи, былъ противникомъ иконопочитанія, теперь увѣрялъ его въ долгомъ и славномъ царствованіи, если только онъ уничтожитъ иконопочитаніе, причемъ даже угрожалъ ему бѣдствіями, если онъ будетъ дѣйствовать иначе[3]. Слова эти произвели свое дѣйствіе на Льва, и на него затѣмъ повліяло еще сравненіе между благоденствующимъ царствованіемъ иконоборческихъ императоровъ и бѣдствіями тѣхъ, которые держались противоположнаго направленія[4]. Онъ рѣшился взять себѣ въ примѣръ Льва Исаврянина и его сына; но прежде чѣмъ приступать къ дѣйствію, онъ желалъ удостовѣриться касательно основъ своего дѣла. Поэтому онъ выразилъ желаніе, чтобы Антоній, епископъ силейскій, въ Памфиліи, Іоаннъ „грамматикъ“ и другія духовныя лица представили ему въ сокращенномъ видѣ дѣянія иконоборческаго собора Константина, и собрали свидѣтельства изъ Отцовъ церкви противъ иконопочитанія. Затѣмъ онъ обратился съ этимъ дѣломъ къ Никифору, заявляя, что бѣдствія имперіи народомъ приписываются иконопочитанію, — каковое увѣреніе, быть можетъ, изображало собою настроеніе только солдатъ, и вслѣдствіе этого онъ предложилъ, чтобы были удалены иконы, которыя находились низко и могли быть доступны народу. Патріархъ отказался дать свое согласіе на это, на что императоръ попросилъ его представить какое либо доказательство изъ св. Писанія въ пользу иконъ. Никифоръ отвѣчалъ, что иконопочитаніе, подобно многимъ другимъ неписаннымъ предметамъ, есть дѣло апостольскаго преданія и преподано церкви Духомъ Святымъ, что требовать въ данномъ случаѣ библейскаго доказательства въ пользу почитанія иконъ значило бы тоже самое, что требовать подобныхъ же доказательствъ въ Крестѣ или Евангеліи. Когда императоръ выразилъ желаніе, чтобы онъ вступилъ по этому вопросу въ споръ съ Антоніемъ и Іоанномъ, или опровергъ свидѣтельства, приводившіяся противъ его воззрѣній, то онъ отклонилъ это на томъ основаніи, что ему не пристойно имѣть дѣло съ еретиками [1]).

---

[1] Theoph. Contin. (то есть, анонимный продолжатель Өеофана) въ томѣ девятомъ Византійскихъ историковъ, edit. Paris. p. 439. Vita Nicephori, 30 (Patrol Grec. C); Georgius Monachus, De Leone, 1, 3.

[2] Продолжатель Өеофана свидѣтельствуетъ, что онъ обѣщалъ не дѣлать никакихъ нововведеній касательно религіи (431). Когда патріархъ во время коронаціи коснулся головы Льва, то его руки, будто бы, были ранены волосами императора, которые на ощупь казались какбы терновникомъ или шиповникомъ, служа худымъ предзнаменованіемъ для будущаго (Const. Porph. I, 18).

[3] Const. Porph. I, 15—16; Cedren. 486—9; Hard. IV, 1045.

[4] Theoph. Cont. 415.

Никифоръ и его сторонники, — духовенство, монахи и міряне, теперь составляли ночныя собранія въ соборѣ, гдѣ они и предавались молитвѣ о томъ, чтобы разстроились намѣренія императора, и обязывались крѣпко стоять за дѣло иконопочитанія даже до смерти. Услышавъ объ этихъ собраніяхъ, Левъ въ глухую полночь послалъ за патріархомъ и долго разсуждалъ съ нимъ по этому вопросу. Никифоръ повторилъ свое заявленіе касательно незаконности собесѣдованія съ еретиками, и послѣ нѣкотораго времени попросилъ позволенія представить своихъ друзей, которые сопровождали его во дворецъ, и во время его бесѣды съ императоромъ ждали его за воротами. Самымъ выдающимся изъ нихъ былъ Θеодоръ, священникъ и настоятель одного монастыря въ столицѣ, который основанъ былъ Студіемъ, благороднымъ римляниномъ, и извѣстенъ былъ скорѣе подъ его именемъ, чѣмъ подъ именемъ своего покровителя св. Іоанна Крестителя. Θеодоръ былъ племянникъ настоятеля Платона, который отлучалъ Константина VI, вслѣдствіе его втораго брака, и сильно противодѣйствовалъ Тарасію за его согласіе на волю императора въ этомъ дѣлѣ. Самъ Θеодоръ дѣйствовалъ за одно съ своимъ дядей; въ наказаніе за свое упорство онъ подвергся изгнанію и другимъ жестокостямъ, и навлекъ на себя новое наказаніе въ царствованіе Никифора, когда вновь возбуждены были нѣкоторые вопросы касательно брака Константина [2]). Подъ его управленіемъ, въ Студитскомъ монастырѣ число братій возросло отъ двѣнадцати человѣкъ почти до тысячи;

795—6 г.

---

[1]) Theoph. Cont. 437. Никифоръ написалъ „Хронику", которая высоко хвалится Фотіемъ (Cod. 66), и часто цитировалась на предшествующихъ страницахъ. Его „Жизнь и останки" (заключающіе въ себѣ, между прочимъ, длинное разсужденіе въ пользу иконъ) находятся въ Patrol. Graec., C.

[2]) Жизнь Θеодора Студита написана его ученикомъ Михаиломъ и находится въ Patrol. Graec. vol. xcix.

строгость его дисциплины пріобрѣла ему извѣстность надъ всѣми другими греческими монастырями, а характеръ и страданія настоятеля пріобрѣли ему вліяніе, которое придавало ему значеніе даже въ глазахъ государя. Ѳеодоръ сталъ на сторону иконопочитанія со всею отличающею его ревностью. Среди его сторонниковъ, правда, замѣчались и такія крайности, что онъ самъ считалъ себя вынужденнымъ порицать ихъ; но самъ онъ былъ непреклоннымъ сторонникомъ никейскаго опредѣленія. Онъ говорилъ, что иконы назначаются не для ученыхъ только, но необходимы и для наиболѣе совершенныхъ христіанъ, что почитаніе ихъ необходимо для правой вѣры въ воплощеніе. Если уничтожить иконы, говорилъ онъ, „то тщетна будетъ проповѣдь наша и тщетна также вѣра наша“ [1]).

Будучи допущенъ въ присутствіе императора, Ѳеодоръ, съ большою горячностью, сталъ обсуждать вопросъ объ иконопочитаніи. Онъ укорялъ Льва за нововведеніе въ дѣлахъ религіи, и напомнилъ ему о судьбѣ, которая постигала императоровъ, бывшихъ врагами вѣры. Ветхозавѣтныя запрещенія изображеній, говорилъ онъ, отмѣнены были воплощеніемъ: если бы законъ Моисеевъ сохранялъ значеніе, то какимъ образомъ могли бы мы поклоняться Кресту, о которомъ законъ говоритъ, какъ проклятомъ? И затѣмъ онъ излагалъ обычные доводы въ пользу иконопочитанія. Императоръ замѣтилъ ему, что онъ слишкомъ дерзокъ, но что если онъ желаетъ славы мученичества, то будетъ разочарованъ въ этомъ. Ѳеодоръ отвѣчалъ, что императорская власть ограничивается лишь внѣшними дѣлами, что, согласно съ ап. Павломъ, Богъ „поставилъ въ церкви прежде всего апостоловъ, затѣмъ пророковъ и учителей“, но что у него ничего не сказано объ императорѣ, что императоръ обязанъ повиноваться въ дѣлахъ религіи, а не посягать на должность другаго. „Такъ неужели ты исключаешь меня изъ церкви?“ спросилъ Левъ. „Не я“, отвѣчалъ Ѳеодоръ, „но апостолъ; мало того, ты своими дѣлами исключилъ себя самого“. Императоръ выразилъ желаніе, чтобы съ Антонія силейскаго снято было отлученіе, которое произнесъ противъ него Никифоръ; но въ этомъ было отказано, и Левъ наконецъ во гнѣвѣ отпустилъ патріарха и его сторонниковъ. По оставленіи дворца, Ѳеодора восторженно цѣловали его сотоварищи, и онъ привѣтствуемъ былъ самыми горячими заявленіями удивленія и восторга за ту стойкость, которую онъ показалъ во дворцѣ.

Левъ теперь выразилъ желаніе, чтобы сторонники иконопочитанія прекратили свои собранія, спокойно оставались по домамъ и воздерживались отъ обсужденія спорныхъ предметовъ, и въ то же время требовалъ отъ нихъ дать письменное обязательство въ повиновеніи. Нѣкоторые согласились, но прежде чѣмъ Никифоръ выразилъ свои намѣренія, Ѳеодоръ обратился ко всѣмъ монахамъ имперіи съ сильнымъ окружнымъ посланіемъ, въ которомъ порицалъ патріарха за его небрежность въ принятіи болѣе рѣшительныхъ мѣръ противъ императора и угрожалъ вѣчнымъ наказаніемъ всѣмъ, кто оставляли дѣло иконопочитанія. Онъ поддерживалъ оживленную дѣятельность посредствомъ писемъ, посѣщеній и бесѣдъ, и отстаивалъ дѣло иконопочитанія какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. Главными изъ его произведеній являются три трактата, носящіе названіе „Антирретики“: первые два въ формѣ діалога между православнымъ и еретикомъ, а третій состоящій изъ изложенія иконоборческихъ возраженій, съ побѣдоноснымъ отвѣтомъ на каждое изъ нихъ.

---

[1]) Ер. II, 171.

Противодѣйствіе императора иконопочитанію сначала не доходило до крайности. Но теперь, когда Ѳеодоръ и его сторонники заявили непреклонную преданность иконопочитанію, какъ неразлучному съ истинной вѣрой въ воплощеніе, это крайне раздражило Льва и побудило его прибѣгнуть къ чрезвычайно жестокимъ мѣрамъ. Войско, не ожидая законнаго разрѣшенія (но, быть можетъ, наущенное императоромъ, какъ утверждаютъ его противники), подняло мятежъ и ринулось къ Бронзовымъ воротамъ, гдѣ Ириной возстановленъ былъ образъ Христа Споручника, столь прославившагося въ первой стадіи иконоборческаго спора [1]). Солдаты наполнили воздухъ всякими ругательствами, и забросали образъ грязью и камнями, вслѣдствіе чего императоръ удалилъ его, подъ предлогомъ избавить его отъ подобнаго безчестія, и издалъ приказъ о снятіи иконъ вообще, гдѣ только это можно было сдѣлать съ безопасностью [2]). Иконы были разбиваемы, сожигаемы или покрываемы глиной и грязью. Многіе протестующіе епископы, настоятели монастырей и другіе были низложены и изгнаны; между страдальцами, былъ и лѣтописецъ Ѳеофанъ, который умеръ [3]) на островѣ Самоѳракіи.

Дек. 814 г.

Въ праздникъ Рождества, въ 814 году, императоръ торжественно отправился въ храмъ св. Софіи, предварительно увѣривъ Никифора, что ему нечего опасаться какого-либо безпорядка, если онъ возьметъ съ его груди священное изображеніе и поцѣлуетъ его. Онъ направился къ алтарю и поцѣловалъ престольное одѣяніе, которое украшено было изображеніемъ рождества Спасителя. Но когда, во время службы, изъ пророка Исаіи (xl, 18 и сл.) было прочитано обличеніе идолопоклонства, изъ духовенства выступилъ одинъ проповѣдникъ, и обращаясь къ императору, сказалъ ему, что Богъ словами пророка повелѣваетъ ему твердо продолжать приводить въ исполненіе свои мѣры, съ цѣлью подавленія иконопочитанія [1]).

---

[1]) См. выше, стр. 609.

[2]) Theoph. Cont. 438.

[3]) Acta SS. Mars 12.

Никифоръ послѣ этого серьезно заболѣлъ, и вслѣдствіе этого надѣялся, что его смерть избавитъ императора отъ необходимости продолжать дѣло противъ него. Но онъ выздоровѣлъ, и такъ какъ всѣ попытки соглашенія съ нимъ были безплодны, то онъ былъ низложенъ и заключенъ въ монастырь, гдѣ и прожилъ еще 14 лѣтъ. Въ преемники ему предложенъ былъ Іоаннъ Грамматикъ, но отвергнутъ, какъ не подходящій по своему происхожденію и лѣтамъ, и патріархатъ былъ предоставленъ Θеодоту Касситерѣ, одному міряннну, находившемуся въ родствѣ съ семействомъ исаврійскихъ императоровъ. Его считаютъ лицемъ, дѣйствовавшимъ чрезъ того монаха, предсказаніями котораго Левъ былъ склоненъ къ попыткѣ подавленія иконопочитанія. Θеодотъ, описываемый своими противниками, какъ „человѣкъ безъ разума, болѣе нѣмой, чѣмъ рыба, и не свѣдущій ни въ чемъ другомъ, кромѣ нечестія“ [2]), приводилъ въ великое смущеніе монашескую партію своимъ свободнымъ и мірскимъ образомъ жизни. Онъ созвалъ соборъ, который подтвердилъ рѣшеніе иконоборческаго собора отъ 754 года, и отмѣнилъ постановленія опредѣленія 2-го никейскаго собора. Для участія въ собраніи, вызваны были наиболѣе знаменитые настоятели монастырей; но Θеодоръ, отъ ихъ имени, послалъ отказъ въ своемъ обычно горячемъ тонѣ, осуждая всѣхъ, кто бы явились на соборъ, и заявляя, что онъ будетъ совершенно не причастенъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя могутъ быть приняты безъ согласія законнаго патріарха Никифора. Вопреки императорскому указу противъ общественнаго выставленія иконъ, онъ велѣлъ своимъ монахамъ въ Вербное воскресенье въ торжественной процессіи носить всѣ принадлежавшія монастырю иконы, и пѣть гимнъ, начинавшійся словами: „чтимъ образъ Твой неоскверненный“.

Апр. 816 г.

Императоръ, сильно раздраженный этимъ смѣлымъ упорствомъ, отправилъ Θеодора въ изгнаніе, гдѣ онъ оставался въ теченіе семи лѣтъ. Онъ былъ переводимъ съ одного мѣста на другое, часто подвергаемъ жестокимъ бичеваніямъ, даже съ опасностью для его жизни; раны его были не перевязаны, и даже, когда онъ серьезно заболѣлъ, то не могъ получить никакого ухода или помощи; онъ много страдалъ отъ недостатка пищи, былъ заключенъ въ теченіе трехъ лѣтъ въ мрачной подземной тюрьмѣ, и часто подвергался угрозамъ смерти. Но его рѣшимость возростала по мѣрѣ усиленія жестокости въ обращеніи съ нимъ. Онъ заявлялъ, что готовъ вынести все, чему только могутъ подвергнуть его, но ничто не заставитъ его смолкнуть. Онъ находилъ возможность писать и распространять письма, поддерживавшія рѣшимость православной церкви, обличалъ императора, какъ нѣкоего фараона и Навуходоносора, врага Спасителя и Его пресвятой Богоматери, и усиливавшееся наказаніе, навлекавшееся имъ на себя каждымъ новымъ проявленіемъ ревности, служило только къ возбужденію его къ еще большей ревности. Онъ писалъ къ епископу римскому, къ тремъ восточнымъ патріархамъ и къ главамъ наиболѣе важныхъ монастырей, изображая угнетенное состояніе церкви въ самыхъ трогательныхъ чертахъ и искренно прося о сочувствіи [1]).

---

[1]) Кедренъ (490 стр.) относитъ эту сцену къ патріархатству Θеодота. Нѣкоторые говорятъ, что этимъ проповѣдникомъ былъ самъ Θеодотъ (какъ напр. Const. Porph. I, 20). Другіе указываютъ на Іоанна Грамматика.

[2]) G. Hamart. CLXII, 2; Sym. Magist. De Leone, 6.

817 г.

Пасхалій, только что возведенный на папскій престолъ, отказался допустить императорскихъ посланныхъ въ Римъ, отправилъ легатовъ ходатайствовать передъ Львомъ о сторонникахъ иконопочитанія, и въ знакъ принимавшагося имъ въ нихъ интереса построилъ особый монастырь для греческихъ бѣглецовъ, которымъ онъ предоставилъ новую церковь св. Пракседа для совершенія богослуженія на ихъ собственномъ языкѣ. Православное духовенство искало рукоположенія въ Италіи; міряне, побуждаемые ученіемъ Θеодора, отказывались принимать религіозное богослуженіе отъ рукъ иконоборческаго духовенства. Левъ все болѣе и болѣе приходилъ въ ярость, почитатели иконъ подвергаемы были бичеванію, изгнанію, уродованію, ослѣпленію или смерти; изданъ былъ приказъ, чтобы всѣ изображенія были смыты или взяты и сожжены; повсюду разосланы были шпіоны для открытія всѣхъ тѣхъ, у кого находились иконы или книги въ защиту ихъ, всѣхъ, которые осмѣливались давать убѣжище бѣглецамъ или оказывать помощь заключенникамъ изъ числа иконопочитателей. Всѣ гимны въ честь иконъ были изъяты изъ литургіи, и принимались мѣры къ тому, чтобы внушить отвращеніе къ иконамъ въ дѣтяхъ посредствомъ школьныхъ книгъ [2]).

Между тѣмъ наконецъ всѣми этими дѣйствіями сдѣлался недоволенъ Михаилъ „Заика“,—тотъ полководецъ, которому Левъ былъ обязанъ своимъ престоломъ, и онъ былъ обвиненъ, по его собственному сознанію, въ измѣнническихъ намѣреніяхъ, наканунѣ праздника Рождества 820 года. Онъ былъ приговоренъ къ смерти, и Левъ хотѣлъ издать приказъ о приведеніи приговора въ немедленное исполненіе, если бы не заступничество императрицы, которая упрашивала его отложить дѣло, пока не пройдетъ праздникъ. Императоръ согласился, но въ мрачномъ предчувствіи сказалъ ей, что ея благочестивыя сомнѣнія могутъ дорого обойтись ей и ея дѣтямъ. Михаилъ былъ заключенъ во дворцѣ, и Левъ съ цѣлью успокоить себя въ глухую полночь самъ ходилъ смотрѣть, крѣпко ли содержится узникъ. Онъ нашелъ, что какъ узникъ, такъ и стоявшій на стражѣ офицеръ спали глубокимъ сномъ; но стражъ предоставилъ свою постель преступнику, а самъ лежалъ на полу. Одинъ рабъ, оставшійся не замѣченнымъ въ этомъ помѣщеніи, узналъ императора по его пурпурнымъ сапогамъ, и по удаленіи его разбудилъ спящихъ. Офицеръ, зная, что то преимущество, которое онъ оказалъ заключеннику, можетъ подвергнуть его подозрѣнію въ качествѣ сообщника, согласился вмѣстѣ съ Михаиломъ составить планъ для немедленнаго дѣйствія. Подъ тѣмъ предлогомъ, что требовался духовникъ, онъ ввелъ во дворецъ одного изъ сторонниковъ Михаила, который, выйдя оттуда, вошелъ въ сношеніе съ другими. На Востокѣ въ это время въ обычаѣ было совершать раннее богослуженіе въ праздникъ Рождества въ три часа утра; „слоновыя ворота“ дворца были открыты для допущенія духовенства и пѣвчихъ, и между ними незамѣтно вошла толпа заговорщиковъ. Они немедленно напали на главнаго священника, предполагая, что это императоръ, который обыкновенно руководилъ псалмопѣніемъ при такихъ случаяхъ; но священникъ, раскрывъ и указавъ на свою постриженную голову, избѣгъ опасности. Затѣмъ заговорщики напали на Льва, который въ теченіе нѣкотораго времени защищался, махая кадильницей, и затѣмъ, схвативъ большой крестъ съ престола, наносилъ имъ тяжкіе удары, пока одинъ исполинскій заговорщикъ не поразилъ его ударомъ меча, отрубивъ ему правую руку. Послѣ этого императоръ немедленно же былъ убитъ. Ему отрубили голову, и тѣло его было унесено въ циркъ. Михаилъ, прежде чѣмъ могли найти слесаря, который бы могъ освободить его отъ цѣпей, былъ немедленно возведенъ на престолъ, и въ тотъ же самый день былъ коронованъ въ храмѣ св. Софіи.

---

[1]) Epp. ii, 12—17.

[2]) Sym. Mag. D Leone. 6; Vita Niceph. 79.

Сторонники иконопочитанія теперь надѣялись, что государственная политика правительства приметъ совершенно противоположное направленіе. Низложенный патріархъ Никифоръ обратился съ просьбою, чтобы императоръ возстановилъ иконы, а Θеодоръ Студитъ въ свою очередь горячо поздравлялъ Михаила съ восшествіемъ на престолъ. „Заслуженно, говорилъ онъ, отступникъ закончилъ такъ свою жизнь. Сыну тьмы и надлежало погибнуть ночною смертью. Опустошавшему храмы Божіи пристойно было видѣть мечи, обнаженные противъ него въ самомъ храмѣ Божіемъ. По достоинству не долженъ былъ находить защиты отъ алтаря тотъ, который разрушалъ самый алтарь, и достойно отсѣчена была та рука, которая простиралась противъ святынь. Достойно было, чтобы мечъ пронзилъ того, кто изрыгалъ богохульства". „Я не издѣваюсь надъ способомъ его смерти", прибавлялъ онъ, „какбы радуясь судьбѣ нечестиваго человѣка, но я говорю это въ скорби и со слезами. Это потому, какъ сказалъ Тотъ, кто не можетъ лгать, что злодѣй будетъ преданъ злой смерти" [1]); и затѣмъ онъ выражаетъ надежду, что возстанетъ новый Іосія или Іовіанъ для возстановленія иконопочитанія и истинной религіи [2]).

Михаилъ возвратилъ изъ ссылки тѣхъ, кто были изгнаны за свою преданность иконопочитанію, и возвращеніе Ѳеодора Студита было отпраздновано съ необычайнымъ торжествомъ. Но надежды, столь быстро возникшія, скоро потерпѣли разочарованіе. Императоръ, фригіецъ по происхожденію, былъ грубый солдатъ, говорятъ, и будто бы едва могъ читать. Противники его увѣряютъ, что высшее его образованіе состояло въ знаніи лошадей, ословъ и свиней, и къ этому прибавляютъ, что въ ранней молодости онъ принадлежалъ къ странной сектѣ, которая смѣшивала іудейскія ученія съ ученіемъ аѳингановъ и павликіанъ, что онъ все еще держался ихъ заблужденій, отвергалъ воскресеніе Спасителя и существованіе діавола [3]). Радость иконопочитателей была сильно подорвана, когда на патріаршество константинопольское, въ 821 году, былъ возведенъ извѣстный иконоборецъ Антоній силейскій. Михаилъ заявилъ, что онъ самъ никогда не былъ иконопочитателемъ; онъ запретилъ всякія перемѣны въ религіи и всякую проповѣдь съ той или съ другой стороны по этому вопросу. Какъ сторонникамъ, такъ и противникамъ иконъ предоставлялось пользоваться полною свободой мнѣнія; но въ столицѣ не позволялось никакого открытаго иконопочитанія. Это привело Ѳеодора и его сторонниковъ въ сильное смущеніе и огорченіе. Они еще разъ отказались отъ общенія съ своими противниками на томъ основаніи, что такое общеніе незаконно. Ѳеодоръ повторилъ Михаилу заявленіе, которое онъ сдѣлалъ Льву, что земные государи не имѣютъ права вмѣшиваться въ религіозныя дѣла. Онъ выразилъ желаніе, чтобы императоръ возстановилъ Никифора на патріаршій престолъ, или, если онъ чувствовалъ какое либо сомнѣніе или недовѣріе къ нему, послѣдовалъ преданію отцовъ и перенесъ дѣло на разсмотрѣніе епископа римскаго, какъ наслѣдника обѣтованія Спасителя ап. Петру. Вопреки стараній Михаила о примиреніи между партіями, онъ стремился къ отдѣленію церкви отъ государства. Онъ писалъ Маринѣ, разведенной женѣ Константина VI, дочь котораго Михаилъ взялъ изъ монастыря, чтобы сдѣлать своей второй женой, повелѣвая ей оставить дворецъ и общество своей дочери, такъ какъ тотъ мечъ, о которомъ говорится въ евангеліи, теперь долженъ былъ произвести разладъ среди ближайшихъ родственниковъ [1]). Михаилъ, раздраженный непреклонною стойкостью Θеодора и его по- 826 г. слѣдователей, рѣшилъ оставить политику терпимости и приступилъ къ суровымъ мѣрамъ противъ нихъ. Θеодоръ Студитъ былъ изгнанъ опять, и умеръ въ изгнаніи 69 лѣтъ отъ роду [2]).

---

[1]) Матѳ. XXI, 41.

[2]) Ер. II, 73.

[3]) Const. Porph. II. 3, 4, 8; Cedren. 496—9. Объ аѳинганахъ см. Neander. VI, 347.

Такъ какъ сторонники иконопочитанія много полагались на поддержку Рима, то императоръ отправилъ въ 824 году посольство къ папѣ Пасхалію, съ цѣлью отговорить его отъ покровительства бѣглецамъ. Въ то же самое время онъ отправилъ посланниковъ къ Людовику Благочестивому съ письмомъ, въ которомъ объявлялъ о своемъ восшествіи и о своей недавней побѣдѣ надъ соперникомъ, по имени Θомой, выдававшимъ себя за низложеннаго Константина и въ теченіе трехъ лѣтъ оспаривавшимъ у него обладаніе престола. Въ этомъ письмѣ Михаилъ очищаетъ свою вѣру и свое поведеніе въ церковныхъ дѣлахъ отъ тѣхъ невѣрныхъ слуховъ, которые доходили до Запада, проситъ франкскаго императора помочь ему своимъ вліяніемъ, которое онъ, какъ властелинъ Рима, могъ оказать на папу, и въ оправданіе своихъ дѣйствій ссылается на крайности иконопочитанія. Крестъ былъ удаляемъ изъ церквей, и на мѣсто его поставляемы иконы; имъ возжигались свѣчи и приносилось куреніе; къ нимъ обращались съ гимнами и молитвами; ихъ употребляли вмѣсто воспріемниковъ при крещеніи дѣтей, и новопосвященные, при поступленіи въ монашеское состояніе, вмѣсто того, чтобы просить благочестивыхъ людей принять ихъ волоса во время постриженія, старались уронить ихъ на лоно изображаемыхъ на иконахъ лицъ. Нѣкоторые изъ духовенства, пренебрегая церквами, совершали евхаристію въ домахъ, употребляя иконы вмѣсто престоловъ. Нѣкоторые соскабливали краски съ иконъ, примѣшивали ихъ къ элементамъ евхаристіи, и причащали этою смѣсью; причемъ другіе полагали священный хлѣбъ въ руки изображаемыхъ на иконахъ лицъ, и причащающійся получалъ его какбы отъ нихъ [3]). Результатъ этого посольства не оправдалъ ожиданій Михаила; но, какъ мы увидимъ, онъ не остался безъ слѣда въ исторіи Западной церкви.

---

[1]) Матѳ. x. 34—6; Ep. ii. 181. Бароній предполагаетъ, что письмо это обращено къ тещѣ Льва, но Паги исправляетъ его, и показываетъ, что оно писано было не раньше 824 года.

[2]) Vita Nic. Stud. 32; Acta SS. Feb. 4.

[3]) Mich. ap. Baron. 824. 16.

Михаилу, въ 829 году, наслѣдовалъ его сынъ Ѳеофилъ. Молодой императоръ былъ тщательно воспитанъ подъ руководствомъ Іоанна Грамматика. Онъ былъ преданъ литературѣ, искусствамъ и наукѣ, составлялъ гимны и церковную музыку, и самъ руководилъ хоромъ при богослуженіи [1]. Онъ полагалъ особенную честь въ строгомъ отправленіи правосудія, которое иногда превращалось въ нелѣпый или жестокій педантизмъ, и его война противъ сарацинъ закончилась лишь безплодными проявленіями мужества и большою потерею крови, что пріобрѣло ему прозваніе „несчастнаго“. Изъ уроковъ Іоанна Грамматика онъ проникся сильнымъ отвращеніемъ къ иконамъ, и проводилъ свои взгляды съ непреклонною рѣшительностью.

Первой мѣрой Ѳеофила противъ иконъ былъ его указъ, изданный по случаю общаго налога о томъ, чтобы собраны были свѣденія касательно мнѣній каждаго лица по этому вопросу. Затѣмъ, въ 832 году, онъ повелѣлъ, чтобы иконамъ отнюдь не воздавалось никакого почитанія, и что онѣ не должны быть называемы святыми, такъ какъ одинъ Богъ только святъ. Въ томъ же самомъ году, по смерти Антонія, онъ предоставилъ патріаршество своему учителю Іоанну, который скоро послѣ этого созвалъ соборъ, гдѣ и осуждены были опредѣленія 2-го никейскаго собора [2]. Императоръ затѣмъ повелѣлъ, чтобы въ церк- 833 г.
вахъ были поставлены картины съ изображеніемъ животныхъ и другихъ обыкновенныхъ предметовъ на мѣсто изображеній религіознаго рода, и съ большою строгостью требовалъ исполненія этого повелѣнія. Началось общее сожиганіе религіозныхъ изображеній и иконъ. Многіе изъ сторонниковъ иконопочитанія подверглись тюремному заключенію или изгнанію. Монастыри превращались въ свѣтскія учрежденія, монахамъ запрещено было носить свою одежду; тѣмъ изъ нихъ, которые жили въ деревенскихъ монастыряхъ, не позволялось являться въ города, а тѣмъ, которые занимались иконописаніемъ, строжайше запрещено было продолжать свое ремесло [3]. Ревностные сторонники иконопочитанія среди монаховъ съ своей стороны были столь же рѣшительны, какъ и императоръ. Многіе

---

[1] Cedren. 522.

[2] Іоаннъ Грамматикъ со стороны противоположной партіи называется λεκανομαντίς—вслѣдствіе того, что онъ будто бы занимался гаданіемъ посредствомъ чаши (объ этомъ обычаѣ см. Hippolytus, advers. Haeres, iv, 35). Онъ называется также, съ легкою перемѣною въ имени, Іаннесомъ, въ намекъ на извѣстнаго египетскаго волхва (2 Тим. iii, 8). Замѣчательно, что византійскіе историки часто упоминаютъ о гаданіи.

[3] Const. Porph. iii, 10; Cedren. 518.

изъ нихъ являлись къ нему, и прямо въ лицо говорили ему, что онъ навлекаетъ на себя проклятіе за гоненіе на иконопочитаніе, ведущее свое начало отъ евангелиста Луки, отъ апостоловъ и отъ самого Спасителя. Одинъ монахъ-иконописецъ, по имени Лазарь, продолжалъ заниматься иконописаніемъ, не смотря на частыя предостереженія. За это его подвергли жестокимъ побоямъ, но какъ только онъ выздоровѣлъ до нѣкоторой степени, то опять предался своему занятію. За это нарушеніе закона онъ былъ опять арестованъ; съ цѣлью лишить его способности писать иконы, руки ему прижигали раскаленными плитами желѣза. И только съ трудомъ самая жизнь его была спасена чрезъ заступничество императрицы Θеодоры. Тѣмъ не менѣе никакія страданія или опасности не могли поколебать ревностнаго иконописца, который, будучи выпущенъ на свободу, нашелъ убѣжище въ церкви св. Іоанна Крестителя, и тамъ написалъ икону, которая быстро пріобрѣла славу чудотворной. Два другихъ монаха, поэтъ Θеофанъ и его братъ Θеодоръ, были потребованы лично къ императору. Θеофилъ, любившій выставлять свою ученость и способность въ спорахъ, былъ раздраженъ тѣмъ, что монахи не уступали съ такою легкостью, къ какой онъ привыкъ въ своихъ царедворцахъ. Онъ приказалъ, чтобы каждому изъ нихъ дано было по двѣсти плетей, и затѣмъ на лбахъ у нихъ положены были клейма съ двѣнадцатью ямбическими стихами собственнаго сочиненія императора: „если плохи эти стихи“, сказалъ онъ, „то они и не заслуживаютъ ничего лучшаго“. Не смотря однако же на эти и многія другія жестокости, повидимому, въ это царствованіе никто не преданъ былъ смерти за преданность иконопочитанію.

Но иконопочитаніе тайно содержалось и въ ближайшемъ кружкѣ императора. Въ началѣ его царствованія, его мачиха Евфросинія, дочь Константина VI отъ его армянской императрицы, приказала собрать благороднѣйшихъ дѣвицъ со всей имперіи, чтобы Θеофилъ могъ избрать изъ нихъ супругу себѣ. Пораженный красотою Икасіи, онъ готовъ былъ преподнести ей золотое яблоко, которое было символомъ его выбора, какъ вдругъ онъ остановился на моментъ и сказалъ, какбы не сознательно выражая свою мысль: „о, сколько зла причинили женщины!“ Икасія тотчасъ же отвѣтила на этотъ намекъ на Еву намекомъ на искупленіе: „да“, отвѣчала она, „а на сколько еще болѣе великаго добра!“ Но императоръ былъ пораженъ этою необычайною находчивостью дѣвицы, и преподнесъ яблоко Θеодорѣ, личности менѣе блистательнаго и болѣе скромнаго характера, а Икасія искала утѣшенія въ основаніи монастыря, гдѣ она и предавалась наукамъ [1]). Θеодора воспитана была въ строгомъ иконопочитаніи. Ея мать, преданная иконопочитанію, тайно держала ихъ у себя, и когда посѣщали ее дѣти императора, она обыкновенно приносила иконы и предлагала имъ цѣловать ихъ. Θеофилъ, изъ разспросовъ своихъ дѣтей, узналъ, что ихъ бабушка обыкновенно забавляла ихъ изображеніями, которыя они считали игрушками. Онъ строго запретилъ имъ посѣщать ее опять, и ей съ трудомъ удалось избѣгнуть наказанія, хотя она и продолжала весьма свободно укорять императора за его мѣры. Сама Θеодора была накрыта въ дѣлѣ иконопочитанія однимъ карликомъ, который содержимъ былъ при дворѣ въ качествѣ шута. Услышавъ отъ него объ этомъ, Θеофилъ въ ярости бросился въ отдѣленіе императрицы; но иконъ не оказалось тамъ, и карликъ подвергнутъ былъ бичеванію, которое заставило молчать его въ будущемъ ¹).

---

[1]) G. Hamart. CCLXIV, 2; Sym. Magist. De Theoph, I.

Θеофилъ умеръ въ январѣ 842 года. Опасаясь въ своей послѣдней болѣзни за имперію, которую онъ оставлялъ женщинамъ и малолѣтнимъ дѣтямъ, онъ рѣшился обезпечить престолъ смертію своего свояка Θеофоба, потомка персидскихъ царей, отличавшагося военными доблестями. Θеофобу отрублена была голова въ темницѣ и принесена императору, и онъ умеръ, положивъ на нее свою руку ²).

Θеофилъ, съ цѣлью обезпечить продолженіе своего церковнаго направленія, связалъ Θеодору и сенатъ клятвой не дѣлать никакихъ измѣненій касательно религіи. Опекуны его сына, Михаила, однако же или были и ранѣе благосклонны къ иконамъ, или могли быть склонены въ пользу иконопочитанія. Единственнымъ исключеніемъ, повидимому, былъ Мануилъ, дядя императрицы. Но во время одной опасной болѣзни его посѣтили нѣкоторые студитскіе монахи, которые обѣщали ему жизнь, если только онъ поклянется предпринять возстановленіе иконъ, и Мануилъ по своемъ выздоровленіи вмѣстѣ съ другими министрами изложилъ этотъ предметъ предъ Θеодорой, которая отвѣчала, что ея собственныя желанія давно клонятся въ этомъ же направленіи, но что она чувствовала себя связанною клятвой, данной Θеофилу. Отселѣ быстро начался переворотъ. Патріархъ Іоаннъ былъ низложенъ не безъ личнаго насилія, и на мѣсто его поставленъ Меѳодій, бывшій исповѣдникомъ въ послѣднее царствованіе. Составленъ былъ соборъ, на который не были приглашены тѣ, кто были извѣстны въ качествѣ рѣшительныхъ иконоборцевъ, и онъ высказался въ пользу иконопочитанія; но императрица все еще медлила, и просила собравшееся

---

¹) Const. Porph. i, 6; Sym. Mag. De Theoph. 7; Cedren. 516.

²) Исторію Θеофоба см. Const. Porph. iii, 19—20. Писатель, цитуемый подъ этимъ именемъ (iii, 38), и Кедренъ (533) говорятъ, что, по нѣкоторымъ, онъ былъ преданъ смерти однимъ офицеромъ безъ должнаго на то приказанія.

духовенство ходатайствовать о прощеніи грѣховъ ея мужа. Меѳодій отвѣчалъ, что они могли ходатайствовать только за тѣхъ, которые находились еще на землѣ, что если Ѳеофилъ умеръ въ своемъ заблужденіи, то положеніе его находится внѣ власти церкви. Тогда Ѳеодора заявила, что императоръ передъ своею смертью выразилъ раскаяніе въ своихъ мѣрахъ, что онъ попросилъ принесть ему нѣкоторыя иконы и цѣловалъ ихъ съ пламеннымъ благоговѣніемъ; послѣ чего патріархъ увѣрилъ ее, что если это такъ, то онъ могъ отвѣчать за спасеніе ея мужа [1]. Теперь не оставалось никакихъ дальнѣйшихъ препятствій къ возстановленію иконъ. Въ столицахъ иконы были возстановлены съ большою торжественностью, въ первый воскресный день Великаго поста, — день, который названъ былъ „торжествомъ православія“, и съ того времени празднуется на православномъ греческомъ Востокѣ подъ этимъ названіемъ [2]. Тѣла Никифора, Ѳеодора Студита и другихъ защитниковъ иконопочитанія, умершихъ въ изгнаніи, были перенесены въ столицу. Каѳедры были заняты сторонниками торжествующаго православія, и между ними былъ заклейменный инокъ Ѳеофанъ, который получилъ епископію никейскую [3]. Императрица, на одномъ пиршествѣ, выразила ему свое сожалѣніе о жестокости, которой онъ подвергся отъ ея мужа. „Да“, сказалъ Ѳеофанъ, „за это я привлеку его къ отвѣту предъ праведнымъ судилищемъ Божіимъ!“ Ѳеодора была поражена ужасомъ; но патріархъ Меѳодій успокоилъ ее, высказавъ порицаніе запальчивости своего собрата, и повторилъ свое увѣреніе, что Ѳеофилъ не погибнетъ [4].

Иконопочитаніе (хотя только въ видѣ живописи, а не скульптуры) съ этого времени навсегда упрочилось на православномъ греческомъ Востокѣ. Противодѣйствіе ему выходило не отъ народа, а отъ воли императоровъ, и когда императорская власть постепенно склонилась къ иконопочитанію, то иконоборческая партія, хотя и не немедленно, съ теченіемъ времени исчезла совсѣмъ.

III. Мнѣніе франкской церкви касательно иконъ продолжало оставаться согласнымъ съ соборомъ франкфуртскимъ. Но посольство греческаго императора Михаила въ 824 году повело къ новому изслѣдованію этого вопроса. Людовикъ такъ увѣренъ былъ въ правильности франкскаго взгляда, что надѣялся, что если бы позаботиться объ устраненіи всѣхъ причинъ раздраженія, то и самъ папа могъ бы быть склоненъ къ нему. Поэтому онъ послѣ пріема греческихъ посланниковъ отправилъ вмѣстѣ съ ними въ Римъ нѣсколькихъ изъ своихъ собственныхъ посланниковъ съ просьбою, чтобы Евгеній, только что наслѣдовавшій Пасхалію, позволилъ духовенству Галліи собрать мнѣніе отцевъ церкви по этому предмету. Стараясь съ самаго начала избѣгнуть всякихъ поводовъ къ разладу, Людовикъ созвалъ собраніе, которое и состоялось въ Парижѣ въ 825 году. Епископы сдѣлали сводку свидѣтельствъ, которыя они и представили императору вмѣстѣ съ письмомъ, гдѣ порицались крайности обѣихъ партій среди грековъ. Они полагали различіе, какъ это дѣлали уже и Каролингскія книги, между почитаніемъ креста и иконъ, и объявили мнѣніемъ отцовъ то, что иконы не должны быть предметомъ боготворенія или поклоненія, а только могутъ быть употребляемы въ знакъ любящаго воспоминанія объ изображаемыхъ на нихъ лицахъ. Они сильно порицали отвѣтъ, сдѣланный папой Адріаномъ на Каролингскія книги; но снисходительно замѣтили, что его ссылка на своего предшественника, Григорія Великаго, въ пользу мнѣній, рѣзко отличающихся отъ тѣхъ, которыхъ дѣйствительно держался этотъ отецъ, доказываетъ, что его заблужденіе было не намѣреннымъ, а совершоннымъ въ невѣдѣніи. Они поздравляли Людовика съ тѣмъ, что обращеніе къ нему со стороны грековъ представляло ему возможность выступить посредникомъ между враждебными партіями, убѣдить самого папу и привести дѣло къ соглашенію въ истинѣ. Они послали ему черновикъ письма къ папѣ, сдѣланный съ необычайною тщательностью, съ цѣлью избѣгать всякаго столкновенія. Въ этомъ документѣ императоръ выставляется превозносящимъ положеніе и власть „верховнаго первосвященника“, „вселенскаго папы“, какъ имѣющаго возможность примирить нетерпимыя партіи среди грековъ; онъ не притязаетъ на власть предписывать что либо, а только осмѣливается подсказывать извѣстное мнѣніе; говоритъ о парижскомъ собраніи не какъ о соборѣ, а только какъ о совѣщаніи его друзей, чадъ апостольскаго отца. Епископы зашли даже такъ далеко, что присоединили письмо, которое, по ихъ мнѣнію, могъ бы подписать самъ папа и послать въ Константинополь, запрещая всѣ суевѣрія въ отношеніи иконъ съ одной стороны, и всѣ жестокости и богохульства противъ нихъ съ другой.

---

[1] Acta SS. Jan. 14; Const. Porph. IV, 6.

[2] Const. Porph. IV 6, 10. Это обыкновенно относятъ къ 842 году. Но такъ какъ въ этомъ году Ѳеофилъ умеръ 20 января, а первымъ воскреснымъ днемъ Великаго поста было 20 февраля, то, по мнѣнію Вальха, торжество это нужно относить къ 843 году.

[3] Симеонъ Магистръ разсказываетъ, что нѣкоторые возражали противъ его назначенія, такъ какъ онъ сиріянинъ и не имѣетъ достаточнаго свидѣтельства въ пользу своего православія; но Меѳодій, указывая на стихи на его челѣ сказалъ: „я не могъ бы желать никакого лучшаго свидѣтельства, кромѣ этого“. De Theoph. 23.

[4] Const. Porph. IV, 11. Cedren, 539. Подобный же разсказъ есть касательно иконописца Лазаря. Const. Porph. III, 13.

Людовикъ отправилъ въ Римъ двухъ епископовъ, Іеремію сенскаго и Іону орлеанскаго, съ письмомъ, совершенно отличнымъ отъ того черняка, который изготовилъ для него соборъ. Императоръ просилъ Евгенія выступить посредникомъ между сторонниками и врагами иконопочитанія, и предлагалъ, чтобы его собственные посланники сопровождали тѣхъ, которыхъ пошлетъ папа въ Константинополь. Въ инструкціяхъ, данныхъ Іереміи и Іонѣ, имъ предписывалось дѣйствовать по отношенію къ папѣ весьма осторожно. Они не должны были показывать ему тѣхъ мѣстъ въ документахъ, начертанныхъ въ Парижѣ, которыя могли не понравиться ему; должны были избѣгать всего, что могло бы возбудить свойственное римлянамъ упрямство и такимъ образомъ могло привести его къ какому нибудь непоправимому поступку; они должны были представить ему это дѣло въ такомъ видѣ, что вмѣсто того, чтобы предполагать, что истина навязывается ему, и поэтому питать предубѣжденіе къ ней, онъ могъ воображать все это дѣломъ своего собственнаго открытія.

Результатъ этого посольства не вполнѣ извѣстенъ. Римляне остались при своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ; тѣмъ не менѣе Евгеній не дѣлалъ никакой подобной демонстраціи противъ Людовика, какія дѣлали его предшественники противъ восточныхъ императоровъ; не пытался онъ даже и отвѣчать ему, какъ отвѣчалъ Адріанъ Карлу Великому. Посланные, которыхъ Людовикъ отправилъ на Востокъ, были приняты тамъ хорошо, и такъ какъ Михаилъ самъ не былъ настойчивымъ иконоборцемъ, то вѣроятно оба императорскіе двора пришли къ соглашенію по вопросу объ иконахъ. Но франки скоро заняты были своими внутренними волненіями, которыя могутъ съ достаточностью объяснять отсутствіе какого либо позднѣйшаго сношенія съ греками по предмету этого спора.

Во франкской церкви однако же были и лица, которыя доводили свое противодѣйствіе иконамъ дальше, чѣмъ это допускалось соборами франкфуртскимъ и парижскимъ [1]). Агобардъ, архіепископъ ліонскій, объ участіи котораго въ политическихъ движеніяхъ этого времени было сказано въ началѣ этой главы, отличался своимъ противодѣйствіемъ господствующимъ суевѣріямъ,—какъ обычаю судовъ Божіихъ, ожиданію чудесныхъ исцѣленій, чрезмѣрному поклоненію гробницамъ святыхъ, вѣрѣ, что бури, болѣзни на скотъ и другія бѣдствія причиняются волшебствомъ. Среди его трактатовъ есть и трактатъ „объ изображеніяхъ святыхъ“ въ которомъ онъ, подъ вліяніемъ заявленія со стороны восточнаго императора касательно крайнихъ суевѣрій грековъ, повидимому совершенно отвергалъ употребленіе такихъ изображеній. Онъ приводитъ много свидѣтельствъ изъ древнихъ писателей, въ особенности изъ бл. Августина, и старается показать, что древняя церковь употребляла иконы только для воспоминанія, а не для какой либо религіозной цѣли. Въ отвѣтъ на часто приводимый защитниками иконопочитанія доводъ, онъ утверждаетъ, что видимыя вещи, даже хотя и добрыя сами по себѣ, вмѣсто споспѣшествованія созерцанію вещей невидимыхъ и духовныхъ, часто служатъ препятствіемъ для него. Образъ, говоритъ онъ, изображаетъ только тѣло; если бы вообще можно было боготворить людей, то честь эту нужно скорѣе оказывать имъ заживо, когда они находятся въ единеніи тѣла и души. Тотъ, кто боготворитъ изображеніе или икону, оказываетъ богопоклоненіе не Богу, ангеламъ или святымъ, а самому изображенію; думать иначе значило бы де предаваться обольщенію діавола, стремящагося къ возстановленію идолопоклонства. Ожидать отъ религіозныхъ изображеній добра не менѣе-де нелѣпо, чѣмъ составлять войско изъ нарисованныхъ солдатъ, или ожидать плодовъ земныхъ отъ изображенія жатвы или сбора винограда.

---

[1]) См. Mabill, Acta SS. Ben. IV, XX—XXI.

Агобардъ, повидимому, не навлекъ на себя какого либо особаго порицанія вслѣдствіе своихъ крайнихъ мнѣній касательно иконъ, но одинъ изъ его современниковъ, Клавдій туринскій (который въ дѣйствительности занялся этимъ предметомъ нѣсколько раньше), своимъ болѣе рѣшительнымъ противодѣйствіемъ господствующему вѣрованію, причинилъ не мало смятеній во франкской церкви ¹). Клавдій, родомъ испанецъ, былъ повидимому ученикомъ Феликса ургельскаго, хотя и не видно, чтобы онъ былъ послѣдователемъ адопціонистскаго ученія. Онъ тщательно изучалъ бл. Августина, но презрительно отзывался о другихъ отцахъ и учителяхъ церкви вообще, и повидимому вслѣдствіе ученія этого великаго африканскаго учителя церкви касательно ничтожества человѣческой заслуги онъ сдѣлался сильнымъ противникомъ ходячихъ мнѣній касательно средствъ для достиженія святости. Онъ пріобрѣлъ значительную славу своими толкованіями на св. Писаніе, изъ которыхъ иныя существуютъ и теперь ²). Онъ былъ причисленъ ко двору Людовика въ Аквитаніи, и въ первый годъ царствованія своего патрона въ качествѣ императора (814 г.) былъ назначенъ имъ на каѳедру туринскую, въ надеждѣ, что онъ будетъ въ состояніи произвести преобразованіе между

---

¹) Какъ замѣчаетъ Гизелеръ (II, ii, 106). между Агобардомъ и Клавдіемъ замѣчается большое словесное сходство. Свои свѣденія о Клавдіѣ мы, главнымъ образомъ, заимствуемъ изъ трактатовъ Іоны и Дунгала противъ него, въ особенности изъ ихъ цитатъ, такъ какъ его Apologeticus, повидимому, теперь не существуетъ, хотя нѣкоторые манускриты его упоминались еще не въ столь отдаленное время. Дунгалъ и Іона оба находятся въ Bibl. Patrum, Lugd. t. xiv, гдѣ собраны также и главныя мѣста изъ Клавдія, pp. 197—9. (Іона находится также въ томѣ cvi, а Дунгалъ въ cv Patrologia).

²) Ionas, Praef. и p. 168. Эти и другіе остатки сочиненія Клавдія см. въ Patrologia t. civ.

своимъ духовенствомъ и въ сосѣднемъ округѣ. Императоръ однако же едвали былъ склоненъ къ столь широкимъ преобразованіямъ, какія хотѣлъ произвести Клавдій. Найдя, что церкви его діоцеза были переполнены иконами и приношеніями по обѣту, онъ сразу же, безъ всякаго стѣсненія, отвергъ всѣ такія украшенія. При этомъ онъ не сдѣлалъ никакого ограниченія въ пользу историческихъ изображеній, и даже мощи и кресты, предметы, противъ которыхъ уже боролись восточные иконоборцы, подверглись той же самой участи. Поклоненіе иконамъ святыхъ, говорилъ онъ, есть простое возобновленіе боготворенія демоновъ подъ другими названіями; поклоняться кресту значитъ, будто бы, сходиться съ язычниками, вспоминая позорную часть въ исторіи Спасителя и затѣняя Его славное воскресеніе, и затѣмъ, продолжая эти свои доводы въ нѣсколько заносчивой формѣ, онъ говорилъ, что если бы крестъ предназначался для поклоненія вслѣдствіе его связи съ Спасителемъ, то на томъ же основаніи, будто бы, нужно было бы поклоняться и всѣмъ другимъ предметамъ, о которыхъ упоминается въ связи съ нимъ. Онъ отвергалъ поклоненіе святымъ, молитвы о ихъ заступничествѣ и обычай посвященія въ ихъ честь церквей; возражалъ противъ обычая паломничества къ святымъ мѣстамъ, и говорилъ, что было бы ошибочно ожидать пользы отъ посѣщенія святилища ап. Петра, такъ какъ сила прощать грѣхи, данная апостоламъ, принадлежала имъ только въ теченіе ихъ жизни, и послѣ ихъ смерти отошла отъ нихъ къ другимъ. Подъ давленіемъ православныхъ, онъ однако же говорилъ, что не осуждаетъ и не одобряетъ безусловно паломничество, потому что вліяніе его бываетъ различнымъ на различныхъ лицъ. Дѣйствія Клавдія причинили много возбужденія. Папа Пасхалій, услышавъ о нихъ, выразилъ свое неудовольствіе, хотя и не посмѣлъ принять болѣе дѣйствительной мѣры противъ епископа, который такъ недавно возведенъ былъ вслѣдствіе личной благосклонности императора; но Клавдій относился легко къ папскому неодобренію, заявляя, что титулъ „апостольскій“ принадлежитъ не тому, кто занимаетъ сѣдалище апостола, а тому, кто дѣлаетъ апостольское дѣло.

Аббатъ Теодемиръ, бывшій другомъ и почитателемъ Клавдія, получивъ одно изъ посвященныхъ ему его произведеній, встревожился и писалъ противъ него. Клавдій защищался въ презрительномъ и пренебрежительномъ тонѣ. Онъ отвѣчалъ на обвиненіе его обвиненіемъ своихъ противниковъ въ суевѣріи и идолопоклонствѣ, и въ отвѣтъ на заявленіе Теодемира, что онъ основалъ секту, распространявшуюся въ Галліи и Испаніи, заявлялъ, что онъ не имѣетъ никакого отношенія къ сектамъ, а напротивъ служитъ дѣлу единства. Споръ затянулся. Франкское духовенство вообще, которое сначала расположено было относиться благосклонно къ Клавдію, теперь смутилось его дѣйствіями. Нѣкоторые изъ нихъ просили Людовика изслѣдовать мнѣніе епископа, и императоръ по совѣту своихъ приближенныхъ высказался противъ него. Затѣмъ состоялся соборъ изъ епископовъ; но Клавдій, котораго приглашали на соборъ, отказался явиться на него, и будто бы отзывался объ этомъ соборѣ какъ о собраніи ословъ.

Противъ Клавдія въ 827 году писалъ Дунгалъ, діаконъ шотландскаго или ирландскаго происхожденія, поставленный Карломъ Великимъ въ качествѣ учителя въ Павіи; при этомъ онъ обнаружилъ много учености, но немного критическаго смысла. Такъ напр. онъ, говоритъ, что иконы употреблялись въ церкви съ самаго начала, — „около восьмисотъ и двадцати лѣтъ или болѣе“, но не приводитъ ни одного примѣра раньше Павлина ноланскаго, дѣйствовавшаго около 400 года. По просьбѣ Людовика, занимался опроверженіемъ Клавдія также Іона, епископъ орлеанскій, одинъ изъ уполномоченныхъ, отправленныхъ въ Римъ послѣ парижскаго собора; но какъ Клавдій, такъ и императоръ умерли раньше, чѣмъ окончено было это опроверженіе. Іона оставилъ было свой трудъ; но найдя, что заблужденіе Клавдія продолжало распространяться посредствомъ его сочиненій и его учениковъ, онъ рѣшилъ закончить его въ трехъ книгахъ, которыя посвящены были Карлу Лысому, и состоятъ изъ защиты иконъ, креста и паломничества. Но хотя Іона и является сильнымъ противникомъ Клавдія (котораго онъ обвиняетъ въ оставленіи послѣ себя сочиненій аріанскаго свойства), по предмету иконопочитанія онъ однако же занимаетъ середину, отличавшую франкскую церковь, между тѣмъ какъ Дунгалъ приближался къ никейскому воззрѣнію, причемъ сильно обличалъ крайности въ ученіи и обычаяхъ грековъ. Между прочимъ онъ часто отмѣчаетъ и невѣжество въ латинскомъ слогѣ и даже грамматикѣ, обнаруженное епископомъ туринскимъ.

Клавдій умеръ въ обладаніи своею каѳедрой. Нѣкоторые ошибочно говорили, что онъ зашелъ такъ далеко, что порвалъ всякое общеніе съ Римомъ, и та враждебность къ римскимъ особенностямъ, которая впослѣдствіи замѣчалась въ Альпійскихъ долинахъ, поставлялась въ связь съ нимъ или какъ ея виновникомъ, или какъ звеномъ въ цѣпи, начатой Вигилянціемъ или еще раньше его.

Не смотря на разногласіе касательно предмета, который въ другихъ мѣстахъ послужилъ поводомъ къ столь многимъ анаѳемамъ, франкская церковь оставалась въ ненарушимомъ общеніи съ Римомъ. Своего особаго воззрѣнія она продолжала держаться вплоть почти до конца этого вѣка; но около того времени стала замѣчаться перемѣна, по которой ея ученія по вопросу объ иконопочитаніи стали постепенно сливаться съ тѣми воззрѣніями, которыя освящались папскимъ авторитетомъ.

iv [1]). Около того времени, до котораго мы теперь дошли, церковные законы получили необычное прибавленіе, которое впослѣдствіи повлекло за собою весьма важные результаты. По всему Западу находился въ общемъ употребленіи сборникъ каноновъ и опредѣленій, сдѣланный Діонисіемъ Малымъ [2]). Но съ начала vii столѣтія въ Испаніи сталъ распространяться другой сборникъ, который (вѣрно или нѣтъ) носилъ имя Исидора севильскаго, и такъ какъ онъ содержалъ нѣкоторыя постановленія, которыхъ не было въ трудѣ Діонисія, то онъ проникъ также и во Францію [3]). Это же достопочтенное имя теперь послужило поводомъ для введенія новаго ряда документовъ, отличающихся нѣкоторыми новыми и весьма замѣчательными чертами [4]).

Въ болѣе древнихъ сборникахъ декретальныя посланія начинались посланіемъ, обращеннымъ папой Сириціемъ къ Гимерію въ 385 году. Но писатель, называющій себя Исидоромъ, представилъ почти сто посланій, написанныхъ отъ имени болѣе древнихъ епископовъ римскихъ, отъ Климента и Аналекта, современниковъ апостоламъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми письмами отъ предполагаемыхъ корреспондентовъ папъ и дѣяніями нѣкоторыхъ дотолѣ неизвѣстныхъ соборовъ [5]). Подложность этихъ документовъ ясно доказывается грубыми анахронизмами и другими примѣрами невѣжества и промаховъ, какъ напр. въ томъ отношеніи, что лица, отдѣленныя между собою цѣлыми столѣтіями, выставляются находящимися въ перепискѣ другъ съ другомъ [6]), древнѣйшіе епископы Рима приводятъ св. Писаніе по переводу бл. Іеронима, и нѣкоторые изъ нихъ, жившіе еще въ то время, когда Римъ былъ языческимъ, жалуются на посягательство мірянъ на церковную собственность въ словахъ, которыя явно выдаютъ писателя каролингскаго періода [7]). Нѣкоторые изъ подложныхъ документовъ, заключающихся въ сборникѣ (между ними, дарственная грамота Константина) были болѣе ранняго происхожденія: большая часть другихъ матеріаловъ относится къ различнымъ источникамъ,—къ св. Писанію, къ латинскимъ церковнымъ писателямъ, къ богослужебнымъ церковнымъ книгамъ, къ подлиннымъ канонамъ и декреталіямъ, къ Ѳеодосійскому кодексу и къ понтификальнымъ книгамъ (ряду легендарныхъ жизнеописаній римскихъ епископовъ, продолженному Анастасіемъ „книжникомъ“, и обыкновенно приводимому подъ его именемъ). Трудъ поддѣльщика состоялъ главнымъ образомъ въ собираніи этихъ матеріаловъ (по большей части изъ второстепенныхъ источниковъ), въ сочетаніи ихъ между собою и въ приданіи имъ внѣшняго характера обязательнаго авторитета.

---

[1]) Этотъ параграфъ удобнѣе всего помѣстить здѣсь, хотя, строго говоря, онъ скорѣе относится къ слѣдующей главѣ.

[2]) См. выше, стр. 508.

[3]) Этотъ сборникъ впервые изданъ былъ Гонзалесомъ въ Мадридѣ, 1808—21, и перепечатанъ въ Patrologia, t. lxxxiv. Онъ, по предположенію, образовался между 4-мъ соборомъ толедскимъ и смертью Исидора.

[4]) Мнимый составитель въ нѣкоторыхъ манускриптахъ называетъ себя „Isidorus Mercator“. Но вообще думаютъ, что здѣсь разумѣется епископъ севильскій, и слово Mercator есть лишь ошибка переписчика, поставившаго его вмѣсто слова Peccator, какъ изъ смиренія иногда называли себя епископы.

[5]) Въ нихъ есть также нѣкоторыя измышленія въ именахъ писателей позже Силиція.

[6]) Такъ Викторъ i (190—202) пишетъ Ѳеофилу александрійскому (около 400 года).

[7]) Напр. Пій (142—157), Ep. ii, col. 97; Урбанъ (223—30), col. 115.

Время составленія этой книги нужно полагать между 6-мъ соборомъ парижскимъ, въ 829 году, изъ котораго заимствовалъ поддѣльщикъ, и соборомъ квіерсійскимъ, въ 857 году, гдѣ декреталіи уже приводились въ качествѣ авторитетныхъ документовъ Карломъ Лысымъ. Что они были франкскаго происхожденія, это доказывается явными особенностями языка, и теперь вообще полагаютъ, что мѣстомъ ихъ происхожденія былъ Менцъ. Гинкмаръ говоритъ, что сборникъ этотъ былъ привезенъ изъ Испаніи Рикульфомъ, занимавшимъ эту каѳедру съ 787 по 814 годъ, каковое свидѣтельство, вѣроятно, основано на томъ, что Рикульфъ досталъ изъ Испаніи списокъ древнѣйшаго Исидорова сборника, которымъ и воспользовался поддѣльщикъ [1]). Бенедиктъ, „левитъ“ (то есть діаконъ) менцскій, между 840 и 847 годами присоединившій къ капитуляріямъ Карла Великаго и Людовика три книги подложныхъ сборниковъ, имѣющихъ весьма много общаго съ декреталіями, свидѣтельствуетъ, что онъ главнымъ образомъ заимствовалъ свои матеріалы изъ архивовъ своего собора, гдѣ они помѣщены были Рикульфомъ и открыты архіепископомъ Ауткаромъ или Отгаромъ [2]). Этотъ Бенедиктъ считался многими писателями въ позднѣйшія времена также поддѣльщикомъ и декреталій, хотя, повидимому, сомнительно, можно ли по существу дѣла приписывать ему это произведеніе.

Въ этихъ декреталіяхъ весьма высоко ставятся привилегіи духовенства вообще и епископовъ въ особенности, и власть папы расширяется гораздо дальше того, что̀ признавалось за нею дотолѣ. Онъ выставляется какъ верховный глава, законодатель и судія церкви, единый епископъ всего христіанскаго міра. По всѣмъ дѣламъ можно обращаться къ нему съ аппелляціей, и онъ одинъ только вправѣ рѣшать всѣ важныя или трудныя дѣла; безъ его позволенія не могутъ быть созываемы даже провинціальные соборы, и ихъ постановленія не могутъ имѣть безъ него никакого значенія. Весьма значительная часть декреталій имѣетъ своимъ предметомъ обвиненія, взводимыя противъ епископовъ; и дѣйствительно, почти каждый изъ папъ, олицетворяющихся здѣсь, хотя что нибудь да говоритъ по этому предмету. Епископы объявляются свободными отъ всякаго мірскаго суда; худые епископы должны быть сносимы, какъ наказаніе Промысла, которое послужитъ къ вѣчному благу для подчиняющихся ему; судъ надъ ними долженъ быть предоставленъ Богу. Если однако же когда необходимо дѣлать обвиненіе противъ извѣстнаго епископа, то принимаются тщательныя мѣры къ тому, чтобы трудностью условій, выставляемыхъ въ качествѣ необходимыхъ, сдѣлать преслѣдованіе по такимъ обвиненіямъ почти невозможнымъ. Никакой міранинъ не можетъ обвинять епископа, или даже церковнослужителя, такъ какъ ученикъ не выше своего учителя, и овца не должна обвинять своего пастуха. Церковнослужитель, который обвинилъ бы своего епископа въ зазорныхъ дѣлахъ, былъ бы какъ сынъ, вооружающійся противъ своего отца, и поэтому его обвиненія не могутъ быть выслушиваемы. Для того, чтобы доказать виновность епископа, требуется семьдесятъ-два свидѣтеля, и качества свидѣтелей опредѣляются съ такою строгостью, которою, повидимому, имѣлось въ виду скорѣе устранить всякое показаніе, чѣмъ обезпечить его достовѣрность.

---

[1]) Hincm. Opera II, 476.

[2]) Bened. Levit. ap. Pertz, Leges II, App. 39.

Но была и такая степень въ іерархіи, къ которой декреталіи относились весьма строго, и именно къ митрополитамъ. Въ франкской системѣ судъ надъ епископомъ принадлежалъ мѣстному митрополиту, отъ котораго возможна была послѣдняя апелляція къ государю. Но въ декреталіяхъ митрополитъ дѣлался безсильнымъ безъ согласія своихъ соподчиненныхъ епископовъ (суффрагановъ). Онъ не могъ даже собирать ихъ безъ позволенія папы, и всякое рѣшительное сужденіе по такимъ дѣламъ принадлежало только одному папѣ. Тутъ же проводится рѣзкое различіе между обыкновенными митрополитами и высшею степенью приматовъ, которые выставляются въ качествѣ уполномоченныхъ викаріевъ отъ папы.

Собственно неизвѣстно или можно только догадываться, съ какою именно цѣлью и въ какихъ интересахъ первоначально сдѣланъ этотъ подлогъ,—въ интересѣ ли папы, которому приписывалось верховенство, столь высокое по своему мнимому происхожденію и столь безграничное по своей степени, или въ интересахъ епископовъ, которыхъ декреталіи освобождали не только отъ всякаго свѣтскаго контроля, но также и отъ контроля митрополитовъ и провинціальныхъ соборовъ, предоставляя рѣшеніе ихъ дѣлъ болѣе отдаленному трибуналу папы, какъ единственному судьѣ, компетентному рѣшать ихъ дѣла. Или же, безъ всякой опредѣленной цѣли касательно взаимныхъ отношеній различныхъ классовъ іерархіи, подлогомъ этимъ просто имѣлось въ виду утвердить привилегіи духовенства противъ тѣхъ угнетеній, которыя ему приходилось выносить въ смутное царствованіе преемниковъ Карла Великаго, и доставить имъ независимое отъ свѣтской власти положеніе. Мнѣнія болѣе тщательныхъ изслѣдователей этого вопроса, повидимому, склоняются въ пользу сочетанія втораго и третьяго изъ этихъ мотивовъ, именно, что декреталіи измышлены въ интересѣ духовенства и въ особенности епископовъ, что ими имѣлось въ виду защитить собственность духовенства противъ внѣшняго посягательства и утвердить привилегіи іерархіи на основѣ, независимой отъ свѣтской власти. Приэтомъ митрополиты въ особенности подвергались въ нихъ нападенію за то, что они были главными орудіями, чрезъ которыя каролингскіе государи могли имѣть контроль надъ епископами, низлагать непріятныхъ себѣ лицъ и вліять на рѣшенія соборовъ. Въ концѣ концовъ, подлогъ больше всего пользы приносилъ папамъ; но это повидимому было результатомъ, который первоначально не входилъ въ планъ лицъ, составлявшихъ самый сборникъ.

Что цѣлью автора, какъ онъ самъ заявляетъ, было просто представить сокращенное изложеніе существующихъ церковныхъ законовъ, содѣйствовать религіи и нравственности,—этому едва ли можно вѣрить на основаніи его собственнаго авторитета, хотя въ наше время мысль эта нашла поборниковъ, способности у которыхъ превосходятъ ихъ искренность [1]). Тѣмъ не менѣе мы не можемъ осуждать его слишкомъ строго за его подлогъ, а должны принять во вниманіе тѣ преступныя начала, которыя его вѣкъ наслѣдовалъ отъ различныхъ предшествовавшихъ ему вѣковъ касательно позволительности прибѣгать ко лжи для достиженія цѣлей, казавшихся добрыми; притомъ, хотя онъ отличался отъ другихъ поддѣльщиковъ уже тѣмъ, что велъ дѣло на широкую ногу, и хотя его подлогъ превосходилъ по важности результатовъ всѣ другіе, было бы не легко показать какое-либо нравственное различіе между его дѣломъ и дѣлами другихъ, измышлявшихъ болѣе или менѣе важные и большіе документы, или безчисленныхъ легендарныхъ писателей, предлагавшихъ міру свои измышленія касательно жизни и чудесъ многихъ святыхъ.

Въ интересахъ римской церкви нѣкоторые доказывали, что лжедекреталіи не произвели никакой перемѣны въ дѣйствительной системѣ церковнаго правленія [2]). Единственно выдающееся новое притязаніе, которое они выставляютъ въ пользу папы, по ихъ мнѣнію, состояло въ томъ опредѣленіи, которое касалось провинціальныхъ соборовъ, и оно, въ дѣйствительности, никогда не приводилось въ исполненіе. На такіе доводы имъ отвѣчали, что система декреталій представляла прямую противоположность тому, что непосредственно предшествовало имъ въ управленіи франкской церкви; но отвѣтъ этотъ, хотя и вѣрный самъ по себѣ, даже у́же, чѣмъ то положеніе, противъ котораго онъ направляется. Основывать такое положеніе на разборѣ декреталій, однако же, было бы неосновательно. Хотя и можно въ частности показать, что та или другая часть ихъ старше, что предметы, которымъ теперь придавалось всеобщее значеніе, уже и раньше имѣли болѣе ограниченное приложеніе, что притязанія уже заявлялись, юрисдикція дѣйствовала; хотя въ дѣйствительности главныя черты папства выступали уже на четыре столѣтія раньше у Льва Великаго, — однако же сочетаніе разрозненныхъ отрывковъ въ одинъ сборникъ, изображеніе позднѣйшихъ папскихъ притязаній въ томъ смыслѣ, будто бы они перешли по непрерывному преданію отъ апостольскихъ временъ въ качествѣ общепризнанныхъ правъ, не могло не произвести сильнаго вліянія, и различіе между прежней и послѣдующей эпохой въ исторіи въ избыткѣ доказываетъ это ихъ вліяніе.

---

[1]) Сторонниками этой мысли были Вальтеръ и Мёлеръ.

[2]) См. Döllinger, п, 41—3.

Исторія введенія этихъ документовъ во Франціи и въ Римѣ будетъ изложена въ слѣдующей главѣ. Изданный въ вѣкъ, совершенно не знакомый съ критикой, этотъ сборникъ декреталій могъ разсчитывать на благопріятный пріемъ уже потому, что стремился защитить различные классы отъ ихъ тягостей и увеличить ихъ привилегіи; даже тѣ, которымъ декреталіи не благопріятствовали въ одномъ какомъ либо отношеніи, были рады пользоваться ими, гдѣ только это оказывалось удобнымъ, какъ это и было съ Гинкмаромъ реймскимъ. Поэтому они приняты были безъ всякаго явнаго сомнѣнія касательно ихъ подлинности, хотя и возникали вопросы касательно ихъ приложимости или обязательности. Въ слѣдующемъ столѣтіи на нихъ дѣлалъ ссылки въ сборникѣ каноновъ Регино, аббатъ прюмскій, и ими продолжали пользоваться составители подобныхъ же произведеній до XII-го столѣтія, когда Граціанъ положилъ ихъ въ основу своего „Decretum“, обширнаго свода церковныхъ законовъ среднихъ вѣковъ, и приспособлялъ къ ихъ началамъ всѣ болѣе подлинные матеріалы, которые онъ допускалъ. Хотя они иногда и подвергались сомнѣнію въ теченіе долгаго промежутка, прошедшаго до реформаціи, однако же продолжали непрерывно пользоваться общественнымъ довѣріемъ, и хотя самая основа ихъ уже давно оставлена даже самыми крайними писателями римской церкви, однако же то, что построено на этой основѣ, остается и доселѣ¹).

---

¹) Эразмъ и Кальвинъ объявляли эти декреталіи подложными. Но первая попытка критически доказать ихъ подложность была сдѣлана въ Магдебургскихъ Центуріяхъ. На это опроверженіе отвѣчалъ іезуитъ Торресъ; но Блондель, въ свою очередь, отвѣчалъ ему съ такой основательностью, которая признается даже самыми ревностными папистами.

ГЛАВА XXXIII.

Франкская церковь и папство отъ смерти Людовика Благочестиваго до низложенія Карла Толстаго

(840—887 г.).

Исторія Каролинговъ послѣ смерти Людовика Благочестиваго отличается продолженіемъ той предосудительной вражды между ближайшими родственниками, которая придала столь несчастный характеръ его царствованію. Иногда эта вражда переходила въ открытую войну; но послѣ Фонтенелльской битвы въ 841 году, гдѣ потеря будто бы доходила до сорока тысячъ человѣкъ съ одной стороны и до двадцати-пяти или тридцати тысячъ съ другой[1]), она приняла вообще форму интригъ, лицемѣрныхъ союзовъ и себялюбивыхъ нарушеній договоровъ.

Уже Карлъ Великій находилъ большое затрудненіе въ дѣлѣ поддержанія согласія между различными элементами, изъ которыхъ составилась его обширная монархія. Часто, когда онъ отправлялся съ своимъ войскомъ въ одну область, съ цѣлью завоеванія или подавленія мятежа, обыкновенно возникало возстаніе позади его. Съ цѣлью примирить національности, соединенныя подъ его скипетромъ, онъ назначалъ для управленія ихъ особыхъ королей, какъ это было въ Аквитаніи и въ Италіи. По его системѣ, продолжавшейся и при Людовикѣ, эти короли должны были подчиняться своимъ старшимъ, или главѣ рода; вся имперія поэтому должна была считаться единою, подчиненною одному верховному государю. Но въ началѣ этого періода система эта разрушилась. Власть второстепенныхъ королей послужила источникомъ и средствомъ для противодѣйствія со стороны различныхъ народовъ идеѣ единства и для установленія своей независимости другъ отъ друга. Въ разрушеніи имперіи важную роль игралъ языкъ. Со времени франкскаго завоеванія Галліи, языкомъ церкви и государства тамъ былъ латинскій, между тѣмъ какъ языкомъ войска былъ языкъ германскій. Король и вельможи были знакомы съ обоими; но на югѣ латинскій (или, вѣрнѣе, „деревенско-римскій“, отличавшійся отъ болѣе правильнаго оффиціальнаго латинскаго) былъ туземнымъ, а германскій пріобрѣтался въ школѣ; между тѣмъ, какъ разъ наоборотъ было въ сѣверныхъ и восточныхъ территоріяхъ. Населенія, употреблявшія эти различные языки въ качествѣ своихъ родныхъ языковъ, теперь были отдѣлены между собою. Въ договорѣ страсбургскомъ, отъ 842 года, Людовикъ баварскій принималъ клятву на нѣмецкомъ, между тѣмъ какъ Карлъ нейстрійскій клялся на романскомъ діалектѣ, и на этихъ языкахъ они обращались и къ своимъ подданнымъ. Эта романская клятва есть самый древній памятникъ французскаго языка; клятва Людовика есть самый древній образчикъ нѣмецкаго — послѣ крещенской формулы отреченія отъ времени св. Бонифація. Нѣчто подобное же случилось и въ Кобленцѣ въ 860 году, когда въ клятвѣ, касательно соблюденія извѣстныхъ пунктовъ договора, Людовикъ и Лотарь младшій употребляли нѣмецкій языкъ, а Карлъ — романскій.

---

[1]) Martin. II, 414. Нѣкоторые опредѣляли всю потерю въ сто тысячъ человѣкъ (Murat. Annali, V, I, 3), но эти числа превышаютъ дѣйствительность, да быть можетъ преувеличены и самыя послѣдствія битвы.

По трактату вердунскому, по которому имперія раздѣлена была въ 843 году между тремя сыновьями Людовика, каждый изъ нихъ сдѣлался совершенно независимымъ. Доля втораго брата, Людовика, въ широкомъ смыслѣ могла называться Германіей, долю Карла Лысаго можно въ томъ же смыслѣ назвать Франціей [1], причемъ императоръ Лотарь занималъ территорію, лежавшую между этими двумя областями, длинную и по большей части узкую, простиравшуюся отъ устья Везера и Шельды до границы герцогства Беневентскаго, включая и два имперскіе города: Римъ — древнюю столицу міра, и Э (Aix)—главное сѣдалище верховной власти Карла Великаго. Рейнъ, на значительной части своего теченія, служилъ восточной границей этой территоріи; но отъ него сдѣлано было нѣкоторое отступленіе, такъ чтобы Людовикъ могъ включить въ свои владѣнія Менцъ, каѳедру Бонифація и церковную митрополію Германіи, съ соподчиненными діоцезами вормскимъ и шпейерскимъ, причемъ Лотарь былъ возмѣщенъ за эту уступку полосой земли къ востоку отъ рѣки, въ области Берга и Клева. Королевство Лотаря, не отличавшееся какими-либо болѣе древними границами населенія или языка, названо было имъ Лотарингіей. При позднѣйшемъ раздѣлѣ, 870 г. часть ея къ сѣверу отъ Альпъ, была раздѣлена между Людовикомъ и Карломъ Лысымъ, когда Людовикъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ страны, говорящія на нѣмецкомъ и бельгійскомъ языкахъ, а Карлъ пріобрѣлъ тѣ, въ которыхъ преобладалъ романскій языкъ.

Чувство національности сказалось также въ возстаніи британцевъ при Номеноѣ, который принудилъ Карла признать себя королемъ и основалъ новую іерархію, подъ главенствомъ архіепископа дольскаго, независимо отъ Рима,—въ возстаніяхъ саксонцевъ, которые избили или выгнали своихъ правителей и возвратились къ язычеству, и въ подраздѣленіи Франціи къ концу столѣтія на множество мелкихъ княжествъ, хотя этому содѣйствовали также и другія причины.

---

[1] Галлы, не желая отказаться отъ славы трехъ съ половиной столѣтій, теперь называли себя франками, а свою страну Francia, между тѣмъ какъ восточные франки стали называться германцами.

Карлъ Великій старался принять мѣры защиты противъ сѣверныхъ пиратовъ укрѣпленіемъ устьевъ рѣкъ; но его политика теперь была заброшена. Не ограничиваясь долѣе опустошеніемъ береговъ, звѣрскіе варвары Сѣвера проникали на своихъ „змѣиныхъ“ судахъ вверхъ по всѣмъ рѣкамъ, дававшимъ имъ доступъ, отъ Эльбы до Адура. Они часто грабили болѣе близкіе къ морскому берегу города, какъ Гамбургъ, Дорштадтъ и Бордо, поднимались по Рейну до Реймса и даже до Вормса, по Мозелю до Тревъ, по Соммѣ до Амьена, по Сенѣ до Руана и Парижа, нѣкогда меровингской столицы и бывшаго все еще главнымъ городомъ Нейстріи, богатаго церквами и сокровищами и имѣвшаго въ ближайшемъ сосѣдствѣ королевскій монастырь св. Діонисія (Сенъ-Дени). Изъ Парижа они проникли вверхъ по Марнѣ до Мо и Шалона, вверхъ по Ионѣ до Сенса и Оксерра. Луара давала имъ возможность проникать до Тура, города св. Мартина, и до Орлеана; по Вьеннѣ они доходили до Лиможа, по Шарентѣ до Сента и Ангулема, по Гароннѣ до Тулузы. Они плавали на Испанскій полуостровъ, грабили Лиссабонъ, проникали въ проливъ Гибралтарскій, и съ успѣхомъ боролись съ арабами Андалузіи; даже берега Италіи чувствовали на себѣ ярость ихъ хищничества. Повсюду они грабили, жгли, убивали, безчестили женщинъ и захватывали плѣнниковъ. Послѣ нѣкотораго времени, становясь вслѣдствіе безнаказанности все смѣлѣе, они оставляли свои корабли на большихъ рѣкахъ и, не встрѣчая противодѣйствія, проникали во внутренность странъ въ наиболѣе извѣстные богатствомъ города, какъ Гентъ, Бове, Шартръ, Реймсъ, Лаонъ и самая столица Карла Великаго Аахенъ (Аїх), гдѣ они ставили своихъ коней въ императорскомъ дворцѣ. Часто они на островахъ большихъ рѣкъ дѣлали постоянные станы и опустошали всю окружающую ихъ мѣстность. Многіе изъ этихъ пиратовъ были изгнанники или искатели приключеній, бѣжавшіе изъ другихъ странъ на сѣверъ; многіе были изъ тѣхъ, которые потерпѣли отъ насильственныхъ средствъ, употреблявшихся Карломъ Великимъ для обращенія язычниковъ, или были потомками таковыхъ. Вражда ихъ къ христіанству, поэтому, была яростной и жестокой; въ ихъ ярости, избиравшей предметомъ своего хищничества въ особенности церкви и монастыри, замѣчалась не только страсть къ грабительству, но и прямо религіозная ненависть. Гдѣ только проносилась вѣсть о приближеніи норманновъ, монахи оставляли свое мѣстопребываніе и бѣжали, если возможно, оставляя все свое богатство варварамъ и заботясь только о спасеніи мощей своихъ покровителей и святыхъ. Бѣдность, причинявшаяся этимъ хищничествомъ, была необычайная. Изъ опасенія норманновъ, земледѣліе было заброшено, и часто вслѣдствіе этого свирѣпствовалъ голодъ, даже волкамъ предоставлялось безнаказанно добывать себѣ добычу, и они размножались безъ всякаго ограниченія. О томъ состояніи, до какого низведена была Аквитанія, можно судить по тому обстоятельству, что епископъ былъ переведенъ изъ Бордо въ Буржъ, такъ какъ его прежній діоцезъ былъ совершенно опустошенъ этими язычниками. Многіе монахи, изгнанные изъ своихъ келій, сняли съ себя монашескую одежду и предались бродяжнической жизни. Поразительнымъ доказательствомъ того ужаса, который внушали варвары, служитъ одно прошеніе въ галликанской литургіи, въ которомъ возносилась молитва объ избавленіи „отъ ярости норманновъ“ [1]).

Не смотря на внутренніе раздоры между собой, норманны всегда дѣйствовали общими силами, когда приходилось предпринимать какую либо экспедицію. Они зорко слѣдили за движеніями каролингскихъ государей, и всегда готовы были воспользоваться ихъ несогласіями и ихъ слабостью. Иногда какъ можно думать, они были привлекаемы не только надеждою добычи, но и подкупами нѣкоторыхъ изъ преемниковъ Карла Великаго, съ цѣлью нападенія на владѣнія другаго.

Воинственный духъ франковъ былъ сокрушенъ побоищемъ при Фонтенеллѣ. Многіе изъ свободныхъ землевладѣльцевъ (того класса, отъ котораго въ дѣлѣ національной защиты зависѣла главнымъ образомъ вся франкская система) искали убѣжища отъ бѣдствій времени въ томъ, что они дѣлались крѣпостными аббатовъ или знати, бывшихъ достаточно сильными для защиты ихъ, и чрезъ это государство лишалось ихъ военной службы. Франки были ослабляемы раздорами, и вмѣсто того, чтобы дружно соединиться для отпора общему врагу, каждая партія и каждый классъ стремились только къ обезпеченію своихъ собственныхъ интересовъ. Знать, въ общемъ, стояла въ сторонѣ, и не безъ удовольствія смотрѣла на то, какъ норманны грабили города или имѣнія, принадлежавшія коронѣ или церкви. Въ немногихъ только случаяхъ варвары встрѣчали сильное противодѣйствіе, какъ это было со стороны Роберта „сильнаго“, предка Капетовой линіи, и со стороны его сына Одона или Эвда, который, вмѣстѣ съ епископомъ Гавзелиномъ, мужественно защищалъ Парижъ въ 885 году. Но болѣе обычнымъ способомъ была уплата имъ большой суммы, съ цѣлью понудить ихъ на время удалиться изъ той или другой страны, каковой обычай весьма тяжело ложился на народъ, подвергавшійся налогамъ для этого платежа, причемъ онъ въ то же время не ограждалъ отъ возвращенія враговъ послѣ непродолжительнаго времени. Лучшимъ, хотя и неодинаковымъ успѣхомъ сопровождалась попытка умиротворить норманнскихъ вождей раздачей имъ земли. Они поселялись въ этихъ имѣніяхъ, сами и ихъ подчиненные принимали крещеніе и женились на мѣстныхъ женщинахъ, благодаря которымъ норманнскій языкъ скоро исчезалъ среди ихъ потомковъ; они привыкали къ своимъ новымъ жилищамъ и постепенно оставляли свою варварскую дикость.

---

[1]) Palgrave, I, 460.

Съ востока, на германскія части имперіи надвигались славянскія племена, вовлекая ихъ государей въ частыя войны, а на югѣ Франціи, равно какъ и въ Италіи, сарацины были не менѣе страшнымъ врагомъ, чѣмъ норманны на другихъ окраинахъ имперіи. Двинувшись изъ Испаніи, они овладѣли Критомъ въ 823 году. Четыре года спустя, они высадились въ Сициліи и постепенно овладѣли всѣмъ островомъ, хотя Сиракузы впали въ ихъ руки не ранѣе, какъ черезъ полстолѣтія послѣ этого (въ 876 году). Они овладѣли также Кипромъ и Корсикой, опустошили французскій берегъ Средиземнаго моря, поднялись вверхъ по Тибру, захватили престолъ, стоявшій надъ останками ап. Петра, и совершали неистовыя дѣла хищничества, похоти и жестокости. Ужасъ, внушавшійся этими варварами,—остатками того племени, которое въ Испаніи и на Востокѣ сдѣлалось болѣе цивилизованнымъ и начало заниматься наукой и литературой,—заставлялъ жителей беззащитныхъ городовъ искать убѣжища въ лѣсахъ и въ горахъ. Нѣкоторые изъ папъ обнаружили много энергіи въ дѣлѣ защиты ихъ. Григорій IV вновь построилъ и укрѣпилъ Остію, которой далъ имя Грегоріополя. Левъ IV, поспѣшно возведенный на папскій престолъ въ то время, когда сарацины угрожали Риму, принялъ весьма энергическія мѣры. Онъ укрѣпилъ Портъ, въ которомъ поселилъ колонію корсиканцевъ-бѣглецовъ, перекинулъ цѣпь чрезъ устье Тибра и исправилъ стѣны Рима. Съ одобренія императора
852 г. Лотаря, весьма много помогавшаго въ несеніи этихъ расходовъ, онъ ввелъ въ предѣлы стѣны за-тибрскій округъ, въ которомъ находились церковь ап. Петра и англійскій Бургъ, и этому новому кварталу далъ названіе „города Льва“. Николай I также содѣйствовалъ защитѣ Рима усиленіемъ и укрѣпленіемъ гарнизона Остіи. Но на югѣ Италіи сарацины торжествовали.
871 г. Въ Бари они поставили своего султана, хотя послѣ нѣкотораго времени городъ этотъ былъ взятъ у нихъ соединенными силами западнаго и восточнаго императоровъ, Людовика II и Василія македонянина Неаполь, Амальфи, Салерно и другіе города, находя противодѣйствіе невозможнымъ, вступили въ союзъ съ ними, и совмѣстно съ ними предавались грабительству. Если бы не раздоры между мусульманами, они вѣроятно овладѣли бы всѣмъ Итальянскимъ полуостровомъ.

Королевская власть во Франціи была весьма ослаблена смутами этого періода. У древнѣйшихъ франковъ не было класса знати въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ что вліяніе класса зависѣло только отъ богатства и силы; даже графы первоначально не были землевладѣльцами, а слугами государя, и пользовались личнымъ и временнымъ достоинствомъ. Но со времени гражданскихъ войнъ между Людовикомъ Благочестивымъ и его сыновьями, франкскіе государи оказались вынужденными поплатиться тѣмъ, на кого они опирались, — уменьшеніемъ своихъ правъ и собственности. Система эта продолжалась и послѣ: на національномъ собраніи въ Квіерси въ 877 году, Карлъ Лысый, съ цѣлью обезпечить согласіе своихъ вождей на предполагаемую экспедицію въ Италію, сдѣлалъ уступку, чтобы земли ихъ переходили по наслѣдству, и сохранилъ за государемъ только право выбора преемника въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣлецъ умретъ безъ мужскаго поколѣнія; мало того, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, въ своемъ стараніи добиться отъ нихъ помощи въ дѣлѣ расширенія своихъ владѣній, онъ даже согласился на то, чтобы его корона считалась избирательною. Знать, возведенная такимъ образомъ въ наслѣдственное достоинство, сдѣлалась болѣе независимою; она пользовалась слабостью государя, и къ концу столѣтія расчлененіе имперіи настолько развилось, что Франція распалась не менѣе какъ на двадцать девять независимыхъ княжествъ.

Франкское духовенство также жестоко пострадало въ своей собственности въ теченіе смутъ этого времени. Не только Людовикъ и его сыновья обыкновенно прибѣгали къ старому обычаю награжденія своихъ сторонниковъ церковными имѣніями, но проводили эту систему даже дальше, чѣмъ это было раньше, распространяя ее на монастыри, которые дотолѣ считались свободными отъ этого рода опасности. Даже аббатство св. Мартина, наиболѣе почитаемой, какъ и наиболѣе богатой изъ всѣхъ монастырей Галліи, было предоставлено Карломъ въ бенефицію Роберту Сильному. Почти каждый соборъ жаловался на то, что собственность церкви подвергается посягательствамъ, болѣе приличнымъ языческимъ врагамъ, чѣмъ ея собственнымъ сынамъ, что бѣдные, странники, паломники и плѣнники лишаются источниковъ своей помощи; госпитали, въ особенности въ Шотландіи, обращаются совершенно на другія цѣли, такъ что не только въ нихъ не принимаются нуждающіеся, но даже и тѣ, которые жили въ нихъ съ дѣтства, изгоняются изъ нихъ, чтобы нищенствовать изъ двери въ дверь, нѣкоторыя земли отчуждаются, такъ что подрывается всякая надежда на возвращеніе ихъ; сами государи грубо злоупотребляютъ своимъ патронатствомъ, предоставляя духовныя должности мірянамъ. Единственное оружіе, которымъ церковь могла противодѣйствовать хищничеству мірянъ, было отлученіе; но ни духовные ужасы, ни разсказы о страшныхъ чудесныхъ наказаніяхъ виновникамъ подобныхъ дѣлъ, не были достаточны для пресѣченія зла. Другія частыя жалобы относятся къ упадку образованія между франками. Карлъ Лысый былъ покровителемъ ученыхъ людей и любилъ ихъ общество; но въ то время, какъ литература пользовалась такимъ придворнымъ и поверхностнымъ поощреніемъ, учрежденія, посредствомъ которыхъ Карлъ Великій старался внести общее образованіе въ среду своихъ подданныхъ, постепенно были заброшены.

Въ другихъ отношеніяхъ однако духовенство весьма много выиграло. Шестой соборъ парижскій въ 829 году признавалъ за нимъ право судить королей [1]). Этою властью пользовались противъ Людовика мятежные епископы въ Компьеннѣ, и его возстановленіе совершилось не безъ формальнаго акта церкви. Карлъ Лысый призналъ это право, какъ направленное противъ себя, на соборѣ савоньерскомъ, въ 859 году, и во всѣхъ разногласіяхъ Каролинговъ каждый государь обращался съ своими жалобами къ папѣ, дѣлая такимъ образомъ римскую каѳедру общимъ апелляціоннымъ судомъ, и ослабляя такимъ подчиненіемъ права государей. Церковные суды вообще считались судами Бога. Епископы признавали за собою исключительную юрисдикцію во всѣхъ дѣлахъ, относящихся къ духовенству, и благодаря тому надзору, который они имѣли надъ нравственностью, они были въ состояніи пользоваться всякимъ скандаломъ въ королевскомъ домѣ къ выгодамъ церкви. Они принимали болѣе и болѣе дѣятельное участіе въ политикѣ, заявляя притязаніе на власть давать корону, и Карлъ, повидимому, признавалъ это притязаніе. Тѣмъ не менѣе, хотя они и старались добиться для самихъ себя изъятія отъ всякаго мірскаго контроля, государь этотъ все еще поддерживалъ этотъ контроль посредствомъ своихъ missi (уполномоченныхъ) [2]).

Наиболѣе выдающимся среди франкскихъ іерарховъ этого времени былъ Гинкмаръ, человѣкъ сильнаго, возвышеннаго и рѣшительнаго характера, отличавшійся въ одно и то же время тонкостью и необычайнымъ практицизмомъ, человѣкъ такой учености, которая, хотя и отличалась отсутствіемъ критики и спутанностью, ставила его почти выше всѣхъ его современниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ и большимъ политическимъ талантомъ. Гинкмаръ родился въ 806 году отъ благороднаго семейства въ Нейстріи, и въ раннемъ возрастѣ вступилъ въ монастырь Сенъ-Дениса, гдѣ и принялъ монашество при Гилдуинѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ возстановленіи дисциплины этого монастыря, и до конца своей жизни сохранялъ монашескую суровость жизни. Его привязанность къ своему аббату доказывается тѣмъ, что онъ раздѣлилъ изгнанничество Гилдуина въ 830 году; но не смотря на это, хотя его собственныя чувства несомнѣнно клонились въ пользу единства имперіи, онъ противодѣйствовалъ всѣмъ попыткамъ Гилдуина склонить его къ мятежу, и до конца сохранилъ благосклонность Людовика, благодаря чему и былъ въ состояніи добиться возвращенія своего настоятеля. Въ 845 году онъ возведенъ былъ на архіепископію реймскую, которая неправильно была занимаема со времени низложенія Эббо за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Онъ принялъ каѳедру подъ тѣмъ условіемъ, чтобы собственность, отчужденная отъ нея въ пользу мірянъ во время вакансіи, была возстановлена ей, и занималъ ее въ теченіе тридцати девяти лѣтъ. Его провинція и даже его діоцезъ находились отчасти въ Нейстріи и отчасти въ Лотарингіи, каковое обстоятельство и приводило его въ связь съ государями обѣихъ этихъ странъ. Ему, какъ преемнику св. Ремигія, принадлежало право короновать государей, и принимать главное участіе въ государственныхъ торжествахъ, и онъ вполнѣ пользовался своимъ положеніемъ. Его политическое вліяніе было безгранично; онъ постоянно поддерживалъ дѣло церкви какъ противъ короны, такъ и знати, и въ пользу ея онъ часто противодѣйствовалъ даже и тѣмъ государямъ, интересамъ которыхъ въ другихъ отношеніяхъ онъ былъ ревностно преданъ. Но въ особенности онъ былъ поборникомъ національной церкви и правъ своего государя противъ возраставшихъ притязаній папства.

---

[1]) Lib. III, 8, гдѣ приводится рѣчь, приписываемая Руфиномъ Константину (Hist. Eccl. I. 2). Сущность постановленій этого собора тождественна съ трактатомъ: De Institutione Regia, Іоны, епископа орлеанскаго (Patrol. CVI, 279 и слѣд.).

[2]) Opera, II, 304.

Папы старались воспользоваться слабостью преемниковъ Карла Великаго, съ цѣлью сбросить тѣ золотыя цѣпи, которыми связалъ ихъ великій императоръ, и этому стремленію ихъ весьма много содѣйствовало раздѣленіе имперіи, такъ какъ они отселѣ считали себя подданными лишь того государя который носилъ императорскій титулъ и владѣлъ королевствомъ Италіи, хотя они въ то же время приходили въ соотношеніе со всѣми каролингскими государями, и сдѣлались общими посредниками между ними.

По смерти Григорія IV, въ 844 году, Сергій II, послѣ нѣсколько бурнаго противодѣйствія со стороны одного соперника по имени Іоанна, былъ посвященъ на папство, не дожидаясь императорскаго утвержденія. Лотарь, негодуя на оказанное такимъ образомъ къ его власти пренебреженіе, отправилъ своего сына Людовика потребовать объясненія отъ новаго папы. Принцъ былъ сопровождаемъ Дрогономъ, епископомъ мецскимъ, вмѣстѣ съ многочисленной свитой изъ прелатовъ и свѣтскихъ сановниковъ, и отправился во главѣ большой арміи, которая при своемъ движеніи по направленію къ Риму, повидимому, производила много безумныхъ побоищъ и опустошеній и потеряла многихъ изъ своихъ солдатъ, которые во время своихъ безчинствъ, какъ вѣрилъ народъ, были убиты молніей. Сергій принялъ Людовика съ обычными почестями, но не хотѣлъ позволить его войску вступить въ городъ, равно какъ не хотѣлъ открыть для него и вратъ церкви ап. Петра, пока въ отвѣтъ на торжественное заклинаніе принцъ не далъ увѣренія, что онъ пришелъ безъ всякаго худаго намѣренія, для блага Рима и церкви. Папа короновалъ его въ короли ломбардовъ, но воспротивился его предложенію, чтобы отъ римлянъ взята была клятва въ вѣрности ему, потому что такія клятвы давались только одному императору. Онъ, однако же, согласился, чтобы дана была новая клятва императору. Дрогонъ возвратился во Францію съ полномочіемъ, возводившимъ его на степень примата и легата и предоставлявшимъ ему въ этомъ положеніи большія преимущества и юрисдикцію; но найдя, что касательно законности его постановленія возникли нѣкоторыя сомнѣнія у мѣстнаго собора, онъ воздержался отъ настаиванія на своихъ притязаніяхъ.

847 г. Сергій умеръ послѣ трехлѣтняго папствованія, и на мѣсто его, при общемъ восторгѣ, избранъ былъ Левъ IV. Римляне были въ большомъ смущеніи; опасность, которою угрожали имъ сарацины, побуждала ихъ приступить къ немедленному посвященію, но въ тоже время они опасались вновь возбудить неудовольствіе во властелинѣ франкской имперіи. Поэтому, они рѣшили посвятить Льва съ выразительнымъ признаніемъ императорскихъ правъ, и этотъ актъ, повидимому, прошелъ безъ всякаго возраженія. Къ концу папствованія Льва, Лотарь, получивъ извѣстіе о томъ, что одинъ высокій римскій сановникъ высказался противъ связи съ франками и предложилъ возстать противъ Римской имперіи, отправился въ Римъ и приступилъ къ изслѣдованію этого дѣла. Библіотекарь Анастасій разсказываетъ, что обвиненіе оказалось вымышленнымъ и что обвинитель былъ выданъ обвиненному. Но отъ папы было потребовано, вѣроятно вслѣдствіе этого именно дѣла, обѣщаніе въ повиновеніи императору и его уполномоченнымъ. Замѣчательное нововведеніе сдѣлано было Львомъ въ его корреспонденціи съ государями, въ которой онъ ставилъ свое имя обыкновенно раньше имени того государя, которому писалъ, и въ адресѣ опускалъ слово Domino,— каковой перемѣной имѣлось въ виду показать, что преемники ап. Петра не признавали уже болѣе никакого земнаго властелина надъ собою ¹).

---

¹) Между Львомъ и слѣдующимъ папой Бенедиктомъ вставляется обыкновенно сказочный папа-женщина Іоаннъ. Если бы такая исторія была извѣстна

Преемникомъ Льва былъ избранъ Бенедиктъ III; но онъ встрѣтилъ весьма серьезное противодѣйствіе со стороны Анастасія, вѣроятно того самаго, который при послѣднемъ понтификатѣ былъ низложенъ главнымъ образомъ за свою преданность франкскимъ интересамъ. 855 г. Анастасій овладѣлъ храмами ап. Петра и св. Іоанна Латеранскаго, и быть можетъ съ цѣлью угодить франкамъ, которыхъ онъ могъ считать иконоборцами, будто бы разбилъ и сжегъ иконы, украшавшія эти церкви [1]. Ему помогали франкскіе солдаты, и онъ склонилъ на свою сторону пословъ, которые отправлены были къ императору съ просьбою объ утвержденіи выбора его соперника; онъ снялъ съ Бенедикта его одѣянія, оскорбилъ его и подвергъ побоямъ. Но духовенство и народъ римскій держались Бенедикта, и благодаря ихъ заявленіямъ, уполномоченные императора утвердили его посвященіе.

Бенедикту наслѣдовалъ Николай I, который, согласно одному современному лѣтописцу, обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ скорѣе присутствію и благосклонности Людовика II, преемника Лотарева на императорскомъ престолѣ, чѣмъ избранію римскаго духовенства [2]. 858 г. При его посвященіи, повидимому, введена была новая церемонія коронаціи, которая быть можетъ основывалась на сказаніи, что Константиномъ Великимъ дана была Сильвестру золотая корона, и которою имѣлось въ виду придать папѣ величіе земнаго властелина, въ добавленіе къ тому болѣе высокому и болѣе почетному достоинству, въ силу котораго онъ притязалъ не только на первенство, но и на господство надъ всякими земными властями. Когда вскорѣ затѣмъ Николай побывалъ въ лагерѣ Людовика, императоръ, по мнимому примѣру перваго христіанскаго императора, оказалъ ему особенный почетъ, выразившійся въ томъ что онъ велъ подъ уздцы его коня и шелъ рядомъ съ нимъ въ то время, какъ папа ѣхалъ [3]. Николай былъ

въ Римѣ въ половинѣ XI столѣтія, то Левъ IX, конечно, не осмѣлился бы въ письмѣ къ патріарху константинопольскому упомянуть о слухѣ, что византійская церковь eunuchos passim promovendo foeminam in sede pontificum suorum sublimasset aliquando (Hard. VI, 940). Греки впослѣдствіи пользовались этимъ разсказомъ въ его полномъ развитіи, какъ оружіемъ противъ Рима (см. Халкокондила въ XV столѣтіи, V. 160). Первые писатели, которые принимали этотъ разсказъ, не подозрѣвая его подложности или измышленности, суть Стефанъ бурбонскій и Март. полонскій (Pertz, XXII, 428), оба XIII-го столѣтія. Происхожденіе разсказа многіе историки приписываютъ развращенности папства подъ женскимъ вліяніемъ, которое слѣдовало вскорѣ затѣмъ. Дöллингеръ (Papst-Fabeln, I, 45) слѣдитъ за возрастаніемъ этого разсказа съ большою ученостью, и происхожденіе его видитъ въ народномъ перетолкованіи нѣкоторыхъ древнихъ памятниковъ въ Римѣ и одной церемоніи, первоначально употреблявшейся при возведеніи папъ на престолъ.

[1] Anast 247—8.

[2] Annales Bertiniani (Pertz, I, 452).

[3] Anast. 253.

однимъ изъ тѣхъ папъ, которые особенно много содѣйствовали возвышенію значенія своей каѳедры. То понятіе, которое имѣли о немъ современники, вскорѣ послѣ его смерти нашло замѣчательное выраженіе у Регино прюмскаго, который говоритъ о немъ, что онъ превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ со времени Григорія Великаго, давалъ повелѣнія королямъ и тиранамъ и властвовалъ надъ ними, какъ господинъ всего міра, былъ полонъ кротости и нѣжности въ своихъ отношеніяхъ къ епископамъ и духовенству, достойнымъ своего призванія, но страшенъ и суровъ по отношенію къ безпечнымъ и неисправнымъ, какъ новый Илія—былъ „въ духѣ и въ силѣ“ [1]). Онъ былъ человѣкъ ученый, искусный въ управленіи дѣлами, искренно преданный дѣлу упроченія дисциплины въ церкви, наполненный сознаніемъ важности своего положенія, честолюбивый, дѣятельный и рѣшительный въ поддержаніи и развитіи его. Онъ пользовался недостатками или пороками франкскихъ государей (ихъ честолюбіемъ, похотливостью или ненавистью) съ цѣлью вмѣшиваться въ ихъ дѣла, и съ большимъ искусствомъ направлялъ ихъ одного противъ другаго. Его заступничество обыкновенно было въ пользу справедливости, или въ защиту слабыхъ; оно было поддерживаемо одобреніемъ большинства народа, который привыкалъ видѣть въ немъ представителя неба, готоваго повсюду отстаивать правое дѣло и способнаго обуздывать даже и тѣхъ нечестивцевъ, которые стояли выше земнаго закона. Но тѣ изъ его дѣйствій, которыя сами по себѣ похвальны, входили однако же въ систему, которая въ другихъ отношеніяхъ выступала безъ всякаго подобнаго покрова, представляя собою широко задуманную схему честолюбія, съ цѣлью подчинить всякую свѣтскую власть церкви, и всѣ національныя церкви Риму [2]).

Изъ споровъ этого времени (которые лучше всего разсматривать отдѣльно, чтобы не приводить нити повѣствованія въ безнадежную путаницу), два относились къ важнымъ пунктамъ ученія, именно объ евхаристіи и предопредѣленіи.

I. Мы уже видѣли, что касательно евхаристіи и раньше начали возникать различныя недоумѣнія, которыя еще разъяснялъ бл. Августинъ; но важный шагъ въ развитіи взглядовъ на евхаристію сдѣланъ былъ Пасхазіемъ Радбертомъ, аббатомъ корбейскимъ. Пасхазій былъ воспитанъ въ монастырѣ при Адельгардѣ и Валѣ, жизнеописателемъ которыхъ онъ сдѣлался впослѣдствіи. Онъ былъ учителемъ монастырской школы и трудился въ качествѣ толкователя св. Писанія. Въ 844 году онъ былъ избранъ аббатомъ, но безпокойства, причиненныя ему этимъ положеніемъ, побудили его отказаться отъ него въ 851 году, и онъ жилъ въ качествѣ простаго инока до своей смерти, послѣдовавшей въ 865 году ¹).

---

[1]) Regino отъ 868 года (Pertz, I, 579).

[2]) Объ одномъ изъ меньшихъ успѣховъ этого папы можно упомянуть въ примѣчаніи. Іоаннъ, архіепископъ равеннскій (каѳедра эта часто причиняла безпокойство папамъ) заявлялъ высокія притязанія на независимость. Но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ на поддержку со стороны Людовика II, и, будучи отлученъ Николаемъ, низведенъ былъ въ весьма жалкое положеніе. Съ цѣлью достигнуть отпущенія, онъ обязался являться въ Римъ по разу въ годъ, и подчинился ограниченію своей власти надъ своими собственными суффраганами, которыхъ онъ теперь не имѣлъ права посвящать безъ позволенія папы (861—2). Anast. 254—6.

Въ 831 году, Пасхазій, по просьбѣ своего стараго ученика Варина, сдѣлавшагося аббатомъ монастыря Новаго Корбея, на Везерѣ, написалъ трактатъ о евхаристіи, для назиданія болѣе молодыхъ иноковъ этой общины ²). Вскорѣ послѣ своего назначенія на аббатство своего собственнаго монастыря въ 844 году, онъ представилъ исправленное изданіе своего труда Карлу Лысому, который просилъ у него копіи. Въ этомъ трактатѣ ³) Пасхазій излагаетъ, что хотя послѣ освященія видъ хлѣба и вина остается, однако мы не должны уже думать, что предъ нами находится что либо другое, кромѣ тѣла и крови Спасителя, той самой плоти, которая родилась отъ Пресвятой Дѣвы, той самой, въ которой Онъ пострадалъ на крестѣ и воскресъ изъ гроба. Ученіе это обосновывалось на всемогуществѣ Божіемъ; и самыя библейскія чудеса совершались съ цѣлью подготовленія пути къ нему и для подтвержденія его. Что элементы остаются неизмѣнившимися по видимости и вкусу,—это, по ученію Пасхазія, предназначалось для упражненія нашей вѣры. Чудесное воспроизведеніе тѣла Спасителя ставится въ параллель съ Его зачатіемъ, какъ человѣка. Къ этому присоединяются и разсказы о чудесахъ, по которымъ дѣйствительность, скрытая подъ видимостью элементовъ, открывалась видимо. Однимъ словомъ, тутъ въ полномъ смыслѣ выступаетъ ученіе, ставшее извѣстнымъ впослѣдствіи подъ названіемъ пресуществленія; но, вопреки позднѣйшему обычаю Рима, Пасхазій настаиваетъ на необходимости причащенія какъ отъ евхаристическаго хлѣба, такъ и отъ евхаристической чаши ⁴).

По заявленію Пасхазія, онъ излагалъ лишь такое ученіе, какъ оно принято было въ церкви; но противъ него скоро поднялись возраженія. Рабанъ Мавръ ⁵), Валафридъ Страбонъ ⁶), Флоръ ⁷) и Хри-

---

¹) Объ этомъ спорѣ см. статьи Radbert и Ratramn въ Herzog xii.

²) Mabill. Acta SS. Ben. vi, viii, x.

³) De Corp. et Sanguine Domini (Patrol. cxx).

⁴) C. 19.

⁵) De Institutione Clericorum, i, 31, iii, 13 (Patrol. cvii, а также cx).

⁶) De Rebus Eccles. 16—17 (Patrol. cxiv).

⁷) Adv. Amalar. 9 (тамъ же, cxix).

стіанъ Друтмаръ 1), всѣ принадлежащіе къ ученѣйшимъ людямъ своего вѣка, возразили противъ мысли о какомъ либо другомъ, кромѣ духовнаго превращенія въ евхаристіи, и высказались противъ этой идеи, какъ новшества. Взгляды Пасхазія возбудили тревогу и противодѣйствіе даже среди его собственной общины. Одинъ изъ его монаховъ, по имени Фрудегардъ, выразилъ безпокойство по случаю видимаго противорѣчія аббата бл. Августину, такъ что Пасхазій нашелъ необходимымъ защищать себя авторитетомъ болѣе раннихъ писателей, среди которыхъ въ особенности онъ ссылается на св. Амвросія 2). Но главнымъ противникомъ этого ученія былъ другой корбейскій монахъ Ратрамнъ, который по просьбѣ Карла Лысаго изслѣдовалъ книгу аббата и написалъ на нее отвѣтъ, хотя, въ виду своихъ отношеній, и не поименовалъ автора 3). Ратрамнъ раздѣляетъ вопросъ на двѣ главы: 1) присутствуютъ ли въ евхаристіи тѣло и кровь Христовы въ фигурѣ, или въ истинѣ; 2) то ли самое это тѣло, которое родилось отъ Пресвятой Дѣвы, пострадало, воскресло и вознеслось? Подъ фигурой онъ разумѣетъ, что дѣйствительность прикрывается чѣмъ либо другимъ, подобно тому, какъ тамъ, гдѣ Спаситель называетъ Себя виноградной лозой, а подъ истиной онъ разумѣетъ, что дѣйствительность выступаетъ открыто. Хотя, говоритъ онъ, элементы совнѣ остаются тѣми же, какъ и до освященія, тѣло и кровь Христовы однако же представляются таковыми не тѣлеснымъ чувствамъ, а вѣрующей душѣ. И это должно быть фигуративнымъ образомъ, потому что иначе тутъ ничего бы не оставалось дѣлать для вѣры, этой „увѣренности въ вещахъ невидимыхъ“. Таинство не было бы тайною, такъ какъ въ тайнѣ всегда должно быть нѣчто и кромѣ того, что видимо. Перемѣна въ таинствѣ не матеріальная, а духовная; элементы, продолжая въ одномъ отношеніи оставаться хлѣбомъ и виномъ, въ другомъ отношеніи по духу и возможности становятся тѣломъ и кровію Христа, подобно тому, какъ и вода одаряется духовною силою при совершеніи таинства крещенія. То, что видимо и тлѣнно въ нихъ, питаетъ тѣло; то, что есть предметъ вѣры, само по себѣ безсмертно, освящаетъ душу и питаетъ ее въ жизнь вѣчную. Тѣло Христа должно быть нетлѣннымъ; поэтому то, что тлѣнно въ таинствѣ, есть лишь фигура дѣйствительности. Ратрамнъ выясняетъ толкованіе тѣхъ мѣстъ, которыя были приводимы изъ св. Амвросія въ пользу противоположнаго взгляда. Онъ ссылается на бл. Августина и Исидора Севильскаго, какъ согласныхъ съ его ученіемъ, и на основаніи литургіи доказы-

---

1) На Матѳ. xxvi, 26 (тамъ же, cxvi, 1476). Друтмаръ былъ извѣстенъ въ качествѣ комментатора, который, вопреки обычаю своего времени, слѣдовалъ буквальному и историческому изъясненію св. Писанія

2) Ad. Frudeg. Bibl. Patrum. xiv, 754 и слѣд.

3) *Ratramn.* De Corp. et Sang. Domini, Oxon. 1838 г., или Patrol. cxxi, c. 1.

ваетъ, что присутствіе Спасителя должно быть духовнымъ и образнымъ (фигуративнымъ), такъ какъ о таинствѣ евхаристіи въ ней говорится какъ о залогѣ, образѣ и подобіи [1].

По этому же предмету, по просьбѣ Карла Лысаго, будто бы писалъ Іоаннъ Скоттъ, о которомъ подробнѣе будетъ сказано послѣ. Но если и такъ, то книга его потеряна [2]. Въ его другихъ сочиненіяхъ есть основаніе для того, чтобы думать, что онъ смотрѣлъ на евхаристію какъ просто на воспоминательный обрядъ, и что въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, его считали неправославнымъ. Въ то время, какъ наиболѣе ученые богословы вѣка вообще возставали противъ Пасхазія, его ученіе, повидимому, находило поддержку въ высокомъ авторитетѣ Гинкмара [3]; равнымъ образомъ и Гаймонъ, епископъ гальберштадтскій, весьма извѣстный комментаторъ, излагаетъ это ученіе столь же выразительно, какъ и самъ аббатъ корбейскій. Споръ этотъ продолжался въ теченіе нѣкотораго времени; но ученіе Пасхазія, имѣвшее за себя большее благоговѣніе къ таинству и находившееся въ согласіи съ преобладающей наклонностью къ чудесному, получило перевѣсъ въ слѣдующемъ столѣтіи.

II. По всему Западу бл. Августинъ былъ почитаемъ какъ величайшій изъ всѣхъ древнихъ отцовъ и главный учитель православія; тѣмъ не менѣе его ученіе признавалось не повсюду. Соборы, созывавшіеся по случаю пелагіанскаго ученія, занимаясь вопросомъ о благодати, не дали никакого рѣшенія касательно предопредѣленія, и послѣдователи бл. Августина старались смягчить суровыя стороны его ученія по этому вопросу. Преобладающее ученіе отличалось болѣе мягкимъ тономъ; во многихъ случаяхъ оно было не далеко отъ полупелагіанства, и даже тамъ, гдѣ не могло быть называемо таковымъ, оно настолько не подходило къ суровому августиніанству, что богословъ, строго державшійся этого ученія, вполнѣ могъ быть обвиняемъ своими собратьями въ невѣрности ученію великаго африканскаго учителя.

---

[1] Книга Ратрамна была впервые напечатана въ 1532 году, и какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ изданіяхъ, онъ называется Бертрамомъ. Нѣкоторые паписты объявляли ее подложнымъ сочиненіемъ реформаторовъ, и она причислена была соборомъ тридентскимъ къ книгамъ запрещеннымъ. Впослѣдствіи нѣкоторыми богословами Лувана и Дувея сдѣлана была попытка показать, что она можетъ быть терпима; но этому воспрепятствовало то употребленіе, которое дѣлали изъ нея реформаторы. Она исключена изъ Ліонской библіотеки (томъ XV), гдѣ помѣщены другія произведенія Ратрамна, подъ тѣмъ предлогомъ, что она искажена была еретиками.

[2] Первыя цитаты, которыя повидимому берутся изъ Скотта объ евхаристіи, въ дѣйствительности взяты изъ книги Ратрамна, и средневѣковые писатели, которые говорятъ о книгѣ одного, не поименовываютъ другаго, и въ этомъ Гизелеръ видитъ происхожденіе мнѣнія о томъ, что Іоаннъ Скоттъ писалъ по этому предмету.

[3] Hincm. II, 99—100.

Въ разъясненіи этого вопроса, большое участіе принималъ Готтшалкъ [1]. Сынъ одного саксонскаго графа, онъ еще въ дѣтствѣ отданъ былъ своимъ отцомъ въ монастырь Фульдскій. Достигнувъ возмужалости, онъ однако же почувствовалъ сильное нерасположеніе къ монашеской жизни, и въ 829 году обратился съ просьбою о снятіи съ него обѣтовъ къ собору, состоявшемуся въ Менцѣ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Отгара. Просьба его была уважена на томъ основаніи, что онъ былъ посвященъ въ монашество раньше, чѣмъ могъ руководиться своей собственной волей. Но аббатъ фульдскій, Рабанъ Мавръ, ученикъ Алкуина и самъ величайшій учитель своего времени, обратился къ Людовику Благочестивому съ доказательствомъ того, что лица, посвященныя своими родителями, хотя и безъ своего собственнаго согласія, навсегда связаны монашескими обязательствами, и императоръ отмѣнилъ рѣшеніе собора [2].

Хотя и вынужденный оставаться монахомъ, Готтшалкъ получилъ позволеніе удалиться изъ Фульды, гдѣ его отношеніе къ Рабану было бы неудобнымъ, въ Орбей, въ діоцезѣ суассонскомъ. Тамъ онъ отдался изученію бл. Августина и его послѣдователей съ восторгомъ принялъ ихъ ученіе, и его любовь къ произведеніямъ Фульгенція была таковою, что его друзья обыкновенно называли его по имени этого писателя [3]. Замѣчательно, что одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ его друзей, Серватъ Люпъ, аббатъ феррьерскій, въ одномъ письмѣ отъ того времени обвиняетъ его въ неумѣренной преданности умозрѣнію, и увѣщеваетъ его обратиться къ предметамъ болѣе практическаго свойства [4]. Гинкмаръ, на основаніи свѣдѣній отъ аббата орбейскаго, говоритъ о Готтшалкѣ во время его пребыванія тамъ, какъ человѣкѣ безпокойномъ, измѣнчивомъ, склонномъ къ странностямъ, преданномъ аргументаціи и способномъ перетолковывать то, что сказано другими въ разговорѣ съ нимъ, пренебрежительно относящемся къ истинѣ и предпочитающемъ быть учителемъ заблужденія, жаждущемъ пріобрѣсть вліяніе посредствомъ переписки и другими способами надъ личностями, склонными къ новшествамъ, и желающемъ добиться извѣстности во что бы то ни стало [5].

---

[1] Schalk на древне-германскомъ означало раба, хотя значеніе этого слова потерпѣло много видоизмѣненій. Готтшалкъ поэтому = рабъ Божій. Посланіе. къ Титу начинается въ готскомъ переводѣ словами: „Paulus, skalks Guths“. Patrol. xviii, 857.

[2] Patrol. cvii. Трактатъ Рабана—De Oblatione Puerorum и проч.

[3] Такъ онъ называется Валафридомъ Страбономъ въ одной поэмѣ (Patrol. cxiv, 1115).

[4] Serv. Lup. Ep. xxx (Patrol. cxix).

[5] Hinc. De Praedest. c. 2 (Opera, i, 20).

Съ цѣлью несомнѣнно получить право для проповѣди своего ученія, Готтшалкъ добился посвященія себя во священника отъ одного хорепископа реймскаго, во время вакансіи этой каѳедры послѣ низложенія Эббо. Этотъ актъ повидимому былъ неодобрительно встрѣченъ епископской корпораціей, съ которой хорепископы въ то время находились не въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ; онъ былъ порицаемъ какъ незаконный, такъ какъ Готтшалкъ принадлежалъ къ діоцезу суассонскому, и хорепископъ этотъ не имѣлъ никакого полномочія отъ высшаго прелата для совершенія священническаго рукоположенія вообще ¹).

Ученіе, на которомъ особенно остановился Готтшалкъ, было ученіемъ о предопредѣленіи. Обычнымъ ученіемъ въ церкви было то, что праведные предопредѣлены и что нечестивые предузнаны, между тѣмъ какъ строгій августиніанизмъ называлъ нечестивыхъ отверженными; Готтшалкъ же прилагалъ терминъ „предопредѣленный“ къ обоимъ этимъ классамъ ²). Предопредѣленіе, говоритъ онъ, бываетъ двоякое, причемъ въ пользу самаго этого термина онъ ссылался на авторитетъ Исидора севильскаго. Въ обоихъ случаяхъ предопредѣленіе—къ добру; но добро бываетъ двоякое, такъ какъ заключаетъ въ себѣ не только блага благодати, но и опредѣленія справедливости. Какъ жизнь предопредѣлена добрымъ, и они ей, такъ зло предопредѣлено нечестивымъ, и они ему. Его противники обыкновенно обвиняли его въ ученіи, что нечестивые непреодолимо и безвозвратно обречены на грѣхъ, равно какъ и на его послѣдствія. Но даже на основаніи собственнаго признанія Гинкмара можно думать, что Готтшалкъ не допускалъ такого изложенія своихъ мнѣній; онъ училъ только, что такъ какъ упорство во злѣ со стороны діавола, его аггеловъ и нечестивыхъ людей было предметомъ предвѣденія, то они и предопредѣлены къ праведному наказанію. Онъ отрицалъ, чтобы Христосъ умеръ для кого либо другихъ, кромѣ избранныхъ, и объяснялъ тексты, въ которыхъ говорится о томъ, что Богъ хочетъ всѣмъ спастись, приложимыми только къ тѣмъ, кто дѣйствительно спасаются. Въ отличіе отъ бл. Августина, онъ также училъ, что даже первая человѣческая чета подлежала предопредѣленію. Взглядъ, съ которымъ его противники относились къ его мнѣнію, можетъ въ нѣкоторой степени находить оправданіе въ той запальчивости, съ которою онъ настаивалъ на своемъ разногласіи съ ними, и въ той ревности, съ которою онъ осуждалъ ихъ, каковыя обстоятельства не могли не повести ихъ къ предположенію того, что разногласіе между ними гораздо больше, чѣмъ оно было въ дѣйствительности.

---

¹) Hinc. ı. 21, ıı, 262.

²) О спорѣ, поднятомъ Готтшалкомъ, см. Petav. De Incarn. xııı. c. 8 и слѣд.

Возвращаясь въ 847 году изъ Рима, Готтшалкъ, будучи въ домѣ Эбергарда, графа фріульскаго, зятя Людовика Благочестиваго [1]), встрѣтился съ Ноттингомъ, который недавно предъ тѣмъ назначенъ былъ на каѳедру веронскую. Тутъ онъ изложилъ свое ученіе о двоякомъ предопредѣленіи, которому крайне изумился Ноттингъ. Епископъ вскорѣ затѣмъ сообщилъ о немъ Рабану Мавру, котораго онъ нашелъ при дворѣ Людовика германскаго, и Рабанъ, сдѣлавшійся теперь уже архіепископомъ менцскимъ, писалъ какъ Ноттингу, такъ и Эбергарду, сильно осуждая мнѣніе Готтшалка, которое онъ объявлялъ совершенно отличнымъ отъ ученія бл. Августина. Предопредѣленіе (говоритъ онъ) можетъ быть лишь приготовленіемъ къ благодати; Богъ напередъ знаетъ зло, но не предопредѣляетъ къ нему. Всѣ, кто предаютъ свою испорченную волю водительству благодати Божіей, могутъ спастись [2]). Эбергардъ, получивъ письмо архіепископа, выпроводилъ своего опаснаго гостя, который медленно направился домой чрезъ южную Германію, и вѣроятно вслѣдствіе его путешествія по этимъ уже христіанскимъ странамъ, Гинкмаръ говоритъ о немъ, что онъ посѣщалъ варварскіе и языческіе народы, съ цѣлью зараженія ихъ своими заблужденіями [3]). Въ 848 году Готтшалкъ явился предъ соборомъ, созваннымъ Рабаномъ въ Менцѣ, въ присутствіи короля Людовика. Эта явка его была вѣроятно добровольною, и онъ, какбы заранѣе приготовившись къ спору, принесъ съ собою отвѣтъ на возраженіе Рабана, въ которомъ онъ обвинялъ архіепископа въ послѣдованіи ереси Геннадія и Кассіана и отстаивалъ ученіе о двоякомъ предопредѣленіи [4]). Его мнѣнія, какъ и можно было ожидать, были осуждены соборомъ; онъ принужденъ былъ дать клятву, что никогда опять не вступитъ во владѣнія Людовика, и былъ отправленъ къ своему собственному митрополиту Гинкмару съ письмомъ, въ которомъ Рабанъ называлъ его бродягой [5]), и совѣтовалъ, въ случаѣ неисправности, заключить его.

849 г.

Въ слѣдующемъ году, Готтшалкъ былъ потребованъ Гинкмаромъ на соборъ, состоявшійся въ Квіерси, гдѣ, по свидѣтельству архіепископа, онъ велъ себя подобно бѣсноватому, и вмѣсто отвѣтовъ на предлагавшіеся ему вопросы разражался горячими личными нападками. Онъ былъ подвергнутъ суровому бичеванію въ присутствіи короля Карла, — въ оправданіе каковаго наказанія приводимы были уставъ св. Бенедикта и каноны агдійскіе, хотя и не безъ натяжки въ ихъ приложеніи. Когда онъ былъ истощенъ этимъ жестокимъ наказаніемъ, то отъ него потребовали бросить свою книгу въ огонь, и онъ имѣлъ едва достаточно силы для того, чтобы сдѣлать это. Гинкмаръ, долго спустя, разсказывалъ папѣ Николаю, что онъ вынужденъ былъ взять это дѣло въ свои собственныя руки, такъ какъ епископъ суассонскій Ротадъ самъ былъ зараженъ новшествами, и по той же причинѣ Готтшалкъ, который осужденъ былъ соборомъ на постоянное молчаніе, былъ удаленъ въ монастырь Отвильерскій, въ діоцезѣ реймскомъ ¹).

---

[1]) Эбергардъ былъ отецъ Беренгарія, который былъ коронованъ въ качествѣ императора въ 916 году.

[2]) Rab. Epp. 5, 6 (Patrol. cxii).

[3]) Hincm. ii, 262.

[4]) Отрывки этого сочиненія сохранены въ De Praedestinatione (см. Patrol. cxxi, 365).

[5]) „Gyrovagus". Онъ, повидимому, оставилъ Орбей безъ позволенія аббата.

Этимъ заключеніемъ ревность его была скорѣе возбуждена, чѣмъ охлаждена. Онъ отказался подписать исповѣданіе, присланное ему Гинкмаромъ, хотя подпись эта имѣла бы своимъ результатомъ освобожденіе его подъ условіемъ допущенія имъ мнѣнія, что божественное предвѣденіе можетъ быть и безъ предопредѣленія. Онъ поносилъ своихъ противниковъ, называя ихъ рабанистами ²), и въ одномъ изъ двухъ отправленныхъ имъ исповѣданій, онъ говоритъ о нихъ какъ объ еретикахъ, избѣгать которыхъ считаетъ своимъ долгомъ. Въ этихъ исповѣданіяхъ онъ излагаетъ свое ученіе о двоякомъ предопредѣленіи,—предопредѣленіи добрыхъ ангеловъ и человѣковъ, по благости ко спасенію, и злыхъ къ наказанію, по справедливости, вслѣдствіе предвѣденія ихъ виновности. Въ болѣе длинномъ исповѣданіи, которое (вѣроятно, въ подражаніе бл. Августину) составлено въ формѣ обращенія къ Богу, онъ предается молитвѣ, чтобы ему данъ былъ благопріятный случай для засвидѣтельствованія истины своихъ мнѣній въ присутствіи короля, епископовъ, духовенства, монаховъ и мірянъ, чрезъ послѣдовательное погруженіе въ четыре котла кипящей воды, масла, жира и смолы, и наконецъ чрезъ хожденіе по раскаленной плитѣ. Это желаніе различно приписывалось то смиренію, то лицемѣрію, каковыя качества повидимому одинаково были чужды характеру Готтшалка. Съ остальною его исторіею будетъ согласнѣе, если мы будемъ искать мотивъ для этого въ гордомъ и самомнящемъ, но искреннемъ фанатизмѣ.

Ученіе, за которое страдалъ Готтшалкъ, нашло затѣмъ знаменитыхъ и вліятельныхъ поборниковъ, хотя они нѣсколько разнились между собою, причемъ всѣ (подобно самому Готтшалку) отрекались отъ мнѣнія о непреодолимомъ предопредѣленіи ко грѣху. Между ними были: Пруденцій, испанецъ по происхожденію, епископъ тройскій; Серватъ-Люпъ, аббатъ феррьерскій, старый ученикъ Рабана, имѣвшій большое значеніе во французской церкви и высокопочитавшійся Карломъ Лысымъ, и Ратрамнъ, который въ

---

¹) Hautvilliers.—Hard. v, 20.

²) Rhabanicos (Patrol. cxvi, 95).

этомъ спорѣ, какъ и въ спорѣ объ евхаристіи, писалъ по просьбѣ короля и къ его наставленію [1]. Гинкмаръ счелъ необходимымъ искать помощи противъ этихъ писателей. Рабанъ, къ которому онъ обратился, отказался оказать ему какое либо содѣйствіе въ этомъ отношеніи, извиняясь, главнымъ образомъ, своими лѣтами и немощью, и прибавивъ, что во многихъ отношеніяхъ онъ согласенъ съ Готтшалкомъ, хотя и признавалъ его заблуждающимся по вопросу о предопредѣленіи нечестивыхъ. Но Гинкмаръ нашелъ союзниковъ въ Амаларіѣ, духовномъ лицѣ изъ Меца, и въ Амулонѣ, архіепископѣ ліонскомъ, ученикѣ и преемникѣ Агобарда.

Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ, опровергающимъ воззрѣніе Готтшалка, было однако же произведеніе Іоанна-Скотта, имя котораго уже упоминалось выше, въ отдѣлѣ о евхаристическомъ спорѣ. Обстоятельства жизни этого знаменитаго человѣка покрыты мракомъ неизвѣстности. Названіе Скоттъ равно, какъ и названіе Эригена, данное ему въ позднѣйшее время, указываетъ на то, что онъ былъ родомъ изъ Ирландіи,—страны, давшей многихъ и другихъ ученыхъ мужей, пользовавшихся покровительствомъ Карла Лысаго. На основаніи его знакомства съ греческимъ языкомъ (на которомъ онъ даже писалъ стихи, хотя и съ крайнею небрежностью въ просодіи), предполагали, что онъ путешествовалъ по Востоку; но предположеніе это напрасно, такъ какъ греческій языкъ составлялъ обычный предметъ образованія на его родинѣ и въ Британіи [2]. Часто утверждали, что онъ знакомъ былъ и съ еврейскимъ языкомъ, но безъ достаточнаго основанія. Подобно ученымъ своего времени вообще, Іоаннъ, повидимому, принадлежалъ къ какому нибудь духовному сану, хотя этого и нельзя утверждать съ несомнѣнностью. Въ теченіе нѣкотораго времени онъ жилъ при дворѣ Карла, и возстановилъ славу Палатинской школы, которая въ теченіе смутъ минувшаго царствованія значительно пала; при этомъ, между другими литературными работами, онъ сдѣлалъ переводъ произведеній, приписываемыхъ Діонисію Ареопагиту, присланныхъ въ подарокъ Людовику Благочестивому греческимъ императоромъ Михаиломъ. Скоттъ былъ лучше знакомъ съ греческимъ богословіемъ, чѣмъ съ латинскимъ, такъ что даже и по вопросу объ исхожденіи св. Духа онъ склонялся на восточную сторону [1]). Но въ дѣйствительности онъ имѣлъ гораздо больше сродства съ древними философами, въ особенности съ неоплатониками, чѣмъ съ богословами своего времени. Его смѣлый и строго разсудочный умъ погружался въ спорныя, или прямо еретическія умозрѣнія; онъ изумлялъ своихъ современниковъ отрицаніемъ буквальнаго смысла нѣкоторыхъ частей св. Писанія, и въ его произведеніяхъ есть мѣста, которыя прямо указываютъ почти на неприкровенный пантеизмъ. О позднѣйшихъ годахъ его жизни ничего неизвѣстно, кромѣ того, что папа Николай, на томъ основаніи, что его православіе подвергалось подозрѣнію, просилъ Карла выслать его въ Римъ, или по крайней мѣрѣ воспрепятствовать ему въ дальнѣйшемъ пребываніи въ Парижѣ, гдѣ его ученіе могло причинить вредъ. Можно думать, что не смотря на такое отношеніе къ нему папы, Карлъ продолжалъ покровительствовать Скотту, и что философъ закончилъ дни своей жизни во Франціи, хотя многіе писатели и предполагали, что послѣ смерти своего покровителя онъ удалился въ Англію, и весьма много помогалъ Альфреду Великому въ его трудахъ по просвѣщенію народа.

---

[1] Пруденцій (сочиненія котораго находятся въ Patrologia, cxv) написалъ часть „Annales Bertiniani", продолженныхъ Гинкмаромъ. Гинкмаръ, въ началѣ своего продолженія, говоритъ, что его предшественникъ, послѣ противодѣйствія Готтшалку, сталъ на его сторону изъ частной вражды къ нѣкоторымъ епископамъ. Произведенія Сервата-Люпа см. въ Patrol. cxix. Ratramn, De Praedest. Dei (Patrol. cxxi, 13).

[2] Пруденцій говоритъ, что Ирландія посылала Іоанна въ Галлію, и говоритъ о его „кельтскомъ краснорѣчіи" (De Praedest. 14; Patrol. cxv, 1194). Вмѣсто Erigena въ древнѣйшихъ манускриптахъ имя это значится какъ Ierugena, составленное изъ смѣшенія греческаго ἱεροῦ (т. е. νήσου) илатинскаго gena (Patrol. cxxii; Praef. xix).

Споръ этотъ такимъ образомъ сильно разнился отъ споровъ прежнихъ вѣковъ въ томъ, что исключительно опирался на авторитеты. Августинъ и другіе отцы и учители при опредѣленіи ученія руководились своею собственною мыслью; но доселѣ вопросъ о предопредѣленіи касался не самой истины христіанскаго ученія, а лишь того способа, въ которомъ это ученіе было опредѣляемо бл. Августиномъ. Скоттъ, однако же, усвоилъ совершенно иной методъ въ сравненіи съ богословами, предшествовавшими ему съ обѣихъ сторонъ [2]). Правда, подобно имъ, онъ заявлялъ, что ссылается на св. Писаніе и отцовъ церкви, въ особенности на того великаго учителя, на котораго главнымъ образомъ опирались его противники; но какъ св. Писаніе, такъ и отцы (говорилъ онъ), снисходили къ немощи своихъ читателей, и многое въ ихъ языкѣ должно быть понимаемо образно. Такимъ образомъ изложенъ былъ принципъ, по которому могли быть устраняемы ихъ наиболѣе положительныя выраженія, и все, что казалось несогласнымъ съ собственными умозрѣніями философа, могло быть посредствомъ объясненія устранено совсѣмъ.

Скоттъ писалъ по просьбѣ Гинкмара, и посвятилъ свою книгу ему и своему сообщнику Пардулу, епископу лаонскому. Онъ выступаетъ съ нѣсколько показною выставкой философскаго метода, и заявляетъ, что истинная философія и истинное богословіе тождественны. Къ Готтшалку онъ относится какъ къ еретику,—орудію „древняго врага“, и объясняетъ его заблужденія недостаткомъ либеральнаго образованія, въ особенности незнакомствомъ его съ греческимъ языкомъ и богословіемъ. Крайне несообразно, говоритъ онъ, говорить о *предо*предѣленіи или *пред*вѣденіи въ Богѣ, такъ какъ для Него всякое время есть настоящее. Но, допуская употребленіе такихъ словъ, онъ учитъ, что предопредѣленіе вѣчно и настолько же есть часть Самого Бога, какъ и всякое другое изъ Его свойствъ. Оно можетъ, поэтому, быть только однимъ; мы не болѣе можемъ предполагать два опредѣленія въ Богѣ, чѣмъ двѣ мудрости, или два знанія. Скоттъ опровергаетъ дѣлаемое Готтшалкомъ предположеніе „одного двоякаго опредѣленія“; божественное предопредѣленіе должно быть истинно однимъ, и должно быть только къ добру, и таково именно значеніе (какъ онъ утверждаетъ) этого термина не только въ св. Писаніи, но и въ сочиненіяхъ бл. Августина, если понимать ихъ правильно. Тѣмъ не менѣе число какъ тѣхъ, кто избавлены Христомъ, такъ и тѣхъ, которые предоставлены своему нечестію, извѣстно и, можно сказать, предопредѣлено; Богъ окружилъ нечестивыхъ Своимъ закономъ, который вызываетъ наружу ихъ нечестіе, дѣйствуя противоположнымъ образомъ на добрыхъ. Скоттъ сильно настаиваетъ на свободѣ воли избирать не только зло (чѣмъ ограничивалъ ее Люпъ), но и добро; свободная воля (говоритъ онъ) есть даръ, которымъ надѣлена отъ Бога наша природа,—добрый даръ, хотя онъ и можетъ быть употребляемъ во зло; между тѣмъ какъ Готтшалкъ, относя всякую добродѣтель и порокъ на счетъ предопредѣленія, отрицаетъ какъ свободу воли, такъ и содѣйствіе благодати, и такимъ образомъ впадаетъ въ одно и то же время въ заблужденіе пелагіанъ и ихъ крайнихъ противниковъ. Предопредѣленіе и предвѣденіе въ Богѣ суть одно и то же и относятся только къ добру; потому что Богъ можетъ предвидѣть только то, что имѣетъ бытіе, между тѣмъ какъ грѣхъ и наказаніе не имѣютъ бытія. Грѣхъ, какъ училъ бл. Августинъ, есть только недостатокъ праведности, наказаніе есть только недостатокъ блаженства. Если душа имѣетъ способность къ блаженству, то стремленіе къ блаженству безъ возможности достигнуть его есть жесточайшее изъ возможныхъ мученій. Такимъ образомъ истинное наказаніе есть то, которое грѣхъ причиняетъ самому себѣ, тайно въ настоящей жизни и открыто въ жизни грядущей, когда то, что теперь кажется для насъ удовольствіемъ грѣха, сдѣлается орудіемъ мученія. То, что подвергается наказанію, не есть наша природа (которая есть дѣло Божіе), а испорченность нашей природы, и виновникъ наказаній не есть собственно Богъ: Онъ есть наказующій лишь на столько, насколько Онъ есть Творецъ вселенной, въ которой совершается наказаніе; нечестивые будутъ мучимы своею собственною завистью; праведные будутъ увѣнчаны своею собственною любовью. Огонь („будетъ ли онъ тѣлесный, какъ думаетъ бл. Августинъ, или не тѣлесный, согласно съ Григоріемъ“) не нуженъ для наказанія нечестивыхъ, даже злыхъ, гордость которыхъ будетъ совершенно достаточною для ихъ собственнаго наказанія: это одинъ изъ четырехъ элементовъ, которые составляютъ равновѣсіе и полноту вселенной. Онъ самъ по себѣ есть добро; блаженные будутъ обитать въ немъ такъ же, какъ и нечестивые, и онъ будетъ дѣйствовать на тѣхъ и другихъ, сообразно съ ихъ качествами, подобно тому, какъ свѣтъ производитъ различныя впечатлѣнія на здоровые и на больные глаза. „Такъ какъ не существуетъ никакого блаженства, кромѣ вѣчной жизни, а жизнь вѣчная есть знаніе истины, то и нѣтъ другаго блаженства, кромѣ знанія истины... Равнымъ образомъ, если нѣтъ и страданія, кромѣ вѣчной смерти, а вѣчная смерть есть невѣденіе истины, то слѣдовательно нѣтъ и страданія, кромѣ невѣденія истины“ [1]).

---

[1]) Его симпатіи къ грекамъ были настолько велики, что онъ даже предпочиталъ Константинополь Риму. См. стихи въ концѣ его перевода Діонисія, col. 1294.

[2]) De Divina Praedestinatione Liber (Opera, 355—440).

Если Гинкмаръ, приглашая Скотта принять участіе въ спорѣ, имѣлъ своею цѣлью противодѣйствовать вліянію Люпа и Ратрамна на Карла Лысаго, то онъ успѣлъ въ этомъ, такъ какъ съ этого времени король былъ постоянно на его сторонѣ. Но въ другихъ отношеніяхъ онъ находилъ философа весьма опаснымъ и обременительнымъ для себя союзникомъ, такъ что даже чувствовалъ себя вынужденнымъ отречься отъ него.

Возбужденіе, произведенное новшествами Скотта, было весьма сильное. Венилонъ, архіепископъ сенскій, съ которымъ Гинкмаръ усердно и доселѣ успѣшно старался примириться, отправилъ нѣсколько положеній, извлеченныхъ изъ книги, Пруденцію, съ просьбою, чтобы онъ изслѣдовалъ и, если нужно, опровергъ ихъ. Противъ Скотта затѣмъ весьма сурово писалъ епископъ тройскій, и ему слѣдовалъ Флоръ, діаконъ и учитель каѳедральной школы въ Ліонѣ. Эти писатели обвиняютъ Скотта въ пелагіанствѣ, къ которому Пруденцій присоединяетъ и обвиненіе въ оригенизмѣ и коллиридіанизмѣ. Они жалуются на него за то, что онъ возводитъ на своихъ противниковъ воображаемое заблужденіе, порицаютъ его за замѣну богословія философіей и доводовъ изъ св. Писанія и древнихъ отцевъ софистическими тонкостями. Гинкмаръ и Пардулъ просили затѣмъ содѣйствія со стороны Амулона ліонскаго, но онъ умеръ въ 852 году, и преемникъ его, Ремигій, въ отвѣтъ на эту просьбу издалъ сочиненіе отъ имени своей церкви, книгу въ пользу противоположной стороны, причемъ онъ принималъ сторону Готтшалка даже съ бóльшей выразительностью, чѣмъ предшествовавшіе ему, порицая ту жестокость, съ которою относились къ послѣднему, и защищая приписываемыя ему мнѣнія, за исключеніемъ того, которое ограничивало свободную волю со времени грѣхопаденія избраніемъ зла [1]).

---

[1]) C. XVII, 9.

Гинкмаръ, видя, что литературный споръ обращается противъ него, рѣшился подкрѣпить себя авторитетомъ собора, и въ Квіерси, въ 853 году, постановлено было четыре опредѣленія по предмету этого спора. Въ нихъ излагается, что человѣкъ палъ чрезъ злоупотребленіе своей свободной волей, что Богъ, по своему предвѣдѣнію, избралъ нѣкоторыхъ, по своей благодати предопредѣливъ ихъ для жизни, и жизнь для нихъ; а что касается тѣхъ, кого Онъ, по праведному своему суду, оставилъ въ ихъ погибельномъ состояніи, то Онъ не предопредѣлилъ ихъ къ погибели, а предопредѣлилъ наказаніе для ихъ грѣха. „И посему“, говорится въ опредѣленіяхъ, „мы говоримъ объ одномъ только предопредѣленіи Божіемъ, которое относится или къ дару благодати, или къ возмездію правды“ [2]). Въ нихъ затѣмъ заявляется, что наша свободная воля погублена была грѣхопаденіемъ, но возстановлена чрезъ Христа, что мы имѣемъ свободную волю къ добру, поддерживаемую и содѣйствуемую благодатію, равно какъ и свободную волю ко злу, оставленную благодатію, что Богъ хочетъ всѣмъ человѣкамъ спастись, и что Христосъ пострадалъ за всѣхъ, что духовная смерть тѣхъ, которые погибаютъ, должна быть приписываема ихъ собственной винѣ [3]).

Пруденцій, присутствовавшій на соборѣ во время постановленія этихъ опредѣленій, подписалъ ихъ, но впослѣдствіи выставилъ противъ нихъ четыре положенія, и Ремигій, который, какъ подданный Лотаря, сознавая себя независимымъ отъ вліянія Карла Лысаго, написалъ отъ имени своей церкви книгу противъ членовъ квіерсійскаго собора [4]). О самомъ Скоттѣ архіепископъ говоритъ, что онъ невѣжественъ въ самыхъ словахъ св. Писанія, и что вмѣсто того, чтобы съ нимъ совѣщаться по предметамъ вѣры, о немъ нужно сожалѣть, какъ о человѣкѣ, находящемся внѣ здраваго смысла, или анаѳематствовать его, какъ еретика. Ремигій, однако же, поддерживаетъ необходимость свободной воли въ дѣлѣ отвѣтственности. Противъ авторитета собора квіерсійскаго былъ выставленъ авторитетъ собора, собиравшагося подъ предсѣдательствомъ Ремигія въ 855 году въ Валенсіи, въ Лотарингіи. Этотъ соборъ осудилъ девятнадцать положеній, извлеченныхъ изъ сочиненій Скотта, которыя онъ, заимствованной изъ полемическаго сочиненія бл. Іеронима противъ Целестія фразой, назвалъ „похлебкой скоттовъ“. Онъ изложилъ умѣренное опредѣленіе касательно свободной воли и степени искупительнаго значенія смерти Спасителя. Но въ то же время онъ порицалъ четыре опредѣленія квіерсійскаго собора, какъ безполезныя, или даже вредныя и ошибочныя, и запретилъ во имя Духа Святаго всякое ученіе, противное его собственнымъ положеніямъ. Опредѣленія валенсійскаго собора были подтверждены соборомъ, состоявшимся близь Лангра, въ 859 году, хотя, по настоянію Ремигія, укорительныя выраженія противъ членовъ квіерсійскаго собора имъ были опущены. Предметъ этотъ опять подвергался обсужденію на большомъ соборѣ, для котораго лангрскій соборъ былъ лишь подготовленіемъ, и который состоялся чрезъ двѣ недѣли спустя въ Савоньерѣ, пригородѣ Тула. На этомъ соборѣ Ремигій дѣйствовалъ въ духѣ примиренія, и рѣшеніе отложено было до будущаго собора [1]).

---

[1]) De Tribus Epistolis, 25 (Patrol. cxxi).

[2]) Conc. Carisiac. ii, отъ 853 года, с. 1.

[3]) Cc. 2—4.

[4]) De Tenenda Scripturae veritate.

Между тѣмъ, Готтшалкъ не оставался бездѣятельнымъ въ своемъ заключеніи. Гинкмаръ видоизмѣнилъ одинъ древній, принадлежащій неизвѣстному автору гимнъ, въ которомъ приложеніе слова „тройственный“ къ Божеству, повидимому, давало мысль о троякомъ различеніи въ естествѣ божественныхъ лицъ [2]). Но Ратрамнъ защищалъ этотъ терминъ, и Готтшалкъ, стараясь, какъ можно думать, всячески раздражать своего могущественнаго врага, написалъ въ защиту этого термина трактатъ, въ которомъ онъ обвиняетъ Гинкмара въ савелліанствѣ. Архіепископъ отвѣчалъ сочиненіемъ, сущность котораго была показана Готтшалку, въ надеждѣ обратить его на путь истины, хотя оно было закончено только уже послѣ его смерти. На обвиненіе въ савелліанствѣ онъ отвѣчаетъ обвиненіемъ своего противника въ аріанствѣ, увѣщеваетъ монаховъ держаться въ сторонѣ отъ новшествъ, обнаруживая вмѣстѣ съ тѣмъ, что его противникъ имѣлъ среди этого класса многихъ себѣ приверженцевъ, и даетъ весьма знаменательные намеки на тѣлесное и духовное наказанія, которымъ они могутъ подвергнуться, слѣдуя Готтшалку. Гинкмаръ болѣе не занимался этимъ дѣломъ, но слово, противъ котораго онъ возставалъ, хотя его возраженіе и поддерживалось авторитетомъ Рабана, такъ и осталось въ галликанскомъ богослуженіи.

---

[1]) Conc. Tull. apud Saponarias отъ 859 года, с. 10.

[2]) „Te, trina Deitas unaque, poscimus“. Гинкмаръ доказываетъ, что Deitas означаетъ естество Бога, и измѣнилъ trina на summa.—„De una et non trina Deitate“. Opera, I, 413—555.

Въ 859 году одинъ отвилльерскій монахъ, по имени Гунтбертъ, котораго Готтшалкъ склонилъ на свою сторону, тайно оставилъ монастырь и обратился отъ имени узника съ апелляціей къ Риму. Можно думать, что новый папа Николай былъ расположенъ заняться этимъ дѣломъ. Гинкмаръ писалъ ему, заявляя свою готовность дѣйствовать, какъ укажетъ ему папа, — освободить Готтшалка, перевесть его подъ другой надзоръ или даже отправить его въ Римъ (хотя и не преминулъ оговориться, что два собора, осудившіе узника, служили препятствіемъ къ подобному направленію дѣла), но онъ отказалъ явиться съ нимъ предъ папскими легатами въ Мецѣ, въ 863 году, по одному случаю, о которомъ будетъ разсказано послѣ [1]). Изъ письма, написаннаго Гинкмару Эгилономъ, архіепископомъ сенскимъ, готовившимся отправиться въ Римъ, мы узнаемъ нѣкоторыя подробности о состояніи Готтшалка. Въ немъ говорится, что въ отношеніи пищи, питья и топлива къ нему относились столь же хорошо, какъ и къ каждому изъ монаховъ, среди которыхъ онъ жилъ, что ему давалась одежда, если только онъ принималъ ее, но что со времени заключенія его въ Отвильерѣ онъ отказывался мыть не только свое тѣло, но даже свое лицо и руки [2]). Изъ другаго сочиненія Гинкмара видно, что несчастный человѣкъ сдѣлался предметомъ странныхъ заблужденій и имѣлъ видѣнія, въ которыхъ въ апокалипсическихъ образахъ предсказывалась погибель его главнаго врага. Его долгое заключеніе и страданія, вліяя на его тщеславный, упорный и восторженный темпераментъ, отчасти разстроили его разсудокъ [3]).

Соборнаго обсужденія спора касательно предопредѣленія, къ которому стремился соборъ савоньерскій, никогда не состоялось. Но одинъ соборъ въ Туси, близь Тула, въ октябрѣ 866 года, на которомъ присутствовали Карлъ Лысый, Лотарь II и Карлъ Провансскій, двѣнадцать митрополитовъ и епископы изъ четырнадцати провинцій, принялъ написанное Гинкмаромъ посланіе которое отчасти состоитъ въ общемъ изложеніи ученія и отчасти направляется противъ посягательства на церковную собственность. Въ этомъ посланіи ясно излагаются свобода человѣческой воли, хотѣніе Бога о спасеніи всѣхъ людей, необходимость благодати для спасенія, божественное милосердіе въ избраніи и призваніи людей изъ „массы погибельной“, и смерти Христа „за всѣхъ, кто были должниками къ смерти“,—но все это излагается скорѣе съ цѣлью примирить, чѣмъ опровергнуть тѣхъ, которые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были противниками архіепископа. Гинкмаръ, по желанію Карла Лысаго, занимался въ промежуткѣ отъ 859 до 863 года составленіемъ большаго сочиненія о предопредѣленіи и сродныхъ предметахъ, главнымъ образомъ въ защиту квіерсійскаго собора, которые онъ раньше поддерживалъ въ книгѣ, отъ которой теперь существуетъ только предисловіе. Тамъ онъ старается привести богословіе Августина, Фульгенція и другихъ въ согласіе съ своими собственными воззрѣніями, которыя скорѣе суть мнѣнія времени, предшествовавшаго возобновленію пелагіанскаго спора. Онъ приводитъ весьма много свидѣтельствъ, но большая часть мѣстъ, на которыя онъ ссылается, какъ на свидѣтельство бл. Августина, берутся изъ сочиненія, ложно приписываемаго этому учителю церкви,—сочиненія, которымъ уже пользовался Скоттъ и которое объявлено было со стороны Ремигія подложнымъ. Онъ допускаетъ выраженіе „одно двойственное предопредѣленіе“, но отличается отъ Готшалка заявленіемъ, что въ то время, какъ праведные предопредѣлены къ жизни, и она для нихъ, наказаніе предопредѣлено для нечестивыхъ, а не они предопредѣлены къ нему, что Богъ не предопредѣлялъ ихъ, а оставилъ ихъ. Этимъ произведеніемъ и закончился споръ.

---

[1]) См. ниже стр. 816; Hincm. II, 264.

[2]) Hincm. II, 292.

[3]) De una et non trina Deit., Opera, I, 550.

Готтшалкъ оставался въ заключеніи въ теченіе двадцати лѣтъ. Въ 869 году монахи отвилльерскіе, замѣтивъ, что приближается его кончина, послали Гинкмару сообщеніе объ этомъ, съ вопросомъ, можно ли имъ совершить надъ нимъ послѣднее таинство. Имъ данъ былъ отвѣтъ, что они могутъ совершить это таинство, если онъ согласится подписать исповѣданіе, содержащее воззрѣнія архіепископа по предмету предопредѣленія и троичности. Но Готтшалкъ былъ все еще непреклоненъ и отказался отъ этого, обнаруживъ сильную запальчивость въ словахъ и образѣ дѣйствія. Вслѣдствіе этого отказа онъ умеръ безъ св. таинъ и подъ отлученіемъ церковнымъ; онъ былъ погребенъ на неосвященной землѣ, и лишенъ молитвъ объ упокоеніи своей души [1]).

По вопросу о православіи или неправославіи Готтшалка высказывались весьма различныя мнѣнія,—результатъ скорѣе противоположныхъ воззрѣній тѣхъ, кто судили его, чѣмъ какихъ либо разногласій между ними касательно самыхъ фактовъ дѣла [2]). Тѣмъ не менѣе, что касается этихъ фактовъ, то тутъ есть мѣсто для важнаго вопроса: заключается ли въ его двухъ исповѣданіяхъ вся сущность его ученія по предмету о предопредѣленіи, или держался ли онъ вообще того мнѣнія о непреодолимомъ осужденіи ко грѣху, а равно какъ и къ наказанію, которое обыкновенно приписывали ему его противники? Нравственный судъ дѣла гораздо легче. Искренность и рѣшительная смѣлость Готтшалка были омрачены его ярымъ сектантскимъ духомъ; но суровость, съ которою къ нему относились, оставила на памяти Гинкмара пятно, которое нельзя изгладить никакими ссылками на характеръ того вѣка, такъ какъ даже среди его собственныхъ современниковъ эта суровость вызывала горячія и негодующія возраженія.

---

[1]) Patrol. cxxxv, 259.

[2]) Іезуиты вообще сильно стоятъ за осужденіе его; янсенисты и августиніанцы, съ протестантскими писателями, вообще склоняются къ его православію, и предполагаютъ, что его мнѣнія были не поняты.

Отъ догматическихъ споровъ мы переходимъ къ замѣчательнымъ событіямъ, въ которыхъ вопросы совершенно иного свойства привели папъ къ сношенію съ франкскою церковью.

I. Въ 855 году императоръ Лотарь отрекся отъ престола и поступилъ въ Прюмскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ черезъ шесть дней по своемъ прибытии туда. Въ то время, какъ въ императорскомъ титулѣ и въ королевствѣ Италіи ему наслѣдовалъ его старшій сынъ Людовикъ II, небольшое королевство Арелатское или Провансальское отошло къ его младшему сыну Карлу, а другая территорія къ сѣверу отъ Альпъ, которою собственно теперь ограничивалось названіе Лотарингіи, выпала на долю его втораго сына, Лотаря II.

Лотарь II въ 856 году женился на Теутбергѣ, дочери герцога или вице-короля Бургундскаго и сестрѣ Гумберта или Гукберта, аббата монастыря св. Маврикія. Въ слѣдующемъ году онъ разошелся съ своей женой, но Гумбертъ, который былъ болѣе солдатомъ, чѣмъ монахомъ, угрозой войны заставилъ его взять ее назадъ. Въ 859 году Теутберга потребована была передъ гражданское судилище по обвиненію ея въ болѣе чѣмъ преступной связи съ своимъ братомъ до замужества, и показаніе аббата было совершенно недостаточно для опроверженія этого обвиненія, такъ какъ всѣмъ извѣстна была распущенность его собственной нравственности.

Между тѣмъ оказалось, что въ желаніи отдѣлаться отъ своей жены Лотарь руководился любовью къ одной женщинѣ, по имени Вальдрадѣ, съ которой онъ уже раньше находился въ интимныхъ отношеніяхъ. Два архіепископа, Гунтеръ кельнскій, главный капелланъ двора, и Теутгаудъ тревскій, человѣкъ, который, по свидѣтельству современниковъ, былъ слишкомъ простъ и невѣжественъ, чтобы понимать это дѣло, — были склонены на сторону короля и настаивали, чтобы Теутберга очистила себя отъ обвиненія испытаніемъ чрезъ кипящую воду; но когда она успѣшно перенесла это испытаніе чрезъ подставное лицо, то Лотарь объявилъ это испытаніе не дѣйствительнымъ. Въ слѣдующемъ году предметъ этотъ обсуждался на двухъ соборахъ въ Аахенѣ, на которыхъ Венилонъ, архіепископъ сенскій и другой нейстрійскій прелатъ засѣдали съ епископами лотарингскими. Теутберга, (несомнѣнно подъ вліяніемъ худаго обращенія съ нею, хотя она и

860 г.

заявляла, что дѣйствовала безъ принужденія) признала истину возводимыхъ на нее обвиненій, объявивъ однако, что она не соглашалась на этотъ грѣхъ; вслѣдствіе этого епископы дали приговоръ о разводѣ, и, согласно съ собственнымъ прошеніемъ несчастной королевы, осудили ее на пожизненное покаяніе въ женскомъ монастырѣ [1]. Третій соборъ, состоявшійся въ Аахенѣ, въ апрѣлѣ 862 года, по выслушаніи изложенія дѣла со стороны Лотаря, заявлявшаго, что онъ уже раньше обрученъ былъ съ Вальдрадой, что отецъ его вынудилъ его жениться на Теутбергѣ, и что его юность и сила его страстей дѣлали одинокую жизнь для него невыносимою, разрѣшилъ ему жениться опять, и въ силу этого позволенія, была торжественно отпразднована его свадьба съ Вальдрадой, за чѣмъ послѣдовало и коронованіе ея. Услуги Гунтера въ этомъ отношеніи были награждены назначеніемъ его брата Гилдуина на каѳедру камбрайскую, но Гинкмаръ отказался посвятить новаго епископа, и папа Николай наконецъ объявилъ это назначеніе недѣйствительнымъ [2].

Сторонники Лотаря изображали Гинкмара какъ человѣка, благопріятствующаго дѣлу развода, но въ дѣйствительности онъ стойко противодѣйствовалъ всѣмъ ихъ домогательствамъ. Нѣкоторыя духовныя и свѣтскія лица предложили ему нѣсколько вопросовъ по этому предмету, и въ отвѣтъ на нихъ, онъ вполнѣ изложилъ свое мнѣніе [3]. Для разрушенія брака, говорилъ онъ, существуютъ только двѣ уважительныхъ причины, именно, когда обѣ стороны желаютъ принять монашество, или если касательно одной изъ нихъ будетъ доказана виновность въ прелюбодѣяніи; но во второмъ случаѣ невинная сторона не можетъ вступать во второй бракъ въ теченіи жизни виновной стороны [4]. Среди другихъ предметовъ, онъ обсуждаетъ и значеніе испытанія судомъ Божіимъ, которое нѣкоторые враги Теутберги осмѣивали, какъ не дѣйствительное, между тѣмъ какъ другіе объясняли это обстоятельство тѣмъ, что ея повѣренный избѣгъ вреда чрезъ предположеніе того, что или она сдѣлала тайное признаніе, или, что объявляя себя чистою отъ всякаго грѣха съ своимъ братомъ, она умственно имѣла въ виду другаго брата, а не аббата монастыря св. Маврикія. Гинкмаръ защищаетъ систему подобныхъ испытаній, и говоритъ, что приписываемая ей хитрость не только не помогла бы ей избѣгнуть этого испытанія, а, напротивъ, увеличила бы ея виновность, и такимъ образомъ сдѣлала бы ея погибель болѣе вѣрною По поводу народнаго мнѣнія, что Лотарь былъ привороженъ Вальдрадой, архіепископъ заявляетъ свою вѣру въ силу чаръ производить крайности любви или ненависти между мужемъ и женой, и вообще вмѣшиваться въ ихъ отношенія между собою; приэтомъ онъ приводитъ и примѣры волшебства, случавшіеся въ предѣлахъ его знанія. Онъ сильно отрицаетъ ученіе, предлагавшееся нѣкоторыми, что Лотарь, какъ король, изъятъ отъ всякаго человѣческаго суда [1]), потому что, говоритъ онъ, церковная власть выше гражданской, и когда государь перестаетъ управлять собою и своими владѣніями, согласно съ закономъ Божіимъ, то онъ лишается своей свободы отъ земнаго закона [2]). Затѣмъ, онъ говоритъ, что вопросъ о бракѣ можетъ быть рѣшонъ въ предѣлахъ владѣній Лотаря, и такъ какъ возражали, что никто, кромѣ папы, не имѣетъ высшаго авторитета, чѣмъ тѣ, кто уже высказали свое сужденіе по этому предмету, то онъ предлагаетъ собрать всеобщій соборъ изъ всѣхъ франкскихъ государствъ, какъ наиболѣе пригодный трибуналъ для рѣшенія его.

---

[1] Pertz, Leges, I, 467.

[2] Nic. Epp. 63—8.

[3] Hincm. I, 565, 683.

[4] De Divortio Lotharii et Teutbergae, Opera I, 561—705.

Теутберга между тѣмъ бѣжала изъ мѣста своего заключенія и нашла убѣжище у короля Карла Лысаго, который, становясь на ея сторону, повидимому, руководился менѣе уваженіемъ къ правотѣ ея дѣла, чѣмъ надеждою воспользоваться незаконнымъ поступкомъ своего племянника къ своей собственной выгодѣ. И вотъ, теперь она обратилась съ аппелляціей къ папѣ, заступничества котораго добивались также и другіе, и наконецъ самъ Лотарь, раздосадованный противодѣйствіемъ Гинкмара и нейстрійскихъ епископовъ. Въ отвѣтъ на эти обращенія, Николай заявилъ, что даже если бы разсказы противъ Теутберги были истинны, то ея безнравственность еще отнюдь не давала права для втораго брака ея мужа; онъ повелѣвалъ, чтобы собранъ былъ соборъ не только изъ тѣхъ частей франкскихъ владѣній, которыя могли находиться подъ вліяніемъ Лотаря, но и изъ всѣхъ, и для присутствія на немъ отправилъ двухъ легатовъ, съ порученіемъ отлучить короля, если онъ откажется явиться или повиноваться имъ.

Соборъ состоялся въ Мецѣ въ 863 году. Но на немъ не присутствовали никакіе другіе епископы, кромѣ лотарингскихъ. Легаты были подкуплены Лотаремъ; одинъ изъ нихъ, Родоальдъ, епископъ портскій, уже раньше обнаружилъ свою испорченность въ сношеніяхъ съ византійскою церковью [3]). Безъ всякаго вызова Теутберги, или какого бы то ни было новаго изслѣдованія дѣла, дѣянія собора Аахенскаго были утверждены ими. Николай изображаетъ тонъ епископовъ весьма враждебнымъ по отношенію къ себѣ, и говоритъ, что когда одинъ епископъ, подписывая акты, сдѣлалъ оговорку въ пользу папскаго рѣшенія, то Гунтеръ и Теутгаудъ выскоблили все, кромѣ его имени. Эти два прелата отправились въ Римъ, съ цѣлью донести о рѣшеніи дѣла папѣ, заключая, вѣроятно, изъ поданнаго Родоальдомъ примѣра Рудольфа, что въ Римѣ деньгами можно добиться всего, что только желаютъ они или ихъ государь. Но въ этомъ они сильно ошиблись. Николай на одномъ соборѣ, состоявшемся, повидимому, для обычнаго рѣшенія текущихъ дѣлъ, отмѣнилъ рѣшеніе мецскаго собора, относя этотъ соборъ къ одному разряду съ пресловутымъ разбойничьимъ соборомъ ефесскимъ и повелѣвая, чтобы вслѣдствіе той благосклонности, которую онъ высказалъ къ блудникамъ и прелюбодѣямъ, его называли не соборомъ, а борделью [1]. Онъ низложилъ Гунтера и Теутгауда и объявилъ, что если они попытаются совершить какой нибудь епископскій актъ, то лишатся всякой надежды на возстановленіе. Другимъ лотарингскимъ епископамъ онъ угрожалъ подобнымъ же приговоромъ, въ случаѣ ихъ противодѣйствія, и объявилъ о своемъ приговорѣ франкскимъ государямъ и архіепископамъ въ посланіяхъ, въ которыхъ сильно поносилось поведеніе короля Лотаря, если только, какъ говорилось въ посланіяхъ, еще можно называть королемъ человѣка, который отдается во власть своихъ страстей. Родоальду предстояло подвергнуться суду за свое взяточничество, но онъ бѣжалъ изъ Рима ночью, Изъ всѣхъ этихъ распоряженій папы явствуетъ, что негодованіе, которое онъ глубоко чувствовалъ въ виду несправедливости, понесенной Теутбергой, было не единственнымъ одушевлявшимъ его мотивомъ, но что онъ пользовался этимъ случаемъ также и для того, чтобы утвердить свою власть надъ королями и иноземными церквами.

---

[1]) Это притязаніе вело свое начало отъ Юстиніана. Оно еще дальше проведено было соборомъ, состоявшимся въ Константинополѣ въ царствованіе Никифора, который, по вопросу о разводѣ и второмъ бракѣ Константина VI, объявилъ, что императоръ стоитъ выше закона и не связанъ правилами, обязательными для другихъ людей. Theod. Studit. Ep. 1, 33; cp. 1, 36.

[2]) „Rex a regendo dicitur“ и проч. любимое выраженіе соборовъ того времени.

[3]) См. слѣдующую главу.

Гунтеръ и Теутгаудъ, въ крайнемъ смущеніи и гнѣвѣ, отправились къ императору Людовику II, который былъ тогда въ Беневентѣ, и заявили предъ нимъ, что обращеніе съ ними со стороны папы есть оскорбленіе не только ихъ государю, но и всей франкской церкви и всѣмъ государямъ,—въ особенности самому императору, подъ покровительствомъ котораго они отправлялись въ Римъ. Вслѣдствіе этого Людовикъ немедленно двинулся въ Римъ и, не вступая ни въ какіе предварительные переговоры съ папой, вступилъ въ городъ. Николай прибѣгалъ къ торжественнымъ молебствіямъ съ постомъ, съ цѣлью добиться перемѣны въ настроеніи императора. По улицамъ, длинными процессіями, 864 г.

---

[1] Prostibulum. Hard. v, 573, c. 1; Pertz. I, 375—6.

двигались кающіеся и возносили свои моленія въ церквахъ; но когда одно изъ этихъ покаянныхъ шествій должно было сходить со ступеней храма ап. Петра, оно подверглось грубому оскорбленію со стороны нѣкоторыхъ изъ императорскихъ солдатъ. Въ смятеніи были поломаны кресты и хоругви; одинъ большой, особенно почитаемый крестъ, бывшій, по преданію, даромъ императрицы Елены каѳедрѣ ап. Петра и содержавшій частицу крестнаго древа, былъ уроненъ и затоптанъ въ грязи, изъ которой обломки его подняты были нѣкоторыми англійскими пилигримами. Николай, опасаясь быть схваченнымъ, оставилъ Латеранскій соборъ, переѣхалъ въ лодкѣ чрезъ рѣку и искалъ убѣжища въ храмѣ св. Петра, гдѣ онъ и оставался безъ пищи въ теченіе двухъ дней и ночей [1]). Между тѣмъ появились знаменія, которыя могли быть приняты за гнѣвъ неба. Солдатъ, который разбилъ драгоцѣнный крестъ, умеръ. Самъ Людовикъ подвергся горячкѣ, и въ тревогѣ обратился къ своей императрицѣ съ просьбой о ходатайствѣ передъ папой. Примиреніе такимъ образомъ было достигнуто, и послѣ совершенія многихъ актовъ насилія, войско удалилось изъ Рима. Императоръ приказалъ Гунтеру и Теутгауду оставить свой лагерь и возвратиться домой, и Николай, повидимому, выговорилъ себѣ свободу дѣйствія въ дѣлѣ Лотаря.

Гунтеръ, отъ своего собственнаго имени и отъ имени своего собрата архіепископа, написалъ протестъ противъ ихъ низложенія, составленный въ терминахъ, которые Гинкмаръ называлъ діавольскими и совершенно безпримѣрными. Въ этомъ документѣ Николай обвиняется въ сумасшествіи и тираннической ярости, вмѣстѣ съ необычайной гордостью и заносчивостью, съ обманомъ и коварствомъ, съ безчеловѣчнымъ насиліемъ надъ всѣми формами справедливости и церковнаго закона; архіепископы заявляютъ, что они съ презрѣніемъ отвергаютъ его проклятый приговоръ, что они рѣшились не допускать его въ свое общеніе, „довольствуясь единеніемъ съ братскимъ обществомъ всей церкви“, и въ заключеніе подтверждаютъ, что Вальдрада не наложница, а жена, такъ какъ она была обручена съ Лотаремъ еще до его брака съ Теутбергой [2]). Съ этой бумагой Гунтеръ отправилъ своего брата, Гилдуина, къ папѣ, поручая ему въ случаѣ, если будетъ отказано по ней, положить ее на главный престолъ въ храмѣ ап. Петра. Гилдуинъ въ точности исполнилъ это порученіе, проникнувъ въ храмъ ап. Петра съ партіей приверженцевъ Гунтера, которые избили сторожей церкви и даже убили одного изъ нихъ, который сопротивлялся имъ. Гунтеръ распространялъ этотъ протестъ также и между германскими епископами, и отправилъ копію съ него Фотію константинопольскому, съ которымъ Николай былъ въ то время въ серьезной размолвкѣ. Другіе лотарингскіе епископы, однако же, были устрашены угрозами папы, или склонены имъ на свою сторону обѣщаніями, и въ весьма униженныхъ терминахъ выразили ему свое подчиненіе.

---

[1]) Hincmar ap. Pertz, I, 463.

[2]) Протестъ ихъ передается Гинкмаромъ, Annal. 864.

Изъ Рима Гунтеръ поспѣшилъ въ Кельнъ; вопреки приговора папы, онъ совершалъ епископскія священнодѣйствія и вошелъ съ своими канониками въ соглашеніе, по которому сильно жертвуя и своею властью, и доходомъ, онъ привлекъ ихъ на свою сторону въ своемъ дѣлѣ. Малодушный Лотарь, частью подъ вліяніемъ увѣщаній своихъ дядей, отказался отъ дѣла низложенныхъ митрополитовъ. Онъ совершенно отрекся отъ Гунтера, съ ужасомъ относился къ его дѣйствіямъ, и въ то же время упрашивалъ, чтобы съ Теутгаудомъ, въ виду его простоты и покорности приговору папы, было поступлено болѣе снисходительно. Что касается его самого, то онъ заявлялъ готовность отправиться въ Римъ и оказать повиновеніе папѣ, „подобно одному изъ нижайшихъ людей“ [1]. Гунтеръ, негодуя на то, что его такимъ образомъ приносили въ жертву, заявилъ намѣреніе обличить всѣ дѣла короля, и отправился въ Римъ, захвативъ съ собою много изъ сокровищъ своей каѳедры, какія только оказались доступными для него, въ надеждѣ, что при помощи ихъ ему удастся умилостивить папу. Но онъ обманулся опять: Николай на одномъ соборѣ подтвердилъ осужденіе, которое уже состоялось какъ надъ нимъ, такъ и надъ Теутгаудомъ [2]. Между тѣмъ Лотарь предоставилъ архіепископію кельнскую Гугу, аббату монастыря св. Бертина, котораго Гинкмаръ называетъ субдіакономъ, но такихъ нравовъ, которые были бы непристойны и для мірянина. Это возвышеніе, вѣроятно, было наградой за то вліяніе, которое аббатъ оказалъ на Карла Лысаго, съ которымъ онъ находился въ родствѣ по матери.

865 г.

Малодушіе Лотаря послужило только къ усиленію того презрѣнія и отвращенія, съ которыми Николай относился къ нему и раньше. Папа обращался къ другимъ франкскимъ государямъ съ письмами, въ которыхъ выражалъ желаніе, чтобы они не вмѣшивались въ это дѣло, такъ какъ оно подлежало только его собственному суду, и Гинкмаръ замѣчаетъ, что въ этихъ письмахъ онъ не употреблялъ уже такихъ любезныхъ выраженій, которыя были въ обычаѣ въ письмахъ римскихъ епископовъ къ государямъ. Онъ отправилъ въ качествѣ своего легата орбскаго епископа Арсенія, съ порученіемъ посѣтить Людовика Германскаго и Карла; но при этомъ было объявлено, что если Лотарь не оставитъ

---

[1] Ep. ad Nicol. ap. Hard. v, 336.

[2] Pertz, 1, 465.

Вальдрады, то легатъ не долженъ входить съ нимъ ни въ какое общеніе, и самъ король не будетъ допущенъ къ аудіенціи, если бы онъ вздумалъ отправиться въ Римъ. Арсеній получилъ Теутбергу изъ рукъ Карла, и передалъ ее Лотарю, который, въ страхѣ отъ угрозы со стороны папы отлученіемъ, поклялся на Евангеліи 13 авг. 865 г. и на части истиннаго креста, что онъ всегда будетъ относиться къ ней съ честью какъ къ истинной королевѣ, и призывалъ на себя страшныя наказанія какъ въ этомъ, такъ и въ будущемъ мірѣ, если онъ не исполнитъ этой клятвы. Въ клятвѣ приняли участіе двѣнадцать изъ его сановниковъ, и возсоединеніе королевской четы было запечатлѣно новой коронаціей. Вальдрада была отдана на попеченіе легата, но во время его обратнаго пути въ Римъ, какъ она, такъ и другая королевская женщина легкаго поведенія, Ингельтруда, жена графа Бозо, согласились бѣжать отъ него, и Вальдрада опять соединилась съ Лотаремъ, который и содѣйствовалъ ея побѣгу. Король отказался отъ своей клятвы почти вслѣдъ за тѣмъ, какъ далъ ее. Забыта была всякая покорность папѣ. Онъ низложилъ Гуга съ кельнской каѳедры, подтвердилъ соглашеніе Гунтера съ каноиками и поставилъ Гилдуина на эту каѳедру въ качествѣ номинальнаго архіепископа, причемъ какъ власть, такъ и доходы въ дѣйствительности остались въ рукахъ Гунтера ¹).

Теутберга между тѣмъ опять бѣжала отъ своего супруга, и изможденная испытанными бѣдствіями — просила папу о разрушеніи ея брака. Она заходила такъ далеко, что даже признавала Вальдраду истинной женой Лотаря, и просила позволенія отправиться въ Римъ и разсказать всю свою жизнь. Но Николай твердо стоялъ въ поддержаніи тѣхъ правъ, отъ которыхъ несчастная королева готова была теперь сама отказаться. Онъ торжественно отлучилъ Вальдраду, и поручилъ франкскимъ епископамъ отлучить Лотаря отъ церкви, пока онъ не раскается въ своихъ беззаконіяхъ; Теутбергѣ же онъ отвѣчалъ, что не можетъ исполнить ея просьбы, которая, очевидно, сдѣлана ею по принужденію: если разрушить бракъ Лотаря, то этотъ прецедентъ дастъ возможность всякому мужу отдѣлываться отъ своей жены чрезъ худое обращеніе; она должна считать себя подъ покровительствомъ апостольской каѳедры и вмѣсто путешествія въ Римъ должна уговорить Лотаря отправить Вальдраду для суда. Во всѣхъ своихъ письмахъ папа настаивалъ на безбрачіи Лотаря, какъ необходимомъ условіи всякаго разлученія. Лотарь опять попытался было умиротворить папу лестью: онъ увѣрялъ его, что не сожительствовалъ съ Вальдрадой, или даже не видѣлъ ея послѣ ея возвращенія изъ Италіи;

---

¹) Hincm. Annal. 866.

но Николай былъ непреклоненъ и, повидимому, готовъ былъ произвести приговоръ отлученія противъ короля, и этотъ приговоръ задержанъ былъ только его смертью, послѣдовавшей въ маѣ 867 года.

Усиленіе папской власти при этомъ первосвященникѣ было необычайнымъ. Онъ пріобрѣлъ такую власть надъ государями, какая неизвѣстна была раньше. Онъ дѣлалъ безпримѣрные дотолѣ шаги къ низложенію чужеземныхъ митрополитовъ и къ отмѣнѣ рѣшеній франкскаго національнаго собора приговоромъ римскаго собора. Онъ пренебрегалъ всѣми старыми каноническими формальностями, которыя стояли на пути проявленія имъ непосредственной юрисдикціи во всей западной церкви. И во всемъ этомъ онъ былъ поддерживаемъ общественнымъ чувствомъ негодованія противъ Лотаря и его раболѣпнаго духовенства, заставлявшаго людей сквозь пальцы смотрѣть на новшества и узурпаторскій характеръ мѣропріятій папы. Другіе франкскіе государи поддерживали его въ его дѣйствіяхъ противъ Лотаря. Великіе прелаты Лотарингіи, сильные своимъ положеніемъ и семейными интересами, сдѣлались безсильными предъ епископомъ Рима, становясь на сторону зазорнаго и непопулярнаго дѣла. Папа выступалъ не какъ нарушитель правъ государей и церквей, а какъ поборникъ правды и невинности противъ притѣснителей земныхъ.

Преемникомъ Николая былъ Адріанъ II, который уже дважды отказывался отъ папства и былъ уже 75 лѣтъ отъ роду во время его послѣдняго избранія. Сторонники этого послѣдняго папы задумывали произвести перемѣну въ политикѣ, благодаря которой могли бы быть потеряны недавнія пріобрѣтенія. Но въ этомъ они ошиблись. Адріанъ въ своей дѣятельности, повидимому, руководился сознаніемъ того, что въ немъ ожидали увидѣть недостатокъ энергіи, и желаніемъ обмануть это ожиданіе. Онъ скоро сбросилъ съ себя видъ смиренія и послушливости императору, которыя онъ проявлялъ сначала. Потери, которыя понесло при немъ папство, происходили не отъ перемѣны политики его предшественника, а отъ попытки осуществить ее въ крайней формѣ, причемъ однако же ему недоставало искусства Николая, недоставало должной оцѣнки перемѣны обстоятельствъ, или обдуманности въ самомъ способѣ приложенія своихъ мѣропріятій къ нимъ.

Начало папствованія Адріана ознаменовалось трагедіей среди его собственныхъ ближайшихъ родственниковъ. Папа, самъ сынъ епископа, былъ женатъ, каковое обстоятельство не мало содѣйствовало чувствовавшейся при его избраніи тревогѣ, такъ какъ Николай, подобно другимъ главнымъ дѣятелямъ возвышенія папства, строго стоялъ за безбрачіе духовенства. Жена Адріана и дочь, какъ плодъ этого брака, были еще живы; но за нѣсколько дней до его избранія, его дочь, бывшая обрученною за однимъ знатнымъ лицемъ, была увезена вмѣстѣ съ своею матерью Елевѳеріемъ, сыномъ Арсенія орбскаго. Елевѳерій, будучи преслѣдуемъ, убилъ обѣихъ женщинъ, но самъ былъ схваченъ. Арсеній, съ интригами котораго связывалось это дѣло, жилъ послѣ этого не долго. На своемъ смертномъ одрѣ онъ будто бы въ воображеніи разсуждалъ съ своими врагами и умеръ, не принявъ евхаристіи. По настоянію Адріана, императоръ назначилъ уполномоченныхъ для суда надъ Елевѳеріемъ, который по его приговору и былъ преданъ смерти.

Лотарю перемѣна папы подала новыя надежды на улаженіе своего дѣла, и онъ писалъ Адріану въ выраженіяхъ высокаго уваженія къ его предшественнику, жалуясь въ то же время, что Николай относился къ нему несправедливо, слушая праздную молву [1]). По его просьбѣ, Адріанъ снялъ съ Вальдрады отлученіе, а самъ король былъ приглашенъ въ Римъ. „Римъ“, писалъ папа, „никогда не бываетъ несправедливъ, и всегда готовъ принять кающихся. Если ты сознаешь свою невинность, приходи для благословенія; если виновенъ, приходи для исцѣленія надлежащимъ покаяніемъ“. Теутберга была уговорена Лотаремъ возобновить свою просьбу о разводѣ. Она лично отправилась въ Римъ и, вдобавокъ къ прежнимъ основаніямъ, заявила, что она страдала болѣзнью, которая дѣлала ее неспособною исполнять свои супружескія обязанности. Но Адріанъ, подобно Николаю, отказалъ ей въ просьбѣ, на томъ основаніи, что она дѣйствовала подъ принужденіемъ, и желалъ, чтобы она возвратилась домой.

Разрѣшеніе Вальдрады сопровождалось условіемъ, чтобы она не имѣла общенія съ Лотаремъ. Коварно притворяясь, будто она повинуется этому повелѣнію, она довела его страсть до бѣшенства, такъ что онъ рѣшился во что бы то ни стало, даже доставляя свои владѣнія открытыми для безпокойнаго честолюбія своего дяди Карла,—лично передъ папой добиваться разрушенія его брака съ Теутбергой. Ему пришлось сильно поплатиться за право доступа къ первосвященнику, котораго по ходатайству Ингельберги, жены императора Людовика, склонили встрѣтить его въ Монте-Кассино, гдѣ, какъ предполагалось, Адріанъ будетъ болѣе податливъ, чѣмъ окруженный сторонниками Николая въ Римѣ. Адріанъ однако отказался разрушить бракъ, но въ виду предложенной ему большой суммы денегъ согласился допустить короля къ таинству евхаристіи—оказывая милость, которой Лотарь добивался съ цѣлью разсѣять народное мнѣніе, считавшее его дѣйствительно отлученнымъ. „Если“, торжественно говорилъ

869 г.

---

[1]) Письмо это см. въ *Regino*, Annal. 868 (Pertz, I, 579).

папа, „ты соблюлъ приговоръ Николая и твердо рѣшился никогда не имѣть общенія съ Вальдрадой, то приблизься и причащайся во спасеніе; но если твоя совѣсть осуждаетъ тебя, или если ты намѣренъ по возвращеніи опять погрузиться въ твою нечистоту, то удались, дабы то, что преподается во исцѣленіе души вѣрующихъ, не обратилось въ осужденіе тебѣ“. Лотарь въ крайнемъ смущеніи и возбужденіи принялъ таинство. Его сановники, послѣ заклинанія ихъ касательно согласія или участія въ нарушеніи имъ клятвы, пріобщились послѣ него, и Гунтеръ, одинъ изъ остававшихся въ живыхъ низложенныхъ архіепископовъ, который еще разъ прибылъ въ Италію, въ надеждѣ добиться помилованія, былъ допущенъ къ общенію въ качествѣ мірянина, по представленіи писаннаго изъявленія покорности и по клятвѣ, что онъ никогда опять не будетъ исполнять никакой духовной требы, пока папа не сниметъ съ него лежащаго на немъ запрещенія [1]).

Король послѣдовалъ за Адріаномъ въ Римъ, но въ расположеніи къ нему папы произошла перемѣна. Вмѣсто того, чтобы быть принятымъ съ честью, обыкновенно оказывавшеюся государямъ, онъ нашелъ, что никто изъ духовенства не встрѣтилъ его, когда онъ прибылъ въ храмъ ап. Петра, и былъ вынужденъ приблизиться къ гробницѣ апостола безъ всякаго сопровожденія со стороны духовенства. Возвратившись въ свое помѣщеніе въ папскомъ дворцѣ, онъ нашелъ его не меблированнымъ и даже не выметеннымъ, и когда на слѣдующій день, которымъ было воскресенье, онъ опять отправился въ церковь, то не явилось ни одного священника для того, чтобы совершить обѣдню для него. На слѣдующій день, однако же, онъ обѣдалъ у папы въ Латеранскомъ дворцѣ, и послѣ обмѣна подарками, при чемъ, въ отвѣтъ на золотые и серебряные сосуды, ему преподнесены были шерстяной плащъ, пальмовая вѣтвь и палка, они разстались въ дружественныхъ отношеніяхъ [2]).

Папа рѣшился подвергнуть разводное дѣло изслѣдованію на соборѣ, который долженъ былъ состояться въ Римѣ въ слѣдующемъ году. Въ виду этого изслѣдованія, онъ потребовалъ отъ епископовъ трехъ франкскихъ королевствъ прислать представителей на соборъ, и готовъ былъ отправить уполномоченныхъ за Альпы, съ цѣлью разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, какъ вдругъ получилъ извѣстіе о смерти Лотаря. Король оставилъ Римъ въ половинѣ іюля. Въ Луккѣ, среди его свиты, появилась роковая болѣзнь. Онъ самъ умеръ въ Пьяченцѣ 8 августа, и разсказываютъ, что до конца года также умерли всѣ причащавшіеся въ Монте-Кассино, и остались въ живыхъ только тѣ, кто воздержались отъ причастія. Теутберга сдѣлалась аббатессой одного монастыря, и раздавала большія милостыни о спасеніи души своего супруга, который такъ жестоко оскорблялъ ее. Вальдрада также нашла себѣ послѣднее убѣжище въ одномъ монастырѣ.

---

[1]) Hincm. Annal. 869, p. 481.

[2]) Hincm. Annal. p. 482. Грегоровіусъ предполагаетъ, что подарки папы имѣли ироническій смыслъ,—ш, 180.

II. Въ вопросѣ о разводѣ Лотаря, Николай и Гинкмаръ побуждаемы были общими интересами справедливости и нравственности дѣйствовать въ согласіи другъ съ другомъ. Но въ другихъ случаяхъ, гдѣ притязанія Рима сталкивались съ преданностью архіепископа или своему государю, или національной церкви Франціи, папы находили въ немъ рѣшительнаго и сильнаго противника.

Одинъ изъ такихъ случаевъ возникъ изъ образа дѣйствія Эббо, который, какъ мы видѣли [1]), лишенъ былъ каѳедры реймской за свои мятежныя дѣйствія противъ Людовика Благочестиваго. Во время споровъ между сыновьями императора, Реймсъ на нѣкоторое время перешелъ во владѣніе императора Лотаря, милостями котораго пользовался Эббо. Архіепископъ, возвращаясь на свою каѳедру, принесъ съ собою, вдобавокъ къ императорскому указу о его возстановленіи, благопріятный отзывъ собора, состоявшагося въ Ингельгеймѣ, подъ вліяніемъ Лотаря и подъ предсѣдательствомъ Дрого мецскаго, который предсѣдательствовалъ также и при его низложеніи. Его покаянныя заявленія въ Тіонвиллѣ [2]) были теперь перетолкованы въ томъ смыслѣ, что, объявляя себя „недостойнымъ“ своей каѳедры, онъ разумѣлъ нѣчто болѣе, чѣмъ то, что обыкновенно подразумѣвалось подъ этимъ словомъ въ обычномъ стилѣ епископовъ [3]). Онъ смирилъ себя (по его словамъ), и поэтому теперь возсталъ въ гораздо большей силѣ, чѣмъ прежде.

841 г.

Послѣ битвы фонтенелльской, Эббо бѣжалъ изъ Реймса, изъ боязни Карла Лысаго. Напрасно пытался онъ добиться возстановленія при помощи Сергія II; но папа, нарушая древнее правило касательно перевода епископовъ, утвердилъ его опредѣленіе въ Гильдесгеймъ, по назначенію отъ Людовика германскаго, въ 844 году.

Гинкмаръ, вскорѣ послѣ своего возведенія на архіепископію реймскую, въ 845 году, нашелъ, что нѣкоторыя духовныя лица, изъ которыхъ наиболѣе выдающимся былъ Вульфадъ, получили рукоположеніе отъ Эббо во время его втораго обладанія этой каѳедрой. Онъ отвергъ силу рукоположенія, совершеннаго лицемъ, которое онъ считалъ самозванцемъ, и вслѣдствіе обращенія этихъ духовныхъ лицъ къ собору, состоявшемуся въ Суассонѣ, въ 853 году, дѣло было подвергнуто изслѣдованію коммиссіей епископовъ, которые признали возстановленіе Эббо не-каноническимъ и совершенныя имъ рукоположенія недѣйствительными. Вульфадъ и его собратья подлежали отлученію даже отъ мірскаго общенія, на томъ основаніи, что, обвиняя нѣкоторыхъ членовъ собора въ полученіи своего посвященія отъ Эббо, они навлекли на себя осужденіе, произнесенное соборомъ елвирскимъ противъ тѣхъ, кто поносятъ епископовъ [1]; но по просьбѣ Карла Лысаго они были освобождены отъ этого наказанія [2]. Гинкмаръ, такъ какъ онъ былъ одною стороною въ этомъ дѣлѣ и такъ какъ правильность его собственнаго назначенія подвергалась нареканіямъ, выразилъ желаніе, чтобы приговоръ собора былъ подтвержденъ высшею властью, и просилъ Льва IV утвердить его. Папа отказалъ въ этомъ, на томъ основаніи (между прочимъ), что осужденныя духовныя лица обратились съ аппелляціей въ Римъ; но Лотарь, бывшій дотолѣ врагомъ архіепископа, вступился за него, и Левъ послалъ ему палліумъ, которымъ онъ былъ назначенъ въ примата Нейстріи [3]. 855 г. Бенедиктъ III, по ходатайству Гинкмара, подтвердилъ предоставленныя ему такимъ образомъ привилегіи, и объявилъ, что противъ его приговора не можетъ быть никакой аппелляціи, кромѣ правъ апостольской церкви; онъ подтвердилъ также низложеніе Вульфада и его сотоварищей, подъ условіемъ (какъ онъ выразительно замѣтилъ), что обстоятельства дѣла были именно таковы, какими ихъ представляли ему. И Николай въ 863 году возобновилъ какъ привилегіи Гинкмара, такъ и приговоръ надъ осужденными духовными лицами, съ тѣмъ же условіемъ, которое выставлено было его предшественникомъ [4].

---

[1]) См. выше, стр. 763.

[2]) См. выше, стр. 763.

[3]) Документы нерѣдко начинались или подписывались словами: „ego N. indignus episcopus“.

866 г. Но три года спустя этотъ папа будто бы открылъ большую недобросовѣстность въ показаніяхъ, на которыхъ основаны были просьбы къ Бенедикту и къ нему самому, и приказалъ, чтобы Гинкмаръ возстановилъ низложенныхъ духовныхъ лицъ, или же все дѣло представилъ на разсмотрѣніе собора, съ позволеніемъ для нихъ, если приговоръ его будетъ неблагопріятенъ, аппеллировать къ апостольской каѳедрѣ [5]. Вслѣдствіе этого, въ Суассонѣ состоялся второй соборъ. Гинкмаръ представилъ четыре трактата въ оправданіе низложенія Эббо, своего собственнаго назначенія и дѣлопроизводства противъ духовныхъ лицъ, на возстановленіе которыхъ, однако же, онъ заявлялъ свою готовность согласиться, если только оно могло быть допущено безъ ущерба для законовъ церкви. Соборъ рѣшилъ, что низложеніе было правильно съ точки зрѣнія правосудія, но что оно могло быть устра-

---

[1] Conc. Illiber. 305 (?) г.

[2] Pertz, Leges. I, 416; Hard. V, 48—52.

[3] Leo. Ep. 22 (Patrol. CXV).

[4] Hard. V, 326.

[5] Nic. ad Hincm. ap. Hard. V, 601—2.

нено высшимъ закономъ милости, согласно съ примѣромъ никейскаго приговора касательно новаціанъ и съ мѣрами африканской церкви по вопросу о принятіи донатистовъ въ общеніе [1]). Но Николай, вмѣсто утвержденія этихъ актовъ, сильно порицалъ соборъ за неотмѣну приговора собора, состоявшагося въ 853 году; онъ порицалъ его за подтвержденіе возведенія Вульфада Карломъ Лысымъ на каѳедру бургскую, безъ испрошенія папскаго согласія. Епископамъ слѣдовало послать ему всѣ документы, относящіеся къ дѣлу Эббо, и они должны сдѣлать это теперь, и въ письмахъ къ нимъ, къ Карлу и къ Гинкмару, онъ обвинялъ архіепископа во лжи, обманѣ, коварствѣ и несправедливости [2]). Въ то же время онъ писалъ Вульфаду и его собратьямъ, увѣщевая ихъ оказывать должное почтеніе Гинкмару [3]).

Дѣло о низложеніи Эббо и о назначеніи ему преемника опять было предметомъ разсужденія на соборѣ, созванномъ изъ шести провинцій въ Тройѣ, въ октябрѣ 867 года. Рѣшеніе было въ пользу Гинкмара; но соборъ оказалъ важную услугу папскому дѣлу, прося Николая постановить, что ни одинъ архіепископъ или епископъ не можетъ быть низлагаемъ безъ соизволенія апостольской каѳедры. Гинкмаръ и Николай были наконецъ сближены между собой по этому вопросу опасностями для каждаго съ различныхъ сторонъ. Архіепископъ опасался вліянія, которое Вульфадъ пріобрѣталъ надъ Карломъ Лысымъ, между тѣмъ какъ папа, который теперь занятъ былъ ожесточенной борьбой съ патріархомъ Фотіемъ и восточной церковью, не хотѣлъ допустить франковъ до того, чтобы они стали на сторону его противниковъ. По прибытіи посланныхъ, которыхъ Гинкмаръ отправилъ въ Римъ послѣ собора тройскаго, Николай выразилъ одобреніе его дѣйствіямъ, и написалъ просьбу, чтобы онъ и другіе ученые мужи Франціи помогли ему въ спорѣ съ греками [4]). Архіепископъ согласился съ этою просьбою; но Николаю вскорѣ затѣмъ наслѣдовалъ Адріанъ, который утвердилъ Вульфада на каѳедрѣ бургской и предоставилъ ему палліумъ, хотя въ то же время съ большимъ уваженіемъ относился и къ Гинкмару.

Такимъ образомъ споръ этотъ кончился мирно. Но въ теченіе его много было сдѣлано такого, что угрожало независимости франкской церкви. Николай заявлялъ притязаніе, что франкскіе соборы должны были созываться по приказу папы, что стороны въ дѣлѣ могли отъ такихъ соборовъ апеллировать къ Риму, или раньше или послѣ приговора, что соборы должны были обращаться къ папѣ прежде произнесенія приговора, что епископы, дѣйствовавшіе въ качествѣ судей, должны были отправляться въ Римъ, съ цѣлью оправданія своего рѣшенія, что папа имѣлъ власть отмѣнять всѣ ихъ постановленія, такъ что становилось необходимымъ начинать дѣлопроизводство вновь. Гинкмаръ и его партія, имѣя въ свою пользу древніе законы церкви, чувствовали себя не въ состояніи боротся противъ этой путаницы политическихъ интересовъ; архіепископъ нашелъ себя вынужденнымъ уступить принципъ апелляціи къ Риму согласно съ канономъ сардикійскимъ, хотя Карлъ Великій и исключилъ этотъ канонъ изъ своего „сборника“, и онъ обязанъ былъ своимъ внесеніемъ во франкскіе капитуляріи поддѣльщику Бенедикту левиту [1]. И просьба собора тройскаго (подсказанная, несомнѣнно, наказаніями, которымъ подвергнуты были Эббо и другіе, вслѣдствіе ихъ дѣйствій противъ Людовика Благочестиваго) показываетъ, какъ, стремясь къ обезпеченію себя противъ другихъ властей, франкскіе прелаты содѣйствовали возвеличенію Рима, предоставляя ему всеобщій контроль подъ видомъ общаго покровительства церкви.

---

[1]) См. выше стр. 111 и 381. Hard. v, 626.

[2]) Nic. Ep. ad Synod. ap. Hard. v, 633–4; ad Hincm. тамъ же, 640, ad Carol. тамъ же, 648. Онъ также упрекалъ его за ношеніе палліума въ другія времена, чѣмъ въ какія позволялось апостольской каѳедрой; на это архіепископъ отвѣчалъ, что онъ едва ли употреблялъ его совсѣмъ, кромѣ какъ въ праздники Рождества и Пасхи, и говоритъ о немъ, пожалуй, съ нѣкоторымъ равнодушіемъ.

[3]) Hard. v, 649.

[4]) Nic. Ep. 70; тамъ же, 307 и слѣд.

III. Въ то же самое время, по дѣлу касательно рукоположеній Эббо, шелъ между Николаемъ и Гинкмаромъ и другой споръ, который еще болѣе поразительнымъ образомъ обнаруживалъ характеръ новыхъ притязаній, выдвигавшихся со стороны папства.

Ротадъ, епископъ суассонскій, въ провинціи реймской, занималъ свою каѳедру въ теченіе тридцати лѣтъ, и долго былъ въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ архіепископомъ. Свидѣтельства, которыя мы имѣемъ о разногласіяхъ между епископомъ и его митрополитомъ, должны быть принимаемы съ осторожностью, такъ какъ они по большей части исходятъ отъ Ротада или отъ лотарингскихъ епископовъ, которые были враждебны Гинкмару вслѣдствіе его дѣйствій въ дѣлѣ Теутберги, причемъ они отчасти прямо были опровергаемы самимъ Гинкмаромъ.

Ротадъ, по его собственному свидѣтельству, съ согласія тридцати трехъ епископовъ низложилъ одного пресвитера, который былъ захваченъ въ одномъ безнравственномъ дѣлѣ. Человѣкъ этотъ обратился съ жалобой къ Гинкмару, который, наложивъ на него трехлѣтнее покаяніе, возстановилъ его на прежнее мѣсто, отлучилъ и заключилъ въ тюрьму пресвитера, поставленнаго Ротадомъ, и преслѣдовалъ самого епископа за его участіе въ этомъ дѣлѣ [2]. Даже судя по этому свидѣтельству, можно бы думать, что

---

[1] Bened. Capitul. ii, 64, 111, 133, 412 (Patrol. xcvii).

[2] Rothad. ap. Hard. v, 581; Nic. Ep. 29, тамъ же, 249.

Ротадъ нарушилъ права своего митрополита, созывая соборъ независимо отъ него. Но вдобавокъ къ этому, Гинкмаръ, отрицая всякую личную вражду противъ епископа суассонскаго, обвиняетъ его въ продолжительномъ неподчиненіи, въ явной распущенности жизни, и въ растратѣ, продажѣ или залогѣ принадлежащей его каѳедрѣ собственности. Но отъ чего бы ни возникло ихъ разногласіе, Гинкмаръ, въ 861 году, наложилъ на Ротада запрещеніе въ отправленіи своей должности, пока онъ не сдѣлается послушнымъ, и угрожалъ ему низложеніемъ; епископъ, съ своей стороны, аппеллировалъ къ Риму.

862 г. Въ слѣдующемъ году Ротадъ явился на соборѣ, состоявшемся въ Пистрѣ, какъ будто бы противъ него не состоялось никакого осужденія. Его присутствіе возбудило возраженія, на которыя онъ опять аппеллировалъ къ папѣ и просилъ позволенія отправиться въ Римъ, на что сначала и соизволилъ Карлъ Лысый. Но дѣло это затѣмъ, съ согласія Карла, было изслѣдовано соборомъ суассонскимъ, въ концѣ того же года, и Ротадъ, заключенный въ тюрьму за свой упорный отказъ явиться на соборъ, былъ приговоренъ къ низложенію, причемъ ему назначено было для жительства особое аббатство, а на его каѳедру назначено было другое лицо. Согласно съ свидѣтельствомъ Гинкмара, онъ былъ доволенъ этимъ рѣшеніемъ дѣла, пока нѣкоторые лотарингскіе епископы, желая воспользоваться имъ, какъ орудіемъ противъ великаго противника развода ихъ государя, не убѣдили его вновь обратиться съ своей аппелляціей къ папѣ ¹). Самъ Ротадъ заявляетъ, что Гинкмаръ, захвативъ письмо, въ которомъ онъ просилъ о продленіи поддержки со стороны епископовъ, относившихся къ нему дружественно въ Пистрѣ, несправедливо перетолковывалъ это дѣло въ смыслѣ отказа отъ аппелляціи и перенесенія его дѣла на разсмотрѣніе франкскихъ епископовъ ²).

Гинкмаръ и прелаты, собравшіеся въ Суассонѣ, съ цѣлью обойти возраженіе папы на ихъ дѣйствія, просили Николая утвердить ихъ акты, причемъ, въ оправданіе непринятія ими во вниманія аппелляціи Ротада, приводили то, что древними императорскими законами запрещалось выносить такія дѣла за предѣлы государства. Но Николай, получивъ изложеніе дѣла отъ епископовъ Лотарингіи, отвѣчалъ весьма сильнымъ порицаніемъ собору за оскорбленіе, причиненное имъ ап. Петру притязаніемъ на обсужденіе дѣла, по которому сдѣлана была аппелляція къ Риму ³). Въ силу такой аппелляціи онъ объявлялъ приговоръ собора недѣйствительнымъ.

---

¹) Opera, II, 492.
²) Hard. V, 580.
³) Hard, V, 254 и слѣд.

Временные законы, говоритъ онъ, хороши противъ еретиковъ и тирановъ, но не имѣютъ силы, когда они сталкиваются съ правами церкви. Поэтому члены собора должны или возстановить Ротада на его каѳедру, или въ теченіе тридцати дней отправить депутатовъ для отстаиванія своего дѣла противъ него предъ апостолическимъ трибуналомъ. Съ своею обычною ловкостью, онъ принимаетъ на себя характеръ общаго охранителя церкви, замѣчая, что то же самое зло, которое случилось съ Ротадомъ, могло случиться также и съ каждымъ изъ нихъ, и указываетъ на каѳедру ап. Петра, какъ на убѣжище для епископовъ, угнетаемыхъ своими митрополитами [1]). Въ то же самое время Николай писалъ и Гинкмару въ строго укорительныхъ терминахъ [2]). Онъ говоритъ ему, что если бы Ротадъ не обратился съ аппелляціей, то онъ самъ долженъ былъ бы изслѣдовать это дѣло,—заявляя притязаніе на право вмѣшательства, какого еще не высказывалось Римомъ раньше. Съ какою послѣдовательностью, спрашиваетъ папа, Гинкмаръ могъ обращаться къ римской каѳедрѣ за подтвержденіемъ его привилегій въ качествѣ митрополита, или какъ онъ могъ придавать какое либо значеніе привилегіямъ, получаемымъ отъ Рима, дѣлая въ то же время все, что только можно было для умаленія этого авторитета; и такъ какъ на первое письмо не послѣдовало отвѣта, то папа писалъ опять, говоря архіепископу, что въ теченіе тридцати дней онъ долженъ или возстановить Ротада, или отправить его и нѣкоторыхъ представителей изъ его обвинителей въ Римъ, подъ страхомъ запрещенія совершать евхаристію, пока онъ не исполнитъ этого повелѣнія [3]). Папа писалъ также и Ротаду, побуждая его быть настойчивымъ въ своей аппелляціи, если только онъ не сознавалъ преступности своего дѣла, и не смотря на докучливыя просьбы Карла и его королевы, упрашивавшихъ его оставить все это дѣло въ покоѣ, онъ желалъ, чтобы король отправилъ Ротада въ Римъ. Это второе письмо къ Гинкмару и слѣдовавшія за нимъ еще два остались также безъ отвѣта, и тогда Николай написалъ пятое письмо, но въ болѣе мягкомъ тонѣ, такъ какъ боялся доводить архіепископа до крайности изъ опасенія, чтобы онъ не сталъ на сторону Гунтера.

Въ началѣ 864 года Ротадъ получилъ позволеніе отправиться въ Римъ. Гинкмаръ также послалъ двухъ уполномоченныхъ, не въ качествѣ, какъ онъ говорилъ, обвинителей, а съ цѣлью оправданія его собственныхъ дѣйствій. Имъ вручено было весьма пространное письмо [1]), въ которомъ, съ изысканными выраженіями смиренія и почтенія къ апостольской каѳедрѣ, онъ допускаетъ право аппелляціи, какъ санкціонированное сардикійскимъ канономъ, но говоритъ, что, согласно съ африканскимъ канономъ и съ Григоріемъ Великимъ, Ротадъ, перенося свое дѣло на рѣшеніе судей по своему собственному выбору, лишился чрезъ это права перенесенія его къ какому либо другому трибуналу. Ротадъ, по его заявленію, въ теченіе многихъ лѣтъ былъ человѣкомъ непослушнымъ и съ презрѣніемъ отвергалъ всѣ дѣлавшіяся ему замѣчанія, такъ что онъ самъ подвергался значительному порицанію за предоставленіе человѣку, столь негодному и неисправимому, оставаться въ епископской должности. Много говоритъ онъ о необходимости для епископовъ повиноваться своимъ митрополитамъ, и весьма серьезно старается добиться отъ папы утвержденія его прежнихъ дѣйствій, увѣряя его, что Ротадъ будетъ вполнѣ обезпеченъ [2]).

---

[1]) Ср. письма къ Карлу и Гинкмару. Hard. v, 248, 257.

[2]) Ep. 28.

[3]) Ep. 29.

Посланные Гинкмара были задержаны на дорогѣ императоромъ Людовикомъ, но самое письмо отправлено было дальше и дошло до папы. Ротаду было позволено отправиться дальше по пути въ Римъ, и спустя шесть мѣсяцевъ послѣ его прибытія, онъ представилъ изложеніе своего дѣла. Наканунѣ праздника Рождества, три мѣсяца спустя, Николай, взойдя на каѳедру св. Маріи Major, обратился къ народу съ особою рѣчью по этому предмету. Даже если свидѣтельство Гинкмара вѣрно, говорилъ онъ, то теперь было уже не во власти Ротада, послѣ того какъ онъ аппеллировалъ къ апостольской каѳедрѣ, переносить свое дѣло къ низшему трибуналу; такъ какъ Ротадъ выразилъ готовность открыто встрѣтить всѣ обвиненія, и такъ какъ противъ него не выступало никакого обвинителя, то папа объявлялъ его достойнымъ возстановленія. И дѣйствительно, отложивъ дѣло до праздника св. Агнесы, онъ торжественно облачилъ епископа въ первосвященническія одежды, и выразилъ желаніе, чтобы онъ въ присутствіи его совершилъ мессу [3]).

21 янв. 865 г.

Такъ какъ Ротадъ утверждалъ, что онъ никогда не отказывался отъ своей аппелляціи и такъ какъ его обвинители позволили себѣ произнести приговоръ надъ нимъ заочно, то дѣйствія Николая такимъ образомъ могли находить себѣ оправданіе въ сардикійскомъ канонѣ, которымъ задерживалось приведеніе извѣстнаго приговора противъ епископовъ въ исполненіе, пока папа не подвергнетъ этого дѣла новому разсмотрѣнію, а Гинкмаръ не исполнилъ этого канона, назначая въ Суассонъ другаго епископа. Но въ письмахъ, которыя онъ писалъ по этому случаю, папа позволилъ себѣ обнаружить нѣкоторыя поразительныя новшества, именно, что будто бы тутъ нарушены были декреталіи его предшественниковъ, что низложеніе Ротада было недѣйствительно, такъ какъ соборъ, произнесшій его, состоялся безъ апостолическаго позволенія, и затѣмъ низложеніе епископа было однимъ изъ тѣхъ „важнѣйшихъ приговоровъ“, которые принадлежали исключительно апостольской каѳедрѣ [1]). Онъ требовалъ отъ Гинкмара, подъ страхомъ полнаго низложенія, или сразу возстановить его безусловно, или по крайней мѣрѣ на время и явиться въ Римъ для дальнѣйшаго изслѣдованія вопроса.

---

[1]) Opera, II, 244.
[2]) Opera, II, 248—259.
[3]) Anastas. 322.

Николай сначала опирался на Сардикійскій канонъ, но теперь онъ сталъ на совершенно иную почву, и перемѣна эта была тѣмъ болѣе поразительною, что заявлявшіеся имъ новые принципы, въ дѣйствительности, не нужны были для его дѣла. Эти принципы извлекались изъ мнимыхъ декреталій Исидора, о которыхъ въ первый разъ упоминается, какъ извѣстныхъ въ Римѣ, въ письмѣ Николая къ франкскимъ епископамъ. Въ 860 году, Люпъ феррьерскій, по наущенію Венилона, архіепископа сенскаго [2]), написалъ письмо, въ которомъ дѣлалъ намекъ на нихъ, говоря, будто папа Мелхіадъ, современникъ Константина, постановилъ правило, что никакой епископъ не могъ быть низлагаемъ безъ соизволенія папы, и этотъ аббатъ просилъ, чтобы Николай прислалъ ему копію этой декреталіи, какъ хранившейся въ Римѣ [3]). Изъ молчанія папы касательно этого пункта въ своемъ отвѣтѣ можно выводить, что тогда онъ еще ничего не зналъ объ этомъ подложномъ сборникѣ, и то же самое было и въ 863 году, когда онъ говорилъ о декреталіяхъ Сириція какъ древнѣйшихъ, какія только извѣстны [4]). Но теперь, спустя лишь одинъ годъ, онъ уже цитировалъ исидоровскій сборникъ, и когда нѣкоторые изъ франкскихъ епископовъ выразили касательно ихъ сомнѣніе на томъ основаніи, что ихъ не было въ кодексѣ Діонисія Малаго, то онъ отвѣчалъ, что на томъ же основаніи они могли бы подозрѣвать и декреталіи Григорія и другихъ папъ позднѣе Діонисія, и даже могли бы подозрѣвать каноническія книги св. Писанія, что были и такія подлинныя декреталіи, которыя сохранились и въ другихъ мѣстахъ, что какъ Иннокентій повелѣвалъ принимать всѣ каноническія книги, такъ Левъ повелѣлъ принимать всѣ папскія декреталіи, что они сами обыкновенно пользовались этими посланіями, когда они были благопріятны ихъ собственному интересу, и подвергали ихъ сомнѣнію только тогда, когда имѣлось въ виду нанести ущербъ правамъ апостольской каѳедры [1]. Отсюда можно думать, что Николай познакомился съ подложными декреталіями во время пребыванія Ротада въ Римѣ,—вѣроятнѣе всего чрезъ самого Ротада. Что епископъ суассонскій былъ причастенъ къ этой подделкѣ, это съ вѣроятностью вытекаетъ изъ того обстоятельства, что онъ уже былъ епископомъ, когда совершена была поддѣлка, и что онъ находился въ связи съ партіей, отъ которой она вышла. Но намъ нѣтъ надобности предполагать, что Николай завѣдомо принялъ обманъ. Принципы этихъ декреталій, такъ сказать, уже носились въ духѣ вѣка; принимая подложныя декреталіи, папа признавалъ въ нихъ свой собственный идеалъ церковнаго управленія и сочувственно отнесся къ нимъ, какъ дававшимъ историческую основу для него. Мы можемъ поэтому (по христіанской любви, по крайней мѣрѣ) освободить его отъ сознательнаго обмана въ этомъ дѣлѣ, хотя не можемъ не видѣть нѣкоторой преступности въ той заботливости, съ которою онъ повидимому избѣгалъ всякаго разслѣдованія ихъ подлинности, равно какъ и въ той готовности, съ которою онъ принялъ эти мнимые древніе документы, доставленные изъ чужой страны, не принимая во вниманіе того очевиднаго соображенія, что если они подлинны, то они давно уже должны бы быть извѣстны въ его собственномъ городѣ.

---

[1]) Hard. v, 584, 588, 590, 593.

[2]) См. выше, стр. 784.

[3]) Ep. 130 (Patrol. cxix). Манзи относитъ это письмо къ 858 году.

[4]) Epp. 1, 32 (Patrol. cxix).

Гинкмаръ не проявлялъ далѣе никакого дѣятельнаго противодѣйствія, и примирился съ возстановленіемъ Ротада, хотя въ своей лѣтописи онъ говоритъ объ этомъ событіи какъ состоявшемся вопреки праву, и доказываетъ, что оно было несовмѣстимо съ сардикійскимъ канономъ. Актъ этотъ былъ совершенъ Арсеніемъ во время миссіи, о которой уже упоминалось въ связи съ исторіей браковъ Лотаря [2], и Ротадъ, повидимому, вскорѣ умеръ затѣмъ—въ началѣ папствованія Адріана [3]..

IV Если даже Николай находилъ Гинкмара опаснымъ противникомъ, то Адріанъ былъ уже совершенно не въ состояніи бороться съ нимъ.

По смерти Лотаря II, въ 869 году, Карлъ Лысый немедленно захватилъ его владѣнія. Адріанъ чувствовалъ, что послѣ тѣхъ мѣропріятій, которыя его предшественникъ и онъ самъ дѣлали съ цѣлью заставить міръ смотрѣть на папскую каѳедру какъ на общую защитницу справедливости, онъ вынужденъ былъ вмѣшаться въ дѣло въ пользу ближайшихъ наслѣдниковъ,—императора Людовика и его дяди, короля Германіи. Поэтому онъ въ строго укорительныхъ словахъ писалъ Карлу, вельможамъ Лотарингіи и нейстрійскимъ епископамъ; отправилъ посланныхъ, которые во время совершенія божественной службы въ Сенъ-Дени угрожали королю гнѣвомъ ап. Петра; написалъ Гинкмару, порицая его за раболѣпіе, требуя отъ него противодѣйствія честолюбивымъ намѣреніямъ своего государя и поручая ему, въ случаѣ, если Карлъ будетъ настаивать на нихъ, избѣгать общенія съ нимъ; и такъ какъ его письма оставлены были безъ отвѣта, то онъ писалъ опять, угрожая, повидимому въ подражаніе Григорію IV, отправиться во Францію лично, съ цѣлью противодѣйствія имѣвшейся въ виду несправедливости [1].

---

[1] Hard. V, 591—3.

[2] См. выше, стр. 819.

[3] Anastas. 259.

Между тѣмъ Гинкмаръ уже возложилъ корону Лотарингіи на голову Карла, который, по Мерсенскому раздѣлу, вошелъ въ соглашеніе съ Людовикомъ Германскимъ, и вслѣдствіе этого чувствовалъ себя независимымъ отъ папы. Архіепископъ не обратилъ никакого вниманія на первое посланіе Адріана; но онъ сдѣлалъ замѣчательный отвѣтъ на второе [2]. Въ немъ онъ отказывался отъ всякаго сужденія по политическому вопросу о наслѣдствѣ; его государь, говоритъ онъ, требовалъ отъ него послушанія, и онъ чувствовалъ себя обязаннымъ повиноваться. На требованіе избѣгать общенія съ Карломъ онъ жалуется какъ на небывалое затрудненіе, такъ какъ лотарингскіе епископы не принуждаемы были порывать общенія съ своимъ прежнимъ государемъ, хотя онъ жилъ въ прелюбодѣяніи; сами папы не порывали общенія съ государями, которые были повинны въ преступленіяхъ или даже ереси, а Карлъ не былъ повиненъ ни въ какомъ такомъ нарушеніи вѣры, которое давало бы его епископамъ право отказывать ему въ общеніи съ собой [3].

9 сентября 869 г.

Но наиболѣе поразительною частью письма была та, гдѣ будто бы Гинкмаръ передаетъ заявленіе, сдѣланное вельможами Лотарингіи,— знаменательный намекъ на его собственное мнѣніе и на тотъ пріемъ, котораго могъ бы ожидать папа, если бы онъ вполнѣ осуществилъ предпринятый имъ образъ дѣйствія. Онъ пишетъ Адріану, что они сопоставляютъ его отношенія къ Карлу съ покорностью прежнихъ папъ по отношенію къ Пипину и Карлу Великому, припоминаютъ тѣ бѣдствія, которыя Григорій IV навлекъ на себя своимъ вмѣшательствомъ въ франкскія дѣла, громко порицаютъ папу за вмѣшательство въ политику и за намѣреніе навязать имъ государя, совѣтуютъ ему заниматься своими собственными дѣлами, какъ это дѣлалъ его предшественникъ, и защищать ихъ своими молитвами и молитвами духовенства отъ норманновъ и другихъ враговъ, и объявляютъ, что епископъ, произносящій несправедливое отлученіе, вмѣсто лишенія отлученныхъ вѣчной жизни, подрываетъ только обязательность своей собственной власти [1]).

---

[1] Hadr. Epp. 21, 22; Hincm. Opera, II, 690.

[2] Opera II, 689 и слѣд.

[3] Hincm. Annal. 869 г. pp. 483—5, и Pertz, Leges, I, 512—5. При этомъ именно случаѣ впервые дѣлается упоминаніе о чашѣ съ мνромъ, посланнымъ съ неба для крещенія Клодвига, какъ употреблявшемся при помазаніи франкскихъ королей (см. выше, стр. 463).

Папа былъ крайне раздраженъ. Онъ сочувственно относился къ возстанію, поднятому противъ Карла однимъ изъ его сыновей, Карломаномъ, который былъ рукоположенъ въ діакона, и запретилъ франкскимъ епископамъ отлучать мятежнаго принца, когда ихъ государь требовалъ отъ нихъ этого [2]). Но Гинкмаръ и его собратья, не смотря на это, произнесли приговоръ низложенія и отлученія противъ Карломана, который, будучи схваченъ, осужденъ былъ на смерть, хотя этотъ приговоръ замѣненъ былъ ему ослѣпленіемъ, послѣ чего онъ отъ милости Людовика Германскаго получилъ аббатство эптернахское. И Адріанъ, изливъ всевозможныя угрозы и обличенія, въ стилѣ, далеко превосходящемъ даже стиль Николая, нашелъ себя вынужденнымъ оставить всѣ эти дѣйствія безъ вниманія и не принималъ никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ противъ замѣшанныхъ въ нихъ лицъ.

v. Еще болѣе замѣчательное столкновеніе возникло изъ образа дѣйствія Гинкмара, епископа лаонскаго. Архіепископъ реймскій, въ 858 году, получилъ каѳедру лаонскую для своего племянника и соименника, который, повидимому, совершенно зависѣлъ отъ него въ средствахъ содержанія; но онъ скоро нашелъ основаніе раскаяться въ своемъ поступкѣ, въ которомъ онъ, какъ можно судить по характеру младшаго Гинкмара, повидимому руководился скорѣе семейными или политическими соображеніями, чѣмъ заботою о благѣ церкви [3]). Епископъ лаонскій получилъ отъ Карла Лысаго одно отдаленное аббатство и должность при дворѣ. Ради этихъ должностей, онъ совершенно пренебрегалъ своимъ діоцезомъ, своими вымогательствами, сдѣлалъ себя ненавистнымъ какъ духовенству, такъ и мірянамъ и съ презрѣніемъ относился къ авторитету своего дяди, какъ митрополита. Вслѣдствіе одного разногласія съ королемъ, онъ привлеченъ былъ къ гражданскому суду, въ 868 году, лишенъ былъ своей гражданской должности, и доходы его каѳедры были конфискованы. По этому случаю Гинкмаръ старшій, принимая во вниманіе, что тутъ дѣло касалось церкви, забылъ свои частныя причины недовольства поведеніемъ своего родственника и пришелъ на помощь къ епископу. Въ одномъ письмѣ къ Карлу (въ которомъ, между другими документами, онъ ссылается и на нѣкоторыя изъ подложныхъ декреталій) онъ заявлялъ, что епископы не подлежатъ никакому другому суду, какъ суду своего собственнаго чина, что привлеченіе епископа къ гражданскому суду противно древнимъ законамъ церкви, законамъ римскихъ императоровъ и примѣру предшественниковъ короля, что все это дѣло есть признакъ приближенія кончины міра, что королевская власть зависитъ отъ епископскаго мѵропомазанія, и черезъ свои насилія можетъ лишиться полученныхъ во время мѵропомазанія преимуществъ [1]. На государственномъ собраніи въ Пистрѣ, въ 868 году, архіепископъ поддерживалъ сторону своего племянника, и младшій Гинкмаръ, испросивъ прощеніе отъ короля, получилъ обратно доходы своей каѳедры [2].

---

[1]) Opera, II, 694—6.

[2]) Hard. Epp. 25—27.

[3]) Племянникъ его, повидимому, былъ ниже каноническаго возраста. Гинкмаръ пытался очистить себя отъ обвиненія въ непотизмѣ (Opera, II, 538).

Но между родственниками скоро возникли новыя несогласія, и епископъ лаонскій навлекъ на себя дальнѣйшія непріятности насиліемъ, которое онъ употребилъ въ дѣлѣ изгнанія одного вельможи, бывшаго однимъ изъ ленниковъ его церкви. Король, потребовавъ отъ него явки къ себѣ и получивъ въ этомъ отказъ, приказалъ арестовать его, вслѣдствіе чего онъ искалъ себѣ убѣжища въ церкви и укрылся за престоломъ. Въ апрѣлѣ 869 года, онъ явился передъ соборомъ въ Вербери, но не призналъ его приговора, обратился съ аппелляціей къ папѣ, и просилъ позволенія отправиться въ Римъ по дѣлу этой своей аппелляціи. Въ позволеніи на это было ему отказано, и онъ заключенъ былъ въ тюрьму. Прежде чѣмъ отправиться въ Вербери, онъ поручилъ своему духовенству, въ случаѣ его ареста, прекратить совершеніе богослуженія и всѣхъ духовныхъ требъ, включая даже крещеніе, разрѣшеніе и погребеніе умершихъ, пока онъ не возвратится, или пока папа не сниметъ съ нихъ этого запрещенія [3]. Духовенство, оказавшись въ великомъ смущеніи и бѣдствіи, обратилось тогда къ архіепископу реймскому за совѣтомъ въ этомъ дѣлѣ. Гинкмаръ особымъ письмомъ потребовалъ отъ своего племянника снятія запрещенія; но такъ какъ послѣдній отказалъ въ этомъ, то онъ своею собственною властью, какъ митрополитъ, снялъ его и сослался на древніе документы, съ цѣлью увѣрить духовенство, что такъ какъ наложенное ихъ епископомъ „отлученіе“ было незаконно и безосновательно, то они и не обязаны были подчиняться ему [4].

Около времени коронованія Карла въ Лотарингіи, епископъ лаонскій былъ освобожденъ и рѣшеніе его дѣла предоставлено будущему собору. Онъ немедленно же возобновилъ свои нападки на своего дядю, котораго поносилъ какъ виновника своего недавняго тюремнаго заключенія, сталъ на сторону мятежнаго Карломана и отправилъ письмо, въ которомъ признавалъ за всѣми епископами право аппелляціи къ Риму, — не только противъ приговора своихъ собратьевъ (каковая аппелляція только и признавалась дотолѣ), но и вопреки юрисдикціи мѣстныхъ соборовъ [1]. Въ пользу этого права онъ приводилъ авторитетъ подложныхъ декреталій. Архіепископъ отвѣчалъ не отрицаніемъ подлинности этихъ документовъ (которыхъ, хотя бы онъ и подозрѣвалъ ее, уже не могъ подрывать послѣ того, какъ и самъ онъ пользовался ими), но указаніемъ на то, что такъ какъ они были изданы по отдѣльнымъ случаямъ, то приложеніе ихъ ограничивалось вызвавшими ихъ обстоятельствами, что они имѣли значеніе лишь настолько, насколько согласовались съ церковными канонами, и что нѣкоторые изъ нихъ были замѣнены опредѣленіями соборовъ, бывшихъ позже ихъ предполагаемаго происхожденія [2]. Такой взглядъ на декреталіи, очевидно, даже болѣе наносилъ ущерба новымъ римскимъ притязаніямъ, чѣмъ сколько бы нанесло признаніе ихъ подложности.

---

[1] Opera, II, 216—33.
[2] Hincm. Annal. 868.
[3] Hincm. II, 510—14.
[4] Тамъ же. 501, 507, 599; Hard. V, 1361 и слѣд., 1377.

Пока Карлъ занятъ былъ дѣлами Лотарингіи, дѣло младшаго Гинкмара было отложено. Но онъ привлеченъ былъ на судъ соборовъ гондрвильскаго и аттиньскаго, въ 870 году, и онъ съ своимъ дядей обмѣнялись памфлетами, изъ которыхъ памфлетъ архіепископа весьма обширный и раздѣляется на 55 главъ [3]. Въ Аттиньи епископъ лаонскій согласился принять клятву въ повиновеніи авторитету своего государя и своего митрополита, и послѣ тщетнаго возобновленія своей просьбы отправиться въ Римъ, онъ просилъ о разборѣ его дѣла со стороны свѣтскихъ судей, которые и произнесли рѣшеніе въ его пользу. Старшій Гинкмаръ былъ крайне недоволенъ какъ потому, что его племянникъ отказался отъ духовныхъ привилегій, подчиняясь свѣтскому суду, такъ и вслѣдствіе исхода самаго суда.

Епископъ опять привлеченъ былъ на соборъ, состоявшійся въ Дуси, близь муссона на маасѣ, въ августѣ 871 года, когда онъ подвергнутъ былъ обвиненію въ новыхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ, именно, что онъ расточалъ собственность своей каѳедры, держалъ сторону Карломана, отказался подписать отлученіе, произнесенное противъ мятежника, и поносилъ Карла передъ папой. Обвиняемый, только уже послѣ третьяго вызова согласился явиться на соборъ. Онъ обвинялъ короля въ посягательствѣ на его достоинство, архіепископа реймскаго въ причастности къ его тюремному заключенію, и на этихъ основаніяхъ отказался подвергуться суду отъ нихъ. Карлъ опровергъ взведенное на него обвиненіе, и вмѣстѣ съ присутствовавшими вельможами далъ клятву, что обвиненіе противъ архіепископа также ложно. Въ отвѣтъ на его притязаніе на право аппеллировать къ Риму, епископу было указано на каноны, которыми постановлялось, чтобы всякое дѣло рѣшалось въ той странѣ, гдѣ оно возникло, и ему объявлено было, что онъ не могъ аппеллировать раньше разбора дѣла епископами его собственной провинціи. Не смотря на его настойчивый отказъ отвѣчать, соборъ приступилъ къ изслѣдованію его дѣла, и старшій Гинкмаръ, собравъ мнѣнія членовъ собора, произнесъ приговоръ низложенія противъ своего племянника, предоставляя только такое право аппелляціи, которое санкціонировалось соборомъ сардикійскимъ [1]). Члены собора тогда написали папѣ, излагая основанія своего приговора и выражая надежду, что въ виду неисправимаго поведенія епископа онъ утвердитъ ихъ приговоръ. Они ограничивали право аппелляціи согласно съ сардикійскимъ канономъ и выражали желаніе, чтобы папа, если онъ приметъ дѣлавшуюся къ нему аппелляцію, предоставилъ дальнѣйшій разборъ дѣла окружающимъ его епископамъ, или отправилъ бы пословъ для засѣданія съ мѣстными епископами съ этою цѣлью, и вообще они просили, чтобы во всякомъ случаѣ онъ не возстановлялъ Гинкмара на его каѳедру безъ провинціальнаго изслѣдованія, а поступилъ бы согласно съ канонами [2]).

---

[1] Письмо это см. у Hincm. п, 604.
[2] Opera, п, 419, 451—2, 482.
[3] Opera, п, 383—595.

Адріанъ отвѣчалъ въ весьма высокомѣрномъ тонѣ. Онъ порицалъ членовъ собора за то, что они осмѣлились низложить обвиненнаго безъ вниманія къ его аппелляціи, и повелѣвалъ имъ отправить его въ Римъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ ихъ собственнаго числа, съ цѣлью произведенія новаго слѣдствія [3]). Отвѣтъ франкскихъ епископовъ на это былъ твердый и рѣшительный. Они заявляли, что они могли объяснить себѣ смыслъ письма Адріана лишь предположеніемъ того, что при многосложности его занятій онъ не въ состояніи былъ прочитать всѣхъ представленныхъ ему документовъ, оправдывали свои дѣйствія и заявляли, что если папа будетъ настаивать на своемъ образѣ дѣйствія, то они найдутъ себя вынужденными отстаивать права своей національной церкви [4]).

Посланіе Адріана къ собору сопровождалось одинаковымъ же по тону письмомъ, адресованнымъ къ Карлу, который былъ крайне раздраженъ имъ, и просилъ старшаго Гинкмара отвѣтить на него. Архіепископъ исполнилъ свою задачу съ искреннею ревностью [5]).

---

[1]) Hard. v, 1301, 1308, 1311—17· о сардикійскомъ канонѣ см. выше, стр. 286.

[2]) Hard. v, 1318—23.

[3]) Ep. 28.

[4]) Hard. v, 1318—20.

[5]) Hincm. II, 701 и слѣд.

Карлъ, отъ имени котораго было написано это письмо, заявляетъ папѣ, что употребленный имъ языкъ и тонъ неумѣстенъ въ отношеніи къ королю и неприличенъ для смиренія епископа, и выражаетъ желаніе, чтобы онъ въ своихъ письмахъ держался того же самаго тона, въ какомъ его предшественники писали къ прежнимъ государямъ Франціи. Для папы говорить о „приказѣ“ королю есть новая и безпримѣрная дерзость. Въ письмѣ отрицается, чтобы Адріанъ имѣлъ право требовать дѣло младшаго Гинкмара для судопроизводства въ Римъ. Привилегіи ап. Петра зависятъ отъ отправленія правосудія; король не нарушилъ принциповъ св. Писанія и церкви, отвергая приговоръ въ дѣлѣ, гдѣ преступленія обвиненнаго такъ многочисленны и такъ ясны [1]. Онъ съ негодованіемъ отклоняетъ должность, которую папа хотѣлъ бы возложить на него, желая его сдѣлать охранителемъ собственности каѳедры лаонской; короли Франціи дотолѣ считались господами земли, а не уполномоченными [2] или приставами епископовъ. Онъ угрожаетъ, если дѣло не окончится дома, отправиться въ Римъ и тамъ поддержать законность своихъ дѣйствій [3]. Папа говоритъ о декретахъ; но всякій декретъ, имѣющій своею цѣлью связать государя, изрыгнуть изъ ада [4]. Письмо заканчивается заявленіемъ готовности короля держаться извѣстныхъ правилъ св. Писанія, преданія и канонова, причемъ онъ рѣшился отвергать „все, что могло быть составлено или подделано противъ этого кѣмъ бы то ни было“,—дѣлая самый ясный намекъ, какой только когда либо дѣлался, на мнѣніе Гинкмара касательно исидоровыхъ декреталій [5].

Адріанъ опять чувствовалъ, что онъ сдѣлалъ ошибку, слишкомъ далеко выдвигая притязанія, которыя такимъ образомъ оспаривались, и союзъ, только что заключенный между Людовикомъ германскимъ и его племянникомъ императоромъ, еще болѣе встревожилъ папу касательно послѣдствій, которыхъ можно было ожидать отъ разрыва съ королемъ Нейстріи. Поэтому онъ опять писалъ Карлу, перемѣняя свой повелительный тонъ на болѣе мягкій и льстивый [6]. Сдѣлавъ нѣсколько легкихъ намековъ на стиль письма короля, онъ затѣмъ (какъ онъ говоритъ) изливаетъ „елей утѣшенія и помазанія святой любви“. Онъ проситъ не считать его отвѣтственнымъ за какія либо выраженія, которыя могли показаться жесткими въ его прежнихъ письмахъ, и зная настойчивость стремленія короля къ увеличенію своей территоріи и силы, онъ высказываетъ даже увѣреніе, что если бы ему пришлось дожить до вакансіи на императорскомъ престолѣ, то съ его согласія не могъ бы быть возведенъ на нее никакой другой кандидатъ кромѣ Карла. Дѣло епископа лаонскаго представляется какъ незначительное; папа всетаки выражаетъ желаніе, чтобы онъ былъ отправленъ въ Римъ, но высказываетъ обѣщаніе, что онъ не будетъ возстановленъ, пока полное разслѣдованіе не обнаружитъ правоты его дѣла, и это разслѣдованіе должно быть произведено во Франціи [1]. Адріанъ не дожилъ до полученія отвѣта на это письмо, и Гинкмаръ младшій содержался въ тюрьмѣ, пока за участіе въ новыхъ интригахъ не подвергнутъ былъ болѣе строгому наказанію.

---

[1] Hincm. ii 709—14.
[2] Vicedomini. См. выше, стр. 707.
[3] Hinicm. 715.
[4] Стр. 709.
[5] Стр. 716.
[6] Ep. 33; Hard. v, 726.

Образъ дѣйствія Адріана въ этомъ дѣлѣ былъ вмѣстѣ и неразуменъ и неудаченъ. Французскіе епископы отвергли ложныя декреталіи, настаивали на ограниченіи папскаго права на аппелляціи предѣлами, которые указаны были соборомъ сардикійскимъ, отвергали, что изслѣдованіе всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ принадлежало только папѣ, отрицали, чтобы онъ имѣлъ право требовать всякое дѣло въ Римъ, прежде чѣмъ оно подвергалось обсужденію національнаго собора, и признавали за нимъ только право подвергать его послѣ такого приговора новому изслѣдованію со стороны епископовъ страны, гдѣ оно возникло, и его высокомѣрныя притязанія закончились унизительной уступкой. Тѣмъ не менѣе римская каѳедра и выиграла кое что. Гинкмаръ, при всемъ своемъ противодѣйствіи папскимъ притязаніямъ, тщательно заявляетъ признаніе глубокаго уваженія къ авторитету апостольской каѳедры; его возраженія на исидоровскіе принципы, какъ обращенныя къ его племяннику, вѣроятно не были вполнѣ извѣстны въ Римѣ, причемъ, такъ какъ онъ не подвергалъ подлинности декреталій открытому сомнѣнію, папы отселѣ могли ссылаться на нихъ съ большею увѣренностью, и сознаніе того, что могущество папства было полезно для церкви, сдерживало его въ своемъ противодѣйствіи ему. Какъ епископы, такъ и государи теперь видѣли въ папствѣ силу, которою они могли пользоваться къ своей выгодѣ, и дѣйствительная польза всѣхъ обращеній къ Риму за помощью, несомнѣнно, болѣе всего принадлежала самому Риму.

Преемникомъ Адріана былъ Іоаннъ VIII. Обстоятельства избранія его неизвѣстны, но онъ, повидимому, принадлежалъ къ франкской партіи среди римскаго духовенства, и нѣтъ основанія сомнѣваться, что избраніе его произошло съ согласія императора. Въ 875 году смерть Людовика II, не оставившаго потомства, открыла Карлу Лысому великій предметъ для его

872 г.

---

[1] Hard. V, 720.

честолюбія, и теперь наступило для папы время захватить власть въ дѣлѣ распоряженія имперіей,—каковому посягательству благопріятствовало то обстоятельство, что его предшественники уже давно дѣйствовали въ качествѣ посредниковъ въ раздорахъ каролингскихъ принцевъ. Устраняя болѣе сильныя наслѣдственныя права Людовика германскаго, Іоаннъ пригласилъ Карла въ Римъ, и въ праздникъ Рождества Христова (75 лѣтъ спустя послѣ коронаціи Карла Великаго), возложилъ на его голову императорскую корону. Хотя папа впослѣдствіи объявлялъ, что это было сдѣлано въ послушаніе откровенію, которое дано было его предшественнику, Николаю, но по всему было видно, что въ этомъ дѣлѣ участвовали и другія вліянія, менѣе возвышеннаго рода. Лѣтописецъ фульдскій, тонъ котораго по отношенію къ „тирану“ Франціи вообще рѣзкій, разсказываетъ, что съ цѣлью получить имперію Карлъ прибѣгъ къ чудовищнымъ подкупамъ среди сенаторовъ, „по образу Югурты“ [1]), да и самъ папа не преминулъ поживиться при этомъ случаѣ. Одинъ писатель позднѣйшаго времени [2]) несомнѣнно невѣрно говоритъ, что Карлъ уступилъ папѣ извѣстныя территоріи, которыя, какъ извѣстно, принадлежали тогда Греческой имперіи; но есть основаніе думать, что онъ предоставилъ папѣ контроль выборовъ, освободилъ папу отъ обязанности оказывать долгъ вѣрноподданничества, и удалилъ своихъ постоянныхъ уполномоченныхъ изъ Рима, оставляя управленіе въ рукахъ папы, причемъ титулъ „защитника“ все еще продолжалъ служить связью императора съ городомъ, и давалъ римлянамъ и ихъ епископамъ право обращаться къ нему за помощью.

Карлъ тогда признавалъ, что онъ обязанъ императорскимъ престоломъ Іоанну, и въ теченіе остальныхъ дней своей жизни старался служить виновнику своего высокаго достоинства. Отправляясь на сѣверъ, онъ былъ коронованъ въ качествѣ короля Италіи въ Павіи, въ февралѣ 876 года, причемъ государственные чины заявили, что какъ Богъ чрезъ намѣстника ап. Петра и ап. Павла призвалъ его быть императоромъ, такъ они *избрали* его королемъ [3]). Совершенные въ Павіи акты были подтверждены въ собраніи, состоявшемся нѣсколько мѣсяцевъ позже въ Понтіонѣ, гдѣ нейстрійское духовенство и знать заявили, что и они *избрали* его своимъ государемъ, какъ онъ былъ избранъ народомъ и ломбардами [4]). Эта формальная перемѣна наслѣдственной монархіи въ избирательную, повидимому, предоставляла папѣ надежду на возможность вмѣшиваться и на будущее время въ дѣла Нейстрійскаго и Итальянскаго королевствъ; но попытка, сдѣланная въ его пользу въ Понтіонѣ, хотя и ревностно поддерживаемая императоромъ, встрѣтила сильное противодѣйствіе со стороны франкскаго духовенства. Папскій легатъ Іоаннъ, епископъ тускульскій, прочиталъ посланіе, которымъ Ансегисъ, архіепископъ сенскій, назначался апостолическимъ викаріемъ и приматомъ Галліи и Германіи, съ полномочіемъ собирать соборы, приводить папскія повелѣнія въ исполненіе чрезъ посредство епископовъ, и доставлять всѣ важныя дѣла въ Римъ для рѣшенія [1]. Гинкмаръ и его собратья просили позволенія изслѣдовать этотъ документъ, на что императоръ отвѣчалъ вопросомъ имъ, будутъ ли они повиноваться папѣ, заявляя имъ въ то же время, что онъ, какъ намѣстникъ папы въ соборѣ, рѣшился силою принуждать къ повиновенію. Онъ приказалъ поставить кресла для Ансегиса рядомъ съ легатомъ, и по его приглашенію, архіепископъ сенскій прошелъ мимо митрополитовъ, стоявшихъ выше его, и занялъ свое почетное мѣсто. Но Гинкмаръ и другіе епископы дѣйствовали съ непоколебимой твердостью. Они повторили свою просьбу, чтобы имъ позволено было разсмотрѣть посланіе папы и снять съ него копію, протестовали противъ возвышенія Ансегиса какъ не-каноническаго, какъ подрывающаго приматство, предоставленное каѳедрѣ реймской въ лицѣ Ремигія, и противорѣчащаго привилегіямъ, предоставленнымъ Гинкмару папами Бенедиктомъ, Николаемъ и Адріаномъ; невозможнымъ оказалось также и взять съ нихъ обѣщаніе въ повиновеніи папѣ, кромѣ какъ настолько, насколько это было согласно съ канонами и съ примѣромъ ихъ предшественниковъ. Одинъ только епископъ Флотарь склоненъ былъ признать новый порядокъ вещей, въ надеждѣ получить переводъ изъ діоцеза бордосскаго, опустошеннаго норманнами, на діоцезъ бургскій; но его собратья возражали противъ перевода, какъ противнаго законамъ церкви [2]. Императоръ, раздраженный противодѣйствіемъ Гинкмара, въ присутствіи всего собранія потребовалъ отъ него новой клятвы въ вѣрности, какъ будто бы его вѣрноподданничество подвергалось сомнѣнію,—что, во всякомъ случаѣ, было недостойнымъ вознагражденіемъ за долгія, умѣлыя и ревностныя усилія архіепископа въ пользу правъ короны и національной церкви. Соборъ разошелся, не придя ни къ какому удовлетворительному рѣшенію. Гинкмаръ вскорѣ затѣмъ написалъ сильную защиту правъ митрополитовъ противъ новыхъ принциповъ, на которыхъ основывались полномочія Ансегиса [1]. Карлъ вынужденъ былъ, въ силу политическихъ причинъ, дѣйствовать въ духѣ примиренія, и папа обошелъ затрудненіе по дѣлу Ансегиса предоставленіемъ приматства галльскаго каѳедрѣ арелатской, которой оно принадлежало до франкскаго завоеванія. Но среди смятеній того времени такое установленіе не имѣло никакого практическаго значенія.

---

[1]) Annal. Fuld. 875. Ap. Pertz. I, 389.

[2]) Евтропій пресвитеръ, ap. Goldast. De Monarchia, I, 10—11. Нѣкоторые относятъ его къ X столѣтію, но наилучшіе авторитеты относятъ его къ XI-му. Даже если бы самый даръ былъ подлинный, то онъ долженъ былъ прекратиться съ Карломъ, такъ какъ германскіе короли и императоры не имѣли власти отчуждать собственность короны далѣе предѣловъ своей собственной жизни. Pertz, Leges; II, App. 261.

[3]) Pertz, Leges, I, 529.

[4]) Тамъ же, 533.

---

[1] Ioh. Ep. 134; Ap. Hard. VI, 105.

[2] Hincm. II, 732—5; Annal. 876, p. 499 и слѣд. Pertz, Leges. I. 533; Hard. VI, 166.

Между тѣмъ папа былъ сильно безпокоимъ партіями своего города, мелкими принцами и вельможами окружающихъ областей, а также и сарацинами, которые со смерти Людовика II безпрепятственно производили свои опустошенія. По временамъ вельможи даже входили въ союзъ съ этими врагами христіанства. Неаполь, Гета, Амальфи и Сорренто, много натерпѣвшись отъ ихъ рукъ, вступили въ союзъ съ ними и соединились съ ними для дѣла опустошенія и грабежа [2]. Сергій, герцогъ неапольскій, дѣлалъ частые набѣги на папскія владѣнія, и Іоаннъ, видя безсиліе болѣе кроткихъ средствъ, произнесъ на него анаѳему. Братъ герцога, Аѳанасій, епископъ неапольскій, принялъ на себя дѣло приведенія приговора въ исполненіе, схватилъ Сергія, выкололъ ему глаза и отправилъ его папѣ, который горячо благодарилъ епископа, приводя текстъ св. Писанія, заставляющій предпочитать Спасителя самымъ дорогимъ естественнымъ привязанностямъ [3]. Аѳанасій затѣмъ присоединилъ къ своему духовному сану и титулъ герцога. Но онъ скоро нашелъ, что не въ состояніи былъ бороться съ сарацинами, вслѣдствіе чего и самъ вступилъ въ союзъ съ ними, тревожилъ папу совершенно такъ же, какъ это дѣлалъ раньше его братъ, и вынудилъ Іоанна откупиться отъ него большою суммою денегъ, ради которой онъ обѣщался порвать свою связь съ невѣрными. Но обѣщаніе не было имъ исполнено, и папа на одномъ римскомъ соборѣ, произнесъ анаѳему противъ этого герцога-епископа [4]. Одолѣваемый и постоянно тревожимый такими врагами, Іоаннъ умолялъ императора придти къ нему на помощь, и Карлъ расположенъ былъ удовлетворить эту просьбу; но о неохотѣ франкскихъ вождей на такую экспедицію можно заключать изъ той тяжелой цѣны, которою императоръ купилъ ихъ содѣйствіе, допустивъ на соборѣ въ Квіерси, въ 877 году, обращеніе должности своихъ окружныхъ са-

Нояб. 877 г.

881 г.

---

[1] Opera, II, 719 и слѣд.

[2] Patrol. CXXVI.

[3] Ep. 96 (Patrol. CXXVI).

[4] Epp. 101—3, 187—8, 191; Pertz, III, 254—5. Впослѣдствіи онъ разрѣшилъ Аѳанасія отъ анаѳемы, подъ условіемъ, чтобы онъ прекратилъ свой союзъ съ невѣрными, и бралъ въ плѣнъ или убивалъ ихъ вождей, 881—2 г. Аѳанасій, по предположенію Мураторія, жилъ до 900 г.

новниковъ (графовъ) въ наслѣдственное достоинство. Папа, будучи извѣщенъ о приближеніи своего покровителя, выѣхалъ къ нему на встрѣчу, и по дорогѣ созвалъ соборъ въ Равеннѣ, гдѣ онъ постановилъ нѣкоторые каноны, которыми, согласно съ лже-исидоровскими началами, власть епископовъ возвышалась, а власть митрополитовъ умалялась [1]. Императора онъ встрѣтилъ въ Верцелли, и совмѣстно съ нимъ отправился въ Тортону, гдѣ жена Карла Рехильда, была коронована въ качествѣ императрицы. Но императоръ, вмѣсто того, чтобы продолжать свою экспедицію, отступилъ предъ надвигавшейся силой Карломана, сына и преемника Людовика германскаго, и умеръ въ одной хижинѣ, при проходѣ Мон-Сени (Mont-Cenis). Уступки, которыя этотъ государь сдѣлалъ какъ Риму, такъ и своей знати, сильно ослабили могущество франкской короны, и политика, которой онъ въ послѣднее время держался въ церковныхъ дѣлахъ, была очень опасна для правъ національной церкви. Тѣмъ не менѣе онъ, хотя изъ за своихъ частныхъ цѣлей въ послѣдніе дни своей жизни относился къ папѣ съ большимъ раболѣпіемъ, очевидно не имѣлъ намѣренія допустить водворенія принциповъ декреталій во всей ихъ полнотѣ въ своихъ владѣніяхъ къ сѣверу отъ Альпъ. Авг. 877 г.

По смерти Карла, императорскій престолъ оставался вакантнымъ до 884 года. Папа, постоянно тревожимый Ламбертомъ, маркизомъ сполетскимъ, и другими сторонниками германскихъ Каролинговъ, заявилъ намѣреніе искать помощи во Франціи, и послѣ нѣкоторой насильственной задержки, за которую онъ отомстилъ анаѳемой противъ Ламберта и Адальберта тусканскаго, онъ отплылъ на кораблѣ, и высадился въ Генуѣ. Пріемъ, который онъ сначала встрѣтилъ во Франціи, былъ не ободрительный, такъ какъ онъ предъ тѣмъ оскорбилъ духовенство своими посягательствами на права національной церкви, и особенно полномочіями Ансегису, причемъ и всѣ другіе классы были раздражены по случаю дорого стоившей и безполезной экспедиціи, предпринять которую онъ побудилъ ихъ покойнаго государя. Іоаннъ писалъ ко всѣмъ франкскимъ принцамъ посланія, настойчиво призывая ихъ и ихъ епископовъ для присутствованія на соборѣ въ Тройѣ; но явились только епископы Галліи, и изъ государей присутствовалъ только одинъ король Франціи Людовикъ Заика, который вновь былъ коронованъ папой, хотя, вслѣдствіе неправильности въ своемъ бракѣ, онъ не въ состояніи былъ добиться того, чтобы въ коронаціи участвовала и королева. Въ Тройѣ, какъ и въ Равеннѣ, Іоаннъ предложилъ и провелъ нѣс- 878 г. 14 сентября.

---

[1] Hard. VI. 185 и слѣд.

колько каноновъ, которыми епископскія привилегіи возводились до неизвѣстной раньше высоты, и тутъ онъ дѣйствовалъ посредствомъ анаѳемъ съ своею обычною щедростью. Епископы присоединились къ нему въ осужденіи Адальберта, Ламберта и другихъ его итальянскихъ враговъ, и въ вознагражденіе за это получали отъ него приговоръ противъ посягателей на ихъ собственныя владѣнія. Но они рѣшительно отстаивали свои національныя права, настаивая на сардикійскомъ канонѣ, который ограничивалъ власть римской каѳедры въ отношеніи аппелляцій, и на тѣхъ древнихъ законахъ церкви, которыми запрещались переводы, въ родѣ Фротаря. И когда папа представилъ дарственную грамоту Карла Лысаго, предоставлявшую римской каѳедрѣ аббатство Сенъ-Дени, то они встрѣтили его заявленіе полнымъ отрицаніемъ, чтобы король могъ отчуждать владѣнія короны [1]).

Іоаннъ былъ сильно раздраженъ упорнымъ противодѣйствіемъ Гинкмара притязаніямъ Рима, и нѣкоторые изъ враговъ архіепископа воспользовались такимъ его настроеніемъ съ цѣлью досадить ему, вновь выдвинувъ его племянника, который, послѣ тюремнаго заключенія и изгнанія, былъ наконецъ ослѣпленъ по приказанію Карла, вслѣдствіе его прикосновенности къ нашествію со стороны Германіи. Этотъ злополучный человѣкъ былъ приведенъ въ мѣсто собранія, и просилъ о возстановленіи его на каѳедру. Но папа, помимо опасенія предпринять шагъ, столь оскорбительный для митрополита реймскаго, былъ удержанъ отъ этого и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ самъ утвердилъ низложеніе младшаго Гинкмара и посвятилъ его преемника Гильденульфа. Поэтому онъ лишь настолько выразилъ свое благоволеніе къ просьбѣ, что далъ низложенному епископу позволеніе отправлять литургію, и назначилъ ему пенсію изъ доходовъ лаонской каѳедры, отказавшись принять отреченіе Гильденульфа, заявлявшаго, что его здоровье лишало его возможности исполнять свои обязанности. Враги старшаго Гинкмара, однако же, рѣшились извлечь изъ этого дѣла все, что только можно было для торжества надъ нимъ; они облачили слѣпца въ епископскія одежды, и съ торжествомъ представивъ его папѣ, повели его въ соборный храмъ, гдѣ онъ раздавалъ благословенія народу. Неизвѣстно, какой отвѣтъ папа получилъ на свою просьбу о помощи, но несомнѣнно, что помощи ему не было послано.

Іоаннъ задался мыслью провести свое притязаніе на распоряженіе императорскимъ престоломъ еще дальше, избирая лицо, которое своимъ возвышеніемъ явно было бы обязано только папскому благоволенію,—именно Бозо, вице-короля провансскаго, съ которымъ онъ подружился во время посѣщенія имъ Франціи. Предположеніе это, однако же, оказалось невозможнымъ; не болѣе успѣха папа имѣлъ и въ попыткѣ обезпечить королевство Италіи за своимъ кандидатомъ. Но по смерти Людовика Заики Бозо былъ избранъ партіей епископовъ и вельможъ въ короли Прованса, который тогда вновь сдѣлался самостоятельнымъ государствомъ, и повидимому избранію его содѣйствовало мнѣніе, будто бы онъ пользовался поддержкой со стороны папы, хотя Іоаннъ вскорѣ затѣмъ писалъ архіепископу вьеннскому, укоряя его за то, что онъ дѣйствовалъ отъ имени авторитета Рима въ пользу Бозо, котораго папа поноситъ нарушителемъ мира въ государствѣ. Іоаннъ умеръ въ декабрѣ 882 года; разсказываютъ, что нѣкоторые изъ его собственныхъ родственниковъ поднесли ему ядъ, и найдя, что ядъ не оказалъ быстраго дѣйствія, разбили ему голову молотомъ [1]).

---

[1]).Hincm. Annal. pp. 506—8.

Окт. 879 г.

Въ томъ же мѣсяцѣ умеръ и великій поборникъ франкской церкви. Къ концу своей жизни, Гинкмаръ имѣлъ серьезный споръ съ Людовикомъ III касательно назначенія епископа въ Бове [2]). Въ отвѣтъ на заявленіе королемъ своего презрѣнія къ подданному, который осмѣливался вмѣшиваться въ его дѣла, архіепископъ употреблялъ весьма сильныя выраженія касательно отношеній между епископской и королевской властью. По его заявленію, епископы могутъ поставлять королей, но короли не могутъ посвящать епископовъ, и что о преемникахъ апостоловъ нельзя говорить, какъ о подданныхъ. „Какъ Господь сказалъ: не вы избрали Меня, а Я избралъ васъ, такъ и я съ своей стороны могу сказать: не ты избралъ меня на прелатство въ церкви, а я, съ моими сотоварищами и другими вѣрными Божіими, избралъ тебя въ качествѣ управителя государства, подъ условіемъ должнаго соблюденія законовъ“ [3]). Гинкмаръ наконецъ, вынужденъ былъ оставить свой городъ вслѣдствіе приближенія разрушительныхъ силъ норманновъ. Онъ выбылъ на носилкахъ, захвативъ съ собою мощи св. Ремигія, и умеръ въ Эпернаѣ, 21 декабря [4]).

882 г.

Первый и второй преемники Іоанна на папскомъ престолѣ, Маринъ (882 г.) и Адріанъ III (884 г.), повидимому, были избраны безъ императорскаго соизволенія и подъ вліяніемъ германскихъ интересовъ. По смерти Адріана, послѣдовавшей на его пути въ Германію, въ 885 году, Стефанъ V былъ посвященъ безъ всякаго обращенія за согласіемъ къ императору Карлу Толстому; но Карлъ выразилъ крайнее неудовольствіе на такое упущеніе, и уже принялъ было мѣры для низложенія папы, какъ къ императорскому двору прибылъ римскій легатъ, которому и удалось утишить его гнѣвъ,— представленіемъ длиннаго списка епископовъ, духовенства и знати, участвовавшихъ въ избраніи.

---

[1]) Annal. Fuld. отъ 882 года.

[2]) См. его отлученіе на назначеннаго королемъ, Opera, II, 811.

[3]) Opera, 198—9.

[4]) Анналы св. Бертина, составляющіе наиболѣе цѣнное свидѣтельство объ этомъ періодѣ, по предположенію, были написаны имъ отъ 861 года до послѣдняго мѣсяца его жизни. Pertz, I, 420—2. О характерѣ Іоанна см. Gregorov. III, 223—5.

Карлъ Толстый, младшій сынъ Людовика германскаго, получилъ императорскую корону отъ Іоанна VIII въ 871 году [1]), и вслѣдствіе смерти другихъ принцевъ мало по малу сдѣлался властелиномъ всей Каролингской имперіи. Но его царствованіе было несчастнымъ: въ 887 году онъ былъ низложенъ Арнульфомъ, незаконнымъ сыномъ своего брата Карломана, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ проживъ милостыней, умеръ въ слѣдующемъ году,—отъ болѣзни ли, или отъ насилія, неизвѣстно. О народномъ чувствѣ по отношенію къ этому несчастному государю, послѣднему законному наслѣднику Карла Великаго, можно заключать изъ тона, въ которомъ о немъ говорятъ анналисты того времени. Они любовно останавливаются на его добродѣтеляхъ и хорошихъ качествахъ, выражаютъ увѣренность, что страданія, которыя онъ терпѣливо переносилъ въ этомъ мірѣ, приготовили ему путь къ лучшему наслѣдію на небѣ, и разсказываютъ даже, что во время его смерти отверзлись небеса и приняли его душу [2]).

ГЛАВА XXXIV.

Греческая церковь.—Патріархъ Фотій.

842—898.

Михаилъ III, сынъ Θеофила и Θеодоры, воспитался подъ худыми вліяніями. Его дядя по матери, Варда, строилъ честолюбивые планы на порчѣ характера юнаго принца. Изъ его опекуновъ одного онъ устранилъ посредствомъ смерти, а другаго вынудилъ удалиться въ монастырь, и чрезъ посредство одного недостойнаго воспитателя, а также и своими собственными бесѣдами, онъ внушилъ императору ревнивую нетерпимость къ какому бы то ни было контролю со стороны матери и сестры. Въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ Михаилъ совершенно сбросилъ съ себя всякое иго. Θеодора созвала сенатъ, показала ему сокровища, скопленныя ея экономіей [3]), съ тою цѣлью, чтобы ее не подозрѣвали впослѣдствіи въ оставленіи своего сына безъ должнаго обезпеченія, отказалась отъ своего участія въ управленіи и удалилась изъ дворца 1).

---

[1]) Pertz, v, 108.

[2]) Annal. Fuld. ap. Pertz, 1, 405; также 525, 597—8.

[3]) Const. Porph. v, 27. Нѣкоторые оцѣниваютъ эти сокровища приблизительно въ 25.000,000 рублей.

Михаилъ тогда вполнѣ предался своимъ развращеннымъ вкусамъ и аппетитамъ. Любимыми сотоварищами его были атлеты, наѣздники, музыканты, шуты и танцовщицы. Онъ самъ записывался въ число участниковъ публичныхъ колесничныхъ бѣговъ и настаивалъ на принятіи своихъ призовъ отъ руки одной иконы. Онъ принималъ участіе въ пиршествахъ и попойкахъ своихъ сотоварищей, крестилъ у нихъ дѣтей, и при такихъ случаяхъ щедро расточалъ подарки; награждалъ дѣла отвратительнаго шутовства драгоцѣнными дарами, и даже поощрялъ своихъ негодныхъ любимцевъ выдѣлывать грубыя и скотскія выходки по отношенію къ своей матери. Полученное имъ въ наслѣдство богатство скоро было растрачено, и послѣ попытокъ пополнить свою опустѣвшую казну ограбленіемъ церковныхъ украшеній, онъ дошелъ до того, что принужденъ былъ переплавить въ монету свои доспѣхи и даже золотыя украшенія императорскихъ одеждъ 2). Самыми безобразными изъ выходокъ Михаила были его издѣвательства надъ религіей. Онъ учредилъ шутовскую іерархію, главой которой былъ нѣкій Ѳеофилъ, извѣстный подъ именемъ Грилла 3). Подъ главенствомъ этого патріарха было двѣнадцать митрополитовъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ императоръ. Они принимали шутовское посвященіе, одѣвались въ дорогія одежды въ подражаніе церковному облаченію, пѣли грязныя пѣсни подъ музыку, составленную въ издѣвательство надъ церковнымъ пѣніемъ, шутовски пересмѣивали судебные процессы, осужденія и низложенія епископовъ, имѣли свои украшенные драгоцѣнностями напрестольные сосуды, въ которыхъ совершали евхаристію на горчицѣ и уксусѣ 4). При одномъ случаѣ эта безобразная свора встрѣтила патріарха Игнатія во главѣ торжественной процессіи, и Гриллъ, сидя верхомъ на ослѣ, грубо пересмѣивалъ его, а сопровождавшіе его сотоварищи въ издѣвательство брянчали на своихъ арфахъ, оскорбляли патріарха грязными ругательствами и били сопровождавшее его духовенство 5). Послѣ смерти ихъ покровителя, нѣкоторые изъ негодяевъ, участвовавшихъ въ этихъ безобразіяхъ, были потребованы къ отвѣтственности предъ великимъ соборомъ 869 года, гдѣ они и оправдывали себя тѣмъ, что дѣйствовали изъ страха предъ императоромъ, и выражали сокрушеніе о своихъ грѣхахъ 6).

---

1) Const. Porph. iv, 20; Cedrenus, 542—4.

2) Const. Porph. iv, 21, v. 26—7; Cedren. 544, 552—4.

3) Γρύλλος или γρῦλος—поросенокъ.

4) Conc. Cpol. iv, ap. Hard. v, 893, 906; Vita Ignatii, тамъ же, 973; Const. Porph. iv, 38, v, 21; Cedren. 553—4.

5) Const. Porph. iv, 38, v, 22; Cedren. 554.

6) Hard. v. 893, 905—6.

Съ теченіемъ времени въ характерахъ, которыми уже и раньше отличались греческая и латинская церкви, произошли значительныя измѣненія. Среди грековъ любовь къ умозрѣнію смѣнилась установившейся обрядностью, между тѣмъ какъ сухость латинянъ уступила мѣсто новой жизни, влитой вступленіемъ варварскихъ народовъ въ церковь. Но, хотя и въ иномъ сравнительно съ прежнимъ временемъ смыслѣ, между ними все еще продолжало существовать замѣтное различіе. Вліяніе бл. Августина, который оставилъ столь глубокій слѣдъ на западномъ умѣ и придалъ особенно большое значеніе ученію о благодати, не простиралось на Востокъ. Со времени трулльскаго собора церкви уже отличались между собой разностями въ обычаяхъ, особенно касательно брака духовенства, и хотя вопросъ о происхожденіи Св. Духа не возбуждался во времена Карла Великаго, однако же онъ все еще оставался тѣмъ догматическимъ центромъ, вокругъ котораго могли сосредоточиваться и другія причины разногласія. Каѳедра римская постепенно поднялась на высоту, далеко превосходящую ея старую соперницу, и въ то время, какъ Константинополь не могъ не быть недовольнымъ такой перемѣной, съ римской стороны обнаруживалось къ тому же и явное желаніе дать почувствовать это превосходство. Политическія соперничества также содѣйствовали поддержанію тлѣющей искры недружелюбія, которая при всякомъ случаѣ могла раздуться въ цѣлое пламя. И вотъ именно теперь одинъ личный вопросъ послужилъ причиной разрыва, который весьма сильно содѣйствовалъ окончательному раздѣленію церквей.

Сынъ Михаила Рангавы, Никита, по низложеніи своего отца, въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ былъ заключенъ въ монастырь [1]). Онъ принялъ имя Игнатія, сдѣлался священникомъ и, пріобрѣтя великое уваженіе за свое благочестіе, въ 846 году, по совѣту одного знаменитаго отшельника, былъ возведенъ Ѳеодорой на каѳедру Константинополя [2]). Предшественникъ его, Меѳодій, находился въ разногласіи съ Григоріемъ, епископомъ сиракузскимъ, который, будучи изгнанъ изъ своего собственнаго діоцеза сарацинами, обыкновенно жилъ въ Константинополѣ, и патріархъ произнесъ противъ этого епископа анаѳему. Въ Игнатіѣ чувство церковнаго антагонизма едва ли не могло быть усилено тѣмъ обстоятельствомъ, что Григорій былъ сынъ Льва „армянина“, которымъ былъ низложенъ его отецъ, Михаилъ. Онъ отказалъ Григорію въ участіи при его посвященіи; въ 851 году онъ низложилъ и отлучилъ его за противоканоническое рукоположеніе лица изъ другаго діоцеза, и по просьбѣ патріарха приговоръ этотъ былъ подтвержденъ римскимъ соборомъ при Бенедиктѣ III [1]). Населеніе столицы подѣлилось между Игнатіемъ и Григоріемъ; но хотя противодѣйствіе патріарху и было сильное, онъ пріобрѣлъ себѣ высокое и заслуженное довѣріе своею дѣятельностью въ качествѣ архипастыря.

---

[1]) Vita Ignatii, составленная Никитой и Давидомъ, у Hard. v, 945; Const. Porph. I, 10.

[2]) Vita, 945—53; Cedren. 551.

Относясь съ добросовѣстною ревностью къ обязанностямъ своего служенія, онъ счелъ себя обязаннымъ переговорить съ Вардой по предмету одного взводившагося на него грязнаго обвиненія, будто именно этотъ сановникъ, по какому то ничтожному предлогу разведясь съ своей женой, жилъ въ преступной связи съ вдовой своего сына, и когда словесный укоръ его оказался недѣйствительнымъ, патріархъ приступилъ къ столь рѣшительной мѣрѣ, что отказалъ ему въ святой евхаристіи въ день Богоявленія 857 года [2]). Варда, вліяніе котораго на племянника постоянно возрастало, рѣшился отомстить за это. Онъ убѣдилъ Михаила, что въ видахъ обезпеченія его власти было бы полезно принудить Ѳеодору и ея дочерей принять монашество, и Игнатій былъ потребованъ для совершенія надъ ними постриженія. Патріархъ отказался—на томъ основаніи, что это было бы нарушеніемъ его долга по отношенію къ императрицѣ и одной изъ ея дочерей, которыя волею Ѳеофила были назначены членами регентства. Вслѣдствіе этого Варда обвинилъ его въ измѣнѣ, прибавляя и обвиненіе его въ преданности интересамъ одного сумасшедшаго претендента на престолъ, по имени Гевона, и Игнатій былъ отправленъ въ ссылку на островъ Теревинѳъ [3]).

Варда рѣшилъ занять вакантный престолъ человѣкомъ, блестящая репутація котораго могла бы подавить ропотъ, возбужденный низложеніемъ Игнатія, именно Фотіемъ. Фотій былъ членомъ одного знатнаго византійскаго семейства, двоюроднымъ внукомъ патріарха Тарасія, и связанъ былъ съ императорскимъ домомъ бракомъ своего дяди съ сестрой Ѳеодоры. Онъ жилъ среди полнаго богатства и блеска, былъ посланникомъ къ калифу багдадскому, теперь состоялъ секретаремъ государства и протоспатаріемъ [4]), и среди своихъ занятій пріобрѣлъ ученость, настолько превосходящую ученость его современниковъ, что враги его даже относили ее къ темнымъ источникамъ [5]). У него было въ обычаѣ заниматься отчасти своими учеными трудами въ сообществѣ съ своимъ братомъ Тарасіемъ, и прощаясь съ нимъ, по случаю отправленія своего посольства въ Багдадъ, онъ подарилъ ему на память отчетъ о книгахъ, которыя Фотій прочиталъ самъ 1). Этотъ трудъ — *Миріобиблонъ* или *Библіотека* содержитъ въ себѣ замѣчанія о 280 книгахъ классической и церковной литературы, съ краткимъ содержаніемъ, сокращеннымъ изложеніемъ, извлеченіями и толкованіями, и вдобавокъ къ своему значенію въ качествѣ сокровищницы многаго такого, что иначе погибло бы, онъ замѣчателенъ въ исторіи литературы въ качествѣ прототипа новѣйшихъ критическихъ обозрѣній. Среди его другихъ сочиненій извѣстны словарь, книга разсужденій по вопросамъ изъ св. Писанія, значительное количество писемъ и собраніе церковныхъ законовъ 2).

---

[1] Vita Ign. 961; Nicol. Ep. VII, col. 139.

[2] Const. Porph. IV, 30; G. Hamart. Contin. p. 735; Vita Ign. 956.

[3] Ignat. Ep. ad Nicol. ap. Hard. V, 1013; Vita, 956—7. Anastas. ad Hadrian, тамъ же, 770.

[4] Этотъ титулъ, который, по буквальному смыслу, означаетъ „начальника тѣлохранителей“, считался просто лишь почетнымъ.

[5] Vita Ign. 960; Const. Porph. IV, 22; Cedren. 545.

За исключеніемъ тѣхъ свѣденій, которыя можно извлекать изъ его собственныхъ произведеній, наши свѣденія о Фотіѣ почти исключительно заимствуются у его противниковъ. Вражда ихъ въ его время была ожесточенна, и его имя съ того времени преслѣдовалось писателями въ папскихъ интересахъ съ озлобленіемъ, которое, вѣроятно, можетъ находить параллель только въ ихъ отношеніи къ протестантскимъ реформаторамъ. Жизнеописатель Игнатія разсказываетъ, что новый патріархъ принималъ участіе въ попойкахъ Михаила и не стѣснялся сообществомъ съ Грилломъ и его шайкой 3), а другой греческій писатель свидѣтельствуетъ, что при одномъ случаѣ, когда императоръ былъ мертвецки пьянъ отъ пятидесяти чаръ, Фотій выпилъ шестьдесятъ, не обнаруживая никакихъ признаковъ опьяненія 4). Второе изъ этихъ обвиненій, однако же, сопровождается столь грубыми вымыслами, что они совершенно подрываютъ довѣріе къ свидѣтельствамъ автора противъ Фотія 5), и такія росказни крайне несовмѣстимы съ тѣмъ признаніемъ его враговъ, что онъ пользовался (хотя, по ихъ мнѣнію, и незаслуженно) славой человѣка благочестиваго 6). Безупречно было и его православіе, хотя впослѣдствіи его и обвиняли въ ученіи, что человѣкъ имѣетъ какъ разумную, такъ и духовную душу,—мнѣніе, находящее себѣ подтвержденіе въ авторитетѣ многихъ изъ прежнихъ отцовъ 7). Подобно Игнатію, онъ былъ поборникомъ въ дѣлѣ

---

1) Bybliotheca, p. 1. edit. Hoeschel, Rothomag, 1653 г.

2) Первая попытка полнаго изданія сочиненій Фотія сдѣлана Минемъ, въ его Patrol. Gr. 101—104. Въ этомъ изданіи письма приведены въ порядокъ, съ прибавленіемъ изданныхъ епископомъ Мунтагу (Лондонъ, 1651 г.). Новое изданіе этихъ писемъ съ греческимъ введеніемъ и примѣчаніями, въ которыхъ Фотій ревностно защищается противъ нападокъ латинянъ, издано было Валеттой въ Лондонѣ, отъ 1864 года.

3) Hard. v, 976.

4) Sym. Magistr, De Michaeli, 19.

5) Напримѣръ, cc. xxix, xxx, xxxiii, xxxiv, xxxvi.

6) Это допускается въ окружномъ посланіи осудившаго его собора (Hard. v, 1108).

7) Sym. Mag. 38. Anast. Bybl. in. Patrol. cxxix, 14. Оно осуждено было соборомъ отъ 869—70 гг. (кан. 10 въ греческомъ и 11 въ латинскомъ). Hard. v, 903, 1101.

иконопочитанія, за которое, по его свидѣтельству, его родители потерпѣли во времена гоненія [1]).

Чтобы уладить дѣло, сдѣланы были попытки склонить Игнатія къ отреченію отъ своего достоинства; но такъ какъ такой шагъ повлекъ бы за собою признаніе виновности, то онъ твердо противодѣйствовалъ какъ просьбамъ, такъ и жестокостямъ [2]). Наконецъ однако же, его удалось склонить къ такому образу дѣйствія, который дворъ могъ считать признакомъ согласія, и Фотій, будучи рукоположенъ Григоріемъ сиракузскимъ во всѣ степени священнослуженія въ теченіе шести послѣдовательныхъ дней, былъ возведенъ на престолъ въ качествѣ патріарха въ праздникъ Рождества Христова [3]). Онъ неоднократно заявляетъ даже въ письмахъ къ самому Вардѣ, что возвышеніе это было навязано ему, и передаетъ папѣ, что онъ даже подвергнутъ былъ тюремному заключенію, прежде чѣмъ принять достоинство патріарха [4]). И намъ нѣтъ надобности предполагать неискренность его отказовъ; даже и честолюбивый человѣкъ имѣлъ всѣ основанія колебаться принять затруднительное положеніе, которое нужно было занимать вопреки такого уважаемаго патріарха, какимъ былъ Игнатій, и по милости такихъ покровителей, какъ Варда и Михаилъ; хотя въ смягченіе непристойности вторженія во дворецъ патріарха, который былъ еще живъ и отреченіе котораго было лишь искусственнымъ, нужно принимать во вниманіе и то, что Фотій принадлежалъ къ партіи Григорія, и поэтому могъ имѣть лишь немного основаній для личной щекотливости по отношенію къ правамъ Игнатія.

Разсказываютъ, что митрополиты патріархата потребовали отъ него клятвы, что онъ будетъ почитать низложеннаго патріарха, какъ отца [5]), да и самъ онъ получилъ отъ Варды обѣщаніе, что съ

---

[1]) Нѣкоторые утверждали, что онъ говоритъ, будто его родители потерпѣли мученичество за дѣло иконопочитанія; но это, повидимому, возникло отъ смѣшенія двухъ мѣстъ, въ одномъ изъ которыхъ онъ говоритъ о ихъ страданіяхъ въ этомъ дѣлѣ (Ep. 113), а въ другомъ, что они умерли рано и были украшены „вѣнцомъ мученическаго терпѣнія“ (Ep. 234, p. 349). Есть одно замѣчательное письмо (64), въ которомъ онъ отвѣчаетъ на возраженіе, дѣлавшееся иконоборцами своего времени, что такъ какъ каждый народъ имѣетъ различныя изображенія Спасителя, то быдто бы и не могло быть подлиннаго. Фотій отвѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ можно бы, на основаніи различія въ переводахъ, доказывать, что нѣтъ подлиннаго евангелія, или изъ различныхъ изображеній креста, что нѣтъ истиннаго креста, или изъ обрядовыхъ и литургическихъ разностей выводить возраженіе противъ евхаристіи вообще, или, такъ какъ каждый народъ предполагалъ, что Спаситель воплотился въ его собственное подобіе, можно бы отвергать и самую исторію воплощенія.

[2]) Vita, 957.

[3]) Vita Ign. 961.

[4]) Ep. III, 6 ad Bardam; Ep. ad Nicol. ap. Baron. 861. 36 (= Ep. 2, edit. Migne); Hard. VI, 253.

[5]) Vita Ign. 961.

Игнатіемъ будутъ обращаться хорошо. Но очень скоро ему пришлось съ огорченіемъ убѣдиться, что обѣщаніе это было не исполнено. Игнатія, съ цѣлью принудить его къ болѣе открытому отреченію, подвергали холоду и наготѣ, бичевали, приковывали на цѣпь въ мрачной темницѣ и даже лишали того утѣшенія, которое онъ могъ бы получить отъ посѣщенія своихъ друзей, причемъ многіе изъ его сторонниковъ также подвергались побоямъ, тюремному заключенію и уродованію, съ обычною византійскою жестокостью, и Фотій долженъ былъ нести на себѣ весь позоръ неистовствъ, совершавшихся въ нарушеніе потребованнаго имъ залога и въ пренебреженіе къ его искреннимъ просьбамъ и протестамъ [1]. Приверженцы Игнатія были ревностны и рѣшительны. Они составили соборъ, на которомъ Фотій былъ отлученъ, на что патріархъ, который, какъ можно судить по 859 г. его письмамъ, былъ человѣкъ весьма вспыльчиваго темперамента, отвѣчалъ созваніемъ другаго собора и произнесеніемъ подобнаго же приговора противъ Игнатія [2]. Съ цѣлью упрочить свое положеніе, онъ отправилъ сообщеніе о своемъ посвященіи въ Римъ, съ просьбою, чтобы папа отправилъ легатовъ на соборъ, который имѣлось въ виду составить въ Константинополѣ для подавленія иконоборческой партіи, опять пытавшейся поднять голову. Посланіе его сопровождалось письмомъ отъ императора, вмѣстѣ съ великолѣпными дарами апостольской каѳедрѣ. Обращеніе за помощью противъ иконоборцевъ, повидимому, было простымъ предлогомъ [3], причемъ дѣйствительною цѣлью было желаніе склонить папу въ пользу Фотія. Между тѣмъ сдѣланы были новыя попытки, съ цѣлью добиться отреченія Игнатія, сначала посредствомъ усиленія жестокостей по отношенію къ нему и его партіи, а затѣмъ позволеніемъ ему возвратиться въ Константинополь и предложеніемъ возвращенія ему собственности.

Папа Николай, только что предъ тѣмъ возведенный на папскую каѳедру, несомнѣнно уже лучше знакомъ былъ съ послѣдними событіями въ Константинополѣ, чѣмъ какъ воображалъ патріархъ или императоръ; онъ увидѣлъ въ ихъ обращеніи къ нему благопріятный случай для расширенія своего вліянія, и представлялъ все дѣло какъ обращеніе къ его рѣшенію. Онъ письменно отвѣчалъ 860 г. императору въ тонѣ независимаго властелина, и въ качествѣ намека на цѣну, которую онъ придавалъ своему содѣйствію, настаивалъ на возстановленіи провинцій, изъятыхъ изъ его юрисдикціи, и на возвращеніи вотчинъ церкви въ Калабріи и Сициліи [1]). Онъ выразилъ удивленіе, что дѣло Игнатія рѣшено было безъ сношенія съ Римомъ, и притомъ по основаніямъ, противорѣчащимъ законамъ церкви; не преминулъ онъ сдѣлать замѣчаніе также и касательно той непослѣдовательности, что въ то время, какъ Фотій писалъ, будто бы его предшественникъ отрекся отъ патріаршества вслѣдствіе престарѣлаго возраста и немощи, императоръ говорилъ, что онъ былъ низложенъ. Въ Константинополь были отправлены въ качествѣ легатовъ два епископа, Родоальдъ портскій и Захарія анагнійскій, съ инструкціями разслѣдовать дѣло и не допускать Фотія къ общенію, кромѣ какъ въ качествѣ мірянина [2]). Имъ вручено было краткое письмо къ патріарху, въ которомъ папа обращалъ вниманіе на поспѣшность его посвященія, но въ то же время заявляя, что если легаты сдѣлаютъ благопріятное отношеніе, онъ будетъ радъ признать его своимъ собратомъ [3]).

---

[1] Phot. Ep. III, 6 ad Bardam.

[2] Vita Ign. 964. Акты потеряны, но приговоръ, вѣроятно, опирался на почвѣ противо-каноничности избранія и политическихъ проступковъ.

[3] Жизнеописатель Игнатія такъ именно и говоритъ объ этомъ (964). Симеонъ Магистръ разсказываетъ (45), что по приказанію Михаила гробницы Константина Копронима и Іоанна Грамматика были разрушены и тѣла ихъ сожжены. Сн. G. Hamart. Contin. p. 746.

Михаилъ, раздраженный тономъ папскаго отвѣта, принялъ легатовъ съ безчестіемъ. Они были задержаны въ Константинополѣ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, и къ нимъ приставали съ угрозами и подкупомъ, которые не остались безъ вліянія [4]). Наконецъ, въ 861 году состоялся соборъ, называемый греками „перво-вторымъ“ [5]), и состоявшій, подобно никейскому собору, изъ 380 епископовъ. Этимъ соборомъ Фотій былъ признанъ патріархомъ. На немъ было прочитано письмо отъ папы, но съ опущеніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя могли производить смущеніе, хотя неизвѣстно, дѣлалось ли это съ согласія самихъ легатовъ, или опущеніе допущено было вслѣдствіе ихъ незнанія греческаго языка. Игнатій былъ приведенъ на соборъ, и ему предъявлено было требованіе подписать свое собственное осужденіе. Онъ держалъ себя съ непреклоннымъ духомъ, выражалъ желаніе, чтобы легаты удалили „прелюбодѣя“, если только они хотѣли быть истинными судьями, и прямо въ лице говорилъ имъ, что они подкуплены [6]). Приведены были 72 свидѣтеля (немногіе изъ нихъ сенаторы и патриціи, а большинство лица низшаго состоянія, кузнецы, кучера, игольщики и тому подобные люди, причемъ нѣкоторые называются даже еретиками) для подписи бумаги, въ которой утверждалось, что онъ возведенъ былъ на патріаршій престолъ по милости императора, безъ всякаго каноническаго избранія [1]). Его лишили патріаршихъ одѣяній, въ которыхъ, такъ какъ это было предоставлено его собственному усмотрѣнію, онъ считалъ своимъ долгомъ явиться на соборъ, подвергли побоямъ, и наконецъ вынудили подписать крестомъ признаніе, что онъ получилъ свой санъ незаконно и отправлялъ свою должность тираннически. Затѣмъ ему было объявлено, что онъ долженъ прочитать этотъ документъ публично въ день св. Троицы, и при этомъ произносились угрозы выколоть ему глаза и отсѣчь руки. Но ему удалось бѣжать въ одеждѣ раба, и онъ нашелъ убѣжище среди иноковъ островов отъ поисковъ, снаряженныхъ за нимъ Вардой [2]). Случившееся въ то время землетрясеніе было истолковано народомъ въ качествѣ небеснаго знаменія въ его пользу, причемъ Фотій, представляя другое объясненіе его, навлекъ на себя обвиненіе въ нечестіи [3]). Варда, подъ давленіемъ общаго чувства, позволилъ низложенному патріарху возвратиться въ одинъ монастырь въ столицѣ, причемъ Михаилъ шутилъ о положеніи вещей, говоря, что Гриллъ былъ его собственнымъ патріархомъ, Игнатій патріархомъ христіанъ, а Фотій патріархомъ Варды [4]).

---

[1]) Ep. 2 ap. Hard. v, 339.

[2]) Nic. Ep. 1.

[3]) Ep. 3.

[4]) Nic. Ep. 10.

[5]) По одному объясненію, онъ названъ былъ такъ потому, что будучи вынужденъ, вслѣдствіе нападенія иконоборцевъ, прекратить свои засѣданія, онъ возобновилъ ихъ потомъ.

[6]) Hard. v, 1016; Vita, 965.

Дѣянія собора были посланы папѣ Николаю, съ просьбою отъ императора объ утвержденіи ихъ, и въ то же самое время Фотій обратился къ папѣ съ письмомъ, которое искусствомъ своего составленія вызвало невольный восторгъ Баронія [5]). Въ немъ онъ съ паѳосомъ оплакиваетъ возвышеніе, принять которое онъ вынужденъ былъ, по его заявленію, силою; папѣ, говоритъ онъ, должно бы скорѣе жалѣть, чѣмъ порицать его за то, что онъ перемѣнилъ жизнь мира, довольства и общаго уваженія на постъ, связанный съ опасностью, заботами, непопулярностью и завистью. Что касается церковныхъ законовъ, о которыхъ говорилъ Николай въ своихъ письмахъ, то они не были извѣстны въ Константинополѣ [6]). Канонъ, которымъ запрещались такія рукоположенія, какъ его, не обязателенъ, такъ какъ онъ не былъ утвержденъ вселенскимъ соборомъ; свое рукоположеніе онъ защищаетъ параллельными случаями своихъ предшественниковъ, Никифора и Тарасія, которые были возведены въ патріаршій санъ изъ мірянъ, а также еще болѣе извѣстными случаями Амвросія на Западѣ и Нектарія на Востокѣ, которые были избраны на епископію еще до своего крещенія. На послѣднемъ соборѣ, говоритъ онъ, онъ утвердилъ канонъ, запрещающій возвышеніе мірянъ на епископію, кромѣ какъ подъ условіемъ прохожденія надлежащихъ степеней, и выражаетъ желаніе, чтобы церковь константинопольская впредь соблюдала это правило, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ и самъ избѣгъ бы тѣхъ треволненій, которыя теперь постигли его. Тонъ патріарха, хотя и почтительный, однако же повсюду есть тонъ равнаго къ равному. Въ заключеніе письма онъ съ горькой ироніей дѣлаетъ намекъ на нравственность римлянъ, и молится, чтобы Римъ не продолжалъ оставаться долѣе прибѣжищемъ недостойныхъ лицъ, въ родѣ тѣхъ, кого онъ недавно принималъ безъ общительныхъ грамотъ,—прелюбодѣевъ, воровъ, пьяницъ, угнетателей, убійцъ и приверженцевъ всякой нечистоты, которые бѣжали изъ Константинополя изъ страха наказанія за свои пороки. Намекъ этотъ относился къ бѣглецамъ игнатьевой партіи.

---

[1]) Его жизнеописатель говоритъ, что онъ былъ должнымъ образомъ избранъ народомъ и епископами, и что обвиненіе это съ гораздо большимъ основаніемъ могло бы быть сдѣлано противъ Фотія. 968.

[2]) Vita, 672.

[3]) Vita, 972; Sym. Mag. 35.

[4]) Vita, 973.

[5]) Baron. 861, 33, 35. Онъ даетъ его въ переводѣ 34—54. Греческаго подлинника нѣтъ въ изданіи Мунтагу, но Ep. 2 въ Патрологіи Миня (сп) и Ep. 1 въ изданіи Валетты.

[6]) Это не значитъ, что тутъ разумѣются ложныя декреталіи, а только вообще западные церковные каноны.

Но Игнатій, съ своей стороны, также отправилъ папѣ свое собственное донесеніе о послѣднихъ событіяхъ, и Николай, въ высокомѣрномъ тонѣ, писалъ какъ императору, такъ и патріарху [1]). Римская церковь, говоритъ онъ, есть глава всѣхъ, и отъ нея зависятъ всѣ [2]). Онъ устраняетъ параллели, которыя приводилъ Фотій въ пользу законности своего посвященія, на томъ основаніи, что указанныя имъ личности не вторгались на живое мѣсто незаконно низвергнутыхъ православныхъ епископовъ, и говоритъ Фотію, что если онъ не зналъ законовъ церкви, то это потому, что они шли противъ его дѣла. На соборѣ, состоявшемся въ 863 году, папа низложилъ и отлучилъ Захарію за незаконное поведеніе въ его посольствѣ, отлагая дѣло Родоальда, который тогда находился въ миссіи во Франціи; онъ объявилъ Фотія лишеннымъ всякой духовной должности и достоинства, и угрожалъ, что въ случаѣ непослушанія съ его стороны онъ будетъ отлученъ безъ надежды на возстановленіе до смертнаго одра; объявилъ недѣйствительными всѣ совершенныя имъ рукоположенія и угрожалъ его соучастникамъ и сторонникамъ отлученіемъ. Всѣ постановленія противъ Игнатія должны были быть объявлены недѣйствительными, и папа требовалъ, чтобы онъ былъ признанъ патріархомъ. Опредѣленіе этого собора папа изложилъ въ письмѣ къ императору, и хотѣлъ, чтобы патріархамъ Александріи, Антіохіи и Іерусалима было дано знать, что римская церковь отнюдь не согласна признать Фотія [3]).

---

[1]) Ep. 5—6.

[2]) Hard, v. 133.

[3]) Epp. 7, 4.

Михаилъ отвѣчалъ на это письмо съ запальчивымъ негодованіемъ, что своимъ обращеніемъ къ папѣ онъ отнюдь не имѣлъ въ виду признавать его судьей, или заявить, что его собственное духовенство не вправѣ рѣшить это дѣло; надъ Римомъ онъ издѣвался какъ надъ устарѣлымъ, и надъ латинскимъ языкомъ какъ надъ варварскимъ жаргономъ [1]. Николай, поощренный въ своемъ высокомѣріи своимъ недавнимъ торжествомъ надъ Лотаремъ, отвѣчалъ императору съ неменьшею заносчивостью [2]. Онъ обвиняетъ его въ неуваженіи къ священникамъ Божіимъ, и такъ какъ Михаилъ говорилъ о „приказаніи“ ему послать легатовъ на соборъ, то онъ заявляетъ ему, что такихъ выраженій не слѣдуетъ употреблять по отношенію къ преемникамъ ап. Петра. На отзывъ о латинскомъ языкѣ онъ отвѣчаетъ, что такія слова, произнесенныя „въ крайнемъ безуміи“, оскорбительны для Того, Кто сотворилъ всѣ языки, и смѣшны, исходя отъ человѣка, который называлъ себя императоромъ римлянъ. Весьма подробно онъ останавливается на привилегіяхъ римской каѳедры, заимствованныхъ не отъ соборовъ, но отъ главы апостоловъ. Онъ изрекаетъ много угрозъ противъ всѣхъ, кто будутъ становиться на сторону враговъ Игнатія, предлагаетъ, чтобы соперничествующіе патріархи или ихъ представители явились въ Римъ для изслѣдованія дѣла, предлагаетъ императору воздерживаться отъ вмѣшательства въ духовныя дѣла, и желаетъ, чтобы онъ сжегъ свое послѣднее письмо, угрожая, что въ противномъ случаѣ онъ самъ повѣситъ его на позорный столбъ, и къ позору автора—сожжетъ его въ виду всѣхъ народовъ, находящихся въ Римѣ, и произноситъ проклятіе на всякаго, кто, читая его письма къ императору, въ какомъ либо отношеніи исказитъ или невѣрно переведетъ ихъ. Онъ отправилъ дѣянія римскаго собора духовенству константинопольскому съ подробнымъ изложеніемъ дѣла, и въ то же самое время писалъ Фотію, Игнатію, Вардѣ, Ѳеодорѣ и императрицѣ Евдоксіи.

Ноябрь 866 г.

Михаилъ, раздраженный противодѣйствіемъ Николая и самой формой его, искалъ какихъ нибудь средствъ для досажденія папѣ. Хотя императорскій титулъ Карла Великаго и признанъ былъ въ Константинополѣ, однако же онъ признавался въ качествѣ императора франковъ, а не Рима, и его преемники не добились отъ Востока какого либо высшаго титула, чѣмъ титулъ короля [3]. Михаилъ теперь предлагалъ признать Людовика п императоромъ, подъ условіемъ признанія имъ собора, который былъ столь непріятенъ для папы, и Людовикъ повидимому готовъ былъ принять эти условія. Но скоро случились событія, которыя не дали возможности осуществиться этой сдѣлкѣ.

---

[1] Nicol. ap. Hard. v, 161. Собственное письмо императора потеряно.

[2] Epp· 8, 9 (Мая 865, Ноября 866).

[3] Ῥῆξ, а не Βασιλεύς. См. Pagi xiii, 65.

Возникъ новый вопросъ, который еще болѣе усложнилъ разногласіе между греческой и латинской церквами. Болгары, по предположенію — народъ азіатскаго происхожденія, одной и той же расы съ гуннами, и въ одно и то же съ ними время поселившіеся близь Азовскаго моря, около 680 года заняли территорію въ Мизіи и Дарданіи, гдѣ, вслѣдствіе смѣшанныхъ браковъ съ туземными славянами, они постепенно перемѣнили свой первоначальный языкъ на нарѣчіе славянское. Съ Византійской имперіей они находились въ постоянныхъ враждебныхъ отношеніяхъ; Никифоръ потерялъ жизнь въ войнѣ съ ними, и они угрожали престолу Михаила Рангавы. Въ началѣ ix столѣтія среди нихъ введено было христіанство нѣкоторыми плѣнниками, но съ малымъ успѣхомъ. Во время регентства Ѳеодоры однако же случились обстоятельства, которыя дали новый поводъ къ утвержденію евангелія среди болгаръ. Одинъ монахъ, по имени Куфара, въ которомъ принимала участіе императрица, попалъ въ руки ихъ князя Богориса, и императрица предложила промѣнять на него сестру Богориса, которая тогда была плѣнницей въ Константинополѣ. Болгарская принцесса, обращенная въ христіанство во время своего плѣна, по возвращеніи въ свою собственную страну, ревностно продолжала дѣло, начатое Куфарой. Самъ Богорисъ не склонялся на ея убѣжденія, пока не наступилъ голодъ, во время котораго, напрасно обращаясь къ другимъ божествамъ, онъ наконецъ прибѣгъ къ Богу христіанъ; успѣхъ его молитвы закончился его обращеніемъ, и онъ крещенъ былъ патріархомъ константинопольскимъ, принявъ новое имя въ честь императора Михаила, который чрезъ своего представителя дѣйствовалъ въ качествѣ его крестнаго отца[1]. Новообращенный просилъ Михаила прислать ему живописца для украшенія его дворца, и въ Болгарію былъ посланъ инокъ, по имени Меѳодій (такъ какъ искусство тогда ограничивалось монастырями). Богорисъ велѣлъ ему разрисовать палату предметами какого либо страшнаго свойства, предполагая, что они будутъ взяты изъ опасностей охотничьей жизни; но инокъ нарисовалъ картину страшнаго суда, какъ наиболѣе ужасное изъ всѣхъ зрѣлищъ. Изображеніе ада, который, по объясненію инока, представлялъ собою будущую судьбу язычниковъ, устрашило князя на столько, что онъ побросалъ своихъ идоловъ, которыхъ еще удерживалъ дотолѣ, и многіе изъ его подданныхъ, подъ вліяніемъ страшнаго зрѣлища картины, рѣшились принять христіанство [1]. Возстаніе, вскорѣ происшедшее затѣмъ, вслѣдствіе обращенія князя, было подавлено имъ съ жестокостью, худо согласовавшеюся съ его новымъ исповѣданіемъ [2].

---

[1] Const. Porph. iv, 14; Cedrenus, 39—40. Время его крещенія различно опредѣляется—отъ 845 до 864 года; но болѣе позднее время, повидимому, вѣрнѣе. По другому разсказу, Богорисъ сдѣлалъ нашествіе на имперію, и будучи въ стѣсненномъ положеніи, самъ предложилъ сдѣлаться христіаниномъ, въ качествѣ условій мира. Андрей бергамскій, варварскій лѣтописецъ того времени, свидѣтельствуетъ, будто онъ отправился въ Римъ и тамъ крещенъ былъ Николаемъ (Patrol. cxi, 1274). Но это, какъ замѣчаетъ Грегоровіусъ (iii, 146), несовмѣстимо съ другими свидѣтельствами, и обстоятельство это, если бы оно было истинно, навѣрно было бы записано Анастасіемъ.

Фотій вѣроятно былъ тѣмъ патріархомъ, который ѣздилъ въ Болгарію для крещенія Богориса, и онъ обратился къ нему съ длиннымъ письмомъ, или, вѣрнѣе, съ трактатомъ [3] о христіанскомъ ученіи и жизни и особенно объ обязанностяхъ государя. Но вскорѣ затѣмъ мы находимъ, что болгарскій князь сдѣлалъ обращеніе къ папѣ Николаю, сопровождаемое цѣнными подарками, съ цѣлью получить отъ папы совѣтъ и содѣйствіе касательно обращенія своего народа [4]. Онъ повидимому чувствовалъ смущеніе въ виду притязаній соперничествующихъ формъ христіанства, греческаго, римскаго и армянскаго, и весьма естественно желалъ какого либо наставленія, болѣе сообразнаго съ объемомъ его познаній, чѣмъ нѣсколько слишкомъ утонченный трактатъ, полученный имъ отъ патріарха константинопольскаго [5]. Но вдобавокъ къ этому, въ высшей степени вѣроятно, что Богорисъ руководствовался при этомъ и ревнивымъ опасеніемъ имперіи, такъ тѣсно граничившей съ нимъ, и страхомъ предъ послѣдствіями, которыя могли возникнуть отъ религіозной связи съ своими старыми врагами. Николай въ отвѣтъ на его обращеніе отправилъ въ Болгарію двухъ епископовъ, Павла популонійскаго и Формаза портскаго, съ письмомъ, въ которомъ на предложенные ему вопросы давался отвѣтъ подъ ста шестью пунктами [6]. Этотъ документъ, обнаруживая обычное высокомѣрное притязаніе Рима, въ другихъ отношеніяхъ дѣлаетъ честь доброму смыслу и христіанскому чувству автора. Устраняя многіе легкомысленные вопросы, папа отвѣчаетъ на другіе съ мудрымъ вниманіемъ къ ихъ безразличію и съ заботливостью воздерживается отъ изложенія слишкомъ мелкихъ строгихъ правилъ. Въ письмѣ этомъ папа дѣлаетъ укоръ за жестокость, оказанную одному греку, выступавшему въ качествѣ священника; онъ порицаетъ короля за жестокость, къ которой онъ прибѣгалъ для подавленія недавняго возстанія, но говоритъ ему, что такъ какъ онъ дѣйствовалъ изъ ревности по вѣрѣ, и погрѣшилъ скорѣе по невѣденію, чѣмъ по нечестію, то онъ можетъ надѣяться на прощеніе, если раскается, и увѣщеваетъ его воздерживаться отъ употребленія насилія противъ тѣхъ, кто продолжаютъ оставаться въ своемъ идолопоклонствѣ, — правда, не имѣть съ ними болѣе общенія, но дѣйствовать по отношенію къ нимъ только оружіемъ разума. Онъ совѣтуетъ не употреблять болѣе пытки для раскрытія вины преступниковъ и съ такими лицами обращаться съ нѣжностью, приличною вѣрѣ, принятой болгарами. Вмѣсто конскаго хвоста, который дотолѣ былъ національнымъ знаменемъ, папа повелѣваетъ принять крестъ. Идолопоклонническіе обычаи заклинанія и гаданія должны быть оставлены. Тѣ, кто, будучи язычниками, женились на двухъ женахъ, должны были отпустить вторую и покаяться, такъ какъ многоженство не менѣе противно и первобытному состоянію человѣка, чѣмъ и закону Христа. Въ отвѣтъ на просьбу, чтобы для страны назначенъ былъ патріархъ, папа говоритъ, что онъ долженъ подождать доношенія своихъ посланныхъ касательно числа христіанъ; между тѣмъ онъ посылаетъ епископа, и готовъ послать и больше, если понадобится; и обѣщаетъ, что когда церковь будетъ устроена, то во главѣ ея будетъ поставленъ епископъ съ титуломъ если не патріарха, то архіепископа. Собственно, говоритъ онъ, только три патріаршихъ каѳедры, и хотя каѳедры константинопольская и іерусалимская и называются такъ, но онѣ низшаго достоинства, такъ какъ не имѣютъ апостольскаго основанія, и затѣмъ онъ заключаетъ свое посланіе увѣщаніемъ болгарамъ, чтобы они, среди притязаній соперничающихъ учителей, держались святой римской церкви, всегда бывшей безъ пятна или порока.

---

[1] Const. Porph. IV, 15. Cedren. 540—1.

[2] Hard. V.

[3] Phot. Ep. 1.

[4] Anastas. 260.

[5] Валетта не вѣритъ этому разсказу и думаетъ, что Николай вмѣшался въ это дѣло по собственному побужденію. 49.

[6] Responsa ad consulta Bulgarorum. Hard. 353—86 (Авг. 866 г.).

Богорисъ обращался также къ Людовику германскому, который прислалъ ему епископа; но этотъ епископъ, по прибытіи въ Болгарію, нашелъ страну достаточно снабженною духовенствомъ изъ Рима, и возвратился домой, не предпринимая ничего для содѣйствія или нарушенія ихъ трудовъ ¹).

Но въ Константинополѣ вмѣшательство папы возбудило великое негодованіе. Въ то время, какъ Николай заявлялъ притязаніе на

---

¹) Pertz, I, 380. Западные писатели вообще говорятъ, будто обращеніе Болгаріи было вполнѣ дѣломъ латинской церкви. Регино (Ann. 868 ap. Pertz, I, 580) разсказываетъ, что король, нѣкоторое время сочетая строжайшій аскетизмъ въ частной жизни съ внѣшнею пышностью, удалился затѣмъ въ монастырь, что его сынъ, наслѣдовавшій ему на престолѣ, предавался распутству и пытался возстановить язычество, что старый король вслѣдствіе этого оставилъ свое монастырское убѣжище, пошелъ войною на своего сына, ослѣпилъ и заключилъ его въ тюрьму, и передалъ корону младшему сыну, которому угрожалъ поступить съ нимъ такимъ же образомъ, если онъ не будетъ вѣренъ своему долгу. Затѣмъ онъ возвратился въ свой монастырь.

Болгарію на томъ основаніи, что она принадлежала римской юрисдикціи, составляя провинцію имперіи, что народъ добровольно призналъ надъ собой его власть, и что онъ снабжалъ его церквами и духовенствомъ, Фотій рѣшительно настаивалъ на своемъ собственномъ правѣ, основывая его на обращеніи народа. Патріархъ созвалъ соборъ въ Константинополѣ, и въ посланіи, обращенномъ къ патріархамъ Александріи, Антіохіи и Іерусалима, поносилъ посягательство на Болгарію. Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, говоритъ онъ, люди съ Запада, страны тьмы, вторглись въ эту часть его паствы, извращая евангеліе гибельными новшествами [1]). Они учили инымъ правиламъ касательно поста, запрещали духовенству вступать въ бракъ, отрицали право пресвитеровъ на мѵропомазаніе, и ихъ епископы, вопреки апостоламъ, отцамъ церкви и соборамъ, совершали второе мѵропомазаніе надъ лицами, которыя уже мѵропомазаны были по греческому обряду. Но главнѣе всего, они исказили самый символъ вѣры подложными прибавленіями, утверждая, что Духъ святый исходитъ и отъ Сына. Фотій укоряетъ за это ученіе съ особенною силою, какъ за отрицаніе единства принципа въ Божествѣ, неслыханное у Аѳанасія, Григорія и Василія, какъ хулу противъ Духа святаго или, вѣрнѣе, противъ всей Троицы, — хулу, выше которой не можетъ быть и которая заслуживаетъ десяти тысячъ анаѳемъ [2]). Римлянъ онъ поноситъ отступниками и слугами антихриста, и приглашаетъ восточныхъ патріарховъ отправить уполномоченныхъ въ Константинополь съ цѣлью совмѣстнаго съ нимъ противодѣйствія имъ. Соборъ, созванный Фотіемъ, состоялся въ 867 году. Онъ отвѣчалъ на римскія анаѳемы произнесеніемъ подобнаго же приговора противъ самого Николая, и патріархъ, въ надеждѣ склонить западнаго императора въ свою пользу, постарался о томъ, чтобы примѣшивались и къ кликамъ въ честь византійскихъ правителей клики въ честь Людовика II и Ингильберги.

867 г.

Между тѣмъ совершались важныя политическія перемѣны. Варда постепенно пріобрѣталъ все болѣе и болѣе господства или верховенства надъ своимъ племянникомъ, императоръ все болѣе предавался унизительнымъ удовольствіямъ. Въ 862 году Варда достигъ достоинства кесаря, и хотя его управленіе было угнетательнымъ и непопулярнымъ, однако же нельзя отрицать, что онъ обнаружилъ много дарованій въ дѣлѣ управленія, и заботился о возрожденіи учености, которая давно уже заброшена была въ

---

[1]) Ep. 2.

[2]) Трактатъ Фотія „объ исхожденіи св. Духа“ изданъ профессоромъ Гергенрётеромъ въ Ратисбонѣ, 1857 г. и перепечатанъ въ Patrol. Graec. cii.

Константинополѣ [1]. Но не долго спустя его вліяніе было поколеблено вліяніемъ соперника, Василія македонянина. Василій, хотя его родословная впослѣдствіи производилась льстецами отъ персидскихъ Арсакидовъ, отъ Александра Великаго и отъ Константина, въ дѣйствительности былъ славянскаго племени. Его происхожденіе было низко, и въ Константинополѣ онъ впервые появился въ качествѣ нуждающагося искателя приключеній, искавшаго себѣ крова на ночь въ притворѣ одного монастыря, гдѣ настоятелю было три видѣнія, побудившія его отворить двери и впустить его. Василій нанялся въ качествѣ служителя къ одному родственнику императора, и спустя нѣкоторое время о немъ узналъ и императоръ Михаилъ, который въ награду за его подвиги, въ качествѣ борца, наѣздника и пьяницы, возвелъ его въ достоинство патриція, и отдалъ за него за-мужъ одну изъ своихъ собственныхъ наложницъ. Варда началъ безпокоиться при видѣ быстраго возвышенія новаго любимца; но Михаилъ и Василій дали ему торжественное увѣреніе въ безопасности, подписанное собственной рукой императора. Вскорѣ затѣмъ, однако же, между ними состоялось соглашеніе объ умерщвленіи кесаря, сдѣланное во время одной военной экспедиціи. Убійцы, сигналъ которымъ данъ былъ знакомъ креста, заколебались убить его въ присутствіи императора, но Василій нанесъ ему первый ударъ сзади, и Варда вытащенъ былъ вонъ, не смотря на то, что онъ обнималъ ноги императора. Спустя нѣкоторое время, когда почувствовалось отсутствіе энергіи Варды въ управленіи, и жалобы общаго недовольства стали доходить даже до ушей Михаила, Василій былъ назначенъ кесаремъ, и въ Троицынъ день 867 года онъ былъ коронованъ самимъ императоромъ діадемой, благословленной Фотіемъ. Немедленно же онъ началъ обнаруживать таланты инаго свойства, въ сравненіи съ тѣми, которые пріобрѣли ему императорское благоволеніе, и старался подвергнуть нѣкоторому ограниченію все увеличивавшуюся мѣру безобразій своего покровителя; но попытка эта до такой степени раздражила Михаила, что онъ будто бы, въ своемъ пьяномъ безумствѣ, далъ приказъ умертвить кесаря, и заявилъ намѣреніе возвести на его мѣсто одного лодочника. Василій чувствовалъ, что онъ долженъ пожертвовать или жизнью императора, или своей собственной, и по его приказанію Михаилъ, упившійся до безумія виномъ за ужиномъ въ сообществѣ съ кесаремъ, былъ умерщвленъ 24 сентября 867 года [2]. Греческіе историки не нашли возможнымъ указать какого либо другаго искупляющаго дѣла въ жизни этого жалкаго государя кромѣ того, что онъ пожертвовалъ чашу и великолѣпный подсвѣчникъ церкви св. Софіи. Василій нашелъ казну истощенною, но дѣйствовалъ съ энергіей и успѣхомъ для восполненія ея и для возстановленія разстроенныхъ дѣлъ имперіи.

---

[1] Cedren. 547. См. замѣчательную „исторію философа Льва, епископа ѳессалоникійскаго", у Const. Porph. IV, 27—9, или Cedren. 548—50.

[2] G. Hamart. Contin. pp. 749—50; Const. Porph. IV, 44; V, 27; Cedren. 567. Продолжатель Амартола разсказываетъ, что всѣ агенты Василія въ этомъ убійствѣ закончили худо.

Спустя два дня послѣ смерти Михаила, Фотій былъ низложенъ [1]). Сначала онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Василіемъ, и касательно причины его низложенія передаются противорѣчивыя свидѣтельства. Нѣкоторые объясняютъ это низложеніе унизительнымъ для него образомъ, но другіе свидѣтельствуютъ, что онъ раздражилъ императора тѣмъ, что отказалъ ему въ евхаристіи, какъ убійцѣ и узурпатору [2]).

Папа Николай въ письмѣ къ Гинкмару подробно излагалъ исторію болгарскаго дѣла и просилъ содѣйствія франкскаго духовенства, славившагося наибольшею ученостью среди духовенства Запада, въ дѣлѣ отраженія нападеній, дѣлавшихся греками на христіанство латинянъ [3]). Вслѣдствіе этого приглашенія, Гинкмаръ предложилъ Одону, епископу бовейскому, и другимъ богословамъ собрать матеріалы для общей защиты, и результатомъ этого было происхожденіе трактатовъ, составленныхъ Одономъ, Энеемъ парижскимъ и Ратрамномъ [4]); изъ нихъ трудъ Ратрамна считается наиболѣе цѣннымъ. Первыя три книги его посвящены вопросу объ исхожденіи св. Духа, а четвертое и послѣднее разсужденіе—спору объ обрядахъ и дисциплинѣ. Замѣчательно, что въ противоположность воззрѣнію, котораго обыкновенно держался Николай, монахъ корбейскій признаетъ достаточнымъ единеніе въ вѣрѣ, и порицаетъ грековъ не за разногласіе съ римскими обычаями, а за приписываніе себѣ самимъ исключительной правоты [5]). Греческое ученіе касательно св. Духа было также осуждено соборомъ епископовъ во владѣніяхъ Людовика германскаго, состоявшимся въ Вормсѣ въ 867 году [6]).

Василій возстановилъ Игнатія въ патріаршеское достоинство съ великою пышностью, и отправилъ по члену каждой изъ партій въ Римъ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ собственныхъ сановниковъ, съ цѣлью изложенія состоянія дѣлъ; но посланный Фотія потерпѣлъ кораблекрушеніе и умеръ во время пути, такъ что дѣло его осталось безъ защитника [7]). Представителямъ Игнатія было вручено письмо отъ патріарха, въ которомъ авторитетъ преемника ап. Петра признавался въ терминахъ, необычныхъ дотолѣ въ Константинополѣ [1]. Адріанъ, въ то время наслѣдовавшій Николаю, созвалъ соборъ, который возобновилъ прежній приговоръ противъ Фотія. На немъ было постановлено, чтобы копія Дѣяній византійскаго собора, доставленная въ Римъ, была сожжена, и чтобы дѣянія этого собора, остававшіяся въ Константинополѣ, подвергнуты были той же участи [2].

---

[1]) Vita Ign. 981.

[2]) G. Hamart. Contin. 754; Baron. 867. 101.

[3]) Nic. Ep. 70; Hincm. II, 809. Нѣкоторыя изъ обвиненій, которыя папа называетъ клеветническими, не лишены были основанія въ жизни нѣкоторыхъ изъ латинянъ.

[4]) Patrol. CXXI.

[5]) Ratr. contra Graecorum opposita, IV.

[6]) См. Hefele, IV, 352.

[7]) Vita Ign. 985.

Въ октябрѣ 869 года въ Константинополѣ состоялся соборъ, который римская церковь считаетъ 8-мъ вселенскимъ [3]. На немъ присутствовали два епископа и одинъ діаконъ изъ Рима; представителемъ Антіохіи былъ митрополитъ тирскій, Іерусалима—одинъ пресвитеръ [4], и къ нимъ во время девятаго засѣданія присоединился и представитель александрійской каѳедры [5]. На соборѣ присутствовало нѣсколько высокихъ гражданскихъ сановниковъ, но число епископовъ сначала было крайне малымъ, и хотя послѣ оно постепенно возросло, однако же не превосходило еще шестидесяти во время девятаго засѣданія и ста-двухъ или ста-девяти на десятомъ и послѣднемъ [6].

Въ первый день былъ принятъ приговоръ послѣдняго римскаго собора противъ Фотія, и требованіе подписать его предъявлено было всѣмъ епископамъ, которые прибыли на соборъ и послѣ [7]. Второе, третье и четвертое засѣданія были главнымъ образомъ посвящены дѣлу епископовъ и духовенства, которые, будучи рукоположены Игнатіемъ или его предшественникомъ, подчинялись Фотію. Они признались въ своемъ заблужденіи, заявляя, что они вынуждены были совершить его силою или обманомъ, и приняты были въ общеніе подъ условіемъ исполненія нѣкоторыхъ покаянныхъ подвиговъ. На четвертомъ засѣданіи происходилъ горячій споръ съ епископомъ, по имени Ѳеофиломъ, который твердо держался своей преданности Фотію. Въ пятый день вызванъ былъ самъ патріархъ, и отвѣчалъ на обращенные къ нему вопросы достойнымъ молчаніемъ. Побуждаемый говорить, онъ отвѣчалъ, что Богъ слышитъ и молчащихъ. „Твоимъ молчаніемъ, сказали римскіе легаты, ты не избѣгнешь большаго осужденія“. „Не избѣгъ, значитъ, осужденія — отвѣчалъ онъ — и Христосъ Своимъ молчаніемъ“, и затѣмъ опять сталъ сохранять свое прежнее безмолвіе. Когда гражданскій предсѣдатель собора, Ваанъ, относившійся къ нему съ любезностью, непохожею на отношеніе духовенства, послѣ спросилъ его, что онъ можетъ привесть въ свое оправданіе, то Фотій отвѣчалъ: „мое оправданіе не въ этомъ мірѣ“ [1]).

---

[1] Письма императора и патріарха находятся у Hard. v, 790—3.

[2] Тамъ же, 874.

[3] См. Baron. 869. 61—4.

[4] Hard. v, 764—771.

[5] Тамъ же, 884, 1092. Объ этомъ соборѣ имѣются два свидѣтельства,—одно на латинскомъ языкѣ, сдѣланное Анастасіемъ книжникомъ, находившимся въ то время въ Константинополѣ по дѣлу брака между семействами Людовика II и Василія (Hard. v, 755), другое греческое, и они весьма значительно разнятся между собою. Въ латинскомъ дѣянія состоятъ изъ 27 каноновъ, а въ греческомъ только изъ 14, причиной чего, вѣроятно, было то, что латиняне помѣстили большее число, между тѣмъ какъ греки въ своемъ отчетѣ ограничились только относящимися къ главному предмету.

[6] Состоявшемся въ послѣдній день февраля 870 года.

[7] Hard. v, 773, 827.

На шестое засѣданіе явился самъ императоръ, и заявилъ собору, что онъ не присутствовалъ на его прежнихъ засѣданіяхъ съ цѣлью избѣгнуть предположенія, будто онъ хочетъ повліять на его рѣшеніе касательно Фотія. Но дѣло патріарха было еще не закончено. Онъ потребованъ былъ на соборъ въ седьмой день, и вошелъ, опираясь на посохъ. „Возьмите у него посохъ“,—сказалъ римскій легатъ Маринъ; „это знакъ пастырскаго достоинства“. Преданные ему епископы напрасно ссылались на каноны. Противъ Фотія и его приверженцевъ были произнесены анаѳемы, съ надѣленіемъ ихъ именъ самыми отвратительными эпитетами, сочиненія и документы въ его пользу были сожжены, и какбы въ знакъ того ожесточенія, которымъ одушевленъ былъ соборъ, осужденіе патріарха, будто бы, подписано было виномъ изъ евхаристической чаши [2]).

Во время дѣлопроизводства собора однако же обнаружилось, что личный вопросъ касательно патріарха былъ не единственнымъ предметомъ разногласія между Римомъ и Константинополемъ. Римляне жаловались, что посланіе папы было искажено во время чтенія, греки говорили Игнатію, что его церковь низведена была на степень рабыни Рима; но самъ Игнатій съ такой же рѣшительностью, какъ и Фотій, готовъ былъ отстаивать юрисдикцію своей каѳедры надъ Болгаріей. Въ Константинополѣ находились послы изъ этой страны, и ихъ глава (неизвѣстно, подъ чьимъ вліяніемъ) опять заколебался въ своей церковной вѣрности. Послы, будучи приглашены къ императору вмѣстѣ съ Игнатіемъ, римскими легатами и представителями восточныхъ патріарховъ, спрашивали, къ какой церкви должны они считать принадлежащею свою страну. Восточные спрашивали, къ какой церкви она принадлежала въ качествѣ провинціи имперіи и каковое въ ней было духовенство во время болгарскаго завоеванія, греческое или латинское. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что провинція была подчинена Константинополю, и что духовенство въ ней было греческое, и на этихъ основаніяхъ выводилось заключеніе, что Болгарія должна принадлежать патріарху Константинопольскому. Римскіе легаты, однако же, оспаривали эти факты и передали Игнатію письмо отъ папы, въ которомъ ему совѣтовалось не вмѣшиваться въ это дѣло. Патріархъ принялъ письмо весьма почтительно, но не обратилъ на него никакого дальнѣйшаго вниманія. Императоръ отпустилъ легатовъ съ холодностью. Игнатій въ томъ же году посвятилъ архіепископа для Болгаріи, и въ короткое время все латинское духовенство было изгнано изъ этой страны [1]).

---

[1]) Hard. v, 822, 1054.

[2]) Vita Ign. 288. Жизнеописатель Игнатія, однако же, думаетъ, что съ Фотіемъ обращались еще слишкомъ мягко, и указываетъ на знаменіе, вскорѣ случившееся затѣмъ, въ доказательство своего мнѣнія. Въ подписяхъ къ актамъ собора, римскіе легаты стояли первыми, а Василій и его сыновья подписались только уже послѣ представителей всѣхъ патріархатовъ (Hard. v, 922—3). См. Hefele, I, 25—7.

877 г.

Іоаннъ VIII писалъ болгарамъ, увѣщевая ихъ возвратиться къ общенію съ римской церковью, которую они сначала избрали, и предостерегая ихъ отъ опасности связи съ греками, которые, говорилъ онъ, всегда находились въ той или другой ереси [2]). Папа писалъ также къ Игнатію, что такъ какъ онъ обязанъ былъ своимъ саномъ апостольской каѳедрѣ, то онъ и потеряетъ его, если будетъ удерживать за собою Болгарію. Греческому духовенству предписывалось удалиться въ теченіи тридцати дней, и Игнатію угрожало отлученіе и низложеніе, если онъ не исполнитъ этого приказанія. Письма подобнаго же рода были написаны и къ королю Болгаріи и греческому духовенству этой страны, и вѣроятно произошло бы сильное столкновеніе, если бы не смерть Игнатія, послѣдовавшая въ октябрѣ 877 года [3]).

Фотія, послѣ его низложенія, на первыхъ порахъ подвергали крайне жестокому обращенію. Въ своихъ письмахъ онъ жалуется, что его содержали подъ строгой военной стражей, лишенъ былъ всякаго общенія съ родственниками, друзьями, монахами и духовенствомъ, его собственность была конфискована, ему не позволялось имѣть у себя служителей и въ своей болѣзни получать лѣкарства [4]). Онъ страдалъ отъ голода, но еще болѣе отъ „голода слова Божія“; лишенъ былъ всякихъ книгъ, — каковая жестокость безпримѣрна въ гоненіяхъ на православныхъ со стороны еретиковъ или язычниковъ, и въ то же самое время и его приверженцы подвергались также жестокостямъ, церкви были разрушаемы, все святое осквернялось, бѣдные, о которыхъ онъ заботился для спасенія своей души, оставлены были безпріютными и безпомощными [5]). Соборъ

---

[1]) Vita Hadr. 344. Къ этому именно архіепископу Петръ сицилійскій и обращался съ своимъ трактатомъ о павликіанахъ. См. выше, стр. 695.

[2]) Hard. VI, 16, 19.

[3]) Acta SS. Oct. 23, p. 1.

[4]) Ep. 97, p. 137.

[5]) Epp. 97, pp. 137—8; 174, pp. 240, 247—8, 250.

869 года онъ обвиняетъ въ полномъ пренебреженіи ко всѣмъ формамъ правосудія въ отношеніи къ нему, худшей несправедливости, чѣмъ какая была когда либо извѣстна среди наиболѣе беззаконныхъ и дикихъ язычниковъ [1].

Но, спустя нѣкоторое время, онъ нашелъ возможность возвратить себѣ благосклонность Василія. По свидѣтельству жизнеописателя Игнатія, онъ изложилъ воображаемую родословную, доводя линію предковъ императора до персидскихъ царей; родословіе было написано старинными буквами на старинномъ же по виду пергаментѣ, и завернутое въ одну старую рукопись, внесено было въ дворцовую библіотеку библіотекаремъ, который не преминулъ показать этотъ документъ Василію, заявивъ приэтомъ, что объяснить его могъ только единственный человѣкъ, именно Фотій [2]). Еще болѣе невѣроятный разсказъ утверждаетъ, что благосклонность императора была пріобрѣтена чарами, совершенными надъ его пищей и питьемъ [3]). Но можно думать, что въ дѣйствительности Василій, изъ вниманія къ несравненной учености Фотія, быть можетъ также изъ желанія умиротворить его сторонниковъ, приверженность которыхъ къ низложенному патріарху могла возбуждать нѣкоторыя опасенія, возвратилъ его изъ изгнанія и назначилъ его наставникомъ ко Льву, наслѣднику престола. Находясь въ такомъ положеніи, онъ примирился съ Игнатіемъ, и съ этого времени жилъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ нимъ, настойчиво отказываясь стать во главѣ партіи въ противоположность престарѣлому патріарху [4]).

Октября 878 г.

16 авг. 879 г.

Наконецъ Фотій возведенъ былъ на каѳедру въ качествѣ преемника Игнатія, и сообщилъ о своемъ восшествіи Іоанну VIII, просилъ, чтобы папа прислалъ легатовъ на новый соборъ, имѣвшій состояться въ Константинополѣ [5]). Главною цѣлью этого сношенія было обезпечить содѣйствіе Рима въ дѣлѣ умиротворенія Игнатіевой партіи; но Іоаннъ воспользовался этимъ случаемъ, какъ признаніемъ того, что право Фотія на патріаршій престолъ зависѣло отъ папскаго рѣшенія, и предполагалъ, что византійцы готовы будутъ снести все для пріобрѣтенія его содѣйствія. Въ качествѣ легатовъ были отправлены два епископа и одинъ священникъ, съ письмами и инструкціями, въ которыхъ говорилось, что Фотій могъ быть возстановленъ, если только онъ сдѣлаетъ удовлетвореніе за свои погрѣшности и испроситъ милости у собора, и настойчиво требовалось, чтобы онъ отказался отъ всякихъ притязаній на Болгарію [1]). Знаки патріаршаго достоинства были доставлены такимъ же образомъ, какъ это было въ обычаѣ при дарованіи палліума митрополитомъ [2]).

---

[1]) Epp. 117—18.

[2]) Vita Ign. 1004.

[3]) Hard. V, 1149.

[4]) Такъ говорилъ самъ Фотій на соборѣ 879 года (Hard. VI, 256). Его противники, однако же, передаютъ это дѣло совершенно иначе, См. Hefele, IV, 430.

[5]) Hard. VI, 1152. Григорій сиракузскій, раздѣлявшій злоключенія Фотія, теперь получилъ епископію никейскую, на которой онъ и умеръ вскорѣ затѣмъ. Vita Ign. 1008.

Состоявшійся соборъ былъ весьма внушителенъ по численности членовъ, такъ какъ состоялъ изъ трехсотъ восьмидесяти епископовъ отъ имперіи, съ тремя римскими легатами и тремя уполномоченными отъ восточныхъ патріарховъ. Прецедентъ, данный 2-мъ соборомъ никейскимъ, въ дѣлѣ представительства отъ восточныхъ престоловъ, былъ подражаемъ на соборѣ при Фотіѣ, въ 861 году, и на соборѣ при Игнатіѣ, въ 869 году. Но на послѣднемъ изъ нихъ представители Востока объявили, что восточные, принимавшіе участіе на соборѣ при Фотіѣ, были обманщики, съ поддѣльными вѣрительными граматами. Фотій однако же утверждалъ, что тѣ, кто дѣлали такое заявленіе, сами были не только обманщиками, но и агентами сарацынъ, и представлены были письма отъ Александріи, Антіохіи и Іерусалима, въ которыхъ патріархи не признавали лицъ, дѣйствовавшихъ раньше отъ ихъ имени, и отрекались отъ всякаго участія въ дѣлѣ противъ Фотія [3]).

Римскіе легаты нашли, что дѣла велись совершенно иначе, чѣмъ какъ можно было ожидать въ виду деликатнаго поведенія Фотія. Вмѣсто того, чтобы подчиняться ихъ суду, онъ съ самаго начала принялъ предсѣдательство на соборѣ, заявляя, что какъ его первое, такъ и его второе возвышеніе были навязаны ему силою, что онъ не совершилъ никакого беззаконія и не нуждался ни въ какомъ прощеніи. Письма папы были прочитаны, но съ опущеніемъ болѣе рѣзкихъ притязаній и со вставками въ честь патріарха. Требованіе касательно Болгаріи, хотя съ отосланными заявленіями уваженія къ Риму, было отклонено на томъ основаніи, что оно не относилось къ обсуждавшемуся предмету. Греческіе епископы всѣ поддерживали патріарха и дѣйствовали какбы въ полной независимости отъ Рима; тѣмъ не менѣе легаты пропустили все это безъ протеста, и вмѣстѣ съ ними анаѳематствовали соборъ 869 года, которымъ низложенъ былъ Фотій.

Папа Іоаннъ только постепенно ознакомился съ результатомъ этого собора. Сначала онъ выразилъ свою готовность утвердить рѣшеніе собора о возстановленіи Фотія, если только найдетъ, что легаты не нарушили своихъ инструкцій. Неправильно понимая изысканныя выраженія грековъ, онъ предполагалъ, что Болгарія была отдана ему, и въ письмѣ благодарилъ императора за эту 13 авг. 870 г. уступку, причемъ въ письмѣ къ Фотію указывалъ и на то, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соборъ не слѣдовалъ его указаніямъ [1]). Когда однако же онъ узналъ о дѣйствительномъ состояніи вещей, то его раздраженіе было безграничнымъ. Онъ взошелъ на каѳедру одной церкви и, держа Евангеліе въ своихъ рукахъ, угрожалъ анаѳематствовать всѣхъ, кто не будутъ смотрѣть на Фотія какъ на осужденнаго судомъ Божіимъ согласно съ приговорами Николая и Адріана, и отправилъ Марина, одного изъ легатовъ, присутствовавшихъ на соборѣ при Игнатіѣ, съ цѣлью настаивать, чтобъ дѣла были возстановлены въ то состояніе, въ какое они были приведены тѣмъ соборомъ. Но легатъ встрѣченный былъ съ безчестіемъ, заключенъ былъ на мѣсяцъ въ тюрьму въ Константинополѣ, и возвратился безъ всякаго успѣха. По смерти Іоанна, на папскій престолъ возведенъ былъ Маринъ, и приговоръ противъ Фотія былъ возобновляемъ и имъ, Адріаномъ III и Стефаномъ V, который велъ гнѣвную переписку по этому предмету съ Василіемъ и его сыномъ Львомъ VI [2])

---

[1]) Hard. v, 1165, 1185; vi, 207, 1168—9.

[2]) Hard. vi, 228.

[3]) Hard. vi, 300, 301, 325.

Левъ, бывшій когда-то ученикомъ Фотія, по своемъ восшествіи на престолъ въ 886 году, низложилъ патріарха, заключилъ его въ монастырь и назначилъ на каѳедру своего собственнаго брата Стефана, шестнадцатилѣтняго мальчика [3]). Причины этого шага неизвѣстны; греческіе писатели вообще объясняютъ его подозрѣніемъ, что Фотій причастенъ былъ къ дѣлу нѣкоего монаха, по имени Ѳеодора Сантаварина, который, будто бы, пріобрѣлъ вліяніе надъ покойнымъ императоромъ волшебными средствами, и старался двойнымъ измѣнничествомъ отчуждить его отъ своего сына [4]). О поведеніи Фотія произведено было слѣдствіе, но хотя противъ него не найдено было никакихъ уликъ, онъ такъ уже и не получилъ своей каѳедры и умеръ въ ссылкѣ въ 891 году [5]). Двѣ партіи, раздѣлявшія цер- 898 г. ковь константинопольскую, спустя нѣсколько лѣтъ примирились между собою. Папа Іоаннъ IX выставлялъ затрудненія касательно признанія духовенства, получившаго рукоположеніе отъ Фотія. Наконецъ, однако же, церкви возобновили свое общеніе, и имя самого Фотія внесено было въ списокъ именъ патріарховъ, признаваемыхъ Римомъ [1]). Но политическая ревнивость и удерживаніе Болгаріи византійскимъ патріархатомъ, вмѣстѣ съ разностями въ обрядахъ и ученіи, продолжали поддерживать между каѳедрами нѣкоторую холодность, пока въ послѣдующее время онѣ опять не пришли къ открытому разрыву.

---

[1]) Hard. VI, 252, 309.

[2]) Hard. V, 1116 и слѣд.; VI, 365 и слѣд.

[3]) G. Hamart. Contin. p. 762.

[4]) Const. Porph. V, 101; VI, 2. G. Hamart. Contin. 768—70. Cedren. 593. Продолжатель Амартола говоритъ, что когда вслѣдствіе обвиненія Ѳеодора, Василій готовъ былъ ослѣпить своего сына, Фотій съ успѣхомъ заступился за Льва (763). Одинъ неизвѣстный греческій писатель, приводимый Бароніемъ (886. 16), приписываетъ низложеніе уступкѣ императора папѣ.

[5]) Const. Porph. VI, 5; Cedren. 594—5.

ГЛАВА XXXV.

Испанія.—Англія.—Миссіи IX столѣтія.

1. Христіане Испаніи, послѣ магометанскаго завоеванія, извѣстные подъ именемъ мустарабовъ или мозарабовъ [2]), пользовались свободнымъ отправленіемъ своей религіи, хотя и подъ условіемъ уплаты тяжелаго ежемѣсячнаго налога. Они вообще жили въ дружественныхъ отношеніяхъ съ своими мусульманскими господами, многіе изъ нихъ служили при калифахъ, а монахи и духовенство, понимавшіе какъ арабскій, такъ и латинскій языки, были употребляемы въ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Но, не смотря на такія отношенія, различіе въ религіи было источникомъ постоянныхъ смутъ. Магометанская чернь часто причиняла христіанамъ непріятности на улицахъ, выкрикивала богохульства противъ христіанскаго имени, между тѣмъ какъ всякое возмездіе было запрещено закономъ подъ страхомъ весьма строгаго наказанія. Если совершался бракъ между лицами, исповѣдующими эти двѣ религіи, то, по общему закону, противъ отступничества отъ ислама назначалась смерть для магометанской стороны за принятіе христіанства, и вопросы, которые естественно возникали при такихъ бракахъ, касательно религіи потомковъ, вели къ весьма серьезнымъ затрудненіямъ. Кромѣ того, враждебность мусульманъ къ жившимъ среди нихъ христіанамъ была возбуждаема и настойчивыми усиліями тѣхъ, которые въ другихъ частяхъ полуострова вели войну за независимость, причемъ эти усилія служили также къ возбужденію и среди христіанъ подъ магометанскимъ владычествомъ желанія сдѣлать что либо съ своей стороны для болѣе открытаго утвержденія своей вѣры.

Христіане дѣлились на двѣ партіи. Болѣе многочисленная изъ нихъ склонна была, насколько возможно, къ сохраненію мира съ своими правителями и къ пользованію допускавшеюся ими вѣротерпимостью. Другая партія считала такое примиреніе недостойнымъ: члены ея думали, что ихъ собратья были испорчены сношеніемъ съ мусульманами до степени предосудительнаго безразличія вѣрованій. Они объявляли, что должность при магометанскомъ дворѣ нельзя было занимать безъ непристойныхъ для христіанъ уступокъ, что тѣ, кто занимали такія должности, обязаны были воздерживаться отъ открытаго знаменованія себя крестомъ и отъ другихъ внѣшнихъ проявленій своей вѣры, что имъ приходилось говорить о Спасителѣ въ такихъ терминахъ, которые бы не возбуждали соблазна среди невѣрныхъ. Они жаловались, что христіанское юношество предпочитало занятіе халдейской литературой занятію церковной, что оно болѣе знакомо было съ арабскимъ языкомъ, чѣмъ съ латинскимъ [1].

---

[1]) См. Baron. 905, 11—12.

[2]) Названіе это не означаетъ (какъ ошибочно думали) mixti Arabibus, но Arabes insititii—привитые къ стволу Araba Arabi, то есть чистыхъ арабовъ.

Около средины IX столѣтія, въ Кордовѣ, въ царствованіе Абдеррхмана II, началось гоненіе на христіанъ. Первымъ страдальцемъ былъ инокъ, по имени Перфектъ. 850 г. Встрѣтившись однажды съ нѣкоторыми магометанами въ окрестностяхъ этого города, онъ былъ спрошенъ ими касательно того мнѣнія, какое христіане имѣли о пророкѣ. Онъ попытался уклониться отъ отвѣта на томъ основаніи, что не хотѣлъ оскорблять ихъ; но такъ какъ они продолжали настаивать на своемъ и увѣряли его, что они не примутъ въ оскорбленіе никакого его отвѣта, то онъ сказалъ, что на Магомета христіане смотрятъ какъ на одного изъ ложныхъ пророковъ, о которыхъ предсказано въ Писаніи, и замѣтилъ, что нѣкоторыя части его исторіи крайне скандальны и доказываютъ ложность его притязаній. Арабы, въ виду даннаго ими обѣщанія, на время подавили свой гнѣвъ, но когда Перфектъ затѣмъ появился среди народа, то былъ схваченъ, притащенъ къ судьѣ по обвиненію въ богохульствѣ противъ пророка, и былъ казненъ. Слѣдующей жертвой былъ одинъ купецъ, который даже не давалъ никакого повода къ гоненію; но третій, молодой инокъ, по имени Исаакъ, самъ навлекъ на себя свою участь. Отправившись къ судьѣ города, онъ заявилъ желаніе принять религію корана и просилъ о нѣкоторомъ наставленіи въ его ученіи, и когда ученіе это было объяснено ему, онъ съ большою горячностью сталъ обличать его ложность, за что и былъ казненъ. Казнь Исаака повлекла за собою необычайное возбужденіе среди христіанъ. Духовныя лица, иноки, монахи, монахини и міряне толпами устремлялись къ магометанскимъ трибуналамъ, понося пророка 851 г. какъ обманщика, прелюбодѣя, чародѣя, и заявляя, что его послѣдователи находятся на пути къ погибели. Кромѣ тѣхъ, кто добровольно отдавали себя на смерть, многія дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ подвергались доносу со стороны своихъ магометанскихъ родственниковъ въ качествѣ отступниковъ, хотя они, вѣроятно, съ самаго начала воспитаны были въ религіи своихъ христіанскихъ родителей.

---

[1] Patrol. CXXI.

Эта ревность со стороны христіанъ, естественно, раздражала мусульманъ. Открытыя выходки противъ христіанъ усилились: всякій изъ нихъ, кто только показывался на улицѣ, подвергался оскорбленію, его забрасывали грязью или камнями, и магометане страшились прикоснуться даже къ самой одеждѣ христіанъ, какъ къ какому нибудь оскверненію. Звонъ церковныхъ колоколовъ доводилъ ихъ до бурныхъ проклятій и дикихъ богохульствъ, и при погребеніи христіанъ чернь слѣдовала за трупомъ съ фанатическими выкриками и возгласами, чтобы Богъ не помиловалъ умершаго.

Абдеррахманъ издалъ новые законы, отличающіеся усиленною строгостью. Тѣла казненныхъ, по этимъ законамъ, должны были подвергаться сожженію, чтобы ихъ братья не обращали ихъ въ мощи. Тѣмъ не менѣе этотъ калифъ, желая, по возможности, утишить возбужденіе мирными средствами, просилъ содѣйствія примата Реканфрида, архіепископа толедскаго, который и издалъ повелѣніе, чтобы никто изъ христіанъ не являлся къ магометанскому судьѣ безъ особаго вызова къ тому. Это повелѣніе принято было съ негодованіемъ и пренебреженіемъ со стороны болѣе ревностной партіи, предводимой Савломъ, епископомъ кордовскимъ, и Реканфридъ, сообразно съ своей политикой, даже заключилъ нѣкоторыхъ непослушныхъ духовныхъ лицъ въ тюрьму, и среди нихъ одного инока и священника толедскаго, по имени Евлогія, весьма выдававшагося своимъ противодѣйствіемъ. Изъ темницы Евлогій писалъ письма, съ цѣлью поддерживать рѣшимость своихъ друзей; съ ревностью Тертулліана, онъ увѣщеваетъ всѣхъ, кто имѣютъ какія либо мірскія связи, порвать ихъ и смѣло исповѣдывать вѣру, съ упованіемъ раздѣлить впослѣдствіи блаженство своихъ замученныхъ собратьевъ [1]. При архіепископахъ толедскомъ и севильскомъ состоялся соборъ, и на немъ рѣшено было, чтобы никто добровольно не навлекалъ на себя смерти своей религіей [2]. 852 г. Тѣ, кто соглашались съ духомъ этого собора, всѣ происходившія бѣдствія сваливали на Евлогія и его сторонниковъ. Они приписывали поведеніе страдальцевъ гордости, и подвергали сомнѣнію ихъ право на названіе мучениковъ, приводя противъ нихъ тексты св. Писанія, а также каноны и обычаи древней церкви. Нѣкоторые шли еще дальше, и заявляли, что отъ руки арабовъ и не можетъ быть никакого мученичества, такъ какъ вѣдь арабы не идолопоклонники, а поклонялись единому, истинному Богу и признавали Его законы.

---

[1] Alvar. Vita Eulogii, 4—7 (Patrol. cxv).

[2] Hard. v, 37—8. Гардуинъ называетъ этотъ соборъ conciliabulum. Бароній также рѣзко высказывается противъ него. 852. 10.

Евлогій и Петръ Алваръ были главными вождями ревнителей. Оба они (и особенно Алваръ, бывшій духовнымъ лицомъ изъ Кордовы) писали въ высокомъ и восторженномъ тонѣ. Евлогій устраняетъ различіе, какое проводили между язычниками и магометанами, говоря, что магометане отрицаютъ Сына Божія и преслѣдуютъ вѣрующихъ. Алваръ, на основаніи пророчествъ, доказываетъ, что Магометъ есть предтеча антихриста. Страданія христіанъ, говоритъ онъ, не были навлекаемы на нихъ горячностью зилотовъ (такъ какъ первыя жертвы ничего не дѣлали для навлеченія на себя своей судьбы), а грѣхами всего народа. Онъ не допускаетъ никакого приспособленія къ обстоятельствамъ, никакого уклоненія отъ заявленія христіанскаго исповѣданія предъ невѣрными. По его мнѣнію, увѣщаніе Спасителя своимъ ученикамъ, что „когда ихъ будутъ преслѣдовать въ одномъ городѣ, они должны бѣжать въ другой“, не приложимо въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ цѣлью этого увѣщанія было то, чтобы ученики шире распространяли евангеліе, а не то, чтобы они скрывались. Онъ хотѣлъ, чтобы христіане повсюду предъявляли истину своей вѣры мусульманамъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ „должниками вѣры“, не изъ любви къ нимъ (какъ можно бы думать), а съ цѣлью сдѣлать ихъ невѣріе неизвинимымъ.

Абдеррахману, въ 852 году, наслѣдовалъ сынъ его Магометъ, который повелъ дѣйствія противъ христіанъ еще дальше. Въ первый же день своего царствованія, новый царь уволилъ всѣхъ христіанъ, занимавшихъ должности при дворѣ или вообще на государственной службѣ. Онъ приказалъ, чтобы всѣ церкви, недавно построенныя, были разрушены, и запретилъ всякое обнаруженіе въ обрядности или въ утвари старыхъ церквей, которымъ еще позволено было остаться. Гоненіе продолжалось въ теченіе многихъ лѣтъ. Самъ Евлогій, избранный на каѳедру толедскую, былъ арестованъ въ 859 году, вслѣдствіе оказаннаго имъ молодой новообращенной христіанкѣ, по имени Леокриціи, содѣйствія къ бѣгству отъ своихъ родителей, бывшихъ ярыми магометанами. Такъ какъ онъ твердо выдерживалъ всѣ приставанія нѣкоторыхъ арабовъ, которые, изъ уваженія къ его святости и учености, старались убѣдить его спасти свою жизнь легкими уступками, то былъ преданъ смерти. Четыре дня спустя потерпѣла мученичество также и Леокриція.

Во время этого долгаго гоненія, многіе изъ болѣе слабыхъ христіанъ открыто перешли въ исламъ. Возбужденіе съ обѣихъ сторонъ, наконецъ, ослабѣло, и возстановились прежнія отношенія между ними. Одинъ нѣмецкій аббатъ, ходившій въ Кордову въ 954 году, въ качествѣ посланника, свидѣтельствуетъ, что христіане мирно жили съ своими господами, и благодарны были за ту вѣротерпимость, которою они пользовались; мало того, если только можно довѣрять полученнымъ имъ свѣденіямъ, можно бы думать, что они доводили свою уступчивость до такой степени, что подвергались даже обряду обрѣзанія ¹).

II. Англія, подобно Франціи, была безпокоема и опустошаема хищничествомъ норманновъ. Первое появленіе ихъ на берегахъ Англіи относится къ 767 году; первое нашествіе, которое почувствовалось особенно жестоко, было въ 832 году, и съ этого времени ихъ вторженія сдѣлались непрерывными. Ярость ихъ набѣговъ испытывали какъ восточное прибрежье, такъ и Девонъ и Валлисъ; когда вниманіе народа было сосредоточено на одномъ пунктѣ, новый отрядъ непріятельскій появлялся въ противоположной области, и враги проникли въ самое сердце страны. Въ Англіи, какъ и во Франціи, богатство и беззащитность монастырей были главнымъ предметомъ нападенія хищниковъ. Лѣтописцы того времени изобилуютъ страшными подробностями того, какъ хищники огнемъ и мечемъ опустошали наиболѣе извѣстные монастыри ²). Изъ одного изъ нихъ (Линдисфарна) нѣкоторые иноки унесли останки св. Кутберта за горы Нортумбріи, изъ страха предъ хищниками, которыми они окружены были со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, въ 878 году, послѣ побѣды, одержанной Альфредомъ надъ Гутруномъ, при Этандунѣ, большая область на восточной сторонѣ Англіи уступлена была датчанамъ, подъ условіемъ исповѣданія ими христіанства и права жить подъ одними и тѣми же законами съ туземцами; но водворенный такимъ образомъ миръ продолжался только на нѣкоторое время.

Блистательное царствованіе Альфреда извѣстно. Альфредъ наслѣдовалъ своему отцу въ 871 году, въ двадцатидвухлѣтнемъ возрастѣ, и занималъ престолъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Его характеръ быть можетъ былъ идеализированъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чтобы осуществить въ немъ понятіе совершеннаго государя, и приписываемыя ему учрежденія, въ дѣйствительности, взяты были изъ другихъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе, историческая правда выставляетъ предъ нами этого „любимца англійскаго народа“, этого „Альфреда правдиваго“ въ качествѣ избавителя, законодателя и мудраго правителя своей страны, въ качествѣ героя и святаго. Мы видимъ, какія усилія онъ употреблялъ, чтобы оживить общественный духъ, почти совершенно подавленный во время продолжительной бѣдственности дат-

---

¹) Vita Iohannis abbat. Gorziensis, cc. 123—4. (Pertz, IV).

²) Кройландскій, Медезгамстедскій (Петерборосскій), Барнейскій и Элійскій, Рептонскій, Кольдингамскій и Линдисфарнскій.

скихъ нашествій; онъ ревностно и успѣшно трудился, съ цѣлью возмѣщенія уже въ зрѣлыхъ годахъ недостатковъ своего ранняго воспитанія, заботился о возстановленіи учености среди духовенства, подвергавшагося печальному упадку, и объ общемъ просвѣщеніи народа, поощрялъ ученыхъ людей, какъ туземцевъ [1]), такъ и иноземцевъ, которыхъ приглашалъ, съ цѣлью распространенія просвѣщенія среди англійскаго народа, какъ Гримбальдъ реймскій и Іоаннъ саксонскій; заботился объ обогащеніи туземной литературы исполненіемъ или поощреніемъ переводовъ, или передѣлкой религіозныхъ и назидательныхъ произведеній,—отдѣльныхъ книгъ св. Писанія, сочиненій Боетія, Григорія Великаго, Орозія и Беды. Изъ исторіи извѣстно, что эти труды совершаемы были при постоянныхъ бѣдствіяхъ, среди тяжкой необходимости заботиться о національной защитѣ, и вообще извѣстно, что Альфредъ отличался благочестіемъ и глубокимъ интересомъ въ дѣлахъ христіанства, которыя побудили его даже отправлять миссію къ святилищу св. ап. Ѳомы въ Индіи. Какъ ни мало было его королевство, онъ весьма значительно поднялъ его среди другихъ народовъ, и среди великихъ государей онъ занимаетъ весьма почетное и блистательное мѣсто. Альфредъ умеръ въ 900 или 901 году.

III. Обращеніе Болгаріи, о которомъ уже разсказано было при изложеніи исторіи разногласія между греческою и латинскою церквами, повело къ обращенію славянскихъ жителей Греціи и майнотовъ. Кроаты были обращены въ христіанство миссіонерами изъ Рима, между тѣмъ какъ наконецъ побѣды Василія, около 870 года, сопровождались трудами греческихъ миссіонеровъ въ Сербіи.

Въ Моравіи христіанство введено было оружіемъ Карла Великаго, который въ 801 году, согласно съ своей обычной системой, принудилъ мѣстнаго короля принять крещеніе [2]). Съ того времени не разъ дѣлались попытки распространить евангеліе среди моравовъ подъ руководствомъ архіепископовъ зальцбургскихъ и епископовъ пассаускихъ, которые съ этою цѣлью имѣли особаго областнаго епископа [3]). Но эти опыты имѣли мало успѣха; князья страны отпадали въ язычество, христіанъ было мало, и ихъ религія была весьма грубая. Новое и болѣе успѣшное движеніе произошло вслѣдствіе посольства, которое Радиславъ, король моравскій, отправилъ въ Болгарію съ цѣлью получить помощь противъ Людовика германскаго. Его племянникъ Святополкъ или Звентибольдъ, находившійся въ этомъ посольствѣ, обратился къ новой вѣрѣ болгаръ, и по своемъ возвращеніи онъ увѣщевалъ принять христіанство и самого короля, въ чемъ ему содѣйствовала и королева, уже бывшая христіанкой. Тогда къ императору Михаилу отправлена была просьба о присылкѣ христіанскихъ учителей, и изъ Константинополя въ Моравію были отправлены два миссіонера, Константинъ и его братъ Меѳодій, быть можетъ тотъ самый Меѳодій, искусство котораго въ качествѣ художника произвело столь сильное вліяніе при болгарскомъ дворѣ [1]).

---

[1]) Среди которыхъ можно назвать его жизнеописателя Ассера, Плегмунда, Верфрита и Неота.

[2]) Conversio bagoariorum (Patrol. cxxix, 1271).

[3]) См. посланіе Евгенія II отъ 826 г. (Patrol. cv, 641).

Константинъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Кирилла, былъ священникъ и инокъ, и назывался философомъ. Онъ былъ родомъ изъ Ѳессалоники, и вслѣдствіе смѣшенія греческаго и славянскаго населеній въ своей странѣ, вѣроятно, былъ съ раннихъ лѣтъ знакомъ съ однимъ изъ славянскихъ нарѣчій. Онъ проповѣдывалъ среди хазаръ, въ Украйнѣ и Крымѣ, которые, въ 843 году, обращались за учителемъ въ Константинополь, вслѣдствіе того, что они не знали, какъ имъ смотрѣть на соперническія притязанія іудейства, магометанства и христіанства,—каковую смѣсь религіозныхъ воззрѣній въ этихъ же областяхъ находилъ и одинъ мусульманскій путешественникъ 70 лѣтъ спустя. Его труды среди хазаръ были весьма успѣшны, и оставленное имъ впечатлѣніе усилено было еще его отказомъ отъ всякаго вознагражденія, кромѣ освобожденія тѣхъ христіанъ, которые были въ плѣну въ этой странѣ. Тутъ же онъ сдѣлалъ весьма важное открытіе мощей св. Климента римскаго, который, будучи сосланъ Траяномъ въ Херсонесъ, умеръ тамъ мученическою смертью. Слухъ объ этой миссіи къ хазарамъ дошелъ до моравскаго короля, который вслѣдствіе этого и нарочито попросилъ о присылкѣ къ нему Кирилла, и въ 863 году братья отправились въ Моравію, захвативъ съ собою и мощи св. Климента. Ихъ проповѣдь рѣзко отличалась отъ обычнаго миссіонерства того времени. Въ то время, какъ греческіе и латинскіе миссіонеры обыкновенно вводили среди варварскихъ народовъ, въ качествѣ церковнаго языка, свой собственный языкъ, Кириллъ и Меѳодій изучили языкъ страны, и не только употребляли его въ своихъ собесѣдованіяхъ съ народомъ, но и перевели на него литургію и отдѣльныя части св. Писанія, причемъ Кириллъ, по примѣру Улфилы, или изобрѣлъ даже славянскій алфавитъ, или усовершенствовалъ существовавшій уже раньше. Это нововведеніе весьма сильно содѣйствовало успѣху миссіи. Радиславъ принялъ крещеніе, его подданные стали быстро обращаться, строились церкви для христіанскаго богослуженія, и о томъ почтеніи, съ которымъ относились къ миссіонерамъ, можно судить изъ того обстоятельства, что въ Моравіи духовенство называлось словомъ, означающимъ *князей*.

---

[1]) См. выше стр. 857. См. Acta SS. Mar. 9, p. 13.

Спустя нѣкоторое время, извѣстіе объ этихъ событіяхъ дошло до папы Николая, который и потребовалъ къ себѣ Кирилла и Меѳодія [1]. Моравы въ это время находились въ болѣе тѣсномъ сношеніи съ Западомъ, чѣмъ съ Востокомъ; въ разногласіи между церквами Рима и Константинополя, Кириллъ, бывшій сначала противникомъ Фотія, не имѣлъ склонности держать сторону патріарха, низложеніе котораго, вѣроятно, состоялось около того времени, когда написано было папское письмо, и въ то же время отказъ въ повиновеніи папѣ навѣрно заставилъ бы послѣдняго стать на сторону германцевъ, отъ которыхъ Радиславу грозила большая опасность. Братья поэтому рѣшили продолжать свое дѣло при какихъ бы то ни было условіяхъ, только бы не оставлять его, и повиновались призыву въ Римъ,
868 г. куда они и прибыли вскорѣ послѣ смерти Николая. Мощи св. Климента, отъ которыхъ совершалось много чудесъ, произвели великое возбужденіе среди римлянъ, и православіе миссіонеровъ представлялось достаточно доказаннымъ Адріану II, который удовлетворилъ желаніе Радислава касательно независимости моравской церкви, посвятивъ Меѳодія въ качествѣ архіепископа моравскаго. Кириллъ былъ также посвященъ во епископа, но умеръ въ Римѣ, гдѣ и былъ погребенъ въ церкви св. Климента.

Радиславъ, послѣ долголѣтней борьбы противъ Людовика германскаго, былъ наконецъ измѣннически переданъ своимъ племянникомъ Святополкомъ въ руки своего врага, которымъ онъ и былъ низложенъ и ослѣпленъ въ 870 году. Престолъ перешелъ къ Святополку, и послѣдній значительно расширилъ границы Моравскаго королевства, которое теперь включало большую часть новѣйшей Австріи и Венгріи. Послѣ нѣкоторыхъ разногласій съ Святополкомъ, котораго Меѳодій нашелъ себя вынужденнымъ даже отлучить, власть его распространилась на всю эту территорію, и по мѣрѣ того, какъ расширялась его область, многіе христіане, принявшіе евангеліе отъ латинской церкви, признавали его пастырство надъ собой. Это возбудило ревнивость германцевъ, которые, повидимому, добились въ 873 году особаго повелѣнія отъ папы Іоанна VIII, которымъ запрещалось ему употреблять туземный языкъ въ церковномъ богослуженіи [2]. Меѳодій, однако же, настаивалъ на своемъ обычаѣ, и вслѣдствіе возобновившагося доноса, къ которому теперь было прибавлено, что онъ проповѣдывалъ и нѣкоторыя ошибочныя ученія, онъ вызванъ былъ въ 879 году въ Римъ. Папа въ своемъ письмѣ запрещалъ употребленіе славянскаго языка въ литургіи, хотя и допускалъ, что до дальнѣйшаго распоряженія его можно было употреблять во время проповѣди, такъ какъ псалмопѣвецъ призываетъ всѣ народы славить Господа, и ап. Павелъ говоритъ: „всякій языкъ да исповѣдуетъ, что Іисусъ Христосъ есть Господь“ [1]).

---

[1] Римскій жизнеописатель св. Кирилла и Меѳодія, Гинцель, съ крайнею натяжкою предполагаетъ, что славянскіе первоучители съ самаго начала считали себя подчиненными папѣ и епископу пассаускому, что хотя они перевели литургію, однако же, они не осмѣливались употреблять ея, пока не получили папскаго одобренія во время своего посѣщенія Рима, и что вызовъ ихъ со стороны папы послѣдовалъ въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ они сообщали ему объ основахъ своей дѣятельности.

[2] Это можно выводить изъ словъ Іоанна въ письмѣ отъ 879 года, — „jam litteris nostris per Paulum episcopum Anconitanum tibi directis prohibuimus“ (Ep. 129, Patrol. CXXVI).

Меѳодій отправился въ Римъ, гдѣ онъ съ успѣхомъ оправдалъ свое православіе предъ соборомъ, быть можетъ не безъ нѣкоторой уступки касательно пунктовъ различія между своею церковью и церковью Запада. И его доводы въ пользу славянскаго языка были столь успѣшны, что по возвращеніи въ Моравію онъ привезъ отъ Іоанна Святополку письмо, въ которомъ папа одобряетъ изобрѣтенный Кирилломъ алфавитъ и освящаетъ употребленіе славянской литургіи, на томъ основаніи, что св. Писаніе заповѣдуетъ: „хвалите Господа всѣ народы“, показывая, что хвалы Богу не должны ограничиваться тремя языками (еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ), но что Тотъ, Кто образовалъ эти языки, образовалъ также и всѣ другіе, какъ Свое собственное слово. Тѣмъ не менѣе тутъ же повелѣвается, что въ знакъ особенной чести евангеліе, передъ чтеніемъ на туземномъ языкѣ, должно быть прочитываемо на латинскомъ, а также, что король или всякій вельможа его, если только онъ находилъ это нужнымъ, долженъ совершать богослуженіе въ своей частной церкви на латинскомъ языкѣ [2]).

880 г.

Въ томъ же самомъ посланіи было заявлено, что Меѳодій утверждался въ своей архіепископіи съ исключительной юрисдикціей надъ моравскою церковью. Папа прибавляетъ, что онъ посвятилъ во епископа одно духовное лицо, по имени Вихинга, который рекомендованъ былъ ему Святополкомъ, и проситъ короля послать и другаго пресвитера, который могъ бы быть возведенъ въ тотъ же санъ съ тою цѣлью, чтобы первосвятитель, имѣя въ своемъ распоряженіи двухъ епископовъ, могъ быть въ состояніи отправлять свое служеніе безъ внѣшней помощи. Этимъ имѣлось въ виду сдѣлать моравскую церковь совершенно независимою отъ Германіи.

Изъ Моравіи евангеліе введено было и среди сосѣдняго и родственнаго народа Богеміи. Четырнадцать богемскихъ вождей явились къ Людовику германскому въ Ратисбонъ, въ 845 году, и были крещены по ихъ собственному желанію. Но отъ этого обращенія, которое, по всей вѣроятности, было простой политической уловкой, повидимому не послѣдовало никакихъ результатовъ, и Богемія оставалась языческою еще много лѣтъ и послѣ, когда князь Борзивой посѣтилъ моравскій дворъ. Святополкъ принялъ его съ честью, но за обѣдомъ назначилъ ему и его свитѣ мѣсто на полу, какъ язычникамъ. Меѳодій, сидѣвшій за царскимъ столомъ, обратился къ Борзивою съ выраженіемъ сожалѣнія, что столь могущественный князь принужденъ питаться подобно свинопасу. Князь спросилъ, какой выгоды онъ могъ бы ожидать отъ принятія христіанства, и когда ему сказали, что принятіе христіанства поставило бы его выше всѣхъ королей и князей, то онъ крестился съ своими тридцатью сотоварищами. Жена его Людмилла приняла евангеліе изъ болѣе достойныхъ побужденій, и заслужила титулъ исповѣдницы и святой [1]).

---

[1]) Ep. 239. Письмо отъ имени Адріана, дающее ту же санкцію употребленію туземнаго языка, какая впослѣдствіи дана была Іоанномъ, опубликовано Шафарикомъ въ славянскомъ переводѣ, но оно подложно.

[2]) Ep. 293. Нѣкоторые римскіе писатели доказывали, что такое допущеніе туземнаго языка въ этомъ случаѣ дано было только изъ особаго вниманія къ Кириллу и Меѳодію. Но основанія, на которыхъ покоятся эти доводы, имѣютъ совершенно общій характеръ.

Меѳодію продолжали сильно досаждать германцы, которые въ освященіи славянскаго языка видѣли непреодолимую преграду для ихъ вліянія въ Моравіи. Можно думать также, что и Святополкъ относился къ нему не благосклонно, и что Вихингъ, бывшій германцемъ по происхожденію и человѣкомъ коварнаго характера, вмѣсто содѣйствія архіепископу и оказанія ему послушанія, которое внушалось королю въ письмѣ папы, заявлялъ притязаніе на независимость отъ всякаго авторитета, кромѣ папскаго. Послѣднее достовѣрное извѣстіе о Меѳодіѣ заключается въ письмѣ отъ 871 года, въ которомъ Іоаннъ VIII ободряетъ его и увѣряетъ, что не давалъ никакихъ такихъ привилегій, на которыя притязалъ Вихингъ (имени котораго, однако же, не упоминается [2]). Меѳодій, повидимому, скончался въ Римѣ, и кончина его полагается различно отъ 881 до 910 года; но съ большей вѣроятностью можно полагать, что онъ умеръ въ Моравіи около 885 года.

Вихингъ послѣ смерти Меѳодія преслѣдовалъ духовенство, державшееся славянской литургіи, и съ помощью войска Святополка, принудилъ его въ 886 году искать убѣжища въ Болгаріи. По смерти Святополка, въ 894 году, царство было раздираемо войной между его сыновьями, причемъ совнѣ оно тѣснимо было Арнульфомъ германскимъ. Вихингъ въ 892 году передался Арнульфу, который назначилъ его своимъ канцлеромъ и предоставилъ ему епископію Пассау; но достоинства этого онъ былъ лишенъ по смерти своего покровителя. Въ 900 году ревнивость германцевъ опять вновь пробуждена была мѣрами, которыя папа Іоаннъ IX принялъ съ цѣлью снабженія Моравіи мѣстной іерархіей, вмѣсто ея прежняго миссіонерскаго установленія. Противъ этой перемѣны громко протестовали Гаттонъ, архіепископъ менцскій, и Теотмаръ зальцбургскій, вмѣстѣ съ ихъ суффраганами, но споръ этотъ закончился съ паденіемъ Моравскаго царства въ 908 году.

---

[1]) Acta SS. Sept. 16.

[2]) Ep. 319 (Patrol. CXXVI). Посланіе, въ которомъ Стефанъ V (890 г.) поноситъ Меѳодія и совершенно запрещаетъ славянскую литургію, хотя и считается нѣкоторыми подлиннымъ, вѣроятно есть поддѣлка Вихинга.

IV. Завоеванія Карла Великаго привели франковъ въ близкое сосѣдство съ сѣверными народами, которые теперь сдѣлались столь страшными для болѣе цивилизованныхъ народовъ другихъ странъ. Карлъ Великій воздержался отъ поставленія своей территоріи за Эльбой подъ юрисдикцію воздвигнутыхъ имъ епископій, такъ какъ онъ намѣренъ былъ учредить въ этихъ епископіяхъ архіепископскую каѳедру, которая бы могла служить центромъ распространенія евангелія на сѣверѣ. Онъ построилъ церковь въ Гамбургѣ и поручилъ ее священнику, который былъ освобожденъ отъ епископской власти, но осуществленіе этого плана было прервано смертью императора [1]). Вниманіе его сына, однако же, скоро было направлено другими обстоятельствами къ Нордальбингіи. Какъ политика, такъ и религія дѣлали желательнымъ обращеніе норманновъ, потому что пока саксонцы отдѣлялись только Эльбой отъ тѣхъ, которые держались еще религіи своихъ отцовъ, у нихъ было постоянное искушеніе отречься отъ навязаннаго имъ силою христіанства, а вмѣстѣ съ христіанствомъ и подданничества, знакомъ котораго оно было.

Споры касательно датскаго престола между Гарольдомъ и Годфридомъ побуждали обѣ стороны искать помощи у Людовика Благочестиваго. Императоръ сразу же понялъ, какъ важно было воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для введенія христіанства среди датчанъ, и Эббо, архіепископъ реймскій, готовъ былъ на время даже отказаться отъ своего достоинства, чтобы только распространять вѣру среди этихъ варваровъ [2]). Съ согласія Людовика, архіепископъ отправился въ Римъ, гдѣ онъ получилъ отъ Пасхалія порученіе, уполномочивавшее его и Галитгара, впослѣдствіи епископа камбрайскаго, проповѣдывать евангеліе сѣвернымъ народамъ, и предлагавшее имъ обращаться со всѣми затруднительными вопросами къ апостольской каѳедрѣ. Миссія эта была рѣшена въ 822 году собраніемъ въ Аттиньи (тѣмъ же самымъ собраніемъ, которое было свидѣтелемъ покаянія Людовика [3]), и въ томъ же году Эббо и его сотоварищи отправились въ путь, въ сообществѣ съ нѣкоторыми посланниками Гарольда, причемъ главнымъ мѣстопребываніемъ для нихъ императоромъ назначенъ былъ Веланао 1). О дѣйствіяхъ миссіи извѣстно мало, но повидимому миссіонеры проповѣдывали съ большимъ успѣхомъ, и Эббо изображалъ Гарольду духовныя и земныя блага христіанства съ такимъ успѣхомъ, что послѣдній прибылъ въ 826 году въ Ингельгеймъ съ своей королевой и большой свитой приближенныхъ, и выразилъ желаніе принять крещеніе, которое всѣ они и приняли въ церкви св. Албанія въ Менцѣ. Людовикъ былъ крестнымъ отцомъ самого Гарольда, Юдиѳь—крестной матерью королевы, Лотарь—воспріемникомъ ихъ сына, и члены ихъ свиты нашли себѣ воспріемниковъ соотвѣтствующаго сана среди франковъ 2). Императоръ тогда рѣшилъ отправить новую миссію къ датчанамъ, но варварство норманновъ, ихъ сильная враждебность къ христіанству и дикій характеръ ихъ язычества, съ его человѣческими жертвоприношеніями, устрашали всѣхъ отъ рѣшенія отправиться въ такую миссію, пока Вала корбейскій не нашелъ въ средѣ своихъ иноковъ человѣка, пригоднаго для этого дѣла, именно Ансгарія.

---

[1]) Ludov. Pius in Patrol. CXVIII, 1033.

[2]) Pertz, II, 502—3 (Patrol. CXXXV, 131).

[3]) См. выше, стр. 757.

Ансгарій или Анскаръ, „апостолъ Сѣвера“, родился около 801 года, и въ ранней молодости вступилъ въ монастырь корбейскій, гдѣ онъ и учился при Адельгардѣ и Пасхазіѣ Радбертѣ, затѣмъ онъ самъ сдѣлался учителемъ въ монастырѣ, и въ теченіе нѣкотораго времени занимая подобную же должность въ нѣмецкомъ Корбеѣ, опять сдѣлался учителемъ въ своемъ родномъ монастырѣ. Съ самаго дѣтства онъ отличался благочестивымъ и восторженнымъ характеромъ. Ему бывали видѣнія, и его жизнеописатель разсказываетъ, что всѣ важныя событія его жизни предзнаменовались ему или въ видѣніи, или посредствомъ внутренняго озаренія, такъ что онъ даже привыкъ ожидать такихъ высшихъ указаній касательно того, какъ поступать ему въ данномъ случаѣ. Смерть его матери, когда ему было еще только пять лѣтъ отъ роду, сильно повліяла на него, и онъ отнятъ былъ отъ дѣтскихъ игръ видѣніемъ, въ которомъ она явилась ему въ сообществѣ съ нѣкіими свѣтозарными женами. Ему казалось, будто онъ завязъ въ грязи и неспособенъ былъ добраться до нихъ, и тогда главенствующая среди

---

1) Теперь Мюншдорфъ, близь Итцегое.

2) Pertz. ii, 508. Въ примѣръ тѣхъ побужденій, которыми часто руководились такіе обращенцы, сен-галльскій жизнеописатель Карла Великаго разсказываетъ, что при одномъ случаѣ, когда вслѣдствіе необычнаго числа кандидатовъ на крещеніе, истощился запасъ обычныхъ крещальныхъ одеждъ, одинъ новообращенный норманнъ открыто выразилъ Людовику свое негодованіе вслѣдствіе того, что ему пришлось получить одежду изъ болѣе грубой матеріи. „Я уже купался здѣсь двадцать разъ—сказалъ онъ—и всегда давали одежду лучше и изъ болѣе бѣлой матеріи, а такой мѣшокъ, какъ этотъ, приличенъ скорѣе какому нибудь свинопасу, а не воину, и если бы не было позорно ходить нагимъ, то я бы бросилъ здѣсь и вашу одежду, а вмѣстѣ и вашего Христа“.

этого общества, въ которой онъ узналъ пресвятую Богородицу, спросила его, желаетъ ли онъ присоединиться къ своей матери, и сказала ему, что если такъ, то онъ долженъ оставить всю эту суетность, какъ неугодную святымъ. Его мірскія привязанности впослѣдствіи были еще болѣе подорваны извѣстіемъ о смерти Карла Великаго, которое произвело на него чрезвычайно глубокое впечатлѣніе, показывая непрочность всякаго земнаго величія. Въ другомъ видѣніи ему казалось, что его духъ выведенъ былъ изъ его тѣла двумя достопочтенными лицами, въ которыхъ онъ призналъ ап. Петра и ап. Іоанна. Они сначала погрузили его въ чистилище, гдѣ онъ оставался въ теченіе трехъ дней въ бѣдственности, которая, какъ ему казалось, продолжалась тысячу лѣтъ. Затѣмъ онъ приведенъ былъ въ область, гдѣ божественная слава, исходя отъ востока, распространялась на множество благоговѣйныхъ святыхъ. Въ неизреченномъ блескѣ, который однако же не ослѣплялъ, а услаждалъ зрѣніе, и изъ источника недоступнаго величія, въ которомъ нельзя было различить никакого образа, онъ слышалъ голосъ изумительной силы и сладости, говорившій ему: „иди, и ты опять возвратишься ко Мнѣ съ вѣнцомъ мученическимъ“. Позже ему явился Спаситель, увѣщалъ его вполнѣ исповѣдывать свои грѣхи, и увѣрилъ его, что они прощены ему. Это увѣреніе было повторено ему и впослѣдствіи, и въ отвѣтъ на его вопросъ: „Господи, что же Ты хочешь, чтобы я дѣлалъ?“—послѣдовалъ отвѣтъ: „иди и проповѣдуй язычникамъ слово Божіе“.

Когда сѣверная миссія была предложена Ансгарію, онъ сразу же заявилъ свою готовность предпринять ее. Онъ твердо держался своей рѣшимости, хотя многіе старались отговорить его, причемъ и самъ Вала не хотѣлъ принуждать его къ исполненію этого дѣла, въ силу монашескаго обязательства къ послушанію, и его поведеніе во время приготовленія себя къ этому дѣлу, посредствомъ уединенія и благочестиваго размышленія, произвело такое впечатлѣніе на Аутберта, монаха знатнаго происхожденія и эконома монастыря, что онъ вызвался быть ему сотоварищемъ.

Миссіонеры не могли пріобрѣсти себѣ ни одного слуги для услуженія имъ. Присоединившись къ Гарольду, они подвергались пренебрежительному обращенію отъ него и его спутниковъ, которые, какъ говоритъ жизнеописатель Ансгарія, еще не знали, какъ должно почитать служителей Божіихъ. Но когда они спустились внизъ по Рейну до Кёльна, епископъ этого города, Гадебольдъ, изъ состраданія подарилъ имъ судно съ двумя каютами, и такъ какъ Гарольдъ нашелъ для себя удобнымъ занять одну изъ этихъ каютъ, то онъ пришелъ въ болѣе тѣсное общеніе съ миссіонерами, которымъ скоро удалось пробудить въ немъ новый интересъ къ ихъ предпріятію. Центромъ своей дѣятельности они избрали Гадеби, на берегу Шлея, противъ Шлезвига, и трудились какъ среди христіанъ, такъ и среди язычниковъ датскаго берега. Ансгарій устроилъ школу для мальчиковъ, причемъ ученики отчасти отдавались ему, а отчасти покупались имъ съ цѣлью воспитанія ихъ въ христіанской вѣрѣ. Но Гарольдъ своимъ почтеніемъ къ Людовику и своей перемѣной религіи возбудилъ негодованіе среди многихъ изъ своихъ сторонниковъ; еще болѣе они были отчуждены отъ него, когда въ своей ревности о распространеніи своей новой вѣры онъ сталъ разрушать храмы и даже прибѣгалъ къ гоненію, и враждебная партія воспользовалась этимъ настроеніемъ. Гарольдъ былъ изгнанъ и удалился въ одинъ округъ во Фризіи, предоставленный ему императоромъ, и Ансгарій также принужденъ былъ оставить Гадеби. Аутбертъ уже раньше вынужденъ былъ вслѣдствіе сильной болѣзни оставить миссію, и умеръ въ Корбеѣ въ 829 году [1]).

828—9 г.

Ансгарію скоро представилось новое поприще. Можно думать, что нѣкоторое познаніе евангелія уже проникло и въ Швецію, отчасти благодаря тѣмъ сношеніямъ, которыя у жителей этой отдаленной страны были съ Византійской имперіей. Въ 829 году дворъ Людовика былъ посѣщенъ посланниками отъ Швеціи, которые, въ добавокъ къ своимъ гражданскимъ дѣламъ, заявили, что ихъ соотечественники благопріятно расположены къ христіанству, и просили императора снабдить ихъ учителемъ. Людовикъ вспомнилъ объ Ансгаріѣ, и послѣдній согласился предпринять это дѣло, считая его исполненіемъ одного изъ своихъ видѣній. Мѣсто его у Гарольда было занято другимъ, и Вала назначилъ ему въ сотоварищи монаха, по имени Витмара. Судно, на которомъ отправились миссіонеры, подверглось нападенію пиратовъ, которые ограбили у нихъ почти все, включая и подарки, предназначавшіеся Людовикомъ для шведскаго короля. Но они рѣшили продолжать дѣло, и послѣ многихъ тяжкихъ испытаній прибыли въ сѣверную столицу Бирку или Сигтуну, на озерѣ Меларѣ [2]). Король Біорнъ принялъ ихъ милостиво, и съ согласія народнаго собранія далъ имъ позволеніе свободно проповѣдывать. Ихъ священнослуженіе съ радостью было встрѣчено христіанскими плѣнниками, которые долго лишены были утѣшеній религіи, и среди обратившихся въ христіанство былъ Геригаръ, правитель округа, который въ своемъ имѣніи построилъ церковь. Потрудившись полтора года, Ансгарій и его сотоварищъ возвратились на родину съ письмомъ отъ Біорна къ Людовику, который весьма доволенъ былъ ихъ успѣхомъ и рѣшилъ поставить сѣверную миссію на новую ногу, согласно съ намѣреніями его отца. Въ Гамбургѣ рѣшено было учредить архіепископскую каѳедру, и Ансгарій былъ посвященъ 831 г. на нее въ Ингельгеймѣ Дрогомъ мецкимъ, въ сослуженіи съ Эббо и многими другими епископами. Затѣмъ онъ возвратился въ Римъ, гдѣ папа Григорій IV удостоилъ его палліума, вмѣстѣ съ буллой, уполномочивавшей его трудиться для обращенія сѣверныхъ народовъ совмѣстно съ Эббо, полномочія котораго отъ Пасхалія оставались еще въ силѣ. Людовикъ предоставилъ ему монастырь тургольдскій [1]), съ тою цѣлью, чтобы онъ могъ служить вмѣстѣ и источникомъ содержанія, и мѣстомъ покоя, болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ сѣверная архіепископія.

---

[1]) Гарольдъ впослѣдствіи отрекся отъ христіанства.

[2]) Бирка означаетъ пристань.

Эббо, хотя и отвлеченный отъ миссіонерскаго дѣла своими другими (и отчасти гораздо менѣе почтенными) занятіями, продолжалъ интересоваться обращеніемъ сѣвера, и повидимому въ это время во второй разъ отправлялся на мѣсто своихъ прежнихъ трудовъ. Но такъ какъ ни онъ, ни Ансгарій не могли всецѣло посвятить своего вниманія шведской миссіи, то рѣшено было предоставить ее одному родственнику Эббо, по имени Гауберту, который посвященъ былъ во епископа и принялъ имя Симеона. Ему Эббо предоставилъ монастырь въ Веланао—для той же цѣли, для какой Тургольдъ отданъ былъ Ансгарію.

Ансгарій, съ своею обычною ревностью вступилъ въ предоставленную ему новую область. Онъ построилъ въ Гамбургѣ церковь, монастырь и коллегію. Согласно съ системой, которой онъ держался въ Гадеби, онъ купилъ нѣсколько мальчиковъ, съ цѣлью воспитанія ихъ въ духѣ христіанства, и нѣкоторые изъ нихъ были посланы въ Тургольдъ, а другіе оставались съ нимъ. Но спустя нѣкоторое время, Гамбургъ подвергся нападенію со стороны большаго отряда норманновъ, подъ начальствомъ Эрика, короля ютландскаго. Архіепископъ старался ободрить жителей держаться противъ враговъ, пока не прибудетъ помощь; но нападающіе были слишкомъ сильны, чтобы можно было долго держаться противъ нихъ: городъ былъ ограбленъ и сожженъ, и Ансгарій принужденъ былъ бѣжать. Онъ лишился своей церкви, своего монастыря и своей библіотеки, среди сокровищъ которой былъ и великолѣпный списокъ св. Писанія, даръ императора; нѣкоторыя мощи, дарованныя церкви Эббо, составляли все, что только онъ могъ спасти. Тѣмъ не менѣе, не смотря на бѣдственность своего положенія, онъ повторялъ съ Іовомъ: „Господь далъ, Господь и взялъ; благословенно имя Господне!“ Леутбертъ, епископъ бременскій, уже и раньше съ ревнивостью смотрѣвшій на новую архіепископію, отказалъ ему въ поддержкѣ, и онъ принужденъ былъ искать убѣжища у одной вдовы, по имени Икіи, изъ Рамсло, гдѣ онъ мало по малу и собралъ нѣкоторыхъ изъ своихъ разсѣянныхъ послѣдователей. Около того же самаго времени, Гаубертъ былъ изгнанъ изъ Швеціи народнымъ возстаніемъ, во время котораго убитъ былъ его племянникъ Нотбертъ.

---

[1]) Thourhoult между Bruges и Ypres.

Вдобавокъ къ бѣдственности Ансгарія, его монастырь тургольдскій, находясь въ той части имперіи, которая по смерти Людовика 842 г. отошла къ Карлу Лысому, отданъ былъ новымъ государемъ одному мірянину. Монахи его, не находя никакихъ средствъ къ содержанію, принуждены были оставить его; но онъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ Людовика германскаго, который основалъ монастырь для него въ Рамсло и рѣшилъ предоставить ему епископію бременскую, оказавшуюся вакантной по смерти Леутберта. Самъ Ансгарій не хотѣлъ принимать никакого дѣятельнаго участія въ этомъ дѣлѣ, чтобы не подвергнуться обвиненіямъ въ хищничествѣ, тѣмъ болѣе, что возникали и нѣкоторыя каноническія затрудненія; но эти послѣднія были устранены съ согласія заинтересованныхъ въ дѣлѣ епископовъ. Соединеніе діоцезовъ было признано соборомъ менцскимъ (тѣмъ самымъ, на которомъ осужденъ былъ Готтшалькъ) въ 848 году, и шестнадцать лѣтъ послѣ того, какъ оно состоялось въ дѣйствительности, подтверждено 864 г. было папой Николаемъ I, который возобновилъ даръ палліума Ансгарію, и назначилъ его легатомъ для распространенія христіанства среди шведовъ, датчанъ, славянъ и другихъ народовъ Сѣвера [1]).

Между тѣмъ Ансгарій продолжалъ вести оживленную дѣятельность. Неоднократныя политическія миссіи отъ Людовика германскаго сдѣлали его извѣстнымъ датскому королю Горику или Эрику, который давно былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ вождей сѣверныхъ опустошителей и водилъ то войско, которое сожгло и ограбило Гамбургъ. Ансгарій пріобрѣлъ сильное вліяніе на короля, 848—53 г. который, хотя и не видно, чтобы самъ былъ крещенъ, однако даровалъ миссіонерамъ позволеніе проповѣдывать въ своихъ владѣніяхъ и построить церковь въ Шлезвигѣ. Дѣло обращенія пошло быстро. Датскіе торговцы, принявшіе крещеніе въ Гамбургѣ или Дорштадтѣ, теперь открыто исповѣдывали христіанство, и христіанскіе купцы изъ другихъ странъ осмѣливались свободнѣе отправляться въ Данію, такъ что Эрикъ нашелъ, что вслѣдствіе дарованной имъ вѣротерпимости богатство его королевства возросло. Многіе изъ обращенцевъ, однако же, откладывали крещеніе до приближенія смерти, причемъ существуютъ разсказы, что нѣкоторые язычники, отчаявшись въ спасеніи своей жизни и напрасно призывая своихъ собственныхъ боговъ, обращались съ просьбою о помощи ко Христу и совершенно выздоравливали.

---

[1]) Nic. Ep. 62 (Patrol. cxix).

По удаленіи Гауцберта, Швеція въ теченіе семи лѣтъ оставалась безъ христіанскаго учителя, пока Ансгарій не отправилъ въ эту страну священника и отшельника, по имени Ардгара, который проповѣдывалъ съ большимъ успѣхомъ, причемъ его усилія нашли могущественную поддержку въ карѣ, постигшей всѣхъ, кто принимали участіе въ изгнаніи Гауцберта. Геригаръ постоянно оставался вѣрнымъ, не смотря на все то, что ему приходилось вытерпѣть отъ своихъ невѣрующихъ соотечественниковъ, и на своемъ смертномъ одрѣ онъ имѣлъ утѣшеніе воспользоваться священнодѣйствіями Ардгара. Но Ардгаръ жаждалъ возвратиться къ своему отшельничеству, и послѣ нѣкотораго времени оставилъ свою миссію. Гауцбертъ, теперь сдѣлавшійся епископомъ оснабургскимъ, отклонилъ обращенную къ нему Ансгаріемъ просьбу возобновить свою дѣятельность въ Швеціи, на томъ основаніи, что другой проповѣдникъ могъ произвесть болѣе благопріятное впечатлѣніе на народъ, чѣмъ тотъ, котораго они уже изгнали изъ своей страны. Вслѣдствіе этого самъ Ансгарій рѣшился предпринять это дѣло, будучи ободренъ видѣніемъ, въ которомъ ему являлся его старый настоятель Адельгардъ. Онъ былъ сопровождаемъ посланниками отъ Эрика къ царю Олофу шведскому, и имѣлъ горячее рекомендательное письмо отъ датскаго короля. Но, высадившись въ Швеціи, онъ нашелъ состояніе вещей весьма не ободрительнымъ. Не задолго до этого, одинъ шведъ въ національномъ собраніи заявилъ, что онъ получилъ внушеніе отъ боговъ, которые повелѣвали ему передать своимъ соотечественникамъ, что если они хотятъ наслаждаться постояннымъ благоденствіемъ, то должны съ усиленною ревностью возстановить древнюю вѣру и изгнать всѣ другія религіи. „Если—заканчивали боги—вы недовольны нами и желаете имѣть больше боговъ, мы всѣ согласны допустить въ наше число вашего покойнаго короля Эрика“. Сообщеніе это произвело сильное впечатлѣніе: Эрику построенъ былъ храмъ, и онъ переполнялся богомольцами, а въ народѣ было такое возбужденіе, что друзья Ансгарія совѣтовали ему отказаться отъ своего предпріятія, такъ какъ оно не только могло быть безплоднымъ, но и вѣроятно могло стоить ему жизни. Онъ однако же рѣшился продолжать дѣло. Пригласивъ къ себѣ короля на обѣдъ и расположивъ его къ себѣ дарами, онъ попросилъ позволенія проповѣдывать. Олофъ отвѣчалъ, что такъ какъ нѣкоторые изъ прежнихъ проповѣдниковъ христіанства были силою изгнаны изъ страны, то онъ не могъ дать просимаго позволенія, не посовѣтовавшись съ богами и не получивъ согласія отъ народнаго собранія; „ибо (говоритъ жизнеописатель Ансгарія) у этого народа общественныя дѣла опредѣлялись менѣе властью короля, чѣмъ общимъ согласіемъ народа“. На одномъ открытомъ полѣ брошенъ былъ жребій, и онъ оказался въ пользу допущенія христіанскихъ учителей. Собраніе было увлечено рѣчью одного престарѣлаго члена, который говорилъ, что сила христіанскаго Бога была часто, испытываема особенно въ опасностяхъ на морѣ, что многіе изъ его соотечественниковъ раньше были крещены въ Дорштадтѣ; почему же, спросилъ онъ, должны они отказывать теперь, когда къ ихъ собственнымъ дверямъ принесено то, чего они раньше искали въ отдаленіи? Собраніе другаго округа также рѣшило допустить христіанство, и благосклонность къ новой религіи была усилена чудесами, совершившимися во время экспедиціи, предпринятой Олофомъ въ Курляндію. Отовсюду стали стекаться обращенцы, строились церкви, и Ансгарій нашелъ возможность возвратиться въ Данію, оставляя во главѣ шведской миссіи Гумберта, племянника Гауцберта.

Въ отсутствіе архіепископа, Эрикъ палъ въ одной кровавой битвѣ съ языческой партіей, которая воспользовалась его благосклонностью къ христіанству въ качествѣ предлога для нападенія на него. Наиболѣе могущественные изъ другихъ друзей Ансгарія разрѣшили участь своего короля, большая часть Даніи теперь была въ рукахъ врага, и Эрикъ II, наслѣдовавшій часть владѣній своего отца, находился подъ вліяніемъ Гови, герцога ютландскаго, который убѣдилъ его, что всѣ послѣднія несчастія произошли вслѣдствіе оставленія старой національной религіи. Церковь въ Шлезвигѣ была заперта, священникъ ея изгнанъ, и христіане подверглись жестокому гоненію. Ансгарій могъ только предаваться молитвѣ о прекращеніи этого несчастнаго состоянія вещей, и онъ совершенно неожиданно получилъ отъ юнаго короля письмо, въ которомъ тотъ заявлялъ столь же горячее сочувствіе къ евангелію, какое имѣлъ и его отецъ, и приглашалъ миссіонеровъ возобновить свои труды. Гови впалъ въ немилость и былъ изгнанъ. Христіанство теперь распространялось быстрѣе, чѣмъ когда либо. Церкви въ Шлезвигѣ впервые позволено было обзавестись колоколомъ, и въ Рипѣ, второмъ городѣ Даніи, на берегу, противоположномъ Британіи, основана была другая церковь, и священникомъ къ ней назначенъ былъ Римбертъ, урожденецъ окрестностей Тургольта, выросшій подъ воспитательнымъ вліяніемъ Ансгарія [1]).

Труды свои Ансгарій продолжалъ до шестьдесятъ четвертаго года своей жизни и тридцатьчетвертаго своего епископства. Хотя успѣхъ шведской миссіи былъ задерживаемъ смертью или удаленіемъ состоявшихъ при ней лицъ, онъ однако же былъ въ состояніи заботиться о ея продолженіи, главнымъ образомъ, при посредствѣ духовныхъ лицъ датскаго происхожденія, которыхъ онъ воспитывалъ въ семинаріи въ Рамсло. Среди своихъ испытаній и огорченій онъ часто утѣшалъ себя воспоминаніемъ о томъ увѣреніи, которое Эббо во время епископствованія въ Гильдесгеймѣ выражалъ ему, говоря, что Богъ не преминетъ въ свое время увѣнчать этотъ трудъ успѣхомъ. Жизнеописатель Римбертъ съ восторгомъ разсказываетъ о строгой преданности своего учителя монашескимъ правиламъ, которыя онъ содержалъ до конца жизни, о его подвигахъ самоумерщвленія, которые онъ въ юности доводилъ до крайности, пока не созналъ, что такія излишества были искушеніемъ къ тщеславію, вслѣдствіе чего, не будучи долѣе въ состояніи сносить ихъ, онъ старался замѣнять ихъ милостыней и молитвой; разсказываетъ о его частыхъ и ревностныхъ подвигахъ благочестія, о его благотворительныхъ трудахъ, построеніи имъ госпиталей, о выкупѣ плѣнныхъ и другихъ дѣлахъ милосердія. Среди результатовъ его трудовъ заслуживаетъ упоминанія то, что въ 856 году онъ убѣдилъ вождей Нордалбингіи отказаться отъ торговли, которую они вели рабами. Вдобавокъ къ подвигамъ благочестія, онъ написалъ „жизнь Виллегада“, перваго епископа бременскаго, и велъ лѣтопись своей собственной миссіонерской дѣятельности. Лѣтопись эта была отправлена въ XIII столѣтіи въ Римъ, и хотя доселѣ напрасно искали ея, она быть можетъ еще и теперь существуетъ тамъ. По преданію, онъ совершалъ чудесныя исцѣленія, но избѣгалъ оглашенія ихъ, кромѣ какъ среди своихъ наиболѣе близкихъ друзей, и когда однажды стали говорить о нихъ въ его присутствіи, онъ воскликнулъ: „если бы я былъ достоинъ въ очахъ моего Господа, я попросилъ бы Его сподобить меня одного чуда, именно, чтобы Онъ сдѣлалъ меня добрымъ человѣкомъ“! [1])

---

[1]) См. „Жизнь св. Ансгарія“ составленную его ученикомъ и послѣдователемъ Римбертомъ in Mabillon Acta SS. 32.

Во время послѣдней болѣзни, Ансгарія сильно удручало опасеніе, что его грѣхи лишали его обѣтованія, сдѣланнаго ему касательно мученическаго вѣнца. Римбертъ старался утѣшить его говоря, что насильственная смерть не единственный родъ мученичества, и указывалъ ему на его продолжительные и суровые труды въ пользу евангелія, и на терпѣніе, съ которымъ онъ выносилъ многія болѣзни,—особенно продолжительныя страданія на своемъ смертномъ одрѣ. Наконецъ, будучи за обѣдней, архіепископъ, въ полномъ сознаніи, имѣлъ видѣніе, которое укоряло его за сомнѣніе и увѣряло, что все обѣщанное ему будетъ исполнено. Смерть его послѣдовала въ праздникъ „очищенія“, въ 865 году.

Когда Ансгарія попросили назначить себѣ преемника, то онъ отклонилъ эту просьбу, на томъ основаніи, что онъ не хотѣлъ предпочтеніемъ одного предъ другими усиливать недовольство, прибавлять къ тѣмъ огорченіямъ, которыя онъ быть можетъ и безъ того причинялъ многимъ во время своей жизни. Но когда у него спросили его мнѣніе о Римбертѣ, онъ отвѣчалъ: „я увѣренъ, что онъ болѣе достоинъ быть архіепископомъ, чѣмъ я быть субдіакономъ“ 1). Вслѣдствіе этого гамбургская каѳедра, по смерти Ансгарія, предоставлена была Римберту, и въ теченіе почти четверти столѣтія онъ продолжалъ дѣло въ духѣ своего учителя, свѣдѣніями о жизни котораго мы, главнымъ образомъ, и обязаны его почтительному и любвеобильному жизнеописанію. Римбертъ умеръ въ 888 году.

---

[1]) Vita, 39.

Глава XXXVI.

Отъ низложенія Карла Толстаго до смерти папы Сильвестра II.

887—1003 г.

Теперь мы впервые вступаемъ въ длинный періодъ (обнимающій собою весь десятый вѣкъ), не нарушаемый богословскими спорами. Но отсюда еще нельзя заключать, что это былъ періодъ благоденствія или счастія для церкви. Никогда, быть можетъ, не было еще времени, которое бы отличалось большей бѣдственностью для большинства европейскихъ народовъ, никогда не было еще вѣка столь печальнаго и столь неблагопріятнаго для религіи, какъ именно этотъ періодъ. Непосредственныя нужды, удручавшія людей, отвлекали ихъ вниманіе отъ науки и умозрѣнія. Духовенство, въ общемъ, впало въ самое грубое невѣжество и безпорядочность, хотя и можно замѣчать среди него нѣкоторое улучшеніе со времени Оттона I. Папство опозорило себя беззаконіями, безпримѣрными въ прежнее время.

Почти въ самомъ началѣ этого періода, восточная (византійская) церковь была волнуема вопросомъ, который также повелъ къ усиленію ея разногласій съ Римомъ. Левъ Философъ, ученикъ Фотія, будучи уже ранѣе женатъ послѣдовательно на трехъ женахъ, не оставившихъ ему потомства, женился на Зоѣ, съ которой онъ уже нѣкоторое время сожительствовалъ 2). По свидѣтельству греческихъ историковъ, бракъ этотъ былъ совершенъ однимъ изъ императорскихъ придворныхъ священниковъ предъ рожденіемъ ребенка, и когда Левъ сдѣлался отцомъ наслѣдника престола, онъ возвелъ 905 г. Зою въ санъ императрицы. Бракъ этотъ во всякомъ случаѣ былъ предосудителенъ, такъ какъ на Востокѣ

---

1) Vita S. Rimberti. c. 10, ap. Pertz. II.

2) Cedren. 600.

неодобрительно относились даже ко вторымъ бракамъ, а четвертый бракъ тамъ былъ совсѣмъ неизвѣстнымъ дотолѣ дѣломъ. Патріархъ Николай, поэтому низложилъ священника, благословившаго этотъ бракъ, отказался допустить императорскую чету въ церковь, такъ что они принуждены были отправлять свои религіозныя обязанности въ другомъ мѣстѣ, и даже отказался дать причастіе Льву, который поэтому и сослалъ его на островъ Ирію [1]. Разсказъ, даваемый самимъ патріархомъ, нѣсколько иначе передаетъ дѣло, именно, что сынъ Льва и Зои родился раньше ихъ бракосочетанія, что патріархъ соглашался крестить ребенка только подъ условіемъ разлученія между родителями, что Левъ поклялся исполнить это требованіе, но черезъ три дня съ большою пышностью ввелъ Зою во дворецъ, совершилъ обрядъ брака безъ соучастія какого бы то ни было священника, и затѣмъ закончилъ все это дѣло коронованіемъ своей жены. Николай прибавляетъ, что онъ умолялъ императора согласиться на разлученіе, пока не посовѣтуется съ другими главными каѳедрами, но что нѣкоторые легаты изъ Рима, вскорѣ затѣмъ прибывшіе въ Константинополь, отнеслись къ браку благосклонно, и что такимъ образомъ Левъ нашелъ въ этомъ поощреніе къ тому, чтобы низложить и изгнать патріарха [2]. Евѳимій, высокоуважаемое духовное лицо, будучи возведенъ на патріаршій престолъ, вновь принялъ императора въ общеніе, но противодѣйствовалъ его желанію добиться общаго освященія четвертыхъ браковъ, хотя оно и поддерживалось многими вліятельными лицами [3]. По смерти Льва, его братъ Александръ, наслѣдовавшій престолъ вмѣстѣ съ юнымъ сыномъ Зои, Константиномъ Порфиророднымъ [4], не только возстановилъ Николая, но и предоставилъ ему важное участіе въ управленіи, а Евѳимій, по своемъ низложеніи, подвергнутъ былъ варварскому обращенію со стороны духовенства противоположной партіи, и вскорѣ затѣмъ умеръ. Самъ Александръ умеръ черезъ годъ, и Зоя, сдѣлавшись могущественною въ управленіи, побуждала своего сына настаивать на признаніи ея брака. Но она была заключена въ монастырь Романомъ Лекапеномъ, который, въ качествѣ сотоварища Константина, захватилъ управленіе въ свои руки, и въ 920 году соперничающія стороны въ церкви вновь примирились. Изданъ былъ указъ, которымъ на будущее время третьи браки позволялись на извѣстныхъ условіяхъ, но союзы въ родѣ того, отъ котораго произошелъ самъ императоръ, были запрещены подъ страхомъ отлученія [1]). Въ Римѣ однако четвертые браки позволялись [2]), и на этомъ основаніи между церквами возникла новая холодность, такъ что на время имена папъ, повидимому, были выпущены изъ диптиховъ Константинополя [3]).

---

[1] См. продолж. Ѳеофана, pp. 370—1, ed. Bon. Sym. Mag. De Leone, 18; Cedren. 600—2.

[2] Nic. Ep. ad Anastas. Roman. отъ 912 года, ap. Baron. 912. 6.

[3] 'Ελλογίμων. Cedren. 602. Симеонъ магистръ употребляетъ слово λογικωτάτων, которое переводится eruditissimi (с. 19). Онъ говоритъ, что позволительность четверобрачія будто бы открыта была свыше Евѳимію.

[4] Этотъ эпитетъ, повидимому, несовмѣстимъ съ свидѣтельствомъ, что принцъ этотъ родился до брака.

Греческая церковь продолжала покоиться на ученіяхъ и обрядахъ, установленныхъ соборами прежняго времени. Иконопочитаніе продолжалось безпрепятственно. Имперія переживала частыя революціи, ознаменовывавшіяся измѣнничествомъ, жестокостью, честолюбіемъ, не обращавшимъ вниманія на естественныя узы, всѣми тѣми явленіями, съ которыми мы уже встрѣчались раньше; но событіями, о которыхъ только нужно упомянуть здѣсь, были побѣды, одержанныя надъ сарацинами Никифоромъ Фокой и его убійцей и преемникомъ, Іоанномъ Цимисхіемъ. Эти государи возвратили себѣ Критъ и Кипръ, и греческое оружіе побѣдоносно проникло даже до Багдада. Хотя ихъ болѣе отдаленныя побѣды и не имѣли прочнаго успѣха, имперія всетаки получила нѣкоторое вознагражденіе за свою долгую и кровавую борьбу, пріобрѣтенія Антіохію вмѣстѣ съ Тарсомъ, Мопсуестіей и другими городами въ Киликіи.

963—969 г.

969—976 г.

Что касается Запада, то вѣкъ этотъ былъ полонъ сложныхъ движеній, которыя по бóльшей части весьма трудно прослѣдить и невозможно запомнить. Послѣ низложенія Карла Толстаго, единственными представителями каролингскаго рода были незаконные— Арнульфъ, сынъ баварскаго Карломана, и Карлъ, называемый „простымъ“, сынъ Людовика Заики, отъ брака, которому церковь отказала въ своемъ освященіи. Арнульфъ захватилъ управленіе Германіей, которую онъ и держалъ подъ своею властью съ 887 по 899 годъ. Онъ правилъ энергично, велъ успѣшныя войны съ оботритами и другими славянскими народами сѣвера, и сокрушилъ норманновъ великой побѣдой надъ ними на Дилѣ, близь Лувена, въ 891 году. Онъ ослабилъ также могущество моравовъ, но съ этою цѣлью онъ призвалъ себѣ на помощь венгровъ или мадьяръ и открылъ дорогу въ Германію этимъ страшнымъ варварамъ. Никогда еще не появлялось такого дикаго врага христіанства. Венгры были народомъ азіатскаго происхожденія, языкъ котораго, будучи одного и того же корня съ финскимъ,

892 г.

---

[1]) Theoph. Contin. 397; Cedren. 607.

[2]) Одинъ римскій „покаянникъ“ девятаго столѣтія предписываетъ трехнедѣльный постъ за третій бракъ и постъ въ двадцать одну недѣлю за четвертый или пятый бракъ. Patrol. cv, 725.

[3]) Евгеній IV, послѣ своихъ попытокъ къ соединенію съ греческою и другими восточными церквами, осудилъ сдѣланное въ Константинополѣ осужденіе четвертаго брака.

не имѣлъ никакого сходства съ языкомъ какого либо изъ цивилизованныхъ или христіанскихъ народовъ. Писатели того времени, отчасти заимствуя изъ древнихъ описаній гунновъ Аттилы [1]), съ которыми, будто бы, находились въ связи мадьяры, говорятъ, что они были чудовищины и едва ли человѣкообразны, жили по образу звѣрей, ѣли мясо и пили кровь человѣческую, особенно лакомясь сердцемъ. Легкіе по фигурѣ и военному снаряженію, рыская на маленькихъ бодрыхъ лошадяхъ, они легко избѣгали преслѣдованія отъ франкской кавалеріи, причемъ тучи посылаемыхъ ими стрѣлъ были страшны даже при отступленіи. Они уже утвердились въ области на Дунаѣ, которая въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій была занимаема аварами. Они угрожали Константинополю и принудили къ данничеству какъ Болгарію, такъ и Восточную имперію. Теперь они, повидимому, въ неисчисленномъ множествѣ проникли въ Германію, наводнили Тюрингію и Франконію и дошли даже до Рейна. Почти въ то же самое время сѣверный городъ Бременъ былъ разграбленъ однимъ отрядомъ ихъ силъ, и шведскій монастырь св. Галла другимъ. Ихъ орда опустошила Провансъ, и проникла до испанской границы, хотя разразившаяся между ними болѣзнь и дала возможность Раймонду, маркизу готійскому, отразить ихъ. Перебравшись за Альпы, они ринулись на Италію. Павія, ломбардская столица и тогда второй городъ полуострова, была предана съ ея 44 церквами пламени, причемъ мадьяры изощряли свою жестокость и любовь къ грабежу надъ личностями и 924 г.
надъ собственностью жителей. Варвары проникли даже до оконечности Калабріи, причемъ итальянцы, считая ихъ бичемъ Божіимъ, подчинялись имъ, не дѣлая никакой другой попытки въ дѣлѣ защиты, кромѣ молитвъ, которыми оглашались церкви, объ избавленіи „отъ стрѣлъ венгерскихъ“ [2]).

Сарацины также продолжали опустошать Италію. Одинъ африканскій отрядъ изъ нихъ утвердился на Гарильанѣ (древнемъ Лирисѣ), и изъ своего укрѣпленнаго лагеря постоянно угрожалъ Риму. Въ другой части, одно судно, на которомъ было около 20 сарацинъ изъ Испаніи, было унесено во время своего плаванія вѣтромъ, такъ что они принуждены были пристать близь Фраксинета [3]). Они укрѣпились противъ жителей окрестностей и, просуществовавъ нѣкоторое время грабежомъ, пригласили и другихъ сарацинъ изъ Испаніи присоединиться къ нимъ, такъ что горсть потерпѣвшихъ кораблекрушеніе чужеземцевъ постепенно возростала, пока не превратилась въ опасную шайку. Они производили грабежи вширь и вдаль, построили въ горахъ много фортовъ, схватывали пилигримовъ и торговцевъ, на-чисто ограбляли ихъ и принуждали болѣе состоятельныхъ людей собирать большія суммы въ видѣ выкупа. Нѣкоторые изъ нихъ даже перешли за гору Юпитера (теперь великій Сен-Бернаръ), и основали другое поселеніе въ Сенъ-Морисѣ. Но гарнизонъ фраксинетскій былъ наконецъ окруженъ и истребленъ Вильгельмомъ, герцогомъ аквитанскимъ.

---

[1]) См. Ammian Marcellin xxxi. 2, Iornandes c. 24 (Patrol. lxix).

[2]) Annal. Fuld. отъ 897, 900 и друг. (Pertz, i).

[3]) Это мѣсто вообще отождествляется съ Френѐ, близь Фрежю (Fréjus). Но нѣкоторые писатели думаютъ, что оно было на полуостровѣ св. Оспизія, близь Ниццы.

По смерти Арнульфа, германцы распались на пять главныхъ народовъ — франконцевъ, саксонцевъ, швабовъ, баварцевъ и лотарингцевъ спорной земли между Франціей и Германіей, которая принадлежала то къ одной странѣ, то къ другой, будучи или переводима своими жителями или присоединяема силой и интригой. Эти народы вообще находились подъ управленіемъ герцоговъ, причемъ единственною связью, которая только и сплачивала ихъ между собой, было опасеніе мадьяръ и славянъ. Оттонъ саксонскій признавался ихъ вождемъ, но такъ какъ онъ чувствовалъ себя слишкомъ старымъ, чтобы предпринять на себя труды королевской власти, то съ его согласія королемъ Германіи въ 912 году былъ избранъ Конрадъ франконскій. Конрадъ встрѣтилъ себѣ главнаго противника въ лицѣ Генриха, сына Оттона и герцога саксонскаго; но на его смертномъ одрѣ, въ 912 году, желаніе предотвратить раздоръ между германцами восторжествовало надъ всѣми другими чувствами, и онъ поручилъ своему брату Эбергарду, который и самъ вполнѣ могъ притязать на наслѣдство, предоставить Генриху знамя королевской власти, — священное копье, корону и мантію, золотые браслеты и мечъ. Согласно съ желаніемъ Конрада, Генрихъ Птицеловъ (названный такъ вслѣдствіе того занятія, которому онъ будто бы предавался, когда до него дошло извѣстіе о предоставляемомъ ему достоинствѣ) былъ избранъ королемъ со стороны франконцевъ и саксонцевъ, и выборъ этотъ былъ принятъ и другими народами. Генрихъ царствовалъ съ 912 по 936 годъ, пользуясь почти безпримѣрной славой за свою храбрость, благоразуміе, умѣренность, справедливость и вѣрность. Онъ возвратилъ Лотарингію Германіи, восторжествовалъ надъ сѣверными славянами и богемцами, отнялъ у норманновъ земли между Эйдеромъ и Шлеемъ и учредилъ маркизство Шлезвигское, какъ оплотъ для безопасности Германіи съ этой стороны. Но еще болѣе важными были его войны съ венграми. Во время одной экспедиціи, ознаменовавшейся ихъ обычными варварскими опустошеніями, одинъ изъ ихъ наиболѣе важныхъ вождей, быть можетъ, какъ предполагали, самъ король, попалъ въ руки Генриха, который отказался отпустить его иначе, какъ подъ условіемъ мира, за который, по соглашенію, гер-

924 г.

манцы должны были, въ видѣ ежегодной признательности платить дары. Миръ долженъ былъ продолжаться въ теченіе девяти лѣтъ, которыми Генрихъ воспользовался съ цѣлью приготовленія къ войнѣ, и по истеченіи этого срока онъ сдѣлалъ презрительный отказъ посольству мадьяръ. Онъ дважды разбилъ варваровъ, и въ 955 году ихъ могущество было окончательно сокрушено его сыномъ Оттономъ I въ большой битвѣ лехфельдской, близь Аугсбурга. Вслѣдствіе этого пораженія, венгерцы потеряли ту часть своей территоріи, которая можетъ быть отождествляема съ новѣйшей провинціей Австріи—Венгріей, и вынуждены были ограничиться предѣлами Панноніи.

933 г.

По низложеніи Карла Толстаго, королевскій титулъ во Франціи захватилъ Одонъ или Эвдъ, графъ парижскій и сынъ Роберта Сильнаго, и онъ занималъ это достоинство въ теченіе десяти лѣтъ, во время которыхъ велъ постоянную и иногда успѣшную борьбу противъ норманновъ. Послѣ его смерти, въ 898 году, преемникомъ его сдѣлался Карлъ Простой, тщетно пытавшійся раньше достигнуть престола вопреки Одона, и это незаконное продолженіе каролингскаго рода продолжалось (хотя и не безъ перерыва) до 987 года, когда, по смерти Людовика V, Гугъ Капетъ, герцогъ французскій, двоюродный внукъ Одона, былъ избранъ собраніемъ въ Сенлисѣ, провозглашенъ королемъ со стороны войска въ Нойонѣ, и помазанъ Адалберомъ, архіепископомъ реймскимъ, который вслѣдствіе обладанія этимъ городомъ пользовался главнымъ вліяніемъ въ дѣлѣ распоряженія короной. Но эта королевская власть Франціи была почти неболѣе какъ номинальной. Могущество Одона сначала простиралось только отъ Мёзы до Луары. Позднѣйшіе каролинги владѣли немного болѣе, чѣмъ скалой Лаонской, между тѣмъ какъ дѣйствительное владычество надъ страной находилось въ рукахъ крупныхъ феодаловъ, власть которыхъ теперь сдѣлалась наслѣдственною. Въ концѣ IX столѣтія Франція раздѣлилась на 29 отдѣльныхъ княжествъ; при восшествіи Гуга Капета число это, помимо независимаго королевства арльскаго, возросло до 55, и нѣкоторыя изъ нихъ были обширнѣе его собственныхъ владѣній. Гугъ, правда, изъ за королевскаго титула и ради надежды, что королевская власть со временемъ можетъ сдѣлаться дѣйствительною силою, даже пожертвовалъ отчасти своимъ прежнимъ владѣніемъ, отказываясь отъ принадлежащихъ ему имѣній въ пользу духовенства и предоставляя помѣстья вельможамъ. По всей странѣ размножались крѣпости; воздвигаемыя сначала во время норманскихъ нашествій, съ цѣлью защиты и обезпеченія, онѣ сдѣлались теперь опасными для королевской власти и угнетательными для народа. Карлъ Лысый на государственномъ собраніи въ Пистрѣ, въ 864 году, запретилъ строить такія твердыни, и приказалъ, чтобы существующія были разрушены; но послѣ расчлененія королевства не оставалось такой силы, которая могла бы принудить къ исполненію этого закона. Вельможи повсюду воздвигали себѣ замки и окружали себя отрядами солдатъ, и скоро сказались осязательные результаты этого, какъ ко злу, такъ и къ добру. Воинственный духъ, ослабѣвшій со времени Людовика Благочестиваго, опять ожилъ, герцоги и графы, каждый съ своимъ собственнымъ отрядомъ, смѣло вступали въ битву съ норманнами, или обращали другъ противъ друга въ частныхъ войнахъ ту силу, которую они пріобрѣли чрезъ ослабленіе короны. И какъ во Франціи, такъ и въ Италіи, владѣльцы замковъ предавались грабежу какъ занятію, которое будто бы не заключало въ себѣ ничего предосудительнаго или недостойнаго для ихъ положенія.

Не смотря на побѣды Одона и Арнульфа, норманны въ теченіе нѣкотораго времени продолжали опустошать Францію во всѣхъ направленіяхъ, проникая даже до самаго сердца страны. Въ 911 году Карлъ Простой, по договору сен-клерскому на Эптѣ, уступилъ имъ территорію между этой рѣкой и моремъ, вмѣстѣ съ Бретанью, и отдалъ свою дочь Гизеллу за ихъ вождя Ролло, подъ условіемъ того, чтобы онъ призналъ себя его вѣрноподданнымъ и принялъ христіанскую вѣру. Въ слѣдующемъ году Ролло былъ крещенъ въ Руанѣ, подъ именемъ Роберта, причемъ въ каждый изъ тѣхъ семи дней, въ теченіе которыхъ онъ носилъ крещальную одежду, онъ дарилъ земли какой нибудь церкви или монастырю, въ вознагражденіе за тѣ бѣдствія, которыя они терпѣли отъ рукъ его соотечественниковъ. Какъ ни позорною могла казаться норманнамъ такая уступка, однако же она имѣла себѣ прецедентъ въ той уступкѣ, которую сдѣлалъ имъ послѣ побѣды Альфредъ Великій. Французскій король ничего не терялъ чрезъ это, такъ какъ та часть Нейстріи, которая отдавалась имъ, въ дѣйствительности находилась въ рукахъ этихъ варваровъ, причемъ, предполагая включить въ этотъ даръ Бретань, онъ быть можетъ надѣялся обратить оружіе своихъ новыхъ ленниковъ противъ населенія, которое уже добилось своей независимости. И въ результатѣ это допущеніе норманновъ нашло себѣ быстрое оправданіе. Они поселились въ своихъ новыхъ владѣніяхъ, оставили свои варварскіе обычаи, и при свѣтѣ распространявшагося среди нихъ ученія, благодаря попеченію Гервея, архіепископа реймскаго (который, по просьбѣ архіепископа руанскаго, написалъ руководство къ обращенію съ ними), язычество среди нихъ скоро исчезло. Они вступали въ браки съ женщинами страны, въ два поколѣнія норманнскій языкъ исчезъ, и среди потомковъ этихъ скандинавскихъ пиратовъ французскій языкъ въ первый разъ сталъ въ рядъ образованныхъ и обработанныхъ языковъ. Въ странѣ, столь долго опустошавшейся ихъ набѣгами, возстановилось прежнее плодородіе, церкви и монастыри опять поднялись изъ своихъ развалинъ, иностранцы, способные и опытные во всевозможныхъ ремеслахъ и искусствахъ, были поощряемы поселяться въ Нормандіи, и въ непродолжительномъ времени она по своему благоустроенному управленію, промышленности и литературѣ сдѣлалась одною изъ лучшихъ провинцій Франціи.

Италія жестоко страдала въ теченіе этого періода, не только отъ нападенія венгровъ и сарацинъ, но и отъ распрей своихъ собственныхъ князей. По низложеніи Карла Толстаго, итальянцы не хотѣли признавать чужеземнаго правителя. Герцогъ сполетскій Гуй и герцогъ фріульскій Беренгаръ, оба находившіеся по женской линіи въ связи съ каролингскимъ родомъ, спорили между собой изъза королевства Италіи и даже императорской короны, которая предоставлена была каждому изъ нихъ папами. Арнульфъ германскій (896 г.) и другіе князья также были коронованы въ Римѣ въ качествѣ императоровъ. Но первое возрожденіе имперіи, въ дѣйствительности, состоялось въ лицѣ германскаго Оттона Великаго (961 г.), отъ котораго достоинство это перешло къ его сыну и къ его внуку того же имени. Тѣмъ не менѣе, императорская власть Оттона была весьма непохожа на власть Карла Великаго: одинъ былъ верховнымъ самодержцемъ, а другой только главой конфедераціи государствъ. Итальянское и германское королевства были объединены въ лицѣ Отоновъ и это подчиненіе Италіи отдаленному государю оказало весьма важное вліяніе на ея позднѣйшую исторію. Жители городовъ, которые уже вынуждены были укрѣплять себя стѣнами и организовывать милицію для защиты противъ набѣговъ сарацинъ и венгровъ, теперь нашли, что имъ еще болѣе приходилось полагаться на свою самопомощь. Каждый городъ, вслѣдствіе этого, считалъ себя совершенно изолированнымъ, сосредоточивалъ свои интересы въ предѣлахъ своей собственной области, и устанавливалъ управленіе по древнему образцу, что и было зародышемъ средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ.

Духовенство и монахи въ значительной степени несли на себѣ бѣдствія этого періода. Во всѣхъ королевствахъ, принадлежавшихъ Каролингской монархіи, у князей было въ обычаѣ захватывать или для себя самихъ, или для предоставленія своимъ любимцамъ, имѣнія религіозныхъ учрежденій. Королевы и другія дамы пользовались доходами болѣе крупныхъ монастырей, нисколько не считая себя обязанными чѣмъ либо имъ на этомъ основаніи. Во многихъ случаяхъ отчужденіе духовныхъ имуществъ въ знатныхъ семействахъ переходило по наслѣдству. Крупные землевладѣльцы, захватывая епископіи, раздавали ихъ своимъ родственникамъ, или даже предлагали ихъ всякому, кто больше заплатитъ. Въ 990 году графъ тулузскій продалъ каѳедру кагорскую, и около того же самаго времени виконтъ Безьерскій предоставилъ епископіи этого города и Агды въ качествѣ наслѣдственныхъ долей своимъ дочерямъ. На каѳедры иногда назначались просто дѣти. Такъ, въ 925 году, по смерти Сеульфа реймсскаго, Гербертъ, графъ вермандойскій, котораго даже подозрѣвали въ сокращеніи жизни архіепископа посредствомъ яда, захватилъ архіепископскія имущества въ свою пользу и принудилъ духовенство и народъ избрать архіепископомъ своего сына Гуга, мальчика, которому еще не было полныхъ пяти лѣтъ. Избраніе это было утверждено Карломъ Рудольфомъ и папой Іоанномъ x, и мальчикъ-прелатъ былъ порученъ Гую, епископу оксеррскому, для воспитанія, причемъ одинъ епископъ былъ назначенъ для управленія каѳедрой. Въ 932 году, вслѣдствіе политической перемѣны, по которой реймская каѳедра перешла въ руки другой партіи, архіепископомъ назначенъ былъ одинъ монахъ по имени Артальдъ, который послѣ посвященія получилъ отъ Іоанна xi палліумъ; но Гугъ, достигнувъ зрѣлости, заявилъ притязаніе на свой санъ, овладѣлъ Реймсомъ при помощи войска своего отца и былъ посвященъ на архіепископію. Споръ тянулся въ теченіе многихъ лѣтъ, такъ какъ Артальдъ, какъ и Гугъ, былъ человѣкъ знатнаго рода, имѣлъ стойкихъ приверженцевъ, и опирался на политическую силу. Въ одно время Артальдъ, повидимому, готовъ былъ отказаться отъ своихъ притязаній, подъ условіемъ, чтобы его вознаградили за это предоставленіемъ ему какого либо аббатства и обѣщаніемъ другой каѳедры; но впослѣдствіи онъ былъ вновь возстановленъ на своей каѳедрѣ Людовикомъ утрмерскимъ, и вопросъ касательно епископіи реймской былъ обсуждаемъ соборами въ Вердунѣ и Муссонѣ, въ Ингельгеймѣ, Лаонѣ и Тревѣ. Гугъ не обращалъ вниманія на всѣ вызовы къ явкѣ, но въ Муссонѣ и въ Ингельгеймѣ, гдѣ присутствовали два легата Агапета ii, въ его пользу представленъ былъ рескриптъ отъ имени папы. Соборъ, однако же, не принялъ во вниманіе этого документа, какъ представляющаго просто рѣшительное повелѣніе о возстановленіи Гуга, достигнутое ложнымъ изображеніемъ дѣла и неоправдываемое доводами или каноническимъ авторитетомъ. Артальдъ представилъ папское письмо противоположнаго содержанія, и соборъ приговорилъ его соперника къ отлученію, пока онъ не раскается. Артальдъ занималъ каѳедру до своей смерти, послѣдовавшей въ 961 году, и Гугъ, надѣявшійся занять ее, за свое противодѣйствіе оказался, однако же, отстраненнымъ по вліянію Бруно, архіепископа кёльнскаго, брата Оттона Великаго, и Герберги, вдовствующей королевы французской, чрезъ которую Бруно въ дѣйствительности и завѣдывалъ управленіемъ королевства. Разсказываютъ, что Гугъ умеръ отъ досады и раздраженія.

Но состояніе папства представляетъ наиболѣе замѣчательную черту въ исторіи этого времени. Отъ начала до конца этого періода, оно было предметомъ самыхъ ожесточенныхъ споровъ между соперническими партіями. Формозъ, епископъ портскій, посылавшійся Николаемъ въ качествѣ легата въ Болгарію, былъ обвиненъ Іоанномъ VIII въ томъ, что онъ воспользовался своимъ положеніемъ для того, чтобы привязать короля этой страны къ себѣ вмѣсто римской каѳедры, пытался добиться папства и вступилъ въ заговоръ противъ какъ папы, такъ и Карла Лысаго. За эти преступленія онъ былъ отлученъ римскимъ соборомъ и соборомъ, состоявшимся при Іоаннѣ въ Тройѣ, и былъ принужденъ дать 878 г.
клятву, что онъ никогда не возвратится въ Римъ или не будетъ добиваться никакого другаго общенія, кромѣ какъ мірскаго. Слѣдующій папа Маринъ снялъ съ него какъ отлученіе, такъ и клятву, и Формозъ возведенъ былъ въ 891 году на папскій престолъ, который онъ и занималъ въ теченіе пяти лѣтъ. Его преемникъ Бонифацій VI, послѣ пятнадцатидневнаго папствованія, освободилъ мѣсто для Стефана VI, который въ распряхъ соперничествующихъ претендентовъ на императорскій престолъ держался враждебной Формозу стороны, и можно думать, что эта политическая вражда и послужила поводомъ къ послѣдовавшимъ необычайнымъ жестокостямъ. По повелѣнію Стефана, тѣло Формоза было вынуто изъ могилы, одѣто въ папскія одежды, посажено на папское кресло и подвергнуто суду по обвиненію въ не-каноническомъ переходѣ съ меньшей каѳедры на римскую, каковое обвиненіе (такъ какъ уже былъ прецедентъ подобнаго перехода въ дѣлѣ Марина) считали нужнымъ усилить еще ложнымъ прибавленіемъ, что Формозъ принялъ второе посвященіе. Одинъ діаконъ былъ назначенъ для мертваго папы въ качествѣ адвоката, но, конечно, всякая защита была безполезна. Формозъ былъ осужденъ, совершенныя имъ рукоположенія были признаны недѣйствительными, тѣло его лишено было папскихъ одѣяній, тѣ пальцы, которыми онъ благословлялъ, были отрублены, и тѣло, будучи протащено по всему городу, брошено было въ Тибръ. Но, по одному современному свидѣтельству, рѣка не разъ выбрасывала его тѣло, и послѣ умерщвленія Стефана въ 897 году оно было взято и опять положено въ храмѣ св. Петра, гдѣ, при внесеніи его въ церковь, нѣкоторыя статуи святыхъ будто наклонялись къ нему съ благоговѣніемъ, во свидѣтельство святости Формоза. Соборъ, состоявшійся въ слѣдующемъ году при Іоаннѣ IX, отмѣнилъ осужденіе Формоза и объявилъ, что его переходъ на римскую каѳедру находилъ себѣ оправданіе въ его заслугахъ, хотя онъ

и не долженъ былъ сдѣлаться прецедентомъ. Тотъ же самый соборъ предалъ порицанію дѣянія собора при Стефанѣ, повелѣлъ акты его сжечь и отлучилъ тѣхъ, кто оскорбили гробницу папы [1]).

Затѣмъ, послѣдовала быстрая смѣна папъ. За выборами чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, недѣль или даже дней, слѣдовали смерти, возбуждающія подозрѣніе касательно ихъ причины; въ нѣкоторыхъ случаяхъ открыто выступаютъ насиліе или ядъ. Съ Сергіемъ III, въ 904 году, началось усиленіе партіи, которая пыталась посадить его на каѳедру ап. Петра послѣ смерти Θеодора II въ 897—8 году, но не имѣла достаточно силы для того. Вождемъ ея былъ Адальбертъ, маркизъ тосканскій, находившійся въ союзѣ съ одной благородной и богатой римской вдовой, по имени Θеодорой. Θеодора имѣла дочь того же имени, и еще другую дочь, по имени Марію или Марозію, которыя обѣ, подобно ей самой, были чрезвычайно красивы и совершенно развращенны. Почти въ теченіе пятидесяти лѣтъ эти женщины по своей волѣ располагали римской каѳедрой, которую они занимали своими любовниками, своими дѣтьми и своими внуками [2]). Сергій, занимавшій папскій престолъ до 911 года, описывается какъ чудовище хищничества, похоти и жестокости, какъ человѣкъ, жившій въ открытомъ наложничествѣ съ Марозіей, и злоупотреблявшій сокровищами церкви, съ цѣлью обезпеченія сторонниковъ и наведенія ужаса на враговъ [3]). Слѣдующій папа Анастасій III умеръ въ 913 году, и когда папскій престолъ опять сдѣлался вакантнымъ въ слѣдующемъ году, вслѣдствіе смерти Ландо, сила „порнократіи“ скандально сказалась въ назначеніи преемника ему. Вниманіе Θеодоры обратилъ на себя одинъ молодой церковникъ въ Равеннѣ, по имени Іоаннъ Тоссиньянскій; онъ былъ приглашенъ къ ея объятіямъ, и чрезъ ея вліяніе былъ назначенъ на епископію болонскую. Предъ посвященіемъ онъ былъ возведенъ
914 г. въ высшее достоинство въ Равеннѣ, и такъ какъ она не могла разлучиться съ нимъ, то и добилась для него возведенія на каѳедру ап. Петра. Какъ ни позорны были средства, которыми достигнуто было его возвышеніе, Іоаннъ X показалъ себя папой, если и не благочестивымъ, то дѣятельнымъ. Онъ

---

[1]) Hard. VI, 487 и слѣд. сс. 3, 4, 7 и 9.

[2]) Бароній доказываетъ, что когда папскій престолъ былъ занимаемъ цѣлымъ рядомъ „homines monstruosi, vitâ turpissimi, moribus perditissimi, usquequaque foedissimi“, то его продолжаемость (въ отличіе отъ другихъ правительствъ, въ которыхъ за порокомъ слѣдовала гибель) должна быть признаваема знакомъ особаго божественнаго благоволенія (879. 4; 900. 1—6; 908. 7; 912. 9—11). Döллингеръ ограничивается замѣчаніемъ, что папство не можетъ быть отвѣтственно за пороки, когда оно находилось въ рабствѣ. I, 425.

[3]) Главнымъ источникомъ исторіи папства въ теченіе этого времени является Ліутпрандъ, епископъ кремонскій, сочиненія котораго напечатаны въ третьемъ томѣ Monumenta Пертца.

короновалъ Беренгара императоромъ, вѣроятно съ цѣлью сокрушить могущество вельможъ, обращался какъ къ нему, такъ и къ греческому императору за помощью противъ сарацинъ, во главѣ своихъ собственныхъ войскъ, вмѣстѣ съ данными ему Беренгаромъ, двинулся противъ ихъ стана на Гарильанѣ, и съ помощью апостоловъ Петра и Павла (какъ разсказывалось въ то время) одержалъ побѣду, которая заставила ихъ оставить этотъ стѣснительный и страшный для Рима станъ. Но его духъ, вѣроятно, былъ слишкомъ независимъ для партіи, которая ожидала пользоваться имъ какъ орудіемъ, и она рѣшила отдѣлаться отъ него. Въ 928 году нѣкоторые приверженцы Гуя, герцога тосканскаго, втораго мужа Марозіи, неожиданно напали на папу въ замкѣ св. Ангела; братъ его Петръ, особенно бывшій опаснымъ для этой партіи, былъ убитъ на его глазахъ, и самъ Іоаннъ былъ или уморенъ голодомъ, или задушенъ въ крѣпости.

Іоаннъ XI, сдѣлавшійся папой въ 931 году, по свидѣтельству Ліутпранда [1]), будто бы былъ сынъ Марозіи отъ папы Сергія, между тѣмъ какъ другіе считаютъ его незаконнымъ плодомъ ея брака съ Альберикомъ, маркизомъ камеринскимъ. Этотъ папа въ своей дѣятельности долженъ былъ ограничиваться исполненіемъ своихъ церковныхъ обязанностей, такъ какъ управленіе Римомъ находилось въ рукахъ третьяго мужа Марозіи, Гуга Великаго, короля арльскаго, и впослѣдствіи ея сына, младшаго Альберика, который изгналъ своего вотчима и держалъ свою мать и папу узниками въ своемъ дворцѣ. Въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ Альберикъ съ титуломъ „князя и сенатора всѣхъ римлянъ“ пользовался властью деспотически, причемъ папская каѳедра занималась рядомъ его креатуръ, которыхъ онъ держалъ въ полномъ себѣ подчиненіи. 932?—954 г. По смерти Агапета II въ 956 году, тосканская партія приняла во вниманіе, что ей не безопасно было ввѣрять папство лицу, которое бы могло раздѣлять ея интересы, и она посовѣтовала захватить папскій престолъ Октавіану, сыну Альберика, восемнадцати-лѣтнему юношѣ, который за два года предъ тѣмъ наслѣдовалъ свѣтскую власть своего отца. Быть можетъ такой шагъ уже и раньше имѣлся въ виду его отцомъ, такъ какъ Октавіанъ уже имѣлъ церковное посвященіе. Въ качествѣ папы онъ принялъ имя Іоанна XII, представляя первый примѣръ такой перемѣны; но свое гражданское управленіе онъ продолжалъ вести подъ своимъ прежнимъ именемъ.

Въ 951 году Оттонъ Великій былъ приглашенъ въ Италію Аделаидой, прекрасной вдовой Лотаря, послѣдняго титулованнаго государя этой страны, съ цѣлью избавить ее отъ преслѣдованій Беренгара II. Въ Павіи онъ былъ привѣтствуемъ какъ король, и тамъ, въ теченіе рождественскихъ праздниковъ, онъ женился на Аделаидѣ, которая и сопровождала его на возвратномъ пути въ Германію. Беренгаръ подчинился, заключилъ миръ, и ему возвращена была его власть, но его новыя тираннія и посягательства столь тяжело отзывались на итальянцахъ, что десять лѣтъ спустя послѣ перваго вмѣшательства Оттона папа и многіи другія лица, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, опять просили германскаго короля придти къ нимъ на помощь. Оттонъ принялъ приглашеніе и, будучи съ большою торжественностью коронованъ въ Монцѣ въ качествѣ короля Италіи, онъ отправился далѣе къ Риму. По дорогѣ, онъ далъ клятву защищать землю ап. Петра и поддерживать всѣ привилегіи папства, и при этомъ онъ, будто бы, составилъ грамоту, которою дары его предшественниковъ римской каѳедрѣ были подтверждены съ большими добавленіями, причемъ за императоромъ сохранено было право утвержденія выборовъ на папство [1]. Въ Римѣ Оттонъ принялъ императорскую корону изъ рукъ папы, и взялъ съ него и съ главнѣйшихъ жителей клятву, что они никогда не будутъ вступать въ союзъ съ Беренгаромъ или съ его сыномъ Адальбертомъ.

---

[1]) II, 48; III, 43.

2 февр. 962 г.

Но какъ только императоръ оставилъ Римъ, Іоаннъ (быть можетъ съ огорченіемъ видя, что Отонъ рѣшился добиться для себя чего то гораздо большаго, чѣмъ простое титульное достоинство, которымъ надѣялся ограничить его папа) сталъ на сторону Адальберта, который, при появленіи Отона въ Италіи, искалъ убѣжища среди сарацинъ фраксинетскихъ. Императоръ, услышавъ объ этомъ, отправилъ разслѣдовать истину дѣла; результатомъ изслѣдованія было извѣстіе, что папа жилъ въ самомъ постыдномъ распутствѣ, такъ что паломницы даже боялись посѣщать Римъ, чтобы не сдѣлаться жертвою его страстей, что онъ до безобразія пренебрегалъ своими обязанностями всякаго рода, и самъ держался Адальберта, такъ какъ зналъ, что императоръ не будетъ потворствовать ему въ его безобразномъ поведеніи. Оттонъ замѣтилъ, что папа еще мальчикъ и могъ бы исправиться подъ вліяніемъ добрыхъ примѣровъ и совѣтовъ, и онъ попытался войти въ сношеніе съ нимъ. Іоаннъ обѣщался исправить свой образъ жизни, но въ то же время съ радостью принялъ Адальберта въ Римъ. Императоръ возвратился въ вѣчный городъ, и при его приближеніи папа и Адальбертъ бѣжали, захвативъ съ собою все, на что только могли наложить свои руки.

6 ноября 963 г.

Римляне связали себя клятвой никогда не избирать папы безъ согласія императора, и умоляли о разслѣдованіи касательно поведенія Іоанна. Съ этою цѣлью, въ храмѣ св. ап. Петра созванъ былъ соборъ изъ итальянскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ епископовъ, подъ предсѣдательствомъ Оттона и въ присутствіи многихъ свѣтскихъ вельможъ. Императоръ выразилъ удивленіе, что Іоаннъ не являлся для защиты себя. Римское духовенство, присутствовавшее на собраніи, сразу же высказалось за осужденіе его; доказательство, говорило оно, совершенно не нужно для удостовѣренія въ безчинствахъ, о которыхъ извѣстно было даже иберійцамъ, вавилонянамъ и индійцамъ, такъ какъ папа не былъ даже волкомъ въ овечьей шкурѣ, а человѣкомъ, который безстыдно обнаруживалъ свой постыдный характеръ; но Оттонъ настаивалъ на слѣдствіи. Тогда епископы и духовенство римской провинціи заявили, что обвиняемый повиненъ во всевозможныхъ преступленіяхъ, которыя и излагались вмѣстѣ безъ всякаго различія въ ихъ сравнительной важности. Онъ освящалъ евхаристію безъ причащенія, рукополагалъ въ конюшнѣ и въ неурочное время, продавалъ епископское рукоположеніе, въ одномъ случаѣ десятилѣтнему мальчику, открыто совершалъ всевозможныя святотатства, былъ повиненъ въ убійствѣ, поджогѣ, въ возмутительныхъ жестокостяхъ, въ прелюбодѣйствѣ, кровосмѣшеніи и въ всевозможныхъ безчинствахъ. Онъ пренебрегалъ всѣми приличіями духовнаго сана, открыто занимался охотой и одѣвался по военному, съ мечомъ, шлемомъ и латами, упивался виномъ „до любви діавола", во время игръ призывалъ на помощь Юпитера, Венеру и другихъ демоновъ, пренебрегалъ каноническими часами и никогда не знаменовалъ себя крестомъ [1]). Оттонъ, не могшій говорить по латыни, чрезъ переводчика предостерегалъ обвинителей, чтобы они не дѣлали показаній по зависти, какъ это было въ обычаѣ противъ лицъ знатнаго положенія; но духовенство и міряне, „какъ одинъ человѣкъ", призывали на себя самыя страшныя кары въ семъ и въ будущемъ вѣкѣ, если все, „даже хуже того, что они сказали", не было истиннымъ, и по ихъ просьбѣ императоръ написалъ Іоанну требованіе отъ него отвѣта въ свою защиту. Папа отвѣчалъ только угрозами отлученія противъ всѣхъ, кто принимали участіе въ попыткѣ выдвинуть соперника ему. Императоръ отозвался объ этомъ какъ ребяческой глупости, и послалъ второе письмо, котораго посланные не могли передать, такъ какъ Іоаннъ занятъ былъ охотой. Тогда Оттонъ обличалъ вѣроломничество, съ которымъ дѣйствовалъ папа, приглашая его

---

[1] Hard. vi, 623—6 и Pertz. Leges, ii, Append.

---

[1]) Liutpr. 10. Сн. Bened. Soract. c. 35 (Patrol. cxxxix). „Протестанты", говоритъ Гиббонъ, „съ злорадствомъ останавливаются на этихъ характерахъ антихриста; но для философскаго взгляда пороки духовенства гораздо менѣе опасны, чѣмъ ихъ добродѣтели" (v, 513). Это замѣчаніе въ своемъ родѣ можетъ быть поставлено въ уровень съ замѣчаніями Баронія.

Дек. 4. въ Италію, съ цѣлью оказанія помощи противъ Беренгара и Адальберта. Іоаннъ былъ низложенъ, и Левъ, главный секретарь каѳедры, человѣкъ добраго характера, но еще не имѣвшій посвященія, былъ избранъ на его мѣсто римскимъ духовенствомъ и народомъ, избраніе которыхъ и одобрено было императоромъ.

Но противъ германцевъ, при помощи агентовъ низложеннаго папы, уже образовался заговоръ. Еще когда Оттонъ находился въ Римѣ съ немногими лишь изъ своихъ солдатъ, произошелъ мятежъ, 964 г. и по удаленіи императора, Іоаннъ овладѣлъ городомъ. Состоялся другой соборъ, который лишилъ Льва всякаго священнаго рукоположенія, призналъ недѣйствительными его рукоположенія и, пользуясь выраженіемъ Николая I противъ собора мецскаго, объявилъ послѣдній соборъ постыднымъ, и это торжество тосканской партіи ознаменовалось жестокимъ мщеніемъ, изощрявшимся надъ руками, глазами, языками и носами ея противниковъ. Оттонъ уже готовъ былъ опять возвратиться въ Римъ для изгнанія Іоанна, какъ папа умеръ вслѣдствіе удара, полученнаго имъ по головѣ во время одного акта прелюбодѣянія,—по свидѣтельству Ліутпранда, отъ діавола, хотя другіе ограничиваются предположеніемъ, что ударъ былъ нанесенъ мужемъ, честь котораго позорилъ онъ. Римляне, забывая свою недавнюю клятву, избрали его преемникомъ духовное лицо, по имени Бенедикта; но императоръ вновь явился подъ стѣнами города, принудилъ его голодомъ къ сдачѣ и возстановилъ Льва VIII. Состоялся соборъ, на которомъ Бенедиктъ передалъ свои 964 г. облаченія и свой пастырскій посохъ Льву. Папа предъ лицемъ всего собранія сломалъ этотъ посохъ. Антипапа былъ лишенъ всякаго сана выше діаконства, которое, по просьбѣ императора, ему позволено было удержать, и былъ изгнанъ въ Гамбургъ. Бенедиктъ, бывшій повидимому человѣкомъ почтеннаго личнаго характера, въ мѣстѣ своего избранія пользовался большимъ уваженіемъ, и умеръ тамъ въ слѣдующемъ году.

Іоаннъ XIII, преемникъ Льва, былъ посвященъ съ одобренія императора въ октябрѣ 965 года; но черезъ три мѣсяца онъ изгнанъ былъ изъ Рима и заключенъ въ одну крѣпость въ Кампаніи партіей, которая сдѣлалась весьма сильною и имѣла намѣреніе установить управленіе по республиканскому образцу подъ названіемъ древняго римскаго магистрата, вслѣдствіе чего была одинаково враждебна какъ германскимъ императорамъ, такъ и папству. Вслѣдствіе этой революціи, Оттонъ нашелъ себя вынужденнымъ опять посѣтить Римъ. Папа былъ возстановленъ, республиканскіе консулы изгнаны 966 г. въ Германію, двѣнадцать трибуновъ обезглавлены, другіе члены этой партіи ослѣплены или изуродованы, тѣло префекта, объявлявшаго Іоанну декретъ объ изгнаніи, было вырыто изъ могилы; его преемникъ въ префектурѣ, будучи сначала повѣшенъ за волоса на конной статуѣ Марка Аврелія (стоявшей тогда близь Латерана), былъ водимъ по городу, съ пузыремъ на головѣ и верхомъ на ослѣ задомъ напередъ [1].

966 г.

Извѣстіе объ этихъ жестокостяхъ произвело столь сильное возбужденіе, что когда Ліутпрандъ былъ посланъ въ Константинополь съ цѣлью сватовства одной греческой княжны за наслѣдника императорскаго престола, Никифоръ Фока попрекалъ его „нечестіемъ“ его государя, и считалъ это достаточнымъ основаніемъ для пренебрежительнаго отношенія къ посланнику. Ліутпрандъ смѣло отвѣчалъ, что его государь не вступалъ въ Римъ въ качествѣ тирана, а избавилъ его отъ позорнаго гнета тирановъ и блудницъ, что онъ дѣйствовалъ согласно съ законами римскихъ императоровъ, и если бы онъ не поступилъ такъ, то самъ былъ бы „нечестивымъ, несправедливымъ, жестокимъ и тиранническимъ“ [2].

Главой республиканской партіи сдѣлался Кресцентій, который будто бы (хотя, вѣроятно, это сказаніе безосновательно) былъ внукомъ папы Іоанна x отъ одной изъ Ѳеодоръ, и онъ управлялъ Римомъ съ титуломъ консула. Его превозносили какъ героя и патріота, но нѣтъ достаточныхъ основаній думать, чтобы его патріотизмъ возникалъ изъ какихъ либо лучшихъ побужденій, чѣмъ эгоистическое честолюбіе. Въ 974 году, когда скипетръ Оттона Великаго перешелъ въ руки молодаго и менѣе сильнаго преемника [2], Кресцентій заключилъ папу Бенедикта vi въ замокъ св. Ангела, гдѣ онъ и преданъ былъ смерти. Когда папа былъ еще живъ, Кресцентіевой партіей поставленъ былъ Бонифацій vii, но онъ вынужденъ былъ уступить мѣсто Бенедикту vii, который поставленъ былъ со стороны тускуланской партіи и занималъ каѳедру до октября 983 года. Оттонъ ii, бывшій тогда въ Италіи, назначилъ на папскій престолъ Петра, епископа павійскаго, который, изъ благоговѣнія къ предполагаемому апостолу—основателю римской церкви, перемѣнилъ свое имя на Іоанна XIV. Но императоръ умеръ чрезъ нѣсколько недѣль затѣмъ, и это событіе ободрило Бонифація, который во время своего бѣгства захватилъ много цѣнной церковной собственности и обратилъ ее въ деньги въ Константинополѣ, Апр. 984 г. возвратиться въ Римъ, гдѣ онъ однако же былъ схваченъ Іоанномъ и заключенъ въ замкѣ св. Ангела. Папа, вѣроятно, закончилъ свою жизнь въ этомъ заключеніи или отъ голода, или отъ яда [1]), и самозванецъ, Авг. 984—іюл. 985. въ согласіи съ Кресцентіемъ, занималъ папскій престолъ до своей смерти, послѣдовавшей черезъ годъ послѣ этого. Его тѣло было волочимо по улицамъ и подвергалось позору и издѣвательствамъ, пока нѣкоторыя духовныя лица не предали его, изъ сожалѣнія, погребенію. Слѣдующій папа Іоаннъ XV былъ человѣкомъ весьма ученымъ, но духовенство ненавидѣло его за гордость, и жизнеописатель Аббо, аббата флёрійскаго, разсказываетъ, что аббатъ этотъ, при своемъ посѣщеніи Рима, нашелъ его не „такимъ, какъ онъ желалъ бы его видѣть, или такимъ, какъ онъ долженъ бы быть“, но „жаднымъ къ низкой корысти и продажнымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ“ [2]). Іоаннъ былъ въ рукахъ „патриція“ Кресцентія (сына прежняго консула того же имени [3]), который не допускалъ къ нему никого безъ платы за позволеніе, и захватывалъ не только церковную собственность, но даже и жертвенные хлѣбы. Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи сносить этого все возроставшаго гнета, папа 996 г. обратился къ заступничеству Оттона III, тогда шестнадцатилѣтняго юноши; но когда Оттонъ, согласно съ этимъ приглашеніемъ, находился на пути въ Римъ, въ Равеннѣ его встрѣтили посланники, объявившіе о смерти папы, и вѣроятно отъ имени одной партіи среди римлянъ, утомившейся отъ самоуправства „патриція“, просили, чтобы король (хотя онъ еще и не получилъ императорской короны) назначилъ имъ преемника. Выборъ Отона палъ на его двоюроднаго брата и придворнаго священника Бруно, молодаго двадцатичетырехъ-лѣтняго человѣка, который затѣмъ и былъ формально избранъ, и первый нѣмецкій папа (какъ онъ обыкновенно считается) принялъ имя Григорія V.

---

[1] Vita Joh. 13. Murat. iii, ii, 331. См. касательно этой статуи Gregorov. iii, 387—9.

[3] Сс. 4—5 весьма любопытнаго и занимательнаго Legatio Ліутпранда. Никифоръ называлъ Оттона — ῥῆγα, а не βασιλέα и жаловался на то, что онъ заявлялъ притязанія на императорскій титулъ (сс. 2, 25). Онъ сказалъ (какбы съ цѣлью оскорбить): „вы не римляне, а ломбарды“. Ліутпрандъ, не смотря на дававшіеся императоромъ знаки, что онъ хотѣлъ продолжать свою рѣчь, прервалъ его выходкой противъ римлянъ вслѣдствіе ихъ происхожденія при Ромулѣ: „мы сказалъ онъ, саксонцы, франки, лотарингцы, баварцы, швабы, бургундцы, презираемъ ихъ настолько, что когда находимся въ гнѣвѣ, то не употребляемъ никакого другаго названія для оскорбленія нашихъ враговъ, какъ—римляне; ибо въ этомъ одномъ названіи римлянъ мы сочетаемъ все, что есть зазорнаго, низкаго, жаднаго, распутнаго, лживаго,—однимъ словомъ, всѣ пороки“ (с. 12).

[2] Петръ Даміани передаетъ необычайную легенду касательно смерти Оттона i, Opusc. xxxiv, 7.

Григорій, въ день Вознесенія въ 996 году, короновалъ своего родственника императоромъ, и желая начать свое папствованіе дѣ-

---

[1]) Baron. 985. 1. Оттонъ II умеръ 7 декабря двадцативосьми лѣтъ, и былъ погребенъ въ храмѣ ап. Петра, гдѣ его гробницу можно видѣть еще и теперь подъ спудомъ.

[2]) Mabill. Acta SS. Ben. 8.

[3]) Старшій Кресцентій умеръ въ 984 году монахомъ въ монастырѣ св. Алексія на Авентинѣ. Gregorov. III, 411.

лами милости, добился прощенія Кресцентію, кото- Сент. 996 г.
раго Оттонъ намѣревался отправить въ ссылку. Но
едва императоръ оставилъ Римъ, какъ Кресцентій произвелъ воз-
мущеніе и изгналъ Григорія. Черезъ восемь мѣсяцевъ, „патрицій“
поставилъ антипапу Іоанна, епископа піяценцскаго, по происхожде-
нію калабрійца и подданнаго Греческой имперіи, человѣка, кото-
рый былъ капелланомъ при матери Оттона, визан- Мая 997 г.
тійской княжнѣ Θеофанѣ, и былъ крестнымъ отцемъ
какъ императору, такъ и Григорію. Вѣсть объ этомъ римскомъ воз-
станіи побудила Отона возвратиться изъ экспедиціи противъ сла-
вянъ. Въ Павіи онъ встрѣченъ былъ Григоріемъ, Янв. 998 г.
двинулся въ Римъ и осадилъ Кресцентія въ крѣ-
пости св. Ангела. Нѣмецкіе писатели вообще свидѣтельствуютъ,
что онъ принудилъ консула къ сдачѣ, между тѣмъ какъ итальян-
скіе утверждаютъ, что онъ овладѣлъ имъ, благодаря обѣщанію ему безо-
пасности. Если такое обѣщаніе было дано, то оно было нарушено.
„Патрицій“ былъ обезглавленъ на кровлѣ замка св. Ангела, гдѣ тѣло
его выставлено было на висѣлицѣ, повѣшенное за ноги, Апр. 998 г.
послѣ чего оно было сброшено и позорно вытащено
за городъ, и двѣнадцать его главныхъ сторонниковъ были преданы
смерти. Антипапа Іоаннъ, обнаружившій намѣреніе передать Римъ
Византійской имперіи [1]), былъ жестоко наказанъ, хотя одинъ вы-
соко славившійся своею святостью отшельникъ Нилъ, имѣвшій почти
девяносто лѣтъ отъ роду, предпринялъ тяжелое путешествіе изъ Рос-
сано въ Калабріи, съ цѣлью заступничества за него [2]). Онъ былъ
ослѣпленъ, лишенъ носа и языка, и по снятіи съ него облаченій
возимъ былъ по городу верхомъ на ослѣ, съ хвостомъ въ рукѣ,
послѣ чего, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, онъ былъ из-
гнанъ въ Германію, между тѣмъ какъ другіе говорятъ, что онъ
низверженъ былъ съ Капитолія [3]). Разногласіе въ свидѣтельствѣ
касательно виновниковъ его наказанія еще значительнѣе: одинъ лѣ-
тописецъ разсказываетъ, что онъ былъ ослѣпленъ и изуродованъ
нѣкоторыми изъ лицъ, опасавшихся, чтобы Оттонъ не простилъ его [4]),
нѣкоторые писатели свидѣтельствуютъ, что въ этомъ дѣлѣ совмѣстно
дѣйствовали Оттонъ и Григорій, между тѣмъ какъ, согласно съ дру-
гими, императоръ былъ умилостивленъ мольбами Нила, и жесто-

---

[1]) Arnulf. Mediolan. i, 11; Murat. Annali, v, iii, 345.

[2]) Vita Nili ap. Martene, coll. ampl. vi, 949, или Acta SS. Sept. 26, c. B. Нилъ родился въ 910 и умеръ въ 1005 году въ Гротта-Феррата, гдѣ, послѣ посѣщенія имъ Оттона, основанъ былъ его извѣстный монастырь. Acta SS. L. c. p. 281.

[3]) Thietmar, iv, 21; Pet, Damiani. Ep. i, 21 (Patrol. cxliv, 253).

[4]) Ann. Quedlingb. 998 года. Эти Анналы вообще весьма неблагопріятны Іоанну. Ann. 997 г.

кости, которымъ подвергся антипапа, были одобряемы только его соперникомъ [1]).

Во время папствованія Іоанна XV каѳедра реймсская сдѣлалась предметомъ новаго спора, болѣе важнаго, чѣмъ споръ между Артальдомъ и Гугомъ. По смерти архіепископа Адальбера, въ 989 году, Арнульфъ, незаконный сынъ одного изъ послѣднихъ каролингскихъ королей, просилъ Гуга Капета предоставить эту каѳедру ему, обѣщая за это вѣрно служить ему во всѣхъ отношеніяхъ. Новый король удовлетворилъ эту просьбу, главнымъ образомъ съ цѣлью отвлечь Арнульфа отъ своего дяди Карла, герцога лорренскаго, наслѣдника каролингской линіи. Новый архіепископъ, при своемъ посвященіи, далъ клятву въ вѣрности Гугу, призывая на себя самыя страшныя проклятія въ случаѣ нарушенія ея [2]). Въ доказательство своей вѣрности, онъ принялъ даже евхаристію, хотя нѣкоторые изъ присутствовавшаго духовенства протестовали противъ такого употребленія таинства. Но когда оружіе Карла, повидимому, готово было увѣнчаться успѣхомъ, ворота Реймса были открыты ему, и его солдаты произвели въ городѣ жестокія и святотатственныя буйства. Архіепископъ былъ увезенъ въ качествѣ плѣнника и произнесъ торжественную анаѳему противъ грабителей, осквернившихъ его церковь; однако же подозрѣвали, что онъ находился въ тайномъ соглашеніи съ своимъ дядей, и подозрѣніе это скоро нашло себѣ подтвержденіе въ его открытомъ присоединеніи къ Карлу въ Лаонѣ. Но Лаонъ скоро переданъ былъ въ руки Гуга его епископомъ Адалберомъ; король взялъ своего соперника въ плѣнъ и заключилъ его въ тюрьму въ Орлеанѣ, гдѣ Карлъ и умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и въ
990 г. Сенлисѣ состоялся соборъ суффрагановъ Реймса, съ цѣлью разслѣдованія образа дѣйствія ихъ архіепископа. Въ Римъ отправлены были письма какъ Гугомъ, такъ и епископами, съ изложеніемъ измѣнничества Арнульфа, вмѣстѣ съ указаніемъ на то бѣдственное состояніе, которому подверглась его провинція, и съ просьбою, какъ поступить съ этимъ „вторымъ Іудой“ [3]). Но папа поддался вліянію одного сторонника Арнульфа, подарившаго ему цѣнную лошадь и другіе дары; причемъ посланники противоположной партіи, не сдѣлавшіе никакихъ подарковъ ни Іоанну, ни Кресцентію, въ теченіе трехъ дней стояли у дверей папскаго дворца, не получая позволенія войти въ него.

Но вотъ самъ Гугъ оказался достаточно сильнымъ для того, чтобы дѣйствовать безъ папы. Въ іюнѣ 991 года, въ монастырской церкви Сенъ-Базеля, близь Реймса, состоялся соборъ, подъ предсѣдательствомъ Сигуина, архіепископа сенскаго [1]). Предсѣдатель предложилъ, что прежде чѣмъ приступать къ суду надъ Арнульфомъ нужно получить отъ короля увѣреніе въ снисхожденіи къ обвиняемому, такъ какъ если бы его измѣна оказалась дѣломъ кровавымъ, то епископамъ непозволительно производить надъ нею судъ. Нѣкоторые члены, однако же, замѣтили, что предлагаемый образъ дѣйствія опасенъ; если епископы будутъ отклонять отъ себя разсмотрѣніе такихъ дѣлъ, то государи перестанутъ обращаться къ церковнымъ судамъ, возьмутъ все судопроизводство въ свои руки и потребуютъ высокихъ церковныхъ сановниковъ предъ свои гражданскіе трибуналы, и въ виду этихъ возраженій предложеніе, повидимому, было оставлено безъ послѣдствій. Сигуинъ подробно изложилъ все дѣло; папа, сказалъ онъ, оставилъ епископовъ Франціи въ теченіе года безъ всякаго отвѣта на ихъ обращеніе къ нему, и они должны теперь дѣйствовать сами по себѣ. Всѣ, кто могли сказать что либо въ пользу обвиняемаго, были принуждаемы явиться подъ страхомъ анаѳемы, вслѣдствіе чего Аббо, аббатъ флерійскій, и другіе представили выдержки изъ Исидоровыхъ декреталій съ цѣлью показать, что соборъ не имѣлъ права судить епископа,—такъ какъ судъ надъ епископами составляетъ одно изъ тѣхъ „крупнѣйшихъ дѣлъ“, которыя принадлежатъ одному только папѣ. На это ему отвѣчали, что все тутъ производилось законнымъ порядкомъ и что къ папѣ уже сдѣлано было обращеніе, но оно осталось безъ успѣха.

---

[1]) Vita Nili, въ указ. мѣстѣ.

[3]) Среди другихъ заклинаній есть и такое: „да будутъ дни мои малы, и *епископію мою да возьметъ другой*“.

[2]) Syn. Rem. 25, 26.

Весьма сильно противъ римскаго притязанія на юрисдикцію говорилъ Арнульфъ орлеанскій, считавшійся мудрѣйшимъ и краснорѣчивѣйшимъ изъ французскихъ епископовъ. Онъ не высказывалъ и, повидимому, даже не чувствовалъ никакого подозрѣнія касательно декреталій; но, въ противоположность ихъ авторитету, онъ цѣлымъ рядомъ подлинныхъ каноновъ, соборовъ и папскихъ сочиненій доказывалъ, что для рѣшенія мѣстныхъ вопросовъ совершенно достаточно провинціальныхъ соборовъ, и приэтомъ сослался на принципы Гинкмара касательно аппелляцій. Требованія декреталій, говорилъ онъ, уже удовлетворены были тѣмъ обращеніемъ къ папѣ, которое напрасно дѣлали какъ король, такъ и епископы. Онъ отрицалъ, чтобы римскій первосвященникъ могъ своимъ молчаніемъ усыплять древніе законы церкви, или могъ извращать ихъ своимъ единственнымъ авторитетомъ; если бы это было такъ, то у нихъ въ дѣйствительности не было бы никакихъ законовъ, на которые бы можно опираться. Распространившись о безобразіяхъ недавнихъ папъ, онъ спрашивалъ, какъ возможно обращаться за рѣшеніемъ къ такимъ чудовищамъ,—лишеннымъ въ дѣйствительности всякихъ судейскихъ качествъ, знаній, любви, характера,—этимъ возсѣдающимъ въ храмѣ Божіемъ антихристамъ, которые могли только дѣйствовать какъ безжизненные идолы. Гораздо лучше было бы, говорилъ онъ, если бы только позволили раздоры государей, искать рѣшенія у ученыхъ и благочестивыхъ епископовъ бельгійской Галліи и Германіи, чѣмъ у продажнаго и оскверненнаго двора римскаго.

---

[1]) Акты этого собора, впервые опубликованные магдебургскими центуріаторами, не передаются вполнѣ ни въ какомъ изданіи соборовъ, исключая только изданія Манси. Пе́ртцъ напечаталъ ихъ въ iii томѣ, 658 и слѣд. стр., и изъ его сборника они перепечатаны въ Патрологіи, т. CXXXIX.

Арнульфъ реймсскій былъ приведенъ на соборъ и защищалъ свою невинность противъ взводившагося на него измѣнничества; но онъ сознался во всемъ, когда его поставили лицемъ къ лицу съ однимъ клирикомъ, который отворялъ ворота города осаждающимъ и который теперь заявлялъ, что онъ дѣйствовалъ по приказанію архіепископа [1]). Въ послѣдній день собора, когда король явился съ своимъ сыномъ и сотоварищемъ Робертомъ, Арнульфъ бросился въ ноги къ нимъ и униженно умолялъ, чтобы ему пощадили жизнь и члены. Отъ него потребовали передать знаки своего гражданскаго достоинства королю, и знаки своей духовной власти — епископамъ, и прочесть актъ отреченія, составленный по тому образцу, которымъ Эббо отрекался отъ того же достоинства полтора столѣтія предъ тѣмъ. Низложенный архіепископъ былъ затѣмъ отправленъ въ тюрьму въ Орлеанѣ, и Гербертъ, не принимавшій никакого участія въ дѣлахъ противъ него, былъ избранъ его преемникомъ.

Этотъ даровитый человѣкъ родился отъ низкихъ родителей въ Овернѣ, около средины столѣтія, и въ ранней еще молодости принятъ былъ въ монастырь орильякскій, гдѣ онъ и сдѣлалъ необычайные успѣхи въ наукахъ. Когда онъ уже побывалъ и въ другихъ главныхъ школахъ Франціи, въ Орильякъ, съ благочестивою цѣлью паломничества, прибылъ графъ барцелонскій Борель, и сдѣлалъ такое сообщеніе о состояніи учености въ Испаніи, что оно побудило аббата отправить съ нимъ Герберта, по его возвращеніи въ эту страну. Въ Испаніи Гербертъ особенно посвятилъ себя изученію математическихъ и физическихъ наукъ, которыя тогда почти исключительно преподавались только въ школахъ сарациновъ; но неизвѣстно, отъ кого собственно получены были пріобрѣтенныя имъ знанія, непосредственно ли отъ мусульманскихъ учителей Севильи и Кордовы, или отъ христіанскихъ, воспользовавшихся ихъ обученіемъ. Въ 968 году онъ побывалъ въ Римѣ въ сообществѣ съ своимъ покровителемъ Борелемъ, и представленъ былъ Оттону Великому. 972 г. Затѣмъ онъ сдѣлался начальникомъ каѳедральной школы въ Реймсѣ, и при второмъ посѣщеніи Италіи въ сообществѣ съ архіепископомъ Адальберо, онъ, благодаря содѣйствію императрицы Аделаиды, получилъ аббатство Боббіо. Но тамъ оказалось, что собственность аббатства была разстроена его предшественникомъ, ему пришлось вступить въ споры съ сосѣдними вельможами, настаивавшими на томъ, чтобы онъ утвердилъ дарственность монастырскихъ земель, которыя незаконно были отданы имъ, причемъ и монахи были непослушны, а его связь съ германцами могла дѣлать его вообще непопулярнымъ. Его положеніе сдѣлалось еще хуже по смерти Оттона, послѣдовавшей черезъ годъ послѣ его назначенія, и послѣ тщетной попытки получить поддержку отъ папы, онъ рѣшился оставить Боббіо, хотя еще и удерживалъ за собою достоинство аббата. „Вся Италія, писалъ онъ по этому случаю одному своему другу, кажется мнѣ Римомъ, а нравственность римлянъ составляетъ ужасъ міра [1]“.

---

[1]) С. 30. Этотъ клирикъ Адальгартъ уже раньше дѣлалъ показаніе въ этомъ смыслѣ, и предлагалъ доказать его судомъ Божіимъ (с. 11). Впослѣдствіи онъ былъ низложенъ (с. 55).

Гербертъ занялъ прежнее положеніе въ Реймсѣ, гдѣ онъ придалъ школѣ безпримѣрную славу, и съ успѣхомъ вліялъ на благоустроеніе и другихъ семинарій. При немъ впервые во Франціи введены были изученіе математики, арабскія цифры и десятичное счисленіе [2]. Библіотека каѳедры стараніями Герберта обогатилась многими копіями съ рѣдкихъ и цѣнныхъ книгъ, а его механическій геній и научность проявились въ построеніи часовъ, астрономическихъ инструментовъ и надуваемаго паромъ органа, причемъ, повидимому имъ именно, впервые сдѣлано было приложеніе той силы, которая въ позднѣйшія времена повела къ столь чудеснымъ результатамъ [3]. Онъ также принималъ важное участіе въ политическихъ движеніяхъ и интригахъ того времени, дѣйствуя въ качествѣ секретаря у Адальберо, который, въ своемъ положеніи въ качествѣ архіепископа реймсскаго, оказывалъ могущественное вліяніе на дѣла государства. Адальберо предполагалъ назначить его своимъ преемникомъ архіепископіи, но при своемъ низкомъ происхожденіи Гербертъ не могъ соперничать съ притязаніями Арнульфа, которыя, какъ онъ утверждаетъ, были поддерживаемы и симоническими средствами. Поэтому онъ примирился съ своимъ положеніемъ, и занималъ должность секретаря также и при своемъ болѣе счастливомъ соперникѣ. Въ теченіи нѣкотораго времени онъ держался Арнульфа, дѣйствуя въ пользу Карла Лорренскаго, но, увидѣвъ основанія перемѣнить свой образъ дѣйствія, формально отказался отъ службы архіепископу, и писалъ архіепископу тревскому, что онъ не могъ долѣе ни для Карла, ни для Арнульфа служить орудіемъ діавола и поддерживать ложь противъ истины. Гугъ Капетъ радостно привѣтствовалъ пріобрѣтеніе столь ученаго сторонника, и назначилъ его воспитателемъ своего сына Роберта.

---

[1] Ep. 40, ed. Paris, 1611.

[2] Свидѣтельство касательно арабскихъ цифръ, однако же, спорно.

[3] Впослѣдствіи онъ сдѣлалъ знаменитые часы въ Магдебургѣ для Оттона III.

Соборъ сенъ-базельскій писалъ папѣ въ тонѣ великаго почтенія, и извинялся, что дѣйствовалъ безъ его согласія ссылаясь на то, что папа такъ долго оставлялъ безъ отвѣта сдѣланное къ нему обращеніе. Но Іоаннъ уже отправилъ на сѣверъ, въ качествѣ своего легата, аббата по имени Льва, который, по прибытіи въ Аахенъ получилъ извѣстіе о низложеніи Арнульфа. Вслѣдствіе этого легатъ возвратился въ Римъ, и Іоаннъ издалъ повелѣніе епископамъ, участвовавшимъ въ соборѣ, чтобы они явились въ Римъ для разслѣдованія дѣла Арнульфа и въ тоже время возстановили архіепископа въ санѣ, и воздерживались отъ отправленія церковныхъ обязанностей. Французскіе епископы, на состоявшемся въ Шелѣ соборѣ, рѣшили настаивать на постановленіяхъ прежняго собора; король писалъ Іоанну, увѣряя его, что тутъ ничего не сдѣлано было въ нарушеніе папскихъ правъ, и предлагалъ повидаться съ нимъ въ Греноблѣ, если папа хочетъ изслѣдовать это дѣло, причемъ Гербертъ обращался съ протестомъ къ папѣ, что онъ не сдѣлалъ ничего незаконнаго, и старался перепиской во всѣхъ направленіяхъ навербовать себѣ сторонниковъ. Его тонъ касательно притязаній Рима былъ весьма рѣшительнымъ: такъ, онъ заявляетъ Сигуину сенскому, что судъ Божій выше суда римскаго епископа, и прибавляетъ, что самъ папа, если бы онъ погрѣшилъ противъ брата и не послушался увѣщаній церкви, долженъ, по ученію самого Господа, быть сочтенъ какъ язычникъ и мытарь; онъ указываетъ также и на жестокость запрещенія совершать священныя обязанности, и побуждаетъ архіепископа не обращать вниманія на папское запрещеніе.

994 г.

Іоаннъ, не дѣлая на время никакого публичнаго заявленія, старался, при посредствѣ монаховъ, возбуждать недовольство среди народа Франціи, такъ чтобы обезпокоить новаго государя. Гербертъ нашелъ свое положеніе въ Реймсѣ крайне неудобнымъ. Нѣкоторые изъ его наиболѣе сильныхъ друзей уже умерли. Онъ разсказываетъ лицамъ, съ которыми былъ въ перепискѣ, что противъ него раздавались общіе крики, что иные даже требовали его крови, что не только его вѣрные слуги, но даже и его духовенство согласилось избѣгать его священнослуженій и воздерживаться отъ общенія съ нимъ въ пищѣ и питьѣ. Въ этой крайности онъ утѣшенъ былъ полученіемъ письма отъ Оттона III, находившагося тогда на пятнадцатомъ году своей жизни. Гербертъ съ радостію принялъ сдѣланное ему приглашеніе, и въ концѣ 994 года отправился къ германскому двору, гдѣ онъ нашелъ почетное убѣжище, и сдѣлался воспитателемъ и любимымъ совѣтникомъ молодаго государя. Въ этомъ положеніи, въ которомъ предъ его душой предносились новыя надежды, онъ могъ уже съ нѣкоторымъ равнодушіемъ говорить о своей архіепископіи. Императрицѣ Аделаидѣ (вдовѣ Оттона Великаго) онъ писалъ, что такъ какъ это достоинство было предоставлено ему епископами, то онъ не намѣренъ отказываться отъ него, кромѣ какъ въ послушаніе епископскому приговору; но онъ не будетъ настаивать на удерживаніи его за собою, если этотъ приговоръ окажется противъ него. Въ 995 году папа опять отправилъ Льва во Францію. Легатъ представилъ Гугу и его сыну письмо, въ видѣ отвѣта Арнульфу орлеанскому и другимъ, принимавшимъ участіе въ соборѣ сенбазельскомъ. Въ немъ онъ отвѣчаетъ на обвиненія противъ Рима въ невѣжествѣ указаніемъ на тѣ мѣста св. Писанія, въ которыхъ говорится, что Богъ избралъ неразумное міра сего предпочтительно предъ мудрымъ. Въ отвѣтъ на обвиненіе въ продажности онъ приводитъ то, что самъ Спаситель и Его апостолы принимали такіе дары, когда они предлагались имъ. Епископы, своимъ образомъ дѣйствія по отношенію къ римской церкви, отсѣкали себя отъ нея; и ихъ поведеніе по отношенію къ своей матери уподоблялось поведенію Хама по отношенію къ Ною. Арнульфъ орлеанскій, „съ его вѣроотступническимъ [1]) сыномъ, кто бы онъ ни былъ“, писалъ такія вещи противъ святаго престола, какихъ никогда не дерзалъ писать никакой аріанинъ. Легатъ приводилъ почтительныя выраженія, съ которыми знатные люди въ прежнія времена отзывались о Римѣ: „если, говорилъ онъ, каѳедра ап. Петра когда либо колебалась, то теперь она опять твердо укрѣпилась для поддержанія всѣхъ церквей“. Онъ указывалъ на незаконность дѣйствій противъ Арнульфа, и на ту жестокость, которой подвергали его, и извинялъ молчаніе папы, при первомъ обращеніи къ нему по этому дѣлу, указаніемъ на тѣ смуты, которыя въ то время были причинены Кресцентіемъ.

Въ іюнѣ 995 года, подъ предсѣдательствомъ Льва, въ Муссонѣ, состоялся соборъ, на которомъ присутствовали весьма немногіе епископы Германіи и Лотарингіи. Епископы Франціи отказались явиться какъ въ Римъ, такъ и въ Аахенъ; явился, съ цѣлью отвѣчать за себя, только одинъ Гербертъ, который уже въ это время переведенъ былъ къ германскому двору. Въ писанной рѣчи онъ защищалъ тѣ мѣры, которыми онъ (противъ своего желанія, какъ говорилъ онъ) возведенъ былъ на каѳедру реймсскую, а также и свое поведеніе по отношенію къ Арнульфу. Онъ объявилъ о своей рѣшимости не обращать никакого вниманія на запрещеніе, которымъ папа запрещалъ ему совершать божественныя службы,—каковое повелѣніе (говорилъ онъ) затрогивало нѣчто гораздо большее, чѣмъ его собственные личные интересы; но по просьбѣ архіепископа тревскаго, онъ, ради примѣра, согласился воздерживаться отъ совершенія литургіи, пока не состоится другой соборъ. Арнульфъ былъ возстановленъ на свою каѳедру соборомъ, состоявшимся въ Реймсѣ въ 995 году; но въ тюрьмѣ его продержали еще въ теченіе трехъ лѣтъ.

---

[1]) То есть съ Гербертомъ, которымъ были написаны акты собора.

Наслѣдовавшій своему отцу въ октябрѣ 995 года, Робертъ I французскій, государь нѣжнаго и благочестиваго, но слабаго характера, женатъ былъ во второй разъ на Бертѣ, дочери Конрада, короля бургундскаго. Бракъ этотъ былъ противоканоническій, какъ потому, что стороны находились въ родствѣ между собой въ четвертой степени, такъ и потому, что Робертъ находился съ графиней въ „духовномъ родствѣ“, будучи раньше крестнымъ отцомъ одного изъ ея дѣтей; тѣмъ не менѣе, французскіе епископы не поколебались благословить этотъ бракъ, такъ какъ въ бракахъ государей строгость церковныхъ законовъ часто должна была уступать предъ политическими выгодами. Робертъ однако же чувствовалъ, что по причинѣ этого уязвимаго пункта ему особенно необходимо было находиться въ хорошихъ отношеніяхъ съ Римомъ, и онъ отправилъ Аббо флерійскаго въ качествѣ своего посланника, съ цѣлью переговорить съ папой въ духѣ уступки по дѣлу Арнульфа. Аббатъ воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы добиться отъ новаго папы Григорія V привилегій для своего монастыря; онъ возвратился во Францію съ палліумомъ для Арнульфа, и въ 998 году архіепископъ былъ освобожденъ и возстановленъ на свою каѳедру, которая, въ теченіе долгаго спора за обладаніе ею, крайне обѣднѣла.

Но если Робертъ предполагалъ, что его согласіе на это возстановленіе побудитъ папу не обращать вниманія на незаконность его брака, то скоро оказалось, что онъ ошибся. Состоявшійся въ 998 году соборъ въ Римѣ потребовалъ отъ него и его королевы, подъ страхомъ анаѳемы, разлучиться и подвергнуться покаянію, и онъ отлучилъ епископовъ, участвовавшихъ въ совершеніи этого брака, пока они не явятся къ папѣ и не сдѣлаютъ удовлетворенія за свое преступленіе. Что касается послѣдующаго, то можно думать, что Робертъ уступилъ и что мѣсто Берты было занято королевой гораздо менѣе любвеобильнаго характера. Петръ Даміани, въ слѣдующемъ столѣтіи, разсказывалъ, что Берта родила чудовище съ головой и шеей гуся, что король и королева были отлучены всѣмъ епископатомъ Франціи, что ужасъ этого приговора разогналъ отъ нихъ всѣхъ людей, за исключеніемъ двухъ слугъ, что даже эти послѣдніе бросали сосуды, изъ которыхъ ѣли или пили Робертъ съ Бертою, въ огонь, какъ омерзительные, и что такимъ образомъ преступная чета принуждена была отъ страха разлучиться между собой [1]).

Но то, чему собственно уступилъ Робертъ, гораздо вѣроятнѣе было опасеніе духовной власти Рима и того вліянія, которое вслѣдствіе запрещенія, наложеннаго на совершеніе религіозныхъ обязанностей, она могла оказывать на его подданныхъ, или быть можетъ, какъ заявляетъ современный жизнеописатель аббата Аббо, онъ уступилъ убѣжденіямъ этого аббата, который исполнилъ роль Наѳана въ дѣлѣ убѣжденія его во грѣхѣ [2]).

Эти побѣды были весьма важны для папства, особенно въ виду того, что онѣ случились послѣ того времени, въ теченіе котораго было мало сношеній съ Франціей, причемъ у себя дома папская каѳедра была такъ сильно опозорена и унижена. Побѣды эти дали папамъ увѣренность, что они не потеряли своей силы вслѣдствіе перемѣны династіи, совершившейся безъ ихъ согласія. И если, какъ предполагали, твердость, съ которою Григорій настаивалъ на разлученіи Роберта и Берты, была поощряема желаніемъ Оттона унизить французскаго короля, то это одно изъ многихъ доказательствъ того, что возвышеніе папства до главенства надъ всѣми свѣтскими государями главнымъ образомъ находило себѣ содѣйствіе въ ихъ собственныхъ стараніяхъ пользоваться имъ какъ орудіемъ въ своихъ взаимныхъ интригахъ и соперничествахъ. Побѣда надъ французскимъ епископатомъ была важна также вслѣдствіе того положенія, которое папы занимали въ этомъ дѣлѣ. Они уже добились отъ французской церкви столько, сколько требовалось для признанія ихъ юрисдикціи въ отдѣльныхъ случаяхъ, именно, что митрополитъ французскій не могъ быть низложенъ безъ согласія папы. Это право ихъ допускалось самимъ Гинкмаромъ; оно было даже предметомъ прошенія отъ собора тройскаго въ 867 году; оно было признаваемо Гугомъ Капетомъ и его епископами, пока молчаніе папы на ихъ обращеніе не возбудило вопроса о томъ, не могли ли они дѣйствовать и безъ него. Но, не довольствуясь этимъ, папы и ихъ сторонники притязали на то право исключительнаго суда надъ всѣми епископами, которое приписывалось папству ложными декреталіями, и результатъ этого отсюда былъ гораздо болѣе важный для римской каѳедры, чѣмъ какимъ онъ былъ бы, если бы папы предъявляли только такія притязанія, которыя были необходимы для поддержанія ихъ интереса въ непосредственно представлявшемся имъ дѣлѣ.

---

[1]) P. Damian. Opusc. xxxiv, 6 (Patrol. cLv).

[2]) Левъ ix, въ письмѣ къ Генриху французскому, сыну Роберта, говоритъ, что король и королева были отлучены, и вслѣдствіе этого отправлялись въ Римъ на покаяніе (Patrol. cxli). Но въ пользу этого путешествія, повидимому, нѣтъ современныхъ доказательствъ.

Молодой нѣмецкій папа умеръ въ февралѣ 999 года [1]). Это было время мрачныхъ опасеній. Приближеніе тысячнаго года отъ рожденія Спасителя возбуждало общее вѣрованіе, что близко второе пришествіе. И дѣйствительно много было такого, что легко могло быть перетолковано въ смыслѣ исполненія предсказанныхъ знаменій кончины міра—именно войнъ и слуховъ о войнахъ, голода и язвы, страшныхъ явленій на небѣ, ослабленія вѣры на землѣ и охлажденія любви. Въ началѣ этого вѣка, соборъ тролійскій (близь 909 г. Суассона) настаивалъ на близости страшнаго суда, какъ на побужденіи къ исправленію, и проповѣдники часто останавливались на этомъ предметѣ, хотя ихъ мнѣніе и встрѣчало различныя возраженія. Вступительное замѣчаніе: „такъ какъ кончина міра приближается“, бывшее обычнымъ въ дарственныхъ грамотахъ церквамъ или монастырямъ, теперь получило новое и гораздо болѣе серьезное значеніе, и вѣрованіе, что долгое ожиданіе втораго пришествія наконецъ готово было осуществиться, много содѣйствовало возстановленію могущества и богатства духовенства, послѣ безпорядковъ и лишеній этого вѣка. Умы людей были отвлекаемы отъ обычныхъ попеченій и занятій жизни, даже самая исторія пострадала вслѣдствіе этого, такъ какъ было мало наклонности посвящать себя труду по веденію лѣтописи событій, когда предполагалось, что не будетъ уже потомства, которое бы могло читать эти лѣтописи [2]). Нѣкоторые предавались отчаянной безпечности въ жизни, затменіе солнца или луны заставляло массы народа искать убѣжища въ пещерахъ и подземельяхъ, и толпы пилигримовъ стекались въ Палестину, гдѣ ожидалось явленіе Спасителя для страшнаго суда.

На мѣсто Григорія Оттонъ возвелъ на папскій престолъ того самаго человѣка, который дотолѣ былъ наиболѣе опаснымъ его противникомъ. Ученость и способности Герберта пріобрѣли ему великое вліяніе на душу его императорскаго воспитанника, отъ котораго въ предъидущемъ году онъ получилъ архіепископію равеннскую [3]). По достиженіи высшаго достоинства въ церкви, Гербертъ принялъ имя Сильвестра II,—имя, указывающее на то отношеніе, въ которомъ онъ долженъ былъ стоять къ государю, стремившемуся сдѣлаться вторымъ Константиномъ. Оттонъ, лишившійся своего отца въ трехлѣтнемъ возрастѣ, получилъ отъ своей гречанки матери и отъ своей итальянки бабушки Аделаиды воспитаніе, которое заставляло его презирать своихъ соотечественниковъ, какъ грубыхъ варваровъ, гордиться своимъ происхожденіемъ съ византійской стороны и блистать изяществомъ греческаго и римскаго образованія [1]). Онъ принялъ пышные титулы восточныхъ императоровъ, старался подражать имъ въ одеждѣ, и ввелъ при своемъ дворѣ церемоніи Константинополя; при новомъ посѣщеніи Германіи онъ бралъ съ собою нѣсколько знатныхъ римлянъ, съ цѣлью показать своимъ соотечественникамъ утонченность, которой они чужды были; у него даже была мысль сдѣлать Римъ столицей своей имперіи и во всемъ объемѣ возстановить древнее римское величіе [2]).

---

[1]) Съ кончиной Григорія связывается нѣкоторая таинственность. Одни говорятъ, что онъ былъ изгнанъ и, по своемъ возстановленіи, отравленъ, а другіе доказываютъ, что къ смерти Григорія причастенъ былъ и Гербертъ, такъ какъ онъ одержимъ былъ честолюбіемъ достигнуть папства.

[2]) Hard. vi, 506.

[3]) Письмо Григорія по случаю отправленія ему палліума находится у Hard. vi, 740. Намекая на свои три каѳедры, Реймскую, Равеннскую и Римскую, Гербертъ, будто бы, составилъ слѣдующій стихъ:

„Scandit ab R Gerbertus in R, post papa viget R“.

Helgalb. Vita Roberti (Patrol. cxn, 911).

Новый папа, съ цѣлью, какъ можно думать, примирить свое теперешнее положеніе съ своимъ прежнимъ образомъ дѣйствія, предоставилъ Арнульфу реймсскому палліумъ и всѣ другія привилегіи, связывавшіяся съ его каѳедрой. Такимъ образомъ тутъ давался видъ, какъ будто его возстановленіе было дѣломъ милости со стороны соперника, который раньше принужденъ былъ уступать ему. Арнульфъ занималъ архіепископію до 1023 года.

Папствованіе Сильвестра не было чѣмъ либо замѣчательнымъ. Онъ имѣлъ огорченіе понести пораженіе отъ Виллигиса, архіепископа менцскаго, человѣка, который изъ весьма низкаго происхожденія поднялся до приматства въ Германіи, и какъ въ силу своего положенія, такъ и въ силу своихъ политическихъ способностей, оказывалъ громадное вліяніе. Споръ между ними, будто бы, возникъ изъ за гордости сестры императора Софіи, которая, намѣреваясь вступить въ женскій монастырь гандерсгеймскій, пренебрежительно отказалась принять посвященіе отъ прелата, обладающаго саномъ ниже митрополита. Вслѣдствіе этого для совершенія посвященія въ Гандерсгеймъ былъ приглашенъ Виллигисъ, который не только совершилъ посвященіе, но даже составилъ тамъ соборъ. Осдакъ, епископъ гильдесгеймскій, въ діоцезѣ котораго находился этотъ монастырь, заявилъ жалобу на это вторженіе, и на время дѣло было рѣшено въ его пользу; но Виллигисъ опять вмѣшался въ права преемника этого епископа, Бернварда. Состоявшійся въ Римѣ соборъ въ присутствіи папы и императора рѣшилъ, что Бернвардъ долженъ былъ пользоваться правами епархіальнаго епископа надъ этой общиной, но предоставилъ дальнѣйшее рѣшеніе дѣла собору, который долженъ былъ состояться въ Германіи подъ предсѣдательствомъ папскаго легата. Этотъ соборъ состоялся въ 1001 году, въ Палити или въ Пёльдѣ, въ Саксоніи. Архіепископъ, видя, что соборъ настроенъ противъ него, принялъ тонъ высокомѣрнаго пренебреженія по отношенію къ легату, при помощи своихъ буйныхъ приверженцевъ прекратилъ засѣданіе и не явился, когда соборъ собрался на слѣдующій день. Такъ какъ вліяніе Виллигиса, повидимому, дѣлало добросовѣстное разсмотрѣніе дѣла безнадежнымъ въ Германіи, то рѣшено было созвать всѣхъ епископовъ этой страны для присутствованія на соборѣ въ Италіи; но хотя папское приглашеніе и было поддерживаемо императоромъ, который нуждался въ помощи германскихъ епископовъ для подкрѣпленія своего войска, однако же, ихъ опасеніе примата было такъ сильно, что едва ли кто нибудь явился изъ нихъ. Папа нашелъ себя вынужденнымъ отложить разсмотрѣніе этого вопроса, и по смерти Оттона, послѣдовавшей вскорѣ затѣмъ, могущество Виллигиса настолько возросло вслѣдствіе важности, принадлежавшей его голосу въ выборѣ новаго императора, что Сильвестръ не рѣшился продолжать это дѣло. Въ 1007 году споръ былъ рѣшенъ въ пользу каѳедры гильдесгеймской, но властью императора Генриха и безъ содѣйствія Рима [1]). Онъ однако же скоро возбужденъ былъ опять и рѣшенъ не раньше 1030 года, когда архіепископъ менцскій Арибо, сдѣлалъ признаніе Годегарду гильдесгеймскому, что его посягательства на юрисдикцію въ этомъ діоцезѣ были неосновательны.

---

[1]) Существуетъ легенда, что его мать Θеофана послѣ смерти являлась одной монахинѣ „въ жалкомъ одѣяніи", и заявила ей, что она находилась въ мученіи за введеніе на западѣ неизвѣстной дотолѣ греческой роскоши въ женской одеждѣ. Pertz, XI, 385.

[2]) Оттонъ, при возвышеніи Герберта, будто бы даровалъ грамоту, въ которой, отвергая вымышленные дары Константина и другихъ, заявляетъ, что какъ онъ возвелъ своего учителя (Magister) на папство, такъ изъ любви къ нему онъ предоставляетъ и нѣкоторыя земли ап. Петру (Pertz, Leges, II, 162 и слѣд.). Документъ этотъ подвергался сомнѣніямъ, и нѣкоторые считали его противопапской поддѣлкой, сдѣланной не ранѣе времени споровъ касательно инвеституръ. Онъ однакоже защищается Пертцемъ (Leges II, App. 162) и нѣкоторыми историками, какъ напр. Гфрёреромъ, Гизелеромъ и Гизенбрехтомъ.

Пилигримы, стекавшіеся въ святую землю, подвергались многимъ угнетеніямъ и непріятностямъ отъ мусульманскихъ властей страны, и частыя жалобы на ихъ страданія доходили до западнаго христіанскаго міра. Эти жалобы побудили Сильвестра издать посланіе, обращенное отъ имени Іерусалима къ вселенской церкви, съ увѣщаніемъ всѣмъ христіанамъ оказать сочувствіе бѣдственному положенію святаго города и помочь ему дарами, если уже нельзя было сдѣлать этого оружіемъ. Посланіе это осталось не безъ вліянія въ свое время, такъ какъ вслѣдствіе его предпринято было нѣсколько походовъ противъ сарациновъ, но великое движеніе крестовыхъ походовъ, первымъ предвѣстіемъ котораго нужно считать это посланіе, началось уже только въ слѣдующемъ поколѣніи.

---

[1]) Annal. Hildesg. 1007 ap. Pertz, п, 93.

Юный императоръ, повидимому, впалъ въ болѣзненное состояніе меланхоліи. Недавно предъ тѣмъ онъ былъ потрясенъ смертію своего двоюроднаго брата, Григорія V, своей тетки Матильды, аббатессы кведлинбургской, которая въ его отсутствіе завѣдывала управленіемъ Германіи, и другихъ родственниковъ, оставившихъ его теперь безъ всякаго близкаго родства, кромѣ двухъ молодыхъ сестеръ, которыя обѣ ушли въ монастырь 1). Быть можетъ онъ былъ удручаемъ сожалѣніемъ о тѣхъ жестокостяхъ, которыя были совершены отъ его имени противъ республиканцевъ Рима; быть можетъ также и тысячный годъ содѣйствовалъ наполненію его души печальными и тяжелыми мыслями. Послѣ четырнадцатидневнаго самозаключенія, во время котораго онъ предавался молитвѣ и посту, онъ былъ уговоренъ Ромуальдомъ, основателемъ камальдолитскаго ордена, предпринять покаянное пилигримство въ Монте-Гаргано; близъ Гаеты онъ посѣтилъ отшельника Нила, предъ которымъ онъ выразилъ глубочайшее смиреніе и сокрушеніе, и по возвращеніи въ Римъ, находя себя еще не въ состояніи успокоиться, онъ отправился въ продолжительное путешествіе по своимъ за-альпійскимъ владѣніямъ. Въ Гнезенѣ, въ Польшѣ, какъ кающійся онъ преклонялся предъ гробницей Адальберта, епископа пражскаго, который извѣстенъ былъ ему, но быть можетъ мало былъ уважаемъ имъ въ прежнее время, между тѣмъ какъ онъ уже потерпѣлъ мученическую смерть въ Пруссіи и теперь почитался за святаго 2). Въ Аахенѣ императоръ удовлетворилъ свое мрачное любопытство открытіемъ гробницы Карла Великаго, и въ 1001 году, онъ еще разъ прибылъ въ Римъ, гдѣ основалъ, на островѣ Тибра, церковь въ честь св. Адальберта, котораго онъ уже и раньше почтилъ подобнымъ же основаніемъ въ Аахенѣ 3). Югъ Италіи находился въ состояніи мятежа, и возстаніе произошло и въ самомъ Римѣ, гдѣ Оттонъ и былъ осажденъ въ своемъ дворцѣ. Разсказываютъ, что со стѣнъ онъ съ негодованіемъ упрекалъ римлянъ за ихъ недостойный отвѣтъ на тѣ милости, которыя онъ оказывалъ имъ, даже въ ущербъ своимъ собственнымъ сооте-

---

1) Annal. Quedl. 998, 1000, 1002.

2) Объ Адальбертѣ будетъ сказано ниже въ главѣ XXXVIII. Онъ былъ вторымъ лицемъ, формально канонизованнымъ въ Римѣ, причемъ первымъ былъ Ульрихъ аугсбургскій.

3) Разсказываютъ, что Оттонъ кресло, въ которомъ оказалось сидящимъ тѣло Карла Великаго, промѣнялъ королю польскому на оружіе св. Адальберта (Patrol. CXLI, 49). Но Ноппій, въ своей „Аахенской хроникѣ“ (p. 218), доказываетъ тождественность кресла, еще и теперь показываемаго въ церкви, съ тѣмъ, которое найдено было въ гробницѣ великаго императора. Въ Римѣ, имя Адальберта было замѣнено именемъ св. Варѳоломея, мощи котораго императоръ поставилъ въ церкви. См. Gregorov. III, 510—11.

чественникамъ, и что онъ причастился съ цѣлью сдѣлать вылазку, но удержанъ былъ отъ этого, по настоянію своихъ друзей. Короткій остатокъ его дней былъ проведенъ въ безпокойныхъ движеніяхъ и въ покаянныхъ упражненіяхъ, причемъ онъ питалъ надежду поднять своихъ феодаловъ для наказанія римлянъ; но его планы были прерваны его смертью, послѣдовавшею въ Патерно, въ замкѣ близъ горы Соракто и въ виду неблагодарнаго города, 24 января 1002 года. Хотя германскіе лѣтописцы вообще приписываютъ его кончину оспѣ, но существуетъ и другой позднѣйшій разсказъ итальянскаго происхожденія, который принятъ былъ даже извѣстными писателями, быть можетъ впрочемъ не столько по своей вѣроятности, сколько по своему романтическому характеру. По нему, Стефанія, прекрасная вдова Кресцентія, побуждаемая вынесенными ея мужемъ, а также и ею самой обидами, къ желанію смертельнаго мщенія, заманила юнаго императора въ свои объятія, и чрезъ посредство пары перчатокъ дала ему тонкій ядъ, который изсушилъ всѣ источники его силы и свелъ его въ могилу въ двадцатидвухлѣтнемъ возрастѣ [1]. Во исполненіе обѣщанія, взятаго Оттономъ, когда уже онъ чувствовалъ приближеніе своей кончины, его тѣло было увезено за Альпы его канцлеромъ, архіепископомъ кельнскимъ Герибертомъ, и погребено въ соборѣ Карла Великаго въ Аахенѣ [2].

Менѣе чѣмъ черезъ годъ Сильвестръ послѣдовалъ за своимъ
Мая 1003 г. ученикомъ въ могилу. О немъ также разсказываютъ, что мстительная Стефанія преподнесла и ему ядъ, который лишилъ его голоса, если и не совсѣмъ закончилъ ему жизнь. Но болѣе чудесный разсказъ передается ревностными сторонниками каѳедры, которой онъ столь сильно противодѣйствовалъ въ ея притязаніяхъ и которой онъ наконецъ достигъ и самъ. Къ подлиннымъ разсказамъ о его замѣчательныхъ дарованіяхъ и его механическомъ искусствѣ они прибавляютъ, что онъ знакомъ былъ и съ темными искусствами, пріобрѣтенными изъ книги, которую онъ укралъ у одного изъ своихъ сарацинскихъ учителей. Онъ, по этимъ разсказамъ, будто бы умѣлъ летать и говорить на языкѣ птицъ, посредствомъ магіи открывалъ сокровища, заключилъ договоръ съ діаволомъ объ успѣхѣ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, сдѣлалъ подъ вліяніемъ звѣздъ бронзовую голову, которая имѣла способность отвѣчать на вопросы утвердительно или отрицательно. На его вопросъ: „буду ли я апостольскимъ первосвященникомъ?“ голова отвѣчала: „да“. Когда онъ за-

---

[1] Ламбертъ дейтцскій, жизнеописатель Гериберта, архіепископа кельнскаго говоритъ: „per mulierem veneno perit“ (с. 11, Acta SS. Mart 16). Рупертъ дейтцскій, въ своемъ жизнеописаніи того же прелата (с. 10), говоритъ, что во время сна въ своей комнатѣ онъ былъ отравленъ вдовою Кресцентія.

[2] Для этой церкви Оттонъ добился особыхъ привилегій отъ Григорія v и снабдилъ ее большимъ штатомъ духовенства.

тѣмъ спросилъ: „умру ли я, прежде чѣмъ совершу обѣдню въ Іерусалимѣ?“ послѣдовалъ отвѣтъ „нѣтъ“. Но, какъ и обычно въ такихъ легендахъ, лукавый обманулъ свою жертву; Іерусалимомъ, въ которомъ пришлось умереть Герберту, была римская базилика Св. Креста въ Джерузалеммѣ [1]).

* * *

ГЛАВА XXXVII.

Отъ смерти папы Сильвестра II до раздѣленія церквей.

1003—1054 гг.

Неожиданная смерть Оттона III оставила его владѣнія безъ наслѣдника, причемъ и вообще не озаботились о преемникѣ для императорскаго престола. Послѣ многихъ перипетій, королемъ Германіи былъ избранъ Генрихъ, герцогъ баварскій, происходившій отъ брата Оттона Великаго, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ архіепископа Виллигиса, которымъ онъ и былъ коронованъ въ Менцѣ. Іюня. 1002 г. Генрихъ, обыкновенно называемый Вторымъ [2]), предназначался своими родителями къ духовному званію, и былъ государемъ весьма благочестиваго характера, такъ что онъ достигъ чести канонизаціи, которой удостоилась также и его жена Кунегунда [3]); но его благочестіе не было такого свойства, чтобы дѣлать его непригоднымъ для дѣятельныхъ обязанностей своего положенія, и со времени Карла Великаго не было еще императора, который бы оказывалъ такъ много вліянія на церковь. Онъ правилъ съ способностью и энергіей, не смотря на сильное противодѣйствіе и многія затрудненія, до 1024 года. Въ примѣръ того, какъ въ немъ сочетались качества человѣка благочестиваго и государственнаго мужа, разсказываютъ, что при одномъ случаѣ онъ явился къ Рихарду, аббату сенъ-ваннскому въ Вердунѣ, въ его лотарингскихъ владѣніяхъ, и выразилъ рѣшимость принять монашество. Аббатъ, послѣ нѣкоторыхъ соображеній, допустилъ его въ число членовъ своего монастыря, но немедленно приказалъ ему, въ силу его обѣта монашескаго послушанія, возвратиться къ управленію имперіей, порученной ему Богомъ [1].

---

[1]) Самый древній писатель, у котораго находятся эти разсказы, есть *Бенно* De Vita Hildebr. ap. Golgast. Apol. Genr. IV, p. 11.

[2]) Такимъ онъ былъ какъ король Германіи, но „первый“—какъ императоръ.

[3]) См. Acta SS. Jul. 14, или Patrol. CXL, 20, и „жизнь Кунегунды“, тамъ же 205 и слѣд. Хромота, которою страдалъ Генрихъ, объясняемая нѣкоторыми раной, полученной имъ во время охоты (Acta SS. въ указ. мѣстѣ, стр. 633) или паденіемъ, объясняется его легендарнымъ жизнеописателемъ тѣмъ, что будто бы ангелъ коснулся его бедра, которое и вывихнулось, подобно тому, какъ это было съ Іаковомъ, когда именно императоръ находился въ Монте-Гаргано. Vita Anon. 40. Patrol. CXL. Тамъ же, стр. 13—14.

Итальянцы по смерти Оттона поспѣшно поставили для себя самихъ королемъ Гардуина, маркиза иврейскаго. Но его власть находилась подъ давленіемъ враждующихъ партій, которыя были слишкомъ склонны къ достиженію своихъ собственныхъ частныхъ интересовъ, чтобы сплачиваться между собою для блага своей общей родины. Въ то время, какъ вельможи Италіи стремились въ національной независимости, какъ наиболѣе благопріятной ихъ классу, прелаты и духовенство вообще предпочитали управленіе германскаго государя, такъ какъ онъ менѣе могъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, чѣмъ государь, живущій съ ними по близости. Гардуинъ возбудилъ враждебность къ себѣ духовенства не только такими угнетеніями, какія были въ обычаѣ въ то время, но и дѣйствіями дикаго личнаго насилія противъ епископовъ, отказывавшихся сообразоваться съ его желаніями [2]. Къ этимъ причинамъ раздора прибавилось соперничество между двумя главными городами сѣверной Италіи,—Миланомъ, резиденціей позднѣйшихъ римскихъ императоровъ, и Павіей, столицей Ломбардскаго королевства. Такъ какъ Гардуинъ былъ поставленъ въ Павіи, то это повлекло за собою противодѣйствіе миланцевъ, во главѣ съ ихъ архіепископомъ Арнульфомъ, который въ 1004 году пригласилъ Генриха въ Италію. Гардуинъ нашелъ себя оставленнымъ большинствомъ своихъ приверженцевъ, которые стекались подъ германское знамя. Генрихъ былъ коронованъ въ Павіи въ качествѣ короля Италіи; но народная враждебность къ германцамъ, по обыкновенію, сказалась въ формѣ возстанія. Въ самую ночь, слѣдовавшую за коронаціей, король былъ осажденъ въ своемъ дворцѣ. Германцы, съ цѣлью отвлечь нападеніе, подожгли сосѣдній домъ. Войско Генриха, находившееся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, завидѣвъ пламя, двинулось въ городъ, и возстаніе было подавлено; но значительная часть Павіи была разрушена, и король отправился за Альпы съ чувствомъ недовольства и негодованія противъ своихъ итальянскихъ подданныхъ. Гардуинъ возобновилъ свои притязанія, но въ 1012 году былъ принужденъ, второй экспедиціей Генриха, отречься, и послѣ одной тщетной попытки возвратить себѣ власть, онъ закончилъ свои дни въ монастырѣ, будучи послѣднимъ въ средніе вѣка итальянцемъ, который притязалъ на корону Ломбардіи.

15 мая 1004 г.

Между тѣмъ римскія партіи воспользовались тѣми затрудненіями, въ которыя поставлены были германцы. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Римомъ управлялъ, съ титуломъ „патриція“, въ качествѣ главы республиканской администраціи, Іоаннъ, сынъ или братъ младшаго Кресцентія. Можно бы думать, что ему именно три папы, занимавшіе каѳедры съ 1004 по 1012 годъ, обязаны были своимъ возвышеніемъ. Но по смерти послѣдняго изъ нихъ, Сергія iv 1), послѣдовавшей вскорѣ за смертью „патриція“, право распоряженія папскимъ престоломъ было оспариваемо другою партіей, предводимой графами тускуланскими, которые подобно Кресцентіямъ, были потомками знаменитой Θеодоры, такъ какъ ея дочь Марозія была замужемъ за ихъ предкомъ Альберикомъ. Тускуланская партія поставила папу по имени Бенедикта, котораго она и старалась поддерживать, вопреки всякой оппозиціи. Григорій, папа народный или Кресцентіевой партіи, былъ изгнанъ изъ города, и отправился въ Германію просить себѣ помощи у Генриха. Король не прочь былъ имѣть предлогъ для того, чтобы отправиться въ Римъ, гдѣ онъ и принятъ былъ съ величайшими почестями и сдѣланъ былъ защитникомъ церкви, которой онъ далъ клятву вѣрно покровительствовать ей. Но результатомъ этого посѣщенія было не возстановленіе Григорія, а утвержденіе его соперника Бенедикта, отъ котораго Генрихъ и получилъ императорскую корону 2).

---

[1] Miracula B. Richardi c. 8, ap. Mabill. Acta SS. Ben. VIII.

[2] Ср. „жизнь Генриха“, составленную Адельбольдомъ, который называетъ Гардуина „Episcopicida“. Pertz, IV, 687.

1012 г.

14 февр. 1014 г.

Бенедиктъ viii, человѣкъ способный и энергичный, пользовался бо́льшею властью, чѣмъ его ближайшіе предшественники, которые находились въ соподчиненіи у рода Кресцентіевъ. Его энергія проявилась въ противодѣйствіи какъ грекамъ (съ которыми находилась въ связи Кресцентіева партія), такъ и сарацинамъ. Онъ убѣдилъ пизанцевъ сдѣлать нападеніе на невѣрныхъ въ Сардиніи, гдѣ христіанскіе жители были угнетаемы и преслѣдуемы, и результатомъ такой экспедиціи было завоеваніе этого острова 3). Когда одинъ сарацинскій вождь послалъ Бенедикту мѣшокъ съ каштановыми орѣхами, въ знакъ того, что онъ возвратится во главѣ столь же большаго числа воиновъ, то папа отправилъ ему этотъ мѣшокъ обратно,

---

1) Этотъ Сергій раньше носилъ прозваніе Bucca Porci или Os Porci (Bocca di Porco), и послѣ своего избранія отмѣнилъ столь неприличное имя. Его смѣшивали съ Сергіемъ ii (884 г.), къ которому, вслѣдствіе этого, и относили первый примѣръ такой перемѣны имени; но въ дѣйствительности самый ранній примѣръ этого мы видимъ въ Октавіанѣ или Іоаннѣ xii (см. выше стр. 899).

2) Берно, аббатъ Рейхенау, говоритъ, что въ его собственномъ присутствіи, Генрихъ спрашивалъ, почему никейскій символъ вѣры не пѣли за обѣдней, и ему отвѣчали, что римская церковь, всегда будучи православной, не нуждалась въ такомъ употребленіи его. Но по желанію императора, пѣніе символа было введено въ церковь (De Officio Missael, 2, Patrol. cxlii). Съ большою вѣроятностью можно думать, что опущеніе символа произошло вслѣдствіе спора касательно Filioque во времена Карла Великаго.

3) Murat. vi, 108, 167.

наполнивъ его пшеномъ, заявляя этимъ сарацину, что если онъ еще недоволенъ тѣмъ зломъ, которое уже сдѣлалъ, то онъ найдетъ такое же или еще большее число людей, готовыхъ съ оружіемъ противодѣйствовать ему. Въ 1020 году Бенедиктъ ѣздилъ въ Германію, повидимому для освященія церкви св. Стефана въ Бамбергѣ; но путешествіе это имѣло также и другую тайную цѣль испросить помощи противъ сарацинъ, и онъ убѣдилъ императора еще разъ двинуться съ своимъ войскомъ въ Италію, гдѣ Генрихъ освободилъ Римъ отъ угрожавшей ему опасности, поразивъ непріятеля [1]).

На югѣ Италіи недавно предъ тѣмъ явилась новая сила. Норманны, послѣ своего обращенія, съ особеннымъ увлеченіемъ отдались страсти пилигримства, бывшаго въ то время вообще распространеннымъ. Партіи ихъ, обыкновенно вооруженныя для самозащиты противъ опасностей пути, проходили чрезъ Францію и Италію, и посѣтивъ Монте-Гаргано, славившееся явленіемъ тамъ архангела Михаила [2]), они садились на корабль въ южныхъ гаваняхъ полуострова, откуда и отправлялись въ святую землю. Въ началѣ XI столѣтія, одна партія, около сорока норманскихъ пилигримовъ, возвращавшихся съ Востока на кораблѣ, принадлежащемъ Амальфи, случайно оказалась въ Солерно, какъ разъ въ то время, когда мѣсто это подвергалось нападенію со стороны сарацинъ. Князь Гвемаръ старался достать средствъ, съ цѣлью откупиться отъ невѣрныхъ; но норманны, выразивъ свое негодованіе въ виду такой трусости жителей, просили князя снабдить ихъ оружіемъ, сдѣлали вылазку на непріятеля, и своимъ примѣромъ возбудили духъ грековъ къ противодѣйствію. Князь наградилъ ихъ за оказанную помощь дорогими подарками и предложилъ имъ остаться у него, и хотя они отклонили это приглашеніе для себя самихъ, однако же, по его просьбѣ, согласились заявить о его приглашеніи въ своей странѣ. При видѣ богатыхъ и неизвѣстныхъ плодовъ юга, шелковыхъ одеждъ и великолѣпныхъ вооруженій, принесенныхъ ими съ собой домой, возбудился предпріимчивый и склонный къ приключеніямъ духъ норманновъ. Одинъ военачальникъ, по имени Осмондъ Дренготъ, находившійся въ натянутыхъ отношеніяхъ съ своимъ герцогомъ, вслѣдствіе убіенія имъ вельможи, пользовавшагося благосклонностью этого герцога, 1016 г. рѣшился отправиться съ своимъ семействомъ въ Италію. Онъ повидался съ папой, который совѣтывалъ ему сдѣлать нападеніе на грековъ Апуліи, и прежде чѣмъ онъ достигъ Монте-Гаргано, отрядъ его возросъ почти до ста воиновъ. Эти искатели приключеній поступали на службу сосѣднихъ князей и республикъ, вмѣшивались въ ихъ распри и помогали имъ, хотя и не съ одинаковымъ успѣхомъ, въ борьбѣ противъ сарацинъ и грековъ. Они нашли себѣ подкрѣпленіе во всевозможномъ сбродѣ изъ окружающихъ областей, а также и въ новыхъ переселенцахъ изъ своей собственной страны, добились жалованныхъ земель отъ Генриха и отъ правительства Неаполя, основали и укрѣпили городъ Аверсу въ 1029 году, и учредили независимое княжество съ территоріей, раздѣлявшейся на двѣнадцать округовъ, причемъ вождь ихъ носилъ титулъ герцога апулійскаго. Но они скоро обнаружили свои разбойническія привычки и находились въ постоянной войнѣ со всѣми окружающими жителями. Особенно страдали отъ ихъ хищничества церкви и монастыри.

---

[1]) Вѣроятно, въ Бамбергѣ Генрихъ и даровалъ грамоту, которую нѣкоторые относятъ къ его посѣщенію Рима въ 1014 году. Этой грамотой подтверждены дары прежнихъ императоровъ, и новая каѳедра бамбергская, съ аббатствомъ фульдскимъ особенно передана папству, причемъ опредѣлено, чтобы папа избирался въ присутствіи императорскихъ уполномоченныхъ (Pertz, Leges II, App. 174).

[2]) См. чтеніе римскаго Бревіарія отъ 8 Мая. Acta SS. Sept. t. VIII, pp. 54—63.

Въ 1024 году умерли какъ Генрихъ, такъ и Бенедиктъ. Тускуланцы заняли папскій престолъ братомъ умершаго папы, по имени Іоанномъ, въ пользу котораго они добились голосовъ римлянъ при посредствѣ значительной суммы денегъ,—каковой пріемъ, въ виду принадлежавшей имъ въ это время силы, быть можетъ былъ бы и излишенъ, если бы не то обстоятельство, что Іоаннъ былъ міряниномъ. Такъ какъ Генрихъ былъ бездѣтенъ, то имперія опять осталась безъ наслѣдника. Выборъ государственныхъ избирателей палъ на Конрада франконскаго, который происходилъ отъ дочери Оттона Великаго и назывался Салическимъ, вѣроятно, въ знакъ того, что онъ происходилъ отъ благороднѣйшаго рода франковъ. Противъ Конрада выдвинуто было архіепископомъ менцскимъ Арибономъ и другими епископами затрудненіе на томъ основаніи, что онъ женатъ былъ на родственницѣ въ пятой степени; ему даже предъявляли требованіе отказаться или отъ своей жены, или отъ того достоинства, на которое онъ былъ избранъ. Но онъ рѣшительно отказался согласиться на разлученіе съ женой, и его королева была коронована въ Кёльнѣ архіепископомъ Пилигриномъ, который сначала состоялъ въ оппозиціи, а затѣмъ самъ просилъ, чтобы ему позволено было совершить эту церемонію. Избраніе Конрада нашло себѣ полное оправданіе въ прекрасномъ управленіи, которое давало поводъ заявлять, что его престолъ стоялъ на ступеняхъ Карла Великаго.

8 сент. 1024 г.

22 сентября.

Теперь вообще признавалось, что королевство итальянское находилось въ зависимости отъ Германіи и что германскій государь имѣлъ право на имперію, но дѣйствительнымъ императоромъ становился только послѣ своей коронаціи въ Римѣ. Въ 1026 году Конрадъ былъ коронованъ въ качествѣ короля Италіи въ Миланѣ епископомъ Герибертомъ. Въ Комо онъ былъ встрѣченъ папой, и, подавивъ сильное возстаніе въ Равеннѣ, получилъ императорскую корону въ Римѣ, въ Пасху 1027 года. Церемонія эта сдѣлалась еще болѣе внушительною вслѣдствіе присутствія двухъ королей,—Канута англійскаго и датскаго, который отправлялся на поклоненіе святымъ мѣстамъ и возвратился съ дарованіемъ привилегій англійской церкви, и Рудольфа провансскаго, владѣнія котораго перешли къ Конраду въ 1032 году въ силу договора, заключеннаго между королемъ и покойнымъ императоромъ. Изъ Рима Конрадъ отправился далѣе на югъ, гдѣ онъ взялъ клятву въ вѣрности отъ мѣстныхъ князей, предоставилъ новыя привилегіи норманнамъ и принялъ мѣры для организаціи противодѣйствія грекамъ.

По смерти Іоанна XIX, въ 1033 году, тускуланская партія назначила на папскій престолъ его двоюроднаго брата Ѳеофилакта, мальчика десяти или двѣнадцати лѣтъ. Но этотъ странный выборъ повелъ за собою ея ниспроверженіе. Молодой папа, называвшій себя Бенедиктомъ IX, обнаруживалъ склонность возобновить худшія безобразія предшествующаго столѣтія; его безстыдное распутство, хотя и подвергавшееся сомнѣнію, находитъ себѣ полное подтвержденіе въ свидѣтельствѣ одного изъ его преемниковъ,—Дезидерія, аббата Монте-Кассино, который въ 1086 году восшелъ на папскій престолъ подъ именемъ Виктора III.

Конрадъ обязанъ былъ своимъ итальянскимъ королевствомъ главнымъ образомъ вліянію Гериберта, архіепископа миланскаго, который противодѣйствовалъ попыткѣ знати выдвинуть французскаго соперника, Одона шампаньскаго. Архіепископъ опирался на установленный имъ такимъ образомъ интересъ, и, возгордившись своимъ духовнымъ достоинствомъ, своею гражданскою властью и успѣхомъ, которымъ сопровождались его предпріятія, онъ дѣйствовалъ съ большимъ насиліемъ во время смятеній въ своей странѣ. Смятенія сдѣлались весьма серьезными. Въ то время, какъ вельможи возставали противъ епископовъ, ихъ собственные подручные или вальвассоры возставали противъ нихъ самихъ; произошли кровавыя столкновенія, и Конрадъ, по приглашенію Гериберта, опять отправился въ Италію съ цѣлью изслѣдованія причины этихъ смятеній. 1037 г. На одномъ собраніи въ Павіи, вельможи обвиняли архіепископа въ отнятіи у нихъ многихъ изъ ихъ ленниковъ и въ возбужденіи ихъ вассаловъ къ возстанію, и Герибертъ вмѣсто того, чтобы пытаться очистить себя отъ обвиненія, обратился къ императору съ такою дерзостью, что изданъ былъ приказъ арестовать его. Ни одинъ итальянецъ не смѣлъ прикоснуться къ нему, но германцы были менѣе щепетильны въ этомъ отношеніи, и онъ уведенъ былъ въ качествѣ узника. Національное чувство итальянцевъ было потрясено такимъ дѣйствіемъ противъ столь знатнаго князя церкви; даже враги архіепископа раздѣляли общее негодованіе и тревогу, причемъ его сторонники, при посредствѣ духовенства и монаховъ, дѣятельно возбуждали толпу. По улицамъ торжественно двигались длинныя процессіи кающихся въ саванахъ и съ пепломъ на головѣ, и наполняли церкви мольбами, взывая къ св. Амвросію объ избавленіи его паствы. Стражи, надзору которыхъ порученъ былъ Герибертъ, позволили ему бѣжать; онъ возвратился въ Миланъ и возбудилъ этотъ городъ противъ императора, который, найдя себя не въ состояніи взять его, опустошилъ окружающую мѣстность. Конрадъ нашелъ для себя выгоднымъ дружить съ папой Бенедиктомъ, который недавно былъ изгнанъ римлянами и котораго, при другихъ обстоятельствахъ, онъ съ удовольствіемъ обошелъ бы. Противъ Гериберта была произнесена анаѳема за его мятежность, и папа одобрилъ назначеніе на каѳедру миланскую одного изъ императорскихъ капеллановъ. Но какъ духовенство, такъ и народъ оставались преданными архіепископу, который теперь предлагалъ корону Италіи Одону шампаньскому. Это соблазнительное предложеніе побудило Одона оставить экспедицію, которую онъ предпринялъ было въ лотарингскую территорію Конрада, и двинуться къ Альпамъ; но онъ былъ перенятъ и убитъ Гоззеломъ, герцогомъ лорренскимъ, и императоръ сдѣлался безспорнымъ властелиномъ Ломбардіи. Папа, въ вознагражденіе за оказанныя имъ услуги, приведенъ былъ въ Римъ и возстановленъ Конрадомъ, въ своей должности и пороки, которыми онъ уже прославился и раньше, сдѣлались теперь еще болѣе ненавистными вслѣдствіе присоединенія къ нимъ тираннической жестокости по отношенію къ тѣмъ, кто противились ему.

Посѣтивъ опять южную Италію, императоръ возвратился въ Германію, потрясенный въ своемъ здоровьи болѣзнью, которая оказалась роковою для многихъ изъ его спутниковъ. Послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ провелъ въ путешествіи по различнымъ частямъ своихъ владѣній, и въ Арлѣ, осенью 1038 года, онъ вновь издалъ законъ, провозглашенный раньше въ Миланѣ и легшій въ основу феодальнаго закона Европы, именно, что низшіе вассалы, вмѣсто того, чтобы передвигаться по волѣ своихъ господъ, должны владѣть наслѣдственной арендой, право на которую терялось только въ случаѣ обвиненія въ уголовномъ преступленіи, произнесеннаго противъ нихъ судомъ изъ равныхъ имъ лицъ ¹). 4 іюня 1039 года Конрадъ умеръ въ Утрехтѣ. Герибертъ нашелъ возможность еще разъ утвердиться въ Миланѣ ²), примирился съ преемникомъ Конрада, Ген-

---

¹) Pertz, Leges, ii, 39, или Patrol. cli, 1043.

²) Въ это именно время архіепископъ воспользовался carroccio, которая раньше употреблялась въ религіозныхъ процессіяхъ, съ цѣлью военнаго знамени, въ каковомъ положеніи она и сдѣлалась знаменитою впослѣдствіи. По описанію Арнульфа, она представляла собою высокій шестъ, утвержденный на каретѣ, съ

рихомъ III, и занималъ эту каѳедру, хотя и не безъ значительнаго безпокойства, вслѣдствіе распрей между вельможами и народною партіей, до своей смерти въ 1045 году.

Въ 1044 году Бенедиктъ опять былъ изгнанъ изъ Рима, и на его мѣсто поставленъ былъ Іоаннъ, епископъ сабинскій, подъ именемъ Сильвестра III. Черезъ три мѣсяца, однако же, Бенедиктъ опять былъ въ состояніи изгнать своего соперника, и побуждаемый, по одному свидѣтельству, любовью къ дочери одного вельможи, отказавшагося отдать ему ее замужъ иначе, какъ подъ условіемъ освобожденія имъ папскаго престола, онъ продалъ свой интересъ въ немъ Іоанну Граціану, одному пресвитеру, пользовавшемуся высокой славой за строгость своей жизни. Но Бенедиктъ былъ разочарованъ въ своей любви и возобновилъ свои притязанія на каѳедру, такъ что Римъ подѣлился между тремя папами („тремя діаволами“, какъ ихъ называетъ одинъ прямодушный писатель того вѣка [1]), причемъ каждый изъ нихъ владѣлъ одной изъ главныхъ церквей,— именно церковью св. Іоанна латеранскаго, св. Петра и св. Маріи Major. Бенедиктъ былъ поддерживаемъ тускуланской партіей, а Сильвестръ—сопернической партіей знати, между тѣмъ какъ Граціанъ, принявшій имя Григорія VI, былъ папой народнымъ. Положеніе вещей было бѣдственное, доходы были отчуждены или перехватываемы, церкви пришли въ разрушеніе, и повсюду господствовали безпорядки всякаго рода.

Что партія, стремившаяся къ преобразованію церкви, съ пламенной надеждой взирала на Григорія, это видно изъ письма, написаннаго по случаю его возвышенія Петромъ Даміани, личностью, сдѣлавшеюся весьма видною въ позднѣйшей исторіи этого времени [2]). Но настоятельная нужда заставила его заняться экспедиціями противъ сарацинъ и разбойническихъ вождей, которые разорили римскую казну, грабя пилигримовъ и отнимая у нихъ предназначавшіеся для нея дары, и по этой причинѣ римляне дали ему помощника для отправленія духовныхъ обязанностей его служенія. Бѣдственное состояніе вещей громко вопіяло о какомъ либо исцѣленіи, и Петръ, архидіаконъ римскій, отправился въ Германію просить вмѣшательства Генриха III, сына и преемника Конрада. Король рѣшилъ устранить всѣхъ претендентовъ на апостольскую каѳедру, и прежде чѣмъ отправиться въ Италію, онъ далъ понять то направленіе, въ которомъ онъ намѣренъ былъ дѣйствовать, потребовавъ къ себѣ и низложивъ Видгерса, который, пользуясь безпо-

---

двумя бѣлыми флагами, свѣшивавшимися съ золотаго яблока на вершинѣ шеста, и въ срединѣ съ изображеніемъ распятаго Спасителя на крестѣ.

[1]) Benzo, IV, VII, 2 (Pertz, XI, 670).

[2]) Ep. I, 1.

рядками въ Римѣ, самозванно захватилъ архіепископію равеннскую. Въ Пармѣ онъ созвалъ соборъ, но такъ какъ на немъ не присутствовало ни одного папы, то и разслѣдованіе притязаній соперниковъ было отложено. Григорій встрѣтился съ королемъ въ Піаценцѣ и по его желанію созвалъ второй соборъ въ Сутри. Другіе претенденты на папство были вызваны, но не явились; о Бенедиктѣ, удалившемся въ монастырь, даже не было упомянуто въ дѣлопроизводствѣ, а Сильвестръ былъ объявленъ самозванцемъ, лишенъ епископскаго сана и священства, и осужденъ на заключеніе въ монастырь. Григорію, который предсѣдательствовалъ на соборѣ и, быть можетъ, участвовалъ въ приглашеніи Генриха вмѣшаться въ это дѣло, затѣмъ, къ его удивленію, было предложено разсказать объ обстоятельствахъ своего собственнаго возвышенія. Съ простотою, свойственною его характеру, онъ сознался въ употребленіи подкупа (о которомъ, быть можетъ, было слишкомъ извѣстно, чтобы можно было отрицать его); но это онъ объяснялъ тѣмъ, что такъ какъ, въ виду его славы, ему приносились большія суммы денегъ, которыя онъ предназначалъ израсходовать на благочестивыя цѣли, онъ нашелъ нужнымъ употребить часть ихъ на это именно дѣло, руководствуясь желаніемъ избавить святой престолъ отъ тиранніи знати, отъ его бѣдствій и позора. Нѣкоторые члены собора замѣтили ему, что пользованіе такими средствами незаконно. При этихъ словахъ папу озарила новая мысль, онъ признался, что былъ обольщенъ врагомъ, и просилъ епископовъ дать ему добрый совѣтъ. По одному свидѣтельству, они отвѣчали, что ему лучше всего осудить самого себя, вслѣдствіе чего онъ призналъ себя недостойнымъ папства, и въ присутствіи собора снялъ съ себя папскія одѣянія [1]). Другіе писатели свидѣтельствуютъ, что ему дано было предостереженіе предварить собственнымъ отреченіемъ низложеніе, между тѣмъ какъ по третьему свидѣтельству—онъ былъ низложенъ. Папскій престолъ сдѣлался вакантнымъ, и Генрихъ приступилъ къ занятію его папой своего собственнаго выбора.

20 дек. 1046 г.

Такъ какъ римское духовенство считалось почти непригоднымъ для этого достоинства, вслѣдствіе своего невѣжества, симоніи или конкубината, то Генрихъ III рѣшилъ предоставить папскій престолъ одному изъ прелатовъ, которые сопровождали его изъ Германіи, именно Свитгеру, саксонцу по происхожденію и епископу бамбергскому. Назначеніе Свитгера, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, состоялось въ Сутри, но его формальное провозглашеніе согласно съ древнимъ обычаемъ, должно было совершиться въ Римѣ. Наканунѣ Рождества 1046 года, на другой день по своемъ прибытіи въ городъ, Генрихъ предложилъ римлянамъ, собравшимся въ храмѣ св. ап. Петра, приступить къ выбору папы. Они отвѣчали, что связали себя клятвой не избирать другаго папы при жизни Григорія, но просили, чтобы король далъ имъ человѣка, который былъ бы полезенъ церкви, вслѣдствіе чего Генрихъ получилъ знаки патриціата и, въ качествѣ верховнаго главы Рима, представилъ Свитгера собранію. Въ отвѣтъ на его вопросъ, нельзя ли было бы назначить болѣе достойнаго папу изъ среды самого римскаго духовенства, не возвысился ни одинъ голосъ, и король, взявъ Свитгера за руку, посадилъ его на папскій престолъ, гдѣ онъ и былъ привѣтствуемъ восклицаніями подъ именемъ Климента II [1]. Въ день Рождества, годовщину того дня, въ который почти за два столѣтія предъ тѣмъ коронованъ былъ Львомъ III Карлъ Великій, была совершена съ необычайнымъ блескомъ и торжественностью императорская коронація Генриха и его королевы Агнесы.

---

[1]) Victor Dial. 3 (Bybl. Patr. XVIII, 853).

Янв. 1047 г.

Императоръ былъ искренно одушевленъ желаніемъ преобразованій въ церкви, и избралъ Свитгера какъ наиболѣе пригоднаго дѣятеля въ осуществлени его плановъ. Вскорѣ послѣ своего избранія, папа созвалъ соборъ съ цѣлью исправленія злоупотребленій, и на немъ было опредѣлено, что всякій, кто получилъ рукоположеніе завѣдомо для себя отъ симонійца, долженъ подвергнуться покаянію въ теченіе сорока дней [2]. Но кромѣ этого мало или почти ничего не извѣстно о Климентѣ, за исключеніемъ того, что онъ посѣтилъ южную Италію, и послѣ папствованія, продолжавшагося менѣе десяти мѣсяцевъ, умеръ въ монастырѣ близъ Пезаро, въ октябрѣ 1047 года, вслѣдствіе чего Бенедиктъ IX, поддерживаемый своими родственниками и Бонифаціемъ, сильнымъ маркизомъ тосканскимъ, воспользовался случаемъ опять на время захватить вакантный папскій престолъ [3].

Въ іюнѣ 1047 года императоръ возвратился въ Германію, привезя съ собою и низложеннаго папу Григорія. На большомъ собраніи епископовъ и знати, состоявшемся повидимому въ Шпейерѣ, Генрихъ сильно обличалъ симонію, которая вообще преобладала при распредѣленіи церковныхъ должностей. Онъ выразилъ даже опасеніе, чтобы и спасеніе его отца не подверглось опасности отъ такой торговли священными должностями. Этотъ именно грѣхъ симоніи, заражавшій всю іерархію отъ главнаго первосвященника до привратника, по его словамъ навлекалъ на страну бѣдствія голода, язвы, меча, и всѣ, кто были повинны въ немъ, должны быть низложены. Эти послѣднія слова распространили уныніе среди прелатовъ, которые чувствовали, что они всѣ подлежатъ этому обвиненію, и умоляли императора смиловаться надъ ними. Онъ отвѣчалъ имъ выраженіемъ желанія добре править должности, которыя они получили незаконными средствами, и искренно молиться о душѣ Конрада, который былъ причастенъ ихъ вины. Противъ симоніи вообще былъ изданъ указъ, и Генрихъ торжественно клялся даромъ оказывать свое церковное патронатство, какъ даромъ онъ получилъ и императорскій престолъ.

---

[1] Ordo Romanus, Patrol. XCVIII, pp. 763 и слѣд. Согласіе патриція считалось необходимымъ для назначенія папы. См. Gregorov. IV, 62—4 и его цитаты.

[2] Hard. VI, 923—5.

[3] Annal. ap. Pertz, Romani, V, 469.

Но въ то время, какъ императоръ имѣлъ въ виду произвести преобразованіе въ церкви посредствомъ своей собственной власти, среди духовенства была партія, имѣвшая въ виду болѣе широкое преобразованіе, и съ цѣлью осуществленія его обращала взоры на другое средство. Эта партія на время согласна была принять содѣйствіе Генриха, такъ какъ его искренность была безспорна, его власть была важнымъ пособіемъ и его цѣли въ нѣкоторой степени совпадали съ ея собственными. Подобно императору, эти преобразователи желали искоренить симонію и освободить папство отъ тираніи итальянской знати. Но ея опредѣленіе симоніи было болѣе строгимъ, чѣмъ его; вмѣстѣ съ симоніей она связывала бракъ и конкубинатство духовенства,—тѣ явленія, которыя Генрихъ (быть можетъ изъ сознанія, что его собственный характеръ былъ не безупреченъ въ отношеніи цѣломудрія) не осмѣлился подвергнуть нападенію, и главнѣе всего она опасалась преобладанія гражданской власти надъ церковью. Связи именно церкви съ государствомъ чрезъ феодальныя обязательства прелатовъ они приписывали и тѣ печальныя безобразія, которыя давно уже позорили іерархію, именно грубыя и свѣтскія привычки епископовъ, ихъ преданность войнѣ и охотѣ, ихъ непристойную пышность и роскошь, ихъ попытки сдѣлать церковныя должности наслѣдственными въ своихъ собственныхъ семействахъ. А что если имперія пріобрѣтетъ полный контроль надъ папствомъ и церковью, какъ къ этому повидимому стремился Генрихъ? Что будетъ результатомъ такой власти, когда она перейдетъ отъ этого благороднаго, добросовѣстнаго и религіознаго императора къ преемнику совершенно иного характера? Церковь не должна зависѣть отъ личныхъ качествъ государя. Она должна быть управляема другими руками и подъ высшимъ вліяніемъ; національныя церкви, связанныя и соподчиненныя государствомъ, были не въ состояніи принять на себя задачу преобразованія, которое должно исходить не отъ государства, но отъ іерархіи, отъ папства, съ неба, чрезъ намѣстника Христова, преемника ап. Петра; ему только на землѣ и должна она подчиняться, и съ этою цѣлью всякая власть должна сосредоточиваться именно въ папствѣ.

Генрихъ взялъ съ римлянъ условіе, за которое онъ, будто бы, заплатилъ большую сумму, именно, чтобы они не избирали опять папы безъ его согласія [1]). Къ нему явилась депутація по дѣлу преобразовательной партіи, съ просьбою, чтобы онъ назначилъ преемника Клименту. Они не прочь были бы желать возстановленія Григорія vi; но такъ какъ такое предложеніе вѣроятно было бы непріятно императору, то они просили, чтобы онъ назначилъ папой Галинарда, архіепископа ліонскаго, который былъ хорошо извѣстенъ и высоко уважаемъ въ Римѣ, вслѣдствіе частыхъ пилигримствъ къ этому „порогу апостоловъ" [2]). Галинардъ, однако же, не желалъ такого возвышенія и тщательно избѣгалъ появленія при императорскомъ дворѣ. Генрихъ попросилъ совѣта у Вазо, епископа льежскаго, высокоуважаемаго прелата, о мудрыхъ и снисходительныхъ воззрѣніяхъ котораго касательно обращенія съ еретиками будетъ упомянуто ниже. Епископъ посовѣтовалъ возстановить Григорія, низложеніе котораго онъ порицалъ на томъ основаніи, что папа не могъ быть судимъ никѣмъ, кромѣ одного Бога. Но прежде чѣмъ его письмо дошло до императора, выборъ его уже палъ на Поппо, 25 дек. 1047 г. епископа бриксенскаго, который и принялъ имя Дамаса ii. Новый папа былъ отведенъ въ Римъ Бонифаціемъ, маркизомъ тосканскимъ, и при его приближеніи Бенедиктъ бѣжалъ; 17 іюля 1048 года онъ былъ возведенъ на папскій престолъ, но 9 августа умеръ. Быстрая смерть двухъ нѣмецкихъ папъ была приписываема нѣкоторыми отравленію; представителемъ мнѣнія другой партіи служитъ Бонизо, епископъ сутрійскій, который, въ запальчивости національной и религіозной ненависти, говоритъ, что Дамасъ, „человѣкъ, полный всякой гордости", былъ назначенъ патриціанской тираніей Генриха, и что черезъ двадцать дней послѣ своего вторженія на папскій престолъ онъ „умеръ тѣломъ и душой" [3]).

Императора опять просили назначить папу, и онъ остановился на своемъ двоюродномъ братѣ Бруно. Болѣе двадцати лѣтъ предъ тѣмъ Бруно былъ избранъ епископомъ со стороны духовенства и народа въ Тулѣ, принялъ эту бѣдную каѳедру противъ воли императора Конрада, который предназначалъ его на лучшую каѳедру, пользовался великой славой за свое благочестіе, ученость, благоразуміе, благотворительность и смиреніе, былъ дѣятельнымъ въ отправленіи своихъ обязанностей, краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, искуснымъ музыкантомъ и не безъ опыта въ общественныхъ дѣлахъ. При неохотѣ принять на себя предлагавшееся ему теперь опасное достоинство, онъ попросилъ три дня для размышленія и открыто исповѣдывалъ свои грѣхи, съ цѣлью доказать свое недостоинство. Но императоръ настаивалъ на этомъ назначеніи, и на одномъ большомъ собраніи въ Вормсѣ, въ присутствіи римскихъ посланниковъ, Бруно были вручены знаки папства. Посѣтивъ еще разъ Тулъ, онъ отправился въ Италію въ первосвященническомъ достоинствѣ. Въ Безансонѣ онъ встрѣченъ былъ Гугомъ, аббатомъ клунійскимъ, въ сопровожденіи одного итальянскаго монаха, по имени Гильдебранда, и результатъ этой встрѣчи былъ въ высшей степени замѣчателенъ. Гильдебрандъ происходилъ отъ родителей низкаго состоянія близь Суаны (теперь Сована), древняго этрусскаго города и епископской каѳедры, между 1010 и 1020 годами [1]). Съ раннихъ лѣтъ онъ былъ воспитываемъ въ Римѣ для церковнаго служенія, подъ руководствомъ дяди, который былъ аббатомъ св. Маріи на Авентинѣ. Онъ выработалъ себѣ самыя строгія понятія о монашествѣ, и недовольный распущенностью, преобладавшей среди итальянскихъ монаховъ, онъ отправился за Альпы и вступилъ въ строгую общину клунійскую, гдѣ будто бы аббатъ примѣнилъ къ нему пророческія слова: „онъ будетъ великъ въ очахъ Всевышняго“ [2]). По оставленіи клунійской общины, онъ посѣтилъ дворъ Генриха, и по своемъ возвращеніи въ Римъ сдѣлался капелланомъ [3]) Григорія VI, ученикомъ котораго былъ онъ раньше. По низложеніи Григорія, Гильдебрандъ сопровождалъ его въ Германію, и по смерти своего покровителя, въ началѣ 1048 года, опять удалился въ Клуни. Тамъ именно, какъ можно предполагать, онъ и размышлялъ съ негодованіемъ о той подчиненности церкви мірской власти, которая особенно проявилась въ низложеніи и плѣненіи Григорія, и тамъ именно въ его душѣ созрѣли тѣ теоріи, которыя должны были оказать столь сильное вліяніе на всю послѣдующую исторію церкви и міра.

---

[1]) Annal. Rom. (Pertz, v, 469). Постоянное упоминаніе о вліяніи денегъ въ Римѣ составляетъ замѣчательную черту въ этихъ Анналахъ.

[2]) Vita Halin. c. 7; Pertz. vii, 237.

[3]) Bonizo, p. 803.

Гильдебрандъ отличался характеромъ возвышеннымъ и повелительнымъ. Его человѣческія привязанности были умерщвлены долгой монастырской дисциплиной; одна только церковь возбуждала любовь въ немъ. Наполненный величественными мечтаніями о церковномъ величіи, онъ преслѣдовалъ свои цѣли съ непреклонною настойчивостью, съ дальнозоркимъ терпѣніемъ, съ глубокой, тонкой и даже беззастѣнчивой политикой. Онъ хорошо умѣлъ пользоваться даже небольшими обстоятельствами, какъ средствами для достиженія болѣе важныхъ цѣлей, или поступаться меньшими преимуществами въ надеждѣ достигнуть бóльшихъ. Онъ умѣлъ какъ примирять и даже льстить, такъ равно и угрожать и обличать. Самъ непроницаемый и непоколебимый, онъ особенно искусенъ былъ въ пониманіи характеровъ другихъ людей, и умѣлъ пользоваться ими какъ своими орудіями, даже хотя бы несознательными или недобровольными.

---

[1]) Mabill. Acta SS Ben. IX, 406. Его отца обыкновенно считаютъ плотникомъ, но, вѣроятно, онъ былъ крестьяниномъ. Подробная жизнь Григорія VII написана Гфрёреромъ и состоитъ изъ семи большихъ томовъ, кромѣ указателя.

[2]) Paul. Bernriedensis. Vita Gregorii c. II. Басни касательно его раннихъ лѣтъ можно находить въ Annal. Sax. (Pertz, VI. 701).

[3]) Домашніе церковники, какого бы то ни было сана, считались *капелланами* тѣхъ лицъ, къ дому которыхъ они принадлежали. Такъ, Норбертъ, основатель ордена премонстратензовъ, будучи субдіакономъ, назывался Capellanus Генриха V.

Въ своихъ бесѣдахъ съ Бруно Гильдебрандъ изображалъ унизительность принятія отъ императора того достоинства, которое должно бы даваться по свободному выбору римскаго духовенства и народа. Его возвышенные взгляды и вліятельныя рѣчи оказали свое дѣйствіе: папа сложилъ знаки апостольской должности и, взявъ себѣ Гильдебранда въ качествѣ сотоварища, продолжалъ путь въ простой одеждѣ пилигрима. Путь его, будто бы, ознаменовался чудесами: по его молитвѣ, разлившіяся воды Тиверона возвратились къ своимъ обычнымъ границамъ для того, чтобы дать проходъ ему и собравшемуся въ его свитѣ народу, и его прибытіе въ Римъ, въ грубомъ одѣяніи и босымъ, произвело впечатлѣніе гораздо большее того, чѣмъ какое могло бы быть произведено выставкой первосвященнической или императорской пышности. Въ храмѣ ап. Петра онъ обратился къ собравшимся римлянамъ съ рѣчью, заявляя имъ, что онъ прибылъ съ цѣлью благочестія, что императоръ избралъ его папой, но что имъ именно предоставляется утвердить или отмѣнить этотъ выборъ. Слушатели были сильно возбуждены его словами: они не могли не обрадоваться тому, что онъ, объявляя императорское назначеніе недостаточнымъ, предпочиталъ опираться на ихъ собственный выборъ, какъ на единственно законное право на папскій престолъ. Притомъ Бруно и не былъ для нихъ совершенно неизвѣстнымъ человѣкомъ: ежегодныя пилигримства его въ Римъ уже успѣли познакомить ихъ съ его благочестіемъ и его добродѣтелями, и онъ былъ привѣтствуемъ съ всеобщими восклицаніями въ качествѣ папы Льва IX.

Февраля 12.

Съ этого времени Гильдебрандъ сдѣлался дѣйствительнымъ управителемъ папства. Левъ рукоположилъ его въ субдіакона и предоставилъ ему, вмѣстѣ съ другими должностями, должность казначея церкви. Между этими другими должностями было и аббатство въ монастырѣ св. Павла на остійской дорогѣ, которое онъ возстановилъ изъ упадка и безпорядка и къ которому въ теченіе всей своей жизни такъ сильно былъ привязанъ, что при всякой неудачѣ въ какомъ либо изъ своихъ предпріятій онъ обыкновенно посылалъ за нѣкоторыми изъ монаховъ этого монастыря и спрашивалъ ихъ, какой совершили они грѣхъ, закрывшій слухъ Божій къ ихъ ходатайствамъ за него. Партія, душой которой былъ Гильдебрандъ, затѣмъ была подкрѣплена и нѣкоторыми другими способными лицами, которыхъ Левъ привезъ изъ за Альпъ и возвелъ въ высокія достоинства,—каковыми были кардиналы Гумбертъ, Стефанъ и Гугъ Бѣлый, Фридрихъ, братъ Годфрея, герцога лорренскаго, и Азолинъ, епископъ сутрійскій. Но виднѣе всѣхъ ихъ былъ итальянецъ, который теперь вступилъ въ число римскаго духовенства, именно Петръ Даміани.

Этотъ замѣчательный человѣкъ родился въ Равеннѣ въ 1007 году. Мать его, доведенная до своего рода изступленія этимъ нежеланнымъ прибавленіемъ къ семейству, уже и безъ того слишкомъ большому, хотѣла было бросить ребенка на погибель; но, будучи уже почти мертвымъ, онъ спасенъ былъ женой одного священника, упреки которой пробудили въ матери чувство родительской обязанности [1]). Петръ рано остался сиротой подъ попеченіемъ брата, который относился къ нему жестоко и заставлялъ его пасти свиней, но онъ былъ избавленъ отъ этого рабства другимъ братомъ, Даміаномъ, имя котораго, въ знакъ благодарности, онъ и присоединилъ къ своему собственному [2]). Благодаря добротѣ Даміана, онъ получилъ возможность учиться, прославился въ качествѣ учителя, такъ что ученики стекались къ нему отовсюду, и ихъ плата доставляла ему обильныя средства. Его жизнь между тѣмъ была строго аскетической; онъ тайно носилъ саванъ, постился, бодрствовалъ, молился и съ цѣлью обузданія своихъ страстей вставалъ съ постели, по цѣлымъ часамъ стоялъ въ рѣкѣ, пока члены его не коченѣли отъ холода, и проводилъ остатокъ ночи въ посѣщеніи церквей и въ чтеніи Псалтиря. Пользуясь славой и благоденствіемъ, Петръ однакоже отдался мысли, что было бы хорошо совсѣмъ отречься отъ своего положенія, когда онъ еще вполнѣ пользовался его преимуществами, и на его рѣшимость въ этомъ отношеніи окончательно повліяло посѣщеніе его двумя братьями изъ отшельнической общины Фонте Авеллано въ Умбріи. Когда онъ, въ качествѣ подарка ихъ аббату, далъ имъ большую серебряную чашу, монахи попросили его перемѣнить ее на что либо болѣе легкое и болѣе удобоносимое, и глубоко тронутый этою ихъ немірскою простотою онъ, безъ вѣдома своихъ друзей оставилъ Равенну и сдѣлался членомъ ихъ строгаго монастыря [3]). Петръ строгостью жизни скоро превзошелъ всѣхъ своихъ собратьевъ, и даже пріобрѣлъ славу чудотворца. Онъ училъ въ Фонте-Авеллано и въ другихъ монастыряхъ, и возведенъ былъ въ достоинство аббата [4]).

Возвышеніе Григорія VI было съ радостью привѣтствуемо Петромъ, какъ заря новой эры для церкви, и хотя его надежды на этого папу скоро были разъяснены соборомъ сутрійскимъ, онъ однако же былъ въ состояніи перенести свою увѣренность на Генриха III, такъ что онъ даже радовался тому, что императоръ достигъ контроля надъ выборами на папскій престолъ [1]). Потому онъ все еще продолжалъ съ свѣтлою надеждою трудиться въ дѣлѣ преобразованія, и Генрихъ пользовался имъ съ цѣлью внушенія папѣ Клименту необходимости искорененія симоніи, которая, какъ нашелъ императоръ, возвращаясь домой чрезъ сѣверную Италію, преобладала повсюду [2]).

---

[1]) Vita, c. 2, предшествующая его твореніямъ.

[2]) Хотя онъ иногда называется Petrus Damian*us*, однакоже же собственно имя его есть Damiani, то есть, братъ Даміана. Murat. Annal. VI, 1, 39.

[3]) Vita, 4.

[4]) Vita, 5—13.

Характеръ Петра Даміани представлялъ чрезвычайную смѣсь силы и слабости. Онъ былъ человѣкъ честный, строгій въ благочестіи своей жизни и одаренный свободнымъ и богатымъ краснорѣчіемъ, но въ то же время лишенный разсудительности или критической проницательности, безгранично довѣрчивый и нѣсколько суетный, столь же узкій въ своихъ воззрѣніяхъ, сколько ревностный, энергичный и нетерпѣливый въ осуществленіи ихъ. Начитанность его была значительная, но весьма ограниченная въ своей сущности и по большей части весьма празднаго свойства. Его письма и трактаты представляютъ смѣсь всякой учености и всякихъ аллегорическихъ перетолкованій св. Писанія, какія только онъ могъ собрать вмѣстѣ; его доводы обосновываются на самыхъ странныхъ иллюстраціяхъ и самыхъ чудовищныхъ и необычайныхъ легендахъ. Проявляемый имъ часто юморъ скорѣе обнаруживаетъ въ немъ странность, чѣмъ талантъ или дарованіе; онъ самъ говоритъ о немъ какъ о „шутовствѣ“ [3]), и въ покаянномъ духѣ оплакиваетъ, что онъ не можетъ воздержаться отъ него. Въ наше время такой человѣкъ, вѣроятно, былъ бы однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ, дѣятельныхъ, крайне недружелюбныхъ и, пожалуй, неразумныхъ враговъ Рима; при современныхъ же ему обстоятельствахъ Петръ Даміани былъ его наиболѣе преданнымъ служителемъ. Тѣмъ не менѣе, его почтеніе къ папству не мѣшало ему иногда обращаться къ занимающимъ папскій престолъ іерархамъ съ откровенною простотою [4]) или протестовать противъ установившихся римскихъ обычаевъ, какъ напримѣръ, когда онъ писалъ Александру II противъ того принципа декреталій, по которому епископъ не могъ быть обвиняемъ членомъ своей паствы, и противъ обычая присоединенія къ опредѣленіямъ по самымъ заурядныъ предметамъ страшныхъ угрозъ анаѳемы [5]). Въ такихъ случаяхъ, можно думать, онъ отчасти руководился сильнымъ и непреклоннымъ чувствомъ правды и отчасти своею страстью во всѣхъ направленіяхъ дѣйствовать увѣщаніемъ и порицаніемъ. Если Гильдебрандъ умѣлъ пользоваться людьми, какъ своими орудіями, то Петръ былъ самымъ подходящимъ для него орудіемъ. Онъ чувствовалъ, что Гильдебрандъ былъ его господиномъ, и его служеніе часто было неохотнымъ; но хотя онъ и давалъ волю своему недовольству въ письмахъ и въ эпиграммахъ, однако же вполнѣ повиновался этому своему „враждебному другу“ (какъ онъ выражался), своему „благочестивому сатанѣ“ [1]).

---

[1]) Liber gratissimus (Opusc. VI), c. 36.
[2]) P. Damian. Ep. I, 3.
[3]) Scurrilitas. Ep. V, 2.
[4]) Напримѣръ, Ep. I, 5 къ Виктору II.
[5]) Ep. I, 12.

Петръ Даміани былъ наиболѣе ревностнымъ приверженцемъ воззрѣній своего вѣка. Отъ него обычай добровольнаго самобичеванія, хотя онъ и не былъ совершенно новымъ [2]), пріобрѣлъ необычайную популярность. Онъ одобрялъ его какъ своего рода „чистилище“ и защищалъ противъ всѣхъ нападеній. Если, доказывалъ онъ, самъ Господь съ своими апостолами и мучениками подвергался бичеванію, то хорошо и намъ подражать ихъ страданіямъ, подвергая самихъ себя бичеванію; если Моисей въ законѣ предписывалъ бичеваніе для виновныхъ, то хорошо и намъ наказывать самихъ себя за наши прегрѣшенія; если людямъ позволительно искупать свои грѣхи деньгами, то тѣ, кто не имѣютъ денегъ, должны, конечно, имѣть у себя какія либо другія средства искупленія; псалмопѣвецъ внушаетъ людямъ „хвалить Господа на кимвалахъ“, а такъ какъ кимвалъ есть инструментъ, сдѣланный изъ высушенной кожи, то заповѣдь эта по истинѣ исполняется тѣмъ, кто въ видѣ подвига бьетъ свою собственную кожу, изсушенную постомъ [3]). Кардиналъ Стефанъ осмѣлился посмѣяться надъ такимъ благочестіемъ и убѣдилъ монаховъ Монте-Кассино отказаться отъ обычая бичеванія по пятницамъ, который они усвоили, по примѣру Петра; но внезапная и преждевременная смерть Стефана и его брата скоро затѣмъ дала торжество поборнику этого обычая, который выставлялъ постигшую обоихъ братьевъ судьбу въ качествѣ страшнаго приговора надъ нечестіемъ кардинала.

Кромѣ другихъ сочиненій, Петръ написалъ въ пользу бичеванія „жизнь“ нѣкоего Доминика, великаго подвижника въ дѣлѣ борьбы съ плотію [4]). Доминикъ былъ рукоположенъ во священника; но узнавъ, что его родители принесли часть козлиной кожи въ даръ епископу, который рукополагалъ его, онъ былъ пораженъ такимъ ужасомъ отъ этой симоніи, что отказался отъ всѣхъ священническихъ обязанностей и удалился къ суровой жизни отшельника. Впослѣдствіи онъ поселился подъ вѣденіемъ Даміана въ Фонте-Авеллано, гдѣ его покаянные подвиги были предметомъ удивленія аббата и его собратьевъ. На своемъ голомъ тѣлѣ онъ носилъ тѣсныя желѣзныя вериги [1]), которыхъ никогда не снималъ, кромѣ какъ для самобичеванія. Его тѣло и руки были стиснуты желѣзными кольцами, шея обременена тяжелыми цѣпями, жалкая одежда была изношена до лохмотьевъ, пища состояла изъ хлѣба и укропа, и его кожа была черна какъ у негра—отъ послѣдствій страшнаго самобичеванія [2]). Обычнымъ упражненіемъ Доминика было прочитываніе Псалтиря дважды въ день, причемъ онъ бичевалъ себя обѣими руками по тысячѣ ударовъ на каждые десять псалмовъ. По тогдашнему вѣрованію, три тысячи ударовъ, которыми сопровождалось чтеніе тридцати псалмовъ, равнялось году покаянія; весь Псалтирь по этому, при аккуратномъ числѣ ударовъ, равнялся такимъ образомъ пяти годамъ покаянія. Великимъ постомъ, или по случаю особаго покаянія, ежедневное упражненіе достигало до трехъ Псалтирей; онъ „легко“ совершалъ двадцать (равные ста годамъ покаянія) въ шесть дней. Однажды, въ началѣ великаго поста, онъ просилъ, чтобы на него наложена была эпитимія въ тысячу лѣтъ, и всю ее очистилъ до Пасхи. Онъ часто совершалъ восемь или девять Псалтирей въ теченіе двадцатичетырехъ часовъ, но только впослѣдствіи онъ могъ совершать десять, и наконецъ онъ былъ въ состояніи при одномъ случаѣ исполнить двѣнадцать, и дошелъ до xxxii-го псалма въ тринадцатой. Эти бичеванія, по тогдашнему вѣрованію, имѣли значеніе удовлетворенія за грѣхи другихъ людей. Въ позднѣйшіе годы своей жизни, ради большей суровости, Доминикъ замѣнилъ прутья, которыми онъ прежде пользовался въ своихъ упражненіяхъ, ремнями. Онъ увеличилъ также число колецъ, впивавшихся въ его тѣло, и вѣсъ цѣпей, висѣвшихъ на его шеѣ; но въ Житіи его разсказывается, что по временамъ, когда онъ молился, кольца эти лопались на немъ или дѣлались мягкими и растяжимыми [3]). Смерть Доминика, сдѣлавшагося настоятелемъ монастыря на горѣ Соавицино (или Санъ-Вицино), въ Анконскомъ округѣ, повидимому послѣдовала въ 1060 году.

---

[1]) То есть, противнику или обвинителю (клеветнику). Ep. i, 11.

[2]) О немъ упоминается у Регино (De Disciple Eccles. ii, 442 и слѣд. Patrol. cxxxii).

[3]) Epp. v, 8; vi, 26; Opusc. xlii: de laude flagellorum.

[4]) Opera, ii, 210 и слѣд. См. Acta SS. Oct. 14.

Бракъ духовенства былъ особенно ненавистенъ въ глазахъ Петра Даміани. Онъ писалъ, проповѣдывалъ и дѣйствовалъ противъ него. Его языкъ о такихъ предметахъ отличается грубостью и доходитъ до безстыднаго неприличія. Вскорѣ послѣ восшествія Льва на папскій престолъ, онъ представилъ ему трактатъ, о содержаніи котораго можно догадываться по самому его заглавію: „Книга о Гоморрѣ“ [1]). Представляемыя здѣсь свидѣтельства касательно ужасныхъ преступленій, возникшихъ вслѣдствіе обязательнаго целибатства для духовенства, могли бы послужить для разсудительнаго ума основаніемъ для ослабленія этой обязательности, но Петръ выставляетъ ихъ въ качествѣ довода въ пользу усиленія ея строгости. Онъ перечисляетъ грѣхи нецѣломудреннаго духовенства и требуетъ низложенія всѣхъ виновныхъ въ нихъ. Левъ благодарилъ его за книгу, но рѣшилъ, что хотя всякое плотское сношеніе запрещено духовенству св. Писаніемъ и законами церкви, но за исключеніемъ наиболѣе худшихъ и закоренѣлыхъ грѣшниковъ, нужно оставлять за всѣми должности, въ случаѣ ихъ раскаянія [2]). Позднѣйшій папа, Александръ II, получилъ эту рукопись подъ предлогомъ снять съ нея копію; но свое мнѣніе о ея вѣроятныхъ послѣдствіяхъ высказалъ тѣмъ, что заперъ ее, и авторъ жаловался, что когда онъ пытался получить рукопись обратно, папа шутилъ надъ нимъ и относился къ нему, какъ къ шутнику [3]).

---

[1]) Вслѣдствіе чего онъ и получилъ названіе Loricatus.

[2]) Vita, 11.

[3]) Vita, 10—12.

Поступокъ Льва, отказавшагося отъ права, полученнаго вслѣдствіе императорскаго назначенія, могъ, какъ можно бы ожидать, встревожить и оскорбить Генриха. Его родственникъ, предметъ его особеннаго покровительства, сдѣлался папой духовенства и народа, и могъ стать въ оппозицію къ императору. Но императоръ, повидимому, взглянулъ на образъ дѣйствія Льва какъ на проявленіе той скромности, которою онъ уже былъ извѣстенъ. Онъ не сдѣлалъ никакихъ возраженій, и Гильдебрандъ тщательно избѣгалъ раздражать его ненужными проявленіями папской независимости.

Левъ нашелъ папскую казну настолько истощенной, что даже помышлялъ объ удовлетвореніи своихъ нуждъ посредствомъ продажи церковныхъ одѣяній. Но мало по малу опять начали открываться тѣ богатые и разнообразные источники, которыми пополнялась папская казна, такъ что онъ былъ въ состояніи дѣятельно вести свою администрацію и предпринимать мѣры къ преобразованію. 1049 г. Созванъ былъ соборъ, на которомъ папа предлагалъ признать недѣйствительными рукоположенія всѣхъ тѣхъ, кто были рукоположены симонійцами. Ему однако же было представлено, что такая мѣра во многихъ мѣстахъ повлекла бы за собою общее низложеніе духовенства и лишеніе средствъ благодати. Данное опредѣленіе симоніи, въ дѣйствительности, простиралось на многія такія вещи, съ которыми мы едва ли можемъ связывать мысль о преступности. Названіе это уже не ограничивалось болѣе покупкою рукоположенія или даже бенефицій; симоніей считалось давать что либо въ видѣ приношенія первыхъ плодовъ, или даже дѣлать добровольный даръ епископу или патрону; симоніей считалось получить бенефицію не только въ видѣ платы, но и въ видѣ награды за службу, или въ видѣ особой милости. „Есть три рода даровъ“, говоритъ Петръ Даміани: „дары руки, послушанія и языка“ [1]. Служеніе при дворѣ онъ считаетъ худшимъ средствомъ достиженія должностей, чѣмъ плата денегъ: въ то время, какъ другіе даютъ деньги, цѣна, платимая придворными священнослужителями, есть не что иное, какъ они сами [2]. Эта книга написана противъ мнѣнія, что совершенное симонійцами рукоположеніе не дѣйствительно. Петръ доказываетъ, что благодать посвященія зависитъ не отъ человѣка, который даетъ его, но отъ его сана. Дѣти слѣпыхъ или уродливыхъ лицъ не наслѣдуютъ недостатковъ своихъ родителей [3]. Даже чудеса были совершаемы симоническими и невоздержными епископами и духовенствомъ, а также и лицами, которыя рукоположены были такими епископами [4]. Гумбертъ съ другой стороны утверждалъ, что какъ таинства еретиковъ не дѣйствительны, а симонія есть ересь, такъ и рукоположеніе, даваемое симонійцами, даже хотя бы и даромъ, ничего не даетъ кромѣ осужденія [5]. Въ виду всеобщаго преобладанія симоніи, Левъ поэтому нашелъ себя вынужденнымъ смягчить свой приговоръ и обратиться къ постановленію Климента II, что даже тѣ, кто были рукоположены завѣдомыми симонійцами, должны были подвергнуться эпитиміи въ теченіе сорока дней [6]. Можно думать также, что на этомъ соборѣ были возобновлены законы объ обязательности целибата, причемъ отъ женатаго духовенства требовалось разлучиться съ своими женами или воздерживаться отъ исполненія своихъ священныхъ обязанностей, хотя вѣроятно 1051 г. (?) только на одномъ позднѣйшемъ соборѣ Левъ придалъ принудительную обязательность этимъ правиламъ, постановляя, что всѣ тѣ „наложницы“ священниковъ, которыя будутъ найдены въ Римѣ, должны будутъ обращаться въ рабынь въ латеранскомъ дворцѣ 1).

---

[1]) Opusc. XI.

[2]) Leo. IX, Ep. 15 (Hard. VI, 976).

[3]) Ep. II, 6, гдѣ онъ проситъ Гильдебранда помочь ему въ возвращеніи рукописи.

---

[1] Ep. II, 1. Эта классификація, повидимому, сдѣлалась ходячей. См. наприм. Chron. Casin. IV, 120.

[2] Opusc. XXII, c. 2; ср. Lib. Gratissim. c. 35. (Opera III, 36 и слѣд.).

[3] С. 28.

[4] 28—29.

[5] Adv. Simoniacos II, 26 и проч. Patrol. CXLIII. Въ слѣдующемъ поколѣніи, Бруно, епископъ сегнійскій и аббатъ Монте-Кассино, написалъ трактатъ въ отвѣтъ на мнѣніе, что вслѣдствіе всеобщей симоніи погибло христіанское священнослуженіе. Онъ доказываетъ, что благодать рукоположенія зависитъ отъ пріемлющаго; подобно тому какъ, въ случаѣ если симоніецъ рукоположенъ православнымъ, благословеніе епископа обращается въ проклятіе, такъ равнымъ образомъ, если православный рукополагается симонійцемъ, то, что̀ для дающаго было бы проклятіемъ, становится благословеніемъ для вѣрнаго пріемлющаго. Patrol. CLXV, 1133.

[6] Hard. VI, 991.

Съ цѣлью устраненія безпорядковъ церкви Левъ прибѣгъ къ новымъ мѣрамъ. Епископы были такъ глубоко замѣшаны въ нихъ, что отъ нихъ и нельзя было ожидать кореннаго преобразованія; поэтому папа хотѣлъ взять дѣло въ свои собственныя руки и исполнить его самолично. Подражая системѣ постоянныхъ разъѣздовъ, благодаря которымъ Генрихъ распространилъ свой личный надзоръ во всѣ уголки имперіи, онъ отправился съ цѣлью окружнаго осмотра церквей. 1049 г. По пути онъ посѣтилъ Гвальберта валломброзскаго, важнаго союзника Гильдебранда и преобразовательной партіи. Онъ переправился за Альпы и, обличая неправды, освящая церкви и раздавая привилегіи монастырямъ на своемъ пути, онъ достигъ Кельна и Аахена. Въ Аахенѣ онъ добился примиренія между императоромъ и Годфреемъ, герцогомъ Нижней Лоррены, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нарушавшимъ общественный миръ. Герцогъ получилъ приговоръ возстановить сожженный имъ соборъ вердунскій, подчинился бичеванію при алтарѣ, и своими собственными руками трудился при построеніи церкви 2).

Левъ въ качествѣ епископа тулскаго (каковую каѳедру онъ удерживалъ за собою въ теченіе нѣкотораго времени, подобно тому, какъ Климентъ II удерживалъ каѳедру бамбергскую), далъ обѣщаніе присутствовать при освященіи монастырской церкви св. Римигія въ Реймсѣ. Теперь онъ заявилъ намѣреніе исполнить свое обѣщаніе, и изъ Тула издалъ посланіе, которымъ епископы Франціи созывались для присутствованія на соборѣ по этому случаю 3). Объявленіе это многихъ поразило ужасомъ,—тѣхъ именно прелатовъ, которые опасались разслѣдованія своихъ дѣйствій, а также и тѣхъ высокопоставленныхъ мірянъ, нравственность которыхъ не могла выдержать испытанія, и нѣкоторые изъ нихъ прибѣгли къ наушничеству предъ французскимъ королемъ Генрихомъ I. По ихъ заявленію, было совершенно невиданною вещью, чтобы папа присвоивалъ себѣ право вступленія во Францію безъ позволенія государя; королевской-де власти угрожала опасность уничтоженія, если онъ позволитъ папѣ распоряжаться въ его владѣніяхъ или одобритъ его мѣру своимъ присутствіемъ на соборѣ. Генрихъ уже получилъ приглашеніе, но эти заявленія встре-

---

1) P. Damian. Opusc. xviii (Patrol. cxlv. 411).

2) Gesta Ep. Virdun. Patrol. cciv, 926. Были и другіе примѣры такого же бичеванія въ томъ вѣкѣ. Бонифацій, маркизъ тосканскій, былъ бичуемъ при алтарѣ за симонію Гуемъ, аббатомъ Помпозы (Pertz, xii), и Генрихъ III самъ подчинялся подобному наказанію отъ Аннона кельнскаго (Vita Annonis, тамъ же, xi, 469).

3) Hard. vi, 99—4. Левъ отказался отъ каѳедры Тула въ 1051 году, говоря, что онъ занималъ ее дотолѣ изъ желанія облагодѣтельствовать эту бѣдную епископію своей властью въ качествѣ папы.

вожили его. Онъ однако же не осмѣлился запретить предполагавшагося собора, но уклонился отъ присутствія на немъ, извиняясь на основаніи одного военнаго похода, и просилъ, чтобы Левъ отложилъ свое посѣщеніе до болѣе спокойнаго времени, когда король будетъ въ состояніи принять его съ должными почестями. Папа отвѣчалъ, что онъ рѣшился присутствовать при освященіи церкви, и что если онъ найдетъ тамъ вѣрующихъ людей, то намѣренъ созвать и соборъ [1]).

2 окт. 1049 г.

Собраніе въ Реймсѣ было огромнымъ. Франки съ Востока сошлись вмѣстѣ съ франками Галліи оказать честь апостолу своего народа, святому, отъ рукъ котораго Кловисъ принялъ крещеніе, и даже Англія прислала своихъ представителей. Тутъ собрались прелаты и вельможи, духовенство и монахи, міряне и женщины всякаго положенія, приношенія которыхъ составили громадную сумму. Въ толпѣ перемѣшались люди всевозможныхъ положеній и чиновъ; они осаждали двери церкви еще наканунѣ церемоніи, и тысячи провели ночь на открытомъ воздухѣ, разгоняя тьму блескомъ своихъ горящихъ свѣчей [2]). Папа неоднократно угрожалъ оставить это великое дѣло незаконченнымъ, если народъ не ослабитъ своего давленія. Наконецъ, съ большимъ трудомъ, тѣло св. Ремигія было пронесено чрезъ массу зрителей, возбужденіе которыхъ теперь достигло своей высшей степени. Многіе плакали, многіе падали въ обморокъ, многіе были задавлены до смерти. Священные останки были пронесены въ церковь чрезъ окно, какъ единственно возможный путь; народъ, оставшійся за дверями, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и массами бросился въ окна. Вмѣсто предполагавшагося раньше помѣщенія, тѣло святаго было положено высоко надъ алтаремъ, чтобы его присутствіемъ придавать особенную торжественность дѣйствіямъ собора.

Окт. 3—5.

Собраніе состоялось на другой день послѣ освященія. Нѣкоторые изъ французскихъ епископовъ и аббатовъ, вызывавшихся на соборъ, не могли присутствовать вслѣдствіе того, что принуждены были находиться при королевскомъ войскѣ, но явилось около двадцати епископовъ и пятидесяти аббатовъ, среди которыхъ были епископъ веллскій, аббатъ монастыря св. Августина въ Кентербери и аббатъ рамсейскій. Папа помѣстился лицемъ къ мощамъ св. Ремигія и выразилъ желаніе, чтобы прелаты сидѣли въ полукругѣ по обѣ стороны отъ него. Тутъ было объявлено, что соборъ созывался для устраненія безпорядковъ въ церкви и для общаго исправленія нравственности, и отъ епископовъ и аббатовъ потребовалось выходить впередъ и давать клятву, что они неповинны въ симоніи, ни въ полученіи своей должности, ни въ отправленіи ея. Архіепископы тревскій, ліонскій и безансонскій дали эту клятву. Архіепископъ реймсскій просилъ отсрочки; онъ былъ частнымъ образомъ два раза принятъ папой, и во второмъ засѣданіи получилъ отсрочку до собора, который предполагалось созвать въ Римѣ въ слѣдующемъ апрѣлѣ [1]).

---

[1]) Hard. vi, 996. Гумбертъ сильно обвиняетъ Генриха въ симоніи (Adv. Sim. iii, 7).

[2]) Hard. vi, 998.

Епископы всѣ дали клятву, кромѣ четырехъ; изъ аббатовъ нѣкоторые клялись, а другіе молчаливо признавались въ своей виновности. Гугъ, епископъ лангрскій (который до изслѣдованія своего собственнаго дѣла добился низложенія одного аббата своего діоцеза за невоздержность и другія преступленія), былъ обвиненъ во многихъ и тяжкихъ беззаконіяхъ: свидѣтели полагали, что онъ какъ самъ получилъ свою должность, такъ и отправлялъ ее симонически, что онъ носилъ оружіе и убивалъ людей, жестоко угнеталъ свое духовенство и даже прибѣгалъ къ пыткамъ, какъ къ средству для вымогательства денегъ, что онъ былъ повиненъ въ прелюбодѣяніи и неестественныхъ похотяхъ. Получивъ позволеніе посовѣтоваться съ архіепископами ліонскимъ и безансонскимъ, онъ просилъ, чтобы этимъ прелатамъ дозволено было защищать его дѣло. Архіепископъ безансонскій, вставъ съ этою цѣлью, нашелъ себя не въ состояніи произнести ни одного слова, и сдѣлалъ знакъ Галинарду ліонскому, который призналъ симонію и вымогательство своего кліента, но отрицалъ другія обвиненія. Епископы неверскій и кутанскій сознались, что ихъ каѳедры были куплены для нихъ ихъ родственниками, но безъ ихъ вѣдома или согласія, и въ виду ихъ признанія имъ позволено было удержать за собою свои каѳедры. Епископъ нантскій, сознавшійся въ томъ, что онъ купилъ право наслѣдовать своему отцу на епископской каѳедрѣ, былъ низведенъ на степень пресвитера [2]).

Въ концѣ перваго засѣданія былъ поставленъ вопросъ, подъ угрозой анаѳемы, не признавалъ ли кто либо изъ членовъ собора другаго главу церкви, кромѣ епископа римскаго. Права папы и законность его дѣйствій были признаны общимъ молчаніемъ, и папа затѣмъ былъ объявленъ приматомъ всей церкви и апостольскимъ первосвященникомъ [3]).

На второмъ засѣданіи оказалось, что епископъ лангрскій скрылся ночью. Архіепископъ безансонскій призналъ, что его онѣмѣніе, когда онъ хотѣлъ защищать скрывшагося, въ предшествующій день было наказаніемъ отъ св. Ремигія; папа и прелаты преклонились предъ мощами святаго, и Гугъ лангрскій былъ низложенъ [1]. Соборъ продолжался три дня. Постановлено было двѣнадцать каноновъ, изъ которыхъ первымъ объявлялось, что никто не могъ быть возводимъ на епископскую каѳедру безъ избранія отъ своего духовенства и народа. Произнесены были отлученія противъ архіепископа сенскаго и другихъ прелатовъ, которые или изъ опасенія папскаго разслѣдованія, или изъ вниманія къ желанію короля, пренебрегли вызовомъ на соборъ, и разсказываютъ, что въ теченіе года небесное возмездіе тяжко обрушивалось на тѣхъ совѣтниковъ, которые настраивали Генриха противъ папы. Епископъ компостелльскій былъ отлученъ за присвоеніе себѣ титула „апостольскаго“ и за попытку учредить независимое папство въ Испаніи [2]. Бретонскіе епископы, церковь которыхъ давно уже была отдѣлена отъ церкви римской и приматъ которыхъ назывался архіепископомъ дольскимъ, вызваны были въ Реймсъ, но такъ какъ они не прибыли на соборъ, то имъ повелѣно было явиться въ Римъ [3].

---

[1]) Hard. VI, 999—1003.

[2]) Hard. VI, 1004, 1006.

[3]) Hard. VI, 1003.

19 окт. 1049 г.?

Изъ Реймса Левъ отправился въ Менцъ, гдѣ состоялся соборъ въ присутствіи императора, и на этомъ соборѣ епископъ шпейерскій Сибихонъ очистилъ себя отъ обвиненія въ прелюбодѣяніи принятіемъ святой евхаристіи [4].

Папа съ торжествомъ возвратился въ Италію. Онъ увѣрился въ поддержкѣ Германіи и сокрушилъ стремленія къ независимости, которыя проявлялись въ церквахъ Франціи и Испаніи. Система посѣщеній, начатая имъ такимъ образомъ, была продолжаема въ теченіе всего его папствованія, и результатомъ ея было значительное увеличеніе вліянія Рима. Онъ практически и съ успѣхомъ утвердилъ за собою власть гораздо выше той, которая приписывалась папству ложными декреталіями. Папа вступалъ въ государство, не обращая вниманія на волю государя; произносилъ церковное проклятіе на прелатовъ, преданность которыхъ своему королю препятствовала исполненію его повелѣній. Онъ не только судилъ, но и начиналъ слѣдствія, и эти послѣднія были производимы подъ страхомъ его личнаго присутствія, помимо обычныхъ формъ правосудія. Отъ епископовъ клятвой требовалось обвинять самихъ себя, и судебное дѣлопроизводство было короткое и быстрое. Какъ ни поразительны были новшества такихъ дѣйствій, Левъ способенъ былъ совершать ихъ безопасно, такъ какъ народное чувство было на его сторонѣ и поддерживало его во всѣхъ посягательствахъ на авторитетъ государей или епископовъ. Его присутствіе было повсюду привѣтствуемо какъ присутствіе высшей власти, явившейся съ цѣлью отмщенія за неправды, отъ которыхъ долго стонали люди; но у него не было расположенія подвергать его притязанія сомнѣнію вслѣдствіе ихъ новшества, и напротивъ это новшество давало имъ особое обаяніе, такъ какъ папа своею властью производилъ такое облегченіе, о которомъ раньше и не мечтали. Притомъ и самый способъ, которымъ производились его суды и приговоры, былъ искусно разсчитанъ на то, чтобы обезоружить всякое противодѣйствіе. Что бы ни было въ немъ новаго, но во всякомъ случаѣ судъ производился предъ соборами, этимъ старымъ узаконеннымъ трибуналомъ; епископы боялись протестовать, чтобы не быть признанными виновными, и въ то время, какъ слѣдствіе, съ цѣлью открытія виновныхъ, было необыкновенно строгое въ своемъ исполненіи, приговоръ умѣрялся кажущеюся кротостью, которая много отнимала въ немъ суровости. Преступникамъ позволялось самимъ подробно излагать обстоятельства своей вины, и ихъ извиненія охотно допускались. Снисходительность, показанная однимъ, склоняла къ подчиненію и другихъ, и такимъ образомъ притязанія папы могли осуществляться, не встрѣчая никакого возраженія.

---

[1] Hard. vi, 1005.

[2] Hard. vi, 1007.

[3] Тамъ же, 1004. См. также выше стр. 789 и ниже гл. xl, 1. О послѣдующей исторіи бретонской церкви, которая соединилась съ Римомъ и подчинена была митрополиту турскому, см. Leo. Ep. 40 (Patrol. cxliii); Urban ii, Epp. 77, 113 (тамъ же, cli).

[4] Ламбертъ герцфельдскій (отъ 1050 года) и Адамъ бременскій (iii, 29) говорятъ, какъ будто Сибихонъ имѣлъ успѣхъ въ этомъ испытаніи. Вибертъ говоритъ, что его щеки были поражены параличемъ въ теченіе всей остальной его жизни; отсюда онъ, однако же, выводитъ не то, что епископъ былъ виновенъ, а то, что такія испытанія страшны даже для невинныхъ. De Obit. Leon. c. 6.

Левъ опять путешествовалъ за Альпы въ 1050 году, и въ третій разъ въ 1052. Это послѣднее путешествіе было предпринято отчасти съ цѣлью попытки установить примиреніе между императоромъ и королемъ венгерскимъ Андреемъ, который принялъ христіанство и возстановилъ исповѣданіе евангелія въ своихъ владѣніяхъ; но посредничество папы оказалось неудачнымъ. Другою цѣлью его путешествія было просить помощи императора противъ норманновъ. Эти послѣдніе теперь прочно утвердились въ Южной Италіи, воевали противъ обѣихъ имперій или получали награды отъ той или другой, смотря по обстоятельствамъ. На всемъ пространствѣ, куда только могла проникать ихъ предпріимчивость, отъ ихъ нападеній не было безопасности: они вторгались въ наслѣдіе ап. Петра, нападали на собственную свиту папы, и угрожали самому Риму. Они не щадили ни возраста, ни пола. Папа былъ глубоко огорченъ при видѣ жалкихъ людей, которые стекались въ городъ съ апулейской стороны, обезображенные отъ варварскихъ норманновъ лишеніемъ глазъ или носовъ, рукъ или ногъ, причемъ къ нему постоянно доходили и извѣстія объ ограбленіи или сожженіи монастырей и объ избіеніи или жестокомъ истязаніи ихъ обитателей. Его огорченіе и негодованіе превзошли всѣ границы, и когда протесты, просьбы и обличенія оставались напрасными, онъ старался убѣдить какъ греческихъ, такъ и германскихъ императоровъ вступить въ союзъ, чтобы совмѣстно дѣйствовать противъ этихъ ужасныхъ сосѣдей [1]).

Папа нашелъ, что вступая въ союзъ съ итальянской партіей, онъ возбуждалъ ревнивость своихъ соотечественниковъ,—каковое чувство особенно знаменательно проявлялось въ Вормсѣ, гдѣ онъ провелъ Рождество 1052 года съ императоромъ. Въ день Рождества, когда Луитпольдъ, архіепископъ менцскій и митрополитъ діоцеза, совершалъ литургію въ каѳедральномъ соборѣ, одинъ діаконъ произнесъ одно чтеніе нараспѣвъ по германскому обычаю, отличавшемуся отъ римскаго [2]). Левъ, побуждаемый итальянцами своей свиты, приказалъ ему остановиться, и такъ какъ на приказаніе это не обращено было вниманія, то онъ, по окончаніи чтеній, подозвалъ къ себѣ діакона и лишилъ его сана. Германскій приматъ просилъ о его возстановленіи въ санѣ, но получилъ отказъ. Служба затѣмъ продолжалась, но въ концѣ дароприношенія Луитпольдъ, негодуя на пренебреженіе, оказанное національному обычаю, объявилъ, что онъ не будетъ совершать богослуженіе дальше, если діаконъ не будетъ возстановленъ, и папа нашелъ себя вынужденнымъ уступить [3]).

Чувствомъ ревнивости по отношенію къ Риму, повидимому, подсказанъ былъ также и отвѣтъ на просьбу, которую папа сдѣлалъ касательно возвращенія епископіи бамбергской и аббатства фульдскаго апостолу Петру, которому они были предоставлены Генрихомъ II [4]). Вмѣсто этихъ бенефицій, которыя могли бы служить предлогомъ для вмѣшательства въ предѣлы его германской власти, императоръ предоставилъ папѣ городъ Беневенто, прибавляя территорію, уже предоставленную норманнамъ [5]).

Успѣхъ обращенія Льва за помощью противъ норманновъ былъ парализованъ канцлеромъ императора Гебгардомъ, епископомъ эйхштедскимъ. Изъ опасенія ли со стороны Венгріи, изъ заносчиваго ли презрѣнія къ норманнамъ, или изъ германской ревнивости къ папству, онъ уговорилъ Генриха отозвать войска, которыя уже отданы были въ распоряженіе папы, и Левъ, по своемъ возвращеніи въ Италію, былъ сопровождаемъ только семью стами человѣкъ, главнымъ образомъ швабовъ и лотарингцевъ, въ числѣ которыхъ притомъ было много бродягъ и отпѣтыхъ искателей приключеній изъ другихъ странъ. Тутъ въ первый разъ папа выступалъ въ качествѣ предводителя войска противъ завѣдомо христіанскаго народа. Хотя самъ Левъ, будучи еще діакономъ, предводительствовалъ однажды отрядомъ тулскимъ въ императорскомъ войскѣ, бывшіе при немъ соборы возобновляли каноны противъ воинствующихъ епископовъ и духовенства, и Петръ Даміани пришелъ въ крайнее смущеніе отъ непристойности подобнаго зрѣлища: „пошелъ ли бы св. Григорій“, спрашивалъ онъ, „сражаться противъ ломбардцевъ, или св. Амвросій противъ аріанъ“ [1]). Но по мѣрѣ того, какъ Левъ шелъ дальше, массы итальянцевъ стекались подъ его знамя, такъ что когда войска встрѣтились близъ Цивителлы, онъ имѣлъ значительное превосходство въ численности, причемъ его высокорослые германцы издѣвались надъ низкорослостью и невзрачностью непріятелей. Норманны пытались вступить въ переговоры и предлагали владѣть своими завоеваніями подъ главенствомъ апостольской каѳедры, но имъ объявлено было, что единственнымъ условіемъ мира могло быть только ихъ удаленіе изъ Италіи и сдача ими всего, что они отняли у ап. Петра. Такимъ образомъ для нихъ не оставалось другаго исхода, кромѣ какъ сражаться съ отчаяннымъ мужествомъ. Войска встрѣтились 18 іюня 1053 года; итальянскій отрядъ папы бѣжалъ, его германцы стояли твердо и были изрублены въ куски; онъ самъ бѣжалъ въ Цивителлу, но ворота города были заперты противъ него, и онъ попалъ въ руки норманновъ [2]). Но пораженіе это было болѣе выгоднымъ для папства, чѣмъ сколько могла бы быть побѣда. Побѣдители, иные, вѣроятно, изъ грубаго страха, а другіе изъ хитрости, пали къ ногамъ плѣнника, плакали, посыпали пылью свои головы, разражались выраженіями покаянія съ просьбою о прощеніи и благословеніи. Состоялось соглашеніе, по которому папа соглашался, чтобы тѣ завоеванія, которыя уже сдѣлали норманны, со всѣмъ тѣмъ, что они могли пріобрѣсти въ Калабріи и Сициліи, они удерживали подъ главенствомъ святаго престола. Такъ норманны, дотолѣ еще бывшіе шайкой разбойниковъ, получили нѣкоторый законный видъ и даже освященіе права на свои владѣнія, причемъ папа, предоставлялъ имъ земли, на которыя римская каѳедра никогда не имѣла никакого права (кромѣ того, которое можно было выводить изъ сказочнаго дара Константина), пролагалъ путь къ установленію союза, который имѣлъ чрезвычайную важность для его преемниковъ, и упроченію притязанія на верховенство надъ королевствомъ неаполитанскимъ, которое и продолжалось до новѣйшаго времени.

---

[1]) Ep. 7 ad Constant. Monomach (Hard. VI, 959).

[2]) По римскому обычаю, повидимому, нужно бы было просто *читать* его.

[3]) Pertz, VI.

[4]) См. выше, въ началѣ этой главы, стр. 922.

[5]) Папы вступили въ обладаніе Беневентомъ не ранѣе 1077 года, по смерти послѣдняго ломбардскаго князя.

Левъ отведенъ былъ въ Беневенто, гдѣ онъ и удерживаемъ былъ какбы въ почетномъ плѣну. Время свое онъ проводилъ въ скорб-

---

[1]) Ep. IV, 9 (Patrol. CXLIV, 316).

[2]) Свидѣтельства объ этомъ, впрочемъ, разнятся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Іюн. 1053 г.— 12 мар. 1054 г. ныхъ размышленіяхъ о прошедшемъ и о будущемъ. Онъ предавался строжайшему аскетизму и благочестію, ежедневно совершалъ литургію за души павшихъ за его дѣло воиновъ, и наконецъ утѣшенъ былъ видѣніемъ, которое увѣряло его, что такъ какъ они были убиты за Господа, то и сдѣлались причастниками славы мучениковъ. По истеченіи девяти мѣсяцевъ, чувствуя себя серьезно больнымъ, онъ получилъ позволеніе возвратиться въ Римъ. Онъ приказалъ свою постель поставить въ храмѣ ап. Петра, а близь нея поставить и гробъ. Къ духовенству, собравшемуся вокругъ него, онъ обращался съ искренними увѣщаніями быть бодрственными въ своей обязанности и дѣйствовать противъ симоніи; свою паству онъ поручалъ Христу и молился, что если онъ былъ слишкомъ суровъ въ произнесеніи церковныхъ порицаній кому либо, то чтобы Спаситель своею милостью разрѣшилъ ихъ. Затѣмъ, смотря на свой гробъ, онъ говорилъ со слезами: „вотъ, братія, какъ жалка и преходяща человѣческая слава. Я видѣлъ, какъ келья, въ которой я жилъ, будучи еще простымъ 19 Апр. 1054 г. монахомъ, превратилась въ обширные дворцы; теперь я опять долженъ возвратиться въ тѣсные предѣлы этого гроба“. На слѣдующее утро онъ умеръ предъ алтаремъ въ храмѣ св. Петра.

Въ теченіе послѣднихъ дней Льва IX происходили важныя сношенія между церквами Рима и Константинополя. Со времени Фотія эти церкви находились въ холодныхъ отношеніяхъ между собою, и сношенія между ними были рѣдки. Но восточные императоры были побуждаемы политическимъ интересомъ къ примиренію съ папой, враждебность котораго могла угрожать и остаткамъ ихъ владѣній въ Италіи, и около 1024 года Іоанну XVIII сдѣлано было предложеніе со стороны Василія II и византійскаго патріарха Евстаѳія, чтобы титулъ „вселенскаго“ былъ одинаково предоставленъ какъ патріарху, такъ и епископу римскому ¹). Дары, съ которыми явились уполномоченные по дѣлу этого предложенія, оказали свое дѣйствіе на извѣстную алчность римлянъ, и папа готовъ былъ согласиться ²). Но слухъ объ этомъ дѣлѣ произвелъ большое возбужденіе въ Италіи и Франціи. Вильгельмъ, аббатъ св. Бенигна въ

---

¹) По свидѣтельству Радульфа Лысаго, предложеніе было въ томъ смыслѣ, чтобы патріархъ назывался вселенскимъ въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, а папа во всей церкви (IV, 1). Но языкъ этого писателя, повидимому, носитъ на себѣ отголосокъ его латинскихъ предубѣжденій, и такое предложеніе было бы несовмѣстимо съ притязаніями грековъ того вѣка, которые думали, что приматство церкви перешло къ Константинополю вмѣстѣ съ престоломъ императора, и что такое установленіе было подтверждено соборомъ халкидонскимъ (Anna Comnena, I, 113, Nilus Coxopatrius ap. Le Moyne, Varia sacra, I, 243).

²) Бароній замѣчаетъ, что какъ онъ купилъ папство, такъ готовъ былъ и продать самого себя, 1024, 4.

Дижонѣ, вліятельное духовное лицо итальянскаго происхожденія, обратился къ папѣ съ весьма сильнымъ протестомъ. Хотя, говорилъ онъ, древняя земная монархія Рима теперь раздѣлена на много правительствъ, однако же духовное преимущество, предоставленное ап. Петру, не отчуждаемо, и послѣ нѣсколькихъ суровыхъ замѣчаній онъ закончилъ увѣщаніемъ Іоанну быть болѣе внимательнымъ къ своимъ собственнымъ обязанностямъ въ управленіи и дисциплинѣ церкви. Папа уступилъ общему чувству, и дѣло закончилось ничѣмъ.

Въ 1053 году, Михаилъ Керуларій, патріархъ константинопольскій, и Левъ, архіепископъ ахридскій и митрополитъ болгарскій, встревоженные быть можетъ распространеніемъ норманскаго оружія, которое, съ вѣроятностью могло повлечь за собою переходъ Южной Италіи отъ греческой церкви къ латинской, обратились къ епископу транинскому въ Апуліи съ письмомъ, въ которомъ предостерегали его противъ заблужденій латинянъ [1]. Предметомъ разногласія, на которомъ они особенно настаивали, было свойство евхаристическаго хлѣба. Господь, при установленіи таинства, а затѣмъ апостолы и древняя церковь употребляли обыкновенный хлѣбъ. Таковымъ оставался и обычай грековъ, и въ этомъ отношеніи не упоминалось о какомъ либо разногласіи еще и во взаимныхъ обвиненіяхъ Фотія и его западныхъ противниковъ. Но или раньше, или послѣ времени Фотія, на Западѣ вошло въ обычай употребленіе прѣснаго хлѣба [2], и Михаилъ возставалъ противъ этого какъ образа іудейства и недостойнаго изображать смерть Спасителя. Греческое слово, которымъ въ евангеліяхъ называется хлѣбъ (ἄρτος), означаетъ, говорилъ онъ, *поднятое*; онъ долженъ имѣть въ себѣ соль, такъ какъ написано: „вы соль земли“; онъ долженъ имѣть закваску, которую женщина (церковь) положила въ три мѣры муки, символъ божественной Троицы. Другими обвиненіями противъ западной церкви были выставлены пощеніе по субботамъ, ядёніе удавленины и крови и пѣніе великой аллилуіи только на Пасху. Патріархъ и его сообщникъ заключали просьбою, чтобы епископъ транійскій распространилъ это письмо между западными епископами и духовенствомъ.

Гумбертъ, кардиналъ — епископъ Сильва-Кандиды, одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ членовъ римскаго духовенства, случившись въ Трани, когда прибыло это письмо, перевелъ его и сообщилъ его Льву, который также скоро затѣмъ получилъ извѣстіе, что Керуларій закрылъ латинскія церкви и захватилъ латинскіе монастыри въ Константинополѣ. Вслѣдствіе этого папа обратился изъ Беневенто съ протестующимъ письмомъ къ патріарху [3]. Въ немъ онъ особенно подробно останавливается на прерогативахъ, предоставленныхъ будто бы ап. Петромъ римской каѳедрѣ, и приводитъ дарственную грамоту Константина почти во всей ея полнотѣ [1]). Ап. Павелъ, говоритъ онъ, не дѣлалъ никакихъ порицаній вѣрѣ римлянъ, между тѣмъ какъ въ своихъ посланіяхъ грекамъ онъ укорялъ ихъ за заблужденіе какъ въ вѣрѣ, такъ и въ жизни. Отъ грековъ именно произошли ереси, нѣкоторые изъ собственныхъ предшественниковъ патріарха были не только покровителями ереси, но и ересіархами; вѣра же св. Петра въ силу собственнаго обѣщанія Спасителя, не можетъ погрѣшать. Папа порицаетъ Михаила за закрытіе латинскихъ церквей своего города, такъ какъ въ Римѣ грекамъ позволялось свободное совершеніе своихъ національныхъ обрядовъ [2]).

---

[1] Письмо это существуетъ только въ латинскомъ переводѣ. Baron. 1053. 23—31 или Patrol. cxliii, 793.

[2] См. выше стр. 800. Mabillon. de Azymo и проч. in Patrol. cxliii.

[3] Ep. i, Hard. vi, 927—48.

Послѣ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ сношеній, Левъ, въ январѣ 1054 года, отправилъ въ Константинополь трехъ легатовъ, Гумберта, Фридриха лорренскаго, канцлера римской церкви, и Петра, архіепископа амальфійскаго, съ письмомъ, въ которомъ просилъ императора Константина Мономаха присоединиться къ союзу противъ норманновъ, и съ другимъ письмомъ къ патріарху Керуларію, въ отвѣтъ на письмо, обращенное патріархомъ ко Льву. Тонъ этого отвѣта умѣренный, но папа защищаетъ латинскіе обычаи, подвергшіеся нападенію; онъ указываетъ на слухъ, что патріархъ былъ возведенъ въ свой санъ незаконно, порицаетъ его за попытку подчинить себѣ древніе престолы Александріи и Антіохіи, и выражаетъ неодобреніе титулу „вселенскій". Титулъ этотъ, говоритъ онъ, предоставленъ соборомъ халкидонскимъ епископамъ Рима, но какъ ап. Петръ не носилъ его, такъ никогда не принимали его и его преемники, которымъ только, если только вообще кому либо, онъ и былъ приличенъ [3]). По прибытіи въ Константинополь, легаты были приняты съ честью императоромъ, который желалъ заручиться благоволеніемъ папы и былъ недоволенъ неосторожностью своего патріарха. Гумбертъ представилъ діалогъ между поборникомъ византійской и поборникомъ римской церкви, въ которомъ грекъ подробно излагаетъ содержаніе письма къ епископу транійскому, причемъ латинянинъ опровергаетъ его пунктъ за пунктомъ и взводитъ нѣкоторыя обвиненія противъ грековъ [4]). На этотъ діалогъ одинъ студійскій монахъ, по имени Никита Пекторатъ, отвѣчалъ спокойно написаннымъ трактатомъ, который, вдобавокъ къ затронутымъ уже предметамъ, обсуждалъ и вопросъ о принудительномъ целибатѣ западнаго духовенства [5]). Гумбертъ возражалъ въ грубомъ тонѣ и дерзкими ругательствами, и закончилъ споръ произнесеніемъ анаѳемы на Никиту со всѣми его сторонниками. Но онъ не допустилъ, чтобы побѣда была рѣшена перомъ; вмѣстѣ съ нимъ и другими посланниками императоръ самъ отправился въ монастырь студійскій, гдѣ Никита и былъ принужденъ произнести анаѳему на свою собственную книгу, вмѣстѣ со всѣми, кто будутъ отрицать преимущества или хулить вѣру Римской церкви. По требованію легатовъ, Константинъ приказалъ сжечь самую книгу, и на слѣдующій день несчастный авторъ ея, будто бы по своему собственному вызову (какъ стараются доказать латиняне) явился къ легатамъ, отрекся отъ своихъ заблужденій и повторилъ свою анаѳему противъ всего, что было сказано, сдѣлано или посягалось противъ римской церкви. Отвѣты Гумберта патріарху и Никитѣ, съ позволенія императора, были переведены на греческій языкъ [1].

---

[1]) Cc. 4, 13, 14.

[2]) Cc. 8—10, 21, 31—32, 29.

[3]) Ep. VI.

[4]) Adversus Graecorum calumnias. Bybl. Patr. XVIII, 391.

[5]) De Azymo, de Sabbato et nuptiis sacerdotum, тамъ же, 409—9.

16 іюля.

Патріархъ Михаилъ однако же продолжалъ держаться въ сторонѣ отъ римскихъ легатовъ, заявляя, что онъ не могъ рѣшать такихъ вопросовъ безъ другихъ патріарховъ. Тогда легаты, видя, что они не въ состояніи произвести на него никакого впечатлѣнія, вошли наконецъ въ церковь св. Софіи и положили на престолъ, приготовленный для совершенія евхаристіи, грамоту, въ которой, послѣ признанія православія народа константинопольскаго вообще, они обвиняли патріарха и его партію въ преданности самымъ постыднымъ ересямъ, и торжественно анаѳематствовали ихъ со всѣми еретиками, „даже съ діаволомъ и его аггелами“, если они не раскаятся [2]. Оставивъ церковь, они отрясли прахъ съ своихъ ногъ, восклицая: „пусть видитъ и судитъ Богъ“ [3]. Сдѣлавъ внушенія латинянамъ Константинополя избѣгать общенія съ таковыми, которые будутъ „отрицать латинское жертвоприношеніе“, они отправились въ обратный путь съ богатыми подарками отъ императора [4].

На дорогѣ ихъ догнало нарочитое посольство изъ Константинополя, которое побудило ихъ воротиться, такъ какъ патріархъ Михаилъ заявлялъ желаніе побесѣдовать съ ними. Но патріархъ, будто бы, намѣревался лишь возбудить народъ противъ нихъ, именно посредствомъ прочтенія въ каѳедральномъ соборѣ подложнаго перевода сдѣланнаго имъ отлученія [5]. Объ этомъ легаты получили предостереженіе отъ самого императора, который отказался допустить какое бы то ни было собесѣдованіе, кромѣ какъ въ своемъ собственномъ присутствіи, и когда

---

[1] Commemoratio Brevis, Hard. VI, 967—8.

[2] Hard. 969. Нужно помнить, что это было уже два мѣсяца спустя послѣ смерти папы Льва.

[3] Исх. V, 21.

[4] Hard. VI, 968.

[5] Таково свидѣтельство самого Гумберта.

Михаилъ не согласился на это, то легаты опять отправились домой. Дальнѣйшія отношенія между императоромъ и патріархомъ передаются различно греческими и латинскими писателями. Спорные пункты въ теченіе нѣкотораго времени были обсуждаемы между Михаиломъ и съ латинской стороны Доминикомъ, патріархомъ градосскимъ, а также Петромъ, патріархомъ антіохійскимъ, пытавшимся дѣйствовать въ качествѣ посредника[1]). Посольство въ Константинополь было отправляемо также Стефаномъ IX (который раньше былъ однимъ 1057—8 г. изъ римскихъ легатовъ), но оно, услышавъ о смерти папы Льва, возвратилось назадъ и разрывъ между церквами такъ и остался неисцѣленнымъ. Самъ Михаилъ Керуларій былъ низложенъ императоромъ Исаакомъ Комненомъ въ 1059 году, и закончилъ свою жизнь въ изгнаніи.

ГЛАВА XXXVIII.

Британскія церкви.—Миссіи X и XI столѣтій.

I. Наиболѣе замѣчательнымъ предметомъ въ религіозной исторіи Англіи между смертью Альфреда и норманскимъ завоеваніемъ, была борьба между монахами и мірскимъ духовенствомъ. Выше уже говорено было, какъ среди англосаксонцевъ постепенно возростала любовь къ монашеству[2]). Долго продолжавшіяся нашествія датчанъ содѣйствовали упадку этой системы, не только вслѣдствіе опустошенія множества монастырей и избіенія или разсѣянія ихъ обитателей, но и вслѣдствіе вынужденности народа почти исключительно заниматься способами самосохраненія и самозащиты. Такимъ образомъ монашеская жизнь изсякала въ Англіи, и когда Альфредъ попытался оживить ее основаніемъ монастыря для мужчинъ въ Ательнеѣ и монастыря для женщинъ въ Шефтсбэри, то оказалось, что хотя Шефтсбэри процвѣталъ подъ управленіемъ одной изъ собственныхъ дочерей короля, ни одинъ англичанинъ благороднаго или свободнаго рожденія не могъ быть убѣжденъ принять монашество, такъ что Альфредъ вынужденъ былъ наполнять свое учрежденіе въ Ательнеѣ монахами и дѣтьми изъ-за границы.

---

[1]) Письма эти можно найти въ томѣ второмъ Котелерія Monumenta Ecclesiae Graecae, CVIII и слѣд. См. также письма Льва къ Петру антіохійскому въ Hard. VI, 952. Между другими предметами, Петръ обсуждаетъ титулъ патріарха, который онъ готовъ признавать въ нѣкоторой степени за епископомъ Градо. Но, говоритъ онъ, такъ какъ существуетъ пять чувствъ, то собственно должно быть пять только патріарховъ, и между ними титулъ патріарха въ особенности данъ только епископу антіохійскому, такъ какъ патріархи Рима и Александріи называются папами, патріархи Константинополя и Іерусалима архіепископами (стр. 11—63).

[2]) См. выше стр. 728.

Въ нѣкоторыхъ изъ монастырей, пострадавшихъ отъ датскаго хищничества, образовался новый классъ обитателей. Быть можетъ (какъ высказывалось одно мнѣніе), многіе изъ нихъ были лицами, принадлежавшими къ тѣмъ низшимъ степенямъ духовенства, которыя не были связаны безбрачіемъ. Такія лица, при малочисленности другихъ священнослужителей, были возводимы епископами на высшія степени, безъ требованія разлученія съ своими женами, и этотъ такъ начавшійся обычай могъ содѣйствовать тому, что въ Англіи и вообще перестали требовать принудительнаго безбрачія отъ священнослужителей церкви. По той или другой причинѣ оказалось, что монастыри были заняты женатымъ духовенствомъ, среди котораго, даже не принимая слишкомъ буквально грубыхъ обвиненій его враговъ, какъ можно не безъ основанія думать, было много безпорядковъ и чисто мірскихъ интересовъ. Монастырская жизнь, въ собственномъ смыслѣ этого слова, прекратилась: англичане, желавшіе вести такую жизнь, или удалялись въ уединенныя мѣста, или поступали въ чужеземные монастыри, среди которыхъ наиболѣе любимымъ убѣжищемъ былъ монастырь Флёри, на Луарѣ, недавно предъ тѣмъ послѣ крайняго упадка въ немъ дисциплины преобразованный Одономъ клунійскимъ. Таково было состояніе вещей, когда началась преобразовательная дѣятельность Дунстана.

Дунстанъ родился около 925 года отъ благородныхъ родителей въ окрестностяхъ Гластонбери,—въ мѣстечкѣ, пользовавшемся особеннымъ почетомъ не только вслѣдствіе легендъ, дѣлавшихъ его мѣстомъ первой проповѣди христіанства въ Британіи со стороны Іосифа аримаѳейскаго [1]), но также и по причинѣ послѣдующихъ воспоминаній. Съ Гластонбери связывалась также легендами и слава св. Патрика, оно даже считалось мѣстомъ его погребенія, и вслѣдствіе этого часто было посѣщаемо ирландцами, изъ которыхъ иные жили тамъ въ подвигахъ строгаго благочестія, хотя и не связанные никакими монастырскими правилами, и привлекали къ себѣ изъ окружающихъ странъ большое множество учениковъ. Подъ руководствомъ этихъ учителей воспитывался и Дунстанъ, который прошелъ всю ученость того времени, достигъ необычайнаго искусства въ каллиграфіи, живописи, скульптурѣ, музыкѣ, механикѣ и въ искусствѣ металлическихъ работъ, такъ что его искусство и ловкость навлекали на него даже обвиненіе въ волшебствѣ [2]). Его ранняя исторія изобилуетъ подробностями о суровомъ аскетизмѣ, разсказами о странныхъ чудесахъ, столкновеніяхъ съ діаволами и о страшныхъ душевныхъ потрясеніяхъ [1]). Будучи введенъ ко двору короля Эдмунда, онъ отъ него получилъ церковь гластонберійскую съ предоставленіемъ ей новыхъ привилегій, и воздвигъ великолѣпное аббатство, которое населилъ бенедиктинскими монахами,—первыми монахами этого ордена, какіе только были въ Англіи въ теченіе двухсотъ лѣтъ. Дунстанъ достигъ высокаго сана и могущественнаго вліянія въ государствѣ. Извѣстна исторія его спора съ Эдвеемъ „всепрекраснымъ“, 956—9 г. какъ именно въ день коронаціи онъ силою увлекъ короля изъ общества Этельгивы и принудилъ его присоединиться къ шумному пиршеству своей знати, какъ монахи были изгнаны Эдвеемъ изъ Гластонбери и Абингдона, единственныхъ монастырей, которые тогда принадлежали имъ, какъ изгнанъ былъ самъ Дунстанъ и торжественно возвратился въ качествѣ сторонника брата короля, Эдгара, который принудилъ Эдвея къ раздѣленію королевства и вскорѣ затѣмъ сдѣлался властелиномъ всего царства. При Эдгарѣ Дунстанъ пользовался неограниченною властью. Въ 958 году онъ получилъ епископію вустерскую, къ которой въ слѣдующемъ году присоединена была и лондонская, и въ 960 году онъ достигъ приматства кентерберійскаго, въ качествѣ преемника своего друга и покровителя Одона. Отъ Іоанна XII онъ получилъ палліумъ въ Римѣ, и съ одобренія папы и короля началъ преобразованіе въ духовенствѣ. Эдгаръ, содѣйствіе котораго вынуждено было отчасти вслѣдствіе эпитиміи, навлеченной имъ на себя уведеніемъ изъ женскаго монастыря Вильтона одной новички или ученицы, на одномъ соборѣ будто бы въ самыхъ суровыхъ терминахъ изобличалъ испорченность мірскаго духовенства. Каѳедры вустерская и винчестерская были заняты двумя наиболѣе ревностными сторонниками архіепископа, Освальдомъ, племянникомъ бывшаго примата, и Этельвольдомъ, аббатомъ абингдонскимъ, который былъ называемъ отцомъ монаховъ и былъ довѣреннымъ совѣтникомъ короля. Мірское духовенство, гдѣ только возможно, было устраняемо и низлагаемо, всѣ высшія должности исключительно предоставлялись монашествующимъ, монахи были привозимы изъ Флёри и другихъ иноземныхъ монастырей, чтобы занять мѣста изгнаннаго духовенства и служить для англичанъ примѣромъ истинной монашеской жизни [2]). Каноники винчестерскіе, по изображенію жизнеописателя Этельвольда, были преданы роскоши и распутству, они отказывались отправлять церковныя обязанности и, не довольствуясь будто бы правильною брачною жизнью, присвоили себѣ свободу перемѣнять своихъ женъ, по желанію. Епископъ, снабженный особымъ полномочіемъ отъ папы Іоанна XIII, потребовалъ отъ нихъ явиться къ нему и особому уполномоченному отъ короля. Бросая на полъ нѣсколько монашескихъ клобуковъ, онъ требовалъ отъ духовенства или надѣть ихъ, или отказаться отъ своихъ должностей. Только трое изъ нихъ согласились на это, а остальные были уволены съ пенсіями изъ церковной собственности [1]. Преобразованіе въ Вустерѣ было достигнуто иными средствами. Освальдъ съ помощью нѣсколькихъ монаховъ установилъ въ церкви богослуженіе, которое соперничало съ богослуженіемъ каѳедральнаго собора. Народъ стекался къ новымъ священнослужителямъ, и каѳедральные каноники, найдя себя оставленными, были принуждены примириться съ мѣрами епископа. Въ другихъ частяхъ своего діоцеза, Освальдъ, однако же очищалъ монастыри насильственно, изгоняя женатое духовенство, и на его мѣсто поселяя монаховъ. Въ царствованіе Эдгара было основано, возстановлено или возвращено отъ мірскаго духовенства сорокъ-семь монастырей. Монахи управлялись уставомъ, видоизмѣненнымъ на основаніи устава св. Бенедикта и главнымъ образомъ заимствованнымъ изъ Флери.

---

[1]) Patrol. cLxxix, 1683. Гластонбери было единственнымъ британскимъ учрежденіемъ, которое удержало свою святость въ англосаксонскія времена.

[2]) См. о Дунстанѣ Acta SS. Mai 19.

---

[1]) Наиболѣе знаменитыя изъ его побѣдъ надъ діаволомъ, хотя и относимыя къ архіепископской резиденціи въ Майфильдѣ, гдѣ и теперь показываются „наковальня, молотъ и ремни св. Дунстана“, принадлежатъ къ тому времени, когда онъ еще былъ инокомъ въ Гластонбери.

[2]) Флери содѣйствовалъ также и развитію учености въ Англіи. См. „Жизнь“ Аббо, который былъ приглашенъ Освальдомъ и училъ въ Рамсеѣ, сс. 4—6 (Patrol. CXXXIX, 390—3).

975—8 г.

При слѣдующемъ королѣ Эдуардѣ „мученикѣ“ угрожала наступить реакція. Нѣкоторые вельможи изгнали иноковъ изъ монастырей, расположенныхъ на ихъ земляхъ, и вновь водворили мірское духовенство съ ихъ женами и дѣтьми. Для обсужденія этого дѣла созывались соборы. Въ Винчестерѣ Дунстанъ одержалъ побѣду посредствомъ Распятія, которое будто бы само произнесло слова, запрещающія подобную перемѣну [2]. Въ Кольнѣ, гдѣ дѣло мірскаго духовенства было краснорѣчиво защищаемо однимъ шотландскимъ или ирландскимъ епископомъ, по имени Беорнгельмомъ, Дунстанъ торжественно заявилъ собранію, что онъ препоручилъ дѣло своей церкви Богу, вслѣдствіе чего будто бы полъ помѣщенія, въ которомъ засѣдалъ соборъ, немедленно провалился, нѣкоторые были убиты, и многіе тяжело ранены, причемъ самъ епископъ и окружавшіе его сторонники спаслись, вслѣдствіе прочности балки, на которой они стояли. Монашествующее духовенство на время восторжествовало, но торжество это было далеко неполное. За исключеніемъ Вустера и Винчестера, нигдѣ еще каѳедральные соборы не были преобразованы. Дунстанъ, хотя и жившій до 988 года, не дѣлалъ никакой попытки произвести перемѣну въ

---

[1] Старый жизнеописатель говоритъ, что нѣкоторыя изъ мірскаго духовенства пытались отравить Этельвольда, но что онъ избѣгъ опасности, пользуясь своей вѣрой въ обѣтованіе,—Марк. XVI, 18.

[2] Нѣкоторые, какъ напримѣръ Сутей, объясняетъ этотъ фактъ чревовѣщаніемъ.

Кентербери, оттого ли, что онъ боялся предпринимать такое дѣло, или оттого, что преобразованіе тамъ оказывалось менѣе необходимымъ, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ, и его помощникъ Освальдъ, будучи переведенъ на архіепископію іорданскую, занималъ ее въ теченіи двадцати лѣтъ, не тревожа мірское духовенство своей провинціи. Возобновленіе датскихъ нашествій отвлекло отъ этихъ дѣлъ общее вниманіе народа. Кентербери былъ переданъ монахамъ архіепископомъ Аельфрикомъ въ 1003 году, но другіе каѳедральные соборы продолжали оставаться въ рукахъ мірскаго духовенства до конца англосаксонскаго періода, и по всему королевству торжество той или другой партіи зависѣло отъ ихъ силы въ каждой мѣстности. На соборѣ энгэмскомъ, въ 1009 году, было заявлено, что всякій бракъ духовенства непристоенъ, но соборъ повидимому ограничился попыткой подавить другія, болѣе важныя нестроенія, возникшія изъ такого запрещенія, именно, что духовныя лица брали болѣе одной жены въ одно время, или разводились съ одной, чтобы брать другую. Мірское духовенство Англіи продолжало жить брачною жизнью, и дѣти ихъ считались законными.

972—992 г.

II. Вмѣстѣ съ другими западными странами, отъ хищничества норманновъ жестоко страдала и Ирландія, и для противодѣйствія этимъ врагамъ даже духовенство часто вынуждено было прибѣгать къ оружію. Пользуясь раздорами туземныхъ вождей, датчане сдѣлали обширное поселеніе въ Ирландіи, ихъ князья утвердились въ Дублинѣ, Лимерикѣ и Вотерфордѣ,—причемъ послѣдній изъ нихъ даже вполнѣ былъ основанъ ими. Изъ за обладанія Дублиномъ спорили различныя племена норманновъ. Но сила чужеземцевъ была ослаблена ихъ внутреннею враждою, и наконецъ окончательно сокрушена въ великой битвѣ клонтарфской, происшедшей въ великую пятницу 1014 года,—въ битвѣ, въ которой палъ въ восьмидесятивосьми лѣтнемъ возрастѣ король всей Ирландіи Бріанъ-Бору, самъ ведшій своихъ соотечественниковъ къ побѣдѣ. Дублинъ, Вотерфордъ и Лимерикъ, однако же, все еще оставались во владѣніи датчанъ.

Датчане (или остмены) въ Дублинѣ были постепенно обращены въ христіанство. Но они не хотѣли принимать епископовъ отъ ирландцевъ, а искали посвященія для своихъ священниковъ отъ англійской церкви, съ которой особенно тѣсно сблизилось ихъ племя. И вслѣдствіе такого именно сношенія датчанъ съ Англіей, Ирландія впервые была приведена въ связь съ римской церковью [1]).

Около 1040 г.

III. Церковная исторія Шотландіи въ теченіе этого періода покрыта мракомъ, на который жаловались всѣ, занимавшіеся изслѣдованіемъ этого предмета. Древнія лѣтописи погибли, и исторію, вмѣсто удовлетворительныхъ свидѣтельствъ современныхъ повѣствованій, приходится составлять изъ отдѣльныхъ отрывковъ и сомнительныхъ археологическихъ догадокъ. Шотландія много терпѣла отъ датчанъ, которымъ удалось настолько утвердиться въ этой странѣ, что среди ея населенія и доселѣ можно замѣтить значительный скандинавскій элементъ. Въ 806 году они сдѣлали нападеніе на Іону, гдѣ избиты были шестьдесятъ-восемь монаховъ, и повидимому вслѣдствіе тѣхъ опасностей, которымъ подлежало святилище Колюмбы, Кеннетъ III въ 849 году перенесъ его мощи, и перевелъ каѳедру шотландскаго приматства въ Дункельдъ. Съ этого времени аббаты Дункельда имѣли ту же власть надъ церковью, которая раньше принадлежала аббатамъ Іоны, но аббатъ Іоны продолжалъ оставаться главой колумбійскаго ордена монаховъ. Около 905 года опасность стала угрожать и самому Дункельду, и приматство было перенесено въ Сентъ-Андрюсъ, и въ этомъ болѣе прочномъ мѣстѣ оно пріобрѣло характеръ, болѣе близко подходящій къ приматству другихъ странъ, будучи предоставлено епископамъ Ст.-Андрюса, которые назывались episcopi scotorum, причемъ другіе епископы королевства подчинены были имъ, подобно тому, какъ они раньше были подчинены преемникамъ Колумбы въ Іонѣ и Дункельдѣ.

---

[1]) Обращеніе датчанъ нѣкоторые (Ланеганъ) относятъ къ 948 году, и начало ихъ связи съ Кентербери къ періоду послѣ-норманскаго завоеванія.

При отсутствіи несомнѣнныхъ данныхъ, писатели шотландской исторіи часто вдавались въ басни и сказочныя соображенія. Національное честолюбіе въ присвоеніи своей странѣ знаменитыхъ лицъ не ограничивалось даже тѣми случаями, въ которыхъ напримѣръ двусмысленный терминъ Scotus могъ давать нѣкоторую вѣроятность притязанію на принадлежность его къ шотландскому народу, какъ это было съ извѣстнымъ философомъ Іоанномъ, другое наименованіе котораго Erigena истолковывалось даже въ смыслѣ уроженца Эира (Ayr). Такъ, вопреки яснымъ историческимъ свидѣтельствамъ, пытались утверждать, что Алкуинъ былъ шотландецъ, что Эйнгардъ, жизнеописатель Карла Великаго, былъ также шотландецъ, дѣйствительнымъ именемъ котораго было Кинеардъ, что Рабанъ Мавръ былъ также шотландецъ, и именно монахъ мельрозскій, и даже одинъ изъ наиболѣе критическихъ писателей, хотя и признающій англійское происхожденіе Алкуина, однакоже воображаетъ, что въ тотъ же вѣкъ былъ и другой Албинъ, урожденецъ Шотландіи, которому онъ и приписываетъ составленіе „Каролингскихъ книгъ“ [1]).

Нѣтъ надобности входить здѣсь въ споръ, происходившій касательно одного класса церковныхъ священнослужителей, называвшихся кулдеями[1], въ которыхъ нѣкоторые старались находить прецедентъ для пресвитеріанской формы церковнаго управленія. Ихъ званіе, означающее служители Божіи,—названіе спеціально ограничивавшееся монахами, впервые встрѣчается въ Ирландіи, и кулдеи Шотландіи были въ дѣйствительности особымъ родомъ монаховъ, которые обыкновенно жили вмѣстѣ въ обществахъ по двѣнадцати, съ настоятелемъ во главѣ каждаго. Ихъ дисциплина, первоначально строгая, вслѣдствіе датскихъ нашествій ослабѣла на столько, что они женились и передавали свои привилегіи дѣтямъ. Но они настолько были далеки отъ отверженія епископскаго управленія, что во многихъ случаяхъ состояли при каѳедральныхъ соборахъ (какъ, напримѣръ, въ архіепископской церкви Іорка), и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Ст.-Андрюсѣ, они заявляли притязаніе на участіе въ избраніи епископовъ. Въ Ст.-Андрюсѣ они удерживали до XII столѣтія шотландскую или ирландскую обрядность, которая употреблялась въ Іоркѣ до времени Алкуина, причемъ свои службы совершали въ отдаленномъ углу церкви; но не смотря на эту и другія особенности, споры, возникавшіе между такими обществами и епископами, не имѣли никакого отношенія къ какому-либо разногласію въ дѣлѣ религіи, а только къ вопросамъ о собственности или преимуществахъ.

---

[1]) Skinner, Eccles. Hist. I, 142, London 1738.

IV. Что касается греческой церкви, то въ этотъ періодъ она расширила свою общину чрезъ обращеніе народа, которому предназначено было играть важную роль въ послѣдующей исторіи, именно русскихъ.

Правящимъ классомъ на Руси были скандинавцы или норманны, которые въ то время, какъ ихъ сродичи наводняли своими нашествіями страны Запада, вторглись съ своимъ оружіемъ и въ ту обширную землю, которая лежитъ къ юго-востоку отъ ихъ первоначальнаго мѣста поселенія. Первое упоминаніе о нихъ въ исторіи дѣлается подъ 839 годомъ, когда нѣкоторые русскіе, посланные въ Константинополь, сопровождали посланниковъ восточнаго императора ко двору Людовика Благочестиваго[2]. Въ 864 году основано было Рюрикомъ Русское государство. Сѣверные завоеватели постепенно расширили предѣлы своей власти, родъ ихъ слился съ древнѣйшими обитателями страны, и они забыли свой тевтонскій языкъ. Они сдѣлались извѣстными грекамъ вслѣдствіе торговли, производившейся съ ними на Эвксинскомъ морѣ, и вслѣдствіе неоднократныхъ попытокъ, которыя они дѣлали для обладанія самимъ Константинополемъ. Нѣкоторые изъ сотоварищей Рюрика, предоставляя ему владѣть завоеванными имъ областями, отправились въ эту восточную столицу, гдѣ и вступили на императорскую службу, и варяжская гвардія, образовавшаяся такимъ образомъ, была обыкновенно набираема изъ авантюристовъ подобнаго же рода изъ Англіи и Скандинавскихъ странъ.

---

[1] О кулдеяхъ см. весьма ученую диссертацію Ривса (Reeves) въ Transact. of Royal. Irish Academy, Dublin 1864; Acta sanctorum, oct. t. VIII, 164—8 и др.

[2] Annal. Bertin. 839 г. (Patrol. CXV, 1386).

Исторія перваго введенія христіанства въ Россію изукрашена позднѣйшими сказаніями ¹). Согласно съ греческими писателями Василій македонянинъ, заключивъ миръ съ русскими, отправилъ въ ихъ страну епископа и другихъ миссіонеровъ. Епископъ, въ присутствіи русскаго князя и знати, указывалъ на то, какъ чудеса подтверждаютъ истину евангельскаго откровенія. Они внимательно слушали, но отвѣчали, что не повѣрятъ, если сами не будутъ свидѣтелями чуда. Епископъ предостерегалъ ихъ не искушать Бога, но такъ какъ они особенно были поражены разсказомъ о трехъ отрокахъ, избавленныхъ изъ раскаленной печи, то онъ рѣшилъ показать имъ чудо подобнаго же рода. Съ молитвой онъ бросилъ Евангеліе въ огонь, и чрезъ нѣсколько часовъ книга была вынута невредимой ²).

Фотій въ своемъ посланіи къ восточнымъ патріархамъ ³) свидѣтельствуетъ, что дикіе и варварскіе русскіе были обращены греческою церковью. Но въ его выраженіяхъ значительно преувеличивается то вліяніе, которое въ то время произвели среди нихъ христіанскіе учители. Хотя его предшественникъ Игнатій, будто бы, посвятилъ епископа для Россіи, и принималъ мѣры къ распространенію Евангелія въ этой странѣ язычество въ срединѣ слѣдующаго столѣтія опять было почти всеобщимъ среди русскихъ.

Въ 955 году, Ольга, вдова великаго князя Игоря и правительница Россіи, съ большою свитою была въ Константинополѣ, гдѣ она принята была со всевозможными почестями Константиномъ Порфиророднымъ, и приняла крещеніе тамъ ⁴). Неизвѣстно, предпринимала ли она это путешествіе вслѣдствіе какого либо христіанскаго назиданія, повліявшаго на нее въ ея собственной странѣ, или отправившись въ Константинополь по чисто гражданскимъ дѣламъ, она уже тамъ получила впечатлѣнія, которыя и побудили ее вступить въ христіанскую церковь ⁵). Ольга, принявшая въ крещеніи

---

¹) Главнымъ источникомъ древней исторіи служитъ Несторъ, монахъ XI столѣтія, произведеніемъ котораго мы пользовались во французскомъ переводѣ (Paris, 1834). Есть также и нѣмецкій переводъ, сдѣланный Шлёцеромъ. Во второмъ томѣ за августъ Acta SS. находится диссертація Стилтинка (Stiltinck) „De Conversione et Fide Russorum“.

²) Const. Porph. v, 96; Cedren. 939.

³) Ep. 2, p. 85. См. выше, стр. 860.

⁴) Const. Porph. v, 96. Cedren. 636. Подробности этого путешествія передаются и Несторомъ.

⁵) Неандеръ омѣчаетъ любопытное обстоятельство, что Константинъ, весьма

имя Елены, по своемъ возвращеніи въ Новгородъ, старалась распространять свою вѣру среди своихъ подданныхъ. Ея сынъ Святославъ, однако же, не поддался ея попыткамъ обратить его, заявляя, что его бояре будутъ смѣяться надъ нимъ, если онъ перемѣнитъ свою вѣру.

Честь введенія христіанства въ Россіи принадлежитъ Владиміру, сыну и преемнику Святослава. Къ нему по преданію, явились миссіонеры отъ соперничествующихъ между собою вѣръ,—іудейства, 986 г. ислама и греческаго и латинскаго христіанства. Находя полное основаніе для отверженія іудейской и магометанской вѣры, онъ, съ цѣлью болѣе основательнаго выбора между двумя формами христіанства, отправилъ пословъ для ознакомленія съ религіей въ Германіи, въ Римѣ и въ Греціи. Будучи въ Константинополѣ, послы вынесли глубокое впечатлѣніе отъ величественнаго зданія патріаршей церкви, а также торжественнаго и трогательнаго характера литургическаго богослуженія, при которомъ они присутствовали; грекамъ, находившимся съ ними, они разсказывали, что во время совершенія богослуженія они видѣли крылатыхъ юношей, носившихся по церкви и пѣвшихъ трисвятое 1). Вслѣдствіе такого свидѣтельства этихъ посланныхъ, Владиміръ и рѣшился принять христіанство отъ грековъ. Въ 988 году, взявъ греческій городъ Корсунь (повидимому древній Херсонъ, хотя нѣкоторые видятъ въ немъ Керчь), онъ сдѣлалъ предложеніе касательно руки одной греческой принцессы Анны, сестры императора Василія II и Ѳеофаны, жены Оттона II. На указанное ему затрудненіе въ этомъ отношеніи вслѣдствіе разности религіи, Владиміръ отвѣчалъ, что онъ готовъ принять христіанство. Рѣшеніе его было поколеблено временною слѣпотою, которую онъ приписывалъ мщенію боговъ за отступничество отъ нихъ; но по настоятельной просьбѣ Анны онъ согласился креститься, и эта перемѣна религіи нашла себѣ оправданіе въ возвращеніи ему зрѣнія въ тотъ самый моментъ, какъ онъ получилъ возложеніе рукъ отъ корсунскаго епископа. Вслѣдъ затѣмъ состоялся бракъ, и Корсунь или былъ возвращенъ Византійской имперіи, или сдѣлался приданымъ для невѣсты Владиміра. По свидѣтельству

подробно разсказывая о церемоніи ея пріема, ничего не говоритъ о ея крещеніи (V, 451). Нѣкоторые нѣмецкіе писатели полагаютъ, что Ольга дѣлала неискреннее обращеніе къ Оттону I по вопросу о христіанствѣ, и что вслѣдствіе этого въ Россію былъ посланъ епископъ по имени Адальбертъ, гдѣ онъ, однако же, едва избѣгъ смерти (Thietmar, II, 14, Annal. Quedlinb. отъ 960 г. ap. Pertz, III). Нѣкоторые предлагаютъ даже вмѣсто Russia читать Rugia (то есть, островъ Рюгенъ). Но Мабилльонъ и Паги утверждаютъ, что тутъ разумѣется „Русь“, и что упоминаемый тутъ Адальбертъ тотъ самый, который впослѣдствіи былъ епископомъ въ Магдебургѣ. См. Mabill. in. Acta SS. Jun. 20, p. 28; Stiltinck тамъ же, Sept. t. II, p. X; Neander, V, 452.

1) Повидимому, они принимали за ангеловъ діаконовъ и иподіаконовъ церкви.

русскихъ лѣтописцевъ, Владиміръ, при крещеніи принявшій имя Василія, оставилъ свою прежнюю распущенную жизнь и предался строгому соблюденію супружеской вѣрности и другихъ христіанскихъ обязанностей, и какъ онъ, такъ и Анна вошли въ число святыхъ русской церкви. Латиняне однако же утверждаютъ, что жизнь его не соотвѣтствовала его новому исповѣданію ¹).

По своемъ возвращеніи въ Кіевъ, великій князь приказалъ взять идола Перуна, главнаго русскаго бога, и привязавъ его къ хвосту лошади, волочить по улицамъ и бросить въ Днѣпръ. Многіе изъ народа плакали при видѣ такого посрамленія идола, но когда на слѣдующій день сдѣланъ былъ призывъ ихъ къ рѣкѣ, подъ страхомъ считать ихъ мятежниками, то послушный народъ разсудилъ, что если бы предлагаемая перемѣна религіи не была добрымъ дѣломъ, то князь и бояре не приняли бы ея. Послѣдовало общее крещеніе народа. Нѣкоторые (говоритъ Несторъ) стояли въ водѣ по шею, другіе по грудь, держа своихъ малыхъ дѣтей въ рукахъ; священники читали молитвы съ берега, наименовывая сразу цѣлыя группы крестящихся однимъ и тѣмъ же именемъ. Въ странѣ основаны были епископіи, церкви строились по византійскому образцу греческими архитекторами, привозимы были мощи, открывались школы, и дѣти обязаны были посѣщать ихъ, хотя, по свидѣтельству лѣтописца, матери плакали, посылая своихъ дѣтей въ школу, какъ будто онѣ посылали ихъ на смерть. Введено было затѣмъ и св. Писаніе въ славянскомъ переводѣ свв. Кирилла и Меѳодія.

По смерти Владиміра, въ 1015 году, раздѣленіе его владѣній между его двѣнадцатью сыновьями и послѣдовавшіе затѣмъ кровавые семейные раздоры, задержали распространеніе христіанства. Но Ярославъ, сдѣлавшійся наконецъ единовластнымъ правителемъ, уже ревностно продолжалъ это дѣло. 1019—1054 г. Онъ приказалъ сдѣлать переводы нѣкоторыхъ назидательныхъ греческихъ книгъ для блага своихъ подданныхъ, поощрялъ составленіе самостоятельныхъ религіозныхъ сочиненій, и даже самъ принималъ участіе въ книжныхъ трудахъ. Въ качествѣ устава церковной дисциплины введенъ былъ „номоканонъ“, то есть сборникъ церковныхъ законовъ, сдѣланный Фотіемъ. Духовенство освобождено было отъ налоговъ и гражданскихъ повинностей, но такъ какъ дотолѣ оно находилось въ подчиненіи у патріарха константинопольскаго, то Ярославъ позаботился о 1051 г. томъ, чтобы поставить церковь на національную почву, съ туземнымъ русскимъ іерархомъ во главѣ.

v. Хотя Богемія считалась уже между христіанскими странами,

---

¹) Напримѣръ, Thietmar, vii, 52.

однако же христіанство было еще весьма слабо распространено въ ней. По смерти князя Радислава, въ 925 году, его мать Людмилла [1] приняла на себя попеченіе о его двухъ сыновьяхъ, Вячеславѣ и Болеславѣ. Но вдова Радислава, Драгоміра, бывшая ревностной язычницей, добилась умерщвленія Людмиллы, къ каковому преступленію она была побуждаема какъ яростью религіозной вражды, такъ и опасеніемъ лишиться участія въ управленіи [2]. 927 г. Не смотря на усилія своей матери отвратить Вячеслава отъ христіанства, онъ былъ глубоко преданъ ему. Онъ велъ жизнь въ строжайшемъ благочестіи и повидимому готовъ былъ смѣнять свою корону на монашескій клобукъ, какъ его царствованіе 936 г. было насильственно закончено. Его братъ, Болеславъ, сдѣлалъ на него нападеніе, когда онъ отправлялся въ церковь. Вячеславъ, будучи сильнѣе своего брата, обезоружилъ измѣнника, повергъ его на землю и произнесъ слова: „Богъ да проститъ тебѣ, братъ!“ Но крики Болеслава привлекли его слугъ на мѣсто происшествія, и предполагая, что ихъ господинъ подвергся нападенію, они сами напали на князя и убили его [3]. Болеславъ, называемый „жестокимъ“, захватилъ управленіе. По рожденіи у него сына вскорѣ затѣмъ, онъ, по странной смѣси побужденій, рѣшился посвятить ребенка монашеской жизни въ видѣ искупленія за свои грѣхи, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ производилъ гоненіе на своихъ христіанскихъ подданныхъ, изгоняя духовенство и разрушая церкви и монастыри. Въ 950 году, послѣ долгой борьбы противъ Оттона I, онъ былъ вынужденъ уступить, и императоръ, заключая съ нимъ миръ, выговорилъ, чтобы онъ провозгласилъ свободу религіи и возстановилъ разрушенныя имъ церкви. Въ теченіе остальныхъ лѣтъ царствованія Болеслава, церковь наслаждалась миромъ, но полное утвержденіе христіанства было 967 г. дѣломъ его сына Болеслава Благочестиваго, который принялъ энергичныя мѣры для подавленія язычества, и съ согласія императора, а также Вольфганга, епископа ратисбонскаго, къ каѳедрѣ котораго считалась принадлежащею Богемія, основалъ въ 973 году епископію пражскую. Діоцезъ этотъ долженъ былъ включать всѣ владѣнія Болеслава и подчиненъ былъ архіепископу менцскому, въ вознагражденіе за потерю суффраганской каѳедры магдебургской, которая недавно предъ тѣмъ была возведена на степень независимой архіепископіи.

---

[1] Объ обращеніи которой было уже упомянуто выше стр. 878.

[2] Acta SS. Sept. 16, p. 345. Palacky, I, 204. Драгоміра, которая, по описанію Косьмы пражскаго (I, 15, ap. Pertz, IX) была „de durissima gente luticensi et ipsis saxis durior ad credendum“, будто бы была поглощена землей вмѣстѣ съ колесницей и лошадьми за то, что изрекла богохульство, проѣзжая мимо одной церкви въ Прагѣ.

[3] Pertz, IV, Acta SS. Sept. 28; Palacky, I, 209. Вячеславъ сдѣлался святымъ покровителемъ Богеміи.

Вторымъ епископомъ пражскимъ былъ богемецъ знатнаго происхожденія, учившійся при Адальбертѣ, архіепископѣ магдебургскомъ, и принявшій имя этого прелата, вмѣсто своего прежняго богемскаго имени Войтеха [1]. Епископъ этотъ обнаруживалъ великую ревность въ отправленіи своей должности. Онъ убѣдилъ князя строить церкви и монастыри, и такъ какъ его нѣмецкое воспитаніе дѣлало его ревностнымъ къ латинскимъ обрядамъ, то онъ старался подавлять тѣ греческіе обряды, которые проникли сюда изъ Моравіи. Онъ нашелъ, что въ его паствѣ къ христіанскому исповѣданію примѣшивалось и много язычества и что среди нея было много нестроеній и безнравственности духовенство жило въ бракѣ или наложничествѣ, народъ предавался многоженству и браку въ запрещенныхъ степеняхъ, продавалъ своихъ крѣпостныхъ плѣнниковъ евреямъ работорговцамъ, которые, въ свою очередь, перепродавали ихъ язычникамъ и варварамъ иногда для человѣческаго жертвоприношенія [2]. Адальбертъ рѣшился устранить всѣ эти нестроенія, но строгость его характера и его нѣсколько неумѣренная ревность пробудили противодѣйствіе, которое еще сильнѣе возбуждено было его попыткой ввести римскіе каноны безъ вниманія къ національнымъ законамъ и предоставить церкви независимость отъ всякаго гражданскаго суда. Враждебность въ его родствѣ также отзывалась на епископѣ и противодѣйствіе его власти доходило до такой степени, что онъ дважды въ огорченіи удалялся изъ Богеміи и странствовалъ въ Римъ и Іерусалимъ. Подчиняясь опредѣленію одного римскаго собора, онъ опять возвратился на свою каѳедру, но окончательно оставилъ ее въ 996 году [3], и съ утвержденія Григорія V, предоставившаго ему полномочіе областнаго архіепископа, онъ отправился на миссіонерскій подвигъ въ Пруссію, гдѣ, послѣ безплодныхъ попытокъ обратить этотъ варварскій народъ, былъ замученъ на берегу Фришъ-Гаффа въ апрѣлѣ 997 года [4]. Болеславъ, князь польскій, поощрявшій эту миссію, взялъ тѣло мученика и поставилъ его въ церковь въ Гнезенѣ, гдѣ оно и посѣщено было, какъ мы видѣли, съ великимъ благоговѣніемъ Оттономъ III въ 1000 году. По этому случаю императоръ возвелъ Гнезенъ на степень архіепископіи, которую онъ и предоставилъ одному изъ братьевъ Адальберта. Въ 1039 году, когда польскій престолъ сдѣлался вакантнымъ и странѣ угрожала анархія, богемцы при Болеславѣ I завладѣли Гнезеномъ, захватили громадныя сокровища, скопившіяся около мощей Адальберта, и рѣшили увезти тѣло святаго, память котораго уже пользовалась великимъ уваженіемъ въ его родной странѣ. Северъ, епископъ пражскій, сопровождавшій войско, воспользовался этимъ настроеніемъ. Онъ объявилъ, что Адальбертъ являлся ему въ видѣніи и взялъ съ него клятву въ томъ, что богемцы могутъ пользоваться присутствіемъ мощей мученика въ своей странѣ; только подъ тѣмъ условіемъ, если они примутъ на себя обязательство соблюдать тѣ законы, которые онъ въ теченіе своей жизни безуспѣшно пытался ввести среди нихъ. Мощи затѣмъ были съ великою торжественностью перенесены въ Прагу, но польскіе писатели утверждаютъ, что богемцы были введены въ заблужденіе въ этомъ дѣлѣ и что дѣйствительное тѣло святаго Адальберта опять осталось въ Гнезенѣ.

---

[1] Vita Adalb. ap. Pertz, IV, c. 3. Вслѣдствіе этого богемское имя Войтехъ и нѣмецкое Адальбертъ доселѣ считаются соотвѣтствующими между собою именами. Palacky, I, 234.

[2] Vita, 9—12.

[3] Vita, 22; Acta SS. Apr. 23, p. 176.

[4] Vita, 30. Разсказываютъ, что когда пруссы не хотѣли слушать Адальберта, онъ обращался съ своею проповѣдью къ коровамъ и осламъ, которые одобрительно кивали своими головами въ знакъ согласія. Dubravius, in Canis, III, 1, 57.

vi. Славянская литургія, допущенная папой Іоанномъ viii для Моравіи, введена была изъ этой страны и въ Богемію, и естественно возбудила противодѣйствіе со стороны германскаго духовенства, трудившагося среди славянскихъ племенъ. Одно посланіе отъ имени папы Іоанна xiii, которое, подтверждая основаніе каѳедры пражской, требуетъ отъ богемской церкви употребленія латинскаго языка и обрядовъ, повидимому подложно 1); но употребленіе славянской литургіи выставлялось ея противниками въ качествѣ признака ереси. Аббатство Сазавское, основанное въ 1038 году, сдѣлалось главной школой туземнаго богемскаго монашества, и сохранило славянскую форму 2). Въ 1058 году славянскіе монахи были изгнаны изъ него княземъ Спитигневомъ, но пять лѣтъ спустя они возстановлены были княземъ Вратиславомъ, который старался получить отъ
1080 г. Григорія vii одобренія ихъ народной богослужебной книги. Папа, однако же, отвѣчалъ въ тонѣ сильнаго неодобренія. Богу угодно было, говоритъ онъ, чтобы св. Писаніе не выставлялось повсюду, дабы оно не сдѣлалось зауряднымъ и презираемымъ или не давало повода къ заблужденію; употребленіе туземнаго языка давалось-де только въ виду особыхъ временныхъ обстоятельствъ, которыя теперь давно прекратились 3). Вратиславъ, державшійся стороны императора Генриха iv въ его спорѣ съ Григоріемъ, продолжалъ дозволять славянское богослуженіе въ Сазавѣ, но въ 1097 году

---

1) Ep. 32 (Patrol. cxxxv).

2) Monach. Sazav. in Patrol. clxv, 278. Отрывки сазавскихъ службъ относятся къ греческому обряду.

3) Ep. vi, 11 (Hard. vi, 1435).

оно опять было подавлено его преемникомъ Бретиславомъ II, и монастырь былъ занятъ монахами латинскаго обряда, которые истребили почти всѣ славянскія книги [1]. Тѣмъ не менѣе литургія, такимъ образомъ подавленная Римомъ и его сторонниками, время отъ времени оживала въ Богеміи, и въ Эммаусскомъ монастырѣ въ Прагѣ, основанномъ въ XIV столѣтіи императоромъ Карломъ IV, она даже спеціально была санкціонирована папой Климентомъ VI, хотя и подъ условіемъ, чтобы употребленіе ея ограничивалось этимъ мѣстомъ [2].

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда народъ славянскаго племени соприкасался съ предѣлами Греческой имперіи, папы находили для себя выгоднымъ удовлетворять ихъ національное чувство допущеніемъ народнаго богослуженія, но во всѣхъ другихъ мѣстахъ они старались искоренять его. Такъ, хотя Александръ II въ 1067 году допустилъ славянскую обрядность въ провинціи Діоклейской [3], соборъ, состоявшійся въ слѣдующемъ году въ Спалатро, подъ предсѣдательствомъ легата того же папы, осудилъ ее на томъ основаніи, что славянскія буквы (которымъ придавалось названіе готическихъ), были изобрѣтены Меѳодіемъ, еретикомъ, который писалъ много лживыхъ книгъ на славянскомъ языкѣ противъ католической вѣры [4]. Славянская литургія, однако же, продолжала употребляться во многихъ церквахъ Иллиріи до настоящаго времени.

VII. Въ Польшу христіанство, какъ полагаютъ, проникло отчасти изъ Моравіи, и особенно при посредствѣ христіанскихъ бѣглецовъ, послѣ разрушенія Моравскаго королевства. Но вообще для обращенія поляковъ было сдѣлано очень мало до того времени, какъ въ 965 году ихъ князь Мечеславъ женился на Дамбровкѣ, дочери богемскаго Болеслава „жестокаго“. Два года спустя, Дамбровка уговорила своего мужа принять христіанскую вѣру [5], и онъ началъ принуждать къ ней своихъ подданныхъ, подъ страхомъ весьма суровыхъ наказаній; такъ, всякій, кто сталъ бы ѣсть мясо въ теченіе Великаго поста, долженъ былъ лишаться своихъ зубовъ. Разсказывающій объ этомъ нѣмецкій лѣтописецъ (Титмаръ, епископъ мерсебургскій) прибавляетъ, что среди столь грубаго народа, съ которымъ нужно было обходиться какъ со скотомъ и бить его, подобно лѣнивымъ осламъ, средства обращенія, сродныя съ суровостью ихъ варварскихъ законовъ, были гораздо болѣе полезны, чѣмъ болѣе мягкіе способы обыкновенной церковной дисциплины.

---

[1] Mon. Saz. 283—4.

[2] Palacky, II, II, 297—8. Монастырь Эммаусскій назывался такъ потому, что церковь его была освящена въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли въ 1372 году, когда въ церкви читалось евангеліе о путешествіи Спасителя въ Эммаусъ. Монахи изъ него изгнаны были гуситами, и опять возстановлены въ 1584 году; но въ 1635 году, вслѣдствіе подавленія протестантства въ Богеміи, славянская литургія была отмѣнена, и монастырь Эммаусскій былъ переданъ испанскимъ бенедиктинцамъ.

[3] Ep. 47 (Patrol. CXLVI).

[4] Эти ученые отцы, какъ заявляетъ Гизелеръ (II, I, 361), очевидно, смѣшали Меѳодія съ Улфилой!

[5] Thietmar, IV, 35. Польская лѣтопись (I, 5 ap. Pertz, IX, Annal. Pol. 942 г., тамъ же, XIX) говоритъ, что она еще до брака взяла съ него обѣщаніе принять христіанство.

Разсказъ, будто польская церковь была организована подъ надзоромъ папскаго легата, съ семью епископіями и двумя архіепископіями, теперь совершенно опровергнутъ. Единственная епископія въ странѣ была познанская, и она подчинена была архіепископамъ Магдебурга, пока въ 1000 году Гнезенъ не сдѣланъ былъ Оттономъ ш архіепископскою и митрополитскою каѳедрою. Хотя сначала христіанство въ Польшѣ заимствовано было изъ греческихъ источниковъ, однако же четвертая жена Мечеслава, Ода, дочь одного германскаго маркиза, склонила князя въ пользу латинства. Эта принцесса весьма дѣятельно поддерживала монашество и занималась дѣлами благочестія и благотворительности, и духовенство въ виду тѣхъ благодѣяній, которыя получала отъ нея церковь, склонно было смотрѣть сквозь пальцы на то обстоятельство, что ея бракъ былъ нарушеніемъ обѣтовъ, данныхъ ею въ качествѣ инокини. Введеніе латинства было завершено при Болеславѣ, о которомъ уже упоминалось выше, какъ покровителѣ миссіи Адальберта въ Пруссіи. Папы усердно старались тѣснѣе скрѣпить тѣ узы, которыя связывали Польшу съ Римомъ, и уже съ ранняго времени (хотя точное время и служитъ предметомъ спора) всякимъ полякомъ, за исключеніемъ духовенства и знати, уплачивалась ежегодная подать въ казну св. Петра [1]).

Пріобрѣтенный Болеславомъ титулъ короля былъ, вѣроятно, пожалованъ ему Оттономъ ш, по случаю посѣщенія имъ Гнезена. Хотя однако же достоинство это было дано императорскою властью, папы, согласно съ свидѣтельствомъ сомнительнаго авторитета, скоро нашли замѣчательное обстоятельство для проявленія и усиленія своей духовной юрисдикціи надъ новымъ королевствомъ. По смерти короля Мечеслава, или Меско п, въ 1034 году, Польша повергласъ въ жалкое состояніе смуты. Язычество опять подняло въ ней голову, явилось много отступниковъ отъ христіанства, епископы и духовенство были убиваемы или изгоняемы, церкви и монастыри сожигались, и страна подверглась побѣдоносному богемскому нашествію, о которомъ уже упомянуто было выше. Поляки, наконецъ, рѣшились предложить корону Казиміру, сыну покойнаго короля, находившемуся въ изгнаніи, и послѣ долгихъ разспросовъ онъ былъ найденъ въ монастырѣ, или въ Клунійскомъ или въ германскомъ аббатствѣ Браунвейлерѣ. Казиміръ уже состоялъ въ монашествѣ и былъ рукоположенъ въ діакона, и аббатъ заявилъ, что хотя онъ и скорбѣлъ о бѣдственности Польши, однако не могъ уже освободить принца отъ принятыхъ имъ обѣтовъ, если только не позволитъ этого папа. Съ этою цѣлью сдѣлано было обращеніе къ Бенедикту IX, которымъ, послѣ многихъ просьбъ, Казиміръ былъ освобожденъ отъ принятыхъ имъ на себя церковныхъ обязательствъ и отданъ полякамъ, съ позволеніемъ жениться и взять въ свои руки правленіе; но папа при этомъ требовалъ, чтобы въ воспоминаніе, такъ сказать, полученія ими короля отъ церкви, всѣ члены народа, мужескаго пола, должны были принять своего рода постригъ, и въ то же время заявлены были и другіе признаки подчиненія ихъ каѳедрѣ ап. Петра [1]).

---

[1]) Нѣкоторые относятъ начало этой подати къ царствованію Мечеслава другіе къ посѣщенію Гнезена Оттономъ, и третьи къ царствованію Казиміра.

VIII. Въ теченіе X столѣтія, германскіе государи, особенно Генрихъ Птицеловъ и Оттонъ Великій старались о подавленіи язычества въ сѣверной части своихъ владѣній. Съ этою цѣлью учреждены были епископіи въ Мейссенѣ, Мерсебургѣ и въ другихъ мѣстахъ, и Магдебургъ былъ сдѣланъ митрополичьей каѳедрой [2]). Но мѣры эти вообще произвели мало впечатлѣнія на жившія тамъ славянскія племена [4]). Они чувствовали естественное предубѣжденіе противъ христіанства какъ религіи, вслѣдствіе того, что оно предлагалось имъ германцами; кромѣ того, германскіе миссіонеры не знали славянскаго языка, и вообще духовенство болѣе заботилось о томъ, чтобы вымогать деньги отъ народа, чѣмъ поучать его [4]). Время отъ времени происходили значительныя возстанія противъ чужеземной власти, и во время этихъ возстаній церкви подвергались разрушенію и духовенство избіенію. Въ 1047 году основано было королевство Вендское Готтшалькомъ, который ревностно старался распространять христіанство среди своихъ подданныхъ. Онъ основывалъ церкви и монастыри, и подобно нортумбрійскому Освальду самъ часто выступалъ въ качествѣ истолкователя и переводчика, такъ какъ духовенство проповѣдывало на языкѣ, непонятномъ его народу [5]). Но въ 1066 году Готтшалькъ былъ умерщвленъ язычниками; въ то же время избито было много христіанъ, и среди нихъ престарѣлый Іоаннъ, урожденецъ Ирландіи и епископъ мекленбургскій, сдѣлался жертвою особенныхъ жестокостей, и христіанство казалось совершенно искорененнымъ въ странѣ [6]).

IX. Исторія введенія христіанства въ Венгрію была предметомъ споровъ, особенно по вопросу о томъ, кѣмъ оно введено было— греческою церковью или латинскою [1]. Въ дѣйствительности, первая проповѣдь Евангелія проникла сюда изъ Константинополя, гдѣ въ 948 году было крещено два венгерскихъ принца, Болосудъ и Гіула. Болосудъ вновь отпалъ въ язычество, и послѣ враждебныхъ дѣйствій противъ обѣихъ имперій онъ былъ взятъ въ плѣнъ и преданъ смерти Оттономъ Великимъ въ 955 году. Но Гіула оставался вѣрнымъ принятой имъ религіи, и многіе изъ его подданныхъ были обращены въ христіанство проповѣдью духовенства, посланнаго къ нему изъ Константинополя во главѣ съ епископомъ, по имени Іеროѳеемъ [2].

---

[1]) Baron. 1041. 3—11. Впрочемъ, разсказъ этотъ подвергается сомнѣнію.

[2]) Joh. XIII, Epp. 2, 9, 10 (Patrol. CXXXV).

[3]) О нихъ см. Adam. Brem. I, 10.

[4]) Adam. III, 22.

[5]) Acta SS. Jun. 7.

[6]) Adam. Brem. III, 49—50.

Великая побѣда Оттона въ 955 году [3] открыла путь для трудовъ сосѣднихъ нѣмецкихъ епископовъ среди венгерцевъ. Около двадцати лѣтъ спустя, Пиллигринъ, епископъ пассаускій, донесъ папѣ Бенедикту VII, что народъ Венгріи просилъ его оказать ему содѣйствіе ко введенію среди него христіанства, что онъ посылалъ уже духовенство и монаховъ, которые крестили около пяти тысячъ человѣкъ изъ нихъ, что въ странѣ этой было много христіанскихъ плѣнниковъ, которые сначала принуждены были скрывать свою религію и только тайкомъ могли крестить своихъ дѣтей, но что теперь препятствія къ открытому исповѣданію христіанства имъ устранены, что не только венгры, но и славянскія племена окрестныхъ странъ готовы были принять Евангеліе, и онъ умолялъ, чтобы для этого дѣла были назначены епископы. Это изображеніе состоянія вещей пожалуй было нѣсколько усилено Пиллигриномъ изъ желанія добиться для себя палліума, съ tituломъ архіепископа лорхскаго, который давался нѣкоторымъ изъ его предшественниковъ, между тѣмъ какъ остальные, въ качествѣ простыхъ епископовъ пассаускихъ, были подчинены архіепископской каѳедрѣ Зальцбурга. Папа, съ цѣлію наградить его за усердіе, обратился къ императору и великимъ германскимъ прелатамъ съ письмомъ, въ которомъ онъ предоставлялъ Пиллигрину, какъ архіепископу лорхскому, митрополичью юрисдикцію надъ Баваріей, Нижней Паннoніей, Мизіей и прилегающими славянскими землями [4]. Тѣмъ не менѣе для обращенія венгровъ повидимому было сдѣлано мало; Вольфгангъ, посланный къ нимъ въ качествѣ миссіонера, имѣлъ столь малый успѣхъ, что Пиллигринъ, не желая тратить энергію столь цѣннаго помощника на безплодные труды, вызвалъ его оттуда, чтобы сдѣлать его епископомъ ратисбонскимъ [1]).

---

[1] См. Acta SS. Sept. 2, pp. 469 и слѣд.

[2] Cedren. 636.

[3] См. выше, стр. 893.

[4] Hard. VI, 689—90. Есть письмо отъ имени папы Симмаха (500 г.) къ Ѳеодору, епископу Лорха (римскаго Лавреака), предоставляющее ему палліумъ какъ митрополиту Паннoніи, на томъ основаніи, что каѳедра эта была основана тѣми же апостолами, какъ и каѳедра Рима (Patrol. LXII, 72). Но это письмо теперь считается подложнымъ (Pertz, XVII, 481). Лорхъ былъ разрушенъ аварами въ 738 году, когда Вивилъ (см. выше, стр. 625) перевелъ каѳедру въ Пассау. Императоръ не утвердилъ архіепископскаго достоинства Пиллигрина, и его преемники въ епископіи Пассау были суффраганами Зальцбурга.

Въ 972 году княземъ Венгріи сдѣлался Гейза, который женился на Сарольтѣ, дочери Гіулы, женщинѣ мужественнаго характера, и подъ ея вліяніемъ онъ склонился къ христіанству. Хотя вѣра въ семействѣ Сарольты была получена отъ Греціи, ея мужъ, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, поставилъ свою страну въ связь съ западною церковью, и самъ повидимому былъ крещенъ епископомъ вердунскимъ Бруно, который присланъ былъ къ нему въ качествѣ посланника отъ Оттона I. Но обращеніе Гейзы было весьма сомнительнаго свойства. Признавая себя христіаниномъ, онъ продолжалъ приносить жертвы идоламъ, и когда Бруно протестовалъ противъ этого, онъ отвѣчалъ, что онъ достаточно богатъ и могущественъ для того, чтобы дѣлать то и другое. Въ 983-мъ или слѣдующемъ году въ Венгрію прибылъ епископъ, по имени Адальбертъ, вѣроятно знаменитый епископъ пражскій, и крестилъ сына Гейзы, Вайка, которому тогда было четыре или пять лѣтъ отъ рода. Этотъ юный принцъ, которому дано было имя Стефана, сдѣлался въ высшей степени знаменитою личностью въ венгерской исторіи. Въ отличіе отъ своего отца онъ получилъ тщательное воспитаніе. Въ 997 году онъ наслѣдовалъ Гейзѣ и правилъ страною въ теченіе 41 года, заслуженно пользуясь славой благочестія, справедливости, храбрости и твердости. Языческая партія, сначала противодѣйствовавшая ему, была низложена; онъ женился на баварской принцессѣ Гизелѣ, сестрѣ герцога Генриха (впослѣдствіи императора Генриха II), и въ 1000 году добился отъ Оттона III возведенія своихъ владѣній на степень королевства [2]). Во исполненіе обѣта, даннаго имъ во время борьбы съ своими языческими противниками, онъ ревностно заботился объ утвержденіи христіанства среди своихъ подданныхъ. Его королевство, расширенное прибавленіемъ Трансильваніи и части Валахіи (области, извѣстной подъ названіемъ Черной Венгріи) поставлено было подъ особое покровительство пресвятой Богородицы 1). Онъ учреждалъ епископскія каѳедры, строилъ много монастырей и церквей и принималъ мѣры къ тому, чтобы каждыя десять деревень въ королевствѣ складывались вмѣстѣ для основанія и обезпеченія церкви 2). Для поселенія въ Венгріи приглашались монахи и духовенство изъ другихъ странъ, и повидимому тѣ услуги, которыя Стефанъ оказалъ церкви, и доставили ему полномочіе дѣйствовать въ своихъ владѣніяхъ въ качествѣ намѣстника римской каѳедры, на каковую привилегію продолжали заявлять притязанія и его преемники 3). Для воспитанія венгровъ онъ основалъ особую коллегію въ Римѣ, строилъ госпитали и монастыри для своихъ соотечественниковъ въ Римѣ, Равеннѣ, Константинополѣ и Іерусалимѣ, и его гостепріимство паломникамъ было таково, что путешествіе черезъ Венгрію стали вообще предпочитать морскому путешествію всѣ направлявшіеся въ святую землю 4). Средства, которыми пользовался Стефанъ для введенія Евангелія и соблюденія христіанскихъ обязанностей, не всегда ограничивались чистымъ убѣжденіемъ; такъ, одинъ свободный венгерецъ, отказавшійся принять христіанство, былъ низведенъ въ состояніе крѣпостнаго; всякій, кто оказывался работающимъ по воскреснымъ днямъ, былъ останавливаемъ, и лошади, волы или орудія, употреблявшіеся въ работѣ, подлежали отобранію отъ него; за веденіе разговоровъ въ церкви люди высшаго состоянія подлежали изгнанію съ безчестіемъ, а люди низшаго и простаго званія публично подвергались наказанію кнутомъ съ цѣлію пріученія ихъ къ благоговѣнію въ святомъ мѣстѣ 5).

---

[1]) Pertz, IV, или Patrol. CXLVI.

[2]) Нѣкоторые утверждали, что достоинство короля дано было ему папой; но самое бо́льшее, что можно сказать, это то, что папа далъ свое благословеніе Стефану, который возведенъ былъ на степень короля императоромъ. Знаменитая корона св. Стефана, будто бы, подарена была ему папой, который въ видѣніи получилъ внушеніе о томъ, чтобы вмѣсто отсылки ея Мечеславу польскому, сохранить ее для посланныхъ, которые должны были придти къ нему отъ неизвѣстнаго народа (Vita Steph. 11), и она считалась какбы изготовленною на небѣ. Но въ дѣйствительности она носитъ на себѣ имя одного греческаго императора, Константина (вѣроятно, Константина Порфиророднаго), каковое обстоятельство нѣкоторые римскіе писатели имѣли достаточно смѣлости объяснять заявленіемъ, будто бы корона эта дана была Константиномъ Великимъ Сильвестру I.

Стефанъ умеръ въ 1038 году. Его сынъ Эммерихъ или Генрихъ, для котораго онъ составилъ замѣчательный кодексъ наставленій 6), умеръ за нѣсколько лѣтъ раньше его, и король предоставилъ свои владѣнія племяннику, по имени Петру, который вскорѣ затѣмъ былъ лишенъ престола. Наступилъ періодъ внутреннихъ раздоровъ, и въ теченіе XI столѣтія язычество, подавлявшееся такъ настойчиво, что

---

1) Vita, 16.

2) Leges, 34 (Patrol. CLI).

3) Vita, 12.

4) Въ 1030 году Верингеръ, епископъ страсбургскій, будучи отправленъ императоромъ Конрадомъ въ качествѣ посланника въ Константинополь, изъ экономіи хотѣлъ проѣхать чрезъ Венгрію въ качествѣ пилигрима. Его большая и великолѣпная свита, однако же, обнаружила его дѣйствительный характеръ, и Стефанъ, повидимому въ явномъ неудовольствіи, совершенно отказалъ ему въ проходѣ, такъ что епископъ долженъ былъ совершить свое путешествіе чрезъ Баварію въ Венецію, изъ которой ему пришлось предпринять опасное плаванье въ столицу Восточной имперіи. Вслѣдствіе этого обстоятельства Стефанъ долженъ былъ вести войну съ императоромъ, но обѣ стороны скоро нашли для себя удобнѣе заключить миръ. Wippo, Vita Chuonradi 22, 26; (Pertz, XI.).

5) Leges, 7, 18 и проч.

6) Monita ad filium (Patrol. CLI); Vita Steph. 16.

король Андрей въ 1048 году даже назначилъ смерть въ наказаніе за принадлежность къ нему [1]), дважды вновь возстановлялось и пріобрѣтало господствующее положеніе въ Венгріи, такъ что на время совершенно затемняло собою христіанство.

x. Среди народовъ, которымъ проповѣдывалъ Ансгарій, христіанство было усвоено лишь весьма несовершенно. Распространеніе его задерживалось язычествомъ нѣкоторыхъ государей, и съ другой стороны оно могло дѣлаться ненавистнымъ вслѣдствіе тѣхъ насильственныхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгали другіе государи съ цѣлью принужденія къ нему своихъ подданныхъ, причемъ, въ свою очередь, страшную трудность для его успѣха представляло и варварство и невѣжество норманновъ. Гамбургъ и Бременъ, каѳедры, основанныя для распространенія христіанства въ Нордалбингіи и Скандинавіи, не разъ подвергались нападенію со стороны какъ норманновъ, такъ и славянъ. Но побѣды 934 г. Генриха I утвердили силу христіанства, и онъ учредилъ шлезвигское маркграфство для защиты Германіи противъ сѣверныхъ нашествій. Обращенія въ Даніи ограничивались предѣлами материка, острова все еще оставались совершенно языческими, и въ Зеландіи продолжали приноситься человѣческія жертвы, пока Генрихъ не добился отъ Горма, бывшаго первымъ королемъ всей Даніи, того, чтобы христіанамъ предоставлена была свобода религіи по всему королевству, и чтобы прекращены были человѣческія жертвоприношенія. Архіепископъ бременскій и гамбургскій Унни предпринималъ миссіонерскій трудъ въ Даніи [2]). Его старанія обратить самого Горма были безуспѣшны, но онъ крестилъ одного изъ меньшихъ корольковъ, по имени Фрода, и нашелъ себѣ поддержку въ сынѣ Горма, Гарольдѣ Блаатандѣ („зеленомъ зубѣ“), который получилъ нѣкоторое знакомство съ Евангеліемъ изъ наставленій своей христіанской матери. Этотъ принцъ однако былъ все еще не крещенъ; онъ продолжалъ по прежнему отличаться жестокостью, хищничествомъ и другими обычными пороками сѣверныхъ грабителей, и въ теченіе многихъ лѣтъ его религіозное вѣрованіе было смѣшаннаго рода. Въ 966 году одинъ миссіонеръ, по имени Поппо, пользуясь гостепріимствомъ Гарольда, вступилъ въ споръ съ нѣкоторыми изъ гостей, которые, хотя и признавая Христа Богомъ, утверждали, что есть и другіе боги, болѣе высокаго достоинства и могущества. Въ доказательство исключительной истинности своей религіи, Поппо будто бы рѣшился подвергнуть себя испытанію, именно надѣлъ на себя раскаленную до красна желѣзную перчатку, и носилъ ее безъ вреда для своей руки, пока король не объявилъ себя удовлетвореннымъ этимъ испытаніемъ. Съ этого времени Гарольдъ исключительно привязался къ христіанству, хотя и не принималъ крещенія, пока Оттонъ Великій, послѣ нанесенія ему пораженія въ 972 году, не настоялъ на его крещеніи, какъ условіи мира. Неумѣренная ревность, съ которою этотъ король теперь старался принуждать своихъ подданныхъ къ принятію Евангелія, повела къ двумъ возстаніямъ, предводимымъ его собственнымъ сыномъ Свейномъ, и послѣ пятидесятилѣтняго царствованія Гарольдъ былъ низведенъ съ престола и умеръ отъ полученной въ одной битвѣ раны.

---

[1]) Patrol. cli, 1257.

[2]) Объ Унни см. Acta SS. Oct. 21. Есть документъ, которымъ папа Іоаннъ x представляетъ ему юрисдикцію надъ всѣмъ сѣверомъ, включая Исландію и Гренландію (ср. стр. 887 касательно Ансгарія). Но въ своей подлинной формѣ онъ представляетъ собою лишь общее подтвержденіе его архіепископскихъ правъ. См. Acta SS. въ указ. мѣстѣ, 383; Patrol. cxxxii, 813.

Хотя Свейнъ былъ воспитанъ въ качествѣ христіанина и крещенъ былъ въ одно время съ своимъ отцомъ, однако же онъ преслѣдовалъ христіанскую вѣру въ теченіе многихъ лѣтъ, пока къ концу своей жизни, когда его оружіе не восторжествовало въ Англіи, онъ не возвратился къ религіи своихъ прежнихъ дней. Въ 1014 году ему наслѣдовалъ Канутъ, который какъ въ Англіи, такъ и въ своихъ сѣверныхъ владѣніяхъ старался щедрымъ патронатствомъ церкви загладить грѣхи своего отца и свои собственные. Присутствуя при коронаціи Конрада въ достоинство императора, онъ добился отъ него уступки себѣ Шлезвига. Въ Даніи Канутомъ были основываемы монастыри, и имъ, быть можетъ, введена была и уплата динарія св. Петра; для датскихъ пилигримовъ были устроены госпитали въ Римѣ и на нѣкоторыхъ станціяхъ по пути къ нему. Въ Данію были посланы изъ Англіи три епископа и нѣсколько человѣкъ низшаго духовенства, но архіепископъ Унванъ бременскій, считая этихъ епископовъ посягателями на свою провинцію, схватилъ одного изъ нихъ, принудилъ его признать митрополичьи права Бремена и отправилъ его къ Кануту, который вслѣдствіе этого согласился подчинить датскую церковь юрисдикціи этой каѳедры.

1043—67 г. Черезъ восемь лѣтъ послѣ смерти Канута, датскій престолъ перешелъ къ его племяннику Свейну Эстристену, который хотя и былъ человѣкъ неумѣренной и распутной жизни, однако же былъ весьма щедръ къ церкви и много дѣлалъ для распространенія христіанства на островахъ своего королевства. Англійскіе миссіонеры проповѣдывали христіанство на своемъ родномъ языкѣ, причемъ каждое предложеніе въ ихъ проповѣди переводилось и объяснялось особымъ толкователемъ; но Свейнъ, для устраненія этого затрудненія въ будущемъ, постановилъ, чтобы тѣ чужестранцы, которымъ придется трудиться надъ просвѣщеніемъ его подданныхъ, предварительно должны были изучить датскій языкъ подъ руководствомъ канониковъ Гамбурга. Среди достопамятныхъ событій его царствованія была эпитимія, подчиниться которой король принужденъ былъ Вильгельмомъ, епископомъ роскельдскимъ, за то, что онъ приказалъ предать смерти нѣкоторыхъ непокорныхъ вельможъ въ церкви,—каковая эпитимія, очевидно, была подражаніемъ эпитиміи, наложенной нѣкогда на императора Ѳеодосія. Свейнъ умеръ въ 1076 году.

XI. Христіанство, насажденное Ансгаріемъ въ Швеціи, ограничивалось почти окрестностями Бирки, и въ теченіе семидесяти лѣтъ послѣ смерти этого сѣвернаго апостола страна едва ли когда либо посѣщалась миссіонерами. Унни, архіепископъ бременскій, послѣ упомянутой миссіонерской экспедиціи въ Данію, переправился въ 935 году чрезъ море въ Швецію, и трудился тамъ до своей смерти въ слѣдующемъ году. Возникло нѣчто среднее между язычествомъ и христіанствомъ, любопытнымъ примѣромъ чего служитъ одна застольная, еще и теперь существующая пѣсня, гдѣ хвалы Божественной Троицѣ воздаются въ томъ же стилѣ, какой употреблялся при прославленіи боговъ Валгаллы.

Для распространенія евангелія въ Швеціи важное значеніе имѣло царствованіе Олафа Стотконунга[1], который сдѣлался королемъ къ концу X столѣтія и умеръ около 1024 года. При немъ въ страну было призвано нѣсколько нѣмецкаго духовенства, а также и много духовенства изъ Англіи, и среди нихъ былъ архидіаконъ іоркскій Зигфридъ, много лѣтъ трудившійся среди шведовъ. Двое изъ его родственниковъ, трудившихся вмѣстѣ съ нимъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ, были умерщвлены язычниками. Главный убійца бѣжалъ, и его собственность была конфискована; нѣкоторые изъ его сообщниковъ, будучи найдены, по ходатайству Зигфрида, получили позволеніе искупить свое преступленіе уплатой штрафа, и такимъ образомъ найдены были средства для основанія епископіи въ Вексіо, на которую и посвященъ былъ Зигфридъ архіепископомъ бременскимъ. Олафъ предполагалъ разрушить храмъ въ Упсалѣ, бывшій главнымъ сѣдалищемъ древняго идолопоклонства; однако же отъ этого намѣренія онъ былъ отвращенъ просьбами своихъ языческихъ подданныхъ, которые умоляли его ограничиться захватомъ лучшей части страны и построеніемъ церкви для своей собственной религіи, но не принуждать ихъ силою къ христіанской вѣрѣ. Вслѣдствіе этого онъ удалился въ Скару, въ западномъ Готландѣ, и основалъ тамъ каѳедру, на которую посвященъ былъ 1015 г. англичанинъ Турготъ[2]). Древнія руническія буквы были замѣнены среди шведовъ латинскимъ алфавитомъ, и вліяніе христіанства восторжествовало надъ національною страстью къ пиратству.

---

[1] То есть, наколѣннаго короля, потому что онъ будто бы сдѣлался королемъ, будучи еще на колѣняхъ своей кормилицы.

[2] Ad. Brem. II, 56.

Но насильственныя мѣры, которыми Олафъ старался распространять христіанство, возбудили общую ненависть къ нему среди приверженцевъ древней религіи, и онъ вынужденъ былъ допустить своего сына Эмунда къ участію въ управленіи. Эмундъ, послѣ смерти своего отца, разладилъ съ архіепископомъ бременскимъ, и поставилъ нѣсколькихъ епископовъ, независимыхъ отъ митрополичьей юрисдикціи этого прелата, получивъ посвященіе для нихъ въ Польшѣ. Но это установленіе было отмѣнено его вторымъ преемникомъ Стенкилемъ, кроткая и мудрая политика котораго была болѣе благопріятна распространенію христіанства, чѣмъ болѣе насильственныя мѣропріятія Олафа. При Стенкилѣ число церквей въ Швеціи возросло до 1100. Смерть его, послѣдовавшая въ 1066 году, послужила поводомъ къ кровавымъ гражданскимъ войнамъ, и на время язычество восторжествовало; но въ 1075 году король Инге запретилъ всякое языческое идолослуженіе, и хотя это повлекло за собою его изгнаніе, причемъ на мѣсто его со стороны языческой партіи возведенъ былъ его шуринъ Соенъ, однако Инге удалось возвратить себѣ престолъ, и послѣ многихъ колебаній христіанство было окончательно утверждено въ странѣ. По свидѣтельству Адама бременскаго, современника этого короля, смущеніе, произведенное алчностью слишкомъ многихъ членовъ духовенства, было главнымъ препятствіемъ къ общему обращенію шведовъ, которые, по его описанію, вообще были довольно расположены къ принятію Евангелія [1].

xп. Среди норвежцевъ нѣкоторыя обращенія къ христіанству были сдѣланы еще во времена Ансгарія, и это тѣмъ болѣе, что исповѣданіе христіанства открывало имъ возможность для торговли съ Англіей и Германіей. Но подобные обращенцы, хотя и признававшіе силу Христа и признавшіе Его Богомъ Англіи, съ большею надеждою полагались на боговъ племени Одина, котораго они считали все еще царствующимъ надъ ихъ собственной землей, и только уже не менѣе столѣтія спустя въ Норвегію введено было христіанство въ болѣе чистомъ и болѣе полномъ видѣ.

Въ 938 году, Эрикъ, „кровавый топоръ“, жестокости котораго сдѣлали его ненавистнымъ своимъ подданнымъ, былъ низложенъ своимъ братомъ Гако. Новый король былъ воспитанъ по христіански при англійскомъ дворѣ, при Ателстанѣ, и рѣшился утвердить свою собственную вѣру среди своихъ подданныхъ. Нѣкоторые изъ его главныхъ приверженцевъ были склонны къ принятію Евангелія.

---

[1] Descriptio insularum 21, ap. Pertz, vп.

Великій языческій праздникъ Юля [1]) онъ перенесъ нѣсколько къ болѣе позднему времени, тамъ чтобы онъ совпадалъ съ праздникомъ Рождества Христова, и въ то время, какъ другіе норвежцы предавались своимъ языческимъ увеселеніямъ, Гако и его друзья въ особомъ помѣщеніи справляли христіанскій праздникъ. Изъ Англіи было приглашено духовенство, и изъ обращенцевъ основано было нѣсколько приходовъ. Но когда въ народномъ собраніи было предложено принятіе христіанства, возникъ большой ропотъ. 956—7 г. Раздавались голоса, что покоя по воскресеньямъ и пятницамъ, какъ это требовала новая вѣра, нельзя предоставлять. Слуги, сопровождавшіе своихъ господъ на собраніе кричали, что если ихъ заставятъ поститься, то ихъ тѣла настолько ослабѣютъ, что они сдѣлаются неспособными къ работѣ. Многіе заявляли, что они не могли оставить своихъ боговъ, подъ покровительствомъ которыхъ такъ долго благоденствовали ихъ отцы и они сами; они напоминали королю о томъ, какъ народъ помогалъ ему въ достиженіи короны, и заявляли ему, что если онъ будетъ настаивать на своемъ предложеніи, то они изберутъ другаго на мѣсто него. Гако нашелъ себя вынужденнымъ уступить. Онъ вынужденъ былъ присутствовать на слѣдующемъ осеннемъ жертвоприношеніи, гдѣ публично пилъ въ честь національныхъ боговъ, и когда онъ сдѣлалъ знаменіе креста надъ своей чашей, Сигуртъ, его главный совѣтникъ, объяснилъ собравшемуся обществу, что этимъ знаменовался молотъ ихъ бога Тора. Языческая партія, однако же, оставалась все еще недовольною. Восемь изъ ея вождей поклялись истребить христіанство; они произвели нападеніе на духовенство и избили нѣкоторыхъ изъ нихъ, и въ слѣдующій Юльскій праздникъ Гако былъ принужденъ сдѣлать дальнѣйшія уступки,—именно пить въ честь боговъ, не дѣлая крестнаго знаменія, и доказать свое язычество вкушеніемъ отъ ливера лошади, принесенной въ жертву. Чувствуя это принужденіе невыносимымъ, онъ рѣшился встрѣтить своихъ противниковъ съ оружіемъ въ рукахъ, но нашествіе со стороны сыновей Эрика, получившаго помощь отъ Гарольда Блаатанда датскаго, побудило норвежскія партіи заключить между собою миръ и обратить свое оружіе противъ общаго врага. Съ этого времени Гако жилъ въ согласіи съ своимъ народомъ, не только терпя его язычество, но и самъ до нѣкоторой степени поддаваясь вліянію одной языческой королевы. Въ 963 году его племянники возобновили свое нападеніе, и Гако былъ смертельно раненъ. Онъ выразилъ желаніе—въ случаѣ выздоровленія удалиться въ какую либо христіанскую землю, чтобы тамъ покаяніемъ искупить свои уступки язычеству, которыя такъ тяготили его совѣсть, какъ будто бы онъ былъ повиненъ въ полномъ отступничествѣ. Но когда его друзья предложили, чтобы его отправить для погребенія въ Англію, то онъ отвѣчалъ, что онъ недостоинъ этого, что онъ жилъ язычникомъ и какъ язычникъ же долженъ быть погребенъ въ Норвегіи. Смерть его была оплакана однимъ скальдомъ въ знаменитой пѣснѣ, прославляющей его принятіе въ Галгаллу и заявляющей, что въ виду той терпимости, которую онъ показывалъ къ древней религіи, его преданность христіанству была забыта и прощена богами.

---

[1]) Это названіе производятъ отъ Hjol или Hjul, колесо, и оно имѣетъ отношеніе къ годичному кругу, причемъ Юлемъ называлось то время, когда заканчивалось уменьшеніе и начиналось увеличеніе дня.

Сынъ Эрика, Гарольдъ, сдѣлавшись теперь властелиномъ королевства, старался распространять христіанство насильственными мѣрами. Послѣ нѣкоторыхъ смятеній, во время которыхъ убитъ 977 г. былъ сынъ Эрика, Гарольдъ Блаатандъ присоединилъ Норвегію къ своимъ владѣніямъ и назначилъ вицекороля, по имени Гако, который, въ отличіе отъ своего властелина, былъ такимъ преданнымъ язычникомъ, что принесъ въ жертву одного изъ своихъ собственныхъ дѣтей. Вице-король старался о возстановленіи язычества, и при помощи державшейся его партіи добился провозглашенія независимости отъ датскаго короля. Но угнетенные христіане пригласили къ себѣ на помощь Олафа, сына маленькаго князя, по имени Триггве, и Гако былъ низложенъ въ 995 году.

Олафъ Триггвезенъ прославляется въ сѣверныхъ лѣтописяхъ какъ сильнѣйшій, храбрѣйшій и красивѣйшій изъ людей. Послѣ жизни, исполненной самыхъ дикихъ приключеній, во время которыхъ онъ бывалъ въ Россіи и Константинополѣ и наводилъ ужасъ по берегамъ западнаго океана, онъ былъ крещенъ однимъ отшельникомъ на одномъ изъ Сциллійскихъ острововъ и былъ мѵропома- 994 г. занъ Эльфегомъ, епископомъ винчестерскимъ, въ присутствіи англійскаго короля Этельреда. Хотя его христіанская жизнь была далеко несовершенной (такъ, между прочимъ, онъ женился на своей мачихѣ и старался получать знанія о будущемъ посредствомъ гаданія), однако его ревность о новой вѣрѣ была безгранична, и проявлялась въ усиліяхъ о распространеніи вѣры, которая впрочемъ отзывалась менѣе христіанскимъ духомъ, чѣмъ духомъ его старыхъ пиратскихъ привычекъ и деспотизма, который онъ видѣлъ въ Восточной имперіи [1]). Въ качествѣ приманокъ къ принятію Евангелія онъ предлагалъ вельможамъ дары и привилегіи разнаго рода, и даже женитьбу на прекрасныхъ сестрахъ короля, причемъ тѣмъ, кто отказывались, угрожалъ конфискаціей собственности, изгнаніемъ, изуродованіемъ, пытками и смертью. Въ наиболѣе предосудительныхъ своихъ мѣропріятіяхъ Олафъ дѣйствовалъ подъ сильнымъ вліяніемъ совѣтовъ Тангбранда, одного германскаго священника, отъ котораго онъ и получилъ первыя свѣденія объ Евангеліи, но характеръ котораго былъ столь жестокій что онъ не смущался даже убивать тѣхъ, кто оскорбляли его, или противились ему. Король съ цѣлью утвержденія христіанства посѣщалъ одинъ округъ за другимъ, „Куда бы онъ ни приходилъ", говоритъ лѣтописецъ въ описаніи одного изъ этихъ его окружныхъ путешествій, „на материкъ или на островъ, онъ созывалъ собраніе и увѣщевалъ народъ принять правую вѣру и креститься. Никто не смѣлъ сказать что либо противъ нея, и вся страна, которую онъ прошелъ, сдѣлалась христіанскою" [1]. Разсказываются странныя исторіи о тѣхъ приключеніяхъ, съ которыми онъ встрѣчался при разрушеніи идоловъ и храмовъ, и о томъ искусствѣ и присутствіи духа, съ которыми онъ избѣгалъ опасностей, часто угрожавшихъ ему въ такихъ случаяхъ. Въ одномъ мѣстѣ Олафъ встрѣтилъ восемьдесятъ язычниковъ, считавшихся колдунами. Онъ сдѣлалъ одну попытку обратить ихъ, когда они были трезвы, и другую, когда они были совершенно пьяны, и такъ какъ ихъ нельзя было склонить ни въ томъ, ни въ другомъ состояніи, то онъ поджегъ то зданіе, въ которомъ они были собраны. Изъ всего собранія избѣгъ пламени только глава ихъ, но впослѣдствіи и онъ попался въ руки короля и былъ брошенъ въ море. Другому упорному язычнику и волшебнику посаженъ былъ въ горло змѣй, который проѣлъ все его тѣло и послужилъ причиной его смерти. Другой менѣе непріятный разсказъ передается о дѣйствіяхъ Олафа по отношенію къ одному юному герою по имени Эндриду, который наконецъ согласился, чтобы вопросъ о его религіи былъ рѣшенъ исходомъ состязанія между нимъ и соперникомъ, назначеннымъ ему со стороны короля. Соперникомъ ему выступилъ самъ Олафъ; въ состязаніи, продолжавшемся три дня, онъ блистательно побѣдилъ Эндрида въ плаваніи, ныряніи, въ стрѣльбѣ изъ лука и въ игрѣ съ мячемъ, и подготовивъ его такимъ образомъ къ принятію христіанскаго ученія, онъ закончилъ его обращеніе наставленіемъ его въ началахъ вѣры. Островныя части владѣній Олафа также вошли въ область его трудовъ по распространенію Евангелія; онъ принудилъ населеніе Оркнея, Шетланда, Фаро и другихъ острововъ принять христіанство остріемъ меча. Въ послушаніе одному видѣнію, которое было ему въ одно критическее время, Олафъ избралъ покровителемъ Норвегіи св. Мартина и приказалъ, чтобы чаша, обыкновенно употреблявшаяся при питьѣ въ честь Тора, на будущее время была посвящена этому святому. Въ 997 году онъ основалъ епископію нидаросскую или дронтгеймскую.

---

[1]) Ad. Brem. ii, 38.

---

[1] Snorro, I, 454.

Ревность Олафа о распространеніи христіанства наконецъ стоила ему жизни. Зигрида, прекрасная вдова одного шведскаго короля, съ такою суровостью отвергавшая сватовство мелкихъ князей Швеціи, что одного изъ нихъ она даже сожгла въ своемъ замкѣ, съ цѣлью (какъ она говорила) исцѣлить другихъ отъ ихъ желанія добиваться ея руки, задумала выйти за-мужъ за короля Норвегіи, и съ этою цѣлью посѣтила его дворъ. Олафъ былъ не прочь отъ этого брака, но вслѣдствіе ея отказа креститься онъ отнесся къ ней съ такимъ оскорбительнымъ недостоинствомъ, которое наполнило ее сильнѣйшимъ желаніемъ отмстить ему. Зигрида скоро затѣмъ вышла за-мужъ за Свейна датскаго. Ея новый супругъ и сынъ ея отъ ея перваго брака Олафъ Стотконунгъ, по ея настойчивому убѣжденію, рѣшились совмѣстно предпринять походъ противъ Норвегіи, и они нашли себѣ еще подкрѣпленіе со стороны недовольной партіи норвежцевъ при Эрикѣ, сынѣ того Гако, котораго низложилъ Олафъ. Произошло морское сраженіе, и счастіе повернулось противъ Олафа. Его корабль „Длинный драконъ“, послѣ отчаянной защиты, былъ взятъ, вслѣдствіе чего король и девять другихъ лицъ, которые только и остались изъ всего экипажа, побросались въ море, только бы не попасть въ руки своихъ враговъ. Какъ ни грубъ и ни жестокъ былъ Олафъ, онъ былъ столь любимъ своими подданными, что многіе будто бы умерли отъ скорби по немъ, и даже язычники лелѣяли добрую память о немъ. Его считали святымъ, онъ будто бы совершалъ чудеса, и даже будто бы ангелы посѣщали его во время его молитвъ, а легенды изображали его долго жившимъ и послѣ его несчастной битвы. Почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ этого, одинъ норвежецъ, по имени Гавдъ, заблудившись на своемъ пути среди песковъ Египта, получилъ во снѣ указаніе пути къ монастырю, гдѣ къ своему удивленію онъ нашелъ престарѣлаго аббата изъ своей собственной страны. Вопросы старца были таковы, что паломникъ невольно спросилъ его, не есть ли онъ самъ король Олафъ. Послѣдовавшій отвѣтъ былъ уклончивъ, но аббатъ поручилъ Гавду, по возвращеніи въ Норвегію, передать мечъ и поясъ одному воину, который искалъ смерти вмѣстѣ съ Олафомъ, но былъ вынутъ изъ воды, и сказать ему, что въ тотъ роковой день никто не проявилъ больше храбрости, чѣмъ онъ. Гавдъ исполнилъ данное ему порученіе, и ветеранъ, получивъ присланные ему дары и похвалу, остался въ полной увѣренности, что тотъ египетскій аббатъ не могъ быть никѣмъ другимъ, какъ его царственнымъ властелиномъ.

Распространеніе христіанства въ Норвегіи шло медленно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до конца царствованія Олафа Триггвезена. Но его крестникъ Олафъ, сынъ Гарольда, сдѣлавшійся королемъ въ 1015 году, склоненъ былъ продолжать его дѣло. Изъ Англіи было приглашено много миссіонеровъ, и во главѣ ихъ былъ епископъ, по имени Гримкилъ, составившій кодексъ церковныхъ законовъ для Норвегіи [1]). Хотя характеръ новаго короля былъ мягче, чѣмъ характеръ Олафа Триггвезена, онъ однако же продолжалъ прежнюю систему насильственнаго введенія христіанства, при помощи такихъ наказаній, какъ конфискація, ослѣпленіе, уродованіе и смерть, и подобно старшему Олафу, онъ съ цѣлью утвержденія вѣры, въ сообществѣ съ Гримкиломъ, совершалъ путешествія по своимъ владѣніямъ. Онъ нашелъ, что подъ давленіемъ голодухи народъ обыкновенно прибѣгалъ къ обычаю жертвоприношенія своимъ старымъ богамъ. Часто ему приходилось встрѣчаться даже съ вооруженнымъ сопротивленіемъ. Въ Даленѣ, въ 1025 году, жители пришли въ смятеніе отъ извѣстія о его приближеніи, и по прибытіи онъ нашелъ 700 отчаянныхъ язычниковъ, выступившихъ противъ него съ оружіемъ. Но хотя его собственный отрядъ былъ на половину меньше, онъ обратилъ поселянъ въ бѣгство, и затѣмъ послѣдовало обсужденіе достоинствъ соперничествующихъ религій. Гримкилъ („рогатый человѣкъ“, какъ называли его язычники вслѣдствіе формы его митры) отстаивалъ дѣло христіанства, причемъ другая сторона, предводимая вождемъ, по имени Гудбрандомъ, отвѣчала, что ихъ собственный богъ Торъ выше Бога христіанъ, такъ какъ его можно было видѣть. Король провелъ большую часть слѣдующей ночи въ молитвѣ. На слѣдующее утро при разсвѣтѣ на мѣсто собранія принесенъ былъ огромный идолъ Тора. Олафъ указалъ на восходящее солнце, какъ на видимое свидѣтельство о своемъ Богѣ, который сотворилъ его, и въ то время, какъ язычники любовались его яркостью, одинъ исполинскій воинъ, во исполненіе заранѣе полученнаго отъ короля приказанія, поднявъ свою палицу, разбилъ идола на куски. Изъ внутренности истукана бросилась во всѣ стороны цѣлая стая отвратительныхъ животныхъ, которыя находили въ немъ себѣ жилище и питались ежедневными приношеніями пищи и питья, и жители Далена, убѣдившись въ пустотѣ своего стараго суевѣрія, согласились принять крещеніе.

Крутыя мѣры, къ которымъ прибѣгалъ Олафъ въ пользу своей религіи, тѣ налоги, которые онъ находилъ необходимымъ дѣлать, и строгость, съ которою онъ подавлялъ пиратство и разбойниче-

---

[1]) Ad. Brem. II, 55. Этотъ кодексъ, извѣстный подъ названіемъ Kristinrett, теперь потерянъ, хотя отрывки его и существуютъ въ законахъ Исландіи и въ позднѣйшемъ норвежскомъ законодательствѣ.

ство, пробудили сильное недовольство среди его подданныхъ. Канутъ датскій и англійскій нашелъ возможнымъ заявить свое притязаніе на королевство Норвегіи, своимъ золотомъ онъ склонилъ на свою сторону многихъ изъ норвежскихъ вельможъ, и Олафъ, увидѣвъ себя оставленнымъ, бѣжалъ въ Русь, гдѣ онъ съ честью былъ принятъ Ярославомъ и получилъ приглашеніе поселиться тамъ, вмѣстѣ съ предложеніемъ ему провинціи [1]. Но когда онъ колебался между принятіемъ этого предложенія и осуществленіемъ давно занимавшей его мысли сдѣлаться монахомъ въ Іерусалимѣ, онъ получилъ видѣніе, въ которомъ Олафъ Триггвезенъ увѣщевалъ его попытаться возвратить себѣ королевство, данное ему Богомъ. Шведскій король снабдилъ его нѣсколькими солдатами, и когда онъ высадился на берегъ Норвегіи, то подъ его знамя стало стекаться множество народа. Олафъ отказывался отъ помощи всѣхъ тѣхъ, кто были не крещены, вслѣдствіе чего многіе принимали крещеніе единственно изъ желанія оказать ему помощь, и его воины двигались
1030 г. впередъ съ знаменіемъ креста на своихъ щитахъ. Наканунѣ одной битвы онъ далъ большую сумму денегъ для принесенія молитвъ за души тѣхъ изъ своихъ враговъ, которые падутъ, такъ какъ тѣ, кто потеряютъ свою жизнь въ борьбѣ за его дѣло, говорилъ онъ, несомнѣнно получатъ спасеніе. Но силы врага были гораздо больше, и Олафъ потерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ.

Спустя нѣкоторое время, его соотечественники раскаялись въ своемъ поведеніи по отношенію къ нему. Носился слухъ, что онъ творилъ чудеса въ Россіи, что во время послѣдняго роковаго похода его кровь исцѣлила рану на рукѣ убившаго его воина, а одинъ слѣпецъ, глаза котораго были случайно потерты ею, получилъ зрѣніе; носились разсказы и о другихъ исцѣленіяхъ подобнаго рода. Годъ спустя послѣ его смерти, его тѣло было вырыто Гримкиломъ, причемъ не оказалось никакихъ признаковъ разложенія, и у него выросли даже волоса и ногти. Останки короля были перенесены въ построенную имъ самимъ церковь св. Климента въ Нидаросѣ, и когда въ слѣдующемъ столѣтіи благочестивымъ архіепископомъ Эйстейномъ (или Августиномъ) былъ построенъ соборъ, то они заключены были въ великолѣпную серебряную раку и поставлены надъ алтаремъ. Св. Олафъ былъ избранъ покровителемъ Норвегіи, слава его множествомъ чудесъ распространялась вдаль и вширь, къ его гробу изъ далекихъ странъ стекались пилигримы для полученія исцѣленій, имя его высоко почиталось въ Норвегіи и Швеціи, и въ его честь посвящались церкви не только въ западныхъ странахъ, но и въ Россіи и въ Константинополѣ [2].

---

[1] Snorro, II, 154, 268, 273, 287.

[2] Snorro, II, 380—2. См. Thorpe, Northern Mythology, II, 36 и слѣд.

Канутъ, сдѣлавшись властелиномъ Норвегіи, такъ же поощрялъ христіанскую религію тамъ, какъ и въ своихъ другихъ владѣніяхъ. Имъ основанъ былъ въ этомъ королевствѣ первый бенедиктинскій монастырь, близъ Нидароса. Гарольдъ Гардрада, сводный братъ Олава, грубый и безрелигіозный человѣкъ, сдѣлавшійся королемъ въ 1047 году, имѣлъ нѣкоторое разногласіе съ папой Александромъ II и съ Адальбертомъ, архіепископомъ бременскимъ. Король сказалъ, что онъ не признаетъ никакого архіепископа въ Норвегіи, кромѣ себя самого, и посвященіе для епископовъ получалъ отъ Англіи и Франціи, причемъ Адальбертъ, заявляя, что онъ признаетъ лишь двухъ властелиновъ, папу и императора, не обращалъ никакого вниманія на сѣвернаго государя, и безъ его согласія основывалъ каѳедры въ его владѣніяхъ. Норвегія, подобно остальному западному христіанскому міру, подчинилась владычеству Рима [1].

XIII. Исландія сдѣлалась извѣстною норвежцамъ въ 860 году, когда на берегъ ея выброшенъ былъ одинъ норвежскій корабль. Въ 874 году на островѣ поселился первый норвежскій колонистъ Ингульфъ, и въ слѣдующемъ году на него переселились многіе изъ его соотечественниковъ, въ особенности послѣ великой побѣды Гарольда „свѣтловолосаго“ при Гафурсфіордѣ въ 883 году, которою многіе мелкіе князья или вельможи были вынуждены бѣжать изъ своей родной земли и искать убѣжища гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ. Переселенцы принадлежали къ высшему и наиболѣе цивилизованному классу среди норвежцевъ, и въ новой общинѣ жизнь приняла соотвѣтствующій характеръ. Земля была подѣлена на участки, и исландцы, отказываясь отъ обычнаго у нихъ пиратства, предались торговлѣ, мѣняя произведенія своего острова на хлѣбъ, лѣсъ и другіе необходимые имъ предметы. Установлена была республиканская форма правленія, которая и продолжалась въ теченіе 400 лѣтъ. Тамъ были свои національныя и провинціальныя собранія, причемъ главой острова былъ „законникъ“ [2], избиравшійся на всю жизнь, на обязанности котораго было дѣйствовать въ качествѣ охранителя законовъ, и съ его властью связывалась и должность жреца. Въ религіозномъ отношеніи установлено было поклоненіе Одину, но вообще, повидимому, допускалась полная свобода религіи.

Переселенцы эти, будто бы, нашли въ Исландіи слѣды одной ирландской миссіи, какъ напримѣръ богослужебныя книги, колокола и пастырскіе посохи, хотя туземцы, оставшись безъ духовенства, и отпали въ язычество. Нѣкоторые изъ самихъ норвежцевъ могли также принести съ собою отчасти смутныя и неполныя понятія о христіанствѣ, пріобрѣтенныя ими въ теченіе своей бродячей и исполненной всякихъ приключеній жизни, но это знакомство съ Евангеліемъ не распространялось между другими членами общины и не передавалось ихъ потомкамъ. Въ 981 году одинъ исландецъ по имени Торвальдъ, бывшій сначала пиратомъ, но даже и тогда имѣвшій обычай употреблять нѣкоторую часть своихъ награбленныхъ богатствъ на выкупъ плѣнниковъ отъ другихъ пиратовъ, привезъ съ собою на островъ саксонскаго епископа, по имени Фридриха, которымъ онъ былъ обращенъ въ христіанство. Построена была церковь, и наставленія Фридриха были принимаемы хорошо, хотя большинство его прозелитовъ и отказывались отъ крещенія, стыдясь будто бы обнажаться во время самаго крещенія и носить бѣлую одежду, которую въ ихъ странѣ носили только дѣти. Одинъ знатный обращенецъ, по имени Торкилъ, прежде чѣмъ принять крещеніе, выразилъ желаніе, чтобы оно, въ видѣ опыта, совершено было надъ его престарѣлымъ и немощнымъ тестемъ, и такъ какъ старикъ скоро умеръ затѣмъ, то Торкилъ на нѣсколько лѣтъ отложилъ свое собственное крещеніе. Поклонники Одина доведены были до враждебности тѣмъ грубымъ способомъ, которымъ Торвальдъ продолжалъ распространять свою религію. Черезъ пять лѣтъ онъ самъ и епископъ были изгнаны и нашли убѣжище въ Норвегіи, гдѣ Торвальдъ, встрѣтившись съ однимъ изъ тѣхъ, кто наиболѣе яростно противодѣйствовалъ ему въ Исландіи, убилъ его. Фридрихъ, потерявъ всякую надежду на достиженіе какого либо добра въ сообществѣ съ столь дикимъ и беззаконнымъ сотоварищемъ, возвратился въ свою собственную страну, и полагаютъ, что Торвальдъ, послѣ многихъ лѣтъ странствованія, въ теченіе которыхъ онъ посѣтилъ и святую землю, основалъ одинъ монастырь въ Россіи или въ Константинополѣ и умеръ тамъ [1]).

---

[1] О характерѣ норвежцевъ см. Ad. Brem. Descr. Insul. 20.

[1] Lögsögumady, провозгласитель или издатель закона.

Олафъ Триггвезенъ, частью быть можетъ изъ политическихъ видовъ, желалъ утвердить Евангеліе въ Исландіи, и послѣ нѣсколькихъ болѣе раннихъ попытокъ содѣйствовать его распространенію, отправилъ въ 977 году на этотъ островъ нѣмецкаго священника, Трангбранда, о которомъ уже упоминалось выше. Выборъ миссіонера былъ неудаченъ; Трангбрандъ, будто бы, совершилъ нѣсколько чудесъ, но онъ дѣйствовалъ съ своимъ обычнымъ насиліемъ, убилъ одного изъ своихъ противниковъ и двухъ скальдовъ, составившихъ насмѣшливые стихи надъ нимъ, и былъ изгнанъ. Олафъ, получивъ отъ Трангбранда извѣстіе о томъ, какъ обошлись съ нимъ въ Исландіи, пришелъ въ сильное негодованіе и готовъ былъ предпринять походъ для наказанія исландцевъ, но два туземца острова, Гиссуръ и Гіалтъ, добились его согласія на употребленіе болѣе мягкихъ средствъ для обращенія ихъ соотечественниковъ.

1000 г.

---

[1]) См. Quarterly Review, Jan. 1862 г. p. 120, статья: „Исландія и перемѣна вѣры“.

Обѣщаніемъ извѣстной суммы денегъ (что, однако же, было скорѣе законной платой, чѣмъ подкупомъ), они обезпечили себѣ содѣйствіе законника Торгеира, который, обратившись къ народному собранію съ увѣщаніемъ о мирѣ и единствѣ, въ видѣ компромисса предложилъ одинъ новый законъ. По нему всѣ исландцы должны были принять крещеніе, храмы подвергнуться разрушенію и общественное жертвоприношеніе прекратиться; но всякому предоставлялось ѣсть конское мясо, бросать дѣтей и частно приносить жертвы. Предложеніе было принято, и христіанство постепенно стало вытѣснять собою и послѣдніе останки язычества. Святой Олафъ съ живымъ интересомъ относился къ дѣлу христіанства въ Исландіи, отправилъ для миссіонерскаго труда тамъ англійскаго епископа, по имени Бернарда, и самъ старался добиться принятія церковныхъ законовъ Гримкила и отмѣны варварскаго обычая выбрасыванія дѣтей.

Хотя Исландію время отъ времени посѣщали епископы, однако же чувствовалась нужда въ постоянномъ епископатѣ, и въ 1056 основана была каѳедра скальгодская. Епископомъ избранъ былъ Ислейфъ, сынъ Гиссура, который воспитанъ былъ въ Эрфуртѣ и путешествовалъ въ Римъ; согласно съ повелѣніемъ отъ папы, онъ былъ посвященъ Адальбертомъ бременскимъ во епископа. Съ согласія младшаго Гиссура, наслѣдовавшаго своему отцу Ислейфу, въ 1105 году была основана вторая каѳедра въ Голлумѣ. Епископы, выходя изъ наиболѣе знатныхъ семействъ и надѣляемые, подобно жрецамъ древняго язычества, гражданскою властью, сдѣлались наиболѣе важными членами общины. Адамъ бременскій представляющій поразительную картину скромнаго довольства, благочестія и благотворительности островитянъ, разсказываетъ, что они повиновались своему епископу какъ царю. Въ 1121 году въ Исландіи основанъ былъ первый монастырь, и въ позднѣйшее время на островѣ было семь монастырей для мужчинъ и два для женщинъ [1]. Исландцы торговали со всѣми странами; ихъ духовенство, получавшее воспитаніе въ Германіи, Франціи и Англіи, приносило съ собою знанія и цивилизацію чужеземныхъ странъ. И на этомъ отдаленномъ и негостепріимномъ островѣ возникла туземная литература лѣтописей, поэмъ и сагъ,—эта древнѣйшая литература скандинавовъ, составляющая единственный источникъ свѣденій касательно большей части сѣверной исторіи. Литература эта процвѣтала въ теченіе двухъ столѣтій, до тѣхъ поръ, пока Исландія не подчинена была норвежцами въ 1261 году своему данничеству и латинскій языкъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не сдѣлался въ ней литературнымъ языкомъ.

---

[1] Иннокентій iii неблагопріятно отзывался о состояніи Исландіи. Ep. i, 320 (Patrol. ccxiv).

XIX. Изъ Исландіи христіанство распространилось въ еще болѣе отдаленную страну. Въ 982 году, одинъ норвежецъ, по имени Эрикъ „красный“, бѣжавшій въ Исландію вслѣдствіе совершеннаго имъ человѣкоубійства и присужденный тамъ къ изгнанію вслѣдствіе одной вражды, въ которой онъ былъ замѣшанъ, рѣшился поискать берега, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ видѣнъ былъ нѣкіимъ Гуннбіорномъ. Четыре года спустя, когда истекло время его изгнанничества, Эрикъ вновь посѣтилъ Исландію и склонилъ многихъ изъ своихъ соотечественниковъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ землю своего убѣжища, которую, съ цѣлью, какъ говорятъ, привлечь къ ней поселенцевъ заманчивостью самаго названія, онъ назвалъ Гренландіей („зеленой страной“). Въ 999 году, сынъ Эрика, Лейфъ, путешествовалъ въ Норвегію, гдѣ Олавъ Триггвезенъ склонилъ его принять крещеніе, и въ Гренландію онъ возвратился въ сопровожденіи одного священника. Поселеніе тамъ процвѣтало въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Въ 1055 году (за годъ до основанія первой исландской каѳедры) для нея Адальбертомъ бременскимъ посвященъ былъ епископъ. Тамъ было тринадцать церквей въ восточной части Гренландіи, четыре въ западной, и три или четыре монастыря [1]). Во главѣ Гренландской церкви послѣдовательно стояло шестнадцать епископовъ. Съ 1276 года они приняли титулъ отъ каѳедры гардарской, подчинены были архіепископу нидароскому, и имѣли обыкновеніе присутствовать на соборахъ, какъ въ Норвегіи, такъ и въ Исландіи. И даже и изъ этой отдаленной окраины земли уплачивалась подать преемникамъ ап. Петра. Но съ половины XV столѣтія Гренландія была совершенно потеряна и забыта европейцами. Ледъ настолько скопился около ея береговъ, что сдѣлалъ ихъ совершенно недоступными, и семнадцатый епископъ, назначенный для церкви, не въ состояніи былъ высадиться на берегъ. Населеніе страны опустошено было язвой, извѣстной подъ названіемъ черной смерти, и полагаютъ, что, будучи такимъ образомъ ослаблены, жители Гренландіи были подавлены племенами скреллинговъ (эскимосовъ) съ материка сѣверной Америки, предками теперешнихъ ея жителей [2]).

Норманны повидимому простирали свои открытія изъ Гренландіи до американскаго материка. Въ 1000 году, сынъ Эрика „краснаго“, Лейфъ, поощренный разсказомъ Біорна, сына Геріульфа, о своихъ приключеніяхъ при поискахъ Гренландіи, отправился на кораблѣ въ южномъ направленіи, и изслѣдовалъ нѣсколько береговъ, одному изъ которыхъ дано было названіе Винландъ (то есть, страны винограда), такъ какъ одинъ изъ его сотоварищей, уроженецъ южной Германіи, среди произведеній страны нашелъ и виноградную лозу. Въ томъ же направленіи дѣлаемы были затѣмъ и дальнѣйшія изслѣдованія, и на берегахъ великаго западнаго материка было сдѣлано нѣсколько поселеній. Въ 1121 году одну экспедицію въ Винландъ будто бы сопровождалъ епископъ, по имени Эрикъ [1]), но о немъ ничего неизвѣстно болѣе, и повидимому нельзя довѣрять тѣмъ соображеніямъ или изслѣдованіямъ, которыми, будто бы, найдены въ Америкѣ слѣды христіанства, насажденнаго тамъ скандинавскими искателями приключеній въ средніе вѣка [2]).

---

[1]) Victor II, Ep. 5.

[2]) Населеніе Гренландіи раздѣлялось на два округа—Острь-Бигдъ и Вестрь-Бигдъ, изъ которыхъ восточный былъ болѣе цвѣтущимъ. По описанію, они раздѣлялись между собою пространствомъ въ 12 миль (18 верстъ).

ГЛАВА XXXIX.

Ереси.

1000—1052 гг.

Начало XI столѣтія ознаменовалось появленіемъ еретическихъ учителей въ различныхъ частяхъ Италіи и Франціи. Ученія, проповѣдывавшіяся нѣкоторыми изъ этихъ лицъ, повидимому, давно уже таились среди итальянцевъ, но теперь позорное положеніе, которому подверглась церковь, вмѣстѣ съ общими бѣдствіями и развращенностью времени, содѣйствовали обнаруженію ихъ въ народѣ, и около ересеучителей собиралось не мало приверженцевъ. Изъ того обстоятельства, что Гербертъ, при своемъ посвященіи въ архіепископа реймсскаго (991 г.), произнесъ исповѣданіе вѣры, въ которомъ онъ явно осуждалъ (между другими заблужденіями) нѣкоторые изъ главныхъ пунктовъ манихейской системы [3]), нѣкоторые выводили, что гдѣ нибудь по сосѣдству въ то время существовала какая нибудь ересь манихейскаго характера. Но повидимому съ бóльшею вѣроятностью можно предполагать, что манихейство, которое хотѣлъ осудить Гербертъ, было однимъ изъ тѣхъ многихъ заблужденій, въ которыхъ онъ былъ лично обвиняемъ по враждѣ или довѣрчивости своихъ современниковъ. Выступавшія теперь ученія были иного свойства. Въ окрестностяхъ Шалона на Марнѣ появился около 1000 года нѣкій Леутардъ, человѣкъ низкаго происхожденія и повидимому полупомѣшанный фанатикъ. Онъ заявлялъ, что во время своего сна на полѣ получилъ сообщеніе съ неба, послѣ чего онъ отправился домой, развелся съ своей женой, „какбы по евангельскому правилу“, и отправившись въ церковь, разрушилъ распятіе [1]). Онъ отвергалъ уплату десятинъ и говорилъ, что нѣкоторымъ частямъ св. Писанія не нужно вѣрить, хотя, будучи потребованъ къ себѣ епископомъ діоцеза, онъ ссылался на библейскій текстъ— въ доказательство своего посланничества. Въ теченіе нѣкотораго времени Леутардъ находилъ себѣ многихъ послѣдователей, но большая часть ихъ были усовѣщены епископомъ, и вождь ихъ утопился въ одномъ колодцѣ. Въ другой мѣстности, нѣкій Вильгардъ, грамматикъ равеннскій, преданный впослѣдствіи смерти за свою ересь, пытался возстановить классическое язычество, утверждая, что „ученіямъ поэтовъ нужно вѣрить во всемъ“, и современники разсказываютъ, что къ нему по ночамъ обыкновенно являлись демоны, подъ именами Виргилія, Горація и Ювенала. Историкъ, у котораго мы заимствуемъ свѣденія о Вильгардѣ и Леутардѣ разсказываетъ также, что язычество было весьма распространено въ Сардиніи, и что многіе приверженцы его отправлялись съ этого острова въ Испанію, гдѣ пытались распространить свои мнѣнія, но были прогнаны православными [2]).

---

[1]) Разсказъ объ этомъ путешествіи вставленъ въ нѣкоторыхъ копіяхъ Снорро Стурлесона. Винландъ, по предположенію, былъ не что иное, какъ Родъ. Айлендъ или берегъ по сосѣдству съ нимъ. близь Нью-Іорка (Encycl. Bryt. II, 698, статья „America“).

[2]) Существуетъ разсказъ, что въ XI столѣтіи въ открытыхъ такимъ образомъ странахъ проповѣдывалъ одинъ ирландскій епископъ, по имени Іоаннъ, и былъ замученъ тамъ. Но разсказъ этотъ возникаетъ изъ смѣшенія американскаго Винланда съ страной вендовъ въ сѣверной Германіи, такъ какъ этотъ Іоаннъ, въ дѣйствительности, былъ епископомъ Мекленбурга.

[3]) Hard. VI, 725.

Въ Аквитаніи въ 1017 году открыта была секта манихеевъ, а въ 1022 году болѣе замѣчательная община того же рода открыта была въ Орлеанѣ. Сектанты будто бы получили свое ученіе отъ одной проповѣдницы [3]), которая прибыла изъ Италіи, и была такъ „полна діавола“, что могла совращать самыхъ ученыхъ духовныхъ лицъ. Въ теченіе нѣкотораго времени секта распространялась тайно. Вождями ея были двое духовныхъ лицъ, по имени Стефанъ и Лисой, оба уважаемые за свое благочестіе, свою ученость и свою благотворительность, причемъ Стефанъ былъ духовнымъ отцомъ королевы Констанціи, на которой женился Робертъ французскій послѣ своего вынужденнаго разлученія съ Бертой. Среди послѣдователей ея было десять каѳедральныхъ канониковъ и много знатныхъ лицъ не только въ Орлеанѣ и его окрестностяхъ, но даже и въ королевскомъ дворцѣ [1]).

---

[1]) Crucem et salvatoris imaginem. Быть можетъ однако это были различные предметы.

[2]) Rad. Glab. II, 11, 12.

[3]) Адемаръ (III, 59) говоритъ, что отъ *поселянина*, который въ нѣкоторыхъ текстахъ называется жителемъ Перигё (Perigueux). Свидѣтельства Радульфа Лысаго, Адемара и неизвѣстнаго писателя, служащаго главнымъ источникомъ по этому предмету (повидимому, жизнеописателя Арефаста) см. у Hard. VI, 821 и слѣд.

Объ открытіи этихъ сектантовъ существуютъ различные разсказы. Наиболѣе обстоятельный разсказъ приписываетъ его Арефасту, одному благородному норманну, который, давъ позволеніе одному капеллану, по имени Герберту, отправиться въ Орлеанъ съ научною цѣлью, былъ крайне удивленъ, когда по его возвращеніи узналъ, что онъ заразился тамъ новыми и еретическими мнѣніями. По желанію короля Роберта, которому чрезъ посредство герцога норманнскаго онъ доложилъ объ этомъ дѣлѣ, Арефастъ отправился въ Орлеанъ, съ цѣлью накрытія еретиковъ, и по совѣту одного духовнаго лица изъ Шартръ, съ которымъ онъ совѣтовался на своемъ пути, притворился ученикомъ Стефана и Лисоя. Они учили его, что Христосъ не рождался въ дѣйствительности отъ дѣвы Маріи, что Онъ не былъ въ дѣйствительности распятъ или погребенъ, и не воскресалъ, что крещеніе не имѣетъ никакого значенія для смытія грѣха, что священническое освященіе не превращаетъ евхаристіи въ тѣло и кровь Искупителя, что не нужно молиться мученикамъ или исповѣдникамъ [2]). На вопросъ Арефаста, какъ ему достигнуть спасенія, если средства, на которыя онъ дотолѣ полагался, были не дѣйствительны, ересеучители отвѣчали, что они совершатъ надъ нимъ возложеніе своихъ рукъ, которое очиститъ его отъ всякаго грѣха и наполнитъ его святымъ Духомъ, такъ что онъ будетъ понимать Писаніе во всей его глубинѣ и истинномъ значеніи, что они дадутъ ему небесную пищу, благодаря которой онъ будетъ способенъ видѣть видѣнія и наслаждаться общеніемъ съ Богомъ. Подъ этою таинственною пищею, которая изображалась имѣющею силу навсегда утверждать учениковъ въ ученіи секты, разумѣлось, безъ сомнѣнія, нѣчто духовное, нѣчто въ родѣ consolamentum нѣсколько позднѣйшихъ сектантовъ [3]). Но въ объясненіе этого измышленъ былъ впослѣдствіи разсказъ, что еретики на нѣкоторыхъ изъ своихъ собраній возносили литанію злымъ духамъ, что имъ являлся діаволъ въ видѣ небольшаго животнаго, что свѣчи тогда тушились, и каждый мужчина обнималъ находившуюся поближе къ нему женщину, даже если бы это была его мать, его сестра или посвященная монахиня. Ребенокъ, родившійся отъ такого свальнаго грѣха, на восьмой день по своемъ рожденіи сожигался на сектантскомъ собраніи, пепелъ его сохранялся для того, чтобы впослѣдствіи раздаваться подъ именемъ небесной пищи, и сила этого *діавольскаго* таинства была такая, что всякій, принимавшій его, дѣлался непоколебимо преданнымъ ереси 1).

---

[1]) Rad. Glab. ııı, 8; Ademar. ııı, 59. Радульфъ называетъ Стефана именемъ Герберта.

[2]) Hard. vı, 823.

[3]) Каѳаровъ. См. ниже, т. ıı, гл. xı, отд. ıı.

Робертъ, получивъ свѣденія отъ Арефаста, отправился въ Орлеанъ, гдѣ и накрыта была вся партія сектантовъ, и Арефастъ выступилъ въ качествѣ свидѣтеля противъ нихъ. Они сознались въ своемъ ученіи и выражали увѣренность, что оно распространится по всему міру. При этомъ они заявляли, что держатся воззрѣній, далеко превосходящихъ разумѣніе обыкновенныхъ христіанъ,—такъ какъ эти воззрѣнія преподаны имъ внутренне Богомъ и св. Духомъ; съ презрѣніемъ говорили о св. Троицѣ и о чудесахъ, разсказываемыхъ въ св. Писаніи; утверждали, что небо и земля вѣчны и не сотворены; повидимому учили также, что чувственные грѣхи не подлежатъ наказанію, и что обыкновенныя религіозно-нравственныя обязанности излишни и безполезны.

Послѣ тщетной попытки отвратить сектантовъ отъ ихъ заблужденій, они были осуждены на смерть. Тѣ изъ нихъ, которые были духовными лицами, были низложены и лишены своихъ облаченій. Во время судопроизводства, королева Констанція, по желанію своего мужа, стояла на ступеняхъ церкви, въ которой состоялся судъ, для того чтобы своимъ присутствіемъ удерживать народъ отъ вторженія въ церковь, гдѣ онъ хотѣлъ растерзать обвиненныхъ въ куски. Желая доказать, что ея отвращеніе къ ереси выше всякой старой личной привязанности, она ткнула своимъ посохомъ въ глазъ своего бывшаго духовнаго отца, когда онъ выведенъ былъ изъ церкви послѣ осужденія. Двое изъ сектантовъ—духовное лицо и монахиня отреклись отъ ереси, тринадцать человѣкъ остались непоколебимыми и приближались къ мѣсту казни съ веселымъ и торжествующимъ видомъ, въ ожиданіи чудеснаго избавленія. Одинъ историкъ того времени разсказываетъ, что когда вокругъ нихъ запылали огни и однакоже не появлялось никакого заступничества, они кричали, что діаволъ обманулъ ихъ; но по другому свидѣтельству, они сохраняли свое ликующее настроеніе до послѣдняго издыханія 2). Вмѣстѣ съ ними въ пламя былъ брошенъ какой то прахъ, бывшій, по предположенію, „небесною пищею“. Тѣло каноника, по имени Теодата, бывшаго членомъ секты, но умершаго за три года предъ тѣмъ, было вынуто изъ могилы и брошено въ неосвященное мѣсто.

Въ 1025 году, Герардъ, епископъ Арраса и Камбрая, ученикъ Герберта, открылъ въ первомъ изъ этихъ городовъ нѣсколькихъ сектан-

---

1) Адемаръ говоритъ, что діаволъ обыкновенно являлся сначала въ видѣ негра, а затѣмъ въ видѣ ангела свѣта, и ежедневно снабжалъ сектантовъ деньгами, ш, 59.

2) Rad. Glab. ap. Bouquet, x, 38, Ademar. ш, 59.

товъ, которые по ихъ назначенію получили свое ученіе отъ итальянца, по имени Гундульфа [1]). Епископъ привлекъ ихъ на судъ одного собора, и добился отъ нихъ сознанія въ своемъ ученіи. Они отрицали пользу крещенія и евхаристіи, приводя для своихъ возраженій противъ крещенія три основанія, именно: недостоинство духовенства, то обстоятельство, что грѣхи, отъ которыхъ отрекаются въ купели, впослѣдствіи опять въ дѣйствительности совершаются, и мысль, что младенецъ, будучи неспособенъ къ вѣрѣ или волѣ, не можетъ получать никакой пользы отъ исповѣданія другихъ. Ихъ обвиняли въ отрицаніи исповѣди, въ уничиженіи церкви, въ осужденіи брака, въ непочитаніи исповѣдниковъ и въ ограниченіи почитанія только апостолами и мучениками. Они учили, что храмы не болѣе святы, чѣмъ и другія зданія; что жертвенникъ есть простая куча камней, и крестъ ничуть не отличается отъ всякаго другаго дерева. Они осуждали епископское рукоположеніе, различіе въ степеняхъ священнослуженія, употребленіе колоколовъ, кажденія, иконъ и пѣнія, а также обычай погребенія на освященномъ мѣстѣ, что все будто бы духовенство ввело ради своихъ прибылей. Повидимому они отрицали также и воскресеніе тѣла. Въ своемъ отвѣтѣ епископу они заявляли, что ихъ мнѣнія основаны на св. Писаніи, что ихъ законы обязывали ихъ оставлять міръ, воздерживаться отъ всякихъ плотскихъ похотей, добывать себѣ содержаніе трудомъ своихъ собственныхъ рукъ и дѣлать добро тѣмъ, кто противодѣйствовали имъ. Если они соблюдаютъ эти правила, то крещеніе имъ не нужно; если же они пренебрегаютъ этими правилами, то крещеніе не въ состояніи помочь имъ [2]).

Герардъ подробно опровергалъ ученіе этой секты, приводя доводы, свойственные богословію того времени, и хотя онъ въ подтвержденіе своихъ доводовъ, пользуется многими чудесными разсказами, мы не можемъ не отдать должной чести его мудрости и превосходному настроенію. Онъ порицалъ заблуждающихся, особенно за то мнѣніе, будто бы они могли имѣть свои собственныя заслуги, что несовмѣстимо съ ученіемъ божественной благодати [3]). Сектанты, бывшіе повидимому людьми простаго ума и малаго образованія, склонились на его убѣжденіе, поверглись предъ нимъ ницъ и выражали опасеніе, что такъ какъ они ввели въ заблужденіе другихъ, то ихъ грѣхъ не будетъ прощенъ. Но онъ утѣшилъ ихъ увѣреніемъ въ прощеніи, и послѣ подписи ими православнаго исповѣданія они приняты были въ общеніе церкви [4]).

---

[1]) Patrol. CXLII, 1271.

[2]) Patrol. CXLII, 1271—1306.

[3]) Patrol. CXLII, 1309—10.

[4]) Patrol. CXLII, 1311—12.

Ересь манихейскаго характера проповѣдывалась также въ Тулузѣ, гдѣ хотя тѣ изъ проповѣдниковъ ея, которые были накрыты, преданы были смерти, мнѣнія ихъ продолжали распространяться въ окрестности, и въ 1044 году Герибертъ, архіепископъ миланскій, при посѣщеніи своей провинціи, открылъ одну секту въ Монте-Форте, близь Турина. Главнымъ учителемъ этой секты былъ нѣкій Герардъ; она пользовалась покровительствомъ графини монте-фортской, и среди ея членовъ было не мало духовенства. Спрошенный касательно своего вѣрованія, Герардъ давалъ православные отвѣты, но при дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что эти отвѣты были уклончивые. Сектанты учили, что подъ Сыномъ Божіимъ разумѣлась человѣческая душа, возлюбленная Богомъ и рожденная отъ Св. Духа, что Св. Духъ постигаетъ божественныя вещи, что они могли быть связываемы и разрѣшаемы лицами, которыя уполномочены на это дѣло, но что это не духовенство церкви. Они говорили, что имѣютъ первосвященника, отличнаго отъ первосвященника Рима,—первосвященника, который не постриженъ, того, кромѣ котораго нѣтъ никакого другаго первосвященника и никакого другаго таинства; что онъ ежедневно посѣщалъ своихъ братьевъ, разсѣянныхъ по всему міру, и что когда Богъ даровалъ его имъ, они получили прощеніе всѣхъ грѣховъ. У нихъ была своя особая іерархія; жили они строго, не ѣли мяса, часто постились, поддерживали по очереди непрерывную молитву и соблюдали общеніе имѣній. Они внушали долгъ цѣломудрія, жили съ своими женами какъ съ матерями или сестрами, и вѣровали, что если все человѣчество будетъ жить въ чисто духовномъ единеніи, то родъ человѣческій будетъ распространяться по образу пчелъ. Они находили желательнымъ пострадать въ этой жизни, съ цѣлью отвратить страданія въ будущей жизни. Отсюда у нихъ было въ обычаѣ, что тѣ изъ нихъ, кто избѣгали внѣшняго гоненія, должны были подвергаться мученіямъ и смерти отъ своихъ друзей.

Члены этой секты были схвачены и отправлены въ Миланъ. Тамъ сдѣланы были попытки заставить ихъ отречься отъ своихъ заблужденій, но безуспѣшно, и власти, узнавъ, что они старались пріобрѣтать себѣ приверженцевъ среди поселянъ, приказали, хотя и безъ согласія архіепископа, отвести ихъ на одно мѣсто за городомъ, гдѣ отъ нихъ и требовали, подъ страхомъ сожженія, кланяться кресту и исповѣдать православную вѣру. Почти всѣ они отказались, и закрывая себѣ глаза руками, побросались въ приготовленный для нихъ огонь.

Новѣйшіе писатели вообще полагаютъ, хотя на трудно уловимыхъ основаніяхъ, что свидѣтельство о непричастности Герберта къ судьбѣ этихъ несчастныхъ фанатиковъ невѣрно. Но по крайней мѣрѣ съ стороны раздался голосъ одного епископа въ пользу христіанскаго начала и гуманности въ отношеніи религіознаго заблужденія. Епископъ льежскій, Вазо, умершій въ 1048 году, получилъ письмо отъ Рожера, епископа шалонскаго на Марнѣ, въ которомъ сообщалось о появленіи какихъ то еретиковъ, принимавшихъ ученіе Манеса и считавшихъ его святымъ Духомъ. Среди другихъ вещей, Рожеръ заявляетъ, что даже самые необразованные люди, по совращеніи въ эту секту, становились болѣе ловкими въ своихъ разсужденіяхъ, чѣмъ наиболѣе ученыя духовныя лица, и онъ спрашивалъ, какъ ему поступать съ ними. Въ отвѣтъ ему Вазо говоритъ, что насильственныя мѣры несовмѣстимы съ притчей Спасителя о плевелахъ, что епископы, при своемъ посвященіи, не получаютъ меча, что власть имъ дана не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы животворить, что они должны ограничиваться отлученіемъ находящихся въ заблужденіи отъ церкви и препятствовать имъ распространять заразу. Писатель, сохранившій эту переписку, подтверждаетъ этотъ совѣтъ авторитетомъ св. Мартина и выражаетъ увѣренность, что епископъ турскій сильно порицалъ бы наказаніе нѣкоторыхъ еретиковъ, которые преданы были смерти въ Госларѣ въ 1052 году [1].

Происхожденіе сектъ, которыя такимъ образомъ въ короткое время появились въ столь многихъ мѣстахъ, составляетъ предметъ сомнѣнія и спора. Еретики къ сѣверу отъ Альпъ большею частью заявляли, что они заимствовали свои мнѣнія непосредственно изъ Италіи, но спрашивается, введены ли они были въ эту страну павликіанскими бѣглецами, потомками павликіанъ, которые въ 969 году были переселены Іоанномъ Цимисхіемъ изъ Арменіи во Ѳракію и сдѣланы охранителями западныхъ границъ его имперіи, съ позволеніемъ удерживать свою религію, или мнѣнія эти были заимствованы у манихеянъ, которые, не смотря на суровыя мѣры Льва Великаго и другихъ папъ съ цѣлью подавленія секты, тайно продолжали передавать свои ученія отъ поколѣнія къ поколѣнію въ Италіи. Заявленіе еретиковъ въ Монте-Форте, что они не знали, изъ какой части міра пришли они, приводившееся въ пользу связи ихъ съ павликіанами, повидимому скорѣе говоритъ въ пользу противоположнаго взгляда, насколько оно даетъ поводъ заключать не только о чужеземномъ происхожденіи (что было общимъ какъ у манихеевъ, такъ и у павликіанъ), но и о появленіи ихъ ученій въ Италіи за долго до того сравнительно недавняго времени, когда павликіанство занесено было въ Европу. Кромѣ того, сектанты Монте-Форте отличались отъ павликіанъ въ дѣлѣ отверженія плоти и брака, въ системѣ своей іерархіи, въ ученіи о различіи между избранными и слушателями, и западныя секты вообще почитали Манеса, между тѣмъ какъ павликіане анаѳематствовали его. Туманность, въ которой въ нѣкоторыхъ случаяхъ выступали манихейскія доктрины, иногда объясняли предположеніемъ, что темные послѣдователи Манеса, проживая въ теченіе цѣлыхъ столѣтій въ разныхъ темныхъ углахъ, скорѣе держались внѣшними обрядами, чѣмъ какимъ либо точнымъ знаніемъ исповѣдываемой ими системы, хотя вообще въ этомъ отношеніи у насъ имѣются лишь весьма смутныя и недостаточныя свѣденія. Можно поэтому думать, что новые еретики заимствовали свои мнѣнія отъ манихеевъ, и согласно съ защитниками этого воззрѣнія, западные еретики стали находить сходство между собою и павликіанами, не ранѣе, какъ Востокъ поставленъ былъ въ общеніе съ Западомъ чрезъ посредство крестовыхъ походовъ, которое, посредствомъ сказочныхъ измышленій, затѣмъ переносилось на предполагаемую связь отъ ранняго времени. Но нужно сказать, что у насъ совершенно не имѣется данныхъ для предположенія, что манихейская секта продолжала существовать въ Италіи, и единственнымъ свидѣтельствомъ о ея существованіи послѣ времени Григорія Великаго, служитъ только упоминаніе о какихъ то еретикахъ, которые называются аріанами, но вѣроятно (какъ предполагаютъ) были манихеями, въ Падуѣ въ x столѣтіи.

---

[1] Gesta episcop. Leodiensium, 62—4 (Pertz, viii). О сектантахъ госларскихъ см. Herm. Contr. 1052 г.

На Востокѣ начало xi столѣтія также ознаменовалось появленіемъ или усиленною дѣятельностью нѣкоторыхъ еретическихъ сектъ, каковыми напримѣръ были аѳингганы, дѣти Солнца, и евхиты, но ихъ вліяніе было столь ограниченнымъ, что нѣтъ надобности и сообщать о нихъ подробнѣе.

ГЛАВА XL.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

I. Іерархія.

1. Отношеніе папства къ свѣтской власти, и особенно къ императорамъ Запада, опредѣлялось скорѣе обстоятельствами, чѣмъ какими либо установившимися принципами. Съ каждой стороны были притязанія, которыя то допускались, то отрицались другой стороной, но даже и въ томъ случаѣ когда они были допускаемы, приведеніе ихъ въ исполненіе зависѣло отъ вопроса, былъ ли притязающій достаточно силенъ и благопріятствовали ли ему обстоятельства.

Германскіе императоры все еще удерживали за собою тѣ же самыя права верховенства надъ Римомъ, которыя принадлежали

Каролингамъ. Императоры продолжали участвовать, посредствомъ своихъ уполномоченныхъ, въ дѣлѣ назначенія папы, и папы даже были рады вновь подтверждать это императорское участіе, какъ средство устраненія безпорядковъ, случавшихся при избраніи, которое обыкновенно производилось среди яростнаго соперничества римскихъ партій и насилія окружающей знати. Одинъ соборъ при Іоаннѣ ix, въ 898 году, когда Ламбертъ былъ коронованъ въ качествѣ императора, постановилъ, чтобы въ предотвращеніе такихъ смятеній и безобразій, какія совершались въ отсутствіе императорскихъ уполномоченныхъ, при будущихъ избраніяхъ присутствіе уполномоченныхъ считалось необходимымъ, и въ другомъ канонѣ онъ угрожаетъ негодованіемъ императора, равно какъ и духовными наказаніями всякому, кто будетъ возобновлять безпорядки, бывшіе обычнымъ явленіемъ при смерти папы, когда въ папскій дворецъ обыкновенно вторгались грабители, часто простиравшіе свое хищничество на городъ и его окрестности ¹). И хотя документъ, носящій имя Льва viii, которымъ предоставляется Оттону Великому и его преемникамъ власть назначать на папство, равно какъ и на императорскій престолъ, вѣроятно подложный, постановленія его однакоже согласуются съ дѣйствительно существовавшимъ въ то время состояніемъ вещей. Императоръ считался имѣющимъ право рѣшать дѣла по аппелляціямъ къ нему отъ римскихъ подданныхъ, въ случаѣ угнетенія ихъ папой. Императоры даже низлагали папъ, и это не по какому либо самовольному употребленію насилія, но какбы во исполненіе принадлежавшаго ихъ положенію долга; такъ, мы видѣли, что дѣйствія Оттона Великаго противъ жалкаго юнаго распутника Іоанна xii были предприняты имъ неохотно и какбы по требованію необходимости ²). Въ то время признавалось, что даже папа не былъ не отвѣтственъ на землѣ, и что для исполненія правосудія по отношенію къ верховному пастырю церкви имѣла право вмѣшиваться въ дѣло высшая свѣтская власть. Въ общемъ однако же папы пріобрѣтали все больше власти, и подготовляли почву для своихъ преемниковъ.

Съ вѣроятностью можно думать, что Карлъ Великій, предполагая возстановить Римскую имперію, надѣялся сдѣлаться и господиномъ папъ, но результатъ оказался къ выгодѣ папства. Левъ iii съумѣлъ дать изъ своихъ рукъ корону самому Карлу Великому, и хотя великій императоръ позаботился о томъ, чтобы его сынъ получилъ корону такъ, чтобъ не казалось, будто она получается въ

---

¹) Cc. x—xi ap. Pertz, Leges, ii App. 158 или Hard. vi, 489. Разграбленіе имущества епископа послѣ его смерти было обычнымъ явленіемъ и въ другихъ мѣстахъ (Patrol. cxxxiv, 87).

²) См. выше, стр. 901. Гумбертъ, однако же, считаетъ пресѣченіе рода Оттона въ третьемъ поколѣніи наказаніемъ за ихъ вмѣшательство въ духовныя дѣла. Adv. Simoniacos iii, 15 (Patrol. cxliii).

зависимости отъ римскаго соизволенія, Людовикъ однако же вновь принялъ коронацію отъ Стефана IV. Папы продолжали короновать императоровъ, пока въ общемъ воззрѣніи не установилось мнѣніе, что высшее изъ гражданскихъ достоинствъ могло быть предоставляемо только самимъ Богомъ, чрезъ посредство Его главнаго служителя, преемника ап. Петра, и хотя обладаніе итальянскимъ королевствомъ считалось заключающимъ въ себѣ право на императорскій престолъ, императорскій титулъ получался германскими властелинами Италіи не ранѣе, какъ послѣ коронаціи ихъ въ Римѣ со стороны папы [1]).

Подобно тому, какъ восточные епископы, аппеллируя къ императору по своимъ дѣламъ, тѣмъ самымъ установили императорскій авторитетъ въ духовныхъ дѣлахъ, такъ и государи Запада, обращаясь съ своими распрями къ папѣ и прося его объ утвержденіи своихъ завоеваній, тѣмъ самымъ надѣляли его властью посредничества и контроля, которая болѣе и болѣе притязала на верховенство надъ всякимъ гражданскимъ правительствомъ. Этому содѣйствовало также приписывавшееся папѣ право всеобщаго наблюденія надъ нравственностью, а также принадлежавшее ему право отлученія, которое заставляло трепетать королей, не только вслѣдствіе прямаго лишенія духовныхъ преимуществъ, но также и вслѣдствіе опасенія тѣхъ результатовъ, которые могъ такой приговоръ произвести среди ихъ народа. Обширность и разнообразіе сцены, на которой приходилось дѣйствовать папамъ, также содѣйствовали возвышенію ихъ авторитета, такъ какъ приговоръ, дѣлавшійся тщетнымъ вслѣдствіе энергіи одного противника, удавался въ другихъ мѣстахъ, гдѣ противникъ былъ слабъ, и вслѣдствіе этого становился прецедентомъ для общаго приложенія въ будущемъ. Въ новообращенныхъ государствахъ, какъ, напримѣръ, Венгріи и Польшѣ, власть папы надъ національною церковью была съ самаго начала установлена по принципу. Что же касается до постыднаго униженія папства въ теченіе значительной части обозрѣваемаго времени, то оно не могло производить болѣе или менѣе значительнаго вліянія на отношеніе къ нему въ чужихъ странахъ, потому что тамъ мало или даже совершенно ничего не слышно было о папѣ какъ личности, и онъ просто считался лишь преемникомъ главнаго апостола.

Земельное владѣніе и доходы папства уменьшились, вслѣдствіе захватовъ итальянской знати и нападеній сарацинъ. Но папство нашло новые источники богатства въ обычаѣ присоединенія къ своей каѳедрѣ доходовъ епископій и аббатствъ въ различныхъ частяхъ христіанскаго міра, и въ платежахъ, взимавшихся въ тѣхъ странахъ, которыя находились въ общеніи съ ними, каковы были динарій

---

[1]) Ducange подъ сл. Imperator, p. 772.

Петра въ Англіи и подать, платимая Польшей. Затѣмъ, цѣлымъ рядомъ подлоговъ было установлено мнѣніе, что тѣ территоріи, которыми обладала римская каѳедра, были лишь частями гораздо большаго наслѣдія по праву, принадлежавшему ей въ силу даровъ, предоставленныхъ ей императорами и другими государями отъ времени Константина Великаго.

Политика папъ по отношенію къ церкви стремилась къ сосредоточенію всякой власти въ папствѣ. Въ основу этихъ притязаній положены были начала подложныхъ декреталій. Тѣ, кто желали польстить папамъ, обращались къ нимъ съ титулами болѣе пышными, чѣмъ какіе были извѣстны раньше, и конечно не встрѣчали возраженія въ этомъ отношеніи. Съ эпитетомъ „вселенскій“, который Григорій Великій объявлялъ незаконнымъ ни для какого христіанскаго іерарха, къ папѣ Николаю I обращались Адвентій, епископъ мецскій, и Карлъ Лысый, и онъ сдѣлался впослѣдствіи обычнымъ. Адвентій называлъ Николая: „ваше величество“ 1), каковое выраженіе весьма часто употреблялъ и Петръ Даміани въ обращеніяхъ къ папамъ своего времени 2). Теотмаръ, архіепископъ зальцбургскій, и его суффраганы обращались къ Іоанну IX „какъ къ верховному первосвященнику и вселенскому папѣ не одного только города, но и всего міра“ 3). Притязанія, выражавшіяся въ новыхъ посягательствахъ папства, были сначала нѣсколько неопредѣленны. Что разумѣлось подъ вселенскимъ епископатомъ папства? Что составляло его верховную юрисдикцію? Когда и какъ она могла быть осуществляема? Но разъ такіе неопредѣленные и громкіе титулы укоренились въ общемъ сознаніи, папы могли дѣлать изъ нихъ почти всякіе выводы, какіе только желалось имъ. Притязаніе, заявлявшееся папой Николаемъ на обязательность повиновенія всѣмъ опредѣленіямъ папъ, утверждалось на основаніи отличномъ отъ того, которое выставлялось иногда его предшественниками. Раньше такое притязаніе основывалось на предположеніи, что Римъ былъ наиболѣе вѣрнымъ хранителемъ апостольской вѣры и жизни, или по крайней мѣрѣ, что папа былъ высшимъ истолкователемъ закона, а не то, чтобы онъ притязалъ на власть законодательную. Но теперь притязаніе это покоилось просто на томъ основаніи, что Римъ есть Римъ, и дѣло, выставлявшееся подъ санкціей такого притязанія, состояло просто въ подлогѣ, по которому новая и неслыханная дотолѣ система папскаго владычества выводилась, будто бы, изъ древнѣйшихъ установленій церкви.

---

1) Hard. V, 321.

2) Въ XII столѣтіи Арнульфъ лизійскій (Lisieux) обращался съ такимъ титуломъ къ Жоффрею, епископу шартрскому и папскому легату. Patrol. CCI, 171.

3) Hard. VI, 483. Нѣкоторые епископы признавали, что они свое епископство получали отъ Бога чрезъ св. Петра, то есть, чрезъ преемниковъ апостола на каѳедрѣ римской (какъ, напримѣръ, Геривей и соборъ въ Реймсѣ отъ 900 г.). Тамъ же, 467.

Партія, опиравшаяся на авторитетъ декреталій, стремилась къ ограниченію власти митрополитовъ. Нѣкоторыя обстоятельства, по-видимому, показываютъ, что митрополиты начали было присвоивать себѣ власть большую, чѣмъ та, которая принадлежала имъ раньше. Но теперь явилось стремленіе не ограничиваться низведеніемъ ихъ только въ ихъ прежніе предѣлы; у нихъ отрицалась всякая власть суда надъ епископами, и когда они были лишены своей судебной власти, то, понятно, не могли пользоваться значительнымъ вліяніемъ и вообще ихъ авторитетъ въ дѣлѣ надзора за духовенствомъ. Въ интересѣ епископовъ было содѣйствовать папамъ въ дѣлѣ ослабленія власти митрополитовъ и провинціальныхъ соборовъ надъ членами епископата, съ цѣлью подчиненія ихъ только папѣ одному. Были даже и такія побужденія, которыя могли склонять митрополитовъ соглашаться на принесеніе въ жертву независимости своего собственнаго сана. Они вмѣстѣ съ другими епископами, благодаря союзу съ папствомъ, получали больше силы противъ притязаній гражданской власти. Они чувствовали, что ихъ достоинство возвышается вслѣдствіе связи съ силой, которая ставила религію выше всякой земной власти, и обычай полученія палліума имѣлъ весьма большое значеніе въ дѣлѣ примиренія ихъ съ этой перемѣной. Палліумъ, первоначально составлявшій часть императорскаго облаченія, сначала давался восточными императорами патріархамъ своей столицы. Въ v и vi столѣтіяхъ онъ сталъ даваться и другимъ патріархамъ, и по временамъ онъ давался также папами и патріархами епископамъ, хотя для предоставленія его епископу, предшественники котораго не пользовались имъ, требовалось предварительное согласіе императора 1). Палліумъ былъ посылаемъ папами своимъ викаріямъ, онъ считался знакомъ особенной связи съ римской каѳедрой, къ которой удостоивавшійся палліума привязываемъ былъ строгой клятвой въ подчиненіи и послушаніи. Когда нѣкоторые митрополиты такимъ образомъ получили его, то другіе, желая стать на одинъ уровень съ ними, обращались къ папѣ съ просьбами о такомъ же отличіи, такъ что онъ сталъ считаться особымъ знакомъ митрополичьяго достоинства, и это достоинство стало считаться даромъ папы. Николай I въ своемъ отвѣтѣ болгарамъ заявляетъ, что ихъ будущій архіепископъ не долженъ отправлять своей должности, пока не получитъ палліума отъ Рима: таковъ, говоритъ онъ, обычай въ Галліи, Германіи и другихъ стра-

---

1) Много свѣденій о палліумѣ можно находить въ сочиненіи Rock'a, Church of our Fathers, vol. II, На Востокѣ патріархи давали его всѣмъ епископамъ (135). На Западѣ онъ принадлежалъ (хотя, вѣроятно, не ранѣе, какъ послѣ разсматриваемаго теперь времени) епископскимъ каѳедрамъ Остіи, Лукки, Вероны, Пармы, Аутуна, Долы и Бамберга (157). При погребеніи онъ клался вмѣстѣ съ лицомъ которому онъ былъ дарованъ (См. Ducange подъ сл. Pallium, 3). При Карлѣ Великомъ палліумъ давался съ его согласія, и вѣроятно согласно съ его волей.

нахъ [1]), и Іоаннъ VIII на соборѣ равеннскомъ, въ 877 году, постановилъ, чтобы каждый митрополитъ, черезъ три мѣсяца послѣ своего избранія, посылалъ въ Римъ изложеніе своей вѣры, вмѣстѣ съ просьбой о палліумѣ [2]). Въ то время, какъ митрополиты такимъ образомъ получали нѣкоторое вознагражденіе за потерю своей независимой власти, именно въ видѣ своей особой связи съ Римомъ и въ отправленіи своей юрисдикціи въ качествѣ уполномоченныхъ папы,—палліумъ сдѣлался не только знакомъ ихъ подчиненности, но и источникомъ дохода для римской казны. Хотя Григорій I положительно запретилъ какую бы то ни было уплату за него, однако теперь стала требоваться особая плата за него, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ она была столь тяжелою, что Канутъ, во время своего паломничества въ Римъ, жаловался папѣ на отяготительную сумму, требовавшую отъ англійскихъ архіепископовъ, и получилъ обѣщаніе на сбавку ея въ будущемъ [3]). Что митрополиты подчинялись вымогательнымъ платежамъ для полученія этого знака,—это служитъ явнымъ доказательствомъ того, что выгода такой санкціи для ихъ власти оказывалась весьма чувствительною.

Менѣе чѣмъ гдѣ либо митрополиты потеряли въ своей власти въ Англіи и Германіи. Въ Англіи все основаніе церкви покоилось на приматствѣ кентерберійскомъ. Въ Германіи митрополиты Менца, Кельна, Тревъ и Зальцбурга, вмѣстѣ съ своими каѳедрами, занимали и высокія достоинства въ имперіи. Тѣмъ не менѣе великіе германскіе прелаты имѣли ту невыгоду, что народное мнѣніе несознательно приписывало ихъ власть не ихъ духовнымъ, а ихъ гражданскимъ должностямъ.

Вдобавокъ къ своимъ викаріямъ, папы назначали особыхъ легатовъ для исполненія нѣкоторыхъ изъ своихъ обязанностей, какъ, напримѣръ, созыванія соборовъ для изслѣдованія дѣлъ, за рѣшеніемъ которыхъ обращались къ Риму, или въ которыя считали нужнымъ вмѣшаться сами папы. Эти легаты были иногда духовными лицами, посылаемыми изъ Италіи; но такъ какъ на чужеземныхъ духовныхъ сановниковъ государи смотрѣли съ подозрительностью, то было болѣе обычнымъ давать легатское полномочіе какому либо епископу той страны, гдѣ должно было состояться разслѣдованіе. Даже королямъ иногда предоставлялся авторитетъ папскихъ уполномоченныхъ, какъ это мы и видѣли на примѣрѣ Карла Лысаго на соборѣ понтіонскомъ [4]).

Притязаніе папъ на исключительную юрисдикцію надъ епископами уже не оспаривалось болѣе со времени побѣды, одержанной Іоанномъ XV и Григоріемъ V въ дѣлѣ Арнульфа реймскаго. Лица, назначавшіяся на епископскія каѳедры, если они находили какое либо затрудненіе въ полученіи посвященія отъ своего собственнаго митрополита, старались получать его отъ рукъ папы, и одинъ римскій соборъ при Бенедиктѣ VI, состоявшійся вѣроятно въ 983 году, съ цѣлью подавленія симоніи, постановилъ, что не только епископы, но и священники или діаконы должны обращаться за рукоположеніемъ въ Римъ, если только его нельзя было получить безъ платежа у себя дома [1]. Тѣмъ не менѣе до конца этого періода прелаты Франціи и Германіи противодѣйствовали нѣкоторымъ попыткамъ папъ посягнуть на ихъ права, такъ какъ титулъ „вселенскаго“ епископа былъ допускаемъ только въ смыслѣ права на общій надзоръ, а не въ смыслѣ предоставленія папамъ отправленія епископскихъ функцій въ каждомъ діоцезѣ. Это противодѣйствіе особенно обнаружилось тогда, когда папы пытались вмѣшиваться въ дѣла покаянной дисциплины. Каждый епископъ раньше считался единственнымъ судьей въ покаянныхъ дѣлахъ въ предѣлахъ своего собственнаго діоцеза, единственнымъ лицемъ, которое могло отмѣнять эпитемію, наложенную имъ самимъ. Власть епископа давать разрѣшеніе еще не подвергалась нападенію; не было еще такихъ случаевъ, рѣшеніе которыхъ предоставлялось бы только одному папѣ. Но папы начали заявлять притязанія на юрисдикцію и въ дѣлѣ покаянной дисциплины, въ родѣ той, которую они постепенно распространяли на церковь въ другихъ отношеніяхъ; они присвоили себѣ право дѣлать разрѣшеніе отъ эпитемій, которымъ согрѣшавшіе подвергнуты были другими епископами. Обращеніе кающихся въ Римъ поощрялось различными обстоятельствами. Во многихъ случаяхъ епископы сами обращались за совѣтомъ къ папѣ, или совѣтовали обращаться къ нему, съ цѣлью ли избѣжанія отвѣтственности въ трудныхъ случаяхъ, или для того, чтобы продолжительное и утомительное путешествіе въ Римъ само по себѣ могло послужить своего рода покаяннымъ подвигомъ. Но когда кающіеся начали стекаться въ Римъ съ цѣлью полученія отъ папы разрѣшенія, въ которомъ имъ отказано было ихъ діоцезными епископами, или съ убѣжденіемъ, что разрѣшеніе преемника ап. Петра имѣетъ высшее значеніе, то обычай этотъ вызвалъ сильные и частые протесты отъ соборовъ и отдѣльныхъ епископовъ [2]. Агитонъ (или Гаттонъ) базельскій около 820 года постановилъ, чтобы тѣ изъ кающихся, которые желали отправиться въ апостольскій городъ, сначала исповѣдались въ своихъ грѣхахъ дома, „такъ какъ они должны быть связываемы или разрѣшаемы своимъ собственнымъ епископомъ или священникомъ, а не чужими“ [1]. Когда одному англійскому графу, который былъ отлученъ Дунстаномъ за вступленіе въ незаконный бракъ, удалось посредствомъ вліянія и денегъ въ Римѣ получить отъ папы повелѣніе, чтобы архіепископъ принялъ его въ общеніе, то Дунстанъ твердо отказалъ въ этомъ. „Я съ радостью исполню это“, сказалъ онъ, „когда увижу его раскаяніе; но пока онъ предается своему грѣху, храни меня Богъ, чтобы ради какого либо смертнаго человѣка, или для спасенія моей собственной жизни, я пренебрегъ закономъ, который далъ нашъ Господь Своей церкви“ [2]. И подобное же противодѣйствіе папскимъ притязаніямъ въ этомъ отношеніи поддерживалось до конца этого періода [3]. Все, въ чемъ дотолѣ дѣлалась уступка папѣ, ограничивалось властью давать разрѣшеніе въ случаѣ обращенія или съ согласія того епископа, которымъ наложена была эпитемія. Но въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, введены были уже принципы, при посредствѣ которыхъ папы въ непродолжительномъ времени могли совершенно ниспровергнуть древнія права епископскаго сана.

---

[1]) C. 73, Hard. V, 377.

[2]) C. 1, Hard. VI, 184.

[3]) Patrol. LXXVII, 1377; Canut. ap. Will. Malmesb. 310.

[4]) См. выше, стр. 841.

---

[1] Hard. VI, 712.

[2] См. *Morin*. De Poenitentia, VII, 16.

2. Гражданское вліяніе епископовъ увеличилось. Они стояли выше областныхъ начальниковъ (графовъ), и въ народныхъ собраніяхъ сидѣли выше герцоговъ. Во Франціи многіе прелаты воспользовались слабостью послѣднихъ Каролинговъ, или неупроченнымъ состояніемъ новой династіи, для полученія особыхъ преимуществъ (Regalia), принадлежавшихъ собственно коронѣ, какъ, напримѣръ, права чеканить монету, открывать рынки, взимать пошлины, строить укрѣпленія и производить судъ даже по уголовнымъ дѣламъ [4]. Къ концу этого періода однако же эти епископы по большей части нашли необходимымъ, съ цѣлью обезпеченія себя противъ притязаній знати, отдаться подъ феодальное покровительство государя, и вслѣдствіе этого предоставленныя имъ преимущества были опять отняты у нихъ.

Но наибольшей власти епископы достигли въ Германіи. Неоднократныя перемѣны династіи въ этой странѣ были благопріятны для нихъ. Каждая новая династія находила выгоднымъ заискивать у нихъ, и императоры, частью изъ религіознаго благоговѣнія, частью изъ желанія найти себѣ поддержку въ духовенствѣ, а также и въ противовѣсъ свѣтской знати благопріятствовали усиленію епископата, предоставляя епископамъ царственныя преимущества или регаліи, и цѣлые округи или даже графства, съ соотвѣтствующими правами юрисдикціи.

---

[1] Capit. 18 (Patrol. cv).

[2] Osbert. Vita Dunst. ap. Mabill. vii. 685.

[3] См. каноны 16, 18 собора селингенштадтскаго 1021 года, и второй соборъ лиможскій отъ 1031 г. въ Hard. vi, 890, 2.

[4] Murat. Antiq. Jtal. vi, Dissert. 71.

По мѣрѣ того, какъ епископы становились болѣе могущественными, для государей становилось все болѣе важнымъ взять ихъ назначеніе въ свои собственныя руки. Капитулярій Людовика Благочестиваго, которымъ требовалось возстановленіе древней системы свободнаго избранія, никогда не приводился въ исполненіе до значительной степени. Во Франціи, въ Англіи и въ Германіи избраніе епископовъ, въ дѣйствительности, принадлежало государю; даже гдѣ это право назначенія оспаривалось (какъ это было со стороны Гинкмара по дѣламъ каѳедръ камбрайской и бовейской), противники короны всетаки допускали, чтобы избранію епископа предшествовало королевское позволеніе и чтобы оно сопровождалось королевскимъ утвержденіемъ. Хотя церковь и добивалась свободныхъ избраній, но она вполнѣ могла ограничиваться даннымъ состояніемъ, обезпечивая лишь за собою право отверженія лицъ, считавшихся непригодными въ отношеніи нравственности или образованія. Даже папа Левъ x допускаетъ, что по древнему обычаю для назначенія епископа требуется соизволеніе короля, хотя онъ также упоминаетъ и о необходимости избранія со стороны духовенства и одобренія со стороны мірянъ [1]. Избраніе, по большей части, было не чѣмъ инымъ, какъ согласіемъ на сдѣланное государемъ назначеніе, такъ что въ то время, какъ Адамъ бременскій всегда говоритъ о епископахъ, какъ назначенныхъ императоромъ, Титмаръ вообще говоритъ о нихъ, какъ объ избираемыхъ [2]. Государь могъ отказать въ своемъ утвержденіи выбору, и въ такомъ случаѣ всегда принималось избирателями предложенное имъ лицо. И вообще напрасно поднимались жалобы противъ системы королевскаго контроля, или дѣлались попытки ограничить его посредствомъ установленія новыхъ правилъ касательно качествъ, требующихся для епископата.

Замѣчательное доказательство того, въ какой степени германскіе государи считали распоряженіе епископскими каѳедрами принадлежащимъ ихъ достоинству правомъ, находится въ томъ обстоятельствѣ, что Генрихъ Птицеловъ предоставилъ герцогу баварскому Арнульфу привилегію назначать епископовъ въ предѣлахъ этой территоріи [3]. Благочестивый императоръ Генрихъ II возводилъ епископовъ по непосредственному назначенію, быть можетъ (какъ высказывали нѣкоторые) руководясь при этомъ желаніемъ обезпечить назначеніе лучшихъ людей, чѣмъ какихъ могли избирать для себя сами паствы, и сравненіе между епископами, которые обязаны были своими каѳедрами его покровительству, и тѣми, которые впослѣдствіи были избраны духовенствомъ, обнаруживаетъ мудрость и честность его дѣйствій. По разсказамъ современниковъ, императоры иногда получали особыя внушенія свыше возвести извѣстныхъ, заслуживающихъ лицъ на вакантныя епископскія каѳедры, или воздержаться отъ противодѣйствія ихъ избранію.

---

[1] Hard. vi, 455, 456.

[2] См. Acta SS. Oct. 26, pp 974—5.

[3] Thietmar, i. 15.

Въ греческой церкви также императоры продолжали назначать епископовъ на наиболѣе важныя каѳедры. Никифоръ Фока постановилъ, чтобы ни одинъ епископъ не былъ назначаемъ безъ императорскаго соизволенія, и когда каѳедра оказывалась вакантною, онъ поручалъ попеченіе о доходахъ ея особому сановнику, который былъ обязанъ ограничивать расходы извѣстною суммою и выплачивать остатокъ въ казну [1]. Патріархъ Поліевктъ отказывался короновать Іоанна Цимисхія, если только не будетъ отмѣненъ этотъ законъ Никифора; но императоръ немедленно послѣ своей коронаціи заявилъ свою прерогативу назначеніемъ патріарха для Антіохіи [2].

Епископскія каѳедры сдѣлались предметомъ честолюбія для лицъ знатнаго или даже царскаго происхожденія, такъ что наконецъ стало уже рѣдкимъ и страннымъ явленіемъ, возбуждавшимъ даже противъ себя серьезныя возраженія, когда въ такое положеніе былъ возвышаемъ кто либо низшаго происхожденія [3]. Дѣлались даже попытки дѣлать изъ каѳедръ наслѣдственное въ извѣстныхъ фамиліяхъ обладаніе, и въ Германіи эти попытки получили своеобразный и замѣчательный оборотъ. Прелатъ часто былъ въ состояніи обезпечить свою каѳедру за племянникомъ или двоюроднымъ братомъ, и фамильный интересъ въ такихъ случаяхъ побуждалъ ихъ не обѣднять, но обогащать каѳедру, съ цѣлью предоставить лучшее наслѣдство своимъ собственнымъ членамъ, имѣвшимъ занять ее впослѣдствіи. Она считалась частью семейной собственности, и епископъ во всѣхъ его распряхъ и разногласіяхъ съ своими сосѣдями могъ полагаться на поддержку своихъ родственниковъ. Генрихъ II любилъ предоставлять епископскія каѳедры богатымъ лицамъ, которыя съ вѣроятностью могли увеличить богатство своихъ каѳедръ, какъ это было напримѣръ съ Мейнверкомъ падерборнскимъ, объ отношеніяхъ котораго къ его императорскому патрону и родственнику передаются его жизнеописателемъ многіе юмористическіе разсказы [4].

Но распоряженіе епископскими каѳедрами по побужденіямъ семейнаго интереса естественно повело къ большимъ злоупотребленiямъ. Атто, епископъ верцельскій, написавшій въ началѣ x столѣтія сочиненіе „о трудностяхъ церкви“, разсказываетъ, что государи его времени безразлично относились къ характеру тѣхъ, кого они назначали на высокую духовную должность, что богатство, родство и услужливость были единственными качествами, на которыя они обращали вниманіе, и на каѳедры были часто назначаемы не только недостойныя лица, но и мальчики, и это на всѣ каѳедры, не исключая Рима и Константинополя [1]). Атто, описывая одного изъ этихъ мальчиковъ прелатовъ, разсказываетъ, какъ онъ, при своемъ посвященіи, по заученному отвѣчалъ на предлагавшіеся ему вопросы, или зазубривъ эти отвѣты, или читая ихъ по запискѣ, опасаясь при этомъ, въ случаѣ ошибки, не того, что ему придется лишиться благодати посвященія, но того, чтобы не подвергнуться розгамъ отъ своего воспитателя, и не имѣя ни малѣйшаго понятія ни объ отвѣтственностяхъ своей должности, ни о тѣхъ искушеніяхъ, которымъ онъ могъ подлежать на ней [2]). Особенно возмутительный случай былъ съ Ѳеофилактомъ, котораго его отецъ, императоръ Романъ рѣшилъ возвести на патріаршую константинопольскую каѳедру, сдѣлавшуюся вакантною въ 928 году. Такъ какъ принцу было только 11 лѣтъ отъ рода, то временнымъ патріархомъ былъ назначенъ одинъ монахъ, по имени Трифонъ; но когда отъ него потребовали отказаться отъ своей должности три года спустя, то онъ отказался отъ этого. Тогда его посѣтилъ Ѳеофанъ, епископъ кесарійскій, и съ горячими заявленіями дружбы передалъ ему, что императоръ намѣревался низложить его на томъ основаніи, что онъ былъ безграмотенъ: „если“, говорилъ онъ, „ты можешь опровергнуть это возраженіе, то тебѣ нечего будетъ бояться“. По предложенію своего коварнаго посѣтителя, Трифонъ написалъ свое имя и званіе на бумагѣ, которая затѣмъ присоединена была къ другой, содержащей признаніе, что онъ не пригоденъ для патріаршей каѳедры, и выражаетъ желаніе удалиться съ нея. Трифонъ такимъ образомъ былъ устраненъ, и послѣ полуторагодичной вакансіи Ѳеофилактъ въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ сдѣлался въ 933 году патріархомъ, будучи водворенъ въ своемъ санѣ легатами папы Іоанна xi [3]). Ѳеофилактъ безчестилъ патріаршій престолъ въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ. Онъ ввелъ въ церковное богослуженіе неприличную музыку и танцы, но главнымъ образомъ отличался своею неразумною страстью къ лошадямъ, которыхъ онъ держалъ болѣе двухъ тысячъ. Вмѣсто обыкновеннаго корма, онъ кормилъ ихъ финиками, смоквами, виноградомъ, миндалемъ и другими плодами, которые мѣсились въ дорогихъ винахъ и успащались самыми изысканными пряностями. Съ цѣлью покрытія своихъ громадныхъ издержекъ на конюшни, онъ постыдно продавалъ всевозможныя духовныя должности. Конецъ Ѳеофилакта былъ достоинъ его жизни: онъ разбилъ себѣ голову о стѣну во время одной скачки, и промучавшись два года, умеръ отъ этого ушиба [1].

---

[1] Cedren. 658.

[2] Тамъ же, 664—5.

[3] Какъ это, напримѣръ, было въ дѣлѣ Герберта, Виллигиса менцскаго (Thietmar, III, 3), Дуранда льежскаго (Zigeb. Gembl. отъ 1021 года), Оттона бамбергскаго (Pertz, XII, 751).

[4] Vita Meinwerci, cc. 11 и проч. (Pertz XI) Acta SS. jun. 5.

---

[1]) См. De Pressuris Eccles. ii (Patrol. cxxxiv, 69). Атто занималъ свою каѳедру съ 924 по 960 г.

[2]) Тамъ же, col. 75.

[3]) Theoph. Contin. ed. Bonn, 421—2; Cedren. 627—9. Ліутпрандъ говоритъ, что Ѳеофилактъ былъ евнухъ, и его отецъ императоръ, при посредствѣ подарковъ Альберику (см. выше, стр. 899), получилъ отъ папы письма, которыми патріархъ и его преемники были уполномочиваемы носить палліумъ безъ особаго разрѣшенія. Legatio, 62.

Въ теченіе излагаемаго періода постоянно раздавались жалобы на симонію при назначеніи на духовныя должности. Симоническія дѣйствія государей, повидимому, возникли изъ обычая приносить имъ дары при допущеніи въ ихъ присутствіе. Тѣ, кто были возводимы ими на высшія церковныя должности, свидѣтельствовали о своей благодарности подарками, которые съ теченіемъ времени получили характеръ обязательныхъ платежей. Дѣйствіе этой системы сдѣлалось еще худшимъ, когда епископы вмѣсто того, чтобы производить уплату во время своего возвышенія, съ цѣлью собранія нужныхъ денегъ обращались къ доходамъ своихъ каѳедръ, такъ какъ въ такихъ случаяхъ они склонны были растрачивать каѳедральную собственность, угнетать своихъ арендаторовъ, входить въ неприличные споры и доводить церкви до разоренія [2]. Въ отношеніи симоніи германскіе императоры были, по сравненію съ другими западными государями, относительно чисты; но хотя нѣкоторые изъ нихъ дѣлали формальныя постановленія о томъ, чтобы воздерживаться отъ продажи своего патронатства, а также держивать отъ симоніи и другихъ, ихъ нужды однако же препятствовали исполненію ими этихъ добрыхъ намѣреній [3]. Кардиналъ Гумбертъ, который въ Константинополѣ воспользовался случаемъ для наблюденія надъ греческою церковью во время своего пребыванія въ посольствѣ свидѣтельствуетъ, что продажа епископскихъ каѳедръ не практиковалась тамъ, какъ это было на Западѣ [4]. Обычай покупки церковныхъ мѣстъ независимо отъ рукоположенія, находилъ даже защитниковъ, но защита эта съ негодованіемъ отвергалась такими писателями, какъ Гумбертъ [5] и Петръ Даміани. Различіе между рукоположеніемъ и бенефиціями, говоритъ Петръ Даміани, такъ же нелѣпо, какъ если бы кто сказалъ, что человѣкъ есть отецъ только тѣла своего сына, а не его души 1).

---

[1] Cedren. 638—9.

[2] Humb. adv. Symoniacos, ii, 35—6 (Patrol. cxliii).

[2] Такъ, напримѣръ, это было въ дѣлѣ Конрада.

[4] Adv. Sym. iii, 10.

[5] См. тамъ же, iii, 1 и слѣд. Это сочиненіе имѣетъ форму діалога между Correptor (преобразователь) и Corruptor (защитникъ существующей системы).

Епископы возводимы были на свои каѳедры западными государями. О символическихъ формахъ этого акта или такъ называемой инвеституры упоминается уже во времена Кловиса, и разсказываютъ, что Людовикъ Благочестивый давалъ инвеституру даже папамъ, вручая имъ пастырскій жезлъ 2). Но употребленіе такихъ церемоній сдѣлалось установившимся обычаемъ не ранѣе вѣка Оттоновъ, и быть можетъ окончательно установилось не ранѣе X столѣтія. Инвеститура относилась къ земнымъ принадлежностямъ каѳедры, которыя государи собственно и предоставляли епископамъ. Гинкмаръ въ своемъ отвѣтѣ Адріану II, желая порвать общеніе съ Карломъ Лысымъ, дѣлаетъ различіе между своими земными владѣніями, которыя находились въ распоряженіи короля, и своею духовною должностью, въ которой онъ считалъ себя независимымъ. „Если бы мнѣ дѣйствовать по твоему рѣшенію“, говоритъ онъ папѣ, „то я могъ бы продолжать богослуженіе у престола моей церкви, но надъ ея собственностью, ея доходами и ея слугами я не имѣлъ бы болѣе никакой власти“ 3). Когда установилась феодальная система, то естественно епископы, какъ и герцоги и графы, должны были получать инвеституру для своихъ владѣній и быть можетъ они находили для себя выгоду въ той связи, которая давала имъ право на покровительство своего леннаго государя. Но стали раздаваться жалобы на то, что имѣнія и земныя преимущества епископовъ предоставлялись имъ чрезъ врученіе предметовъ, которые символизировали собою ихъ духовный характеръ, именно кольца, символа бракосочетанія съ церковью, и загнутаго посоха въ знакъ пастырской власти. Употребленіе такихъ предметовъ вызывало возраженія, такъ какъ они подлежали перетолкованію въ томъ смыслѣ, будто духовная власть епископата получалась отъ дара земныхъ владыкъ.

Со введеніемъ инвеституры, государи получали новыя средства контроля надъ епископами. Они не только держали ихъ въ опасеніи того, что данные имъ дары могутъ быть опять взяты отъ нихъ, но и въ состояніи были пользоваться инвеститурой съ цѣлью обезпеченія себѣ патронатства надъ каѳедрами. Во избѣжаніе королевскаго назначенія, епископы иногда посвящались на каѳедру немедленно послѣ того, какъ оказывалась вакансія, и такимъ образомъ

---

1) См. Epp. I, 13; V, 13.

2) См. Nat. Alex. XIII, 641. О различныхъ формахъ инвеституры сообщается у Ducange подъ словомъ *Investitura*. Adam. Brem. I, 32. Эббо, во время своего вторженія въ реймсскую каѳедру, былъ *посвященъ* кольцомъ и жезломъ. Hard. V, 51.

2) Opera, II, 697.

они ставили государя въ затруднительное и неловкое положеніе, заставляя прибѣгать къ смѣщенію уже поставленнаго прелата. Но государи теперь въ состояніи были воспрепятствовать такимъ посвященіямъ, постановляя, что по смерти епископа его кольцо и жезлъ должны были немедленно быть отбираемы и возвращаемы государямъ ихъ сановниками, а безъ этихъ символовъ уже не могло состояться посвященіе преемника [1]). Отсюда, какъ мы увидимъ затѣмъ, раздавались жалобы, что системой инвеституры совершенно уничтожено было право каноническаго избранія. Иногда объ избраніи епископа просто доносили двору, съ просьбою о дарованіи инвеституры, и въ такихъ случаяхъ всегда было во власти государя замѣнить его другимъ лицемъ, по своему собственному выбору. Иногда инвеститура давалась отъ имени государя прелатомъ, который принималъ главное участіе въ посвященіи.

Не смотря на всѣ притязанія, заявлявшіяся духовными сановниками на превосходство духовной власти надъ свѣтскою, въ дѣйствительности, они выиграли немного. Гинкмаръ и его собратья на соборѣ въ Квіерси говорили Людовику германскому, что епископы не должны, подобно свѣтскимъ людямъ, быть обязываемы вассальствомъ, что постыдно требовать отъ рукъ, помазанныхъ святымъ мvромъ и ежедневно освящавшихъ тѣло и кровь Спасителя, касаться рукъ леннаго государя въ унизительной церемоніи, или заставлять уста, составляющія ключи къ небу, принимать клятву въ вѣрноподданничествѣ [2]). Но не смотря на эти доводы, они не добились изъятія отъ этихъ церемоній, и самъ Гинкмаръ впослѣдствіи вынужденъ былъ возобновить своею клятву въ вѣрности Карлу Лысому. Хотя епископы были изъяты отъ власти всѣхъ низшихъ судей, но короли все еще удерживали юрисдикцію надъ ними. Гинкмаръ при всей своей величайшей ревности о преимуществахъ духовенства, доходилъ однако же только до настаиванія на томъ, что король въ своихъ приговорахъ долженъ руководиться законами церкви [3]). Постановленія нѣкоторыхъ соборовъ, что они не должны быть низлагаемы иначе, какъ только двѣнадцатью членами своего собственнаго сана [4]), нельзя считать освобождающими епископовъ отъ суда государя, а предписывающими лишь тотъ способъ, которымъ долженъ производиться этотъ судъ, и въ случаяхъ измѣны государи низлагали ихъ своею непосредственною властью. Когда Гугъ Капетъ привлекъ Арнульфа реймсскаго на судъ предъ соборомъ сен-базельскимъ, то не раздалось никакой жалобы на то, что онъ уже заключилъ его въ тюрьму; предложеніе предсѣдательствующаго архіепископа, что прежде чѣмъ приступать къ разслѣдованію соборъ должно бы обратиться съ просьбою о безопасности жизни Арнульфа, служитъ доказательствомъ того, что за королемъ признавалась власть подвергать обвиненнаго прелата уголовному наказанію, и только благодаря слабости Роберта и поддержкѣ императора Оттона, папа и могъ окончательно восторжествовать въ этомъ случаѣ.

---

[1]) Pertz, xɪɪ, 827.

[2]) Hard. v, 475–6.

[3]) Ep. 40 (Patrol. cxxvɪ).

[4]) Напримѣръ, Conc. Tribur. отъ 895 г. c. 10.

Въ то время, какъ слабые государи уступали іерархіи, могущественные государи часто круто поступали съ ея членами. Оттонъ Великій, въ наказаніе за политическія преступленія, изгналъ архіепископа менцскаго въ Гамбургъ и заключилъ епископа страсбургскаго въ монастырь корбейскій [1]), и въ наказаніе за то, что герцогъ саксонскій былъ принятъ съ почестями, весьма похожими на тѣ, которыя оказывались императорскому величеству, онъ принудилъ архіепископа магдебургскаго Адальберта заплатить тяжелый штрафъ, — по лошади за каждый колоколъ, въ который производился при этомъ звонъ, и за каждый зажигавшійся при этомъ подсвѣчникъ [2]) Конрадъ II, во время своей послѣдней экспедиціи въ Италію, увелъ съ собою цѣлую партію плѣнныхъ епископовъ [3]), и когда Генрихъ III низложилъ Видгерса съ архіепископской каѳедры Равенны, дѣйствіе это высоко восхвалялось величайшимъ ревнителемъ о привилегіяхъ церкви, Петромъ Даміани [4]).

Хотя германскіе императоры, подобно Каролингамъ, собирали соборы, принимали въ нихъ участіе и утверждали ихъ постановленія, они, однако же, не издавали, подобно Каролингамъ, этихъ опредѣленій въ качествѣ своихъ собственныхъ постановленій. И привилегіи государей вообще въ отношеніи къ такимъ собраніямъ уменьшились. Хотя все еще признавалось, что они имѣли власть созывать соборы, право ихъ въ этомъ отношеніи уже не считалось болѣе исключительнымъ, такъ что какъ во Франціи, такъ и въ Германіи соборы собирались безъ испрошенія позволенія государя. Вслѣдствіе безпечности епископовъ, обычай созыванія регулярныхъ соборовъ вышелъ изъ употребленія, и когда они вновь возстановлены были позже, то о той власти, которою прежде пользовались по отношенію къ нимъ короли и императоры, было уже забыто.

За государями признавалось право учреждать епископскія и архіепископскія каѳедры, и германскіе императоры, въ силу этого права, воздвигали каѳедры и надѣляли ихъ имѣніями, руководясь быть можетъ при этомъ не менѣе побужденiями политики, чѣмъ благочестiя. Приэтомъ однако же считалось необходимымъ и согласiе прелатовъ, интересъ которыхъ затрогивался этими новыми учрежденiями. Съ цѣлью полученiя этого согласiя, государи иногда принуждены были дѣлать нѣкоторыя уступки и входить въ извѣстныя соглашенiя. Генрихъ II даже не разъ повергался ницъ передъ соборомъ во Франкфуртѣ въ 1006 году, чтобы добиться отъ него содѣйствiя въ преодолѣнiи протеста, возбужденнаго епископомъ вюрцбургскимъ противъ предполагавшагося имъ открытiя каѳедры бамбергской [1]), и когда Оттонъ III взялъ на себя смѣлость учредить архiепископiю гнезенскую, безъ испрошенiя согласiя познанскаго митрополита, изъ провинцiи котораго приходилось выдѣлить Гнезенъ, то лѣтописецъ, разсказывающiй объ этомъ, заявляетъ сомнѣнiе касательно законности этого дѣйствiя [2]). Папы теперь начали заявлять притязанiе на право утвержденiя этихъ новоосновываемыхъ каѳедръ. Но изъ того обстоятельства, что государи старались о томъ, чтобы склонить въ пользу своихъ мѣръ мѣстныхъ прелатовъ, не обращаясь къ папѣ съ просьбою объ устраненiи ихъ возраженiй, становится яснымъ, что за папами еще не предполагалось верховной юрисдикцiи въ такихъ дѣлахъ.

---

[1]) Widukind, II, 25 (Patrol. CXXXVIII).
[2]) Thietmar, II, 18.
[3]) Patrol. CXLII, 1245.
[4]) Ep. VIII, 2.

Къ половинѣ IX столѣтiя во Францiи происходили значительныя разногласiя по предмету хорепископовъ. Они все болѣе и болѣе становились недовольны своимъ положенiемъ, жаловались, что ихъ права и вознагражденiе не соотвѣтствуютъ ихъ труду по сравненiю съ преимуществами дiоцезныхъ епископовъ, причемъ съ другой стороны раздавались жалобы и на то, что хорепископы склонны были превышать права своего положенiя. Декреталiи, составленныя въ интересѣ епископовъ, шли противъ притязанiй хорепископовъ [3]). Рабанъ Мавръ однако же вслѣдствiе обращенiя къ нему со стороны Дрогона мецскаго писалъ въ пользу ихъ, и особенно въ доказательство ихъ власти рукополагать священниковъ и дiаконовъ съ позволенiя ихъ дiоцезныхъ епископовъ [4]). Смуты, причиненныя Готтшалкомъ, быть можетъ содѣйствовали усиленiю распрей между этими двумя классами прелатовъ, такъ какъ Готтшалкъ былъ рукоположенъ хорепископомъ во время вакансiи реймсской каѳедры, и не смотря на могущественный авторитетъ германскаго примата, санъ хорепископовъ былъ отмѣненъ въ Нейстрiи соборомъ, состоявшимся въ Парижѣ въ 849 году [5]).

Въ XI столѣтiи впервые появился новый родъ сослужащихъ епископовъ или коадъюторовъ (викаріевъ). Епископъ тревскій Поппо, въ 1041 году, обратился къ Бенедикту IX съ просьбою снабдить его лицемъ, правоспособнымъ помогать ему въ первосвященническихъ дѣйствіяхъ, и папа, согласно съ просьбою, послалъ ему одно духовное лицо, по имени Граціана, который несомнѣнно уже имѣлъ епископское посвященіе [1]. Новшество этого случая состояло въ обращеніи къ папѣ и въ томъ обстоятельствѣ, что имъ назначенъ былъ коадъюторъ. Тѣмъ не менѣе такіе коадъюторы сдѣлались обычнымъ явленіемъ въ церкви лишь въ болѣе позднее время.

---

[1]) Thietmar, VI, 23.

[2]) Thietmar. IV, 28. См. выше, стр. 964.

[3]) Напримѣръ, Damasus, Ep. 5 (Hard. I, 768 и слѣд.).

[4]) Hard. V. 1417—24. Patrol. CX, 1195 и слѣд.

[5]) Нѣкоторые хорепископы оставались, однако же, и послѣ этого времени.

Въ теченіе разсматриваемаго періода еще болѣе общимъ сдѣлался среди епископовъ такъ часто уже осуждавшійся соборами обычай принимать участіе въ войнахъ. Когда вполнѣ установились феодальныя отношенія, епископъ былъ обязанъ, въ качествѣ подчиненнаго своему сюзерену, лично выводить на поле битвы свой отрядъ, и только по особой милости могъ получать освобожденіе отъ этой обязанности. Обстоятельства времени, правда, въ нѣкоторой степени извиняли воинственныя наклонности епископовъ, которые могли считать себя въ правѣ ободрять свои паствы даже своимъ личнымъ примѣромъ въ дѣлѣ противодѣйствія такимъ страшнымъ и безпощаднымъ врагамъ христіанства, какъ сарацины, норманны или венгры. Нѣкоторые прелаты отличались подвигами храбрости, какъ Михаилъ, епископъ ратисбонскій, въ половинѣ X столѣтія, который, лишившись уха и получивъ другія раны въ битвѣ съ венграми, оставленъ былъ замертво на полѣ битвы. Когда онъ лежалъ въ такомъ положеніи, одинъ мадьяръ напалъ на него, съ цѣлью лишить его жизни; но епископъ, „укрѣпившись въ Господѣ“, схватился съ врагомъ, и послѣ долгой борьбы убилъ его. Затѣмъ, онъ съ великою трудностью дошелъ до лагеря своего собственнаго народа, гдѣ былъ привѣтствуемъ восторженными кликами, какъ первосвященникъ и какъ воинъ, и его уродство отселѣ считалось почетнымъ отличіемъ [2].

3. Хотя церкви еще и дѣлались дарственныя приношенія землями, однако пріобрѣтенія этого рода, повидимому, теперь сдѣлались рѣже, чѣмъ прежде, частью быть можетъ потому, что

---

[1] Bened. IX, Ep. 5 (Patrol. CXLI).

[2] Thietmar, II, 17. Саксонскій хроникеръ и Флоренцій вустерскій, подъ 1056 годомъ, передаютъ разсказъ о воинственномъ епископѣ гирфордскомъ Леофгарѣ, который былъ убитъ въ битвѣ валлійцами съ нѣкоторыми изъ своего духовенства. Аббаты сражались также противъ норманновъ, и нѣкоторые изъ этихъ монашескихъ воиновъ были ободряемы явленіемъ св. Бенедикта, какъ Гугъ флёрійскій въ 878 году (Patrol. CXXXIX) и монахи Монте-Кассино (Chron. Casin. II, 71). Противъ хожденія духовенства на войну см. Fulbert, Ep. 112 (Patrol. CXLI).

такіе дары оказывались менѣе нужными [1]. Духовенство поэтому чувствовало необходимость обратиться къ лучшему пользованію тѣми доходами, которые уже принадлежали ему, и особенно десятинами. Десятина первоначально взималась только съ земли, но обязанность уплаты ея теперь распространена была на всѣ виды дохода [2]. „Быть можетъ“, говоритъ соборъ трослейскій, „кто нибудь скажетъ: я не земледѣлецъ, я ничего не имѣю такого, съ чего бы нужно было платить десятину отъ плодовъ земли или отъ стадъ. Пусть такой слышитъ, кто бы онъ ни былъ, воинъ ли, купецъ или ремесленникъ: самая способность, которою ты питаешься, есть отъ Бога, и поэтому ты долженъ платить десятины Ему“ [3]. Издавались многіе каноны съ цѣлью подчиненія десятинному сбору земель, недавно подвергшихся обработкѣ, и многіе направлены противъ притязаній на изъятія. Такія притязанія иногда были заявляемы лицами, которыя снимали земли у церковныхъ собственниковъ и полагали что несправедливо требовать съ нихъ второй аренды подъ другимъ названіемъ. Соборъ ингельгеймскій, состоявшійся въ 948 году въ присутствіи Оттона I, постановилъ, чтобы всѣ вопросы касательно десятинъ подлежали рѣшенію однихъ только епископовъ, и большой соборъ въ Аугсбургѣ, четыре года спустя, утвердилъ это правило.

Прибавленная, такимъ образомъ, къ доходамъ духовенства сумма, послѣ всѣхъ возможныхъ недочетовъ въ виду трудности ея собиранія, пустырей и другихъ причинъ,—надо полагать, была всетаки весьма большою, но отдѣльные члены его пользовались этими доходами не въ одинаковой степени. Численность духовенства сильно возросла, и хотя установлено было правило, что „бенефиція давалась ради должности [4]), однако же, для исполненія ея считалось достаточнымъ возлагать на сверхштатныхъ духовныхъ лицъ обязанность ежедневнаго совершенія богослуженія, вслѣдствіе чего они и получали право на содержаніе. Епископы по мѣрѣ того, какъ положеніе ихъ улучшалось, находили себя вынужденными содержать цѣлую массу дорого стоившихъ прислужниковъ. Рыцари или лица высшаго сана, состоявшіе при домахъ великихъ сановниковъ (часто съ цѣлью обезоруженія ихъ враждебности), получали за свои услуги весьма высокую плату; свободные люди, которыхъ епископы собирали для національнаго войска, или которыхъ они нанимали сражаться съ своими врагами, стоили дорого, и такъ какъ вліяніе прелатовъ обусловливалось въ національныхъ собраніяхъ численностью ихъ послѣдователей, то они часто, для поддержанія своего достоинства, приводили съ собою бо́льшее число ихъ, чѣмъ слѣдовало. Согласно съ порядками того вѣка, услуги всѣхъ этихъ приверженцевъ оплачивались помѣстьями, которыя выдѣлялись или изъ имѣній церкви, или чрезъ предоставленіе имъ десятинъ съ извѣстныхъ земель. Такія помѣстья въ общемъ становились наслѣдственными, и такимъ образомъ епископскіе доходы уходили на издержки установленій, отъ которыхъ невозможно было освободиться.

---

[1] Гергохъ сопоставляетъ прежнихъ императоровъ, отъ Константина Великаго до Людовика Благочестиваго, съ „этими Оттонами, Генрихами и т. под.“, причемъ „первые обогащали церкви, а послѣдніе грабили ихъ“. De Aedif. Dei, 9. (Patrol. CXCIV).

[2] Одинъ соборъ въ Эксетерѣ въ 1287 году сдѣлалъ любопытное перечисленіе различныхъ видовъ подлежащей десятинному сбору собственности. Wilkins, II, 159.

[3] C. 7. Hard. VI, 521 (отъ 909 года).

[4] „Beneficium datur propter officium“.

Особенно тяжело ложилось на церковь содержаніе видамовъ или адвокатовъ. Богатства и преимущества духовенства постоянно возбуждали зависть и алчность ихъ „свѣтскихъ сосѣдей“, которые склонны были заводить съ ними ссоры, съ цѣлью имѣть предлогъ для захвата ихъ собственности. Каждый соборъ непремѣнно жалуется на такія посягательства, и разражается анаѳемами противъ посягателей. Но подобные протесты соборовъ или даже папъ имѣли мало или совсѣмъ не имѣли значенія; одна только сила могла производить какое либо впечатлѣніе на этихъ грубыхъ и безнравственныхъ враговъ духовенства. Видамамъ поэтому, если они исполняли свою обязанность добросовѣстно, не легко было защищать собственность церквей или монастырей, съ которыми они были связаны. Но помимо того, что плата за ихъ помощь часто оказывалась большею, чѣмъ тотъ вредъ, который они отвращали,—на нихъ часто слышатся жалобы въ пренебрежительномъ отношеніи къ своей обязанности, жалобы на то, что они дѣлались, вмѣсто защитниковъ, угнетателями и обращались съ церковнымъ имуществомъ, какъ съ своею собственностью[1]). Гнетъ адвокатовъ особенно сильно чувствовался монастырями, которые часто находили выгоднымъ платить большія суммы государю за право увольнять подобныхъ защитниковъ. Адвокатство сдѣлалось наслѣдственнымъ; въ нѣкоторыхъ монастыряхъ оно удерживалось основателями за собою и за своими наслѣдниками, которые такимъ образомъ, въ силу ихъ притязанія не только на первоначальное пожертвованіе, но и на такую собственность, которую община пріобрѣтала впослѣдствіи, были въ немалой степени вознаграждаемы за расходы по учрежденію. Въ такихъ случаяхъ адвокаты назначали особыхъ уполномоченныхъ, и такимъ образомъ несчастные кліенты имѣли подъ именемъ защитниковъ цѣлыхъ двухъ тирановъ[2]).

---

[1]) Abbo Floriac. can. 2 (Patrol. cxxxix).

[2]) Ducange, подъ сл. Advocatus p. 109.

Поэтому, какъ ни обширны повидимому были доходы церкви, богатство ея въ значительной степени было просто номинальнымъ. Бо́льшая часть его переходила къ свѣтскимъ сановникамъ, и остальная подвергалась постоянной опасности, обычныя въ тѣ грубыя и тревожныя времена.

Положеніе греческаго духовенства, какъ оно описывается Ліутпрандомъ, было ниже положенія духовенства латинскаго. Его образъ жизни казался ему бѣднымъ, и хотя нѣкоторые изъ епископовъ были богаты, а другіе бѣдны, всѣ они вообще были негостепріимны. Епископы обязаны были платить подать императору; такъ епископъ левкатскій клятвенно увѣрялъ, что его ежегодная подать восходила до ста червонцевъ, и Ліутпрандъ восклицаетъ, что это явная несправедливость, такъ какъ даже Іосифъ, облагая весь остальной Египетъ, освобождалъ отъ налоговъ землю, принадлежавшую жрецамъ [1]).

4. Важныя перемѣны совершились въ общинахъ каноников, которыя, какъ мы видѣли, образовались къ концу предшествующаго періода. Хотя жизнь каноников была привлекательною, такъ какъ представляла почти всѣ преимущества монашества, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ его невыгодъ, стѣсненія и строгія правила устава Хродеганга считались трудными со стороны многихъ изъ тѣхъ, кто привыкли пользоваться независимостью. Каноники занимали высокое положеніе. Живя съ епископомъ, они находились въ тѣсномъ общеніи съ нимъ; ихъ привилегированная корпорація пріобрѣла нѣчто въ родѣ той власти, которая въ прежніе вѣка принадлежала общему собору пресвитеровъ, и они заявляли притязаніе на участіе въ управленіи діоцезомъ. Епископъ однако же имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ доходы церкви, и хотя онъ могъ быть принуждаемъ отдѣлять извѣстную часть на содержаніе каноников, въ его рукахъ всетаки находилось еще не мало средствъ для того, чтобы давать имъ чувствовать свою власть. Онъ могъ ограничивать ихъ въ содержаніи, могъ увеличить ихъ посты, могъ скупиться въ продовольствованіи ихъ по праздникамъ. Жалобы епископовъ на каноников и каноников на епископовъ сдѣлались частыми.

Первою цѣлью каноников было освободиться отъ контроля епископа надъ ихъ собственностью. Соглашеніе, сдѣланное между Гунтеромъ кельнскимъ и его канониками въ то время, когда онъ имѣлъ особыя основанія ухаживать за ними, представляетъ самый ранній примѣръ этого рода. По нему каноники захватывали въ свои собственныя руки управленіе своими имѣніями, и были вправѣ предоставлять свои дома, или другіе предметы, своимъ собратьямъ безъ всякаго вѣдома архіепископа 1). Соглашеніе это было утверждено большимъ соборомъ, состоявшимся въ Кельнѣ въ 873 году при архіепископѣ Виллибертѣ. Причины, которыя побудили его согласиться на это, неизвѣстны, и новое установленіе скоро нашло себѣ подражаніе и въ другихъ мѣстахъ 2).

---

[1]) Legatio, 63.

Добившись этой мѣры, каноники въ различныхъ мѣстахъ, и болѣе или менѣе вмѣстѣ, заявили и дальнѣйшее притязаніе. Они оставили обычай совмѣстнаго жительства и питанія за общимъ столомъ, и каждый имѣлъ свое отдѣльное жилище въ предѣлахъ собора. Имущество общины они подѣлили между собою, но такимъ образомъ, что болѣе важные члены заполучили ихъ въ недобросовѣстно большой пропорціи, причемъ многіе изъ нихъ обладали также и частною собственностью 3). Каноники покупали особыя привилегіи отъ королей и императоровъ, отъ епископовъ и отъ папъ. Вакансіи въ каждомъ капитулѣ были занимаемы по выбору членовъ, и необходимымъ качествомъ стала считаться знатность происхожденія. Бракъ и наложничество были обычными явленіями среди этого класса духовенства, и объ ихъ обычномъ образѣ жизни можно заключать изъ свидѣтельства Ратерія, епископа веронскаго, что простота его образа жизни заставляла его каноииковъ считать его человѣкомъ низкаго происхожденія, и на этомъ основаніи презирать его 4). Наконецъ, обязанности хора (единственныя обязанности, которыя каноники продолжали признавать за собою) были сложены ими съ себя на особыхъ нанимавшихся для этой цѣли „пребендаріевъ“, и каноники, какъ каѳедральныхъ, такъ и коллегіатскихъ церквей, свободно жили, наслаждаясь ихъ доходами, не отягощаемые даже обязанностью участвовать въ совершеніи богослуженія.

Такъ постепенно разстроилась система, введенная Хродегангомъ. Попытки, дѣлавшіяся Адальберомъ реймсскимъ, Виллигисомъ менцскимъ и другими прелатами, съ цѣлью оживить эту систему, никогда не имѣли успѣха, и въ позднѣйшее время то, что было нарушеніемъ собственно канонической дисциплины, сдѣлалось даже правиломъ при учрежденіи каѳедральныхъ капитуловъ на новыхъ основаніяхъ.

5. Распущенность духовенства составляла предметъ непрестанныхъ жалобъ. Зло, возникшее изъ состоянія домашнихъ капеллановъ, усиливалось, не смотря на всѣ усилія епископовъ и соборовъ произвести преобразованія въ этомъ отношеніи. Приглашавшіе къ себѣ такихъ капеллановъ, нанимали ихъ безъ всякаго вни-

---

1) Hard. vi 139. См. выше, стр. 819.

2) Hard. vi, 137—142.

3) Ratherii judicatum (Patrol. cxxvi). Петръ Даміани писалъ два трактата противъ злоупотребленій въ жизни каноннковъ—Opusc. xxiv и Opusc. xxvii.

4) Ratherii, Qualitatis Conjectura, 2.

манiя къ ихъ нравственности, ихъ образованiю, или даже ихъ рукоположенiю; они требовали для нихъ того же самаго изъятiя отъ епископской юрисдикцiи, которое давалось духовенству королевской церкви, и всякiй, нанимавшiй ихъ, считалъ предметомъ своей чести поддерживать своего капеллана при всякомъ нарушенiи имъ церковныхъ законовъ, или въ его сопротивленiи епископу [1].

Безпорядки, связанные съ этимъ классомъ духовенства, въ значительной степени должны быть относимы къ винѣ самихъ епископовъ, которые давали рукоположенiе, не назначая особой сферы дѣятельности для новорукоположеннаго. О происхожденiи такихъ рукоположенiй было уже сказано выше [2], но теперь давались такимъ образомъ даже высшiя степени священства—изъ за той платы, которая сдѣлалась обычною въ такихъ случаяхъ. Издаваемы были каноны, чтобы никому не позволялось священнодѣйствовать въ церкви безъ особаго соизволенiя и безъ представленiя извѣстнаго удостовѣренiя въ своемъ рукоположенiи, причемъ другими канонами запрещалось назначенiе капеллановъ безъ согласiя епископа. Соборъ равеннскiй при Iоаннѣ VIII, въ 877 году, постановилъ, что каждый пресвитеръ при своемъ рукоположенiи долженъ быть назначаемъ къ какой либо опредѣленной церкви [3], но обычай рукоположенiя безъ такого опредѣленiя уже установился твердо.

Среди многихъ злоупотребленiй, возникавшихъ изъ продажи церковныхъ должностей, былъ и обычай патроновъ, которые настаивали на правѣ представленiя къ извѣстной должности назначаемыхъ ими лицъ, безъ предоставленiя епископу права изслѣдовать ихъ правоспособность или даже дѣйствительность ихъ рукоположенiя. Въ противоположность этому, соборъ селигенштадтскiй, въ 1022 году, постановилъ, что никакой мiрянинъ не можетъ представлять духовное лицо, не подвергая его испытанiю епископа [4].

6. Но главнымъ предметомъ жалобъ и церковнаго законодательства было нарушенiе целибатства и цѣломудрiя со стороны духовенства. Прежнiе каноны, которыми запрещалось духовнымъ лицамъ принимать въ свои дома женщинъ, кромѣ своихъ ближайшихъ родственницъ, вмѣсто содѣйствiя въ воздержанiи, повели къ болѣе гнуснымъ видамъ грѣха, и вслѣдствiе этого теперь запрещено было принимать

---

[1] См. у Титмара (VI, 59) разсказъ объ оскорбленiяхъ, нанесенныхъ нѣкоторыми изъ свиты Геро, маркиза магдебургскаго, Арнульфу, епископу гальберштадтскому, за укоръ одному изъ капеллановъ за непозволительную охоту съ соколами (отъ 1013 года). Въ этомъ случаѣ, правда, какъ маркизъ, такъ и его люди, были сурово наказаны Генрихомъ II, но такое вмѣшательство государя, вѣроятно, бывало не часто.

[2] См. выше стр. 706.

[3] С. 14.

[4] С. 13.

у себя даже матерей, тетокъ и сестеръ 1). Рикульфъ, епископъ суассонскій, постановилъ въ 889 году, что для того, чтобы не повторялись грѣхи Авессалома и Лота, духовенство не должно было имѣть въ своихъ домахъ даже ближайшихъ своихъ родственницъ; если духовное лицо пригласитъ къ себѣ на обѣдъ мать, сестру или тетку, то женщина эта должна до наступленія ночи возвратиться въ свой собственный домъ или жилище, которое должно находиться на извѣстномъ разстояніи отъ церковнаго дома 2). Такъ какъ опытъ, повидимому, клонился все къ большему послабленію закона целибатства, то соборы становились строже въ своихъ требованіяхъ. Отъ субдіаконовъ требовалось при посвященіи обѣщаніе, что они никогда не будутъ вступать въ бракъ, или если они уже были женаты, то отъ нихъ требовалось отказаться отъ своихъ женъ 3); одинъ соборъ въ Аугсбургѣ, въ 952 г., постановилъ, что всѣ духовныя лица зрѣлаго возраста должны быть принуждаемы соблюдать воздержаніе—„хотя бы даже и противъ воли“ 4).

Духовенство однако же, подвергаясь запрещенію въ законной брачной жизни, возмѣщало себя наложничествомъ, иногда, какъ видно изъ одного канона, постановленнаго въ Пуатьерѣ въ 1000 году, прибѣгая при этомъ къ страннымъ уловкамъ съ цѣлью сокрытія своихъ сожительницъ 5), да и вообще вступало въ браки, не смотря на запрещенія. Атто говоритъ, что духовенство открыто жило съ meretriculae (каковой терминъ онъ, вѣроятно, прилагалъ не только къ незаконнымъ сожительницамъ, но и къ женамъ), дѣлая ихъ хозяйками въ своихъ домахъ и предоставляя имъ деньги, получавшіяся отъ церковныхъ приношеній, такъ что то, что по праву принадлежало бѣднымъ, попадало въ руки блудницъ. Вслѣдствіе этихъ безобразій, говоритъ онъ, многіе, къ духовному вреду для себя, воздерживались отъ церковныхъ приношеній, а духовенство, будучи привлекаемо епископами къ отвѣту за свое худое поведеніе, обыкновенно обращалось за покровительствомъ къ свѣтскимъ вліятельнымъ лицамъ, благосклонность которыхъ давала имъ возможность не обращать вниманія на своихъ церковныхъ начальниковъ 6). Какъ въ Германіи, такъ

---

1) Conc. Namnet. c. 3 ap. Hard. vi, 457.

2) Constit. Riculfi c. 14 (Hard. vi, 417).

3) Conc. Vituric. отъ 1031 года, c. 6.

4) C. 11. Pertz, Leges, п.

5) „Nullus presbyter neque diaconus foeminam in sua domo teneat, *neque in cellario neque in secreto loco*“. C. 6.

6) Ep. 9 (Patrol. cxxxiv). Онъ настойчиво предостерегаетъ противъ всякаго общества съ женщинами. „Difficile evadere potestis, nisi ab earum consortio declinetis. Quem enim compti crines, venusta facies, nictatio palpebrarum, elisio oculorum, affabilitas sermonum, garrula modulatio, risus facilis, blanda suasio, praeclara monilia, schemata vestium, olfactio unguentorum, mollis inessus, ac totius corporis luxus non resolveret in flagitium?“ („Трудно избѣгать женщинъ, если только совсѣмъ не удаляться отъ ихъ сообщества. Кого только не увлекутъ къ

и въ Италіи, духовенство, начиная съ епископовъ, жило съ женами, и это безъ всякаго прикрытія; тоже самое было и въ Нормандіи, равно какъ и въ независимой церкви въ Британіи 1). Для того, чтобы справедливо судить о такихъ лицахъ, мы не должны смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія новѣйшихъ противниковъ или защитниковъ церковнаго целибатства. Такъ какъ они жили и занимали должности подъ закономъ, запрещавшимъ бракъ, то конечно мы и не можемъ уважать ихъ за нарушеніе этого закона. Тѣмъ не менѣе если они думали, что запрещеніе это есть лишь простое дѣло церковной дисциплины, а не внушено словомъ Божіимъ, если они видѣли, что безполезность такой дисциплины съ достаточностью доказывалась опытомъ, и если они находили, что тѣ, которымъ поручено было смотрѣть за исполненіемъ каноновъ, склонны были относиться снисходительно къ ихъ нарушенію въ этомъ отношеніи, если только это дѣлалось безъ оскорбленія для общественнаго приличія, то мы можемъ предполагать, что духовенство въ значительной степени находило себѣ оправданіе предъ своею собственною совѣстью. Мы можемъ считать эту его жизнь извинительною, хотя бы и не присоединялись къ тѣмъ, кто видятъ въ этомъ нарушеніи особое геройство или просвѣщенность.

Выше уже разсказывалось о дѣятельности Дунстана въ Англіи, и мы видѣли, что его преобразованіе, на время повидимому оказывавшееся успѣшнымъ, не просуществовало долго, по крайней мѣрѣ во всей своей полнотѣ. Преобразователи въ другихъ странахъ не достигали даже и временнаго успѣха. Среди наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ былъ Ратерій, родомъ изъ Льежа, который пользовался большою славою за свою ученость, краснорѣчіе и строгость жизни, и въ 931 году былъ возведенъ на каѳедру веронскую Гугомъ Великимъ (изъ Прованса), во исполненіе обѣщанія, отъ котораго Гугъ хотѣлъ было уклониться, но къ которому онъ вынужденъ былъ авторитетомъ папы 2). Ратерій изображаетъ итальянское духовенство самыми мрачными красками 3): оно было, говоритъ онъ, настолько грубо невѣжественнымъ, что многіе изъ нихъ не знали даже апостольскаго символа, а нѣкоторые были даже антропоморфитами, и ихъ упорный отказъ пѣть Аѳанасіевъ символъ возбуждалъ

преступленію эти красиво убранные волосы, миловидное лицо, миганіе рѣсницъ, игра глазъ, обольстительность рѣчей, веселая настроенность, легкій смѣхъ, ласкательная сговорчивость, блестящія бусы на шеѣ, хитрые покрои одеждъ, запахъ благовонныхъ мастей, гибкая поступь и вообще роскошь всего тѣла?“). Col. 118.

1) Vita Herluini, Patrol. cl, 699. Ансельмъ пишетъ Урбану II, что епископъ бовейскій подвергся преслѣдованію за устраненіе сыновей или избранныхъ наслѣдниковъ своихъ каноииковъ отъ ихъ бенефицій. Ep. II, 33, p. 354.

2) Гугъ согласился только въ томъ предположеніи, что Ратерій умретъ, и крайне разгнѣвался на его выздоровленіе. Rather. Ep. V, 4 (Patrol. CXXXVI).

3) De Contemptu Canonum, I, 4; II, 2—4. Discordia 1.

даже подозрѣніе въ аріанствѣ [1]. Оно было запятнано всевозможными пороками: епископы вели совершенно свѣтскій образъ жизни, носили даже свѣтскую одежду, занимались охотой, всевозможными играми, увеселеніями въ обществѣ шутовъ, пѣвцовъ и танцовщицъ [2]. Они преданы были роскоши въ пищѣ и питьѣ, крайне небрежно относились къ своимъ обязанностямъ и ни во что ставили церковный законъ; вмѣсто того, чтобы дѣлить доходы согласно съ канонами, они присвоивали все себѣ, такъ что бѣдные были ограбляемы, и церкви, страдавшія отъ небрежности епископовъ или отъ насилія язычниковъ, лежали въ развалинахъ; они презирали всѣхъ, кто проявляли страхъ Божій, гордились великолѣпной мебелью, экипажами, нисколько не помышляя о Томъ, Кто возлежалъ въ ясляхъ и ѣздилъ на ослѣ [3]. Къ несчастію Ратерію не доставало той мудрости, которая бы требовалась въ дѣлѣ обращенія съ такими лицами; его не неумѣренная ревность, личная заносчивость, его страстная нетерпимость ко всякому противодѣйствію, его рѣзкій языкъ и неумѣренная суровость въ укорахъ отчуждали отъ него духовенство, мірянъ и монаховъ, у которыхъ сначала онъ пользовался популярностью, причемъ его независимый духъ и его рѣшимость поддерживать права
934 г. своей каѳедры раздражали вмѣстѣ съ тѣмъ и распущеннаго и жестокаго короля. Гугъ по обвиненію въ измѣнѣ подвергъ его тюремному заключенію въ Павіи на два съ половиною года, а каѳедра была предоставлена Манассею, архіепископу арльскому, который занималъ также каѳедры Трента и Мантуи, и имѣлъ даже смѣлость оправдывать такое совмѣстительство ссылкою на то, что ап. Петръ былъ епископомъ Рима, Александріи, Антіохіи и Аквилеи [4]. Въ 939 году Гугъ, изъ видовъ политики, возстановилъ Ратерія, но епископъ опять принужденъ былъ оставить свою каѳедру, и его непрактичный характеръ былъ причиною его изгнанія,—или вынужденнаго удаленія и другихъ послѣдовательно получавшихся имъ владѣній,—именно каѳедры Льежа, на которую онъ возведенъ былъ по вліянію Бруно кельнскаго, въ третій разъ съ каѳедры веронской, которую онъ возвратилъ было себѣ при помощи покровительства Оттона Великаго, низвергнувшаго болѣе популярнаго епископа (963 г.), изъ аббатства св. Аманда, которое онъ, будто бы, купилъ у короля Лотаря, изъ аббатства Гаумонта, и изъ аббатства Лобаха или Лобеса на Самбрѣ, мѣстѣ его воспитанія, которое онъ занималъ вмѣстѣ съ епископіей льежской и главой которой въ послѣдніе дни своей жизни онъ опять сдѣлался вслѣдствіе

---

[1] Itinerarium, 6, 7.

[2] Praeloq. v, 6—7, 11, 18—19.

[3] Praeloq. v, 9—10.

[4] Liutprand, Antap. iv, 6.

изгнанiя своего предшественника Фолкуина. Ратерiй умеръ въ Намурѣ въ 974 году восьмидесяти двухъ лѣтъ отъ рода. Онъ былъ вообще сильный противникъ брачной жизни духовенства, хотя наконецъ, повидимому, убѣдился, что дѣло это было безнадежно, и ограничивался старанiемъ предохранить iерархiю отъ превращенiя въ наслѣдственную, выражая желанiе, чтобы женатые священники выдавали своихъ дочерей за мiрянъ и не позволяли своимъ сыновьямъ принимать духовный санъ [1]).

Безбрачiе среди духовенства водворялось не на религiозныхъ только основанiяхъ, а и на экономическихъ, такъ какъ противоположный обычай подвергалъ опасности имущество церкви. Брачное духовенство часто старалось сдѣлать свое имущество наслѣдственнымъ, или отчуждало церковную собственность въ пользу своихъ дѣтей, которыхъ оно ставило, съ цѣлью обезпечить такое отчужденiе, подъ вассальную зависимость отъ какого либо влiятельнаго мiрянина [2]). Духовныя лица рабскаго происхожденiя старались избирать себѣ въ жены и наложницы женщинъ свободнаго состоянiя для того, чтобы обезпечить за своимъ потомствомъ привилегiи свободныхъ людей—въ силу узаконеннаго принципа, что дитя должно слѣдовать состоянiю матери. Бенедиктъ VIII на соборѣ, состоявшемся въ Павiи въ 1022 году, съ большою строгостью укорялъ тѣхъ, которые такимъ образомъ разоряли церковь [3]). „Пусть сыновья духовенства будутъ ничѣмъ“, говорилъ онъ, „и особенно сыновья тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя принадлежатъ къ семейству (то есть, къ крѣпостнымъ) церкви. Да, пусть они,—пусть они, говорю я,—я говорю, пусть они—будутъ ничѣмъ. Они не должны слѣдовать ни своей матери въ свободѣ, ни своему отцу въ наслѣдствѣ; они должны быть рабами церкви навсегда, родятся ли отъ женъ или отъ наложницъ; ибо изъ милости можно позволить имъ служить въ качествѣ неѳинимовъ (ветхозавѣтныхъ дровосѣковъ и водоносцевъ), но они не должны стремиться ни къ какому высшему священнослуженiю. Ихъ матери должны быть изгнаны и вынуждены оставить все, что онѣ нажили отъ церкви“. Рѣчь папы на соборѣ имѣла своимъ послѣдствiемъ принятiе каноновъ, которыми постановляется, что никто изъ членовъ духовенства не долженъ имѣть жены или наложницы, что дѣти духовныхъ лицъ должны быть осуждены на безнадежное рабство, и что никакой судья, подъ страхомъ анаѳемы, не можетъ обѣщать имъ свободы или права на наслѣдство. Эти каноны были утверждены властью императора

---

[1]) De Nuptu illicito, 4. См. *Vogel*, Ratherius von Verona und das zehnte Jahrhundert, Jena, 1854, I, 347.

[2]) Victor III, Dial. III (Bybl, Patr. XVIII, 853, д.).

[3]) Hard. VI, 805 и слѣд.

Генриха ii, и приводились въ исполненіе подъ страхомъ гражданскихъ наказаній [1]).

Нѣкоторыми канонами запрещалось не только то, чтобы кто либо отдавалъ свою дочь въ замужество за духовное лицо, но и чтобы кто либо изъ мірянъ вступалъ въ бракъ съ дѣтьми духовнаго лица, и были также каноны, которыми запрещалось рукоположеніе сыновей духовенства, какъ „проклятаго сѣмени“ [2]). Въ этомъ отношеніи, однако же, повидимому вообще преобладалъ другой, болѣе гуманный принципъ, что дѣти, какъ невинныя, не должны страдать за грѣхи своихъ родителей [3]).

Какъ ни дорого было куплено это установленіе, однако мы не должны упускать изъ вида того, какое великое благо проистекло изъ принудительнаго безбрачія, такъ какъ ему, главнымъ образомъ, и нужно приписать то обстоятельство, что въ теченіе среднихъ вѣковъ духовенство не превратилось, подобно другимъ классамъ, достоинство которыхъ сначала было личнымъ и оффиціальнымъ, въ наслѣдственную касту [4]).

ii. Монашество.

1. Въ теченіе первой части этого періода монашеская жизнь клонилась къ упадку. О нѣкоторыхъ изъ злоупотребленій, возникшихъ среди грековъ, можно судить по канонамъ собора, состоявшагося въ Константинополѣ въ 861 году и извѣстнаго подъ названіемъ первовтораго [5]). Тамъ говорится, что многія лица заяв-

---

[1]) Hard. vi, 809—13; Pertz, Leges, ii, 562—3.

[2]) Conc. Bitur. отъ 1031 года, сс. 19—20, 8.

[3]) См. Alexand. ii, Ep. 133 (Patrol. cxlvi); Gesta Epp. Cenoman. c. 33 ap. Mabill. Analecta 307, Gratian Decr. i, Dist. 56. Существуетъ письмо отъ Теобальда этампскаго къ Росцеллину, въ которомъ опровергается его мнѣніе, что сыновья духовныхъ лицъ должны считаться exleges (находящимися внѣ закона), и лишаться права на рукоположеніе. Patrol. clxiii, 767.

[4]) Много было спора касательно одного письма, которое, заключая въ себѣ смѣлую защиту брака для духовенства, будто бы обращено было Ульрихомъ, епископомъ аугсбургскимъ, къ Николаю i (Patrol. cxliii, 1361—6). Нелѣпый, содержащійся въ немъ разсказъ, что Григорій Великій, будто бы, нашелъ въ своемъ рыбномъ прудѣ шесть тысячъ головъ священническихъ дѣтей, признается всѣми болѣе или менѣе разумными людьми за басню, хотя подобные разсказы, въ менѣе чудовищной формѣ, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, у Гуга флавиньскаго, который свидѣтельствуетъ объ открытіи девяти головъ въ прудѣ близь женскаго монастыря въ Вердунѣ (ii, 29). Такъ какъ знаменитый Ульрихъ аугсбургскій жилъ долго спустя послѣ Николая i, то защитники письма прибѣгаютъ къ предположенію, что оно было писано или какимъ либо болѣе раннимъ Ульрихомъ, или обращено къ какому нибудь позднѣйшему Николаю. Письмо это было осуждено Григоріемъ vii на соборѣ отъ 1079 года. Bernold. ap. Pertz, v, 436.

[5]) См. выше, стр. 853.

ляли о своемъ желанiи посвятить свое имущество на основанiе монастырей, но старались изъ этого дѣлать для себя источникъ наживы, и что нѣкоторые принимали монашескую одежду лишь съ цѣлью прiобрѣсть славу благочестiя, хотя жили съ чисто мiрскою свободой. Для предотвращенiя этихъ золъ, было постановлено, что никакой монастырь не можетъ быть построенъ безъ позволенiя епископа, въ епархiи котораго онъ находится, и что никто не долженъ быть допускаемъ въ монашество безъ трехлѣтняго испытанiя въ послушничествѣ. Другимъ канономъ повелѣвается, чтобы епископы не растрачивали собственности своихъ каѳедръ на построенiе монастырей [1]).

На Западѣ преобразованiе, предпринятое Людовикомъ Благочестивымъ, скоро потеряло свою силу. Обычай присвоенiя доходовъ аббатствъ (каковое злоупотребленiе въ широкихъ размѣрахъ практиковалось и въ восточной церкви) возросъ еще болѣе. Аббатства предоставляемы были франкскими королями мiрянамъ въ качествѣ наслѣдственныхъ владѣнiй; нѣкоторыя изъ нихъ даже были предоставляемы королевамъ или другимъ знатнымъ дамамъ. Короли забирали доходы аббатствъ въ свои собственныя руки, и епископы не упускали случая подражать этому примѣру; такъ, Гаттонъ менцскiй, умершiй въ 912 году, присвоилъ своему архiепископскому достоинству настоятельство въ двѣнадцати монастыряхъ, и нѣкоторыя аббатства сдѣлались закрѣпленными за извѣстными каѳедрами [2]). Недостатокъ должнаго надзора, какъ естественное слѣдствiе подобнаго порядка вещей, вмѣстѣ съ другими причинами, содѣйствовалъ крайнему упадку монастырской дисциплины. Упадокъ этотъ во Францiи былъ такъ великъ, что монахи были совершенно незнакомы съ уставомъ св. Бенедикта и даже не знали, есть ли у нихъ вообще какой либо уставъ. Во многихъ монастыряхъ аббаты открыто жили съ женами или наложницами.

Соборъ трослейскiй въ 909 году оплакиваетъ эту общую испорченность. Нѣкоторые монастыри, по его свидѣтельству, были сожжены или разрушены язычниками, нѣкоторые лишены своей собственности, а тѣ, слѣды которыхъ еще остаются, не соблюдаютъ никакой формы правильнаго учрежденiя. У нихъ нѣтъ никакихъ надлежащихъ настоятелей, образъ жизни безпорядоченъ, нѣкоторые монахи оставляютъ свое званiе и предаются мiрскимъ занятiямъ; какъ чистое золото тускнѣетъ безъ попеченiя мастера, такъ и монашеское учрежденiе приходитъ къ разрушенiю по недостатку законно установленныхъ аббатовъ. Мірскіе аббаты, съ ихъ женами и дѣтьми, съ ихъ солдатами и собаками, занимаютъ кельи монаховъ, канониковъ и монахинь; они принимаютъ на себя смѣлость давать распоряженія въ образѣ жизни, съ которымъ они совершенно незнакомы, и обитатели монастырей перестаютъ обращать вниманіе на правила касательно одежды и пищи. Во всемъ этомъ соборъ видитъ исполненіе предсказанія, что мерзость запустѣнія водворится на мѣстѣ, гдѣ бы она не должна быть [1]). Къ тому же времени относится свидѣтельство, что Іоаннъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи аббатомъ Горзы, рѣшившись принять монашество, не могъ найти ни одного монастыря къ сѣверу отъ Альпъ, и едва нашелъ одинъ такой въ Италіи, гдѣ соблюдалась должная дисциплина [2]).

---

[1]) Cc. 1, 2, 5, 7.

[2]) Pertz, II, 83. Примѣръ худыхъ результатовъ такого закрѣпленiя можно видѣть въ жизни св. Вольфганга, который боролся съ этимъ злоупотребленiемъ. C. 15. Pertz. IV, 522.

2) Вскорѣ послѣ этого во многихъ странахъ начались преобразованія. Во главѣ этого новаго движенія сталъ Бернонъ, аббатъ бомскій и основатель и аббатъ монастыря гигнійскаго [3]). Онъ уже произвелъ преобразованіе въ этихъ двухъ монастыряхъ, какъ въ 912 году былъ приглашенъ въ Клуни Вильгельмомъ, герцогомъ Оверни или Верхней Аквитаніи, который желалъ, чтобы онъ избралъ себѣ мѣсто въ этомъ герцогствѣ для основанія монастыря, и Бернонъ избралъ самый Клуни. Тамъ въ предшествующемъ столѣтіи было основано общество канониковъ, но зданія ихъ въ то время были занимаемы охотничьими принадлежностями герцога. Въ своемъ „завѣщаніи“ или грамотѣ Вильгельмъ объявляетъ, что онъ отдаетъ это имѣніе для основанія монастыря въ честь св. Петра и Павла, во первыхъ—за любовь Божію, затѣмъ за души покойнаго короля Одона, своей собственной жены, родныхъ и друзей, для блага каѳолической вѣры и всѣхъ православныхъ христіанъ во времена прошедшія, настоящія и будущія. Бернонъ долженъ быть первымъ его аббатомъ, и послѣ его смерти монахи должны пользоваться полною свободою избранія себѣ настоятеля. Они должны быть изъяты отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ дѣла со стороны основателя и его рода, величества короля и всякой другой земной власти. Герцогъ торжественно увѣщеваетъ всѣхъ папъ, епископовъ и мірскихъ князей уважать ихъ собственность, умоляетъ первоверховныхъ апостоловъ и папу принять монастырь подъ свое особое покровительство, и произноситъ проклятіе на всякаго, кто бы посягнулъ на него [4]).

---

[1]) С. 3. Hard. vi, 510—513.

[2]) Vita, 20 (Patrol. cxxxvii). Любопытный разсказъ о монастырскихъ безпорядкахъ см. въ „Destructio Monasterii Farfensis“, сочиненіе аббата Гуга in Murat. Antiq. Ital. vi, 275 и слѣд.

[3]) Baron. 912—18. Bolland. Acta SS. fan. 13. Бернонъ былъ, вѣроятно, графъ, хотя это и неизвѣстно съ достовѣрностью. Mabill. 66.

[4]) Hard. vi, 547 и слѣд.

Бернонъ, подобно св. Бенедикту и другимъ основателямъ монастырей, началъ съ маленькой общины изъ двѣнадцати монаховъ. Учрежденія Клуни пробудили соревнованіе, и другіе монастыри обращались къ аббату съ просьбою о преобразованіи. Въ 927 году Бернону наслѣдовалъ его ученикъ Одонъ, слава котораго на столько затмила славу его учителя, что даже нѣкоторые члены клунійскаго ордена называли Одона своимъ основателемъ [1]. Къ уставу св. Бенедикта Одонъ прибавилъ много подробныхъ правилъ. Такъ, отъ монаховъ требовалось по окончаніи трапезы собираться вмѣстѣ и потреблять всѣ крохи отъ своего хлѣба. Сначала замѣчалась наклонность уклоняться отъ этого правила, но когда одинъ умирающій монахъ въ ужасѣ воскликнулъ, что онъ видѣлъ, какъ діаволъ въ обвиненіе его выставлялъ цѣлый мѣшокъ крохъ, которыя онъ въ свое время не хотѣлъ съѣсть, то братья со страхомъ принялись за исполненіе этого правила [2]. Установлены были періоды строгаго молчанія, и существуютъ разсказы о тѣхъ неудобствахъ, которымъ подвергались клунійцы, чтобы только не нарушить это правило; такъ одинъ изъ нихъ позволилъ даже ворамъ украсть его лошадь, и двое допустили уведеніе себя въ плѣнъ норманнами [3]. Съ цѣлью сообщеній между ними въ такое время, введенъ былъ особый кодексъ знаковъ, которые обязательно должны были изучать новопоступавшіе. Монахамъ пять разъ въ году пускалась кровь, и сомнительно, допускалъ ли вообще Одонъ употребленіе какихъ либо медицинскихъ средствъ, кромѣ кровопусканія и прижиганія. Когда двое изъ его монаховъ просили его позволить имъ прибѣгнуть къ какому нибудь лѣкарству, онъ согласился, но во гнѣвѣ сказалъ имъ, что они никогда не выздоровѣютъ, и исходъ болѣзни оправдалъ его прозорливость [4].

Слава клунійскаго монастыря распространялась. Одонъ, по просьбѣ папы, трижды посѣщалъ Италію съ цѣлью примиренія князей, и онъ воспользовался этими случаями для введенія его преобразованій и въ своей странѣ. При его преемникѣ Аймардѣ накопилось не менѣе 378 грамотъ, въ которыхъ даются или подтверждаются дары, и онѣ свидѣтельствуютъ о томъ богатствѣ, которое было привлекаемо въ монастырь представлявшимся имъ зрѣлищемъ возобновившейся строгости жизни. Славу клунійцевъ поддерживалъ и распространялъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ подвижниковъ. Изъ

942—965 гг.

---

[1] См. Baron. 912—17.

[2] Vita S. Odonis ap. Mabill Acta SS. Ben. VII, 159.

[3] Mabill. Annal. III, 457.

[4] Nalgold. ap. Mabill. въ указ. мѣстѣ, 196. Въ главѣ De Infirmis позволяется мясо, но ничего не упоминается о лѣкарствахъ (Consuet. III, 27). Іоаннъ Гуалбертъ отлучилъ одного монаха, который умеръ вслѣдствіе неосторожности послѣ принятія отъ него лѣкарства. Atto, c. 43, ap. Mabill. Acta SS. Ben. IX, 285.

нихъ Майолъ, который, вслѣдствіе потери Аймардомъ своего зрѣнія назначенъ былъ его коадъюторомъ въ 948 году, и сдѣлался самостоятельнымъ аббатомъ въ 965 году, предъ поступленіемъ въ эту монашескую общину, отказался отъ архіепископіи безансонской, и по смерти Бенедикта vi, въ 974 году, отклонилъ отъ себя папскій престолъ [1]. Пятый аббатъ Одилонъ, по своей славѣ и вліянію, 994—1049. былъ равенъ съ своимъ предшественникомъ. Папы относились къ нему какъ къ равному себѣ; короли и императоры добивались его дружбы и руководились его совѣтомъ; епископы отправлялись въ Клуни, чтобы въ качествѣ простыхъ монаховъ воспользоваться его руководительствомъ. Его современникъ, Фульбертъ шартрскій называетъ его „архангеломъ монаховъ", а другой современникъ, извѣстный Адальберо лаонскій, въ сатирической поэмѣ называетъ его „*царемъ* Одилономъ клунійскимъ". За нимъ признавалась сила чудесъ, и его молитвамъ приписывалась необычайная дѣйственность. Бенедиктъ viii, будто бы явившись Іоанну, епископу портійскому, заявилъ ему, что онъ терпитъ муки, но что онъ могъ бы быть избавленъ молитвами Одилона. Аббатъ, узнавъ объ этомъ, предался этому человѣколюбивому дѣлу, и чрезъ нѣсколько времени объ избавленіи папы дано было знать одному изъ клунійскихъ монаховъ. Въ то время, когда папы далеко не отличались благочестивою жизнью, народъ обращалъ свои взоры на главу великой монашеской общины, положеніе котораго было таково, что онъ отказался смѣнять его даже на епископскую каѳедру ап. Петра [2].

Преобразованіе, начатое въ клунійскомъ монастырѣ, распространялось во всѣхъ направленіяхъ. Какъ только въ какой либо провинціи проявлялось возстановленіе истинно монашескаго аскетизма, вниманіе къ общественному мнѣнію и забота о самосохраненіи заставляли подражать ему и въ другихъ сосѣднихъ общинахъ. Пробудилась общая ревность къ монашеству, множество мужчинъ становились монахами, многіе отдавали въ монастыри своихъ дѣтей, нѣкоторые даже обрекали себя и свое потомство въ качествѣ крѣпостныхъ для извѣстнаго монастыря, въ надеждѣ полученія мзды на небѣ. Князья или епископы часто прибѣгали къ посредничеству клунійцевъ, съ цѣлью осуществленія какого либо сильнаго преобразованія; многіе монастыри по собственному желанію приняли клунійскій уставъ, и вступили въ союзъ съ этимъ монастыремъ.

---

[1] Syrus, Vita Maioli, iv, 1—2; i, 12; iii, 8 (Patrol. cxxxvii).

[2] Одилонъ отказался отъ ліонской каѳедры и былъ порицаемъ за это Іоанномъ xviii (Hard. vi, 835). Петръ Даміани, въ своей „жизни Одилона", свидѣтельствуетъ, что онъ былъ снисходителенъ въ наложеніи эпитимій, и что когда его порицали за это, онъ обыкновенно говорилъ: „если я достоинъ осужденія, то готовъ подвергнуться осужденію скорѣе за милость, чѣмъ за суровость или жестокость".

Характеръ этой связи былъ неодинаковъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ вошедшій съ нимъ въ связь монастырь находился въ строгомъ подчиненіи, такъ что не только обращался къ клунійскому монастырю за аббатами и настоятелями, но не принималъ даже и новичка безъ соглашенія съ „архіаббатомъ“; въ другихъ случаяхъ меньшій монастырь пользовался независимостью въ управленіи своими собственными дѣлами и въ выборѣ своихъ настоятелей, причемъ онъ только признавалъ великаго клунійскаго аббата своимъ главою и смотрѣлъ на него какъ на обладающаго высшею властью и имѣющаго право наблюдать за дисциплиной въ немъ [1]. Такъ образовалась „клунійская конгрегація“, первый на Западѣ примѣръ (за исключеніемъ своеобразной системы св. Колумбы) той организаціи, которая въ первые вѣка монашества введена была въ Египтѣ св. Пахоміемъ [2]. Дѣло установленія этой организаціи было закончено шестымъ аббатомъ Гугомъ, который, сдѣлавшись преемникомъ Одилона въ двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ, управлялъ общиной въ теченіе шестидесяти лѣтъ [3]. Число монастырей, находившихся въ связи съ клунійскимъ во Франціи, Германіи, Италіи, Англіи и Испаніи, къ концу xii столѣтія восходило до двухъ тысячъ [4].

3. Около столѣтія спустя послѣ происхожденія клунійской общины возникла еще другая знаменитая община, основанная Ромуальдомъ, знатнымъ человѣкомъ, происходившимъ изъ герцогскаго рода Равенны. Въ ранней своей жизни Ромуальдъ отличался распутствомъ, но въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ вдругъ совершенно преобразился. Его отецъ, Сергій, былъ занятъ споромъ касательно какой-то собственности съ однимъ изъ своихъ родственниковъ. Между ними, выступившими каждый во главѣ своихъ сторонниковъ, произошла стычка, и Сергій убилъ своего противника. Ромуальдъ, участвовавшій въ этой стычкѣ, хотя самъ и не проливалъ крови, былъ настолько пораженъ такимъ исходомъ дѣла, что отправился въ монастырь св. Аполлинарія, съ цѣлью понести эпитимію въ теченіе сорока дней, и во время пребыванія тамъ имѣлъ видѣнія, въ которыхъ ему являлся святый покровитель этого монастыря и побудилъ его принять монашество [5]. Проведя три года въ монастырѣ, онъ сдѣлался послушникомъ одного отшельника, по имени Марина, у кото-

---

[1] Mabill. Acta SS. Ben. vii, xxvii.

[2] См. выше стр. 299.

[3] Mabill. vii, xxii—xxvii. „Жизнь Гуга“ есть въ сочиненіяхъ Гильдеберта, pp. 909—44, Paris. 1706 г., а также въ Patrol. clix и Acta SS. Apr. 29.

[4] Клунійскіе монастыри въ Англіи всѣ находились подъ управленіемъ французовъ, причемъ клунійскій аббатъ ежегодно получалъ отъ нихъ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ.

[5] P. Damiani, Vita S. Romualdi, cc. 3—5 (Opera ii, 188 и слѣд.). Есть и другое позднѣйшее жизнеописаніе, составленное камальдолійцемъ, по имени Іеронимомъ, in Acta SS. Febr. 7.

раго было въ обычаѣ ежедневно прочитывать всю псалтирь, произнося тридцать псалмовъ подъ однимъ деревомъ, и сорокъ подъ другимъ. Отъ Ромуальда онъ потребовалъ подражать этимъ упражненіямъ, и когда онъ не исполнялъ этого (какъ это часто бывало вслѣдствіе его медленности въ чтеніи), то получалъ ударъ отъ жезла отшельника. Отъ частаго повторенія ударовъ онъ потерялъ слухъ на лѣвое ухо, вслѣдствіе чего смиренно просилъ, чтобы наказаніе было перенесено на правую сторону. Хотя онъ впослѣдствіи любилъ разсказывать исторію этого своего воспитанія съ видомъ веселости, его собственное благочестіе отличалось такою же строгою ревностью. Живя на границѣ Испаніи въ качествѣ отшельника, онъ услышалъ, что его отецъ, удалившійся въ монастырь, проявлялъ наклонность возвратиться въ міръ, и онъ рѣшилъ воспрепятствовать этому шагу. Окрестное населеніе, узнавъ, что онъ хотѣлъ оставить его, не хотѣло разстаться съ столь благочестивымъ человѣкомъ, и по странному сочетанію вѣры и суевѣрія, рѣшило—убить его, чтобы только обладать его мощами. Ромуальдъ избѣгъ этого тѣмъ, что притворился сумасшедшимъ, и босый прибылъ въ Равенну, гдѣ онъ осыпалъ своего отца укорами и ударами, заключилъ его ноги въ колоды и надѣлъ на него кандалы, пока старецъ не приведенъ былъ къ лучшему сознанію долга монашескаго постоянства. Въ теченіе своей жизни Ромуальду приходилось имѣть цѣлый рядъ непріятностей съ монахами въ различныхъ мѣстахъ, среди которыхъ онъ пытался ввести преобразованіе слишкомъ большою настойчивостью и строгостью. Среди его собственныхъ аскетическихъ упражненій разсказываютъ и о томъ, что онъ однажды безмолвствовалъ въ теченіе семи лѣтъ. Побуждаемый къ соревнованію трудами своего друга Брунона или Бонифація, замученнаго язычниками въ Пруссіи, онъ предпринялъ миссію въ Венгрію. На пути туда онъ заболѣлъ и думалъ уже воротиться, какъ внезапно выздоровѣлъ; но какъ только у него появлялось намѣреніе продолжать путь, его болѣзнь опять возвращалась къ нему. Наконецъ онъ уступилъ тому, что признавалъ высшимъ внушеніемъ касательно того, что это дѣло было не для него; но пятнадцать изъ его спутниковъ отправились дальше, и съ большимъ успѣхомъ трудились въ Венгріи [1]).

Великимъ дѣломъ Ромуальда было основаніе камальдольскаго монастыря въ Аппенинахъ, въ 1018 году. Онъ началъ съ построенія пяти келлій и молельни. Иноки должны были жить отшельниками и никогда не имѣть общенія между собою, кромѣ какъ въ молитвѣ. Правила ихъ касательно благочестивыхъ упражненій, безмолвія и пищи были очень строги, но Ромуальдъ, хотя самъ часто проводилъ цѣлые дни въ полномъ воздержаніи, не хотѣлъ подвергать своихъ учениковъ такой суровости; они должны, говорилъ онъ, ѣсть каждый день и всегда быть голодными. Видѣніе ангеловъ, восходящихъ по лѣстницѣ Іакова, побудило его принять для своихъ иноковъ бѣлую одежду, между тѣмъ какъ одежда бенедиктинцевъ была черною [1]). Ромуальдъ умеръ въ 1027 году 120 лѣтъ отъ рода. Рудольфъ, бывшій „генераломъ“ камальдольскаго монастыря съ 1082 года, поддерживалъ строгость устава, и присоединилъ къ отшельникамъ учрежденіе киновитовъ, образъ жизни которыхъ постепенно сдѣлался весьма различнымъ отъ введеннаго при первоначальномъ установленіи. Эти монахи составили особый орденъ вмѣстѣ съ монастырями, образовавшимися изъ камальдольскаго; но онъ не имѣлъ особенно большаго распространенія, хотя и сохранился до настоящаго времени.

---

[1]) P. Damian. 63—4.

4. Другимъ монастырскимъ преобразователемъ былъ Іоаннъ Гуальбертъ, знатный флорентинецъ, обращеніе котораго, подобно обращенію Ромуальда, было послѣдствіемъ одного изъ враждебныхъ столкновеній, составлявшихъ обычную особенность его вѣка и страны; получивъ отъ своего отца порученіе отмстить за смерть одного родственника, онъ встрѣтилъ убійцу въ великую пятницу въ узкомъ проходѣ близь подошвы холма, на которомъ стоитъ монастырь св. Миніато, и готовъ былъ совершить свое мщеніе; но 1028 г. когда преступникъ соскочилъ съ своей лошади и сложилъ свое оружіе въ видѣ креста, какбы ожидая вѣрной смерти, Гуальбертъ почувствовалъ потребность пощадить его изъ уваженія къ святому знамени и къ великому дню. Затѣмъ онъ взобрался на холмъ, съ цѣлью помолиться въ монастырской церкви, и во время молитвы видѣлъ, какъ Распятіе наклоняло къ нему свою голову, какбы въ признаніе оказанной имъ самимъ милости. Это чудесное видѣніе побудило Гуальберта принять монашество; но его отецъ, услышавъ о его намѣреніи, поспѣшилъ въ монастырь св. Миніато, набросился на него съ укорами и угрожалъ подвергнуть бѣдствіямъ самый монастырь. Гуальбертъ, однако же, настоялъ на своемъ рѣшеніи, и настолько отличался своимъ аскетизмомъ, что чрезъ десять лѣтъ братія желали избрать его своимъ аббатомъ. Но онъ отклонилъ это достоинство, и вскорѣ затѣмъ оставилъ монастырь,—по неудовольствію на избраніе одного симоническаго аббата—по свидѣтельству однихъ, между тѣмъ какъ другіе полагаютъ, что онъ удалился изъ желанія избѣгнуть развлеченія, производимаго цѣлыми толпами посѣтителей. Послѣ нѣкотораго пребыванія въ Камальдоли (гдѣ онъ познакомился съ установленіями Ромуальда, хотя основателя ихъ уже и не было въ живыхъ), Гуальбертъ посе-

---

[1]) О монашеской одеждѣ см. Mabill. vii, xxx и слѣд.

лился въ Валламброзѣ, и тамъ основалъ въ 1039 году общину отшельниковъ. Къ ней впослѣдствіи присоединилась община киновитовъ, и устроеніе этого ордена было завершено учрежденіемъ мірскихъ братьевъ, на обязанности которыхъ было заниматься ремеслами и вести мірскія дѣла общины, причемъ, благодаря ихъ трудамъ, монахи были въ состояніи всецѣло предаваться духовной жизни. Строгость устава была у нихъ необычайная; новопоступившіе должны были подвергаться въ теченіе года самому суровому испытанію, въ продолженіе котораго они подвергались унизительнымъ работамъ, какъ напримѣръ пасенію свиней и ежедневному очищенію хлѣвовъ голыми руками, и Гуальбертъ настолько доходилъ въ своей ненависти къ роскоши, что даже осуждалъ и великолѣпіе монастырскихъ зданій. Его гнѣвъ противъ нарушенія устава былъ такъ силенъ, что нарушителямъ „казалось, будто само небо и земля, и даже Самъ Богъ гнѣвались на нихъ“; но къ кающимся онъ проявлялъ нѣжность матери. Лично для себя онъ отклонялъ всякое посвященіе, даже на степень привратника. Онъ отступилъ отъ Бенедиктинскаго устава въ томъ, что одѣвалъ своихъ монаховъ въ сѣрое, но цвѣтъ этотъ впослѣдствіи былъ измѣненъ на коричневый, и наконецъ на черный. Гуальбертъ построилъ и преобразовалъ много монастырей, и въ послушаніе папѣ Александру II онъ съ неохотой сдѣлался главой основаннаго имъ ордена. Смерть его послѣдовала въ 1093 году [1]).

5. Въ Германіи попытки монастырскаго преобразованія встрѣчали гораздо больше упорнаго сопротивленія. Монахи иногда въ полномъ своемъ числѣ оставляли свои монастыри, какъ, напримѣръ, это было, когда Годегардъ, епископъ гильдесгеймскій, попытался преобразовать герстфельдскій монастырь, хотя ему наконецъ и удалось возвратить ихъ обратно [2]). Иногда монахи возмущались противъ своихъ аббатовъ—преобразователей, били ихъ, ослѣпляли, или даже покушались на ихъ жизнь. Общее настроеніе монашескаго класса ярко выражено Видукиндомъ корбейскимъ, который серьезно говоритъ, что около 945 года возникло „жестокое гоненіе“ на монаховъ, вслѣдствіе заявленія нѣкоторыхъ епископовъ, что они готовы скорѣе занимать монастырь нѣсколькими обитателями благочестивой жизни, чѣмъ многими безпечными, — каковое заявленіе лѣтописецъ опровергаетъ ссылкой на притчу о пшеницѣ и плевелахъ [3]). Тѣмъ не менѣе даже и въ Германіи наконецъ состоялось нѣкоторое улучшеніе, и именно отчасти благодаря политикѣ благочестиваго императора Генриха II, который дѣятельно старался содѣйствовать преобразо-

---

[1]) См. *Atto*, Vita Gualb. (Mabill. 9); *Andreas*, Vita Gualb. (Patrol. CXLIV).

[2]) Acta SS. Mai 4.

[3]) Widuk. II, 37 (Pertz, 448).

вательнымъ мѣропріятіямъ и безцеремонно обращался съ монастырскою собственностью.

6. Вслѣдствіе этихъ преобразованій почти совсѣмъ прекратилась система обладанія монастырскою собственностью со стороны мірянъ. Многіе изъ нихъ добровольно отказались отъ своихъ притязаній, другіе принуждены были къ этому государями, и новыхъ раздачъ этого рода уже почти не дѣлалось. Самый обычай, однако же, еще не искоренень былъ совсѣмъ, и монастыри, какъ мы видѣли, не мало страдали отъ вымогательствъ адвокатовъ, на обязанности которыхъ было защищать ихъ. Короли также часто вмѣшивались въ ихъ дѣла, и привилегіи свободнаго избранія, которыя монастырскія общины получали или даже покупали отъ епископовъ, государей и папъ, въ дѣйствительности оказывались совершенно безполезными противъ королевскаго назначенія аббата.

Перемѣна династіи во Франціи имѣла весьма благопріятныя послѣдствія для монастырей. Гугъ Капетъ, до своего возвышенія на престолъ, занималъ должности аббата въ Сенъ-Дени и Сенъ-Жерменѣ, и назывался аббатомъ-графомъ [1]. Но вѣроятно изъ желанія склонить на свою сторону монаховъ онъ отказался отъ своихъ аббатствъ, возстановилъ монастырскимъ общинамъ право избирать себѣ настоятелей, и на своемъ смертномъ одрѣ завѣщалъ своему сыну Роберту воздерживаться отъ отчужденія монастырской собственности и отъ вмѣшательства въ право свободнаго избранія [2].

7. Власть епископовъ надъ монастырями въ теченіе этого періода уменьшилась. Всякое доброе впечатлѣніе, которое въ виду упадка монастырской дисциплины могло бы быть производимо на народъ въ пользу епископскаго надзора, парализовалось зрѣлищемъ безпорядковъ, преобладавшихъ между самими епископами, и тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ нихъ, присвояя себѣ доходы аббатствъ, въ значительной степени содѣйствовали разсматриваемому злу. И когда монахи вновь возвратили себѣ добрую славу и вліяніе, вслѣдствіе преобразованій десятаго столѣтія, то они начали заявлять протесты противъ епископской власти. Во главѣ этого движенія стоялъ Аббо флёрійскій, который отказался сдѣлать обычное признаніе послушанія своему діоцезному епископу орлеанскому. Между обоими классами духовенства возникла сильная вражда, и особенно знаменательно проявилась, когда соборъ въ Сенъ-Дени въ 997 году предложилъ предоставить приходскому духовенству тѣ десятины, которыя принадлежали монашескимъ общинамъ, равно какъ и тѣ, которыя находились въ рукахъ мірянъ. Монахи Сенъ-Дени произвели полный бунтъ, и

---

[1] Abbacomes см. Ducange подъ этимъ словомъ.

[2] *Helgald.* Vita Roberti, c. 14 (Bouquet, x, 104). Mabill. Acta SS. Ben. vii, lxvi, viii, ii.

съ помощью населенія разсѣяли собравшихся прелатовъ; предсѣдатель собора Сигуинъ, архіепископъ сенскій, во время своего бѣгства былъ забрасываемъ грязью, получилъ между плечами ударъ топоромъ и тутъ же былъ убитъ. Аббо, какъ вождь монашеской оппозиціи, былъ обвиненъ въ подстрекательствѣ мятежниковъ, и хотя онъ оправдывался въ письмѣ, обращенномъ къ королю Гугу и его сыну, однако же изъ самаго того удовольствія, съ которымъ его жизнеописатель разсказываетъ о бѣгствѣ епископовъ, очевидно, что монашеская партія отнюдь не безъ удовольствія взирала на пораженіе своихъ противниковъ такими средствами [1]. Аббо, съ цѣлью отстаиванія монастырскихъ привилегій, отправился въ Римъ, и затѣмъ, будучи отправленъ въ Римъ въ посольствѣ по вопросу объ архіепископіи реймсской, онъ добился отъ Григорія v постановленія, чтобы епископъ орлеанскій не имѣлъ права посѣщать флёрійскаго монастыря иначе какъ по приглашенію аббата [2].

Монашескія общины естественно были склонны становиться въ непосредственную связь съ папской каѳедрой, такъ какъ папство было единственной силой, къ которой онѣ могли обращаться съ аппелляціями противъ епископовъ и государей. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, клунійская, были поставлены ихъ основателями подъ особое покровительство папы, и въ знакъ такой связи Риму уплачивалась небольшая сумма изъ монастырскихъ доходовъ [3]. Тѣмъ не менѣе изъятіе, котораго монастыри такимъ образомъ добивались отъ контроля своихъ діоцезныхъ епископовъ, еще не лишало епископа его обычнаго права на нравственный надзоръ, а имѣло своею цѣлью только обезпеченіе монаховъ противъ злоупотребленій епископской власти,—противъ посягательства на ихъ собственность, вмѣшательства въ выборы аббатовъ, незаконныхъ вымогательствъ или излишнихъ и долгихъ посѣщеній [4]. Устранены были и такія папскія грамоты, которыми давались большія привилегіи. Сильвестръ ii, по вопросу объ одномъ монастырѣ въ Перуджіи, призналъ, что монастырская община не могла переходить подъ непосредственную юрисдикцію папы безъ согласія своего діоцезнаго епископа. Споръ между аббатствомъ флёрійскимъ и его діоцезными епископами не законченъ былъ и преимуществомъ, даннымъ ему въ лицѣ Аббо; черезъ нѣсколько лѣтъ позже мы встрѣчаемся съ жалобой Іоанна XVII королю Роберту на то, что архіепископъ сенскій и епископъ орлеанскій относились 1008 г. къ апостолическимъ привилегіямъ съ пренебреженіемъ и приказали даже Гаузелину, преемнику Аббо, бросить ихъ въ огонь, причемъ Фульбертъ, епископъ шартрскій, желавшій дѣйствовать въ качествѣ посредника, заявлялъ, что для аббата было невозможно уклониться отъ своего долга каноническаго послушанія 1). Григорію V не удалось осуществить свою попытку освободить монастырь Гиршау отъ власти епископа констанцкаго, и когда позднѣйшій папа Іоаннъ XVIII даровалъ аббату Гиршау право совершать литургію по епископскому чину (это было однимъ изъ тѣхъ притязаній, которыхъ обыкновенно добивались аббаты), епископъ жаловался на это Конраду Салическому. Подвергаясь давленію одновременно со стороны императора и епископа, аббатъ принужденъ былъ отдать своему діоцезному епископу епископскій посохъ и сандаліи, 1033 г. которые онъ получилъ отъ папы, и эти принадлежности были публично сожжены на ближайшемъ діоцезномъ соборѣ 2). Въ 1025 году на соборѣ ансейскомъ (близъ Ліона) принесена была жалоба епископомъ маконскимъ, въ діоцезѣ котораго находился клунійскій монастырь, на то, что архіепископъ вьеннскій священнодѣйствовалъ при рукоположеніяхъ и освященіяхъ въ аббатствѣ. Одилонъ представилъ особую привилегированную грамоту отъ папы, дававшую братству право приглашать любаго епископа, какого только они хотѣли, для совершенія таковыхъ священнослужителей, но соборъ объявилъ, что никакая привилегія не могла быть дѣйствительною вопреки древнихъ каноновъ, которые предоставляли епископамъ юрисдикцію надъ находящимися въ ихъ діоцезѣ монастырями 3). Такъ какъ вопросъ этотъ продолжалъ быть предметомъ споровъ, то папа Александръ II въ 1066 году поручилъ разслѣдованіе его кардиналу Петру Даміани, который (какъ и можно было ожидать въ виду его монашескаго характера и предрасположенія) далъ рѣшеніе въ пользу аббата, и папа возобновилъ привилегію, позволяя клунійцамъ приглашать всякаго другаго епископа, помимо своего діоцезнаго, и постановляя, чтобы никакой епископъ не подвергалъ ихъ запрещенію или отлу-

---

[1] См. Aimoin Vit. S. Abbonis, c. 9; Mabill. Acta SS. Ben. viii, 39; Hard. vi, 755.

[2] Aimoin, 12. См. выше, стр. 912. Аббо впослѣдствіи былъ умерщвленъ во время мятежа въ монастырѣ Ля-Реольскомъ, въ Гасконіи. Aimoin, 20.

[3] Такъ, Вандомъ платилъ двѣнадцать solidi въ годъ. Alex. 2, Ep. 13 (Patrol. cxlvi).

[4] Григорій vii говоритъ, что такія изъятія были дарованы монастырямъ „propter infestationem praesidentium“, Ep. ii, 69 (ad Cunib. Taurin). Доказательствами подчиненности монастыря епископу были: 1) послушаніе, 2) *синодалы*, уплата ежегодныхъ пошлинъ, 3) прокураціи, то есть, право епископа содержаться на счетъ монаховъ, 4) торжественныя шествія, то есть, его право совершать литургію и созывать собранія въ монастырѣ. Рукоположеніе монаховъ, благословеніе аббатовъ, совершеніе мѵропомазанія, освѣщеніе церквей и престоловъ относились къ другимъ правамъ, независимымъ отъ вопроса о подчиненіи. Mabill. Acta SS. Ben. ix, xii.

---

1) Joh. XVII, Ep. 12 (Patrol. CXXXIX); Fulb. Epp. 16—17 (тамъ же CXLI). Мабилльонъ говоритъ, что результатъ неизвѣстенъ (Annal. IV, 290).

2) Mabill. Acta SS. Ben. VIII, XII—XIII.

3) Hard. VI, 840.

ченію [1]). Хотя время еще и не созрѣло для полнаго проявленія монастырской независимости, однако теченіе дѣлъ быстро направлялось къ этому.

8. Популярность монашества нисколько не ослабѣвала, что между прочимъ, доказывается тѣми средствами, которыми міряне имѣли обыкновеніе входить въ связь съ нимъ. При дальнѣйшемъ осуществленіи принципа братствъ, которыя съ шестаго столѣтія составлялись съ цѣлью препорученія своихъ умершихъ членовъ божественному милосердію посредствомъ молитвъ и обѣдень, вошло въ обычай добиваться зачисленія въ качествѣ собратьевъ монастыря, и вслѣдствіе такого зачисленія, собратъ (confrater) былъ вправѣ разсчитывать на духовныя блага отъ молитвъ общины. Такимъ именно образомъ Конрадъ I вступалъ въ связь съ сенъ-галльскимъ монастыремъ, и Генрихъ II съ клунійскимъ. Другой обычай, происхожденіе котораго нѣкоторые относятъ даже къ седьмому столѣтію, состоялъ въ надѣваніи монашеской одежды во время опасной болѣзни,—что, видимо, представляло новую форму покаяннаго обязательства, которое предпринималось въ такихъ обстоятельствахъ въ болѣе древнее время. Если кто либо изъ принявшихъ такимъ образомъ монастырскую одежду по выздоровленіи возвращался къ мірской жизни, то на это смотрѣли неодобрительно; но иногда оказывалось, что даже монашеская одежда, когда она была удерживаема, не служила достаточнымъ обезпеченіемъ противъ возвращенія къ грѣхамъ прежней жизни [2]).

Монастыри или монашескіе ордены часто связаны были между собою узами взаимнаго заступничества и взаимнаго поминанія умершихъ собратьевъ, и о смерти аббатовъ или другихъ выдающихся членовъ въ какомъ либо монастырѣ давалось знать другимъ монастырямъ циркулярами, которые развозились особыми вѣстниками [3]).

Въ XI столѣтіи такимъ образомъ монашество опять пользовалось полнѣйшимъ вліяніемъ. Нестроенія прежняго времени и его общій упадокъ теперь болѣе чѣмъ были заглажены частыми и широко захватывающими преобразованіями, причемъ каждое изъ нихъ совершалось съ особенною ревностью и проявляло особенную строгость, которыя на время увлекали умы людей и запрещали имъ допускатьи мысль о томъ, что то, что теперь было столь чистымъ и строгимъ, могло когда либо находиться въ состояніи упадка и безпорядочности.

---

[1]) Alex. II. Epp. 14—15 (Patrol. CXLVI). Synodalis Definitio (тамъ же CXLV. 859). P. Damian. Iter gallicum, cc. 13—18. Объ епископѣ маконскомъ разсказываютъ, что онъ, будучи не увѣренъ касательно степени его юрисдикціи, сталъ внѣ аббатства и воскликнулъ: „*если* въ этомъ монастырѣ есть кто либо такой, кого я вправѣ отлучать, *тѣхъ* я отлучаю!“ (тамъ же, 861).

[2]) Pet. Damian Opusc. XVI, 2 (Patrol. CXLV). Тѣ, кто такимъ образомъ принимали монашескую одежду въ Испаніи, назывались confessores (Ducange, подъ словомъ Confessor). Обычай этотъ, повидимому, былъ непріятенъ мірскому духовенству. См. Chron. Casin. IV, 72.

[3]) Mabill. Annal. III. 76—7.

III. Обряды и обычаи.

1. Къ IX столѣтію относится происхожденіе цѣлаго класса авторовъ, которые писали комментаріи на богослужебные обряды церкви. Первымъ изъ нихъ былъ Амальгартъ или Амалярій, хорепископъ мецскій [1]), который около 820 года составилъ трактатъ „о службахъ церкви“, въ которомъ онъ примѣнилъ къ нимъ систему таинственнаго толкованія, уже долго прилагавшагося къ св. Писанію [2]). Всѣ подробности богослуженія, каждое положеніе и должность, всѣ одежды духовенства, украшенія церкви, священныя времена и праздники, излагаются какъ такіе, которые заключаютъ въ себѣ символическія знаменованія. До половины столѣтія за нимъ слѣдовали съ подобными же литургическими сочиненіями Рабанъ Мавръ и Валафридъ Страбонъ [3]), аббатъ монастыря Рейхенау; но другой знаменитый писатель того времени, Агобертъ, началъ писать въ совершенно иномъ духѣ. Смущенный массой не относящагося къ дѣлу матеріала, найденнаго имъ въ богослужебныхъ книгахъ церкви ліонской, онъ выбросилъ изъ нихъ всѣ гимны и пѣснопѣнія, кромѣ тѣхъ, которыя заимствованы были изъ св. Писанія. За это онъ подвергся порицанію отъ Амалярія въ книгѣ „о чинѣ антифонномъ“, и отвѣчалъ въ трактатахъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ проявленіемъ великаго негодованія по отношенію къ своему противнику, поддерживается тотъ принципъ, на основѣ котораго приведены были имъ литургическія преобразованія [4]). Архіепископъ объявилъ тѣ пѣсни, которыя онъ исключилъ, „не только негодными и излишними, но даже нечестивыми и еретическими“, порицалъ обычай обращать чрезмѣрное вниманіе на музыку, когда даже изученіе св. Писанія находилось въ пренебреженіи, — каковой обычай, какъ говоритъ онъ, надмеваетъ клириковъ, незнающихъ ничего кромѣ музыки, самомнѣніемъ въ своихъ совершенствахъ, и когда Амалярій издалъ свою книгу о божественныхъ службахъ, Агобартъ не только порицалъ его толкованіе за пустоту, но и обвинялъ его въ заблужденіяхъ въ области ученія [5]). Въ болѣе позднее время Флоръ, начальникъ каѳедральной школы въ Ліонѣ, бывшій противникомъ Амалярія по дѣлу Готт-

---

[1]) О немъ уже упоминалось въ исторіи спора о предопредѣленіи. См. выше стр. 806.

[2]) De Ecclesiasticis Officiis (Patrol. CV).

[3]) То есть, „косоглазый“. Онъ умеръ въ 849 г. Fabric. in Patrol. CXIII, 9.

[4]) „De Divina Psalmodia“—De Correctione Antiphonarii. Agob. Opera II.

[5]) Adv. Amalarium, Opera II, 101 и слѣд.

шалка [1], напалъ на него съ большою рѣзкостью за его обрядовую систему и привлекалъ его на судъ двухъ соборовъ, изъ которыхъ второй, найдя, что его таинственныя теоріи покоились не на какомъ либо другомъ основаніи, кромѣ его собственнаго воображенія, объявилъ ихъ опасными. Но тому стилю изложенія, который введенъ былъ Амаляріемъ, вообще слѣдовали средневѣковые литургисты; онъ былъ поддерживаемъ въ римской церкви, и попытки возродить его были даже и въ англиканской церкви новѣйшаго времени.

2. Въ IX столѣтіи составилось нѣсколько сборниковъ жизнеописаній святыхъ, расположенныхъ по порядку календаря и носящихъ названіе Мартирологовъ [2]. Среди составителей этихъ мартирологовъ были Флоръ [3], Адонъ, архіепископъ вьеннскій [4], Узуардъ, монахъ сенъ-жерменскій въ Парижѣ [5] и Ноткеръ сенъ-галльскій [6]. Жизнеописаній отдѣльныхъ святыхъ явилось множество. Переписывались прежнія жизнеописанія, составлялись новыя сказанія и легенды, въ замѣнъ болѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ, погибшихъ во время норманнскихъ опустошеній; не мало повѣствованій о святыхъ мужахъ и женахъ возникло и въ монастыряхъ. Между повѣствованіями этого рода не только было много сходства въ подробностяхъ, но даже и цѣлыя повѣствованія о нѣсколькихъ святыхъ были тождественны во всемъ, кромѣ именъ. Въ то время немного было такихъ людей, которые бы раздѣляли сомнѣнія монаха миційскаго Летальда, который, въ предисловіи къ одному жизнеописанію, порицаетъ обычай 980 г. прибѣгать къ прославленію святыхъ посредствомъ вымысловъ, и говоритъ, что если бы сами святые были послѣдователями лжи, то они никогда не достигли бы своего совершенства въ святости [7].

Съ того времени, какъ св. Діонисій, мученикъ парижскій, былъ отождествленъ съ Діонисіемъ ареопагитомъ св. Писанія [8], и другія церкви также старались придать своимъ основателямъ подобный же почтенный характеръ. Между ними была церковь лиможская, которая, такъ какъ ея первый епископъ Марціалъ былъ причисляемъ Григоріемъ турскимъ къ сообщникамъ Діонисія въ третьемъ столѣтіи, теперь относила его, какъ и основателя каѳедры парижской, къ апостольскому вѣку. На одномъ соборѣ въ Лиможѣ, въ 1023 году, возникъ вопросъ касательно особаго наименованія этого святаго: епископъ Іорданъ стоялъ за названіе его исповѣдникомъ, но Гугъ, аббатъ св. Марціала, настаивалъ, что его покровитель имѣетъ право на названіе апостола, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ семидесяти учениковъ. Среди наиболѣе ревностныхъ защитниковъ мнѣнія аббата былъ лѣтописецъ Адемаръ, получившій свое воспитаніе въ монастырѣ св. Марціала: въ рѣзкомъ письмѣ по этому предмету, онъ заявляетъ свое убѣжденіе въ томъ, что легендарная жизнь этого святаго имѣетъ апостольскую древность и не менѣе достовѣрна, чѣмъ и четвероевангеліе, и горячо заявляетъ, что никакой смертный папа не можетъ лишить апостольскаго достоинства того, кого почитаетъ въ качествѣ собрата-апостола самъ св. Петръ [1]). Дѣло это разсматривалось соборами въ Пуатьерѣ и въ Парижѣ; всякій, кто отрицалъ титулъ апостола за св. Марціаломъ, подвергался порицанію и уподоблялся евіонитамъ, которые изъ враждебности къ ап. Павлу ограничивали число апостоловъ первоначальными двѣнадцатью, и папа Іоаннъ XVIII, по случаю аппелляціи къ нему, объявилъ, что было бы безуміемъ подвергать сомнѣнію право святаго на наименованіе, которое дано было не только сотоварищамъ первыхъ апостоловъ, но и св. Григорію за обращеніе Англіи и другимъ за ихъ доблестные труды въ качествѣ миссіонеровъ [2]). Апостольское достоинство Марціала, возводившее его выше мучениковъ, по отношенію къ которымъ въ качествѣ исповѣдника онъ стоялъ бы ниже, было утверждено соборами въ Буржѣ и въ Лиможѣ въ 1031 году, и епископъ Іорданъ примирился съ этимъ рѣшеніемъ [3]).

---

[1] См. выше, стр. 809.

[2] См. Pitra „Etudes sur la Collection des Actes des Saints, par les PP. Bollandistes“, LXXXII и слѣд. Paris, 1850.

[3] Patrol. XCIV, CXXXIII—CXXXIV.

[4] Тамъ же, CXXIII.

[5] Patrol. CXXIII—CXXIV.

[6] Patrol. CXXXI. Acta SS. Apr. 6, p. 584. Этого Ноткера (Balbulus) нужно отличать отъ другаго (Labeo), который жилъ въ XI столѣтіи и извѣстенъ туземнымъ парафразомъ псалмовъ.

[7] Ep. Dedic. ad. Vit. Juliani (Patrol. CXXXVII, 782). См. однако же и другіе примѣры Digby, Mores Catholici, X, 517—19, edit. 1.

[8] См. выше стр. 142 и 806.

Число святыхъ постепенно возростало. Карлъ Великій, какъ мы видѣли, нашелъ необходимымъ запретить принимать кого либо въ число святыхъ кромѣ должнымъ образомъ удостовѣренныхъ, но умноженіе продолжалось, такъ какъ титулъ распредѣлялся властью святости епископовъ. Въ концѣ X столѣтія возникъ новый обычай. На римскомъ соборѣ, состоявшемся въ 993 году, Людольфъ аугсбургскій подалъ записку объ Ульрихѣ, одномъ изъ его предшественниковъ, который умеръ за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ, и представилъ ее на разсмотрѣніе присутствующихъ епископовъ, какъ собранія, руководимаго Духомъ святымъ. Святость Ульриха была подтверждаема разсказами о чудесахъ, совершавшихся какъ при его жизни, такъ и по смерти, и папа Іоаннъ XV, вмѣстѣ съ соборомъ, постановилъ, что его память должна быть почитаема въ качествѣ святаго [1].

---

[1]) Patrol. CXLI, 93—6, 106.

[2]) Hard. VI, 837—8.

[3]) Hard. VI, 852 и слѣд.

Это былъ первый достовѣрный примѣръ, въ которомъ канонизація (то есть, занесеніе имени въ канонъ или списокъ святыхъ) совершена была по опредѣленію папы [2]. Въ силу такого опредѣленія, святый получалъ право на почтеніе во всемъ западномъ христіанскомъ мірѣ, между тѣмъ какъ честь, предоставлявшаяся епископами или провинціальными соборами, имѣла только мѣстное значеніе [3]. Но папа еще не присвоивалъ себѣ исключительнаго права въ этомъ отношеніи; митрополиты также продолжали канонизовать, иногда съ согласія папъ, иногда по своей собственной власти, пока Александръ iii въ 1170 году не объявилъ, что „даже хотя бы чудеса были совершаемы кѣмъ либо, всетаки незаконно почитать его святымъ безъ утвержденія римской церкви“ [4]. Но въ чьихъ бы рукахъ ни находилась формальная санкція, характеръ святости главнымъ образомъ давался самимъ народомъ. Когда умиралъ человѣкъ признанной святости, около него начинали совершаться чудеса, надъ могилой строилась часовня, и быстро распространялось восторженное благоговѣніе къ святому, легко приводившее къ канонизаціи. Епископы и папы подчинялись народному чувству, и такимъ образомъ списокъ святыхъ постепенно увеличивался.

3. Все болѣе возростало и благоговѣніе къ пресвятой Богородицѣ. Петръ Даміани говоритъ о ней, какъ объ „обоженной“, какъ „вознесенной на Престолъ Бога Отца и поставленной на сѣдалище самой Троицы“. „Тебѣ“, говоритъ онъ, „дана всякая власть на небѣ и на землѣ; ничто не невозможно для тебя, для которой возможно даже поднимать отчаявшихся опять къ надеждѣ спасенія, ибо ты приближаешься къ золотому престолу человѣческаго примиренія, не только прося, но и повелѣвая, какъ госпожа, а не какъ служанка“ [5]. Затѣмъ, онъ предается таинственному истолкованію книги „пѣснь пѣсней“, которую онъ истолковываетъ въ смыслѣ пѣсни въ прославленіе ея брака съ всемогущимъ Отцомъ. Суббота считалась особенно посвященною Богородицѣ, и въ честь ея слагались службы и молитвы. Ангельское привѣтствіе ей (Ave) сдѣлалось обычною частью богослуженія, и встрѣчаются уже слѣды того, что

---

[1] Hard. vi, 727. „Жизнь Ульриха“ находится въ Mabill. Acta SS. Ben. vii. Pertz. 4 и Patrol. cxlii.

[2] Слово „канонизація“ не употреблялось до xii столѣтія. Mabill. Acta SS. Ben. vii, xliv.

[3] Николай i, вмѣстѣ съ соборомъ, постановилъ канонизовать св. Ансгарія, но только посредствомъ утвержденія прежней канонизаціи его Римбертомъ.

[4] Alex. iii ap. Greg. ix, Decretal. xlv, 1; Mabill. Acta SS. Ben. vii, xiv, liii—v.

[5] Serm. xl, 43, 44.

впослѣдствіи стало называться Розаліей повтореніемъ извѣстнаго числа молитвъ въ честь ея (какъ, напримѣръ, пятнадцать разъ „Отче нашъ“ и сто пятьдесятъ разъ Ave). Составлялись новыя для нея названія, и Одонъ клунійскій, напримѣръ, называлъ ее „Матерью милосердія“. Новообращенные венгры научаемы были однимъ венеціанцемъ, которому король Стефанъ предоставилъ епископію, называть ее „Госпожей“, и они были поставлены подъ ея особое покровительство въ качествѣ „семейства пресвятой Маріи“ 1).

4. Праздникъ Всѣхъ святыхъ, установленный въ Римѣ въ viii столѣтіи 2) и уже извѣстный въ Англіи въ 835 году, введенъ былъ Григоріемъ iv и во Франціи, Германіи и Испаніи. Въ концѣ x столѣтія къ нему прибавился и новый праздникъ. Одинъ французскій пилигримъ, при возвращеніи изъ Іерусалима, попалъ на одинъ небольшой островъ Средиземнаго моря, гдѣ онъ встрѣтился съ отшельникомъ, который разсказалъ ему, что въ вулканическихъ огняхъ острова подвергались мученію души грѣшниковъ и что можно было часто слышать, какъ діаволы яростно завывали, когда ихъ добыча была вырываема отъ нихъ молитвами и милостынями благочестивыхъ, и особенно монаховъ клунійскаго монастыря. По прибытіи въ свою страну, пилигримъ, согласно съ торжественнымъ увѣщаніемъ отшельника, сообщилъ объ этомъ аббату Одилону, который въ 998 году назначилъ на утро праздника Всѣхъ святыхъ торжественное богослуженіе въ клунійскомъ монастырѣ за упокой всѣхъ вѣрныхъ душъ, сопровождая это служеніе обязательной раздачей милостыни и пищи всѣмъ присутствовавшимъ бѣднымъ 3). Такое празднованіе этого дня уже въ началѣ слѣдующаго столѣтія распространилось по всему клунійскому ордену, и наконецъ папа (неизвѣстно, какой именно) повелѣлъ совершать его во всей церкви 4).

5. Не ослабѣвало и почтеніе къ мощамъ и къ другимъ священнымъ останкамъ, которые тщательно розыскивались повсюду. Среди останковъ, найденныхъ будто бы во Франціи въ теченіе x столѣтія, были сандаліи Спасителя въ Сенъ-Жульенѣ, въ Анжу, часть жезла Моисея въ Сенъ-Се, и голова св. Іоанна Крестителя въ Сенъ-Жанъ-Д'Анжелѣ 5). Въ Вандомѣ хранилась одна изъ слезинокъ,

---

1) Vita Steph. 16 (Patrol. cli).

2) См. выше стр. 736.

3) Statut Odilonis. (Patrol. cxliii, 1037). P. Dam. Vita S. Odil. (Opera ii, 183). Разсказъ этотъ нѣсколько иначе передается другимъ жизнеописателемъ (Mabil. viii, 585). Гизелеръ думаетъ, что легенда касательно происхожденія этого праздника позднѣе времени Одилона.

4) Лѣтопись Гильдесгеймская упоминаетъ о введеніи его тамъ Германомъ, который сдѣлался епископомъ въ 1063 году.

5) Radulf. Glab. iii. 6; Ademar. iii, 56 (Pertz, 4). Подлинность святыни Сенъ-Жана д'анжелійскаго отрицается болландистами (Jun. 24, pp. 648 – 52).

пролитыхъ Спасителемъ надъ Лазаремъ, и эта слезинка была, будто бы, схвачена ангеломъ и передана имъ св. Маріи Магдалинѣ [1]). Открытія этого рода простирались даже и на ветхозавѣтную исторію, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показывались мощи Авраама и волоса изъ бороды Ноя. Эти святыни привлекали къ себѣ массы пилигримовъ и дѣлались важнымъ источникомъ обогащенія для монастырей и тѣхъ церквей, которыя обладали ими. Ради такихъ священныхъ предметовъ считалось позволительнымъ даже воровство, и поселяне каталонскіе, какъ мы видѣли, готовы были даже убить св. Ромуальда, съ цѣлью пользоваться впослѣдствіи благами отъ его мощей [2]).

Не обходилось дѣло и безъ попытокъ злоупотреблять возроставшимъ народнымъ довѣріемъ къ святынямъ, хотя попытки эти не всегда были успѣшны. Мощи иногда подвергались испытанію огнемъ, какъ это, напримѣръ, дѣлалось съ мощами, которыя находимы были въ аріанскихъ церквахъ по обращеніи Испаніи къ православію. Радульфъ Лысый разсказываетъ объ одномъ человѣкѣ, который, странствуя подъ разными именами, выкапывалъ кости и провозглашалъ о нихъ, какъ останкахъ святыхъ. Въ одномъ мѣстѣ въ Альпахъ онъ показывалъ въ легко носимой ракѣ нѣкоторые останки, которые онъ называлъ мощами мученика св. Іуста, и которые онъ, будто бы, открылъ по указанію ангела. Отъ мощей совершалось много исцѣленій,—въ доказательство, говоритъ лѣтописецъ, того, что и діаволъ можетъ иногда совершать чудеса, и народъ съ окрестностей стекался къ мощамъ, „каждый сожалѣя о томъ, что у него не было какой либо болѣзни, отъ которой онъ могъ бы найти исцѣленіе“. Обманщикъ вошелъ въ великую милость у маркиза, который основалъ монастырь въ Сузѣ, и когда собралось нѣсколько епископовъ для освященія этого монастыря, мнимыя мощи, вмѣстѣ съ другими, были поставлены въ церковь; но въ теченіи слѣдующей ночи, нѣкоторые бодрствовавшіе монахи увидѣли, что изъ раки выскочило нѣсколько фигуръ, черныхъ какъ эѳіопы, и предались бѣгству. Хотя однако обманъ былъ такимъ образомъ чудесно открытъ, простой народъ въ теченіе нѣкотораго времени продолжалъ вѣрить этимъ мощамъ [3]). Народнымъ довѣріемъ въ этомъ отношеніи злоупотребляли и не одни только подобные промышленники мощами; былъ и другой классъ подобныхъ промышленниковъ, которые, переходя отъ одной святыни къ другой, заявляли, что они чудеснымъ образомъ исцѣлены отъ тѣхъ или другихъ мощей.

Иногда возникали споры касательно подлинности мощей. Монахи св. Эммерана въ Ратисбонѣ спорили съ большимъ французскимъ аббатствомъ Сенъ-Дени касательно обладанія тѣломъ своего покровителя 1). Тѣло св. Григорія Великаго нѣкогда, какъ думали, находилось въ храмѣ св. Петра въ Римѣ и оттуда тайно унесено было въ Суассонъ, причемъ впослѣдствіи голову его оспаривали Сенсъ, Констанцъ и нѣсколько позже Торресъ-Новасъ въ Португаліи 2). Монахи Монте-Кассино отрицали подлинность останковъ, которые перенесены были во Флери, какъ останки св. Бенедикта 3), и самъ святой подтвердилъ ихъ мнѣніе видѣніями; Кентербери и Гластонбери заявляли соперничествующее притязаніе на св. Дунстана, и мы видѣли, что Гнезенъ и Прага притязали на обладаніе дѣйствительнымъ тѣломъ св. Адальберта, апостола Пруссіи 4).

---

[1]) См. Mabill. Annal. IV, 532—3 и гравюры тамъ же.

[2]) См. выше. стр. 1022.

[3]) Rad. Glab. IV, 3 (1027 г.).

6. Паломничества сдѣлались еще болѣе частыми, чѣмъ когда либо. Римъ, какъ и раньше, былъ главнымъ мѣстомъ паломничества, и трудности путешествія иногда были еще болѣе удручаемы добровольными подвигами, въ родѣ путешествія босыми ногами. Другимъ знаменитымъ мѣстомъ пилигримства сдѣлалась Компостелла съ того времени, какъ тамъ найдены были въ 816 году останки св. Іакова большаго 5). Многіе старались превозмогать опасность далекаго и утомительнаго путешествія въ Іерусалимъ, гдѣ съ IX столѣтія стало извѣстнымъ пасхальное чудо—произведенія огня безъ человѣческаго участія 6). Паломничество это иногда налагалось въ качествѣ покаяннаго подвига, и склонность къ добровольному паломничеству особенно усилилась вслѣдствіе приближенія 1000 года (отъ Рождества Спасителя) и общаго ожиданія конца міра. Исходя изъ низшихъ классовъ народа, чувство это постепенно распространилось на средніе классы, и отъ нихъ на высшіе—на епископовъ, графовъ и маркизовъ, на князей и благородныхъ дамъ; умереть среди священныхъ

---

1) Притязаніе нѣмцевъ, будто бы, возникло изъ того обстоятельства, что Карлъ Простой далъ одну изъ рукъ святаго Генриху Птицелову; но все тѣло будто бы было украдено изъ монастыря Сенъ-Дени нѣкіимъ Гизальбертомъ, отъ котораго оно было получено и перенесено въ Ратисбонъ императоромъ Арнульфомъ (Patrol. CXLIII, 789—90; Mabill. Annal. III, 266). Притязанія Ратисбона были засвидѣтельствованы многими чудесами, и грамота, носящая имя Льва IX, отъ 1052 года, рѣшаетъ въ пользу ратисбонцевъ, послѣ полнаго изслѣдованія дѣла на мѣстѣ (Hard. VI, 965). Но документъ этотъ подложный. Въ послѣдующее время происходилъ споръ между Парижемъ и сосѣднимъ аббатствомъ касательно головы св. Діонисія. См. Gerson, IV, 721.

2) Acta SS. Mart. 12, pp. 125—130.

3) Chron. Casin. II, 48; IV, 29 (Pertz, VII). Существуетъ письмо папы Захарія, въ которомъ требуется отъ монаховъ флерійскихъ возвратить *украденное* тѣло въ Монте Кассино (Ep. 17. Patrol. LXXXIX).

4) См. выше, стр. 962.

5) Hist. Compostell. I, 2 (Patrol. CLXX); Acta SS. Jun. 25, pp. 32 и слѣд.

6) См. Patrol. CXXI, 572 (свидѣтельство французскаго пилигрима Бернарда около 870 года); Rad. Glab. IV, 6, p. 51 (Patrol. CLVI, 827); Ducange, подъ сл. Ignis. p. 758.

мѣстъ Палестины считалось отмѣннымъ благословеніемъ, какъ и цѣлью искренняго стремленія, и послѣ того, какъ тревога за кончину міра уже миновала, паломничество въ Іерусалимъ все еще продолжало поддерживаться. Въ 1010 году церковь св. Гроба была разрушена калифомъ Гакемомъ, ярымъ тираномъ, который изобрѣлъ новую религію, еще и теперь исповѣдуемую друзами ливанскими. Калифъ этотъ, по предположенію, былъ подстрекаемъ къ этому нѣкоторыми западными іудеями, которые напугали его изображеніемъ опасностей, могущихъ возникнуть отъ того благоговѣнія и интереса, съ которыми христіане относились къ св. Гробу [1]), и евреи во Франціи и другихъ странахъ тяжело поплатились кровью и страданіями за это подозрѣніе [2]). Послѣ умерщвленія Гакема, калифы возстановили прежнюю систему вѣротерпимости. Мать Гакема была христіанка и начала возстановленіе церкви Гроба Господня; на Востокъ потянулись усиленныя толпы паломниковъ, неся съ собой дары въ помощь этому дѣлу и возвращаясь съ священными останками, и паломничество это продолжало усиливаться все болѣе, пока въ послѣдніе годы этого вѣка оно не привело къ крестовымъ походамъ.

7. Начало XI столѣтія ознаменовалось необычайною дѣятельностью въ церковномъ строительствѣ. Въ то время, какъ ожидался конецъ міра, естественно было мало расположенія предпринимать такія работы, но когда прошелъ тысячный годъ, строительство церквей сдѣлалось какбы страстью. Дѣло это не ограничивалось удовлетвореніемъ необходимости посредствомъ построенія новыхъ зданій или расширенія старыхъ, или даже прибавленіемъ украшеній; но церкви, которыя во всѣхъ отношеніяхъ оказывались вполнѣ достаточными, разрушались съ тою цѣлью, чтобы на мѣсто ихъ воздвигнуть болѣе дорогія зданія. „Міръ“, говоритъ одинъ лѣтописецъ, „какбы пробуждался, какбы повсюду сбрасывалъ съ себя ветхія одежды и налагалъ бѣлыя одѣянія церквей“ [3]). И все это имѣло весьма важное вліяніе на архитектуру. Большая церковь Карла Великаго въ Аахенѣ была скопирована (хотя и не безъ введенія оригинальныхъ чертъ) съ византійскаго типа, какимъ онъ являлся въ Равеннѣ, и послѣ него многія церкви вдоль Рейна также обнаруживали византійскія особенности, особенно въ куполѣ. Храмъ св. Марка въ Венеціи, носящій сильный отпечатокъ восточнаго стиля, былъ построенъ между 977 и 1071 годами. Но въ общемъ церковная архитектура Запада была римскою,

---

[1]) Rad. Glab. iii, 7. По другому разсказу Гакемъ былъ разъяренъ монахомъ, по имени Іоанномъ, который сердитъ былъ на патріарха Захарію за отказъ посвятить его въ епископа. См. Besant and Palmer, Jerusalem. London. 1872. p. 103 (книга, которая содержитъ много свѣденій по вопросу о пилигримствѣ, но къ сожалѣнію не снабжена цитатами).

[2]) Rad. Glab. въ указ. мѣстѣ.

[3]) Hope, 112, 128, 217.

и въ ней сохранялся планъ базилики. Церкви XI столѣтія продолжали поддерживать стиль римскаго искусства, хотя уже имѣли и свои собственныя черты. Это уже не было болѣе римское искусство въ его упадкѣ, но стиль свѣжій и жизненно самобытный,—торжественная, массивная и прочная архитектура, которая въ ея различныхъ видоизмѣненіяхъ была называема романскою, ломбардскою или норманнскою.

Можно думать, что искусство раскрашиванія стекла, которое впослѣдствіи пріобрѣло столь великую важность въ дѣлѣ украшенія церквей, было уже изобрѣтено въ это время, хотя точное время его изобрѣтенія неизвѣстно. Въ этомъ отношеніи было много путаницы, вслѣдствіе ошибочнаго предположенія, что мѣста, въ которыхъ содержится какое либо упоминаніе о цвѣтныхъ окнахъ, должны быть относимы къ изображенію фигуръ на стеклѣ, между тѣмъ какъ древнѣйшія описанія такихъ оконъ въ дѣйствительности означаютъ не что иное, какъ расположеніе отдѣльныхъ частей раскрашеннаго стекла въ разнообразныхъ рисункахъ [1]). Быть можетъ самое раннее извѣстіе о раскрашенномъ стеклѣ находится въ исторіи Ришера, гдѣ говорится, что къ концу X столѣтія Адальберо, архіепископъ реймсскій, украсилъ свой соборный храмъ окнами, „содержащими различныя исторіи“ [2]).

8. Система покаянныхъ эпитемій подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ. Вещи, которыя осуждаемы были соборами въ первой части IX столѣтія, были авторизованы въ концѣ его; такъ, покаянныя книги, запрещенныя (какъ мы видѣли) соборомъ шалонскимъ въ 813 году [3]), упоминаются у Регино среди необходимой принадлежности библіотеки приходскаго священника, какъ такія, которыя должны были предъявляться епископу во время его посѣщенія [4]). При посредствѣ этихъ книгъ практически избѣгались всякія возстановленія прежнихъ каноновъ или всякіе новые каноны, которыми увеличивалась строгость покаянія. Богатые могли переводить свои эпитеміи на извѣстныя уплаты церквамъ,—на дѣла общественной пользы, какъ, напримѣръ, построеніе мостовъ и проведеніе дорогъ, на милостыни бѣднымъ, на освобожденіе рабовъ или выкупъ плѣнныхъ, на заказъ обѣдень и псалмопѣнія, причемъ для бѣдныхъ классовъ въ покаянникахъ допускались такія замѣны, какъ паломничество, прочитываніе псалмовъ или другія благоче-

---

[1]) Таково истинное объясненіе мѣстъ, въ которыхъ Анастасій говоритъ о Львѣ III, что онъ украсилъ латеранскую церковь окнами „ex vitro diversis coloribus“ (Patrol. CXXVIII, 1236), и о Бенедиктѣ III, что онъ украсилъ храмъ св. Маріи въ Трастеверѣ „vitreis coloribus“ (тамъ же, 1354).

[2]) III, 23.

[3]) См. выше стр. 741.

[4]) Inquis. episcopi, 95 (Patrol. CXXXII, 191).

стивыя упражненія, посѣщеніе больныхъ и погребеніе умершихъ. Система замѣны эпитемій, о существованіи которыхъ въ Англіи было уже говорено выше [1]), съ нѣкоторыми видоизмѣненіями существовала также и въ другихъ странахъ [2]). Соборы могли постановлять и дѣйствительно постановляли, что съ внѣшними предписывавшимися дѣлами благочестія должно было соединяться и искреннее расположеніе сердца, хотя впослѣдствіи эта внутренняя сторона все болѣе ослабѣвала въ сознаніи народа, и иногда получали значеніе исключительно эти внѣшнія дѣйствія.

Съ цѣлью поддержанія и усиленія церковной дисциплины среди народа, введено было различіе между отлученіемъ и анаѳемой, и для усиленія страха этихъ приговоровъ призывалась на помощь гражданская власть, присоединявшая къ этимъ церковнымъ наказаніямъ и наказанія гражданскія. Подъ отлученіемъ разумѣлось исключеніе отъ преимуществъ церкви, а болѣе тяжелый приговоръ анаѳемы подвергалъ грѣшника проклятію [3]). Соборъ павійскій отъ 850 года постановилъ, что отлученная личность должна быть лишаема права занимать какую либо важную должность, или вообще какую либо должность на службѣ государства, и должна быть лишаема обычнаго общенія съ христіанами [4]). Но анаѳемой налагались еще дальнѣйшія наказанія; виновный, противъ котораго она произносилась, не могъ принимать участіе въ церковныхъ искахъ, не могъ дѣлать или утверждать завѣщанія, не могъ держать никакой собственности подъ вѣденіемъ церкви, не могъ даже получать судопроизводства въ мірскихъ судахъ, гдѣ требовалась клятва, такъ какъ онъ не допускался до клятвы. Ни одинъ священникъ не могъ благословить брака такого человѣка; ему отказывалось въ послѣднихъ таинствахъ, и онъ лишался права на христіанское погребеніе,—каковыя наказанія, если даже самъ грѣшникъ не обращалъ на нихъ вниманія, несомнѣнно должны были производить могущественное вліяніе на души тѣхъ, кто находился въ связи съ нимъ, и часто побуждали дѣлать большія приношенія въ уплату за прощеніе, которое, какъ предполагалось, церковь могла давать всякому грѣшнику, даже и послѣ того, какъ онъ оставилъ земную жизнь [5]). Формулы проклятія сдѣлались болѣе выработанными и страшными, и въ доказательство того, какое впечатлѣніе онѣ производили на злополучныхъ, подвергшихся имъ людей, передавались разсказы, что нѣкоторые внезапно умирали въ своемъ нечестіи или чахли подъ муками долгой и безнадежной болѣзни [1].

---

[1]) См. выше стр. 740.

[2]) Напримѣръ, Regino, De Discipl. Eccl. ii, 438—46 (Patrol. cxxxii).

[3]) См. письмо одного Шпейерскаго гражданина къ Гериберту, архіепископу кельнскому, о новыхъ притязаніяхъ духовенства по вопросу о разрѣшеніи (около 1000 года). (Patrol. cli, 693—8).

[4]) Conc. Regioticin. c. 12.

[5]) О св. Герардѣ, епископѣ Тула, умершемъ въ 994 году, разсказывается, что онъ каждый вечеръ, во время своихъ благочестивыхъ упражненій, тайно снималъ всѣ отлученія, которыя онъ произносилъ, чтобы кто либо изъ виновныхъ лицъ не умеръ въ теченіе ночи неразрѣшеннымъ отъ нихъ, и что этотъ приговоръ отлученія онъ вновь налагалъ по утрамъ. Vita, c. 2 ap. Martene, Thes. iii, 1054.

Были однако же и такіе, которымъ лишенія, связанныя съ анаѳемой или отлученіемъ, внушали мало страха. Императоры и короли, графы и герцоги были достаточно сильны для того, чтобы найти себѣ правосудіе даже и подъ приговоромъ, который лишалъ бы его болѣе низкихъ людей; не смотря на всѣ церковныя запрещенія, они могли получать священнослуженіе отъ капеллановъ; свое гражданское положеніе они занимали не смотря на отлученіе церкви. Чтобы смирить такихъ могущественныхъ грѣшниковъ, введенъ былъ интердиктъ, по которому цѣлый округъ или королевство подвергалось отлученію, и во время его закрывались церкви, замолкали колокола, удаляемы были внѣшнія принадлежности религіи, и народъ лишался всякихъ религіозныхъ требъ, кромѣ какъ въ той степени и при такихъ обстоятельствахъ, которыя могли поразить воображеніе еще бóльшимъ ужасомъ [2]. Наложеніе наказаній, которыя одинаково обрушивались на виновныхъ и невинныхъ, въ прежнее время не было одобряемо [3]. Первая извѣстная попытка наложить интердиктъ, именно попытка младшаго Гинкмара, была устранена его митрополитомъ и его собратьями епископами [4], и самымъ раннимъ извѣстнымъ примѣромъ, въ которомъ епископъ дѣйствительно приводилъ такой приговоръ въ исполненіе, былъ приговоръ Алдуина, епископа лиможскаго, въ 994 году [5]. Интердиктъ, произнесенный противъ государя, какъ ожидалось, долженъ былъ дѣйствовать на него не столько прямо, сколько чрезъ возбужденіе умовъ его подданныхъ; но ужасы его косвеннаго дѣйствія оказывались таковыми, что немногіе даже изъ самыхъ смѣлыхъ, или изъ тѣхъ, кто наименѣе были чувствительны къ духовнымъ впечатлѣніямъ, осмѣливались вызывать его или не обращать на него вниманія.

9. Въ началѣ XI столѣтія французскимъ духовенствомъ сдѣлана была замѣчательная попытка ограничить насилія и раздоры свое-

---

[1] См. напримѣръ, проклятіе, произнесенное соборомъ въ Реймсѣ противъ убійцъ архіепископа Фулька отъ 900 года (Hard. vi, 465), съ разсказомъ Ришера о смерти Винемара, одного изъ убійцъ (i, 18). Сборникъ формулъ можно видѣть въ Martene, De Antiq. Eccl. Ritibus, ii, 322—5.

[2] Обстоятельное описаніе результатовъ интердикта см. у Hurter, Geschichte Innocent iii, i, 374 и слѣд. (edit. 2).

[3] См. протестъ бл. Августина противъ Авксилія, Ep. 250 (t. ii, col. 1066).

[4] См. выше, стр. 835.

[5] См. Herzog, ст. Interdict. Иво шартрскій, умершій въ 1125 году, говоритъ о немъ, какъ новомъ и необычномъ средствѣ. Epp. 95, 121 (Patrol. clxii).

го времени [1]. Радульфъ Лысый относитъ ее къ 1033 году, когда надежда на обильную жатву, послѣ трехлѣтняго страшнаго голода, повидимому особенно дѣлала души людей доступными религіознымъ впечатлѣніямъ, связаннымъ съ завершеніемъ тысячелѣтія со времени страданій Спасителя. Но можно думать, что движеніе это въ дѣйствительности началось нѣсколько раньше, и что предметъ этотъ уже былъ обсуждаемъ соборами, какъ напримѣръ, соборомъ лиможскимъ въ 1021 году, тѣмъ самымъ, который установилъ апостольское достоинство св. Марціала [2].

Съ цѣлью положить конецъ враждебнымъ отношеніямъ или частнымъ войнамъ, которыя разоряли населеніе и опустошали почву Франціи, предложено было обязывать людей соблюдать миръ, именно, что они должны воздерживаться отъ нанесенія вреда и отъ мщенія, такъ чтобы каждый могъ ходить невооруженнымъ, не опасаясь прежней вражды, что церкви должны давать убѣжище всѣмъ, кромѣ тѣхъ, кто окажутся повинными въ нарушеніи этого „мира Божія". На соборѣ лиможскомъ было постановлено, что если начальники округа откажутся согласиться на это постановленіе, то округъ долженъ подвергнуться интердикту, что во время интердикта никто, за исключеніемъ духовенства, нищихъ, странниковъ и младенцевъ, не будутъ имѣть права пользоваться христіанскимъ погребеніемъ, что религіозныя требы должны быть совершаемы только какбы украдкой [3], что церкви должны быть лишены своихъ украшеній, не долженъ совершаться ни одинъ бракъ, должны быть носимы траурныя одежды, по пятницамъ не должно пить никакого вина, и по субботамъ не ѣсть мяса [4]. Когда движеніе это сдѣлалось болѣе общимъ, одинъ епископъ заявилъ, будто бы онъ получилъ письмо съ неба, въ которомъ повелѣвалось соблюдать миръ. Герардъ, 1034 г. епископъ камбрайскій,—тотъ самый, о которомъ сообщалось, что онъ обратилъ къ церкви одну партію еретиковъ [5],—одинъ только высказался противъ этого плана, такъ какъ онъ противодѣйствовалъ отчасти подобному же плану и нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Онъ утверждалъ, что это значило вторгаться въ дѣла, принадлежащія государству, что употребленіе оружія освящено св. Писаніемъ, что позволительно требовать возстановленія того, что отнято насиліемъ и въ возмездіе за тѣлесныя поврежденія, что предлагаемые посты не должны быть распространяемы на всѣхъ, такъ какъ люди не всѣ одинаково способны сносить ихъ, и не всѣ одинаково виновны, чтобы нуждаться въ такой дисциплинѣ. Врагамъ епископа, однако же, удалось представить его образъ дѣйствія такъ, что его паства возстала противъ него, какъ врага мира, и онъ нашелъ себя вынужденнымъ прекратить свое противодѣйствіе [1]). Народъ готовъ былъ принять предложеніе, какъ нѣкое откровеніе съ неба, и изъ Аквитаніи движеніе это распространилось и на другія провинціи Франціи. Собрана была жатва, равная жатвѣ пяти предшествующихъ лѣтъ, а затѣмъ слѣдовали и другіе плодородные годы. Но это изобиліе плодовъ охладило народный энтузіазмъ, насилія и пороки опять начали свирѣпствовать даже больше, чѣмъ когда либо, и на опредѣленія соборовъ обращалось мало вниманія [2]).

---

[1] См. Datt, Volumen Rerum Germanicarum, Ulm, 1698, pp. 11—13.

[2] См. Hard. vi, 891.

[3] Latenter.

[4] Hard. vi, 885; Rad. Glab iv, 5. Бароній весьма негодуетъ на соборы за принятіе такихъ мѣръ безъ согласія папы. 1034. 5—6.

[5] См. выше, стр. 987.

Въ 1038 году Эмонъ, архіепископъ буржскій, какбы не довѣряя дѣйственности чисто духовныхъ угрозъ, собралъ епископовъ своей провинціи и пришелъ съ ними въ соглашеніе, что съ народа нужно взять клятву, по которой бы каждый мужчина свыше пятнадцатилѣтняго возраста принялъ на себя обязательство вести неумолимую войну противъ всѣхъ грабителей, угнетателей и враговъ св. церкви. Духовенство не освобождалось отъ этой клятвы, но должно было носить священныя знамена въ походахъ, предпринимаемыхъ для умиротворенія страны, и вслѣдствіе этого соглашенія разрушены были многіе замки, бывшіе дотолѣ твердынями насилія и тиранніи, и хищники, бывшіе дотолѣ ужасомъ для своихъ сосѣдей, были принуждены жить мирно. Около 1041 года выдвинута была нѣсколько иная схема подъ названіемъ „перемирія Божія“. Имъ предполагалось не введеніе какого либо ненарушимаго мира, а только то, чтобы войны, насилія и всѣ требованія возмездія прекращались во время Рождественскаго поста, Великаго поста и извѣстныхъ праздничныхъ временъ, а также съ вечера пятницы каждой недѣли до зари слѣдующаго понедѣльника, каковое время заключало въ себѣ весь промежутокъ отъ предательства Спасителя до Его воскресенія [3]), и въ связи съ этимъ были постановляемы и другія опредѣленія, съ цѣлью защиты слабѣйшихъ классовъ—духовенства, монаховъ, монахинь и женщинъ, для обезпеченія правъ святилища, и для ограниченія вреда, наносимаго хозяйственнымъ дѣламъ, такъ чтобы, напримѣръ, не наносить вреда пастухамъ и ихъ стадамъ, не повреждать масличныхъ деревъ, не уносить земледѣльческихъ орудій, или, по крайней мѣрѣ, не разрушать ихъ [4]).

Генрихъ I нейстрійскій отказался утвердить этотъ проектъ, и будто бы въ наказаніе за этотъ отказъ его владѣнія посѣщены были странной болѣзнью, „огнемъ съ неба", которая была роковою для многихъ изъ его подданныхъ и искалѣчила члены другимъ 1). Но перемиріе, нашедшее ревностныхъ и могущественныхъ защитниковъ, въ родѣ Одилона клунійскаго, было принято во всей остальной Франціи и въ другихъ странахъ, и у жителей извѣстнаго діоцеза или округа вошло въ обычай обязывать себя соглашеніемъ соблюдать его и принимать извѣстныя мѣры для приведенія его въ исполненіе 2). Недѣльный періодъ покоя былъ, однако же, слишкомъ продолжителенъ, чтобы могъ быть принятъ вообще. Соборъ, состоявшійся въ 1047 году въ Эльнѣ, епископскомъ городѣ на испанскомъ трактѣ, сократилъ его до промежутка между девятымъ часомъ въ субботу и разсвѣтомъ понедѣльника, и въ этомъ именно смыслѣ повидимому онъ ограниченъ и законами Эдуарда Исповѣдника 3). Тѣмъ не менѣе въ позднѣйшее время мы опять находимъ, что соборами установлялось болѣе продолжительное перемиріе въ теченіе четырехъ дней недѣли, и въ этой именно формѣ перемиріе получило въ первый разъ папское утвержденіе отъ Урбана II въ Клермонѣ, и было также утверждено на 2-мъ и 3-мъ соборахъ латеранскихъ 4). Частыя повторенія постановленій о перемиріи, помимо всякихъ другихъ доказательствъ сами по себѣ съ достаточностью показываютъ, что оно не соблюдалось особенно строго. Тѣмъ не менѣе, какъ ни недостаточно было вліяніе этой мѣры, ея дѣйствія были весьма благодѣтельны, въ смыслѣ пресѣченія беззаконія и безпорядка въ тѣ времена, подъ вліяніемъ христіанской гуманности и милосердія. „Мы должны", говоритъ одинъ историкъ, отнюдь не благосклонный къ церкви среднихъ вѣковъ, „считать это наиболѣе славнымъ изъ мѣропріятій духовенства, какъ такое, которое болѣе всего содѣйствовало смягченію нравовъ, развитію чувства состраданія между людьми безъ ущерба для духа храбрости, давало достаточную основу для чувства чести, предоставляло народу пользоваться миромъ и благоденствіемъ, насколько это было возможно для тогдашняго состоянія общества, и наконецъ содѣйствовало размноженію населенія до такой степени, что оно способно было впослѣдствіи поставлять огромныя массы переселенцевъ во время крестовыхъ походовъ" 5).

---

[1]) Hard. VI, 893.

[2]) Rad. Glab. IV, 5.

[3]) Rad. Glab. V, 1, pp. 59—60. Войны, противъ которыхъ направлялось перемиріе, были не общественными, а частными.

[4]) Conc. Narbon. отъ 1054 года, сс. 9—10; Sismondi, IV, 249.

---

1) См. Rad. Glab. VI, 60; Hugo Flavin. II. (Patrol. CLIV, 262).

2) Ivo, Ep. 90 (Patrol. CLXIII).

3) Отъ 1054 года (?). Thorpe, 190

4) Conc. Claromont. отъ 1095 г. с. 1. Conc. Lat. II, отъ 1139 г. с. 12; Conc. Lat. III отъ 1179 г. с. 21.

5) Sismondi, IV, 248.

IV. Рыцарство.

Въ это именно время возникло и учрежденіе рыцарства, имѣвшаго столь могущественное вліяніе на средніе вѣка, и въ концѣ періода, разсматриваемаго въ этой книгѣ, система эта достигла почти полнаго завершенія.

Мы видѣли, что во время смутъ во Франціи по странѣ размножились замки, и каждый замокъ сдѣлался орудіемъ наступленія и защиты, центромъ грабительства. При такомъ состояніи общества совершались всеобщія взаимныя насилія, владѣлецъ замка жилъ въ его стѣнахъ, разобщенный съ своими сосѣдями, и выходилъ оттуда только для войны, для частныхъ столкновеній или для грабежа. Тѣмъ не менѣе эта отчужденность знати не лишена была своихъ добрыхъ результатовъ. Отчужденный отъ другаго равнаго общества, феодалъ принужденъ былъ всецѣло предаваться обществу своей жены и дѣтей, и отсюда возникло своеобразное развитіе семейной жизни. Хозяйка, которой въ отсутствіе своего мужа приходилось дѣйствовать въ качествѣ охранительницы замка, получала новую отвѣтственность и новое достоинство, причемъ воспитаніе юношества занимало значительную часть времени, которое въ противномъ случаѣ казалось бы слишкомъ скучнымъ и тяжелымъ. Сыновья вассаловъ посылались для образованія подъ кровлю начальника, гдѣ они выростали вмѣстѣ съ его собственными сыновьями, и такимъ образомъ упрочилась связь, которая въ одно и то же время обезпечивала феодала въ вѣрности его вассаловъ, и вассаловъ въ защитѣ со стороны феодала. Благородные юноши могли, въ качествѣ діаконовъ въ церкви, совершать богослуженіе безъ всякаго униженія для себя. Въ вечерніе часы они были допускаемы въ общество женщинъ, и отъ такого взаимообщенія среди высшихъ классовъ развилась общая утонченность нравовъ.

Что среди германцевъ допущеніе молодаго человѣка въ ряды воиновъ ознаменовывалось публичнымъ надѣленіемъ его оружіемъ, это мы знаемъ изъ свидѣтельства Тацита [1]), и существованіе этого обычая послѣ франкскаго завоеванія въ Галліи можно видѣть время отъ времени въ лѣтописяхъ. Этотъ древній національный обычай теперь пріобрѣлъ новую важность и принялъ форму, которая въ одно и то же время означала допущеніе юноши въ классъ рыцарства и символизировала связь между вассалами и главою. Обычай этотъ сопровождался религіозными церемоніями, которыя давали ему характеръ военнаго посвященія. Съ кандидата снималась одежда, онъ былъ омываемъ, какбы въ крещеніи, вновь одѣваемъ въ одежды съ особымъ символическимъ значеніемъ. Онъ стерегъ свое оружіе въ замковой часовнѣ, исповѣдывался и причащался; на него надѣвалось вооруженіе, оружіе его благословлялось, причемъ дѣлалось ему и внушеніе касательно его обязанностей; затѣмъ онъ торжественно давалъ обѣтъ служить Богу, защищать женщинъ и слабыхъ, быть вѣрнымъ и смиреннымъ, кроткимъ, любезнымъ, честнымъ, безкорыстнымъ. Согласно съ обычаемъ, который былъ общимъ при засвидѣтельствованіи документовъ и тому подобныхъ актовъ, новопосвящаемый рыцарь получалъ особый ударъ въ воспоминаніе своихъ новыхъ обязательствъ, и этимъ ударомъ, который впослѣдствіи дѣлался мечемъ, заканчивалась вся церемонія.

---

[1]) Germania, 13.

Характеръ этихъ церемоній показываетъ, что духовенство усвоило себѣ древній тевтонскій обычай посвященія и обратило его на цѣли религіи и гуманности, и это не менѣе очевидно изъ тѣхъ обязанностей, которыя принималъ на себя рыцарь, такъ какъ онѣ рѣзко отличались отъ общаго характера мірянъ того времени, когда введена была эта система. Воины, грубая сила которыхъ естественно была опасна церкви и общественному порядку, теперь записывались на служеніе имъ и торжественно принимали на себя обязательство въ этомъ отношеніи. И новое учрежденіе скоро окружено было ореоломъ какъ религіи, такъ и поэзіи. Легенды о святыхъ, бывшія въ теченіе столѣтій единственно популярною литературой, теперь находили себѣ соперничество со стороны пѣсенъ и романсовъ о рыцарскихъ приключеніяхъ, и воплощаемый въ этихъ произведеніяхъ идеалъ,—„благородная доблесть, любезность, человѣчность, преданность, смѣлость, любовь, дружба“, — сдѣлался тѣмъ образцомъ, которому стремились подражать рыцари. Исторія вѣковъ, въ которыхъ преобладало рыцарство, правда, обнаруживаетъ состояніе вещей, далеко не похожее на чистыя и возвышенныя начала этого учрежденія; тѣмъ не менѣе, хотя бы дѣйствительность и оказывалась далеко ниже идеала, великимъ пріобрѣтеніемъ для цивилизаціи было уже то, что за такимъ образцомъ признавался авторитетъ, и люди сознавали присутствіе благороднаго и возвышающаго идеала въ своихъ сердцахъ, хотя бы дѣйствительная ихъ жизнь даже слишкомъ часто представляла печальную и предосудительную противоположность ему.

Конецъ перваго тома.

ПРИЛОЖЕНІЯ

справочныхъ таблицъ и списковъ къ первому томy исторіи Христіанской церкви.

Приложенiе I.

Хронологическая таблица послѣдовательнаго ряда церковно-историческихъ событiй отъ апостольскаго вѣка до раздѣленiя церквей *).

Вѣкъ первый **).

Годы по Р. Х.		стр.
1.	Рождество Христа, Спасителя мiра	
14.	Вступленiе Тиверiя на императорскiй престолъ	
34.	Страданiя и крестная смерть Христа Спасителя	
36.	Мученичество архидiакона Стефана.—Iудейское гоненiе	
	Разсѣянiе церкви изъ Iерусалима	
	Обращенiе самарянъ и прозелитовъ	
37.	Калигула императоръ	
	Обращенiе ап. Павла.	
39.	Покой церкви при Калигулѣ	
40.	Обращенiе Корнилiя и языческихъ прозелитовъ	
	Симонъ волхвъ, ересiархъ	35
41.	Первая церковь изъ язычниковъ въ Антiохiи	
	Ученики Христа впервые получаютъ названiе *христiанъ*	
41.	Клавдiй императоръ	
44.	Гоненiе при Иродѣ.—Мученичество св. Iакова старшаго	
45.	Павелъ и Варнава посылаются къ язычникамъ	
50.	Апостольскiй соборъ въ Iерусалимѣ	4
54.	Восшествiе на престолъ императора Нерона	
62.	Гоненiе въ Iудеѣ.—Мученичество св. Iакова праведнаго	
65.	Первое общее гоненiе язычниковъ на христiанъ при Неронѣ	3
66.	Мученичество апп. Петра и Павла	

---

*) Предлагаемая таблица составлена по Курцу, Смиту, арх. Арсенiю и др.
Перев.

**) Первый вѣкъ собственно не входитъ въ курсъ исторiи церкви Робертсона, но хронологiя его предлагается здѣсь для ясности общаго хода развитiя церкви и ея жизни отъ Р. Хр.

Годы по Р. Х.		стр.
68.	Смерть Нерона и восшествіе Гальбы на императорскій престолъ	
70.	Разрушеніе Іерусалима Титомъ	
	Церковь іерусалимская въ Пеллѣ	4
79.	Титъ императоръ	
91.	Домиціанъ императоръ.—Климентъ римскій	6
96.	Второе общее гоненіе.—Св. ап. Іоаннъ на островѣ Патмосѣ	5
	Николаиты, Керинѳъ и другіе еретики	38
	Нерва императоръ.—Религіозная вѣротерпимость . . .	5
98.	Траянъ императоръ и его указъ противъ гильдій	9

Вѣкъ второй.

Годы по Р. Х.		стр.
104.	Доношеніе Плинія имп. Траяну о христіанствѣ въ Виѳиніи .	10
106.	Третье общее гоненіе на христіанъ	12
107.	Мученичество Симеона, родственника Господня и епископа Іерусалимскаго	10
115.	Мученичество Игнатія, епископа антіохійскаго	12
	Посланія Игнатія	14
117.	Адріанъ императоръ	16
125.	Апологіи Квадрата и Аристида	16
132.	Основаніе римской колоніи Эліи Капитолины на мѣстѣ Іерусалима	17
138.	Возстаніе Баркохбы и оскверненіе Іерусалима	17
138.	Окончательное раздѣленіе между іудействомъ и христіанствомъ	18
138.	Возникновеніе гностицизма. — Іудейскіе гностики, евіониты и другіе	40
	Василидъ, Валентиніанъ и другіе гностики	43
138.	Антонинъ Пій императоръ и его вѣротерпимость къ христіанству	18
	Первая апологія Іустина Философа.	19
150.	Цельсъ выступаетъ съ полемикой противъ христіанства .	28
160.	Споръ касательно празднованія Пасхи: Аникита и Поликарпъ	25
160.	Возникновеніе монтанистской ереси	66
160.	Рожденіе Тертулліана	71
161.	Маркъ Аврелій Антонинъ императоръ	21
166.	Четвертое общее гоненіе	22
	Мученичество Іустина Философа и Поликарпа	25
166.	Апологіи Мелитона, Аѳинагора, Татіана и другихъ . .	29
174.	Походъ Марка Аврелія противъ квадовъ и громоносный легіонъ	23
177.	Гоненіе въ Галліи.—Мученики ліонскіе и вьеннские . .	27

Годы по Р. Х.		стр.
177.	Ириней, епископъ ліонскій	65
180.	Коммодъ императоръ и его благосклонность къ христіанству	57
180.	Катихизическая школа въ Александріи, основанная Пантеномъ	79
180.	Распространеніе христіанства по имперіи и среди варваровъ	140
185.	Рожденіе Оригена	89
193.	Септимій Северъ императоръ	58
196.	Споръ о Пасхѣ: Поликратъ ефесскій и Викторъ римскій	64
200.	Патрипассіанскія ереси Праксея, Ноэта и другихъ	77
	Рожденіе Кипріана, карѳагенскаго епископа	106

Вѣкъ третій.

202.	Эдиктъ императора Севера противъ христіанъ и пятое общее гоненіе	59
	Мученичество Перпетуи, Ревоката, Фелициты и др.	60
202.	Апологія Тертулліана	72
	Онъ становится монтанистомъ	73
211.	Каракалла императоръ	63
218.	Элагабалъ императоръ	63
220.	Смерть Тертулліана	74
	Смерть Климента александрійскаго	80
222.	Александръ Северъ императоръ и его вѣротерпимость	85
228.	Посѣщеніе Оригеномъ Греціи для опроверженія ересей, возмущавшихъ тамошнюю церковь	94
228.	Рукоположеніе Оригена въ санъ пресвитера	94
231.	Лишеніе Оригена должности въ катихизической школѣ въ Александріи	95
235.	Максимъ императоръ и шестое общее гоненіе	86
235.	Умерщвленіе Александра Севера	86
238.	Соборъ въ Аравіи по дѣлу еретика Берилла	96
243.	Смерть Аммонія Сакка неоплатоника	84
244.	Филиппъ, называемый (хотя и сомнительно) первымъ христіанскимъ императоромъ	86
248.	Тысячелѣтняя годовщина со времени основанія Рима	87
248.	Кипріанъ, епископъ карѳагенскій	106
249.	Вступленіе Декія на престолъ; седьмое общее гоненіе	87
250.	Мученичество Фабіана, епископа римскаго	88
251.	Смерть Декія въ битвѣ съ готами	88
251.	Соборъ въ Карѳагенѣ по вопросу о падшихъ	113
251.	Рожденіе Антонія ѳиваидскаго	295
253.	Вступленіе Валеріана на императорскій престолъ	88

Годы. по Р. Х.		стр.
255.	Смерть Оригена въ Тирѣ	96
256.	Рожденіе Арія ересіарха	185
257.	Появленіе еретика Савеллія	104
258.	Указъ Валеріана о преданіи христіанскаго духовенства смерти: восьмое общее гоненіе	89
258.	Мученическая смерть св. Кипріана	117
260.	Конецъ гоненія при Валеріанѣ и смерть императора	89
261.	Галліенъ императоръ, пріостановленіе Валеріанова гоненія и первые эдикты о вѣротерпимости	120
271.	Авреліанъ императоръ и девятое гоненіе на христіанъ	123
	Выступленіе Манеса съ своею еретическою проповѣдью	123
272.	Рожденіе Константина Великаго	166
277.	Смерть Манеса въ Персіи	124
280.	Основаніе Антоніемъ отшельничества	296
284.	Восшествіе Діоклитіана на престолъ	132
286.	Допущеніе Максиміана къ участію въ управленіи имперіей въ качествѣ августа	132
286.	Исторія ѳиванскаго легіона	133
292.	Допущеніе Галерія и Констанція къ управленію въ качествѣ кесарей	132
292.	Рожденіе Пахомія, основателя киновійской системы монашества	298

Вѣкъ четвертый.

Годы. по Р. Х.		стр.
303.	Великое десятое общее гоненіе	134
305.	Отреченіе Діоклитіана отъ императорскаго престола въ Никомидіи и Максимина въ Миланѣ	136
305.	Соборъ въ Циртѣ и вопросъ о поведеніи христіанъ во время послѣдняго гоненія	176
306.	Провозглашеніе Константина британскими легіонами въ качествѣ императора	166
306.	Введеніе монашества въ Сиріи Иларіономъ, ученикомъ и послѣдователемъ Антонія	301
311.	Указъ о вѣротерпимости, изданный Галеріемъ	137
311.	Мученичество Петра, епископа александрійскаго, Лукіана, пресвитера антіохійскаго, Меѳодія тирскаго и другихъ	139
312.	Изданіе Константиномъ эдикта въ пользу христіанъ	139
312.	Видѣніе Константиномъ креста на небѣ, съ надписью: „симъ побѣдиши“	167
313.	Второй его эдиктъ о вѣротерпимости, изданный въ Миланѣ	140
313.	Соборъ въ Латеранѣ противъ донатистовъ	179

Годы по Р. Х.		стр.
314.	Пораженіе Константиномъ Лицинія	171
314.	Соборъ арелатскій по вопросу о донатистахъ	179
315.	Освобожденіе церковныхъ земель отъ обычныхъ налоговъ	170
316.	Соборъ въ Миланѣ по вопросу о донатистахъ	180
316.	Эдикты Константина противъ донатистовъ	180
318.	Рожденіе Улфилы, впослѣдствіи епископа готскаго.	274
319.	Первое проявленіе аріанской ереси и отлученіе Арія	185
320.	Обращеніе иберійцевъ или грузинъ	273
323.	Новое дѣленіе имперіи, по которому вся Европа, за исключеніемъ Ѳракіи, предоставлена была Константину	172
324.	Попытка Константина уладить возникшую вслѣдствіе аріанства смуту въ церкви	186
325.	Первый вселенскій соборъ въ Никеѣ	189
326.	Посѣщеніе царицей Еленой святой земли	175
327.	Проникновеніе аріанской ереси къ императорскому двору	194
329.	Рожденіе Василія Великаго и Григорія Назіанзина.	241
330.	Донатистскій соборъ	182
334—335.	Соборы въ Кесаріи и Тирѣ противъ Аѳанасія александрійскаго	196
336.	Смерть Арія	197
336.	Первое изгнаніе Аѳанасія	197
337.	Кончина императора Константина	198
337.	Восшествіе на престолъ сыновей Константина Великаго,—Константина, Констанція и Константа	199
338.	Возвращеніе Аѳанасія въ Александрію	200
340.	Соборъ въ Антіохіи для освященія церкви, основанной Константиномъ	201
340.	Второе изгнаніе Аѳанасія	201
340.	Появленіе въ Римѣ первыхъ египетскихъ монаховъ вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ	301
340.	Рожденіе бл. Іеронима.	303
343.	Гоненіе на христіанство въ Персіи при Сапорѣ II	273
347.	Рожденіе Павлы, ученицы и послѣдовательницы бл. Іеронима	306
347.	Рожденіе Іоанна Златоуста	352
348.	Кончина Пахомія	300
348.	Улфила, епископъ готовъ	275
351.	Битва между войсками Констанція и Магненція	207
351—355.	Воспитаніе Василія Великаго и Григорія Богослова въ Аѳинахъ	
353.	Возсоединеніе имперіи подъ единодержавіемъ Констанція	198
353.	Аріанскіе соборы въ Арелатѣ и Миланѣ и осужденіе на нихъ Аѳанасія	208

Годы по Р. Х.		стр.
354.	Рожденіе бл. Августина въ Тагастѣ	319
355.	Провозглашеніе Юліана кесаремъ	220
356.	Нападеніе на церковь, гдѣ служилъ Аѳанасій, и третье изгнаніе его	210
356.	Кончина Антонія ѳиваидскаго	298
357.	Посѣщеніе Рима Констанціемъ	211
357.	Удаленіе Василія Великаго въ пустыню Понта, гдѣ онъ основалъ нѣсколько монашескихъ общинъ	241
359.	Соборъ въ Римини	215
360.	Македоній, епископъ константинопольскій	217
361.	Смерть императора Констанція	218
361.	Провозглашеніе Юліана императоромъ	223
361.	Возвращеніе Аѳанасія на свою каѳедру	230
362.	Рукоположеніе Василія Великаго въ пресвитера въ Кесаріи	242
362.	Осужденіе заблужденія Аполлинарія	250
363.	Смерть Юліана отступника	229
363.	Вступленіе на императорскій престолъ Іовіана христіанина	233
364.	Кончина Іовіана въ Виѳиніи	234
365.	Соборъ въ Лампсакѣ	236
367.	Указъ Валента о низложеніи возстановленныхъ Юліаномъ епископовъ; его гоненіе на православныхъ	236
367.	Крещеніе Іоанна Златоуста	352
371.	Избраніе Василія Великаго на епископскую каѳедру Кесаріи	242
372.	Раздѣленіе Каппадокіи на двѣ провинціи и церковное затрудненіе Василія Великаго	243
372.	Христіанство среди сарацинъ	276
373.	Кончина Аѳанасія Великаго	238
374.	Избраніе Амвросія въ санъ епископа медіоланскаго	252
374.	Удаленіе бл. Іеронима въ пустыню Халкидскую къ востоку отъ Сиріи	303
374.	Присоединеніе бл. Августина къ манихеямъ	371
375.	Восшествіе на престолъ Граціана	238
378.	Провозглашеніе Граціаномъ религіозной свободы всѣмъ, за исключеніемъ манихеевъ, евноміанъ и фотиніанъ	239
378.	Распространеніе ереси присцилліанства	268
378.	Рукоположеніе Іеронима въ санъ пресвитера	304
379.	Ѳеодосій I великій становится императоромъ Востока	239
380.	Прибытіе Ѳеодосія въ Константинополь	245
380.	Смерть Василія Великаго	247
381.	Второй вселенскій соборъ въ Константинополѣ	247
381.	Повелѣніе Ѳеодосія передать всѣ церкви православнымъ и запрещеніе еретическихъ собраній	266

Годы по Р. Х.		стр.
381.	Рукоположеніе Іоанна Златоуста въ діакона	352
382.	Удаленіе жертвенника Побѣды изъ сената въ Римѣ	262
382.	Ходатайство Симмаха въ пользу язычества	263
382.	Бл. Іеронимъ въ Римѣ	304
383.	Переселеніе Августина въ Римъ.	371
384.	Новое ходатайство Симмаха въ пользу жертвенника Побѣды и старой религіи	263
384.	Переселеніе бл. Іеронима на Востокъ и поселеніе его въ Виѳлеемѣ	309
385.	Осужденіе Присцилліана и его сотоварищей на смерть	270
385.	Борьба Амвросія съ аріанствомъ	253
385.	Посланіе Сириція по вопросу о безбрачіи духовенства	293
385.	Ѳеофилъ, епископъ александрійскій	359
386.	Изданіе указа о полной свободѣ религіи тѣмъ, кто будутъ исповѣдывать символъ римипійскій	253
386.	Отправленіе въ Египетъ коммиссіи съ цѣлью закрытія языческихъ храмовъ	259
386.	Рукоположеніе Іоанна Златоуста въ пресвитера и назначеніе его главнымъ проповѣдникомъ въ Антіохіи	352
386.	Мятежъ въ Антіохіи и бесѣда Іоанна Златоуста о статуяхъ.	353
387.	Крещеніе Августина	373
388.	Заботливость Ѳеодосія о единеніи вѣры и богослуженія среди своихъ подданныхъ и участіе въ этомъ дѣлѣ св. Амвросія	255
388.	Смерть Улфилы	375
389 (или 390).	Кончина Григорія Богослова	249
389.	Ходатайство языческой партіи предъ Ѳеодосіемъ	264
390.	Мятежъ въ Ѳессалоникѣ и жестокость Ѳеодосія	256
390.	Наказаніе Ѳеодосію отъ св. Амвросія	257
391.	Рукоположеніе Августина въ пресвитера въ Иппонѣ	374
392.	Кончина Аполлинарія	251
392.	Законъ Ѳеодосія противъ язычества	265
393.	Начало спора объ Оригенѣ	347
393	Рукоположеніе Августина въ епископа иппонскаго	375
393.	Начало полемической дѣятельности бл. Августина	378
395.	Раздѣленіе Римской имперіи между Гоноріемъ и Аркадіемъ.	341
397.	Кончина св. Амвросія	258
398.	Возведеніе Іоанна Златоуста на каѳедру Константинополя	354
399.	Соборъ въ Карѳагенѣ	345
399.	Паденіе Евтропія и проповѣдь о немъ Іоанна Златоуста	358
400.	Путешествіе Златоуста въ Ефесъ по дѣлу епископа Антонина	358

Вѣкъ пятый.

Годы по Р. Х.		стр.
403.	Соборъ при Дубѣ близь Халкидона и осужденіе на немъ Іоанна Златоуста	363
403.	Борьба Златоуста съ императрицей Евдоксіей	365
405.	Возобновленіе прежнихъ эдиктовъ противъ донатистовъ.	379
407.	Кончина св. Іоанна Златоуста въ Команѣ	368
411.	Собесѣдованіе съ донатистами	381
411.	Происхожденіе пелагіанской ереси	385
412.	Начало составленія бл. Августиномъ творенія „о градѣ Божіемъ"	375
412.	Репрессивныя мѣры Гонорія противъ донатистовъ	384
412.	Кириллъ, архіепископъ александрійскій	411
413.	Обращеніе бургундцевъ изъ православія въ аріанство	458
414.	Гоненіе на христіанъ въ Персіи	405
416.	Мятежъ въ Александріи и убіеніе Ипатіи	412
418.	Кончина Пелагія	394
420.	Кончина бл. Іеронима	311
423.	Симеонъ Столпникъ	320
428.	Несторій, патріархъ константинопольскій	407
428.	Происхожденіе несторіанской ереси	410
429.	Иларій, монахъ леринскій, и восшествіе его на митрополичій престолъ въ Арелатѣ	451
429.	Распространеніе пелагіанства въ Британіи	458
430.	Кончина бл. Августина	404
430.	Осужденіе Несторія	414
431.	Третій вселенскій соборъ въ Ефесѣ, осужденіе на немъ Несторія, пелагіанъ и аполлинаріанъ	418
431.	Палладій и его проповѣдь въ Ирландіи	461
432.	Миссія св. Патрика въ Ирландіи	460
434.	Сочиненіе „Коммониторій" Викентія леринскаго	497
440.	Восшествіе на римскій папскій престолъ Льва Великаго	450
444.	Діоскоръ, епископъ александрійскій, вождь монофизитской партіи	429
447.	Возникновеніе евтихіанства	430
448.	Низложеніе Евтихія въ Константинополѣ	431
449.	Разбойничій соборъ въ Ефесѣ	433
450.	Смерть Ѳеодосія и самовластное управленіе имперіей со стороны Пульхеріи	406
451.	Нашествіе Аттилы	406
451.	Четвертый вселенскій соборъ—въ Халкидонѣ: осужденіе Евтихія	437
451.	Объявленіе Константинополя вторымъ по достоинству послѣ Рима, но съ одинаковыми правами	444

Годы по Р. Х.		стр.
452.	Великая битва на равнинѣ Шалонской и пораженіе Аттилы	406
454.	Проповѣдь Северина въ Баваріи и Австріи	461
457.	Гоненіе на христіанъ въ Африкѣ со стороны аріанскихъ вандаловъ	464
467.	Анѳимій императоръ и его благосклонность къ язычеству	456
469.	Обращеніе свевовъ въ Испаніи изъ православія въ аріанство	458
476.	Конецъ Римской имперіи на западѣ	456
480.	Рожденіе Бенедикта нурсійскаго, основателя западнаго монашества	519
482.	Восшествіе на франкскій престолъ Хлодвига или Кловиса	462
482.	Изданіе Зенономъ документа подъ названіемъ „Энотиконъ“ (то есть, формулы единенія)	474
484.	Раздѣленіе между Востокомъ и Западомъ въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ	475
484.	Собесѣдованіе между православными и аріанами въ Африкѣ	467
491.	Восшествіе на императорскій престолъ Анастасія	477
493.	Теодорихъ I, король остроготскій въ Римѣ	
496.	Крещеніе франкскаго короля Кловиса (или Хлодовика) въ Реймсѣ	463

Вѣкъ шестой.

511.	Кончина Кловиса и первый франкскій соборъ въ Орлеанѣ	464
512.	Смятеніе въ Константинополѣ по поводу введенія трисвятаго	479
520.	Возобновленіе споровъ объ Оригенѣ	
—	Споръ о „трехъ главахъ“	489
524.	Кончина Боетія и Симмаха	484
524.	Первое посѣщеніе римскимъ папой (Іоанномъ I) Константинополя	483
526.	Кончина Теодориха	484
527.	Восшествіе Юстиніана на императорскій престолъ	484
529.	Законъ Юстиніана о лишеніи язычниковъ и еретиковъ права занимать гражданскія и военныя должности	487
529.	Закрытіе философскихъ школъ въ Аѳинахъ	486
531.	Переселеніе философовъ въ Персію къ царю Хозрою	487
532.	Построеніе храма св. Софіи въ Константинополѣ	486
534.	Дарованіе православнымъ свободы богослуженія въ Африкѣ	469
534.	Изгнаніе аріанской ереси изъ Галліи	503
537.	Проникновеніе монофизитской ереси въ Абиссинію	496
539.	Искорененіе аріанства въ Африкѣ	485
540.	Рожденіе Григорія Великаго	531

Годы по Р. Х.		стр.
543.	Кончина Бенедикта нурсійскаго	523
553.	Пятый вселенскій соборъ,—второй Константинопольскій	493
559.	Возвращеніе свевовъ въ Испаніи къ православной вѣрѣ	503
560.	Рожденіе Колумбана, миссіонера въ Ирландіи	553
562.	Законъ о штатѣ духовенства при церкви св. Софіи	486
565.	Возникновеніе афѳартодокетскаго ученія	495
570.	Рожденіе Магомета	558
590.	Избраніе Григорія Великаго на папскій престолъ	532
595.	Исидоръ, епископъ севильскій	583
596.	Осужденіе армянскою церковью собора халкидонскаго	496
—	Миссія Августина въ Британію	543
597.	Крещеніе британскаго короля Этельберта	597

Вѣкъ седьмой.

611 (или 612).	Бѣгство Магомета и начало магометанскаго лѣтосчисленія (Геджра)	562
615.	Смерть Колумбана	556
616.	Возникновеніе ереси моноѳелитства	564
628.	Дагобертъ, послѣдній изъ Меровинговъ, расширившій часовню Сенъ-Дени близъ Парижа въ величественный монастырь	585
637.	Взятіе Іерусалима халифомъ Омаромъ	563
639.	Экѳесисъ Ираклія	567
648.	Изданіе „Типа“ или „образца“ вѣры	569
649.	Первый соборъ латеранскій	570
653.	Страданія Максима исповѣдника	572
655.	Тюремное заключеніе и кончина Мартина I	571
668.	Возведеніе Ѳеодора тарсійскаго на каѳедру архіепископа кэнтерберійскаго	593
677.	Подчиненіе Константинополя данничеству халифа	680
680.	Рожденіе Винфрида, миссіонера въ сѣверной Германіи (св. Бонифація)	621
681.	Шестой вселенскій соборъ, третій константинопольскій, и осужденіе на немъ моноѳелитской ереси	574
685.	Вступленіе на престолъ Юстиніана II	576
690.	Сожженіе главныхъ вождей павликіанства при Юстиніанѣ II	690
692.	Соборъ трулльскій, такъ называемый пято-шестой	577
695.	Воцареніе Леонтія	578
698.	Взятіе магометанами Карѳагена, и конецъ римскаго владычества въ Африкѣ	563

Вѣкъ восьмой.

Годы по Р. Х.		стр.
701.	Запрещеніе королемъ Витицей апелляцій къ Риму и авторизація имъ брака среди духовенства	584
	Смерть Іоанна Марона младшаго ливанскаго	580
710.	Авторизація мѣръ короля Витицы на толедскомъ соборѣ	584
710.	Усвоеніе римскихъ обычаевъ касательно Пасхи и постриженія на Британскихъ островахъ	596
716.	Миссія Винфрида во Фризію	622
717.	Провозглашеніе императоромъ Льва Исаврянина	606
724.	Первая попытка Льва Исаврянина въ дѣлѣ иконоборчества	607
726.	Рѣшеніе поднять иконы на такую высоту, чтобы къ нимъ нельзя было прикасаться или цѣловать ихъ	608
726.	Вторженіе Ліутпранда, короля ломбардскаго, въ императорскую территорію	613
730.	Протестъ патріарха Германа противъ иконоборчества и рѣшеніе снять образъ Спасителя Споручника	609
	Мятежъ въ Константинополѣ	609
731.	Григорій III и его ревность въ дѣлѣ почитанія иконъ	615
732.	Полученіе Бонифаціемъ архіепископскаго палліума отъ папы Григорія III	625
732.	Побѣда Карла Мартела надъ сарацинами близъ Пуатьера и прогнаніе ихъ за Пиринеи	626
733.	Разрушеніе бурей флота, отправленнаго Львомъ въ Италію для наказанія непослушнаго папы	615
734.	Смерть Беды достопочтеннаго	599
735.	Рожденіе Алкуина, знаменитаго представителя учености въ вѣкъ Карла Великаго	657
741.	Восшествіе на папскій престолъ Захаріи и на императорскій престолъ въ Константинополѣ Константина Копронима	616
741.	Смерть Карла Мартела	626
742.	Основаніе Бонифаціемъ великаго аббатства Фульды	628
745.	Столкновеніе Бонифація съ Виргиліемъ зальцбургскимъ по вопросу о перекрещиваніи неправильно крещенныхъ	631
747.	Отреченіе Карломана отъ престола, и принятіе имъ монашества	632
752.	Коронація маіордома Пипина въ Суассонѣ	633
754.	Предположеніе созвать соборъ по вопросу объ иконопочитаніи въ Константинополѣ	617
754.	Экспедиція Пипина въ Италію	642
755.	Мученическая кончина св. Бонифація	633
755.	Дарованіе римской каѳедрѣ свѣтской власти	643
760.	Введеніе канонической жизни среди духовенства	718

Годы по Р. Х.		стр.
767.	Мученичество патріарха Константина за дѣло иконопочитанія	620
767.	Соборъ въ Жантильи (Gentilly) по вопросу объ иконопочитаніи	673
768.	Смерть Пипина и вступленіе на престолъ Карла и Карломана	644
771.	Карлъ Великій, какъ единодержавный императоръ	645
771.	Начало войнъ Карла Великаго противъ саксонцевъ	652
773.	Первая экспедиція Карла Великаго въ Италію	646
774.	Карлъ Великій ниспровергаетъ Ломбардское королевство, подтверждаетъ и расширяетъ даръ Пипина папству	646
774.	Первое посѣщеніе Карломъ Великимъ Рима	646
775.	Кончина иконоборца Константина Копронима	621
775.	Вступленіе на константинопольскій престолъ Льва IV	663
780.	Выступленіе Ирины въ качествѣ опекунши своего сына Константина VI	664
781.	Второе посѣщеніе Карломъ Великимъ Рима	647
781.	Стараніе Ирины о женитьбѣ своего сына Константина VI на одной изъ дочерей Карла Великаго	670
782.	Избіеніе Карломъ Великимъ 4500 саксонскихъ плѣнниковъ	653
782.	Назначеніе Алкуина начальникомъ палатинской школы при дворѣ Карла Великаго	657
782.	Адопціанистскій споръ.—Феликсъ ургельскій	677
784.	Отреченіе патріарха константинопольскаго Павла	664
784.	Назначеніе на его мѣсто Тарасія	665
786.	Созваніе вселенскаго собора въ Константинополѣ	666
787.	Третье посѣщеніе Карломъ Великимъ Рима	647
787.	Циркуляръ Карла Великаго, съ цѣлью поднятія образованія среди духовенства	659
795.	Вступленіе Льва III на папскій престолъ	647
795.	Разводъ Константина VI съ Мариной, запертой въ монастырѣ, и его женитьба на Ѳеодотѣ	671
795.	Ревность Ѳеодора Студита въ пользу иконопочитанія и понесеніе имъ различныхъ наказаній	766
796.	Предоставленіе Алкуину аббатства св. Мартина въ Турѣ	658
797.	Низложеніе Константина VI и самодержавіе Ирины	671
799.	Соборъ въ Аахенѣ по вопросу объ адопціонизмѣ и участіе на немъ Алкуина	681
800.	Четвертое посѣщеніе Карломъ Великимъ Рима	648
800.	Коронованіе Карла отъ руки папы	649

Вѣкъ девятый.

801.	Начало введенія христіанства въ Моравіи	874
801.	Рожденіе Ансгарія, апостола Сѣвера	880

Годы по Р. Х.		стр.
802	Низложеніе Ирины секретаремъ Никифоромъ и кончина ея на островѣ Лесбосѣ	671
804.	Кончина Алкуина	659
809.	Вопросъ объ исхожденіи Св. Духа на соборѣ аахенскомъ	684
811.	Смерть Никифора во время войны съ болгарами	672
811.	Строгіе законы Михаила Рангави противъ павликіанъ	692
813.	Вступленіе Льва V Армянина на императорскій престолъ	764
814.	Вступленіе на престолъ Людовика Благочестиваго	752
814.	Снятіе и удаленіе иконы Спасителя Споручника	768
817.	Принятіе Лотаря I въ качествѣ сотоварища по управленію имперіей	755
817.	Отправленіе папой Пасхаліемъ легатовъ, съ цѣлью ходатайства предъ Львомъ Армяниномъ въ пользу иконопочитанія	770
820.	Появленіе норманновъ на рѣкѣ Шельдѣ	764
822.	Отправленіе Эббо на миссіонерскую дѣятельность въ Данію	879
823.	Коронація Лотаря въ Римѣ въ качествѣ императора	757
823.	Опустошительныя войны сарацинъ по берегамъ Средиземнаго моря	792
825.	Соборъ въ Парижѣ по вопросу объ иконопочитаніи	778
826.	Крещеніе датскаго короля Гарольда съ семействомъ и свитой	880
827.	Защита иконопочитанія шотландскимъ діакономъ Дунганомъ	782
829.	Возникновеніе ложныхъ декреталій	784
829.	Появленіе лжеученія Готтшалька о предопредѣленіи	802
831.	Появленіе ученія Пасхазія о евхаристіи	799
831.	Основаніе архіепископской каѳедры въ Гамбургѣ	883
832.	Указъ императора Ѳеофила противъ иконопочитанія	774
833.	Низложеніе Людовика Благочестиваго.—Поле лжи	761
835.	Низложеніе Лотаря	763
843.	Раздѣленіе Западной имперіи между тремя сыновьями Людовика	789
845.	Возвышеніе Гинкмара на архіепископскую каѳедру въ Реймсѣ	824
845.	Крещеніе 14 богемскихъ вождей въ Ратисбонѣ	878
847.	Возведеніе Игнатія на патріаршую каѳедру Константинополя	848
847.	Восшествіе Льва IV на папскій престолъ	796
850.	Гоненіе на христіанъ въ Кордубѣ въ Испаніи въ царствованіе Абдеррахмана	870
851.	Возбужденіе христіанъ въ Испаніи и ревность ихъ къ мученичеству	870
852.	Основаніе въ Римѣ „львинаго города“	792
852.	Соборъ въ Испаніи, постановившій опредѣленіе, чтобы никто намѣренно не напрашивался на смерть ревностью о своей религіи	871

Годы по Р. Х.		стр.
852.	Восшествіе на сарацинскій престолъ въ Испаніи Магомета, продолжавшаго гоненіе противъ христіанъ	872
855.	Отреченіе императора Лотаря и вступленіе его въ монастырь	814
856.	Женитьба Лотаря II на Теутбергѣ и разводъ съ нею	814
857.	Низложеніе Игнатія и возведеніе на патріаршій престолъ Фотія	849
858.	Восшествіе на папскій престолъ Николая I	797
859.	Соборъ приверженцевъ Игнатія, отлучившій Фотія	852
859.	Мученичество Евлогія и Леокритіи въ Испаніи	872
860.	Соборъ въ Туси по вопросу о предопредѣленіи	812
861.	Соборъ второ-первый, на которомъ Фотій былъ признанъ патріархомъ	853
862.	Соборъ въ Пистрѣ по дѣлу Ротада, епископа суассонскаго	827
862.	Возвышеніе Варды въ достоинство кесаря	860
863	Отправленіе свв. Кирилла и Меѳодія на проповѣдь въ Моравію	875
863.	Соборъ въ Мецѣ по вопросу о разводѣ Лотаря	816
863.	Объявленіе папой Фотія лишеннымъ всякой духовной должности и достоинства	855
865.	Кончина Ансгарія	887
867.	Соборъ въ Константинополѣ противъ папскаго посягательства на Болгарію	860
867.	Умерщвленіе императора Михаила кесаремъ Василіемъ	861
868	Свв. Кириллъ и Меѳодій въ Римѣ	876
869.	Восьмой вселенскій соборъ латинянъ въ Константинополѣ	863
870.	Начало миссіонерской дѣятельности грековъ въ Сербіи	874
873.	Повелѣніе папы Іоанна VIII о запрещеніи употребленія варварскаго языка въ церковномъ богослуженіи	876
874.	Кончина Игнатія	865
878.	Возведеніе Фотія на патріаршій престолъ въ качествѣ преемника Игнатія	866
878.	Смуты изъ за папы Формоза	897
879.	Общій соборъ въ Константинополѣ, оправдавшій Фотія	867
880.	Св. Меѳодій въ Римѣ	877
881.	Полученіе Карломъ толстымъ императорской короны отъ папы Іоанна VIII	846
885.	Кончина св. Меѳодія въ Моравіи	878
886.	Низложеніе Фотія Львомъ VI Философомъ	868
891	Кончина Фотія въ изгнаніи	868
892.	Начало нападеній венгровъ на Германію	990

Вѣкъ десятый.

Годы по Р. Х.		стр.
904.	Начало порнократіи въ Римѣ	898
905.	Четвертый бракъ импер. Льва VI	889
924.	Нападеніе мадьяръ на Италію и ихъ опустошенія тамъ	591
925.	Рожденіе Дунстана въ Англіи	951
931.	Восшествіе на папскій престолъ Іоанна XI	899
936.	Мученическая кончина Вячеслава Богемскаго	960
948.	Крещеніе венгерскихъ князей Болосуда и Гіулы въ Константинополѣ	966
951.	Прибытіе Оттона Великаго въ Италію и провозглашеніе его королемъ въ Павіи	900
955.	Путешествіе русской княгини Ольги въ Константинополь и крещеніе ея тамъ	957
955.	Начало миссіонерской дѣятельности германскихъ епископовъ среди венгровъ	966
962.	Полученіе Оттономъ Великимъ императорской короны отъ рукъ папы	900
963.	Соборъ въ Римѣ съ цѣлью изслѣдованія поведенія папы Іоанна XII	901
963.	Посвященіе Іоанна XIII съ одобренія императора Оттона Великаго	902
964.	Соборъ въ Римѣ, низложившій папу Льва VIII	902
967.	Принятіе христіанства польскимъ княземъ Мечеславомъ и мѣры его противъ своихъ языческихъ подданныхъ	963
972.	Принятіе христіанства венгерскимъ княземъ Гейзой	967
972.	Крещеніе Гарольда датскаго по настоянію Оттона Великаго	970
975.	Распри между монахами и мірскимъ духовенствомъ въ Англіи	953
981.	Введеніе христіанства на островѣ Исландіи	980
983.	Крещеніе Адальбертомъ венгерскаго князя Вайка, принявшаго впослѣдствіи имя Стефана	967
986.	Прибытіе къ князю Владиміру пословъ отъ іудейства, ислама, отъ грековъ и латинянъ	958
988.	Крещеніе Владиміра и Руси	959
991.	Соборъ сенъ-базельскій по дѣлу Арнульфа реймскаго и противодѣйствіе его папской юрисдикціи	907
991.	Возведеніе Герберта въ санъ архіепископа реймскаго на мѣсто Арнульфа	908
994.	Крещеніе норвежскаго короля Олафа Триггвезена	994
997.	Мученическая кончина Адальберта въ Пруссіи	961
999.	Введеніе христіанства въ Гренландіи	982
1000.	Гибель Олафа Триггвезена во время морской битвы съ датчанами	976

Вѣкъ одиннадцатый.

Годы по Р. Х.		стр.
1002.	Восшествіе на престолъ Генриха II	919
1005.	Коронованіе Генриха II въ Павіи	920
1007.	Рожденіе Петра Даміани въ Равеннѣ	933
1010.	Рожденіе Гильдебранда	931
1014.	Вступленіе на датскій престолъ Канута	970
1015.	Восшествіе на престолъ св. Олафа норвежскаго и его дѣятельность въ пользу христіанства	977
1016.	Утвержденіе норманновъ въ Италіи	923
1017.	Появленіе манихейской секты въ Аквитаніи	984
1019.	Введеніе номоканона въ Россіи	959
1021.	Предполагаемое введеніе христіанства въ Америкѣ	983
1024.	Восшествіе на престолъ Конрада Салическаго	923
1024.	Кончина шведскаго короля Олафа Стотконунга, ревнителя христіанства	971
1025.	Открытіе ереси въ Орлеанѣ, Аррасѣ и другихъ городахъ	986
1030.	Кончина Олафа норвежскаго	978
1033.	Назначеніе на папскій престолъ десятилѣтняго мальчика Ѳеофилакта	924
1038.	Основаніе аббатства Сазавы, какъ главной школы туземнаго богемскаго монашества	962
1038.	Кончина Стефана венгерскаго	968
1040.	Обращеніе датчанъ въ христіанство въ Ирландіи	954
1044.	Три папы въ Римѣ	926
1046.	Низложеніе папы Григорія VI	927
1047.	Борьба папы Климента II съ симоніей	928
1047.	Основаніе Вендскаго королевства Готтшалькомъ и ревность его о введеніи христіанства среди своихъ подданныхъ	965
1049.	Соборъ при Львѣ IX, постановившій отмѣнять всѣ рукоположенія, сдѣланныя симонійцами	937
1049.	Соборъ въ Реймсѣ и тѣло св. Ремигія	940
1051.	Постановленіе Льва IX противъ наложницъ духовенства	939
1053.	Пораженіе папскихъ войскъ норманнами въ Италіи и плѣненіе папы Льва IX	945
1053.	Обличеніе Михаиломъ Керуларіемъ и Львомъ, архіепископомъ ахридскимъ, митрополитомъ болгарскимъ, латинянъ по вопросу объ евхаристическомъ хлѣбѣ	947
1054.	Кончина папы Льва IX	946
1054.	Раздѣленіе церквей	948

Приложеніе II.

Послѣдовательно хронологическій списокъ императоровъ римскихъ и византійскихъ, папъ римскихъ и патріарховъ константинопольскихъ, а также королей и князей позднѣйшихъ народовъ, принимавшихъ христіанство.

Римскіе императоры.

Годы послѣ Р. Х. отъ		Годы послѣ Р. Х. до
14	Тиверій	37
37	Калигула	41
41	Клавдій	54
54	Неронъ	68
68	Гальба	69
69	Отонъ	69
69	Вителлій	69
69	Веспасіанъ	79
79	Титъ	81
81	Домиціанъ	96
96	Нерва	98
98	Траянъ	117
117	Адріанъ	138
138	Антонинъ	161
161	Маркъ Авреліи	180
180	Коммодъ	192
192	Пертинаксъ	192
192	Дидій Юліанъ	193
193	Северъ	211
211	Каракалла	217
217	Макринъ	218
218	Елагабалъ	222
222	Александръ Северъ	235
235	Максиминъ	238
238	Гордіанъ	244
244	Филиппъ	249
249	Децій	251
251	Галлъ	253
253	Валеріанъ	260
	Галліенъ	268
268	Клавдій	270
270	Авреліанъ	275
275	Тацитъ	276
276	Пробъ	282
282	Каръ	283
283	Каринъ	285
	Нумеріанъ	284
284	Діоклитіанъ Максиминъ	305
305	Констанцій I	306
	Галерій	311
306	Константинъ I	337
307	Лициній	324
308	Максиминъ	313
337	Константинъ II	340
	Констанцій II	361
	Констансъ	350

Годы послѣ Р. Х. отъ		Годы послѣ Р. Х. до
361	Юліанъ	363
363	Іовіанъ	364
364	Валеріанъ I	375
	Валентъ	378
367	Граціанъ	383
375	Валентиніанъ	392
379	Ѳеодосій	395

Императоры Западной имперіи.

395	Гонорій	423
423	Валентиніанъ	455
455	Максимъ	455
455	Авитъ	456
457	Майоранъ	461
461	Северъ (Рицимеръ)	467
467	Антемій	472
472	Олибрій	472
472	Глицерій	474
	Непотъ	475
475	Августулъ	476

Императоры Восточной имперіи.

395	Аркадій	408
408	Ѳеодосій	450
450	Маркіанъ	457
457	Левъ I	474
474	Левъ II	474
	Зенонъ	475
475	Василискъ	477
477	Зенонъ (по возстановленіи его)	491
491	Анастасій	518
518	Юстинъ I	527
527	Юстиніанъ I	565
565	Юстинъ II	578
578	Тиверій II	582
582	Маврикій	601
602	Фока	610
610	Ираклій	641
641	Константинъ III	641
	Ираклеонъ	641
641	Констансъ II	668
668	Константинъ IV (Погонатъ)	685
685	Юстиніанъ II	695
695	Леонтій	698
698	Тиверій Апсимаръ	705
705	Юстиніанъ II (по возстановленіи)	711
711	Филиппикъ	713
713	Анастасій II	716
716	Ѳеодосій III	717
717	Левъ III Исаврянинъ	741
741	Константинъ V Копронимъ	775
775	Левъ IV	780
780	Константинъ VI	797
	Ирина	802
802	Никифоръ	811
811	Ставракій	811
811	Михаилъ I Рангави	813
813	Левъ V Армянинъ	820
820	Михаилъ II Заика	829
829	Ѳеофилъ	842
842	Михаилъ III Пьяница	867
867	Василій I Македонянинъ	886
886	Левъ VI Философъ	911

Годы послѣ Р. Х. отъ		Годы послѣ Р. Х. до
911 по 959	Александръ	912
	Константинъ VII (Порфирородный—одинъ съ 945)	959
	Романъ I Лекапенъ	945
	919 (Христофоръ, Стефанъ, Константинъ VIII).	
959	Романъ II	963
963	Никифоръ Фока	969
969	Іоаннъ Цимисхій	976

Годы послѣ Р. Х. отъ		Годы послѣ Р. Х. до
976	Василій II	1025
	Константинъ IX	1028
1028	Романъ III (Аргиръ)	1034
1034	Михаилъ IV Пафлагонянинъ	1041
1041	Михаилъ V Калафатъ	1042
1042 до 1056	Зоя	
	Константинъ X Мономахъ	1054
	Ѳеодора (одна съ 1054)	1056

Епископы Римскіе 1).

	Ап. Петръ	67
67	Линъ	79
79	Клитъ, Аненклитъ или Анаклитъ	91
91	Климентъ	100
100	Еваристъ	109
109	Александръ I	119
119	Ксистъ или Сикстъ I	128
128	Телесфоръ	139
139	Гигинъ	142
142	Пій I	157
157	Аникита или Аницетъ	168
168	Сотеръ	176
177	Елевѳерій	190
190	Викторъ I 1)	202
202	Зефиринъ	218
218	Каллистъ или Каликстъ	223
223	Урбанъ I	230
230	Понтіанъ	235
235	Антеръ	236
236	Фабіанъ	250

250	Корнелій	252
	(Новаціанъ 251)	
252	Луцій I	253
253	Стефанъ I	257
257	Сикстъ или Ксистъ II	258
259	Діонисій,	269
269	Феликсъ I	274
275	Евтихіанъ	283
283	Кайй	296
296	Марцеллинъ	304
	(Вакансія въ теченіе четырехъ лѣтъ)	
308	Марцеллъ	310
310	Евсевій (апрѣля 18—сентября 26)	310
311	Мелхіадъ	314
314	Сильвестръ I	335
336	Маркъ (янв. 18—окт. 7)	336
337	Юлій I	352
352	Либерій	366
	(Феликсъ II 355—8)	
366	Дамасъ	384

---

1) Изъ *Jaffe*, Regesta. Имена, поставленныя въ скобахъ, означаютъ *антипапъ*.

2) Доселѣ хронологическія данныя имѣютъ лишь болѣе или менѣе предположительный характеръ.

Годы послѣ Р. Х. отъ		Годы послѣ Р. Х. до
	(Урсинъ 366—7)	
384	Сирицій	398
398	Анастасій I	401
402	Иннокентій I	417
417	Зосимъ	418
418	Бонифацій I . . .	422
	(Евлалій 418—19)	
422	Целестинъ I . . .	43
432	Сикстъ III	440
440	Левъ I	461
461	Иларій	468
468	Симплицій	483
483	Феликсъ III	492
492	Геласій I	496
496	Анастасій II . . .	498
498	Симмахъ	514
	(Лаврентій 498—505)	
514	Ормизда	523
523	Іоаннъ I	526
526	Феликсъ IV	530
530	Бонифацій II . . .	532
	(Діоскоръ сент. 17—окт. 14, 530)	
532	Іоаннъ II	535
535	Агапетъ I	536
536	Сильверій	637
537	Вигилій	555
555	Пелагій I	560
560	Іоаннъ III	573
574	Бенедиктъ I	578
578	Пелагій II	590
590	Григорій I	604
604	Сабиніанъ	606
607	Бонифацій III (февр. 19—ноября 12) . . .	607
608	Бонифацій IV . . .	615
615	Деусдедитъ. . . .	618
619	Бонифацій V . . .	625
625	Гонорій I	638
638	Северинъ	640
640	Іоаннъ IV	642

Годы послѣ Р. Х. отъ		Годы послѣ Р. Х. до
642	Θеодоръ	649
649	Мартинъ I	653
654	Евгеній I	657
657	Виталіанъ	672
672	Адеодатъ	676
676	Донъ	678
678	Агаθонъ.	681
682	Левъ II	683
683	Бенедиктъ II . . .	685
685	Іоаннъ V	686
686	Кононъ	687
	(Пасхалій 687—92)	
	(Θеодоръ сент.—дек. 687)	
687	Сергій I.	701
701	Іоаннъ VI	705
705	Іоаннъ VII	707
708	Сисинній (янв.-февр. 7)	708
708	Константинъ I. . . .	715
715	Григорій II	731
731	Григорій III . . .	741
741	Захарія	752
752	Стефанъ I (умеръ безъ посвященія). . . .	752
752	Стефанъ II.	757
757	Павелъ I	767
	(Константинъ II 767—8)	
	(Филиппъ 768)	
768	Стефанъ III . . .	772
772	Адріанъ I	795
795	Левъ III	816
816	Стефанъ IV	817
817	Пасхалій I	824
824	Евгеній II	827
827	Валентинъ (умеръ черезъ мѣсяцъ)	827
827	Григорій IV	844
	(Іоаннъ—янв. 844)	
844	Сергій II	847
847	Левъ IV	855
855	Бенедиктъ III. . . .	858
	(Анастасій авг.—сент. 855)	

Годы послѣ Р. Х. отъ		Годы послѣ Р. Х. до
858	Николай I	867
867	Адріанъ II	872
872	Іоаннъ VIII	882
882	Маринъ I	884
884	Адріанъ III	885
885	Стефанъ V	891
891	Формозъ	896
896	Бонифацій VI (май—іюнь)	896
896	Стефанъ VI	897
897	Романъ (іюль—ноябрь)	897
897	Өеодоръ II (ноябрь—декабрь)	897
898	Іоаннъ IX	900
900	Бенедиктъ IV	903
903	Левъ V (авг.—сент.)	903
903	Христофоръ	904
904	Сергій III	911
911	Анастасій III	913
913	Ландонъ	914
914	Іоаннъ X	928
928	Левъ VI	929
929	Стефанъ VII	931
931	Іоаннъ XI	936
936	Левъ VII	939
939	Стефанъ VIII	942
942	Маринъ II	946
946	Агапетъ II	955
955	Іоаннъ XII	963
963	Левъ VIII	965
	(Бенедиктъ V май—іюнь 964).	
965	Іоаннъ XIII	972
972	Бенедиктъ VI	974
	(Бонифацій VII іюнь—авг. 974).	
977	Бенедиктъ VII	983
983	Іоаннъ XIV	984
	(Бонифацій VII, опять 984—5)	
985	Іоаннъ XV	996
996	Григорій V	999
	(Іоаннъ XVI 997—8)	
999	Сильвестръ II	1003
1003	Іоаннъ XVI (янв. 13—дек. 7)	1003
1003	Іоаннъ XVII	1009
1009	Сергій IV	1009
1012	Бенедиктъ VIII	1024
	(Григорій янв.—дек. 1012).	
1024	Іоаннъ XVIII	1033
1033	Бенедиктъ IX	1046
	(Сильвестръ III 1044—46).	
1045	Григорій VI	1046
1046	Климентъ II	1047
1047	Дамасъ II	1048
1048	Левъ IX	1054

Епископы или патріархи Константинополя [1]).

317	Александръ [2])	340
340	Павелъ I [3])	342
342	Македоній I	360
360	Евдоксій	370

---

[1]) Списокъ этотъ составленъ по „Лѣтописи“ архим. Арсенія, Спб. 1880 г.

[2]) Александръ былъ епископомъ Византіи еще до возведенія ея въ достоинство императорской резиденціи, но извѣстность свою онъ собственно получилъ въ 336 году, со времени своего столкновенія съ Аріемъ. См. выше, стр. 197.

[3]) Отселѣ начинается смутный періодъ аріанскаго господства въ Константи-

Годы послѣ Р. Х. отъ		Годы послѣ Р. Х. до
370	Евагрій	370
370	Демофилъ	380
380	Григорій Богословъ	381
381	Нектарій	397
398	Іоаннъ I Златоустъ	404
404	Арсакій	406
406	Аттилъ	426
426	Сисиній I	428
428	Несторій	431
431	Максиміанъ	433
433	Проклъ	446
446	Флавіанъ	449
449	Анатолій	458
458	Геннадій I	471
471	Акакій	489
489	Фравита	489
489	Евѳимій I	496
496	Македоній II	511
511	Тимоѳей I	517
517	Іоаннъ II	520
520	Епифаній	535
535	Анѳимъ I	536
536	Минна	552
552	Евтихій	565
565	Іоаннъ III Схоластикъ	577
577	Евтихій (вторично)	582
582	Іоаннъ IV Постникъ	595
595	Киріакъ	606
607	Ѳома I	610
610	Сергій I	639
639	Пирръ	642
642	Павелъ II	653
653	Пирръ (вторично)	655
655	Петръ	666
667	Ѳома II	669
669	Іоаннъ V	674
674	Константинъ I	676
676	Ѳеодоръ I	678
678	Георгій I	684

Годы послѣ Р. Х. отъ		Годы послѣ Р. Х. до
684	Ѳеодоръ I (вторично)	687
687	Павелъ III	693
693	Каллиникъ I	705
705	Киръ	712
712	Іоаннъ VI	713
713	Германъ I	730
730	Анастасій	754
754	Константинъ II	764
764	Никита I	780
780	Павелъ IV	784
784	Тарасій	806
806	Никифоръ I	815
815	Ѳеодотъ I	821
821	Антоній I (иконоб.)	831
832	Іоаннъ VII Суевѣръ	842
842	Меѳодій I	846
846	Игнатій	857
857	Фотій	867
867	Игнатій (вторично)	878
878	Фотій (вторично)	886
886	Стефанъ I	893
893	Антоній II Кавлей	895
895	Николай I	906
906	Евѳимій II	911
911	Николай I (вторично)	925
925	Стефанъ II	928
928	Трифонъ	931
	(2 года вакансія)	
933	Ѳеофилактъ	956
956	Поліевктъ	970
970	Василій I	974
974	Антоній III	979
	(4 года вакансія)	
983	Николай II Хрисовергъ	996
996	Сисиній II	998
999	Сергій II	1019
1019	Евстаѳій	1025
1025	Алексѣй	1043
1043	Михаилъ Керуларій	1058

нополѣ, гдѣ съ 342 до 380 года епископская каѳедра находилась въ рукахъ аріанъ. См. выше стр. 203.

Западные императоры отъ Карла Великаго

(годъ въ первомъ столбцѣ означаетъ время восшествія на королевскій престолъ Германіи, а во второмъ столбцѣ—время императорской коронаціи).

Годы послѣ Р. Х. отъ			Годы послѣ Р. Х. до	
814	800	Карлъ Великій	814	
	813	Людовикъ Благочестивый	840	
	817	Лотарь	855	
	850	Людовикъ II	875	
	875	Карлъ Лысый	877	
887	884	Карлъ Толстый	887	
	896	Арнульфъ	899	
	891	Гуй		Титулярные Императоры.
	894	Ламбертъ		

Годы послѣ Р. Х. отъ			Годы послѣ Р. Х. до	
	901	Людовикъ Прованскій		Титулярные Императоры.
	916	Беренгарій		
912		Конрадъ I	920	Короли Германіи.
920		Генрихъ Птицеловъ	936	
336	962	Оттонъ I.	973	
973	967	Оттонъ II	983	
983	996	Оттонъ III.	1002	
1002	1014	Генрихъ II.	1039	
1039	1046	Генрихъ III	1056	

Короли Франціи отъ восшествія на престолъ Каролинской династіи.

752	Пипинъ	768
762	Карлъ Великій	814
	Карломанъ.	772
814	Людовикъ Благочестив.	840
840	Карлъ II (Лысый)	877
877	Людовикъ II (Заика)	879
879	Людовикъ III	882
	Карломанъ	884
884	Карлъ Толстый	888
888	Одонъ или Эвдъ	898
898	Карлъ III (Простой)	936
946	Людовикъ IV (d'Ooutre-mer)	954
954	Лотарь	986
986	Людовикъ V (le Fainéant)	987
987	Гугъ Капетъ.	996
996	Робертъ I.	1031
1031	Генрихъ I	1060

Короли Англіи.

800	Эгбертъ.	836
836	Этельвульфъ	857
857	Этельбальдъ	860
860	Этельбертъ	866
866	Этельредъ I	871
871	Альфредъ	901
901	Эдуардъ старшій	924
924	Ательстанъ	941
941	Эдмундъ	946
946	Эдредъ	955
955	Эдви.	959
959	Эдгаръ	975

Годы послѣ Р. Х. отъ		Годы послѣ Р. Х. до	Годы послѣ Р. Х. отъ		Годы послѣ Р. Х. до
975	Эдуардъ Мученикъ.	978	1016	Канутъ	1035
978	Этельредъ II (Неготовый)	1016	1035	Гарольдъ (Заяченогій)	1039
1016	Эдмунъ Желѣзнобокій (Ironside).	1016	1039	Гардиканутъ	1042
			1042	Эдуардъ Исповѣдникъ	1066

Князья древней Руси.

862	Рюрикъ.	879	957	Святославъ	973
879	Вѣщій Олегъ	913	973	Владиміръ.	1015
913	Игорь	945	1019	Ярославъ мудрый.	1054
945	Ольга	957			

Митрополиты древней Руси.

988	Михаилъ	992	1035	Ѳеопемптъ.	1049
992	Леонтій	1008	1051	Иларіонъ.	1056
1008	Іоаннъ	1035			

Приложеніе III.

Хронологическая таблица соборовъ [1].

Въ первомъ вѣкѣ.

Между 50—52 гг. соборъ въ Іерусалимѣ, такъ называемый апостольскій.

Во второмъ вѣкѣ.

Іерапольскій между 160—180 гг. противъ монтанистовъ и Θеодота ожевника; въ Римѣ, Палестинѣ (Іерусалимѣ и Кесаріи), въ Понтѣ; сроенѣ, Месопотаміи, Коринθѣ—всѣ къ концу II вѣка касательно раздныванія пасхи. Другіе соборы въ Римѣ, Сициліи, Ефесѣ, Ліонѣ и ь Африкѣ сомнительны [2]).

Въ третьемъ вѣкѣ:

коло 218—222 въ Карθагенѣ.
231—235 „ Александріи.
230—235 „ Иконіи.
:оло того же времени въ Циннадѣ.
240 въ Ламбесѣ въ Африкѣ
244 „ Вострѣ.
246 „ Аравіи.
— „ Два собора въ Азіи.
250, 251, 252, 253 въ Карθагенѣ по дѣлу Новата;
255 и 256 тамъ же по вопросу о крещеніи еретиковъ.
251 въ Римѣ.
Около 255—260 въ Нарбоннѣ.
255 Арсиноэ, въ Египтѣ.
260 въ Римѣ.
264—269 три собора въ Антіохіи противъ Павла Самосатскаго.

---

[1]) Источники для нея см. въ сборникахъ общихъ и помѣстныхъ соборовъ Ман-, Гардуина, Гарцгейма и др. Сравни труды Кабазутія, Гефеле и пр. См. *J. lzog*, Handbuch der Allgem. Kirchengeschichte, 10 Auflage, II т. 857.

[2]) См. *Hefele*. Conciliengesch. II B. I, стр. 83—104.

Въ четвертомъ вѣкѣ:

305 въ Циртѣ.
305 ,, Элвирѣ.
306 ,, Александріи.
312 ,, Карѳагенѣ.
313 ,, Римѣ.
314 ,, Арелатѣ (Arles).
+314 ,, Анкирѣ.
314—15 въ Неокесаріи.
320 въ Александріи.
323 ,, Виѳиніи.
324 ,, Александріи.
325 ,, Никеѣ, — **первый вселенскій соборъ.**
Около 325—341 въ Гангрѣ.
330 въ Карѳагенѣ.
330 ,, Антіохіи.
334 ,, Кесаріи.
335 ,, Тирѣ.
335 „ Іерусалимѣ.
336, 338 или 339 въ Константинополѣ.
339 въ Александріи.
340, 341 въ Антіохіи.
341 въ Римѣ.
344 „ Сардикѣ.
Около 343—381 въ Лаодикіи.
343 въ Филиппополѣ.
345 „ Миланѣ.
346 „ Іерусалимѣ и Александріи.
347 „ Римѣ или Миланѣ.
345—348 въ Карѳагенѣ.
349, 351 „ Сирміѣ.
353 въ Римѣ.
353 „ Арелатѣ.
355 „ Миланѣ.
356 „ Витеррѣ (Béziers).
357, 358 въ Сирміѣ.
358 въ Антіохіи.
358 „ Анкирѣ.
359 „ Римини и Селевкіи.
360 въ Константинополѣ.
361 „ Парижѣ.
361, 363 въ Антіохіи.
362, 363 „ Александріи.
365 въ Лампсакѣ.
366 „ Никомидіи.
366 „ Смирнѣ.
366 „ Сициліи.
367 „ Сингидунѣ и Тіанѣ.
367 ,, Каріи.
369 ,, Римѣ.
370 ,, Александріи.
374 ,, Валенціи.
375 ,, Иллиріи и Анкирѣ.
374, 376 въ Римѣ.
378 въ Антіохіи въ Каріи.
380 ,, Римѣ, Миланѣ.
380 ,, Сарагоссѣ.
381 ,, Константинополѣ,— **второй вселенскій соборъ.**
381 въ Аквилеѣ и Миланѣ.
382 ,, Римѣ.
383 ,, Константинополѣ.
384 ,, Бордо.
385 ,, Трирѣ.
386, 390 въ Римѣ.
390 въ Карѳагенѣ, Миланѣ и Антіохіи.
391 въ Капуѣ.
393 ,, Иппонѣ.
394 ,, Нимѣ (Nimes).
394 ,, Константинополѣ.
394 ,, Багахъ (Bagai).
394, 397, 398, 399 въ Карѳагенѣ.
398 въ Александріи, также въ Іерусалимѣ, Константинополѣ и Кипрѣ; въ Ефесѣ.
400 въ Толедо.

567 въ Турѣ.
573, 577, Парижѣ.
579 Шалонѣ.
577—581 Бренѣ или Бернсѣ.
581 Макопѣ.
583 Ліонѣ.
584 Валенціи.
585 Маконѣ.
587 Оксеррѣ (Auxerre).
оло 585—88 Клермонѣ.
589 Толедо.
589 въ Нарбоннѣ.
590 Севильѣ.
590 Мецѣ.
591 Римѣ.
592 Сарагоссѣ.
594 Карѳагенѣ.
595 Римѣ.
595 Пуатьерѣ.
597 Толедо.
598 Гуескѣ (Osca, въ Испаніи).
599 въ Барцелонѣ.
600 Римѣ.

Въ седьмомъ вѣкѣ.

601 Римѣ, Британіи и Сенсѣ (Sens).
602 въ Африкѣ.
603 Шалонѣ.
605 Англіи.
606, 610 Римѣ.
610 Толедо.
614 Эгарѣ.
614 Парижѣ.
619 Гентѣ и Севильѣ.
Около 622 Гаринѣ.
625 Реймсѣ.
626 Константинополѣ.
Около 630 въ Леніи (Leighlingbridge).
633 въ Александріи.
633 Толедо.
634 Іерусалимѣ.
636, 638 Толедо.
638 Константинополѣ.
640 въ Римѣ.
640 Орлеанѣ.
644 Шалонѣ
646 Африкѣ.
646 Толедо.
648 Римѣ.
649 Латеранѣ.
650 Руанѣ.
653, 655, 656 Толедо.
658 въ Нантѣ.
658 Сенсѣ (Sens)
664 Англіи.
666 Эмеритѣ.
667 Клиши (Clichy).
667 Римѣ.
Около 670 Аутунѣ.
673 Герфордѣ
675 Толедо.
675 Брагѣ.
679, 680 Римѣ.
680 Миланѣ.
680 Константинополѣ, — **шестой вселенскій соборъ.**
681, 683, 684, 688 Толедо.
691 Сарагоссѣ.
691 Англіи.
692 Константинополѣ.

693, 694	Толедо.
694	Бакнансельдѣ.
697	въ Бергамштедтѣ.
699	Аквилеѣ.

Въ восьмомъ вѣкѣ.

701	Толедо.
701	Нестерфильдѣ.
703	Римѣ.
705	Нидданумѣ (Adderbourn).
715, 716	Константинополѣ.
721, 732	Римѣ.
742	Германіи.
743	Липтинѣ.
743	Римѣ.
744	Суассонѣ.
745	Общій соборъ во Франціи.
745	Римѣ.
747	Германіи.
747	Кловесго (Cloveshoe).
748	Дюренѣ.
753	Вермеріи.
754	Квіерси и Майнцѣ.
754	Константинополѣ.
755	Вернёйлѣ (Verneuil).
757	Компьенѣ (Compiègne).
757	Римѣ.
758—759	Констанцѣ.
761	Римѣ.
763	Ашаимѣ въ Баваріи.
765	Аттиньи.
767	Жантильи (Gentilly).
769	Римѣ.
Около 769—772	Дингольфингенѣ и Рейхингѣ, въ Баваріи.
772	Генуѣ.
780 или 785	Падерборнѣ или Липпштадтѣ.
781	Вормсѣ.
781	Регенсбургѣ.
785	Аттиньи.
786	Вормсѣ.
787	Никеѣ—**седьмой вселенскій соборъ**.
787	Калхутѣ (Calchut).
787, 788	Вормсѣ и Ингельгеймѣ.
788	Нарбоннѣ.
789	Аахенѣ или Э, Эляшапеллѣ (Aix, Aix-la-chapelle).
792	Регенсбургѣ.
794	Великій соборъ во Франкфуртѣ.
794	Веруламѣ.
796	Фріолѣ (Friaul).
797	Беанельдѣ (Beeaneld).
799	Аахенѣ.
799	Рисбахѣ, Фрейзингенѣ и Зальцбургѣ.
799	Ургелѣ.
799	Финхолѣ.
800	Римѣ, Кловесго и Турѣ.

Въ девятомъ вѣкѣ.

802 въ Аахенѣ.
803 Регенсбургѣ.
803, 809 Кловесго.
804 Зальцѣ.
806—809 Константинополѣ и Зальцбургѣ.
809, 811 Аахенѣ.
812 Константинополѣ.
813 Реймсѣ.
813 Майнцѣ.
813 Турѣ.
813 Шалонѣ.
814, 815 Канстантинополѣ.
816 Келхитѣ.
816, 817 Аахенѣ.
818 Аахенѣ, Венеціи, Ваннѣ и Диденгофенѣ.
822 Аттиньи.
823 Римѣ и Компьенѣ
Около 816—825 Лондонѣ, Кловесго, Ославесгленѣ и Аахенѣ.
825 Парижѣ.
826—827 Ингельгеймѣ, Римѣ и Мантуѣ.
828—824 Парижѣ.
829 Вормсѣ.
829—832 Сен-Денисѣ.
831 Нимвегенѣ.
833 Компьенѣ.
835 Диденгофенѣ.
840 Ингельгеймѣ.
Около 841—843 Фонтенаѣ, Аахенѣ, Буржѣ, Миланѣ и Жерминьи.
842 Константинополѣ.
843 Лавріакѣ (Lauriac).
843 въ Куленѣ (Coulaines).
844 Диденгофенѣ.
844 Вернёйлѣ.
845 Мо (Meaux).
845 Бовѐ (Beauvais).
846 Парижѣ.
848 Майнцѣ.
848 Бретани.
848 Римѣ.
848 Седанѣ.
848 Майнцѣ.
849 Парижѣ.
849 Квіерси.
850 Павіи.
850 Римѣ.
851 Майнцѣ.
852 Кордубѣ или Кордовѣ.
853 Римѣ.
853 Парижѣ.
853 Суассонѣ.
853 Квіерси.
854 Леонѣ
855 Валенціи.
855 Павіи.
855 Винчестерѣ.
857, 858 Квіерси.
858 Константинополѣ.
859 Лангрѣ (Langres).
859 Савоньерѣ.
860 Аахенѣ.
860 Кобленцѣ.
860 Туси (Tousi).
860 Миланѣ.
860 Римѣ.
861 Константинополѣ.
861 Римѣ.

862	въ Суассонѣ.
862	Аахенѣ.
862	Пистѣ или Пистрѣ (Pistres).
863	Мецѣ.
863, 864	Римѣ.
865	Аттиньи.
866	Суассонѣ.
866, 867	Константинополѣ.
867	Тройѣ (Troyes).
868	Вормсѣ.
869	Римѣ.
869	Константинополѣ—(у латинянъ VIII вселенскій).
869	Вергери и Мецѣ.
870	Аттиньи.
871	Дузи (Douzi).
873	Сенлисѣ.
874	Равеннѣ.
874	Дузи.
876	Павіи.
876	Римѣ.
877	въ Равеннѣ.
877	Римѣ.
877	Компьенѣ.
877	Овіедо.
878	Тройѣ.
879	Римѣ.
879	Константинополѣ.
878, 889, 880, 881	—Римѣ.
881	Фимѣ (Fimes).
882	Равеннѣ.
883	Тулузѣ.
886	Шалонѣ.
886	Кёльнѣ.
888	Мецѣ и Майнцѣ.
889 или 890	Павіи.
892	Вьеннѣ.
894	Шалонѣ.
895	Трибурѣ
895	Англіи.
806, 898	Римѣ.
898	Равеннѣ.
900	Реймсѣ и Римѣ.

Въ десятомъ вѣкѣ.

901	Римѣ.
902, 906 и 907—	въ провинціи Нарбоннѣ.
909	Тройсли.
916	Альтгеймѣ.
920	Константинополѣ.
921	Тройсли.
922	Кобленцѣ.
931	Альтгеймѣ.
932	Регенсбургѣ, Эрфуртѣ, Дингольфингенѣ.
941	Суассонѣ.
942	Лаонѣ.
948	Ингельгеймѣ.
948	Трирѣ.
948	Лондонѣ.
950	Ллапдаффѣ.
952	Аугсбургѣ и Франкфуртѣ.
955	Лландаффѣ.
962	Близь Мо.
962, 963—964, 967	—Римѣ.
967, 868	Равеннѣ.
969	Англіи.
969	Кэнтербери.
971	Римѣ.
971	Компостеллѣ.
971	Лондонѣ.

972	въ Ингельгеймѣ.
975	Винчестерѣ.
978	Кальнѣ.
988	Ллапдаффѣ.
988	Сенлисѣ.
991	близъ Реймса.
993	Римѣ.
Около 995	Италіи.
996	въ Муссонѣ.
995	Римѣ.
996	Сен-Дени.
997	Павіи.
998	Римѣ.
998	Равеннѣ.
999	Магдебургѣ.

Въ одиннадцатомъ вѣкѣ.

1001	Римѣ.
1001	Франкфуртѣ
1002	Римѣ.
1004	Пуатьерѣ.
1005	Диденгофенѣ и Констанцѣ.
1007	Франкфуртѣ.
1009	Энгэмѣ (Enham).
1011	Майнцѣ.
1012	Кобленцѣ.
1012	Леонѣ.
1014	Равеннѣ.
1017	Орлеанѣ.
1020	Павіи.
1022	Орлеанѣ.
1022	Зелигенштадтѣ.
1023	Майнцѣ.
1024	Парижѣ.
1025	Аррасѣ.
1025	Анзѣ.
1028	Майнцѣ.
1028	Шарру (Charroux).
1029, 1031	Лиможѣ.
1031	Буржѣ.
1034	Арлѣ (Арелатѣ).
1034	Аквитаніи.
1034	Ліонѣ.
1042	Сен-Жиллѣ (Egydi, St. Gilles).
1046	Сутри.
1047, 1049	Римѣ.
1049	Реймсѣ.
1049	Майнцѣ.
1049	Руанѣ.
1050	Римѣ.
1050	Парижѣ.
1050	Бріонѣ.
1050	Верцелли.
1050	Койякѣ.
1051, 1053	Римѣ.
1052	Бамбергѣ, Регенсбургѣ, Вормсѣ.
1053	Константинополѣ.
1054	Нарбоннѣ и Майнцѣ.

Приложеніе IV.

Списокъ главныхъ источниковъ и пособій [1].

Acta Sanctorum, edd. Bollandus, etc., перепеч. Paris, 1860, seqq.

Agobardus, ed. Baluze, Paris, 1666.

Alcuinus, ed. Froben, Ratisbon, 1777.

Alexander Natalis, Hist. Ecclesiastica, Bingen, 1788.

Ammianus Marcellinus, in Hist. Rom. Scriptores, Heidelb. 1743.

Athanasius, ed. Montfaucon, Paris, 1690.

Baronius et Raynaldus, Annales Ecclesiastici, cum Pagii Critica- ed. Mansi, Lucca, 1738, seqq. (Бароній и Райнальдъ цитуются по годамъ и параграфамъ, а Паги по томамъ и страницамъ).

Basilius, ed. Benedict., Paris, 1721.

Beda, Hist. Eccesiastica Gentis Anglorum, ed. Hussey, Oxford, 1846.

Bibliotheca Patrum, Lyons, 1677.

Bouquet (см. Recueil).

Cantacuzenus, Joh., Paris, 1645.

Cave, Hist. Litteraria, Oxf. 1740.

Cedrenus (въ парижскомъ изд. Византійскихъ историковъ). 1648.

Chronicon Paschale (въ боннскомъ изд. Византійскихъ историковъ).

Chrysostomus, ed. Montfaucon, Paris, 1718.

Clemens Alexandrinus, ed. Potter, Oxf. 1715.

Codex Justinianus (см. Corpus Juris Civilis).

Concilia (см. Hardouin Labbe, Mansi, Schanat, Wilkins, Haddan, Joseph Robertson).

Corpus Juris Civilis, Amst. 1663.

Cyprianus, ed. Fell, Oxf. 1683 (изд. Migne, Patrol. III, IV, вообще было у насъ въ употребленіи).

---

[1] Списокъ этотъ сокращенъ уже самимъ Робертсономъ, а здѣсь предлагается лишь извлеченіе изъ этого сокращеннаго списка. *Перев.*

Cyrillus Alexandrinus, Paris, 1638.
Döllinger, Lehrbuch der Kirchengeschichte, Ratisbon, 1857.
Ducange, Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis, ed. Henschel, Paris, 1840—6.
Ducas (въ парижскомъ изд. Византійскихъ историковъ).
Ecclesiasticae Historiae Scriptores Graeci, ed. Reading, Cambr. 1720.
Einhardus, ed. Teulet, Paris, 1840.
Epiphanius ed. Petavius, Paris, 1622.
Eusebius, Hist. Ecclesiastica и Vita Constantini, ed. Heinichen. Leipz. 1827—30, (гдѣ не приводится заглавія, тамъ вообще разумѣется его „Исторія“, кромѣ кн. II, гл. IX, гдѣ такія цитаты указываютъ на „Жизнь Константина“).
Evagrius (см. Eccl. Hist. Scriptores).
Fleury, Hist. Ecclesiastique, Paris 1844.
Gfrörer, Kirchengeschichte (до 1046 г.). Stuttg. 1841—6.
Gfrörer, Gesch. der Karolinger Freiburg 1848.
Gibbon, Decline and Fall of the Roman Empire, ed. Milman, Lond. 1846.
Giesebrecht, Gesch. des deutschen Kaiserreichs vols. I—III, ed. 3. 1863—9.
Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte, vol. I, ed. 4, Bonn. 1844—5; vol. II части I—II, ed. 41, 846—8; ч. III, ed. 2, 1849; ч. IV, ed. I, 1835; vol. VI (Dogmengeschichte), 1855.
Ginzel, Gesch. der Slawenapostel Cyrill und Method, Leitmeritz, 1857.
Goldast, Imperialia Decreta de Cultu Imaginum, Frankf. 1608.
Gregorius Nazianzenus, ed. Bened. Paris, 1789—1842.
Gregorius Nyssenus, Paris. 1638.
Gregorius Turonensis, el. Teulet, Paris 1836.
Gregorovius, Gesch. der Stadt Rom im Mittelalter, Stuttgart, 1859—72.
Guericke, Handbuch der Kirchengeschichte, Berlin, 1849—50.
Guizot, Lectures on the History of Civilisation, transl. by Hazlitt, Lond. 1846.
Hardouin, Concilia, Paris, 1714, seqq.
Hefele, Conciliengeschichte, Freiburg, 1855, seqq.
Herzog. Real—Encyklopädie für protestantische Theologie u. Kirche, Hamburg. 1854, seqq.
Hincmarus, Paris, 1645.
Hippolytus, S., Refutatio omnium Haeresium, edd. Duncker et Schneidewin, Götting. 1859.
Hurter, Gesch. Papst. Innocenz III, Hamb. 1836—42 (ed. 2 vol. I).
Irenaeus, ed. Stieren, Leipz. 1853. А также ed. Harvey, Campr. 1857.
Jaffe, Regesta Pontificum Romanorum, Berl. 1851.
Johannes Damascenus, ed. Le Quien, Paris, 1712.
Julianus, et Cyrillus adv. Julianum, ed. Spanheim, Leipz. 1696.
Justinus Martyr. ed. Otto. Jena 1847—50.
Labbe et Cossart, Concilia, Paris. 1671.
Mabillon, Acta Sanctorum Ordinis S. Benedicti, Paris, 1668—1701.
Mansi, Conciliorum Nova et Amplissima Collectio, Florenc. et Venice, 1759, seqq.
Martene, De Antiquis Ecclesiae Ritibus, Venice, 1783.
Michaud, Hist. des Croisades, Brussels, 1841
Migne (см. Patrologia).

Milman, Hist. of Christianity to the Abolition of Paganism, Lond. 1840.
Milman, Hist. of Latin Christianity, ed. 2 Lond. 1857.
Mosheim, De Rebus Christianorum ante Constantinum Commentarii, Helmst. 1753
„ Institutiones Majores, Helmst. 1739.
„ Eccl. History transl. by Murdock, ed. Soames Lond. 1841.
(Гдѣ указывается только страница, тамъ ссылка на Commentarii, а гдѣ указанъ и томъ, тамъ разумѣется *Исторія*).
Mosheim, Hist. Tartarorum Ecclesiastica, Helmst. 1741.
Muratori, Italicarum Rerum Scriptores, Milan, 1723, seqq.
Neander, Chruch History, transl. by Torrey, Lond. 1850—2.
Neander, Der Heilige Iohannes Chrysostomus, Berl. 1848.
Nicetas Choniates (въ боннскомъ изд. Византійскихъ историковъ).
Origenes, ed. De la Rue, Paris. 1733.
Pagi (см. Baronius).
Palacky, Gesch. von Böhmen, Praque, 1845, seqq.
Palgrave, Hist. of. the Anglo-Saxons, Lond. 1831.
Patres Apostolici, ed. Jacobson, Oxf. 1831.
Patrologia Ecclesiae Latinae, ed. Migne, Paris, 1844—55.
Patrologia Graeca, ed. Migne, Paris. 1857, seqq.
Pertz, Monumenta Germaniae Historica, Hanov. 1826, seqq.
Petavius, De Trenitate и De Incarnatione, въ Dogmata Theologica, Paris, 1644.
Petrus Damiani, ed. Cajetanus, Paris, 1663.
Philostorgius (см. Eccl. Hist. Scriptores).
Photius, Myriobiblon seu Bibliotheca, Rouen, 1653.
Procopius (in Paris. edit. Byzant. Histor.).
Raynaldus (см. Baronius).
Recueil des Historiens de la France (Gallicarum et Irancicarum Rerum Scriptores) Paris 1738 и см. (это изданіе обыкновенно приводится подъ именемъ перваго издателя Bouquet).
Robertson, Joseph, Concilia Scotiae (Bannatyne Club), Edinb. 1866.
Schannat et Harzheim, Concilia Germaniae, Cologne, 1759, seqq.
Schröckh, Christliche Kirchengeschichte (vols. i—xiv, ed. 2, Leipz. 1772—1825; остальн. ed. i, ib. 1790, seqq.
Sismondi, Hist. des Francais, Paris, 1821, seqq.
Skinner, Eccl. Hist. of. Scotland, Lond. 1788.
Socrates } (см. Eccl. Hist. Scriptores).
Sozomenus }
Suicer, Thesaurus Ecclesiasticus e Patribus Graecis, Utrecht. 1746.
Tertullianus (см. Patrologia).
Theiner, J. A. и A., Die Einführung der erzwungenen Ehelosigkeit bei dem christlichen Geistlichen, Altenb. 1845.
Theobaldus, Bellum Hussiticum, Frankf. 1621.
Theodoretus, ed. Sirmond. Paris, 1642.
„ Hist. Eccesiastica (см. Eccl. Hist. Scriptores).
Theodorus Lector (см. Eccl. Hist. Scriptores).
„ Studita, in Sirmond. vol. v.
Theophanes (въ боннскомъ изд. Византійскихъ историковъ).

Tillemont, Hist. des Empereurs, Paris, 1690—1738.
Voigt, Hildebrand und sein Zeitalter, eb. 2, Weimar. 1846.
Wiggers, Augustinismus und Pelagianismus, Hamb. 1821—33.
Wilkins, Concilia Magnae Britanniae et Hiberniae, Lond. 1737.
Willelmus Malmesburiensis, Gesta Regum. ed. Hardy (Engl. Hist. Soc).
„ Gesta Pontificum, in Patrol. Lat. CLXXIX.
Zonaras } въ боннскомъ изданіи Византійскихъ историковъ.
Zosimus }

ПОГРѢШНОСТИ.

стр.	строки.		Напечатано	Слѣдуетъ
64	15	снизу	Поликарпъ	Поликратъ
289	11	"	C. Пic.	Can. Nic.
316	¹)	"	См. выше (I, 443)	См. выше стр. 293
317	9	"	подарокъ	въ подарокъ
321	14	"	въ видѣ покаянія, рѣшилъ	въ видѣ покаянія рѣшилъ
528	12	"	ни одного только	ни одного такого
542	13	сверх.	достигъ достоинства Бретвальды	достигъ королевскаго достоинства въ Бретвальдѣ.
704	21	"	ограничая	ограниченія
736	8	"	вслѣдствіе изъ освященія	вслѣдствіе освященія

2007041164